

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ LXXXI.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ LXXXI

1900

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1900

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
ЮЛЬ, 1900

СОДЕРЖАНІЕ.

ЮЛЬ, 1900 г.

	СТРАИ.
I. Въ годину бѣдствій. XVI—XVII. (Продолженіе). Н. Н. Мердеръ.	5
II. Воспоминанія С. М. Загоскина. XIV—XV. (Продолженіе).	36
III. Недавняя старина. Забытая деревня. (Изъ воспоминаній моего отца). Р. Л. Маркова.	62
IV. По барабану. (Изъ воспоминаній юнкера). А. Н. Лемана.	72
V. Враждующій аулъ. (Изъ записокъ маленькаго администратора). М. В. Дандевила.	92
VI. Гибель отряда Рукіна въ 1870 году. В. А. Потто.	110
VII. Восемь лѣтъ на Сахалинѣ. L—LVII. (Окончаніе). И. П. Миролюбова.	136
Иллюстраціи: 1) Богатѣльня на Сахалинѣ.—2) Горбляя тайга.—3) Доля военнаго губернатора на о. Сахалинѣ.—4) Пристань у Владиміровскаго рудника; каторжные грузятъ уголь.—5) Владиміровскій тюремный рудникъ.—6) Штольни Владиміровскаго рудника.—7) Постъ Дуэ.	
VIII. На верхней Волгѣ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ 1897 г.). Н. Н. О.	170
IX. Забытая писательница. И. Данилова.	193
X. Великорусская народная пѣсня и ея изученіе. А. К. Бороздина.	206
XI. Иностранцы о Россіи. (Воспоминанія генерала ванъ-Дедема о кампаніяхъ 1812 и 1813 г.). В. Т.	219
XII. Очерки американской дѣйствительности. Сановники и чиновники страны свободы. Е. Правдина.	244
XIII. Критика и библиографія	268

1) Н. П. Гиларовъ-Платоновъ. Сборникъ сочиненій. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. Т. I и II. Москва. 1899—1900. **Б. Никольскаго.**—2) Извѣстія Русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. Т. IV. Выпускъ 2. Софія. 1899. **С.**—3) А. Маленинъ. Маршалъ. Исслѣдованія въ области рукописнаго преданія поэта и его интерпретаціи. Спб. 1900. **Б. Никольскаго.**—4) Н. В. Муравьевъ. Изъ прошлой дѣятельности. Два тома. Спб. 1900. **А. Н—аго.**—5) И. И. Пантюховъ. Расы Кавказа. Тифлисъ. 1900. **А. Хах—ога.**—6) Ф. Браунъ. Разысканія въ области гого-славянскихъ отношеній. I. Готы и ихъ сосѣди до V вѣка. Первый періодъ. Готы на Вислѣ. Спб. 1899. **Б. А.**—7) Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ митрополиту московскому Филарету, изданныя А. Н. Львовымъ. Спб. 1900. **В. Б.**—8) Труды Бессарабской губернской ученой архивной коммисіи. Т. I. Кишиневъ. 1900. **В. Рудакова.**—9) Ч. М. Эндриусъ. Историческое развитіе современной Европы: отъ Вѣнскаго конгресса до нашего времени. Т. I и II. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1900. **П. Н—аго.**—10) А. А. Васильевъ. Византія и арабы. Политическія отношенія Византіи и арабовъ за время аморійской династіи. Спб. 1900. **С.**—11) Адольфъ Гаусратъ. Средневѣковыя реформаторы. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей Э. Л. Радлова. Томъ I и II-й. Изданіе Л. Ф. Пашеглева. Спб. 1900. **А. Н—ва.**—12) England in the age of Wye-

См. слѣд. стр.

liffe. By George Mascaulay Trevelyan. London. 1899. в. и.—13) III. Летурио. Эволюція воспитания у различныхъ человеческихъ расъ. Спб. 1900. А. Н—ова.—14) М. А. Энгельгардтъ. Прогрессъ, какъ эволюція жестокости. Популярно-экономическая библиотека. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1900. Д. Е.—15) Охотско-Камчатскій край. Д-ръ Н. Слюнинъ. Изданіе министерства финансовъ. Спб. 1900. А. Фаресова.—16) А. П. Фаресовъ. Мои мужики. Очерки и рассказы. Спб. 1900. А. Круглова.

XIV. Заграничныя историческія новости и мелочи 303

1) Юбилей Гуттенберга.—2) Четырехсотлѣтіе Бразиліи.—3) Новые труды по исторіи Испаніи и Голландіи.—4) Чудовищный глотокъ, спасшій городъ Ротенбургъ.—5) Англо-французскій союзъ въ XVII вѣкѣ.—6) Вторая серия очерковъ патологической исторіи.—7) Развѣчиванье Веллингтона.—8) Мемуары графа Монталиво и Кювилье-Флери.—9) Наполеонъ IV.—10) Колья Лянкольна, какъ избирательное орудіе.—11) Засѣданія англо-русскаго литературнаго общества въ 1900 году.—12) Смерть мистриссъ Гладстонъ и принца Жуанвилскаго.—13) Убіиство посланниковъ въ Раштаттѣ.—14) Судьбы герцогини Беррійской.—15) Китайская императрица регентша.

XV. Смѣсь 331

1) Памятникъ Екатерины II въ Одессѣ.—2) Суворовскій юбилей.—3) Волковскій юбилей.—4) Диспутъ Н. А. Рожкова.—5) Диспутъ Э. Д. Гримма.—6) Диспутъ П. М. Гревса.—7) Диспутъ Д. Айвалова.—8) Московское археологическое общество.—9) Археологическое общество.—10) Общество любителей древней письменности.—11) Русское общество дѣателей печатнаго дѣла.—12) Славянское благотворительное общество.—13) Географическое общество.—14) Сохраненіе древнихъ памятниковъ.—15) Присужденіе премій митрополита Макарія.—16) Присужденіе премій императора Петра Великаго.

XVI. Некрологи 366

1) Н. А. Бакунинъ.—2) В. Е. Воронцовъ.—3) П. В. Ермаковъ.—4) П. В. Ингенникій.—5) Митрополитъ Иоанникій.—6) А. С. Юнинъ.—7) П. А. Каленовъ.—8) А. Н. Ковако.—9) П. А. Лебедевъ.—10) В. Г. Мальзь.—11) П. П. Митровичъ.—12) Гр. М. Н. Муравьевъ.—13) П. В. Первунинъ.—14) К. Н. Станишевъ.—15) В. В. Сутугинъ.

XVII. Замѣтки и поправки 375

1) Къ Воспоминаніямъ С. М. Загоскина. н. Погонева.—2) Къ Запискамъ барона В. П. Штейнгеля. А. Смирнова.

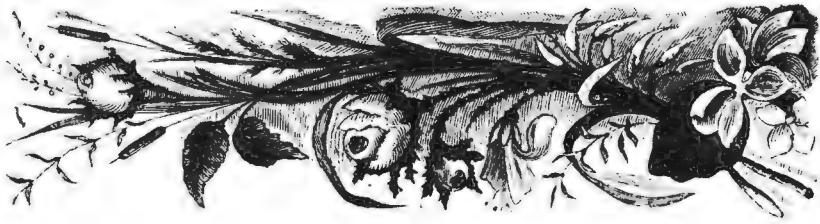
XVIII. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Сергѣя Михайловича Загоскина.—2) Желанный король. Историческій романъ Переса Гальдоса. Переводъ съ испанскаго Ек. Уманецъ. Гл. VI—XI. (Продолженіе).

СЕРГѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ЗАГОСКИНЪ.

Дозв. ценз. 26 апрѣля 1900 г. спб.

ВЪ ГОДИНУ БѢДСТВІЙ ¹⁾.

XVII.

О. ЧТО мы узнали отъ Кузьки и отъ монаха, было такъ ужасно, что въ первую минуту мы совершенно растерялись.

Сами того не подозрѣвая, мы очутились въ самомъ опасномъ мѣстѣ военныхъ дѣйствій. Непрiятеля можно было ждать сюда каждую минуту. Все жители бѣжали отъ нашествiя, унося съ собою, кто что могъ. Многие поджигали свои дома, чтобы врагу не доставались. Ту помѣщицу, въ усадьбѣ которой осталась въ живыхъ одна только помѣпанная дѣвушка, монахъ хорошо знаетъ. Фамилія ея была Марионова, и она часто бывала въ монастырѣ со своею внучкой. По его мнѣнію, зарѣзаны у нихъ все, а домъ разграбленъ не французами, а своими дворовыми.

— Давно ужъ здѣшній народъ подбиваютъ на злодѣйство дурные люди. Много ихъ теперь птается, всякихъ мошенниковъ и разбойниковъ. Ну, и соблазнились. Шли-то, можетъ быть, чтобы только добромъ поживиться, но вѣдь на такое дѣло безъ ножа не пойдешь, кончили убійствомъ. А ужъ какъ съ однимъ расправились, пришлось и другихъ прикончить. Помѣшавшуюся барышню увезли въ надежное мѣсто. Намъ настоятель, о. Лаврентій, распорядился. Гдѣ бѣда, тамъ и онъ. Только врядъ ли она поправится,

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXX, стр. 761.

совѣмъ разсудка лишилась, своихъ отъ злодѣевъ распознать не можетъ.

— Если Господь насъ отъ праговъ сохранить, похоронимъ съ честью старую барыню Любовь Николавну, а также и вѣрныхъ ея слугъ, пріявшихъ мученическій вѣнецъ за свою вѣрность. Боярыня Ларионова наша благодѣтельница, мы ей отведемъ мѣсто въ склепѣхъ подь храмомъ. Все хотѣла приобрѣсть у насъ мѣсто, за землю, что ей принадлежитъ, рядомъ съ нашимъ огородомъ, въ обмѣнъ, значить, да не привелъ Господь это дѣло кончить, да будетъ Его святая воля,—прибавилъ онъ, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

Пріѣхалъ онъ съ Прошкой по приказанію ихъ настоятеля, о. Лаврентія, чтобъ увезти насъ троихъ, брата, Степаниду и меня, въ обитель. По мнѣнію настоятеля, путешествовать въ каретѣхъ да еще со свитой по здѣшнимъ мѣстамъ въ теперешнее время очень опасно. Не столько надо было французамъ опасаться (хотя и отъ нихъ нельзя было ждать пощады), сколько презрѣнныхъ негодяевъ, пользовавшихся смутнымъ временемъ, чтобы поживиться. Такими негодяями кишѣла мѣстность, и монахъ совѣтовалъ времени не терять: каждую минуту можно было ждать нападенія.

Посовѣтовавшись между собою, люди наши рѣшили, что надо непременно извѣстить нашего отца о томъ, что происходитъ, и узнать отъ него: куда ему угодно, чтобъ насъ отвезли за невозможностью слѣдовать по указанному имъ пути? Рѣшено было оставить карету здѣсь и при ней Степана съ Кузьмой. Яковъ вызвался разузнать про монастырь, въ которомъ намъ предлагали пріютъ, не грозитъ ли и ему опасность, а Ефимъ долженъ былъ, на одной изъ лошадей отъ нашей кареты, пуститься въ путь къ Москвѣ, чтобы разыскать паненку. Монахъ объяснилъ Якову, какъ найти обитель, и просилъ его постараться узнать, что слышно о французахъ, и близко ли они.

Между тѣмъ совѣмъ разсвѣтало; блѣдная полоска занимавшая зари разлилась по всему небу, и востокъ начиналъ окрашиваться пурпуромъ. Медлить было невозможно. Яковъ отправился за Ромой, котораго онъ вынесъ спящимъ такъ осторожно, что мальчикъ не проснулся даже и тогда, когда его уложили рядомъ со мною въ повозку. Степанида примостилась у нашихъ ногъ, монахъ сѣлъ на облучекъ, и, распростившись съ нашими спутниками, (можно себѣ представить, съ какимъ чувствомъ!), мы пустились въ путь въ полной увѣренности скоро съ ними увидѣться.

Разумѣется, при первыхъ же толчкахъ Рома проснулся, но, увидавъ знакомыя лица, тотчасъ же опять заснулъ, а мы стали слушать рассказы о. Саввы, нашего возницы, про ужасы непріятельскаго нашествія.

Особенно много страдали жители отъ неурядицы, которою пользовались дурные люди, чтобъ грабить и убивать тѣхъ, у которыхъ

было чѣмъ поживиться. Надо было удивляться, какъ Господь насъ пронесъ невредимыми среди разбойничьихъ шаекъ до того мѣста, гдѣ мы провели ночь. Въ томъ, что экипажъ нашъ былъ замѣченъ, и что на него ужъ точили зубы, выжидая, можетъ быть, только подспорья или наступленія ночи, чтобъ на него напасть, нельзя было сомнѣваться.

— Таперича куда безопаснѣе стало нищимъ да убогимъ на большихъ дорогахъ, чѣмъ барамъ въ богатыхъ экипажахъ и съ провозжатыми!—говорилъ о. Савва.

По его мнѣнiю, монастырямъ и Божиимъ храмамъ приходилось меньше страдать отъ нападенія регулярныхъ войскъ подъ предводительствомъ начальника изъ французовъ, чѣмъ тѣмъ, которые имѣли несчастье подвергаться нападенiямъ инородцевъ, составлявшихъ большинство Наполеоновской армiи.

— Уповаемъ, что Господь, внимая заступничеству святого угодника, почивающаго въ нашихъ стѣнахъ, смилуется надъ нами и отведетъ отъ насъ руку погубителя рода человѣческаго! Нашъ настоятель, благочестивый старецъ, въ юности своей воевалъ подъ знаменами дочери великаго Петра. Послѣ долгой многодневной и многонощной молитвы передъ ракой святого угодника, удостоился его видѣть, нашего покровителя и молитвенника передъ престоломъ Всевышняго, благословляющимъ нашу смиренную обитель. Можемъ ли мы бояться послѣ этого?—прибавилъ онъ, обращая ко мнѣ свое доброе, улыбающееся лицо съ ясными и невинными, какъ у младенца, глазами.

Онъ разсказалъ, какъ къ нимъ совершенно нечаянно попалъ нашъ Кузька. Обѣздивъ попусту нѣсколько верстъ и не найдя ни души, онъ ужъ хотѣлъ ни съ чѣмъ вернуться къ намъ назадъ, когда увидѣлъ въ лѣсу монаха, собиравшаго валежникъ. Разумѣется, онъ тотчасъ же къ нему подѣхалъ, и тотъ привелъ его въ монастырь.

Долго настоятель съ братiей судили и рядили, какъ бы намъ помочь и рѣшили дать намъ на время пристанище въ обители, пока спутники наши не найдутъ для насъ болѣе удобнаго пристанища или возможности безопасно продолжать путь дальше, къ мѣсту нашего назначенiя.

Ѣхали мы безостановочно, но такъ медленно, что стали приближаться къ обители тогда только, когда солнце выплыло изъ-за деревьевъ.

И вдругъ до ушей нашихъ долетѣлъ звонъ колокола.

— Это у насъ звонятъ!—заявилъ съ гордостью нашъ возница.—Слышите, какъ заливаются? Послушать нашъ звонъ—никто и не повѣритъ, что мы среди войны живемъ. Совѣтовали намъ звонъ прекратить, чтобъ прежде времени не накликать бѣды на нашу обитель, но о. Лаврентiй, посовѣтовавшись съ братiей, рѣшилъ такому

грѣшному малодушеству не поддаваться, чтобъ изъ-за страха за свое грѣшное тѣло перестать во всеуслышаніе славословить нашего Христа Спасителя и Матерь Его, Царицу Небесную! И вотъ, какъ слышите, звонимъ во всѣ колокола попрежнему, добрыхъ христіанъ къ молитвѣ призываемъ,—прибавилъ онъ торжествующимъ голосомъ, указывая кнутовищемъ по тому направленію, откуда доносился звонъ. — Живы до сихъ поръ и невредимы, слава Богу! А пошлетъ на насъ Господь бѣду, на то Его святая воля! Да вѣдь и то сказать: двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать. Такъ ли я говорю, князекъ?—обратился онъ къ Ромѣ, который слушалъ его, широко раскрывъ глаза отъ желанія понять его слова.

Въ монастырѣ насъ приняли очень радушно, и по всему было видно, что насъ ждали, потому что тотчасъ же отвели въ избушку въ концѣ сада, гдѣ раньше жилъ садовникъ, котораго перевели, чтобъ очистить намъ мѣсто, въ другое помѣщеніе.

Новое наше убѣжище было не что иное, какъ полуразвалившаяся лачуга, приспособленная для лѣтняго помѣщенія, съ землянымъ поломъ и крышей, сквозь которую мѣстами просвѣчивало голубое небо, но мы и этому пристанищу были рады. Настоятель, къ которому насъ привели, когда мы немножко оправились послѣ путешествія, намъ сказалъ, что мы нигдѣ не будемъ въ большей безопасности и менѣе подвержены любопытнымъ попыткамъ узнать, кто мы такіе, какъ здѣсь. Но къ этому онъ прибавилъ совѣтъ переедѣться крестьянами.

А Степанида пошла еще дальше и объявила, что было бы лучше, еслибы я переодѣлась мальчикомъ, а сама она моимъ старшимъ братомъ. Тогда насъ ужъ никто за господъ не приметъ, и намъ можно будетъ совершенно спокойно расхаживать не только по обители, но и по окрестностямъ.

Настоятель, почтенный и бѣлый, какъ лунь, старикъ, съ добрымъ и умнымъ выраженіемъ черныхъ блестящихъ глазъ, улыбаясь, одобрилъ этотъ «маскарадъ», какъ онъ прозвалъ затѣю нашей горничной, и Степанида тотчасъ же отправилась хлопотать о приобрѣтеніи необходимыхъ костюмовъ.

Пришлось для этого распарывать мѣшочекъ съ червонцами, положенный папенькой въ сумку съ образкомъ Спасителя, которымъ онъ меня благословилъ, и котораго, повинувшись его приказанію, я не снимала съ шеи. Мы вынули изъ него червонецъ и передали его монаху, приставленному къ намъ настоятелемъ, чтобы намъ прислуживать.

Онъ взялся отыскать и купить все для насъ необходимое. Настоятель приказалъ мнѣ съ братомъ остаться въ его кельѣ, и пока Рома разсматривалъ книжки съ картинками, которыя для него вынули изъ шкапа, и разговаривалъ съ служкой, о. Лаврентій разспрашивалъ меня про Москву, про моихъ родныхъ и вообще про

нашу жизнь. Онъ хорошо зналъ по наслышкѣ нашего дѣда, когда былъ еще въ міру блестящимъ офицеромъ, и съ напряженнымъ вниманіемъ слушала все, что я ему рассказывала про него, но всего больше интересовала его Москва, духъ ея жителей, дѣйствія военнаго губернатора и намѣренія его. Увы! я могла передать ему только то, что слышала изъ разговоровъ папеньки съ его друзьями, а также у графини Натальи Алексѣевны. Но для него и эти скудные свѣдѣнія представляли живѣйшій интересъ, и, дополняя опытностью и сообразительностью то, чего я не договаривала, онъ предлагалъ мнѣ вопросы, которые немедленно воскрешали въ моей памяти забытыя подробности.

Когда я описывала ему народный восторгъ при проѣздѣ государя, памятный мнѣ какъ нельзя лучше по личнымъ впечатлѣніямъ, онъ прослезился и, поднявъ глаза къ небу, произнесъ молитвенное воззваніе, благодаря Бога за чувства, пробудившіяся въ русскомъ народѣ, и моля Его, чтобъ испытанія не ослабили этихъ чувствъ.

— Облегчи ему крестъ, Господи! Чтобъ до конца остался Тебѣ вѣрнымъ!—повторялъ онъ въ такомъ экстазѣ, что я заплакала отъ умиленія.

Онъ всталъ съ жесткаго дивана, на которомъ я сидѣла рядомъ съ нимъ, предложилъ мнѣ помолиться и прошелъ въ другую комнату съ большимъ кіотомъ, наполненнымъ образами, съ теплившейся передъ ними лампадой.

— Не хочешь ли приобщиться за поздней обѣдней Святыхъ Таинъ?—спросилъ онъ у меня.

И замѣтивъ изумленный взглядъ, съ которымъ я встрѣтила это предложеніе, онъ прибавилъ:

— По нынѣшнимъ временамъ, чѣмъ чаще соединяешься съ Христомъ Спасителемъ нашимъ, тѣмъ для души и для тѣла полезнѣе, да и безопаснѣе,—продолжалъ онъ съ ясною улыбкой, представлявшей трогательный контрастъ со смысломъ произносимыхъ имъ словъ.—Смерть, и смерть мучительная, стережетъ насъ на каждомъ шагу. Вѣдь сама ты ѣхала мимо опустошенныхъ селъ, деревень и барскихъ усадебъ и собственными глазами видѣла, что случилось съ тѣми, которые, вотъ какъ мы теперь съ тобой, спокойно бесѣдовали, помышляя о земномъ. То же самое и насъ, можетъ быть, въ скоромъ времени ждетъ. Властью, данною мнѣ отъ Бога, разрѣшаю тебя отъ поста и бдѣнія, помолимся со мною, а затѣмъ исповѣдайся мнѣ. До обѣдни остается еще съ часъ времени, посиди у меня и почитай правило. Сила не въ продолжительности молитвы, а въ ея духѣ.

Онъ опустился на колѣни передъ кіотомъ и началъ молиться, по временамъ громко произнося слова, вырывавшіяся изъ его груди. Лицо его просвѣтлѣло, глаза восторженно сверкали, весь онъ преобразился.

Я чувствовала себя такою маленькою, слабою и ничтожною передъ нимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было такъ хорошо сознавать, что Богъ моя опора, и что чѣмъ я слабѣе, безпомощнѣе и несчастнѣе, тѣмъ Онъ, мой Создатель, ко мнѣ ближе!

Сама того не сознавая, сливалась я душой все ближе и ближе съ моимъ новымъ покровителемъ, не дальше какъ нѣсколько минутъ передъ тѣмъ совсѣмъ для меня чужимъ человѣкомъ, а теперь ближе котораго у меня никого не было на свѣтѣ, и повторяла за нимъ вслухъ слова, срывавшіяся съ его языка.

Мы вмѣстѣ плакали, вмѣстѣ молили Господа сократить испытаніе, посланное Имъ русскому народу.

— Возьми, Господи, жизнь мою, но пощади ихъ слабыхъ, слѣпыхъ и малыхъ, дабы, очнувшись отъ грѣха, посвятили остатокъ дней служенію Тебѣ, преблагій!

Отъ всего сердца повторяла я эти слова, чувствуя и сознавая, что нѣтъ больше счастья, какъ умереть за ближнихъ.

По мѣрѣ того, какъ душа возносилась отъ земли, сердце расширялось, и то, что его наполняло раньше, казалось совсѣмъ мелко и ничтожно. Даже странно было думать объ однихъ только близкихъ, о Шарлѣ, папенькѣ, Сережѣ, когда столько людей предають вокругъ насъ мучительной и насильственной смерти!

Такія выраженія, какъ: «Господи, спаси люди Твоя!», «Христоролюбивое воинство», «Нѣсть больше любви, какъ положить душу свою за ближнихъ», принимали для меня какой-то особенный, торжественный и страшный по своей реальности смыслъ. Мнѣ казалось, что я была слѣпа до сихъ поръ и вдругъ прозрѣла. И этотъ новый свѣтъ меня ослѣплялъ, и мнѣ было радостно и жутко, какъ отъ предчувствія чего-то высокаго и прекраснаго, къ чему я еще не готова, и которое вотъ сейчасъ, сію минуту, должно надо мною свершиться...

Съ необъяснимымъ страхомъ и волненіемъ приступила я къ исповѣди, страстно хотѣлось все сказать, не оставить въ душѣ ни одного уголка, куда не проникъ бы тотъ, въ которомъ я всѣмъ моимъ существомъ сознавала представителя моего Бога, Того, Который отворить мнѣ дверь къ вѣчному спасенію.

Что именно я говорила,—не могу припомнить. Слова срывались съ языка безсознательно подъ вліяніемъ новыхъ и непонятныхъ чувствъ, нахлынувшихъ на душу, подобно волнѣ, рвущейся изъ прорванной плотины. Одно только помню, это то, что наша духовная бесѣда была внезапно прервана стукомъ въ дверь, отъ котораго я вздрогнула: такъ было неожиданно для меня и непонятно это вмѣшательство изъ внѣшняго міра.

— Сейчасъ, подождите,—сказалъ о. Лаврентій не торопливо, и, докончивъ вопросъ, надъ которымъ онъ мнѣ посовѣтовалъ. подумать прежде, чѣмъ отвѣчать на него, какъ сейчасъ помню: «всегда

ли поступала я по правиламъ нашей православной церкви и не соблазнялась ли, какъ многіе изъ моей среды, ученіемъ латинцевъ?» онъ подошелъ къ двери и, пріотворивъ ее, спросилъ:

— Что случилось?

Отвѣта я не могла разслышать.

— Хорошо. Благовѣстити скорѣе къ обѣднѣ и оповѣстити всѣхъ причастниковъ, которые вчера не успѣли исповѣдаться, чтобъ не медля шли къ духовникамъ своимъ. Обѣдню отслужимъ раньше, чтобъ быть готовыми... Надо встрѣтить врага въ полномъ вооруженіи,—прибавилъ онъ и, пріотворивъ дверь, вернулся ко мнѣ.

— Отцы наши всполыхнулись, сторожевой служка оповѣстилъ, будто по дорогѣ видно войско, идущее въ нашу сторону,—объяснилъ онъ мнѣ прежде, чѣмъ продолжать прерванную исповѣдь.— Все думаютъ, что это французы,—прибавилъ онъ съ улыбкой.—У страха глаза велики. Прибѣжали за приказаніями, что дѣлать. Точно не знаютъ, что одно намъ спасеніе—молитва!.. Приказалъ къ обѣднѣ благовѣстити. Если Господу Богу будетъ угодно, успѣемъ причаститься крови и тѣла Господня до появленія незваныхъ гостей... Подумала о моемъ вопросѣ? Что на него отвѣтишь?

— Я люблю католика и француза и общала за него выйти замужъ,—отвѣчала я, не запинаясь.

— До войны съ нимъ познакомилась?

— О, да!—вскричала я.—О войнѣ еще не слышно было, когда я узнала его и полюбила. Онъ теперь въ нашей арміи и сражается за нашего царя и за нашу родину!

— Значитъ, все равно, что нашъ. Если Господь васъ благословитъ сочетаться честнымъ бракомъ, семья у васъ будетъ православная. Но ты про это теперь забудь, не такое время, чтобъ о житейскомъ помышлять...

— Я, батюшка, и не думаю о немъ съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь въ обители. Мнѣ даже кажется, что я его ужъ не люблю!—вскричала я, не зная, какъ выяснитъ новыя чувства, наполнявшія мнѣ душу.

Онъ пристально на меня посмотрѣлъ, и серьезное лицо его озарилось вдругъ такой доброю улыбкою, что прикажи онъ мнѣ въ эту минуту броситься для него въ омутъ, я не задумываясь и съ восторгомъ исполнила бы его приказаніе.

— Совсѣмъ ты еще дитя и въ собственномъ сердцѣ читать не умѣешь. Молись больше Богу и проси Его: «Боже! движи и направляй мою волю!» Запомни. Это хорошая молитва.

Я съ умиленіемъ и восторгомъ повторила новую молитву, а онъ сталъ читать отпущекъ. Я упала на колѣни. Эпитрахиль, которую онъ возложилъ мнѣ на голову, казалась мнѣ какимъ-то сверхъестественнымъ, неприкосновеннымъ покровомъ, который долженъ былъ укрыть меня отъ всѣхъ золь, отъ всѣхъ вражескихъ козней и

дьявольскихъ наважденій. Ничего не боялась я въ эту минуту, ни мученій, ни смерти...

— Теперь иди къ своимъ, переодѣньтесь тамъ и торопитесь въ церковь. Придется служить наскоро, чтобъ всѣхъ васъ приобщить. Но Господь проститъ, Онъ знаетъ, что не отъ лѣни мы торопимся и не на балъ спѣшимъ, а на праздникъ иного рода,—проговорилъ онъ съ улыбкой.

Сосѣдняя комната была уже полна братіей, ожидавшей выхода настоятеля, чтобъ посовѣтоваться, безъ сомнѣнія, на счетъ предстоявшей опасности. Что говорилось, и къ какому рѣшенію пришли, я не слышала, спѣша къ Степанидѣ, которая ждала меня съ нетерпѣніемъ.

Я съ трудомъ ее узнала въ мужскомъ платьѣ. Длинные свои косы она сръзала, и у нея былъ престранный видъ въ холщевой синей рубахѣ, подпоясанной краснымъ поясомъ, и въ засунутыхъ въ сапоги посконныхъ штанахъ. Рома былъ все тотъ же хорошенькій мальчикъ въ крестьянскомъ одѣянніи и казался еще нѣжнѣе, чѣмъ въ обыкновенномъ своемъ платьѣ.

— Мы его за больного будемъ выдавать, скажемъ, что онъ отъ лихорадки такой блѣдный, и кожа у него такая тонкая,—говорила Степанида, обряжая меня.

Она было стала распространяться про то, что толковали въ обители, но узнавъ, что я исповѣдывалась и готовлюсь причащаться, смолкла и наскоро окончила мое переряживаніе, при чемъ, обрѣзывая мнѣ волосы, все-таки не утерпѣла, чтобъ не спросить, неужели мнѣ не жаль моихъ прекрасныхъ косъ, и глубоко вздохнула.

Мы отправились всѣ трое черезъ садъ въ церковь.

Обѣдня уже началась. Насъ поставили передъ алтаремъ, и въ томъ настроеніи, въ которомъ я находилась, мнѣ было не до того, чтобъ озираться по сторонамъ, а то я не могла бы не замѣтить волненія, овладѣвшаго всѣми присутствующими, за исключеніемъ настоятеля, который служилъ, какъ всегда, не выражая ни въ голосѣ, ни во взглядѣ, ни въ движеніяхъ, что онъ озабоченъ ожиданіемъ смертельныхъ ужасовъ, съ каждой минутой все ближе и ближе надвигавшихся на обитель. Я только слышала, что по временамъ растворялась тяжелая входная дверь, и видѣла, какъ служка, съ раскраснѣвшимся отъ волненія лицомъ, подходилъ къ моему духовному отцу и что-то такое шепталъ ему на ухо.

Послѣ одного изъ такихъ появленій вѣстовщика, поставленнаго на обсервационный пунктъ, чтобъ наблюдать, что происходитъ на большой дорогѣ, ведущей къ монастырю, настоятель глянулъ въ нашу сторону и отдалъ служкѣ шопотомъ какое-то приказаніе, съ которымъ этотъ послѣдній торопливо подошелъ ко мнѣ.

— Отецъ настоятель приказалъ вамъ сказать, что на монастырь идутъ не французы, а наши,—проговорилъ онъ вполголоса, низко

ко мнѣ пригибаясь и прерывающимся отъ радостнаго волненія голосомъ.

Я мысленно и отъ всей души поблагодарила добраго старца за заботу о моемъ успокоеніи и стала молиться усерднѣе прежняго, не развлекаясь ожиданіемъ неминуемой смерти и тяжелыхъ сценъ, которыя должны были ей предшествовать.

Вполнѣ успокоенной за брата и за себя, мнѣ оставалось только благодарить Бога за радостную вѣсть, а между тѣмъ странно сознаться, но мнѣ жаль было чуднаго настроенія, въ которомъ я находилась послѣ исповѣди, казалось, будто грубая рука свергнула меня съ высоты на землю, и душа моя тоскливо стремилась къ утраченному духовному блаженству, которое она уже предвкушала.

А объѣднія между тѣмъ шла.

Теперь я не только могла прислушиваться къ словамъ священнослужителей и пѣвчихъ, но даже замѣчала перемѣну въ ихъ настроеніи, которая отражалась въ ихъ голосахъ и движеніяхъ. Какое-то радостное умиленіе чувствовалось въ каждомъ звукѣ, оглашавшемъ храмъ. Слышались вздохи облегченія. Почти вслухъ произносились хвала и благодареніе Богу за избавленіе отъ опасности.

Невольно обернулась я къ Степанидѣ, и ея сіяющее восторженною радостью лицо лучше всякихъ словъ выразило мнѣ, какъ велика и близка была опасность, которой мы избѣгли. И у нея такъ же какъ и у всѣхъ, невзирая на усилія его сдержатъ, внутреннее ликованіе пробивалось въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ вздохѣ, вылетавшемъ помимо воли изъ облегченной души.

Одинъ только настоятель оставался невозмутимъ, и точно ничего новаго не произошло, вдохновеннымъ взглядомъ смотрѣлъ на образъ, ничего не слыша и не видя изъ того, что происходило вокругъ него.

А между тѣмъ каждую минуту происходило что нибудь новое. Изъ раскрытаго окна доносился шумъ приближавшейся толпы, топотъ лошадей, звонъ оружія и говоръ, все ближе и ближе.

Сначала рѣдко и украдкой, а затѣмъ все чаще и чаще, повертывались головы къ окнамъ и къ двери, которая то и дѣло растворялась, чтобы пропустить нетерпѣливыхъ, стремящихся выйти, чтобъ скорѣе увидать припелльцевъ.

Когда зашѣли причастный стихъ, монастырскій дворъ наполнился солдатами. Голоса ихъ и бряцаніе оружія слышались у самыхъ стѣнъ, служа страннымъ акомпанементомъ церковному пѣнію.

Растворились царскія врата, дьяконъ вышелъ съ дарами, кто-то дотронулся до моего плеча, и я подошла къ священной трапезѣ.

Я повторяла за священникомъ символъ вѣры съ такимъ ощущеніемъ, точно въ храмѣ, кромѣ меня и Спасителя моего, за Котораго я клялась умереть, никого нѣтъ. Съ никогда еще неиспытаннымъ сердечнымъ трепетомъ небеснаго блаженства, приняла я при-

частіе, послѣ чего сдѣлала земной поклонъ передъ образами, отвѣчала низкимъ наклоненіемъ головы настоятелю, который привѣтствовалъ меня взглядомъ и улыбкой, и повернулась... чтобы идти къ своему мѣсту.

И вдругъ, прямо передо мною, на порогѣ растворенной двери храма, я увидала офицера, въ которомъ узнала Шарля!

За нимъ тѣснились загорѣлые и запыленные солдаты, истово крестившіеся, высоко поднимая руки.

Крестился и онъ, мой возлюбленный, нашимъ православнымъ, русскимъ крестомъ, съ серьезнымъ, сосредоточеннымъ взглядомъ на осунувшемся и похудѣвшемъ лицѣ.

Все это я схватила глазами въ одно мгновеніе, въ промежутокъ времени много кратче того, что мнѣ понадобилось, чтобъ сдѣлать шагъ впередъ.

Онъ оторвалъ глаза отъ алтаря, встрѣтился со мною взглядомъ и, внѣ себя отъ радости и изумленія, подался впередъ... Но я ужъ повернулась къ Степанидѣ и къ брату: на томъ мѣстѣ, гдѣ ему привидѣлось лицо его возлюбленной, стоялъ къ нему спиной крестьянскій мальчикъ, въ которомъ ему и въ голову не пришло искать мелькнувшій передъ нимъ милый образъ.

Впослѣдствіи, онъ говорилъ мнѣ, что въ то время, когда я причащалась, онъ думалъ обо мнѣ, давалъ обѣтъ всю жизнь молиться со мною въ одномъ храмѣ, если Господу будетъ угодно насъ соединить, и что внезапное появленіе моего лица передъ нимъ онъ принялъ за явленіе, посланное ему свыше, въ знакъ того, что обѣтъ его угоденъ Богу.

Онъ въ эту минуту былъ такъ счастливъ, точно ему и въ самомъ дѣлѣ удалось со мною свидѣться.

Когда обѣдня кончилась, и мы стали вмѣстѣ со всѣми выходить, у дверей стояло нѣсколько офицеровъ, Шарля между ними не было; но когда, передъ тѣмъ какъ выйти изъ церкви, я обернулась въ послѣдній разъ къ алтарю, то увидала его у одного изъ придѣловъ разговаривающимъ съ настоятелемъ. Однако на этотъ разъ мой пристальный и полный любви взглядъ не заставилъ его повернуться въ мою сторону, и я должна была удалиться, не увидавъ его лица.

Въ саду насъ обступили монахи съ новостями, увы, весьма неутѣшительнаго свойства!

Непріятель былъ близко и искалъ сраженія съ нашими. Генералъ, командовавшій дивизіей въ пятнадцати верстахъ отсюда, послалъ нашимъ подкрѣпленіе, съ приказаніемъ свернуть по дорогѣ въ монастырь (настоятели котораго онъ зналъ лично), чтобъ предупредить о грозившей опасности.

— Не сегодня—завтра пожалуютъ сюда и, говорятъ, безпремѣнно захотятъ у насъ устроить стоянку, по той причинѣ, что мѣсто наше скрытное и укромное, а имъ надо послѣ большихъ тру-

довъ оправиться въ такомъ убѣжищѣ, гдѣ ихъ тревожить не станутъ. Такъ и генераль полагаетъ, а также и тѣ офицеры, которыхъ онъ съ отрядомъ на подкрѣпленіе воюющимъ послалъ.

— А про нашъ монастырь французы только недавно черезъ лазутчиковъ узнали. Все это генераль изъ депешъ, найденныхъ на убитомъ курьерѣ, прочиталъ. Надо прежде всего, какъ можно скорѣе, мощи нашего Угодника въ сохранное мѣсто перевезти, а ужъ какъ намъ поступить, чтобъ животь своей спасти, навѣрное о. Лаврентій на нашу волю положить: искать ли намъ спасенія въ бѣгствѣ, или вмѣстѣ съ нимъ, здѣсь мученической смерти ждать...

Свѣдѣнія эти намъ сообщали монахи мимоходомъ, перебѣгая черезъ садъ въ погреба и въ огородъ за припасами для трапезы, которую готовили для гостей.

Всѣ они торопились и, не отвѣчая на наши разспросы, бѣжали дальше. Отряду нельзя было здѣсь оставаться долго, онъ долженъ былъ итти усиленнымъ маршемъ дальше, чтобъ до вечера поспѣть къ мѣсту назначенія. Нашествія французовъ на монастырь слѣдовало ожидать послѣ сраженія, а, можетъ быть, и раньше, такъ какъ начальникъ отряда везъ приказъ отступить, въ случаѣ еслибъ произошло неминуемое пораженіе.

Прибѣжалъ служка съ приказаніемъ отъ настоятеля намъ готовиться къ выѣзду изъ обители.

— Сейчасъ солдатамъ подадутъ кушать въ трапезной, а офицерамъ въ гостиной о. настоятеля, и какъ они туда пройдутъ, васъ батюшка проситъ къ нему пожаловать съ братцемъ, — обратился онъ ко мнѣ. — Благословить васъ на дорогу желаютъ, а также и нянюшку вашу. Они вамъ лошадку съ подводой дадутъ, а въ провожатые о. Савву, чтобъ васъ, значить, до самаго мѣста доставить въ женскій монастырекъ, вереть сорокъ отсюда. Тамъ вамъ безопаснѣе будетъ, Богъ дастъ, чѣмъ здѣсь.

Съ этими словами онъ побѣжалъ дальше, а Степанида рѣшила одна пойти готовиться къ отъѣзду.

— А вы тутъ посидите, пока за вами не пришлютъ отъ настоятеля.

Она поспѣшно направилась къ домику, гдѣ были наши вещи, а мы съ Ромой отошли къ группѣ деревьевъ, подъ которыми стояла скамейка. Усадивъ брата, я стала смотрѣть на окна длиннаго флигеля, гдѣ, какъ мнѣ казалось, должно было происходить совѣщаніе между о. Лаврентьемъ и моимъ возлюбленнымъ.

Одно изъ этихъ оконъ было открыто, и легкій вѣтерокъ шевелилъ бѣлою холщевою сторой, которою оно было завѣшено.

Хоть бы онъ подошелъ и выглянулъ изъ окошка! Хоть бы разочекъ мнѣ на него взглянуть передъ разлукой, которая такъ легко можетъ быть вѣчною!..

Но напрасно звала я его всѣми силами души и напрасно, точно

поддразнивая меня, вѣтеръ шевелилъ сторой, онъ не подходилъ къ окну, а говоръ безпрестанно шнырявшихъ мимо насъ взадъ и впередъ монаховъ и солдатъ мѣшалъ мнѣ прислушиваться къ голосамъ, по временамъ долетавшимъ до меня изъ окна.

Впрочемъ, онъ не одинъ бесѣдовалъ съ настоятелемъ, туда были приглашены и другіе офицеры въ ожиданіи обѣда, который такъ торопились готовить, что не прошло и получаса, какъ намъ пришли сказать, что о. Лаврентій одинъ и просить насъ къ себѣ.

Насъ къ нему провели коридоромъ мимо той комнаты, гдѣ кушали гости. Можно себѣ представить, что я почувствовала, когда, поровнявшись съ полуотворенною дверью, совѣмъ явственно услышала голосъ Шарля!

Рома тоже узналъ этотъ голосъ и, какъ вкопанный, остановился передъ дверью, изъ которой вылетали отрывки громкаго и оживленнаго разговора.

— Слышишь? Это нашъ Шарль!—вскричалъ онъ.

И не успѣла я опомниться, какъ, вырвавъ свою руку изъ моей, онъ рванулся такъ стремительно къ двери, что я едва-едва могла ухватить его за рубашку, чтобъ притянуть назадъ съ порога, который онъ ужъ переступилъ.

— Я уѣду одна, если ты не будешь слушаться!—строго говорила я, увлекая его силой дальше.

— Ты думаешь, это не Шарль?—спросилъ онъ, немного озадаченный моимъ гнѣвомъ.

Къ счастью, мнѣ не пришлось ему отвѣчать: передъ нами растворили дверь въ ту самую комнату, гдѣ часа за три передъ тѣмъ мнѣ предложили приготовиться ко всѣмъ случайностямъ жизни, соединившись съ моимъ Спасителемъ, и настоятель, поднявшись съ дивана, на которомъ онъ сидѣлъ, предложилъ намъ занять мѣсто возлѣ него.

Прежде чѣмъ сѣсть, я невольно оглянулась по сторонамъ, и сердце мое забилося при мысли, что передо мною кресло, на которомъ нѣсколько минутъ передъ тѣмъ сидѣлъ мой возлюбленный, и что ему только стоитъ для чего нибудь переступить порогъ этой комнаты, чтобъ меня увидѣть.

И тотчасъ же узнать меня, невзирая на маскарадъ.

Но не суждено намъ было въ этотъ разъ увидѣться. Судьба готовила намъ еще множество испытаній прежде, чѣмъ насъ соединить... Чтобъ мы лучше оцѣнили счастье, до котораго достигли, можетъ быть?

Намъ покровитель объявилъ, что намъ дольше невозможно у него оставаться. Онъ и тѣхъ изъ братій, которые не чувствовали себя готовыми къ смерти, приказалъ немедленно удалить изъ обители, а самъ съ немногими избранными рѣшилъ предаться на волю Божію.

— Вотъ тутъ сейчасъ офицеръ пугалъ меня, какъ только могъ, всевозможными бѣдствіями,—продолжалъ онъ съ улыбкой,—и увидавъ, что слова его на насъ не дѣйствуютъ, позвалъ товарищей въ надеждѣ, что они будутъ краснорѣчивѣе его. Но и эти не могли поколебать нашего рѣшенія. Люди молодые, жизнерадостные, гдѣ имъ понять, что нужно старцамъ, которые ужъ давно отъ міра отрѣшились?—прибавилъ онъ съ немного смущенною улыбкой, какъ бы стараясь оправдаться передо мною за недоступныя мнѣ чувства.— Тотъ, что за старшаго у нихъ, адъютантъ-то, такъ расчувствовался, что попросилъ у меня благословенія и при этомъ объявилъ, что принадлежитъ къ той несчастной націи, что столько горя и несчастій намъ приноситъ. Да я и раньше, по выговору, въ немъ чужеземца призналъ. И по всему видно, что злодѣянія соотечественниковъ угнетаютъ ему душу. Я, насколько Господь мнѣ помогъ, успокоилъ его. Увѣщевалъ съ терпѣніемъ переносить испытаніе, посланное ему Богомъ. Долго онъ со мною бесѣдовалъ. Есть и между ними хорошіе люди, грѣхъ этого не признавъ. И тяжелый же крестъ ему послалъ Господь! Воевать противъ своихъ! Убивать человѣка, который на родномъ языкѣ молитъ о помилованіи!.. Да, великъ его подвигъ передъ новымъ отечествомъ! Я ему такъ и сказалъ. Онъ сталъ передо мною на колѣни и со слезами просилъ за него молиться, чтобъ Господь не оставилъ его своей поддержкой. Я обѣщалъ. И вотъ онъ мнѣ еще въ чемъ сознался: «Съ тѣхъ поръ», говоритъ, «какъ началась эта ужасная война, я иначе, какъ по-русски, не могу молиться». Слушая его, я думалъ: «какъ судьбы Господни неисповѣдимы! И какъ во всемъ видна десница Его!» Передъ тѣмъ, какъ уйти отъ меня, вынулъ онъ изъ бокового кармана книжку, вырвалъ изъ нея листочекъ и написалъ на немъ карандашикомъ (что у него на аксельбантѣ виситъ) имена тѣхъ, за которыхъ онъ просилъ меня молиться. Имена все русскія,—прибавилъ о. Лаврентій съ улыбкой,—есть между ними и тезка тебѣ, Елизавета какая-то, невѣста его, можетъ быть...

Впослѣдствіи, припоминая этотъ разговоръ, мнѣ часто приходило въ голову, что святой старецъ угадалъ нашу тайну и хотѣлъ утѣшить меня и ободрить извѣстіемъ, что мой возлюбленный не только мнѣ вѣренъ, но и при всякомъ удобномъ случаѣ заботится о моемъ духовномъ и тѣлесномъ спасеніи. Свиданіе съ нимъ произошло такъ скоро послѣ моей исповѣди, что сердечная тайна, которую я ему ввѣрила, какъ духовнику, не могла еще изгладиться изъ его памяти; чтожъ мудренаго, если при первыхъ словахъ офицера съ французской фамиліей, проявлявшаго такую страстную преданность Россіи, онъ догадался, что это тотъ самый молодой человѣкъ, котораго я люблю. Не говоря ужъ о томъ, что и имя, которое онъ поставилъ первымъ въ своемъ поминаніи, могло показаться ему не простымъ совпаденіемъ обстоятельствъ...

Но въ то время, когда все это происходило, я объ этомъ не думала и такъ боялась выдать мою тайну, что, слушая моего собесѣдника, не поднимала на него глазъ. Приласкавъ Рому и приказавъ ему меня слушаться и уважать, какъ родную мать, онъ насъ благословилъ, а также и Степаниду, которая за минуту передъ тѣмъ появилась въ дверяхъ, а затѣмъ приказалъ насъ вывести другимъ ходомъ, черезъ церковь, на маленькій дворикъ, скрытый между высокими стѣнами. Тутъ былъ входъ въ подземелье, у котораго копошились монахи съ ящиками, мѣшками и свертками. Въ концѣ дворика была калитка, а за нею, съ противоположной стороны, въ лѣсу, лошадь, запряженная въ крытую повозку. На козлахъ сидѣлъ монахъ, тотъ самый о. Савва, который насъ сюда привезъ. Мы сѣли въ повозку и пустились въ путь въ ту самую минуту, когда на колокольнѣ гулко прозвонило два часа.

На безоблачномъ небѣ солнце ярко свѣтило, и было жарко, какъ среди лѣта. Ровно шесть часовъ мы пробыли въ обители, а сколько разнообразныхъ впечатлѣній мы изъ нея вынесли!

Рома съ любопытствомъ посматривалъ по сторонамъ, допытываясь то у меня, то у Степаниды, куда мы ѣдемъ и почему не остались подольше у добраго монаха, который подарилъ ему образокъ и приказалъ любить и уважать сестрицу.

Уклончиво отвѣчая на его разпросы, Степанида безпрестанно обращалась ко мнѣ съ намеками про то, что ожидаетъ обитель при нашествіи непріятели. Солдаты успѣли рассказать ей много ужасовъ, пока мы были у настоятеля, и рассказы эти произвели на нее такое сильное впечатлѣніе, что она ни о чемъ другомъ не могла ни думать, ни говорить.

— А знаете, княжна, что мнѣ пришло въ голову? Ужъ не вернуться ли намъ въ Москву? Всѣ говорятъ, что напрасно мы отсюда выѣхали. Тамъ безопаснѣе, чѣмъ по большимъ дорогамъ шататься, право! Тамъ и схорониться отъ француза легче. И вотъ, что еще говорятъ солдаты: въ Москвѣ, если даже они туда нагрянутъ, имъ не позволятъ такъ безобразничать, какъ въ деревняхъ и мѣстечкахъ...

— Да какъ же мы туда вернемся? Найдемъ ли дорогу?—замѣтила я.

Предположеніе моей спутницы мнѣ улыбалось: въ Москвѣ мы могли надѣяться встрѣтиться съ папенькой.

— Да мы ужъ и теперь къ нашей матушкѣ бѣлокаменной приближаемся, — возразила съ живостью Степанида, обрадованная тѣмъ, что я не отношусь враждебно къ ея плану.—По той дорогѣ, по которой Ефимъ Степанычъ насъ везъ, совсѣмъ, говорятъ, отъ французовъ проѣзду нѣтъ, а отъ того монастыря, куда мы теперь ѣдемъ, Москва на двадцать верстъ ближе, чѣмъ обитель о. Лаврентія. Осмотримся тамъ, да и принцемъ подводу до города. Деньги у насъ есть.

— Посмотримъ,—сказала я, не рѣшаясь дать опредѣленнаго отвѣта на ея предложеніе.

Мнѣ нельзя было наобумъ кидаться изъ стороны въ сторону; у Ромы не было другого покровителя, кромѣ меня. Остановливалось меня также и другое соображеніе: если папенька нашелъ нужнымъ выпроводить насъ изъ Москвы, то у него, безъ сомнѣнія, были на то важныя причины. Да и не онъ одинъ, а всѣ были такого мнѣнія, что въ Москвѣ нельзя оставаться... Правда, что обстоятельства, можетъ быть, съ тѣхъ поръ измѣнились, но во всякомъ случаѣ надо прежде всего исполнить волю о. Лаврентія и ѣхать туда, куда онъ насъ послалъ, а тамъ положиться на волю Божию. О. Лаврентій сказалъ: «Посылаю васъ въ такое мѣсто, гдѣ до сихъ поръ все было благополучно, но по теперешнимъ временамъ ни на одну часть нельзя поручиться. Одна надежда на Господа Бога». Если, стало быть, и тамъ намъ будетъ грозить опасность, ничего больше не останется, какъ искать другого убѣжища.

XVIII.

Непріятныхъ встрѣчъ на пути у насъ не было, но всѣ деревни, по которымъ мы проѣзжали, были пусты, и встрѣтившійся намъ мужикъ разсказалъ, что каждую минуту можно ждать сюда непріятеля, потому что послѣ упорнаго сраженія городъ Смоленскъ взятъ, весь выжженъ, и французы разсыпаются отсюда отрядами по всей мѣстности, все жгутъ и грабятъ.

Про монастырь, въ который мы ѣхали, онъ сказалъ, что до сихъ поръ онъ цѣлъ и невредимъ, и можно надѣяться, что французамъ до него не добратся. Однимъ словомъ, то же самое, что сказалъ про него о. Лаврентій.

О. Савва подтверждалъ то же самое. Въ монастырь этотъ онъ везъ вмѣстѣ съ нами драгоценности изъ обители о. Лаврентія, а также письмо отъ этого послѣдняго къ матери Аглаидѣ, настоятельница монастыря, которая была его духовною дочерью, и на преданность которой онъ имѣлъ основаніе расчитывать.

Неподалеку отъ того мѣста, гдѣ мы должны были свернуть къ обители, скрывавшейся за возвышеніемъ, намъ попались толпы крестьянъ пѣшкомъ и на телѣгахъ, навьюченныхъ кладью, съ мѣшками и грудными дѣтьми за плечами. Множество стариковъ и старухъ плелись, опираясь на костыли и палки. Шли бабы съ ребятишками на рукахъ и съ другими постарше, которые съ ревомъ цѣплялись за ихъ подола. Особенно потрясла меня такая сцена: двѣ дѣвочки лѣтъ четырехъ или пяти, съ землистымъ цвѣтомъ кожи и ввалившимися глазами, легли у дороги, не будучи въ силахъ двинуться. На всѣ увѣщанія несчастной матери, съ третьимъ

ребенкомъ на рукахъ, умолявшей ихъ понатужиться и итти за нею, онѣ повторыли сквозь слезы: «Ножки болятъ! Ножки болятъ!»

Внѣ себя отъ жалости, я стала просить о. Савву чтобъ онѣ остановился и взялъ дѣвочекъ въ нашу повозку.

— Эхъ, барышня, вѣдь всѣхъ ихъ не спасти!—отвѣчалъ онѣ и, хлестнувъ лошадь, проѣхалъ не останавливаясь мимо несчастныхъ.

— Мы бы имъ хоть денегъ дали,—замѣтила я съ упрекомъ.

— Какой имъ прокъ отъ денегъ!—угрюмо возразила Степанида.—Теперь и на вѣсь золота не достанешь лишней подводы.

Рома тихо плакалъ. Намъ казалось, что ужасиѣ этого мы ничего не увидимъ. Какъ мы ошибались! Если сдена эта особенно рѣзко запечатлѣлась въ нашей памяти, то потому только, что она первая насъ поразила и заставила убѣдиться, какъ война ожесточаетъ сердца людей.

Нашъ возница безпрестанно оглядывался по сторонамъ, и я стала замѣчать, что ему какъ будто хочется сообщить Степанидѣ что-то такое; чего мы не должны слышать. Выведенная изъ терпѣнія такими таинственными приемами, я обратилась къ нему съ просьбой прямо сказать, если намъ грозитъ какая нибудь непредвидѣнная опасность.

— Я ничего, барышня, я боюсь только, чтобъ намъ не пришлось ѣхать назадъ, не нашедши никого въ монастырѣ,—нерѣшительно отвѣчалъ онѣ.

— Почему вы такъ думаете?

— А вонъ, видите дымокъ,—указалъ онѣ на дымъ, затемнявшій небо съ одной стороны лѣса.—Можетъ, это Ахтырки горятъ, а, можетъ, и монастырекъ...

И онѣ ударилъ вожжами лошадь, чтобъ скорѣе узнать, въ чемъ дѣло.

Горѣли Ахтырки, большое село богатого помѣщика. Мы въ этомъ убѣдились, подъѣзжая къ опушкѣ лѣса, за которой отъ дыма, вылетавашаго съ головнями изъ пылавшихъ строеній, ничего не было видно. Но о. Савва зналъ, что обитель расположена подальше, за горой, на которой пылала барская усадьба, и, взявъ влѣво, вернулся къ рѣкѣ, черезъ которую мы проѣхали въ бродъ и съ небольшою опасностью, такъ какъ мѣстами вода доходила лошади выше брюха. Но это была сильная и храбрая лошаденка, привыкшая къ подобнымъ приключеніямъ. Она отважно выбиралась изъ глубокаго мѣста на болѣе мелкое, ни разу не опрокинувъ телѣжки, и побѣдоносно втащила насъ на крутой берегъ.

Наконецъ, мы увидели наше пристанище. Маленькій монастырекъ приютился почти на днѣ обрыва, и его, дѣйствительно, издали трудно было увидеть.

По словамъ монаха, который насъ везъ, тутъ была нѣкогда по-

мѣщичья усадьба, принадлежавшая дѣвнцѣ изъ дворянъ, жившей постоянно въ Москвѣ. Игуменья богатаго монастыря, въ которомъ были похоронены ея родители, выпросила у нея для обители это имѣнныце, въ которомъ она нуждалась по хозяйственнымъ соображеніямъ. Здѣсь она развела огороды, коровъ, ткацкія и помышляла устроить фабрику для выдѣлки сукна на одежду своей паствы. Сюда ссылала она провинившихся бѣлицъ, подѣ начало строгой старицы, исправлявшей ихъ грубою лицею и тяжелымъ трудомъ.

Но мало-помалу условія жизни въ монастырѣкѣ измѣнились, и къ посылаемымъ сюда въ наказаніе бѣлицамъ изъ простаго званія стали присоединяться по доброй волѣ отшельницы, тяготившіяся городскими развлеченіями. Вскорѣ установилось такое понятіе, что нигдѣ нельзя было лучше спасти душу, какъ въ монастырѣкѣ. При матери Агладѣ мнѣніе это такъ утвердилось, что монастырѣкъ, устроенный для коровъ и огорода, обѣщалъ въ скоромъ времени превратиться въ настоящую обитель съ рукоположенною игуменьею.

Но наступившая война отсрочила осуществленіе этого событія на неопредѣленное время. Когда мы подѣзжали къ обители, въ ней безконтрольно царил манатейная монахиня, мать Аглаида, маленькая, черненькая и моложавая женщина, лѣтъ сорока пяти.

Мы застали ее на огородѣ, окруженную цѣлымъ сонмомъ монашекъ, копавшихъ картофель подѣ ея наблюденіемъ, и издали увидѣли, какъ она, едва мы показались вдаль, стала въ обсервационную позу среди своей свиты и, приставивъ руку козырькомъ къ глазамъ, долго всматривалась, не трогаясь съ мѣста, въ приближающійся экипажъ. И, должно быть, она узнала о Савву, прежде чѣмъ мы подѣехали, потому что отдала какое-то приказаніе двумъ черницамъ, стоявшимъ позади ея, а эти тотчасъ же пустились бѣжать со всѣхъ ногъ къ строеніямъ, ютившимся за большимъ одноэтажнымъ домомъ, съ новою тесовою крышею, плохо гармонировавшею съ ветхими, вылинявшими стѣнами, которыя она побѣдоносно прикрывала.

Нашъ возница подстегнулъ притомившуюся лошадку, и мы подкатили къ подѣезду, миновавъ огородъ.

Къ намъ вышли изъ дома двѣ монахини, старая и молодая, которыя приказали намъ ждать у крыльца, спутника же нашего ввели немедленно въ комнаты, и не успѣла настоятельница прочитывать письмо отъ о. Лаврентія, какъ тотчасъ же послала просить насъ пожаловать въ домъ. Ужъ по одному почтительному тону посланной да по любопытнымъ взглядамъ, которыми она насъ исподтишка обдавала съ ногъ до головы, можно было догадаться, что инкогнито наше нарушено.

Мать Аглаида осыпала насъ ласками, безпрестанно восклицая:

— Ахъ, вы, мои бѣдняжечки! Вотъ до чего довелъ васъ злодѣй! Ужъ какъ бы я была счастлива исполнить повелѣніе нашего благодѣтеля о. Лаврентія и соблюсти васъ въ цѣлости и невредимости въ нашихъ стѣнахъ, но мы и сами ежечасно ждемъ гибели отъ вражескаго нашествія! Ужъ близко онъ! Чай видѣли, какъ они нахозяйничали на Ахтыркахъ? До сихъ поръ господскій домъ горитъ, говорятъ, а сама-то, генеральша, съ испугу отдала душу! Не успѣли вывезти изъ дому. Такъ ей христіанскаго погребенія и не сподобиться, послѣ такого пожара и косточекъ не собрать... Да будетъ воля Твоя, Мать Пресвятая Богородица!—прибавила она, понижая голосъ и набожно крестясь.

Въ промежуткахъ между этими фразами, которыя она обращала то къ о. Саввѣ, то къ намъ, она оборачивалась то къ одной, то къ другой изъ толпившихся въ дверяхъ черничекъ, и онѣ тотчасъ же исчезали, безъ сомнѣнія, чтобъ исполнить приказанія, которыя она имъ давала знакомъ или взглядомъ. И не успѣвали онѣ исчезнуть, какъ тотчасъ же на ихъ мѣсто являлись другія, чтобъ въ свою очередь бѣжать исполнять приказанія начальницы, придумываемыя этой послѣдней во время разговора, который ни на секунду не прерывался, благодаря ея словоохотливости и любопытству.

— Бѣдный о. Лаврентій! Не даромъ слыветъ онъ святымъ!— вскричала она, выслушавъ подробности о приготовленіяхъ къ приему непріятели въ монастырѣ, который мы должны были покинуть.—Мученической смерти сподобится отъ изверговъ! Никого они не жалѣютъ! Слышали вы, что въ Смоленскѣ-то они надѣлали? Хорошо еще, что Мать Царицу Небесную, заступницу нашу, успѣли вынести!.. Въ Москву ее, говорятъ, понесли... И что это было, какъ Она туда вошла! Народъ валомъ повалилъ къ ней на встрѣчу... А за нею избитые, израненные воины! Которые безъ ногъ, тѣ ползкомъ, чтобъ только къ ней приложиться! Только долго ли Она у насъ въ Москвѣ прогоститъ, Владычица наша!—продолжала она со вздохомъ.—Хоть и твердитъ главнокомандующій, что Москвы онъ не сдастъ, а между тѣмъ всѣ изъ города выѣхали, и всѣ сокровища изъ дворцовъ и присутственныхъ мѣстъ приказано въ другіе города подальше высылать... Охъ, тяжкія времена наступили! Даже для святыхъ нашихъ нѣтъ мѣста въ нашей бѣлокаменной и въ окрестностяхъ... Вывезли, говоришь, Святителя-то вашего?

— Вывезли,—угрюмо отвѣчалъ о. Савва.

И хотѣлъ еще что-то прибавить, но, взглянувъ на насъ, смолкъ, а настоятельница, желая, вѣроятно, остаться съ нимъ наединѣ, обратилась ко мнѣ съ предложеніемъ переодѣться.

— У меня есть бѣлицы одного роста и сложенія съ вами, княжна, все же вамъ въ женскомъ одѣяніи, хотя бы и не въ мірскомъ, приличнѣе быть, чѣмъ въ этомъ,—прибавила она, бросая гадливый взглядъ на мою холщевую рубашку и грубые санogi.

— У насъ и свое платье есть, — поспѣшила заявить Степанида.

— Ну, и отлично! Въ своемъ нарядѣ княжнѣ будетъ, разумѣется, еще лучше... Сейчасъ откушаете, я приказала подать...

— Позвольте мнѣ прилечь отдохнуть не ѣвши, матушка, я очень устала, — рѣшилась я заявить, не будучи больше въ силахъ сдерживать сонливость, овладѣвавшую мною все больше и больше, послѣ испытанныхъ волненій.

— Княжна вторую ночь проводятъ безъ сна, — нашла нужнымъ пояснить Степанида.

Мать Аглаида засуетилась.

— Ахъ, Боже мой! А я-то о постеляхъ не распорядилась! думала, усѣется, прежде покушаете.

— Да нѣтъ ли у вашей милости какого ни на есть диванчика? ничего если не мягкій, у насъ есть подушки, — позволила себѣ посоветовать Степанида, встревоженная хлопотами и, можетъ быть, бесплодными, которыя поднимутся въ обители для отысканія намъ приличной постели.

Сама настоятельница навѣрное морила свою грѣшную плоть на тощемъ сѣнникѣ, а ужъ про ея паству и говорить нечего, не для сладкой ѣды и мягкаго ложа онѣ здѣсь.

— Да вотъ диванъ, только покойно ли имъ здѣсь будетъ? — замѣтила мать Аглаида, указывая на диванъ, на которомъ она посадила меня рядомъ съ собой.

— Вотъ и отлично! — подхватила Степанида. — Постелемъ простыни, положимъ подушки... Окна можно завѣсить...

— Зачѣмъ? У насъ ставни есть.

— Еще, значитъ, лучше.

Степанида побѣжала за нашими вещами, а мать Аглаида занялась Ромой, которому спать не хотѣлось, и который съ благодарностью принялъ ея предложеніе пойти покушать, а потомъ погулять въ саду съ бѣлицами.

Не прошло и получаса, какъ я ужъ спала крѣпкимъ сномъ на диванѣ въ гостиной настоятельница.

Когда я проснулась, солнце близилось къ закату. Меня разбудили голоса подъ окномъ, къ которымъ я стала прислушиваться, догадавшись съ первыхъ же услышанныхъ словъ, что дѣло идетъ о войнѣ.

Голоса были женскія и молодыя. Вѣроятно, послушницы передавали одна другой впечатлѣнія, вынесенныя изъ только что слышанныхъ рассказовъ отъ очевидцевъ; въ волненіи онѣ перебывали другъ друга и были такъ возбуждены, что по временамъ забывали сдерживаться и вскрикивали отъ жалости и ужаса.

Судя по ихъ словамъ, къ Москвѣ ужъ невозможно было про-
бхатъ отъ великаго множества бѣглецовъ и раненныхъ, которыхъ
свозили туда со всѣхъ сторонъ. Крики и стоны слышались изда-
лека. За фурами съ изрубленными воинами, которые уже не были
въ состоянїи двигаться, кое-какъ плелись тѣ, что могли передви-
гать ногами, а къ этимъ несчастнымъ не переставали присоеди-
няться жители погорѣвшихъ селъ и деревень, старики, женщины,
дѣти...

— И всѣ-то бѣгутъ! бѣгутъ, куда глаза глядятъ, чтобъ только
проклятикамъ не попасться! Мужчины, тѣ всѣ отъ мала до велика,
на нихъ пошли...

— Понятно! всякъ, кто можетъ держать въ рукахъ топоръ или
ножъ, сложа руки, сидѣть не станеть... Оба мальчика нашего дьячка
туда же убѣжали...

— А у Саввы-то въ монастырѣ, поди чай, ужъ все погорѣло!—
замѣтила одна изъ собесѣдницъ, помолчавъ немного.

— А, можетъ, Господь смилуется! Вѣдь у нихъ настоятель-то
святой...

Раздались поспѣшные шаги, и къ разговаривающимъ присоеди-
нилась третья собесѣдница, бѣжавшая, должно быть, со всѣхъ ногъ,
потому что голосъ ея прерывался отъ учащеннаго дыханія.

— Отъ матери Валентины гонецъ прискакалъ!..—возвѣстила
она еще издали.

— А ты тише! тутъ барышня отдыхаетъ!—поспѣшили ей объ-
явить.

— Какая барышня?—спросила вновь прибывшая, понижая го-
лосъ.

— Изъ Лѣсного монастыря настоятель къ намъ прислалъ съ
Саввой...

— Нѣтъ ужъ больше Лѣсного монастыря!.. Обитель сожгли и
о. Лаврентія убили...

— Что ты?! Господи Боже мой! А мы только что про него го-
ворили...

Я слушала, какъ во снѣ. Ужасы эти казались мнѣ такъ не-
вѣроятны, что они представлялись мнѣ страшнымъ кошмаромъ,
который долженъ былъ разбѣяться, какъ только мнѣ удастся про-
снуться отъ заколдованнаго сна, навѣяннаго на меня злымъ чаро-
дѣемъ.

Но, увя. это былъ не сонъ, а дѣйствительность! Съ каждою ми-
нутой приходилось въ этомъ все больше и больше убѣждаться: свя-
того старца, нѣсколько часовъ тому назадъ исповѣдывавшаго и
пріобщавшаго меня, въ живыхъ уже не было... И всѣ оставшіеся
съ нимъ монахи тоже, безъ сомнѣнїя, погибли...

— Всѣхъ они тамъ, проклятики, перерубили и перестрѣляли,—
объявила вѣстовщица, какъ бы въ отвѣтъ на вопросъ, который я

себѣ задавала.—Заходили къ нимъ утрось солдаты съ офицерами, предупреждали, чтобъ спасались, что французы безпремѣнно на обитель въ тотъ же день нагрянутъ...

— Это мы знаемъ, вѣдь переряженныхъ-то господь къ намъ о. Савва привезъ, ну, онъ, значить, все и рассказалъ. Казну свою и все, что у нихъ поцѣннѣе было, они припрятали... А мощи-то раньше въ надежное мѣсто отравили...

— Кое-что и къ намъ съ о. Саввой прислали на хранение.

— Не долго и у насъ въ сохранности пролежитъ, французъ-то, говорятъ, непремѣнно до насъ доберется.....

— Ахъ, ты, Боже мой, страсти какія! Какъ же намъ теперь быть?

— Умирать надо готовиться, ничего больше не остается....

— Да тебѣ кто сказалъ-то?

— Сейчасъ прохожіе зашли, и посейчасъ на дворикѣ передъ чернымъ крылечкомъ матушка ихъ допрашиваетъ. Все бабы съ ребятишками изъ-подъ Москвы. Чего-чего не натерпѣлись дорогой! Былъ съ ними мальченокъ лѣтъ семи, такъ того французы въ плѣнъ забрали..... А тутъ посланецъ отъ матери Валентины прискакалъ, письмо привезъ, мать Аглаида ушла со старицами письмо-то читать, а мы прохожихъ бабъ обступили, да стали спрашивать, ну, вотъ онѣ и поразказали намъ такихъ страстей, что въ дрожь бросаетъ. И отъ слезъ удержаться не возможно, ихъ слушая, ужъ такъ-то онѣ жалостно про Можайскъ рассказываютъ!

— Евдокія вчера на мельницѣ была, такъ тамъ изъ Смоленска цѣльная толпа несчастныхъ на одну ночку пристала, тоже рассказываютъ такіе ужасы, что не вѣрится! Дали имъ, сердечнымъ, поужинать, да и попросили въ путь отправляться. Мельникъ-то сердитый! жена отъ него потихоньку имъ хлѣба въ мѣшки наклала, хорошо, что не видѣлъ, всю косу бы выдралъ, ему это ни почемъ.

— А купчихъ-то съ дочками оставить, небось?

— У тѣхъ деньги.

— Съ деньгами не пропадешь. Онѣ въ повозкѣ купчихи-то, и кони у нихъ добрые. Матушка посылала узнать, не продадутъ ли коней-то? Да куда! И слышать не хотятъ!

— Теперь и на коняхъ-то не до всякаго мѣста доѣдешь... Онѣ по какой дорогѣ ѣдутъ, купчихи-то твои?

— По Казанской, кажись, говорили.

— Ну, не доѣдутъ. Ужъ это вѣрнѣе вѣрнаго, что не доѣдутъ. Тѣ бабы-то, что таперича у крылечка (матушка имъ приказала горячихъ щей сварить), рассказываютъ, что со всѣхъ сторонъ бѣгутъ! И сколько дѣтей съ собой тащатъ, страсть! Даже понять невозможно, откуда такое множество дѣтей берется! дорогой отстаютъ, особенно какъ стемнѣетъ. Матери-то устанутъ, иной моченьки нѣтъ, такъ притомится, присядетъ на минутку, заснетъ,

а ребятки-то впередъ забѣгутъ, либо къ другимъ пристануть, ну, и заблудятся, особливо если въ лѣсу. Есть такія, что дорогой мрутъ, и ужъ дѣти тогда одни за чужими бѣгутъ... А ужъ чужимъ гдѣ же усмотрѣть, дай Богъ и своихъ-то не растерять... Тѣ бабы, отъ которыхъ я къ вамъ пришла, про дѣвчоночку рассказывали, крошечная, годковъ такъ трехъ, не всѣ слова выговариваетъ, одѣта чисто, сейчасъ видать—отъ родителей съ достаткомъ, затерялась бѣдняжка, ко всѣмъ подходитъ, ласкается, проситъ ей маму найти... Ну, понятно, не до нея, а все же кто поголовкѣ ее погладитъ, кто хлѣбца сунетъ и идутъ дальше.

— Такъ никто ее съ собой и не взялъ?

— Гдѣ же съ чужими дѣтми связываться, когда и своихъ-то не всѣхъ удалось спасти! Мнѣ эта женщина говоритъ: «въ началѣ-то я объ этой дѣвчоночкѣ такъ сокрушалась, что хоть назадъ ворочайся, чтобъ ее съ собой прихватить, но потомъ, какъ стали намъ на каждомъ шагѣ такія же покинутыя дѣтишки попадаться, и жалость прошла, одно только въ умѣ держишь: съ нашими бы, чего добраго, того же не случилось! Долго ли бѣдѣ стрястись съ перепугу, да въ темнотѣ, да въ тѣснотѣ, когда ктонибудь крикнетъ: «спасайтесь, православные, французъ идетъ! А тутъ черезъ рѣку надо переправляться, либо черезъ трясины... Гдѣ ужъ тутъ за ребяташками углядѣть, чтобъ не оставали, да не утонули!»... Вонъ у Абрамцева, такъ размыло дождями рѣку, что тамъ, гдѣ въ бродѣ переходили, теперь паромъ пришлось налаживать, а какъ народу-то на него понаперло, онъ и пошелъ ко дну... Такъ ужъ тутъ и большіе-то не спаслись, не то что ребяташки...

— Не у Абрамцева это случилось, а близъ Кузнечиковъ.

— А я вамъ говорю, что у Абрамцева, сейчасъ та самая баба мнѣ говорила, у которой родная сестра съ ребяташками утонула.

— А намъ купчихи рассказывали, онѣ сами видѣли, какъ паромъ съ народомъ у Кузнечиковъ ко дну пошелъ.

— Ну, значить, и тутъ и тамъ такая же бѣда случилась.

— Да и въ другихъ мѣстахъ, поди, то же... А по большимъ дорогамъ грабежъ какой поднялся! Степанъ рассказывалъ: набрелъ онъ на разграбленный экипажъ, богатыхъ баръ, должно быть, карета чудесная, заграничной работы, вся разбитая, сундуки изъ нея валяются поломанные, и тутъ же старый баринъ зарубленный, а возлѣ него барыня молодая, дочка его, должно быть, тоже мертвая, и, видать, съ перепугу, душеньку Богу отдала, ни царапинки на ней нѣтъ, и все на ней пѣло, помѣшали, вѣрно, грабителямъ до конца мерзкое дѣло свершить, изъ сундуковъ-то многое повиытаскано, но не все, а съ господъ ничего не успѣли стащить, только жизни лишили...

— А люди-то, поди чай, бѣжали?

— Бѣжали, должно быть, однихъ господъ мертвыхъ Степанъ видѣлъ.

— Такихъ-то, что съ испугу помираютъ, много теперь, говорятъ, вотъ и бабы рассказываютъ.....

— Еще бы не помереть отъ такихъ страстей! Вѣдь это хуже, чѣмъ свѣтопреставленіе!

— Хуже. То отъ Бога придетъ, а это отъ людей. Безъ разбора, значитъ, терпи и правый и виноватый, и взрослый и невинный младенецъ. Да что! Такъ много страстей рассказываютъ, что не знаешь, что и запомнить! Одно не успѣешь въ толкъ взять, какъ ужъ другое въ голову лѣзетъ. Въ монастыряхъ-то что они продѣлываютъ!

— А про Валентину нашу что слышно? Собирается что ли изъ Москвы-то выѣзжать, какъ прочіе?

— Кажись, что нѣтъ. А, впрочемъ, кто ее знаетъ! Скрытная. Про то, что рѣшила, ужъ тогда узнаютъ, когда волей-неволей придется по-ейному дѣлать. Этошь, что отъ нея прискакаль-то...

— Этотъ долженъ знать.

— Онъ говоритъ, будто мать Валентина рѣшила обитель не покидать, и будто, не знаю ужъ, правда или нѣтъ, писала письмо главнокомандующему города, чтобъ онъ ей дозволялъ въ монастырѣ въ родѣ какъ госпиталь для раненыхъ нашихъ солдатиковъ устроить.

— Ишь ты вѣдь хитрая какая! это она, значитъ, хочетъ отъ Царя себѣ благодарность заслужить!

— А не приглашаетъ она насъ къ себѣ? Не слышала, что въ письмѣ-то написано?

Я это узнала прежде ихъ.

Помѣшала мнѣ слушать окончаніе разговора Степанида. Убѣдившись, что я не сплю, она поспѣшила мнѣ сообщить, что мать Аглаида получила изъ Москвы увѣдомленіе о приближеніи французовъ къ нашей обители.

— Значитъ, намъ уже здѣсь долго не оставаться,—прибавила она, подавая мнѣ платье, вынутое изъ сундучка съ необходимыми вещами, который она захватила съ собою изъ нашей кареты, прежде чѣмъ ѣхать къ о. Лаврентію.

— Зачѣмъ же намъ переодѣваться, когда намъ опять предстоитъ скитаться по лѣсамъ да отъ французовъ прятаться?—замѣтила я.

— Не сейчасъ уходить-то отсюда. Призывала настоятельница меня, чтобъ про московское посланіе сообщить. Подъ тѣмъ видомъ, какъ будто для того, чтобъ посоветоваться. «Близкой опасности, говоритъ, нѣтъ, и все же вамъ у насъ покойнѣе оставаться до поры до времени, чѣмъ мыкаться по большимъ дорогамъ, по которымъ ни проѣзда ни прохода нѣтути. Ты, говоритъ, представь твоей княжнѣ, что для насъ приказъ покойнаго о. Лаврентія дороже

жизни, и что я, какъ ейный, такъ и брата ейнаго покой, пуще своего блюсти буду, а только мнѣ, говоритъ, все надо про васъ знать, безъ утайки, что вы за люди и какими богатствами въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ владѣете?» Говоритъ это,¹ а сама пронзительно такъ на меня смотритъ, точно въ самую душу заглянуть хочетъ.

— Что жъ ты ей отвѣтила?²—спросила я дрогнувшимъ отъ негодованія голосомъ.

Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ мы покинули родительскій домъ, выказывали намъ такое обидное недовѣріе.

— Все я ей сказала, и гдѣ нашъ домъ въ Москвѣ, и какіе господа у насъ бывали, и къ кому насъ послали, и гдѣ наша карета съ людьми осталась, все однимъ словомъ, а ей все какъ будто мало, все допытывается: «какъ насъ князь отправилъ? Кому да кому вашу милость съ князькомъ поручилъ?»..... «Всѣмъ намъ, говорю, онъ одинаковое довѣріе оказалъ, и всѣ мы пятеро, кучеръ Степанъ, управитель Ефимъ Степановичъ, Яковъ, Кузька и я, заслужили, значитъ, довѣріе нашего князя, если онъ намъ поручилъ довести до мѣста своихъ дѣтей, да еще въ такое время, какъ теперь, когда часто на самыхъ довѣренныхъ слугъ невозможно положиться, чтобы іудами предателями не оказались». «Однако, говоритъ, тѣ люди съ каретой не поѣхали въ обитель о. Лаврентія?» «Потому не поѣхали, говорю, что самъ настоятель этого не захотѣлъ, онъ прислалъ только за господами да за мною, а теперь ужъ навѣрное, прослышавъ про разгромъ въ обители, наши люди разыскиваютъ насъ по всей окрестности и, того гляди, сюда явятся...». «Вотъ это было бы хорошо, говоритъ, въ мужчинахъ у насъ недостатокъ, кромѣ двухъ работниковъ да хромого сторожа, никого нѣтъ, а мало ли что можетъ случиться!» Вижу, однако, что не совѣмъ она довольна тѣмъ, что я ей рассказала, чего-то ей еще надо. Не отпускаетъ меня, ходитъ по комнатѣ, четками щелкаетъ, а глаза то по сторонамъ такъ и рыщутъ, такъ и рыщутъ. Остановилась наконецъ передо мною, да и спрашиваетъ: «Неужтожъ васъ безъ денегъ въ такой дальній и опасный путь отправили?» Тутъ я ейную хитрость поняла! «Какъ можно безъ денегъ въ дорогу пускаться! говорю. Мы за все можемъ заплатить и даже, можетъ, больше, чѣмъ думаютъ. А только надо сначала знать, за что платить. Намъ, можетъ, не у васъ однихъ придется останавливаться и многихъ за услуги благодарить...». «Въ моей власти, говоритъ, такъ сдѣлать, чтобъ вы отсюда безъ хлопотъ до мѣста доѣхали». «Въ такомъ случаѣ, говорю, вашей обители все то и перепадетъ, что намъ на другія убѣжища пришлось бы потратить». «А сколько примѣрно вы намъ можете—дать?» спрашиваетъ ужъ совѣмъ нахально. И видя, что я молчу: «сами, говоритъ, можете убѣдиться, какъ мы обнищали. Колокольню не на что поправить. Съ опасностью жизни

на нее каждый день сторожъ влѣзаетъ, чтобъ звонить. А ужъ про домъ и говорить нечего, какъ рѣшето! Изъ простуды не выходимъ. Кабы твоя княжна намъ хоть бы на плотниковъ сотняжку пожертвовала, мы бы васъ въ полной сохранности до мѣста доставили и кажинный день молились Заступницѣ, чтобъ отъ всякой бѣды васъ сохранила. Про нашъ чудотворный образъ, чай, слышали? многіе отъ него исцѣленіе себѣ получили. Кабы въ Москвѣ проявился такой образъ, нашъ монастырь изъ богатыхъ бы считался, а намъ, горемычнымъ, и колоколенки не на что поставить.....

— У насъ больше тысячи рублей,— прервала я повѣствованія Степаниды,— дадимъ ей половину, чтобъ она дала намъ провожатаго до Нижегородской губерніи.

— Экія вы, барышня, приткія! Нешто можно такъ деньгами швырять? Путь намъ предстоитъ долгій, мы уже четвертый день въ дорогѣ, а все еще кружимъ на мѣстѣ и скорѣе дальше, чѣмъ ближе, отъ того мѣста, куда намъ надо. И какъ же мы безъ нашихъ двинемся? Вѣдь Ефимъ Степанычъ поѣхалъ нашего князя отыскивать. Богъ дастъ, найдетъ ихъ и съ новыми приказаніями къ намъ вернется, тогда и будемъ знать, куда намъ путь держать.

— А ты думаешь, они насъ разыщутъ?

— Безпремѣнно разыщутъ! Поди чай, Яковъ ужъ и теперь знаетъ, гдѣ мы находимся. Тоже, вѣрно, сложа руки, на мѣстѣ не сидитъ, не таковскій. Все ужъ, вѣрно, раньше всѣхъ вышнярялъ и разузналъ про погромъ въ монастырѣ о. Лаврентія и куда насъ оттуда отправили, ждетъ, вѣрно, возвращенія Ефима Степановича, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ сюда отъявиться.

Увѣренность ея собщилась и мнѣ. Я стала веселѣе смотрѣть на свѣтъ Божій и, поспѣшно одѣваясь и причесываясь, начала разспрашивать про брата.

Ему было здѣсь очень хорошо. Познакомили его съ дѣвочками, племянницами матери Аглаиды. Онъ съ ними весь садъ и весь соседній лѣсокъ обошелъ; теперь въ рѣчкѣ рыбку удитъ.

Я рассказала про разговоры, слышанные подъ окномъ. Степанидѣ все это было ужъ извѣстно. И, кромѣ того, многое другое, о чемъ здѣсь и понятія не имѣли. У матери Аглаиды были свѣдѣнія о страшной битвѣ подъ Бородинымъ, длившейся, кто говорилъ двое сутокъ, а кто—трое.

— Наши, говорятъ, побѣдили!

— Но зачѣмъ же тогда они отступили и Москву на разгромъ покидаютъ?—спросила я.

— А вотъ подите жъ! Ужъ и то всѣ дивятся. Ну, да поживемъ, узнаемъ. Можетъ быть, и вздорные слухи.

И ей, какъ и всѣмъ, кого мнѣ доводилось тогда видѣть, не вѣрилось такому ужасу—погибели Москвы. Казалось, что Россіи невозможно быть безъ Москвы. Ужъ это потомъ стали утѣшаться

мыслью, что Россія не изъ одной Москвы состоитъ. Точно мать родную выхватили изъ семьи да убили. Живутъ другія дѣти и безъ матери, но это не настоящая жизнь, а сплошное горе!

— А вы, барышня, простите ради Бога за совѣтъ, а только съ Аглаидой вамъ надо поосторожнѣе быть. Не довѣряйтесь ей ни въ чемъ и ничего ей не общайте. Если станетъ приставать, скажите, что безъ совѣта Ефима ни на что рѣшиться не можете. Я ей сказала, что и деньги наши у него. Богъ ейную душу знаетъ! Теперь такія времена, что и на добраго человѣка полагаться нельзя, а ужъ такого плутоватаго да лукаваго, какъ эта самая Аглаида, и подавно надо всячески опасаться. Вы съ нею вдвоемъ не извольте далеко отъ обители отходить, мало ли что можетъ случиться! Защиты отъ нея ждать нельзя, скорѣе, что выдастъ.

Разумѣется, я не вѣрила всему, что болтала моя черезчуръ усердная спутница, тѣмъ не менѣе слова ея произвели на меня пренепріятное впечатлѣніе, и я съ нетерпѣніемъ ждала минуты, когда намъ можно будетъ выбраться отсюда. Ласкала я также себя надеждой, что которому нибудь изъ нашихъ людей удастся повстрѣчаться съ отрядомъ подъ командой Шарля, и что я узнаю что нибудь о моемъ возлюбленномъ. Послѣ того, какъ судьба такъ странно меня съ нимъ столкнула, какъ будто для того, чтобъ успокоить меня насчетъ его чувствъ ко мнѣ и къ моей родинѣ, тоска моя по немъ усилилась. Не говоря ужъ о томъ, что все, что я слышала про войну, въ которой онъ принималъ дѣятельное участіе, не могло не разжигать моихъ опасеній за его жизнь. А бѣдный нашъ Сережа? А папенька? Развѣ и они тоже не подвергаются ежеминутно смертельнымъ опасностямъ? Можетъ быть, ихъ ужъ нѣтъ въ живыхъ! Шарля я, слава Богу, не дальше какъ вчера видѣла цѣлымъ и невредимымъ, а о Сережѣ вотъ ужъ скоро мѣсяць, какъ нѣтъ ни слуху ни духу... Что же касается папеньки, дружина его, безъ сомнѣнія, уже дошла до мѣста назначенія и дерется съ врагомъ...

Однимъ словомъ, къ кому бы изъ любимыхъ существъ я ни обратилась мыслями, кромѣ ужаса и смертельной тоски за него, я ничего не ощущала.

Какъ былъ правъ о. Лаврентій, приказывая мнѣ молиться! Одинъ только Господь могъ меня успокоить и утѣшить.

Я застала мать Аглаиду, окруженную старицами. Совѣщаніе кончилось: рѣшено было дожидаться новыхъ свѣдѣній изъ Москвы прежде, чѣмъ тронуться куда бы то ни было въ путь, и настоятельница оставила своихъ подругъ пить чай, къ которому весьма любезно была приглашена и я съ братомъ.

Бѣдный мальчикъ былъ слишкомъ еще юнъ, чтобъ понимать всю серіозность нашего положенія, и вполнѣ наслаждался сравнительною тишиною и спокойствіемъ, окружавшимъ его здѣсь, въ зе-

леномъ, мирномъ уголкѣ, среди кроткихъ и ласковыхъ женщинъ, старавшихся наперерывъ забавлять его и разсѣивать. Онъ сталъ разсказывать мнѣ шопотомъ про всѣ прелести, которыя ему показывали въ саду, про выдрессированныхъ собакъ и свинокъ, воспитаніемъ которыхъ занимались монахини, про галку, умѣвшую произносить слова, какъ человѣкъ, и просившую благословенія у старицъ, проходившихъ мимо нея, про ручныхъ ягнятъ, съ которыми онъ долго игралъ, какъ съ комнатными собачками. Напрасно напоминала я ему, чтобъ онъ отложилъ свои разказы до той минуты, когда мы останемся вдвоемъ, онъ замолкалъ на минуту, чтобъ тотчасъ, вспомнивъ что нибудь новенькое, подѣлиться со мною впечатлѣніями.

Наконецъ, я замѣтила, что глаза у него слипаются, и приказала Степанидѣ, стоявшей за моимъ стуломъ, чтобъ она его увела спать.

Когда я осталась одна со старицами, со мною заговорили о томъ, что намъ дѣлать въ томъ случаѣ, если Господь попуститъ врагу сюда проникнуть.

По мнѣнію матери Аглаиды, всего было бы лучше искать убѣжища въ Москвѣ, если обстоятельства такъ сложатся, что здѣсь невозможно будетъ оставаться.

— Но мнѣ все кажется, что Господь насъ умудритъ французовъ разжалобить, и что они намъ никакого зла не сдѣлаютъ даже и въ такомъ случаѣ, если нелегкая ихъ къ намъ занесетъ. Вѣдь тоже люди, такіе же человѣки, какъ и мы. И сердце у нихъ, и душа, и умъ есть, изъ-за чего имъ насъ лишать жизни и истреблять ваше убѣжище, когда имъ у насъ и покорытоваться нечѣмъ?— разсуждала мать Аглаида.

Подруги ея молчали, скромно опустивъ глаза на чашки съ жидкимъ чаемъ, стоявшія передъ ними, и по временамъ, очень рѣдко, отгрызывая осторожно крупиночку сахара, поданнаго имъ вмѣстѣ съ чаемъ. Каждая думала свою думу, и, судя по морщинамъ, бороздичкамъ ихъ загорѣлые лбы, да по скорбной складочкѣ, углублявшейся, по обѣимъ сторонамъ ихъ блѣдныхъ, крѣпко стиснутыхъ губъ, можно было заключить, что не веселы были эти думы. Возражать онѣ не осмѣливались, мать Аглаида держала въ большой субординаціи подвѣдомственное ей стадо, но врядъ ли соглашались онѣ съ ея мнѣніемъ, что французы такіе же люди, какъ и всѣ прочіе православные христіане. Когда же наконецъ имъ сказали, что онѣ могутъ удалиться, и я съ настоятельницей осталась вдвоемъ, она начала меня разспрашивать про нашу семью, про нашу жизнь въ Москвѣ и про паленку такъ настойчиво, что, невзирая на нежеланіе распространяться о такихъ интимныхъ предметахъ съ особой, не внушавшей мнѣ ни довѣрія, ни симпатіи, я сообщила ей все, что сама знала о нашемъ состояніи, объ общественномъ положеніи нашего

отца и даже, невольно поддаваясь ей назойливому любопытству, коснулась нашей семейной язвы: вторичнаго брака папеньки и бѣгства Сережи изъ родительскаго дома.

Все это крайне ее интересовало. Слушая меня, она сверкала глазами и безпрестанно прерывала меня восклицаніями жалости и сочувствія, но затѣмъ такъ быстро приступала къ новымъ допросамъ, что вѣрить искренности ея участія было трудно. Впрочемъ, еслибъ ей дѣйствительно было меня жаль, она не стала бы беречь раны моего сердца, заставляя меня вспоминать печали, которыя при настоящихъ волненіяхъ отошли было на второй планъ. Но ей до моихъ страданій не было никакого дѣла, ей нужно было только удостовѣриться, что мы будемъ въ состояніи заплатить ей сторицей за убѣжище, которое она намъ предоставляла, безъ сомнѣнія, не надолго... Слишкомъ ужасно было бы зависѣть отъ такой жадной и хитрой личности!

По многимъ изъ ея вопросовъ я могла убѣдиться, что она провѣряетъ сказанное ей Степанидой, и что однообразіе нашихъ показаній ее успокаиваетъ.

Выгнувъ изъ меня все, что ей было нужно, она стала рассказывать о себѣ и о томъ монастырѣ въ Москвѣ, гдѣ она прожила съ дѣтства, прежде чѣмъ поселилась здѣсь. Въ монастырѣ ее отдали родственники, чтобъ завладѣть лавкой съ краснымъ товаромъ, завѣщанною ей родителями, послѣ которыхъ она осталась трехъ лѣтъ круглою сиротой. Съ восхищеніемъ распространялась она про игуменью, воспитавшую ее при себѣ, какъ родное дитя. Именно отъ этой-то игуменіи, подъ вѣдомствомъ которой находился монастырекъ, она и ждала приказаній, какъ ей поступать.

— Онѣ, глупыя, думаютъ, что надо мною и начальства нѣтъ,— говорила она, кивая на дверь, въ которую вышли монахини,— а того не возьмутъ въ толкъ, что я такой же подначальный человѣкъ, какъ и онѣ. Доля наша смиренная, мы отъ нашей воли отказываемся вмѣстѣ съ мірскимъ платьемъ. Творить волю пославшаго насъ, вотъ о чемъ мы должны заботиться, ни о чемъ больше,— прибавила она, опуская глаза и поджимая губы, чтобъ придать своей фізіономіи требуемое обстоятельствами выраженіе.

Я ждала, когда же она наконецъ приступитъ къ вопросу о пожертвованіи на колокольню, о которомъ она говорила со Степанидой, но такъ и не дождалась ни малѣйшаго намека на этотъ счетъ. Зато она выказала большую заботливость о нашемъ помѣщеніи. На замѣчаніе мое, что не стоитъ такъ много хлопотать, гдѣ провести нѣсколько ночей, которыя намъ предстоитъ здѣсь остаться, она напустила на себя таинственность и съ загадочною улыбкой возразила, что будущее въ рукахъ Божіихъ.

— Онъ васъ сюда привелъ, Онъ васъ отсюда и выведетъ.

— Разумѣется, все въ волѣ Божіей,—возразила я не безъ до-

сады,—но со всѣхъ сторонъ говорятъ о томъ, что французы не оставляютъ ни одного мѣстечка на пути, чтобъ не обратить его въ пепель и не истребить тѣхъ изъ его жителей, которымъ не удалось заранѣе бѣжать, а они отсюда близко, если обитатели о. Лаврентія, по ихъ милости, больше не существуетъ...

Она слушала меня терпѣливо и съ насмѣшливою усмѣшкой, съ которою взрослые слушаютъ лепетъ ребенка.

— Будемъ надѣяться на милость Божию,—замѣтила она, когда, сбитаая съ толку ея отношеніемъ къ дѣлу, я наконецъ въ смущеніи смолкла.—И во всякомъ случаѣ вамъ нельзя тронуться въ путь до прибытія вашихъ спутниковъ,—продолжала она, пристально на меня глядя.—Я слышала, что вы имѣли неосторожность отдать имъ на храненіе ваши драгоценности и деньги... въ настоящее время безъ денегъ трудно спастись.

Я молчала, но чувствовала, какъ густая краска разливается по моему лицу при намекѣ на обманъ Степаниды, котораго я, волея-неволей, сдѣлалась сообщницей. Но не могла же я выдать нашего единственнаго друга и покровительницу въ такую минуту, когда поддержка ея намъ была болѣе, чѣмъ когда либо, необходима.

Съ тяжелымъ чувствомъ разсталась я съ нашей новой покровительницей. Она приказала отдать въ наше полное распоряженіе гостиную, въ которой я спала, и на замѣчаніе мое, что это можетъ ее стѣснить, и что лучше было бы насъ поселить въ какой нибудь пустой кельѣ, она усмѣхнулась.

— А видали вы когда нибудь кельи, — спросила она прищуриваясь, — въ которыхъ спасаются стремящіися къ вѣчному блаженству души? У насъ кельи съ землянымъ поломъ, и въ нихъ даже лѣтомъ сыро и почти совсѣмъ темно, потому что о стеклахъ мы и мечтать не смѣемъ, это слишкомъ большой расходъ. Съ насъ и просаленныхъ бумажекъ, либо пузырей достаточно. У одной сестры Нимфодоры въ окошкѣ слюда вставлена, такъ вѣдь она у насъ богачихой слыветъ. Домъ, въ которомъ я имѣю удовольствіе васъ принимать, княжна, раньше находился въ томъ видѣ, въ которомъ вы его теперь видите, тратиться на него не пришлось, но остальные хоромы мы сами воздвигли,—продолжала она, напирая на слово «хоромы», мало подходившее къ низенькимъ строеніямъ, больше похожимъ на сараи, чѣмъ на жилые корпуса, занимаемые ея паствою.—Нѣтъ, ужъ, княжна, позвольте вамъ предложить жилище, въ которомъ вамъ не покажется такъ рѣзокъ переходъ изъ вашего дворца въ нашу пустыню. Я вашъ московскій домъ знаю. Такихъ домовъ и тамъ не много. Поменьше будетъ дома графини Ярѣ-Червленской, но убранствомъ ему не уступить....

— А вы знаете графиню Наталью Алексѣевну?—съ живостью спросила я, обрадовавшись случаю услышать о моей новой приятельницѣ.

— Кто же изъ нашей братіи, людей, предавшихъ себя Богу, не знаетъ графиню Наталью Алексѣевну? Всѣмъ она намъ мать и благодѣтельница, невзирая на еще юные годы, можно сказать. Дай ей Господи со стези добродѣтели не сойти! Поддержи ее Царица Небесная въ дѣвической чистотѣ передъ небеснымъ женихомъ предстать!—продолжала она, набожно скрестивъ руки и поднимая умилный взглядъ къ потолку. А затѣмъ послѣ небольшой паузы она прибавила:—Мы и батюшку ея, сіятельнаго графа, знали. Тоже обители нашей благодѣтельствовали. Великъ былъ плачь промежъ бѣдныхъ и сирыхъ въ Москвѣ, когда онъ скончался! Меня въ то время матушка игуменья вызвала къ себѣ и каждый день посылала узнавать: разрѣшилъ ли Господь его душу? Такъ велики и медлительны были его муки, что безпремѣнно всѣ грѣхи ему простились. Мученіями тѣлесными очистилось его духовное естество. Человѣкъ онъ былъ сложенія богатырскаго, силы непомерной, болѣзнями не изнуренный, вотъ и трудно было душѣ его многогрѣшной съ браннымъ тѣломъ разстаться. Такъ раздирательно кричалъ отъ мукъ, что не было такого уголка въ его дворцѣ и въ надворныхъ строеніяхъ, гдѣ бы не было его крика слышно! Смущало его всего больше то, что не могъ онъ молча и въ смиреніи духа сносить посланныя свыше страданія, и что воплями своими онъ вводитъ въ соблазнъ народъ православный. Приказалъ музыкъ играть передъ крыльцомъ, чтобъ заглушить стоны. Такъ, какъ вы думаете? Музыкантовъ больше полсотни на всевозможныхъ инструментахъ, что есть силъ старались, а все же по временамъ крика его заглушить не могли.... Больше трехъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ навсегда смолкъ, и что мы его похоронили, а все кажется, что будто вчера. И вотъ я вамъ это теперь рассказываю, а музыка эта съ его воплями такъ и звенитъ у меня въ ушахъ! Придется на вечерней молитвѣ за упокой его души нѣсколько поклоновъ положить, а то всю ночь не заснешь. И подумайте послѣ этого, каково его родной дочкѣ? Мудренаго ничего не будетъ, если совсѣмъ уйдетъ изъ міра, чтобъ родительскіе грѣхи замолить. Ужъ намеки на то были,—продолжала она, понижая голосъ, хотя въ комнатѣ, кромѣ насъ двухъ, никого не было.—Вы, княжна, съ графиней, недавно знакомы, а мы ее еще совсѣмъ малюткой знали, допрежъ того, какъ ей съ родителемъ въ чужіе края уѣхать, и вотъ что я вамъ скажу: жизнь ея завсегда была совсѣмъ особенная, и хотя многіе ей завидуютъ за ея богатство и знатность, а несчастіе ея дѣвицы врядъ ли есть на свѣтѣ, такъ-то.

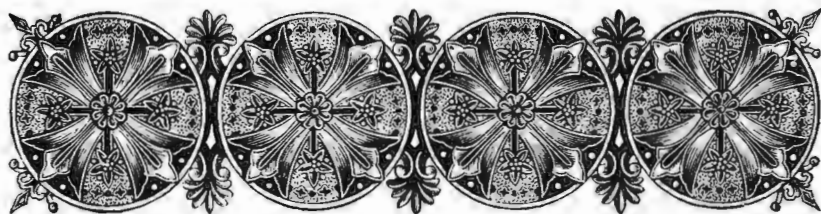
Ничего она мнѣ больше не сказала про мою любимицу и, разумеется, и не позволила себѣ ее допрашивать, но слова ея меня нисколько не удивили. Графиню Наталью Алексѣевну я видѣла всего только два раза; она мнѣ про себя ничего не говорила, старалась меня разсѣять и утѣшить, а потому была весела и оживлена, но,

невзирая на кажущуюся беззаботность, мнѣ казалось, что она не такова, какою желаетъ, чтобъ ее понимали, и, сама не знаю почему, но къ глубокому чувству уваженія и восторженной любви, которое она мнѣ внушала, примѣшивались жалость и страстное желаніе облегчить душевныя страданія, которыя она переносила съ такимъ же мужествомъ, съ какимъ отецъ ея переносилъ свою мучительную агонію, заботясь только о томъ, чтобъ не смущать людей своими муками.

Н. Мёрдеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ С. М. ЗАГОСКИНА ¹⁾.

XIV.

Зима 1857 года.—Графиня Ек. П. Ростопчина.—Семейство Талызиныхъ.—Поѣздка въ Петербургъ.—Графъ Блудовъ.—В. И. Анпенкова.—Раутъ у Нарышкиныхъ.—Семейство дяди А. Н. Загоскина.—Баронъ М. А. Корфъ.—Опредѣленіе въ новую должность.—Обѣды у О. И. Тютчева и графа Блудова.—Баль княгини Юсуповой.—Возвращеніе въ Москву.—Приготовленія къ отъѣзду.—Послѣдній вечеръ въ Москвѣ.—Отъѣздъ въ Петербургъ.

ОБЪ ПРИКОМАНДИРОВАНІЕ къ канцеляріи Синельникова на всю зиму наступившаго 1857-го года не представляло ничего утѣшительнаго и еще менѣе заманчиваго для будущей моей служебной карьеры. Невзирая на то, что я рѣшительно не зналъ, какое бы могъ избрать мѣсто, подходившее къ моему маленькому чину, однако поступить обратно въ архивъ я не желалъ такъ же, какъ и не желалъ поступить въ канцелярію генералъ-губернатора, хотя нисколько не сомнѣвался въ готовности добраго графа Закревскаго взять меня къ себѣ, даже прямо въ чиновники по особымъ порученіямъ; но именно такой должности я и опасался, такъ какъ эти чиновники, особенно знакомые графинѣ и ея дочери, большею частью, по какому-то странному стеченію обстоятельствъ, попадали въ невольные исполнители порученій этихъ двухъ дамъ,

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXI, стр. 790.

а не самого графа. Подобная перспектива мнѣ не нравилась. Въ недоумѣніи, на что рѣшиться, я думалъ на первое время спокойно остаться въ Москвѣ, среди друзей и добрыхъ знакомыхъ безъ занятій, въ ожиданіи какой либо счастливой случайности... въ головѣ моей, однако, не разъ мелькнула мысль отправиться въ Петербургъ для пріисканія приличной должности, но съ тѣмъ, чтобы, прослуживъ тамъ нѣсколько лѣтъ, вернуться обратно въ Москву, съ которою мнѣ казалось тогда невозможнымъ разстаться навсегда. Мысль сдѣлаться петербургскимъ чиновникомъ льстила даже моему самолюбію, вслѣдствіе явныхъ успѣховъ, во время коронаціи, служащей петербургской молодежи. Но любовь къ родному городу, пріязнь къ друзьямъ и отсутствіе какой либо «бабушки», которая могла бы поворожить мнѣ и доставить мѣсто въ Петербургѣ, мгновенно разрушали мои мимолетные планы.

Въ эту зиму, не имѣя служебныхъ занятій и менѣе выѣзжая въ свѣтъ, я проводилъ утро за чтеніемъ полезныхъ книгъ и только вечера посвящалъ моимъ друзьямъ Полуденскимъ, Пашковымъ и графинѣ Ростопчиной, не переставая, впрочемъ, появляться и на московскихъ балахъ.

По окончаніи ополченія, мой бывшій начальникъ Ростопчинъ не жилъ уже въ своей прежней прекрасной квартирѣ, а поселился съ своимъ семействомъ въ маленькомъ помѣщеніи на Васманной, въ домѣ своей матери графини Екатерины Петровны. Переѣздъ этотъ ясно указывалъ на значительное разстройство состоянія графа, не имѣвшаго уже возможности нанять отдѣльную квартиру. Но въ бытность свою въ ополченіи онъ всячески старался скрыть свое разореніе и, бросая деньги зря, самымъ нелѣпымъ образомъ, вселилъ въ своихъ подчиненныхъ, не исключая и меня, полное убѣжденіе въ большомъ его богатствѣ, и только въ эту зиму я узналъ отъ Евдокіи Петровны, что у него, кромѣ «Воронова», заложенаго и перезаложенаго, ничего не оставалось, а долговъ было много.

Посѣщая графиню, я случайно познакомился у нея съ ея свекровью. Личность этой восьмидесятилѣтней женщины, въ свое время великой аристократки, умной и образованной, до того была своеобразна, что считаю излишнимъ описать ее.

Графиня Екатерина Петровна Ростопчина, рожденная Протасова, родная племянница извѣстной любимицы императрицы Екатерины II-й, графини Анны Степановны Протасовой, была высокаго роста, крѣпкаго тѣлосложенія и отличалась грубыми, неприятными чертами лица и огромными выпуклыми глазами. Она одѣвалась по модѣ 20-хъ годовъ, но ходила не иначе, какъ въ черномъ платьѣ и валеныхъ туфляхъ. Темные волосы ея, почти безъ сѣдины, были обстрижены, включены и щетинисты, а уши огромнаго размѣра покрыты ранами, изъ которыхъ постоянно сочилась кровь, вслѣдствіе привычки ея царапать и чесать ихъ ногтями. Страшная не-

людимка, она не имѣла вовсе знакомыхъ и, сдѣлавшись католичкою, окружала себя только французскими аббатами, старавшимися всѣми средствами поддержать въ ней антиправославное направленіе и выманить побольше денегъ. Почти не выходя изъ дома, она въ теченіе дня развлекалась двумя ручными попугаями, которыхъ носила на пальцахъ, сталкивая ихъ лбами и потѣшаясь неистовыми ихъ криками...

Представленный ей, при встрѣчѣ въ гостиной ея невѣстки, я былъ пораженъ непривѣтливостью старухи: она не сказала мнѣ ни слова, и только когда ей объявили, что она въ молодости была знакома съ моимъ дѣдомъ, проворчала что-то сирымъ голосомъ, процѣдивъ сквозь свои отлично сохранившіеся зубы какіе-то невнятные звуки, похожіе на «брръ» или «ммы», и тотчасъ ушла изъ комнаты. Позднѣ подобныя встрѣчи случались нерѣдко и всегда ограничивались тѣми же странными звуками и немедленнымъ возвращеніемъ ея въ свой апартаментъ. Такой дикой, непривѣтливой, старой дамы я никогда и нигдѣ болѣе не встрѣчалъ. Типъ этотъ исчезъ навсегда и, думаю, хорошо сдѣлалъ.

Зима эта оставила во мнѣ пріятное воспоминаніе моимъ сближеніемъ съ почтеннымъ семействомъ Талызиныхъ, съ которыми, хотя я и прежде былъ знакомъ, но рѣдко посѣщалъ ихъ. Семья была большая, радушная и въ высшей степени патріархальная. Она состояла изъ хозяина дома, Александра Степановича Талызина, жены его Ольги Николаевны, четырехъ сыновей и пяти дочерей. Изъ сыновей только одинъ Петръ, элегантный московскій кавалеръ, жилъ съ своими родителями. Прочіе находились въ Петербургѣ, но часто пріѣзжали въ Москву. Изъ дочерей двѣ были въ замужествѣ: старшая Наталья—за Нарышкинымъ¹⁾, а вторая Марія—за Нейдгардтомъ²⁾.

Александръ Степановичъ, коренной, богатый москвичъ, честнѣйшій и благороднѣйшій человекъ, пользовался общимъ уваженіемъ. Жена его, рожденная графиня Зубова³⁾, умная, добрая, любезная и чрезвычайно веселаго характера, была въ то время предсѣдательницею совѣта женскихъ школъ въ Москвѣ. Три незамужнія дочери ихъ, унаслѣдовавшія вмѣстѣ съ прекрасными душевными качествами своей матери и веселый характеръ ея, были очень милы и крайне просты въ обращеніи, вслѣдствіе чего я проводилъ съ

¹⁾ Алексѣемъ Кирилловичемъ, роднымъ племянникомъ по отцу извѣстной игуменіи Спасобородинскаго монастыря (близъ Москвы) Маріи, въ мѣрѣ Маргариты Михайловны Тучковой, которая, послѣ смерти своего мужа генералъ-майора Александра Алексѣевича Тучкова, убитаго, въ 1812-мъ г., при Бородинѣ, основала на мѣстѣ его кончины вышеупомянутый монастырь.

²⁾ Сынъ извѣстнаго боевого генерала Нейдгардта, нынѣ оберъ-гофмейстеръ высочайшаго двора.

³⁾ Дочь оберъ-штальмейстера графа Николая Александровича отъ брака его съ дочерью безсмертнаго Суворова, княжною Натальею Александровною.

ними время весьма пріятнымъ образомъ и въ теченіе зимы 1857-го года на всѣхъ балахъ былъ постояннымъ ихъ кавалеромъ, особенно младшей Вѣры Александровны, у которой хорошенькая, бѣлокурая головка такъ и просилась въ любой англійскій альманахъ.

Во время коронаціи я особенно оцѣнилъ Ольгу Николаевну и ея дочерей-дѣвицъ за ихъ полное равнодушіе къ петербургской молодежи, которой онѣ ничѣмъ не отличали отъ своихъ доморощенныхъ кавалеровъ.

Александръ Степановичъ скончался въ слѣдующемъ году, а жена его, проживъ до глубокой старости, умерла въ своей подмосковной «Денежниковѣ», куда она, задолго до своей смерти, переселилась на жительство съ двумя меньшими дочерьми, оставшимися на всю жизнь дѣвицами.

Находясь въ продолженіе зимы безъ служебныхъ занятій, я началъ тяготиться полнымъ бездѣліемъ и серіозно думать о поступленіи на дѣйствительную службу, не зная, однако, гдѣ искать мѣста. Я неоднократно обращался за совѣтомъ къ старымъ друзьямъ моего отца и всегда получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «вы желаете занятій, отправляйтесь въ Петербургъ и приищите тамъ мѣсто. Въ Москвѣ, въ ваши года, нечего прозябать и терять даромъ время». Въ этихъ совѣтахъ, конечно, я не могъ не признать значительной доли правды, что наконецъ и заставило меня рѣшиться ѣхать въ Петербургъ попытать счастья... но безъ малѣйшей надежды на успѣхъ и, по правдѣ сказать, болѣе для того, чтобы, вернувшись въ Москву, имѣть право объявить моимъ доброжелателямъ, что «хлопоталъ, но ничего не добился!»—такъ сильно еще привязывала меня къ себѣ Москва!..

Наканунѣ масляницы, я сѣлъ въ вагонъ Николаевской желѣзной дороги и на другое утро пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ остановился, по приглашенію моего друга князя Крапстинка, у него, въ Конногвардейскихъ казармахъ.

Время было зимнее, путь санный, и потому вся краса «Сѣверной Пальмиры» и ея окрестностей не бросалась въ глаза и находилась, такъ сказать, подъ спудомъ, но уже одинъ наружный видъ города произвелъ на меня сильное впечатлѣніе, и я невольно, почти не хотая, долженъ былъ отдать предпочтеніе новой столицѣ... Высокіе, сплошною стѣною расположенные дома, широкія, правильныя, почти расчищенные отъ снѣга улицы, громадныи Зимній дворецъ, красивыя, казенныя зданія, величественныя набережныя—все указывало мнѣ, что я нахожусь въ новомъ, большемъ, роскошномъ городѣ, далеко оставившемъ за собою кривыя, узкіе переулки, деревянные дома и лачуги, снѣжныя сугробы и ухабы древней Москвы!.. но Кремль, священные соборы, старинныя храмы, царскіе терема,—эта живая лѣтопись святой Руси, гдѣ она?—ея не было въ новой столицѣ, и отсутствіе того, что дорого сердцу русскаго че-

ловѣка, какъ-то странно и больно захватывало мою душу... Петербургъ—Европа, Москва—Россія! найду ли мое отечество въ этой новой столицѣ?— вотъ мысли, волновавшія меня въ первый день моего прїѣзда въ Петербургъ.

Въ этотъ день я не посѣтилъ никого изъ моихъ знакомыхъ и ограничился осмотромъ Казанскаго собора и лучшихъ улицъ города. На другое утро я сдѣлалъ нѣсколько визитовъ. Первый визитъ былъ къ графу Дмитрію Николаевичу Блудову, главноуправляющему II-мъ Отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи. Графъ принялъ меня, какъ и всегда, радушно и любезно и, узнавъ, что я прїѣхалъ для пріисканія мѣста, сказалъ: «я предложилъ бы вамъ служить во II-мъ Отдѣленіи, но тамъ вакансій нѣтъ, и могу зачислить васъ только сверхъ штата, что, предупреждаю васъ,¹ можетъ затянуться надолго; впрочемъ, если вы на то согласны, съ удовольствіемъ приму васъ». Не имѣя никакого понятія о законодательной части и не желая занять сверхштатное мѣсто, я поблагодарилъ графа, прибавивъ, что желалъ бы служить въ Императорской Публичной библиотекѣ. На это графъ отвѣтилъ, что, принимая во мнѣ большое участіе, онъ готовъ рекомендовать меня директору библиотеки барону Корфу и надѣется на успѣхъ своего ходатайства. Конечно, я съ радостью согласился на его предложеніе.

Но для объясненія причины моего желанія поступить въ библиотеку я долженъ сказать, что желаніе это появилось у меня при самомъ отъѣздѣ изъ Москвы и только по слѣдующему поводу: отецъ мой такъ же какъ и я, не окончивъ нигдѣ курса наукъ, вступилъ прямо на службу и въ 1812-мъ году находился ополченцемъ и адъютантомъ начальника петербургскаго ополченія, а затѣмъ служилъ въ библиотекѣ. Служба моя, до сего времени схожая со службою отца, навела меня на мысль опредѣлиться, буде возможно, тоже въ библиотеку, гдѣ даже и занятія казались мнѣ болѣе привлекательными, чѣмъ переписка бумагъ въ какомъ нибудь министерствѣ.

Въ виду вліянія графа Блудова въ петербургскихъ административныхъ сферахъ, я рѣшилъ, въ случаѣ безуспѣшности его ходатайства, не обращаться къ другимъ лицамъ и вернуться въ Москву, такъ какъ отаптываніе пороговъ у разныхъ вліятельныхъ лицъ ради переселенія моего въ Петербургъ не входило въ мои планы.

Отъ графа Блудова я отправился къ старинной пріятельницѣ моего отца Вѣрѣ Ивановнѣ Анненковой¹⁾, которая, не выдавъ меня съ дѣтства и узнавъ черезъ Крапоткина о прїѣздѣ моемъ въ Петербургъ, пожелала видѣть меня. Эта пожилая, умная и высоко-

¹⁾ Мужъ ея, Николай Николаевичъ, былъ въ то время государственнымъ контролеромъ.

образованная женщина приняла меня самымъ радушнымъ образомъ и въ нѣсколько минутъ совершенно очаровала меня. Объяснивъ ей о цѣли моего приѣзда и упомянувъ о предложеніи графа Блудова содѣйствовать моему опредѣленію въ библиотеку, Вѣра Ивановна съ живостью вскрикнула: «зачѣмъ вамъ Блудовъ? я хорошо знаю Корфа и увѣрена, что моя рекомендація будетъ успѣшнѣе! Сейчасъ напишу барону, чтобы онъ приѣхалъ ко мнѣ; завтра, въ часть, приѣзжайте и вы, я васъ представлю ему и надѣюсь на успѣхъ». Слова Вѣры Ивановны нѣсколько удивили меня: мнѣ показалось страннымъ, что свѣтская дама могла имѣть на какогонибудь петербургскаго администратора болѣе вліянія, чѣмъ графъ Блудовъ, но, видя ея рѣшительный тонъ, я повиновался и обѣщаль явиться въ назначенный часъ.

Въ то же утро я побывалъ у нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ и у Николая Арсеньевича Бартенева¹⁾. Не выдавъ меня со времени коронаціи, онъ очень обрадовался моему приѣзду и предложилъ свезти меня, въ тотъ же вечеръ, на раутъ къ своей сестрѣ Нарышкиной, на что я съ удовольствіемъ согласился, желая посмотреть на незнакомое мнѣ высшее петербургское общество.

Нарышкины, проживая въ Петербургѣ безъ всякаго officialнаго положенія, были, однако, близки ко двору и, крайне разборчивые въ своемъ знакомствѣ, принимали у себя лишь самое избранное общество и весь дипломатическій корпусъ. Зная все это, я полагалъ, что они обойдутся со мною настолько вѣжливо, насколько требовало ихъ близкое родство съ моимъ пріятелемъ Бартевымъ. Къ удивленію моему, они приняли меня въ высшей степени любезно, какъ будто своего стараго знакомаго, и тотчасъ представили, какъ сына извѣстнаго писателя, многимъ дамамъ и дѣвицамъ, которыя, въ свою очередь, отнеслись ко мнѣ, т. е. къ провинціальному, по петербургскому воззрѣнію, молодому человѣку, такъ мило и привѣтливо, что невольно вызвали сравненіе съ московскими дамами и дѣвицами, пренебрегавшими, во время коронаціонныхъ баловъ, своими московскими кавалерами. Сравненіе это, къ сожалѣнію, не оказалось въ пользу Москвы и сразу расположило меня къ петербургскому обществу, которое до этого времени я считалъ крайне гордымъ и неприступнымъ особенно для небогатаго и нетитулованнаго москвича... раутъ Нарышкиныхъ заставилъ меня взглянуть безъ особаго страха на возможность моего переселенія изъ московскаго общества въ петербургское.

На слѣдующій день я приготовился къ свиданію съ барономъ Корфомъ и не безъ внутренняго волненія ожидалъ рѣшенія даль-

¹⁾ У него было пять сестеръ, изъ которыхъ только одна Марія Арсеньевна находилась замужемъ за Дмитріемъ Ивановичемъ Нарышкинымъ. Остальныя были фрейлинами и двѣ изъ нихъ Прасковья и Надежда жили въ Зимнемъ дворцѣ.

нѣйшей своей судьбы. Ровно въ часъ я былъ уже у В. И. Анненковой, но вмѣсто представленія барону получить отъ нея легкую головомойку... Вѣра Ивановна, полушутя и полусерьезно, стала упрекать меня въ томъ, что я заставилъ ожидать моего, быть можетъ, будущаго начальника, а не явился ранѣе его, такъ какъ онъ самъ пріѣхалъ ранѣе назначеннаго часа и, не дождавшись меня, поручилъ ей сказать мнѣ, что ожидаетъ меня къ себѣ на другой день, въ одиннадцать часовъ утра. Совершенно невинный въ неудавшемся свиданіи, я былъ, однако, нѣсколько встревоженъ, находясь какъ бы въ положеніи больного, нетерпѣливо ожидающаго докторскаго визита, вдругъ отложеннаго до слѣдующаго дня.

Воспользовавшись свободнымъ утромъ, я отправился разыскивать проживавшаго въ Петербургѣ моего дядю, Алексѣя Николаевича Загоскина, адресъ котораго былъ мнѣ неизвѣстенъ. Разыскавъ его черезъ адресный столъ, я поѣхалъ къ дядѣ.

Алексѣй Николаевичъ, о разсѣянности котораго я уже упомянулъ въ моихъ воспоминаніяхъ, мало зналъ меня, видѣвъ только разъ въ 1851 году. Онъ обрадовался моему пріѣзду и, обнимая меня, называлъ то именами моихъ братьевъ, то моимъ собственнымъ. Семья его состояла изъ его жены, дочери съ мужемъ и малолѣтнимъ ихъ сыномъ. Тетушка Александра Ивановна, протестантка и геригутерка, была, подобно своему мужу, пренабожная и предобродѣтельная, но болѣзненная и никуда не выходившая изъ дома. Единственная, 20-ти лѣтняя дочь ихъ, Софія, хорошенькая, бойкая, веселая и чрезвычайно умная, была уже нѣсколько лѣтъ въ замужествѣ за инженернымъ офицеромъ Николаемъ Ѳедоровичемъ Ѳедоровымъ, но, по наружности и характеру, выглядѣла настоящимъ ребенкомъ, играя и забавляясь куклами съ своимъ крошечнымъ сыномъ. Дядя и Ѳедоровъ, не имѣя никакого состоянія, кромѣ казеннаго содержанія, жили вмѣстѣ въ маленькой квартирѣ, на Моховой, и жили, можно сказать, душа въ душу, не вѣдая никакихъ семейныхъ дразгъ, довольствуясь малымъ и ежедневно благословляя Бога за посылаемое счастье. Такихъ набожныхъ и смиренныхъ людей я, ни прежде, ни послѣ, никогда не видалъ и въ первый же мой визитъ, оставшись у нихъ обѣдать, провелъ съ ними весь вечеръ, чрезвычайно довольный найти въ Петербургѣ такихъ добрыхъ и гостепріимныхъ родственниковъ. Дядя, узнавъ о моемъ желаніи служить въ Императорской Публичной библіотекѣ, не настаивалъ на исполненіи его, а убѣждалъ поступить въ канцелярію святѣйшаго синода, такъ какъ тогдашній синодальный прокуроръ былъ его искренній другъ и несомнѣнно принялъ бы меня въ число своихъ чиновниковъ, но, признаюсь, синодальная служба мало улыбалась мнѣ...

Въ среду на масляницѣ, въ четвертый день моего пребыванія въ Петербургѣ, судьба моя должна была рѣшиться! «То be or

not to be» являлось неизбѣжнымъ. Въ одиннадцать часовъ я стоялъ уже въ приемной статсъ-секретаря барона Модеста Андреевича Корфа. Не прождавъ и пяти минутъ, я былъ приглашенъ къ нему въ кабинетъ.

Баронъ, 56-ти лѣтній, бодрый, статный мужчина съ умнымъ, приятнымъ лицомъ и крайне вѣжливыми манерами, выглядѣлъ не только изящнымъ чиновникомъ высшаго полета, но и вполне свѣтскимъ, любезнымъ человѣкомъ. Протянувъ мнѣ руку и попросивъ сѣсть, онъ прямо, безъ обиняковъ, сказалъ слѣдующее: «очень желалъ бы сдѣлать приятное Вѣрѣ Ивановнѣ и вамъ, какъ сыну нашего извѣстнаго писателя, но, къ сожалѣнію, въ библиотекѣ бываютъ свободныя мѣста только, когда въ Петербургѣ свирѣпствуетъ холера, а какъ холеры нѣтъ, то и вакансій нѣтъ». На такія утѣшительныя слова, я отвѣтилъ: «въ такомъ случаѣ, мнѣ придется возвратиться въ Москву и ожидать холеры, такъ какъ желаю служить только въ Публичной библиотекѣ». Отвѣтъ мой, повидимому, не столько удивилъ его, какъ понравился, и, любезно улыбаясь, онъ продолжалъ: «желаете служить тамъ же, гдѣ въ молодости служилъ вамъ батюшка?» — «Точно такъ», — отвѣтилъ я. Затѣмъ, объяснивъ ему мою предыдущую службу, схожую со службою отца, я уже готовъ былъ удалиться, какъ, вдругъ баронъ прервалъ меня словами: «быть можетъ, вы желаете имѣть хорошее содержаніе?» — «Совсѣмъ нѣтъ», — отвѣтилъ я: — «я человѣкъ небогатый, но вполне обеспеченный и могу служить безъ жалованья». Послѣднія слова, какъ мнѣ показалось, произвели на барона какое-то особое, точно магическое дѣйствіе, и, задумавшись на нѣсколько секундъ, онъ сказалъ: «государь недавно поручилъ мнѣ собирать матеріалы къ біографіи императора Николая Павловича, разрѣшивъ взять въ сотрудники нѣсколько чиновниковъ, и потому, если вы согласны состоять не въ какомъ либо министерствѣ, а лично при мнѣ по означенному порученію, то завтра же испрошу соизволеніе его величества на ваше опредѣленіе».

Испугавшись предложенія участвовать въ какихъ-то литературныхъ трудахъ, о которыхъ я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, я сконфузился и пробормоталъ: «но, ваше высокопревосходительство, я литературою не занимался, ничего не писалъ и могу, по неопытности и молодости, не угодить вамъ». — «Это ничего не значитъ, — возразилъ баронъ: — вы будете заниматься подъ моимъ личнымъ руководствомъ, и надѣюсь, что скоро свыкнетесь съ дѣломъ. Согласны ли вы?» — «Съ большимъ удовольствіемъ», какъ-то машинально и совсѣмъ уже необдуманно проговорилъ я и, конечно, только потому, что личность Модеста Андреевича вполне согласовалась съ тѣмъ типомъ начальника, о которомъ я мечталъ и котораго еще нигдѣ не встрѣчалъ.

Тѣмъ и кончилось мое первое свиданіе съ барономъ. Поблагодаривъ его за любезный пріемъ, я ушелъ отъ него, какъ бы отуманенный, не только его вѣжливостью, привѣтливостью и неожиданнымъ предложеніемъ, но даже и собственнымъ согласіемъ на принятіе какой-то не существовавшей должности, на которую я не имѣлъ никакого права вслѣдствіе моей молодости и моего плохого образованія. Сверхъ того, я сильно сомнѣвался, чтобы государь изъявилъ согласіе на возложеніе такихъ обязанностей на молодого человѣка, ничѣмъ не заявившаго себя въ литературномъ мірѣ...

На слѣдующій день, вечеромъ, я получилъ отъ В. И. Анненковой записку съ препровожденіемъ ко мнѣ письма къ ней барона, въ которомъ онъ извѣщалъ ее, для передачи мнѣ, что государь соизволилъ на назначеніе меня состоять лично при немъ по вышеупомянутому порученію ¹⁾).

Такимъ образомъ судьба моя быстро рѣшилась и, очевидно, по милости неожиданно оказавшейся въ Петербургѣ «бабушки, поворожившей мнѣ». Не скрою, что обрѣтеніе, спустя нѣсколько дней по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, безъ малѣйшихъ хлопотъ, подобной должности, подъ начальствомъ лица, близко стоявшаго къ государю, и безъ подчиненія разнымъ начальникамъ отдѣленій и директорамъ департаментовъ и прочимъ, было не только лестно для моего самолюбія, но и могло служить преддверіемъ моихъ будущихъ служебныхъ успѣховъ, если я... вотъ это-то «если» и тревожило меня!—я опасался, что, опрометчиво принявъ новую должность безъ малѣйшаго о ней понятія и безъ привычки къ подобнымъ, почти что литературнымъ занятіямъ, я легко могъ оказаться неспособнымъ и не оправдать ни рекомендаціи Анненковой, ни довѣрія барона Корфа, и, если въ то время что успокоивало меня, то единственно надежда на помощь Божію, которая никогда не покидала меня въ теченіе всей моей жизни.

Получивъ письмо отъ Вѣры Ивановны, я отправился къ ней поблагодарить ее за содѣйствіе къ моему опредѣленію на службу, а отъ нея къ барону Корфу съ изъясненіемъ такой же благодарности и просьбою о дозволеніи остаться въ Москвѣ на все время, необходимое для приготовленія къ перевозкѣ въ Петербургъ моего имущества. Баронъ, наговоривъ мнѣ массу любезностей и ободривъ относительно моей будущей службы, разрѣшилъ мнѣ остаться въ Москвѣ, сколько я пожелаю, прибавивъ, однако, что чѣмъ скорѣе вернусь, тѣмъ будетъ для него пріятнѣе.

Послѣдніе дни, проведенные мною въ Петербургѣ, прошли скоро

¹⁾ Впослѣдствіи я узналъ отъ барона Корфа, что государь согласился на мое опредѣленіе вслѣдствіе того, что я былъ сынъ писателя и человѣка, лично ему извѣстнаго.

и незамѣтно: я былъ приглашенъ на два обѣда и на одинъ балъ. Первый обѣдъ у извѣстнаго поэта Федора Ивановича Тютчева, совершенно семейный, прошелъ для меня весьма пріятно по милости блестящаго остроумія хозяина и любезности его почтенной супруги и трехъ милыхъ дочерей, изъ которыхъ Анна Федоровна¹⁾ была тогда ближайшею дворцовою фрейлиною императрицы Маріи Александровны. Не могу сказать того же самаго про другой обѣдъ, происходившій у графа Блудова. Обѣдъ этотъ остался мнѣ надолго памятнымъ тѣмъ, что за столомъ я сидѣлъ дуракъ-дуракомъ, не имѣя возможности принять участіе въ разговорѣ, веденомъ умными людьми: самимъ графомъ, его дочерью Антуанетю Дмитриевною и приглашенными двумя учеными профессорами. Темою разговора, къ моему конфузу, служилъ «славянскій вопросъ», а такъ какъ такой вопросъ, какъ и множество другихъ политическихъ вопросовъ, былъ въ то время для меня «terra incognita», то я слушалъ присутствующихъ, хлопая глазами, глупо улыбаясь и обнаруживая свое недостаточное образованіе...

Балъ, на который я былъ приглашенъ, былъ данъ княгинею Зенаидою Ивановною Юсуповою²⁾, съ которою я былъ еще знакомъ въ Москвѣ, куда она довольно часто пріѣзжала. Балъ былъ въ полномъ смыслѣ слова великолѣпный и роскошный, и я весело провелъ весь вечеръ по милости моего знакомаго москвича, князя Ивана Михайловича Голицына, проживавшаго въ Петербургѣ и на балѣ представившаго меня многимъ дѣвицамъ, которыя оказались тоже весьма любезными съ жителемъ Москвы.

Въ понедѣльникъ, на первой недѣлѣ поста, я распростился съ Петербургомъ, оставившимъ во мнѣ самое пріятное впечатлѣніе, и отправился обратно въ Москву.

Вернувшись на родину, невзирая на мое удовлетворенное самолюбіе, я снова сталъ сильно грустить при мысли о предстоящемъ разставаніи съ Москвою, могилою моихъ родителей, моими друзьями и даже просто знакомыми. Изъ послѣднихъ нѣкоторые ахали, удивляясь моему быстрому успѣху въ полученіи мѣста, и всѣ поздравляли меня. Друзья же мои, Полуденскій и Благово, глубоко скорбя о разставаніи со мною, находили, однако, что я благоразумно поступаю переходя на службу въ Петербургъ; только два человѣка сердились и дулись на меня: то были моя няня Анна Петровна и камердинеръ Андрей Петровичъ; они не могли помириться съ мыслью, что покидаютъ Москву и пересе-

¹⁾ Впослѣдствіи она вышла за Ивана Сергѣевича Аксакова и умерла вскорѣ послѣ кончины своего знаменитаго мужа.

²⁾ Вдова извѣстнаго богача князя Бориса Николаевича Юсупова, рожденная Нарышкина, родная сестра Дмитрія Ивановича Нарышкина. На старости лѣтъ она вышла замужъ за довольно молодого и ничтожнаго француза Шово, которому и купила графскій титулъ.

ляются въ какой-то, по ихъ мнѣнію, басурманскій городъ «Петербургъ», и «что за неволя,—говорили они:—мѣнять святую Москву на какую-то чухну! и нѣмцевъ-то тамъ много, и дороговизна-то страшная... охъ, не сплеховать бы намъ!»...

Не разъ приходило мнѣ въ голову, что, быть можетъ, они и правы, но дѣло сдѣлано, судьба рѣшена, и мнѣ оставалось только заняться укладкою моихъ вещей, что я исполнилъ въ теченіе поста, а, между тѣмъ, вышелъ высочайшій приказъ о назначеніи меня «состоять при статсъ-секретарѣ баронѣ Корфѣ по высочайше возложенному на него особому порученію».

Послѣ Пасхи, сдѣлавъ визиты моимъ родственникамъ и знакомымъ, чтобы проститься съ ними, я почувствовалъ такую грусть и тоску, что тогда же рѣшилъ недолго оставаться въ Петербургѣ, а, прослуживъ тамъ нѣсколько лѣтъ, вернуться въ Москву, съ тѣмъ, чтобы болѣе съ нею не разставаться. Таковы были мои тогдашніе и, какъ казалось мнѣ, рѣшительные планы, основанные, если не на разсудкѣ, то, во всякомъ случаѣ, на привязанности къ городу, гдѣ я родился, провелъ дѣтство, часть моей юности и оставлялъ близкихъ моему сердцу людей.

Я назначилъ мой отъѣздъ на 16-е апрѣля, и наканунѣ отправился на балъ къ графинѣ Закревской, радуясь возможности еще разъ провести вечеръ среди московскаго общества и окончательно распроститься съ моими юными пріятельницами, даже и тѣми, къ которымъ, со времени коронаціи, я не питалъ прежнихъ дружескихъ чувствъ. На этомъ балѣ друзья мои женскаго пола—Пашковы, Ростопчины, Талызины и Щербатовы, изъявляя сожалѣніе о моемъ отъѣздѣ, пожелали, каждая отдѣльно, вписать нѣсколько строкъ въ мой бумажникъ, на память о ихъ дружбѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ потребовали, чтобы я далъ имъ обѣщаніе пріѣзжать ежегодно въ Москву. Послѣ ужина я подошелъ проститься къ графу Закревскому, находившемуся въ одной изъ гостиныхъ вдвоемъ съ графомъ Андреемъ Ивановичемъ Гудовичемъ. Закревскій крѣпко обнялъ меня и перекрестивъ сказалъ: «дай Богъ тебѣ всякаго счастья, но не забывай Москвы, гдѣ мы любимъ тебя», а графъ Гудовичъ, покачавъ головою, сказалъ: «отчего не посоветовался со мною? зачѣмъ ѣдешь? повѣрь старику, карьеры не сдѣлаешь, потому что у тебя тутъ много», и, ткнувъ меня въ сердце, прибавилъ: «въ Петербургѣ это лишнее». Такое мнѣніе престарѣлаго придворнаго человѣка, хорошо знакомаго съ высшими, петербургскими административными сферами, хотя и показалось мнѣ нѣсколько страннымъ, но было лестно, какъ аттестація стараго пріятеля моего отца, открывшаго мнѣ, что гдѣ-то, въ моемъ сердцѣ, есть что-то многое и даже лишнее, чего, конечно, до той поры я и не подозревалъ.....

На другой день, утромъ, простившись съ прахомъ моихъ ро-

дителей, съ моими братьями и моею прислугою, остававшеюся въ Москвѣ до присканія мною квартиры въ Петербургѣ, я отправился на Николаевскую желѣзную дорогу и сѣлъ въ вагонъ въ надеждѣ, что, по моей просьбѣ, никто изъ родныхъ и друзей не явится провожать меня и не увидитъ моихъ непритворныхъ слезъ, по моей родной, дорогой Москвѣ..... но я ошибся: я плакалъ не одинъ,—со мною плакала и Лиза К.....а, пріѣхавшая на станцію, чтобы еще разъ пожать мою руку.....

XV.

Пріѣздъ въ Петербургъ.—Баронъ М. А. Корфъ.—Новая служба.—Мои товарищи.—Конногвардейскіе офицеры.—Балы Анненкова, Александрова и Мятлевой.—Княгиня Е. Д. Долгорукова.—Новая квартира.—Царское Село.—Семейство барона Корфа.—Мои занятія.—Награда.

17-го апрѣля, утромъ, я вышелъ изъ вагона Николаевской желѣзной дороги въ С.-Петербургѣ и отправился, согласно желанію князя Дмитрія Крапоткина, на его квартиру въ Конногвардейскія казармы, въ которой мой старый пріятель предложилъ мнѣ остаться до присканія мною квартиры.

Въ день моего пріѣзда погода стояла прекрасная, совершенно весенняя, и Петербургъ представился мнѣ во всей своей красѣ. По случаю дня рожденія государя въ этотъ день, вечеромъ, городъ былъ иллюминированъ, и хотя иллюминація оказалась неважною, однако широкій и прямой Невскій проспектъ, покрытый площадками и скаликами, далеко оставлялъ за собою иллюминаціи главныхъ улицъ Москвы въ подобные торжественные дни.

На другой день я поспѣшилъ явиться къ моему новому начальнику, барону Модесту Андреевичу Корфу, проживавшему въ Новоисаакіевской улицѣ, противъ самыхъ Конногвардейскихъ казармъ, въ обширномъ бельэтажѣ дома Труссона, имѣвшемъ на улицу 19-ть оконъ. Баронъ принялъ меня крайне любезно и, сказавъ, что съ нетерпѣніемъ ожидалъ моего пріѣзда, попросилъ захватить къ нему черезъ нѣсколько дней, дабы къ тому времени онъ могъ приготовить для меня работу, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ мнѣ, что я буду получать ежегодно содержаніе въ 720 рублей серебромъ ¹⁾.

¹⁾ Содержаніе это, въ различномъ размѣрѣ, какъ я тогда узналъ, назначалось всѣмъ сотрудникамъ барона по біографіи императора Николая I-го по его личному усмотрѣнію изъ 12 т. рублей, отпускавшихся ему на этотъ предметъ, по высочайшему повелѣнію, изъ суммъ кабинета его величества. Но, такъ какъ гораздо позднѣе мнѣ неоднократно приходилось слышать, что значительная часть изъ этой суммы присвоивалась барономъ себѣ за его тогдашнія работы по означенной

Поступивъ на новую должность безъ малѣйшей надежды на какое либо жалованье, я былъ немало обрадованъ назначеннымъ мнѣ содержаніемъ, которое, при петербургской дороговизнѣ, сравнительно съ Москвою, было для меня далеко не лишнее.

Не прошло и двухъ дней, какъ баронъ потребовалъ меня къ себѣ и, вручивъ 12 рукописныхъ томовъ воспоминаній генерала Левенштерна, писанныхъ по-французски, приказалъ мнѣ сдѣлать выдержки по-русски изъ всего, что въ нихъ относилось до царствованія Николая Павловича, и притомъ попросилъ сжигать всѣ мои черновыя и подъ честнымъ словомъ хранить тайну о всемъ, что втеченіе моей при немъ службы могу узнать изъ тѣхъ бумагъ и документовъ, которые будутъ у меня въ рукахъ. Давъ это слово, я тѣмъ самымъ преградилъ себѣ возможность съ кѣмъ либо подѣлиться интересными, по словамъ барона, еще неизвѣстными публикѣ данными, относившимися до царствованія императора Николая I-го ¹⁾.

До этого дня, не зная, въ чемъ будутъ состоять мои занятія, я, какъ уже выше сказалъ, сильно тревожился мыслью, что едва ли буду въ состояніи справиться съ предстоящими мнѣ почти литературными занятіями, а потому первый трудъ, возложенный на меня барономъ, показался мнѣ просто «манною небесною», спавшею на мою голову и сразу прекратившею всѣ опасенія относительно трудности моей должности. Безъ страха, но съ радостью и увлеченіемъ я принялся за первую мою работу.

Товарищами моими по службѣ оказались: священникъ Казанскаго собора о. Морошкинъ, Владиміръ Васильевичъ Стасовъ и нѣсколько бібліотекарей Публичной бібліотеки. Я познакомился съ Стасовымъ случайно, встрѣтивъ его у барона Корфа, а остальныхъ довольно долго не зналъ даже въ лицо, такъ какъ занятія наши, хотя и имѣвшія одну и ту же цѣль, не требовали никакихъ общихъ свиданій и совѣщаній, представляясь каждымъ изъ насъ отдѣльно на окончательную редакцію барона.

біографіи, то долгомъ считаю заявить, что слухи эти были чистѣйшею выдумкою, распространившеюся его недоброжелателями. Мнѣ доподлинно извѣстно, что остатокъ изъ 12 т., и при томъ значительный, оставшіяся ежегодно отъ раздачи содержанія сотрудникамъ барона, представлялся имъ на благоусмотрѣніе государя и затѣмъ всегда жаловался его величествомъ на нужды и новыя книжныя приобрѣтенія Императорской Публичной бібліотеки. Сверхъ того, весь расходъ по біографіи провѣрялся ежегодно государственнымъ контролеромъ, который и могъ бы засвидѣтельствовать, что баронъ не получалъ ни одной копейки изъ означенной суммы.

¹⁾ Собирая безостановочно съ 1857-го года по 1880-й годъ, почти по всѣмъ вѣдомствамъ и министерствамъ, матеріалы для біографіи императора Николая Павловича, я пришелъ къ заключенію, что взятое съ меня моимъ начальствомъ слово было совершенно излишне, такъ какъ я не нашелъ ни одного факта, который бы не былъ извѣстенъ всѣмъ русскимъ, даже и въ то время, столь еще близкое къ царствованію покойнаго государя.

Познакомившись съ однимъ товарищемъ по службѣ, я сдѣлалъ ему визитъ, но не могу не сознаться, что впечатлѣніе, произведенное имъ на меня, было не совсѣмъ въ его пользу.

Хотя онъ показался мнѣ умнымъ и весьма почтеннымъ человекомъ, но крайне рѣзкій тонъ его и какое-то снисходительное со мною обхожденіе не могли понравиться мнѣ: мнѣ казалось, что онъ смотритъ на меня, не какъ на своего товарища по службѣ, а какъ на какого-то молокососа, неизвѣстно почему попавшаго на равную съ нимъ должность! Можетъ быть, онъ и былъ правъ... по молодости своихъ лѣтъ, рассчитывая найти поддержку въ моихъ новыхъ сослуживцахъ и не встрѣтивъ въ первомъ изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, какъ мнѣ тогда казалось, ни малѣйшихъ признаковъ товарищества, я рѣшился до времени не знакомиться съ моими прочими сослуживцами, которые были, если не вдвое, то, во всякомъ случаѣ, несравненно старѣе меня. Господь съ ними!—подумалъ я,—пусть себѣ меня не знаютъ, оно, можетъ быть, и лучше...

Всѣ эти чиновники состояли при баронѣ такъ же, какъ и я, но, сверхъ того, имѣли опредѣленные мѣста, а слѣдовательно и присвоенные ихъ должностямъ мундиры и вицмундиры; я же, какъ не причисленный ни къ какому вѣдомству, не имѣлъ ни того, ни другого, а потому баронъ исходатайствовалъ у государя императора для меня ношеніе формы, присвоенной I-му Отдѣленію собственной его императорскаго величества канцеляріи, что, впрочемъ было распространено и на Стасова, какъ не считавшагося нигдѣ на службѣ, хотя ежедневно занимавшагося въ Публичной библиотекѣ наравнѣ съ ея библиотекарями.

Если по службѣ я не сблизился ни съ однимъ изъ моихъ товарищей, то, по временному жительству у конногвардейца Крапоткина, я перезнакомился почти со всѣми офицерами лейбъ-гвардіи Коннаго полка, а съ нѣкоторыми видался почти ежедневно, обѣдая и ужиная съ ними въ знаменитомъ въ то время французскомъ ресторанѣ Дюссо, находившемся на углу большой Морской и Кирпичнаго переулка. Не могу не отдать справедливости моимъ новымъ военнымъ знакомымъ въ томъ, что всѣ были молодые люди, благовоспитанные, милые и любезные, а самый полкъ, вмѣстѣ съ Кавалергардскимъ и Лейбъ-Гусарскимъ, считался однимъ изъ изящнѣйшихъ и фешёнебельныхъ изъ всѣхъ прочихъ кавалерійскихъ полковъ. Полковымъ командиромъ былъ незадолго передъ тѣмъ назначенъ свѣтлѣйшій (не только по имени, но и по своей личности) князь Владимиръ Дмитріевичъ Голицынъ, сынъ бывшаго московскаго главнокомандующаго князя Дмитрія Владимировича, а офицерами находились князья Голицыны, графы: Палены, Борхъ, Чернышевъ-Кругликовъ, Грохольскій; два брата Пушкины (сыновья поэта), Философовы, Позены, Мирковичи, Пашковъ, Кирѣевъ, Галаховъ, Кирьяковъ и многіе другіе. Повторяю, всѣ эти офицеры были люди

вполнѣ хорошіе, благородные, образованные и не склонные къ какимъ либо кутежамъ, отличавшимъ офицеровъ стараго времени. Хотя я былъ статскій и пригомъ тихій и скромный, но въ обществѣ такихъ военныхъ проводилъ время пріятно. Одно только въ скоромъ времени оказалось для меня неудобнымъ: молодежь эта была болѣе или менѣе богата, а я — нѣтъ, и потому ежедневные обѣды и ужины у Дюссо, обходившіеся недешево, обнаружили менѣе чѣмъ черезъ мѣсяць изрядную прорѣху въ моемъ карманѣ; не желая очутиться безъ денегъ или входить въ долги, я тотчасъ прекратилъ участіе въ этихъ трапезахъ и перешелъ на весьма скромные обѣды въ тогдашнемъ ресторанѣ малоизвѣстнаго Пфефера, находившагося тоже въ Малой Морской, и гдѣ питался хорошо, сытно и дешево, но въ одиночествѣ, не будучи знакомъ ни съ кѣмъ изъ посѣтителей этого ресторана, состоявшихъ преимущественно изъ небогатыхъ офицеровъ и разныхъ чиновниковъ.

Въ теченіе цѣлаго мѣсяца я пріискивалъ себѣ квартиру, продолжая жить у Крапоткина и посвящая утро заданной мнѣ Корфомъ работѣ, а вечера просиживая у дяди А. К. Загоскина или у В. И. Анненковой, которая попрежнему принимала меня не только любезно, но почти по-родственному. На ея ежедневныхъ, совершенно интимныхъ вечерахъ, главнымъ ораторомъ бывалъ мой московскій знакомый Болеславъ Михайловичъ Маркевичъ ¹⁾, незадолго передъ тѣмъ перешедшій на службу изъ Москвы въ Петербургъ. Своимъ умомъ, острогами, анекдотами и пѣніемъ онъ занималъ всѣхъ и подобно тому, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, скоро сдѣлался баловнемъ старыхъ и молодыхъ великосвѣтскихъ барынь.

Въ началѣ мая, Анненковы дали прекрасный балъ въ своемъ обширномъ помѣщеніи дома государственнаго контроля. Балъ этотъ, удостоенный присутствіемъ государя императора, отличался множественностью красивыхъ и хорошенекихъ женщинъ, но красота одной изъ нихъ просто поразила меня!.. Въ жизнь мою я не видалъ женщины болѣе красивой!—то была Наталья Александровна Дубельтъ, рожденная Пушкина, дочь нашего бессмертнаго поэта ²⁾... высокаго

¹⁾ На сестрѣ котораго былъ женатъ братъ В. И. Анненковой, Николай Ивановичъ Бухаринъ.

²⁾ Не задолго передъ тѣмъ она вышла замужъ за сына извѣстнаго генерала Дубельта, флигель-адъютанта Михаила Леонтьевича Дубельта. Но бракъ этотъ не былъ счастливъ, и въ послѣдствіи Наталья Александровна, получивъ разводъ, вступила въ морганатическій бракъ съ принцемъ Николаемъ Нассаускимъ (роднымъ племянникомъ великой княгини Елены Павловны). До своего перваго замужества, она была сильно влюблена въ князя Николая Алексѣевича Орлова, страстно ее любившаго и желавшаго на ней жениться, но отецъ его шефъ жандармовъ князь Алексѣй Федоровичъ не допустилъ этого брака, считая дочь Пушкина неподходящею невѣстою для своего сына!.. (Слышано мною отъ самой Натальи Александровны).

роста, чрезвычайно стройная, съ великолѣпными плечами и замѣчательною бѣлизною лица, она сіяла какимъ-то ослѣпительнымъ блескомъ. Несмотря на мало правильныя черты лица, напоминавшаго африканскій типъ ея знаменитаго отца, она могла назваться совершенною красавицею, и, если прибавить къ этой красотѣ умъ и любезность, то можно легко представить, какъ она была окружена на балахъ, и какъ около нея увивалась вся щегольская молодежь, а старички не спускали съ нея глазъ... я былъ представленъ ей пріятельницею ея, княжною Суворовою ¹⁾, и, къ великому моему удовольствію, дочь Пушкина подарила меня нѣсколькими привѣтливыми словами.

На этомъ балѣ я невольно вспомнилъ одинъ изъ эпизодовъ коронаціи, о которомъ я въ свое время упомянулъ,—презрительное отношеніе нѣкоторыхъ московскихъ дамъ къ московской молодежи. Увидавъ одну изъ моихъ московскихъ знакомыхъ, молодую красивую даму, у которой я нерѣдко бывалъ въ Москвѣ, я обрадовался встрѣчѣ съ нею и поспѣшилъ подойти къ ней... дама попятилась и на мой поклонъ едва кивнула головою. Удивленный и озадаченный ея кивкомъ, я спросилъ ее, узнала ли она меня. Кивнувъ снова слегка головою и не промолвивъ ни слова, она быстро удалилась. Вотъ тебѣ разъ!—подумалъ я:—да что же это такое?—Теперь не коронація, мы не въ Москвѣ, а оба въ Петербургѣ, на одномъ и томъ же балѣ, и, казалось бы, нечего москвичкѣ стыдиться своихъ старыхъ знакомыхъ. Дама эта, извѣстная въ московскомъ обществѣ подъ своимъ маленькимъ именемъ съ прибавкою слова «ла», только что тогда пріѣхала изъ Москвы на постоянное жительство въ Петербургъ и, по всему вѣроятію, опасалась выказать предъ своими новыми аристократическими знакомыми свое знакомство съ простымъ смертнымъ изъ неважныхъ москвичей,—другой причины не было. Но еще забавнѣе было то, что мужъ ея, увидавъ меня, кинулся ко мнѣ и сталъ просить навѣщать его домъ... Конечно, я къ нему не поѣхалъ и позднѣе, встрѣчаясь съ его женою на балахъ, пересталъ ей кланяться, что, безъ сомнѣнія, доставило ей немалое удовольствіе.

Въ теченіе бала я былъ представленъ хозяйкою дома двумъ пожилымъ дамамъ, княгинѣ Екатеринѣ Дмитріевнѣ Долгоруковой, рожденной княжнѣ Голицыной, и Аннѣ Александровнѣ Александровой, рожденной княжнѣ Щербатовой. Первая, хорошо знавшая въ 20-хъ годахъ моего покойнаго отца, служившаго тогда при ея родителяхъ, князѣ Дмитріи Владимировичѣ, наговоривъ мнѣ много лестнаго о батюшкѣ, пригласила меня посѣщать ее по воскресеньямъ, вечеромъ, а вторая, о которой я уже однажды упомянулъ,

¹⁾ Дочь генераль-адъютанта князя Александра Аркадьевича Суворова, внука генералиссимуса.

описывая семейство ея брата, князя Николая Александровича Щербатова, любезно пригласила меня на свой балъ, долженствовавшій быть черезъ нѣсколько дней послѣ бала Анненковыхъ.

Княгиня Е. Д. Долгорукова, жена оберъ-шенка князя Николая Васильевича, внука знаменитаго князя Долгорукова-Крымскаго, была женщина уже весьма почтенныхъ лѣтъ съ добрѣйшимъ, веселымъ и симпатичнымъ лицомъ, на которомъ, несмотря на ея года, постоянно игралъ совершенно юношескій румянецъ и несомнѣнно ея собственный. Она одѣвалась не по-модному, была до крайности проста въ обращеніи и, сохранивъ манеры и привычки аристократическихъ дамъ стараго покроя, принимала у себя своихъ знакомыхъ съ величайшимъ радушіемъ, не дѣлая никакого различія между какимъ либо сановникомъ и неважнымъ посѣтителемъ ея дома¹⁾.

Мужъ ея, въ то время, старикъ лѣтъ 70-ти, страдавшій постоянно подагрой, почти не выходилъ изъ дома, мало разговаривалъ и былъ простой, добрѣйшій человекъ безъ малѣйшей гордости и чванства, а своими вкочленными бѣлыми волосами, оловянными тусклыми глазами и гладко выбритымъ лицомъ напоминалъ портреты придворныхъ старцевъ начала нынѣшняго столѣтія.

Долгоруковы занимали на Гагаринской набережной двухъэтажный довольно большой домъ, но плохо меблированный, безъ малѣйшей роскоши²⁾. Еженедѣльно, по воскресеньямъ, вечеромъ, они принимали многочисленныхъ своихъ родныхъ и нѣкоторыхъ знакомыхъ, большею частью престарѣлыхъ, и изъ самаго высшаго круга, въ которомъ у нихъ близкими родственниками, кромѣ Долгоруковыхъ и Голицыныхъ, были Васильчиковы, Барятинскіе, Кочубеи, Мятлевы, Чернышевы, Строгоновы, однимъ словомъ почти всѣ представители тогдашней петербургской аристократіи. У Долгору-

¹⁾ Въ доказательство этихъ словъ приведу одинъ случай, которому, много лѣтъ спустя, я былъ личнымъ свидѣтелемъ. Посѣтивъ однажды утромъ княгиню, я засталъ у нея одного пожилого титулованнаго богача-аристократа, извѣстнаго въ обществѣ великою своею гордостью и недоступностью. Вскорѣ, послѣ моего прихода, вошелъ молодой человекъ Б., весьма хорошей, старинной, дворянской фамиліи, пріѣхавшій на время въ Петербургъ изъ провинціи и давно знакомый съ Долгоруковыми. Княгиня представила его своему сіятельному гостю, который, поблагодаривъ кивнуть ему головой и надѣвъ на носъ пенсне, пылливо сталъ осматривать его. По удаленіи Б., богачъ обратился къ хозяйкѣ съ слѣдующими словами: «*est-ce que ce monsieur est un homme comme il-faut?*» — Княгиня вспыхнула и гнѣвно отвѣтила: «*Sachez, monsieur, que quand je reçois quelcun chez moi, — il est autant comme il faut que vous et même, peut-être, plus.*» Гость сконфузился, что-то пробормоталъ и удалился.

²⁾ Домъ этотъ, если не ошибаюсь, принадлежалъ тогда генералу Кокошкину, и въ немъ въ 20-хъ годахъ жилъ и въ 1828 году застрѣлился шталмейстеръ князь Андрей Павловичъ Гагаринъ (родной братъ извѣстнаго предсѣдателя государственнаго совѣта князя Павла Павловича), женатый на княжнѣ Меньшиковой.

ковыхъ былъ одинъ сынъ и три дочери ¹⁾, изъ которыхъ меньшая Марія была, въ то время, дѣвицею; милая, любезная, она много способствовала къ оживленію старческихъ вечеровъ ея родителей.

Анна Александровна Александрова, жена генераль-адъютанта Павла Константиновича, была въ свое время извѣстною красавицею и даже въ зрѣлые годы, когда я съ нею познакомился, сохранила еще правильныя черты и замѣчательно доброе выраженіе лица. Слыхавъ еще въ Москвѣ о многихъ наивныхъ продѣлкахъ ея языка, впрочемъ вовсе не злостнаго, я въ первый же мой визитъ къ ней самъ лично убѣдился. Въ то время, какъ я сидѣлъ у Александровой вмѣстѣ съ нѣсколькими лицами, ее посѣтившими, она обратила вниманіе присутствующихъ на два портрета, висѣвшіе въ ея кабинетѣ, объясняя, что то были портреты родителей ея мужа. Не знаю, какъ другимъ, но мнѣ показалось такое объясненіе не только лишнимъ, но даже и неумѣстнымъ, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что отцомъ Александрова былъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, а матерью жена фельдгегера Фридрихъ.

Единственная дочь Александровыхъ, довольно красивая, но черезчуръ полная, была въ то время дѣвицею ²⁾ милою и доброю, но слишкомъ болтливою, въ болтовнѣ своей шедшею по стопамъ своей родительницы.

Воспользовавшись приглашеніемъ Анны Александровны, я былъ у нея на балѣ въ ея прекрасномъ домѣ на Большой Морской ³⁾, гдѣ встрѣтилъ почти то же самое общество, какъ и у Анненковыхъ. На этомъ балѣ я представился только одной дѣвицѣ Маріи Александровнѣ Пушкиной, къ которой влекло меня уже то, что она была сестрою Н. А. Дубельтъ, т. е. дочерью Александра Сергѣевича Пушкина. Хотя она не отличалась никакою красотою и даже не имѣла ничего схожаго съ лицомъ своего отца, но умные выразительные глаза и простота въ обращеніи со всѣми неволью привлекали къ ней молодежь.

Послѣ бала Александровыхъ, я былъ приглашенъ на балъ престарѣлой статсъ-дамы Прасковьи Ивановны Мятлевой. Коротко зная еще въ Москвѣ внука ея, конногвардейскаго офицера Александра Александровича Галахова, я черезъ него получилъ приглашеніе на балъ къ его бабушкѣ.

85-ти-лѣтняя Прасковья Ивановна, дочь фельдмаршала князя Салтыкова, была въ то время едва ли не единственная фрейлина императрицы Екатерины II-й, остававшаяся въ живыхъ, и по

¹⁾ Старшая была за Нарышкинымъ, вторая за графомъ Толемъ, а меньшая за статсъ-секретаремъ Борисомъ Павловичемъ Мансуровымъ.

²⁾ Позднѣе она вышла за князя Дмитрія Александровича Львова, чрезвычайно красиваго молодого человѣка, окончившаго, къ сожалѣнію, свою жизнь умопомѣшательствомъ.

³⁾ Домъ принадлежитъ теперь германскому посольству.

своему общественному положенію, богатству, уму и рѣдкимъ душевнымъ качествамъ считалась въ Петербургѣ одною изъ самыхъ уважаемыхъ престарѣлыхъ дамъ. Старинный домъ ея на Исаакиевской площади былъ постояннымъ средоточіемъ со временъ императора Александра I-го всего, что Петербургъ представлялъ знатнаго, умнаго и изящнаго, особенно при жизни сына ея Ивана Петровича, прозваннаго въ обществѣ «Ишкою» и который сдѣлался извѣстенъ своею книгою подъ названіемъ. «Похожденія г-жи Курдюковой за границую». Въ описываемое мною время, Мятлева жила болѣе уединенно и только изрѣдка давала балы для своихъ многочисленныхъ внучекъ.

Явившись на балъ, я засталъ Прасковью Ивановну за карточнымъ столомъ игравшею съ тремя партнерами. Старческое лицо ея, умное и строгое, но не красивое поразило меня. Стекланные глаза и большого размѣра горбатый носъ придавали ей видъ какого-то стараго попугая, на которомъ былъ надѣтъ огромный древняго покроя чепецъ съ бантами и лентами оранжеваго цвѣта. Когда я былъ ей представленъ Галаховымъ, то старушка, положивъ карты на столъ и какъ-то странно взглянувъ на меня, грубымъ голосомъ проговорила: «Статскій? а я думала, что военный? какъ это у моего внука, офицера, пріятели статскіе—странно!»—и затѣмъ снова принялась за карты.

Я, не обративъ вниманія на ея мало любезное привѣтствіе и очень веселился на ея балѣ, гдѣ уже набралось достаточно у меня знакомыхъ, и гдѣ вся обстановка носила отпечатокъ старины,—даже большая часть прислуги была до того пожилая, что казалась сверстницею самой хозяйки.

Этими тремя балами окончились мои свѣтскіе выѣзды весною 1857 года, но я счелъ долгомъ о нихъ упомянуть, такъ какъ они послужили какъ бы преддверіемъ моего вступленія въ петербургское общество, которое въ скоромъ времени благосклонно приняло меня въ свою среду, какъ сына автора «Юрія Милославскаго», о которомъ память въ Петербургѣ въ то время была еще свѣжа.

Въ продолженіе первыхъ трехъ недѣль, проведенныхъ мною въ Петербургѣ, я прискивалъ себѣ квартиру, но находилъ цѣны чрезмѣрно высокими, особенно въ сравненіи съ московскими. Привыкнувъ въ Москвѣ жить въ хорошемъ помѣщеніи, мнѣ, конечно, не хотѣлось занять квартиру маленькую на дворѣ или въ поднебесьѣ, и, наконецъ, послѣ многихъ мытарствъ, я нанялъ на Моховой въ бельэтажѣ дома адмирала Мелихова прекрасную квартиру съ конюшнею и сараемъ за 750 рублей сер. Огромный домъ Мелихова не отличался никакимъ новомоднымъ комфортомъ, въ то время еще мало извѣстнымъ, но содержался чисто и опрятно и потому былъ занятъ жильцами, болшею частью состоятельными и хорошихъ фамилій, въ числѣ которыхъ находились и мои пріятели

братья Давыдовы, Николай и Василий Евдокимовичи, первый кавалергардскій офицеръ, а второй преображенскій, проживавшіе съ своею матушкою Екатериною Николаевною Давыдовою. Сосѣдство съ ними составляло для меня немалую приманку для найма этой квартиры, которая цѣною, однако, превышала мой обычный квартирный бюджетъ.

15-го мая, въ день моего рожденія, я былъ обрадованъ возможностью переѣхать въ мою квартиру, такъ какъ наканунѣ прибыла изъ Москвы моя прислуга, моя мебель, лошади и экипажи. На первое время я устроился кое-какъ, потому что не имѣлъ возможности приступить къ окончательной отдѣлкѣ моего помѣщенія вслѣдствіе значительной траты денегъ, глухо брошенныхъ на обѣды и ужины у Дюссо.

Имѣя своего повара, я сталъ обѣдать дома, и по тогдашнимъ цѣнамъ обѣдъ изъ трехъ блюдъ никогда не превышалъ 1 руб. 50 коп. или 2-хъ рублей,—блаженное время!—все было дешево и хорошо; съ малыми средствами можно было жить въ Петербургѣ прилично, а въ Москвѣ почти роскошно...

Поселившись у себя, я сталъ усердно заниматься работою и вскорѣ, составивъ цѣлый томъ изъ воспоминаній генерала Левенштерна, со включеніемъ въ него всего относившагося до жизни императора Николая I-го, повезъ мой первый трудъ къ барону Корфу, проживавшему лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ.

До того времени, со дня врученія мнѣ занятій, баронъ пригласилъ меня къ себѣ только разъ и то для обзора первыхъ листовъ моей работы и дальнѣйшаго руководства ею. Получивъ ихъ отъ него обратно безъ малѣйшихъ поправокъ, я вправѣ былъ полагать, что представленный ему цѣлый томъ составленъ согласно его желанію, и потому уже впередъ вкушала всю прелесть начальнической похвалы, не только за мой слогъ, но и за передѣлку на русскій ладъ французскихъ воспоминаній нѣмца Левенштерна. Передавъ мою работу Модесту Андреевичу, я остался у него недолго и получилъ приглашеніе посѣтить его черезъ нѣсколько дней, чтобы познакомиться съ его супругою и съ семействомъ и вмѣстѣ съ ними отобѣдать.

Обрадованный такою любезностью моего начальника, я поспѣшилъ въ первый воскресный день воспользоваться его приглашеніемъ, въ надеждѣ ближе съ нимъ познакомиться и послушать умныхъ рѣчей этого члена государственнаго совѣта, столь извѣстнаго въ то время въ совѣтѣ своимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Принятый супругою барона Ольгою Θεодоровною и дочерью ихъ, вдовою Григоровой, не какъ новый чиновникъ барона, а какъ старый ихъ добрый пріятель, я немало былъ удивленъ такимъ радушіемъ петербургской семьи, притомъ нѣмецкаго происхожденія, и не зналъ, чему приписать подобную любезность, и только вскорѣ,

сдѣлавшись частымъ ихъ посѣтителемъ, я убѣдился, что чета Корфовъ дѣйствительно отличалась рѣдкимъ радушіемъ настоящихъ русскихъ гостепріимныхъ людей, для которыхъ положительно каждый изъ гостей ихъ дѣлался для нихъ «дорогимъ гостемъ».

Ольга Ѳеодоровна, рожденная баронесса Корфъ, приходилась своему мужу двоюродною сестрою и даже вдвойнѣ, такъ какъ отцы ихъ были родные братья, а матери родныя сестры Смирновы, и при томъ послѣднія православныя, вслѣдствіе чего Модестъ Андреевичъ и жена его были тоже православными, и, конечно, бракъ ихъ не могъ считаться правильнымъ, но такъ какъ никто, никогда и никому не заявлялъ о близкомъ ихъ родствѣ, то въ 1857 году они уже праздновали свое счастливое, безмятежное 30-ти-лѣтнее супружество. Въ это время баронесса была 47 лѣтъ. Некрасивая собою и мало свѣтская, но умная и образованная, она отличалась замѣчательною добротою и любовью къ ближнему. Не имѣя никакого состоянія, кромѣ содержанія своего мужа (впрочемъ весьма значительнаго), которымъ она распоряжалась по своему усмотрѣнію, она много и постоянно помогала неимущимъ и всячески старалась улучшить, чѣмъ только могла, ихъ участь. Основаніемъ этого прекраснаго чувства были необыкновенная сердечная теплота и глубокая вѣра истинной христіанки.

Старшая дочь, Марія Модестовна, вдова артиллерійскаго офицера Фригорова, проживала у своихъ родителей вмѣстѣ съ своею малолѣтнею дочерью. Она была очень маленькаго роста, некрасива и нѣсколько кривобока, но глубокій умъ ея, замѣчательная начитанность и любезность дѣлали изъ нея самую пріятную собесѣдницу. У Корфовъ были еще двѣ дочери, Ольга и Елена, и сынъ Модестъ. Первая была въ то время лѣтъ двѣнадцати, а вторая совсѣмъ еще маленькая. Четырнадцатилѣтній сынъ ихъ былъ пріятный, кроткій и чрезвычайно симпатичный мальчикъ, весьма похожій лицомъ на своего отца¹⁾.

¹⁾ Модестъ Модестовичъ черезъ нѣсколько лѣтъ поступилъ въ университетъ, но, не желая продолжать занятія вслѣдствіе постоянныхъ тогдашнихъ безпорядковъ, поступилъ на службу въ канцелярію государственнаго секретаря. По милости св. его отца, онъ быстро пошелъ по службѣ и въ очень молодыхъ годахъ былъ уже статскимъ совѣтникомъ и въ должности гофмейстера высочайшаго двора, но сдѣлавшись еще при жизни своего отца (умершаго 2-го января 1876 года) послѣдователемъ ученія извѣстнаго лорда Редстока и впоследствии женившись на дѣвицѣ Шулепниковой, послѣдовательницѣ того же ученія, сдѣлался ярымъ «пашковцемъ» и проповѣдникомъ этого направленія. Не желая прекратить свои проповѣди въ Петербургѣ и вообще въ Россіи, онъ былъ принужденъ оставить свое отечество и поселиться за границу. Отдавая полную справедливость его христіанскимъ чувствамъ, рѣдкой добротѣ и безукоризненно добродѣтельной жизни, можно отъ души пожалѣть, что, увлекшись ученіемъ, несоответственнымъ основамъ православной церкви, онъ не пришелъ къ сознанію своей ошибки и не пожелалъ прекратить свои проповѣди.

Пробывъ въ первый разъ цѣлый день у моего начальника, я подь впечатлѣніемъ радушія и гостепріимства его семейства охотно принялъ совѣтъ барона переѣхать на лѣто въ Царское Село, находившаго, что гораздо пріятнѣе провести мнѣ лѣто на дачѣ и, сверхъ того, заниматься подь ежедневнымъ его личнымъ руководствомъ, чѣмъ, оставаясь въ Петербургѣ, изрѣдка видѣться съ нимъ.

Черезъ нѣсколько дней, пріискавъ себѣ маленькую квартиру напротивъ дачи барона Корфа, я тотчасъ переѣхалъ въ нее, взявъ съ собою только человѣка.

Царское Село, любимое мѣстопробываніе императора Александра Николаевича ¹⁾, находилось тогда подь главнымъ начальствомъ генерала отъ артиллеріи Захаржевскаго. Генералъ этотъ, престарѣлый, но бодрый инвалидъ, потерявшій на полѣ брани одну ногу, завѣдывалъ Царскимъ Селомъ съ давнихъ лѣтъ, любилъ его и заботился о немъ, какъ о своемъ родномъ дѣтищѣ. Такого царскосельскаго блюстителя порядка до него и послѣ него не существовало. Всѣ зданія, оранжереи, паркъ, сады и самыя улицы отличались безукоризненною чистотою и, можно прибавить, какое-то казарменною выправкою, такъ какъ все протягивалось по стрункѣ, глядѣло чѣмъ-то форменнымъ, даже самыя деревья и цвѣтники, казалось, росли и цвѣли не по волѣ природы, а согласно разъ навсегда утвержденной дисциплинѣ начальникомъ Царскаго Села... Гуляя по нѣсколько разъ въ день въ паркѣ, онъ тщательно осматривалъ аллеи и дорожки, и Боже сохрани, если гдѣ находилъ клочекъ бумажки или апельсинную корку! — приказавъ ихъ убрать, онъ неистово накидывался на всѣхъ садовниковъ, обѣщая имъ чуть ли не кару небесную за найденный имъ беспорядокъ. Но что въ Царскомъ Селѣ было чрезвычайно плохо, это освѣщеніе, состоявшее изъ масляныхъ фонарей или вѣрнѣе едва мерцавшихъ лампадъ. Впрочемъ, въ то время и петербургскія улицы, не говоря уже о переулкахъ, плохо освѣщались и большею частью такими же фонарями, и потому Захаржевскій тутъ былъ не при чемъ.

Царское Село въ первые дни моего тамъ пребыванія произвело на меня прекрасное впечатлѣніе, но вскорѣ показалось мнѣ, за исключеніемъ прогулки около озера, черезчуръ монотоннымъ: идешь въпродолженіе цѣлаго часа по чуднымъ аллеямъ парка и не встрѣтишь никого, все чисто, прилизано, а публики никакой, и только встрѣтишь блюстителей порядка надзиравшихъ за благонравіемъ рѣдкихъ любителей пустынныхъ прогулокъ, да разныхъ рабочихъ, усердно подметавшихъ дорожки и аллеи обширнаго парка. Зато вокругъ озера и особенно на одной площадкѣ у пристани, про-

¹⁾ Его величество до того любилъ Царское Село, что однажды, уѣзжая оттуда на время, сказалъ барону Корфу: «когда уѣзжаю изъ Царскаго, то радуюсь мысли, что снова туда вернусь».

тивъ верфи, можно было раза два въ день въ извѣстные часы видѣть весь царскосельскій лѣтній *beau monde*, нетерпѣливо ожидавшій видѣть проѣзжавшаго или проходившаго тамъ въ эти часы государя.

Переѣхавъ на все лѣто въ Царское Село и не имѣя у себя обѣда, я получилъ приглашеніе барона ежедневно приходиться въ 4 часа къ его трапезѣ. Хотя предложеніе это было облечено въ самую любезную форму и, какъ будто, вслѣдствіе того, что въ Царскомъ не было порядочныхъ ресторановъ, а отправляться ежедневно обѣдать въ Павловскій вокзалъ было бы не совсѣмъ удобно, но, не имѣя возможности отказаться отъ такого гостепріимнаго приглашенія, я долженъ сознаться, что оно было для меня стѣснительнымъ и не совсѣмъ приятнымъ, такъ какъ, не бывъ никогда и ни у кого нахлѣбникомъ, мнѣ не хотѣлось находиться въ этой роли въ домѣ моего начальника, и потому, съ первыхъ же дней моего пребыванія въ Царскомъ Селѣ, я придумалъ способъ обѣдать у него только три или четыре раза въ недѣлю, уѣзжая въ другіе дни къ обѣду и на весь вечеръ въ Петербургъ, подъ предлогомъ, впрочемъ, довольно основательнымъ, что нужно было проѣзжать моихъ лошадей и, сверхъ того, навѣщать моихъ знакомыхъ, проживающихъ въ Петербургѣ или въ окрестностяхъ его.

Что касается до моей работы, то баронъ, продержавъ ее нѣсколько времени, вернулъ мнѣ обратно съ изъявленіемъ своей благодарности за первый мой «прекрасный», по его выраженію, трудъ и въ виду моего четкаго почерка попросилъ меня переписать его набѣло для представленія государю. Обрадованный успѣшнымъ началомъ моихъ занятій, я полюбопытствовалъ посмотрѣть на сдѣланныя барономъ исправленія и къ ужасу моему увидалъ, что имъ исправлены не выраженія, но и цѣлыя страницы... Вотъ такъ «прекрасная» работа!—подумалъ я,—что же это? насмѣшка?—хвалить работу, когда нужно было ее такъ исправить. Недоуживая, къ чему отнести незаслуженную похвалу, я на другой же день извинился передъ моимъ начальникомъ въ томъ, что не сумѣлъ угодить ему, заставивъ его трудиться надъ исправленіемъ моей работы, обѣщая на будущее время руководиться всѣми его исправленіями. «Какъ не угодили?—отвѣтилъ онъ:—работа прекрасная, и я исправилъ кое-гдѣ только слогъ, а слогъ дѣло вкуса; покажите мои поправки другому, и онѣ, можетъ быть, въ свою очередь, будутъ имъ исправлены».

Это «кое-гдѣ» и вообще отвѣтъ барона показали мнѣ не совсѣмъ искренними, и я отнесъ объясненія его единственно къ замѣчательной деликатности этого знатока русскаго языка, а также и къ желанію поощрить меня съ первыхъ же дней моихъ занятій ¹⁾.

¹⁾ Впослѣдствіи я достигъ того, что мои работы возвращались мнѣ почти безъ поправокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ я убѣдился на дѣлѣ, что деликатность ба-

Въ исходѣ іюня я окончилъ переписку набѣло моего труда, который былъ переплетенъ въ юфть съ заглавіемъ: «Матеріалы и черты къ біографіи императора Николая I и исторіи его царствованія», и тотчасъ представленъ барономъ государю.

Послѣ того, дня черезъ два, Модестъ Андреевичъ вручилъ мнѣ собственноручную переписку Николая Павловича съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ за время начала царствованія императора до дня кончины цесаревича.

Переписка эта, хранившаяся въ личномъ кабинетѣ государя Александра Николаевича, въ высшей степени интересная, дана мнѣ была для классификаціи ея по годамъ, числамъ, вопросамъ и отвѣтамъ и для переписки ея набѣло, такъ какъ почеркъ Константина Павловича былъ крайне неразборчивый, похожій на какія-то палочки, кавычки и точки. Августѣйшіе братья переписывались между собою на французскомъ языкѣ. Письма государя, весьма мелко, но чрезвычайно разборчиво писанныя, отличаясь прекраснымъ французскимъ языкомъ, грѣшили множествомъ орфографическихъ ошибокъ, но въ нихъ вылились, такъ сказать, все благородство, вся душа и вся любовь его къ своему старшему брату. Письма же послѣдняго своимъ тяжелымъ слогомъ, глубокомысленными разсужденіями и постоянными изъявленіями почтительной преданности къ своему повелителю казались нѣсколько напыщенными и мало походили на родственную, задушевную переписку.

Несмотря на весь интересъ этой переписки, разборъ почерка цесаревича составлялъ громадный трудъ, требовавшій частаго употребленія лупы, и только черезъ нѣкоторое время, изучивъ разныя буквы, не походившія на то, что должны были изображать, я могъ приняться за переписку этихъ писемъ набѣло.

Въ концѣ августа, навѣщая почти ежедневно барона, я однажды былъ имъ встрѣченъ слѣдующимъ вопросомъ: «Какого вы чина, Сергѣй Михайловичъ?»—«Коллежскій секретарь»,—отвѣтилъ я, удивленный, что мой начальникъ не знаетъ чина своего близкаго подчиненнаго. «Извините,—сказалъ баронъ,—съ сегодняшняго утра вы титулярный совѣтникъ, я сегодня былъ у государя и исходатайствовалъ вамъ этотъ чинъ за отличіе». Затѣмъ, обнявъ меня, прибавилъ, что, прослуживъ всего 8 мѣсяцевъ въ чинѣ коллежскаго секретаря, я навѣрно оцѣню эту награду настолько, насколько онъ

рона Корфа доходила до крайнихъ предѣловъ, и вотъ тому примѣръ. Однажды баронъ, исправивъ работу одного изъ моихъ товарищей, не вручилъ ее ему обратно, какъ то всегда дѣлалъ, а попросилъ меня передать писарю для переписки, но съ тѣмъ, чтобы черновые листы по перепискѣ были возвращены ему лично. Удивленный такою процедурою, до того времени ни съ кѣмъ не практиковавшейся, я спросилъ о томъ барона, который, улыбаясь, отвѣтилъ: «Я такъ передѣлалъ работу NN, что почти не осталось ни одного его слова, а потому не желаю огорчить его, показавъ ее ему въ такомъ видѣ».

самъ оцѣнилъ мои первые труды. Поблагодаривъ отъ всего сердца Модеста Андреевича, я чрезвычайно обрадовался моему новому чину, который, какъ я уже выше упомянулъ въ моихъ воспоминаніяхъ, мнѣ слѣдовало получить даже за отличіе не ранѣе, какъ черезъ шесть лѣтъ. Награда эта со дня поступленія моего на службу была первою, которая дѣйствительно была мнѣ пріятна и полезна, и вмѣстѣ съ тѣмъ подала надежду, что служба въ Петербургѣ, особенно при такомъ начальникѣ, какъ баронъ Корфъ, можетъ современемъ доставить мнѣ видную должность. Несмотря на мою радость и свѣтлыя ожиданія, я, однако, вполнѣ сознавалъ, что легкія и не головоломныя мои занятія не заслуживали ни малѣйшей награды, въ чемъ, впрочемъ, былъ согласенъ и мой старый камердинеръ Андрей Петровичъ, который, не имѣя никакого понятія о маленькихъ гражданскихъ чинахъ, узнавъ, что мнѣ пожалованъ чинъ, равный «капитану», воскликнулъ: «Какъ, въ прошломъ году вы были прапорщикомъ, а теперь капитаномъ?» и, покачавъ головою, прибавилъ: «что-то странно! и за что? подумаешь, что не папенька, а вы сочинили Юрія Милославскаго!». Хотя таково было мнѣніе старика, но я замѣтилъ, что чинъ мой доставилъ ему удовольствіе, и онъ не безъ гордости и не разъ повторялъ остальной моей прислугѣ: «что, а вѣдь баринъ-то попалъ въ совѣтники!».

По окончаніи мною переписки вышеупомянутыхъ писемъ, баронъ поручилъ мнѣ собрать всѣ собственноручныя резолюціи императора Николая Павловича по дѣламъ комитета министровъ.

Явившись въ канцелярію комитета, куда уже было послано извѣщеніе о моей туда командировкѣ, я обратился къ одному изъ пожилыхъ чиновниковъ канцеляріи, экспедитору, дѣйствительному статскому совѣтнику Демидовскому, съ объясненіемъ ему моей личности. Онъ тотчасъ объявилъ мнѣ, что всѣ журналы комитета за царствованіе Николая Павловича приготовлены для меня и по мѣрѣ надобности могутъ быть выдаваемы мнѣ на домъ. Во время разговора чиновникъ этотъ, съ вида весьма важный, не разъ какъ-то насмѣшливо поглядывалъ на висѣвшую у меня въ петлицѣ вызолоченную медаль за крымскую кампанію и наконецъ рѣшился сказать: «молодой человекъ, зачѣмъ позолотили медаль? — не хорошо, вы статскій, и у васъ должна быть медаль изъ темной бронзы». На отвѣтъ мой, что я былъ въ ополченіи, что, впрочемъ, онъ могъ замѣтить по ополченскому кресту на моемъ вицмундирѣ, и что я ношу ту медаль, которую получилъ, старикъ отвѣтилъ: «ну, это—дѣло другое, а я подумалъ, что вы по молодости лѣтъ позолотили ее ради красоты».

Неожиданная мораль г. Демидовскаго показалась мнѣ совершенно неумѣстною, и предположеніе его, что титулярный совѣтникъ можетъ позолотить свою медаль,—даже обиднымъ... Вслѣдъ затѣмъ я получилъ подъ мою росписку нѣсколько объемистыхъ перепле-

тенныхъ томовъ журналовъ комитета министровъ. Но, находя неудобнымъ возить ихъ съ собою въ Царское Село, я переѣхалъ въ Петербургъ и сталъ заниматься дома, посвящая свободное время устройству моей квартиры.

Занятія мои состояли въ томъ, что мнѣ приходилось списывать высочайшія резолюціи и дѣлать извлеченія изъ тѣхъ статей журналовъ, по которымъ онѣ послѣдовали, а такъ какъ извлеченія должны были составляться очень кратко, но совершенно ясно и съ указаніемъ на всѣ обстоятельства, имѣвшія какое либо отношеніе къ резолюціямъ, то въ началѣ занятія эти были не совсѣмъ легки, но очень скоро, руководствуясь прежними поправками барона, я добился краткости и ясности, вполне соответствующихъ желанію барона.

С. М. Загоскинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НЕДАВНЯЯ СТАРИНА.

Забытая деревня.

(Изъ воспоминаній моего отца).

I.

ОКРУГЪ нашей деревни холера 18³⁴ г. все усиливалась. Съ поразительною быстрою она перебирала село за селомъ, гдѣ буквально не успѣвали хоронить мертвыхъ. Безконечный ужасъ охватилъ населеніе. Всѣ сосѣдніе помѣщики поразѣхались.

Только наше семейство еще отсиживалось въ усадьбѣ, вокругъ которой день и ночь жгли костры изъ навоза, поливая его смолою и дегтемъ.

Тетушка Марья Андреевна, родная сестра нашего покойнаго отца и наша опекунша, еще надѣялась принести населенію пользу и своими лѣкарствами, и вообще своимъ присутвіемъ. Но, убѣдившись въ своемъ полномъ безсиліи, наконецъ, и она уступила совѣтамъ ее окружавшихъ: «спасти малолѣтнихъ», то-есть меня—Левочку, десятилѣтняго шалунишку, моего младшаго брата Николая и сестру Адель.

Рѣшено было ѣхать изъ нашего Богородицкаго, что было въ Щигровскомъ уѣздѣ ¹⁾, въ Арзамасъ ²⁾ и тамъ укрыться отъ эпидеміи, въ одной изъ отдаленнѣйшихъ нашихъ вотчинъ.

¹⁾ Курской губерніи.

²⁾ Нижегородской губерніи.

Сборы были не долги. На другой же день къ парадному крыльцу подкатилъ порядочный поѣздъ парныхъ повозокъ, во главѣ съ коляскою и съ огромною каретою на стоячихъ рессорахъ.

Передъ отъѣздомъ, по старинному обычаю, отслужили напутственный молебень, и всѣ «сѣли», готовясь къ разставанью, для многихъ вѣковѣчному.

Марья Андреевна, женщина крупныхъ размѣровъ и мужественнаго характера, величественно возсѣдала въ креслѣ. Ея не молодое, но еще красивое смуглое лицо, обрамленное черными, гладко причесанными косичками, низко спущенными изъ-подъ бѣлаго чепца на уши, казалось весьма озабоченнымъ.

Вокругъ нея толпились старшіе дворовые и «барскія барыни», то-есть приказныя женщины, на коихъ въ сущности и лежало все домоводство и всѣ заботы по многосложному хозяйству нашихъ родителей. Она отдавала имъ послѣднія наставленія по дому и въ особенности «по болѣзни». Имъ же вручила она и мѣшечки съ тертымъ калганомъ, корень котораго заваривали крутымъ кипяткомъ и давали больнымъ пить, разныя мази, спирты и лѣкарства, между которыми бутылки съ крѣпкою перцовкою занимали видное мѣсто.

Окончивъ наставленіе и осѣнивъ себя и другихъ крестнымъ знаменіемъ, тетушка торжественно поднялась; началось «прощаніе» и троекратное цѣлованіе со всѣми мужиками и бабами; дворовыхъ и деревенскихъ набралось такъ много, что, помимо зала, коридора и сѣней, половина двора у подѣзда была запружена народомъ. И это прощаніе съ нашими людьми въ такую опасную, а потому и торжественную минуту, вышло по-истинѣ трогательно. Оно убѣдило насъ во взаимной и непритворной любви не только со стороны дворовыхъ, въ числѣ коихъ было немало нашихъ нянекъ, мамокъ, кормилицъ, молочныхъ сестеръ и братьевъ, но и со стороны крестьянъ, которыхъ мы, дѣти, нечасто видѣли у себя въ домѣ. Особенно «жалѣли» насъ старики и старухи, «привыкшіе» къ намъ. Они громко голосили и причитали: «на кого-то вы теперь насъ покинули?» Да и вообще многіе неутѣшно плакали. И этотъ взрывъ столь человѣческаго и искренняго чувства какъ-то самъ собою сообщился и отъѣзжавшимъ. И вдругъ всѣ мы, не исключая даже и тетушки, на видъ столь суровой, горько заплакали. Однакожь тетушка скоро овладѣла собою и, махнувъ изъ окна кареты бѣлымъ, надушеннымъ платочкомъ, крикнула «съ Богомъ!»

Кучеръ и всѣ сидѣвшіе по повозкамъ перекрестились, и поѣздъ тронулся при крикахъ: «съ Богомъ», «прощайте», «въ добрый часъ!».

Двѣ недѣли уже ѣхали мы то широкимъ «большакомъ», обсаженнымъ раkitникомъ, то едва замѣтнымъ проселкомъ, по мѣстамъ совершенно незнакомымъ нашимъ людямъ. И мы, дѣти, искренно удивлялись, какъ нашъ кучеръ Тимошей, катившій впереди, находилъ дорогу, словно по чутью угадывая свороты и переѣзды по

невѣдомымъ гатамъ и плотинамъ. Путь показался намъ невыносимо длиннымъ и скучнымъ. Тутъ тоже повсюду курились навозные костры, встрѣчались холерныя похороны съ голосившимъ народомъ. Мимо окна катившейся кареты непрерывно бѣжали эти невѣдомыя села съ хмурыми лѣсами, и горы, и рѣчки, весело змѣвившіяся по зеленымъ лугамъ. И все это живо напоминало намъ наше Богородицкое. Тамъ тоже были и горы, и лѣса, и рѣчки, только несравненно лучше.

Главное же, тамъ, далеко позади насъ, остались наши пріятели, дворовые мальчики, и нашъ родной домъ со всѣми нашими радостями.

II.

Погода стояла прекрасная: теплая и сухая, такая, когда особенно пріятно было «гулять». Но и бородатый Тимошей, и нашъ старичекъ-буфетчикъ Семень Гаврилычъ, сидѣвшій съ нимъ рядомъ на козлахъ кареты, частенько бесѣдовали именно объ этой прекрасной погодѣ.

— Ишь, какая сушь стоитъ—ужо все погорѣло, да и надъ полемъ шмара виситъ, что не продыхнешь.

— Настоящая пожарница!—со вздохомъ подтверждалъ Семень Гаврилычъ,—похоже это—Господь наказываетъ за наши прегрѣшенья, и холера съ того приключилась!—добавилъ набожный старичекъ, крестя зѣвающій ротъ.

Но вотъ наконецъ пошелъ и дождь, такъ давно желанный «большими». И едва его первыя свѣтлыя капли застучали по стекламъ кареты, какъ всѣ благодарно стали креститься. Поѣздъ остановился, и всѣ принялись надѣвать свиты и чекмени, радостно приговаривая: «Слава Богу, насилушку-то оглянулся на насъ Царь Небесный!».

Наконецъ, припустилъ такой дождь, что, кромѣ гула и сплошныхъ струй, отъ которыхъ и сама земля словно задымилась, ничего не стало слышно и видно. Быстрые ручьи засновали по сторонамъ и такъ разгрязнили дорогу, что и шагомъ трудно было ѣхать.

— Ну, ужъ и дождь навалился! — промолвилъ промокшій Тимошей.

— Этотъ дождь не обложной, а тучковой: онъ заразь пройдетъ... И Господь все дѣлаетъ къ лучшему! — покорно отозвался Семень Гаврилычъ, запахивая свою фризovou шинель.

Незадолго до захода солнца поѣздъ снова остановился. Еще на ходу нѣсколько человекъ съ заднихъ повозокъ соскочили и, перегнавъ карету, побѣжали куда-то впередъ. Они махали руками и о чемъ-то тревожно перекликались съ нашимъ Тимошеемъ, который наконецъ-то произнесъ свое торжественное «тпру» и оста-

новилъ карету. Затѣмъ къ окну подошелъ и Семень Гаврилычъ; почтительно снявъ свой картузь, онъ доложилъ, что надо «выходить», потому что подошла очень крутая и опасная гора. Тетушка, дремавшая въ уголку съ книгою въ рукахъ, тотчасъ приказала отворить дверцу, и при этомъ ея любимая приказная Агаеья Никифоровна вынесла «каба» съ провизіею. Рѣшено было остановиться «пополудновать», а равно и подкормить проморившихся лошадей, пользуясь хорошей травою лужайки, зеленѣвшей у самой дороги. Мы съ наслажденіемъ выпрыгнули изъ кареты и принялись ѣздить. Мѣстность мнѣ чрезвычайно понравилась. Мы стояли на самой вершинѣ необыкновенно большой мѣловой горы, окруженной кудрявыми кустами дубняка, засѣвшаго по обѣимъ ея сторонамъ. Мѣловая дорога, ярко бѣлѣвшая на заходящемъ солнцѣ, какъ-то таинственно уходила въ глубь лога, версты на полторы. Тамъ по кустамъ красиво летали стрекотавшія сороки. А еще ниже, въ полосѣ уже синей тѣни, краснѣлъ огонекъ костра, надъ которымъ живописно вился кудрявый дымокъ. Хотя дорога спускалась и отлого, но нѣкоторые отдѣльные взлобки ея казались весьма крутыми и опасными. Въ этихъ мѣстахъ дышловики едва ли могли спустить нашъ невѣроятно громоздкій дормезъ и почти такую же коляску. Къ тому же, сбоку дороги шли глубокіе овраги и водоионы, да и сама дорога съ середины горы дѣлала довольно крутой поворотъ. По мнѣнію всѣхъ, тамъ и тормазъ не могъ бы помочь спуску, а потому необходимо было принять самыя энергическія мѣры, а именно: отпрячь всѣхъ лошадей, какъ выносныхъ «фалеторскихъ», такъ и пристяжныхъ, такъ какъ, не принося пользы, эти лошади, при спускѣ, могли бы быть искалѣчены разогнавшимися экипажами. А помимо желѣзнаго башмака-тормаза, что на толстыхъ цѣпяхъ подкидывался подъ лѣвыя заднія колеса, стали еще «подвязывать» и правыя заднія колеса. Судя по многому, предстояла продолжительная остановка. Отпряженныхъ лошадей привязали за придорожные кусты. Потныя и утомленныя, онѣ жадно хватали сочную траву, звякая удилами. Лакеи и горничныя быстро разостлали въ сторонкѣ коверъ, поставили самоваръ и вообще все устроили для закуски и отдыха. Сами же люди для своего «полудника» расположились неподалеку за кустами. Разнесся слухъ, что придется тутъ же переночевать, такъ какъ единственный мостикъ черезъ рѣчку, сверкавшій внизу подъ дорогою, былъ разобранъ до основанія. А вблизи его, у костра, сидѣлъ караулъ, и именно для того, чтобы не пропускать въ деревню, темнѣвшую на той сторонѣ, ни пѣшаго, ни коннаго, дабы не занести холеры. Судя по слухамъ, эта страшная болѣзнь еще не переходила за рѣчку, а за нею начинались мѣста уже незараженныя, гдѣ добрые люди, какъ и всегда, жили прицѣвляючи. Слухъ этотъ несказанно обрадо-

валъ всѣхъ насъ. И всѣ заговорили о холерѣ, какъ объ опасности, уже миновавшей. У всѣхъ полегчало на душѣ.

Въ это время изъ-подъ горы показались два мужика въ черныхъ свитахъ, съ длинными палками въ рукахъ. Они молча, но сурово оглядѣли весь нашъ станъ. Тетушка подозвала ихъ поближе къ себѣ, велѣла дать имъ по стакану крѣпкой перцовки, которую здоровые мужики, повидимому, употребляли съ большимъ довѣріемъ и удовольствіемъ, чѣмъ заболѣвшіе.

Пришедшіе почтительно сняли шапки и поклонились. Отъ нихъ мы узнали, что за рѣчкою лежитъ деревня Верейтиново, гдѣ живетъ «баринъ Котовъ». По ихъ словамъ, баринъ и вообще не любитъ никакихъ проѣзжихъ, для чего нарочно портитъ даже свою мельничную плотину; теперь же онъ и совсѣмъ заказалъ дорогу, чтобы и на тотъ бокъ не занести холеры.

— Вонъ, — добавилъ одинъ изъ крестьянъ, — и самъ баринъ идетъ.

И дѣйствительно, на дорогѣ вскорѣ показалась небольшая фигура пожилого, довольно тучнаго человѣка. Запыхавшись или разсердившись, онъ тяжело дышалъ. Шелковый халатъ его въ яркихъ разводахъ довольно небрежно развѣвался по вѣтру. Едва приподнявъ шитую ермолку и почти не вынимая изъ рта длиннаго чубука трубки, онъ рѣзко поздоровался съ нами. Блѣдно сѣрые глаза его безпокойно и свирѣпо бѣгали подъ его краснымъ мясистымъ лбомъ. Узнавъ, что фамилія тетушки Прокудинъ-Горская, и что вообще мы здѣсь только проѣздомъ, онъ какъ будто успокоился.

Задумавшись, онъ, не говоря ни слова, поныхивалъ изъ трубки и долго не спускалъ съ насъ глазъ. Во все время нашей бесѣды онъ кстати и некстати на всѣ манеры величалъ себя «бариномъ», владѣльцемъ, помѣщикомъ и т. д. А со своими крестьянами, стоявшими недалеко отъ него, обращался до невозможности рѣзко и обидно безъ всякой причины. Нрава онъ казался весьма жестокаго и упорнаго. Тетушка едва убѣдила его дозволить ей на рысяхъ, ни минуты не останавливаясь въ его деревнѣ, проѣхать черезъ нее и, по его совѣту, заночевать въ обширной Красной слободѣ, до которой считалось семь верстъ. Послѣ этого договора «баринъ Котовъ» ушелъ, повидимому, въ болѣе покойномъ состояніи духа. Но два прежнихъ дозорщика остались при насъ.

— На-те вамъ на водку, — промолвила тетушка, обращаясь къ нимъ и подавая черезъ буфетчика нѣсколько серебряныхъ монетъ, — сами выпейте, да и угостите тѣхъ, чтò сидятъ у костра. А коли вы подсобите нашимъ людямъ устроить мостъ для переправы, я и еще прибавлю.

Не ожидая ничего подобнаго, оба дозорщика раболѣпно сорвали шапки и съ низкими поклонами принялись благодарить за оказанную имъ милость.

— Ну, а какъ же васъ зовутъ? — полюбопытствовала тетушка, съ улыбкою обращаясь къ тому, что казался постарше и былъ пониже ростомъ.

— Его, матушка-барыня, дразнятъ Ладыжкой! — оскалаясь, вмѣшался его товарищъ, довольно порядочный верзила съ такою же пенечневою бородою.

— Такъ точно,—подтвердилъ Ладыжка.—Это именно мое уличное прозвище. А попъ положилъ мнѣ имя Никаноръ.

— Ну, а того какъ зовутъ?—продолжала тетушка, которую видимо все это забавляло.

— Да и того опять же таки зовутъ Игнаткою-Семипуднымъ,—отвѣчалъ старикъ.

— Ну, вотъ и отлично! Теперь мы познакомились,—замѣтила тетушка въ слѣдъ удалявшимся дозорщикамъ.

Благодаря тому, что и Никаноръ-Ладыжка и Игнатъ-Семипудный остались «довольны» проѣзжею барынею, и другіе караульщики, сидѣвшіе у костра, близъ рѣчки, совсѣмъ перемѣнились. Изъ людей, расположенныхъ враждебно, и они стали друзьями-приятелями. Въ одну минуту они поднялись и принялись помогать нашимъ людямъ собирать раскиданный мостикъ и устраивать переправу.

Тѣмъ временемъ и мы подошли къ нимъ. Отсюда снизу было особенно ясно видно, какой опасный спускъ представляла эта страшная мѣловая гора.

Тяжелая карета чернымъ паукомъ спускалась съ ея бѣлой вершины. Несмотря на свои омертвѣвшія колеса, что, дрожа отъ напряженія, оставляли позади себя по дорогѣ двѣ черныхъ полосы, и на то, что лакей Федоръ, шедшій подъ лошадьми, всею силою осаживалъ конецъ дышла книзу,—добрые коренники, сѣвши на зады, едва-едва ее сдерживали. И Федоръ явно подвергался опасности быть раздавленнымъ, но, благодаря Бога, все обошлось благополучно. Пока укладывались, тетушка, собравъ насъ вокругъ себя, расположилась посидѣть на ворохѣ соломы, желтѣвшей недалеко отъ костра. Оправивъ чепецъ и дорожную робу, она, умиленная сердцемъ, ласкала насъ и рассказывала намъ, какъ она рада, что Господь пронесъ и ее, и всѣхъ насъ черезъ столько опасностей живыми и здоровыми.

— А если-бъ только вы знали, какая опасная и какая заразительная эта болѣзнь—холера! — говорила она и, закрывъ глаза, долго качала головою.—Не только близкое присутствіе трупа, но даже вѣтеръ съ больного холерою уже можетъ принести заразу и мучительную смерть. Теперь же, дѣти мои,—радостно продолжала тетушка,—Господь донесъ насъ до этой рѣчки, за которой, какъ говорятъ всѣ, уже нѣтъ болѣзни. Такъ ли это, старики?—ми-

лостиво освѣдомилась она, обращаясь къ сторожамъ и готовясь наградить ихъ за труды.

— Такъ точно,—отвѣчалъ Игнатка-Семипудный,—«за рѣкою» еще нѣтути этой самой хвори... Ну, а по этой самой сторонѣ она почитай все села прошла и много-таки народушка повыврала... Даже и вчерась нашъ обходъ поднялъ троихъ мертвыхъ въ кустахъ. Синіе такіе лежатъ, скрюченные, смотрѣть на нихъ и то жудость беретъ. Холерные эти и сейчасъ лежатъ рядышкомъ подъ тою-то соломой, гдѣ вы, матушка, сидѣть изволите! Ихъ-то мы и караулимъ, чтобы собаки ихъ не поškodили: станowego дожидаемся...

— Боже мой!—въ ужасѣ закричала Марья Андреевна, вскочивъ было на ноги, но тотчасъ же упала на землю въ обморокъ.

III.

Карета и весь поѣздъ уже переправлялись на тотъ бокъ рѣки, а потому подбѣжавшіе люди уже на рукахъ отнесли туда свою барыню, все еще лежавшую безъ чувствъ. Ёхать въ слободу, какъ того требовалъ «баринъ Котовъ», было уже совсѣмъ невозможно. Къ тому же наступила темень, и сталъ накрапывать дождикъ. Но, несмотря на то, «баринъ», снова появившійся уже среди своей деревни, наотрѣзъ отказывалъ въ дозволеніи переночевать.

— Да тутъ не въ ночевкѣ дѣло! — наперебой кричали наши люди,—переночевать и въ полѣ можно... А главная причина—барыня заболѣла съ испугу... барынѣ надо помочь, за лѣкаремъ послать... Али вы не люди, что со двора насъ гоните?.. Коли такое дѣло, рѣжьте насъ среди вашей деревни, а дальше мы не поѣдемъ!—рѣшилъ Тимошей и завернулъ карету въ ближайшій дворъ.—Коли имѣете такую полную праву—рѣжьте!—твердилъ онъ, соскочивъ съ козелъ и съ сердцемъ принимаясь распрягать.—Только и самъ губернаторъ обо всемъ этомъ узнаеть!—А, глядя на Тимошею, повернула и коляска, и другія повозки, и все взялись рѣшительно распрягаться среди улицы. Толпа народа сбѣгалась отовсюду на шумъ и крикъ. Однако дѣло до драки не дошло, и мало-помалу все успокоилось.

IV.

Было не рано, когда проснувшись мы принялись за чай. И только тутъ замѣтили мы, что весь дворъ, служившій нашею стоянкою, былъ буквально окруженъ громаднымъ скопищемъ мужиковъ, бабъ и ребятишекъ. Въ рукахъ у нихъ видѣлись деревянные блюда съ яйцами и медомъ, куры, нѣтухи, гуси, холсты и расшитые ручники.

Марья Андреевна, уже оправившаяся послѣ вчерашняго перепуга, сидѣла въ углу, вся красная и смущенная. Съ замѣтнымъ раздраженіемъ спорила она съ Агаѳею Никифоровною и досадливо махала руками.

— Я жъ тебѣ говорю,—конфузясь твердила Марья Андреевна,—что послѣ смерти моего брата, Александра Андреевича Маркова, я, какъ опекуниша его дѣтей, приняла по точной описи всѣ его населенныя имѣнія и всѣ пустоши... И деревни Верейтиновой, а равно и Куньей-Пустоши тамъ совсѣмъ нѣтъ.

— Воля ваша, — почтительно возражала ей любимица, — а эта деревня, гдѣ мы сейчасъ находимся, — наша собственная... Да и на что лучше? Тетка нашего фалетора Катерина и сейчасъ сидитъ тутъ, на крылечкѣ; она даже изнарочно приходила къ намъ утромъ изъ деревни и все сказывала, всю правду правдинскую! Именно, говорить, и деревня эта наша и всѣ мы прирожденные Марковскіе. Только Александръ Андреевичъ, царство ему небесное, отродясь здѣсь не бывали... И это, говорить, даже всѣ знаютъ, что наша деревня «пропущенная», и въ записи она не вошла. Ну, а Пашка-то Зычъ и вѣдрился въ это имѣніе, забралъ силу, да и взялся уродничать. Сперва-наперво по довѣренности управлялъ онъ нами, что далъ ему еще родной братецъ Александра Андреевича, отъ котораго и мы достались Александру Андреевичу вмѣстѣ съ прочими вотчинами его братца... А ужъ тамъ Пашка назвался «бариномъ» и взялся уродничать.

— Какой Пашка Зычъ? — брюзгливо допытывалась Марья Андреевна.

— Да Пашка, сударыня: стараго скотника Антона сынъ... Тотъ-то самый, матушка, что вашу милость на деревню не пуцалъ; въ ермолкѣ да въ халатѣ являлся къ вамъ да себя «бариномъ» величать, — съ ехидною усмѣшкою поясняла Агаѳья Никифоровна.

Марья Андреевна всплеснула руками и въ глубокомъ удивленіи качала головой.

— Откуда же онъ на себя такую прыть напустилъ? — спросила она, барабани пальцами по крышкѣ столика.

— Вотъ что, матушка, озорничество-то дѣлаетъ! — укоризненно продолжала Агаѳья Никифоровна. — Вѣдь его, я вамъ докладывала, еще бариновъ братецъ поставилъ бурмистромъ надъ Верейтиновымъ, да и померли вскорости, деревня-то эта и пошла въ забытищахъ... Такъ это дѣло и присохло. Мѣсто вышло дальнее, заглазное, надобности особливо въ немъ не было, да и грамотныхъ не только по деревнѣ, а и въ обапольности никого не было. Прежде хоть въ слободу ѣздили, къ поцу: ну, поцъ и всѣ письма читалъ и приказы; а то и поцъ померъ. А съ другимъ-то Зычъ поссорился. Такъ пѣльный годъ и не нашли, кому бы письмо отписать барину. И другой не писали, да такъ и привыкли... сдѣлали молчка,

да и сидятъ себѣ тутъ, добро миленское. Да такъ и прошло много лѣтъ. Вотъ тутъ-то Пашка Зычъ и сталъ «придворяничать», тоже самоваръ завелъ себѣ, залѣзъ въ господское платье, на дрожкахъ на бѣговыхъ взялся ѣздить, да и вообще въ лишнее сталъ залѣзать. А ужъ народушко взялся подъ себя примучивать, и сказать нельзя: на всемъ бѣломъ свѣтѣ такого злодѣя нѣту... Совсѣмъ ограбилъ да замучилъ онъ нашу деревню... Ну, а вотъ какъ узнали вчера въ ночи, что сюда настояще господъ заѣхали, такъ весь народушко обрадовался. И посейчасъ, матушка барыня, вся «громада» стоитъ у крылечка, вашу милость дожидается съ хлѣбомъ-солью—на поклонъ пришли.

Влѣдная и взволнованная, Марья Андреевна еще не успѣла ничего отвѣтить, какъ на дворѣ послышался шумъ и гамъ. А вслѣдъ затѣмъ въ избу воѣжалъ и самъ «баринъ Котовъ». На немъ лица не было. Не здороваясь и не снимая фески, брызгая слюною и достаточно хмельной, онъ яростно размахивалъ руками и кричалъ:

— Скорѣе уѣзжайте изъ моей деревни, какъ смѣете вы бунтовать моихъ крестьянъ? Вонъ отсюда! Что вы за люди? Я знать не хочу никакой Прокудиной-Горской!

— Слушай ты, Пашка,—наконецъ вскрикнула тетушка, рѣшительно наступая на нахала:—я по мужу Прокудина, а по рожденію и я Маркова, родная сестра Александра Андреевича и притомъ законная опекушка и его дѣтей, что тутъ находятся... И ты не смѣй озорничать, да молоть не вѣсть что! Тѣмъ не играютъ, отъ чего помирають!

— Вонъ съ моей деревни!—ревѣлъ «баринъ Котовъ», побагровѣвъ и сверкая воспаленными глазами.—Тридцать лѣтъ, то-есть, три земскихъ давности, уже владѣю я безъ суда и безъ спору этою деревнею... Она моя собственная! Скорѣе уѣзжайте отсюда! Эй, люди, гоните ихъ вонъ!—бѣсился онъ, поднимая кулаки.

— Тебя, злодѣя, давно было надо гнать отсюда!—тихо, но съ глубокимъ презрѣніемъ промолвилъ Никаноръ Ладыжка, тоже державшій въ рукѣ блюдо съ медомъ и ручникъ.

И въ тотъ же мигъ вся громада взревѣла:

— Вонъ его, злодѣя!.. Въ колья его!.. Изъ хама не сдѣлаешь пана!.. Бей его собаку!

Однако хмельной «баринъ Котовъ» еще и не думалъ покоряться судьбѣ. Онъ видимо надѣялся на «своихъ», то-есть на многолюдство своихъ родныхъ, тутъ же находившихся, и на своихъ подлокотниковъ, давно имѣвшихъ выгоду въ этомъ незаконномъ владѣніи деревней и въ угнетеніи крестьянъ.

И дѣйствительно шумѣвшая толпа стала раздѣляться на двѣ враждебныя стороны. При этомъ стало замѣтно, что подлокотники Пашки Зыча были подноены заблаговременно.

— Не знаемъ мы тѣхъ-то господъ, что къ намъ наѣхали!—не-

стройно и нерѣшительно загомонили они:—Богъ ихъ вѣдаетъ, кто они такіе? Да и вы, ребята, глядите въ оба, еще не отвѣтить бы вамъ и за то... Опять не промѣняйте кукушку на ястреба! Мы знаемъ своего «барина Павла Антоновича», онъ у насъ уже тридцать лѣтъ какъ обнаслѣдился... Постоимъ за Павла Антоныча!

— Брежутъ ваши губы!—азартно перекрикивала ихъ другая, несравненно многочисленнѣйшая толпа...

— Изъ грязюки не слѣпишь козюльки! А то жалуетъ царь, да разжалуетъ псарь!.. Ишь, они какіе... Будетъ вамъ надъ нами уродничать: по крайности, мы настоящихъ господъ будемъ знать. И коли тамъ гнѣвъ, такъ тамъ и милость... А у васъ съ Пашкою все бубны козыри!! Кланяемся всѣмъ міромъ нашей государынѣ-барынѣ, Марьѣ Андреевнѣ, бариновой сестрицѣ, законной опекуницѣ его наслѣдниковъ. Кланяйтесь и вы, храпцы!—ревѣла толпа.—А не то мы васъ кольями побьемъ! Хотъ силкомъ, а тоже приведемъ къ вѣрѣ!

— Молчать!—перекрикивалъ ихъ «баринъ Котовъ».—Плетьми запорю! А вы, господа, скорѣе уѣзжайте отсюда, а то я васъ...

Но не успѣлъ Пашка договорить своей рѣчи, какъ разгнѣванная Марья Андреевна, снявъ съ ноги башмакъ, отхлестала его по щекамъ.

Все это произошло такъ неожиданно и такъ быстро, и фигура Марьи Андреевны была настолько величава, а лицо и черные глаза ея выражали такую грозную властность, что и шумѣвнѣе буяны, и самъ Пашка Зычъ разомъ упали на колѣни, моля о прощеніи. И къ чести Марьи Андреевны надо сказать, что мольбы ихъ не пропали даромъ: всѣмъ были объявлены милость и всепрощеніе.

А на радостяхъ, что Господь избавилъ всѣхъ насъ и отъ холеры, и отъ опаснаго возмущенія, а, кромѣ того, и неожиданно наградилъ насъ цѣлымъ имѣніемъ, тетушка простила верейтицамъ всѣ ихъ недоимки прежнихъ лѣтъ и всѣ текущіе оброки до новаго года. А на прощанье она пожаловала всѣхъ къ своей барской ручкѣ и дала 100 рублей на водку. Пашку Зыча, конечно, замѣнили другимъ бурмистромъ, а послѣ обѣда мы уѣхали, сопровождаемые добрыми пожеланіями шумно ликовавшаго народа.

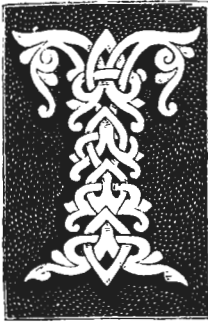
Р. Марковъ.

ПО БАРАБАНУ.

(Изъ воспоминаній юнкера).

ВЕЧНЫЙ покровъ ночи еще окутываетъ бемолвный спящій городъ, но въ длинномъ невысокомъ зданіи на томъ берегу Невы, противъ Исаакіевскаго собора, уже красными пятнами рдѣютъ огни. У воротъ, выходящихъ на Кадетскую линію, завернувшись въ овчины, дремлютъ дневальные. Изнутри зданія гулко несется рѣзкая дробь барабана.

Проклятый барабанъ! Какъ настойчиво и властно онъ требуетъ пробужденія и призываетъ къ перекличкѣ. Какъ не хочется оставлять теплую постель и идти въ умывалку, гдѣ уже слышится плескъ воды.

Въ огромной узкой залѣ въ четыре ряда стоятъ юнкерскія койки, полтора ста коекъ. Съ двухъ сторонъ сальной залы идутъ окна, и койки размѣщены такъ, что на однихъ юнкера снятъ ногами къ окнамъ, на другихъ—ногами къ проходу въ серединѣ сальной. Между койками видны желтые століки.

— Вставайте, господа, поднимайтесь, что-ль!— говоритъ дежурный по ротѣ, и странно видѣть его въ сумракѣ зимняго утра, въ комбатахъ, въ сброй солдатской шинели, перетянутой ремнемъ, съ ярко вычищеною мѣдною бляхой, съ тесакомъ на боку и кепи съ чернымъ султаномъ на головѣ.

Дежурный по ротѣ мой другъ, мы изъ одной гимназій. Подходя ко мнѣ, онъ убѣдительно произноситъ:

— Максимовъ, встанешь ли ты, наконецъ? Дежурный по ба-

тальяону идти, онъ тебя запишетъ. Смирно!—возглашаетъ онъ въ тоже мгновенье, и это означаетъ, что въ залу вошелъ офицеръ.

Показался небольшого роста, широкоплечій, ловкій и проворный поручикъ, бѣлокурый, съ длинными усами.

— Вста-вать!—кричитъ онъ и, звеня волочащейся за нимъ саблей, проходитъ вдоль коекъ и, поднявшись на нѣсколько ступенекъ, ведущихъ къ выходной двери, внушительно повторяетъ:

— Вста-вать!

Онъ исчезаетъ, стукнувъ дверь. Фамилія его Зрацукъ, онъ знаетъ и любитъ свое офицерское дѣло.

Дежурный по ротѣ опять подходитъ ко мнѣ и укоряетъ меня въ лѣности. Я возражаю:

— Послушай, Косолаповъ, не я одинъ лежу. Посмотри, сколько народу на заднихъ койкахъ храпять, какъ ни въ чемъ не бывало.

Вновь гремитъ барабанъ. Теперь уже никакъ нельзя оставаться въ постели. Сейчасъ придетъ ротный командиръ, надо будетъ строиться къ перекличкѣ и идти въ залу на молитву. Я потягиваюсь, надѣваю бушлатъ — куртку съ двумя рядами мѣдныхъ пуговицъ и съ клапаномъ на спинѣ. Сапоги, пуговицы, платье все это должно быть вычищено съ вечера, но вчера я легъ поздно и не успѣлъ заняться всѣмъ этимъ. Я бѣгомъ бѣгу въ умывалку. Тутъ толпа юнкеровъ торопливо вакситъ свои сапоги. Набравъ въ желѣзную гербовку ¹⁾ пуговицъ, я потиснулъ ладонь въ сковороду съ мелко-натертымъ кирпичемъ и принялся натирать голою рукой свои пуговицы, которыя скоро стали блестѣть, какъ золотыя. Но по справедливости слѣдуетъ прибавить, что также скоро онѣ начинали и тускнѣть. Затѣмъ, увидавъ свободную пару щетокъ, я немилосердно обмакнулъ одну изъ нихъ въ ближайшую сковороду съ жидкою ваксой и густо намазалъ свои сапоги. Придать имъ надлежащій блескъ уже не было времени, такъ какъ уже нѣсколько разъ вбѣгалъ Косолаповъ и кричалъ:

— Строиться, строиться! Рожалинъ идетъ!

Рожалинъ—нашъ ротный командиръ. Онъ высокаго роста, строенъ. Онъ постоянно въ задумчивости крутитъ свои черные усы. По внѣшности онъ уроженецъ юга: смуглый, черноволосый, красивый. Онъ добръ и незыскателенъ. По мнѣнію знатоковъ фронта, онъ «распустилъ» бы роту — избаловалъ, еслибы не поручикъ Ольховскій, его помощникъ, по прозванію «Уставъ». Онъ скоро умеръ.

Я стремглавъ лечу на свое мѣсто.

Рота выстроилась на двѣ шеренги, по ранжиру. Но въ строю то и дѣло вскакиваютъ запоздавшіе.

— Смирно-пъ! Глаза направо!—командуетъ дежурный юнкеръ.

¹⁾ Узкая дощечка въ родѣ линейки съ продольною прорѣзью. Туда вдвѣвались пуговицы для чистки.

Къ ротѣ приближаются Рожалинъ и Уставъ. Уставъ, затянутый въ мундиръ, рыжеволосый, тоже съ длинными усами, смотритъ зорко. Вмигъ замѣтитъ невычищенный сапогъ, оторванную пуговицу, и быть бѣдѣ.

Я еле успѣваю вскочить на мѣсто.

— Здравствуйте, господа!—слышится голосъ ротнаго командира.

— Здравія желаемъ!—кричимъ мы.

Уставъ приближается къ ротѣ и принимается за самый внимательный обзоръ одежды юнкеровъ. Я чувствую на себѣ его всепроникающій взоръ.

— Максимовъ, сапоги.

Онъ ограничивается этимъ краткимъ замѣчаніемъ и проходитъ дальше. Вдругъ онъ останавливается, протягиваетъ руку и берется осторожно за край бушлата юнкера Караванова. Пола распаивается, а пуговицы остаются на ней, какъ приклеенныя. О ужасъ! Онѣ оторваны, но прикрѣплены спичками, просунутыми въ ушко. Гробовое молчаніе царитъ въ строю. Уставъ все придерживаетъ край бушлата концами пальцевъ, какъ бы боясь обжечься.

— Безъ отпуска,—лаконически произноситъ Рожалинъ.—Ведите,—продолжаетъ онъ, обращаясь къ дежурному по ротѣ:

Косолаповъ кричитъ:

— Направо, шагомъ маршъ!

Мы вступаемъ въ огромную дружесвѣтную сборную залу. Изъ другихъ дверей, черезъ стеклянный коридоръ, параллельный нашей спальнѣ, проходитъ, тяжело ступая, разъ-два, разъ-два, и мѣрно колыхаясь, первая рота.

— Верблюды,—привѣтствуетъ ихъ кто-то съ нашего лѣваго фланга.

— Извозчики,—баситъ правофланговый. Такъ звали въ насмѣшку юнкеровъ четвертой роты.

Правофланговый первой роты—краса и гордость училища. Онъ долженъ быть не только выше всѣхъ, но необходимо, чтобъ онъ былъ строенъ, съ широкою грудью и красавецъ собой. На бѣду въ этомъ году нашелся правофланговый необычайнаго роста, но голова у него была съ картофелину, плечи узкія, грудь впалая. И фамилія его была не русская: Унгерштернъ. Но его прозвали въ училищѣ Редедей.

За первой ротой явилась «малина», третья рота, за ней вторая. Батальонъ былъ теперь въ полномъ сборѣ.

Вотъ опять раздалися командныя слова, и въ залѣ показался батальонный командиръ. Послѣ обычнаго привѣтствія онъ приказалъ скомандовать на молитву.

Громко и согласно пятьсотъ голосовъ пропѣли молитву. Затѣмъ, грузно ступая, батальонъ спустился въ первый этажъ, гдѣ находилась столовая.

— Гимназія, гимназія, гдѣ твои жирные обѣды, гдѣ твои кофеи и чаи съ булкой и масломъ,—вчера еще распѣвать и сокрушались Каравановъ, и я понимаю его. Въ училищѣ кормятъ скудно. Не знаю, отпускаютъ ли здѣсь денегъ меньше, или хозяйничаютъ юнкера на артельныхъ началахъ хуже, чѣмъ толстый корпусный экономятъ, только Каравановъ совершенно правъ.

Въ столовой на длинныхъ столахъ стоятъ большіе мѣдные чайники съ горячимъ, жидкимъ, сладкимъ, перепрѣлымъ чаемъ. Юнкера льютъ его себѣ въ кружки, разбираютъ съ подноса французскія булки и одинъ за другимъ уходятъ въ роты.

Я иду вслѣдъ за другими. Разсѣянно пробѣгаю я росписаніе лекцій, которое вытаскиваю изъ кармана бушлата. Первая лекція—математика, вторая—тактика, затѣмъ—завтракъ; далѣе—фехтованіе, фортификація, ситуація и верховая ѣзда.

День трудный, преподаватели будутъ спрашивать, а я плохо приготовилъ пройденное.

Опять гремитъ неугомонный барабанъ. Сначала онъ производитъ ошеломляющее дѣйствіе: стекла въ окнахъ звенятъ, сухія доски въ столикахъ и шкафахъ звонко резонируютъ, адскій громъ перекатывается подъ сводами въ безконечныхъ коридорахъ и расходится по заламъ. Затѣмъ трескъ барабана приводитъ меня въ угнетенное состояніе. Я тупо и равнодушно гляжу, какъ приближается барабанщикъ Кузьминъ. Красное лицо его хранитъ свирѣпое выраженіе. Глаза его устремлены впередъ, и, кажется, онъ ничего не видитъ и не слышитъ. Двѣ палочки съ мѣдными обручками мелькаютъ въ его рукахъ, какъ спицы въ быстро катящемся колесѣ. Это зрѣлище вдругъ пробуждаетъ меня отъ каталепсіи. Я вскакиваю и мгновенно прихожу въ возбужденіе. Еще минута, и я готовъ броситься куда угодно на приступъ.

Но военныхъ дѣйствій не предвидится.

Кузьминъ медленно удаляется по длинному стеклянному коридору, и музыка постепенно стихаетъ.

Я возвращаюсь въ роту за забытою книгой. Тутъ тихо и пусто. Только у окна сидитъ Каравановъ, и его усердно брѣшетъ нашъ батальонный цырюльникъ Муха. Какъ настоящее его прозвище, мнѣ совершенно неизвѣстно, но зато его кличка весьма выразительна.

Это старый, небольшого роста сѣдой человѣкъ. Голова его лыса, и блестяла бы, какъ колѣно, но откуда-то изъ-подъ затылка у него бойко растетъ пучекъ сѣдыхъ волосъ, который онъ обращаетъ въ ленту и кругообразно весьма хитро укладываетъ на головѣ. Получается замысловатая прическа, напоминающая парикъ или еврейскую накладку. Про Муху говорятъ, что онъ не употребляетъ мыла для бритья юнкерскихъ щекъ, что отъ руки его дурно пахнетъ—многие говорятъ. Но желающіе могутъ и не прибѣгать къ его искусству, а бриться хоть у самого Молле на Невскомъ.

У другого окна копошится ротный портной, присылаемый ежедневно изъ батальонной швальни. Около него замѣшались два юнкера, Поповъ и Сервіяновъ. Поповъ большой щеголь и носить все собственное. Отецъ у него генераль, и онъ могъ бы учиться въ Пажескомъ корпусѣ, выпускъ изъ котораго представляетъ большія преимущества для службы, что отлично извѣстно каждому юнкеру и, разумѣется, Попову. Поэтому онъ относится къ товарищамъ нѣсколько свысока, цѣдитъ слова сквозь зубы и говоритъ, что выйдетъ въ гвардію. Онъ высокаго роста, сутуловатъ, лобъ у него сжатъ въ вискахъ, глаза сѣрые, близорукіе. Онъ носитъ золотыя очки, любитъ чистить зубы, ногти, и платитъ дядкѣ Петрову три рубля въ мѣсяцъ за чистку сапоговъ, пуговицъ и всего прочаго.

Сервіяновъ—смуглый, коренастый грузинъ, ловкій, сильный, широкоплечій, средняго роста. Брови у него срослись, носъ горбатый, скулы широкія. Черные усы явственно пробиваются надъ его губой. Онъ лѣнивъ, но весьма способенъ.

Онъ отлично рисуетъ, играетъ въ шахматы, на скрипкѣ, поетъ на клиросѣ, считается однимъ изъ лучшихъ по гимнастикѣ, бѣганью, стрѣльбѣ и по военнымъ наукамъ.

Но въ немъ есть какая-то тупость, вѣковая неразвитость. Нѣкоторыхъ вещей онъ никогда не пойметъ. Но, можетъ быть, это излишнія требованія.

— Ей, господа, господа, Сигма уже въ классѣ. Мнѣ за вась достанется,—кричитъ Косолаповъ, которому лишь въ двѣнадцать часовъ придется смѣниться съ дежурства.

— Подождетъ,—небрежно отвѣчаетъ Поповъ, а Сервіяновъ стакиваетъ бушлатъ и суетъ портному. Что за дыры, и какъ ихъ не разглядѣлъ зоркій глазъ Устава! Изъ обѣихъ подмышекъ точно вырвано по клочку мяса.

Но неустрашимый портняжка не смущается и храбро принимается за починку. Работа идетъ быстро. Портняжка вырѣзываетъ изъ старыхъ штановъ, лежащихъ передъ нимъ на подоконникѣ, два четырехугольника, лѣпитъ по тузу на каждую дыру. Иголка мелькаетъ въ корявыхъ пальцахъ, и черезъ минуту починка готова.

Сервіяновъ скептически осматриваетъ заплаты и говоритъ:

— Опять разорву.

— Тогда надо въ швальню. Иначе никакъ невозможно,—отвѣчаетъ портняжка, принимаясь пришивать пуговицу къ хлестикуклапану Попова.

Вотъ мы всѣ трое идемъ по коридору въ классъ, а Косолаповъ рыщетъ по ротѣ, заглядывая то въ умывалку, то въ зубрилку, то въ курилку. Тамъ пусто, и онъ устремляется за нами.

Мы вступаемъ въ большую комнату со столами, расположенными полукругами. Въмѣсто каедры дубовый столъ, около него

три стула. По сторонамъ четыре черныя доски. Обстановка извѣстная.

Вотъ ковыляется Сигма. Это маленькій, необыкновенно скорченный и на первый взглядъ хромою полковникъ. Но на самомъ дѣлѣ лѣвая рука и нога его поражены параличемъ, и онъ двигается съ помощью палки и костыля.

Что за преподаватель Сигма, этого я никакъ не могъ постичь. Знаетъ ли онъ предметъ или не умѣетъ достаточно ясно выражаться, но только я совершенно не понимаю, что онъ читаетъ. Онъ толкуетъ намъ про функции, то вдругъ объясняетъ механику твердаго тѣла, то принимается излагать курсъ дифференціального исчисленія. Когда бываютъ репетиціи, родъ маленькихъ повѣрочныхъ экзаменовъ, то юнкера усердно снабжаютъ другъ друга «шпаргалками», записочками, на которыхъ находится все нужное для отвѣта.

Давно умеръ Сигма, а мнѣ еще памятно его острое, въ кулачокъ лицо, звонкій дребезжащій голосъ. Онъ постукиваетъ здоровою рукой по столу, выкрикиваетъ формулы, а мы занимаемся своимъ дѣломъ, пишемъ, читаемъ или рассказываемъ другъ другу свои приключенія или планы.

На математику юнкера смотрѣли, какъ на что-то ненужное или, по крайней мѣрѣ, неважное.

Да такъ оно и было.

Вотъ слышится звонъ шпоръ, и въ комнату входитъ темно-рыжій, сумрачнаго вида, щеголеватый подполковникъ Гавловскій. Онъ преподаетъ проекціонное и всякое другое черченіе и состоитъ помощникомъ инспектора классовъ Альбицкаго.

Гавловскій, не обращая вниманія на юнкеровъ, садится къ столу. Сегодня онъ ассистентомъ у Сигмы, и оба они будутъ спрашивать.

— Максимовъ,—раздается жиденъкій тенорокъ Сигмы.

Что-то екаетъ у меня въ груди, и я со вздохомъ поднимаюсь съ мѣста.

Вставъ около доски, я беру мѣлъ. Сигма диктуетъ мнѣ безконечно длинное уравненіе, потомъ другое, третье. Понемногу у меня на доскѣ образуется нѣсколько строкъ съ таинственными значками, и все это надо согласить, разъяснить, разрѣшить и привести къ какому-то невѣдомому для меня результату.

Покончивъ со мной, Сигма вызываетъ другого юнкера, а Гавловскій третьяго и четвертаго. Пока они записываютъ заданное, блестящая идея мелькаетъ у меня въ головѣ. Я развязно поворачиваю доску и скрываюсь за ней, какъ за щитомъ. Затѣмъ я достаю шпаргалку съ формулой качанія маятника, единственною, о которой я имѣю сбивчивое понятіе, и аккуратно списываю алгебраическіе знаки.

— Вы готовы, Максимовъ?—опять слышится голосокъ Сигмы.

— Готовъ.

— Отвѣчайте. Что это такое у васъ, формула маятника?

— Такъ точно. Если длину маятника обозначимъ черезъ e ,— начинаю я бойко отчеканивать импровизированный отвѣтъ, и въ классѣ воцаряется тишина. Лишь весьма немногіе юнкера догадываются, въ чемъ дѣло, и весело перемигиваются. Но Сигма не замѣчаетъ ничего. У Гавловскаго мелькаетъ смутное подозрѣніе, онъ подходитъ къ моей доскѣ и внимательно разсматриваетъ ее. Но тамъ все въ порядкѣ. Очевидно, формула маятника задана, и теперь слѣдуетъ объясненіе, какъ ее вывести.

Я получаю отличную отмѣтку и съ сознаниемъ успѣха возвращаюсь на свое мѣсто. Но въ глубинѣ души у меня остается тоскливое чувство, и мнѣ досадно на увѣчнаго Сигму, равнодушнаго Гавловскаго и на самого себя.

Вдали слышится грохотъ барабана. Лекція кончилась. Юнкера разбѣгаются по коридорамъ, и большинство отправляется курить.

Я не курю. Остановившись у окна, я гляжу на обширный поросшій травой дворъ, оканчивающійся старымъ садомъ, окруженнымъ съ трехъ сторонъ высокими, сѣрыми стѣнами. Сколько мѣста! Снѣгъ сдуло съ середины плаца, и страшно видѣть на блѣдной зелени твердо проведенныя линіи квадратовъ. Тутъ англичане играютъ въ свой лаунъ-теннисъ. Старыя вѣтвистыя липы угрюмо чернѣютъ въ неясномъ сумракѣ зимняго утра. Вороны молчаливо садятся на нихъ и такъ тихо слетаютъ внизъ. Внезапно изъ длиннаго желтаго деревяннаго строенія, очень похожего на кегельбанъ, доносится четкій звукъ ружейнаго выстрѣла. Должно быть, тамъ баталіонный ружейный мастеръ пробуетъ винтовку, потому что стрѣльбы никому не назначено, да и начинается она только съ весны.

Осторожныхъ птицъ не пугаетъ трескъ ружья. Онѣ основались тутъ давно и прочно и знаютъ, что никто не разоритъ ихъ гнѣздъ и не разгонитъ ихъ отсюда.

Я гляжу на плацъ и забываю, что я въ городѣ. Мнѣ представляется запорошенная снѣгомъ деревня, садъ, роца около нашего стараго дома и кругомъ необозримыя бѣлыя безконечныя поля и уходящія во всѣ стороны заледенѣвшія равнины.

День, но въ окнахъ еще свѣтятся огоньки. Изъ трубъ точно нехотя вытягиваются бѣлые плотные столбы дыма, сизые около трубъ, нѣжно-оранжевые на верху. Еще темно и сумрачно. Только пышно разгорается востокъ, и огнистое солнце, великолѣпное, блестящее, но, увы, холодное и безстрастное, показывается на блѣдно-синемъ, тоже словно замерзшемъ небѣ.

Какъ хорошо дома! Въ печахъ жарко пылаютъ дрова, въ комнатахъ пахнетъ сушеными травами, сыростью. Но въ нихъ все-

таки такъ тепло, уютно. Чистые половики лежатъ на бѣлыхъ некрашенныхъ доскахъ. Большія окна замерзли лишь снизу, а вверху въ нихъ льется ровный чистый свѣтъ, который съ каждымъ мгновениемъ дѣлается все сильнѣе. Теперь уже не нужно лампъ и свѣчей. Эхъ, сѣсть бы въ легкія саночки, запряженныхъ лихимъ молодымъ рысакомъ, и помчаться бы по гладкой укутанной обозами дорогѣ...

Барабанъ гремитъ. Сегодня барабанный день, завтра трубный. Всюду: на лекціи, къ завтраку, обѣду, чаю, будетъ призывать насъ барабанъ, и нельзя никуда уйти отъ него.

Тактику читаетъ всегда офицеръ генеральнаго штаба, капитанъ или полковникъ. Ахъ, какъ памятенъ мнѣ типъ офицеровъ этого рода оружія, если такъ легкомысленно выразиться.

Офицеръ генеральнаго штаба это баловень судьбы. Онъ всегда румянъ, самодоволенъ и даже нѣсколько игривъ. Ученый багажъ его несомнѣнно хорошаго качества, но ужъ не столь высокопробнаго, какъ то полагаютъ нѣмцы. Бархатный воротникъ, серебряные аксельбанты, синіе рейтузы, шпоры—все выбрано самое щегольское и нарядное для формы одежды этихъ офицеровъ. Да и немудрено: вѣдь вообще о формахъ заботится генеральный штабъ. Слѣдовательно, что жъ ему о себѣ забывать.

Офицеръ генеральнаго штаба пріятель въ обращеніи. Но все-таки онъ большой мечтатель и многорѣчивъ. Это суціи военный адвокатъ. На меня лекціи по тактикѣ производятъ странное впечатлѣніе. Въ тактикѣ въ сущности излагаются двѣ вещи: первая—войска, единицы войска—въ деталяхъ и вторая—движеніе, управленіе войскъ. Другими словами—матеріаль и его употребленіе. Со страницъ записокъ по тактикѣ на меня вѣетъ: мы учимъ тебя побѣждать, но побѣждать ты никогда не будешь, такъ какъ для побѣды требуется другое.

А я знаю, что именно. Требуются желѣзный эгоизмъ и непреклонная воля. Побѣждаетъ природный характеръ, а не наука.

Но этого у меня никто не спрашиваетъ, а, напротивъ, преподаватель Вороновъ вызываетъ меня и говорить:

— Вашъ отрядъ состоитъ изъ войска трехъ родовъ оружія. Непріятель въ двадцати верстахъ. Какъ вы поставите свой отрядъ на бивакѣ на этой мѣстности?

Онъ даетъ мнѣ карту и сообщаетъ, сколько у меня пѣхоты, кавалеріи, артиллеріи. Это называется тактической задачей. Но только ужъ очень недогадливый человѣкъ можетъ считать задачей то, что въ сущности все предписано уставомъ.

Говорятъ, инициатива. Я полагаю, что инициатива есть на войнѣ, но въ классѣ или же на маневрахъ смѣшно толковать объ инициативѣ.

Изъ меня, можетъ быть, вышелъ бы недурный офицеръ генеральнаго штаба. Но я желаю выйти въ артиллерію. Послѣ недавней

войны съ турками ¹⁾ въ бригадахъ и батареяхъ такъ много вакансій, что ихъ не могутъ замѣстить юнкера артиллерійскаго училища, и поэтому большая часть выпускныхъ изъ павловскаго и константиновскаго пѣхотныхъ училищъ идетъ въ артиллерию.

Это считается выгоднымъ.

Со своей задачей я справляюсь такъ быстро, что капитану это не нравится.

— Передовые посты у васъ плохо поставлены.

— Почему плохо? Это вамъ такъ кажется. Тутъ господствующая возвышенность, впереди оврагъ, заросшій лознякомъ.

— Вотъ непріятель воспользуется лознякомъ и приблизится незамѣтно.

— У меня есть «секреты» ²⁾. Я вѣдь ихъ обозначилъ.

— На такомъ разстояніи секреты бессильны; ихъ перебьютъ.

— Не перебьютъ. Они отступятъ по лозняку.

— Отступление имъ будетъ затруднено.

И все въ такомъ родѣ. Иногда я успѣшно спорю со своимъ оппонентомъ, хотя отъ него зависитъ отмѣтка о моихъ успѣхахъ. И надобно видѣть, какъ подобное толченіе воды выводитъ его изъ себя.

Послѣ тактики—фехтованіе. Послѣ работы умственныхъ силъ призываются къ труду силы физическія.

Мы надѣваемъ бѣлыя рубахи, подпоясываемся кушаками и отправляемся въ залу, смежную съ зубрилкой.

Фехтовальная зала велика, паркетъ въ ней такой скользкій, что для фехтующихся разстилаютъ половики. Намъ учатъ фехтоваться на рапирахъ, эспадронахъ и на ружьяхъ, къ которымъ, разумѣется, привинчиваются штыки.

Фехтованіе на ружьяхъ весьма грубо. Кромѣ простыхъ выпадовъ, тутъ нѣтъ особенныхъ ударовъ. Главное—достать противника штыкомъ. Конечно, ему отъ этого не поздоровится.

Фехтованіе на эспадронахъ требуетъ уже немало искусства. Эспадронъ это прямая сабля. Эспадронъ рубитъ и колетъ. Но онъ тяжелъ и не упругъ.

Самое высшее искусство фехтовальщика заключается въ совершенномъ управленіи рапирой. Рапира гибкая, длинная, стальная четырехгранная игла съ крѣпкою рукояткою. Рапира сверкаетъ, какъ молнія, ея движенія неуловимы, она пронзаетъ, но не рубитъ и не оглушаетъ.

Сегодня у насъ эспадронъ. Учитель—ихъ четверо—вызываетъ по очереди каждаго юнкера своего отдѣленія и упражняется съ нимъ нѣсколько минутъ. Изъ учителей на меня производятъ впечатлѣніе двое: маленькій Гусаровъ и сутулый Гавеманъ.

¹⁾ Воспоминанія павловца относятся къ 1881 г.

²⁾ Сторожевые посты.

Въ Москвѣ въ мои кадетскіе годы появлялся на балахъ и спектакляхъ маленькій офицерикъ, по прозванію карманный гусарикъ. Все у него было настоящее, и все казалось игрушечнымъ. Къ нему такъ шли слова пѣсенки: «Офицерикъ просто душка, только ростомъ невеликъ». Гусарикъ женился на дѣвицѣ исполнскаго роста, весьма богатой и, кажется, счастливъ.

Нанѣ Гусаровъ напоминалъ этого гусарика.

Гусаровъ живой, вертлявый человекъ, черный и съ огромнымъ безнадежно краснымъ носомъ. Волосы у него гладко причесаны. Онъ любитъ шутить, не даетъ зѣвать своему ученику и чувствительно задѣваетъ его рапирой или эспадрономъ. Фехтуется онъ на чемъ угодно превосходно.

Но славу настоящаго маэстро стяжалъ Гавеманъ.

Онъ повыше Гусарова, фигуру имѣетъ согнутую, голова съ морщинистымъ лицомъ и угреватымъ носомъ будто качается на худой жѣлстой шеѣ. При бѣгломъ взглядѣ на идущаго Гавемана кажется, что это слабый, изнуренный старикъ, и въ умъ не можетъ прійти, что это знаменитый учитель фехтованія.

Но вотъ Гавеманъ взялъ рапиру, присѣлъ на лѣвую ногу, прихлопнулъ правой, вытянулъ правую руку и отнесъ далеко назадъ надъ головой лѣвую, станъ его еще болѣе согнулся и вмнѣ пріобрѣлъ стальную упругость, и сразу, вдругъ ясно, что онъ быстръ и ловокъ, какъ угорь, и силенъ, какъ пантера. Лицо его преобразается, въ глазахъ вспыхиваетъ огонь, движенія его легки и четливы, удары мѣткі и неотразимы.

Я надѣваю на голову желѣзную маску съ сѣткой для глазъ. Грудь и часть живота мнѣ прикрываетъ прочный мягкій кожаный нагрудникъ; на рукахъ у меня желтыя кожаныя рукавицы. Маэстро тоже украшаетъ себя подобнымъ нарядомъ, и мы, какъ два пѣтуха, становимся другъ передъ другомъ, притоптывая ногами.

Разъ, два, я зазѣвался, и точно надо мной ударили въ колоколь, въ ухахъ загудѣло, изъ глазъ точно посыпались искры: это учитель огрѣлъ меня сверху по желѣзному шлему своимъ эспадрономъ. Еще разъ, два, и мнѣ пребольно достается по лѣвой рукѣ.

Проклятый нѣмчура, какъ онъ дьявольски дерется. Въ задорѣ я устремляюсь на него, получаю какой-то смертельный ударъ и, не смущаясь этимъ, дулю учителя по головѣ, такъ что чертямъ жарко.

Юнкера хохочутъ, Гавеманъ уклоняется и увѣщаетъ меня успокоиться.

Когда мы съ нимъ фехтуемъ на рапирахъ, онъ не употребляетъ маски. Показывая же ударъ, онъ беретъ въ руку конецъ моей рапиры, упираетъ ее себѣ въ грудь и такъ сгибаетъ, что мнѣ всегда кажется, что сейчасъ стальное лезвее разлетится въ куски и поранитъ ему лицо.

Послѣ фехтованія завтракъ. Мы безъ всякаго строя отправляемся въ столовую и возвращаемся тоже по одиночкѣ.

Наступаетъ большая перемѣна. Дается полчаса отдыха послѣ трехъ часовъ занятій.

Почти всѣ мы, юнкера, прибыли сюда изъ военныхъ милютинскаго типа гимназій, преобразованныхъ впоследствии въ кадетскіе корпуса. Курсъ въ гимназіяхъ былъ семилѣтній; весьма многіе поступали въ низшіе классы, въ младшій возрастъ, затѣмъ переходили въ средній и старшій. Въ продолженіе семи лѣтъ одинъ и тотъ же воспитатель велъ свое отдѣленіе въ тридцать человѣкъ изъ класса въ классъ. Корпусные преподаватели тоже не мѣнялись. Все это отражалось на насъ. Мы представляли большую семью, свыкались другъ съ другомъ, и нерѣдко между кадетами возникала дружба на всю жизнь.

Не то было въ училищѣ. Тутъ курсъ двухлѣтній. Мы знаемъ, что какъ только будемъ произведены въ офицеры, судьба насъ раскинеть въ разныя стороны. Но главное—не въ этомъ. Дѣтское сердце мягко, отзывчиво, воспримчиво. Юношеское сердце уже не такъ скоро поддается впечатлѣніямъ, а между нами здѣсь есть почти взрослые.

Юнкера равнодушно относятся другъ къ другу. Иные даже не знаютъ фамилій товарищей своей роты, не говоря уже о другихъ ротахъ. Юнкера образуютъ отдѣльные «земляческіе» кружки: костромичи сами по себѣ, кievляне держатся особо, тамбовцы, москвичи, нижегородцы тоже особо. Подобныя же кружки составляются и изъ воспитанниковъ корпусовъ. Бывшіе кадеты сохраняютъ связь между собой, но юнкера не сливаются въ одну общую семью.

Правда, когда училищу приходится выступать въ полномъ составѣ и подъ однимъ батальоннымъ знаменемъ, то тогда павловцы уже сознаютъ свое единство и относятся къ михайловцамъ, константиновцамъ или пажамъ, какъ къ совершенно чужимъ.

Это рѣзко бросалось въ глаза.

И эта черта мнѣ нравится.

Рознь между юнкерами, непрочное отношеніе къ преподавателямъ обнаруживается на каждомъ шагу. Вотъ мы идемъ въ классъ. Обязательныхъ отвѣтовъ нѣтъ. Баллы ставятъ, но никто не придаетъ этому никакого значенія. Вакансіи присылаются «именныя», т.-е. для одного юнкера. Слѣдовательно нужно только кончить по первому разряду, чтобы имѣть право на присланную вакансію. Изъ ста человѣкъ лишь двое или трое выпускаются по второму разряду, прапорщиками, а не подпоручиками, да и то въ видѣ наказанія за поведеніе, чѣмъ за успѣхи.

Интересный фактъ. Изъ отчетовъ классическихъ гимназій видно, что тамъ изъ тридцати учениковъ, поступившихъ въ пер-

вый классъ, доходятъ до выпускного класса и успѣшно кончаютъ не болѣе, какъ двое или трое. А въ кадетскихъ корпусахъ-гимназіяхъ изъ тридцати человѣкъ перваго класса не доходило до выпуска только двое и рѣдко-рѣдко трое. Остальные благополучно сдавали всѣ экзамены.

И я думаю, мы были не въ проигрышѣ. Однако пора въ классъ, сигналъ уже данъ.

Фортификацію читаетъ у насъ полковникъ Маккавѣвъ — онъ тоже давно умеръ. Это—человѣкъ строгій и раздражительный. Подобно всѣмъ «фортификаторамъ», Плюинскому, Юхеру, Романову, онъ превосходно чертитъ мѣломъ на доскѣ гласисы, равнины, куртины, казематы, мосты и траншеи. Онъ требуетъ, чтобы каждый юнкеръ зачерчивалъ его чертежи къ себѣ въ тетрадку. Пожалуй, это было бы весьма полезно, но дѣло въ томъ, что почти у каждого изъ насъ есть печатный атласъ съ прекрасными рисунками, а въ книгѣ отлично изложенный текстъ. Поэтому требованія, желанія, просьбы и угрозы Маккавѣва оставляются совершенно безъ всякаго вниманія, и фортификаціей интересуются лишь во время репетицій.

Къ «гробокопателямъ», саперамъ, павловцы относятся нѣсколько пренебрежительно, и за это они были въ концѣ концовъ наказаны: въ 1880 г. нашъ римскій мечъ, широкій тесакъ, долженъ былъ уступить мѣсто «шанцевому инструменту», топору и лопатѣ.

Военный щеголь, и съ лопатой за поясомъ. Какой ужасъ!

Но къ этому скоро привыкли.

Мы приходимъ въ классъ, разсаживаемся, и почти тотчасъ является Маккавѣвъ. Онъ средняго роста, черноволосый, блѣдный, съ землистымъ оттѣнкомъ лица—признакомъ грудной болѣзни. Голосъ у него тягучій, металлическій. Выражается онъ ясно и опредѣленно. Онъ не любитъ лишнихъ словъ, вранья, сбивчивости въ отвѣтахъ. Настоящая злость загорается тогда въ его темныхъ, матовыхъ глазахъ, и онъ безъ пощады лѣнитъ скверную отмѣтку.

Онъ принимается излагать свой курсъ съ того мѣста, на которомъ прервалъ свои объясненія на прошлой недѣлѣ.

Я достаю «Слѣдопыта» Кунера и принимаюсь читать.

— Никакая крѣпость не въ состояніи выдержать правильной осады, если только осаждающій располагаетъ достаточными силами,—говоритъ Маккавѣвъ.

— Чингачокъ уже поднялъ надъ нимъ томагаукъ и опустилъ его со страшной силой. Ирокезъ вскинулъ руки, сдѣлалъ прыжокъ назадъ и упалъ въ воду,—говоритъ Кунеръ.

И мнѣ онъ интереснѣе. Я осторожно перевожу глаза на раздражительнаго, строгаго полковника и на мгновенье придаю лицу внимательное выраженіе.

— Но, тѣмъ не менѣе, воздвигнутая на научныхъ началахъ крѣ-

пость, снабженная провіантомъ и занятая сильнымъ гарнизономъ, можетъ оказать упорное сопротивленіе и помѣшать наступательному движенію цѣлой непріятельской арміи...

— Делаваръ потянулся за нимъ, чтобы поймать его и завладѣть скальпомъ, но не успѣлъ сдѣлать этого: трупъ, оставляя кровавый слѣдъ, уже неся по теченію...

— Кромѣ того, осажденный удачными вылазками можетъ не только разрушить работы атакующаго, но и совершенно прорвать линію блокады.

— Между тѣмъ, Слѣдопытъ, обернувшись, не нашелъ въ лодкѣ Тускароры и жены его. Въ умѣ его мелькнула мысль объ измѣнѣ. Внизу уже раздались яростные крики дикарей, увидавшихъ принесенный волнами трупъ товарища.

— Господниъ Максимовъ, повторите, что я сказалъ,—раздается въ зловѣщей тишинѣ голосъ Маккавѣева.

— Кромѣ того, осажденный удачными вылазками...

— Гмъ! Какою книгой осаждено ваше вниманіе? Я вынужденъ буду на репетиціи заняться вашимъ отвѣтомъ.

«Нѣтъ, рѣшительно мнѣ не везетъ,—грустно размышляю я: — два раза уже успѣли сегодня спросить. Теперь вотъ этотъ придрался».

И мнѣ вспоминается, какъ Слѣдопытъ, Джасперъ и Чингагокъ ведутъ красавицу Мабель къ ея отцу, честному сержанту Капу, не ожидающему, какая ужасная участь вскорѣ постигнетъ его, но, увы! нѣтъ возможности продолжать чтеніе.

Маккавѣевъ не спускаетъ съ меня глазъ и, кажется, ему доставляетъ особенное удовольствіе шагать по классу, толковать объ атакующемъ и осажденномъ и все время пронизывать меня взглядами, подъ которыми нѣтъ никакой возможности слѣдить за дальнѣйшими чрезвычайно интересными похожденіями Мабели и ея спутниковъ.

Спасительный барабанъ прекращаетъ мои терзанія. Маккавѣевъ уходитъ, лаская послѣднимъ любовнымъ взоромъ художественно начерченные рисунки, и самъ дежурный юнкеръ съ мокрою губкой въ рукахъ въ нерѣшимости останавливается, не зная, стирать ли съ досокъ тонкія линіи мѣла или оставить такъ на назиданіе другому отдѣленію.

Большая часть военныхъ наукъ до того легка и незамысловата, что удивляешься, какъ можно изучать ихъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Къ такимъ наукамъ относится и ситуація, т. е. искусство обозначать штрихами уклонъ мѣстности. Предполагають, что данная мѣстность положена на плоскость, проводятъ мысленно рядъ параллельныхъ плоскостей, которыя разрѣжутъ пластами взятую мѣстность и обозначатся на ней кривыми линіями по разрѣзамъ, горизонталями. Эти горизонталы заполняются отвѣсными штрихами. Чѣмъ штрихъ толще, тѣмъ уклонъ круче. Вотъ и вся наука.

Мы портимъ себѣ глаза, выводя безчисленныя черточки. Есть такіе мастера чертить, что ихъ карты куда тоньше и красивѣе печатныхъ.

Имѣть хорошую отмѣтку изъ ситуаціи необходимо, потому что иначе нельзя выйти по первому разряду.

Въ классѣ недолго стоитъ тишина. Аудиторія, гдѣ мы чертимъ, такъ велика, что въ ней могутъ помѣститься одновременно классы всѣхъ ротъ. Скамьи идутъ здѣсь, какъ въ театрѣ, отъ партера до самаго потолка. Въ этой аудиторіи намъ читаютъ законовѣдніе, администрацію, военную исторію и другія науки.

Кто-то сзади заводитъ пѣсеню—знакъ, что преподаватель съ дежурнымъ офицеромъ ушли изъ аудиторіи и расхаживаютъ по коридору. Наверху начинается возня, переходящая въ свалку. Драктъ въ училищѣ не бывало.

Около меня четыре костромича уговариваются пойти къ какому-то легкомысленнымъ дѣвицамъ, назначившимъ имъ свиданіе на Николаевскомъ вокзалѣ—любимое мѣсто для встрѣчъ юнкеровъ со швейками и мастерицами.

У меня нѣтъ знакомыхъ дѣвиць, и я объ этомъ теперь искренно сожалею.

— Максимовъ, сегодня я приглашенъ на ра-утъ, — цѣдить сквозь зубы Поповъ:—а у меня билетъ въ театръ на Фауста. Не хотите ли взять его?

Юнкера постоянно посѣщаютъ театръ. У насъ даже существуетъ особая запись на ложи и другія мѣста, и мы имѣемъ возможность получать безъ хлопотъ билеты на всякія представленія. Все это устраиваетъ наша канцелярія.

Предложеніе Попова, однако, для меня неудобно: я собираюсь навѣстить товарища-пашковца. Это мой другъ дѣтства. Я ему обѣщаль сегодня прійти.

— Благодарю васъ, Поповъ, но мнѣ вашъ билетъ не нуженъ.

— Какъ знаете. А мѣсто отличное въ ложѣ и стоитъ 1 рубль 20 коп.

Но это все-таки не соблазняетъ меня. Однако нашъ разговоръ съ Поповымъ слышатъ другіе, и сейчасъ же находятся охотники пріобрѣсти билетъ. Начинаются переговоры, и билетъ поступаетъ въ собственность нашего ротнаго артельщика, Заварова, котораго осѣняетъ идея устроить лотерею.

О прибыли или наживѣ, разумеется, онъ не беспокоится. Ему нравится вся процедура розыгрыша, и онъ живо принимается за дѣло. Онъ кроитъ двадцать четыре куска бумаги, на одномъ изъ нихъ пишетъ «получи!», свертываетъ палочки и продаетъ право на каждую по 5 коп. Билеты немедленно разбираютъ. Пятаки брякаютъ, Заваровъ съ торжественнымъ видомъ записываетъ фамиліи игроковъ. Наконецъ, приступаютъ къ тиражу. Билетики собраны

въ шанкѣ, отобранной для этого случая у дежурнаго юнкера, ихъ вытаскиваютъ одинъ за другимъ и пустые номера съ разочарованіемъ швыряютъ.

— Получи!—громогласно читаетъ счастливецъ, и при общемъ удовольствіи билетъ Попова вручается ему. Инцидентъ исчерпанъ.

— Господа, строиться на верховую ѣзду,—кричитъ дежурный, когда мы возвращаемся въ роту.

Верховая ѣзда—одно изъ любимѣйшихъ нашихъ занятій. Ѣздимъ мы по часу въ недѣлю и, конечно, этого слишкомъ мало, чтобы стать настоящимъ кавалеристомъ. Но въ кавалеристы мы не собираемся, а на тотъ случай, еслибы кто изъ насъ сталъ адъютантомъ или батальоннымъ командиромъ, ему пришлось бы гарцовать передъ своей пѣхотой. Наконецъ, многіе изъ насъ могли стать артиллеристами, а этимъ ужъ верховая ѣзда необходима.

Я спѣшу въ цейхгаузъ, находящійся около роты, и беру тамъ наизатасканнѣйшіе синіе рейтузы съ засаленными кожаными вставками.

На комъ только не перебивали эти рейтузы! Однако я надѣваю ихъ съ наслажденіемъ и отправляюсь въ строю въ манежъ.

Развязные вахмистры смотрятъ на насъ свысока и, очевидно, считаютъ наши еженедѣльные упражненія совершенно несерьезнымъ дѣломъ.

Признаюсь, я постоянно чувствую это, и самолюбіе мое страдаетъ за честь роты. Высокій кавалерійскій офицеръ, ротмистръ Нецвѣтаевъ, равнодушно встрѣчаетъ насъ и назначаетъ каждому по лошади.

Мнѣ достается, о проклятіе, Небывалый.

Я думаю, нѣтъ ни одной скотины въ мірѣ, которая отличалась бы такимъ злымъ и коварнымъ нравомъ, какъ мохнатая желтобурая лошаденка съ костистыми боками, толстыми ногами, облизлой мордой и короткимъ хвостомъ. Всѣ лошади одна другой хуже, но Небывалый ниже всякой критики.

Во-первыхъ, на него невозможно сѣсть безъ помощи всѣхъ конюховъ нашего манежа, во-вторыхъ, онъ идетъ съ такой встряской, что, кажется, мясо слѣзетъ съ костей, а, въ-третьихъ, онъ при малѣйшемъ удобномъ случаѣ норовитъ сбросить всадника, послѣ чего со ржаніемъ и визгомъ начинаетъ, задрвавъ хвостъ, носиться по манежу.

Всѣ благополучно усаживаются на коней и одинъ за другимъ ѣдутъ вдоль стѣны манежа. Я остаюсь одинъ, конюхи окружаютъ Небывалаго, я пользуюсь тѣмъ, что его вниманіе отвлечено, и поспѣшно влѣзаю на него. Онъ рветъ съ мѣста, брыкается и, догнавъ хвостъ шеренги, успокоивается.

Въ манежѣ сыро и пасмурно. Со стѣнъ каплетъ вода. Сизо-зеленныя пятна покрываютъ штукатурку. Двѣ огромныя круглыя

печи пышутъ жаромъ, когда проѣзжаешь мимо нихъ, но въ манежѣ все-таки холодно.

— Рысю—марш!—командуетъ ротмистръ.

Тутъ начинаются мои муки. Небывалый, какъ будто съ особеннымъ злорадствомъ, подбрасываетъ меня. Экій несчастный день! И покататься въ свое удовольствіе не пришлось.

И я колочу пятками упрямое, своенравное животное.

Лучшимъ ѣздокомъ считается Поповъ. Онъ идетъ первымъ номеромъ, старается держаться свободно и небрежно, какъ настоящей кавалеристъ. На самомъ дѣлѣ сидитъ онъ довольно мѣшкнато, но такъ какъ рейтузы у него новые, собственные, мундиръ съ иголки, сапоги американской кожи, тоже собственные, и при томъ извѣстно, что онъ съ дѣтства беретъ уроки верховой ѣзды въ манежѣ Юссе, а самое главное все мы ѣздимъ очень плохо, то немудрено, что онъ считается лучшимъ между нами.

Съ красными лицами, усталые, возвращаемся мы въ роту. Занятія кончились. Барабанъ призываетъ къ обѣду.

Послѣ жирнаго, грубо приготовленнаго обѣда юнкера одинъ за другимъ уходятъ въ отпускъ. Отпускаютъ до 10 час. и до 12 час., смотря по поведенію. Кто идетъ въ театръ, тотъ можетъ и опоздать. Но зато со всехъ остальныхъ за неявку въ срокъ строго взыскивается.

Я усердно чищу гербъ изъ мѣди въ видѣ двуглаваго орла, подпирающаго верхъ кепи и прикрѣпленнаго къ стержню отъ чернаго султана изъ конскихъ волосъ. Этотъ красный уборъ, впрочемъ, былъ внослѣдствіи отнять и замѣненъ барашковою шапкой.

Кромѣ герба, надо тщательно вычистить бляху на поясѣ и рукоятку тесака. Башлыкъ долженъ лежать ловко и не торчать капюшономъ кверху. Одному нѣтъ возможности одѣться. При помощи товарища я надѣваю аммуницію, онъ обдергиваетъ мнѣ шинель, заправляетъ концы башлыка и говоритъ, что все въ порядкѣ.

Я поспѣшно прохожу по безконечнымъ коридорамъ, спускаюсь внизъ въ дежурную комнату и присоединяюсь къ веренищѣ юнкеровъ, одинъ за другимъ подходящихъ къ столу, за которымъ возсѣдаетъ дежурный офицеръ, штабсъ-капитанъ Агарковъ.

Когда доходитъ моя очередь, я говорю, волнуясь и прикладывая руку къ козырьку:

— Юнкеръ 4-й роты Максимовъ. Честъ имѣю просить разрѣшить мнѣ идти въ отпускъ до 10 часовъ.

Агарковъ осматриваетъ мою одежду, не придирается ни къ чему—онъ пѣвецъ, музыкантъ, столяръ, артистическая натура и пренебрегаетъ мелочами,—отыскиваетъ мой билетъ, подписанный заранѣе ротнымъ командиромъ, и отмѣчаетъ въ книгѣ мою фамилію.

Я прячу билетъ въ обшлагъ лѣваго рукава шинели—вотъ по истинѣ удобное мѣсто,—повертываюсь налѣво кругомъ и ухожу.

Когда тяжелая дверь училища захлопывается за мной, я вздыхаю съ облегченіемъ.

Тяжела военная дисциплина. Но нигдѣ и не встрѣчалъ той строгости и формализма, которые царили въ описываемое время въ Павловскомъ училищѣ.

Я былъ потомъ офицеромъ, служилъ въ разныхъ частяхъ, наблюдалъ, разспрашивалъ и пришелъ къ твердому убѣжденію, что юнкерская служба въ училищѣ была нисколько не легче службы въ дисциплинарномъ батальонѣ, предназначенномъ для чиновъ, нуждающихся въ карѣ и исправленіи. Признаюсь, я сохраняю это убѣжденіе до сихъ поръ.

Короткій зимній день уже погасъ. Фонари огненною гирляндой окаймляютъ оба берега громадной замерзшей Невы. Я пускаюсь по скользкой утоптанной дорожкѣ—мостковъ тогда не существовало—отъ Соловьевскаго сквера къ «Мѣдному всаднику». Затѣмъ я прохожу по Адмиралтейской набережной, Дворцовой и Гагаринской.

Вотъ огромный великолѣпный домъ. Массивная, лакированная, съ зеркальнымъ стекломъ дверь подъѣзда имѣетъ внушительный видъ. Я нажимаю кнопку звонка и вижу, какъ по покрытой коврами широкой лѣстницѣ, соединяющей нижній этажъ со вторымъ, спускается вѣсокій, прекрасно одѣтый господинъ весь въ черномъ, съ бѣлыми сѣдыми волосами и серіознымъ взглядомъ. Онъ самъ открываетъ мнѣ дверь, и я говорю:

— Мнѣ надо видѣть Павликова. Онъ дома?

— О, да, онъ наверху. Я васъ провожу,—отвѣчаетъ господинъ, въ которомъ я узнаю, по рассказамъ товарища, самого хозяина дома, богатаго человѣка, извѣстнаго своими крайними убѣжденіями.

Я прохожу рядъ комнатъ. Все прочно, солидно, стоитъ дорого. Но это не привлекаетъ моего вниманія. Я не могу отдѣлаться отъ мысли, какъ онъ самъ мнѣ отперъ.

— Но вѣдь у него есть швейцаръ. Или это такъ и должно быть?—спрашиваю я себя и недоумѣваю.

Исторія Павликова тоже не изъ обыкновенныхъ. Павликовъ, бывший нашъ юнкеръ, полюбилъ молодую барышню, которая съ нимъ была любезна. Пылкій, восторженный Павликовъ мечталъ о томъ, какъ онъ кончитъ курсъ и обвиняется съ любимую дѣвушкой. Но она увлеклась другимъ, незамедлившимъ сдѣлать ей предложеніе. Когда Павликовъ узналъ объ ея согласіи, онъ пришелъ въ отчаяніе, укорялъ ее въ вѣроломствѣ и въ раздраженіи выстрѣлилъ въ нее изъ револьвера. Ею взяли и судили. Дѣвушка выздоровѣла, а онъ, просидѣвъ полтора года въ предварительномъ заключеніи, едва не сошелъ съ ума.

Здѣсь познакомился съ нимъ П-въ, сталъ хлопотать за него и взялъ его къ себѣ на поруки. Судь приговорилъ его къ легкому наказанію, и Павликовъ, отбывъ его, поселился у П-ва, сдѣлавшись у него секретаремъ и вообще близкимъ лицомъ.

Павликовъ—мой другъ дѣтства. Мы росли вмѣстѣ, учились въ родной гимназіи, перешли въ одно училище. Что любилъ я, то нравилось ему. Наши привычки, наши вкусы, убѣжденія—все было у насъ общее.

И это до такой степени отражалось на нашей наружности, что насъ часто смѣшивали. И такъ было до катастрофы, разъединившей насъ.

Наконецъ, я добираюсь до его комнаты и вхожу въ нее.

Комната небольшая, но свѣтлая, обращена окномъ на Неву—ахъ, какой чудесный видъ! Узкая желѣзная постель съ сѣрымъ одѣяломъ, столъ, два стула, перья, бумаги, чернильница, полка съ книгами—больше въ ней нечего описывать.

На Павликовѣ длинный, черный сюртукъ. Лицо у него очень блѣдное, болѣзненное. Тонкія, темныя брови отгнѣняютъ бѣлизну чистаго, стройнаго, бѣлаго лба, на которомъ уже лежатъ морщинки. Сѣрые глаза моего друга, задумчивые, грустные, даже печальные, никогда уже не отражаютъ его улыбки.

Онъ сидитъ и пишетъ. Увидавъ меня, онъ закрываетъ тетрадь, и я сажусь около него.

Я рассказываю, что у насъ новое, т. е. какъ идутъ занятія, кто куда собирается выйти, и кому уже присланы вакансіи¹⁾. Такъ какъ Павликовъ знаетъ всѣхъ офицеровъ и преподавателей училища, то мой рассказъ долженъ быть для него интересенъ. Однако, онъ слушаетъ разсѣянно и отвѣчаетъ вяло.

Я замѣчаю это и умолкаю. Понемногу онъ оживляется и начинаетъ говорить одинъ.

— Какъ я теперь далекъ отъ всего этого. Только теперь я узналъ, какъ серьезна и тяжела отвѣтственность каждаго образованнаго человѣка передъ его ближними. Надо ставить себѣ высокую цѣль въ жизни, надо избѣгать всего пошлаго и мелкаго. Для меня уже нѣтъ удовольствія въ хорошемъ обѣдѣ съ виномъ, въ нарядной одеждѣ, въ посѣщеніи театровъ и спектаклей. Все это какъ-то чуждо мнѣ. Да и я самъ, вѣроятно, кажусь страннымъ и неприятнымъ. Личнаго счастья уже не существуетъ для меня. И знаешь что, — прибавляетъ онъ вдругъ въ порывѣ чрезвычайной искренности:— вотъ, когда я вижу тебя, свѣжаго, затянутаго въ мундиръ, охорашивающагося, думающаго о развлеченіяхъ, мнѣ больно

¹⁾ Извѣщеніе, что въ такомъ-то полку или батареѣ есть свободное мѣсто по штату для оберъ-офицера. Обыкновенно родные юнкеровъ просятъ, чтобы въ этомъ извѣщеніи обозначалась фамилія того юнкера, котораго командиръ части желалъ бы имѣть у себя.

и грустно за тебя. Ты ничего не читаешь, ты не развивь. У тебя нѣтъ никакихъ стремленій стать лучше, добрѣе, справедливѣе... Я скоро уѣду на Волгу. Тамъ много дѣла, и мы съ тобой долго не увидимся. Какъ бы я хотѣлъ встрѣтить тебя не такимъ.... мальчикомъ.

Его проповѣдническій тонъ обижаетъ меня. Я считаю себя умнымъ и начитаннымъ. Вѣдь я прочелъ всѣхъ выдающихся русскихъ авторовъ и многихъ иностранныхъ. А сколько изъ моихъ товарищей не читали ничего, кромѣ христоматіи Филонова и Галахова.

Павликовъ предлагаетъ мнѣ чая, но я отказываюсь. Онъ говорить мнѣ:

— Въ субботу у насъ собраніе. Если хочешь, приходи.

Я отвѣчаю, что не могу. По правиламъ училища намъ строго запрещается участвовать въ кружкахъ, сходкахъ и сборищахъ.

Встрѣча съ Павликовымъ всегда выбиваетъ меня нѣсколько изъ колеи.

Я иду отъ него къ Невскому, но уже не заглядываю подъ шляпки дамамъ и не принимаю того ухарского вида, которымъ гордится молодець юнкеръ.

Невскій залитъ огнями. Для моего юношескаго взора хорошенькихъ пропасть. И сколько товарищей! Вонъ Петровъ, Ягодкинъ, Воеводинъ. Тамъ идетъ съ нарядной барышней Каравановъ, и подъ руку. Вотъ смѣлость!

Товарищи завертываютъ въ кондитерскую Андреева.

Тутъ почти всѣ столики заняты юнкерами. Собрались здѣсь константиновцы, павловцы, михайловцы, инженеры—изъ Николаевского инженернаго училища. Есть даже кавалеристы и пажи.

Я требую шоколаду, пирожковъ, и воспоминаніе о Павликовѣ все таетъ и таетъ у меня.

Кругомъ разговоръ идетъ о парадѣ, разводѣ, производствѣ, о дѣвицахъ, любви, разныхъ приключеніяхъ.

Все это такъ просто и понятно.

— Господа,—говорить кто-то:—половина десятаго. Пора въ училище.

Я расплачиваюсь и выхожу на улицу. Сыро и холодно. Теперь меня уже ничто не развлекаетъ. Всѣ мои мысли сосредоточены на томъ, чтобы не опоздать.

Безмолвная мрачная равнина Невы разстилается предо мною, и я почти бѣгу по ледянистой тропинкѣ. Чѣмъ дальше я удаляюсь отъ берега, тѣмъ равнина эта кажется болѣе обширною и глухою.

Небо точно спускается ниже. Шумъ города затихаетъ. И будто находишься въ полѣ.

Вотъ училище. Я прямо съ мороза вхожу въ дежурную комнату и, приложивъ руку къ козырьку, говорю:

— Честь имѣю явиться изъ отпуска.

Агарковъ беретъ мой отпускной билетъ, глядитъ на меня и, найдя все въ порядкѣ, отпускаетъ въ роту.

Я прохожу по коридорамъ, вижу въ окна спальню первой роты, спальню второй. Тамъ горять лампы, но сумракъ густо лѣзетъ изъ всѣхъ угловъ, и полусвѣтъ разлитъ подь сводами.

Юнкера спятъ, но много коекъ еще пустоуетъ. Кто зубрить, кто, быть можетъ, въ курилкѣ или отпуску.

Мнѣ не хочется спать. Я иду въ зубрилку, въ проходную комнату, заставленную черными классными столами. Тутъ занимается человекъ пять. Но имъ тоже, видно, не сидится на мѣстѣ, потому что отъ времени до времени кто нибудь изъ нихъ непремѣнно «ныряетъ» въ курилку, дверь которой открывается въ эту же комнату.

Всякій разъ, когда дверь распахивается, изъ курилки слышится нестройный гулъ многихъ голосовъ и солдатская пѣсня.

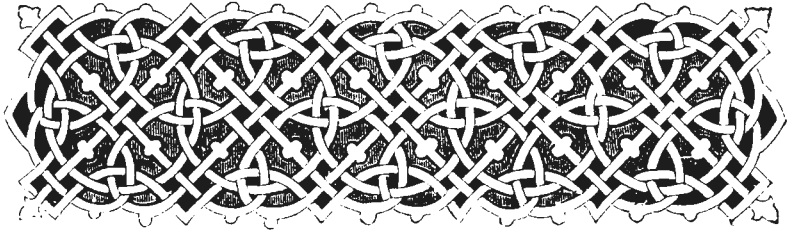
Мнѣ скоро надоѣдаетъ «готовиться», я складываю учебники и отправляюсь въ курилку.

Нѣсколько ступеней внизъ ведутъ въ нее. Комната небольшая, съ раскаленной плитой, уставленной жестяными, мѣдными чайниками всякихъ формъ и размѣровъ. Вокругъ длиннаго стола сидитъ въ самыхъ непринужденныхъ позахъ человекъ двадцать въ разстегнутыхъ мундирахъ и бушлатахъ. Вѣлыя, съ синимъ ободкомъ, каменные кружки виднѣются на столѣ. Булки, пирожныя, баранки лежатъ тутъ же на обрывкахъ бумаги или просто на доскѣ. Въ душномъ спертномъ воздухѣ пахнетъ прѣлымъ чаемъ и дешевымъ табакомъ. Подь потолкомъ носятся сизые клубы пара и дыма. На одномъ концѣ стола спорять, на другомъ хохочуть. Адскій шумъ стоитъ вокругъ. Около печки собрались пѣвцы и орутъ во все горло.

Я подсаживаюсь къ пѣвцамъ, и тутъ завязывается разговоръ о «сыгровкахъ», концертахъ, клиросномъ пѣніи, которымъ завѣдуетъ Агарковъ.

Я беру новенькій, жестяной чайникъ, засыпаю въ него щепотку чая, заливаю кипяткомъ и ставлю на плиту. Затѣмъ я пью кружку за кружкой, а курилка галдитъ и шумитъ вокругъ. Изъ отпуска прибываютъ все новые и новые юнкера. Всѣ они заходятъ сюда, сообщаютъ городскіе новости и слухи. Но усталость беретъ свое. Глаза мои начинаютъ слипаться. Я иду къ своей койкѣ, сдергиваю одѣяло и, уложивъ свои платья въ порядкѣ, ложусь спать. Тотчасъ крѣпкій юношескій сонъ смыкаетъ мои вѣки, и, какъ единый мигъ, мелькнетъ ночь, и еще не успѣетъ заалѣть востокъ, какъ неугомонная звонкая труба возвѣститъ наступленіе новаго трудового юнкерскаго дня.

Анатолій Леманъ.

ВРАЖДУЮЩИЙ АУЛЪ.

(Изъ записокъ маленькаго администратора).

I.

ОВСѢМЪ спрятался въ глубокой котловинѣ аулъ Чухурь-Агылъ; наверху, по краямъ ямы, широкимъ кольцомъ окружаютъ его многочисленные сады и посѣвы южки (люцерна); передъ ними далеко по ровной стени тянутся золотистыя поля пшеницы и ячменя; по краю ихъ правильнымъ полукругомъ, въ разстояніи полета стрѣлы одна отъ другой, расположены невысокія башенки. Въ прежнее время, во время «свободной Туркменіи», на ихъ верхушкахъ помѣщалась стража, предупреждающая работающихъ въ полѣ людей о приближеніи аламана (набѣга), а внутрь прятался всѣ тѣ, кому далеко было ѣхать подъ защиту крѣпкихъ стѣнъ балы (крѣпость); теперь, при русскихъ, башенки служатъ межевыми знаками да складами для зерна.

Когда изъ стени подѣзжаешь къ Чухурь-Агылу, такъ эти башни, поля да сады только и указываютъ на то, что гдѣ-то поблизости спрятался аулъ.

Проѣдешь золотистое море пшеницы, минуешь животрепещущій узенькій мостикъ, перекинутый черезъ широкій арыкъ (канавка) съ отвѣсными берегами и глубоко внизу бурлящею водою, и когда вѣдешь въ узенькій, кривой переулочекъ, образуемый низкими

глинобитными заборами и окаймленный чащей садовъ,—тогда только замелькаютъ кое-гдѣ сквозь густую листву то плоская кровля, то уголъ сакли, то кусокъ крѣпостной стѣны.

Переулочъ еще больше сузился, круто повернулъ въ сторону, побѣжалъ внизъ по крутому спуску и сразу оборвался, выйдя на широкую пустую площадь.

Съ одной стороны ея, съ самаго дна вверхъ по скату, широко раскинулись, доходя до садовъ, многочисленныя курныя сакли. Около каждой изъ нихъ небольшой дворикъ, ограниченный чуть замѣтнымъ заборчикомъ. Во дворахъ кое-гдѣ виднѣются неуклюжіе верблюды, молодые ягнята, изрѣдка лошадь подъ тяжелой войлочной попоной. Тутъ же, прямо на улицѣ, проходитъ лѣтомъ и вся жизнь туркмена. Немногочисленные, синеватые дымки костровъ тонкими спиралями поднимаются къ чистому безоблачному небу; слышатся женскіе голоса, беззаботный смѣхъ полуголыхъ ребятъ-шекъ, блеяніе ягнятъ, иногда скрипучій ревъ осла да отрывистый лай громадныхъ овчарокъ.

По другую сторону котловины вздымаются еще хорошо сохранившіяся стѣны и круглыя выступныя башни калы, загораживая отъ любопытныхъ взоровъ ея внутренность, куда ведутъ широкія и высокія ворота.

Внутри кала похожа на заброшенный улей. Одна около другой, какъ ячейки, лѣятся сакли, лишеныя крышъ и дверей; многія изъ нихъ уже развалились, стѣны другихъ ежеминутно грозятъ паденіемъ; узенькіе ходы, проулки и переходы между ними представляютъ такой лабиринтъ, въ которомъ и привычному человѣку не трудно заблудиться. Не совсѣмъ еще впрочемъ покинута кала. По той стѣнѣ, въ которой продѣланы ворота, во многихъ сакляхъ замѣтно такое оживленіе, какъ и на той сторонѣ котловины. По срединѣ крѣпостцы, образуя нѣчто въ родѣ цитадели, болѣе высокія стѣны отгораживаютъ обширный дворъ съ четырьмя жилыми саклями и нѣсколькими саманниками (амбары). Здѣсь замѣтна большая зажиточность, чѣмъ въ остальныхъ домахъ селенія. Двѣ коровы улеглись въ тѣни навѣса, пережевывая жвачку; породистый текинскій жеребецъ съ широкимъ серебрянымъ ошейникомъ дремлетъ на приколотѣ, покрытый расписною попоной; копошатся въ глубокой ямѣ, закрытой хворостиной, ягнята, предназначенныя на убой.

Въ большомъ котлѣ, подъ которымъ весело трещитъ саксаулъ ¹⁾, варится рисъ.

И рисъ, кушанье богатыхъ, и саксаулъ, топить которымъ можетъ только зажиточный человѣкъ, такъ какъ за вырубку его платится пачъ ²⁾, и серебряныя украшенія молодой еще женщины,

¹⁾ Саксаулъ—растевіе, присущее пескамъ, корни котораго идутъ на топливо.

²⁾ Пачъ—пошлина съ чего бы то ни было.

возящейся около котла, и характерный трескъ ткацкаго станка, на которомъ выдѣлывается аладжа ¹⁾, доносящійся изъ одной сакли, и шмыгающіе по двору въ одномъ бѣльѣ и папахъ персы рабочіе—все указываетъ на богатство хозяина двора.

Здѣсь живетъ Муррюкъ-кетъ-худа, наслѣдственный, родовой кетъ-худа ²⁾ племени анаули, населяющихъ Чухуръ-Агылъ.

Раньше, во времена туркменской свободы, еще богаче былъ Муррюкъ.

Испоконъ вѣковъ, на дѣдовъ и прадѣдовъ его работали, какъ вѣрные подданные, всѣ двѣсти домовъ аула. Годами скоплялось богатство и достигло бы колоссальныхъ размѣровъ, еслибы кетъ-худа захотѣли копить и не жить такъ широко, какъ они жили.

Все же много денегъ и имущества осталось Муррюку послѣ отца; только быстро стало уменьшаться богатство послѣ прихода русскихъ. Завелись новые порядки, къ которымъ никакъ не могъ привыкнуть немолодой ужъ въ то время кетъ-худа. Прогнѣвался на него за что-то Аллахъ и не далъ дѣтей отъ первой жены. Женился Муррюкъ на второй; сынъ родился, а больше ребятъ нѣтъ. Кетъ-худа третью жену взялъ, а какъ старшая умерла, такъ и четвертую, и онѣ оставались безплодными.

Совѣтъ отвернулся разгнѣванный Аллахъ отъ вѣрнаго слуги своего; а онъ ли не молился, не справлялъ всѣ намазы, не ѣздилъ на поклоненіе ко всѣмъ евліа ³⁾. Послѣднія двѣ женитбы и были первымъ подрывомъ благосостоянія кетъ-худа. Прежде какой калымъ ⁴⁾ ни предложи, каждый за честь считаетъ отдать свою дочь замужъ за начальника, теперь не то: всякій норовитъ какъ бы побольше денегъ содрать съ богатаго Муррюка. Дорого стоили ему двѣ послѣднихъ жены, а тутъ еще русскіе не позволили, чтобъ одноаульцы работали на него; тѣ, какъ узнали, и обрадовались свободѣ. Нашлись, конечно, между ними и враги кетъ-худа, давно таившіе противъ него злобу. Однимъ изъ такихъ былъ Велубай ⁵⁾, мѣстный торговецъ. Хитрый и пронырливый, онъ быстро забралъ, раздавая деньги въ долгъ, весь почти аулъ въ свои руки. Подговорилъ своихъ приверженцевъ выселиться изъ калы, смѣнить со старшинства Муррюка, назначеннаго было въ началѣ русскими, и выбрать себя на его мѣсто.

Престарѣлый кетъ-худа съ небольшимъ числомъ родственниковъ, оставшихся ему вѣрными, не захотѣлъ бросать стараго пепелища и началъ безконечную борьбу съ возмущившимися подданными. Скоро вражда партій обострилась до того, что со стороны

¹⁾ Аладжа—шелковая матерія мѣтнаго производства.

²⁾ Кетъ-худа—родоначальникъ племени.

³⁾ Евлія—могила святого, мѣсто поклоненія.

⁴⁾ Калымъ—плата за жену.

⁵⁾ Бай—купецъ, богатый человѣкъ.

можно было подумать, что въ Чухуръ-Агылѣ живутъ не единоплеменные анаулы, а искони ненавидящія другъ друга разныя народности.

Удаленіе отъ должности старшины, расколъ среди жителей аула, а главное отказъ даже ближайшихъ родственниковъ попрежнему работать на него, въ конецъ подорвали богатство Муррюка, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ считалъ себя теперь бѣднякомъ. Заходящее солнце краемъ уже касалось горизонта; по безоблачному небу плылъ бѣлесоватый рогъ молодого полумѣсяца, и ярко горѣла вечерняя звѣзда въ надвигающихся сумеркахъ.

Расплывчатая, голубоватая тѣни мало-помалу окутывали старую калу.

Въ обширномъ низкомъ мехманъ-хане ¹⁾ Муррюка почти совсѣмъ темно. Последніе лучи потухающаго дня, пробираясь сквозь небольшую дверцу и круглое отверстіе въ крышѣ, предназначенное для выхода дыма, колеблющимся невѣрнымъ свѣтомъ озаряютъ узорную кошму, покрывающую полъ, нѣсколько сундуковъ съ наваленными на нихъ теплыми одѣялами и мутаками, круглый очагъ съ потухшими угольями, сѣрыя стѣны, свѣнивающійся съ крыши-потолка законченный хворостъ и приземистую, широкоплечую фигуру самого хозяина, одѣтаго въ два шелковыхъ красныхъ халата, высокую папаху, шерстяные носки и толстыя красныя туфли на двойной подошвѣ. Сильно о чемъ-то задумался Муррюкъ, сидя почти у самаго входа.

Живые, черные глаза сердито смотрятъ изъ-подъ густыхъ нависшихъ бровей; сухая, красивая рука машинально гладитъ сѣдую окладистую бороду; глубокая морщина легла поперекъ высокога, красиваго лба; тонкія губы сосредоточенно сжаты. Давно уже сидитъ кетъ-худа въ мехманъ-хане, и никто изъ домашнихъ не смѣетъ потревожить его.

Во дворъ вошли два старика и почтительнымъ шопотомъ осведомились у рабочаго, гдѣ находится хозяинъ.

Какъ ни старались тихо говорить пришедшіе, какъ ни шептались имъ персъ—рабочій, но чуткое ухо старика уловило въ тишинѣ двора знакомые голоса брата и аульнаго мираба ²⁾.

Быстро постаравшись принять совершенно равнодушное выраженіе, онъ ласково позвалъ гостей и приказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ подавать ужинать.

— Что скажете, старики? — обратился кетъ-худа къ обоимъ аксакаламъ ³⁾, когда тѣ послѣ обычныхъ вопросовъ о здоровьѣ усѣлись и принялись за поданный чай.

— Къ тебѣ, почтеннѣйшій кетъ-худа, за совѣтомъ пришли. Разбери наше дѣло!..— отвѣтилъ мирабъ, высокій худой старикъ.

¹⁾ Мехманъ-хане—пріемная комната для гостей.

²⁾ Мирабъ—надсмотрщикъ за водой.

³⁾ Аксакаль—бѣлобородый, старикъ.

— У васъ старшина есть; идите къ нему. Какъ же я могу васъ разбирать?.. ядовито усмѣхнулся Муррюкъ.

— Мы старшину не знаемъ... нахмурился младшій братъ хозяина.

— Ты нашъ кетъ-худа... Къ тебѣ и идемъ... Старшина что?.. Дуракъ... поддержать его мирабъ, презрительно сиюнувъ.

— Теперь вотъ меня просите разобрать, а какъ дѣло разберу, такъ недовольный къ приставу поѣдетъ жаловаться... Опять въ народномъ судѣ будете судиться... Меня въ свидѣтели вызовутъ, а я къ гаурамъ и ѣздить-то не хочу...—ворчалъ старикъ, все-таки польщенный тѣмъ, что обращаются къ посредничеству его, а не старшины.

— Помилуй, милостивѣйшій кетъ-худа, когда же мы?..

— Зачѣмъ поѣдемъ къ гаурамъ жаловаться?..

— Какъ рѣшишь, такъ и будетъ...

— Кромѣ тебя, у насъ нѣтъ начальства... въ перебивку стали увѣрять оба гостя.

— Если такъ, если правда, что послушаетесь моего рѣшенія, такъ мирабъ, ты, какъ старшій, рассказывай, въ чемъ дѣло!

Мирабъ пространно и довольно безтолково, прерываемый чуть не на каждомъ словѣ братомъ кетъ-худа, передалъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ сосваталъ своему сыну, которому тогда было пять лѣтъ, племянницу Муррюка, двухъ лѣтъ. Какъ и слѣдуетъ, при сватовствѣ былъ составленъ брачный актъ, опредѣляющій величину калыма и порядокъ уплаты. Теперь, когда жениху минуло 15, а невестѣ 12 лѣтъ, и по шаріату можно заключить бракъ, они никакъ не могутъ сосчитать, сколько изъ калыма отдано и сколько осталось получить.

Такъ какъ никакихъ записей или помѣтокъ не дѣлалось, то дѣйствительно требовалось много терпѣнія для того, чтобы возстановить истину. Послѣ неистоваго крика, шума и даже брани, привлечшихъ къ порогу мехманъ-хане нѣсколькихъ любопытныхъ, Муррюку удалось наконецъ уладить споръ къ взаимному удовольствію.

Только когда дѣло было окончено, младшая жена хозяина подала жирный, дымящійся пловъ, и всѣ трое, совершивъ омовеніе, принялись за ужинъ, который, согласно туркменскому этикету, прешель въ полномъ молчаніи.

Когда затѣмъ опять начали пить чай, гости невольно обратили вниманіе на озабоченную фізіономію хозяина, и мирабъ робко осмѣлился спросить:

— Прости, милостивѣйшій кетъ-худа, недостойнаго слугу своего и позволь спросить, что заботитъ такъ тебя... Ты самъ на себя не похожъ, добрѣйшій хозяинъ.

— Большая, охъ, какая большая забота у меня, сокрушенно вздохнулъ Муррюкъ: — не поможете ли вы мнѣ, старики?.. Посоветуйте, что дѣлать... Не знаю, какъ и быть...

— Что случилось, дорогой братъ?.. Кажется, храни Господь, всё у тебя въ семьѣ здоровы?..

— Говори, великолѣпнѣйшій кетъ-худа!.. Открой свою душу... Можетъ быть, и наши скудные умы пригодятся.

— Спасибо вамъ,—поклонился хозяинъ и помолчалъ, какъ бы раздумывая, съ чего начать:—огорчаетъ меня единственный мой сынъ...

— Егенъ-Дурды? — Племянникъ? — въ полномъ, неожиданномъ изумленіи воскликнули оба гостя.

— Онъ самый,—тяжело вздохнулъ Муррюкъ.

— Прости, преславный кетъ-худа,— перебилъ мирабъ: — твой сынъ Егенъ-Дурды примѣромъ можетъ служить для всѣхъ нашихъ парней... Такого почтительнаго сына во всемъ аулѣ не сыщешь.

— Такъ. Вѣрно. Егенъ-Дурды парень смирный, тихій, изъ моей воли не выходитъ, да и теперь покорится, если прикажу... Приказать-то силъ нѣтъ.

— Что же случилось-то, Муррюкъ?—встревожился братъ хозяина.

— А случилось то,—кетъ-худа оглянулся, и хотя былъ увѣренъ, что ихъ никто не слышитъ, но все-таки понизилъ голосъ:— что, какъ передаютъ мнѣ добрые люди, каждый день его видятъ вдвоемъ съ дочерью старшины Велю... Можетъ, и вы чтонибудь ужъ знаете объ этомъ?—вопросительно посмотрѣлъ старикъ на гостей.

Тѣ, потупившись, молчали. Давно ужъ ходилъ по аулу слухъ, что сынъ кетъ-худа связался съ дочерью ихъ врага старшины. Многіе знали объ этомъ, да не рѣшались сказать Муррюку, опасаясь навлечь его гнѣвъ на общаго любимца Егенъ-Дурды.

— Вижу, что знали, — не получивъ отвѣта, продолжалъ хозяинъ: — что жъ мнѣ теперь дѣлать? Парню давно жениться пора. Восемнадцать лѣтъ ему... Прикажу жениться на другой,—ни слова не скажетъ, да какъ приказать-то? Вѣдь онъ у меня одинъ сынъ... Дороже всѣхъ мнѣ.

— Попробуй, дорогой братъ, посватать его можемъ.

— Что-о? — сразу разсвирѣпѣлъ Муррюкъ: — чтобъ я пошелъ кланяться къ этому выскочкѣ?.. Чтобъ я сталъ просить этого дурака?.. Да приставъ мнѣ прикажи, такъ не пойду... Ты что, братъ, съ ума сошелъ, что ли?

— Не сердись, милостивѣйшій кетъ-худа,—вкрадчиво вставилъ мирабъ: — иначе можно устроить дѣло, если ты самъ ничего не имѣешь противъ этой свадьбы.

— Мнѣ что же?.. Дочь дурака-то этого дѣвка хорошая, всё говорятъ... И работница, и аладжу ткать умѣетъ, да и красивая... Чѣмъ не жена Егенъ-Дурды?

— Такъ зачѣмъ же дѣло тогда стало, несчастливѣйшій кетъ-худа?.. Сынъ твой молодець, пусть украдетъ дѣвку... Ты подумай, какъ Велю будетъ злиться!..

— Ох-ох-охъ! — усмѣхаясь, покачалъ головой братъ хозяина: — тутъ какъ-то слыхаль я стороной, онъ будто сказалъ, когда ему передавали, что Егенъ-Дурды за его дѣвкой бѣгаетъ, что скорѣй зарѣжетъ дочь, чѣмъ выдастъ замужъ за сына кетъ-худа.

— А какъ дѣвку-то украдутъ изъ-подъ носа, такъ самъ, пожалуй, умереть отъ злости...

— Вѣрно!.. Кму-то, ей-ей-ей, какъ нехорошо будетъ! — почти весело разсмѣялся кетъ-худа, но, сразу принявъ озабоченный видъ, тяжело вздохнулъ: — Такъ-то оно такъ... Украсть, — Егенъ-Дурды украдетъ... Что говорить... Два хорошихъ дѣла можно сдѣлать: большую гадость Велюу учинишь, да сыну хорошую жену достанешь... Одна бѣда, старшина-то въ народный судъ бросится, а тотъ такой калымъ присудитъ, что и денегъ такихъ не найдешь... Тогда что-жъ? Разводить ихъ?.. Не хорошо!.. Стыда много...

— Какъ не найдемъ денегъ, дорогой братъ?

— Откуда они у меня?.. Нѣтъ совѣмъ.

— У тебя нѣтъ, милостивый кетъ-худа, мы тебѣ дадимъ...

— И у васъ-то вѣдь немного.

— Да, не у насъ двоихъ... Чтобъ напакостить старшинѣ, все аульное отдѣленіе дастъ... Потомъ ты намъ, дорогой братъ, понемногу отдашь.

— Что-жъ объ этомъ говорить, — понеможку-то расплачусь... Егенъ-Дурды женится, надѣль¹⁾ долженъ получить, легче будетъ тогда... Такъ говоришь, что отдѣленіе поможетъ?

— Какъ же не помочь? Ты нашъ кетъ-худа, — поторопился увѣрить мирабъ, но хозяинъ, видимо, не очень повѣрилъ, махнулъ рукой, и весело разсмѣявшись, проговорилъ:

— Не очень-то вы почитаете кетъ-худа, а если и дадите денегъ, такъ только для того, чтобы сдѣлать гадость врагу... Да мнѣ-то все равно, изъ-за чего поможете... Вотъ что, надо бы собрать всѣхъ стариковъ, да переговорить съ ними.

Муррюкъ позвалъ рабочаго перса и приказалъ созвать всѣхъ домохозяевъ. Тотъ влѣзъ на плоскую кровлю сакли и зычно принялся кричать:

— Достопочтенный кетъ-худа зоветъ къ себѣ по дѣлу всѣхъ аксакаловъ.

Долго бесѣдовалъ Муррюкъ со стариками, и только поздно ночью, послѣ того, какъ вполне увѣрился въ ихъ согласіи помочь ему въ случаѣ нужды, отпустивъ сходъ, радостный и довольный легъ спать, собираясь утромъ обстоятельно переговорить съ сыномъ.

¹⁾ У туркменъ каждый женатый, даже обрученный, имѣетъ надѣль; причина, почему обручаютъ малолѣтнихъ и дѣтей.

II.

Солнце стоитъ почти по срединѣ темно-синяго неба; цѣлые потоки лучей нестерпимымъ жаромъ обливаютъ землю; одинъ за другимъ уходятъ съ полей рабочіе, торопясь укрыться въ тѣнь. Оживившійся было съ утра ауль быстро затихаетъ. Все живое спитъ или дремлетъ, пережидая жару.

Подъ широкимъ навѣсомъ, раздѣляющимъ на двѣ половины просторную саклю старшины, сидятъ самъ Велоу-бай, средняго роста, красивый брюнетъ съ небольшою бородкой и хитрыми глазами, и другой торговецъ аула Девлять-Гельды. Послѣдній высокій, худой туркменъ съ выраженіемъ не то испуга, не то недоумѣнія на безбородомъ лицѣ, несмотря на то, что считается однимъ изъ богачей аула, одѣтъ въ дрянный халатъ, облѣзлую папаху и обтрепанные лапти.

Около навѣса на самомъ припекѣ помѣстился на корточкахъ сынъ Девлять-Гельды, Алоу, небольшой курносый парень, также бѣдно одѣтый, какъ и отецъ. Давно уже сватаетъ для него Девлять-Гельды дочь старшины, первую красавицу въ аулѣ, Гюль-Ханумъ, да все не можетъ сойтись въ цѣнѣ. Велоу-бай проситъ тысячу кранъ ¹⁾, а прижимистый лавочникъ даетъ всего пятьсотъ. Терпѣливо ждетъ Алоу, когда сговорятся старики, зная, что рано или поздно Гюль-Ханумъ будетъ его женой, такъ какъ ни у кого другого въ Чухуръ-Агылѣ нѣтъ такихъ денегъ, какъ у его отца. Въ послѣднее время забезпокоился парень, и давно стали ходить слухи, что та, которую онъ считалъ своей невѣстой, ненашутку заглядывается на красавца Егенъ-Дурды. Хотъ и зналъ Алоу, что Велоу-бай ни за какія деньги не отдастъ за того дочь, а все-таки началъ торопить отца покончить скорѣе дѣло. Сегодня съ утра привелъ онъ его къ старшинѣ, а старики до сихъ поръ не могутъ сторговаться.

Велоу-бай, не уступая ни крана, увѣряетъ и клянется, что и такъ-то беретъ мало, что дѣвка вдвое больше стоитъ.

Девлять-Гельды, набавившій еще двѣсти пятьдесятъ кранъ, вздыхаетъ, охаетъ и, соглашаясь съ хозяиномъ, собирается даже принять присягу на Коранѣ, что у него больше денегъ нѣтъ, что и обѣщанныя онъ принужденъ будетъ занять.

Слушаль, слушаль Алоу безконечный споръ и, наконецъ, выйдя изъ себя, забывъ правила вѣжливости, рѣзко вмѣшался въ разговоръ аксакаловъ.

— Покамѣстъ вы тутъ торговаться будете, дѣвку у васъ изъ-подъ носа украдутъ, — сердито кинулъ онъ, запахивая полы халата.

¹⁾ Кранъ — персидская монета; по курсу около двадцати копеекъ.

— Чего разоврался? Кто осмѣлится у меня дочь украсть?— презрительно покосился на него старшина.

— Кто?.. Да Егенъ-Дурды!.. Вотъ кто!

— Молчи, щенокъ... На мѣстѣ убью!—вскочилъ хозяинъ, сверкая глазами.

Дѣвлять-Гельды успокоительно потянулъ его за синій, суконный халатъ и дребезжащимъ голосомъ затянулъ:

— Полно, бай! Что слушаешь мальчишку? Не терпится ему, жениться хочется,—вотъ и вретъ...

— И то правда!.. Стоитъ ли обращать вниманіе на слова безусаго ишака!—злобно усмѣхнулся хозяинъ, садясь на коверъ.

— Я вру?.. Я ипакъ?.. Подождите же, я вамъ покажу, что не вру... порывисто поднялся во весь маленькій ростъ поблѣднѣвшій Алоу:—гдѣ твоя дочь?..

— Гдѣ ей быть? Дома, должно быть,—слегка нахмурился Велоубай и спросилъ, обратясь къ низкой дверцѣ сакли:

— Жена, гдѣ твоя дочь?

— За водой пошла... Долго что-то не возвращается... Тебѣ зачѣмъ ее?—отвѣтилъ изъ полусумрака комнаты молодой еще женскій голосъ, и въ дверь высунулась жена старшины, съ нѣкогда красивымъ, но раньше времени состарѣвшимся лицомъ. Красный шелковый платокъ былъ повязанъ у нея на головѣ и закрывалъ нижнюю часть лица. Оглянувъ разговаривающихъ сонными глазами, она лѣниво вышла изъ сакли и усѣлась въ углу.

— За водой ушла? Да?—злорадно усмѣхаясь, обратился къ ней Алоу: — ну, такъ я вамъ сейчасъ покажу, за какой водой она ходитъ... И, круто повернувшись, онъ со всѣхъ ногъ бросился въ гору къ садамъ.

— Чего это онъ убѣжалъ? — удивленно протянула жена старшины, безучастно слѣдя за убѣгающимъ парнемъ.

— А ну его!.. Сумасшедшій!.. — отмахнулся недовольный Велоубай.

— Не обращай ты на него вниманія... Дуракъ!.. Такъ какъ же, бай? Семь сотъ пятьдесятъ? — задребезжалъ высокимъ теноркомъ Дѣвлять-Гельды. Начался опять торгъ, къ которому совершенно равнодушно прислушивалась мать невѣсты.

Тамъ, гдѣ оканчиваются сады, и почти сейчасъ же начинаются пашни, не далеко отъ шумливаго арыка, куда женщины ходятъ за водой, въ тѣни развѣсистаго тута, лежитъ Егенъ-Дурды, поджидая Гюль-Ханумъ.

Дѣйствительно красавцемъ выглядитъ сынъ кетъ-худа. Широкоплечій, громаднаго роста, съ небольшою курчавою бородой, съ совершенно правильными чертами продолговатаго лица, онъ болѣе походитъ на перса, чѣмъ на туркмена, да и не мудрено, такъ какъ его мать родомъ изъ Тавриза, да и отецъ по крови на половину

хивинецъ, наполовину туркменъ. Радостно напряженными глазами всматривается Егенъ-Дурды въ узкій переулочекъ, извивающійся между садами, и напряженно прислушивается къ малѣйшему шороху. Зашуршала трава подъ легкими шагами, чуть слышится серебряный звонъ мониста, и изъ-за поворота вышла дочь старшины. Только небольшой ростъ указываетъ на то, что Гюль-Ханумъ нѣтъ и четырнадцати лѣтъ. Длинная до пять шелковая красная рубашка плотно облегаетъ вполнѣ развитыя, дѣвственныя формы; изъ-подъ широкихъ рукавовъ виднѣются небольшія ручки, украшенныя массивными браслетами и кольцами съ сердоликами; широкое монисто изъ двукраниковъ сверкаетъ, какъ панцырь, на высокой груди; маленькая шитая шелкомъ тюбетенка съ серебрянымъ шишачкомъ оставляетъ открытымъ круглое личико съ мелкими чертами, съ миндалевидными черными глазками, чуть-чуть выдающимися скулами и пухлыми, красными губами; въ концы двухъ черныхъ длинныхъ косъ вилегены небольшіе бубенчики. При видѣ дѣвушки Егенъ-Дурды слегка пошевелинулся, но позы не перемѣнилъ и постарался скрыть мелькнувшую въ глазахъ радость.

— Здравствуй, дѣвушка, — совсѣмъ почти равнодушно привѣтствовалъ онъ Гюль-Ханумъ, когда та усѣлась около него на корточки, опустивши кувшинъ, который несла на плечѣ.

— Здравствуй, Егенъ-Дурды... Я пришла... Зачѣмъ звалъ меня? — тихо и робко спросила Гюль-Ханумъ, опуская глаза.

— Звалъ, чтобъ спросить тебя послѣдній разъ, — не измѣнила ли ты своему слову, и хочешь ли быть моей женой?

— У меня двухъ словъ нѣтъ, Егенъ-Дурды. Я сказала разъ, что ничьей женой не буду, какъ только твоей...

— Вотъ и хорошо... Я доволенъ, — счастливо размѣялся сынъ Муррюка и не могъ удержаться, чтобъ не потрелать дѣвушку по плечу. Гюль-Ханумъ вспыхнула отъ такой ласки жениха и, поднявъ на него глаза, полные самой рабской преданности, осмѣлилась спросить:

— Прости меня, господинъ... Зачѣмъ ты меня спрашиваешь объ этомъ?

— Вотъ зачѣмъ... Слушай-ка, что скажу.

И Егенъ-Дурды передалъ, какъ отецъ согласился, чтобъ онъ увезъ Гюль-Ханумъ, какъ онъ подобралъ себѣ товарищей, чтобъ похитить ее и отвезти не къ себѣ домой, а сперва къ старшинѣ сосѣдняго аула Хоссара; при этомъ, Егенъ-Дурды объяснилъ, что этого требуетъ Муррюкъ, для того, чтобы, во-первыхъ, самому остаться въ сторонѣ, а, во-вторыхъ, чтобъ отецъ невѣсты не могъ придрататься къ тому, что свидѣтелями брака были сторонники кетъ-худа.

Молодые люди окончательно условились о всѣхъ подробностяхъ побѣга и ужъ собирались расходиться, когда въ садахъ послышался чей-то быстрый бѣгъ, и черезъ одинъ изъ ближайшихъ заборовъ перескочилъ запыхавшійся Алоу.

При видѣ сына Дѣвлять-Гельды, Гюль-Ханумъ порывисто вскочила и бросилась къ арыку. Егенъ-Дурды нехотя поднялся и медленно зашагалъ по полю.

— Ты чего это за чужими дѣвками бѣгаешь? — крикнулъ ему издали Алоу.

— Ты это мнѣ говоришь?—обернулся Егенъ-Дурды.

— А то кому же, свиной сынъ? Смотри, скажу старостѣ, онъ не посмотритъ, что ты сынъ кетъ-худа...

— Молчи! — гаркнулъ Егенъ-Дурды и, указывая на костяную рукоятку ножа, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ сопернику:— видишь вотъ это? Посмѣй у меня слово сказать, и гдѣ бы ты ни былъ, я убью тебя. Понялъ?

Алоу, при видѣ грозно нахмурившагося лица Егенъ-Дурды, мигомъ очутился по другую сторону забора и, посылая ему самую отборную брань, побѣжалъ къ аулу. Помня угрозу сына Муррюка, онъ не посмѣлъ ничего сказать старшинѣ и прошелъ прямо домой. Здѣсь онъ узналъ, что отецъ сторговался, наконецъ, съ Велоу-баемъ, и что свадьба назначена черезъ два дня. Последнее извѣстіе его настолько успокоило, что Алоу даже и отцу ни слова не сказалъ о только что видѣнномъ, рѣшивъ, что въ два дня соперникъ ничего не успѣетъ сдѣлать.

Весь этотъ день въ Чухуръ-Агылъ прошелъ спокойно, ничѣмъ не отличаясь отъ прочихъ дней.

Ночь проходила; многочисленныя звѣзды меркли одна за другой; на востокѣ небо постепенно свѣтлѣло и изъ темно-голубого обращалось мало-помалу въ серебристо-синее. Ауль Чухуръ-Агылъ еще не просыпался; только отрывистый лай собакъ, какъ перекличка часовыхъ, нарушалъ тишину ночи.

Изъ нѣсколькихъ проломовъ въ стѣнѣ калы, выходящей къ садамъ, одинъ за другимъ показывались молодые парни, ведя въ поводу тонконогихъ, узкогрудыхъ скакуновъ.

Парни, помощники Егенъ-Дурды, одѣты въ новые халаты; за широкими шерстяными поясами заткнуты ножи, на боку висятъ кривыя шашки, клынки; на лошадахъ поблескиваютъ широкіе ошейники и подхвостники, покрытые серебряными бляшками. Хотя послѣ прихода русскихъ ни одинъ увозъ дѣвушки не сопровождался кровопролитіемъ, но адатъ (обычное право) требуетъ, чтобъ товарищи жениха были вооружены; самъ же женихъ не можетъ имѣть никакого оружія.

Всей экспедиціей распоряжается сынъ мираба Нуру. Быстро сосчитавъ собравшихся за садами парней, еще разъ повторивъ имъ инструкціи, онъ крутою рысью повелъ всю партію въ объѣздъ аула къ тому мѣсту, гдѣ наканунѣ разговаривалъ Егенъ-Дурды съ своей невѣстой.

Съ первыми лучами вынырнувшего изъ-за горизонта солнца

женихъ съ своими товарищами спрятались за складку степи, и ничто не указывало на ихъ присутствіе.

Степь оставалась попрежнему тихой и безмолвной. Вонъ вдали послышался неясный первый шумъ просыпающагося аула. Въ садахъ замелькали красныя рубашки, раздались голоса идущихъ по воду женщинъ. Не успѣли онѣ дойти до арыка, какъ сразу, будто изъ-подъ земли, вынеслась толпа верховыхъ и съ громкимъ смѣхомъ, гиканьемъ окружила струсившихъ въ первой моментъ женщинъ. Скакавшій впереди Егенъ-Дурды, какъ перышко, подхватилъ Гюль-Ханумъ и, взбросивъ ее на сѣдло, помчался къ синѣющему вдали Хосару. Товарищи его, перекинувшись шутивными угрозами съ женщинами, сразу пришедшими въ себя, когда догадались, въ чемъ дѣло, кинулись за нимъ.

Похищеніе, какъ всѣ такія похищенія, окончилось бы, пожалуй, благополучно, еслибы не взбудоражила аула мать Алоу. Съ воемъ и крикомъ бросилась она къ себѣ домъ и объявила о происшествіи. Одураченный сынъ Девлять-Гельды, потерявъ голову отъ злобы, мигомъ поднялъ на ноги всю молодежь старшинскаго отдѣленія. Парни, обрадовавшись развлеченію, повскакали на всегда осѣдланыхъ коней и на перерѣзъ кинулись за похитителями.

Скоро обѣ партіи столкнулись у мостика черезъ широкій арыкъ. Приверженцы Егенъ-Дурды, желая дать ему время уйти, загородили путь и вступили въ перебранку съ преслѣдователями; скоро брань перешла въ драку, но оружія никто не обнажалъ. Наконецъ Нуроу, оглянувшись и замѣтивъ красный халатъ жениха у самыхъ садовъ Хосара, хотѣлъ уже дать знакъ объ отступленіи, когда Алоу, убѣдившись, что добыча уходитъ, потерявъ всякое самообладаніе, ринулся съ обнаженною пашкой въ толпу враговъ. Въ яркихъ лучахъ солнца на мгновеніе блеснулъ стальной клинокъ, и нечаянно подвернувшійся Нуроу покатился съ сѣдла съ разсѣченнымъ черепомъ.

Убійство сразу отрезвило толпу. На мгновеніе притихнувъ, парни сбились въ кучу и, обскакивая трупъ, съ криками:

— Убилъ! Убилъ!...— понеслись къ Чухуръ-Агыль.

Егенъ-Дурды съ невѣстой на сѣдлѣ проскакали прямо къ хосарскому старшинѣ и, сдавъ радостную, улыбающуюся Гюль-Ханумъ на руки женѣ, рассказали хозяину все происшествіе, просили гостепримства. Какъ ни неприятно было старику-старшинѣ вступаться въ такую исторію, но, не имѣя права по адату отказаться, онъ, скрѣпя сердце, послалъ за муллою и двумя самыми почетными аксакалами. Старики съ глазу на глазъ спросили Гюль-Ханумъ, добровольно ли она ушла съ Егенъ-Дурды, и когда былъ полученъ утвердительный отвѣтъ, мулла написалъ о томъ бумагу, всѣ присутствующіе приложили къ ней именныя печати, и бракъ считался заключеннымъ.

Молодые должны были остаться въ Хосарѣ или до окончанія дѣла миромъ, или до разбора его въ народномъ судѣ.

Необычайное оживленіе царило между тѣмъ въ Чухурь-Агылѣ. Поднялись, закопошились обѣ партіи.

Велюу-бай, избившій предварительно жену за то, что та не досмотрѣла за дочерью, въ нижнемъ только халатѣ, но вооруженный съ головы до ногъ, верхомъ метался по своему отдѣленію, то прося, то требуя, чтобъ одноаульцы тотчасъ же ѣхали съ нимъ въ Хосаръ отбивать дочь. Напрасно старики уговаривали его успокоиться, доказывая, что хосарцы не выдадутъ добровольно молодыхъ, и что его горячность можетъ привести къ дракѣ двухъ ауловъ. Велюу ничего слушать не хотѣлъ и чуть было одинъ не поскакалъ за дочерью. Родственники силой стащили его съ лошади и увели въ саклю.

На другомъ концѣ отдѣленія густая толпа гудѣла у лавки Девлять-Гельды. Старикъ узнавъ, что его сынъ убійца, сперва растерялся, потомъ накинулся съ бранью на Алоу и наконецъ, коекакъ совладавъ съ собою, началъ собирать того въ отѣздѣ. Черезъ полъ-часа Алоу, захвативъ немного провизіи, денегъ, скакалъ по дорогѣ въ Персію, убѣгая отъ кровавой мести. Девлять-Гельды, заперевъ остальную семью въ саклю, валялся въ ногахъ у толпы, прося заступиться за него и не выдавать родственникамъ убитаго.

Опасенія чухурь-агылскаго лавочника, пожалуй, были и не безосновательны. Въ стѣнахъ старой калы замѣтно было злобное волненіе.

Въ саклѣ мираба, около принесеннаго, обмытаго и завернутаго въ саванъ трупа, собрались всѣ старухи отдѣленія. Сидя на корточкахъ у стѣнъ комнаты, онѣ неистово били себя въ грудь, до крови царапали лицо, разрывали рубахи и въ голосъ причитали.

Заунывный, за душу хватающій, вой ихъ далеко разносился среди мрачныхъ развалинъ калы.

Старикъ мирабъ съ блестящими отъ злобы глазами, стоя передъ саклей, задыхающимся голосомъ призывалъ родственниковъ на мечь. Молодежь, возбужденная его страстною рѣчью, съ проклятіями и угрозами по адресу враговъ, бросилась было доставать изъ тайниковъ мултуки (ружья) и топонча (пистолеть), когда въ улицѣ появился важный и спокойный кетъ-худа.

Втолкнувъ мираба въ саклю, нѣсколькими словами успокоивъ разошедшихся парней, онъ заявилъ, что самъ вмѣстѣ со стариками ѣдетъ съ жалобой къ приставу, и приказалъ до разбора дѣла сидѣть смирно. Притихнувшая толпа, благодаря начальника за заступничество, восхваляя его мудрость, постепенно стала расходиться. Въ полдень Муррюкъ и старшина, оба съ своими аксакалами, скакали разными дорогами въ приставство съ жалобами. Ауль на время затихъ и успокоился.

III.

Утромъ на слѣдующій день пріѣхалъ въ Чухуръ-Агылъ приставъ, сопровождаемый на этотъ разъ громадною свитой. Кромѣ переводчика и джигитовъ, за нимъ ѣхали представители обѣихъ враждующихъ партій, нѣсколько есауловъ (аульный посыльный, глашатай), трое народныхъ судей и масса любопытныхъ изъ сосѣднихъ ауловъ, по которымъ съ быстротой телеграфа разнеслась вѣсть о громкомъ дѣлѣ въ Чухуръ-Агылѣ.

Даже не отдыхая, начальство тотчасъ приступило къ разбору обѣихъ жалобъ.

На одномъ изъ склоновъ котловины, какъ разъ посерединѣ между двумя отдѣленіями, на коврахъ и кошмахъ разсѣлись судья, рядомъ съ ними мирза (писарь) съ походною канцеляріей, а немного подалеже приставъ и переводчикъ.

Густая толпа любопытныхъ плотнымъ кольцомъ окружила засѣданіе суда; впереди ея двумя отдѣльными группами помѣстились партіи старшины и кетъ-худа, имѣя во главѣ Велюу и Муррюка; джигиты и есаулы съ нагайками въ рукахъ сдерживали напоръ людской массы.

Горячее солнце ярко освѣщало рѣзко выдѣляющійся бѣлымъ пятномъ китель пристава, цѣлое море красныхъ по преимуществу халатовъ, черныхъ, рыжихъ и бѣлыхъ папахъ, кровли сакель, унизанныя ребятишками, красную группу женщинъ въ темныхъ воротахъ калы, ея сѣрыя, угрюмыя стѣны и густую зелень садовъ, замыкающихъ всю картину. Первымъ разбиралось дѣло объ убійствѣ Нуруу и прошло сравнительно тихо. Хотя убійца и не присутствовалъ на судѣ, но судьи признали возможнымъ въ качествѣ отвѣтчика привлечь его отца. Такъ какъ свидѣтельскими показаніями былъ установленъ фактъ нечаяннаго убійства, то судъ, не налагая на виновнаго наказанія, ограничился присужденіемъ съ Дѣвлять-Гельды 100 тумановъ ¹⁾ хуна ²⁾ въ пользу родственниковъ убитаго, при чемъ согласно адату вся сумма должна быть уплачена въ продолженіе мѣсяца на половину деньгами, на половину скотомъ. Послѣ объявленія приговора, на вопросъ начальства, довольны ли стороны рѣшеніемъ, отецъ убитаго поднялъ было крикъ, требуя кровавой мести, но остановленный кетъ-худа, который шепнулъ ему что-то на ухо, замолкъ и проворчалъ:

— Доволенъ. Пускай во время заплатитъ, я доволенъ!

Дѣвлять-Гельды, заявивъ, что онъ тоже доволенъ, принялся

¹⁾ Туманъ = 33½ кранамъ.

²⁾ Хунъ — плата за кровь.

нить и жаловаться на бѣдность, услышавъ же грозный окрикъ пристава, съ тяжелымъ вздохомъ замѣшался въ толпѣ своихъ родственниковъ.

Дѣло о женитьбѣ Егенъ-Дурды началось неистовымъ гвалтомъ старшинской партіи. Они лѣзли къ судьямъ, требовали расторженія брака и заявляли, что никакого калыма не возьмутъ. Съ трудомъ джигиты, разсыпая удары нагаекъ направо и налево, усмирили разошедшихся приверженцевъ Велю настолько, что можно было начать разборъ.

Самъ старшина не унимался и продолжалъ кричать, что бракъ его дочери съ Егенъ-Дурды не дѣйствителенъ, такъ какъ она два года тому назадъ была просватана за Алоу; въ подтвержденіе своихъ словъ Велю-бай сослался на двухъ свидѣтелей и представилъ брачный контрактъ.

Судьи, взглянувъ на болѣзненные лица свидѣтелей съ лихорадочно блестящими глазами, не повѣрили ихъ показаніямъ и, признавъ обоихъ теріакешами (курильщики опиума), потребовали четырехъ поручителей, могущихъ подтвердить ихъ слова. Велю поспѣшилъ вытянуть изъ среды родственниковъ четырехъ стариковъ. Тѣ, отказавшись ручаться за теріакешей, показали, что слышали, будто дочь старшины просватана за Алоу, но когда имъ было предложено принять въ этомъ присягу на Коранѣ, они отказались.

Старшина между тѣмъ, не обращая ни на что вниманія, совалъ судьямъ брачный контрактъ; судьи, разсмотрѣвъ бумагу, усомнились, чтобъ она была написана два года тому назадъ, и потребовали муллу, который ее составлялъ. Мулла, молодой еще парень, быстро сбился въ показаніяхъ и сознался, что контрактъ по приказанію старшины написалъ только вчера. Видя, что его хитрость не удалась, Велю пришелъ въ такое изступленіе, что джигиты принуждены были вывести его. Во все это время партія кетъ-худа, сдерживаемая имъ, вела себя сравнительно тихо, изрѣдка только градомъ насмѣшекъ сопровождая неудачныя показанія старшинскихъ свидѣтелей. Опросивъ Егенъ-Дурды, хосарскаго старшину, понятыхъ и муллу, бывшихъ во время заключенія брака, судьи пожелали переговорить съ молодой.

Гюль-Ханумъ, съ ногъ до головы закутанная въ халатъ, сидѣла въ сторонѣ, повидимому, совершенно безучастно относясь ко всему происходящему.

Долго шептались съ ней судьи и, наконецъ отпустивъ, стали совѣщаться.

Толпа примолкла и напряженно ждала.

Судьи выпрямились, переглянулись; старшій погладилъ бороду, крякнулъ и обратился къ приставу:

— Господинъ, судъ разсмотрѣлъ дѣло. Показаніямъ старшины

вѣры онъ не даетъ: бумага ложная, мулла признался, свидѣтели теріакеші, которые изъ-за крана покажутъ, что угодно. Бракъ Егенъ-Дурды съ дочерью Велоу-бай совершенъ правильно. Свидѣтели, посторонніе жениху люди, почтенные старики, показали, что дѣвушка ушла добровольно; она только что и намъ сказала то же самое. Бракъ правильный; расторгнуть его нельзя, но дѣло все-таки не хорошее. Егенъ-Дурды не смѣлъ увозить дочь врага, а потому судъ присудилъ: сынъ Муррюка долженъ уплатить калымъ въ двѣ тысячи четыреста кранъ (около 800 руб.), но не скотомъ и деньгами, какъ обыкновенно, и не по частямъ, а сразу кранами. Если заплатитъ онъ не можетъ, то женщины дать разводный листъ, а виновныхъ въ увозѣ посадить въ тюрьму на три мѣсяца.

Приговоръ, выслушанный въ напряженномъ молчаніи, былъ подъ конецъ покрытъ страшнымъ крикомъ обѣихъ теперь уже партій.

Какъ ни были подготовлены приверженцы Муррюка къ увеличенію калыма, но объявленная судомъ не бывшая цифра поразила ихъ. Они громко требовали уменьшенія платы.

Старшина заявлялъ, что судомъ не доволенъ и что пойдетъ съ жалобой къ высшему начальству. Когда шумъ немного утихъ, приставъ самъ попросилъ судъ убавить калымъ. Судьи отказались и, сославшись на вторую часть рѣшенія, предложили расторгнуть бракъ. Услышавъ это, сторонники кетъ-худа зашептались и послѣ долгихъ споровъ объявили, что завтра утромъ представлять всю сумму.

Удовлетворившись такимъ отвѣтомъ, приставъ, объявивъ Велоу порядокъ обжалованія въ высшую инстанцію, въ «чрезвычайный сѣздъ народныхъ судей», хотѣлъ было закрыть засѣданіе, когда старшина обратился къ нему:

— Господинъ, я судомъ недоволенъ и буду жаловаться, какъ ты сказалъ, въ чрезвычайный судъ. Покажѣсть тамъ не окончится дѣло, прикажи отдать мнѣ назадъ дочь...

— Судьи, какъ вы рѣшите: у кого должна быть Гюль-Ханумъ, у отца или у мужа?—спросилъ приставъ.

Судьи пошептались, и старшій объявилъ:

— Господинъ, если кетъ-худа завтра отдастъ калымъ, дѣло считается оконченнымъ, и женщина должна быть при мужѣ. Не отдастъ,—виновныхъ накажи, а женщину отдай отцу...

— Слышишь, Велоу-бай, какъ судъ рѣшилъ, такъ и будетъ...

— Мнѣ не нужно калыма!.. Не возьму!.. Пускай дочь отдаютъ!..—вопилъ старшина.

Его впрочемъ никто уже не слушалъ.

Толпа расходилась, громко обсуждая дѣло. Приставъ собирался ѣхать домой, сопровождаемый довольнымъ Муррюкомъ.

Прошло два года. Дѣло о женитьбѣ Егенъ-Дурды наконецъ окончилось. Долго не хотѣлъ смиряться старшина. Когда по его жалобѣ «чрезвычайный съѣздъ народныхъ судей», рассмотрѣвъ дѣло, утвердилъ постановленіе народнаго суда, Велюу-бай кинулся къ высшему начальству и добился перерѣшенія. Судъ въ другомъ уже составѣ произнесъ прежній приговоръ. Только послѣ вторичнаго отказа въ «чрезвычайномъ съѣздѣ» старшина понялъ, что дальнѣйшая борьба не возможна, и, разсудивъ, что если ужъ терять дочь, такъ за хорошей кушъ, согласился принять калымъ, хранившійся все это время у пристава.

Новое родство не только не прекратило давнишней вражды между старшиной и кетъ-худа, но еще больше ее обострило. Впрочемъ, Муррюкъ, вполне довольный, что насолилъ врагу, что получилъ лишній надѣлъ на сына, мало обращалъ вниманія на безсильную злобу Велюу-бая. Тихо и мирно живя въ старой калѣ, не занимаясь ничѣмъ предосудительнымъ, онъ не боялся многочисленныхъ, чуть не ежедневныхъ, но большей частью неосновательныхъ, жалобъ старшины и умѣлъ ловко парировать ихъ.

Когда же у Муррюка родился внукъ, и онъ фиктивно женилъ его, для полученія еще надѣла, то благосостояніе кетъ-худа возросло настолько, что онъ за небольшую плату нашелъ вторую жену для Егенъ-Дурды. Благодаря этому, хорошенькая Гюль-Ханумъ, недолго процарствовавъ въ сердцѣ и въ домѣ мужа, отошла на второй планъ, и на нее, какъ на старшую, возложили всю тяжелую работу въ большомъ хозяйствѣ свекра.

Дѣло объ убійствѣ Нуруу кончилось не такъ благополучно. Алоу изъ Персіи не возвращался; отецъ его сразу вдругъ обратился въ бѣдняка, лавочку свою закрылъ, имущество куда-то припряталъ, и, кромѣ надѣла, у него ничего не осталось. Напрасно родственники убитаго требовали хуна: съ Дѣвлять-Гельды положительно нечего было взыскать.

Прошелъ годъ, а онъ не заплатилъ ни копейки; все только ходилъ къ приставу, да жаловался, что боится кровавой мести.

Долго сдерживалъ кетъ-худа мираба, отца Нуруу, но когда наконецъ убѣдился, что лавочникъ не хочетъ платить хуна, когда мирабъ упрекнулъ его за отказъ въ энергичной помощи, Муррюкъ разрѣшилъ ему раздѣлаться съ Дѣвлять-Гельды своимъ судомъ. Выискалось трое молодцевъ, которые, напавъ въ пескахъ на отца убійцы, избили его, ранили въ голову и полумертваго бросили въ степи.

Проѣзжающіе мимо туркмены нечаянно наткнулись на окровавленнаго лавочника и привезли его въ Чухуръ-Агыль.

Возникло новое дѣло о кровавой мести. Такъ какъ Дѣвлять-Гельды самъ вызвалъ ее своимъ поведеніемъ, то судъ, сбавивъ ему хунъ на половину, хотѣлъ было даже не налагать взысканія

на виновныхъ и только по настоянію пристава подвергъ ихъ аресту на мѣсяць.

Дѣвлять-Гельды не хотѣлъ платить и оставшихся 50 кранъ. Послѣ долгой переписки высшимъ начальствомъ приказано было взыскать хунъ со всего аула.

Когда послѣднее было приведено въ исполненіе, то партія кетъ-худа настолько озлобилась противъ скупого лавочника, что тотъ, опасаясь быть убитымъ, принужденъ былъ выселиться въ дальній ауль, заселенный тѣмъ же племенемъ анаули. Такъ закончилось и это, надѣлавшее среди туркменъ много шума, дѣло, ибо кровавая месть, какъ слѣдствіе неуплаты хуна, большая рѣдкость въ мирныхъ теперь аулахъ Туркменіи.

М. Дандевиль.

ГИБЕЛЬ ОТРЯДА РУКИНА ВЪ 1870 ГОДУ.

НѢ случилось путешествовать въ 1871 г. по Киргизской стени...

Это было время, когда хивинскія шайки еще врывались въ нашу оренбургскую стень, и путешествіе представлялось далеко не безопаснымъ. Въ Уильскомъ укрѣпленіи мнѣ дали четырехъ конныхъ уральцевъ и посоветовали быть осторожнымъ. Правда, съ расположеніемъ нашихъ отрядовъ на пограничной линіи, случаи раз-

боевъ и нападений сдѣлались значительно рѣже, но за безопасность путешественниковъ все-таки никто не ручался.

Мы выѣхали изъ укрѣпленія послѣ ранняго обѣда и, переправившись черезъ Уиль въ бродъ, оставили влѣво красивыя, сверкавшія на солнцѣ, песчаныя горы Баркина. Отсюда начинается глухая уральская стень, далеко не представлявшая въ то время еще благоустроенной территоріи, въ смыслѣ развитія въ ней тѣхъ гражданственныхъ началъ, о которыхъ такъ хлопотали составители «новаго положенія».

Скучно ѣхать по стени. Медленно поднимается и плыветъ жгучее солнце по совершенно безоблачному небу. Жара въ 55 градусовъ, а между тѣмъ въ перспективѣ большой переѣздъ и ни малѣйшей тѣни среди всей этой опаленной глади. По сторонамъ дороги мелькаютъ еще кое-гдѣ аулы, и, словно очарованные, стоятъ и дремлютъ огромные отары овецъ и табуны съ ихъ полуголыми,

бронзовыми отъ солнца табунщиками. Лѣниво переговариваясь между собою, идутъ уральцы въ своихъ армячинныхъ рубахахъ, винтовки передвинуты на бокъ; потъ грязными ручьями струится по ихъ загорѣлымъ лицамъ, и они все чаще и чаще начинаютъ мѣнять свои позы, какъ дѣлаютъ люди, уставшіе въ сѣдлѣ отъ долгой и скучной дороги. Но вотъ наконецъ и привалъ. Мы сдѣлали уже верстѣ сорокъ и остановились ночевать въ степи около озера Тамберкуля, окруженнаго цѣлымъ рядомъ невысокихъ бархановъ. Озера собственно мы не нашли: оно давно пересохло, и теперь на мѣстѣ его образовалось нѣсколько копаней съ солоноватою водою. Едва казаки, стреноживъ лошадей, пустили ихъ на пастбу, какъ изъ лощины, закрытой песчанымъ холмомъ, выѣхалъ всадникъ. Съ минуту простоялъ онъ у насъ на виду, весь освѣщенный косыми лучами заходящаго солнца, и затѣмъ, вдругъ повернувъ коня, пропалъ за барханомъ. Подозрительные уральцы встревожились.

— И чего эта орда шатается, — жаловался бородатый урядникъ:— вотъ теперь ужъ гляди да гляди, чтобы коней не угнали.

Опасенія уральца, конечно, могли имѣть свои основанія. Но на этотъ разъ даже мнѣ, новичку въ степныхъ путешествіяхъ, подозрѣнія его показались напрасными. Насколько я успѣлъ разсмотрѣть незнакомца, это былъ тучный, осанистый киргизъ, въ замусленномъ донельзя халатѣ, и при томъ съ совершеннымъ отсутствіемъ тѣхъ характерныхъ признаковъ, которые отличаютъ степныхъ барантачей. Я полагаю, что это былъ просто киргизъ съ сосѣдней кочевки, исчезнувшій отъ насъ подъ вліяніемъ страха, наводимаго тогда казаками. Мое предположеніе оказалось вѣрнымъ: не прошло и получаса, какъ изъ-за бархана опять выѣхалъ тотъ же всадникъ, но уже одѣтый въ синій суконный чапанъ, съ широкимъ серебрянымъ поясомъ, и шагомъ направился въ нашу сторону. Онъ отрекомендовался мнѣ старшиною-управителемъ сосѣдней волости. Стало быть, это былъ киргизъ-чиновникъ, одинъ изъ тѣхъ мелкихъ административныхъ дѣятелей, которыми такъ щедро была надѣлена степь реформою 1869 года. Я пригласилъ его сойти съ коня и принять участіе со мною въ походномъ ужинѣ. Онъ оказался человѣкомъ бывалымъ, порядочно говорившимъ по-русски, и потому бесѣда съ нимъ не могла не представлять для меня живого интереса, тѣмъ болѣе, что разговоръ нашъ скоро перешелъ на послѣднія событія, которыя такъ неожиданно для всѣхъ превратили тогда мирную пастушескую степь въ широкую арену разбойничьихъ подвиговъ.

Изъ сопоставленія вполнѣдствіи его рассказовъ со свѣдѣніями, добытыми мною отъ очевидцевъ, съ рассказами казаковъ, вернувшихся изъ плѣна, наконецъ, съ тѣми немногими свѣдѣніями, которыя хранятся еще подъ толстымъ слоемъ пыли оренбургскихъ

архивовъ,—возникаетъ достаточно ясная картина того, что происходило въ степи въ роковое время 1869 и 1870 годовъ.

Нужно сказать, что до двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтїя Россія почти не вмѣшивалась во внутреннюю жизнь киргизскаго народа, стараясь только отстранять его набѣги и обезпечивать свои торговыя сношенїя съ Среднею Азіею. Поставленные во главѣ управленїя ханы, получавшіе наслѣдственную власть, дѣйствовали почти безконтрольно, не разъ измѣняли Россїи и были главными причинами смуть и беспорядковъ между киргизами. Это послужило причиною тому, что въ двадцатыхъ годахъ ханское достоинство было наконецъ упразднено, и вся степь оренбургскаго вѣдомства раздѣлена на три части съ подчиненїемъ каждой особому султану-правителю. Въ должность эту выбирались обыкновенно почетнѣйшіе родовитые ордынцы, люди испытанной преданности русскому правительству, и, несмотря на все это, дѣло выигрывало очень мало: султаны-правители, хотя и подъ контролемъ правительственныхъ лицъ, въ сущности, оставались тѣми же киргизскими ханами, съ тою лишь разницей, что прежде степь управлялась однимъ, а потомъ тремя самовластными лицами, не пользовавшимися къ тому же расположенїемъ народа. Но годы проходили за годами, и время брало свое. Пора удалаго киргизскаго наѣздничества миновала безвозвратно. Съ возведенїемъ въ степи нашихъ укрѣпленїй и съ перенесенїемъ пограничной линїи съ береговъ Урала и Каспія на Сыръ-Дарью и Аральское море, степь затихла. Сторожевыя кордоны тогда были сняты, и самая Оренбургская крѣпость, какъ утратившая свое военное значенїе, была упразднена.

Киргизы дѣйствительно обратились въ мирныхъ кочевниковъ. Но правительство уже не хотѣло довольствоваться только замїренїемъ. Степь, составлявшая когда-то пограничныя владѣнїя Россїи, съ перенесенїемъ нашихъ границъ больше чѣмъ на тысячу верстъ въ глубь Азіи и въ особенности съ образованїемъ Туркестанскаго генераль-губернаторства, обратилась уже во внутреннїя части имперїи, а потому являлась необходимостью позаботиться о постепенномъ сліянїи этого края съ Россїею. Составлена была коммиссія, которая нашла, что цѣль эта можетъ быть достигнута введенїемъ въ степи прочной администраціи, въ главныхъ чертахъ сообразующейся съ общими учрежденїями имперїи. И вотъ въ исходѣ 1868 года появилось, такъ называемое «временное положенїе объ управленїи въ областяхъ Тургайской и Уральской».

Султаны-правители, съ ихъ кочевыми ставками, были упразднены и отошли въ область преданїй. Ихъ замѣнили губернаторы со всѣми губернскими атрибутами: присутственными мѣстами, вице-губернаторами, прокурорами, судьями, уѣздными начальниками и т. д. Весь этотъ высшїй слой администраціи состоятъ изъ русскихъ чиновниковъ; меньшія же власти, непосредственно сопри-

касавшіяся съ народомъ и наиболѣе его интересовавшія (волостные управители, аульные старшины и т. д.), были изъ туземцевъ и назначались по выбору самихъ киргизовъ. Естественно, что такое выборное начало, легшее краеугольнымъ камнемъ въ основу новаго положенія, въ конецъ подрывало значеніе и власть степной аристократіи. Султаны, потомки владѣтельныхъ хановъ, бии и другія вліятельныя лица, привыкшіе пользоваться почетомъ и уваженіемъ своихъ однородцевъ, теперь отодвигались на задній планъ. Не всегда они были любезны народу, и народъ могъ низвести ихъ съ пьедестала—обойти на выборахъ. Вотъ почему новая реформа должна была неминуемо встрѣтить, и дѣйствительно встрѣтила сильнѣйшее противодѣйствіе со стороны привилегированныхъ сословій. Но и простой народъ отнесся къ ней весьма недовѣрчиво. Это объясняется тою канцелярскою тайной, въ которую облечена была разработка столь жизненнаго для киргизовъ вопроса. Дѣйствительно, новое положеніе, объявлявшее, что земли, занимаемыя киргизскими кочевьями, становятся землями государственными, предоставленными киргизамъ лишь въ общественное пользованіе, что права самихъ киргизовъ приравниваются къ правамъ обыкновенныхъ сельскихъ обывателей,—свалилось на нихъ, какъ снѣгъ на голову. Трудно было неразвитымъ кочевникамъ разобраться во всей этой сложной механикѣ, и народъ, игнорируя тѣ хорошія стороны «положенія», которыя въ немъ заключались, понялъ только одно, что подать ему придется платить съ кибитки вмѣсто полтора рубля два рубля семьдесятъ копеекъ. Этимъ обстоятельствомъ не замедлили воспользоваться султаны, бии и муллы для своихъ личныхъ цѣлей. Ими-то и были пущены въ ходъ всевозможные толки и слухи, одни нелѣпѣ другихъ, которые, какъ снѣговья глыбы, чѣмъ далѣе катились, тѣмъ принимали большіе и большіе размѣры.

Первый слухъ о «новомъ положеніи» привезъ изъ Оренбурга въ степь, въ январѣ 1869 года, какой-то султанъ, который подъ секретомъ рассказывалъ въ зимовкахъ близъ Илецкой Защиты, что встрѣтилъ русскихъ чиновниковъ, ѣдущихъ въ степь вводить «положеніе». Онъ говорилъ, что эти чиновники будутъ отбирать въ казну киргизскія земли, а самихъ киргизъ обратятъ въ крестьянъ и будутъ брать въ солдаты. Не успѣли киргизы разобраться, въ чемъ дѣло, какъ пронеслась молва: «ѣдутъ чиновники!». Этого слуха было довольно, чтобы взволновать ближайшіе аулы, а тутъ, какъ нарочно, прискакалъ чабаръ отъ одного вліятельнаго бія, Мунайтпаса Бутамбекова, съ предложеніемъ сѣзжаться къ нему на совѣщанія. Тамъ собралось около ста наиболѣе почетныхъ киргизовъ. Совѣщанія длились два дня, но такъ какъ одни говорили за «положеніе», а другіе противъ, то послѣ шумнаго спора собраніе разѣхалось, ничего не рѣшивъ.

«истор. вѣстн.», июль, 1900 г., т. LXXXI.

8

Въ это-то самое время возвратился въ степь извѣстный мулла Ихласъ-Досовъ, ѣздившій передъ тѣмъ въ Уфу для свиданія съ муфтіемъ. Онъ снова разослалъ гонцовъ по Хобдѣ и Илеку, приглашая къ себѣ возможно большее число киргизовъ. На этотъ разъ ихъ собралось до полуторы тысячи. Ихласъ распорядился тотчасъ выставить на Илекъ вооруженную шайку, чтобы задержать «организаціонную комиссію», ѣхавшую въ степь, а между тѣмъ объявилъ народу, что оренбургскій муфтіи, къ которому онъ обращался съ просьбой поставить въ степи мечеть и дать ему право исправлять духовныя требы,—отказалъ и въ томъ и въ другомъ, потому что отъ оренбургскаго духовнаго магометанскаго собранія уже отобрано право вмѣшиваться въ дѣла зауральскихъ киргизовъ. Этотъ отвѣтъ возбудилъ въ Ихласѣ сомнѣніе, не заключается ли въ новомъ положеніи чего нибудь противнаго религіознымъ вѣрованіямъ. Онъ сообщилъ свои опасенія народу, а народъ, и безъ того возбужденный превратными толками, рѣшилъ не пускать къ себѣ «организаціонную комиссію».

Чиновники, встрѣченные на самомъ Илекѣ тысячною вооруженною толпою, остановились. Киргизы ихъ обложили и держали въ блокадѣ два дня; на третью ночь комиссія повернула назадъ и возвратилась на линію безъ всякаго успѣха. Это и послужило началомъ къ открытому возстанію въ Тургайской области. Быстро разлилось оно по берегамъ Хобды и Илека; и пока одни собирались въ вооруженныя шайки, другіе, не желавшіе принимать участіе въ бунтѣ, поспѣшно откочевывали въ глубину степей, совершенно перепутавшись въ своихъ понятіяхъ и взглядахъ на «положеніе».

Одновременно съ этимъ, такія же прискорбныя явленія произошли и въ южной части степи, въ Гурьевскомъ уѣздѣ, принадлежавшемъ къ Уральской области. Предсѣдатель тамошней организаціонной комиссіи, Тверитиновъ, успѣлъ организовать одну ближайшую волость, но этимъ работа его и закончилась. Едва онъ прибылъ въ аулы къ тазларовцамъ, въ верстахъ въ пяти отъ устьевъ Эмбы, какъ былъ остановленъ старшинами иссыковскаго рода, пріѣхавшими къ нему съ Сагиза и Тентякъ-Сора. Они объявили, что между ихъ однородцами происходятъ волненія, но что они берутся уладить дѣло, если Тверитиновъ возвратится назадъ и не пойдетъ въ аулы.

Тверитиновъ не согласился. Старшины уѣхали. Но едва только смерклось, какъ со стороны ближайшихъ ауловъ показалась конная толпа, человекъ въ четыреста, которая на полныхъ рысяхъ шла прямо къ нашему бивуаку. Казаки живо сдвинули сани, сбатовали лошадей и зарядили ружья. Киргизы дѣйствительно подскочили въ упоръ, но видя, что вагенбургъ готовъ къ оборонѣ, остановились. Отставной казакъ Шамсутдиновъ вышелъ къ нимъ

на встрѣчу и спросилъ, что имъ надо. Толпа съ крикомъ и бранью потребовала выдачи киргиза Тавасарова, находившагося въ числѣ организаціонной комиссіи. «Отдайте намъ Тавасарова! Отдайте измѣнника!—кричали иссыковцы:—иначе мы возьмемъ его силой!» Тавасарова спрятали и объявили, что онъ уѣхалъ въ сосѣдній аулъ. Тогда толпа отодвинулась; но не прошло получаса, какъ киргизы съ крикомъ: «смерть русскимъ!» бросились на лагерь. Ружейный залпъ въ упоръ обратилъ ихъ въ бѣгство.

Наступила холодная, бурная ночь. Киргизы обложили отрядъ и стали въ виду его громаднымъ таборомъ. Положеніе комиссіи было критическое: помощи ей ожидать было нельзя, а выдержать блокаду, по неимѣнію запасовъ, не представлялось возможности. Къ тому же, вся наша боевая сила состояла только изъ 12 уральскихъ казаковъ. Безконечно долго тянулась эта холодная и мрачная январская ночь. Наконецъ, не задолго до свѣту, въ лагерь пробрались трое ордынцевъ и принесли извѣстіе, что къ иссыковцамъ идутъ подкрѣпленія, подъ начальствомъ Сеиля Туркубаева. Вѣрные киргизы предлагали свои услуги спасти отрядъ и требовали только, чтобы довѣрились имъ безусловно. Раздумывать и колебаться было не время. Смерть все равно угрожала казакамъ, какъ въ вагенбургѣ, такъ и въ случаѣ измѣны вожаковъ, а потому черезъ полъ-часа маленькій отрядъ уже былъ готовъ къ выступленію. Въ непроницаемой тѣмѣ, при грозномъ завываніи степной метели, тихо двинулись казаки вслѣдъ за своими вожаками, которые благополучно миновавъ киргизскіе караулы, вывели ихъ къ открытому морю. Отсюда уральцы пустились уже по льду, и на слѣдующій день, къ ночи, кое-какъ пѣшкомъ, добрались до Гурьева, оставивъ въ добычу мятежникамъ обозъ и лошадей.

Такимъ образомъ неудачная попытка ввести новое положеніе и здѣсь имѣла послѣдствіемъ не только открытое сопротивленіе власти, но дала киргизамъ и возможность организовать возстаніе. Ихъ батыри, какъ въ старые годы, стали собираться въ партіи и тревожить линію своими набѣгами. Морозная зима, сковавшая Уралъ, давала имъ всѣ средства удобно перебираться на русскую сторону по льду, отбивать скотъ и нападать на жителей. И вотъ боевыя тревоги, давно умолкшія на берегахъ Урала, снова загремѣли по линіи.

Чтобы показать, до какой степени опасность преслѣдовала жителей даже въ виду казачьихъ форпостовъ, я расскажу два, три случая, которые вмѣстѣ съ тѣмъ познакомятъ читателей и съ характеромъ тогдашнихъ киргизскихъ набѣговъ.

Однажды, напримѣръ, трое киргизовъ, переправившись черезъ Уралъ, никѣмъ не охраняемый, сдѣлали засаду, какъ разъ на пути къ казачьимъ хуторамъ, по рѣчкѣ Богырдаю. Тутъ они выбрали оврагъ, доверху заваленный снѣгомъ, привязали лошадей къ приколамъ и

стали терпѣливо выжидать, не пошлетъ ли Аллахъ какую нибудь добычу. Зимній день выдался сѣренькій, туманный; киргизы успѣли уже порядочно продрогнуть и соскучиться, какъ вотъ по дорогѣ показался какой-то казакъ хуторянинъ. Двое изъ хищниковъ тотчасъ вскочили на коней и, припавъ къ лукѣ, понеслись низомъ, лощиной, какъ разъ на перерѣзъ безопасному уральцу. Казакъ увидѣлъ опасность только тогда, когда бѣжать отъ нея было нельзя,—да и все равно, на домашнемъ маптакѣ не уйти отъ выдержанныхъ киргизскихъ скакуновъ, а защищаться нечѣмъ — казакъ былъ безоруженъ. Тоскливо оглянулъ онъ кругомъ знакомую мѣстность: всюду снѣговая, ровная, безлюдная гладь... Чернѣетъ что-то тамъ на краю оврага, да это малахай: навѣрное, тамъ-то и сидитъ засада... а киргизы ужъ близко. Передній всадникъ съ разгона ударилъ его пикой и вогналъ острое лезвее въ грудь почти на пѣлюю четверть. Пошатнулся старый казакъ, однако усидѣлъ въ сѣдлѣ и, какъ медвѣдь, схватившись руками за пику, въ куски поломалъ гнилое ратовище. Плохо пришлось бы и киргизу, попавшему въ его желѣзныя лапы, еслибы тутъ на помощь не подскочилъ другой и взмахомъ тяжелаго чекана не сбилъ казака на землю... Очнулся онъ уже въ оврагѣ, обобранный и связанный, посреди киргизовъ, между которыми шелъ жаркій разговоръ, что дѣлать съ плѣнникомъ.

«Мнѣ не нужно хивинскія тилли ¹⁾»,—кричалъ громче всѣхъ высокій, сухощавый старикъ, съ лицомъ, искаженнымъ злобою:— я хочу крови, потому что много видѣлъ горя отъ русскихъ, когда содержался у нихъ на форпостахъ». Съ послѣднимъ словомъ онъ выхватилъ ножъ, висѣвшій у него на поясѣ, и прежде чѣмъ киргизы успѣли удержать его руку, казакъ уже плавалъ въ крови и конвульсивно бился на землѣ съ перерѣзаннымъ горломъ. Молча, облокотясь на старый мултукъ, стоялъ страшный старикъ надъ своею жертвой, пока другой ударъ, угодившій казаку прямо подъ сердце, не прекратилъ его агоніи.

Цѣлый день просидѣли киргизы въ оврагѣ, поджидая, не вернется ли еще кто нибудь на засаду, но на дорогѣ никто не показывался. Въ сумеркахъ они покинули свое логовище и, какъ голодные волки, пошли по новымъ тропамъ отыскивать добычи. Вотъ ѣдутъ они стенью и видятъ — ходитъ въ сторонѣ табунь. Какъ не попытать удачи? Опытные барантаци объѣхали его кругомъ изъ-подъ вѣтра; но кони, вспугнутые рикомъ и ружейнымъ выстрѣломъ, бросились въ разныя стороны. Пока киргизы ихъ скучивали, на шумъ сбѣжалась артель рабочихъ, случайно ночевавшихъ въ ближнемъ кутанѣ, и прискакали табунчики. Попробовали было киргизы отстоять добычу, но, принятые въ укрюхи, обратились въ бѣгство.

¹⁾ Золотая монета.

Вся ихъ добыча за день состояла въ одномъ казачьемъ маштакѣ, добытомъ изъ-подъ убитаго уральца. Они уже подумывали было возвратиться домой, какъ на берегу Урала наткнулись на чей-то обозъ, безопасно заночевавшій въ степи, верстахъ въ пяти отъ Тополинской крѣпости. Нѣсколько саней, съ поднятыми оглоблями, къ которымъ привязано было съ десятокъ лошадей, стояли безъ всякой охраны. Никого изъ людей не было видно; по всей вѣроятности, они спали тутъ же въ саняхъ, укрывшись отъ холода кошмами. Киргизы осторожно подобрались къ лошадямъ и стали ихъ отвязывать; лошади, однако, шарахнулись и разбудили спавшихъ обозниковъ. На возу поднялся старый казакъ Терентій Толкачевъ. Замѣтивъ непрошенныхъ гостей, онъ крикнулъ: «воры!» но въ ту же минуту грянулъ ружейный выстрѣлъ, и казакъ упалъ, раненый въ грудь мултучною пулей. По выстрѣлу векочили его сынъ и работникъ. Киргизы, замѣтивъ, что въ обозѣ людей больше не было, бросились на нихъ въ пики; но казаки, схвативъ топоры и оглобли, отбили нападеніе. Двѣ лошади остались, однако же, въ рукахъ у киргизовъ, жаль стало казакамъ своего добра. «Живо, садись, ребята, на лошадей!» скомандовалъ старикъ, забывая свою рану, и вдвоемъ съ сыномъ погнался за хищниками. Тѣ, замѣтивъ погоню, бросили лошадей; но какъ только казаки съ своею добычей повернули назадъ, киргизы наѣли на нихъ съ тылу. Видя, что они настигаютъ сына, старый казакъ осадилъ коня, но въ ту же минуту снова былъ раненъ пикою въ спину; сыну его достался добрый ударъ по головѣ чеканомъ. Оба они, облитые кровью, успѣли, однако, доскакать до обоза и вмѣстѣ съ работникомъ приняли киргизовъ въ оглобли. Нападеніе вторично было отбито. Хищники отошли и стали совѣщаться. Тогда старикъ Толкачевъ спросилъ у нихъ по-киргизски:

— Чего вы хотите отъ насъ?

— Лошадей.

— Лошадей не дадимъ, пока не возьмете насъ, а мы не сдадимся.

— Лучше сдайтесь!—кричали киргизы.—Вѣдь оглоблями да топорами не отобьетесь, а если не сдадитесь, мы будемъ стрѣлять.

— Стрѣлять стрѣляйте, да близко не подходите; неровень часть, кого зашибемъ и до смерти.

— Да вы кто такіе, русскіе или казаки? — спрашивали ихъ киргизы.

— Казаки.

— Изъ какого форпоста?

— Калмыковскіе.

— Если вы казаки, то садитесь на коней и выѣзжайте въ поле.

— Намъ въ полѣ дѣлать нечего, — отвѣчалъ старикъ, — а хотите взять лошадей, то идите въ обозъ и берите.

Перебранка съ обѣихъ сторонъ тянулась цѣлую ночь, а тутъ и блѣдная полоса разсвѣта стала разливаться по небосклону. Киргизы смѣтили, что теперь, того и гляди, найдетъ казачій разъѣздъ, и потому, оставивъ обозъ, пустились своей дорогой по берегу Урала. Но день для нихъ задался неудачливый. Не проѣхали они и ста сажень, какъ услыхали погоню; сильный казачій разъѣздъ скакалъ за ними изъ Тополинской крѣпости. Пустили киргизы своихъ скакуновъ во все повода; но скоро замѣтили, что подъ однимъ изъ нихъ конь начинаетъ уставать. Они пропустили его съ заводнымъ маштакомъ впередъ, а сами стали держаться сзади, чтобы въ случаѣ нужды отбиваться отъ русскихъ. А разъѣздъ все ближе и ближе...

Далеко впереди его, пожалуй, на цѣлую версту, несутся трое уральцевъ. Молодой, неопытный казакъ, Астраханкинъ, на чудномъ конѣ первый настигаетъ хищниковъ, но тѣ бросаются въ пни и гонятъ его назадъ.

— Давай мнѣ свою лошадь, я мигомъ съ ними раздѣлаюсь!— кричитъ на скаку бородастый уралець. Но Астраханкинъ не соглашается. Во весь махъ выпустилъ онъ своего скакуна, широкимъ вольтомъ обскакалъ киргизовъ, но кинуться одному на двухъ не хватило духу; его опять гонятъ и преслѣдуютъ хищники.

А между тѣмъ тотъ, что скачетъ впереди, напрасно напрягаетъ силы, чтобы уйти отъ погони. Лошадь подъ нимъ уже спотыкается, пересѣдываетъ некогда; онъ ловко срѣзавъ ножомъ сѣдельную подпругу, выбросилъ изъ-подъ себя арчакъ и насакаку перекинулся на другую лошадь, добытую утромъ; но этотъ домашній маштакъ только и скачетъ, что куцымъ короткимъ галопомъ. Киргизы увидѣли, что болѣе спасать товарища нельзя, и бросили его на жертву. Старый киргизъ безропотно покорился своей судьбѣ; онъ медленно слѣзъ съ коня, бросилъ оружіе и сѣлъ на дорогу. Такъ, въ этомъ положеніи, его и захватили казаки. Остальные ушли.

Подобныхъ происшествій въ то время было не мало. Но случались и такія дѣла, въ которыхъ погибали уже не одиночные люди, а цѣлыя вооруженныя команды. Вотъ что случилось разъ въ самое Благовѣщеніе.

Чинно отпраздновали казаки въ Горячинскомъ форпостѣ великій день, въ который, по народнымъ повѣрьямъ, даже птица не вьетъ себѣ гнѣзда, а къ вечеру по случаю разрѣшенія вина и елея позабыли и думать, что есть на свѣтѣ киргизы, а не то уже, чтобы они были близко. Никакихъ мѣръ осторожности не было принято, и казаки заснули, не предчувствуя, что для многихъ изъ нихъ эта ночь будетъ послѣднею.

На самомъ свѣту въ станицу прискакалъ чабанъ съ извѣстіемъ, что съ зимовокъ отставного сотника Скворкина киргизы угнали

всѣ табуны и отары. Въ домѣ Скворкина поднялась суматоха, разбудили сосѣдей и 20 оставныхъ казаковъ вызвались итти въ погоню; къ нимъ присоединился самъ Скворкинъ и потомъ хорунжіій Сергѣевъ. Вся эта толпа, наскоро осѣдлавъ лошадей, поскакала къ разбитой зимовкѣ, откуда по свѣжему слѣду гнать было удобнѣе. Проскакавъ верстъ десять во весь опоръ, казаки растянулись, и нѣкоторые, имѣвшіе подъ собой плохихъ лошадей, стали одинъ по одному возвращаться назадъ. Между тѣмъ, 13 человекъ, въ томъ числѣ два офицера, Сергѣевъ и Скворкинъ, гнали все дальше и дальше. Они уже сдѣлали верстъ 25 и были недалеко отъ урочища Курайлы, когда замѣтили конную толпу, человекъ въ триста, которая быстро неслась стороною, чтобы отрѣзать имъ отступленіе. Казаки остановились. Опытнымъ взглядомъ окинули они окрестную мѣстность и, увидѣвъ въ сторонѣ кутанъ—особую землянку, куда киргизы обыкновенно загоняютъ на зиму скотъ,—подскакали къ нему, спѣшились и сбатовали коней. Этотъ способъ обороны, освященный у казаковъ и временемъ и лучшими боевыми преданіями, не разъ выручалъ ихъ изъ бѣды. Но тутъ случилось одно обстоятельство, разстроившее всѣ ихъ расчеты. Воспользовавшись численнымъ своимъ превосходствомъ, киргизы обложили казаковъ и завели съ ними перестрѣлку издалека, стараясь выманить выстрѣлы. Казаки, однако, попались бывалые, знакомые со степною повадкою, и не хотѣли терять зарядовъ напрасно. «Пока зарядъ въ дулѣ—голова казака на плечахъ»,—говорятъ старые люди, и казаки, слѣдуя этому мудрому правилу, стрѣляли съ выдержкой, черезъ ружья, снимая время отъ времени тѣхъ смѣльчаковъ, которые уже слишкомъ назойливо подѣзжали къ ихъ кругу.

Убѣдившись, наконецъ, что такъ казаковъ не возьмешь, киргизы натаскали сѣна и, сложивъ его въ громадный стогъ, зажгли изъ-подъ вѣтру. Пламя и ѣдкій дымъ, охватившіе защитниковъ, заставили ихъ отойти на нѣсколько шаговъ отъ строенія. Вотъ этого только и хотѣли киргизы. Они проворно растворили кутанъ, и скотъ, ослѣпленный пожаромъ, подгоняемый сзади гикомъ, выстрѣлами и ударами пикъ, какъ бѣшеный, ринулся на казаковъ. Испуганные кони шарахнулись, оборвали батовки, и кругъ разстроился. Въ эту минуту киргизы съ дикимъ ревомъ обрушились на казаковъ всею своею массою... Что произошло тогда—описывать нечего; триста человекъ, разумѣется, смяли тринадцать, и черезъ двѣ, три минуты кровавое дѣло было покончено. Ни одинъ изъ уральцевъ не сдался живымъ; всѣ бились дружно и сложили свои головы, какъ одинъ человекъ. Когда прискакалъ сюда станичный резервъ, ему оставалось совершить только дѣло милосердія: казаки подняли 13 обезглавленныхъ тѣлъ (голова были увезены киргизами) и медленно, похоронною процессіей вернулись съ ними домой... На слѣдующій день были похороны, и нѣсколько-

ко простыхъ сосновыхъ крестовъ прибавилось на станичномъ кладбищѣ. Но ни эти кресты, ни краснорѣчивыя надписи, изсѣченныя на нихъ рукою грамотея-станичника, не сохраняютъ въ народѣ память объ этомъ кровавомъ событіи. Живое слово, простой разсказъ, быть можетъ, пѣсня,—одна изъ тѣхъ богатырскихъ былинъ, которыя оставляетъ великое казацкое войско въ наслѣдіе своему потомству, — вотъ что передастъ ихъ скромныя имена и славную смерть ихъ, какъ священный завѣтъ отцовъ своимъ дѣтямъ и внукамъ.

Не всегда, однако же, и киргизамъ приходилось возвращаться назадъ изъ своихъ набѣговъ. Бывали случаи, что цѣлыя шайки ихъ попадались въ руки казаковъ, и тогда казаки, съ своею очередь, уже не давали пощады.

Однажды, лѣтомъ, получено было извѣстіе, что выше Горячинскаго форпоста переправилась черезъ Уралъ шайка въ триста человѣкъ и ударились въ степь. Пока станичный резервъ выѣзжалъ на тревогу, новый гонецъ прибылъ съ извѣстіемъ, что киргизы отхватили табунъ въ 800 головъ и гонятъ его къ Мергеневскому поселку. Повернули казаки въ ту сторону, а въ Мергеневѣ съ постовой каланчи уже увидѣли шайку, и 20 казаковъ на пяти бударкахъ пустились внизъ по Уралу, чтобы перенять переправу.

Киргизы ожидали погону, и потому съ своей стороны поднялись на хитрость; они отправили табунъ по берегу рѣки, а сами, обскакавъ Мергеневскій поселокъ, кинулись вплавъ, чтобы сбить казаковъ со слѣду. Съ бударокъ, однако же, увидѣли плавившуюся конницу, и легкая казачья флотилія стрѣлою понеслась внизъ по теченію. Дружно налегли казаки на весла, разогнали челны и, со всего разгона врѣзавшись въ эту толпу, принялись чѣмъ ни попало, и веслами и баграми, глушить киргизовъ, какъ красную рыбу. Киргизамъ защищаться было нельзя, а потому Уралъ мгновенно обагрился кровью, и мутныя волны его понесли множество труповъ, и людскихъ и конскихъ, къ далекимъ берегамъ Каспійскаго моря. Съ берега ордынцы, провожавшіе табунъ, съ ужасомъ глядѣли на гибель товарищей, но ничѣмъ не могли помочь имъ—выстрѣлы не достигали бударокъ. Нѣсколько человѣкъ сунулись было въ воду, но крикъ: «спасайтесь! скачутъ казаки!»—заставилъ ихъ думать о собственномъ спасеніи. Но спастись было уже поздно; резервы Горячинскаго, Лбищенскаго и Каршинскаго форпостовъ отрѣзали имъ отступленіе. Киргизамъ, притиснутымъ къ заливу, образуемому въ этомъ мѣстѣ Ураломъ, оставалось выбирать только родъ смерти — гибнуть на сушѣ или въ водѣ. И ни одному изъ трехсотенной партіи не удалось ступить на родную сторону. Тѣ, которые дрались на берегу, легли подъ ударами казачьихъ шашекъ и пикъ; другіе, сброшенные въ рѣку, попадали въ руки казаковъ, сидѣвшихъ въ бударкахъ, и

тѣ, какъ сомовъ, глушили ихъ своими баграми. Это поголовное истребленіе шайки послужило хорошимъ урокомъ киргизамъ и надолго отбило у нихъ охоту переправляться за Уралъ и тревожить казачьи станицы.

Здѣсь, въ бѣглыхъ замѣткахъ, не мѣсто рассказывать подробно о тѣхъ мѣрахъ, которыя наконецъ были приняты къ успокоенію взволнованной степи. Вооруженный мятежъ въ Уральской области подавленъ былъ чрезвычайно быстро, но онъ долго еще продолжалъ держаться въ сосѣднемъ съ нами Мангишлакскомъ приставствѣ, гдѣ небольшой казачій отрядъ подполковника Рукина былъ истребленъ самымъ измѣнническимъ образомъ. Много лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ эта кровавая драма разыгралась на берегахъ Сарыташскаго залива, но, къ сожалѣнію, о ней нигдѣ ничего не писали, а между тѣмъ это событіе представляетъ собою едва ли не единственный фактъ въ нашихъ степныхъ экспедиціяхъ.

Скитаясь по степи долгое время и встрѣчаясь со многими лицами, близко стоявшими къ этому несчастному дѣлу, я имѣлъ случай собрать о немъ много достовѣрныхъ подробностей, которыя и передамъ читателямъ такъ, какъ онѣ рассказывались мнѣ въ откровенной и дружеской бесѣдѣ передъ эгонькомъ далекаго степного бивуака.

Надо сказать, что «новое положеніе», вводившееся среди оренбургской степи, на первыхъ порахъ совсѣмъ не коснулось адаевцевъ. Они жили слишкомъ далеко, кочевали въ сосѣдствѣ съ Хивой и Туркменіей, и потому о переустройствѣ ихъ въ самый разгаръ степного мятежа нечего было и думать. Какъ прежде, въ дореформенное время, такъ и тогда, когда реформы уже вводились въ оренбургской степи, адаевцы попрежнему дѣлились на двѣ дистанціи и управлялись своими почетными бѣями: Маяевымъ и Колбинымъ. Оренбургское начальство распорядилось даже не объявлять имъ о новомъ размѣрѣ податей, что было весьма основательно, такъ какъ эта мѣра, по крайности, на первыхъ порахъ удержала ихъ отъ намѣренія пристать къ недовольнымъ и идти на Гурьевъ.

Но зато, какъ только вооруженный мятежъ въ степи былъ подавленъ, военный губернаторъ Уральской области тотчасъ потребовалъ къ себѣ, въ Уральскъ, обоихъ дистанчныхъ начальниковъ. Оба они явились въ началѣ 1870 года. Имъ дали инструкціи и отправили обратно уже съ подполковникомъ Рукинымъ, которому на правахъ уѣзднаго начальника подчинялось все Мангишлакское приставство. Рукинъ, какъ рассказываютъ, началъ дѣйствовать круто. Онъ вовсе не хотѣлъ принимать во вниманіе ни новости для адаевцевъ самаго дѣла, ни разнообразія мѣстныхъ бытовыхъ условій, ни обширности степныхъ пространствъ, ни

борьбы съ предрасудками. Онъ думалъ, что только суровая строгость да страхъ наказаній одни могутъ держать въ повиновеніи полудикихъ кочевниковъ, и этимъ создалъ рядъ такихъ затрудненій, съ которыми пришлось впоследствии уже не ему считаться серьезнымъ образомъ. Адаевцы съ ропотомъ приняли новое положеніе; они не хотѣли платить податей больше того, чѣмъ платили прежде, да и въ самомъ разграниченіи земель между волостями и аулами увидѣли мѣру не только стѣснительную для скотоводства, но, главное, нарушающую ихъ вѣковые обычаи. Напрасно Маяевъ, человѣкъ усердный и преданный русскимъ, старался разъяснить имъ благія намѣренія правительства; его не слушали; народъ малопомалу переходилъ на сторону Колбина, который во главѣ своей дистанціи открыто отложился отъ русскихъ.

Въ половинѣ марта, при первомъ извѣстии объ этихъ безпорядкахъ, Рукинъ выступилъ изъ Александровскаго форта съ конною полусотней уральскихъ казаковъ. Онъ шелъ «наказать мятежниковъ», рассчитывая, что одного появленія его съ казаками будетъ достаточно для восстановленія полного спокойствія. Но онъ жестоко ошибся. Напрасно Маяевъ и нѣсколько почетныхъ биевъ, присоединившіеся къ нему по дорогѣ, совѣтовали ему возвратиться назадъ, говоря, что мятежъ охватилъ уже большую часть Мангышлака, и что идти впередъ съ такими ничтожными силами—дѣло рискованное. Рукинъ, однако, ихъ не послушалъ: не зная киргизовъ, онъ былъ убѣжденъ, что двухъ-трехъ выстрѣловъ будетъ достаточно, чтобъ разогнать какія угодно скопища. А дорога, между тѣмъ, отъ самаго форта на разстояніи слишкомъ 125 верстъ оказалась пустынною. Аулы спѣшно откочевывали въ разныя стороны, и такъ какъ «наказывать» при такихъ условіяхъ было некого, а вести переговоры не съ кѣмъ, то Рукину, дошедшему уже за Сарыташскій заливъ, поневолѣ оставалось одно: возвратиться въ фортъ. Но едва казаки повернули назадъ, какъ случилось извѣстіе, что обратная сторона занята мятежниками. Нѣкто Исса Тулумбаевъ, одинъ изъ сардарей, человѣкъ молодой и богатый, сталъ во главѣ возстанія и со всѣхъ сторонъ окружилъ казаковъ легкими партиями. Положеніе отряда стало опаснымъ. Тѣ изъ ордынцевъ, которые еще оставались намъ вѣрными и были въ лагерѣ, теперь одинъ по одному, втихомолку перебѣгали къ мятежникамъ. Скоро при Рукинѣ остались только Маяевъ съ двумя своими джигитами да Косынко, старый киргизъ, прослужившій 12 лѣтъ безсмѣннымъ почтаремъ въ Александровскомъ фортѣ. Рукинъ былъ видимо встревоженъ такимъ оборотомъ дѣла и потерялъ значительную долю своей самоувѣренности. Онъ остановился на первыхъ попавшихся ему колодцахъ и послалъ одного изъ джигитовъ Маяева въ фортъ за подкрѣпленіемъ. «Я окруженъ адаевцами»,—писалъ онъ коменданту: — приплите на помощь сколько возможно людей, хоть

двадцать человекъ при одномъ орудіи, и вмѣстѣ съ ними пришлите мнѣ второй комплектъ боевыхъ патроновъ, фельдшера, медикаментовъ и водки, которой у казаковъ совсѣмъ не имѣется». Между тѣмъ, желая выиграть время, онъ послалъ спросить Исса Тулумбаева, что значать эти вооруженныя сборища.

— Скажи,—отвѣчалъ на это Исса,—чтобы приставъ прежде всего выдалъ Маяева: пока этотъ измѣнникъ не будетъ въ нашихъ рукахъ, мы не начнемъ вести переговоровъ.

Съ посланнымъ пріѣхало въ лагерь и нѣсколько съ ногъ до головы вооруженныхъ киргизовъ, чтобы принять отъ насъ Маяева.

— Маяева я не выдамъ,—отвѣчалъ имъ Рукинъ:—но передайте Иссѣ, что если онъ прибѣгнетъ къ оружію и истребитъ горсть моихъ казаковъ, то правительство не оставитъ его безъ наказанія.

Само собою понятно, что Рукину, какъ человѣку, стоявшему во главѣ вооруженной силы, не слѣдовало допускать въ самомъ себѣ даже мысли о возможности истребленія казачьяго отряда, а тѣмъ болѣе говорить объ этомъ самимъ же киргизамъ. Но разъ это было сказано, и Исса подмѣтилъ въ Рукинѣ колебаніе, онъ приказалъ открыть огонь по отряду. Цѣлую ночь шла перестрѣлка.

На слѣдующій день, 24-го марта, отрядъ отошелъ назадъ еще верстъ на десять: На пути при самомъ входѣ въ крутыя каменистыя горы Акъ-Тау лежало узкое ущелье, которое киргизы и вздумали занять, чтобы окончательно отрѣзать Рукина отъ форта. Съ нашей стороны такъ же дорожили этимъ горнымъ проходомъ, и урядникъ Багайдинъ съ шестью казаками вызвался предупредить киргизовъ. Наши и непріятель прискакали туда одновременно. Шесть казаковъ столкнулись съ сотнею киргизовъ, и у самага входа въ ущелье произошла рукопашная свалка. Храбрый Багайдинъ и два казака были убиты, остальные прискакали назадъ. Отступленіе отряду было отрѣзано. Повидимому, лихой казачьей полусотнѣ, вооруженной прекрасными таннеровскими винтовками, нечего было бы и думать о шайкѣ барантачей. Такъ и смотрѣли на это дѣло сами уральцы; но Рукинъ не попытался даже пробиться, а приказалъ повернуть направо въ горы, чтобы этимъ путемъ, какъ можно скорѣе, выйти къ открытому морю. Но здѣсь казаки очутились посреди такихъ скалистыхъ ущелій, что двигаться съ обозомъ было невозможно. Начинало темнѣть. Тогда Рукинъ, желая ускорить отступленіе, приказалъ бросить не только верблюдовъ съ палатками и продовольствіемъ, но и верховыхъ казачьихъ лошадей, рассчитывая, что въ этой мѣстности скорѣе можно спастись пѣшкомъ, нежели конными. Казаки бросили верблюдовъ, но оставить лошадей не соглашались. Они предлагали Рукину завьючить ихъ провіантомъ, и вести въ поводу, говоря, что съ лошадьми и провіантомъ они не только чрезъ горы, чрезъ всю орду пройдутъ, а случится крайность—положатъ лошадей въ кругъ, вотъ имъ и

готовое укрѣпленіе; а тамъ не день или два, а цѣлую недѣлю можно держаться, пока не дадутъ подмогу изъ форта. Иканское дѣло, гдѣ сотня уральцевъ три дня боролась съ десяти-тысячною кокандскою арміею, было еще тогда въ свѣжей памяти всѣхъ. Но Рукинъ былъ человѣкъ чужой казакамъ, не знакомый ни съ ихъ обычаемъ спѣшиваться, ни съ подъемомъ ихъ нравственнаго духа, и потребовалъ буквального исполненія своихъ приказаній. Казаки поворчали между собою, но лошадей бросали; отрядъ двинулся дальше.

Въ это время со стороны форта вдругъ показалась какая-то конница. На одно мгновеніе мелькнула у всѣхъ надежда, что это казаки. Вотъ отъ нихъ отдѣлился одинъ... Маяевъ поскакалъ къ нему на встрѣчу и въ виду отряда былъ убитъ изъ ружья наскочившимъ на него киргизомъ ¹⁾.

Съ этой минуты Рукинъ потерялъ послѣднюю надежду на спасеніе отряда. До моря, у береговъ котораго Рукинъ рассчитывалъ найти спасительныя суда рыбопромышленниковъ, оставалось еще верстъ пять или шесть, а ночь наступила такая темная, что идти дальше было невозможно. Рукинъ приказалъ отряду взобраться на уступъ горы и тамъ расположиться на ночь. Ни воды, ни продовольствія при отрядѣ не было. Всю ночь киргизы ѣздили кругомъ, но близко приближаться не смѣли—нарѣзное оружіе казаковъ держало ихъ въ почтительномъ разстояніи. И, тѣмъ не менѣе, Рукинъ около полуночи позвалъ къ себѣ стараго Косынку и сказалъ ему:

— Ну, Косынко, дѣла наши плохи. Вотъ тебѣ мое двухствольное ружье, возьми его и спасайся, какъ знаешь. Мы ничего сдѣлать больше не можемъ.

Что думалъ въ эту минуту Рукинъ — неизвѣстно; но, по всей вѣроятности, несчастная мысль о сдачѣ уже запала въ его голову. Косынко, между тѣмъ, тотчасъ выбрался изъ лагеря, но уйти далеко не удалось и ему, — вездѣ были киргизы; онъ притаился за камни и сталъ невольнымъ свидѣтелемъ того, что произошло здѣсь на слѣдующее утро.

Стало свѣтать; казаки готовились къ бою. Но Рукинъ, вмѣсто того, чтобы вести ихъ къ морю или укрѣпиться на занятой имъ высотѣ и ожидать подкрѣпленій изъ форта, — рѣшилъ начать переговоры.

— Маяевъ, — послалъ онъ сказать Тулумбаеву: — убитъ; наши верблюды и лошади брошены. Если есть люди, убитые въ шайкѣ, то есть и русскіе, убитые киргизами; стало быть, кровь за кровь пролита, и теперь Исса долженъ пропустить отрядъ безпрепятственно.

¹⁾ По словамъ другихъ, Маяевъ убитъ въ то время, когда отрядъ расположился уже на ночлегъ. Онъ замѣтилъ на полугорѣ одного киргиза изъ своей дистанціи и началъ взбираться къ нему для переговоровъ. Въ эту минуту киргизъ выстрѣлилъ, и Маяевъ палъ мертвымъ.

Съ отвѣтомъ на это пріѣхалъ Девлетъ Калдыбаевъ.

— Исса,—сказалъ онъ Рукину:—требуетъ, чтобы ты пріѣхалъ къ нему въ лагерь вмѣстѣ съ твоими офицерами. Тогда онъ пропуститъ отрядъ и возвратитъ лошадей и верблюдовъ.

Самъ Рукинъ былъ озадаченъ дерзкимъ тономъ посланнаго,— и тѣмъ не менѣе условіе было имъ принято. Рукинъ, вмѣстѣ съ двумя офицерами и вахмистромъ Макаровымъ, отправился къ Иссѣ. Казаки и здѣсь пробовали уговорить его:

— Не поддавайтесь, ваше высокоблагородіе, не вѣрьте имъ— обманутъ. Кто повѣритъ киргизу, тотъ хуже бабы, говорятъ у насъ старики. Дозвольте пробиваться къ форту; винтовки у насъ славныя, патроновъ хватить... Не бѣда, ваше высокоблагородіе, что провіанту нѣтъ, дня два протерпимъ, а тамъ и въ фортѣ будемъ.

Но Рукинъ уѣхалъ. Черезъ часъ не больше отъ него возвратился Макаровъ съ приказаніемъ, чтобы казаки спустились съ горы и шли къ киргизскому стану. Уральцы отказались.

— Еще не было примѣра, — говорили они: — и дѣды не запомнятъ того, чтобы казакъ покорился киргизамъ.

Ропотъ сдѣлался общимъ. Макаровъ далъ знать Рукину. Тотъ возвратился самъ и не безъ труда возстановилъ порядокъ. Напрасно казаки еще разъ просили у него дозволенія примкнуть къ горѣ и здѣсь отбиваться. Рукинъ отвѣчалъ, что это будетъ напрасно, такъ какъ безъ воды и хлѣба они защищаться не могутъ.

— Такъ ведите насъ впередъ,—кричали казаки:—мы пашками пробьемъ себѣ дорогу, довольно съ насъ сраму, что по вашему приказанію мы бросили верблюдовъ и коней.

— До форта далеко, а путь къ морю запертъ, — возразилъ на это Рукинъ:—пробиться мы не сможемъ и погибнемъ даромъ. Киргизы же обѣщаютъ отпустить насъ съ честью.

Казаки не вѣрили.

— Вспомните, — сказалъ тогда Рукинъ, — что наши офицеры остались заложниками въ рукахъ непріятеля, и что всякое упорство съ вашей стороны грозитъ имъ гибелью.

Казаки отвѣчали, что они не виноваты въ томъ, что выдали ихъ офицеровъ, и что, можетъ быть, теперь ихъ уже нѣтъ и въ живыхъ. Рукинъ отвѣчалъ, что офицеры живы, но при первой попыткѣ казаковъ взяться за оружіе погибнутъ непремѣнно.

Что происходило тогда на душѣ уральцевъ, этого мы объяснить не беремъ; но черезъ полчаса казаки молча и угрюмо шли уже вслѣдъ за своимъ начальникомъ къ киргизскому стану. Но тамъ ожидало ихъ новое и еще большее униженіе. Исса потребовалъ, чтобы казаки сложили оружіе.

Даже Рукинъ посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— Я не могу иначе отвѣчать ни за что,—сказалъ Тулумбаевъ въ полголоса: — сейчасъ пригонять вашихъ лошадей и верблю-

довъ, и кто знаетъ, что можетъ случиться, если и мои и твои люди останутся вооруженными. Лучше послушай моего совѣта.

Одинъ изъ офицеровъ отправился къ казакамъ уговаривать ихъ исполнить требованіе, а между тѣмъ Рукинъ, встревоженный и мрачный, ходилъ взадъ и впередъ по площадкѣ, гдѣ полукружіемъ сидѣли киргизскіе вожди. Казаки наотрѣзъ отказались повиноваться. Рукинъ подошелъ самъ и сталъ угрожать имъ, что всѣ они, по возвращеніи въ фортъ, какъ ослушники, будутъ преданы полевому военному суду.

— Если мы честно, съ оружіемъ, пробьемся въ фортъ, — кричали казаки:—то Богъ не безъ милости и батюшка царь проститъ намъ, что мы не пошли въ плѣнъ къ киргизамъ.

Ропотъ превращался въ открытый бунтъ, и страшное слово «измѣна» тамъ и сямъ уже стало ходить по рядамъ уральцевъ. Минута была критическая. Тогда урядникъ Неулыбинъ вышелъ впередъ и обратился къ полусотнѣ съ слѣдующими словами:

— Братцы!—сказалъ онъ:—не хорошо мы дѣлаемъ, что не слушаемъ начальника. Сложите оружіе; должно быть, намъ на роду написано погибнуть, «какъ съ Бекачемъ»¹⁾. Простимся другъ съ другомъ и умремъ честными казаками, а не ослушниками.

Нѣкоторые пробовали возразить ему; но рѣчь Неулыбина произвела поразительное дѣйствіе: послѣ недолгаго спора уральцы пришли къ заключенію, «что воля начальства есть Божія воля, и что противъ ея итти не приходится». Тогда, въ послѣдній разъ перецѣловавшись другъ съ другомъ, они неохотно стали снимать съ себя винтовки, патронташи, пашки и складывать ихъ на указанное мѣсто. Человѣкъ двадцать киргизовъ подошли и накрыли казачье оружіе большими тяжелыми кошмами, на которыхъ по угламъ усѣлось нѣсколько здоровенныхъ ордынцевъ. Не всѣ казаки, однако же, исполнили приказаніе въ точности. Нѣкоторые, чело- вѣкъ 17—18, въ томъ числѣ хорунжій Ливкинъ, вахмистръ Макаровъ и самъ Неулыбинъ, сдали только шашечныя ножны, а клинки, про всякій случай умудрились спрятать въ шаровары, пропустивъ ихъ черезъ карманы за голенища сапогъ. Когда все это было сдѣлано, Исса свистнулъ, и толпа киргизовъ, скрытыхъ до того въ засадѣ, вдругъ съ дикимъ ревомъ ринулась на казаковъ... Перваго схватили есаула Логинова и, набросивъ ему на шею арканъ, потащили къ верблюдамъ. Та же участь постигла всѣхъ, кто былъ безоруженъ: ихъ смяли массою, связали и потомъ отвезли въ Хиву. Но тѣ, которые успѣли припрятать пашки, выхватили ихъ и защищались отчаянно; хорунжій Ливкинъ былъ тяжело израненъ и на третій день умеръ; Макаровъ, Неулыбинъ и остальные казаки были частью изрублены, частью покрыты тяжелыми ранами и по-

¹⁾ Князь Бековичъ-Черкасскій, погибшій въ Хивѣ въ 1717 году.

пали въ плѣнъ. Рукинъ только въ моментъ катастрофы созналъ свою непростительную ошибку; не желая пережить своего несчастья, онъ выхватилъ револьверъ и на глазахъ у всѣхъ застрѣлился; когда онъ падалъ, подскочилъ къ нему Исса и ударомъ пашки разрубилъ ему голову.

Такъ окончилась эта катастрофа, о которой казаки-уральцы и теперь еще вспоминаютъ съ горькимъ чувствомъ нравственной обиды.

Напрасны и несправедливы были бы обвиненія Рукина въ измѣнѣ, трусости или въ малодушіи. Онъ хотѣлъ спасти отрядъ и только не сумѣлъ этого сдѣлать, потому что не зналъ ни народа, съ которымъ ему пришлось имѣть дѣло, ни казаковъ, которыми командовалъ. Онъ самъ покончилъ съ собою, потому что не хотѣлъ пережить нареканій, и теперь, когда прошло уже столько лѣтъ со дня его смерти, можно отнестись къ его памяти съ большою безпристрастностью.

Смерть Рукина была только началомъ крупныхъ событій на Мангишлакѣ. Нужно сказать, что записка, посланная имъ въ Александровскій фортъ съ дороги, была доставлена, и помощь оттуда вышла своевременно. 25-го марта, часу въ пятомъ вечера, команда, изъ 20 пѣшихъ казаковъ съ однимъ орудіемъ, уже подходила къ тому мѣсту, на которомъ въ послѣдній разъ ночевалъ Рукинъ. Прдержись онъ нѣсколько лишнихъ часовъ — и катастрофы бы не было. Но теперь обстоятельства перемѣнились. Подходя къ Сарытапскому заливу, казаки встрѣтили киргиза, который везъ тѣло убитаго Маяева. Онъ первый сообщилъ имъ извѣстіе о гибели начальника уѣзда и совѣтовалъ, какъ можно скорѣе возвратиться въ фортъ, чтобы предупредить коменданта. Казаки повернули назадъ, и только тутъ замѣтили, что адаевцы небольшими конными шайками со всѣхъ сторонъ тянутся къ морю. И казаки и киргизы съ видимымъ любопытствомъ издалека наблюдали другъ друга, но близко не приближались. Только, когда уже совершенно стемнѣло, мимо самага отряда проскакалъ какой-то киргизъ, верхомъ на верблюдѣ, съ длинною камышевою палкой въ рукахъ. Нѣкоторые признали въ немъ Девлета Калдыбаева, жившаго по сосѣдству съ фортомъ. Его окликнули, но онъ только махнулъ рукой и, прокричавъ: «уходите скорѣе, покуда цѣлы», скрылся изъ виду. Казаки прибавили шагъ.

Вечеромъ, 26-го марта, весь Александровскій фортъ пришелъ въ необычайное движеніе: возвратился отрядъ, ходившій на помощь къ Рукину, и привезъ извѣстіе о гибели начальника уѣзда, вмѣстѣ со всею казачьей полусотней. Казаки, поселенцы, армяне и мирные киргизы—все бѣжало на площадь, чтобы услышать подробности страшнаго происшествія. Тутъ же, въ толпѣ, успѣли схватить и Девлета Калдыбаева, который, какъ ни въ чемъ не бывало,

явился въ фортъ, желая, конечно, прослѣдить то впечатлѣніе, какое произведетъ на гарнизонъ извѣстіе о торжествѣ адаевцевъ. Его арестовали и отвели къ коменданту; подробностей отъ него, однако же, никакихъ не добились. Онъ только утверждалъ, что всѣ офицеры живы и вмѣстѣ съ казаками находятся въ плѣну. Печальная истина раскрылась позже, спустя нѣсколько дней, когда явился Кóсынко, очевидецъ кровавой катастрофы. Онъ сообщилъ, что адаевцы возстали поголовно, и что громадныя толпы ихъ съ разныхъ сторонъ направляются къ форту.

Заброшенный въ глухую сторону, угрюмо и одиноко стоитъ Александровскій фортъ на каменной грядѣ Тюбъ-Караганскаго мыса, почти у самаго берега пустыннаго Каспійскаго моря. Помощи ему ожидать не откуда. Ближайшій пунктъ, съ котораго еще могло подойти подкрѣпленіе,—это Уральскъ, находящійся отсюда въ тысячеверстномъ разстояніи. Скоро ли доѣдетъ туда гонецъ? Да и доѣдетъ ли въ такое время, когда всѣ дороги были покрыты разбойничьими шайками? Стало быть, коменданту приходилось рассчитывать только на силы одного гарнизона, а этотъ гарнизонъ состоялъ всего изъ двухъ сотъ пѣшихъ казаковъ. Комендантомъ форта былъ въ то время капитанъ Зеленинъ, старый степной офицеръ, прошедшій всю свою долгую жизнь въ бояхъ съ азіатцами. Онъ самъ объявилъ гарнизону объ опасномъ положеніи форта и своею короткой, но горячею рѣчью сумѣлъ вдохнуть въ простыя сердца казаковъ необычайное мужество. Казаки поклялись умереть на развалинахъ форта. Закипѣла работа по исправленію верковъ, а между тѣмъ послали просить помощи въ Гурьевъ и въ Астрахань. Посланному въ послѣдній городъ посчастливилось прибыть туда моремъ на третьи сутки, и такимъ образомъ 1-го апрѣля телеграфъ передалъ въ Оренбургъ извѣстіе о возстаніи адаевцевъ.

Между тѣмъ событія на полуостровѣ шли своимъ чередомъ. Истребивъ отрядъ Рукина, киргизы направились къ морю и первый ударъ свой направили на Сарыташскую пристань. Вотъ какъ рассказывалъ мнѣ впоследствии одинъ изъ рыбопромышленниковъ о нападеніи на нихъ киргизовъ.

— Работали мы,—говоритъ онъ:—нѣсколько дней совершенно спокойно и не предвидѣли, какая бѣда виситъ у насъ надъ головою. Доходили до насъ слухи, что киргизы гдѣ-то бунтуютъ въ степи, да мы на это мало обращали вниманія: что они намъ сдѣлаютъ на морѣ?

— Лодка у меня была большая, на ходу проворная, лоцманъ русскій,—такъ въ случаѣ чего можно бы было и уйти отъ погони. Правда, работниковъ я нанималъ изъ киргизовъ, но это былъ народъ вѣрный, сколько лѣтъ уже ходилъ со мною на промыселъ. Разъ, въ самое Благовѣщеніе, вечеромъ, подъѣзжаетъ къ намъ маленькая лодочка, а въ ней трое киргизовъ. Признаться, я и не

обратилъ вниманія—мало ли ихъ ѣздило въ ту пору?—сижу, разбираю сѣти, а того и не вижу, что киргизы вошли на палубу, пошептались съ моими молодцами, да какъ вдругъ хватаютъ меня топоромъ по затылку,—я такъ и громыхнулся прямехонько въ открытый люкъ...

Что было дальше—не знаю. Опомился я уже ночью. Кругомъ все тихо,—только и слышно, какъ волны плещутъ о бортъ моей лодки... голова трещить, грудь завалило чѣмъ-то тяжелымъ, холоднымъ... Сталь я вглядываться, вижу—лежу въ трюмѣ, гдѣ складывалась рыба, а на мнѣ—большущая бѣлужина. Ужъ какимъ манеромъ я очутился подъ нею, не знаю, а только, видно, она-то, матушка, и закрыла меня отъ киргизовъ. Выползъ я кое-какъ на верхъ, вижу: на палубѣ кровь, лоцмана нѣтъ,—значить убили, да сбросили въ море, а то, можетъ быть, и съ собой увезли. Загоревалъ я тутъ: какъ мнѣ одному управиться съ такою большою лодкою, да и страшно, ну, какъ вернутся киргизы... Только я это подумалъ, вижу—лодка. «Батюшки, думаю—они!..» кинулся опять въ трюмъ, забился подъ рыбу и лежу.

Слышу—подѣхали. Кто-то кричитъ съ лодки: «Эй! нѣтъ ли тутъ кого живого, выходи, спасайся!» Я лежу, шелохнуться не смѣю: кто ихъ знаетъ, какіе люди? Окликъ повторился еще два раза—я все молчу. «Ну, видно, здѣсь никого не оставили, всѣхъ побили, поѣдемъ дальше!» Тутъ только я догадался, что это наши поселенцы, и сталъ кричать о помощи. Вернулись они, взяли меня съ собою въ фортъ, да по дорогѣ и рассказали, что почитай всѣ наши рыбопромышленники побиты, что работники-киргизы вездѣ помогали убивать своихъ хозяевъ, многихъ сбросили въ море, а многихъ увезли въ Хиву. «Я еще отдѣлался счастливѣе,—прибавилъ рассказчикъ:—по крайности, живъ остался, да и лодку не тронули, а у другихъ такъ ни синь-пороха не оставили»...

Разгромъ Сарыташской ватаги заставилъ опасаться, чтобы той же участи не подверглась и Николаевская станица, находившаяся всего верстахъ въ пяти или въ шести отъ форта, на берегу Александровской бухты. Станица эта была населена исключительно одними рыболовами и прилегала къ гористой, изрѣзанной балками мѣстности, а между нею и фортomъ на половинѣ дороги находилось Красное озеро, названное такъ потому, что въ ясные дни вода его имѣла совершенно малиновый цвѣтъ. Говорятъ, что это происходитъ отъ кристаллизаціи какой-то особенной соли, которая, осѣдая на дно, сообщаетъ озеру не только красный цвѣтъ, но и многія цѣлебныя свойства.

Поселенцы Николаевской станицы были предупреждены комендантомъ объ опасности. Часть ихъ перебралась въ фортъ, а остальные, сложивъ свое имущество на морскія суда, вышли въ открытое море. Тамъ они проводили ночи, а по утрамъ на маленькихъ

лодкахъ съѣзжали на берегъ и присматривали за своимъ хозяйствомъ.

2-го апрѣля, дня за два до Вербной субботы, поселенцы вздумали топить свои бани, а потому большая часть ихъ была на берегу. Вдругъ, часовъ въ 9 утра, на горахъ показалась многочисленная непріятельская конница. Изъ форта увидѣли ее прежде, чѣмъ изъ станицы, и съ одного изъ бастионовъ на встрѣчу ей грянулъ пушечный выстрѣлъ. Гулко раскатился ударъ по сосѣднимъ горамъ и понесъ въ станицу тревожную вѣсть о наступившей опасности. Случилось, что въ это самое время одна молодая поселянка изъ форта находилась около Краснаго озера. Киргизы ее замѣтили и цѣлою толпою кинулись за нею въ угонку. Изъ форта зачастили выстрѣлы, но разстояніе было слишкомъ велико—ядра не долетали, и бѣдная женщина, долго увертывавшаяся отъ окружавшихъ ея киргизовъ, была наконецъ схвачена на глазахъ гарнизона. Гулъ канонады достигъ между тѣмъ до станицы и вызвалъ въ ней общую панику. Заметались люди, бывшіе въ баняхъ: блѣдные, растерянные, полуодѣтые, бросились они къ своимъ спасательнымъ лодкамъ, но по ихъ слѣдамъ уже мчались киргизы и безпощадно рубили и забирали въ плѣнъ тѣхъ, кого застигали въ домахъ и на улицахъ. Крики и вопли несчастныхъ доносились до форта. Казаки просились на вылазку. Но что могла сдѣлать какая нибудь сотня пѣшихъ людей, когда непріятель имѣлъ возможность окружить ее своими громадными силами, отрѣзать ей отступленіе и такимъ образомъ лишить фортъ въ нужную минуту цѣлой половины его защитниковъ. Долго колебался комендантъ между чувствомъ долга и человѣколюбіемъ; но благоразуміе, однако, одержало верхъ. Рѣшено было думать только о спасеніи форта.

Всю ночь до самага утра горѣла станица, и киргизы грабили дома поселенцевъ и лодки, которыя еще оставались въ бухтѣ. Замѣчательный случай вышелъ при этомъ съ однимъ изъ нашихъ уральцевъ.

Въ бухтѣ, у самага выхода въ море, стояла подъ охраною шести казаковъ казенная лодка, на которой совершалась почтовая гоньба въ Гурьевъ и Астрахань. Когда киргизы ворвались въ станицу, то казаки немедленно открыли по нимъ огонь изъ своихъ дальнобойныхъ винтовокъ. Мѣткіе выстрѣлы ихъ крѣпко мѣшали адаевцамъ хозяйничать въ бухтѣ и до того озлобили послѣднихъ, что человѣкъ тридцать кинулись въ ближайшій пакетботъ и поплыли къ казацкому судну, чтобы взять его на абордажъ. Вѣтеръ дулъ съ моря, и такъ какъ наша тяжелая парусная лодка не могла повернуться, чтобы выйти изъ бухты, то казаки проворно соскочили въ подѣздную шлюпку и уже готовились отчалить, когда одна изъ бывшихъ съ ними женщинъ крикнула, что позабыла ребенка. На одну минуту всѣ оторопѣли, потому что въ лодкѣ были

уже киргизы. Тогда одинъ казакъ, перекрестившись, бросился на палубу судна, схватилъ забытое дитя и подъ градомъ пуль благополучно соскочилъ обратно въ лодку. Еще минута — и легкая казачья ладья унеслась изъ глазъ оторопѣвшаго противника.

Два дня киргизы неистовствовали по всему морскому побережью, и въ оба эти дня изъ форта съ удивленіемъ видѣли, что маякъ, стоявшій на Тюпъ-Караганскомъ мысѣ, загорѣлся въ свое урочное время, и какъ всегда, путеводный бѣлый огонекъ его фонаря мерцалъ едва замѣтною звѣздочкою, освѣщая нашимъ судамъ прибрежные рифы и мели. Въ высокой каменной башнѣ этого маяка помѣщалась команда изъ восьми матросовъ, вмѣстѣ со своимъ офицеромъ. Комендантъ уже нѣсколько разъ посылалъ сказать, чтобы они отступили въ крѣпость; но офицеръ прислалъ только своихъ шестерыхъ малютокъ, а о себѣ велѣлъ передать, что будетъ держаться на своемъ посту до послѣдней возможности. Съ паденіемъ станицы всѣ наши сообщенія съ маякомъ прекратились, но ежедневный сигнальный огонь, зажигаемый на его флагштаукѣ, давалъ гарнизону знать, что матросы держатся. На третьи сутки киргизы обложили маякъ и отрѣзали у осажденныхъ воду. Цѣлый день шла перестрѣлка, а ночью, когда въ киргизскомъ станѣ все успокоилось, матросы по веревкамъ спустились внизъ съ пятнадцати-саженной высоты и благополучно оврагами пробрались въ фортъ, гдѣ ихъ уже не чаяли видѣть живыми.

На слѣдующій день, не слыша болѣе выстрѣловъ, киргизы подступили къ башнѣ и съ удивленіемъ увидѣли ее покинутою. Долго любовались они этимъ величественнымъ зданіемъ, съ высоты котораго открывалась такая чудная картина на море и степь, уходившую куда-то далеко въ безконечное пространство. Но разрушительные инстинкты дикарей взяли наконецъ свое: и къ вечеру красивая, грандіозная башня представляла собою лишь безобразную груду развалинъ и мусора.

Теперь очередь дошла и до форта.

5-го апрѣля, въ Вербное воскресенье, толпы киргизовъ конныхъ и пѣшихъ потянулись къ восточнымъ укрѣпленіямъ форта. Изъ крѣпости ихъ встрѣтили гранатами. Непрiятель, однако, былъ хорошо укрытъ горными кряжами и безостановочно продолжалъ наступленіе; онъ остановился только надъ самымъ спускомъ въ долину, и отсюда стрѣлки его, залегшіе за камни, открыли огонь по укрѣпленію. Изъ форта имъ отвѣчали всѣ бастионы, обращенные фронтомъ къ непрiятелю, — и жестокій огонь продолжался до самаго заката солнца. Но вотъ наступила ночь, пальба смолкла, а гарнизонъ стоялъ на валу и ожидалъ приступа.

Между тѣмъ, еще въ то время, когда густыя сумерки только что стали спускаться на землю, значительная толпа киргизовъ отдѣлилась отъ главнаго скопища и двинулась на сѣверную сторону съ

видимую цѣлью занять высокую гору—мѣсто бывшаго крѣпостного флагштока, откуда можно было видѣть все, что дѣлается въ фортѣ. Изъ 5-го бастіона замѣтили, однако, это движеніе и сдѣлали вылазку. 20 казаковъ успѣли предупредить киргизовъ и встрѣтили ихъ ружейнымъ залпомъ. Киргизы отхлынули назадъ и дали возможность коменданту ночью выслать на помощь къ казакамъ еще одно полевое орудіе.

6-го числа, едва только наступилъ разсвѣтъ, съ валу увидѣли небольшую группу киргизовъ, которые шагомъ ѣхали по направленію къ форту и издали еще махали бѣлымъ флагомъ. Огонь съ крѣпостной стѣны прекратился. Явился парламентаръ съ письмомъ отъ Исы Тулумбаева, который просилъ въ немъ выслать изъ форта всѣхъ находившихся у насъ киргизовъ, общая взаимнѣ ихъ возвратитъ Рукина и двухъ уральскихъ офицеровъ. Посланнаго съ письмомъ задержали, а Тулумбаеву послали сказать, что пока офицеры не будутъ въ фортѣ, до тѣхъ поръ не начнутъ съ нимъ переговоровъ. Исса былъ раздраженъ отказомъ. «Весь адаевскій родъ,— писалъ онъ къ коменданту:—возсталъ на защиту своего закона, и гарнизону изъ двухъ сотъ человѣкъ нельзя сопротивляться тридцати-тысячной силѣ». Не желая напрасной гибели храбрыхъ, Исса требовалъ перемирія и предлагалъ коменданту устроить свиданіе въ условленномъ для этого мѣстѣ.

— Напрасно Исса думаетъ меня обмануть, — отвѣчалъ на это капитанъ Зеленинъ:—ни я и никто изъ моихъ офицеровъ на свиданіе съ нимъ не поѣдемъ, а что касается его угрозы, то пусть онъ попробуетъ взять крѣпость, которая имѣетъ на стѣнахъ 14 пушекъ.

— Вы надѣетесь на пушки, а мы уповаемъ на Бога,—отвѣтилъ ему Исса, и переговоры кончились.

День прошелъ безъ всякихъ приключеній. Лазутчики, являвшіеся въ фортъ, говорили однако, что нападеніе будетъ ночью на армянскій базаръ, находившійся въ нижнемъ укрѣпленіи, откуда жители выведены были при самомъ началѣ осады.

Дѣйствительно, ночь наступила темная, препятствовавшая видѣть приближеніе непріятеля, а между тѣмъ гарнизонъ не могъ сдѣлать вылазку, такъ какъ у него за всѣмъ расходомъ оставалось подъ ружьемъ только 150 человѣкъ, къ которымъ прибавили всѣхъ рабочихъ людей, лазаретную прислугу, писарей, причетниковъ, денщиковъ и даже торговцевъ, сколько нибудь умѣвшихъ владѣть оружіемъ.

Часовъ въ десять вечера отдаленный шумъ и выстрѣлъ съ наблюдательнаго пикета, поставленнаго за нижнимъ укрѣпленіемъ, извѣстили о приближеніи непріятеля. Почти въ то же время загорѣлась ружейная пальба на мѣстѣ бывшаго флагштока, и замѣтили какія-то черныя правильныя массы, приближавшіяся къ восточ-

нымъ бастіонамъ; ихъ встрѣтили орудійнымъ огнемъ. Но пока перестрѣлка, то затихая, то разгораясь сильнѣе, отвлекала наше вниманіе на эти два пункта, главныя силы адаевцевъ передвинулись на южную сторону, и, несмотря на картечный огонь, направленный въ улицы армянскаго базара, вломились въ нижнее укрѣпленіе. Грабежъ продолжался до самаго разсвѣта. Спасти армянскій базаръ не представлялось уже никакой возможности, и потому стрѣльба съ нашей стороны мало-помалу затихла. Въ гарнизонѣ начиналъ ощущаться недостатокъ въ боевыхъ снарядахъ.

Взошедшее солнце озарило только курившіеся дома сожженнаго предмѣстья. Армяне, пробравшіеся туда по уходѣ киргизовъ, принесли извѣстіе, что все, что было въ лавкахъ, разграблено дочиста; но стѣны, обрызганныя мозгомъ, товары, перепачканные кровью, людскіе и конскіе трупы, загромождавшіе улицы, показывали ясно, что картечь сдѣлала свое дѣло и уложила на вѣчный покой немало хищнаго люда. День прошелъ спокойно, а ночью опять тревога—киргизы пытались сжечь скирды сѣна: сскреть изъ десяти казаковъ отстоялъ, однако, казенное добро и разогналъ адаевцевъ.

По утру 8-го числа, изъ форта замѣтили въ морѣ большую козовую лодку, стоявшую на якорѣ возлѣ самой бухты. Нѣсколько казаковъ, посланныхъ узнать, что это за лодка, вернулись назадъ вмѣстѣ съ лоцманомъ, который объявилъ, что онъ ночью прибылъ съ грузомъ изъ Астрахани, но, увидѣвъ развалины станицы, догадался, въ чемъ дѣло, и бросилъ якорь такъ, чтобы его можно было замѣтить изъ форта. Случай представлялся отличный, чтобы извѣстить начальство о бѣдственномъ положеніи крѣпости. Лоцману приказано было тотчасъ ѣхать назадъ, и вмѣстѣ съ нимъ отправили депешу къ астраханскому губернатору, прося его какъ можно скорѣе выслать хотя бы двѣ роты мѣстнаго батальона, такъ какъ приступить надо ждать съ минуты на минуту.

Положеніе форта дѣйствительно представлялось безвыходнымъ. Казаки, стоявшіе на валу безсмѣнно и днемъ и ночью, правда, не потеряли нравственной бодрости, но за то физически дошли до такого изнуренія, что, случалось, нѣкоторые изъ нихъ безсознательно падали и тутъ же засыпали такимъ глубокимъ сномъ, изъ котораго вывести ихъ не было возможности. Къ тому же, надо добавить, что въ самомъ фортѣ не было колодцевъ, они находились отъ него въ полуверстѣ разстоянія, и въ послѣдніе два дня люди уже ощущали недостатокъ въ свѣжей водѣ.

Киргизы между тѣмъ видѣли лодку, сообразили, что появленіе ея было не даромъ, и рѣшили какъ можно скорѣе покончить съ фортомъ, тѣмъ болѣе, что въ этотъ день къ нимъ подошли значительныя подкрѣпленія. Лазутчики извѣстили обо всемъ капитана Зеленина.

Дѣйствительно, какъ только смерклось, киргизы спустились съ

горь въ сады, прилегающіе къ форту, и окончательно выжгли армянское предмѣстье. Всю ночь являлись они то противъ южныхъ, то противъ восточныхъ воротъ укрѣпленія, и всюду встрѣчали ихъ картечь и ружейный огонь стоявшаго насторожѣ гарнизона. Командантъ, впрочемъ, зналъ черезъ лазутчиковъ, что это были только демонстраціи, а настоящій штурмъ назначенъ былъ на слѣдующую ночь, съ 9-го на 10-е число, что приходилось въ страстную недѣлю, съ великаго четверга на пятницу. Помощь изъ Астрахани поспѣть не могла.

Серіозно встрѣтили уральцы роковой и, какъ они полагали, послѣдній день въ своей жизни. Все, что можно было сдѣлать для спасенія форта, ими было сдѣлано, и теперь эти люди съ холодною рѣшимостью готовились встрѣтить смерть, которая была у нихъ не за горами.

Утромъ 9-го числа, обходя въ послѣдній разъ бастіонъ, комендантъ замѣтилъ далеко, на самомъ горизонтѣ моря, синѣющейся дымокъ парохода. Извѣстіе объ этомъ мгновенно облетѣло весь фортъ, и сотни любопытныхъ глазъ жадно устремились по тому направленію. Но пароходъ приближался медленно, не съ той стороны, откуда можно было ждать подкрѣпленія. Онъ шелъ съ Кавказа и, какъ думали, по всей вѣроятности, принадлежалъ какой нибудь торговой компаніи. И тѣмъ не менѣе, надеждамъ, толкамъ и предположеніямъ со стороны осажденных не было конца; нѣкоторые утверждали даже, что видятъ войско, другіе качали головами и говорили, что это грузъ, которымъ завалена палуба. А пароходъ между тѣмъ подходилъ все ближе и ближе... вотъ онъ поворачиваетъ въ бухту... вотъ по горамъ засуетились киргизы, поднялась скачка, и рѣзкіе, перекликающіеся голоса, отраженные эхомъ, огласили окрестность. Десять казаковъ выѣхали также изъ форта и, перекрестившись, во весь опоръ поскакали къ бухтѣ, узнать, куда и зачѣмъ идетъ пароходъ. Прошло часа два самаго томительнаго ожиданія. Но вотъ казаки скачутъ назадъ и издали машутъ шапками; они кричатъ, что это помощь, что изъ Петровска прибыли двѣ пѣхотныя роты... Радостный гулъ пронесся изъ конца въ конецъ по всему укрѣпленію,— и великій четвергъ сдѣлался великимъ днемъ освобожденія нѣсколькихъ сотенъ людей отъ неминуемой гибели.

Къ вечеру новоприбывшій отрядъ кавказской пѣхоты съ двумя нарѣзными пушками двинулся къ форту. Масса киргизъ, гарцовавшая внизу, стала убираться на горы... А тамъ, на вершинѣ одной изъ нихъ, тихо колеблемое вѣтромъ, стояло большое зеленое знамя, и подъ нимъ задумчивый и мрачный сидѣлъ Исса Тулумбаевъ. Онъ долго смотрѣлъ въ подзорную трубу, какъ разгружался пароходъ, какъ двигался отрядъ, щетинясь стальными штыками, и, обратившись къ своимъ приближеннымъ, сказалъ:

— Теперь нашему дѣлу конецъ. Исходъ одинъ—итти въ Хиву и просить покровительства хана.

Въ ту же ночь киргизы сняли осаду.

Я съ удовольствіемъ слушалъ рассказы бывалыхъ людей и не замѣчалъ, какъ проходило время. А ночь между тѣмъ окончательно налетѣла на окрестность Тамберкульскаго озера, и только свѣтлою звѣздочкою мигалъ среди непроглядной тьмы небольшой огонекъ нашего бивуака. Было уже поздно. Ордынецъ всталъ и протянулъ мнѣ руку.

— Ну, прощай, тамыръ,—сказалъ онъ:—спи, ничего не бойся, у насъ тутъ спокойно.

Урядникъ-уралецъ неодобрительно покачалъ на это головою.

— Вѣдь вотъ и чиновникъ, киргизъ-отъ, — сказалъ онъ: — а сколько въ емъ этой дурости. Ну, какъ же это можно, чтобы въ степи спать спокойно: непременно беречись надо.

Я даже слышалъ, какъ онъ распредѣлялъ казаковъ на очередь и приказывалъ имъ наблюдать «особливую осторожность». Но никакой осторожности не было. Когда я проснулся, то всѣ казаки, не исключая «очередного», спали въ повалку, и мнѣ стоило немало труда разбудить ихъ, чтобы выѣхать до свѣту. Невесело, если полуденный зной захватитъ далеко отъ колодцевъ...

В. А. Потто.

ВОСЕМЬ ЛѢТЪ НА САХАЛИНѢ ¹⁾.

Л.

Поѣздка въ Александровскій постъ зимою.—Свиданіе съ губернаторомъ.—Визиты товарищамъ.—Обстановка ссыльных.—Пахарь-дворянинъ.—Свадьба экспромтомъ.—Сельскій пиръ.—Веселый обходъ по избамъ.

В НАЧАЛѢ ноября снѣгъ уже залегъ на Сахалинѣ толстымъ покровомъ. Санная дорога такъ и манила къ поѣздкѣ. А тутъ еще товарищи стали убѣждать меня съѣздить въ Александровку къ губернатору для личныхъ переговоровъ съ нимъ, если я хочу покинуть Сахалинъ съ первымъ весеннимъ пароходомъ.

Мои сборы были недолги; къ тому же скоро нашелся удобный попутчикъ, секретарь полицейскаго управленія, только что начавшій здѣсь свою чиновничью карьеру.

Мы быстро помчались на парѣ лошадей, запряженныхъ гуськомъ по-сибирски. Такой способъ ѣзды здѣсь необходимъ въ снѣжные заносы. Пристяжная, т. е. передняя лошадь, прорываетъ своею грудью толщу наметаннаго снѣга, а коренникъ уже везетъ сани по раздѣланной дорогѣ.

Зимою я еще никогда не переваливалъ черезъ Пилингскій хребетъ и не видѣлъ обмерзшихъ береговъ Татарскаго пролива, а потому эта поѣздка представляла для меня еще и интересъ новизны. Только три цвѣта царили во все продолженіе дороги: голубое небо,

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXX, стр. 896.

бѣлый снѣгъ да темнозеленый лѣсъ. Въ этомъ сочетаніи хвоя елокъ и пихтъ казалась еще темнѣе, а снѣгъ еще чище и свѣтлѣе.

Съ поднятіемъ на снѣжныя горы приподымалось и наше настроеніе. Что-то торжественное было въ бѣлой дорогѣ, упирающейся, казалось, въ самое небо. Тихо, чисто, свѣжо.

Море еще бушевало и непривѣтливо раскинулось широкою сѣрою полосой вдоль бѣлѣющагося берега. Всѣ мысы, нѣжно одѣтые снѣгомъ, выступали въ болѣе мягкой формѣ, чѣмъ лѣтомъ; но въ общемъ картина была холодная, безжизненная.

Въ Александровкѣ я немедленно поспѣшилъ къ военному губернатору острова. Хотя былъ неприемный часъ, онъ встрѣтилъ меня очень любезно и терпѣливо выслушалъ мою длинную исповѣдь о сахалинской жизни въ ссылкѣ.

Генераль, между прочимъ, много разспрашивалъ о моихъ занятіяхъ на островѣ. Узнавъ, что мнѣ ничего не заплатили за мои труды по съемкѣ Тымовскаго округа и за промѣръ Александровской бухты, онъ возмущился.

— Это выходитъ, что мы безцеремонно васъ эксплуатировали! — громко воскликнулъ губернаторъ. — Моя нравственная обязанность исправить ошибки моихъ предшественниковъ. Составьте списокъ вашихъ работъ за все время пребыванія на Сахалинѣ и помимо начальства адресуйте прямо ко мнѣ «въ собственныя руки», а я распоряджусь, чтобы вамъ непременно выдали, по крайней мѣрѣ, рублей двѣсти. И мѣсячное жалованье вамъ тоже надо увеличить... А что касается вашего отъѣзда на материкъ, вы не безпокойтесь: теперь уже ничто не можетъ васъ здѣсь задерживать. Въ любую минуту можете уѣхать съ острова!

Я вышелъ отъ него успокоенный относительно моего освобожденія. Мнѣ было дорого и то, что такой суровый генераль, какимъ мы всѣ считали Мерказина, отнесся ко мнѣ внимательно и сочувственно.

Дня два я дѣлалъ визиты знакомымъ чиновникамъ и товарищамъ по изгнанію, а на третій поѣхалъ въ сосѣднее селеніе Ново-Михайловское, гдѣ составила небольшая колонія (съ женщинами и дѣтьми душъ двѣнадцать) интеллигентныхъ ссыльныхъ. У каждаго былъ свой собственный домъ. Даже старикъ Д—скій, и тотъ завелъ себѣ маленькую избушку и озабоченно хлопоталъ около нея. У Б—скаго внутренность просторной избы поражала своею пустою. Воображаю, какъ тоскливо было жить этому молодому челоуѣку! Впрочемъ, онъ большую часть времени проводилъ внѣ дома: или въ тайгѣ на охотѣ, или въ гостяхъ у александровскихъ товарищей. Семейные Хм—въ и Сл—къ имѣли вполне хозяйственную обстановку, особенно первый, женатый на дочери здѣшняго крестьянина Ч—ы.

Дольше всего я провелъ время у М—ра. У него на первомъ

планѣ лежала на полу колоссальная тыква, какъ наглядное доказательство его трудолюбія и успѣха въ огородническомъ искусствѣ. Кромѣ сельскаго хозяйства, онъ занимался еще обученіемъ здѣшнихъ ребятъ грамотѣ и поэзіей. Прочитавъ вслухъ книжку своихъ стихотвореній, М—ръ вырвалъ изъ нея страницу и подарилъ мнѣ на память. Грустно звучали они. Это были скорѣе отчаянные крики сильно измученной дѣши, а не сладкіе звуки молитвъ.

Веселѣе всего выглядывала изба ссыльнаго К—на, бывшаго офицера. Онъ всецѣло увлекся идеей заниматься крестьянскимъ трудомъ, и его дворъ наполненъ былъ всеми атрибутами сельскаго хозяйства. Невысокаго роста, слабый здоровьемъ, бѣлоручка, какъ сынъ предворителя дворянства, онъ къ удивленію всего населенія лѣтомъ настойчиво проводилъ цѣлые дни съ плугомъ или съ бороной, съ косой или съ серпомъ, а зимою заготовлялъ дрова и лѣсъ для построекъ.

Сначала ему съ трудомъ давалась крестьянская работа, но мало-помалу онъ сталъ обходиться безъ помощи другихъ, и къ тому времени, какъ я у него былъ, всѣ тяжелыя и легкія работы онъ производилъ лично самъ. Для полноты его жизни недоставало только хозяйки въ домѣ. И вотъ его выборъ палъ на красивую, здоровую дѣвушку, дочь ссыльнаго крестьянина Ч. Они рассчитывали получить разрѣшеніе на вѣнчаніе не раньше рождественскихъ святокъ, и потому не торопились съ приготовленіями къ свадьбѣ, какъ вдругъ при мнѣ приходитъ желанная телеграмма.

Оставался только одинъ день до рождественскаго поста, когда можно было вѣнчаться. Ради моего присутствія, рѣшено было не откладывать свадьбу, и женихъ немедленно поѣхалъ въ городъ выполнить необходимыя канцелярскія формальности. Благодаря телефону и товарищамъ, служившимъ въ здѣшнихъ канцеляріяхъ, къ тремъ часамъ вечера все было готово. Теперь надо было спѣшить жениху и поѣзжанамъ въ селеніе невѣсты, гдѣ была назначена свадьба.

Въ саняхъ, не останавливая лошадей, мы принялись одѣвать жениха. Товарищи захватили съ собою все необходимое къ свадьбѣ, потому что у К—а ничего не было готоваго: ни новаго платья, ни обручальныхъ колець, ни свѣчей, ни другихъ вѣнчальныхъ принадлежностей. Это переодѣванье на ходу всѣхъ насъ забавляло. Веселье охватило самое свадебное. До Ново-Михайловскаго было недалеко, и черезъ часъ наша шумная вереница саней уже въѣзжала во дворъ невѣсты. Народу собралось такъ много, что нельзя было пройти въ передній уголъ горницы. Даже не нашлось свободнаго мѣста для одѣванья невѣсты къ вѣнцу, и она пріютилась въ углу передней комнаты, гдѣ толпа женщинъ прикрывала ее собою, какъ бы живую стѣною.

Послѣ вѣнчанія въ церкви, въ которомъ я участвовалъ, какъ

Богадѣлѣи на Сахалині.

шаферъ невѣсты, начался свадебный сельскій пиръ. Послѣшние сборы и приготовления всѣхъ насъ сильно расшевелили. Жениховская сторона, т. е. товарищи по ссылке, внесли съ собою молодое оживленіе, а крестьяне съ невѣстиной стороны, блюстители старинныхъ обрядовъ и обычаевъ, руководили порядкомъ пира. Смѣхъ, шутки, говоръ, пѣсни, игры, танцы продолжались почти всю ночь. Только предъ разсвѣтомъ рѣшено было немного заснуть. Всѣ раздѣлились на двѣ части. Пріѣзжіе мужчины заняли просторную избу Б—аго, а женщины вмѣстѣ съ невѣстой ночевали въ домѣ жениха. Но лишь только взошло солнце, какъ женщины, ни на минуту не смыкавшія глазъ, снова подняли всѣхъ на ноги, чтобы продолжать вчерашнюю оргію.

Придумали обойти шумною толпою поочередно всѣ избы товарищей, поселившихся въ Ново-Михайловскомъ селеніи. Картина была довольно забавная, и, вѣроятно, она надолго останется у меня въ памяти. Неожиданно для хозяина дома вдругъ врывается къ нему толпа молодежи съ музыкой и пѣньемъ и, не снимая шубъ и валенокъ, начинаетъ танцевать. Иныхъ заставляли въ рабочемъ костюмѣ, другихъ только что поднявшимися съ постели,—все равно, всѣхъ подхватывали и увлекали въ общій вихрь отплясывающихъ.

Снѣгъ и морозъ не мѣшали веселиться. Напротивъ, молодежь, въ переходахъ по улицамъ, играла въ снѣжки, шалила, валила другъ друга въ сугробы, пѣла и хохотала. Можно сказать, веселье распространилось на все село. Такъ было до самаго вечера, когда я съ небольшою группою поѣзжанъ отправился домой. Молодые проводили насъ въ саняхъ до Александровскаго поста, гдѣ они своимъ появленіемъ среди товарищей снова увлекли ихъ къ пиршеству съ танцами и пѣньемъ.

II.

Скрываемая скорбь ссыльных.—Большой вопросъ на Сахалинѣ.—Страхъ быть женою каторжанаго.—Судьба двухъ Марій.—Сестра—супруга брата.—Романъ, прерванный на десять лѣтъ.—Канцелярская ошибка.—Переѣздъ невѣсты на пароходъ.—Незаслуженныя оскорбленія.—Прибытіе двухъ Марій во Владивостокъ.

Послѣ моего отъѣзда въ Рыковское свадебный пиръ продолжался по желанію родителей невѣсты еще нѣсколько дней.

Это исключительное веселье странно было видѣть среди ссыльных на Сахалинѣ; оно стоитъ какимъ-то яркимъ пятномъ на фонѣ здѣшней сѣренькой жизни. Эти смѣющіеся, танцующіе люди на видъ беззаботно веселы, на самомъ же дѣлѣ глубоко скорбны. Даже здоровый, женатый Пл—скій, у котораго я всегда останавливался въ Александровкѣ, всегда занятый дѣлами своего боль-

Горілая гайга.

шого хозяйства, значительно лучше другихъ обезпеченный, и тотъ жилъ съ глубокою скорбью въ сердцѣ. Дня за четыре до свадьбы К—на, онъ рыдалъ, какъ ребенокъ, и желалъ смерти. Его жена, вся ушедшая въ молочное хозяйство, дѣятельная, энергичная особа, тоже представляла изъ себя типъ человѣка, съ разстроенными нервами. Всѣ разговоры съ нею о религіи ли, объ исторіи, наукѣ, искусствѣ или о хозяйствѣ одинаково кончались рыданіями. Много разъ, бывало, она схватитъ меня за руки и, не выпуская ихъ, часъ или два рассказываетъ со слезами на глазахъ о невыносимой обстановкѣ жизни на Сахалинѣ. Такую нервность можно объяснить только ихъ долгимъ сидѣніемъ въ тюрьмѣ и неволю въ ссылкѣ.

Но это люди, повторяю, матеріально обезпеченные, женатые и съ надеждою на скорый выѣздъ съ Сахалина. Каково же положеніе холостыхъ, и при томъ такихъ, у которыхъ срокъ каторги кончается, по ихъ ироническому выраженію, «въ будущемъ столѣтіи»¹⁾!

Я уже говорилъ, что для интеллигентныхъ ссыльныхъ женитьба—самый больной вопросъ на Сахалинѣ. На комъ здѣсь жениться? На каторжной, чтобы связать себя навѣки!..

Одна добрая женщина, понимая тяжелое положеніе ссыльныхъ, пробовала письмами вызывать сюда своихъ знакомыхъ дѣвицъ изъ Россіи. Но, кажется, на ея призывъ никто не откликнулся. Это и понятно. Какъ птица въ пору любви спѣшитъ сначала устроить гнѣздо для своихъ будущихъ птенцовъ, такъ и женщина, при первой попыткѣ выйти замужъ, инстинктивно заботится объ устройствѣ семейнаго угла. А на Сахалинѣ на что она можетъ разчитывать? Да и, помимо заботы о матеріальномъ обезпеченіи, немногія женщины рѣшатся принять на себя страшное названіе «жены ссыльно-каторжнаго».

Здѣсь я позволю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе въ хронологическомъ порядкѣ и рассказать о двухъ Маріяхъ, рискнувшихъ поѣхать, какъ невѣсты, на Сахалинъ къ своимъ знакомымъ ссыльно-каторжнымъ.

У одной Маріи былъ въ ссылкѣ на Сахалинѣ двоюродный братъ. Родные, и особенно мать, упрашивали его въ письмахъ не связывать себя семьей на Сахалинѣ, а терпѣливо дожидаться возвращенія въ Россію, гдѣ онъ можетъ найти для себя хорошую партію.

Когда ему стукнуло тридцать два года, прошло только семь лѣтъ каторги, но еще столько же оставалось ея въ будущемъ; значитъ, только къ сорокъ-пятому году жизни онъ могъ разчитывать быть крестьяниномъ. Если прикинуть еще нѣсколько лѣтъ въ этомъ званіи, необходимыхъ до полученія права возвращенія въ Россію,

¹⁾ Воспоминанія относятся къ концу восьмидесятыхъ и началу девятидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія.

то онъ могъ вернуться домой пожилымъ человѣкомъ, а то и съдѣлымъ старикомъ.

Все это хорошо сообразила Марія и написала своему брату: не желаетъ ли онъ, чтобы она прѣѣхала къ нему теперь въ качествѣ неразлучной супруги? Братъ согласился. Энергичная дѣвушка немедленно стала хлопотать въ Петербургѣ о разрѣшеніи повѣнчаться съ ссыльно-каторжнымъ на Сахалинѣ, а одновременно въ Римѣ у папы просила благословенія на вступленіе въ законный бракъ съ двоюроднымъ братомъ (оба они были римско-католическаго исповѣданія).

У другой Маріи была болѣе сложная исторія. Будучи шестнадцатилѣтней дѣвушкой, она полюбила своего учителя N., котораго вскорѣ арестовали и сослали на Сахалинѣ. Марія собралась ѣхать къ нему, но прежде попробовала послать письмо на Сахалинѣ. Никакого отвѣта. Сколько она ни писала ему, почтальонъ не принесъ ей ни одного письма съ каторги.

Прошло лѣтъ десять. Измученная дѣвушка уже готова была похоронить въ своей памяти дорогаго учителя, какъ приходитъ къ ней его братъ и приноситъ отъ него цѣлую пачку писемъ съ помѣтками первыхъ годовъ ссылки.

— Откуда они у васъ? Почему я теперь ихъ получаю?—спрашиваетъ брата встревоженная Марія.

Оказывается, года четыре подрядъ N. писалъ своей ученицѣ черезъ одну особу, но та не пожелала передавать полныя пламенной любви письма по адресу, и они пролежали у нея въ шкатулкѣ до ея смерти.

Влюбленные списались, съ радостію нашли другъ друга, но... десять лѣтъ—большой промежутокъ времени! Испытавъ многолѣтнюю каторгу на Сахалинѣ, учитель N. уже не съ такимъ жаромъ звалъ къ себѣ дорогаю Марію. Ему жаль было вовлекать дѣвушку во всѣ ужасы ссыльной жизни.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній Марія наконецъ рѣшила поѣхать на островъ каторжныхъ, но прежде отправилась въ Петербургъ ихлопотать разрѣшеніе вступить въ законный бракъ съ N.

— Сударыня,—говорятъ ей въ столицѣ,—указываемый вами ссыльный N. давно женатъ.

Это извѣстіе, какъ громомъ, поразило бѣдную дѣвушку.

— Это неправда! Этого не можетъ быть!—заливаясь слезами, истерично кричала Марія.—Вотъ его письма, гдѣ онъ зоветъ меня къ себѣ! Я ему вѣрю!..

Ей показываютъ списки сахалинскихъ ссыльныхъ, въ которыхъ она сама читаетъ, что ея дорогаго учитель N. дѣйствительно уже нѣсколько лѣтъ «проживаетъ въ домѣ своей жены».

— Если вы и этимъ бумагамъ не вѣрите,—говоритъ чинов-

никъ совсѣмъ убитой женщиной,—то потрудитесь подождать дня два-три, и я спрошу сахалинскаго губернатора телеграммой.

Проходятъ не дни, а недѣли, но отвѣта съ Сахалина не даютъ никакого. Это еще больше возбудило подозрѣніе Маріи, и она написала письмо брату своего учителя. Тотъ тоже въ сильномъ недоумѣніи телеграфируетъ самому N., прося разъяснить вопросъ.

Получивъ телеграмму, учитель N. официальнымъ путемъ въ канцеляріи ничего не добился, но одинъ маленькій чиновникъ выдалъ ему тайну. Изъ Петербурга сдѣлали запросъ относительно его семейнаго положенія. По справкамъ оказалось, что въ спискахъ по ошибкѣ поставили его вмѣсто другого ссыльнаго, съ подходящей фамиліей. Тотъ дѣйствительно женатъ и проживаетъ въ домѣ своей жены. Чиновники боялись доложить о своемъ промахѣ строгому губернатору и ждали, когда онъ уѣдетъ обозрѣвать другой округъ, чтобы въ его отсутствіе послать отвѣтъ въ Петербургъ. Вотъ причина, почему держали телеграмму подъ сукномъ.

Разсердился N. на чиновниковъ и тотчасъ побѣжалъ къ губернатору съ жалобой. Генераль, конечно, не замедлилъ отвѣтить въ Петербургъ въ благопріятномъ смыслѣ.

Эти двѣ невѣсты, Маріи, послѣ долгихъ хлопотъ, наконецъ очутились на одномъ и томъ же пароходѣ, выходившемъ изъ Одессы во Владивостокъ. Имъ отвели мѣсто въ общей женской каютѣ такъ называемаго улучшеннаго третьяго класса. Дѣвицы со всею довѣрчивостью и откровенностью рассказывали всѣмъ, что онѣ ѣдутъ на Сахалинъ вступить въ бракъ съ ссыльно-каторжными. Пассажирки отнеслись къ нимъ очень сочувственно, и первое время всѣ онѣ составляли одну согласную дружную семью. Но и тутъ нашелся свой «уродъ», который отравилъ имъ интересное путешествіе вокругъ Индіи, Китая и Японіи. Одного пассажира перваго класса сопровождала молоденькая барынька во Владивостокъ. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ ей неудобно было находиться въ первомъ классѣ, въ которомъ ѣхалъ ея знакомый, и она помѣстилась въ общей каютѣ, гдѣ были обѣ Маріи. Кичась своими связями съ первокласснымъ пассажиромъ, она третировала своихъ случайныхъ компаньенокъ и держала себя по отношенію къ нимъ заносчиво и грубо. Дѣвушки терпѣли отъ нея всевозможныя дерзости. Наконецъ, чаша терпѣнія переполнилась, и одна изъ нихъ позволила себѣ скромно замѣтить барынькѣ, что онѣ не заслуживаютъ такихъ оскорбленій, какія имъ приходится терпѣть отъ нея почти ежедневно.

Барынька векипятилась и тотчасъ бросилась съ жалобой къ своему знакомому. Лишь только дѣвушка показала на палубѣ, какъ первоклассный господинъ, грозя кулаками, набрасывается на нее съ криками и руганью:

— Каторжная! Сахалинка!.. Да я тебя сейчасъ же прикажу выпороть здѣсь на палубѣ!..

Домъ военнаго губернатора на о. Сахалинѣ.

Богъ знаетъ, чѣмъ бы все это кончилось; но кто-то во время донесъ командиру парохода, и тотъ остановилъ не въ мѣру расходившагося барина.

Тутъ только Маріи поняли, что значитъ связать свою судьбу съ сахалинцемъ. Этотъ случай сразу подрѣзалъ имъ крылья восторга, и онѣ въ страшно угнетенномъ состояніи и съ трепетомъ подвигались къ острову отверженныхъ.

Я тогда находился во Владивостокѣ и, предупрежденный телеграммою, встрѣтилъ ихъ на пристани. Блѣдныя, дрожащія отъ холода (это было въ серединѣ октября), нравственно измученныя, бѣдныя дѣвушки производили тяжелое впечатлѣніе. Когда невѣсть привели въ общество друзей ихъ будущихъ супруговъ, накормили, обогрѣли и оказали имъ неподдѣльную ласку и вниманіе, онѣ не выдержали всей этой душевной теплоты незнакомыхъ людей и расплакались. Ужъ очень много горькихъ пилюль поглотали онѣ по дорогѣ!..

А сколько еще предстояло имъ всевозможныхъ мытарствъ на самомъ Сахалинѣ!..

II.

Владивостокъ на военномъ положеніи.—Толки о войнѣ.—Фельдфебель Кобчикъ.—Его наказаніе.—Воинскіе отряды изъ каторжныхъ.—Ссылные въ Крымскую кампанію.—Смерть Арсенія Кобчика.—Разказы о военныхъ походахъ.—Царскій смотръ.—Сахалинскій паспортъ.—Новое препятствіе къ выѣзду.

Лишь только миновала Пасха, и показались первые весенніе ручьи, какъ я заторопился со своимъ отъѣздомъ. Точно перелетная птица, почувствовавъ свое время, я не могъ уже спокойно сидѣть въ Рыковскомъ за стѣною Пилингскихъ горъ, и меня потянуло поближе къ свободному морю.

— Съ первымъ же пассажирскимъ пароходомъ уѣду!—говорилъ я, прощаясь задолго до отъѣзда съ тымовскими поселенцами.

Но вотъ приходитъ первый грузовой пароходъ и объявляетъ сенсаціонную новость: Владивостокъ на военномъ положеніи, и весь край готовится къ войнѣ!

— Пожалуй, во Владивостокъ-то вамъ и не попасть,—скептически замѣчали мнѣ чиновники.— Ужъ придется вамъ измѣнить свой маршрутъ: сперва въ Николаевскъ, а потомъ по Амуру. А то, чего добраго, васъ и въ мобилизацію зачислятъ...

При этомъ извѣстіи всѣ личные расчеты отошли на второй планъ. Среди каторжниковъ и чиновниковъ поднялись толки: какое положеніе будетъ занимать Сахалинъ во время военныхъ дѣйствій?

Пристань у Владиміровскаго рудника; каторжные грузягъ уголь.

— Его не тронуть. Онъ, какъ островъ каторжныхъ, останется нейтральнымъ,—замѣчаетъ одинъ чиновникъ.

— Нѣтъ,—горячо возражали другіе,—Сахалинъ, какъ угольная станція, будетъ лакомымъ кусочкомъ для флота. Скорѣи всего иностранцы высадутся на островъ и заберутъ всѣхъ каторжныхъ въ плѣнъ, а это имъ и на руку! Мѣстныя команды не въ силахъ будутъ дать отпоръ.

Каторжные тоже не отставали въ смѣлыхъ предположеніяхъ. Немногіе уклекались мыслию быть забранными въ плѣнъ. Большинство мечтало стать въ ряды войска и тѣмъ заслужить полное помилованіе.

Въ Рыковскомъ жилъ очень мною любимый ссыльный, Петръ Осиповъ, онъ же Арсеній Кобчикъ¹⁾. Это былъ старый вояка николаевскихъ временъ. Онъ выдержалъ страшную школу въ образцовомъ полку, гдѣ, по его выраженію, девять человекъ заколачивали, а десятого дѣлали солдатомъ; потомъ совершилъ три трудныхъ похода въ Венгрію, за Дунай и подъ Севастополь (участвовалъ въ сраженіи на Черной рѣчкѣ). Вскорѣ послѣ Крымской кампаніи, будучи фельдфебелемъ Витебскаго полка, въ нетрезвомъ видѣ осмѣлился дать отпоръ молодому офицеру. За это полевымъ судомъ его приговорили на двадцать лѣтъ въ каторжныя работы. Весь полкъ и генералы (а онъ былъ многимъ извѣстенъ) очень его жалѣли и постарались, насколько возможно, смягчить ему наказаніе шпицрутенами. За побѣгъ изъ Николаевскаго желѣзодѣлательнаго завода ему прибавили еще десять лѣтъ каторги. Со всѣми сокращеніями онъ пробылъ въ работахъ на Карѣ и на Сахалинѣ около двадцати шести лѣтъ. Года за два до конца его каторги Россія готовилась къ войнѣ съ англичанами. Тогда на Сахалинѣ рѣшено было составить изъ арестантовъ небольшіе отряды и обучить ихъ военному дѣлу. Собрали всѣхъ ссыльно-каторжныхъ на дворѣ Александровской тюрьмы, и одинъ изъ представителей мѣстной власти обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой кратко описалъ положеніе страны и при этомъ сказалъ, что кто изъ нихъ желаетъ вступить въ ряды ратниковъ, тотъ пусть заявитъ объ этомъ сейчасъ.

— Я желаю!—выскакиваетъ изъ рядовъ 64-хъ лѣтній старикъ, весь сѣдой, какъ лунь, и молодецки вытягивается по-военному.

Это былъ Кобчикъ.

За нимъ шарахнулась вся сѣрая толпа каторжныхъ и восторженными криками заявляла свою готовность.

Такъ какъ дружескія отношенія къ Англіи скоро возстановились, то тогда и не оказалось надобности въ отрядѣ арестантовъ; но извѣстно, что раньше, въ годину Крымской кампаніи, ссыльные

¹⁾ При побѣгѣ каторжные обыкновенно мѣняютъ свою фамилію, и съ новымъ водвореніемъ въ каторгу они числятся иногда подъ двойными фамиліями.

на русскихъ берегахъ Великаго океана наравнѣ съ солдатами стойко держались противъ непріятели.

Кстати о Кобчикѣ. Когда его поселенцемъ перевели въ Рыковское селеніе, онъ приписался половинщикомъ къ одному холостому крестьянину и старательно служилъ ему работникомъ. Въ благодарность крестьянинъ оставилъ Кобчику избу въ пожизненное владѣніе и уѣхалъ на материкъ. Сначала старикъ кое-какъ перебивался, копаясь въ своемъ огородѣ, но наконецъ принужденъ былъ и отъ этой работы отказаться: старость брала свое, да и двадцатипестилѣтняя каторга давала о себѣ знать нытьемъ въ старыхъ костяхъ. Я выхлопоталъ Кобчику казенный паекъ муки и поддерживалъ его, насколько могъ. Но вдругъ вышло распоряженіе: всѣхъ слабыхъ стариковъ, зачисленныхъ въ богадѣльню, собрать въ одну изъ упраздненныхъ тюремъ (богадѣльня была въ бывшей Воеводской тюрьмѣ и въ Малотымовской, а теперь она въ Дербинской). Закручинился мой дѣдъ.

— Хочешь получать паекъ, то иди,— говоритъ начальникъ,— въ богадѣльню. А если хочешь остаться въ своемъ домѣ,— пайка не получишь. Такой приказъ, говорятъ, вышелъ. Господи, почитай всю жизнь я былъ въ тюрьмѣ, и опять гонять въ тюрьму!..

Заплакалъ страдалецъ.

Пока я хлопоталъ, чтобы оставили его въ покоѣ въ своемъ домѣ и не лишали пайка муки, бѣдный Кобчикъ заболѣлъ. Поздно вечеромъ онъ позвалъ меня къ себѣ и передалъ давно спрятанные три рубля на похороны, а ночью его не стало. Онъ умеръ семидесяти трехъ лѣтъ.

Это былъ удивительный человѣкъ долга! Его идеалъ: сгорѣть на часахъ, но не тронуться съ мѣста. Въ то же время онъ поражалъ меня мягкостью своего сердца.

Когда бывало увижу издали этого широкоплечаго старика, съ окладистою бородой и съ громадною шапкою бѣлыхъ волосъ на головѣ, не утерплю, чтобы не позвать его къ себѣ. Онъ былъ для меня живою книгою николаевскихъ временъ. Въ интересныхъ картинахъ проходили предо мною всѣ перипетіи войны съ турками, когда онъ начнетъ рассказывать про свои походы.

— Вѣдь самъ государь предсказалъ мнѣ быть въ каторгѣ.

— Какъ такъ?— спрашиваю его.

— Когда я кончилъ ученіе въ образцовомъ полку, собрали насъ на царскій смотръ. Я былъ тогда такой стройный, ловкій, а мундиръ на мнѣ сидѣлъ въ обтяжечку, какъ вылитый! Входитъ Николай Павловичъ. Быстро пошелъ по фронту. Глазъ у него былъ зоркій,—сразу все замѣтитъ! Вдругъ остановился около меня, пощупалъ на груди и говоритъ:

— А что, братецъ, мундиръ-то узокъ у тебя?

— Никакъ нѣтъ, ваше величество!—отвѣчаю ему.

Онъ прошелъ дальше. Тутъ всѣ генералы обступили меня, давай разспрашивать: что говорилъ государь? Я сказалъ имъ. А вѣдь мундиръ потомъ и впрямь оказался узокъ для меня: только тринадцатъ лѣтъ и отслужилъ царю вѣрой и правдой.

За неимѣніемъ нозыхъ свѣдѣній объ ожидаемой войнѣ съ Японіей, сахалинскіе обыватели создали множество фантастическихъ предположеній. Слухи распространялись одинъ другого невѣроятнѣе. Теперь уже не я одинъ съ нетерпѣніемъ ждалъ пассажирскаго парохода: всѣмъ хотѣлось услышать новости съ того берега.

Наконецъ, я получилъ паспортъ отъ тымовскаго полицейскаго управленія, съ правомъ поселиться въ Восточной Сибири, но безъ указанія званія. По паспорту я не былъ ни дворянинъ, ни мѣщанинъ, ни крестьянинъ, а просто ссыльный. Чтобы я могъ приписаться къ какому нибудь обществу села или города на материкѣ, мнѣ дали еще другую бумагу—официальное удостовѣреніе о моемъ поведеніи и дѣятельности на островѣ.

Казалось бы, все готово, но было еще одно препятствіе перебраться въ Александровскій постъ. На вершинахъ Пилингскаго хребта зимою скапливается много снѣгу. Онъ пролежитъ иногда весь май, пока не стаетъ. И, конечно, нельзя и думать на саняхъ перевезти весною кладь по толстому слою снѣга, который проваливается подъ ногою лошади.

Только въ май рѣшился я тронуться въ путь. У меня нашелся попутчикъ—довѣренный фирмы «Кунста и Альберса», А. О. К., изъ Москвы.

Наканунѣ вечеромъ еще разъ я обходилъ своихъ знакомыхъ и снова прощался съ ними. Ночь провелъ въ задушевной бесѣдѣ съ своими товарищами. Богъ знаетъ, придется ли гдѣ нибудь еще увидѣться намъ!

III.

На кладбищѣ.—Прощаніе со стариками.—Проводы и разставаніе съ товарищами.—По снѣгу черезъ Камышевый переваль.—Пустынность острова.—Горѣлая тайга.—Встрѣча съ гиляками.—У военнаго губернатора.—Прибытіе парохода «Байкаль».—
Опять среди товарищей.

Передъ отъѣздомъ изъ Рыковского мнѣ хотѣлось уединиться и сосредоточиться въ себѣ хоть на одну минуту, и я на разсвѣтѣ побѣжалъ на ближайшую гору, гдѣ находилось сельское кладбище.

Мысленно прощаясь съ своими умершими друзьями, я окинулъ въ послѣдній разъ обширное селеніе. Снѣгъ въ долинѣ внизу стаялъ. Онъ блестѣлъ только подъ красноватыми лучами солнца на вершинахъ горъ. Оголенная земля вмѣстѣ съ крестьянскими из-

бушками приняла однообразный сѣрый колоритъ. Среди нихъ только одинъ куполь церкви выдавался яркимъ зеленымъ цвѣткомъ. Вдали надъ рѣкою легкая дымка тумана придавала картинѣ особую свѣжесть, которая чувствуется въ природѣ раннею весною.

— Если хочешь проститься съ Сахалиномъ,—сказаль я себѣ:— то простись здѣсь. Тамъ внизу ты будешь много говорить, хлопотать, шумно обниматься, плакать... но все это будетъ отрывочно, неглубоко, разсѣянно, а главное—на людяхъ.

Я медленно обошелъ нѣсколько могилъ и вспомнилъ нерадостную жизнь этихъ страдальцевъ. Предо мною воскресали грустныя картины каторжнаго острова, въ которыхъ и я былъ подневольнымъ рабомъ...

— Сохрани меня, Боже, отъ чего либо подобнаго!—воскликнулъ я, прерывая свое тяжелое раздумье, и бѣгомъ пустился съ горы въ селеніе.

У моего дома уже стояла куча каторжныхъ, поселенцевъ и богачей-лициковъ. Всѣ они пришли проститься со мною.

— Здравствуйте!—привѣтствую ближайшаго старика Евдокима Савельева—точная копія Тургеневскаго Касьяна съ Красивой Мечи.

Онъ закрылъ лицо руками и заплакалъ. Я самъ едва сдерживалъ слезы и не зналъ, какъ его успокоить.

— Больше я васъ не увижу!.. — говоритъ онъ, все громче и громче рыдая.

— На томъ свѣтѣ всѣ мы увидимся,—началь было я утѣшать религіознаго старика, какъ вдругъ на встрѣчу мнѣ изъ моего дома выходитъ группа товарищей по ссылкѣ.

Чтобы скрыть свое волненіе, я сталъ озабоченно спрашивать, уложены ли мои вещи, и все ли готово къ отъѣзду.

Товарищи изъявили желаніе проводить меня пѣшкомъ, такъ какъ мой спутникъ К. нѣсколько замѣшкался съ тарантасомъ.

Пока мы шли по селенію, изъ домовъ и изъ церкви, гдѣ началась обѣдня, выбѣгали знакомые поселенцы, и каждый старался сказать мнѣ нѣсколько сердечныхъ пожеланій на дорогу. Но вотъ селеніе кончилось, и я пошелъ по Дербинскому шоссе въ кругу только своихъ ближайшихъ друзей. Среди нихъ была одна женщина—учительница рыковской школы.

Я остановился, чтобы бросить послѣдній прощальный взглядъ на Рыковское, какъ замѣтилъ еще бѣгущаго человѣка. Это былъ портной армянинъ, испытанный, въ бытность свою военнымъ, знаменитое Баязетское сидѣніе. Онъ тоже хотѣлъ со мною проститься. Меня очень тронуло такое вниманіе со стороны малознакомаго человѣка.

На пятой верстѣ насъ нагналъ мой спутникъ К. Надо было разстаться. Сквозь слезы, среди горячихъ объятій и поцѣлуевъ, чаще всего высказывалась надежда увидѣться опять въ Россіи...

Лошади быстро помчали меня на западъ, а товарищи, махая платками и фуражками, долго стояли на одномъ мѣстѣ, пока мы не скрылись изъ вида... Я былъ среди нихъ первой ласточкой, улетавшей въ родные края, и своимъ отъѣздомъ сильно оживлялъ въ нихъ надежду, что скоро и они потянутся вслѣдъ за мною; но въ то же время сколько грусти отъ сознанія, что они остаются здѣсь еще на неопредѣленное число лѣтъ. Я пишу сейчасъ объ этомъ разставаньи, какъ о давнопрошедшемъ для меня событіи, а нѣкоторые изъ нихъ до сихъ поръ еще на Сахалинѣ ждутъ своей весны...

Пообѣдавъ въ Дербинскомъ селеніи у здѣшняго священника, отца Николая, мы выѣхали отъ него при шумныхъ пожеланіяхъ собравшихся здѣсь тымовскихъ чиновниковъ. Въ Верхнемъ Армуданѣ перемѣнили лошадей, потому что далѣе дорога шла круто въ гору на такъ называемый «Камышевый перевалъ» по рыхлому снѣгу. Лошади часто проваливались по брюхо и едва подвигались впередъ. Мы выскочили изъ тарантаса и тоже съ трудомъ пробирались по колѣно въ мокромъ снѣгу. Здѣсь намъ пришлось полюбоваться прекраснымъ и оригинальнымъ зрѣлищемъ. Среди кучъ ослѣпительно бѣлаго снѣга выступали большія и густыя заросли бамбука. Омытые прошлогодніе листья его были еще зелены и свѣжи, и мнѣ съ большимъ трудомъ удалось убѣдить своего спутника К., что это старые всходы.

Когда наша тройка пробилась сквозь полосу снѣга, мы опять сѣли въ тарантасъ и стали спускаться въ Арковскую долину. Встрѣчныхъ—ни одной души. Ни птицы, ни звѣря. Несмотря на обиліе видовъ животныхъ на Сахалинѣ, центръ острова не можетъ похвастаться числомъ особей. Однажды лѣтомъ трое изъ моихъ товарищей совершили экскурсію въ дѣвственную тайгу по направленію къ Охотскому морю и за цѣлую недѣлю убили только четыре пары рябчиковъ.

Чѣмъ ниже мы спускались въ долину, тѣмъ картины тайги становились все печальнѣе: мы въѣхали въ полосу горѣлаго лѣса. Оголенная отъ травы почернѣвшая почва и сѣрыя скалы были покрыты, какъ поднятою щетиною, темными стволами обгорѣвшихъ деревьевъ. Что-то отчаянно-безжизненное было въ этомъ страшномъ ландшафтѣ. Мнѣ кажется, трудно придумать другую обстановку для выраженія всего ужаса проклятой страны. Я часто ходилъ по пожарищу въ тайгѣ. Вблизи это не такъ мертвенно: кое-гдѣ пробивается свѣжая трава, и мѣстами обгорѣлая почва закрашена розовыми цвѣтами Иванъ-чая (*Epilobium augustifolium*). А взглянешь издали: на сѣромъ фонѣ только торчатъ, какъ спички, черныя стволы горѣлаго лѣса.

Здѣсь лѣсные пожары происходятъ ежегодно. Сосѣднія горы около Рыковского селенія всѣ выгорѣли. Мнѣ случилось наблюдать картину

Владиміровскій тюремный рудникъ.

хаотическаго пожара на горахъ вокругъ Александровскаго поста. Особенно поразительный видъ былъ ночью, когда надъ горящимъ лѣсомъ висѣла зловѣще красная полоса зарева. Огонь быстро перебѣгалъ съ дерева на дерево, выдѣляясь яркими вертикальными полосками, и подошелъ къ самому морю у Жюнкьерскаго маяка. Это огненное кольцо держало въ осадѣ жителей города нѣсколько дней. Никто и не порывался тушить. Каждый домовладѣлецъ, день и ночь сидя на крышѣ, старался только оберегать свою избу отъ залетавшихъ искръ.

Въ Тымовскомъ округѣ ежегодно, въ періодъ юньскихъ засухъ, всегда есть гдѣ нибудь лѣсной пожаръ. Къ этому сахалинцы приглядѣлись, привыкли и пока довольно спокойно относятся къ потерѣ строевого лѣса: его еще много на островѣ! Причина пожара чаще всего—брошенный бродягами костеръ. И тутъ уже трудно отъ нихъ уберечь тайгу. Если посчитать всю площадь земли, опустошенной пожарами, то она представитъ огромную пустыню въ нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ!

Подѣзжая къ Арковскимъ селеніямъ, мы снова встрѣтили нѣкоторое оживленіе на дорогахъ и на прилегающихъ къ ней поляхъ. Попалась недалеко отъ моря семья гиляковъ съ посохами въ своихъ маленькихъ изящныхъ рукахъ. За спиною гилячки была подвязана люлька съ ребенкомъ. У мужчины тоже торчало какой-то грузъ. У обоихъ пазухи, набитыя всевозможными запасами, начиная отъ огнива и кончая табакомъ и юколой, отвисали большими мѣшками ниже пояса. Съ ними были ихъ собаки съ характерными стоячими ушами. Какъ у насъ рогатый скотъ, такъ у гиляковъ собаки служатъ и рабочею силой и лакомою пищею. Этотъ неприхотливый народъ не брезгуетъ даже падалью и съ удовольствіемъ кушаетъ мертвыхъ китовъ и сивучей, выброшенныхъ на берегъ волнами.

Гиляки всегда приковывали мое вниманіе своеобразными обычаями, одеждою, оригинальнымъ русскимъ жаргономъ, но теперь, при отбѣздѣ съ Сахалина, я старался насколько возможно сильнѣе запечатлѣть каждую подробность, каждую мелочь, чтобы унести съ собою воспоминанія о нихъ для людей другого міра, далекихъ отъ острова каторжныхъ.

Еще послѣднее усиліе лошадей по берегу моря, и мы въ Александровскѣ.

На другой день рано утромъ, я пошелъ дѣлать прощальные визиты и прежде всѣхъ къ военному губернатору острова, Мерказину. Его домъ находился въ лучшемъ углѣ селенія на плоской возвышенности, круто спускающейся къ рѣкѣ Александровкѣ. Съ одной стороны примыкалъ къ нему большой садъ, лучше сказать, расчищенный паркъ, а съ другой—обширная площадь съ церковью и съ казенными зданіями.

Хорошо знакомый съ сибирскою жизнью, губернаторъ мало до-вѣрялъ служащимъ и потому былъ съ ними довольно строгъ и требователенъ. Такимъ образомъ, становясь въ оппозицію чиновникамъ, онъ невольно дѣлался защитникомъ интересовъ ссыль-ныхъ. Въ немъ была прекрасная черта для населенія острова — доступность. Всякій, и свободный, и каторжный, кто только имѣлъ нужду видѣть губернатора, свободно шелъ къ нему съ 7-ми часовъ утра (генераль любилъ рано вставать) и обстоятельно излагалъ ему свою просьбу.

Губернаторъ встрѣтилъ меня очень привѣтливо, какъ знакомаго. Расхваливъ мою послѣднюю литературную работу, онъ разспрашивалъ о моихъ намѣреніяхъ. Такъ какъ со дня на день ждали пассажирскаго парохода «Байкаль», то, прощаясь со мною, онъ самъ рекомендовалъ мнѣ ѣхать на немъ. Но пароходъ запоздалъ вслѣдствіе бушевавшей снѣжной бури на морѣ.

9-го мая погода измѣнилась: опять голубое небо, яркое солнце и тишина на морѣ. Наконецъ раздался давно ожидаемый свистокъ: «Байкаль» пришелъ! Это извѣстіе такъ сильно меня взволновало, что я почувствовалъ въ себѣ новыя силы и радостно поспѣшилъ укладываться. Тутъ повторилась рыковская сцена прощанія. Также большою гурьбой товарищи провожали меня нѣсколько верстъ до берега. На длинную пристань пропускались только тѣ счастливые обыватели острова, которымъ было разрѣшено уѣхать съ него. Я скоро устроился на пароходѣ, познакомился съ капитаномъ и пассажирами, сдать свой багажъ и мысленно уже прощался съ Сахалиномъ, какъ вдругъ подходитъ ко мнѣ капитанъ Л—скій и объявляетъ, что ночью пароходъ будетъ нагружаться углемъ въ Дуэ. Мнѣ представлялась возможность провести еще одну ночь среди своихъ товарищей, и я вернулся на берегъ. Тамъ было сильное оживленіе по поводу только-что полученной почты съ парохода. Между прочимъ въ одномъ изъ журналовъ былъ найденъ новый рассказъ Л. Н. Толстого «Хозяинъ и работникъ». Несмотря на поздній часъ, мы всѣ усѣлись, чтобы послушать новое произведе-ніе уважаемаго писателя; но хлопоты цѣлаго дня такъ сильно утомили меня, что я при всемъ своемъ желаніи не могъ долго слушать чтеніе и поспѣшилъ проститься съ товарищами. Къ тому же предчувствіе чего-то непріятнаго нагнало на меня непонятную грусть.

— Во всякомъ случаѣ, — успокоивалъ я себя ложась въ постель, — завтра ты расстанешься-таки съ Сахалиномъ.

LIV.

Задержать!—Объясненіе съ губернаторомъ.—Стараніе товарищей разсѣять меня.—Постройка баржъ.—Японскіе торговцы.—Мнѣніе Хасекава о предполагаемой войнѣ.—Кустарный промыселъ у японцевъ.—Мои занятія въ ожиданіи отъѣзда.—Поѣздка въ Дуэ.—Жалкій чиновникъ.

Только что я поднялся съ постели на другой день утромъ, какъ меня зовутъ на телефонную станцію.

— Что такое?—спрашиваю.

— Генераль приказалъ,—отвѣчаетъ мнѣ съ пристани дежурный чиновникъ И—въ,—немедленно васъ задержать, если вы на пароходѣ.

Въ страшной тревогѣ я бросился къ губернатору.

— Вамъ ошибочно данъ билетъ на выѣздъ,—говорить мнѣ генераль:—мы не имѣемъ права васъ выпустить съ острова безъ разрѣшенія изъ Петербурга.

— Такъ дайте, пожалуйста, телеграмму!

Огорченный новымъ препятствіемъ къ выѣзду, я поѣхалъ за своими вещами на пароходѣ. Пассажиры, сочувствуя моему горю, очень жалѣли обо всемъ случившемся и недоумѣвали, что это значитъ. Я тоже ничего не понималъ. Между тѣмъ генераль успѣлъ уже сдѣлать замѣчаніе по телеграфу начальнику округа, который выдалъ мнѣ билетъ. Тотъ съ своей стороны телеграфируетъ въ Александровку, чтобы задержали меня и препроводили въ Рыковское.

— Часъ отъ часу не легче! — подумалъ я. — Точно я бѣглець какойнибудь, или виноватъ въ выдачѣ билета. Еще въ прошломъ году я подалъ прошеніе о выдачѣ паспорта съ разрѣшенія самого губернатора, а теперь—«задержать!».

Конечно, поспѣшное требованіе тымовскаго начальника не было выполнено, и генераль разрѣшилъ мнѣ дожидаться отвѣта на его телеграмму въ Александровкѣ.

Минувшею осенью выѣхалъ во Владивостокъ одинъ мой знакомый ссыльный изъ евреевъ. Вступивъ на почву материка, онъ въ восторгѣ телеграфируетъ мнѣ: «Я перешелъ море, какъ Израиль, и изъ Египта работы и неволи вступилъ въ обѣтованную землю на азіатскомъ материкѣ». А на другой день, по приказу сахалинскаго губернатора, его арестовали, якобы по ошибкѣ выпущеннаго, и съ первымъ пароходомъ вернули на Сахалинъ.

Слава Богу, что меня хоть здѣсь, у пристани, задержали, а то было бы совсѣмъ скандально возвращаться изъ Владивостока подъ конвоемъ, какъ бродяга!

Штольні Владиміровскаго рудніка.

Потянулись тоскливые дни. Сколько было разочарований и обидных притѣсненій за восемь лѣтъ на Сахалинѣ, все снова вспомнилось, еще болѣе усиливая мои нравственные муки.

Товарищи старались разсѣять меня и днемъ придумывали различныя прогулки по окрестностямъ Александровки, а вечеромъ устраивали литературные вечера.

Одна изъ моихъ любимыхъ прогулокъ была на берегъ моря, потому что здѣсь всегда замѣчалась жизнь. Даже въ совершенный штиль приливная или отливная волна измѣняла картину берега, усѣвая его различными видами морской флоры или фауны.

Недалеко отъ устья рѣки Александровки мнѣ пришлось познакомиться съ новымъ видомъ сахалинскаго производства—съ постройкою деревянныхъ баржъ. Даровой лѣсъ и даровыя руки здѣсь даютъ возможность сравнительно очень дешево строить эти суда не только для своихъ надобностей, но и по заказу Амурской пароходной компании.

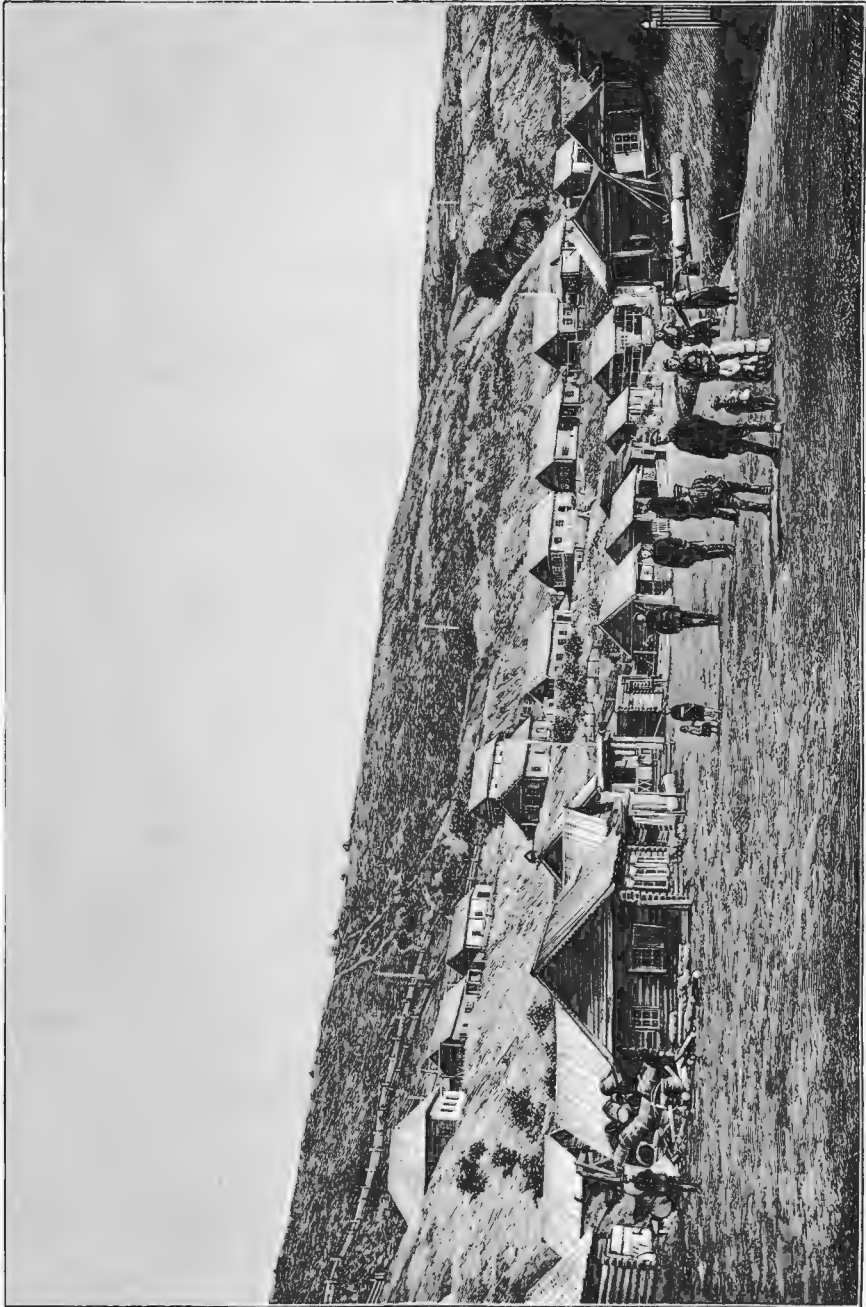
Однажды прогуливаясь, мы зашли къ прїѣхавшимъ сюда японскимъ торговцамъ. Ссылное населеніе очень желало, чтобы они открыли на Сахалинѣ торговлю въ большихъ размѣрахъ и понизили бы существующія здѣсь цѣны на товары, но русскіе купцы и сама администрація острова препятствуютъ имъ открывать здѣсь магазины, чтобы они не сдѣлали конкуренціи казенной лавкѣ колонизаціоннаго фонда. Японцы оказались прелюбезными хозяевами, и одинъ изъ нихъ, Канезироо Хасекава, удивилъ насъ своею интеллигентностью. Онъ вообще много читалъ, выписываетъ японскіе и англійскіе журналы и былъ au courant всѣхъ новостей, относящихся до японской политики. Владѣя хорошо русскимъ языкомъ, онъ являлся крайне интереснымъ собесѣдникомъ. Между прочимъ, онъ разсказалъ намъ нѣсколько эпизодовъ японо-китайской войны и при этомъ показалъ множество фотографій и патріотическихкихъ картинъ, которыми такъ усердно иллюстрировали свои журналы его соотечественники.

— А что, если будетъ у японцевъ война съ Россіей?—полюбопытствовали мы.

— Для насъ,—отвѣчаетъ японецъ съ снисходительною улыбкой,—это пустяки. Воевать съ Россіей намъ гораздо легче, чѣмъ съ Китаемъ.

— Какъ такъ?!—въ одинъ голосъ воскликнули мы, удивляясь самоувѣренному тону этого маленькаго человѣчка.

— Да великъ ли у васъ флотъ въ Великомъ океанѣ?!—продолжаетъ поражать насъ японецъ.—А крѣпостей только одна и есть на всемъ берегу, да и та можетъ держаться самое короткое время. Если мы взяли Портъ-Артуръ, то овладѣть Владивостокомъ совершенные пустяки. У васъ мало защищенъ ключъ крѣпости—Русскій островъ.

Постъ Дуа.

Правда, въ то время мы плохо были приготовлены вести большую войну на Востокѣ, но я изумлялся, съ какою развязностью онъ говорилъ о побѣдѣ уже надъ второй великой имперіей. Въ своемъ воинственномъ азартѣ онъ дошелъ до того, что и Англію сталъ сравнивать съ Китаемъ и, казалось, готовъ былъ вызвать на бой цѣлый міръ. И это онъ говорилъ на иностранной землѣ, среди русскихъ людей. Воображаю, что они говорятъ у себя дома!..

Похваляя храбрость своего народа, Хасекава вытащилъ двѣ японскія шпаги въ лакированныхъ деревянныхъ ножнахъ и съ важностью показывалъ достоинство ихъ клинковъ. Мы видѣли у него еще цѣлую кучу чисто японскихъ вещей. Для меня тогда все это было ново и интересно. Даже самыя простыя вещи изъ соломы, камыша, бумаги, дерева были сдѣланы удивительно изящно. Какія чудныя плетенія! Все чисто, красиво и чрезвычайно тонко по вкусу и отдѣлкѣ. Я не замѣчалъ ни въ чемъ ни небрежности, ни грубости, но я тогда не зналъ еще, какъ все это въ то же время слабо и непрочно!

Громко расхваливая японскія вещи, я сдѣлалъ маленькую безтактность. Если гость, пришедшій въ первый разъ въ домъ, похвалитъ какую нибудь вещь, то по японскому обычаю надо ему сейчасъ же подарить ее. Чтобы поправить свою ошибку, я хотѣлъ купить себѣ что нибудь на память, но товарищи удержали меня:

— Не торопитесь: этого хлама довольно и во Владивостокѣ, только тамъ онъ вдвое дешевле, чѣмъ здѣсь.

Посѣщая товарищей и осматривая достопримѣчательности Александровскаго поста, къ которымъ надо отнести и начинавшійся въ это время сахалинскій музей, я и самъ старался занять себя какимъ либо дѣломъ, чтобы скрасить томительное ожиданіе. Для меня не надо было искать занятій: ихъ всегда было много здѣсь. Въ это время я успѣлъ установить солнечные часы около дома губернатора, приводилъ въ порядокъ недавно перенесенную сюда метеорологическую станцію и писалъ замѣтки для журналовъ. Врачъ П—ій, офиціальныи посредникъ между наблюдателями и Главною физическою обсерваторіей, по своей инициативѣ взялся выхлопотать мнѣ небольшое вознагражденіе за литературные труды о Сахалинѣ.

— Если само начальство не додумалось до этого, то мнѣ самому неудобно напоминать о вознагражденіи,—сказалъ я врачу П—му.

На другой день я просилъ его письмомъ не подымать этого вопроса, но онъ вопреки моему желанію доложилъ генералу. Тотъ вспомнилъ свои прошлогоднія обѣщанія и сейчасъ же назначилъ сто рублей. Правду сказать, они мнѣ очень пригодились въ первое время моего пребыванія во Владивостокѣ. Въ этотъ же самый день пришло извѣстіе изъ Петербурга, что тамъ не имѣютъ ника-

кихъ препятствій къ моему выѣзду съ о. Сахалина въ Восточную Сибирь.

— Ну, наконецъ-то!—облегченно воскликнулъ я.

На Дуйскомъ рейдѣ грузился углемъ нѣмецкій пароходъ *Velox*, зафрахтованный Добровольнымъ флотомъ.

— Надо хоть на угольщикѣ поскорѣе уѣхать съ несчастнаго острова,—рѣшительно сказалъ я себѣ и отпросился у начальника округа въ Дуэ.

Въ это время туда собиралась ѣхать на паровомъ катерѣ партія чиновниковъ. Присталъ и я къ нимъ. Одинъ изъ нихъ всю дорогу былъ особенно со мной любезенъ, посвящалъ меня въ тайны своего прошлаго и въ чемъ-то оправдывался предо мною, жалуясь на свое зависимое положеніе.

— Мы—люди маленькіе!—прибавлялъ онъ непрестанно.

Потомъ онъ сталъ обвинять генерала за его грубость, непостоянство и строгость къ чиновникамъ. Я не понималъ, къ чему онъ говоритъ все это мнѣ, почти незнакомому ему человѣку. Впоследствии мнѣ разъяснили: этотъ жалкій чиновникъ, желая выслужиться передъ губернаторомъ, заварилъ всю кашу изъ-за моего паспорта и такъ напугалъ его своими соображеніями, что тому пришлось вторично испрашивать изъ Петербурга телеграммою то, что было сообщено ему раньше письменно.

Узнавъ условія переѣзда на пароходѣ «*Velox*» во Владивостокъ и сдѣлавъ прощальные визиты знакомымъ дуйскимъ чиновникамъ, вечеромъ я вернулся опять на паровомъ катерѣ въ Александровку, чтобы захватить свои вещи и окончательно распрощаться съ нею навсегда.

Какъ я, однако, ни старался попасть на русскій пароходъ, пришлось воспользоваться услугами нѣмцевъ. И тутъ-то при возвращеніи домой, черезъ двѣнадцать лѣтъ разлуки, родное русское какъ будто все еще отвертывается отъ меня...

LV.

Новое прощаніе съ губернаторомъ.—Тяжелые проводы.—Неоцѣненные жертвы.— На пароходѣ «*Velox*».—Мои спутники.—Нагрузка угля каторжными.—Двойной надзоръ.— Борьба съ тайною продажей спирта.— Передача по водѣ.— Лишнія стѣсненія.—Отплытіе.—«Впередъ смотрѣть!»

Мнѣ надо было опять явиться губернатору. Увидѣвъ меня, онъ поспѣшилъ на встрѣчу мнѣ съ поздравленіями, пригласилъ въ свой кабинетъ и долго разговаривалъ о войнѣ, о Примурскомъ краѣ, о Манджуріи и даже о Сахалинѣ. Обѣщалъ мнѣ все зависящее отъ него содѣйствіе на моемъ дальнѣйшемъ пути. Просилъ,

въ случаѣ какихъ либо недоразумѣній при сибирскихъ мытарствахъ, телеграфировать ему. На прощаніе насаждалъ мнѣ всяческихъ пожеланій.

Долгіе проводы—долгія слезы. Меня двѣ недѣли провожали съ Сахалина. Каждый день не въ одномъ, такъ въ другомъ мѣстѣ повторялись поцѣлуи, объятія и пожеланія. Но вотъ послѣднее прощаніе съ товарищами у пристани, и я, не помню какъ, очутился въ паровомъ катерѣ. Одинъ изъ провожавшихъ А. В., вдовецъ чуть ли не съ перваго года по приѣздѣ на Сахалинъ, не выдержалъ и громко разрыдался...

Меня сильно подавляла не столько грусть о разлукѣ съ товарищами, сколько жалость къ нимъ. Большинство ихъ были хорошіе, сердечные люди, но, увлекшись идеями о счастіи человечества, они дали слишкомъ большой просторъ движенію своего сердца и... попали на Сахалинъ. Выкинутые изъ Россіи, они и здѣсь въ глазахъ правящаго класса плохо были оцѣнены. Ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ у нихъ не было никакой точки опоры, на которой успокоилось бы ихъ растерзанное сердце...

Кромѣ меня, изъ Сахалина уѣзжали на *Velox* одинъ молодой человѣкъ, работавшій здѣсь въ конторѣ при угольныхъ копяхъ, и вдова рыковскаго смотрителя Я—ва, съ пятью малыми ребятами, изъ которыхъ двое пяти-мѣсячные близнецы. Мы кое-какъ размѣстились по каютамъ служащихъ парохода и мысленно благодарили капитана за его любезность. Впрочемъ, его вниманіе, какъ потомъ оказалось во Владивостокѣ, обошлось довольно дорого.

Я и тутъ поторопился прибыть на судно, лучше сказать, поторопился уѣхать изъ Сахалина: пароходъ простоялъ въ Дуэ еще слишкомъ сутки.

При всемъ своемъ нежеланіи обращать вниманіе теперь на что либо сахалинское, я невольно засмотрѣлся на работу каторжныхъ. Они грузили уголь подъ двойнымъ надзоромъ. Съ одной стороны пароходная прислуга зорко слѣдила, чтобы они не стащили чего нибудь съ собою на берегъ, съ другой—чиновникъ И—въ и тюремные надзиратели внимательно наблюдали, какъ бы кто изъ каторжныхъ не купилъ у матросовъ бутылки водки.

Тайный провозъ спирта въ это время былъ злобою дня на Сахалинѣ. Губернаторъ издалъ цѣлый рядъ строгихъ приказовъ объ охранѣ береговъ острова отъ контрабанды, но всѣ они, какъ я убѣдился, мало имѣли значенія. Запретить тайную продажу спирта матросамъ входящихъ судовъ почти невозможно. Они, напри- мѣръ, ухитряются передавать спиртъ ночью по приливной волнѣ. Бросятъ боченокъ въ воду за бортъ, а волны гдѣ нибудь прибьютъ его къ берегу прямо въ руки каторжнымъ. Мнѣ самому лично пришлось уговорить двухъ молодыхъ людей увезти большой ящикъ спирта назадъ во Владивостокъ и сдать его обратно въ магазинъ извѣстнаго сахалинскаго поставщика.

Всѣ распоряженія по этому поводу подымали только ропотъ и на берегу, и на морѣ. Напримѣръ, запрещалось грузить пароходъ ночью, и вслѣдствіе этого суда простаивали нѣсколько дней лишнихъ у негостепримныхъ и опасныхъ береговъ Сахалина. Были и другія стѣненія, которыя возбуждали еще большую ненависть къ каторжному острову.

Наконецъ, 19-е мая было тѣмъ счастливымъ днемъ, когда я могъ сказать послѣднее «прости» сахалинскимъ берегамъ: пароходъ поднялъ якорь, и мы поплыли черезъ Татарскій проливъ къ желанному матеріку.

Случается, что и теперь Харонъ переправляетъ обратно черезъ Стиксъ обреченныхъ въ современный Аидъ. Случается, что покойниковъ возвращаютъ съ кладбища, и мертвые воскресаютъ и въ настоящее время для новой жизни...

Когда очертанія Дуэ и Жонкіерскаго мыса стали уплывать въ туманной дали, въ это время я рассказывалъ одному штурману дальняго плаванія о своемъ восьмилѣтнемъ пребываніи на Сахалинѣ. Было очень кстати вспомнить на прощанье прошлую жизнь на каторжномъ островѣ и подчеркнуть результаты. Но недолго пришлось мнѣ рассказывать: новыя событія, новыя впечатлѣнія заставляли повернуть лицо въ другую сторону. «Впередъ смотрѣть!..» Этотъ бодрящій призывъ моряковъ сразу пресѣкалъ тяжелыя воспоминанія о минувшемъ и направлялъ всѣ думы навстрѣчу новымъ теченіямъ...

Море было сравнительно тихо. Небольшія волны не мѣшали нашему судну итти прямо по намѣченному пути; онѣ, казалось, какъ бы ласкались къ груди парохода. Не вѣрь, говорятъ, тишинѣ моря! Но я, какъ много разъ испытанный кормчій, твердо надѣялся одолѣть всѣ противные вѣтры и счастливо обойти опасныя скалы и коварныя мели и смѣло пустился въ дальній путь.

LVI.

Сахалинцы во Владивостокѣ. — Трудность развязаться съ островомъ каторжныхъ. — Мѣстные сырые туманы. — Письмо С. Г. Юркевича. — Морской промыселъ. — Неурожай отъ засухи. — Первые пчелы на Сахалинѣ. — Грабежи и убійства. — Тяжелыя условія земледѣльческой колоніи. — Антагонизмъ между каторжными и поселенцами.

Быль пасмурный день, какіе очень часто случаются весною во Владивостокѣ. Густой туманъ большими облаками тянулся по вершинамъ горъ и сползалъ въ долины, обхватывая верхнія зданія города. Все сѣро, сумрачно и сыро. На скатѣ горы, поднимавшейся у морской слободки, по временамъ проглядывалъ сквозь туманъ

небольшой бѣленькій домикъ того самаго сахалинца изъ кавказскихъ героевъ, котораго лѣтъ десять тому назадъ перевезли вмѣстѣ со мною на пароходѣ Добровольнаго флота въ Александровскій постъ. Теперь я сижу у него за столомъ въ небольшой компаніи. Съ нами сидѣла жена хозяина дома, бойкая женщина, тоже прошедшая искусть сахалинской каторги, да хабаровскій гость, много раньше меня оставившій Сахалинъ, гдѣ онъ былъ учителемъ.

— Господа!—провозглашаетъ хозяинъ,—мы всѣ прибыли съ Сахалина, а потому пью за здоровье сахалинцевъ!

— Да будетъ вамъ!—перебиваетъ его хабаровскій гость.—Пора бы оставить эту позорную кличку. Я давно мѣщанинъ, а отъ сахалинства до сихъ поръ не могу отвязаться. Нѣтъ, нѣтъ, да и напакоститъ оно мнѣ. А вы,—обращается онъ ко мнѣ,—приписались въ мѣщане?

— Нѣтъ, — отвѣчаю,—я еще форменный сахалинецъ: у меня паспортная зависимость отъ Сахалина. Пытался порвать свою связь съ нимъ, но это оказалось не такъ-то легко. Во-первыхъ, въ этомъ краѣ при большихъ разстояніяхъ беретъ много времени официальная переписка; а, во-вторыхъ, здѣсь такъ еще мало освоились съ законами и положеніями, что почти при каждомъ вопросѣ приходится, если не для себя, то для другихъ открывать Америку. Всѣ мои хлопоты и личныя объясненія съ губернаторами ни къ чему не привели: я еще до сихъ поръ съ сахалинскимъ билетомъ и въ прежней шкурѣ ссыльнаго. Трудно развязаться съ каторжнымъ островомъ! Я полагалъ, что разъ съѣхалъ съ него—и сразу похоронилъ все прошлое. Но нѣтъ! нельзя позабыть жизнь столькихъ лѣтъ, да и окружающіе постоянно напоминаютъ Сахалинъ. Куда ни пойдешь, всюду натолкнешься на сахалинца. Моя квартирная хозяйка—жена смотрителя тюрьмы, который находится подъ судомъ за растрату и сидитъ здѣсь подъ арестомъ; пользуюсь столомъ тоже у сахалинки, служу и работаю съ сахалинцами, мои слуги—сахалинцы. Прячешь при случаѣ свое сахалинское происхожденіе, но это возможно ненадолго. Второй или третій вопросъ новаго знакомаго уже заставляетъ сказать, откуда пріѣхалъ и почему здѣсь очутился. Простой народъ однимъ только видомъ своимъ сейчасъ же выдаетъ себя во Владивостокѣ, особенно если онъ недавно пріѣхалъ съ острова. Привыкнувъ тамъ снимать шапку передъ каждымъ бариномъ, онъ и здѣсь не можетъ спокойно пройти мимо чиновничьей или офицерской фуражки, чтобы не сойти на мостовую и не потянуть руки къ своей шапкѣ.

— Но не будемъ мы,—перебиваетъ меня хозяинъ,—ругать все сахалинское. Посмотрите, бываетъ ли въ Тымовскомъ округѣ такая гнусная погода, какъ здѣсь въ маѣ мѣсяцѣ? Сегодня я иду изъ управленія,—ничего не вижу на рейдѣ изъ-за тумана! На лицо и платьѣ садится какая-то сырость, да и на сердцѣ становится мрачно и тоскливо...

— Въ Тымовскомъ округѣ,—замѣчаю я,—такихъ погодъ дѣйствительно нѣтъ, но на берегу острова туманъ не рѣдкость. Только онъ тамъ не сопровождается такою высокою температурою, и потому не цвѣтутъ ежедневно сапоги плѣсенью, какъ здѣсь, во Владивостокѣ. А, кстати, я получилъ недавно письмо изъ Рыковского селенія отъ бывшаго учителя изъ ссыльныхъ, Юркевича. Онъ всегда горячо отстаивалъ возможность вести прибыльное хозяйство на Сахалинѣ и Тымовскій округъ ставилъ чуть ли не выше береговъ Усури. Юркевичъ самъ лично много лѣтъ занимался хлѣбопашествомъ, потомъ, съ полученіемъ крестьянства, выѣхалъ на заработки въ Усурійскій край, а теперь снова вернулся на Сахалинъ, гдѣ у него оставались жена и дѣти. Я вамъ прочту только то, что имѣетъ общій интересъ.

— Пожалуйста, прочтите, прочтите!—съ страстнымъ любопытствомъ запросили сахалинцы.

— Онъ пишетъ: «Меня одолѣваетъ старая мечта—завести свое суденышко, и я снова подалъ прошеніе о разрѣшеніи построить мнѣ въ Арковской долинѣ небольшую шхунку. Думаю промышлять рыбой и бочками для Николаевска. Въ сѣверномъ Сахалинѣ, у мыса Головачева, открылась рыбалка такой же хорошей рыбы, какая ловится и въ устьяхъ Амура. Кромѣ Зотова и Рубинштейна, многіе поселенцы артелями ѣздили туда на простыхъ лодкахъ и хорошо заработали. Нынѣшній годъ въ Рыковскомъ неурожайный. Въ юнѣ и юлѣ была сильная засуха, и хлѣбъ, который сѣяли на поляхъ къ Тарайскимъ мостамъ, весь выгорѣлъ; напротивъ, хлѣба на поляхъ къ Дербинскому селенію были хороши. Въ апрѣлѣ я привезъ два улья пчелъ съ материка, а теперь имѣю пять ульевъ, и уже кушали сахалинскій медъ. Пчелы живы ¹⁾. Вѣроятно, вы слышали, М—ръ женился на молодой ученицѣ своей, но вскорѣ его жену зарѣзали. Фельдшеръ Г. отравился. Помощникъ окружного начальника помѣшался, и его увезли въ больницу. С—я умерла...».

Пока я читалъ, мои слушатели ахали и охали отъ этихъ извѣстій, но я не останавливаясь продолжалъ чтеніе.

«...Здѣшняя жизнь попрежнему тянется грустно. Грабежи и убійства не прекращаются. Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ пять открытыхъ убійствъ съ цѣлью грабежа, а сколько пропало безъ вѣсти—одинъ Богъ про то знаетъ... Кражи по числу ночей, а иногда бываетъ по двѣ и по три въ ночь. У поселенца Зинченки со двора увели большого быка. Нашли его привязаннымъ на дворѣ тюрьмы за кузницей. Много скота пропадаетъ безъ всякихъ слѣдовъ. Если кому посчастливится найти чтонибудь изъ украденнаго, то это непременно въ тюрьмѣ. Крали даже казенныхъ быковъ и прода-

¹⁾ Письмо писано зимою 1896—1897 г. Ст. Гр. Юркевичу принадлежить слава перваго пчеловода на Сахалинѣ.

вали ихъ въ Александровскѣ. Крестьяне боятся за свое имущество и жизнь. Вспоминаютъ съ сожалѣніемъ правленіе Бутакова. Убийцы Б. и С., осужденные на вѣчную каторгу, свободно разгуливаютъ по селенію. Тайные водочные заводы тоже не переводятся. Начальство между собою не въ ладахъ, особенно, смотритель тюрьмы съ врачомъ. Однажды они поссорились въ тюрьмѣ публично при арестантахъ. Каторжные, конечно, пользуются этимъ. Чувствуется усиленное давленіе на ссыльный элементъ. Зажиточный крестьянинъ долженъ уѣзжать съ острова, также и торговецъ. Частная торговля ограничивается, а распространяется казенная. Такимъ образомъ прочно обжиться на Сахалинѣ нѣтъ надежды. Вѣроятно, и мнѣ придется перебираться отсюда со всей семьей въ Камчатку, гдѣ подрядчикъ С. предлагаетъ мнѣ мѣсто на довольно выгодныхъ условіяхъ. Помоему, на Сахалинѣ все доброе разрушается. Не бывало раньше, чтобы порядочному учителю изъ поселенцевъ платили пять рублей въ мѣсяць и при томъ обязывали бы его заниматься въ канцеляріи (писаремъ) въ каникулярное время. Чѣмъ же ему содержать себя, если онъ къ тому же и семейный? Была жизнь въ Рыковскомъ когда-то, а теперь осталось одно воспоминаніе»...

— Да, нерадостно изъ деревни пишутъ!—заговорилъ хабаровскій гость, когда я кончилъ чтеніе.—Ну, вотъ вамъ и новые порядки, новыя реформы, новые пѣтаты! Отъ нихъ улучшенія что-то не замѣтно. Только и есть, что увеличилось число чиновниковъ. Къ нимъ еще прибавился персоналъ контроля. Какъ видно, всѣ усилія администраціи сдѣлать изъ острова сельско-хозяйственную колонію до сихъ поръ не увѣнчались замѣтнымъ успѣхомъ.

Собесѣдники обратились ко мнѣ, какъ послѣ всѣхъ съѣхавшему съ острова.

— Вамъ я не могу сказать много новаго,—говорю имъ.—Я выѣхалъ съ острова, когда онъ и, въ частности, Тымовскій округъ находились въ періодѣ большихъ измѣненій. Частая смѣна начальствъ, массовое передвиженіе каторжныхъ на желѣзную дорогу и быстрый уплывъ зажиточныхъ крестьянъ на материкъ сильно повліяли на общее настроеніе сахалинцевъ и замѣтно измѣнили картину здѣшней жизни. Все стало какъ-то шатко, неустойчиво. Послѣ Бутакова ни одинъ начальникъ въ Тымовскомъ округѣ не выдержалъ подрядъ пяти лѣтъ службы, а смотрители тюремъ мѣнялись еще быстрѣе. Общее движеніе захватывало всѣхъ, дѣйствовало увлекательно и гнало населеніе каторжнаго острова къ тѣмъ пунктамъ новаго края, гдѣ пульсъ жизни бился еще лихорадочнѣе. Сначала, при основаніи поселеній въ Тымовскомъ округѣ, не было замѣтной розни среди населенія, не было еще людей со званіемъ крестьянина, а немногочисленные поселенцы почти сливались тогда съ каторжными. Работы у нихъ были одного и того же характера: расчистка и разработка земли да устройство домовъ. Поселенцы и

матеріальнымъ обезпеченіемъ мало чѣмъ отличались отъ ссыльно-каторжныхъ. Но съ годами положеніе тѣхъ и другихъ измѣнилось. Появилось довольно значительное крестьянство съ хорошими хозяйствами и съ относительнымъ самоуправленіемъ съ начальникомъ округа во главѣ. Съ другой стороны, каторжные рѣзко обособляются отъ нихъ въ отдѣльную группу, строго подчиненную надзирателямъ и смотрителю тюрьмы. Такимъ образомъ явилось въ послѣдствіи два ссыльныхъ сословія — каторжныхъ и поселенцевъ, — которыя вступили между собою въ силу мѣстныхъ условій въ глухую борьбу. Каторжные, какъ голодные волки, каждую ночь рыщутъ поживиться чѣмъ нибудь, что плохо лежитъ, а поселенцы за это расплачиваются ужасною монетой. Такое положеніе дѣль, конечно, никогда не примиритъ поселенца съ условіями здѣшней жизни. Богатые спѣшать уѣхать, и остаются одни бѣдняки, да и у этихъ только и думы, какъ бы покинуть страшный и ненавистный Сахалинѣ.

Я еще высказалъ имъ нѣсколько общихъ положеній объ условіяхъ сахалинской жизни, а затѣмъ мы вспомнили оставленныхъ товарищей на островѣ и проговорили о нихъ до самой ночи.

LVII.

Разстояніе и время изглаживаютъ впечатлѣнія.— Сахалинскій калейдоскопъ.— Что добраго въ худомъ?—Школа униженія.—Печальный случай съ Рюхинымъ.— Пустыня для спасенія души.—Страдать—общая участь ссыльныхъ.— Прощаніе съ Сахалиномъ.

Въ настоящее время, когда я пишу свои воспоминанія, меня отдѣляетъ отъ Сахалина и десять тысячъ верстъ разстоянія и порядочно большое время, давшее мнѣ массу новыхъ впечатлѣній въ моихъ странствованіяхъ по Россіи и за границей, заслоняющихъ до нѣкоторой степени все сахалинское. Многое, чѣмъ такъ сильно болѣлъ въ каторгѣ, поизгладилось, залѣчилось, успокоилось. Я уже начинаю забывать имена сахалинскихъ героевъ, какъ предать забвенію и свои претерпѣнныя невзгоды, но въ общемъ сахалинскую ссылку всегда буду помнить. Нельзя окончательно забыть эту скверную, адскую и въ то же время единственную въ своемъ родѣ и крайне оригинальную жизнь въ сахалинской каторгѣ.

Когда мысленно перенесешь на край свѣта, гдѣ лежитъ несчастный островъ, то въ воображеніи сейчасъ же замелькаютъ: казармы, камеры, майданы, каторжные, надзиратели, палачи, кобылы, розги, плети, тачки, кандалы, халаты, чирки, бритвы головы, урки, пайки, баланда, черемша, кѣта, соболи, медвѣди, гилыки, юрты, нарты, бродяги, кордоны, поселенцы, сожигательницы,

бураны, тайга, угольные копи... Этотъ сахалинскій калейдоскопъ, такой сложный по своему составу, всю жизнь будетъ торчать у меня предъ глазами. Сахалинъ самъ по себѣ, безъ тюремъ, далъ бы интересную, яркую картину; но, къ его горю, пестрота красокъ на немъ подернута сѣрою мглою каторжнаго наслоенія, обезцвѣчивающею этотъ островъ двухъ морей, какъ обезцвѣчиваетъ иногда нашедшій туманъ съ моря восхитительные уголки южной Японіи.

Великій русскій каторжникъ, Федоръ Михайловичъ Достоевскій, видитъ въ строгомъ наказаніи въ острогѣ и каторгѣ средство къ спасенію преступниковъ. Они самоочищаются страданіемъ. И я скажу: суровая жизнь до нѣкоторой степени вырабатываетъ человѣка.

Только тотъ пойметъ горе другого, кто самъ испыталъ его. Только тотъ можетъ посочувствовать голодному, холодному, больному, кто самъ попробовалъ голодъ, холодъ и болѣзнь. Съ этой стороны, конечно, каторга оставляетъ свой слѣдъ и больше побуждаетъ любить ближняго, чѣмъ богатая, сытая, довольная жизнь. Мнѣ случалось слышать, какъ арестанты съ гордостью говорили:

— У насъ въ каторгѣ нищій скорѣй будетъ сытъ, чѣмъ на Невскомъ проспектѣ.

Это правда. Не только накормятъ, но и одѣнутъ его здѣсь. И это сдѣлаютъ не отъ избытка, а при скудости своихъ средствъ.

Кромѣ физическихъ страданій, нужды и терпѣнія, Сахалинъ еще даетъ почувствовать ссыльному крайнее униженіе. Одни только плети и розги чего стоятъ! Съ какимъ плачемъ иногда униженно умоляетъ каторжный смотрителя, чтобы тотъ его не сѣкъ на кобылѣ! Случалось, что боязнь позорнаго наказанія дѣлала человѣка безумнымъ и гнала его въ лѣсъ.

Я помню печальный случай съ камерщикомъ Михаиломъ Рюхинымъ. Однажды онъ нечаянно разбилъ оконное стекло въ казармѣ. Невелико преступленіе (да и преступленіе ли это?). Но Рюхинъ, имѣя передъ своими глазами множество подобныхъ примѣровъ, рѣшилъ, что его будутъ за это наказывать розгами, и въ паническомъ страхѣ бросился ночью бѣжать въ тайгу. Его не остановили ни глубокій снѣгъ, ни трескучій морозъ. Только быстрая, незамерзающая рѣка Тыми могла прекратить его безумный бѣгъ. Но и тутъ онъ не вернулся въ тюрьму и не пошелъ къ мосту, который его переправилъ бы на другую сторону рѣки, а залѣзъ въ первое попавшееся дупло дерева и спрятался тамъ. Случайно охотникъ-поселенецъ набрелъ на слѣды Рюхина по снѣгу, прекращающіеся у самаго дерева. Онъ выволокъ изъ дупла замерзшую фигурку несчастнаго камерщика и представилъ его смотрителю тюрьмы, какъ пойманнаго бродягу. На этотъ разъ Рюхинъ избавился отъ унижительнаго наказанія, но какою цѣною!—Его снесли въ лазаретъ.

Сознаніе оскорбительнаго чувства у битаго каторжника чаще

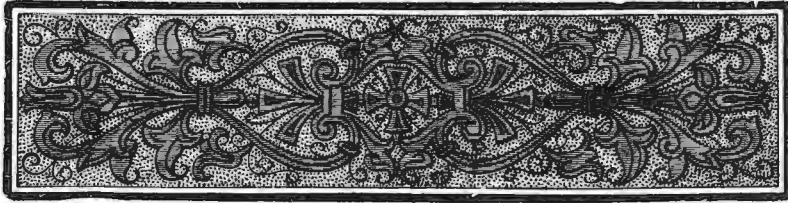
всего остается незалѣчимой раной на всю жизнь. Надо имѣть ссыльному особенное христіанское благодушіе, чтобы простить ка-торгѣ всѣ свои мученія и униженія и не поминать ея лихомъ. Впрочемъ, есть нѣкоторые религіозно настроенные старики, которые сравниваютъ Сахалинъ съ пустынями, гдѣ спасались Божіи уго-дники, и считаютъ свое пребываніе на немъ, какъ назначенное осо-бымъ строительствомъ Божиимъ для спасенія души. Но и эти, я слышалъ, горячо со слезами молились Богу псалмами Давида:

— «Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ, яко по многу испол-нихомся униженія. Наипаче наполнися душа наша поношенія гобзующихъ и униженія гордыхъ...».

Я былъ въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ другіе: лучше обезпеченъ, пользовался вниманіемъ и покровительствомъ начальниковъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи казенный домъ среди цвѣтущаго сада, а главное—у меня были разнообразныя занятія, которыя тре-бовали съ моей стороны большого вниманія и дѣятельности и от-влекали меня отъ угнетающихъ думъ и печалованія о своей судьбѣ. Но при всемъ томъ и я много страдалъ душевно, если не за себя, то за другихъ. Страданіе—такова ужъ нравственная атмосфера на Сахалинѣ! Рѣдко на кого она не положитъ печати угрюмости, кото-рая если потомъ и сойдетъ съ лица, то только послѣ долгихъ лѣтъ сожитія съ жизнерадостными людьми въ Россіи. Во время моего отъѣзда съ острова Сахалина я былъ съ примиреннымъ сердцемъ: мнѣ не пришлось бранить ни судьбу свою, ни людей, въ зависимости которыхъ я находился. Сопровождаемый горячими благословеніями и добрыми пожеланіями, я разставался, какъ другъ, и съ ссыль-ными, и съ чиновниками. Но... печальный островъ несчастныхъ! при всѣхъ моихъ заочныхъ искреннихъ благожеланіяхъ тебѣ, я не хотѣлъ бы тебя снова увидѣть такимъ же, какимъ я тебя по-кинулъ. Можетъ быть, ты попрежнему останешься мѣстомъ свалки всѣхъ отбросовъ, всѣхъ отрѣзанныхъ негодныхъ членовъ организма Россіи, или будешь, на ряду съ другими областями, самостоятель-нымъ губернаторствомъ, съ развитіемъ промышленной жизни, съ собственнымъ маленькимъ флотомъ, со своимъ металломъ, углемъ, лѣсомъ, рыбою и керосиномъ, или же, наконецъ, ты будешь играть не послѣднюю роль въ грядущихъ событіяхъ Дальняго Востока¹⁾,— во всякомъ случаѣ я шлю тебѣ издалека свое прощальное привѣт-ствіе и молю Бога, чтобы оставшіеся у тебя мои товарищи скорѣе послѣдовали моему примѣру и покинули бы тебя навсегда.

И. Миролюбовъ.

¹⁾ Съ незапамятныхъ временъ цивилизація, начиная отъ Индіи, Ассиріи, Халдеи, Мидіи, Персіи, Греціи, Рима, все время шла на западъ, и теперь черезъ Америку она пробирается въ Японію, Китай и Сибирь. Сахалинъ, замыкая собою на сѣверѣ гряду японскихъ острововъ, тоже лежитъ на пути цивилизаціи.

НА ВЕРХНЕЙ ВОЛГѢ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ 1897 г.).

I.

Мельководье Волги.—Тревожныя извѣстія о пережатіи «Черная Грязь».—На тверской пристани Самолета.—Ожиданіе парохода «Дриада».—«Тверское пароходство».

А РАЗСВѢТЪ 30-го мая нашъ поѣздъ Николаевской дороги, вышедшій наканунѣ изъ Москвы, подходилъ къ Твери. Занималось прелестное утро, обѣщавшее погожій день. Вагонъ просыпался, начиналась обычная предъ большой станціей суета. Большинство пассажировъ выходило въ Твери, оставаясь въ городѣ или собираясь на Волгу.

Толстый рыбинскій купецъ, всю ночь будившій и пугавшій пассажировъ своимъ ненстовымъ храпомъ, отъ котораго и самъ тревожно просыпался, теперь стремительно собиралъ свой многочисленный багажъ, озабоченно посматривая на часы. Устроившись съ багажомъ, онъ съ тревогою заговорилъ къ сосѣду:

— Какъ бы мы не опоздали на пароходъ...

— Что вы!...—разсмѣялся тотъ. — Теперь только пятый часъ, а самолетскій пароходъ отойдетъ въ 9 часовъ утра.

— Мало ли что!... и поѣздъ еще можетъ опоздать, и извозчиковъ, пожалуй, не достанемъ въ такую рань... А у меня во сколько

багажа!... А пароходъ, гляди, и раньше выйдетъ по причинѣ мелководья...

— Не пойдетъ онъ раньше... Вѣдь самолетскіе—почтовые пароходы: они исправно ходятъ по росписанію.

— Ну, и на старуху бываетъ проруха...

Другой пассажиръ, ночью гдѣ-то сѣвшій въ нашъ вагонъ, обратился къ купцу:

— Успокойтесь! Я полагаю, что вы въ Твери застрянете на цѣлый день, дожидаясь парохода, а не то и переночуете...

— Зачѣмъ же это-съ?...

— А затѣмъ, что и вчерашній самолетскій пароходъ «Дріада» застрялъ въ 25-ти верстахъ отъ Твери на перекатѣ «Черная Грязь», и завчерашняя «Никса» сидитъ тамъ же... Я вчера выѣхалъ изъ Твери и знаю это навѣрное...

И рыбинскій купецъ, и другіе пассажиры, ѣхавшіе на Волгу, всполошились отъ такого неожиданнаго извѣстія и пристали съ разспросами къ тверичу. Онъ продолжалъ рассказывать:

— Видите ли, господа: на «Черной Грязи» застряла на мели баржа еще третьяго дня и закупила перекатъ для всѣхъ идущихъ сверху и снизу судовъ... Тамъ собралось теперь около десятка пароходовъ и баржъ, и никакъ пробиться не могутъ... «Черная Грязь»—очень узкій перекатъ, съ извилистымъ фарватеромъ.

— Но вѣдь идутъ же работы по снятію баржи съ мели?

— Итти-то идутъ, да толку мало... Сегодня уже третьи сутки, какъ перекатъ закрытъ, а что-то не слышно, чтобы дѣло подвинулось впередъ... Совѣтую, господа, кому нужно въ Рыбинскъ и дальше,—ѣхать туда по желѣзной дорогѣ чрезъ Бологое. Вѣдь сегодня у «Самолета» нѣтъ парохода, чтобы отправить на низъ... Пришедшіе съ низу за эти два дня пароходы также застряли съ той стороны переката...

— Но вѣдь сегодня, кажется, долженъ отойти еще пароходъ Тверской компаніи?

— Да, сегодня долженъ итти «Кіевъ» этой компаніи... Но какъ же онъ пойдетъ, если перекатъ не расчищенъ?!

Большинство пассажировъ, торопившихся по дѣламъ, рѣшило продолжать путь по желѣзной дорогѣ, чрезъ Бологое. Но я никуда не торопился и готовъ былъ посидѣть въ Твери, чтобы попасть на пароходъ и проѣхать по верхнему плесу Волги, съ которымъ еще не былъ знакомъ. Самое мелководье меня интересовало, такъ какъ еще не приходилось видѣть Волгу въ этомъ состояніи.

Съ тверского вокзала Николаевской дороги извозчикъ повезъ меня на далекую самолетскую пристань. Городъ еще только просыпался, и на улицахъ почти не было движенія. Та часть города, по которой пришлось ѣхать, показалась довольно приличною и недурно застроенною.

Но городъ не интересовалъ—мысли стремились къ Волгѣ... Извозчикъ пророчилъ, что «Самолетъ» сегодня не пойдетъ — нѣтъ ни одного парохода... Онъ совѣтовалъ ѣхать на «Кіевъ», который де собирается въ путь. Всѣ де пассажиры туда направляются.

Дѣйствительно, подѣзжая къ Волгѣ, мы замѣтили, что у пристани Тверской компаніи какой-то пароходъ разводитъ пары. Но я не послушался извозчика, о чемъ послѣ пожалѣлъ, и поѣхалъ на самолетскую пристань.

Подѣхали къ крутому берегу очень узкой здѣсь Волги. По рѣкѣ стлался легкій туманъ, постепенно таявшій подъ горячими лучами подымавшагося солнца. Рѣчные дали были еще окутаны прозрачною дымкою тумана, но вблизи онъ уже разсѣялся, и солнечные блики ярко падали на зеркальную поверхность рѣки. Послѣ душнаго вагона и тяжелой городской атмосферы легко почувствовалось на свѣжемъ, чистомъ волжскомъ воздухѣ. Тянуло поскорѣ двинуться дальше по рѣкѣ, цѣликомъ насладиться всѣми ея прелестями, но... до этого было еще далеко!

У пристани, къ которой нужно спускаться по длинной и неудобной лѣстницѣ, не видно было никакого парохода. Извозчикъ крикнулъ съ пристани сторожа, тотъ явился и понесъ багажъ внизъ. Спрашиваю его:

- Пойдетъ сегодня вашъ пароходъ?
- Должонъ итти...
- Да гдѣ же онъ?
- Должонъ прійти...
- Откуда?
- Снизу.
- Какой пароходъ?
- А кто его знаетъ!... Кажись, «Дріада»...

Словомъ, отъ него нельзя было добиться толку: онъ отдѣлывался безсодержательными фразами и былъ очень остороженъ въ отвѣтахъ, словно ему было внушено—лишняго не болтать съ публикою... На пристани было нѣсколько пассажировъ, толковавшихъ, что пароходъ долженъ явиться съ «Черной Грязи» и сегодня же уйти внизъ. Стали ждать.

Около 6-ти часовъ показался на пристани мѣстный агентъ «Самолета», очень любезный молодой нѣмецъ. Всѣ бросились къ нему съ разспросами:

— Дождемся ли сегодня вашего парохода?... Пойдетъ ли онъ внизъ?...

— Обязательно пойдетъ,—отвѣчалъ агентъ.—Мы ждемъ съ часу на часъ «Дріаду», которая еще вчера вышла отсюда, но застряла на перекатѣ «Черная Грязь»... Тамъ столпилось 6 пароходовъ, шедшихъ снизу и сверху. Перекатъ былъ загороженъ баржею, свѣшею на мель. Но теперь перекалъ уже расчищенъ... «Дріада»

передала своихъ пассажировъ «Никсѣ» и взяла съ низовыхъ пароходовъ пассажировъ, которыхъ доставить сюда...

— Но пройдетъ ли «Дріада» перекагъ?..

— Обязательно пройдетъ!.. Вѣдь «Никса» прошла, когда около замелѣвшей баржи нѣсколько прочистили фарватеръ. Правда, она съ трудомъ пробилась... но все равно! Теперь она уже на пути въ Рыбинскъ.

— Но гдѣ же теперь «Дріада»?

— Она уже возвращается въ Тверь, и скоро мы ее увидимъ...

Пассажиры напрягали зрѣніе, отыскивая дымокъ «Дріады», но низы рѣки были еще окутаны легкимъ туманомъ, и тамъ нельзя было ничего разглядѣть. Агентъ послалъ матроса на берегъ посмотреть съ высоты, не видно ли отсюда парохода. Матросъ замѣтилъ пароходный дымокъ, но, «Дріада» ли это—рѣшить не могъ.

Всѣ эти вѣсти о перекагѣ волновали собравшихся пассажировъ. Если въ самомъ началѣ плаванія является такое препятствіе, что же будетъ дальше?... когда доберемся до Рыбинска?... Каково просидѣть на перекагѣ двое сутокъ, какъ пришлось злочастнымъ пассажирамъ «Никсы»!..

Самолетскій агентъ утѣшалъ насъ, что «Дріада» пойдетъ совершенно налегкѣ, безъ всякаго груза, что работа по снятію съ мели баржи подходитъ къ концу, и къ нашему проходу чрезъ «Черную Грязь» фарватеръ расчистятъ окончательно. Въ противномъ случаѣ, если «Дріада» не осилитъ переката, насъ пересадятъ на пароходъ, подошедшій къ перекагу снизу.

Но все это мало успокоивало пассажировъ, и часть ихъ вернулась на желѣзную дорогу, а нѣкоторые перешли на сосѣднюю пристань «Тверского пароходства», гдѣ уже стоялъ подъ парами «Кіевъ», собиравшійся отойти въ свое время—въ 10 час. утра.

Отъ Твери до Рыбинска ходятъ пассажирскіе пароходы только этихъ двухъ компаній—«Самолета» и «Тверской», первые ежедневно, вторые рѣже. Тверское пароходство имѣло сначала одни туэра, движущіеся по цѣпи, проложенной на дни рѣки. Силою пара туэръ поднимаетъ на свой бортъ цѣпь, наворачывая ее на валъ, откуда цѣпь снова опускается въ рѣку, то-есть цѣпь представляетъ безконечную ленту, захватывая которую туэръ подвигается впередъ. Туэра служатъ буксирами и отличаются большою силою: небольшіе по размѣрамъ, они легко и быстро тянутъ по нѣсколько нагруженныхъ большихъ баржъ. На меляхъ и перекатахъ они также свободно ведутъ буксируемые суда, какъ и на чистой водѣ: баржи трещатъ, скрипятъ, иногда ломаются, а туэръ легко проволочить ихъ по песку и выведетъ на глубину.

Несмотря на эти преимущества, туэрное дѣло не могло особенно развиваться: Николаевская, Рыбинско-Бологовская и другія желѣзныя дороги отбили у Тверского общества большинство грузовъ, и для

всѣхъ туэровъ не хватало работы. Общество догадалось тогда передѣлать четыре туэра на пассажирскіе пароходы. Въ числѣ ихъ былъ и «Кіевъ», съ которымъ позже пришлось и мнѣ познакомиться.

Но теперъ я рѣшился ждать самолетской «Дріады» и не послѣдовалъ за пассажирами, перешедшими на «Кіевъ». Мнѣ казалось, что такое почтенное по возрасту и солидное по размѣрамъ общество, какъ «Самолетъ» (существуетъ съ 1853 г.), сумѣетъ лучше оградить интересы своихъ пассажировъ, чѣмъ юное Тверское общество... Мнѣ нужно было ѣхать до Симбирска, и я рискнулъ взять на самолетскіе пароходы билетъ прямого сообщенія на весь этотъ путь.

II.

Возвращеніе «Дріады». — Разказы пассажировъ о приключеніи на перекатѣ Черная Грязь. — Очистка переката... лопатами. — Спящая землечерпалка. — Водяной олимпіецъ. — Мученія публики.

Въ исходѣ 7-го часа показалась наконецъ «Дріада» и остановилась у своей пристани. Съ парохода сошла масса пассажировъ, какъ пріѣхавшихъ снизу, такъ и вернувшихся обратно изъ числа выѣхавшихъ изъ Твери вчера и третьяго дня. Послѣдніе, просидѣвши на Черной Гязи 1—2 сутокъ и до отвалу насладившись «любезностями» гг. путейцевъ, не рискнули ѣхать по рѣкѣ дальше и предпочли обратиться къ желѣзной дорогѣ.

И эти пассажиры, и мы, садившіеся на «Дріаду», одинаково торопились съ пріемомъ и сдачею багажа и проч., такъ что здѣсь не пришлось разспросить очевидцевъ о приключеніяхъ на Черной Гязи. Но въ Рыбинскѣ я догналъ нѣкоторыхъ пассажировъ «Никсы» и ѣхалъ съ ними до Нижняго, и они повѣдали многія интересныя и поучительныя вещи...

Начать съ того, что работа по очисткѣ фарватера на Черной Гязи производилась... вы думаете — землечерпалкою или землесосомъ?.. Нѣтъ! дѣло велось гораздо проще и по старинѣ, какъ велось оно и во времена блаженной памяти Гостомысла... Господа «водяные» (такъ зовутъ на Волгѣ путейскихъ чиновъ всѣхъ ранговъ, до перекатнаго сторожа включительно, опекающихъ якобы рѣку, но заведенныхъ, повидимому, больше по традиціи, чтобы и на водѣ было «начальство»)... проявили необычайную энергію и находчивость: они собрали изъ сосѣднихъ деревень толпу бабъ и мужиковъ (первыхъ было больше), дали имъ въ руки лопаты, спустили ихъ въ легкомъ дезабилье въ воду около застрявшей баржи и... заставили мѣсить воду, т. е. выражаясь технически — «расчищать фарватеръ»... Просто и мило, и даже пикантно для любителей деревенской красоты!..

Конечно, бабы и мужики мѣсили воду очень усердно, пытаюсь замѣнить работу дорогой заграничной землечерпалки потугами дешевыхъ россійскихъ лопатъ... Надъ перекатомъ стоялъ хохотъ, визги, веселая ругань, пересмѣшки... Словомъ, тамъ было очень весело, но толку выходило мало. Двое сутокъ бились въ водѣ и купались доморощенные гидротехники, получили за свою неустрашимость и усиленное купанье порядочную толику казенныхъ денегъ, да врядъ ли бы чего и добились, еслибы надъ ними не сжалилась наконецъ Волга: она понатужилась и сама сдвинула съ мели застрявшее судно...

Когда мнѣ передали объ этомъ интересномъ водевилѣ съ раздѣваніемъ, я пожалѣлъ бѣдныхъ волжскихъ путейцевъ, вынужденныхъ довольствоваться такими примитивными средствами для расчистки фарватера... Разсказчики разсмѣялись и спрашиваютъ:

— Развѣ вы не видѣли въ Твери, у городской пристани, новенькую землечерпалку?..

— Видѣлъ, но она, вѣроятно, испорчена и находится въ ремонтѣ...

— Какое тамъ! это новѣшенькая казенная землечерпалка, еще и не бывшая въ работѣ... Она только этою весною доставлена въ Тверь и назначена именно для верхняго плеса Волги.

— Такъ почему же она стоитъ безъ дѣла, когда подъ бокомъ такая нужда въ ней, хотя бы на той же Черной Грязи?!

— Экъ, вы торопитесь!.. казенное дѣло не медвѣдь — въ лѣсъ не уйдетъ... А отдыхаетъ землечерпалка оттого, что до сихъ поръ еще... «не принята» въ казну отъ строителя...

— Почему же медлитъ съ приѣмомъ?.. Навигация такъ давно уже открылась... На Волгѣ начинается страшное мелководье...

— Очень просто: «комиссія» гг. водяныхъ по приѣму землечерпалки никакъ все «не можетъ собраться»... Знаете — разѣзды по Волгѣ, дѣла... семья, дача... мало ли что! Тоже вѣдь люди...

— Однако, это ужъ черезчуръ по-россійски... «Не могутъ собраться»!.. Да когда же они соберутся?..

— Вѣроятно, осенью... когда гг. путейцамъ будетъ посвободиѣ... А, можетъ быть, и до зимы дотянуть... Все равно, вѣдь нѣтъ нужды испытывать машину въ дѣйствиі: сработана онъ извѣстною фирмой, честно выполняющею заказы. Ну, а простонитъ лѣто безъ дѣла, да прозимуетъ, на ней и краски облупятся, и винтики заржавѣютъ, то да другое... глядишь — весною и ремонтикъ уже потребуется... И то благо!..

Передаю этотъ разговоръ волгяря буквально и, конечно, не ручаюсь, что разсказчикъ точно указалъ настоящую причину бездѣйствія тверской землечерпалки: можетъ быть, дѣйствительно, и комиссія тутъ была виновата, а, можетъ быть, что и другое... Но что землечерпалка бездѣйствовала, когда 28 и 29 мая перекачь Черную Грязь расчищали лопатами, это знаютъ пассажиры и ко-

манды «Дріады», «Никсы» и другихъ собравшихся тогда на перекатѣ пароходовъ.

И расчислѣною переката, и пересадкою пассажировъ завѣдывало какое-то водяное начальство, державшее себя — выражаясь почти-тельно — поолимпійски... Капитаны собравшихся 6 пароходовъ пробовали сначала принять кое-какія мѣры: пароходы двигались, изучали фарватеръ, сгружали свои грузы, производили спокойную пересадку пассажировъ, словомъ—дѣлали свое дѣло. Но водяному олимпійцу не понравилось такое «самовольство» капитановъ, и онъ отдалъ строгій приказъ, чтобы тѣ «не мѣшались не въ свое дѣло», такъ какъ де «здѣсь я самъ капитанъ надъ всеѣми капитанами и самъ все устрою»... И принялся «устраивать»...

Капитаны смирились предъ новоявленнымъ адмираломъ застрявшей флотилии и сложили руки... Пассажиры, утомленные всеѣми передрыганиями этого дня, стали укладываться на ночь, многіе успѣли и заснуть. Вдругъ около полуночи на «Дріадѣ» появляется грозный «адмиралъ», поднимаетъ общую тревогу, будитъ пассажировъ и приказываетъ по-генеральски, чтобы «черезъ полчаса» пассажиры были пересажены на другой пароходъ...

Нѣкакой надобности въ такой спѣшкѣ не было: пароходъ не тонулъ, пожаръ ему не угрожалъ, въ путь трогаться было невозможно... Пассажиры протестовали, но начальство было неумолимо и настаивало—«въ полчаса очистить пароходъ отъ пассажировъ!»...

Поднялась невообразимая суматоха. Полусонные пассажиры торопились одѣваться, будить дѣтей, собирать вещи. Испуганныя дѣти плакали, кричали... Матросы, подгоняемые энергичнымъ «адмираломъ», хватали багажъ, тащили на другой пароходъ и тамъ бросали куда попало. Все перепуталось, кое-что потерялось, изломалось. Публику III класса чуть не пинками подгоняли, чтобы ускорить небезопасную ночную переправу, а на остальныхъ пассажировъ воздействовали грозными словесными понуканіями... Удивительно, что переправа обошлась безъ «убитыхъ (утонувшихъ) и раненыхъ»: особенная милость Божія!..

Долго не могла успокоиться публика, насильно переселенная на другой пароходъ: успокаивали дѣтей, разыскивали вещи, размѣщались на новомъ мѣстѣ. Измученные пассажиры стали понемногу засыпать...

Но безпокойный «адмиралъ», къ сожалѣнію, не спалъ: около 2 ч. ночи онъ снова влѣгълъ на пароходъ, снова всеѣхъ перебудилъ, напугалъ и заварилъ прежнюю кашу... Не знаю, ошибся ли онъ самъ—не на тотъ пароходъ пересадилъ, куда слѣдовало, или ему такъ понравилось проявлять власть надъ толпою, или онъ мстилъ ей за протесты противъ его странныхъ распоряженій, или просто

опытъ ускоренной ночной пересадки, хотя и теперь никакой нужды въ ней не было, и ее всего удобнѣе было отложить до утра... Снова отдается грозный приказъ:

— Въ полчаса переправить публику на «Никсу»!.. живо у меня!.. эй!..

Снова всполошились несчастные пассажиры, снова матросы бросились на багажъ и потащили на «Никсу», снова всячески подгоняли публику, словомъ — повторилась прежняя кутерьма... Но тутъ уже вся публика, не исключая и III класса, стала волноваться, негодовать и возвышать голосъ на всѣмъ надобѣвшаго самозваннаго «адмирала»:

— Что это онъ насъ все гоняетъ да гоняетъ, да еще ночью... когда же это кончится?.. когда онъ утомится?.. На что это похоже?!

Одна барыня въ лицо выпалила «адмиралу», съ приличными случаю жестами:

— Ну-съ, сударь!.. въ послѣдній разъ я подчиняюсь вашему нелѣпому приказу... да-да! не возражайте! именно — нелѣпому, дикому приказу!.. Но дальше я пальцемъ не шевельну, шагу не сдѣлаю съ «Никсы» и никуда съ нея не сойду до Рыбинска... Везите куда хотите, держите здѣсь хотя недѣлю... умирать буду, а не сойду съ парохода раньше Рыбинска, куда онъ обязанъ насъ доставить... Будетъ съ меня, сыта по горло вашимъ швыряніемъ публики съ парохода на пароходъ... Иду спать и — смѣйте только меня разбудить!..

Энергичную барыню поддержали не менѣе энергичными протестами и другіе пассажиры... Подѣйствовали ли эти протесты на водяное начальство, или оно само утомилось и пожелало наконецъ отдохнуть «отъ трудовъ праведныхъ», но публику на «Никсѣ» больше не трогали, и на другой день пароходъ пошелъ въ Рыбинскъ.

Въ Угличѣ капитанъ «Никсы» вздумалъ было высадить пассажировъ на берегъ, чтобы они дождались идущей за нимъ «Дриады», а самъ хотѣлъ вернуться въ Тверь. Но многочисленная публика во-время запротестовала и заставила капитана итти впередъ и закончить рейсъ. Въ Рыбинскъ «Никса» пришла только вечеромъ 31 мая.

III.

Отвалъ «Дріады» съ Тверской пристани.—Пароходъ и его команда.—На перекатѣ Черная Грязь.—Пароходъ «Кіевъ».—Въ Кимрахъ.

О всѣхъ злключеніяхъ пассажировъ «Никсы» мы ничего еще не знали въ Твери и довольно спокойно сѣли на «Дріаду», только что вернувшуюся съ Черной Грязи. Правда, этотъ перекатъ насъ страшилъ, но пароходные агенты успокаивали, что въ крайнемъ случаѣ намъ угрожала на перекатѣ развѣ одна пересадка на другой пароходъ. Ни о какихъ затрудненіяхъ на дальнѣйшемъ пути за перекатомъ не было здѣсь и рѣчи. Но еслибы самолетскіе агенты намекнули на возможность того, что случилось съ нами въ Угличѣ, то, разумѣется, никто не сѣлъ бы на «Дріаду», и всѣ пассажиры перешли бы на «Кіевъ» или дождались бы завтрашняго парохода.

Но агенты благоразумно молчали и принимали пассажировъ до Рыбинска и дальше...

Успокаивало насъ и то обстоятельство (въ сущности очень коварное, какъ пришлось убѣдиться позже), что «Дріада» шла совершенно налегкѣ: она сгрузила на пристань весь свой грузъ, взятый на перекатѣ съ низовыхъ пароходовъ, и не приняла въ Твери ни одного пуда, кромѣ пассажирскаго багажа и почты. Даже дровъ она не брала и уже на выходѣ изъ Твери взяла на буксирь «третникъ» (большая лодка) съ дровами, сопровождавшій насъ до переката. Мы полагали, что все дѣлается ради облегченія «Дріады» при трудномъ переходѣ черезъ Черную Грязь. Но позже мы узнали, что «Кіевъ» вышелъ изъ Твери сильно нагруженный и, конечно, страшнаго переката избѣжать не могъ...

Словомъ, мы сѣли на «Дріаду» въ самомъ благодушномъ настроеніи, «не предвидя отъ сего никакихъ послѣдствій»... Вышли мы изъ Твери въ 11 ч. утра, т. е. съ опозданіемъ на 2 часа противъ распisanія. Но мы и тому были рады послѣ утомительнаго снѣнія на пристани съ 5 ч. утра. Вся эта мука оставалась позади, а впереди ожидалось одно наслажденіе спокойною прогулкою по Волгѣ въ ясный и теплый майскій день...

Почти всѣ пассажиры толпились на палубѣ, наслаждаясь быстрымъ ходомъ парохода, который скоро оставилъ за собою окрестности Твери и двигался по неширокой здѣсь рѣкѣ, съ низкими, пустынными берегами. Живописныхъ красотъ тутъ не было никакихъ, но красота была въ самомъ движеніи парохода, въ измѣнчивой игрѣ солнечныхъ лучей на поверхности воды, да въ яркой окраскѣ свѣжей, только что распустившейся зелени береговъ...

Никого не тянуло промѣнять чистый волжскій воздухъ на духоту маленькихъ каютъ парохода.

«Дріада»—небольшой по размѣрамъ пароходъ, старой системы (съ каютами внизу) и давней постройки, но еще годный къ службѣ и довольно хорошій ходомъ. Управлялъ имъ капитанъ—новичекъ на верхнемъ плесѣ, куда онъ попалъ только съ весны этого года, а раньше служилъ на низу Волги, въ роли помощника капитана. Очевидно, только нижній плесъ рѣки онъ и зналъ основательно, а на верху былъ неопытнымъ командиромъ, успѣвшимъ сдѣлать всего нѣсколько рейсовъ. Намъ удивляло распоряженіе самолетской администраціи, назначившей на трудный верхній плесъ неопытнаго здѣсь командира, да еще въ такую трудную по мелководью навигацію... Очевидно, и тутъ придерживаются нашихъ бюрократическихъ порядковъ «передвиженія по линіи» на «открывшіяся вакансіи», не соображаясь съ опытностью и знаніями лицъ, а руководясь лишь «классами должностей» и «чинами» передвигаемыхъ лицъ...

Впрочемъ, нашъ капитанъ хорошо сознавалъ свое положеніе и не скрывалъ, что онъ здѣсь новичекъ: онъ не столько командовалъ, сколько присматривался къ дѣйствіямъ рулевыхъ лоцмановъ и изучалъ рѣку. Въ трудныхъ мѣстахъ онъ открыто совѣтовался съ лоцманами и слѣдовалъ ихъ опытнымъ указаніямъ. Такой прямой образъ дѣйствій возбуждалъ довѣріе публики, понимающей, что главная сила въ хорошихъ лоцманахъ: разъ они люди знающіе, опытные, добросовѣстные, капитанъ можетъ смѣло спать. Но нашъ капитанъ не спалъ и особенно былъ зорокъ въ трудныхъ мѣстахъ. Наше довѣріе къ нему возросло особенно послѣ того, какъ на одномъ перекатѣ онъ ловко поправилъ случайную, но опасную ошибку своихъ рулевыхъ.

Произошло это, если не ошибаюсь, на Телятинскомъ перекатѣ, который былъ очень мелководенъ, и пройти его можно было съ большимъ трудомъ и осторожностью. А тутъ еще подходили къ перекату съ низу, на встрѣчу «Дріадѣ», туэръ съ нѣсколькими баржами и буксирный пароходъ съ баржею. Положеніе крайне осложнилось... Къ счастью, на рѣкѣ находилась лодка съ путейскими сторожами, разставлявшими бакены. Хорошо зная фарватеръ, они крикнули нашему капитану, указывая направленіе для «Дріады». Наши рулевые не разобрали ихъ криковъ, а, можетъ быть, и смущены были новою для нихъ перестановкою бакеновъ и—дали «Дріадѣ» не то направленіе, какое указывали съ рѣки сторожа. Тѣ всполошились и закричали, что пароходъ идетъ не то на мель, не то на камень... Капитанъ понялъ ошибку, быстро отдалъ рулевымъ новое приказаніе, и тѣ повернули «Дріаду» на надлежащій путь.

Но я забѣжалъ впередъ, не рассказавши, какъ мы прошли Черную Грязь, которая лежитъ выше Телятинскаго переката. Къ Черной Грязи, въ 25 верстахъ отъ Твери, мы подошли около часу дня. Подходили мы не безъ тревоги къ пресловутому перекату, двое сутокъ волновавшему и публику, и водяное съ пароходнымъ начальство.

Но для насъ переходъ черезъ Черную Грязь оказался благополучнымъ. Водяное начальство уже исчезло съ переката, послѣ того какъ была снята съ мели баржа, загородившая путь. Изъ собравшейся здѣсь флотиліи мы встрѣтили 2 парохода: одинъ бился на мели, другой стоялъ на якорѣ, на якорѣ же находился и подошедшій къ перекату «Кіевъ», часомъ раньше вышедшій изъ Твери и теперь остановившійся, чтобы пропустить «Дріаду» впередъ, такъ какъ по конвенціи самолетскіе пароходы должны отваливать отъ пристаней раньше и идти впереди пароходовъ Тверскаго общества. Но «Дріада» запоздала съ отваломъ, а «Кіевъ» вышелъ въ свое время и теперь деликатно уступалъ дорогу старшему собрату. Эта деликатность сослужива намъ впоследствии хорошую службу...

Впрочемъ, кто-то объяснилъ, что помимо обязательной деликатности у капитана «Кіева» былъ и особый расчетъ, заставившій его выждать насъ, не проходя переката. Онъ хотѣлъ посмотрѣть, какъ пройдетъ перекатъ легкая «Дріада», чтобы рѣшить, можетъ ли рискнуть на переходъ нагруженный «Кіевъ». Такая осмотрительность была вполне умѣстна, такъ какъ предъ глазами находился пароходъ, бившійся на мели только что «расчищеннаго» путейцами фарватера...

Подойдя къ перекату, «Дріада» взяла съ буксируемаго третника часть дровъ, сколько было нужно до слѣдующей пристани, и отдала буксиръ стоявшему на якорѣ самолетскому пароходу. Затѣмъ мы вошли на перекатъ и осторожно, очень медленно стали проходить его. Воды здѣсь было всего 14 вершковъ, а «Дріада» безъ всякаго груза сидитъ въ водѣ 14¹/₂ вершковъ. Но нехватка полвершка не было особенно чувствительною. Правда, мѣстами «Дріада» не плыла по водѣ, а ползла по песку—основательно «давила раковъ» (по волжскому выраженію), но мы проползли перекатъ довольно ловко, при всей извилистости и узости фарватера, вдобавокъ еще загроженнаго застрявшимъ на мели пароходомъ.

Капитанъ нашъ видимо торжествовалъ, а мы облегченно вздохнули, пройдя самый опасный пунктъ. Публика, молча и напряженно сидѣвшая на палубѣ передъ перекатомъ и во время прохождения его, теперь оживленно заговорила, строя планы дальнѣйшаго благополучнаго плаванія.

Дѣйствительно до Углича мы шли благополучно. Въ Кимрахъ, набирая нефть, мы узнали на нефтянкѣ, что за полчаса передъ нами прошла «Никса», а впереди ея идутъ также внизъ два само-

летскіе парохода и на такомъ же получасовомъ разстояніи другъ отъ друга.

Прошу запомнить это обстоятельство, очень любопытное въ виду нашихъ дальнѣйшихъ приключеній... Пока замѣчу, что нашъ капитанъ имѣлъ полную возможность послать изъ Кимръ телеграмму въ Угличъ и задержать тамъ «Никсу» до своего прихода, чтобы передать ей немногочисленныхъ пассажировъ «Дріады». Но это не было сдѣлано—не знаю, по какимъ уже соображеніямъ, а вѣроятнѣе всего, по отсутствію сообразительности и по привычкѣ безцеремонно относиться къ публикѣ... Съ нами поступили именно безцеремонно, какъ сейчасъ увидимъ.

IV.

Угличъ. — «Дріада» собирается обратно въ Тверь. — Протесты выбрасываемыхъ на берегъ пассажировъ. — Производъ самолетскихъ агентовъ.

Къ Угличу мы подошли около 8 ч. утра (31-го мая). Стояло прелестное утро,—ясное тихое, совершенно майское. Значительно уже широкая здѣсь рѣка, дѣлающая подъ Угличемъ довольно крутой поворотъ, красиво переливалась и искрилась подъ яркими лучами солнца. Оба берега Волги довольно живописны тутъ. На гористомъ правомъ берегу раскинулся городъ, увѣнчанный тремя десятками церквей, въ большинствѣ очень типичныхъ представителей древняго русскаго зодчества. Около пристани высится надъ обрывомъ къ рѣкѣ церковь царевича Димитрія «на крови» (т. е. на мѣстѣ «убіенія» его), а за нею виднѣется теремъ царевича.

Пассажиры жалѣли, что при короткой остановкѣ парохода не успѣютъ осмотрѣть этихъ достопримѣчательностей Углича, гдѣ 300 лѣтъ назадъ разыгралась исторія, имѣвшая большое значеніе для дальнѣйшихъ судебъ Россіи... Любопытно было побывать на мѣстѣ дѣйствія этого загадочнаго эпизода, смыслъ котораго и доселѣ не выясненъ нашими историками...

Но пассажиры совершенно напрасно беспокоились: времени для осмотра Углича оказалось даже черезчуръ много... Не успѣлъ пароходъ остановиться, какъ пароходное начальство исчезло куда-то на берегъ, а среди публики сталъ ходить упорный слухъ, что «Дріада» дальше не пойдетъ и возвращается въ Тверь... Пассажиры заволновались, но не у кого было добиться толку.

Въ такомъ недоумѣніи мы оставались около 5 часовъ, тоскливо бродя близъ пристани и опасаясь уйти подальше въ виду неопредѣленности нашего положенія. Около полудня встрѣчаю на берегу капитана и спрашиваю:

— Скоро мы идемъ дальше?..

— Видите ли я съ минуты на минуту жду отвѣтной телеграммы изъ Рыбинска на мой запросъ, куда мнѣ итти... Впереди меня идутъ три самолетскихъ парохода... «Никса» прошла Угличъ всего за часъ до нашего прихода... А изъ Твери завтра некому выходить... Вчера рыбинская контора спрашивала: гдѣ находится «Дриада»?.. И вотъ я извѣстиль о себѣ и жду приказанія...

— И долго будете ждать?..

— Я подожду до часу дня и, если не будетъ отвѣта, то поѣду впередъ.

— А если пойдете въ Тверь... что же намъ дѣлать?..

— Ждать слѣдующаго самолетскаго парохода, который сегодня вышелъ изъ Твери...

— Т. е. сидѣть въ Угличѣ цѣлыя сутки?.. а, можетъ быть, и больше, если сегодняшній тверской пароходъ застрянетъ гдѣ на перекатѣ?..

— Что дѣлать!.. Но я обязанъ исполнять приказанія своего начальства...

Очевидно, спорить съ нимъ было бесполезно, разъ на сцену выдвигалось «начальство», хотя бы и самолетское... При томъ же, я былъ почти одинъ въ полѣ воинъ... Въ I классѣ была еще одна пассажирка, которая съ своей стороны пробовала протестовать, но также безуспѣшно. II-й классъ былъ представленъ одною пассажиркою, сознававшею полную бесполезность всякаго протеста. Въ III классѣ, къ голосу котораго пароходное начальство не привыкло прислушиваться, особенно, если среди «народа» этого класса нѣтъ «чистой публики»,—осталось у насъ къ Угличу всего 12 человекъ, изъ нихъ только одинъ принадлежалъ къ послѣднему разряду. Словомъ, съ такимъ слабымъ составомъ нашего пароходнаго «мира» нечего было и думать о протестѣ, а пришлось положиться на милости «начальства»...

Разумѣется, доводы капитана были очень страннаго свойства... Начать съ того, что у него не было никакого «приказанія начальства», чтобы 5 часовъ стоять въ Угличѣ безъ всякихъ законныхъ причинъ. Онъ долженъ былъ выждать назначенное по росписанію время для остановки (кажется, часъ) и итти дальше, помня, что самолетскіе пароходы—почтовые, связанные срочною доставкой почты. За позднюю доставку почты, безъ законныхъ на то причинъ, общество платитъ значительный штрафъ (кажется, 300 р.).

Вѣроятно, въ своемъ запросѣ, обращенномъ къ рыбинской конторѣ, капитанъ не забылъ упомянуть, что на «Дриадѣ» осталось всего 15 пассажировъ, да и то съ преобладаніемъ «народнаго» элемента, а грузовъ де вовсе нѣтъ. Разумѣется, при этихъ условіяхъ, дальнѣйшій рейсъ «Дриады» къ Рыбинску былъ бы одною «травою угля», а, можетъ быть, обошелся бы ей и подороже... Вѣдь за Угличемъ предстояло проходить извѣстную каменную гряду «Ка-

банъ», о которой верхневолжскіе капитаны не могутъ говорить не поморщившись...

Пусть капитанъ былъ правъ въ заботахъ объ интересахъ своего общества, но онъ совершенно былъ не правъ относительно пассажировъ: онъ взялся доставить насъ въ Рыбинскъ и обязанъ былъ выполнить это обязательство при отсутствіи естественныхъ и законныхъ препятствій, которыхъ въ данномъ случаѣ не было. Къ Рыбинску пассажировъ всегда остается мало, нерѣдко же пароходы приходятъ туда совѣмъ пустыми и, однако, всегда доканчиваютъ свои рейсы. Публика потому только и предпочитаетъ самолетскіе пароходы, что они, какъ почтовые, должны отличаться исправностью и точностью своихъ рейсовъ. Одинъ пассажиръ замѣтилъ:

— 20 лѣтъ ѣзжу на «Самолетѣ», а такого возмутительнаго случая никогда со мною не бывало, и ни отъ кого не слыхалъ, чтобы пароходъ среди пути сбрасывалъ пассажировъ на берегъ!..

Конечно, такая безцеремонность съ публикою была бы отчасти извинительна, еслибы «Дріада» очутилась въ Угличѣ въ какомъ нибудь неожиданномъ и безвыходномъ положеніи. Однако, ничего подобнаго не было, и все можно было предусмотрѣть, къ обоюдной пользѣ и удовольствію. Очень легко было или передать насъ на шедшую впереди «Никсу», задержавъ ее въ Угличѣ всего на одинъ часъ, или же, какъ предлагали капитану нѣкоторые пассажиры, довести насъ на «Дріадѣ» до станціи «Волга» (Рыбинско-Вологовской желѣзной дороги), откуда на вечернемъ поѣздѣ мы могли въ тотъ же день попасть въ Рыбинскъ. Это разстояніе (около 30 верстъ) «Дріада» прошла бы въ тѣ 5 часовъ, какіе попусту простояла въ Угличѣ.

Всего же естественнѣе и приличнѣе было бы еще въ Твери объявить публикѣ, что «Дріада» идетъ только до Углича, какъ, по видимому, было уже заранѣе рѣшено самолетскими агентами: недаромъ пароходъ не бралъ въ Твери никакихъ грузовъ... Но отъ публики скрыли это рѣшеніе и взяли на себя обязательство, не думая о его выполненіи...

Какъ бы тамъ ни было, но въ Угличѣ нашъ капитанъ стоялъ на своемъ, что до часу дня будетъ ждать рыбинской телеграммы и поступитъ такъ, какъ ему прикажутъ.

Приходилось подчиниться «волѣ командира»... Правда, пассажирамъ «Никсы» помочь ихъ протестъ въ аналогичномъ случаѣ, когда капитанъ также хотѣлъ сбросить ихъ въ Угличѣ, а они заставили его продолжать рейсъ до Рыбинска. Но на «Никсѣ» пассажировъ было втрое больше, и немало было пассажировъ «съ вѣсомъ». Насъ же на «Дріадѣ» было очень мало, и мы сразу убѣдились въ бесполезности всякихъ протестовъ... Никто насъ не спросилъ: не затруднитъ ли насъ высадка въ Угличѣ?.. Рѣшили высадить насъ, и высадили... что тутъ церемониться!..

V.

«Дриада» возвращается въ Тверь.—Пассажиры выброшены на берегъ...—На Угличской пристани.—Поучительная бесѣда съ пароходнымъ агентомъ.—Осмотръ Углича: теремъ царевича Димитрія, музей, же-ссылный колоколь.

Около полудня раздался первый свистокъ «Дриады» къ отправленію... неизвѣстно куда. Черезъ полчаса второй свистокъ. Вскорѣ затѣмъ пассажиры узнали о полученіи телеграммы изъ Рыбинска. Иду къ капитану. Дѣйствительно, онъ показываетъ телеграфный приказъ «Дриадѣ» итти обратно въ Тверь...

Мыслимо ли было тутъ протестовать, разъ капитанъ имѣлъ въ рукахъ ясное «приказаніе своего начальства»!.. Виновною въ самоуправствѣ противъ насъ, пассажировъ, теперь оказывалась уже рыбинская администрація «Самолета», которая была бы глуха къ протесту изъ Углича...

«Любезный» капитанъ утѣшилъ насъ, что на пристани въ нашемъ распоряженіи (3 пассажировъ I и II классовъ) будутъ 2 комнаты и прислуга, а пока посоветовалъ основательно закусить на «Дриадѣ», въ виду сомнительной репутаціи угличскихъ ресторацій.

Публика III класса стала расходиться съ парохода, получивши за остальной путь до Рыбинска по 15 копеекъ на брата. Понятно, что на эту милостиво отпущенную сумму можно добраться до Рыбинска только по образу пѣшаго хожденія... Именно пѣшкомъ и отправились эти пассажиры «Дриады» (кромѣ одного, имѣвшаго возможность нанять лошадей до г. Мышкина, куда онъ направлялся на пароходѣ) до станціи «Волга», рассчитывая оттуда проѣхать на поѣздѣ до Рыбинска, что обошлось имъ, вѣроятно, много больше полученнаго каждымъ пятиалтыннаго... Все это были рабочіе (11 человекъ), обязанные явиться въ Рыбинскъ къ сроку, иначе имъ грозила потеря мѣста или штрафы за позднюю явку...

Въ 2 часа «Дриада» ушла въ Тверь, захвативши изъ Углича около 30 пассажировъ. Провожавшіе ихъ угличане скоро разошлись и на пристани остались только мы — трое «выброшенныхъ на берегъ» пассажировъ «Дриады», да нѣсколько сторожей пристани и мѣстный агентъ «Самолета».

Нужно отдать честь г. агенту: онъ принялъ насъ очень любезно. Двумъ пассажиркамъ отвелъ на пристани каюту I-го класса, а мнѣ предоставилъ помѣщеніе собственной конторы. Затѣмъ онъ принялся насъ утѣшать, обстоятельно доказывая, что мы въ сущности должны только радоваться вѣдѣніямъ судьбы, забросившей насъ на сутки въ Угличъ: ѣхать де мимо Углича и не заглянуть въ городъ—настоящій грѣхъ!.. Въ городѣ де есть что посмотреть: до 30 однихъ монастырей и церквей...

Г. агентъ былъ нѣсколько огорченъ, когда я освободилъ его отъ удовольствія прочитать мнѣ лекцію изъ «краткаго Иловайскаго» объ историческомъ значеніи Углича. Тогда онъ перешелъ къ современному значенію города и тутъ не безъ гордости (вѣроятно, онъ самъ угличанинъ) повѣдалъ, что Угличъ—родина многихъ именитыхъ сыновъ Россіи, въ родѣ гг. Тѣстова, Палкина и еще какихъ-то знаменитыхъ рестораторовъ.

Не успѣлъ я умилиться предъ этимъ провиденціальнымъ назначеніемъ Углича—производить нашихъ «кормильцовъ и поильцовъ», какъ г. агентъ не безъ грусти замѣтилъ, что эту честь раздѣляетъ съ Угличемъ сосѣдній Мышкинскій уѣздъ (по ту сторону Волги), гдѣ находится родина всероссійской извѣстности—московскаго водочника Петра Смирнова.

Мнѣ оставалось только поскорбѣть о такой уtratѣ для Углича, но г. агентъ успѣшилъ успокоить указаніемъ на близкія связи угличанъ не только съ продуктами дѣятельности мышкинской знаменитости, но и съ самою особою его высокостепенства: надняхъ де онъ освящалъ храмъ въ «собственномъ имѣніи» и не забылъ пригласить на торжество «всю угличскую интеллигенцію»...

Долго мы бесѣдовали съ любезнымъ агентомъ, видимо желавшимъ занять своего невольнаго гостя. Изъ серіозныхъ сообщеній его отмѣчу проектъ угличанъ поставить въ городѣ памятникъ своему земляку поэту Сурикову.

По послѣдней переписи въ Угличѣ оказалось только 8 тысячъ жителей, тогда какъ раньше считалось до 13 тысячъ. Такую неожиданность угличане объясняютъ тѣмъ, что значительное количество ихъ согражданъ разсѣяно по Русской землѣ въ разныхъ отхожихъ промыслахъ, преимущественно трактирномъ.

Противъ пристани виднѣется на лѣвомъ берегу Волги красиво расположенная на опушкѣ парка барская усадьба, стариннаго типа—длинное зданіе, съ куполомъ, колоннадою и пр. Не безъ страха я спросилъ, кому она принадлежитъ... Я ожидалъ услышать имя какого нибудь трактирщика, водочника и т. п. «столповъ отечества»... Но мое опасеніе было напрасно: усадьба принадлежала артисткѣ г-жѣ Силовой-Волковой. Въ началѣ XVIII вѣка этимъ имѣніемъ владѣлъ извѣстный мореплаватель Берингъ, а во второй половинѣ вѣка дворянинъ Григоровской, находившійся—по мѣстному преданію—«въ случаѣ» у Екатерины II. Послѣдняя будто бы останавливалась у Григоровскаго во время своего путешествія по Волгѣ.

Наша бесѣда затянулась, и мои спутницы ушли осматривать городъ. Распростившись съ агентомъ, пошелъ и я бродить по Угличу. Около терема царевича Дмитрія нашелъ спутницъ, и мы отправились смотрѣть теремъ, палаты котораго отведены подъ музей древностей. Къ сожалѣнію, въ музеѣ шелъ ремонтъ, большинство коллекцій было прибрано или закрыто, такъ что мы мало что и видѣли.

Сторожъ сообщилъ, что музеемъ завѣдуетъ извѣстный археологъ-любитель И. А. Шляковъ. Нельзя не порадоваться, что музей находится въ такихъ почтенныхъ рукахъ, хотя нѣсколько удивительно, какъ можно «завѣдывать» музеемъ, живя постоянно въ Ростовѣ-Великомъ, т. е. за нѣсколько десятковъ верстъ... Очевидно, въ Угличѣ некому смотрѣть за музеемъ, а для зарождающагося учрежденія считается достаточнымъ и нѣсколько наѣздовъ г. Шлякова.

Полюбовались мы затѣмъ «гордостью» Углича — пресловутымъ «ссылнымъ» колоколомъ 1591 года. Угличане продолжаютъ наивно вѣрить, что это подлинный колоколъ, сосланный послѣ «убіенія» царевича, вмѣстѣ съ угличанами, въ Сибирь и находившійся въ Тобольскѣ до 1892 года, когда Угличъ съ чрезвычайною помпою вернулъ его къ себѣ. Они не вѣрятъ показаніямъ историческихъ актовъ и сибирскихъ лѣтописей, ясно свидѣтельствующихъ, что подлинный угличскій ссыльный колоколъ давно уже и совершенно исчезъ — расплавился во время большого пожара, въ первой половинѣ XVII вѣка, когда сгорѣла колокольная Тобольскаго Софійскаго собора. Угличане допускаютъ, что ихъ землякъ-колоколъ пострадалъ въ этотъ пожаръ, а затѣмъ былъ снова перелитъ. Но разъ акты говорятъ (см. въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи «Переписныя книги» Тобольскаго Софійскаго собора¹⁾), что всѣ колокола тогда расплавились и слились въ безформенную массу, то вѣдь даже сами ссыльные угличане 1591 года не могли бы въ этой общей массѣ отличить остатки своего колокола отъ всѣхъ остальныхъ тобольскихъ колоколовъ. Послѣ пожара колокола были вновь отлиты, по образцу прежнихъ, въ томъ числѣ и по образцу «ссылнаго» колокола. Разумѣется, что тутъ не можетъ быть рѣчи ни о какомъ, даже самомъ отдаленномъ родствѣ этого новаго колокола съ подлиннымъ «ссылнымъ» колоколомъ.

VI.

Прибытіе парохода «Кіевъ». — Переселеніе на пароходъ. — Исторія съ багажомъ. — Плаваніе «Кіева» до Углича.

Изученіе угличскихъ дѣйствительныхъ и фальшивыхъ древностей не могло, конечно, прогнать у насъ невеселыя мысли о своемъ положеніи. Предстоящій ночлегъ на пристани никому не улыбался, такъ какъ ночи на Волгѣ были еще очень холодныя, а о городскихъ гостиницахъ мы знали, что переночевать тамъ — подвигъ немалый. Ждать завтрашняго самолетскаго парохода — и утомительно, и скучно, да и не было увѣренности, что онъ при-

¹⁾ Сибирскаго приказа книги 7, 74 и др.

дети во-время. Была смутная надежда, что сегодня подойдет «Кіевъ» и заберетъ насъ.

Пока мы такъ гадали о своемъ положеніи, одной изъ спутницъ, торопившейся въ Рыбинскъ, пришла мысль — нанять лошадей до желѣзнодорожной станціи «Волга» и втроемъ туда отправиться. Всѣ согласились съ нею и немедленно принялись за дѣло. Нашли извозчика съ тройкою лошадей, взявшагося доставить насъ на станцію за 6 рублей: это было недорого за разстояніе около 30 верстъ.

Переговоры съ извозчикомъ были закончены, и мы уже собирались спуститься отъ терема царевича на пристань, чтобы ждать тамъ лошадей, какъ вдругъ бѣгавшія по горѣ дѣти закричали намъ: «пароходъ идетъ!». Дѣйствительно, съ верха, изъ-за поворота Волги, показался какой-то пассажирскій пароходъ. Неужели это «Кіевъ»?..

Мы бросились на пристань Тверского пароходства, гдѣ намъ подтвердили, что это подходит именно «Кіевъ». Съ радостью мы отказались отъ поѣздки на лошадяхъ и стали ждать парохода.

Около 4 часовъ онъ присталъ къ своей пристани. Молодой капитанъ очень любезно насъ принялъ и сказалъ, что по конвенціи съ «Самолетомъ» онъ обязанъ везти насъ даромъ, т. е. по самолетскимъ билетамъ, и только за багажъ мы должны доплатить, такъ какъ относительно багажа нѣтъ у нихъ договора.

Немало возни вышло съ моимъ багажомъ, который пришлось вырывать изъ склада на самолетской пристани. Усиленно вызывалъ я на пристань «любезнаго» агента, чтобы онъ выдалъ багажъ, получилъ квитанцію и сдѣлалъ на пассажирскомъ билетѣ надпись, что квитанція осталась въ Угличѣ, а багажъ оплаченъ до Симбирска. Но агентъ полѣнился прийти, когда узналъ, что мы ѣдемъ на «Кіевъ» и тѣмъ наносимъ громадные убытки Самолету, поступившему съ нами такъ безцеремонно... Сторожа на пристани не рѣшались безъ агента выдавать багажъ и только послѣ самыхъ настоятельныхъ требованій выдали, взявши у меня квитанцію. Уже въ рыбинской конторѣ сдѣлали на моемъ пассажирскомъ билетѣ надлежащую надпись, и мнѣ пришлось вторично платить за свой багажъ, не считая пустой доплаты за провозъ его на «Кіевъ».

Пока шла эта возня съ багажомъ, и пока переправляли его на пристань Тверского пароходства, «Кіевъ» вдругъ отошелъ и направился на лѣвый берегъ, къ писчебумажной фабрикѣ Варгунина. Мы всполошились, предполагая, что пароходъ совсѣмъ ушелъ... Но оказалось, что онъ пошелъ принять 500 пудовъ бумаги и за нами зайдетъ.

Пассажиры потомъ упрекали капитана, зачѣмъ онъ взялъ новый грузъ при такомъ мелководѣ рѣки. Но онъ объяснилъ, что «Кіевъ» уже несетъ 2 тысячи пудовъ груза, и новые 500 пудовъ осадятъ пароходъ на какихъ нибудь полвершка. Онъ не могъ отказать уси-

ленной просьбѣ фабрики — выручить Троицкую лавру изъ безвыходнаго положенія: грузъ шелъ въ лавру, которая де давно плачется, что сидитъ безъ листочка бумаги... Одна старушка похвалила за это капитана, говоря, что съ этимъ грузомъ для святыхъ отцовъ лавры мы счастливо пройдемъ всѣ мели и перекаты...

Старушка напророчила намъ удачно, но предыдущее плаваніе «Кіева» не было вполне благополучнымъ: перекатъ «Черную Грязь» онъ прошелъ спокойно, но на «Телятинскомъ перекатѣ» засѣлъ основательно и послѣ пятнадцатого сидѣнья на мели былъ снятъ случайно подошедшимъ своимъ туэромъ.

Была у «Кіева» еще одна оригинальная задержка въ Кимрахъ: одному пассажиру I-го класса вздумалось навѣстить своего пріятеля-кимряка, и онъ уговорилъ капитана продлить остановку «на какихъ нибудь полчаса»... Капитанъ любезно согласился. Проходитъ полчаса, затѣмъ и дѣлѣй часъ, а пассажиръ все не можетъ разстаться съ пріятелемъ. Пришлось нѣсколько разъ посылать за нимъ матросовъ, съ большимъ трудомъ заставившихъ наконецъ пассажира прервать пріятельскую бесѣду. вмѣсто полчаса пароходъ простоялъ въ Кимрахъ больше 3 часовъ... Любезный капитанъ забылъ, что семеро одного не ждутъ, а самодура-пассажира слѣдовало наказать — уйти безъ него. Впрочемъ на Волгѣ (какъ и вездѣ) принято наказывать только пассажировъ III и IV классовъ...

VII.

Отвалъ «Кіева» съ Угличской пристани. — Тревожное ожиданіе перехода черезъ каменную гряду «Кабанъ». — Отсутствие 50 рублей на расчиску гряды. — Путейскіе «порядки». — Роскошная путейская яхта. — У г. Мологи.

Около 5 часовъ дня «Кіевъ» тронулся внизъ, и мы — пассажиры «Дриады» — глазамъ не вѣрили, что вмѣсто тоскливаго сидѣнья въ Угличѣ, въ неопредѣленномъ положеніи, снова очутились на волжскомъ просторѣ и наслаждаемся плаваніемъ на очень хорошемъ пароходѣ... «Кіевъ» оказался гораздо чище, новѣе и удобнѣе «Дриады» и другихъ самолетскихъ стариковъ, плавающихъ на верхнемъ плесѣ. Хорошій столъ, помѣстительныя каюты, недурная обстановка, электрическое освѣщеніе, обязательная прислуга и прочее — все говорило въ пользу «Кіева». Не говорю уже о крайней любезности и внимательности къ пассажирамъ со стороны капитана парохода: большаго нельзя и требовать. Припоминается, напримѣръ, такой случай. Наступившій вечеръ былъ очень холодный, и одну пассажирку видимо пробирала дрожь, когда она въ своей лѣтней кофточкѣ сидѣла на палубѣ. Капитанъ это замѣтилъ и сейчасъ же распорядился вынести свою шубу и предложилъ ее пассажиркѣ.

Несмотря на холодъ, мы не бросали палубы, съ нетерпѣніемъ ожидая перехода чрезъ каменную гряду «Кабанъ», лежащую въ 25 верстахъ ниже Углича. Естественно было опасаться, что нагруженный «Кіевъ» можетъ основательно усѣсться на камняхъ переката, о которые обязательно задѣваютъ пароходы даже въ хорошую воду.

Одинъ пассажиръ, хорошо знающій верхнюю Волгу, замѣтилъ: — На фарватерѣ «Кабана» опасны собственно два камня... А уничтожить ихъ—сущія пустяки, и по деньгамъ, и по работѣ...

— Сколько же стоило бы это?

— Да вотъ капитаны здѣшнихъ пароходовъ дѣлали расчетъ—выходило что-то 30—40 рублей, ну, много-много 50 рублей. Капитаны готовы были бы взять на себя этотъ пустой расходъ и сами брались взорвать проклятые два камня, мѣшающіе судоходству...

— За чѣмъ же дѣло стало?

— Помилуйте! да тогда капитановъ съѣли бы живьемъ... Нельзя вѣдь хозяйничать на рѣкѣ безъ разрѣшенія гг. «водяныхъ»...

— Почему же сами они не удаляютъ камней? Жалуютъ, что ли, 50 рублей казенныхъ?..

— Видите ли, дѣло тутъ вотъ въ чемъ... Ежели снять эти камни, которыхъ, какъ огня, боятся судовладѣльцы, тогда вы не узнаете верхняго плеса: тогда сунутся сюда многія пароходныя компаніи... Начнется конкуренція... А теперь ея нѣтъ: за этими двумя камнями сидятъ монополисты верхняго плеса, какъ у Бога за пазухою... Никто теперь и не пробуетъ соваться сюда, опасаясь «Кабана»... Монополистамъ это и на руку: всѣ старые пароходишки, давно изгнанные съ средняго и нижняго плесовъ, за старостью и негодностью, свободно себѣ поскрипываютъ на верхнемъ плесѣ, да еще и доходъ приносятъ... А съѣсть ихъ «Кабанъ»—не бѣда! туда и дорога этому прогнившему старью...

— Однако, много чудесъ у васъ на Волгѣ...

— Да, хоть отбавляй!.. И вѣдь во всемъ такъ—и въ крупномъ, и въ мелочахъ... Не могу забыть куріоза, о которомъ рассказывалъ одинъ изъ капитановъ верхняго плеса. Въ одинъ изъ послѣднихъ рейсовъ прошлой осени, на одной дистанціи вдругъ замѣчаетъ капитанъ отсутствіе сигнальныхъ огней. Что за чудо! навигація еще не кончилась, а огни уже потушены... А тутъ такія темныя ночи и опасныя мѣста... Капитанъ останавливаетъ пароходъ и сигналомъ вызываетъ берегового сторожа. Тотъ подѣзжаетъ на лодкѣ.

— Что же ты, такой-сякой, не зажигаешь сигнальныхъ огней? Видишь, какая темь!...

— Помилуйте, ваше благородіе! не пальцы же свои мнѣ жечь!.. Ничего нѣтъ у меня—ни масла, ни керосина... ничего не шлютъ мнѣ ужъ цѣлую недѣлю...

Капитану оставалось только выругаться и пожалѣть, что пальцы путейскихъ сторожей не приспособлены для замѣны сигнальныхъ огней... Пришлось капитану заночевать на мѣстѣ.

— Да,—подхватилъ другой пассажиръ:—все у насъ такъ дѣлается... Тутъ не хватаетъ 5—10 рублей, чтобы поддержать сигнальные огни въ самое нужное время... Тамъ жалѣютъ (!) 50 рублей, чтобы уничтожить камни «Кабана» и тѣмъ оказать громадную услугу судоходству... А посмотрите-ка вы на здѣшній путейскій пароходъ! Не говорю уже, во что обошлась эта изящная игрушечка... Но одно содержаніе ея стоитъ въ годъ 15 тысячъ рублей... А польза отъ нея кака? Начальство съ комфортомъ разъѣзжаетъ... Но для служебныхъ разъѣздовъ путейскаго начальства за-глаза было бы достаточно имѣть маленькій, «финляндскаго» типа пароходикъ, да и полезнѣе онъ былъ бы: на немъ свободно можно рыскать по всѣмъ нашимъ перекатамъ и каменнымъ грядамъ, куда на большомъ пароходѣ не сунешься... А они цѣлую яхту соорудили, годную чуть ли не для морского плаванія... И катаются себѣ съ удовольствіемъ и полнымъ комфортомъ... Дѣла, дѣла...—закончилъ рассказчикъ.

Ниже, у пристани города Мологи, судьба столкнула насъ съ этою роскошною яхтою и едва не устроила столкновенія съ нею. Среди темной ночи яхта эффектно выдѣлялась, вся залитая массою электрическихъ огней. Она стояла у той пристани, къ которой долженъ былъ причалить «Кіевъ». Послѣдній заблаговременно сталъ подавать сигналы, чтобы яхта очистила мѣсто у пристани. Но яхта не шелохнулась и не отвѣтила надлежащимъ сигналомъ, очевидно пораженная «дерзостью» парохода, осмѣливагося побезпокоить «начальство» напоминаніемъ о своихъ правахъ и его обязанностяхъ...

Подходить «Кіевъ» ближе, снова даетъ сигналъ, но яхта попрежнему молчитъ и не двигается... Капитанъ нашъ долженъ былъ взять задній ходъ, чтобы избѣжать столкновенія. Отойдя назадъ, «Кіевъ» въ третій разъ повторилъ свой сигналъ. Яхта снова не отвѣтила, но наконецъ таки смилостивилась и величественно, но молча тронулась, очистивши намъ мѣсто у пристани. Она грозно прошла мимо самаго борта «Кіева»—на разстояніи всего нѣсколькихъ вершковъ, то-есть едва-едва не задѣвши насъ, словно хотѣла посмотрѣть въ очи этому «нахалу, такъ настойчиво предъявлявшему какія-то свои права...

И это путейскій пароходъ, обязанный подавать «примѣръ» частнымъ пароходамъ!... Презрительно молчать, когда обязанъ отвѣчать на сигналы, медлить съ очисткою мѣста для пассажирскаго парохода, пройти у самаго борта, то-есть быть на волоскѣ отъ столкновенія,—все это простительно какому нибудь простецкому буксиру, а никакъ не величественному казенному пароходу, руководимому самими охранителями Волги...

VIII.

Приближеніе къ Кабану. — Въ объятіяхъ Кабана. — Дальнѣйшее плаваніе до Рыбинска.

Къ Кабану мы подошли около 8-ми часовъ вечера. На вахтѣ стоялъ молодой помощникъ капитана, поблѣднѣвшее, измученное лицо котораго всѣмъ бросалось въ глаза.

— Что это съ вами? нездоровы? лихорадитъ?—озабоченно спрашиваютъ пассажиры, смущенные, что черезъ Кабанъ поведетъ пароходъ видимо заболѣвшій человекъ.

— Да тутъ поневолѣ залихорадитъ,—отвѣчалъ помощникъ.— Вотъ уже нѣсколько часовъ меня бьетъ лихорадка, въ ожиданіи перехода черезъ этотъ проклятый Кабанъ...

— А что же капитанъ—не выйдетъ?...

— Долженъ выйти—онъ просилъ разбудить предъ Кабаномъ... Сейчасъ пошлю будить...

Пассажиры волновались... Одинъ замѣтилъ:

— Ну, дѣло неладно... пожалуй, и застрянемъ на Кабанѣ... Помощникъ падаетъ духомъ, а капитанъ выйдетъ сонный, не выспавшійся послѣ своей вахты...

— Не безпокойтесь!—отвѣтилъ другой пассажиръ.—Нашъ капитанъ успѣлъ выспаться и выйдетъ молодцомъ... И чрезъ Кабанъ пройдетъ молодцомъ... Онъ видалъ виды: какъ воспитанникъ мореходныхъ классовъ, онъ довольно плавалъ по Каспію...

— Дай Богъ!... А то вотъ посмотрите на лоцмановъ: и они видимо волнуются, и у нихъ лица осунулись...

— Да, заволнуешься въ ихъ положеніи... Случись тутъ бѣда съ пароходомъ—они первые отвѣтчики... За одну минуту могутъ потерять всю карьеру...

Пароходъ умѣрилъ свой ходъ и медленно подходилъ къ Кабану, словно высматривая врага... Въ виду Кабана вышелъ на верхъ нашъ бравый капитанъ, совершенно бодрый и спокойный. Не становясь на вахту, онъ энергично руководилъ помощникомъ и лоцманами и повелъ пароходъ чрезъ опасное мѣсто спокойно, увѣренно, умѣло. Пассажиры, всѣ выспавшіе на палубу, поуспокоились.

Вотъ и самый Кабанъ!... Довольно высокіе берега здѣсь близко сошлись, и рѣка значительно сузилась. Фарватеръ крайне извилистый, и пароходу приходится нѣсколько разъ поворачиваться почти подъ прямымъ угломъ. Намъ на пароходѣ казалось, что «Кіевъ» стоитъ и только топчется на одномъ мѣстѣ, принимая всевозможныя направленія. Но пароходъ не стоялъ, а двигался самымъ ти-

хпмъ, не замѣтнымъ для насъ ходомъ, послушно повинуюсь самымъ невозможнымъ, казалось, поворотамъ руля. Задача была совсѣмъ головоломная, и мы находили вполнѣ естественною «кабанскую лихорадку» помощника капитана и лоцмановъ...

— Держитесь!—шепчетъ мнѣ бывалый сосѣдь:—сейчасъ черкнемся о камень...

Почувствовался изрядный толчокъ, и послышалось, какъ пароходъ зашуршалъ дномъ по камню...

— А вотъ и другой камень!—предупреждаетъ тотъ же пассажиръ.

Новый толчокъ, еще болѣе сильный... Пароходъ заскрипѣлъ... И снова это противное, рѣжущее ухо шуршанье по камню... Но вотъ оно кончилось, и пароходъ выпелъ на чистую воду... На пароходѣ всѣ напряженно молчали, и тишина нарушалась только легкими вздрагиваніями машины, да вскриками матроса, мѣрившаго глубину... Бойко раздалась команда сразу повеселѣвшаго помощника, приказавшаго прибавить ходу. Лоцмана усердно крестились, вытирая свои сильно вспотѣвшія, несмотря на холодъ, лица. Всѣ облегченно вздохнули, заговорили, поздравляя другъ друга съ минованіемъ послѣдней опасности верхняго плеса Волги.

Не замѣтилъ, сколько именно времени мы бились въ объятіяхъ Кабана, но всѣмъ казалось, что время тянется страшно долго, и никто не пожелалъ бы повторенія такихъ минутъ. Одинъ взволнованный пассажиръ такъ выразилъ общее настроеніе:

— Господи! и вся-то мука и рискъ—совѣстно сказать—изъ-за какихъ-то 50 рублей!... Господа! не открыть ли всероссійскую подписку на сборъ этихъ несчастныхъ 50 рублей? право, стоитъ!...

Пассажиры разсмѣялись, и кто-то замѣтилъ, что «безъ разрѣшенія начальства» нельзя сдѣлать и это доброе дѣло...

Часть пассажировъ не расходилась по каютамъ и за Кабаномъ, чтобы полюбоваться красивымъ волжскимъ мостомъ на Рыбинско-Бологовской желѣзной дорогѣ. Мы прошли подъ нимъ въ глубокія сумерки.

Дальнѣйшее плаваніе было спокойно, если не считать вышеупомянутаго «недоразумѣнія» съ путейскою яхтою у Мологи. Въ 3-мъ часу утра мы прибыли въ Рыбинскъ, долго лавируя среди собравшагося здѣсь громаднаго каравана судовъ, пока добрались до своей пристани. Переночевавши на «Кіевѣ», утромъ я пересѣлъ на низовой самолетскій пароходъ «Отважный», сказавъ сердечное спасибо «Кіеву», что онъ выручилъ насъ изъ угличскаго плѣненія и во-время доставилъ къ отплытію парохода средняго плеса.

Н. Н. О.

ЗАБЫТАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА.

«Недавно одна рукопись, под заглавиемъ: Село Михайловское, ходила въ обществѣ по рукамъ и произвела большое впечатлѣніе. Это романъ, сочиненный дамою. Говорятъ, въ немъ много оригинальности, много чувства, много живыхъ и сильныхъ изображеній. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ его появленія».

Пушкинъ («Современникъ», 1836 г., № 3).

I.

СЕЛО Михайловское — прекрасный старинный романъ — теперь совершенно забытъ и не извѣстенъ даже многимъ библіофиламъ. Его авторъ, та дама, о которой упоминаетъ въ своей замѣткѣ, приведенной выше въ эниграфѣ, Пушкинъ, была Варвара Семеновна Миклашевичъ; по словамъ П. П. Жандръ¹⁾, Пушкинъ впоследствии познакомился съ нею и подъ конецъ своей жизни бывалъ у нея довольно часто.

«Село Михайловское» по цензурнымъ условіямъ не могло появиться въ свѣтъ раньше, чѣмъ въ 1864 году, и вызвало нѣсколько рецензій, но большого успѣха этотъ романъ не имѣлъ. Еслибы все истинно хорошее въ искусствѣ и въ жизни сразу становилось на свое мѣсто, слово рус-

¹⁾ Прасковья Петровна Жандръ, здравствующая и нынѣ, — вдова извѣстнаго въ литературномъ обществѣ и друга Грибоедова, Андрея Андреевича Жандра, умершаго въ 1873 году. Онъ служилъ въ сенатѣ первоприсутствующимъ въ департаментѣ герольдіи.

лѣхъ» не имѣло бы никакого значенія для писателя и вообще для дѣятеля. Но книги, видно, имѣютъ свою судьбу, подобно людямъ: подобно имъ и незаслуженно блистаютъ, и незаслуженно остаются въ тѣни. Романъ госпожи Миклашевичъ по всей справедливости заслуживаетъ занять видное мѣсто въ литературѣ по обширности плана, по несомнѣнному живому таланту автора, по историческому бытовому интересу, по тому, главное, что трое изъ дѣйствующихъ лицъ списаны съ друзей автора—Грибоѣдова и декабристовъ, Рылѣева и кн. А. Одоевскаго, и наконецъ по вниманію, съ которымъ отнеслись къ этому роману Жуковскій, Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Гречъ. Мѣсто дѣйствія романа—Пензенская губернія; время—послѣдніе годы царствованія Екатерины II. По свидѣтельству А. А. Жандра, въ романѣ описаны истинныя событія—рядъ злодѣяній богатаго самовластнаго помѣщика Пенна. Около него группируется множество лицъ: помѣщики, крестьяне, духовенство, цыганки, губернская знать.

Нѣтъ сомнѣнія, что госпожа Миклашевичъ многое списывала съ натуры, придавъ лишь типичный колоритъ лицамъ, вышуклость ихъ образамъ, такъ называемую—«пластику»; въ описываемое ею время, т. е. въ концѣ царствованія Екатерины II, автору было около тридцати лѣтъ—возрастъ самый впечатлительный, и В. С. Миклашевичъ, вѣроятно, сама не подозрѣвала, до какой степени ярко отразились въ ея романѣ нравы того времени.

Казалось бы, что повѣсть наблюдательнаго и поэтическаго современника о дѣлахъ давно минувшихъ не можетъ не быть интересна, а между тѣмъ судьба этого романа была печальна сравнительно, и первое изданіе не распродалось еще до сихъ поръ¹⁾.

«Съ мнѣніемъ вашимъ», писалъ въ 1865 г. въ одномъ частномъ письмѣ Андрей Андреевичъ Жандръ, родственникъ В. С. Миклашевичъ («Село Михайловское» было издано его супругой П. П. Жандръ), «съ мнѣніемъ вашимъ, что романъ, можетъ быть, будетъ имѣть болѣшій успѣхъ, чѣмъ еслибы онъ вышелъ въ свѣтъ тогда, когда онъ былъ написанъ, я не могу согласиться. Тогда книгопродавцы, узнавъ по слуху отъ читавшихъ романъ литераторовъ, предлагали за манускриптъ его 30 т. р. ассигнаціями и были увѣрены, что онъ имъ принесетъ выгоду, а теперь, когда слухъ о романѣ затихъ, онъ продается пока хорошо, но его въ манускриптѣ никто за наличныя деньги не купилъ бы; продать же тогда можно было только по пропускѣ его цензурою, чего до сихъ поръ мы не могли добиться».

Въ томъ же письмѣ А. А. Жандръ передаетъ о впечатлѣніи, произведенномъ «Селомъ Михайловскимъ» на Пушкина.

¹⁾ Остатки его издательница П. П. Жандръ пожертвовала въ Гомеопатическую лѣчебницу на Садовой: есть они еще въ магазинахъ «Новаго Времени» и Вольфа.

«А. С. Пушкинъ», говоритъ онъ, «узналъ отъ меня о существованіи романа и пріѣхалъ къ намъ просить эту книгу. Вотъ—его сужденіе, переданное мнѣ, независимо отъ того, что онъ говорилъ сочинительницѣ. По прочтеніи первой части онъ сказалъ мнѣ, что почти не выпускалъ книгу изъ рукъ, пока не прочелъ». «Какъ все это увлекательно», говоритъ онъ. «Но какъ до сихъ поръ *découvri*! Какъ-то она сведетъ концы?» Но когда онъ прочиталъ всю книгу, то сказалъ: «удивляюсь, какъ все, что мнѣ казалось *découvri*, у нея прекрасно разъяснилось, и какъ интересъ всей книги до самаго конца увлекателенъ. Старайтесь издать книгу скорѣе, а я напишу къ нѣсколькимъ главамъ эпитафю».

Съ этимъ намѣреніемъ онъ и взялъ первую часть къ себѣ.

Но не Пушкинъ написалъ эпитафю къ первой части «Села Михайловскаго», а Жандръ. Ему же принадлежитъ и четверостишіе въ началѣ каждой части, заключающее въ себѣ общій эпитафю:

Мелькають дни, и мѣсяцы, и годы;
За вѣкомъ вѣкъ невидимо летить;
Влечутъ, исчезнуть, вновь цвѣтутъ народы,
А бѣлый свѣтъ попрежнему стоитъ.

«Пушкинъ и Жуковскій восхищались не страницами»,—пишетъ Жандръ въ отвѣтъ на одинъ критическій отзывъ о «Селѣ Михайловскомъ»,—«а цѣлымъ сочиненіемъ. Жуковскій понялъ его совершенно, и не мудрено: онъ въ три дня прочиталъ всѣ четыре части и такъ хорошо знаетъ весь ходъ романа, что содержаніе каждой части разбираетъ подробно. Онъ замѣтилъ нѣкоторыя длинноты и неясности, и В. С. все это тогда же исправила. Самое знакомство В. С. съ Жуковскимъ доказываетъ, какъ его заинтересовала первая часть романа, найденная имъ послѣ смерти Пушкина (въ его бумагахъ).

«Прочитавши эту часть, онъ пріѣхалъ знакомиться съ В. С. и выпросилъ у нея прочитатъ остальные части».

Гречъ написалъ къ «Селу Михайловскому» такое предисловіе:

«Содержаніемъ повѣсти: «Село Михайловское», или «Помѣщикъ XVIII столѣтія», служить истинное происшествіе, случившееся въ осьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ минувшаго столѣтія, въ одной изъ низовыхъ губерній. Сочинительница ея, родившаяся въ томъ краѣ, Варвара Семеновна М., женщина необыкновенная, твердая, проницательнаго ума, нѣжнаго сердца и рѣдкихъ дарованій, была свидѣтельницею описываемаго ею. Испытавъ въ жизни жестокіе удары судьбы и невозвратимыя потери, она знала и понимала свѣтъ и людей, искала отрады и утѣшенія въ дружбѣ, благотворительности, въ занятіяхъ словесностью и въ теплой молитвѣ къ Богу. Одаренная твердою памятью, пылкимъ вооб-

раженіемъ и необыкновеннымъ даромъ слова, онаъ рассказывала въ тѣсномъ дружескомъ кругу видѣнное и испытанное ею, увлекаая всѣхъ слушавшихъ ее и содержаніемъ описываемаго ею, и вѣрностью и живостью разсказа. Въ числѣ ихъ былъ незабвенный Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, любившій и уважавшій Варвару Семеновну, какъ родную мать, да и она любила его, какъ сына. Онъ внимательно слушалъ разсказы о ея молодости, о тогдашнемъ бытѣ и нравственно-грустномъ состояніи ея родины въ то время. Услышавъ же исторію ужаснаго преступленія одного помѣщика, онъ сталъ убѣдительно просить ее написать свой разсказъ объ этомъ необыкновенномъ происшествіи. Варвара Семеновна рѣшилась исполнить его желаніе, и въ преклонныхъ лѣтахъ занялась трудомъ, который требовалъ бы силъ юныхъ и свѣжихъ. Грибоѣдовъ успѣлъ, предъ послѣднимъ выѣздомъ своимъ изъ Петербурга (въ 1828 году), прочесть первыя главы «Села Михайловскаго» и именемъ дружбы убѣждалъ Варвару Семеновну окончить начатое. Она исполнила свое обѣщаніе въ 1836 году, и тогда же подарила издательницѣ свое твореніе съ условіемъ напечатать, когда представится къ тому случай. Варвара Семеновна скончалась въ 1864 году, семидесяти восьми лѣтъ отъ рожденія. Воля ея теперь исполняется.

«Всѣ они (т. е. литераторы, читавшіе романъ въ рукописи) изъявляли желаніе, чтобы романъ былъ напечатанъ: особенно увлекались они въ немъ изображеніемъ жизни и характера духовныхъ лицъ — звуками струны, доселѣ у насъ еще не тронутой. И гражданская, и свѣтская жизнь представлена здѣсь, со многихъ сторонъ, вѣрно и подробно. Небольшіе отрывки, напечатанные въ журналахъ, напримѣръ, въ «Сынѣ Отечества» 1831-го года ¹⁾ и позднѣе въ «Библиотекѣ для чтенія», возбудили любопытство всей русской публики. Приведу сказанное мною о «Селѣ Михайловскомъ» въ одномъ изъ моихъ чтеній о русской литературѣ, за двадцать пять лѣтъ предъ симъ: «У насъ есть романъ, пока еще существующій въ рукописи и извѣстный только немногимъ. Два отрывка изъ него, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, напечатаны были въ «Сынѣ Отечества». Этотъ романъ, если только выйдетъ въ свѣтъ, займетъ первое мѣсто, какъ вѣрностью изображенія русскихъ нравовъ, такъ и оригинальностью характеровъ, занимательностью содержанія, высокою нравственною цѣлью, теплотою чувства и мастерскимъ русскимъ слогомъ. Всего достойнѣе замѣчанія то, что онъ написанъ дамою. Я намѣревался было прочесть отрывокъ изъ него, но не могъ выбрать: не трудно снять одно зерно съ нитки, нанизанной механически, но какъ вынете вы часть изъ живого органическаго цѣлага, не повредивъ ей, не лишивъ ея жизненности?»

¹⁾ Первый въ 19 и 20, а второй въ 43 и 44 книжкахъ.

Варвара Семеновна Миклашевичъ была дочерью богатаго пензенскаго помѣщика Смагина, погибшаго во время пугачевского бунта. Ее полуторогадовую и маленькаго брата вмѣстѣ съ матерью и кормилицей удалось спрятать въ двухъ стогахъ сѣна, когда Пугачевъ явился въ ихъ усадьбу. Сама В. С. не любила говорить объ этомъ времени и о своемъ прошломъ; это разсказывала ей крѣпостная дѣвушка. Варвара Семеновна была очень живого нрава, впечатлительна, чрезвычайно умна, по тому времени хорошо образована и съ горячѣй религіозной душой.

Вотъ какъ писалъ о ней А. А. Жандръ въ 1865 году: «Думала ли В. С., изображая себя въ лицѣ фантастической Оленьки¹⁾ именно такую, какою она была именно въ тѣ лѣта, когда она славилась своимъ умомъ въ Пензѣ въ томъ обществѣ, душою котораго былъ губернаторъ, извѣстный писатель князь Н. М. Долгорукій, человекъ необыкновенно по-тогдашнему образованный,—думала ли она показаться настоящей героиней новѣйшихъ романовъ? Во время ея юности дѣвушки были совершенно другія. Воспитывались онѣ и жили въ той невинности и вѣрѣ, которыя теперь кажутся непонятными. Онѣ мыслили, любили и поступали такъ, какъ поступаетъ Ольга въ романѣ, и какъ это было въ самомъ дѣлѣ.

«... Изъ этой-то дѣвушки вышла послѣ долгихъ опытовъ жизни сама В. С.».

Варвара Семеновна вышла замужъ за Миклашевича, который былъ много старше В. С. и по нравственнымъ качествамъ своимъ ея не стоилъ; между прочимъ онъ проигралъ въ одну ночь все ея состояніе, а она была богатою невѣстой. У Смагиныхъ было 600 душъ крестьянъ. Выйти замужъ за Миклашевича заставилъ В. С. страхъ—за нѣсколько времени передъ этимъ подъ ея окошкомъ застрѣлился молодой человекъ, учитель ея брата, изъ-за отвергнутой ею любви.

Мужъ ея перешелъ служить въ Петербургъ и по какому-то доносу по повелѣнію Павла I былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Варвара Семеновна каждый день ходила къ нему туда обѣдать. Разъ она пошла по обыкновенію въ крѣпость и разминулась съ лакеемъ, посланнымъ извѣстить ее, что государь потребовать къ себѣ ея мужа. Павелъ убѣдился въ невинности Миклашевича и въ видѣ вознагражденія за несправедливый арестъ объявилъ ему, что назначаетъ его на Донъ (въ Михайловскую станицу) уполномоченнымъ прокуроромъ. (Князь Долгорукій, бывшій въ то время пензенскимъ губернаторомъ, называетъ его магистральнымъ прокуроромъ. «Русскій Архивъ», 1890 г.). Когда Миклашевичъ попросилъ позволенія проститься съ женою, ему позволено было повидаться съ нею только 5 минутъ. Онъ успѣлъ ей сказать: распрощай все и поѣзжай за мною.

¹⁾ Главная героиня романа, дочь помѣщика Пенина.

В. С. была беременна и отправилась съ горничною въ Михайловскую станцію; не доѣзжая ея сколько-то верстѣ, она принуждена была остановиться въ глухой деревнѣ, почувствовать приближеніе родовъ. Здѣсь у нея родился сынъ въ ужасныхъ условіяхъ, въ землянкѣ, на каменномъ полу, и первый уходъ себѣ и сыну В. С. должна была оказать сама, такъ какъ около нея, кромѣ неопытной горничной и такой же неопытной старухи-хозяйки, никого не было. Какимъ-то образомъ дали знать въ Михайловскую станцію, откуда за нею прислали экипажи и съ большою пышностью и почестями ее встрѣтили.

Сына пришлось В. С. потерять, когда ему было 8 лѣтъ; это было для нея такимъ ударомъ—она съ нимъ не разставалась никогда, даже дѣлая визиты—что темные волосы ея пожелтѣли въ одну ночь и стали дыбомъ.

Первое время послѣ смерти этого ребенка она цѣлые дни проводила на его могилѣ и, только много лѣтъ спустя, успокоилась тамъ же, на кладбищѣ Александро-Невской лавры. Мужъ ея умеръ еще до смерти сына въ началѣ восьмисотыхъ годовъ. Когда ее спрашивали, почему она не поставитъ сыну памятника, она отвѣчала, что сама на его могилѣ «памятникъ живой».

Впослѣдствіи ей попались на глаза стихи въ «Сѣверной Пчелѣ», гдѣ были эти самыя слова: «я приросту къ его могилѣ, какъ памятникъ живой», и по нимъ она узнала въ авторѣ кн. Одоевскаго, своего большого друга. В. С., впрочемъ, была другомъ со всѣми декабристами, хотя ихъ планы ей были совершенно неизвѣстны. За десять дней до открытія заговора она праздновала свои именины, и у нея были гости. Вдругъ она сказала кн. Одоевскому, который въ эту минуту накладывалъ ей винограду: «мнѣ показалось, что я вижу васъ въ халатѣ»... Одоевскій поблѣднѣлъ, принявъ, можетъ быть, эти слова за пророчество, которое сбылось такъ скоро послѣ этого.

Когда начались аресты, В. С. уговорила А. А. Жандра (близкаго друга Грибоѣдова, Рылѣва, Одоевскаго, Бестужева) помочь кн. Одоевскому бѣжать и достать ему для этого статское платье (кн. Одоевскій служилъ въ конно-гвардейскомъ полку). Все удалось сначала довольно хорошо. Кн. Одоевскій пѣшкомъ пошелъ по парголовскому шоссе; но у дачи дяди его, Мордвинова, люди узнали его, а Мордвиновъ вернулъ его въ Петербургъ и представилъ куда слѣдуетъ.

В. С. изобразила кн. Одоевскаго въ «Селѣ Михайловскомъ» въ лицѣ любимаго своего героя Заринскаго. Вотъ что говоритъ по этому поводу А. А. Жандръ: «Ильменевъ, Заринскій (декабристы) и молодой Рузинъ (Грибоѣдовъ) не похожи на нынѣшнихъ молодыхъ людей. Характеръ ихъ, рѣчь, даже наружность двухъ послѣднихъ совершенно сходны съ оригиналами».

«Они сочинительницею перенесены въ прежнее время и представлены тогдашними массонами. Они, не жалѣя себя, или противъ власти губернатора. Это еще ничего. Во время царствованія императора Павла они не боялись ни ссылки, ни истязаній и подвергались всему этому за угнетенное челоѣчество. Вотъ истинный ихъ характеръ. Въ концѣ XVIII вѣка были въ Россіи такіе люди, предшественники новыхъ дѣятелей, и это въ романѣ очень интересно въ историческомъ отношеніи».

«Романъ «Село Михайловское» или ниже всякой критики, и тогда о немъ писать нечего, или заслуживаетъ полнаго разбора,—писать въ 1865 году А. А. Жандръ.—Въ романѣ прежде всего замѣчается историческій фактъ, на которомъ онъ основанъ: злодѣйства, дѣйствительно совершенныя богатымъ, необузданнымъ въ страстяхъ помѣщикомъ. Сочинительница не выдумывала ничего: въ ея книгѣ нѣтъ ни одного лица ¹⁾, которое не жило бы во время происшествія и не дѣйствовало такъ, какъ она его описала. Современные ей старожилы низоваго края, которыхъ я видалъ въ Петербургѣ уже очень пожилыми, узнавали, чей портретъ изображаетъ почти каждое лицо романа. Это видно и изъ предисловія; поэтому мнѣ казалось бы, что для пониманія романа нужно сперва перенестись воображеніемъ за 70—80 лѣтъ и судить о лицахъ романа, какими они были въ то время,—потомъ припомнить себѣ общій характеръ словесности 1830-хъ годовъ, когда Вальтеръ-Скоттъ былъ еще въ полной славі. Сочинительница заимствовала отъ него собственно форму своей книги: остальное все—и люди, и происшествія—истинны и списаны съ натуры».

Въ компановкѣ и вообще въ формѣ этого романа замѣтна неопытная рука, и замѣчаніе Жандра о сходствѣ въ этомъ отношеніи съ Вальтеръ-Скоттомъ не совсѣмъ вѣрно: что касается собственно плана, у Вальтеръ-Скотта онъ во всѣхъ романахъ гораздо выдержаннѣе, стройнѣе и проще. Въ «Селѣ Михайловскомъ» много совершенно лишнихъ запутанностей, туманностей и оборванныхъ сценъ, что очень вредитъ первому впечатлѣнію. Много очень важныхъ замѣчаній въ духѣ времени теряется въ намекахъ, хотя они и были неизбѣжны по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ. По временамъ авторъ впадаетъ въ сентиментальный тонъ, который еще былъ въ модѣ въ то время, примѣшиваетъ немного мелодрамы и ненужныхъ недомолвокъ. Но если вчитаться внимательно въ этотъ романъ, познакомиться съ его дѣйствующими лицами, отъ него положительно не оторвешься; и вотъ въ этомъ обаяніи заключается дѣйствительно сходство съ романами Вальтеръ-Скотта.

Въ изображеніи лицъ романа видно стараніе автора держаться дѣйствительности и правды, хотя краски В. С. Миклашевичъ въ

¹⁾ Кромя общей массы.

нѣкоторыхъ описаніяхъ могутъ показаться слишкомъ густы, въ другихъ односторонними. Напримѣръ, любимымъ героямъ автора: Заринскому (кн. Одоевскому) или Ильменеву (Рылѣеву), приданы нѣсколько болѣе идеальныя черты, чѣмъ могло быть въ дѣйствительности, т. е., вѣрнѣе сказать, обрисованы преимущественно ихъ лучшія стороны. Наоборотъ, секретарь губернатора Подшивалкинъ представленъ страшнымъ негодяемъ, а самъ губернаторъ Рузинъ черезчуръ пустымъ и легкомысленнымъ. Но талантъ В. С. Миклашевичъ такъ великъ, что, несмотря на нѣкоторую односторонность, эти лица все равно остаются живыми. Но вѣдь и время было другое. Тогда добро и зло, богатство и бѣдность, образованность и невѣжество, различались рѣзче, и потому люди были хуже и лучше сѣренѣйшихъ, подведенныхъ подъ общій уровень, людей нашего времени.

Лучше всего представлены въ «Селѣ Михайловскомъ» характеры людей, которые и въ жизни должны были быть типичными. цѣльными лицами—архіерей, престарѣлая барышня Себежева, молодые монастырскіе послушники, Настенька, молодой Рузинъ (Грибоѣдовъ), сама героиня Оленька, и особенно, лучше всего — дворовые люди и первая между ними мамушка Оленьки Пенной, Акулина Тихоновна. Она играетъ въ романѣ такую роль, что сама почти центральное лицо. Этотъ типъ дворовыхъ исчезъ даже изъ литературы, и въ «Селѣ Михайловскомъ» ихъ правдивая живописность такъ же останавливаетъ вниманіе, какъ и всякая другая бытовая старинная характерность. Авторъ старательно отгѣнилъ, какую роль въ дѣйствительности играли такія мамушки и няни, гораздо бѣольшую, чѣмъ приставленныя къ господскимъ дѣтямъ «медамы», бѣольшую иногда, чѣмъ родители.

Великолѣпно, хотя мимолетно, представленъ тоже Агаѳонычъ, отставной солдатъ, который, лежа смертельно больной, узнаетъ, что княжна Эмирова въ опасности въ имѣніи своего дяди, и въ темную ночь велитъ сѣдлатъ лошадей и, черезъ силу вскарабкавшись на ней, ѣдетъ выручать свою барышню.

Любопытно нарисованъ Илья, камердинеръ старой Себежевой, его начитанность и рассказы, которыми между прочимъ онъ доводитъ госпожу свою до умиленныхъ слезъ, его неряшливость и заботливость, небрежность и преданность, а главное, почти невѣроятная простота нравовъ такого неотдаленнаго сравнительно отъ насъ времени, какъ сто лѣтъ тому назадъ.

Много лицъ въ этомъ родѣ проходятъ передъ глазами читателя на страницахъ «Села Михайловскаго», начиная собою вмѣстѣ съ Савельичемъ Пушкина длинную вереницу трогательно незабвенныхъ и невозвратныхъ типовъ прошлаго.

Казалось бы—особенно по нынѣшней манерѣ писать,—что романъ въ четыре части растянуть; но на самомъ дѣлѣ наоборотъ, изо-

биліе матеріала дѣлаетъ его слишкомъ сжатымъ. Этого матеріала при бѣльшемъ навыкѣ писать хватило бы на нѣсколько чудныхъ поэтическихъ и къ тому еще народныхъ произведеній; такъ онъ отмѣченъ живой наблюдательностью, изящнымъ воображеніемъ и серьезнымъ знаніемъ внутреннихъ сторонъ самой разнообразной жизни. Тѣмъ болѣе жаль, что этотъ обильнѣйшій матеріалъ обработанъ въ сенсаціонной беллетристической формѣ. Еслибы не романическая, приправленная вымысломъ, внѣшность этого произведенія, и оно все было бы написано такъ просто, сжато и сильно, какъ нѣкоторыя лучшія въ немъ главы, и къ тому же въ видѣ личныхъ мемуаровъ автора,—«Село Михайловское» смѣло можно было бы поставить рядомъ съ «Семейной хроникой» Аксакова или «Записками» А. Т. Болотова. Въ «Книжномъ Вѣстникѣ» за 1865 годъ, гдѣ была помѣщена довольно поверхностная и очень коротенькая рецензія, прибавлено было, что «вообще романъ интересенъ по тѣмъ даннымъ, которыя онъ представляетъ для характеристики прежней эпохи — Багровыхъ и Куролесовыхъ».

Не только главные, но рѣшительно все дѣйствующія лица романа,—а ихъ очень много,—остаются выдержанными до конца; и разнообразіе положеній, характеровъ, чувствъ, стремленій, описаній положительно удивительны. Разговоры, бытовые подробности жизни городской, деревенской и монастырской, даже костюмы и убранство комнатъ,—все это не сочинено по такимъ-то и такимъ источникамъ, а подлинно такое, какое было сто лѣтъ тому назадъ. Кто придумаетъ самъ отъ себя, наприимѣръ, что было время, когда ѣздили въ гости со своими умывальниками, какъ Себежева, собравшаяся къ Пенину? Поцугно описана Саровская пустынь чрезвычайно правдивыми живыми чертами. В. С. Миклашевичъ впервые коснулась въ своемъ романѣ жизни въ монастыряхъ и изобразила ее хотя преимущественно съ внѣшней стороны, но нисколько не устарѣвшимъ, свѣжимъ неподобнымъ рисункомъ; колдунъ, шуты, блаженные, приживалки, огромная дворня—все это пестритъ общую картину суевѣріями и таинственностями старины. Но ни о чемъ не говоритъ авторъ «Села Михайловскаго» такъ опредѣленно и страстно (не словами, а бытовыми картинками), какъ о положеніи крестьянъ и взаимномъ отношеніи между ними и помѣщиками. Не надо забывать, что романъ этотъ былъ оконченъ въ 1836 году, оставаясь подъ спудомъ тридцать лѣтъ, такъ что «Записки охотника» появились въ печати гораздо раньше; но побужденіе, руководившее обоими писателями на разстояніи четверти вѣка,—одно и то же. Рисуя къ этому большому вопросу свои прелестныя иллюстраціи, В. С. Миклашевичъ въ то же время, какъ истинный художникъ, даетъ выпуклую картину нравственнаго состоянія общества съ всеми его свѣтлыми и темными сторонами.

Чичеринъ въ своихъ запискахъ («Русск. Арх.» 1890 г.) совершенно вѣрно замѣчаетъ, что литература позднѣйшаго времени представляла преимущественно мрачную жестокую сторону жизни при крѣпостномъ правѣ, и напоминаетъ намъ, что не однихъ звѣрей помѣшчиковъ рождало крѣпостное право — лучший расцвѣтъ литературы, требовавшій всего больше побужденій, лучшее направленіе умовъ, истинное благородство — вотъ что шло объ руку съ этимъ общественнымъ зломъ. При поверхностномъ взглядѣ на внутреннюю сторону событій это кажется страннымъ и во всякомъ случаѣ такимъ же необъяснимымъ явленіемъ, какъ и то, что суровое и даже жестокое воспитаніе прежняго времени какъ бы вызывало и развивало въ людяхъ лучшія стороны ихъ ума и души.

Если смотрѣть на «Село Михайловское», какъ на отраженіе всѣхъ слоевъ общества и его идей сто лѣтъ тому назадъ, и сравнить съ настоящимъ, — сравненіе не въ нашу пользу. Произволь, насиліе, самоуправство — все это было и часто и повсемѣстно, но и болѣе наивно, болѣе на виду, чѣмъ теперь; но на этомъ фонѣ тѣмъ ярче и неотразимѣе рисуются въ своей душевной красотѣ отдѣльныя лица. О нашихъ будняхъ врядъ ли что припомнятъ потомки, но «блестящій вѣкъ Екатерины» раскинулъ свое очарованіе на всю Россію, и даже въ глухихъ ея уголкахъ умѣли жить изящно и тянулись къ отвлеченнымъ идеаламъ. Отношеніе къ крѣпостному праву, наиримѣръ, въ благородныхъ сердцахъ было сосредоточеннѣе и сострадательнѣе отношенія позднѣйшихъ потомковъ. Забота о завтрашнемъ днѣ и о кускѣ хлѣба не была всеобщей, какъ въ наши дни, и освобождала душу для интересовъ личнаго, интимнаго ли счастья, ради котораго въ нашъ вѣкъ живутъ одни школьники, возвышенныхъ ли философскихъ идей, или ради долга и блага ближняго, какъ кто ихъ понималъ. Нельзя утверждать, что жизнь богатыхъ была повсюду праздною; ихъ добровольный, даже, можетъ быть, большею частью «случайный трудъ» не долженъ заслуживать пренебреженія только потому, что онъ не названъ былъ борьбой за существованіе.

Въ концѣ романа двѣ родственныя семьи живутъ въ своихъ смежныхъ имѣніяхъ такой «праздной» жизнью богатыхъ людей. Подробности ихъ времяпрепровожденія въ заботахъ о крестьянахъ, въ занятіяхъ музыкой, живописью, рукодѣліями и семейнымъ счастьемъ могутъ теперь показаться слишкомъ узкой эгонистической идилліей. Хотя трудно спорить и еще друднѣе доказать, что люди нашего времени, поставленные въ тѣ условія, оказались бы менѣе эгонистичными; кто съ увѣренностью скажетъ, подвинулись идеалы впередъ или отодвинулись назадъ, и знаемъ ли мы точно, чего хотимъ для себя, и въ чемъ заключаются наши права, обязанности, счастье, какъ несомнѣнно знали тѣ. Недаромъ, по словамъ Жандра, они, несмотря на свою праздную жизнь, «не боя-

лись ни ссылки, ни истязаній и подвергались всему этому за угнетенное человѣчество». Не надо забывать, что это были люди обеспеченные, лично счастливые, а не обездоленные, не обиженные, и что отношеніе и тѣхъ и другихъ къ «угнетенному человѣчеству» весьма, весьма различно.

Запутанность интриги часто отвлекаетъ вниманіе отъ прекраснѣйшихъ изображеній народной и монастырской жизни. Въ нихъ главная прелесть романа. Такого знанія быта и умѣнія отразить его съ искреннимъ увлеченіемъ и живостью найдется немного въ нашей литературѣ. Особенно новою и интересною должна была показаться картина жизни монастырской, еще никѣмъ не затронутая въ литературѣ. Главныя дѣйствующія лица и въ этой области списаны съ натуры. Напримѣръ, преосвященный Серапіонъ лицо живое, а не вымышленное; потому, можетъ быть, такъ рѣзко запоминается его образъ, что въ немъ перемѣшаны и хорошія и дурныя жизненныя черты, какъ и бываетъ обыкновенно въ дѣйствительности. Что касается языка, которымъ написанъ романъ, въ немъ всего сильнѣе видна и объективность, и художественность таланта В. С. Миклашевичъ. Во-первыхъ, свѣжесть нѣкоторыхъ страницъ не утратилась до сихъ поръ, развѣ только чистота языка уже не современная: въ немъ одни русскія слова. Во-вторыхъ, всѣ лица романа говорятъ своимъ собственнымъ языкомъ, такъ что въ обильныхъ разговорахъ вы безъ поясненія автора знаете, кто говоритъ, что такъ рѣдко приходится наблюдать въ теперешнихъ произведеніяхъ. Разговоръ простонародный всего болѣе блестятъ характерными оборотами, поговорками и прибаутками. По отсутствію малѣйшей напряженности видно, что авторъ зналъ его въ совершенствѣ. Свообразная рѣчь сохранена и въ устахъ героевъ, въ которыхъ подъ видомъ масоновъ изображены позднѣйшіе декабристы, А. А. Жандръ говоритъ, что даже наружность и манера говорить именно такая въ романѣ, какою была на самомъ дѣлѣ.

Запутанность интриги происходитъ отъ того, что, какъ замѣчаетъ Жандръ, въ романѣ «все дѣло (бывшее въ дѣйствительности) заключается въ смѣшеніи (дѣйствующихъ лицъ) одного незаконнорожденнаго съ другимъ и законнаго съ незаконнорожденнымъ; безъ этого однихъ отношеній Пенина къ племянницѣ было бы для романа недостаточено, и самое событіе было бы рассказано невѣрно». Все это подъ конецъ разъясняется, но еслибы читатель съ самаго начала зналъ, что Заринскій—главный герой-масонъ, не приемышъ въ домѣ Пенина, а обобраный имъ въ дѣтствѣ—богатый Адашевъ, рассказъ во многомъ бы выигралъ. Трудно рассказать ходъ и развитіе дѣйствія въ такомъ сложномъ романѣ, да и не въ этомъ интересъ. «Село Михайловское» не столько романъ, сколько хроника разнообразныхъ событій за извѣстный періодъ времени въ одномъ и томъ же обществѣ. Рядомъ съ описаніемъ унынія во всѣхъ де-

ревняхъ Пенина изъ-за его жестокостей идутъ картины нѣжной любви, возвышенной печали и религиозныхъ восторговъ. Утренній приемъ у губернатора въ его именины, описанный не безъ сатиры, чередуется съ поѣздкой на богомолье въ Саровскую пустынь и т. д.

«Много лицъ требуетъ неизбѣжно содержаніе романа, — замѣчаетъ Жандръ.— Лишнія лица только являются, какъ, напримѣръ, у губернатора въ приемной, на балѣ и на обѣдѣ у Пенина; но всѣ эти лица говорятъ о Пенинѣ, и разговоръ ихъ обрисовываетъ общую картину; при томъ же въ книгѣ, гдѣ описано такъ много необыкновенныхъ, но истинныхъ происшествій, для каждого нужны были отдѣльныя лица. Пенинъ, однако же, главная причина всѣхъ этихъ происшествій».

Въ романѣ Пенинъ, влюбленный въ родную свою племянницу, княжну Эмирову, задумалъ погубить ее и устраиваетъ для этого ея приѣздъ въ свой пустой домъ, но княжну Эмирову спасаютъ во время. Въ дѣйствительности имя этого Пенина было Пановъ, и его преступная любовь кончилась иначе. Онъ соблазнилъ свою племянницу и послѣ этого убилъ ее, скрывъ ея трупъ подъ поломъ въ своемъ домѣ. Злодѣяніе это по доносу открылось, его судили и, наказавъ кнутомъ, сослали въ Сибирь.

Княжна Эмирова, прекрасная собою, богатая молодая дѣвушка чрезвычайно интересна въ романѣ по своимъ религиознымъ убѣжденіямъ. На 24-мъ году она постригается въ монастырѣ, хотя беззавѣтно любитъ человѣка, во всемъ ея достойнаго, и любима имъ.

«Вотъ причина постриженія княжны, — говоритъ А. А. Жандръ, — она воспитана матерью, которая была пламенная христіанка; естественно это привилось и къ дочери и по пылкости ея характера должно было дойти до фанатизма, который и осуждается въ романѣ очень ясно»... «Впрочемъ, еслибы во время описаннаго въ романѣ путешествія княжна разсуждала такъ, какъ разсуждаютъ нынѣшнія дѣвушки, то вѣрно бы не постриглась, — какъ дѣйствительно въ описанномъ въ романѣ положеніи постриглась княжна С. И. Дивлеткильдѣва». «Княжну Дивлеткильдѣву я зналъ уже монахиней: она была дѣвушка необыкновенно умная и пріятная».

Изображенный въ романѣ пустынный и затворникъ Феодоръ лицо тоже живое: по словамъ Пр. Петр. Жандръ, это былъ Ушаковъ изъ знатнаго и богатаго рода Ушаковыхъ, приближенныхъ двора. Онъ былъ очень хорошъ собой. Екатерина II обратила на него свое милостивое вниманіе. Его страшило положеніе фаворита, и онъ предпочелъ уйти въ монастырь. На причины, побудившія его оставить міръ, есть намекъ въ романѣ, когда приведены собственныя слова затворника, что онъ при всемогущей помощи Божіей «миновалъ усѣянную пѣстами пропасть».

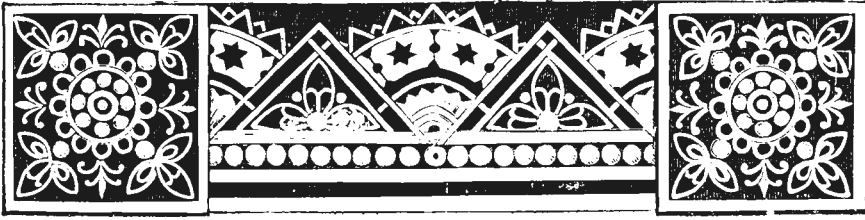
В. С. Миклашевичъ была едва ли не первой писательницей романовъ въ Россіи. Ея имя было извѣстно лишь маленькому обществу современниковъ, въ настоящее же время его никто не знаетъ, а между тѣмъ картины нравовъ въ «Селѣ Михайловскомъ» сохранять на вѣки бытовой исторической интересъ.

Время для появленія въ печати «Села Михайловскаго» было выбрано самое неудачное, время, когда общество разрывало со своимъ прошедшимъ и само рвалось впередъ, пренебрегая стариной и воспоминаніями, которыя такъ любитъ утомленный конецъ вѣка. Къ тому же вкусы большой публики всегда направляются незначительной горстью людей, а люди, стоявшіе тогда во главѣ этой горсти, не могли сочувствовать міросозерцанію автора «Села Михайловскаго» и потому оставались болѣе или менѣе равнодушными къ его красотамъ. Впрочемъ, въ распространенной тогда газетѣ «Голосъ» было снисходительно сказано о «Селѣ Михайловскомъ» нѣсколько добрыхъ словъ:

«...Нѣкоторыя лица г-жи М—ой, особенно ея монаха и монахини, должны были очень естественно привлечь къ себѣ здоровый вкусъ художника своей жизненностью и правдой. Въ нихъ были черты, родственныя лицамъ «Горя отъ ума» и повѣстей Бѣлкина. Языкъ, чуждый столь обыкновенной въ то время реторике, также долженъ былъ обратить вниманіе такихъ знатоковъ, какъ Грибоѣдовъ, Жуковский и Пушкинъ. Нѣтъ сомнѣнія, наконецъ, что, еслибы «Село Михайловское» явилось въ печати тридцать лѣтъ назадъ, оно при всѣхъ своихъ недостаткахъ заняло бы видное мѣсто въ ряду романовъ того времени и, можетъ быть, не осталось бы безъ вліянія и на ходъ нашей беллетристики» («Голосъ», 1865 г., № 78).

И. Даниловъ.

ВЕЛИКОРУССКАЯ НАРОДНАЯ ПѢСНЯ И ЕЯ ИЗУЧЕНІЕ.

ПѢСНЯ есть самое яркое отраженіе въ словѣ бытѣ и міросозерцанія народа въ его прошломъ и настоящемъ, и она безспорно по своему значенію въ народной жизни занимаетъ первое мѣсто въ ряду произведеній народной словесности. Всѣ почти другіе виды поэзіи, созданной народомъ, за малыми исключеніями, отживаютъ уже свой вѣкъ, забываются средой, ихъ породившей, и сохраняются въ большинствѣ случаевъ только въ сборникахъ разныхъ этнографовъ, а на мѣсто забытаго не является ничего новаго: заговоръ въ наше время почти совсѣмъ утратилъ свое первоначальное значеніе, и если гдѣ и вѣрятъ пока въ его силу, то можно надѣяться, что весьма скоро распространеніе просвѣщенія совсѣмъ разрушитъ эту вѣру; загадка стала исключительно предметомъ игры, чѣмъ она, вѣроятно, не была въ отдаленную эпоху своего возникновенія; сказка разрушается, теряетъ свой прежній интересъ въ глазахъ народа, фязіономія котораго сильно мѣняется, и мѣсто сказки постепенно занимаетъ анекдотомъ, гораздо болѣе удовлетворяющимъ вкусу бывалаго люда, который приноситъ въ деревню изъ города, съ фабрики или съ военной службы новый складъ понятій и представленій. Врядъ ли намъ удалось бы найти много заговоровъ, загадокъ, сказокъ, сложившихся въ близкое къ намъ время. Въ этихъ направленіяхъ народное творчество почти совсѣмъ изсякло, а между тѣмъ пѣсня постоянно вновь создается: въ народѣ живетъ много старыхъ пѣсенъ, сложившихся въ незапамятныя времена, примыкающихъ къ тѣмъ или другимъ

фактамъ повседневной жизни или поминающихъ историческую быль, но рядомъ съ ними въ разныхъ мѣстностяхъ обращается множество пѣсенъ совсѣмъ новыхъ, только что сочиненныхъ, скомбинированныхъ изъ старыхъ и новыхъ пѣсенныхъ элементовъ, или занесенныхъ изъ города, при чемъ разные романсы и куплеты, распѣваемые въ городскихъ увеселительныхъ заведеніяхъ, получаютъ иногда чрезвычайное распространіе. Новинка часто вытѣсняетъ старину къ великому огорченію людей, смотрящихъ на народную поэзію исключительно съ археологически-эстетической точки зрѣнія. Нашъ вкусъ оскорбляется тѣми метаморфозами, которыя совершаются въ народныхъ пѣсняхъ; мы крайне бываемъ недовольны, когда встрѣчаемся въ пѣсняхъ, вмѣсто «красныхъ дѣвицъ» и «удалыхъ добрыхъ молодцевъ» съ «барышнями въ кофтахъ и юбкахъ и съ «молоденькими кавалерами», одѣтыми въ «сертучки» или въ «пшняка въ бѣлой рубашкѣ», которые «теперь въ модѣ»; мы рѣшительно бракуемъ разные лакейскія и фабричныя пѣсни, съ полнымъ пренебреженіемъ относимся къ такимъ новѣйшимъ продуктамъ, какъ, напримѣръ:

Возьму въ руки пистолетикъ,
или же:
Дай мнѣ ножикъ, дай мнѣ вилаку,
И зарѣжу свою мылку.

Мы печалимся о порчѣ народной пѣсни, и съ подобными печалованіями у насъ часто утрачивается возможность взглянуть на дѣло объективно-научно, отнестись къ новой пѣснѣ, какъ къ жизненному факту, требующему серьезнаго изслѣдованія; мы забываемъ, что эти новыя, непріятныя намъ пѣсни выражаютъ быть и воззрѣнія народа въ новое время въ такой же степени, какъ это дѣлалось когда-то старыми пѣснями. Если вліяніе фабрики, казармы, лакейской, трактира отражается въ пѣснѣ, то оно прежде всего замѣчается и въ самой народной жизни, и отворачиваясь съ пренебреженіемъ отъ пѣсни, которая намъ не нравится, мы лишаемъ себя одного изъ важнѣйшихъ средствъ изученія того, что въ прежнія времена называлось народной психеей. Такое неправильное, эстетико-археологическое отношеніе къ новой народной пѣснѣ мы можемъ замѣтить не только въ большой публикѣ, которая и не пробуетъ принять въ расчетъ, что эта пѣсня нисколько не хуже разныхъ кафепантаныхъ и опереточныхъ арій и куплетовъ, доставляющихъ ей великое наслажденіе; но не чужды этому заблужденію иногда и ученые словесники, не могущіе отрѣшиться отъ устарѣлыхъ традицій.

А между тѣмъ уже около 30 лѣтъ тому назадъ въ нашей наукѣ были высказаны по этому поводу весьма поучительныя соображенія. «Цѣнность пѣсни,— говорилъ Н. И. Костомаровъ,— не должна

опредѣляться ея древностью, еще менѣе тѣмъ, что она нравится намъ въ эстетическомъ отношеніи; извѣстная пѣсня можетъ быть цѣннѣе другихъ для изслѣдователя, во-первыхъ, по степени своей распространенности въ народѣ, во-вторыхъ, по относительной выпуклости въ изображеніи признаковъ народной жизни, открывающей намъ способъ народнаго міросозерцанія, который составляетъ душу народныхъ произведеній въ совокупности. Пѣсни, несомнѣнно древнія, дѣйствительно заключаютъ для насъ особенную важность, но не только потому, что онѣ древни, а болѣе потому, что самая древность ихъ можетъ, по крайней мѣрѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, служить доказательствомъ ихъ распространенности въ былыя времена, а слѣдовательно и важнаго ихъ значенія въ ряду произведеній народной поэзіи. Съ другой стороны, пѣсня, которую мы, сообразно съ нашимъ впечатлѣніемъ, назовемъ прекрасною, имѣетъ, какъ народное произведеніе, гораздо болѣе достоинствъ, когда не мы, а народъ любитъ ее. Наши понятія о достоинствѣ пѣсенъ часто идутъ въ разрѣзъ съ народными. Часто бываетъ, что люди, воспитанные въ иной средѣ понятій и среди иной народности, находятъ грубымъ и неизящнымъ то, что приводитъ въ восторгъ людей, чуждыхъ первымъ по воспитанію и народности. Чтобы изучать народныя произведенія съ разумною и научною цѣлью, добиваясь уразумѣть въ нихъ народную душу, народныя чувства, народныя воззрѣнія, народный вкусъ, не слѣдуетъ подводить этихъ произведеній подъ наши привычныя взгляды, выработанные въ насъ знакомствомъ съ литературою, а необходимо намъ самимъ стать на почву строгаго объективнаго воззрѣнія».

Само собою разумѣется, что, исходя изъ такихъ принципиальныхъ положеній, Костомаровъ долженъ былъ возстать противъ пренебрежительнаго отношенія къ народной пѣснѣ новѣйшаго склада. «Въ настоящее время, говорилъ онъ, русскимъ образованнымъ людямъ гораздо болѣе по вкусу старыя великорусскія пѣсни, чѣмъ новѣйшія; послѣднія нерѣдко пренебрегаются, какъ явленія чрезвычайно пошлыя и лишеныя эстетическихъ достоинствъ. Если собиратель станетъ руководствоваться такимъ взглядомъ, то онъ и самъ впадетъ и другихъ введетъ за собою въ обманъ. Что въ самомъ дѣлѣ могутъ сказать намъ такія пѣсни, которыя мы будемъ, какъ драгоценность, отыскивать въ отдаленныхъ захолустьяхъ и записывать изъ устъ отживающихъ старцевъ и старицъ? Только то, что такія пѣсни существовали въ старину. Археологическое и историческое, даже поэтическое значеніе ихъ можетъ быть очень важно; но если тотъ же собиратель, ограничиваясь подобными пѣснями, станетъ презирать тѣ, которыя онъ слышитъ въ устахъ молодежи и за работою, и на перекресткахъ, и на ширушкахъ, то мы, воображая себѣ, что народъ поетъ тѣ пѣсни, съ которыми познакомить насъ захотѣлъ предпочтительно собиратель,—будемъ по

неволю заблуждаться и приходитъ къ невѣрнымъ выводамъ, руководствуясь пѣснями. Народъ забываетъ тѣ старыя пѣсни, которыя насъ плѣняютъ; онъ ихъ находитъ устарѣлыми; онъ не удовлетворяетъ его духовнымъ потребностямъ; ихъ содержаніе уже не подходитъ къ тѣмъ условіямъ, которыми судьба окружила его жизнь въ настоящее время; въ этихъ пѣсняхъ для него оказываются многіе непонятные или переставшіе интересовать его предметы; — напротивъ, его чувство и воображеніе обращается къ такимъ сторонамъ и явленіямъ дѣйствительной жизни, какихъ онъ не находитъ въ своихъ старыхъ пѣсняхъ: и вотъ онъ и передѣлываетъ свои старыя пѣсни на новый ладъ, или складываетъ новыя, подчиняя свое вдохновеніе вліянію барскаго двора, фабрики, городского кабака или современнаго острога, подлаживаясь при томъ, насколько умѣетъ, и ко вкусу той среды, которую считаетъ выше себя по образованію. Дактилическія окончанія старыхъ пѣсень уже не нравятся ему; хотя онъ не можетъ съ ними окончательно разстаться, но уже явно предпочитаетъ имъ ямбы и хорей, сплетаетъ рифмы и насколько можетъ подбирается къ тоническому размѣру слышанныхъ имъ литературныхъ произведеній. Иначе не могло и не должно было происходить. Пѣсня слишкомъ близка душѣ народнаго человѣка и выражаетъ то, что кроется въ глубинѣ этой души; но тамъ, въ этой душѣ, остаются впечатлѣнія той живой дѣйствительности, среди которой народный человѣкъ вращается и дѣйствуетъ. Какимъ становится народъ, такова его и пѣсня; она неизмѣнно вѣрно отражаетъ его душу, и въ этомъ ея высокое достоинство. Поэтому никакъ не слѣдуетъ пренебрегать пѣснями новѣйшаго склада, или же носителями отпечатокъ новѣйшихъ передѣлокъ; пусть для нашего эстетическаго вкуса онѣ представляются уродливыми, пошлыми, даже циническими и лишенными всякой поэзіи, но для историка и мыслящаго наблюдателя человѣческой жизни онѣ все-таки драгоценные памятники народнаго творчества»¹⁾.

Несмотря на то, что приведенныя мнѣнія были изложены уже тридцать лѣтъ тому назадъ, они далеко еще не проникли въ общее сознаніе. Для западной науки, да и для многихъ нашихъ фольклористовъ такіе взгляды стали почти аксіомой, но тѣмъ не менѣе встрѣчаются, какъ сказано, даже словесники, не понимающіе, для чего надо собирать и изучать новыя народныя пѣсни. Въ этомъ отношеніи весьма характернымъ надо признать тотъ шумъ, который поднялся нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда В. Н. Перетцъ высказался въ пользу объективнаго отношенія къ народной новой пѣснѣ, противъ исключительно эстетическаго критеріума при сужденіяхъ объ этомъ любопытномъ фактѣ народной жизни. Реально-

¹⁾ Костомаровъ. Великорусская народная поэзія, въ «Историч. монографіяхъ и изслѣдованіяхъ», т. XIII, стр. 470—473.

«истор. вѣсти», июль, 1900 г., т. LXXXI.

научная точка зрѣнія, съ которой взглянуть на вопросъ молодой изслѣдователь, показалась чуть не еретичествомъ нѣкоторымъ почтеннымъ ученымъ, которые никакъ не могли отрѣшиться отъ стараго воззрѣнія на словесность, какъ на совокупность образцовыхъ произведеній человѣческаго слова, забывая, что кажущееся образцовымъ одному можетъ для другого представиться верхомъ безвкусія. Если отъ критериума образцовости теперь почти всѣ изслѣдователи отказались при изученіи произведеній литературы, то тѣмъ обязательнѣе отъ него отказаться, когда приходится имѣть дѣло съ произведеніями народной словесности, такъ какъ именно въ этомъ случаѣ для народа образцовыми являются тѣ пѣсни, которыхъ мы и слушать не хотимъ; а наоборотъ та старина, которою мы восхищаемся, утратила въ глазахъ народа всякую цѣнность.

Подобная шаткость во взглядахъ на народную словесность объясняется тѣмъ, что истинно-научное отношеніе къ этой области этнографіи явилось у насъ сравнительно очень недавно: въ слабыхъ зачаткахъ его можно замѣтить лишь въ шестидесятыхъ годахъ, истинное же пониманіе задачъ изслѣдованія и его методовъ развивается развѣ только въ послѣднее десятилѣтіе. XVIII вѣкъ, въ своемъ увлеченіи западной, преимущественно французской литературой, рѣшительно чуждался памятниковъ народной словесности: правда, и мелкіе помѣщики, и богатые бары, и даже дворъ иногда допускали для себя развлекаться сказками и народными пѣснями, но для однихъ это развлеченіе было остаткомъ старины, когда высшій классъ въ своихъ эстетическихъ вкусахъ не отличался отъ низшаго, когда тѣ произведенія, которыя съ теченіемъ времени стали достояніемъ исключительно простаго народа, были поэзіей всѣхъ слоевъ русскаго общества; для другихъ въ этомъ выражалось снисхожденіе къ «подлымъ» продуктамъ творчества.

Эти «подлыя» пѣсни, хотя и дали Тредіаковскому и Ломоносову образецъ для литературнаго стихосложенія, совсѣмъ не подходили къ правиламъ чопорной ложноклассической піитики; а изъ этого слѣдовало, что съ ними можно не церемониться, можно улучшать ихъ грубую, невѣжественную форму, вносить въ нихъ такія измѣненія, которыя приближали бы ихъ къ требованіямъ хорошаго вкуса. Только сама императрица Екатерина II да Новиковъ относились къ «подлымъ» пѣснямъ нѣсколько иначе: императрица почти цѣликомъ вставляла ихъ въ свои комедіи, а Новиковъ издалъ чрезвычайно цѣнный пѣсенникъ. За то въ противоположномъ направленіи дѣйствовали иногда очень усердно, и въ исправленіяхъ народныхъ пѣсенъ и сказокъ стяжали себѣ печальную извѣстность Чулковъ и Поповъ. Мы признаемъ теперь единогласно подобное отношеніе къ произведеніямъ народной словесности чуть ли не варварствомъ, но если мы попробуемъ взглянуть на дѣло справедливѣе, мы должны будемъ согласиться, что мы

не особенно далеко ушли отъ этихъ понятій XVIII вѣка: примѣняя эстетическій критеріумъ къ «подлымъ» пѣснямъ, дѣятели XVIII в. не стѣснялись подвергать ихъ всяческимъ искаженіямъ; мы примѣняемъ тотъ же произвольный эстетическій критеріумъ къ новѣйшей пѣснѣ и потому совсѣмъ не хотимъ ея знать. Однако и XVIII вѣкъ кое-что сохранилъ намъ изъ памятниковъ народной словесности въ нѣсколькихъ пѣсенникахъ, издававшихся для людей, которые въ своемъ быту поддерживали старинныя преданія.

Легкомысленное отношеніе къ пѣснѣ, какъ къ продукту народнаго невѣжества, держится довольно долго и въ XIX столѣтіи: до 50-хъ годовъ исправленія пѣсеннаго текста совершаются почти невозбранно, и даже такой прославленный собиратель, какъ Сахаровъ, укорявшій своихъ предшественниковъ въ искаженіяхъ народныхъ произведеній, самъ частенько грѣшилъ въ этомъ направленіи и даже сочинилъ небывалую былинку объ Анкиндинѣ. Въ сущности вполне серьезное отношеніе къ народному творчеству является впервые у Пушкина, который прекрасно понялъ высокое достоинство народно-поэтическихъ образовъ и въ своихъ записяхъ пѣсенъ и сказокъ оказался настолько точнымъ, что можетъ удовлетворить самымъ строгимъ требованіямъ современной намъ этнографіи. Такое же отношеніе къ народной поэзіи мы видимъ и у Лермонтова, который внимательно изучалъ сборникъ Кириши Данилова. Оба наши великіе поэта (а также и Гоголь) интересовались народными произведеніями главнымъ образомъ, какъ художественнымъ матеріаломъ, но въ то же время нарождается въ средѣ славянофиловъ интересъ другого рода: въ пѣснѣ народной они ищутъ выраженія народнаго духа. Задача ставится ими такая же, какую и теперь старается разрѣшить наука; однако славянофилы приступаютъ къ рѣшенію задачи съ такими предпосылками, которыя исключаютъ возможность объективности: составивъ себѣ идеальное представленіе о русскомъ народномъ духѣ, они ищутъ подтвержденія этому идеалу въ произведеніяхъ народной словесности. Ревностные поиски приводятъ къ собранію громаднаго количества пѣсенъ, сказокъ и проч., и въ этомъ неоспоримая заслуга славянофиловъ, которые и сами собирали пѣсни, да и другихъ направляли къ той же работѣ. Кромѣ собранія, славянофилы кое-что сдѣлали и для объясненія народной поэзіи, хотя тутъ-то, въ этихъ объясненіяхъ, и сказалась вредная сторона той идеализаціи, съ которой славянофилы приступили къ своему дѣлу. Многія частности изъ ихъ объясненій (напримѣръ, сопоставленіе былинныхъ сюжетовъ съ историческими данными, встрѣчающееся у К. С. Аксакова) оказались прочнымъ приобрѣтеніемъ науки, но то стройное цѣлое, которое славянофилы пытались создать для разъясненія въ особенности нашего эпоса, было впоследствии вполне разрушено.

Знакомство съ приемами Гримма, со сравнительнымъ методомъ

изученія народной словесности, сильно подвинуло впередъ изученіе нашего фольклора. Въ этомъ отношеніи наибольшая заслуга выпала на долю Буслаева, по стопамъ котораго пошелъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ работниковъ. Однако на первыхъ порахъ и сравнительный методъ оказался однимъ изъ источниковъ заблужденій: съ одной стороны изслѣдователи слишкомъ увлекались мифологическими объясненіями, которыя, повидимому, подкрѣплялись весьма убѣдительными параллелями, при чемъ эти параллели бывали зачастую совершенно случайны, какъ это обнаружила позднѣйшая критика; а съ другой стороны и при сравнительномъ методѣ не была исключена возможность патріотической идеализаціи, такъ какъ у нѣкоторыхъ изслѣдователей все сравненіе направлялось къ тому, чтобы доказать превосходство Руси и славянства надъ западными народами, наконецъ иногда въ сравненіяхъ, а въ особенности въ выводахъ изъ этихъ сравненій допускался крайній произволъ, такъ какъ самое примѣненіе метода было для изслѣдователей безъ основательной филологической подготовки не вполне яснымъ. Такимъ образомъ, вмѣсто чисто фактическаго выясненія сходства и различія произведеній разныхъ народовъ, выясненія, позволяющаго въ той или иной мѣрѣ установить фактъ взаимодѣйствія народовъ въ области поэтическаго творчества, а также отмѣтить черты оригинальнаго народнаго творчества, т. е. такого выясненія, которое въ наше время признается главною цѣлью научнаго изслѣдованія,—получался рядъ новыхъ, чрезвычайно иногда красивыхъ и сложныхъ построеній, но въ существѣ, несмотря на эту сложность и красоту, вполне фантастическихъ, такъ что впоследствии отъ нихъ пришлось рѣшительно отказаться. Много въ такомъ направленіи работали Афанасьевъ, О. Э. Миллеръ, Квашнинъ-Самаринъ, Безсоновъ, В. В. Стасовъ и др., но ихъ труды для нашего времени имѣютъ значеніе только, какъ собраніе довольно богатаго матеріала.

Однако и въ этомъ ихъ заслуга очень велика, а, кромѣ того, критика ихъ ошибокъ помогла наукѣ о народной словесности выйти на болѣе надежный путь фактическаго изученія, по которому она идетъ теперь: на первомъ планѣ теперь ставится собраніе возможно большаго количества матеріала, такъ какъ то, что было собрано раньше, далеко не исчерпываетъ колоссальнаго богатства, хранящагося въ народѣ, что и доказывается постоянными новыми открытіями; при собираніи необходимо слѣдить и за вновь возникающими народными произведеніями, такъ какъ этимъ путемъ для насъ лучше уяснится сложный процессъ самаго творчества; далѣе идетъ классификація матеріала, изученіе формъ, при чемъ это изученіе показываетъ произвольность старой классификаціи; выдвинутъ вопросъ о формальной связи между отдѣльными видами народнаго творчества; послѣ самаго обстоятельнаго изученія поэтическихъ формъ и сюжетовъ на родной почвѣ, въ возможно

большемъ количествѣ вариантовъ и при историческомъ объясненіи, является возможность обращаться къ сравненіямъ съ произведеніями другихъ народовъ и съ книжными памятниками. Выводы, получаемые этимъ путемъ, не отличаются той всеобъемлющей широтой, какую блистали выводы старой школы, но за то они и не разлетаются, какъ карточные домики, при первомъ прикосновеніи критическаго анализа. Есть, конечно, и въ этихъ выводахъ иногда очень крупныя ошибки, есть и нѣкоторые недочеты въ самомъ методѣ, такъ какъ до математической точности намъ еще много остается, какъ и вообще всякому соціологическому изученію; но все же въ концѣ концовъ для всѣхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ ясно, что этотъ путь приводитъ къ наиболѣе плодотворнымъ результатамъ, и, слѣдуя имъ, можно достигнуть устранения того произвола, который царилъ въ объясненіяхъ народной словесности въ прежнее время.

Изъ этой краткой характеристики современныхъ намъ пріемовъ изслѣдованія народной поэзіи ясно, какое громадное значеніе имѣетъ для науки собраніе матеріала, запись произведеній народной словесности, при чемъ запись эта, согласно новѣйшимъ требованіямъ, должна быть доведена до крайнихъ предѣловъ точности: не только исключено, какое бы то ни было, исправленіе текста, но даже почти обязательнымъ считается сохраненіе особенностей мѣстнаго говора. При этомъ необходимы точныя указанія, гдѣ, когда и отъ кого записано то или другое народно-поэтическое произведеніе, такъ какъ подобныя указанія имѣютъ важное значеніе для опредѣленія распространенности даннаго произведенія, его роли въ народномъ быту, иногда его возникновенія и т. д. Собраніе, какъ уже сказано, идетъ съ давнихъ временъ и теперь не прекращается. На этомъ поприщѣ много сдѣлано и учеными обществами (особенно этнографическимъ отдѣленіемъ Императорскаго Географическаго общества и Московскимъ обществомъ естествознанія, антропологін и этнографін), мѣстными обществами, статистическими бюро и частными лицами, но еще очень много предстоитъ въ будущемъ. Есть капитальные труды и по малорусской этнографіи (Чубинскаго, Антоновича и Драгоманова, Гринченка, Головацкаго и др.), и по великорусской (Рыбникова, Кирѣевскаго, Гильфердинга, Ефименка, Безсонова, Якушкина и др.), и по бѣлорусской (Романова, Шейна и др.), но постоянно запасъ матеріала расширяется новыми пріобрѣтеніями.

За послѣдніе годы собраніе матеріала обогатилось двумя капитальнѣйшими изданіями: 1) сборникомъ «Великорусскія народныя пѣсни» подъ редакціей проф. А. И. Соболевскаго, напечатаннымъ на средства его императорскаго высочества великаго князя Георгія Михайловича, и 2) сборникомъ П. В. Шейна «Великорусскія въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п.», издаваемымъ Императорскою Академіей Наукъ. Со-

держаніе этихъ двухъ сборниковъ такъ обширно, что мы не имѣемъ возможности въ нашей краткой замѣткѣ, хоть сколько нибудь обстоятельно, познакомить съ нимъ читателей «Историческаго Вѣстника», а потому мы поневолѣ ограничиваемся бѣглой характеристикой обоихъ изданій.

Начнемъ со сборника проф. Соболевскаго. Нѣсколько дней назадъ вышелъ въ свѣтъ VI-й томъ и, судя по общей программѣ изданія, можно предположить, что слѣдующимъ томомъ собраніе будетъ закончено. А. И. Соболевскій самъ не принадлежитъ къ числу собирателей пѣсенъ, но задача, которую онъ себѣ поставилъ, потребовала немало труда и специальныхъ знаній. Вотъ какъ онъ опредѣляетъ характеръ и составъ изданія въ предисловіи къ I тому своего собранія: «Благодаря щедрости его императорскаго высочества, въ виду существованія у насъ большихъ сборниковъ былины, историческихъ пѣсенъ и духовныхъ стиховъ, я рѣшился составить сборникъ тѣхъ великорусскихъ пѣсенъ, которымъ не можетъ быть дано ни одно изъ только что приведенныхъ названій, и которыя также не принадлежатъ къ числу обрядовыхъ (какъ, напримѣръ, свадебныя); иначе говоря, я ограничился пѣснями—по обычной терминологіи — низшими эпическимм, семейными, любовными, рекрутскими, солдатскими, разбойничьими, юмористическими и сатирическими. Печатный пѣсенный матеріалъ, находящійся въ старѣхъ «пѣсенникахъ», въ разнаго рода сборникахъ, или уже давно вышедшихъ изъ продажи, или никогда не поступавшихъ въ продажу, въ разнаго рода ученыхъ филологическихъ и музыкальныхъ трудахъ, назначенныхъ лишь для малочисленныхъ специалистовъ, въ разнаго наименованія провинціальныхъ изданійхъ, мало кому извѣстныхъ и еще менѣе доступныхъ, оказался такъ обилентъ и разнообразентъ, а вмѣстѣ такъ мало знакомъ даже людямъ, посвятившимъ себя изученію русской народной поэзіи, что мнѣ пришлось отказаться отъ мысли воспользоваться рукописными матеріалами (кромѣ, впрочемъ, нѣсколькихъ рукописныхъ сборниковъ XVIII столѣтія). Такимъ образомъ настоящій сборникъ представляетъ сводъ печатнаго пѣсеннаго матеріала, сводъ — должно оговориться — неполный, такъ какъ я не призналъ ни полезнымъ, ни удобнымъ перепечатывать матеріалъ изъ изданій новѣйшихъ, пока еще общедоступныхъ (за ничтожными исключеніями), и такъ какъ мнѣ, безъ сомнѣнія, не удалось, при недостаточности существующихъ библиографическихъ пособій, воспользоваться въ надлежащей полнотѣ «губернскими» и вообще провинціальными вѣдомостями». Кромѣ этого, составитель сборника не воспользовался и трудомъ П. В. Шейна, такъ какъ послѣдній подготавливалъ новое его изданіе въ то время, когда проф. Соболевскій предпринялъ свое.

Огромный матеріалъ, вошедшій въ составъ сборника профессора Соболевскаго, какъ отмѣчено въ приведенномъ предисловіи, по-

Черпнуть изъ множества разнообразныхъ источниковъ, списокъ которыхъ прилагается къ каждому тому. Подъ каждой пѣсней указана ея источникъ. Важность такого собранія, конечно, не можетъ подлежать сомнѣнью: не только въ провинціи, но даже и въ столицахъ не всегда возможно добыть всѣ тѣ рѣдкія изданія, которыми пользовался составитель сборника, такъ что для очень многихъ занимающихся изученіемъ народной словесности сборникъ можетъ быть рассматриваемъ, какъ первоисточникъ. Кромѣ того, даже при возможности пользоваться непосредственно тѣми матеріалами, которыми располагалъ проф. Соболевскій, работа прямо по нимъ неизмѣримо труднѣе, чѣмъ по настоящему сборнику: тамъ приходится имѣть дѣло съ несистематизированною массою, и всякій изучающій этотъ матеріалъ долженъ прежде всего заниматься его систематизаціей, а эта работа прекрасно выполнена въ сборникѣ. По содержанію пѣсни расположены въ такомъ порядкѣ: первый томъ содержитъ въ себѣ низшія эпическія пѣсни; во второмъ — помѣщены пѣсни, рисующія положеніе женщины въ семьѣ, отношенія женщины къ родителямъ, жениху, и отношенія жены къ мужу и къ мужниной семьѣ; въ третьемъ — пѣсни, имѣющія предметомъ своимъ положеніе въ семьѣ мужчины; въ четвертомъ — пѣсни любовныя, изображающія идеаль возлюбленнаго или возлюбленной, посвященныя счастливой любви, говорящія о признаніяхъ, свиданіяхъ, подаркахъ и т. п.; въ пятомъ — любовныя пѣсни, изображающія несчастную любовь, разлуку, измѣну и т. д.; въ шестомъ — рекрутскія, солдатскія, казацкія, полонянничныя, разбойничьи и темничныя, матросскія, фабричныя, бурлацкія и лакейскія; наконецъ, въ седьмомъ будутъ напечатаны пѣсни юмористическія и сатирическія. Кромѣ этой системы въ расположеніи, огромнымъ подспорьемъ для изученія напечатаннаго въ сборникѣ матеріала являются указатели пѣсенныхъ сюжетовъ, помѣщенные въ каждомъ томѣ. Изобиліе вариантовъ, помѣщенныхъ цѣликомъ (что, конечно, гораздо цѣлесообразнѣе, чѣмъ приводитъ варианты въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, такъ какъ при подобномъ извлеченіи отрывковъ изъ пѣсенъ всякому изслѣдователю приходится для себя производить работу реконструирования пѣсенъ, которыя всегда представляютъ собою нѣкоторое органическое цѣлое), систематичность подбора, прямо новизна для многихъ того матеріала, который использованъ въ сборникѣ, дѣлаютъ сборникъ по истинѣ необходимымъ, драгоценнымъ приобретеніемъ для всякаго, кто хочетъ серьезно заниматься изученіемъ великорусской пѣсни.

Если таково значеніе труда проф. Соболевскаго, давашаго сводъ печатнаго пѣсеннаго матеріала, то сборникъ П. В. Шейна, являющійся результатомъ сорокалѣтняго упорнаго труда, важенъ потому, что заключаетъ въ себѣ множество пѣсенъ, не бывшихъ еще въ печати и собранныхъ въ большинствѣ самимъ почтеннымъ соста-

вителемъ. Въ 1858 г. Павелъ Васильевичъ Шейнъ началъ записывать пѣсни въ Корсунскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи, и составленное такимъ образомъ небольшое собраніе былинъ и историческихъ пѣсенъ онъ напечаталъ въ слѣдующемъ году въ «Чтеніяхъ императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ». Съ этого времени вся жизнь посвящена собиранію памятниковъ народной словесности. «Всюду,—говоритъ проф. В. Ѳ. Миллеръ¹⁾,—куда ни забрасывала его судьба, онъ при всякомъ удобномъ случаѣ старался сближаться съ народомъ, прислушивался къ его живой, своеобразной рѣчи, наблюдалъ его обряды и обычаи, записывалъ его пѣсни, сказки, повѣрья, — словомъ, все, въ чемъ выражается его духовная жизнь. Вслѣдствіе 25-лѣтняго общенія съ народомъ, Шейнъ приобрѣлъ такой навыкъ въ своемъ дѣлѣ, что, по мнѣнію спеціалистовъ, въ настоящее время у насъ нѣтъ собирателя, который могъ бы быть поставленъ на-ряду съ нимъ по опытности, строгости научныхъ приемовъ, добросовѣстности и короткому знакомству съ народной поэзіей и литературой предмета...». Кто знаетъ, сколько заботъ, лишеній, чисто физическихъ тягостей приходится испытывать при собираніи матеріаловъ по народной поэзіи, при странствованіяхъ по деревнямъ, тотъ пойметъ чисто героическое значеніе многолѣтней работы П. В. Шейна, а если мы вспомнимъ, что этотъ герой хилый, больной человѣкъ, со сведенными руками, передвигающійся при помощи двухъ палокъ, тратившій на собираніе пѣсенъ крохи скуднаго учительскаго жалованья и еще болѣе скудной пенсіи, мы должны будемъ признать этого героя самоотверженнымъ подвижникомъ науки, и мы оцѣнимъ справедливость тѣхъ словъ, которыя посвятилъ его характеристикѣ въ цитированной выше статьѣ Н. И. Костомаровъ: «Такое лицо, свято и безкорыстно посвятившее себя прекрасному дѣлу для отечественной науки, достойно того, чтобы помочь ему, а помочь ему можно только однимъ—даровать ему средства и содѣйствіе къ продолженію своего дѣла. Этотъ человѣкъ весь преданъ ему, любить его болѣе всего въ мірѣ и, несмотря на свои немолодые лѣта и очень хилое здоровье, готовъ еще,—и конечно, можетъ,—сдѣлать болѣе десяти другихъ, молодыхъ и здоровыхъ, съ его необыкновенною любовью и неутомимою дѣятельностью. Дай Богъ, чтобы на Руси не переводились такіе почтенные труженики, которые, не возносясь высоко, не принимая на плечи свои тягости, которой они нести не могутъ, работаютъ скромно, но дѣлаютъ столько, сколько сдѣлать въ состояніи по своимъ способностямъ и обстоятельствамъ жизни».

Отъ этой общей характеристики дѣятельности почтеннаго собирателя обратимся къ названному выше его труду, изданному ака-

¹⁾ Павелъ Васильевичъ Шейнъ, собиратель памятниковъ народнаго творчества. М. 1884.

деміей наукъ. Какъ видно изъ заглавія, сборникъ долженъ представить собою нѣчто въ родѣ извѣстныхъ Сахаровскихъ «Сказаній русскаго народа», при чемъ, конечно, репутація собирателя можетъ для насъ служить полнымъ ручательствомъ въ томъ, что ничего подобнаго Сахаровскому сочинительству мы въ этомъ сборникѣ не встрѣтимъ. Пока вышелъ только одинъ томъ, въ которомъ со значительными дополненіями объединены печатавшіеся раньше П. В. Шейномъ въ «Чтеніяхъ императорскаго общества исторіи и древностей» въ разные годы пѣсенные сборники. Матеріалъ собранъ и самимъ составителемъ и многочисленными его корреспондентами почти изъ всѣхъ губерній, гдѣ встрѣчаются великоруссы. Раздѣляется первый томъ на два отдѣла «въ біографико-календарномъ порядкѣ». «Первый отдѣлъ, какъ разъясняетъ составитель, начинается пѣснями колыбельными и дѣтскими потѣшными (куда входятъ и игры съ пѣсенными прибаутками), за которыми слѣдуютъ хороводныя и плясовыя. За послѣдними идутъ бесѣдныя, распадающіяся на любовныя, семейныя, сатирическія, юмористическія, скоморошныя и пародіи. Всѣ перечисленные виды бесѣдныхъ пѣсень, въ особенности первые два, рисуютъ намъ разныя фазы сердечной и душевной жизни изъ періода юношества и мужества поселянина. За бесѣдными пѣснями біографическій порядокъ размѣщенія пѣсень нѣсколько уклоняется въ сторону изображенія жизни обрядовой, выходящей изъ уровня обычнаго, повседневнаго, будничнаго ея теченія. Этотъ циклъ пѣсень, составляющій второй отдѣлъ настоящаго перваго тома и озаглавленный словами «Пѣсни обрядовыя», подраздѣляется на: а) пѣсни обрядовыя праздничныя; б) обрядовыя свадебныя и в) обрядовыя погребальныя (причитанія)». Къ сказанному о расположеніи пѣсень мы добавимъ, что почтенный собиратель сопровождаетъ пѣсни весьма любопытными комментаріями, въ которыхъ описываются разные обряды и игры, сопровождающіе тѣ или другія пѣсни. Всѣ эти описанія имѣютъ очень важное значеніе для опредѣленія культурнаго и нравственнаго уровня великорусскаго населенія. Особенно характерными представляются свадебные обычаи, подробнѣйшимъ образомъ описанные по многимъ мѣстностямъ. Такія описанія имѣютъ немалую цѣнность и для пониманія многихъ приводимыхъ въ сборникѣ пѣсней: пѣсня объясняется обрядомъ, и наоборотъ обрядъ объясняется пѣсней.

Къ сожалѣнію, мѣсто не позволяетъ намъ подробно остановиться на чрезвычайно интересныхъ бытовыхъ чертахъ, представляемыхъ матеріалами настоящаго сборника. Мы надѣемся, однако, впоследствии посвятить отдѣльный очеркъ изображенію этихъ культурныхъ особенностей: матеріалы этого сборника (такъ же, какъ и сборника профессора Соболевскаго) даютъ чрезвычайно характерныя указанія на прогрессивное развитіе нѣкоторыхъ явленій

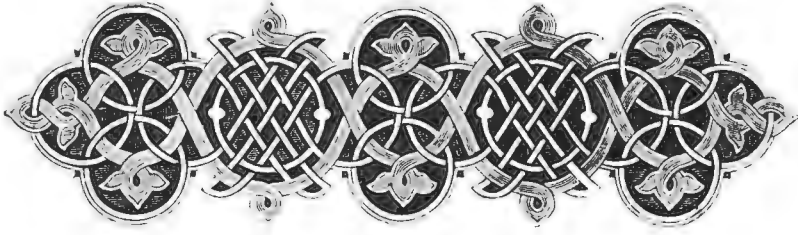
народной жизни, на отраженіе въ народномъ быту разныхъ пере-
мѣнъ, происходившихъ въ строе государственной жизни; а, кромѣ
того, намъ кажется весьма любопытнымъ рядъ фактовъ, предста-
вляемыхъ пѣсеннымъ матеріаломъ въ противорѣчіе съ тѣми курь-
знымъ предразсудкомъ, по которому великорусское племя оказы-
вается почти лишеннымъ поэтическихъ дарованій вслѣдствіе ка-
кой-то присущей ему грубости чувствъ.

Теперь укажемъ, какое содержаніе предположено почтеннымъ
собирателемъ для дальнѣйшихъ томовъ его труда. Во второмъ
томѣ, которымъ закончится «стихотворный» отдѣлъ собранія, дол-
жны быть помѣщены пѣсни историческія (отъ Ивана Грознаго
до Крымской войны), рекрутскія, солдатскія, казацкія, бурлацкія,
извозничьи, воровскія, разбойничьи, ссыльнокааторжныя, затюрем-
ныя, чернеческія, заводскія, фабричныя, лакейскія и новѣйшія, а
также и духовные стихи. Второй отдѣлъ, число томовъ котораго
не опредѣляется издателемъ, есть часть прозаическая, «куда, кромѣ
подлинныхъ устныхъ произведеній народнаго творчества въ прозѣ,
какъ, напримѣръ, сказки, легенды, прибаутки, анекдоты и т. п.,
входятъ и описанія проявленій творческаго духа народа въ его
исконныхъ обрядахъ, обычаяхъ и разнаго рода вѣрованійхъ и воз-
зрѣніяхъ на окружающую его природу».

Какъ видно изъ этого сжатаго перечня, сдѣланнаго составите-
лемъ, въ рукахъ его находится громаднѣйшій матеріалъ, а если мы
примемъ во вниманіе, что планами предстоящаго изданія задается
человѣкъ, которому теперь уже 74 года, то мы невольно прекло-
нимся передъ великою силою его духа и сердечно пожелаемъ ему
увидѣть его завѣтное дѣло исполненнымъ, а также пожелаемъ,
чтобы жизнь этого старца, подвижника науки, была ободряющимъ
примѣромъ для дѣйствующихъ теперь и для будущихъ тружени-
ковъ русскаго просвѣщенія и русскаго мысли.

А. Бороздинъ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Воспоминанія генерала ванъ-Дедема о кампаніяхъ 1812 и 1813 г. ¹⁾.

МЕМУАРЫ Дедема составляютъ выдающееся явленіе въ той массѣ воспоминаній о временахъ революціи, консульства и имперіи, которыя наводняютъ въ послѣдніе годы французскую литературу. Родомъ голландецъ, баронъ Антоній ванъ-Дедемъ, послѣ присоединенія своей родины къ Франціи, служилъ въ Наполеоновской арміи бригаднымъ генераломъ и принялъ значительное участіе въ кампаніяхъ 1812 и 1813 годовъ, а потому относящіяся къ этой эпохѣ страницы его мемуаровъ наиболее для насъ интересны, хотя онъ очень картинно и рельефно описываетъ свое пребываніе съ отцомъ въ Турціи и дипломатическія миссіи, возложенныя на него голландскимъ правительствомъ при различныхъ европейскихъ дворахъ. Повидимому, это былъ храбрый воинъ, энергичный администраторъ и ловкій дипломатъ, а главное честный, прямой и правдивый человекъ, что помѣшало ему сдѣлать блестящую карьеру при Наполеоновскомъ дворѣ, подобно большинству его товарищей по оружію менѣе способныхъ, но болѣе хитрыхъ, чѣмъ этотъ гордый, добросовѣстный голландецъ. Его личныя качества проглядываютъ въ каждой страницѣ его воспоминаній, которыя отличаются замѣчательнымъ безпристрастіемъ, стремленіемъ къ правдѣ и справедливости, часто рѣзкими отзывами о маршалахъ, самомъ Наполеонѣ и

¹⁾ Mémoires du general baron de Dedem. Paris. 1900.

государственных дѣятеляхъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло. Если мы прибавимъ къ этому, что они написаны живымъ, образнымъ языкомъ и сообщаютъ много новыхъ неизвѣстныхъ подробностей насчетъ важныхъ историческихъ фактовъ, то мы достаточно охарактеризуемъ значеніе мемуаровъ Дедема, которые достойны занять видное мѣсто среди воспоминаній его современниковъ, обыкновенно страдающихъ самовосхваленіемъ и пристрастіемъ. Конечно, мы приведемъ наиболѣе интересныя для насъ русскихъ свѣдѣнія, которыя сообщаетъ голландскій баронъ о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ въ Россіи и Германіи во время борьбы этихъ странъ съ Наполеономъ въ послѣднюю эпоху его безконечныхъ войнъ. Но для того, чтобы рельефнѣе обрисовать личность автора, мы бѣглыми штрихами набросаемъ краткій очеркъ его прежней и послѣдующей жизни.

Баронъ Антоній ванъ-Дедемъ родился 23 августа 1773 года, въ семейномъ замкѣ Гельдеръ, въ голландской провинціи Оверъ-Эйссель и принадлежалъ по своимъ родителямъ къ древнимъ аристократическимъ родамъ Голландіи. Десяти лѣтъ онъ отправился въ Константинополь съ отцомъ, который занималъ тамъ постъ нидерландскаго посланника впродолженіе двадцати семи лѣтъ. Получивъ воспитаніе дома, онъ практически готовился къ дипломатической службѣ въ канцеляріяхъ своего отца и другихъ посланниковъ, въ особенности французскаго графа Шуазель-Гуфье, англійскаго, сэра Роберта Энсли, и русскаго, Булгакова, которые очень любили его и доставляли ему всѣ средства къ умственному развитію. Чувство благодарности къ нимъ, однако, не мѣшаетъ ему безпристрастно характеризовать ихъ въ своихъ мемуарахъ. Первый изъ нихъ, по его словамъ, былъ легкомысленнымъ, свѣтскимъ франтомъ, увлекательнымъ рассказчикомъ и поверхностнымъ любителемъ искусства, подписывавшимъ свое имя подъ картинами, литературными произведеніями и антикварными трудами окружавшихъ его художниковъ, писателей и ученыхъ. Его злѣйшій противникъ, представитель Англии, былъ человекъ болѣе знающій и основательный, но онъ обнаруживалъ странную въ англичанинѣ страсть къ болтовнѣ, такъ что никому не давалъ говорить въ общемъ разговорѣ и часто завирался. Но онъ серіозно любилъ искусство и науку, собралъ прекрасную коллекцію медалей и великолѣпно издалъ почтенный трудъ Мейера о Египтѣ и Сиріи. Оба эти посланника соперничали между собою не только въ политикѣ, но и въ блестящихъ праздникахъ, которыми они удивляли Константинополь. Что касается до Булгакова, то Дедемъ отзываясь о немъ, какъ о человекѣ бесспорно способномъ, но обходившемся съ турками гордо, надменно, что привело къ его заточенію въ Семибашенномъ замкѣ при объявленіи Турціей войны Россіи. Вспоминая о немъ съ благодарностью за его любезное обращеніе, авторъ мемуаровъ упоминаетъ, что Булгаковъ дозволилъ состоявшему при русскомъ посольствѣ

швейцарскому живописцу, Меллингу, давать ему уроки рисованія и даже предложилъ взять его съ собою въ Крымъ, куда онъ ѣздилъ во время знаменитаго посѣщенія этой мѣстности Екатериной II, на что, однако, не согласился отецъ мальчика. Послѣ заключенія мира 1791 года, представителемъ Россіи въ Константинополь былъ повѣренный въ дѣлахъ, Хвостовъ, «умный, просвѣщенный человѣкъ и злѣйшій врагъ французской революціи», а затѣмъ посоль Кутузовъ, будущій фельдмаршалъ, «отличавшійся умомъ, благоразуміемъ и осторожностью».

Пристрастившись къ древней исторіи и къ археологіи, юный Дедемъ совершилъ нѣсколько путешествій по Греціи, Малой Азійи и Египту, гдѣ древности историческія и художественныя наиболѣе обратили на себя его вниманіе. Наконецъ, въ 1793 году, онъ вернулся на родину, гдѣ произошла революція, и тутъ въ его мемуарахъ является пропускъ до 1808 года, но издательница ихъ Елизавета Лэки, урожденная баронесса ванъ-Дедемъ въ предисловіи и въ примѣчаніяхъ кратко рассказываетъ его дѣятельность за это время. Онъ сначала былъ депутатомъ въ Нидерландскихъ генеральныхъ штатахъ и принадлежалъ къ умеренно либеральной партіи, а потомъ состоялъ посланникомъ въ Швеціи и Парижѣ, хотя ему было только 23 года. Когда въ 1799 году англо-русскія силы высадились въ Голландіи съ цѣлью вырвать ее изъ-подъ господства французской республики, Дедемъ поступилъ въ военную службу, о чемъ онъ всегда мечталъ, и сдѣлался штабнымъ офицеромъ при генералѣ Дендельсѣ. Франко-голландская армія подъ начальствомъ французскаго генерала Брюна нанесла поражение союзникамъ подъ предводительствомъ герцога Йоркскаго при Бергенѣ, но Дедемъ, подъ которымъ убита была лошадь, попался въ плѣнъ къ англичанамъ, которые едва согласились на размѣнъ плѣнниковъ. Вернувшись на родину, Дедемъ принялъ участіе въ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ, которыя привели къ капитуляціи герцога Йоркскаго. Затѣмъ онъ былъ посланъ въ Англію въ качествѣ генеральнаго комиссара для размѣна плѣнныхъ. На обратномъ пути онъ захватилъ въ Парижѣ, и тамъ первый консулъ предлагалъ ему отправиться въ Турцію представителемъ Франціи, но онъ отказался, такъ какъ ему хотѣли поручить вести двойные переговоры съ Портой и возставшимъ противъ нея Пасваномъ-Оглу. Онъ предпочелъ быть нидерландскимъ посланникомъ въ Виртембергѣ, Этрурии и Берлинѣ. Въ 1806 году Наполеонъ превратилъ Батавскую республику въ королевство для своего брата Людовика, который сдѣлалъ Дедема первымъ камергеромъ своего двора. Но прямота и откровенность этого страннаго царедворца недолго нравились капризному, недобѣрчивому королю, хотя онъ говорилъ: «Если я хочу узнать правду, то обращаюсь къ своему республиканцу Дедему». Вскорѣ онъ удалилъ его въ почетную ссылку, назвавъ

посланникомъ сначала къ королю вестфальскому, а затѣмъ къ королю неаполитанскому. Первымъ былъ братъ Наполеона Жеромъ, котораго Дедемъ очень рельефно очерчиваетъ словами: «Это былъ настоящій Бонапартъ. Умный, плохо воспитанный, упрямый, своевольный; онъ легко схватывалъ всѣ стороны дѣла, которымъ хотѣлъ заняться, но рѣдко хотѣлъ онъ чѣмънибудь заняться по причинѣ своей естественной лѣни. Онъ любилъ блескъ и удовольствія. Слостолюбивый, развратный, онъ бросалъ деньги изъ хвастовства и окружилъ себя дворомъ разгульнымъ, полнымъ интригъ». Естественно, что скромному, благоразумному голландцу не по сердцу было въ такой средѣ, и онъ съ удовольствіемъ перешелъ въ Неаполь, хотя тамошній король Мюратъ, женатый на сестрѣ Наполеона, также не былъ пріятной, симпатичной личностью. Гасконецъ въ душѣ, гордый, легкомысленный, вспыльчивый, мстительный, онъ былъ безумно храбрымъ воиномъ, но не администраторомъ, хотя, по словамъ Дедема, онъ заботился о своемъ государствѣ болѣе, чѣмъ всѣ его предшественники, и ему Неаполь обязанъ судебной и финансовой реформами, а также проведеніемъ широкихъ улицъ и постройкой красивыхъ казенныхъ зданій.

Новая метаморфоза Голландіи по капризу Наполеона, который присоединилъ ее въ 1810 году къ Франціи, заставила Дедема покинуть Неаполь. Онъ отправился въ Парижъ и, представившись императору, откровенно сказалъ ему, что готовъ былъ бы отстаивать независимость родины до послѣдней капли крови, но такъ какъ ея присоединеніе къ Франціи совершившійся фактъ, то онъ согласенъ вѣрно служить Франціи. Сначала Наполеонъ разсердился и воскликнулъ: «Значить, вы дурной французъ». Но потомъ онъ успокоился, сказалъ, что Дедемъ всегда давалъ добрые совѣты его брату Людовику, и поручилъ ему составить списокъ способныхъ и достойныхъ голландцевъ для перевода ихъ на французскую службу. Всѣ рекомендаціи Дедема были уважены, и первымъ состоялось назначеніе его отца сенаторомъ и графомъ. Что же касается его самого, то Наполеонъ хотѣлъ сдѣлать его членомъ государственнаго совѣта, но онъ отказался и предпочелъ поступить въ военную службу бригаднымъ генераломъ. Отказавшись отъ предложенія быть военнымъ и гражданскимъ губернаторомъ одной изъ голландскихъ провинцій, такъ какъ онъ не желалъ принимать крутыхъ мѣръ противъ своихъ соотечественниковъ, Дедемъ получилъ бригаду подъ начальствомъ маршала Давъ въ Гамбургѣ.

Тогда же готовился походъ въ Россію, о которомъ голландскій генералъ очень своеобразно отзывался, говоря: «отыскивая всевозможныя средства, чтобы занять французовъ, и не зная, что придумать, Наполеонъ перешелъ изъ горячки въ падучку и предпринялъ походъ на Россію». Находясь въ Гамбургѣ, Дедемъ по порученію Наполеона сообщалъ ему черезъ герцога Бассано всѣ

полезныя свѣдѣнія, которыя онъ могъ собрать, благодаря своимъ старымъ политическимъ связямъ въ Германіи. Съ обычною прямою и откровенностью онъ писалъ, что Германія готова возстать за свою независимость, и только ея трусливые государи удерживали общее возстаніе противъ Франціи, что въ случаѣ неудачи похода въ Россію нѣмцы отрѣжутъ отступленіе французамъ, и что наконецъ Россія рѣшила заманить французовъ внутрь страны, сжечь все на ихъ пути и такимъ образомъ довести ихъ до голодной смерти и окончательной гибели. Императоръ не былъ доволенъ этими печальными предсказаніями, но герцогъ Бассано сказалъ Дедему въ Варшавѣ, спустя 18 мѣсяцевъ: «Вы напророчили намъ несчастія».

Такъ же искренно отзывается онъ о жестокихъ притѣсненіяхъ, которымъ подвергали французы нѣмцевъ, но при этомъ свидѣтельствуемъ, что маршалъ Даву, управляя ввѣренными ему странами желѣзной рукой, былъ строгъ, но всегда справедливъ, поддерживалъ дисциплину въ арміи до такой степени, что растрѣлялъ одного солдата за отнятіе у бѣдной женщины горшка съ масломъ, и взимая громадныя контрибуціи съ туземцевъ, даже захватывая деньги въ Гамбургскомъ банкѣ, онъ не бралъ себѣ ни гроша, а всѣ награбленныя суммы посвящалъ на содержаніе арміи. Что касается до этой арміи, то Дедемъ выражается очень сочувственно, но своеобразно: «Въ одномъ изъ полковъ моей бригады находилось 1.500 солдатъ, которыхъ можно было произвести въ унтеръ-офицеры, а изъ нихъ 700 знали три правила ариметики, десятичный счетъ и первые элементы фортификаціи; 300 же могли поступить секретарями въ любую канцелярію. Нельзя не пожалѣть о потерѣ такихъ людей, благодаря безумію Наполеона и непредусмотрительности главнаго штаба, которыя скорѣе погубили французскую армію, чѣмъ морозъ».

Еще оригинальнѣе взглядъ голландскаго барона на прусскаго короля, котораго обыкновенно обвиняютъ въ двуличности и слабохарактерности. Напротивъ Дедемъ увѣряетъ, что онъ хорошо его зналъ и можетъ поручиться, что у него была благородная, открытая натура. Его доброе сердце скорбѣло отъ того, что французы проходили черезъ Пруссію, какъ черезъ страну не союзную, а неприятельскую, а все-таки, прибавляетъ Дедемъ, «прусскій король не переставалъ, по благородству своей души, давать Наполеону благіе совѣты и оказывать ему значительную помощь, въ надеждѣ, что наконецъ Наполеонъ, сознавъ настоящіе интересы Франціи и Европы, увеличитъ Пруссію».

Наконецъ жребій былъ брошенъ, и Наполеонъ перешелъ черезъ Нѣманъ. «Трудно себѣ представить болѣе поразительную картину», говоритъ Дедемъ, «чѣмъ та, которая развернулась передъ нами, когда 600.000 человекъ расположились у подножія холма, гдѣ Напо-

леонъ разбилъ свою палатку. Съ этой высоты онъ могъ обнять взглядомъ всю свою армію и Нѣманъ, съ перекинутыми черезъ него мостами. Я случайно могъ полюбоваться этой картиной. Дивизія Фріана, въ которую входила моя бригада, должна была составить авангардъ, но она ночью заблудилась и пришла на берегъ, когда вся армія уже была выстроена. Увидавъ наше появленіе, императоръ подозвалъ къ себѣ Фріана и далъ приказаніе. Пока дивизія ждала своего начальника, я приблизился къ группѣ генераловъ, принадлежавшихъ къ главной квартирѣ императора. Среди нихъ царило мертвое молчаніе, походившее на мрачное отчаяніе. Я позволилъ себѣ сказать какую-то шутку, но генералъ Коленкуръ, братъ оберъ-шталмейстера и впоследствии убитый при Бородинѣ, сказалъ мнѣ жестомъ: «Здѣсь не смѣются; это великій день». Въѣхавъ съ тѣмъ онъ указалъ рукою на противоположный берегъ, какъ бы желая прибавить: «тамъ наша могила».

Переговоривъ съ Наполеономъ, генералъ Фріанъ вернулся къ своей дивизіи, и она первая перешла черезъ Нѣманъ. Очутившись на другомъ берегу, солдаты огласили воздухъ радостными криками; но, по словамъ добросовѣтнаго голландца, «ихъ вызвалъ не патріотическій пылъ, а надежда, что въ непріятельской странѣ офицеры не будутъ ихъ болѣе сдерживать отъ грабежа». Дѣйствительно гвардія, занявъ Ковно, безжалостно ограбила всѣ лавки и дома частныхъ лицъ, несмотря на присутствіе въ городѣ императора. Однако такое поведеніе французовъ не уменьшило энтузіазма мѣстныхъ поляковъ, и они устроили Наполеону торжественную встрѣчу въ Вильно, но ему казалось недостаточною та помощь, которую они могли оказать великой арміи, и произнесенная имъ рѣчь къ польской депутаціи подала слабую надежду на установленіе польской независимости. «Даже эта рѣчь не была двусмысленной», замѣчаетъ Дедемъ, «она ясно говорила тѣмъ, которые были ближе знакомы съ положеніемъ дѣлъ, что, если Александръ преклонится передъ великимъ монархомъ и согласится на примѣненіе континентальной системы, то не будетъ и рѣчи о возстановленіи Польши. Я полагаю даже, что Наполеонъ подъ этими условіями согласился бы на расчлененіе Турціи и помогъ бы Россіи въ этомъ дѣлѣ. Что же касается до поляковъ, то онъ прямо говорилъ имъ: «Пользуйтесь обстоятельствомъ и старайтесь завоевать свою независимость, пока я нахожусь въ борьбѣ съ Россіей. Если вы создадите свое государство, то я распространю на него условія мира, но я не могу проливать французской крови за васъ. Если же императоръ Александръ ранѣе предложитъ мнѣ миръ на благоразумныхъ основаніяхъ, то я буду вынужденъ отказаться отъ васъ». Этотъ отвѣтъ, удивительно откровенный со стороны завоевателя, былъ потомъ измѣненъ министрами и лицами, окружавшими Наполеона, но поляки нарасно вѣрили словамъ лицъ, не уполномоченныхъ. Они должны

были руководствоваться подлинными словами императора, и они не имѣли никакого права жаловаться потомъ, что онъ обманулъ ихъ ложными обѣщаніями. Мнѣ передавалъ одинъ изъ польскихъ делегатовъ, что Наполеонъ даже сказалъ имъ: «Я вижу, что ваши средства скудны, и совѣтую вамъ не компрометировать себя въ глазахъ русскаго императора; съ минуты на минуту я могу заключить съ нимъ миръ». Не разъ я видалъ, что посланники не вѣрили Наполеону, когда онъ говорилъ имъ рѣзкую правду и откровенно высказывалъ имъ свои намѣренія, а ослѣпляли себя химерическими надеждами, которыми утѣшали ихъ министры».

Не только этотъ новый взглядъ на отношенія Наполеона къ полякамъ доказываетъ все безпристрастіе мемуаровъ голландца, но его подтверждаетъ и отзывъ Дедема о прокламаціи императора Александра, которая, по его словамъ, дышала не меньшей силой, чѣмъ прокламація Наполеона, но опиралась на разумъ и справедливость. Столь же добросовѣстно онъ относится и къ самому себѣ, говоря прямо, что онъ не входитъ въ своемъ разсказѣ о кампаніи 1812 и 1813 годовъ въ техническія военныя подробности, такъ какъ это уже сдѣлано болѣе компетентными лицами, имѣвшими возможность оцѣнить военныя дѣйствія съ болѣе широкой точки зрѣнія, а его кругозоръ ограничивался лишь дѣйствіями его бригады.

Эта бригада шла въ авангардѣ, которымъ командовалъ Мюратъ, и Дедемъ зная, какъ онъ мало берегъ свои войска, съ грустью разстался съ Даву, который изъ всѣхъ маршаловъ наиболѣе заботился о своихъ солдатахъ, офицерахъ и генералахъ. Конечно, передовымъ французскимъ войскамъ было обиднѣе, чѣмъ всей остальной арміи, видѣть постоянное отступленіе русскихъ; но, по словамъ Дедема, «это мастерское отступленіе не могло не возбуждать восторга». Напримѣръ, вечеромъ передъ глазами французовъ ясно тянулася линія русской арміи, а на разсвѣтѣ не было видно ея слѣдовъ, даже не оказывалось ни одной павшей лошади, брошенной телѣги или отставшаго солдата. Со своей обычной искренностью Дедемъ громко восторгался подобнымъ поведеніемъ русскихъ, а его товарищи недовольнымъ тономъ увѣряли, что они не могутъ оцѣнить отступленія, такъ какъ подобнаго слова нѣтъ на французскомъ языкѣ. «Однако я, замѣчаетъ голландецъ, выражалъ надежду, чтобы наше отступленіе, когда пробьетъ его часъ, было столь же прекрасно. Наполеону доложили о моихъ словахъ, и онъ былъ ими очень недоволенъ». Несмотря на то, что Дедема начали считать безпокойнымъ человѣкомъ, онъ не измѣнилъ своей искренности и наотрѣзъ отказался исполнить приказаніе начальника дивизіи Фріана насчетъ составленія фальшиваго отчета о положеніи его бригады. Конечно, этотъ отказъ не помѣшалъ представленію императору фальшиваго отчета, въ которомъ между прочимъ говорилось, что въ дивизіи Фріана было продовольствія на 14 дней, тогда какъ его вовсе не остава-

лось, и приходилось посылать фуражировъ по деревнямъ для добычи провіанта. «Если чтонибудь можетъ извинить Наполеона, замѣчаетъ Дедемъ, то это система обмана, которою онъ былъ окруженъ».

Въ Витебскѣ Наполеонъ уже ожидалъ получить предложеніе о мирѣ со стороны русскихъ и, обманувшись въ своемъ ожиданіи, созвалъ военный совѣтъ, на которомъ обсуждался вопросъ—итти на Петербургъ, или на Москву, или остановиться и организовать Польшу. По словамъ Дедема, «была сдѣлана попытка вступить въ сношенія съ казаками, которымъ предлагали учредить независимое государство, но они отвѣчали, повидимому, очень смутно, уклончиво и неблагоприятно. Казаки не были убѣждены въ успѣхѣ Наполеона и въ томъ, что въ случаѣ успѣха господство Наполеона не будетъ тяжелѣе русскаго». «Но, прибавляетъ Дедемъ, народъ въ окрестностяхъ Витебска открыто выражалъ революціонныя стремленія. Окрестные помѣщики осаждали французскаго губернатора Витебска, генерала Шарпантье, просьбами защитить ихъ отъ поселянъ, которые прибѣгали относительно ихъ къ грабежу и насилію. Я убѣжденъ, что Наполеонъ могъ возбудить общее возстаніе въ русскихъ провинціяхъ, еслибы онъ провозгласилъ свободу крѣпостныхъ, которые этого желали и ждали, но онъ былъ тогда не генераломъ Бонапарте, начальникомъ республиканской арміи, а императоромъ, который долженъ былъ заботиться объ укрѣпленіи во Франціи монархическаго начала, а слѣдовательно не могъ проповѣдывать революцію въ Россіи. На этомъ основаніи вполне несправедливы всѣ разсказы объ его намѣреніи возбудить русскихъ поселянъ къ возстанію, о чемъ будто бы имъ были составлены прокламаціи».

Хотя Наполеонъ рѣшилъ итти на Смоленскъ, но ему было хорошо извѣстно, что многіе опытные офицеры въ виду безпорядковъ, уже обнаруживающихся въ арміи по части продовольствія и дисциплины, отчаивались въ успѣхѣ безумной экспедиціи. Такъ, состоявшій подъ начальствомъ Дедема, полковникъ Пушелонъ, командиръ пѣхотнаго полка и какъ мужъ польки, знавшій мѣстныя условія, прямо объявилъ своему бригадному генералу въ Витебскѣ: «Я отсылаю весь свой багажъ, армія погибла». Дѣйствительно симптомы ея разложенія ежедневно увеличивались, и даже умножались примѣры дезертирства. Особенно въ послѣднемъ отношеніи отличались испанцы, которымъ русскіе неизвѣстно какимъ образомъ дали знать, что если они дезертируютъ, то ихъ даромъ перешлютъ на родину. Благодаря этому обѣщанію, по словамъ ихъ начальника полковника Шуди, пріятеля Дедема, ихъ нельзя было ставить часовыми на аванпосты, такъ какъ они при первой возможности обращались въ бѣгство.

Въ кровопролитномъ боѣ подъ Смоленскомъ, Дедемъ получилъ контузію въ грудь, но онъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ, какъ провелъ ночь на Смоленской площади, лежа на роскошномъ диванѣ

и объѣдаясь ананасами и персиками, такъ какъ всѣ дома были сожжены русскими при ихъ отступленіи изъ города. «Отъ Наполеона зависѣло, говоритъ онъ, окончить кампанію въ Смоленскѣ и возстановить Польское королевство въ полномъ его составѣ, за что Европа сказала бы ему спасибо. Говорятъ, враги наши этого ожидали, и англійскій генераль Вильсонъ, состоявшій при русской главной квартирѣ, писалъ въ Лондонъ: «Все погибло: Смоленскъ взять»; а, спустя два дня, онъ послалъ съ курьеромъ новую депешу: «Все спасено; французы идутъ на Москву». Такимъ образомъ императоръ не сумѣлъ остановиться въ Смоленскѣ. А благоразуміе этого требовало, такъ какъ тогда можно было помѣшкать Портѣ заключить миръ съ Россією, реорганизовать нашу армію, которая много терпѣла отъ недостатка продовольствія, и подготовить къ веснѣ новую кампанію, которая покончила бы съ Россією. Подобныя дѣйствія сильно повліяли бы на Германію, которая не подумала бы возстать противъ французскаго ига, какъ бы оно ни было тяжело. Но Наполеонъ не умѣлъ ни вести переговоровъ, ни благоразумно медлить. Онъ надменно вѣрилъ въ свою звѣзду, а его министры не смѣли ему возражать».

Вообще Дедемъ считаетъ, что вся кампанія 1812 года была длиннымъ рядомъ ошибокъ со стороны Наполеона. Картинно описывая Бородинскую битву, онъ и въ ней указываетъ на ошибки великаго полководца. За два дня Наполеонъ осмотрѣлъ поле предстоявшей битвы, и Дедемъ самъ слышалъ, какъ онъ, обозрѣвая въ зрительную трубу русскую позицію, разсуждалъ самъ съ собою: «Большая битва... Много народу... много, много убитыхъ!». Потомъ, обернувшись къ сопровождавшему его Бертье, онъ прибавилъ: «Битва наша». «Въ самый день сраженія въ 4 часа утра, разсказываетъ Дедемъ, войска были уже выстроены на позиціи, и бой начался. Проѣзжая мимо моей бригады, императоръ остановился, и солдаты просили его разрѣшенія начать бой, такъ какъ въ другихъ мѣстахъ слышалась пальба. Онъ отвѣчалъ: «Такіе полки идутъ въ огонь только, чтобы рѣшить побѣду». Съ этими словами онъ отправился на развалины большого редута, взятаго французами, и тамъ оставался во все время битвы, получая донесенія со всѣхъ сторонъ, но, повидимому, онъ съ одинаковымъ равнодушіемъ узнавалъ объ успѣхахъ своихъ войскъ и враговъ. Онъ держалъ въ рукахъ портретъ римскаго короля, присланный ему императрицей, и, играя имъ, часто повторялъ: «Надо посмотрѣть, каковъ онъ будетъ въ двадцать пять лѣтъ». За нимъ виднѣлась масса императорской гвардіи въ тридцать шесть тысячъ человекъ. Она потѣшалась музыкой, когда остальная армія билась на смерть, чтобы вырвать у непріятели побѣду. Тщетно маршаль Ней умолялъ императора двинуть хоть молодую гвардію, когда русскіе начали отступать. Благодаря такому движенію, по всей вѣроятности,

мы взяли бы въ плѣнъ пятнадцать или двадцать тысячъ русскихъ, которые направились на Калужскую дорогу. Они одолжены своимъ спасеніемъ бездѣйствію гвардіи и нерѣшительности Наполеона. Онъ надменно принялъ взятаго въ плѣнъ русскаго генерала, который хотя былъ пьянъ, но отвѣчалъ императору съ большимъ достоинствомъ. Никогда Наполеонъ не былъ менѣе великъ, какъ въ этотъ день. Къ семи часамъ смерть унесла много жертвъ и въ томъ числѣ нѣсколько генераловъ. Тогда императоръ лично приказалъ мнѣ двинуться направо, а затѣмъ насъ направили на неприятельскій центръ, чтобы прикрыть Семеновское село, переходившее нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки. Хотя неаполитанскій король въ своемъ донесеніи увѣряетъ, что моя бригада стояла въ резервѣ, но она пять разъ отбивала неприятельскую атаку и три часа стояла подъ огнемъ ядеръ и картечи. Подъѣхавъ къ намъ, маршалъ Ней громко спросилъ у меня: «Какой дуракъ поставилъ васъ здѣсь?» а потомъ, обращаясь къ Мюрату, воскликнулъ: «Король неаполитанскій, отчего вы не атакуете со своей кавалеріей, или отчего вы не пошлете впередъ пѣхоту, если ужъ ей надо умирать?!». Дѣйствительно въ одномъ 33-мъ полку было убито 48 офицеровъ и 360 солдатъ, а ранено 84 офицера и болѣе 900 солдатъ. Я былъ раненъ, получилъ двѣ контузіи, и подо мною убито двѣ лошади. Офиціальныи бюллетень объ этой битвѣ составленъ неправильно. Въ немъ говорится, что убито 7 генераловъ, но ихъ убито 15, а ранено 37, изъ которыхъ 10 умерло. Конечно, русскія потери были больше, но мы лишились убитыми и ранеными отъ 29.000 до 30.000 человекъ».

Кромѣ указанной уже ошибки, Наполеонъ, по словамъ Дедема, долженъ былъ съ самаго начала двинуть правое крыло въ обходъ русской арміи, что не было сдѣлано, за отсутствіемъ картъ и точныхъ свѣдѣній о мѣстности. Наконецъ вмѣсто того, чтобы послѣ сраженія преслѣдовать русскій корпусъ, направившійся на Калужскую дорогу, и отрѣзать его, Наполеонъ пошелъ за Кутузовымъ въ Москву, «сгорая нетерпѣніемъ подписать московскіе декреты о театрѣ французской комедіи, какъ саркастически замѣчаетъ голландецъ, хотя вся армія знала, что русскіе покинутъ свою столицу и сожгутъ ее». Но не одинъ Наполеонъ дѣлалъ ошибки; благодаря безумному легкомыслію Мюрата, при наступленіи на Москву, ежедневно гибли въ стычкахъ съ казаками для занятія лучшаго ночлега вице-королю десятки храбрыхъ солдатъ; въ дѣлѣ при Оминскомъ или Крымскомъ бродѣ русскіе уничтожили цѣлые батальоны въ бригадѣ Дедема, окруживъ ихъ въ лѣсу въ количествѣ 4.000 человекъ, тогда какъ русскихъ, по словамъ Дедема, было до 10.000 человекъ. «Даву,—прибавляетъ онъ,—сформировавъ лучшія войска во всей арміи, не могъ хладнокровно видѣть, что ихъ губить безо всякой пользы человекъ, который не имѣлъ никакихъ другихъ талантовъ, кромѣ безумной смѣлости, и позволялъ себѣ всевозможныя

глупости, потому что онъ былъ зятемъ императора. Они поссорились изъ-за дѣла при Фоминскомъ бродѣ въ присутствіи императора, и Даву горько упрекалъ Мюрата, что онъ бесполезно жертвовалъ лучшими во всей арміи дивизіями и скрывалъ отъ императора громадность своихъ потерь, какъ, напримѣръ, при Валутинѣ погибла, благодаря ему, почти вся дивизія Гендена вмѣстѣ съ ея генераломъ, а предъ тѣмъ, какъ Наполеонъ посѣтилъ поле сраженія, онъ велѣлъ раздѣть убитыхъ французовъ, чтобы императоръ принялъ ихъ за русскихъ».

Какъ бы то ни было, 14 сентября французы подошли къ Москвѣ. Впереди была бригада Дедема, передъ которой скакалъ въ числѣ развѣдчиковъ, по своему обыкновенію, Мюратъ, виднѣвшійся издали и своимъ и неприятелямъ, благодаря высокому бѣлому плюмажу и зеленой шубѣ съ золотыми шнурами. Давъ нѣсколько выстрѣловъ, русскіе прекратили огонь, и распространился слухъ, что открыты переговоры. Адъютантъ императора генералъ Нарбонъ на возвратномъ пути отъ Мюрата къ Наполеону попался на встрѣчу Дедему и сказалъ ему: «Все кончено, русскіе покидаютъ Москву и предоставляютъ городъ французскому великодушію». Вскорѣ послѣ того нагналъ авангардъ императоръ въ каретѣ и, подозвавъ Дедема, произнесъ: «Будьте наготовѣ всѣ, еще не кончено». «Я видѣлъ ясно, — говоритъ голландецъ, — что онъ былъ очень задумчивъ; очевидно вѣсть, привезенная Нарбономъ, не казалась ему столь счастливою, какъ его адъютанту. Можетъ быть, ему не нравилась та радость, которая была на лицахъ всѣхъ солдатъ въ виду распространившейся вѣсти о мирныхъ переговорахъ».

У деревяннаго моста черезъ Москву рѣку французы остановились, чрезъ нѣсколько времени бригадѣ Дедема было приказано вступить въ Кремль, гдѣ заперлась, по слухамъ, мѣстная милиція и стрѣляла изъ амбразуръ городскихъ стѣнъ. Но одного залпа картечью было достаточно, чтобы очистить Кремль, и французы двинулись далѣе въ городъ. «Мюрата окружили казацкіе генералы, явившіеся парламентарями, — рассказываетъ Дедемъ, — и осыпали его самыми лестными отзывами объ его храбрости. Онъ думалъ, что русскіе его не узнали, но атаманъ сказалъ ему: «Я васъ давно знаю, ваше величество, вы — король Неаполитанскій; я васъ вижу ежедневно съ самаго Нѣмана, и между нами только одно различіе: вы первый идете впередъ, а я послѣдній отступаю». Послѣ этого онъ выразилъ желаніе получить что нибудь отъ Мюрата на память, и тотъ далъ ему свои великолѣнные часы, прибавивъ, что онъ надѣется скорѣе пожаловать ему и орденъ. Тутъ разговоръ перешелъ на вопросъ о мирѣ, и русскіе откровенно сказали: «Вы на насъ напали, нашъ императоръ былъ другомъ вашего. Зачѣмъ вы объявили намъ войну? Мы хотимъ мира, но его теперь трудно заключить; однако будемъ надѣяться, что мы скоро станемъ друзьями».

На вопросъ у одного офицера, казавшагося знатной особой, находился ли въ арміи Александръ, онъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, и мы не желаемъ, чтобы онъ пріѣзжалъ». Пройдя весь городъ и достигнувъ Владимирскихъ воротъ, казацкіе генералы просили Мюрата не итти далѣе. «Мы отдали вамъ городъ, ваше величество, сказали они, но если вы сдѣлаете еще шагъ, то мы возьмемъ васъ въ плѣнъ». Однако авангардные начальники заключили перемиріе, которое, впрочемъ, не могло связать рукъ императорамъ. Вслѣдствіе этого Дедежь подѣлился съ казаками добычей его солдатъ, именно цѣлымъ стадомъ прекрасныхъ быковъ. Они были очень рады, такъ какъ не имѣли провизіи на ужинъ, но, по выраженію Дедема, на ихъ лицахъ играла ироническая улыбка, какъ бы обнаруживавшая твердое намѣреніе отомстить за взятіе Москвы.

Дѣйствительно, спустя нѣсколько часовъ, раздался взрывъ порохового погреба, и это былъ какъ бы сигналъ къ поджогу всей Москвы. Огонь показался съ различныхъ сторонъ. «Какъ только я убѣдился, что насъ хотятъ сжарить въ Москвѣ, — говоритъ Дедежь, — я тотчасъ отправился за городъ, за Владимирскія ворота, гдѣ стояла на бивуакѣ моя дивизія, и поселился на мельницѣ, гдѣ не было опасности сгорѣть. Надо было быть слѣпымъ, чтобы не видѣть въ этихъ пожарахъ доказательства борьбы на смерть. Такимъ образомъ подтверждалось все, что я слышалъ въ январѣ мѣсяцѣ въ Ростокѣ и Висмарѣ о намѣреніи русскихъ заманить насъ внутрь страны и все сжечь на нашемъ пути. Но пожаръ Москвы особенно издали представлялъ страшное, но величественное зрѣлище. Это было громадное огненное море, по которому бѣгали во всѣ стороны гонимые вѣтромъ, пылающіе валы. Однако я не могу сказать, что пожаръ Смоленска произвелъ на меня болѣе поразительное и поэтическое впечатлѣніе. Тамъ огонь съ неимоверною силой вырывался снопами изъ высокихъ башенъ городскихъ стѣнъ и напоминалъ сожженіе Илиума, столь величественно описанное Виргилиемъ. Многіе обвиняли Наполеона за то, что онъ съ восторгомъ описывалъ эту катастрофу въ одномъ изъ своихъ бюллетеней. Но онъ не могъ себя упрекать въ этомъ, и еслибы отъ него зависѣло, то онъ сохранилъ бы Москву не для русскихъ, а для себя. Съ какой бы стороны ни смотрѣть на московскіе пожары и признавать ли ихъ результатомъ патріотическаго подъема или взрывомъ безпомощной мести, во всякомъ случаѣ они не могли имѣть никакого вліянія на судьбу нашей арміи».

Несмотря на пожары, Москва, по словамъ голландскаго барона, была такъ богата всевозможными запасами, что можно было заново одѣть всю французскую армію, снабдить ее надолго продовольствіемъ и прокормить двадцать тысячъ лошадей въ продолженіе полугода. Но провіантская часть французской арміи была такъ плохо устроена, что не приняты были никакія мѣры для правильнаго рас-

предѣленія найденныхъ въ Москвѣ запасовъ, и армія нуждалась во всемъ, тогда какъ солдаты безъ удержа грабили всевозможныя сокровища. Пожары также не помѣшали Наполеону оставаться если не въ Москвѣ, то въ Петровскомъ дворцѣ, что было новой и главнѣйшей его ошибкой. «Послушавшись маршала Даву и предпринявъ походъ на Москву, Наполеонъ,—говоритъ Дедемъ,—совершилъ большую неосторожность, но запереться въ Москвѣ было непростительною ошибкой, которая погубила безвозвратно французскую армію. Остаться тамъ на зиму было невозможно, такъ какъ армія Кутузова быстро увеличивалась, корпусъ Чичагова грозилъ отрѣзать отъ Польши, и вообще страна, лежавшая за нами до границы, была далеко не покорена. Мюратъ предлагалъ тотчасъ по вступленіи въ Москву отправиться со своимъ корпусомъ въ 45.000 человѣкъ на Петербургъ, тогда какъ остальная армія будетъ удерживать натискъ Кутузова. Это было продолженіе наступательной войны, но этотъ проектъ могъ удался, на осуществленіе его потребовалось бы только двадцать пять дней, и врядъ ли бы Александръ позволилъ сжечь свою вторую столицу. Но Наполеонъ боялся дождей и дурныхъ дорогъ, а потому планъ Мюрата былъ отклоненъ. Ней предлагалъ отдохнуть въ Москвѣ недѣлю и быстро ретироваться на Смоленскъ. Это былъ самый мудрый и лучший способъ выйти изъ затруднительнаго положенія, но противъ него возражали, что придется идти по дорогѣ, гдѣ все выжжено, и нѣтъ возможности добыть фуража. Снова былъ принятъ совѣтъ Даву дать новое генеральное сраженіе русскимъ, сжечь Тулу и Калугу и броситься на Украину. Этотъ планъ былъ блестящій и казался возможнымъ, но надо было не медлить въ его исполненіи».

Дѣло же именно заключалось въ томъ, что Наполеонъ былъ такъ разочарованъ въ своемъ ожиданіи немедленнаго предложенія мира со стороны русскихъ, что колебался, медлил и забывался, благодаря игрѣ въ карты, подписи различныхъ ненужныхъ декретовъ и разрѣшеній французскимъ представленіямъ, которыя по его приказанію устраивала директриса французскаго театра въ Москвѣ, г-жа Бурсэ. Хотя Дедемъ рѣзко винитъ Наполеона въ его непростительномъ безконечномъ пребываніи въ Москвѣ, но считаетъ, что еще болѣе были виноваты окружающія его лица, не находившіяся на высотѣ своего положенія. Первый совѣтникъ императора, Бертье, становился слишкомъ старъ, а вся его «лавочка», т. е. главная квартира, была изъ рукъ вонъ плоха. Голландецъ рассказываетъ любопытную сцену, происшедшую между нимъ и Бертье въ Кремлѣ. Онъ явился къ нему съ жалобами на дурное обращеніе французской арміи съ иностранными генералами и офицерами, а герцогъ Невшательскій гордо отвѣчалъ ему: «если вы недовольны, то можете всѣ уходить». На это Дедемъ отвѣчалъ: «Теперь не время намъ уходить, или вамъ предлагать намъ это, и я сомнѣваюсь, что-

бы императоръ далъ вамъ такое порученіе, но я не скрою отъ васъ, что какъ я, такъ и всѣ тѣ, отъ имени которыхъ я говорю съ вами, недовольны тѣмъ, что мы въ теперешнемъ положеніи». Наконецъ министры не осмѣливались говорить императору правды, и если онъ такъ долго промедлить въ Москвѣ, то главнымъ образомъ потому, что не знали о перемѣнѣ, происшедшей въ Петербургѣ. «Отъ него скрыли, что въ послѣдніе три мѣсяца,—говоритъ Дедемъ,—судьбами Россіи руководилъ не Александръ, на слабохарактерность и дружбу котораго Наполеонъ разсчитывалъ, а сложный конгломератъ принца Шведскаго, барона Штейна, г-жи Сталь, самолюбиваго Кутузова и арміи, поддержанныхъ англійскими субсидіями».

Очень интересенъ разсказъ Дедема о неудачѣ его плана войти въ мирные переговоры лично съ Кутузовымъ помимо Александра. Собственно планъ принадлежалъ не ему, а найденному имъ въ Москвѣ французскому эмигранту, полковнику д'Ореру, котораго онъ встрѣтилъ на улицѣ съ старою матерью, женою и дѣтьми въ самомъ ужасномъ положеніи и приютилъ у себя. Этотъ эмигрантъ былъ друженъ съ Кутузовымъ и предложилъ свое посредничество для переговоровъ. «Миръ, сказалъ онъ Дедему, зависитъ отъ арміи, а не отъ императора Александра. Вся нація заставила его назначить Кутузова главнокомандующимъ. Вы знали его въ Константинополѣ, и вамъ хорошо извѣстно, что это эгоистичный, самолюбивый человекъ. Я могу васъ увѣрить, что онъ принялъ начальство надъ арміей, чтобъ отомстить за поражение подъ Аустерлицемъ, которое Александръ неправильно приписываетъ ему. Онъ проигралъ битву при Бородинѣ и, быть можетъ, жаждетъ славы примирителя двухъ могущественныхъ державъ. Я знаю его интимно и берусь съѣздить къ нему, съ цѣлью подготовить почву для переговоровъ». Дедемъ передалъ его слова гр. Дарю, а тотъ Наполеону, который на слѣдующій день послалъ Лористона къ Кутузову, но съ письмомъ къ Александру. Онъ не былъ уже генераломъ Бонапарте, который переговаривался о мирѣ съ эрцгерцогомъ Карломъ, главнокомандующимъ австрійской арміи, и считалъ, что вступленіе въ переговоры съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ императора, компрометируетъ его императорскій санъ. Впрочемъ, два года спустя, д'Ореръ въ Парижѣ чистосердечно признался Дедему, что его планъ не удался бы, такъ какъ, увидавъ Кутузова по уходѣ французовъ изъ Москвы, онъ узналъ отъ него, что русскій главнокомандующій не согласился бы на миръ послѣ взятія Москвы, но еслибъ Наполеонъ предложилъ ему миръ вслѣдъ за Бородинской битвой, то онъ принялъ бы его, чтобъ спасти священный городъ.

19-го октября Наполеонъ покинулъ наконецъ Москву, и Дедемъ тогда состоялъ при императорской главной квартирѣ, въ виду раны и болѣзни, не позволявшихъ ему принимать участія въ сраженіяхъ,

хотя въ битвѣ подь Малоярославцемъ онъ два раза ѣздилъ на поле сраженія съ приказаніями императора. По его словамъ, оно было проиграно французами потому, что часть арміи принца Евгенія опоздала на часъ, но во всякомъ случаѣ Наполеонъ могъ на другой день разбить Кутузова или взять Калугу, которую Кутузовъ считалъ погибшей. «Если же этого не случилось, замѣчаетъ Дедемъ, то потому, что счастье покинуло Наполеона; онъ не имѣлъ правильныхъ свѣдѣній о положеніи русской арміи, и его обычная смѣлость замѣнилась роковой нерѣшительностью». Французская армія повернула назадъ и стала отступать къ Смоленску, но въ первое время этого рокового отступленія Наполеонъ, по словамъ безпристрастнаго голландца, былъ на высотѣ своего положенія. Онъ назначилъ Нея начальникомъ арьергарда и написалъ ему подробную инструкцію, въ которой предвидѣлъ всѣ преграды и въ особенности указывалъ на постоянныя стычки съ казаками, а когда онъ послалъ Дедема съ такой же инструкціей на словахъ къ принцу Евгенію и Даву, то, сообщая ему лично свои распоряженія, онъ вдругъ остановился и сказалъ, обращаясь къ Бертье: «Но его возьмутъ». Эти слова были произнесены тономъ игрока въ шахматы, который видя, что игра потеряна, оканчиваетъ ее изъ честности, думая: «до слѣдующей».

«Я долженъ отдать справедливость этому человѣку, дотолѣ избалованному судьбой,—говоритъ Дедемъ,—и не знавшему большихъ неудачъ; онъ былъ спокоенъ и не выражалъ ни гнѣва, ни отчаянія; я думалъ, что онъ будетъ великъ въ несчастѣ, и примирился съ нимъ потому, что я не любилъ его. Онъ навлекъ бѣдствія на мою родину; его обращеніе съ королемъ прусскимъ меня возмущало; его поведеніе относительно Мадридскаго двора возбуждало во мнѣ отвращеніе; во время Бородинской битвы онъ показался мнѣ ужасно равнодушнымъ и стойчнымъ; при входѣ въ Москву я видѣлъ его разгнѣваннымъ, словно его застигли врасплохъ, а въ Москвѣ онъ дозволилъ самымъ апатичнымъ, смѣшнымъ образомъ себя провести, но теперь я видѣлъ въ немъ человѣка, который сознаетъ грозившія ему бѣдствія и всю трудность своего положенія, но не падаетъ духомъ и говоритъ себѣ: «Это—пораженіе, и надо уходить, но меня еще увидятъ». Узкіе умы и слабыя души стануть нападать на Наполеона за то, что онъ ни въ грошъ не ставилъ тысячи людей, которыхъ приносилъ въ жертву своему самолюбію и называлъ пушечнымъ мясомъ. Но надо брать во вниманіе ту роль, которую ему, повидимому, предоставило Провидѣніе, и тѣ, кто читали по-философски «Комментаріи Цезаря», «Жизнь Александра Великаго» и исторію войнъ Тамерлана, Людовика XIV и Фридриха Великаго, могутъ видѣть въ Наполеонѣ только завоевателя, человѣка, дошедшего, благодаря одному себѣ, до апогея величія и неожиданно предвидящаго крушенье воздвиг-

нудой имъ могущественной имперіи на радость его личныхъ враговъ. Они не признаютъ въ немъ ни мягкаго сердца, ни мужественной благородной души, но должны согласиться, что онъ обладалъ умомъ, созданнымъ, чтобъ повелѣвать, и многими качествами, характеризующими великаго человѣка. Я пишу для исторіи и описываю факты въ томъ видѣ, въ какомъ они мнѣ представлялись; я не стараюсь услужить никакой партіи и жду не награды отъ сильныхъ міра сего, а одобренія людей справедливыхъ и безпристрастныхъ».

До Смоленска французская армія еще кое-какъ держалась, и главное бѣдствіе заключалось въ томъ, что лошади не были подкованы на шипахъ и падали на каждомъ шагу. Благодаря этому, кавалерія и артилерія были въ самомъ жалкомъ положеніи, несмотря на то, что провіанта еще хватало. Приходилось даже бросать орудія, которыхъ такимъ образомъ было потеряно до восьмисотъ. Недовольство и инсубординація въ рядахъ арміи начались съ генераловъ, а потомъ перешли на офицеровъ и солдатъ. Самъ Наполеонъ говорилъ: «свыше девяти градусовъ мороза я не могу найти ни одного генерала на своемъ посту». Солдаты долго не роптали и шли молча, насупивъ брови; если же подъ конецъ они стали нарушать дисциплину и дерзко обращаться съ офицерами, даже съ высшими начальниками, то Дедемъ никогда не слышалъ, чтобы они бранили императора, который былъ виною всего. Лишь нѣсколько разъ солдаты старой гвардіи позволяли себѣ говорить при немъ: «ахъ, Моро лучше бы велъ насъ!» Самъ Наполеонъ обнаруживалъ большее недовольство, чѣмъ вся его армія, особенно получивъ извѣстіе изъ Парижа о заговорѣ генерала Малэ, который хотя и не удался, но доказалъ всю шаткость созданной имъ имперіи. Онъ выходилъ изъ себя, сердился на всѣхъ, въ особенности на Даву и говорилъ генералу Красинскому, называя очень видныхъ личностей: «я перестрѣлялъ бы ихъ всѣхъ, еслибы смѣлъ». Что касается до генерала Дедема, то онъ первую часть отступленія изъ Россіи совершилъ очень удобно и даже роскошно. Благодаря тому, что онъ былъ раненъ и боленъ, а главное своей предусмотрительности въ Москвѣ, онъ ѣхалъ въ коляскѣ, а за нимъ слѣдовали фургонъ и телѣга со всѣми дорожными и кухонными принадлежностями. Захвативъ изъ Москвы большой запасъ съѣстныхъ припасовъ и вина, онъ не только самъ пилъ и ѣлъ на славу, но кормилъ и поилъ своихъ пріятелей. Однако за Дорогобужемъ коляска Дедема была сломана вдребезги артиллерійскими орудіями, и ему пришлось ѣхать верхомъ.

Въ Смоленскѣ Дедемъ серіозно занемогъ и оправился, только благодаря заботливымъ ухаживаніямъ графа Дарю, который пріютилъ его у себя. Несмотря на то, что тутъ исчезли послѣднія надежды на зимовку въ Смоленскѣ, и со всѣхъ сторонъ получались

самыя грозныя вѣсти о дѣйствіяхъ русскихъ, рѣшившихся окружить французскую армію съ цѣлью истребить ее до послѣдняго человѣка, Дедемъ не унывалъ и выступилъ изъ Смоленска вмѣстѣ съ главною квартирою императора, хотя ему пришлось итти пѣшкомъ, благодаря потерѣ всѣхъ его верховыхъ лошадей. Но все-таки у него оставались фургоны и кухонная телѣга до битвы подъ Краснымъ, гдѣ они попались въ руки казаковъ. Со Смоленска собственно начались всѣ ужасы французскаго отступленія: дорога была усыяна мертвыми и умирающими, брошенными орудіями и сломанными повозками. «Особенно было плачевно зрѣлище женщинъ и дѣтей, говоритъ Дедемъ. Что касается мужчинъ, то они подвергались обычнымъ превратностямъ войны, и мы не первые представляли армію, сдѣлавшуюся жертвой безумнаго самолюбія и суроваго климата, но женщины, которыя слѣдовали за нами, однѣ по нѣжнымъ чувствамъ, а другія изъ страха къ русскимъ, должны были бы возбуждать больше сожалѣнія, чѣмъ имъ выказывали. Я видѣлъ высокопоставленныхъ генераловъ и офицеровъ, которые бросали милыхъ, интересныхъ женщинъ, а напротивъ женщины во многихъ случаяхъ окружали любовью и заботою мужчинъ въ самыхъ ужасныхъ и критическихъ обстоятельствахъ. Такъ, когда я лишился всѣхъ своихъ съѣстныхъ припасовъ, то одна маркитантка гусарскаго полка кормила меня въ продолженіе нѣсколькихъ дней, а жена Наполеоновскаго кучера часто приносила мнѣ ужинъ и даже вино. Въ Москвѣ я взялъ въ качествѣ конюха молодого мальчика, который потомъ служилъ мнѣ кучеромъ и удивлялъ всѣхъ своей расторопностью, а также храбростью во время фуражировокъ, когда со всѣхъ сторонъ нападали казаки. Только въ Смоленскѣ и то благодаря оплеухѣ, которую я далъ ему въ минуту нетерпѣнія, мальчикъ расплакался и объяснилъ мнѣ, что онъ пятнадцати-лѣтняя дѣвочка, бѣжавшая изъ родительскаго дома съ артиллерійскимъ офицеромъ, убитымъ при Бородинѣ. Ея родители были люди состоятельные, и она получила хорошее воспитаніе, но отличалась особымъ пристрастіемъ къ лошадямъ, чѣмъ и объясняется ея кучерское искусство. Хотя она очень ловко скрывала свой полъ, но мы могли бы отгадать его въ Москвѣ, гдѣ она собирала разныя женскія тряпки подъ предлогомъ отвезти ихъ маленькой сестрѣ, жившей въ Силезіи. Послѣ открытія ею своей тайны всѣ обращались съ нею, насколько возможно любезно, и она слѣдовала за мною всюду верхомъ до перехода черезъ Березину, гдѣ она пропала, и съ тѣхъ поръ я не имѣлъ о ней свѣдѣній. Когда я потерялъ подъ Краснымъ свой фургонъ и телѣгу, то никто изъ окружавшихъ меня лицъ не подумалъ спасти что нибудь, только она принесла мнѣ съ торжествомъ вырванныя у казаковъ эполеты, бутылку рома, сахаръ и кофе».

Въ битвѣ подѣ Краснымъ Дедемъ сопровождалъ Наполеона, и, по его словамъ, русскіе такъ тѣснили со всѣхъ сторонъ, умиравшую отъ голода и холода, французскую армію, что, казалось, наступилъ ея послѣдній часъ, и если были спасены ея остатки, то она этимъ обязана удивительному мужеству Нея. Въ Дубровкѣ нашлись значительные запасы продовольствія, и хотя при раздачѣ ихъ существовалъ большой безпорядокъ, такъ какъ нѣкоторымъ полкамъ досталось слишкомъ много, а другимъ слишкомъ мало, но все-таки Наполеонъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы реорганизовать гвардію. Онъ даже вышелъ изъ Дубровки пѣшкомъ среди солдатъ и всячески пытался съ помощью маршала Дюрока и генераловъ поддержать дисциплину. Но всѣ усилія были тщетны. Разложеніе арміи было полное, и Наполеонъ понялъ, что единственное ея спасеніе заключалось въ недостаткѣ смѣлости у русскаго главнокомандующаго. Впрочемъ, по словамъ Дедема, Кутузовъ изъ личной политики не преслѣдовалъ энергично французовъ и далъ имъ возможность перейти Днѣпръ у Орши по двумъ наскоро поставленнымъ деревяннымъ мостамъ. Онъ прямо говорилъ: «Этого урока имъ довольно, и они болѣе не вернуться, — необходимо ихъ выгнать изъ Россіи, но не надо уничтожать французской арміи, это было бы услугой ихъ и нашимъ врагамъ». Какъ извѣстно, Кутузовъ былъ ярый ненавистникъ Англій и пламенный сторонникъ франко-русскаго союза.

Въ Дубровкѣ сформировался изъ генераловъ и полковниковъ, сохранившихъ своихъ лошадей и не имѣвшихъ опредѣленныхъ командъ, такъ называемый священный эскадронъ для охраны императора, но зависть скорѣе поселила рознь среди этихъ избранныхъ тѣлохранителей, и еще до Березины священный эскадронъ совершенно разсѣялся. О самомъ переходѣ черезъ Березину и такъ же о событіяхъ, предшествовавшихъ и слѣдовавшихъ за тѣмъ, Дедемъ рассказываетъ нѣсколько интересныхъ подробностей. 22 ноября онъ слышалъ, какъ Бертье сказалъ какому-то офицеру: «мы отрѣзаны со всѣхъ сторонъ», а вечеромъ видѣлъ, какъ графъ Дарю сжегъ всѣ бумаги императора, даже самыя секретныя. Его секретарь между прочимъ показалъ ему какой-то документъ, хранившійся въ красивомъ эмалевомъ ларцѣ, и сказалъ: «Копія этого трактата нѣтъ и въ Парижѣ», но министръ отвѣчалъ: «Все равно, жгите». Потомъ Дарю сказалъ Дедему, когда они остались вдвоемъ: «Завтрашній день рѣшитъ нашу судьбу; быть можетъ, я не увижу болѣе ни Франціи, ни моей жены, ни дѣтей. Что касается до васъ, то вы иностранецъ и имѣете большія связи въ Россіи и Пруссіи, а потому васъ, конечно, отпустятъ на свободу, а меня ждетъ участь графа Питера (министра Карла XII, взятаго въ плѣнъ подѣ Полтавой и сосланнаго въ Сибирь), и я умру въ Сибири».

«На другой день, приближаясь, къ Борисову», рассказывает Дедемъ, «я увидалъ Наполеона, который, сидя въ каретѣ, диктовалъ Бертге съ удивительнымъ хладнокровіемъ, хотя лицо у него было задумчиво. Признаюсь, я не могъ удержаться отъ восторженнаго удивленія. Потомъ онъ приказалъ генералу Красинскому послать поляка къ мѣстнымъ крестьянамъ размѣрить бродъ. Ему было приказано выстрѣлить изъ пистолета, если можно безопасно перейти черезъ бродъ. Въ ожиданіи этого сигнала, Наполеонъ вышелъ изъ кареты и грѣлся у разведеннаго огня, разговаривая съ нами. Наконецъ онъ вышелъ изъ терпѣнія и скомандовалъ: «На коней!» Мы отправились къ городу, а потомъ узнали, что полякъ упалъ въ воду, вымочилъ свой пистолетъ и не могъ выстрѣлить. Достигнувъ предмѣстья Борисова, мы заняли его, и хотя русскіе могли насъ сжечь живьемъ, но они оставили насъ въ покоѣ. Въ 8 часовъ вечера императоръ перебрался въ Студянку, а тамъ по его распоряженію всю ночь наводили мосты черезъ Березину, гдѣ Карлъ XII перешелъ эту рѣку при вступленіи въ Россію. На слѣдующій день произошло нѣсколько стычекъ на берегахъ рѣки, во время которыхъ убитъ молодой графъ Нуаль и ранены маршалъ герцогъ Реджіо и генералы Легранъ, Домбровский и Жираръ, но ихъ кровь была пролита въ защиту чести французскаго оружія и спасенія тысячъ жертвъ. Гораздо печальнѣе была судьба безчисленныхъ солдатъ и офицеровъ, которые погибли въ волнахъ Березины, или подъ колесами орудій и копытами лошадей. Воспоминаніе объ этой роковой катастрофѣ наполняетъ сердце ужасомъ, и я никогда не забуду, что видѣлъ въ этотъ несчастный день. Безпорядокъ былъ такъ великъ, что Бертге приказалъ перешедшей уже черезъ рѣку дивизіи вернуться обратно, что причинило незамѣнимую потерю времени. Что касается меня, то я одинъ изъ первыхъ перешелъ черезъ мостъ, думая, что императоръ уже на той сторонѣ, и хотѣлъ отправиться въ Вильну, такъ какъ получилъ объ этомъ письменное приказаніе еще въ Смоленскѣ. Но оказалось, что императоръ не переправлялся черезъ рѣку, и я пустился обратно черезъ мостъ, но по дорогѣ встрѣтилъ знакомаго генерала, который узнавъ, въ чемъ дѣло, сказалъ: «Да вы съ ума сошли, разыскивая императора. Еслибы я попалъ на ту сторону, то ни за что не вернулся бы». Я подумалъ и послѣдовалъ этому благому совѣту. Дѣйствительно переходъ черезъ мостъ становился все затруднительнѣе, и въ общей свалкѣ пропалъ мой конюхъ-женщина».

Очутившись на противоположномъ берегу, Дедемъ поскакалъ верхомъ, такъ какъ въ Оршѣ ему удалось купить двѣ лошади. Его цѣлью было какъ можно скорѣе достигнуть Вильны, куда онъ добрался то верхомъ, то въ саняхъ, 30 ноября. Тамъ никто не имѣлъ понятія о несчастномъ положеніи французской арміи, и генераль-

губернаторъ, графъ Гогендорпъ, не хотѣлъ вѣрить печальнымъ разсказамъ перваго вѣстника катастрофы. Онъ увѣрялъ, что армія будетъ зимовать въ Вильнѣ, и что у него готово продовольствіе на сто тысячъ человѣкъ. Герцогъ Бассано менѣе предавался иллюзіямъ и легко повѣрилъ роковой истинѣ, но просилъ Дедема никому объ этомъ не разсказывать. Дѣйствительно въ Вильнѣ шли своимъ чередомъ блестящія празднества, и 1-го декабря былъ концертъ у герцога Бассано, а на другой день балъ у генерала Гогендорпа. Хотя такая комедія казалась Дедему непристойною, но онъ отправился на балъ, чтобы увидать знакомыхъ. Онъ былъ тогда такой больной и изнуренный, что вокругъ его польскія дамы спрашивали: «Кто этотъ движущійся скелетъ?» Спустя четыре дня, явился въ Вильну Наполеонъ, но онъ пробылъ тамъ лишь нѣсколько часовъ. «Когда узнали, что онъ передалъ начальство надъ арміей Мюрату и уѣхалъ въ Парижъ», разсказываетъ голландецъ, «то поднялся общій крикъ негодованія. Самые спокойные и умѣренные люди выходили изъ себя; еслибы кто нибудь нашелъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы провозгласить низложеніе императора, то всѣ признали бы этотъ фактъ. Но надо быть справедливымъ; присутствіе императора въ арміи тогда не могло принести никакой пользы, а напротивъ его пріѣздъ въ Парижъ былъ въ интересахъ его самого, имперіи и въ особенности тѣхъ, кому были дороги плоды революціи. Еслибы въ это время герцогъ Орлеанскій показался во Франціи, то, по всей вѣроятности, его посадили бы на престолъ, но это значило бы возбудить кровопролитныя междоусобія. Роялисты, конечно, стояли бы за Бурбоновъ, но ихъ партія была такъ немногочисленна, и они такъ отстали отъ вѣка, что могли бы лишь произвести смуту. Маршалы, безъ всякаго сомнѣнія, раздѣлились бы во мнѣніяхъ, но они тогда и слышать не хотѣли о Бурбонахъ. Единственнымъ средствомъ мирно отдѣлаться отъ Наполеона было провозгласить императоромъ его сына, сдѣлать регентшей императрицу и просить австро-прусскаго посредничества для заключенія мира. Быть можетъ, люди съ сильной волей уже подумывали объ этомъ, но императоръ, быстро отправившись въ Парижъ, уничтожилъ почву подъ ихъ ногами. Признаюсь, что еслибы въ Вильнѣ онъ спросилъ моего совѣта, то я сказалъ бы ему: «уѣзжайте, какъ можно скорѣе».

Дедемъ выѣхалъ изъ Вильны въ хорошей коляскѣ, которую ему далъ герцогъ Бассано, но въ такомъ больномъ, изнуренномъ видѣ, что никто не ожидалъ благополучнаго окончанія этого путешествія, и курьеру, посланному съ нимъ, было поручено въ случаѣ смерти похоронить его и, взявъ свидѣтельство отъ мѣстнаго начальства, отослать семью. Однако дѣло обошлось вполне счастливо, и въ Варшавѣ онъ настолько оправился, что могъ ѣхать дальше въ Берлинъ, гдѣ хотѣлъ серьезно дѣлаться. Полученный при-

казъ отъ Мюрата, однако, заставилъ его поѣхать въ Эльбингъ. Передъ отъѣздомъ онъ увидѣлъ Шварценберга, начальника австрійскаго корпуса, и тотъ сообщилъ ему о своей рѣшимости не сражаться болѣе съ русскими и о намѣреніи послѣднихъ завлечь въ западню у Кенигсберга Мюрата, который хотѣлъ атаковать ихъ, тоже сдѣлать съ принцемъ Евгениемъ въ Маріенвердерѣ и взять Торнъ, гдѣ Даву не могъ держаться. Съ такими важными извѣстіями Дедемъ отправился къ этимъ тремъ военачальникамъ. Даву, узнавъ, въ чемъ дѣло, тотчасъ принялъ мѣры для защиты отъ внезапнаго нападенія и послалъ депешу объ этомъ Наполеону. Принцъ Евгений, несмотря на любезный пріемъ, прямо объявилъ Дедему, что привезенная имъ вѣсть о приближеніи русскихъ просто нелѣпа, а, спустя два дня, казаки напали на него врасплохъ, и онъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. Что касается до Мюрата, то онъ даже не сталъ слушать Дедема и требовалъ, чтобы тотъ взялъ дивизію съ цѣлью принять участіе въ его наступательномъ движеніи. Только извѣстіе, что казаки показались на дорогѣ въ Маріенбургъ, заставило его поспѣшно отступить, а затѣмъ, бросивъ армію, уѣхать въ Неаполь. Его мѣсто занялъ принцъ Евгений, который столь же мало, какъ Мюратъ, былъ великимъ полководцемъ или великимъ государственнымъ человѣкомъ. Видя общее разложеніе арміи или, какъ онъ выражается, «полный безпорядокъ въ лавочкѣ», Дедемъ уѣхалъ въ Берлинъ, а оттуда въ началѣ 1813 года въ Парижъ.

Во Францію онъ вернулся въ самомъ мрачномъ и печальномъ настроеніи. Все, что онъ слышалъ и видѣлъ въ Германіи, убѣждало его, что Наполеонъ, пропустивъ случай подписать миръ при проѣздѣ чрезъ Дрезденъ по совѣту берлинскаго и вѣнскаго кабинетовъ, навлекъ окончательную гибель на себя и свою страну. По собраннымъ свѣдѣніямъ, Дедемъ предсказывалъ, что Австрія и Пруссія примкнутъ къ Россіи, но никто не хотѣлъ его слушать, и Наполеонъ до такой степени былъ убѣжденъ въ успѣхѣ своей новой кампаніи въ Германіи, что даже велѣлъ тайно сказать берлинскому и мюнхенскому дворамъ, что онъ не будетъ сердиться на нихъ, если они сочтутъ себя вынужденными объявить ему войну, если только въ своихъ манифестахъ ничего не скажутъ неприятнаго они о его священной особѣ. По словамъ Дедема, одинъ благоразумный прозорливый человѣкъ говорилъ ему въ мартѣ 1813 года: «всѣ сошли съ ума и погубяютъ себя и Францію; вы увидите, что Бурбоны вернуться на свой престолъ».

Какъ бы то ни было, Дедему пришлось по выздоровленіи снова поступить на дѣйствительную военную службу и организовать бригаду подъ начальствомъ маршала Нея. Эта бригада существовала только на бумагѣ, но онъ такъ энергично принялся за дѣло, что черезъ два мѣсяца она уже покрыла себя славой въ битвѣ подъ Люценомъ. Разказъ его объ этомъ сраженіи очень характеренъ.

Узнавъ наканунѣ о томъ, что вся прусская армія въ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ расположилась бивуакомъ противъ той дивизіи, къ которой принадлежала его бригада, Дедемъ послалъ сказать объ этомъ императору, но тотъ заявилъ посланному адъютанту: «Вашъ генераль дуракъ, скажите ему, что непріятель у Лейпцига, куда я отправляюсь, и тамъ произойдетъ битва, а вашъ генераль пусть не беспокоится и стоитъ твердо». Однако Дедемъ принялъ всѣ необходимыя мѣры, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ, и дѣйствительно на разсвѣтѣ густыя непріятельскія массы двинулись на французскую дивизію, и на нее посыпался дождь ядеръ. Немедленно послали предупредить объ этомъ маршала Нея, который было отправился за императоромъ по дорогѣ въ Лейпцигъ, и онъ прискакалъ, сломя голову. Остановившись передъ бригадой Дедема, онъ посмотрѣлъ въ зрительную трубу и тотчасъ послалъ своего адъютанта къ императору, который не хотѣлъ вѣрить, что это столкновение съ непріателемъ серіознѣ простой рекогносцировки. «Скажите ему,—произнесъ онъ,—что это дѣйствительно битва и такая, какой онъ еще не видалъ». Получивъ это извѣстіе, Наполеонъ въ свою очередь немедленно прискакалъ и помѣстился на возвышеніи за дивизіей, которая между тѣмъ геройски отражала всѣ натиски непріятеля. Бой былъ самый ожесточенный: маршалъ Ней былъ раненъ въ ногу, но продолжалъ командовать, а дивизионный генераль Жираръ, два раза раненый и весь въ крови, продолжалъ сражаться во главѣ своихъ гренадеръ, пока третья смертельная рана не заставила его передать команду Дедему. До конца битвы послѣдній руководилъ всѣми дѣйствіями дивизіи и побѣдоносно отражалъ всѣ кавалерійскія атаки пруссаковъ, хотя подъ конецъ у него не осталось болѣе снарядовъ, и ему пришлось отослать свою артиллерию назадъ и защищаться одними штыками. Наконецъ императоръ позвалъ его, и онъ явился передъ нимъ весь въ крови отъ двухъ лошадей, убитыхъ подъ нимъ. Наполеонъ спросилъ прежде всего, раненъ ли онъ, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, приказалъ во что бы то ни стало удержать занимаемую дивизіей позицію, при чемъ обѣщаль пустить въ дѣло молодую гвардію. Но оказалось, что эти новички не бросились на непріятеля съ должнымъ пыломъ, и тогда Наполеонъ самъ повелъ ихъ въ огонь съ громкимъ крикомъ: «Каждому предопредѣлено, сколько жить; если пришелъ часъ смерти, всѣ умремъ: впередъ!» Когда побѣда была одержана, то Наполеонъ подѣхалъ къ Дедему и сказалъ: «У васъ молодцы, генераль; такое войско надо беречь». Дедемъ просилъ награды для оставшихся въ живыхъ офицеровъ, и Наполеонъ отвѣтилъ: «Сколько бы вы ни просили, никогда не будетъ достаточно».

Дѣйствительно всѣ офицеры получили по наградѣ, кто чинъ, кто орденъ Почетнаго Легіона. Только одинъ Дедемъ ничего не получилъ. Маршалъ Ней былъ такъ доволенъ его поведеніемъ, что

на полѣ битвы сказалъ: «Вы, генераль, фактически дивизионный командиръ, и вы оказали слишкомъ большія услуги, чтобы императоръ не утвердилъ вашего назначенія». На слѣдующій день онъ въ приказѣ къ своему корпусу назвалъ дивизию Дедема его именемъ, но Наполеонъ обидѣлся, что Ней предупредилъ его, и, холодно сказавъ: «Съ которыхъ поръ мои маршалы назначаютъ дивизионныхъ командировъ?» вычеркнулъ имя Дедема изъ списка наградъ. Последній въ свою очередь такъ оскорбился, что хотѣлъ подать въ отставку, но маршалъ Ней его отговорилъ. «Въ сущности меня болѣе оскорбили, чѣмъ васъ,—сказалъ онъ,—если я не могъ настоять на томъ, чтобы вамъ оказали справедливость, то, вѣрьте мнѣ, васъ уважаетъ вся армія, а это важнѣе милости Берье, который тутъ приложилъ свою руку, и даже самого императора. Служите, какъ вы служили до сихъ поръ, и наконецъ придется признать, что вамъ сдѣлали несправедливость. Къ тому же, я вамъ предназначаю идти съ авангардомъ на Берлинъ, а вы знаете, сколько нужно благоразумія и твердости, чтобы исполнить такое деликатное порученіе. Я вполне довѣряю вамъ». Но движеніе на Берлинъ было отмѣнено, такъ какъ, по словамъ Дедема, Наполеонъ получилъ извѣстіе, что пруссаки рѣшились по примѣру русскихъ съжечь свою столицу, а онъ не хотѣлъ получить славу второго Аттилы, истребителя столицъ.

Впрочемъ, благодаря своей искусной тактикѣ, Наполеонъ одержалъ большій успѣхъ, чѣмъ было бы взятіе Берлина, именно обошелъ правое крыло непріятельской арміи и разбилъ ее при Бауценѣ. Это сраженіе было выиграно, благодаря энергичной поддержкѣ, оказанной маршаломъ Несемъ центру арміи, которому приходилось очень жутко отъ напора русскихъ, хотя имъ командовалъ самъ Наполеонъ. Бригада Дедема снова покрыла себя славой, и по его замѣчанію: «хотя артиллерія этой бригады болѣе дѣлала шуму, чѣмъ приносила пользы, однако она испугала русскаго императора, который, боясь не безъ основанія, что его обойдутъ, приказалъ всей арміи отступить». Наполеонъ продолжалъ преслѣдовать непріятеля до Горлица, гдѣ маршалъ Дюрокъ былъ смертельно раненъ. Потеря этого вѣрнаго друга, товарища по школѣ и сподвижника въ египетской экспедиціи очень подѣйствовала на Наполеона. О смерти Дюрока рассказываютъ различно, и Дедемъ приводитъ два варіанта. По одному, Дюрокъ, прощаясь съ императоромъ, совѣтовалъ ему подумать о спокойствіи и заключить миръ, а по другому, увидавъ Наполеона, умирающей произнесъ: «ради Бога уходите и дайте мнѣ умереть мирно».

Въ окрестностяхъ Горлица Наполеонъ произвелъ торжественный смотръ всѣмъ своимъ войскамъ. «Солдаты, упоенные недавними побѣдами, говоритъ Дедемъ, встрѣтили его съ необычайнымъ восторгомъ, и крики: «да здравствуетъ императоръ», не умолкали. Онъ тогда пережилъ славную минуту, и еслибы сумѣлъ воспользоваться ею, то вся Франція привѣтствовала бы его, какъ полубога. Онъ смылъ

съ французской арміи нанесенное ей въ Россіи униженіе, доставилъ своимъ орламъ снова побѣду, и Европа была попрежнему у его ногъ. Еслибы онъ тогда заключилъ миръ, то французскій народъ обожалъ бы его». Но дѣло именно заключалось въ томъ, что Наполеонъ не хотѣлъ мира и послѣ непродолжительнаго перемирія продолжалъ войну. Подъ Дрезденомъ онъ одержалъ еще одну побѣду, но въ ней не принялъ участія Дедемъ, такъ какъ онъ былъ назначенъ командиромъ общаго депо всей арміи. Этотъ постъ былъ не блестящій, но очень отвѣтственный и полезный. Дедемъ энергично принялся за дѣло и сформировалъ много баталіоновъ, которыми комплектовалъ рѣдѣшіе полки. Когда же Наполеонъ покинулъ Дрезденъ, гдѣ находилось депо, главная квартира забыла совершенно о Дедемѣ и остававшихся у него 1.600 солдатъ, то онъ поспѣшилъ съ ними въ Лейпцигъ, гдѣ Наполеонъ приготовился къ своей послѣдней битвѣ въ Германіи, Бертье встрѣтилъ его очень нелюбезно и упрекнулъ въ томъ, что онъ покинулъ свой постъ безъ приказанія. Но императоръ узнавъ, въ чемъ дѣло, сказалъ съ негодованіемъ, обращаясь къ Бертье: «Зачѣмъ вы набросились на него? Ему лучше здѣсь сражаться, чѣмъ сидѣть въ Дрезденѣ. Вѣдь тѣхъ, которые остались тамъ, мы больше не увидимъ». Во второй день Лейпцигской битвы Наполеонъ лично поручилъ Дедему вести въ огонь одну изъ дивизій молодой гвардіи и указалъ ему на селеніе Штотерицъ, которое было отбито у русскихъ.

Послѣ окончательнаго пораженія Наполеона въ третій день Лейпцигской битвы, Дедемъ принялъ еще участіе въ побѣдѣ надъ баварцами при Ганау, а затѣмъ отправился въ Парижъ, гдѣ былъ назначенъ въ корпусъ генерала Себастиани, дѣйствовавшій противъ возставшей Голландіи. Но онъ отказался и объяснилъ въ письмѣ къ императору, что не можетъ сражаться противъ своей родины. Прочитавъ письмо, Наполеонъ сказалъ: «Онъ правъ, онъ поступаетъ, какъ честный человѣкъ; спросить его, куда онъ хочетъ — въ Испанію или Италію?» Дедемъ выбралъ послѣднюю, и 9 января 1814 года онъ отправился къ своему новому назначенію.

Дальнѣйшія страницы мемуаровъ Дедема уже не имѣютъ большого интереса, особенно для насъ, русскихъ, и потому мы только упомянемъ, что онъ командовалъ на рѣкѣ По дивизіей французской арміи, боролся съ австрійцами до паденія Наполеона, а затѣмъ привелъ обратно свои войска во Францію и предложилъ свои услуги новому галландскому королю, а пока медлили его назначеніемъ, онъ жилъ въ Парижѣ, откуда перебрался въ Гаагу, при первомъ слухѣ о возвращеніи Наполеона. На этомъ и кончаются его мемуары, но издательница ихъ кратко сообщаетъ о послѣдующихъ событіяхъ его жизни. Не поладивъ съ голландскимъ правительствомъ, онъ вернулся въ Парижъ во время реставраціи и, снова поступивъ во французскую армію съ чиномъ генераль-лейтенанта,

состоялъ сначала инспекторомъ пѣхоты въ департаментѣ Юры, а затѣмъ командиромъ шестой дивизіи. Но ему не по сердцу были Бурбоны, которые, по его словамъ, хотѣли царствовать не для народа и народомъ, а для одной партіи и этою партіей, которая безъ способностей и силы пыталась вернуть страну на сто лѣтъ назадъ. Онъ считалъ, что народы слишкомъ стали просвѣщены, и особенно французскій сталъ слишкомъ понимать свою силу и свои природныя права, чтобы дозволить распоряжаться собою, какъ стадомъ барановъ, собственникомъ которыхъ состоялъ король, а пастухами министры». Съ такими идеями, побуждавшими его предвидѣть вторую революцію, Дедемъ не могъ ужиться съ бурбонской реакціей. Онъ снова вышелъ въ отставку и провелъ послѣдніе годы своей жизни частнымъ человѣкомъ въ Парижѣ. Онъ никогда не былъ женатъ, и все его родство ограничивалось сестрой, бывшей замужемъ за барономъ Кнобельсдорфомъ, прусскимъ посланникомъ въ Константинополь, и отцемъ, который умеръ въ 1820 году. Наслѣдовавъ послѣ него титулъ графа, Дедемъ недолго его пережилъ и, предпринявъ путешествіе въ Италію въ 1825 году, умеръ въ Тосканѣ на 51 году своей жизни. Спустя годъ, его останки перевезены въ Голландію и похоронены въ семейномъ Гельдерскомъ замкѣ.

В. Т.

ОЧЕРКИ АМЕРИКАНСКОЙ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

Сановники и чиновники страны свободы.

I.

СЛИ наибольшая изъ республикъ Новаго Свѣта, по странной ироніи судьбы усвоившая себѣ наименованіе страны свободы, представляется страной вообще совершенно малозвѣстной Старому Свѣту, то ея officialный слой, ея сановничество и чиновничество, для европейца, даже весьма образованнаго, являетъ собой нѣчто абсолютно неизвѣстное и вполнѣ неопредѣленное. Между тѣмъ, слой этотъ, являясь наивысшимъ выраженіемъ государственно-общественнаго уклада республики Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки и періодическимъ расцвѣтомъ жизненныхъ силъ ея народа, представляетъ собой вмѣстѣ съ тѣмъ руководящую общественную среду настолько своеобразную, что подыскать ей параллели, сопоставленія и тождества въ государственно-общественныхъ укладахъ иныхъ странъ и народовъ весьма затруднительно. По этому одному уже среда эта представляетъ огромный общественный интересъ. Сколько нибудь полное и болѣе или менѣе всестороннее ея изображеніе потребовало бы, по крайней мѣрѣ, одного крупнаго тома. Не задаваясь поэтому цѣлью выполненія подобной задачи на протяженіи скромнаго журналь-

наго очерка, предѣлы котораго строго ограничены, мы рѣшаемся, однако, воспроизвести предъ нашими благосклонными читателями черты этого официальнаго міра республики Соединенныхъ Штатовъ наиболѣе существенныя, характерныя и достопримѣчательныя, такъ что они могутъ составить себѣ должное о немъ понятіе.

Хотя форма правленія въ государствѣ, распредѣленіе властей, компетенція отдѣльныхъ мѣстъ и лицъ республиканскаго правительства и т. д. опредѣляются федеральною конституціей и конституціями отдѣльныхъ штатовъ, а цѣли и задачи, къ которымъ должны стремиться отдѣльныя учрежденія, мѣста и лица въ предѣлахъ предоставленныхъ имъ властей и компетенцій, опредѣляются программами разныхъ политическихъ партій, существующихъ въ странѣ и стремящихся всѣми силами захватить бразды правленія въ свои руки, тѣмъ не менѣе, однако, мы надо всѣмъ этимъ здѣсь останавливаться не станемъ, ибо имѣемъ въ виду воспроизведеніе общественнаго и нравственнаго облика сановничества и чиновничества страны свободы не въ томъ видѣ, въ какомъ представляется оно на бумагѣ, а въ томъ, въ какомъ является оно въ дѣйствительности. Если, поэтому, намъ и придется по ходу изложенія нашего коснуться сихъ предметовъ, т. е. федеральной конституціи республики Соединенныхъ Штатовъ, конституцій отдѣльныхъ штатовъ и программъ отдѣльныхъ политическихъ партій, то лишь постольку, поскольку это представится совершенно необходимымъ для изображенія состава, характера и образа дѣйствій официальнаго міра этой республики, составляющаго прямую задачу настоящаго скромнаго очерка.

II.

Если немного найдется по лицу земли зданій дѣйствительно величественныхъ, производящихъ на зрителя неотразимое впечатлѣніе и вызывающихъ въ немъ извѣстный подъемъ духа, то вашингтонскій Капитолій, эта корона столицы Соединенныхъ Штатовъ и мѣсто засѣданій ихъ законодательныхъ палатъ, носящихъ общее наименованіе конгресса, относится несомнѣнно къ числу таковыхъ. Подобно тому, какъ Невскій проспектъ приводитъ къ зданію Адмиралтейства, такъ Пенсильванскій проспектъ (Pennsylvania avenue), шириной своей превосходящій нашъ Невскій, приводитъ къ Капитолію, съ той, однако, разницей, что въ то время, какъ предверіемъ нашего Адмиралтейства является изящный паркъ, къ Капитолію, расположенному на высококомъ холмѣ, ведетъ огромная и длинная каменная лѣстница, нѣсколько напоминающая роскошную мраморную лѣстницу нашего Эрмитажа. Одолѣвъ сію лѣстницу, вы всходите на обширную полукруглую площадь, сооруженную изъ каменныхъ глыбъ, съ которой открывается предъ вами восхити-

тельнѣйшій видъ на столицу республики. Двѣ сравнительно малыхъ каменныхъ лѣстницы снова ведутъ съ этой площади на огромную круглую каменную площадь, среди которой или, точнѣе говоря, на которой и расположена громада Капитолія. Его круглая вершина, во многомъ напоминающая верхушку нашего Исаакиевскаго собора, заканчивается и вѣнчается огромной бронзовой статуей свободы, высящейся на разстояніи 300 футовъ отъ уровня этой площади. Правое крыло этого во всѣхъ отношеніяхъ величественнаго зданія представляетъ собой сенатъ федеральной республики, а лѣвое—палату представителей (House of Representatives). Какъ само зданіе, такъ и всѣ его развѣтвленія и закоулки полны статуй, картинъ и барельефовъ, олицетворяющихъ и воскрешающихъ въ памяти потомковъ наивысшіе и наиважнѣйшіе моменты въ исторіи республики: ихъ лицезрѣющей, изъ какой бы страны онъ ни пришелъ, и къ какому бы народу онъ ни принадлежалъ, проникается невольнымъ уваженіемъ къ дѣламъ и подвигамъ создателей этого своеобразнаго государства и творцамъ этого своеобразнаго народа.

Еслибы, однако, кто либо это невольное благоговѣніе предъ величественными тѣнями славнаго прошлаго, незримо витающими среди залъ и палатъ вашингтонскаго Капитолія, перенесъ на нынѣшнихъ сенаторовъ и депутатовъ конгресса республики Соединенныхъ Штатовъ, то впалъ бы въ грубую и совершенно непростительную ошибку. Политическіе идеалисты послѣдней четверти прошлаго вѣка, создавшіе эту своеобразную республику, никогда и не помышляли даже, что будутъ представлять собой ихъ правнуки. А что же представляютъ они въ самомъ дѣлѣ? Всякому среднему читателю, сколько нибудь знакомому съ важнѣйшими политическими событіями нашихъ дней, извѣстно, что президентомъ республики Соединенныхъ Штатовъ является нынѣ гражданинъ штата Ohio по имени William Mc Kinley, и что избраніемъ своимъ въ президенты онъ всецѣло обязанъ сенатору вашингтонскаго конгресса, имя коего—Mark Hanna. Что же такое представляетъ изъ себя сей небезславный сенаторъ федеральнаго сената (имѣются еще и сенаты отдѣльныхъ штатовъ), создавшій нынѣшняго главу государства? Мы не ставимъ, конечно, въ вину сенатору Mark Hanna его поразительную внѣшность. Это—коренастая, приземистая, сорокапудовая туша, совершенно заплывшая жиромъ и давнымъ-давно уже утратившая образъ человѣческой. Но это—дѣло еще не столь большой руки. Какъ извѣстно, многіе великіе люди отличались совершенно непрезентабельной внѣшностью, и посему то обстоятельство, что сенаторъ Mark Hanna принадлежитъ къ тому типу безобразныхъ толстяковъ, которыхъ нашъ безсмертный юмористъ такъ мѣтко охарактеризовалъ эпитетомъ «свинья въ ермолкѣ», само по себѣ не мѣшало бы ему еще быть великимъ и уважаемымъ

сановникомъ республики Соединенныхъ Штатовъ. Водятся за тучнымъ сенаторомъ «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» иные грѣшки—гораздо поважнѣе. Издавна уже ходили упорные слухи, что попалъ онъ въ сенаторы путями нечистыми, каковы раздача мѣстъ и прямой подкупъ. Но такъ какъ этими же самыми путями пополняются обыкновенно, какъ 45 мѣстныхъ сенатовъ и палатъ представителей въ отдѣльныхъ штатахъ, такъ равно и федеральные сенатъ и палата представителей въ столицѣ республики, то всѣ обвиненія эти, отовсюду сыпавшіяся на увѣсистаго сановника «величайшей демократіи на земномъ шарѣ», нисколько не мѣшали ему толстѣть еще болѣе, набивать себѣ карманы до размѣровъ совершенно колоссальныхъ и засѣдать среди «отцовъ отечества». Однако хотя въ этой диковинной странѣ совершенно своеобразной свободы все можно, но только все-таки болѣе или менѣе осторожно. Эту-то именно мудрую осторожность тучный сановникъ величайшей изъ современныхъ республикъ какъ-то утратилъ. Минувшей весной срокъ сенаторскихъ его полномочій истекалъ, и въ штатѣ Ohio, давшемъ республикѣ, какъ сего достославнаго сенатора, такъ равно и нынѣшняго ея президента, назначены были новые сенаторскіе выборы. Mark Hanna, милліонеръ, глава и воротило промышленныхъ компаній и товариществъ самыхъ богатыхъ и наиболѣе разбойническихъ, создатель, тайный совѣтникъ и негласный руководитель президента, устремился въ выборный бой со всѣмъ свойственнымъ ему мужествомъ: всѣ выборныя пружины были пущены въ ходъ, вся огромная свора выборныхъ воротилъ, находящихся въ его распоряженіи, выпущена была на поле выборной борьбы. Самъ президентъ William Mc Kinley употреблялъ въ его пользу все то вліяніе и все то давленіе, какимъ онъ располагаетъ не только, какъ глава государства, но и какъ мѣстный политическій дѣятель даннаго штата. Выборная кампанія эта, отличавшаяся необычайной оживленностью и запальчивостью, закончилась для двухъ первостепенныхъ представителей «народа Соединенныхъ Штатовъ» (the people of the United States), каковыми являются въ настоящую минуту президентъ сей республики и его «тайный совѣтникъ», вполне удачно: г-нъ Mark Hanna была снова избранъ въ сенаторы федеральнаго сената значительнымъ большинствомъ голосовъ. Но не успѣли еще сообщенія о семъ вторичномъ его избраніи облетѣть всю территорію республики Соединенныхъ Штатовъ, какъ были уже сдѣланы заявленія о подкупѣ новоизбраннымъ нѣсколькихъ изъ состава законодательнаго собранія штата Ohio, его избравшаго. Назначенное тѣмъ же законодательнымъ собраніемъ слѣдствіе обнаружило несомнѣнность подкупа. Особый комитетъ, назначенный сенатомъ штата для разслѣдованія вышеозначенныхъ заявленій о подкупѣ отдѣльныхъ членовъ сего собранія (сенатъ и палата представителей), раздобылъ и систематизировалъ непреложныя до-

казательства тому, что во время выборов сенаторъ Mark Hanna, какъ чрезъ своихъ агентовъ, такъ даже и непосредственно далъ тому или иному изъ вышеозначенныхъ законодателей своего родного штата болѣе или менѣе солидную взятку. Обнаруживъ и установивъ такимъ образомъ то, что давнымъ давно уже было извѣстно въ предѣлахъ штата и даже далеко за его предѣлами, сенатскій комитетъ сдѣлалъ надлежащее о семъ представленіе сенату штата Ohio, его назначившему, а этотъ послѣдній, признавъ наличность подкупа и неправильность выборовъ, представилъ все производство федеральному сенату въ Вашингтонѣ, въ которомъ сей изблеченный выборный мздодаатель нынѣ, благодаря сему именно мздодалянню, «засѣдаетъ». Однако никакихъ положительно «дѣйствій» по сему предмету, т. е. по предмету взяточничества, подкупа избирателей и незаконности избранія, до сего времени ни мѣстнымъ сенатомъ штата Ohio, ни федеральнымъ сенатомъ республики не предпринято. Донельза тучный и увѣсистый Mark Hanna, представляющій и олицетворяющій собой одинъ изъ крупнѣйшихъ и толстѣйшихъ денежныхъ мѣшковъ страны свободы, по-прежнему, какъ ни въ чемъ не бывало, засѣдаетъ въ сенатѣ федеральной республики, руководитъ особой его секціей, пользующейся большимъ вліяніемъ, во всякое время является въ такъ называемый Бѣлый Домъ (резиденція президента) въ качествѣ вліятельнѣйшаго сановника, тайнаго совѣтника и негласнаго руководителя главы государства и т. д. Замѣчательно, что этотъ самый Mark Hanna лишь сравнительно совершенно недавно всплылъ на грязной поверхности взбаламученнаго моря политическихъ партій страны свободы. Назначеніе полковника Mc Kinley кандидатомъ такъ называемой республиканской партіи на постъ президента республики около двухъ лѣтъ тому назадъ, достигнутое цѣной огромныхъ денежныхъ затратъ, было его первымъ политическимъ предпріятіемъ, которое внезапно сразу подняло его изъ бездны ничтожества и неизвѣстности (тогда именно онъ былъ только что избранъ предсѣдателемъ національнаго исполнительнаго комитета сей партіи) на высоту фактическаго премьера нынѣшняго кабинета, негласнаго руководителя наивысшаго представителя исполнительной власти въ государствѣ, тайнаго и руководящаго совѣтника главы сего послѣдняго, кормчаго у кормила государственнаго правленія. И всѣмъ этимъ обязанъ онъ не чему иному, какъ тому лишь, что сумѣлъ стянуть съ американскихъ миллионеровъ и иныхъ крупныхъ капиталистовъ, не щадя и собственной своей туго набитой кошны, не менѣе 20 миллионѣвъ долларовъ, на которые сдѣланы были всѣ необходимыя приготовленія и куплены голоса, необходимыя для избранія въ президенты кандидата такъ называемой республиканской партіи. Вторымъ и пока послѣднимъ политическимъ предпріятіемъ сего тучнаго сановника «величайшей демократіи на

земномъ шарѣ» было его собственное вторичное избраніе въ сенаторы федеральнаго сената истекшей весной, которое небывалымъ золотымъ дождемъ пронеслось по штату и прогремѣло далеко за его предѣлами. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что такое избраніе его совершенно незаконно, что оно поэтому совершенно недѣйствительно, что всякій день его пребыванія и возсѣданія въ сенатѣ республики роняетъ это наивысшее государственное ея учрежденіе, а всякій офиціальный его приѣмъ президентомъ, который предоставляется ему, какъ сенатору, а не какъ частному лицу, роняетъ самого президента. Весьма вѣроятно также, что всякій иной политической дѣятель либо сановникъ республики либо одного изъ штатовъ, ее составляющихъ, разъ онъ былъ бы подобнымъ образомъ изобличенъ въ подкупѣ избирателей, сидѣлъ бы не въ сенатѣ, мѣстномъ или федеральномъ, а за рѣшеткой. Но Mark Hanna это—фактический премьеръ нынѣшняго министерства, это—фактический глава государства, это—колоссальный золотой мѣшокъ, своей непомерной тяжестью навалившійся на государственный механизмъ современной республики Соединенныхъ Штатовъ и его приостановившій въ его обычномъ движеніи. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ никогда не попадетъ за рѣшетку, и весьма вѣроятно, что онъ долго еще, если только не до самаго конца выборнаго срока, будетъ засѣдать въ федеральномъ сенатѣ. Путь, какимъ Mark Hanna попалъ въ этотъ федеральный сенатъ, отнюдь не новъ. Подобная продажа сенаторскихъ мѣстъ практикуется уже нѣсколько десятковъ лѣтъ и стала въ особенности процвѣтать послѣ известной междоусобной войны изъ-за освобожденія негровъ, т. е. съ 1865 года. Известенъ случай, что нѣкій субъектъ, отправившійся въ Вашингтонъ, дабы тамъ открыть питейное заведеніе (чистенькое, приличное питейное заведеніе, имя коему въ странѣ свободы—saloon), прогорѣвъ въ короткое время, вслѣдъ затѣмъ милостью вожака преобладающей политической партіи своего штата возведенъ былъ въ сенаторы Соединенныхъ Штатовъ и изъ-за прилавка столичнаго цѣловальника почти непосредственно завалился въ сенаторское кресло. Не такъ давно въ штатѣ Illinois сенаторское мѣсто въ федеральномъ сенатѣ было выиграно въ азартную карточную игру, именуемую poker.

Если подобнымъ образомъ пополняется сенатъ республики Соединенныхъ Штатовъ, члены котораго избираются обѣими законодательными палатами каждаго штата въ ихъ общихъ собраніяхъ, то чего же ожидать въ такомъ случаѣ отъ избранія въ палату представителей, члены которой избираются не законодателями отдѣльныхъ штатовъ, а непосредственнымъ народнымъ голосованіемъ? Американскіе выборы вообще представляютъ собой картину высокопоучительную, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и вполне омерзительную. Первичной избирательной единицей является опредѣленный адми-

нистративный районъ, именуемый ward, что означаетъ почти то же, что у насъ участокъ. Каждое лицо, претендующее быть наименованнымъ въ кандидаты известной партіи на известный постъ, начиная съ участкаго полицейскаго чиновника, соответствующаго нашему околоточному надзирателю и именуемаго констэблемъ (constable) и кончая членомъ федеральной палаты представителей (House of Representatives), должно прежде всего являться на участковые митинги соответственной партіи и снискать благоволеніе завсегдатаевъ главнаго питейнаго заведенія (saloon) въ предѣлахъ участка. Такъ какъ за симъ наименованіе въ кандидаты известной партіи на известный постъ зависитъ отъ полученія большинства голосовъ этой партіи въ предѣлахъ города, уѣзда или штата (смотря по должности), то претендентъ даже на самую скромную должность поставленъ въ необходимость прежде всего снискать благоволеніе завсегдатаевъ, по крайней мѣрѣ, одного главнаго салуна, т. е. питейнаго заведенія, въ предѣлахъ каждаго участка. По достиженіи кандидатуры начинаются для соискателя опредѣленной должности хлопоты и тревоженія самаго серьезнаго свойства. Онъ долженъ облетѣть заблаговременно городъ, уѣздъ (county) или штатъ (смотря по должности) и скупить себѣ возможно большее количество избирательныхъ голосовъ. Крупныя питейныя заведенія, наполненныя обыкновенно прохвостами и негодями всевозможныхъ сортовъ, съ утра до поздней ночи здѣсь засѣдающими, представляютъ въ странѣ свободы главную и первостепенную избирательную силу, и посему каждый кандидатъ долженъ прежде всего купить ихъ вліяніе. Для сего онъ долженъ являться въ салунъ (saloon) возможно почаще, поить его завсегдатаевъ возможно щедрѣе, оставить въ немъ за угостительныя напитки болѣе или менѣе кругленькую сумму и вполне расположить къ себѣ его цѣловальника (bartender). Не мѣшаетъ замѣтить здѣсь, что американскіе цѣловальники, въ особенности завѣдующіе крупными, первоградными питейними заведеніями, представляютъ собой одну изъ крупныхъ политическихъ силъ и имѣютъ на выборы всякаго рода большое вліяніе. Независимо отъ покупки голосовъ питеями всякаго сорта и снисканіемъ благоволенія цѣловальниковъ кандидаты на разныя выборныя должности покупаютъ себѣ избирательные голоса посредствомъ обязательствъ предоставить голосующему по своему избранію ту или иную должность или же посредствомъ прямого подкупа, т. е. врученія болѣе или менѣе значительной взятки. За всѣмъ этимъ количество голосовъ, предоставляемыхъ данному кандидату данной партіи на данную должность не въ силу прямого или косвеннаго подкупа, а единственно въ силу общественныхъ убѣжденій голосующаго и его представленій о нравственномъ уровнѣ сего кандидата, представляется вообще весьма незначительнымъ и нерѣдко сводится къ нулю. Въ дни выборовъ избирательныя урны окру-

жены обыкновенно несмѣтными полчищами проходимцевъ, мерзавцевъ и негодяевъ всѣхъ сортовъ, олицетворяющими собой политическое вліяніе питейныхъ заведеній. Порядочный человѣкъ не рѣшается обыкновенно затесаться въ этотъ грязный и буйный сбродъ, и таковой, послѣ цѣлаго ряда скандаловъ и дракъ, наполняетъ баллотировочные ящики кучей законныхъ и незаконныхъ голосованій. Такимъ образомъ невѣжественные, развращенные и уголовные общественные элементы рѣшаютъ судьбу выборовъ въ странѣ свободы. Отсюда уже можно заключить, каковы должны быть избранные подобными избирателями и въ частности члены палаты представителей въ столицѣ республики, по поводу которой мы и завели рѣчь о порядкѣ американскихъ выборовъ вообще.

Если такимъ образомъ сенаторы сената республики Соединенныхъ Штатовъ уже въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій попадаютъ въ это званіе почти исключительно путемъ раздачи должностей и прямого подкупа; если члены федеральной палаты представителей достигаютъ этого званія, помимо обязательствъ о предоставленіи должностей и подкупа болѣе или менѣе вліятельныхъ членовъ той или иной партіи, главнымъ образомъ благодаря чисто разбойническимъ подвигамъ пьяницъ, бродягъ, воровъ, мошенниковъ и грабителей разнаго рода, то отсюда явствуетъ, каковъ долженъ быть позднѣйшій личный составъ Конгресса Соединенныхъ Штатовъ, засѣдающаго въ величественныхъ и преисполненныхъ величавыхъ воспоминаній залахъ Капитолія, и каковъ долженъ быть общій характеръ его законодательной дѣятельности. Наилучшей тому иллюстраціей можетъ служить то обстоятельство, что существуетъ въ Вашингтонѣ особый классъ лицъ, именуемыхъ «коридорщиками» (lobbyists), специальной задачей которыхъ является оказывать вліяніе на ходъ текущаго законодательства. Желѣзнодорожныя общества, промышленныя компаніи, банкирскіе дома, товарищества на паяхъ всевозможныхъ родовъ, различныя организаціи, по мѣрѣ надобности содержатъ въ столицѣ республики на жаловань цѣлую свору своихъ агентовъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. На ихъ обязанности, за выполненіе которой получаютъ они довольно изрядное содержаніе, независимо отъ особаго единовременнаго вознагражденія въ случаѣ успѣха, лежитъ либо «провести» извѣстный законъ, для общества, компаніи или предпріятія выгодный и потому желательный, либо «провалить» извѣстный законъ, для общества, компаніи или предпріятія невыгодный и потому нежелательный. Агенты эти вѣчно наполняютъ собой широкіе, свѣтлые и комфортабельные коридоры (lobby) сената или палаты представителей, смотря по надобности, т. е. по тому, въ какомъ положеніи находится «проводимый» или «проваливаемый» ими законъ. По сему главному мѣсту постояннаго ихъ пребыванія они и получили наименованіе «коридорщиковъ» (lobbyists). Здѣсь слѣдятъ

они за проходящими сенаторами и представителями, ихъ разсматриваютъ и изслѣдуютъ, соображаютъ, съ какой стороны наилучше и наиболѣе цѣлесообразно къ тому или иному изъ нихъ подойти. Обыкновенно «коридорщики», въ особенности женщины, оказываются психологами самого тонкаго свойства: по походкѣ, манерѣ держаться, выраженію лица, глазамъ, даже манерѣ завязывать галстукъ или по перчаткамъ познаютъ они, въ чемъ именно заключается слабость того или иного изъ законодателей, и куда именно слѣдовательно должны быть направлены удары искушенія. Молодые законодатели страны свободы обыкновенно податливы на денежные мздодаянія, между тѣмъ какъ пожилые и въ особенности старички падки на красивыхъ женщинъ, а слѣдуетъ замѣтить, что всѣ вообще такъ называемыя коридорщицы конгресса подбираются изъ перворазрядныхъ красавицъ «величайшей демократіи на земномъ шарѣ». Въ то время какъ наиболѣе закоренѣлые мздоиматели и молодые да изъ раннихъ, попадающіе въ законодатели федеративной республики, обыкновенно отдаются «въ отдѣлку» опытнѣйшимъ и умнѣйшимъ изъ коридорщиковъ непрекраснаго пола, пожилые и престарѣлые сенаторы и представители, а равно и столпные чиновники всѣхъ ранговъ, являются обыкновенно объектами обрабатывающей промышленности для коридорщиковъ-женщинъ. Эти послѣднія пользуются вообще особыми удобствами и преимуществами. Имѣются на обѣихъ половинахъ Капитолія, т. е. какъ въ сенатѣ, такъ и въ палатѣ представителей, особыя дамскія пріемныя. Пріемная на лѣвой сторонѣ, т. е. въ палатѣ представителей, окрещена столичной прессой именемъ «котятника» (cattery). Обыкновенно пріемная эта полна представительницами прекраснаго пола: кое-какія изъ нихъ имѣютъ дѣйствительно кое-какія дѣла къ членамъ сей палаты представителей, но въ общемъ это — сборище коридорщицъ, разныхъ метрессъ и профессиональныхъ сводницъ. Со специфической развязностью влетаютъ онѣ въ сію пріемную и чрезъ подлежащаго палатскаго служителя посылаютъ свои карточки разнымъ депутатамъ. Отвѣтъ слѣдуетъ обыкновенно очень скоро либо въ видѣ записочки, либо въ видѣ появленія собственной особы получившаго посланную карточку. Въ семъ послѣднемъ случаѣ при благопріятныхъ обстоятельствахъ наступаетъ обыкновенно одно изъ тѣхъ очаровательныхъ tête-à-tête, которыя и послужили причиной наименованія дамской пріемной въ палатѣ представителей именемъ «котятника». Здѣсь разыгрывалась и разыгрывается, по крайней мѣрѣ, множество изъ тѣхъ любовныхъ исторій, которыя составляютъ специфическую особенность столицы Соединенныхъ Штатовъ. Что касается дамской пріемной въ сенатѣ, то сія дамская пріемная (ladies audience chamber) много отличается отъ таковой же въ палатѣ представителей. Она представляетъ собой нѣчто въ родѣ огромной угловой ложи бельэтажа, роскошно

отдѣланной, блестяще драпированной и снабженной цѣлымъ рядомъ укромныхъ и уютныхъ *vis-à-vis*, погруженныхъ въ таинственный и плѣнительный полусумракъ. Хотя приемная эта предназначена собственно для женъ сенаторовъ и сливокъ американской аристократіи, посѣщающей свою столицу, тѣмъ не менѣе, однако, она находится обыкновенно въ обладаніи виднѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ изъ коридорщицъ: отсюда, съ нѣскою заманчивой высоты онѣ импонируютъ своими прелестями почтеннымъ сенаторамъ федеративной республики и болѣе или менѣе энергически обстрѣливаютъ ихъ своими очаровательными глазками, въ особенности тѣхъ, которые преимущественно нужны имъ по части «проведенія» или «проваленія» подлежащаго законопроекта. Независимо отъ коридорщицъ, въ комнату эту по протекціи сенаторовъ попадаютъ весьма нерѣдко женщины несомнѣнно сомнительнаго сорта и ведутъ здѣсь съ «отцами отечества» продолжительныя «совѣщанія» совершенно уединительнаго и нѣсколько таинственнаго свойства. Ради сихъ именно «совѣщаній» иногда, по спеціальнымъ требованіямъ господъ сенаторовъ, количество лицъ, допускаемыхъ въ эту дамскую приемную, ограничивается до крайности, по крайней мѣрѣ, въ теченіе опредѣленнаго промежутка времени. Романическая лѣтопись этой дамской приемной, составляющая существенную и неотъемлемую разновидность исконныхъ традицій сената республики Соединенныхъ Штатовъ, весьма длинна и далеко превосходитъ собой таковую же лѣтопись дамской приемной или просто приемной въ палатѣ представителей. Главной тому причиной, насколько мы въ состояніи сіе уразумѣть, является то обстоятельство, что приемная палатская не представляется дамской въ столь строгомъ смыслѣ слова, какъ приемная сенатская, и что допущеніе въ эту послѣднюю обставлено значительно большими формальностями и гораздо болѣе ограничено. Тѣмъ не менѣе, однако, обѣ приемныхъ эти, являясь въ дѣйствительности мѣстами свиданій для романтическихъ сенаторовъ и представителей, содержимыми на счетъ государственнй, находятся фактически во владѣніи «коридорщицъ».

Само собою разумѣется, однако, что такими «совѣщаніями» дѣятельность этихъ послѣднихъ далеко не ограничивается. Онѣ стараются изловить нужныхъ имъ законодателей, гдѣ только возможно: въ театрахъ, музеяхъ, картинныхъ галлерейхъ, на приемахъ, балахъ, концертахъ, наконецъ парадахъ и гуляньяхъ. Наиболѣе выдающіяся изъ коридорщицъ занимаютъ роскошныя помѣщенія, въ которыхъ задаютъ пышныя балы и развеселыя пирушки тѣмъ же законодателямъ страны свободы. Такъ какъ при этомъ многіе изъ этихъ послѣднихъ, какъ мы упоминали уже выше, не особенно податливы на оболъщенія женской красоты или, по крайней мѣрѣ, признаютъ таковыя лишь нѣкимъ пріятнымъ дополненіемъ къ способамъ воздѣйствія, на нихъ болѣе осязательнымъ и полезнымъ,

т. е. денежнымъ приношеніямъ, то коридорщицы (равно какъ нерѣдко и коридорщики) употребляютъ обыкновенно слѣдующій приѣмъ. Будучи представлена законодателю, котораго вліяніе и голосъ требуется для проведенія извѣстнаго закона, она первоначально неоднократно съ нимъ встрѣчается въ домахъ и мѣстныхъ собраніяхъ общихъ знакомыхъ. Когда чрезъ нѣкоторое время установится между ними болѣе тѣсное знакомство, она какъ бы случайно заговариваетъ о законѣ или мѣропріятіи, въ которомъ она заинтересована, и спрашиваетъ законодателя о его мнѣніи насчетъ такового. Если этотъ послѣдній выскажется въ смыслѣ, для установленія извѣстнаго закона благопріятномъ, то вопрошающая лишь даритъ его очаровательными улыбками и иными болѣе или менѣе существенными знаками дружбы и расположенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы его мнѣніе какъ нибудь не измѣнилось. Если же сей самый законодатель выскажется въ смыслѣ, для даннаго закона неблагопріятномъ, и слѣдуетъ ожидать съ его стороны болѣе или менѣе серіознаго противодѣйствія такому, то наша коридорщица путемъ парадоксовъ, софистическихъ ухищреній и болѣе или менѣе тонкой лести систематически старается склонить его въ пользу неблагопріятнаго имъ закона, пока наконецъ болѣе или менѣе ловкимъ образомъ не предложитъ ему отъ 1.000 до 5.000 долларовъ за поддержку такового. По болѣе или менѣе тактичномъ принятіи такого предложенія, законодатель и шикарно разодѣтая коридорщица отправляются въ кабинетъ какого либо изъ извѣстныхъ отелей, гдѣ происходитъ картежная игра, и здѣсь садятся за партію покера (roker), одной изъ азартнѣйшихъ игръ на земномъ шарѣ. Хотя бы нашъ законодатель совершенно не имѣлъ понятія о сей игрѣ и даже не умѣлъ различать картъ, онъ все-таки выигрываетъ болѣе или менѣе крупную денежную сумму, несмотря на то, что коридорщица (или коридорщикъ) является обыкновенно опытнымъ и смѣтливымъ игрокомъ. Такимъ путемъ законодатели страны свободы устраиваютъ себѣ возможность въ случаѣ надобности принять присягу въ томъ, что никогда въ своей жизни не получали ни гроша отъ коридорщиковъ, не рискуя, по ихъ понятіямъ, учинить клятвопреступничество. Тѣхъ изъ законодателей страны свободы, преимущественно состоящихъ уже въ возрастѣ за 50 лѣтъ, которые болѣе падки на искушенія женской красоты, нежели на звонъ презрѣннаго металла, равно и тѣхъ, которые воспринимаютъ первья, какъ необходимое дополненіе къ послѣднему, вашингтонскія коридорщицы принимаютъ, помимо своихъ пышныхъ баловъ и развеселыхъ пирушекъ, въ тиши своихъ будуаровъ при спущенныхъ занавѣскахъ, въ восхитительныхъ декольтированныхъ négligé, въ атмосферѣ, насыщенной духами и туалетными водами. На разсвѣтѣ или раннимъ утромъ такой любострастный законодатель «величайшей демократіи на земномъ

шарѣ» въ одноконномъ экипажикѣ (cab) тащится по улицамъ столицы къ своему дому, оставивъ въ раздушенномъ будуарѣ обольстительницы, какъ свое растерзанное сердце, такъ и подпись свою на письменномъ заявленіи въ пользу опредѣленнаго закона (bill).

Такими путями проведено чрезъ вашингтонскій конгрессъ множество законовъ, которые представляются попросту ограбленіемъ такъ называемаго «народа Соединенныхъ Штатовъ» (the people of the United states), преимущественно весьма небрежно замаскированнымъ. Не беремъ исчислять здѣсь всѣхъ тѣхъ гигантскихъ грабежей и колоссальныхъ мошенничествъ, какіе такимъ образомъ утверждены и санкціонированы законодательными палатами, засѣдающими въ Капитолии, ибо это значило бы излагать исторію американскаго законодательства за послѣднее тридцатилѣтіе. Отчужденіе общественныхъ (по-нашему, казенныхъ) земель подъ постройку желѣзныхъ дорогъ и въ особенности знаменитой тихоокеанской дороги, перерѣзывающей весь американскій материкъ, учрежденіе разныхъ разбойническихъ системъ кредита и въ особенности знаменитаго *crédit mobilier*, вынужденнаго изъ кармана американской публики въ теченіе сравнительно короткаго времени 30.000.000 долларовъ; знаменитый законъ о пенсіонныхъ недоимкахъ (*aggrears of pensions law*), предоставляющій каждому положительно солдату и офицеру, служившему въ арміи во время междоусобной войны, получать пенсію подѣ предлогомъ подвиговъ, никогда не учиненныхъ, и ранъ, никогда не полученныхъ, обязанный своимъ существованіемъ исключительно стремленію одного изъ политикановъ штата Ohio въ 1881 году быть избраннымъ въ губернаторы и понынѣ понапрасну выудившій изъ казны федеративной республики уже около 300.000.000 долларовъ (независимо отъ пенсій, основательно получаемыхъ), всѣ эти и тому подобные законы, которыхъ приходится по нѣскольку на каждую законодательную сессію, достаточно характеризуютъ тотъ путь, по которому ведется законодательство «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» разными политиками, промышленниками-мздоядателями, законодателями-взяточниками и, выражаясь откровенно, проститутками, уже въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ. Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, что, кромѣ положительнаго посягательства на общественный карманъ, выражающагося въ прямомъ обираниі почтенныхъ гражданъ наибольшей изъ современныхъ республикъ, существуетъ еще посягательство отрицательное, выражающееся въ систематическомъ и злонамѣренномъ уклоненіи отъ уплаты государственныхъ налоговъ извѣстныхъ категорій. Въ этомъ отношеніи страна свободы представляется страной совершенно исключительной едва ли не на всемъ земномъ шарѣ. Всякому, кто хотя бы проѣздомъ побывалъ въ Новомъ Свѣтѣ, извѣстно, что въ самой оживленной части Нью-Йорка существуетъ великолѣпная бібліотека, именуемая

Асторовской (Astor Library), по имени ея основателя, одного изъ американскихъ милліонеровъ. Нынѣшній представитель этого дома Walliam Waldorf Astor проживаетъ въ Англии. Хотя онъ и владѣетъ великолѣпнымъ дворцомъ на берегахъ Темзы и, фигурируя въ рядахъ перворазрядной англійской аристократіи, ведетъ кое-какія предпріятія свои въ Лондонѣ, тѣмъ не менѣе, однако, львиная часть его милліоновъ заключается въ разныхъ предпріятіяхъ Нью-Йорка. Цѣлые кварталы жилыхъ домовъ, всевозможныхъ мануфактуръ, различныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіи, огромный перворазрядный отель—все это, находясь въ метрополіи Новаго Свѣта, представляется главною и преимущественною основой колоссальныхъ доходовъ, получаемыхъ William Waldorf Astor. Великобританскому правительству платитъ онъ, какъ налогъ со своего роскошнаго дворца, такъ равно и налогъ съ тѣхъ доходовъ, которые имъ получаются съ предпріятіи, имъ ведущихся въ Англии, между тѣмъ какъ за всѣ тѣ кварталы домовъ и предпріятіи, которые находятся въ Нью-Йоркѣ, и за всѣ тѣ милліонные доходы, какіе имъ съ таковыхъ получаются, правительству федеративной республики не платитъ онъ ни единого гроша. Причина подобной нелѣпости, еще болѣе колоссальной, нежели состояніи всѣхъ американскихъ милліонеровъ, вмѣстѣ взятыхъ, заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ идеалистическомъ (чтобы не сказать ребяческомъ) характерѣ американской федеративной конституціи, въ силу которой ни William Waldorf Astor, ни какой бы то ни было другой изъ сихъ милліонеровъ не можетъ быть привлеченъ къ платежу федеративныхъ налоговъ, а отдѣляется лишь сравнительно ничтожными налогами мѣстнаго характера. Выходитъ нѣчто въ родѣ того, какъ еслибы наши русскіе помѣщики, кромѣ дворянскихъ да земскихъ сборовъ, ничего болѣе платить не были обязаны, а наши купцы и промышленники никакихъ платежей, кромѣ городскихъ сборовъ, знать не хотѣли. Между тѣмъ, правительство федеративной республики Соединенныхъ Штатовъ содержитъ флотъ для того именно, чтобы непріятельскій флотъ не могъ бомбардировать домовъ г-на William Waldorf Astor, а равно и армію—для того главнѣйшимъ образомъ, чтобы безчинства бунтующей черни не могли разстроить его состояніи. Каждый законъ, который направленъ къ поднятію уровня благосостояніи «народа Соединенныхъ Штатовъ» (the people of the United States), служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ обогащенію сего милліонера, равно какъ и прочихъ милліонеровъ страны свободы, а всякое грузовое судно, появляющееся въ ньюіоркской гавани, увеличиваетъ вѣсъ золота въ ихъ карманахъ и желѣзныхъ кассахъ. Конечно, пресловутая конституція республики Соединенныхъ Штатовъ, созданная свыше столѣтія тому назадъ, тысячу разъ уже могла быть дополнена соответственными законами о федеративныхъ налогахъ, но въ томъ-то и дѣло, что какъ только вно-

сится въ вашингтонскій конгрессъ законопроектъ объ обложеніи этихъ колоссальныхъ капиталовъ, этихъ миллионныхъ доходовъ или наслѣдствъ, превышающихъ 10.000 долларовъ на одно лицо, американскіе миллионеры насылаютъ въ столицу республики цѣлую армію своихъ «агентовъ» (agents), пускаютъ въ ходъ организованные отряды «коридорщиковъ» (lobbyists) и наполняютъ величественное зданіе Капитолія и его окрестности отборнѣйшими проститутками. Послѣ разныхъ «совѣщаній», какъ въ приемныхъ коридорщицъ, такъ и въ ихъ будуарахъ, послѣ тайственныхъ «переговоровъ», какъ въ дамскихъ приемныхъ палаты депутатовъ и сената, такъ и въ кабинетахъ перворазрядныхъ ресторановъ, послѣ обильныхъ проигрышей въ рокег разными коридорщиками и коридорщицами вліятельнѣйшимъ изъ законодателей обѣихъ палатъ, внесенный законопроектъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго обсужденія, неизмѣнно и неизбѣжно проваливается. Такимъ образомъ въ этой крайне странной «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» поддерживается созданная, собственно говоря, еще пресловутую ея конституціей привилегія богачей и миллионеровъ, заключающаяся въ совершенномъ освобожденіи ихъ отъ платежа какихъ бы то ни было налоговъ съ несмѣтныхъ богатствъ, находящихся въ ихъ обладаніи, и съ миллионныхъ доходовъ, ими съ таковыхъ получаемыхъ. Капиталисты страны свободы, эта своеобразная аристократія, платящая десятки тысячъ за французскихъ мопсовъ, тратящая сотни тысячъ на свадьбы, балы, яхты и путешествія ради развлеченія, ищущая своимъ дочерямъ и сестрамъ мужей среди титулованныхъ, даже коронованныхъ особъ Старога Свѣта, тягающаяся съ европейскими королевами и императрицами количествомъ и цѣнностью брилльянтовъ своихъ перворазрядныхъ дамъ (leading ladies), эта самая аристократія систематически уклоняется отъ платежа федеральныхъ налоговъ или, правильнѣе говоря, какихъ бы то ни было налоговъ со своихъ капиталовъ и доходовъ. Въ случаѣ грозящей ей опасности обложенія подобнаго рода, она находитъ достаточныя средства, дабы содержать и ублажать цѣлую армію собственныхъ адвокатовъ (lawyers), литераторовъ, коридорщиковъ и продажныхъ законодателей, которая въ своей болѣе или менѣе горячей схваткѣ съ необходимымъ улучшеніемъ законовъ одерживаетъ всегда полную побѣду. Вотъ почему до сего времени не существуетъ въ странѣ свободы ни подоходнаго налога, ни налога съ наслѣдствъ, хотя бы въ томъ сравнительно скромномъ видѣ дополнительныхъ налоговъ, въ какомъ существуютъ налогъ съ наслѣдствъ и дополнительный процентный и раскладочный сборъ съ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій у насъ, въ Россіи. Едва лишь заходитъ рѣчь о введеніи подобныхъ федеративныхъ налоговъ, разныя промышленныя компаніи и отдѣльные миллионеры бѣшено вопіютъ: «конфискація!», «соціализм!».

«анархизмъ!»—и выдвигаютъ въ Вашингтонѣ свою непобѣдимую армію, въ которой пронырливое лицо американскаго адвоката (онъ же нерѣдко и коридорщикъ), то упитанная, то геморроидальная фізіономія федеральнаго сенатора или представителя, прощальническая рожа американскаго газетчика перемѣшиваются съ то пикантными, то безстыжными «мордочками» коридорщицъ и дамочекъ легкаго поведенія.

Таковъ общій характеръ и такова дѣятельность первостепенныхъ сановниковъ страны свободы, какими являются несомнѣнно ея федеральные законодатели, сенаторы и народные представители вашингтонскаго конгресса. Несмотря на то, что американцы съ наивнымъ апломбомъ именуютъ страну свою странюю свободы, эти первостепенные ея сановники, которымъ ввѣрена наивысшая и наиважнѣйшая государственная функція, являются лишь жалкими рабами и простыми пѣшками въ рукахъ рыцарей покупка и продажи, воротилъ денежнаго рынка, самодержцевъ биржеваго царства. Разныя алчныя промышленныя компаніи, захвативъ въ свой руки всю положительно торговлю необходимѣйшими предметами потребленія, каковы керосинъ, сахаръ, мука, кофе, даже молоко и т. д., а равно и всѣ пути сообщенія, обратили все это въ совершенную монополію и непрерывнымъ повышеніемъ цѣнъ на таковыя облагаютъ «народъ Соединенныхъ Штатовъ» непомерными и непосильными налогами, между тѣмъ какъ сіе республиканское государство не дерзаетъ и помыслить обложить эти самыя компаніи, пожинаящія миллионныя прибыли, какими бы то ни было налогами, ибо всѣ его попытки въ этомъ направленіи разбились о твердыню автократіи денежныхъ мѣшковъ, своей непомерной тяжестью надавившихъ на механизмъ государственный и его остановившихъ въ его обычномъ естественномъ движеніи. Между тѣмъ дѣятельность этихъ мошенниковъ рынка и разбойниковъ торговли сказывается не только въ предѣлахъ этой диковинной страны диковинной свободы. Какъ извѣстно, недавніе кровавые безпорядки въ Италіи обязаны своимъ происхожденіемъ страшному повышенію цѣнъ на пшеницу, искусственно созданному американскими спекулянтами и ихъ разбойническими организаціями и главнѣйшимъ образомъ извѣстной чикагской хлѣбной фирмой Joseph Leiter. Множество пролито типографскихъ чернилъ и произнесено громкихъ рѣчей о необходимости положить конецъ монопольнымъ торговопромышленнымъ компаніямъ (trusts); множество законопроектовъ о воспрещеніи учрежденія подобныхъ монопольныхъ предпріятій и пресѣченіи ихъ грабительской дѣятельности (anti-trust law) было внесимо, какъ въ мѣстныя законодательныя палаты отдѣльныхъ штатовъ, такъ и въ федеральный конгрессъ въ Вашингтонѣ; но всѣ эти попытки не приводятъ и не могутъ привести ни къ чему, ибо за рѣдчайшими исключеніями господа законодатели, т. е. народные

представители и сенаторы, какъ мѣстные, такъ и федеральныя, не въ состояніи противостоять концентрированному воздѣйствію многочисленныхъ агентовъ сихъ монопольныхъ компаній, коридорщиковъ и коридорщицъ или же, суммируя все это и приводя къ одному знаменателю, оболыщенію компанейской взятки. Да оно иначе и быть не можетъ. Если сенаторы Соединенныхъ Штатовъ попадаютъ въ это званіе, лишь благодаря низменнымъ интригамъ, темнымъ обѣщаніямъ, грязнымъ обязательствамъ и наконецъ прямому подкупу, а всѣ прочіе американскіе законодатели (представители федеральной палаты, сенаторы сенатовъ отдѣльныхъ штатовъ и представители палатъ сихъ послѣднихъ) почти безъ исключенія обязаны своимъ избраніемъ низменнымъ, развращеннымъ и уголовнымъ классамъ американскаго народа, то они естественно и неизбежно продаютъ свою совѣсть и свои голоса, если только первая у кого либо изъ нихъ имѣется, какъ для того, чтобы пополнить издержки и расходы по избранію, такъ и для того, чтобы получить какую либо прибыль со своего предпріятія, каковымъ представляется для американца какая бы то ни было дѣятельность, а въ томъ числѣ и дѣятельность законодателя. Назначеніе опредѣленнаго наказанія за искусственное путемъ стачки и обманныхъ манипуляцій непомерное повышеніе цѣнъ на первые предметы потребленія, какое существуетъ во многихъ европейскихъ законодательствахъ, а въ томъ числѣ и нашемъ русскомъ, представляется для американскаго народа и его законодателей чѣмъ-то недосягаемымъ и недостижимымъ, и по поводу вопіющихъ лейтеровскихъ спекуляцій на пшеницу, происходящихъ на нашихъ глазахъ, лишь наиболѣе смѣлые органы американской печати указываютъ на статьи французскаго Code pénal, карающія подобныя спекуляціи, во блаженномъ невѣдѣніи вовсе и не подозрѣвая, что подобныя же статьи давнымъ давно уже существуютъ во всѣхъ почти европейскихъ законодательствахъ. Американскія крупныя промышленныя товарищества, концентрирующія въ своихъ рукахъ желѣзнодорожныя сообщенія, пароходство и торговлю предметами первой необходимости, подходятъ наиблизе къ нашимъ сибирскимъ предпріятіямъ подобнаго же рода, въ свое время весьма прославившимся, но если бы американскіе денежныя тузы услышали когда либо, какъ ихъ сибирскіе собратья за свою «торговую» дѣятельность сего сорта были судимы и присуждаемы къ наказаніямъ, то они несомнѣнно страшно вознегодовали бы и наименовали бы русское правительство «нигилистическимъ», «соціалистическимъ» и «анархическимъ». Такимъ образомъ денежныя мѣшки страны свободы являются дѣйствительными ея законодателями уже въ теченіе трехъ, по крайней мѣрѣ, десятилѣтій, хотя ихъ вліяніе на ходъ законодательства республики и ранѣе сего всегда было громадно. Какой бы проектъ ни былъ предложенъ, какая бы мѣра ни была предположена, судьба

ихъ зависить исключительно отъ рѣшенія денежной автократіи или, точнѣе говоря, интересовъ этой послѣдней, предъ которыми интересы всего государства и цѣлаго народа или даже всего человечества не имѣютъ ровно никакого значенія. Около года уже, на примѣръ, находится на разсмотрѣніи вашингтонскаго конгресса законопроектъ о присоединеніи Гавайской республики къ республикѣ Соединенныхъ Штатовъ. Еще 16 іюня истекшаго (1897) года президентъ сей послѣдней отослалъ въ конгрессъ заключенный между двумя республиками трактатъ о присоединеніи первой къ послѣдней на предметъ ратификаціи, при чемъ въ особомъ своемъ президентскомъ посланіи, сопровождавшемъ означенный трактатъ, «рекомендовалъ» конгрессу учинить таковую. Между тѣмъ, несмотря на такую «рекомендацію», трактатъ сей, вполнѣ выгодный для обѣихъ республикъ и ихъ «народовъ», до сего времени еще не ратификованъ. Предоставляя республикѣ Соединенныхъ Штатовъ прочную точку опоры для ея торговли и коммерческаго флота на Тихомъ океанѣ, трактатъ этотъ не могъ бы быть, повидимому, игнорируемъ подобнымъ образомъ. Но дѣло въ томъ, что существуетъ въ странѣ свободы «Американская компанія сахара—рафинада», именуемая обыкновенно «Сахарнымъ кредитомъ» (Sugar Trust). Съ присоединеніемъ Гавайскихъ острововъ къ составу федеральной республики компанія эта лишается возможности регулировать сахарное производство, на нихъ процвѣтающее, какъ регулируетъ его нынѣ, а такъ какъ таковая пользуется громаднымъ и разностороннимъ вліяніемъ, какъ и многія другія монопольныя компаніи или «кредиты» (trust) страны свободы, то посему ратификація присоединительнаго трактата, усиленно «рекомендованная» президентомъ этой послѣдней ея конгрессу, врядъ ли вскорѣ будетъ достигнута. А вотъ, на примѣръ, много уже лѣтъ находится на разсмотрѣніи того же конгресса законопроектъ о прорытіи никарагуасскаго канала. Не подлежитъ сомнѣнію, что прорытіе этого канала было бы событіемъ такого же міроваго значенія, какъ и прорытіе канала паѣамскаго, еслибы только это послѣднее могло быть осуществлено. Являясь предпріятіемъ несомнѣнно осуществимымъ, никарагуасскій каналъ не только удвоилъ бы производительное значеніе коммерческаго флота республики Соединенныхъ Штатовъ, но и сверхъ сего развилъ бы торговлю западнаго побережья Южной Америки, Австраліи и Востока (въ особенности съ проведеніемъ сибирской желѣзной дороги) до колоссальныхъ размѣровъ. Но, скажемъ, перефразируя извѣстную французскую пословицу, ищите монопольную промышленную компанію, ищите все тотъ же какой нибудь trust! Но зачѣмъ искать особенно продолжительно: таковыми оказываются панамская желѣзная дорога или, выражаясь точнѣе, общество панамской желѣзной дороги (Panama Railroad Company) и общество тихоокеанскаго почтового пароходства (Pa-

cific Mail Steamship Company). Сооружение никарагуасского канала угрожает их пассажирской и почтовой монополии, а потому это предприятие мирового значения вряд ли когда либо осуществится. Къ сожалѣнію, мы не можемъ распространиться подолбе о законодателяхъ республики Соединенныхъ Штатовъ. Скажемъ лишь въ заключеніе, что статуя свободы совершенно не кстати красуется нынѣ на верхушкѣ вашингтонскаго капитолія. Представляя собой вопіющій анахронизмъ, она должна быть снята и замѣнена эмблемой совершенно иного сорта: огромный денежный мѣшокъ съ надписью подъ нимъ: «да будетъ воля твоя!».

II.

Отъ законодательныхъ сановниковъ страны свободы необходимо перейти къ сановникамъ исполнительнымъ, какими являются президентъ республики, его министры, директора разныхъ департаментовъ и начальники отдѣльныхъ центральныхъ учреждений. Сановники эти, представляя собой то, что въ республикѣ Соединенныхъ Штатовъ принято называть «администраціей» (administration), руководятъ цѣлой арміей чиновниковъ федеральнаго управленія, за немногими исключеніями пребывающихъ въ Вашингтонѣ. Для уразумѣнія состава и дѣятельности этой арміи необходимо имѣть въ виду, какъ складъ социальныхъ понятій англосаксовъ вообще, такъ и политическій укладъ этой федеративной республики. Крайній субъективизмъ и чудовищный эгоизмъ, несомнѣнно характеризующіе натуру англосакса, отразились и на складѣ его понятій—социальныхъ и политическихъ. О какихъ-то тамъ общечеловѣческихъ, общихъ или общественныхъ интересахъ, не имѣетъ онъ вообще ни малѣйшаго представленія, и всякое таковое совершенно не укладывается въ его тяжеловѣсномъ и грубопрактическомъ мозгу. Навысшіе интересы, какіе онъ только въ семь земномъ существованіи въ состояніи себѣ представить, суть интересы той политической партіи, къ которой онъ принадлежитъ, а эти послѣдніе являются для него лишь простой суммой интересовъ его личныхъ и его друзей и пріятелей. Всѣ существующія общественныя учрежденія и само государство представляются ему лишь простыми удобствами и подходящими условіями его личнаго существованія, подобно тому какъ просторное помѣщеніе и крѣпкіе запоры являются удобствами и соответственными условіями для его торговаго заведенія, фабрики или завода. Не представляя себѣ ничего выше интересовъ своей политической партіи и далѣе этихъ интересовъ, онъ готовъ служить таковымъ всѣми силами и средствами, не останавливаясь ни предъ какими путями и способами,

не смущаясь никакой неправдой и несправедливостью, не стѣсняясь даже тяжчайшими злодѣяніями, ибо все это продѣлываетъ онъ для самого себя, а до другихъ ему нѣтъ никакого дѣла. По тому самому онъ легко переходитъ въ составъ иной политической партіи, если признаетъ такой переходъ для себя выгоднымъ, а новыхъ друзей — пріятелей, входящихъ въ составъ этой партіи, болѣе для него подходящими. Всякія вообще «программы» (platforms) отдѣльныхъ политическихъ партій, существующихъ въ странѣ свободы, являются лишь простымъ прикрытіемъ личныхъ и классовыхъ интересовъ, лишь простой канвой, на которой совершенно животный эгоизмъ и вполне примитивная алчность расшиваютъ свои то безобразные, то презабавные узоры. Этимъ объясняется, какъ разбойническій характеръ американскихъ выборовъ, такъ и составъ и образъ дѣйствій американской администраціи, то есть органовъ управления въ широкомъ смыслѣ этого слова. Въ то время какъ законодатели и судьи страны свободы всѣхъ ранговъ и компетенцій попадаютъ въ эти званія путемъ избранія, значительнѣйшая часть американской администраціи пополняется путемъ назначенія. Все федеральное управление и многіе отдѣлы управленія мѣстнаго (штата, графства и города) воспринимаютъ своихъ одухотворителей и вершителей отъ властныхъ рукъ, ихъ назначающихъ и опредѣляющихъ къ должностямъ, а такъ какъ сами сіи властныя руки, непосредственно или посредствомъ ихъ посвящающія въ должности и служебныя званія, обязаны своимъ происхожденіемъ и существованіемъ побѣдѣ извѣстной партіи въ хаотической разбойнической свалкѣ, именуемой выборами, то этимъ опредѣляется, какъ положеніе, такъ и характеръ дѣятельности чиновъ американской администраціи, какъ федеральной, такъ и мѣстной. Съ захватомъ кормила правленія иной политической партіей, всѣ сановники и чиновники управленія, опредѣляемые къ должностямъ путемъ назначенія, безъ всякихъ церемоній прогоняются и замѣняются адептами политической партіи, побѣдившей на выборахъ, которые, равно какъ и ихъ изгоняемые предшественники, работали и распинались на выборахъ именно изъ-за обязательствъ партійныхъ кандидатовъ предоставить имъ то или иное болѣе или менѣе тепленькое мѣстечко. Надобности службы, пользы государственная или общественная, наконецъ личныя заслуги и отличія не имѣютъ ровно никакого значенія и не могутъ спасти должностное лицо, опредѣляемое къ должности по назначенію, отъ немедленнаго съ перемѣной политической партіи у кормила правленія изгнанія изъ службы. Такимъ образомъ служеніе въ американской администраціи, какъ мѣстной, такъ и центральной, т. е. федеральной, и въ особенности въ этой послѣдней, ибо въ ней всѣ должности пополняются по назначенію, представляется неизбѣжно кратковременнымъ и необезпеченнымъ, карьерой сомнительнаго и

авантюристскаго свойства. Въ силу этого сановникъ или чиновникъ американскаго управленія, пока онъ въ должности,— а это блаженное времечко такъ коротко,— старается урвать, гдѣ только возможно, ограбить, какъ только возможно, а тамъ послѣ него — хоть трава не расти! Въ этомъ отношеніи чины управленія, въ особенности федеральныя, попадающіе въ должности исключительно по назначенію, еще менѣе разборчивы и осторожны, еще менѣе глядятъ впередъ, еще менѣе заботятся о послѣдствіяхъ своихъ поступковъ, нежели чины того же управленія, попадающіе въ должности по выборамъ (равно какъ законодатели и судьи, попадающіе въ сіи званія исключительно путемъ избранія), ибо эти послѣдніе думаютъ все-таки о будущихъ выборахъ и шансахъ попасть снова на ту или иную должность, которые тѣмъ болѣе уменьшаются, чѣмъ болѣе согражданъ ими обобрано и обижено, между тѣмъ какъ чины администраціи назначаемыя объ этихъ шансахъ вовсе не заботятся и знаютъ хорошо, что, что бы они ни надѣлали, путемъ услугъ на выборахъ они всегда могутъ получить снова такую же или даже лучшую должность. Этимъ и объясняется весьма многое въ общемъ характерѣ и образѣ дѣйствій американской администраціи, въ особенности центральной, пополняемой путемъ назначенія безъ всякихъ исключеній.

Главной американской администраціи является, конечно, президентъ республики. О нынѣшнемъ президентѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ мы по разнымъ соображеніямъ особенно распространяться не станемъ. Онъ является избранникомъ такъ называемой республиканской партіи и, ровно ничѣмъ не отличаясь, внесенъ на этотъ высокій постъ посредствомъ двадцати милліоновъ, собранныхъ и сконцентрированныхъ сенаторомъ Mark Hanna, типичнымъ представителемъ денежныхъ мѣшковъ «величайшей демократіи на земномъ шарѣ», о которомъ мы говорили уже выше. Здѣсь напомнимъ лишь нашимъ читателямъ, что сей достославный сенаторъ не только вторично избранъ въ сенаторы Соединенныхъ Штатовъ путемъ щедрыхъ денежныхъ мздодаваній, что продѣлываютъ также и иные федеральныя сенаторы, но и официально признанъ виновнымъ въ такомъ подкупѣ сенатомъ штата Ohio, то-есть верхней палатой того самаго законодательнаго собранія, которое его избрало. Это обстоятельство не мѣшаетъ, однако, тучному и увѣсистому сенатору засѣдать въ своемъ насиженномъ сенаторскомъ креслѣ и быть тайнымъ совѣтникомъ и негласнымъ руководителемъ президента Mc Kinley, изъ ничтожества и неизвѣстности имъ внесеннаго на наивысшій постъ въ государствѣ. Нечего и говорить о томъ, что нынѣшній президентъ съ совершеннымъ усердіемъ творитъ «волю пославшихъ его» и находится въ полнѣйшемъ послушаніи у коллекціи денежныхъ мѣшковъ, каковы Hanna, Havemeyer, Rockefeller, Morgan, Huntington и другіе. Если

въ этомъ отношеніи онъ лишь слѣпо слѣдуетъ по тому же пути, по какому шли всѣ почти его предшественники, и является такимъ образомъ лишь продолжателемъ традиціонной политики президентовъ республики, для которыхъ вообще извѣстная независимость, повидимому, невозможна, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ идетъ по этому пути гораздо дальше, нежели шелъ какой либо изъ этихъ предшественниковъ. Мало того, что онъ безпрекословно выполняетъ велѣнія клики разжирѣвшихъ купчиковъ, промышленниковъ, банкировъ, проходимцевъ и мошенниковъ разнаго рода, составляющихъ квинтъ-эссенцію «величайшей демократіи на земномъ шарѣ», даже нынѣшнія необычайныя обстоятельства, въ какихъ находится федеративная республика по случаю войны на Филиппинахъ, имъ эксплуатируются специально въ пользу выдвинувшей его такъ называемой республиканской партіи и имъ направляются исключительно къ выгодамъ этой партіи. Война имъ безъ особой надобности затягивается, дабы, во-первыхъ, могла послужить поддержкой этой партіи при предстоящихъ осеннихъ выборахъ въ конгрессъ; дабы, во-вторыхъ, потребовался болѣе или менѣе значительный заемъ, который несомнѣнно дастъ денежнымъ пиратамъ, его избравшимъ, крупные барыши, и дабы, въ-третьихъ, его партійные хищники какъ можно больше поживились на грандіозныхъ подрядахъ и поставкахъ. Для многихъ, которые прочтутъ эти послѣднія строки, заключающееся въ нихъ положительное утвержденіе покажется невѣроятнымъ, ибо они незнакомы съ той потрясающей степенью всеобщаго развращенія, интеллектуальнаго очерствѣнія и нравственнаго оупѣнія, на какой находится нынѣшній «народъ Соединенныхъ Штатовъ» (the people of the United States). Слѣдуетъ сверхъ сего имѣть въ виду, что партійный эгоизмъ и шкурнопартійный фанатизмъ въ томъ видѣ, въ какомъ таковыя выросли и утвердились на гнойной политической почвѣ «величайшей демократіи на земномъ шарѣ», весьма нерѣдко совершенно ослѣпляютъ разныхъ индивидуумовъ и доводятъ ихъ до положительнаго умопомраченія. Интересы кружка, класса и партіи всегда въ теченіе послѣдняго тридцатилѣтія преобладали надъ интересами общества, государства и цѣлаго народа и поглощали эти послѣдніе. Что же удивительнаго, что и нынѣ, во время войны, интересы сей послѣдней категоріи приносятся въ жертву интересамъ заправиль и одухотворителей партіи, нынѣ находящейся у кормила правленія? Обвиненіе подобнаго рода, то-есть обвиненіе въ стяжаніи на счетъ крови и жертвъ народныхъ, черезчуръ серьезно, чтобы мы могли произнести его зря, на вѣтеръ. Пусть сами факты, насколько они всплываютъ на поверхность общественной жизни и доходятъ до свѣдѣнія обыкновенныхъ смертныхъ, говорятъ за насъ. Прежде чѣмъ приступить къ ихъ изложенію, считаемъ нужнымъ оговориться, что всѣ тѣ злоупотребленія, о какихъ мы поставлены въ необходимость ска-

затъ въ ближайшихъ строкахъ, отнюдь не могутъ быть относимы къ отвѣтственности одного лишь президента, но всей центральной администраціи вообще.

Американскія желѣзнодорожныя компаниі были всегда, подобно французскимъ, первостепенными грабителями «народа Соединенныхъ Штатовъ». Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій тарифы на перевозку войскъ изъ внутреннихъ городовъ республики къ портамъ внезапно значительно повысились. Такъ, напримѣръ, однимъ изъ первыхъ морскихъ резервовъ, подлежащихъ высылкѣ на поле брани, былъ морской резервъ штата Michigan. Высшая администрація означеннаго штата условилась съ подлежащей желѣзной дорогою о перевозкѣ чиновъ сего резерва отъ города Detroit до города Norfolk по 7 долларовъ 29 центовъ (около 14 рублей) съ души, но отдѣлъ перевозки военного министерства въ Вашингтонѣ приостановилъ дѣйствіе сего условія, объявивъ, что имъ ранѣе заключено условіе о перевозкѣ того же морского резерва между тѣми же пунктами по 12 долларовъ 17 центовъ (около 25 рублей) съ души. Подобный конфликтъ между договорами мѣстной администраціи и центрального вѣдомства на ту же военную перевозку и въ особенности эта разница въ 5 долл. (10 р.) на душу настолько говорятъ сами за себя, что не требуется болѣе никакихъ поясненій. Затѣмъ вскорѣ по открытіи военныхъ дѣйствій предсѣдатель правленія общества пенсильванской желѣзной дороги, нѣкій Frank Thomson, назначенъ членомъ штаба генераль-квартирмейстера Ludington съ возведеніемъ его почему-то въ рангъ генерала, и ему предоставлена вся распорядительная власть по перевозкѣ войскъ изнутри страны къ портамъ. Такимъ образомъ сей Frank Thomson, совершенно неожиданно попавшій вдругъ въ генералы и ставшій такимъ образомъ видной фігурой въ военномъ вѣдомствѣ, съ которымъ онъ не имѣлъ до сего времени ровно никакихъ отношеній, является съ одной стороны правительственнымъ лицомъ, долженствующимъ производить расчеты по военнымъ перевозкамъ съ правленіемъ общества пенсильванской желѣзной дороги, а съ другой — предсѣдателемъ сего же правленія, долженствующимъ принимать такіе расчеты и получать платежи. Какъ бы ни былъ добродѣтеленъ сей достопочтенный предсѣдатель желѣзнодорожнаго правленія и вмѣстѣ съ тѣмъ импровизированный военный генераль, можно ли въ самомъ дѣлѣ отъ него требовать, чтобы его лѣвая рука не знала, что дѣлаетъ правая, и можно ли послѣ этого удивляться, что съ его назначеніемъ членомъ штаба генераль-квартирмейстера тарифы на военныя перевозки вдругъ значительно повысились? Не штабъ военного министерства федеративной республики распоряжается и руководитъ перевозкой войскъ ея на театръ военныхъ дѣйствій, а желѣзнодорожныя воротилы: они назначаютъ даже мѣста расположенія военныхъ лагерей близъ морскихъ береговъ,

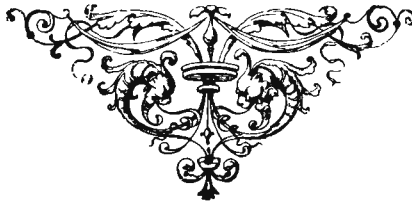
тщательно избѣгая такихъ пунктовъ, въ которыхъ могли бы съ ними конкурировать, какъ иныя желѣзнодорожныя линіи, не принадлежащія къ составу линій общества пенсильванской дороги, такъ и пароходныя компаніи. Если затѣмъ на содержаніе всей республиканской арміи на весь будущій годъ испрашивается кредитъ въ 2.700,000 долларовъ, а на одновременную ея перевозку 6.000.000 долларовъ, то простое сопоставленіе этихъ цифръ невольно бьетъ въ глаза и наводитъ на грустныя соображенія. Правленіе общества пенсильванской дороги, успѣвъ захватить въ свои руки перевозку войскъ, творитъ что только ему угодно. Успѣхъ республиканскаго оружія, честь страны и требованія челоувѣчности ему ни по чемъ, ибо оно поглощено одной лишь мыслью: выудить какъ можно больше изъ федеральнаго казначейства, а тамъ хотя трава не расти, и импровизированное военное генеральство его предсѣдателя пропади. Военные отряды, имъ перевозимые, пользуются положительно меньшими удобствами, нежели имъ же перевозимый скотъ, но генераль-квартирмейстеръ и военное министерство въ Вашингтонѣ безмолвствуютъ и бездѣйствуютъ по причинамъ, о которыхъ догадаться предоставляемъ самому читателю.

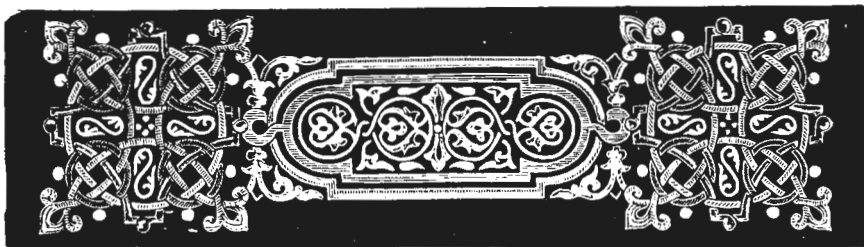
Но если расторопный Frank Thomson, предсѣдатель правленія общества пенсильванской желѣзной дороги, успѣвшій захватить въ свои руки перевозку войскъ, внезапно попалъ вдругъ въ армейскіе генералы, то подобное назначеніе отнюдь не представляется чѣмъ либо исключительнымъ или единичнымъ. Со времени провозглашенія войны, съ Испаніей множество сынковъ богачей, савонниковъ и чиновниковъ, еле подучившихся военнымъ экзерциціямъ и не имѣющихъ ни малѣйшаго понятія о военномъ дѣлѣ, назначены въ армію майорами, капитанами, подполковниками и даже полковниками, а одинъ изъ таковыхъ, кропатель невинныхъ повѣстухекъ для дѣвицъ и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянный корреспондентъ лондонской газеты Times, этого закоренѣлаго врага Соединенныхъ Штатовъ, опредѣленъ даже помощникомъ генеральнаго адъютанта (адъютантъ командующаго однимъ изъ отдѣловъ) съ чиномъ капитана. Сынъ и внукъ бывшаго президента Гранта, сынъ бывшаго президента Гаррисона, а равно сыновья бывшихъ или настоящихъ министровъ, сенаторовъ, народныхъ представителей и иныхъ крупныхъ чиновниковъ или богачей: Logan, Blaine, Alger, Gray, Foraker, Mc Millan, Murphy, Mitchell, Brice, Hull, Lee, Strong, Sewall, Astor, Allison и множество иныхъ—вотъ та фаланга молодыхъ людей, которые до сихъ поръ ничѣмъ не отличились, кромѣ подвиговъ на зеленомъ полѣ, въ билльярдныхъ, кофейняхъ, на паркетахъ, въ разныхъ клубахъ и т. п., а между тѣмъ зяняли въ арміи мѣста, которыя предоставляются обыкновен-

нымъ смертнымъ и должны предоставляться лишь послѣ многихъ лѣтъ дѣйствительной и нелегкой службы. Не подлежитъ сомнѣнію, что подобныя назначенія и возвышенія лицъ, совершенно некомпетентныхъ, на мѣста, къ которымъ они совершенно не подготовлены, потому единственно, что эти нѣкто представляются сынками кое-кого, не говоря уже о крайней ихъ несправедливости, не могутъ имѣть иныхъ послѣдствій, какъ лишь деморализацію арміи и подрывъ должной въ ней дисциплины. Нынѣ почти рѣшено, что полковникъ Edward Morgell, обыватель города Филадельфіи, будетъ назначенъ вторымъ товарищемъ военного министра. Постъ этотъ, въ особенности въ военное время, представляется весьма важнымъ и отвѣтственнымъ. Между тѣмъ единственными качествами, какими отличается полковникъ Morgell, являются нижеслѣдующія: во-первыхъ, вотчимъ его состоитъ юрисконсулътомъ извѣстнаго «Сахарнаго кредита», монополизовавшаго совершенно торговлю сахаромъ въ предѣлахъ Соединенныхъ Штатовъ и даже всей Сѣверной Америки; во-вторыхъ, жена его получила въ наслѣдство 5.000.000 долларовъ, и, въ-третьихъ, самъ онъ является выдающимся и вліятельнымъ членомъ разныхъ клубовъ. Этого ли недостаточно, чтобы быть вторымъ товарищемъ военного министра?

Е. Правдинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІА.

Н. П. Гиляровъ-Платоновъ. Сборникъ сочиненій. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. Тт. I и II. Москва. 1899—1900.

ВЪ ЭТИХЪ двухъ книгахъ 1.000 страницъ довольно плотной печати помѣщено все, что осталось отъ замѣчательнаго мыслителя, кромѣ его автобіографическихъ воспоминаній, вышедшихъ въ двухъ томахъ въ Москвѣ въ 1886—1887 гг. особымъ изданіемъ подъ заглавіемъ «Изъ пережитаго», и множества передовыхъ статей, писанныхъ имъ для его газеты «Современныя Извѣстія». Немного по объему, но какъ поразительно разнообразно, какъ вѣско и цѣнно, какъ тонко и умно, какъ глубокомысленно и проникновенно это литературное наслѣдіе! Философія, богословіе, изящная словесность, исторія, филологія, экономія, общественно-бытовые вопросы—вотъ кругъ, въ которомъ твердо, плавно и безшумно двигалась ученая мысль Гилярова-Платонова. Вездѣ въ этомъ кругу прекрасно освѣдомленный, осмотрительный и совѣтливый умъ, живущій, правда, не самостоятелною смѣною діалектическаго голода и насыщенія, но зато руководимый благородными внушеніями чистаго и горячаго сердца, Гиляровъ—Платоновъ имѣетъ все данныя, чтобы внушать къ себѣ и своимъ произведеніямъ не только интересъ, но и почитаніе, приверженность. Онъ внушаетъ къ себѣ именно любовь: его умъ только посредникъ, чтобы сердце автора могло говорить съ сердцемъ читателя. Эта особенность стоитъ въ тѣсной связи съ общимъ духомъ его произведеній. «Каждый личный разумъ», утверждалъ онъ, «знаетъ только то, что ему дано знать, и мыслить не по логическимъ основаніямъ, а

по сердечнымъ побужденіямъ и темнымъ предрасположеніямъ.— Не мудрость есть начало любви, а любовь начало мудрости; не разумъ есть законодатель сердца, а сердце даетъ разумъ (sic; даетъ законы разуму?) (II, 180).— Сektантъ воображаетъ, что онъ вступилъ въ другое общество потому, что увѣровалъ его символу, тогда какъ, наоборотъ, онъ принялъ символъ потому, что присоединился къ обществу, а присоединился вслѣдствіе причинъ, часто даже не сознанныхъ» (II, 159—160). Таково основное зерно всего міровоззрѣнія Гилярова-Платонова, зерно, содержащее въ себѣ всѣ развѣтвленія его мыслей, задатки всѣхъ его умозрительныхъ и всѣхъ практическихъ взглядовъ. И на самомъ дѣлѣ, не вѣря въ разумъ, онъ по необходимости долженъ былъ быть и былъ религіознымъ, вѣрующимъ человѣкомъ. «Слѣпой крокъ, я знаю только то, что мнѣ дали знать, умственно только воображая себя самостоятельно мыслящимъ, когда на дѣлѣ разсуждаютъ во мнѣ, пользуясь логическимъ приборомъ, темныя, незамѣтно для меня вкравшіяся, предположенія» (II, 179). Вотъ умозрительный источникъ религіи въ его чистѣйшемъ проявленіи. «Религію принимаемъ мы здѣсь», говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, «не съ ея положительной, предметной стороны, что отъ нея дано и признается потомъ, какъ отъ нея данное и достопріемлемое, но беремъ здѣсь то, что существуетъ въ самомъ человѣкѣ, какъ неотрываемое отъ него сознательное или безсознательное вѣрованіе, и притомъ въ обширнѣйшемъ смыслѣ. Въ каждомъ изъ насъ, какой бы степени развитія онъ ни былъ и какому бы времени, полу и возрасту ни принадлежалъ, всегда есть значительная доля правилъ, которыхъ преступить мы не смѣемъ, которыя признаемъ за святыя и непреложныя, или, и не признавая того, все-таки держимъ ихъ свято и непреложно» (I, 222). Смыслъ этого всего еще гораздо проще, нежели самое выраженіе: вѣрю, потому что вѣрю въ себѣ невыразимо чувствую, а не сознаю діалектически. Это положеніе уже цѣлая философія. А отъ нея даже не шагъ, а простой поворотъ къ христіанству, начинающему съ любви, «да единомысліемъ исповѣмы». Церковная сторона христіанства, свободное единство человѣчества въ любви, т.-е. во Христѣ, вполне подобна этому воззрѣнію въ области духовнаго общенія. Но тотъ же духъ проникаетъ и патріотизмъ, и націонализмъ, такъ какъ и то, и другое—лишь «дѣйства любви», лишь сознательное стремленіе къ полному единству не съ людьми или человѣчествомъ вообще, но съ данными, вотъ этими, съ дѣтства знакомыми людьми, насъ окружающими, намъ доподлинно близкими. Любопытно, что свой религіозный духъ, нарывающій надъ бездною темнаго, подсознательнаго влеченія, Гиляровъ-Платоновъ отражалъ и въ своихъ историко-національныхъ идеяхъ. «Душа секты», говоритъ онъ, «не всегда равняется ея самосознанію и большею частію не исчерпывается имъ.—Есть полковой «духъ», школьный, народный и проч., въ томъ числѣ и духъ секты. Онъ не есть ариѳметическій итогъ, мнѣній, или вѣрованій, сознательно принимаемыхъ особями, составляющими полкъ, школу, народъ, секту, а нѣчто независимое отъ нихъ, живущее стихійно, внѣ будничнаго сознанія особой, но оставляющее невольный слѣдъ въ жизни, въ мнѣніяхъ, поведеніи, даже до наружности (походкѣ, посадкѣ), въ торжественныя же моменты, именно—въ моменты испытаній, гдѣ само бытіе общества подвергается вопросу, поднимающемуся и заявляющему о

себѣ со всепоглощающимъ единодушiемъ» (II, 217—218). Этотъ же духъ узнавалъ онъ и въ вѣрѣ, въ ея догматахъ, въ томъ, что теперь порою называютъ «религиозными убѣжденiями». «Православный», говоритъ Гиляровъ-Платоновъ по поводу обличительныхъ споровъ съ раскольниками, «православный разбираетъ дѣйствительно; но что? Пункты вѣроученiя въ отдѣльности, и даже не сами въ себѣ, а въ томъ видѣ, какъ они поставлены противникомъ. Разбиваетъ ихъ внѣ связи, которою они держатся между собой, и еще далѣе отъ живой связи ихъ съ вѣрующею душою. Но не по тѣмъ основанiямъ приняла душа этотъ пунктъ и другiе, значащiеся въ символѣ, и приняла она вовсе не пункты, а вѣрованiе. И вѣрованiе ея вовсе не есть только мнѣнiе.—Съ единицами успѣхъ еще возможенъ, и притомъ — чѣмъ вѣрованiе моложе, чѣмъ менѣе за нимъ преданiй, — чѣмъ менѣе оно коллективно. Коллективное вѣрованiе есть уже стихiйная сила, которая не слушаетъ разсужденiй.—Плодъ миссионерства есть переворотъ духовной жизни, а не принятiе такихъ мнѣнiй и отказъ отъ другихъ» (II, 200, 201, 203).—Любопытно, что все это воззрѣнiе на духъ народовъ, вѣрованiй, наукъ, учреждений, выработалось у Гилярова-Платонова внѣ всякой зависимости отъ исторической школы правовѣдѣнiя, хотя на одной съ нею почвѣ,—на почвѣ гегелевской философи. Отсюда и извѣстная близость, почти тождество Гилярова съ Хомяковымъ, доходившiя до полного совпаденiя въ частностяхъ («Изъ пережитаго», I, 320): воззрѣнiя обоихъ развились на соприкосновенiи съ философiею Гегеля православной церковности.—Наконецъ, не могу не привести характернѣйшаго мѣста, проливающаго удивительный свѣтъ на экономическiя воззрѣнiя Гилярова-Платонова. Описывая въ своихъ воспоминанiяхъ, какъ былъ при смерти боленъ его вдовый отецъ, онъ передаетъ свой дѣтскiй ужасъ отъ нараставшаго страшнаго сознанiя: «Страхъ безпомощности, чувство безнадежности такъ глубоко проникли меня тогда, что не знаю, представляетъ ли кто живѣе меня подобное положенiе, когда разсказываютъ о другихъ. Вотъ что содѣйствовало, между прочимъ, укорененiю моихъ основныхъ социальныхъ воззрѣнiй. Изученiе историческое и философское только подкрѣпило выводъ, встававшiй въ видѣ призрака предо мной, еще шестилѣтнимъ ребенкомъ. Обеспеченiе быта единицъ должно быть положено въ основу общественнаго устройства при свободѣ и обязанности труда. Безпомощныхъ сиротъ не должно быть, ни въ видѣ малолѣтнихъ, ни въ видѣ взрослыхъ. Самый трудъ, т.-е. способность къ труду, можетъ и долженъ быть капитализованъ. Капиталь происхожденiемъ своимъ прежде всего обязанъ именно стремленiю чело-вѣчества застраховать себя отъ случайностей. Но къ страхованiю себя способенъ и трудъ. Капиталь въ своемъ понятiи не предполагаетъ непременно ограниченiя опредѣленнымъ видомъ, и въ этомъ смыслѣ попытка къ великому мiровому шагу совершается въ настоящее время Бисмаркомъ: попытка нерѣшительная, въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ жалкая, тѣмъ не менѣе великая» («Изъ пережитаго», I, 96). Здѣсь до очевидности ясно, какъ на почвѣ сердечныхъ впечатлѣнiй и движенiй зиждились всѣ научныя, умозрительныя построенiя замѣчательнаго мыслителя. Его экономiя была не политической, а христiанской экономiей, и это не въ видѣ фельетонной хлесткости иного современнаго шарлатана, спекулирующаго чужими идеями и вдохнове-

ніями, но какъ ясная концепція самобытнаго ума и основательной учености. Въ тѣсномъ родствѣ съ нею стоитъ и его взглядъ на исторію въ связи съ призваніемъ историка. Историкъ въ его глазахъ есть именно особь, живущая съ какимъ нибудь обществомъ въ духѣ неразрывнаго единства и раскрывающая изъ фактовъ и событій воплотившійся въ нихъ народный духъ. «Да, онъ долженъ прожить, художественно пережить каждую описываемую эпоху, т. е. углубиться въ нее до того, чтобы стать вполне на ея точку зрѣнія, вмѣстить въ себя, что ее одушевляло,—и тогда только, дѣйствительно, онъ можетъ понять и представить потомъ понятно для другихъ образъ народной жизни. И въ этомъ отношеніи большое преимущество на сторонѣ историка, когда онъ самъ стоитъ на той же почвѣ, на которой развивался разсматриваемый имъ народъ. То, чего другому можно достигнуть только при помощи безконечно дробныхъ изысканій, путемъ искусственнымъ, и то съ величайшимъ трудомъ,—основныя стихіи народной жизни,—въ немъ уже существуетъ естественно. Онъ ихъ носитъ самъ въ себѣ и художественнымъ тактомъ легче, нежели кто другой, можетъ прочувствовать ихъ въ цѣлости и потомъ въ художественномъ же образѣ вынести на свѣтъ въ общее сознание» (I, 225). Наконецъ, обратимся къ языку, къ филологіи, грамматикѣ и правописанію—и тутъ передъ нами та же духовность, то же чувство единства, тѣ же «духъ жизни», «жизнь духа», что и во всѣхъ другихъ областяхъ его мышленія. «Языкъ самъ въ себѣ, независимо отъ случайныхъ лицъ, говорящихъ и пишущихъ, помимо сознанія вообще, обнаруживаетъ совѣсть, то-есть сознаніе нравственное. Въ каждомъ языкѣ есть сознаніе или міросозерцаніе. Сознаніе принадлежит не современному народу, говорящему извѣстнымъ языкомъ, а самому языку; оно добыто совокупнымъ трудомъ поколѣній; мы, потомки, только продолжаемъ работу предшественниковъ, надѣваемъ готовую сѣтку, ими припасенную (языкъ—сѣтка, сквозь которую смотритъ душа человѣческая въ міръ), подбавляемъ клѣточекъ, иныя расширяемъ, фигуру иныхъ видоизмѣняемъ, и только. Но въ русскомъ языкѣ былъ и есть случай, что сознаніе, въ немъ лежащее, обращается, кромѣ того, на само себя, само себя сознаетъ, судитъ, осуждаетъ и стыдитъ. Это я и называю «совѣстью языка». Вдумывались ли вы когда нибудь въ глаголь лебезить? Лебезить—это есть *liebe Sie*, но употребляемое не въ смыслѣ любви истинной, а лукавой, лицемерной, льстивой. «Лебезить»—онъ увѣряетъ въ любви, но самъ подлець въ душѣ. Насмѣшка и презрѣніе относится не къ самому предмету, обозначаемому иностраннымъ словомъ, не къ любви, а къ иностранному наименованію, къ употребленію иностраннаго наименованія при наличности русскаго. Русскій языкъ не вѣритъ любви того, кто говоритъ, что онъ *liebe Sie*» (II, 256—259).

Вотъ бѣглый обзоръ, по преимуществу собственными словами Гилярова-Платонова, основныхъ идей, проникающихъ его произведенія. Не знаю, нужно ли что либо прибавлять? Глубокомысліе, своеобразность, увлекательность и сила этихъ воззрѣній говорятъ сами за себя. Гиляровъ-Платоновъ—первоклассный умъ, выдающійся писатель, котораго если сравнивать, то только и можно сравнивать съ Хомяковымъ, Кирѣевскимъ, Страховымъ. Это великій талантъ, еще не оцѣненный нашимъ обществомъ, для котораго все еще жемчужины рус-

ской мысли и русского слова—«такая вещь пустая». Скоро ли доростемъ мы до себя, до нашей совѣсти, воплощенной въ нашихъ непризнанныхъ дарованіяхъ? Не берусь отвѣтить. Но знаю, что всякій, желающій дорости до совѣсти русскаго духа, не минуетъ произведеній Гилярова и столько вынесетъ изъ ихъ изученія, сколько не дадутъ ему всѣ яства той жизни, въ которой затериваются такія жемчужины. Мы все еще, какъ дикари, впроголодь попираемъ ногами, какъ мертвую пустыню, землю золотой розсыпи. При столькихъ богатствахъ нашей словесности, мы все еще подбираемъ переводными погрешками западныхъ недоумковъ, отъ добра добра ищемъ. Скоро ли опомнимся мы отъ своего нищенства и сознаемъ свое богатство? И вотъ вамъ ближайшій кладъ,—кладъ всѣмъ открытый, каждому доступный,—четыре книги Гилярова-Платонова, сборникъ его сочиненій и «Изъ пережитаго». Тутъ не только богатство мысли, роскошь ума, цвѣтъ просвѣщенія: тутъ родной намъ духъ, тутъ рѣчь, идущая прямо къ сердцу русскаго человѣка. «Любовь», говоря о Гиляровѣ его словами о Хомяковѣ (II, 44—45), «любовь—это дѣйствительно первое и послѣднее слово, къ которому сводились всѣ его убѣжденія. Въ любви онъ признавалъ не только высшее начало дѣятельности въ практическомъ смыслѣ, но и высшее начало знанія, единственное твердое обезпеченіе истины. Къ любви онъ обращается за утѣшеніями, какъ и за укоризнами; въ любви же указываетъ цѣль подвигу, отвращая высокомерныя мысли и сокрушительныя замыслы. Выше любви онъ не находитъ призванія горячо любимой родинѣ. Словомъ, любовь есть высшій подвигъ, какъ и высшая радость, есть высшая сила, есть—все».

В. Никольскій.

Извѣстія Русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. Томъ IV. Выпускъ 2. Софія. 1899.

На страницахъ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ (февраль, стр. 798—800) было помѣщено сообщеніе о первомъ выпускѣ четвертаго тома «Извѣстій Русскаго археологическаго института въ Константинополѣ». Предъ нами теперь второй выпускъ того же тома этихъ «Извѣстій», заключающій въ себѣ четыре статьи историко-археологическаго содержанія.

На первомъ мѣстѣ здѣсь находится статья г. директора института, извѣстнаго нашего ученаго *Θ. И. Успенскаго*, подъ заглавіемъ «Охридская рукопись *Іоанна Куропалата Скилицы*» (стр. 1—8). Въ статьѣ рѣчь идетъ о греческой рукописи византійской хроники *Іоанна Скилицы*, находящейся въ библиотекѣ Охридской митрополіи; эта хроника пока извѣстна и доступна лишь въ латинскомъ переводѣ, греческій же ея оригиналъ не изданъ, такъ какъ историческій трудъ *Скилицы* почти цѣликомъ вошелъ въ хроникъ византійскаго писателя *Георгія Кедрина* и доселѣ замѣняется этою компиляціей. Но г. Успенскій, на основаніи изученія Охридской рукописи хроники *Скилицы*, пришелъ къ выводу, что оригинальный текстъ этого историческаго труда очень важенъ для исправленія текста хроники *Кедрина*; нѣкоторые результаты ученыхъ наблюденій *Θ. И. Успенскаго* въ отмѣченномъ направленіи и указываются въ разсматриваемой его статьѣ.

Вторая статья принадлежит католическому монаху Pargoire'y, написана на французскомъ языкѣ и представляетъ собою обширный историко-археологическій очеркъ о полуостровѣ Геріи (стр. 9—78), который расположенъ къ югу-востоку отъ Кади-Кей (древній Халкидонъ), на азиатскомъ берегу противъ Стамбула, и носитъ теперь названіе отъ находящагося здѣсь маяка Фанараки, или Фенерь-Бахче; здѣсь въ византійскую эпоху былъ построенъ императорскій дворець, куда нерѣдко наѣзжали императоры. Статья важна по новымъ даннымъ касательно топографіи Константинополя и его окрестностей.

Въ третьей статьѣ, принадлежащей Ѡ. П. Успенскому, рѣчь идетъ о «Константинопольскомъ эпархѣ» (стр. 79—104). Однимъ изъ наиболее важныхъ учрежденій, охранявшихъ общественный строй и порядокъ въ столицѣ Византійской имперіи, былъ, говоритъ г. Успенскій, приказъ эпарха города (ἑπαρχος τῆς πόλεως). Константинопольскій эпархъ есть прямой преемникъ и замѣститель римскаго praefectus urbi. Онъ былъ въ городѣ первою особою послѣ царя и избирался самимъ императоромъ изъ числа наиболее извѣстныхъ и вѣрныхъ лицъ. Его избраніе сопровождалось особою церемоніей, частью гражданскаго, частью церковнаго характера. Главныя обязанности константинопольскаго эпарха состояли въ охраненіи общественной безопасности и тишины въ столицѣ имперіи. Ему были предоставлены широкія полномочія: онъ имѣлъ право суда и ограниченія личной свободы гражданъ, могъ заключать въ темницу и высылать изъ города подозрительныхъ лицъ, онъ завѣдывалъ торговыми и промышленными заведеніями, ремесленными корпораціями и мѣстами общественныхъ собраній, имѣлъ въ своемъ распоряженіи городскую полицію и дѣлалъ черезъ нее распоряженія по благоустройству города, содержанію его въ чистотѣ и украшенію по случаю торжествъ и парадныхъ царскихъ выходовъ, имѣлъ въ своей зависимости городскую тюрьму или преторію, въ которой содержались государственные преступники и подозрительные для правительства люди. Для исполненія лежащихъ на немъ обязанностей эпархъ имѣлъ штатъ помощниковъ и полицейскихъ служителей, а также свою канцелярію или приказъ съ опредѣленнымъ штатомъ чиновниковъ.

Кромѣ того, константинопольскій эпархъ имѣлъ власть судебную. Его суду подлежали всѣ дѣла по преступленіямъ въ городѣ, онъ разслѣдовалъ все то, что случалось въ столицѣ, имѣлъ право лишать жительства въ столицѣ и ограничивать его извѣстнымъ мѣстомъ. Въ частности, судебной компетенціи эпарха подлежали слѣдующія дѣла: 1) преступленія политическаго характера: заговоры на жизнь государя, попытки произвести государственный переворотъ, бунты, политическіе доносы и т. п.; 2) дѣла по нарушенію общественнаго порядка въ столицѣ, выражавшіяся въ формѣ уличнаго бунта, столь обычнаго въ Константинополѣ, и вызывавшіяся различными причинами: вздорожаніемъ хлѣба, увеличеніемъ налоговъ и т. п.

Такимъ образомъ, эпарху принадлежала важная роль въ жизни Константинополя: онъ былъ главнымъ его администраторомъ, хозяиномъ и входилъ въ непосредственное и ежедневное соприкосновеніе со всѣмъ населеніемъ столицы. Ѡ. П. Успенскій очень обстоятельно и живо изобразилъ это въ своей любопытной

статьѣ, умѣло воспользовавшись для нея разбросаннымъ и малоислѣдованнымъ матеріаломъ въ различныхъ памятникахъ византійской литературы.

Наконецъ, въ четвертой статьѣ, написанной г. Беглери (стр. 105—108), разсматривается византійская надпись VII вѣка, представляющая собою межевой знакъ владѣній вѣкинхъ Дексикрата и Урвикія; надпись находится на мраморной плитѣ, найденной г. Беглери въ предмѣстьѣ Константинополя Кучукъ-кей, въ окрестностяхъ Эйюба. Σ.

А. Маленинъ. Марціалъ. Исслѣдованія въ области рукописнаго преданія поэта и его интерпретаціи. Спб. 1900.

Марціалу позчастливилось въ Россіи: вотъ уже третья монографія, посвященная великому поэту гнусныхъ нравовъ. Исслѣдованіе А. І. Маленина состоитъ изъ пяти отдѣльныхъ очерковъ, но съ точки зрѣнія внутренняго дѣленія распадается на двѣ части, какъ отмѣчено и въ подзаглавіи книги. Именно, первыя двѣ и послѣднія главы—«Дѣйствительно ли утрачена Грутерова рукопись Марціала», «Древнѣйшая Ватиканская рукопись Марціала» и «Римскія рукописи Марціала»—касаются рукописнаго преданія, главы же третья и четвертая—«Марціалъ о своихъ стихотвореніяхъ» и «Марціалъ и Лукиллій, поэтъ греческой антологіи»—занимаются толкованіемъ поэта. Но и помимо двойственности содержанія, книга не составляетъ единого цѣлаго. Единство ея состоитъ въ томъ, что она соединяетъ въ себѣ нѣсколько статей одного и того же ученаго объ одномъ и томъ же писателѣ. Разумѣется, въ этомъ нельзя видѣть ничего дурного, тѣмъ болѣе, что при помощи двухъ-трехъ лишнихъ страничекъ легко можно было бы придать книгѣ видъ внѣшне цѣльный: спрашивается, однако, кому и зачѣмъ это было бы нужно? Въ книгѣ А. І. Маленина есть другое, гораздо болѣе существенное, единство: это цѣнная, основательная, научная работа, благодаря которой наука обогащается нѣсколькими опредѣленными положеніями, точно изложенными и хорошо обоснованными. Спорить она не исключаетъ, но и тамъ, гдѣ даетъ пищу пререканіямъ, все же ставитъ ихъ на новую почву. Во всѣхъ отдѣлахъ это книга добросовѣстная, ученая, интересная и хорошо изложенная.

Въ области рукописнаго преданія А. І. Маленинъ производитъ рѣшительный переворотъ, обнаруживая неопровержимо, что современные рецензіи зиждутся на пескѣ. Порою просто глазамъ не вѣришь, читая безконечные списки неточныхъ, ошибочныхъ и искаженныхъ показаній о рукописяхъ, переполняющихъ руководящія изданія Шнейдевина и особенно Гильберта. Благодаря А. І. Маленину, не остается болѣе сомнѣнія, что подъ современный текстъ Марціала долженъ быть подведенъ новый критическій фундаментъ. Сильшу печатно высказать мое неоднократное устное пожеланіе, чтобы молодой ученый взялъ на себя завершеніе такъ успѣшно имъ начатаго труда и подарилъ русской наукѣ устойчивое критически изданіе Марціала. Въ частности приводимыя авторомъ данныя—которыхъ провѣрка, разумѣется, принадлежитъ только очевидцамъ палеографамъ—безусловно убѣждаютъ, что мною утраченная Грутерова рукопись благополучно уцѣлѣла и сохраняется въ Палатинской библиотекѣ подъ

№ 1696. Весьма полезна также считка Ватиканской рукописи № 3294, давая возможность составить устойчивое суждение объ этомъ спискѣ.

Менѣе рѣшающее научное значеніе—говоримъ это вовсе не въ порицаніе—должно быть признано за изслѣдованіями въ области толкованія. Эта область—царство гипотезъ, крылатыхъ догадокъ, смѣлыхъ сближеній, фантази, творчески возсозидающей храмы изъ обломковъ, поэмы изъ отрывковъ, дѣйствительность изъ поэмъ. Правда, авторъ и здѣсь придерживается преимущественно положительныхъ данныхъ, очень осторожно и скептически относясь къ смѣлымъ полетамъ чужой научной фантази; но въ концѣ концовъ и ему приходится высказываться въ ту или другую сторону по возбужденнымъ наукою вопросамъ,—а въ области филологии пороку надо больше фантази, чтобы не повѣрить чужимъ увлекательнымъ догадкамъ, чѣмъ чтобы имъ повѣрить. Оттого-то и трудно исчерпывать пререканія филологовъ: болѣе, чѣмъ гдѣ либо, тутъ *difficile est propria communia dicere*.

Въ частности сближеніе Марціала съ Лукилліемъ носитъ попреимуществу разрушительный характеръ. А. І. Малеинъ вполне убѣдительно отвергаетъ гипотезу Россебаха-Саколовскаго о томъ, что Лукиллій антологіи есть Люцилій, корреспондентъ Сенеки: я, по крайней мѣрѣ, не могу принять этого отождествленія. Нѣсколько болѣе сомнительно опредѣленіе времени жизни Лукиллія; но оно и дается лишь приблизительно. Наконецъ, по части заимствованій Марціала у Лукиллія, мнѣ кажется, что А. І. Малеинъ недостаточно скептически: онъ полагаетъ, что число заимствованій Марціала «должно быть значительно ограничено»; а я убѣжденъ, что оно равно нулю. Случайныя совпаденія бывають у всѣхъ поэтовъ. На нашей памяти былъ случай, что Тютчева выставляла подражателемъ Лермонтова, доказывая это стихотвореніями первого, напечатанными раньше появленія Лермонтова на литературномъ поприщѣ.

Обращаемся къ самой обширной и обстоятельной въ книгѣ статьѣ—«Марціалъ о своихъ стихотвореніяхъ». Она читается съ наибольшимъ интересомъ и удовольствіемъ, но зато и даетъ главную пищу возраженіямъ.—Первый отдѣлъ ея посвященъ лексической сторонѣ дѣла, то-есть разбору названій, которыя поэтъ даетъ своимъ произведеніямъ, какъ-то *pugae*, *inertiae*, *lusus*, *iocii*, *pequitiae*, *sales*, *epigrammata*, *libelli*, и наблюденію, что слово *versiculi* никогда имъ не примѣнялось къ собственнымъ произведеніямъ. Здѣсь А. І. Малеинъ дѣлаетъ многочисленныя сближенія съ другими поэтами, между прочимъ съ Катулломъ, особенно мнѣ интересныя, но и наиболѣе вызывающія несогласія; впрочемъ, эти несогласія не столько направлены противъ А. І. Малеина, сколько противъ установившихся мнѣній, которыя нашимъ авторомъ взяты готовыми въ наукѣ. Такъ, напримѣръ, я думаю, что *inertiae* у Катулла никогда не обозначаетъ его стихи, а всегда любовныя шалости, и отрывокъ *Si qui forte mecum inertiaeum lectores eritis* вовсе не доказываетъ противнаго. Прибавлю, что я считаю его началомъ стихотворенія *Paedicabo ego vos et ingrumabo*. Если даже допустить, что *inertiae* «чисто Катулловское слово» (оно у Катулла встрѣчается только 2 раза; «Катулловскимъ» вѣрнѣе назвать прилагательное *inertus*), то все же въ примѣненіи къ стихамъ Марціала употребилъ его не по примѣру «Веронскаго пѣвца». Далѣе, *ludere* въ смыслѣ сочинять стихи отнюдь не до-

казано у Катулла. Ссылаются на три мѣста—Cat. 50, 2; 50, 5 и 68, 17. Но въ первомъ изъ нихъ *ludere* только и можетъ значить «забавлялись», ибо иначе не имѣло бы смысла поясненіе *Scribens versiculos uterque postquam*; а «забавляться» на табличкахъ можно различно: рисовать каррикатуры, писать загадки, прозаическія шутки или пародіи,—мало ли что наконецъ. Во второмъ *ludere* можетъ значить только «играть»: *ludere numero* — играть размѣромъ. Наконецъ въ третьемъ случаѣ *ludere* никоимъ образомъ не можетъ значить «сочинять стихи»: напротивъ, именно по примѣру Марціала съ его словоупотребленіемъ ученые толкуютъ данное мѣсто въ этомъ смыслѣ вопреки всякой очевидности и связи мыслей. *Multa satis lusi* должно здѣсь быть переведено «много я забавлялся», или, по примѣру Фета съ его «Много я пѣсенъ пропѣлъ»:

Много я радостей зналъ и богинѣ той не былъ невѣдомъ,
Горечью сладкою чьей жизни тревоги хмельны.

Въ современномъ разговорномъ языкѣ этому *ludere* соотвѣтствуетъ «веселиться»: мы много веселились въ этомъ году—*multum lusimus hoc anno*. Здѣсь Катуллъ говоритъ о дарахъ Венеры, а не о дарахъ Музъ. Такимъ образомъ, я полагаю, что *ludere* въ смыслѣ «сочинять стихи» не древнѣе вѣка Августа. Отмѣчу, затѣмъ, интересныя страницы, посвященныя слову *libellus*.—Второй отдѣлъ разбираемой статьи касается размѣровъ Марціала и главнымъ образомъ объема его эпиграммъ, съ обширнымъ отступленіемъ по вопросу о хронологіи отдѣльныхъ эпиграммъ, входящихъ въ одну и ту же книгу, гдѣ авторъ примыкаетъ къ гипотезѣ Дау противъ Фридендера. И тутъ, повидимому, слѣдуетъ къ нему присоединиться.—Третій раздѣлъ касается острооты, ѣдкости и непристойности, безнравственности, какъ необходимыхъ элементовъ эпиграммы, затѣмъ ономастики Марціала и въ заключеніе вопроса о томъ, какъ относился Марціалъ къ своей славѣ. Здѣсь авторъ нѣсколько расходится съ графомъ Олсуфьевымъ, полагающимъ, что посмертная слава мало интересовала Марціала. Однако изложеніе не обосновываетъ такого разногласія. Мнѣ кажется, что маститый московскій изслѣдователь ближе къ истинѣ, чѣмъ его молодой противникъ, но что засимъ правы оба. Безспорно, Марціалъ былъ равнодушенъ къ посмертной славѣ, пока былъ неизвѣстенъ; когда же слава зашумѣла о немъ даже громче, чѣмъ онъ надѣялся и ждалъ, этотъ шумъ оказался такъ пріятенъ, что явилась потребность въ его долговѣчности, явилось сознание нематеріальныхъ отрадь извѣстности. Но говорить, чтобы поэтъ заботился о посмертной славѣ, значитъ говорить, что онъ искалъ доброй славы: мыслимо ли это относительно Марціала? Не всякому была бы лестной его слава. Другіе поэты при такой извѣстности съ болью, съ горечью восклицаютъ:

О, еслибъ Лета поглотила
Мои летучія мечты!

А Марціалу было дорого и такое безсмертіе. Можно ли, стало быть, сказать, что, заботясь о немъ, онъ не былъ равнодушенъ къ посмертной славѣ? Я думаю, что нельзя.—Краткій четвертый отдѣлъ отмѣчаетъ тѣсную связь произведеній Марціала съ римскою жизнью. Замѣчу, впрочемъ, что въ своей книгѣ авторъ эту жизнь занимается лишь случайно и мимоходомъ: все его вниманіе направлено на формальное изученіе произведеній Марціала, главнымъ обра-

зомъ съ точки зрѣнія исторіи языка и литературы или же грамматики (въ широкомъ античномъ смыслѣ). Выражаясь словами самого автора, онъ изучаетъ Марціала гораздо больше ради заключающагося въ немъ грамматическаго и историко-литературнаго матеріала, чѣмъ «вслѣдствіе тѣхъ важныхъ данныхъ, которыя онъ сообщаетъ для топографіи вѣчнаго города и общественной и частной жизни своихъ современниковъ». Впрочемъ, говорю это не въ упрекъ или осужденіе, а лишь для болѣе точной характеристики книги, о которой могу въ цѣломъ отозваться не иначе, какъ съ искреннимъ одобреніемъ и горячею похвалою.

В. Никольскій.

**Н. В. Муравьевъ. Изъ прошлой дѣятельности. Два тома.
Спб. 1900.**

Въ первомъ томѣ собрана большая часть журнальныхъ статей автора по различнымъ судебнымъ вопросамъ, за довольно значительный промежутокъ времени (1874—1892 гг.). Нельзя, конечно, требовать крупныхъ научныхъ достоинствъ отъ трудовъ, которымъ, какъ говоритъ самъ авторъ, онъ могъ посвящать «только немногіе и случайные свои досуги». Но авторъ и не претендуетъ на это; содержаніе этихъ очерковъ, говоритъ онъ, «тѣсно связано съ практическою дѣятельностью; она такъ или иначе наталкивала на темы, накопляла наблюденія и выводы, порою даже прямо побуждала подѣлаться ими съ интересующимися, въ болѣе широкой и свободной области печатнаго слова». Эта практическая точка зрѣнія автора, строгое слѣдованіе факту, его консерватизмъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, отразились, какъ извѣстно, и на всей его судебной дѣятельности. Вотъ, какъ, напримѣръ, отзывается авторъ еще въ 1880 году о судѣ присяжныхъ, столь многимъ одолженномъ ему при пересмотрѣ судебныхъ уставовъ, въ статьѣ: «Оправдательныя рѣшенія присяжныхъ засѣдателей при сознаніи подсудимыхъ»: «Въ наше время шатанія принциповъ, мнѣній и людей особенно много говорятъ и заботятся о такъ называемомъ охранительномъ направленіи. Пусть же оно будетъ охранительнымъ вполнѣ и по отношенію къ тѣмъ великимъ существующимъ учрежденіямъ, которыя, подобно суду присяжныхъ, вошли въ плоть и кровь русскаго народа и составляютъ его драгоцѣнное и славное приобрѣтеніе. Въ неприкосновенной цѣлости и правильномъ развитіи присяжнаго судопроизводства—будущность и надежда русскаго уголовного правосудія». Въ той же статьѣ авторъ, останавливаясь на причинахъ оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ при сознаніи подсудимаго, видитъ ихъ, помимо недостатковъ самого законодательства и нашей карательной системы (...«тюрьмы, ставшія, по официальному о нихъ отзыву, «школами порока и преступленій», предварительное заключеніе въ острогахъ, которое характеризуется народнымъ прозвищемъ прежняго московскаго тюремнаго замка «бѣтырская академія» и т. д.)—главнымъ образомъ, въ разладѣ между жизнью и закономъ: «присяжные понимаютъ;—говоритъ онъ,—и признаютъ предъявленный имъ арифметическій счетъ признаковъ преступленія, но они находятъ подсудимаго не отвѣтственнымъ по этому счету, у нихъ нѣ поднимается рука на подсудимаго, потому что въ душѣ они извиняютъ его. Они

становятся на ту единственную точку зрѣнія, которую имъ указываетъ неза-черствѣлое сердце, несвязанный рутинною разсудокъ»... Въ статьѣ «Бродяги и бродяжество», написанной еще въ 1878 г., авторъ рѣзко ставитъ вопросъ о ссылкѣ въ Сибирь, разрѣшаемый теперь въ законодательномъ порядкѣ: «по безчисленнымъ и разнообразнымъ причинамъ... исторія сибирской ссылки вплоть до нашихъ дней была исторіею сплошнаго ряда неустройствъ и безпорядковъ, огромныхъ непроизводительныхъ затратъ и разочарованій, злоупотребленій и безсилія власти, ненужной жестокости и вопіющей слабости наказаній... настоящей каторги въ дѣйствительности въ Сибири почти нѣтъ, ссылка на поселеніе всѣхъ родовъ слилась въ одно ненормальное и безвыходное положеніе поселенца. Огромный классъ преступниковъ, числомъ до 200 тысячъ человекъ, ничѣмъ съ Сибирью не связанный, заключенъ въ предѣлы ея и остается, какъ для нея, такъ и для метрополии вѣчнымъ и могучимъ источникомъ самыхъ растлѣвающихъ элементовъ и неистощимымъ разсадникомъ всякаго зла». Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что главнымъ образомъ экономическое развитіе Россіи, а въ частности Сибири, въ связи съ проведеніемъ въ нее желѣзной дороги, повлияло на разрѣшеніе этого наболѣвшаго вопроса въ окончательномъ смыслѣ. Но вообще и многія другія, бесспорно справедливыя мысли автора остаются пока въ области благихъ пожеланій; такъ, на примѣръ, говоря о подготавливаемой въ концѣ 1880 годовъ тюремной реформѣ, авторъ справедливо замѣчаетъ, что «для полнаго и успѣшнаго ея осуществленія и для будущаго правильнаго хода ея недостаточно еще, намъ думается, однихъ законодательныхъ нововведеній и благородныхъ, неумолимыхъ усилій правительства. Она нуждается еще въ одномъ могучемъ и незамѣнимомъ факторѣ—въ общественномъ сочувствіи и содѣйствіи». Ни для кого, однако, не тайна, что за послѣднее время переходъ отъ сочувствія къ содѣйствію затрудняется все болѣе и болѣе.

Иной характеръ носить второй томъ, содержаніемъ котораго является преимущественно «устная публичная дѣятельность автора», въ которой онъ уже въ силу своего официальнаго положенія долженъ былъ касаться многихъ важныхъ общественныхъ вопросовъ.

Помимо нѣкоторыхъ рѣчей по судебнымъ дѣламъ, таковы, на примѣръ, почти весь второй отдѣлъ тома, въ которомъ обсуждаются вопросы судебного преобразованія въ Сибири, въ Туркестанскихъ и Стенныхъ областяхъ, находятя сообщенія по поводу пересмотра законоположеній по судебной части, высказываются взгляды на инородческій вопросъ (рѣчи въ Ревелѣ и Вильнѣ) и пр. Соображенія свои самъ авторъ считаетъ, однако, «вовсе не непогрѣшными; вся цѣнность ихъ сводится лишь къ тому, что они внушены долгимъ опытомъ и глубокимъ убѣжденіемъ».

А. Н.—ій.

И. И. Пантюховъ. Расы Кавказа. Тифлисъ. 1900.

Авторъ брошюры извѣстенъ своими антропологическими работами ¹⁾, посвященными главнымъ образомъ различнымъ народностямъ Кавказа. Его «Расы Кавказа» представляетъ рефератъ, читанный имъ на VI съѣздѣ естествоиспытателей въ Кіевѣ 1898 г. Онъ напечатанъ въ «Кавказскомъ календарѣ» за 1900 г. и выпущенъ отдѣльнымъ оттискомъ. Въ своей работѣ авторъ разсматриваетъ расы Кавказа аборигенныя или чуждыя, но существовавшія до движенія русской расы на югъ (съ XI—XII в.) въ мѣстности сѣвернаго Кавказа. За основаніе классификаціи народовъ Кавказа г. Пантюховъ принимаетъ три признака по Deniker'у—черенной показатель, ростъ и пигментацію, замѣнивъ послѣднюю цвѣтомъ радужной оболочки глазъ. По величинѣ черенного показателя нынѣ живущія на Кавказѣ племена распредѣляются слѣдующимъ образомъ: долихоцефалы занимаютъ юго-восточную часть Закавказья (персы, курды, таты) и западную часть Кавказскаго хребта (шапсуги, бжедухи), а брахицефалы—средину Закавказья (грузины, армяне, евреи) и восточную часть Кавказскаго хребта (дидойцы, кюринцы и другіе лезгинны). Что же касается до распредѣленія ихъ по росту, то оказывается: самыя высокорослыя—долихоцефалы: персы, азербейджанцы и западные горцы, а также занимающіе среднія части Кавказскаго хребта; мезоцефалы: осетины, кабардинцы, чеченцы, и крайніе брахицефалы: восточные горцы, лезгинны.

Самыя низкорослыя—грузину, армяне, евреи—живутъ въ долинахъ и нагорьяхъ Закавказья и принадлежатъ къ брахицефаламъ и ультра-брахицефаламъ. По цвѣту радужной оболочки распредѣляются такъ: брюнеты и гипер-брюнеты съ интенсивною карею радужною оболочкою болѣе чѣмъ у 71% живутъ только въ Закавказьи (персы, татары, армяне, айсоры); обитатели же Кавказскаго хребта съ сѣверными и западными склонами, за исключеніемъ аварцевъ, кумыковъ, ногайцевъ и кабардинцевъ, имѣютъ радужную оболочку на третью на половину среднюю и безпигментную. По сопоставленіи всѣхъ вышеназванныхъ данныхъ автора выясняются на Кавказѣ четыре главныя расы—двѣ европейскаго и двѣ азіатскаго происхожденія. Первая—кавказская, европейскаго происхожденія, раса занимаетъ всю среднюю и западную части Кавказскаго хребта и его западные склоны къ Черному морю; по болѣе типичнымъ своимъ представителямъ (бжедухи, шапсуги) она почти соотвѣтствуетъ по росту и черепному показателю расѣ сѣверо-европейской по Deniker'у, расѣ кимвровъ и Номо Еуропаеус. (Г. Пантюховъ предварительно приводитъ характеристику и указываетъ мѣстопробываніе шести главныхъ расъ и четырехъ второстепенныхъ европейцевъ по Deniker'у). Вторая кавказская раса, соотвѣтствующая шестой Deniker'a (Далмація, Албанія и Малороссія), населяетъ восточную половину главнаго Кавказскаго хребта и состоитъ попреимуществу изъ лезгинъ. Третья кав-

¹⁾ Вдаваясь въ лингвистическія изысканія, авторъ нерѣдко впадаетъ въ заблужденія; такъ въ настоящей брошюрѣ говоритъ: «на Кавказѣ родной языкъ евреевъ грузинскій или фарскій. Точно также подверглись измѣненіямъ (какимъ?) грузинскій и армянскій».

казская раса—чисто азиатскаго происхожденія, долихоцефалическая, съ черепнымъ показателемъ 77—78, среднимъ ростомъ около 1,70 м. и цвѣтомъ глазъ гипербрюнетовъ, т. е. пигментированныхъ глазъ болѣе 90%. Къ этой расѣ принадлежатъ: персы, азербейджанцы, курды и таты. Четвертая кавказская раса брахи и гипербрахицефалическая характеризуется показателемъ 85—7, ростомъ—1,62—1,64 м. и радужною оболочкой брюнетовъ съ 71—87% карихъ глазъ. Въ эту расу входятъ евреи, армяне, лазы, чисто-грузины и греки. Эта раса въ основѣ семитическая. Изъ второстепенныхъ расъ болѣе важныя брахицефалы съ черепнымъ показателемъ 84—87, ростомъ 1,60—1,70, пигментированною у 80—85% радужной оболочкой. Таковы: кумыки, чисто-аварцы, горскіе татары, кабардинцы и турки, смѣшанные съ грузинами. Вторая второстепенная раса халдейская, съ гипербрахицефалическимъ 87,5 черепнымъ показателемъ, ростомъ 1,66 м. и райкомъ въ 90% пигментированнымъ, имѣетъ на Кавказѣ чистыхъ представителей въ абхазахъ. Представители этой расы вошли также въ составъ армянъ, евреевъ, грузинъ. Обращаясь къ антропологическимъ даннымъ древнѣйшаго населенія Кавказа, авторъ по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ заключаетъ, что еще въ періодъ бронзы у племенъ, жившихъ въ центральномъ и западномъ Кавказѣ, преобладали долихоцефалическій типъ, а между племенами прикаспійскими — брахицефалическій. Судя по могильникамъ, долихоцефалы жили и въ Самтавро близъ Мцхета. Указавъ на нѣсколько мимолетныхъ справокъ о господствѣ долихоцефалической расы въ Малой Азійи и вытѣсненіи ея брахицефалами, авторъ заключаетъ, что древнѣйшія племена сѣвернаго Кавказа европейскаго происхожденія и соответствуютъ расамъ кимврской и адриатической по Deniker'у, а народы, нынѣ обитающіе, происхожденія азиатскаго и образуютъ двѣ главныя, весьма характерныя группы—иранскую и семитическую. Нѣсколько не укладываются въ его классификацію мингрельцы съ черепнымъ показателемъ 80,5 и меретины съ показателемъ 81,3, отнесенные, какъ грузины, къ брахицефаламъ. Пшавы и хевсуры вовсе не приняты въ расчетъ, а ростъ ихъ (1690 и 1688) позволяетъ отнести эти народы къ «третьей» кавказской расѣ.

А. Хах—овъ.

Ө. Браунъ. Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній. I. Готы и ихъ сосѣди до V вѣка. Первый періодъ. Готы на Вислѣ. Спб. 1899.

Всякому, кто прикосновененъ къ серіозной исторической да и вообще научной работѣ, знакомы тѣ совершенно неожиданныя затрудненія, съ которыми часто приходится встрѣчаться по пути къ опредѣленно намѣченной цѣли изслѣдованія: поставивъ себѣ какой нибудь вопросъ, ученый начинаетъ разбираться въ матеріалѣ, дающемъ основаніе для рѣшенія этого вопроса, и тутъ онъ шагъ за шагомъ наталкивается на разные другіе вопросы, безъ рѣшенія которыхъ онъ никакъ не можетъ подойти хотя сколько нибудь къ своей цѣли; а эти новые вопросы оказываются иногда очень трудными, какъ потому, что ихъ раньше совсѣмъ не затрагивали, такъ и еще чаще потому, что, пытаясь ихъ разрѣшать, прежніе изслѣдователи (а среди нихъ бываютъ авторитеты,

съ которыми даже опасно вступать въ споръ) только еще болѣе ихъ запутали; такимъ образомъ, положиться на предшественниковъ нѣтъ возможности, и новый работникъ, если хочетъ быть добросовѣстнымъ, отклоняется отъ первоначальнаго своего пути и обращаетъ свою энергію на внезапно открывшіяся ему задачи, которыя становятся предметомъ многолѣтнихъ изысканій. Отличною иллюстраціей въ этомъ случаѣ можетъ служить исторія работы приватъ-доцента С.-Петербургскаго университета, Ѡ. А. Брауна: поставивши себѣ цѣлью разсужденіе о «вліяніи готовъ на славянскій міръ, главнымъ образомъ, на почвѣ языка», авторъ думалъ во вступительной главѣ «вкратцѣ выяснитъ географическія и этнологическія условія, при которыхъ оказалось это вліяніе, т. е. опредѣлитъ, откуда и когда явились готы въ Великую Сарматію, и въ какой группировкѣ они здѣсь застали славянъ и финновъ». Предполагалось воспользоваться уже добытыми ранѣе результатами, и размѣръ главы не долженъ былъ превосходить 6-ти листовъ, но случилось иначе. «Когда четыре первые листа уже были отпечатаны, я, рассказываетъ авторъ, при чтеніи корректуры пятаго счелъ необходимымъ нѣсколько расширить свое разсужденіе о скивахъ, чтобы создать болѣе широкой базисъ для дальнѣйшихъ географическихъ и этнологическихъ построеній. Мнѣ казалось тогда, что я вношу этимъ лишь небольшое, сравнительно, редакціонное дополненіе; на самомъ же дѣлѣ я вскорѣ долженъ былъ убѣдиться, что пробилъ въ своемъ планѣ брешь, которую я уже не въ силахъ былъ заполнить: черезъ нее за скивами прошли сарматы, и длинной вереницей потянулись аланы, бастарны, скиры, геты, кельты. Все это требовало пересмотра... Работа зажила какъ-то своею собственною жизнью, независимо отъ меня, увлекала меня за собою подчасъ въ такія области, въ которыя я до того времени никогда не заглядывалъ и заглядывать не хотѣлъ, такъ какъ онѣ лежали далеко за предѣлами моихъ научныхъ интересовъ и плановъ». Однако, такое уклоненіе почтеннаго автора отъ первоначальной задачи нисколько не умаляетъ значенія его труда. Специальный характеръ книги не позволяетъ намъ подробно останавливаться на ея разсмотрѣніи, а потому отмѣтимъ важнѣйшіе результаты, добытые изслѣдованіемъ г. Брауна. Прежде всего разрѣшенъ въ настоящей книгѣ, повидимому, окончательно такъ называемый, «готскій вопросъ»; промелькнувшая въ нашей наукѣ гипотеза о готскомъ происхожденіи Руси можетъ считаться упрядненною, добытымъ изъ обстоятельнѣйшаго анализа всѣхъ относящихся къ вопросу данныхъ выводомъ, что «Русь, какъ народъ и государство, ничего общаго съ готами не имѣетъ, и названіе Руси не можетъ быть объяснено непосредственно изъ готскаго языка». Далѣе мы находимъ весьма интересныя соображенія о родинѣ готовъ и ихъ передвиженіяхъ, при чемъ авторъ широко пользуется лингвистическимъ матеріаломъ. Отъ готовъ авторъ обратился къ скивамъ, и здѣсь также нельзя не признать важности его вывода, что «ни восточные, ни западные скивы не могутъ быть предками славянъ», особенно въ виду того обстоятельства, что происхожденіе славянъ отъ скивовъ настойчиво выдвигается время отъ времени нѣкоторыми учеными. Самымъ же важнымъ результатомъ работы слѣдуетъ считать установленіе правильнаго взгляда на географическія свѣдѣнія, встречающіяся въ извѣстномъ трудѣ Птолемея: авторъ доказалъ, что Птолемей со-

ставлять свои карты «строго методично, а не произвольно», и потому, при нѣкоторыхъ незначительныхъ поправкахъ, указанія Птолемея могутъ быть вполне точно приурочиваемы къ опредѣленнымъ мѣстностямъ. Этотъ результатъ мы называемъ особенно важнымъ потому, что методъ почтеннаго автора даетъ возможность ориентироваться очень хорошо въ той путаницѣ, которая не совсѣмъ справедливо приписывалась Птолемею, и выяснитъ многіе существенные вопросы для древнѣйшей исторіи Европы. Въ виду такихъ существенныхъ выводовъ остается пожелать Ѡ. А. Брауну успешнаго продолженія ея плодотворныхъ изслѣдованій.

В. А.

Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ митрополиту московскому Филарету, изданныя А. Н. Львовымъ. Спб. 1900.

Письма разныхъ лицъ къ митрополиту Филарету, изданныя теперь г. Львовымъ, относятся къ очень большому періоду времени съ 1812 по 1867 годъ. Принадлежатъ они перу 89 корреспондентовъ, преимущественно духовныхъ лицъ. Такъ, сюда вошло нѣсколько писемъ извѣстнаго архимандрита Фотія, петербургскаго митрополита Серафима, епископа Порфирія Успенскаго, архимандрита Леонида и другихъ. По своему содержанию письма эти не представляютъ собой особенно богатаго матеріала, но въ нихъ есть довольно много мелкихъ фактовъ и штриховъ, могущихъ пригодиться для характеристики отдѣльных лицъ и нѣкоторыхъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ сферѣ русской религіозной жизни. Такъ, на примѣръ, здѣсь можно найти нѣсколько не лишенныхъ значенія фактовъ изъ исторіи Библейскаго общества. Письмо митрополита Григорія представляетъ несомнѣнный интересъ для характеристики отношенія нашихъ іерарховъ къ расколу и той партіи, которая въ шестидесятыхъ годахъ желала дать раскольникамъ «полную свободу». Письмо епископа Порфирія (Успенскаго) заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя подробности о жизни русскихъ паломниковъ въ Палестинѣ, о царящихъ здѣсь злоупотребленіяхъ и т. д. Пользованіе сборникомъ очень облегчается приложенными къ нему указателями (предметнымъ и личнымъ), а также примѣчаніями и біографіями, которыми счелъ нужнымъ снабдить свое изданіе А. Н. Львовъ.

В. В.

Труды Вессарабской губернской ученой архивной комиссіи. Т. I. Кишиневъ. 1900.

Только что выпущенный въ свѣтъ первый томъ «Трудовъ» Бессарабской архивной комиссіи, открывшей свои дѣйствія въ августѣ 1898 г., состоитъ, собственно говоря, изъ статей одного правителя дѣлъ И. Халицы; только двѣ изъ пятнадцати работъ принадлежатъ другимъ лицамъ: одна г. Крылову, а другая г. Щеглову. Конечно, такой дѣятельный правитель дѣлъ великое пріобрѣтеніе для комиссіи, но одинъ въ полѣ не воинъ и особенно въ столь обширномъ, какъ изученіе древностей цѣлаго края. Безъ сомнѣнія, это сознаютъ и сами члены комиссіи и слѣдующіе томы «Трудовъ» обогатятъ своими разнообразнѣйшими изслѣдованіями. Хотѣлось бы думать именно такъ, несмотря на то,

что работы гг. Крылова и Щеглова не подають къ этому почти никакой надежды. Замѣтка послѣдняя: «Письмо Анатоля Мартыновскаго, бывшаго архіепископа молдавскаго», кое-что еще даетъ для біографіи помянутаго архіепископа, но «Краткія воспоминанія о моихъ занятіяхъ по археологіи» г. помощника предсѣдателя А. Л. Крылова не только не имѣютъ ничего поучительнаго, какъ то думаетъ самъ авторъ, а наоборотъ представляютъ совершенно лишній балластъ.

На 72-хъ страницахъ г. И. Н. Халипина знакомить читателя съ обстоятельствами, сопровождавшими открытіе Бессарабесой архивной комиссіи, съ ея протоколами и журналами и, наконецъ, сообщаетъ отчетъ о дѣятельности комиссіи до конца 1899 года.

Начавъ рѣчь объ открытіи комиссіи, г. Халипина счелъ необходимымъ на нѣсколькихъ страницахъ распространиться объ «идеѣ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій по Н. В. Калачову, И. Е. Андреевскому и А. Н. Труворову». Несомнѣнно, съ идеей архивныхъ комиссій нужно ознакомить начинающихъ окраинныхъ археологовъ, но для этого вполне было бы достаточно взять кое-что изъ статей Н. В. Калачова: И. Е. Андреевскій былъ его вполне солидарнымъ послѣдователемъ; что же касается А. Н. Труворова, то объ немъ въ данномъ случаѣ нельзя было и упоминать. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ г. Халипина сообщаетъ біографическія данныя о названныхъ директорахъ Археологическаго института и по отношенію къ г. Труворову выписываетъ цѣлый панегирикъ г. П. Бартенева, произнесенный послѣднимъ по случаю юбилея Труворова; выписавъ его, г. Халипина восклицаетъ: «въ 1891 г. онъ (Труворовъ) былъ назначенъ директоромъ Археологическаго института. Трудно было сдѣлать болѣе удачный выборъ» (?!). По нашему мнѣнію, такое сужденіе можно было произнести только на основаніи указаннаго панегирика и при томъ изъ того «далека», откуда шипеть г. Халипина. На самомъ дѣлѣ этотъ выборъ былъ очень неудачный, какъ неудачны были многія статьи и археологическія работы А. Н. Труворова.

Обращаясь, такъ сказать, къ историко-археологическимъ статьямъ г. Халипина, мы находимъ, что большинство изъ нихъ представляетъ значительный интересъ. Такъ, довольно содержательными являются его статьи: «Городъ Кишиневъ временъ жизни въ немъ А. С. Пушкина» и «Матеріалы для исторіи Кишинева въ XVI—XVIII вв.». Въ первой немало цѣнныхъ топографическихъ свѣдѣній въ примѣчаніяхъ къ «проекту раздѣленія г. Кишинева на пять частей» (1823 г.) и въ сообщеніи объ «Эмигрантскомъ обществѣ въ Кишиневѣ». Попутно приводятся данныя и изъ жизни Пушкина, но въ нихъ новаго немного. «Матеріалы» состоятъ изъ серіи документовъ, представленныхъ къ дѣлу о размежеваніи границъ вотчинъ города Кишинева: Боюканъ, Вовинценъ и Хруски, въ 1818 г. Документы эти—грамоты молдавскихъ господарей, изъ которыхъ древнѣйшая относится къ 1576 г., предписанія тѣхъ же господарей, межевыя свидѣтельства, записи и др.

Любопытными затѣмъ являются въ бытовомъ, этнографическомъ и топографическомъ отношеніяхъ «старинные документы изъ фамильнаго архива г-жи З. Ф. Довичъ, урожденной Карлъ-Руссо», относящіеся преимущественно къ XVIII вѣку.

Съ интересомъ прочтется составленная на основаніи данныхъ архива Кишиневской духовной консисторіи слѣдующая статья г. Халипы: «Восточные святители, нашедшіе пристанище въ предѣлахъ Кишиневской епархіи, среди смуть греческаго возстанія 1821—1828 гг.». Изъ вѣхъ пятнадцати митрополитовъ, проживавшихъ въ разное время въ названной епархіи, наиболѣе памятными въ Россіи были: Григорій, митрополитъ Іерапольскій, оказавшій намъ важныя услуги въ русско-турецкую войну 1806—1812 гг., Константій, епископъ Бузевскій, принявшій русское подданство, Іаковъ, митр. Сикадскій, долгое время жившій въ Новоспасскомъ монастырѣ въ Москвѣ, и нѣкоторые другіе.

Наконецъ, особенно для архивистовъ большое значеніе имѣютъ: «Общій обзоръ главнѣйшихъ правительственныхъ архивовъ г. Кишинева, съ очеркомъ дѣятельности бывшихъ комиссій по разборкѣ этихъ архивовъ», рисующій передъ читателемъ въ высшей степени жалкую и грустную картину состоянія кишиневскихъ архивныхъ хранилищъ, и «Описаніе архива гг. сенаторовъ, председательствовавшихъ въ диванахъ княжествъ Молдавіи и Валахіи съ 1808 по 1813 годъ». Этотъ «архивъ» играетъ едва ли не первенствующую роль и по своей сравнительной древности и по обилію матеріала, который довольно ярко освѣщаетъ совмѣстныя дѣйствія русской арміи и румынскаго народа, направленные къ сверженію турецкаго ига.

Въ заключеніе пожелаемъ дальнѣйшаго уснѣха гг. членамъ Бессарабской архивной комиссіи въ ихъ трудномъ дѣлѣ ученаго изслѣдованія своей страны и въ то же время будемъ надѣяться, что редакторъ, г. Халиппа, постарается на будущее время избѣгнуть такого громаднаго количества опечатокъ, какое онъ допустилъ въ разсматриваемомъ нами томѣ, и при томъ опечатокъ весьма оригинальныхъ, въ родѣ слѣдующихъ: «резйрять» (стр. 2) вм. разбирать, «Фигель» (стр. 159) вм. Вигель, «Д. Н. Бауеръ» вм. Д. Н. Блудовъ и мн. др.

В. Рудаковъ.

Ч. М. Эндрьюсъ. Историческое развитіе современной Европы: отъ Вѣнскаго конгресса до нашего времени. Т. I и II. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1900.

Намъ приходилось уже указывать на то, что въ нашей исторической литературѣ замѣтно усиливается интересъ къ современной исторіи. Въ послѣднее время появилось нѣсколько сочиненій по исторіи XIX в., представляющихъ собою обзоры основныхъ движеній нашего вѣка. Къ такимъ сочиненіямъ общаго характера относится и книга англійскаго историка Эндрьюса, переведенная на русскій языкъ подъ редакціей проф. П. В. Лучицкаго.

Самъ авторъ говоритъ въ предисловіи, что книга его написана не для ученыхъ, что онъ хочетъ дать въ ней очеркъ исторіи Европы, которая представляется ему, какъ нѣчто цѣлое, какъ одно связанное. Поэтому въ своемъ изложеніи онъ не старается разсматривать событія въ хронологическомъ порядкѣ, чтобы «держатъ исторію европейскихъ державъ на одномъ постоянномъ уровнѣ» (послѣдній методъ выдержанъ въ извѣстномъ трудѣ Файфа). Эндрьюсъ слѣдуетъ «методу изложенія отдѣльныхъ движеній и событій», т. е. его не

интересуетъ полное историческое развитіе каждой страны въ отдѣльности. Крупный моментъ въ исторіи развитія извѣстнаго государства для Эндрюса есть лишь моментъ во всей исторіи Европы. Основываясь на томъ, что въ отдѣльности ни одно событіе не можетъ быть понято, Эндрюсъ старается придать «логическую форму своему изложенію», онъ желаетъ представить извѣстное движеніе, какъ законченное цѣлое. «Я старался,—говоритъ онъ въ предисловіи,—излагать событія, имѣя въ виду непрестанное развитіе жизни и мысли въ Европѣ, изучать тѣ движенія, которыя двинули впередъ прогрессъ скорѣе, чѣмъ описывать событіе въ подробности или излагать все съ исторической полнотой».

Такимъ образомъ уже самый планъ и методъ Эндрюса приводятъ его къ пробѣламъ: онъ не только обходитъ исторіи тѣхъ второстепенныхъ государствъ, которыя не производили особеннаго давленія на общій ходъ европейской жизни, но допускаетъ пробѣлы и въ самой исторіи страны, такъ какъ не даетъ полной исторіи. Сравнительно съ другими сочиненіями, существующими на русскомъ языкѣ (Файфъ, Торсое, Сеньбосъ, Карѣвъ) по исторіи XIX в., книга Эндрюса заслуживаетъ особеннаго вниманія своей доступностью изложенія, ясностью, отчасти увлекательностью. Подробности опущены, читатель не потеряется въ мелочахъ, нѣкоторыя событія, напр., революція 1848 г. (255—288 стр.), изображены ярко, драматично. Но самый способъ изображенія автора въ высшей степени шатокъ и вызоветъ у читателя нѣсколько недоумѣній и серьезныхъ упрековъ.

Первый томъ книги Эндрюса заканчивается 1848 годомъ. Въ первой превосходной вступительной главѣ авторъ излагаетъ общій ходъ развитія французской революціи и дѣлаетъ ея оцѣнку для исторіи всей Европы. Точка зрѣнія здѣсь та же, что и въ классическомъ трудѣ Сореля «Европа и французская революція», гдѣ Франція поставлена въ общей связи съ европейскими движеніями. Слѣдующая глава посвящена Наполеону, не сыну революціи, какъ говоритъ авторъ, а ея Немезидѣ. Въ третьей главѣ разсматриваются «реорганизация европейской системы» и «дипломатическія отношенія первой половины нашего столѣтія». Въ остальныхъ главахъ авторъ пытается прослѣдить политическія, общественныя и экономическія перемѣны, предшествовавшія движенію 1848 года, разсматриваетъ реставраціонную Францію, борьбу противъ абсолютизма въ Италіи, либеральное движеніе въ Германіи, іюльскую монархію до 1840 г., наконецъ революцію и реакцію во Франціи и въ средней Европѣ, доведя изложеніе до 1850-го года.

Второй томъ, посвященный послѣдней половинѣ нашего вѣка, охватываетъ болѣе сложный періодъ, но и здѣсь авторъ вѣренъ своему плану и сводитъ освѣщеніе второй половины нашего вѣка къ слѣдующимъ вопросамъ: установленіе второй имперіи, Крымская война, объединеніе Италіи, Франція при Наполеонѣ III, возвышеніе Пруссіи, объединеніе Германіи, учрежденіе дуализма въ Австро-Венгріи, восточный вопросъ 1870-хъ годовъ, третья республика во Франціи, Германская имперія, Итальянское королевство и Австро-Венгрія въ послѣднюю четверть.

Уже самый перечень отдѣловъ сочиненія Эндрюса даетъ читателю поня-

тіе, что главное вниманіе историка обращено на внѣшнюю исторію, на международиня отношенія, дипломатію и отчасти внутреннюю политику. Соціальная исторія совершенно отсутствуетъ въ книгѣ Эндрыуса. Но даже и въ этой чисто внѣшней исторіи мы не находимъ ни одного отдѣла, посвященнаго Англіи: вся исторія Англіи отсутствуетъ. Почему? Этого авторъ намъ не объясняетъ. Эндрыусъ — англичанинъ, и, можетъ быть, онъ полагалъ, что англичанамъ слишкомъ хорошо извѣстна исторія ихъ родной страны, но это не объясненіе для автора сочиненія «Историческое развитіе современной Европы». Оупущеніе Англіи изъ общей исторіи сразу вызываетъ много упрековъ. Превратившись къ концу XVIII в. изъ земледѣльской страны въ фабричную, Англія послужила какъ бы прототипомъ экономическаго развитія и другихъ странъ въ XIX в. Невозможно дать самый грубый очеркъ соціальной исторіи нашего времени, не изучивъ англійской соціальной исторіи: материкъ европейскій лишь слабѣе и позже повторяетъ экономическія отношенія Англіи. Обойти это явленіе въ общей исторіи Европы, по нашему мнѣнію, крупный пробѣлъ, особенно въ настоящее время, когда экономическіе вопросы такъ горячо трактуются (сочиненіе Эндрыуса написано въ 1898 году).

Если полное отсутствіе исторіи Англіи составляетъ большой пробѣлъ въ книгѣ Эндрыуса, то не менѣе важнымъ является отсутствіе исторіи такихъ странъ, какъ Швейцарія, Швеція, Бельгія, Испанія, Португалія, Греція, Турція: въ исторіи нѣкоторыхъ изъ этихъ странъ происходили такія движенія (Бельгія, Греція), которыя, съ точки зрѣнія автора, имѣли большое вліяніе на «великія перемѣны въ политической мысли», наконецъ, представляютъ собою и «логическое цѣлое», на примѣръ, революція въ Греціи. Переходя къ отдѣльнымъ главамъ книги Эндрыуса, замѣтимъ, что въ нихъ вообще соціальная исторія не играетъ роли. Эпоха реставраціи представлена авторомъ чисто внѣшнимъ образомъ, и даже въ лучшихъ главахъ исторіи Франціи плохо выяснена борьба либерализма противъ реакціи. Читатель не узнаетъ изъ книги Эндрыуса о различныхъ оттѣнкахъ либерализма, конституціоннаго и революціоннаго, о парламентскихъ партіяхъ въ эпоху іюльской монархіи, о политическихъ идеяхъ Гизо, Тьера, о роли Токвиля, о французскомъ социализмѣ и коммунизмѣ во время іюльской монархіи, о дѣятельности Луи Блана и проч. А между тѣмъ, все это не маловажные вопросы, не мелочь, и безъ нихъ исторія Европы остается совсѣмъ не ясною.

Такъ же недостаточно полно представлены Германія, Пруссія. Преобразованія, произведенныя въ Пруссіи послѣ 1807 г., имѣютъ громадное значеніе и крайне любопытны. Особенный интересъ имѣетъ крестьянская реформа въ Пруссіи, а также и въ остальной Германіи. Въ связи съ государственными общественными преобразованіями прусская крестьянская реформа заслуживаетъ большого вниманія. За послѣдніе годы крестьянскія и аграрныя отношенія въ Германіи и Пруссіи стали дѣятельно разрабатываться, и едва ли Эндрыусу не знакомъ былъ отличный трудъ Кнаппа, вышедшій еще въ 1887 г., «Объ освобожденіи крестьянъ и происхожденіи сельскихъ рабочихъ въ старыхъ частяхъ Пруссіи». Однако, въ книгѣ Эндрыуса крестьянская реформа въ Пруссіи почти не затронута. Равнымъ образомъ чрезвычайно важно было бы выяснить, какія

условія создали объединеніе Германіи. Здѣсь пришлось бы автору затронуть большой вопросъ и самый важный въ соціальной исторіи нашего вѣка — рабочий. Но для этого ему необходимо было бы изобразить процессъ возникновенія капиталистическаго производства, пришлось бы поговорить объ «индустриальной революціи», охватившей Европу. Удѣливъ достаточно мѣста исторіи Германіи, Эндрьюсъ такъ и не коснулся этого знаменательнаго для Германіи переворота, сдѣлавшаго ее индустриальною страной. А это, въ свою очередь, объяснило бы и значеніе рабочей партіи, игравшей огромную роль, какъ въ объединеніи Германіи, такъ и въ общей политикѣ германскаго правительства, особенно въ концѣ 1870-хъ годовъ и въ 1880-хъ, когда эта политика ясно ступила на соціальный путь.

Хотя исторія Италіи принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ книги Эндрьюса, но и здѣсь чувствуется особенно сильно общій недостатокъ сочиненія: слабо изображено экономическое положеніе Италіи, вслѣдствіе чего и мало понятны разныя волненія.

Къ недостаткамъ этого популярнаго сочиненія мы относимъ и чисто-внѣшнія, общія оцѣнки разныхъ явленій, сдѣланныя Эндрьюсомъ слишкомъ поверхностно. Таковъ, напримѣръ, взглядъ на реакцію во Франціи 1852 г. Она «представляла лишь логическое послѣдствіе революціи 1848 г... крайности одной обусловили появленіе другой, заблужденія одного періода сдѣлали неизбѣжными заблужденія другого» (32 стр., 2-й т.).

Таковы наиболѣе замѣтные недочеты въ трудѣ Эндрьюса, хорошо написанномъ и, повторяемъ, очень полезномъ при нашей далеко не богатой исторической литературѣ. Къ сожалѣнію, основной недостатокъ книги Эндрьюса — игнорированіе экономической и соціальной сторонъ исторіи Европы нашего столѣтія — замѣтенъ почти во всѣхъ общихъ трудахъ. Въ этомъ отношеніи положительно выдѣляется сочиненіе проф. Н. И. Карѣева («Исторія Западной Европы», томъ 5-й), въ которомъ культурно-соціальные отношенія XIX вѣка выдвинуты на первый планъ. Переведено сочиненіе Эндрьюса прѣкрасно, читается легко. Къ книгѣ приложенъ указатель, дающій возможность ориентироваться въ названіяхъ.

П. К.—ій.

А. А. Васильевъ. Византія и арабы. Политическія отношенія Византіи и арабовъ за время аморійской династіи. Спб. 1900.

Византологія—наука молодая не только у насъ, но и за границей. Число лицъ, занимающихся этой наукою, довольно ограничено, и всѣ они прекрасно извѣстны въ тѣсной семьѣ византологовъ. Въ ряду начинающихъ дѣятелей византологіи не послѣднее мѣсто принадлежитъ магистранту С.-Петербургскаго университета А. А. Васильеву, который тѣмъ выгодно отличается отъ своихъ товарищей, что обладаетъ знаніемъ восточныхъ нарѣчій. Это дало возможность молодому ученому издать въ свѣтъ первый свой весьма солидный научный трудъ, заглавіе котораго представлено выше.

Настоящее сочиненіе г. Васильева представляетъ собою начало тѣхъ трудовъ, которые предприняты авторомъ въ области изученія византійско-араб-

скихъ отношеній. Здѣсь, на основаніи источниковъ византійскихъ, а главнымъ образомъ арабскихъ, дающихъ очень много новыхъ и интересныхъ свѣдѣній, изложена исторія политическихъ отношеній Византіи къ арабскому халифату за время аморійской династіи, царствовавшей въ Византіи съ 820 по 867 годъ. Сочиненіе раздѣляется на двѣ части.

Первая часть сочиненія состоитъ изъ вступленія и трехъ главъ изслѣдованія. Во вступленіи (стр. 10—20) излагаются общія свѣдѣнія о состояніи арабскаго халифата и Византіи въ IX вѣкѣ и характеризуются ихъ взаимныя политическія отношенія въ указанное время. Здѣсь сообщается, что съ VII вѣка, со времени великихъ завоеваній арабовъ на востокѣ, когда Палестина, Сирія и Египетъ, а также Киликійскій Тавръ подпали власти мусульманъ, отношенія между Византіей и халифатомъ сдѣлались почти непрерывными. Въ VIII вѣкѣ побѣдоносное движеніе арабовъ на западъ было остановлено двумя блестящими надъ ними побѣдами, одержанными византійскимъ императоромъ Львомъ III Исавряниномъ подъ Константинополемъ и Карломъ Мартеломъ при Пуатье. Однако, въ IX вѣкѣ арабы, сосредоточиваясь большею частью въ близкихъ къ границамъ Византіи областяхъ, продолжали наносить государству большой вредъ, подрывая благосостояніе провинцій, уменьшая ихъ податную силу и уничтожая населеніе. Внутренняя жизнь халифата въ IX вѣкѣ представляла интересъ въ разныхъ отношеніяхъ. Прежде всего, этотъ вѣкъ въ исторіи халифата характеризуется отступленіемъ на второй планъ арабской національности и преобладающимъ значеніемъ сначала персовъ, а потомъ турокъ. Затѣмъ, въ IX вѣкѣ въ халифатѣ происходило сильное религіозное движеніе, сопровождавшееся частыми богословскими ссорами между христианами и мусульманами и создавшее въ мусульманствѣ большую и воинственную партію рационалистовъ; среди членовъ участвовавшей тогда династіи аббасидовъ религіозные вопросы встрѣтили полное сочувствіе. Къ IX же вѣку относится и блестящій періодъ арабской науки, литературы, искусства и торговли, проявившійся въ ученыхъ экспедиціяхъ въ Византію и Азію, въ постройки замѣчательныхъ зданій, въ необычайной пышности придворной жизни и т. п. Наконецъ, на протяженіи всего IX вѣка шли почти непрерывныя военныя столкновенія арабовъ съ византійцами. Византія IX вѣка въ своей исторіи представляетъ немало аналогичныхъ съ исторіей халифата явленій. И здѣсь, въ формѣ иконоборства, развилось рационалистическое движеніе въ области религіозной, закончившееся реакціей въ пользу православія, а наука и просвѣщеніе, благодаря дѣятельности константинопольскаго патріарха Фотія, достигли высокой степени процвѣтанія; чисто восточною роскошью и блескомъ отличался тогдашній византійскій дворъ, который, однако, не безъ успѣха велъ неизбѣжныя войны съ сосѣдними народами и благоустроилъ внутреннюю жизнь государства. Аморійская династія дала Византіи трехъ императоровъ—Михаила II, Теофила и Михаила III. Они имѣли не одинаковыя личныя достоинства. Лучшимъ изъ нихъ былъ Теофилъ, а худшимъ Михаилъ III. Однако всѣ они старались оказать должное сопротивленіе арабамъ въ ихъ нападеніяхъ на предѣлы Византійской имперіи. Но на западѣ (въ южной Италіи, въ Сициліи и на Критѣ) политика аморійской династіи потерпѣла неудачи, а на востокѣ

(въ Малой Азіи) имѣла благоприятные результаты: на протяженіи сорока семъ лѣтъ аморійская династія сумѣла выдержать здѣсь наступательныя дѣйствія арабовъ и сохранить цѣлость Византійской имперіи, въ чемъ и состоитъ большое значеніе этой династіи въ исторіи Византіи. Подробнымъ раскрытіемъ этихъ заслугъ императоровъ Михаила II, Теофила и Михаила III и занимается авторъ въ первой части разсматриваемаго сочиненія.

Въ частности, въ главѣ первой сочиненія (стр. 21—75) рѣчь идетъ о политическихъ отношеніяхъ Византіи и арабовъ въ царствованіе императора Михаила II (820—829 г.). Здѣсь разсказывается о возстаніи противъ императора нѣкоего Томы, вступившаго въ союзъ съ арабами, во побѣжденнаго императоромъ, о завоеваніи арабами острова Крита въ 825 году и о покореніи Сициліи мусульманами. Императоръ Михаилъ не выказалъ недостатка въ мужествѣ и энергіи съ цѣлью обратно завоевать Критъ и выгнать враговъ изъ Сициліи, но византійскія экспедиціи потерпѣли неудачу.

Во второй главѣ (стр. 76—152) описываются политическія отношенія Византіи и арабовъ при императорѣ Теофилѣ (829—842 гг.). Несмотря на всѣ усилія императора, эти отношенія для Византіи были не благоприятны. Одержавъ надъ арабами побѣду подъ Зантрой въ 837 году, Теофилъ потерялъ Анкиру и родной городъ царствующей династіи Аморію; Сицилія все болѣе и болѣе переходила въ руки мусульманъ, а Критъ попрежнему оставался въ ихъ власти; открытые императоромъ дипломатическіе переговоры съ Венеціей, Людовикомъ Благочестивымъ и съ испанскими омайядами также не принесли желанныхъ результатовъ.

Въ третьей главѣ (стр. 153—210) характеризуются арабско-византійскія отношенія при императорѣ Михаилѣ III (842—867 гг.). Въ Сициліи попрежнему шла неблагоприятная для византійцевъ борьба съ врагами, проникшими потомъ и въ предѣлы южной Италіи; но въ Даміеттѣ, въ Египтѣ, арабы понесли жестокое пораженіе; съ большимъ успѣхомъ византійцы воевали въ Малой Азіи, хотя и здѣсь лишились въ 863 году города Амисона. Въ послѣдніе годы царствованія Михаила война на западѣ шла съ переменнымъ для византійцевъ успѣхомъ.

Вторая часть сочиненія г. Васильева состоитъ изъ пяти приложеній различнаго содержанія. Въ приложеніи первомъ (стр. 1—126) помѣщены въ рускомъ переводѣ отрывки изъ сочиненій арабскихъ писателей IX—XIV вѣковъ, послужившихъ автору источниками при составленіи его диссертациі. Здѣсь сдѣланы извлеченія изъ произведеній Ибн-Котейбы, Белачори, Якуби, Табари, Масуди, Ріад-ан-Нуфуса, Ибн-Мискавейха, Ибн-ал-Асира, Ибн-Абарі, Нувейри и другихъ.

Приложеніе второе (стр. 127—141) опредѣляетъ хронологическія даты посольства къ арабамъ Іоанна Грамматика, бѣгства къ арабамъ полководца Мануила и поставленія въ патриархи Іоанна Грамматика.

Въ приложеніи третьемъ (стр. 142—146) рѣчь идетъ о годѣ возстановленія православія послѣ окончанія иконоборческаго движенія въ Византіи. До послѣдняго времени днемъ торжества православія считалось 19-е февраля 842 года. Но г. Васильевъ, пользуясь недавно опубликованною новою редак-

цією житія византійскаго аскета IX вѣка, преподобнаго Іоаннікія, написанаго монахомъ Саввою (Acta Sanctorum, novemb., t. II), показываеъ, вслѣдъ за профессоромъ Карломъ Крумбахеромъ, что возстановленіе православія произошло 11-го марта 843 года, въ первое воскресенье Великаго поста; около того же времени былъ избранъ на константинопольскую кафедру и патріархъ Меѳодій, устроитель торжества православной церкви.

Въ приложеніи четвертомъ (стр. 147—151) излагается хронологія константинопольскихъ патріарховъ съ 825 по 867 годъ, а въ пятомъ (стр. 152—162)—хронологія византійско-арабскихъ отношеній за время аморійской династіи.

Наконецъ, къ книгѣ приложены указатели личныхъ именъ и мѣстныхъ названій (стр. 163—183).

Сочиненіе А. А. Васильева представляется весьма цѣннымъ. Авторъ тщательно изучилъ литературу предмета и въ своей работѣ предложилъ весьма полный, разносторонній и связанный обзоръ политическихъ отношеній между двумя великими державами IX вѣка. Особенно важнымъ нужно признать то, что нашъ ученый ввелъ въ научный оборотъ историческія свѣдѣнія арабскихъ писателей, у насъ вообще мало извѣстныхъ и недостаточно обслѣдованныхъ. Къ извлеченіямъ ихъ произведеній въ русскомъ переводѣ онъ присоединилъ и краткія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности арабскихъ авторовъ, а равно и критическую оцѣнку ихъ историческихъ трудовъ. Это даетъ возможность читателю провѣрить нашего автора. Нельзя того же сказать относительно византійскихъ источниковъ, критическаго обзора коихъ въ книгѣ нѣтъ, вѣроятно, потому, что авторъ предполагаетъ у читателей большее или меньшее знакомство съ ними. Зато историческія свѣдѣнія византійцевъ касательно арабовъ утилизированы нашимъ авторомъ съ рѣдкою добросовѣстностью. Вообще диссертация А. А. Васильева должна быть признана солиднымъ вкладомъ въ литературу по византологіи. Она посвящена памяти знаменитаго русскаго византолога В. Г. Васильевскаго († 13-го мая 1899 г.), многосторонняя помощь котораго; драгоценныя указанія и руководство щедро изливались на его ученика, нашего автора (стр. VII). Будемъ надѣяться, что и впредь мощный научно-творческій духъ В. Г. Васильевскаго будетъ почивать на русскаго византологахъ, имѣющихъ счастье принадлежать къ школѣ этого первокласснаго ученаго. Σ.

Адольфъ Гаусратъ. Средневѣковые реформаторы. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей Э. Л. Радлова. Томъ I-й и II-й. Изданіе Л. Ф. Пантелѣва. Спб. 1900.

Задачей автора, нѣмца и протестанта, — что очень важно для пониманія его міросозерцанія, — «написать свѣтскій мартирологъ, который не замалчиваетъ и ошибокъ героевъ и представляетъ ихъ безъ ореола святости, но благодаря именно этому вызываетъ еще болѣе участія въ ихъ судьбѣ, какъ людей». На средніе вѣка Гаусратъ смотритъ нѣсколько односторонне, съ точки зрѣнія убѣжденнаго протестанта. Въ нихъ онъ видитъ «рабскую эпоху историческаго

развитія», когда властво царила церковь, съ которою боролось всякое новое міросозерцаніе. Отсюда, по его взгляду, существовали двѣ партіи: одна, стоявшая за католическую церковь, другая, борющаяся противъ нея. Къ послѣдней и относятся тѣ мученики за идею, о которыхъ такъ воодушевленно и художественно рассказываетъ Гаусратъ.

Первымъ мученикомъ за идею Гаусратъ изображаетъ величайшаго французскаго схоластика Абеяра, челоѣка, котораго, по его словамъ, «не только безгранично любили и которому безгранично удивлялись, но вмѣстѣ съ тѣмъ безгранично ненавидѣли и поносили, и который къ тому и другому подавалъ справедливый поводъ». Гаусратъ называетъ его мученикомъ, но безъ ореола святости, и изображаетъ его философомъ и челоѣкомъ науки. Онъ унаслѣдовалъ отъ своей родины «слабую волю и свѣтлую голову», быть сыномъ рыцаря Беренгара, рано сдѣлался ученикомъ Росцелина, слушалъ въ разныхъ мѣстахъ учителей діалектики, очутился въ Парижѣ въ началѣ XII вѣка и скоро выступилъ, какъ учитель новыхъ философскихъ принциповъ. Его ученіе — среднее между положеніями номинализма и реализма. Въ 1119 году онъ вступилъ въ монастырь Сентъ-Дени, 40 лѣтъ отъ роду. Монахи были очень рады видѣть знаменитаго ученаго въ своей средѣ и рассчитывали, что онъ разработаетъ монастырскій архивъ и наполнитъ казну монастыря доходами съ своихъ лекцій, оживитъ однообразную жизнь монаховъ. Аббатство разрѣшило Абеяру поселиться въ Шампани, гдѣ онъ собралъ вокругъ себя учениковъ и занялся изученіемъ священнаго писанія.

Авторъ знакомитъ читателя съ сочиненіями Абеяра («Разборъ Посланія Ап. Павла», «Да и нѣтъ», «Этика», «Прововѣди» и его письма). Христіанство, по мнѣнію Абеяра, является лишь реформированнымъ естественнымъ закономъ, послѣдователями котораго были и язычники. Онъ съ энтузіазмомъ относился къ древнимъ философамъ, рассказъ о мірозданіи въ Тимей ставилъ выше повѣствованія Моисея. Онъ не знаетъ родового различія между религіею истинныхъ философовъ и истинныхъ христіанъ. Въ одномъ своемъ діалогѣ «между философомъ, евреемъ и христіаниномъ» онъ задается цѣлью сгладить разногласія между христіанствомъ, іудействомъ и вообще философіею. Разбирая это сочиненіе, одно изъ блестящихъ произведеній философа, Гаусратъ видитъ въ авторѣ этого діалога «Натана XII вѣка», нашедшаго въ естественной религіи философовъ настоящее кольцо, потерянное іудеями и христіанами.

Абеяръ особенно развилъ свой взглядъ противъ апостоловъ вѣры въ авторитетъ, доказывая, что вѣра не должна быть основана только на одномъ авторитетѣ. Съ особенною яркостью выступаетъ богатая эрудиція Абеяра и его гениальный умъ въ другомъ сочиненіи «Sic et Non», гдѣ собраны мнѣнія отцовъ о разныхъ вопросахъ: о познаваніи Бога, о тріединомъ Божествѣ, объ искупленіи и Искупителѣ и т. п. «Если христіане нѣкогда должны судить весь міръ, почему не должны они разсуждать о различныхъ, даже и противорѣчивыхъ изреченіяхъ святыхъ?» Такъ начинается это замѣчательное сочиненіе, въ которомъ онъ отрицательно относился къ авторитетамъ церкви.

Гаусратъ прекрасно описываетъ въ дальнѣйшемъ изложеніи ту двойственность въ душѣ Абеяра, благодаря которой онъ потерялъ крушеніе. «Всю

жизнь свою онъ мучился надъ тѣмъ, чтобы согласовать свои интеллектуальныя стремленія съ догматами, но не помогли даже лучшія намѣренія, потому что монашескій мистицизмъ и іерархическое властолюбіе вообще не желали терпѣть научнаго отношенія къ догматамъ. Абельяръ, слѣдовательно, представляетъ типъ своеобразнаго мученичества» (240 стр.). Относясь съ нѣкоторою идеализаціей къ Абельяру, историкъ нашъ изображаетъ его, какъ героя. Въ послѣднемъ можно видѣть неудачный пріемъ, такъ какъ историческая характеристика требуетъ неизменно изображенія и дѣйствительности исторической, а Гаусратъ какъ-то отодвигаетъ средневѣковыя рамки, въ которыхъ протекла своеобразная жизнь этого мученика. Онъ не говоритъ объ отношеніи церкви къ наукѣ, о предшественникахъ и сотрудникахъ Абельяра, а, между тѣмъ, послѣдніе были, не разсматриваетъ состоянія науки и школьной дисциплины, чтобы выдѣлить то новое, которое внесъ Абельяръ.

Вторымъ «мученикомъ» Гаусратъ изображаетъ Арнольда Брешианскаго, имя котораго стало лозунгомъ борьбы за индивидуальную свободу, особенно въ Италіи. Для Гаусрата образъ Арнольда—«священный, совершавшій чудеса еще въ новѣйшее время». Этотъ образъ особенно дорогъ ему потому, что «въ исторіи XII вѣка найдется много поучительнаго для девятнадцатаго».

Дѣйствительно, образъ этого средневѣковаго аскета, изможденнаго, но бодрого проповѣдника, заставлявшаго тренетать всѣхъ предъ своимъ властнымъ голосомъ, спокойно умершаго за свое ученіе, — внушаетъ глубокую симпатію. Онъ не былъ узкимъ церковнымъ проповѣдникомъ или реформаторомъ, онъ скорѣе былъ революціонеромъ и представителемъ той идеи народовластія, которая лишь впоследствии ярче выразилась въ Цюрихѣ. Гаусратъ и здѣсь пытается связать политическія мечтанія пророка изъ Брешии съ идеями протестантовъ. Идея его заключалась въ томъ, «чтобы вырвать религію изъ рукъ испорченнаго духовенства и вручить заботу о ней благочестивымъ мірянамъ, рѣшившимся вести апостольскій образъ жизни, отъ котораго отступили священники».

Второй томъ сочиненія Гаусрата, озаглавленный «Арнольдисты», посвященъ ученикамъ Арнольда, мученикамъ за идею, поставившимъ цѣлью жизни—бѣдную жизнь апостоловъ. Съ любовью онъ останавливается на Вальдо, Францискѣ, Сегарелли и Дольчино. Всѣ эти «мученики» составляютъ лишь звенья одной цѣпи. «Въ послѣднихъ главахъ этики Абельяра уже развертывается то знамя, подъ которое Арнольдъ Брешианскій собралъ своихъ ломбардцевъ, а Вальдо лионскихъ бѣдныхъ; это знамя Францискомъ было вѣрено кающимся въ Ассизи: подъ нимъ страдалъ Сегарелли, а Дольчино побѣждалъ и погибъ. Что открывалъ Абельяръ своимъ ученикамъ въ тихой аудиторіи, то Арнольдъ проповѣдывалъ на улицѣ, а Вальдо осуществилъ въ орденѣ странствующихъ апостоловъ» (318 стр.).

Увлечательно изложена въ книгѣ Гаусрата біографія Франциска, въ которомъ онъ видитъ радостнаго представителя апостольской жизни въ бѣдности, новую эру нищенствующаго движенія. Теперь это движеніе, начало которому было положено Арнольдомъ Брешианскимъ, утратило духъ оппозиціи. «Проповѣдь покаянія превратилась въ радостнѣ гимнъ благодати Творца и красотѣ

творенія» (70 стр.). Биографія Франциска вся переполнена легендами, и Гаусратъ осторожно разбирается въ невѣроятныхъ разсказахъ о Францискѣ, стараясь избѣжать біографическихъ частныхъ и сводя свой разсказъ къ изслѣдованію вопроса о томъ, какъ воспринята Францискомъ идея Арнольда и Вальдо. Для этого Гаусратъ пользуется несомнѣнно положительнымъ матеріаломъ: завѣщаніемъ Франциска, орденскимъ уставомъ и сохранившимися отрывками его произведеній. Съ Францискомъ, утверждаетъ Гаусратъ, начинается новый видъ міросозерцанія, новое настроеніе—всепрощающей любви ко всѣмъ и всему. Авторъ удачно формулируетъ ученіе Франциска въ немногихъ словахъ.

«Сестра ласточка и братъ огонь, сестра боль и братъ голодъ, сестра нищая и братъ разбойникъ, всѣхъ ихъ надо переносить съ одинаковымъ снисхожденіемъ, терпѣніемъ и любовью, ибо всѣ они—дѣти нашего Небеснаго Отца».

Переведено сочиненіе Гаусрата хорошимъ языкомъ и читается съ большимъ интересомъ, въ особенности потому, что на русскомъ языкѣ другого подобнаго сочиненія о «мученикахъ» средневѣковыхъ—нѣтъ. А. Н—въ.

England in the Age of Wycliffe. By George Macaulay Trevelyan. London. 1899.

Книга эта посвящена очень важному моменту въ исторіи Англій, который повліяетъ, какъ на Европу вообще, такъ и на славянъ въ частности, главнымъ образомъ на чеховъ. Всѣмъ извѣстна связь между дѣятельностью чешскаго мистра Іоанна Гуса и проповѣдью Виклифа. Сравнительное изученіе обоихъ этихъ дѣятелей устанавливаетъ одну общую причину—недовольство народа внутренними порядками. Чехи были притѣсняемы нѣмецкимъ элементомъ, и явился отпоръ со стороны Іоанна Гуса и его послѣдователей. Въ Англій наблюдаемъ нѣчто подобное. Скоро прошла счастливая первая половина правленія англійскаго короля Эдуарда III, которая подѣломъ автора этой книги выступаетъ очень рельефно. Въ послѣдніе годы его правленія, когда его сынъ, по прозванію «черный принцъ», вынужденъ былъ болѣзненно оставить политическую и военную дѣятельность, могущество Англій унало, а вмѣстѣ съ нимъ возникло и внутреннее неудовольствіе и необезпеченность; все это привело къ крестьянскому возстанію 1381 года, такъ какъ усилились налоги, отъ которыхъ было избавлено англійское духовенство; многія англійскія «бенефиціи», данныя авиньонскими папами, оказались въ рукахъ духовенства изъ французовъ; папскій дворъ черезъ французское духовенство попользовался англійскими деньгами въ значительной части для вреда англійскихъ интересовъ. Понятно послѣ этого, почему низшіе классы англійскаго народа, въ которыхъ оказалась наибольшая часть приверженцевъ ученія Виклифа и позднѣйшихъ преемниковъ ихъ Lollard'овъ, были врагами римско-католической церкви.

Но даже и среди англійскаго дворянства явились послѣдователи ученія Виклифа относительно церковныхъ имуществъ. Въ числѣ такихъ слѣдуетъ назвать Іоанна изъ Гонта, который въ кафедральномъ храмѣ св. Павла защищалъ публично Виклифа противъ нападеній англійскихъ епископовъ. Главы

IV и V трактуютъ о вѣроисповѣдныхъ взглядахъ англійскаго народа въ эпоху Виклифа. По словамъ автора, «Виклифъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногочисленныхъ людей, которые видѣли и права помѣщиковъ и страданія крестьянъ». Съ подобнымъ вѣрнымъ взглядомъ на общественныя отношенія того времени онъ могъ, по окончаніи крестьянскаго возстанія, говорить объ этомъ событіи съ великимъ самоувѣреніемъ и ясностью взглядовъ. Въ то время, какъ высшіе классы только и думали о мщеніи крестьянамъ, Виклифъ рѣшился предложить, чтобы церковныя имуществы были отданы въ руки свѣтскихъ, чтобы они могли улучшить тяжелое положеніе бѣдныхъ, которое и вызвало возстаніе. Авторъ очень живо рисуетъ дѣятельность Виклифа; изображена она съ чувствомъ, съ участіемъ къ бѣднымъ классамъ.

Это и понятно почему. Отецъ автора этой книги (которому всего лишь 24 года) «Sir George Trevelyan», извѣстный министръ кабинета Гладстона, этого покровителя и защитника угнетенныхъ; перу отца принадлежитъ прекрасная біографія лорда Маколея (Macaulay), которому этотъ былъ дядя.

Вопроса о вліяніи ученія Виклифа на чеховъ авторъ касается въ общихъ чертахъ; онъ отмѣчаетъ, что творенія Виклифа, послѣ ихъ уничтоженія въ Англии, сохранились въ Чехіи (стр. 182, 260—262); но не находимъ даже упоминанія ни о Lollardъ Wuche, который былъ въ перепискѣ съ Іоанномъ Гусомъ, ни о Петрѣ Пейѣ (Paup), этомъ англійскомъ гуситѣ. Кромѣ Чехіи, ученіе Виклифа, по словамъ автора, нашло искренній пріютъ въ Шотландіи, которая англичанамъ такъ же чужда, какъ и Чехія. Но въ распространеніи ученія Виклифа у шотландцевъ принимали и чешскіе гуситы, судя по тому факту, сообщаемому въ книгѣ этой, что 1431 г. какой-то чехъ гуситъ, защищавшій претвореніе хлѣба и вина въ плоть и кровь Христову, защищавшій причащеніе подъ обоими видами и причащавшій въ своей конгрегаціи, былъ сожженъ въ св. Андрейсѣ.

Въ послѣднихъ глазахъ авторъ говоритъ о «доллардствѣ» послѣ смерти Виклифа. Со времени Виклифа можно устанавливать зародышъ англійской реформаціи, независимо отъ вліянія нѣмецкихъ реформацій. В. К.

III. Летурно. Эволюція воспитанія у различныхъ человѣческихъ расъ. Спб. 1900.

Летурно достаточно извѣстенъ, какъ авторъ нѣсколькихъ «эволюцій». Сочиненія его всегда представляютъ большой интересъ для широкой публики, такъ какъ затрагиваютъ живые вопросы. Научное значеніе его «эволюцій», правда, не особенно велико, такъ какъ выводы Летурно не всегда основательны, а матеріалъ нерѣдко усиленно подгоняется имъ подъ какую нибудь «эволюцію», собранъ матеріалъ иногда на скорую руку.

Одно изъ послѣднихъ сочиненій Летурно затрагиваетъ важнѣйшій вопросъ въ исторіи развитія человѣчества—вопросъ о воспитаніи, имѣющій громадное практическое значеніе. Онъ прямо говоритъ, что «человѣчество есть результатъ слѣплого и безразнаго воспитанія, которое дано было ему, съ одной стороны, природою и, съ другой, социальнымъ бытомъ». Руководители народа должны

быть «экспертами-педагогами», а для этого должна существовать истинная наука о воспитаніи. Отсутствие такой науки объясняется—нѣсколько смѣло—Летурно тѣмъ, что въ особенно централизованныхъ странахъ не поощряются попытки нововведеній по части педагоги.

Какъ и въ другихъ своихъ работахъ, Летурно держится метода изученія человѣческихъ расъ въ іерархическомъ порядкѣ ихъ классификаціи. Такая классификація, по его мнѣнію, соответствуетъ «эволюціонной серіи сеціологическихъ возрастовъ». Свои наблюденія онъ начинаетъ съ животнаго міра, чтобы дойти путемъ медленнаго восхожденія до высшихъ человѣческихъ расъ.

27 страницъ хватило автору, чтобы поговорить о воспитаніи животныхъ, о дрессировкѣ молодыхъ животныхъ родителями, о воспитателяхъ-муравьяхъ, о воспитаніи домашнихъ животныхъ, даже о языкѣ животныхъ и человѣка. Выводъ его тотъ, что воспитаніе животныхъ опирается на тѣ же основанія, что и воспитаніе человѣка. Позвоночныя и безпозвоночныя животныя, путемъ примѣра, серьезно занимаютъ воспитаніемъ своихъ дѣтенышей (естественное воспитаніе), но стараются дѣйствовать терпѣливо, не примѣняя тѣлесныхъ наказаній. «Въ нашей, человѣческой педагогій избытокъ строгости», — остроумно замѣчаетъ Летурно, — «злоупотребленія силой такъ обыкновенны, что многимъ изъ нашихъ воспитателей» не худо бы было позаимствоваться педагогическими приѣмами у животныхъ» (435).

Отъ обзорннн міра животныхъ съ точки зрѣнія воспитанія Летурно переходитъ къ человѣческому воспитанію, начиная съ воспитанія у низшихъ расъ, которыя въ приѣмахъ воспитанія недалеко ушли отъ животныхъ, продолжая воспитаніемъ у бѣлыхъ расъ (египтяне, арабы, евреи и халдеи, Греція и Римъ) и заканчивая средневѣковымъ воспитаніемъ и современнымъ.

Слѣдуетъ сказать, что, если первая часть книги Летурно, трактующая о воспитаніи у первобытныхъ народовъ, даетъ много интереснаго матеріала, то вторая, излагающая воспитаніе въ классическомъ мірѣ и современной Европѣ, страдаетъ общими фразами и грубыми выводами. Таковы страницы, посвященные средневѣковому воспитанію, гдѣ вовсе не выяснена роль университетовъ. Въ особенности неудачно изложено Летурно воспитаніе въ новое время. Онъ даже не упоминаетъ о томъ, какую роль сыграло гуманистическое движеніе, какъ видоизмѣнились школьные приѣмы во время реформациі, какъ отнеслась революція, въ особенности законодательное собраніе, къ народному образованію и воспитанію во Франціи. Это слишкомъ трудная задача дать въ небольшой книжкѣ исторію воспитанія человѣчества, вотъ почему историческая часть книги Летурно довольно слаба. Авторъ справедливо возстаегъ противъ «старой трясины», противъ консервативной педагогій, «слишкомъ привязанной къ словамъ», оставляющей въ пренебреженіи умъ, сердце и волю.

А. Н.—овъ.

М. А. Энгельгардтъ. Прогрессъ, какъ эволюція жестокости. Популярно-научная библіотека. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1899.

М. А. Энгельгардтъ раздѣляетъ взглядъ Ж. Ж. Руссо на цивилизацію, которая, по его мнѣнію, представляетъ постепенное развитіе жестокости, постепенное озвѣреніе человѣка, что онъ и старается доказать историческими фактами. Сознывая, что такая работа—изложить исторію цивилизаціи съ новой точки зрѣнія — не по силамъ одному человѣку, г. Энгельгардтъ считаетъ своей очеркъ лишь носильнымъ вкладомъ, способствующимъ разсѣянію ходячаго взгляда на прогрессъ, какъ на смягченіе нравовъ. Оказывается (увы!), что интеллектуальный прогрессъ далеко не шель рядомъ съ моральнымъ. Первыми плодами просвѣщенія являются: война, людоедство, дѣтубійство, затѣмъ рабство, деспотизмъ... Хотя ученіе Ж. Ж. Руссо объ «идеальномъ дикарѣ» было въ свое время отброшено, какъ химера, но это объясняется тѣмъ, что тогда наши свѣдѣнія о первобытномъ человѣкѣ были неполны, теперь же научныя изысканія виолнѣ оправдываютъ теорію Руссо. Такой пессимистическій взглядъ на цивилизацію, способный вызвать глубокую меланхолію у впечатлительнаго читателя, нѣсколько смягчается, однако, оговоркою, что послѣднія два столѣтія, XVIII и XIX, составляютъ исключеніе: происходитъ реакція, и прогрессъ совершается по болѣе правильному пути (уничтоженіе рабства, крѣпостного права, отмѣна пытокъ, казни, устраненіе розогъ, плетей и т. д.). Предвидя нѣкоторое недоумѣніе со стороны читателя, любопытствующаго узнать причину столь крутого поворота прогресса съ пути озвѣренія на путь человѣчности, г. Энгельгардтъ спѣшитъ заявить, что переломы въ историческомъ развитіи бывають, и очень часто республики превращаются въ монархіи, монархіи—въ республики и т. п., и что его задача показать лишь, что и какъ происходитъ, но не почему. Необходимо отказаться отъ неправильнаго ходячаго взгляда на ходъ исторіи, какъ на постепенное смягченіе нравовъ. Такой взглядъ установился въ силу того, что ошибочно сравнивають, на примѣръ, фиджійца или дагомейца, уже достигшихъ нѣкоторой степени культуры, съ современнымъ европейцемъ «типа Гладстона». Разумѣется, сравненіе получается не въ пользу дагомейца. Если же сравнить первобытныя племена каменнаго вѣка, на примѣръ, цейлонскихъ ведаковъ съ европейцами XVI и XVII вѣковъ, то мы увидимъ съ одной стороны отсутствіе насилія, альтруизмъ, а съ другой—эволюцію всѣхъ формъ жестокости и лицемерія. Резюмируя все сказанное, авторъ устанавливаетъ такую классификацію морали: 1) мораль первобытная, 2) дикая, 3) культурная и 4) европейская.

Заканчиваетъ авторъ все же пессимистически: признавая, съ одной стороны, поворотъ прогресса къ лучшему въ два послѣднія столѣтія, съ другой

стороны, онъ отмѣчаетъ развитіе эгоизма, индивидуальности и приходитъ къ выводу, что послѣдняя стадія моральнаго развитія меркантильная можетъ выработать типъ не жестокой, но бездушный, моральную деревяшку, такъ что г. Энгельгардтъ въ концѣ концовъ рѣшительно отказывается подать какую бы то ни было надежду на лучшее будущее. Просматривая данную г. Энгельгардтомъ характеристику первобытнаго человѣка, читаемъ: онъ не воевалъ, не убивалъ, не ревновалъ, не обижалъ, не ругался. Сооставляя затѣмъ нѣкоторыя выраженія автора («Введеніе»), направленные по адресу его оппонентовъ, мы не можемъ не согласиться съ выводомъ, что первобытный человѣкъ стоялъ въ нѣкоторомъ отношеніи выше современнаго культурнаго европейца. Въ самомъ дѣлѣ, весьма досадно встрѣтить въ книгѣ научно-популярнаго характера выраженія такого рода: «одинъ старый почтенный жеватель мочалки, извѣстный тѣмъ, что втеченіе своей долгой литературной карьеры систематически садился въ лужу и шлепался между двухъ стульевъ, пытаясь примирить непримиримое и объять необъятное, потратилъ немало азарта, «опровергая» мои взгляды». Оставляя на отвѣтственности автора научное обоснованіе его работы, ссылая на данныя біологін, антропологін, этнографін, исторін и проч., мы считаемъ лишь нужнымъ отмѣтить, что подобныя пароявскія стрѣлы, пускаемыя изъ личныхъ побужденій въ противный автору лагерь, равно какъ и не соискѣмъ удачныя эпитеты, прилагаемые авторомъ къ именамъ почтенныхъ писателей: «художественная ложь Вальтеръ-Скотта, водянистое малеваніе Эберса, сусальная живопись и парикмахерскіе приемы Сенкевича» (стр. 186), «Диккенсъ одной стороной своего искусства принадлежитъ къ старой парикмахерской массѣ»..., «критикъ въ родѣ Брюнетьера (съ позволенія сказать!)», — все это нѣсколько мѣшаетъ книгѣ г. Энгельгардта сохранить волюнѣ научный характеръ.

Д. Е.

Охотско-Камчатскій край. Д-ръ Н. Слюнинъ Изданіе министерства финансовъ. Спб. 1900.

Появленіе въ свѣтъ объемистаго естественно-историческаго описанія Охотско-Камчатскаго края имѣетъ, по словамъ автора, слѣдующую исторію: «руководясь, съ одной стороны, мнѣніями специалистовъ о возможности находженія золота на Охотско-Камчатскомъ побережьѣ, а, съ другой, справедливо полагая, что проведеніе великаго сибирскаго пути окажетъ благотворное вліяніе на развитіе золотопромышленности и въ этой отдаленной и заброшенной окраинѣ, министръ финансовъ возбудилъ вопросъ о снаряженіи охотско-камчатской экспедиціи и объ изслѣдованіи этого края не только въ золотоносномъ, но и въ экономическомъ отношеніи. Съ этою цѣлію въ 1895 г. при горномъ

департаментъ была образована изъ свѣдущихъ людей, специалистовъ и частныхъ промышленниковъ, особая комиссія для разработки программы охотско-камчатской экспедиціи». Г. Слюнинъ былъ прикомандированъ къ названной экспедиціи въ качествѣ врача и изслѣдователя отдаленнаго края. Въ своемъ трудѣ онъ старался дать общую картину физической природы и экономической, бытовой и умственпо-религіозной жизни здѣшнихъ инородцевъ.

Въ заключеніи своего изслѣдованія онъ констатируетъ во всемъ крайне печальное положеніе инородцевъ. «Единственнымъ источникомъ существованія служатъ пушной звѣрь, домашній олень да рыба; но количество дорогой пушныны сильно уменьшилось; отъ частыхъ эпизоотій рѣдѣютъ стада оленей, а изъ рыбы инородецъ не научился готовить другое пищевого консерва, кромѣ незатѣливой юколы, да и этой послѣдней часто не хватаетъ или отъ недохода рыбы, или вслѣдствіе порчи во время ея консервированія первобытнымъ способомъ. Большая смертность дѣтей, эпидеміи опустошаютъ селенія и стойбища, — и численность населенія не даетъ нормального прироста. Экономическая сторона жизни инородца за время нашего обладанія краемъ не улучшилась, а скорѣе ухудшилась: взамѣнъ пушного богатства, которымъ когда-то славился край, мы не выработали и не создали другихъ средствъ существованія. О народномъ образованіи не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ число школъ грамотности и въ настоящее время весьма ограничено; что же касается ремесленно-профессиональнаго знанія, такъ необходимаго въ жизни, въ особенности на окраинѣ, то это — задача будущаго».

Рядомъ съ этой безотраднѣйшей картиной инородческаго быта д-ръ Слюнинъ находитъ, что результаты охотско-камчатской экспедиціи по изысканію мѣстныхъ богатствъ были блестящи: «во многихъ мѣстахъ открыто богатое золото и другія полезныя ископаемыя, найдены обширныя площади прекраснаго строеваго лѣса, изученіе морскихъ промысловъ даетъ основаніе для развитія широкой эксплуатаціи этихъ богатствъ, которыя до сихъ поръ казнѣ не доставляли дохода, а мѣстнымъ жителямъ не приносили выгоды: киты, сельдь и разные виды чудныхъ лососей могутъ послужить громаднымъ экспортомъ, какъ на китайскій и японскій рынки, такъ и внутрь Россіи, и такимъ образомъ избавятъ ее отъ ежегодной уплаты за границу десятковъ милліоновъ рублей за ввозимые рыбные консервы и въ особенности сельдь. Мы думаемъ, что эксплуатаціи этихъ послѣднихъ богатствъ въ экономической жизни края будетъ играть болѣе важную роль, чѣмъ открытіе золота на Охотско-Камчатскомъ побережьи. Допустимъ даже (на что мы имѣемъ основаніе), что золото будетъ найдено и въ другихъ пунктахъ этой окраины; но все-таки въ концѣ концовъ металлъ будетъ выработанъ, извлеченъ изъ нѣдръ земли, тогда какъ морскія богатства могутъ служить постояннымъ и неисчерпаемымъ источникомъ благосостоянія. Нужно только прийти на помощь пустынному краю и позаботиться о рациональной постановкѣ дѣла. Мы уже знаемъ изъ прошлаго, что хищническій способъ промысла почти истребилъ соболя и морского бобра, а теперь истребляетъ морского котика; уроки прошлаго не слѣдуетъ забывать, а нужно во-время позаботиться о томъ, чтобы подобная исторія не могла повториться».

съ рыбными и другими промыслами, которые только одни могут поднять край и улучшить его экономическое положеніе. Но для этого требуется организовать научно-административный надзоръ и разработать правила промысловъ, согласуясь съ нуждами страны и ея жителей; не одни только рыбные, но и всѣ мѣстные промыслы должны быть подчинены особой инспекціи и изъяты изъ вѣдѣнія окружныхъ начальниковъ, которые въ этомъ дѣлѣ—не специалисты и на долю которыхъ выпадаетъ и безъ того масса труда и административныхъ заботъ. Въ виду уже начинающейся развиваться здѣсь эксплоатаціи рыбы, необходимо, чтобы жители инородцы такъ или иначе были заинтересованы въ рыбныхъ предпріятіяхъ—тѣмъ болѣе, что подобные промыслы производятся въ водахъ, имѣ, какъ владѣльцамъ, принадлежащихъ». Въ виду насльдственной задолженности цѣлыхъ поколѣній и эксплоататорскаго характера промысловъ, д-ръ Слюнинъ рекомендуетъ для благодѣянія края казенную торговлю пушниной, доставку инородцамъ предметовъ житейскаго обихода и устройство промысловъ за счетъ правительства.

«Это сразу, —говоритъ онъ, —дало бы громадную экономію инородцу и улучшило бы его положеніе, еслибы даже взималось 20—30% на затраченный капиталъ; остатки подобной казенной торговой операціи могли бы послужить для устройства школъ и лучшей организаціи медицинской и ветеринарной помощи. При этомъ, торговля спиртными напитками и ввозъ ихъ въ сѣверные округа должны быть безусловно воспрещены закономъ, какъ это сдѣлано относительно Мурманскаго берега».

Изслѣдованіе д-ра Слюнина, въ двухъ томахъ, имѣетъ такимъ образомъ, кромѣ литературно-научнаго достоинства, и огромное практическое значеніе. Оно снабжено картой Охотско-Камчатскаго края, прекрасно выполненными тридцатью двумя фототипіями и пятьюдесятью четырьмя цинкографіями многочисленныхъ особенностей отдаленной окраины, способной до сихъ поръ превращать водворившихся здѣсь интеллигентовъ въ алеутовъ.

А. Фаресовъ.

А. И. Фаресовъ. Мои мужики. Очерки и рассказы. Спб. 1900.

О мужикахъ пишутъ немало. И все-таки каждое новое слово о нихъ интересно и поучительно, если только оно является плодомъ наблюденія, а не кабинетнаго измышленія. Мужикъ никогда не можетъ надоесть вопреки утвержденіямъ одного публициста, что «мужикъ наскучилъ». Наскучилъ не мужикъ, а кабинетныя измышленія о немъ, тенденціозныя разсужденія, не покоящіяся на фактахъ. О мужикѣ писано много, а мы его все-таки знаемъ недостаточно полно, отчего и желателенъ всякій новый штрихъ, выясняющій передъ нами душу мужика, его взгляды, идеалы. Въ Россіи деревня—все, ибо интеллигенція—капля въ морѣ, и нерѣдко эта интеллигенція, не знающая мужика, судитъ вкось и вкривь о деревнѣ, навязывая ей то, что деревнѣ не нужно. Никто не отрицаетъ, что нашей интеллигенціи (лучшей ея части) присущи благіе порывы, но если ей

пришлось совершить немного, а нерѣдко приходилось и вредить народу, то потому, что она не знаетъ хорошо народа и зыбываетъ, что ей нужно не только учить, но и есть чему самой поучиться у народа. Это относится къ лучшей части интеллигенціи, но въѣсколько такихъ «интеллигентовъ», которые вносятъ въ деревню только деморализацію.

Главное достоинство очерковъ г Фаресова — въ ихъ жизненности и правдѣ. Не всѣ очерки одинаковы по исполненію, но всѣ они дышатъ той неподдѣльной правдивостью, которая дается только близкимъ соприкосновеніемъ съ жизнью; непосредственнымъ изученіемъ ея. Иногда авторъ не ограничивается изображеніемъ жизни, но дѣлаетъ и свои заключенія. Со многими изъ нихъ нельзя согласиться, но это, конечно, не обезцѣниваетъ очерковъ, сила которыхъ въ правдѣ картинъ.

Книга открывается очеркомъ «Въ стени», однимъ изъ лучшихъ. Въ немъ сразу подкупаетъ искренность тона, простота и въ то же время яркость письма и тѣ детали, которыя показываютъ въ авторѣ немалую наблюдательность.

Прекрасны также по своей правдѣ «Деревенскіе разговоры», «Исковская мякина», «Поиски за страхами», «Мои мужики о Пушкинѣ» и «Отцы и дѣти въ современной деревнѣ». Въ «Исковской мякинѣ» прекрасно переданъ образный колоритный народный языкъ, народное остроуміе. Интересны взгляды народа на образованіе, при чемъ одни мужики стоятъ за грамотность, а другіе не видятъ въ ней большой пользы. Надо сказать правду, что послѣдніе не такъ далеки отъ истины, какъ можетъ это показаться съ перваго раза. Эти противники грамотности прекрасно чувствуютъ, что одной грамотности мало. Они не противъ просвѣщенія, но не видятъ его въ томъ образованіи, которое даетъ школа. «Что твои грамотные, — заявилъ Степанъ: — всѣ Законъ Божій знаютъ, а ругаются не хуже насъ. Отца не почитаютъ, умѣютъ въ засѣкахъ считать зерна, чтобы на пропой таскать, родителя побить и чужую лошадь угнать». Ясно, что Степанъ желаетъ, чтобы грамотность являлась и просвѣщеніемъ, поднимала бы человѣка нравственно, потому онъ и говоритъ опять: «Молодые всѣ грамотные, побывали въ Питерѣ и въ солдатахъ, а самъ знаешь, чѣмъ они отлѣчаются отъ насъ... Озорствомъ и окромя ничѣмъ. Что говоритъ! Теперь мальцы грамотны и учены. На чужого коня сѣсть, и процай. Бабамъ сунуть вмѣсто золотого новенькую монетку въ двѣ копейки; родителей ругать и въ шею потыкать. Сравнялись во всемъ съ нами грамотей, не отличить».

Если вы вдумаетесь, то и сами скажете, что не велика польза отъ образованія, когда оно человѣка не дѣлаетъ лучше, а лишь даетъ ему лишнее оружіе на пути проявленія своихъ хищническихъ инстинктовъ. Степанъ, какъ и весь народъ, смотритъ на ученіе съ вѣрной точки зрѣнія, видя въ немъ просвѣщеніе, нравственное усовершенствованіе, и такой «науки» требуетъ отъ школы.

Превосходенъ разсказъ «Въ поискахъ за страхами», гдѣ выведенъ солдатъ чухонецъ. Авторъ ѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ на его телѣгѣ. Прежде всего чухонецъ заявляетъ, что русскому народу и строгимъ-то быть трудно: «нишъ, все шоссе дачами застроили, а посреди дачъ все кабаки да портерныя. Народъ сызмальства и балуется». Вспоминая старое время, чухонецъ удивляется: «куда это страхъ дѣвался?» и прибавляетъ, что «безъ страха жить нельзя». Авторъ сира-

щиваетъ: «Значить, когда были строгіе госнода, народъ больше страшился грѣха?»—Чухонецъ на это отвѣчаетъ: «Ты себя самого бойся. Безъ господина бойся грѣха. Бариномъ не напугаешь нынче мужика. Одинъ господинъ у насъ—Богъ. Не будешь Бога бояться—чортъ станетъ твоимъ господиномъ».

Такимъ «философовъ» въ народѣ много. Я самъ встрѣчалъ ихъ, катаясь по Руси, и къ нимъ принадлежитъ мой Степанъ Вѣлыхъ («Госнода крестьяне», очеркъ «Степанъ Вѣлыхъ»). Такіе философы являются выражателями коллективной народной мысли; народъ чутьемъ понимаетъ, что «безъ страха жить нельзя». «Прежде я бралъ деньги и писалъ росписку: отдамъ въ такой-то срокъ, а если не отдамъ, то будетъ мнѣ стыдно. А теперь стыда нѣтъ!» Это говоритъ одинъ изъ фаресовскихъ мужиковъ. Что это значитъ? То же самое, что не стало страха. Не надо суживать понятіе о страхѣ до страха только передъ палкой. Чухонецъ ясно говоритъ: «бойся Бога, а не барина, Бога забудешь—чортъ будетъ господиномъ». Бойся Бога—будешь бояться и совѣсти. Безпринципность интеллигенція, то же отсутствіе страха передъ всѣмъ, даже передъ собою («себя бойся»), переходитъ и въ народъ. «Покойная смерть всего дороже на землѣ»,—говоритъ чухонецъ. Великая правда, надо только понять, какъ слѣдуетъ, это спокойствіе передъ смертью. Авторъ говоритъ: «не одна покойная смерть дороже всего, а и свѣтлая душевная радость». Но одно другого не исключаетъ, а напротивъ только при «страхѣ» жизнь будетъ полна чистыхъ хорошихъ радостей, и человѣкъ получитъ въ награду спокойную смерть. Надо только уразумѣть, что такое спокойная смерть. «Бариномъ нынче мужика не запугаешь». Вѣрно. Но это и не важно. А вотъ плохо, что скоро и Богомъ мужика не запугаешь, и чортъ сдѣлается его господиномъ. А въ такомъ случаѣ—конецъ счастью, конецъ правдѣ, и нечего ждать спокойной смерти. Что можетъ дать деревнѣ интеллигенція? Какъ бы ни увлекались и ни ошибались прежніе народники, но всеже лучшіе изъ нихъ искренно любили народъ, болѣли за него и болѣе или менѣе понимали его настоящее счастье. Но куда пошли ихъ дѣти? Это показываетъ г. Фаресовъ въ очеркѣ «Отцы и дѣти», въ которомъ выводится почтенный дѣятель и его «дѣти», тѣ «марксиста», которые хотятъ, чтобы деревня обнищала и черезъ фабрику получила свѣтъ и счастье. Конечно, не все молодое поколѣніе смотритъ такъ, и только еще это даетъ право на что нибудь надѣяться.

Я остановился на этихъ очеркахъ г. Фаресова, потому что они касаются основныхъ народныхъ взглядовъ и устоевъ деревни. Но и всѣ остальные очерки крайне содержательны, хотя иные изъ нихъ и касаются уже болѣе внѣшнихъ формъ быта, болѣе мелкихъ явленій жизни. Грустную картину даетъ намъ авторъ въ наброскѣ «По избамъ и школамъ Воспитательнаго дома:» на грустные думы наводитъ эскизъ «Мои мужики о Пушкинѣ». Вамъ показывается вся ложь христіанской современной филантропіи, факты разбиваютъ тѣ пышныя фразы, которыми привыкли убаюкивать васъ официальные отчеты; вы понимаете ту вину, какая лежитъ на интеллигенціи, которая, крича о народномъ благѣ и просвѣщеніи, держитъ до сихъ поръ мужика въ невѣжествѣ или тащитъ его на дорогу ложнаго просвѣщенія. Мнѣ кажется, что авторъ относится слишкомъ мягко къ интеллигенціи, но его картины помимо его

воли являются обвинительнымъ актомъ этой интеллигенціи, и въ то же время эти картины можно назвать скорбною лѣтописью деревенской жизни. Эта лѣтопись такова, что ей нужно посвятить рядъ статей, чтобы сколько нибудь полно выяснить то, чего мы коснулись лишь слегка, но потому-то такія лѣтописи и желательны, что онѣ даютъ необходимое «знаніе» и будятъ снующую мысль читателей. Можно только желать, чтобы являлось побольше такихъ книгъ, какъ книга г. Фаресова.

А. Кругловъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Юбилей Гуттенберга.—Четырехсотлѣтіе Бразиліи.—Новые труды по исторіи Пенаніи и Голландіи.—Чудовищный голокъ, спасшій городъ Ротенбургъ.—Англо-французскій союзъ въ XVII вѣкѣ.—Вторая серия очерковъ патологической исторіи.—Развѣчиванье Веллингтона.—Мемуары графа Монталива и Кювилье-Флери.—Наполеонъ IV.—Колья Линкольна, какъ избирательное орудіе.—Засѣданіе англо-русскаго литературнаго общества въ 1900 году.—Смерть мистриссъ Гладстонъ и принца Жуанвилъскаго.—Убіенство посланниковъ въ Рантаттѣ.—Судьбы герцогини Беррійской.—Китайская императрица регентша.

БИЛЕЙ Гуттенберга. 11-го іюня настоящаго года Майнцъ и весь образованный міръ, въ томъ числѣ Петербургъ, праздновали пятисотлѣтіе дня рожденія изобрѣтателя книгопечатанія Іоанна Гуттенберга. Конечно, во всѣхъ странахъ, преимущественно въ Германіи, возникла по этому случаю особая юбилейная гуттенберговская литература, но укажемъ только на нѣмецкую обстоятельную книгу Меиснера и Лютера: «Открытіе искусства книгопечатанія» ¹⁾, и наблестящую статью: «Гуттенбергъ и книгопечатное искусство» ²⁾, Д. Новера, который рисуетъ картину постепеннаго развитія печатной книги въ продолженіе полутысячелѣтія, рядомъ съ живымъ очеркомъ жизни ея великаго создателя. Къ сожалѣнію, эта жизнь отличается легендарнымъ характеромъ, и многое въ ней остается темнымъ и невыясненнымъ. Даже самое изобрѣтеніе имъ книгопечатанія оспаривается, и выставляють ему двухъ соперниковъ: Костера въ Гарлемѣ и Вальдфогеля въ Авиньонѣ. Замѣчательно, что при жизни Гуттенберга и даже въ продолженіе долгаго времени послѣ его смерти никто не посягалъ на

¹⁾ Die Erfindung der Buchdruckerkunst, von H. Meisner und I. Luther. Leipzig. 1900.

²⁾ Gutenberg und die Buchdruckerkunst, von I. Nover. Nord und Sud. Jany. 1900.

его славу, и, только сто лѣтъ спустя, Адрианъ Юліусъ въ своей книгѣ «*Batavia*» утверждалъ, что книгопечатаніе изобрѣтено въ 1440 г. въ Гарлемѣ его гражданиномъ Лаврентіемъ Янсономъ Костеромъ. По его разсказу, этотъ Костеръ для забавы своего внука вырѣзалъ изъ буквой коры буквы и отпечатывалъ ими цѣлыя строки на бумагѣ, а затѣмъ сталъ вырѣзать на деревѣ страницы съ рисунками и наконецъ перешелъ къ металлическимъ передвижнымъ буквамъ, съ помощью которыхъ началъ печатать книги. На этихъ книгахъ онъ не выставилъ своего имени, боясь преслѣдованія со стороны духовенства, поощрявшаго переносчиковъ монаховъ, а онъ къ тому же былъ церковнымъ причетникомъ. Его дѣло, однако, разрослось, принося ему значительную выгоду, и онъ былъ вынужденъ взять себѣ помощниковъ, но одинъ изъ нихъ, по имени Іоаннъ, укралъ его секретъ, бѣжалъ въ Майнцъ и тамъ напечаталъ книгу въ 1441 году. Голландцы подозрѣваютъ, что этотъ Іоаннъ былъ самъ Гуттенбергъ, или одинъ изъ его работниковъ, и въ доказательство, что ихъ соотечественникъ изобрѣлъ книгопечатаніе, приводятъ свидѣтельство Ульриха Целля, ученика Гуттенберга и потомъ печатника въ Кельнѣ, который будто бы говорилъ, что его учитель Гуттенбергъ заимствовалъ свое искусство изъ Голландіи, какъ удостовѣряетъ нѣмецъ Штумеръ въ одной кельнской хроникѣ отъ 1499 года. Голландцы такъ вѣрятъ въ эту гипотезу, что поставили Костеру, какъ изобрѣтателю книгопечатанія, двѣ статуи въ Гарлемѣ, его родинѣ, и даже въ другихъ странахъ находятся его сторонники, такъ англичанинъ Гаельсъ написалъ цѣлую книгу подъ заглавіемъ: «Гарлемъ, а не Майнцъ колыбель книгопечатанія». Но гипотеза Костера опровергается столѣтнимъ молчаніемъ о немъ и тѣмъ фактомъ, что никто никогда не видалъ будто бы напечатанной имъ книги. Кромѣ того, самъ Гуттенбергъ никогда не былъ въ Голландіи, и никого изъ его рабочихъ нельзя отождествить съ бѣглымъ Іоанномъ. Поэтому надо предположить, что Костеръ сдѣлалъ какое нибудь усовершенствованіе въ ксилографіи и печаталъ книги съ помощью рѣзныхъ деревянныхъ пластинокъ, что извѣстно было до него, но онъ далеко не дошелъ до печатнаго станка. Еще менѣе доказательны доводы въ пользу изобрѣтенія книгопечатанія въ Авиньонѣ какимъ-то Проконіемъ Вальдфогелемъ; эта теорія повѣйшаго происхожденія и ее отстаиваетъ только аббатъ Ракенъ въ брошюрѣ: «Типографія въ Авиньонѣ въ 1444 г.». Авторъ ея нашелъ въ архивахъ этого города два документа, въ которыхъ говорится о заключеніи договора Проконіемъ Вальдфогелемъ съ нѣсколькими лицами о соблюденіи въ тайнѣ способа «искусственного писанія» съ помощью подвижныхъ металлическихъ буквъ, но неизвѣстно, примѣнено ли было на практикѣ это «искусственное писаніе», и дѣйствительно ли печатались книги съ его помощью. Наконецъ, въ то время уже Гуттенбергъ изобрѣталъ свои подвижныя буквы и также занимался какимъ-то «тайнымъ искусствомъ», а потому Вальдфогель могъ заимствовать у него свое «искусственное писаніе». Такимъ образомъ, права Гуттенберга на славу изобрѣтателя книгопечатанія неоспоримы, и ему обязано человѣчество умѣніемъ удобно, скоро и дешево набирать съ небольшимъ количествомъ отдѣльныхъ буквъ какой угодно текстъ и получать съ него на печатномъ станкѣ оттиски въ какомъ угодно числѣ экземпляровъ. Къ сожалѣнію, свидѣнія о

жизни этого истиннаго благодѣтеля человѣчества очень скудны и противорѣчивы. Большинство биографовъ великаго первопечатника говорятъ, что онъ родился въ Майнцѣ въ 1400 году, и что его отцемъ былъ Фріэло Гейнсфлейшъ, а матерью Елизавета Гуттенбергъ; оба они принадлежали къ извѣстнымъ патриціанскимъ родамъ Майнца, имѣвшимъ право участвовать въ городскомъ управленіи, и мать, послѣдняя представительница рода, чтобъ сохранить его, дала своему младшему сыну Іоанну фамилію Гуттенбергъ. Впрочемъ, нѣкоторые биографы утверждаютъ, что первопечатникъ родился въ 1396 г. или въ 1398 г., и объясняютъ иначе причину того, что, нося фамилію Гейнсфлейшъ, онъ назывался Гуттенбергомъ; именно, по ихъ мнѣнію, у семьи Гейнсфлейшъ было два помѣстья, одно этого имени и другое Гуттенбергъ. Наконецъ, въ недавно обнаруженномъ письмѣ ректора Парижскаго университета Фишэка къ Роберту Гахэну отъ 1470 г. говорится, что «искусство печатанія придумано недалеко отъ Майнца нѣкимъ Іоанномъ, по прозвищу Bonemonturus» (Гуттенбергъ—Добрая Гора). Какъ бы то ни было, свое дѣтство и юность онъ провелъ у родителей, а въ 1420 г., благодаря междоусобіямъ въ Майнцѣ, долженъ былъ бѣжать въ Страсбургъ, гдѣ жилъ, по словамъ однихъ до 1445 г., а другихъ — до 1448 г. Привыкнувъ къ богатству и роскоши, онъ тогда былъ вынужденъ избрать себѣ ремесло, и его выборъ остановился на ювелирномъ. Какъ извѣстно, къ ювелирному цеху принадлежали рисовальщики и граверы, а впоследствии къ нему примкнули и типографы, созданные Гуттенбергомъ. Объ этой эпохѣ его жизни сохранилось очень мало свѣдѣній, и достоверно только, что онъ занимался шлифовкой драгоценныхъ камней, выдѣлкой зеркалъ, тисненіемъ металлическихъ рамы для нихъ на особомъ станкѣ, улучшеніемъ ксилографіи и изобрѣтеніемъ подвижныхъ буквъ, сначала деревянныхъ, а затѣмъ металлическихъ. Сохранились архивные документы, удостоверяющіе, что съ нимъ заключенъ былъ договоръ для изученія какого-то тайнаго искусства Андреемъ Дриценомъ, и что онъ составилъ съ нимъ и Андреемъ Рифе товарищество для невѣдомаго механическаго производства. Во всякомъ случаѣ, если дѣло и шло о книгопечатаніи, то оно не было примѣнено къ практикѣ въ Страсбургѣ, хотя 1440 годъ считается обыкновенно годомъ великаго изобрѣтенія Гуттенберга, и слѣдовательно Страсбургъ можетъ оспаривать у Майнца честь быть колыбелью книгопечатанія, такъ какъ въ то время безспорно Гуттенбергъ находился въ Страсбургѣ. Этотъ фактъ, между прочимъ, доказывается внесеніемъ его имени въ списокъ тамошнихъ плательщиковъ налоговъ и процессомъ съ какой-то Анной, которая обвиняла его въ нарушеніи даннаго обѣщанія жениться на ней. Эта Анна впоследствии подписывалась «Annel Gutenbergein», хотя объ ихъ бракѣ нигдѣ не упоминается. Со смертію Дрицена товарищество распалось, и братъ его затѣялъ съ Гуттенбергомъ процессъ, который былъ имъ выигранъ, и Гуттенбергъ снова разорился. Тогда онъ вернулся въ Майнцъ и составилъ товарищество для устройства первой типографіи съ золотыхъ дѣлъ мастеромъ Іоанномъ Фаустомъ, или Фустомъ, и искуснымъ писцемъ, необходимымъ для рисованія буквъ, Петромъ Шефферомъ, или Шейфхеромъ. На это предпріятіе Фаустъ далъ 800 гульденовъ, а потомъ еще такую же сумму, и Гуттенбергъ открылъ первую типографію въ скромномъ домѣ подѣ

названіемъ «Zum jungen», который существуетъ до сихъ поръ въ Майнцѣ въ Францисканской улицѣ и былъ центромъ недавнихъ юбилейныхъ празднествъ. Что касается до первой напечатанной имъ книги, то объ этомъ долго спорили; одни увѣряли, что это была латинская грамматика Элія Доната, два листа которой хранятся въ Национальной бібліотекѣ въ Парижѣ, а другіе склонялись въ пользу Библии, но теперь достовѣрно доказано, что первой печатной работой типографіи Гуттенберга были въ 1454 году папскія индульгенціи, т. е. грамоты объ отпущеніи грѣховъ, которыя раздавалъ въ Майнцѣ монахъ Павліній Цаппъ. Что же касается до Библии, то Гуттенбергъ приступилъ къ ея печатанію, но не кончилъ ея, такъ какъ на это дѣло потребовалось нѣсколько лѣтъ, и въ промежутокъ времени Фаустъ подалъ жалобу въ судъ на Гуттенберга за неплатежъ долга, такъ какъ внесенной имъ на общее дѣло суммъ денегъ былъ приданъ въ документъ характеръ долга, и судъ не только рѣшилъ процессъ въ его пользу, но и отобралъ у Гуттенберга типографію съ буквами и станками. Такимъ образомъ, знаменитая Библия была издана въ 1455 г. или 1456 г. Фаустомъ и Шефферомъ, но она все-таки носитъ названіе Гуттенберговской. Въ настоящее время извѣстно 15 ея экземпляровъ, которые всѣ находятся въ Англии и Франціи, а въ Майнцѣ нѣтъ ни одного. Послѣдній экземпляръ, бывшій въ продажѣ, купленъ въ Лондонѣ за 40.000 рублей. Такимъ образомъ, Гуттенбергъ разорился въ третій разъ, но онъ не пришелъ въ отчаяніе, и на средства Гуммера, одного изъ членовъ майнцакаго муниципалитета, онъ открылъ новую типографію. Кромѣ небольшихъ двухъ брошюръ, онъ издалъ громадный трудъ: латинскую грамматику со словаремъ подъ названіемъ «Catholicon». Въ концѣ этой книги Гуттенбергъ написалъ слѣдующее воззваніе къ читателямъ на латинскомъ языкѣ: «При помощи Всевышняго, по благости Котораго даже дѣти становятся краснорѣчивы, Который иногда открываетъ малымъ то, что сокрыто отъ мудрыхъ, возникла эта прекрасная книга «Catholicon» въ 1460 году со дня воцѣленія Господа, въ добромъ, принадлежащемъ славной германской націи, городѣ Майнцѣ, который милость Божія удостоила прославить, предпочесть другимъ городамъ земли, подаривъ его такимъ высокимъ умственнымъ просвѣтлѣніемъ, напечатаннымъ и изготовленнымъ не посредствомъ камыша, грифеля и пера, но чудеснымъ сопоставленіемъ, отношеніемъ и равнымъ числомъ патроновъ и формъ». Два года спустя, въ Майнцѣ произошли новыя междоусобія, и городъ былъ взятъ графомъ Адольфомъ Нассаускимъ, котораго императоръ и папа назначили владѣтельнымъ архіепископомъ вопреки волѣ горожанъ. Во время штурма была сожжена и разграблена типографія Фауста и Шеффера, а типографія Гуттенберга уцѣлѣла, такъ какъ онъ былъ сторонникомъ графа Нассаускаго. Произведенный своимъ покровителемъ въ пожизненные камергеры, первопечатникъ перевелъ потомъ свою типографію въ резиденцію графа, Эльтвиль, близъ Майнца. Тамъ онъ умеръ 24-го февраля 1468 года или, какъ другіе полагаютъ, въ январѣ 1467 года и похороненъ въ Майнцѣ, вѣроятно, на кладбищѣ Доминиканскаго монастыря, но гдѣ именно, неизвѣстно. Не только современники, но и потомки въ продолженіе 400 лѣтъ не цѣнили великаго изобрѣтателя печатной книги, и первый вспомнилъ о немъ Наполеонъ. Занявъ въ 1804 году Майнцъ, онъ приказалъ назвать главную городскую

площадь Гуттенберговской и открыты во всемъ свѣтѣ подписку на сооруженіе ему достойнаго памятника. Но эта мысль осуществлена лишь въ 1837 году постановкой статуи Гуттенберга, работы знаменитаго скульптора Кановы. Кромѣ того, въ Майнцѣ открыты еще два памятника знаменитому его гражданину, и этому примѣру послѣдовали Дрезденъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ и Страсбургъ, гдѣ статуя Гуттенберга украшена надписью на французскомъ языкѣ, въ которой какъ нельзя болѣе кстати приведены слова Библіи: «И сталъ свѣтъ». Въ благодарность за этотъ свѣтъ, разлитый по всему свѣту его великимъ изобрѣтеніемъ, теперь все человѣчество единодушно праздновало юбилей Гуттенберга.

— Четырехсотлѣтіе Бразиліи. Недавно въ Рио-де Жанейро и во свѣхъ бразильскихъ городахъ чествовали блестящимъ образомъ память знаменитаго португальскаго мореплавателя Кабрала, открывшаго Бразилію 24-го апрѣля 1500 года. О жизни Педро Альвареццо Кабрала, или Кабреры, извѣстно очень мало. Онъ родился въ 1460 году и принадлежалъ къ старинной знатной семьѣ. Надо полагать, что онъ былъ извѣстенъ португальскому королю Эмануилу своими талантами и энергіей, такъ какъ послѣ перваго путешествія Васко-де-Гамы ему поручено было начальство надъ экспедиціей въ Индію. 9-го марта 1500 года онъ вышелъ изъ Лиссабонскаго порта съ 13-ю судами и 1200 моряками. Чтобы избѣгнуть штиля, царившаго у береговъ Африки, онъ держалъ курсъ слишкомъ на западъ и, понавъ въ южно-американское теченіе на Атлантическомъ океанѣ, былъ занесенъ къ невѣдомому берегу Новаго Свѣта, теперешнюю Бразилію. Присоединивъ открытую имъ землю къ Португаліи и назвавъ ее «terra da Santa Cruz» (Землей Святого Креста), онъ послалъ на родину одинъ изъ своихъ кораблей съ извѣстіемъ о неожиданномъ открытіи, а самъ съ остальными отправился въ Индію, но по дорогѣ потерялъ, благодаря сильнымъ бурямъ, семь судовъ и случайно достигъ Мозамбикскаго берега Африки. Затѣмъ онъ открылъ Анчедивскіе острова и наконецъ достигъ Каликута въ Индіи, гдѣ основалъ факторію и заключилъ первый торговый трактатъ Португаліи съ индійскими племенами. 31 іюля 1501 года Кабраль вернулся въ Лиссабонъ со значительной добычей, но, повидимому, король не былъ доволенъ результатами его экспедиціи, такъ какъ не существуетъ никакихъ свѣдѣній о дальнейшей жизни Кабрала до его смерти въ 1526 году. Что касается до открытой имъ Бразиліи, то онъ самъ считалъ ее одной изъ тѣхъ таинственныхъ странъ азіатскаго континента, о которыхъ говорилъ Марко-Поло. Въ продолженіе многихъ лѣтъ важность открытія Бразиліи не цѣнилась соотечественниками Кабрала, и Камоэнсъ въ своей «Лузіадѣ» посвящаетъ этому событію только четыре и самыя неудачныя строфы своей знаменитой поэмы. Наконецъ постъ четырехъ вѣковъ ему отдана полная справедливость, и въ Рио-де Жанейро воздвигнута великолѣпная статуя, которая увѣковѣчитъ имя Кабрала и его двухъ помощниковъ Генрикэ и Педро Кампинхи, бывшаго исторіографомъ экспедиціи. Что же касается до юбилейныхъ празднествъ, то они возбудили всеобщій народный восторгъ и состояли, какъ всегда, изъ торжественныхъ молебновъ, историческихъ процессій, выставокъ, иллюминацій и банкетовъ съ безконечными рѣчами.

— Новые труды по исторіи Испаніи и Голландіи. Испанскій историкъ донъ Рафаель Альтампра приступилъ къ составленію популярной исторіи своей родины и ея цивилизаціи ¹⁾. Только что вышедшій первый томъ объемистаго труда почтеннаго профессора оканчивается вступленіемъ на престолъ Фердинанда и Изабеллы. Онъ снабженъ прекрасными иллюстраціями, и авторъ не довольствуется описаніемъ династическихъ перемѣнъ и сраженій, но представляетъ обстоятельную картину положенія законодательства, торговли, промышленности и народныхъ нравовъ въ разсматриваемыя имъ эпохи. Поэтому его трудъ имѣетъ не спеціально-историческій характеръ, а историко-соціологическій и, благодаря блестящему изложенію, читается, какъ романъ. Напротивъ «Исторія нидерландскаго народа», голландскаго историка, доктора, Блока, очевидно, написана только для историковъ, но зато въ научномъ отношеніи она имѣетъ громадныя достоинства. Надняхъ вышелъ ея четвертый томъ въ подлинникъ и два первые тома въ англійскомъ переводѣ. Не отличаясь блестящимъ слогомъ Мотлея, трудъ Блока представляетъ послѣднее слово въ архивномъ изученіи даннаго предмета и будетъ служить необходимымъ матеріаломъ для всякаго серьезнаго изслѣдователя возникновенія и развитія Голландіи. Хотя вообще Блокъ безпристрастно относится къ выдающимся дѣятелямъ своей родины, но, какъ пламенный патріотъ, онъ слишкомъ много, хотя и по примѣру американца Мотлея, относитъ фактъ освобожденія Нидерландовъ отъ испанскаго владычества къ одной дѣятельности нидерландскихъ патріотовъ, забывая о помощи, которую оказали имъ французы и англичане, конечно, изъ эгоистичныхъ видовъ, но, тѣмъ не менѣе, чрезвычайно полезной. Въ третьемъ томѣ своего труда Блокъ покончилъ съ самыми трагическими эпизодами борьбы его родины съ Испаніей: съ ужасной судьбой Гарлема, роковой агоніей Лейдена, страшной драмой Антверпена и мужественной защитой Остенде, такъ что четвертый томъ, начинающійся съ перемирія 1609 года, посвященъ менѣе героической эпохѣ. Справедливо указывая на тотъ фактъ, что Голландія въ началѣ XVII вѣка была гораздо могущественнѣе и болѣе процвѣтала послѣ тяжелой обременительной борьбы, чѣмъ за сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ, онъ приступаетъ къ подробному описанію печальной судьбы Барневельда, осады Бреда и удаленія изъ Голландіи испанскаго полководца Спинолы, послѣ чего Испанія уже не надѣялась на торжество, а Нидерландамъ болѣе не грозила серьезная опасность. Оканчивается четвертый томъ Вестфальскимъ миромъ, положившимъ конецъ тридцатилѣтней войнѣ и составившимъ знаменательную эпоху въ исторіи Голландіи.

— Чудовищный глотокъ, спасшій городъ Ротенбургъ. Ежегодно 6-го іюня баварскій городъ Ротенбургъ празднуетъ свое освобожденіе отъ гибели, грозившей ему во время осады этого города войсками графа Тилли, во время тридцатилѣтней войны. Этотъ главнокомандующій императорской арміи и католической лиги извѣстенъ былъ своей безчеловѣчностью, и осадивъ бога-

¹⁾ Historia de Espana y de la civilicion Espanola. Por Rafael Altamira y Crevea. Vol. I. Barcelona. 1900.

²⁾ Geschiedenis van het Nederlandsche Volk. Door. P. J. Blok. Vols. I—IV, Groningen. 1890—1900.

тый, промышленный городъ Ротенбургъ въ 1631 году, онъ принудилъ шведскій гарнизонъ послѣ штурма, продолжавшагося тридцать часовъ, просить канигуляціи. Жестокій военачальникъ дозволилъ шведамъ свободно выйти изъ города, но потребовалъ сдачи безо всякихъ условій самаго Ротенбурга. Занявъ ратушу, онъ велѣлъ привести къ себѣ всѣхъ членовъ магистрата, тогда называвшихся сенаторами, объявилъ имъ, что немедленно подвергнетъ ихъ смертной казни и послать бургомистра Вецольда за палачемъ. Однако мольбы женъ и дѣтей приговоренныхъ имъ гражданъ смягчили его, и онъ согласился казнить только четырехъ изъ сенаторовъ по ихъ собственному выбору. Конечно, они отказались отъ такой милости, и Тилли приказалъ готовить казнь. Но между тѣмъ дочь хранителя муниципального погребя, поднесла графу Тилли вино въ громадной кружкѣ, которая служила заздравнымъ кубкомъ муниципальному совѣту. Побѣдитель выпилъ добраго таубергскаго вина и передалъ кружку окружавшимъ его генераламъ и офицерамъ. Всѣ выпили, но не могли осушить ея до дна. Тогда Тилли, вѣроятно, подъ вліяніемъ вина придумалъ злую шутку и воскликнулъ: «я не только помилюю сенаторовъ, но не подвергну городъ грабежу, если ктонибудь изъ сенаторовъ выпьетъ разомъ эту кружку, полную вина». Такъ какъ въ кружку входило 13 обыкновенныхъ пивныхъ кружекъ, то-есть около трехъ квартъ, то всѣ сенаторы отказались отъ такого невозможнаго подвига. Однако старикъ Нушъ, бывшій бургомистръ и сынъ содержателя трактира «Золотой Кабанъ», выступилъ впередъ и полагая, что пріятнѣе захлебнуться виномъ, чѣмъ быть повѣшеннымъ, взялся выпить однимъ глоткомъ чудовищную кружку. Всѣ съ удивленіемъ и страхомъ стали слѣдить за тѣмъ, какъ мужественный бургомистръ осушалъ гигантскій кубокъ. Наконецъ, выпивъ послѣднюю каплю, онъ подалъ пустую кружку графу Тилли и едва слышно пробормоталъ: «сдержи свое слово». Грозный военачальникъ отвѣчалъ: «сдержу честно». Нушъ упалъ безъ чувствъ на полъ. Три дня онъ находился между жизнью и смертью, а когда очнулся, первыми его словами были: «Я не спасу второго города». Какъ бы то ни было Ротенбургъ былъ спасенъ, и Тилли удалился не причинивъ городу ни малѣйшаго вреда. Съ тѣхъ поръ ротенбурцы свято хранятъ въ своей ратушѣ чудовищную кружку и постоянно празднуютъ годовщину геройскаго подвига Нуша. Съ 1891 года къ обычному празднованію присоединилось представленіе въ большой залъ ратуши исторической пьесы подъ заглавіемъ «Чудовищный глотокъ». Она сочинена мѣстнымъ драматургомъ Герберомъ, и въ ней участвуютъ до 500 горожанъ, потомковъ Нуша и спасенныхъ имъ ротенбургцевъ. Прологомъ пьесы служитъ историческое шествіе по улицамъ города, изображающее входъ въ Ротенбургъ графа Тилли. При прошлогоднемъ представленіи присутствовалъ англійскій журналистъ Франкъ Дьюн и описалъ какъ самое представленіе, такъ и служащій ему поводомъ малоизвѣстный историческій фактъ на страницахъ *Englisch Illustrated magazine* ¹⁾.

¹⁾ The Draught that saved a town, by Frank Dewey. *Englisch illustrated magazine*, June, 1900.

— Англо-французскій союзъ въ XVII вѣкѣ. Отголоскомъ моды на Кромвеля въ Англии и Америкѣ служить статья Поля д'Эстрэ въ *Revue des Revues* отъ 1-го мая о переговорахъ между Кромвелемъ и кардиналомъ Мазарини насчетъ англо-французскаго союза ¹⁾. Эта статья основана на официальныхъ письмахъ Кромвеля къ Людовику XIV, къ Нидерландскимъ генеральнымъ штатамъ и Мазарини, которыя хранятся въ архивахъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, въ королевскомъ Стокгольмскомъ и національномъ Нидерландскомъ, а также въ Британскомъ музеѣ. Эти неизданные до сихъ поръ документы доставлены автору статьи англійской писательницей Женни Карлайль Граамъ, которая подготавливаетъ къ печати новый обстоятельный трудъ о лордѣ-протекторѣ. Изъ этой переписки ясно вытекають два основныхъ факта. Во-первыхъ, Кромвель, поддерживая официальные переговоры о заключеніи оборонительнаго и наступательнаго союза съ Франціей, всячески старался отсрочить подпись союзнаго трактата, а, во-вторыхъ, онъ ставилъ всегда себя цѣлью быть не только протекторомъ Англии, Шотландіи и Ирландіи, но равно всѣхъ протестантовъ въ Европѣ, даже въ католическихъ странахъ. Цѣлый годъ тянулъ онъ переговоры съ Мазарини и наконецъ насильственно удалилъ изъ Англии представителя Франціи Де-Бааса подъ предлогомъ, что тотъ принялъ участіе въ заговорѣ противъ него. Объ этой рѣшительной мѣрѣ онъ сообщилъ письменно французскому королю и Мазарини. Хотя дѣйствительно Де-Баасъ поступилъ очень рѣзко и даже назвалъ Кромвеля измѣнникомъ, такъ какъ онъ съ одной стороны велъ переговоры съ французскимъ королемъ, а съ другой поддерживалъ возставшихъ противъ него гугенотовъ; но все-таки Кромвель не могъ ничѣмъ доказать участія представителя Франціи въ заговорѣ. Не довольствуясь этимъ эпизодомъ, отсрочившимъ на значительное время заключеніе трактата, онъ объявилъ въ іюнѣ 1655 года, что прерветъ всѣ переговоры, если французскій король не заступится за Ваадтскихъ протестантовъ, преслѣдуемыхъ герцогомъ Савойскимъ. Въ томъ же духѣ онъ писалъ и Нидерландскимъ генеральнымъ штатамъ, а также швейцарскимъ кантонамъ. Онъ даже составилъ планъ высадки англійскихъ войскъ въ Ниццѣ для вооруженныхъ дѣйствій противъ Пьемонта, но, прежде чѣмъ принять рѣшительныя мѣры, послалъ Даунинга въ Парижъ съ новыми письмами въ болѣе рѣшительномъ тонѣ королю и Мазарини. Даунингъ былъ принятъ самымъ любезнымъ образомъ въ Версалѣ, и ловкій кардиналъ быстро настоялъ въ Туринѣ на примиреніи савойскаго герцога съ ваадтцами. Хотя это примиреніе не принесло пользы протестантамъ, но отняло предлогъ у Кромвеля къ вмѣшательству и къ дальнѣйшей отсрочкѣ подписи англо-французскаго союза, тѣмъ болѣе, что французскому посланнику въ Лондонѣ, Бордо, было приказано потребовать свои паспорта, если не будутъ приведены къ удовлетворительному результату переговоры, которые велись уже два года. 3-го ноября 1656 г. былъ дѣйствительно заключенъ дружественный и торговый трактатъ, а 23 марта 1657 года наконецъ подписанъ другой трактатъ, но кото-

¹⁾ Une alliance anglo-française au XVII siècle, par P. D'Estree.—*Revue des Revues*. 1 may, 1900.

рому Англія обязывалась выставить вспомогательный корпусъ въ 10.000 человекъ для содѣйствія Франціи въ войнѣ съ Испаніей, а со своей стороны Франція уступала Англій Мардикъ и Дюнкирхень, хотя послѣдній и находился въ продолженіе ста лѣтъ въ рукахъ Испаніи. Вскорѣ постъ этого англійскія войска высадились въ Булонъ и овладѣли Дюнкирхеномъ, который, однако, не долго оставался въ ихъ владѣніи, и, спустя четыре года, Людовикъ XIV выкупилъ его обратно. Но пока отношенія между Англійей и Франціей были самыя радушныя. Кромвель послалъ въ Калэ своего зятя Фальконбриджа, чтобы привѣтствовать прибывшаго туда Людовика XIV, и ему былъ оказанъ блестящій приѣмъ. Чтобы не оставаться въ долгу французскій король отправилъ въ Лондонъ чрезвычайнаго посла герцога Крэки, которому устроили восторженную встрѣчу. Несмотря на все это, Кромвель сохранялъ свою роль заступника протестантовъ и снова написалъ въ маѣ 1658 года письмо французскому королю въ защиту тѣхъ же ваадтцевъ, но оно не имѣло никакого результата, такъ какъ, спустя три мѣсяца, лордъ-протекторъ умеръ. Въ концѣ своей статьи Д'Эстрэ указываетъ на тщетность самыхъ глубокихъ расчетовъ великихъ людей; такъ Кромвель считалъ непобѣдимой основанную имъ протестантскую лигу, которая должна была подчинить весь католическій міръ, но она исчезла со смертью своего учредителя. Съ другой стороны Мазарини считалъ, что въ заключенномъ трактатѣ онъ сдѣлалъ Англійи самыя пустыя уступки, а въ сущности онъ уступилъ ей первенство на морѣ.

— Вторая серія очерковъ патологической исторіи. Доктора, возбуждающіе интересъ по той или другой исторической причинѣ, и замѣчательныя историческія личности сквозь очки фізіолога-медика составляютъ главный предметъ второго тома любознательнаго сборника Кабанеса: «Секретный кабинетъ исторіи»¹⁾. Прежде всего передъ читателями проходятъ пять различныхъ типовъ врачей отъ XV столѣтія до нашихъ дней. Первый изъ нихъ, Жакъ Куатье, былъ любимымъ докторомъ Людовика XI и его ближайшимъ совѣтникомъ. Какъ этотъ скромный деревенскій врачъ дошелъ до высшихъ почестей и крупнаго состоянія, дозволившаго ему владѣть громаднымъ великолѣпнымъ домомъ въ Парижѣ и замкомъ близъ Бондійскаго лѣса, не сохранилось никакихъ свѣдѣній. Извѣстно только, что онъ родился въ Франшъ-Конте, гдѣ-то получилъ докторскій дипломъ и былъ врачомъ герцога Савойскаго, который рекомендовалъ его королю. Ловкій хитрый Куатье такъ обошелъ суроваго, капризнаго Людовика XI, что вертѣлъ имъ какъ угодно, увѣривъ трусливаго старика, что онъ умретъ въ теченіе недѣли, если разстанется съ нимъ. Почести, крупныя денежныя суммы, выгодныя должности и великолѣпныя помѣстья безпрерывно сыпались на интригана-врача до самой смерти Людовика XI. До царствованія Людовика XIV при французскомъ дворѣ не было официального акушера, и всѣ королевы, а также принцессы довольствовались услугами новивальныхъ бабокъ. Первымъ придворнымъ акушеромъ сдѣлался при королѣ-солнцѣ, Жюльенъ Клеманъ, пользовавшійся въ Парижѣ большою извѣстностью.

¹⁾ Le cabinet secret de l'histoire. II-me serie. Par le docteur Cabanes. 4 edition. Paris. 1900.

Свое искусство онъ доказать при счастливыхъ родахъ жены дофина, принцессы Баварской, очень слабой и болѣзненной женщины, затѣмъ онъ вошелъ въ моду, и всѣ принцессы пользовались его услугами. Онъ также былъ акушеромъ знаменитой г-жи Монтеспанъ, которая родила съ его помощью семерыхъ дѣтей отъ Людовика XIV. За нимъ уже послѣдовалъ непрерывный рядъ придворныхъ акушеровъ до Декабрьской имперіи. Совершенно другою личностью, чѣмъ эти два придворные врача были докторъ маркизы Помпадуръ, Франсуа Кэнэ, знаменитый экономистъ, основатель школы физиократовъ, считавшихъ землю единственнымъ источникомъ богатства и требовавшихъ полной свободы въ экономической жизни народа. Хотя онъ состоялъ лейбъ-медикомъ и по временамъ лѣчилъ маркизу и самого короля, но онъ не имѣлъ ничего общаго съ окружающимъ его дворомъ, хотя жилъ во дворцѣ рядомъ съ апартаментами фаворитки. Кабанесъ очень рельефно рисуетъ эту симпатичную фигуру и приводитъ нѣсколько любопытныхъ анекдотовъ. Однажды какой-то царедворецъ доказывалъ Людовику XV, что надо вести государство алебардой, и Кэнэ, обращаясь къ королю, сказалъ: «А кто же ведетъ алебарду? Общественное мнѣніе, — продолжалъ онъ, не дожидаясь отвѣта, — значитъ, надо развивать общественное мнѣніе». Въ другой разъ дофинъ, никогда не царствовавшій, но бывшій отцемъ трехъ королей: Людовика XVI, Людовика XVIII и Карла X, жаловался на трудность королевскаго ремесла и спросилъ у Кэнэ: «Что бы вы дѣлали, еслибъ были королемъ?» Великій экономистъ отвѣчалъ на это: «Я ничего не дѣлалъ бы». Дофинъ воскликнулъ съ удивленіемъ: «А кто же управляетъ бы страной?» «Законы», сказалъ Кэнэ. Среди всего блеска Версальскаго двора этотъ почтенный старикъ, умершій на 81 году жизни, писалъ свои знаменитые экономическіе труды и статьи для «Энциклопедіи», изучалъ положительныя науки и окружалъ себя учеными и литераторами, среди которыхъ были д'Аламберъ, Дидеро, Бюффонъ, Тюрго и др. Безжалостно нападая на всякаго рода шарлатановъ, которые въ то время наводняли Парижъ, Кэнэ отличался удивительно вѣрнымъ, проницательнымъ и чуткимъ взглядомъ, благодаря которому ему приписывали чудесную способность предвидѣнія. Такъ, наирѣмѣе, онъ сказалъ королю, что генераль-контролеръ Сешель сойдетъ съ ума черезъ три мѣсяца; и дѣйствительно по истеченіи этого срока онъ выказалъ явные симптомы душевной болѣзни. Точно также вѣрно онъ предсказалъ, что канцлеръ Верье умретъ черезъ 4 дня отъ удара, что дѣйствительно и случилось. Очень краткую статью посвящаетъ Кабанесъ вопросу, былъ ли докторъ Гильотенъ изобрѣтателемъ, или только крестнымъ отцемъ гильотины, и приходитъ къ заключенію, что Гильотенъ предложилъ національному собранію идею машины для обезглавленія приговоренныхъ къ смерти преступниковъ, но самую машину, названную его именемъ по его заявленному или безмолвному согласію, соорудилъ нѣмецкій фортепьянщикъ Тобіасъ Шмидтъ подъ руководствомъ другого доктора, Антуана Луи, къ содѣйствію котораго обратилось національное собраніе. Собственно о дѣятельности Гильотена по этому предмету извѣстно, что онъ внесъ въ національное собраніе предложеніе о необходимости изъ чувства человѣколюбія и равенства учредить вмѣсто существовавшихъ тогда разнообразныхъ варварскихъ казней одинъ механической,

быстрый, какъ молнія, способъ обезглавленія, которому подвергались бы одинаково всѣ преступники, какова бы званія они ни были. Собрание принципиально согласилось съ Гильотеномъ и постановило, что «всѣ аристократы и поселяне будутъ подвергаться одинаковой казни», но обсужденіе рода казни было отложено. Спустя двадцать мѣсяцевъ и уже по предложенію Лепельтье де-Сень-Фаржо опредѣлено, что «всѣмъ приговореннымъ къ смерти будетъ отрублена голова», а изготовленіе для этого подходящаго механизма поручено доктору Луи, который въ свою очередь предоставилъ Шмидту примѣненіе къ практикѣ идеи Гильотена. Послѣдній только присутствовалъ со многими другими докторами при первомъ опытѣ гильотины надъ трупомъ; онъ вполне удался, и 25 апрѣля 1792 г. убійца Пельтье былъ первой жертвой гильотины, о которой тогда знаменитый палачъ Самсонъ сказалъ, качая головой: «Замѣчательное изобрѣтеніе! только бы не стали злоупотреблять легкостью казни». Послѣдній докторъ, о которомъ говоритъ въ своей книгѣ Кабанесъ, пресловутый Паджелло, игравшій третью роль въ знаменитомъ жизненномъ романѣ Жоржа Занда и Альфреда Мюссе. Самъ авторъ разыскалъ въ итальянскомъ городѣ Беллюнѣ престарѣлаго Паджелло, который пережилъ другихъ двухъ дѣйствующихъ лицъ драмы въ Венеціи, и узналъ отъ него подробности объ его отношеніяхъ къ великой романисткѣ. Напечатанный имъ результатъ своего открытія въ «Revue Hebdomadaire» въ 1896 г. поднялъ во французской литературѣ громадный шумъ и обширную полемику, о которой было своевременно говорено въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Къ историко-физиологическимъ, или историко-патологическимъ, этюдамъ Кабанеса во 2-мъ томѣ принадлежатъ изслѣдованія: 1) о зубахъ Людовика XIV, который родился съ двумя зубами, какъ англійскій король Ричардъ VI, Мазарини, Мирабо и въ наши дни докторъ Брока; 2) о родахъ Ла-Вальеръ, которая подарила королю-солнцу четырехъ дѣтей и, родивъ послѣдняго, графа Вермандуа, признаннаго Людовикомъ XIV, потеряла свою красоту, а затѣмъ любовь короля; 3) о секретной болѣзни извѣстной актрисы Софи Арну; 4) о физическомъ недостаткѣ блестящей красавицы г-жи Рекамье, мѣшавшей ей наслаждаться возбуждаемой ею во всѣхъ любовью; 5) о черепѣ Ришелье, который былъ расщепленъ на двѣ части, переднюю и заднюю, при открытіи его гроба въ эпоху революціи, о скелетѣ маркизы Ментенонъ и долгихъ странствованіяхъ черепа г-жи Де-Севинъ. Но всего интереснѣе во второй серіи «Секретнаго кабинета исторіи» три психологическихъ очерка: «Настоящая Шарлотта Кордэ», «Интимная жизнь Робеспьера» и «Предразсудки Наполеона I-го». Въ первомъ изъ нихъ авторъ подробно изучаетъ темныя, спорныя стороны жизни «ангела убійства» со всѣхъ сторонъ и со всевозможныхъ точекъ зрѣнія. Прежде всего онъ рисуетъ ея физическій портретъ, что довольно трудно, такъ какъ сохранившіяся о ней свѣдѣнія противорѣчивы. Повидимому, она была очень привлекательна и отличалась голубыми пронизательными глазами, правильными нѣжными чертами, прекрасно очерченнымъ носомъ и ртомъ, высокимъ ростомъ, граціозной таліей и бѣлокурыми, быть можетъ, слегка каштановыми волосами. Что касается до ея костюма, то во время прославившей ее драмы она носила три платья: коричневое до совершеннаго ею убійства, пестрое съ крапинками во время преступленія

и бѣлое въ судѣ, уже не говоря о красной рубашкѣ, обязательнаго тогда туалета для убійць въ моментъ казни. Большинство французскихъ историковъ приписываютъ убійство Марата Шарлоттой Кордэ ея желанію отомстить смерть молодого офицера Бельзюкса, съ которымъ она будто бы находилась въ близкихъ отношеніяхъ, и который былъ убитъ во время народнаго возстанія въ Каенѣ, возбужденнаго, по ея мнѣнію, кровожадной проповѣдью Марата въ его газетѣ «Другъ Народа». Но Кабанесь опровергаетъ эту гипотезу тѣмъ, что Бельзюксъ былъ убитъ за мѣсяць до появленія перваго номера «Друга Народа», и что нѣтъ никакихъ доказательствъ, подтверждающихъ ея близкія отношенія къ Бельзюксу, который былъ пламеннымъ роялистомъ, тогда какъ Шарлотта Кордэ была столь же горячей республиканкой. Точно также бездоказательны старанія враговъ юной героини приписать ей связь съ жирондистомъ Барбару, Буадюжанъ-Дю-Менгромъ и Бугономъ Лонгрэ. Равно неоснователенъ и рассказъ Ламартина объ идеальной любви къ Шарлоттѣ какого-то молодого человѣка, по фамиліи Франклэна, который будто бы умеръ отъ отчаянія послѣ ея смерти и приказалъ похоронить себя вмѣстѣ съ ея письмами и портретами. Но Кабанесь увѣряетъ, что дѣйствительно былъ одинъ идеальный поклонникъ Шарлотты, который умеръ ради нея. Это былъ докторъ Адамъ Луксъ, делегатъ города Майнца при конвентѣ. Онъ слѣдовалъ за Шарлоттой до мѣста ея казни и былъ арестованъ за громкое восклицаніе: «Она славнѣе Брута». Другъ этого восторженнаго идеалиста, также докторъ, Ветекиндъ, старался спасти его, доказывая, что онъ полусумасшедшій, и Шарлотта Кордэ произвела на него такое сильное впечатлѣніе, что онъ окончательно рехнулся. Но Адамъ Луксъ опровергалъ съ негодованіемъ это мнѣніе и, приговоренный къ смерти революціоннымъ трибуналомъ, мужественно взошелъ на эшафотъ говоря: «наконецъ-то я могу умереть за Шарлотту Кордэ». Что касается до самаго убійства Марата смѣлой молодой дѣвушкой и предшествовавшихъ событій въ ея жизни, то Кабанесь о нихъ не говоритъ ни слова, такъ какъ все это давно извѣстно, и только приводитъ два напечатанныхъ свидѣтельства современниковъ о томъ, что за нѣсколько дней до убійства Марата Шарлотта говорила среди жирондистовъ: «Кто насъ освободитъ отъ такого чудовища, какъ Марать?» и «Вскорѣ вы услышите обо мнѣ». О казни Шарлотты авторъ не приводитъ ничего новаго, но разбираетъ съ научной точки зрѣнія рассказъ о томъ, что когда одинъ изъ помощниковъ палача далъ пощечину отрубленной головѣ Шарлотты, то обѣ ея щеки покраснѣли. Онъ приводитъ мнѣнія различныхъ медиковъ въ пользу и противъ сохраненія казненными нѣкотораго сознанія въ первыя минуты послѣ смерти, и хотя самъ не высказываетъ своего мнѣнія, но приводитъ предположеніе Мишлэ, что или помощникъ палача зачачкалъ щеки Шарлотты своей окровавленной рукой, или отраженіе солнечнаго луча произвело впечатлѣніе на толщу, какъ будто щеки казненной покраснѣли. Послѣ казни тѣло Шарлотты Кордэ было подвергнуто медицинскому вскрытію, но, къ сожалѣнію, этотъ актъ не сохранился, хотя во многихъ современныхъ сочиненіяхъ прямо говорится даже лицами, враждебно относившимся къ убійцѣ Марата, что она была невинная. Что касается черепа Шарлотты Кордэ, который былъ выставленъ въ антропологическомъ отдѣлѣ парижской выставки 1889 года и подвергнутъ подробному

изсѣдованію Топинаромъ и Ломброзо, то онъ хранится теперь въ коллекціи принца Ролана Бонапарта, но, по словамъ Жоржа Дюрюи, подарившаго принцу этотъ черепъ, нѣтъ никакихъ доказательствъ въ его подлинности. Разсказъ объ интимной жизни Робеспьера, начинается съ указанія на тотъ фактъ, что домъ, въ которомъ онъ жилъ, до сихъ поръ существуетъ въ улицѣ Сентъ-Онорэ, а затѣмъ на основаніи напечатанныхъ въ послѣдніе годы документальныхъ свѣдѣній Кабанесъ рисуетъ картину пребыванія Робеспьера въ семьѣ Дюплэ. Эта семья состояла изъ отца, столяра, нажившаго собѣ порядочное состояніе и имѣвшаго три дома, но вынужденнаго продолжать свое ремесло въ виду понесенныхъ имъ убытковъ во время революціи, его жены, четырехъ дочерей, сына и племянника, который исполнялъ должность секретаря Робеспьера. Послѣдній занималъ въ этой честной, скромной, республиканской семьѣ одну комнату отъ 19 іюля 1791 года до его смерти, 28 іюля 1794 года. Во все это время онъ только одинъ разъ уѣзжалъ на нѣсколько дней къ своей сестрѣ въ Аррасть и постоянно сидѣлъ дома, когда не былъ занятъ въ конвентѣ, комитетѣ безопасности или якобинскомъ клубѣ. Очень рѣдко онъ позволялъ себѣ гулять въ Елисейскихъ поляхъ и большую часть свободнаго времени проводилъ въ чтеніи или письменной работѣ. Его комната была украшена только полками съ книгами, простымъ письменнымъ столомъ, плетеными стульями и деревянной кроватью съ пестрыми занавѣсками, сдѣланными изъ стараго платя г-жи Дюплэ. Онъ вставалъ очень рано и, поздоровавшись съ хозяиномъ, выпивалъ стаканъ холодной воды, а затѣмъ садился за работу. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ онъ завтракалъ вмѣстѣ со всѣми членами семьи Дюплэ и во время завтрака читалъ газеты. Завтракъ этотъ состоялъ изъ стакана вина, хлѣба и фруктовъ. Потомъ онъ снова возвращался къ своей работѣ, пока не наступало время отправиться къ исполненію его общественныхъ обязанностей. Обѣдалъ онъ почти всегда дома также скромно, какъ завтракалъ, только съѣдалъ постоянно большое количество апельсиновъ и, выпивъ кофе, принималъ въ продолженіе часа посѣтителей. Затѣмъ онъ уходилъ и возвращался очень поздно. Обѣдался онъ прилично и даже изящно: носилъ тонкое бѣлье и жабо, а также пудрился. По словамъ однихъ историковъ, младшая дочь Дюплэ, Элеонора, прозванная во время революціи Корнелией, была любовницей Робеспьера, а, по увѣренію другихъ, его невѣстой, но ни то, ни другое не доказано, и всего вѣроятнѣе, что суровый Максимилианъ оставался непреклоннымъ, несмотря на всѣ ухаживанія молодой дѣвушки. Вообще вся семья Дюплэ питала къ нему пламенный культъ и окружала его всевозможными любезностями. Онъ также очень любилъ всѣхъ ея членовъ и, когда могъ, по вечерамъ оставался въ ихъ обществѣ и читалъ въ слухъ Руссо, Вольтера, Корнеля или Расина. По четвергамъ эти вечера принимали другой характеръ, и на нихъ появлялись Камиль дю-Муленъ, Коллод'Эрбуа ит. д., а также извѣстные артисты. Насчетъ предразсудковъ Наполеона Кабанесъ сообщаетъ мало новаго, но резюмируетъ все, что было писано до сихъ поръ по этому предмету. Оказывается, что Наполеонъ, считая себя предопределеннымъ существомъ, твердо вѣрилъ въ свою звѣзду, крестился въ виду всякой опасности, приходилъ въ экстазъ при звонѣ церковныхъ колоколовъ, не сомнѣвался въ томъ, что въ моментъ его рожденія появилась новая звѣзда,

которую онъ отыскивалъ глазами въ критическія эпохи жизни, считать до-
говѣрною легенду о снѣ Фридриха Великаго, который будто бы видѣлъ въ ночь,
слѣдовавшую за рожденіемъ Наполеона, что звѣзда Пруссіи была заслонена дру-
гой большою звѣздой, однако потомъ потухшей, тогда какъ звѣзда Пруссіи
продолжала блестять, обнаруживалъ всегда неограниченный фатализмъ, до-
вѣрялъ всякимъ предсказаніямъ, боялся дурныхъ предзнаменованій, опасался
числа 13, буквы «М» и разбитаго зеркала. На островѣ св. Елены онъ увѣрялъ,
что послѣдніе предрасудки были совершенно основательны, такъ какъ въ пят-
ницу онъ отправился изъ Сень-Клу въ походъ на Россію; незадолго до Ватер-
лоо онъ увидѣлъ разбитое зеркало, а съ буквы М начинались фамиліи измѣ-
нившихъ ему Моро и Мармона, а также названіе рокового для него города
Москвы!

— Развѣнчиванье Веллингтона. Хотя англичане въ послѣднее время
обнаружили необычайный шовинизмъ по случаю Трансваальской войны, но
культъ къ ихъ военному кумиру, Веллингтону, значительно уменьшается. Не-
давно новый его биографъ, сэръ Гербертъ Максвелъ, очень безпристрастно и
неодобрительно отозвался о немъ, какъ о министрѣ и человѣкѣ; надняхъ
вышла популярная исторія войнъ Англіи съ Наполеономъ подъ громкимъ на-
званіемъ «Какъ Англія спасла Европу», и ея авторъ, пламенный джингоистъ,
пасторъ Фитчетъ¹⁾, прославляя побѣду Англіи надъ Наполеономъ, соглашается
однако съ фельдмаршаломъ лордомъ Робертсомъ, недавно сказавшимъ пу-
блично, что «чѣмъ болѣе изучаешь жизнь желѣзнаго герцога, тѣмъ болѣе ува-
жаешь его, какъ полководца и тѣмъ менѣе какъ человѣка». Но еще далѣе по-
шелъ анонимный критикъ консервативнаго журнала «Quarterly review»²⁾ въ
статьѣ о книгѣ Максвеля. Онъ справедливо, но безжалостно снимаетъ съ го-
ловы Веллингтона золотой вѣнецъ, надѣтый безконечными панегиристами въ
стихахъ и прозѣ. По его словамъ, какъ политическій дѣятель, другъ, мужъ,
отецъ, братъ и вообще какъ человѣкъ, побѣдитель при Ватерлоо заслуживаетъ
только осужденія. «Герцогъ отличался самымъ непріятнымъ характеромъ,—го-
воритъ авторъ,—и было почти невозможно служить подъ его начальствомъ, не
возбуждая его неудовольствія. Онъ не допускалъ никакихъ разсужденій среди
подчиненныхъ и всякій критическій ихъ отзывъ объяснялъ гнѣсными пово-
дами. Но худшей чертой въ немъ была неблагодарность къ тѣмъ офицерамъ
и солдатамъ, которымъ онъ былъ обязанъ своей славой. Онъ самымъ невозмож-
нымъ образомъ отзывался о тѣхъ и другихъ, увѣряя, что солдаты были по-
донками націи, а офицеры всѣ безъ исключенія пьяницами. Поэтому не удиви-
тельно, что у Веллингтона никогда не было друзей, а только сподвижники и
сотрудники. Въ семейной жизни онъ былъ еще хуже. Съ женой, дѣтьми и бра-
томъ онъ обходился такъ дурно, что у него никогда не было домашняго очага.
Что же касается до его многочисленныхъ попытокъ искать себѣ утѣшеніе на
сторонѣ, то чѣмъ менѣе объ этомъ говорить, тѣмъ лучше».

¹⁾ How England saved Europe, by W. Fitchet. London. 1900. 4 vol.

²⁾ The duke of Wellington.—Quarterly Review. April. 1900.

— Мемуары графа Монталивэ и Кювилье-Флэри. Недавно вышедшие первые томы воспоминаний двухъ пламенныхъ сторонниковъ июльской монархіи, бывшаго министра двора при Людовикѣ-Филиппѣ, графа Монталивэ, и воспитателя его сыновей, а потомъ извѣстнаго академика и публициста, Кювилье-Флери, представляютъ любопытный матеріалъ для изученія революціи 1830 года. Собственно говоря, книга Монталивэ не мемуары, а сборникъ отрывковъ и воспоминаній, какъ она впрочемъ и называется. Эти отрывки и воспоминанія имѣютъ форму писемъ къ внучатамъ и приведевы въ порядокъ его зятемъ Жоржемъ Пико ¹⁾, который написалъ въ видѣ предисловія біографическій очеркъ автора. Сынъ Наполеоновскаго министра и ученикъ политехнической школы, онъ двадцати-пяти лѣтъ вступилъ въ палату пэровъ при Карлѣ X и хотя всегда былъ умѣреннымъ либераломъ, но принялъ горячее участіе, какъ всѣ тогдашніе либералы, въ июльской революціи. При образованіи Лафитомъ перваго министерства новаго короля онъ былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, несмотря на его молодость; это обстоятельство ему не помѣшало выказать большую энергію во время суда надъ министрами Карла X, противъ которыхъ народъ былъ такъ ожесточенъ, что едва не разорвалъ ихъ на куски. Ихъ спасло только мужество Монталивэ, каторый отвезъ ихъ послѣ приговора палаты въ своей частной каретѣ въ Венсенскій замокъ, рискуя собственною жизнью. Людовикъ-Филиппъ считалъ этотъ поступокъ Монталивэ личной услугой, такъ какъ, спасая министровъ, Монталивэ спасъ честь короля и съ тѣхъ поръ сдѣлался его искреннимъ другомъ. Впродолженіе большей части его царствованія, Монталивэ исполнялъ должность министра двора или, какъ тогда называлось, «intendant de la liste civile», т.-е. завѣдывающаго расходами по содержанію, назначаемому парламентомъ королю, хотя короткое время былъ министромъ народнаго просвѣщенія и нѣсколько разъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Со времени господства Гизо, онъ всячески старался предостеречь короля отъ грозившей ему гибели. Когда же произошла катастрофа 1848 года, то Монталивэ удалился съ политической арены и только вернулся на нее за годъ до своей смерти въ 1879 году, когда онъ торжественно присоединился къ конституціонной республикѣ и былъ избранъ въ несмѣняемые сенаторы. Всего интереснѣе въ воспоминаніяхъ этого вѣрнаго слуги июльской монархіи тѣ страницы, на которыхъ онъ описываетъ ежедневную жизнь Людовика-Филиппа и июльскую революцію. Какъ извѣстно, орлеанскій король велъ примѣрную буржуазную жизнь, исполняя одинаково честно свои обязанности конституціоннаго короля, мужа и отца. Утро онъ проводилъ въ чтеніи дипломатическихъ депешъ и «Times», а потомъ въ бесѣдахъ объ украшеніяхъ дворцовъ, особенно въ Версалѣ и Фонтенбло. До обѣда онъ работалъ съ министрами и принималъ тѣхъ выдающихся политическихъ дѣятелей, которымъ онъ не хотѣлъ давать официальныхъ аудіенцій, и которыхъ за-просто водила къ нему его сестра, принцесса Аделаида, бывшая долго его эгеріей. Вечера онъ почти постоянно посвящалъ разговорамъ съ иностранными ди-

¹⁾ Fragments et souvenirs, par le comte de Montalivet, tome I. 1810—1832. Paris. 1900.

пломатами, а въ 10 часовъ запирался въ своемъ кабинетѣ съ принцессой Аделаидой для политическихъ совѣщаній. Въ это же время онъ внимательно просматривалъ дѣла приговоренныхъ къ смерти преступниковъ, и въ продолженіе 18-лѣтняго царствованія онъ ниразу не отказался отъ своего права помилованія иначе, какъ въ виду пересмотра судебного приговора совѣтомъ министровъ и единодушно высказаннаго ими мнѣнія противъ приговоренныхъ. Зная всѣ секреты королевской шкатулки, Монталивэ возстаеъ противъ общественнаго мнѣнія, что Людовикъ-Филиппъ былъ скряга и накопилъ громадныя богатства. Напротивъ, по его словамъ, король щедро расходовалъ свой *liste civile*, два раза спасъ министра и знаменитаго банкира Лафита отъ банкротства, ссудивъ ему значительныя суммы, дѣлалъ за свой счетъ поправки въ дворцахъ Версали и Фонтенбло и наконецъ, живя изгнанныкомъ въ Англіи послѣ революціи 1848 года, онъ далеко не имѣлъ большого состоянія. Что касается до картины июльской революціи, рисуемой графомъ Монталивэ и составляющей центръ вышедшаго перваго тома его Воспоминаній, который оканчивается 1832 годомъ, то въ ней находится немало новыхъ, хотя, быть можетъ, мелочныхъ чертъ. Такъ, напримѣръ, онъ рельефно представляетъ тотъ страхъ, который овладѣлъ женой Луи-Филиппа, Маріей-Амаліей, въ виду возможности ея мужу, назначенному въ революціонные дни намѣстникомъ королевства, сдѣлаться королемъ». «О!—воскликнула она со слеза на глазахъ, когда ей объявили объ этомъ Семонвиль:— что вы говорите! королевская корона жжетъ чело тѣхъ, которые имѣютъ несчастье ее надѣть». Тотъ же фактъ страха, который внушило всей орлеанской семьѣ вступленіе Людовика-Филиппа на престоль, подтверждаетъ въ своихъ мемуарахъ и Кювилье-Флери. По его словамъ, младшія дѣти новаго короля просто зарыдали, узнавъ объ этомъ событіи, и громко кричали: «Бѣдный папа! Господи, какое несчастье! Онъ погибнетъ, и мы также». Дѣйствительно, судя по разсказу этого очевидца, самъ Людовикъ-Филиппъ и его семья, повидимому, опасались, чтобы революціонное движеніе не приняло грозной формы и не повергло бы ихъ въ бездну. Событія 30 іюля и провозглашеніе палатой его намѣстникомъ королевства застали герцога Орлеанскаго въ Ренси, оттуда онъ тайно пробрался въ Нельи, гдѣ жила его семья, а затѣмъ иѣшкомъ въ Парижъ, гдѣ, крадучись по улицамъ, достигъ своего дворца. Какъ онъ незамѣтно вошелъ въ Пале-Ройяль черезъ секретную дверь, такъ и его семья на другой день явилась туда въ простой наемной каретѣ, съ явнымъ намѣреніемъ избѣжать всѣхъ взглядовъ. Судьбѣ было угодно, чтобы, 18 лѣтъ спустя, она въ такой же наемной каретѣ скрылась изъ Парижа на пути въ изгнаніе. Воспоминанія Кювилье-Флери имѣютъ характеръ дневника, и первый томъ обнимаетъ собою только два года, отъ ноября 1828 до августа 1831. Хотя онъ преимущественно наполненъ подробностями объ июльскихъ дняхъ и началѣ царствованія Людовика-Филиппа, но въ немъ встрѣчаются любопытныя свѣдѣнія о дворѣ Карла X и даже Людовика XVIII. Такъ авторъ разсказываетъ два замѣчательные анекдота объ этихъ короляхъ. Послѣдній изъ нихъ, тяжелый, толстый, съ трудомъ передвигавшійся старикъ однажды упалъ на полъ, и бывшій въ комнатѣ офицеръ бросился, чтобы его поднять, но король произнесъ: «Что вы, де-Ножанъ?» По придворному этикету

до короля никто не могъ дотрагиваться, кромѣ подлежащаго придворнаго чина, и Людовикъ XVIII дождался на полу появленія этого вельможи. Еще менѣе вѣроятенъ, хотя также достовѣренъ второй анекдотъ. Карль X однажды вздумалъ проэкзаменовать своего внука герцога Бордо въ исторіи и сказалъ: «Дитя мое, расскажи мнѣ сраженіе при Маренго». Мальчикъ поспѣшно отвѣчалъ: «Побѣда при Маренго одержана Людовикомъ XVIII, который поручилъ начальство надъ своими войсками одному генералу, по фамиліи Бонапарте, но этотъ генералъ впослѣдствіи нарушилъ свой долгъ, и король сослалъ его на пустынный островъ». Карль X былъ достаточно остроуменъ, чтобъ сдѣлать выговоръ наставнику юнаго принца за такое изуродованіе исторіи изъ чрезмѣрнаго низкопоклонства. Къ первому тому «Дневника» Кювилье-Флѣри ¹⁾ приложенъ біографическій его очеркъ, написанный недавно умершимъ его ученикомъ, герцогомъ Омальскимъ.

— Наполеонъ IV. Подъ этимъ названіемъ, насколько намъ извѣстно, впервые упоминается сынъ Наполеона III-го въ недавно вышедшей на французскомъ языкѣ «Политической біографіи XIX столѣтія» ²⁾, и даже сочувственно относящейся къ нему, авторъ біографическаго очерка подъ заглавіемъ «Луи-Наполеонъ, французскій императорскій принцъ» въ юньскомъ номерѣ «Le Carnet» ³⁾, не рѣшается такъ именовать своего героя. Подъ тѣмъ предлогомъ, что 1-го іюня настоящаго года минуло 21 годъ со времени смерти этого юнаго наполеонида, болѣе извѣстнаго подъ прозвищемъ «Лулу Жоржъ», Мазъ-Сансье посвятилъ ему нѣсколько страницъ въ панегирическомъ тонѣ. Онъ начинаетъ съ того, что приводитъ знаменательныя слова, сказанныя декабрьскимъ героемъ при пріемѣ имъ поздравленій по случаю рожденія его сына: «Единодушныя, радостныя восклицанія, окружающія эту колыбель, не мѣшаютъ мнѣ думать о судьбѣ тѣхъ, которые родились въ этой странѣ при такихъ же обстоятельствахъ; я надѣюсь, что судьба этого ребенка будетъ счастливѣе!»... Однако его надежда не сбылась, благодаря главнымъ образомъ ему самому, и они оба, какъ отецъ, такъ и сынъ, умерли въ изгнаніи. По словамъ біографа, принцъ Луи Наполеонъ до 14 лѣтъ жилъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ, былъ воспитанъ очень строго и по временамъ сопровождалъ отца въ Шалонскій лагерь. За пресловутымъ дебютомъ на военномъ поприщѣ въ Сарбрюкенѣ послѣдовалъ Седанскій погромъ и бѣгство въ Англію, гдѣ продолжалось его воспитаніе въ еще болѣе строгомъ тонѣ. Въ 1872 году онъ поступилъ въ Вульвичскую военную академію и успѣшно тамъ занимался три года, вслѣдствіе чего получилъ блестящій дипломъ. Между тѣмъ умеръ его отецъ, и бонапартисты признали его своимъ главою, называя его Наполеономъ IV. Въ первой рѣчи къ своимъ сторонникамъ онъ сказалъ: «Моя жизнь и моя храбрость принадлежать Франціи!». Но, проведя еще четыре года въ Англіи и не видя передъ собою никакой опредѣленной будущности, онъ рѣшился прославить себя военными подвигами, какъ подобало наполеониду, и предложилъ свои услуги англійскому прави-

¹⁾ Journal intime de Cuvillier-Fleury.—I vol. Paris. 1900.

²⁾ Biographie politique du XIX siècle. Paris. 1900. 2 vol.

³⁾ Louis Napoleon, par M. Maze-Sencier.—Carnet Historique. 15 juin. 1900.

тельству, которое тогда вело войну съ зулусами въ Африкѣ. Тамъ онъ отличился смѣлостью и отвагой, но слова герцога Кембриджскаго: «я боюсь, чтобы онъ не былъ слишкомъ смѣлъ», оправдались. 1-го юня 1879 года онъ участвовалъ въ рекогносцировкѣ подѣ начальствомъ капитана Карю. На рѣчкѣ Итотозѣ на нихъ напали зулусы въ большомъ количествѣ, и англичане должны были отступить, при чемъ капитанъ Карю совершенно забылъ о порученномъ ему принцѣ, и несчастный юноша былъ найденъ убитымъ съ 18-ю ранами въ груди, нанесенными зулусскими копьями. Тѣло его было привезено въ Англiю и похоронено въ часовнѣ, въ Фарнборо, гдѣ покоились останки его отца. На его розовомъ гранитномъ саркофагѣ красуется надпись: «Наполеонъ, императорскій принцъ, родился въ Парижѣ 16 марта 1856 г. Умъръ солдатской смертью въ Итотозѣ, въ Южной Африкѣ, 1-го юня 1879 года. Миръ праху твоему».

— Колья Линкольна, какъ избирательное орудіе. По случаю предстоящихъ осенью выборовъ въ президенты Соединенныхъ Штатовъ и начавшейся уже избирательной агитаціи напечатана въ юньской книжкѣ «Century magazine» статья Маккана Дэвиса ¹⁾ объ одномъ любопытномъ и невѣдомомъ эпизодѣ первыхъ выборовъ Линкольна. Извѣстно, что этотъ второй послѣ Вашингтона герой американской исторіи въ юности былъ дровосѣкомъ и, достигнувъ президентства, не стыдился своего популярнаго прозвища «кольещика» (Rail-Splitter), которое ему дали одинаково враги и друзья, благодаря тому, что однажды, будучи еще дровосѣкомъ, онъ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ нарубилъ въ день три тысячи кольевъ для полевыхъ изгородей. Этотъ рабочій подвигъ кандидата въ президенты подалъ мысль сторонникамъ Линкольна во время агитаціи передъ его первыми выборами въ 1860 году сдѣлать историческіе кольца избирательнымъ орудіемъ. До этого первый додумался Огельсби, тогда молодой политическій дѣятель штата Илинойса, родины Линкольна, а потомъ губернаторъ, генераль-майоръ и сенаторъ. Онъ зналъ, что Линкольнъ въ юности рубилъ лѣсъ и готовилъ кольца для изгородей въ окрестностяхъ города Декатура, и когда въ маѣ 1860 года въ этомъ городѣ должна была произойти конвенція республиканской партіи въ штатѣ Илинойсѣ, то онъ позвалъ простого работника Ганкса, друга Линкольна и хотя демократа по убѣжденію, но яраго сторонника кандидатуры своего стараго товарища-дровосѣка, такъ какъ онъ нѣкогда рубилъ вмѣстѣ съ нимъ знаменитые кольца. — «Джонъ, скажи Огельсби, — вы вѣдь рубили кольца старымъ Абомъ?» — «Конечно, рубилъ и каждый день», — отвѣчалъ съ гордостью старикъ. — «А что, можно найти эти кольца?» — продолжать спрашивать Огельсби. — «Я думаю, лѣтъ десять тому назадъ ихъ еще было много». — «Такъ поѣдемъ завтра пораньше и поищемъ ихъ». На другой день они отправились на указанное Ганксомъ мѣсто, и онъ не только нашелъ большое число срубленныхъ имъ и Линкольномъ кольевъ, благополучно торчавшихъ въ полевой изгороди, но, пройдя далѣе, отыскалъ и пни тѣхъ деревьевъ, изъ которыхъ они были сдѣланы. Огельсби выгачилъ, два кола и повезъ ихъ съ собою въ Декатуръ, а черезъ нѣсколько дней во время засѣданія республиканской конвенціи неожиданно явился въ залу ста-

¹⁾ Origin of the Lincoln rails, by Maccan Davis.—Century Magazine, June, 1900.

рикъ Джонъ, неся два скрещенныхъ кола, надъ которыми развѣвался флагъ съ надписью: «Эти колья принадлежатъ къ тѣмъ тремъ тысячамъ кольямъ, которые срубили въ 1830 году Абраамъ Линкольнъ, нашъ кандидатъ въ президенты». Проходя мимо самого Линкольна, который сидѣлъ въ углу, скромно, скрываясь отъ овацій, Джонъ сказалъ фамиллярно: «Какъ живешь, Абъ?»— «А ты, какъ Джонъ?»—отвѣчалъ Линкольнъ тѣмъ же тономъ. При видѣ этой сцены и прочитавъ надпись на представленныхъ кольяхъ, все собраніе пришло въ восторгъ и среди громкихъ рукоплесканій стало требовать рѣчи отъ Линкольна. Послѣдній ничего не зналъ о подготовленной демонстраціи съ кольями и былъ въ большемъ смущеніи, чѣмъ сказать. Наконецъ онъ произнесъ: «Господа, мы съ Джономъ много рублили колья въ окрестностяхъ этого города, и если я не могу поручиться, чтобы эти колья были тѣ самыя, которые мы рублили, зато они очень похожи». Колья Линкольна имѣли громадный успѣхъ, и на другой день Джонъ привезъ ихъ уже цѣлый возъ. Весь города, поддерживающіе кандидатуру Линкольна, стали требовать эти колья, и они сдѣлались настоящимъ знаменемъ республиканскаго кандидата, возбуждая неописанный восторгъ во всѣхъ избирательныхъ собраніяхъ, на которыхъ старый Джонъ ихъ торжественно предъявлялъ. По увѣренію всѣхъ американскихъ дѣятелей того времени и обѣихъ партій, «колья Линкольна» были могучимъ избирательнымъ орудіемъ, и имъ въ большой мѣрѣ онъ обязанъ былъ успѣхомъ своей кандидатуры.

— Засѣданія англо-русскаго литературнаго общества въ 1900 году. Въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ настоящаго года происходило три обычныхъ засѣданія англо-русскаго общества въ Лондонѣ, и на нихъ было прочитано три доклада: 1) пастора Венаблса объ успѣхахъ общества, 2) о посѣщеніи русскихъ владѣній въ Центральной Азій миссъ Изабеллой Фибсъ и 3) о регентшѣ Софіи и царикѣ Евдокии мистриссъ Гейзъ. Въ первомъ рефератѣ указывается на нѣсколько симптомовъ, свидѣтельствующихъ, что въ послѣднее время англичане стали интересоваться развитіемъ добрыхъ сношеній между Россіей и Великобританіей, къ чему стремится англо-русское общество. Во многихъ англійскихъ газетахъ и журналахъ, а также въ проповѣдяхъ нѣкоторыхъ лондонскихъ пасторовъ очень сочувственно говорится объ отцѣ Іоаннѣ Кронштадтскомъ. Въ газетѣ «Spectator» появилось нѣсколько сочувственныхъ Россіи статей, и всѣ органы лондонской печати выразили удовольствіе по поводу недавняго любезнаго приѣма въ Россіи архіепископа іоркскаго, а также въ виду приглашенія англиканскихъ пасторовъ на закладку русскаго храма во Флоренціи, при чемъ русскій посланникъ при итальянскомъ дворѣ и русское духовенство высказали въ своихъ рѣчахъ самую благородную вѣротерпимость. Миссъ Изабелла Фибсъ посѣтила средне-азіатскія владѣнія Россіи въ 1897 году и напечатала описаніе своего путешествія подъ заглавіемъ «Посѣщеніе русскихъ въ Центральной Азій», а въ лекціи она сообщила главнѣйшія изъ своихъ впечатлѣній, во время этой, по ея словамъ, «удивительно интересной поѣздки». Какъ она, такъ и значительное число членовъ общества, принявшихъ участіе въ преніяхъ, возбужденныхъ означенной лекціей, очень сочувственно отнеслись къ развитію Средней Азій подъ владычествомъ Россіи и выразили желаніе,

«истор. вѣстн.», июль, 1900 г., т. LXXXI.

21.

чтобы государственные люди и въ особенности журналисты не подстрекали къ враждебнымъ чувствамъ Англiю и Россiю, которыя, дѣйствуя дружно, могли бы оказать много пользы человѣчеству. Что касается до мистриссъ Гейзъ, автора историческаго очерка о сестрѣ и первой женѣ Петра, то она готовится къ печати исторiю Россiи и познакомила своихъ слушателей, вѣроятно, съ отрывкомъ изъ этого труда. Поставивъ себѣ задачу нарисовать радужные портреты своихъ героинь, англiйская писательница выбрала все, что могла найти сочувственнаго о нихъ въ иностранныхъ источникахъ, и напротивъ называетъ злыми клеветами враждебные отзывы въ тѣхъ же источникахъ объ нихъ обѣихъ. Конечно, мистриссъ Гейзъ очень строго осуждаетъ поступки Петра относительно его супруги и, называя царицу Евдокiю удивительной красавицей, жертвой жестокаго мужа, ядовито отзывается объ императрицѣ крестьянкѣ, какъ она величаетъ Екатерину I-ю. Къ отчету объ этихъ трехъ чтенiяхъ присоединена довольно обширная библиографiя, въ которой говорится о недавно вышедшихъ англiйскихъ книгахъ о Россiи и о двухъ русскихъ произведенiяхъ, именно о четвертомъ томѣ собранiя сочиненiй Луговаго и о повѣсти, напечатанной въ журналѣ «Наблюдатель», «Добрый баринъ».

— Смерть мистриссъ Гладстонъ и принца Жуанвильскаго. Недавняя кончина маститой вдовы великаго государственнаго челоуѣка Англiи, Гладстона, на 89 году своей жизни возбудила въ лондонской прессѣ общее сожалѣнiе. Сочувственные отзывы появились во всѣхъ органахъ печати, даже самыхъ враждебныхъ политикѣ ея мужа. Эта почтенная, достойная женщина пользовалась всеобщимъ уваженiемъ, и вся Англiя признала совершенно правильнымъ заявленiе Гладстона въ его завѣщанiи, что онъ согласенъ быть похороненнымъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, только подъ условiемъ, чтобы его жена была похоронена рядомъ съ нимъ. Предавъ землѣ самого Гладстона въ своей исторической усыпальницѣ, англiйское правительство безмолвно согласилось на это условiе и теперь исполнило принятое на себя обязательство. Скромная подруга «народнаго Вильяма» покоится рядомъ со своимъ мужемъ среди останковъ большинства знаменитыхъ дѣятелей Англiи. Нельзя не признать, что она вполне заслужила этой почести. Выйдя замужъ за Гладстона въ 1839 году, миссъ Глингъ въ продолженiе 57 лѣтъ была любящей, вѣрной и преданной подругой его жизни. Въ 1886 году онъ самъ публично заявилъ своимъ избирателямъ: «Если мнѣ удалось кое-что совершить въ жизни, то лишь благодаря спокойствию и счастью моей домашней жизни, утѣшавшей меня въ грустныя минуты, дававшей мнѣ силу въ минуту борьбы и всегда поддерживавшей меня безъ тѣни сомнѣнiя, безъ усталы, съ постоянной любовью». Мистриссъ Гладстонъ была далеко не такъ образованна и развита, какъ ея мужъ, но она умѣла, по ея собственнымъ словамъ, вполне слиться съ его личностью. Она никогда не думала ни о чемъ другомъ, кромѣ мужа и дѣтей. Она никогда не разставалась съ нимъ и всегда сопровождала его въ парламентъ и на всѣ митинги, на которыхъ онъ произносилъ рѣчи, имѣя всегда подъ рукой любимый его напитокъ изъ хереса и янцъ. Единственною страстью мистриссъ Гладстонъ было составить счастье мужа, а потому она никогда не обращала вниманiя на свой туалетъ. Когда ей приходилось ѣхать съ мужемъ на

званный обѣдъ послѣ парламентскаго засѣданія, то она брала съ собою въ палату нарядное платье и послѣ засѣданія надѣвала его наскоро въ коридорѣ дамской трибуны, чтобы не заставить ждать мужа. Конечно, нельзя не замѣтить, что и Гладстонъ былъ образцовымъ мужемъ, и вообще эта чета вмѣстѣ съ семью ея дѣтьми представляла отрядное явленіе въ современной англійской жизни.

Умершій 3-го іюня принцъ Жуанвильскій былъ третьимъ сыномъ короля Людовика-Филиппа и пережилъ всѣхъ братьевъ. Онъ родился въ 1818 году и воспитывался въ лицей Генриха IV, а затѣмъ въ морской школѣ, гдѣ прошелъ съ успѣхомъ обычный курсъ. Въ 1836 году онъ поступилъ во флотъ съ чиномъ капитанъ-лейтенанта и участвовалъ въ алжирской и мексиканской экспедиціяхъ, а, спустя четыре года, ему было поручено привезти въ Парижъ съ острова св. Елены останки Наполеона. Затѣмъ онъ плавать со своей эскадрой въ американскихъ водахъ, женился на дочери бразильскаго короля Педро II-го и, назначенный контръ-адмираломъ, а вскорѣ потомъ вице-адмираломъ, командовалъ средиземной эскадрой, бомбардировалъ Танжеръ и овладѣлъ Могадоромъ. Хотя онъ находился во главѣ сильной эскадры у береговъ Алжира, но ни онъ, ни его братъ, герцогъ Омальскій, бывший тогда губернаторомъ Алжира, не оказали ни малѣйшаго сопротивленія провозглашенію республики. Присоединившись къ отцу, бѣжавшему въ Англію, онъ жилъ въ Клармонѣ во все продолженіе второй республики и декабрьской имперіи. Только въ 1861 году, во время борьбы сѣвера съ югомъ, онъ посѣтилъ Соединенные Штаты со своимъ сыномъ герцогомъ Пентъеврекимъ и двумя племянниками: графомъ Парижскимъ и герцогомъ Шартрскимъ. Перваго онъ помѣстилъ въ американское морское училище, а послѣднимъ дозволилъ сражаться въ рядахъ сѣверянъ. Какъ только начались бѣдствія 1870 года, принцъ Жуанвильскій просилъ Наполеона III принять его во французскую армію въ какомъ угодно чинѣ, но получилъ отказъ. Такой же отказъ ему объявило правительство національной защиты, послѣ переворота 4-го сентября. Однако онъ былъ слишкомъ пламеннымъ патриотомъ, чтобы подчиниться этому отказу, и подъ именемъ полковника Лютерида поступилъ въ 15 армейскій корпусъ и сражался подъ Орлеаномъ, изъ котораго вышелъ однимъ изъ послѣднихъ. Затѣмъ онъ перешелъ въ армію генерала Шанзи, обѣщая сохранить самое строгое инкогнито, но Гамбета, узнавъ объ этомъ, приказалъ его арестовать и отправить въ Англію. Но, спустя нѣсколько дней, онъ снова вернулся во Францію уже, какъ членъ національнаго собранія, въ качествѣ депутата отъ департамента Верхней Марны. Въ парламентѣ онъ не игралъ видной роли, но вотировалъ противъ Тьера и въ пользу избранія президентомъ маршала Макъ-Магона. На слѣдующихъ выборахъ онъ отказался отъ кандидатуры и съ тѣхъ поръ жилъ частнымъ человекомъ, помѣщая, какъ и прежде, статьи въ *Revue des deux mondes* по морскому дѣлу, по исторіи войны сѣвера съ югомъ въ Америкѣ и насчетъ битвы подъ Садовой.

— Убіенство посланниковъ въ Раштаттѣ. Въ «*Revue de Paris*» ¹⁾ особая статья посвящена загадочному эпизоду въ исторіи коалиціонныхъ войнъ съ

¹⁾ L'assassinat des ministres de France à Rastatt.—«*Revue de Paris*», 1 juin. 1900. 21*

Францією — умерщвленію французскихъ посланниковъ въ Раштаттѣ во время войны съ коалиціею. Въ ночь съ 28-го на 29-е апрѣля 1799 года французскіе уполномоченные Бонни и Робержо были убиты у воротъ Раштатта; третьему Дебри удалось избѣжать смерти. Преступленіе это позже, особенно со словъ Дебри, приписывалось венгерскимъ гусарамъ; обвиненіе это, однако, не было достаточно обосновано. Ученые напрасно старались разъяснить это таинственное происшествіе. Документы, относившіеся къ этому дѣлу, съ 1804 года, по приказанію министра графа Кобенцеля, были запечатаны и хранились въ вѣнскомъ военномъ и государственномъ архивахъ. Самый важный документъ, заключавшій въ себѣ протоколъ допроса, оставался поэтому неизвѣстнымъ до сихъ поръ, пока, наконецъ, само австро-венгерское правительство не рѣшило уже не держать его въ секретѣ. Въ «*Revue de Paris*» приводятся выдержки изъ этого протокола, по ознакомленіи съ которымъ становится вполнѣ вѣроятнымъ, что венгерскіе гусары дѣйствительно были во всей этой прискорбной исторіи совершенно не причесть. По желанію эрцгерцога Карла, главнокомандующаго австрійскою арміею у береговъ Рейна, допрошены были и полковникъ Барбацци, командиръ гусарскаго полка, и капитанъ Буркгардъ, стоявшій во главѣ эскадрона, охранявшаго окрестности Раштатта. Показаніями этихъ лицъ устанавливаются главные моменты Раштаттскаго событія. Въ воскресенье, 28-го апрѣля, послѣ полудня, полковнику Барбацци было донесено, что на слѣдующій день французы намѣрены напасть на Раштаттъ и пограбить въ долину рѣки Муртъ. Немедленно же по полученіи этого извѣстія Барбацци направился къ крайнимъ аванпостамъ, а капитану Буркгарду велѣлъ войти въ Раштаттъ и разставить вокругъ него свои патрули. Въ то же время Барбацци отправилъ французскимъ посланникамъ письмо, въ которомъ предупреждалъ ихъ, что въ виду предстоящаго нападенія присутствіе французскихъ гражданъ въ городѣ не можетъ быть допущено, и что поэтому они должны въ 24 часа оставить Раштаттъ. По словамъ полковника, онъ намѣренно предоставлялъ въ распоряженіе посланниковъ цѣлыя сутки, чтобъ они не были принуждены выѣхать ночью и могли отправиться на слѣдующій день, въ понедѣльникъ, утромъ. Посланники, однако, рѣшили выѣхать немедленно же по полученіи приказанія, несмотря на то, что наступили уже сумерки. Капитанъ Буркгардъ, охранявшій дорогу отъ Раштатта къ Рейну, не желалъ отпустить ихъ такъ поздно, въ виду того, что было уже темно, и было очень легко сбиться съ дороги. Однако, посланники различныхъ другихъ державъ упростили его немедленно же дать французскому посольству свободный пропускъ. Въ 10 часовъ вечера французскіе министры, вмѣстѣ со своимъ багажомъ, вошли изъ Раштатта изъ Рашаускихъ воротъ и направилась въ сторону Рейна. Конвоя они отъ Буркгарда не требовали, но уполномоченные нѣмецкихъ дворовъ, нѣходившіеся въ городѣ, упрасивали Буркгарда отрядить несколько гусаръ для охраны ихъ. Капитанъ, однако, не могъ исполнить этой просьбы, такъ какъ имѣлъ слишкомъ мало людей въ своемъ распоряженіи и боялся ежеминутно нападенія французовъ. Не прошло и часа послѣ отбытія посольства, какъ къ Буркгарду прибѣжали нѣсколько членовъ дипломатическаго корпуса въ Раштаттѣ и сообщили ему съ большимъ волненіемъ, что на французское посольство, по дорогѣ между Ра-

штатгомъ и Рейнау, было совершено нападеніе, и что посланникамъ пришлось выскочить изъ ихъ каретъ. Буркгардъ немедленно же послать особый патруль, чтобы отыскать посланниковъ и привезти ихъ обратно въ Раштаттъ. Однако, раньше еще, чѣмъ посланные успѣли вернуться, прискакалъ къ нему новый патруль съ подробномъ докладомъ о происшедшемъ. Квартирмейстеръ эскадрона съ нѣсколькими гусарами, при проѣздѣ по рейнауской дорогѣ, услышали сильный шумъ и среди господствовавшей темноты скорѣе услышали, чѣмъ увидѣли, что нѣсколько пѣшихъ и конныхъ нанали на кареты посланниковъ. Когда гусары подошли, нападавшіе успѣли скрыться въ сосѣднемъ лѣсу. На мѣстѣ лежали лишь трупы двухъ посланниковъ, Боннье и Робержо. Третій изъ посланниковъ Дебри куда-то исчезъ: какъ оказалось, онъ бѣжалъ и появился въ Раштаттъ лишь на слѣдующій день. Какъ Барбацци, такъ и Буркгардъ увѣряли, что подвѣдомственные имъ нижніе чины всѣ находились на опредѣленныхъ стоянкахъ и никакъ не могли участвовать въ нападеніи на посланниковъ. Къ тому же въ случаѣ нападенія кого либо изъ солдатъ единственнымъ мотивомъ убійства могъ быть грабежъ. Между тѣмъ, наиболѣе цѣнные изъ вещей оказались всѣ въ цѣлости въ багажѣ посланниковъ, а, если что пропало, то скорѣе во время обратнаго отвоза въ городъ, чѣмъ въ моментъ убійства. Выгораживаясь подчиненныхъ полковника Барбацци еще то обстоятельство, что, по словамъ самого же Жана Дебри, нападавшіе говорили по-французски. Они устремились на посланниковъ со словами: «Ты Боннье, ты Робержо, а ты Жанъ Дебри. Вотъ эти мерзавцы, которые подавали голосъ за смерть короля!» Лишь послѣ того, когда нападавшіе такимъ образомъ отчитали свои жертвы, они набросились на нихъ съ оружіемъ. Между тѣмъ, по словамъ Барбацци, во всемъ его полку не было ни одного человѣка, который могъ бы повторить хоть слово по-французски; даже изъ офицеровъ только одинъ зналъ по-французски. Никто изъ нихъ, кромѣ того, не могъ знать въ лицо и даже по имени посланниковъ. Всѣ эти соображенія доказываютъ полную невиновность венгерскихъ гусаръ въ смерти Боннье и Робержо. Приходится поэтому прибѣгать къ другимъ предположеніямъ относительно виновниковъ кроваваго дѣла. По всей вѣроятности, виновниками были французскіе же эмигранты, имѣвшіе основаніе ненавидѣть всѣхъ трехъ уполномоченныхъ; подозрѣніе падаетъ въ особенности на генерала Даникана, автора памфлета противъ французской революціи, вышедшаго въ 1798 г.

— Судьбы герцогини Беррійской. Г. Тиррія, извѣстный своими изысканіями о Наполеонѣ III до имперіи («Napoléon III avant l'Empire»), посвятилъ особую книгу романтическимъ судьбамъ герцогини Беррійской, матери претендента Генриха V¹). Каролина Бурбонская, впоследствии прославившаяся подъ именемъ герцогини Беррійской, родилась въ 1798 году въ Казертѣ; отецъ ея былъ наслѣднымъ принцемъ неаполитанскимъ, а мать эрцгерцогиней австрійскою. Между двѣнадцатью братьями и сестрами ея былъ Фердинандъ II, прославленный позже, какъ король-бомба, Христина, королева-регентша, и Те-

¹) H. Thirria, «La duchesse de Berry (S. A. R. Madame), 1798—1870. Paris. Plange. 1900.—«Correspondant», 10 juin 1900.

реза, послѣдняя императрица бразильская. Дѣтство ея протекло среди бурь наполеоновскихъ войнъ, которыя были виною, что она не получила почти никакого образованія; по-итальянски она говорила на сицилійскомъ діалектѣ, а по-французски такъ и не научилась писать правильно до конца своей жизни. Въ 1815 году паденіе Мюрата открыло Бурбонамъ снова путь къ неаполитанскому престолу. На слѣдующій годъ Людовикъ XVIII попросилъ руки Каролины для своего племянника герцога Беррійскаго. Такъ какъ у герцога Ангулемскаго дѣтей не было, то молодая герцогиня могла съ увѣренностью ожидать, что со временемъ ей придется быть королевою французскою. Герцогъ Беррійскій былъ не очень доволенъ тѣмъ, что его женили; онъ сильно жалѣлъ свою свободу, и немедленно же по вступленіи въ бракъ сталъ измѣнять своей супругѣ. Тѣмъ не менѣе, они жили въ общемъ мирно, очень весело, и оба пользовались популярностью. Кинжалъ Лувеля, пресѣкшій дни герцога Беррійскаго, положилъ конецъ беззаботному существованію герцогской четы. Герцогиня была въ отчаяніи, она хотѣла оставить Францію; но нѣкоторымъ утѣшеніемъ для нея было рожденіе сына, будущаго претендента, котораго называли «дитятею чуда». Изъ дѣтей, родившихся до смерти отца, въ живыхъ была лишь одна дочь. Мало-помалу герцогиня, унаслѣдовавшая почетный титулъ *madame*, свыклась съ своею ролью матери предполагаемаго престолонаслѣдника, приобрѣла отличавшую ее раньше беззаботность, и небольшой дворъ ея за все время правленія Карла X было центромъ веселья и разсѣянной жизни. О политикѣ она совершенно не заботилась. Весною 1830 года ее гораздо больше занималъ визитъ ея родителей, чѣмъ несогласія кабинета Полиньяка съ палатою и избирателями. Революція поразила ее, какъ ударъ молніи. Поселившись сначала съ другими членами королевской семьи въ Англію, подъ именемъ маркизы Рони, она въ началѣ 1831 года переселилась въ Италію. Извѣстно, что Карлъ X, отказываясь отъ престола 2-го августа 1830 г., называлъ себя преемникомъ сына герцогини Беррійской, который долженъ былъ править при регентствѣ герцога Орлеанскаго. Герцогъ Орлеанскій сдѣлался, однако, не регентомъ, а королемъ, но, тѣмъ не менѣе, молодая королевская Франція стояла за «Генриха V», желая, чтобы втеченіе времени его несовершеннолѣтія регентшею была герцогиня Беррійская. Герцогиня сочувствовала этимъ планамъ и, находясь съ лѣта 1831 года въ Италіи, поддерживала отсюда обширную шифрованную переписку со своими друзьями во Франціи. Наконецъ она рѣшилась дѣйствовать. 25-го апрѣля 1832 г., герцогиня въ сопровожденіи четырнадцати лицъ, сѣла на пароходъ «Carlo Alberto», 28-го, переодѣвшись матросомъ, высадилась у Марселя и стала распространять прокламацію къ арміи, приглашая ее стереть слѣды униженій 1830 года. Ей было обѣщано, что на колокольнѣ св. Мартина данъ будетъ сигналъ, который можетъ собрать весь гарнизонъ и все населеніе Марселя вокругъ бѣлаго знамени Бурбоновъ; добившись власти надъ Марселемъ, регентша думала легко поднять весь югъ и идти на Парижъ. Однако, по трусости священника, сигналъ съ колокольни не былъ данъ, и собравшіеся вокругъ герцогини немногіе заговорщики пришли къ заключенію, что ничего нельзя добиться. Стали говорить о необходимости сѣсть на корабль и вернуться обратно. Герцогиня, однако, не согласилась сразу признать свою попытку неудавшейся и,

удачно скрываясь отъ полиціи, прошла по діагонали всю Францію, находя вездѣ восторженныхъ приверженцевъ, которые ее скрывали отъ преслѣдователей. Прибывъ въ Вандею, она думала поднять мѣстное населеніе, что ей, однако, не удалось. 9-го іюня 1832 г. она бѣжала въ Нантъ, гдѣ въ теченіе пяти мѣсяцевъ скрывалась, не желая покидать Франціи, несмотря на то, что правительство Людовика-Филиппа заявило полную готовность отпустить ее, безъ всякихъ пренятствій, за границу. Герцогиня, однако, продолжала изъ Нанта, изъ тайнаго своего мѣстопробыванія, вести переговоры со своими сторонниками и иностранными дворами, сочувствовавшими ея планамъ. Ея присутствіе во Франціи начало составлять большое неудобство для орлеанскаго правительства. Попытки отыскать ея мѣстопробываніе долго не удавались. Тутъ выискался измѣнникъ, который помогъ захватить ее. Это былъ нѣкій Дейцъ, крещенный еврей, сумѣвшій добиться рекомендаціи отъ папы къ герцогинѣ, нѣсколько разъ посылавшей его съ тайными порученіями въ Испанію и Португалію. За пять сотъ тысячъ франковъ, предложенные ему министерствомъ, онъ сообщилъ, въ какомъ домѣ въ Нантѣ находится герцогиня. Эта послѣдняя, застигнутая врасплохъ войсками, занявшими домъ, еле успѣла спрятаться въ одномъ изъ тайниковъ, которые были устроены повсюду въ Вандеѣ послѣ вандейскихъ войнъ; тайникъ находился за каминомъ, чугунная доска котораго открывалась помощью пружины. Тамъ-то, въ узкомъ пространствѣ въ нѣсколько футовъ шириною, скрылась герцогиня съ Менаромъ, своимъ придворнымъ, и Гибурломъ, архитекторомъ, глубоко ей преданнымъ. Благодаря точнымъ указаніямъ, сдѣланнымъ Дейцемъ, найдены были письма, столъ, приготовленный для шести особъ; всѣ были убѣждены, что герцогиня спряталась гдѣ-то въ этомъ самомъ домѣ. Между тѣмъ всѣ поиски, какъ здѣсь, такъ и въ сосѣднемъ домѣ, ни къ чему не привели; полиція начинала уже терять терпѣніе, какъ на помощь явился случай. Два жандарма, поставленные на стражу возлѣ мансарды, гдѣ находился тайникъ, зажгли большой огонь въ каминѣ, чтобы согрѣться ночью. Жара въ тайникѣ сдѣлалась вскорѣ невыносимою; каминная доска покраснѣла, платье герцогини два раза загоралось. Она плакала отъ бѣшенства; шестнадцать часовъ длилась эта мука. «Мы сдаемся, — закричала она наконецъ: — мы сейчасъ откроемъ; тушите огонь». Герцогиня попросила, чтобъ къ ней призвали немедленно генерала Дермонкура, оставшагося въ домѣ. «Генераль, — сказала она, — я сдаюсь вамъ, отдаю себя подъ вашу охрану». Нѣсколько минутъ спустя, ее повели въ Нантскій замокъ; она шла нѣшкомъ, подъ руку съ генераломъ, между двумя рядами солдатъ; все обычное ей присутствіе духа вернулось къ ней. Это было 6-го ноября 1832 г. Въ ночь на 8-е ее отвезли на пароходѣ въ Сенъ-Назаръ, откуда она была отправлена въ замокъ Блэй въ Жирондѣ. Арестъ ея возбудилъ цѣлую бурю въ странѣ. Одни требовали, чтобы она была предана суду, какъ измѣнница, другіе хотѣли немедленнаго ея освобожденія. Арестъ окружилъ ее ореоломъ мученичества. Стали ходить слухи, что правительство намѣрено избавиться отъ нея какъ нибудь тайнымъ образомъ, можетъ быть, даже отравивъ ее. Тутъ, однако, вдругъ появилось неожиданное извѣстіе, что герцогиня, находящаяся подъ арестомъ въ замкѣ Блэй, беременна. Легитимисты называли это извѣстіе гнусною клеветою, но вскорѣ оказалось, что

спорить дѣйствительно не было возможности. Для правительства Людовика-Филиппа это событіе явилось весьма желаннымъ: съ герцогини снимался ореолъ мученичества, и право ея оспаривать престолъ у Людовика-Филиппа исчезало. Лица, которымъ поручено было стеречь герцогиню, получили строгій приказъ удержать ее подъ арестомъ до самаго момента родовъ. Послѣдніе должны были пронзойти въ присутствіи властей въ Блэй, а когда герцогиня послѣ этого была освобождена, то приняты были мѣры, чтобы возможно больше народу видѣли, что она оставляетъ цитадель не одна, а съ ребенкомъ. Не задолго до родовъ герцогиня сообщила, что она уже нѣкоторое время обвиняна съ итальянскимъ графомъ Гекторомъ Луккези-Палли. Во время ареста политическій энтузіазмъ узницы какъ-то исчезъ; она уже мечтала лишь о свободѣ и о буржуазной жизни; еле оправившись отъ родовъ, бывшихъ 10 мая 1833 года, она удалилась въ Палермо. Положеніе ея въ это время было очень трудное. Браку ея многіе не вѣрили, ближайшіе родственники не желали съ нею видѣться. Однако, вскорѣ все выяснилось; дѣйствительно, 14-го декабря 1831 года, въ Римѣ, патеромъ Розавеномъ былъ освященъ ея бракъ съ Луккези, который въ Нантѣ, когда она тамъ скрывалась, неоднократно имѣлъ случай съ нею видаться. Бракъ, заключенный въ такое время, былъ, безъ сомнѣнія, большою политическою ошибкою; но, во всякомъ случаѣ, онъ доказываетъ неосновательность клеветническихъ нападокъ на нравственность Каролины Бурбонской. Ко второму своему супругу, бывшему моложе ея на восемь лѣтъ, Каролина относилась съ большою нѣжностью; мужъ въ письмахъ своихъ къ ней титуловалъ ее всегда *Madame* и «королевскимъ высочествомъ» и вообще велъ себя, какъ морганатическій супругъ, сознающій, насколько онъ ниже той, которая связала съ нимъ судьбу свою. Кромѣ ребенка, родившагося въ Блэй, у нихъ было еще три дочери и сынъ. Устройство судьбы всѣхъ дѣтей требовало значительныхъ денегъ, а средствъ у бывшей герцогини Беррійской было мало. Въ 1864 году ее освободило отъ кредиторовъ вмѣшательство ея сына отъ перваго брака, графа Шамбора, который далъ ей и большую пожизненную пенсію; въ этомъ же году она лишилась своего супруга. Переживъ еще паденіе престола своихъ родственниковъ въ Неаполѣ, она скончалась отъ апоплексическаго удара 16-го апрѣля 1870 года. Смерть ея прошла почти незамѣченною.

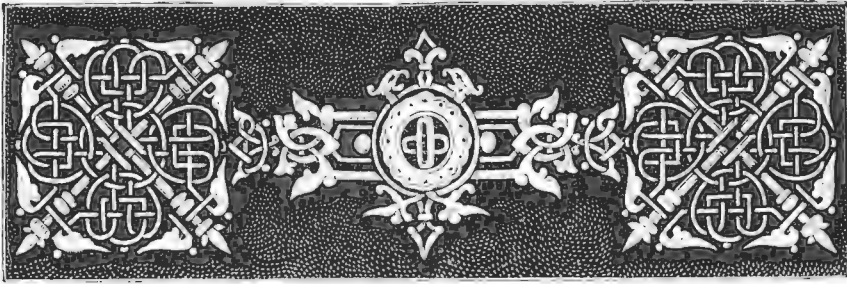
— Китайская императрица-регентша. Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ интересная фигура китайской императрицы-матери неоднократно привлекала къ себѣ вниманіе современной печати; объ этомъ свидѣтельствуетъ рядъ біографій ея, появившихся въ различныхъ иностранныхъ изданіяхъ ¹⁾. Императрица Цзы-си, родившаяся въ 1834 году, въ дѣтскіе годы свои врядъ ли могла и мечтать о той видной роли, которая впоследствии досталась ей на долю. Дочь мелкаго торговца, дѣла котораго шли очень неважно, она сама, одиннадцати лѣтъ отъ роду, уговорила отца для поправленія дѣлъ продать ее въ рабство. За нѣкоторую сумму денегъ она была приобретена вице-королемъ провинціи, гдѣ жилъ ея отецъ, и стала прислужницею вице-королевскихъ женъ.

¹⁾ «Correspondant», 1900, № 895.—«Revue de Paris», 1 mai 1900.—«Revue bleue», 16 juin 1900, № 24.

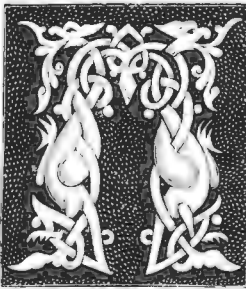
Благодаря своему искусству въ вышиваніи, она обратила на себя вниманіе своего властелина, который далъ ей возможность научиться читать, а затѣмъ формально удочерилъ ее. Когда Цзы-си подросла, покровителю ея оказана была богдыханомъ какая-то милость, за которую вице-король рѣшилъ отблагодарить, подаривъ богдыхану свою пріемную дочь въ наложницы. Такимъ образомъ, Цзы-си проникла въ стѣны богдыханскаго дворца въ Пекинѣ. Родивъ богдыхану сына, она сразу пріобрѣла выдающееся положеніе среди другихъ наложницъ и была принята второю супругою императора Сянь-фына. Пользуясь своимъ правомъ назначать преемника по собственному выбору, Сянь-фынъ назначилъ наслѣдникомъ своимъ Тунъ-чжи, сына Цзы-си, при чемъ попененіе о малолѣтнемъ наслѣдникѣ престола было поручено какъ первой, такъ и второй императрицѣ. Въ 1861 году императоръ Сянь-фынъ умеръ, векоръ послѣ неудачной войны съ англичанами и французами, и Тунъ-чжи, возрастомъ всего въ нѣсколько мѣсяцевъ, объявленъ былъ императоромъ. Регентами назначены были два принца императорской крови и одинъ изъ министровъ. Однако, регентство продержалось недолго. Принцъ Гунъ, братъ покойнаго императора, сблизившись съ Цзы-си, составилъ заговоръ съ тѣмъ, чтобы погубить ихъ. Онъ обвинилъ регентовъ, что они нарушили какія-то церемоніи при похоронахъ Сянь-фына, чѣмъ будто нанесено страшное оскорбленіе покойному императору; регентовъ схватили и немедленно же отрубили имъ головы. Послѣ этой быстрой расправы объ императрицѣ сдѣлался регентшами, а Гунъ сталъ канцлеромъ имперіи; одна изъ регентшъ титуловалась императрицею востока—Дунъ-Гунъ, другая императрицею запада—Си-Гунъ. Въ 1873 году молодой Тунъ-чжи достигъ законнаго совершеннолѣтія, и регентство должно было прекратиться. Но Цзы-си все-таки не пришлось сойти со сцены. Здоровье молодого Тунъ-чжи, истощеннаго всевозможными излишествами, было очень слабо. Прошло лишь немного недѣль, по достиженіи совершеннолѣтія, какъ его уже не было въ живыхъ. Черезъ немного дней послѣ него умерла скоропостижно и супруга его, не успѣвъ родить ребенка, которымъ она была беременна. Быстрая смерть императора и супруги его вызвала много толковъ; достовѣрно, во всякомъ случаѣ, что смерть эта вполне соответствовала честолюбивымъ замысламъ Цзы-си. Основываясь на якобы состоявшемся распоряженіи императора Тунъ-чжи, она распорядилась объявить императоромъ одного изъ двоюродныхъ братьевъ покойнаго, трехлѣтняго ребенка. Рассказываютъ, что въ холодную зимнюю ночь ребенка вытащили изъ колыбели, таинственно перенесли во дворецъ, и здѣсь на другой день Цзы-си признала его законнымъ преемникомъ своего сына, придавъ ему имя Гуанъ-сюй. Этотъ поступокъ Цзы-си требовалъ и хитрости и большого мужества. Ей приходилось бояться своего деверя, принца Гуна, дѣти котораго имѣли не меньше правъ на престолъ, чѣмъ Гуанъ-сюй. Еще задолго до этого отношенія Гуна къ Цзы-си стали враждебными. Гунъ, недовольный тѣмъ, что одинъ изъ придворныхъ свуховъ достигъ большихъ милостей у императрицы, велѣлъ его схватить, обвинить въ государственной измѣнѣ и казнить. Цзы-си была взбѣшена этимъ убійствомъ, но затаила месть и отомстила Гуну лишь послѣ смерти Тунъ-чжи, возведя на престолъ Гуанъ-сюя. Принцъ Гунъ былъ застигнутъ врасплохъ дѣйствіями

императрицы и не имѣлъ возможности ей противиться. Нѣсколько лѣтъ продолжалась еще глухая борьба Гуна съ Цзы-си, пока онъ наконецъ не былъ лишенъ всѣхъ своихъ должностей. Мѣсто его, по плану Цзы-си, долженъ былъ занять Чунь, отецъ императора, но онъ оказался слишкомъ неспособнымъ. Въ это время при дворѣ Цзы-си стали возвышаться Ли-хунь-чшань, отношенія котораго къ императрицѣ, по словамъ его биографовъ, были не исключительно политическаго характера. Однако, и этотъ хитрый царедворецъ долженъ былъ все-таки допустить въ свое время провозглашеніе совершеннотѣтія Гуань-сюя и объявленіе регентства прекратившимся. Но и тутъ Цзы-си не сошла окончательно со сцены. Она заключила съ Гуань-сюемъ соглашеніе, по которому опредѣлялся цѣлый рядъ случаевъ, когда она могла распоряжаться, не относясь къ императору. Тѣмъ не менѣе, влияние ея временно пало; война съ Англіей началась противъ ея желанія. Шимоносекскій миръ чуть не стоилъ жизни Ли-хунь-чшану; чтобы спасти своего прежняго любимца, Цзы-си временно должна была совершенно удалиться отъ дѣлъ. Тѣмъ временемъ Гуань-сюей, временно освобожденный отъ гинотизировавшей его близости императрицы, сталъ смѣшно проводить свои реформы, которыми онъ думалъ пересоздать весь строй Китая, но вмѣсто этого только возбудилъ противъ себя неудовольствіе всѣхъ консервативныхъ элементовъ и далъ императрицѣ возможность, при ихъ поддержкѣ, снова достигнуть высшей власти въ государствѣ. Цзы-си выступила защитницею старины. Уничтоженіе императоромъ шести важныхъ «я-мыней» или совѣтовъ съ 6.000 служащихъ вызвало бурную сцену между нимъ и Цзы-си, которая дошла до того, что дала императору пощечину. Гуань-сюей, по ея требованію, готовъ былъ всѣ свои распоряженія отгнѣнить, какъ нѣкоторые изъ приближенныхъ стали совѣтовать ему призвать въ столицу войска и арестовать императрицу. Этотъ планъ, однако, не удался, такъ какъ манчжурская гвардія не желала ничего предпринимать противъ Цзы-си; кончилось дѣло тѣмъ, что императоръ отказался отъ власти и предоставилъ управленіе имперіей цѣликомъ Цзы-си. Послѣдовать цѣлый рядъ казней лицъ, такъ или иначе выказавшихъ себя враждебными императрицѣ. Цзы-си стала единственною властительницею Китая. Какова ея роль въ послѣдовавшемъ вскорѣ послѣ произведеннаго ею переворота возстаніи боксеровъ, выяснится, конечно, лишь въ будущемъ.

С М Ъ С Ъ.

ПАМЯТНИКЪ Екатерины II въ Одессѣ. 6-го мая послѣдовало открытіе памятника императрицѣ Екатерины II въ Одессѣ на Екатерининской площади. Площадь была вся разукрашена триумфальными арками съ гербами, трибунами для приглашенныхъ и публики, и т. д. Дома и балконы были разукрашены гирляндами и флагами; памятникъ, освобожденный отъ лѣсовъ, окруженъ цвѣтникомъ съ вензелями императрицы. Съ утра погода была ненастная, прошелъ дождь. Въ девять часовъ въ кафедральномъ соборѣ началась литургія,

отслуженная архіепископомъ Іустиномъ со всеѣмъ городскимъ духовенствомъ. Присутствовали военныя и гражданскія власти, гласныя думы, консулы и множество молящихся. Послѣ полудня на площади стали собираться войска и учащіяся. Кругомъ бордюрами по бульвару и тротуарамъ стояли толпы народа. Порядокъ былъ образцовый. На крышахъ, въ видахъ безопасности, людей не было. Безчисленныя окна, разукрашенные коврами балконы представляли сплошное море человѣческихъ головъ. Въ два часа дня собрались все приглашенныя лица. Здѣсь находились прибывшіе изъ Петербурга товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ кн. А. Д. Оболенскій, генералъ Богдановичъ, градоначальникъ, генералитетъ, представители думы, земства, начальники учреждений. Богослуженіе совершалъ архіепископъ херсонскій и одесскій Іустинъ. Послѣ провозглашенія многолѣтія царствующему дому и вѣчной памяти императрицѣ Екатерины II съ памятника упала завѣса, и загремѣли выстрѣлы салютовъ съ

крейсера «Память Меркурія» и изъ береговыхъ артиллерійскихъ орудій. Памятникъ, въ густомъ кольцѣ зелени, имѣетъ красивый, изящный видъ. Минута его появленія изъ-подъ покрывала вышла очень эффектной. Цѣлый рядъ депутацій отъ Херсона, Кишинева, городовъ Херсонской губерніи, города Одессы, отъ дворянства, купеческаго сословія, мѣщанскаго сословія, земства, екатерининскаго яхтъ-клуба, общества исторіи и древностей, ученыхъ и благотворительныхъ обществъ и редакцій мѣстныхъ газетъ возложили вѣнки къ подножію памятника. Въ торжествѣ участвовала также депутація болгарскаго флота, прибывшая на болгарскомъ военномъ суднѣ «Надежда». Пѣвческіе хоры въ 1.500 участниковъ при четырехъ оркестрахъ военной музыки исполнили Екатерининскій гимнъ «Громъ побѣды раздавался», затѣмъ кантату императрицы Екатерины II, на открытіе памятника 6 мая сочиненную учителемъ одесскаго коммерческаго училища Пскрой и переложенную на музыку учителемъ пѣнія народныхъ училищъ Завадскимъ. Во время исполненія кантаты свыше 50 депутацій возложили у подножія памятника вѣнки, среди которыхъ множество отъ всѣхъ національностей и народностей, поселенныхъ въ Новороссійскомъ краѣ по милости императрицы. Затѣмъ была исполнена патріотическая пѣсня «То не зоренька» и маршъ. Войска проходили передъ памятникомъ церемониальнымъ маршемъ, затѣмъ дефилировали всѣ учащіеся въ учебныхъ заведеніяхъ города. Въ это время, всѣми оркестрами и пѣвческими хорами, при перезвонѣ во всѣхъ церквяхъ города, былъ исполненъ народный гимнъ: «Воже Царя храни». Праздникъ завершился блестящимъ раутомъ въ залахъ городской думы, роскошно разукрашенныхъ и залитыхъ свѣтомъ. Въ 11-мъ часу прибыли товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ князь Оболенскій, генералъ Богдановичъ и другіе почетные гости. Городской голова П. А. Зеленой провозгласилъ первый тостъ за драгоцѣнное здоровье государя императора, покрытый единодушнымъ «ура» и звуками народнаго гимна, исполненаго театральнымъ оркестромъ и трижды повтореннымъ. Въ отвѣтъ на эту дорогую всей Руси здравицу товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, князь Оболенскій, сказалъ слѣдующее: «Я счастливъ, что на мою долю выпала высокая честь по высочайшему его императорскаго величества повелѣнію присутствовать на сегодняшнемъ знаменательномъ торжествѣ. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы отъ лица министра внутреннихъ дѣлъ и отъ себя привѣтствовать городъ Одессу съ такимъ превосходнымъ завершеніемъ празднованія столѣтія со дня основанія этого города. Заложенный во время этого празднованія, нынѣ въ радостный день рожденія государя императора освященный и открытый памятникъ великой царицы останется на-вѣки свидѣтельствомъ благодарной признательности къ той, по слову которой изъ ничтожнаго Хаджибея выросла прекрасная, цвѣтущая Одесса. Позвольте пожелать, чтобы и въ грядущее столѣтіе, подъ сѣнью не прекращающихся заботъ государя нашего императора, Одесса росла и развивалась такъ же могуче и такъ же быстро, какъ это было въ столѣтіи минувшемъ. Я нынѣ за процвѣтаніе города Одессы». Сосредоточенно выслушанный прекрасный этотъ привѣтъ былъ встрѣченъ долго несмолкавшими «ура» и тушемъ. Послѣ рѣчи товарища министра къ собранію обратился генералъ Богдановичъ. «Радовались волшебному росту и расцвѣту Одессы рус-

скіе царя! Императоръ Александръ II назвалъ ее лучшей жемчужиной въ русской императорской коронѣ. Она цѣнна и сердцу нынѣ царствующаго надъ нами, дорогого для всей Руси, государя Николая Александровича! Чествуя гениальную монархиню, по выраженію Державина «богоподобную Фелицу», открытіемъ воздвигнутаго ей памятника, можемъ ли не помянуть ся славныхъ подвижниковъ? Вся исторія царствованія Екатерины II свидѣтельствуетъ, что выборъ людей составлялъ особенно драгоценный даръ у императрицы. Въ ея наказѣ, данномъ генераль-прокурору князю Вяземскому, выражено: «Я иных видовъ не имѣю, какъ наибольшее благополучіе и славу отечества, и иного не желаю, какъ благоденствія моихъ подданныхъ, какого бы они званія ни были. Я весьма люблю правду, и вы можете ее говорить мнѣ, не боясь ничего». Руководствуясь этими высокими принципами, императрица окружала себя такими свѣтилами, какъ Румянцевъ-Задунайскій, Потемкинъ-Таврическій и Суворовъ-Рымникскій, столѣтіе котораго сегодня празднуетъ наша сѣверная столица. Именами и славою этихъ Екатерининскихъ орловъ и понынѣ гордится Россія. Сегодняшній праздникъ Одессы не есть только мѣстный праздникъ. Въ немъ участвуетъ вся Россія, для которой Одесса является живою связью не только съ мировыми путями, но и съ вѣковѣчными свѣтлымъ чаяніями, обращенными къ Черному морю еще со временъ вѣщаго Олега... Пожелаемъ же, чтобы нынѣ воздвигнутый монументъ мудрой устроительницѣ русскаго Юга, сохраняя въ народѣ вѣчную память о монархинѣ, даровавшей Россіи столько благъ и столько славы, въ то же время служилъ къ упроченію и утвержденію въ народныхъ сердцахъ крѣпкихъ завѣтовъ нашей исторіи: вѣры православной, власти самодержавной и народности русской». Изъ числа слѣдовавшихъ затѣмъ многихъ рѣчей нельзя не отмѣтить слова председателя земской управы Андреевскаго, очень сочувственно принятаго. Были провозглашены тосты за командующаго войсками, болящаго графа Мусина-Пушкина, за одесскаго градоначальника графа Шувалова и за російское воинство въ лицѣ присутствовавшаго на раутѣ генерала Скалона. Въ исходѣ перваго часа товарищъ министра и почетные гости отбыли. Вечеромъ около вновь открытаго памятника образовалось импровизированное народное гулянье; народъ наполнял площадь, залитую иллюминаціей и періодически оглашаемую звуками гимна, исполняемаго оркестромъ; теплая ночь благопріятствовала гулянью, цѣлыя толпы съ одной стороны въ полномъ порядкѣ вливались на площадь, съ другой — безшумно убывали на освѣщенный бульваръ. Улица была раздѣлена канатами на двѣ части, чѣмъ устранялись встрѣчныя теченія; эффектное гулянье продолжалось до глубокой ночи.

Суворовскій юбилей. Исполнившееся 6-го мая столѣтіе со дня смерти Суворова были ознаменовано продолжительными торжествами и церемоніями въ столицахъ и различныхъ городахъ. Нельзя впрочемъ не отмѣтить, что празднества прошли нѣсколько холодно и казенно, безконечно уступая, наприимѣръ, прошлогоднему чествованію памяти Пушкина. Во всякомъ случаѣ, не говоря о многочисленныхъ изданіяхъ, вышедшихъ къ юбилею, немало было сдѣлано и для внѣшняго ознаменованія вѣковой годовщины великаго полководца. Мы остановимся вкратцѣ на описаніи празднествъ въ Петербургѣ и отчасти въ

Москвѣ. Въ другихъ городахъ ограничились паннихидамъ, переименованіемъ улицъ, кое-какими новыми образовательными учрежденіями и т. п. Только Боровичи отнеслись горячѣе другихъ мѣстъ къ памяти своего земляка. Въ этомъ городѣ, 5-го мая, на Екатерининской площади торжественно была отслужена сонмомъ духовенства паннихида въ присутствіи перваго сапернаго батальона, мѣстной воинской команды, властей, гласныхъ думы, горожанъ, учащихся и сельчанъ; на помостѣ возвышался бюстъ Суворова. Вечеромъ въ общественномъ собраніи всѣмъ учащимся и народу предложена безплатно публичная лекція съ туманными картинами. Залъ былъ переполненъ публикою. 6-го мая послѣ второй безплатной публичной лекціи состоялся праздникъ древонасажденія въ Суворовской рощѣ; раздавали 700 школьникамъ книги о Суворовѣ и лакомства. 7-го мая состоялось чтеніе исключительно народу, и торжественно открыта Суворовская библіотека. Отъ учреждений и частныхъ лицъ получены увѣдомленія о пожертвованіяхъ фонду на памятникъ Суворову въ Боровичахъ.

Теперь обратимся къ Петербургу и Москвѣ. I. 3-го мая происходило освященіе церкви, перенесенной изъ села Кончанскаго, имѣнія генералиссимуса князя Суворова, въ Петербургъ, на Преображенскій плацъ, по соудству съ вновь воздвигаемымъ зданіемъ академіи генеральнаго штаба. Желѣзная рѣшетка, которою обнесена церковь, была украшена флагами и кругомъ еще на отдѣльныхъ мачтахъ красовались національныя орифламы. Три шатра окружали церковь. Въ одномъ изъ нихъ, позади открытой отдѣльной звонницы, точно такой, какаѣ была при церкви во время Суворова, былъ устроенъ «Суворовскій музей»: это, такъ сказать, еще ячейка музея, его начало. На звонницѣ висѣли 5 колоколовъ, въ которые и звонилъ искусный звонарь изъ нижнихъ чиновъ. Чинъ освященія церкви начался въ 10 часовъ утра. Его совершали протопресвитеръ военнаго духовенства Желобовскій въ сослуженіи съ настоятелемъ кронштадтскаго Андреевскаго собора, о. Іоанномъ Сергіевымъ, протоіереемъ Преображенскаго всей гвардіи собора Покровскимъ, священникомъ, церкви села Кончанскаго Матвѣевымъ и священникомъ Боголюбовымъ, съ протодіакономъ Преображенскаго собора Скобниковымъ и діаконами церкви протопресвитера. Пѣлъ хоръ пѣвчихъ преображенцевъ. Во концѣ чиноосвященія совершенъ по уставу крестный ходъ вокругъ храма. За пѣвчими несли старыя суворовскія хоругви и образа. Протопресвитеръ, поддерживаемый священниками, несъ на головѣ св. мощи, а о. Іоаннъ Кронштадтскій предшествовалъ ему, окропляя стѣны храма св. водой. Въ оградѣ стояло множество приглашенныхъ на торжество и офицеровъ, а за оградю со всѣхъ сторонъ множество народа. Въ числѣ присутствовавшихъ находились военный министръ генералъ-лейтенантъ Куропаткинъ, членъ государственнаго совѣта главнаго начальствующій на Кавказѣ генералъ-адъютантъ князь Голицынъ, генералъ Ганецкій, инженеръ генералъ Падымовъ, генералъ Лесеръ, начальникъ главнаго штаба генералъ-лейтенантъ Сахаровъ, начальникъ штаба войскъ гвардіи и округа генералъ-лейтенантъ Васмундъ, вице-адмиралъ Назимовъ, с.-петербургскій градоначальникъ генералъ-лейтенантъ Клейгельсъ, начальникъ академіи генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ Сухотинъ и весь профессорскій составъ академіи, члены суворовской комиссіи—генералы: Бибиковъ, Вороновъ,

Орловъ (профессоръ), полковникъ Мышласевскій, Н. С. Строгановъ, дополнительный курсъ и другіе офицеры генеральнаго штаба, командиры: лейбъ-гвардіи Коннаго полка генераль-майоръ князь Одоевскій-Масловъ, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка генераль-майоръ Озеровъ и лейбъ-гвардіи Семеновскаго, гдѣ началъ нижнимъ чиномъ свою службу генералиссимусъ Суворовъ, командующій полковникъ Лангофъ, лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона генераль-майоръ Прескотъ, фельдфебели и вахмистры изъ нижнихъ чиновъ (депутациі отъ суворовскихъ полковъ не могли быть на церковномъ торжествѣ, такъ какъ должны были представляться государю императору). Были губернскіе предводители дворянства: с.-петербургскій — г. Зиновьевъ, владимірскій — г. Леонтьевъ; была и депутациа отъ крестьянъ села Кончанскаго. Изъ родственниковъ покойнаго находились здѣсь внучка Суворова, г-жа Хитрово, рожденная Молостцова, братья Молостцовы, пзъ которыхъ на средотва одного — В. В. Молостцова, владѣтеля суворовскаго майората, и совершенно перенесеніе церкви изъ села Кончанскаго, другая внучка Суворова г-жа Козлова съ мужемъ полковникомъ Козловымъ, генераль-майоръ князь Оболенскій, г-жи Догель, Нейгардъ, Башмаковы. За литургію протопресвитеръ произнесъ прочувствованное слово, въ которомъ, характеризуя религіозность Суворова, высказалъ, что только вѣра спасаетъ и помогаетъ воину. Послѣ литургіи былъ совершенъ молебенъ св. Александру Невскому, въ концѣ котораго возглашено царское многолѣтіе, вѣчная память почившимъ державнымъ вождямъ російской арміи, императору Павлу I и императрицѣ Екатеринѣ II, въ царствованіе которыхъ дѣйствовали Суворовъ, и самому генералиссимусу князю италійскому графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому. О. Іоаннъ Кронштадтскій раздавалъ деревянные крестики, сдѣланные изъ Суворовскаго дерева, оставшагося отъ перестройки церкви. Постановкой церкви и планировкой мѣста на Преображенскомъ плацу завѣдывалъ архитекторъ фонъ-Гогенъ. Послѣ богослуженія присутствовавшіе осматривали музей Суворова. Передъ нимъ стоялъ вытѣленный бюстъ Суворова, даръ Рукавишникова, у постамента бюста — пушка, взятая Суворовымъ въ 1799 г. передъ переходомъ черезъ С. Готардъ, въ сраженіи при Нови. Въ самомъ музеѣ-палаткѣ находились на одномъ столѣ сирава — французскіе того времени народные раскрашенные эстампы, очень вѣрно рисующіе мѣстность Суворовскихъ подвиговъ въ Италіи, а на другомъ, главномъ столѣ, въ витринѣ были собраны вещи Суворова, его ордена, въ числѣ ихъ его любимый и постоянно имъ носимый орденъ св. Анны съ украшеніями изъ драгоценныхъ камней, нашивной австрійскій крестъ Маріи-Терези и другіе. Тутъ же были его медали, орденскія ленты, гребешки, щеточки и прочее, двѣ маски гипсовыя съ покойнаго и одна металлическая, сдѣланная экспедиціею заготовленія государственныхъ бумагъ. Надъ витриною — собственность барона Бюллера, старый портретъ Суворова, конія Шмидта, снятая имъ съ портрета своей же работы (другой портретъ, даръ музею полковника Козлова, принадлежащій внучкѣ Суворова, висѣлъ на стѣнѣ во второмъ шатрѣ). Позади Суворовской витрины находились четыре знамени, одно отбитое при штурмѣ Праги; дальше подъ стеклянными футлярами стояли письменный столъ Суворова и аналой съ псалтыремъ, который онъ читалъ въ церкви, стулья Суворова, тутъ же бюстъ

императрицы Екатерины II, выточенный изъ дерева крестьянами Суворова, деревянное изображеніе Христа въ терновомъ вѣнцѣ и огромные «котлы», т.-е. полковые литавры, взятые при штурмѣ Праги, и много другихъ мелкихъ вещей. Въ шатрѣ, украшенномъ портретомъ Суворова, перенесеннымъ изъ академіи генеральнаго штаба, было подано шампанское и предложенъ завтракъ всѣмъ присутствовавшимъ на торжествѣ. II. 4-го мая торжества продолжались. Въ Петербургѣ, въ Александро-Невской лаврѣ, въ Благовѣщенскомъ соборѣ были совершены двѣ панихиды. Въ часъ дня—11-й гренадерскій фанаторійскій полкъ, который 17 августа 1826 года, въ уваженіе къ заслугамъ генералиссимуса Суворова, наименованъ гренадерскимъ генералиссимуса князя Суворова, возложилъ на могилу своего шефа роскошный серебряный вѣнокъ съ надписью: «Въ день 100-лѣтняго юбилея со дня кончины — 6 мая 1900 года — своему безсмертному шефу фанаторійскіе гренадеры». Въ четыре часа семеновцы собрались у могилы въ Благовѣщенской церкви на панихиду по своему однополчанинѣ. По окончаніи панихиды на могилу возложенъ роскошный вѣнокъ. На вѣнкѣ лента съ надписью: «Суворову—однополчане семеновскіе, 1900». Во всѣхъ частяхъ войскъ петербургскаго округа и въ петербургскомъ юнкерскомъ училищѣ состоялись сообщенія о Суворовѣ съ описаніемъ его заслугъ и характеристикой его личности. Въ тотъ же день вечеромъ Николаевской академіей генеральнаго штаба было устроено особое торжественное собраніе въ память Суворова. Къ половинѣ девятаго часа залъ представлялъ рѣдкую картину; были почти исключительно все военные, въ полной парадной формѣ, блистающіе штылемъ мундировъ и орденами. Въ первыхъ рядахъ помѣстились потомки Суворова: В. В. Молоствовъ, г-жа Козлова, княгиня Масальская, свѣтлѣйшая княгиня Суворова, графиня Зубова, баронесса Вольфъ, г-жа Даугель, гг. Леонтьевъ, Найдгардтъ, гг. Башмаковы, княгиня Оболенская, г-жа Хитрово, графиня Голенищева-Кутузова; многіе изъ потомковъ Суворова явились со своими дѣтьми. Въ числѣ многочисленныхъ приглашенныхъ присутствовали на собраніи: военный министръ генераль-лейтенантъ А. Н. Куропаткинъ, министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ А. С. Ермоловъ, предсѣдатель комитета министровъ И. Н. Дурново, государственный контролеръ П. Л. Лобко, генераль-отъ-кавалеріи графа А. П. Игнатьевъ, генераль-адъютантъ графъ Н. П. Игнатьевъ, членъ государственнаго совѣта генераль-адъютантъ П. С. Ванновскій, начальникъ главнаго штаба генераль-лейтенантъ Сахаровъ, начальникъ штаба петербургскаго военнаго округа генераль-лейтенантъ Васмундъ, генераль-отъ-инфантеріи Г. А. Лееръ, командиръ 1-го армейскаго корпуса баронъ Ф. Е. Мейендорфъ, начальники дивизій, командиры полковъ, депутаціи отъ войсковыхъ частей и депутація отъ боровичскаго дворянства. Торжественное засѣданіе открылось рѣчью предсѣдателя суворовской комиссіи Н. Н. Сухотина. Въ немногихъ словахъ Н. Н. Сухотинъ обрисовалъ постепенное освобожденіе въ исторіи личности Суворова отъ разныхъ небылицъ и возведеніе ея на высоту, признаваемую теперь всѣмъ міромъ. Суворова чествуетъ вся Россія, какъ одинъ человекъ, и несмотря на то, что дѣла его—дѣла давно минувшихъ дней, память о нихъ живетъ глубоко въ народѣ до сихъ поръ, и въ короткое время откликнулось столько русскихъ людей на призывъ къ увѣковѣченію его памяти, что

собрано свыше 120 тысячъ рублей. Профессоръ академіи генеральнаго штаба полковникъ Мышлаевскій посвятилъ свою рѣчь выясненію нравственнаго облика Суворова. Честолюбіе и неудержимое стремленіе къ славѣ были основными качествами характера Суворова, тѣмъ не менѣе они не развились ни въ гордость, ни въ себялюбіе; Суворовъ никогда никому не сдѣлалъ зла, и при всей его склонности къ бережливости даже ее побуждало постоянно добросердечное отношеніе къ людямъ; при всей своей религіозности Суворовъ былъ глубоко вѣротерпимый человѣкъ; достаточно этого, чтобы понять, какую нравственную силу заключала въ себѣ личность Суворова. Генераль-майоръ Орловъ, замѣнившій на кафедрѣ полковника Мышлаевскаго, говорилъ о военныхъ дѣлахъ Суворова, справедливо полагая, что въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, лучше всего отражается весь Суворовъ, такъ какъ всего себя и всю жизнь онъ посвятилъ военному дѣлу. Постѣдовательно генераль-майоръ Орловъ напомнилъ всѣ многочисленныя побѣды, заключивъ свою рѣчь легендой народной о чудо-богатырѣ, который встанетъ еще на защиту Россіи, когда въ этомъ встрѣтится надобность. Закончилось торжество краткимъ словомъ Н. Н. Сухотина, поблагодарившаго присутствовавшихъ за вниманіе, оказанное ими попыткѣ чествованія Суворова. Въ тотъ же день въ первомъ кадетскомъ корпусѣ состоялось торжественное чествованіе памяти Суворова, имя котораго связано съ исторіей этого заведенія, гдѣ онъ вмѣстѣ съ другими кадетами слушалъ лекціи. Въ сборномъ залѣ на особо устроенномъ пьедесталѣ между портретами императрицы Екатерины II и императора Павла I весь въ цвѣтахъ красовался бюстъ великаго полководца. Надъ нимъ находились парящій орелъ съ фельдмаршалскимъ жезломъ въ лапахъ и гербъ Суворова. По бокамъ расположено было оружіе кадетъ 1732 г., тутъ же въ рамкѣ находился надорванный и пожелтѣвшій отъ времени приказъ Суворова: «Не теряя ни минуты, немедленно сіе исполнить или подѣ военный судъ. Г. Александръ Суворовъ-Рымникскій». У основанія пьедестала были расположены боевыя ядра, барабаны, литавры екатерининскихъ временъ и модели старинныхъ орудій. Двое кадетъ, Штеръ и Бергъ, стояли одѣтые въ формахъ корпуса времени Суворова. Постѣ чтенія краткаго очерка жизни Суворова, происходившаго въ залѣ свѣтлѣйшаго князя Меншикова, кадеты были выстроены въ сборномъ залѣ въ двухъ взводныхъ колоннахъ. На мундирѣ офицеровъ красовались нагрудные знаки, пожалованные корпусу императрицей Анной Іоанновной. Около 2 часовъ послѣдовалъ выносъ изъ церкви знаменъ корпуса. Медленно одно за другимъ появлялись изорванныя, старыя 12 знаменъ и 1 штандартъ конной роты, несомыя кадетами 7-го класса. Шествіе замыкалъ вице-фельдфебель Антоновъ, несшій лавровый вѣнокъ съ георгіевской лентой и звѣздой. Знамена были пронесены передъ фронтомъ кадетъ и выстроены по бокамъ бюста Суворова. Торжество закончилось рѣчью директора корпуса полковника генеральнаго штаба Покотило. Въ Москвѣ 4-го мая въ военно-учебныхъ заведеніяхъ состоялись литературно-музыкальные вечера для воспитанниковъ, посвященные памяти Суворова. Въ залахъ, гдѣ происходили чтенія, находился портретъ генералиссимуса, украшенный лавровыми вѣнками. Въ Александровскомъ военномъ училищѣ чествованіе Суворова состоялось въ сборной залѣ, куда изъ бібліотеки былъ прине-

сень бюстъ Суворова, помѣщенный на красиво убранномъ лаврами и цвѣтами пьедесталѣ. Около него справа занялъ мѣсто духовой оркестръ училища, а слѣва хоръ юнкеровъ. Чествованіе началось рѣчью начальника училища, генераль-лейтенанта Левачева, послѣ которой оркестръ сыгралъ маршъ «Суворовъ», соч. Фурмана, и хоръ юнкеровъ вмѣстѣ съ оркестромъ исполнилъ «Славу Суворову». Затѣмъ генеральнаго штаба подполковникъ Симанскій прочелъ біографическій очеркъ, послѣ чего хоръ юнкеровъ спѣлъ «Слава герою», соч. Колоколова, а оркестръ исполнилъ «Молитвенныя чувства», соч. Шипекъ, и «Громъ побѣды раздавайся». Чествованіе окончилось народнымъ гимномъ. Юнкерамъ были розданы книга «Суворовъ» (составлена подполковникомъ Симанскимъ) и портретъ А. В. Суворова, напечатанный въ Берлинѣ.

III. 5-го мая, въ день всеобщаго въ Россіи поминовенія Суворова, въ Петербургѣ совершенъ рядъ панихидъ. Утромъ въ 9^{1/2} часовъ на Крюковомъ каналѣ у дома № 23 была совершена соборная панихида духовенствомъ Покровской церкви при хорѣ пѣвчихъ гвардейскаго экипажа. Домъ № 23, каменный, двухъ-этажный, принадлежащій нынѣ фортепіанной фабрикѣ братьевъ Ренишъ и занятый частными квартирами, былъ красиво убранъ гирляндами зелени и растениями изъ городского питомника. На набережной передъ домомъ, по распоряженію городской управы, на помостѣ былъ раскинутъ изящный и оригинальный шатеръ, драпированный матеріями чернаго и оранжеваго цвѣтовъ, на подобіе орденской ленты св. Георгія Побѣдоносца. На помостѣ, устланномъ темнозеленымъ сукномъ, были установлены пальмы и лавры. Во второмъ этажѣ дома до сихъ поръ существуетъ въ прежнемъ видѣ та самая квартира, гдѣ скончался 6 мая 1800 года А. В. Суворовъ (въ ней живетъ теперь нѣкто г. Кузнецовъ); послѣ панихиды, въ квартирѣ этой, довольно тѣсной (комнатъ больше чѣмъ въ два окна не имѣется), была отслужена литія; вопедшіе съ благоговѣніемъ осматривали помѣщеніе, въ стѣнахъ котораго сто лѣтъ назадъ прожилъ передъ смертью шестнадцать дней народный герой и кончилъ свои послѣдніе дни. Вокругъ дома, по обѣимъ сторонамъ набережной, собралась толпа народа и долго не расходилась послѣ панихиды. Палатка и убранство оставались неразобранными весь день; фотографы снимали съ нея виды. Публика съ интересомъ читала надпись на большой доскѣ на фасадѣ дома, прежде оставшейся незамѣченной: «Въ этомъ домѣ жилъ и скончался генералиссимусъ князь Италійскій графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій. Род. 13 ноября 1730 г., скончался 6 мая 1800 г.» На панихидѣ присутствовали: старшій изъ внуковъ Суворова, В. Молоствовъ, и двѣ его сестры, г-жа Хитрово и Даугель, с.-петербургскій градоначальникъ г.-л. Клейгельсъ, начальникъ Николаевской академіи генеральнаго штаба г.-л. Сухотинъ, г.-м. Вороновъ, проф. академіи полковникъ Мышлаевскій и нѣсколько гласныхъ города. Оставляя впечатлѣніе эта панихида на улицѣ особенно, когда проѣли «Со святыми упокой» и «вѣчная память», и официальные лица и толпа народа стали на колѣни, молясь за упокой души великаго полководца. Въ 10 час. въ Александро-Невской лаврѣ, въ Благовѣщенской церкви, гдѣ погребенъ Суворовъ, происходило торжественное заупокойное богослуженіе. Могила полководца украшена лавровыми и миртовыми деревьями. Къ вѣнкамъ, возло-

женнымъ наканунѣ отъ семеновцевъ и фанагорійцевъ, прибавились еще новый серебряный вѣнокъ отъ города и вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ отъ Пажескаго его величества корпуса. Церковь наполнилась военнымъ міромъ Петербурга, — всѣ въ мундирахъ, въ орденахъ и лентахъ; были въ храмѣ, конечно, и всѣ находящіеся въ Петербургѣ потомки Суворова: три брата Молоствовы, Козловы, Нейдгардтъ, княгиня Масальская и др. — всего 32 человѣка; были также представители Новгородской губ. — уѣздный боровичскій предводитель дворянства г. Аничковъ, была депутация крестьянъ села Кончанскаго и военныя депутаты. Присутствовали также шталмейстеръ князь С. М. Голицынъ, инициаторъ чествованія Суворова, воздвигнувшій на свои средства суворовскій крестъ въ швейцарскихъ Альпахъ у Чортова моста. Въ самой лаврѣ у церкви и внѣ лаврскихъ стѣнъ собрались толпы народа. Изъ высшихъ лицъ военного міра присутствовали андреевскіе и георгиевскіе кавалеры, члены государственнаго совѣта П. С. Ванновскій и генераль Ганецкій, затѣмъ главноначальствующій на Кавказѣ генераль-адъютантъ князь Голицынъ, начальникъ главнаго штаба ген.-л. Сахаровъ, начальникъ штаба войскъ гвардіи и петербургскаго округа ген.-лейт. Васмундъ, начальникъ, профессора и учащіяся Николаевской академіи, члены суворовской комиссіи, свиты его величества генераль-майоры Бибиковъ и Николаевъ, командиръ 1-го армейскаго корпуса ген. баронъ Мейендорфъ, командиръ отдѣльнаго корпуса пограничной стражи генер. Свинынъ, начальники дивизій, начальники: артилеріи округа генер. Онопріенко, гвардейскаго корпуса ген. Канищевъ, начальникъ штаба генераль-инспектора кавалеріи г.-м. Голицынъ, командиры бригадъ, полковъ и отдѣльныхъ частей и с.-петербургскій комендантъ ген.-отъ-кавал. Адельсонъ. Присутствовали и всѣ прибывшія къ этому дню депутации изъ провинціи, отъ роты дворцовыхъ гренадеръ и частей гвардіи, Фанагорійскаго гренадерскаго генералиссимуса князя Суворова, нынѣ великаго князя Дмитрія Павловича полка, кавказскаго гренадерскаго Грузинскаго полка, 9-го Старо-Ингерманландскаго пѣхотнаго полка, 64-го Казанскаго пѣхотнаго е. и. в. великаго князя Михаила Николаевича полка, 82-го Суздальскаго пѣхотнаго полка, которымъ нѣкогда командовалъ Суворовъ, 2-го Петербургскаго драгунскаго полка и отъ варшавскаго кадетскаго корпуса директоръ ген.-м. Лавровъ и два кадета Семеновъ и Фоминъ, а отъ частей гвардіи — депутации отъ полковъ: лейбъ-гвардіи Преображенскаго, Семеновскаго и Конной гвардіи (полкъ этотъ сопровождалъ кортежъ съ останками Суворова); были офицеры отъ гвардейскихъ полковъ и почти въ полномъ составѣ офицеры Семеновскаго и Конной гвардіи. Передъ воротами лавры по обѣимъ сторонамъ полукругомъ выстроились для отданія салюта два батальона Семеновскаго полка. Богослуженіе началось литургією, которую совершалъ высокопреосвященный митрополитъ Антоній съ архимандритами и монашествующимъ духовенствомъ лавры. На панихиду вмѣстѣ съ митрополитомъ вышелъ соборъ архимандритовъ и іеромонаховъ. Во время литургіи въ церковь прибыли ихъ императорскія высочества великіе князья августѣйшій командиръ гвардейскаго корпуса Навель Александровичъ съ сыномъ Дмитріемъ Павловичемъ, шефомъ гренадерскаго Фанагорійскаго генералиссимуса князя Суворова полка, Дмитрій Константиновичъ и августѣйшій генераль-инспекторъ кавалеріи Николай Николае-

вичъ. Великіе князья Павелъ Александровичъ и Дмитрій Павловичъ были въ формѣ Фанагорійскаго полка. Передъ возглашеніемъ вѣчной памяти у могилы Суворова владыка митрополитъ обратился съ слѣдующимъ словомъ: «У этой столѣтней могилы лежащаго въ ней Суворова сердечно побуждаюсь сказать въ память его нѣсколько словъ. Александро-Невская лавра благодаритъ Господа, судившаго ей хранить въ своихъ стѣнахъ, подъ стѣною храма, священный прахъ церкви вѣрнаго, отечеству преданнаго, славнаго сына святой Русской земли великаго полководца, графа князя А. В. Суворова. Въ его великомъ военномъ гениі, въ его свѣтломъ привлекательномъ характерѣ отразились всѣ благородныя черты истинно храбраго, истинно мужественнаго человѣка. Между храбростью, какъ такою, и тѣмъ, что мы называемъ мужествомъ, есть великое различіе. Самъ Суворовъ подчеркивалъ это различіе, когда говоритъ: «Солдату нужна отвага, офицеру—храбрость, военачальнику—мужество». Мужеству всегда свойственна храбрость, но не всякому храброму свойственно мужество. Есть храбрость темперамента, храбрость горячей крови и есть храбрость великаго духа. Есть храбрость хищническая и есть храбрость самоотверженная. Эта-то на святой основѣ создающаяся храбрость и есть всепобѣждающее мужество. Оно свойственно тому, въ чьемъ сердцѣ живетъ святая вѣра, кому невѣдомъ не только страхъ смерти, но въ комъ живетъ одно только доброе чувство нескончаемой вѣчной жизни. Предъ взорами вѣрующаго отсутствуетъ темная и для обыкновенныхъ людей страшная бездна смертей, они созерцаютъ одно только свѣтлое поле жизни, блаженства и радости духа, вызываемаго и укрѣпляемаго упованіемъ жизни вѣчной во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ. Здѣсь источникъ мужества. На такихъ основахъ покоилось оно и у великаго Суворова. И въ мирное время, и на войнѣ, и во всѣхъ обстоятельствахъ его жизни на первомъ мѣстѣ въ его мысли и чувствахъ были Богъ и святая вѣра. Его обыкновенными поговорками были: «Помилуй Богъ! Съ нами Богъ». «Истинному герою», по его словамъ, «нужно любить вѣру». Предъ штурмомъ Измаила онъ далъ такой приказъ по войскамъ: «Сегодня молиться, завтра учиться, послѣзавтра—побѣда или смерть». Во время безиримѣрнаго перехода черезъ Альпы ему, усталому, изнеможенному, гостепримные католическіе монахи предложили завтракъ. «Нѣтъ—сказалъ Суворовъ,—надо прежде Богу помолиться; отслужите намъ молебенъ, а затѣмъ и въ трезину». Итакъ впереди всего у него всегда былъ Богъ, молитва и вѣра. Но во всей красотѣ сказались великія качества его души въ завѣщательныхъ строкахъ потомству его автобіографіи: «всякое дѣло начинать съ благословеніемъ Божиимъ, до издыханія быть вѣрнымъ государю и отечеству, избѣгать роскоши, праздности, корыстолюбія и некатъ славы чрезъ истину и добродѣтель». Здѣсь сказана весь Суворовъ, здѣсь скрывался секретъ его великаго всепобѣждающаго мужества. Да будутъ же начертаны эти его драгоценныя слова, какъ священное непобѣдимое знамя, на сердцахъ всѣхъ православныхъ воиновъ побѣдоноснаго русскаго воинства, и для всѣхъ вѣрнопопавшихъ царя русскаго да будутъ они, какъ святой завѣтъ нашего великаго полководца, вѣрнаго сына церкви и славнаго героя святой Русской земли! Вспоминая такія доблестныя качества Суворова у сей столѣтней его могилы, помолимся изъ глубины души, да упокоитъ его Господь въ селеніи праведныхъ и сотворитъ ему вѣчную память».

Архидіаконъ провозгласилъ затѣмъ вѣчную память. По сигналу 2 баталіона семеновцевъ открыли пальбу троекратными залпами каждый. Августѣйшія особы подходили къ гробницѣ Суворова и затѣмъ отбыли изъ лавры. Въ этотъ же день были совершены заупокойныя богослуженія во многихъ военныхъ церквахъ: въ церкви главнаго штаба въ присутствіи чиновъ главнаго штаба; въ церкви Николаевской академіи, въ церкви фельдъегерскаго корпуса и проч. Въ 12 часовъ дня у памятника Суворова, на Суворовской площади, при громадномъ стеченіи народа была отслужена духовенствомъ Пантелеймоновской церкви панихида. Для этого торжественнаго случая памятникъ, по настоятельнымъ просьбамъ, былъ освобожденъ отъ окружавшихъ его лѣсовъ и украшенъ растеніями. Въ 2 часа дня была отслужена панихида въ Суворовской церкви, на Преображенскомъ плацу. Кругомъ ограды тѣснилась громадная толпа народа, наблюдавшая за рѣдкимъ зрѣлищемъ блестящаго собранія военныхъ, — всѣ въ мундирахъ, безъ пальто. Маленькая церковь, конечно, не могла вмѣстить и трети всѣхъ прибывшихъ почтить память генералиссимуса. За церковью выстроился отрядъ отъ Преображенскаго полка. На панихидѣ были потомки Суворова: В. В. Молоствовъ, г-жа Козлова, княгиня Масальская, свѣтлѣйшая княгиня Суворова, г-жа Даугель, гг. Башмаковы, владимірскій губернскій предводитель дворянства М. М. Леонтьевъ. Къ двумъ часамъ прибыли: военный министръ генералъ-лейтенантъ А. Н. Куропаткинъ, начальникъ главнаго штаба генералъ-лейтенантъ В. В. Сахаровъ, петербургскій комендантъ генералъ-лейтенантъ Н. О. Адельсонъ, члены Суворовской комиссіи и представители отъ полковъ. Панихида совершалась торжественно протопресвитеромъ военнаго и морского духовенства, о. Желобовскимъ, въ сослуженіи протоіереевъ Боголюбова и Покровскаго и священника села Солина о. Матвѣева. При приглашеніи «вѣчной памяти» отрядомъ войскъ былъ сдѣланъ салютъ въ шесть выстрѣловъ. Послѣ панихиды приглашенные осматривали Суворовскій музей, помѣщающійся пока гдѣсь въ палаткѣ передъ церковью. Передъ палаткой была установлена пушка, взятая Суворовымъ при штурмѣ Нови. Въ «Русскомъ Инвалидѣ» былъ напечатанъ слѣдующій приказъ по военному вѣдомству. «Славный подвигами на защиту Русской земли, учитель и воспитатель арміи, генералиссимусъ князь Италійскій графъ Суворовъ-Рымникскій неизмѣнно являлъ собою примѣръ самоотверженнаго служенія престолу и родинѣ. Грозный къ врагамъ, милостивый къ побѣжденнымъ, поборникъ правды, радѣтельный къ младшимъ и преданный военной наукѣ, онъ представляетъ высокій образецъ челоуѣка и воина, сильнаго вѣрой въ Бога, преданностью царю и любовью къ родинѣ. Государь императору, въ вѣчное сохраненіе и напомниманіе доблестнаго имени великаго нашего полководца, нынѣ, въ 100-лѣтнюю годовщину дня его кончины, высочайше повелѣть соизволить: 62-й пѣхотный суздальскій полкъ наименовать впредь 62-мъ пѣхотнымъ суздальскимъ генералиссимуса князя Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго полкомъ; присвоить имя генералиссимуса одному изъ донскихъ казачьихъ полковъ, который по историческимъ пзысканіямъ окажется наиболѣе близкимъ къ дѣятельности полководца; фортъ Варшавской крѣпости Вавръ именовать впредь «фортъ Суворовъ»; Варшавскій кадетскій корпусъ

именовать впредь «Суворовскій кадетскій корпусъ» и учредить въ семь корпусѣ 10 Суворовскихъ стипендій для дѣтей офицеровъ». С.-Петербургскій монетный дворъ ко дню Суворовскаго праздника изготовилъ концы суворовскихъ медалей. Какъ извѣстно, въ честь побѣдъ (Суворова для награжденія его самого, офицеровъ и нижнихъ чиновъ было выбито въ царствованіе императрицы Екатерины II семь слѣдующихъ медалей: 1) въ награду войскамъ за побѣду надъ турками при Кинбурнѣ 1778 года 1 октября; 2) въ честь графа Суворова-Рымникскаго за заслуги его въ 1787, 1789 и 1790 гг.; 3) крестъ въ награду офицерамъ за взятіе Измаила 1790 года 11 декабря; концы креста закруглены, на одной его сторонѣ надпись: «Измаилъ взятъ декабря 11-го 1790 года», на другой: «за отмѣнную храбрость»; 4) въ награду нижнимъ чинамъ за взятіе Измаила 1790 года 11 декабря (медаль овальная); 5) крестъ въ награду офицерамъ за взятіе Праги 1794 г. 24 октября; 6) на заключеніе мира съ Турціей 1791 года, 29 декабря (жетонъ на тотъ же случай); 7) въ награду нижнимъ чинамъ за взятіе Праги 1794 г. 24 октября, съ надписью: «За труды и храбрость при взятіи Праги 24 октября 1794 г.». На другой сторонѣ четырёхугольный вензель императрицы Екатерины II. На лицевой сторонѣ медали въ честь графа Суворова изображенъ портретъ Суворова съ надписью по окружности: «Графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій, генералъ-аншефъ», на обратной: дубовый съ лавровыми вѣтками вѣнокъ, подъ нимъ труба и справа прикасаются къ вѣнку 4 овала. На каждомъ изъ нихъ написано: «Фокшаны, Кинбурнъ, Измаилъ, Рымникъ». Надъ вѣнками надпись: «Побѣдихъ», а внизу, надъ чертой: «въ 1787, 1789 и 1790 годахъ». Въ Москвѣ 5-го мая, по постановленію московской городской думы, въ церкви св. Θεодора Студита, что у Никитскихъ воротъ, была совершена заупокойная литургія пресвященнымъ Несторомъ, епископомъ дмитровскимъ, въ сослуженіи четырехъ протоіереевъ. Въ концѣ литургіи мѣстный священникъ Ѳ. П. Преображенскій произнесъ слово, а по окончаніи литургіи была совершена панихида по Суворовѣ. На богослуженіи присутствовали: временно-командующій войсками московскаго военнаго округа генераль-адъютантъ М. П. Даниловъ, командиръ гренадерскаго корпуса генераль-отъ-инфантеріи Н. Н. Малаховъ, начальникъ штаба военнаго округа генераль-лейтенантъ Л. Н. Соболевъ и другія военнаго начальствующія лица, попечитель Московскаго учебнаго округа П. А. Некрасовъ, Московскій городской голова князь В. М. Голицынъ, гласные думы, внучка покойнаго генералиссимуса М. А. Нейдгартъ и сторонняя публика. Въ тотъ же день, въ 2 часа дня, были отслужены панихиды по Суворовѣ въ университетской церкви и въ церквахъ всѣхъ военныхъ училищъ въ присутствіи начальствующихъ лицъ и учащихся. Сверхъ того, постановлено помѣстить на домѣ, гдѣ родился Суворовъ, мраморную доску съ соответствующей надписью: учредить 50 пенсій, по 60 руб. въ годъ каждая, имени генералиссимуса гр. А. В. Суворова-Рымникскаго князя Италійскаго для выдачи первоначально проживающимъ въ городѣ Москвѣ отставнымъ неспособнымъ къ труду солдатамъ, служившимъ по уставу, дѣйствовавшему до 1872 года, и ихъ вдовамъ; впослѣдствіи же, въ случаѣ неимѣнія таковыхъ, капиталъ, потребный для образованія означенныхъ пенсій, обратить на содержаніе въ

одной изъ городскихъ богадѣленъ возможнаго комплекта коекъ того же имени для призрѣнія увѣчныхъ престарѣлыхъ вонновъ или ихъ семействъ; для этого ассигновать на текущій годъ 3.000 руб. и ту же сумму вносить въ смѣты будущихъ лѣтъ; поручить городской управѣ разработать и представить думѣ основанія выдачи означенныхъ пенсій.

Волковскій юбилей. Тогдашнѣ послѣ Суворовскихъ торжествъ въ Ярославлѣ былъ шумно отпразднованъ 150-ти-лѣтній юбилей русскаго театра, такъ какъ началомъ его считаютъ первые спектакли, данные въ 1750 году въ Ярославлѣ мѣстнымъ уроженцемъ, «первымъ русскимъ актеромъ», Федоромъ Григорьевичемъ Волковымъ. Уже 7-го мая вечеромъ ярославское художественно-литературное общество устроило вечеръ, посвященный памяти Волкова. Говорили рѣчи гг. Трефолевъ, Михеевъ, Протасевъ и др. На этомъ вечерѣ такъ же, какъ на предстоящихъ спектакляхъ, участвовала только избранная часть публики. Вечеръ не имѣлъ цѣлью познакомить съ основателемъ театра и съ исторіей послѣдняго низшую публику. 9-го мая, съ 10-ти часовъ утра начался съѣздъ приглашенныхъ въ Екатерининскій домъ призрѣнія ближняго. Послѣ обѣдни и завтрака въ большомъ залѣ состоялось торжественное засѣданіе ярославской губернской ученой архивной комиссіи. На засѣданіе собрались директоръ и артисты императорскихъ московскихъ и петербургскихъ театровъ, съ почтенною Н. В. Рыкаловой во главѣ, авторъ «Свадьбы Кречинскаго» А. В. Сухово-Кобылинъ, Д. И. Пловайскій, предсѣдатель театральнаго общества А. Е. Молчановъ, губернской предводитель дворянства камергеръ С. В. Михалковъ, ярославскій городской голова И. А. Вахрамѣевъ, нѣкоторые изъ уѣздныхъ предводителей дворянства, представители администраціи, военные, студенты лицея и много дамъ въ свѣтлыхъ туалетахъ. Ровно въ часъ дня засѣданіе открылось привѣтственнымъ словомъ непремѣннаго попечителя архивной комиссіи начальника губерніи, гофмейстера Б. В. Штюрмера. Высказавъ мысль, что Ярославль съ давнихъ поръ служилъ культурнымъ центромъ для сѣвернаго края Россіи, ораторъ указалъ, что такая же роль была предназначена ему въ исторіи русскаго театра. Б. В. Штюрмеръ благодарилъ всѣхъ посѣтившихъ этотъ праздникъ, который является не только ярославскимъ, но и всероссійскимъ торжествомъ. Вслѣдъ затѣмъ Б. В. Штюрмеръ прочиталъ поздравительныя телеграммы отъ его императорскаго высочества великаго князя Сергѣя Александровича, приславшаго привѣтствіе изъ-за границы, отъ «Comédie Française» и отъ предсѣдательницы московскаго археологическаго общества графини П. С. Уваровой. Директоръ императорскихъ театровъ князь С. М. Волконскій сравнилъ юбилей съ «вечернимъ звономъ», наминающимъ путнику о пройденномъ имъ пути: юбилей Волкова заставилъ вспомнить о славномъ прошломъ русскаго театра; вмѣстѣ съ тѣмъ ораторъ коснулся сущности драматическаго искусства, которое онъ охарактеризовалъ, какъ нѣчто, вмѣщающее въ себѣ всѣ другіе роды искусствъ и совершенно сливающее художника съ объектомъ его творчества. Въ этихъ свойствахъ сценическаго искусства заключается, по мнѣнію оратора, и сильная сторона его, такъ какъ оно полнѣе и лучше другихъ родовъ искусства воспроизводитъ жизнь, и слабая его сторона, такъ какъ съ исчезновеніемъ артиста исчезаетъ его твореніе, и потомство узнаетъ о немъ только изъ воспоминаній

современниковъ. Рѣчь князя А. И. Сумбатова была своего рода параллелью между положеніемъ актера, театральнаго дѣла, драматическаго творчества во времена Волкова и въ наше время. Облеченная въ форму предполагаемыхъ мечтаній Волкова, она очень эффектно воспроизводила то, о чемъ Волковъ «надъ Волгой думу думаль и съ соловьями рѣчи говорилъ». Членъ архивной комиссіи П. П. Полуярославцевъ познакомилъ слушателей съ подробностями жизни Волкова. Л. Н. Трефолевъ прочиталъ свое стихотвореніе, написанное на тему о Волковѣ въ формѣ обращенія къ «дѣтушкамъ». Директоръ Демидовскаго лицея С. М. Шпилевскій говорилъ о значеніи театра, какъ разсадника «истины, добра и справедливости». Большинство рѣчей были составлены очень красиво и произнесены очень искусно. Публика, собравшаяся въ очень большомъ количествѣ и состоявшая какъ изъ пріѣзжихъ гостей, такъ и изъ лицъ мѣстнаго общества, много аплодировала рѣчамъ. Особенно много рукоплескали той части рѣчи князя Волконскаго, въ которой ораторъ, говоря объ искусствѣ, достигнутомъ современными русскими артистами, коснулся предстоящаго исполненія пьесы г. Сухова-Кобылина «Свадьба Кречинскаго». Такъ какъ авторъ пьесы, пріѣхавшій изъ Ницы для присутствованія на торжествахъ, сидѣлъ въ числѣ публики, то аплодисменты не прекращались въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, принявъ характеръ привѣтствія автору «Свадьбы Кречинскаго». Кантата въ честь Волкова была превосходно исполнена г-жей Дейша-Сіоницкой, г. Собиновымъ и хоромъ воспитанницъ дома призрѣнія вмѣстѣ съ хоромъ пѣвчихъ. Исполненіемъ народнаго гимна закончилось засѣданіе архивной комиссіи, за которымъ послѣдовало открытіе Волковской выставки. Она состояла изъ 164 нумеровъ, среди которыхъ фигурировали портреты, афиши, рукописи, относящіяся ко времени Волкова. Большая часть выставленныхъ предметовъ была заимствована изъ собраній А. А. Бахрушина и П. Я. Дашкова; нѣкоторые выставлены ярославской ученой архивной комиссіей, ярославскимъ Демидовскимъ лицеемъ, Е. И. Якушкинымъ и другими. Многие изъ выставленныхъ портретовъ интересны и по своей работѣ, и по своей рѣдкости. Обращали на себя вниманіе, напримѣръ, портретъ Волкова, нарисованный карандашемъ, и на томъ же листѣ портретъ неизвѣстной артистки, затѣмъ гравюра «черной манерой» Я. Юкера съ портрета Лесонко и другіе портреты основателя перваго частнаго театра въ Россіи. Изъ портретовъ лицъ, имѣвшихъ отношеніе къ Волкову, обращали на себя вниманіе принадлежащій Е. И. Якушину портретъ Новикова, написавшаго первую біографію Волкова, портретъ Дмитревскаго, сподвижника Волкова на театральныхъ подмосткахъ; портретъ этотъ приписывается Лампи. Кромѣ портретовъ и гравюръ, вниманіе посѣтителя привлекалось нѣкоторыми старинными рукописями и афишами. Такова, напримѣръ, на половину печатная, на половину рукописная афиша спектакля, поставленнаго въ день коронаціи Екатерины II. Изъ этой афиши посѣтитель узнаеть, что въ указанный день «на придворномъ театрѣ придворными пѣвчими» представлена была опера «Цефаль и Прокрисъ», а въ печатной половинѣ афиши въ числѣ исполнителей увидить имена Федора и Григорія Волковыхъ; къ упомянутымъ предметамъ слѣдуетъ прибавить интересную рукопись «Недоросля» съ собственноручными поправками Фонвизина; также нельзя обойти молча-

ніемъ полученные изъ парижской національной бібліотеки снимки съ заглавныхъ листовъ тѣхъ рукописныхъ переводовъ, которые приписывались Федору Волкову и которые хранятся въ Bibliothèque nationale. Изъ этихъ снимковъ видно, что авторомъ данныхъ переводовъ съ французскихъ пьесъ былъ не Ѳ. Г. Волковъ, а его двоюродный братъ Александръ Волковъ. Когда официальная сторона чествованій Волкова кончилась, наступила очередь спектаклей, занявшихъ главное мѣсто въ празднествахъ. Первый спектакль однако не весь былъ посвященъ представленію пьесы; часть его была заполнена приемомъ депутацій. На авансценѣ городского театра, на высокомъ пьедесталѣ, былъ поставленъ бюстъ Волкова, къ подножію котораго многочисленныя депутаціи складывали приносимые вѣнки или адреса. Были присланы депутаціи отъ русскаго театральнаго общества, московскаго Малаго театра, русскихъ драматическихъ писателей, московскаго литературно-художественнаго кружка, ярославскаго городского общества, ярославской губернской земской управы, Демидовскаго лица, Общества любителей россійской словесности, московскаго «Художественно-общедоступнаго» театра, ярославскаго общества содѣйствія образованію, ярославскаго общества любителей русскаго искусства, петербургскаго Александринскаго театра, рыбинскаго уѣзднаго земства, города Рыбинска, Костромы, вологодскаго общества «Помощь», редакціи Сѣвернаго Края и др. Вслѣдъ за дефилированіемъ депутацій былъ представленъ «Ревизоръ». Пьеса сошла такъ оживленно, такъ превосходны были гг. Давыдовъ въ роли городничаго, Варламовъ въ роли Осипа, Шевченко въ роли Бобчинскаго и г-жа Савина въ роли Маріи Антоновны, что рукоплесканія не стихали въ теченіе всего вечера. Многочисленные вѣнки и букеты были поднесены пріѣзжимъ артистамъ. Нѣсколько ранѣе «Ревизора» въ театрѣ Ярославской мануфактуры было представлено «Не въ свои сани не садись». Одновременно съ этимъ представленіемъ «Ревизора» были устроены городомъ въ саду «народныя гулянья». 10-го мая, въ 12 час., для лицъ, съѣхавшихся на празднества, былъ данъ любительскій спектакль въ театрѣ Ярославской мануфактуры. Театръ, въ которомъ даются представленія для рабочихъ, значительно превосходитъ своими размѣрами городской театр въ Ярославлѣ. Это — очень длинная, красиво отдѣланная и освѣщаемая электричествомъ зала, могущая вмѣстить до 1.500 зрителей. Прекрасные образцы туманныхъ картинъ были показаны собравшейся публикѣ на музыкально-драматическое утро въ память Волкова. Главный интересъ этого утра представляло исполненіе роли Агаѣи Тихоновны въ «Женитѣль» Гоголя г-жей Дейша-Сіоницкой. Живая и веселая игра артистки заставляла смѣяться всю публику. Вечеромъ въ томъ же театрѣ для публики, которая не могла присутствовать на первомъ представленіи «Ревизора» въ городскомъ театрѣ, повторена пьеса въ исполненіи артистовъ петербургскаго Александринскаго театра. Сборъ со спектакля назначался для устройства въ Ярославлѣ «народнаго дома» въ память Волкова. Послѣ спектакля состоялся вечеръ у городского головы И. А. Вахрамѣева, куда были приглашены всѣ съѣхавшіеся гости. За ужиномъ были прочитаны нѣкоторыя изъ полученныхъ телеграммъ и пріветственныхъ писемъ. Въ числѣ послѣднихъ находилось письмо 85-лѣтней артистки г-жи Орловой, уже 40 лѣтъ назадъ

покинувшей сцену и выражавшей привѣтствіе съѣхавшимся товарищамъ по сценѣ. Изъ присутствовавшихъ артистовъ пѣли г-жа Дейша-Сюнницкая, г. Собиновъ; принимали участіе въ хоровомъ пѣніи и другіе госгн. Г. Давыдовъ пѣлъ цыганскіе и малороссійскіе пѣсни и романсы. 11-го мая обѣ труппы императорскихъ театровъ участвовали въ спектаклѣ. Артисты московскаго Малаго театра исполнили часть «Грозы» Островскаго (городъ Калиновъ въ этой пьесѣ, какъ извѣстно, долженъ обозначать Ярославль). Шли конецъ 3-го акта, 4-е и 5-е дѣйствія. Г-жа Ермолова, исполнявшая роль Катерины, сдѣлалась предметомъ долгихъ и шумныхъ овацій послѣ заключительной сцены послѣдняго акта. Остальныя роли были распределены такъ: Варвара—г-жа Никulina, Кабаниха — г-жа Грибуннина, Тихонъ — г. Садовскій, Борисъ — г. Рыжовъ, Кудряшъ—г. Яковлевъ, Дикой—г. Парамоновъ. И на этотъ разъ такъ же, какъ наканунѣ, такъ же, какъ въ первый спектакль, артистамъ и артистамъ, выступающимъ впервые, подносились букеты и вѣнки. За «Грозой» слѣдовала «Свадьба Кречинскаго» въ исполненіи артистовъ Александринскаго театра. Пьеса прошла необыкновенно живо и весело; дѣйствующія лица были такъ типичны, такъ хороши, — въ роляхъ Муромцева — г. Варламовъ, Расплюева — г. Давыдовъ, Кречинскаго — г. Ленскій, — что лучшаго исполненія пьесы нельзя было желать. Роль Атуевой исполняла г-жа Рыкалова, такъ давно оставившая сцену Малаго театра и выступившая теперь вмѣстѣ съ артистами Александринской сцены; заслуженной артисткѣ также много аплодировали. Въ первомъ же антрактѣ вмѣстѣ съ вызовами артистовъ начались усиленные вызовы автора. Г. Сухово-Кобылинъ, находившійся въ ложѣ, раскланивался, но его принудили выйти на сцену, и авторъ «Свадьбы Кречинскаго» сдѣлался предметомъ долгихъ овацій. Послѣ спектакля пріѣхавшіе гости приглашены были къ начальнику губерніи Б. В. Штюрмеру.

Диспутъ Н. А. Рожкова. 19-го мая, въ большой словесной аудиторіи новаго зданія Московскаго университета приватъ-доцентъ Н. А. Рожковъ защищалъ публично диссертацию, написанную имъ для полученія степени магистра русской исторіи на тему «Сельское хозяйство московской Руси въ XVI в.». Въ своей вступительной рѣчи диссертантъ охарактеризовалъ общій планъ и задачи своего изслѣдованія. Территорію Московскаго государства, какъ она сложилась къ концу XVI вѣка, можно раздѣлить на шесть естественныхъ областей: Центръ, Западное Полѣсье (Новгородско-Псковская область), Сѣверъ, Прикамье, Стень и Поднѣпровье. Климатическія и почвенныя условія этой территоріи были лишь немногимъ лучше современныхъ. Въ центральныхъ уѣздахъ Московскаго государства и въ Западномъ Полѣсьѣ уже въ первой половинѣ XVI вѣка господствовала паровая система земледѣлія съ трехпольнымъ сѣвооборотомъ; въ остальныхъ естественныхъ областяхъ государства преобладала переложная система земледѣлія, лишь мѣстами смѣнявшаяся паровою зерновою. Довольно широко и въ разныхъ областяхъ употреблялось навозное удобреніе; въ качествѣ земледѣльческаго орудія преобладала соха. Посѣвы сѣрыхъ хлѣбовъ преобладали надъ красными; скотоводство имѣло самостоятельное значеніе лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сѣвера, въ сѣверныхъ уѣздахъ Центра, въ Западномъ Полѣсьѣ, отчасти въ Прикамьѣ и Поднѣпровьѣ. Средніе размѣры заашки на дворъ и на

рабочаго въ Центръ и Западномъ Полѣсѣ, довольно значительные въ первой половинѣ XVI вѣка, сильно сократились къ концу столѣтія. На всей территоріи государства господствовало мелкое хозяйство и оброчная система; барщина примѣнялась рѣдко, чаще лишь къ концу вѣка. Въ теченіе XVI вѣка рубль понизился въ цѣнности болѣе чѣмъ въ $3\frac{1}{2}$ раза; цѣнность на хлѣбъ соответственно поднялась. (Обложеніе земли государственными налогами стало особенно тяжелымъ лишь въ самомъ концѣ XVI вѣка. Официальные оппоненты: заслуженный профессор В. О. Ключевскій и приватъ-доцентъ А. А. Кизеветтеръ постъ подробной критической оцѣнки представленнаго труда признали его вполне удовлетворяющимъ требованіямъ, предъявляемымъ къ магистерской диссертации. Въ заключеніе деканъ профессоръ А. И. Кирпичниковъ прочелъ отзывъ о диссертации историко-филологическаго факультета, и диспутантъ былъ признанъ достойнымъ искомой степени.

Диспутъ Э. Д. Гримма. 29-го мая, въ С.-Петербургскомъ университетѣ приватъ-доцентъ университета и преподаватель высшихъ женскихъ курсовъ Эрвинъ Давидовичъ Гриммъ защищалъ на степень магистра всеобщей исторіи диссертацию подъ заглавіемъ: «Исслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти. Томъ I. Римская императорская власть отъ Августа до Нерона». (Спб. 1900. Въ качествѣ официальныхъ оппонентовъ выступили Ф. Ф. Соколовъ и И. И. Холоднякъ. Эрвинъ Давидовичъ Гриммъ родился въ 1870 г.; въ 1879 поступилъ въ частную гимназію Мая въ Петербургѣ, а по окончаніи ея въ 1887 г. на историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета. По окончаніи курса въ 1891 г. былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ всеобщей исторіи и въ 1893—1894 гг. сдалъ экзамень на степенъ магистра всеобщей исторіи. Въ 1893 г. былъ назначенъ преподавателемъ исторіи и географіи въ главномъ нѣмецкомъ училищѣ Св. Петра, а осенью 1894 г. допущенъ къ чтенію лекцій въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ званіи приватъ-доцента. Въ 1896 г. былъ назначенъ приватъ-доцентомъ Казанскаго университета, гдѣ читалъ общіе курсы по исторіи среднихъ вѣковъ и Рима и велъ практическія занятія по всеобщей исторіи. Осенью 1899 г. назначенъ приватъ-доцентомъ С.-Петербургскаго университета и преподавателемъ высшихъ женскихъ курсовъ. Кромѣ представленной имъ для соисканія ученой степени магистра всеобщей исторіи книги, диспутантъ напечаталъ статью: «Періодъ византійско-исламской культуры» «въ Ученыхъ запискахъ» Казанскаго университета (за ноябрь 1896 г.) и нѣсколько рецензій въ «Византійскомъ Временникѣ» и другихъ журналахъ. Въ своей вступительной рѣчи диспутантъ указалъ на то, что однимъ изъ вопросовъ исторической науки, которымъ въ данный моментъ посвящаютъ особенно много труда, является вопросъ о вліяніи политическаго и социально-экономическаго строя Римской имперіи на судьбы Западной Европы. При помощи новыхъ источниковъ историки древности стали правильнѣе цѣнить имперію съ точки зрѣнія культурнаго развитія древняго міра, въ то же время историки романо-германскихъ народовъ начали точнѣе опредѣлять ея огромное значеніе для всего дальнѣйшаго развитія Западной Европы. Если послѣдніе во многомъ руководствовались взглядами Fustel de Coulanges, то

первые шли по стопамъ Моммзена. Критикѣ изслѣдованій Моммзена и посвящена главная часть диссертациі. Первоначальной цѣлью настоящаго труда было изученіе процесса закрѣпощенія всѣхъ общественныхъ классовъ во времена имперіи IV и слѣдующихъ вѣковъ, въ высокой степеніи характернаго для отношенія власти къ населенію. Памятники IV, V и VI вв. заставили автора усомниться въ правильности господствующаго мнѣнія относительно рѣзкаго различія между имперіей Діоклетіана и Константина и имперіей первыхъ трехъ вѣковъ нашей эры. По мнѣнію Моммзена, въ IV в. «создается совершенно новый государственный организмъ», при чемъ всѣ существующія учрежденія разрушаются властью съ удивительною силой, послѣдовательностью и единствомъ плана. Съ этого времени и принципатъ замѣняется абсолютной монархіей. Э. Д. Гриммъ не видитъ въ такъ называемой Діоклетіано-Константиновской реформѣ ни опредѣленнаго плана, ни сознательнаго принципиальнаго разрыва съ прошлымъ. Подготавливалась реформа съ I-го в. имперіи и вводилась не революціоннымъ путемъ, а медленно въ теченіе всего IV в. Ошибка знаменитаго ученаго состоитъ въ его основной цѣли — создать систему римскаго государственнаго права за все время существованія римскаго народа. А такъ какъ, по его же мнѣнію, каждая правовая система по существу своему должна представлять совокупность логически законченныхъ понятій, то и онъ исходитъ въ своемъ изложеніи изъ логической, а не хронологической послѣдовательности. Въ Моммзенѣ сказался филологъ и юристъ: съ одной стороны, на его исторической концепціи отразился, какъ и у большинства филологовъ, долгое время господствовавшій среди нихъ взглядъ на древность, какъ на нѣкоторое законченное цѣлое, лишь медленно уступавшій всемірно-историческому направленію. Послѣднее смотритъ на исторію грековъ и римлянъ, лишь какъ на одинъ изъ фазисовъ обще-исторической эволюціи, и не пытается установить національный «духъ» или опредѣлить міросозерцаніе того или другаго народа независимо отъ различныхъ эпохъ его существованія; съ другой стороны, какъ юристъ, Моммзенъ, увлеченный конструкціей дѣйствительныхъ отношеній и стремленіемъ уловить общій принципъ для объясненія частныхъ фактовъ, пренебрегаетъ фактами для логики. Система гражданскаго права, въ частности римскаго гражданскаго права, побуждаетъ его создать систему государственнаго права. Но онъ хочетъ создать систему общую, тогда какъ каждая система гражданскаго права относится лишь къ извѣстному историческому моменту. На дѣлѣ Моммзенъ создалъ систему государственнаго права послѣднихъ временъ римской республики съ экскурсами и въ другія эпохи. Основные выводы диссертациі сводятся къ слѣдующему: опредѣляя первоначальный принципатъ согласно съ Моммзеномъ, какъ новую чрезвычайную магистратуру, авторъ не находитъ возможнымъ говорить о діархіи принцепса и сената и сохраненіи первоначальнаго характера принципата до Діоклетіана. Теорія діархіи ошибочна въ двоякомъ отношеніи: она предполагаетъ 1) устраненіе всякой дѣятельности народа, тогда какъ при Августѣ народъ сохраняетъ свои законодательныя и избирательныя права, 2) равновѣсіе между двумя властями, котораго нѣтъ, такъ какъ принцепсъ является уполномоченнымъ сената и народа, потому что ими избирается, но полномочія его почти безусловны, от-

чета сенату онъ не даетъ. Первоначальный характеръ принципата не могъ сохраниться въ виду сорокалѣтняго террора I-го вѣка имперіи и отсутствія основныхъ законовъ, устанавливающихъ эту первоначальную форму. Что точныхъ законовъ не было, на это указываетъ и Моммзенъ. Слѣдовательно отношенія видоизмѣнялись, не требуя ломки прежняго строя. При Тиберіи власть изъ срочной переходитъ въ пожизненную, и избирательныя права народнаго собранія переносятся на сенатъ, принципсъ можетъ предлагать извѣстное число кандидатовъ на каждую изъ магистратуръ; съ Веспасіана принципсъ получаетъ право комендировать всѣхъ кандидатовъ на магистратуры, при Доминиціанѣ — право причислять угодныхъ ему лицъ къ сенатскому сословію. Эпоха Септимія Севера отличается и формально чисто абсолютическими стремленіями. Эпоха военнаго деспотизма приводитъ къ полному упадку значенія сената. Кратковременное усиленіе послѣдняго при Пробѣ и быстрое возвращеніе къ абсолютической политикѣ Севера отмѣчаетъ реставрацію государства. Всѣ эти видоизмѣненія происходятъ незамѣтно и постепенно превращаютъ принципса въ *dominus*'а, гражданъ въ подданныхъ.

Ө. Ө. Соголовъ отозвался о трудѣ съ большой похвалой и заявилъ себя вполне солидарнымъ съ основной точкой зрѣнія диссертанта. По его мнѣнію, она является у автора лишь недостаточно строго-последовательной до отдѣльныхъ подробностей. Изъ источниковъ не оказано должнаго вниманія греческимъ писателямъ и надписямъ. Постепеннаго развитія военной власти у римскихъ императоровъ не могло быть, такъ какъ фактически она всегда имъ принадлежала. Написана книга въ общемъ прекрасно и читается съ удовольствіемъ.

И. П. Холоднякъ призналъ настоящую работу, особенно ея вторую часть, цѣннымъ вкладомъ и для филологів. Опионеръ не считаетъ справедливой слишкомъ низкую оцѣнку нравственной личности Сенеки и политическую характеристику Вергилія и Горация, сдѣланную авторомъ.

Послѣ усильной защиты своихъ положеній, Э. Д. Гриммъ былъ признанъ достойнымъ искомой ученой степени.

Диспутъ И. М. Гревса. 21-го мая, въ IX аудиторіи С.-Петербургскаго университета магистрантъ И. М. Гревсъ защищалъ диссертацию на степень магистра всеобщей исторіи подъ заглавіемъ: «Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія, преимущественно во время имперіи. Томъ I. Спб. 1900». Диспутантъ родился въ 1860 году, въ Воронежской губерніи, въ 1873 г. поступилъ въ Ларинскую гимназію, въ 1879 г. на историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, гдѣ занимался исторіей подъ руководствомъ проф. Васильевскаго, и въ 1883 г. окончилъ университетъ, представивъ сочиненіе о римско-византійскомъ государствѣ въ VI вѣкѣ, преимущественно по новелламъ Юстиніана. Выдержавъ въ 1889 г. магистерскій экзаменъ, съ весны 1890 г. читалъ въ университетѣ, а также на высшихъ женскихъ курсахъ лекціи по исторіи, а съ 1895 г. обязательный курсъ исторіи среднихъ вѣковъ и велъ практическія занятія со студентами-историками вмѣсто больнаго проф. Васильевскаго. Съ осени 1899 г. устраненъ отъ преподаванія въ университетѣ и на высшихъ женскихъ курсахъ. Тогда же имъ представлена въ историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета диссертация на со-

псканіе ученой степени. Вступительную рѣчь диспутантъ началъ съ указанія на то, какъ онъ смотритъ на дѣло служителя науки, отмѣтилъ, что въ наше время мало связи общества съ университетомъ, что прежде, напримѣръ, во времена Лютера, диспутъ волновалъ все общество, а теперь онъ превратился лишь въ формальную процедуру: наука у насъ еще мало связана съ обществомъ. Далѣе, онъ указалъ, подъ какими вліяніями слагался его трудъ. Направленіе исторической науки въ настоящее время заключается въ томъ, чтобы познать истины прошлаго, при помощи изученія памятниковъ. Величайшею проблемой историка является развитіе человѣческаго сознанія въ исторіи, а всемірно-историческая точка зрѣнія автора побуждаетъ его выдѣлить личность, какъ двигателя исторіи. Автора давно занимаетъ вопросъ объ исторіи развитія словій. Необходимость изучить муниципальный строй приводитъ къ изученію земледѣльческаго класса, къ исторіи образованія колоната, къ выясненію городского движенія. Необходимо связать городъ и деревню: они звенья одной длинной, непрерывной цѣпи. Указавъ на громаднѣйшій матеріалъ, который дѣлаетъ работу подобной реставраціи огромной мозаикой, съ утерянными частями, ораторъ объяснилъ, что еще покойный проф. Васильевскій побуждалъ его обнародовать его этюды. Рѣчь была закончена указаніемъ, какое великое значеніе имѣетъ наука у насъ: отдаваться наукѣ—долгъ всякаго, кто имѣетъ возможность хорошо этимъ служить родинѣ. Первый officialный оппонентъ проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій, относясь, вообще, съ полнымъ сочувствіемъ къ диссертации, раздѣляя въ основѣ міровоззрѣнія диспутанта, указалъ, однако, что онъ не вполне согласенъ съ его теоріей. Оппонентъ нашелъ, что въ диссертации есть много двусмысленныхъ мѣстъ. Такъ оппонентъ нашелъ, что диссертантъ старается надѣлать Горація виноградникомъ, между тѣмъ какъ послѣдняго у Горація не было, равно какъ не было у него и плодовыхъ деревьевъ. Говоря о лѣсахъ Горація, необходимо точнѣе установить ихъ размѣры. Нѣтъ основанія утверждать, что у Горація былъ собственный домъ. Единственное мѣсто, гдѣ Горацій о немъ говоритъ—«отправляясь домой»—еще не значитъ, что у него былъ домъ. Также не выяснено у автора, кто были сосѣди Горація, о которыхъ онъ говоритъ на 87 стр. Были ли они представители мелкой крестьянской собственности или помѣщики средней руки, въ родѣ Горація? Да и бесѣды, которыя съ ними велъ Горацій, носятъ характеръ школьныхъ темъ, диспутовъ между стоиками и эпикурейцами. Это не крестьяне, а такіе же помѣщики, какъ и Горацій. Въ очеркѣ объ Аттикѣ возбуждаетъ недоумѣніе методъ. Оппонентъ указалъ, что авторъ наградилъ Аттика такими богатствами, которыя къ нему и не относятся. Все, что можно сказать объ Аттикѣ, заняло бы не больше 1½ стр. Еслибы г. Гревсъ далъ сначала исторію римскаго землевладѣнія, а потомъ указалъ на личность Аттика, то меньше потерялъ бы времени. Въ заключеніе проф. Зѣлинскій выразилъ пожеланіе, чтобы поскорѣе появилось продолженіе начатаго труда. Другой officialный оппонентъ проф. Ѳ. Ѳ. Соколовъ отзывался вообще очень хорошо о диссертации. По его словамъ, она даетъ много цѣннаго, въ ней положенъ громадный матеріалъ, видно обширное знакомство съ литературой, источники изучены хорошо. Въ трудѣ выдержанъ тонъ и виденъ стройный взглядъ. Проведена органическая связь между римской исто-

ріей и средними вѣкамъ. Въ книгѣ говорится обо всемъ, разобрано множество предметовъ. По мнѣнію проф. Соколова, специалиста по древней исторіи, книга г. Гревса можетъ быть названа руководствомъ по римскимъ древностямъ; но зато въ ней нѣтъ исторіи римскаго землевладѣнія. «Ее написать нельзя, — сказалъ оппонентъ, — потому она и не написана». Для того, чтобы познакомиться съ исторіей римскаго землевладѣнія, необходимо изучить точныя данныя, необходимы цифры. А есть ли цифры у автора о количествѣ крестьянъ при Августѣ? Оппонентъ высказалъ оригинальное соображеніе, что и названіе «крестьяне» не подходитъ къ тому времени, такъ какъ слово «крестьянинъ» происходитъ отъ христіанинъ. Трудно отличить «мнимое» крестьянское землевладѣніе отъ кліентскаго. Авторъ не пользовался цензами, а потому его очерки сильно теряютъ. Есть много увлекательныхъ страницъ, но это не имѣетъ никакого значенія. Авторъ уподобляется Вальтеръ-Скотту, хорошему рассказчику, но не научному историку. Оппонентомъ изъ публики выступилъ г. Карѣвъ. Онъ отозвался о диссертациі также съ похвалою, признавъ, что это книга и ученая, и научная. Одинъ списокъ пособій и подстрочныхъ примѣчаній достаточно указываетъ на ея ученость. Есть правда и случайныя пробѣлы. Диссертациія— научная книга: въ ней заключаются разнообразныя методы и очень важныя методологическія соображенія. Наконецъ, эта книга идейная, современная, такъ какъ, давая вопросу историко-философское освѣщеніе, авторъ дѣлаетъ соціологическія заключенія. Задача автора очень широка: ему приходится быть филологомъ, юристомъ, экономистомъ, психологомъ и историкомъ философіи. Недостаткомъ далеко незаурядной книги автора является ея архитектоника, несоразмѣрность частей. Замѣтны слѣды 2-хъ различныхъ работъ— очень широкой (введеніе и заключеніе) и очень детальной и специальной. Повидимому, благодаря случайности, одни вопросы оказались въ началѣ книги, другіе въ концѣ. Читатель получаетъ впечатлѣніе, что введеніе и заключеніе связаны механически. Кромѣ того, оба этюда написаны не по одному плану. И анализъ, и синтезъ одинаково сильны въ трудѣ г. Гревса, но иногда микроскопическій анализъ заводитъ его далеко, а изобиліе такихъ выраженій, какъ «можетъ быть», «пожалуй», «вѣроятно» и т. п., придаютъ гипотетичность заключеніямъ автора. Нерѣдко авторъ подчиняетъ источники своимъ желаніямъ, требуя отъ нихъ болѣе, чѣмъ нужно. Трудно сказать, чѣмъ являются этюды по отношенію къ заключенію: подготовкой или провѣркой? Тема поставлена авторомъ широко, точка зрѣнія его— всемірно-историческая. Но она получила у автора не вполне надлежащее освѣщеніе. Сильно понижается цѣнность книги потому, что авторъ не комбинируетъ самостоятельно своихъ богатыхъ знаній, а пристегиваетъ ихъ къ теоріи Бюхера. Свои возраженія Н. И. Карѣвъ закончилъ пожеланіемъ, чтобы появилось продолженіе диссертациі, прибавивъ, что иногда принято выражать пожеланія продолженія трудовъ, не безъ увѣренности въ томъ, что появится докторская диссертациія. Въ данномъ случаѣ онъ искренно желаетъ видѣть дальнѣйшіе труды автора. По окончаніи преній И. М. Гревсъ былъ признанъ достойнымъ степеня магистра всеобщей исторіи.

Диспутъ Д. Айпалова. 9-го мая, въ новомъ зданіи Московскаго университета магистръ Д. Айпаловъ публично защищалъ диссертацию подъ заглавіемъ:

«Эллинистическія основы византійскаго искусства», написанную имъ для получения степени доктора теоріи и исторіи искусства. Диспутантъ питомецъ Новороссійскаго университета, гдѣ обучался у извѣстнаго профессора (нынѣ— академика) Кондакова. Для изученія своей специальности г. Айналовъ ѣздилъ за границу. Въ настоящее время диспутантъ состоитъ приватъ-доцентомъ при Казанскомъ университетѣ. Официальными оппонентами выступили профессора: И. В. Цвѣтаевъ и А. И. Кирпичниковъ. Оппоненты дали прекрасный отзывъ о трудѣ, представляющемъ выдающееся явленіе и большой интересъ. Диспутантъ, съ особеннымъ блескомъ защищавшій свою диссертацию, былъ удостоенъ искомой степени—доктора теоріи и исторіи искусства.

Московское археологическое общество. Въ годичномъ засѣданіи императорскаго Московскаго археологическаго общества, состоявшемся 29 февраля, подъ предѣлательствомъ графини П. С. Уваровой, въ числѣ другихъ сообщеній, былъ доложенъ секретаремъ общества, В. К. Трутовскимъ, «Отчетъ о состояніи и дѣятельности Императорскаго Московскаго археологическаго общества съ 17 февраля 1899 г. по 17 февраля 1900 г.», т. е. за 35-й годъ существованія этого ученаго учрежденія. Разсмотрѣвъ внѣшнюю дѣятельность общества, выразившуюся, главнымъ образомъ, въ его участіи по устройству кіевскаго археологическаго съѣзда (въ августѣ прошлаго года), г. Трутовскій перешелъ къ подробному разсмотрѣнію результатовъ ученой дѣятельности самого общества и состоящихъ при немъ специальныхъ комиссій (восточной, славянской, археографической, комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ). Что касается внѣшней дѣятельности, то, какъ только что было замѣчено, главнѣйшимъ ея моментомъ является участіе общества по созыву и устройству XI археологическаго съѣзда въ Кіевѣ,—участіе, выразившееся, между прочимъ, въ подготовительныхъ работахъ московскаго предварительнаго комитета. Хотя эти работы, начавшіяся при весьма благопріятныхъ обстоятельствахъ, и обѣщали уснѣшные результаты, однако, какъ мы узнаемъ изъ «Отчета», «последній подготовительный періодъ былъ нарушенъ неожиданно возникшимъ вопросомъ о правѣ ученыхъ изъ галичанъ, не знающихъ по-русски, дѣлать доклады на съѣздѣ на своемъ родномъ языкѣ. Послѣ довольно продолжительныхъ переговоровъ вопросъ этотъ получилъ благополучное, въ желательномъ для общества смыслѣ, разрѣшеніе, но спокойствіе было нарушено, личные интересы нѣкоторыхъ лицъ продолжали дѣйствовать и на самомъ съѣздѣ, галичане участія въ ученыхъ занятіяхъ съѣзда не приняли, и начало дѣятельности съѣзда произошло при обстоятельствахъ, вовсе не благопріятствующихъ мирному теченію дѣлъ. Внѣшняя сторона самого съѣзда также оставляла желать очень многого и произвела весьма неблагопріятное впечатлѣніе на всѣхъ его гостей. Отмѣчая всѣ эти минусы, грозившіе отразиться на внутренней дѣятельности съѣзда, «Отчетъ» замѣчаетъ, что эта послѣдняя, къ счастью, не пострадала. «Прекрасно организованная археологическая выставка,—читаемъ мы,—обиліе докладовъ чисто научнаго характера, участіе многихъ выдающихся русскихъ и иностранныхъ ученыхъ и представителей многихъ славянскихъ народовъ, прекрасныя изданія кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ, выпущенныя специально по случаю съѣзда, и рядъ другихъ из-

даній, посвященныхъ съѣзду,—все это (если не считать нѣсколько неудачныхъ по своей необработанности и ненаучности докладовъ, исходившихъ преимущественно изъ различныхъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій) значительно ослабило первыя и постѣдующія неблагопріятныя впечатлѣнія, и въ научномъ отношеніи надо считать этотъ съѣздъ вполнѣ удавшимся». Не распространяясь съ отдѣльныхъ рефератахъ и сообщеніяхъ, сдѣланныхъ на кіевскомъ съѣздѣ, о которыхъ своевременно сообщалось въ корреспонденціяхъ изъ Кіева ¹⁾, нельзя не отмѣтить реферата профессора А. И. Маркевича—«О сохраненіи старинныхъ памятниковъ»,—реферата, поднимающаго вопросъ, который неоднократно былъ обсуждаемъ и на предыдущихъ археологическихъ съѣздахъ. Предложеніе профессора Маркевича, имѣвшее цѣлью выяснить, какія слѣдуетъ выработать мѣры для охраненія древнихъ памятниковъ имперіи отъ полного уничтоженія или отъ неумѣлой (а часто и произвольной) реставраціи, было въ отчетномъ году предметомъ обсужденія со стороны московскаго археологическаго общества, въ совмѣстномъ совѣщаніи съ комиссіями археографической и по сохраненію древнихъ памятниковъ. Къ внѣшней дѣятельности общества мы должны отнести также и обычныя лѣтнія поѣздки его членовъ; впрочемъ такихъ ученыхъ экскурсій за отчетный (1899—1900) годъ было немного (отмѣтимъ въ числѣ другихъ поѣздки А. С. Хаханова на Кавказъ, Ф. Д. Нефедова въ Костромскую губернію и т. д.), что объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что главное вниманіе какъ общества, такъ и его отдѣльныхъ членовъ было поглощено предстоящимъ кіевскимъ съѣздомъ и сопряженными съ нимъ подготовительными работами. Обзоръ внѣшней дѣятельности общества мы закончимъ упоминаніемъ, что оно принимало участіе въ празднованіи 100-лѣтія со дня рожденія А. С. Пушкина, устроенномъ 27-го мая прошлаго года московскимъ обществомъ любителей россійской словесности, отправивъ отъ себя на это торжество особую депутацію, а 29-го января текущаго года чествовало 25-лѣтнюю дѣятельность одного изъ своихъ сочленовъ, председателя восточной комиссіи, профессора В. Θ. Миллера, такъ много сдѣлавшаго для археологическаго, этнографическаго и лингвистическаго изученія Кавказа, а также и для русской народной словесности ²⁾. Переходя къ обзору внутренней дѣятельности общества, мы должны замѣтить, что она проявлялась отчасти (и преимущественно) въ засѣданіяхъ какъ самого общества, такъ и его комиссій, отчасти въ издательской дѣятельности. Всѣхъ засѣданій, посвященныхъ обсужденію разнообразныхъ вопросовъ изъ области археологіи, востоковѣдѣнія, славистики, археографіи,—за отчетный годъ было: въ самомъ обществѣ 19 (въ томъ числѣ 10 распорядительныхъ), изъ которыхъ два удостоились

¹⁾ Краткія свѣдѣнія объ этихъ рефератахъ могутъ быть почерпнуты изъ спеціальнаго изданія—«Извѣстія XI археологическаго съѣзда въ Кіевѣ. 1—20 августа 1899. Кіевъ. 1899». Въ настоящее время, какъ мы узнаемъ изъ «Отчета», уже приступлено къ печатанію I и II тома Трудовъ кіевского съѣзда.

²⁾ Это чествованіе совпало съ тридцатилѣтіемъ ученой дѣятельности профессора В. Θ. Миллера, которое было отпраздновано 29-го января въ засѣданіи этнографическаго отдѣла Московскаго Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи.

своимъ посѣщеніемъ августѣйшій президентъ Императорскаго Московскаго археологическаго общества, его императорское высочество великій князь Сергѣй Александровичъ; въ восточной комиссіи—пять; въ славянской комиссіи—четыре; въ археографической комиссіи—десять. Комиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ имѣла 22 засѣданія, въ которыхъ было разсмотрѣно 145 дѣлъ, касающихся перестройки, реставраціи и сохраненія церквей и другихъ историческихъ зданій имперіи. Не останавливаясь на отдѣльныхъ сообщеніяхъ, сдѣланныхъ въ засѣданіяхъ общества и его комиссій, мы, тѣмъ не менѣе, считаемъ не лишнимъ привести заглавія нѣкоторыхъ изъ рефератовъ, послужившихъ предметомъ обсужденія въ самомъ обществѣ (т. е. не въ комиссіяхъ). Изъ такихъ докладовъ отмѣтимъ: Д. Н. Анучина—О культурѣ костромскихъ кургановъ и особенно найденныхъ въ нихъ украшеніяхъ и религиозныхъ символахъ, Бѣла-де-Пошта (изъ Будапешта)—О славянскихъ древностяхъ венгерскаго національнаго музея, А. И. Кириичникова—Сказанія о Богородицѣ въ народной поэзіи (напечатанъ въ «Юбилейномъ Сборникѣ въ честь Вс. Ө. Миллера», стр. 93—96), Н. П. Кондакова—Аѳонъ и его древности, Л. З. Мерианецъ—Египетскій отдѣлъ вѣнскаго музея изящныхъ искусствъ, А. М. Миронова—Объ античной маскѣ Силена изъ курскихъ раскопокъ, М. В. Никольскаго—Научные результаты поѣздки на Кавказъ, въ Персію и Турцію нѣмецкихъ ученыхъ Лемана и Белька въ 1898—1899 гг., А. А. Потапова—Очерки древне-русской гражданской архитектуры, гр. П. С. Уваровой—Архитектурные памятники юго-западнаго края, И. В. Цвѣтаева—Русскій художникъ въ римскихъ катакомбахъ, В. Н. Щепкина—Къ исторіи русской миниатюры, и много другихъ. Издательская дѣятельность московскаго археологическаго общества въ отчетномъ году выразилась въ слѣдующемъ: были выпущены въ свѣтъ 3-й выпускъ I тома Трудовъ археографической комиссіи, 3-й выпускъ Матеріаловъ по археологіи восточныхъ губерній (подъ ред. Д. Н. Анучина), первые два тома Трудовъ рижскаго археологическаго съѣзда (изъ которыхъ первый, заключающій статьи на русскомъ языкѣ, изданъ въ Москвѣ подъ редакціей графини П. С. Уваровой, а второй, содержащій рефераты на нѣмецкомъ языкѣ, напечатанъ въ Ригѣ обществомъ исторіи и древностей Прибалтійскаго края) и, наконецъ, XVI томъ Древностей. вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не отмѣтить того печальнаго факта, что издававшіяся въ продолженіе семи лѣтъ «Археологическія извѣстія и замѣтки», которыя представляли собою лѣтونیс археологической науки какъ въ Россіи, такъ и за границей, прекратили свое существованіе. Однако, взамѣнъ этого изданія, прекратившагося вслѣдствіе приносимаго имъ огромнаго дефицита, общество постановило усилить свое главное изданіе—Древности, выпуская ихъ ежегодно по тому, изъ 3—4 выпусковъ, съ присоединеніемъ отдѣловъ библіографіи, археологической хроники и обзора дѣятельности ученыхъ обществъ. Нашъ обзоръ дѣятельности Московскаго археологическаго общества за 1899—1900 отчетный годъ былъ бы неполонъ, еслибы мы не упомянули о его работахъ по предстоящему, въ 1902 г., харьковскому археологическому съѣзду. Но съ этой стороны дѣятельности Московскаго археологическаго общества можно, съ большими подробностями, познакомиться изъ недавно изданной брошюры—«Двѣнадцатый археологиче-

скій съѣздъ въ Харьковѣ въ 1902 г. Москва, 1900» (изд. моск. арх. общ.), или же изъ статьи Л. М., помѣщенной въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ № 47, подъ заглавіемъ — «Предстоящій XII археологическій съѣздъ въ Харьковѣ въ 1902 году».

Археологическое общество. I. Подъ предѣтельствомъ проф. С. Θ. Платонова 29 апрѣля состоялось засѣданіе членовъ русскаго отдѣленія. На новое трехлѣтіе произведенною балотировкою избранъ въ управляющіе отдѣленіемъ вновь большинствомъ голосовъ С. Θ. Платоновъ. На продолженіе раскопокъ въ Псковской губ. предстоящимъ лѣтомъ сдѣлано ассигнованіе изъ средствъ общества въ суммѣ 200 руб. Θ. А. Браунъ сообщилъ о вышедшихъ въ концѣ 1899 г. и началъ текущаго года трудахъ нѣмецкихъ ученыхъ Бремера и Лева по этнографіи германскаго міра. А. А. Спичинъ прочелъ докладъ о находкахъ поручика Гезе изъ области кievской археологіи, и князь П. А. Путятинъ сообщилъ объ интересной плиткѣ съ штемпелями, найденной въ Урфѣ (на мѣстѣ древней Эдесы). **II.** Въ засѣданіи классическаго отдѣленія 2-го мая прочитано было сообщеніе Д. В. Айналова «Св. великая княгиня Ольга въ Царьградѣ». Сказочное великолѣпіе византійскаго двора и «хитрости Царьграда» (какъ называли наши предки различныя занимательныя зрѣлища, поражавшія глазъ) окружали Ольгу и ея свиту во время пребыванія ихъ въ императорскомъ дворцѣ. По придворному этикету, чѣмъ выше былъ рангъ посла, тѣмъ величественнѣе и торжественнѣе былъ церемоніаль пріема. Княгиня же Ольга была принята, какъ правительница. Въ то время, какъ послы, входя въ тронный залъ императоровъ, должны были падать ницъ передъ трономъ, княгиня Ольга ограничилась простымъ наклоненіемъ головы. И это не было отступленіемъ отъ установленнаго порядка, а соответствовало лишь сану княгини. Первый пріемъ состоялся 9-го сентября. При входѣ въ тронный залъ княгиню сопровождала свита въ числѣ 108 человекъ. Разговоръ, который велся во время торжественнаго пріема, состоялъ въ фразахъ привѣтствія, вопросахъ о здоровьѣ и т. п. По окончаніи пріема у императоровъ (Константина и Романа Багрянородныхъ) св. Ольга была принята императрицею. Вечеромъ того же дня Ольга по особому приглашенію провела время въ кругу императорской семьи. На слѣдующій день состоялся парадный обѣдъ; княгини обѣдала съ императрицею, императоръ же въ другой залѣ съ ея мужскою свитою. Во время обѣда гости наслаждались всевозможными зрѣлищами. Второй пріемъ 18-го октября также сопровождался параднымъ обѣдомъ въ двухъ залахъ дворца. Княгиня Ольга прожила въ Царьградѣ довольно долго. Она и ея свита получили отъ императорской семьи драгоцѣнные подарки. Въ этомъ же засѣданіи произведены были выборы: управляющаго отдѣленіемъ — избранъ единогласно профессоръ И. В. Помяловскій, въ члены совѣта — Н. П. Кондаковъ.

Общество любителей древней письменности. 28 апрѣля состоялось общее собраніе подъ предѣтельствомъ графа С. Д. Шереметева. Засѣданіе было открыто заявленіемъ предѣдателя о кончинѣ члена-корреспондента общества Ю. Б. Иверсена. Общество почтило память покойнаго вставаніемъ. Затѣмъ В. В. Стасовъ ознакомилъ общество съ результатами своего изученія: 1) русскихъ вышивокъ, 2) восточнаго ковра, принадлежащаго А. В. Верещагину, и 3) орна-

мента заглавныхъ буквъ Остромирова Евангелія и Святославова Сборника. Исходя изъ мысли, что орнаментъ въ своей основѣ выражаетъ глубочайшія вѣрованія народа, докладчикъ полагаетъ, что и въ русскомъ орнаментѣ и въ русскихъ вышивкахъ уцѣлѣли для насъ драгоцѣнные историческія данныя. (Подтверждая это положеніе, В. В. Стасовъ указалъ между прочимъ на аналогію нѣкоторыхъ изображеній на русскихъ шитыхъ полотенцахъ съ высѣченными на горѣ Малтаѣ изображеніями ассирійскаго царя передъ богами). Необходимо поэтому тщательно разобратъ въ вопросахъ о нашемъ орнаментѣ, такъ какъ онъ, представляя несомнѣнно черты національныя, имѣетъ въ то же время яркіе слѣды и чужихъ вліяній. Докладчикъ пришелъ къ выводу, что для ряда формъ орнамента русскаго, финскаго и славянскаго надо искать общій источникъ. Для уясненія вопроса, гдѣ слѣдуетъ искать этотъ источникъ, В. В. Стасовъ считаетъ чрезвычайно важнымъ поразительное сходство орнамента русскихъ вышивокъ съ орнаментомъ вышивокъ, привезенныхъ А. В. и Г. Н. Потаниными съ границъ Тибета и Китая, и съ орнаментомъ на привезенныхъ гр. А. А. Бобринскимъ изъ Дарваза женскихъ личныхъ занавѣскахъ и шерстяныхъ мужскихъ чулкахъ. Далѣе референтъ обратилъ вниманіе собранія на коверъ (6 аршинъ длины), приобретенный А. В. Верещагинымъ въ окрестностяхъ Мерва. Коверъ этотъ грубой работы, но имѣетъ исключительное значеніе въ виду того, что на немъ по тканому фону вышита цѣлая жанровая картина, изображающая людей, лошадей и верблюдовъ, которые уводятся, какъ добыча, послѣ набѣга. Вѣроятные оригиналы этого ковра относятся къ глубокой древности. По просьбѣ докладчика, были сдѣланы нѣкоторыя поясненія относительно вышивокъ, привезенныхъ съ границъ Тибета и Китая— Г. Н. Потанинымъ, относительно ковра — В. Н. Вырубовымъ. Наконецъ референтъ ознакомилъ собраніе съ нѣкоторыми изъ своихъ наблюдений надъ орнаментомъ и заглавными буквами Остромирова Евангелія и Святославова Сборника. Остромирово Евангеліе, которое украшали нѣсколько человекъ, носитъ несомнѣнные слѣды вліянія сѣвернаго искусства. Отмѣтивъ яркій народный, нѣсколько даже дикій характеръ изображеній, встрѣчающихся въ Остромировомъ Евангеліи, референтъ остановился въ частности на изображеніяхъ въ буквахъ ящеровиднаго существа и характерныхъ круглыхъ человѣческихъ лицъ. По мнѣнію В. В. Стасова, ящеровидное существо — крокодилъ (вліяніе Южной Азій черезъ урало-алтайскія племена); изображенія же лицъ имѣютъ прототипомъ металлическія маски языческихъ божествъ. Орнаментъ и заглавныя буквы Святославова Сборника напротивъ того исполнены подъ несомнѣннымъ византійскимъ вліяніемъ; изображенія львовъ съ золотыми ошейниками, зайчиковъ и павлиновъ указываютъ на вліяніе придворнаго искусства. Рефератъ вызвалъ возраженіе Н. П. Кондакова, который не нашелъ возможнымъ согласиться съ методомъ референта и съ нѣкоторыми его выводами.

Русское общество дѣателей печатнаго дѣла. 16 мая разсматривался подъ предсѣдательствомъ В. В. Сабанина, первый отчетъ совѣта общества за 1899 годъ. Въ восьми бывшихъ за отчетный періодъ засѣданій совѣтъ былъ занятъ исключительно организаціею общества и всѣхъ его органовъ, которая не совсѣмъ еще закончена и теперь вслѣдствіе крайней сложности. Изъ денежнаго

отчета видно, что взносы и процентовъ получено 8.883 руб. $56\frac{1}{4}$ коп., изъ нихъ израсходовано 400 руб. По смѣтѣ въ текущемъ году предполагается израсходовать 1.990 рублей, но смѣта эта — приближительная. Денежный отчетъ и смѣта общимъ собраніемъ утверждены. Большія пренія возбудилъ вопросъ о выработкѣ нормальной инструкціи отдѣленіямъ общества. Собраніе постановило войти съ ходатайствомъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ объ открытіи отдѣленій русскаго общества печатнаго дѣла въ Москвѣ и Варшавѣ, согласно просьбамъ мѣстныхъ типографовъ, а нормальную инструкцію для отдѣленій представить на утверженіе слѣдующаго общаго собранія. Общее собраніе единодушно выразило В. В. Сабанину благодарность за его дѣятельность на пользу общества, а также членамъ совѣта и ревизионной комиссіи. Закрытой баллотировкою предсѣдателемъ русскаго общества дѣятелей печатнаго дѣла выбранъ вице-президентъ академіи художествъ, графъ И. И. Толстой, товарищемъ предсѣдателя — В. В. Сабанинъ, въ члены совѣта — І. І. Леманъ, П. А. Михайловъ и Р. Р. Голике; въ ревизионную комиссію — Н. М. Корольковъ, А. К. Ержемскій и Е. П. Пожаровъ; въ комиссію по обсужденію правилъ третейскаго суда — П. Н. Исаковъ, А. А. Филипповъ и П. П. Сойкинь; въ члены общества: И. Г. Безгинъ, князь Б. Б. Голицынъ, управляющій экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ, А. М. Лавровъ, В. Р. Мусселіусъ, С. Ѳ. Пановъ, Ю. Я. Римаъ, Н. Ф. Розановъ. Передъ открытіемъ общаго собранія память Л. Н. Майкова почтена вставаніемъ.

Славянское благотворительное общество. I. 30-го апрѣля, Славянское общество вновь открыло свою дѣятельность по новому уставу. Общее собраніе, происходившее подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта гр. Н. П. Игнатьева, привлекло много членовъ, среди которыхъ были: генералы А. А. Кирѣевъ, В. Д. Дандевилъ, А. Ш. Глуховской, затѣмъ В. В. Комаровъ, А. В. Васильевъ, В. И. Аристовъ, профессора И. С. Пальмовъ, М. И. Каринскій, прот. С. А. Соллертинскій и другіе извѣстные дѣятели славянства. Открывая собраніе, гр. Н. П. Игнатьевъ обратился къ присутствовавшимъ съ обширной рѣчью, въ которой подробно очертилъ положеніе дѣлъ въ обществѣ за время перерыва его дѣятельности и событія, связанныя съ измѣненіемъ устава. «Извѣстныя нестроенія, — сказалъ между прочимъ предсѣдатель, — происходившія въ Славянскомъ обществѣ въ первой половинѣ минувшаго 1899 года, привели къ нѣкоторымъ прискорбнымъ послѣдствіямъ, прервавшимъ обычное теченіе дѣятельности общества, и между прочимъ къ тому, что собранія не созывались болѣе года. Пригласивъ васъ въ настоящее общее собраніе, совѣтъ общества признаетъ необходимымъ прежде всего обратить ваше вниманіе на то, что всѣ дѣйствія и постановленія общихъ собраній Славянскаго благотворительнаго общества, состоявшихся 23-го и 27-го февраля, 7-го и 14-го марта и 16-го іюня 1899 года, высочайшимъ повелѣніемъ отъ 8-го іюля того же года отмѣнены. Въ силу того же высочайшаго повелѣнія, министромъ внутреннихъ дѣлъ предложено совѣту общества, избранному 27-го апрѣля 1897 года на трехлѣтіе и отказавшемуся отъ завѣдыванія дѣлами общества, въ виду возникшихъ нестроеній, вступить вновь въ исправленіе обязанностей до конца трехлѣтія, при чемъ финансовая часть дѣятельности совѣта въ 1900 году под-

чинена особой смѣтѣ, составленной совѣтомъ и утвержденной министромъ внутреннихъ дѣлъ. вмѣстѣ съ тѣмъ совѣту предложено было также приступить къ пересмотру дѣйствующаго устава общества, съ тѣмъ, чтобы составленные по сему предмету предположенія были рассмотрѣны совѣтомъ при участіи нѣкоторыхъ членовъ общества по приглашенію предсѣдателя и представлены затѣмъ на усмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ. Первоначальный пересмотръ устава совѣтомъ возложенъ былъ на особую комиссію подъ предсѣдательствомъ сенатора А. А. Нарышкина въ составѣ нѣсколькихъ членовъ совѣта и членовъ общества. Составленный комиссіей проектъ новаго устава былъ рассмотрѣнъ въ совѣтѣ и по исправленіи внесенъ на заключеніе особаго совѣщанія, въ которое приглашены были нѣкоторые изъ старѣйшихъ и почетныхъ членовъ общества. Подписанный затѣмъ 52 лицами проектъ устава представленъ былъ 20-го марта министру внутреннихъ дѣлъ и 16-го апрѣля утвержденъ съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями. Порядокъ примѣненія новаго устава въ отношеніи обновленія состава совѣта опредѣленъ министромъ внутреннихъ дѣлъ на первые три года слѣдующій: въ первомъ же, по утвержденіи устава, общемъ собраніи совѣтъ долженъ быть пополненъ тремя недостающими членами (составъ членовъ совѣта по новому уставу увеличенъ съ 9-ти до 12-ти); черезъ годъ будутъ подлежать переизбранію по жребію 4 члена, черезъ два года—еще 5 и черезъ три—одновременно съ переизбраніемъ 4-хъ очередныхъ членовъ, должны быть подвергнуты баллотировкѣ въ отдѣльной группѣ предсѣдатель и два его товарища. Настоящему собранію, такимъ образомъ,—закончилъ гр. Н. П. Игнатьевъ,—подлежитъ избрать трехъ недостающихъ членовъ совѣта. Съ своей стороны совѣтъ предлагаетъ кандидатами къ избранію члена государственнаго совѣта М. Н. Галкина-Враскаго, Н. Н. Сухотина, Д. П. Голицына, А. А. Башмакова и проф. К. Я. Грота». По окончаніи рѣчи предсѣдателя, П. Н. Анучинъ, обратившись къ собранію, заявилъ, что новый уставъ вполне удовлетворяетъ всѣмъ потребностямъ общества, и предложилъ выразить благодарность комиссіи, выработавшей уставъ, и совѣту за понесенные ими труды. Вполнѣ присоединился къ нему и В. В. Комаровъ, предложившій, кромѣ того, просить совѣтъ выразить отъ имени общества признательность министру внутреннихъ дѣлъ, который вникъ въ потребности общества и въ трудное время его существованія принялъ въ дѣлахъ его горячее участіе. Предложенія встрѣчены были всеобщими аплодисментами. Приступлено было къ выборамъ членовъ совѣта. По запискамъ большинство голосовъ получили: В. В. Комаровъ (40 гол.), А. В. Васильевъ (40), М. Н. Галкинъ-Враской (39), М. М. Бородинъ (38), кн. Д. П. Голицынъ (31), К. Я. Гротъ (27), затѣмъ по нѣсколько голосовъ гг. Башмаковъ, Сухотинъ, Нарышкинъ, Штиглицъ и по одному голосу: гг. Овсяный, Аристовъ, Ратьковъ-Рожновъ и Глуховской. Произведенной затѣмъ баллотировкой шарами въ члены совѣта оказались избранными: М. Г. Галкинъ-Враской (51 избир. и 36 неизб.), В. В. Комаровъ (51 избир. и 27 неизб.) и ген. М. М. Бородинъ (44 избир. и 26 неизб.), кандидатомъ къ нимъ—кн. Д. П. Голицынъ (41 избир. и 31 неизб.). Объявленіе результатовъ покрыто было шумными рукоплесканіями. Кромѣ уже извѣстныхъ дополненій и измѣненій, заключающихся въ новомъ уставѣ сравнительно съ преж-

нимъ (см. № 8682), новостью является также разрѣшеніе новымъ уставомъ учрежденія при обществѣ трехъ постоянныхъ комиссій: распорядительной, благотворительной и издательской, въ составъ которыхъ, кромѣ членовъ совѣта, могутъ быть приглашаемы совѣтомъ дѣйствительные члены общества и члены-сотрудники. Въ задачи распорядительной комиссіи входитъ веденіе хозяйственной части, устройство бесѣдъ, чтеній, общихъ собраній и предварительная разработка вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію совѣта. На благотворительную комиссію возлагается обследованіе положенія нуждающихся въ помощи и ближайшее попеченіе о молодыхъ людяхъ, обучающихся въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ при пособіи отъ Славянскаго общества. Полномочія издательской комиссіи (фактически существовавшей и раньше) значительно расширены.

II. Въ день памяти св. Кирилла и Меѳодія, 11-го мая, славянское благотворительное общество посвятило свое торжественное собраніе чествованію Суворова, похороны котораго какъ разъ совпадаютъ со знаменательнымъ для всѣхъ славянъ днемъ святыхъ славянскихъ первоучителей. Предсѣдательствовалъ въ очень многочленномъ собраніи членовъ общества генераль-лейтенантъ А. А. Кирѣевъ; въ числѣ присутствовавшихъ были епископъ Гурій, предсѣдатель училищнаго совѣта при святѣйшемъ синодѣ, товарищъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода В. К. Саблеръ, сенаторъ Э. Я. Фуксъ, вице-адмиралъ А. Б. Асланбеговъ; изъ потомковъ Суворова присутствовали В. В. Молоствовъ и г-жа Козлова съ дочерью. Засѣданіе открылось пѣніемъ хора г. Архангельскаго «Христосъ воскресъ» и тропаря свв. Кириллу и Меѳодію, а затѣмъ А. А. Кирѣевъ обратился къ собранію съ краткой рѣчью о предстоящемъ чествованіи. «Почтить Суворова, — говорилъ А. А. Кирѣевъ, — слѣдуетъ не только, какъ высокообразованнаго и гуманнаго человѣка, но и какъ поборника и носителя идеаловъ самодержавія, православія и народности. Суворовъ былъ убѣжденнымъ, преданнымъ сыномъ своего отечества, чистымъ и нельстивымъ къ монархамъ, даже и въ тѣ немногіе моменты, когда находился во временной опалѣ». Очеркъ военныхъ успѣховъ Суворова и характеристику его личности сдѣлалъ собранію профессоръ академіи генеральнаго штаба генераль-майоръ Орловъ. Закончилось первое отдѣленіе программы гимномъ Суворову. Во второмъ отдѣленіи послѣ чтенія привѣтственной телеграммы изъ Софіи хоръ г. Архангельскаго исполнилъ гимнъ свв. Кириллу и Меѳодію и сербскую пѣсню. Генераль-майоръ М. М. Бородинъ и г. Васильевъ прочитали нѣсколько легендъ о Суворовѣ, переложенныхъ въ стихи, а также нѣсколько стихотвореній, посвященныхъ Суворову. Чешская молодежь подъ управленіемъ г. Архангельскаго пропѣла свою національную пѣсню. Затѣмъ В. В. Комаровъ сказалъ рѣчь, сущность которой заключалась въ томъ, что случайное совпаденіе погребенія Суворова съ днемъ памяти свв. Кирилла и Меѳодія оказалось очень знаменательнымъ: когда всѣ славяне празднуютъ день, такъ сказать, своего духовнаго рожденія, Россія хоронила человѣка, вся жизнь котораго была посвящена защитѣ тѣхъ трехъ эмблемъ, которыя красуются на славянскомъ знамени, — защитѣ самодержавія, православія и народности. Собраніе закончилось гусситской пѣсней и величаніемъ. 11-го мая, въ день памяти свв. Кирилла и Меѳодія, въ казанскомъ соборѣ была отслужена торжественная литургія и затѣмъ молебенъ. Богослуженіе со-

взршалъ высокопреосвященный Антоній, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій, въ сослуженіи преосвященнаго Веніамина и многихъ священниковъ. Соборъ былъ переполненъ; однихъ учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ находилось здѣсь до трехъ тысячъ человекъ; дѣти хоромъ пѣли во время литургіи молитвы. На богослуженіи находились оберъ-прокуроръ св. синода К. П. Побѣдоносцевъ и товарищъ его В. К. Саблеръ.

Географическое общество. I. На первомъ послѣ смерти Т. И. Филиппова засѣданіи пѣсенной комиссіи Императорскаго Русскаго географическаго общества, подъ предсѣдательствомъ А. С. Тагѣва, было помянуто добрымъ словомъ все сдѣланное Т. И. Филипповымъ на пользу русскаго искусства и русской пѣсни, при чемъ память его была почтена вставаніемъ. Изъ доклада, прочитаннаго дѣлопроизводителемъ комиссіи В. И. Гоффе, видно, что пѣсенный матеріалъ, собранный въ послѣднихъ 6 экспедиціяхъ, готовится къ печатанію участниками этихъ экспедицій Ф. М. Истоминымъ и И. В. Некрасовымъ. Что же касается изданія отдѣльныхъ сборниковъ пѣсенъ, гармонизованныхъ и переложенныхъ для хора, то сборникъ М. А. Балакирева уже отпечатанъ и поступилъ въ продажу, сборники С. П. Ляпунова, И. В. Некрасова и А. А. Петрова печатаются, сборникъ А. К. Лядова, по полученіи его отъ Ф. М. Истомина, будетъ отправленъ для печатанія въ Лейпцигъ къ Редеру. Затѣмъ обсуждались два предложенія: 1) Г. Городцова «О подведеніи подъ ноты въ голосовыхъ партіяхъ хоровыхъ переложений всего текста пѣсни», и 2) Г. Бигдая «О необходимости собранія и изданія пѣсеннаго матеріала во всѣхъ казачьихъ войскахъ и средствахъ для того». Первое предложеніе принято къ руководству въ будущемъ. Относительно второго комиссія признала важность организаціи дѣла собиранія и изданія пѣсенъ казачьяго войска въ интересахъ сохраненія художественныхъ памятниковъ старины и нашла предложенную г. Бигдаемъ систему записи текстовъ пѣсенъ путемъ предварительныхъ сношеній съ лицами, близко стоящими къ народу, цѣлесообразной.

II. 5-го мая подъ предсѣдательствомъ В. В. Витковскаго состоялось засѣданіе по отдѣленіямъ географіи математической и физической. Н. В. Поггенноль сдѣлалъ интересное сообщеніе: «Восхожденіе на Этну», совершенное имъ осенью 1896 г. Этна извѣстна съ самой глубокой древности; ея таинственныя явленія давали богатую пищу мифологіи; Страбонъ ей посвятилъ цѣлую поэму; обратиться на нее дѣлались частыя, но неудачныя большею частью попытки, какъ, на примѣръ, императора Адриана въ 126 г. Этна возвышается на 11 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря; окружность ея основанія имѣетъ протяженіе въ 120 верстъ, на какомъ пространствѣ расположено до 60 городовъ; растительность ея раздѣляется на три области: роскошную фруктовую сицилійскую область каштановыхъ и буковыхъ лѣсовъ и область пустынь, начинающуюся на высотѣ 7 тысячъ футовъ. Изверженій Этны, вѣроятно, немало было еще до Р. Х. Болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія объ изверженіяхъ у насъ имѣются съ XVII вѣка; самымъ сильнымъ было изверженіе 1669 г.; оно до сихъ поръ живетъ въ памяти народа. Гора дала трещину въ 19 верстъ, покрыто было лавой пространство въ 50 кв. верстъ; въ продолженіе двухъ дней лава двигалась по дну морскому; Катанія была разрушена и уничтожена. Подобное по силѣ изверженіе

было въ 1886 г., когда первый потокъ лавы остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ гор. Николози; послѣднее было въ прошломъ году. При подъемѣ на Этну, начиная съ Николози, мѣстность рѣзко мѣняется. Застывшая лава поднимается широкими волнами, представляя своими поперечными трещинами огромное сходство съ ледниками. Нигдѣ нѣтъ ни воды, ни растительности, только кое-гдѣ въ щеляхъ виднѣется трава и зеленая ящерица. На площадкѣ, лежащей на 9 тысячъ (футовъ) высоты, расположена обсерваторія, заложенная въ началѣ этого столѣтія и въ концѣ 80-хъ годовъ основательно отстроенная изъ плитъ лавы и усовершенствованная итальянскимъ альпійскимъ клубомъ; обсерваторія обширна, прекрасно оборудована, но содержится очень небрежно и въ запустѣніи. На высотѣ 9 тысячъ футовъ температура съ заходомъ солнца быстро мѣняется, опускаясь и въ лѣтнее время ниже нуля. Послѣдняя часть восхожденія отъ обсерваторіи до кратера самая трудная, ибо нужно итти по зыбкой почвѣ и подъ уклономъ отъ 30 до 40 градусовъ. Конусъ Этны весь изъѣденъ газами, покрытъ трещинами и налетами желѣза. Форма кратера постоянно мѣняется сообразно изверженіямъ. Во время посѣщенія докладчика, онъ представлялъ изъ себя пропасть въ 4 версты окружности; о глубинѣ кратера судить трудно, онъ постоянно покрытъ дымомъ, имѣетъ вертикальныя стѣнки; среди дыма виднѣются красныя трещины, слышится постоянное шипѣнье, гулъ, сопровождающіеся по временамъ взрывами. Видъ съ вершины Этны чудный. Докладъ иллюстрировался діапозитивами. Затѣмъ А. П. Старковъ сдѣлалъ сообщеніе объ измѣненіи фигуры земли. По его мнѣнію, положеніе объ измѣняемости фигуры земли можно считать въ настоящее время болѣе или менѣе установившимся, и споръ можетъ итти только, какъ это происходитъ теперь въ Парижской академіи наукъ, о томъ, какъ она измѣняется. По представленію г. Старкова, она измѣняется аналогично каплѣ воды при ея паденіи, въ данный періодъ земля повышается у полюсовъ и сжимается у экваторовъ, въ какомъ направленіи и идетъ передвиженіе морей, поднимаются берега Швеціи, Сѣверной Россіи, Сибири и Сѣверной Америки; на это указываютъ геодезическія съемки, что подтверждаютъ и астрономическія наблюденія, по которымъ Петербургъ, на примѣръ, движется къ югу въ 100 л. 0,7 секунды, т. е. 23 метра, послѣдствіемъ чего можно ожидать атмосферическаго обнаженія сѣвернаго полюса и наступленія для Европы ледниковаго періода, какъ это было 10, 15 тысячъ лѣтъ тому назадъ. III. Въ состоявшемся 10-го мая общемъ собраніи, подъ предсѣдательствомъ П. П. Семенова, П. Ф. Унтербергеръ сдѣлалъ весьма интересное сообщеніе о ходѣ заселенія Уссурійскаго края крестьянами, казаками и корейцами. Еще до пекинскаго договора Муравьевъ-Амурскій заселялъ край солдатами, съ честью удержавшимися тамъ, несмотря на всѣ злоключенія, которымъ они подвергались при переселеніи. Муравьевъ выхлопоталъ въ 1861 г. на 20 лѣтъ льготный законъ для переселяющихся въ Уссурійскій край крестьянъ изъ Россіи; такимъ переселенцамъ отрѣзывалось 100 десятинъ земли на семью, при чемъ, уплачивая 3 рубля за десятину, они могли приобрѣтать землю въ собственность. Но заселеніе, несмотря на льготы, шло очень медленно и въ началѣ 1880 годовъ переселенцевъ было не болѣе 5 тысячъ душъ: объа-

снялось это слишкомъ тяжелымъ и затруднительнымъ путешествіемъ крестьянъ; между тѣмъ скорѣйшее заселеніе края являлось политическою потребностью, и пошло оно гораздо успѣшнѣе, когда переселенцевъ стали направлять моремъ; въ 1882 году во Владивостокъ было учреждено переселенческое управление и организована отправка на казенный счетъ 200 семей ежегодно; партіи переселенцевъ шли главнымъ образомъ изъ Малороссіи, собирались въ Одессѣ, гдѣ подвергались медицинскому осмотру и размѣщались на пароходахъ добровольнаго флота; доставка каждой семьи обходилась правительству около 1.200 руб., при чемъ необходимымъ условіемъ для переселенія было обладаніе крестьянской семьи 600 руб. Уже со второго года открытія движенія моремъ крестьяне стали переселяться и на свой счетъ, а черезъ 3 года правительство прекратило даровую доставку. Переселенцы-малороссы представляютъ изъ себя прекрасный и стойкій русскій элементъ въ противовѣсъ желтой расѣ. Первые партіи селились случайно, послѣдующія же—болѣе правильно по берегамъ залива Петра Великаго. Весьма замѣтная разница является между казеннокоштными и своекоштными переселенцами: первые и устроились гораздо хуже и вообще представляютъ изъ себя плохой элементъ. Главнымъ покупщикомъ хлѣба у населенія являлось интендантство; устроенные во Владивостокъ и Николаевскѣ склады земледѣльческихъ орудій принесли огромную пользу. Въ короткое время крестьяне-переселенцы отстроили на свой счетъ массу церквей; но не такъ успѣшно пошло дѣло со школою, хотя правительствомъ и отрѣзывалось на каждую школу по 100 десятинъ зомли. Въ настоящее время переселенческой вопросъ для Уссурийскаго края можно считать поставленнымъ вполне удовлетворительно, и обрусеніе края идетъ весьма успѣшно. Переселилось болѣе 4 тысячъ семей, и изъ нихъ 72 только вернулись назадъ. Видное мѣсто по численности въ Уссурийскомъ краѣ занимаютъ корейцы, которые бѣгутъ сюда вслѣдствіе неурожаевъ и голода; такъ въ 1869 г. нашу границу перешли 7 тысячъ корейцевъ и наотрѣзъ отказались вернуться назадъ. Вслѣдствіе постоянного роста переселенія корейцевъ и движенія ихъ уже внутрь страны, русское правительство нашло нужнымъ принять противъ этого мѣры; въ 1884 г. съ корейскимъ правительствомъ было установлено соглашеніе, что всѣ поселившіеся до 1884 г. корейцы въ Уссурийскомъ краѣ будутъ считаться русскими подданными и получать надѣлы по 15 десятинъ, остальные же должны ликвидировать свои дѣла и вернуться назадъ. Въ данное время наша политика по отношенію къ корейцамъ стала, къ несчастью, мѣняться, отсрочка выселенія стала растягиваться, и являются попытки обрусенія корейцевъ; между тѣмъ корейцы для насъ представляютъ вполне непригодный колонизаціонный элементъ и очень туго поддаются асимилиаціи съ русскимъ населеніемъ. Южная часть Приморской области заселялась также казаками — оренбургскими, донскими и забайкальскими, всего съ 1895 — 1898 гг. казаковъ переселилось 3.800 душъ; приживаются они тамъ вяло, особенно донцы, которые стараются селиться въ мѣстахъ наиболѣе бойкихъ въ торговомъ отношеніи. Такимъ образомъ за 15 лѣтъ на югѣ Приморской области расселилось 4.700 семей, и переселеніе это обошлось казнѣ въ 1½ милліона рублей. Теперь, благодаря сибирскому, пути переселенческаго движенія должно усиливаться. VI. Въ состояв-

шемся 12-го мая по отдѣленію этнографіи засѣданіи подѣ председательствомъ В. И. Ламанскаго Н. И. Кротковъ, бывшій драгоманъ русскаго консульства въ Кульдждѣ, сдѣлалъ сообщеніе: «Поѣздка въ буддійскій монастырь сибинцевъ илійскаго округа». Сибирскій Илійскій край—по берегамъ рѣки Или—заселенъ ново-манджурами, пришедшими сюда въ 1830-хъ годахъ и поклоняющимися буддѣ; на всѣ 8 селеній сибинцевъ существуетъ одинъ монастырь, который докладчикъ и посѣтилъ прошлою осенью. Ламы монастыря во главѣ со своимъ настоятелемъ, предупрежденные о прибытіи путешественниковъ, встрѣтили послѣднихъ крайне радушно и дали осмотрѣть свои святыни самымъ подробнымъ образомъ. Всѣ святыни, кумирни и храмы отдѣлены отъ ламскихъ жилищъ стѣной; въздныхъ воротъ, по обыкновенію существующихъ въ буддійскихъ монастыряхъ, тутъ нѣтъ, и ихъ замѣняютъ ворота мнимыя, около которыхъ стоятъ шести съ кусками желтой матеріи, имѣющіе силу отгонять все злое. Внутри стѣнъ находятся кумирни, огромный чугунный чеканной работы жертвенникъ и двѣ башенки, исполняющія назначеніе нашихъ колоколенъ. Храмовъ нѣсколько: средній, главный, малый и боковые; крыты они китайской черепицей, передъ ними разбиты цвѣтники, среди цвѣтовъ коихъ красуются подсолнечники; южная сторона храмовъ состоитъ изъ створчатыхъ дверей; стѣны ихъ расписаны картинами, изображающими событія изъ жизни Будды. Въ главномъ храмѣ помѣщаются три огромныхъ идола—бурхана, по стѣнамъ размѣщены полки, занятыя буддійскими книгами: украшеніе храма составляютъ шелковые балдахины и китайскіе фонари. Каждодневное служеніе происходитъ въ маломъ храмѣ, въ его божницѣ помѣщаются 44 бурхана; передовой и самый большой бурханъ—Далай-Ламы; передъ бурханами стоитъ жертвенный столъ, покрытый различными предметами, мѣдными тазами, вазами, металлическими зеркалами и т. п. Тутъ же красуется простая картонная коробочка съ изображеніемъ какой-то дѣвицы и русской надписью, какимъ-то случаемъ попавшая сюда. Боковые храмы украшены только рисунками, мѣдныхъ же бурхановъ тамъ нѣтъ. Во время богослуженія всѣ ламы накрываются красными покрывалами, помѣщаются на низкія скамьи передъ столиками съ музыкальными инструментами; чтеніе молитвъ происходитъ всѣми сразу, нараспѣвъ и крайне безпорядочно; въ концѣ богослуженія начинается хаотическая музыка—звуки трубъ смѣшиваются съ ударами барабана и мѣдныхъ тарелокъ. Всѣхъ ламъ въ монастырѣ 36; вообще поступленіе въ монахи не популярно. Монастырь основанъ амбанемъ Се и выстроенъ на средства всѣхъ сибинцевъ. Докладчикъ посѣтилъ амбана Се, которымъ былъ принятъ крайне любезно, и осмотрѣлъ также мѣстное селеніе, имѣющее бѣдный видъ, что является слѣдствіемъ лѣтніи манджурцевъ и любви ихъ къ выпивкѣ; тутъ же кстати тѣмъ же амбанемъ построенъ казенный винный заводъ. Амбанъ въ тотъ же день прислалъ въ монастырь для увеселенія путешественниковъ манджурскихъ цѣвцовъ. Пѣніе крайне заунывно и монотонно, болѣе игривыя по мотиву и въ большинствѣ случаевъ безнравственныя пѣсни—китайскія, послѣднія слушались ламами съ большимъ удовольствіемъ. Въ томъ же засѣданіи С. П. Шведовъ сдѣлалъ сообщеніе о положеніи калмыцкаго населенія въ Сибири; обширный матеріалъ по этому вопросу былъ собранъ имъ, какъ руководите-

лемъ экспедиціи въ горный Алтай въ 1897 г. Въ общемъ мѣстность эта мало доступна, кромѣ долинъ; западная и сѣверная части болѣе доступны, почему болѣе и населены. Населеніе состоитъ частью изъ русскихъ, но болѣею частью изъ алтайцевъ-калмыковъ. Торговое значеніе имѣетъ одинъ только трактъ—Чуйскій, за послѣднія 6 лѣтъ вывозъ этой мѣстности достигъ 57 тысячъ пудовъ и ввозъ 160 тысячъ, при чемъ на 600 тысячъ рублей было переправлено въ Китай серебра. Все населеніе простирается до 41 тысячи душъ—8 тысячъ хозяйствъ. Инородцы состоятъ изъ алтайцевъ, калмыковъ, татаръ и кочевниковъ киргизовъ. Калмыковъ 40,7 всего населенія; осѣдлые инородцы всѣ говорятъ по-русски и православные. О вымираніи инородцевъ въ этой мѣстности нельзя подымать вопроса, ибо по ревизіи 1858 г. калмыковъ было 10 тысячъ, а въ 1897 г. ихъ оказалось уже 19, слѣдовательно приростъ въ 50⁰/₀,—это тѣмъ болѣе наглядно, что притока извнѣ въ инородческое населеніе не существуетъ.

Сохраненіе древнихъ памятниковъ. Комиссія, состоящая при императорскомъ археологическомъ обществѣ, для болѣе удобнаго изученія старинныхъ церквей и для охраны древнихъ памятниковъ, раздѣлила всю Москву на десять участковъ, за которыми будутъ наблюдать слѣдующія лица: К. М. Быковскій, В. А. Гамбургевъ, П. П. Машковъ, А. А. Потаповъ, А. М. Васнецовъ, З. И. Ивановъ, Ѳ. Ѳ. Горностаевъ, А. Ф. Мейснеръ и Н. С. Курдюковъ.

Присужденіе премій митрополита Макарія. На девятое соисканіе представлены были въ учебный комитетъ при святѣйшемъ синодѣ 22 сочиненія, изъ которыхъ принято 12. Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій учебный комитетъ пригласилъ профессора С.-Петербургскаго университета прот. В. Рождественскаго, проф. Новороссійскаго университета А. Алмазова, профессоровъ духовныхъ академій: с.-петербургской—А. Катанскаго, московской: В. Соколова, Г. Воскресенскаго, В. Мышцына, казанской: П. Бердникова, П. Юнгера, А. Некрасова, доцента кievской духовной академіи А. Булгакова, членовъ учебнаго комитета протоіереевъ: І. Образцова, Е. Мегорскаго и П. Лебедева, и правителя дѣлъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ С. Бѣлокурова. На основаніи представленныхъ рецензентами отзывовъ святѣйшій синодъ назначилъ одну полную премію въ 1.500 р. за сочиненіе покойнаго профессора московской духовной академіи И. Корсунскаго: «Переводъ LXX. Его значеніе въ исторіи греческаго языка и словесности» (Св.-Троицкая Сергіева лавра., 1898 г.), и три неполныхъ премій по 1.000 р. каждая за сочиненія: а) покойнаго профессора Московскаго университета А. Павлова: «Номоканонъ при большемъ требникѣ. Его исторія и тексты, греческій и славянскій, съ объяснительными и критическими примѣчаніями»; б) покойнаго профессора московской духовной академіи В. Кириарисова: «О церковной дисциплинѣ», и в) редактора «Троицкихъ листковъ», архимандрита Никона: «Троицкіе листки, духовно-нравственное чтеніе для народа. Листки по Евангелію отъ Матвея. Выпуски XXI—XXV». Кромѣ того, слѣдующія сочиненія удостоены почетныхъ отзывовъ: 1) «Иерархія англиканской епископальной церкви» проф. московской духовной академіи В. Соколова; 2) «Книга пророка Исаія въ древне-славянскомъ переводѣ» смотрителя Заиконоспасскаго духовнаго училища И. Евсева; 3) «Западная средне-

вѣковая мистика и отношенія ея къ католичеству» преподавателя харьковской духовной семинаріи А. Вертеловскаго; 4) «Уничженіе Господа Иисуса Христа» преподавателя рижской духовной семинаріи М. Тарѣва и 5) «Книга пророка Софоніи» преподавателя вологодской духовной семинаріи П. Тюрина. Съ 1-го мая открытъ десятый конкурсъ для соисканія премій митрополита Макарія. Присужденіе премій происходитъ чрезъ каждые два года. Срокъ для представленія сочиненій оканчивается 1-го марта.

Присужденіе премій императора Петра Великаго. Для полученія премій было представлено въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія 16 сочиненій. 15 по разряду гимназій—учебныя руководства и пособія по математикѣ, математической географіи и физикѣ и одно по разряду реальныхъ училищъ—комерческая географія и сравнительная географія для VI класса. Сочиненія по разряду гимназій разсматривала особая коммиссія, состоящая подъ предсѣдательствомъ члена ученаго комитета О. Д. Хвольсона изъ Н. П. Билибина, профессоровъ Н. П. Боргмана, А. М. Жданова и Н. Я. Цингера и приватъ-доцентовъ М. Б. Кояловича и Д. Θ. Селпванова. Въ составъ коммисіи, разсматривавшей сочиненія по разряду реальныхъ училищъ, входили членъ ученаго комитета И. И. Белярминовъ (предсѣдательствовалъ въ коммисіи), А. Θ. Соколовъ и А. М. Ловягинъ. На основаніи отзывовъ коммисіи ученый комитетъ присудилъ малую премію императора Петра Великаго въ 500 р. астроному-наблюдателю Юрьевскаго университета г. Покровскому за «Путеводитель по небу» (второе дополненное изданіе). Остальныя 15 сочиненій признаны незаслуживающими поощреній. Срокъ соисканія премій за учебныя руководства и пособія по физикѣ продолженъ еще на одинъ годъ съ сохраненіемъ большой преміи въ 2.000 р. По разряду начальныхъ народныхъ училищъ и книгъ для народнаго чтенія было представлено въ ученый комитетъ шесть сочиненій, но ни одно изъ нихъ не было признано достойнымъ поощренія. Въ будущемъ 1901-мъ году премій императора Петра Великаго будутъ присуждаться: по разряду гимназій за учебники или учебныя пособія по языкамъ французскому и нѣмецкому и по физикѣ; по разряду начальныхъ народныхъ училищъ за учебникъ геометріи для двухклассныхъ и другихъ начальныхъ училищъ, гдѣ преподается этотъ предметъ. Сочиненія должны быть представлены въ ученый комитетъ въ теченіе года не позже 1-го ноября.

НЕКРОЛОГИ.

АКУНИНЪ, П. А. 22-го мая скончался Павелъ Александровичъ Бакунинъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей эпохи реформъ. Покойный родился 8 сентября 1820 г. въ родовой вотчинѣ Бакуниныхъ, въ селѣ Примухинѣ, Тверской губ. Новоторжскаго уѣзда. Учился П. А. въ Московскомъ университетѣ въ эпоху, оставившую неизгладимый слѣдъ на развитіи русскаго общества,—въ 40-хъ годахъ, когда въ Москвѣ жили Станкевичъ, Герценъ, Бѣлинскій, Грановскій, Боткинъ и старшій братъ покойнаго Михаилъ, вносившій извѣстный эмигрантъ. Затѣмъ П. А. одно время слушалъ лекціи за границей, между прочимъ въ Берлинѣ—Гегеля, послѣдователемъ философской системы котораго онъ остался до конца своихъ дней. По окончаніи образованія П. А. поступилъ на службу, но служилъ недолго и въ тяжелую годину Крымской войны вѣдетъ съ своими братьями поступилъ въ ополченіе.

Наступила эпоха великихъ реформъ, и П. А. всецѣло отдался сначала дѣлу освобожденія крестьянъ, затѣмъ проведенію въ жизнь земскихъ, мировыхъ и другихъ новыхъ учрежденій. Считая поднятіе сознанія человѣческаго достоинства среди народа безусловнымъ залогомъ дальнѣйшаго его развитія, П. А., занимая ту или другую выборную должность въ Новоторжескомъ уѣздѣ и будучи безсмѣннымъ гласнымъ тверскаго губернскаго земства, постоянно и неуклонно работалъ и ратовалъ въ этомъ направленіи. Вліяніе П. А. на дѣла тверскаго земства въ лучшую пору дѣятельности послѣдняго было громадно и плодотворно; онъ былъ, если можно такъ выразиться, душою и главою передовой части земства.

Будучи уже въ преклонномъ возрастѣ, П. А. выступилъ на литературное поприще: въ 1881 г. вышелъ его «Заноздалый голосъ сороковыхъ годовъ. По поводу женскаго вопроса» (471 стр.), а въ 1886 г.—«Основы вѣры и зна-

нія» (408 стр.). Обѣ эти книги были отмѣчены критикою, но широкаго распространѣнія въ публикѣ не имѣли.

Послѣднія 10—12 лѣтъ П. А. безвыѣздно жилъ въ Крыму, на дачѣ «Горной Щели», близъ Ялты, гдѣ и скончался. (Некрологи его: Русск. Вѣд. 1900, № 149; Нов. Вр. 1900, № 8713).

Воронцовъ, В. Е. 7 июня въ С.-Петербургѣ скоропостижно скончался заслуженный ординарный профессоръ императорской военно-медицинской академіи по кафедрѣ эпизоотологіи и ветеринарной полиціи, магистръ ветеринарныхъ наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Викторъ Евграфовичъ Воронцовъ. Покойный происходилъ изъ дворянъ, родился 20 марта 1842 г. По окончаніи курса въ медико-хирургической академіи въ 1869 г., онъ былъ оставленъ при ней на два года для дальнѣйшаго усовершенствованія. Въ 1872 г. удостоенъ степени магистра ветеринарныхъ наукъ; въ 1873 г. назначенъ адъюнктъ-профессоромъ ветеринарнаго отдѣленія академіи, а въ 1876 г.—экстраординарнымъ профессоромъ. Съ упраздненіемъ ветеринарнаго отдѣленія, В. Е. былъ оставленъ за штатомъ, но въ 1884 г. былъ вновь опредѣленъ въ академію сначала адъюнктъ-профессоромъ, а съ 1890 г. профессоромъ. Въ 1885 г. покойный былъ избранъ предсѣдателемъ общества ветеринарныхъ врачей въ С.-Петербургѣ, а съ 1898 г. исполнялъ обязанности предсѣдателя ветеринарнаго комитета при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. (Некрологи его: Россія, 1900, № 401; Сѣв. Кур. 1900, № 216).

Ермаковъ, И. В. 25-го мая въ Нижнемъ-Новгородѣ скончался журналистъ И. В. Ермаковъ. Покойный получилъ образованіе въ Московскомъ университетѣ и, еще будучи студентомъ, выступилъ на литературное поприще; въ это время онъ сотрудничалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Затѣмъ И. В. переѣхалъ въ Нижний-Новгородъ въ качествѣ ближайшаго сотрудника въ «Нижегородскомъ Листкѣ», гдѣ и работалъ до послѣднихъ дней своей жизни. (Некрологъ его: Русск. Вѣд. 1900, № 147).

† **Ингеницкій, И. В.** 7-го мая въ Новороссійскѣ скончался молодой зоологъ Иванъ Владимировичъ Ингеницкій. Покойный родился въ 1863 г., воспитывался въ воронежской духовной семинаріи, а затѣмъ въ Варшавскомъ университетѣ, гдѣ началъ заниматься зоологіей подъ руководствомъ проф. Насанова. По окончаніи курса въ университетѣ И. В. поступилъ въ С.-Петербургскій Лѣсной институтъ для спеціальнаго изученія прикладной энтомологіи. Въ 1895 г. онъ былъ назначенъ ассистентомъ при кафедрѣ зоологіи въ военно-медицинской академіи, а въ 1897 г., съ открытіемъ женскаго медицинскаго института, былъ приглашенъ туда вести со слушательницами практическія занятія по зоологіи. Изъ Петербурга покойный былъ нѣсколько разъ командированъ министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ въ Акмолинскую и Семипалатинскую области для изслѣдованія различныхъ видовъ саранчовыхъ (сибирской кобылки), вредящихъ земледѣлію въ этихъ областяхъ. Лѣтомъ 1899 г., во время одной изъ поѣздокъ, онъ простудился и вернулся въ Петербургъ больной; у него развилась чахотка, быстро принявшая угрожающій характеръ; зиму больной провелъ въ санаторіи въ Тайцѣ, въ февралѣ уѣхалъ на Кавказъ,

жилъ нѣкоторое время въ Сухумѣ, откуда переѣхалъ въ Новороссійскъ, гдѣ и скончался.

Въ послѣдніе годы жизни Ингеницимъ было предпринято, вмѣстѣ съ П. А. Беркосомъ, изданіе «Практической зоотоміи», три выпуска котораго уже вышли въ свѣтъ. (Некрологи его: Россія 1900, № 394; Новости 1900, № 158).

† **Іоанникій**. Кіевскій и галицкій митрополитъ, высокопреосвященный Іоанникій 7-го іюня скончался въ Кіевѣ отъ воспаленія легкихъ. Покойный принадлежалъ къ числу выдающихся іерарховъ православной церкви, какъ по строгости своей подвижнической жизни, такъ и по своей просвѣщенной дѣятельности въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи, гдѣ пришлось ему управлять епархіями.

Высокопреосвященный Іоанникій, — въ мірѣ Иванъ Рудневъ, — родился въ 1828 году въ Вышнемъ-Скворчанѣ, Новосильскаго уѣзда, Тульской губерніи. Отецъ его былъ причетникомъ. Онъ опредѣлилъ своего сына въ Тульскую духовную семинарію, откуда почившій перешелъ въ Кіевскую духовную академію, гдѣ и кончилъ курсъ со степенью магистра богословія. Тотчасъ по окончаніи курса почившій митрополитъ отказался отъ мірской жизни и принялъ монашество съ наименованіемъ Іоанникиемъ. Свою дѣятельность онъ началъ преподавателемъ Кіевской духовной академіи, въ санѣ архимандрита былъ инспекторомъ академіи, затѣмъ ректоромъ. Въ 1860 г. владыка былъ переведенъ въ Петербургъ и назначенъ ректоромъ Петербургской духовной академіи, черезъ годъ хиротонисанъ въ епископы съ назначеніемъ управлять Выборгской епархіей въ качествѣ викарія петербургской митрополіи. Молодой епископъ дѣятельно занялся упорядоченіемъ Выборгской епархіи.

Въ 1864 г. владыка получилъ самостоятельную Саратовскую епархію и, управляя ею въ теченіе девяти лѣтъ, обратилъ особенное вниманіе на улучшеніе быта духовенства и на ослабленіе раскольничьей пропаганды. Имъ учреждены въ епархіи общество взаимопомощи духовенства, братство св. Креста и Саратовскій духовно-просвѣтительный союзъ для борьбы съ расколомъ и огражденія православнаго народа отъ сектантства. Кромѣ того, имъ же открыты здѣсь учебно-заработный домъ для сиротъ всѣхъ сословій и пріютъ для малолѣтнихъ сиротъ духовнаго званія. Возведенный въ санъ архіепископа въ 1873 г., покойный былъ перемѣщенъ въ Нижегородскую епархію и съ еще большею энергіей принялся за устройство епархіи сообразно съ мѣстными нуждами. Здѣсь онъ вновь встрѣтился съ сектантами и основалъ миссіонерское братство св. Креста, привлекая и подготавливая къ миссіонерской дѣятельности молодыхъ священниковъ, выдающихся строгостью своей жизни и способностями. Для сиротъ онъ устроилъ учебно-ремесленный домъ, открылъ ремесленное училище при Оранскомъ монастырѣ и учредилъ множество пріютовъ.

Съ 1877 по 1881 г. просвѣщенная распорядительность владыки была сосредоточена на Кавказѣ. Имѣя дѣло съ разнообразнымъ населеніемъ по вѣрѣ и языку, покойный ревностно заботился о распространеніи православія. Онъ улучшилъ мѣстное духовенство и поселилъ согласіе и взаимное довѣріе между духовенствомъ съ одной стороны и населеніемъ съ другой. Въ Тифлисѣ имъ организованы внѣбогослужебныя бесѣды, по примѣру которыхъ стали распро-

страняться эти бесѣды и въ другихъ городахъ Закавказья. При немъ открыто нѣсколько новыхъ храмовъ, и на его личныя средства учреждены женское епархіальное училище и приюты для сиротъ духовенства. Будучи экзархомъ Грузіи, архіепископомъ кахетинскимъ и карталинскимъ, владыка былъ неоднократно вызываемъ въ Петербургъ для присутствія въ качествѣ члена въ свѣтѣйшемъ синодѣ.

Въ 1882 году покойный былъ возведенъ въ санъ митрополита московскаго и коломенскаго. Въ девятилѣтнее управленіе епархіей имъ было совершено многое, направленное къ славіи и благоустройству православной церкви. Здѣсь имъ были организованы соборныя собранія со старообрядцами, созванъ миссіонерскій съѣздъ, основана эмеритальная касса для духовенства, открыто общежитіе для бѣдныхъ воспитанниковъ Виѣанской и Московской духовныхъ семинарій и пр. На благотворительныя учрежденія покойный митрополитъ не щадилъ собственныхъ средствъ. Его любили москвичи, и когда въ 1891 году онъ былъ назначенъ митрополитомъ старѣйшей православной Кіевской епархіи, вся Москва провожала его со слезами. Въ Кіевской епархіи высокопреосвященнымъ Іоанніемъ учреждены общество религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа въ духѣ православной церкви и взаимно-вспомогательное общество духовенству Кіевской епархіи.

Покойный являлся хорошимъ проповѣдникомъ, ставившимъ правду, искренность и милосердіе выше всего. При его дѣятельномъ участіи широко распространились, какъ въ Московской, такъ и въ Кіевской епархіи церковно-приходскія школы. За свои труды и службу владыка имѣлъ бриліантовый крестъ для ношенія на митрѣ и всѣ высшіе ордена. (Некрологи его: Нов. Вр. 1900, № 8720; Новости 1900, № 157; Русск. Вѣд. 1900, № 159; Одесск. Листокъ 1900, № 147—148; Моск. Вѣд. 1900, № 157 и 160; Спб. Вѣд. 1900, № 154).

† **Юнинъ, А. С.** 21 мая въ Петербургѣ скончался русскій посланникъ въ Швейцарію дѣйствительный тайный совѣтникъ Александръ Степановичъ Юнинъ. А. С. родился въ 1837 г. Большую часть пребыванія своего на дипломатическомъ поприщѣ А. С. провелъ въ государствахъ Балканскаго полуострова, гдѣ сначала находился при посольской миссіи въ Константинополѣ. Затѣмъ съ 1869 г. А. С. пробылъ около 14-ти лѣтъ генеральнымъ консуломъ въ Черногоріи. Какъ прекрасному знатоку международныхъ отношеній Россіи и государствъ этого полуострова, ему поручено было въ 1883 г., когда онъ уже былъ посланникомъ въ Бразиліи, прибыть въ Болгарію для улаженія происшедшихъ въ то время недоразумѣній между Россіей и княземъ Александромъ Баттенбергскимъ. Съ нѣкоторыми перерывами А. С. пробылъ въ Бразиліи до 1889 г. По порученію министерства иностранныхъ дѣлъ онъ принялъ на себя должность комиссара египетской кассы долга. Въ 1891 г. онъ состоялъ русскимъ делегатомъ на конференціи въ Венеціи и Дрезденѣ, созванной для обсуждения мѣръ борьбы противъ холеры, а три года спустя онъ участвовалъ въ международной санитарной конференціи въ Венеціи, обсуждавшей мѣры противъ заноса чумы. Въ томъ же 1894 г. А. С. назначенъ былъ посланникомъ въ Швейцарію. Во всѣхъ странахъ, гдѣ А. С. приходилось занимать постъ пред-

ставителя Россіи, онъ всегда проявлялъ самое неограниченное стремленіе основательно изучить характеръ взаимныхъ отношеній Россіи и этихъ странъ. Съ этой цѣлью онъ предпринималъ неоднократно поѣздки по Балканскому полуострову и Греціи. Онъ путешествовалъ по всѣмъ почти странамъ южной Америки. Въ качествѣ политическаго посредника А. С. проявлялъ рѣдкую справедливость. Лишь благодаря его инициативѣ, англичане вернули египетской касѣ взятыя ими на Донгольскую экспедицію деньги. Благодаря своимъ личнымъ качествамъ, А. С. пользовался особымъ расположеніемъ представителей тѣхъ государствъ, при которыхъ ему приходилось состоять. Свои досуги онъ посвящалъ литературному труду. Его перу принадлежитъ весьма интересное описаніе путешествія его, вышедшее подъ названіемъ «Въ Южной Америкѣ». (Некрологи его: Нов. Вр. 1900, № 8704; Новости 1900, № 142; Сѣв. Кур. 1900, № 199; Россія 1900, № 386; Русск. Вѣд. 1900, № 144; Моск. Вѣд. 1900, № 142).

† **Каленовъ, П. А.** 8 іюня скончался небызвѣстный въ Москвѣ педагогъ Петръ Александровичъ Каленовъ. Покойный принадлежалъ къ богато одареннымъ натурамъ. На педагогическое поприще онъ выступилъ въ шестидесятыхъ годахъ въ эпоху водворенія гуманныхъ началъ въ дѣлѣ воспитанія. Дѣятельность его сосредоточилась, главнымъ образомъ, въ Московскоѣ 1-ой гимназій, гдѣ онъ преподавалъ греческій языкъ и логику, и которой не покидалъ до послѣднихъ дней своей жизни. Въ свободное отъ уроковъ время П. А., до глубины души эстетикъ, отдавался поэзіи и сдѣлалъ нѣсколько переводовъ изъ Байрона. Кромѣ того, онъ читалъ въ Психологическомъ обществѣ рефераты; болѣе выдающіеся изъ нихъ были: о Кантѣ, объ эстетикѣ и проч. Свои этюды покойный помѣщалъ въ «Вопросахъ психологіи и философіи». (Некрологъ его: Русск. Вѣд. 1900, № 160).

† **Ковако, А. Н.** 9-го іюня, послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни, скончался на 78-мъ году жизни, изобрѣтатель - электротехникъ, отставной полковникъ Александръ Николаевичъ Ковако. Покойный, по происхожденію грекъ, въ юности, вмѣстѣ съ отцомъ, переселился въ Россію и поступилъ волонтеромъ въ одинъ изъ гусарскихъ полковъ. Произведенный въ офицеры, онъ перешелъ на службу на Кавказъ, въ нарвскій гусарскій полкъ и принялъ участіе въ цѣломъ рядѣ стычекъ съ горцами и славныхъ дѣлъ нашихъ кавказцевъ при покореніи Дагестана. За выдающіяся боевыя отличія онъ былъ награжденъ нѣсколькими орденами съ мечами и за нихъ же получилъ всѣ чины до подполковника. Тяжко раненый въ 1859 г. и принятый подъ покровительство Александровскаго комитета о раненыхъ, онъ вынужденъ былъ оставить военную службу. Находясь на излѣченіи отъ полученныхъ ранъ въ военномъ госпиталѣ, онъ пристратился къ чтенію книгъ по химіи и физикѣ и, поправившись здоровьемъ, переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ занялся исключительно электротехникою. Въ Петербургѣ имъ была открыта первая русская школа по гальванопластикѣ, и еще въ послѣдніе годы онъ руководилъ занятіями въ частной профессиональной школѣ Брюккера. Среди его — болѣе, чѣмъ 50-ти — изобрѣтеній и улучшеній въ областяхъ электротехники и гальванопластики, выдается электрическій фонарь для освѣщенія морскихъ глубинъ при водолаз-

ныхъ работахъ; имъ были изобрѣтены механическіе приборы для письма слѣпыхъ по системѣ Брайля, надъ совершенствованіемъ которыхъ онъ трудился до послѣдняго времени. Нѣсколько разъ онъ принималъ участіе въ международныхъ конгрессахъ по дѣламъ слѣпыхъ, въ качествѣ русскаго представителя. (Некрологъ его: Россія 1900, № 404).

† **Лебедевъ, П. А.** 4-го іюня въ С.-Петербургѣ скончался отъ паралича сердца настоятель церкви Пажескаго корпуса и его законоучитель, протоіерей Петръ Александровичъ Лебедевъ. Покойный, уроженецъ Смоленской губерніи, богословское образованіе получилъ въ С.-Петербургской духовной академіи, курсъ въ которой окончилъ въ 1861 г. со степенью магистра богословія. Послѣ недолгой преподавательской службы въ Новгородской духовной семинаріи и приватъ-доцентуры въ Петербургской духовной академіи, онъ былъ рукоположенъ въ священнической санъ и въ 1863 г. назначенъ настоятелемъ церкви 2 кадетскаго корпуса и его законоучителемъ; здѣсь онъ пробылъ до 1891 г., когда былъ переведенъ въ Пажескій корпусъ. За время своей продолжительной пастырской дѣятельности, онъ работалъ въ комиссіяхъ по составленію программъ по Закону Божію для старшихъ классовъ гимназій и по разсмотрѣнію учебниковъ по Закону Божію и принималъ участіе въ комиссіи при свѣтѣйшемъ синодѣ, образованной по вопросу о воссоединеніи старо-католиковъ съ русскою православною церковью. Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ былъ назначенъ помощникомъ главнаго наблюдателя по преподаванію Закона Божія въ кадетскихъ корпусахъ и членомъ синодальнаго учебнаго комитета. (Некрологъ его: Россія 1900, № 400).

† **Мальмъ, В. Г.** 18-го мая, послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни, скончался, на 65-мъ году жизни, лекторъ итальянскаго и испанскаго языковъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Владимиръ Густавовичъ Мальмъ. Покойный началъ свою педагогическую дѣятельность преподавателемъ иностранныхъ языковъ въ 1-й московской мужской гимназіи. Въ 1866 г. онъ былъ избранъ лекторомъ итальянскаго языка въ Московскомъ университетѣ и преподавалъ также желающимъ студентамъ испанскій языкъ, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ. Кромѣ того, онъ управлялъ одно время хоромъ студентовъ и до 1889 г. исполнялъ обязанности инспектора 1-й московской гимназіи. Въ 1898 г. покойный по разстроенному здоровью вынужденъ былъ оставить службу при университетѣ. Изъ его ученыхъ работъ слѣдуетъ отмѣтить выпущенную имъ въ 1870 г. въ свѣтъ и выдержавшую нѣсколько изданій «Граматику итальянскаго языка». (Некрологъ его: Русск. Вѣд. 1900, № 141).

† **Митровичъ, П. П.** 30 мая въ Одессѣ скончался на 38-мъ году жизни П. П. Митровичъ. Покойный образованіе получилъ въ одесскомъ реальномъ училищѣ и въ С.-Петербургскомъ технологическомъ институтѣ. Затѣмъ онъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ служилъ завѣдующимъ хозяйственной частью въ обществѣ Черноморско-Дунайскаго пароходства и агентомъ общества въ Болгаріи, а въ послѣдніе годы исполнялъ обязанности дѣлопроизводителя одесской торговой депутаціи. Покойный долгое время состоялъ корреспондентомъ въ одесскихъ изданіяхъ. (Некрологъ его: «Одесск. Листонокъ» 1900, № 138).

¹/24*

† **Муравьевъ, гр. М. Н.** 8-го юня скончался министръ иностранныхъ дѣлъ, гофмейстеръ высочайшаго двора графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ. Покойный находился во главѣ русской дипломатіи съ 1-го января 1897 года и скончался въ полномъ развитіи зрѣлаго возраста, на 56-мъ году отъ роду.

Родной внукъ знаменитаго Муравьева Виленскаго, графъ М. Н. родился 7-го апрѣля 1845 года. По окончаніи курса въ Полтавской гимназіи онъ отправился за границу заканчивать свое образованіе, слушалъ лекціи въ Гейдельбергскомъ университетѣ и, возвратившись въ Россію, девятнадцати лѣтъ, поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Съ 1864 года его служебная дѣятельность была посвящена главнымъ образомъ иностранной политикѣ. Большая часть его службы протекла за границей, гдѣ онъ послѣдовательно занималъ всѣ должности, начиная съ младшаго секретаря посольства и кончая посланникомъ. При поступленіи на службу онъ былъ назначенъ состоять при нашей миссіи въ Берлинѣ, черезъ два года переведенъ младшимъ секретаремъ миссіи въ Стокгольмѣ, затѣмъ былъ младшимъ секретаремъ въ Штутгартѣ и въ Берлинѣ, состоялъ при миссіи въ Карлеруэ, занималъ должность старшаго секретаря въ Стокгольмѣ и секретаря миссіи въ Гаагѣ. Послѣдняя русско-турецкая война привлекла покойнаго на театръ военныхъ дѣйствій, на которомъ онъ явился однимъ изъ уполномоченныхъ Краснаго Креста.

По окончаніи войны графъ Муравьевъ вернулся вновь къ дипломатической карьерѣ и занялъ должность перваго секретаря посольства въ Парижѣ. Посломъ тогда былъ князь Н. А. Орловъ, который пользовался во Франціи большими симпатіями. Не меньшими симпатіями пользовался и графъ Муравьевъ, оставшійся въ Парижѣ секретаремъ посольства до тѣхъ поръ, пока князь Орловъ не былъ переведенъ посломъ въ Берлинъ. Туда же, но уже въ качествѣ совѣтника посольства, былъ назначенъ и покойный.

Съ этого времени дѣятельность графа Муравьева приобрѣла характеръ болѣе самостоятельный. Неоднократно ему приходилось быть повѣреннымъ въ дѣлахъ посольства, и тутъ, какъ при князѣ Орловѣ, такъ и при графѣ Н. А. Шуваловѣ, покойный имѣлъ возможность проявить тѣ качества, которыя привели его впоследствии къ управленію министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Онъ былъ совѣтникомъ посольства въ Берлинѣ въ моментъ отставки князя Бисмарка, когда дипломатіи вообще, а русской въ особенности, приходилось быть очень осторожной, чтобы не запутаться въ тѣхъ теченіяхъ, которыя тогда возникли въ германской политикѣ. Въ эту трудную эпоху графъ Муравьевъ показалъ себя вполне русскимъ человекомъ и дипломатомъ съ тактомъ. Германскія газеты при назначеніи графа Муравьева министромъ иностранныхъ дѣлъ причислили его къ старымъ врагамъ германской политики и къ славянофильской партіи.

Дипломатическая дѣятельность покойнаго въ Берлинѣ выдѣлила его изъ ряда тогдашнихъ русскихъ дипломатовъ, и въ 1893 году онъ былъ избранъ для занятія поста посланника въ Коненгагенѣ ко двору, который связанъ, какъ извѣстно, съ русскою императорскою фамиліею родственными узами. Этотъ постъ покойный графъ занималъ въ продолженіе почти четырехъ лѣтъ. Послѣ

смерти князя Лобанова-Ростовскаго графъ М. Н. былъ избранъ его преемникомъ по управленію министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Назначеніе его состоялось 1-го января 1897 года.

За время бытности графа Муравьева во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ теченіе 3¹/₂ лѣтъ, выдающимися событіями являются слѣдующія. Въ августѣ 1898 года послѣдовало сообщеніе объ охраненіи всеобщаго мира и возможности сокращенія чрезмѣрныхъ вооруженій. Въ томъ же году въ декабрѣ сообщено было министромъ представителямъ иностранныхъ державъ въ Петербургѣ о созывѣ конференціи о возможномъ ограниченіи вооруженій, которая и состоялась въ слѣдующемъ году въ Гаагѣ; надняхъ послѣдовала ратификація нѣкоторыми державами постановленій этой конференціи. 1898 годъ въ лѣтописяхъ нашей дипломатіи долженъ быть отмѣченъ по отношенію къ Дальнему Востоку: въ мартѣ отозваны изъ Кореи нашъ финансовый совѣтникъ и военные инструкторы, въ апрѣлѣ состоялось извѣстное соглашеніе русскаго и японскаго правительствъ по отношенію къ Корей, а въ промежутокъ между этими двумя событіями подписано въ Пекинѣ соглашеніе объ уступкѣ Россіи въ аренду на 25 лѣтъ Портъ-Артура и Талиенвана съ соответствующими водными и сухопутными районами. За время управленія графа Муравьева учреждены русское представительство въ Марокко, въ Сіамѣ, миссія въ Вашингтонѣ возведена на степенъ посольства, подвинулось дѣло объ учрежденіи русскихъ консульствъ въ Индіи и Авганистанѣ. Въ Европѣ благополучно завершена русскими морями трудная задача русской дипломатіи на островѣ Критѣ. (Некрологи его: Нов. Вр. 1900, № 8721; Новости 1900, № 158; Сѣв. Кур. 1900, № 215; Россія 1900, № 402; Русск. Вѣд. 1900, № 160; Моск. Вѣд. 1900, № 157 и 158; Одесск. Листокъ 1900, № 147; Сиб. Вѣд. 1900, № 155).

† **Первушинъ, И. В.** 16 июня въ Шадринскѣ Пермской губ., на 63-мъ году отъ роду, скончался извѣстный рускій математикъ, священникъ Иванъ Михѣевичъ Первушинъ. Сынъ священника, покойный получилъ образованіе сперва въ Пермской духовной семинаріи, затѣмъ въ Казанской духовной академіи. Будучи студентомъ академіи, И. М. обнаружилъ замѣчательныя способности къ математикѣ и обратилъ на себя вниманіе нѣсколькими самостоятельными работами по математическимъ наукамъ. Казалось, что сообразно способностямъ юноши ему предстояло блестящее ученое поприще. Однако, ученая дорога оказалась закрытой для него, и онъ долженъ былъ занять скромную должность сельскаго священника у себя на родинѣ. Талантъ покойнаго не угасъ среди тяжелыхъ пастырскихъ обязанностей. Онъ посвящалъ все свои часы досуга математическимъ изслѣдованіямъ, которыя создали ему почетное имя. Въ 1878 г. имъ было представлено въ императорскую академію наукъ нѣсколько формулъ о дѣлимости нѣкоторыхъ чиселъ. Работа эта интересна въ томъ отношеніи, что авторъ ея своими формулами предупредилъ изысканія извѣстнаго французскаго математика Эд. Люказа. Изъ послѣдующихъ работъ И. М. Первушина заслуживаетъ особеннаго вниманія его обширный трудъ по составленію таблицъ простыхъ чиселъ, ихъ разностей и суммъ, о «наилучшей провѣркѣ арифметическихъ дѣйствій надъ огромными числами при посредствѣ извѣстныхъ дѣлителей», «опредѣленіе количества простыхъ чиселъ въ извѣст-

ныхъ предѣлахъ» (эта работа написана покойнымъ на тему, предложенную неаполитанской академіей наукъ) и друг. (Некрологъ его: Нов. Вр. 1900, № 8730).

† **Станишевъ, К. Н.** 22 мая въ Москвѣ послѣ продолжительной болѣзни скончался бывшій директоръ лицея цесаревича Николая, дѣйствительный статскій совѣтникъ Константинъ Николаевичъ Станишевъ. Покойный, по происхожденію болгаринъ, началъ свою дѣятельность въ лицей въ 1868 г., въ качествѣ преподавателя греческаго языка и математики и турскаго помощника, а въ 1888 г. получилъ мѣсто директора, которое занималъ до 1894 г. Во время оккупации Болгаріи, Станишевъ оставилъ Россію и отправился на родину, гдѣ занялъ постъ директора финансовъ, но вскорѣ возвратился въ Москву къ прежней своей дѣятельности.

Покойнымъ переведена съ греческаго «Начальная геометрія по Евклиду» и напечатано нѣсколько статей въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». (Некрологи его: Нов. Вр. 1900, № 8707; Моск. Вѣд. 1900, №№ 141 и 143).

† **Сутугинъ, В. В.** Въ Царскомъ Селѣ 16-го іюня скончался послѣ тяжелой болѣзни извѣстный гинекологъ, докторъ медицины Василій Васильевичъ Сутугинъ. Покойный родился въ 1839 г. и образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ. Начавъ врачебную дѣятельность въ 1863 г. ординаторомъ-практикантомъ при Александровской больницѣ для чернорабочихъ въ С.-Петербургѣ, В. В. прикомандировался къ медико-хирургической академіи, занялся подъ руководствомъ покойнаго А. Я. Красовскаго спеціально изученіемъ акушерства и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ выдающихся врачей акушерско-гинекологической клиники. Въ 1865 г. онъ защитилъ диссертацию о «переливаніи крови» и получилъ степень доктора медицины. Покойный имѣлъ въ 1860-хъ годахъ обширную акушерскую практику въ повивальномъ институтѣ великой княгини Елены Павловны и въ Обуховской больницѣ. Въ это время имъ произведено нѣсколько интересныхъ научныхъ спеціальныхъ изслѣдованій, и имя его приобрѣло извѣстность въ медицинскомъ мірѣ. Въ 1866 г. покойный былъ приглашенъ докторомъ двора государя наследника цесаревича Александра Александровича, при восшествіи же на престолъ императора Александра III получилъ назначеніе состоять при штатѣ собственнаго его величества дворца и конторы августѣйшихъ дѣтей. При дворѣ его величества В. В. прослужилъ до 1886 г. Одновременно онъ былъ ординаторомъ при с.-петербургскомъ родовспомогательномъ заведеніи и консультантомъ по женскимъ болѣзнямъ при Свято-Троицкой общинѣ сестеръ милосердія; съ 1875 г. по 1883 г. читалъ въ качествѣ приватъ-доцента частные курсы по гинекологіи и акушерству студентамъ военно-медицинской академіи, затѣмъ по 1866 г. курсы по гинекологической клиникѣ для врачей, а также преподавалъ акушерство и женскія болѣзни въ училищѣ лѣкарскихъ помощницъ и фельдшерницъ при дамскомъ лазаретномъ комитетѣ и былъ консультантомъ при лѣчебницѣ герцогини Единбургской. Досужу своей обширной практикѣ покойный посвящалъ научной литературѣ, печатая свои работы въ «Медицинскомъ Вѣстникѣ», «Медицинскомъ Обзорѣніи» и другихъ спеціальныхъ изданіяхъ. Въ 1887 г. В. В. былъ назначенъ директоромъ и главнымъ акушеромъ московскаго родовспомогатель-

наго заведенія. Въ качествѣ инспектора медицинской части вѣдомства учрежденій императрицы Маріи, покойный заботился объ увеличеніи больницъ вѣдомства и объ улучшеніи ихъ. Между прочимъ при его дѣятельномъ участіи были организованы глазные отряды, которые, разъѣзжая по Россіи, борются съ глазными заболѣваніями. До дня своей кончины В. В. состоялъ непремѣннымъ членомъ медицинскаго совѣта при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и принималъ дѣятельное участіе въ разныхъ медицинскихъ обществахъ. (Некрологъ его: Нов. Вр. 1900 г., № 8729).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ Воспоминаніямъ С. М. Загоскина.

Въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» въ «Воспоминаніяхъ С. М. Загоскина», на стр. 52, сообщено невѣрное свѣдѣніе о кончинѣ братьевъ Полуденскихъ.

«Всѣ три Полуденскихъ, — говоритъ Загоскинъ, скончались почти въ однихъ и тѣхъ же лѣтахъ — около 40 лѣтъ, и, по опредѣленію лѣчившаго ихъ всѣхъ одного и того же извѣстнаго въ Москвѣ врача П—а, отъ чахотки. Михаилъ послѣ кончины своихъ братьевъ (и жены), заболѣвъ одинаковою съ ними болѣзью, просилъ, въ случаѣ его смерти, анатомировать его тѣло. Изслѣдованіе это обнаружило не чахотку, а совершенно иную болѣзнь, и, слѣдовательно, докторскій діагнозъ и лѣченіе во всѣхъ этихъ случаяхъ были непростительно ошибочны».

Михаилъ Петровичъ Полуденскій, бывшій подъ моимъ медицинскимъ надзоромъ, въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ своей жизни, умеръ отъ несомнѣнной чахотки легкихъ (*Pneumonia catarrhalis chronica*). Аутопсія не была произведена. Старшихъ братьевъ его я не зналъ. Но тщательно собранный мною отъ самого Михаила и сестеръ его, Варвары и Екатерины, анамнезъ смертельной ихъ болѣзни показалъ ту же чахотку, или (вѣрнѣе обозначить) тоже хроническое воспаленіе легкихъ.

Бывшій ассистентъ профессора Захарьина, врачъ Н. Погожевъ.

II.

Къ Запискамъ барона В. И. Штейнгеля.

Въ июньской книгѣ «Истор. Вѣстн.» (стр. 825) въ «Запискахъ бар. Штейнгеля» сообщается, что въ 1816 году, въ августѣ или въ началѣ сентября, «въ Московскомъ сенатѣ случилась непріятность» — за перемѣну (а не перемѣшали) счета голосовъ въ департаментѣ оберъ-секретарь, литературная sui generis извѣстность, Ст. Вас. Руссовъ, правившій должность оберъ-секретаря въ сенатѣ, былъ преданъ строжайшему суду, и уголовная палата будто бы приговорила его къ лишенію чиновъ и ссылкѣ на поселеніе. За давностью времени бар. Штейнгель, видимо, только хотѣлъ отмѣтить фактъ, оставшійся въ памяти, но подробности дѣла позабылъ. Для возстановленія исторической истины считаю нужнымъ сообщить, что С. В. Руссовъ былъ преданъ суду по означенному дѣлу въ маѣ мѣсяцѣ 1815 г. (самое дѣло неправильно рѣшено въ 1814 г.); въ августѣ того же 1815 г. московская уголовная палата постановила: «Руссова... лиша ордена святого князя Владиміра, чиновъ и дворянства, написать въ солдаты, а болѣе предать въ благоразсмотрѣніе правительствующаго сената». Дѣйствительно, мнѣніе главнокомандующаго въ Москвѣ, А. П. Тормасова, писанное, какъ теперь узнаемъ, бар. Штейнгелемъ, сильно расходилось съ опредѣленіемъ палаты, — «такое сужденіе, говорилось отъ имени Тормасова, показываетъ какъ бы особое стараніе къ обвиненію и наказанію Руссова». Сенатъ 15 февраля 1816 г. заключилъ — «лишить Руссова, имѣющаго знаки отличія ордена св. Владиміра», а государственный совѣтъ, куда внесенъ докладъ сената въ іюнѣ 1816 г., мнѣніемъ полагалъ — только ни къ какимъ дѣламъ Руссова не опредѣлять. Это мнѣніе утверждено государемъ 3 ноября 1816 г. Несомнѣнно, мнѣніе Тормасова (бар. Штейнгеля) сыграло большую роль въ дѣлѣ о Руссовѣ въ пользу послѣдняго. Подробности дѣла о Руссовѣ напечатаны мною во 2-й кн. «Трудовъ Владимірской ученой архивной комисіи».

А. Смирновъ.

полковникъ дѣлалъ все, что только было возможно, чтобъ обуздать характеръ этого василиска, въ которомъ, казалось, соединились всѣ отрицательныя стороны природы. Она начала съ того, что сдѣлалась девоткой и бросала мужа и домъ, чтобы проводить весь день среди монахинь, патеровъ и братствъ, интересовалась лишь молитвенниками, четками и мечтаніями. Она жила среди исповѣдаленъ и келій и превратилась въ деревяшку съ высохшей шеей, съ опущеннымъ взоромъ и мрачнымъ, сдавленнымъ голосомъ.

Въ тѣ рѣдкія минуты, когда она оставалась дома, она была невыносима. Все, что ни говорилъ ея бѣдный мужъ, казалось ей тяжкимъ грѣхомъ, всѣ его поступки она находила мірскими; она жгла его книги, выманивала у него деньги на благотворительныя дѣла, наполняла домъ миссіонерами, патерами и странниками.

Но вдругъ ханжа впала въ обратную крайность. Она начала вести очень свѣтскую жизнь, съ постоянными выѣздами, ссылаясь на разстройство нервовъ и на потребность развлеченій. Ее всегда сопровождали какой нибудь молодой офицеръ или молодой аббатъ. Видя, что нѣтъ возможности удержать ее дома, мужъ вынужденъ былъ на все согласиться, и хоть эти выѣзды и стоили ему дорого, но избавляли его, по крайней мѣрѣ, отъ этого демона.

Третья метаморфоза, происшедшая съ доньей Кларой, была еще хуже. Она увѣряла всѣхъ, что больна, и приписывала себѣ всѣ существующіе на свѣтѣ недуги. Она перепробовала всѣ микстуры и порошки, поставила на ноги всѣхъ аптекарей и докторовъ, побывала на всѣхъ лѣчебныхъ купаньяхъ Испаніи, съ Ледезмы до Паракуэллоса, съ Ланхарона до Фитеро. Единственно, что приносило ей облегченье, это разговоры о своихъ болѣзняхъ съ монахами францисканцами, театинцами и странниками, съ которыми она снова завязала таинственныя сношенія.

Шаконъ, ея бѣдный мужъ, просто не зналъ, что ему дѣлать. Онъ съ отчаянья пустилъ въ ходъ даже тѣлесное наказаніе, но и это не привело ни къ чему. Въ это время состояніе семьи окончательно пошатнулось, и несчастный отецъ приходилъ въ ужасъ при мысли о томъ, что будетъ съ его пятилѣтней дочерью. У ханжи и больной, до ханжества и болѣзни, родилась дочь, которую называли Кларой такъ же, какъ и мать.

Донья Клара выздоровѣла, когда нашла это нужнымъ, и снова предалась церкви. Она такъ истязала свою плоть, что слышно было на улицѣ, по цѣлымъ часамъ стояла на колѣняхъ и всѣмъ рассказывала о своихъ видѣніяхъ. Мужъ началъ молить Бога, чтобъ Онъ избавилъ его отъ этого ада. Донья Клара не любила ни дочери, ни мужа, а мужъ, очень любившій ее вначалѣ, кончилъ тѣмъ, что возненавидѣлъ.

Наконецъ, она снова бросила жизнь покаянія и совершенно неожиданно уѣхала въ Португалію подышать воздухомъ. Къ сча-

стію, Богъ просвѣтилъ ее, и она изъ Португаліи отправилась въ Бразилію съ миссіонерами. Съ тѣхъ поръ она исчезла безслѣдно. Мужъ вздохнулъ свободно, но состояніе все было прожито, онъ оказался бѣднякомъ, имѣя лишь маленькую ренту.

Въ половинѣ декабря 1808 года всѣ жители города Саагуна вышли на главную дорогу. Императоръ Наполеонъ I долженъ былъ пройти здѣсь въ Асторгу, преслѣдуя англичанъ. Дойдя до города, онъ отдыхалъ въ немъ два часа, затѣмъ снова тронулся въ путь, въ сопровожденіи большей части своего войска, занимавшаго Испанію. Когда французы подъ предводительствомъ Наполеона отошли далеко, въ Саагунѣ собралась сходка. Вся молодежь взялась за оружіе и подъ руководствомъ Эліаса и патера Карріона рѣшила сразиться съ французскими отрядами, которые должны были на слѣдующій день пройти здѣсь, чтобы соединиться съ главною арміей.

Въ этотъ вечеръ Шаконъ нѣжно цѣловалъ и обнималъ свою дочь, которая, видя слезы отца, сама плакала, не зная почему. У полковника былъ проектъ, составлявшій единственную надежду устроить будущее благосостояніе Клары. Онъ рѣшилъ принять участіе въ кампаніи и тѣмъ упрочить свою карьеру. Онъ написалъ Эмпечинадо, прося у него распоряженій, и тотъ отвѣтилъ ему, чтобы онъ, во главѣ 500 саагунцевъ, постарался разбить французскія войска, которыя идутъ въ Асторгу на подкрѣпленіе Наполеона. Храбрый полковникъ взялъ на себя команду отрядомъ Эліаса и патера Карріона и выступилъ въ ту же ночь, оставивъ свою дочку на попеченіе двухъ старыхъ служанокъ. Они расположились въ четверти лье отъ города и на зарѣ слѣдующаго дня увидали блескъ французскихъ пикъ. Испанцы послали въ нихъ нѣсколько выстрѣловъ; сначала французы не могли прійти въ себя отъ изумленія, но потомъ оправились и напали на испанцевъ. Завязалась ожесточенная борьба. Эліасъ и Шаконъ въ ужасѣ переглянулись.

— Ихъ въ три раза больше, чѣмъ насъ,— сказала Шаконъ,— но это ничего! Впередъ!

Французы гнали испанцевъ къ городу. Поднялась страшная рѣзня. Изъ оконъ, со стѣнъ горожане стрѣляли въ непріятельскіе ряды. Полковникъ съ безпримѣрною храбростію командовалъ своими людьми; къ нимъ присоединились оставшіеся въ городѣ. Еще одно усиліе, и французы были побѣждены. Усиліе это стоило многихъ жизней, но французы, не желая больше терять людей, отступили къ Валенціи.

Весь городъ преслѣдовалъ ихъ съ Шакономъ во главѣ, но не успѣлъ полковникъ сдѣлать и двадцати шаговъ, какъ упалъ, прострѣленный пулей, обливаясь кровью. Женщины со слезами окружили его и понесли его домой; по дорогѣ онъ умеръ.

Городъ былъ въ отчаяніи, такъ какъ многіе потеряли своихъ

сыновей и мужей; матери и жены оглашали улицы раздирающими душу криками. Передъ дверью дома Шакона молча стояла группа женщинъ, глядя на окровавленный трупъ полковника. Нѣсколько мальчиковъ, движимыхъ больше любопытствомъ, чѣмъ страхомъ, трогали его холодные пальцы, плечи. Никто не произносилъ ни слова, и только бѣдная Кларита, видя, что всѣ плачутъ, глядя на нее, начала громко звать отца, не понимая, что онъ умеръ.

— Что это за дѣвочка?—спросилъ Эліасъ.

— Это его дочь,—отвѣтила ему женщина, державшая ребенка, на рукахъ.

— И у нея нѣтъ матери?

— Нѣтъ, сеньоръ.

— Что же намъ съ ней дѣлать?—сказалъ Эліасъ, глядя на па-тера Карріона и другихъ присутствующихъ.

Всѣ пожимали плечами, лаская дѣвочку.

— Мы не покинемъ ее, — сказали обѣ женщины, служившія полковнику, еще когда онъ былъ богатъ.

— Нѣтъ,—возразилъ Эліасъ,—я беру ее. Я возьму ее съ собою и буду воспитывать.

Женщины эти были бѣдны. Онѣ очень любили Клариту, но, оставляя ее у себя, могли предложить ей бѣдную жизнь. Находя, что донъ Эліасъ человѣкъ съ положеніемъ и съ характеромъ, онѣ не сомнѣвались, что онъ не броситъ ребенка.

Эліасъ оставался въ Саагунѣ до 1812 года, затѣмъ оставилъ военную службу и уѣхалъ въ Мадридъ, взявъ съ собою Клару. Она горько плакала, прощаясь со своими бѣдными друзьями, и не смѣла взглянуть прямо въ лицо своему благодѣтелю, потому что боялась его.

Грустно было ей, когда однажды она проснулась въ прелестный майскій день среди темныхъ стѣнъ знакомаго дома въ улицѣ Valgame Dios; грусть эта еще усилилась, когда ее отправили въ школу извѣстнаго ордена, сестры котораго учили дѣвочекъ тому немногому, что сами знали. Школа по своему заточенію была въ полномъ смыслѣ слова монастырская, за исключеніемъ свойственныхъ монастырю спокойствія и тишины. Управляли ею нѣсколько старухъ, изъ которыхъ особенно выдавалась своимъ уродствомъ и дряхлостью мать Ангустиасъ съ большимъ хлыстомъ въ рукахъ, которымъ она наказывала дѣвочекъ. Она носила зеленыя очки, чтобы лучше видѣть и въ то же время скрывать отъ дѣтей, на кого она смотреть.

Дѣвочки вставали очень рано и молились, потомъ завтракали чесночнымъ супомъ, затѣмъ учились, то-есть упражнялись въ чтеніи, при чемъ хлыстъ доньи Ангустиасъ игралъ первую роль. Вслѣдъ затѣмъ, въ теченіе двухъ часовъ, онѣ выводили буквы въ лино-ванныхъ тетрадкахъ и, отвѣтивъ на память нѣсколько вопросовъ изъ катехизиса, шили цѣлыхъ три часа. Рекреаціи проводили въ

темномъ дворѣ, единственная растительность котораго заключалась въ пожелтѣвшемъ, чахломъ кленѣ. Дѣти играли тутъ до тѣхъ поръ, пока мать Ангустиасъ не подавала звонка изъ своей комнаты, и тогда всѣ вновь собирались вокругъ ея хлыста.

Послѣ обѣда приносила молитвенникъ мать Бригада, вмѣсто матери Ангустиасъ, которая не могла читать, потому что отъ астмы у нея прерывался голосъ. Молитвенникъ этотъ былъ нескончаемъ; вслѣдъ за длиннѣйшими молитвами въ немъ шли литаніи, обѣдни, объясненія причтъ и т. д. Вечеръ заставлялъ ихъ за этимъ занятіемъ, и нерѣдко случалось, что какая нибудь изъ дѣвочекъ, утомленная монотонностью молитвъ, начинала зѣвать и преспокойно засыпала. Мать Ангустиасъ зорко слѣдила черезъ свои зеленныя очки за зѣвавшей дѣвочкой, ожидала, пока та уснетъ, и тогда гнѣвно ударяла ее хлыстомъ. Остальныя дѣвочки, только и ждавшія развлеченія, видя испуганное лицо своей такъ неожиданно проснувшейся подружки, начинали смѣяться; молитва прерывалась, мать Бригада ворчала, мать Ангустиасъ заикалась, и удары хлыста сыпались направо и налево.

Вечеромъ продолжались уроки и катехизисъ. Мать Ангустиасъ говорила:

— Теперъ ка-ка-ка-техизисъ. Мать Бри-бри-бригада, кто не будетъ знать у-у-урока, того въ по-по-подваль.

И она уходила спать, такъ какъ страдала катарромъ, и ей клали на ночь на животъ горячія салфетки.

Кларита и другія дѣвочки были твердо убѣждены въ томъ, что у матери Ангустиасъ совсѣмъ нѣтъ глазъ, и есть только зеленныя огромныя стекла. Онѣ нерѣдко вырѣзали два кружка изъ зеленой обложки катехизиса, прикладывали ихъ себѣ къ глазамъ, и поднимался хохотъ. Такъ какъ онѣ ничего не видѣли, то ихъ однажды застала за этимъ занятіемъ злючка мать Петронила; надававъ имъ тумаковъ по головамъ, она оставила ихъ въ этотъ день безъ обѣда и безъ отдыха.

Въ другой разъ всѣ дѣти были во дворѣ, когда откуда-то прилетѣла маленькая птичка, сѣла на крышу, а затѣмъ вспорхнула на чахлый кленъ. Поднялся страшный шумъ. Это было единственное развлеченіе за весь годъ. Платками, накидками, всѣмъ, что попало подъ руку, дѣвочки изловили ее, привязали ей ниточку къ лапкѣ, и Клара бережно хранила птичку въ своемъ рабочемъ ящикѣ. Онѣ тайкомъ кормили ее по вечерамъ, но она все хирѣла и хирѣла. Разъ вечеромъ передъ самымъ началомъ молитвы у Клары былъ открытъ рабочій ящикъ, и дѣлая видъ, что ищетъ въ немъ что-то, она открыла ротикъ птички и всовывала въ него крошки хлѣба, какъ вдругъ птичка расправила крылья, полетѣла по комнатѣ съ ниточкой на лапкѣ и сѣла... на самую макушку матери Ангустиасъ. Старуха, оскорбленная такимъ непочтеніемъ, такъ раз-

сердилась, что астма лишила ее голоса, и она молчала цѣлыхъ десять минутъ, красная, какъ томать. Клара сидѣла ни жива ни мертва.

— Кла... кла... кла... рита, не воспи... спи... танная дѣвчонка!— воскликнула мать Ангустиасъ, внѣ себя отъ бѣшенства. — Что это за вы... вы... выходка?.. Нынче ночью въ по... по... подвалѣ!

И Клара дѣйствительно должна была провести эту ночь въ подвалѣ. Подвалъ былъ наказаніемъ за самые ужасные проступки. Мать Ангустиасъ не успокоилась, пока Клару не отвели въ эту мрачную и страшную тюрьму. Бѣдная дѣвочка не могла прійти въ себя отъ ужаса въ этомъ одиночномъ заключеніи, среди предметовъ, формы которыхъ она не различала. Вдругъ она услышала шаги крысъ. Ей казалось, что это цѣлое войско гигантовъ ополчилось на нее. Она съ головы до ногъ закуталась въ мантилью, но это не помогло, крысы сновали взадъ и впередъ съ ужасающей быстротою. Страхъ дѣвочки еще болѣе усилился отъ ссоры двухъ кошекъ на сосѣдней крышѣ, мяукавшихъ самымъ отчаяннымъ образомъ. Она не могла уснуть, и утромъ ее нашли всю въ холодномъ поту, дрожащую отъ страха.

Среди этихъ выходящихъ изъ ряда происшествій, среди ежедневнаго утомительнаго ученія и шитья подъ гнетомъ зеленыхъ очковъ матери Ангустиасъ, Клара прожила четыре года, когда наконецъ Эліасъ пріѣхалъ за ней и увезъ ее домой.

Сначала роялистъ не зналъ, что ему дѣлать съ этой дѣвочкой. Онъ хотѣлъ отдать ее въ монастырь, но эгоистическое чувство подсказало ему оставить ее у себя. Онъ былъ одинокъ, его хозяйство нуждалось въ женщинѣ. Чего же лучше? Клара не образована, она едва умѣетъ читать, писать и считать, но зато прекрасно работаетъ.

Такимъ образомъ дочь Шакона выросла въ домѣ Колетилли. Выросла безъ игрушекъ, безъ подругъ, безъ радостей, безъ счастливаго перехода отъ дѣтства къ юности. Эліасъ не обращался съ ней дурно, но и не былъ ласковъ. По воскресеньямъ онъ водилъ ее въ Флориду или въ церковь; разъ повелъ ее въ театръ, и Клара сочла за дѣйствительную жизнь то, что видѣла на сценѣ. Воскресныя прогулки прекратились, когда дѣла начали отвлекать Эліаса отъ дома. Клара ограничивалась лишь тѣмъ, что ходила рано утромъ въ церковь въ сопровожденіи служанки Паскалы.

Такое постоянное одиночество повліяло бы очень дурно на менѣе мягкой и доброй характеръ, чѣмъ у Клары, которая начала думать, что такая жизнь вполне естественна, и что она не должна надѣяться ни на что иное. И она жила спокойно, почти весело. По цѣлымъ недѣлямъ никто не заходилъ къ фанатику; казалось, общество сторонится отъ этого дома, гдѣ живетъ его врагъ.

Какъ мы уже упоминали, Эліасъ былъ другомъ и управляю-

щимъ одного стариннаго аристократическаго рода. Въ данное время остались въ живыхъ три сеньоры изъ семьи Порреньо-и-Венегасъ, и лишь онѣ однѣ сохранили дружественныя отношенія съ роялистомъ. Время отъ времени онѣ навѣщали его. Онѣ были сухи въ обращеніи, нетерпимы, горды. Онѣ обращались къ Кларѣ только съ торжественными выговорами, отъ которыхъ становилось грустно. Онѣ не могли отказаться отъ этикета даже съ такою простою дѣвочкой, какъ Клара, и она кончила тѣмъ, что почувствовала къ нимъ антипатію, потому что послѣ ихъ посѣщенія грустная атмосфера дома казалась еще грустнѣе.

Въ послѣдніе годы Колетилья яростно предался политикѣ. Онъ постоянно былъ золъ и возбужденъ, и понятно, что онъ не могъ относиться къ сиротѣ съ той лаской, въ которой она такъ нуждалась. Наоборотъ, онъ сталъ рѣзокъ съ ней, по цѣлымъ недѣлямъ не говорилъ ни слова, а иногда безъ всякой причины называлъ ее легкомысленною и вѣтренною. Однажды, увидавъ, что она причесалась не такъ просто, какъ обыкновенно, и одѣлась къ лицу, онъ разобралъ ее и нѣсколько разъ повторялъ фразу, стоившую ей много слезъ:

— Клара, ты идешь къ своей гибели!

Иногда онъ начиналъ слѣдить за ней, запрещалъ ей выходить на балконъ, отворять выходную дверь, словомъ мучилъ ее согласно настроенію своего тревожнаго и подозрительнаго ума.

Клара заболѣла; она медленно чахла, какъ кленъ на дворѣ монастырской школы. Она сдѣлалась грустна, поблѣднѣла, похудѣла, здоровье ея совсѣмъ пошатнулось. Колетилья не могъ оставаться равнодушнымъ къ болѣзни своей воспитанницы; онъ позвалъ доктора, и тотъ сказалъ ему:

— Если вы не отправите дѣвушку въ деревню, то она умретъ черезъ мѣсяць.

Роялистъ нашелъ, что смерть Клары была бы несвоевременна. Онъ вспомнилъ, что у него въ Атекѣ есть замужняя сестра, написалъ ей, и черезъ недѣлю Клара уже была въ деревнѣ.

Здоровье ея сразу начало поправляться. Природа и симпатичные люди, полюбившіе ее, подѣйствовали на нее благотворно. Время, проведенное въ деревнѣ, было полнымъ обновленіемъ для бѣдной затворницы. Ея глаза, привыкшіе къ темнотѣ четырехъ стѣнъ, видѣли теперь передъ собою широкій горизонтъ, она дѣлала большія прогулки; была окружена откровенными, веселыми друзьями, понимавшими ее и понятными ей; ея невинныя желанія исполнялись.

Но во время пребыванія Клары въ Атекѣ случилось нѣчто, повлиявшее на всю ея жизнь.

VI.

Племянникъ Колетильи.

Марта, сестра Эліаса, осталась вдовой съ сыномъ, который, прослушавъ курсъ наукъ въ Туделѣ, перешелъ въ сарагосскій университетъ. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати четырехъ, пріятной наружности, очень не глупый, съ пылкимъ воображеніемъ, очень впечатлительный, горячій и съ прямымъ, благороднымъ сердцемъ.

Новыя идеи, волновавшія молодежь, нашли большого приверженца въ Лазаро. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ необходимыхъ въ то время людей, которые горячо проповѣдывали политическіе взгляды.

Случилось, что сарагосскіе студенты вступили въ пререканія съ членами одного политическаго клуба. Завязалась серіозная ссора, начальство университета вмѣшалось, и Лазаро долженъ былъ покинуть Сарагосу. Это было въ тѣ дни, когда по случаю того, что Ріего вынудили оставить постъ командующаго арагонской арміей, начались волненія и манифестаціи, которыя правительство хотѣло подавить. Лазаро, вынужденный покинуть университетъ наканунѣ окончанія курса, понималъ всю серіозность своего положенія и горе, которое онъ доставитъ своей матери и дѣду. Онъ хотѣлъ жаловаться, но это было бесполезно, и онъ грустный, полный сомнѣній и тревогъ вернулся домой.

Но дома, мучимый угрызениями совѣсти, онъ былъ встрѣченъ доброю матерью и незнакомою молодою дѣвушкой, которая совершенно невольно возбуждала въ немъ веселость, надежды и утѣшала его. Ничего не скрывая, онъ рассказалъ то, что съ нимъ случилось. Донъ-Ферминъ, его дѣдъ по отцу, сдѣлался серіозенъ и даже разсердился, а мать немножко поплакала. Но незнакомая молодая дѣвушка, вносившая веселье въ семью, успокоила гнѣвъ перваго и высушила слезы второй, между тѣмъ какъ Лазаро, виновато опустивъ голову, стоялъ передъ своей защитницей, будучи не въ силахъ произнести слова.

Бѣдный Лазаро былъ такъ смущенъ, что эта незнакомка казалась ему какимъ-то видѣніемъ, существомъ, посланнымъ съ неба, чтобъ поддержать его въ эти тяжелыя минуты. Ему казалось даже, что она исчезнетъ, исполнивъ свою миссію. Онъ не зналъ, что это за дѣвушка, не подозрѣвалъ, что она существуетъ, и что онъ встрѣтитъ ее. Больше объ этомъ происшествіи не говорили. Лазаро былъ прощенъ, но все-таки не доволенъ собою. Ему объяснили, кто такая Клара, и почему она здѣсь, но студентъ долго не могъ отдѣлаться отъ сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго на него дѣвушкой.

Онъ весь день былъ разсѣянъ, и его голосъ дрожалъ, когда онъ говорилъ съ Кларой, такъ что въ концѣ концовъ онъ замолчалъ, чтобъ не наговорить тысячу глупостей. На другой день онъ проснулся въ радостномъ возбужденіи, которое вдругъ смѣнилось небывалою грустью. Онъ впадалъ изъ одной крайности въ другую, то безъ умолку болтая, то не въ силахъ вымолвить слова. Онъ былъ горячій политикоманъ и въ Сарагоссѣ пользовался большою извѣстностью за свое краснорѣчіе въ клубахъ; въ частныхъ разговорахъ онъ также выражался красиво и съ энтузіазмомъ, но теперь онъ почти совсѣмъ не говорилъ о политикѣ. Казалось, для него уже не существуетъ ни французской революціи, ни Эмиля Руссо, ни писемъ Талейрана, ни словаря Вольтера. Онъ забылъ все это и помнилъ лишь краснорѣчивыя слова о томъ, какъ разсказать Кларѣ, что видѣлъ ее во снѣ.

Однако, прошло дня два или три, а онъ все еще не находилъ словъ для выраженія своихъ чувствъ. Оставаясь одинъ, онъ говорилъ цѣлые діалоги дивному духу, витавшему вокругъ него, но какъ только этотъ духъ воплощался въ женщину, то онъ ограничивался лишь тѣмъ, что молча, неподвижно смотрѣлъ на него. Онъ уходилъ изъ дома, потому что ему было тамъ не по себѣ, и возвращался домой, такъ какъ не находилъ покоя. Наконецъ, онъ рѣшился объясниться съ Кларой, но какъ только ему представился этотъ случай, онъ началъ съ того, что разсердился, затѣмъ началъ ее благодарить, а потомъ просить прощенія. Въ концѣ концовъ, онъ объявилъ, что сойдетъ съ ума. Онъ дѣйствительно былъ похожъ на сумасшедшаго и всегда попадалъ туда, гдѣ не хотѣлъ быть. Однако, случалось такъ, что если Клара шла куда нибудь, то всегда встрѣчала поджидавшаго ее Лазаро.

Душа дѣвушки была чужда этихъ тревоженій. Она чувствовала себя хорошо и наслаждалась спокойною, мирною жизнью. Если ее и огорчала порою какая нибудь мысль, то это была мысль о возвращеніи въ улицу Valgame Dios. Въ Атекѣ жила одна дѣвушка, по имени Анна, сверстница Клары, дочь богатаго земледѣльца. Скоро обѣ дѣвушки очень подружились. По вечерамъ онѣ уходили въ садъ, принадлежавшій отцу Анны, и тамъ, занимаясь рукодѣльемъ, проводили цѣлые часы. Эта дружба произвела на Клару очень хорошее впечатлѣніе. Для дѣвушки, проведенной свою молодость въ обществѣ старика-фанатика, эта наивная откровенность, непринужденная болтовня, пріятное времяпрепровожденіе были кладомъ и прекрасно повліяли на ея характеръ.

Когда подруги шли въ садъ, то, по странной случайности, Лазаро всегда былъ у входа въ ту самую минуту, когда онѣ подходили. Разговоръ, начавшійся часа въ четыре, оканчивался въ полночь. За все время, проведенное Кларой въ Атекѣ, обѣ дѣвушки не пропустили ни одного дня безъ того, чтобъ не пойти въ садъ,

и Лазаро всегда случайно встрѣчалъ ихъ тамъ. Разговоры эти становились все интимнѣе, и нерѣдко Анна молчала и напѣвала про себя, а студентъ и Клара болтали безъ умолку. То тревожное, то блѣдное, то оживленное, то грустное лицо молодого человѣка доказывало, что тема разговора крайне интересна. Иногда бывали продолжительныя паузы и взоры, упорно опущенные въ землю; тогда Анна начинала шутливо подтрунивать надъ ними и смѣяться, но молодымъ людямъ было не до смѣха. Наконецъ, какой нибудь пустякъ, жестъ снова дѣлали ихъ разговорчивыми. Говорили ли они о прошломъ, о настоящемъ, о будущемъ? Нѣтъ, ихъ голоса выражали лишь тысячу внутреннихъ волненій, задавали вопросы, на которые слышались страстные отвѣты, повѣряли другъ другу тайны, интересъ къ которымъ возрасталъ по мѣрѣ словъ, давали клятвы, разсѣивали сомнѣнія, объясняли необъяснимое, измѣряли неизмѣримое.

Иногда Анна прерывала ихъ словами:

— Милая, посмотри, что ты тутъ нашила! О чемъ ты думаешь?

Клара вышивала по канвѣ головку ангела, окруженную цвѣтами; она вышила глаза ярко-красною шерстью, а губы черною; въ цвѣтахъ всѣ тѣни были до того перепутаны, что ихъ нельзя было принять за цвѣты. Послѣ такого замѣчанія подруги лицо Клары принимало цвѣтъ глазъ ангела.

Тридцать дней проходятъ очень быстро въ саду среди нерѣшенныхъ сомнѣній, невысказанныхъ вопросовъ и отвѣтовъ и ангеловъ съ черными губами. Такимъ образомъ, насталъ день, когда Лазаро началъ клясться всѣми святыми, что не позволитъ Кларѣ уѣхать. Онъ повторялъ тысячу разъ одно и то же и разсказалъ свой сонъ, изъ котораго было ясно, что онъ не можетъ разстаться съ Кларой. Она сдѣлалась очень задумчива и молчалива. Молодые люди по цѣлымъ часамъ вопросительно смотрѣли на небо, какъ будто ожидая отъ него разрѣшенія этой загадки.

Наступало время разлуки. Клара оплакивала свое горе на груди подруги. Лазаро повѣрялъ свои страданья мраку ночи и не спалъ, тревожимый какими-то туманными мыслями и неосуществимыми планами. Когда такъ боятся наступленія извѣстнаго дня, который принесетъ дурное, то невольно начинаютъ ненавидѣть этотъ день и смотрѣть на него, какъ на угрожающее чудовище. Есть дни, когда солнце не должно бы всходить.

Но въ день, назначенный для отъѣзда Клары въ Мадридъ, жестокое солнце взошло. Его первые лучи влили отчаяніе въ сердца молодыхъ людей, грозя имъ разлукой. Казалось бы, когда совершается подобная разлука, когда разрывается таинственная связь, составляющая основаніе человѣческой жизни, что природа должна измѣниться, но она въ данномъ случаѣ слѣпа и безчувственна.

Въ это утро Лазаро было очень тяжело. Онъ пошелъ къ Аннѣ

и засталъ ее въ слезахъ; онъ испугался этихъ слезъ и вернулся домой, хотѣлъ войти въ комнату Клары, укладывавшейся передъ отъѣздомъ, и испугался самого себя. Потомъ онъ видѣлъ, какъ она вышла изъ своей комнаты блѣдная, съ заплаканными глазами. Увидавъ, что она прощается съ его матерью и дѣдомъ, Лазаро убѣждалъ изъ опасенія, чтобъ она не стала прощаться съ нимъ. Онъ выпелъ изъ Атеки и долго-долго все шелъ впередъ по дорогѣ. Вдругъ раздался шумъ приближавшагося дилижанса. Молодой человѣкъ остановился и отступилъ. Клара сидѣла въ отчаяніи, закрывъ лицо руками. Остальные пассажиры подсмѣивались надъ ней. Лазаро окликнулъ ее, громко крикнулъ что-то вслѣдъ быстро удалявшемуся дилижансу и бѣжалъ за нимъ до тѣхъ поръ, пока не выбился изъ силъ. Дилижансъ скрылся.

Онъ вернулся въ Атеку только вечеромъ. Проходя мимо знакомаго сада, онъ замѣтилъ тамъ весело чирикавшихъ и порхавшихъ птицъ. Онъ ускорилъ шаги, чтобъ не слышать и не видѣть ихъ, и пошелъ домой. Его мать и дѣдъ сидѣли грустные, задумчивые; онъ не заговорилъ съ ними, и они молчали. Онъ заперся въ своей комнатѣ и хотѣлъ читать или уснуть, потому что голова его горѣла, словно сдавленная желѣзнымъ обручемъ, но не могъ сдѣлать ни того, ни другого.

VII.

Внутренній голосъ.

Это былъ молодой человѣкъ, въ высшей степени впечатлительный, нервный, жившій только однимъ воображеніемъ. Онъ создавалъ себѣ мысленно всевозможныя драматическія положенія, мечталъ о великихъ будущихъ подвигахъ, героемъ которыхъ былъ онъ самъ. Понятно, что при такомъ характерѣ онъ былъ обуреваемъ страстями, доводившими его до экзальтаціи. Въ смутную эпоху политическіе вопросы разжигаютъ страсти. Невольно зарождаются мысли о героизмѣ, объ угнетеніи народа, о жестокостяхъ, о революціи. Лазаро почувствовалъ въ себѣ пылъ патріотизма, вообразилъ себя апостоломъ новыхъ идей, глубоко вѣря въ великое будущее.

Но существуютъ ли рѣшенія безъ примѣси эгоизма, быть можетъ, благороднаго, но все же эгоизма? Лазаро былъ честолюбивъ. Онъ несомнѣнно надѣялся на благодарность, а благодарность чело-вѣчества или цѣлаго народа—это самая высокая награда на свѣтѣ. Тотъ, кто ея достоинъ, получить ее, потому что человѣкъ можетъ быть неблагодаренъ, но народъ никогда. Въ единичной жизни можетъ быть заблужденіе, но въ цѣлыхъ поколѣніяхъ народа заблужденія не бываетъ, и заслуженная благодарность воздается, хотя иногда и поздно.

Лазаро мечталъ о славѣ. Тщеславіе этого молодого аррагонца заключалось въ выполненіи великой миссіи, гигантскаго факта. Что это за миссія, онъ самъ не зналъ. Молодые люди, подобные ему, не любятъ выясненія фактовъ, потому что боятся дѣйствительности, они вѣрятъ въ предназначеніе и, обманутые блестящими мечтами, думаютъ, что факты сами будутъ искать ихъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ, уѣхавъ изъ Сарагоссы, онъ жилъ въ Атекѣ, одинъ образъ неотступно преслѣдовалъ его въ этихъ мечтахъ о будущемъ. Онъ сдѣлаетъ Клару королевой, или просто она будетъ женой великаго человѣка, быть можетъ, даже и того меньше: женой простого смертнаго. Въ концѣ концовъ онъ успокоился на самомъ обыкновенномъ только счастливомъ бракѣ. Но надо было обдумать, составить планъ, какъ соединиться съ нею.

Клара бѣдна и сирота. Это два неприятныхъ обстоятельства. Но онъ будетъ работать, сдѣлается дѣятельнымъ, энергичнымъ. Онъ прекрасно знаетъ, что одаренъ талантомъ. Но неужели онъ будетъ простымъ земледѣльцемъ? Нѣтъ, это не для него. Онъ долженъ ѣхать въ Мадридъ, заставить себя слушать, приобрести имя и мѣсто. Можно ли сомнѣваться въ томъ, что, пріѣхавъ въ умственный центръ страны, онъ не добьется имени, положенія, состоянія? Конечно, нельзя. Туда уже, навѣрное, дошли слухи о его рѣчахъ въ Сарагоссѣ. Въ то время молодые люди легко открывали себѣ дорогу къ довѣрчивой толпѣ; они силою своихъ молодыхъ убѣжденій и горячей пропагандой новыхъ идей достигали высокаго и завиднаго общественнаго положенія. А Лазаро сознавалъ въ себѣ эту внутреннюю силу и рѣшилъ дать ей примѣненіе.

Эти мысли занимали Лазаро съ той самой минуты, какъ уѣхала Клара. Когда его рѣшеніе окрѣпло, онъ почувствовалъ въ себѣ необыкновенный приливъ энергіи. Ему казалось, что его голосъ способенъ защищать самые глубокіе и пылкіе, благородные принципы; ему казалось, что ему нѣтъ равныхъ въ легкости изложенія, въ безошадной логикѣ, въ красивыхъ и выразительныхъ оборотахъ. Въ тишинѣ ночи онъ мысленно слушалъ самого себя, восхищался своимъ ораторскимъ талантомъ, аплодировалъ самому себѣ, и ему казалось, что вокругъ него собирается несмѣтная толпа, шумно привѣтствующая его.

Засыпая онъ слышалъ тотъ же воодушевленный голосъ, потрясавшій тысячу сердецъ и внушавшій энтузіазмъ или ужасъ цѣлымъ толпамъ согражданъ. Лазаро дѣйствительно былъ краснорѣчивъ и прекрасно сознавалъ это. Каждый день, проходившій безъ того, чтобъ его слушала огромная аудиторія, казался ему потеряннымъ.

Онъ сказалъ дѣду, что ѣдетъ въ Мадридъ. Бѣдный старикъ заплакалъ и отвѣтилъ сквозь слезы, что это рѣшеніе очень серьезное, и что его надо обдумать.

— Что ты тамъ будешь дѣлать?—уговаривалъ онъ его.—У тебя такой плохой почеркъ.

Въ это время въ Атекѣ находился Жиль Карраскоза, котораго мы уже знаемъ по его ссорѣ съ цырюльникомъ Кальехой. Карраскоза былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Колетильей, и когда старикъ посоветовался съ нимъ, что дѣлать съ Лазаро, то тотъ счелъ за лучшее написать дядѣ. Старикъ взялъ перо и дрожащими руками написалъ Колетильѣ слѣдующее:

«Дорогой и уважаемый сеньоръ!

«Мой внукъ, а вашъ племянникъ, Лазарильо, хочетъ ѣхать въ Мадридъ. Онъ вбилъ себѣ въ голову, что можетъ составить себѣ тамъ состояніе и что не можетъ оставаться въ деревнѣ. И дѣйствительно ему здѣсь плохо. Урожай этого года едва далъ намъ на сѣмена, а бѣдный малый больше любитъ книги, чѣмъ плугъ. Скажу вамъ, уважаемый сеньоръ, что Лазаро далеко не глупъ: онъ знаетъ много книгъ наизусть и четыре раза прочелъ отъ первой строчки до послѣдней книгу подъ заглавіемъ: «Великіе люди Плутарха». Онъ знаетъ законы и иногда списываетъ цѣлые листы, но въ этомъ я самъ мало понимаю. Не буду скрывать отъ васъ, дорогой сеньоръ, и его недостатковъ, въ надеждѣ, что вы поможете ему исправить ихъ: боюсь, что онъ не сдѣлаетъ карьеры въ столицѣ, потому что у него некрасивый почеркъ. Можетъ быть, при помощи хорошаго учителя онъ избавится отъ этого недостатка и со временемъ получитъ мѣсто тысячи на двѣ реаловъ въ какой нибудь канцеляріи, какъ мой покойный дѣдъ. Я желаю, чтобъ онъ сдѣлалъ себѣ карьеру, потому что люблю его отъ всей души, и очень прошу васъ извѣстить меня, выйдетъ ли толкъ изъ юноши, и могу ли я рассчитывать на ваше покровительство. Ради Бога сдѣлайте, что можете, для единственнаго сына вашей сестры, потому что мы, при нашей бѣдности, ничего для него сдѣлать не можемъ.

«Вашъ покорный слуга

«Ферминъ».

Прошло три мѣсяца, прежде чѣмъ донъ Эліасъ прислалъ отвѣтъ. Наконецъ, онъ написалъ, чтобъ немножко подождали, что онъ увѣдомитъ, можно ли пріѣхать молодому человѣку или нѣтъ. Мѣсяць спустя, онъ снова написалъ, призывая Лазаро и прибавляя, что отъ его поведенія и желанія будетъ зависѣть его карьера.

Лазаро былъ въ восторгѣ. Онъ хотѣлъ выѣхать въ тотъ же день, но мать и дѣдъ уговорили его пробыть съ ними еще два дня.

Молодой студентъ зналъ по слухамъ, что его дядя очень ученый человѣкъ, и предположилъ, что это ярый либераль. Онъ не понималъ, что человѣкъ очень ученый перестаетъ любить свободу.

Письмо Колетильи было получено въ первыхъ числахъ сентября 1821 года. Клара ничего объ этомъ не знала.

VIII.

Сегодня прѣзжаетъ.

Три дня спустя послѣ происшествія, описаннаго во второй главѣ этой правдивой исторіи, Клара съ утра сидѣла, запершись въ своей комнатѣ. Фанатикъ только что сказалъ ей, что ждетъ своего племянника, и что необходимо устроить его здѣсь, пока они всѣ не переѣдутъ на новую квартиру, которую онъ намѣревается нанять.

Клару поразила эта новость, и она не въ силахъ была отвѣтить ни слова, потому что не могла прійти въ себя отъ удивленія. Оставшись одна, она заперлась въ своей комнатѣ.

Комнатка была маленькая и неправильная; она помѣщалась въ мезонинѣ дома, и ея единственное узкое окно выходило на дворъ, очень напоминавшій собою колодезь. Напротивъ тянулись три линіи такихъ же узкихъ оконъ, за которыми жили бѣдные семьи. Въ комнату Клары проникалъ отраженный лучъ солнца отъ одиннадцати часовъ до половины двѣнадцатаго, но не приносилъ съ собою ни красокъ, ни веселья.

Дворъ былъ интереснымъ центромъ жильцовъ. Въ извѣстные часы нѣсколько головъ высывалось изъ оконъ; это случалось, когда двѣ жилицы во всеуслышаніе рѣпали на дворѣ какойнибудь вопросъ чести, или когда двѣ женщины начинали ссориться изъ-за развѣшаннаго бѣлья. Въ остальное время на дворѣ царила тишина, только изрѣдка слышалось, какъ одна сосѣдка проситъ у другой сковороду, да какъ солдатъ изъясняется въ любви женѣ сапожника. Иногда изъ окна въ окно протягивались веревки въ видѣ телеграфныхъ проволокъ, и на нихъ развѣшивались сорочки и другое бѣлье.

Окно Клары никогда не отворялось. Эліасъ заколотилъ его въ тотъ же день, какъ Клара поселилась въ этой комнатѣ. Внутренность ея отличалась изяществомъ, не потому, чтобы тамъ стояли хорошія вещи, а потому, что все въ ней было аккуратно прибрано. Рабочій столъ, три массивныхъ старинныхъ орѣховыхъ стула, большой комодъ съ инкрустаціей, скамейка и деревянная постель— вотъ и все убранство комнаты.

Клара стояла передъ зеркаломъ и дѣлала прическу изъ своей густой, черной косы. Два маленькихъ завитка спускались на ея бѣлый лобъ съ тонкими синими жилками. Нѣтъ болѣе удобнаго случая для оцѣнки красоты женщины, какъ тѣ минуты, когда она причесывается, поднявъ руки и выставивъ впередъ бюстъ. Окончивъ прическу, Клара бросила недовѣрчивый взглядъ на нижній ящикъ огромнаго комода, гдѣ лежали ея платья. Она берегла тамъ съ особенною заботливостью одно хорошенъкое платье, подаренное

ей Эліасомъ еще въ то время, когда онъ не былъ такимъ подозрительнымъ и несноснымъ. Она колебалась, вынуть его или нѣтъ; ей хотѣлось надѣть его, но она боялась; ей хотѣлось надѣть свое самое лучшее платье, но она боялась, что оно слишкомъ идетъ къ ней. И она грустно задумалась, не рѣшаясь вынуть такъ давно хранимое сокровище. Эліасъ въ послѣднее время сталъ такой сердитый, бранить ее безъ всякой причины. На прошлой недѣлѣ она сидѣла и чинила разорванное платье, когда онъ вошелъ и, увидавъ ее за этимъ занятіемъ, рѣзко воскликнулъ:

— Что ты здѣсь дѣлаешь? Вѣчно только и думаешь о нарядахъ! Зачѣмъ ты занимаешься такими пустяками?

Она могла очень резонно возразить на этотъ вопросъ, но не посмѣла и, грустно сложивъ свою работу, спрятала ее въ комодъ. Но Эліаса не тронула эта покорность, и онъ сказалъ ей еще болѣе рѣзкимъ тономъ:

— По всему видно, что ты хочешь погубить себя...

Но это еще не худшее, что услышала бѣдняжка, краснѣя отъ стыда. Старикъ, понизивъ голосъ и какъ бы говоря съ самимъ собою, прибавилъ:

— Я наконецъ вынужденъ буду принять одно рѣшеніе.

Эта фраза о рѣшеніи не давала ей покоя нѣсколько дней. Напрасно она старалась угадать намѣреніе старика; она ничьихъ намѣреній не умѣла угадывать. Единственнымъ способомъ узнать было просто спросить его, но она не рѣшалась.

Разъ по улицѣ Valgame Dios проходила цвѣточница съ корзиной, полною гвоздики, розъ и фіалокъ. Клара смотрѣла изъ окна на эти красивые цвѣты, свѣжій аромать которыхъ долеталъ до балкона. Она рѣшилась купить этихъ цвѣтовъ и послала за ними Паскалу. Клара была въ восторгѣ, поставила ихъ въ воду, потомъ вынула и приколотла ихъ себѣ къ волосамъ, невольно залюбовавшись на себя въ зеркало; затѣмъ она снова поставила ихъ въ воду съ водой, которую имѣла неосторожность помѣстить въ тотъ уголъ, гдѣ обыкновенно Эліасъ клалъ свою палку и сомбреро, когда приходилъ домой. Она думала, что онъ, войдя и увидя цвѣты, сразу развеселится. Онъ такъ любитъ цвѣты, и это будетъ для него приятнымъ сюрпризомъ.

Роялисъ вернулся домой и подошелъ къ столу, но, кладя на него сомбреро, онъ толкнулъ вазу; она упала, цвѣты разсыпались, и вода облила ноги Эліаса.

Онъ такъ разсердился, съ такимъ бѣшенствомъ взглянулъ на сироту, что весь дрожь закричалъ:

— Что это за цвѣты? Кто тебѣ позволилъ покупать эти цвѣты? Что это за новости, Клара? Кокетка, ты хочешь погубить себя!

Клара хотѣла возразить, но какъ ни заставляла себя, ничего не могла сказать въ свое оправданіе. Эліасъ въ бѣшенствѣ мялъ цвѣты и крикнулъ:

— Кончено! Я принимаю рѣшеніе!

— «Опять это рѣшеніе! Что это за рѣшеніе?»—думала Клара въ смущеніи и въ испугѣ.—«Ужъ не хочетъ ли онъ убить меня?»

Въ эту ночь она не могла спать. Часовъ около двѣнадцати она услыхала, что Эліасъ ходитъ по своей комнатѣ въ особенномъ возбужденіи. Ей казалось даже, что до нея долетаютъ ругательства. Волнуемая страхомъ и любопытствомъ, она тихонько прокралась къ двери комнаты Эліаса и заглянула въ замочную скважину. Эліасъ ходилъ жестикулируя; вдругъ онъ остановился, открылъ ящикъ и вынулъ изъ него большой и хорошо отточенный тонкій ножъ. Онъ осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ и затѣмъ снова спряталъ. Клара, видя это, едва не лишилась чувствъ. Она ушла къ себѣ въ комнату, легла вся дрожа и закуталась съ головой. Съ той ночи, которую она провела съ крысами въ подвалѣ матери Ангустиасъ, она не испытывала такого страха. Къ утру она задремала, но видѣла во снѣ массу ножей или одинъ, но такой огромный, что можно было отрубить пятьдесятъ головъ.

На другой день она успокоилась и даже смѣялась надъ своимъ страхомъ. Но она все-таки не рѣшилась надѣть свое хорошенькое платьѣ, и ему суждено было спать вѣчнымъ сномъ въ глубинѣ комода.

Клара не могла себѣ выяснитъ, къ какому результату приведетъ пріѣздъ Лазаро. Она была такъ рада, что видѣла въ этомъ пріѣздѣ только счастливый случай. Она смутно представляла себѣ, что молодой человѣкъ достигнетъ здѣсь извѣстнаго положенія. Ей казалось, что ея судьба должна нѣсколько измѣниться, и что съ пріѣздомъ Лазаро для нея кончится скучная опека дона Эліаса. Ей приходила въ голову мысль о бракѣ, да приходила и не разъ, но лишь въ видѣ сладкой и туманной надежды. Она представляла себѣ Лазаро ея мужемъ, но не здѣсь, не въ этомъ домѣ, не въ этомъ городѣ.

Въ описываемый нами день она была очень весела, безъ причины краснѣла, задумывалась и опять краснѣла.

Было девять часовъ, когда Паскала вернулась съ рынка и вошла къ ней въ комнату. Паскала была очень полная, высокогрудая дѣвушка, краснощекая, съ большимъ ртомъ, маленькимъ носомъ, узкимъ лбомъ, съ густыми волосами ярко-рыжаго цвѣта, огромными руками и большими черными глазами.

Она подошла къ молодой дѣвушкѣ и таинственно сказала:

— Знаете, что со мной случилось?

— Что такое?—спросила Клара.

— Я видѣла военнаго, того, что былъ у насъ въ тотъ день, когда сеньоръ захворалъ.

— Ну, и что же?

— Какъ что? Ничего, только онъ меня испугалъ, потому что сказалъ, что хочетъ войти, а мы однѣ... А я думаю себѣ: если одна сеньорита такъ красива, ну, и...

— Ахъ, это тотъ офицеръ, что былъ здѣсь? И ты говоришь, что онъ хотѣлъ войти?

— Да; а потомъ спросилъ о васъ.

— Обо мнѣ? Что же ты ему отвѣтила?

— Что вы здоровы. Потомъ онъ спросилъ, дома ли старикъ. Какое неуваженіе: старикъ! Я сказала, что нѣтъ. Тогда онъ сказалъ, что хочетъ войти и поговорить со мной... Ну, да какъ же! Я тоже умѣла отвѣтить...

— Что?

— Меня не обманешь этими словами... А такъ какъ одна сеньорита такъ красива...

— Объ этомъ не безпокойся,— сказала Клара, улыбаясь.— Онъ влюбленъ въ тебя и хочетъ на тебѣ жениться. Если узнаетъ трактирщикъ...

— Мой Паскаль? Онъ не узнаетъ... если мой Паскаль узнаетъ, что сеньорита говоритъ любезности Паскаль...

У этой служанки былъ женихъ Паскаль, открывшій трактиръ въ улицѣ Гумильядеро. Ихъ честныя и чистыя отношенія близились къ браку, а такъ какъ дѣвушка была недурна собою, то все шло къ тому, что они скоро пойдутъ подъ вѣнецъ и расплодятъ цѣлое поколѣніе Паскалей.

— Ну, а если Паскаль узнаетъ?

— О, я очень хитра, мнѣ пришло въ голову... Знаете, что мнѣ пришло въ голову?

— Что?

— Что онъ хочетъ прійти сюда не для меня, а для васъ.

— Для меня? Не будь душой,—возразила ей Клара, расхохотавшись отъ души.

— Впустить его?

— Конечно, нѣтъ. Ради Бога, не дѣлай этого. И не говори мнѣ больше объ этомъ. Что ему здѣсь дѣлать?

— А я думаю, что если одна сеньорита такъ красива... А я что? Я служанка, а онъ кабальеро, да еще такой важный. Такъ выпустить его?

— Господи, Паскала, не повторяй этого!—воскликнула Клара.— Что ему здѣсь нужно?

— Онъ хочетъ видѣть васъ.

— А зачѣмъ ему меня видѣть?

— А зачѣмъ, чтобъ видѣть.

— Вотъ еще исторія!—прошептала задумчиво Клара.

Въ это время раздался звонокъ. Это былъ Колетилья.

Обѣ дѣвушки разговаривали съ нимъ, когда съ улицы послышался гулъ возбужденныхъ голосовъ, раздались крики и быстрые шаги. Всѣ трое высунулись на балконъ и увидали толпы народа. Всѣ лучшіе кузнецы квартала побросали свои наковальни и высы-

пали на улицу. Колетилья окинул презрительнымъ взглядомъ толпу и, быстро заперевъ балконную дверь, произнесъ:

— Опять сходка!

Обѣ дѣвушки задрожали, вспомнивъ, какъ онѣ перепугались нѣсколько дней тому назадъ.

— Ахъ, когда это все кончится!—воскликнула Клара.

— Скоро,—сухо отвѣтилъ старикъ, садясь и взявъ письмо, лежавшее на столѣ.

Онъ прочелъ его, затѣмъ надѣлъ плащъ, взялъ сомбреро и сказалъ дѣвушкамъ:

— Я уйду, у меня есть дѣло; я не вернусь до поздняго вечера. Мой племянникъ прійдетъ сегодня вечеромъ часовъ около восьми, а я буду въ отсутствіи, по крайней мѣрѣ, до десяти. Пусть онъ меня подождетъ здѣсь.

Онъ взглянулъ на простенькіе часы, висѣвшіе въ залѣ, и прибавилъ:

— Никому не отпирайте. Заприте всѣ двери на ключъ. Когда прійдетъ мой племянникъ, дайте ему чегонибудь закусить, и пусть ждетъ меня.

— Но какъ же вы выйдете на улицу среди такихъ безпорядковъ?—въ испугѣ произнесла Клара.—Не оставляйте насъ однихъ, мы ужасно боимся.

— Что они могутъ мнѣ сдѣлать!—съ затаенною злобой пробурчалъ онъ.—А вы запирайте крѣпче двери.

И затѣмъ, какъ бы говоря самъ съ собою, прошепталъ:—Да, необходимо принять рѣшеніе... хорошее рѣшеніе!

Клара разслышала его и вспомнила о комодѣ, о платѣхъ, о цвѣтахъ, о ножѣ, о рѣшеніи, объ этомъ ужасномъ рѣшеніи, котораго она не знала. Она опустила головку и задумалась, но въ этотъ день ничто не могло испортить ея хорошаго настроенія.

IX.

Первые шаги.

Группы на улицѣ увеличивались. Это было 18-е сентября 1821 года, и весь городъ былъ объятъ страннымъ волненіемъ. Все населеніе Мадрида высыпало на улицы. Тревожное «что случилось?» было на всѣхъ устахъ. Въ такихъ случаяхъ довольно, чтобъ остановилось двое, какъ вокругъ нихъ сейчасъ же соберется густая толпа. Самымъ интереснымъ явленіемъ въ такіе дни бываетъ личность, которая будто бы знаетъ, что случилось. Всѣ окружаютъ ее, она начинаетъ говорить загадочно и этимъ возбуждаетъ любопытство; всѣ чувствуютъ, что нужно быть очень скромнымъ и общать

хранить тайну, иначе эта личность не выскажется. Произносятся самыя священные клятвы храненія тайны, и наконецъ личность начинаетъ туманный разсказъ; возбуждаемая слушателями, она рѣшается говорить яснѣе; всѣ жадно хватаютъ каждое слово, часто не понявъ сути дѣла, и торопятся передать другимъ группамъ.

Въ описываемый нами вечеръ такою личностью былъ цирюльникъ Кальеха, членъ клуба «Фонтанъ».

— Такъ вы не знаете,—говорилъ онъ, понижая голосъ и дѣлая жесты спартанца, прошедшаго черезъ Оермопилы и принесшаго въ Аѳины извѣстіе о памятной катастрофѣ:—неужели вы не знаете? Дѣло въ томъ, что завтра собирается процессія гражданъ въ честь Ріего, портретъ котораго будутъ носить по всѣмъ улицамъ города.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ одинъ изъ слушателей.—Неужели мы согласимся, чтобы оскорбляли героя, ратовавшаго о свободѣ Испаніи?

— Но главное въ томъ, что правительство не хочетъ этой процессіи, а между тѣмъ это дѣло рѣшенное. «Фонтанъ» это рѣшилъ и сдѣлаетъ; портретъ уже готовъ. Онъ очень хорошо сдѣланъ: Ріего представленъ въ военной формѣ и съ книгой конституціонныхъ законовъ въ рукѣ. Большой портретъ! Его рисовалъ мой двоюродный братъ, тотъ, что писалъ вывѣску на ресторанѣ Вичентини.

— И правительство запрещаетъ празднество?

— Да, оно не любитъ подобныхъ вещей. Но процессія будетъ, или мы не испанцы. Смотрите, правительство запрещаетъ.

Дѣйствительно въ эту минуту на углу появился солдатъ съ огромнымъ листомъ, на которомъ было написано запрещеніе празднества, приготовляемаго на слѣдующій день. Показалось вооруженное войско.

— И сегодня вечеромъ у насъ будетъ большая сходка въ «Фонтанѣ».

— Слушай, Перико, оставь мнѣ хорошее мѣсто,—сказалъ одинъ молодой человекъ,—оставь мнѣ мѣсто, потому что я долженъ итти на станцію встрѣтить друзей, пріѣзжающихъ изъ Сарагоссы.

И затѣмъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ, онъ прибавилъ таинственно:

— Славные ребята эти мои сарагосскіе друзья. Они пріѣдутъ сегодня вечеромъ. Они изъ тамошняго республиканскаго клуба. Славные ребята!

Изъ группы отдѣлились три молодыхъ человекъ, отличавшихся наружнымъ изяществомъ. Это были близкіе друзья, дѣлившіе студенческую бѣдность и популярность, заслуженную рѣчами въ клубахъ и статейками въ газетахъ.

Одинъ изъ нихъ былъ хорошей семьи и изучалъ теологію въ Саламанхѣ съ цѣлью сдѣлаться впоследствии капелланомъ и даже епископомъ. И дѣйствительно Ксавье, такъ звали молодого человека, достигъ бы намѣченнаго положенія, но не чувствовалъ вле-

ченія къ монашеству и, заразясь новыми идеями, безъ денегъ, но съ большими надеждами пріѣхалъ въ Мадридъ какъ разъ въ 1820 году. Онъ одиноко блуждалъ по улицамъ, но скоро приобрѣлъ друзей, написалъ своей бабушкѣ, которая простила его; затѣмъ онъ поѣхалъ въ Сарагоссу, пробылъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, фигурировалъ тамъ въ демократическихъ клубахъ и вернулся въ Мадридъ. Онъ писалъ въ «Universal» горячія статьи и покорялъ всѣхъ доброй своей характера и великодушными порывами. Въ политическихъ вопросахъ онъ слылъ за радикала и принадлежалъ къ партіи крайнихъ.

Второй молодой человекъ былъ андалузецъ, лѣтъ двадцати четырехъ, худощавый, слабый, маленькаго роста. На родинѣ въ Эксикѣ онъ проводилъ время въ писаніи стиховъ Рамонѣ, Маріи, Пакѣ, фонтанамъ, лунѣ и пр. Но все проходитъ, и бесплодная поэзія въ концѣ концовъ надоѣдаетъ. Онъ началъ скучать какъ разъ въ то время, когда появился Ріего со своимъ войскомъ. Это заинтересовало его, и на его вопросъ ему отвѣтили, что это солдаты свободы. Слово свобода отразилось пріятнымъ звукомъ въ его ушахъ, и онъ объявилъ родителямъ, что уйдетъ съ войскомъ. Родители его не удерживали.

Оплакиваемый родными и тремя самыми красивыми дѣвушками Эксики, онъ прибылъ въ Мадридъ и, снова сдѣлавшись поэтомъ, написалъ стихи королю по поводу открытія кортесовъ, Ріего, Алькалѣ Гальяно и Квиругѣ. Онъ придерживался классической школы, всегда былъ веселъ, любимъ своими друзьями, считавшими его безшабашнымъ, но честнымъ и хорошимъ малымъ.

Физиономія третьяго товарища была менѣе пріятна, чѣмъ у двухъ первыхъ. Онъ имѣлъ такой же приличный видъ, какъ и они, но придерживался яро республиканскихъ воззрѣній. Злые языки поговаривали, что онъ тайный приверженецъ короля, и что онъ только изъ расчета скрываетъ свои убѣжденія. Звали его Доктрино. Онъ былъ незаконнымъ сыномъ стекольщика, признавшаго его лишь передъ смертью и оставившаго ему маленькій капиталецъ. Но, когда пришлось вступать во владѣніе наслѣдствомъ, оказалось, что все ушло на покрытие долговъ стекольщика, и Доктрино остался ни съ чѣмъ.

Однако, друзья помогли ему, содержали его и даже одѣвали. Но незадолго до начала нашей исторіи у Доктрино неизвѣстно откуда стали появляться деньги, и когда друзья спрашивали его о ихъ источникѣ, онъ отвѣчалъ туманно и переводилъ разговоръ на другую тему.

Эти трое молодыхъ людей были неразлучны, дѣля между собою доходы и расходы. Деньги Доктрино быстро тратились въ кафе Лоренчини или въ Фонтанѣ на шоколадъ и хересь; тогда Ксавье писалъ громовую статью по народному вопросу и покупалъ са-

поги классическому поэту, а Доктрино въ свою очередь выдавалъ изъ своего таинственнаго кошелька Ксавье небольшія суммы на его любовныя похождения съ дочерью одного кавалерійскаго полковника, не поощрявшаго его ухаживаній. Эти трое мотодыхъ людей расхаживали по улицамъ, подходили къ группамъ, всѣхъ разспрашивали, передавали слухи, созданныя воображеніемъ поэта, а когда наступилъ вечеръ, отправились на станцію встрѣчать друзей Ксавье, пріѣзжавшихъ изъ Сарагоссы.

Ни одно старинное или новѣйшее созданіе архитектуры не оправдываетъ такъ своего названія, какъ станція Агухеро (дыра) въ улицѣ Фукаръ. Это прозваніе, данное ей народомъ, приняло права гражданства и было начерчено черными буквами на ея грязной стѣнѣ. Широкій, низкій коридоръ велъ ко входу въ темный длинный проходъ, оканчивавшійся дворомъ. Дворъ этотъ былъ окруженъ деревянными коридорами съ многочисленными дверями, на которыхъ были прибиты нумера. Это была гостиница Ріоханы, пережившая три поколѣнія. Здѣсь, прибывшимъ путешественникамъ, одурманеннымъ грохотомъ колесъ, подавался скудный обѣдъ на старыхъ тарелкахъ и грязныхъ скатертяхъ.

Два раза въ день рѣзкій гулъ и шумъ потрясали зданіе. Слышались звонки, свистки; грохотъ колесъ; все это производило такой невообразимый гулъ въ узкомъ пространствѣ, что казалось, вотъ, вотъ обрушится потолокъ дома. Въ это время путешественники долго стояли, наклонивъ головы, въ ожиданіи неминуемой катастрофы, но потолокъ оставался на своемъ мѣстѣ, и они изумляясь, что остались живы, начинали понемногу приходиться въ себя. Если родные встрѣчали пріѣзжающихъ, то раздавались поцѣлуи, поздравленія; заходили въ Ріохану подкрѣпить упавшія силы и расходились куда кому было нужно.

Въ этотъ вечеръ, какъ только дилижансъ остановился, послышалась радостныя восклицанія:

— Ксавье!

— Лазаро!

И начались объятія.

— Наконецъ-то ты пріѣхалъ въ Мадридъ. Ты изъ Атеки?

— Да.

— Прекрасно,— свазалъ Ксавье,— какъ нельзя болѣе вѣремя. А наши сарагосскіе товарищи?.. А клубъ... нашъ клубъ?

— Ты вѣдь знаешь, что его закрыли. Я уже полгода въ Атекѣ.

— И надолго сюда?

— Навсегда.

— Хорошо! Здѣсь молодежь, жизнь и, если говорить правду, то насъ маловато...

— Да? Г-мъ!..

— Сеньоры, передъ вами великій ораторъ сарагосскаго клуба, мой другъ и товарищъ.

И бывшая на станціи молодежь окружила арагонца.

Надо объяснить, что въ бытность Ксавье въ Сарагоссѣ онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Лазаро. Оба они проповѣдывали въ клубѣ демократическія идеи, такъ увлекавшія въ ту эпоху этотъ благородный городъ. Сходясь по характеру и темпераменту, они относились другъ къ другу, какъ братья, имѣли общій столъ, общій кошелекъ, общія радости и печали. Со времени отъѣзда Лазаро въ Атеку молодые люди не видались.

— Какъ я радъ, что ты пріѣхалъ сюда!— сказалъ Ксавье, снова обнимая Лазаро.— Здѣсь недостаетъ такихъ молодыхъ людей, какъ ты. Прежняя молодежь портится; одни слишкомъ горячатся, другіе отступаютъ, третьи даютъ себя подкупить вслѣдствіе шагкости убѣжденій.

— Сеньоры, отправимся въ «Вичентини»,— предложилъ товарищамъ Доктрино.

— Зачѣмъ въ «Вичентини»? Лучше въ «Мальтійскій крестъ». Тамъ много арагонцевъ; всѣ почти арагонцы.

— Онъ пойдетъ только въ «Фонтанъ»,— сказалъ Ксавье, указывая на своего друга.

— Да здравствуетъ «Фонтанъ», король клубовъ!

— И клубъ королей,— прибавилъ одинъ изъ присутствующихъ, но сразу смутился, какъ будто сдѣлалъ большую неосторожность.

— Кто это сказалъ?—задорно воскликнулъ Доктрино.

— Не обращай вниманія; это одинъ изъ тѣхъ, что вѣрятъ въ эту клевету,— успокоилъ его Ксавье.— Пойдемте, сеньоры, сегодня большое собраніе въ «Фонтанѣ».

— Лучше завтра ты сведешь меня туда,—сказалъ ему Лазаро.

— Какъ завтра? Сегодня же, сейчасъ же. Неужели ты пропустишь такую небывало-важную сходку?

— Но какъ же я могу итти туда сегодня? Я только что пріѣхалъ. Я долженъ итти къ дядѣ.

— У тебя есть дядя? Онъ либералъ?

— Думаю, что да; я не знаю его.

— И ты хочешь отправиться къ нему?

— Разумѣется.

— Какой вздоръ! Оставь всѣхъ твоихъ дядюшекъ, пойдемъ въ «Фонтанъ». Теперь восемь часовъ, и сейчасъ начнется, а потомъ пойдешь къ дядѣ.

— Но... это какъ-то неудобно...

— Да вѣдь не пропустишь же ты этой сходки? Говорятъ: Алькала Гальяно, Ромеро Альпуэнте, Флоресъ Эстрада, Гарелли и Морено Гуэрра. Такой сходки больше не будетъ. Не все ли тебѣ равно

итти домой теперь или въ двѣнадцать часовъ? Твой дядюшка по-думаетъ, что ты приѣхалъ позже.

— Нѣтъ, я усталъ; можетъ быть, меня ждуть дома.

— Не глупи, пойдемъ въ «Фонтанъ». Тебѣ необходимо итти. Гдѣ живетъ твой дядя?

— Въ улицѣ Valgame Dios.

— Господи, какъ далеко! Не ходи, и кончено!

Лазаро хотѣлось немедленно отправиться къ дядѣ, и понятно почему. Но онъ не могъ этого сдѣлать, потому что другъ почти силой тащилъ его въ клубъ. Къ тому же доводы были велики. Этотъ горячій приемъ, извѣстіе о чрезвычайномъ собраніи въ знаменитомъ «Фонтанѣ» воодушевили энтузіаста, и онъ уступилъ.

Быть можетъ, въ этомъ несвоевременномъ посѣщеніи «Фонтана» было что-то роковое. Онъ не успѣлъ еще стряхнуть съ себя дорожную пыль, какъ уже былъ встрѣченъ аплодисментами въ самомъ знаменитомъ клубѣ столицы. Онъ подумалъ, что, вѣроятно, сюда дошли слухи о его блестящихъ рѣчахъ въ Сарагоссѣ. Какъ— вѣроятно? Несомнѣнно, его здѣсь знали. Къ этимъ мыслямъ присоединилось гордое предположеніе о томъ, что завтра же до слуха Клары дойдетъ вѣсть о его успѣхѣ. Да, конечно, въ этомъ есть что-то роковое. И онъ мало-помалу пересталъ колебаться.

Они дошли до «Фонтана». Двери осаждала густая толпа народа, но Доктрино съ товарищами, Ксавье съ Лазаро и поэтъ прошли чернымъ ходомъ, черезъ дворъ. Собраніе было шумное. Одинъ изъ ораторовъ обвинялъ правительство въ смѣщеніи Ріего. Онъ разсказалъ то, что произошло въ Сарагоссѣ, и напалъ на жителей этого города за то, что они не сумѣли защитить своего генерала.

— Поднять руку на такого героя, какъ Ріего,— говорилъ онъ,— это высшее оскорбленіе. И что сдѣлала Сарагосса? О, городъ, въ которомъ случилось такое событіе, остался нѣмъ и допустилъ сверженіе своего генераль-губернатора, дозволилъ низкому сыщику попать освященные временемъ права! (Громкіе аплодисменты). Предлогомъ было то, что Ріего будто бы вселялъ смуты во всей Арагоніи. Это не вѣрно; это ложь, выдуманная подпольными интригами того, кого я не хочу назвать. (Шумъ и смѣхъ). Его посылаютъ въ казармы въ Леридѣ, какъ подозрительную личность, и поручаютъ наблюдать за нимъ политическому дѣятелю. Кто этотъ политическій дѣятель? Онъ всегда былъ врагомъ свободы. Мы всѣ знаемъ его: это тайный врагъ свободы. Долой лицемѣровъ! (Аплодисменты). Вы знаете, чего мы хотимъ: мы хотимъ постепенно освободить отъ общественнаго гнета добрыхъ либераловъ, чтобы замѣнить ими этихъ лицемѣровъ, которые называютъ себя нашими друзьями и ненавидятъ насъ отъ всей глубины своихъ развращенныхъ душъ. (Да, да да!). Чего отъ насъ требуютъ? Куда насъ ведутъ? Чѣмъ это все кончится? Прощай завоеванная нами свобода! Берегитесь,

граждане! Не дремите! Будьте ко всему готовы, иначе — прощай свобода! (Хорошо, хорошо, хорошо!).

— Но, повторяю, сеньоры, главная вина лежит на городѣ Сарагоссѣ, на этомъ городѣ, который я считалъ самымъ великимъ изъ городовъ, и который не оказался имъ... Нѣтъ, нѣтъ, не оказался! (Гуль голосовъ). Зачѣмъ онъ допустилъ смѣщеніе Ріего? Зачѣмъ онъ выпустилъ его изъ своихъ стѣнъ? Это ли городъ 1808 года? Нѣтъ; я говорю этому городу: «Не узнаю тебя, Сарагосса! Ты не Сарагосса! Ты уже не умѣешь подняться, какъ одинъ арагонецъ. Ты спасла насъ въ былыя времена, но теперь, Сарагосса, ты насъ погубила!» (Громкіе и продолжительные аплодисменты).

Поднялся одинъ молодой человекъ, арагонецъ.

— Протестую,— сказалъ онъ энергично,— противъ обвиненій, брошенныхъ моею родиной, благородной столицей Арагоніи этимъ сеньоромъ, имени котораго не знаю и не хочу знать... (голосъ изъ толпы: Алькала Гальяно!). Моя родина не забыла своей чести. Что могла она сдѣлать противъ приказа конституціоннаго правительства?

— Не повиноваться ему,—крикнуло нѣсколько голосовъ.

— Сеньоры, дайте мнѣ продолжать...

— Пусть говоритъ! Пусть говоритъ!

— Протестую отъ имени моихъ соотечественниковъ и заявляю, что Сарагосса больше, чѣмъ любой городъ Испаніи, ратовала во всѣ времена за свободу. Не обвиняютъ ли ее въ томъ, что она центръ экзальтированныхъ республиканцевъ? Не говорятъ ли, что изъ нея исходятъ самыя крайнія идеи, что въ ней составляются заговоры для поддержанія республики?

— Я хочу фактовъ, а не словъ,— говоритъ первый ораторъ.

— Получите факты. Неизвѣстно ли вамъ, что въ Сарагоссѣ есть клубъ, который имѣетъ вліяніе на всю Арагонію и поддерживаетъ ее? Этотъ клубъ, прозванный демократическимъ, въ теченіе двухъ лѣтъ былъ самымъ выдающимся клубомъ страны. Вы хорошо знаете, о чемъ тамъ говорилось; краснорѣчивые голоса, раздававшіеся тамъ, достаточно авторитетны. Пропаганда Сарагоссы проникла и сюда.

— Мы не знаемъ, что это за клубъ,— раздался голоса.— Вы, арагонцы, всегда толкуете намъ про сарагосскій клубъ, а мы не знаемъ, что онъ такое. Много демократическихъ рѣчей, но ни одной серіозной пропаганды, ни одного факта. На чемъ же основаны теории этого прославленнаго клуба? Кто говоритъ въ немъ? Узнаемъ его дѣятелей. Несомнѣнно, что большинство собравшихся здѣсь смотритъ съ заслуженнымъ презрѣніемъ на это незначительное собраніе. (Шумъ и злорадные возгласы).

Нѣсколько раздраженныхъ арагонцевъ поднялось съ мѣстъ.

Лазаро внимательно слушалъ съ возрастающимъ волненіемъ. Его друзья шептали ему, чтобъ онъ защищалъ сарагосскій клубъ. Вдругъ одинъ арагонецъ всталъ, вышелъ на средину залы и, указывая на то мѣсто, гдѣ находился Лазаро съ молодежью, пріѣхавшей этимъ вечеромъ, сказалъ:

— Здѣсь присутствуютъ нѣсколько сеньоровъ, принадлежащихъ къ этому клубу.

Всѣ оглянулись въ указанную сторону.

— Прекрасно,—сказалъ ораторъ.—Если эти сеньоры здѣсь, то пусть они говорятъ; пусть скажутъ намъ, что такое этотъ клубъ, и что онъ сдѣлалъ. Мы слушаемъ: пусть говорятъ.

— Вотъ самый извѣстный ораторъ демократическаго клуба Сарагоссы!—громко крикнулъ Ксавье, указывая на своего друга.

— Да, да!—крикнули всѣ арагонцы, узнавъ своего соотечественника.—Защищайте насъ, защищайте!

Всѣ взоры устремились на Лазаро. Странная вещь! Въ эту минуту неожиданная перемѣна произошла въ молодомъ человѣкѣ. Онъ почувствовалъ смущеніе, хотѣлъ поклониться, хотѣлъ что нибудь сказать и не могъ. Но его протолкали къ каедрѣ, и нельзя было отступить. Что скажутъ о немъ, если онъ не будетъ говорить? Онъ блисталъ своимъ краснорѣчіемъ въ Сарагоссѣ, онъ научился покорять толпу, властвовать надъ ней, вліять на нее, но въ данномъ случаѣ онъ чувствовалъ себя новичкомъ, не узнавалъ себя, испытывалъ страхъ.

— Пусть говоритъ! Пусть говоритъ!

— Разступитесь!—крикнулъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ депутатовъ кортесъ.

Воспоминаніе о молодой и милой подругѣ воодушевило Лазаро; подобно древнимъ рыцарямъ, вызывавшимъ въ себѣ образъ дамы ихъ сердца, онъ вызвалъ въ своей памяти всѣ пережитыя имъ счастливыя минуты. Ему стало легче, и онъ вышелъ на трибуну. Онъ взглянулъ сверху на толпу головъ и встрѣтилъ устремленные на него любопытные взоры тысячи глазъ.

Аудиторія показалась ему бездной. Его раскраснѣвшееся отъ волненія лицо вдругъ поблѣднѣло. Ему хотѣлось говорить съ закрытыми глазами. Эти окружавшіе его депутаты, пылкіе политики пугали его, но онъ взялъ себя въ руки. Какъ онъ начнетъ? Сдѣлавъ надъ собой страшное усиліе, онъ припомнилъ свои идеи, составилъ мысленно планъ рѣчи, взглянулъ на слушателей... слушатели смотрѣли на него и видѣли, что онъ блѣденъ, какъ мертвецъ. Лазаро кашлянулъ, слушатели также закашляли. Долго пришлось ждать первой фразы, наконецъ ораторъ вздохнулъ полною грудью и началъ говорить.

X.

Первое сраженіе.

Съ трибуны демократическаго клуба Сарагоссы Лазаро всегда говорилъ нѣсколько витіевато. Тамъ обороты рѣчи молодого человѣка, учившагося риторикѣ въ Туделѣ, производили хорошее впечатлѣніе. Онъ несомнѣнно обладалъ инстинктивнымъ краснорѣчіемъ, выражаясь коротко, сухо и понятно. Къ несчастію, «Фонтанъ» былъ непримиримымъ врагомъ риторики и еще сильнѣйшимъ врагомъ дѣланныхъ фразъ, общихъ мѣстъ и оборотовъ академической рѣчи.

Лазаро началъ со своего ничтожества въ сравненіи со столькими великими людьми, съ избранной и развитой аудиторіи, съ просьбы о снисходительности и т. д. и т. д. Вступленіе было длинное и не понравилось. Раздались голоса:

— Къ дѣлу, къ дѣлу!

Но Лазаро не такъ-то легко было перейти къ дѣлу, потому что онъ не подготовился и не пришелъ еще въ себя отъ удивленія. Напрасно онъ подпустилъ выразительную синекдоху и двѣ-три метониміи, онъ не могъ попасть въ тонъ. Онъ сказалъ нѣсколько общихъ мѣстъ, казавшихся ему новыми, а бывшихъ въ сущности избитыми и старыми; онъ ожидалъ, что произведетъ впечатлѣніе, но не произвелъ ни малѣйшаго. Онъ ждалъ аплодисментовъ; никто не аплодировалъ.

Лазаро привыкъ къ аплодисментамъ съ самаго начала своей рѣчи; это ободряло его. Холодность, замѣченная имъ въ аудиторіи, подѣйствовала на него угнетающе. Задумавшись объ этомъ, онъ не зналъ, что сказать, а между тѣмъ въ его головѣ проносились прекрасныя мысли, но онъ не умѣлъ ихъ формулировать. Онъ носился передъ его умственнымъ взоромъ, но никакъ не поддавались формѣ. Онъ даже охрипъ, такъ какъ, произнеся нѣкоторыя фразы, онъ желалъ ихъ поправить и выкрикивалъ.

Куда же дѣлись его вѣскія доказательства, полныя жизни, пыла и убѣжденія? Гдѣ эта безпощадная логика? Гдѣ эта масса идей, которымъ, казалось, не вмѣститься въ мозгъ? Да, идеи, формы, выраженія — все это въ немъ, въ Лазаро, но только по какой-то таинственной причинѣ онъ никакъ не могъ овладѣть ими.

Въ каждомъ ораторѣ два существа: ораторъ и человѣкъ. Когда первый управляетъ толпой, второй отступаетъ отъ нея и говоритъ только для себя. Онъ переживаетъ два совершенно параллельныхъ, но разныхъ теченія мысли. Одно выливается въ звукахъ и предназначается для публики, другое тайное предназначается исключительно для одного себя. Лазаро описывалъ, развивалъ, оспари-

валъ, убѣждалъ, а внутренній голосъ говорилъ ему въ то же время: «Какъ это плохо выходитъ! Мнѣ не аплодируютъ! Что теперь сказать. Развить этотъ пунктъ?.. Нѣтъ. Я забылъ то, что хотѣлъ сказать...». Но онъ не прерывалъ своей рѣчи, защищая сарагосскій клубъ, развивалъ демократическую систему и излагалъ вкратцѣ исторію республики. Но внутренній голосъ говорилъ: «Я не знаю, что мнѣ дѣлать... У меня было столько аргументовъ... Гдѣ они? Я не произвелъ никакого впечатлѣнія! путаюсь въ фразахъ... Но теперь идетъ хорошо... Однако, какъ я кончу?.. Нѣтъ, плохо, мнѣ не аплодируютъ!..»

Начали покашливать. Ораторы говорятъ, что у нихъ кровь застываетъ въ жилахъ, когда во время рѣчи они слышатъ эти покашливанья. Кашель аудиторіи мрачнымъ эхомъ отразился въ сердцѣ Лазаро. Онъ также закашлялъ и, пользуясь этимъ короткимъ перерывомъ, набрался силъ продолжать.

Арагонецъ сознавалъ, что не имѣетъ успѣха, но кто былъ виноватъ въ этомъ неуспѣхѣ: онъ или публика? Это такая же тайна, какъ и то, что умъ не всегда властенъ руководить словами человѣка. Публика и ораторъ взаимно смущаютъ другъ друга. Первая глядитъ и слушаетъ, и трудно рѣшить, что страшнѣе—взглядъ или слухъ. Отъ тысячи устремленныхъ на васъ взоровъ кружится голова, а вниманіе толпы къ одному голосу смущаетъ. Ораторъ въ свою очередь видитъ и слушаетъ; онъ видитъ серьезное или пренебрежительное отношеніе къ нему и слышитъ кашель. Онъ имѣетъ одно преимущество надъ публикой: это—жесты; глядя внизъ, онъ можетъ повертывать голову въ ту или иную сторону и дѣлать краснорѣчивые жесты руками, между тѣмъ какъ публика сидитъ неподвижно, лишь напрягая вниманіе.

Въ этотъ роковой вечеръ Лазаро и публика не сливались воедино. Онъ не убѣдилъ публику, и она не аплодировала оратору, а въ такихъ случаяхъ ораторъ всегда думаетъ: «Надо замолчать», а публика: «Надо уходить».

Главная ошибка молодого арагонца состояла въ томъ, что онъ выражался пространно и туманно. Довольно одной лишней минуты, чтобы интересъ аудиторіи охладѣлъ. Лазаро упустилъ изъ виду эту лишнюю минуту. Въ сущности, еслибы спросили мнѣнія о его рѣчи у какой нибудь отдѣльной личности, то отвѣтъ не получился бы неблагопріятный, но мнѣніе публики не есть сумма мнѣній отдѣльныхъ личностей, нѣтъ, это нѣчто роковое, стадное, не поддающееся законамъ человѣческаго сознанія.

Уже двадцать разъ Лазаро приходило въ голову, что пора кончить. Но какъ? Онъ не рѣшался, боясь окончить дурно, такъ ужъ лучше не кончать, а все говорить, говорить, говорить. Конечъ такая важная вещь; онъ искалъ его и не находилъ. Мысль окончить безъ аплодисментовъ приводила его въ ужасъ. Но кончить

было необходимо; за кашлемъ начались зѣвки и перешептыванья. Лазаро страдалъ въ полномъ смыслѣ слова.

— Необходимо кончить,—шепталъ ему внутренній голосъ.—Но конецъ долженъ быть хорошъ... Господи, помоги мнѣ! Надо резюмировать все, но я не помню, что говорилъ... Извиниться передъ аудиторіей?.. Нѣтъ, это униженіе...

Наконецъ, онъ началъ заключительную рѣчь, но публика уже выходила изъ терпѣнія. Онъ въ послѣдній разъ напрягъ голосъ, чтобы придать ему больше выразительности, и умолкъ. Заключительная фраза сухо и грустно прозвучала въ залѣ, не вызвавъ ни одного аплодисмента, ни одного одобрительнаго восклицанія. Голосъ замеръ, какъ въ безднѣ, не вызвавъ эхо. Оратору показалось, что онъ въ пустынѣ, и у него потемнѣло въ глазахъ. Что онъ сказалъ? Ничего, а между тѣмъ говорилъ такъ много. Въ сильномъ волненіи, съ пылающей головой и обливаясь холоднымъ потомъ, опустился онъ съ трибуны.

Напрасно Ксавье хотѣлъ воодушевить его запоздалыми одиночными аплодисментами. Публика заставила его умолкнуть. Лазаро не потерялъ настолько присутствія духа, чтобы не видѣть эти зѣвующіе рты. Робеспьеръ вытягивался на прилавкѣ со скучающей миной.

— Я очень дурно говорилъ,—грустно шепнулъ ораторъ на ухо своему другу.

— Ничего, въ другой разъ скажешь лучше. Ты великій человекъ, но ты не попалъ въ тонъ. Я тебѣ скажу потомъ, въ чемъ дѣло. Подожди, сейчасъ заговорить другой.

— Нѣтъ, я пойду къ дядѣ. Я не могу дольше оставаться здѣсь; я задыхаюсь.

— Подожди, послушай, что этотъ скажетъ.

Второй ораторъ вошелъ на трибуну, чтобы развлечь скуку, навѣянную Лазаро. Между тѣмъ какъ публика привычными аплодисментами привѣтствовала своего любимаго оратора, молодой арагонецъ погрузился въ глубокую маланхолю. Нѣтъ ничего ужаснѣе тѣхъ минутъ, когда сознаніе вызываетъ передъ нами воспоминаніе о погибшихъ иллюзіяхъ, объ оскорбленной гордости.

— Но необходимо поправить все,—съ тоскою думалъ Лазаро.—Какимъ образомъ? Всѣ ропщутъ на меня и, если завтра заговорятъ о моей рѣчи, то скажутъ, что она отвратительна. Молва пойдетъ изъ устъ въ уста и дойдетъ до интересующихъ меня людей. Она узнаетъ и будетъ надо мной смѣяться. Теперь всѣ будутъ смѣяться.

Страннѣе всего то, что какъ только онъ сошелъ съ трибуны, въ его головѣ начали создаваться краснорѣчивѣйшія рѣчи, эффектные обороты, выразительныя сравненія; онъ былъ увѣренъ, что еслибъ публика слышала все это, то засыпала бы его шумными аплодисментами. Но было уже поздно.

Между тѣмъ, новый ораторъ широко развивалъ картины исторіи и политики и въ концѣ выразилъ необходимость манифестаціи, готовившейся назавтра. Всѣ оживленно поднялись со своихъ мѣстъ и закричали:

— Да, да!

Всѣ обѣщали присутствовать, и нѣсколько человѣкъ, которымъ порученъ былъ церемоніаль, начали обсуждать его. Назначили часть и мѣсто сборища. За аплодисментами раздались браво, за браво вновь аплодисменты, и засѣданіе окончилось.

Члены начали выходить, но невѣжественная партія, всегда ютившаяся въ уголку кафе, сочла невозможнымъ разойтись, ничего не сказавъ: Кальеха вскочилъ на стулъ и крикнулъ, обращаясь къ своимъ:

— Сеньоры, серенладу Морильо!

Мысль была единодушно принята. Морильо былъ генераль-губернаторомъ Новой Кастиліи. Врагъ всякихъ шумныхъ манифестацій, онъ старался устранить процессію. Толпа народа окружила его домъ вечеромъ 17-го и огласила всю улицу страшнымъ шумомъ.

— Серенладу Морильо!—кричалъ Кальеха, выходя изъ «Фонтана» и собирая вокругъ себя прохожихъ.

Какими-то судьбами тутъ очутился и Трипесеты. Товарищи Лазаро вышли съ нимъ изъ клуба послѣдними и съ любопытствомъ подошли къ толпѣ, образовавшейся вокругъ Кальехи. Между тѣмъ цирюльникъ въ два прыжка очутился на другой сторонѣ улицы и подскочилъ къ двери своего дома. Жена вышла ему на встрѣчу.

— Ты говорилъ, гражданинъ?—спросила она.

— Нѣтъ, моя гражданка, — отвѣтилъ онъ. — Сегодня нельзя было, но завтра я буду говорить или отрѣжу себѣ языкъ. Я изучилъ суть рѣчи и не забылъ ни одного слова. Я всѣхъ ихъ за поясъ заткну!

— О, еслибъ я была мужчиной, то я заставила бы себя слушать, — серьезно возразила ему жена.

— Будь увѣрена, что завтра я непременно буду говорить. Видишь ли, когда я начинаю, у меня языкъ заплетается, и я не могу продолжать. Но не безпокойся, я завтра всѣхъ удивлю.

— Серенладу Морильо!—кричала сотня голосовъ.

— Сеньоры!—воскликнулъ одинъ изъ популярнѣйшихъ ораторовъ «Фонтана». — Расходитесь по домамъ, потому что эти безпорядки могутъ только повредить намъ. Ступайте спокойно домой, и нечего кричать.

— Это что за приверженецъ короля?—крикнулъ чей-то пьяный голосъ.

— Къ дому Морильо!—повторилъ Кальеха. — Жена, дай-ка мнѣ пестикъ отъ ступки.

Народъ все прибывалъ. Члены «Фонтана» разошлись, клубъ

заперли, и на улицѣ остались три друга и Лазаро, прощавшійся съ товарищами.

— Подожди минутку, что изъ этого выйдетъ,—остановилъ его Ксавье.

Какой-то человѣкъ началъ стучать въ дверь Кальехи.

— Что случилось?—спросилъ цырюльникъ.

— Ступайте сейчасъ же пустить кровь дону Либоріо; онъ очень плохъ.

— Чортъ возьми больныхъ! Завтра пушу.

— Онъ не можетъ ждать; идите сейчасъ же! — воскликнулъ слуга.

— Сеньоры, что мнѣ дѣлать?—обратился Кальеха къ своимъ товарищамъ.

— Не ходи, Кальеха. Пусть самъ пускаетъ себѣ кровь. Сегодня не до того. Къ дому Морильо!

— Сеньоры... мнѣ хотѣлось бы... но, видите ли, это моя профессія. Наука прежде всего.

— Не ходи, Кальеха!

— Сеньоры, я вернусь въ одну секунду. Гражданка, дай-ка мнѣ скорѣе ланцетъ.

Гражданка вышла съ разстроеннымъ лицомъ и сказала:

— Нашему Дусоакинито надо дать лѣкарство, онъ очень нездоровъ. Еслибъ ты видѣлъ, какъ его тошнило! Не дать ли ему порошокъ?

— Дай ему хорошихъ розогъ!—крикнулъ Трипесеты.

— Потихе, потихе,—остановилъ его Кальеха.— Дать ему порошокъ или кастороваго масла? Я сейчасъ все это устрою... Вѣдь для меня,—что тутъ скрывать?—наука прежде всего.

Лазаро настаивалъ на томъ, чтобъ поскорѣе уйти къ дядѣ; ему было слшшкомъ не по себѣ.

— Подожди, мой милый,— снова остановилъ его Ксавье.— Посмотримъ, что сдѣлаютъ эти варвары.

— Что это за варвары?—бѣшено крикнуло нѣсколько голосовъ изъ ближайшей къ друзьямъ группы; даже Кальеха забылъ свою науку и выбѣжалъ на защиту корпораціи.— Что это за варвары, кабальеросы?

— Что это за проходимцы?

— А это тотъ самый арагонецъ, который читалъ намъ сегодня отходную. Вотъ такъ молодецъ!

— Чортъ меня побери, если я не выпотрошу имъ животы,—крикнулъ Трипесеты, собираясь это сдѣлать.

Буря нависла надъ головами Ксавье, Доктрино и классическаго поэта, но послѣдній нашелся и, выругавъ гиганта Кальеху, завязалъ съ нимъ ссору. Неравная борьба была такъ очевидна, что всѣ четверо молодыхъ людей пустились въ бѣгство. Ихъ преслѣ-

довали, бросали въ нихъ камни, но молодежь бѣжала такъ быстро, что они скоро добѣжали до квартиры одного изъ нихъ и старательно заперли за собой дверь. Тяжелые булыжники не могли пробить крѣпкой двери, и молодые люди оказались въ безопасности. Толпа, видя, что добыча отъ нихъ ускользнула, отступила и отправилась издѣваться надъ генераль-губернаторомъ Мадрида.

XI.

Трагедія Гракховъ.

Какъ только преслѣдователи удалились, друзья поднялись по лѣстницѣ. Это была квартира классическаго поэта.

— У тебя есть что поужинать?— спросилъ его Доктрино.

— Мы устроимъ цѣлое пиршество,—отвѣтилъ поэтъ.— У меня есть кусокъ сыру и бутылка вина. Мы пошлемъ еще за блинами въ ближайшую таверну.

Лазаро былъ страшно голоденъ. Съ девяти часовъ утра у него не было ни крошки во рту, а усталость послѣ путешествія и умственное напряженіе этого вечера сдѣлали то, что онъ отъ слабости едва держался на ногахъ. Онъ поднялся вмѣстѣ съ другими, будучи уже не въ силахъ итти къ дядѣ.

Самая ужасная дорога къ сѣверному полюсу представляетъ не больше опасностей, чѣмъ узкая лѣстница мадридскаго дома, погруженная въ полнѣйшую темноту. Вы стучаетесь направо и налево, упираетесь въ стѣну, ушибаетесь о дверь и шумомъ пугаете жильцовъ, теряете сомбреро, ударившись о незажженную висячую лампочку. И все это ничего, если ктонибудь посторонній не спускается вамъ на встрѣчу, если изъ-подъ вашихъ ногъ не шмыгаютъ кошки, и если вы не натываетесь на прижавшуюся въ углу влюбленную парочку.

Не безъ труда друзья поднялись до сѣвернаго полюса дома, гдѣ поэтъ свиль себѣ гнѣздышко. Они постучали, и имъ отворила дверь женщина съ заспанными глазами и кислой миной, со свѣчой въ рукѣ. Эта свѣча освѣтила и комнату, въ которую вошли молодые люди. Женщина, заперевъ выходную дверь, пожелала имъ спокойной ночи и удалилась. Но не сдѣлала она и четырехъ шаговъ, какъ вернулась и сказала:

— Ради Бога, донъ Рамонъ, не шумите, потому что вы своимъ гвалтомъ будите каждую ночь сосѣдей. Кружевница и такъ говоритъ, что здѣсь настоящая таверна, и что въ этомъ домѣ нельзя жить... Видите ли, я, какъ порядочная женщина...

Особа, такъ дорожившая спокойствіемъ, была донья Леонція Итурисбенція, бискайка, что ясно изъ ея фамиліи. Она была хо-

зайкой этих меблированных комнатъ, женщина лѣтъ за сорокъ, высокая, полная, недурная собой и съ добродушнымъ характеромъ.

— Оставьте насъ въ покоѣ, сеньора, — отвѣтилъ ей Ксавье. — Еслибъ съ нами пришелъ донъ Жиль, то вы не сказали бы этого.

— Вы опять за свои шутки, донъ Ксавье?

— А когда вы выходите замужъ, донья Леонція?

— Когда я выйду замужъ? Я? — произнесла она съ плохо скрываемымъ удовольствіемъ.

— Знайте же, что вы подцѣпили хорошаго молодца: донъ Жиль на пути къ прекрасной карьерѣ.

Слыша хохотъ, хозяйка дѣланно улыбнулась на эти слова. У нея былъ претендентъ: донъ Жиль Карраскоза, эксъ-аббатъ, но въ сосѣдствѣ ходили слухи объ ея интимныхъ отношеніяхъ съ классическимъ поэтомъ.

Донья Леонція, замѣтивъ присутствіе посторонняго, приняла серьезный тонъ. Она сдѣлала студентамъ выговоръ за ихъ шалопайство и, снова пожелавъ спокойной ночи, ушла.

— Прощайте, Аріадна, Антигона, Пенелопа, — сказалъ ей классическій поэтъ, любившій героическія имена.

Вскорѣ послѣ этого прощанья раздался громкій и протяжный храпъ; это Аріадна, Антигона, Пенелопа уснула крѣпкимъ сномъ въ коридорѣ. Какъ счастливы полубогини!

Ксавье и Доктрино усѣлись на кровати, Лазаро кое-какъ при-мостился на треногомъ стулѣ, а классическій поэтъ энергично принялся за роль хозяина. Онъ досталъ изъ комода кусокъ совершенно обмасливагося сыра, завернутаго въ бумагу; изъ другого угла извлечены были ножъ, бутылка и тарелка, и ужинъ появился на столѣ, для чего пришлось сдвинуть со стола двѣ героическія трагедіи въ стихахъ, женскій портретъ, изъѣденный мышами, брошюру о конституціи, чернильницу, ножницы и статью о театрѣ.

Это была куріозная комната. Кровать состояла изъ двухъ скамеекъ съ положеннымъ на нихъ тюфякомъ; она была такъ жестка, что жилецъ каждый разъ обстукивалъ себѣ бока прежде, чѣмъ уснуть. Огромный баулъ находился подлѣ кровати, и, судя по постоянному пороху внутри его, можно было догадаться, что мыши устроили себѣ въ немъ преудобную квартиру. На стѣнахъ было развѣшено нѣсколько картинъ; самая замѣчательная изъ нихъ была сдѣлана перомъ дядей дѣдушки бискайки, знаменитымъ каллиграфомъ; на ней были изображены чернилами какіе-то іероглифы, буквы и цвѣты. Рядомъ на стѣнѣ въ рамкѣ висѣло рукодѣлье бабушки доньи Леонціи, вышитое по тонкой канвѣ. Около этихъ семейныхъ реликвій четырьмя кусочками сургуча было прилѣплено изображеніе Богоматери.

Рамонъ налилъ вина въ стаканъ, переходившій изъ рукъ въ

руки; сыръ и хлѣбъ очень быстро исчезли. Лазаро все еще былъ голоденъ, и слабость не оставляла его.

— Ну, Рамончилю, — сказалъ Доктрино, — прочти намъ эту грустную трагедію, подъ названіемъ Петра.

— Петра!—воскликнулъ поэтъ,—не будь варваромъ; она называется Федра.

— А мнѣ все равно, что Федра, что Панкрація!

— Я оставилъ этотъ сюжетъ, онъ не новъ. Я теперь занимаюсь патриотическимъ сюжетомъ.

— Вотъ это мнѣ нравится.

— Я остановился на Гракхахъ. Ахъ, друзья мои, что это были за люди!

— Посмотримъ,—сказалъ Доктрино.—Прочти намъ чтонибудь изъ нихъ; это должно быть интересно.

— Но почему же ты не пишешь трагедій на злобу дня и не выводишь теперешнихъ людей?—спросилъ Ксавье.

— Не валяй дурака,—возразилъ ему поэтъ съ искреннимъ смѣхомъ.—Теперь нѣтъ героевъ.

— А какъ же ты назовешь Шурруку, Альвареса, Даоса?

— Это временные герои.

Рамонъ дѣйствительно обладалъ поэтическимъ талантомъ, но холодно классическимъ. Народъ, посѣщающій театры, не понималъ высокихъ порывовъ грековъ и римлянъ, и въ то же время ни одинъ изъ поэтовъ не рѣшался выводить на сцену испанскихъ героевъ. Кальдероновскую трагедію «Жизнь есть сонъ» считали бредомъ сумасшедшаго. Эта реставрація классицизма была особенно сильна въ комедіи и выдвинула Моратина-сына. Но драмы съ чувствительною фабулой, развивающею высокіе душевные порывы и дающею характеристику общественной жизни, тогда не было.

Тогда писались блѣдныя, безжизненныя трагедіи, не воодушевленные національнымъ чувствомъ, ни нашъ народъ, ни наши герои не фигурировали въ нихъ. Мы знаемъ, что такое картонные герои классическихъ трагедій. Любовь къ свободѣ не изображалась безъ Брута, страсть — безъ Федры, роковая судьба — безъ Эдипа, непокорность — безъ Прометея.

Рамонъ, считавшійся однимъ изъ лучшихъ поэтовъ описываемой эпохи, испробовавъ нѣсколько классическихъ сюжетовъ, остановился наконецъ на «братьяхъ Гракхахъ». Собираясь прочесть своимъ друзьямъ эту безсмертную вещь, онъ сѣлъ на столъ съ рукописью въ рукахъ. Доктрино и Ксавье заспорили изъ-за кровати; Лазаро, изнемогая отъ усталости, сидѣлъ на своемъ треногомъ стулѣ, опираясь на ту же кровать, и ждалъ перваго дѣйствія «Гракховъ».

Рамонъ откашлялся, прочелъ перечень дѣйствующихъ лицъ, за которыми слѣдовали трибуны, центуріоны, патрипіп и рабы.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческія матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
АВГУСТЪ, 1900

СОДЕРЖАНИЕ.

АВГУСТЪ, 1900 г.

	СТРАН.
I. Въ годину бѣдствій. XVIII—XX. (Продолженіе). Н. Н. Мердеръ.	377
II. Воспоминанія С. М. Загоскина. XVI—XVII. (Окончаніе)	416
III. Воспоминанія о М. С. Щепкинѣ. I—XVII. М. А. Щепкина	435
IV. Изъ воспоминаній о Леонидѣ Николаевичѣ Майковѣ. Д. А. Корсакова	466
V. Сутки на ординарцахъ у Скобелева. Е. К.	478
VI. Дочь Петра Великаго. I—II. В. А. Тимирязева	485
VII. Туркменскій судъ. А. П. Андреева	524
VIII. Очеркъ театральной цензуры двухъ эпохъ. (1801—1856 гг.). Барона Н. В. Дризена	556
IX. Казанскіе поэты. Б. Н. Агаонова	586
X. Въ Эстонской Швейцаріи. (Наброски случайнаго туриста). М. Н. С.	599
XI. Ольговъ монастырь. Н. Александрова	624
Иллюстраціи: 1) Ольговъ монастырь со стороны Оки. Старый Успенскій соборъ.—2) Храмъ Святой Троицы въ Ольговомъ монастырѣ.	
XII. Новый крестьянскій памятникъ въ царствѣ Польскомъ. Г. А. Воробьева	636
Иллюстрація: Крестьянскій памятникъ близъ деревни Ольшево Ломжинской губерніи.	
XIII. При дворѣ императора въ Суракартѣ (Соло). (Центральная Ява). Г. М. М. Бакунина	639
XIV. Очерки американской дѣйствительности. Сановники и чиновники страны свободы. (Продолженіе). Е. Правда	667
XV. Критика и библиографія	684

1) Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, въ 12-ти томахъ, подъ редакціей и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Т. I. Спб. 1900. **Д. Корсакова.**—2) Фердинандъ Грегоровіусъ. Исторія города Авинь въ средніе вѣка. Отъ эпохи Юстиніана до турецкаго завоеванія. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1900. **С.**—3) Вавъ-Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа. Томъ второй. Переводъ съ франц. подъ редакціей Э. Л. Радлова. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1900. **И.**—4) Ferdinand Hoesick. Szkice i opowiadania historyczno-literackie. Warszawa—Kraków. 1900. н. х.—5) Remarques sur la parenté de la langue étрусque. Par Vilh. Thomsen. (Extrait du bulletin de l'académie royale des sciences et des lettres de Danemark, 1899, № 4). Copenhague. 1899. **А. Хах—ова.**—6) Actes du onzième congrès international des orientalistes. Paris. 1897. Ernest Leroux, editeur. Paris. 1897—1899. Четыре тома. **А. Хах—ова.**—7) Сочиненія В. Д. Спасовича. Томъ IX. Спб. 1900. **А. С—ва.**—8) А. А. Сидоровъ. Русскіе и русская жизнь въ Варшавѣ (1815—1895). Историческій очеркъ, со снимками съ картинъ, портретовъ и медалей. Варшава. 1899. Выпускъ I, II и III. **Д. В—ча.**—9) Буассье Гастонъ. Госпожа де-Севиные. Москва. 1900. **А. С—за.**—10) Вологжане-писатели. (Матеріалъ для словаря писателей, уроженцевъ Вологодской губерніи). Составилъ Пр. Дилакторскій. Вологда. 1900. **А. Круглова.**—11) Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей. Д. Д.

См. слѣд. стр.

Языкова. Выпуск восьмой. Русские писатели, умершие в 1888 году. Москва. 1900. **Б. Городецкого.**—12) Etude sur la langue taze. Par M. H. Adjarian. (Extrait des Mémoires de la Société de linguistique de Paris, t. X). Paris. 1899. **А. Хах—ова.**—13) А. В. Стороженко. Очерки переяславской старины. Исследования, документы и заметки. Киев. 1900. **В. Руданова.**—14) Харьковский университетский сборник в память А. С. Пушкина. (1799—1899). Харьков. 1900. **В. Р—ва.**—15) Г. Фолькельг. Современные вопросы эстетики. Переводъ съ нѣмецкаго И. Штрупа. Издание редакци журнала «Образование». Спб. 1900. **Д. К. Е—ва.**—16) К. К. Крафтъ. Изъ киргизской старины. Оренбургъ. 1900. **В. Р—ва.**—17) Дж. Гобсонъ. Авторъ «Эволюци современного капитализма». Проблемы бѣдности и безработицы. Издание О. Н. Поповой. Спб. 1900. **А. Нитинскаго.**—18) Сочинение Фр.-М. Вольтера. Кандидъ или оптимизмъ. Переводъ съ французскаго П. Н. Скачлова. Издание товарищества «Гилгофъдъ». Спб. 1900. **С. П.**—19) Собрание сочинений П. А. Гольшова. Подъ редакцией А. Э. Мальмгрена. Томъ первый. Выпускъ второй. Спб. 1899. **с. п.**

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 749

1) Годовые итоги исторической литературы.—2) Омаръ Хайямъ и его культъ въ Англіи и Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.—3) Третья серия очерковъ патологической исторіи.—4) Конецъ общества.—5) Герцогиня Гингстонъ.—6) Столѣтній юбилей Маренго.—7) Генералъ Фуа.—8) Современный Тамерланъ.—9) Тайны общества въ Китаѣ.—10) Смерть итальянскаго короля Румберта I.—11) Виновики смерти Лавуазье.—12) Люсьенъ Бонапартъ и его поэма.—13) Тэди Эсоиръ Стенгошъ, «царица Тадмора».—14) Попытка реформъ въ Китаѣ.

XVII. Смѣсь 749

1) 400-лѣтній юбилей Супрасльскаго монастыря.—2) Историческій музей во Владимирѣ на Клязьмѣ.—3) Памятникъ на мѣстѣ мученической кончины митрополита Макарія.—4) Пушкинская библіотека.—5) Общество востоковѣднѣи.—6) Археологическія мелочи.

XVIII. Некрологи 756

1) Алафузовъ, С. К.—2) Андерсъ, Э. Э.—3) Введенскій, А. А.—4) Живо-товъ, Н. Н.—5) Орлова, П. П.—6) Стрѣльбицкій, П. А.—7) Хруссовъ, А. П.—8) Филищенко, А. Ю.—9) Шебуевъ, Г. Н.—10) Экземпирскій, А. В.

XIX. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Михаила Семеновича Щенкина.—2) Желанный король. Историческій романъ Переса Гальдоса. Переводъ съ испанскаго **Ек. Уманецъ.** Гл. XII—XVII. (Продолженіе).

ВЪ ГОДИНУ БѢДСТВІЙ ¹⁾.

XVIII.

РОШЛО нѣсколько дней въ томительномъ ожиданіи.

Тревожные слухи не смолкали и съ каждымъ днемъ становились безотраднѣе. Объ оставленіи Москвы непріятелю, въ обители, хотя еще шопотомъ, но толковали, какъ о рѣшенномъ дѣлѣ. Кто именно доставлялъ эти извѣстія матери Аглаидѣ, мы не могли узнать. Какъ ни пыталась Степанида заставить монашекъ проговориться, ей это не удалось. Впрочемъ, имъ врядъ ли было извѣстно больше, чѣмъ выходцамъ изъ Москвы, во множествѣ искавшимъ убѣжища въ монастырѣхъ, а эти послѣдніе тоже ничего не знали о намѣреніяхъ главнокомандующаго. Но зато Степанидѣ удалось пронюхать, что, кромѣ жилья въ домѣ и въ строеніяхъ вокругъ, здѣсь существуютъ подземныя кельи съ тайными ходами изъ сада, въ которыхъ, должно быть, проживали люди, потому что ей однажды удалось подкараулить приближенную къ игуменѣ монахиню, по имени Евдокію, когда она туда пробиралась съ корзиной съѣстныхъ припасовъ.

Степанида слѣдила за нею издали и чуть не вскрикнула отъ изумленія, когда она вдругъ, точно сквозь землю, провалилась, дойдя до стараго дуба, въ самой чащѣ рощицы въ концѣ сада. Потомъ она сообразила, что тутъ навѣрное спускъ въ подземелье

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXI, стр. 5.
«истор. вѣстн.», августъ, 1900 г., т. LXXXI.

и, безъ сомнѣнiя, съ другимъ выходомъ, потому что, сколько она тутъ Евдокию ни поджидала, назадъ она не вылѣзла, а когда Степанида вернулась въ домъ, она увидела ее въ числѣ прочихъ, за длиннымъ столомъ, за ужиномъ въ трапезной.

Когда она мнѣ все это рассказала, я упрекнула ее въ любопытствѣ, выставляя ей, между прочимъ, на видъ, что такое вмѣшательство въ интимныя дѣла обителѣ можетъ намъ принести вредъ.

— Ты только подумай, что съ нами будетъ, если насъ отсюда выгонять? О нашихъ ни слуху ни духу! Куда мы дѣнемся?

Она начала меня успокаивать, увѣряя, что успѣла здѣсь приобрести много друзей. На ихъ преданность она несравненно больше рассчитывала, чѣмъ на Аглаиду, въ искренности и доброжелательности которой съ каждымъ днемъ сомнѣвалась все больше и больше. По ея мнѣнiю, намъ надо было стараться, какъ можно скорѣе удалиться отсюда, и она искала случая это сдѣлать, не подвергаясь опасности.

— Задумала я одну штуку. Если выгорить, скажу вамъ, но до поры до времени лучше про это и не помышляйте, положитесь только на меня.

Я согласилась на ея просьбу и перестала ее допрашивать, а въ тотъ же день вечеромъ она прибѣжала мнѣ сказать, что ей удалось узнать, кого прячутъ въ подземельѣ.

— Двухъ какихъ-то не то мужиковъ, не то разбойниковъ. Скорѣе, что разбойники, за поясомъ у нихъ ножи висятъ. А ужъ рожи какiя страшныя! Не хотѣла бы я съ такими въ лѣсу встрѣтиться! Вотъ она, наша Аглаида-то, черезъ кого знаетъ про то, что кругомъ дѣлается! Да! Отъ этой не скроешься! И, должно быть, она съ ними что нибудь важное затѣваетъ. Съ часъ тому назадъ сама видѣла, какъ Евдокиа ихъ изъ подземелья выводила. Всѣ трое изъ-подъ земли вылѣзли, да крадучись по стѣнкѣ изъ саду вышли, навѣрно, чтобъ задворками къ тому крылечку пробраться, гдѣ она со своими подхалюзами всѣ важныя дѣла вершаетъ... Хотѣла къ вамъ той же минутой прибѣжать, да побоялась, какъ бы не донесли нашей хитрой лисѣ, что я прямо съ того мѣста, откуда наперсница ейная вѣстовщикомъ къ ней повела, къ вамъ побѣжала. Ушей тутъ, да глазъ, да языковъ длинныхъ, не то что у каждой двери, а и подъ каждымъ кустомъ надо опасаться!

На этомъ нашъ разговоръ порвался, потому что насъ позвали ужинать.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы были въ обителѣ, мать Аглаида измѣнила свое правило трапезовать съ сестрами и кушала съ нами въ своей кельѣ, большой комнатѣ, служившей преждему хозяину, безъ сомнѣнiя, кабинетомъ, съ окнами въ палисадникъ, за которымъ чернѣлся лѣсъ, окружавшiй усадьбу со всѣхъ сторонъ. Когда я туда пришла, за столомъ сидѣлъ только Рома, а стоявшая у притолки

двери мать Евдокія объявила, что матушка насъ просить кушать безъ нея.

— Дѣла ихъ задержали. Потомъ чѣмъ нибудь закусятъ. Много ли имъ надо!—прибавила она, смиренно вздыхая и опуская глаза.

Рома, которому хотѣлось спать, принялъ предложеніе и началъ ѣсть молочную кашу, стоявшую на столѣ и которая, какъ все здѣсь, была превкусно изготовлена, но я объявила, что мнѣ ѣсть не хочется, и что я подожду матушку.

— Какъ вашей милости будетъ угодно,—съ обычною апатичною покорностью замѣтила Евдокія.

И, не отходя отъ притолки, она продолжала перебирать длинныя деревянныя четки, висѣвшія у пояса ея грубой суконной рясы.

Рома поѣлъ и, простившись со мною, ушелъ спать, а я подошла къ окну и машинально стала изъ него смотрѣть.

Наступала ночь. На потемнѣвшемъ небѣ то тутъ, то тамъ начинали загораться звѣзды. Появленія луны раньше полуночи нельзя было ждать, и я съ тоской думала о несчастныхъ скитальцахъ въ поискахъ за пищей и кровомъ, которыми въ это ужасное время были усеѣяны всѣ дороги, какъ большія, такъ и проселочныя, всюду, гдѣ можно было считать себя въ безопасности отъ мародеровъ, бродягъ и тому подобнаго темнаго и бездушнаго люда, которому ничего не стоило убить человѣка изъ-за пары сапогъ или изъ-за куска хлѣба. Каково было несчастнымъ бѣглецамъ бродить въ темнотѣ, да еще съ малыми дѣтьми и старцами! Насколько мы были счастливые многихъ! Не дай намъ о. Лаврентій письма и провожатаго къ матери Аглаидѣ, и мы бы теперь находились въ такомъ же бѣдственномъ положеніи!

«Бѣгутъ, бѣгутъ, толпами отовсюду бѣгутъ»...

Слова эти, подслушанныя мною въ первый день нашего прибытія сюда, когда я не успѣла еще очнуться отъ сладкой грезы, навѣянной на меня мимолетною встрѣчей съ моимъ возлюбленнымъ, и сказанныя неизвѣстно кѣмъ подъ моимъ окномъ, не выходили у меня изъ памяти и по временамъ такъ всецѣло овладѣвали моимъ воображеніемъ, что я подолгу не могла избавиться отъ представлений, одно другого ужаснѣе, осаждавшихъ меня съ такою силой, что я на время утрачивала способность различать призраки, созданныя моею фантазіей, отъ дѣйствительности.

Такъ было и теперь. Я сидѣла у окна и смотрѣла вдаль. Отъ полнѣйшей тишины, наступившей здѣсь послѣ шумной и суетливой жизни днемъ, когда по саду, по дворамъ и по всѣмъ тропинкамъ, ведущимъ въ лѣсъ и къ полянкѣ со скирдами скошеннаго сѣна и ржи, то и дѣло мелькали озабоченныя черныя фигуры, суетливо шнырявшія по всѣмъ направленіямъ, перекидываясь между собою короткими фразами, когда не смолкая раздавалось то мычаніе коровъ, то хрюканіе свиней, то кудахтанье курицы или гоготанье гуся,

отъ наступившей тишины становилось жутко, и всё предметы, по мѣрѣ того, какъ на нихъ надвигались ночныя тѣни, принимали фантастическія очертанія. Чѣмъ пристальнѣе вглядывалась я въ деревья у опушки лѣса, тѣмъ яснѣе казалось мнѣ, что они шевелятся, и что отъ нихъ отдѣляются какія-то фигуры, похожія на человѣческія.

Привидѣнія эти не трогались съ мѣста. Ихъ было два: одно сѣрое, другое черное, и шевелились они такъ явственно, что я протерла себѣ глаза, чтобъ убѣдиться, что не брежу. Это не помогло, привидѣнія не исчезали и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе поддразнивали меня своимъ непонятнымъ присутствіемъ. Меня, наконецъ, началъ разбирать страхъ. Кто бы это могъ быть? О чемъ совѣщаются эти незнакомцы, не изъ здѣшнихъ, безъ сомнѣнія? Не стояли бы они такъ долго у опушки лѣса, поздно вечеромъ, еслибъ принадлежали къ обителю или явились сюда просить убѣжища на ночь.

Въ недоумѣніи своемъ я ужъ хотѣла обратить вниманіе Евдокіи на странное явленіе, какъ вдругъ, напрягая зрѣніе, я замѣтила, что одно изъ привидѣній въ монашескомъ одѣяніи. Открытіе это заставило меня немедленно отказаться отъ намѣренія посвящать наперсницу настоятельницы въ мое открытіе и сообразить, что, по всей вѣроятности, собесѣдникъ монахини не кто иной, какъ одинъ изъ таинственныхъ подземныхъ жильцовъ обители.

Но кто та монахиня, которая, пользуясь тѣмъ, что настоятельница занята дѣлами въ конторѣ, а прочія монахини готовятся ко сну, бесѣдуетъ съ незнакомцами у опушки лѣса?

Я продолжала за ними наблюдать, и глазамъ моимъ, начинавшимъ привыкать къ темнотѣ, представилось новое зрѣлище: вѣроятно, по знаку, данному которому нибудь изъ собесѣдниковъ, отъ дерева отдѣлились еще двое людей, въ крестьянской одеждѣ, и монахиня къ нимъ повернулась, безъ сомнѣнія, чтобъ имъ что-то сказать, потому что, съ минуту спустя, всё трое мужиковъ скрылись въ лѣсу, а она торопливыми шагами направилась къ дому.

Однако, какъ она ни спѣшила, а я еще поспѣшнѣе отошла отъ окна и, сѣвъ за столъ, объявила Евдокіи, продолжавшей читать умную молитву, перебирая четки, что выпью молока и пойду спать, не беспокоя матушку.

— У нея сегодня вѣрно много дѣла въ конторѣ, я ей мѣшать не хочу. Скажите ей, пожалуйста, что я ей желаю покойной ночи.

И, выпивъ молока, я ушла къ себѣ.

Въ монахинѣ, разговаривавшей съ мужиками, я узнала мать Аглаиду, про которую говорили, что она въ конторѣ, во флигелѣ позади дома, въ противоположной сторонѣ отъ того мѣста, гдѣ я сейчасъ наблюдала за каждымъ движеніемъ, какъ ея, такъ и ея собесѣдниковъ, и мнѣ очень не хотѣлось встрѣчаться съ нею послѣ этого открытія.

Войдя въ свою комнату и не заставъ тамъ Степаниду, я заглянула въ комнату рядомъ, отведенную для моего брата, и увидѣла ихъ тамъ обоихъ: его на постели, устроенной на двухъ креслахъ, а ее на полу возлѣ него, и оба спали такимъ крѣпкимъ сномъ, что мнѣ не захотѣлось ихъ будить. Тихонько раздѣвшись при свѣтѣ лампадки, я улеглась одна.

Долго не могла я заснуть отъ тревожныхъ мыслей. Отъ волненія у меня сдѣлался жаръ, и я протянула руку къ кружкѣ съ водой, которую всегда ставили возлѣ моей кровати на ночь. Но не успѣла я хлебнуть изъ нея, какъ съ изумленіемъ замѣтила, что вмѣсто воды въ нее былъ налитъ медъ, который здѣсь особеннымъ манеромъ приготовляли, и который мнѣ очень нравился, но не въ такое время, какъ теперь, когда хотѣлось освѣжиться водой. Однако, такъ какъ, кромѣ этого, ничего не было, я волей-неволей выпила напитокъ, приготовленный, безъ сомнѣнія, черезчуръ поусердствовавшей Степанидой, и тотчасъ же заснула.

Сколько времени я спала, не знаю, но меня разбудилъ странный шорохъ, и я почувствовала, что чьи-то руки осторожно ощупываютъ мою грудь.

Можно себѣ представить, какъ я испугалась и съ какимъ ужасомъ оттолкнула эти руки! Но онѣ отнялись отъ меня съ такою поспѣшностью, что пальцы мои схватили одну только пустоту, и въ то же время послышался шорохъ поспѣшно удалявшихся шаговъ.

Кто это былъ? И былъ ли это дѣйствительно ктонибудь? Или мнѣ все это пригрезилось? Отвѣта на эти вопросы не находилось. Кругомъ царилъ полнѣйшій мракъ, и пахло погасшей лампадой. Степанида забыла вѣрно ее заправить, приготовляя мнѣ постель на ночь. Это было тѣмъ болѣе удивительно, что она никогда не забывала этого дѣлать и, вѣроятно, какъ и я, потеряла память отъ таинственныхъ открытій и волненій. А руки, обшаривавшія мое тѣло, безъ сомнѣнія, не что иное, какъ кошмаръ отъ вышитаго меда? Но долго раздумывать надъ этими явленіями мнѣ не пришлось, опять меня стало клонить ко сну, и я проснулась только утромъ, когда солнце заглянуло въ отверстіе, вырѣзанное крестомъ въ ставняхъ. Тотчасъ же вспомнилось мнѣ приключеніе минувшей ночи, но теперь все это представлялось совершенно въ иномъ видѣ и, кромѣ досады на Степаниду, благодаря которой у меня былъ такой непріятный кошмаръ, я уже ничего не ощущала. Первой моей заботой было, конечно, схватиться за сумку, висѣвшую у меня на груди, и, убѣдившись, что она цѣла, я совершенно успокоилась.

«Вотъ что значитъ жить въ такое тревожное время, — подумала я, — къ настоящимъ печалямъ и заботамъ примѣшиваются галлюцинаціи!»

Вошла Степанида, и я ей сообщила, какое дѣйствіе имѣлъ на меня медъ, который она налила мнѣ въ стаканъ вмѣсто воды.

— Что вы, барышня! Да я и не думала наливать вамъ меду!— возразила она, вѣ себя отъ изумленія.—И съ какой стати я бы это сдѣлала? Развѣ я не знаю, что отъ ихъ меда, если его выпить натошакъ, можно опьянѣть! Онъ у нихъ прекрѣпкій. Ни за что бы не дала я вамъ меду, еслибъ вы даже мнѣ приказали подать!

Мнѣ стало жутко. Положеніе принимало неожиданный оборотъ. Кто налилъ мнѣ меду въ кружку? Кому надо было, чтобъ я опьянѣла? Неужели тому, кто оцупывалъ меня въ темнотѣ?

— А лампадку ты не забыла вчера оправить?—спросила я, понижая голосъ и посматривая на дверь, чтобъ убѣдиться, что никто насъ не подслушиваетъ.

— Лампадку?

Она кинулась къ кіоту и вскричала, указывая на стаканчикъ съ деревяннымъ масломъ, стоявшимъ передъ образами, съ плавающимъ въ немъ поплавокъ.

— Да въ ней масла такъ мало выгорѣло, что сегодня и подливать не надо! Вы, что ли, ее погасили? Заправлена была, какъ всегда...

Тутъ ужъ я рассказала ей про все, что произошло со мной въ эту ночь, и по мѣрѣ того, какъ я говорила, на лицѣ ея изображался ужасъ.

— Чтожъ намъ теперь дѣлать?—спросила я, окончивъ мое повѣствованіе.

— Да скорѣе, подобру-поздорову, вонъ отсюда убираться! Ничего больше не остается!— вскричала она.—Эта Аглаида почище всякаго француза насъ уकोкошитъ, чтобъ нашими деньгами завладѣть. Она, по всему видать, не повѣрила, что мы деньги Ефиму передали на храненіе, и захотѣла васъ обыскать. Хитрая лиса Патрикѣвна! Безъ толку васъ ограбить, не зная навѣрное, что есть изъ чего хлопотать, не захотѣла, а пожелала прежде удостовѣриться, какая такая сумка у васъ на шейкѣ виситъ, и что въ ней именно есть.

— Однако сумку съ меня не сняли.

— Потому, что не смогли снять, изволили во время проснуться, невзирая на снадобье, которое она въ медъ подмѣшала... Сейчасъ, какъ напильсь, такъ и заснули?

— Да.

— Ну, значить, настоя изъ маковыхъ зернышекъ онѣ туда наболтали. Да славу Богу, что немного. Въ другой разъ не оплошаютъ, если мы ихнія шашни не разстроимъ...

— А съ кѣмъ она у опушки лѣса разговаривала, какъ ты думаешь?—спросила я.

— А Богъ ейную душу знаетъ! Можетъ, съ тѣми разбойниками, съ которыми она хорошія дѣла вершаетъ. Не даромъ у нихъ тутъ пещеры понарыты, въ которыхъ люди хоронятся. На этихъ своихъ

лѣсныхъ друзей надѣючись, ей и французъ не страшень. Да чего ей врага бояться, когда она не хуже любого француза изъ-за денегъ на все пойдетъ? Отчаянная!

— Но какъ же намъ отъ нея уйти?—спросила я дрогнувшимъ отъ ужаса голосомъ.—Кабы мы съ тобой были вдвоемъ, а то вѣдь съ нами Рома. Онъ маленькій, ему пѣшкомъ далеко не дойти.

— Знаю я. Надо это дѣло обдумать. Я тамъ всѣмъ скажу, что вы меня въ лѣсъ за орѣхами послали. Если къ вечеру не вернусь, притворитесь, что разсердились на меня и подозреваете, что я васъ покинула, а я ужъ найду, какъ намъ отсюда съ князькомъ выбраться.

— А вдругъ ты къ французамъ попадешь?—вскричала я.

— Не бойтесь, я ужъ знаю, къ кому итти за помощью. Зря хлопотать не стану, не беспокойтесь. Вы думаете, я здѣсь, сложа ручки, сидѣла? Какъ бы не такъ! Я нашла себѣ друзей, которые меня многому надоумили.... А только вы, барышня, ради Бога, будьте осторожнѣе, не кушайте ничего такого, чего бы другіе при васъ не пробовали.

— Я скажу, что нездорова, и ничего не стану ѣсть.

— Какъ можно! Такъ отощаете, что не въ силахъ будете двинуться, а намъ, можетъ быть, придется много верстъ пѣшкомъ иттить! Нѣтъ, вы ужъ, пожалуйста, кушайте то, что другіе при васъ станутъ ѣсть, съ одного блюда и изъ одного кувшина со всѣми.

Я обѣщала послѣдовать ея совѣту, и съ часъ спустя, когда сидѣла съ братомъ въ саду, къ намъ подошла монашка, присланная игуменіей, чтобъ спросить, не знаемъ ли, куда ушла наша прислуга.

— Она обѣщалась матушкѣ показать нашимъ бѣлицамъ, какъ плести кружева, теперь самое время, а мы нигдѣ ее не можемъ найти.

Я отвѣтила, какъ было условлено, и, мысленно моля Бога объ успѣхѣ затѣяннаго предпріятія, продолжала плести съ Ромой вѣнокъ изъ цвѣтовъ, оставшихся на клумбахъ, на образъ Богородицы, передъ которымъ мы каждый день молились, чтобъ Господь скорѣе прекратилъ испытаніе, посланное на нашу дорогую родину, и сохранилъ бы въ невредимости нашихъ близкихъ. Но я знала, что такая любознательная особа, какъ мать Аглаида, моимъ отвѣтомъ не удовлетворится, и не безъ тревоги помышляла о встрѣчѣ съ нею за обѣдомъ. Но передъ тѣмъ, какъ итти къ ней въ келью, когда мы всего менѣе этого ожидали, передъ нами вдругъ предстала Степанида и съ такимъ блѣднымъ и разстроеннымъ лицомъ, что вмѣсто того, чтобъ обрадоваться ея неожиданному появленію, мы съ Ромой не могли произнести ни слова и молча на нее смотрѣли, съ трепетомъ ожидая, что она скажетъ.

— Французы сюда идутъ! — проговорила она задыхающимся шопотомъ, пригибаясь ко мнѣ такъ близко, что я почувствовала ея горячее дыханіе на моей щекѣ.

Я могла только указать ей знакомъ на Рому, который съ серьезнымъ лицомъ поглядывалъ то на нее, то на меня.

— Идите кушать, а я тѣмъ временемъ осмотрюсь и обдумаю, что намъ дѣлать, здѣсь ли ждать, или уйти, пока ихъ еще нѣтъ, и никто не знаетъ о ихъ приближеніи.

— А развѣ они еще не скоро?

— Нѣтъ. Верстъ за пять отсюда деревню грабятъ... Но только они непременно сюда придутъ, узнали дорогу и провожатыхъ нашли,—объявила она скороговоркой, поспѣшно направляясь съ нами къ дому, изъ котораго къ намъ на встрѣчу шла монашка, посланная насъ звать обѣдать.

— Вы только, ради самого Господа, не проговоритесь!—прибавила она.

И, проводивъ насъ до подороги, свернула къ флигелю, гдѣ была трапезная, а мы пошли съ Ромой дальше.

У матери Аглаиды, повидимому, ничего еще не было извѣстно. Она, какъ всегда, встрѣтила насъ очень привѣтливо, объявила, что ей сказали, что я сегодня ночью дурно спала, и посоветовала мнѣ раньше лечь спать.

— Вотъ у васъ и апетита нѣтъ,—продолжала она, замѣтивъ, что я не въ силахъ была проглотить больше двухъ ложекъ супу.— Все вѣрно мыслями мучитесь? Нехорошо! Надо больше на Господа Бога полагаться, все въ Его святой волѣ! Захочетъ, такъ и изъ печи огненной насъ невредимыми выведетъ, какъ тѣхъ еврейскихъ отроковъ, надъ которыми Ему угодно было милость свою проявить! Берите примѣръ съ меня, мнѣ ужъ съ утра извѣстно, что на нашу обитель французы намѣрены нашествіе произвести, и, какъ видите, я совсѣмъ спокойна. Распорядилась только кое-чѣмъ. Объяснила сестрамъ, какъ имъ слѣдуетъ себя держать, чтобъ чистоту соблюсти, послала предупредить нашего духовнаго отца, чтобъ пожаловалъ всѣхъ насъ на смерть напутствовать, и съ вѣрою и душевною твердостью станемъ ждать супостата. Такъ-то, княжна,—прибавила она, къ дополненію рѣчи, которую я такъ мало ожидала отъ нея услышать, что не въ силахъ была скрыть моего изумленія.

Значить та новость, которую намъ принесла Степанида изъ лѣса, ей ужъ давно была извѣстна!

— А послѣ обѣда я попрошу васъ, княжна, удѣлить мнѣ нѣскольکو минутъ на сокровенную бесѣду, — сказала она послѣ непродолжительнаго молчанія.

Я кивнула въ знакъ согласія, и конецъ трапезы прошелъ въ молчаніи.

Когда мы встали изъ-за стола и выслушали молитву, которую Аглаида всегда читала громкимъ и внятнымъ голосомъ, я сказала брату, чтобъ онъ шелъ въ садъ, а сама послѣдовала за настоя-

тельницей въ келью, гдѣ она немедленно приступила къ занимавшему ее предмету.

— Вотъ что, княжна, извольте-ка передать мнѣ все, что у васъ съ собой драгоценнаго. Я приобщу ваше достояніе къ нашимъ сокровищамъ, къ ковчезцу съ частицей мощей святителя Пантелеймона, покровителя нашей обители, къ золотой чашѣ, пожертвованной намъ графиней Ярѣ-Червленной и къ прочимъ нашимъ святынямъ. Какъ вамъ извѣстно, злой супостатъ, истребившій такое великое множество православнаго народа и церквей въ нашемъ отечествѣ, прознавъ про нашу смиренную обитель, устремляетъ и на нее свои жадные взоры. Надо заранѣе позаботиться о спасеніи, если не жизни нашей, то, по крайней мѣрѣ, монастырскаго имущества. Очень можетъ быть, что завтра мы всѣ будемъ мертвы, и нашимъ грѣшнымъ тѣламъ, кромѣ ямы въ землѣ, ничего не будетъ нужно, но можетъ и такъ случиться, что Господу Богу будетъ угодно насъ спасти отъ злодѣя и посрамить его вожделѣнія, и тогда мы найдемъ все наше имущество въ цѣлости. У насъ въ обители есть такой тайникъ, о которомъ никто здѣсь, кромѣ меня да двухъ трехъ изъ моихъ вѣрныхъ, не подозрѣваетъ. Не сомнѣвайтесь же и довѣрьте мнѣ всѣ ваши деньги и драгоценности,— продолжала она, не спуская съ меня пристальнаго и холоднаго взгляда, представлявшаго любопытный контрастъ съ торжественностію и благочестіемъ произносимыхъ ею словъ.

По временамъ, взглядъ этотъ спускался на мою грудь, точно желая дать мнѣ понять, что упорствовать не стоитъ, что ей извѣстно про сумку, висѣвшую у меня на груди, вмѣстѣ съ крестомъ и съ волосами покойной маменьки, зашитыми въ ладонку.

Конечно, сцена обыска, успѣвшая уже изгладиться изъ моей памяти, съ новою силой воскресла передо мною, и морозъ пробѣгалъ по тѣлу при воспоминаніи о насиліи, котораго я чуть было не сдѣлалась жертвой, нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, но вмѣстѣ со страхомъ пробуждалось во мнѣ чувство негодованія и собственнаго достоинства. Уступить жадной женщинѣ, пользовавшейся нашимъ беззащитнымъ положеніемъ, чтобъ насъ ограбить, казалось мнѣ ужаснѣе, чѣмъ подвергнуться тому же ограбленію отъ общаго врага нашей родины, и я отвѣчала, что отецъ взялъ съ меня слово никому не довѣрять вѣреннаго мнѣ имущества, и что я скорѣе умру, чѣмъ его послушаюсь.

Лицо ея исказилось злобой, однако она сдержала потокъ упрековъ, готовыхъ сорваться съ ея губъ, и кротко замѣтила, что упорство мое ее изумляетъ.

— Я вамъ еще разъ повторяю: французы отъ насъ въ нѣсколькихъ верстахъ. Они сожгли Пѣночки, ограбили господскій домъ и перебили всѣхъ, кто тамъ былъ. Крестьяне разбѣжались, куда глаза глядятъ, но между ними нашлись и такіе грѣховодники, которые

для спасенія жизни, подъ ножемъ злодѣя, не только указали на нашу обитель, но даже вызвались служить имъ проводниками... Они, значить, здѣсь скоро будутъ, и что насъ тогда ожидаетъ, особенно васъ, молодыхъ, нечего и говорить, сами должны понимать. Не было еще примѣра, чтобъ они пощадили юность и красоту. Вы должны готовиться къ такимъ ужасамъ, которыхъ нѣтъ словъ описать. Одна ваша надежда на Бога, а вы жалѣете довѣрить ваши земныя сокровища той, которая вамъ отъ Него поставлена въ это ужасное время матерью и покровительницей! Одумайтесь, княжна, взвѣсьте ваше положеніе, вѣдь вы съ вашимъ братомъ вполнѣ въ моей власти. Не говорю ужъ про вашу дѣвку, съ которою я сумѣю распорядиться, чтобъ поставить ее въ невозможность смущать васъ злыми совѣтами и назойливымъ вмѣшательствомъ въ то, что до нея не касается...

— Что вы сдѣлали со Степанидой?—вскричала я, внѣ себя отъ ужаса при мысли о насиліяхъ, которымъ насъ здѣсь подвергали, и которыя въ эту минуту казались мнѣ хуже того, что грозило намъ отъ бонапартовскихъ полчищъ.

— Я съ нею ничего еще не сдѣлала, но если вы не отдадите мнѣ вашу сумку, я васъ обѣихъ заключу въ такое мѣсто, гдѣ не только французамъ, но и здѣшнимъ обитательницамъ васъ не найти! Тайникъ этотъ извѣстенъ только мнѣ одной, и если, что весьма возможно, меня французы убьютъ, сами можете понять, что васъ будетъ ждать въ подземельѣ, такомъ глубокомъ, что вы десять разъ успѣете умереть съ голода раньше, чѣмъ крики ваши будутъ къмъ бы то ни было услышаны.

Съ этими словами она вышла, заперевъ за собою дверь и оставивъ меня въ такомъ недоумѣніи, что въ первую минуту я ничего не могла сообразить и, кромѣ безсильной злобы, ничего не въ силахъ была чувствовать.

Однако, мало-помалу успокоившись, я подошла къ окну и, приподнявъ кончикъ сторы, выглянула изъ него. Первое, что я увидела, это мать Аглаиду, прогуливавшуюся по маленькому дворику, поросшему травой, на который выходило единственное окно моей тюрьмы. Воспользоваться этимъ окномъ, чтобъ спастись, было, значить, невысказанно. Она, безъ сомнѣнія, будетъ меня тутъ караулить до тѣхъ поръ, пока не истечетъ срокъ, ею самою назначенный для рѣшенія моей судьбы.

Положеніе было критическое, но уступить ея требованіямъ я не хотѣла уже потому, что внутреннее убѣжденіе мнѣ подсказывало, что уступка ни къ чему доброму насъ не поведетъ: послѣ того, что произошло, мнѣ было простиительно сомнѣваться, чтобъ она изъ одного чувства челоуѣколюбія позаботилась о нашей безопасности. Степанида была права: на что мы ей будемъ нужны обобранныя? Да ей тогда и чувство самосохраненія подскажетъ пре-

дать насъ злодѣямъ нашей родины, чтобъ они избавили ее отъ опасныхъ обличителей ея жестокосердія и корысти. Она грозила запереть насъ въ такомъ мѣстѣ, о существованіи котораго никто здѣсь не знаетъ, ну, чтожъ, мы тамъ будемъ менѣе подвержены всевозможнымъ бѣдамъ, чѣмъ здѣсь! А Рома? Неужели я покину его въ такое ужасное время? Нѣтъ! Нѣтъ! лучше все отдать, только не разставаться ни съ нимъ, ни со Степанидой! Лишь бы только намъ позволили бѣжать всѣмъ троимъ отсюда, куда глаза глядятъ. Что же дѣлать, будемъ, какъ великое множество другихъ ограбленныхъ, питаться мірскимъ подаваніемъ, пока не набредемъ на когонибудь изъ нашихъ...

Однако время шло, а тюремщица моя не показывалась. И на дворикъ ея ужъ не было, а между тѣмъ съ противоположной стороны поднимался какой-то странный шумъ, напоминавшій приливъ волнъ во время бури, все громче и громче.

Что это? Ужъ не французы ли идутъ?

Я стала прислушиваться и когда начала различать бряцаніе оружія и лошадиный топотъ, послѣдняя моя надежда на то, что мое страшное предположеніе ошибочно, исчезло.

Какъ сказано выше, окно моей тюрьмы выходило на задній дворикъ, окруженный со всѣхъ сторонъ стѣной, и видѣть отсюда то, что происходило съ противоположной стороны, гдѣ былъ открытый видъ на лѣсъ, не было никакой возможности. Обстоятельство это усиливало мой страхъ и волненіе.

— Гдѣ Рома? Что-то будетъ? Неужели злодѣи подождутъ домъ, не позаботившись узнать: нѣтъ ли въ немъ человѣческихъ существъ, которыя поставлены въ невозможность изъ него выйти? И чтожъ это Степанида не идетъ? Неужели и ее тоже заперли отъ меня?—спрашивала я себя.

Кругомъ было совсѣмъ тихо. Не слышно было ни голосовъ, ни шаговъ въ сосѣднихъ комнатахъ. Куда же всѣ ушли?—дивилась я, не переставая прислушиваться къ шуму и гулу въ отдаленіи, среди котораго по временамъ ясно различались возгласы и бряцаніе оружія. Должно быть, незваныхъ гостей встрѣчали на крыльцѣ съ противоположной стороны дома. Всѣ тамъ вѣрно...

И вдругъ, раздались поспѣшные шаги по коридору, дверь растворилась, и на порогѣ появилась Степанида, блѣдная, съ горѣвшими глазами и запыхавшаяся отъ волненія.

Не будучи въ состояніи вымолвить ни слова, схватила она меня за руку, вытащила изъ комнаты, заперла дверь, бросила ключъ въ окно на дворикъ и, что есть силъ, пустилась со мною бѣжать прямо къ рѣкѣ.

— Гдѣ Рома?—спрашивала я у нея нѣсколько разъ во время нашего бѣгства, но вмѣсто отвѣта она только сильнѣе сжимала мою руку, точно боясь, чтобъ я отъ нея не вырвалась, и преры-

вающимся отъ волненія голосомъ повторяла, чтобъ я объ немъ не беспокоилась.

Наконецъ, она у рѣки остановилась и, боязливо оглянувшись по сторонамъ, объявила, что намъ надо здѣсь переждать въ лодкѣ, чтобъ наступила ночь.

— Но гдѣ же лодка?—спросила я, ничего, кромѣ камышей, не видя.

Она протянула руку къ тому мѣсту, гдѣ изгибъ рѣки заходилъ за лѣсъ.

— Тамъ! Какъ отдохнете, мы туда доберемся и найдемъ тамъ нашего князька. Я его раньше васъ туда увела.

Отъ радости у меня явились силы, я объявила, что не устала, и мы пустились бѣжать дальше.

Минуть черезъ пять я ужъ обнимала милого братишку, который съ изумительною отвагой переносилъ опасное положеніе, въ которое поставила насъ судьба. Онъ повторялъ, чтобъ я не робѣла, что оба они съ Степанидой сумѣютъ защитить меня отъ французовъ.

Мы всѣ трое вошли въ лодку, скрытую въ камышахъ, подъ деревьями, вѣтви которыхъ спускались до воды. Лодка была привязана къ полусгнившему дубу, съ корнями, со всѣхъ сторонъ обмываемыми водой. Тутъ насъ даже и съ рѣки не было видно, и мы могли себя считать въ безопасности. Къ тому же можно было разсчитывать, что въ обители теперь было не до насъ. Оказалось, что, ужъ нѣсколько дней поджидая врага, мать Аглайда приняла мѣры, чтобъ спасти отъ него сокровища обители и сестеръ помоложе. Онѣ съ ранняго утра готовы были къ выѣзду, и когда вѣстовщики прибѣжали сказать, что непріятеля надо ждать съ минуты на минуту, заранѣе запряженные подводы съ тюками, сундуками и бѣлицами выѣхали изъ обители по дорогѣ, извѣстной однимъ только ихъ провожатымъ, безъ сомнѣнія, тѣмъ двумъ парнямъ, что жили въ подземельѣ, и которыхъ я наканунѣ видѣла у опушки лѣса съ настоятельницей. Совѣщались вѣрно, какъ лучше доставить въ надежное мѣсто казну, драгоцѣнности и молоденькихъ обитательницъ обители. Сама же настоятельница осталась принимать гостей.

— Она ихъ всѣхъ сожжетъ!—объявилъ Рома съ злобно сверкавшими глазенками.

— Какъ это сожжетъ? Что ты за вздоръ говоришь? Развѣ можно людей жечь?—спросила я, внѣ себя отъ недоумѣнія.

— А вотъ спроси у нея, она все знаетъ!—вскричалъ онъ, указывая на Степаниду, которая подтвердила его слова.

Да, у матери Аглаиды былъ такой планъ: принять какъ можно ласковѣе французовъ, угостить ихъ на славу, напоить ихъ тѣмъ медомъ, дѣйствию котораго мнѣ удалось на себѣ испытать, а когда они заснутъ, поджечь со всѣхъ сторонъ усадьбу.

— И ты думаешь, что ей удастся совершить такое ужасное дѣло?—вскричала я.

— Ужъ этого я вамъ не умѣю сказать, а что онѣ вчера это рѣшили на совѣщаніи, которое по этому дѣлу собирали, это вѣрно, это я отъ такихъ знаю, которыя сами на этомъ совѣтѣ присутствовали и голосъ подавали. Тамъ же было рѣшено безпремѣнно у васъ сумку отнять, которую на васъ прошлую ночь мать Евдокія ущупала.

Разсказала и я въ свою очередь про то, что у меня произошло съ Аглаидой, и когда дошла до тайника, въ который она грозила насъ запереть, Степанида замѣтила, что врядъ ли у нихъ есть такой тайникъ.

— Для чего бы ей тогда все, что получше, изъ обители вывозить? Какъ мнѣ сдается, да и не мнѣ одной, а всѣмъ здѣсь, кто ейную хитрую душу знаетъ, она даже ни крошечки французовъ не боится. Она и ихъ тоже, какъ всѣхъ, обойдетъ, вотъ увидите. Когда, укрывши здѣсь нашего князька, я побѣжала за вами, то слышала, какъ мать Анжелика говорила матери Митродорѣ: «Къ счастью, на нашу обитель не мародеры идутъ, а отрядъ регулярныхъ войскъ. Матушка этимъ очень довольна, говоритъ, что эти не такіе грабители, какъ тѣ. Надъ ними есть начальство, и ихъ несравненно легче обойти, чѣмъ настоящихъ злодѣевъ, которые на войнѣ однимъ только грабежемъ занимаются». Она, значитъ, изъ кожи будетъ лѣзть, чтобъ всѣмъ ихъ ублаготворить и въ довѣріе къ нимъ влѣзть, а когда совсѣмъ ихъ одурманить, тогда ужъ по-своему съ ними поступить.

— Неужтожъ она сожжетъ ихъ живыми? — вырвался у меня крикъ ужаса.

— А неужтожъ вы думаете, что она ихъ пожалѣетъ? Какъ бы не такъ!

— Это враги отечества,—вмѣшался въ разговоръ Рома.—Ихъ не надо жалѣть. Еслибъ у меня былъ кинжалъ или пистолетъ, я не сидѣлъ бы тутъ съ вами, я бы побѣжалъ туда и непременно убилъ бы котораго нибудь изъ нихъ, непременно!

— Не беспокойтесь, князь, мы вамъ достанемъ пистолетъ,—объявила Степанида.—Чтожъ, барышня, и я тоже, кабы не вы, давно ушла бы къ тѣмъ, которые на нихъ идутъ съ топорами, пилами, ножами, съ чѣмъ ни попало. Вы думаете, что въ теперешнее время всѣ бабы, сложа руки, сидятъ, или по лѣсамъ прячутся? Какъ бы не такъ! Есть такія, что бѣгутъ и прячутся, а есть и похрабрѣе. Немеднись прохожіе изъ-подъ Смоленска разсказывали, какъ одной бабѣ самъ главнокомандующій орденъ пожаловалъ за то, что сколько-то французовъ топоромъ зарубила! Ей-Богу, право! Всякъ таперича поднимается на защиту родины, даже дѣти. Толпами, говорятъ, бѣгутъ въ лагерь за пистолетами. Маленькимъ главнокомандующій не сабли, а пистолеты раздаетъ...

— Вотъ видишь!—вскричалъ Рома.—Если другіе на врага идутъ, то почему же и мнѣ не итти?

Я съ нимъ не спорила. Да и что бы могла я ему сказать? Оставалось только радоваться, что за недостаткомъ оружія онъ волей-неволей долженъ былъ съ нами бѣжать отъ французовъ, вмѣсто того, чтобъ лѣзть подъ ихъ пули.

У Степаниды вотъ какой былъ планъ: съ наступленіемъ ночи (раньше было опасно, насъ могли замѣтить солдаты, бродившіе по окрестностямъ) осторожно выбраться лѣсомъ на большую дорогу и примкнуть къ которой нибудь изъ партій бѣглецовъ, направляющихся въ менѣе опасное мѣсто.

— Вѣдь мы попали въ самое пекло! За нѣсколько верстъ отсюда можно, говорятъ, найти такія мѣстечки, куда французу и въ голову не придетъ забраться.

Все это она знала отъ многочисленныхъ прохожихъ, которые послѣдніе дни безпрестанно завертывали въ монастырь, чтобъ провести ночь или днемъ часокъ другой отдохнуть и подкрѣпиться на дальнѣйшій путь. Отъ этихъ же прохожихъ (между ними были и такіе, которымъ была хорошо извѣстна вся здѣшняя мѣстность) она узнала, какой стороны держаться въ лѣсу, чтобъ благополучно изъ него выбраться. Всѣ единогласно совѣтовали направиться обратно по той самой дорогѣ, по которой насъ сюда привезли. Къ разореннымъ пепелищамъ злодѣи возвращаться не любили, имъ тамъ дѣлать нечего, гдѣ взять нечего. Голодно тамъ и неуютно, но зато мы тамъ должны были найти русскихъ людей, а съ православнымъ людомъ и бѣду легче терпѣть.

Съ этими доводами нельзя было не согласиться, и когда солнце сѣло, Степанида отправилась на развѣдки, съ тѣмъ, чтобъ по ея возвращеніи намъ пуститься въ путь. Развѣдать про то, что происходило въ обители, было необходимо. Можетъ быть, дѣло тамъ такъ стоитъ, что и бѣжать не для чего. А, кромѣ того, надо было раздобыть что нибудь поѣсть. Всѣ единогласно увѣряли, что въ разоренной странѣ, на много верстъ кругомъ, свирѣпствовалъ такой страшный голодъ, что и французы, и бѣглецы изъ русскихъ принуждены питаться падалью.

— Постараюсь раздобыть хлѣба, крутыхъ яицъ, всего, что онѣ сами для себя приготовили на дорогу. Давно ужъ онѣ всякою снѣдью запасаются, цѣльная кладовая завалена кулями разной разности. Завтра, поди чай, ничего не останется, но сегодня злодѣямъ не до запрятанныхъ холодныхъ закусокъ, передъ ними столы ломаются подъ горячими кушаньями.

— А кто же тебѣ дастъ для насъ ѣды?—спросила я.

— Постараюсь добромъ выпросить, а откажутъ, силой возьму. Да ужъ такъ или иначе, а раздобуду, что намъ надо, не извольте беспокоиться. Никто какъ Богъ, а по теперешнимъ временамъ никогда не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь.

— Но вѣдь ты вернешься?

— Объ этомъ не сумлѣвайтесь. Кто меня можетъ задержать? Всѣ тамъ пируютъ, про насъ, поди чай, давно ужъ и забыли,—прибавила она съ добродушнымъ смѣхомъ, который дѣйствовалъ на насъ ободрительнѣе всякихъ умныхъ разсужденій.

Хотя наступила ночь, однако она совѣтовала намъ не вылѣзать изъ лодки и, по возможности, больше оставаться въ лежащемъ положеніи, чтобъ, если, Боже сохрани, которому нибудъ изъ обители вздумается прогуляться до этого мѣста, не увидали бы насъ промежъ вѣтвей. Совѣтовала она намъ также сидѣть или лежать какъ можно смирнѣе, чтобъ плескомъ воды не привлечь вниманія.

— А я тамъ узнаю, хватились ли насъ, и что онѣ думаютъ дѣлать. Посмотрю поближе и на французовъ, что за звѣри. Авось либо на людей съ перваго взгляда не накидываются!

XIX.

Отсутствіе Степаниды длилось довольно долго. Насъ никто не беспокоилъ. Въ обители, вѣрно, было не до того, чтобъ прогуливаться по лѣсу. Но съ минуты на минуту до насъ все явственнѣе доходилъ оттуда гулъ голосовъ. Послышалось пѣніе. Кто именно пѣлъ и что, разобрать было трудно; мѣстечко, гдѣ мы находились, отстояло, по крайней мѣрѣ, за полверсты отъ обители, тѣмъ не менѣе въ звукахъ, доносившихся до насъ вѣтромъ по рѣкѣ, не было ничего ужаснаго. Не видать было также и особенно яркаго огня, сверкали только въ темнотѣ красными точками окна, не только въ домѣ, но также и въ прочихъ зданіяхъ, окружавшихъ главный корпусъ, гдѣ жили монахини, а равно и въ покояхъ игуменьи, а также и въ той комнатѣ, что служила мнѣ спальней.

Какъ сказано выше, въ надворныхъ строеніяхъ помѣщались тѣ изъ монахинь, которыя были бѣдны и справляли тяжелую работу въ кухнѣ, въ огородѣ и въ полѣ. Дальше же, въ сараѣ, жили мужчины: мужикъ, служившій кучеромъ, съ двумя товарищами помоложе. Эти справляли самыя тяжелыя работы, рубили дрова, таскали изъ колодца воду, рубили зимой ледъ. Кромѣ этихъ трехъ служителей, въ обители былъ еще старикъ, хромой сторожъ, колотившій ночью въ доску, обходя обитель. Всѣ эти люди были изъ крѣпостныхъ усерднаго до церкви помѣщика, отдавашаго ихъ въ распоряженіе игуменьи на всю жизнь, и держались въ черномъ тѣлѣ представительницами женскаго царства, безконтрольно надъ ними командовавшими. Ничего важнаго имъ не довѣряли, и по ночамъ поочередно дѣлали обходы приближенныхъ къ настоятельница монахини, изъ которыхъ особеннымъ довѣріемъ пользовалась мать

Бвдокія, та самая, которая, я была теперь въ этомъ убѣждена, пыталась похитить у меня мою сумку.

Утомленный испытанными волненіями, Рома вскорѣ заснулъ, но мнѣ было не до сна. Чѣмъ больше думала я о томъ, что насъ ожидало, тѣмъ больше усиливалась моя тревога. Невольно припоминались рассказы бѣглецовъ изъ окрестностей Москвы, а также видѣнные нами слѣды вражескихъ нашествій. До сихъ поръ мы имѣли счастье избѣгнуть встрѣчи съ непріателемъ, но день ото дня, часъ отъ часу, становилось труднѣе отъ него скрыться. Это утверждали рѣшительно всѣ, и то, что происходило теперь въ монастырѣ, служило тому краснорѣчивымъ доказательствомъ. Давно ли мать Аглайда была убѣждена въ томъ, что французамъ до нихъ не добраться, а вотъ они теперь у нея пируютъ, а несчастныя монахини отъ страха не знаютъ, куда дѣваться. Та мѣстность, по которой мы проѣзжали, прежде чѣмъ попасть къ о. Лаврентію, тоже теперь, безъ сомнѣнія, опустошена врагомъ, о людяхъ нашихъ не было ни слуху ни духу. Даже и Степанида перестала ожидать ихъ появленія сюда. И Богъ знаетъ, будетъ ли намъ извѣстно когда нибудь, что случилось съ нашимъ экипажемъ и съ лошадьми, а что еще печальнѣе, съ людьми, которымъ поручилъ насъ отецъ! Богъ знаетъ, когда увидимъ мы папеньку и Сережу, да и увидимъ ли мы ихъ когда нибудь! Гдѣ находится Дарья Алексѣевна? Силой обстоятельствъ чувства мои такъ измѣнились, что еслибъ даже эта ненавистная особа теперь вдругъ предстала передъ нами, мы бы и ей обрадовались.

Въ эту ужасную, сырую и темную ночь, которую мы провели въ лодкѣ, привязанной къ старому дубу у берега, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ безопаднаго врага, готовящаго намъ, можетъ быть, мучительную смерть, въ томительномъ страхѣ не только за нашу жизнь, но и за мою дѣвическую честь, какъ ничтожны казались горести, которыми мы терзались еще такъ недавно!

Женитьба папеньки на женщину, не подходящей къ намъ ни по рожденію, ни по воспитанію, недоразумѣнія, возникшія по этому поводу между нами и московскимъ обществомъ, и неловкое положеніе, въ которое ставили меня эти недоразумѣнія, все это теперь казалось мнѣ такимъ вздоромъ, что я съ изумленіемъ себя спрашивала: какъ могла я такъ страстно къ этому относиться не дальше, какъ нѣсколько дней тому назадъ, и наполнять такими пустяками мои письма къ Шарлю, вмѣсто того, чтобъ говорить съ нимъ о предметахъ несравненно бѣльшей важности?

Къ стыду моему, я должна была сознаться, что еслибъ не о. Лаврентій, я бы до сихъ поръ не подозрѣвала, чего стоитъ моему возлюбленному сражаться противъ своихъ соотечественниковъ, противъ людей, обожавшихъ одну съ нимъ родину и, понимая свой долгъ передъ нею по-своему, такъ же, какъ и онъ, жертвовавшихъ

за нее жизнь! Каково ему, невзирая на сознание своей правоты, читать упрекъ въ измѣнѣ въ глазахъ каждаго француза изъ арміи Бонапарта, съ которымъ ему приходилось сталкиваться? Любовь его ко мнѣ должна только усугублять его нравственную муку. То, что о. Лаврентій мнѣ сообщилъ о немъ, такъ ясно заставило меня понять, какому человѣку я себя обѣщала, что я съ недоумѣніемъ себя спрашивала: буду ли я когда нибудь въ состояніи заставить его забыть вынесенныя имъ изъ-за меня страданія?

Внутренній голосъ мнѣ твердилъ, что только желаніе сдѣлаться достойнымъ моей любви заставило его поступить въ ряды нашихъ воиновъ. Его мысли и чувства мнѣ были извѣстны. Онъ ненавидѣлъ Наполеона и съ восторгомъ отдалъ бы жизнь, чтобъ избавиться отъ него свое отечество, но французозъ онъ не могъ не любить, и принимать участіе въ совѣщаніяхъ, имѣвшихъ цѣлью скорѣйшее ихъ истребленіе, и приводить въ исполненіе эти мѣры должно было быть для него столько же ужасно, какъ и сознаніе, что представители его новаго отечества, а также и народъ, безвинно страдающій отъ нашествія, въ правѣ мстить за претерпѣваемыя бѣдствія! О, какъ онъ долженъ былъ ненавидѣть злодѣя, который возстановлялъ весь міръ противъ его прекрасной Франці!

Никогда не забуду я этой ночи на рѣкѣ въ лодкѣ, со спящимъ братишкой у моихъ ногъ! Тайнственная тишина, нарушаемая изрѣдка только плескомъ отъ движенія проснувшейся рыбки да шопотомъ вѣтвей, сплетавшихся надъ нашими головами, сверкавшіе вдаль огоньки, по которымъ я старалась угадать то, что происходило въ обители, гдѣ, въ противоположность нашему мирному пристанищу, царилъ смертельная тоска, страхъ и ужасъ! А надо всѣмъ, какъ надъ нами, такъ и надъ нашими врагами и ихъ жертвами, темное звѣздное небо, такое далекое и бездонное, что, утопая въ немъ взглядомъ, нельзя было не забыть на время земныя заботы, ужасы и печали. Наконецъ, среди тишины, я услышала шорохъ бѣгущихъ по травѣ ногъ, вдоль берега, опушеннаго густымъ лѣсомъ, и узнала въ приближавшейся къ намъ женской фигурѣ Степаниду.

— Замѣшкалась... нельзя было раньше... надо было все высмотрѣть и разузнать, да ѣдой и еще кое-чѣмъ запастись... Одѣвайтесь скорѣе. Разыскала, слава Богу, вашъ маскарадъ,—говорила Степанида, подавая мнѣ мужское платье, въ которое я поспѣшно переодѣлась.

А она между тѣмъ продолжала:—Путь намъ предстоитъ дальній и все по такимъ мѣстамъ, гдѣ французъ успѣлъ побывать и гдѣ, проклятикъ, не оставилъ маковаго зернышка... Отъ одного изъ ихъ провожатыхъ узнала, какъ намъ пройтись, чтобъ имъ въ лапы не попасться... Сидятъ теперь, пируютъ и ужъ всѣ пьяны... Аглайда передъ ними, со своими приспѣшницами, мелкимъ бѣсомъ разсы-

пается... Выволокли изъ кельи мать Евстолю, она по-французски помнитъ, чтобъ значить имъ переводить, что нашимъ желательно, чтобъ они знали, и чтобъ отвѣты ихъ объяснять... Она, Аглаида-то, надо правду сказать, молодцомъ дѣйствуетъ... Французовъ-то, всего и съ офицерами, семнадцать человѣкъ, про то, что еще придутъ, это они выдумали, чтобъ страху нагнать. Сами потомъ проболтались... Я ихъ всѣхъ видѣла, вотъ какъ сейчасъ васъ вижу. Красивые brunety, одинъ изъ офицеровъ на нашего мусью Шарля, какъ родной братъ, похожъ. И волосы такіе же черные да курчавые и глаза такіе же каріе, и изъ себя такой же стройный да сухопарый... А какъ засмѣялся онъ съ товарищами, разговоривая, да зубы у него промежъ усовъ засверкали, я чуть не вскрикнула....

— А настоящельница тебя видѣла?—поспѣшила я прервать рассказъ, отъ котораго меня бросало то въ жаръ, то въ холодъ.

— Видѣла. Да ей не до насъ. Она, говорятъ, какъ узнала, что васъ нѣтъ въ той кельѣ, въ которой она васъ заперла, махнула рукой и сказала, что имъ же лучше, хлопотъ меньше. «Хотѣла, говоритъ, ихъ спасти и отправить въ такое мѣсто, гдѣ бы они были въ безопасности, но если они за всю нашу доброту не желаютъ намъ довѣріе оказать, такъ и Богъ съ ними!» Но только она это вретъ, что изъ жалости хотѣла насъ задержать, ей деньги наши были нужны, вотъ что!—поспѣшила она прибавить.

— Куда же мы теперь пойдѣмъ?

— А вотъ куда: спервоначала лѣсомъ, все прямо, прямо, до поворота къ полянкѣ, а тамъ черезъ эту самую полянку выйдѣмъ на дорогу, чтò ведетъ въ деревню, гдѣ наши остались. Оттуда путь на Москву идетъ, и народу по ней всякаго, говорятъ, страсть какъ много можно встрѣтить! Приткнемся къ какойнибудь кучкѣ, которая намъ лучше другихъ приглянется, и побредѣмъ дальше. А, можетъ, намъ посчастливится лошадку съ телѣгойъ найти, тогда скорѣе доберѣмся до мѣстечка подальше отъ сраженіевъ, тамъ и поселимся пока что... А только бы намъ скорѣе отсюда-то выбраться, Аглаида, по всему видать, намѣренія своего пожечь французовъ не оставила...

— Почему ты такъ думаешь?

— По многимъ примѣтамъ. Подъ тѣмъ предлогомъ, что на конюшнѣ лошадямъ тѣсно, приказала ихъ оттуда вывести въ лѣсъ и цѣлые вороха сѣна распорядилась поближе къ дому натаскать. И все съ тѣми двумя, что французовъ-то привели, совѣтуется. То и дѣло, то сама къ нимъ выходитъ на заднее крыльцо, то Евдокію къ нимъ высылаетъ, и все о чемъ-то шепчутся. А монашки, которыхъ она съ молодыми-то не отправила, какъ угорѣлыя, по задворкамъ бѣгаютъ съ узлами, все въ лѣсъ тащатъ и тамъ тому хромому, чтò у нихъ въ сторожахъ состоитъ, суютъ. А онъ куда-то все это уволакиваетъ, должно быть, въ надежное мѣсто, потому

что онѣ почти все свое добро такимъ манеромъ ему перетаскали. Своими глазами видѣла, какъ мать Алена ему лукошко съ любимыми своими хохлаточками передала. Флигеля совсѣмъ пустые стоятъ. Предложили было французы туда солдатъ на ночлегъ размѣстить, такъ Аглаида не согласилась. «Какъ можно дорогихъ гостей въ такое сырое помѣщеніе спать класть! говоритъ. Вамъ, говоритъ, передъ трудами покой нуженъ. Ложитесь всѣ вмѣстѣ въ домѣ, а мы ужъ во флигелѣ, наше дѣло привычное». Согласились, конечно, всякому хочется, послѣ трехъ дней ходьбы, на мягкомъ да въ теплѣ поспать. Обѣщали ей за гостепрѣимство ничего изъ монастыря, окромѣ съѣстнаго, не уносить. А она-то имъ въ поясъ кланяется, она-то кланяется! «Святыню нашу только не трогайте, до конца вѣка будемъ за васъ Господа Бога молить!» Однимъ словомъ, такъ она ихъ льстивыми словами обволокла, что не знаютъ, какъ ею и нахвалиться. Ну, вотъ точно и взаправду не врагами, а друзьями-приятелями они забрели отдохнуть въ монастырь. Распорядилась она имъ всѣмъ постели въ домѣ послать. Офицерамъ въ гостиной, гдѣ вы почивали, а солдатамъ на полу въ другихъ комнатахъ. И я сама видѣла, какъ Евдокія имъ тутъ пива и меду цѣльными жбанами понесла. Который, значить, достаточно за ужинномъ не успѣлъ угоститься, тотъ у постели найдетъ, чѣмъ утолить жажду... Ужъ и теперь многіе на ногахъ не стоятъ, а черезъ часъ или два всѣ въ лежку будутъ лежать, безъ силъ пошевелиться и безъ ума, чтобъ сообразить, что съ ними дѣлаютъ.

— А что же съ ними сдѣлаютъ?—чуть слышно и съ трудомъ шевеля губами отъ ужаса, спросила я.

— Ужъ про то не наша забота думать, не мы въ отвѣтъ передъ Господомъ Богомъ будемъ, — отрывисто и сурово сдвигая брови, возразила она. — Намъ пора въ путь собираться, вотъ что. Захватила чье-то одѣяло, чтобъ нашего князька завернуть...

Мы разбудили Рому и пустились въ путь.

Долго шелъ онъ бодро, держа меня за руку, по заглохшимъ тропинкамъ лѣса, по которымъ мы пробирались наобумъ впотѣмахъ. Степанида несла за плечами мѣшокъ съ провизіей и одѣяло. Дойдя до поворота, мы остановились, чтобъ обождать тутъ разсвѣта, и уложили нашего мальчика на разостланномъ на травѣ одѣялѣ, которымъ мы его укутали, а сами сѣли на камень возлѣ него и стали ждать, чтобъ заблѣлся востокъ, всматриваясь въ окружающія насъ тѣни и прислушиваясь, чтобъ въ царившей вокругъ насъ тишинѣ уловить отголосокъ ужасовъ, происходившихъ въ монастырѣ. Когда Рома заснулъ, Степанида мнѣ созналась, что она съ умысломъ завела насъ такъ далеко въ лѣсъ, чтобъ мы не слышали воплей несчастныхъ, когда ихъ охватитъ пламя, и когда они убѣдятся, что спасенія имъ ждать неоткуда.

— Запрутъ ихъ въ домѣ, къ окнамъ соломы сгребутъ, да со

всѣхъ сторонъ и подожгутъ. А они пьянешеньки. Когда отъ дыма очухаются, имъ ужъ выхода не найдить. Всѣ до единого погибнутъ,—говорила она шопотомъ, пригнувшись къ моему уху, точно опасаясь самимъ деревьямъ сообщить свое страшное открытіе.

— Несчастные! — вырвался у меня вопль ужаса и жалости.

— Да какъ же быть-то, барышня моя милая? Если мы ихъ сегодня помилуемъ, они насъ завтра всѣхъ несчастными сдѣлаютъ. Мало развѣ искалѣчили они нашихъ православныхъ? Мало развѣ жизни лишили? Намеднись монашка изъ Москвы про обозъ съ ранеными рассказывала, который она по Смоленской дорогѣ обогнала, вотъ это такъ страсти! Телѣги-то съ нашими изрубленными солдатами да офицерами ѣдутъ, они сердечные отъ муки нестерпимой такъ стонутъ, что ажно сердце въ груди замираетъ ихъ слушаючи, а за ними по дорогѣ-то кровь такъ и льетъ... со дна, значить, телѣги протекаетъ. Ну, пусть и они помучатся, пусть и они страдаютъ за зло, которое они намъ сдѣлали,— угрюмо прибавила она, отвертываясь, чтобъ я не видѣла ея блѣднаго, взволнованнаго лица, съ злобно сверкавшими глазами.

— Они не виноваты... ихъ повели... Они не смѣютъ не итти туда, куда ихъ ведутъ, и не дѣлать того, что имъ приказываютъ дѣлать,—замѣтила я.

— Что это вы, княжна? Да ништо мы войну начали? Не мы къ нимъ пришли, чтобъ ихъ грабить и мучить, а они къ намъ... Вотъ вы ихъ жалѣете, а они, можетъ, теперь кого изъ нашихъ, князя нашего или старшаго вашего братца, немилосердно терзаютъ и лютой смерти предають... Нѣтъ, нѣтъ,—продолжала она съ возрастающимъ одушевленіемъ, — ужъ на что я эту самую ехидную и алчную мать Аглаиду не люблю, а за то, что она придумала противъ проклятиковъ, не могу ее не похвалить. И если ей награду царь пожалуетъ, всегда скажу, что она ее заслужила, вотъ что. По нонѣшнимъ временамъ жить и чувствовать, какъ всегда, невозможно. Наступило такое страшное время, что и у ребенка невиннаго, который плачетъ, когда при немъ цыпленка рѣжутъ, на врага злоба кипитъ!

Что было на это возражать? Она была права. Бываютъ такія времена, когда обычныя чувства волей-неволей притупляются, чтобъ дать мѣсто другимъ, о существованіи которыхъ раньше и не подозрѣваешь, а тутъ они вдругъ просыпаются эти чувства и все остальное собою затираютъ. Но зато и подвиги же великіе сверпаются въ такія времена! Къ мысли о смерти привыкаешь до такой степени, что для себя въ ней ничего страшнаго не находишь и объ одномъ только думаешь: какъ бы близкихъ отъ нея сохранить?

Я испытала это на себѣ, когда въ эту ночь и въ послѣдующія, сознавая себя ответственной за брата, ввѣреннаго мнѣ отцомъ, я

готова была на все, чтобъ спасти его отъ опасности. Вмѣстѣ съ тѣмъ утрачивалось понятіе о времени и пространствѣ, и не только заглядывать далеко впередъ, но даже и о завтрашнемъ днѣ не было возможности думать, вся жизнь была въ настоящемъ: проведи часть спокойно, и слава Богу! Надо пережить такое нравственное состояніе, чтобъ его понять, а какъ краснорѣчиво его ни описывай, все выходитъ блѣдно, и удивляешься, когда рассказъ производитъ впечатлѣніе. Спросите у каждаго, кто на себѣ вынесъ то, что мнѣ довелось вынести, и всякій вамъ скажетъ, что я говорю правду. Но среди самыхъ большихъ ужасовъ выдавались ужасы страшнѣе прочихъ, и такой именно я испытала въ тѣ часы, которые мы провели въ лѣсу, неподалеку отъ восемнадцати существъ, обреченныхъ на лютую смерть и виновныхъ только въ томъ, что судьба наслала на ихъ страну такой бичъ челоуѣчества, какъ Бонапартъ. Ни на одну минуту не могла я оторвать мыслей отъ нихъ. Съ изумительною отчетливостью представлялись моему воображенію подробности того, что происходило въ обители.

Вотъ всѣ полегли и заснули.

Аглаида со своими вѣрными сподвижницами подходитъ къ дверямъ и прислушивается. Убѣдившись, что никто не въ состояніи ее слышать, она запираетъ заранѣе обмазанные масломъ замки. А на дворѣ, подѣ наглухо запертыми ставнями, раскладываютъ костры. Работа идетъ быстро и въ полнѣйшей тишинѣ; каждому извѣстно, что его ждетъ въ случаѣ неудачи. Слухами о страшныхъ расправахъ врага съ пытавшимися неудачно отомстить ему полна вся окрестность.

Наконецъ все готово.

У околицы ждетъ лошадь, запряженная въ телѣгу для игуменьи, которая въ нее садится со своей вѣрной Евдокіей. Остальныхъ, оставшихся съ нею въ обители сестеръ, она благословляетъ искать спасенія гѣшкомъ по извѣстнымъ имъ дорогамъ, проселочнымъ или столбовымъ, лѣсомъ или полемъ, какъ имъ заблагоразсудится. Всѣ обитательницы монастыря скрылись, остались одни мужчины, хромой сторожъ, двое парней его товарищи, да тѣ таинственные проводники французовъ, которыхъ я видѣла наканунѣ бесѣдующими съ Аглаидой у опушки лѣса. Этимъ бояться нечего, все такъ мудро подготовлено руководительницей предпріятія, что имъ остается только привести его въ исполненіе, не опасаясь послѣдствій. Когда строеніе, наполненное врагами, займетъ пламенемъ, поджигатели всегда успѣютъ скрыться, гнаться за ними будетъ некому.

И вдругъ, въ то время, когда я размышляла такимъ образомъ, и какъ бы въ отвѣтъ моимъ предположеніямъ, промежъ деревьевъ показалось яркое зарево пожара. Все шире и шире, все ярче и ярче расплываясь по небу, охватило оно такое огромное пространство, что весь лѣсъ, точно кровью, окрасился багровымъ блескомъ. Съ минуты

на минуту становилось всё свѣтлѣе и свѣтлѣе вокругъ насъ. Рома проснулся и, молча ко мнѣ прижимаясь, не спускалъ широко раскрытыхъ глазъ съ зловѣщаго блеска. Я благодарила Бога, что онъ не спрашиваетъ: «что это горитъ?» Что отвѣтила бы я ему на этотъ вопросъ? Развѣ онъ могъ понять жестокою логикою матери Аглаиды, нашей Степаниды и имъ подобныхъ?

А пожаръ все разгорался, и намъ чудились вопли страдальцевъ, ихъ крики о помощи, мольбы и проклятія... Чудились такъ явственно, что по временамъ я оглядывалась на Степаниду, и губы мои беззвучно шевелились подъ наплывомъ необъяснимыхъ чувствъ, которыми у меня являлась неудержимая потребность съ нею подѣлиться, но слова не вылетали изъ стиснутаго спазмой горла. Безграничною жалостью сжималось сердце, и жалость эта, съ сознаниемъ беспомощности чѣмъ бы то ни было помочь страдальцамъ, была такъ мучительна, что я не въ силахъ была удерживаться отъ слезъ и стоновъ.

Рома ужъ давно все громче и громче рыдалъ. Заплакала и Степанида.

Сколько времени длилась страшная пытка несчастныхъ, обреченныхъ на смерть, и наше душевное томленіе, не знаю. Съ разсвѣтомъ зарево пожара стало блѣднѣть, но не потому, чтобъ онъ прекращался, а потому только, что пламени трудно было бороться съ блескомъ солнца, поднимавшагося изъ-за рѣки, чтобъ освѣтить картину ужаса и разоренія.

— Теперь, поди чай, давнымъ давно свои грѣшныя душеньки Богу отдали,—проговорила Степанида, отирая слезы, струившіяся по ея поблѣднѣвшимъ щекамъ.—Что-то съ нами будетъ? Доживемъ ли мы до вечера?—продолжала она вполголоса, какъ бы пытаясь оправдаться передъ невидимымъ судіей въ погибели людей, которую она не готовила и не приводила въ исполненіе, но за которую, тѣмъ не менѣе, себя упрекала.

А въ то же самое время и мать Аглаида, безъ сомнѣнія, старалась оправдаться передъ самой собой чувствомъ самосохраненія, возмездія, примѣромъ другихъ, обязанностью охранять отъ гибели ввѣренное ей стадо и тому подобными софизмами, въ которыхъ преступающіе заповѣдь Господню ищутъ убѣжища отъ преслѣдованія совѣсти.

— Ну, теперь намъ можно и въ путь отправиться. Совсѣмъ свѣтло, и мы не запутаемся,—объявила съ напускною развязностью Степанида, поднимаясь съ мѣста и принимаясь складывать одѣяло и привязывать его къ мѣшку съ провизіей.

Не раскрывая рта и все съ тѣмъ же выраженіемъ недѣтской сосредоточенности въ глазахъ, Рома поднялся съ мѣста и, помолчавъ немного, съ усиленіемъ спросилъ, указывая по тому направленію, куда неудержимо стремились наши мысли:

— Мы туда пойдемъ?

— Куда это? Въ обитель?—съ испугомъ спросила Степанида.—Да тамъ ужъ ничего нѣтъ!—продолжала она такъ стремительно, что невозможно было усомниться въ томъ, что ей пришла та же мысль, которая пришла и мнѣ въ голову, когда Рома произнесъ ее вслухъ.— Чай, ужъ и косточекъ тамъ не собрать...

И, точно возражая невидимому оппоненту, она прибавила:

— По дѣломъ имъ! Не приходи насъ грабить и мучить... Мы ихъ не трогали!

Я взяла брата за руку, и мы пошли по тропинкѣ къ дорогѣ пошире, со слѣдами колесъ и человѣческихъ ступней. Понимая съ каждымъ шагомъ все яснѣе и яснѣе, что намъ однимъ, пѣшкомъ и безъ провожатаго, не добраться до надежнаго пристанища, мы молили Бога послать намъ скорѣе помощь.

XX.

Мы вышли изъ лѣса и опять очутились на той дорогѣ, по которой насъ везъ монахъ, которому поручилъ насъ о. Лаврентій. Но теперь дорога эта была не такъ пуста и тиха, какъ недѣлю тому назадъ, на каждомъ шагу попадались войска. Къ счастью, все наши, русскіе, и поставивъ насъ у опушки лѣса, Степанида подошла къ офицеру, ѣхавшему во главѣ отряда въ сопровожденіи фуры, запряженной въ одну лошадь, и стала ему объяснять, кто мы такіе, и какая страшная опасность намъ грозитъ, если онъ не возьметъ насъ подъ свое покровительство. При этомъ она рассказала и про то, что произошло въ монастырѣ, изъ котораго мы бѣжали.

Мелькомъ на насъ взглянувъ, офицеръ спросилъ, какъ великъ былъ отрядъ, погибшій въ монастырѣ, и увѣрены ли мы, что всѣ французы погибли въ огнѣ.

— О, да! Всѣ до единого! Ни одному невозможно было спастись,—отвѣчала она.—Но куда же намъ-то дѣваться, г-нъ офицеръ? Вѣдь, того и гляди, опять набредемъ на враговъ, и они насъ не помилуютъ?

— Да что же я могу для васъ сдѣлать?—сказалъ онъ, пожимая плечами, и снова взглянулъ въ нашу сторону, чтобы разглядѣть наши лица, безъ сомнѣнія.

Мы стояли отъ него шагахъ въ двадцати и, какъ ни уговаривала меня Степанида итти съ нею, меня такъ стѣсняло непривычное мужское платье, и было такъ совѣстно предстать въ немъ передъ незнакомымъ господиномъ, что я предпочитала выждать окончанія переговоровъ на такомъ разстояніи, на которомъ ему было бы трудно различить черты моего лица. Чтобъ лучше его разжалобить, Степанида понизила голосъ и стала ему что-то такое

говорить, вѣроятно, про меня, потому что онъ чаще и пристальнѣе прежняго на меня взглядывалъ, слушая ее. И вдругъ, повернувъ лошадь, онъ направился шагомъ въ нашу сторону, не переставая при этомъ разговаривать съ нашей спутницей. Рома храбро двинулся къ нему навстрѣчу, а я, въ смущеніи опутивъ глаза, подъ пристальнымъ и полнымъ обиднаго любопытства взглядомъ незнакомца, стояла ни жива, ни мертва отъ стыда и волненія, въ ожиданіи разспросовъ.

Заговорила первая Степанида.

— Вотъ, барышня, я сказала г-ну офицеру, что вы ихъ просите дать намъ солдатиковъ довести насъ до деревни, гдѣ наши остались, — объявила она.

Онъ остановился передо мною и вѣжливо мнѣ поклонился. Это былъ очень еще молодой человѣкъ, съ некрасивымъ, но добрымъ русскимъ лицомъ, къ которому нельзя было не чувствовать довѣрія, и я съ облегченнымъ сердцемъ отвѣчала на его поклонъ.

— Ваша дѣвушка увѣряетъ, что вы потеряли и карету вашу и всѣхъ вашихъ спутниковъ въ окрестностяхъ мужской обители, которая сдѣлалась жертвой непріятельскаго нашествія, правда это? — спросилъ онъ у меня.

Я повторила ему въ короткихъ словахъ рассказъ Степаниды о томъ, что съ нами произошло въ продолженіе послѣдней недѣли.

— Недѣля, это много времени въ наши дни! Пока вы странствовали по монастырямъ да по лѣсамъ, мы выиграли большое сраженіе при Бородинѣ, — замѣтилъ онъ съ улыбкой.

— Москва спасена? — радостно вскричала я.

— Напротивъ, Москва во власти непріятеля, но, Богъ дастъ, Россія будетъ спасена. Армія отступила къ Тарутину. Москва горитъ. Не знаю, что вамъ посовѣтовать... Жаль, что вы такъ поздно собрались бѣжать, теперь вамъ никуда не пробраться, всюду рыщутъ шайками мародеры, всѣ съѣстные припасы истреблены, и вы должны понимать, что когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ не умереть съ голоду, самые добрые люди превращаются въ дикихъ звѣрей... Къ тому же, еслибъ я даже и могъ вамъ дать конвой, а это не въ моей власти, онъ былъ бы вамъ совершенно излишенъ, такъ какъ вамъ ни за что не найти вашихъ людей съ экипажемъ тамъ, гдѣ вы ихъ оставили, вся та мѣстность разграблена и опустошена огнемъ и мечемъ.

— Правда, — замѣтила я: — ужъ и тогда, когда мы сюда вѣзжали, всѣ жители бѣжали, и мы только въ монастырѣ могли найти пріютъ.

И я рассказала ему про страшную сцену, видѣнную нами въ разграбленной усадьбѣ, гдѣ среди труповъ бродила, помѣшавшаяся отъ отчаянія и ужаса, дѣвушка.

— О, такихъ сценъ намъ доводилось видѣть такое множество,

что къ стыду нашему я долженъ сознаться, что онѣ насъ уже не изумляютъ и не трогаютъ! Единственное, что подобные ужасы въ насъ возбуждаютъ, это жажду мести. И, кажется,—продолжалъ онъ съ одушевленіемъ,—жажда эта скоро будетъ удовлетворена... Но не въ томъ дѣло. Вамъ здѣсь невозможно оставаться. Трудно предполагать, чтобъ подвигъ настоятельницы монастыря не дошелъ до начальства погибнувшаго отряда, и сюда навѣрное пришлютъ отрядъ втрое сильнѣе, чтобъ отомстить за товарищей. Вамъ надо, какъ можно скорѣе, отсюда удалиться.

— Но куда же?

Онъ немного подумалъ, а затѣмъ предложилъ намъ слѣдовать съ нимъ до перваго селенія, гдѣ бы можно было найти болѣе или менѣе надежное убѣжище.

— А если такого мѣста не найдется, дойдите съ нами до лагеря. Не вы одни будете искать тамъ спасенія отъ французовъ, говорятъ, что вокругъ лагеря главнокомандующаго расположился цѣлый городъ бѣглецовъ, ищущихъ спасенія отъ врага.

Говоря такимъ образомъ, онъ не переставалъ смотрѣть на меня съ такимъ любопытствомъ, что я не могла сомнѣваться въ томъ, что тайна моего маскарада ему была извѣстна. Но, какъ мнѣ ни было конфузно, а отказаться отъ его предложенія было невозможно, другого исхода не представлялось, и, поблагодаривъ его за участіе, я выразила опасеніе, чтобъ мой братъ не утомился отъ слишкомъ продолжительной ходьбы.

— Они вамъ, барышня, могутъ повозку свою дать,—шепнула на ухо Степанида.

— Съ нами фургонъ для раненыхъ,—безъ сомнѣнія, догадавшись, о чемъ она говоритъ, подхватилъ офицеръ.

И, подозвавъ одного изъ солдатъ, остановившихся на почтительномъ разстояніи, онъ приказалъ подзвать фуру.

— Вотъ вамъ и экипажъ. Раненыхъ у насъ еще, слава Богу, нѣтъ. Садитесь въ него,—съ почтительнымъ поклономъ обращаюсь ко мнѣ, прибавилъ онъ, когда фура подъѣхала.

Рома выразилъ желаніе итти съ солдатами пѣшкомъ, и когда я стала его отговаривать отъ этого намѣренія, нашъ новый покровитель посовѣтовалъ мнѣ позволить ему испробовать свои силы въ ходьбѣ.

— Даю вамъ слово, что много утомляться я ему не дамъ и приведу его къ вамъ, какъ только замѣчу, что онъ устаеетъ, или посажу его съ собою на лошадь.

Мнѣ ничего больше не оставалось, какъ поблагодарить нашего благодѣтеля, котораго, какъ мы вскорѣ узнали, звали Павломъ Петровичемъ Ковковымъ, и усѣсться со Степанидой въ фуру. Она рассказала мнѣ, понижая голосъ, чтобъ не быть услышанною сол-

датомъ, правящимъ фурой, что она не могла не сказать офицеру, кто мы такіе.

— Онъ тогда только и зачалъ меня со вниманіемъ слушать, а допрежь того все только хмурился да головой моталъ. А какъ сказала я ему, что одинъ изъ пареньковъ у опушки—переодѣтая дѣвица и княжна, совсѣмъ другой сталъ, и вотъ увидите, что подъ такимъ конвоемъ мы теперь куда угодно дойдемъ,—радостно повторяла она.—Никто насъ не посмѣетъ тронуть, и къ вечеру мы непременно дойдемъ до лагеря. А ужъ тамъ, сами слышали, какое множество народу притулилось, кто знаетъ, можетъ, и знакомыхъ найдемъ!

Рома такъ подружился съ Павломъ Петровичемъ, что не отходилъ отъ него ни на шагъ. Сначала онъ шелъ возлѣ лошади, на которой этотъ послѣдній ѣхалъ, но затѣмъ мы увидали ихъ на одномъ сѣдлѣ весело разговаривающими между собою, а черезъ полчаса Рома подбѣжалъ ко мнѣ, чтобъ попотчевать насъ сухарями, которые ему далъ его новый пріятель.

— Отвѣдай эти сухари, замѣчательно вкусные! У насъ въ Москвѣ такихъ не умѣютъ дѣлать!

Мой бѣдный братишка такъ проголодался, что даже солдатскіе сухари казались ему вкусны! Я благодарила Бога, что новыя впечатлѣнія заставляли его забывать ужасы, которыхъ мы были свидѣтелями прошлою ночью. Что же касается до меня, несчастные французы, сожженные живыми въ обители матери Аглаиды, не выходили у меня изъ ума и не только отбили у меня аппетитъ, но также и способность думать о чемъ либо другомъ. Однако, вскорѣ передъ нами стали развертываться такія картины, что даже и страшная драма минувшей ночи отступила на второй планъ.

Не успѣли мы отѣхать верстъ пять, какъ нашъ возница, указывая намъ на строеніе на пригоркѣ, объявилъ, что это усадьба помѣщика Дмитроковскаго, и что у насъ тутъ назначенъ привалъ.

— Со вчерашняго утра горячимъ горло не промочили,—замѣтилъ онъ при этомъ.

— Почему же?—спросила Степанида.

— Потому что по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, по которымъ мы проходили, французъ раньше насъ побывалъ.

Въ надеждѣ на скорый отдыхъ, солдаты шли бодро и затянули пѣсню, а мы со Степанидой не спускали глазъ съ чернѣвшихъ вдаль строеній между деревьевъ, и, чѣмъ ближе мы къ нимъ подходили, тѣмъ мрачнѣе они намъ казались. Странно какъ-то торчали трубы, точно обгорѣлыя.

И вдругъ, откуда-то, точно изъ земли, вынырнулъ маленькій мальчуганъ въ рваной грязной рубашенкѣ, босикомъ, и въ огромной заломленной на затылокъ мѣховой шапкѣ. Онъ бойко подбѣжалъ къ офицеру и началъ ему что-то такое рассказывать, жести-

кулируя и указывая голой, загорѣлой рукой на поселокъ, къ которому мы шли. И не только Павелъ Петровичъ остановилъ лошадь, чтобъ его слушать, но и весь отрядъ остановился. А затѣмъ, спустивъ Рому съ сѣдла, начальникъ подъѣхалъ къ людямъ и сталъ о чемъ-то совѣщаться съ ними, въ то время, какъ оба мальчика, мой братъ и маленькій незнакомецъ, внимательно прислушивались къ разговору. По временамъ офицеръ обращался къ маленькому вѣстовщику съ вопросомъ, на который онъ отвѣчалъ, размахивая руками и указывая на обгорѣлыя строения, чернѣвшія въ отдаленіи. Наконецъ переговоры кончились, отрядъ двинулся впередъ, въ сопровожденіи мальчика, а начальникъ подъѣхалъ къ фурѣ, сопровождаемый Ромой, который ни на шагъ отъ него не оставалъ и, какъ вѣрная собаченка, бѣжалъ за лошадыю.

— Село выжжено, княжна,—обратился ко мнѣ офицеръ, забывая мое инкогнито, — наша обязанность произвести тамъ рекогносцировку, чтобъ убѣдиться, не оставилъ ли непріятель между мертвыми живыхъ, которымъ можно чѣмъ нибудь помочь, но вамъ я бы совѣтовалъ за нами не слѣдовать. Мало ли на что мы можемъ наткнуться! Я вамъ оставлю двухъ людей для охраны.

— А меня вы возьмете съ собою, не правда ли?—рѣшительнымъ тономъ спросилъ Рома.

Офицеръ улыбнулся и, успокоивая меня взглядомъ, отвѣчалъ мальчику, что онъ не понимаетъ, какъ могъ онъ предложить ему такой вопросъ.

— Какъ могли вы забыть, что въ опасную минуту ваше мѣсто возлѣ вашей сестры?—прибавилъ онъ строго.

Рома, краснѣя, подошелъ ко мнѣ и взялъ меня за руку.

— Ну, вотъ, такъ-то лучше будетъ. Изъ васъ, я вижу, отличный выйдетъ офицеръ. До свиданія,—продолжалъ онъ, протягивая ему руку, которую Рома крѣпко, по-мужски, пожалъ въ восторгѣ, что съ нимъ обращаются, какъ съ взрослымъ.

Почтительно мнѣ поклонившись, нашъ покровитель поспѣшилъ догнать отрядъ, а мы, стоя у фуры, изъ которой со Степанидой вылѣзли, когда убѣдились въ катастрофѣ, обрушившейся надъ усадьбой, смотрѣли имъ въ слѣдъ, мысленно моля Бога, чтобъ Онъ сохранилъ ихъ отъ бѣды.

Наконецъ они у насъ скрылись изъ виду, но мы продолжали смотрѣть въ ту сторону, прислушиваясь къ зловѣщей тишинѣ, царившей вокругъ насъ въ воздухѣ, постепенно теплѣвшемъ отъ лучей солнца, побѣдоносно поднимавшагося все выше и выше на синемъ, безоблачномъ небѣ.

Начинался прелестный осенній день, мирная ясность котораго представляла разительный контрастъ съ жуткими чувствами, волновавшими намъ душу. По прозрачной лазури рѣяли стаи перелетныхъ птицъ, отъ скошенныхъ полей и изъ лѣса, тянувшася

вокругъ на необозримое пространство, вѣяло запахомъ душистыхъ травъ и тѣмъ чуднымъ осеннимъ ароматомъ, смѣсью увядающихъ цвѣтовъ и спѣлыхъ плодовъ, отъ котораго, когда имъ долго дышишь, въ воображеніи проносятся образы, навѣвающе на душу сладкую истому. Но въ то роковое утро другихъ чувствъ, кромѣ ужаса и страха, у насъ въ душѣ не было. Не прошло и десяти минутъ послѣ ухода отряда, не успѣлъ онъ скрыться у насъ изъ глазъ между деревьями, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ, за нимъ другой, третій...

— Засада!—вскричалъ солдатъ, оставленный, чтобъ насъ охранять.

— Какая тамъ засада! Просто не всѣ еще выбрались изъ разореннаго дома, какъ въ томъ хуторѣ намеднись, гдѣ мы изъ подвала съ винами двухъ французовъ вытащили... Такъ были пьяны, голубчики, что даже и тогда не очухались, когда мы ихъ...

— Вотъ они тамъ со всѣми и покончили, не палаятъ больше,— прервалъ его товарищъ, прислушиваясь.

Прошло еще нѣсколько минутъ томительнаго ожиданія. Все было тихо, но мы не отрывали глазъ отъ поселка.

— Вѣжитъ какъ будто оттуда кто-то,—проговорилъ солдатъ, таинственно понижая голосъ, точно боясь быть подслушаннымъ.

— Вѣжитъ!—подхватилъ Рома.

Теперь и мы со Степанидой видѣли бѣгущаго къ намъ со всѣхъ ногъ солдата.

— Кричать что-то такое... не разберешь,—замѣтилъ одинъ изъ охранителей нашихъ.

Но товарищъ его разслышалъ слово «фура», долетѣвшее и до моего уха, вскочилъ на козлы и подобралъ вожжи, готовясь пуститься въ путь.

— Что тамъ у васъ случилось?—спросилъ другой солдатъ у подбѣгавшаго посланца.

— Фуру скорѣе... Его благородію угодили въ животъ... Дай Богъ благополучно довезти!...

— Ахъ, черти! Засада, вѣрно?

— Какая тамъ засада! Раненный, еле ползаетъ, свои же, вѣрно, замертво оставили, а онъ, какъ принатужится, да выпалить! Мы его тутъ же и прикончили... Да вѣдь этимъ дѣло не поправишь!

— Что же, барышня, тутъ что ли намъ оставаться, или съ ними туда итти?—спросила у меня вполголоса Степанида.

— Пойдемъ за ними,—отвѣчала я.

Мы послѣдовали за фурой, въ сопровожденіи солдатъ. Посланный сталъ рассказывать подробности несчастнаго приключенія, такъ неожиданно лишившаго насъ нашего новаго покровителя, какъ они прошли село, не встрѣтивъ въ немъ ни одной живой души, валялась только на порогѣ одного дома истекающая кровью

молодуха, которая не въ силахъ была имъ дать никакихъ свѣдѣній о происходившемъ тутъ недавно побоищѣ...

— Злодѣй-то, значитъ, въ барскихъ хоромахъ притаился?

— И тамъ мы тоже, окромѣ мертвецовъ, никого не нашли. На порогъ кабинета двое барчатъ, изрубленныхъ саблями, а дальше барыня, тоже ужъ давно остыла, сердечная! А возлѣ нея двое людей... Вздумали, вѣрно, защищать госпожу, ну, а они этого не любятъ.

— Гдѣ любить! Имъ бы, чтобъ всѣ передъ ними пардонъ кричали!

— А изъ деревни-то всѣ разбѣжались. Послѣ того, какъ непріятель на нее нагрязнулъ или прежде, этого мы изслѣдовать не успѣли. Его благородіе изволили заглянуть въ сѣни, а тотъ чортъ, что лежалъ за дверью, какъ выпалить!

— Мы слышали...

— Что вы слышали? Вы ужъ тогда слышали, когда мы его на переднее крыльцо выволокли, да зачали съ нимъ расправляться...

— Лиза, они его убили?—спросилъ Рома, прижимаясь ко мнѣ и хватая похолодѣвшими пальцами мою руку.

— Убили, баринъ, убили. Какъ же намъ было его за нашего начальника не убить? Жаль только, что одинъ попался, вотъ что! Ну, да дай срокъ, и на нашей улицѣ будетъ праздникъ!—угрюмо прибавилъ онъ.

Фура насъ опередила минутъ на десять. Когда мы вошли въ аллею изъ чудныхъ столѣтнихъ тополей, въ концѣ которой красовался барскій домъ затѣйливой архитектуры, съ выбитыми стеклами въ окнахъ и оторванными дверями, мы стали наткаться на самые разнообразныя предметы, по всему видно, вытащенные изъ дома, а затѣмъ брошенные, какъ лишняя тяжесть. Попадались намъ тутъ и мебель, и посуда, и предметы дамскаго туалета, но само собою разумѣется, ни одной золотой или серебряной вещи. Въ первый еще разъ увидѣли мы тутъ образъ, безъ ризы, сорванной съ него грубой рукой, и брошенный ликомъ внизъ на кучу какихъ-то обломковъ, и то, что я почувствовала при видѣ этой поруганной святыни, не поддается описанію!

Такою же горькою обидой залилось сердце и у Степаниды, когда мы одновременно нагнулись, чтобъ его поднять. Я стояла къ нему ближе, а потому первая имъ овладѣла. Это былъ образъ св. великомученицы Екатерины. Онъ у меня до сихъ поръ цѣлъ. Многихъ кощунствъ и святотатствъ довелось намъ быть впослѣдствіи свидѣтельницами, но потому ли, что мы пріобрѣтѣлись ко злу и никакимъ злодѣяніямъ не могли ужъ болѣе удивляться, но такого болѣзненнаго впечатлѣнія, какъ то, что произвелъ на насъ этотъ ограбленный и брошенный образъ, къ которому, можетъ быть, не дальше, какъ нѣсколько часовъ тому назадъ, прикладывались съ

вѣрой и любовью губы, тогда живыя, а теперь мертвыя, никакія ужасы на меня не производили.

Образъ этотъ яснѣ всякихъ словъ объяснялъ мнѣ страшный смыслъ непріятельскаго нашествія. Намъ грозило не одно разореніе, позоръ и смерть, нашей родинѣ грозило нѣчто много ужаснѣе этого—гнѣтъ чуждой русскому духу культуры, глумленіе надъ нашей святыней, надъ тѣмъ, что иностранцу самому гуманному и высоко развитому ни за что не понять, потому только, что онъ не русскій.

Съ этой минуты во мнѣ свершился неожиданный нравственный переворотъ. Новыя чувства, проснувшіяся въ душѣ, заглушили старыя, и я ужъ не могла безъ смущенія вспоминать про Шарля. Не стыдъ за мою любовь къ нему, а сознаніе, что каждый русскій мнѣ въ настоящее время долженъ быть ближе и дороже его, угнетало мнѣ душу.

Первое, что мы увидали, подходя къ крыльцу, было распротертое на ступенькахъ тѣло нашего покровителя. Онъ еще дышалъ и прерывающимся отъ боли и удушья голосомъ отдавалъ приказанія опустившемуся передъ нимъ на колѣни унтеръ-офицеру, который, глотая слезы, отвѣчалъ на каждое его слово: «Слушаю, ваше благородіе!»

Завидѣвъ насъ, умирающій улыбнулся и съ усиліемъ проговорилъ: «Доведите ихъ съ собой, у нихъ отецъ и старшій братъ въ арміи», странно какъ-то захрипѣлъ, его блѣдныя губы окрасились кровавою пѣной, тѣло судорожно вытянулось, и взоръ, по странной случайности, устремленный на меня, остановился. Все кругомъ стихло и замерло. Одно мгновеніе, показавшееся мнѣ очень продолжительнымъ по множеству мыслей и представлений, нахлынувшихъ мнѣ на душу, мнѣ казалось, что человѣкъ этотъ, съ которымъ я сегодня познакомилась въ первый разъ въ жизни, мнѣ близокъ со дня моего рожденія, и что я его знаю такъ же хорошо, какъ моихъ братьевъ и отца. Мы только почему-то въ первую минуту не узнали другъ друга, но теперь онъ такъ же мнѣ улыбается, какъ старой, старой знакомой...

— Барышня, отойдите, они скончались, не хорошо такъ на мертваго смотрѣть,—говорила, отгаскивая меня силой отъ тупа, Степанида.—Посмотри-те ка, братецъ-то какъ убивается!

Я обернулась и увидала Рому, рыдавашаго, опершись головой о дерево.

— Пойдемте въ домъ, барышня, отдохнете тамъ. Мы скоро опять пустимся въ путь, здѣсь оставаться опасно, того и гляди, новые грабители прибѣгутъ. Ихъ тутъ, говорятъ, множество бродить... Да и братца надо утѣшить, долго ли такому маленькому отъ слезъ расхвораться...

Мы вошли въ домъ съ разломанною мебелью, съ разбросан-

ными по полу бумагами, книгами, счетами, старыми пожелтѣвшими письмами, хранившимися въ отпертыхъ настѣжъ бюро и письменныхъ столахъ, въ которыхъ грабители, безъ сомнѣнія, искали цѣнныхъ бумагъ или вещей. Тутъ же валялись сорванные съ дверей и оконъ драпировки. Въ другія комнаты насъ не пустили подъ тѣмъ предлогомъ, что туда невозможно пройти отъ нагроможденной мебели, но развѣ мы могли забыть разсказъ солдата о несчастныхъ убитыхъ? Не такое было время, чтобъ заботиться о погребеніи мертвецовъ, и они, безъ сомнѣнія, лежатъ тамъ, гдѣ ихъ застала смерть. Впрочемъ, стоило только взглянуть на Степаниду, когда она вернулась къ намъ, обошедши весь разграбленный домъ, чтобъ догадаться, какіе она видѣла ужасы. Лицо ея было блѣдно, какъ смерть, и она отвертывала отъ насъ глаза, чтобъ мы не прочли въ нихъ отраженія ея чувствъ. Мы занялись Ромой. Долго не хотѣлъ онъ успокоиться, и мы насилу могли его уговорить подкрѣпиться ѣдой, которую принесли намъ солдаты, распорядившіеся, въ ожиданіи выступленія, заняться стряпней. Между ними оказался поваръ, нашлась и провизія, запрятанная въ подвалѣ, до котораго французы не успѣли добраться.

Прибѣжалъ тотъ мальчишка, который насъ первый увѣдомилъ о разгромѣ усадьбы Дмитроковскихъ господъ. Онъ увѣрялъ, что предупреждалъ офицера объ опасности, поставляя ему на видъ, что, должно быть, не всѣ злодѣи послѣдовали за своимъ начальникомъ, когда, истребивъ тѣхъ изъ обитателей, которые не успѣли или не хотѣли бѣжать, и забравъ все, что удалось найти цѣннаго, они покинули разоренное гнѣздо. Господа съ ближними слугами храбро защищались, кромѣ убитыхъ французовъ, валявшихся тамъ, гдѣ происходило побоище, должны были быть еще и раненные, и упавшіе замертво, ошеломленные ударами ихъ жертвъ.

— Но баринъ только смѣялся надъ моими совѣтами и увѣрялъ, что русскій офицеръ ничего не долженъ бояться...

Мальчикъ къ этому прибавилъ, что онъ послѣ всѣхъ убѣжалъ въ лѣсъ, когда ужъ съ обоими барчатами проклятые басурманы покончили. Онъ прервалъ свою рѣчь, чтобъ отереть рукавомъ рубахи крупныя слезы, заструившіяся по его щекамъ, а затѣмъ, тряхнувъ всклооченными кудрями, объявилъ: «Теперь здѣсь дѣлать больше нечего, мы съ Микиткой въ Москву пойдѣмъ».

— Но вѣдь тамъ французы,—замѣтила я.

— Они тебя убьютъ,—подхватилъ Рома, прислушивавшійся съ напряженнымъ вниманіемъ къ разговору.

— Ну, и пусть! За нашихъ по крайности отплатимъ,—вымолвилъ онъ угрюмо.

— Какъ же вы отплатите?—съ живостью спросилъ Рома.

— Про это раньше времени болтать не слѣдуетъ, баринъ.

— Не приставай къ нему,—сказала я брату по-французски.

Онъ съ раздраженіемъ передернулъ плечами и, обернувшись къ новому нашему знакомцу, спросилъ у него, какъ разсчитываетъ онъ добраться до Москвы, когда дорога туда во власти непріятеля.

— Эхъ, баринъ! Да ништо мало изъ нашихъ туда понашло послѣ того, какъ онъ туда нагрянулъ! — уклончиво отвѣчалъ онъ.

— Но что же тамъ русскимъ дѣлать, когда враги наши тамъ по-своему распоряжаются?—продолжала я его допрашивать.

Но проникнуть въ его душу и заставить его подѣлиться своими планами оказалось не легко.

— Пробираются же туда другіе, почему же и намъ туда не пойти?—повторялъ онъ, искоса вскидывая выразительный взглядъ на Рому, который съ сверкающими рѣшимостью глазами жадно прислушивался къ каждому его слову.

Меня вдругъ поразило сходство между этимъ мальчикомъ и нашимъ старшимъ братомъ. Съ точно такимъ же выраженіемъ на задумчивомъ лицѣ, съ упрямо стиснутыми губами, стоялъ передо мною Сережа при нашемъ послѣднемъ свиданіи, когда онъ пришелъ съ нами проститься передъ поступленіемъ въ партизаны, и когда, на всѣ мои увѣщанія и просьбы примириться съ папенькой, онъ отвѣчалъ упорнымъ молчаніемъ.

— И скоро ты думаешь пуститься въ путь?—спросила я у мальчика, продолжавшаго переминаться у двери съ ноги на ногу, точно выжидая чего-то. Чтобъ я предложила ему помощь, можетъ быть?

— Микитка еще не собрался,—отрывисто отвѣчалъ онъ.

— А деньги у тебя есть?—спросила я, вынимая изъ кармана кошелекъ.

Онъ презрительно усмѣхнулся моему невѣжеству.—Откуда быть у меня деньгамъ? И раньше-то никогда въ заводѣ не было ни грошика, а ужъ теперь, когда и богатѣвъ-то всѣхъ дочиста обобрали...

— Такъ вотъ возьми, — сказала я, протягивая ему серебряный рубль.

Онъ съ поклономъ принялъ монету, но, повертѣвъ ее въ рукахъ, подалъ ее мнѣ обратно.

— Возьмите, барышня. Убьютъ, чего добраго, изъ-за серебрянаго-то рубля. Сами видите, какіе они до денегъ-то жадные,—прибавилъ онъ, указывая на окружающій насъ разгромъ.—Нешто они стали бы господъ убивать, кабы нечѣмъ было отъ нихъ поживиться? А вотъ, какъ съ нашего брата взять нечего, не стѣбитъ, значить, на насъ и пуль трагить, и сабель тупить. Тоже вѣдь онъ съ расчетомъ живетъ, французъ-то,—прибавилъ онъ съ усмѣшкой.

— Что же намъ для тебя сдѣлать? Неужто тебѣ такъ таки ничего не надо?—спросила я, съ каждой минутой все больше и больше заинтересовываясь нашимъ новымъ знакомцемъ.

— Если ваша милость будетъ...

И, въ смущеніи оборвавъ рѣчь на полусловѣ, онъ взглянулъ на Рому.

— Возьмемъ его съ собой, Лиза!—вскричалъ братъ, къ величайшему моему изумленію, тотчасъ же понявъ значеніе этого взгляда. И вполне вѣрно, если судить по тому, какъ мальчикъ вспыхнулъ, и какъ радостно загорѣлись его глаза.

— Ты хочешь итти съ нами?—спросила я.

— Если будетъ ваша милость насъ съ собою взять,—нерѣшительно проговорилъ онъ, продолжая вертѣть въ рукахъ оборванную мѣховую шапку.

— Кого это «насъ»?

— Его и друга его, Микитку,—съ живостью вмѣшался въ разговоръ Рома.—Развѣ ты не слышала? Онъ сказалъ, что они вдвоемъ идутъ въ Москву.

— И даже не вдвоемъ, а втроемъ съ дьячкомъ,—подхватилъ мальчикъ.—Онъ, дьячекъ-то, въ Каменку пошелъ, тамъ полковникъ пистолеты раздаетъ,—прибавилъ онъ, поощренный восторженнымъ взглядомъ, котораго не спускалъ съ него мой братишка.

— А нашъ Сережа въ партизанахъ!—нашелъ нужнымъ объявить этотъ послѣдній.

— Вотъ, вотъ! И тотъ полковникъ, къ которому дьячокъ пошелъ, тоже партизанъ!—объявилъ мальчикъ.

Съ часъ спустя, мы вышли изъ деревни, и Лешка, такъ звали мальчика, отправился вмѣстѣ съ солдатами, подъ предводительствомъ унтеръ-офицера, которому начальникъ передъ смертью передалъ командованіе отрядомъ. Рома былъ въ такомъ восторгѣ отъ новаго товарища, посланнаго ему судьбой, что не было никакой возможности усадить его въ фуру, въ которую я усѣлась со Степанидой. Онъ съ нимъ шелъ, въ ногу съ солдатами, безпрестанно ко мнѣ подбѣгая, чтобъ подѣлиться интересными новостями, слышанными отъ своихъ спутниковъ. Оказалось, что кругомъ вся мѣстность кишѣла мародерами и отрядами нашихъ охотниковъ изъ дворовыхъ людей и крестьянъ, вооруженныхъ чѣмъ Богъ послалъ. Не успѣли мы отѣхать и версты, какъ охотники эти стали намъ попадаться. Были между ними и такіе, которые шли бодро и весело на врага, и такіе, которые были ужъ порядкомъ помяты стычками съ ними. Раненные или полумертвые отъ усталости, они тащили на себѣ убитыхъ и рассказывали ужасы о неистовствахъ, происходившихъ въ Москвѣ, о всеобщемъ подъемѣ духа, о томъ, что главнокомандующій сказалъ такому-то и такому-то отряду, какъ онъ ободрялъ партизановъ, какъ собственноручно прикалывалъ медали на грудь женщинамъ, помогавшимъ мужикамъ истреблять враговъ, какъ во многихъ селеніяхъ священники слѣ-

довали примѣру смоленскаго попа, отличавшагося не хуже любого военачальника...

Попался намъ на встрѣчу отрядъ изъ города Вереи, который насъ предупреждалъ, что если мы не придемъ засвѣтло въ деревню Дубовку, то не только не застанемъ тамъ больше начальника, къ которому насъ послалъ покойный офицеръ, но еще рискуемъ попастьъ прямо въ когти непріятели, втрое насъ многочисленнѣе и прекрасно вооруженнаго. Но нашъ унтеръ-офицеръ, въ смущеніи теребя длинные усы, угрюмо повторялъ, что его дѣло слушаться начальства, и, къ величайшему моему изумленію, никому изъ людей не приходило въ голову ему замѣтить, что лица, представлявшаго это начальство, уже нѣтъ на свѣтѣ.

Мы продолжали итти по намѣченному пути, не внимая ничѣмъ совѣтамъ, и въ концѣ концовъ намъ не приходилось въ этомъ раскаиваться, такъ разнорѣчивы были мнѣнія попадавшихся намъ на встрѣчу людей. Одно только было очевидно: французскіе мародеры успѣли и тутъ побывать; селенія, черезъ которыя мы проходили, были такъ разорены, что въ нихъ невозможно было найти даже корки хлѣба. Всѣ двери стояли отпертыми, и изъ нѣкоторыхъ домовъ поломанная и разбитая утварь валялась на улицѣ. Попадались и выжженные деревни. Это—тѣхъ крестьянъ, которые не хотѣли безъ боя сдаться, пояснили солдаты.

Шли мы такимъ манеромъ весь день, съ короткими перевалами, во время которыхъ изъ фуры вынимались съѣстные припасы и раздавались людямъ. Вынимали и мы изъ мѣшка провизію, унесенную Степанидой изъ обители матери Аглаиды, но какъ ни потчевали мы ею Рому и его товарища, они отказывались отъ угощенія, увѣряя, что имъ несравненно лучше нравится то, что солдаты ѣдятъ. Когда наступили сумерки, изъ одного изъ лѣсокъ, мимо которыхъ мы проходили, вышелъ мальчикъ почти одного роста съ Ленкой, къ которому этотъ послѣдній побѣжалъ на встрѣчу. Рома послѣдовалъ за нимъ, и мы догадались, что это Никитка.

— Второго товарища себѣ нашъ князекъ нашель,—замѣтила Степанида, глядя вмѣстѣ со мной на группу изъ трехъ мальчугановъ, изъ которыхъ старшему не было больше десяти лѣтъ, съ живостью разговаривающихъ между собою.

— Совѣтуются, поди чай, какъ имъ Наполеона въ полонъ взять,—прибавила она со смѣхомъ.

Скоро они насъ догнали, и Рома, оставивъ товарищей позади, побѣжалъ къ фурѣ, прыгнувъ на нее и ставъ намъ рассказывать про подвиги Никитки.

— Онъ у французовъ былъ, слышалъ, какъ они про Москву говорили, что скоро война кончится, потому что Россіи безъ Москвы нельзя быть... Но вѣдь они это врутъ, не правда ли? Мы ихъ изъ

Москвы выгонимъ... Когда главнокомандующій сказалъ! И также государь!.. Никитка говоритъ, что они его въ провожатые хотѣли взять, чтобъ онъ имъ указалъ дорогу въ тѣ села, гдѣ можно муки и скота на мясо достать, а онъ, молодецъ, притворился, что испугался, а самъ, наслушавшись про то, что они про себя говорятъ, куда имъ прежде на разбой пойти, да пообѣщавши въ такія мѣста ихъ завести, гдѣ можно на цѣлый годъ ѣдой запасть, далъ сюда тягу!—объяснялъ онъ со сверкающими глазами. А затѣмъ, кидаясь ко мнѣ на шею, прошепталъ умоляющимъ шепотомъ мнѣ на ухо: пойдѣмъ съ ними въ Москву, сестрица!

— Ты съ ума сошелъ! Да насъ въ первомъ же перелѣскѣ французы убьютъ!—вскричала я съ ужасомъ.

— Не бойся, у насъ есть оружіе... Вотъ увидишь, что мы ихъ убьемъ, а не они насъ.

— Полно вздоръ говорить! Надо благодарить Бога, что солдаты насъ берутъ съ собой въ лагерь..

— Что тамъ въ лагерѣ! Кабы тамъ сражались, а то вѣдь такъ стоять!—протянулъ онъ съ презрительною гримасой.

Однако, на походѣ въ Москву онъ пересталъ настаивать и побѣжалъ къ своимъ новымъ друзьямъ. О разговорахъ ихъ я могла судить только по ихъ жестикуляціи. Они шли такъ далеко отъ фуры, на которой мы со Степанидой ѣхали шагомъ, что словъ ихъ не было слышно. По временамъ, при встрѣчахъ съ несчастными, вспугнутыми съ насиженныхъ гнѣздъ, онъ подбѣгалъ ко мнѣ, чтобъ рассказать о новыхъ ужасахъ и о новыхъ подвигахъ русскихъ людей, доведенныхъ до неистоваго отчаянія. Тамъ дѣвки напали съ вилами на спящихъ французовъ и прежде, чѣмъ испустить духъ подъ ихъ ударами, положили нѣсколько человѣкъ изъ нихъ на мѣстѣ. Тутъ наши добровольцы истребили отрядъ второе ихъ сильнѣе и сожгли заготовленные врагами припасы и т. п. Рассказывали такія чудеса про нашихъ партизановъ, что сердце замирало отъ восхищенія.

Погибшихъ не было жалко, они казались безсмертны въ ореолѣ славы, которымъ окружало ихъ воображеніе, воспламененное любовью къ родинѣ и чувствомъ обиды за нее. Пробудившійся русскій духъ, не видя границъ въ стремленіи своемъ къ самопожертвованію, парилъ такъ высоко надъ земными слабостями, потребностями и страстями, что даже родственные узы ослабѣли, и сокрушаться о смерти близкихъ никому въ голову не приходило. Вообще, смерть сдѣлалась такимъ обычнымъ явленіемъ, что совѣмъ перестала устрашать душу. Если встрѣчались женщины, сокрушавшіяся о пропавшихъ дѣтяхъ, то и эти какъ будто стыдились громко проявлять свое горе и плакали втихомолку, неохотно отвѣчая на разспросы. Можетъ быть, не всюду настроеніе было одинаково, но намъ пришлось проходить по мѣстности, подвергшейся жесточайшимъ испытаніямъ, и я рассказываю то, чему была сви-

дѣтельница и чего не забуду до самой смерти. На фурѣ я сидѣла большею частью одна: не только Степанида, но и солдатъ, правившій лошадей, оба шли пѣшкомъ, отчасти чтобъ не утомлять лошадей, а также потому, что при возбужденномъ состояніи духа усиленное движеніе являлось потребностью. Съ наступленіемъ сумерекъ и мнѣ тоже стало не въ терпежъ сидѣть, и, невзирая на непривычку къ мужской одеждѣ и на то, что грубые сапоги натерли мнѣ до крови кожу, я прошла версты три пѣшкомъ. Отрядъ нашъ подвигался, все осторожнѣе и осторожнѣе приближаясь къ лѣсу, и прежде чѣмъ въ него проникнуть, послали одного или двухъ человѣкъ осмотрѣть путь и идти дальше, убѣдившись, что опасныхъ встрѣчъ не предстоитъ. Такъ поступили и передъ тѣмъ, какъ проникнуть въ довольно густую рощу, примыкавшую къ барской усадьбѣ, отъ которой ничего, кромѣ обгорѣлыхъ стѣнъ, не осталось. Посланные вернулись съ извѣстіемъ, что въ лѣсу никого не видать, и мы проникли подъ темные своды молчаливыхъ старыхъ деревьевъ, бывшихъ еще такъ недавно свидѣтелями страшныхъ сценъ грабежа и убійствъ.

— А тутъ, должно быть, еще недавно богатѣйшій былъ паркъ, — замѣтила Степанида, всматриваясь въ правильно прорубленные аллеи, съ каменными скамейками по сторонамъ, по которымъ мы слѣдовали за нашими спутниками.

•Съ ними шли и наши мальчишки. Какъ ни уговаривала я Рому сѣсть съ нами, онъ никакъ не хотѣлъ согласиться на мою просьбу и, чтобъ не слушать моихъ представленій, отбѣжалъ отъ меня такъ далеко, что я не могла его видѣть.

— Да вы, барышня, не извольте за нихъ опасаться, они отъ унтера не отстанутъ,—успокоивала меня Степанида и прибавила съ улыбкой:—а изволили замѣтить, какую они себѣ махинуцу черезъ плечо навѣсили?

— Нѣтъ. Что такое?

— Пистолеть, и огромнѣйшій. У того проклятика взяли, который нашего Павла Петровича подстрѣлилъ. Тоже вооружились! Ужъ и смѣху было промежъ солдатъ! Вамъ просили не сказывать. Сестрица меня за маленькаго считаетъ, говорить.

Ужъ одно это должно было навести меня на мысль о затѣваемомъ имъ предпріятіи, но умъ мой былъ въ такомъ оцѣпенѣніи отъ страшныхъ впечатлѣній, что я утратила всякую сообразительность. Даже чувство страха во мнѣ притупилось, и я оставалась вполне равнодушною къ опасеніямъ, волновавшимъ моихъ спутниковъ, а между тѣмъ не могла я не видѣть, съ какими предосторожностями подвигаемся мы впередъ, какъ начальникъ отряда каждые сто или двѣсти шаговъ останавливается, чтобъ озираться по сторонамъ, и какъ долго онъ прислушивается, прежде чѣмъ идти дальше, и какъ тихо ступаютъ люди, остерегаясь даже шепотомъ между

собою разговаривать. А какой былъ озабоченный видъ у Степаниды! Какимъ страннымъ блескомъ горѣли ея глаза на поблѣднѣвшемъ лицѣ съ судорожно стиснутыми губами, когда она взглядывала на меня, какъ бы для того, чтобъ убѣдиться, что я не догадываюсь о томъ, что насъ ожидаетъ! Но стоило мнѣ только разомкнуть губы, чтобъ предложить ей вопросъ, какъ она энергичнымъ движеніемъ приказывала мнѣ молчать. Намъ свѣтила та же самая луна, при которой мы выѣхали изъ Москвы всего только недѣлю тому назадъ. Теперь она поднималась позже, но также ласково серебрила листву, черезъ которую пронизывалась, какъ и тогда, когда мы при ея блескѣ прощались съ роднымъ городомъ. Сколько пережили мы въ эти восемь дней, и сколько выстрадала наша бѣдная родина!

Паркъ тянулся безконечно. Мы, какъ будто, не пересѣкали его прямымъ путемъ, а кружили по немъ. Мальчики наши давно исчезли у насъ изъ виду. На мой нѣмой вопросъ Степанида, не отходившая со мной отъ фуры, чуть слышно отвѣчала, что ихъ за солдатами не видно, но что унтеръ обѣщалъ не отпускать ихъ отъ себя.

— Какъ выѣдемъ изъ лѣса, такъ пойдемъ скорѣе и черезъ нѣсколько минутъ дойдемъ до нашихъ,—прибавила она.

Мы были уже не въ паркѣ, а въ лѣсу, прекрасно содержавшемся, съ широкими просѣками, но это были ужъ не аллеи, убитыя щебенемъ, и не встрѣчалось ни каменныхъ скамеекъ для отдохновенія, ни мраморныхъ изваяній. Я только тутъ это замѣтила и одновременно почувствовала, что мнѣ съ каждымъ шагомъ все тяжелѣе и больнѣе ступать.

— Сѣли бы въ фуру. Вамъ, поди чай, сапожищами-то пузыри натерло,—посоветовала мнѣ моя спутница.

И не договоривъ смолкла и остановилась, какъ вкопанная, устремивъ взглядъ на солдатъ, которые тоже сначала остановились, а затѣмъ попятились назадъ.

— Что это они?—спросила я.

— Пойдите тутъ, я сейчасъ узнаю.

Она подбѣжала къ унтеру, который о чемъ-то толковалъ шопотомъ съ людьми, и, постоявъ возлѣ нихъ съ минуту, вернулась ко мнѣ съ извѣстіемъ, что въ лѣсу французы.

— Неизвѣстно, сколько ихъ, и видятъ ли они насъ, но по всему надо полагать, что они насъ увидали, и что благополучно намъ отсюда не выбраться...

— Гдѣ Рома? Ужъ умирать, такъ всѣмъ вмѣстѣ...

— Сейчасъ приведу ихъ сюда...

Отрядъ продолжалъ стоять. Стояла, какъ вкопанная, и лошадь съ фурой, слѣдовавшая за нами безъ кучера. Унтеръ отдѣлился отъ людей, чтобъ подойти ко мнѣ...

— Французы, барышня!—произнесъ онъ скорѣе радостно, чѣмъ со страхомъ.—Придется, должно быть, съ ними схватиться, ничего не подѣлаешь... Ну, да никто какъ Богъ! Авось отобьемся... Послалъ въ деревню за нашими, если счастливо проберутся и подмогу намъ пришлютъ, такое мы тутъ побоище учинимъ, что душенька нашего Павла Петровича возрадуется, ну, а не удастся, значить, ужъ судьба наша такая... А только мы имъ живыми въ руки не дадимся и понакрошимъ изъ нихъ тюри немало!

И его не слушала. Къ намъ бѣжала Степанида, и, увы, одна!

— А Рома?—спросила я, вздрагивая отъ страшнаго предчувствія.

— Ихъ нѣтъ-съ, всѣ трое скрылись...

— Да гдѣ же онъ? Гдѣ? Бѣжимъ его искать!

И, должно быть, сама не сознавая, что я дѣлаю, я кинулась исполнять это намѣреніе, потому что двѣ сильныя руки заставили меня остановиться среди чащи, въ которую я, обезумѣвъ отъ ужаса, кинулась.

— Барышня, барышня; куда вы? Кабы знать, въ какую сторону они ушли...

— Прямо къ французамъ въ лапы угодите,—подхватилъ унтеръ.

И хотѣлъ къ этому еще что-то прибавить, но оборвалъ рѣчь на полусловѣ, чтобъ прислушаться къ шуму, поднимавшемуся кругомъ. Шорохъ и шелестъ листьевъ сливался съ усиливавшимся говоромъ приближавшейся толпы, еще не видной за деревьями, но дававшей себя съ каждымъ мгновеніемъ ощутительнѣе чувствовать. Прорывалось по временамъ и бряцаніе оружія.

— Они! Ну, барышня, братецъ вапъ, можетъ, кстати насъ покинулъ, а вы извольте-ка отсюда не уходить, мы ихъ подалеке заведемъ...

Съ этими словами унтеръ кинулся бѣжать къ своимъ людямъ, и почти тотчасъ же весь отрядъ сталъ заворачивать въ противоположную сторону отъ того направленія, къ которому раньше держалъ путь. И не успѣлъ онъ скрыться у насъ изъ виду, какъ съ другой стороны шумъ шаговъ усилился, и Степанида, схвативъ меня за руку, увлекла за собою въ чащу лѣса.

Фура осталась на мѣстѣ.

— Пока они ее станутъ разбирать, мы успѣемъ далеко отбѣжать,—проговорила она на ходу, убѣгая все дальше и дальше.

Остановились мы ужъ тогда, когда ноги стали отказываться насъ нести, и, оглянувшись по сторонамъ, увидали, что мы очутились въ томъ самомъ паркѣ, изъ котораго перешли въ лѣсъ.

Вдали завязывался бой, и, повидимому, очень отъ насъ близко. А между тѣмъ намъ казалось, что мы бѣжали долго и отбѣжали далеко. Увы, мы кружились на одномъ почти мѣстѣ и такъ близко отъ полянки, на которой началось сраженіе, что до нашего слуха долетали не только выстрѣлы, но и вопли раненыхъ!

Что мы пережили въ эти минуты, не поддается описанію! Слышать, какъ убиваютъ людей, и не быть въ состояніи оказать имъ помощь, что можетъ быть ужаснѣе этого? Время отъ времени мы переглядывались съ нѣмымъ вопросомъ въ глазахъ и, не находя отвѣта, снова устремляли взглядъ туда, откуда доносились крики, выстрѣлы и звонъ оружія. Длилось это долго, такъ намъ казалось, по крайней мѣрѣ. Степанида нѣсколько разъ порывалась туда бѣжать, и только опасеніе оставить меня одну, удерживало ее отъ желанія посмотрѣть, что тамъ дѣлается.

— Кто одолѣваетъ? Они или наши?—спросила я, наконецъ, не будучи въ состояніи сдерживать долѣе моего нетерпѣнія.—Пооди, посмотри!

— А если я заплутаюсь и не найду больше сюда дороги, какъ же вы тутъ безъ меня? Нѣтъ, ужъ, барышня, ни за что я васъ живая не покину,—проговорила она задыхающимся отъ волненія голосомъ.

Не успѣла она произнести эти слова, какъ мы услышали, что въ нашу сторону послѣшно бѣгутъ люди.

«Наши или французы?»—завертѣлось у меня въ умѣ назойливѣе прежняго.

Да и понятно, отъ отвѣта на этотъ вопросъ зависѣла наша судьба.

Вдали продолжали раздаваться крики, но что они выражали: отчаяніе или торжество и чье именно—угадать не было никакой возможности. Одно только было очевидно, сраженіе кончилось, и одна сторона обратилась въ бѣгство. А шаги, между тѣмъ, быстро приближались, сухія вѣтви, которыми были усѣяны тропинки, хрустѣли подъ многочисленными ногами справа и слѣва отъ насъ такъ близко, что мелькнувшая было у насъ въ головѣ надежда скрыться отъ напасти тотчасъ же погасла: бѣжать было некуда.

— Остается положиться на волю Божію,—прошептала я, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

— А, можетъ быть, это наши?—замѣтила Степанида.

— Боже упаси! Неужтожъ ихъ одолѣли?!

— И впрямь, пусть ужъ лучше будутъ французы...

Это были французы.

Н. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ С. М. ЗАГОСКИНА ¹⁾.

XVI.

Бароны О. Н. и А. Н. Корфы.—Баронъ Э. И. Мирбахъ.—Рескриптъ дворянству трехъ западныхъ губерній.—Графиня Протасова.—Княгиня Салтыкова.—Сановники того времени.—С. М. и М. С. Мартыновы.—Сынъ ихъ.—Пожары въ Моховой.—Е. П. Давыдова.

БРАЩУСЬ теперь къ моимъ новымъ знакомымъ. Посѣщая лѣтомъ почти ежедневно семейство моего начальника, я познакомился со многими его родственниками и однофамильцами, принадлежавшими къ многочисленнымъ Корфамъ, проживавшимъ въ Петербургѣ и изъ которыхъ можно было составить, безъ всякаго преувеличенія, изрядную нѣмецкую колонію. Изъ числа ближайшихъ родственниковъ барона я коротко сошелся только съ двумя братьями-баронами Корфами, Теодоромъ Николаевичемъ и Андреемъ Николаевичемъ, родными племянниками Модеста Андрѣевича и жены его, такъ какъ мать ихъ была родною сестрою перваго, а отецъ—братомъ послѣдней, и по своимъ бабушкамъ Смирновымъ они оба были православные. Полагаю, что въ то время въ Петербургѣ едва ли бы нашлось другое семейство, которое бы породнилось между собою, подобно этимъ Корфамъ. Кого изъ нихъ ни спросишь,—все родня между собою, да еще вдвойнѣ.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXI, стр. 36.

Оеодоръ Николаевичъ былъ тогда секретаремъ въ сенатѣ. Милый, умный, веселый и балагуръ, онъ былъ чрезвычайно забавенъ своими остроумными разсказами и шутками, но, къ несчастію, любилъ вино и нерѣдко приходилъ въ черезчуръ веселое настроеніе. Несмотря на то, я полюбилъ его за благородный, чисто рыцарскій характеръ и рѣдкія качества души и сердца ¹⁾.

Андрей Николаевичъ, офицеръ Преображенскаго полка, обладавъ всѣми прекрасными качествами своего брата, отличался отъ него полнѣйшею трезвостью и серіознымъ направленіемъ своего недюжиннаго ума. Будучи человѣкомъ либеральнымъ въ лучшемъ значеніи этого слова, онъ былъ до крайности снисходителенъ къ недостаткамъ своего ближняго и особенно подчиненныхъ ему солдатъ, которые, въ свою очередь, оцѣнивая его отеческую о нихъ заботливость, безконечно любили его. Въ то время онъ уже проявлялъ проблески будущаго государственнаго дѣятеля, и весьма любимый императоромъ Александромъ II-мъ, вскорѣ былъ пожалованъ его флигель-адъютантомъ и затѣмъ быстро сдѣлалъ блестящую карьеру ²⁾.

Изъ числа другихъ родственниковъ Модеста Андреевича, не столь близкихъ и не носившихъ его фамиліи, я чаще всѣхъ прочихъ встрѣчалъ у него пожилого холостяка, флигель-адъютанта, барона Эрнеста Ивановича Мирбаха, который не только въ свою молодость, но даже и въ зрѣлыхъ лѣтахъ считался въ высшемъ обществѣ и при дворѣ однимъ изъ самыхъ лучшихъ и неутомимыхъ танцоровъ.

Петербургское великосвѣтское общество хорошо знало его, любило и наперерывъ приглашало къ себѣ, хотя онъ не отличался ни умомъ, ни особыми добродѣтелями, а былъ только, что называется, «добрыи малый». Значительный успѣхъ его въ свѣтѣ нельзя не приписать хорошимъ манерамъ его, постоянной веселости, умѣнью ловко и красиво танцовать и, наконецъ, флигель-адъютантскимъ эполетамъ,—другихъ болѣе существенныхъ качествъ ни я и, думаю, никто за нимъ не зналъ. Имѣя ограниченное состояніе, онъ былъ до крайности скупъ, вслѣдствіе чего подъ старость составилъ себѣ большое состояніе, увеличивая его, сверхъ того, покупкою и перепродажею лошадей, старыхъ экипажей, всякой домашней рухляди и даже своихъ поношенныхъ мундировъ. Не объдая иначе, какъ у своихъ знакомыхъ и всего чаще у Модеста Андреевича, онъ въ печальные дни, когда приходилось ему объ-

¹⁾ Оеодоръ Николаевичъ умеръ въ 1875 г. въ должности сенатскаго оберъ-прокурора, всѣми любимый и уважаемый.

²⁾ Вслѣдствіи Андрей Николаевичъ былъ генераль-адъютантомъ и умеръ въ должности пріамурскаго генераль-губернатора. Онъ былъ женатъ на Софіи Алексѣевнѣ Свистуновой.

дать на свой счетъ, довольствовался щами и кашею своего денщика, о чемъ, впрочемъ, открыто и съ добродушнымъ смѣхомъ заявлялъ всѣмъ своимъ знакомымъ.

Можно утвердительно сказать, что Мирбахъ былъ рѣдкій типъ настоящаго, но только великосвѣтскаго «Плюшкина». На откладываемые деньги онъ подъ старость приобрѣлъ себѣ большой доходный домъ въ Петербургѣ, и когда поселился въ немъ въ одной изъ самыхъ маленькихъ и невзрачныхъ квартиръ, то Модестъ Андреевичъ, любившій подтрунивать надъ человѣческими слабостями, сталъ нерѣдко въ присутствіи самого Мирбаха увѣрять всѣхъ, что послѣдній, не имѣя въ своемъ домѣ ни дворника, ни собаки, самъ сторожить его и по ночамъ лаеетъ по-собачьи. Насмѣшка эта нисколько не оскорбляла скупого домовладѣльца; напротивъ, съ веселымъ хохотомъ онъ возражалъ только словами: «не правда, не вѣрьте, Модестъ Андреевичъ шутить!». А была ли это шутка, въ томъ многіе сомнѣвались ¹⁾.

Оставляя описаніе моихъ новыхъ знакомыхъ, не могу не упомянуть объ одномъ обстоятельстве, которое въ ноябрѣ этого года имѣло громадное значеніе для всей Россіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, привело однихъ въ великій восторгъ, а другихъ въ сильную печаль... Я говорю о послѣдовавшемъ въ этомъ мѣсяцѣ высочайшемъ рескриптѣ дворянству губерній Виленской, Гродненской и Ковенской, съ повелѣніемъ учредить въ каждой изъ нихъ комитетъ для составленія проекта объ улучшеніи быта крестьянъ на основаніи указаній этого рескрипта. Хотя болѣе чѣмъ за годъ передъ тѣмъ было всѣмъ извѣстно объ учрежденіи секретнаго комитета, подъ предсѣдательствомъ государя, для обсужденія необходимыхъ мѣръ къ лучшему устройству быта крѣпостныхъ крестьянъ, но такъ какъ предположеніе это не нашло большого сочувствія ни въ предводителяхъ дворянства, ни въ самомъ дворянствѣ многихъ великороссійскихъ губерній, то вышеупомянутый рескриптъ послѣдовалъ только къ дворянству тѣхъ трехъ западныхъ губерній, гдѣ предводители выказали полную готовность содѣйствовать предположенной реформѣ, вызванной желаніемъ императора Александра Николаевича выполнить давнишнюю задушевную мысль своего родителя и для исполненія которой, по мнѣнію царствовавшаго государя, время уже тогда вполне настало.

До обнародованія рескрипта ходили лишь разные слухи и толки о предстоящемъ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но, такъ какъ появленіе его было сочтено началомъ близкаго

¹⁾ Баронъ Мирбахъ умеръ лѣтъ 60-ти, шталмейстеромъ высочайшаго двора. Пожалованный изъ свиты генералъ-майора въ этотъ придворный чинъ съ переименованіемъ въ тайные совѣтники, онъ добился оставленія ему прежняго значительнаго содержанія по его свитской должности.

раскрѣпощенія крестьянъ не только въ трехъ западныхъ губерніяхъ, но и во всѣхъ прочихъ россійскихъ губерніяхъ, то оно и вызвало съ одной стороны восторгъ и радость, а съ другой пересуды и неудовольствія. Много лицъ, отъ души привѣтствуя новую реформу, считали ее благодѣтельною для народа и пламенно желали скорѣйшаго ея осуществленія, но было немало помѣщиковъ и даже государственныхъ сановниковъ, считавшихъ мѣру эту началомъ разоренія дворянства и предвѣстницею раздоровъ и беспорядковъ. Насколько были правы и тѣ и другіе, показало время... я же, съ своей стороны, не будучи съ ранней юности приверженцемъ крѣпостного права, радовался отъ чистаго сердца уже одной мысли о возстановленіи во всѣхъ человѣческихъ правахъ тѣхъ, которые, лишенные, подобно безсловеснымъ животнымъ, голоса, правъ и даже свободной воли, обязаны были подчинять свое существованіе единой волѣ помѣщиковъ, изъ которыхъ многіе и многіе, къ несчастью, пользовались ею въ ущербъ блага подвластныхъ имъ, такихъ же, какъ и они сами, христіанскихъ душъ...

Въ секретномъ комитетѣ, о которомъ я выше упомянулъ, принялъ участіе и мой начальникъ, баронъ Корфъ, но, невзирая на его сочувствіе къ предположенной реформѣ, участіе его, по собственнымъ его словамъ, должно было ограничиться самою пассивною ролью. Не владѣвъ никогда помѣстьями и не имѣя ни малѣйшаго понятія о крестьянскомъ бытѣ, баронъ не могъ внести въ комитетскія разсужденія ни одной полезной мысли и долженъ былъ во всемъ соглашаться съ мнѣніемъ лишь тѣхъ членовъ, которые, подобно ему, не были противниками освобожденія крестьянъ.

Правъ ли былъ баронъ, или нѣтъ,—не знаю и, по тогдашней моей молодости, не могъ о томъ судить, однако мнѣ казалось даже и тогда, что Модестъ Андреевичъ, какъ человѣкъ умный, образованный, честный и казавшійся либеральнымъ, могъ бы несомнѣнно принести нѣкоторую пользу, какъ своимъ жизненнымъ опытомъ, такъ и своими прекрасными душевными качествами въ такомъ дѣлѣ, какъ дарованіе свободы несвободному человѣку, и, если онъ считалъ себя бесполезнымъ членомъ въ упомянутомъ комитетѣ, то, думаю, единственно потому, что самолюбіе его нѣсколько страдало вслѣдствіе отсутствія надлежащихъ свѣдѣній по крестьянскому вопросу и потому невозможности на комитетскихъ засѣданіяхъ быть однимъ изъ первенствующихъ ораторовъ. Вскорѣ баронъ не выдержалъ и вышелъ совсѣмъ изъ комитета, чѣмъ и подвергъ себя нѣкоторому неудовольствію государя.

Конецъ этого года остался мнѣ памятенъ знакомствомъ съ одною изъ представительницъ петербургскаго высшаго общества, женщиною въ высшей степени почтенною и достойною глубочайшаго уваженія: въ домѣ княгини Е. Д. Долгоруковой я былъ представленъ ея сестрѣ, графинѣ Натальѣ Дмитріевнѣ Протасовой,

которая, зная въ своей молодости моего отца, обошлась со мною чрезвычайно любезно и пригласила на свои вечера, по вторникамъ.

Графиня, въ то время женщина лѣтъ пятидесяти пяти, вдова бывшего въ царствованіе императора Николая I-го оберъ-прокурора святѣйшаго синода, олицетворяла собою настоящій типъ аристократической дамы, сохранившей манеры, утонченную любезность и образъ жизни давно минувшаго времени; не имѣя никакой претензіи, подобно большей части пожилыхъ великосвѣтскихъ дамъ, казаться моложе своихъ лѣтъ, она слѣдовала въ своей одеждѣ модѣ 30-хъ годовъ, однако никого не поражала своими старомодными чепцами и древними шляпками въ видѣ кибитокъ. Глубокая, истинная христіанка, она совмѣщала въ себѣ всѣ земныя добродѣтели, изъ которыхъ на первомъ планѣ были смиреніе, доброта и отзывчивость къ чужому горю. Она жила открыто въ своемъ роскошномъ домѣ на Невскомъ, давала рауты и танцевальныя вечера, т. е. жила совсѣмъ посвѣтски и даже въ послѣдствіи, пожалованная статсъ-дамою и гофмейстериною императрицы Маріи Александровны, принимала постоянное участіе во всѣхъ придворныхъ увеселеніяхъ, но душею и сердцемъ была также постоянно «не отъ міра сего».

На ея вечерахъ, какъ и на вечерахъ ея сестры княгини Долгоруковой, я встрѣчался со многими старичками, сановниками того времени, и долженъ отдать полную справедливость ихъ вѣжливости и привѣтливому обращенію, равному со всѣми. Многіе тогдашніе первые чины двора и государственные люди, происходя, большею частью, изъ древнихъ русскихъ фамилій, считали долгомъ не выказывать ни малѣйшей гордости или важности своего высокаго положенія, къ сожалѣнію, столь присущихъ позднѣйшему поколѣнію болѣе молодыхъ сановниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые держали себя до того неприступно, что едва отдавали поклоны не только молодежи, но даже и своимъ прежнимъ сослуживцамъ, не сдѣлавшимъ, подобно имъ, быстрой служебной карьеры... да, разница была большая! и невольно вспоминаешь аристократовъ стараго времени, далеко оставившихъ за собою, если не по уму и образованію, то, во всякомъ случаѣ, по своему воспитанію и манерамъ многихъ новоиспеченныхъ выскочекъ, къ которымъ болѣе или менѣе примѣнимо выраженіе: «вороны въ павлиньихъ перьяхъ».

Къ тому же времени относится мое знакомство съ братомъ моей бабушки Загоскиной, Саввою Михайловичемъ Мартыновымъ, и женою его Марією Степановною. Несмотря на мое съ ними родство и даже особое почтеніе, которое мнѣ слѣдовало оказывать брату бабушки, родному дядѣ моего отца, я, по пріѣздѣ въ Петербургъ, не будучи лично ему извѣстенъ, не поѣхалъ къ нему и только въ концѣ этого года случайно познакомился съ нимъ.

Слышавъ отъ моихъ родителей о значительной гордости и чван-

ствѣ большей части тогдашнихъ, многочисленныхъ Мартыновыхъ, я опасался встрѣтить у Саввы Михайловича и его семейства холодный пріемъ, такъ какъ, по разказу бабушки, дядя его сталъ къ нему любезенъ только со времени появленія «Юрія Милославскаго», или вѣрнѣе съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ пользоваться благоволеніемъ императора Николая Павловича и въ свои рѣдкіе пріѣзды въ Петербургъ удостоивался приглашенія на вечера императрицы Александры Ѳеодоровны. Позднѣе Савва Михайловичъ даже гордился родствомъ съ моимъ отцомъ, но, такъ какъ много ему нечего было гордиться, то я и не счелъ нужнымъ посѣтить его и представился, увидавъ его вмѣстѣ съ Маріею Степановною на вечерѣ у нашего общаго родственника, генерала Гулевича.

Мартыновъ былъ въ то время почти 80-ти-лѣтній старикъ, весьма умный и любезный, но, какъ говорилось въ старину, «настоящій вольтеріанецъ». Онъ жилъ въ прекрасной обстановкѣ, на Мойкѣ, въ домѣ Демидова, гдѣ помѣщался Англійскій клубъ, въ которомъ онъ ежедневно проводилъ вечера за крупною карточною игрою. Выигрывая и проигрывая громадныя куши, Савва Михайловичъ по временамъ дѣлался настоящимъ богачемъ, но когда богатство его вылетало въ трубу, то онъ вовсе не печалился, надѣясь снова отыграться.

Жена его, рожденная Поскочина, почти ровесница своего мужа, была прекуріозная старуха. Лице ея, нѣкогда весьма красивое, сохранило и въ старости правильныя черты, но сильное желаніе казаться молодою дѣлало ее нѣсколько комичною. Враждуя съ своими преклонными лѣтами и тщательно скрывая ихъ отъ всѣхъ, она постоянно жаловалась на страшную ревность своего мужа, доходившую будто бы до того, что онъ запрещалъ ей принимать молодыхъ людей... Такъ было и со мною: при первомъ моемъ съ нею знакомствѣ она пожелала, чтобы я назначилъ день и часъ моего къ ней визита, дабы выслать на подъѣздъ свою горничную, для провода меня къ ней какими-то окольными путями. На вопросъ мой, для чего нужны такія предосторожности для пріема ея внучатнаго племянника, старушка добродушно отвѣтила: «Савва Михайловичъ не позволяетъ мнѣ принимать молодыхъ людей, и не думаю, чтобы для васъ сдѣлалъ исключеніе», и затѣмъ попросила меня не называть ее ни бабушкою, ни тетушкою, а просто кузиною..... Я чуть не расхохотался,—хороши *cousin* и *cousine* одному 24 года, а другой почти 80-ть! Въ первую минуту я подумалъ, что она выжила изъ ума, но, посѣтивъ ее со всѣми надлежащими предосторожностями, убѣдился, что она далеко не глупа и весьма добрая и почтенная женщина, къ несчастію, страдавшая смѣшною слабостью казаться на половину моложе своихъ лѣтъ.

У Мартыновыхъ, кромѣ трехъ дочерей, былъ сынъ Николай, отставной гвардейскій артиллеристъ, одинъ изъ лучшихъ свѣтскихъ

піанистовъ своего времени. Маленькій, тщедушный и крайне некрасивый, съ какими-то красными, золотушными и слезящимися глазами, онъ тоже страдалъ слабостью, совсѣмъ уже не подходившею къ его невзрачному лицу: онъ постоянно хвасталъ своими, будто бы, безчисленными побѣдами надъ женскими сердцами. Слабость эта, однако, не мѣшала ему быть умнымъ, образованнымъ и любезнымъ человѣкомъ.

Въ эту зиму я посѣтилъ нѣсколько разъ Мартыновыхъ и даже однажды обѣдалъ у нихъ; и хотя старческая чета, вопреки моего ожиданія, принимала меня очень любезно, но царившая въ ихъ домѣ тоска и частые рассказы о ихъ дружбѣ съ «великими міра сего», которыхъ въ дѣйствительности они и не знали, не пришлись мнѣ по сердцу, и я сталъ бывать у нихъ очень рѣдко, такъ рѣдко, что черезъ нѣсколько лѣтъ Савва Михайловичъ, забывъ о моемъ существованіи, принялъ меня за своего родного племянника ¹⁾, съ которымъ сходство мое состояло только въ томъ, что мы оба были мужчинами. Память старика видимо слабѣла, а такъ какъ Марія Степановна стала тоже заговариваться, то я прекратилъ мои посѣщенія, не составлявшія ни для нихъ ни для меня ни малѣйшаго удовольствія.

Начало этой зимы ознаменовалось частыми пожарами на Моховой, гдѣ была моя квартира: въ теченіе какихъ нибудь двухъ недѣль было восемь пожаровъ, вслѣдствіе которыхъ въ Петербургѣ стали называть эту улицу «пожарною».

Домъ Мелихова не избѣжалъ той же участи. Никогда не забуду этого пожара, хотя и незначительнаго, но надѣлавшаго мнѣ немало тревоженій. Въ этотъ день я отправился обѣдать къ моему начальнику, и только что всѣ встали изъ-за стола, какъ влетаетъ въ столовую мой человѣкъ съ извѣстіемъ, что въ домѣ, гдѣ я жилъ, горитъ верхній этажъ надъ моею квартирою, занимаемый моимъ сослуживцемъ Стасовымъ. Вѣсть эта перепугала не только меня, но и Модеста Андреевича, уже потому, что въ моемъ кабинетѣ находилось нѣсколько томовъ журналовъ комитета министровъ, слѣдовательно гибель этихъ важныхъ документовъ царствованія Николая Павловича могла бы плохо отозваться, какъ на мнѣ, такъ и на баронѣ. Прибывъ на Моховую, я долго не могъ пробраться въ мою квартиру, въ которую не допускала меня полиція, несмотря на то, что квартирѣ угрожала опасность, и что я объявилъ полицейскимъ, что въ ней находятся важныя дѣла комитета министровъ..... это умное и ни на чемъ не основанное распоряженіе полицейскихъ вывело меня наконецъ изъ терпѣнія, и, отыскавъ оберъ-полицеймейстера, я попросилъ его пропустить меня

¹⁾ Николая Соломоновича Мартынова, человѣка уже пожилого.

въ мою квартиру, и, конечно, черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже у себя. Войдя въ столовую, я былъ пораженъ представившеюся мнѣ картиной: среди комнаты, на горѣ пуховиковъ и матрасовъ, собранныхъ со всѣхъ людскихъ кроватей, сидѣла моя няня и неистово выла. Вокругъ нея, молчаливо и въ какомъ-то оцѣпенѣннн стояла моя остальная прислуга, не принимая никакихъ мѣръ къ спасенію моего имущества, страдавшаго не отъ огня, а отъ воды. Пожарные, гасившіе верхній этажъ, такъ усердно поливали, что въ моемъ кабинетѣ черезъ потолокъ вода лилась по стѣнамъ. Распорядившись о выносѣ мебели и библіотеки въ тѣ комнаты, гдѣ не было потопа, я сталъ уговаривать няню спуститься съ своихъ мягкихъ подмостковъ и прійти въ себя. Но уговоры мои не дѣйствовали, и она продолжала выть, сидя на тюфякахъ. Не находя у себя шкатулки съ моими бумагами и деньгами, я спросилъ няню, куда она поставила ее.

«Благодарите меня,—съ рыданіями отвѣчала старуха:—я спасла ее и отдала какому-то барину, приходившему узнать, дома ли вы». «Какому барину?» спросилъ я. «Вотъ этого уже и не знаю,—пришелъ сюда какой-то молодой человекъ, и я отдала ему шкатулку на сохраненіе, а кто онъ, право, не знаю; впопыхахъ и не спросила». Тутъ я положительно вышелъ изъ себя и наговорилъ много неслестныхъ вещей моему камердинеру и его сестрицѣ, продолжавшей сидѣть на прежнемъ мѣстѣ и вызывать всѣхъ святыхъ угодниковъ для спасенія квартиры отъ огня... вопли и причитанія продолжались еще довольно долго, даже и тогда, когда пожаръ сталъ со всѣмъ утихать.

Не отдавая себѣ отчета, куда могла попасть моя шкатулка, я вскорѣ былъ утѣшенъ приходомъ моего пріятеля И. Г. Новосильцова, возвратившаго мнѣ ее. Оказалось, что онъ шелъ по Моховой во время пожара и, зайдя ко мнѣ, взялъ шкатулку и отнесъ ее къ своему дядѣ, жившему по близости дома Мелихова.

Подъ моею квартирою, какъ я уже сказалъ, жила Екатерина Николаевна Давыдова съ двумя сыновьями. Передъ окончаніемъ пожара, я спустился въ ея квартиру и нашелъ старушку совершенно покойною, сидѣвшею въ компаніи какихъ-то двухъ барынь и генерала Тимашева ¹⁾).

Пожаръ въ нашемъ домѣ, сколько припомню, былъ чуть ли не послѣднимъ по Моховой. Передъ тѣмъ, былъ другой пожаръ почти напротивъ меня, въ домѣ Слатвинскаго, происшедшій вечеромъ и надѣлавшій немалый переполохъ по милости того, что въ это время происходила въ католической церкви свадьба нанявшаго и только что отдѣлавшаго въ этомъ домѣ квартиру чиновника мини-

¹⁾ Впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ.

стерства иностранныхъ дѣлъ, барона Моренгейма, съ дочерью генерала-отъ-артиллеріи, барона Н. И. Корфа. Новобрачные во время тушенія пожара должны были оставаться въ церкви ¹⁾.

Упомянувъ объ Екатеринѣ Николаевнѣ Давыдовой, я не могу не остановиться на этой свѣтлой и прекрасной личности, которая со дня моего перваго знакомства съ ней до конца ея жизни, т. е. въ теченіе почти четверти вѣка, не переставала оказывать мнѣ не только дружеское, но почти родственное расположеніе.

Екатерина Николаевна, рожденная Ермолова, женщина уже пожилая, была чрезвычайно любима и уважаема петербургскимъ высшимъ обществомъ, и я не зналъ ни одного человѣка, дурно о ней отозвавагося. Общую любовь и уваженіе она заслужила высокою добродѣтельною жизнью, прямою своего всегда ровнаго характера, безконечною добротою, постоянною веселостью, отличавшеюся какимъ-то дѣтскимъ добродушіемъ, и, наконецъ, рѣдкою привязанностью къ своимъ сыновьямъ, роднымъ и друзьямъ; у нея была слабость—если только можно назвать слабостью—страсть къ копеечному ералашу. Мало выѣзжая на большія сборища, она почти ежедневно проводила вечера въ тѣхъ домахъ, гдѣ была увѣрена найти себѣ партію въ эту игру. Когда же случалось вечеромъ оставаться дома, то разсылала свою прислугу къ разнымъ знакомымъ съ приглашеніемъ «на ералашъ», и, если приглашенія оказывались неудачными, она садилась играть въ эту игру съ своими сыновьями, увѣряя всѣхъ, что если проведетъ хотя одинъ вечеръ безъ ералаша, то непременно заболѣетъ. Страсть эта была чрезвычайно комична, но, несмотря на то, сыновья ея, молодые, взрослые и много выѣзжавшіе въ свѣтъ, охотно оставались дома и дѣлались ея партнерами, исполняя, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во всемъ, малѣйшее ея желаніе и, конечно, не было той жертвы, которой бы они не принесли ради своей матери, любовь къ которой доходила до чистаго обожанія. Такихъ взрослыхъ сыновей рѣдко и трудно было встрѣтить, и это прекрасное ихъ чувство къ своей матери не покинуло ихъ до конца ея жизни. Екатерина Николаевна умерла въ глубокой старости—лѣтъ 80-ти; въ послѣдніе годы она потеряла память, не узнавала своихъ знакомыхъ, но не переставала ежедневно, по вечерамъ, сидѣть съ своими сыновьями за карточнымъ столомъ, бросая и подбирая карты безъ малѣйшаго разбора, оставаясь въ полномъ убѣжденіи, что продолжаетъ играть въ любимый ею ералашъ.

¹⁾ Баронъ П. П. Моренгеймъ, по матери, рожденной Мостовской, принадлежалъ къ польской націи. Впослѣдствіи, будучи посломъ въ Парижѣ, онъ получилъ извѣстность, какъ человѣкъ, много способствовавшій сближенію Россіи съ Франціею.

XVII.

Одоевскіе.—Великая княгиня Елена Павловна.—Корфы.—Дядя А. Н. Загоскинъ.—
Продажа дома.—Отъѣздъ въ Москву.

Къ числу новыхъ и самыхъ пріятныхъ знакомствъ, сдѣланныхъ мною въ началѣ этой зимы, я долженъ отнести князя и княгиню Одоевскихъ.

Князь Владимиръ Феодоровичъ, извѣстный писатель, въ то время помощникъ директора Императорской Публичной библіотеки, т. е. моего начальника, барона Корфа, узнавъ, что я сынъ русскаго писателя, его стараго пріятели, принялъ меня самымъ ласковымъ образомъ и просилъ навѣщать его. Ни прежде, ни послѣ мнѣ не случилось встрѣчать въ Петербургѣ свѣтскаго человѣка, болѣе симпатичнаго, болѣе добродушнаго и, притомъ, умнаго и даже ученаго. Любя страстно литературу, онъ занялъ въ ней мѣсто почетное и уважаемое не только по своему таланту и гуманному образу мыслей, но и по неизмѣннымъ правиламъ благородства, чести и добра.

Кромѣ литературы, онъ занимался музыкою, любилъ ее и даже придумалъ какой-то особый органъ, который, помнится, многимъ очень нравился, но не знаю почему остался въ неизвѣстности. Будучи литераторомъ, музыкантомъ и свѣтскимъ человѣкомъ, онъ много занимался химіею и на основаніи разныхъ химическихъ составовъ изобрѣталъ новыя, никому невѣдомыя кушанья и соусы, которыми за радушными обѣдами угощаль своихъ гостей, нерѣдко находившихъ далеко невкуснымъ его кулинарное искусство.

Вообще про князя, какъ человѣка, можно было сказать, что, кромѣ всѣхъ прекрасныхъ качествъ, одушевлявшихъ его, у него была чистая ангельская душа, и что, при своемъ рѣдкомъ незлобін и довѣрчивости къ людямъ, онъ былъ весь и всегда, такъ сказать, на ладони у каждаго человѣка, мало-мальски съ нимъ знакомаго.

Жена его, княгиня Ольга Степановна, рожденная Ланская¹⁾, почти на десять лѣтъ старѣе своего мужа, была женщина умная, образованная и, что называется, *maitresse-femme*. Несмотря на свой возрастъ, она всячески старалась выказать полное подчиненіе и глубокое уваженіе своему мужу, котораго, однако, холила и лелѣяла, какъ малое дитя. Чета эта могла служить примѣромъ взаимной любви и желанія во всемъ угодить другъ другу. Одоевскіе пользовались при дворѣ великой княгини Елены Павловны большимъ вѣсомъ и личною дружбою ея высочества, вслѣдствіе которой княгиня современемъ получила орденъ св. Екатерины, несмотря на то, что жена начальника ея мужа, баронесса Корфъ, не имѣла этого ордена.

¹⁾ Родная сестра министра внутреннѣхъ дѣлъ графа Ланскаго.
«истор. вѣстн.», августъ, 1900 г., т. LXXXI.

Въ началѣ 1858 года, по милости Одоевскихъ, мое самолюбіе, какъ сына русскаго писателя, было значительно польщено, а собственная моя личность нѣсколько унижена... Вотъ какъ это случилось: однажды, утромъ, явился ко мнѣ камеръ-лакей великой княгини Елены Павловны съ приглашеніемъ на вечеръ въ тотъ день къ ея фрейлинѣ, княжнѣ Екатеринѣ Владимировнѣ Львовой. Въ эту зиму, какъ и всегда, приглашенія эти равнялись личному приглашенію великой княгини, не желавшей принимать гостей у себя, а приглашавшей ихъ въ апартаментъ княжны Львовой, куда ея высочество приходила почти ежедневно вечеромъ и бесѣдовала съ лицами, которыхъ желала видѣть.

Не будучи вовсе извѣстенъ великой княгинѣ и ея фрейлинѣ, я былъ удивленъ такимъ любезнымъ приглашеніемъ, но польщенный имъ, конечно, могъ приписать его только благосклонному расположенію ея высочества къ моему отцу, котораго, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, она часто видѣла, что и послужило поводомъ желанія видѣть его сына.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты предстать передъ очи той умной и высокообразованной женщины, передъ которой преклонялся избранный ею небольшой кружокъ изъ лицъ петербургскаго общества, отличавшійся умомъ, познаніями и нѣсколько либеральнымъ направленіемъ. Въ назначенный часъ, явившись къ княжнѣ Львовой и принятый ею весьма любезно, я нашелъ у нея, кромѣ дворцовой фрейлины великой княгини, Н. А. Милютина съ супругою, Д. М. Дмитріева (сына извѣстнаго московскаго писателя М. А. Дмитріева) и наконецъ дальнюю мою родственницу, вдову статсъ-секретаря, Марію Дмитріевну Маслову, рожденную Мертваго. Слова, сказанныя мнѣ княжною, тотчасъ подтвердили мое предположеніе и еще болѣе польстили моему самолюбію, доказавъ на дѣлѣ, что память о моемъ отцѣ еще была жива не только въ петербургскомъ обществѣ, но и въ царской семьѣ.

Не прошло и десяти минутъ послѣ моего приѣзда, какъ вошла великая княгиня, закутанная шалью, такъ какъ ей приходилось спускаться по лѣстницѣ изъ бельэтажа въ комнаты ея фрейлины. Поздоровавшись съ Масловыми, Милютиными и Дмитріевымъ и сказавъ имъ нѣсколько словъ, она не обратила на меня никакого вниманія и, сѣвъ на диванъ рядомъ съ Милютинымъ, провела весь вечеръ въ разговорѣ съ нимъ. Я же, сидя съ дамами близъ самой великой княгини, старался быть съ ними любезенъ, въ ожиданіи, что когда нибудь и меня представятъ ея высочеству... но ожиданіе это такъ и осталось ожиданіемъ: великая княгиня, осмотрѣвъ меня нѣсколько разъ, не потребовала моего представленія, а въ концѣ вечера встала, кивнула всѣмъ головою и удалилась, оставивъ меня въ недоумѣніи, ради какой причины я былъ приглашенъ на этотъ вечеръ, такъ какъ ея высочество не потребовала моего представленія.

По уходѣ ея, видимо сконфуженная княжна Львова сочла нужнымъ сказать, что Елена Павловна—не въ духѣ и, вѣроятно, потому не желала дѣлать новаго знакомства, а сдѣлаетъ его въ слѣдующій разъ... съ тѣхъ поръ я никогда болѣе не былъ приглашенъ къ ея величеству; значить, моя фізіономія или мои манеры не понравились ей: другого заключенія я не могъ вывести изъ этого перваго и послѣдняго приглашенія, оставившаго во мнѣ довольно щекотливое воспоминаніе...

Зима эта, проведенная между занятіями и свѣтскими увеселеніями, не оставила во мнѣ никакихъ особыхъ воспоминаній, ни служебныхъ, ни общественныхъ. Служба моя состояла въ тѣхъ же занятіяхъ по комитету министровъ, которымъ я посвящалъ все утро до 3-хъ, 4-хъ часовъ, а вечера проводилъ на балахъ или вечернихъ собраніяхъ, которыхъ въ ту зиму было довольно много въ Петербургѣ. Два раза въ недѣлю, по средамъ и воскресеньямъ, я обѣдалъ у барона М. А. Корфа и разъ у дяди Алексѣя Николаевича Загоскина. Послѣ обѣда у моего начальника¹⁾ я почти всегда составлялъ его партію въ конеечный преферансъ. Баронъ, усердно и педантично проводившій все утро въ занятіяхъ въ Публичной библіотекѣ, въ государственномъ совѣтѣ или дома, вечеромъ охотно отдыхалъ за партією въ преферансъ, и надо отдать ему справедливость—игралъ самымъ пріятнымъ образомъ, не выказывая ни малѣйшаго волненія или негодованія, подобно многимъ игрокамъ, играющимъ даже по маленькой, какъ будто не для забавы, а для выигрыша нѣсколькихъ рублей, и потому выходящихъ изъ себя при малѣйшей ошибкѣ партнера.

Обычными партнерами его были баронъ Мирбахъ и племянникъ его, баронъ Ѳеодоръ Николаевичъ Корфъ (оба жившіе въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ и Модестъ Андреевичъ). Жена барона, въ свою очередь, любила ту же игру, а такъ какъ между мужемъ и женою царило полное согласіе и взаимная любовь, то интересно было видѣть, какъ пожилые супруги, желая сдѣлать другъ другу пріятное, уступали одинъ другому игру, и какъ вслѣдствіе такихъ уступокъ долго никто не садился играть, хотя, въ концѣ концовъ, баронесса удалялась, оставляя партію за барономъ, который, садясь за преферансъ, считалъ непремѣннымъ долгомъ объявить партнерамъ, что Ольга Ѳеодоровна не хочетъ играть, и онъ поневолѣ долженъ занять ея мѣсто, хотя старикъ отлично зналъ, что его жена была вовсе не прочь сыграть партію въ преферансъ, что и случалось, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда Модестъ Андреевичъ по какимъ либо важнымъ вечернимъ занятіямъ не могъ пожертвовать цѣлымъ вечеромъ карточной игрѣ. Когда же его замѣняла Ольга Ѳеодоровна, то игра дѣлалась скучноватою, такъ какъ ба-

¹⁾ Обѣдъ былъ тонкій и прекрасно приготовленный.

ронесса играла чрезвычайно разсѣянно, все смотрѣла по сторонамъ, думала только о своихъ дѣтяхъ и мужѣ и вздыхая часто вспоминала о томъ, какъ было бы хорошо, если на ея мѣстѣ сидѣлъ бы теперь баронъ...

Одинъ разъ въ недѣлю, какъ я выше сказала, я обѣдалъ у дяди Алексѣя Николаевича.

Въ противоположность обѣда Корфовъ небогатое семейство дяди купало самымъ скромнымъ образомъ, всего два блюда, но сытно и вкусно приготовленные, подъ надзоромъ самой хозяйки нѣмецкаго склада. Умная, ученая и высоко христіанская личность дяди была до того извѣстна своею честностью и затѣмъ; разсѣянностью, что не могу не привести нѣкоторыхъ фактовъ изъ его жизни, вполне подтверждающихъ мои слова.

Будучи еще полковникомъ вѣдомства путей сообщенія, не имѣя никакого состоянія, ни за собою, ни за женою, кромѣ трехъ тысячъ казеннаго содержанія, онъ пользовался большою довѣренностью своего начальника, графа Клейнмихеля, уважавшаго его, не только какъ безкорыстнѣйшаго человѣка, но и какъ весьма дѣльнаго и даровитаго инженера, безъ котораго не предпринималась въ Петербургѣ почти ни одна болѣе или менѣе важная постройка или передѣлка общественныхъ зданій.

Желая доставить дядѣ большее жалованье, графъ предложилъ ему исправленіе должности директора одного департамента подвѣдомственнаго ему управленія. Сначала дядя отклонилъ это предложеніе, отговариваясь своею глухотою и находя, что прежде всего, для правильнаго и честнаго веденія дѣла въ этомъ департаментѣ, необходимо было уволить нѣкоторыхъ мѣстныхъ чиновниковъ, не отличавшихся полнымъ безкорыстіемъ. Но, вслѣдствіе усиленной просьбы и согласія графа на увольненіе неблагонадежныхъ чиновниковъ, Алексѣй Николаевичъ рѣшилъ принять исправленіе этой должности временно, на четыре мѣсяца, съ тѣмъ, что, по истеченіи этого срока, онъ представитъ графу объ увольненіи тѣхъ лицъ, которыхъ сочтетъ вредными для службы.

Трехмѣсячное управленіе имъ департаментомъ показалось ему достаточнымъ для ознакомленія съ своими чиновниками, и, явившись къ графу, онъ объявилъ ему, что признаетъ необходимымъ уволить только одного человѣка, а именно директора департамента, т. е. его самого, такъ какъ, по личному его твердому убѣжденію, онъ не въ состояніи управлять департаментомъ, при помощи однихъ взяточниковъ, а такъ какъ для пользы службы слѣдовало бы уволить не нѣсколько чиновниковъ, а всѣхъ поголовно, то, не желая дѣлать столько лицъ несчастными, онъ проситъ только о своемъ увольненіи. На этотъ разъ, невзирая на увѣщанія и просьбы графа, дядя остался непреклоннымъ и на прежнемъ своемъ мѣстѣ съ тѣми же 3.000 рублями содержанія, изъ которыхъ онъ умѣлъ ежегодно

удѣлять 10% въ пользу бѣдныхъ; мало того, онъ помогаль еще слѣдующимъ образомъ: отправляясь утромъ съ Моховой, гдѣ онъ жилъ, въ свой департаментъ, находившійся на Фонтанкѣ, близъ Обуховскаго моста, по окончаніи своей службы и по выходѣ на улицу, освѣдомлялся у перваго извозчика о цѣнѣ, которую тотъ взялъ бы, чтобы отвезти его домой, и сумму эту онъ клалъ въ сторону для раздачи дорогою неимущимъ, а самъ, усталый и голодный, возвращался къ себѣ пѣшкомъ, употребивъ на эту прогулку не менѣе часа.

Что касается до его разсѣянности, то она до такой степени была невѣроятна, что я бы не повѣрилъ справедливости его комическихъ приключеній, еслибы не слышалъ о нихъ отъ совершенно достовѣрныхъ людей и не былъ бы самъ свидѣтелемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Вотъ тому нѣсколько примѣровъ. Однажды, дядя зашелъ въ часовой магазинъ на Невскомъ и отдалъ для исправленія свои часы. На вопросъ часовщика, на чье имя записать ихъ, дядя долго, долго думалъ и, наконецъ, хлопнувъ себя по лбу, сказалъ, что не помнитъ своей фамилии. Къ счастью, въ эту самую минуту на выручку его вошелъ въ магазинъ его хорошій пріятель, графъ Борисъ Алексѣевичъ Перовскій ¹⁾, и, увидавъ его, сказалъ: «здравствуй, Загоскинъ!» — «Батюшки! Загоскинъ! — вотъ моя фамилія», — воскликнулъ Алексѣй Николаевичъ, обращаясь къ изумленному часовщику, и кинулся обнимать графа, неожиданно выручившаго его изъ столь непріятнаго положенія.

Въ другой разъ, получивъ какую-то награду, дядя отправился рано утромъ представиться своему начальнику, графу Клейнмихелю. Одѣваясь всегда одинъ въ своей комнатѣ и выходя по утрамъ черезъ кухню, онъ незамѣтно для всѣхъ вышелъ на улицу. Проходя по улицѣ, онъ, однако, замѣтилъ, что прохожіе поглядываютъ на него и улыбаются, но не понимая, въ чемъ дѣло, онъ продолжалъ свое пѣшеходное путешествіе, какъ вдругъ встрѣтилъ солдата, который, отдавъ ему честь, началъ что-то говорить ему. Остановившись и по глухотѣ своей не понявъ служиваго, попросилъ его говорить громче; послѣдній, указывая на его каску и сапоги, закричалъ ему въ ухо: «Ваше превосходительство не въ порядкѣ!» Оказалось, что генераль шелъ къ своему начальнику, надѣвъ каску задомъ напередъ, а на ноги — вышитыя, разноцвѣтныя туфли...

¹⁾ Въ то время начальникъ штаба корпуса путей сообщенія Борисъ Алексѣевичъ, меньшей изъ всѣхъ извѣстныхъ Перовскихъ и унаслѣдовавшій отъ бездѣтныхъ своихъ братьевъ графскій титулъ, былъ человѣкъ рѣдкихъ, душевныхъ качествъ и впоследствии генераль-адъютантъ и воспитатель великаго князя наследника Александра Александровича. Графъ былъ женатъ на дочери извѣстнаго петербургскаго почтъ-директора Булгакова.

Два другіе случая его разсѣянности, изъ которыхъ одинъ произошелъ лично при мнѣ, превосходятъ все, мною разсказанное.

Какъ-то лѣтомъ дядя жилъ съ своимъ семействомъ на дачѣ въ Новой Деревнѣ. Приѣхавъ къ нему въ воскресенье обѣдать, я не нашель Алексѣя Николаевича, отправившагося на свою зимнюю квартиру, на Моховой, въ домѣ графа Ламздорфа, взять изъ своего кабинета какія-то нужныя бумаги. Скоро онъ возвратился и, качая головою и улыбаясь, объявилъ, что ѣздилъ въ городъ понапрасну, такъ какъ бумагъ не привезъ, и вотъ почему: «поднялся я по лѣстницѣ,—говорилъ онъ,—и вижу на двери надпись на бумажкѣ: «Генераль Загоскинъ живетъ на дачѣ тамъ-то».—«Вотъ тебѣ разъ! да какъ же я достану бумаги?—подумалъ я,—его въ квартирѣ нѣтъ!» Постоялъ, постоялъ, да и рѣшился возвратиться въ Новую Деревню и, только подѣзжая къ своей дачѣ, вспомнилъ, что генераль-то Загоскинъ я самъ и есть, но уже было поздно!—вотъ что дѣлаетъ старость,—прибавилъ онъ,—совсѣмъ изъ ума выжилъ!»

Если дядя, на старости лѣтъ, считалъ себя «выжившимъ изъ ума», то что же онъ могъ бы сказать про себя въ молодости, по поводу слѣдующаго съ нимъ приключенія: въ 1850 годахъ (когда именно, не знаю), Алексѣй Николаевичъ, будучи еще оберъ-офицеромъ и проживая по служебнымъ занятіямъ въ Ригѣ, влюбившись въ молодую и красивую дочь мѣстнаго коменданта генераль-лейтенанта Эмме, дѣвицу Александру Ивановну, сдѣлался ея женихомъ. Невѣста, воспитанная въ самыхъ строгихъ христіанскихъ правилахъ лютеранскаго исповѣданія герингутерскаго ученія, принимала у себя ежедневно жениха, который однажды, уходя отъ нея, сказалъ, что идетъ брать ванну. Вскорѣ, по уходѣ его, явился къ Александрѣ Ивановнѣ денщикъ его, съ просьбою поговорить съ нею наединѣ. Желаніе его было исполнено, но когда денщикъ, переминаясь съ ноги на ногу и не зная, съ чего начать, проговорилъ: «барышня, повѣрьте, никому не скажу, только укажите, гдѣ у васъ женихъ оставилъ свое нижнее платье?» Невѣста пришла въ такой ужасъ и негодованіе, что раскричалась и хотѣла прогнать денщика, который, однако, не унимался, повторяя: «что дѣлать, баринъ пришелъ отъ васъ безъ брюкъ, отдайте, никому не скажу!» Вспомнивъ о неимовѣрной разсѣянности Алексѣя Николаевича, хотя не могла допустить мысли о такой неприличной и непонятной потерѣ, Александра Ивановна все же велѣла искать въ передней его нижнее платье, которое дѣйствительно тамъ и нашлось положеннымъ на скамьѣ... Оказалось, что женихъ, выйдя отъ невѣсты въ переднюю, гдѣ не встрѣтилъ ни души, присѣлъ на скамью, сталъ мысленно рѣшать какую-то давно мучившую его математическую задачу и, не совладавъ съ нею, вообразилъ себя пришедшимъ въ баню и началъ раздѣваться; снявъ сюртукъ и нижнее платье, онъ вдругъ опомнился, поспѣшно на-

дѣлъ сюртукъ и, накинувъ шинель, побѣжалъ домой, оставивъ на мѣстѣ своихъ математическихъ рѣшеній самую неприличную часть своего туалета...

Въ эту же зиму я познакомился съ семействомъ оберъ-церемоніймейстера, графа Александра Михайловича Борха ¹⁾, у котораго бывалъ вечеромъ, по воскресеньямъ, и встрѣчалъ всегда небольшое, но самое избранное петербургское общество. Графъ былъ женатъ на графинѣ Лаваль, внучкѣ богатѣйшей, извѣстной жены екатерининскаго статсъ-секретаря Козицкаго, Екатеринѣ Ивановнѣ, рожденной Мясниковой ²⁾, отъ которой графинѣ досталось весьма значительное состояніе. Борхи были люди почтенные, добрые и вполне хорошіе. Мужъ не отличался особымъ умомъ, но обладалъ всѣми качествами сердца и души, которыми умѣлъ привлекать къ себѣ знавшихъ его. Жена его, невзрачная и довольно сухая съ вида, была очень проста въ обращеніи, радушна, умна и рѣдкаго сердца. У нихъ было два сына и три дочери, изъ которыхъ вторая чрезвычайно нравилась моему пріятелю, князю Крапоткину, рассчитывавшему современемъ на ней жениться, но расчеты эти, къ сожалѣнію, не осуществились... въ скоромъ времени юная милая дѣвица, прохворавъ нѣсколько дней тифозною горячкою, скончалась ³⁾. Старшій сынъ, конногвардейскій офицеръ, съ которымъ я былъ давно знакомъ, ввелъ меня въ домъ своихъ родителей, на вечерахъ которыхъ я былъ свидѣтелемъ двухъ зарождавшихся свадебъ: первая—вышеупомянутаго ихъ сына, по уши влюбленнаго въ красавицу-дѣвицу Чичерину ⁴⁾, а вторая—моего московскаго знакомаго, князя Ивана Михайловича Голицына, тоже сильно влюбленнаго въ прелестную княжну Трубецкую ⁵⁾. Ухаживаніе двухъ молодыхъ людей на этихъ вечерахъ бросалось всѣмъ въ глаза, и скоро влюбленные парочки вступили въ бракъ... но, увы, впоследствии и тотъ и другой бракъ оказались несчастными, а пламенно другъ друга любившія четы разъѣхались ⁶⁾...

Не могу пройти молчаніемъ объ одномъ обстоятельстве, имѣвшемъ мѣсто въ началѣ этого года и которое, по своей пошлости и незначительности, должно было пройти совершенно незамѣченнымъ, но такъ какъ дѣйствующія лица принадлежали къ петербург-

¹⁾ Впоследствии директоръ императорскихъ театровъ.

²⁾ Она наслѣдовала, вмѣстѣ со своими сестрами: Пашковой, Дурасовой и Бекетовой, все огромное состояніе своихъ дядей, купцовъ Твердышевыхъ (позднѣ пожалованныхъ въ дворянское потомственное достоинство).

³⁾ Много лѣтъ спустя послѣ ея кончины, Крапоткинъ женился на ея меньшей сестрѣ.

⁴⁾ По матери своей, рожденной княжнѣ Голицыной, она приходилась внучкою умной старушки княгини Голицыной, извѣстной подъ именемъ «Babette»

⁵⁾ Дочь князя Петра Ивановича, женатаго на Нелидовой.

⁶⁾ Съ тѣхъ поръ чета Голицыныхъ уже перешла въ вѣчность.

скому лучшему обществу, то случай этотъ не только не прошелъ безслѣдно, а напротивъ сдѣлался надолго предметомъ самыхъ оживленныхъ разговоровъ того же общества.

Три юноши, князь Коко Долгоруковъ, Павелъ Демидовъ и Николай Бенардаки, изъ которыхъ первый уже описанъ въ моихъ воспоминаніяхъ о московскомъ обществѣ, и второй, сынъ милліонера покойнаго Павла Николаевича Демидова ¹⁾, по своему рожденію и положенію принадлежавшіе къ высшему обществу, покутили вмѣстѣ съ Бенардаки въ одномъ изъ французскихъ ресторановъ и, выпивъ черезчуръ много шампанскаго, отправились по городу съ крикомъ и гамомъ, шумѣли на улицахъ, стучали въ разныя окна и въ концѣ концовъ попали въ руки полиціи, откуда по высшему приказанію отправлены подъ арестъ. Казалось бы, и дѣлу конецъ, но нѣтъ, маменьки двухъ первыхъ аристократовъ столько накричали о невинной прогулкѣ своихъ сынковъ и о жестокомъ ихъ наказаніи, что высшее общество взволновалось и даже было на сторонѣ трехъ буяновъ, хотя брать ихъ сторону казалось бы не только не правильнымъ, но и глупымъ. Заступничество это произошло не столько вслѣдствіе сѣтованія и воплей маменекъ, сколько въ силу носившихся тогда въ воздухѣ даже и высшихъ сферъ новыя вѣяній, долженствовавшихъ такъ развиваться въ слѣдующихъ 60-хъ годахъ, т. е., выражаясь другими словами, нельзя не сказать, что тогдашнее общество всѣхъ слоевъ считало долгомъ противодѣйствовать всякому нелиберальному дѣйствію правительства, порицать его и принимать сторону невинныхъ будто бы людей, подпавшихъ подъ кару вслѣдствіе произвола высшихъ властей... Мнѣ часто хотѣлось спросить этихъ непрошенныхъ защитниковъ молодежи, что они сказали бы, если правительство оставило бы безнаказанными нѣсколько пьяныхъ мальчишекъ, шумѣвшихъ ночью на улицѣ и бившихъ окна, которыя оказались бы принадлежавшими именно лицамъ, защищавшимъ арестованныхъ знакомыхъ имъ юношей. Вѣроятно, они разразились бы тѣмъ же гнѣвомъ на тѣ же власти, и не отказали бы себѣ въ удовольствіи порицать входившій тогда въ моду особый либерализмъ, но, какъ «хата ихъ была въ вѣ сторонѣ», то, конечно, имъ нельзя было отстать отъ другихъ, не предаться «новымъ вѣяніямъ».

Осенью предыдущаго года, я получилъ изъ Москвы извѣстіе о томъ, что артиллерійскій штабъ, нанявшій въ прошломъ году мой домъ съ флигелемъ, съѣхалъ, въ виду окончанія контракта, заключеннаго съ нимъ на одинъ годъ, и что, вслѣдствіе того, мнѣ необходимо употребить значительную сумму на исправленіе всего попорченнаго штабными офицерами и писарями, не стѣснявшимися

¹⁾ Вдова его, извѣстная красавица Аврора Карловна, рожденная Шеривальдъ, вышла вторично за Андрея Николаевича Карамзина.

заливать чернилами не только паркетные полы, но и самыя стѣны. По принятому же въ то время обычаю, въ контрактѣ не было упомянуто объ отвѣтственности штаба за какую либо порчу, поэтому всѣ исправленія падали лично на меня, и я долженъ былъ сознаться, что въ этомъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ, я окончательно опростоволосился, заключивъ контрактъ на одинъ годъ единственно по довѣрію къ словамъ штабнаго адъютанта, увѣрявшаго меня, что условіе будетъ возобновлено. Не имѣя ни желанія, ни средствъ ежегодно отдѣлывать мой домъ, я рѣшился его продать и дѣйствительно въ началѣ новаго года продалъ его генералу Полгинину.

Хотя я купилъ на полученныя деньги разныя акціи, и радъ былъ получать постоянныя на нихъ $\frac{0}{100}$, но продажа дома, въ которомъ я родился, провелъ всю юность, и гдѣ скончались мои родители, была тяжела для меня; притомъ, новый доходъ оказался несравненно меньшимъ, чѣмъ получавшійся за наемъ дома. Но дѣлать было нечего, и мнѣ оставалось только утѣшать себя тѣмъ, что лучше жить на вѣрныя $\frac{0}{100}$, чѣмъ на большій, но непостоянный доходъ.

Великимъ постомъ, не забывая обѣщанія, даннаго мною московскимъ барышнямъ пріѣхать на Пасху въ Москву, и вмѣстѣ съ тѣмъ стремясь всею душою взглянуть на мою родину, на друзей и поклониться могилѣ моихъ родителей, я передъ Пасхою отпросился у моего начальника въ отпускъ на 28 дней, предполагая нѣсколько дней изъ нихъ провести въ моемъ имѣніи Владимирской губерніи, селѣ Кохмѣ, въ которомъ, къ стыду моему, я еще ни разу не былъ, несмотря на то, что прожилъ почти три года въ Москвѣ по близости имѣнія и новымъ его владѣльцемъ.

Вспоминая довольно часто о причинахъ, такъ мало интересовавшихъ меня взглянуть на мою собственность, унаслѣдованную мною послѣ кончины матушки, я часто приходилъ къ одному и тому же заключенію: въ селѣ Кохмѣ никто изъ моихъ близкихъ не бывалъ, и потому я зналъ объ этомъ имѣніи только по наслышкѣ, а въ юности вовсе и не интересовался имъ, какъ имѣніемъ оброчнымъ, и въ которомъ помѣщику нечего было дѣлать. Сверхъ того, въ Москвѣ я жилъ спокойно, не нуждался въ деньгахъ и... и былъ влюбленъ! т. е. не былъ въ состояніи разстаться, хотя бы на короткое время, съ предметомъ моей страсти. Это послѣднее обстоятельство, вмѣстѣ, со всегдашнею моею безпечностью, едва ли не были главною причиною малаго интереса ко всему, что творилось вокругъ меня внѣ сферы, близкой моему сердцу. Позднѣе, когда любовь стала проходить, явились ополченіе, походъ, возвращеніе домой, коронація, балы, присканіе новой службы, и только при окончательномъ переѣздѣ на жительство въ Петербургъ, когда вернулось ко мнѣ полное душевное спокойствіе, яви-

лась и мысль ѣхать въ село Кохму и смежную съ нимъ деревню Тарбаево, чтобы, хотя мелькомъ, взглянуть на тѣ мѣста, на ту землю, на тѣ рабочія руки, которыя питали меня и въ Москвѣ, и въ ополченіи, и въ Петербургѣ, и о которыхъ, повторяю, я зналъ только по наслышкѣ... мнѣ стало стыдно за самого себя!...

За два дня до Пасхи я былъ уже въ Москвѣ. Проживъ почти годъ въ Петербургѣ, довольный своею судьбою, службою и новыми знакомыми, я, однако, не переставалъ жить воспоминаніями о Москвѣ, возился съ моею любовью къ ней и нетерпѣливо ожидалъ минуты моего туда возвращенія. Возвращаясь въ мой родной городъ, я на этотъ разъ испытывалъ совсѣмъ другое чувство, чѣмъ при возвращеніи въ него послѣ ополченія; тогда я радовался просто, безотчетно, въ полной увѣренности остаться въ немъ навсегда, а теперь я въѣзжалъ въ него гостемъ, радость эта омрачалась грустью о необходимости скоро покинуть Москву, но, невзирая на то, при въѣздѣ моемъ, прекрасная, солнечная погода, сіявшія уже издали золотыя главы церквей и соборовъ, знакомыя мнѣ улицы и дома, родной мнѣ «особый отпечатокъ» москвичей, и даже самые русскіе, коренные мужички глубоко волновали мою душу!

Я чувствовалъ, что я въ сердцѣ Россіи, въ древней русской столицѣ!...

С. М. Загоскинъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О М. С. ЩЕПКИНѢ.

I.

ВОСПОМИНАНІЯ о моемъ дѣдѣ, знаменитомъ артистѣ Михаилѣ Семеновичѣ Щепкинѣ, я записалъ со словъ моихъ родителей, а также и другихъ близкихъ родственниковъ. Кое-что сохранилось и въ моей памяти изъ времени 1862—1863 годовъ. Въ эти годы М. С. жилъ въ Москвѣ, въ 3-й Мѣщанской улицѣ, и занималъ большой домъ Осоргина (теперь домъ Огнева). Семья его была большая: сынъ Петръ Михайловичъ, жена его Елена Васильевна, и дѣти ихъ Ольга, Саша и Петья, Абрамъ Семеновичъ (братъ М. С.) и Вѣра Михайловна, младшая дочь Михаила Семеновича. Кромѣ близкихъ родныхъ, у М. С. въ домѣ жило много и чужихъ, какъ-то: семья Барсовыхъ, Сергѣй Васильевичъ Шумскій, извѣстный артистъ императорскаго Малаго театра, мать актера Цыганова, сестра знаменитаго Павла Степановича Мочалова, Марья Степановна Франціева, и старичекъ парикмахеръ Пантелей Ивановичъ, котораго Михаилъ Семеновичъ очень любилъ за его къ нему привязанность. Старушки жили на антресоляхъ, и каждая имѣла свой уголь, уставленный образами. Старушки часто ссорились между собою изъ-за «кабалы» (старинная карточная игра), въ которую онѣ играли на жолуди. М. С. приходилъ къ нимъ и тоже иногда принималъ участіе въ игрѣ, мирилъ ихъ, цѣловалъ, называлъ «рѣзвухами»; старушки были довольны, и водворялся миръ.

Сестру Мочалова онъ шутя называлъ: Трагедіей и Антигоной. Домашнимъ хозяйствомъ у него завѣдывала Татьяна Михайловна Аралова, пожилая особа, пользовавшаяся большимъ уваженіемъ всѣхъ домашнихъ и всѣхъ посѣщавшихъ Михаила Семеновича. День въ домѣ Щепкина распредѣлялся такъ: въ 8¹/₂ часовъ утра вставалъ Михаилъ Семеновичъ и выходилъ въ залу къ чаю, который разливала исключительно для него Вѣра Михайловна; въ 9¹/₂ часовъ пробуждалось все семейство. Полная свобода и непринужденность царствовали въ этомъ домѣ. Утренній чай почти всегда соединялся съ 12-ти-часовымъ завтракомъ, послѣ котораго всѣ расходились по своимъ дѣламъ и занятіямъ, а Михаилъ Семеновичъ раскладывалъ пасьянсъ, когда не бывалъ занятъ въ театрѣ. Въ будни, къ 4-мъ часамъ, всѣ домашніе собирались къ обѣду, за которымъ рѣдко бывали посторонніе, но зато въ субботу, вечеромъ, и въ воскресные дни, домъ былъ полонъ друзей и почитателей М. С. Хорошо помню наши сборы съ отцемъ и матушкой на обѣдъ къ Михаилу Семеновичу. Жили мы тогда на Пречистенскомъ бульварѣ, въ домѣ удѣльной конторы, гдѣ служилъ мой отецъ. Для меня, какъ ребенка, было великою радостью ѣхать къ дѣдушкѣ. Какъ только мы пріѣзжали, первое, что насъ поражало, это необычайный шумъ голосовъ, и весь этотъ шумъ покрывалъ зычный голосъ и хохотъ Николая Христофоровича Кетчера (извѣстный переводчикъ Шекспира), который жилъ напротивъ черезъ улицу въ своемъ домѣ и былъ постояннымъ посѣтителемъ М. С., который любилъ его и пользовался его совѣтами и разъясненіями при изученіи переводныхъ піесъ.

За обѣденнымъ столомъ Михаилъ Семеновичъ занималъ мѣсто въ концѣ стола, остальные разсаживались, гдѣ кому было желательно, только мы, дѣти, садились около друга дома, А. Н. Аванасьева, извѣстнаго собирателя народныхъ сказокъ и былинъ. Вѣра Михайловна завязывала М. С. салфетку, какъ маленькимъ дѣтямъ—вокругъ шеи, кончиками назадъ. Около прибора Михаила Семеновича были разставлены кострюлечки съ разными яствами. Онъ былъ большой любитель изобрѣтать собственныя кушанья и ѣлъ отдѣльно отъ окружающихъ его. Послѣ обѣда мы, внуки, подходили къ дѣдушкѣ благодарить за обѣдъ и цѣловали ему руку а онъ цѣловалъ насъ въ лобъ, потомъ уводилъ къ себѣ въ кабинетъ и давалъ разныя сласти. Тутъ позволялъ онъ намъ поиграть на его диванѣ, но съ тѣмъ, чтобы мы ничего не трогали на столѣ, гдѣ у него лежало много разныхъ бумагъ, и стояли въ водѣ вставные зубы. Зубами онъ насъ пугалъ и говаривалъ, что если мы ихъ тронемъ, то они насъ съѣдятъ, и мы страшно трусили. Самъ Михаилъ Семеновичъ въ это время отправлялся ходить по комнатамъ. Ходилъ онъ въ халатѣ, заложивъ руки назадъ, иногда голову обертывалъ сырымъ полотенцемъ. Остановившись около спо-

рящихъ, онъ прислушивался къ спору, вставляя какое нибудь свое замѣчаніе или говорилъ какую нибудь малороссійскую шутку,— рассказъ. Рассказы его, какъ передавалъ мнѣ отецъ, бывали всегда характерны, онъ живо рисовалъ провинціальныя нравы и вспоминалъ о самоуправствѣ, царившемъ въ двадцатыхъ годахъ. Серіозное и забавное перемѣшивалось въ этихъ рассказахъ. Рассказывая о лѣнливой жизни помѣщиковъ, проводившихъ время за ѣдой и отдыхомъ послѣ ѣды, М. С. вспоминалъ объ одномъ замѣчательномъ помѣщикѣ, отличавшемся страстью къ ѣдѣ. Помѣщикъ этотъ разросся, наконецъ, до такой толщины, что не могъ сидѣть за обѣденнымъ столомъ, благодаря своей необъятной фигурѣ, и приборъ для него помѣщался всегда на его собственномъ, выдавшемся впередъ, обширномъ животѣ. Такихъ рассказовъ и анекдотовъ у Михаила Семеновича былъ неистощаемый запасъ. Память его была замѣчательная и сохранилась до конца его жизни совершенно ясно. Особенно онъ любилъ рассказывать одну сцену, въ которой представлялся охотникъ, рассказывающій о выбѣжавшихъ зайцахъ и о подвигахъ своихъ собакъ: одушеваясь, охотникъ рассказываетъ, какъ онъ травилъ, улюлюкалъ, упрашивалъ своего Полканушку поймать звѣря! Вся живость и горячность охотника передавались при этомъ съ необыкновеннымъ мастерствомъ и замѣчательною игрой лица, и вся эта живость, вся работа памяти являлась еще въ послѣдніе годы жизни Михаила Семеновича, когда ему было уже болѣе 70 лѣтъ.

Въ половинѣ шестого, М. С. шелъ одѣваться и уѣзжалъ въ театръ, оставляя гостей до вечера. Въ 12 часовъ онъ возвращался изъ театра, всѣ сѣли за ужинъ, опять шумъ, говоръ, а послѣ ужина всѣ тотчасъ разѣзжались, и въ два часа ночи въ домѣ все затихало, только въ окнѣ кабинета Щепкина одиноко свѣтился огонекъ, и мелькалъ на спущенныхъ шторахъ силуэтъ, принимающій разныя формы: это М. С. училъ роль и муштровалъ свое старческое тѣло, совершая жертвоприношеніе Мельпоменѣ. Когда Михаилъ Семеновичъ участвовалъ въ спектаклѣ, и приходилось ему исполнять новую роль, онъ въ этотъ день старался избѣгать разговоровъ, мало ѣлъ и вообще готовился къ спектаклю, какъ къ какому-то таинству.

Пріѣзжалъ въ театръ Михаилъ Семеновичъ рано, въ то время спектакли въ Маломъ театрѣ всегда начинались въ 7 часовъ, а въ шесть часовъ М. С. былъ уже одѣтъ, осматривалъ сцену, обстановку, примѣривался къ мебели и т. п., шмыгалъ по уборнымъ, присматриваясь, какъ кто одѣтъ, какъ кто загримированъ, чтобы не наткнуться на случайность. Молодежь, имѣвшая слабость къ вину, пряталась отъ него, чтобы не попасться ему на глаза. В. Д. Ленскій (сынъ извѣстнаго переводчика—артиста Д. Т. Ленскаго) за что-то не пользовался любовью дирекціи, и его обходили

ролями, что, понятно, волновало кипучаго артиста, и онъ зачастую бывалъ выпивши. Михаилъ Семеновичъ зналъ это и часто дома въ кругу своихъ высказывалъ глубокое сожалѣніе, и вотъ какъ-то разъ, кажется, въ «Мишурѣ», не видя своевременно Ленскаго на мѣстѣ въ уборной, онъ пошолъ къ выходнымъ дверямъ въ актерскій подъѣздъ и сѣлъ въ глубинѣ сцены въ ожиданіи прихода артиста. Минуть черезъ десять запоздавшій Ленскій явился, но, отворивъ двери и увидя Щепкина, сидящаго у входа, моментально захлопнулъ ее и другимъ ходомъ отъ буфета пробѣжалъ съ быстротою молніи и, сѣвъ на свое мѣсто, сталъ одѣваться, какъ будто бы ни въ чемъ не бывало. Правда, Михаилъ Семеновичъ не сказалъ ему ни слова, но, придя въ его уборную, все время, пока тотъ гримировался, простоялъ молча за его стуломъ. Ленскій долго помнилъ это щепкинское молчаніе.

Михаилъ Семеновичъ не любилъ тѣхъ, кто особенно свободно, небрежно разгуливалъ по сценѣ или былъ въ верхнемъ платьѣ; это непочтеніе возмущало его до глубины души. Въ этой кажущейся мелочи онъ видѣлъ подготовку къ распущенности. «Театръ для актера храмъ. Это его святилище! Твоя жизнь, твоя честь, все принадлежитъ безповоротно сценѣ, которой ты отдалъ себя. Твоя судьба зависитъ отъ этихъ подмостковъ. Относись съ уваженіемъ къ этому храму и заставь уважать его другихъ. Священнодѣйствуй или убирайся вонъ».

II.

Въ семьѣ Михаила Семеновича слѣдили за всѣмъ вновь выходящимъ, сколько нибудь замѣчательнымъ, и съ радостью встрѣчали появлявшіеся таланты. Искусство во всѣхъ его проявленіяхъ интересовало Михаила Семеновича: онъ любилъ живопись и не чуждъ былъ музыкѣ. Хотя Щепкинъ мало учился музыкѣ, но въ дѣтствѣ его учили играть на гусяхъ; инструментъ этотъ часто встрѣчался тогда и замѣнялъ маленькое фортепіано, появившееся позднѣе въ провинціи. Игра на гусяхъ познакомила Михаила Семеновича съ начальными основаніями музыки. Служа въ Полтавѣ, ему поневолѣ приходилось пѣть въ операхъ: труппа была невелика, и каждый актеръ долженъ былъ участвовать во всевозможныхъ пьесахъ. Голосъ у Михаила Семеновича былъ пріятный, и онъ обладалъ хорошимъ слухомъ; партіи же свои онъ разучивалъ съ помощью музыканта, игравшаго его партію на скрипкѣ.

Вообще же Щепкинъ понималъ музыку настолько, что ему доступны были не одни лишь народные, малороссійскіе напѣвы, которые онъ любилъ и подчасъ пѣвалъ у себя дома; онъ понималъ и любилъ также серіозныя произведенія великихъ музыкантовъ. Онъ

часто говорилъ о свѣтлыхъ мотивахъ Моцарта, послѣ какогонибудь слышаннаго концерта. Въ Москвѣ Михаилъ Семеновичъ былъ окруженъ артистами-музыкантами. Хотя въ то время въ Москвѣ не было ни консерваторіи, ни музыкальныхъ обществъ, но было много хорошихъ музыкантовъ въ оркестрѣ при императорскомъ театрѣ. Всѣ концерты устраивались съ ихъ помощью и подъ управленіемъ капельмейстера Іоганиса, прекраснаго музыканта. Іоганиса нерѣдко можно было встрѣтить въ домѣ Михаила Семеновича, и слышать при этомъ, что оба они подолгу бесѣдовали о музыкѣ, сидя въ дальнемъ углу комнаты.

Въ домѣ Михаила Семеновича, въ его радушной семьѣ, можно было видѣть домашнюю жизнь людей развитыхъ и готовыхъ охотно раздѣлить свои интересы съ посѣтителями. Домъ Щепкина принадлежалъ къ тѣмъ домамъ старинной Москвы, въ которыхъ находило пріютъ искусство, а простые и добрые обычаи семьи отрадно вліяли на посѣщавшую молодежь. И пожилые люди находили тутъ отдыхъ отъ другихъ кружковъ, стѣснительныхъ своей натянутостью, своими претензіями на образованность, при полномъ отсутствіи присущихъ образованности интересовъ. Жизнь съ тѣхъ поръ измѣнила свои формы, и такія семьи теперь рѣдкость. Также рѣдко теперь встрѣчается уже та любовь къ искусству и осмысленное служеніе ему на сценѣ въ соединеніи съ упорнымъ трудомъ. Духъ наживы, стремленіе къ беззаконному веселью и блестящей обстановкѣ, — вотъ что чаще влечетъ на сцену безъ особой любви и призванія къ ней.

Въ центрѣ этой разнообразной семьи и посѣтителей стоялъ самъ Щепкинъ; росту онъ былъ небольшого, полный, съ добродушнымъ лицомъ. Голова у него была большая, какою изображена она на бюстѣ его, работы художника Рамазанова. Большой лобъ казался еще открытѣе отъ потери волосъ. Вокругъ всей головы сохранившіеся еще свѣтлорусые волосы спускались на шею, слегка завиваясь на концахъ. Черты лица его были пріятны, и сѣрые, съ поволокою глаза были проникнуты живостью и умомъ. Онъ много говорилъ; голосъ его звучалъ громко и мягко, полныя губы быстро шевелились, глаза при этомъ раскрывались шире, и умный взглядъ сопровождался энергичнымъ движеніемъ руки, обыкновенно сжимающейся въ кулакъ, когда сильныя слова вылетали изъ устъ его энергично и нѣсколько протяжно.

Таковъ былъ онъ, когда съ негодованіемъ рассказывалъ о старинѣ и безправности тогдашняго общества. Такимъ же энергичнымъ, въ движеніяхъ и рѣчахъ, знала его и на сценѣ московская публика. Такимъ бывалъ онъ при горячихъ спорахъ съ знакомыми или съ молодыми своими сыновьями. Въ спорахъ онъ иногда вскрикивалъ и наступалъ на спорившаго съ нимъ, заставляя отступать противника; онъ буквально прижималъ его къ стѣнѣ, не переставая

сыпать доказательства въ защиту своей мысли. Такимъ бурнымъ бывалъ онъ въ минуты возбужденнаго чувства и мысли. Но совершенно другимъ бывалъ въ тихія минуты домашней жизни. Когда онъ оставался дома по вечерамъ или послѣ обѣда, то надѣвалъ свой темно-коричневый халатъ. Около шеи его виденъ былъ мягкій воротникъ бѣлья; короткія, полныя руки складывалъ онъ обыкновенно за спиною и лѣниво и медленно расхаживалъ по комнатамъ молча. Это расхаживанье вдоль всѣхъ комнатъ было его отдыхомъ, если онъ не ложился заснуть часокъ въ своемъ кабинетѣ! Часа черезъ два онъ выходитъ уже одѣтымъ. И освѣженный отдыхомъ, снова живой, вечеромъ отправлялся въ театръ и выходилъ на сцену.

III.

Играть Щепкину приходилось очень часто, почти ежедневно. Онъ никогда не отказывался отъ предложенныхъ ему ролей. Но маленькія и безсодержательныя роли тяготили его. Характеры лицъ и значеніе пьесы опредѣлялъ онъ очень быстро. Какъ интересно бывало слышать его опредѣленія, изложенныя всегда ясно и просто. Какъ-то однажды, рассказывалъ мнѣ отецъ, кто-то изъ молодыхъ людей его семьи спросилъ у него: какъ вамъ кажется, Михаилъ Семеновичъ, не правда ли, что въ характерѣ Чацкаго есть большое сходство съ мизантропомъ Мольера?.. Михаилъ Семеновичъ тотчасъ же живо возразилъ на этотъ вопросъ и, одушевляясь мало-помалу, началъ объяснять съ жаромъ разницу между значеніемъ характеровъ этихъ двухъ лицъ:

— Чацкій,—говорилъ онъ,—дѣйствительно переросъ наше русское общество того времени. Раздраженъ Чацкій потому, что онъ видитъ вокругъ себя устарѣлыя нравы и дѣйствительно смѣшныя слабости и пороки общества: пороки эти отразились на его судьбѣ, сдѣлали его несчастнымъ! А у Мольера мизантропъ его самъ виноватъ въ томъ, что не любитъ людей; въ немъ самомъ была избалованность, требовательность и нетерпимость. Эти собственные недостатки его и мѣшали любить общество!

Какъ одушевлялся Михаилъ Семеновичъ каждою хорошою ролью! Такое одушевленіе легко передавалось и слушавшей его публикѣ; его осмысленная, живая игра, казалось, электризовала ее. При выходѣ на сцену, онъ сразу приковывалъ къ себѣ вниманіе зрителей, и они глядѣли на него, въ нетерпѣливомъ ожиданіи тѣхъ впечатлѣній, которыя уже не разъ испытывали отъ его игры. Съ какимъ напряженіемъ всѣ вслушивались въ его слова! Полная тишина наступала въ театрѣ, когда знали, что сейчасъ прозвучатъ тѣ слова пьесы, которыя Щепкинъ произносилъ особенно хорошо. Извѣстны уже были пьесы, въ которыхъ были монологи или ку-

плеты, всегда одинаково хорошо произносимые Михаиломъ Семеновичемъ и никогда не терявшіе вліянія на слушателей, сколько бы разъ они ни слышали ихъ. Такой эффектъ производило всегда его чтеніе прощальнаго куплета въ роли матроса (піеса «Матросъ», переводъ съ французскаго Федорова). Когда, приближаясь къ авансценѣ, онъ произносилъ задумчиво и полушопотомъ слова:

Безумецъ!.. Ты забылъ, что время,
Какъ шкваль, рветъ жизни паруса и т. д.

Слова эти относитъ къ себѣ старый матросъ, послѣ двадцатилѣтняго отсутствія посѣтившій родину, гдѣ все измѣнилось для него. Такая же тишина водарялась, бывало, въ театрѣ, когда Михайлъ Семеновичъ читалъ куплетъ въ роли Жакарта (піеса «Жакартовъ станокъ», переводъ съ французскаго), начинавшійся словами:

Хвала мозолистымъ рукамъ...

При этомъ патетическомъ чтеніи, какъ передавалъ дядя Николай Михайловичъ Щепкинъ, раздавались необыкновенно задушевные звуки голоса въ глубоко прочувствованныхъ словахъ; слезы слышались въ этихъ звукахъ, и часто въ ложахъ, въ эту минуту, мелькали бѣлые платки, поднесенные къ глазамъ, и потомъ театръ наполнился громомъ аплодисментовъ, внезапно прерывавшихъ тишину.

То были тѣ замѣчательные звуки голоса и та интонація, за которыми исчезали и малый ростъ, и полнота небольшого корпуса Михаила Семеновича, не совсѣмъ подходившіе къ драматическимъ ролямъ, и слышались только страданіе человѣка или благородное негодованіе противъ несправедливости. Въ такія минуты вполне выступало художественное чувство высокаго таланта и игра, полная огня и смысла. Игралъ свои роли Михайлъ Семеновичъ всегда одинаково хорошо, потому что игра его основывалась на глубокомъ изученіи роли, на обдуманной интонаціи въ произношеніи ея. Онъ не полагался на одно только вдохновеніе—онъ былъ великій труженикъ. Въ словахъ этихъ нѣтъ преувеличенія для тѣхъ, кто хорошо зналъ привычки Михаила Семеновича. Лѣтомъ, когда Михайлъ Семеновичъ проводилъ время на дачѣ, онъ имѣлъ обыкновеніе вставать и выходить утромъ на прогулку въ 6 ч. утра. Медленно и тихими шагами расхаживалъ онъ по аллеямъ сада или парка, молча и задумавшись.

— Вы рано встали сегодня?—спрашивалъ его кто нибудь изъ родныхъ, когда всѣ собирались къ утреннему чаю.

— Да, ходилъ по аллеѣ,—отвѣчалъ онъ отрывисто.—Сто разъ про себя роль прочелъ!—прибавлялъ онъ съ нѣкоторою досадой.

Онъ начиналъ сознавать упадокъ памяти; она становилась не такъ воспріимчива, какъ была прежде, и это принуждало его

сильнѣе работать даже въ часы лѣтнихъ утреннихъ прогулокъ. Къ изученію ролей и къ репетиціямъ Михаилъ Семеновичъ относился очень добросовѣстно и строго; невнимательное отношеніе къ нимъ у другихъ артистовъ огорчало и оскорбляло его.

IV.

О первомъ знакомствѣ Н. В. Гоголя со Щепкинымъ отецъ мой рассказывалъ такъ. Какъ-то всѣ сидѣли за обѣдомъ. Вдругъ стукнула дверь изъ передней въ залу, всѣ оглянулись и увидѣли, что вошелъ незнакомый господинъ небольшого роста, въ длинномъ сюртукѣ; слегка склонивъ голову на бокъ, съ улыбочкой на губахъ и скороговоркой онъ проговорилъ извѣстное четверостишіе: «Ходить гарбузъ по городу». Вскорѣ, конечно, всѣ узнали, что это Н. В. Гоголь. Михаилъ Семеновичъ бросился его обнимать, и все послѣобѣденное время они просидѣли вдвоемъ въ диванной, о чемъ-то горячо бесѣдуя. Гоголь очень часто пріѣзжалъ къ Щепкину и оставался нѣсколько разъ ночевать. Однажды пріѣхалъ Гоголь къ Михаилу Семеновичу на дачу. Щепкинъ жилъ съ семьей въ то время на дачѣ подѣ Москвой, въ Волинскомѣ. Гоголь выразилъ ему свою радость, что засталъ его на дачѣ, говорилъ, что думаетъ пожить у него, отдохнуть и немного поработать, общался кое-что прочесть изъ «Мертвыхъ Душъ». М. С. былъ внѣ себя отъ восторга, всѣмъ объ этомъ передавалъ на ухо, какъ секретъ. Но не успѣлъ Гоголь прожить трехъ дней, какъ пріѣхалъ въ гости къ Михаилу Семеновичу Панаевъ, начинающій молодой литераторъ, котораго отецъ мой характеризовалъ, какъ человѣка зоркаго, прониливаго и вообще не симпатичнаго. Когда сошлись всѣ къ вечернему чаю, Гоголь вошелъ съ М. С. въ столовую подѣ руку, о чемъ-то тихо разговаривая, но по всему видно было, что разговоръ этотъ для Михаила Семеновича былъ крайне интересенъ. Лицо Щепкина сіяло радостью. Гоголь же, наклонясь къ нему, со свойственною ему улыбкой на губахъ продолжалъ что-то ему тихо передавать. Подойдя къ столу, Гоголь быстро окинулъ всѣхъ взглядомъ и, замѣтя новое лицо, нервнѣе взялъ чашку съ чаемъ и сѣлъ въ дальній уголь столовой и весь какъ будто съежился. Лицо его приняло угрюмое и злое выраженіе, и во все время чаепитія просидѣлъ онъ молча, а за ужиномъ объявилъ, что рано утромъ на другой день ему надо ѣхать въ Москву по дѣламъ. Такъ и не состоялось чтеніе его новыхъ произведеній, о чемъ сердечно горевалъ Михаилъ Семеновичъ и всѣ остальные члены семьи. Послѣ того Н. В. Гоголь заѣзжалъ къ Щепкину еще нѣсколько разъ, но отецъ мой говорилъ, что такимъ веселымъ, какимъ онъ видѣлъ его на дачѣ, онъ уже ни разу не видѣлъ Гоголя. Если Гоголь бы-

валъ, то какъ-то подозрительно оглядывалъ всѣхъ присутствующихъ и вообще ужъ былъ не прежній Гоголь. Иной разъ Михайлъ Семеновичъ расшевелить его какимъ нибудь своимъ рассказомъ, Гоголь слегка улыбнется, но сейчасъ же опять нахмурится и весь какъ бы уйдетъ въ себя. Гоголь былъ очень расположенъ къ Щепкину. Оба они знали и любили Малороссію и охотно толковали о ней, сидя въ дальнемъ углу гостиной въ домѣ Михаила Семеновича. Они перебирали и обычаи, и одежду малороссіянъ, и, наконецъ, ихъ кухню. Прислушиваясь къ ихъ разговору, можно было слышать подъ конецъ: вареники, голубцы, паленицы, — и лица ихъ сіяли улыбками. Изъ рассказовъ Щепкина Гоголь почерпалъ иногда новыя черты для лицъ въ своихъ рассказахъ, а иногда цѣликомъ вставлялъ цѣлый рассказъ его въ свою повѣсть. Это дѣлалось по просьбѣ Михаила Семеновича, который желалъ, чтобы характерныя выраженія или происшествія не пропали безслѣдно и сохранились въ рассказахъ Гоголя. Такъ, Михайлъ Семеновичъ передалъ ему рассказъ о городничемъ, которому напало мѣсто въ тѣсной толпѣ и о сравненіи его съ лакомымъ кускомъ, попадающимъ въ полный желудокъ. Такъ слова исправника: «полюбите насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ» — были переданы Гоголю Щепкинымъ. Нельзя утверждать, чтобы Гоголь всегда охотно принималъ совѣты Михаила Семеновича, но послѣдній всегда заявлялъ свое мнѣніе искренно и безъ утайки. Кромѣ піесъ Гоголя, Михаила Семеновича сильно увлекали піесы Тургенева; при постановкѣ ихъ на сцену, Щепкинъ съ большимъ удовольствіемъ игралъ въ его піесахъ. Когда Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ пріѣзжалъ въ Москву, то всегда бывалъ въ домѣ Михаила Семеновича, и иногда самъ читалъ ему свою піесу. И Михайлъ Семеновичъ любилъ анализировать всѣ характеры его піесы, въ присутствіи самого Тургенева и вмѣстѣ съ нимъ. Тургеневъ относился къ Щепкину съ необычайною мягкостью и добродушіемъ, что вообще было свойственно его характеру. Изъ піесъ Тургенева Михайлъ Семеновичъ любилъ «Провинціалку», въ которой игралъ стряпчаго. Но особенно нравилась ему піеса «Нахлѣбникъ» и роль самого нахлѣбника. Когда піесу эту задерживали, и она долго не появлялась на сценѣ, то Михайлъ Семеновичъ пробовалъ ставить ее на домашнемъ спектаклѣ у своихъ знакомыхъ, и разучивалъ роль нахлѣбника съ величайшимъ удовольствіемъ и одушевленіемъ. Роль эта занимала его въ продолженіе цѣлой зимы, хотя, къ сожалѣнію, спектакль не состоялся.

V.

Въ послѣдніе годы своей службы Михаилъ Семеновичъ устарѣлъ, ослабъ и отяжелѣлъ, но достаточно было замѣнить его другимъ, какъ сейчасъ же становились понятными его высота, его художественность. Когда онъ уѣхалъ въ отпускъ, нѣкоторыя роли за него пришлось исполнять только что поступившему на службу хорошему артисту Е. О. Петрову. Кажется, въ его исполненіи было все, что требовалось для Муромскаго (въ «Свадьбѣ Кречинскаго»). Но все-таки чего-то не хватало, а не хватало только степеннаго добродушія, а эта-то черта характера, этотъ отгѣнокъ именно и составляетъ истинную прелесть роли. Въ «Мишурѣ» повторилась та же исторія: артистъ Ѳедотовъ игралъ Зайчикова хорошо, но недоставало щепкинской безпредѣльной отцовской любви и тѣхъ молящихъ глазъ за судьбу любимаго сына, который весь зависѣлъ отъ одного слова начальника. Щепкинъ иногда совѣтовалъ даже плохія произведенія дочитывать до конца, чтобы знать, какъ не надо писать. Скабрезные анекдоты, лишь бы они были остроумны, онъ цѣнилъ, находя въ ихъ безцеремонной откровенности зачастую болѣе вѣрную характеристику. Чтобы разсердить Михаила Семеновича, достаточно было спросить, помнитъ ли онъ то-то и то-то.

— Къ чему говорить глупости?— конечно, помню. Память— моя специальность и мой неизмѣнный, лучший другъ, — отвѣчалъ онъ кипящаясь.

Михаилъ Семеновичъ не только зналъ на зубокъ свои роли, но и цѣлыя драматическія произведенія: «Горе отъ ума», «Скупой рыцарь», «Благородный театръ» Загоскина и всѣ небольшія драматическія сцены Пушкина. «Ревизоръ», «Разъѣздъ», «Тараса Бульбу» Гоголя, «Мцыри» Лермонтова, «Кобзаря» Шевченко, какую-то поэму Козлова онъ говорилъ на память, а въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ онъ даже зналъ, съ какого слова какая страница начинается. Щепкинъ, при всей строгости къ самому себѣ, имѣлъ немало странностей: на примѣръ, онъ любилъ цѣловать молодыхъ актрисъ въ губы и, идя мимо нихъ, обыкновенно говорилъ: «губы, губы!», чмокалъ и проходилъ дальше. Актрисы знали его слабость и не прекословили ему, но иногда съ этими поцѣлуями выходили немалыя недоразумѣнія. Одинъ разъ Михаилъ Семеновичъ, проходя, обратился къ стоявшей на актерскомъ подѣздѣ какой-то дамѣ, вѣроятно, принимая ее за одну изъ служащихъ въ театрѣ. «Губы, губы!» — сказалъ онъ. «Съ удовольствіемъ, — отвѣчала та, — но только, господинъ Щепкинъ, пожалуйста, не говорите объ этомъ моему мужу: онъ у меня ужасно ревнивъ. Позвольте вамъ представиться: княгиня такая-то». Кар-

тина. Съ Поздняковой и Никулиной Михаилъ Семеновичъ просто носился, нянчился, первую даже ревновалъ къ ея жениху (А. Ф. Ѳедотову), боясь, чтобы супружеская жизнь не унесла, не похитила ея у сцены. Разъ какъ-то передъ вечеромъ всѣ сидѣли за чаемъ. А. Ф. Ѳедотовъ подѣхалъ къ крыльцу, Михаилъ Семеновичъ стоялъ съ сигарой у окна, и всѣ ясно слышали, какъ онъ проговорилъ:

— Вотъ онъ, разбойникъ! Похититель моего спокойствія! Пріѣхалъ за ней. Завянетъ, завянетъ цвѣтокъ, не распустившись.

Съ Сергѣемъ Васильевичемъ Шумскимъ у Михаила Семеновича часто бывали шумныя объясненія. Шумскій любилъ и уважалъ Михаила Семеновича и пользовался совѣтами при исполненіи трудныхъ ролей. Какъ-то разъ едва С. В. Шумскій вошелъ въ гостиную, какъ Михаилъ Семеновичъ, не давъ ему опомниться, началъ его бранить за исполненіе какой-то роли и почти бѣгалъ по гостинной приговаривая:

— Мерзкая самолюбивая фізіономія! Смазливая бабья рожа для тебя дороже, интереснѣе всего твоего дѣла, дороже истины! Ты какъ долженъ быть загримированъ? Какъ? Въ уродливомъ тѣлѣ душевная красота. А ты что изображалъ? Скажите, какой купидонъ!

— Ради Бога, не сердитесь, Михаилъ Семеновичъ.

— Я давно Михаилъ Семеновичъ! А ты Купидонъ Купидоновичъ.

— Ну, извините.

— Извините, извините! Поди, извиняйся передъ авторомъ, передъ театромъ, а передо мной нечего!—говорилъ Михаилъ Семеновичъ, шагая изъ одного угла въ другой.—Нѣтъ, дуна моя, Сергѣй Васильевичъ! Такъ, братъ, далеко не уйдешь, а отъ тебя-то мнѣ въ особенности обидно видѣть такую неряшливость,—закончилъ Михаилъ Семеновичъ, подавая на ходу руку Шумскому.

VI.

Однажды Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ пріѣхалъ въ Москву и, конечно, посѣтилъ Михаила Семеновича, заявивъ ему при свиданіи между прочимъ, что хотѣлъ бы познакомиться съ Николаемъ Васильевичемъ Гоголемъ. Это было незадолго до смерти Гоголя. Михаилъ Семеновичъ отвѣтилъ ему: «если желаете, поѣдемте къ нему вмѣстѣ». Тургеневъ возразилъ на это, что не ловко, пожалуй, Николай Васильевичъ подумаетъ, что онъ навязывается. «Охъ, батюшки мои, когда это вы, государи мои, доживете до того времени, что не будете такъ щепетильничать!»—замѣтилъ М. С. Тургеневу, но тотъ стоялъ на своемъ, и Щепкинъ вызвался пере-

дать желаніе Ив. Сер. Тургенева Гоголю. Свой визитъ къ Гоголю, по словамъ моего отца, Михаилъ Семеновичъ передалъ такъ: «прихожу къ нему. Николай Васильевичъ сидитъ за церковными книгами. Что это вы дѣлаете? Къ чему эти книги читаете? Пора бы вамъ знать, что въ нихъ значится?»—«Знаю,—отвѣтилъ мнѣ Николай Васильевичъ,—очень хорошо знаю, но возвращаюсь къ нимъ снова, потому что наша душа нуждается въ толчкахъ».

— Это такъ,—замѣтилъ я ему на это,—но толчкомъ для мыслящей души можетъ служить все, что разбѣяно въ природѣ: и пылинка, и цвѣтокъ, и небо, и земля.

Потомъ вижу, что Гоголь хмурится; я перемѣнилъ разговоръ и сказалъ ему: «съ вами, Николай Васильевичъ, желаетъ познакомиться одинъ русскій писатель, но не знаю, желательно ли это будетъ вамъ?»—«Кто же это такой?»—«Да человѣкъ довольно извѣстный; вы, вѣроятно, слышали о немъ: это Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ». Услыхавъ эту фамилію, Николай Васильевичъ оживился и началъ говорить, что онъ душевно радъ и что проситъ меня побывать у него вмѣстѣ съ Иваномъ Сергѣевичемъ на другой день, часа въ три или четыре.

Меня это страшно удивило, потому что Гоголь за послѣднее время держалъ себя особнякомъ и былъ очень неподатливъ на новыя знакомства. На другой день ровно въ три часа мы съ Иваномъ Сергѣевичемъ пожаловали къ Гоголю. Онъ встрѣтилъ насъ весьма привѣтливо; когда же Иванъ Сергѣевичъ сказалъ Гоголю, что нѣкоторыя произведенія его, переведенныя имъ Тургеновымъ на французскій языкъ и читанныя въ Парижѣ, произвели большое впечатлѣніе, Николай Васильевичъ замѣтно былъ доволенъ и съ своей стороны сказалъ нѣсколько любезностей Тургенову. Но вдругъ поблѣднѣлъ, все лицо его искривилось какою-то злою улыбкой, и, обратившись къ Тургенову, онъ въ страшномъ безпокойствѣ спросилъ: «Почему Герценъ позволяетъ себѣ оскорблять меня своими выходками въ иностранныхъ журналахъ?» Тутъ только я понялъ,—разсказывалъ Михаилъ Семеновичъ,—почему Николаю Васильевичу такъ хотѣлось видѣться съ Иваномъ Сергѣевичемъ.

Выслушавъ отвѣтъ Тургенева, Гоголь сказалъ: «правда, и я во многомъ виноватъ, виноватъ тѣмъ, что послушался друзей, окружавшихъ меня, и еслибы можно было воротить назадъ сказанное, я бы уничтожилъ мою переписку съ друзьями. Я бы сжегъ ее». Тѣмъ и закончилось свиданіе между Гоголемъ и Тургеновымъ.

Послѣ этой встрѣчи они больше не видались,—такъ закончилъ свой разсказъ Щепкинъ.

VII.

Объ игрѣ Щепкина тетушка моя, Александра Владимировна Щепкина, говорила слѣдующее. Талантъ Михаила Семеновича въ комическихъ роляхъ, въ комедіяхъ, такъ же сильно увлекалъ публику, какъ и въ драмахъ. Такъ же внимательно слушали его монологи въ роли Фамусова въ «Горе отъ ума» и слѣдили за игрой его лица, за тонкою улыбкой или неожиданно вырвавшимся жестомъ руки. Интонація его чрезвычайно вѣрно согласовалась у него съ значеніемъ словъ, и роль выдержана была съ начала до конца съ одинаковою силой. Передъ значительнымъ мѣстомъ въ своей роли онъ быстро одушевлялся и, дѣлая нѣсколько мѣрныхъ шаговъ впередъ (что выходило у него совершенно естественно), не спѣша начиналъ онъ свою вдохновенную рѣчь... «Моя судьба—еще ли не плачевна!»... раздавалось на сценѣ, и все притихаетъ, чтобы не проронить ни одного сказаннаго слова. Въ «Ревизорѣ», въ роли Городничаго, живая, но не суетливая игра М. С. рисовала человѣка, глубоко увѣреннаго въ себѣ и своей смыслености, опытнаго и спокойнаго, привыкшаго властвовать въ своемъ мірочкѣ. Въ концѣ пьесы вы видите его обманутымъ, но не разбитымъ. Онъ снова является старшимъ въ семьѣ и, презрительно упоминая о случайной ошибкѣ, о пустомъ фанфаронѣ, смѣется только надъ легкомысліемъ женщинъ. Все это ясно выражалось въ походкѣ, въ движеніяхъ и интонаціи М. С. въ этой роли. Въ пьесахъ Мольера онъ сохранялъ такую же серіозность и вызывалъ между тѣмъ взрывы хохота у своихъ зрителей одною выразительностью словъ и жестовъ. Онъ то застывалъ на мѣстѣ, то бросался и ходилъ съ необычайною стремительностью и силой, то выразительно искажалось вдругъ лицо его страстью: такимъ былъ онъ въ Скапенѣ, на примѣръ, когда онъ и вынималъ и вмѣстѣ задерживалъ въ карманѣ свой кошелекъ съ деньгами.

Въ «Женитьбѣ», на примѣръ, играя роль Кочкарева, Михаилъ Семеновичъ поражалъ живостью и бѣготней и какимъ-то энергичнымъ проявленіемъ того спокойнаго легкомыслія, съ которымъ Кочкаревъ впутывался въ чужія дѣла и съ увлеченіемъ принималъ горячо успѣхъ или неудачу своихъ заботъ о женитьбѣ пріятеля. Эти свойства Кочкарева проглядывали въ стремительной ходьбѣ, въ скороговоркѣ и ободряющихъ взглядахъ, устремленныхъ на робкаго пріятеля, котораго онъ взялся пристроить. И все идетъ ровно и плавно, пока неожиданно не обрывается вдругъ эта энергія при вѣсти о бѣгствѣ его жертвы; на мгновеніе стоитъ онъ растерявшись (переходъ этотъ былъ замѣчательно хорошъ у М. С.), и вдругъ стремительно убѣгаетъ отыскивать Подколесина, съ новымъ приливомъ энергіи. При ясномъ умѣ Щепкина, при его знаніи жизни,

ему не трудно было схватить характеръ лица въ пьесѣ,—онъ видѣлъ тотчасъ, къ какому разряду людей принадлежитъ изображаемое имъ лицо. И съ тактомъ художника угадывалъ онъ тонъ его рѣчей, его движенія, взглядъ и игру лица и воплощалъ этотъ образъ, явившійся уже цѣльнымъ передъ глазами зрителей.

Несмотря на полноту свою, М. С. былъ эластиченъ въ движеніяхъ, силенъ и неутомимъ. Свойства эти сохранилъ онъ до глубокой старости; большинство ролей своихъ онъ игралъ еще на послѣднемъ году жизни, когда ему было уже болѣе 70 лѣтъ. Онъ, конечно, уставалъ по окончаніи игры, но страсть приковывала его къ театру, который онъ изъ года въ годъ намѣревался оставить. Изучая роль, М. С. усваивалъ больше внутреннія движенія души человѣка. Въ игрѣ его не было подражанія внѣшнимъ привычкамъ, голосу и ухваткамъ различныхъ сословій: онъ никогда никого не копировалъ. У него былъ талантъ схватить сущность лица и передать это по-своему. Въ его умномъ взглядѣ вы читали мысли изображаемаго имъ человѣка, а тонъ рѣчи и движенія подходили къ характеру роли. При художественномъ пониманіи внутренняго человѣка, М. С. не трудно было создать роли и не изъ русскаго быта, роли изъ комедій Мольера удавались ему какъ нельзя лучше. Такъ, въ комедіяхъ «Мнимый больной» и «Докторъ поневолѣ», въ игрѣ Михаила Семеновича были видны живые чудачки, созданные въ воображеніи Мольера и явившіеся передъ вами въ лицѣ Щепкина, остававшагося всегда немного самимъ собою по внѣшности. Но вы видѣли вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрно переданный характеръ и забывали иногда о томъ, какой націи и какого слоя общества былъ этотъ чудакъ, выходки котораго заставляли смѣяться публику до слезъ. М. С. всегда оставался немного самимъ собою, но какъ велика была разница между представленнымъ имъ чудачкомъ Мольеровской комедіи и между образомъ сыграннаго имъ Полонія въ «Гамлетѣ»! Какъ ярко отличался его серіозный тонъ и заискивающее выраженіе лица смышленнаго придворнаго отъ простодушныхъ чудачковъ Мольера! И до конца Полоній выдерживаетъ серіозность тона и важность движеній и наставительно даетъ онъ совѣты опытнаго придворнаго сыну своему Лаэрту. Какъ хорошъ бывалъ Полоній въ игрѣ Щепкина въ сценѣ его съ принцемъ Гамлетомъ, угодливо отвѣчая на его замѣчанія объ измѣнчивости облачка на небѣ, а также въ сценѣ съ королемъ, когда онъ сообщаетъ королю о сумасшествіи Гамлета! Какъ онъ клянется и отступаетъ на нѣсколько шаговъ назадъ, со страхомъ передавая королю свои наблюденія и сообщая ему осторожно объ отношеніяхъ Гамлета къ Офеліи! Въ игрѣ М. С. бывало очень много оттѣнковъ и для различныхъ лицъ и для одного того же лица въ разныхъ сценахъ пьесы.

Такъ, Фамусовъ у себя, въ своей пріемной, сохраняетъ всю важность стариннаго барина хлѣбосола, съ медленными и солид-

ными движеніями, и тотъ же Фамусовъ подкрадывается къ Лизѣ уже совѣмъ другою походкою, ступая на кончикахъ носковъ, чтобы не выдать себя шумомъ шаговъ и утаить свои проказы. Въ послѣдней сценѣ, разразившись надъ дочерью за ея мнимое, заподозрѣнное имъ свиданіе съ Чацкимъ, онъ грознымъ крикомъ обѣщаетъ увезти ее въ глушь, въ Саратовъ; но къ Лизѣ обращается онъ гораздо снисходительнѣе, со словами: «ты черноглазая, — все отъ твоихъ проказъ!» И потомъ, отходя въ сторону, онъ произноситъ съ отгѣнкомъ отчаянія:

Ахъ, Боже мой! Что станеть говорить
Княгиня Марья Алексѣвна?

Репертуаръ Щепкина былъ очень разнообразенъ: талантъ его не ограничивался комическими ролями, но захватывалъ и драму. Михаилъ Семеновичъ отлично зналъ Малороссію, потому что долго служилъ на сценѣ въ Полтавѣ и въ Харьковѣ; онъ неподражаемо игралъ малороссовъ въ «Наталкѣ Полтавкѣ» и въ «Москалѣ Чаровникѣ». Въ то время никто не могъ сравняться съ нимъ въ этихъ пьесахъ, исключая развѣ извѣстнаго тогда въ Харьковѣ актера Соленика, который приводилъ въ восхищеніе самого Щепкина. Это была еще одна почтенная черта М. С.: онъ всегда радовался чужому таланту и никогда не желалъ уменьшить его достоинства. Когда съ нимъ бывало говорили о какомънибудь артистѣ и спрашивали его мнѣнія, онъ дѣлалъ оцѣнку таланта такъ вѣрно и съ такою точностью и удовольствіемъ, будто говорилъ о цѣнности рѣдкихъ монетъ, въ то же время любуясь ими.

И, несмотря на такое искреннее отношеніе къ чужому таланту, окружавшіе его артисты питали недовѣріе къ его совѣтамъ. Артистки, напротивъ, вѣрили въ его участіе и желаніе быть имъ полезнымъ. Онъ охотно слушали и его совѣты и объясненія ролей. Нѣсколько замѣчательныхъ женскихъ талантовъ развились подъ его вліяніемъ и пользовались его постояннымъ вниманіемъ. И ихъ всегда можно было встрѣтить въ его семьѣ, въ числѣ другихъ друзей и знакомыхъ. Многія изъ знавшихъ его артистокъ навсегда сохранили о немъ самое теплое воспоминаніе. М. С. въ молодости такъ одиноко проходилъ дорогу труда, что хорошо понималъ, какую пользу могла принести поддержка и совѣтъ каждому, начинающему свое поприще. А какъ художникъ, любившій искусство, онъ принималъ участіе въ молодыхъ талантахъ. М. С. и вообще тепло относился къ людямъ и всегда готовъ былъ оказать помощь каждому новому знакомому, если видѣлъ въ немъ умъ, талантъ или добрую натуру.

VIII.

Знакомство Щепкина въ Москвѣ было обширное, и между многими знакомыми ему семьями особенно близко и дружески знакомъ онъ былъ съ профессоромъ Перевощиковымъ. Михаилъ Семеновичъ былъ почитателемъ ума и таланта этого извѣстнаго ученаго—астронома и математика. Многочисленная семья профессора была коротко знакома съ семьею Щепкина; сыновья ихъ, дружные съ дѣтства, встрѣтились и въ университетѣ. Лѣтомъ молодые люди вмѣстѣ проводили время на дачахъ подъ Москвою. Такое же близкое отношеніе было у М. С. къ Сергѣю Тимоѣевичу Аксакову, автору «Семейной хроники»; знакомство это несомнѣнно имѣло хорошее вліяніе на дальнѣйшее развитіе таланта М. С.; въ обществѣ Сергѣя Тимоѣевича Аксакова, въ семьѣ его, Щепкинъ находилъ полное удовлетвореніе своимъ умственнымъ интересамъ. И въ послѣдніе годы жизни Щепкинъ всегда оживлялся при воспоминаніи о немъ и тепло говорилъ объ Аксаковыхъ. Оба семейства были также знакомы между собою; сыновья М. С. съ дѣтства знали сыновей Аксакова, которые въ домѣ ихъ принимали иногда участіе въ домашнихъ спектакляхъ. Въ числѣ короткихъ знакомыхъ Щепкина былъ также М. П. Погодинъ. Припоминая интимныхъ знакомыхъ М. С., приходится опять упомянуть Николая Христофоровича Кетчера, такъ какъ онъ былъ однимъ изъ постоянныхъ и частыхъ его посѣтителей. Любитель и хорошій цѣнитель театра, Кетчеръ былъ коротко знакомъ съ лучшими артистами, и всѣ они во многомъ руководились его мнѣніями и совѣтами.

Здѣсь еще надо сказать о томъ счастливомъ условіи, которое такъ хорошо поставило его въ Москвѣ: это было родственное и хорошее отношеніе къ П. Ст. Щепкину, профессору математики при Московскомъ университетѣ. Профессоръ П. С. Щепкинъ происходилъ отъ другой линіи Щепкиныхъ, родоначальникъ которой былъ священникомъ въ Калугѣ. Михаилъ Семеновичъ нашелъ радушный пріемъ у своего родственника и у него познакомился со многими профессорами университета. Это счастливое обстоятельство сразу поставило его въ близкое отношеніе къ образованнымъ кружкамъ Москвы.

Такимъ образомъ начались знакомства Щепкина съ кружками литературными и людьми развитыми, среди которыхъ онъ нашелъ умственное и душевное удовлетвореніе.

IX.

Для своихъ семейныхъ на деньги Михаилъ Семеновичъ былъ скупъ. Если бывало бабушка Елена Дмитріевна, какъ передавалъ отецъ, обращалась къ М. С. за деньгами, говоря, что нужны деньги

для покупки дѣтямъ сапоговъ, то онъ вскакивалъ, хваталъ себя за голову и кричалъ: «Вы меня разоряете, у меня не хватитъ силъ работать». Если же кто изъ чужихъ бывало попросить, то онъ давалъ безпрекословно. Въ 1862 году Михайлъ Валентиновичъ Лентовскій прислалъ изъ Саратова Щепкину письмо, въ которомъ писалъ, что имѣеть сильное влеченіе къ театру, но что не имѣеть средствъ добраться до Москвы и потому рѣшается обратиться къ М. С., зная его отзывчивость на все доброе; нужно было видѣть, что было съ М. С., когда онъ получилъ письмо. Читая его, онъ рыдалъ, какъ ребенокъ. Немедля послалъ юношѣ на дорогу 80 рублей и ждалъ его пріѣзда съ нетерпѣніемъ. Большинство разговоровъ сводилось на ожидаемаго гостя. Когда пріѣхалъ М. В. Лентовскій, и М. С. доложили о пріѣздѣ, это было 11-го января утромъ 1863 года, Щепкинъ выбѣжалъ въ переднюю въ халатѣ (любимый его коричневый, съ цвѣточками по полосамъ) и бросился его цѣловать, обнимать и тотчасъ же потащилъ его на свѣтъ къ окну, сталъ его разглядывать и вертѣть.

— Ничего, хорошъ! Годится! Смазливъ! Глазастъ! Говори! Кричи! Громче! Громче! Голосъ есть? Губы, губы? Такъ, хороши!... Вѣрочка! Татьяна Михайловна! Чаю! Сливокъ! Хлѣба больше! Ты, братъ, замерзъ дорогой? Садись, ѣшь, пей. Не стѣсняйся, будь какъ дома, да ты и дѣйствительно дома. Мой домъ—твой домъ; но помни, учись, учись и учись! А тамъ все будетъ наше.

Первое время Лентовскій оторопѣлъ, а потомъ почему-то вдругъ громко разсмѣялся.

— Э, да ты, братъ, смѣхунъ? Ну-ка, еще засмѣйся! Громче... такъ, такъ, хорошо... молодецъ, звучно. Только немножко малъ подбородокъ, да около губъ грустныя линіи. Ну, да мы отѣдимся и сведемъ съ лица эту ненужную гримировку.

Потомъ повелъ его знакомить со всѣми домашними, сдалъ на попеченіе Татьяны Михайловны, и къ концу дня Лентовскій былъ одѣтъ и обутъ во все новое. Въ этотъ же вечеръ М. С. повезъ его въ казенной каретѣ въ Малый театръ и показалъ всѣмъ участвующимъ артистамъ и начальству. Цѣлыя двѣ недѣли Щепкинъ возился съ Лентовскимъ, возя его по разнымъ профессорамъ, знаменитостямъ и высокопоставленнымъ лицамъ, но чаще бывалъ съ нимъ у Михаила Петровича Погодина, на Дѣвичьемъ полѣ. Въ театръ пускалъ его рѣдко, несмотря на его слезы и просьбы, и то только на выдающіяся представленія извѣстныхъ авторовъ, чтобы образовать правильный вкусъ.

— Чѣмъ дольше и упрямѣе я тебя не буду пускать,—говорилъ М. С. Лентовскому,—тѣмъ больше у тебя накопится желаній, тѣмъ цѣльнѣе ты сохранишь свой огонекъ, который у тебя таятся въ груди. Смотри, не набей оскомины! Мнѣ мало, чтобы ты былъ актеромъ, мнѣ нужно, чтобы ты былъ образованнымъ человѣкомъ, от-

вѣтственнымъ за свои дѣйствія и поступки; не люблю я тьмы, не люблю, братецъ ты мой!

Желаніе М. С. было, если онъ окажется годенъ, приготовить и отдать его въ высшее учебное заведеніе или отправить за границу въ лучшую изъ консерваторій, но судьба сулила иное.

Х.

Тетушка моя А. В. Щепкина про свою встрѣчу съ М. С. рассказывала слѣдующее. Приѣхали мы въ Москву изъ Воронежской губерніи въ 1845 году и остановились въ гостиницѣ «Дрезденъ». М. С. Щепкинъ зашелъ посѣтить насъ и былъ въ хорошемъ настроеніи духа. Спокойно расположившись въ креслѣ съ сигарой въ небольшой и полной рукѣ, онъ тихо улыбался, прихлебывая изъ стакана чай (который всегда былъ его любимымъ напиткомъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ велъ одушевленную бесѣду. Онъ рассказывалъ о театрѣ и о постановкѣ нѣкоторыхъ новыхъ пьесъ, по случаю приѣзда въ Москву артиста Мартынова изъ Петербурга. Онъ припоминалъ тутъ, о чемъ всегда любилъ вспоминать, какъ на его глазахъ подвинулось впередъ театральное искусство. «Я помню, что уже въ мое время,—говорилъ онъ,—считалось невозможнымъ говорить на сценѣ просто и непринужденно, какъ говорятъ въ жизни; это считалось неприличнымъ для сцены. Роль необходимо было декламировать, а особенно въ драмѣ, да еще написанной въ стихахъ! А, уходя со сцены, необходимо нужно было поднять одну руку и итти такъ до самаго выхода со сцены». При этихъ словахъ М. С. всталъ съ кресла, поднялъ одну руку вверхъ и мѣрными шагами прошелъ чрезъ всю комнату, не опуская руки, что выходило у него очень комично. Онъ объяснялъ, что декламация и чтеніе нараспѣвъ зародились у насъ, какъ подраженіе искусственной игрѣ въ классическихъ драмахъ Расина и Корнеля на французской сценѣ. Онъ удивлялся, что неестественность такихъ приемовъ никого не удивляла и никому не бросалась въ глаза, и даже удовлетворяла зрителей. Просидѣвъ у насъ довольно много, М. С. сталъ собираться домой и прощаясь просилъ посѣтить его семью. Онъ жилъ въ то время въ собственномъ домѣ, въ Спасскомъ переулкѣ, на Садовой, недалеко отъ Цвѣтного бульвара. Въ этомъ домѣ выросли всѣ его дѣти, и воспоминаніе объ этомъ домѣ и о радушныхъ его обитателяхъ, вѣроятно, сохранилось еще у многихъ изъ старыхъ знакомыхъ, которые посѣщали тогда семью Щепкиныхъ. Для покупки этого дома М. С. призналъ денегъ и приобрѣлъ его въ 1830 году, и жилъ въ немъ до конца сороковыхъ годовъ. При домѣ былъ большой садъ съ фруктовыми деревьями, съ клумбами для цвѣтовъ около небольшой террасы, на

которую выходила дверь изъ гостиной дома. Въ жизни семьи М. С. сохранился тотъ бытъ, къ которому онъ привыкъ изстари въ провинціи, когда живалъ въ Курской и Полтавской губерніи. Вся обстановка была очень проста. Въ домѣ радушно принимала всѣхъ жена М. С., Елена Дмитріевна. Ея привѣтливая улыбка и лицо, красивое и въ старости, освѣщались еще прекрасными темными глазами; съ ея кроткимъ и ровнымъ характеромъ, она была вполне способна заботиться о томъ домашнемъ приютѣ для стариковъ и сиротъ, который М. С. устраивалъ въ своемъ домѣ, по свойственному ему сочувствію къ осиротѣлымъ и бездомнымъ. Поступивъ въ императорскій московскій Малый театръ, Щепкинъ, кромѣ своей семьи, перевезъ съ собою и всю семью своего престарѣлаго отца: двухъ пожилыхъ сестеръ своихъ, мать и брата. Въ сороковыхъ годахъ отца не было уже въ живыхъ, но мать была жива. Она прожила болѣе девятидесяти лѣтъ. Вскорѣ послѣ переселенія М. С. въ Москву, въ Харьковѣ скончался его старинный другъ, Петръ Егоровичъ Барсовъ. Они вмѣстѣ начали свою артистическую карьеру въ Курскѣ, гдѣ Барсовъ содержалъ театръ съ своимъ братомъ. Когда до М. С. дошла въ Москву вѣсть о томъ, что Барсовъ скончался, оставивъ большую семью свою на рукахъ жены, Щепкинъ тотчасъ рѣшилъ, что онъ долженъ взять къ себѣ его осиротѣвшее семейство. Такимъ образомъ, дѣти М. С. воспитывались вмѣстѣ съ дѣтьми Барсова, и всю жизнь потомъ ихъ связывала братская дружба и общія воспоминанія о пребываніи въ гимназій и въ университетѣ. Такъ незамѣтно росла и составлялась семья Щепкина; въ 1831 году семья эта заключала въ себѣ 24 человѣка.

XI.

Щепкинъ постоянно заботился о томъ, чтобы доставить хорошее образованіе своимъ дѣтямъ. Самъ онъ всегда сожалѣлъ, что въ его время онъ долженъ былъ ограничиться курсомъ городского училища въ Курскѣ, въ которомъ, какъ онъ вспоминалъ, преподаватели не отличались ни особымъ знаніемъ, ни добросовѣстностью. Чувствуя всегда недостаточность такого обученія, М. С. желалъ доставить болѣе полныя знанія своимъ сыновьямъ и воспитанникамъ. Онъ часто говорилъ, что «образованіе дѣйствуетъ не только на развитіе ума, но и на нравственныя качества человѣка». Послѣ домашняго обученія М. С. помѣстилъ дѣтей своихъ въ гимназію. Изъ гимназій онъ взялъ дѣтей до окончанія гимназическаго курса, и дома приготавливались они къ университету. Все это было бы трудно выполнить, еслибы онъ не нашелъ себѣ поддержки и помощи въ кругу знакомыхъ профессоровъ; они указали ему прекрасныхъ преподавателей. Профессоръ Крюковъ

предложилъ даже взять на себя лично преподаваніе древнихъ языковъ. Всѣ сыновья и воспитанники Щепкина поступили въ университетъ, а относительно младшаго изъ нихъ ¹⁾ въ выборѣ книгъ и преподавателей руководилъ Михаила Семеновича своими совѣтами извѣстный профессоръ Московскаго университета Тимоѳей Николаевичъ Грановскій.

Въ это же время поселился въ семьѣ Щепкина Иванъ Кондратьевичъ Бабстъ, только что пріѣхавшій въ Москву, чтобы вступить въ университетъ; на Бабста Щепкину указалъ Т. Н. Грановскій, какъ на хорошаго преподавателя древнихъ языковъ. И. К. Бабстъ былъ тогда юнымъ студентомъ, и въ немъ всѣ видѣли уже даровитаго человѣка. Самъ Бабстъ весело рассказывалъ о томъ, какъ онъ въ первый разъ появился въ Москвѣ, какъ часть дороги долженъ былъ совершить при обозѣ, шедшемъ въ Москву съ лимонами. Въ Москвѣ у него не было ни одной знакомой души, но, къ счастью, онъ нашелъ какъ бы родной домъ у Щепкина.

ХІІ.

Въ сороковыхъ годахъ семья М. С. уменьшилась; многіе выбыли изъ нея; одни, чтобы жить самостоятельно, другихъ не было уже въ живыхъ. Но семья все еще состояла изъ четырнадцати человѣкъ, не считая молодыхъ людей, временно принятыхъ въ домъ и находившихся подъ покровительствомъ М. С.

Кружокъ молодыхъ студентовъ сыновей и друзей ихъ все увеличивался и наполнялъ тогда такъ называемый «студенческій флигель» при домѣ Щепкина. М. С. относился очень добродушно къ этой молодой компаніи и любилъ слушать ихъ разговоры и споры. Лѣтомъ, когда вся семья М. С. переѣзжала на дачу, общество молодыхъ людей не уменьшалось. Лѣтомъ Щепкинъ продолжалъ игру на сценѣ, но часто посѣщалъ свою семью на дачѣ и любилъ сельскую жизнь и дальнія прогулки.

Иногда всей семьей предпринимались путешествія къ Троицѣ. Особенно долго сохранялось воспоминаніе въ семьѣ Щепкиныхъ о пребываніи лѣтомъ въ Апухтинѣ, гдѣ М. С. нанялъ дачу, давно не обитаемую и запущенную. Апухтино осталось особенно ярко въ воспоминаніяхъ семьи Щепкиныхъ, благодаря новымъ знакомствамъ, которыя пріобрѣли они въ его окрестностяхъ. Тутъ Щепкины познакомились съ семействомъ Кноринговъ, которымъ суждено

¹⁾ Мой отецъ Александръ Михайловичъ Щепкинъ кончилъ курсъ въ университетѣ въ 1852 году, служилъ въ С.-Петербургѣ въ городской думѣ, потомъ въ Самарѣ помощникомъ правителя канцеляріи у губернатора К. К. Грота, скончался 1885 года 15 января, состоя въ должности управляющаго Тульской казенной палаты.

было сильно подѣйствовать потомъ на судьбу одного изъ сыновей М. С. Тамъ же, въ Соколовѣ, Щепкинъ часто встрѣчалъ нашего великаго поэта Александра Сергѣевича Пушкина, который гащивалъ тамъ у П. В. Нащокина.

Позднѣе А. С. Пушкинъ посѣтилъ нѣсколько разъ М. С., чтобы видѣться у него съ В. Г. Бѣлинскимъ, котораго приглашали тогда принять работу для журнала, въ изданіи котораго участвовалъ А. С. Пушкинъ. Это было далеко до переѣзда В. Г. Бѣлинскаго въ Петербургъ. Бѣлинскій былъ очень близокъ съ домомъ Щепкиныхъ и часто гостилъ у нихъ на дачѣ.

ХІІІ.

Первая встрѣча Щепкина съ женою своею Еленой Дмитріевной, которая такъ поддерживала всѣ его добрыя намѣренія, была счастливою случайностью. Онъ увидалъ ее усвоихъ родныхъ въ Курской губерніи, куда судьба привела ее очень издалека. Женился Михаилъ Семеновичъ на ней 20 февраля 1812 года.

Относительно того, откуда взять мною годъ и число свадьбы Щепкина, я скажу слѣдующее. Младшая дочь М. С., Вѣра Михайловна Щепкина, которая въ послѣднее время жила у меня, носила маленькое золотое кольцо, принадлежавшее ей матери Еленѣ Дмитріевнѣ. Кольцо это обручальное, и на внутренней сторонѣ его вырѣзано старинными буквами: «1812 г. 20 ф. М. Е. Щ.». Кольцо послѣ смерти Вѣры Михайловны осталось у меня. По рассказамъ самой Елены Дмитріевны, какъ передавала мнѣ моя мать, она воспитывалась въ домѣ генерала Чаликова, куда попала по слѣдующему случаю. Въ 1791 году, во время войны съ Турціею, послѣ взятія крѣпости Анапы, солдаты нашли брошеннаго ребенка. То была маленькая дѣвочка, закутанная въ одѣяла. Солдаты пожалѣли ребенка и взяли его съ собою. Изъ жалости дѣвочку не бросили, и генералъ Чаликовъ, начальникъ отряда, вызвался взять найденнаго ребенка на воспитаніе. Онъ былъ ее крестнымъ отцомъ при крещеніи ее въ христіанскую вѣру; дѣвочкѣ дали имя Елены. Въ семьѣ Чаликова Елена Дмитріевна воспитывалась вмѣстѣ съ его дочерьми, подъ надзоромъ жены его. О своемъ пребываніи въ семьѣ Чаликовыхъ Елена Дмитріевна сохранила самыя пріятныя воспоминанія, пробывъ у нихъ до 17-лѣтняго возраста. Лицомъ она напоминала грузинку: черты лица ее были правильныя, цвѣтъ лица темный, черные волосы и черные большіе глаза напоминали южный и даже восточный типъ; но Елена Дмитріевна сама полагала, по рассказамъ нашедшихъ ее, что она была турчанка. Она рассказывала, что когда была уже замужемъ и жила въ Москвѣ, въ Петербургъ пріѣзжала семья одного паши и отыскивала дочь, пропа-

вшую у нихъ маленькой дѣвочкой при взятіи Анапы. По всѣмъ объявленнымъ примѣтамъ и по описанію одежды, оставшейся на дѣвочкѣ, можно было заключить, что отыскивали именно ее. Щепкинъ, какъ передавала Елена Дмитриевна, понравился ей при первой встрѣчѣ съ нимъ. Онъ, съ своей стороны, увлекся привлекательною красавицею, но не рѣшился сказать ей, что находился въ крѣпостной зависимости у гр. Волькенштейна, и долго скрывалъ отъ нея это несчастное обстоятельство. Не легко было такое положеніе человѣку съ его умомъ и душою. Но Елена Дмитриевна, разъ согласившись отдать М. С. свою руку, несмотря на всю невыгоду положенія М. С., не измѣнила своего намѣренія. Дѣдъ Щепкина былъ свободнымъ человѣкомъ и принадлежалъ къ духовному сословію: онъ былъ сыномъ священника; но, когда графу Волькенштейну понравился голосъ дѣда М. С., то графъ не задумался прибѣгнуть къ хитрости и приписалъ его къ своей землѣ, чтобы навсегда оставить за собою пѣвца. Родной братъ дѣда Михаила Семеновича оставался въ то же время священникомъ въ одномъ изъ сель Медынскаго уѣзда, Калужской губерніи. «Въ тѣ времена все было возможно сильному человѣку», съ грустью говаривалъ М. С., вспоминая это тяжелое обстоятельство.

XIV.

Въ воспоминаніяхъ о Щепкинѣ видное мѣсто занимаетъ Татьяна Михайловна Аралова. Говоря объ общительности М. С. и его потребности окружать себя людьми, ему и женѣ его, Еленѣ Дмитриевнѣ, нужна была помощница, чтобы справляться съ хозяйственною стороною жизни. Помощь эту они нашли въ лицѣ Татьяны Михайловны Араловой. Когда М. С. въ 1838 году пріѣхалъ въ Москву, то нанялъ для своей семьи большой домъ за Москвою-рѣкой. Старшая дочь хозяина дома, дѣвочка лѣтъ 12, посѣщала дочерей М. С. и подружилась съ ними. Отецъ ея былъ съ хорошимъ состояніемъ, и семья жила въ полномъ довольствѣ. Но постепенно дѣла Араловыхъ пришли въ упадокъ, и они совершенно разорились: домъ и все имущество проданы были за долги. Уѣзжая съ квартиры, М. С. предложилъ хозяину передать на воспитаніе ему его старшую дочь Таню, подружившуюся съ дочерьми Щепкина; тотъ согласился, и Татьяна Михайловна съ тѣхъ поръ вошла въ семью Щепкиныхъ. Она усвоила себѣ ихъ привычку постоянно заботиться о лицахъ, принадлежавшихъ къ семьѣ, и съ замѣчательнымъ терпѣніемъ и добротою ухаживала за больными. Она безъ усталости проводила дни и ночи около нихъ и исполняла все такъ охотно, какъ будто это было ея потребностью и призваніемъ. Многіе изъ членовъ семьи М. С. умерли на ея рукахъ. Она была

неразлучною спутницей младшей дочери М. С., Вѣры Михайловны. Вообще это была добровольная сестра милосердія въ семьѣ Щепкиныхъ. Послѣ смерти М. С., Татьяна Михайловна перешла съ Вѣрой Михайловной къ сыну М. С., Николаю Михайловичу, гдѣ тоже всѣ были привязаны къ ней и любили ее, какъ родную.

XV.

Лѣтомъ Щепкинъ часто предпринималъ поѣздки къ провинціальнымъ сценамъ. Игра въ провинціи привлекала Михаила Семеновича не потому только, что онъ пріобрѣталъ новыя денежныя средства для своей семьи: она доставляла ему новыя артистическія наслажденія. Какъ гость, онъ пользовался особыми льготами на провинціальныхъ или на петербургской сценахъ. Онъ выступалъ въ новыхъ піесахъ или бралъ новую, впередъ разученную имъ роль, которая не входила въ его репертуаръ въ Москвѣ. Такъ его сильно привлекала одна роль въ піесѣ А. Н. Островскаго «Бѣдность не порокъ». Въ піесѣ этой авторомъ ея было создано лицо, подъ вліяніемъ разсказа Михаила Семеновича объ одномъ старикѣ, жившемъ у него въ домѣ и очень преданномъ ему и его семейству, старинномъ парикмахерѣ, Пантелеѣ Ивановичѣ. Хотя лицо, созданное Островскимъ, не вполне удовлетворяло тогда Михаила Семеновича, какъ онъ это и высказывалъ, тѣмъ не менѣе и піеса и роль нравились ему, и онъ рѣшился ѣхать въ Нижній Новгородъ, чтобы тамъ играть эту роль. По свойственной ему деликатности, онъ не хлопоталъ получить эту роль въ Москвѣ, не желая отнимать ее у Пр. Мих. Садовскаго, которому принадлежала большая часть ролей въ комедіяхъ А. Н. Островскаго. Въ Нижнемъ Новгородѣ Михаилъ Семеновичъ сыгралъ роль Любима Торцова съ большимъ успѣхомъ. Игра его была тонко обдуманна и выполнена прекрасно. Такое мнѣніе объ его игрѣ въ роли Любима Торцова высказывали съ восхищеніемъ П. В. Анненковъ и В. П. Боткинъ, оба извѣстные своими эстетическими чувствами и пониманіемъ сценическаго искусства. Это было въ 1858 году. Михаилъ Семеновичъ по этому поводу писалъ къ моему отцу въ Самару слѣдующее письмо:

«Любезный сынъ и другъ, Александръ Михайловичъ, я въ Нижнемъ играю на ярмаркѣ и сыгралъ 19 спектаклей, изъ нихъ 14 каждый день, хотя это для меня старика тяжело. И все это за 700 рублей. Мать говоритъ, что это унижительно, но для искусства, которому я отдалъ большую половину своей жизни,—въ чемъ и не раскаиваюсь,—я думаю, что нѣтъ. Я выучилъ лѣтомъ роль Любима Торцова изъ комедіи «Бѣдность не порокъ» Островскаго, въ которой Садовскій такъ хорошъ. Сыграть мнѣ ее нужно было

во что бы то ни стало. Это являлось потребностью моей души. Въ Москвѣ я не могъ ее сыграть, потому что это было бы не товарищески: я какъ будто бы сталъ просить себѣ сорокъ рублей разовыхъ, между тѣмъ Садовскій еще не получаетъ и полного оклада. Роль сама по себѣ грязна, но и въ ней есть свѣтлыя стороны. Моя старая голова вѣрно поняла, разогрѣтое воображеніе затронуло невѣдомыя дотолѣ струны, которыя сильно зазвучали и подѣйствовали на сердце зрителя. П. В. Анненковъ хотѣлъ написать статью, которая расшевелила бы Садовскаго. Онъ бѣдный успокоился на лаврахъ, думая, что искусство дальше итти не можетъ, что при его талантѣ очень и очень обидно. Деньги, ты знаешь, я беречь не умѣю, купилъ полотна для себя съ женой, для Вѣрочки съ Петей, тебѣ посылаю пятьдесятъ рублей, да долгу уплатилъ за цибикъ чаю. Я теперь себѣ позволилъ баловство, курю сигары по 12 рублей сотня. Въ вамъ въ Самару ѣдетъ въ труппу суфлеръ, молодой человекъ и, какъ видно, недурной малый, просилъ меня, чтобы я тебѣ написалъ. Когда онъ къ тебѣ явится, то ты его обласкай, фамилію не упомяну, просто суфлеръ. Остаюсь твой отецъ и другъ Михайло Щепкинъ. 27-го августа 1858 года».

XVI.

Въ 1853 году Михайлъ Семеновичъ собрался ѣхать за границу. Нѣкоторымъ изъ его московскихъ друзей и почитателей пришла мысль устроить ему обѣдъ передъ отъѣздомъ за границу, чтобы выразить торжественно почтенному артисту чувства общаго уваженія и благодарности. Кстати къ тому времени поспѣлъ отличный бюстъ Щепкина, художественно вылѣпленный Рамазановымъ. Обѣдъ рѣшено было устроить 10-го мая въ саду Михаила Петровича Погодина, на Дѣвичьемъ полѣ. Михайлъ Семеновичъ былъ приглашенъ наканунѣ: ѣздили къ нему съ приглашеніемъ отъ имени всѣхъ участвовавшихъ С. П. Шевыревъ, А. Н. Островскій, С. В. Шумскій и П. М. Садовскій.

Въ четыре часа, 10-го мая (въ воскресенье), собрались всѣ гости. Михайлъ Семеновичъ встрѣченъ былъ на балконѣ хозяиномъ дома М. П. Погодинымъ, который ему сказалъ слѣдующее: «привѣтствую васъ отъ имени вашихъ многочисленныхъ почитателей и друзей, здѣсь собравшихся; вы можете вообразить себѣ сами, какъ мнѣ пріятно быть ихъ представителемъ, въ увѣнчаніе нашей двадцатипятилѣтней съ вами пріязни. Милости просимъ!». Михайлъ Семеновичъ прослезился съ первыхъ словъ. Всѣ присутствовавшіе наперерывъ слѣшили къ нему на встрѣчу пожать руку. Погода, ненастная впродолженіе всей недѣли, разгулялась, какъ нарочно, ко времени обѣда. Солнце сіяло во всемъ блескѣ. «Природа нынче

за искусство»,—сказалъ Шевыревъ. «Отъ того, что искусство обращается нынче къ природѣ»,—отвѣтилъ Островскій.

Обѣдъ былъ устроенъ въ аллеѣ и состоялъ большею частию изъ малороссійскихъ блюдъ съ цѣлью укрѣпить въ отъѣзжающемъ за границу Михаилѣ Семеновичѣ воспоминаніе о родной сторонѣ, или, по крайней мѣрѣ, о родномъ очагѣ. Въ срединѣ стола красовалась огромная малороссійская дрофа, въ перьяхъ. Михаилъ Семеновичъ сидѣлъ между Садовскимъ и Островскимъ. Подъ сѣнію распускающихся березъ всѣ гости разѣлись вокругъ стола, кому какъ случилось: актеры, профессора, художники и литераторы.

Когда были налиты бокалы шампанскаго, М. П. Погодинъ произнесъ слѣдующую рѣчь: «Милостивые государи! Нѣсколько лѣтъ сряду, въ этомъ самомъ саду, въ этотъ почти день и часъ, собирались мы обыкновенно къ незабвенному нашему Гоголю праздновать его именины. Это былъ самый дорогой для насъ день, о которомъ онъ любилъ заранѣе хлопотать, совѣтоваться, и устраивать. Въ послѣдній разъ, вы помните,—это такъ недавно,—сидѣлъ онъ здѣсь на краю, облокотясь на столъ, задумчивый и молчаливый, какъ будто предчувствуя свой близкій конецъ. И вотъ нынѣ его нѣтъ между нами!.. Не могу не вспомнить объ немъ при этомъ случаѣ, по многимъ причинамъ... Онъ первый поспѣшилъ бы выразить наши чувства глубокаго уваженія и искренней признательности тому достойному артисту, которому собрались мы отъ души воздать,—и кто лучше Гоголя исполнилъ бы эту обязанность? Чье слово можетъ имѣть столько вѣса, какъ не автора Городничаго, Утѣшительнаго, Кочкарева и Бурдюкова? Прибавимъ еще вотъ что: Гоголь самъ обязанъ былъ многимъ Щепкину. Не говорю объ ихъ слишкомъ двадцатилѣтней близкой, короткой связи, не говорю объ ихъ частыхъ бесѣдахъ, исключительно посвященныхъ драматическому искусству и русской жизни, не говорю о веселыхъ, живыхъ и умныхъ рассказахъ Щепкина, которые часто встрѣчаются въ сочиненіяхъ Гоголя,—но тотъ смѣхъ, который Щепкинъ возбуждалъ въ Гоголѣ, еще молодомъ человѣкѣ, выступавшемъ на поприще, не былъ ли задаткомъ того смѣха, какимъ надѣлилъ насъ Гоголь съ такимъ избыткомъ? Вывода на сцену многія дѣйствующія лица, Гоголь имѣлъ ли въ виду Щепкина?.. Могу подтвердить это и примѣромъ. Щепкинъ имѣлъ такое вліяніе на Гоголя, какое въ младшемъ поколѣніи Садовскій своею простотою, своею катурою и даже своею особою имѣетъ на Островскаго. Вотъ еще два имени пришлось къ слову. Но это не случайность. Въ исторіи, въ развитіи нашей комедіи, комической игры они всѣ четверо составляютъ органическое цѣлое. Начинаящій утѣшать насъ блистательными своими дебютами, Островскій получилъ въ наслѣдство много указаній отъ Гоголя, а Садовскій не меньше обязанъ примѣру и началу Щепкина. Щепкинъ же между ними старшій. Есть русская пословица:

началъ за здравіе, а свелъ за упокой. Мнѣ пришлось наоборотъ— начать за упокой и свести за здравіе. Да здравствуетъ старшій знаменитый представитель русской комедіи, заслуженный артистъ московской сцены, добрый, веселый, любезный, живой человѣкъ Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ!»

Раздались рукоплесканія, и всѣ гости встали и пошли чокаться съ М. С. Затѣмъ С. П. Шевыревъ произнесъ слѣдующіе стихи:

Московской сцены честь и слава!
Комедій русскихъ красота!
Сердечный смѣхъ — твоя держава,
Игра — природы простота.

* * *

Художникъ честный, безъ упрека,
И красоты и правды жрецъ,
Казнитель страсти и порока,
Прими отъ насъ любви вѣнецъ!

* * *

При послѣднемъ словѣ раздалось со всѣхъ сторонъ: «вѣнокъ, вѣнокъ!»—и на бѣсъ, стоявшій среди аллеи, возложенъ былъ торжественно вѣнокъ изъ миртовыхъ листьевъ и цвѣтовъ.

Вѣнецъ тѣхъ чувствъ и наслажденій,
Намъ всѣмъ дарованныхъ тобой,
Когда твой вдохновенный геній
Насъ очаровывалъ игрой.

* * *

Игрою той веселонравной
Вѣнокъ давно ты заслужилъ:
Его тебѣ нашъ Гоголь славный
Еще при жизни присудилъ.

* * *

Всѣхъ слабостей людскихъ личины,
Отъ глубины душевныхъ силъ,
Изъ сердца пошлой, грязной тины,
Ты въ перлъ созданья возводилъ.

* * *

И съ нами здѣсь незримымъ пиромъ
Пируетъ, понятый тобой,
Вслѣдъ за Мольеромъ и Шекспиромъ,
Поэтовъ русскихъ честный строй.

* * *

Репертуаръ твой, безъ избытка,
Ихъ именами озлатимъ:
Капнистъ, Загоскинъ, Гоголь Квитка
И Грибѣдовъ съ Шаховскимъ.

* * *

Блаженъ, кто нашихъ чувствъ былъ эхомъ,
Кто силу ихъ въ душѣ носилъ

И подь веселымъ, яркимъ смѣхомъ
Слезу сердечную таилъ.

* * *

Тѣмъ смѣхомъ намъ не обижаться,
Таковъ ужъ сердца вѣщій гласъ:
Тому надъ нами лишь смѣяться,
Кто чистымъ сердцемъ любить насъ.

* * *

Ты любишь насъ, смѣясь надъ нами.
Надъ нашей праздной суетой
И жизни мелкими страстями,
Съ ихъ безотрадной пустотой.

* * *

И жаромъ сильнаго попрека
Живѣй, чѣмъ блескомъ похвалы,
Разумный образъ человѣка
Въ насъ озаряетъ сердца мглы.

* * *

Прекрасны въ Божьемъ мѣрѣ грозы,
Улыбки дня, и дождь, и снѣгъ!
Прекрасенъ плачь, прекрасны слезы
И отъ души текущій смѣхъ.

* * *

Прощай до сладкаго свиданья!
Скорѣй чтобъ Богъ тебя принесъ!
До грохота рукоплесканья,
До хохота сквозь радость слезъ!

Стихи кончились подь громъ рукоплесканій. Послѣ С. П. Шевырева читали стихи Н. В. Бергъ и В. И. Родиславскій.

М. С. всѣ эти оваціи сильно взволновали, онъ всталъ и прерывающимся отъ слезъ голосомъ обратился къ присутствующимъ съ слѣдующими словами:

«Священнымъ долгомъ считаю принести вамъ глубочайшую признательность за ту высокую честь, которой вы нынѣшній день меня удостоили. Къ сожалѣнію, несмотря на свойственное каждому человѣку самолюбіе, я чувствую, что не въ полной мѣрѣ ее заслужилъ, а единственно обязанъ этой честью вашему добромунисхожденію. Къ тому же все, что вы находили во мнѣ достойнымъ какойлибо одѣнки, принадлежитъ собственно не мнѣ,—все это принадлежитъ Москвѣ, то-есть тому избранному, высокообразованному обществу, умѣющему глубоко понимать искусство, которымъ Москва всегда была богата.

«Это общество, при самомъ появленіи моемъ на московской сценѣ, благодаря содѣйствію покойнаго, многоуважаемаго моего начальника, Федора Федоровича Кокоскина, приняло меня въ свой кругъ. Въ этомъ кругу было все, —и литераторы, и поэты, и преподава-

тели Московскаго университета; 30 лѣтъ я находился въ этомъ кругу. Правда, я не сидѣлъ на скамьяхъ студентовъ, но съ гордостью скажу, что я много обязанъ Московскому университету въ лицѣ его преподавателей; одни научили меня мыслить, другіе—глубоко понимать искусство. Бесѣды объ искусствѣ собственно для меня не умолкали, и я съ глубочайшимъ вниманіемъ вслушивался въ нихъ. И такъ, милостивые государи, вы сами видите, что все, что вы находите во мнѣ замѣчательнаго, принадлежитъ собственно вамъ,—вы были, такъ сказать, сѣятели, а мнѣ, какъ счастливцу, досталась жатва,—вы, милостивые государи, вы создали для меня нынѣшній великій день!

«Въ тридцать лѣтъ много измѣнилось, но измѣнялись лица, а мысль объ искусствѣ жила не измѣняясь; да, въ тридцать лѣтъ много вышло изъ общества, много прибыло вновь, и къ числу первыхъ, съ сердечною горестію и съ глубокимъ уваженіемъ скажу, принадлежатъ и наши два великіе комическіе писатели. Имъ я обязанъ болѣе всѣхъ; они меня силою своего могучаго таланта, такъ сказать, поставили на видную ступень въ искусствѣ. Это Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ и Николай Васильевичъ Гоголь. Находясь долго въ такой семьѣ, я былъ бы совершенное ничто, еслибъ изъ меня не вышло уже ничего дѣльнаго.

«Итакъ, еще разъ, съ совершенною признательностью, скажу вамъ, милостивые государи,—вамъ все принадлежитъ, вашимъ бесѣдамъ собственно я обязанъ тѣмъ, что любовь моя къ искусству съ каждымъ днемъ развивалась болѣе и болѣе.

«Одно, что принадлежитъ собственно мнѣ,—это добросовѣстное занятіе, трудъ, на какой только способенъ человѣкъ, посвятившій всю жизнь свою драматическому искусству; и да послужить это примѣромъ молодымъ моимъ товарищамъ, которымъ дорога къ искусству гораздо болѣе очищена.

«Пусть изъ нынѣшняго дня они поймутъ, какая блестящая будущность ждетъ ихъ впереди: примѣръ передъ глазами. Вы, милостивые государи, на сорокъ-восьмомъ году моего драматическаго поприща, сегодня подарили меня счастливѣйшимъ днемъ въ моей жизни, да, счастливѣйшимъ: вы меня, всегдашняго вашего собеседника, такъ сказать, семьянина, нынче удостоили быть избраннымъ вашимъ гостемъ. Это много, слишкомъ много для старика! Простите... тутъ, я долженъ остановиться поневолѣ, потому что не нахожу словъ, чтобы хотя въ половину выразить то глубокое чувство благодарности, какимъ проникнуто въ эту минуту мое старое, но все еще сильно бьющееся сердце».

Рукоплесканія не умолкали. М. С. кланялся и пожималъ руки близкихъ ему друзей и почитателей. Когда все умолкло, поднялся извѣстный профессоръ Московскаго университета Тимоѣей Николаевичъ Грановскій и сказалъ:

«Позвольте мнѣ предложить бокалъ за здоровье тѣхъ, кому пришла благородная и прекрасная мысль нынѣшняго праздника! Мы собрались сюда со всѣхъ приходоу нашей Москвы во имя братающаго и всѣхъ соединяющаго искусства. И кому же приличнѣе быть предсѣдателемъ такого пира, достойнѣйшимъ представителемъ искусства, какъ не Михаилу Семеновичу Щепкину! На Руси всегда было и будетъ много дарованій. Природа щедро надѣлила умственными силами русскаго человѣка. Но скажемъ со смиреніемъ, что намъ часто недостаетъ одного качества, безъ котораго благороднѣйшія силы бесплодно гибнуть: намъ не достаетъ терпѣнія въ трудѣ, выдержки, умственнаго упорства. Честь и слава русскому художнику, который почти полвѣка трудился на поприщѣ искусства, не слабѣя духомъ, не слабѣя усердіемъ! Да послужитъ его жизнь, исключительно посвященная искусству, примѣромъ всѣмъ намъ, ранѣе его вступившимъ на поприще и уже носящимъ въ груди зачатки преждевременной усталости и охлажденія»

П. М. Садовскій прибавилъ: «Какъ артистъ, осмѣлюсь подтвердить слова Т. Н. Грановскаго. Много я знаю и зналъ людей съ большими талантами, но не знаю, кто бы такъ честно служилъ своему искусству, какъ Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ». Тосты продолжались, пили за здоровье Н. А. Рамазанова, сохранившаго черты Щепкина, за А. Н. Островскаго, П. М. Садовскаго и Шумскаго.

Послѣ обѣда актеръ Домбровскій подошелъ къ М. С. и сказалъ привѣтствіе по-малороссійски. М. С. его обнялъ и по обыкновенію расцѣловалъ. Между тѣмъ загорѣлась жженка. М. С. и Садовскій прочли нѣсколько отрывковъ изъ сочиненій Гоголя. Потомъ М. С. рассказалъ съ неподражаемымъ искусствомъ о черненькихъ и бѣленькихъ, а П. М. Садовскій, словами русскаго купца, исторію революціи 1848 года въ Парижѣ, о Вѣнскомъ конгрессѣ, о похожденияхъ симбирскаго татарина и проч.

Поздно вечеромъ гости разъѣхались, пожелавъ любезному путешественнику счастливаго пути и скорого возвращенія.

XVII.

Въ началѣ весны 1863 года здоровье Щепкина стало сильно подкашиваться, одышка увеличивалась; онъ началъ часто задумываться и даже пересталъ читать по ночамъ, какъ это бывало часто въ прежніе годы, старинныя роли, для провѣрки своихъ понятій прежнихъ, сравнивая съ настоящимъ. «Душой-то я, какъ будто, и бодръ, а тѣло мое становится мнѣ поперекъ дороги. Ну, да ничего, подтянемся», скажетъ М. С. и пойдетъ подбадривать другихъ, но

дѣло становилось все хуже, и пришлось обратиться къ врачу. По совѣту доктора А. Я. Кожевникова, нынѣ извѣстнаго профессора Московскаго университета, М. С. рѣшилъ отправиться на югъ, въ Крымъ. По докладу директора театровъ, ему высочайше было пожаловано 500 рублей на лѣченіе.

Уѣзжая въ Крымъ, какъ рассказывала Татьяна Михайловна, М. С. какъ бы предчувствовалъ, что больше не вернется въ Москву. Прощаясь съ дочерью Вѣрой Михайловной, онъ подошелъ къ ней, взялъ за руку, посмотрѣлъ вокругъ себя и сказалъ: «прощай, Вѣрочка, будь счастлива, помни меня старика, а вотъ смотри—теперь весна, все вокругъ насъ цвѣтетъ и такъ радостно на душѣ. Но придетъ еще весна, и меня уже не будетъ». Тутъ онъ ее обнялъ и со слезами пошелъ садиться въ экипажъ.

Изъ Крыма онъ писалъ, что «читаетъ вслухъ пьесы Гоголя безъ особой усталости». Къ несчастію, при одномъ изъ такихъ чтеній, вечеромъ, на открытомъ воздухѣ, М. С. простудился, и къ безпокойшей его одышкѣ присоединился кашель, на который онъ жаловался въ писмахъ къ сыну Николаю Михайловичу въ іюлѣ мѣсяцѣ. Болѣзнь скорѣ приняла опасный оборотъ и быстро шла къ печальной развязкѣ.

Извѣстіе изъ Крыма о томъ, что М. С. опасно заболѣлъ, и вслѣдъ затѣмъ и объ его смерти отецъ мой получилъ въ Симбирскѣ, куда былъ назначенъ управляющимъ казенною палатою. Въ Симбирскъ мы пріѣхали въ двадцатыхъ числахъ іюля 1863 года. 9-го августа отецъ получилъ телеграмму отъ сопровождавшаго М. С. человѣка, Александра, изъ Ялты, что съ М. С., кромѣ мучившаго его кашля, сдѣлался ударъ, и что онъ просилъ дать знать сыну, который «гдѣ-то по близости». Судя по телеграммѣ, память измѣнила М. С. Уѣзжая изъ Москвы, онъ зналъ, гдѣ находится мой отецъ. Получивъ телеграмму, отецъ собрался было ѣхать, но получилась другая телеграмма отъ Александра, извѣщавшая, что Михайлъ Семеновичъ Щепкинъ скончался.

Телеграмму отецъ получилъ въ Симбирскѣ въ 4 часа по полудни; это было 11-го августа 1863 года. Тѣло М. С. было привезено въ Москву 20-го сентября и предано землѣ 22-го, на Пятницкомъ кладбищѣ, гдѣ покойный легъ подлѣ своего друга, Т. Н. Грановскаго; одна общая рѣшетка окружаетъ ихъ могилы. Отпѣваніе происходило въ часъ по полудни, въ церкви св. Филиппа Митрополита, что на третьей Мѣщанской. Стеченіе народа было огромное, и многіе провожали тѣло на Пятницкое кладбище.

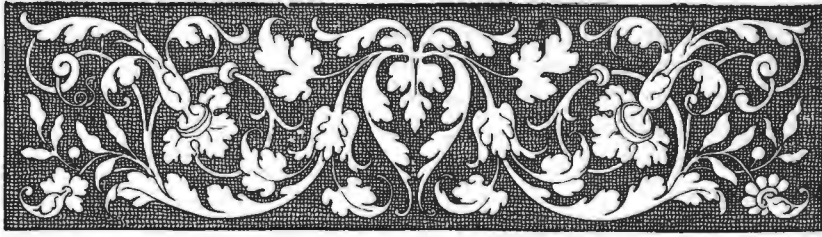
По словамъ сопровождавшаго его слуги Александра, Михайлъ Семеновичъ, заболѣвъ, почти сутки лежалъ въ забытіи и вдругъ неожиданно вскочилъ съ постели... «Скорѣй, скорѣй одѣваться», кричалъ онъ.—«Куда вы, Михайлъ Семеновичъ? Что вы, Богъ съ вами, лягте»,—удерживалъ его Александръ.—«Какъ куда? Ско-

рѣе къ Гоголю».—«Къ какому Гоголю?»—«Какъ къ какому? Къ Николаю Васильевичу».—«Да что вы, родной, Господь съ вами, успокойтесь, лягте, Гоголь давно умеръ».—«Умеръ?—спросилъ Михаилъ Семеновичъ:—умеръ... да, вотъ что...». Низко опустилъ голову, покачалъ ею, отвернулся лицомъ къ стѣнѣ и навѣки заснулъ.

М. А. Щепкинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ЛЕОНИДѢ НИКОЛАЕВИЧѢ МАЙКОВѢ.

ВЪ ПЕРВЫЙ разъ посѣтилъ я Л. Н. Майкова въ Петербургѣ вечеромъ 1 марта 1867 года; тогда онъ жилъ въ скромной квартирѣ у Большого театра, въ домѣ графа Рибопьера, занимая невысокое служебное положеніе въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, по центральному статистическому комитету. Въ послѣдній разъ я простился съ нимъ также въ Петербургѣ, въ его благоустроенной квартирѣ вице-президента академіи наукъ, на Васильевскомъ островѣ, 26-го января текущаго 1900 года, давъ ему слово опять навѣстить его нынѣшнею осенью... Но 7-го апрѣля Леонидъ Николаевичъ скончался.

Передо мной воочию возстаетъ цѣлый рядъ эпизодовъ изъ моей личной жизни, цѣлая цѣпь обстоятельствъ изъ общихъ событій, неразрывно связанныхъ съ воспоминаніями о Л. Н. Майковѣ и имѣвшихъ мѣсто въ теченіе этихъ долгихъ тридцати трехъ лѣтъ, въ которыя русское общество пережило столь много... Но передавать теперь всего я не стану: время, къ которому все это относится, еще слишкомъ къ намъ близко. Я подѣлюсь съ читателями «Историческаго Вѣстника» лишь нѣкоторыми воспоминаніями изъ моихъ долготѣльныхъ отношеній къ почившему. Въ нихъ найдется, — смѣю думать — нѣсколько новыхъ указаній на тѣ симпатичныя душевныя, умственныя и нравственныя свойства, которыми обладалъ Майковъ, которыми онъ привлекалъ къ себѣ людей, и изъ которыхъ нѣкоторыя уже отмѣчены въ его некрологахъ лицами,

близко его знавшими. А такія указанія именно по отношенію къ Леониду Николаевичу имѣютъ большое значеніе: ученныя и литературныя его заслуги опредѣляютъ только часть его общественнаго значенія, которое гораздо болѣе выражается въ личныхъ его свойствахъ, въ его отношеніяхъ къ людямъ, съ которыми сводила его судьба.

Въ зиму 1866—1867 года ѣздилъ я въ Петербургъ для работы по моей магистерской диссертациіи и имѣлъ случай познакомиться со многими учеными и литераторами, оказавшими мнѣ большое содѣйствіе своими компетентными указаніями, совѣтами и сообщеніемъ матеріала. Въ числѣ ихъ былъ и Л. Н. Майковъ. При какихъ обстоятельствахъ и черезъ кого я съ нимъ познакомился, хорошенько теперь не помню. Кажется, что это знакомство произошло при содѣйствіи его старшаго брата, Аполл. Ник. Майкова, съ которымъ я часто встрѣчался въ ту зиму у А. Д. Галахова, давнишняго пріятеля, еще по Москвѣ, К. Д. Кавелина, — и Е. Е. Замысловскаго, къ которому за консультаціями по русской исторической географіи направилъ меня А. Ф. Бычковъ. Тема моей диссертациіи была историко-географическая и этнографическая, а потому въ архивахъ и библіотекахъ этнографическаго отдѣленія Императорскаго Русскаго географическаго общества и Центрального статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ я надѣялся найти для себя много интереснаго; Майковъ же въ то время, кромѣ службы въ Центральномъ статистическомъ комитетѣ, состоялъ правителемъ дѣлъ этнографическаго отдѣленія.

Надежда на полученіе интереснаго матеріала не обманула меня, но я никогда не могъ предполагать въ совершенно чужомъ для меня человѣкѣ, какимъ являлся тогда Л. Н. Майковъ, найти столько, мало сказать, предупредительности, столько душевнаго сочувствія и расположенія къ моимъ замысламъ и начинаніямъ... Архивъ этнографическаго отдѣленія географическаго общества, «Списки населенныхъ мѣстъ», издававшіеся Центральнымъ статистическимъ комитетомъ, изъ которыхъ нѣкоторые редактировалъ Майковъ, малоизвѣстныя изданія губернскихъ статистическихъ комитетовъ, книги изъ собственной библіотеки Майкова и его выписки по исторической географіи и этнографіи Россіи — все это было предоставлено въ мое распоряженіе; при этомъ Леонидъ Николаевичъ такъ заботливо относился ко мнѣ, такъ участливо разспрашивалъ о томъ, что я нашелъ, что сдѣлалъ, — что можно было подумать, что онъ самъ занятъ этой работой.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Мы все болѣе и болѣе сближались съ Майковымъ. Въ зиму 1873—1874 г. я, уже доцентъ Казанскаго университета, снова былъ въ Петербургѣ. Передъ отъѣздомъ туда, въ декабрѣ 1873 г., я читалъ въ Казани публичную лекцію, въ

пользу голодающихъ Самарской губернии,—объ Арт. Петр. Волынскомъ, извѣстномъ кабинетъ-министрѣ императрицы Анны Иоанновны, врагѣ Бирона и нѣмцевъ, а при Екатеринѣ I и Петрѣ II занимавшемъ постъ казанскаго губернатора. Я думалъ напечатать лекцію въ одной изъ петербургскихъ газетъ, но это мое намѣреніе не осуществилось, и вотъ почему: небольшая работа разрослась въ объемистое изслѣдованіе,—и произошло это, благодаря Л. Н. Майкову.

Леонидъ Николаевичъ имѣлъ очень много весьма интереснаго рукописнаго, неизданнаго, матеріала, главнымъ образомъ по русской исторіи и русской словесности, книжной и устной, и постоянно дѣлился своими богатыми собраніями съ другими. Также онъ поступилъ и со мной.

Въ числѣ рукописнаго матеріала находилась у него часть бумагъ умершаго въ 1869 году профессора-историка и бывшаго въ тридцатыхъ годахъ ректоромъ Петербургскаго университета, Ив. Петр. Шульгина. Шульгинъ, профессоръ новой исторіи въ Петербургскомъ университетѣ, преподавалъ въ сороковыхъ годахъ исторію и статистику ихъ императорскимъ высочествамъ великимъ князьямъ Константину Николаевичу, Николаю Николаевичу и Михаилу Николаевичу. Для этихъ-то уроковъ профессоръ Шульгинъ получилъ доступъ въ государственный архивъ и извлекъ оттуда весьма много очень интереснаго и неизвѣстнаго матеріала по русской исторіи XVIII и XIX вв. Бумаги Шульгина перешли къ родственнику Майкова, В. И. Кашпиреву, издававшему въ Петербургѣ въ исходѣ шестидесятыхъ годовъ учено-литературный, ежемѣсячный журналъ: «Заря», въ которомъ печатались и разрабатывались документы по новой русской исторіи, собранные Шульгинымъ¹⁾. Нѣкоторые изъ названныхъ документовъ коментировались Л. Н. Майковымъ. «Дѣло Волынскаго», также находившееся въ числѣ бумагъ Шульгина,—не было обслѣдовано, и вотъ Леонидъ Николаевичъ, по собственной своей инициативѣ, передалъ въ мое распоряженіе этотъ интересный матеріалъ, впервые мною разработанный въ печати. Въ то время задумывалось въ Петербургѣ специальное историческое періодическое изданіе «Древняя и Новая Россія». Редакторомъ его долженъ былъ быть С. Н. Шубинскій, писатель по русской исторіи XVIII вѣка, хорошо знакомый съ Л. Н. Майковымъ, который съ живѣйшимъ сочувствіемъ относился къ новому журналу. Благодаря участію Майкова, и моя объемистая монографія о Волынскомъ появилась на страницахъ «Древней и Новой Россіи» за 1876—1877 годы.

¹⁾ Впослѣдствіе всѣ эти историческія изученія были собраны въ отдѣльный сборникъ, изданный Кашпиревымъ подъ заглавіемъ: «Памятники новой русской исторіи», Спб., 1871—1873, три тома in 8°. Въ тѣ же года нѣкоторые изъ этихъ статей вошли въ составъ другого сборника, изданнаго въ Петербургѣ Михайловымъ.

Занятія Волынскимъ сосредоточили мои дальнѣйшія работы по русской исторіи на XVIII вѣкѣ. Изъ вопросовъ этого вѣка я избралъ и тему для своей докторской диссертаци. Еще болѣе дружескаго и ученаго содѣйствія получилъ я отъ Леонида Николаевича при собираніи матеріала для этой диссертаци. Въ трудахъ по собиранію матеріала прожилъ я восемь мѣсяцевъ въ Петербургѣ, зимой 1877—1878 г., въ его пріятномъ обществѣ, пользуясь какъ его собственною бібліотекою, такъ и его руководящими указаніями по бібліографіи XVIII вѣка, русской и иностранной, въ которыхъ онъ былъ большой знатокъ.

Столь же сочувственно и дружелюбно, какъ ко мнѣ, относился Майковъ и къ болѣе молодымъ людямъ, только что начинавшимъ самостоятельныя ученныя занятія, являясь ихъ авторитетнымъ учителемъ и наставникомъ. Благодарное воспоминаніе о немъ побудило ихъ, этихъ добровольцевъ-учениковъ Майкова, предпринять изданіе особаго сборника, посвященнаго его памяти. Сборникъ будетъ состоять исключительно изъ трудовъ этихъ молодыхъ людей, и чистая выручка отъ его продажи предназначается къ учрежденію стипендіи имени Леонида Николаевича во 2-й С.-Петербургской гимназіи, въ которой онъ обучался.

Очень мнѣ памятно также пребываніе Л. Н. Майкова въ Казани на IV-мъ археологическомъ сѣздѣ, бывшемъ у насъ въ августѣ мѣсяцѣ 1877 года. Этотъ сѣздъ, на которомъ возникла мысль объ учрежденіи при нашемъ университетѣ Общества археологіи, исторіи и этнографіи, имѣетъ большое значеніе въ исторіи развитія научной дѣятельности въ Поволжьѣ. Казань въ своихъ стѣнахъ увидала тогда впервые большое собраніе ученыхъ археологовъ, историковъ и этнографовъ изъ обѣихъ столицъ и изъ многихъ провинцій обширнаго нашего отечества. Въ числѣ этихъ пріѣзжихъ ученыхъ было немало выдающихся научныхъ дѣятелей, съ которыми помимо сѣзда казанцы не имѣли бы случая познакомиться. Мѣстные ученые еще задолго до открытія сѣзда усердно занялись подготовительными къ нему работами: изысканіями и изслѣдованіями разныхъ вопросовъ по археологіи, исторіи и этнографіи Поволжья и Приуралья. Ихъ ученая дѣятельность оживилась, укрѣпилась научная энергія.

Въ числѣ пріѣзжихъ ученыхъ гостей находился и Л. Н. Майковъ, бывший въ то время въ расцвѣтѣ своихъ силъ; въ 1877 г. ему только что исполнилось 38 лѣтъ. На видъ это былъ совсѣмъ еще молодой человекъ. Онъ явился въ Казань депутатомъ отъ Центрального статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ, состоя передъ тѣмъ членомъ предварительнаго комитета казанскаго археологическаго сѣзда, а на самомъ сѣздѣ занявъ должность секретаря «отдѣленія памятниковъ языка и письма», председателемъ котораго былъ академикъ Изм. Ив. Срезневскій;

въ засѣданіи 11-го августа, по отдѣленію первобытныхъ древностей, былъ онъ почетнымъ предсѣдателемъ. Леонидъ Николаевичъ выступилъ на нашемъ съѣздѣ съ двумя рефератами: 1) Объ исторической, такъ сказать, давности степной полосы южной Россіи и 2) О рукописяхъ XVIII вѣка, содержащихъ въ себѣ памятники народной поэзіи. Первый рефератъ, оставшійся ненапечатаннымъ, вызвалъ оживленныя пренія. Въ немъ Л. Н. Майковъ склонялся къ мнѣнію академика Бера, признававшего, вопреки мнѣнію академика Германа, исконное безлѣсіе южно-русскихъ степей и подтвердилъ мнѣніе Бера новѣйшими геоботаническими изслѣдованіями академика Рупрехта о черноземѣ¹⁾. Второй рефератъ, напечатанный въ «Трудахъ Казанскаго съѣзда»²⁾, состоитъ въ обзорѣ рукописныхъ и печатныхъ сборниковъ XVII и XVIII вв., содержащихъ въ себѣ народныя былины и пѣсни, и заявленій о нихъ, поступившихъ на съѣздъ³⁾.

Думаю, что не мнѣ одному, а многимъ казанцамъ памятно общеніе съ Л. Н. Майковымъ во время IV археологическаго съѣзда, думаю также, что не забыты казанцами его милыя бесѣды, и во время самыхъ засѣданій съѣзда, и при частныхъ его посѣщеніяхъ многихъ казанцевъ, и во время ученыхъ экскурсій въ Свіяжскъ и къ Болгарскимъ развалинамъ.

Начиная съ семидесятыхъ годовъ, я часто посѣщалъ Петербургъ, и сношенія съ Леонидомъ Николаевичемъ принадлежать къ лучшимъ моимъ воспоминаніямъ изъ этихъ посѣщеній.

Бывать у Леонида Николаевича, проводить у него вечера, бесѣдовать съ нимъ — являлось нравственнымъ наслажденіемъ, особенно для пріѣзжаго въ Петербургъ провинціала, обреченнаго пребывать на «берегахъ Невы» въ постоянной суетѣ и суетѣ, свойственныхъ всѣмъ вообще большимъ городамъ, а паче того столицамъ.

Необыкновенный душевный миръ поселялся въ каждомъ посѣтителѣ тихаго семейнаго очага Майкова. И личность хозяина, и его обстановка, и складъ его домашней жизни—все это въ совокупности дѣйствовало умиротворяюще.

Леонидъ Николаевичъ находился въ условіяхъ весьма рѣдкихъ въ жизни русскихъ людей мысли и пера. Для очень многихъ изъ этихъ русскихъ дѣятелей, ихъ родители, а также братья, сестры и ближайшіе родственники представляютъ среду, или равнодушно, или прямо враждебно настроенную къ ихъ замысламъ и стремленіямъ. Отсюда—борьба ихъ съ семейною средой, невольно поселя-

¹⁾ См. Труды IV арх. съѣзда, т. I, стр. LXVII—LXIX.

²⁾ См. т. II, стр. 159—163.

³⁾ Вслѣдъ за этимъ рефератомъ были напечатаны свѣдѣнія о такихъ сборникахъ, принадлежащихъ Императорской С.-Петербургской Публичной библиотекѣ, доставленныя академикомъ А. Ф. Бычковымъ (*ibid.*, стр. 184—192).

ющая въ нихъ недовольство и отрицательное отношеніе къ окружающей дѣйствительности. Для иныхъ, болѣе слабыхъ характеровъ, такая семейная борьба заканчивается совершенною нравственною ломкой или даже нравственнымъ паденіемъ; въ другихъ, болѣе сильныхъ, она воспитываетъ крайнія воззрѣнія, въ концѣ концовъ бросающія ихъ на путь умственного и общественнаго радикализма. Весьма немногія семьи, какъ, напримѣръ, семьи первыхъ славянофиловъ: Кирѣевскихъ, Аксаковыхъ, Самаринныхъ,—представляютъ собой традиціонную культурную почву, на которой и возрастаютъ такіе дѣятели, какъ братья Кирѣевскіе и Аксаковы, какъ Ю. О. Самаринъ. Такого же типа была и семья Майковыхъ.

Старинный ярославскій дворянскій родъ Майковыхъ въ теченіе цѣлаго столѣтія, до той поръ какъ начались учебные годы Леонида Николаевича, выдѣлялъ изъ своей среды культурныхъ, просвѣщенныхъ дѣятелей, преимущественно на поприщѣ художественномъ, и эта фамиліальная традиція особенно была развита въ ближайшихъ родственникахъ Леонида Николаевича. Его отецъ, Николай Аполлоновичъ, гусарскій майоръ, былъ извѣстный живописецъ и членъ академіи художествъ; мать — Евгенія Петровна, рожденная Гусятникова, писательница; и художественныя и литературныя свойства, по закону наслѣдственности, перешли къ братьямъ Леонида Николаевича и къ нему самому. Его старшій братъ, Аполлонъ Николаевичъ (на девятнадцать лѣтъ старше Леонида Николаевича), былъ всѣмъ извѣстный поэтъ-эстетикъ, выступившій на литературное поприще еще въ сороковыхъ годахъ, одновременно съ Тургеневымъ и Достоевскимъ; слѣдующій за нимъ братъ, Валеріанъ Николаевичъ, преждевременно и случайно похищенный смертью невступно 24-хъ лѣтъ (онъ утонулъ въ Ропшѣ, 15 іюля 1847 г.), едва начавшій литературное поприще,—успѣлъ уже проявить выдающіеся таланты въ области общественныхъ наукъ и литературной критики: третій братъ, Владиміръ Николаевичъ, менѣе извѣстный въ литературѣ, былъ редакторомъ-издателемъ педагогическихъ журналовъ. И. А. Гончаровъ, Д. В. Григоровичъ, литературный критикъ С. С. Дудышкинъ, литераторъ и художникъ Солоницынъ — были своими людьми въ домѣ Николая Аполлоновича Майкова; изъ нихъ Гончаровъ и Солоницынъ руководили обученіемъ его сыновей, Валеріана и Владиміра. Меньшой Майковъ — Леонидъ, будучи отъ природы кроткаго и тихаго душевнаго настроенія, носилъ въ себѣ врожденныя склонности къ искусству и литературѣ, и первыми сознательными впечатлѣніями ребенка были впечатлѣнія отъ художественныхъ и литературныхъ произведеній. Разговоры старшихъ въ семьѣ и ихъ друзей о живописи, скульптурѣ, музыкѣ, театрѣ, поэзіи, журналистикѣ сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ, въ которой преобладало направленіе эстетически-литературное,—вотъ что воспринималъ онъ изъ окружающаго его въ пору своего дѣтства

и отрочества. Весьма естественно, что при такихъ условіяхъ изящество явилось основною чертой всего душевнаго склада Леонида Николаевича.

Это изящество выражалось во всей его фигурѣ: въ наружности, въ одеждѣ, въ манерахъ, въ формѣ разговора; оно же опредѣляло его отношеніе и къ окружающему его, и къ людямъ, въ чемъ онъ проявлялъ прежде всего полную нравственную порядочность и корректность. Это же изящество руководило имъ въ его общественныхъ и научныхъ воззрѣніяхъ, въ приѣмахъ его ученыхъ работъ и вело его къ соблюденію во всемъ соразмѣрности и гармоніи. Чувство мѣры было характерною основой всѣхъ его сужденій и поступковъ, а также и ученыхъ изслѣдованій. Оно не позволяло ему ни въ чемъ вдаваться въ крайности, въ излишества и удерживало его отъ рѣзкости въ приговорахъ; оно же внушало ему безпристрастіе по отношенію къ воззрѣніямъ и направленіямъ, противоположнымъ его собственнымъ. Въ душевномъ строѣ Леонида Николаевича звучали минорныя ноты; мажорный тонъ былъ ему несвойственъ. Это не былъ человѣкъ борьбы, пропагандистъ идей, но человѣкъ уравновѣшенныхъ душевныхъ силъ и глубокаго эстетическаго пониманія.

Л. Н. Майковъ примыкалъ по своимъ общественно-политическимъ воззрѣніямъ къ направленію, если можно такъ выразиться, неославянофильскому. Этимъ терминомъ я позволю себѣ опредѣлить группу петербургскихъ ученыхъ и литераторовъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, исповѣдывавшихъ ученіе московскихъ славянофиловъ и имѣвшихъ своими литературными органами сначала «Время» и «Эпоху» Достоевскаго, а затѣмъ Кашпиревскую «Зарю». По только что отмѣченнымъ основамъ психической природы Майкова, онъ не могъ раздѣлять крайнихъ воззрѣній неославянофиловъ. Тѣмъ менѣе по своей порядочности онъ былъ въ состояніи сочувствовать тѣмъ многочисленнымъ разновидностямъ нашихъ «охранительныхъ» направленій, изъ которыхъ инья по наивности, а инья по злонамѣренности, любятъ приурочивать себя къ славянофильскому лагерю. Особенности русскаго политическаго, общественнаго и культурнаго строя понимались Майковымъ очень хорошо, и онъ симпатизировалъ многимъ сторонамъ быта допетровской, московской Руси. Онъ чтить остатки нашей старины и проявленія народности, которую тщательно и старательно изучалъ; но онъ никогда не могъ быть солидаренъ съ людьми, предающими «анаѳемѣ» западно-европейское просвѣщеніе и достославную эпоху реформъ императора Александра II-го; онъ не только не вычеркивалъ изъ нашего историческаго развитія европейскія «новшества» XVIII и XIX вв., а напротивъ, съ любовью останавливался въ своихъ изученіяхъ именно на этихъ новшествахъ въ области литературы. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Майковъ, какъ человѣкъ, не вы-

носившій крайностей, не могъ быть сторонникомъ многихъ западно-европейскихъ влiяній, занесенныхъ къ намъ петровскою реформой, и многихъ общественныхъ теченiй и вѣяній шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Майковъ очень правильно сознавалъ истинное значенiе въ жизни русскаго народа православной церкви и церковности, самодержавнаго политическаго строя и бытовыхъ особенностей народныхъ массъ, а потому «православiе, самодержавiе и народность»—эта формула, подъ которую подведена была гр. С. С. Уваровымъ еще въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтiя самобытность русской культуры и общественности,—понималась Л. Н. Майковымъ также не въ крайнемъ ея проявленiи. Онъ смотрѣлъ на нее, какъ на историческое выраженiе нашего отличiя отъ западно-европейскаго уклада, а не въ томъ смыслѣ, въ которомъ желаютъ понимать и коментировать эту политическую «триаду» самозванные патрiоты-обскуранты, для которыхъ славянофильскiя и охранительныя воззрѣнiя являются лишь богохульною маскою ихъ мелкихъ, эгоистическихъ и недостойныхъ стремленiй. Майкова выводили изъ себя эти «самозванные патрiоты», и я живо помню, какъ однажды въ моемъ присутствii онъ, всегда спокойный и ровный въ обращенiи съ людьми, оборвалъ одного изъ такихъ «охранителей» за пошлую клевету на такъ называемую «либеральную» петербургскую прессу. Это было въ январѣ 1895 года.

Безпристрастiе Майкова къ противоположнымъ ему воззрѣнiямъ и справедливая оцѣнка ученыхъ и литературныхъ заслугъ людей самыхъ различныхъ направленiй ярко выразилась за время его дѣятельности въ качествѣ вице-президента академii наукъ. Онъ проявилъ эти качества и по отношенiю къ его сочленамъ-академикамъ, главнымъ образомъ при избранiи новыхъ членовъ академii, и въ комиссii для вспоможенiя нуждающимся литераторамъ, образованной при академii наукъ по инициативѣ его императорскаго величества государя императора Николая Александровича на особья суммы, назначенныя для того по высочайшему повелѣнiю. Но эти крупныя общественныя заслуги Леонида Николаевича выразились еще столь недавно, что входитъ для объясненiя ихъ въ надлежащiя подробности, мнѣ хорошо извѣстныя, — невозможно. Ихъ отмѣтить съ признательностью будущiй историкъ русскаго просвѣщенiя XIX вѣка.

Чувство мѣры, какъ я уже сказалъ выше, руководило Майковымъ въ его ученыхъ работахъ. Въ нихъ стремился онъ, прежде всего, къ точности, опредѣленности фактической и къ ясности изложенiя, хорошо сознавая произвольность, а слѣдовательно и ошибочность недостаточно продуманныхъ обобщенiй, тѣмъ болѣе какихъ либо предвзятыхъ идей. Въ своихъ ученыхъ работахъ Майковъ былъ по преимуществу комментаторомъ памятниковъ русскаго народнаго пѣсеннаго творчества (эта часть этнографii и привлекала

его, главнымъ образомъ, къ себѣ) и книжныхъ литературныхъ произведеній, въ особенности трехъ вѣковъ: XVII, XVIII и XIX. Онъ усердно разыскивалъ совершенно неизвѣстные памятники, литературныя произведенія и письменные историческіе источники и объяснялъ ихъ; обнаруживать по лучшимъ спискамъ малоизвѣстные, также со своими объясненіями; разбиралъ и дополнялъ, и опять таки объяснялъ, какъ изслѣдованія другихъ ученыхъ по разнымъ вопросамъ русской старины и литературы, такъ и обстоятельства жизни и значеніе произведеній русскихъ писателей. Каждый, кто занимается научными изслѣдованіями по первоисточникамъ, знаетъ очень хорошо, что объясненіе какого нибудь литературнаго памятника или письменнаго историческаго источника, а тѣмъ паче литературной біографіи и произведеній писателя—дѣло не легкое. Для всего этого необходимо войти въ весьма серіозныя и тщательныя предварительныя бібліографическія и критическія разысканія. Научная заслуга такихъ объясненій весьма высока, и она-то всецѣло принадлежитъ Майкову, какъ комментатору.

Точность въ обслѣдованіи факта, реальность ученыхъ объясненій Леонида Николаевича поставили его имя на подобающую высоту среди его соспеціалистовъ и открыли передъ нимъ двери академіи. Оцѣнка его ученыхъ трудовъ отчасти уже указана въ его некрологахъ, главнымъ образомъ, академикомъ, А. Н. Пыпинымъ («Вѣстникъ Европы» 1900 г., май) и В. Е. Рудаковымъ («Историч. Вѣстн.» 1900 г., также май). Я же съ своей стороны позволю себѣ отмѣтить только нѣкоторые изъ этихъ трудовъ, важнѣйшіе на мой взглядъ. Таковыми являются: магистерская диссертация Майкова и его изученія Батюшкова и Пушкина. Магистерская диссертация: «Объ историческомъ значеніи богатырей Владимірова цикла», комментаріи къ Батюшкову и Пушкину—доставили Майкову прочное ученое имя въ исторіи русской литературы. Послѣдующій ея историкъ по справедливости оцѣнитъ по достоинствамъ его заслугу въ реальномъ, историческомъ воззрѣніи на кievскихъ богатырей, высказанномъ въ такое время, когда русскіе ученые почти сплошь увлекались въ изслѣдованіи русскихъ былинъ мифологическою теоріей. Комментаріи къ Батюшкову и Пушкину¹⁾ по справедливости могутъ считаться образцовыми учеными критико-бібліографическими трудами, дающими обильный матеріалъ для изученія развитія русской литературы и общественности конца XVIII и первой половины XIX вв.

Издавна установились у Майкова приемы знакомыхъ по вечерамъ въ опредѣленные дни—обычай общій и весьма удобный въ литературныхъ кружкахъ Петербурга и Москвы. У Майкова прие-

¹⁾ Я разумѣю здѣсь: 1) Критическія изданія сочиненій Батюшкова и Пушкина; 2) Академическую рѣчь о Батюшковѣ и 3) Сборникъ статей о Пушкинѣ.

мы были по четвергамъ, и на этихъ четвергахъ собирались и его литературные и ученые друзья и товарищи, и знакомые нелитературные, и родственники. Особенно памяты мнѣ «четверги» въ зиму 1877—1878 г., когда Майковъ, продолжая службу въ Центральномъ статистическомъ комитетѣ, уже расширялъ свои ученые и литературныя отношенія. Замѣчу здѣсь ксати, что занятія статистикой не гармонировали съ душевнымъ складомъ Майкова; онъ видимо тяготился ими и, получивъ въ 1868 г. мѣсто помощника редактора «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» (онъ состоялъ въ этой должности до 1883 года, а съ этого года сталъ редакторомъ названнаго журнала), вступилъ на путь учено-журнальной дѣятельности, вполнѣ сродной его склонностямъ. На «четвергахъ» собирались у Леонида Николаевича ученые и литераторы нѣсколькихъ поколѣній, и изъ нихъ старѣйшіе принадлежали къ давнишнимъ друзьямъ семейства Майковыхъ. Въ числѣ ихъ, вслѣдъ за братомъ Леонида Николаевича, поэтомъ Аполлономъ Николаевичемъ Майковымъ, находились: авторъ «Обломова» П. А. Гончаровъ, беллетристъ-народникъ пятидесятихъ годовъ Д. В. Григоровичъ, Е. М. Феофиловъ и К. Н. Вестужевъ-Рюминъ; изъ давнишнихъ знакомыхъ Леонида Николаевича бывали: его товарищи по университету — Н. А. Трескинъ (на сестрѣ котораго, Александрѣ Алексѣевнѣ, Майковъ былъ женатъ) и Е. Е. Замысловскій; И. В. Помяловскій, И. П. Хрущовъ, Н. Пл. Барсуковъ, Е. А. Бѣловъ, библиографъ П. А. Ефремовъ, философъ Н. Н. Страховъ, редакторъ «Древней и Новой Россіи» С. Н. Шубинскій; на ряду съ ними появлялись ученые специалисты, болѣе поздніе знакомцы Майкова: В. И. Ламанскій, В. Г. Васильевскій, А. Н. Веселовскій, И. П. Минаевъ. При своихъ прїѣздахъ въ Петербургъ, посѣщаль Майковскіе четверги и знаменитый русскій археологъ, графъ А. С. Уваровъ, съ которымъ Леонидъ Николаевичъ сблизился на первыхъ четырехъ археологическихъ съѣздахъ (въ Москвѣ, Петербургѣ, Кіевѣ и Казани). Между гостями Майкова шла обыкновенно дружеская, непринужденная бесѣда, которая не ограничивалась сообщеніями разныхъ научныхъ и литературныхъ новостей и обсужденіемъ ученыхъ вопросовъ, но касалась и текущихъ общественныхъ явленій и пересышалась остроумными шутками. Для лицъ, не знавшихъ близко В. Г. Васильевского и И. П. Минаева, которые приобрѣли себѣ почетныя ученые имена: первый въ области византинологіи, а второй, какъ санскритологъ и знатокъ Индустана, — покажется страннымъ, что оба названные ученые отличались необыкновенно живымъ и веселымъ юморомъ. Сильно запечатлѣлись во мнѣ полныя содержанія и веселости Майковскіе «четверги», въ которые любезный хозяинъ, также одаренный своеобразнымъ юморомъ, нерѣдко задавалъ тонъ

разговору въ этомъ направленіи. Немного осталось въ живыхъ изъ поименованныхъ лицъ; большинство — уже въ могилѣ!..

Съ девяностыхъ годовъ, когда Л. Н. Майковъ дѣлается академикомъ, характеръ его четверговыхъ собраній не измѣняется, а расширяются они въ составѣ. На нихъ появляются академики, новые сотоварищи Леонида Николаевича, и многіе литераторы, ученые и просвѣщенные люди изъ высшихъ слоевъ петербургскаго общества, каковы, на примѣръ, графъ С. Д. Шереметевъ, вице-президентъ академіи художествъ графъ Ив. Ив. Толстой, секретарь государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Еще Гоголь, столь остроумно подмѣчавшій бытовыя мелочи, характеризующія людей, обратилъ вниманіе на обстановку комнатъ, на ихъ убранство, меблировку, выражающія, по его мѣткому наблюденію, характеръ хозяина. Я зналъ Леонида Николаевича въ разныхъ фазахъ его жизни, при различныхъ служебныхъ положеніяхъ, при различныхъ матеріальныхъ условіяхъ; помню нѣсколько его квартиръ, самыхъ разнообразныхъ по размѣрамъ, но все онѣ носили общія имъ черты — изящество и чувство мѣры, воплощая въ себѣ основныя качества хозяина.

Фамильные портреты, съ живописнымъ портретомъ отца, Николая Аполлоновича Майкова, во главѣ; мраморныя и гипсовые бюсты, въ числѣ ихъ превосходный бюстъ брата Леонида Николаевича, Валеріана Николаевича Майкова, украшали стѣны кабинета хозяина, гостиной и другихъ комнатъ. Библіотека Леонида Николаевича, очень хорошо и систематически составленная, заключалась въ книгахъ, большею частью изящно переплетенныхъ, размѣщенныхъ по полкамъ удобнымъ, но простого, а не вычурнаго фасона, какъ то нерѣдко встрѣчается у людей, все дѣлающихъ на показъ. Разные столы, столики и этажерки — также съ книгами и съ цѣлымъ архивомъ, представляющимъ интереснѣйшее собраніе рѣдкихъ и цѣнныхъ манускриптовъ и литературной переписки разныхъ эпохъ и поколѣній, — довершали скромное убранство комнатъ. Комнаты въ квартирахъ Майкова были обыкновенно невелики по объему, но все въ нихъ находилось на своемъ мѣстѣ; ничего не было въ нихъ декоративнаго, какъ и въ самомъ ихъ обитателѣ.

Домашній складъ жизни Майкова вполне соответствовалъ его душевному настроенію — удѣлъ, который выпадаетъ на долю весьма немногимъ! Этотъ складъ жизни отличался патріархальностью, одухотворенною умственными, культурными интересами. Гостепріимство и радушіе хозяевъ — Леонида Николаевича и его достойнѣйшей супруги, глубокоуважаемой Александры Алексѣевны — и простота ихъ обращенія напоминали старинное русское хлѣбосольство и тихій и ровный складъ деревенской жизни хорошей помѣщичьей семьи прежняго времени, а воспитанность и образованность мужа и жены,

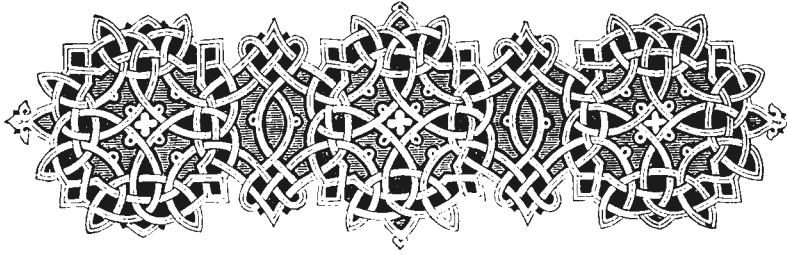
обстановка ихъ жилища ясно говорили, что ихъ жизнь сложилась въ центрахъ русскаго просвѣщенія и подъ вліяніемъ многолѣтнихъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе передаваемыхъ культурныхъ традицій.

Вотъ въ какихъ общихъ чертахъ возстаетъ передо мною симпатичная личность Леонида Николаевича Майкова. Невольно сжимается сердце отъ искренней и глубокой печали при мысли, что его нѣтъ уже среди насъ! Русская наука утратила въ лицѣ его еще одного изъ достойныхъ и плодотворныхъ своихъ дѣятелей, а близкіе ему люди и друзья, которыхъ у него было немало, лишились въ немъ весьма, весьма многого... Въ дружескихъ отношеніяхъ вполне выразилось прекрасное и чистое сердце Леонида Николаевича Майкова.

Д. Корсаковъ.

Казань.
16 мая 1900 г.

СУТКИ НА ОРДИНАРЦАХЪ У СКОБЕЛЕВА.

В ПЕРВЫХЪ числахъ сентября мѣсяца 1881 года назначенъ былъ двухсторонній манёвръ войскамъ 4-го армейскаго корпуса, между городами Бобруйскомъ и Могилевомъ (Минской губ.). Въ составъ корпуса входили 16-я и 30-я пѣхотныя дивизіи съ ихъ артиллеріей, 4-я кавалерійская дивизія и 7-я и 8-я конно-артиллерійскія батареи.

Это былъ славный 4-й корпусъ, покрывшій себя неувидаемыми лаврами въ послѣднюю русско-турецкую войну, командиромъ котораго состоялъ нашъ незабвенный герой, покойный генералъ-адъютантъ Михаилъ Дмитриевичъ Скобелевъ, только что тогда блистательно закончившій Ахаль-Текинскую экспедицію, но еще не возвратившійся къ своему корпусу.

Прибытіе Скобелева ожидалось на самые маневры, и войска 4-го корпуса должны были увидѣть своего обожаемаго командира при боевой обстановкѣ мирнаго времени, а потому людей обучали привѣтствіямъ, которыя должны были произносить роты, батареи и эскадроны, при первомъ объѣздѣ генерала, поздравляя его со славною побѣдой.

Изъ состава корпуса отсутствовали на маневрахъ екатеринославскіе драгуны, харьковскіе уланы и 7-я конно-артиллерійская батарея; эти части оставались въ г. Вѣлостокѣ.

16-я пѣхотная дивизія со своею артиллеріей и маріупольскими гусарами наступала по шоссе, со стороны г. Могилева, по направленію къ крѣпости Бобруйску.

30-я пѣхотная дивизія съ ея артиллеріею, 4-мъ донскимъ казачьимъ полкомъ и 8-ю конно-артиллерійскою батареей наступала по шоссе отъ Бобруйска къ Могилеву.

Встрѣча должна была произойти на рѣкѣ Друти, приблизительно на половинѣ пути между Могилевомъ и Бобруйскомъ. Не доходя двухъ переходовъ до р. Друти, отряды выслали кавалерійскіе разъѣзды, и 3-го сентября кавалерія обоихъ отрядовъ заняла своими постами и разъѣздами два противоположныхъ берега р. Друти, мосты, переправы и броды. На другой день подошла пѣхота съ артиллеріей, и два первые дня маневровъ были предназначены для упражненій въ развѣдывательной и сторожевой службѣ на незнакомой для войска мѣстности.

Пишущій эти строки находился въ составѣ одной изъ пѣшихъ батарей бобруйскаго отряда. Въ день прибытія бобруйскаго отряда къ Друти, до насъ дошла вѣсть, что командиръ корпуса, генераль Скобелевъ, уже прибылъ изъ Могилева къ 16-й дивизіи (въ могилевскій отрядъ) и расположился со своей свитой въ имѣніи Селець, принадлежащемъ г-жѣ Бибиковой и находящемся въ тылу могилевскаго отряда и въ нѣсколькихъ верстахъ отъ шоссе.

Весь бобруйскій отрядъ сгоралъ отъ нетерпѣнія поскорѣе увидѣть своего командира.

4-го сентября, за полночь, я былъ разбуженъ своимъ вѣстовымъ, который подаль мнѣ предписаніе командира бригады, гласившее, что я назначаюсь ординарцемъ къ генералу Скобелеву и къ 8-ми часамъ утра слѣдующаго дня долженъ прибыть въ имѣніе Селець и явиться къ командиру корпуса.

Должно сказать, что это назначеніе меня и порадовало и отчасти поразило: я, только за годъ до этого произведенный въ офицеры изъ училища, мало еще опытный въ службѣ и довольно застѣнчивый съ начальствомъ, долженъ былъ вдругъ явиться на ординарцы къ извѣстному русскому полководцу и герою генералу Скобелеву. Не зная его привычекъ, его требованій, но наслушавшись рассказовъ старшихъ товарищей, что Скобелевъ умѣетъ иногда колко подшутить надъ оплошностью или ненаходчивостью подчиненнаго, я со страхомъ думалъ о своемъ назначеніи.

Раздобывъ ночью карту, я опредѣлилъ, что до Сельца 16 верстъ, и рѣшилъ выѣхать въ 6 часовъ утра, чтобы не опоздать, но, помня, что командиръ корпуса находится въ тылу непріятельскаго отряда, а берега Друти зорко оберегаются конными разъѣздами и пѣхотными постами, я долженъ былъ записаться пропускомъ въ непріятельскій отрядъ, но достать пропускъ къ 6-ти часамъ утра было затруднительно, а потому я рѣшилъ, что проберусь и безъ него. Дни стояли пасмурные, довольно холодные, и моросилъ дождь. Не имѣя понятія, на сколько времени я уѣзжаю изъ батареи (въ предписаніи было сказано глухо), я не зналъ, что долженъ взять съ собою,

а, какъ новичекъ, я боялся быть осмѣяннымъ, забравъ лишнее что либо изъ костюма, поэтому отправился только въ одномъ мундирѣ, при оружіи и съ револьверомъ, заряженнымъ на всѣ 6 зарядовъ. Лошадь у меня была выносливая и крѣпкая (въ то время офицеръ пѣшей артиллеріи обязанъ былъ имѣть собственныхъ верховыхъ лошадей).

Подъѣзжая по шоссе къ мосту черезъ р. Друть, я замѣтилъ, что съ нашей стороны моста стоятъ два часовыхъ коломенскаго пѣхотнаго полка (съ бѣлыми чехлами на кепи), а съ противоположной два казанца (въ кепи безъ чехловъ) и два гусара. Долго не думая, я далъ шпоры своему жеребцу и думалъ перемахнуть мостъ безъ остановки, но казанцы скрестили ружья, а гусары повисли на поводѣ лошади и, несмотря на мои объясненія, меня повели къ ротному командиру казанскаго полка, который, узнавъ о цѣли моей поѣздки въ ихъ отрядъ, пожалъ плечами и объявилъ, что у него на этотъ случай нѣтъ инструкцій, и долженъ меня препроводить подъ конвоемъ къ командиру полка. Пришлось волей-неволей тянуться между двумя пѣхотными конвойными куда-то далеко въ тылъ отряда. По счастью для меня командиръ полка повѣрилъ мнѣ, что я ѣду ординарцемъ къ генералу Скобелеву, отпустилъ меня и даже на ухо сообщилъ пропускъ для отвращенія вторичнаго ареста. Обрадованный освобожденіемъ, я поскакалъ, чтобы наверстать время, и къ 8-ми часамъ явился въ Селець. Я въѣхалъ въ обширный помѣщичій дворъ со старымъ большимъ барскимъ домомъ. Всюду стояли кавалеристы съ лошадьми въ поводѣ. Одному изъ нихъ я отдалъ лошадь, приказавъ ее выводить, а самъ отправился къ подъѣзду дома.

Здѣсь я познакомился съ личнымъ адъютантомъ генерала, поручикомъ конно-гренадерскаго полка Ушаковымъ, который мнѣ объявилъ, что командиръ корпуса еще не выходилъ, и посоветовалъ отправиться во флигель, отведенный для ординарцевъ. Здѣсь, во флигелѣ, я засталъ еще трехъ ординарцевъ-офицеровъ, но это были уже боевые офицеры, бывшіе въ кампаніи и отчасти извѣстные Скобелеву: здѣсь былъ 4-го донскаго полка сотникъ Ч., серпуховскаго пѣхотнаго полка поручикъ Ч. и 16-й артиллерійской бригады поручикъ Д. Одинъ я былъ молоденькій прапорщикъ, не нюхавшій пороха и не слыхавшій свиста пуль и ядеръ. Въ 9 часовъ утра насъ позвали въ барскій домъ, и адъютантъ пригласилъ насъ въ зало ожидать выхода генерала Скобелева. Здѣсь уже собрались лица его свиты, а также возвратившіеся съ нимъ изъ текинской экспедиціи главные его боевые сподвижники, бывшіе тогда еще почти всѣ въ штабъ-офицерскихъ чинахъ (въ настоящее время нѣкоторые изъ нихъ занимаютъ высшія государственныя должности). Здѣсь я впервые увидѣлъ храбраго и умнаго, но скромнаго и застѣнчиваго полковника К., украшеннаго двумя георгіями, главнаго

сотрудника генерала Скобелева на Зеленыхъ горахъ (подъ Плевной) и въ текинской экспедиціи. Рядомъ видѣлась некрасивая, приземистая и неуклюжая фигура майора Б., который былъ дорогъ Скобелеву въ текинской экспедиціи, какъ человекъ, умѣвшій при самыхъ тяжелыхъ боевыхъ условіяхъ отлично вести дѣла его походной канцеляріи и хозяйственные отчеты всей экспедиціи. Тутъ были и другія лица, имена которыхъ занесены въ исторію русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и подвигами которыхъ можетъ гордиться русская армія.

Съ глубокимъ уваженіемъ разсматривалъ я эти лица и старался запечатлѣть въ памяти ихъ черты. Вдругъ растворились настежь двери изъ сосѣдней комнаты, и Скобелевъ, свѣжій, бодрый, красивый, съ улыбкой на лицѣ, расчесывая пальцами свои русые бакенбарды, показался въ дверяхъ и, сдѣлавъ общій поклонъ, направился прямо къ ординарцамъ, стоявшимъ ближе къ дверямъ. Началось обычное, по уставу, представленіе. Каждому изъ ординарцевъ генералъ подавалъ руку и говорилъ своимъ пріятно картавившимъ голосомъ: «здравствуйте, мы съ вами знакомы». Когда дошла очередь до меня, то Скобелевъ, выслушавъ мою официальную фразу, подавая руку, сказалъ: «А вы еще совѣтъ молодой! мы съ вами незнакомы, а потому пойдемъ завтракать и познакомимся». Съ этими словами генералъ взялъ меня за талию и, пригласивъ знакомъ руки всѣхъ присутствующихъ, отправился въ столовую, гдѣ просилъ всѣхъ и «особенно прапорщиковъ», какъ онъ выразился, не стѣсняться и закусить, чѣмъ Богъ послалъ. Завтракъ былъ сервированъ холодный съ достаточнымъ количествомъ напитковъ.

Нужно сказать, что за Скобелевымъ, на маневрахъ, повсюду, слѣдовалъ его собственный маркитантъ, который обязанъ былъ имѣть во всякое время и въ неограниченномъ количествѣ всѣ стѣстные припасы и всевозможные напитки и готовить при всякихъ условіяхъ обѣды, ужины и завтраки на столько персонъ, сколько вздумается генералу пригласить къ своему столу; рассказываютъ, правда, что этотъ маркитантъ бралъ съ генерала за все невозможныя цѣны. Послѣ завтрака всѣ сѣли на коней и двинулись лѣсною дорогою къ мосту черезъ Друть на шоссе. По пути встрѣчались части 16-й дивизіи, которыя уже видѣли генерала, а потому Скобелевъ проѣзжалъ мимо, здоровался издали и не останавливаясь. Проѣхавъ мостъ черезъ Друть, Скобелевъ вступилъ въ районъ 30-й дивизіи или бобруйскаго отряда, еще не имѣвшаго счастья видѣть своего командира послѣ экспедиціи. Отсюда начиная, Скобелевъ поѣхалъ тихо и объѣзжалъ каждый баталіонъ и батарею. Послѣ того, какъ Скобелевъ здоровался, и люди отвѣчали ему «здравія желаемъ», они общимъ голосомъ подхватывали: «честь имѣемъ поздравить ваше высокопревосходительство съ побѣдою» и затѣмъ оглушительное «ура». Скобелевъ ласково улыбался,

смотря на восторженныя лица офицеровъ и солдатъ, останавливался возлѣ нѣкоторыхъ частей, гдѣ были георгіевскіе кавалеры офицеры или нижніе чины, разспрашивалъ нѣкоторыхъ раненыхъ офицеровъ о ихъ здоровьѣ и, такимъ образомъ, объѣхавъ шагомъ весь бобруйскій отрядъ, пожелалъ переправиться черезъ Друть, обратно къ могилевскому отряду, но оказалось, что мостъ былъ далеко сзади, о чемъ генералу и доложили. Онъ подъѣхалъ со свитою къ рѣкѣ и, посмотрѣвъ направо и налево, обратился назадъ къ ординарцамъ: «Господа! нѣтъ ли здѣсь брода, глубоко ли здѣсь?» Всѣ четверо ординарцевъ, немного разѣхавшись, бросились въ воду, не думая—глубоко или нѣтъ, и, по счастью, оказалось, что двое попали въ такое мѣсто, что лошади перешли рѣку по дну, покрывшись водою на полбрюха, двое другихъ немного поплавали. Генералъ быстро спустился къ рѣкѣ, далъ шпоры и перѣѣхалъ въ бродъ. За нимъ понемногу послѣдовала и свита. Несомнѣнно, что ноги замочили себѣ всѣ. Недалеко отъ берега, въ бѣдной деревушкѣ, былъ расположенъ эскадронъ маріупольскаго гусарскаго полка и штабъ этого же полка. Скобелевъ подъѣхалъ къ коновязямъ, поздоровался съ людьми, осмотрѣлъ лошадей, поговорилъ со старымъ георгіевскимъ кавалеромъ, вахмистромъ, и принялъ приглашеніе командира полка и офицеровъ зайти со свитою въ избу обогрѣться и закусить. Генералъ и всѣ гости усѣлись за простые некрашеные бѣлые столы и съ аппетитомъ отвѣдали гусарской хлѣба-соли.

Офицеры-хозяева оказали всѣмъ гостямъ, безъ различія, полное радушіе и гостепримство. Хотя Скобелевъ держалъ себя въ высшей степени просто, безъ всякаго этикета, но гусарскіе офицеры, какъ любезные хозяева, не позволили себѣ садиться, а все время угощали гостей, наполняя стаканъ шампанскимъ, которое Скобелевъ пилъ охотно. Одинъ только командиръ полка раздѣлялъ трапезу и сидѣлъ рядомъ съ генераломъ. Скобелевъ увлекательно рассказывалъ о разныхъ интересныхъ эпизодахъ кампаніи 1877—1878 гг., многіе куріозные случаи передавалъ съ неподражаемымъ юморомъ. Было уже 4 часа, когда генералъ всталъ и, поблагодаривъ гусаръ, пошелъ къ выходу. У воротъ, когда генералъ собирался садиться на лошадь, разыгралась маленькая сценка. Генералъ обратилъ вниманіе, что у воротъ, подъ конвоемъ гусаръ, стоитъ подхорунжій и нѣсколько казаковъ 4-го донскаго полка изъ бобруйскаго отряда. Командиръ гусаръ доложилъ, что эти смѣльчаки были пойманы гусарами не болѣе четверти часа тому назадъ, когда среди бѣлаго дня, переправившись черезъ Друть и пройдя незамѣченными черезъ всѣ посты, подобрались къ самой коновязи эскадрона и уже собирались обрѣзать поводья недоуздрковъ и увести лошадей, но были схвачены. Подхорунжій и казаки стояли сильно сконфуженные. Скобелевъ сдѣлалъ сердитое лицо, подошелъ къ казакамъ и

строго сказалъ: «Какъ вы смѣли попадаться!»; затѣмъ, подойдя къ подхорунжему, шутя потрепалъ его за ухо и сказалъ: «А это вашему командиру за то, что попались». Послѣ этого, громко разсмѣявшись, крикнулъ имъ: «Спасибо, молодцы, донцы. Благодарю васъ, г. подхорунжій. Только тотъ не поподается никогда, кто ни на что не рѣшается», и, обращаясь къ командиру гусарскаго полка, сказалъ: «Прошу васъ хорошо ихъ накормить и дать водки». Послѣ этого онъ сѣлъ на коня и, давъ шпоры, поскакалъ, сопровождаемый своею свитою, вдоль частей могилевскаго отряда. Началъ накрапывать дождикъ, и генералъ взялъ у слѣдовавшаго за нимъ вѣстового свой плащъ и надѣлъ. Слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ постоянномъ вѣстовомъ Скобелева. Онъ происходилъ изъ инородцевъ Кавказа, носилъ черкесскую форму, весь былъ увѣшанъ оружіемъ и имѣлъ свирѣпую, обросшую волосами, физиономію. Рассказывали, что онъ такъ обожалъ своего генерала и былъ такъ ему беззавѣтно преданъ, что стоило бы Скобелеву указать на кого бы то ни было и сказать ему «убей», и онъ его тотчасъ же, безъ размышленія, закололъ бы своимъ большимъ кинжаломъ.

Въ одномъ пунктѣ слѣдованія нашего былъ расположенъ взводъ пѣшей артиллеріи, въ ложементахъ, съ прикрытіемъ отъ пѣхоты. Скобелевъ вѣхалъ въ интервалъ между орудіями, поздоровался съ людьми и похвалилъ выборъ позиціи для артиллеріи въ виду хорошаго обстрѣла противоположнаго берега Друти, на большое разстояніе, при чемъ своимъ мягкимъ голосомъ разспросилъ молодого офицера, командовавшаго взводомъ, какъ онъ бы предполагалъ вести сгрѣльбу и какимъ снарядомъ при появленіи пѣхоты, кавалеріи или артиллеріи на различныхъ пунктахъ непріятельской позиціи, а также въ случаѣ переправы непріятели черезъ Друть или появленія кавалеріи съ фланговъ. За толковые и обстоятельные отвѣты офицеръ былъ удостоенъ пожатія руки генерала, который поѣхалъ далѣе.

По обѣимъ сторонамъ могилевскаго шоссе были расположены пѣхотныя части 16-й дивизіи, въ боевомъ порядкѣ. Скобелевъ подъѣхалъ къ частному резерву одной изъ ротъ и предложилъ командовавшему имъ офицеру произвести трасировку и разбивку закрытія (земляного) для резерва, при чемъ самъ все время слѣдилъ за работою, наблюдая по часамъ время ея исполненія и способъ веденія. Оставшись доволенъ видѣннымъ, генералъ то рысью, то галопомъ, за которымъ свита едва поспѣвала, поѣхалъ прямо въ Селець, такъ какъ былъ уже 6-й часъ вечера. Въ 6 часовъ адъютантъ Скобелева пригласилъ всѣхъ къ обѣду въ большое зало дома. Сюда собрались, кромѣ постоянной свиты и ординарцевъ, еще всѣ командиры отдѣльныхъ частей могилевскаго отряда. Скобелевъ вышелъ къ обѣду, ведя подъ руку престарѣлую владѣлицу имѣнія,

г-жу Бибикову, любезно предоставившую всѣ свои помѣщенія генералу и его свитѣ. Усадивъ хозяйку дома на предсѣдательское мѣсто и пригласивъ всѣхъ занять мѣста, Скобелевъ усѣлся самъ возлѣ Бибиковой и не переставалъ ее угощать и занимать. Съ террасы грянулъ оркестръ одного изъ полковъ 16-й дивизіи самый любимый Скобелева болгарскій маршъ «Шуми Марица». Неудивительно, что Скобелевъ любилъ этотъ маршъ: онъ напоминалъ и ему и многимъ здѣсь присутствующимъ и Балканы, Эски-Загру, Казанлыкъ и славное Шейново, подъ которымъ углицкій пѣхотный полкъ, стоявшій теперь мирно биваукомъ близъ самага имѣнія, оставилъ на полѣ битвы болѣе половины своего состава.

Когда было подано шампанское, Скобелевъ всталъ и въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ провозгласилъ тостъ за здоровье гостепріимной хозяйки дома. Такое вниманіе растрогало бѣдную старушку настолько, что она только утирала слезы и не могла ничего отвѣтить. Нужно замѣтить, что во все время обѣда Скобелевъ—хлѣбосольный хозяинъ, часто обходилъ своихъ гостей, упрасивая кушать и пить, обращая особенное вниманіе на болѣе застѣнчивыхъ молодыхъ офицеровъ, запросто чокаясь съ ними бокалами и собственноручно подливая имъ вина. Послѣ кофе г-жа Бибикова удалась въ свои комнаты. Общая бесѣда затянулась до поздняго времени, при чемъ пріятный смѣхъ хозяина часто покрывалъ общій говоръ, а умѣлые и живые рассказы привлекали къ его концу столѣ много слушателей, особенно молодежи.

Было уже очень поздно, когда Скобелевъ всталъ, пожелалъ всѣмъ спокойной ночи и удалился въ свою комнату. Всѣ стали разъѣзжаться или расходиться. Ординарцы могилевскаго отряда уѣхали ночевать къ себѣ на бивуаки, расположенные по близости, двое же насъ изъ бобруйскаго отряда, я и казачій сотникъ, должны были заночевать гдѣ либо въ имѣніи. Пытались мы пристроиться на сѣноваль, но эти попытки не удалась, такъ какъ нѣмецъ-управляющій, боясь пожара, заперъ его и не позволилъ туда никого пускать. Пришлось удовольствоваться сараемъ съ овсяною соломой и мякиной, и мы заснули, благодаря своимъ лѣтамъ и усталости, на соломѣ, лучше, чѣмъ на пуховой перинѣ. Вставъ утромъ и съ трудомъ приведя свой костюмъ въ надлежащій видъ, мы явились въ домъ пить чай и здѣсь узнали, что на смѣну намъ явились новые ординарцы отъ частей, а потому, напившись чаю, разъѣхались по своимъ бивуакамъ, унося съ собою на всю жизнь чудное воспоминаніе о тѣхъ часахъ, которые намъ привелось провести такъ непосредственно близко къ незабвенному для Россіи Бѣлому генералу.

Е. К.

ДОЧЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

В КОНЦѢ прошлаго года появился въ Лондонѣ трудъ Р. Нисбета-Бэна, подѣ заглавіемъ «Дочь Петра Великаго, исторія русской дипломатіи и русскаго двора при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ»¹⁾. Авторъ ея уже извѣстенъ своими прежними любопытными монографіями, основанными на подлинныхъ матеріалахъ по исторіи Швеціи и Россіи: именно «Густавъ III и его современники», «Карлъ XII» и «Ученики Петра I». Подѣ послѣднимъ названіемъ онъ разумѣетъ птенцовъ Петра: Меншикова, Толстого, Ягужинскаго, Остермана и другихъ, а въ своей книгѣ рассказываетъ исторію царствованій Екатерины I, Петра II и Анны Іоанновны, во время которыхъ разыгрывали главную роль эти ученики великаго преобразователя Россіи. Первую вступительную главу и новаго своего сочиненія Бэнъ посвящаетъ краткому очерку той же эпохи, а затѣмъ характеризуетъ бѣглыми чертами правленіе Брауншвейгской семьи и уже наконецъ приступаетъ къ подробному, основательному изслѣдованію царствованія Елисаветы, которое, по его словамъ, представляетъ одну изъ самыхъ темныхъ и важныхъ эпохъ новой исторіи.

Главными пособіями ему служатъ русскіе источники, и хотя нельзя сказать, чтобы онъ исчерпалъ всю нашу обширную Елиса-

¹⁾ The Daughter of Peter the Great: a History of Russian Diplomacy and Hof the Russian Court under the Empress Elizabeth Petrovna (1741—1762). By R. Nisbet Bain. London. 1899.

ветинскую литературу, но надо отдать справедливость английскому автору, что имъ положены въ основу труда главные ея матеріалы: сборникъ русскаго историческаго общества, Воронцовскій архивъ, записки князя Шаховскаго, Минниха и Болотова, исторіи Соловьева и Костомарова, сочиненіе князя Щербатова «О поврежденіи русскихъ нравовъ», біографія графа Остермана, написанная княземъ Долгорукимъ, біографіи русскихъ генералиссимусовъ, Бантыша-Каменскаго, біографіи статсъ-дамъ и фрейлинъ русскаго двора XVIII столѣтія, «Семейство Разумовскихъ» П. А. Васильчикова и другія монографіи. Изъ иностранныхъ источниковъ онъ пользовался депешами иностранныхъ пословъ въ Петербургѣ, напечатанными въ «Сборникѣ русскаго историческаго общества» до 96 его тома и хранящимися въ архивѣ англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, подлинниками депешъ англійскихъ посланниковъ Вича, лорда Тироля, лорда Гиндфорда, Гайя Диккенса, Вильямса и Кита, собраніемъ иностранныхъ трактатовъ Мартенса, перепиской Фридриха Великаго, мемуарами Екатерины II, «Семилѣтней войной» Масловскаго, въ нѣмецкомъ переводѣ, и сочиненіемъ Вандаля «Людовикъ XV и Елисавета».

Нельзя не замѣтить, что, представляя списокъ всѣхъ этихъ матеріаловъ въ количествѣ тридцати пяти названій, Бэнъ кратко, но очень мѣтко характеризуетъ каждый изъ нихъ. Такимъ образомъ онъ говоритъ о Соловьевѣ: «Монументальный трудъ, абсолютно необходимый для правильнаго пониманія эпохи, но столь переполненный отрывками изъ подлинныхъ русскихъ документовъ, что, быть можетъ, его слѣдуетъ отнести скорѣе къ документальнымъ источникамъ, чѣмъ къ историческимъ»; о Костомаровѣ: «Прелестное и болѣе популярное сочиненіе, чѣмъ исторія Соловьева, но авторъ имѣетъ ненаучную и непріятную привычку не ссылаться на свои матеріалы»; о Васильчиковѣ: «Безъ сомнѣнія, самая важная книга объ интимной жизни русскаго двора при Елисаветѣ»; о Болотовѣ: «Быть можетъ, самый интересный и важный документъ о царствованіи Елисаветы, но авторъ, какъ не специалистъ военнаго дѣла, хотя и былъ очевидцемъ семилѣтней войны, впадаетъ въ ошибки съ технической точки зрѣнія»; о Вандалѣ: «Полезное сочиненіе, но нѣсколько устарѣвшее и слишкомъ основанное на почти никуда негодныхъ депешахъ Лопиталя». Къ большинству депешъ иностранныхъ посланниковъ въ Петербургѣ Бэнъ относится очень рѣзко, именно о депешахъ секретаря саксонскаго посольства, Пецоляда, онъ отзывался: «пустая болтовня»; о депешахъ Шетарди: «полезны въ виду близкихъ отношеній автора къ императрицѣ, но легко вводятъ въ заблужденіе, такъ какъ онъ былъ поверхностнымъ наблюдателемъ и не отличался ни тактомъ, ни проницательностью»; о депешахъ англичанина Финча: «авторъ че-

ловѣкъ очень способный и дальнозоркій, но вступленіе на престолъ Елисаветы было для него неприятнымъ сюрпризомъ, съ которымъ онъ никогда не могъ примириться, а потому съ той минуты относился ко всему чрезъ очки зависти и злобы»; о депешахъ Вильямса: «онѣ почти никуда не годны, такъ какъ авторъ доводитъ духъ партій до фанатизма и часто вводитъ въ заблужденіе свое правительство, рисуя карикатуру, а не настоящую картину русскаго двора». Только депеши двухъ англійскихъ посланниковъ, Вича и лорда Гиндфорда, вызываютъ сочувствіе Бэна; перваго онъ называетъ «трудолюбивымъ и правдивымъ лѣтописцемъ», а послѣдній, по его словамъ, «смотритъ на все ясно и разумно».

Хотя эти критическіе взгляды въ сущности справедливы, но, быть можетъ, Бэнъ слишкомъ рѣзко осуждаетъ Шетарди, Лопиталья, Финча и Вильямса, которыми очень широко пользовался Соловьевъ. Если и дѣйствительно нельзя вѣрить каждому ихъ слову, то зато рисуемая ими картинки придворныхъ и дипломатическихъ интригъ при Елисаветѣ чрезвычайно живы и характеристичны. Поэтому не слѣдуетъ вполнѣ отвергать ихъ, но необходимо ими пользоваться осторожно, провѣряя не только взаимно, но и съ помощью другихъ, болѣе правдивыхъ матеріаловъ.

Самое сочиненіе Бэна нельзя не признать лучшею популярною біографіей Елисаветы, вышедшею до сихъ поръ не только на англійскомъ, но и на всѣхъ языкахъ. Даже порусски не появлялось еще такого интереснаго, живого, легко читающагося, безпристрастнаго свода всего, что извѣстно о дочери Петра Великаго, объ ея дипломатіи и дворѣ. Конечно, въ этой книгѣ не найдется ничего новаго для лицъ, которымъ извѣстны всѣ русскіе спеціальныя труды и сборники документовъ объ Елисаветинской эпохѣ, но много ли такихъ лицъ? При этомъ не надо забывать, что Бэнъ пишетъ для общаго читателя, да еще для англійскаго, которому, по его справедливому замѣчанію, едва ли что нибудь извѣстно объ энергичной союзницѣ Маріи-Терезіи и опаснѣйшемъ врагѣ Фридриха Великаго, о Бестужевѣ, котораго Фридрихъ называлъ своимъ великимъ противникомъ, и о фельдмаршалѣ Салтыковѣ, разбившемъ знаменитаго полководца при Кунерсдорфѣ. Впрочемъ, хотя не важныя, но все-таки интересныя новыя черты можно встрѣтить въ приводимыхъ Бэномъ отрывкахъ изъ депешъ англійскихъ посланниковъ въ Петербургѣ, хранящихся въ архивѣ англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, такъ какъ въ «Сборникѣ русскаго историческаго общества» онѣ доведены до 1748 г., а французскія до 1745 года. Соловьевъ хотя приводитъ и позднѣйшія депеши, но въ небольшомъ числѣ и въ краткихъ отрывкахъ. Кромѣ этой спеціальной услуги, оказанной Бэномъ даже русскимъ изслѣдователямъ Елисаветинской эпохи въ отношеніи ея послѣднихъ лѣтъ, его монографія отличается главнымъ образомъ добросовѣстною, основательною и без-

пристрастною группировкой уже извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ матеріаловъ, разбросанныхъ въ специальныхъ трудахъ, сборникахъ и т. д. Особеннаго вниманія заслуживаетъ при этомъ его безпристрастіе, и если, быть можетъ, онъ чрезмѣрно возвышаетъ достоинства и таланты Алексѣя Бестужева, какъ горячаго сторонника Англіи, то зато правдиво выставляетъ слабыя стороны англійской политики и говоритъ прямо: «Если когда нибудь русскимъ государственнымъ людямъ понадобится предлогъ для выраженія недовѣрія къ Англіи, то они могутъ вполне основательно сослаться на сомнительныя и неблагоприятныя отношенія англійскаго правительства къ Бестужеву».

Конечно, нельзя не пожалѣть, что Бэнъ въ своей книгѣ не упоминаетъ ни слова о внутреннемъ положеніи Россіи въ царствованіе Елисаветы, что рядомъ съ придворными и дипломатическими интригами онъ не рисуетъ картины тогдашней жизни русскаго общества и русскаго народа, но съ одной стороны иностранцу трудно собирать подобные матеріалы, которые въ настоящемъ случаѣ очень скудны, а съ другой въ предисловіи и даже въ самомъ заглавіи своего сочиненія Бэнъ строго ограничиваетъ избранную имъ задачу дипломатическою и придворною сторонами царствованія Елисаветы. Естественно, онъ, какъ иностранецъ, хотя, повидимому, хорошо знающій русскій языкъ и широко пользующійся русскими матеріалами, дѣлаетъ нѣкоторыя мелочныя ошибки: такъ онъ называетъ жену Остермана Стоешесовой вмѣсто Стрѣшневой, а учителя музыки Шварца—учителемъ танцевъ; упоминаетъ, что Елисавета въ юности охотилась въ окрестностяхъ Москвы за гѣнами; считаетъ фаворита Елисаветы, Ивана Ивановича Шувалова, племянникомъ, а не двоюроднымъ братомъ Петра и Александра Ивановичей Шуваловыхъ, пишетъ господина Чоглокова вмѣсто г-жи Чоглоковой; наконецъ называетъ Можайскій уѣздъ—Можайской губерніей, но уже одинъ тотъ фактъ, что въ цѣломъ томѣ въ 320 страницъ нашлись только такія маловажныя неточности, служитъ лучшимъ доказательствомъ серіозности и основательности труда Бэна.

Пользуясь этою замѣчательною монографіей, русскими матеріалами, которыми не пользовался Бэнъ, преимущественно депешами иностранныхъ посланниковъ, напечатанными въ послѣднихъ томахъ «Сборника русскаго историческаго общества», постараемся познакомить читателей съ личностью Елисаветы, придворными интригами ея времени и дипломатическою дѣятельностью ея министровъ.

I.

«Строго говоря, дремлющій колоссъ, русскій народъ, не имѣеть исторіи, достойной этого названія, до минуты великаго пробужденія, которое слѣдовало за бѣдствіями крымской войны. До тѣхъ поръ исторія Россіи была лишь исторіей дипломатіи и возбужденныхъ ея дипломатами войнъ. Она должна была укрѣпить свое положеніе въ Европѣ, для того чтобы сохранить за собою европейскій характеръ, приданный ей Петромъ Великимъ; только достигнувъ этой цѣли извнѣ, она могла привести въ порядокъ свои внутреннія дѣла по-своему и въ свое время. Такимъ образомъ внѣшнія завоеванія Россіи въ XVIII вѣкѣ были въ нѣкоторой степени необходимымъ предисловіемъ для внутреннихъ реформъ XIX столѣтія. Съ ея точки зрѣнія, всѣ дѣйствія ея иностранной политики были только постепенными фазами той борьбы, которую она должна была выдержать для полного осуществленія идей Петра Великаго. Европейскія державы съ удовольствіемъ удержали бы этого полуазиатскаго пришельца въ его природныхъ степяхъ, но сама Россія, представляемая ея способнѣйшими правителями, видѣла въ каждомъ своемъ новомъ шагѣ на западъ и югъ добавочную гарантію въ надежности ея тогдашняго положенія и будущаго прогресса. Съ этой точки зрѣнія побѣды при Кунерсдорфѣ и Чесмѣ были также неизбѣжны и благотворны, какъ освобожденіе крестьянъ».

Вотъ какъ выражаетъ Бэнъ свой общій взглядъ на исторію Россіи въ продолженіе двухъ послѣднихъ столѣтій и, придерживаясь его, предпосылаетъ очерку дипломатической исторіи Россіи въ эпоху Елисаветы краткій абрисъ ея отъ смерти Петра до воцаренія его дочери. Неожиданная и преждевременная смерть великаго преобразователя возбудила надежду въ Западной Европѣ, что совершенное имъ дѣло созданія могущественной державы погибнетъ вмѣстѣ съ нимъ. Но, послѣ него осталось около полудюжины способныхъ обученныхъ имъ птенцевъ, которые съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ поддержали, хотя съ внѣшней стороны, возведенное имъ могучее зданіе въ продолженіе 16 лѣтъ, которыя протекли до перехода русскаго престола въ руки его дочери. Съ первой минуты они поняли, что для сохраненія новой системы надо было сохранить ее отъ ударовъ реакціонерной, такъ называемой старой русской партіи, которая разсчитывала захватить власть, возведя на престолъ внука Петра, восьмилѣтняго сына царевича Алексѣя, и потому сдѣлали императрицей его вдову, Екатерину I-ю, которая однимъ своимъ именемъ олицетворяла порядки, установленные Петромъ. Такимъ образомъ все пошло попрежнему, по-петровскому, въ рукахъ его учениковъ, «энергичнаго сатрапа» Меншикова, «умнаго, ловкаго отца русской дипломатіи», графа Петра Толстого,

Павла Ивановича Ягужинскаго, мужественнаго, непреклоннаго генераль-прокурора, и хитраго вице-канцлера Остермана, о которомъ Петръ на смертномъ одрѣ сказалъ: «Онъ необходимъ для Россіи; онъ знаетъ ея нужды, и онъ одинъ изъ насъ никогда не дѣлалъ дипломатической ошибки». Этому человѣку, иностранцу по происхожденію, но вѣрному хранителю завѣта Петра Великаго, была передана въ полное завѣдываніе иностранная политика, и онъ руководилъ ею до вступленія на престолъ Елисаветы, несмотря на всѣ переменны, смуты и государственные перевороты, которыми ознаменовалась эта тревожная эпоха.

Системы и партіи, государи и правители быстро замѣняли другъ друга: Меншиковъ безцеремонно отдѣлался отъ Толстого и неограниченно царилъ при Екатеринѣ I-й, въ первое время царствованія Петра II; Долгорукіе свергли Меншикова и, стоя во главѣ старорусской партіи, хотѣли вернуть Россію назадъ, но это имъ не удалось въ виду смерти юнаго императора. Попытка смѣлыхъ олигарховъ, Голицыныхъ и Долгорукихъ, прозванныхъ англійскимъ посланникомъ въ Петербургѣ Рондо «республиканскими джентльменами», ввести ограниченную форму правленія потерпѣла фіаско, благодаря придворнымъ интригамъ и энергіи императрицы Анны Іоанновны. Впродолженіе ея царствованія фаворитъ Биронъ, внукъ конюха и потомъ герцогъ Курляндскій, безжалостно тиранилъ чуждую ему страну, презрительно говоря, окружавшимъ его лицамъ: «вы—русскіе». Послѣ кончины его покровительницы продолжалось царство нѣмцевъ и преслѣдованіе всѣхъ русскихъ за исключеніемъ князя Черкаскаго, номинальнаго канцлера, котораго терпѣли за его «ничтожество» и помощь, оказанную Аннѣ Іоанновнѣ при ея воцареніи, но Биронъ, назначенный регентомъ при малолѣтнемъ императорѣ Иоаннѣ III Антоновичѣ, сынѣ любимой племянницы Анны Іоанновны, удержался на достигнутой имъ высотѣ только три недѣли и былъ свергнутъ фельдмаршаломъ Минихомъ, который доставилъ регентство матери малолѣтнаго императора, принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ. Но и этой новой фазѣ нѣмецкаго господства не суждено было долго продолжаться, и вскорѣ должно было окончиться такое ненормальное положеніе дѣлъ.

Однако, во все время этихъ безконечныхъ политическихъ перипетій и придворныхъ интригъ одинъ «оракулъ», какъ при дворѣ называли Остермана, оставался твердо на своемъ мѣстѣ и въ качествѣ вице-канцлера, а потомъ великаго канцлера продолжалъ внѣшнюю политику Петра. Конечно, англійскій біографъ Елисаветы слишкомъ превозноситъ достоинства Остермана, называя его гениальнымъ дипломатомъ, «безкорыстнымъ, гуманнымъ государственнымъ человѣкомъ, преданнымъ душой и сердцемъ Россіи, на благо которой онъ всегда былъ готовъ жертвовать своими личными интересами», но оказанныя имъ заслуги русской дипломатіи не под-

лежать сомнѣнію. Въ сущности онъ руководствовался во всемъ и всегда только самолюбіемъ, которое, по словамъ французскаго посланника въ Петербургѣ Кампредона, «сѣѣдало его», а для достиженія власти и для сохраненія ея онъ не разбиралъ средствъ и пускалъ въ ходъ одинаково хитрость, обманъ, лицемѣріе и коварство. Иностранные дипломаты хорошо понимали «оракула», и «проклинали, по мѣткому выраженію Бэна, его двоедушные, подпольные методы—проводить свои планы и губить враговъ»; но въ то же время единогласно признавали, что онъ одинъ въ Россіи вполне понималъ политическія дѣла. Поэтому неудивительно, что они усматривали его тайное вліяніе въ каждомъ государственномъ переворотѣ, приписывали ему, какъ низверженіе Бирона, такъ и удаленіе отъ власти Миниха во время господства Брауншвейгской фамиліи, и всячески ухаживали за нимъ, стараясь переманить его на свою сторону.

Въ первомъ отношеніи они преувеличивали, если не умѣнье Остермана секретными путями устраивать перевороты, то число случаевъ, когда онъ примѣнялъ это умѣнье. Такимъ образомъ Бирона свергнулъ одинъ Минихъ, хотя не только Шетарди писалъ по этому случаю: «Вѣрный и смѣлый пріемъ, которымъ нанесенъ ударъ, можетъ быть только плодомъ и слѣдствіемъ политики и опытности графа Остермана»; но даже представитель Россіи въ Константинополѣ, Румянцевъ, объяснялъ въ письмѣ къ Остерману происшедшую переменъ «мудрыми поступками вашего сіятельства». Однако, какъ только Минихъ сдѣлался первымъ министромъ и устранилъ отъ внѣшней политики Остермана, назначивъ его, какъ бы въ насмѣшку, генераль-адмираломъ, то Шетарди тотчасъ пишетъ въ Парижъ: «Должно думать, что Остерманъ считаетъ себя въ настоящее время обезчещеннымъ на весь міръ человѣкомъ, если не выйдетъ изъ этого положенія посредствомъ паденія фельдмаршала». Такое предположеніе вполне оправдалось, и на этотъ разъ переворотъ совершенъ Остерманомъ даже не тайно, а открыто. Онъ уговорилъ правительницу Анну Леопольдовну удалить перваго министра, какъ назвалъ себя впервые въ Россіи Минихъ, и представилъ мотивомъ къ такой мѣрѣ «незнаніе фельдмаршаломъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ, что приноситъ большой вредъ государству». Тогда «оракулъ» сталъ не только душой кабинета, какъ прежде, но всесильнымъ, неограниченнымъ правителемъ Россіи. «Никогда Остерманъ не достигалъ такой высоты и могущества, какъ теперь,—писалъ Шетарди въ своей депешѣ 16 марта 1741 года:—можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что онъ въ дѣйствительности царь всей Руси». Но въ зенитѣ своей силы и славы оракулъ оставался только 9 мѣсяцевъ.

Что касается до ухаживанія иностранныхъ посланниковъ за Остерманомъ, то оно было вполне бесполезно. Ни лестью, ни аргу-

ментами, ни подкупами нельзя было повліять на ученика Петра Великаго. Финчъ въ своихъ депешахъ подтверждаетъ, что не только Остерманъ отказался отъ предложенной ему Фридрихомъ Великимъ пенсіи въ 50.000 рублей подъ предлогомъ пари, но не принялъ отъ англійскаго правительства обычной награды при заключеніи торговаго трактата между Россіей и Англійей, при чемъ гордо сказалъ, что «если посланникъ навяжетъ ему эти деньги по приказанію своего короля и съ разрѣшенія правительницы, то онъ сдѣлаетъ ему подарокъ соотвѣтственной стоимости». Это безкорыстіе несказанно изумило Финча, тѣмъ болѣе, что подписавшіе съ Остерманомъ трактатъ князь Черкасскій и графъ Головкинъ съ удовольствіемъ получили назначенныя имъ деньги. Одинаково не дѣйствовали на Остермана лести и аргументы: онъ постоянно и упорно руководился въ своей внѣшней политикѣ только завѣтомъ своего великаго учителя и настоящими интересами Россіи, или, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что онъ считалъ ея настоящими интересами.

Остерманъ, по словамъ Шетарди, былъ «вѣчно занятъ мыслью увеличить значеніе Россіи въ Европѣ и придать ей большую роль въ политическихъ дѣлахъ», а вся его политика основывалась на сохраненіи политическаго равновѣсія, согласнаго съ интересами Россіи. Съ этою цѣлью онъ при Екатеринѣ I присоединилъ Россію къ австро-испанской лигѣ для противодѣйствія англо-французскому союзу, а въ царствованіе Анны Иоанновны онъ возвысилъ вліяніе Россіи въ Европѣ, благодаря союзу съ Австріей. Не только по его внушенію Россія уничтожила всѣ усилія Франціи возвратить на польскій престолъ Станислава Лещинскаго и приняла сторону Августа III Саксонскаго, но послала въ помощь императору армию въ 20.000 человекъ на Рейнъ, подъ начальствомъ Ласси, что вынудило Францію поспѣшно заключить миръ съ Австріей. Затѣмъ, несмотря на мирныя стремленія своей политики, Остерманъ нашелъ нужнымъ совмѣстно съ Австріей начать войну противъ Турціи, и хотя ее пришлось окончить безъ большого успѣха, благодаря недостаточной поддержкѣ Австріи, но все-таки побѣды надъ турками возвысили престижъ Россіи въ Европѣ, гдѣ она, по словамъ Рондо, «начала говорить много и громко». Лучшимъ доказательствомъ этого факта служитъ то обстоятельство, что Англія, прежде отворачивавшаяся отъ союза съ Россіей, теперь сама его искала, и напротивъ Остерманъ упорно торговался съ нею, настаивая на выгодныхъ для Россіи условіяхъ, чего онъ въ концѣ концовъ и добился.

Во время краткаго господства Брауншвейгской фамиліи возникла въ Европѣ война за наслѣдство австрійскаго престола, и Остерманъ протянулъ руку помощи Маріи-Терезіи, противъ которой вооружилось столько враговъ, но ему помѣшали энергично дѣйствовать въ ея пользу союзъ, заключенный съ Пруссіей Минихомъ въ эпоху

его министерства, и война со Швеціей, которая была возбуждена интригами Пруссіи и Франціи. Измѣна въ этомъ случаѣ Фридриха Великаго была тѣмъ неприятели для Остермана, что онъ всегда велъ себя очень осторожно съ прусскимъ королемъ и, утвердивъ вмѣстѣ съ нимъ прагматическую санкцію, заранѣе составилъ съ согласія Фридриха планъ ея поддержки, что должно было увѣковѣчить его имя и оказать по его убѣжденію великую услугу Россіи. Неожиданное вторженіе Фридриха въ Силезію съ помощью Франціи, Испаніи, Саксоніи и Баваріи, что Остерманъ называлъ «грязною исторіей», разстроило его блестящій проектъ. Хотя онъ не унывалъ, заключилъ новый союзный трактатъ съ Англіей и, пользуясь побѣдами Ласси надъ шведами въ Финляндіи, сталъ принимать мѣры для оказанія дѣйствительной помощи Маріи-Терезіи, но онъ, видимо, началъ проявлять усталость и изнеможеніе. Въ откровенной бесѣдѣ со своимъ другомъ Финчемъ онъ даже высказалъ желаніе выйти въ отставку, поѣхать за границу и провести послѣдніе годы своей жизни въ Англии настоящимъ философомъ. «Но, по словамъ Бэна, спустя десять дней послѣ этой бесѣды Остермана арестовали, а до окончанія этого (1741) года онъ уже находился на пути, но не въ Англию, а въ Сибирь».

«Описаніе полночнаго государственнаго переворота», какъ называетъ Бэнъ придворную революцію, которая замѣнила на русскомъ престолѣ малолѣтняго Іоанна VI императрицей Елисаветой, а во главѣ русской политики поставила Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина вмѣсто Остермана, составляетъ самую блестящую и картинную главу въ англійской біографіи дочери Петра Великаго. Выводя на сцену свою героиню, авторъ очень рельефно рисуетъ ея характеристику и живо изображаетъ съ одной стороны немногочисленную группу ея сподвижниковъ, а съ другой правительницу Анну Леопольдовну съ ея придворною обстановкой. Кромѣ того, нѣсколькими бѣглыми, но яркими чертами онъ выясняетъ причину государственнаго переворота, совершеннаго быстро и легко одною женщиной съ нѣсколькими приверженцами и горстью солдатъ безъ кровопролитія, а какъ бы съ общаго согласія и къ общей радости всей страны.

Вторая дочь Петра Великаго и Екатерины, I, Елисавета родилась 2-го декабря 1709 года до официальнаго бракосочетанія своихъ родителей въ селѣ Коломенскомъ, близъ Москвы, въ тотъ самый день, когда ея отецъ торжественно вступилъ въ Кремль послѣ Полтавской побѣды. Съ дѣтства будущая императрица плѣняла всѣхъ своею красотой и живостью. Девяти лѣтъ, по желанію отца, она принимала участіе въ ассамблеяхъ и въ роскошныхъ, богатыхъ костюмахъ граціозно танцевала минуэтъ, кадрили и котильонъ, въ которомъ сама изобрѣтала новыя фигуры. Минихъ говорить въ своихъ запискахъ, что онъ видѣлъ ее впервые въ 12 лѣтъ,

и она «поразила его своею прекрасною, граціозною фигурой, хотя уже тогда склонною къ полнотѣ». Повидимому, Елисавета была одарена хорошими способностями, но воспитаніе ея было неумѣлое и беспорядочное. У отца не было времени заняться ея развитіемъ, а мать была для этого слишкомъ невѣжественна. Сначала она находилась на рукахъ своей русской нянюшки, а потомъ къ ней представили французскую гувернантку, г-жу Ленуаръ, которая, однако, не жила во дворцѣ, а приходила только для уроковъ. Попечителемъ ея и сестры Анны былъ Девьеръ, до его ссылки Меншиковымъ. Впослѣдствіи, кромѣ французскаго, она научилась языкамъ итальянскому, шведскому и нѣмецкому, на которыхъ говорила бѣгло, но не правильно. Еще Петру пришла въ голову мысль выдать ее замужъ за Людовика XV, который былъ съ нею одинаковыхъ лѣтъ, и онъ сообщилъ о своемъ планѣ регенту, принцу Орлеанскому, но тотъ отклонилъ это предложеніе. Также неудачны были переговоры объ этомъ предметѣ, возобновленные Екатериной, по вступленіи ея на престоль, хотя она предлагала отдать въ распоряженіе Франціи русскую армію и содѣйствовать возвращенію на польскій престоль Станислава Лещинскаго. Тогда Меншиковъ придумалъ бракъ съ герцогомъ Бурбонскимъ, но одинаково потерпѣлъ фіаско, а сама Елисавета отвергла предложенія двухъ жениховъ: Морица Саксонскаго и Фердинанда Курляндскаго.

Послѣ смерти матери, отъѣзда за границу сестры Анны, вышедшей замужъ за герцога Голштинскаго, и ссылки Меншикова начинается для Елисаветы печальная эпоха. Въ восемнадцать лѣтъ она осталась одна безъ всякаго руководства, родственной любви и сочувственнаго присмотра. При господствѣ Долгорукихъ въ царствованіе Петра II она подвергалась всякаго рода преслѣдованіямъ и бѣльшею частью жила далеко отъ двора въ подмосковныхъ деревняхъ, гдѣ находила удовольствіе въ сельскихъ забавахъ, охотѣ, ѣздѣ верхомъ, катаньѣ на конькахъ и т. д. Хотя при воцареніи Анны Иоанновны ее вернули ко двору, но она во все это царствованіе вела жизнь опальную, несмотря на то, что ей оказывали вышній почетъ. Зная, что императрица завидовала той громадной популярности, которою дочь Петра пользовалась во всѣхъ слояхъ населенія, и даже боялась ея, какъ возможной соперницы, она сама упорно ступенывалась и скромно, уединенно жила среди своего маленькаго двора, во главѣ котораго стояли Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, Александръ и Петръ Ивановичи Шуваловы, Михаилъ Иларіоновичъ Воронцовъ и докторъ Лестокъ. По мѣткому выраженію Соловьева, «10 лѣтъ предоставлено было Елисаветѣ жить однимъ чувствомъ, и потому неудивительно, что живая, блестящая, цвѣтущая красотой и жизнью царица легко подвергалась соблазну». Первымъ ея фаворитомъ былъ прапорщикъ семеновскаго полка, Алексѣй Шубинъ, ошибочно называемый Бэнномъ сержантомъ, но

императрица сослала его въ Сибирь, и Елисавета выразила свое горе въ стихахъ, замѣчательныхъ для того времени. Однако чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ горя она утѣшилась съ другимъ Алексѣемъ, именно Разумовскимъ, красивымъ сыномъ простаго казака и пѣвчимъ придворной церкви. «Вообще,—замѣчаетъ англійскій биографъ Елисаветы,—отношенія будущей императрицы къ ея второму фавориту, за котораго она впоследствии, повидимому, тайно вышла замужъ, дѣлаютъ болѣе чести обѣимъ сторонамъ, чѣмъ можно было ожидать въ виду обстоятельствъ».

Съ восшествіемъ на престолъ малолѣтняго Іоанна III положеніе Елисаветы измѣнилось. Чѣмъ болѣе шаткою становилась власть, и чѣмъ чаще производились насильственные перевороты, тѣмъ яснѣе была для всѣхъ та роль, которую могла рано или поздно разыграть любимая всею народомъ дочь Петра Великаго. Она представляла какъ бы безмолвный протестъ всей Россіи противъ ненавистнаго нѣмецкаго господства, и самъ Биронъ настолько это понималъ, что во время своего регентства ухаживалъ за Елисаветой, увеличилъ ея содержаніе и оказывалъ снисхожденіе ея приверженцамъ. О Минихѣ рассказывали, что послѣ его паденія онъ приблизился къ Елисаветѣ и колѣнопреклоненно предлагалъ ей свои услуги, но она будто бы отвѣчала: «ты ли тотъ, который корону даешь, кому хочешь? Я оную, ежели пожелаю, сама получить могу». Хотя Финчъ, со словъ мужа правительницы, принца Антона, вѣрилъ этому разсказу, какъ видно изъ его депешъ, но Соловьевъ фактически опровергаетъ его и знаменательно прибавляетъ: «Минихъ не ѣздилъ къ цесаревнѣ Елисаветѣ, но французскій посланникъ ѣздилъ». Этотъ французскій посланникъ былъ пресловутый маркизь Шетарди, портретъ котораго мастерски рисуетъ Бэнъ.

«Иохимъ-Жакъ-Тротти, маркизь де-ла-Шетарди,—говоритъ онъ,—получилъ спеціальное порученіе отъ кардинала Флѣри подвести тайный подкопъ подъ то правительство, при которомъ онъ состоялъ аккредитованнымъ, но онъ не былъ способенъ на такое тонкое, щекотливое дѣло. Благодаря своей представительной внѣшности, любезному обращенію и блестящему остроумію, онъ былъ образцомъ и зеркаломъ того общества, которое украшалъ своимъ присутствіемъ, и съ одинаковою щедростью бросалъ вокругъ себя золотые и каламбуры. Но онъ отличался чрезмѣрнымъ самолюбіемъ, ради котораго жертвовалъ дѣйствительностью призракамъ, и старательно охраняя пустыя прерогативы своего званія, считалъ серіознымъ дѣломъ мелочи, а мелочами серіозныя дѣла. Въ немъ не было недостатка въ мужествѣ и ловкости, но онъ походилъ строемъ своего ума на легкомысленнаго авантюриста и легко брался за самыя смѣлыя предпріятія, не разсчитавъ ихъ послѣдствій. Его дипломатическая дѣятельность была безконечнымъ рядомъ ошибокъ и, благодаря отсутствію всякаго благоразумія, онъ постоянно вводилъ въ заблужденіе свое

правительство. Конечно, въ большинствѣ случаевъ, онъ исполнялъ данную ему инструкцію, но нельзя не замѣтить, что мудрый слуга часто оказываетъ наибольшую пользу, не исполняя глупыхъ повелѣній своего правительства». Такому-то человѣку было поручено вести въ Петербургѣ хитрую интригу съ цѣлью возвести на престолъ Елисавету, не въ виду признанія ея правъ или сочувствія къ ней, но съ намѣреніемъ вернуть Россію въ ея прежнее полуварварское положеніе, такъ какъ этотъ легкомысленный дипломатъ и вѣрившій ему версальскій дворъ были убѣждены, что Елисавета, вступивъ на престолъ, окружить себя невѣжественными русскими, вернется въ Москву и сдѣлаетъ свою родину неопасною Европѣ.

Однако, съ первыхъ шаговъ этой интриги Шетарди могъ бы убѣдиться въ тщетности его расчетовъ. Онъ задумалъ совершить государственный переворотъ съ помощью шведовъ, которые дѣйствительно объявили войну Россіи и предлагали выставить поводомъ этой войны защиту правъ Елисаветы на престолъ, если она обяжется, сдѣлавшись императрицей, отдать имъ завоеванную Петромъ Великимъ часть Финляндіи. Но, несмотря на всѣ аргументы Шетарди и его тайнаго союзника, шведскаго посланника въ Петербургѣ, Нолькена, Елисавета отвѣчала съ истиннымъ патриотизмомъ, что она готова заключить со шведами вѣчный союзъ, но что она, какъ дочь Петра, никогда не уступитъ ни одной пяди земли, пріобрѣтенной его мечомъ и кровью ея соотечественниковъ. Насколько она была права, не опираясь на помощь шведовъ, доказали русскія побѣды надъ послѣдними, и, такимъ образомъ, ей приходилось рассчитывать только на себя. Конечно, она продолжала тайныя сношенія съ Шетарди и взяла у него взаймы 2.000 дукатовъ на необходимые расходы по смѣлому предпріятію, но, несмотря на все хвастовство Шетарди, увѣрявшаго впоследствии, что онъ посадилъ на престолъ Елисавету, легкомысленный французъ рѣшительно не принималъ никакого прямого участія въ событіи 24-го ноября 1741 года. Лучшимъ доказательствомъ этого факта служатъ его собственныя депеши: наканунѣ онъ писалъ, что хотя партія принцессы Елисаветы и не порожденіе фантазіи, какъ полагалъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Амело, но «онъ не можетъ, по справедливости, требовать, чтобы приступили къ открытымъ дѣйствіямъ, успѣхъ которыхъ, по совѣсти, никакъ не можетъ быть нравственно обезпеченъ, тѣмъ болѣе, что шведы не въ состояніи протянуть руку помощи», а въ депешѣ отъ 6-го декабря, увѣдомлявшей уже о вступленіи на престолъ Елисаветы, онъ откровенно сознается, что ничего не зналъ о переворотѣ и за нѣсколько часовъ до событія совѣтовалъ отложить его, на что, какъ будто, Елисавета и согласилась.

Долго медлила Елисавета, долго не рѣшалась на такой смѣлый шагъ, но наконецъ ее заставили дѣйствовать съ одной стороны

грозящія ей опасности и шаткое положеніе правительницы Анны Леопольдовны, съ другой—нетерпѣніе приверженныхъ ей гвардейскихъ полковъ и распоряженіе правительства объ ихъ удаленіи изъ Петербурга подъ предлогомъ войны со Швеціей. Анна Леопольдовна отличалась полною неспособностью достойно исполнять роль правительницы. По мѣткому выраженію Бэна, «смѣлая, суровая Анна Іоанновна могла дѣлать, что хотѣла, и усмирять всякую оппозицію, а мужественная, величественная Екатерина II могла ослѣплять народное воображеніе даже блескомъ своихъ недостатковъ, но Анна Леопольдовна не имѣла, кромѣ природной мягкости характера, ни одного качества, которое возбуждало бы уваженіе или восторгъ». Даже Финчъ, высказывавшій о ней лучшее мнѣніе, чѣмъ она заслуживала, признавалъ, что она была слишкомъ застѣнчива, или попросту дика, благодаря чему она страдала отъ исполненія своихъ государственныхъ обязанностей, рѣдко показывалась публично и каталась по городу преимущественно ночью. Остерманъ, который умѣлъ вліять на совершенно противоположныя натуры Екатерины I и Анны Іоанновны, не могъ ничего подѣлать съ тупой, надутой апатіей Анной Леопольдовою. Неудивительно, что всѣ сравнивали ее съ «чрезвычайно любезною и предупредительною», по выраженію Финча, Елисаветой, и ея непопулярность ежедневно росла, въ особенности въ виду ея скандальной связи съ саксонскимъ посланникомъ Линаромъ. Еще дѣвицей она питала слабость къ этому «необыкновенно хорошенькому юношѣ», какъ о немъ отзывался Рондо, и Анна Іоанновна, поспѣшно удаливъ его изъ Петербурга, выдала племянницу замужъ за принца Антона Брауншвейскаго, котораго Анна Іоанновна презирала, какъ «молокососа». До смерти Анны Іоанновны и паденія Бирона они кое-какъ уживались, но, сдѣлавшись правительницей, Анна Леопольдовна вернула Линара, женила его на своей приближенной фрейлинѣ Юліи Менгенъ и завела недостойное *menage à quatre*. Хотя она сама говорила, шутя, Елисаветѣ: «Вѣроятно, вскорѣ будутъ думать, что графъ Линаръ и Юлія Менгенъ сдѣлаются новыми герцогомъ и герцогиней Курляндскими», но на это многіе громко жаловались, опасаясь, что Россія не только попадетъ въ лапы новаго Бирона, но что дѣтямъ Линара достанется русскій престолъ.

Между тѣмъ, «искра Петра Великаго», какъ называлъ Елисавету Теофиль Лопатинскій, все болѣе и болѣе приобрѣтала популярность въ особенности среди гвардейскихъ солдатъ, дѣтей которыхъ она охотно крестила и тѣмъ давала имъ поводъ постоянно посѣщать ее, какъ свою куму. На этихъ гвардейцевъ она и рассчитывала, когда настанетъ удобная къ тому минута, для государственнаго переворота и говорила лицамъ, упрекавшимъ ее въ нерѣшительности: «Я знаю, вы упрекаете меня въ слабости, но я не измѣню своей крови и докажу, что я достойная дочь Петра Великаго». Однако она

также знала, что въ случаѣ неудачи ее ждало заточеніе въ монастырѣ, а этого она болѣе всего боялась, такъ какъ, по картинному выраженію Финча, «во всемъ ея тѣлѣ не было и унца монашеской плоти», а потому до послѣдней крайности переносила всѣ неприятности, старалась сохранить хорошія отношенія съ правительницей, держала себя при дворѣ очень смиренно и крестила ея дочь, Екатерину, при чемъ подарила ей дорогія серьги, а матери — золотую чашку съ драгоценными камнями. Только относительно Остермана, стоявшаго во главѣ правительства, она позволила себѣ разъ вспылить. Болѣе всѣхъ своихъ враговъ она ненавидѣла оракула, котораго упрекала въ неблагодарности къ дочери его благодѣтеля, Петра Великаго, и когда онъ не дозволилъ персидскому послу представиться ей на торжественной аудіенціи, а послалъ къ ней привезенные отъ шаха подарки черезъ графа Апраксина, то она гнѣвно произнесла: «Скажите графу Остерману: онъ мечтаетъ, что всѣхъ можетъ обманывать, но я знаю очень хорошо, что онъ старается меня унижать при всякомъ удобномъ случаѣ, и что по его совѣту приняты противъ меня мѣры, о которыхъ великая княгиня, по добротѣ своей, не подумала бы; онъ забываетъ, кто—онъ, и кто—я, забываетъ, чѣмъ онъ обязанъ моему отцу, который изъ писцовъ сдѣлалъ его тѣмъ, что онъ—теперь, но я никогда не забуду, что получила отъ Бога и на что имѣю право».

До этой вспышки Елисаветы Остерманъ презрительно относился къ ней и не считалъ ея опасною для правительства, а потому не поддерживалъ предложеній, заявленныхъ Линаромъ и австрійскимъ правительствомъ, изъ которыхъ первый совѣтовалъ подвергнуть ее допросу по поводу ея сношеній со Швеціей и заставить официально отречься отъ престола, а послѣднее настаивало, чтобы Елисавету объявили незаконною дочерью Петра и заточили въ монастырь. Съ своей стороны Анна Леопольдовна отказывалась отъ всего этого говоря: «Ни къ чему не послужить; развѣ нѣтъ чертенка (подразумѣвая герцога Голштинскаго, будущаго Петра III), который всегда будетъ мѣшать нашему спокойствію». Но послѣ оскорбительной выходки Елисаветы Остерманъ затаилъ злобу къ ней и, конечно, по его инициативѣ, добродушная, апатичная Анна Леопольдовна разыграла 23-го ноября 1741 г. драматическую сцену со своей двоюродною сестрой во дворцѣ, послѣ приѣма иностранныхъ пословъ, которыхъ она поразила своимъ взволнованнымъ видомъ.

Позвавъ Елисавету въ особую комнату, она воскликнула: «Что это, матушка, я слышала, что ваше высочество имѣете корреспонденцію съ непріятельскою арміей, и вашъ докторъ ѣздитъ ко французскому посланнику и съ нимъ факціи въ той же силѣ дѣлаютъ?» Елисавета горячо протестовала, увѣряя, что она знаетъ свой долгъ не нарушала присяги, принесенной императору, и не имѣла ни-

какихъ альянцевъ или корреспонденцій съ непріятелемъ отечества. Но правительница продолжала, что она намѣрена просить французскаго короля отозвать Шетарди, а до тѣхъ поръ Елисавета не должна принимать его въ своемъ домѣ. Великая княжна отвѣчала, что ей трудно это сдѣлать, такъ какъ можно отказать посланнику разъ или два, подъ предлогомъ, что ея нѣтъ дома, но нельзя этого сдѣлать въ третій разъ, тѣмъ болѣе, что наканунѣ онъ подѣхалъ къ ея дому въ ту минуту, какъ она, выскочивъ изъ саней, входила къ себѣ. Но правительница настаивала на этомъ, и тогда Елисавета сказала: «Почему вы не дѣйствуете болѣе простымъ путемъ: вы правительница и располагаете властью, такъ прикажите графу Остерману сказать маркизу Шетарди, чтобы онъ болѣе не посѣщалъ моего дома». Анна Леопольдовна возразила, что ни за что этого не сдѣлаетъ, не желая раздражать такихъ людей, какъ Шетарди, и подать поводъ къ жалобѣ, а Елисавета въ свою очередь сказала, что если графъ Остерманъ, будучи первымъ министромъ и имѣя повелѣніе правительницы, не можетъ сдѣлать чего либо подобнаго, то она, тѣмъ менѣе, можетъ рѣшиться на такой шагъ. Анна Леопольдовна оскорбилась такимъ сопротивленіемъ и приняла высокоумѣрный тонъ, а Елисавета, въ свою очередь, подняла голосъ, и они обѣ разстались до того раздраженныя, что всѣ придворные это замѣтили. Хотя Бэнъ увѣраетъ, что эта сцена кончилась примиреніемъ, слезами и поцѣлуями, но неизвѣстно, на чемъ онъ это основываетъ, такъ какъ въ разсказѣ Шетарди, который приводится Соловьевымъ и основанъ на словахъ Лестока, объ этомъ ничего не упоминается.

Какъ бы то ни было, на слѣдующій день послѣ этой сцены приказано было гвардіи готовиться къ походу въ Выборгъ противъ шведовъ, а такъ какъ шведская армія находилась тогда въ противоположной сторонѣ Финляндіи, то Елисавета поняла, что подъ этимъ предлогомъ хотѣли удалить изъ Петербурга вѣрныхъ ей гвардейцевъ и во время ихъ отсутствія арестовать ее. Долѣе колебаться было невозможно, и наступила минута для смѣлаго шага. Государственный переворотъ былъ совершенъ. Существуетъ много разсказовъ объ этомъ событіи, не говоря о краткихъ отзѣвахъ, какъ въ депешѣ Финча, но, по справедливому замѣчанію Бэна, самый правильный разсказъ Соловьева, самый картинный Костомарова, хотя нѣкоторыя изъ приводимыхъ имъ мелкихъ подробностей апокрифичны, самый ненадежный Манштейна и самый подробный Шетарди, который цитируется Соловьевымъ, и вообще вѣрно передаетъ факты, хотя отличается чрезумѣрнымъ хвастливымъ всезнаніемъ. Собственно у Шетарди не одинъ разсказъ, а цѣлыхъ семь: въ депешѣ къ Амело, въ донесеніи королю, въ реляціи о революціи, происшедшей въ Россіи 24 ноября 1741 года, въ краткой реляціи о томъ же, въ реляціи о возведеніи на пре-

столь Елисаветы, въ письмѣ къ французскому агенту въ Швеци, Мондамеру, и въ документѣ, озаглавленномъ «27 декабря получено съ курьеромъ отъ де-ла-Шетарди слѣдующее донесеніе». Всѣ эти рассказы въ главныхъ чертахъ сходны, но въ каждомъ изъ нихъ встрѣчаются различныя подробности. Кромѣ того, въ «Сборникѣ русскаго историческаго общества» (томъ 36-й) прежде депешъ Шетарди напечатано счень характерное и наивное письмо о государственномъ переворотѣ его дворецкаго къ своей дочери. Наконецъ, существуетъ еще рассказъ Васильчикова въ его книгѣ «Семейство Разумовскихъ», но онъ не сообщаетъ ничего новаго. Надо отдать справедливость Бэну, что онъ мастерски резюмируетъ всѣ эти рассказы и представляютъ общую рельефную картину государственнаго переворота. Однако къ ней можно еще прибавить, собственно для характеристики участія въ этомъ событіи хвастливаго Шетарди, нѣсколько чертъ изъ, повидимому, неизвѣстнаго Бэну дневника Моранбера, состоявшаго при французскомъ посольствѣ; этотъ дневникъ хранится въ архивѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, и отрывокъ изъ него приведенъ Альфредомъ Рамбо въ *Recueil des instructions*¹⁾. Такимъ образомъ, тщательно сравнивъ всѣ эти матеріалы и дополнивъ ихъ другъ другомъ, мы получаемъ полное и вѣрное понятіе о томъ, какъ вступила на престолъ дочь Петра Великаго.

По словамъ Соловьева, а за нимъ Бэна, Елисавета въ 11 часовъ вечера 24 ноября, когда былъ объявленъ приказъ о приготвленіи гвардіи къ походу, собрала на совѣтъ своихъ ближайшихъ друзей: Алексѣя Разумовскаго, Воронцова, Александра и Петра Шуваловыхъ, доктора Лестока и ея стараго учителя музыки Шварца. Всѣ они совѣтовали ей совершить въ эту ночь государственный переворотъ съ помощью гвардейцевъ, а когда она стала указывать на опасности этого предпріятія, то Воронцовъ воскликнулъ: «Подлинно, это дѣло требуетъ немало отважности, которой не сыскать ни въ комъ, кромѣ крови Петра!» Эти слова подстрекнули Елисавету, и она послала Лестока за двадцатью вѣрными ей солдатами гренадерской роты Преображенскаго полка. Такимъ образомъ, починъ государственнаго переворота принадлежалъ Елисаветѣ по совѣту ея друзей. Но хотя въ однихъ своихъ рассказахъ Шетарди подтверждаетъ этотъ фактъ, но въ другихъ, именно, въ донесеніи королю, въ документѣ, озаглавленномъ «27 декабря получено и т. д.», и въ письмѣ къ Мондамеру онъ увѣряетъ, что гренадеры сами явились къ Елисаветѣ и заявили, что въ виду похода нельзя было откладывать далѣе государственнаго переворота, и что если она не рѣшится сама дѣйствовать, то они поведутъ ее силой во дворецъ.

¹⁾ *Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France en Russie. Par A. Rambaud. Tome premier, page 367.*

Быть можетъ, Шетарди указывалъ на эту побудительную причину для неожиданнаго совершенія Елисаветой смѣлаго шага, чтобы объяснить свое неучастіе въ немъ, но при тогдашнихъ порядкахъ въ солдатскомъ починѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго, и даже Соловьевъ какъ бы старается примирить обѣ инициативы—и Елисаветы и солдатъ. Такъ, по его словамъ, приведенные Лестокомъ, гренадеры «сами первые объявили Елисаветѣ, что должны выступить въ походъ и потому не будутъ болѣе въ состояніи служить ей, и она останется въ рукахъ своихъ непріятелей, такъ нечего терять время».

Какъ бы то ни было, гренадеры явились къ Елисаветѣ и на вопросъ ея, можетъ ли она на нихъ положиться, отвѣчали, что готовы умереть за нее. Затѣмъ она удалила ихъ изъ комнаты и стала горячо молиться передъ образомъ Спасителя, при чемъ дала обѣтъ въ случаѣ вступленія на престолъ никогда не подписывать ни одного смертнаго приговора. Взявъ крестъ, она снова вышла къ солдатамъ и сказала: «Если Богъ явитъ намъ и всей Россіи свою милость, то я не забуду вѣрности вашей, а теперь ступайте, соберите роту, во всякой готовности и тихости, а я тотчасъ за вами приѣду». Дѣйствительно, во второмъ часу ночи Елисавета еще помолилась, надѣла, по словамъ Соловьева, кирассу на свое платье, а по словамъ Бэна и Шетарди, кольчугу подъ платье, сѣла въ сани и поѣхала въ Преображенскій полкъ. Сопровождали ее, согласно большей части указанныхъ матеріаловъ, Воронцевъ, Лестокъ и Шварцъ, и только Бэнъ неизвѣстно на основаніи чего говорить, что въ ея свитѣ былъ еще одинъ изъ Шуваловыхъ. Впрочемъ графъ А. Р. Воронцовъ въ его «Notes sur ma vie»¹⁾ увѣряетъ, что даже Лестокъ былъ посланъ куда-то по важному дѣлу, и одинъ М. И. Воронцовъ сопровождалъ будущую императрицу. Во всякомъ случаѣ Разумовскій остался дома, чтобы присмотрѣть за порядкомъ. Прибывъ въ казармы, въ сопровожденіи большаго или меньшаго числа своихъ сподвижниковъ, Елисавета нашла въ сборѣ около 200 человекъ, приказала прорвать всѣ барабаны, чтобы нельзя было забыть тревоги, и сказала, обращаясь къ солдатамъ: «Ребята, вы знаете, чья я дочь! Я рѣшилась сегодня ночью освободить васъ отъ нѣмецкихъ мучителей. Пойдите вы за мною?» Отвѣтомъ ей былъ общій крикъ: «Матушка, мы готовы; мы переедемъ всѣхъ нѣмцевъ!» Но Елисавета возразила: «Нѣтъ, ребята, если вы дотронетесь до нихъ рукой, то я не пойду съ вами, я не хочу кровопролитія. Будемъ только думать о томъ, чтобы сдѣлать наше отечество счастливымъ». Затѣмъ она сняла съ себя крестъ, встала на колѣни и произнесла: «Клянусь умереть за васъ, клянетесь ли умереть за меня?» Солдаты и офицеры отвѣ-

¹⁾ «Notes sur ma vie», par A. R. Voronzooff. Воронцовскій архивъ. Томъ V.

чали: «клянемся». Когда же одинъ изъ офицеровъ, повидимому, колебался принять присягу, и какой-то солдатъ прицѣлился въ него, то Елисавета отвела кверху дуло ружья и сказала: «Я его знаю, онъ пойдетъ впереди всѣхъ». Дѣйствительно, офицеръ обнажилъ саблю и объявилъ, что онъ готовъ пролить за нее свою кровь до послѣдней капли.

Изъ казармы Елисавета отправилась въ сопровожденіи солдатъ и офицеровъ во дворецъ. Сначала она поѣхала въ саняхъ, а, приближаясь ко дворцу, пошла пѣшкомъ для избѣжанія шума, но не могла поспѣть за солдатами, и они понесли ее на рукахъ. Шетарди увѣряетъ въ одномъ изъ своихъ разсказовъ, что Елисавета по дорогѣ заѣхала къ нему и велѣла сказать, что «она вступила на путь славы», и этотъ фактъ повторяетъ Вандаль въ своей книгѣ «Людовикъ XV и Елисавета», но онъ не подтвержденъ другими очевидцами, и даже дворецкій Шетарди не упоминаетъ объ этомъ посѣщеніи Елисаветы, что, конечно, онъ непременно бы сдѣлалъ, еслибы оно дѣйствительно произошло. Онъ же только говоритъ: «Я видѣлъ въ 2 часа ночи 400 гренадеръ лейбъ-гвардіи, во главѣ которыхъ находилась прекраснѣйшая и милостивѣйшая изъ государынь; она одна твердою поступью, а за ней и ея свита отправились ко дворцу». Такимъ образомъ, можно утвердительно сказать, что ночной визитъ къ Шетарди былъ просто вымысломъ хвастливаго француза, который въ эту ночь игралъ очень постыдную роль, что подтверждаютъ слѣдующія слова Моранбера: «Во время революціи Шетарди былъ очень взволнованъ; онъ предвидѣлъ, что если это предпріятіе не удастся, то онъ погибнетъ и даже потеряетъ жизнь самъ и всѣ въ его домѣ. Спрятавшись за занавѣсами окна, онъ смотрѣлъ, что дѣлалось на улицѣ, а во всемъ домѣ приказалъ запереть двери, потушить огонь и слугамъ быть наготовѣ. Только когда все кончилось, онъ отворилъ свой домъ и поѣхалъ поздравить императрицу».

Въ Зимнемъ дворцѣ солдаты спали въ караульнѣ, когда туда явилась Елисавета: «Вставайте, ребята, и выслушайте меня!—воскликнула она:—вы знаете, кто я, и что престоль принадлежитъ мнѣ по праву. Готовы вы служить мнѣ, какъ служили отцу моему и вашему?» Солдаты отвѣчали: «Матушка, давно мы этого ожидали, и что велишь, все сдѣлаемъ». Но офицеры, какъ будто, колебались, и Елисавета велѣла арестовать ихъ, потомъ она распорядилась занять гренадерами всѣ выходы и входы дворца, а сама во главѣ остального отряда пошла въ спальную правительницы. Часовые у дверей не выказали ни малѣйшаго сопротивленія, и Елисавета, подойдя къ кровати, на которой Анна Леопольдовна спала, сказала: «Сестрица, пора вставать». Правительница съ удивленіемъ открыла глаза и воскликнула: «Какъ это вы, сударыня?» Но, увидавъ въ открытыя двери гренадеръ, она

поняла, въ чемъ дѣло, и просила Елисавету не дѣлать зла ни ей ни дѣтямъ и не разлучать ее съ другомъ, Юліей. Елисавета успокоила ее и сама отвезла ее въ саняхъ въ свой дворецъ. Въ другихъ же саняхъ отвезли туда фрейлину Менгенъ и двухъ дѣтей Анны Леопольдовны. Увидавъ маленькаго императора, Елисавета взяла его на руки, поцѣловала и сказала: «Бѣдное дитя, ты вовсе невинно; твои родители виноваты». Эту послѣднюю сцену Бэнъ рассказываетъ нѣсколько иначе. Именно, по его словамъ, Елисавета взяла на руки обоихъ дѣтей Анны Леопольдовны, обоихъ поцѣловала, и ея слова относились къ обоимъ. Но трудно сказать, на чемъ онъ основываетъ свой рассказъ, такъ какъ во всѣхъ указанныхъ имъ матеріалахъ, между прочимъ у Соловьева и Шетарди, говорится только объ одномъ свергнутомъ императорѣ.

Между тѣмъ, Елисавета разослала во всѣ стороны офицеровъ и солдатъ, чтобы арестовать приверженцевъ прежняго правленія и пригласить во дворецъ всѣхъ знатныхъ особъ, на содѣйствіе которыхъ она могла рассчитывать. Ея враги были спокойно арестованы безъ малѣйшаго кровопролитія, и только солдаты нѣсколько помяли Миниха и Остермана, которые непочтительно выразились объ Елисаветѣ. Что касается до друзей новой императрицы, то первымъ явился къ ней фельдмаршалъ Ласси, который отвѣчалъ на вопросъ посланнаго къ нему офицера, къ чьей партіи онъ принадлежитъ: «Къ той, которая въ силѣ». Немедленно Елисавета созвала совѣтъ и поручила Алексѣю Бестужеву-Рюмину, князю Черкасскому и Бреверну, секретарю Остермана, быстро перешедшему на сторону враговъ своего благодѣтеля, написать манифестъ объ ея восшествіи на престолъ. Въ 8 ч. утра все было готово. Елисавета надѣла Андреевскую ленту и приняла поздравленія всего двора, а затѣмъ она вышла на балконъ, несмотря на страшную стужу, чтобы показаться народу, который привѣтствовалъ ее громкими, радостными криками. Наконецъ, въ три часа дня, новая императрица торжественно переѣхала въ Зимній дворецъ, и тамъ въ церкви послѣ молебна ей присягнули всѣ военные и гражданскіе чины.

Такъ дочь Петра Великаго вступила на русскій престолъ, который, по словамъ дворецкаго Шетарди, «никогда не казался столь блестящимъ, какъ съ той минуты, какъ Елисавета появилась на немъ». Этотъ скромный, но наблюдательный очевидецъ государственнаго переворота оригинально оканчиваетъ свой рассказъ о немъ словами: «еслибъ я благоразумно не принялъ предосторожности и не поцѣловалъ наканунѣ два раза руку императрицы, то мнѣ не видать бы этого благополучія, такъ какъ теперь всѣ бросаются къ этой красивой и вкусной рукѣ; право, я боюсь, что ее съѣдятъ».

II.

Безкровная, придворная революція 24 ноября 1741 года, хотя не обошлась безъ жертвъ, но Елисавета сдержала обѣтъ, данный въ памятную ночь, не подписывать ни одного смертнаго приговора, и никто изъ ея враговъ не былъ казненъ, никто даже не былъ подвергнутъ пыткамъ. Брауншвейгскую семью она сначала хотѣла отослать на ея родину, но потомъ изъ боязни интригъ заточила въ Ригѣ, потомъ въ Динамюнде, Раненбургѣ и наконецъ въ Холмогорахъ. Главные дѣятели регентства: Остерманъ, Минихъ, Головкинъ, Левенвольде, Менгенъ и др., были сосланы въ Сибирь. «Если,—замѣчаетъ Финчъ,—влачить несчастное существованіе въ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири можетъ показаться этимъ несчастнымъ болѣе желательною судьбой, чѣмъ скорая смерть, то они обязаны ею исключительно ея величеству, потому что тѣ, которые судили ихъ, настаивали на смертномъ приговорѣ».

Разсчитавшись съ прошедшимъ, Елисавета открыла новую страницу русской исторіи. По словамъ Бэна, «эта тридцати-двухлѣтняя, по природѣ лѣнливая и преданная удовольствіямъ, женщина оказалась неожиданно и въ очень критическое время во главѣ громадной имперіи безъ малѣйшей подготовки и при полномъ отсутствіи всякихъ знаній. Но по счастію для Россіи она, при всѣхъ своихъ недостаткахъ и слабостяхъ, была недюжинною личностью и во многихъ отношеніяхъ достойною дочерью Петра Великаго. Своей добротой, разсудительностью и любезнымъ обращеніемъ она, конечно, была обязана своей матери, но знаніе человѣческой натуры, здравый смыслъ и замѣчательный тактъ она наслѣдовала отъ отца. То, что нетерпѣливые современники называли ея нерѣшительностью и безпечностью, было результатомъ осторожной медлительности и здраваго обдумыванія обстоятельствъ въ критическія минуты. Прибавьте къ этому, что она заботилась болѣе всего о благѣ своей излюбленной родины и всегда была готова жертвовать пристрастіями женщины ради интересовъ государыни, а потому нельзя не признать, что Россія хорошо сдѣлала, вручивъ свою судьбу дочери Петра Великаго».

Но не такъ думали тогда европейскіе дипломаты. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Амело, несмотря на господствовавшее вліяніе Шетарди при дворѣ Елисаветы, считалъ, что ея царствованіе означало конецъ величія Россіи, и что, предоставленная управленію русскихъ, не отличавшихся талантами, она впадетъ въ прежнее варварское состояніе. Конечно, это мнѣніе врага Россіи, содѣйствовавшаго происшедшему перевороту лишь съ цѣлью ея униженія, можно заподозрѣть въ пристрастіи, но вотъ что писалъ Финчъ за нѣсколько мѣсяцевъ до переворота, когда онъ вполнѣ сочувствовалъ Россіи и ея тогдашнему правительству: «Невзирая

на все старанія, употребленныя на приведеніе Россіи въ настоящее положеніе, которое такъ близко связало ее съ остальною Европой и придало ей такой вѣсъ въ европейскихъ дѣлахъ, я признаюсь, усматриваю въ ней только грубую модель чего-то, что предполагается усовершенствовать со временемъ, модель, въ которой составныя части не сложены, не пригнаны одна къ другой, не спаяны, а только наскоро подперты сначала одною подпоркой, а потомъ другою, и стоить только отнять подпорку, какъ все немедленно рушится. Первою подпоркой былъ Петръ Великій, а второю въ настоящее время служить графъ Остерманъ». Когда эта подпорка исчезла безвозвратно, то Финчъ писалъ о лицахъ, замѣнившихъ Остермана: «Новые совѣтники, еслибы даже дружно дѣйствовали, не достойны своего положенія, а они ссорятся и разбились на партіи; ея величество, конечно, имѣетъ очень дурное понятіе объ ихъ головахъ и еще худшее объ ихъ сердцахъ». Въ другой депешѣ въ январѣ 1742 года онъ же замѣчаетъ «теперешнее правительство сырое, слабое, неопытное и, что всего хуже, подкупное».

Если въ то время Финчъ, ярый приверженецъ Брауншвейгской семьи, смотрѣлъ на новое царствованіе съ естественнымъ предубѣжденіемъ, то нельзя сказать того же о Пецольдѣ и главное Шетарди, а они также выражали недовольство новыми порядками, хотя съ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Пецольдъ въ своихъ депешахъ отъ 1742 и 1743 годовъ говоритъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ живу въ Россіи, я не видѣлъ такого всеобщаго броженія въ дѣлахъ, какъ въ настоящее время... Сенатъ дѣйствуетъ такимъ образомъ, что если это продлится нѣсколько времени, то отъ самодержавія останется лишь тѣнь... Здѣсь происходитъ «Bellum omnium adversus omnes»... Императрица ничего не знаетъ объ одной половинѣ государственныхъ дѣлъ, а о другой получаетъ свѣдѣнія неполныя и позднія. Да и сама она обнаруживаетъ такъ мало желанія знать о дѣлахъ, что нерѣдко проходятъ цѣлыя недѣли, прежде чѣмъ она удосужится выслушать самый короткій докладъ, или подписать свое имя; нѣтъ ни одного дѣла даже важнѣйшаго, котораго она не отложила бы ради какого нибудь пустого препровожденія времени... Причина продолжающихся во всѣхъ дѣлахъ беспорядковъ, неурядицъ и медленностей зависитъ отъ характера монархини. По самому темпераменту она такъ увлекается удовольствіями, что о правительственныхъ дѣлахъ не можетъ слушать безъ скуки, и даже по самымъ неотлагательнымъ дѣламъ министрамъ приходится являться по нѣскольку разъ. Отъ этого происходитъ, что если императрица разъ какъ нибудь довѣрилась и напала на достаточно смѣлаго человѣка, то для облегченія себя она позволяетъ ему распоряжаться совершенно по его усмотрѣнію» ¹⁾.

¹⁾ Сборникъ Р. И. Об. Томъ 6.—Донесенія Пецольда.

«истор. вѣстн.»; августъ, 1900 г., т. LXXXI.

Такъ же рѣзко отзывался о новомъ правительствѣ послѣ семимѣсячнаго его существованія Шетарди. «Популярность Елисаветы, по его словамъ, уменьшилась, и ее замѣнило недовольство, которое не сдерживается страхомъ, какъ въ предыдущее царствованіе, но которому даетъ свободный просторъ дурно понятая и опасная въ этой странѣ доброта. Царица выказываетъ милосердіе, гдѣ не слѣдуетъ, и ради легкомысленной надежды обезсмертить себя жертвуетъ интересами здоровой политики. Она не обращаетъ вниманія на совѣты самыхъ преданныхъ ей людей и потому ли, что легкомысліе дѣлаетъ ее неспособною на что либо серьезное, или по слабости характера, думаетъ лишь объ удовольствіи, но исполняетъ все, что говорятъ ей министры, благо бы ее освобождали отъ работы. Ее предупреждали съ начала царствованія, чтобы она не давала простора зависти и ревности высокопоставленныхъ особъ; но она дѣйствуетъ совершенно противоположно и по небрежности допускаетъ борьбу партій при своемъ дворѣ. Впрочемъ, если царица хочетъ погубить себя вмѣсто того, чтобы, слушаясь благихъ совѣтовъ, прославить свое царствованіе, то ее нечего сожалѣть»¹⁾).

Взглянемъ теперь на дѣйствительное положеніе дѣлъ при дворѣ и въ дипломатическомъ мірѣ въ первые годы царствованія дочери Петра. Удаливъ своихъ враговъ, щедро одаривъ приверженцевъ и вернувъ изъ ссылки жертвъ предыдущихъ правительствъ, Елисавета уничтожила прежнюю кабинетную систему, возстановила административный сенатъ, какъ онъ былъ при Петрѣ, и назначила на высшія должности исключительно русскихъ людей. Затѣмъ она короновалась въ Москвѣ 25 апрѣля 1742 года и, вызвавъ въ Россію своего племянника, герцога Голштинскаго, Петра Феодоровича, объявила его наслѣдникомъ престола.

Между тѣмъ при дворѣ происходила ожесточенная борьба трехъ партій, оспаривавшихъ власть другъ у друга. Первая изъ этихъ партій, такъ называемая старая русская, находилась подъ главенствомъ князя Алексѣя Михайловича Черкаскаго, который сохранилъ при новомъ правительствѣ должность великаго канцлера, данную ему послѣ паденія Бирона. Этотъ, по выраженію Бэна, «тупой, неповоротливый, старый эпикуреецъ съ узкими взглядами, не знавшій иностранныхъ языковъ и пользовавшійся своимъ официальнымъ положеніемъ для увеличенія уже и то огромнаго состоянія», былъ, однако, «настоящимъ русскимъ человекомъ», какъ признаетъ и Шетарди. Поэтому Соловьевъ совершенно правильно замѣчаетъ, что «князь Черкасскій, хотя неспособный, лѣнивый старикъ, подъ конецъ своей жизни заглаживалъ свои старые грѣхи (дружбу съ Бирономъ) и твердо

¹⁾ Сборникъ Р. И. Об. Томъ 100, стр. 278—285. Денеша Шетарди отъ 12 іюля 1742 г.

стоялъ за русскіе интересы». Но въ сущности онъ былъ только номинальнымъ главою своей партіи, а ея душой состоялъ его зять, князь Никита Трубецкой, который ненавидѣлъ иностранцевъ и въ особенности Лестока. Конечно, нельзя заподозрѣть Шетарди въ пристрастіи къ нему, а, по словамъ французскаго посланника, «Трубецкой безмѣрно уменъ, ловокъ, трудолюбивъ, умѣетъ всѣми средствами обходить царицу и знаетъ искусство интриги до самыхъ тончайшихъ его мелочей, при томъ безгранично самолюбивъ и жестокъ. Онъ пользовался милостью и довѣріемъ Елисаветы, благодаря своему усердію, внѣшнему добродушію, умѣнью забавлять ее любезною, остроумною бесѣдой и самонадѣяннымъ, рѣшительнымъ тономъ, который на нее вліялъ». Такъ какъ мнѣніе Бэна о князѣ Черкасскомъ служить отголоскомъ этихъ словъ Шетарди, то онъ очевидно руководствовался ими, хотя и не ссылается на нихъ. Соловьевъ приводитъ такой же враждебный Черкасскому отзывъ, хотя не Шетарди, а Пецольтда, но признаетъ его «даровитымъ, дѣятельнымъ человѣкомъ».

Вторая партія была иностранная, и во главѣ ея стояли Шетарди и Лестокъ. О личности перваго и его роли въ государственномъ переворотѣ, доставившемъ престолъ Елисаветѣ, уже достаточно сказано. Въ началѣ ея царствованія онъ пользовался необыкновеннымъ почетомъ, и, по словамъ Финча, «Елисавета выказывала ему полное довѣріе и никого, повидимому, такъ не слушалась, какъ его». «Если первый поклонъ въ Петербургѣ ея величеству, то второй Шетарди,—прибавляетъ онъ:—его отмѣчаютъ всячески, и, быть можетъ, онъ держится болѣе, чѣмъ одною нитью». Послѣдній намекъ Финчъ подчеркиваетъ еще въ другой депешѣ, говоря: «Шетарди теперь первый совѣтникъ, первый министръ и во всѣхъ отношеніяхъ новый герцогъ Курляндскій». Но Пецольтъ прямо утверждаетъ: «Большія отличія, которыми государыня жалуетъ маркиза Шетарди, наводятъ нѣкоторыхъ людей на мысль, что въ этомъ случаѣ имѣютъ мѣсто болѣе близкія отношенія. Но я навѣрно знаю, что всѣ эти толки сильно преувеличены, хотя онъ самъ подаетъ къ нимъ поводъ, и мнѣ по этому случаю рассказывали нѣсколько анекдотовъ, не совсѣмъ удобныхъ для сообщенія въ письмѣ». Тотъ же Пецольтъ увѣряетъ, что «причина той важной роли, которую играетъ Шетарди, заключается въ мнѣніи, какое онъ вселилъ государынѣ, будто бы онъ болѣе всѣхъ содѣйствовалъ ея восшествію на престолъ»,—и прибавляетъ саркастически,—«впрочемъ другіе полагаютъ, что государынѣ нравится манера шутить, и въ этомъ видятъ единственное обстоятельство, могущее поддержать его въ ея мнѣніи».

Какъ бы то ни было, Шетарди былъ первымъ человѣкомъ при дворѣ Елисаветы въ началѣ ея царствованія, и если можно сравнить кого либо съ нимъ по внѣшнему значенію, то лишь одного Ле-

стока, его друга и союзника, пожалованнаго титуломъ графа. «Не подлежить сомнѣнію,—говоритъ Пецольдъ:—что Лестоку имѣеть громадное вліяніе на государыню: онъ докладываетъ и проводитъ дѣла, въ которыя никто другой не рѣшился бы вмѣшаться». А по словамъ Финча, «всѣ завидуютъ новому тайному совѣтнику Лестоку, и онъ дѣйствительно первый, главный совѣтникъ царицы, которая, повидимому, ничего не дѣлаетъ безъ его содѣйствія и одобренія. Онъ этимъ ужасно хвастается и постоянно говоритъ: я предложилъ, я приказалъ». Конечно, Шетарди возносить до небесъ своего соотечественника, приписываетъ ему всякаго рода добродѣтели, называетъ его вѣрнымъ другомъ, честнымъ человѣкомъ, искреннимъ, чистосердечнымъ французомъ и увѣряетъ, что онъ всегда говоритъ правду Елисаветѣ, которая это знаетъ и потому никогда не удалитъ его, несмотря на всѣ старанія враговъ. Но портретъ Лестока, рисуемый Бэномъ, изображаетъ совершенно иначе и вполнѣ справедливо этого ловкаго авантюриста, котораго Иванъ Лопухинъ вполнѣ охарактеризовалъ двумя словами «проворная каналья».

Сынъ французскаго доктора, протестанта, который послѣ отмены Нантскаго эдикта искалъ убѣжища въ Ганноверѣ, Арманъ Лестоку, пошелъ по слѣдамъ отца и сдѣлался врачомъ. Въ 1713 году онъ отправился искать счастья въ Россію, гдѣ Петръ Великій обратилъ на него вниманіе и сдѣлалъ его своимъ придворнымъ докторомъ. Но веселый кутила и неосторожный болтунъ, особенно въ пьяномъ видѣ, Лестоку заслужилъ неудовольствіе Петра и былъ сосланъ въ Казань, откуда онъ вернулся въ Петербургъ только при Екатеринѣ I, которая назначила его докторомъ къ своей дочери Елисаветѣ. Послѣдней онъ дѣйствительно преданно служилъ и даже рисковалъ ради нея жизнью, такъ какъ отличался смѣлостью и пыломъ настоящаго авантюриста. Но у него не было солидныхъ качествъ государственнаго человѣка, а чрезмѣрныя награды, которыми осыпала его императрица за услуги, оказанныя ей во время государственнаго переворота, вскружили ему голову; онъ вообразилъ, что интригами и нахальствомъ можно достойно разыграть первую роль въ государствѣ, и легкомысленно погрузился въ политическій водоворотъ, частью изъ любви къ сильнымъ ощущеніямъ, а частью для пополненія своего пустого кармана. «Еслибы,—замѣчаетъ Бэнъ,—Елисавета была менѣ умна и разсудительна, то этотъ пустой, развратный сорви-голова могъ бы оказать много вреда, потому что въ качествѣ доктора онъ имѣлъ къ ней доступъ во всякое время дня и ночи, но императрица вполнѣ понимала характеръ этого человѣка, и если его веселыя выходки забавляли ее, то его политическое вліяніе никогда не было такъ велико, какъ полагали современники».

Однако иностранные послы очень ухаживали за Лестокомъ, и онъ получалъ пенсію, какъ отъ французскаго, такъ и отъ англій-

скаго правительствъ: первая равнялась 15.000 ливровъ, а послѣдняя 600 фунтовъ стерлинговъ. Кромѣ того, англійскій посланникъ игралъ съ нимъ въ карты по цѣлымъ ночамъ и проигрывалъ ему большія суммы. Такимъ образомъ ловкій, веселый французъ велъ разомъ двѣ интриги и служилъ въ одно и то же время двумъ иностраннымъ правительствамъ, кромѣ русскаго, на официальной службѣ котораго онъ состоялъ. При этомъ онъ умѣлъ оказывать всѣмъ дѣйствительныя услуги, и, на примѣръ, англійскій посланникъ Вичъ, замѣнившій Финча, писалъ своему министру Картрайту: «Лестокуъ получаетъ отъ Франціи пенсію, но я долженъ отдать ему справедливость, что онъ мнѣ очень полезенъ».

Къ партіи Шетарди и Лестока принадлежало немало русскихъ, въ томъ числѣ камергеръ М. И. Воронцовъ, близкій человѣкъ къ императрицѣ, женатый на двоюродной ей сестрѣ, графинѣ Скавронской, и участникъ государственнаго переворота. Бэнъ считаетъ Воронцова «однимъ изъ немногихъ чистыхъ и благородныхъ людей при русскомъ дворѣ», но прибавляетъ, что «онъ не отличался блестящими способностями и былъ очень застѣнчивъ». Онъ поддерживалъ Шетарди и Лестока, потому что вмѣстѣ съ ними содѣйствовалъ возведенію на престолъ Елисаветы и считалъ ихъ преданными ей людьми. Что касается до другихъ сторонниковъ этой партіи: генерала Румянцева, Бутурлина, пользовавшагося нѣкогда особенными милостями императрицы, Ушакова, начальника тайной канцеляріи, Елагина, Юсупова и т. д., то они, конечно, изъ личныхъ интересовъ группировались вокругъ тогдашнихъ временщиковъ. Фаворитъ же Разумовскій велъ себя совершенно скромно, сдержанно и хотя жилъ во дворцѣ, но не вмѣшивался ни въ какія дѣла или интриги, а потому не принадлежалъ ни къ какой партіи.

Третья партія была образована братьями Бестужевыми, которые сначала ловко пользовались поддержкой то одной, то другой изъ враждебныхъ имъ партій и въ концѣ концовъ взяли верхъ надъ ними. Глава ея, Михаилъ Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, былъ вызванъ Елисаветой изъ Стокгольма, гдѣ онъ занималъ постъ представителя Россіи, и назначенъ оберъ-гофмаршаломъ. Этотъ старый опытный дипломатъ получилъ воспитаніе за границей, а затѣмъ въ продолженіе сорока лѣтъ служилъ посланникомъ въ Англии, Голландіи, Гамбургѣ, Пруссіи и Швеціи, что, кромѣ знанія внѣшней политики, дало ему еще чрезвычайно достойную, представительную внѣшность. Къ этой партіи принадлежали адмиралъ Головинъ, связанный съ Бестужевыми старинною дружбой и одинаковою склонностью къ Англии, князь Куракинъ и князь Голицынъ, ненавидѣвшіе князя Трубецкого, но главною его силой были второй Бестужевъ, Алексѣй Петровичъ, который, сдѣлавшись вице-канцлеромъ, сталъ преемникомъ Остермана. Этотъ замѣчательный русскій дипломатъ и самый способный изъ государственныхъ людей въ цар-

ствование Елисаветы продолжалъ политику Остермана, а слѣдовательно Петра Великаго, и былъ, по признанію Фридриха II, «его великимъ противникомъ». Благодаря его дѣйствительнымъ достоинствамъ, а, быть можетъ, въ значительной мѣрѣ и его сочувствію къ Англіи, Алексѣй Бестужевъ является въ глазахъ Бэна центральной фигурой, вокругъ которой вертится вся политическая, дипломатическая и придворная жизнь Россіи въ большую часть царствования дочери Петра Великаго. Хотя, по его словамъ, Бестужевъ самъ уничтожилъ всѣ слѣды своей личной дѣятельности, и о немъ извѣстно менѣе, чѣмъ о другихъ государственныхъ людяхъ его пошиба, а равно не существуетъ подробная его біографія¹⁾, но англійскій историкъ не только рисуетъ блестящую его характеристику, но ставитъ его историческую фигуру на такой пьедесталъ, что вся исторія Елисаветы до его паденія группируется вокругъ этого, по выраженію Соловьева въ, повидимому, неизвѣстномъ Бэну и, къ сожалѣнію, неоконченномъ біографическомъ очеркѣ, «даровитаго, энергичнаго и честолюбиваго въ уровень со своими способностями человѣка»²⁾.

Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ родился 2-го мая 1693 года, и любопытно, что этотъ единственный русскій министръ, который любилъ Англію, рискуя своей карьерой, былъ англійскаго происхожденія. По заслуживающимъ довѣрія преданіямъ, основателямъ семьи Бестужевыхъ былъ англичанинъ Гавріиль Бестъ, который поселился въ Россіи въ 1403 году, а сынъ его, Яковъ, получилъ отъ одного изъ великихъ князей титулъ боярина. Отецъ братьевъ Бестужевыхъ, Петръ Михайловичъ, заслужилъ милость Петра Великаго за свою ревностную дипломатическую службу и находился гофмейстеромъ при дворѣ герцогини курляндской Анны Іоанновны, которая очень благоволила къ нему, благодаря его красивой наружности, но покровительствуемый имъ Биронъ отбилъ у своего благодѣтеля сердце герцогини, и онъ былъ отправленъ въ ссылку. Молодой Алексѣй, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, воспитывался въ Копенгагенѣ и Берлинѣ, гдѣ выказалъ замѣчательныя способности къ языкамъ и естественнымъ наукамъ. Выбравъ себѣ дипломатическую карьеру, онъ девятнадцати лѣтъ былъ посланъ на Утрехтскій конгрессъ въ качествѣ помощника князя Куракина. Находясь въ Ганноверѣ, онъ обратилъ на себя вниманіе курфюрста Георга, который съ согласія Петра принялъ его на свою при-

¹⁾ Наибогѣе подробная біографія А. П. Бестужева появилась послѣ выхода книги Бэна. Она принадлежитъ А. Прѣснякову и помѣщена во 2 томѣ «Русскаго біографическаго словаря» (Спб., 1900 г.). Хотя въ ней нѣтъ новыхъ фактовъ или замѣчательной характеристики Бестужева, но она составляетъ основательный сводъ всѣхъ свѣдѣній о немъ.

²⁾ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, С. М. Соловьева. «Русская Рѣчь», 1861 г., №№ 4, 77, 78.

дворную службу съ жалованьемъ въ 1.000 таллеровъ, и съ 1717 по 1720 годъ Алексѣй Бестужевъ, природный русскій, занималъ почетное, но странное положеніе ганноверскаго посланника въ Россіи. Въ 1720 году онъ былъ назначенъ русскимъ посланникомъ въ Копенгагенъ и въ слѣдующемъ году окончательно расположилъ въ свою пользу Петра великолѣпнымъ банкетомъ, который онъ задалъ всѣмъ представителямъ европейскихъ державъ въ датской столицѣ, по случаю заключенія Ништадтскаго мира. Во время этого банкета въ залѣ былъ выставленъ блестящій транспарантъ, съ изображеніемъ Петра, въ видѣ новаго Геркулеса, который своими геройскими подвигами исцѣлилъ раны изнуренной, обезсиленной Европы. Петръ былъ такъ тронутъ этимъ комплиментомъ, что послалъ Бестужеву свой портретъ, украшенный брилліантами. Затѣмъ, въ продолженіе пятнадцати лѣтъ Бестужевъ оставался въ тѣни и долженъ былъ довольствоваться скромнымъ мѣстомъ резидента въ Гамбургѣ, тогда какъ его братъ находился чрезвычайнымъ посланникомъ въ Стокгольмѣ. Однако въ концѣ царствованія Анны Иоанновны Биронъ вызвалъ его въ Петербургъ и сдѣлалъ его кабинетъ-министромъ для противовѣса вліянію Остермана, но онъ палъ вмѣстѣ со своимъ покровителемъ, и съ него сняли опалу лишь незадолго до воцаренія Елисаветы.

Онъ написалъ первый манифестъ новой императрицы и вслѣдъ за этимъ сдѣланъ вице-канцлеромъ, но съ самаго начала онъ чувствовалъ свое положеніе настолько шаткимъ, что пытался, какъ удостовѣряетъ Пецольдъ, сблизиться чрезъ него съ тогдашнимъ временщикомъ Лестокомъ, котораго онъ въ глубинѣ сердца презиралъ. «Очень трудно, говоритъ Бэнъ, опредѣлить діагнозъ характера этого суроваго и увертливаго государственнаго человѣка. Онъ, повидимому, былъ мраченъ, молчаливъ и впадалъ часто въ меланхолію, страдалъ ипохондріей, вѣчно беспокоился о своемъ здоровьѣ, отличался хитростію и коварствомъ, обнаруживалъ пылкій характеръ, когда его выводили изъ себя, но предпочиталъ дѣйствовать безмолвно, подпольными путями и обнаруживалъ свои ковы только въ удобную минуту для нанесенія врагамъ неожиданныхъ роковыхъ ударовъ. Большую часть своего свободнаго времени онъ посвящалъ занятіямъ по химіи и физикѣ и составилъ лѣкарство противъ разстройства нервовъ, которое долго пользовалось популярностью при русскомъ дворѣ подъ названіемъ «*Tinctura tonica nervina Bestuscheffi*». Этими каплями онъ гордился болѣе, чѣмъ самыми блестящими изъ политическихъ триумфовъ. Онъ былъ счастливо женатъ на протестанткѣ Аннѣ Бетигеръ и ради нея покровительствовалъ протестантамъ, хотя самъ былъ строгимъ православнымъ и въ старости выражалъ крайніе религіозные взгляды, а также напечаталъ нѣсколько духовныхъ увѣщеваній. Чрезмѣрная любовь къ власти была, безъ сомнѣнія, его главною страстью, но первый удобный случай для удо-

влетворенія ея представился ему только на 49 году жизни, и тогда онъ энергично воспользовался имъ. Личныя соображенія не имѣли для него никакого значенія, когда въ дѣлѣ было замѣшано самолюбіе. Онъ безъ сожалѣнія уничтожалъ своихъ многочисленныхъ враговъ одного за другими и никогда не позволялъ себѣ роскоши имѣть друга. Но надо отдать ему справедливость, что большая часть его враговъ были и врагами его родины, что его гнѣвъ руководился столько же патріотичными, сколько личными побужденіями, что онъ никогда не получалъ денегъ ни отъ друзей, ни отъ враговъ Россіи, и что никакая сила на землѣ не могла заставить его измѣнить на іогу ту политику, которую онъ считалъ наиболѣе соотвѣтствующею интересамъ Россіи. Еще надо прибавить, что эту истинно-русскую политику въ теченіе долгаго времени онъ одинъ изъ всѣхъ своихъ современниковъ былъ достаточно уменъ, чтобы понять, и достаточно мужественъ, чтобы примѣнить на дѣлѣ».

Къ этой мастерской характеристикѣ Бестужева который послѣ пожалованія отца въ графы Елисаветой сталъ также называться графомъ, вмѣстѣ съ братомъ, можно прибавить нѣсколько чертъ, заимствованныхъ изъ біографическаго очерка Соловьева и депешъ современныхъ дипломатовъ. Причина пятнадцатилѣтняго прозябанія Бестужева въ Гамбургѣ объясняется неудачными интригами Бестужевской семьи при Петрѣ II. Они примкнули къ партіи людей второстепенныхъ, которые рассчитывали на покровительство австрійскаго посла Рабутина, который имѣлъ важное значеніе при дворѣ второго императора, но онъ неожиданно умеръ, а интриги Веселовскаго, Абрама Петрова, арапа Петра Великаго, и другихъ были открыты. Хотя Алексѣй Бестужевъ не пострадалъ, но ему пришлось спокойно дожидаться за границей, пока Биронъ не задумалъ выставить русскаго соперника Остерману и на эту роль выбралъ Бестужева. Назначеніе его въ кабинетъ-министры всѣхъ очень удивило, такъ какъ императрица Анна не была къ нему расположена, и впоследствии во время суда надъ Бирономъ среди обвинительныхъ пунктовъ противъ свергнутаго регента было постановлено: «Вы Бестужева всегда фаворитомъ имѣли и въ кабинетъ министровъ ввели съ великимъ презрѣніемъ и поношеніемъ прежнихъ министровъ». Но хотя Бестужева судили вмѣстѣ съ Бирономъ и приговорили къ четвертованію, но эта страшная кара не была исполнена, а замѣнена ссылкой въ деревню, откуда онъ вскорѣ былъ возвращенъ снова съ цѣлью противодѣйствія Остерману. На этотъ разъ онъ очутился у власти въ качествѣ соперника Остермана, по совѣту князя Никиты Трубецкаго, который зная, что все-сильный тогда Остерманъ держитъ сторону мужа правительницы, указалъ послѣдней на необходимость имѣть своего Остермана въ лицѣ Бестужева, который одинъ въ Россіи зналъ не хуже оракула внѣшнюю политику. Конечно, Трубецкой не только при Аннѣ Лео-

польдовнѣ, но и въ началѣ царствованія Елисаветы, рассчитывалъ, что Бестужевъ будетъ его послушнымъ орудіемъ, а потому поддержалъ его назначеніе вице-канцлеромъ. Но какъ только Бестужевъ оперился и увидѣлъ, что Лестокъ имѣетъ болѣе силы, чѣмъ старая русская партія, то перешелъ на его сторону, съ тайнымъ намѣреніемъ образовать при первой возможности свою собственную партію, что онъ и сдѣлалъ при возвращеніи въ Петербургъ его брата. Конечно, князь Трубецкой сталъ его злѣйшимъ врагомъ и всячески натравлялъ на него великаго канцлера князя Черкаскаго, который, по его наущенію, несмотря на свою лѣнь, началъ вмѣшиваться въ управленіе внѣшними дѣлами, вмѣсто того, чтобы положиться на «способнаго, опытнаго и дѣятельнаго вице-канцлера», какъ выражается о Бестужевѣ Соловьевъ въ своей исторіи.

Не менѣе враждебны Бестужеву были предводители иностранной партіи, Лестокъ и Шетарди. Первый говорилъ Пецольту, что онъ всегда заступался за Бестужева и выхлопоталъ ему мѣсто вице-канцлера, хотя никогда не былъ высокаго мнѣнія объ его умѣ и только довольствовался имъ по недостатку въ болѣе толковомъ чловѣкѣ, но онъ жестоко ошибся, «такъ какъ оба брата въ сущности весьма ограниченные люди, боящіеся труда и при своей врожденной трусости либо ничего не дѣлающіе, либо же въ немногихъ дѣлахъ своихъ заставляющіе ясно замѣчать предрасудки и даже злобу». Мало того, Лестокъ увѣрялъ Пецольту, что императрица подозрѣвала вице-канцлера въ подкупѣ, именно въ полученіи 20.000 рублей отъ австрійскаго посла Ботты. Шетарди еще рѣзче отзывался въ разговорѣ съ Пецольтомъ о братьяхъ Бестужевыхъ. «Остерманъ,—сказалъ онъ однажды,—былъ плутъ, но умный плутъ, который умѣлъ золотить свои пилюли, теперешній же вице-канцлеръ просто — полусумасшедшій; что же касается до его брата, оберъ-гофмаршала, то онъ, можетъ быть, и не глупъ, но слишкомъ слѣпо довѣряетъ Боттѣ». Съ своей стороны Пецольтъ прибавляетъ къ этимъ враждебнымъ отзывамъ о вице-канцлерѣ, съ которымъ онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ: «Я не могу не сказать, чтобъ вице-канцлеръ былъ въ той же мѣрѣ усерденъ и остороженъ, какъ бы я этого желалъ». Что касается самого Шетарди, то, конечно, какъ только Бестужевъ началъ прямо дѣйствовать противъ него и вліянія Франціи на русскую политику, то озлобленный французъ сталъ называть его въ своихъ депешахъ дуракомъ, трусомъ и «слѣпымъ орудіемъ надменнаго, двуличнаго брата, который думаетъ искусно лавировать между двумя враждебными ему партіями, но, конечно, погубить ихъ обоихъ». Однако, несмотря на такіе отзывы, Шетарди отдаетъ нѣкоторымъ образомъ справедливость своему сопернику и въ депешѣ отъ 9-го апрѣля 1742 года пересыпаетъ свое мнѣніе о Бестужевѣ похвалами, хотя и соединенными съ порицаніемъ, такъ онъ говоритъ: «Его счастье заклю-

чается въ томъ, что онъ одинъ здѣсь опытенъ въ дипломатическихъ дѣлахъ. Когда принцесса Елисавета вступила на престолъ, то ей нуженъ былъ кто нибудь, умѣвшій писать, и она обратилась къ его содѣйствию скорѣе по необходимости, чѣмъ по сочувствію къ нему. Умѣніе довольно хорошо излагать свои мысли на бумагѣ и свободно говорить по-французски и по-нѣмецки утвердили его положеніе, которое создано случайностью. Онъ очень трудолюбивъ, хотя любить общество и хорошій столъ, но работаетъ не легко, благодаря своей ипохондріи. Говорятъ, что онъ не очень честный человѣкъ». Въ дальнѣйшихъ депешахъ Шетарди увѣряетъ, что сама императрица говорила ему, что Бестужевъ не состоитъ болѣе въ числѣ ея друзей, а Лестокъ слышалъ отъ нея, что Бестужевъ продался Англии и получилъ сто тысячъ франковъ черезъ руки австрійскаго посла. Естественно, что совершенно иначе отзывался о братьяхъ Бестужевыхъ англійскій посланникъ, Вичъ, который находился съ ними къ дружескихъ отношеній и, конечно, подерживалъ ихъ въ борьбѣ съ Шетарди и французскимъ вліяніемъ. «Оба брата,—писалъ онъ отъ 6-го марта 1743 года,—повидимому, пользуются милостями императрицы, и дѣйствительно небольшой будетъ для нихъ комплиментъ, если я скажу, что, предпочитая ихъ всѣмъ другимъ лицамъ русскаго двора, ея величество вполне доказываетъ свое умѣнье выбирать людей и судить о нихъ».

Борьба трехъ партій, оспаривавшихъ власть при русскомъ дворѣ, велась безъ всякой совѣсти. Пущены были въ ходъ интриги, подкупы, клеветы, подлоги; всѣ средства были хороши, только бы достигъ своего торжества и гибели враговъ. Все это дѣлалось изъ личнаго самолюбія или корыстныхъ видовъ, и только Бестужевъ, объявившій себя съ самой первой минуты продолжателемъ политики Петра и Остермана, могъ оправдывать свои поступки интересами Россіи. Къ тому же, несмотря на всѣ взводимыя на него обвиненія, его нельзя было подкупить, и онъ отказался отъ предложенной Шетарди пенсіи отъ французскаго короля. Хотя Шетарди увѣряетъ, и Соловьевъ ему, повидимому, вѣритъ, что Бестужевъ не хотѣлъ брать денегъ потому, что не оказалъ никакой услуги французскому королю, и будто бы сказалъ: «когда заслужу, тогда и возьму подарокъ»; но это — ничѣмъ не доказанная хвастливая болтовня, тѣмъ болѣе, что она опровергается приводимыми тѣмъ же Шетарди словами Бестужева: «эта щедрость съ королевской стороны вовсе не нужна; я готовъ служить королю, если его интересы могутъ быть согласны съ интересами моей государыни». Но дѣло именно въ томъ и заключалось, что эти интересы были противоположны и столкнулись въ первомъ, представившемся политическомъ вопросѣ: именно объ окончаніи войны Россіи съ Швеціей, которая возбуждена была интригами Франціи. Въ этомъ дѣлѣ Бестужевъ стоялъ на твердой національной почвѣ, а положеніе Ше-

тарди было очень шаткое, и ему приходилось влиять между желаніемъ сохранить господствующую роль при русскомъ дворѣ и исполненіемъ приказаній своего правительства. Онъ самъ по легкомыслию ввелъ въ заблужденіе Людовика, кардинала Флѣри и министра Амело, увѣреніями, что Елисавета исполнитъ всѣ желанія Франціи, заключить самый выгодный для Швеціи миръ при посредствѣ французскаго посла и откажется отъ всѣхъ русскихъ завоеваній въ Финляндіи. Онъ настолько самъ вѣрилъ въ свое бахвальство, что какъ только Елисавета вступила на престолъ, онъ тотчасъ же написалъ шведскому главнокомандующему, чтобы тотъ прекратилъ военныя дѣйствія, а потомъ сталъ нахально требовать отъ русскаго правительства уступокъ Швеціи, выставляя щекотливое положеніе французскаго короля, который долженъ былъ сдержатъ обѣщаніе, данное шведамъ. Въ этихъ требованіяхъ его поддерживали депеши Амело, который прямо упрекалъ его въ недостаточной энергіи и чистосердечно высказывалъ, что «тайная цѣль поддержки Елисаветы Франціей заключалась лишь въ оказаніи помощи Швеціи».

Но что ни дѣлалъ Шетарди, какъ ни извивался передъ Елисаветой, какъ ни уговаривалъ Бестужева, какъ ни подкупалъ Лестока и какъ ни злоупотреблялъ милостями императрицы, которая принимала его одного изъ всѣхъ иностранныхъ пословъ, помимо своихъ министровъ, часами разговаривала съ нимъ по ночамъ въ спальнѣ, куда его провожалъ Лестокъ, и ужинала въ его домѣ, но по шведскому вопросу онъ получалъ отъ императрицы и Бестужева одинъ отвѣтъ: «Намъ не надо никакого посредничества, мы покончимъ со Швеціей одни и не уступимъ ни пяди земли». Къ этому Елисавета прибавляла, что «очень цѣнить дружбу французскаго короля, въ чемъ Богъ поможетъ ей дать доказательство, но она не можетъ, какъ дочь Петра Великаго, согласиться на условія мира, противныя чести Россіи и славѣ ея отца, за что, она увѣрена, одобрить ее и французскій король». Дѣйствительно, когда шведскій посланникъ Нолькенъ явился въ Москву, гдѣ находился тогда дворъ, по случаю коронаціи, и поставилъ непремѣннымъ условіемъ для вступленія въ переговоры о мирѣ посредничество Франціи и присутствіе Шетарди, то ему въ томъ и другомъ было отказано. Несолоно хлебавъ, Нолькенъ уѣхалъ въ Финляндію, и тамъ продолжались военныя дѣйствія съ новою энергіей. Фельдмаршалъ Ласси взялъ Гельсингфорсъ и Або, принудилъ шведскую армію сдаться и добился того, что вся Финляндія очутилась въ русскихъ рукахъ.

Шетарди проигралъ свою смѣлую игру, и Бестужевъ торжествовалъ, тѣмъ болѣе, что старая русская партія поддерживала его въ этомъ случаѣ. Надменному, хвастливому французу, не допущенному до посредничества въ мирныхъ переговорахъ съ Швеціей, тяжело

было оставаться въ Россіи, гдѣ еще недавно всѣ передъ нимъ преклонялись, и гвардейцы даже цѣловали у него руку; а теперь, по словамъ Пецольтда, «вышіе классы его ненавидѣли, а народъ относился къ нему враждебно». Тѣмъ болѣе его положеніе было невыносимо, что французское правительство высказывало ему свое недовольство, упрекало его за неудачныя дѣйствія и сдерживало его нахальство, приказывая не обращаться со всякимъ дѣломъ къ императрицѣ и вести переговоры черезъ министровъ, какъ этого требуетъ приличіе, а принцъ Конти прямо совѣтовалъ кардиналу Флѣри «замѣнить этого неосторожнаго и мало энергичнаго посланника другимъ болѣе полезнымъ, хотя и не столь высокопоставленнымъ при русскомъ дворѣ, человѣкомъ». Наконецъ и Елисаветѣ надоѣло его нахальство, и она перестала говорить съ нимъ о дѣлахъ, а холодно прекращала разговоръ словами: «обратитесь къ моимъ министрамъ». Впрочемъ, по всей вѣроятности, главною причиною ея охлажденія къ представителю Франціи было то обстоятельство, что она перестала вѣрить французской дружбѣ, такъ какъ Бестужевъ досталъ черезъ австрійскаго посланника маркиза Ботту и представилъ ей копію съ депеши Амело къ французскому посланнику въ Константинополь, Кастанану, въ которой министръ иностранныхъ дѣлъ указывалъ на вступленіе Елисаветы на престолъ, какъ на ослабленіе величія Россіи, и совѣтовалъ Турціи вмѣстѣ со Швеціей разъ навсегда отдѣлаться отъ своего безпокойнаго сѣвернаго сосѣда. Въ результатѣ Шетарди вышелъ изъ терпѣнія и написалъ въ Парижъ просьбу объ его отозваніи, а французское правительство съ удовольствіемъ воспользовалось случаемъ отдѣлаться отъ этого неудобнаго, компрометирующаго его посланника и немедленно замѣнило его секретаремъ посольства Далліономъ, въ качествѣ полномочнаго министра.

Хотя въ своихъ депешахъ Шетарди распространяется въ жалобахъ на неблагодарность Елисаветы и предсказываетъ ей печальную судьбу, такъ какъ, по его словамъ, «русскіе недолго будутъ переносить деспотизмъ, отдѣлаются отъ императрицы такъ или иначе и заведутъ у себя ограниченное правленіе, на манеръ англійскаго шведскаго или польскаго, для чего всего пригоднѣе бывший императоръ Іоаннъ Антоновичъ», но Вандаль въ своей книгѣ вполнѣ вѣрно замѣчаетъ: «упоенный успѣхомъ и думая вѣчно сохранить милости Елисаветы, Шетарди злоупотреблялъ своимъ положеніемъ и принималъ скорѣе тонъ фаворита, чѣмъ представителя дружественной державы. Онъ сопровождалъ императрицу всюду: на балахъ, на охотѣ, въ прогулкахъ, раздѣлялъ всѣ ея удовольствія, сидѣлъ за столомъ рядомъ съ ней и вообще не только велъ себя, какъ фаворитъ, но не опровергалъ ходившихъ о немъ слуховъ, которые льстили его самолюбію. Поэтому неудивительно, что своей неосторожностью онъ увеличивалъ число враговъ и подго-

товлялъ свое паденіе». Но такія неудачи не могли исправить легкомысленнаго Шетарди, и, осыпанный необыкновенными милостями Елисаветы при отъѣздѣ изъ Россіи, онъ вообразилъ, что его вліяніе еще очень велико, и попытался въ послѣдній разъ свергнуть Бестужевыхъ. Онъ прямо объяснилъ императрицѣ, что уѣзжаетъ изъ Россіи, благодаря ихъ враждѣ, и умолялъ ее для блага ея и Россіи удалить отъ власти столь вредныхъ людей. При этомъ онъ даже «сфабриковалъ», по его собственному выраженію, письма, въ которыхъ Бестужевы уличались въ измѣнѣ, но ничто не помогло. Если вѣрить Шетарди, то Елисавета высказала свою ненависть къ Бестужевымъ и просила его проѣздомъ черезъ Варшаву уговорить короля Августа заявить свое желаніе, чтобы Михаилъ Бестужевъ былъ назначенъ къ нему посланникомъ. «Другой самъ падеть,—будто бы прибавила она,—онъ дуракъ и, лишенный совѣтовъ брата, надѣлаетъ такихъ глупостей, что его придется прогнать, если съ нимъ не будетъ чего нибудь хуже». Когда же Шетарди продолжалъ настаивать на отставкѣ Алексѣя Бестужева и замѣнѣ его Румянцевымъ, то Елисавета сказала, что займется этимъ дѣломъ въ Петербургѣ, такъ какъ нельзя уволить Бестужева безъ явнаго доказательства его виновности. Такимъ образомъ эти слова Елисаветы, какъ бы опровергають приводимыя ранѣе ея мнѣнія о своемъ министрѣ. Какъ бы то ни было, она осыпала любезностями Шетарди, клялась въ своей любви къ Франціи и французскому королю, пожаловала ему отъ имени царицы Андреевскую ленту и отъ имени великой княжны Елисаветы великолѣпную табакерку съ ея портретомъ, осыпаннымъ брилліантами, пригласила его сопровождать ее въ посѣщеніи Троицкой лавры, чего не удостоивался ни одинъ посланникъ, и прислала ему въ минуту отъѣзда особый придуманный ею экипажъ со всевозможною провизіей, въ томъ числѣ восемьдесятю бутылками венгерскаго вина. Но въ концѣ концовъ Шетарди уѣхалъ изъ Россіи, а Бестужевъ остался у власти.

Конечно, Вичъ радовался удаленію Шетарди, хотя, по его словамъ, французскій посланникъ, «несмотря на личное къ нему пристрастіе императрицы и поддержку ея любимцевъ, не могъ похвастаться успѣхомъ въ своихъ начинаніяхъ, такъ какъ ея величество не питаетъ уваженія къ Франціи». «Но если, прибавляетъ англичанинъ въ другой своей депешѣ, Шетарди не приносилъ пользы своему правительству, то онъ имѣлъ достаточно вліянія, чтобы мѣшать другимъ и держать дѣла въ застоѣ, а потому я считаю его отъѣздъ очень счастливымъ обстоятельствомъ, тѣмъ болѣе, что его преемникъ Далліонъ не пользуется кредитомъ у государыни, а министры и вся страна презирають и ненавидятъ его, какъ шпіона, который поселился въ Россіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ цѣлью поступить на русскую службу, но, не успѣвъ въ

этомъ, пробавлялся интригами и состоялъ на жалованьѣ Франціи». Въ доказательство неудачи и неосновательности проектовъ Шетарди, Вичъ приводитъ его планъ сформированія во Франціи русскаго полка, какъ постоянного питомника сторонниковъ и креатуръ Франціи между русскимъ дворянствомъ: «Царица рѣшится, пожалуй, — замѣчаетъ англичанинъ, — призывать знатную молодежь въ иностранную службу, какъ дѣлалъ Петръ I-й, но если предоставитъ дѣло доброй волѣ русскихъ дворянъ, то они, я увѣренъ, лучше пожелаютъ жить въ своихъ деревняхъ, чѣмъ исполнять военную должность гдѣ бы то ни было. Имъ всего пріятнѣе жить свободно и тиранить своихъ несчастныхъ крестьянъ, которые величайшіе рабы въ свѣтѣ».

Отдѣлавшись отъ своего главнаго врага Шетарди и помирившись временно съ Лестокомъ черезъ посредство Вича, Бестужевъ скоро былъ избавленъ судьбой и отъ оппозиціи князя Черкаскаго, который скоропостижно умеръ въ концѣ 1742 года. Такимъ образомъ у него были развязаны руки, и онъ приступилъ къ практическому примѣненію своей чисто національной русской политики, служившей продолженіемъ политики Остермана, тѣмъ болѣе, что его правою рукой былъ секретарь оракула, способный и дѣятельный, Бревернъ. Но основой этой политики былъ союзъ Россіи съ Англіей и Австріей, а Елисавета питала нерасположеніе къ этимъ двумъ державамъ, такъ какъ онѣ нѣкогда поддерживали Анну Леопольдовну и дѣйствовали противъ нея. Непріязнь ея къ Англіи доходила до того, что, по словамъ Далліона, обѣдая у князя Куракина, она очень восхищалась портретомъ Петра Великаго во весь ростъ, но узнавъ, что онъ написанъ въ Англіи, отвернулась отъ него и сказала, что «ничто англійское не можетъ ей нравиться». Относительно же Австріи она произнесла однажды, въ присутствіи Бестужевыхъ и Лестока, передавшаго ея слова Шетарди: «Непреодолимое отвращеніе всегда будетъ отталкивать меня отъ націи, которая имѣетъ здѣсь много друзей и партизановъ. Поэтому напрасны всѣ старанія убѣдить меня заступиться за интересы венгерской королевы, и тѣ, которые ловко напоминаютъ мнѣ о трактатѣ, заключенномъ между вѣнскимъ дворомъ и моею матерью, должны бы подумать, что австрійскій дворъ для исполненія этого трактата обязанъ былъ всячески стараться возвести меня на престолъ послѣ смерти Петра II, но онъ, напротивъ, пытался сдѣлать мнѣ всевозможное зло. Поэтому венгерская королева и ея дѣти могутъ пропадать, но я не окажу имъ ни малѣйшей помощи». Однако Бестужевъ рѣшился побороть эти личныя предубѣжденія Елисаветы противъ выгоднаго для Россіи союза и сталъ дѣйствовать съ большимъ тактомъ и осторожностью. Прежде всего онъ добился смѣны несочувственныхъ императрицъ Финча и Ботты, а потомъ съ помощью ловкаго Вича, преемника Финча, старался провести пересмотръ стараго оборонительнаго трактата съ Англіей.

Чтобы доказать свое безпристрастіе въ этомъ дѣлѣ и возбудить къ нему сочувствіе Елисаветы, онъ съ одной стороны отказалъ Англии въ роли посредника при заключеніи мира съ Швеціей, ссылаясь на отказъ французскому правительству и говоря: «Когда одному отказано, то никому другому никакимъ образомъ быть не могло»; а съ другой — добился содѣйствія Англии въ избраніи наслѣдникомъ шведскаго престола дяди великаго князя Петра Ѳеодоровича, Адольфа - Фридриха, епископа Любскаго и администратора Голштиніи. Такъ какъ Елисавета очень стояла за это избраніе, то помощь Англии расположила ее въ пользу англійскаго оборонительнаго союза, и онъ былъ заключенъ въ декабрѣ 1742 года. Хотя вскорѣ послѣ того былъ также возобновленъ оборонительный договоръ и съ Пруссіей, но онъ, по словамъ самого Фридриха, не имѣлъ значенія, какъ «собраніе бездушныхъ словъ», а для Россіи онъ важенъ былъ тѣмъ, что не позволялъ Фридриху оказать помощь Швеціи.

Въ слѣдующемъ году Россія одна, какъ желалъ Бестужевъ, хотя и не на такихъ выгодныхъ условіяхъ, какъ онъ предлагалъ, подписала въ Або со Швеціей миръ, по которому южная часть Финляндіи къ востоку отъ Кюмени присоединена къ Россіи. Въ этомъ случаѣ онъ вынужденъ былъ уступить волѣ самой Елисаветы, которая боялась, настаивая на присоединеніи всей Финляндіи, какъ предлагалъ Бестужевъ и большинство министровъ, возбудить вмѣшательство Франціи и Пруссіи. Во всякомъ случаѣ, по справедливому замѣчанію Бэна, «абосскій миръ былъ большимъ ударомъ для Франціи, которая вовлекла Швецію въ войну съ Россіей съ доброю цѣлью ослабить и расчленивъ послѣднюю, а теперь должна была лицедрѣть территориальное расширеніе Россіи и ея дипломатическое господство въ Швеціи».

Торжество Бестужева было полное, и онъ уже собирался приступить къ заключенію союза съ Австріей, какъ враги неожиданно вырыли ему яму, въ которую онъ едва не низвергнулся. Кромѣ стараго его противника Лестока, который снова пошелъ противъ него, у вице-канцлера явились новые враги, не менѣе опасные, чѣмъ Шетарди: именно представитель Франціи Далліонъ, болѣе сдержанный и хитрый, чѣмъ его предшественникъ, Брюмеръ, оберъ-гофмаршалъ великаго князя Петра Ѳеодоровича, ловкій интриганъ, и русскій посланникъ Мардефельдъ, черезъ котораго дѣйствовали самъ Фридрихъ II. Какую важность придавалъ прусскій король паденію Бестужева, видно изъ его письма къ Мардефельду, въ которомъ онъ говоритъ: «Осторожность и благоразуміе требуютъ непремѣнно, чтобы я предупредилъ Австрію... Если буду воевать одинъ съ венгерской королевой, то всегда выйду побѣдителемъ. Но для этого необходимо условіе—низверженіе Бестужева. Я ничего не могу сдѣлать безъ вашего искусства и безъ нашей удачи; отъ вашихъ стараній зависить судьба Пруссіи и моего дома».

Дѣйствительно Мардефельдъ и его сообщники такъ постарались, что судьба Бестужева висѣла на волоскѣ. Они воспользовались пустою болтовней двухъ свѣтскихъ дамъ и молодого кутилы, чтобы смастерить цѣлый заговоръ противъ жизни императрицы и въ пользу Брауншвейгской семьи. Ихъ жертвами сдѣлались: Наталья Ѳеодоровна Лопухина, ея сынъ Иванъ и вдова Ягужинскаго, недавно вышедшая замужъ за Михаила Бестужева, графиня Анна Гавриловна. Обѣ женщины были личными врагами императрицы, съ которою онѣ обращались очень дурно во времена Анны Иоанновны и регентства. Рассказываютъ, что между Лопухиной и Елисаветой существовала женская зависть, такъ какъ онѣ соперничали въ красотѣ, и однажды Лопухина, когда уже Елисавета была императрицей, явилась ко двору въ розовомъ платьѣ и съ розами въ волосахъ, несмотря на приказаніе Елисаветы, любившей розовый цвѣтъ, чтобы никто не смѣлъ надѣвать розовый костюмъ. Эта выходка Лопухиной вывела изъ себя Елисавету, и она, отозвавъ въ сторону свою соперницу, послала за ножницами, отрѣзала розы и при всѣхъ нанесла ей нѣсколько ударовъ по уху. Естественно, что послѣ этого Лопухина стала относиться къ ней еще болѣе враждебно и поносить ее въ своемъ кружкѣ, въ особенности въ разговорахъ со своею интимною пріятельницей Ягужинской, которую также не любила Елисавета за ея дружескія отношенія съ Лопухиной и съ австрійскимъ посланникомъ, маркизомъ Боттой. Лестокъ зналъ, что эти дамы говорятъ между собою дурно объ императрицѣ, вздыхаютъ по Брауншвейгской семьѣ и уѣхавшемъ изъ Петербурга Боттѣ, а также поддерживаютъ сношенія съ содержавшимся въ Соликамскѣ графомъ Левенвольде, любовницей котораго была нѣкогда Лопухина, а потому, какъ только Ягужинская вопреки желанію императрицы вышла замужъ за оберъ-гофъ-маршала Бестужева, онъ тотчасъ повелъ интригу, чтобы разомъ уничтожить вліяніе Австріи и погубить обоихъ братьевъ Бестужевыхъ. Онъ подкупилъ офицера Бергера, приставленнаго къ графу Левенвольду, чрезъ котораго Лопухина поддерживала сношенія съ послѣднимъ, и тотъ, находясь въ Петербургѣ, заманилъ молодого Лопухина въ питейное заведеніе, напоилъ его пьянымъ и заставилъ его проболтаться о сношеніяхъ его матери и ея кружка съ маркизомъ Боттой, съ цѣлью возвращенія Брауншвейгской семьи. По доносу Бергера, всѣ причастныя лица были арестованы, въ томъ числѣ Лопухинъ, его мать, отецъ, графиня Анна Бестужева и нѣкоторые другія лица.

Изъ сплетенъ и женской болтовни, какъ выражается Пецольдъ, соорудили цѣлый заговоръ и навели страхъ на императрицу. Была образована особая коммиссія для изслѣдованія дѣла, и въ ней участвовали князь Трубецкой, Лестокъ и подобныя имъ враги Бестужевыхъ. «Конечно, — писалъ Далліонъ, торжествуя

уже заранѣе побѣду надъ ненавистнымъ вице-канцлеромъ,—най-дуть улики противъ братьевъ Бестужевыхъ, но если, что совершенно невѣроятно, таковыхъ не найдется, то рѣшено воспользоваться этимъ случаемъ и такъ или иначе погубить ихъ. На ихъ совѣсти уже столько, что съ ними нечего церемониться. Однимъ словомъ Брюмеръ и Лестокъ говорятъ, что они не останутся на полъ-дорогѣ, и, конечно, я приложу къ этому свою руку». Спустя нѣсколько дней, тотъ же Далліонъ увѣдомлялъ своего министра: «Дѣло о заговорѣ идетъ прекрасно, и если не найдется юридическихъ причинъ для гибели Бестужева, то ихъ, по крайней мѣрѣ, сошлютъ въ деревню». Еще прошла недѣля, и мы читаемъ въ новой депешѣ Далліона: «Князь Трубецкой ручается мнѣ головой, что поймаетъ Бестужевыхъ въ свою сѣть. Онъ говорилъ, что могъ бы доказать это фактически, приведя объясненія, которыя произошли между нимъ и царицей, но онъ. находитъ излишнимъ упоминать о нихъ. Князь льститъ себя надеждой, что онъ найдетъ улику въ показаніяхъ соучастниковъ, привлеченныхъ къ дѣлу, и въ случаѣ этого клянется, что доведетъ своихъ заклятыхъ враговъ до эшафота. Онъ нравственно увѣренъ, что эти господа—подстрекатели всего дѣла, но что они, какъ люди ловкіе и хитрые, работали исподтишка, предоставляя маркизу Боттѣ видѣнное предводительство. Еслибы царица была другою личностью, то я уже могъ бы сказать, что намъ болѣе нечего бояться двухъ самыхъ жестокихъ враговъ Франціи и Швеціи, но теперь я не смѣю ничего утверждать, хотя считаю это дѣло, какъ заранѣе рѣшенное».

Однако, несмотря на всѣ старанія враговъ Бестужева и на тяжелыя пытки, которымъ были подвергнуты обвиняемые обою пола, никакого заговора не было открыто, и, по словамъ Вича, все дѣло ограничилось «сужденіями противъ правительства двухъ старыхъ сварливыхъ женщинъ да двухъ-трехъ молодыхъ развратниковъ». Это, конечно, не помѣшало сенату приговорить всѣхъ обвиняемыхъ, какъ политическихъ преступниковъ, къ смертной казни, но Елисавета измѣнила приговоръ и постановила подвергнуть всѣхъ тѣлесному наказанію и сослать въ Сибирь, а тремъ Лопухинымъ и Аннѣ Бестужевой еще урѣзать языки. Такъ трагически кончилась для ея несчастныхъ жертвъ интрига враговъ Бестужевыхъ, но они оба нисколько не пострадали. Несмотря на всѣ усилія Лестока и князя Трубецкого, не было доказано никакой прикосновенности къ дѣлу не только вице-канцлера, но даже оберъ-гофъ-маршала. Въ письмахъ послѣдняго къ женѣ оказались только нѣжности, но нисколько политическаго намека, а его жена прямо заявила, что она никогда не говорила съ мужемъ объ Елисаветѣ. Что же касается до Алексѣя Бестужева, то онъ былъ противъ свадьбы своего брата, и по этому случаю между ними возникли холодныя отношенія. Императрица объ этомъ очень хорошо знала и

съ самаго начала процесса сказала ему, чтобы онъ не тревожился, такъ какъ она продолжаетъ питать къ нему полное довѣріе и не дозволить, чтобы дотронулись до одного волоса на его головѣ. Такимъ образомъ оба брата отдѣлались однимъ страхомъ, и Алексѣй остался у власти, а Михаилъ вскорѣ послѣ того, по собственному желанію, былъ назначенъ посланникомъ въ Берлинъ. Когда же Лестоку продолжалъ клеветать и наущничать на этихъ, по словамъ императрицы, вѣрныхъ, привязанныхъ къ ней слугъ, то ей, если вѣрить Пецольду, такъ опротивѣло все это дѣло, что она «нѣсколько разъ самымъ нетерпѣливымъ образомъ выпроваживала Лестока, не выслушавъ его многочисленныхъ наущничествъ». Конечно, Далліонъ былъ внѣ себя отъ злобы въ виду такого результата этой интриги и нахально писалъ своему правительству: «Я принялъ всѣ мѣры съ помощью нашихъ двухъ друзей, чтобы это важное дѣло окончилось съ большей пользой для насъ и для царицы, но что прикажете дѣлать съ принцессой, у которой нѣтъ большаго врага, какъ она сама, и которая неправильно льститъ себя надеждой, что милосердіе пріобрѣтетъ ей сердца націи, не умѣющей любить и не могущей любить, прежде чѣмъ ее этому научать. Правда, остается отъ этого дѣла хвостъ, который, быть можетъ, ни къ чему не приведетъ, но, быть можетъ, и породитъ многое».

Подъ хвостомъ окончившагося политическаго процесса Далліонъ могъ подразумѣвать новыя интриги враговъ Бестужева, или тѣ послѣдствія, которыя могли произойти для Австріи отъ привлеченія къ процессу маркиза Ботты. Въ послѣднемъ отношеніи противники Бестужева и Австріи достигли своей цѣли. Враждебныя Россіи дѣйствія Ботты и его отзывы, что Елисавета не можетъ долго держаться на престолѣ, доказывались не только показаніями подсудимыхъ, но и свѣдѣніями, сообщенными французскимъ посланникомъ въ Берлинъ, маркизомъ Валлори, и которыя Далліонъ представилъ императрицѣ. Справедливы ли были или нѣтъ эти улики, но онѣ сильно подѣйствовали на Елисавету и окончательно ее возстановили противъ Австріи, а къ тому же Фридрихъ, потребовавъ удаленія изъ Берлина маркиза Ботты, который былъ тамъ посланникомъ, заслужилъ полное ея сочувствіе. Если вѣрить Мардефельду, императрица за обѣдомъ торжественно назвала прусскаго короля «наисовершеннѣйшимъ монархомъ». Такимъ образомъ о союзѣ Россіи съ Австріей не могло быть и рѣчи, и политика Бестужева относительно этого вопроса потерпѣла поражение.

Что касается новыхъ интригъ противъ вице-канцлера, то онѣ велись со всѣхъ сторонъ. Его враги не унывали. По словамъ англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, Картерета, французы въ Швеціи составляли фальшивые документы для доказательства измѣны Бестужева, а шведскіе агенты были посланы въ Петербургъ съ цѣлью подкупить Бестужева, или въ случаѣ неудачи подорвать его кре-

дить, щедро раздавая сто тысячъ рублей, которыя будто бы для этой цѣли назначило французское правительство. Со своей стороны Фридрихъ II принималъ всевозможныя мѣры противъ Бестужева и то просилъ Мардефельда ускорить интриги съ цѣлью погубить этого «*méchant-homme*», такъ какъ онъ не можетъ разсчитывать на дружбу императрицы, пока не прогонятъ вице-канцлера, то предписывалъ посланнику измѣнить свою тактику и подкупить Бестужева, на что назначалъ 15.000 золотыхъ. Наконецъ, враги Бестужева вызвали на подкрѣпленіе своихъ силъ его главнаго противника, Шетарди, который снова поспѣшилъ въ Россію въ качествѣ чрезвычайнаго посла. Вся Европа ожидала съ нетерпѣніемъ, чѣмъ кончится этотъ поединокъ, и кто побѣдитъ -- Шетарди или Бестужевъ?

В. Тимирязевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ТУРКМЕНСКИЙ СУДЬ.

I.

Въ залѣ суда.

Съѣздъ и его «аудиторія». — Туркменскій типъ. — Портреты двухъ судей-туркменъ.—Казій Куль-Мурадъ.

ОЛЫШОЙ залѣ комиссіи по судной части Закаспійской области ¹⁾ биткомъ набитъ туркменами въ разнообразныхъ ваточныхъ халатахъ и огромныхъ бараньихъ шапкахъ-папахъ на головахъ. Жара стоитъ нестерпимая... Теченія въ воздухѣ, несмотря на открытыя окна и двери, нѣтъ почти никакого, почему, кромѣ духоты, сильно даетъ себя чувствовать особая, такъ сказать, густота воздуха, переполненнаго горячимъ дыханіемъ и не совсѣмъ благовоными испареніями 150—200 сыновъ закаспійскихъ пустынь, не только незнакомыхъ съ мыломъ, но и простое мытье тѣла признающихъ только два раза въ жизни—при рожденіи и послѣ смерти...

Надъ всей этой толпой недавно еще разбойническаго и не признававшего никакой власти народа стоитъ гуль отъ голосовъ и движенія въ заднихъ рядахъ. Но этотъ гуль—явленіе обычное въ народныхъ судахъ: оно только лишь свидѣтельствуетъ объ общемъ настроеніи толпы, объ ея напряженномъ вниманіи и желаніи не

¹⁾ До введенія судебной реформы въ краѣ эта комиссіи вѣдала судными дѣлами области на правахъ съѣзда мировыхъ судей и отчасти окружнаго суда (для дѣлъ гражданскихъ).

пропустить ни одного слова, ни одного движенія изъ того, что говорится и дѣлается въ залѣ.

Вы только взгляните на всѣ эти донельзя загорѣвшія темно-коричневые фizioноміи. Всмотритесь, какъ мѣняется ихъ выраженіе при каждомъ новомъ оборотѣ разбираемаго дѣла, какъ сверкаютъ ихъ черные глаза, и съ какимъ жгучимъ интересомъ и вниманіемъ устремлены они впередъ, къ длинному столу, покрытому краснымъ сукномъ, за которымъ вытянулся рядъ судей—рѣшителей судебъ всего этого собравшагося въ залѣ народа. Такое страстное непосредственное любопытство способны проявлять только дикіе сыны пустыни, не успѣвшіе еще забыть о своей прежней безграничной волѣ, когда ничто не могло рѣшаться безъ общаго согласія и одобренія...

Но не менѣе тяжущихся и свидѣтелей интересны сами судьи, созданные въ чрезвычайный сѣздъ со всѣхъ концовъ области и выбранные изъ самыхъ вліятельныхъ и уважаемыхъ туземцевъ края.

Имѣя посрединѣ себя двухъ представителей русской власти ¹⁾, они съ важностью возсѣдаютъ за длиннымъ столомъ, поглаживая рукой свои длинные бороды и равнодушно поглядывая на волнующую толпу.

Ихъ всего девять человекъ—семеро туркменъ и двое киргизовъ. И тѣ, и другіе очень характерны и типичны и могутъ служить яркими представителями своихъ народностей.

Рѣзкія, но правильныя черты лица у туркменъ, прямой или немного изогнутый носъ, горизонтальное расположеніе глазъ—вся наружность вообще, доказываютъ принадлежность ихъ къ благородному кавказскому типу. А крупное сильное тѣлосложеніе и сверкающіе огнемъ глаза напоминаютъ вамъ, что это—гордые сыны пустыни, склонившіеся только передъ безусловно высшей силой, и то лишь тогда, когда всѣ средства и способы для сопротивленія были уже сломлены. Но дайте имъ и теперь полную свободу, и они тотчасъ же изъ-за судейскаго стола вскочатъ на своихъ лихихъ коней и, обнаживъ кыличи ²⁾, помчатся въ Персію аламаномъ ³⁾, грабить и уводить въ плѣнъ презрѣнныхъ кизиль-баней ⁴⁾...

¹⁾ Предсѣдателя и его помощника. Первый изъ нихъ заступаетъ мѣсто начальника области, а второй—знакомый съ мѣстнымъ языкомъ и обычаями (ада-тами), помогаетъ ему при веденіи дѣлъ. Оба они, по сложившемуся правилу, не принимаютъ участія въ постановленіи рѣшеній, хотя, конечно, имѣютъ большое вліяніе на исходъ дѣлъ.

²⁾ Кривыя сабли.

³⁾ Разбойническіе набѣги, широко практиковавшіеся до завоеванія Туркменіи Россіей.

⁴⁾ Такъ туркмены называютъ персіянъ за то, что они красятъ себѣ волосы въ красный цвѣтъ.

Всѣ они одѣты такъ же, какъ и остальная публика, т. е. въ теплые ваточные халаты, а на головахъ имѣютъ огромныя бараньи папахи. Трое, кромѣ того, надѣли, сверхъ ваточныхъ, еще парадныя парчевыя халаты, пожалованныя имъ русскою властью, прицѣпивъ на плечахъ офицерскіе погоны сообразно даннымъ имъ чинамъ ¹⁾. У одного висѣла на шеѣ большая серебряная медаль «за усердіе», и у всѣхъ семерыхъ были прицѣплены у пояса кривыя и острые клыччи.

Среди нихъ есть замѣчательныя личности, которыхъ не мѣшаетъ представить читателю каждаго особо.

Вотъ, напримѣръ, помощникъ дурунскаго пристава ²⁾, подпоручикъ милиціи Куль-батырь. Это древній уже старикъ съ сѣдою бородой. Во времена независимой Туркменіи (туркманчалыкъ воктында) онъ былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ и храбрѣйшихъ аламанщиковъ, за что и получилъ званіе батыря, т. е. удалца. Немало срубилъ онъ тогда персидскихъ головъ и немало десятковъ плѣнниковъ и плѣнницъ отвелъ на веревкѣ за своей лошадыю въ Бухару и Хиву на продажу. А когда на вольнолюбивую Туркменію надвинулась гроза съ сѣвера, онъ былъ избранъ однимъ изъ предводителей туркменъ и своимъ мужествомъ и энергіей подавалъ примѣръ молодымъ соратникамъ... Но, несмотря на чудеса храбрости, Геокъ-Тепе палъ таки подъ ударами «урусовъ», и Куль-батырь, съ приличествующимъ истинному мусульманину фатализмомъ, склонился передъ высшей силой и культурой и сталъ вѣрнымъ слугою новаго режима.

А вотъ рядомъ съ нимъ сидитъ другой защитникъ Геокъ-Тепе. Зовутъ его Эвезъ-Кули-сардаръ, и читатели «Историческаго Вѣстника» знакомы уже съ нимъ по живому разсказу г. Дандевилля—«Курбанъ-байрамъ» ³⁾.

Это—мужчина огромнаго роста и, какъ и Куль-батырь, древній уже старикъ. Но бороду свою онъ красить, такъ какъ сравнительно недавно женился на молоденькой персіянкѣ, которая категорически заявила, что не желаетъ имѣть стараго и сѣдого мужа. До завоеванія области онъ, какъ грознѣйшій сардаръ (предводитель), наводилъ страхъ и трепетъ не только на чарджуйскаго бека и сопредѣльныхъ хановъ Персіи, но былъ пугаломъ даже для своихъ сородичей, потому что не стѣнялся при случаѣ грабить и ихъ. Послѣ же паденія Геокъ-Тепе онъ преклонился передъ грознымъ «урусомъ» и самъ сдалъ свой родной аулъ Безменъ, въ кото-

¹⁾ Имъ жалуютъ чины по милиціи, выдѣляя такимъ образомъ или наиболѣе вліятельныхъ по своему рожденію или положенію, или находящихся на нашей службѣ туркменъ въ качествѣ помощниковъ приставовъ или аульныхъ старшинъ.

²⁾ Асхабадскаго уѣзда.

³⁾ «Историческій Вѣстникъ», 1899 г., № 9.

ромъ былъ старшиною. Теперь, какъ и Куль-батырь, онъ состоитъ помощникомъ атекскаго пристава ¹⁾, имѣетъ званіе юнкера милиціи и лелѣетъ мечту объ офицерскихъ погонахъ. Несмотря на старость, имѣетъ трехъ женъ и на вопросъ: «довольно ли ему трехъ женъ?»— съ улыбкой отвѣчаетъ: «теперь довольно» ²⁾...

Совсѣмъ въ другомъ духѣ двое остальныхъ судей-киргизовъ, пріѣхавшихъ изъ далекаго Мангишлака ³⁾.

Въ нихъ нѣтъ и тѣни сходства съ красивыми и гордыми туркменами, сохранившими вообще почти чистый кавказскій типъ.

Это—двѣ худыя фигуры съ скуластыми монгольскими фізіономіями, съ бѣгающими узко-прорѣзанными рысьими глазками и съ совсѣмъ жидкою растительностью на лицѣ. Одѣтыя въ тѣ же ваточные халаты, съ оригинальными малахаями на головахъ, они всею фігурою, всѣмъ видомъ отличаются отъ своихъ сосѣдей туркменъ, а по внутреннимъ качествамъ такъ же мало походятъ на нихъ, какъ трусливый, но хищный шакалъ не походитъ на дикаго и смѣлаго барса...

Таковъ былъ ареопагъ, собранный со всѣхъ концовъ области для сужденія во второй инстанціи своихъ соплеменниковъ. Для полноты картины нужно, впрочемъ, еще указать казія Куль-Мурада—маленькаго, сѣденькаго старичка-туркмена, скромно усѣвшагося въ самомъ концѣ судейскаго ряда. По своему званію казія (духовнаго судьи) онъ принимаетъ участіе только въ тѣхъ дѣлахъ, которыя приходится рѣшать не по адатамъ (обычаямъ), а по писанному мусульманскому закону (шаріату); кромѣ того, на немъ лежитъ обязанность приводить къ присягѣ, когда въ томъ окажется надобность по ходу дѣла. Нужно, однако, замѣтить, что въ области стремятся обращаться къ шаріату возможно рѣже, только лишь въ дѣлахъ семейственныхъ, наслѣдственныхъ и брачныхъ, а всѣ остальные—рѣшать по адату (обычаю).

И это, конечно, имѣетъ серіозный *raison d'être*.

Находящійся теперь передъ читателемъ сѣздъ собрался на 5—6 дней, и за этотъ періодъ времени ему предстоитъ рассмотреть около 60 дѣлъ, перенесенныхъ сюда по жалобамъ тяжущихся на рѣшенія различныхъ низшихъ народныхъ судовъ об-

¹⁾ Тедженскаго уѣзда. Уѣзды области раздѣляются на приставства и управляются приставами—русскими оберъ-офицерами; уѣзды же—штабъ-офицерами.

²⁾ Въ pendant къ этому рассказываютъ, что одинъ правовѣрный на вопросъ, женатъ ли онъ, отвѣтилъ: «да, немножко». Какъ такъ немножко? «Да всего одна жена». Мусульманамъ разрѣшается имѣть одновременно 4 законныхъ женъ и безъ ограниченія наложницъ, почему и встрѣчаются у богачей громадныя гаремы.

³⁾ Закаспійская область дѣлится на пять уѣздовъ, изъ которыхъ три (Асхабадскій, Тедженскій и Мервскій) населены почти исключительно туркменами, а остальные два (Красноводскій и Мангишлакскій) отчасти туркменами, отчасти киргизами; въ послѣднемъ уѣздѣ туркменъ сравнительно мало.

ласти. Среди этихъ дѣлъ—около полутора десятка исковъ о водѣ, около десятка тяжбъ изъ-за калыма, одно дѣло о признаніи сыномъ, несмотря на рожденіе отъ рабыни, одно о возвратѣ жены, отнятой отъ мужа, два иска о хунѣ за убійство (въ одномъ убитая дочь оцѣнена въ 500 барановъ и 20 кобылъ). Остальныя же дѣла уже чисто уголовныя—кражи, убійства, изнасилованія и т. д.

II.

Туркменскіе суды.

Судъ въ независимой Туркменіи.—Воздѣйствіе русской администраціи.—Нынѣшнее судоустройство.

Но что же такое народные суды Закаспійской области, и какія дѣла рѣшаютъ они?

Наша могучая родина издавна была осуждена на завоеваніе и подчиненіе мало культурныхъ странъ, полудикое населеніе которыхъ жило цѣлыя вѣка своими обычаями и управлялось своими законами. Но, устанавливая свою власть, Россія никогда, какъ извѣстно, не предпринимала коренной ломки въ воззрѣніяхъ и нравахъ покоренныхъ туземцевъ и предоставляла имъ жить попрежнему, по привычнымъ и издавна сложившимся порядкамъ. И только тамъ, гдѣ эти обычаи и порядки рѣзко противорѣчили общему государственному строю и нарушали мирное теченіе общественной жизни,—только тамъ наше правительство рѣшалось прибѣгать къ строгимъ запретительнымъ и даже карательнымъ мѣрамъ, предоставляя остальную работу силѣ времени и обстоятельствъ.

Такой политики держались русскіе на Кавказѣ, въ Сибири и Туркестанѣ; ею же руководились они и при завоеваніи Закаспійской области...

Такимъ образомъ и туркмены сохранили у себя многія черты и особенности своего прежняго быта и въ частности сохранили право разбираться въ спорахъ между собой своими народными судами.

«Во времена независимой Туркменіи,—говоритъ г. Ломакинъ въ своемъ интересномъ трудѣ: «Обычное право туркменъ»¹⁾—ни у одного изъ туркменскихъ племенъ не существовало правильно организованнаго народнаго суда, съ постояннымъ персоналомъ судей. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда между туркменскими племенами или частными лицами возникали какіе либо иски и недоразумѣнія, они разбирались или лицами, пользовавшимися довѣріемъ народа, которыя каждый разъ избирались тяжущимися сторонами въ неопредѣленномъ числѣ, или казіями...

¹⁾ Асхабадъ, 1897 г.

«Такія собранія почетныхъ лицъ назывались меджлисами или маслахатами (совѣтами).

«Обыкновенно маслахаты собирались на открытыхъ мѣстахъ, вблизи мечети или кибитки какого либо почетнаго лица въ аулѣ, при чемъ судъ происходилъ исключительно устно... При разборѣ дѣлъ присутствовали какъ стороны и ихъ свидѣтели, такъ и всѣ желающіе»...

Засимъ такъ же, какъ и въ нашей древней Руси, всѣ дѣла имѣли чисто частный характеръ и разбирались маслахатомъ лишь тогда, когда имѣлась въ виду жалоба заинтересованной стороны. Безъ такой жалобы не могло возникнуть дѣло ни объ убійствѣ, ни о разбоѣ, ни объ изнасилованіи... Наказанія же сводились собственно къ уплатѣ хуна (выкупа).

Естественно, что при такихъ условіяхъ и при отсутствіи у туркменъ какой бы то ни было правительственной власти обиженный могъ найти защиту только у своихъ родственниковъ; и чѣмъ больше было ихъ, чѣмъ богаче и сильнѣе были они, тѣмъ болѣе шансовъ имѣлъ онъ получить удовлетвореніе.

«Если же совершившій преступленіе бѣжалъ,—говорить г. Ломакинъ ¹⁾,—и вслѣдствіе этого у обиженнаго ускользала возможность мстить ему лично, то обыкновенно обиженный,—какъ буквально выражаются туркмены,—приставалъ, приклеивался, прилипалъ къ родственникамъ отвѣтчика, т. е. настоятельно требовалъ отъ нихъ удовлетворенія. Иногда вслѣдствіе этого между родственниками заинтересованныхъ сторонъ начиналась распря, нерѣдко доходившая до кровополитія. Если же при этомъ и самъ виновный попадался въ руки потерпѣвшему или его родственникамъ, то уже тутъ не останавливались ни передъ чѣмъ: изобрѣтались удивительно возмутительныя пытки, пока виновный не произносилъ «тоубѣ» или «тоубѣ этдимъ», т. е. покался, раскаялся, и за поручительствомъ своихъ родственниковъ не обязывался удовлетворить потерпѣвшаго. Вслѣдъ за этимъ между родственниками сторонъ начинались переговоры о способахъ и времени удовлетворенія потерпѣвшаго».

Если такимъ путемъ не удавалось прійти къ соглашенію, то дѣло переносилось въ маслахатъ, который выслушивалъ истца и отвѣтчика и затѣмъ употреблялъ всѣ усилія и способы для склоненія сторонъ къ миру.

Разъ затѣмъ миръ состоялся, то дѣло на этомъ и заканчивалось; если же нѣтъ, то дѣло переходило на рѣшеніе къ казію—духовному судѣ.

Этотъ послѣдній также прежде всего предлагалъ сторонамъ миръ, напоминая имъ, что самъ пророкъ Магометъ проповѣдывалъ о ве-

¹⁾ Ibid., стр. 53.

ликомъ значеніи сюльха (мирового соглашения), которое цѣнится Богомъ выше поста и молитвы... Буде же и тутъ соглашения не получалось, то казіи выслушивалъ свидѣтелей или приводилъ къ присягѣ ту или другую сторону. Затѣмъ, на основаніи данныхъ дѣла, постановлялось рѣшеніе.

«Хотя туркмены и увѣряютъ, что тяжущіеся безусловно подчинялись рѣшеніямъ казіевъ, но это не вполнѣ правильно. Нерѣдко бывало, что если отвѣтчику не нравилось рѣшеніе казія, то оно и не исполнялось, въ особенности тогда, когда родственники отвѣтчика были богаче и сильнѣе родственниковъ истца.

«Положительно можно сказать, что туркменскій судъ до занятія края русскими существовалъ только для тѣхъ, кто могъ опираться на авторитетъ и силу своихъ родственниковъ; человѣку же безродному не у кого было искать правосудія... Въ тотъ періодъ безначалія туркменскимъ обществомъ руководило не чувство справедливости, а только одна эгоистическая цѣль, удовлетворивъ обиженнаго или родственниковъ, избѣгнуть междоусобицы, при которой могли бы пострадать ни въ чемъ неповинные родственники какъ одной, такъ и другой стороны» ¹⁾).

По покореніи края,—какъ сказано уже и ранѣе,—вся система судопроизводства оставлена была въ принципѣ не тронутою. Но, конечно, администрація края не могла оставаться равнодушною къ нѣкоторымъ особенностямъ этой системы, стоявшимъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ давно и безповоротно установившимися у насъ принципами.

Такъ, прежде всего пришлось проводить въ народное сознаніе нашъ взглядъ на преступленіе, какъ на явленіе, вредное не только для потерпѣвшаго, но и для общества. При прямомъ участіи чиновъ администраціи въ отправленіи правосудія это постепенно удалось ввести, и теперь за наиболѣе важныя дѣянія (убійства, грабежи, изнасилованія и т. д.) народные суды назначаютъ помимо хуна еще и извѣстное наказаніе, независимо отъ того, проситъ ли объ этомъ отвѣтчикъ или нѣтъ.

Затѣмъ установлена болѣе или менѣе опредѣленно лѣстница наказаній—отъ денежныхъ взысканій до ссылки въ отдаленные уѣзды области (преимущественно Мангишлакъ), хотя выборъ наказанія зависитъ вполнѣ отъ усмотрѣнія суда.

Писанныхъ сборниковъ какъ матеріальнаго, такъ и формальнаго права, конечно, у туркменъ не существуетъ и до сихъ поръ. Да едва ли и разумно было бы закрѣплять всѣ ихъ обычаи (адаты) на бумагѣ и давать имъ силу закона положительнаго, такъ какъ, во-первыхъ, въ разныхъ мѣстахъ области существуютъ и разные адаты, а, во-вторыхъ, рано или поздно эти обычаи должны уступить мѣсто

¹⁾ Ibid., стр. 58—59.

обще-имперскимъ законамъ, къ каковому переходу населеніе по-немногу и незамѣтно пріучается уже и теперь.

Изъ дальнѣйшаго моего разсказа читатель пойметъ систему и порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ въ народныхъ судахъ Закаспійской области, почему теперь я ограничусь только самыми необходимыми замѣчаніями.

Туркменскіе суды вѣдаютъ всѣ дѣла, какъ уголовныя, такъ и гражданскія, возникающія среди туземцевъ области. Если же хоть одна изъ сторонъ принадлежитъ къ пришлому элементу, то дѣло подсудно уже общимъ судамъ ¹⁾.

Затѣмъ суды эти имѣютъ двѣ инстанціи: низшую—суды ауль-ные, уѣздные или приставскіе, и высшую—чрезвычайный съѣздъ народныхъ судей.

Аульные, уѣздные и приставскіе суды разбираютъ всѣ безъ исключенія дѣла, возникающія въ подвѣдомыхъ имъ районахъ. Въ составъ ихъ входятъ избранные самимъ населеніемъ судьи, въ числѣ 3—5 человекъ. Въ уѣздныхъ и приставскихъ судахъ предсѣдательствуютъ соотвѣтственные административные чины. Засимъ приговоры и рѣшенія по менѣе важнымъ дѣламъ и при необжалованіи ихъ начальнику области въ апелляціонномъ порядкѣ входятъ въ силу и приводятся въ исполненіе, а по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ (особенно по убійствамъ) представляются на утвержденіе начальника области.

Что касается чрезвычайнаго съѣзда народныхъ судей, то онъ былъ созданъ впервые въ 1894 году по инициативѣ бывшаго начальника области, а нынѣ военнаго министра, генерала А. Н. Куропаткина, столь много и плодотворно потрудившагося надъ всѣми отраслями жизни и управленія края.

Съ тѣхъ поръ собирается онъ по два раза въ годъ (въ іюнѣ и декабрѣ) и разрѣшаетъ тѣ изъ дѣлъ низшихъ судовъ, по которымъ апелляціонныя жалобы будутъ признаны заслуживающими уваженія. Разбираетъ онъ дѣла также по адатамъ, устно и публично. Рѣшенія его заносятся на бумагу и поступаютъ на утвержденіе начальника области. Засимъ никакого дальнѣйшаго обжалованія уже не полагается.

За короткій сравнительно срокъ своего существованія чрезвычайный съѣздъ сталъ судомъ въ высшей степени популярнымъ въ области, вслѣдствіе чрезвычайно внимательнаго и серьезнаго отношенія судей къ возложеннымъ на нихъ обязанностямъ.

Въ этотъ-то почтенный ареопагъ я и ввожу въ настоящее время читателя.

¹⁾ Въ 1899 году, какъ извѣстно, въ Закаспійской области введена судебная реформа по уставамъ императора Александра II.

III.

Женщина у туркменъ.

Безправное положеніе женщины у туркменъ. — Калымъ. — Основанія расцѣпки женщины.—Установленіе *rix fixe* на женщину.

— Теперь мы перейдемъ,—говоритъ потуркменски помощникъ предсѣдателя, обращаясь къ судьямъ:—къ слѣдующему дѣлу. Тутъ, видите ли, житель аула Геокъ-Тепе, Эвезъ Шиховъ, требуетъ отъ жителя аула Асхабадъ, Аппа Сеюкова, чтобы тотъ возвратилъ ему его жену Фатьму, тетку отвѣтчика. Этотъ же послѣдній соглашается возвратить, но требуетъ доплаты калыма въ размѣрѣ 50 тумановъ...

Но да проститъ мнѣ читатель, если я по необходимости отвлекусь опять въ сторону и скажу нѣсколько словъ о положеніи женщины у туркменъ и о томъ, что такое калымъ.

Положеніе женщины у туркменъ весьма тяжелое и совершенно безправное. За ней въ сущности не признается никакихъ человѣческихъ правъ; это не человѣкъ, а имущество, вещь, съ которою собственникъ можетъ обращаться, какъ ему заблагоразсудится. Это самка и рабочая сила, принадлежащая сначала отцу, брату, воспитателю, а потомъ—мужу. Только вдовы пользуются еще извѣстною самостоятельностью, но и то пока онѣ живутъ въ палаткѣ умершаго мужа, не выходя вновь замужъ и не возвращаясь къ своимъ родственникамъ. Разъ же вдова пожелаетъ вновь наложить на себя цѣпи Гименея, то она снова превращается въ рабу, и даже дѣти ея отъ перваго брака отбираются отъ нея и передаются ея родственникамъ.

Лучшимъ выраженіемъ этого безправнаго положенія туркменки служитъ обычай уплаты за невѣсту калыма—обычай, который составляетъ въ основаніи, конечно, не что иное, какъ актъ купли-продажи женщины-невѣсты.

Нужно замѣтить, что обычай калыма (старорусское вѣно) существуетъ понынѣ у всѣхъ мусульманскихъ народовъ и возникъ въ виду соотвѣтственнаго постановленія писаннаго закона—шаріата. Но между тѣмъ, какъ по шаріату весь калымъ составляетъ полную и неотъемлемую собственность самой невѣсты и служитъ ей обезпеченіемъ на случай развода,—по туркменскому адату (обычаю) ¹⁾ калымъ есть рыночная стоимость женщины, плата ея родственникамъ за воспитаніе и прокормленіе до замужества.

До прихода русскихъ въ край размѣръ калыма былъ не великъ и колебался въ предѣлахъ отъ 100 до 150 рублей. Но затѣмъ онъ

¹⁾ Туркмены вообще плохіе мусульмане и во многомъ отступаютъ отъ шаріата, замѣняя его своими адатами.

сталъ постепенно расти и въ настоящее время достигаетъ очень высокой цифры—400—800 рублей, а иногда даже и выше.

Главною причиною такого поднятія «курса на женщину» послужило отсутствіе подвоза этого «товара» изъ Персіи, откуда въ прежнее время очень легко было доставать его путемъ набѣговъ (аламановъ). Удачные набѣги давали тогда цѣлыя толпы рабовъ—мужчинъ и женщинъ, служившихъ какъ для «домашняго употребленія», такъ и для продажи на рынкахъ Бухары, Хивы, Коканда и другихъ среднеазиатскихъ ханствъ. Теперь же миновали эти «златые» времена вольной Туркменіи, и сынамъ ея приходится довольствоваться тѣмъ «товаромъ», который имѣется на мѣстномъ рынкѣ. Понятно, что онъ вздорожалъ въ нѣсколько разъ противъ прежнихъ цѣнъ, и весьма естественно, что въ дикой Туркменіи «въ дѣвкахъ не засиживаются»...

Весь калымъ, какъ уже сказано, беретъ себѣ ближайшій родственникъ невѣсты «по крови и кости»—ея отецъ, братъ, дѣдъ со стороны отца, племянникъ, двоюродный братъ и т. д. до той степени родства. Если же нѣтъ родственниковъ, то калымъ поступаетъ въ пользу опекуна или вообще лица, воспитавшаго невѣсту и выдавашаго ее замужъ.

Понятно въ виду этого, насколько выгодно туркмену имѣть дочь или родственницу-невѣсту. Понятно также и то, что дѣвочка-сирота никогда не останется на улицѣ, такъ какъ каждый готовъ взять ее къ себѣ на воспитаніе, имѣя въ виду получить за нее послѣдствіи солидный кушъ.

Уплачивается калымъ обыкновенно на половину деньгами, а на половину—имуществомъ (скотомъ, коврами, матеріями), при чемъ этому послѣднему дѣлается всегда очень высокая расцѣнка, особенно у тѣхъ, кто имѣетъ нѣсколько дочерей: за слѣдующихъ можно будетъ запросить побольше...

За дѣвушку вообще калымъ полагается ниже, чѣмъ за вдову, и это вполне рационально: тогда какъ дѣвушка выходитъ замужъ въ молодыхъ годахъ, въ большинствѣ даже недоразвившись еще физически ¹⁾,—вдова представляетъ собой уже несомнѣнно вполне доброкачественный товаръ, и какъ самка, и какъ рабочая сила.

Вносятся калымъ не сразу, а обыкновенно въ разсрочку, потому что рѣдкій женихъ въ состояніи внести всю покупную сумму одновременно. Но извѣстная часть ея обязательно должна быть внесена до совершенія брака. Въ обезпеченіе же остальной молодая жена черезъ нѣкоторое время послѣ свадьбы (отъ двухъ недѣль до двухъ мѣсяцевъ) возвращается къ своимъ родственникамъ и остается у нихъ до уплаты всей суммы. Это, конечно, по-

¹⁾ Иногда 8—9 лѣтъ, хотя въ этомъ случаѣ она не поступаетъ сразу въ домъ мужа, а остается временно у своихъ родителей.

буждаетъ «молодого», вкусившаго уже сладость супружеской жизни, приложить всё усилія къ скорѣйшему выкупу живого «залого». Если же эти усилія окажутся тщетными, то родственники жены предъявляютъ къ нему искъ въ судѣ о неуплаченномъ калымѣ. Судъ постановляетъ удовлетворить истца въ теченіе извѣстнаго срока, а если и этотъ срокъ окажется недостаточнымъ, то обязываетъ мужа дать женѣ разводъ или же, при несогласіи его, самъ даетъ его.

Загѣмъ, если женщина овдовѣтъ и вздумаетъ вновь выйти замужъ, то за нее опять-таки долженъ быть внесенъ калымъ и притомъ не родственникамъ покойнаго мужа, а тому же ближайшему родственнику ея «по крови и кости». И только лишь тогда, когда она выходитъ замужъ за брата или родственника покойнаго мужа, т. е. когда она остается въ родѣ этого послѣдняго, то калыма не полагается, такъ какъ этотъ родъ уже однажды приобрѣлъ её и, если не можетъ продать въ свою пользу, то, по крайней мѣрѣ, не долженъ платить за нее вторично.

Насколько подобные адаты милы и дороги обладателямъ «живого товара», настолько, конечно, они обременительны для молодого холостого населенія, которое зачастую не въ состояніи собрать требуемой суммы и должно обходиться безъ женъ. А если нужная сумма постепенно и собирается, то для этого приходится закабалиться на долгіе годы и всякое приобретеніе нести не въ свой домъ, а къ родственникамъ невѣсты или жены.

Русское правительство давно уже обратило вниманіе на эти грустные факты, но, не желая прибѣгать къ насильственной ломкѣ установившихся обычаевъ, старается моральнымъ воздѣйствіемъ побудить туркменъ къ уничтоженію калыма или, по крайней мѣрѣ, пониженію его.

Вопросъ этотъ, по приказанію бывшаго начальника Закаспійской области генераль-лейтенанта А. Н. Куропаткина, былъ поставленъ и официально на одномъ изъ чрезвычайныхъ съѣздовъ народныхъ судей. Съѣздъ высказался за установленіе однообразнаго калыма въ 400 рублей, но и то съ оговоркой, что его мнѣніе не можетъ имѣть обязательной силы, и что необходимо запросить объ этомъ низшіе суды и вообще весь народъ, каковое распоряженіе и было тогда же сдѣлано со стороны начальства области. Но если вопросъ разрѣшится даже въ этомъ смыслѣ установленія *prix fixe* на женщинъ, то и это будетъ уже выигрышемъ для большинства населенія.

Въ заключеніе этой главы приведу одинъ случай, имѣвшій мѣсто въ Мервѣ въ 1884 году и очень характерно иллюстрирующій взглядъ туркменъ на женщину.

Отецъ трехъ дочерей задолжалъ своему соплеменнику нѣкоторую сумму денегъ и не могъ уплатить, несмотря на данныя

ему двѣ, три отсрочки. Тогда заимодавецъ, имѣвшій уже 4 женъ и потому не имѣвшій права жениться, отобралъ у должника его дочерей и продалъ ихъ на сторону. Старикъ отецъ заявилъ на него въ судъ, но при этомъ жаловался не на самый фактъ продажи дочерей, а на то, что онѣ проданы очень дешево, и что за нихъ можно было выручить гораздо больше!... ¹⁾).

Попутно вспоминается мнѣ одинъ мой знакомый текинецъ, продавецъ коровъ. Онъ часто заходилъ ко мнѣ, когда я былъ въ Мервѣ, охотно пилъ чай и не менѣе охотно вступалъ въ разговоры на разныя темы. Однажды зашла у насъ рѣчь о калымѣ и о женщинахъ. Оказалось, что мой знакомецъ женатъ, имѣетъ одну жену, но жена эта «яманъ» ²⁾, потому что дѣтей нѣтъ, поэтому онъ хочетъ взять другую и намѣтилъ уже избранницу, да дорого просять—500 рублей.

— Такъ ты въ нашу вѣру перекрестись,—говорю я ему смѣясь:— у насъ ничего платить за женъ не нужно, да еще и за ними даютъ, чтобы только брали. Да и то бываетъ, что не берутъ!..

Текинецъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на меня и, истолковавъ, очевидно, мои слова въ шутку, сказалъ, указывая на сидѣвшую тутъ же мою жену.

— А бояръ ³⁾ дорого далъ за свою жену? Или пепкешъ взялъ?

Какъ потомъ я ни убѣждалъ его въ справедливости своихъ словъ, онъ такъ и ушелъ съ мыслью, что я смѣюсь надъ нимъ.

— Гдѣ жъ это видано, чтобы женщинъ не только отдавали даромъ, но еще и деньги за ними давали? И чтобы при всемъ томъ ихъ все-таки не брали?!..

Однако обращаюсь къ дальнѣйшему разсказу.

IV.

Дѣло о калымѣ.

Суть дѣла.—Стороны и ихъ пренія.—Попытка примиренія ихъ.—Опредѣленіе сѣзда.

— Итакъ,—продолжалъ помощникъ предсѣдателя, обращаясь къ судьямъ:—теперь мы будемъ разбирать споръ между Эвезъ Шиховымъ и Аппа Сеюковымъ. Жена перваго изъ нихъ, Фатъма, приходящаяся теткой отвѣтчику, ушла къ послѣднему отъ своего мужа. Въ виду этого Шиховъ требуетъ отъ Сеюкова возврата Фатъмы,

¹⁾ Обзоръ Закаспійской области съ 1882 по 1890 г. Изд. 2, Асхабадъ, 1887 г., стр. 31.

²⁾ Плохая.

³⁾ Баринъ, господинъ.

а Сеюковъ заявляетъ, что готовъ исполнить это требованіе, но лишь когда Шиховъ уплатитъ ему оставшійся еще за нимъ калымъ, именно 50 тумановъ ¹⁾. Дѣло это разбиралось уже въ асхабадскомъ уѣздномъ судѣ, который постановилъ взыскать съ Шихова 50 тумановъ, а затѣмъ возвратитъ ему Фатьму. Шиховъ остался недоволенъ этимъ рѣшеніемъ и перенесъ дѣло въ сѣздъ. Понятно?

Судьи закивали въ отвѣтъ головами, и передъ ними, по вызову бравыхъ молодцевъ изъ туркменскаго дивизиона ²⁾, появились «участвующія въ дѣлѣ лица».

Истецъ Шиховъ былъ молодой и красивый туркменъ, лѣтъ 35, а отвѣтчикъ, къ общему удивленію, оказался мальчикомъ лѣтъ 11—12. Рядомъ съ нимъ стала и его тетка Фатьма, жена Шихова—молодая, лѣтъ 30, женщина съ довольно выразительнымъ и красивымъ лицомъ ³⁾. Одѣта она была въ обычный костюмъ замужнихъ туркменокъ—длинную до пятъ рубаху изъ мѣстной ткани аладжи, подхваченную шерстянымъ кушакомъ; волосы были тщательно запряты подъ краснымъ шелковымъ платкомъ, концы котораго сходились на нижней части лица и закрывали подбородокъ и ротъ; на груди были мониста изъ разныхъ серебряныхъ вещицъ и монетъ, а въ ушахъ громадныя серьги, настолько громадныя, что уши не удержали бы ихъ, почему Фатьма и подвязала ихъ сверху головы. Завершеніемъ ея костюма былъ простой мужской халатъ, накинутый на голову, такъ что эта послѣдняя входила въ одинъ изъ рукавовъ: это внѣшній знакъ замужества и подчиненія власти мужа.

Истецъ Эвезъ Шиховъ безъ всякаго приглашенія, выступивъ впередъ, сталъ скороговоркою излагать суду свои требованія. Судьи слушали, кивая головами, и временами останавливали и переспрашивали его.

Не менѣе внимательно слушала истца и противная сторона и особенно Фатьма, присѣвшая передъ столомъ на корточки и придерживавшая одною рукою прелестнаго мальчугана лѣтъ 4-хъ, съ бойкими черными глазами, одѣтаго въ маленькій халатикъ и баранью папаху. Въ наиболѣе же интересныхъ для нея мѣстахъ она стремительно вскакивала съ мѣста, подбѣгала къ судьямъ и начинала энергично доказывать неправоту истца. Судьи не обращали вниманія на такое нарушеніе порядка процесса, а когда въ концѣ

¹⁾ Мервскій туманъ = 40 персидскимъ кранамъ, асхабадскій = 20 кранамъ; кранъ = 20 коп. Персидскій туманъ = 10 рублямъ.

²⁾ Почти тотчасъ же за завоеваніемъ Ахала изъ туркменъ была сформирована сотня, которая молодецки дралась уже на Кушкѣ съ авганцами въ 1885 году. Теперь эта сотня развернута въ дивизионъ, во главѣ котораго стоятъ русскіе офицеры.

³⁾ Туркменки не слѣдуютъ вообще примѣру своихъ мусульманскихъ сестеръ и не закрываютъ своихъ лицъ; иногда только прикрываютъ ротъ и подбородокъ.

концевъ страсти разгорѣлись, и къ голосамъ тяжущихся стали при-
мѣшиваться голоса ихъ родственниковъ,—они даже раздѣлились
между собой и стали слушать кто истца, кто отвѣтчика и Фатьму,
а кто даже и постороннихъ лицъ... И только вмѣшательство пред-
сѣдателя и его помощника могло возстановить хоть на время поряд-
докъ и придать процессу должное теченіе.

— Я все заплатилъ за нее,—закончилъ свою рѣчь Эвезъ Ши-
ховъ:—ничего не остался долженъ, и она должна вернуться ко мнѣ.

— Неправда, неправда, онъ все вретъ,—воскликнула Фатьма:—
онъ еще остался долженъ 50 тумановъ, и пока онъ не уплатитъ
ихъ, я не пойду къ нему!

Но тутъ, по знаку предсѣдателя, къ ней подскочилъ джигитъ
и прикрикнулъ на нее, велѣвъ молчать, пока ея не спрашиваютъ.

— А у тебя есть свидѣтели, что ты все уплатилъ?—спросилъ
истца одинъ изъ судей.

— Да это давно уже было,—уклончиво отвѣтилъ тотъ:—болѣе
пяти лѣтъ тому назадъ. Было двое свидѣтелей, да одинъ умеръ уже,
а другой уѣхалъ отсюда.

— Никакихъ у него свидѣтелей нѣтъ,—закричала вновь Фатьма:—
онъ все вретъ!

— Онъ все вретъ,—тоненькимъ и не окрѣпшимъ еще голосомъ
повторилъ за нею и отвѣтчикъ Сеюковъ:—онъ долженъ былъ упла-
тить мнѣ за тетку 70 тумановъ, 100 барановъ, 24 верблюда, 9 ку-
сковъ матеріи на платье, да коверъ, да серебряный черезсѣдель-
никъ, серебряный налобникъ и одну верблюдицу съ верблюженкомъ.
Все это онъ отдалъ, кромѣ 50 тумановъ, которые долженъ до сихъ
поръ.

— А ты что же выростилъ и воспиталъ свою тетку, что тре-
буешь теперь за нее деньги?—съ улыбкой обратился къ нему помощ-
никъ предсѣдателя.

— Нѣтъ, это она меня воспитала и вырастила,—отвѣтилъ маль-
чикъ:—но я её продалъ, и онъ долженъ мнѣ уплатить, что слѣдуетъ
по уговору.

— Какъ видите, жестокіе у насъ нравы,—обратился улыбаясь
помощникъ предсѣдателя къ этому послѣднему:—при случаѣ маль-
чика и мать свою готовъ былъ бы продать, лишь бы получить
калымъ. Но, къ счастью, это по адату невозможно.

Между тѣмъ процессъ шель своимъ порядкомъ, и Фатьма, вскри-
кивая и жестикулируя, объяснила суду, что мужъ ея Эвезъ Ши-
ховъ—большой негодяй, что послѣ свадьбы онъ повезъ её въ
Персію и тамъ отнялъ у нея всѣ ея дорогія вещи—браслетъ,
кольца, украшенія, и продалъ ихъ. Когда же она заявила протестъ
противъ такой наглости, то онъ объявилъ ей, что и её-то онъ
привезъ въ Персію, чтобы продать. И дѣйствительно черезъ нѣ-
которое время пришелъ покупатель—персюкъ, и сталъ осматривать

ее. Но тутъ ужъ она не выдержала, убѣжала отъ мужа и заявила жалобу на него мѣстнымъ властямъ. Тѣ приняли ее подъ свое покровительство и припугнули мужа, говоря, что изъ-за этого можетъ дѣло начаться, что съ русскимъ правительствомъ шутить нельзя. Тогда Эвезъ Шиховъ, испугавшись, увезъ ее обратно домой, но тутъ сталъ всячески обижать и бить, почему она однажды ночью и убѣжала отъ него къ своему брату.

— Не хочу возвращаться къ нему,—категорически заявила она подъ конецъ:—пускай весь калымъ уплатитъ, тогда только пойду.

— А у тебя свидѣтели есть, что онъ не все уплатилъ?—обратились къ ней судьи, повторивъ тотъ же вопросъ и Сеюкову.

Оба отвѣтили отрицательно, ссылаясь на давность, но упорно продолжали настаивать на томъ, что Шиховъ не уплатилъ еще 50 тумановъ...

— Ну, вы лучше помиритесь,—заговорили судьи со всѣхъ сторонъ.—Сеюковъ сброситъ чтонибудь съ 50 тумановъ, а Шихову мы накажемъ не обижать жену.

— Нѣтъ, нѣтъ, я несогласенъ мириться,—отвѣтилъ твердо Шиховъ:—я все уплатилъ и ничего болѣе не долженъ.

И такъ какъ окончательное примиреніе не состоялось, свидѣтелей не было, и сами стороны заявили о необходимости присяги, то судъ, удалившись въ совѣщательную комнату, постановилъ: дать присягу двумъ почетнымъ лицамъ изъ рода Сеюковыхъ въ томъ, что они убѣждены въ неуплатѣ Шиховымъ 50 тумановъ калыма, тогда дѣло само собой рѣшится въ пользу Сеюкова; если же вызванные лица откажутся отъ этой присяги, то дать присягу самому Шихову въ томъ, что онъ уплатилъ полностью выкупъ за жену свою Фатму.

V.

Присяга у туркменъ.

Предложеніе и отказъ отъ присяги.—Значеніе ея у туркменъ.—Примѣръ изъ жизни.—Очистительная присяга.—Готовность истца и отчаяніе отвѣтчицы.—Рѣшеніе съѣзда.

Когда это рѣшеніе было объявлено, среди «публики» начались движеніе и шумъ. Всѣ задвигались, заговорили, а кое-кто изъ переднихъ рядовъ юркнулъ въ задніе, поближе къ выходу. Но больше всѣхъ суетился и волновался истецъ Шиховъ. Жестикулируя и выкрикивая какія-то фразы, онъ смѣшался съ толпой и то показывался вновь впереди, то пропадалъ позади своихъ собратьевъ... Для него рѣшался теперь важный вопросъ: кто же изъ рода жены

будеть присягать—дѣйствительно ли вѣрный человекъ или какойнибудь проходимецъ, для котораго и присяга-то ничего не значитъ?

Но вотъ шумъ немного улегся, и на передній планъ выдвинулся, подталкиваемый сзади многими руками, дородный туркмень большого роста и весьма благообразной наружности.

— Юхъ, юхъ (нѣтъ, нѣтъ)!—энергично заговорилъ вытолкнутый, размахивая руками:— я не буду присягать. Я знаю, что Шиховъ не уплатилъ калыма по условію, но присягать не согласенъ. Я еще ни разу въ жизни не присягалъ и теперь не стану, не только изъ-за 50 тумановъ, но и изъ-за цѣлой кучи денегъ.

И онъ, энергично отстранивъ подталкивавшія его руки, раздвинулъ толпу и исчезъ въ ней.

-- Но кому же тогда присягать у Сеюковыхъ?—сказалъ одинъ изъ судей:—другого можно было бы достать, но этотъ—самый почетный у нихъ, и безъ него ничего не выйдетъ.

— Ну, тогда пускай Шиховъ присягаетъ, — сказалъ другой судья.

Остальной ареопагъ выразилъ свое согласіе, и Шиховъ быстро подошелъ къ столу. Тогда поднялся съ своего мѣста и Куль-Муррадъ-казій, развернулъ ситцевый платокъ и вынулъ изъ него небольшой коранъ въ кожаномъ переплетѣ.

Но тутъ среди публики началось настоящее смятеніе. Всѣ, кто былъ въ залѣ, повернули кругомъ и пустились къ выходу, давя другъ друга и взаимно наступая на ноги. Даже нѣкоторые изъ судей сдѣлали попытку встать и уйти въ совѣщательную комнату, и только замѣчаніе председателя удержало ихъ на мѣстѣ...

Въ объясненіе этой сцены считаю нужнымъ замѣтить, что туркмены, не въ примѣръ своимъ единовѣрцамъ Закавказья, среди которыхъ всегда можно найти сколько угодно «достоверныхъ лже-свидѣтелей»,—туркмены, говорю я, относятся къ присягѣ съ чрезвычайнымъ благоговѣніемъ и страхомъ. Они прибѣгаютъ къ ней, какъ читатель могъ уже замѣтить изъ предыдущаго, только въ крайнихъ случаяхъ, когда всѣ другія средства для рѣшенія дѣла не могутъ имѣть примѣненія.

По ихъ мнѣнію, уже одно принятіе хотя бы правильной присяги, когда есть еще хоть какойнибудь способъ обойтись безъ нея, составляетъ большой грѣхъ и ложится тяжелымъ пятномъ на человека, рѣшившагося на нее. Принятіе же присяги ложной составляетъ величайшій грѣхъ, за который нѣтъ искупленія въ будущей жизни, и за которымъ должна послѣдовать неминуемая и, быть можетъ, немедленная кара въ этой жизни и при томъ не только

для самого клятвенпреступника, но и для его рода, а также и для всѣхъ присутствующихъ при этомъ актѣ¹⁾.

Понятно поэтому, почему никто не хочетъ присутствовать при присягѣ, и почему сторона, настаивающая на ней и безусловно обязанная присутствовать при этомъ актѣ, такъ какъ иначе онъ не имѣетъ никакого значенія,— почему эта сторона сама принимаетъ всѣ мѣры къ примиренію и соглашается на всякія уступки, лишь бы присяга не состоялась... Равно понятно и то, что, когда все готово къ присягѣ, казіи предлагаетъ присягающему вопросъ: «пехлеванъ булурсенъ му?» т. е. «согласенъ ли быть героемъ, храбрецомъ?»...

Затѣмъ, какъ опять-таки читатель могъ замѣтить изъ предыдущаго, туркменская присяга не имѣетъ нашего характера — удостовѣренія правильности показанія свидѣтеля: ее могутъ принять и принимаютъ лица, которые по существу дѣла ничего не знаютъ, и въ подтвержденіе того, что, по ихъ мнѣнію, такой-то фактъ долженъ былъ случиться или не могъ имѣть мѣста при тѣхъ условіяхъ, на которыя указываетъ та или другая сторона. Точно также ее зачастую принимаетъ обвиняемый или отвѣтчикъ, въ удостовѣреніе того, что онъ не совершилъ приписываемаго ему дѣянія (например, убійства, кражи) или не долженъ требующихъ истцемъ денегъ. Такимъ путемъ онъ «очищается» отъ обвиненія или иска, почему присяга эта и носитъ названіе очистительной.

Теперь читателю ясно, почему вся толпа двинулась къ выходу, лишь только казіи взялся за коранъ. И, конечно, зала засѣданія

¹⁾ Г. Ломакинъ, въ цитированномъ уже трудѣ своемъ, приводитъ слѣдующій характерный случай, прекрасно рисующій отношеніе туркменъ къ присягѣ. Въ 1891 году въ Тедаженскомъ народномъ судѣ разбиралось дѣло по обвиненію Ашакомъ-Иушанъ-оглы и Котуромъ-Сарыджа-оглы душакскаго жителя Ваджика въ кражѣ лошади. Никакихъ доказательствъ не имѣлось, и обвинители согласились принять присягу въ подтвержденіе того, что Ваджикъ дѣйствительно—воръ. Но во время присяги одинъ изъ обвинителей упалъ въ обморокъ и былъ вынесенъ изъ помѣщенія суда; другой хотѣлъ продолжать принятіе присяги, но и съ нимъ случился обморокъ. Когда же первый былъ приведенъ въ чувство, онъ явился къ народнымъ судьямъ и настаивалъ, чтобы ему вновь разрѣшили присягнуть. Судьи изъявили согласіе, но когда его вновь начали приводить къ присягѣ, и онъ повторилъ за казіемъ нѣсколько словъ ея,—съ нимъ приключился новый обморокъ, и на этотъ разъ настолько глубокой, что онъ пришелъ въ себя только черезъ нѣсколько часовъ... Присяга, такимъ образомъ, не состоялась. Затѣмъ, въ томъ же году, по небрежности одного охотника, выкуривавшаго въ заросляхъ изъ норы лисицу, произошелъ пожаръ, при чемъ сгорѣло до 400 барановъ, принадлежавшихъ родственникамъ обвинителей Ашака и Котура. Въ этомъ событіи весь народъ, а равно и сами потерѣвшіе увидѣли Божию кару за ложную присягу и не только не принесли жалобы на охотника, но просили и мѣстную администрацію не преслѣдовать его, когда случайно стало извѣстно о пожарѣ...

опустѣла бы въ нѣсколько секундъ, еслибы неожиданная сцена не помѣшала присягѣ и не вернула публику обратно на ея мѣста.

Знакомая уже намъ Фатъма, жена истца, относившаяся до сихъ поръ довольно сдержанно ко всѣмъ оборотамъ дѣла, при приближеніи своего мужа къ судейскому столу, на которомъ лежалъ коранъ, стремительно вскочила съ своего мѣста, такъ что сынишка, державшійся обѣими руками за ея рубашку, отлетѣлъ даже въ сторону, и стала вопить и кричать, нанося себѣ удары по лицу и по тѣлу.

— Я не хочу, чтобы онъ присягалъ!—кричала она:—что ему присяга, когда онъ и меня хотѣлъ продать въ Персію! Онъ скверный человѣкъ! Ему лишь бы калыма не платить. Если онъ присягнетъ и возьметъ меня съ собой, то будетъ бить меня, руки мнѣ свяжетъ, истязать меня будетъ.

И тутъ же она начала фигурально на самой себѣ изображать, какъ мужъ станетъ бить и истязать ее, и какъ свяжетъ ей руки...

Велѣдъ за Фатъмою запицалъ и заплакалъ ея мальчишкѣ, а за нимъ зашумѣла и закричала воротившаяся обратно публика. Со всѣхъ сторонъ поднялись протесты противъ присяги, съ присовокупленіемъ неслестныхъ для Шихова эпитетовъ.

— Ему, видно, и присяга ни почемъ,—заговорилъ гнѣвно, выдвинувшись впередъ, тотъ же дородный туркмень, который раньше отказался отъ присяги,—а какъ мы будемъ присутствовать при этомъ? За что мы-то будемъ страдать за него? Нельзя ему давать присяги!

Тутъ гвалтъ и крики стали общими, и не извѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, еслибы предсѣдатель не велѣлъ джигитамъ возстановить порядокъ. Тѣ быстро стали раздавать направо и налѣво толчки и удары ножнами своихъ клынчей, и дисциплинированная публика мало-помалу умолкла.

Между тѣмъ и судьи, усомнившись, очевидно, въ добросовѣстности Шихова, рѣшили устранить его отъ присяги и удалились въ совѣщательную комнату для постановки рѣшенія.

Около получаса совѣщались они, усѣвшись кругомъ стола, и въ концѣ концовъ примкнули все къ мнѣнію, поданному прапорщикомъ милиціи Кары-нианомъ, довольно плотнымъ туркменомъ съ черною бородой и большими умными глазами.

— Присяги Шихову нельзя давать,—говорилъ Кары-нианъ,—онъ ненадежный человѣкъ. Да и не нужно ее: вѣдь нѣсколько же человѣкъ изъ рода жены,—и въ ихъ числѣ тотъ толстый, который отказался присягать,—заявили намъ, что истецъ не уплатилъ 50 тумановъ. На этомъ и порѣшимъ.

— Яхши, яхши (хорошо)!—отозвались остальные судьи и тотчасъ же постановили: обязать Шихова въ теченіе полугода уплатить Сеюкову 50 тумановъ; а если не уплатитъ, то жена его, Фатъма, можетъ просить въ судѣ о разводѣ.

Это рѣшеніе было тутъ же объявлено въ залѣ и записано казіемъ на арабскомъ языкѣ.

Фатъма и Сеюковъ удалились сіяющіе, а Шиховъ сталъ громко выражать свое неудовольствіе, пока подскочившій къ нему сзади джигитъ не попросилъ его «честью» замолчать и удалиться изъ залы.

VI.

Дѣло о кяризѣ.

Споръ ясманъ-салыхцевъ и багирцевъ.—Что такое кяризъ.—Дебаты сторонъ.—Показаніе Куль-Мурадъ-казія.—Отказъ старшины отъ присяги.—Отказъ казія.—Присяга ясманъ-салыхцевъ и завѣдомо несправедливое рѣшеніе съѣзда.—Резолюція начальника области.

— Ну, слава Богу, покончили съ этимъ тяжелымъ дѣломъ,—сказалъ предсѣдатель, обращаясь къ своему помощнику, когда Шиховъ былъ удаленъ изъ залы:—теперь можемъ перейти къ слѣдующему дѣлу. Что тамъ на очереди?

— Тутъ вотъ дѣло по спору о кяризѣ между ясманъ-салыхцами и багирами,—отвѣтилъ помощникъ:—значить, отъ калыма перейдемъ къ кяризу?

— Прекрасно. Объявите же судьямъ.

— Ну, теперь новое дѣло,—заговорилъ помощникъ, обращаясь по-туркменски ко всему ареопагу:—нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ жители аула Ясманъ-Салыхъ заявили въ Асхабадскомъ народномъ судѣ, что за 25 лѣтъ до занятія края русскими жители аула Багиръ заняли разработанный ими, ясманъ-салыхцами, кяризъ Кизиль-Чешме и съ тѣхъ поръ неправильно имъ владѣютъ; а чтобы закрѣпить его за собою, они даже дали ему новое названіе Токъ-Кала... Въ виду этого, они просятъ отобрать кяризъ и возвратить его имъ. Багиры же на это возражаютъ, что кяриза Кизиль-Чешме никогда не существовало, а былъ кяризъ Токъ-Кала; разработанъ же онъ ими, багирами, и находится на ихъ же землѣ. За 25 лѣтъ до занятія края русскими, ясманъ-салыхцы уже заявляли подобный же споръ, но онъ былъ разрѣшенъ въ пользу ихъ, багирцевъ, о чемъ хорошо извѣстно Куль-Мурадъ-казію, бывшему тогда въ числѣ судей-рѣшителей спора. Въ виду такой ссылки багирцевъ на казія Куль-Мурада, этотъ послѣдній былъ спрошенъ асхабадскимъ народнымъ судомъ и дѣйствительно подтвердилъ ссылку багирцевъ. Поэтому судъ утвердилъ кяризъ за багирами; ясманъ-салыхцы же остались недовольны этимъ рѣшеніемъ и перенесли дѣло въ чрезвычайный съѣздъ. Вотъ этотъ споръ мы и должны разобрать теперь.

Пока шелъ этотъ докладъ, въ толпѣ начались шумъ и движеніе. На передній планъ выступили представители спорящихъ ауловъ, приготовившіеся, очевидно, къ жестокому сраженію.

Однако, прежде чѣмъ продолжать дальнѣйшій рассказъ, необходимо объяснить читателю, что такое кяризь.

Закаспійская область, какъ извѣстно, имѣеть чрезвычайно знойное и сухое лѣто, продолжающееся съ марта-апрѣля по сентябрь-октябрь. За весь этотъ періодъ небо остается почти абсолютно безоблачнымъ, и солнце,—южное горячее солнце,—обливаетъ отъ восхода и до заката своими палящими лучами всю территорію области, накаливая ее до чрезвычайно высокой температуры. Эта огромная сумма тепла даетъ возможность разводить краю самыя нѣжныя экзотическія культуры, но, конечно, при одномъ лишь условіи—при обильномъ орошеніи почвы. А гдѣ же взять это орошеніе, если за все болѣе чѣмъ полугодовое лѣто съ неба не упадетъ ни одной капли дождя? Понятно, при этихъ условіяхъ нельзя ужъ рассчитывать на силы природы, а нужно приложить свой собственный трудъ. И вотъ, въ степяхъ Закаспія, на подобіе другихъ знойныхъ странъ, возникаютъ большія оросительныя системы, гдѣ пользуются каждою рѣчкой и ручьемъ, распредѣляя ихъ влагу по землѣ, при посредствѣ сложной ирригаціонной сѣти, и гдѣ выводятъ искусственно на поверхность земли подпочвенную воду, при помощи колодцевъ, соединенныхъ между собою подземными галлереями. Вотъ эти-то колодцы съ соединяющими ихъ галлереями и называются кяризами. Устройство ихъ требуетъ большой опытности и стоить въ общемъ очень дорого; но нужда въ водѣ, безъ которой немыслима въ области никакая культура, заставляетъ рыть одинъ кяризь за другимъ и всѣми силами отстаивать за собою разъ уже сооруженную систему.

О подобномъ-то дорогомъ во всѣхъ смыслахъ сооруженіи и шелъ теперь споръ между ясманъ-салыхцами и багирцами.

Итакъ спорящія стороны приготовились къ серіозному бою и, придвинувшись къ судейскому столу, начали одновременно и энергично излагать исторію дѣла и доказывать свои права на кяризь.

И судьи, и предсѣдатель предоставили имъ полный просторъ, и надо было видѣть то воодушевленіе и ту страстность, которую они вкладывали во взаимные дебаты.

Каждый аулъ выставилъ по нѣсколько говоруновъ, и они, оживленно жестикулируя, старались перекричать другъ друга, а когда это не удавалось,—оттаскивали своихъ противниковъ отъ стола и занимали ихъ мѣста. Судьи, выросшіе среди тѣхъ же обычаевъ, нисколько, конечно, не удивлялись такому способу веденія преній и слушали тѣхъ, которые въ данную минуту стояли передъ ними.

Особенно хорошъ былъ одинъ багирецъ—молодой мужчина, високаго роста, съ красивымъ и выразительнымъ лицомъ, на которомъ, какъ два алмаза, горѣли черные огненные глаза. Онъ жестоко насѣдалъ на ясманъ-салыхцевъ и, отгѣснивши ихъ отъ стола, сталъ настойчиво требовать, чтобы былъ выслушанъ по дѣлу, въ

качества свидѣтеля, Куль-Мурадъ-казій, который принималъ участіе въ рѣшеніи этого же спора за 25 лѣтъ до прихода русскихъ въ край.

Его настоянія увѣнчались успѣхомъ, и, по восстановленіи нѣкоторой тишины, казій заговорилъ тихимъ, немного дребезжащимъ старческимъ голосомъ.

— Дѣйствительно я былъ въ числѣ судей, которые задолго до паденія Геокъ-Тепе рѣшали это дѣло. Тогда житель аула Яманъ-Салыхъ, Озбекъ-Кизымъ, который теперь уже умеръ, потребовалъ отъ багирцевъ, чтобы они отдали ему кяризь Кизиль-Чешме, будто бы имъ разработанный, но расположенный на землѣ багирцевъ. Эти не захотѣли уступить. Пошелъ споръ, и вотъ для рѣшенія его составили маслахатъ изъ трехъ человекъ: багирскаго шпана Оразъ-Имама, геокчинскаго почетнаго аксакала Кетхуды-Байрама-Али-Мергена-Ниязъ-Келова, — оба они уже умерли, — и меня, такъ какъ я тогда былъ уже казіемъ. Вотъ мы, по требованію сторонъ, и порѣшили, чтобы багирцы выбрали изъ яманъ-салыхцевъ двухъ честныхъ, вѣрныхъ людей, и чтобы тѣ приняли присягу въ подтвержденіе заявленія Озбекъ-Кизыма. Но выбранные такимъ образомъ Кадыръ-Верды и Аллакъ Долихановъ отказались присягать. Тогда Озбекъ-Кизымъ самъ выбралъ изъ багирскаго общества двухъ людей Берды Бекала-Бабишъ-оглы и Таджъ-Мамеда и предложилъ имъ присягнуть на томъ, что спорный кяризь называется Токъ-Кала, а не Кизиль-Чешме, и что онъ принадлежитъ багирцамъ. Тѣ присягнули, и тогда Озбекъ-Кизымъ отказался отъ спора, и кяризь остался попрежнему въ рукахъ багирцевъ. Я самъ былъ тогда, рѣшалъ это дѣло и теперь говорю сущую правду, — закончилъ казій свой разсказъ.

— Зачѣмъ же теперь опять спорить объ этомъ? — заволновались тутъ багирцы: — кяризь нашъ и находится на нашей землѣ. Они уже хотѣли отобрать его отъ насъ, но это имъ не удалось. Чего же теперь еще имъ нужно?

— Нѣтъ, нѣтъ, — кричали въ свою очередь яманъ-салыхцы: — никакого рѣшенія тогда не было, и суда не было. Пускай они теперь присягаютъ или выберутъ изъ насъ вѣрныхъ людей для присяги.

И снова заволновалась и заходила толпа, насѣдая на судей, крича и жестикулируя.

Не зная, на чемъ остановиться, судьи удалились въ совѣщательную комнату и, вышедши оттуда черезъ нѣсколько минутъ, объявили, что рѣшено дать присягу старшинамъ шести смежныхъ ауловъ, которые показали, что слышали о состоявшемся за 25 лѣтъ до взятія Геокъ-Тепе рѣшеніи этого дѣла; если они подтвердятъ, что рѣшеніе состоялось, и при томъ въ пользу багирцевъ, то кяризь и останется за этими послѣдними; если же откажутся, то тогда двое яманъ-салыхцевъ должны присягнуть на томъ, что кяризь принадлежитъ имъ, а не ихъ противникамъ.

Но едва судъ объявилъ свое постановленіе, какъ въ залѣ началось настоящее столпотвореніе. Вся толпа закричала и загалдѣла; одинъ лѣзъ на другого, и каждый хотѣлъ перекричать всѣхъ своихъ сосѣдей. Долго звенѣлъ колокольчикъ предсѣдателя; долго молодцы-джигиты раздавали направо и налево толчки и удары своими клынчами... Наконецъ относительная тишина была восстановлена, и тогда оказалось, что и тѣ и другіе присягать не согласны. Старшины при этомъ объяснили, что очевидцами рѣшенія не были и потому присяги дать не могутъ.

Судьи въ недоумѣніи стали переговариваться и переговариваться между собой, но тутъ на выручку имъ явился одинъ изъ тяжущихся съ предложеніемъ привести къ присягѣ самого Куль-Мурадъ-казія.

Общій смѣхъ толпы былъ отвѣтомъ на это предложеніе, а старичекъ казій, волнуясь и негодуя, заявилъ, что въ жизни своей ни разу еще не присягалъ и теперь присягать не будетъ: сказалъ, какъ было дѣло,—и довольно!

И вотъ судьи опять удалились въ совѣщательную комнату. Куль-Мурадъ тоже было двинулся за ними, но они замахали ему руками и заставили вернуться обратно въ залу.

Долго совѣщался почтенный ареопагъ, какъ поступить въ такомъ затруднительномъ положеніи, какъ выйти изъ него, чтобы и дѣло порѣшить, да и адатовъ не нарушить. Въ концѣ концовъ надумались позвать Куль-Мурада и предложить ему дать присягу. Казій пришелъ, но на предложеніе присяги отвѣтилъ категорическимъ и безусловнымъ отказомъ.

— Зачѣмъ же ты отказываешься? — обратился тутъ къ нему съ укоризной одинъ изъ судей Мервскаго уѣзда, воспитывавшійся, какъ оказалось, въ Бухарѣ и считавшій себя знатокомъ шаріата: — вѣдь ты же приводишь каждый разъ насъ къ присягѣ. Отчего же самъ не хочешь присягнуть?

— Я прожилъ на свѣтѣ 70 лѣтъ, — отвѣтилъ ему Куль-Мурадъ: — и за все это время ни разу не присягалъ. Надѣюсь и умереть, не принявъ ея.

— Но вотъ ты отказываешься присягать, — обратился къ нему знакомый уже читателю аламанчикъ Эвезъ-Кули-Сардаръ: — старшины тоже отказались. Что же, отдать, значить, кяризъ яманъ-салыхцамъ? А вѣдь и ты, и я, и онъ, — Сардаръ указалъ тутъ на своего сосѣда, старика Куль-багыря: — всѣ мы знаемъ, что рѣшеніе было, и источникъ принадлежитъ багирицамъ. Но мы съ нимъ не можемъ присягать: мы не были при рѣшеніи. А ты самъ рѣшалъ и долженъ теперь присягнуть.

— Нѣтъ, нѣтъ, — заговорилъ опять упрямый старикъ: — я никогда не присягалъ, такъ и умру безъ присяги.

— Да что же дѣлать тогда? — заговорили кругомъ.

— Нужно рѣшать тогда дѣло безъ присяги,—отвѣтилъ Куль-Мурадъ:—или дать присягу двумъ багирцамъ.

— Нѣтъ, такъ нельзя,—возразилъ ему воспитанникъ Бухары:—шаріатъ не позволяетъ предлагать присягу болѣе двухъ разъ по одному и тому же дѣлу. А мы уже предлагали два раза. Впрочемъ,—добавилъ онъ:—Куль-Мурадъ вашъ казій и домъ здѣсь вашъ. Пусть будетъ такъ, какъ онъ говоритъ. Но только я тогда не подпишу рѣшенія.

Эти переговоры еще болѣе запутали положеніе, и только послѣ долгаго спора рѣшено было возобновить предложеніе двумъ яманъ-салыхцамъ принять присягу на томъ, что въ теченіе 36 лѣтъ земли багирцевъ не были орошаемы источникомъ Кизиль-Чешме, и на этихъ земляхъ багирцы не производили посѣвовъ, и что до занятія края русскими никакого спора о кяризѣ между обоими обществами не возникало, и дѣло это рѣшено присягою багирцевъ.

Не безъ шума и гама было принято тяжущимися и публикой это постановленіе съѣзда. Но все-таки пришлось ему подчиниться, и багирцы выбрали изъ присутствовавшихъ въ залѣ яманъ-салыхцевъ двухъ присяжныхъ. Но только что эти послѣдніе придвинулись къ столу, стремительно вылетѣлъ впередъ тотъ же молодой багирецъ, о которомъ я говорилъ ранѣе, и закричалъ, что эти двое присяжныхъ не годятся, что они не почетные люди; пусть дадутъ ему два дня, и онъ приведетъ двухъ вѣрныхъ и честныхъ людей, которые дадутъ правильную присягу...

Тутъ гвалтъ и шумъ дошли до послѣднихъ предѣловъ. Закричала и заволновалась толпа; закричали стороны, закричали и сами судьи. Яманъ-салыхцы стали отгалкивать назадъ багирца, а этотъ послѣдній отбивался и отгискивалъ ихъ назадъ...

Среди этого гвалта судьи, не уходя въ отдѣльную комнату, стали перекрикиваться между собой, не отложить ли дѣйствительно засѣданія на два дня, и послѣ нѣкотораго спора единогласно постановили отложить.

Однако, къ общему удивленію, сами багирцы запротестовали теперь противъ отсрочки и согласились на присягу двухъ наличныхъ яманъ-салыхцевъ. И тѣ среди тишины, энергично повторяя вслѣдъ за Куль-Мурадъ-казіемъ установленныя слова, приняли требуемую присягу.

— Китабъ-э-шерифы товафъ этъ (обойдите вокругъ, покружитесь около священной книги)!—сказалъ имъ въ заключеніе казій, и оба присягавшіе поочередно троекратно провели ладонями по раскрытому корану, а затѣмъ «умыли» себѣ ими лицо.

Присяга кончилась, и источникъ, которымъ багирцы владѣли задолго до занятія края, и споръ о которомъ уже былъ давным-давно рѣшенъ въ ихъ пользу, отошелъ къ яманъ-салыхцамъ.

И все это только потому, что старшины и Куль-Мурадъ-казій

отказались подтвердить свои слова подъ присягою, и таковая, по правиламъ шаріата, была предложена ясманъ-сальхцамъ. Эти же послѣдніе были, пожалуй, и правы, утверждая, что ихъ общество ранѣе не спорило о кзрнзѣ съ багирцами, такъ какъ споръ былъ заявленъ однимъ лишь Озбекъ-Кизымомъ...

Форма восторжествовала надъ духомъ, какъ это иногда бываетъ и въ нашихъ гражданскихъ процессахъ, гдѣ судъ связанъ предустановленными формальными доказательствами и рѣшаетъ дѣла не по внутреннему убѣжденію, а по буквѣ формальнаго закона.

Сами члены сѣзда понимали несправедливость своего рѣшенія и, разводя руками, ссылались на необходимость соблюденія установленныхъ практикою правилъ судопроизводства. А Куль-Мурадъ-казій, чувствуя за собой вину (отказъ отъ присяги), объясняетъ, что ему, какъ казію, приводящему всѣхъ къ присягѣ, не годится присягать самому; но если начальникъ области прикажетъ, то онъ присягнетъ, хотя бы кругомъ его костеръ разложили...

Но, къ счастью, оказалось возможнымъ исправить завѣдомую несправедливость этого рѣшенія, и не прибѣгая ни къ какимъ средствамъ давленія.

Начальникъ области, генералъ-лейтенантъ А. Н. Куропаткинъ, по докладу ему обстоятельствъ дѣла, положилъ на рѣшеніи сѣзда слѣдующую революцію:

«Рѣшеніе противно приказу 1892 года № 1 и потому не подлежитъ утвержденію. Утвердить за багирцами».

Согласно же приказу по военно-народному управленію Закаспійской области отъ 1 января 1892 года за № 1, народные суды и администрація края при рѣшеніи спорныхъ вопросовъ о правѣ пользованія водою по давности должны руководствоваться данными о дѣйствительномъ пользованіи ею ко времени штурма Геокъ-Тепе, т. е. къ 12 января 1881 года. А такъ какъ ко времени занятія края багирцы безспорно владѣли источникомъ Такъ-Кала, то онъ и долженъ былъ остаться за ними...

VII.

«Матеріальное уголовное право» туркменъ.

Простота правовыхъ возрѣній и немногочисленность преступленій.— Взглядъ на убійство.— Два примѣра.— Членовредительство и изнасилованіе.— Воровство и причины его распространенія.

По приведеннымъ мною замѣчаніямъ и примѣрамъ читатель составилъ уже себѣ извѣстное представленіе, какъ о «гражданскомъ правѣ» туркменъ, такъ и о «судопроизводствѣ» и «судоустройствѣ» у этихъ новыхъ подданныхъ Бѣлаго Царя. Теперь мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о «матеріальномъ уголовномъ

ихъ правъ» и въ заключеніе иллюстрировать эти общія соображенія интереснымъ процессомъ, прошедшимъ передъ моими глазами.

Жизнь среди вольныхъ степей при отсутствіи даже призрака какой либо власти и съ признаніемъ одного лишь права сильного не могла, конечно, выработать у туркменъ тѣхъ сложныхъ жизненныхъ отношеній, которыми проникнуть нашъ общественный и государственный строй. Не могло и не можетъ быть у нихъ въ силу этого и сложныхъ по своей конструкціи и составу преступленій, въ родѣ подлоговъ, всевозможныхъ государственныхъ и служебныхъ правонарушеній и т. д. Всѣ преступления ихъ сводились— да сводится и теперь—къ нарушенію личныхъ или имущественныхъ интересовъ ближняго, къ посягновенію на частныя права и блага, къ нарушенію тѣхъ нормъ, которыя съ такою категоричностью выражены въ заповѣдяхъ ветхаго завѣта: «не убій», «не прелюбы сотвори», «не укради».

Всѣ же остальные заповѣди не могли бы, понятно, имѣть прижизненія у туркменъ, ибо, во-первыхъ, они были плохіе магометане и плохо исполняли даже самыя основныя требованія шаріата, а, во-вторыхъ, вся этика ихъ съ полнымъ успѣхомъ укладывалась въ тѣ же три вышеприведенныя нормы—заповѣди...

Такимъ образомъ туркменъ, какъ и всякій членъ полудикаго общества, могъ совершить только такія преступления, какъ убійство, нанесеніе ранъ, изнасилованіе, грабежъ, воровство, присвоеніе чужого имущества... Вотъ въ сущности и все, такъ какъ если въ настоящее время эти сыны природы и подвергаются преслѣдованію и за другія дѣянія, въ родѣ служебныхъ нарушеній, то это уже установленіе новаго чуждаго для нихъ строя, принесеннаго въ край завоевателями, и за эти дѣянія они судятся не у себя, а въ общихъ судахъ имперіи.

Какъ же смотритъ туркменскій адатъ (обычай) на перечисленныя ранѣе преступления противъ личности другого челоуѣка и противъ его имущества, и какъ наказываетъ ихъ народный судъ?

Во времена независимой Туркменіи у сыновъ ея,—какъ и во всякомъ первобытномъ обществѣ,—твердо держался взглядъ на преступленіе, какъ на обиду частнаго лица, которое могло на это нарушеніе его правъ отвѣтить подобнымъ же нарушеніемъ, по правилу: «око за око, зубъ за зубъ». Въ силу этого убійство вызывало кровомщеніе, похищеніе чужого имущества могло влечь за собой такое же похищеніе...

Но должно замѣтить, что этотъ принципъ мести въ послѣднее время передъ завоеваніемъ примѣнялся у туркменъ сравнительно рѣдко, и обыкновенно нарушитель чужого права долженъ былъ выплатить извѣртный хунъ деньгами или скотомъ.

По важнѣйшему изъ преступленій—убійству, хунъ (древне-русскую виру) получали ближайшіе родственники убитаго, имѣвшіе,

по адату и шаріату, и ближайшее право на мечь ¹⁾). Выплачивалъ его или самъ убійца или его родственники, которымъ онъ затѣмъ обязанъ былъ хотя бы постепенно вернуть этотъ «долгъ чести». Уплата производилась или деньгами, или скотомъ, или самымъ ходкимъ и цѣннымъ товаромъ—женщинами. Размѣръ хуна зависѣлъ отъ разныхъ причинъ и условій, при чемъ за убійство женщины онъ опредѣлялся вдвое менѣе, чѣмъ за мужчину; если же женщина была убита своимъ ближайшимъ родственникомъ, которому она «принадлежала», то это въ счетъ не шло и за убійство не считалось.

Въ настоящее время положеніе о хунѣ практикуется попрежнему, но сверхъ выкупа за кровь народныя суды, подъ воздѣйствіемъ мѣстной администраціи, приговариваютъ убійца еще и къ аресту на болѣе или менѣе продолжительное время или къ ссылкѣ на тотъ или другой срокъ въ Красноводскій или Мангишлакскій уѣзды.

Для иллюстраціи этихъ общихъ замѣчаній приведу два примѣра, характеризующіе взгляды туркменъ на убійство.

Въ ночь на 10 сентября 1896 года въ аулѣ Геокъ-Тепе Копекъ Аскеровъ убилъ своего брата Акбая за то, что тотъ часто упрекалъ его за лѣнь и разъ даже побилъ, пригрозивъ сверхъ того убійствомъ, если онъ не исправится. Перепуганный такою угрозой Копекъ рѣшилъ предупредить Акбая и въ указанную ночь взялъ пашку и ею нанесъ ударъ по головѣ спавшему брату. Тотъ вскопчилъ на колѣни, вскрикнулъ «ахъ!» и упалъ мертвымъ. Убійца же сѣлъ тутъ же у труна и просидѣлъ такъ до утра, когда его засталъ сосѣдь Маметъ Бахши-Куліевъ.

За это убійство оба суда, т. е. Асхабадскій народный и чрезвычайный сѣзды, опредѣлили: обязать Копека и младшаго его брата Эвеза (къ дѣлу совершенно не причастнаго) содержать пятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей Акбая, а когда Эвезъ достигнетъ 17 лѣтняго возраста и будетъ въ состояніи одинъ прокормить дѣтей Акбая, то выслать Копека въ Мангишлакъ на 6 мѣсяцевъ. Сверхъ того, Копекъ долженъ уплатить сыновьямъ убитаго, когда они достигнутъ совершеннолѣтія, 100 тумановъ, а если сыновья не будутъ согласны на это, то предоставитъ имъ самимъ возбудить жалобу за убійство отца.

Въ томъ же году въ январѣ, въ далекихъ пескахъ, у колодець Четъ-Кельт, Курбанъ-Дурды-Анна-Мурадовъ пасъ стада барановъ; вмѣстѣ съ нимъ былъ пастухъ Юзбашевъ. Въ недалекомъ

¹⁾ По шаріату для полученія права на мечь нужно было благословеніе муфтія—высшаго духовнаго лица; по туркменскому же адату такого благословенія уже не требовалось, и хундары (родственники убитаго) считали себя въ правѣ мстить, не испрашивая ничего разрѣшенія,—тѣмъ болѣе, что и муфтія у нихъ не было, и къ нему нужно было бы ѣхать въ Бухару или Хиву...

же разстояніи отъ нихъ пасли своихъ барановъ Курбанъ-Гельды-Ходжа-Курбановъ, Оразъ-Дурды-Курбанъ-Назаровъ и Софи-Курбанъ-Назаровъ. Оразъ-Дурды пришелъ къ Юзбашеву и попросилъ огниво. Юзбашевъ отозвался, что оно ему самому нужно. Тогда Оразъ-Дурды рѣшилъ отнять огниво силою. На шумъ прибѣжалъ Курбанъ-Дурды, и между ними тронми завязалась драка. Оразъ-Дурды передалъ объ этомъ своимъ братьямъ, и на слѣдующую ночь онъ и братъ его, желая отомстить Курбану-Дурды и Юзбашеву, подкрались къ нимъ во время сна, зарѣзали ихъ и сожгли на кострѣ, въ который бросили все ихъ имущество и верблюжки сѣдла. Были найдены только обуглившіяся кости и заржавленный ножъ; все остальное обратилось въ пепель. Стадо барановъ въ 850 штукъ разбѣжалось по степи.

Хотя обвиняемые, привлеченные къ суду родственниками убитаго Курбана-Дурды, и не признали себя виновными, асхабадскій народный судъ приговорилъ Ораза-Дурды къ ссылке въ Сибирь на 8 лѣтъ и къ уплатѣ хуна родственникамъ обоихъ убитыхъ по 150 тумановъ за cadaго.

Чрезвычайный съѣздъ привлекъ къ отвѣту и Курбана-Дурды-Назарова. Но такъ какъ свидѣтелей убійства не было, то съѣздъ, по обычаю, предложилъ родственникамъ убитыхъ представить четырехъ свидѣтелей, могущихъ принять присягу «въ убѣжденіи», что убійство совершено братьями Назаровыми. Когда же такая присяга была принята, то съѣздъ постановилъ: взыскать съ Оразъ-Дурды и Курбанъ-Дурды-Курбанъ-Назаровыхъ въ пользу родственниковъ убитыхъ по 150 ахальскихъ тумановъ за cadaго убитаго и, кромѣ того, въ виду выдающейся жестокости преступленія, ходатайствовать передъ начальникомъ области «о высылкѣ» обоихъ виновныхъ въ Мангишлакъ на 5 лѣтъ, изъ конхъ два года они должны содержаться подъ арестомъ въ Мангишлакскомъ арестномъ домѣ ¹⁾.

Переходя засимъ отъ убійства къ другимъ преступленіямъ, скажу, что какъ за членовредительство, такъ и за изнасилованіе въ настоящее время вчиняются обыкновенно иски о вознагражденіи за лѣченіе и безчестіе. Но во второмъ случаѣ женщина можетъ безнаказанно убить покушающагося на ея честь (хотя это случается рѣдко). Точно также мужъ, застигнувшій жену съ любовникомъ на мѣстѣ преступленія (увы! и въ пустыняхъ Туркменіи это не рѣдкость!), можетъ убить ихъ обонхъ, и убійство это встрѣтитъ только всеобщее одобреніе въ народѣ.

Но что разработано въ туркменскомъ матеріальномъ правѣ наиболѣе подробно, это—постановленія о тайномъ похищеніи чужого

¹⁾ Оба эти примѣра взяты изъ непоступавшаго въ продажу «Сборника процессовъ чрезвычайнаго съѣзда народныхъ судей Закаспійской области 1894—1898 гг.», составленнаго К. Д. Повалишинымъ.

имущества, то-есть о кражѣ (огурлукъ). Я говорю лишь о тайномъ похищеніи, потому что похищеніе явное (разбой и грабежъ) практикуется среди туркменъ вообще очень рѣдко, и главнѣйшій видъ этого преступленія—аламаны, то-есть разбойническія нападенія на сосѣднія племена цѣлыми организованными партіями—отжилъ свой вѣкъ и похороненъ навсегда съ занятіемъ края русскими. Впослѣдствіи я остановлюсь на этомъ любопытномъ явленіи, а теперь скажу въ заключеніе настоящей главы нѣсколько словъ о возрѣніяхъ туркменъ на кражу.

Если воровство было распространено и раньше, да распространено въ еще большей степени и теперь среди интересующей насъ народности, то причиной этому не нравственная испорченность этихъ дѣтей природы во вкусѣ Жанъ-Жака Руссо ¹⁾, а нѣкоторыя условія ихъ жизни и быта и прежде всего извѣстный уже читателю обычай покупки женъ. Въ жизненныхъ своихъ потребностяхъ туркменъ настолько неприсотливъ, что, имѣя кусокъ хлѣба, онъ никогда не станетъ жаловаться на нужду. Но желаніе приобрести жену—желаніе, конечно, вполне законное—заставляетъ его зачастую, вопреки своимъ убѣжденіямъ, покушаться на чужую собственность.

Какъ на другую причину распространенія воровства указываютъ на развивающуюся привычку къ куренію опиума. Администрация области ведетъ дѣятельную борьбу съ этимъ ужаснымъ зломъ, но встрѣчаетъ себѣ серьезный отпоръ въ засасывающей силѣ этой страсти, всецѣло подчиняющей себѣ человѣка и лишаящей его всякаго проблеска воли.

Бывшій начальникъ Закаспійской области, генералъ-лейтенантъ А. Н. Куропаткинъ, исходатайствовалъ совершенное запрещеніе ввоза въ край опиума, о чемъ и объявилъ по области въ приказѣ отъ 17 іюля 1891 года, предписавъ администраціи вести борьбу съ этимъ зломъ не только путемъ наказаній и репрессій, но главнымъ образомъ путемъ нравственнаго воздѣйствія на населеніе. вмѣстѣ съ тѣмъ приглашены къ принятію участія въ этой борьбѣ и сами туземцы...

Но страсть слишкомъ сильна, и никакія репрессіи не удерживаютъ торговцевъ отъ провоза запретнаго снадобья, цѣна котораго поднимается вмѣстѣ съ усиленіемъ гоненія. Въ настоящее время опиумъ продается уже буквально на вѣсъ серебра: на одну чашку вѣсовъ кладется снадобье, а на другую такое же количество по вѣсу персидскихъ серебряныхъ крановъ... А такъ какъ опиѣфаги

¹⁾ Въ этомъ отношеніи туркмены стоятъ очень высоко даже и теперь, несмотря на дурное вліяніе налетѣвшихъ на область отбросовъ разныхъ національностей—русской, армянской, персидской и другихъ. И тщетно ведетъ администрація борьбу съ этимъ ужаснымъ, но, увы! обычнымъ явленіемъ наплыва дурныхъ элементовъ.

къ труду неспособны, то кража служитъ для нихъ единственнымъ выходомъ изъ подобной коллизіи...

«Туркменъ, — говоритъ г. Ломакинъ, разбирая положенія о кражѣ:—не различаетъ кражи простой отъ кражи со взломомъ. Цѣнность уворованнаго имущества также не имѣетъ никакого значенія при опредѣленіи наказанія за кражу... Туркменъ, у котораго совершена покража, прежде всего заботится, тѣмъ или инымъ путемъ, получить уворованное у него имущество или стоимость его, а потому, отыскивая украденное, онъ не останавливается ни передъ чѣмъ: допытывая подозрѣваемаго, изобрѣтаетъ всевозможныя мученія, пока онъ или не сознается въ кражѣ, или не обяжется отыскать вора; но разъ потерпѣвшій считаетъ себя матеріально удовлетвореннымъ, вопросъ о наказаніи за воровство у него становится на второмъ планѣ. Не было примѣра, чтобы воръ, добровольно возвратившій украденную вещь, привлекался къ отвѣтственности».

Далѣе г. Ломакинъ разбираетъ подробно, какъ поступаютъ туркмены и ихъ суды при разныхъ обстановкахъ и условіяхъ учиненія кражъ. Но для насъ было бы, конечно, утомительно итти за нимъ чрезъ всѣ эти подробности, и я ограничусь краткимъ указаніемъ, что, за неимѣніемъ слѣдственной власти, потерпѣвшій отъ кражи всегда самъ принимаетъ всѣ мѣры къ обнаруженію вора и возвращенію похищеннаго, а суды вѣдаются лишь съ тѣмъ матеріаломъ, который имъ даютъ стороны, примѣняя и всѣ тѣ способы доказательства, которые уже извѣстны читателю изъ предшествующаго текста статьи,—до очистительной присяги включительно.

Но, тѣмъ не менѣе, я считаю возможнымъ остановиться на интересной профессіи, возникшей у туркменъ въ виду распространенности кражъ и съ цѣлью помочь, за извѣстное вознагражденіе, потерпѣвшему вернуть свое имущество.

Такъ какъ объектомъ кражъ бываетъ попреимуществу скотъ, крупный и мелкій, то среди этихъ помощниковъ въ розыскахъ особенно много такъ называемыхъ «изчи» — слѣдопытовъ (отъ слова изъ—слѣдъ).

«Приходится поражаться, — говоритъ г. Ломакинъ:—съ какимъ умѣніемъ, съ какою ловкостью идетъ изчи по слѣдамъ скота, убѣжавшаго или угнаннаго за нѣсколько даже дней. Искусство это достигается, конечно, многолѣтнею практикою и даетъ туркменамъ, усвоившимъ его, значительный заработокъ.

«Когда же изчи по слѣдамъ придетъ къ какому нибудь аулу, на этомъ обязанность его по розыску заканчивается. Дальнѣйшіе розыски продолжаютъ хозяева тѣхъ кибитокъ, около которыхъ оканчиваются слѣды, такъ какъ иначе они должны уплатить стоимость пропавшаго имущества, а въ случаѣ ихъ несогласія платятъ жители всего аула, которые уже затѣмъ сами разыскиваютъ вора».

Но, кромѣ «слѣдопытовъ», есть еще другая разновидность этихъ

помощниковъ по розысканію украденнаго—такъ называемые сіюнджилаки.

Это уже не профессиональные сыщики, а случайные, имѣющіе возможность, благодаря какой либо счастливой случайности, указать хозяину мѣстонахождение пропавшаго имущества. За эту «радостную вѣсть» они получаютъ отъ хозяина сіюнджи—подарокъ за доставленіе радостной вѣсти, но обязаны вернуть его въ случаѣ безуспѣшности розысковъ.

Этими замѣчаніями я и закончу настоящую главу «о матеріальномъ уголовномъ правѣ» туркменъ и перейду къ обѣщанному при-мѣру, которымъ закончу и самую статью.

VIII.

Убійство съ романическою подкладкой.

Въ послѣдній день засѣданія передъ сѣздомъ прошло нѣсколько дѣлъ объ убійствахъ, и въ одномъ изъ нихъ убійство было совершено оскорбленнымъ мужемъ, застигнутымъ женою на мѣстѣ преступленія и отправившимъ ее въ лучшій міръ вмѣстѣ съ ея возлюбленнымъ.

Изъ доклада помощника предсѣдателя оказалось, что жалоба была принесена родственниками убитаго сарыка ¹⁾ Пендинскаго приставства ²⁾, Тонатара Арнаева, доказывавшими, что убійца Карли-Ильясъ-Куліевъ убилъ покойнаго не въ кибиткѣ, а въ полѣ, и не одинъ, а съ братьями, и что онъ потомъ уже, вмѣстѣ съ этими послѣдними, принесъ трупъ его въ кибитку и положилъ на кровать жены. Судъ, разсматривавшій это дѣло, оправдалъ Куліева, но родственники убитаго перенесли дѣло въ сѣздъ.

Поддерживая эту жалобу передъ сѣздомъ, они доказывали, что, судя по слѣдамъ и крови, начинавшимся шагахъ въ 250 отъ кибитки Карли-Ильяса и ведшимъ до самой кибитки, убійство, несомнѣнно, совершено было въ полѣ, и, слѣдовательно, адагъ былъ нарушенъ, и убійца долженъ уплатить хунъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, неправда,—возразилъ имъ убійца Карли-Ильясъ,—я убилъ Тонатара, заставъ его съ моею женой. Онъ давно уже жилъ

¹⁾ Туркмены дѣлятся на нѣсколько племенъ. Изъ нихъ самое многочисленное—теке (мервскіе и ахальскіе текинцы); затѣмъ идутъ іомуды, сарыки, салоры, джафарбай и т. д.

²⁾ Мервскаго уѣзда; граничитъ съ Афганистаномъ. Въ немъ находится Кушкинскій постъ и происходило сраженіе на Кушкѣ.

съ нею, и весь аулъ зналъ объ этомъ. Я много разъ предупреждалъ его и грозилъ, что убью, если застану съ женой. А онъ еще даже хвалился, что не боится меня. Я все никакъ не могъ застать ихъ вмѣстѣ. Но вотъ въ ту ночь, рѣшивъ обмануть ихъ, я сказалъ женѣ, что пойду въ поле, и пошелъ, но потомъ, когда стемнѣло, вернулся и засѣлъ около кибитки. Ждалъ долго. Жена уже улеглась и заснула. Когда уже луна взошла, подошелъ вдругъ Тонатаръ, перепрыгнулъ черезъ арыкъ и вошелъ въ кибитку. Потомъ слышно было, какъ онъ подошелъ къ женѣ, разбудилъ ее и выругалъ за то, что она заснула. Она просила простить ее, говоря, что сама не замѣтила, какъ заснула! Дальше былъ еще шорохъ и разговоръ... И вотъ, когда Тонатаръ уже улегся съ женою, я тихо вошелъ въ кибитку и палкой съ чугуномъ на концѣ, бывшей у меня въ рукахъ, сталъ бить ихъ по головамъ... Они ничего не говорили, а только хрипѣли. Потомъ я взялъ ножъ и перерѣзалъ женѣ горло, а Тонатара ударилъ по головѣ. Потомъ я пошелъ къ сосѣдямъ и къ хану, которымъ и заявилъ все, какъ было. Ханъ оставилъ меня у себя и послалъ за старшиной... Я два года терпѣлъ, все никакъ застать ихъ не могъ. А теперь убилъ, какъ слѣдуетъ по адату. Пусть и меня убьютъ, если это слѣдуетъ...

Спрошенные, вслѣдъ за убійцей, братья, родственники и сосѣди объяснили во всемъ согласно съ показаніемъ самого Карли-Ильаса, заявивъ, однако, что сами лично ничего не знаютъ, а слышали обо всемъ отъ самого убійцы. А что Тонатаръ жилъ съ женою Ильаса, и что трупы ихъ лежали на утро вмѣстѣ одинъ на другомъ, то это правда.

Сѣздъ, за отсутствіемъ свидѣтелей, очевидцевъ преступленія, порѣшилъ дать присягу четыремъ свидѣтелямъ, по выбору истцовъ, въ томъ, что, по ихъ убѣжденію, Карли убилъ Тонатара и свою жену въ кибиткѣ, и что никто ему въ убійствѣ этомъ не помогалъ.

Избранные свидѣтели приняли присягу, и такимъ образомъ, какъ самъ Карли, такъ и его братья «очистились» отъ возникшаго на нихъ обвиненія.

Не повторяю извѣстныхъ уже читателю подробностей процесса, но не могу удержаться, чтобы не отмѣтить тѣ мотивы, которые и низшій судъ, и сѣздъ положили въ основу своего оправдательнаго приговора.

Обѣ инстанціи высказали, что, по адату, если мужъ застанетъ жену и любовника во время полового акта, или «обнявшись», или «спящими», то «обязанъ» убить ихъ, и такое убійство ставится ему «въ заслугу», и онъ не можетъ за него подвергнуться наказанію и не долженъ платить хунъ за кровь. При убійствѣ «могутъ участвовать», «помогать» мужу его родственники и даже посторонніе, при чемъ и они не могутъ быть наказаны. Убійство жены и любовника

можетъ быть совершено и не на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ засталъ мужъ, при бѣгствѣ одного изъ нихъ мужъ можетъ догнать и убить.

Рѣшеніе это было утверждено начальникомъ области, но убійцу Карли, приказано было все-таки выдержать 6 мѣсяцевъ подѣ арестомъ и выслать на 2 года въ Мангишлакъ...

Таковы-то въ общихъ чертахъ матеріальное и формальное право нашихъ новыхъ компатріотовъ-туркменъ.

А. П. Андреевъ.

ОЧЕРКЪ ТЕАТРАЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ ДВУХЪ ЭПОХЪ.

(1801—1856 гг.)

Александровская эпоха.

РЕДЛАГАЕМЫЙ очеркъ не имѣетъ другой претензіи, какъ дать новые матеріалы по исторіи русской цензуры. Русская драма, обезличенная въ послѣдніе годы царствованія Екатерины и Павла, предназначена была судьбою пережить новыя испытанія въ послѣдующія двѣ эпохи: Александра I и Николая Павловича. За это время положеніе печати, въ частности драматической, было самое жалкое. Правительство такъ привыкло вѣрить въ непогрѣшимость своихъ взглядовъ, что малѣйшая попытка поколебать его авторитетъ встрѣчалась непріязненно и каралась строго. Критика особенно преслѣдовалась тамъ, гдѣ находились любители вѣщать открыто, со сцены, на примѣръ, драматурги только что нарождавшагося русскаго театра. Послѣднему не суждено было у насъ играть той роли, которая приписывается ему на Западѣ, но въ общемъ движеніи пробуждающей русской мысли ему принадлежитъ несомнѣнно почетное мѣсто. Отношенію правительства къ драматическимъ произведеніямъ и посвящается настоящее изслѣдованіе.

I.

25 апрѣля 1805 года, петербургскій цензурный комитетъ разсматривалъ въ засѣданіи пятиактную драму г. Антона Автушкевича, подъ заглавіемъ «Увѣнчанная добродѣтель». Судя по заглавію, произведеніе представляло одинъ изъ безчисленныхъ сколковъ современной драматической поэзіи и вполне соответствовало своему назначенію, еслибы:

1) автору были извѣстны, какъ законы, такъ и обычаи Россіи, гдѣ происходитъ дѣйствіе; 2) еслибы окончаніе пьесы было сообразно «отечественнымъ постановленіямъ», требующимъ, чтобы «узнанныя и доказанныя злодѣйства» не оставались безъ должнаго наказанія; 3) сочинитель, занявъ содержаніе пьесы изъ истиннаго происшествія, случившагося въ проѣздъ государя императора Александра I черезъ Лифляндію, вымышляетъ, что работникъ, коему безпримѣрный монархъ себѣ лично оказалъ помощь въ приключившемся ему несчастіи, во время работы его при судахъ, былъ крѣпостной челоувѣкъ того господина, котораго родной его братъ умышляетъ убить въ сочиненной имъ драмѣ. «Сей вымыселъ, по мнѣнію комитета, какъ оскорбительный для чести фамиліи сего господина, совершенно противенъ 15 пункту устава о цензурѣ».

На этомъ основаніи комитетъ не пропустилъ драмы, а предложилъ г. Автушкевичу, исправивъ недостатки, вновь представить произведеніе въ цензуру для новаго разсмотрѣнія; неизвѣстно только, какъ поступилъ сочинитель.

Въ томъ же году возникла въ Москвѣ переписка по поводу представленія комедіи подъ заглавіемъ «Капитанъ Хантилла». Сенатскій оберъ-секретарь Николай Николаевичъ Сандуновъ, извѣстный между прочимъ переводомъ Шиллеровскихъ «Разбойниковъ», выкроилъ «Капитана» изъ Лесажевскаго «Жильблаза», предложивъ эту пьесу своему брату, извѣстному актеру. «Капитана» назначили къ представленію. Въ это время, по тайному ли доносу или влѣдствіе другихъ причинъ, московская администрація усомнилась въ легальности пьесы и властью московскаго главнокомандующаго А. А. Беклешова сняла ее съ репертуара, при чемъ донесла въ Петербургъ слѣдующее: «Милостивый государь мой, графъ Петръ Васильевичъ, — писалъ Беклешовъ графу Завадовскому (28 апрѣля 1805 г.), — на здѣшнемъ театрѣ назначена была къ представленію сочиненная г. Сандуновымъ, сенатскимъ оберъ-секретаремъ, и цензурнымъ комитетомъ пропущенная комедія въ 5 дѣйствіяхъ «Капитанъ Хантилла». По разнымъ слухамъ о сей пьесѣ, что въ ней помѣщено много мѣстъ особенныхъ, значительныя отношенія имѣющихъ, и выражений смѣлыхъ, и что она по симъ причинамъ якобы въ Петербургѣ цензурою не была пропущена, поста-

вить я долгомъ остановить представленіе ея и вытребовать самую книгу къ себѣ. По прочтеніи же, хотя и нахожу, что въ самомъ Жильблэзѣ, изъ коего вся пьеса почерпнута, и содержится несравненно болѣе смѣлыхъ изреченій и вообще мыслей противъ правительства и лицъ правительственныхъ, но какъ книгу читаетъ обыкновенно всякій про себя, а на зрѣлище собирается народъ, такъ сказать, кличю, то не рѣшая, чтобы она играна была, почель нужнымъ отнестись къ вашему сіятельству и донести его величеству о повелѣніи ко мнѣ, остановить ли пьесу сію вовсе или позволить представить ее на театрѣ, впрочемъ мню я, что не нужно ли цензурѣ дать на замѣчаніе, чтобы по одобреніи печатать пьесы для прочтенія и для представленія театральнаго дѣлать различныя уваженія» ¹⁾).

Итакъ вотъ точка зрѣнія правительства на практическое значеніе драматической литературы: иное дѣло «книгу читаетъ всякій про себя», здѣсь не страшны даже прямыя нарушенія цензурнаго устава; но на зрѣлище народъ собирается, «такъ сказать, кличю», все слѣдовательно схватывается на легу, ни одинъ намѣкъ не можетъ быть пропущенъ. Однако, пока донесеніе идетъ въ Петербургъ и тамъ разсматривается, Сандуновъ спѣшно передѣлываетъ комедію и вновь представляетъ ее въ комитетъ. Соображеніе это подтверждается тѣмъ, что въ ноябрѣ того же года мы встрѣчаемъ письмо П. Страхова, извѣстнаго въ то время цензора и профессора Московскаго университета:

«Милостивый государь Николай Николаевичъ,—пишетъ онъ Сандунову,—имѣю честь увѣдомить васъ, что по справкѣ о вашемъ Хангиллѣ въ цензурномъ комитетѣ оказалось, что предложеніе о свѣреніи назначенныхъ мѣстъ къ исключенію получено въ комитетѣ іюля 27 числа, а объ исполненіи сего предложенія посланъ рапортъ августа 4 дня. Желая вашему герою счастья, а себѣ исправивая отъ васъ извиненія, что замедлилъ отвѣтомъ, съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть» и пр.

Такимъ образомъ всѣ казавшіяся зазорными мѣста въ комедіи были изъяты, и обновленный экземпляръ «Капитана» представленъ главнокомандующему. На этотъ разъ Беклешовъ не противодействовалъ, и комедія послѣ небольшой переписки была разрѣшена къ представленію, хотя въ репертуарѣ московскихъ театровъ этихъ годовъ ея и не значится. Разрѣшеніе изъ Петербурга послѣдовало также своевременно. Гораздо серіознѣе былъ случай въ Петрозаводскѣ, гдѣ виновникомъ цензурныхъ упущеній явился самъ олонецкій гражданскій губернаторъ. Дѣло происходило такъ. 14 ноября 1809 года, на сценѣ Петрозаводскаго театра была представлена въ первый разъ опера въ 3 дѣйствіяхъ «Дидона и Эней»,

¹⁾ Московскій архивъ старыхъ дѣлъ губернскаго правленія, дѣло № 183794—81.

или «Дидона наизнанку». Поставлена эта опера была, по всей вѣроятности, по личному желанію губернатора, а потому дѣло обошлось безъ предварительнаго разрѣшенія мѣстной цензуры, представителемъ которой въ Петрозаводскѣ былъ директоръ народныхъ училищъ. Нужно предполагать, что директоръ и губернаторъ не очень дружили между собой, такъ какъ цензоръ неожиданно потребовалъ отъ губернатора, чтобы тотъ прислалъ ему рукопись (либретто) оперы, имѣя въ виду, какъ онъ говоритъ, что въ Петрозаводскѣ былъ подобный же случай обхода закона, а именно по поводу постановки на петрозаводской сценѣ «Пролога на всерадостнѣйшій день тезоименитства его императорскаго величества». Тогда не только «Прологъ» былъ напечатанъ въ типографіи олонцакаго губернскаго правленія, безъ разрѣшенія цензора, но цензоръ на всѣ просьбы узнать, сколько экземпляровъ «Пролога» было напечатано, кто его авторъ, и по чьему приказанію произведение отдано въ печать, остался безъ отвѣта; мало того, ему не прислали даже экземпляра «Пролога». Все это не помѣшало, однако, цензору оставить дѣло «безъ послѣдствій», такъ какъ самъ по себѣ «Прологъ» «былъ благонамѣренъ по содержанію». Совершенно иное приходится сказать относительно «Дидоны». Здѣсь нарушеніе цензурнаго устава не оставляло никакихъ сомнѣній; пьеса, будь она предварительно разсмотрѣна директоромъ народныхъ училищъ, ни за что не удостоилась бы его одобренія; вотъ почему, когда губернаторъ оставилъ его законное требованіе безъ удовлетворенія и рукописи «Дидоны» ему не выслалъ, цензоръ донесъ на него въ Петербургъ. Въ Петербургѣ обратили на дѣло серьезное вниманіе. Вытребованный отъ олонцакаго губернатора экземпляръ пьесы былъ разсмотрѣнъ С.-Петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ, который въ донесеніи министру народнаго просвѣщенія высказалъ о ней слѣдующее:

1) Пьеса сія не содержитъ въ себѣ никакой нравственной цѣли, необходимо нужной для всѣхъ театральныхъ пьесъ, и каковая есть даже въ «Русалкахъ»¹⁾ и другихъ имъ подобныхъ комическихъ операхъ, не говоря уже о томъ эпизодѣ Вергиліевой «Энеиды», которая служитъ оригиналомъ этой пародіи.

2) Вся пьеса преисполнена выражений слишкомъ подлыхъ и для тонкаго слуха оскорбительныхъ, а особливо если ихъ произносить Эней или Дидона, или другія важныя особы, напримѣръ, «вся глотка пересохла» и пр., «а послѣ они насъ такъ взбутетенили, что небо въ овчинку показалось» и пр., «охъ, матушка, охъ, милая, не огурчика мнѣ хочется».

¹⁾ «Русалки», фантастическая опера, заимствована съ нѣмецкаго; представлена въ 1-й разъ въ с.-петербургскомъ Большомъ театрѣ 26-го октября 1803 г. (Лѣтопись русскаго театра Аранова, стр. 163—164).

3) Комитетъ находитъ неприличнымъ выводить на сцену лица царственныя въ столь подломъ и непристойномъ видѣ. Даже въ «Русалкахъ» князя и княгини не забываютъ своего достоинства и приличной важности.

4) Непочтительность Энея къ его дядѣ, выраженная самыми грубыми словами, предосудительна и противна нравственности, на-примѣръ, Эней говоритъ ему: «Эхъ, дядюшка, нелегкая тебя суетъ», также «сѣдина въ бороду, бѣсъ въ ребро» и пр.

5. Пьеса сія вообще ни къ чему иному служить не можетъ, какъ только къ поврежденію вкуса, распространенію подлыхъ выраженій въ народѣ и оскорбленію тонкаго чувства благородныхъ зрителей.

«Въ уваженіе прописанныхъ причинъ» и основываясь на слѣдующихъ §§ устава (перечислены параграфы), комитетъ «мнѣніемъ своимъ положилъ» не одобрять пьесу «ни къ печатанію, ни къ представленію на театрѣ». Невольно напрашивается сравненіе съ пьесами современныхъ драматурговъ, гдѣ отсутствіе вкуса и чувства мѣры нерѣдко считается своеобразнымъ шикомъ. Что значитъ другое время и другія требованія отъ сценическаго искусства!

II.

Съ начала двадцатыхъ годовъ цензурныя требованія становятся еще строже. Это время хорошо извѣстно въ русской литературѣ, какъ живая реакція среди русскаго общества въ пользу закрѣпощенной русской мысли. Что бы ни дѣлало въ это время правительство, какіе бы инквизиторскіе приемы ни изобрѣтали самозванные Угрюмъ-Бурчеевы, плотины не въ силѣ удержать не-удержимо бѣгущія вешнія воды. Развивается самое лучшее, что когда либо дала Европѣ Россія. Правда, благодаря наполеоновскимъ войнамъ и триумфальному шествію русскихъ въ Парижъ, мы настолько обогатились опытомъ, что, кажется, въ силахъ бороться. Реакціи намъ не страшны; напротивъ, чувствомъ необходимости борьбы проникнуты лучшіе умы современной молодежи; мысль—какъ бы ихъ пароль, страданіе—лозунгъ, иногда кажется, что это даже синонимы. Цензурныя строгости въ это время напоминаютъ эпоху Радищева и Новикова. Несмотря на сравнительное благосостояніе драматической сцены (театры увеличиваются количествомъ и постоянно играютъ новыя пьесы, большею частью переводныя), пускаютъ туда авторовъ съ большою осмотрительностью, не дѣлая исключеній даже для классиковъ. Въ одинъ прекрасный день попадаются, такимъ образомъ, старички Гете и Шиллеръ. Цензоръ Бирюковъ, тотъ самый Бирюковъ, подпись котораго, по свидѣтельству Щедрина, могла лишить сладости вдовьи пряники (см. «Посехонскіе рассказы»), накладываетъ руку на переводъ Жуковскаго

трагедіи «Іоанна д'Аркъ», и только заступничество великаго князя Николая Павловича открываетъ двери знаменитому произведенію нѣмецкаго романтика. Около того же времени, приблизительно въ 1823 г., запрещаютъ къ представленію на нѣмецкомъ театрѣ трагедію Гете «Эгмонтъ», на томъ де основаніи, что «въ пьесѣ находятся многія пренія о правахъ государей на ихъ подданныхъ, и содержаніе ся заключается въ возмущеніи нидерландцевъ, которое, вмѣсто того, чтобы внушить зрителямъ повиновеніе правительству, можетъ возбудить въ нихъ совсѣмъ противныя чувства»¹⁾. Очень зорко слѣдитъ правительство и за нарушеніемъ церковнаго устава въ театральныхъ произведеніяхъ: въ этомъ отношеніи министерство князя Голицына, представителя такъ называемаго «интернаціональнаго мистицизма», прямо неумолимо. Однажды въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (прилож. къ № 5 за 1822 г.) появляется объявленіе, гласящее, что въ домѣ генерала-отъ-инфантеріи Апраксина назначено мимическое представленіе подъ названіемъ: «Пиръ царя Ирода, или уѣбковеніе главы Іоанна». Объявленіе это обращаетъ вниманіе начальства и даже доходитъ до государя. Александръ предписываетъ Голицыну запросить объ этомъ московскаго главнокомандующаго: «Государь императоръ,—пишетъ тотъ, между прочимъ,—желая знать, въ чемъ заключалось сіе представленіе, и не было ли при томъ допущено чего непристойнаго святости Іоанна Крестителя, тѣмъ болѣе, что весьма рѣдко можно сохранить все должное приличіе въ избраніи подобныхъ происшествій предметомъ общенароднаго зрѣлища, высочайше повелѣтъ мнѣ соизволилъ отнестись о семъ къ вашему сіятельству²⁾, почему я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, приказать освѣдомиться со всею подробностью о такомъ представленіи и не оставить меня увѣдомленіемъ для доклада его величеству»³⁾. Оказалось, однако, что московская полиція сама поняла неприличность подобнаго рода представленій и запретила нѣкому механику Молдуано дать спектакль подъ указаннымъ заглавіемъ, замѣнивъ его другимъ, а именно: «Ночное нападеніе, или пойманные разбойники». Объ этомъ подробно на запросъ главнокомандующаго рапортоваль московскій полицеймейстеръ Шульгинъ, кстати присоединившій къ своему донесенію не лишнюю занимательности программу «мимическаго представленія». Вотъ она «во всей неприкосновенности»:

«Объясненіе мимическаго представленія подъ названіемъ: «Пиръ

¹⁾ Скабичевскій: Очерки исторіи русской цензуры, стр. 166.

²⁾ Въ это время московскимъ генералъ-губернаторомъ былъ знаменитый своею просвѣщенною дѣятельностью князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ, впоследствии свѣтлѣйшій (1771—1844).

³⁾ Московскій архивъ старыхъ дѣлъ, дѣло № 77303—44 за 1822 г.

царя Ирода, или усѣкновеніе главы Іоанна Крестителя», состоящаго изъ пяти группъ.

«1-я группа: царь Иродъ представленъ за столомъ сидящимъ со своими гостями, изъ коихъ двое пьютъ, двое чокаются покалами, а третій, приподнявъ покаль, хочетъ изъ онаго пить; но сидящая за столомъ дама его отъ того удерживаетъ. Въ сіе время дочь царя стоитъ въ пляшущемъ положеніи, на которую царь и царица смотрятъ съ удивленіемъ.

«2-я группа: мать разговариваетъ съ дочерью своею тайно, царь смотритъ на гостей, какъ бы спрашивая ихъ о чемъ либо. Тѣ, кои чокались покалами, пьютъ, а тѣ, кои выпили, наливаютъ вновь; приподнявшій же покаль свой привсталъ и смотритъ въ находящійся на столѣ сосудъ, а дама подслушиваетъ разговоръ матери съ дочерью.

«3-я группа: дочь преклоняетъ колѣно предъ отцомъ своимъ, ласково ее принимающимъ; налившіе покалы любопытствуютъ знать, чего желаетъ дочь. Одинъ изъ выпившихъ подаетъ дамѣ на тарелкѣ фрукты, а смотрѣвшій въ сосудъ представляетъ вопрошающимъ ту даму, которая подслушивала разговоръ, и она отворачивается.

«4-я группа: мать и дочь уходятъ за кулисы. Царь кладетъ на свое чело руку, склонивъ голову назадъ; всѣ прочіе смотрятъ другъ на друга съ удивленіемъ.

«5-я группа: дочь возвращается, за нею слѣдуетъ палачъ, держащій въ правой рукѣ голову, сдѣланную изъ мими съ парикомъ, а въ лѣвой—мечъ.

«Царь вскакиваетъ изъ-за стола и отворачивается; прочіе же всѣ устранившись встаютъ. Въ заключеніе мимическая картина сія, освѣщенная такъ называемымъ огнемъ, и тѣмъ оканчивается. Всѣ группы находятся во время представленія въ безмолвномъ положеніи»¹⁾. Крайне чутко и ревниво относится правительство къ желанію осуждать его мѣропріятія въ театральнѣйшей сферѣ, къ такъ называемой театральной критикѣ. Точка зрѣнія здѣсь такая: «Позволительны сужденія о театрѣ и актерехъ, когда бы оныя зависѣли отъ частнаго содержателя; но сужденія объ императорскомъ театрѣ и актерехъ, находящихся на службѣ его величества, почитаются неумѣстными во всякомъ журналѣ». Такимъ образомъ, попытка создать театральную критику еще въ 1815 г. терпитъ неудачу. Въ 1823 году она возобновляется. Московскій генералъ-губернаторъ,

¹⁾ Архивъ старыхъ дѣлъ Московскаго губернскаго правленія, дѣло № 77 303—44, за 1822 г. Безынтересно будетъ замѣтить, что пьесы на подобныя сюжеты теперь очень въ модѣ и широко распространены на Западѣ. Для примѣра можно указать на громадный успѣхъ «Johannes»'а на сценѣ берлинскаго Deutsches theater'a, гдѣ, по словамъ очевидцевъ, реализмъ нѣкоторыхъ сценъ доходилъ до цинизма. Пишущему эти строки еще недавно пришлось видѣть въ томъ же театрѣ «Фурмана Геншеля», Гауптмана.

князь Д. В. Голицынъ, извѣстный своими гуманными взглядами, входитъ съ представленіемъ къ попечителю учебнаго округа князю Оболенскому о дозволеніи редактору «Вѣстника Европы», проф. Каченовскому, помѣщать въ этомъ журналѣ театральныя рецензіи. Въ письмѣ своемъ онъ ссылается, между прочимъ, на то, что подобное преимущество дано уже с.-петербургскимъ журналамъ. Отвѣтъ князя Оболенскаго мало подвинулъ дѣло къ разрѣшенію. Попечитель писалъ, что еще въ 1817 году, по просьбѣ того же Каченовскаго онъ ходатайствовалъ о томъ же предъ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, но его сіятельство кн. Голицынъ «не могъ дать никакого разрѣшенія на помѣщеніе статей о театрѣ въ упомянутомъ журналѣ, поелику разсмотрѣніе и одобреніе пьесъ театральныхъ предоставлено министру полиціи», и сверхъ того въ 1815 году, по требованію г. управляющаго министерствомъ полиціи, сдѣлано было распоряженіе, чтобы въ журналахъ вообще ничего помѣщаемо не было насчетъ императорскихъ театровъ и актеровъ. Что же касается до ссылки его, попечителя, на журналъ подъ наименованіемъ «Сѣверный Наблюдатель», «издающій сужденіе о театрахъ и представленіяхъ на нихъ», то министръ, оказывается, не давалъ и ему на то дозволенія, а, вѣроятно, онъ испросилъ сіе отъ управляющаго министерствомъ полиціи, «что никому не запрещается». «Ваше сіятельство изволить усмотрѣть изъ сего,—заклучалъ князь Оболенскій,— что я не вправѣ позволить г. Каченовскому помѣщать въ издаваемомъ имъ журналѣ статьи, до театра и игры актеровъ относящіяся»¹⁾. Но настойчивый Голицынъ не сдался сразу. Онъ вошелъ съ новымъ представленіемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, а тѣмъ временемъ собственною властью отдалъ слѣдующій замѣчательный приказъ подвѣдомственнымъ ему лицамъ: «Московскій военный генераль-губернаторъ, убѣжденный мыслію, что помѣщеніе въ издаваемыхъ здѣсь журналахъ рецензій насчетъ игры актеровъ и актрисъ императорскаго Московскаго театра и самыхъ пьесъ, на ономъ представляемыхъ, необходимо для усовершенствованія театральнаго зрѣлища, желаетъ, дабы сіи рецензіи печатать безпрепятственно, хотя бы въ оныхъ опорочивалась ст. какой либо стороны представленная пьеса или неискусная игра артиста. Но, какъ дошло до свѣдѣнія князя Голицына, что гг. цензоры затрудняются въ пропущеніи упомянутыхъ критическихъ статей о театрѣ, подъ предлогомъ, что прежде, въ 1815 году, по распоряженію министерства полиціи, было воспрещено писать насчетъ игры императорскихъ актеровъ, то князь Голицынъ, свидѣтельствуя свое почтеніе его превосходительству Антону Антоновичу Антонскому²⁾, побуждается сообщить, что съ одной стороны

¹⁾ Московскій архивъ старыхъ дѣлъ, № 82924—27, 1823 г.

²⁾ А. А. Прокоповичъ-Антонскій, ректоръ Московскаго университета.

въ с.-петербургскихъ журналахъ, какъ-то: въ «Сынъ Отечества», въ «Благонамѣренномъ» и другихъ, свободно нынѣ печатаются критическія статьи объ императорскомъ театрѣ, слѣдовательно, воспрещеніе 1815 года, которое, вѣроятно, было допущено по желанію бывшей тогда театральнoй дирекціи, само собою измѣнилось, яко неумѣстное въ отношеніи къ изящнымъ искусствамъ; съ другой же—сама дирекція Московскаго театра, состоящая уже не въ вѣдомствѣ дирекціи с.-петербургской, но единственно подъ главнымъ и непосредственнымъ начальствомъ князя Голицына, желаетъ и проситъ, дабы въ журналахъ открыто судили насчетъ игры здѣшнихъ артистовъ и даваемыхъ спектаклей. Посему князь Голицынъ покорнѣйше проситъ его превосходительство, Антона Антоновича, поставить сіе на видъ гг. цензорамъ и увѣрить, чтобы они безъ всякаго опасенія пропускали критику о здѣшнемъ театрѣ, тѣмъ болѣе, что по сему предмету писано уже княземъ Голицынымъ къ г. управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго, безъ всякаго сомнѣнія, не воспослѣдуетъ противорѣчащаго тому распоряженія»¹⁾. Но, увы, гуманный начальникъ ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Комитетъ министровъ, разбиравшій этотъ вопросъ, большинствомъ голосовъ высказался противъ критики, и актеры остались попрежнему неприкосновенными. Однако, какъ вышелъ Голицынъ изъ затрудненія, намъ рѣшительно не извѣстно, въ дѣлѣ нѣтъ также указаній, былъ ли отмѣненъ вышеприведенный приказъ или нѣтъ. Впрочемъ, личности, подобныя Голицыну, были исключительными явленіями въ описываемую эпоху. Большинство смотрѣли глазами Красовскаго, Бирюкова и не только не сберегали молоденькую зелень, еле пробивавшуюся сквозь спаленныя долгиыя зноемыя поля и урочища, но энергично топтали всходы, не разбирая, Грибоѣдовское ли это «Горе отъ ума», или какойнибудь «Паша турецкій въ Италіи».

III.

Николаевская эпоха.

Смѣна царствованій только тогда бываетъ ощутительна для сложныхъ частей государственнаго аппарата, когда монархи, представители этихъ царствованій, расходятся во взглядахъ на правленіе. Этого нельзя сказать о царствованіи императоровъ Александра I и Николая Павловича. Оба императора, по крайней мѣрѣ, Александръ, со второй половины своего царствованія, а Николай во все царствованіе, были совершенно солидарны въ основныхъ взглядахъ на государственное управленіе. Сообразно этому они и

¹⁾ Архивъ старыхъ дѣлъ, № 82924—27, 1823 г.

дѣйствовали одинаково. Къ тому же отъ Александра къ Николаю не было такого рѣзкаго перехода, какъ, напримѣръ, отъ Павла къ Александру, не могло быть поэтому и преувеличенныхъ ожиданій, въ данномъ случаѣ только увеличившихъ пропасть между правительствомъ и народомъ и нарушившихъ ту гармонію, которую по свойствамъ своего характера способенъ былъ создавать мягкій и добрый Александръ Павловичъ. Николай былъ мало подготовленъ къ событіямъ 14-го декабря, и это сразу поставило его въ ненормальныя условія относительно его новыхъ подданныхъ. Цензурныя строгости само собою еще усилились. Былъ измысленъ такъ называемый «чугунный уставъ», безсмертное твореніе Шишкова, руководствуясь которымъ можно было, по мнѣнію цензора Глинки, и «Отче нашъ» истолковать якобинскимъ нарѣчіемъ. Что же касается театра, то ему при Николаѣ жилось сравнительно недурно. Новый императоръ вообще покровительствовалъ искусству, въ частности драматическому (вспомнимъ его заступничество при постановкѣ Шиллеровской «Юанны»), хотя и держался по отношенію къ нему системы, хорошо извѣстной изъ предыдущаго. Другими словами, пока искусство находилось въ границахъ, для чистой поэзіи опредѣленныхъ, держалось скромненько, не дерзало выходить на площадь съ обличеніями, тогда его терпѣли; еще вотъ хвалить дозволялось, однако не слишкомъ; можно было впасть въ преувеличеніе и предметъ возвышенный изобразить карриатурой. Во всемъ прочемъ, Боже избави, критиковать кого либо и что либо. Результатъ такихъ увлеченій лучше всего испыталъ на себѣ Пушкинъ, трагическая судьба котораго тѣсно связана съ цензурными порядками описываемаго времени. Собственно перипетіями Пушкинскихъ сочиненій занята добрая половина исторіи цензуры николаевскаго царствованія. Лично насъ интересовала участь его драматическихъ *chef-d'oeuvre* «Бориса Годунова» и «Скупого рыцаря». «Борисъ Годуновъ» былъ вполнѣ законченъ авторомъ въ 1825 году. Въ сентябрѣ 1826 года поэтъ уже читалъ его среди своихъ московскихъ пріятелей, а затѣмъ повторилъ это чтеніе при болѣе многочисленной аудиторіи большею частью ученыхъ и литераторовъ. Произведеніе имѣло выдающійся успѣхъ. Пушкину оставалось пропустить свою трагедію черезъ цензуру, а затѣмъ хлопотать о постановкѣ ея на сцену, но обстоятельства помѣшали тому и другому. Дѣло въ томъ, что императоръ Николай незадолго передъ этимъ «предложилъ» поэту быть его единственнымъ цензоромъ. Это обстоятельство, поставивъ съ одной стороны Пушкина въ исключительныя условія сравнительно съ другими писателями, съ другой стороны — лишило его разъ навсегда той свободы, которая особенно дорога художнику слова. И вотъ поэтъ не успѣлъ еще опомниться отъ чада похвалъ, встрѣтившихъ его «Бориса», какъ почта приноситъ ему письмо шефа жандармовъ, графа Бенкендорфа, краткое, но выразительное

по содержанію. Бенкендорфъ—вообще загадочная личность въ литературныхъ отношеніяхъ Пушкина къ правительству. Отчасти онъ только слѣпой исполнитель намѣреній Николая, желающаго оградить писателя отъ несправедливостей цензоровъ, отчасти властная рука временщика нерѣдко узурпируетъ права своего государя, становясь, вопреки условію, единственнымъ судьей поэта. Такъ или иначе, противорѣчіе это, быть можетъ, выяснитъ готовящаяся біографія А. С. въ новомъ изданіи академіи наукъ, но посланіе Бенкендорфа заключало въ себѣ формальный запросъ поэту, дѣйствительно ли онъ познакомилъ публику съ своею трагедіей, предварительно разсмотрѣнія ея государемъ. «Я увѣренъ,—добавлялъ Бенкендорфъ,—что вы слишкомъ благомыслящи, чтобы не чувствовать въ полной мѣрѣ великодушнаго къ вамъ монаршаго снисхожденія и не стремиться учинить себя достойнымъ онаго». Можно себѣ представить душевное состояніе Пушкина. «Онъ,— по остроумному выраженію историка,—сразу почувствовалъ себя въ положеніи школьника, не смѣющаго даже сочиненія своего прочесть другу». Письмо застаётъ его въ Михайловскомъ; немедленно пишетъ онъ Погодину остановить печатаніемъ все то, что «носитъ его имя», а тѣмъ временемъ письменно же извиняется предъ Бенкендорфомъ, что «читалъ свою трагедію нѣкоторымъ особамъ,— не изъ ослушанія, но только потому, что худо понялъ высочайшую волю государя». Въ слѣдъ съ тѣмъ отсылаетъ онъ трагедію въ С.-Петербургъ, объясняя, что «не осмѣлился прежде сего представить ее глазамъ императора, намѣреваясь сперва выбросить нѣкоторыя непристойныя выраженія». Въ декабрѣ 1826 года послѣдовалъ о ней докладъ графа Бенкендорфа. Не приводя заключенія шефа жандармовъ цѣликомъ (любопытные найдутъ его у Скабичевскаго, стр. 257), мы позволяемъ себѣ остановить вниманіе читателя на особенно интересныхъ мѣстахъ доклада, въ общемъ довольно милостиваго. Бенкендорфъ находитъ «Бориса» достоинствомъ гораздо ниже того, что отъ него ожидали. По его мнѣнію, это подражаніе, но подражаніе отнюдь не классическимъ образцамъ, каковы, на примѣръ, Шекспиръ, Шиллеръ и Гёте; «у сихъ поэтовъ въ сочиненіяхъ, составленныхъ изъ разныхъ эпохъ, всегда находится связь и цѣлое въ пьесахъ»,—Пушкинъ, напротивъ, подражаетъ, какъ бы вы думали—кому?—Вальтеръ-Скотту: «кажется, будто это составъ вырванныхъ листовъ изъ романа Вальтеръ-Скотта». Затѣмъ въ трагедіи превратно истолкованы народныя чувства, и «въ цѣломъ составѣ нѣтъ ничего такого, которое показывало бы сильнѣе порывы чувствъ или пламенное логическое воображеніе». Въ пользу перваго мнѣнія говорить, на примѣръ, сцена, гдѣ народъ съ воплемъ и слезами проситъ Бориса принять царскій вѣнецъ, а между тѣмъ самъ не знаетъ, о чемъ онъ плачетъ. «О чемъ мы плачемъ?»—говоритъ одинъ.—«А какъ намъ знать, то вѣдаютъ бояре, не намъ чета»,—отвѣчаетъ другой.

По этому поводу Бенкендорфъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: «затрудняюсь въ изложеніи моего мнѣнія насчетъ сей сцены. Прилчно ли такъ толковать народныя чувства?» Тирада Бориса «лишь строгостью мы можемъ неусыпной...» производитъ на шефа жандармовъ непріятное впечатлѣніе. «У насъ не привыкли,—говорить онъ,—чтобы каждый герой романа говорилъ своимъ языкомъ безъ возраженія вслѣдъ за его умствованиемъ. Предоставить каждому читателю возражать самому еще у насъ не принято, да и публика наша для сего не созрѣла», и т. д., и т. д. Въ общемъ же, за указанными исключеніями, не встрѣчается препятствій напечатать трагедію. Другое дѣло—поставить ее на сцену. Бенкендорфъ находитъ это рѣшительно невозможнымъ, и къ нему присоединяется государь. Николай Павловичъ, сверхъ того, еще предлагаетъ Пушкину передѣлать свою комедію «въ историческую повѣсть или романъ на подобіе Вальтеръ-Скотта» (дался имъ этотъ Вальтеръ-Скоттъ!), но въ свою очередь поэтъ отказывается. Участи «Бориса Годунова» вскорѣ подвергается и «Скупой рыцарь». Пьеса эта, подаренная Пушкинымъ Каратыгину для его бенефиса, видитъ свѣтъ рампы только послѣ его смерти. Одновременно съ Пушкинымъ не избѣгаютъ цензурныхъ столкновений множество другихъ русскихъ писателей, въ томъ числѣ Грибоѣдовъ, Гоголь и Лермонтовъ. Грибоѣдову при жизни только и удалось видѣть свою комедію въ любительскомъ исполненіи, да и то первыя представленія «Горя» были прекращены распоряженіемъ намѣстника князя Паскевича (дѣло происходило въ Эривани). Извѣстно, что появленіе «Ревизора» на сценѣ обязано исключительно заступничеству государя, лично прочитавшаго и одобриващаго комедію. Одноактный же отрывокъ «Тяжба» пролежалъ въ столѣ у автора вплоть до 1844 года и, только благодаря М. С. Щепкину, былъ дозволенъ ему въ день бенефиса. Не менѣе непріятностей терпитъ Лермонтовъ отъ цензуры. «Пришло ему (М. Ю.) на умъ,—пишетъ А. Н. Муравьевъ о «Маскарадѣ»,—писать комедію въ родѣ «Горя отъ ума», рѣзкую картину на современные нравы, хотя и не въ уровень съ безсмертнымъ твореніемъ Грибоѣдова. Лермонтову хотѣлось видѣть ее на сценѣ, но строгая цензура III-го Отдѣленія не могла ее пропустить. Авторъ съ негодованіемъ прибѣгалъ ко мнѣ и просилъ убѣдить начальника сего Отдѣленія, моего двоюроднаго брата, Мордвинова, быть снисходительнымъ къ его творенію, но Мордвиновъ оставался неумолимъ; даже цензура получила неблагоприятное мнѣніе о заносчивомъ писателѣ, что ему вскорѣ отозвалось непріятнымъ образомъ»¹⁾. Послѣ кончины Лермонтова его «Маскарадъ» былъ вновь разсмотрѣнъ цензурой и, несмотря на самое либеральное время (1861 г.), порядочно-таки урѣзанъ извѣстнымъ цензоромъ

¹⁾ Знакомство съ русскими поэтами, Кіевъ, 1876 г., стр. 21.

Бекетовымъ. Впрочемъ, время какъ-то странно вліяло на нравы цензуры. Тотъ же Бекетовъ, въ концѣ 1867 года, цензурируя драму Лермонтова «Станный человѣкъ», вычеркнулъ всѣ мѣста, гдѣ рѣчь шла о пыткахъ надъ крѣпостными, о злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти и о взглядѣ на крѣпостныхъ, какъ на вещь.

IV.

Если столицы, располагавшія безчисленными средствами, какъ артистическими, такъ и денежными, не изобиловали театрами, уступая въ этомъ отношеніи любому торговому центру на Западѣ, то что приходится сказать о провинціи? Провинція буквально лишена была всякаго артистическаго темперамента. Справедливость требуетъ прибавить, что не всегда причиною подобнаго факта было отсутствіе инициативы среди провинціальныхъ дѣятелей; нѣтъ, инициатива была, но также часто парализовалась различными «предписаніями», исходившими изъ С.-Петербурга, а гг. инициаторовъ знакомившими съ III Отдѣленіемъ. Въ этомъ случаѣ весьма характернымъ представляется переписка графа Бенкендорфа съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, помѣченная 1842 г. ¹⁾ Точка отправленія шефа жандармовъ такая: «всѣ пьесы, поступающія на сцену театровъ Россійской имперіи, должны быть предварительно разсмотрѣны III Отдѣленіемъ и безъ дозволенія послѣдняго представлены быть не могутъ. Между тѣмъ только императорскіе театры, да изъ частныхъ рижскій, ревельскій и одесскій соблюдаютъ это правило; прочіе же сознательно уклоняются отъ него и, что весьма важно, «весьма часто представляютъ на сценѣ пьесы, либо запрещенныя, либо вовсе неизвѣстныя цензурѣ». На этомъ основаніи, или, какъ говорится въ представленіи, «желая отвратить сіе злоупотребленіе и между тѣмъ не стѣснять круга дѣйствій театровъ», графъ Бенкендорфъ проситъ министра (Перовскаго) разрѣшить: 1) составить для доставленія (ему) точный списокъ всѣмъ въ Россіи существующимъ театрамъ, съ означеніемъ, въ какихъ именно городахъ находятся театры постоянные, и сколько существуетъ нынѣ странствующихъ труппъ; 2) вытребовать отъ всѣхъ частныхъ содержателей театровъ, какъ странствующихъ, такъ и постоянныхъ, за исключеніемъ содержателей рижскаго, ревельскаго и одесскаго, исполняющихъ вполнѣ требованія цензуры, подробные и точные списки всѣмъ пьесамъ, составляющимъ нынѣ ихъ репертуаръ. Эти списки будутъ разсмотрѣны и возвращены съ означеніемъ, какія пьесы могутъ быть одобрены къ представленію, и какія подвергаются запрещенію; 3) предписать кому слѣдуетъ имѣть постоянное наблюденіе, чтобы частные служители театровъ, получивъ однажды спи-

¹⁾ Общій архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ, № 79—2283 за 1842 г.

ски одобреннымъ къ представленію пьесамъ, скрѣпленные подписью цензора, не представляли на своихъ театрахъ никакихъ пьесъ, не находящихся въ сихъ спискахъ, а тѣ драматическія сочиненія, которыя будутъ вновь поступать въ ихъ репертуаръ, доставляли бы предварительно въ III Отдѣленіе собственной его величества канцеляріи для разсмотрѣнія оныхъ цензурою»¹⁾. Это представленіе послано было 27 августа 1842 г., а уже 25 сентября, то-есть черезъ мѣсяць, графъ Бенкендорфъ подкрѣпляетъ его новыми данными. Оказывается, «труппа польскихъ актеровъ подъ дирекцію Павлины Зеленской на послѣдней ярмаркѣ въ Бердичевѣ давала нѣсколько представленій, въ числѣ коихъ пьесы: «Суевѣріе, или краковяки и горцы» и «Обязанность и природа, или амазонки XVIII-го столѣтія» произвели на зрителей весьма невыгодное впечатлѣніе». «Обѣ сіи пьесы, по словамъ шефа жандармовъ, неизвѣстны цензурѣ и, вопреки существующимъ узаконеніямъ, не были доставлены на разсмотрѣніе III Отдѣленія собственной его величества канцеляріи». А потому Бенкендорфъ вновь проситъ ускорить «исполненіемъ тѣхъ мѣръ», которыя онъ изложилъ въ предыдущемъ своемъ отношеніи, и которыя, по его мнѣнію, «могутъ однѣ подчинить провинціальныя театры необходимому наблюденію цензоровъ и тѣмъ обезпечить точное исполненіе закона и воли его императорскаго величества»²⁾. Однако, министръ почему-то медлитъ; только 9 ноября того же года разсылаетъ онъ желаемый циркуляръ губернаторамъ, и то не всѣмъ. Отвѣты губернаторовъ очень интересны. Прежде всего они рисуютъ положеніе театра въ провинціи въ описываемую эпоху; затѣмъ нѣкоторые изъ нихъ являются новаторами, опережая своими проектами не только современниковъ, но даже и нынѣшнюю губернскую администрацію. Впрочемъ большинство ограничивается сообщеніемъ, что театра у нихъ нѣтъ, и странствующихъ труппъ не существуетъ: въ такомъ положеніи Рязань, Калуга, Саратовъ и проч. Нѣсколько лучше дѣло въ Митавѣ: туда, по крайней мѣрѣ, пріѣзжаетъ труппа изъ Риги, играя лѣтомъ съ 1 по 22 іюня, а зимой черезъ двѣ недѣли по одному разу. Въ Полтавской губерніи постоянныхъ театровъ тоже не имѣется, за то бываетъ частная труппа изъ Харькова во время сѣзда и выборовъ, а въ Ромнахъ, Кременчугѣ и Лубнахъ на время ярмарокъ. Разумѣется, во исполненіе циркуляра министра, если не былъ, то будетъ введенъ неослабный надзоръ за представляемыми пьесами, и онѣ предварительно появленія на сценѣ будутъ отсылаться губернатору для представленія куда слѣдуетъ. Исключеніе изъ общаго числа составляетъ отзывъ генералъ-губернатора Западнаго края, генерала Мирковича, попутно разсматривающаго поло-

¹⁾ Общій архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ, № 79—2283 за 1842 г.

²⁾ Тамъ же.

женіе театральнаго дѣла въ губерніяхъ: Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской. Мирковичъ рассказываетъ, что минскій гражданскій губернаторъ довелъ до его свѣдѣнія, что въ уѣздные города Новогрудокъ и Борисовъ прибыли недавно двѣ труппы странствующихъ актеровъ подъ дирекцію нѣкинхъ Сокульскаго и Фелинскаго. Предъявленные ими списки пьесъ, хотя названы списками съ респектуаровъ, утвержденныхъ III Отдѣленіемъ, но засвидѣтельствованы не цензоромъ, какъ постановлено циркуляромъ министра, а одинъ списокъ—полицеймейстеромъ, другой же—чиновникомъ канцеляріи волынскаго гражданского губернатора. Изъ числа сихъ двухъ директоровъ труппъ одинъ оказался однодворцемъ, скрывавшимся нѣсколько лѣтъ отъ рекрутской очереди, а другой—лицомъ, также неизвѣстнымъ начальству своего благонадежностью. «Убѣждаясь изъ сего случая,—выводитъ заключеніе Мирковичъ,—въ необходимости ограничить размноженіе странствующихъ труппъ не только по Минской, но и по прочимъ вѣрненнымъ мнѣ губерніямъ, съ тѣмъ, чтобы труппы сіи, коихъ представленія особенно въ уѣздныхъ городахъ имѣютъ значительное вліяніе въ нравственномъ и политическомъ отношеніи, были вѣряемы управленію непременно лицъ благонадежныхъ, ибо были примѣры, что странствующие актеры дозволяли себѣ по уѣзднымъ городамъ представленія совершенно неумѣстныя, я полагалъ бы для отклоненія всякихъ по сему предмету безпорядковъ опредѣлить единообразную по всѣмъ губерніямъ, мнѣ вѣрненнымъ, мѣру—образованіемъ губернскихъ театральнахъ труппъ на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ: 1) труппы эти въ губернскихъ городахъ вѣрить управленію лицъ, извѣстныхъ своею благонадежностью гражданскому губернатору съ утвержденія генераль-губернатора; 2) губернскимъ труппамъ не иначе дозволить представленія, какъ по подлиннымъ спискамъ пьесъ, рассмотрѣнныхъ въ III Отдѣленіи собственной его величества канцеляріи и за скрѣпою цензора того отдѣленія; 3) одной только труппѣ своего губернскаго города дозволить театральныя представленія въ уѣздныхъ городахъ своей губерніи». Эта мѣра, по мнѣнію Мирковича, «предоставляетъ губернскимъ начальствамъ средства имѣть ближайшее наблюденіе, какъ за лучшимъ составомъ театральнахъ труппъ, такъ и за выборомъ пьесъ, и дастъ возможность слѣдить ближе за нравственнымъ направленіемъ театральнахъ въ губерніяхъ представленій»¹⁾. Вопросъ, поднятый Мирковичемъ, заинтересовалъ въ Петербургѣ. Комитетъ министровъ, разсматривавшій его, засѣдалъ спустя два дня послѣ доклада о немъ шефа жандармовъ, но, предварительно какого либо рѣшенія, пожелалъ знать мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ. Отзывъ Перовскаго былъ неблагопріятенъ Мирковичу. Министръ находилъ, что удовлетворительное рѣ-

¹⁾ Общій архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ, № 79—2283 за 1842 г.

шеніе настоящаго вопроса отнюдь не обусловлено какими либо новыми мѣропріятіями въ области провинціальныхъ театровъ, а исключительно зависитъ отъ исполненія чинами полиціи издавна существующихъ правилъ насчетъ театра. «При точномъ исполненіи полицейскими чинами своихъ обязанностей нѣтъ основанія опасаться, по мнѣнію Перовскаго, чтобы странствующія труппы давали представленія недозволенныя, а при неисполненіи сихъ обязанностей тѣ же самыя злоупотребленія могутъ имѣть мѣсто и въ случаѣ учрежденія губернскихъ труппъ; съ другой стороны, означенное предположеніе едва ли возможно къ исполненію, потому что странствующія труппы актеровъ, не будучи стѣснены въ кругѣ своихъ дѣйствій, могутъ давать представленія въ различныхъ городахъ имперіи, пользуясь большимъ стеченіемъ народа въ томъ или другомъ мѣстѣ, и черезъ это получать значительнѣйшіе денежные сборы; губернскія же труппы естественно лишены будутъ сей выгоды, ибо кругъ дѣйствій каждой изъ нихъ будетъ ограниченъ одной лишь губерніею». Кромѣ того, и ужъ едва ли не самое существенное, постоянные театры до сихъ поръ не могли существовать на собственные средства: въ Кіевѣ и Вильнѣ, напримѣръ, театры субсидировались и субсидируются правительствомъ, такъ что, «допустивъ и одобривъ даже учрежденіе губернскихъ труппъ въ другихъ менѣе значительныхъ городахъ, правительство поставитъ себя въ необходимость или вслѣдъ затѣмъ отказаться отъ сей мысли или назначить и этимъ труппамъ денежныя пособія, для каковой надобности не имѣется свободныхъ суммъ ни въ городскихъ доходахъ, ни въ земскихъ сборахъ, какими министерство внутреннихъ дѣлъ распоряжается, а еще менѣе можно требовать сего отъ казны». Только въ одномъ министръ присоединяется къ мнѣнію генераль-губернатора, именно что касается гарантіи въ благонадежности антрепренеровъ передъ правительствомъ. Но и это представляется на взглядъ Перовскаго несложнымъ. «И полагалъ бы достаточно, — говоритъ онъ, — поставить правиломъ, чтобы каждый содержатель театральнѣй труппы актеровъ, желающій давать представленія въ западныхъ губерніяхъ, не иначе былъ къ тому допущенъ полиціей, какъ по предъявленіи свидѣтельства о своей благонадежности отъ мѣстнаго генераль-губернатора». И комитетъ министровъ согласился съ мнѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ¹⁾.

V.

Между тѣмъ, въ С.-Петербургѣ продолжали по-старому примѣнять цензурныя правила временъ блаженной памяти Вирюкова, Красовскаго и компаніи. Цензурныя строгости не уменьшились даже тогда,

¹⁾ Архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ 1842 г., № 79—2283.

когда на политическомъ горизонтѣ было совершенно безоблачно. Въ короткое сравнительно время подверглись запрещенію трагедія благонамѣреннѣйшаго изъ писателей М. П. Погодина «Марса Посадница»¹⁾ и трагедія Н. Кукольника «Генералъ-поручикъ Паткуль»²⁾, послѣдняя послѣ того, какъ «Рука Всевышняго отечество спасла» доставила ея автору личную благодарность государя и погубила «Московскій Телеграфъ» Полевого, осмѣливавшагося писать о ней. Вообще писать о театрѣ, особенно въ неодобрительномъ смыслѣ, попрежнему строго воспрещалось. Театры были исключительно казенные, слѣдовательно лица, подвизающіяся на нихъ, состояли на государственной службѣ, а поэтому обсуждать ихъ дѣйствія, а тѣмъ болѣе относиться къ онимъ неодобрительно, значило такъ или иначе косвеннымъ образомъ задѣвать само правительство. Въ силу этого принципа нарушители подобнаго правила наказывались весьма строго, чуть ли не высылкой въ сопровожденіи жандарма на родину. Въ 1843 г. было нѣсколько такихъ случаевъ, обошедшихся преступникамъ сравнительно недорого. Однажды, въ № 234 «Русскаго Инвалида»³⁾ за 1843 г. было напечатано, что пѣвица Віардо-Гарсія наканунѣ въ роли Розины въ «Севильскомъ Цырюльникѣ» привела въ восторгъ всю публику Большого театра, между тѣмъ какъ въ тотъ день спектакль былъ отмѣненъ, и г-жа Віардо передъ публикой не пѣла. Затѣмъ въ № 235 той же газеты слѣдовало объясненіе, что помянутая статья относилась будто бы не къ спектаклю 20 окт., а къ генеральной репетиціи, бывшей 19-го числа. Та и другая замѣтки обратили вниманіе министра двора кн. Волконскаго и восходили даже до государя. Судь Николая Павловича былъ коротокъ: узнавъ имя автора, посадить его на гауптвахту на недѣлю, а «Русскому Инвалиду» воспретить писать о театрѣ. Но дѣло этимъ не закончилось. Кн. Волконскій велѣлъ составить циркуляръ дирекціи императорскихъ театровъ и собственноручно редактировалъ его: «Дошло до меня свѣдѣніе, писалъ онъ, что множество постороннихъ людей впускаютъ въ театръ на репетиціи и послѣ распускаютъ въ публикѣ разные толки, а журналисты готовятъ свои сужденія и даже печатаютъ въ журналахъ прежде представленія пьесъ, почему предписываю дирекціи впредь никого изъ постороннихъ лицъ не впускать въ театръ подъ строжайшей отвѣтственностью, кромѣ артистовъ и воспитанниковъ, къ театрамъ принадлежащихъ, но и тѣхъ обязать, чтобы не приводили съ собою никого изъ постороннихъ, для чего и сдѣлать особые для артистовъ театральные билеты, равно и въ дни представленій выдавать билеты артистамъ для входа за кулисы, ибо

¹⁾ Русскій Архивъ 1873 г., стр. 02299.

²⁾ Архивъ импер. двора оп. 3—935, д. № 192, 1841 г.

³⁾ «Русскій Инвалидъ», нынѣ официальный органъ военнаго министерства, въ описываемое время былъ общелитературною газетой.

мною замѣчено въ театрѣ много постороннихъ, кои мѣшаютъ дѣйствію машинъ и представленій»¹⁾). Любопытно мнѣніе насчетъ всего этого директора театровъ Гедеонова, отвѣчавшаго министру. Гедеоновъ считаетъ, что «запрещеніе постороннимъ лицамъ посѣщать театральныя репетиціи всегда практиковалось». Что же касается до объявленія, сдѣланнаго въ №235 «Русскаго Инвалида», въ оправданіе описанія спектакля, котораго вовсе не было, то самое это объявленіе, по мнѣнію директора, доказываетъ, что журналистъ говоритъ это потому, что не придумалъ другого оправданія преждевременной своей статьѣ. «Впрочемъ въ семъ случаѣ нѣтъ дурного намѣренія, а видно токмо желаніе редакціи «Русскаго Инвалида» опередить объявленіе другихъ журналистовъ». Гораздо серіознѣе, по мнѣнію Гедеонова, то, что практикуется ежедневно среди печати вообще. «Я неоднократно имѣлъ честь докладывать вашей свѣтлости, пишетъ директоръ, что въ журналахъ статьи о театрахъ весьма рѣдко добросовѣстны, а по большей части наполнены пристрастія, несправедливости и даже злобы. Незнаніе искусства явно высказывается, словомъ журналисты нишуть о театрѣ не для пользы искусства, но для собственной выгоды, чтобы пополнить столбцы своего журнала и, возбуждая любопытство, увеличить число своихъ подписчиковъ, придерживаясь правила, что одна строчка злобной клеветы болѣе заманиваетъ, нежели цѣлыя страницы похвалъ. По постановленіямъ статьи о театрахъ не могутъ быть печатаемы безъ особаго разрѣшенія вашего, но, сколько мнѣ извѣстно, все-таки многія печатаются, не доходя до вашего свѣдѣнія, такъ, напримѣръ, изданіе подъ названіемъ «Листокъ для свѣтскихъ людей»²⁾ составлено почти все изъ критики и каррикатуръ насчетъ театровъ; въ одномъ изъ №№ онаго напечатана пародія съ карриатурами на оперу «Русланъ и Людмила», а въ другихъ, какъ мнѣ сказывали, есть каррикатуры на Рубини и Тамбурины. Многіе и другіе журналы помѣщаютъ также статьи о театрахъ безъ разрѣшенія вашего и самый даже «Русскій Инвалидъ» едва ли имѣетъ дозволеніе печатать о театрахъ». Такимъ образомъ обыкновенный въ наше время случай обратился чуть ли не въ уголовное преступленіе, а затѣмъ повлекъ за собой явный доносъ, грозившій серіозною опалой всей печати. Разумѣется, Волконскій не могъ оставить безъ вниманія донесеніе Гедеонова и официально запрашивалъ гр. Бенкендорфа, на основаніи какого распоряженія печатаются статьи объ императорскихъ театрахъ въ журналахъ: «Библіотека для чтенія», «Репертуаръ и Пантеонъ», «Отечественныя Записки», въ газетахъ: «Поли-

¹⁾ Общ. архивъ министерства императорскаго двора, оп. № 4—9361, дѣло № 45, 1843 г.

²⁾ «Листокъ» выходилъ въ Спб. отъ 1839 по 1844 г., сначала посвященъ былъ модамъ, а затѣмъ съ 1843 г. обратился въ журналъ литературный и каррикатуръ, съ рисунками В. Тимма.

цейской», «Литературной» и «Листокъ для свѣтскихъ людей». Однако Бенкендорфъ не успѣваетъ еще дать обстоятельнаго отвѣта министру, какъ новый случай вызываетъ цѣлую бурю въ кабинетѣ Волконскаго. На этотъ разъ попадается впросакъ пресловутый издатель «Сѣверной Пчелы» О. В. Булгаринъ. Вотъ какъ все происходитъ. Нѣкто увидѣлъ въ Варшавѣ пѣвицу Ассандри, которая была очень красива, и захотѣлъ, чтобы она была на Петербургской сценѣ. Ее пригласили участвовать въ итальянской оперѣ за большія деньги. На бѣду Ассандри настолько же худо пѣла, насколько была прекрасна, и при томъ ей пришлось соперничать съ Виардо-Гарсіей. Ее жестоко ошिकाки. Затѣмъ въ № 256 «Сѣверной Пчелы» было сказано о представленіи «Нормы», гдѣ дебютировала Ассандри, слѣдующее: «Мы не скажемъ объ этомъ представленіи ни словечка по латинской пословицѣ: aut bene aut nihil. Гораздо болѣе нашли мы наслажденія въ звѣрицѣ г-на Зама» и пр. Немедленно князь Волконскій запросилъ министра народнаго просвѣщенія для доклада государю императору, съ чьего дозволенія напечатана означенная статья, и кѣмъ она сочинена. Въ министерствѣ вполошились. «Мы,—разсказываетъ Никитенко въ своемъ дневникѣ¹⁾,— до пяти часовъ пробыли въ цензурномъ комитетѣ, изготовляя отвѣтъ на сей вопросъ. Отвѣчали, что цензура не находитъ въ этой статьѣ (сочиненной издателемъ «Сѣверной Пчелы» Булгаринымъ и цензурованной г.г. Корсаковымъ и Очкинымъ) ничего ни для кого обиднаго, а въ простомъ сближеніи двухъ разнородныхъ предметовъ— оперы и звѣринца—она видитъ только дурной вкусъ автора статьи, противъ чего нѣтъ никакихъ цензурныхъ правилъ. А на основаніи ст. 13 и 15 Уст. о ценз. въ т. XIV Св. Зак. цензоры не могутъ запрещать безвредныя шутки и не имѣютъ права входить въ разборъ справедливости или несправедливости частныхъ мнѣній и сужденій писателя»²⁾. Тѣмъ временемъ виновникъ всей кутерьмы, О. Булгаринъ, отнесся къ Волконскому съ письмомъ слѣдующаго содержания: «Свѣтлѣйшій князь, М. Г. Зная правосудіе вашей свѣтлости, я убѣжденъ, что вы не осудите человѣка, не выслушавъ его оправданія, а потому осмѣлюсь безпокоить вашу свѣтлость моимъ письмомъ: съ тѣхъ поръ, какъ издатели «Сѣверной Пчелы» получили отъ графа Александра Христофоровича³⁾ изустное приказаніе посылать, черезъ его канцелярію, театральныя статьи⁴⁾ на предварительное разсмотрѣніе вашей свѣтлости,—приказаніе сіе было свято соблюдено даже во время отлучекъ вашей свѣтлости изъ столицы съ августѣйшей фамиліей. Статья въ № 256 «Сѣверной Пчелы», подъ заглавіемъ «Журнальная всякая всячина», потому не была послана,

¹⁾ «Русская Старина» 1889 г., № 12, стр. 754—755.

²⁾ Общій архивъ министерства императорскаго двора, оп. 4—9361, № 45.

³⁾ Бенкендорфа.

⁴⁾ Въ подлинникѣ подчеркнуто.

что я не почиталъ ее статьею театральною ¹⁾, ибо въ ней не разбирается игра и пѣніе артистовъ ¹⁾. Бывъ свидѣтелемъ неудовольствія публики и въ томъ числѣ первыхъ государственныхъ лицъ во время перваго представленія *Нормы* ¹⁾, я объявилъ въ моей статьѣ, что вовсе не хочу говорить объ этомъ представленіи ¹⁾, ибо полагалъ, что это гораздо лучше журнальныхъ разсказовъ о шиканьи и обидныхъ возгласахъ публики. Этимъ я хотѣлъ, какъ говорится, выгородить ¹⁾ артистовъ, а не обидѣть ихъ вторично. Весьма сожалью, что я не умѣлъ выразить моего настроенія, и что мое доброе желаніе принято съ дурной стороны. Переходъ же мой отъ оперы къ звѣринцу сдѣлалъ я вовсе не въ намѣреніи оскорбить артистовъ, какъ то доказываетъ смыслъ ¹⁾ описанія звѣринца, гдѣ нѣтъ ни слова о театрѣ или артистахъ ²⁾. Звѣринецъ есть статья серіозная—философическо-политическая, для опроверженія разрушительныхъ идей такъ называемаго либерализма—безъ всякой связи ¹⁾ съ предыдущимъ. Какъ во всякой всячинѣ ¹⁾ все сбито въ кучу, то звѣринецъ послѣ оперы есть одна случайность ¹⁾, въ чемъ осмѣливаюсь увѣрить вашу свѣтлость личнымъ честнымъ словомъ ¹⁾. Первая же фраза въ статьѣ о звѣринцѣ есть, какъ говорятъ французы, *une transition*, переходъ отъ одной матеріи къ другой, и безъ всякаго умысла сказавъ, что мнѣ веселѣе было въ звѣринцѣ ¹⁾, я думалъ о томъ, какъ мнѣ непріятно было видѣть дурное поведеніе публики въ оперѣ ¹⁾. Явно же упрекать публику я не смѣлъ и не смѣю, ибо журналъ—слуга публики! Въ теченіе 25-ти-лѣтняго моего журнальнаго поприща я въ первый разъ подвергнулся неудовольствію высшаго начальства за мою собственную статью ¹⁾, и клянусь, что не имѣлъ никакого дурного умысла. Если я дурно выразился, то сознаюсь, что, по русской пословицѣ, безъ вины виноватъ ¹⁾, и прошу вашу свѣтлость быть снисходительнымъ къ неумѣстному промаху одного изъ старѣйшихъ русскихъ литераторовъ и журналистовъ и не вѣнчать ошибку въ умышенное преступленіе ¹⁾. Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть» и т. д. ³⁾. Но клятвенное увѣреніе въ невинности не избавило «старѣйшаго изъ литераторовъ» отъ наказанія, хотя, быть можетъ, и уменьшило его. Кн. Волконскій увѣдомилъ министра народнаго просвѣщенія, что высочайше повелѣно издателю «Сѣверной Пчелы»

¹⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ.

²⁾ Здѣсь нужно упомянуть, что на запросъ кн. Волконскаго (см. выше) Бенкендорфъ въ концѣ концовъ отвѣчалъ, что статьи о театрѣ помѣщаются въ изданіяхъ: «Сѣверная Пчела», «Сынъ Отечества», «Библ. для чтенія», «Лит. газета», «Отечественн. Зап.» и «Москвитининъ»; сверхъ того, въ «*l'Artiste Russe*» и въ приложеніи къ «*Novelist*»'у.

³⁾ Общій архивъ министерства императорскаго двора, опись № 4—9361, дѣло № 45. (Письмо собственноручное).

сдѣлать строжайшій выговоръ за написанную и напечатанную безъ его (министра двора) разрѣшенія неприличную статью, въ которой «хотя и не разбирается ни игры, ни пѣнія, но говорится весьма рѣзко не въ пользу артистовъ и, сверхъ того, допущено крайне неприличное сравненіе императорскаго театра съ звѣринцемъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ его величеству угодно, чтобы издатели всѣхъ журналовъ и газетъ, въ коихъ дозволяется помѣщать статьи объ императорскихъ театрахъ, не иначе печатали оныя, какъ по предварительномъ его (министра двора) разсмотрѣніи, и чтобы таковыя статьи представлялись къ нему принятымъ порядкомъ чрезъ III Отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи за подписью сочинителей ихъ не начальными только литеррами, а всѣми словами. Послѣ сего статьи сіи должны быть подвергаемы разсмотрѣнію обыкновенной цензуры на общихъ правилахъ». Любопытно, что распоряженіе это моментально находитъ ослушника, и кого же? Ѳаддея Венедиктовича Булгарина, этого благонамѣреннаго изъ благонамѣреннѣйшихъ. Онъ самъ, слегка сконфуженный, рассказываетъ свою вину директору канцеляріи императорскаго двора Владимиру Ивановичу Панаеву. «Вчера 23 ноября, въ 3 ч. по полудни, пишетъ Булгаринъ, объявлено мнѣ въ цензурномъ комитетѣ высочайшее повелѣніе, чтобы всѣ театральныя статьи, посылаемыя чрезъ III Отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи, къ его свѣтлости, г. министру императорскаго двора, были подписываемы авторами» ¹⁾, но какъ отрывокъ изъ фельетона, написанный мною ¹⁾, посланъ былъ въ III Отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи утромъ ¹⁾ въ 10 ч. того же ноября, то-есть до ¹⁾ объявленія мнѣ высочайшаго повелѣнія, то статья не подписана ¹⁾ мною, и я страшусь, чтобы это не вмѣнено было въ ослушаніе ¹⁾ высочайшей волѣ! Подчинивъ издателей журналовъ, въ отношеніи театральныхъ статей, власти его свѣтлости министра высочайшаго двора, намъ не указанъ путь, которымъ, въ случаѣ крайности ¹⁾, можно было бы объясниться съ его свѣтлостью, и потому я рѣшаюсь прибѣгнуть къ вашему превосходительству, какъ мужу правды и чести, и просить вашего заступленія въ этомъ дѣлѣ. Благоволите доложить его свѣтлости, что послѣдняя статья, назначенная для печатанія въ субботнемъ фельетонѣ «Сѣв. Пчелы», писана мною ¹⁾ и что не подписана потому, что послана до ¹⁾ полученія высочайшаго повелѣнія. Я и такъ нахожусь уже въ опалѣ, а теперь Богъ вѣсть, что подумаютъ, между тѣмъ какъ я вовсе не виноватъ. Полагаюсь во всемъ на вашу благородную душу. Кто предувѣдомитъ его свѣтлость о случившемся, если вы откажетесь? Къ нему нѣтъ никакихъ путей» ²⁾.

¹⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ.

²⁾ Общій архивъ министерства императорскаго двора, опись 4—9361, дѣло № 45.

Этотъ приниженный тонъ автора «Выжигина» возымѣлъ свое дѣйствіе. Министръ, которому Панаевъ докладывалъ письмо, написалъ на немъ: «чтобы впредь въ точности исполнять высочайшую волю», и Панаевъ, передавая эту резолюцію Булгарину, сообщалъ ему отъ себя, что «отсылка въ III Отдѣленіе театральной статьи безъ подписи въ вину ему поставлена не будетъ». Такъ кончился трагикомическій эпизодъ съ «подписью», гдѣ «старѣйшій русскій литераторъ» bona fide ставилъ себя въ положеніе школьника, которому грозятъ розгой. Вообще «Сѣверной Пчелѣ» что-то не везло съ театральными рецензіями. Спустя годъ послѣ описаннаго происшествія, самъ государь обратилъ вниманіе на появившуюся въ № 82 «Пчелы» статью Р. Зотова «Бояринъ Ѳеодоръ Васильевичъ Басенокъ» и, прочтя ее, высказался Бенкендорфу, что «статья эта не должна была бы одобряться къ печатанію». «Его величество находить, писалъ по этому поводу Бенкендорфъ Волконскому, что, хотя статья эта и писана благонамѣренно, тѣмъ не менѣе обнаруживаетъ, что правительство во времена великаго князя Василія Васильевича Темнаго само прибѣгало къ средствамъ ослѣпленія и такимъ образомъ давало нѣкоторый поводъ дѣйствовать наоборотъ съ толикимъ же варварствомъ Шемякѣ въ отношеніи великаго князя Василія. Его величество высочайше мнѣ повелѣтъ соизволилъ доложить вашей свѣтлости, что вообще разборъ театральныхъ пьесъ долженъ относиться къ похвалѣ или умѣренному осужденію сочиненія и игры артистовъ, а не къ исторіи, которую г. критикъ, безъ всякой нужды, присоединилъ къ предмету, который изъ сферы чисто театральной выходить не долженъ». Въ заключеніе шефъ жандармовъ спрашивалъ Волконскаго, не находить ли тотъ полезнымъ, чтобы и онъ, гр. Бенкендорфъ, принялъ надлежащія мѣры къ удержанію театральной критики въ должныхъ и ей приличныхъ размѣрахъ». Волконскій согласился, при чемъ добавилъ, что лично имъ разрѣшаются только статьи, касающіяся актеровъ и представленій театральныхъ ¹⁾. Очень ревнивое ко всякому вмѣшательству въ театральное вѣдомство, министерство Волконскаго заявляло свои права не только на театральныя пьесы, но и на... театральныя объявленія. Въ Петербургѣ существовало правило, что никакія театральныя зрѣлища и представленія, устраиваемыя въ столицахъ, не разрѣшались оберъ-полицеймейстеромъ, иначе какъ съ предварительнаго на то дозволенія дирекціи императорскихъ театровъ. Объяснялось это распоряженіе тѣмъ, что въ описываемое время монополія на всякаго рода зрѣлища принадлежала исключительно казнѣ; она одна пользовалась неограниченнымъ правомъ «вязать и рѣшать», что касалось увеселенія почтеннѣйшей публики, и что не вредило ея собственнымъ интересамъ; послѣднее условіе не исклю-

¹⁾ Общій архивъ министерства императорскаго двора, оп. 3—435, № 348.

чало возможности взять съ устроителей концертовъ и вечеровъ внушительный процентъ за право «сыграть» или «спѣть». Указанное правило широко примѣнялось с.-петербургской полиціей и совершенно игнорировалось въ Москвѣ. Однажды въ первопрестольную заглянулъ директоръ театровъ Гедеоновъ. На бѣду пребываніе его въ Москвѣ (дѣло происходило лѣтомъ 1842 г.) совпало съ блестящимъ успѣхомъ нѣкихъ Баха и Сулье, волтижеровъ частнаго цирка въ Петровскомъ паркѣ, отбивавшихъ публику у артистовъ казеннаго Петровскаго театра, несмотря на открытіе сезона, игравшихъ при пустомъ залѣ. Возмущенный Гедеоновъ искалъ повода придратъя къ злочастнымъ волтижерамъ и нашелъ его въ явномъ отступленіи отъ правилъ, изложенныхъ выше. Въ отношеніи къ московскому оберъ-полициеймейстеру онъ ссылался на ст. 182 т. XIV Св. Зак., запрещающую полициі разрѣшать спектакли безъ дозволенія театральнаго начальства, попутно сомнѣваясь и въ правѣ оберъ-полициеймейстера своею властью разрѣшать печатаніе театральныхъ объявленій въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и др. московскихъ изданійхъ ¹⁾. По мнѣнію директора театровъ, право это, помимо своей юридической неосновательности, въ практическомъ отношеніи неудобно еще тѣмъ, что «при случающихся весьма часто перемѣнахъ» (нужно полагать, въ постановкѣ той или другой пьесы) много времени теряется на то, что предварительно отсылки объявленій непосредственно въ университетскую типографію посылаютъ ихъ на утвержденіе оберъ-полициеймейстеру, въ виду чего номеръ газеты «можетъ легко выйти безъ анонса о спектаклѣ». Кромѣ того, ночью случаются пожары, на которые, конечно, оберъ-полициеймейстеръ ѣздитъ; гдѣ тутъ возможность подписать объявленіе, посылаемое нерѣдко въ это время? Между тѣмъ, «газета здѣшняя выходитъ токмо 2 раза въ недѣлю, а на афиши только 283 подписчика». Положеніе въ самомъ дѣлѣ трагическое. Къ удивленію Гедеонова, отвѣтъ оберъ-полициеймейстера получился неблагоприятный. Правда, московскій градоначальникъ признавалъ право дирекціи на единоличное разрѣшеніе вопроса о постановкѣ спектаклей (въ этомъ смыслѣ онъ и сдѣлалъ немедленно соответствующее распоряженіе), но что касается печатанія объявленій, то здѣсь, по мнѣнію градоначальника, законъ (ст. 175 т. XIV) толковалъ въ его пользу, ему одному предоставлялъ право блюсти за печатаніемъ афишъ и т. п. Въ результатѣ вышло, конечно, такъ, какъ выгодно было дирекціи. Гедеоновъ вошелъ съ рапортомъ къ министру, министръ снесся съ московскимъ генералъ-губернаторомъ Голицынымъ, а послѣдній черезъ недѣлю уже отвѣчалъ, что онъ распорядился, «чтобы объявленія о театральныхъ спектакляхъ печатаемы были въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» безъ предварительнаго представленія на раз-

¹⁾ «Русская Старина», 1889 г., № 12, стр. 754—755.

смотрѣніе московскаго оберъ-полицеймейстера». Такимъ образомъ бывали примѣры, что и избытокъ усердія цензуры могъ показаться неумѣстнымъ, все зависѣло отъ того, какой сторонѣ это представлялось невыгоднымъ. Впрочемъ естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ издатели журналовъ и газетъ, разъ искусившись въ печатаніи театральныхъ рецензій, затѣмъ клятвенно обѣщали не писать ихъ больше. Въмѣсто того обращались къ протокольной сторонѣ театральной дѣятельности, къ простому пересказу содержанія представляемыхъ пьесъ. Вотъ на выдержку проектъ извѣстнаго Пезаровіуса, издателя опальнаго «Русскаго Инвалида». «По программѣ «Русскаго Инвалида»,—писалъ онъ 26 октября 1844 г. министру двора,—въ немъ должны печататься всѣ новости, появляющіяся какъ за границей, такъ и въ Россіи, по части наукъ, искусствъ, промышленности, народнаго просвѣщенія и т. п. Съ прошлаго года увеличенный форматъ «Инвалида» доставилъ возможность помѣщать въ фельетонѣ его подробныя извѣстія съ возможною полнотою, отчего, вмѣстѣ со скорымъ сообщеніемъ политическихъ новостей, въ нынѣшнемъ году число подписчиковъ на эту газету почти удвоилось, ибо таковыхъ уже донинѣ слишкомъ двѣ тысячи. Но при всемъ томъ редакція неоднократно получала письменные отзывы отъ своихъ провинціальныхъ читателей, что они весьма были бы ей благодарны, еслибы она, слѣдуя за ходомъ русской и иностранной литературы, не упускала изъ вида и литературы драматической, т. е. сообщала бы въ своей газетѣ содержаніе новыхъ пьесъ¹⁾, играемыхъ на русскихъ и иностранныхъ театрахъ. Полагая, что такое желаніе могло бы быть удовлетворено сообщеніемъ въ «Инвалидѣ» только извѣстій о содержаніи¹⁾ новыхъ театральныхъ пьесъ, какъ новыхъ явленій драматической литературы безъ отношенія ихъ къ сценѣ¹⁾, т. е. безъ постановки и выполненія ихъ артистами (тѣмъ болѣе, что во всѣхъ другихъ русскихъ газетахъ подобныя статьи допущены даже съ сужденіемъ о выполненіи пьесъ на сценѣ),—редакція, не считая себя вправѣ приступить къ этому безъ особаго разрѣшенія, осмѣливается всепокорнѣйше просить вапу свѣтлость дозволить ей помѣщеніе въ «Инвалидѣ» извѣстій о содержаніи новыхъ пьесъ, появляющихся на русскихъ и иностранныхъ театрахъ, безъ сужденія о сценическомъ ихъ выполненіи»²⁾). Мы нарочно привели это письмо въ хвостѣ подобнаго рода просьбъ; прочтя его, легко убѣдиться, какъ постепенно обезличивалась русская печать подъ давленіемъ самозванныхъ радѣтелей о благѣ народномъ. Какъ дѣтски-наивнымъ кажется современному читателю это скромное ходатайство честнаго журналиста; и тѣмъ не менѣе кн. Волконскій удовлетворилъ его только

¹⁾ Въ подлинникѣ подчеркнуто.

²⁾ Общій архивъ императорскаго двора, опись 4—9361, дѣло № 45.

при томъ условіи, что статьи, предварительно ихъ напечатанія, будутъ попрежнему просматриваться въ его канцеляріи.

Раньше мы говорили, что не только порицать, но и хвалить чрезмѣрно театральные порядки считалось актомъ либеральнаго свободомыслія. Въ 1848 году «Московскимъ Полицейскимъ Вѣдомостямъ» (sic) было запрещено писать о театрѣ по слѣдующему поводу. Въ № 85 этой газеты появился фельетонъ подъ заглавіемъ «Нѣсколько словъ о Косицкой», въ которомъ «эту молодую и еще неопытную актрису на русской сценѣ возносятъ, по словамъ директора театровъ Гедеонова, слишкомъ преувеличенными похвалами, и только что развивающееся дарованіе ея ставятъ уже въ сравненіе и параллель съ талантомъ Плесси». «Подобныя безмѣрныя похвалы,—говоритъ директоръ,—для артиста столь же вредны, какъ и бессознательное порицаніе, ибо даютъ поводъ артисту увлекаться ими и думать, что онъ достигъ уже полного совершенства и не долженъ итти далѣе въ своемъ стараніи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ весь успѣхъ игры его есть не болѣе, какъ только хорошее начало, много обѣщающее, но весьма далекое еще отъ совершенства. При томъ же подобныя несправедливыя сравненія съ талантами уже заслуженныхъ артистовъ не могутъ не быть оскорбительными и для сихъ послѣднихъ». На этомъ основаніи Гедеоновъ проситъ князя Волконскаго ходатайствовать о запрещеніи «Полицейскимъ Вѣдомостямъ» вообще касаться театра ¹⁾. Наравнѣ со строгостями, преслѣдующими театральную критику, продолжаются, если не увеличиваются, строгости и относительно самихъ пьесъ. Начиная съ тридцатыхъ годовъ, эти строгости даже усугубляются, хотя послѣ всего сказаннаго кажется невѣроятнымъ, чтобы можно было итти дальше, тѣмъ не менѣе всякій малолальски значительный намѣкъ на западныя движенія, общіе распорядки и реформы, немедленно исключалъ возможность произведенію даже гениальному появиться на русской сценѣ. Въ 1843 г. общей участи подвергаются и «Гугеноты» Меербеера. Знаменитую оперу не спасаетъ даже то, что Гедеоновъ постановкой ея обѣщаетъ министру поправить состояніе фондовъ московскаго нѣмецкаго театра, изъ года въ годъ все падающихъ. Предвидя возраженіе, что опера по смыслу своему не благонадежна, директоръ предлагаетъ поставить ее въ томъ видѣ, въ какомъ она шла въ Вѣнѣ и Мюнхенѣ, т. е. подъ названіемъ «Гвельфы и гибелины» или «Пуритане и англичане», и еще разъ напираетъ на то, что опера дастъ «настоящую выгоду для казны», тѣмъ болѣе, что «нѣкоторые номера (оперы), исполненные въ С.-Петербургѣ въ концертахъ, привлекли множество слушателей». Но государь остается непреклоненъ въ своемъ рѣшеніи, онъ, быть можетъ, помнитъ,

¹⁾ Общій архивъ императорскаго двора, опись 6—938, дѣло № 372.

какія волненія, почти религіозный мятежъ вызвало представленіе «Гугенотовъ» въ протестантскихъ городахъ южной Франціи¹⁾. Возмущенные протестанты наполнили демонстративно улицы, срывали афиши, грозили не допускать представленія на сценѣ и т. п. Вслѣдъ за «Гугенотами» подверглась запрещенію и знаменитая «Маріонъ Делормъ» Виктора Гюго, выбранная для бенефиса извѣстнымъ въ свое время французскимъ артистомъ Брессаномъ. Любопытно, что у себя на родинѣ это романтическое произведеніе французскаго поэта долго держалось подъ запретомъ и только въ бурные дни іюльской революціи увидѣло свѣтъ Божій²⁾; нужно полагать, что это обстоятельство содѣйствовало недружелюбному приему его въ Россіи. Интересно, что графъ Орловъ, замѣнившій Бенкендорфа въ III Отдѣленіи, докладывая о драмѣ министру князю Волконскому, вопреки обычаю, знакомилъ его съ содержаніемъ пьесы, быть можетъ, въ душѣ и сочувствуя ея представленію.

«Содержаніе этой драмы слѣдующее, — писалъ онъ:— Маріонъ-Делормъ продажная женщина, торговавшая своими ласками, влюбляется въ честнаго благороднаго молодого человѣка, именемъ Дидье. Истинная безкорыстная любовь очищаетъ ея сердце. Она отказывается отъ блестящей, разгульной жизни и съ высокимъ самоотверженіемъ жертвуетъ всѣмъ для любимаго человѣка. Сочинитель хотѣлъ доказать этой драмой, что чистое благородное чувство можетъ очистить и облагородить падшее созданіе. Для развитія этой мысли онъ изобрѣлъ постороннія сценическія обстоятельства, а именно необходимый поединокъ Дидье, послѣ смертнаго приговора, изданнаго кардиналомъ Ришелье противъ всѣхъ дуэлистовъ. Заключение и казнь Дидье предоставляютъ Маріонъ-Делормъ возможность выказать страстную любовь, неимоверныя усилія спасти любимаго человѣка. Это содержаніе драмы такъ просто, что главный ея интересъ долженъ проистекать изъ описанія характеровъ. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто занимаетъ Маріонъ-Делормъ и Дидье. Маріонъ-Делормъ—грѣшница, кающаяся и облагороженная чистою любовью. Дидье—олицетвореніе неумолимой добродѣтели. Въ лицѣ Маріонъ-Делормъ онъ караетъ порокъ и только передъ смертью прощаетъ ее за раскаяніе и любовь. Изъ вводныхъ лицъ достойны вниманія: 1) Людовикъ XIII. Онъ описанъ съ исторической вѣрностью, какъ добрый король, но слабый, безхарактерный, подвластный первому министру, неумолимому кардиналу Ришелье; 2) Ларемма, низкій и безчеловѣчный сыщикъ кардинала; 3) маркизъ де-Нанжи—старикъ, прося у короля милосердія племяннику, напоминаетъ королю строгія истины, но слова его поучительны и не оскорбляютъ верховнаго сана. Исключитъ

¹⁾ V. Hallays-Dabot, Hist. de la censure en France, 313—314.

²⁾ Тамъ же, стр. 312.

можно изъ драмы нѣсколько рѣзкихъ стиховъ и двѣ сцены, хотя уничтоженіе не повредитъ ходу пьесы. Въ первой король изъ стыдливости не смѣетъ отнять у Маріонъ-Делормъ бумагу, потому что она спрятала ее за грудь. Во второй Ларемма, сыщикъ кардинала, предлагаетъ Маріонъ-Делормъ выпустить Дидье изъ темницы, если она согласится ему предаться. Она соглашается. За сими измѣненіями, замѣчательными въ цензурномъ отношеніи, останутся только характеры Маріонъ-Делормъ кающейся, но бывшей нѣкогда разгульной, и Людовика XIII, представленнаго королемъ слабымъ и безхарактернымъ. Но та же Маріонъ-Делормъ, не кающаяся, а разгульная представляется на здѣшней сценѣ подъ именемъ *Marie de Letanç* въ пьесѣ «*La marquise de Lenneteurre*». Въ драмѣ «Лиръ» король описанъ не только слабымъ и безхарактернымъ, но сумасшедшимъ, и другъ и покровитель его—придворный шутъ»¹⁾. Но, какъ было сказано, государь воспротивился постановкѣ драмы. Насколько вообще подозрительно относилась театральная администрація къ малѣйшимъ намекамъ о свободѣ, можно судить по тому, что невинную трагедію Р. Зонова «Новгородцы», произведеніе мелодраматическаго характера, безъ всякой даже исторической подкладки, цензура чуть было не сочла политическимъ памфлетомъ и не сняла съ репертуара. Только увѣренія III Отдѣленія, что «Новгородцы» «ничего политическаго, ни революціоннаго» въ себѣ не заключаютъ, и содержаніе этой пьесы сводится къ романической исторіи одного новгородскаго юноши съ дочерью ганзейскаго купца, вернули драмѣ права гражданства на сценѣ²⁾. Иногда такая придирчивость цензоровъ переходила границы дозволеннаго, и самъ государь вступался за авторовъ. Въ 1843 г. Каратыгинъ 2-й поставилъ въ свой бенефисъ водевилъ собственнаго сочиненія «Булочная или петербургскій нѣмецъ». Пьеса имѣла успѣхъ (она и теперъ не сходитъ съ репертуара провинціальныхъ театровъ), но, паче чаянія, вызвала неудовольствіе полиціи. Оберъ-полицеймейстеръ просилъ Бенкендорфа исключить изъ водевиля нѣкоторыя мѣста, относящіяся до лицъ его вѣдомства, что и было исполнено графомъ; сверхъ того, не извѣстно, по чьему приказанію, частные экземпляры «Булочной» были отобраны отъ книгопродавцевъ. Въ это время былъ назначенъ спектакль въ Царскомъ Селѣ, вѣроятно, для особъ царской фамиліи. Какъ новинку, предполагалось поставить и Каратыгинскій водевилъ. «Находя съ своей стороны, писалъ по этому поводу Бенкендорфъ, что все, сказанное въ водевилѣ насчетъ полиціи и другихъ чиновниковъ, не только не оскорбительно, напротивъ того доказываетъ ихъ бдительность и исправность, я полагаю, что этотъ водевилъ завтрашняго дня въ

¹⁾ Общ. архивъ императорскаго двора, оп. 4—936.

²⁾ Общ. архивъ императорскаго двора, оп. 4—936, № 175.

Царскомъ Селѣ можетъ быть представленъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ игранъ въ первый разъ въ Александринскомъ театрѣ. При семъ имѣю честь представить экземпляръ съ отмѣтками тѣхъ мѣстъ, которыя приказано мною исключить при публичныхъ представленіяхъ»¹⁾. Но государь, когда ему доложили объ инцидентѣ, пошелъ еще дальше: онъ приказалъ играть водевилъ безъ всякихъ исключеній, при чемъ не велѣлъ задерживать распространение экземпляровъ комедіи. Къ сожалѣнію, повторимъ, такіе случаи были рѣдки, большею же частью произведенія, въ чемъ либо заподозрѣнныя, признавались неудобными къ представленію и снимались съ репертуара. Для характеристики подобной неустойчивости административныхъ взглядовъ, интересно привести случай съ пьесой подъ заглавіемъ «Защатный городъ» (авторъ неизвѣстенъ), представленной на цензуру III Отдѣленія. Гр. Орловъ, давая о ней отзывъ, находилъ, что, «какъ сатира на дворянство», пьеса «по правиламъ цензуры не можетъ быть допущена къ представленію», но, принимая въ уваженіе, что она написана хорошимъ слогомъ, не заключаетъ въ себѣ личностей и вообще имѣетъ сходство съ пьесой «Ревизоръ», поставленной на сценѣ съ высочайшаго разрѣшенія, шефъ жандармовъ считалъ возможнымъ представить ее на благоусмотрѣніе государя императора²⁾. Конечно, Николай Павловичъ не разрѣшилъ постановку и, можетъ быть, хорошо сдѣлалъ: одно дѣло оригиналъ, другое дѣло—копія. Вопросъ не въ этомъ. Интересно, что цензура продолжала блуждать и путалась въ противорѣчіяхъ, не зная, гдѣ должно кончатся дозволенное и начинаться запрещенное. Потому-то нашему поколѣнію и представляется такимъ страннымъ, что одна и та же пьеса, по содержанію обыкновенный фарсъ, въ пятидесятыхъ годахъ казалась зазорной, нынче же идетъ совершенно свободно. А факты такіе были. Извѣстный Лабишевскій фарсъ «Le chapeau de paille d'Italie», въ переводѣ на русскій языкъ «Соломенная шляпка», былъ признанъ въ 1852 г. «портящимъ хорошій вкусъ» и «уничтожающимъ достоинства театровъ»³⁾, а лѣтъ десять тому назадъ, еще на памяти пишущаго эти строки, не сходилъ съ репертуара императорскихъ театровъ. Были и другіе факты. Въ 1856 г., слѣдовательно на рубежѣ новаго царствованія, знаменитую «Свадьбу Фигаро», Бомарше, дозволили на французскомъ языкѣ и запретили на русскомъ⁴⁾. Зато патріотическія пьесы, независимо отъ ихъ содержанія и литературныхъ достоинствъ, принимались съ распростертыми объятіями, и съ 1854 г. ихъ было особенно много. Назовемъ: «За вѣру, царя и отечество»,—Григорьева, «Формированіе стрѣлковаго

1) Общ. архивъ императорскаго вѣдѣнія, оп. 6—938, д. № 375.

2) То же, оп. 4—936, № 46.

3) Архивъ императорскихъ театровъ, № 90.

4) То же, № 233.

полка императорской фамиліи», «Der Feind von Odessa» (нѣм. пьеса) и т. д. Были и куріозы. Какой-то отставной майоръ Иванъ Ермолаевъ Великопольскій сочинилъ патріотическую пьесу подъ длиннымъ заглавіемъ: «Русское чувство по поводу репетиціи въ Петербургѣ драматическаго представленія Морской праздникъ въ Севастополѣ». Пьесу онъ сопровождалъ объяснительнымъ письмомъ. «Я принимаю смѣлость, писалъ онъ между прочимъ, всепокорнѣйше просить ваше сіятельство объ удостоеніи меня счастья обращенія къ ней (пьесѣ?) августѣйшаго вниманія государя императора всеподданнѣйшимъ поднесеніемъ представляемаго экземпляра. Въ этомъ экземплярѣ помѣщено и предисловіе къ пьесѣ въ томъ соображеніи, что въ немъ изложены побудительныя причины и литературныя основанія сочиненія, и что такимъ образомъ это послѣднее имѣетъ всю надлежащую полноту, какъ для представленія на сценѣ, такъ и для напечатанія въ случаѣ высочайшаго на то соизволенія». Далѣе авторъ объяснялъ, что хотя «монаршее благоволеніе свѣше всякаго вознагражденія», тѣмъ не менѣе разстроенныя обстоятельства его по примѣненію къ дѣлу какого-то «изобрѣтенія», въ высшей степени полезнаго «для государственной промышленности», заставляютъ его просить «благодѣтельнаго покровительства ему и монаршей милости»¹⁾. Пьеса по обыкновенію была препровождена на отзывъ директора театровъ, который далъ неблагопріятное для майора заключеніе. Вотъ что писалъ между прочимъ Геденъ... «пьеса эта не заключаетъ въ себѣ ни сюжета, ни сценическаго интереса. Все дѣло состоитъ въ томъ, что дѣйствующіе, названные собственными именами актеровъ и актрисъ, участвовавшихъ въ пьесѣ г. Кукольника «Морской праздникъ въ Севастополѣ», собираются на сцену передъ репетиціей, говорятъ о политикѣ, потомъ читаютъ патріотическіе стихи и импровизируютъ добавочную къ пьесѣ г. Кукольника (почти вовсе для нея лишнюю) сцену; одно же изъ дѣйствующихъ лицъ, г. Мартыновъ, переодѣвшись въ матросское платье, между прочимъ, мистифицируетъ пришедшаго на репетицію статиста, унтеръ-офицера Балтійскаго флота Боченкова. Не говоря уже о томъ, что во всемъ этомъ нѣтъ правдopodobія, должно замѣтить,—говоритъ директоръ театровъ,—что авторъ собственныя свои мнѣнія о нынѣшнемъ политическомъ положеніи вещей (дѣло происходитъ въ 1854 г.) навязываетъ артистамъ, которымъ весьма неловко отъ своего лица высказывать на сценѣ подобныя мнѣнія автора, хотя они не имѣютъ не только ничего предосудительнаго, но напротивъ дѣлаютъ ему честь»²⁾. Въ концѣ концовъ Великопольскому отказали. Все же интереснымъ представляется то, что гр. Орловъ, высказываясь по

¹⁾ Общій архивъ министерства императорскаго двора, оп. 12—944, д. № 7.

²⁾ Тамъ же.

поводу выше названной пьесы: «За вѣру, царя и отечество», считала противъ нея постановки на сценѣ то обстоятельство, что она якобы противорѣчитъ волѣ государя «не возбуждать еще болѣе народной ненависти противъ враждующихъ съ нами иностранцевъ». И, несмотря на это, Николай Павловичъ согласился на ея представленіе.

VI.

То было уже время новыхъ теченій въ русской жизни. Севастопольская война только что кончилась; въ воздухѣ носились преобразовательныя идеи, приведшія въ концѣ концовъ къ освободительному акту 19 февраля. Русское общество проснулось отъ спячки и вмѣстѣ съ правительствомъ своимъ безповоротно направилось по новымъ путямъ. И вотъ, что когда-то казалось смѣлымъ, несбыточнымъ, почти преступнымъ, стало вдругъ повседневнымъ и банальнымъ. Люди, по образному выраженію Л. Толстого, пошли обратно тому, какъ шли раньше: то, что было у нихъ справа, стало слѣва, а то, что было слѣва, стало теперь справа. Въ обращеніи съ печатнымъ словомъ наступала эпоха: тогда, какъ въ настоящее время, свобода выраженія мысли являлась не пустымъ самообольщеніемъ либеральствующихъ писателей, адѣйствительнымъ содержаніемъ ихъ произведеній; сама цензура переставала быть чѣмъ-то въ родѣ надзирателя исправительнаго отдѣленія, гдѣ прежде всего видятъ преступника, а потомъ человѣка. Словомъ новыя теченія положили глубокую борозду между старымъ режимомъ и новымъ. Старый режимъ былъ тѣмъ замѣчательнѣе, что держался на одной системѣ, съ годами обратившейся въ окаменѣлость. Ломать одинъ кирпичъ значило поступаться цѣлымъ зданіемъ. Въ этомъ отношеніи преимущество царствованій Павла, Александра I и Николая Павловича достойна даже нѣкотораго удивленія. Александръ могъ отличаться отъ своего брата непостоянствомъ и впечатлительностью, а Павелъ—превосходить обоихъ излишней нервностью, но всѣ трое были дѣти одного вѣка, воспитанники революціи, и, какъ таковыя, руководились однимъ методомъ. Только Николай Павловичъ былъ физически здоровѣе другихъ, и въ силу этого его система была непосредственнѣе, цѣльнѣе и, быть можетъ, неподвижнѣе. Характеристикой этихъ направленій лучше всего опредѣляется настроеніе цензуры даннаго времени.

Баронъ Н. В. Дризенъ.

КАЗАНСКІЕ ПОЭТЫ.

ВТОМЪ 1899 года мнѣ случилось быть въ Седьміозерной пустыни близъ Казани ¹⁾. Гуляя по сосновой рошѣ, прилегающей къ пустыни, я неожиданно набрелъ, на мѣстномъ кладбищѣ, расположенномъ въ рошѣ, на могилу поэта М. Н. Соймонова, казанскаго уроженца, проведшаго въ Казани большую часть своей жизни и здѣсь же умершаго.

По возвращеніи въ Казань, я собралъ кое-какія свѣдѣнія о личности Соймонова, а также и о нѣкоторыхъ другихъ казанскихъ поэтахъ. Сообщаю эти свѣдѣнія, въ предположеніи, что они не лишены интереса.

¹⁾ Седьміозерскій мужской монастырь, или Седьміозерная Богородицкая пустынь, получившая свое названіе отъ прежде бывшихъ тамъ семи озеръ, соединившихся теперь въ одно озеро, находится въ 18-ти верстахъ отъ г. Казани и расположена въ весьма живописной, покрытой прекрасными хвойными и лиственными лѣсами, отчасти гористой мѣстности. Основателемъ этой пустыни былъ инокъ Евѣмій, уроженецъ г. Устюга, гдѣ онъ и принялъ постриженіе. Переселившись въ 1615 г. въ Казань вмѣстѣ съ своимъ братомъ, онъ началъ искать себѣ близъ города мѣста для отшельнической жизни и остановился на урочищѣ, носившемъ названіе «Семи озеръ», окруженномъ черемисскими поселеніями. Впослѣдствіи къ нему присоединились другіе иноки, и такимъ образомъ основался здѣсь монастырь, а около монастыря не замедлила вскорѣ возникнуть и слободка, называющаяся по имени самой обители «Седьміозерною». Въ настоящее время Седьміозерная пустынь является однимъ изъ богатѣйшихъ монастырей Казанской епархіи и мѣстомъ наломничества многочисленныхъ богомольцевъ, стекающихся въ нее не только изъ Казани, но и изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ, благодаря находженію въ монастырѣ главной святины пустыни, иконы Смоленской Божіей Матери, которая ежегодно 26-го іюня при громадномъ стеченіи богомольцевъ торжественно приносится въ Казань, въ память избавленія города отъ моровой язвы въ 1654 г. Отличаясь хорошимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ, Седьміозерная пустынь съ давнихъ поръ привлекаетъ къ себѣ на лѣто дачниковъ изъ Казани.

Хотя теперь объ имени М. Н. Соймонова мало знаютъ даже и въ Казани, однако онъ имѣетъ вполне заслуженное право на память о себѣ, какъ о талантливомъ поэтѣ, въ чемъ всякій можетъ убѣдиться изъ чтенія собранія его стихотвореній, изданныхъ въ 1891 году въ Петербургѣ А. С. Суворинымъ подъ заглавіемъ «Недопѣтыя пѣсни».

Михаилъ Николаевичъ Соймоновъ былъ сыномъ казанскаго помѣщика Николая Андреевича Соймонова и жены его Варвары Николаевны, урожденной Камашевой, и родился въ Казани 1-го мая 1851 года, когда отецъ его служилъ совѣтникомъ Казанской гражданской палаты (одно время онъ былъ секретаремъ казанскаго дворянства, а послѣ дослуживалъ годы до пенсіи въ Астрахани).

Интересна маленькая подробность о родѣ матери поэта, приводимая здѣсь со словъ самой Варвары Николаевны. Царь Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный крестилъ въ Казани татарскаго князя Камаша и благословилъ его иконой Смоленской Божіей Матери; отъ этого князя Камаша пошли казанскіе дворяне «Камашевы», а икона, подаренная царемъ, хранилась у разсказчицы. У Камашева, дѣда ея, было двѣнадцать сыновей. Старшаго звали Николаемъ, затѣмъ шли нѣсколько сыновей съ другими именами, но они умирали. Родившемуся послѣ того сыну отецъ далъ снова имя Николая, и онъ остался живъ, а родившіеся за нимъ и носившіе другія имена опять умирали. Тогда отецъ вновь родившагося сына опять назвалъ Николаемъ, и онъ остался живъ. Такимъ образомъ, у этого Камашева изъ двѣнадцати сыновей всѣ не-Николаи умерли, а три Николая Ивановича, старшій, средній и младшій, остались живы и умерли въ преклонныхъ лѣтахъ. Отцомъ Варвары Николаевны былъ Николай Ивановичъ старшій. Родовое имѣніе Камашевыхъ было село Шихъ-Алеево въ Казанскомъ уѣздѣ.

М. Н. Сомойновъ свое первоначальное образованіе получилъ въ казанской 2-й гимназій, по окончаніи курса въ которой въ 1868 году поступилъ въ Казанскій университетъ, гдѣ слушалъ лекціи на юридическомъ факультетѣ; университетъ онъ кончилъ въ 1872 году со степенью кандидата правъ. Свою общественную дѣятельность М. Н. началъ въ Казани службой въ канцеляріи прокурора окружнаго суда, но пробылъ здѣсь, впрочемъ, недолго, перейдя скоро на адвокатуру. Послѣдніе годы своей жизни въ Казани онъ провелъ секретаремъ казанскаго отдѣленія государственнаго банка.

Безконечно любя литературу, въ особенности же поэзію, Соймоновъ не довольствовался своей начатой карьерой и захотѣлъ посвятить себя всецѣло литературнымъ занятіямъ, чего онъ не могъ сдѣлать въ удаленной отъ журнальныхъ центровъ Казани, гдѣ, кстати сказать, кромѣ родственниковъ и близкихъ ему лицъ, мало кто зналъ, что въ молодомъ адвокатѣ и скромномъ чиновникѣ

министерства финансовъ скрытъ поэтическій талантъ. Поэтому Михаилъ Николаевичъ въ 1879 году бросаетъ свою службу въ банкѣ и уѣзжаетъ изъ Казани въ Петербургъ. Онъ ѣдетъ въ столицу безъ какихъ либо строго опредѣленныхъ видовъ, но съ единственною цѣлью пристроиться гдѣ нибудь въ редакціи въ качествѣ секретаря и заняться журнальнымъ трудомъ и столь дорогою его сердцу поэзіей.

Въ Петербургѣ Соймоновъ хотя и записывается въ помощники присяжнаго повѣреннаго, но адвокатскими дѣлами интересуется мало, такъ какъ находитъ подходящую для себя работу у А. С. Суворина въ редакціи «Новаго Времени», помѣщая, кромѣ того, свои стихотворенія въ толстыхъ журналахъ: «Русскомъ Богатствѣ», «Дѣлѣ», «Наблюдателѣ». Такъ началась литературно-журнальная дѣятельность М. Н. и жизнь его въ столицѣ, полная матеріальныхъ лишений, цѣлаго ряда различныхъ невзгодъ и нравственныхъ толчковъ, — обычная жизнь большинства нашихъ писателей-тружениковъ, которую такъ мастерски изобразилъ самъ Соймоновъ въ слѣдующихъ строфахъ своего стихотворенія «Доля», посвященнаго памяти В. О. Корша:

Доля писателя — доля извѣстная:
 Ночи бессонныя, дни безразсвѣтные,
 Доля раба за стремленія честныя —
 Доля безгласная и безотвѣтная...
 Доля писателя — доля извѣстная:
 Горькихъ сомнѣній тоска безысходная,
 Жизнь горемычная, кличка нелестная,
 Смерть въ одиночествѣ полуголодная...

Кромѣ «Новаго Времени» и толстыхъ журналовъ, М. Н. печатался во «Всемирной Иллюстраціи», «Живописномъ Обзорѣніи», «Будильникѣ», «Развлеченіи», «Осколкахъ», «Шутѣ», «Стрекозѣ» и др. и сотрудничалъ въ «Московскомъ Телеграфѣ», куда редактируемая имъ статья и извѣстія передавались изъ Петербурга по телеграфу.

Однако, такъ дѣло продолжалось не особенно долго: матеріальная нужда, которая часто заставляла Соймонова пользоваться его талантомъ не такъ, какъ бы ему хотѣлось, вмѣстѣ съ другими невзгодами, чисто личнаго характера, мало-помалу подтачивала его какъ нравственное, такъ и физическое здоровье. Онъ началъ хандрить, сдѣлался пессимистомъ, а весною 1887 года, простудившись, получилъ плевритъ и воспаленіе легкихъ, перешедшее въ скоротечную чахотку.

Думая свиданіемъ съ родственниками и возвращеніемъ въ прежнюю обстановку жизни хоть сколько нибудь задержать развитіе злого недуга, Михаилъ Николаевичъ весною слѣдующаго 1888 года пріѣзжаетъ въ Казань и остается жить у отца; но на этотъ разъ

Казань его видит недолго: безошадная смерть скоро похитила его въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ и наибольшемъ развитіи его таланта. Поэтъ зомолкъ со своей музой,

.... не успѣвши
Сдѣлать все, что ... сдѣлать хотѣлъ.

Онъ умеръ въ Казани, въ ночь съ 11-го на 12-е сентября 1888 года.

М. Н. Сомойновъ былъ женатъ два раза: въ первый разъ на Еленѣ Платоновнѣ Киселевской, сестрѣ извѣстнаго артиста Киселевскаго, а во второй разъ на Зинаидѣ Петровнѣ Черноруцкой, которая его пережила. Изъ двухъ сестеръ М. Н. одна замужемъ за бывшимъ чиновникомъ особыхъ порученій казанской казенной палаты Н. П. Михалевымъ (теперь онъ служитъ въ Петербургѣ), а другая—за профессоромъ Томскаго университета Н. М. Маліевымъ.

Черезъ два года послѣ смерти М. Н. Соимонова, именно въ 1891 году, вышелъ въ свѣтъ сборникъ его стихотвореній, изданный А. С. Суворинымъ подъ заглавіемъ «Недопѣтыя пѣсни», изъ которыхъ можно познакомиться съ характеромъ музы поэта. Мысль объ изданіи такого сборника возникла еще при жизни Михаила Николаевича, когда онъ самъ намѣтилъ въ этомъ сборникѣ отдѣлы и подобралъ рядъ стихотвореній къ нимъ.

«Недопѣтыя пѣсни» представляютъ изящный томикъ въ 282 страницы, снабженный портретомъ и факсимиле автора и небольшою біографическою замѣткой.

Кромѣ этихъ стихотвореній, послѣ Михаила Николаевича остались еще другія стихотворенія, не вошедшія въ этотъ сборникъ, мелкіе рассказы въ прозѣ и неоконченная драма.

Не задаваясь здѣсь цѣлью разбирать произведенія М. Н. Соимонова (довольно обстоятельный разборъ «Недопѣтыхъ пѣсенъ» помѣщенъ въ № 104 газеты «Волжскій Вѣстникъ» за 1891 годъ и принадлежитъ Александру Рузскому), я замѣчу, что общій характеръ его поэзіи—это скорбь, но скорбь не «міровая», а чисто субъективная. Поэтъ говоритъ:

Пѣсни мои — накопѣвшія слезы,
Сердца больного безумныя грезы!
(«Желѣзныя пѣсни»).

Онъ сильно страдаетъ душой и единственное утѣшеніе среди окружающихъ страданій видитъ въ любви, понимаемой имъ въ истинно-христіанскомъ ея значеніи, при чемъ подъ вліяніемъ такой любви страданія дѣлаются менѣе тягостны, ибо

Удѣлъ любви — безропотно страдать.
(«Любовь»).

Свое завѣщаніе дочери поэтъ заканчиваетъ словами:

Пѣснь, омытая жгучей слезою,
Будетъ связью межъ нами живою
И завѣтомъ — страдать и любить.

(«Завѣщаніе»).

Поэзія Соймонова болѣе всего походитъ на поэзію Надсона, съ которымъ онъ имѣетъ, кромѣ того, нѣкоторыя общія и біографическія черты.

М. Н. Соймоновъ похороненъ, какъ уже было выше сказано, на кладбищѣ Седьміозерной пустыни, и его могила находится въ живописномъ мѣстѣ за деревней, на берегу озера, на холмѣ, въ опушкѣ сосновой рощи, богатой соловьями. Такимъ образомъ, здѣсь почти слово въ слово выполнено завѣщаніе поэта, который просилъ:

Схороните меня въ ясный солнечный день,
На горѣ, подъ сосною кудрявой,
Тамъ въ прохладѣ лѣсовъ, тамъ въ тиши деревень,
Тамъ подъ сѣнью зеленой дубравы.

(«Завѣщаніе»).

На могилѣ М. Н. года три тому назадъ одною изъ сестеръ покойнаго поэта поставленъ сѣрый мраморный памятникъ, на которомъ высѣчена слѣдующая надпись:

Подъ снѣмъ
крестомъ покоится
Михаилъ Николаевичъ
Соймоновъ,
сконч. 12 сентября
1888 г. 37 лѣтъ
отъ роду.

Суждены вамъ
Благіе порывы, но
Свершить ничего не дано.

Но лучшей эпитафіей на могилѣ Михаила Николаевича Соймонова будутъ его же собственныя слова, сказанныя имъ на похоронахъ В. Ө. Корша:

Въ мирный вселившися край,
Труженикъ, снй, почивай!
Богъ надъ тобой!
Тяжкой купилъ ты цѣной
Вѣчный покой...

Теперь приведу свѣдѣнія о другихъ казанскихъ поэтахъ.

Гавріилъ Романовичъ Державинъ, которымъ Казань можетъ гордиться, какъ своимъ уроженцемъ и воспитанникомъ казанской гимназіи, не былъ, строго говоря, казанскимъ поэтомъ. О Державинѣ я не буду говорить, такъ какъ онъ слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстенъ.

Гавріилъ Петровичъ Каменевъ можетъ быть названъ вполнѣ казанскимъ поэтомъ, такъ какъ онъ въ Казани родился (3-го февраля 1772 года), здѣсь получилъ солидное по своему времени воспитаніе, въ Казани протекла вся его поэтическая дѣятельность, и въ ней же онъ умеръ (въ іюлѣ 1803 г.). Принадлежа къ купеческому званію, онъ, однако же, выросъ совершенно въ барской обстановкѣ. Лишившись рано родителей, Каменевъ жилъ у своихъ сестеръ, которыя были замужемъ за мѣстными дворянами, владѣльцами богатыхъ имѣній (Дѣдовымъ и Апехтинымъ). Посылая произведенія своей музы въ тогдашніе журналы, Каменевъ сталъ извѣстенъ въ столицахъ и свелъ знакомство съ корифеями литературы: Карамзинымъ, Дмитріевымъ и др. Въ особенности имя его стало извѣстнымъ, благодаря балладѣ «Громвалтъ», которая въ теченіе десятковъ лѣтъ помѣщалась во всѣхъ русскихъ хрестоматіяхъ, наравнѣ съ балладами Жуковского. Пушкинъ очень цѣнилъ музу Г. П.: «Каменевъ,—говорилъ онъ,—первый въ Россіи осмѣлился отступитъ отъ классицизма. Мы, русскіе романтики, должны принести должную дань его памяти». Жизнь Каменева въ періодъ его поэтическаго творчества была далеко не безмятежна. Несчастье его состояло въ томъ, что онъ былъ женатъ на пустой и вѣтряной красавицѣ, М. А. Подладчиковой, которая нимало не отвѣчала его взглядамъ. Состояніе души поэта, незадолго до смерти, выражено имъ весьма сильно въ стихотвореніи, которое было найдено въ боковомъ карманѣ сюртука въ день кончины. Стихотвореніе это—плодъ тоскливыхъ предсмертныхъ ощущеній, напечатано впервые лишь въ 1889 году, въ № 69 «Казанскаго Биржевого Листка», почему я и позволю себѣ привести его здѣсь цѣликомъ:

Вчера съ друзьями я ходилъ
Въ тѣни сосновой темной рощи;
Прохладной ожидалъ ночи,
Тамъ съ ними время проводилъ...
.....
Друзья! придите вы туда;—
Придите: древнихъ соснъ въ тѣняхъ
Надгробный камень тамъ бѣдѣть,
Подъ нимъ вашъ другъ несчастный тлѣть...
Слезой его почтите прахъ.
Почувствуйте душѣ унылой,
Какъ надъ безмолвною могилой
Во мракѣ ночи вѣть вѣтръ.

Г. П. Каменевъ похороненъ въ сосновой рошѣ Кизическаго монастыря, находящагося въ трехъ верстахъ отъ Казани; на его могилѣ имѣется слѣдующая эпитафія:

Въ комъ нѣкогда пылалъ небесный чистый пламень,
 Кто добродѣтель чтилъ, кто былъ несчастнымъ другъ,
 Кто бѣднаго любилъ,—того остывшій прахъ
 Здѣсь кроетъ хладный камень.

(Подробности о личности Каменева можно найти въ вышеупомянутомъ № «Казанскаго Биржевого Листка» 1889 года).

Александра Андреевна Фуксъ, урожденная Апехтина, была родной племянницей поэта Г. П. Каменева, дочерью его сестры. Она въ ранней молодости вышла замужъ за уже немолодого профессора Казанскаго университета, доктора медицины, большого знатока естественныхъ наукъ и въ то же время страстнаго археолога, К. Ѳ. Фука, отъ котораго и заимствовала склонность къ литературной дѣятельности. Среди печатныхъ трудовъ m-me Фуксъ есть все: книги по археологіи и этнографіи, нѣсколько театральныхъ пьесъ мѣстнаго историческаго содержанія, нѣсколько сказокъ и романовъ въ стихахъ и книжка стихотвореній, давшихъ ей право именоваться «казанскою поэтессой». Пушкинъ, въ бытность свою въ Казани, былъ въ ея домѣ, потомъ переписывался съ нею, прося стиховъ ея для основаннаго имъ «Современника»¹⁾; поэтъ Языковъ посвятилъ ей одно изъ своихъ стихотвореній. Гостиная Александры Андреевны была центромъ казанскаго литературно-музыкальнаго и артистическаго общества, гдѣ собирались читать свои произведенія мѣстные авторы, начинающіе поэты и ученые мужи университета; здѣсь же нерѣдко происходили и засѣданія «Казанскаго общества любителей отечественной словесности». Всѣ изданія сочиненій г-жи Фуксъ сдѣлались теперь библиографическою рѣдкостью. Поэтесса эта умерла въ Казани 4-го февраля 1853 года.

Григорій Николаевичъ Городчаниновъ, профессоръ Казанскаго университета по каѳедрѣ «краснорѣчія, стихотворства и языка русскаго», написавшій въ своей жизни массу стиховъ, изъ которыхъ многіе собраны въ его книгѣ: «Сочиненія и переводы въ прозѣ и стихахъ. Статскаго совѣтника, профессора, Казанскаго общества любителей отечественной словесности предсѣдателя и кавалера, Григорія Городчанинова» (Казань, 1836 г.). Муза этого пѣнны была довольно бездарна, хотя произведенія ея охотно печатались въ казанскомъ журналѣ того времени «Заволжскій Муравей», издававшемся М. С. Рыбушкинымъ. Городчаниновъ не былъ казанскимъ уроженцемъ (онъ родился въ городѣ Балахнѣ, Нижегородской губерніи), но Казань знала его отъ дней молодости до гробовой

¹⁾ См. «Казанскія Губернскія Вѣдомости», 1844 г., № 2.

доски и потому всегда считала своимъ. Лекціи его, какъ профессора, были довольно скучны для студентовъ. Страсть къ стихотворству перешла въ потомство Городчанинова: сынъ Г. Н., Николай Григорьевичъ, который отличался тѣмъ, что всегда и вездѣ, кстати и некстати, крестился, служа совѣтникомъ губернскаго правленія въ Новгородѣ, написалъ и издалъ большую поэму въ стихахъ подъ заглавіемъ «Груня». Книжечка это такъ и не двинулась съ книгопродавческихъ полокъ, и проживавшая въ Казани, въ большой нищетѣ, сестра автора поэмы «Груня» носила въ 1860-хъ годахъ узелокъ съ экземплярами этой книжечки по городу, тщетно предлагая купить ихъ за безцѣнокъ. Г. Н. Городчаниновъ умеръ въ Казани 22 декабря 1852 года, 80-ти лѣтъ отъ роду. Въ послѣдніе годы онъ сильно пристрастился къ Бахусу, при чемъ имѣлъ обыкновеніе передъ налитой рюмкой, прежде чѣмъ ее выпить, вести продолжительный пантомимный разговоръ съ нею, прерываемый различными междометіями и жестами. Извѣстный казанскій острякъ того времени, богатый помѣщикъ В. И. Юшковъ, на вопросъ, о чемъ бы могъ разговаривать Городчаниновъ съ рюмкой, однажды сказалъ: «Онъ Ероѳеичу вотъ что рассказываетъ:

«Ероѳеюшка мой милый,
Какъ тебя я полюбилъ:
Аполлона, музъ и силы—
Все въ тебѣ я потопилъ.

«Шутъ ли въ томъ, когда я воду
Чистую употреблялъ
И торжественную оду
Александрѣ воспѣвалъ?

«Всѣ меня тогда бранили,
Всѣ меня гоняли вонъ,
Эпиграммами валили
На меня со всѣхъ сторонъ.

«А теперь меня ласкаютъ
И ужъ больше не бранятъ,
На обѣды приглашаютъ
И тобой, душа, поятъ».

Пушкинъ, въ бытность его въ Казани, на вечерѣ у м-те Фуксъ, пересматривая книги, раскрылъ сочиненія Городчанинова; увидѣвъ въ нихъ прозу и стихи, онъ опять закрылъ книгу и, какъ бы съ досадою, сказалъ: «О, это проза и стихи! Какъ жалки тѣ поэты, которые начинаютъ писать прозой; признаюсь, ежели бы я не былъ вынужденъ обстоятельствами, я бы для прозы не обмакнулъ пера въ чернила» ¹⁾). Рассказываютъ, что Городчаниновъ сильно оби-

¹⁾ См. «Казанскія Губернскія Вѣдомости», 1844 года, № 2.

дѣлся на Пушкина за то, что тотъ, будучи членомъ казанскаго общества любителей отечественной словесности, не счелъ нужнымъ сдѣлать ему визита, какъ предсѣдателю этого общества.

Анна Александровна Наумова занимала на казанскомъ Парнасѣ въ старыя годы не послѣднее мѣсто. Она была дочерью богатаго помѣщика Лаишевскаго уѣзда, Александра Петровича Наумова, и Маріи Петровны, урожденной Зюзиной. Книжка ея стихотвореній вышла въ свѣтъ въ 1819 году подъ названіемъ: «Уединенная муза закамскихъ береговъ». Поэтесса умерла въ 1862 году въ глубокой старости. Въ молодости она имѣла многихъ искателей ея руки, но всѣ они были въ ея глазахъ слишкомъ мелки и недостойны. Казанскій литераторъ и сосѣдь по имѣнію А. А. Наумовой, князь Гундоровъ, приклеилъ тайкомъ къ ея дому въ деревнѣ слѣдующее четверостишіе:

Сегодня платьѣ, завтра блуза...
Отбою вѣтъ отъ жениховъ—
Пщи съ умомъ союза,
А не пщи стиховъ...

Но союза брачнаго такъ и не суждено было дожидаться «закамской музѣ». Наумова была большая оригиналка: любила ѣздить верхомъ и имѣла у себя постоянно около сотни крѣпостныхъ дѣвушекъ, которыя, одѣтыя вмѣсто сарафановъ то въ платьѣ, то въ блузы, должны были ѣздить съ нею верхомъ, составляя ея свиту, при чемъ имъ строжайше было запрещено употреблять сѣдла. А. А. была горячая патріотка, хотя патріотизмъ ея выражался, главнымъ образомъ, въ томъ, что она каждый царскій день заставляла своихъ крестьянъ лазить по нарочно для этого устроеннымъ столбамъ и дарила имъ кумачныя рубашки, какъ призъ за ловкость. Такъ какъ съ своими амазонками Наумова жила очень расточительно, то ея мотовство дало поводъ родственникамъ ея, князьямъ Хованскимъ, просить объ учрежденіи надъ поэтессой опеки, чего они и добились въ 1840 году.

Федоръ Михайловичъ Рындовскій. Это былъ штабъ-лѣкарь и авторъ стихотвореній: «Печальные, веселые и унылые тоны моего сердца» (Спб., 1809 г.); «Путешествіе и отдыхъ» (Казань, 1833 г.) и «Сотвореніе міра» (Спб., 1832 г.). Рындовскій родился 7 февраля 1783 года въ Черниговской губерніи, но съ 1811 года поселился сначала въ городѣ Тетюшахъ (Казанской губерніи), потомъ въ Казани и здѣсь женился на сестрѣ извѣстнаго идилика В. И. Панаева, Поликсентъ Ивановичъ. Онъ былъ всегдашнимъ членомъ всякихъ казанскихъ литературныхъ собраній. На одномъ изъ такихъ собраній, бывшемъ у m-me Фуксъ, Ф. М. уличилъ въ присвоеніи чужой литературной собственности тогдашняго казанскаго вице-губернатора Е. В. Филиппова, который выдалъ за свое собственное одно изъ стихотвореній Рындовскаго, узнанное авторомъ, за что

послѣдній и былъ вызванъ обиженнымъ вице-губернаторомъ на дуэль. Однако дуэль эта не состоялась, и дѣло кончилось тѣмъ, что Филипповъ извинился передъ Рындовскимъ. Прожившій въ Казани съ дней молодости до самой смерти (27 сентября 1839 года), О. М. Рындовскій можетъ быть названъ вполне казанскимъ поэтомъ.

Владимиръ Ивановичъ Панаевъ, авторъ столь извѣстныхъ «Идиллій», родился въ городѣ Тетюшахъ (Казанской губерніи) въ 1792 году и воспитывался въ казанскихъ гимназій и университетѣ. Державинъ, который приходился родственникомъ Панаеву и которому послѣдній написалъ «похвальное слово» («Похвальное слово Державину» см. «Сынъ Отечества» 1817 г., № 5), прочитавъ еще въ рукописи первыя пять идиллій молодого поэта, обратилъ на него свое вниманіе и посоветовалъ ему заняться изученіемъ греческихъ и латинскихъ авторовъ-идилликовъ и швейцарскаго поэта Геснера, почему почти во всѣхъ своихъ идилліяхъ Панаевъ и старался подражать этому швейцарскому идиллику. В. И. провелъ свою жизнь на службѣ въ Петербургѣ и умеръ тамъ въ 1859 году въ должности директора канцеляріи министра двора, въ чинѣ тайнаго совѣтника и въ званіи статсъ-секретаря. Идилліи Панаева заучивались наизусть, перекладывались на музыку и доставили ему значительную извѣстность. По родству своему и потомству онъ принадлежалъ къ многочисленной семьѣ Панаевыхъ, между которыми встрѣчается немало литераторовъ и музыкантовъ. В. И. Панаевъ былъ женатъ на П. А. Жмакиной, сестрѣ казанскаго поэта, о которомъ рѣчь будетъ ниже.

Левъ Николаевичъ Ибрагимовъ, авторъ книжечки стихотвореній, изданной въ Казани въ 1841 году и посвященной знаменитому попечителю Казанскаго учебнаго округа М. Н. Мусину-Пушкину, отъ котораго Ибрагимову, во время студенчества, очень много доставалось за разные стихи, ходившіе по рукамъ въ рукописяхъ. Это былъ страшный казанскій зоиль, не щадившій представителей казанскаго бомонда, не исключая и дамъ, служившихъ чаще всего предметомъ для его мѣткихъ эпиграммъ. Страсть къ писательству, въ особенности къ стихамъ, Л. Н. Ибрагимовъ унаслѣдовалъ отъ отца своего Николая Миссаиловича Ибрагимова; послѣдній происходилъ изъ татаръ, былъ извѣстенъ всему городу подъ именемъ «Мисаилыча», со всѣми вступалъ въ разговоры и безпрестанно каламбурилъ. Мать Л. Н. Ибрагимова была дочерью протоіеря Данкова и родилась за границей, такъ какъ ея отецъ служилъ священникомъ въ одной изъ русскихъ посольскихъ церквей Германіи; поэтому она очень плохо знала русскій языкъ и всегда коверкала русскія слова. Этотъ протоіерей былъ потомъ учителемъ нѣмецкаго языка въ 1-й казанской гимназій, но не былъ въ ней ни законоучителемъ, ни настоятелемъ гимназической церкви. У Л. Н. былъ портретъ своего дѣда во фракѣ съ голубою лентой, на ко-

торой висѣлъ наперсный крестъ. Ибрагимовъ отецъ былъ учителемъ 1-й казанской гимназіи и любилъ произносить экспромты въ стихахъ, при чемъ предметомъ его преслѣдованій былъ, главнымъ образомъ, директоръ этой гимназіи И. Ѳ. Яковкинъ. Такъ, однажды про директора, носившаго всегда на шеѣ крестъ (орденъ), онъ сказалъ: «Господи, Ты спасъ вора на крестѣ, теперь спаси крестъ на ворѣ», на что Яковкинъ, узнавъ, сильно обидѣлся и вышелъ изъ себя, но Н. М. Ибрагимовъ успокаивалъ его словами: «Не горячитесь, завтра же на булочкѣ поймаю»... Левъ Николаевичъ написалъ стихи на пріѣздъ въ Казань императора Николая I, которыми сильно восторгался Жуковский, и за которые авторъ получилъ драгоценные часы отъ высочайшаго имени; эти стихи напечатаны на 1-й страницѣ книжечки его стихотвореній. Л. Н. Ибрагимовъ имѣлъ большое пристрастіе къ картамъ и спиртнымъ напиткамъ. Уѣхавъ, вскорѣ по окончаніи курса, куда-то на Тагиль учительствовать, онъ болѣе уже не возвращался въ Казань, гдѣ его вскорѣ и забыли.

Владимиръ Александровичъ Жмакинъ, авторъ книжки стихотвореній подъ названіемъ «Часы досуга» (Казань, 1843 года; сочиненіе это пожертвовано авторомъ въ пользу мѣстныхъ дѣтскихъ пріютовъ), былъ сыномъ правящаго должность казанскаго губернатора Александра Яковлевича Жмакина, умершаго въ 1850 году въ С.-Петербургѣ, въ должности члена совѣта министра внутреннихъ дѣлъ. Служеніе музѣ не было постояннымъ занятіемъ В. А., и онъ нерѣдко измѣнялъ поэзіи: извѣстна, на примѣръ, работа «О выгодахъ посѣва льна въ Казанской губерніи», напечатанная въ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» въ 1844 году. Его сестра, Прасковья Александровна, была замужемъ за упомянутымъ уже В. И. Панаевымъ, а мать, урожденная Кудрявцева, приходилась внучкой шуранскому помѣщику Нармацкому, извѣстному своими разбоями, которые онъ производилъ въ прошломъ столѣтіи съ шайкой крѣпостныхъ людей на Камѣ, заставляя трепетать всю окрестность. Въ его имѣніи (с. Шуранъ, Лаишевскаго уѣзда, Казанской губерніи) до сихъ поръ еще уцѣлѣли: подземный ходъ на Каму и склады, гдѣ онъ томилъ своихъ жертвъ. Объ одномъ изъ подвиговъ этого барина можно прочесть въ повѣсти Марлинскаго «Латникъ».

Иванъ Васильевичъ Кротковъ, старшій учитель русской словесности казанской первой гимназіи. Онъ происходилъ изъ семинаристовъ Пензенской губерніи, но окончилъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ въ числѣ самыхъ лучшихъ студентовъ. Будучи учителемъ сначала въ Нижнемъ Новгородѣ, потомъ въ Перми и, наконецъ, въ Казани, онъ любилъ посвящать свои досуги музѣ, но, къ его несчастью, первое же изданіе его «Стихотвореній» (Ка-

зань, 1856 г.) потерпѣло фіаско: критикъ «Современника» (1856 г., № 9) разобралъ книжечку бѣднаго И. В. Какъ учитель, Кротковъ былъ очень симпатиченъ, зналъ свой предметъ прекрасно, съ учениками обходился гуманно и скорѣе былъ ихъ воспитателемъ, чѣмъ только учителемъ. Во время своего учительства въ Казани онъ написалъ очень хорошій разборъ Пушкинскаго «Бориса Годунова» ¹⁾.

Николай Александровичъ Демертъ. Этотъ, столь извѣстный въ свое время публицистъ и составитель «внутренняго обозрѣнія» въ «Отечественныхъ Запискахъ» салтыковско-некрасовской редакціи, былъ когда-то очень талантливымъ казанскимъ писателемъ стиховъ, большею частью сатирическихъ и чрезвычайно ѣдкихъ. Но стихи Демерта въ печать не проникали, такъ какъ для этого еще не наступило время. Онъ родился 15-го апрѣля 1833 года въ селѣ Селенгушахъ, Лаишевскаго уѣзда, Казанской губерніи, въ имѣніи своей матери, и былъ воспитанникомъ здѣшнихъ гимназій (вышелъ изъ 4-го класса) и университета (окончилъ курсъ на камеральномъ факультетѣ въ 1856 г. кандидатомъ). Еще на студенческой скамьѣ онъ написалъ массу стихотвореній, въ которыхъ фигурировали тогдашніе профессора университета, а стихотвореніе его: «Казань многогрѣшная» — отрывокъ изъ татарской оперы «Гибель Золотой Орды», начинавшейся словами:

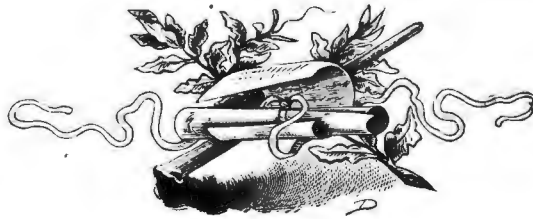
«Эхъ, Казань, ты, Казань многогрѣшная,
 «За грѣхи наказаль теби Богъ:
 «Тьма въ тебѣ вѣчно кромѣшная,
 «Нѣтъ въ тебѣ ни воды, ни дорогъ!» и т. д.

ходило во множествѣ списковъ и заучивалось молодежью наизусть. Въ Казани Демертъ служилъ въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, потомъ былъ предсѣдателемъ Чистопольской (Казанской губерніи) земской управы до 1867 года, послѣ чего занялся исключительно литературой, переселившись въ Петербургъ. Тамъ онъ сталъ работать сначала въ «Недѣль», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», а потомъ уже въ «Отечественныхъ Запискахъ». Н. А. загубилъ свой разносторонній литературный талантъ крайнею приверженностью къ алкоголю и умеръ еще далеко не старымъ человекомъ. Будучи проездомъ въ Москвѣ въ 1876 году, онъ по ошибкѣ былъ арестованъ, подъ арестомъ заболѣлъ и умеръ 21-го марта отъ паралича сердца въ полицейской больницѣ Сокольническаго участка, 42 лѣтъ отъ роду. Погребенъ онъ 24-го марта на Ваганьковскомъ кладбищѣ, на казенный счетъ, въ общей могилѣ, вмѣстѣ съ арестантами. Характеристика Н. А. Демерта изображена въ повѣсти «Идеалистка», помѣщенной въ журналѣ

¹⁾ См. «Казанскія Губернскія Вѣдомости», 1852 г., № 22.

«Слово» (1878 г., №№ 4 и 5). Творецъ известной картины: «Явление Христа народу», художникъ А. А. Ивановъ, былъ двоюроднымъ братомъ Демерта, а мать Н. А., урожденная Нармацкая, происходила изъ рода пресловутаго казанскаго помѣщика Нармацкаго, о которомъ упоминалось уже выше. Отецъ Демерта былъ однимъ изъ участниковъ отечественной войны 1812 года, когда вмѣстѣ съ графомъ Паленомъ дѣлалъ походы, и въ 1814 году былъ въ Парижѣ.

Борисъ Агаоновъ.

ВЪ ЭСТОНСКОЙ ШВЕЙЦАРИИ.

(Наброски случайнаго туриста).

Святое озеро.—Медвѣжья Голова.—Бунтъ крестьянъ на Свитомъ озерѣ.—Гернгутерство и православіе.—Школы.—Молитвенный домъ гернгутеровъ.—Праздникъ трезвости.

ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ Прибалтійскаго края существуетъ немало прекрасныхъ «уголковъ земли», которымъ мѣстные патріоты присвоили названіе Швейцаріи. Такъ, въ Курляндской губерніи существуетъ «Курляндская Швейцарія», въ Лифляндской — «Ливонская Швейцарія» (иначе «Венденская»). Къ этимъ мѣстнымъ «Швейцаріямъ», получившимъ право гражданства въ географической литературѣ, нужно причислить еще цѣлый рядъ другихъ «Швейцарій», созданныхъ мѣстнымъ патріотизмомъ, но пока еще неизвѣстныхъ представителямъ географической науки. Къ такимъ самозваннымъ «Швейцаріямъ» слѣдуетъ отнести и «Дерптскую Швейцарію», имя которой можно встрѣтить только въ мѣстной географической литературѣ. Такое названіе дано плоскогорію Оденне, возвышающемуся верстахъ въ сорока къ югу отъ нынѣшняго Юрьева. Эта мѣстность крайне интересна не только въ географическомъ, но еще болѣе въ историческомъ отношеніи, какъ пунктъ, на которомъ отразились почти всѣ сколько нибудь важныя событія въ исторіи Прибалтійскаго края.

Оденне, центральный пунктъ «Дерптской Швейцаріи», находится въ 15 верстахъ отъ станціи Бокенгофа, памятной въ лѣтописяхъ желѣзнодорожныхъ катастрофъ крушеніемъ воинскаго по-

ѣзда 1 мая 1897 года, когда погибли ужасною смертью нѣсколько десятковъ нижнихъ чиновъ Красноярскаго пѣхотнаго полка. Отъ станціи Бокенгофа по направленію къ Оденпе идетъ прекрасная шоссированная дорога, представляющая гладкую, плотно убитую гравіемъ ленту, по которой экипажъ почти безшумно катится со скоростью до пятнадцати верстъ въ часъ. Вслѣдствіе холмистой мѣстности дорога постоянно то поднимается въ гору, то опускается въ оврагъ и въ то же время извивается вправо и влево, подобно гигантской змѣѣ.

Въ двѣнадцати верстахъ отъ Бокендорфа дорога проходитъ мимо красиваго помѣщичьяго дома съ высокою башнею, на которой развѣвается флагъ. Это—мыза Гейлигензее, получившая свое названіе отъ озера, на берегу котораго она расположена. Это озеро, называемое эстонцами искони вѣковъ Святымъ, является наиболѣе знаменитымъ и прославленнымъ, въ стихахъ и въ прозѣ, пунктомъ «Дерптской Швейцаріи». Глубоко вдающіеся въ сушу заливы, окрестные холмы, поросшіе хвойнымъ и смѣшаннымъ лѣсомъ, богатая мыза, крестьянскія усадьбы и дачные домики по берегамъ и особенно небольшіе, тоже обросшіе деревьями, острова, напоминающіе громадныя букеты цвѣтовъ, погруженные въ воду, дѣйствительно, придаютъ Святому озеру особенную прелесть и дѣлаютъ егѣ главною приманкой туристовъ. Искусство соединилось съ природою для того, чтобы придать этому прекрасному уголку еще больше привлекательности. На склонѣ холма, поднимающагося противъ помѣщичьяго дома, устроенъ прекрасный паркъ съ вѣковыми дубами и липами, по которымъ весело прыгаютъ цѣлыя десятки шаловливыхъ бѣлокъ. Для удобства гуляющихъ тамъ проложена сѣтъ дорожекъ по всевозможнымъ направленіямъ, а въ пунктахъ, съ которыхъ открываются наиболѣе прекрасныя виды на озеро, устроены столики, обставленные скамейками. Точно такой же паркъ устроенъ и на нѣкоторыхъ островахъ озера, носящихъ болѣе или менѣе поэтическія и романтическія названія. Такъ, на примѣръ, ближайшіе къ мызѣ, парку и большой дорогѣ два островка, расположенныхъ рядомъ, называются «Сестрами», а въ отдѣльности они носятъ названія *Isola bella* и *Isola madre*, по аналогіи съ знаменитыми Борромейскими островами Лаго-Маджіоре. Наиболѣе удаленный отъ береговъ и въ то же время самый высокій и самый прекрасный изъ островковъ Святого озера, съ паркомъ и пристанью для лодокъ, называется Монастырскимъ. Слѣдовъ монастыря тамъ нѣтъ никакихъ, но фантазія мѣстныхъ романтиковъ превратила въ мѣсто бывшей кельи пониженіе земли, окруженное высокими липами, и нашелся поэтъ, заставившій уйти въ эту келью отъ «міра печали и слезъ» прекрасную отшельницу, которой жестокая судьба помѣшала соединиться съ любимымъ чловѣкомъ узами брака.

Вообще со Святымъ озеромъ связано немало мѣстныхъ преданій и легендъ. Одна изъ нихъ, между прочимъ, пыгается объяснить происхождение названія этого озера. Святымъ оно названо,— гласитъ преданіе,— потому, что въ немъ семьсотъ лѣтъ тому назадъ окрестное языческое населеніе приняло святое крещеніе отъ нѣмецкихъ пришельцевъ. При этомъ въ Святомъ озерѣ стояли во время крещенія мужчины, а въ другомъ, сосѣдномъ, озерѣ, отдѣленномъ отъ перваго только дорогой, стояли женщины, вслѣдствіе чего это второе озеро и названо Дѣвичьимъ. Какъ ни правдоподобна эта легенда, она является сплошнымъ вымысломъ народной фантазіи или, что еще вѣроятнѣе, созданіемъ какого нибудь книжника. Во-первыхъ, главный источникъ древнѣйшей исторіи Ливоніи, лѣтопись Генриха Латыша, очевидца кровавой эпохи завоеванія этой страны нѣмцами, не говоритъ о крещеніи ливовъ, латышей и эстовъ въ рѣкахъ и озерахъ, столь обильныхъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Относительно же древней Унгани, области, охватывавшей и нынѣшнюю «Дерптскую Швейцарію», ливонскій лѣтописецъ прямо говоритъ, что «священники, присланные изъ Риги, окропили святою водою (жителей) и воззвали ихъ къ вѣчной жизни»¹⁾. При такомъ способѣ крещенія, практиковавшемся даже безъ участія священниковъ, не нужны были рѣки и озера. Во-вторыхъ, еслибы легенда о происхожденіи названія Святого озера и не противорѣчила достовѣрнымъ историческимъ фактамъ, ее все-таки нельзя было бы принять въ виду физическихъ свойствъ большей части здѣшнихъ озеръ. Если въ Святомъ озерѣ съ его болотистымъ дномъ и могли въ крайнемъ случаѣ стать для крещенія мужчины, то въ заростающемъ Дѣвичьемъ озерѣ это было рѣшительно невозможно.

Несравненно болѣе справедливо мнѣніе, приписывающее происхождение названія Святого озера древне-языческому, дохристіанскому времени. Эсты-язычники, между прочимъ, боготворили рѣки, источники и озера, приписывали имъ цѣлебныя свойства, приносили имъ благодарственные жертвы. Святое озеро не единственное озеро, которому эстонцы дали такое названіе. Въ томъ же Оденпескомъ приходѣ находится озеро Ильмъ-ервъ, которое также считалось святымъ; тамъ же беретъ начало и священная рѣчка Выханда, или Веганда, мѣстопробываніе Укко, верховнаго бога эстовъ-язычниковъ.

Если Святое озеро названо «святымъ» *par excellence*, то на это были особыя причины. Во-первыхъ, на берегахъ и островахъ этого озера росли рощи священныхъ для древняго эстонца деревьевъ, дубовъ и липъ, которымъ также приносились жертвы:

¹⁾ Ливонская хроника Генриха Латыша, глава XIX, § 7. Переводъ Е. В. Чешихина.

корни ихъ поливались свѣжею похлебкою и свѣжею кровью животныхъ, а сучья украшались разноцвѣтными лентами. Кромѣ того, древніе эстонцы ставили идоловъ въ священныя рощахъ, и трудно придумать болѣе удобныя по безопасности и въ то же время прекрасныя мѣста для языческихъ святинь, какъ островки Святого озера. Во-вторыхъ, изъ этого озера беретъ начало знаменитая въ эстонской космогоніи рѣка Эмбахъ, происхождение которой связано съ началомъ рода человѣческаго на землѣ.

«Небесный Дѣдушка (Укко),— говоритъ одна эстонская легенда,— создалъ міръ и распростеръ надъ землею небо съ сіяющими звѣздами, луною и солнцемъ. На землѣ росли всякіе цвѣты, травы и деревья, и всякаго рода животныя жили весело. Но животныя не исполняли воли Дѣдушки, стали ненавидѣть и терзать другъ друга. Поэтому Дѣдушка собралъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ и сказалъ имъ: «Я создалъ васъ, но не для того, чтобы вы ненавидѣли и терзали другъ друга, а чтобы вы радовались о своей жизни. Я вижу, что вы не можете жить безъ царя, который бы управлялъ вами. Для приѣма его вы должны выкопать рѣку. Выкопайте хорошенько, широкую и глубокую, чтобы всѣ маленькія рѣчки могли втекать въ нее. Имя ея будетъ Ета-jogi, т. е. Мать-рѣка. Выкопанную землю не бросайте куда попало, но собирайте ее въ одинъ холмъ, на которомъ я велю вырасти прекрасной рощѣ и тамъ будетъ жить вашъ царь—человѣкъ... Дѣдушка ушелъ, и всѣ взялись за работу. Заяцъ и лисица вымѣрили длину рѣчки. Заяцъ скакалъ впереди, лисица шла за нимъ, и хвостъ ея тащился по землѣ, оставляя слѣды на землѣ для указанія, гдѣ должно копать русло рѣчки. Кроль провелъ первыя борозды; за нимъ шелъ барсукъ; сѣроглазый волкъ разрывалъ землю лапами; медвѣдь таскалъ вырытую землю; ласточки и всѣ другія птицы были въ работѣ». Когда русло рѣчки было готово, Укко остался имъ доволенъ, влилъ въ него воду изъ золотой чаши, далъ ей изъ своего дыханія жизнь и указалъ, куда течь. Такимъ образомъ, возникла рѣка Эмбахъ (русская Амовжа) и холмъ Домбергъ въ Юрьевѣ ¹⁾.

Въ настоящее время на Святомъ озерѣ не сохранилось никакихъ слѣдовъ древне-языческаго культа, и если въ Троицынъ и Ивановъ дни тамъ собирается много народа, то привлекаютъ его не древне-языческія воспоминанія, а возможность пріятно провести время въ паркѣ и на островахъ, запасшись соотвѣтственными напитками изъ мызной корчмы, расположенной на самомъ берегу озера. Эта типичная по своему внѣшнему виду прибалтійская корчма имѣетъ маленькую особенность: со стороны озера къ ней пристроена веранда, на фронтонѣ которой вырѣзано «Salve». Такое

¹⁾ Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Рижской епархіи, в. I, стр. 64—65. Рига. 1893 г.

латинское привѣтствіе обращено, конечно, не къ мѣстнымъ эстонцамъ, а къ пріѣзжимъ изъ Юрьева «питомцамъ музъ».

Съ самаго начала нынѣшняго столѣтія Святое озеро было излюбленнымъ мѣстомъ студенческихъ «коммершей». Со времени проведенія вблизи «Дерптской Швейцаріи» желѣзнодорожной вѣтви значеніе Святого озера, какъ конечнаго пункта увеселительныхъ весеннихъ и осеннихъ прогулокъ учащейся молодежи, возросло еще болѣе. Студенческіе коммерши, одно изъ проявленій той «академической свободы», которою славился во время оно Дерптскій университетъ, и которая нашла восторженнаго пѣвца въ лицѣ Языкова и не менѣе безпощаднаго обличителя въ лицѣ П. Д. Боборыкина ¹⁾, — оставили на Святомъ озерѣ своеобразные памятники. Прежде всего, всѣ скамейки и столы, и даже кора деревьевъ въ паркѣ и на островахъ, испещрены вырѣзанными ножомъ инициалами, хронологическими датами и разнаго рода эмблемами, среди которыхъ преобладаетъ пылающее сердце, пронзенное стрѣлой Амура. Но наиболѣе интереснымъ и достойнымъ вниманія памятникомъ студенческихъ поѣздокъ въ «Дерптскую Швейцарію» является *Fremdenbuch*—имѣющаяся въ мызной корчмѣ книга, куда посѣтителі записываютъ свои имена.

Помимо именъ случайныхъ туристовъ, страницы этой интересной книги испещрены надписями въ стихахъ и въ прозѣ, каррикатурами и даже цѣлыми стихотвореніями и рисунками. Среди стихотвореній, болшею частью, переписанныхъ артистическимъ почеркомъ, встрѣчаются и оды въ честь вина, любви и красоты, и элегіи по поводу разлуки со Святымъ озеромъ, и юмористическія повѣствованія о юношескихъ похожденияхъ въ «Дерптской Швейцаріи», не всегда обходившихся безъ вмѣшательства урядника.

Thaten dann jedoch zum Schluss
Dem Uрядникъ viel Verdruss.

Такъ заканчивается стихотворная исторія одной студенческой поѣздки «въ дни прекрасные мая». Иллюстраціями къ стихотвореніямъ являются сдѣланныя перомъ изображенія разныхъ сценъ, связанныхъ съ пребываніемъ въ «Дерптской Швейцаріи». Тамъ и экипажи, наполненные молодежью, спѣшащей на Святое озеро, и кавалькады велосипедистовъ и всадниковъ въ облакахъ пыли, и картины «поэтическаго пьянства» на лонѣ природы съ необходимыми аксессуарами въ видѣ пивныхъ бочекъ, бутылокъ съ ромомъ, мисокъ для жженки и т. д.

¹⁾ См. его автобиографическій романъ: «Въ путь—дорогу». Части V и VI.

Верстахъ въ двухъ отъ Святого озера, на возвышенности, расположенъ главный населенный пунктъ «Дерптской Швейцаріи»—посадъ Нустатъ, или Нустаго, насчитывающій до трехъ тысячъ жителей. Вблизи посада при большой дорогѣ возвышается прекрасная лютеранская кирка—центръ Оденпескаго прихода.

Имя Оденпе переноситъ насъ за 700—800 лѣтъ назадъ, въ ту кровавую эпоху, когда въ этой мѣстности происходили военные столкновения русскихъ, нѣмцевъ и эстовъ. Замокъ Оденпе играетъ видную роль въ началѣ XIII вѣка, и имя его неоднократно упоминается въ ливонскихъ хроникахъ и въ русскихъ лѣтописяхъ. Въ послѣднихъ онъ извѣстенъ подъ названіемъ «Медвѣжьей Головы», которое представляетъ дословный переводъ эстонскаго Оденпе. Тотъ холмъ, который воображенію древнихъ эстовъ представлялся въ видѣ медвѣжьей головы, утратилъ уже свое древнее названіе и въ настоящее время извѣстенъ подъ новымъ именемъ Линамяги (городъ-гора). Такъ называютъ эстонцы всѣ возвышенности, на которыхъ сохранились слѣды древнихъ городовъ и замковъ. Историческій холмъ, на которомъ возвышалась «Медвѣжья Голова» русскихъ лѣтописей, находится около лютеранской церкви и отдѣленъ отъ нея глубокою долиной, по всей вѣроятности, остаткомъ древняго широкаго рва, который было не трудно наполнить водой изъ близкаго озера. Этотъ небольшой и неособенно высокій, но очень крутой холмъ, на который почти невозможно вѣхать на лошади, былъ укрѣпленнымъ пунктомъ древнихъ эстовъ. Въ XII вѣкѣ онъ неоднократно переходилъ во власть псковичей и новгородцевъ, которые являлись въ нынѣшней «Дерптской Швейцаріи» за насильственнымъ сборомъ дани. Эти походы особенно участились въ началѣ XIII вѣка, когда при приближеніи надвигавшейся съ запада волны нѣмецкихъ завоевателей русскіе князья имѣли въ виду не только сборъ дани, но и прочное утвержденіе своей власти на «Медвѣжьей Головѣ», а также и распространеніе православія среди окрестныхъ эстовъ. Такъ, въ 1212 году, во время набѣга Мстислава Удалого на Оденпе, русскіе, по свидѣтельству Генриха Латыша, не только взяли съ эстовъ дань въ сорокъ гривенъ серебра, но окрестили нѣкоторыхъ язычниковъ и обѣщали прислать священниковъ для дальнѣйшаго распространенія христіанства. Къ сожалѣнію, прежде чѣмъ явились проповѣдники православія, «Дерптская Швейцарія» подверглась страшнымъ опустошеніямъ со стороны нѣмцевъ, которые заставили эстонцевъ принять крещеніе отъ латинскихъ священниковъ и для обезпеченія своего владычества надъ новообращенными христіанами построили деревянный замокъ на «Медвѣжьей Головѣ». Тщетно русскіе въ союзѣ съ эстонцами старались выбить нѣмцевъ изъ Оденпе, тщетно эстонцы производили страшныя избіенія нѣмецкихъ рыцарей и купцовъ, засѣвшихъ на «Медвѣжьей Головѣ», деревянные стѣны нѣ-

мецкаго замка неоднократно вновь возникали изъ пепла и, наконецъ, замѣнились каменными. Послѣ занятія Дерпта епископомъ Германомъ, братомъ Альберта Буксгевдена, Оденпе дѣлается на нѣкоторое время нѣмецкимъ аванпостомъ со стороны Россіи и операціоннымъ базисомъ Drang'a nach Osten. Псковичи и новгородцы, которымъ не удалось утвердить на «Медвѣжьей Головѣ» своего господства, теперь находятъ тамъ пріютъ уже въ качествѣ изгнанниковъ изъ отечества и невольныхъ союзниковъ нѣмцевъ. Наиболѣе видный изъ этихъ изгнанниковъ, бывший псковскій князь Ярославъ Владимировичъ, племянникъ Мстислава Удалого, является даже владѣтелемъ «Дерптской Швейцаріи» въ качествѣ вассала дерптскаго епископа.

Съ распространеніемъ нѣмецкаго владычества до границъ нынѣшней Псковской губерніи и съ основаніемъ тамъ новыхъ замковъ: Кирипе (близъ Верро), Нейгаузена, Мариенбурга и другихъ, Оденпе теряетъ свое стратегическое значеніе и со второй половины XIII вѣка почти исчезаетъ со страницъ лѣтописей и хроникъ. Русскіе въ это время являются въ «Дерптской Швейцаріи», главнымъ образомъ, въ качествѣ купцовъ, такъ какъ Оденпе еще до прихода нѣмцевъ былъ торговымъ пунктомъ. Вторженія же псковичей въ Эстонию послѣ XIII вѣка очень рѣдко достигаютъ до полуразрушеннаго замка на Медвѣжьей Головѣ. Когда въ 1343 году русскіе, воспользовавшись возстаніемъ эстовъ противъ нѣмцевъ, вторглись въ область дерптскаго епископа и произвели опустошеніе въ окрестностяхъ Оденпе, то псковскій лѣтописецъ съ удивленіемъ записалъ, что ни отцы, ни дѣды псковичей не заходили такъ далеко.

Вообще XIV и XV столѣтія были для «Дерптской Швейцаріи» сравнительно мирнымъ періодомъ, благопріятно отразившимся на промышленной и религіозной жизни мѣстнаго населенія. Въ XV вѣкѣ тамъ было уже двѣ католическихъ церкви; на мѣстѣ нынѣшняго Нустага стояла значительныхъ размѣровъ торгово-промышленная слобода. Но съ конца XV вѣка для «Дерптской Швейцаріи» возобновились прежніе военные ужасы. Во время вѣковой борьбы за обладаніе Ливоніей «Дерптская Швейцарія» неоднократно подвергается ужаснѣйшимъ опустошеніямъ со стороны русскихъ, поляковъ, шведовъ и татаръ, приведенныхъ Іоанномъ Грознымъ. Къ ужасамъ войны присоединяются и религіозныя неурядицы. Въ первой половинѣ XVI вѣка проповѣдники реформаціи изгоняютъ изъ Оденпе католическаго патера. Польское правительство передаетъ Оденпе католическому епископу. Наконецъ, въ XVII вѣкѣ шведы снова водворяютъ тамъ лютеранство, и изъ развалинъ замка, бывшаго на Медвѣжьей Головѣ, возникаетъ сохранившаяся донинѣ лютеранская кирка.

Послѣдній разъ «Дерптская Швейцарія» подверглась военному опустошенію въ началѣ XVIII вѣка, въ эпоху великой сѣверной

войны. Военная гроза разразилась не только надъ мѣстнымъ населеніемъ, но и надъ Оденпескимъ приходомъ. Послѣ занятія русскими Дерпта оденпескій пасторъ Адріанъ Фиргинъ, замѣчательный проповѣдникъ своего времени и переводчикъ новаго завіта, катехизиса и хораловъ на дерптское нарѣчіе эстонскаго языка, былъ обвиненъ въ измѣнническихъ сношеніяхъ со шведами, и въ 1706 году ему отрубили голову.

Присоединеніе Прибалтійскаго края къ Россіи избавило его отъ ужасовъ внѣшней войны, но не избавило отъ массовыхъ кровопролитій. Какъ ни забиты были эстонцы и латыши своими иноплеменными господами, они иногда протестовали противъ тяготѣвшаго надъ ними рабства и вызывали на сцену «русскіе шттыки», благодаря которымъ, по мнѣнію Меркеля, только и держалось нѣмецкое господство въ Прибалтійскомъ краѣ. Безземельное освобожденіе прибалтійскихъ крестьянъ не только не прекратило этихъ волненій, но стало вызывать ихъ еще чаще, чѣмъ въ XVIII вѣкѣ, и волненія эти принимали нерѣдко характеръ «маленькихъ войнъ». Театромъ одной изъ такихъ «войнъ» сдѣлалась и «Дерптская Швейцарія» въ началѣ сороковыхъ годовъ истекающаго столѣтія.

Бунтъ на Святомъ озерѣ относится къ тому смутному времени въ новѣйшей исторіи Прибалтійскаго края, когда освобожденные безъ земли латыши и эстонцы, постигнутые неурожаями, вздумали искать спасенія отъ голодной смерти въ переселеніи за предѣлы своей родины. Но это переселенческое движеніе нарушало интересы помѣщиковъ, такъ какъ уменьшало количество безземельныхъ батраковъ и грозило вздорожаніемъ рабочихъ рукъ. Освободивъ латышей и эстовъ безъ земли, нѣмцы постарались также и о томъ, чтобы имѣть дешевыхъ работниковъ, и лишили освобожденныхъ крестьянъ права покидать предѣлы прибалтійскихъ губерній. Такимъ образомъ, стремленіе латышей и эстовъ къ переселенію въ Россію оказалось незаконнымъ и было остановлено «русскими шттыками».

Подробности крестьянскаго бунта на Святомъ озерѣ изложены въ одномъ эстонскомъ рукописномъ сочиненіи, принадлежащемъ перу нѣкого Петра Эйхенфельда, очевидца кровавой расправы, учиненной надъ зачинщиками волненій. Безыскусственный рассказъ Эйхенфельда начинается слѣдующей характеристикой общаго положенія дѣлъ въ Лифляндіи въ началѣ сороковыхъ годовъ. «Въ 1841 году не хотѣлъ народъ слушаться господъ помѣщиковъ; когда его звали на работу, онъ не хотѣлъ итти, все сопротивлялся. Весною посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ произведенъ былъ худо: народъ сопротивлялся; вывозъ навоза, вспашка пара, уборка сѣна—все происходило съ сопротивленіемъ. Осенью, когда наступилъ посѣвъ

ржи, не хотѣлъ народъ итти на мызныя поля. Отъ этого произошло большое столкновение. Только по насильственному принужденію былъ произведенъ посѣвъ ржи. Къ уборкѣ хлѣбовъ и молотбѣ не хотѣлъ народъ совсѣмъ итти. Его принуждали, однако, силою. Это происходило не въ одномъ мѣстѣ, но всюду, больше же всего сопротивлялся пюхаярвскій народъ (т.-е. крестьяне мызы Гейлигензее), такъ какъ онъ былъ единоклюненъ: какъ хозяева, такъ и батраки дѣйствовали вмѣстѣ и не расходились въ единомысліи, что надѣялся получить одинъ, то и другой. Имъ было сказано: «если вы не послушаете того, что вамъ говорятъ, то придутъ солдаты на васъ». Они отвѣчали: «мы выступимъ также противъ нихъ, пусть они придутъ».

На мѣсто волненій явились приходскій судья и начальникъ уѣзда и вызвали къ себѣ волостныхъ судей и крестьянъ-хозяевъ для обсужденія, какими мѣрами успокоить народъ. Представители крестьянъ отвѣчали: «Мы ничего не можемъ подѣлать: весь народъ этой волости недоволенъ тѣмъ, что барщина тяжела, и не въ состояніи никомъ образомъ исполнить ее». Тѣмъ не менѣе, уѣздное начальство дало крестьянамъ недѣлю на размышленіе. По прошествіи недѣли волостные судьи, бывшіе заодно съ бунтовщиками, явились въ Дерптъ и заявили, что народъ не слушается никакихъ увѣщаній и готовится къ вооруженному сопротивленію. Тогда рѣшено было послать солдатъ. «Въ это время,—продолжаетъ рукописный рассказъ,—мыза Пюхаярвъ принадлежала г-жѣ Вильбоа. Она указала тѣхъ, кто не причастенъ къ возмущенію, и кто виновенъ въ немъ. Вслѣдствіе этого послано было 200 солдатъ на содержаніе къ послѣднимъ. Пюхаярвскій народъ, между тѣмъ, пригласилъ къ себѣ на помощь изъ пограничныхъ волостей другихъ крестьянъ, такъ что вообще собралось народу очень много. По приходѣ солдатъ, послали ихъ объѣдать виновныхъ хозяевъ—7-го, 8-го и 9-го сентября 1841 года. Когда эти 200 солдатъ въ три дня достаточно поѣли тамъ овецъ, поросятъ и куръ, — рогатаго скота имъ не позволено было трогать,—тогда собрались крестьяне изъ своей и другихъ волостей. Солдаты также ушли изъ волости на мызу. Крестьяне и солдаты встрѣтились на мызныхъ поляхъ, и началась горячая битва, такъ что многіе получили поврежденія и запомнили навсегда, что за бой былъ. Многіе лежали съ обѣихъ сторонъ на землѣ полумертвые, но никто не былъ совершенно убитъ. Кто получилъ сильный ударъ, тотъ оставался лежать на землѣ безъ памяти. Когда оживалъ, вспоминалъ, въ какомъ дѣйствіи принималъ участіе. Битва скоро окончилась: крестьяне разбѣжались, а солдаты отправились на мызу».

Послѣ этой, по всей вѣроятности, рукопашной схватки, судя по тому, что убитыхъ не оказалось, солдаты были отправлены въ городъ, а перепуганные эстонцы стали выдавать зачинщиковъ мятежа. Въ дерптской тюрьмѣ ихъ набралось 120 человекъ; 38

изъ нихъ были выпущены, а 82 были привезены на Святое озеро для публичнаго наказанія. «Около этого времени, — говорится въ разсказѣ Эйхенфельда, — мыза Пюхаярвъ была продана генералу Штрику, онъ былъ весьма злой человѣкъ. Онъ зналъ, что солдаты придутъ съѣчь заключенныхъ крестьянъ, потому велѣлъ привезти нѣсколько возовъ длинныхъ прутьевъ, которые поставилъ стоймя возлѣ стѣнъ скотнаго двора. Это было недѣлю раньше сѣченія. Никто не зналъ, для чего прутья были привезены. Они были такъ велики, какъ прутья, конми завязываютъ изгородные кольца». Въ началѣ декабря въ «Дерптскую Швейцарію» явилось 800 человѣкъ солдатъ и 25 казаковъ, не считая 100 человѣкъ конвойныхъ солдатъ, приведшихъ арестантовъ. На слѣдующій день началась экзекуція въ присутствіи нѣсколькихъ тысячъ окрестныхъ крестьянъ, согнанныхъ по приказанію начальства. Приведемъ подробности этой экзекуціи со словъ очевидца. На полѣ близъ Святого озера были выставлены зачинщики въ кандалахъ, окруженные 900 солдатами и 25 казаками съ оружіемъ наготовѣ. «Здѣсь же была устроена изъ дерна возвышенность въ 4 фута вышиною и такой ширины, что на ней свободно могли стоять два человѣка... На возвышенность взошли уѣздный судья баронъ фонъ-Брашъ, владѣтель имѣнія Ронкой, и помощникъ суперъ-интендента баронъ фонъ-Брюннингъ, изъ мызы Палопера. Ронкойскій баронъ сказалъ длинную проповѣдь о мірскомъ законѣ и состояніи и о послушаніи. Палоперскій баронъ сказалъ также длинное поученіе о духовномъ законѣ — послушаніи, которое требуется для души послѣ этой временной жизни». Потомъ объявили вину каждаго арестанта и тѣхъ, кто попалъ въ бѣду черезъ подстрекательство, освободили, а 42 человѣка, оказавшихся наиболѣе виновными въ безпорядкахъ, были повернуты наказанію: ихъ прогнали сквозь строй 500 человѣкъ. Къ счастью, по свидѣтельству разсказчика этой грустной исторіи, «полковникъ былъ хорошій человѣкъ и съ добрымъ сердцемъ. Онъ сказалъ солдатамъ: «Не бейте крѣпко, вѣдь они не виноваты, это все вина помѣщиковъ, что этихъ крестьянъ сѣкутъ». Солдаты, дѣйствительно, не били крѣпко, но, тѣмъ не менѣе, наказуемые были въ крови и до того разбиты, что на спинѣ и бокахъ висѣли куски мяса. Я стоялъ тамъ на полѣ возлѣ выхода изъ строя и видѣлъ ихъ: 500 ударовъ не малая вещь, если ихъ дали и тихо. Пюхаярвскій баринъ велѣлъ привезти три телѣги для мертвцовъ, чтобы увезти мертвыхъ къ корчмѣ, но не нужно было ни одной, ибо всѣ наказанные пошли сами. Полковникъ сильно ругалъ пюхаярвскаго барина Штрика; не пошелъ къ нему на обѣдъ и не позволилъ также солдатамъ брать что либо отъ него».

Но несчастія зачинщиковъ этимъ не кончились: ихъ снова заковали въ кандалы и отправили въ Дерптъ. Черезъ два мѣсяца послѣ военнаго суда менѣе виновныхъ отпустили домой, а главныхъ

виновниковъ отправили въ Сибирь на каторгу, откуда вернулись очень немногіе ¹⁾).

Сороковые годы въ новѣйшей исторіи Ливоніи, какъ извѣстно, отмѣчены не только стремленіемъ латышей и эстовъ къ выселенію за предѣлы края, но и массовымъ движеніемъ лютеранъ въ православіе. Оба эти движенія были вызваны вѣковымъ пренебреженіемъ нѣмцевъ и къ матеріальнымъ и къ духовнымъ потребностямъ туземнаго населенія. Оставленное безъ надлежащаго духовнаго руководства со стороны лютеранскихъ пасторовъ, которые часто были иностранцами и не знали мѣстныхъ языковъ и, кромѣ того, почти всегда были на сторонѣ помѣщиковъ, мѣстное населеніе долго коснѣло въ грубыхъ суевѣріяхъ и до самаго послѣдняго времени сохранило остатки древне-языческаго идолослуженія. Когда же въ народѣ пробуждалось религиозное чувство, оно удовлетворялось внѣ евангелическо-лютеранской церкви. Благодаря этому обстоятельству, въ Прибалтійскомъ краѣ существуетъ цѣлый рядъ лютеранскихъ сектъ, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить гернгутерство.

Ученіе гернгутеровъ проникло въ Прибалтійскій край около 1730 года и, благодаря сочувствію помѣщиковъ, особенно помѣщичь, довольно быстро распространилось среди крѣпостного населенія. Въ 1736 году въ Лифляндію прибылъ извѣстный организаторъ гернгутерской церкви, графъ Цинцендорфъ, и по его инициативѣ возникла семинарія на 130 человекъ для подготовки учителей изъ среды самихъ крестьянъ. Благодаря тому обстоятельству, что во главѣ гернгутерскихъ общинъ стояли латыши и эстонцы, это религиозное движеніе приняло большіе размѣры и получило рѣзко-демократическую окраску. Нѣмцы-помѣщики и лютеранскіе пасторы скоро сочли это движеніе небезопаснымъ для существующаго въ краѣ порядка, и 16-го апрѣля 1743 года послѣдовалъ высочайшій указъ: «предводительницу новой секты, графиню Цинцендорфъ, и всѣхъ прибывшихъ съ нею изъ чужихъ краевъ помощниковъ учтивымъ образомъ заарестовать и отправить въ Петербургъ за карауломъ, съ довольномымъ конвоемъ; книги, бумаги и письма ихъ отобрать и доставить туда же; всѣ молитвенные дома запереть, всѣмъ лифляндцамъ, впавшимъ въ развращенное ученіе гернгутеровъ, сіе запретить», потому что крестьяне «гѣмъ развращеннымъ ученіемъ приводятся въ непослушаніе помѣщикамъ и подъ предлогомъ молитвы должныя свои работы покидали». Конечно, этотъ указъ не уничтожилъ гернгутерства въ Прибалтійскомъ краѣ, а черезъ двадцать лѣтъ послѣдователямъ этого ученія дозволено было безпрепятственно исповѣдывать свои религиозныя убѣжденія и отправлять публично бого-

¹⁾ Разсказъ Эйхенфельда переведенъ на русскій языкъ въ книжкѣ А. Воронина: «Принципы прибалтійской жизни», стр. 31—36. Ревель. 1891 г.

служеніе. При императорѣ Александрѣ I прибалтійскіе гернгутеры получили разрѣшеніе устраивать для духовной пользы и назиданія латышей и эстовъ молитвенные дома по городамъ и селеніямъ,— и въ 1819 году въ Лифляндіи было уже 144 гернгутерскихъ общины съ 30 тысячами братьевъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ число общинъ считалось уже цѣлыми тысячами. Это религіозное движеніе продолжало усиливаться до 1839 года, когда правительство запретило протестантамъ вступать въ члены гернгутерскихъ общинъ ¹⁾.

Причины такого быстрого развитія въ Прибалтійскомъ краѣ гернгутерства, между прочимъ, прекрасно выяснены въ изданныхъ Юріемъ Самаринымъ запискахъ одного православнаго священника изъ латышей, скрывшаго свое имя подъ псевдонимомъ Индрика Страумита. Приведя многочисленные примѣры пасторскаго невниманія къ духовнымъ нуждамъ своихъ прихожанъ, Индрикъ Страумитъ говоритъ: «Усердіе и ревность членовъ братства въ посѣщеніи молитвенныхъ собраній были невѣроятны. Иному доводилось проходить туда до 90 верстъ. Пришлаго изъ дальней стороны принималъ радушный хозяинъ, угощалъ даровою трапезою, плеткою и духовною, на ночь постилалъ ему солому и покрывало. Съ богомольцами вели бесѣды долгія, разспрашивали обо всемъ, радовались и горевали, обнадеживали, поддерживали добрыя стремленія, давали совѣты и укрѣпляли противъ гонителей и поносителей ихъ собраній и обществъ... Дворянство,—продолжаетъ авторъ записокъ,— не только не препятствовало гернгутерамъ, но даже покровительствовало. Иные помѣщики безвозмездно отпускали матеріалы для постройки молитвенныхъ домовъ... Вопли и мольбы пасторовъ помѣщиками пропускатись мимо ушей. Послѣдніе видѣли, что хозяева-гернгутеры самые исправные и добропорядочные, а батраки самые добросовѣстные, трезвые и работящіе. Поэтому, гернгутерство быстро росло и развивалось. Оно проникало не только во всѣ мызы и въ города; съ нимъ рука объ руку распространялась грамотность успѣшно и быстро; религіозное вдохновеніе какъ будто развязало языки, и въ самое короткое время явились между латышами истинно даровитые проповѣдники» ²⁾.

Лишенные поддержки со стороны помѣщиковъ, пасторы съ церковныхъ кафедръ громили гернгутеровъ, взводя на нихъ «возмутительнѣйшія клеветы», въ родѣ обвиненія въ содомскомъ грѣхѣ. Нѣкоторые изъ гернгутеровъ были настолько выведены изъ терпѣнія пасторскими ругательствами, что рѣшились окончательно порвать всякія сношенія съ лютеранскою церковью и перейти въ православіе. Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ переходъ въ православіе знаменитаго въ свое время среди латышей руководи-

¹⁾ Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края, т. III, стр. 485—487.

²⁾ Сочиненія Ю. О. Самарина, т. VIII, стр. 235—236.

теля рижскихъ гернгутеровъ Давида Баллода. Это было въ началѣ 1845 года. Такимъ образомъ гернгутеры не только подали примѣръ отпаденія отъ лютеранской церкви, но и проложили дорогу для перехода латышей и эстовъ въ православіе. Въ этомъ—историческая роль гернгутерства по отношенію къ православію въ Прибалтійскомъ краѣ.

Но если массовое обращеніе латышей и эстовъ въ православіе является позднѣйшимъ по времени религіознымъ движеніемъ въ Ливоніи, то само православіе здѣсь древнѣе и гернгутерства, и лютеранства, и католичества. Даже нѣмецкіе историки признаютъ, что «исповѣдники греческой вѣры были первыми провозвѣстниками и распространителями христіанства въ Лифляндіи», хотя русскіе и не имѣли въ виду обращенія всѣхъ туземцевъ, что вызвало бы необходимость проповѣди Евангелія огнемъ и мечомъ. Съ особеннымъ успѣхомъ до прихода нѣмцевъ распространялось православіе среди латышей; меньше прозелитовъ православія было среди эстовъ вслѣдствіе ихъ враждебныхъ отношеній къ своимъ русскимъ сосѣдямъ, псковичамъ и новгородцамъ. Но что и среди эстовъ были православные, объ этомъ свидѣлствуютъ и сохранившіяся правила о крещеніи чуди и приведенное уже свидѣтельство Генриха Латыша о крещеніи эстонцевъ послѣ взятія Медвѣжьей Головы Мстиславомъ Удачнымъ.

Водвореніе нѣмцевъ въ Ливоніи не только остановило дальнѣйшее распространеніе православія среди прибалтійскихъ туземцевъ, но и совершенно почти искоренило его среди латышей и эстовъ. Никакая пропаганда православія въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ въ эпоху расцвѣта нѣмецкаго владычества въ Ливоніи была немислима: не только не терпѣлись православные латыши и эсты, но даже и русскіе подвергались религіознымъ преслѣдованіямъ и для избѣжанія гоненій обращались въ католичество. Въ числѣ святыхъ, признаваемыхъ церковью, есть и мученики, потерпѣвшіе за православіе въ Ливоніи. Такъ, въ Оденне 8-го мая 1243 года была умерщвлена своимъ пасынкомъ, сыномъ нѣмки, супругѣ князя Ярослава Владимировича, Евфросинія, въ монашествѣ Евпраксія. Подробности ея смерти неизвѣстны, но мнѣніе Филарета Гумилевскаго, что русская княгиня пала жертвою латинскаго фанатизма, возбужденнаго Ледовымъ побойцемъ, имѣетъ наибольшее вѣроятіе. Въ Юрьевѣ, 8-го января 1472 года, были утоплены въ Эмбахѣ священникъ Исидоръ и съ нимъ семьдесятъ два православныхъ обывателя «русскаго конца» въ старомъ Дерптѣ.

Извѣстія о миссіонерской дѣятельности православнаго духовенства въ Ливоніи начинаются только съ XVI вѣка, когда игуменъ Псково-Печерскаго монастыря Корнилій крестилъ эстовъ въ окрестностяхъ Нейгаузена и основалъ тамъ два православныхъ прихода. Пропаганда православія приняла еще большіе размѣры въ эпоху

господства русскихъ въ Прибалтійскомъ краѣ при Иоаннѣ Грозномъ, когда переходъ въ православіе спасалъ жителей занятыхъ русскими городовъ отъ выселенія въ предѣлы Россіи. Грознымъ было занято въ Ливоніи нѣсколько десятковъ городовъ и замковъ, и въ большей части ихъ были основаны православныя церкви, подчиненныя надзору вновь назначеннаго православнаго епископа, резиденціей котораго былъ Юрьевъ. Только такимъ образомъ можно объяснить историческое извѣстіе о наказѣ, данномъ шведскимъ королемъ Иоанномъ Понтусу де-ла-Гарди—щадить, въ завоеванныхъ русскими земляхъ православныя церкви и монастыри, которыхъ особенно много было въ Дерптскомъ уѣздѣ. Конечно, вліяніе православной пропаганды въ теченіе двадцатилѣтняго господства русскихъ въ Ливоніи коснулось и «Дерптской Швейцаріи», но всякіе слѣды этой пропаганды были стерты водворившимися тамъ, по удаленіи русскихъ, католиками.

Господство поляковъ и шведовъ въ Ливоніи было еще болѣе неблагоприятно для православія, чѣмъ владычество ордена. При завоеваніи Петромъ Великимъ Лифляндіи и Эстляндіи, нигдѣ, исключая Ревеля, не оказалось православныхъ храмовъ, тогда какъ въ XV вѣкѣ въ одномъ Юрьевѣ было двѣ православныхъ церкви. Но и въ первое столѣтіе послѣ присоединенія Прибалтійскаго края къ Россіи православіе распространялось тамъ крайне медленно. Въ Лифляндіи и Курляндіи въ 1800 году общее число православныхъ обоюга пола не достигало и семнадцати тысячъ, при чемъ громадное большинство ихъ составляли русскіе купцы, чиновники и военные; туземцы же хотя и переходили въ православіе, но въ самомъ незначительномъ числѣ. Только въ сороковыхъ годахъ XIX столѣтія отношеніе лютеранскаго населенія къ православію рѣзко измѣнилось. Латыши и эстонцы массами стали проситься въ православіе въ надеждѣ, что принятіе «царской вѣры» избавитъ ихъ отъ экономическаго гнета и голодной смерти. Тщетно мѣстная губернская и уѣздная администрація, бывшая въ рукахъ нѣмцевъ, не щадила плетей и розогъ для желающихъ принять «царскую вѣру»,—движеніе лютеранъ въ православіе разросталось все сильнѣе и сильнѣе, несмотря на все усилія нѣмцевъ остановить это движеніе и на все разъясненія правительства, что переменна вѣры не избавитъ крестьянъ отъ власти помѣщиковъ. Вслѣдъ за переходомъ въ православіе Давида Баллода съ рижскими гернгутерами, латыши и эстонцы стали переходить въ православіе десятками тысячъ въ годъ. Въ 1844 году въ Прибалтійскомъ краѣ было 20 приходскихъ церквей и 20.686 душъ православныхъ обоюга пола, а въ 1848 году было около 100 православныхъ приходовъ и около 140.000 прихожанъ, т. е. въ четыре года число приходовъ увеличилось впятеро, а число православныхъ почти всемеро. Обращеніе лютеранъ принимало такіе обширные размѣры, что лютеранской церкви грозила

опасность лишиться почти всего сельскаго населенія. Нѣмецкое дворянство поняло, какая опасность грозитъ его вліянію на внутреннія дѣла Прибалтійскаго края въ томъ случаѣ, если всѣ латыши и эсты перейдутъ въ православіе, которое они называли «русскою вѣрой», и которое проложило бы широкую дорогу русскому вліянію въ краѣ. Благодаря стараніямъ нѣмцевъ, въ 1848 году были удалены изъ Риги генераль-губернаторъ Головинъ и епископъ Филаретъ, которые допустили присоединеніе къ православію болѣе ста тысячъ лютеранъ. Но и при новомъ генераль-губернаторѣ князѣ Суворовѣ и новомъ епископѣ Платонѣ (впослѣдствіи митрополитъ кievскій) распространеніе православія остановилось не сразу.

Къ сожалѣнію, очень скоро обстоятельства для вновь обращенныхъ сложились столь печально, что многіе православные латыши и эсты стали мечтать о возвращеніи въ лютеранство и фактически разорвали связь съ православною церковью. Помѣщики сгоняли православныхъ съ усадебъ, пасторы публично поносили ихъ вѣру и не позволяли имъ хоронить своихъ мертвецовъ на общихъ кладбищахъ, лютеране издѣвались надъ православными, указывая на ихъ церкви, помѣщавшіяся нерѣдко въ сараяхъ, и на ихъ дѣтей, остающихся безъ обученія вслѣдствіе недостатка православныхъ школъ. И дѣйствительно православіе въ Прибалтійскомъ краѣ на первыхъ порахъ влачило жалкое существованіе и, по выраженію генераль-губернатора Альбединскаго, служило «не столько символомъ русской народности, сколько признакомъ бѣдности и невѣжества».

Всѣ эти религіозныя волненія не миновали и «Дерптской Швейцаріи». На другой годъ послѣ описаннаго бунта на Святомъ озерѣ, по свидѣтельству того же Петра Эйхенфельда, «ѣздили господа судьи по многимъ мѣстамъ и мызамъ, и было у нихъ съ собою 200 солдатъ. Они приказывали сѣчь на голой землѣ тѣхъ, которые записывали имена желающихъ перейти въ православіе. Это происходило обыкновенно при стеченіи многочисленнаго народа, созваннаго изъ окрестностей, по распоряженію уѣзднаго суда, чтобы видѣть и слышать, что тамъ дѣлаютъ. Сѣкли крестьянъ между солдатами, при чемъ давали по 200, 300 и 400 ударовъ». Подобныя жестокости, производимыя при помощи русскихъ солдатъ, не остановили движенія въ православіе, и въ пятидесятыхъ годахъ въ «Дерптской Швейцаріи» возникаетъ Кастолацкій православный приходъ, исторія котораго имѣетъ такой же плачевный характеръ, какъ исторія большей части сельскихъ православныхъ приходо въ Прибалтійскомъ краѣ. Преслѣдуемые помѣщиками, въ родѣ упомянутаго Штрика, поносимые лютеранскими пасторами, православные эстонцы не могли найти надлежащаго утѣшенія и въ своихъ духовныхъ пастыряхъ. Воспитанники Псковской духовной семинаріи и уроженцы внутренней Россіи, они при своемъ назначеніи

въ эстонскій приходъ не знали эстонскаго языка, а одинъ изъ нихъ, недавно умершій, въ теченіе сорока лѣтъ своей пастырской дѣятельности не могъ изучить языка своей паствы настолько, чтобы произносить проповѣди, не вызывая улыбки слушателей. Православныя школы возникли въ «Дерптской Швейцаріи» только въ 1867 году, приличный православный храмъ былъ построенъ только въ семидесятыхъ годахъ, благодаря пособію изъ казны.

Но прежде чѣмъ въ православныхъ приходахъ явились приличныя церкви и школы, прежде чѣмъ православные священники научились языку своихъ прихожанъ, многіе изъ обращенныхъ въ православіе фактически порвали съ нимъ связь и обратились въ лютеранство. Эти православные латыши и эстонцы составляютъ особый разрядъ такъ называемыхъ «уклоняющихся» отъ православія и являются больнымъ мѣстомъ въ религіозной жизни Прибалтійскаго края. Они не подвергаются, конечно, преслѣдованіямъ за неносѣніе православныхъ храмовъ и посѣщеніе лютеранскихъ церквей; но если лютеранскій пасторъ приметъ «уклоняющагося» къ причастію или повѣнчаетъ его въ лютеранской церкви, или окреститъ его ребенка по лютеранскому обряду, то пастора привлекаютъ къ отвѣтственности, и окружный судъ при закрытыхъ дверяхъ приговариваетъ его къ временному или пожизненному отрѣшенію отъ должности, смотря по винѣ. Подобныя дѣла приходится разбирать чуть не каждой сессіи окружнаго суда. Гораздо рѣже пасторы обвиняются въ кощунствѣ надъ православною церковью, но что и подобныя преступленія возможны въ Прибалтійскомъ краѣ, объ этомъ свидѣлствуетъ недавній процессъ пастора Шиллинга, присужденнаго 6-го сентября 1899 года рижскимъ окружнымъ судомъ къ тюремному заключенію.

Другимъ яблокомъ раздора для лютеранскаго и православнаго духовенства являются православныя школы. Какъ извѣстно, православныя школы Прибалтійскаго края посѣщаются цѣлыми тысячами лютеранскихъ дѣтей (въ 1898 году на 18 тысячъ всего числа учащихся было 4.058 лютеранъ, то-есть болѣе 22%). Объяснить подобный фактъ ни въ какомъ случаѣ нельзя недостаткомъ лютеранскихъ школъ, которыхъ въ Прибалтійскомъ краѣ даже болѣе, чѣмъ требуется по закону объ обязательномъ обученіи. Не можетъ быть также мысли и объ искусственныхъ мѣрахъ для привлеченія въ православныя школы лютеранскихъ дѣтей. Напротивъ, лютеранское духовенство старается препятствовать приливу лютеранскихъ дѣтей въ православныя школы всѣми зависящими отъ него средствами. Главною притягательною силой въ православной школѣ для эстонцовъ и латышей является преподаваніе русскаго языка. До 1890 г. православныя школы, особенно приходскія, были почти единственными сельскими школами, въ которыхъ можно было научиться, хотя сколько нибудь, русскому языку. А знаніемъ госу-

дарственного языка латышь и этонецъ крайне дорожилъ: это знаніе открывало ему двери за предѣлы страны, порабощенной нѣмцами, и облегчало ему отбываніе воинской повинности. Въ настоящее время, послѣ реформы полиціи, суда и тѣхъ учебныхъ заведеній, которыя даютъ крестьянскому сыну возможность вырваться изъ своей среды, значеніе русскаго языка для латыша и эстонца увеличилось еще болѣе. Что именно стремленіе къ изученію русскаго языка является главною причиною прилива лютеранскихъ дѣтей въ православныя школы, это можно видѣть и изъ того факта, что въ девятидесятыхъ годахъ замѣчается пониженіе, хотя и медленное, процента лютеранъ, учащихся въ православныхъ школахъ. И пониженіе это вызвано не чѣмъ инымъ, какъ реформой лютеранской сельской школы въ смыслѣ усиленія въ ней преподаванія русскаго языка.

И уклоненіе отъ православія, и посѣщеніе лютеранами православныхъ школъ имѣетъ мѣсто и въ «Дерптской Швейцаріи». Мѣстныя православныя школы выдѣляются громаднымъ процентомъ учащихся лютеранъ. Въ 1898 году въ пяти православныхъ школахъ Кастолацкаго прихода дѣтей лютеранскаго вѣроисповѣданія было вдвое болѣе, чѣмъ православныхъ дѣтей, а въ Оденпескомъ дѣвичьемъ училищѣ лютеранъ училось вчетверо больше, чѣмъ православныхъ. Объясняется это обиліемъ лютеранъ, во-первыхъ, тѣмъ, что помѣщенія четырехъ православныхъ школъ настолько обширны, что даютъ возможность жить въ школѣ въ теченіе учебнаго времени почти всѣмъ учащимся; во-вторыхъ, тѣмъ, что учителями приходскаго училища, при церкви, состоятъ лица, кончившія курсъ учительской семинаріи и, слѣдовательно, хорошо владѣющія русскимъ языкомъ и специально подготовленныя къ педагогической дѣятельности, а учительницей женскаго училища состоитъ вдова православнаго священника, русская по происхожденію. Съ такими школами во всемъ Оденпескомъ приходѣ можетъ соперничать одна только лютеранская приходская школа. Но одна она не можетъ вмѣстить всѣхъ дѣтей, родители которыхъ сознаютъ необходимость русскаго языка. И вотъ помимо волостныхъ лютеранскихъ школъ дѣти лютеране посылаются въ православныя школы.

Типичную эстонскую волостную школу случайный туристъ можетъ найти въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Нустага. Снаружи это маленькій, низенькій домикъ, обшитый тесомъ и выкрашенный желтою краской. Внутри помѣщается одна классная комната, квартира учителя и арендатора училищной земли. Эта земля служитъ единственнымъ вознагражденіемъ учителя за трудъ преподаванія: она или обрабатывается самимъ учителемъ или сдается имъ въ аренду. Классная комната, небольшая, съ низкимъ потолкомъ, съ закоптѣлыми бревенчатыми стѣнами, вся уставлена допотопными партами. Единственнымъ украшеніемъ голыхъ стѣнъ служитъ выцвѣтшій

отъ свѣта портретъ покойнаго государя. Единственными учебными пособиями служатъ черная классная доска, висящая на стѣнѣ, и счеты величиною не болѣе тѣхъ, которые употребляются въ мелочныхъ лавкахъ. Учителемъ въ этой школѣ въ 1898 году состоялъ сынъ мѣстнаго довольно зажиточнаго эстонца, арендатора нѣсколькихъ десятокъ десятинъ казенной земли. Этотъ молодой человѣкъ учился только въ приходскомъ училищѣ, никакого диплома на учительское званіе у него не было; онъ еле объяснялся порусски и пошелъ въ учителя для того, чтобы избѣжать военной службы. Только эта надежда избавиться отъ солдатской лямки и заставила его, конечно, на время взяться за тяжелый вообще, а для него, кромѣ того, и непосильный учительскій трудъ. Не будь этой льготы, трудно было бы найти учителя, который согласился бы работать въ теченіе полугода за шестьдесятъ рублей, получаемыхъ отъ сдачи въ аренду школьной земли. Подобныхъ школъ въ Прибалтійскомъ краѣ, особенно въ болѣе бѣдной эстонской его части, немало. Нисколько не удивительно, что лютеранское населеніе предпочитаетъ имъ хорошія православныя школы.

Распространеніе православія въ Прибалтійскомъ краѣ за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ сыграло видную роль въ новѣйшей исторіи этой страны. Въ сельскихъ лютеранскихъ приходахъ почти исчезли пасторы, не знающіе мѣстнаго языка; ихъ отношенія къ своимъ прихожанамъ и своимъ пастырскимъ обязанностямъ также изменились къ лучшему, хотя все еще далеки отъ идеала. На помощь церкви для удержанія латышей и эстовъ въ лонѣ лютеранства была призвана народная школа, которая въ послѣднее полстолѣтіе сдѣлала колоссальные успѣхи, по крайней мѣрѣ, въ количественномъ отношеніи. Наконецъ, обнаружившіяся послѣ сороковыхъ годовъ, среди прибалтійскаго дворянства и духовенства, стремленія къ германизации населенія вызвали со стороны правительства реформы, обновившія общественную жизнь. Такимъ образомъ, если прямое вліяніе православной церкви и православной школы распространяется въ настоящее время на двѣсти тысячъ православныхъ латышей и эстовъ и на тысячи дѣтей-лютеранъ, то косвенному вліянію православія Прибалтійскій край обязанъ и улучшеніемъ религіозной жизни лютеранскаго населенія, и необычайнымъ прогрессомъ народнаго образованія, и судебными уставами императора Александра II.

Косвенное вліяніе «русской вѣры» коснулось и того религіознаго движенія, которое предшествовало массовому переходу прибалтійскаго населенія въ православіе и до нѣкоторой степени проложило для него путь. Распространеніе православія оказалось крайне неблагоприятнымъ для дальнѣйшихъ успѣховъ герингутерства. Люди, рѣ-

пившіея вовсе порвать съ лютеранствомъ, перешли въ православіе; менѣе ожесточенные враги лютеранской церкви съ теченіемъ времени примирились съ ней, благодаря той переменѣ, которая произошла въ отношеніяхъ лютеранскаго духовенства къ гернгутерамъ. Съ распространеніемъ православія нападки пасторовъ на гернгутеровъ скоро прекратились, и гернгутерство въ Прибалтійскомъ краѣ стало такъ же быстро падать, какъ прежде, при враждебномъ отношеніи лютеранскаго духовенства, быстро развивалось. Гернгутерскія общины во многихъ мѣстахъ сохранились до настоящаго времени, но въ религиозной жизни края играютъ незначительную роль. И въ «Дерптской Швейцаріи» сохранилась гернгутерская община, какъ памятникъ религиознаго движенія, волновавшаго эту мѣстность въ первой половинѣ XIX столѣтія.

Гернгутеры Оденпескаго прихода имѣютъ особый молитвенный домъ, который помѣщается недалеко отъ лютеранской кирки и по внѣшнему виду напоминаетъ большой сарай съ низкими бревенчатыми стѣнами и высокою соломенною крышею. Внутри это зданіе, менѣе всего по наружному виду напоминающее домъ молитвы, заключаетъ два четырехугольныхъ зала и комнатку для пріѣзжаго руководителя общины. Одинъ залъ очень большой и предназначенъ для многочисленныхъ собраний, другой—поменьше. Внутри нештукатуренныя стѣны помѣщенія увѣшаны разнаго рода картинами религиознаго содержанія съ нѣмецкими, эстонскими и даже русскими надписями. Изъ русскихъ картинъ особенное вниманіе обращаютъ на себя «Св. Варвара» и «Символь православной вѣры». Около стѣны противъ входа помѣщается органъ и рядомъ съ нимъ столикъ, покрытый красною матеріей съ нашитымъ на ней парчевымъ крестомъ и такою же бахромой по нижнему краю. Средина зала занята рядами простыхъ скамеекъ. Къ поперечнымъ балкамъ, поддерживающимъ очень низкій потолокъ, прикрѣплены вѣшалки для шапокъ. Если еще прибавить сюда вѣтки съ искусственными цвѣтами и деревянныя люстры, то все убранство молитвеннаго дома мѣстныхъ гернгутеровъ будетъ перечислено.

Пишущему эти строки удалось присутствовать на одномъ изъ молитвенныхъ собраний въ этомъ помѣщеніи. Это было въ воскресный день, немного спустя послѣ службы въ киркѣ. За столикомъ помѣстились два довольно пожилыхъ эстонца: одинъ иконописнаго типа, съ черною бородкой, другой—бритый, въ костюмѣ изъ домашняго сукна и въ высокихъ сапогахъ. На лавкахъ заняли мѣста, съ одной стороны, нѣсколько десятковъ пожилыхъ женщинъ и старухъ, а съ другой стороны нѣсколько пожилыхъ мужчинъ. Молодежь отсутствовала, если не считать пришедшихъ со стариками и старухами подростковъ. Общій ходъ богослуженія напоминалъ лютеранскую службу; но пѣснопѣнія (хоралы) по содержанию и по напѣву были старинныя, въ настоящее время рѣдко

употребляющіяся. Какъ ни слабъ былъ хоръ (пѣли почти однѣ женщины), какъ ни плохо читали импровизированные пасторы (одинъ изъ нихъ еле читалъ по книгѣ), богослуженіе производило на молящихся сильное впечатлѣніе: слышались глубокіе вздохи и даже всхлипыванія. Богослуженіе закончилось проповѣдью, произнесенною такимъ же точно тягучимъ, плаксивымъ голосомъ, какимъ произносились молитвы и читалось Евангеліе. Но эта безискусственная проповѣдь, въ которой рассказывалось о земной жизни Христа, его ученіи и чудесахъ, была выслушана съ глубокимъ вниманіемъ и, навѣрное, глубже запала въ душу простыхъ слушателей, чѣмъ выслушанная ими часа два тому назадъ пасторская «предика».

Чѣмъ-то далекимъ отъ современной жизни вѣяло подъ этимъ низкимъ потолкомъ гернгутерскаго молитвеннаго дома; что-то невыразимо грустное слышалось въ плаксивомъ напѣвѣ старинныхъ хораловъ. Два часа тому назадъ эти люди были въ переполненной молящимся народомъ киркѣ. Тамъ ихъ слабые голоса заглушались громовыми раскатами органа и тысячеголосымъ хоромъ молодежи. Тамъ торжественные гимны усиливались подъ высокими каменными сводами, а черезъ большія расписанныя окна врывалось веселое солнце и гамъ собравшагося вокругъ церкви народа. Однимъ словомъ, тамъ слишкомъ сильно давалъ себя чувствовать этотъ, земной, міръ. Здѣсь же, въ сторонѣ отъ большой дороги, подъ низкимъ потолкомъ полутемной залы, вдали отъ жизнерадостной молодежи, было такъ удобно еще разъ помолиться по душѣ и поплакать о своихъ грѣхахъ въ виду раскрывающейся могилы. Понятно, почему молодежь избѣгаетъ этихъ невыразимо грустныхъ молитвенныхъ собраній, понятно, почему и пожилыхъ людей «отъ міра сего» не влечетъ въ гернгутерскія общины. Неудивительно, что гернгутерство въ Прибалтійскомъ краѣ въ послѣднее время падаетъ, несмотря на то, что съ церковныхъ каедръ уже не раздается проклятій по адресу этихъ сектантовъ.

«Дерптской Швейцаріи» коснулись всѣ эпохи бурной исторіи Прибалтійскаго края. Тамъ народная фантазія поселила верховнаго эстонскаго бога Укко; тамъ былъ одинъ изъ центровъ древне-языческаго культа, связаннаго съ почитаніемъ воды и деревьевъ; тамъ былъ и укрѣпленный замокъ, куда эстонцы спасались сначала отъ русскихъ, а потомъ отъ нѣмцевъ; туда ходили русскіе князья за сборомъ дани; тамъ были съ проповѣдью Евангелія латинскіе миссіонеры; тамъ возникъ одинъ изъ первыхъ замковъ, посредствомъ которыхъ нѣмцы упрочили въ краѣ свое владычество; тамъ происходили столкновенія нѣмцевъ съ русскими, слишкомъ поздно подумавшими о прочномъ водвореніи своего вліянія надъ эстонцами; тамъ были проповѣдники реформаціи и іезуиты. Въ новѣйшее время тамъ фигурировали «русскіе штыки» и шпицрутены для умиротво-

ренія «свободныхъ» эстовъ, вздумавшихъ искать спасенія отъ своихъ господъ въ бѣгствѣ изъ Прибалтійскаго края и въ разрывѣ съ лютеранскою церковью.

Въ настоящее время для «Дерптской Швейцаріи», можетъ быть, навсегда канули въ вѣчность кровавыя времена насилія и произвола. Тысячелѣтнее стремленіе русскихъ къ водворенію въ Ливоніи своего вліянія въ послѣднія два десятилѣтія сдѣлало такіе успѣхи, что о возвращеніи къ прошлому, съ еѳо мрачною памятью, не можетъ быть и рѣчи. Русскій мировой судъ, смѣнившій, десять лѣтъ тому назадъ, сословные суды бароновъ, уже успѣлъ завоевать симпатіи мѣстнаго населенія строгимъ, но въ то же время безпристрастнымъ отправленіемъ правосудія. Русская школа, воспитывающая православныхъ наряду съ лютеранами, развиваетъ въ нихъ съ юныхъ лѣтъ взаимную любовь и уваженіе, а также симпатіи къ Россіи. Приливъ русской интеллигенціи въ Прибалтійскій край съ каждымъ годомъ увеличивается: не только въ городахъ, но даже въ мѣстечкахъ можно встрѣтить русскихъ людей и слышать русскую рѣчь. «Дерптская Швейцарія» и въ этомъ отношеніи является особенно интереснымъ пунктомъ: едва ли гдѣ въ другомъ захолустѣ Прибалтійскаго края, не считая западнаго побережья Пейпуса, можно встрѣтить такое разнообразіе представителей русской націи. Въ 1898 году тамъ былъ русскій мировой судья, русскій священникъ, русскіе учителя, русскіе купцы и пріѣзжіе торговцы, русскіе дачники, наконецъ, русскіе становой и урядникъ и даже русскіе рабочіе, строившіе въ Нустарѣ какое-то кирпичное зданіе.

Замѣтки случайнаго туриста были бы неполны, еслибы онъ не обратилъ вниманія на отраженіе въ этомъ уголкѣ земли современныхъ «злѳбъ дня». Какъ извѣстно, въ данную минуту Прибалтійскій край переживаетъ своего рода кризисъ. Въ остзейскихъ губерніяхъ готовится введеніе питейной монополіи, послѣдовательное проведеніе которой, безспорно, усилитъ симпатіи мѣстнаго населенія къ русскому правительству. Но, судя по газетнымъ сообщеніямъ, еще не рѣшенъ вопросъ объ окончательномъ уничтоженіи корчемъ, содержаніе которыхъ составляетъ привилегію мѣстнаго дворянства. А между тѣмъ, прибалтійская корчма, приносящая нѣмецкому дворянству громадныя доходы, является самымъ антикультурнымъ явленіемъ «балтійской цивилизаціи». Мѣстная русская, латышская и эстонская пресса мечетъ противъ корчмы грома и молніи и готова видѣть въ ея существованіи одну изъ главныхъ причинъ большей, сравнительно съ внутренней Россіей, преступности, наблюдаемой въ странѣ съ обязательнымъ обученіемъ и ничтожнымъ процентомъ безграмотныхъ. Въ корчмѣ пропиваются послѣдніе крестьянскіе гроши, въ корчмѣ замышляются и совершаются всякаго рода преступленія, особенно конокрадства, грабежи

и даже убійства. Движеніе противъ помѣщичьей корчмы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходить до того, что корчмари-арендаторы покидаютъ свои насиженные мѣста подѣ влияніемъ угрозъ окрестнаго населенія.

Конечно, и населеніе «Дерптской Швейцаріи», видѣвшей немало настоящихъ войнъ, не уклоняется и отъ культурной войны противъ корчмы, а существующее въ Нустатѣ общество трезвости идетъ даже и противъ нетерпѣливо ожидаемой казенной лавки, проповѣдуя полное воздержаніе отъ спиртныхъ напитковъ, не исключая и пива. Это общество содержитъ чайныя заведенія и, сверхъ того, ради отвлеченія народа отъ корчмы, отъ времени до времени устраиваетъ народные праздники. Автору этихъ бѣглыхъ набросковъ пришлось быть на одномъ изъ такихъ народныхъ праздниковъ. Описаніе его можетъ быть небезынтереснымъ и для русскаго читателя, потому что Прибалтійскій край съ его болѣе развитою общественною жизнью въ данномъ случаѣ можетъ служить образцомъ и для внутренней Россіи, гдѣ опыты уже обнаружили недостаточность для искорененія пьянства одной только замѣны кабака казенною лавкой.

Печатными афишами на русскомъ и эстонскомъ языкахъ было объявлено, что въ воскресенье такого-то года, мѣсяца и числа на горѣ Линнамяги, близъ Оденпеской церкви имѣетъ быть лѣтній праздникъ по слѣдующей программѣ:

- 1) Музыка со стороны нѣсколькихъ музыкальныхъ хоровъ.
- 2) Пѣніе со стороны многихъ пѣвческихъ хоровъ.
- 3) Рѣчь г. N. изъ Петербурга.
- 4) Куплеты.
- 5) Спектакль («Послѣдствія пьянства»).

Далѣе на афишѣ значилось, что на мѣстѣ праздника будетъ «буфетъ безъ охмеляющихъ напитковъ», а послѣ спектакля будутъ танцы въ близъ лежащемъ залѣ волостного дома. Билеты были цѣною отъ 10 до 40 коп. Для членовъ общества трезвости входъ былъ бесплатный.

Послѣ обѣда толпа народа тѣснилась у амбара, игравшаго роль кассы. Разноцвѣтная вереница крестьянской молодежи, по большей части, въ городскихъ костюмахъ поднималась на историческій холмъ, гдѣ развѣвались флаги, прикрѣпленные къ верхушкамъ растущихъ тамъ небольшихъ деревьевъ. При подъемѣ на самую вершину горы субъектъ съ двумя повязанными крестъ-на-крестъ зелененькими ленточками игралъ роль контролера. На горѣ наскоро была устроена небольшая сцена, обтянутая сзади и съ боковъ грязными мѣшками, а спереди закрытая занавѣсомъ изъ сшитыхъ вмѣстѣ простыней. Передъ сценой на землѣ стояло нѣсколько рядовъ плетеныхъ стульевъ мѣстнаго издѣлія; за ними шли ряды сидѣній; сдѣ-

ланныхъ изъ досокъ. На краю горы размѣстились буфетъ съ прохладительными напитками и сладостями и торговки съ ягодами.

Къ четыремъ часамъ дня на Медвѣжьей Головѣ набралось болѣе тысячи народу, который размѣстился, сидя и стоя, передъ сценой. Одно изъ первыхъ мѣстъ занялъ урядникъ со своей семьей, въ качествѣ высшаго представителя мѣстной полиціи за отсутствіемъ становаго. Кромѣ простого народа и деревенской буржуазіи и интеллигенціи, на эстонскій праздникъ явилось и нѣсколько дачниковъ-нѣмцевъ, которые скоро впрочемъ ушли. Начался праздникъ краткою рѣчью предсѣдателя общества трезвости—мѣстнаго волостного писаря. Въ старое время въ этой мѣстности,—говорилъ между прочимъ ораторъ,—свирѣпствовала война и много губила людей; теперь здѣсь свирѣпствуетъ другое зло, которое губить еще больше людей, чѣмъ война. Это зло, съ которымъ борется общество трезвости, есть пьянство. По окончаніи рѣчи началась игра на духовыхъ инструментахъ и пѣніе. Музыкантами были сельскіе учителя, торговцы и простые земледѣльцы. Иногда музыканты прекращали игру и, не перемѣняя положенія, начинали пѣть, а послѣ пѣнія опять продолжали играть. Пѣли они, между прочимъ, и о томъ, что жить на родинѣ становится все труднѣе, и что они собираются въ Америку. Играли музыканты и на сценѣ и внѣ сцены, на открытомъ воздухѣ, въ антрактахъ между отдѣльными номерами программы. По удаленіи музыкантовъ со сцены на ней явилось что-то въ родѣ каеэдры, и началась длинная рѣчь г. Н. «изъ Петербурга». Это былъ молодой человѣкъ, сынъ мѣстнаго крестьянина, окончившій курсъ русской учительской семинаріи и имѣвшій въ Петербургѣ мѣсто учителя. Онъ говорилъ около часу на тему: «ученье—свѣтъ, а неученье—тьма», при чемъ касался и современныхъ жгучихъ для эстонскаго населенія вопросовъ. Были, между прочимъ, вылазки и противъ помѣщичьихъ корчемъ, и противъ высокоумнаго отношенія дворянства и пасторовъ къ сельскимъ учителямъ. Говорилось объ упадкѣ Испаніи, и ставилось это въ вину католическому духовенству, вѣроятно, не безъ задней мысли натолкнуть слушателей на параллель между Испаніей и Эстоніей. Закончилась рѣчь воззваніемъ къ слушателямъ заботиться о поддержаніи сельскихъ школъ и не щадить никакихъ жертвъ для народнаго образованія.

Подобныя, во всякомъ случаѣ, смѣлыя рѣчи были рѣшительно невозможны десять—пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда полиція и судъ находились въ рукахъ прибалтійскаго дворянства. Тогда на сцену непремѣнно явилась бы мызная полиція, и смѣльчакъ, выступившаго публично противъ помѣщиковъ и пасторовъ, обвинили бы въ зловредной агитаціи и засадили бы въ тюрьму, чтобы другимъ «не повадно было» подкапываться подъ вѣковые устои

мертваго царства бароновъ. Примѣры такого рода нерѣдко встрѣчались въ практикѣ дореформенныхъ прибалтійскихъ судовъ, строго каравшихъ всякій протестъ туземнаго населенія противъ своихъ вѣковыхъ господъ.

Послѣ рѣчи г. Н. прежніе пѣвцы и музыканты выступили на сценѣ уже въ качествѣ актеровъ. Играли водевиль слѣдующаго содержанія. Нѣкій интеллигентный обыватель г. Юрьева здѣрово кутнулъ въ ресторанѣ Мосса и въ безпамятномъ состояніи вернулся ночью домой вмѣстѣ съ случайнымъ своимъ собутыльникомъ, оказавшимся поваромъ. Проснувшись на другой день съ страшною головою болью, хозяинъ дома переживаетъ тяжелыя для него и комичныя для зрителей физическія и моральныя послѣдствія безпутной ночи. Прежде всего, на своей кровати онъ находитъ совершенно неизвѣстнаго человѣка. Ему стыдно такого гостя, оказавшагося человѣкомъ съ грубѣйшими манерами; въ то же время онъ боится и жены, которой нужно будетъ представить какого-то повара, и для которой нужно придумать какое нибудь оправданіе. Настаетъ время завтрака. Мужъ выдаетъ повара за представителя какой-то интеллигентной профессіи, но тотъ къ ужасу супруговъ нисколько не думаетъ о томъ, чтобы своими манерами оправдать свое новое званіе. Но самое ужасное еще впереди. За завтракомъ жена читаетъ газету, гдѣ разсказывается, что въ прошлую ночь въ Юрьевѣ убили и ограбили одного человѣка, и что полиція надѣется скоро найти преступниковъ, такъ какъ на мѣстѣ убійства найдены платокъ и зонть. Ужасу протрезвившихся собутыльниковъ нѣтъ конца: у одного не оказывается въ карманѣ платка, а другой пришелъ безъ зонта. Они ломаютъ голову надъ составленіемъ разнаго рода куріозныхъ плановъ для своего спасенія. Ужасъ смѣняется безумною радостью, когда собутыльники узнаютъ, что газетный номеръ съ извѣстіемъ объ убійствѣ—прошлогодній. Въ заключеніе мужъ даетъ женѣ зарокъ не брать въ ротъ хмельнаго.

Незатѣйливая пьеса была выслушана съ живѣйшимъ вниманіемъ. Нетребовательные слушатели тѣсною толпой окружали барьеръ съ боковъ и отъ души смѣялись каждой сколько нибудь смѣшной выходкѣ дѣйствующихъ лицъ. То и дѣло въ публикѣ слышались высказываемыя вслухъ ироническія замѣчанія, которыя въ свою очередь усиливали веселое настроеніе собравшагося народа. Представленіе кончилось въ 9 часовъ при свѣтѣ потухавшей зари. Но праздникъ еще продолжался. Послѣ спектакля слѣдовали куплеты, которые были, по всей вѣроятности, самымъ веселымъ номеромъ программы, судя по взрывамъ рукоплесканій, разносившихся въ ночной тишинѣ по окрестностямъ Медвѣжьей Головы. Въ общемъ этотъ праздникъ на открытомъ воздухѣ, благодаря прекрасной погодѣ, прошелъ очень удачно и въ значительной степени достигъ

своей цѣли: принесъ доходъ обществу трезвости и отвлекъ нѣсколько сотенъ эстонцевъ отъ корчмы: Конечно, и корчмы въ этотъ день бойко торговали, и, возвращаясь съ праздника, можно было встрѣтить на дорогѣ пьяныхъ эстонцевъ, шедшихъ и ѣхавшихъ домой. Но это были почти исключительно люди пожилые; что же касается окрестной молодежи обоого пола, то она почти вся была на Медвѣжьей Головѣ...

М. Н. С.

ОЛЬГОВЪ МОНАСТЫРЬ.

В ДВѢНАДЦАТИ верстахъ отъ Рязани, по большой дорогѣ въ Касимовъ и Спасскъ, на высокомъ и крутомъ берегу Оки, находится Льговъ, или Ольговъ, монастырь.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ Ока отстояла отъ монастыря сажень на сто; по берегу ея находились монастырскіе луга и шла дорога; но теперь Ока подмывается подъ самый монастырь и угрожаетъ паденіемъ монастырскимъ зданіямъ, въ особенности старому храму Успенія Пресвятой Богородицы. Несмотря на старанія настоятелей и строителей укрѣпить берегъ и предупредить его разрушеніе, Ока дѣлаетъ свое дѣло и, ежегодно разливаясь, иногда болѣе чѣмъ на 20 верстъ, и поднимаясь на нѣсколько аршинъ, все ближе и ближе подходитъ къ монастырю, подмывая правый берегъ.

Основаніе монастыря относится къ XIII вѣку, ко времени междоусобной распри рязанскихъ князей, и съ основаніемъ его связанъ такой разсказъ, подтверждаемый лѣтописями. Глѣбъ Владимировичъ, княжившій въ Рязани, но не довольствовавшійся старшимъ столотъ, замыслилъ избить родичей для того, чтобы захватить ихъ волости; Глѣбъ дѣйствовалъ въ союзѣ съ братомъ Константиномъ. Ихъ злодѣйскій планъ былъ задуманъ и приведенъ въ исполненіе довольно искусно; Глѣбъ пригласилъ князей съѣхаться на рядъ, то-есть дружескимъ образомъ за чаркой крѣпкаго меда уладить на время безконечные споры объ удѣлахъ.

Подобные сѣзды не были рѣдкостью въ древней Руси. Шестеро внуковъ Глѣба, не подозрѣвая западни, явились на его призывъ. Одинъ изъ нихъ, мужественный защитникъ Пронска, Изяславъ Владимировичъ, былъ родной братъ заговорщиковъ, а остальные пять приходились имъ двоюродными.

Князья съ своими боярами и слугами прибыли въ лодкахъ и высадились на берегу Оки, верстахъ въ шести отъ Старой Рязани (нынѣ село Спасскаго уѣзда), столицы Рязанскаго княжества, на мѣстѣ, называемомъ Исады.

Здѣсь, подѣ сѣнію густыхъ вязовъ, остатки которыхъ, нѣсколько дней, замѣтны еще въ настоящее время, разбиты были шатры. 20-го іюля 1217 года, въ день пророка Ильи, Глѣбъ пригласилъ въ свой шатеръ прибывшихъ князей и съ видомъ радушія принялся угощать своихъ гостей, а между тѣмъ подлѣ шатра были скрыты вооруженные слуги обонхъ заговорщиковъ вмѣстѣ съ половцами и ожидали только знака для кровопролитія. Когда веселый пиръ былъ въ самомъ разгарѣ, и головы князей уже порядочно отуманились отъ пиршества, Глѣбъ и Константинъ вдругъ обнажили мечи и бросились на братьевъ. Вмѣстѣ съ князьями погнбло множество бояръ и слугъ.

Не успѣлъ пріѣхать на сѣздъ только одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ, Ингваръ Игоревичъ, который и остался мстителемъ за смерть братьевъ. Въ 1219 году Глѣбъ былъ разбитъ подѣ Рязанью на голову, и братоубійцы бѣжали къ половцамъ, а Ингваръ Игоревичъ сѣлъ на великокняжескій престолъ и княжилъ на Рязани по 1224 годъ.

Благодарностью Богу за избавленіе отъ смерти отъ рукъ убійцъ и было построено Ингваремъ Игоревичемъ монастыря при селѣ Льговѣ, отъ котораго, вѣроятно, онъ и получилъ свое названіе. Приличная случаю торжественность сопровождала закладку храма во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, что видно изъ жалованной грамоты великаго князя рязанскаго Олега Ивановича, данной монастырю, гдѣ подтверждается, что первымъ основателемъ его былъ великій князь Ингваръ (Косьма) Игоревичъ съ дѣтьми своими Олегомъ (Красивымъ) и княземъ Юріемъ (Георгіемъ). Съ великимъ княземъ при основаніи обители было бояръ 300 и мужей 600. При этомъ было дано въ домъ Пресвятыя Богородицы 9 земель бортныхъ (пчелиныхъ) и 5 погостовъ со всѣми угодыми и со всѣми поплинами.

Какъ видно, Ингваръ Игоревичъ, основавъ монастырь, позаботился и о его дальнѣйшемъ существованіи, давъ ему угодыя. Его примѣру послѣдовали бояре и мужи.

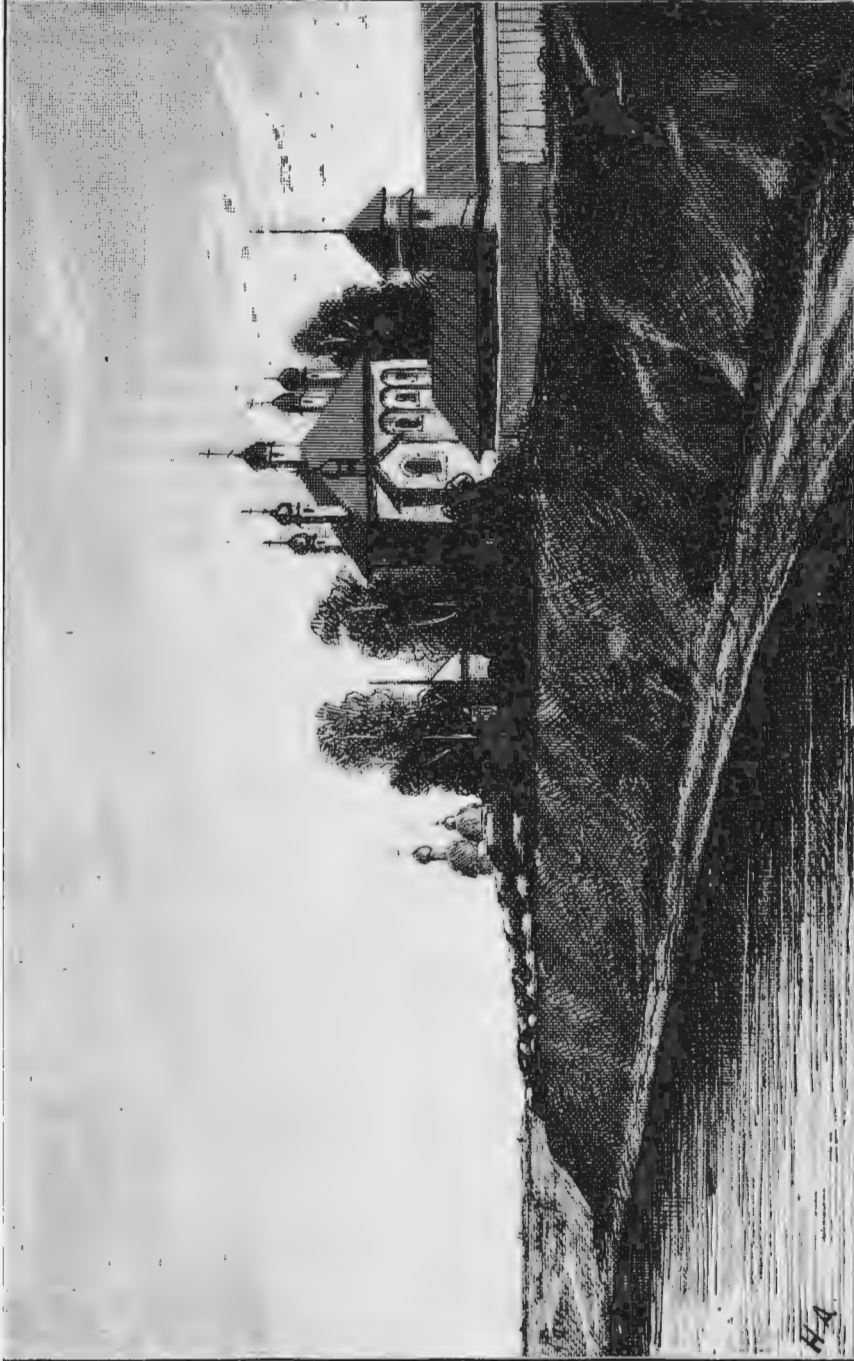
При тѣхъ льготахъ, какими пользовались монастыри въ Рязанскомъ княжествѣ, эти земли составляли прочный залогъ будущаго существованія монастыря. Всѣ монастырскія земли были освобо-

ждены почти отъ всѣхъ повинностей и податей. Въ дарственныхъ грамотахъ рязанскихъ князей заключаются обыкновенно слѣдующія льготы: въ монастырскую околицу волостели, даньщики, ямщики и другіе княжіе люди вѣзжать не имѣли права; земли монастырямъ жалуются «съ рѣзанкою, съ винами, съ поличнымъ» и др. Крестьяне, которыхъ монастырь перезоветъ на свою землю, освобождались отъ податей на 5 или на 3 года, если изъ другого княжества, а если изъ того же самага, то на 2 года.

Но, несмотря на такія жалованья и привилегіи, въ исторіи монастыря часто приходится встрѣчаться съ его бѣдственнымъ положеніемъ. Монастырь то возвышался, то приходилъ въ упадокъ. При той политической жизни Рязанскаго княжества, при которой пришлось возникнуть монастырю, нельзя было надѣяться на его долготѣнее благосостояніе! При постоянной враждѣ между собою, рязанскіе удѣльные князья постоянно отрывали крестьянъ отъ ихъ земли и работъ, то нападая и разоряя, то избирая ихъ землю театромъ военныхъ дѣйствій. Этой общей участи, конечно, не избѣгали крестьяне и земли, принадлежащія монастырю; хотя монастыри при удѣльной борьбѣ между православными князьями, какъ святыни, и оставались не тронутыми, но, тѣмъ не менѣе, на благосостояніи ихъ тяжело отзывался воинственный и непокорный духъ рязанскихъ князей.

Ольговскій монастырь, на примѣръ, былъ свидѣтелемъ битвы князя Романа Игоревича Рязанскаго съ княземъ Всеволодомъ Суздальскимъ. Послѣдній, осаждая Пронскъ, «посла свой полкъ къ ладьямъ по кормъ на Оку и бывшимъ имъ у Ушеска (нынѣ Вожское городище при впаденіи Вожи въ Оку, въ 15 верстахъ отъ Рязани) и бысть имъ вѣсть, аже вышелъ изъ Рязани Романъ Игоревичъ съ полкомъ и бьется съ лодейниками у Льгова городка». Льговъ городокъ лежалъ у самага монастыря за оврагомъ, также при большой дорогѣ, на лѣвомъ берегу Гусевки, при впаденіи ея въ Оку, и въ то время представлялъ изъ себя значительное укрѣпленіе, будучи защищенъ съ двухъ сторонъ валомъ, съ третьей Окою и съ четвертой—Гусевою.

Такимъ образомъ обитель вмѣстѣ съ населеніемъ переживала на первыхъ же порахъ своего существованія борьбу князей изъ-за первенства и, такъ сказать, возродилась изъ этой борьбы; затѣмъ, не успѣвъ еще забыться отъ только что пережитаго, ей приходится быть не только свидѣтельницей, но жертвой страшнаго нашествія татаръ, сокрушавшихъ и грабившихъ все, что попадалось имъ по пути. Рязанское княжество по уходѣ татаръ представляло печальную картину опустошенія. Города и села лежали въ развалинахъ, жители разбѣжались по лѣсамъ. Трупы несчастныхъ жертвъ долго оставались непогребенными. Можно поэтому судить, скоро ли могла обитель опять прийти въ прежнее состояніе, тѣмъ болѣе, что въ

Ольговъ монастырь со стороны Оки. Старый Успенскій соборъ.

1257 году была произведена татарская перепись: татары перечислили всю Рязанскую землю, за исключеніемъ духовенства.

Тяжелая дань изнуряла населеніе, и монастырь переживалъ тяжелое время.

Историческое прошлое Ольговскаго монастыря тѣсно связано съ исторіей Рязанскаго княжества и рязанскихъ князей, которые всегда съ любовью относились къ этой обители.

Рязанскій великій князь Олегъ Ивановичъ, вступившій на рязанскій столъ въ 1364 году, игралъ самую видную роль въ благоустройствѣ монастыря.

Продолжительная борьба суздальскихъ князей за политическое первенство своего княжества съ двумя поколѣніями князей рязанскихъ и опустошительныя нашествія татаръ способствовали образованію грубаго, упрямаго, жестокаго и при этомъ воинственнаго характера рязанскихъ князей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и набожнаго, что видно изъ того, что нѣкоторые изъ князей при жизни передавали свой престолъ, удалялись отъ міра въ монастырь и даже принимали схиму. Именно съ такимъ характеромъ является и великій князь рязанскій Олегъ Ивановичъ—энергичный, воинственный, упрямый, жестокій, но вмѣстѣ съ тѣмъ набожный. При немъ Рязанское княжество стало быстро оправляться и сдѣлалось настолько сильнымъ, что опять могло вступить въ борьбу изъ-за первенства. Жестокая и упорная борьба съ московскимъ княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ, впоследствии прозваннымъ Донскимъ, не мѣшала, однако, Олегу заботиться о внутреннемъ устройствѣ страны и вмѣстѣ съ этимъ о благосостояніи церкви и монастырей.

Во время бѣгства своего изъ Переяславля Рязанскаго (нынѣ губернской городъ Рязань), послѣ неудачной Скорнищевской битвы, Олегъ Ивановичъ далъ обѣтъ возобновить Ольговскій монастырь, что и исполнилъ съ благословенія епископа Василя II, посвященнаго въ 1355 году.

Возобновивъ храмъ Успенія Богоматери, онъ утвердилъ за нимъ прежнія владѣнія, придалъ и свое село Арестово съ угодьями и доходами, взявши монастырь подъ свое непосредственное покровительство и смотрѣніе. Благодаря этому, и утвердилось за монастыремъ названіе Ольговскаго.

Въ утвержденіе правъ владѣнія на приложенныя земли, Олегъ далъ игумену Арсенію жалованную грамоту, и Ольговскій монастырь опять пришолъ въ цвѣтущее состояніе.

Такъ какъ имя монастыря тѣсно связано съ именемъ его возобновителя, князя Олега, то не будетъ лишнимъ сказать нѣсколько словъ о немъ.

Олегъ Ивановичъ, какъ сказано, имѣлъ энергичный характеръ, и Скорнищевская битва не могла отнять у него надежды отвоевать у Москвы прежнія Рязанскія земли. Возвратясь въ свое княжество,

Олегъ опять поднимается войною на Москву и, несмотря на нѣсколько союзниковъ московскаго князя Димитрія Іоанновича, подъ предводительствомъ князя Владимира Андреевича, вся московская рать была разбита, и на этотъ разъ Олегъ загладилъ стыдъ пораженія при Скорнищевѣ. Перевѣсъ войны явно былъ на сторонѣ Олега, и онъ дѣятельно готовился къ новымъ битвамъ. Димитрій, не желавшій истощить свое княжество упорною борьбою съ рязанцами, предложилъ Олегу миръ, но послѣдній отказался отъ мира, т. е. потребовалъ слишкомъ большихъ уступокъ. Нѣсколько разъ посылалъ къ нему Димитрій своихъ бояръ, но Олегъ оставался непреклоненъ. Но то, чего не могли достигнуть политическіе переговоры, достигла рѣчь, обращенная къ христіанскому сердцу Олега.

Князь Димитрій обратился къ Сергію, знаменитому основателю Троицкаго монастыря, съ просьбой уговорить Олега къ вѣчному миру. Преподобный Сергій отправился къ Олегу. Чудный старецъ сталъ съ кротостью бесѣдовать съ княземъ о мирѣ, напомнилъ, что князь долженъ охранять, а не губить людей, что для Творца вселенной всего пріятнѣе любовь и милосердіе. Въ яркой картинѣ нарисовалъ въ своихъ словахъ преподобный Сергій послѣдствія междоусобныхъ брани и войнъ, за которыя потребуется отчетъ тамъ, гдѣ будутъ судиться по дѣламъ, но безъ всякихъ отличій и власти.

Кроткія рѣчи благочестиваго инока произвели такое впечатлѣніе на суровое сердце Олега, что онъ умелился и плача сказалъ Сергію: «повинуюсь, буду жить съ великимъ княземъ Димитріемъ въ мирѣ и любви».—«Богъ будетъ съ тобою»,—отвѣчалъ благочестивый старецъ.

Олегъ дѣйствительно сдержалъ свое обѣщаніе и заключилъ съ Димитріемъ искренній и вѣчный союзъ, утвержденный потомъ родственнымъ союзомъ: сынъ Олега, Ѳедоръ, вступилъ въ бракъ съ дочерью Димитрія, Софіею.

Впослѣдствіи Олегъ принялъ схиму, жилъ въ основанномъ имъ Солотчинскомъ монастырѣ, гдѣ находится и понынѣ его гробница.

Все это говоритъ, что духовная сторона жизни не была чужда Олегу, и заботы его о душѣ, особенно къ старости, становились для него необходимыми.

Мирный, тихій уголокъ, вдали отъ княжескаго дома, конечно, полная противоположность бранной и домашней жизни Олега, притягивалъ его къ себѣ. Ольговскій монастырь въ этомъ случаѣ являлся самымъ удобнымъ уголкомъ, и Олегъ дѣйствительно любилъ его; онъ часто пріѣзжалъ туда для богомолья, а въ посты, особенно въ Успенскій, здѣсь говѣлъ и пріобщался Св. Тайнъ. Великокняжескія посѣщенія, конечно, служили источникомъ процвѣтанія монастыря.

Со смертію Олега упала самостоятельность Рязанскаго княже-

ства, но монастырь продолжалъ существовать; источниками его существованія являлись прежде пожалованныя земли—села и деревни, но вмѣстѣ съ тѣмъ явился и другой доходъ, о которомъ слѣдуетъ упомянуть здѣсь.

Союзъ Олега Ивановича Рязанскаго съ княземъ московскимъ Димитріемъ Іоанновичемъ Донскимъ, поддерживаемый впоследствии и другими рязанскими князьями съ Московскимъ княжествомъ, вплоть до уничтоженія Рязанскаго стола, благопріятно отразился на благосостояніи края. Несмотря на разоренія татарами, богатство края пушными звѣрями и плодородіе почвы подняли скоро хлѣбную и мѣховую торговлю.

Касимовскій трактъ былъ между прочимъ однимъ изъ самыхъ оживленныхъ, какъ торговымъ, такъ и почтовымъ трактомъ, а потому однимъ изъ самыхъ опасныхъ.

Большіе обозы съ цѣнными товарами, купцы, набившіе мошны и возвращающіеся домой, соблазняли удальцовъ поживиться чужимъ добромъ. Большая торговля была причиною, или, такъ сказать, населила непроходимые лѣса и глубокіе овраги темнымъ людомъ, для котораго не только ограбить, но и убить не составляло особеннаго грѣха. Къ кому же, какъ не къ Богу, обратиться отправляющемуся въ путь съ просьбою о благополучіи, и кому же, какъ не Ему, принести благодарность за благополучное окончаніе пути? Какъ проѣхать въ такомъ случаѣ мимо обители при началѣ или при окончаніи пути и не поклониться Творцу? Поэтому Ольговскій монастырь былъ издавна извѣстенъ мѣстному торговому люду и поддерживался его даяніями.

Въ 1651 году, по указу государя Алексѣя Михайловича, Успенскій Ольговскій монастырь, вмѣстѣ со многими другими, былъ отписанъ къ обители Саввы Сторожевскаго, и съ 1652 г. присылали въ монастырь изъ Саввина монастыря такъ называемыхъ строителей, которые неособенно радѣли о благосостояніи малыхъ монастырей и не только не строили, а бражничали и малые монастыри обирали, что видно изъ указа 1726 г., въ которомъ запрещается такое злоупотребленіе. Этого, конечно, нельзя сказать про всѣхъ строителей, которые назначались въ Ольговскій монастырь, но все же обитель эта была для нихъ чужою.

Въ зависимости отъ Саввина Сторожевскаго монастыря Ольговская обитель находилась до распредѣленія монастырей по штатамъ, т. е. до 1764 года, а съ этого времени оставлена за штатомъ на своемъ иждивеніи.

Ольговскій монастырь опять началъ приходить въ упадокъ; особенно въ трудномъ положеніи находился онъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія: старинная Успенская церковь снаружи и внутри испортилась и обезобразилась, настоятельскія и братскія деревянныя кельи грозили паденіемъ, ограда изъ заборника во многихъ

Храмъ Святой Троицы въ Ольговомъ монастырѣ.

мѣстахъ развалилась; за малочисленностію братіи не было ежедневной службы. Не имѣя въ виду ровно никакихъ средствъ къ поддержанію и возобновленію обители, преосвященный Теофилактъ рѣшился монастырь этотъ упразднить, но помѣщикъ села Песочни, Николай Захаровичъ Апухтинъ, упросилъ преосвященнаго оставить этотъ монастырь и далъ обѣщаніе возобновить его, и дѣйствительно пожертвовалъ на этотъ предметъ, кромѣ значительной суммы денегъ, столовую серебряную посуду и другія вещи, отъ продажи которыхъ вмѣстѣ съ пожертвованными деньгами составилъ капиталъ въ 30.000 рублей. На этотъ капиталъ съ прибавленіемъ монастырскихъ денегъ и жертвуемыхъ другими благотворителями не только возобновленъ старый Успенскій соборъ, но и выстроена новая Троицкая церковь съ придѣлами, сдѣланы другія постройки.

По возобновленіи монастыря и возведеніи новыхъ построекъ въ 1835 г., жилое строеніе монастыря составляли каменный двухъ-этажный домъ, въ которомъ, помѣщалась братія, деревянный домъ для настоятеля и другой также деревянный внѣ монастыря для богомольцевъ, посѣщающихъ эту обитель. Подъ монастыремъ, рощею и полемъ, а также огородомъ, монастырской земли 20 десятинъ, и, несмотря на скудность средствъ, обитель находилась въ благо-видномъ состояніи.

Черезъ 20 лѣтъ, т. е. въ 1855 году, изъ описанія жилого строенія монастыря видно, что къ вышеозначенному прибавилось: деревянный домъ, примыкавшій къ южной сторонѣ алтаря Успенскаго собора, для приѣма его преосвященства, и кругомъ монастыря съ западной, южной и юговосточной сторонъ каменная ограда. Въ 1863 году, вышеуказанныя деревянныя зданія всѣ уже значились поставленными на каменный фундаментъ, и средства монастыря составляли вклады до 18.000 рублей. Земли подъ монастыремъ и вокругъ него подъ полемъ, огородомъ, гумномъ, лѣсомъ и берегомъ— 21 десятина. Въ Рязанскомъ уѣздѣ, близъ деревни Кривой, при большой Владимирской дорогѣ, борового лѣсу 50 десятинъ; въ Рязскомъ уѣздѣ пашенной и луговой земли при селѣ Петровѣ 50 дес. Въ Зарайскомъ уѣздѣ, при селѣ Бильдинѣ, имѣется мукомольная мельница о двухъ поставахъ.

Изъ всего этого видно, что монастырь щедро поддерживался вкладами и даяніями и въ періодъ весьма короткаго времени съ 1855 по 1863 капиталъ, и имущество монастыря увеличиваются. Съ этимъ временемъ связывается появленіе чудотворной иконы, что, можетъ быть, такъ благопріятно и отозвалось на положеніи монастыря.

Въ 1858 году, 7 января, въ монастырской часовнѣ, находящейся при большой дорогѣ, явилась икона Божіей матери Иверскія, которая была поставлена въ ризницѣ и находилась тамъ до іюня мѣсяца, а въ іюнѣ перенесена въ Успенскій соборъ. Икона эта

считается чудотворною, и между прочими чудотвореніями разсказывается особенно слѣдующее. Крестьянка села Вышгорода, Прасковья, много лѣтъ страдала отъ жестокихъ гнойныхъ ранъ на тѣлѣ и ломоты въ костяхъ. Богоматерь, явившись ей во снѣ, сказала, чтобы она молилась иконѣ ея Иверской, въ Ольговскомъ монастырѣ, и получить облегченіе. Больная была привезена въ обитель, гдѣ со слезами молилась передъ явившеюся иконою, была окроплена святою водою, помазана масломъ изъ лампы, исповѣдалась и причастилась Св. Тайнъ и затѣмъ возвратилась домой черезъ 4 дня уже совершенно здоровою. Случай этотъ сдѣлался извѣстенъ по окрестности, и богомольцы стали сходиться для поклоненія съ разныхъ сторонъ. О всѣхъ чудотвореніяхъ ведется въ монастырѣ краткая историческая запись.

Какъ памятникъ древности, заслуживаетъ особеннаго вниманія соборъ Успенія Пресвятой Богородицы, существующій около двухъ съ половиною вѣковъ, что видно изъ храмозданной грамоты архіепископа рязанскаго и муромскаго Иларіона, данной 27 августа 1666 года князю Михаилу Ивановичу Щетинину на сооруженіе въ Ольговскомъ монастырѣ, его иждивеніемъ, новой каменной церкви на мѣстѣ старой во имя Успенія Богоматери съ придѣлами чудотворца Михаила и святителя Николая чудотворца. Храмъ этотъ, довольно древней архитектуры, состоитъ изъ небольшой трапезы и настоящей церкви съ двумя придѣлами; при трапезѣ находится колокольня одинаковой съ храмомъ архитектуры, невысокая, четырехстѣнная, одноэтажная. Въ храмѣ замѣчательны отчетливостью и ясностью ликовъ иконостасъ греческаго письма, сохранившійся до настоящаго времени. Обращаетъ на себя вниманіе и стѣнная живопись трапезы—на правой сторонѣ ея находятся изображенія Антонія и Θεодосія Печерскихъ, на лѣвой Онуфрія Великаго и Петра Аѳонскаго; подъ самую арку изображенъ Господь Саваоѳъ. Иконы эти довольно хорошей кисти. Лики святыхъ носятъ печать святости и подвижничества; они написаны во весь ростъ, а Господь Саваоѳъ съ благословляющими руками—поясной.

На колокольнѣ находятся два колокола съ надписями. На большемъ изъ нихъ надпись слѣдующаго содержанія: «7157 (1649) многогрѣшный рабъ Господень князь Михаила князь Ивановъ сынъ Щетининъ приложилъ сей колоколь въ монастырь на Рязань въ домъ Пречистыя Богородицы Успенія, да Николѣ, да преподобному Сергію, по отцѣ своему князе Илье Семеновиче прозвище Иванъ и по своимъ родители, вѣсу 19 п. 23 ф.».

Второй колоколь меньшей величины сравнительно съ первымъ. На немъ два ободочка вверху, гдѣ изображены одинъ надъ другимъ херувимъ и двухглавый орелъ; отъ орла между ободочками вокругъ колокола находится слѣдующая надпись: «Jnd laer onies Heeren s. l. 31 s x. LIII heeft mij Jacob Noteman in Leevwarden ojeojessen»,

т. е. «Въ 1643 г. по Р. Хр. вылилъ я, Яковъ Нотеманъ, въ Леварденѣ (Голландія) сей колоколъ». Въ монастырѣ онъ слыветъ подъ именемъ шведскаго. Около собора находятся нѣсколько надгробныхъ камней съ надписями, и между ближайшими къ церкви на одномъ— слѣдующая надпись: «Лѣта 7114 (1606) мѣсяца декабря 20 д. преставися рабъ Божій убиенный князь Илья Семеновичъ Щетининъ Ярославскій»; на другомъ: «Лѣта 7145 (1637) марта во 2 д. преставися раба Божія князя Илья Семеновича Щетинина жена кн. Марія Григорьевна Щетинина во инокинѣхъ схимница Маремьяна». Эти камни лежатъ рядомъ.

Кромѣ старинной Успенской церкви, въ монастырѣ есть другой новый храмъ во имя Св. Троицы, съ двумя придѣлами—Успенія Пресвятыя Богородицы и святителя Николая чудотворца. Главнымъ вкладчикомъ на сооруженіе этого храма былъ Н. Алухтинъ.

Въ этой церкви достойны вниманія два образа въ иконостасѣ: мѣстная икона съ довольно рѣдкою надписью: «образъ преполовенія Христа Бога нашего». Мѣрою эта икона 6 вершковъ, на ней изображенъ Иисусъ Христосъ отрокомъ съ раскрытою книгою на колѣняхъ, въ которой написано: «не на лица зрящете сынове чловѣчестіи». По сторонамъ трона—іудеи. На поляхъ—съ правой стороны пророкъ Аммосъ, съ лѣвой Исаакій Далматскій. Икона эта въ серебряномъ вызолоченномъ окладѣ.

Другая икона св. Николая чудотворца такого же размѣра, какъ и первая, очень древняго письма, въ серебряномъ окладѣ, съ надписью греческими буквами: «сты Николае».

Въ 1898 году въ этой обители нашелъ тихій покой нашъ извѣстный писатель, Яковъ Петровичъ Полонскій, тѣло котораго было перевезено изъ Петербурга.

Въ бібліотекѣ Ольговскаго монастыря старыхъ грамотъ и актовъ не сохранилось, а изъ религіозно нравственныхъ сочиненій обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія:

«Патерикъ скитскій XVII вѣка скорописный».

«Обиходъ крючковыхъ нотъ».

«Евангеліе учительное на недѣли и праздники Господни, соч. іер. Кирилла, печ. въ Раймановѣ 1619 г.»

«Служебникъ, начатый печататься въ Москвѣ въ память Святаго пророка Наума, а оконченъ на память преподобнаго отца нашего Моусея Мурина при митрополитѣ Филаретѣ 7315 (1627) г.» (слѣдовательно печатавшійся 9 мѣсяцевъ).

«Рай мысленный преподобнаго Стефана Святоторца, печ. при патриархѣ Никонѣ 1659 г.»

«Огородъ Маріи Богородицы—разными цвѣтами словесъ на праздники Господскіе и Богородичны, соч. Іеромонаха Антонія, печ. въ Кіевѣ при Лаврѣ 1676 г.».

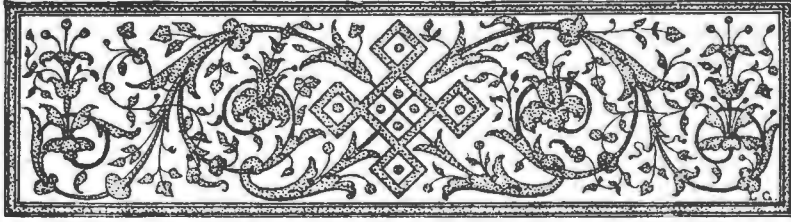
«Псалтирь въ стихахъ Семеона Полоцкаго 1680 г.»

«Працица противъ раскольниковъ 1762 г.» и другія сочиненія.

Въ 1896 году за малочисленностію братіи обитель эта, по распоряженію мѣстнаго архіепископа, была преобразована изъ мужской въ женскую. Находившихся тамъ монаховъ перевели въ Спасскій Рязанскій монастырь. Въ настоящее время Ольговскій женскій монастырь находится въ прекрасномъ порядкѣ, но населенностію похвалиться все-таки не можетъ. Ольговскій монастырь принадлежитъ къ самымъ древнѣйшимъ изъ монастырей Рязанской епархіи.

Н. Александровъ.

НОВЫЙ КРЕСТЬЯНСКІЙ ПАМЯТНИКЪ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.

О ВТОРОЙ половинѣ августа 1897 года въ предѣлахъ Ломжинской и Гродненской губерній происходили, какъ извѣстно, большіе маневры войскъ варшавскаго и виленскаго военныхъ округовъ.

Маневры эти почтили своимъ присутствіемъ Государь Императоръ съ супругою и августѣйшими дѣтьми, великими князьями Ольгою и Татьяною Николаевными.

Центральнымъ пунктомъ маневровъ въ Ломжинской губерніи были Червоноборскія высоты, холмистая мѣстность, лежащая въ районѣ гмины Снядово, Ломжинскаго уѣзда, въ разстояніи отъ Ломжи 15—16 верстъ.

Сюда 19-го августа прибыли Ихъ Императорскія Величества и, прослѣдовавъ къ деревнѣ Ольшево ¹⁾, на возвышенность, откуда была видна значительная часть червоноборской позиціи, изволили наблюдать бой, разыгравшійся между войсками западной и восточной арміи ²⁾.

Благодарные жители деревни Ольшево, осчастливленные пребываніемъ среди нихъ Ихъ Величествъ, порѣшили увѣковѣчить это событіе. Вмѣстѣ съ остальными жителями снядовской гмины они, въ годовщину прибытія Ихъ Императорскихъ Величествъ на червоноборскія позиціи, т. е. 19 августа 1898 г., отслужили въ приходскомъ костелѣ посада Снядово торжественное молебствіе. При этомъ мѣстный ксендзь, о. Людовикъ Тиляровскій, обратившись

¹⁾ Ольшево-Глембовизна—деревня (13 дворовъ) въ 17 вер. отъ Ломжи и въ 3½ вер. отъ посада Снядово.

²⁾ «Памятн. книжка Ломжинской губ. на 1898 г.», стр. 257 и слѣд.

къ народу, въ краткой рѣчи, объяснилъ значеніе выпавшаго на долю населенія счастья видѣть ихъ величества и пригласилъ присутствовавшихъ вознести Всевышнему мольбы о здоровіи и благоденствіи августѣйшаго семейства. Молебствіе закончилось провозглашеніемъ многолѣтія всему царствующему дому. На богослуженіи присутствовали мѣстныя уѣздныя власти, а также всѣ гминныя

Крестьянскій памятникъ близъ деревни Ольшево Ломжинской губерніи.

войты и нѣкоторые солтысы. Последнимъ, по окончаніи молебствія, былъ предложенъ въ зданіи гминнаго управленія завтракъ. Тогда же гминный сходъ гмины Снядово постановилъ въ память пребыванія Ихъ Величествъ въ предѣлахъ Снядовской гмины поставить у дер. Ольшево, на мѣстѣ, съ котораго Ихъ Величества изволили смотрѣть на происходившіе въ 1897 году маневры войскъ, боль-

шой камень съ соотвѣтственною надписью ¹⁾). Государь Императоръ на всеподданнѣйшемъ объ этомъ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ соизволилъ собственноручно начертать: «Прочелъ съ удовольствіемъ» ²⁾).

Черезъ годъ, во вторую годовщину пребыванія въ гминѣ Снядово Государя съ семействомъ, мысль жителей гмины осуществилась. Близъ д. Ольшево воздвигнуть памятникъ, имѣющій видъ большого камня (7¹/₄ фут. выс.), установленнаго на невысокомъ четырехугольномъ каменномъ пьедесталѣ. Въ верхней части камня вставлена икона Ченстоховской Божіей Матери съ надписью:

«Pod Twoją obronę usiekamy się».

Ниже укрѣплена чугунная доска съ надписью, приведенною на прилагаемомъ рисункѣ ³⁾).

Торжество открытія происходило 19 августа 1899 г. въ присутствіи начальника уѣзда, его помощниковъ и многочисленнаго собранія народа. Открытію предшествовало богослуженіе въ снядовскомъ костелѣ. По окончаніи его, народъ двинулся процессіей, поднявъ крестъ и хоругви, къ памятнику. Въ 11 час. утра послѣдовало его освященіе. Послѣднее было совершено соборнѣ мѣстнымъ настоятелемъ прихода и нарочно прибывшимъ для этого викаріемъ прихода Люботынъ. Памятникъ былъ убранъ флагами, вѣнками и цвѣтами, доставленными населеніемъ.

Г. А. Воробьевъ.

¹⁾ Раскладка на сооруженіе памятника была составлена въ 1898 г. на 1899 г. въ суммѣ 117 руб. 8 коп. Но сооруженіе послѣдняго обошлось въ 148 р., причѣмъ значительную часть этой суммы далъ войтъ гм. Снядово, г. Б. Ястржембскій.

²⁾ «Пам. кн. Ломжинской губ. на 1899 г.», стр. 45—46.

³⁾ Нельзя не пожалѣть, что надпись на памятникѣ-каміѣ сдѣлана только на одномъ государственномъ языкѣ. Во-первыхъ, памятникъ поставленъ мѣстнымъ населеніемъ, природный языкъ котораго польскій. Во-вторыхъ, хотя русская школа и пустила глубокіе корни въ польскомъ населеніи, которое—особенно въ послѣднее время—охотно учится по-русски, но все же въ средѣ его немало наберется такихъ, которые съ трудомъ «разбираются» и по своему-то. Для такихъ значеніе памятника можетъ остаться непонятнымъ, а это было бы весьма нежелательно.

ПРИ ДВОРѢ ИМПЕРАТОРА ВЪ СУРАКАРТѢ (СОЛО).

(Центральная Ява).

I.

Независимыя государства центральной Явы: имперія Суракарта, или Соло, и султанство Джокджокарта, или Джокджа. — Въ кратонѣ у сусухунана въ Соло. — Придворный этикетъ, костюмы, обычаи. — Празднованіе дня тезоименитства нидерландской королевы въ домѣ резидента съ участіемъ сусухунана и его двора.

ВЪ РУССКОЙ литературѣ, насколько мнѣ извѣстно, не существуетъ пока самостоятельнаго описанія ви́шняго типа, нравовъ и обычаевъ яванскаго народа. Вотъ почему я, въ предположеніи, что такое описаніе можетъ представить интересъ для русскихъ читателей, постараюсь нарисовать возможно полную и точную картину племенныхъ и бытовыхъ особенностей яванской расы.

Изученіе же этихъ дѣйствительно своеобразныхъ особенностей любопытно уже потому, что собственно яванцы, въ числѣ отъ 17 до 18 милл. душъ, населяющіе всю центральную Яву и всю восточную половину острова, являютъ собою самую компактную, самую многочисленную и самую выдающуюся во всей Инсулиндѣ этнографическую группу, не лишенную при томъ же собственной, весьма оригинальной и древней культуры.

Яванцы средняго, скорѣе малаго роста, но прекрасно и пропорціонально сложены, съ тонкими оконечностями рукъ и ногъ. Они свѣтло-коричневаго цвѣта, *café au lait*, хотя обыкновенно про-

порція «кофе» въ этой смѣси преобладаетъ надъ количествомъ «молока». Яванская аристократія нѣсколько свѣтлѣе по окраскѣ кожи, чѣмъ низшіе классы населенія.

Глаза у яванцевъ коричневыя или черныя, волосы черныя, лоснящіеся, *des cheveux plats* и жесткіе, собраны въ шиньонъ и завязаны узломъ на затылкѣ. Лицо большею частью лишено всякой растительности, такъ что безусаго и безбородаго яванца на первый взглядъ не легко отличить отъ женщины, тѣмъ болѣе, что и одежда, т.-е. саронгъ, обмотанный вокругъ бедеръ, у тѣхъ и другихъ почти тождественная. Нельзя сказать, чтобы яванскій типъ былъ вообще красивъ; выдающіяся азиатскія скулы, толстыя губы, подпиленныя и черныя зубы, десна, красныя отъ жеванія «сири» (бетеля), дѣлаютъ яванца и яванку мало привлекательными для европейскаго глаза. Но они граціозны, и всѣ движенія ихъ гибки и плавны.

Вмѣсто отсутствующей на лицѣ растительности высшіе классы наводятъ себѣ черною краскою искусственную, клиномъ заостренную, бородку, усы, уходящіе кверху остриемъ, и такія же заостренныя густыя брови, не имѣющія ничего естественнаго. Эти двѣ темныя линіи бровей, начинаясь непосредственно по обѣ стороны носа, почти достигаютъ висковъ и пропадаютъ подъ искусно и живописно сложеннымъ цвѣтнымъ платкомъ, который плотно обтягиваетъ голову и образуетъ на лбу маленькій открытый треугольникъ.

Благодаря такимъ густо намалеваннымъ бровямъ, усамъ и эспаньолькѣ, *plus noirs que nature*, скуластыя и коричневыя, напри- мѣръ, камергеры его величества императора въ Соло, въ цвѣтныхъ саронгахъ съ рѣзкими разводами, въ широкихъ панталонахъ, съ вопіюще колющими глаза узорами, съ турнюромъ позади, какъ у женщинъ, съ шиньонами, затканными бисеромъ и жемчужными нитями, являютъ собою нѣчто неимовѣрно извращенное и исковерканное. Эти удивительныя фигуры напоминаютъ своимъ внѣшнимъ обликомъ тѣхъ ларвъ, суккубовъ и инкубовъ, которые порою являются во снѣ и кружатся въ вихрѣ ужасающаго кошмара. Всѣ эти яванскіе гранды и сановники въ полномъ парадѣ, т.-е. обнаженные до пояса, согласно требованіямъ придворнаго этикета, съ кривыми криссами, которые торчатъ сзади и сбоку надъ лѣвымъ бедромъ, мало похожи на живыхъ людей. Они искусственны и условны, подобно кожанымъ маріонеткамъ и деревяннымъ кукламъ своего національнаго «вайонга» (театра), которыя, съ своей стороны, составляютъ условное воспроизведеніе древнеяванскихъ героическихъ типовъ съ угловатыми членами и изгибами преувеличенно удлиненныхъ рукъ и ногъ, съ длинными клювообразными носами и скошенными глазами.

Но... я чуть было не произнесъ осудительнаго и неосторожнаго приговора: чучелы,—эти яванскіе сановники и царедворцы, вмѣстѣ страшные и смѣшные на видъ, въ сущности люди не только безо-

бидные, но еще и вполне и до тонкости благовоспитанные, конечно, по-своему. Врожденному всёму яванцамъ приличію манеръ, ихъ утонченной вѣжливости и сдержанности, ихъ почтительному отношенію къ старшимъ по рангу могли бы позавидовать многіе и даже очень многіе европейцы, которые не всегда принадлежатъ къ сливкамъ общества. Такіе европейскіе типы зачастую-таки попадаются среди многочисленныхъ туристовъ, удостоивающихъ «дикихъ» яванцевъ своимъ банальнымъ посѣщеніемъ. Они положительно не умѣютъ держать себя въ порядочномъ обществѣ; они на каждомъ шагѣ поражаютъ и шокируютъ благовоспитанныхъ яванцевъ грубостью и безцеремонностью своего обращенія и уже, конечно, не въ состояніи преподать презрѣннымъ «азіатамъ» выгоднаго представленія о культурности высшей бѣлой расы.

Отличительныя и симпатичныя черты индивидуума яванца присутствіи въ одинаковой степени также и массѣ яванскаго народа.

Яванская толпа, даже въ нѣсколько тысячъ, собранная и скученная, напримѣръ, на одномъ тѣсномъ пространствѣ, по случаю какого либо ваянга съ танцами или иного представленія, безмолвна и чинна. Она не выдаетъ своего присутствія не только криками, руготнею или драками, но даже хотя бы сколько нибудь громкимъ разговоромъ. Никакой полиціи не имѣется и не полагается, ибо сдерживать или «честью просить» кого бы то ни было не приходится, до того всё умѣютъ и привыкли соблюдать порядокъ и приличіе. А между тѣмъ, такая скученная масса зрителей топчется на одномъ мѣстѣ или просиживаетъ на корточкахъ 12, 18—24 часа подрядъ, такъ какъ яванское театральное представленіе обыкновенно тянется безъ промежутковъ отъ заката солнца до слѣдующей вечерней зари, а то и долѣе, и нѣтъ никакой разумной причины, чтобы такое безконечное «позорище» когда либо кончилось.

Въ яванской толпѣ, падкой на всякаго рода зрѣлища, можно наблюдать весьма разнообразныя и интересныя типы. Толпа почтительно раздается въ стороны, когда подходит orang-wlanda (голландецъ) или какой либо туземный сановникъ-регентъ, ведоно, адипати или пати. Такого высокопоставленнаго чиновника яванецъ, младшій въ рангѣ, сидя на корточкахъ, привѣтствуетъ вытягиваніемъ впередъ обѣихъ рукъ, сложенныхъ ладонями вмѣстѣ, въ знакъ глубокой почтительности. Жестъ этотъ, медленный и въ то же время эффектнѣйшій и широкій, изящнѣе турецкаго «салама», который состоитъ въ поспѣшномъ, обыкновенно, прикосновеніи пальцами правой руки къ землѣ и въ прикладываніи затѣмъ этихъ пальцевъ къ сердцу и головѣ. Яванское привѣтствіе именуется *sembah*.

Вообще яванскіе этикетъ и чиновочитаніе весьма сложны и выработаны вѣками и традиціями. Этикетъ, разговорныя формы языка, согласно общественному положенію бесѣдующихъ лицъ, и строгое

дѣленіе на классы во всей своей неприкосновенности сохранились еще въ центральной Явѣ, въ такъ называемыхъ «независимыхъ государствахъ», въ имперіи Соло, или Суракартѣ, и въ султанствѣ Джокджа, или Джокджакарта.

Особенности эти, быть можетъ, безсознательно для самихъ яванцевъ, перешли къ нимъ еще изъ временъ отдаленныхъ, а именно изъ эпохи, когда яванцы, до XIV вѣка исповѣдывавшіе буддизмъ, были, подобно индусамъ, раздѣлены на особыя неравноправныя касты, которыя ни въ какое почти соприкосновеніе между собою не приходили.

Быть на Явѣ и не видѣть Соло и Джокджи равносильно посѣщенію Рима безъ лицеизрѣнія папы съ его дворомъ, *guardia nobile*, полосатыми швейцарскими тѣлохранителями и *sedia gestatoria*. Какъ святой отецъ въ Римѣ, такъ равно и «сусухунанъ» (яванскій титулъ императора) оба принадлежатъ къ эпохѣ, если не вовсе еще отжившей свой вѣкъ, то несомнѣнно къ поколѣнію, отживающему и предназначенному на полное исчезновеніе въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Надо сгнѣшить увидѣть и то и другое, пока всесокрушающая десница безошадной политики не стерла еще съ лица земли папской легенды въ Римѣ и императорскаго міѳа въ Соло. Рискованнымъ и непочтительнымъ для главы католическаго христіанства можетъ показаться на первый взглядъ такое сопоставленіе и уподобленіе папы съ тѣнью мусульманскаго Аллаха на землѣ, каковую изъ себя изображаетъ сусухунанъ на отдаленной азиатской Явѣ. Между тѣмъ, сближеніе, дѣлаемое мною, можетъ быть обо сновано и мотивировано историческими причинами и явленіями: въ самомъ дѣлѣ, судьба папъ, духовныхъ и свѣтскихъ властителей тождественна съ ролью суракартскихъ сусухунановъ, которые тоже въ свое время были независимыми государями и верховными жрецами обширной Матарамской имперіи, обнимавшей большую половину Явы, со включеніемъ нынѣшняго султанства Джокджи.

Это послѣднее искусственно создано было голландцами въ пику императору въ Соло, съ цѣлью держать сего послѣдняго государя *en échec* и тѣмъ дробить его власть и умалить его престижъ среди яванцевъ, въ силу извѣстнаго принципа: *divide et impera*.

Пала въ Римѣ и сусухунанъ въ Соло — двѣ блистательныя *impuissances*, съ тою лишь разницею, по моему убѣжденію, что созерцаніе суракартскаго *non possumus*'а несравненно оригинальнѣе и своеобразнѣе той неподвижной папской нетерпимости, которая въ королевскомъ Римѣ объединенной Италіи ничего не забыла и изъ уроковъ исторіи ничему не научилась.

Въ Соло государь и народъ его все забыли, ни о чемъ давно невозвратно минувшемъ не сожалѣютъ и очень многому научились. Они прежде всего научились безусловно покоряться судьбѣ, которую для яванцевъ олицетворяютъ *orang-wlanda*, голландцы, почти

три столѣтія уже владѣющіе Явою. Нѣкогда могущественную имперію Матарамъ они сокрушили, правда, не очень давно тому назадъ, но зато сокрушили они ее основательно и въ лицѣ султана въ Джокджѣ создали и поставили соперника и врага императору въ Соло.

Въ Суракартской имперіи не существуетъ болѣе поколѣнія, которое бы помнило о Матарамѣ и его величіи, и на глазахъ котораго совершилось бы превращеніе Соло и Джокджи въ простыя и банальныя индоголландскія резидентства, подобныя остальнымъ 20 резидентствамъ на Явѣ. Слѣдовательно, суракартскимъ жителямъ вспоминать не о чемъ. Яванцы не додумались еще до исторіографіи, и у нихъ не имѣется достовѣрной лѣтописи событій даже не слишкомъ отдаленной, современной эпохи. Жалѣть также не приходится, хотя бы о недавнемъ сравнительно прошломъ, о которомъ никто ничего точнаго не знаетъ, и которое по этой причинѣ является почти столь же легендарнымъ, какъ баснословны, на примѣръ, записанныя 8—10 вѣковъ тому назадъ сказанія героическія о подвигахъ боговъ, полубоговъ, принцевъ и богатырей національной еще буддистской эпохи.

Голландцы, къ тому же, будучи одарены свѣтлымъ и практическимъ складомъ ума, а также выдающимися административными способностями носителей культуры, прежде всего озаботились, въ виду требованій политики, примирить и приучить къ своему присутствію населеніе поглощенныхъ ими чисто яванскихъ областей; затѣмъ они на практикѣ демонстрировали народу все преимущество и пользу своего благоустроеннаго, либеральнаго и отеческаго режима, который самымъ выгоднымъ образомъ замѣнилъ собою прежнія беззаконія, притѣсненія и хищническую эксплуатацію туземныхъ государей. Уже послѣдующія, второе и третье поколѣнія могли на себѣ испытать благодѣянія новаго блага управленія, съ которымъ яванцы быстро освоились. Голландскіе порядки гарантировали имъ ихъ собственность, а порою и самую жизнь.

Еще популярнѣе стала власть голландцевъ, еще солиднѣе установилась она, когда населеніе убѣдилось, что бѣлые пришельцы оставили неприкосновенными не только нравы и обычаи страны, но что они сохранили въ краѣ даже его національную династію съ сусухунаномъ во главѣ. Это была со стороны голландцевъ политическая и вмѣстѣ дешевая уступка народному духу и консерватизму яванскаго государственнаго и общественнаго строя. Голландцы, поступая такимъ образомъ, ничѣмъ существеннымъ при этомъ не рисковали: они изощрились распорядиться такъ, чтобы сусухунанъ оказался въ ихъ рукахъ послушною куклою. Самого сусухунана, какъ видимое воплощеніе императорской власти, голландцы сохранили, но они подрѣзали ему крылья, стѣснили и урегулировали проявленія его дотогѣ безграничнаго произвола. Даже управленіе краемъ и суверенныя права государя, какъ-то взиманіе

податей и пр., попрежнему оставлены были императору и султану,—мы увидимъ далѣе, съ какими существенными ограниченіями и при какой обстановкѣ.

Такое широкое отношеніе и подобное довѣріе бѣлыхъ господъ льстило самолюбію яванцевъ и утѣшало самихъ государей, которые оба мнили, что они независимы и фактически управляютъ у себя дома.

Въ дѣйствительности же и тотъ и другой, «независимые» сусухунанъ съ его сосѣдомъ султаномъ, обратились въ фикцію и состояли въ полной и при томъ весьма тѣсной зависимости отъ мѣстныхъ резидентовъ, какъ представителей высшей власти генераль-губернатора въ Батавіи.

Государей окружили почестями и всякою внѣшнею помпою и пышностью, но положили имъ казенное ежегодное содержаніе и сдѣлали ихъ почетными полковниками и адъютантами туанъ-бесара (господина великаго, т.-е. генераль-губернатора въ Батавіи) съ правомъ носить мундиръ, присвоенный ихъ рангу въ нидерландской арміи. Мундиръ европейскаго покроя весьма мало подходитъ къ внѣшнему облику этихъ косоглазыхъ и скуластыхъ азіатовъ. Они, впрочемъ, при военномъ мундирѣ и необычныхъ для яванцевъ сапогахъ сохранили свой головной платокъ съ треугольникомъ на лбу подъ кэпи, что выходитъ довольно-таки дико и забавно. Невольно вспоминаешь, глядя на такихъ яванцевъ-офицеровъ, малайскихъ кучеровъ въ Батавіи, не обутихъ, но въ ливреѣ, со штиблетами и цилиндромъ съ кокардою на головѣ, повязанной національнымъ *kaïn karala*.

Выше сказано, что голландцы окружили туземныхъ государей почетомъ и видимыми внѣшними знаками власти и уваженія. Но они въ то же время этихъ государей содержатъ въ почетномъ плѣну за сажеными стѣнами ихъ собственныхъ «кратоновъ» (дворцовъ). Надъ кратонами и надъ туземными кварталами Соло и Джокджи господствуютъ орудія голландскихъ фортовъ. Въ какойнибудь часъ времени орудія эти, въ случаѣ надобности, могутъ разгромить и разнести до основанія дворцы правителей и самые города. И это со стороны голландцевъ весьма рациональная мѣра предосторожности и самозащиты: въ обоихъ государствахъ Суракартѣ и Джокджокартѣ голландцевъ не наберется и 4.500 человекъ, включая сюда гарнизоны и голландскую гвардію изъ драгунъ (*tijfdragonders*), численностью всего до 100 чел., состоящую подъ командою голландскихъ офицеровъ при особѣ сусухунана и султана, будто бы для почета, а въ сущности для надзора и контроля надъ ними.

При этомъ я еще разъ долженъ подчеркнуть, что голландцы въ Нидерландской Индіи опираются не на штыки и держатся не въ силу своей многочисленности, подобно, напримѣръ, австрійцамъ въ

Босніи и Герцеговинѣ. Они сильны единственно своимъ нравственнымъ престижемъ высшей бѣлой расы, обаяніе же и власть свою голландцы приобрѣли и сумѣли сохранить и консолидировать, благодаря своему мудрому управленію и гуманному обращенію съ подвластными имъ туземцами.

Голландцы не совершили въ своихъ владѣніяхъ той ошибки, о которой нынѣ еще глубоко сожальютъ очень многіе англичане въ британской Индіи, гдѣ туземные независимые государи содержатъ свою армію, будто бы долженствующую служить вспомогательнымъ войскомъ для англійскихъ окупаціонныхъ войскъ въ Индіи. Какъ извѣстно, мнѣнія о военной организаціи и о боевыхъ способностяхъ этихъ вспомогательныхъ контингентовъ весьма различны, но въ одномъ пунктѣ всѣ, повидимому, сходятся, не исключая и самихъ англичанъ, а именно въ томъ, что въ случаѣ войны съ иноземнымъ врагомъ, вторгающимся въ предѣлы Индіи, довѣрія къ этимъ туземнымъ воинамъ англичане никакого имѣть не могутъ. Иные даже прямо утверждаютъ, что эти туземныя войска первымъ дѣломъ обратятъ свое оружіе противъ самихъ англичанъ.

Голландцы благоразумно отклонили для себя подобныя рискъ и опасностъ. Нидерландская колониальная армія состоитъ, правда, изъ разнородныхъ европейскихъ и азіатскихъ элементовъ, но она составляетъ единое дисциплинированное цѣлое, и входящіе въ оную яванцы, амбонцы, мадурцы и прочіе туземцы вполне ассимилированы и лояльны.

Тѣ же войска, которыя голландцами оставлены сусухунану и султану, въ полномъ смыслѣ слова потѣшныя и вполне безвредныя. Вооружены эти люди старыми, чуть ли не кремневыми ружьями, тесаками и пиками. Босые, малорослые, неуклюжіе, со своими скуластыми рожами, платками на головѣ и въ высочайшихъ тяжелыхъ шако безобразнаго типа національной гвардіи 1849 года, эти доблестные воины императора и султана являютъ собою подобіе ученыхъ обезьянъ въ циркѣ. Отъ такихъ солдатъ голландское владычество въ Нидерландской Индіи ничѣмъ не рискуетъ, и голландцы могутъ безмятежно спать, какъ говорится, *sur les deux oreilles*.

Рядомъ съ этими потѣшными существуютъ еще и другіе туземные контингенты, а именно «прадъюрить» — полицейская охрана, состоящая въ распоряженіи мѣстныхъ регентовъ, и «барисанъ», туземная милиція изъ мадурцевъ, съ острова Мадурѣ. Но и тѣ, и другіе весьма немногочисленны, они вооружены такъ же плохо, они столь же несерьезны и жалки, какъ потѣшныя войска въ Соло и въ Джокджѣ.

Интересный мірокъ древней Явы — Суракарту и Джокджокарту, сохранившія свою оригинальную *couleur locale*, я имѣлъ случай увидѣть и изучить на мѣстѣ, такъ сказать, у самого источника, и

при томъ, при условіяхъ и обстановкѣ, лучше которыхъ и желать было нельзя.

31-го августа празднуется повсюду въ Нидерландской Индіи тезоименитство ея величества молодой королевы нидерландской— Вильгельмины.

Продѣлавъ два года подрядъ эту официальную церемонію въ Батавіи, куда съ этою цѣлью пріѣзжаетъ генераль-губернаторъ изъ Бейтензорга для приѣма и параднаго обѣда, я въ 1896 г. рѣшилъ присутствовать въ Соло на этомъ торжествѣ. Для этого я воспользовался данными мнѣ генеральнымъ секретаремъ и вице-президентомъ совѣта Индіи рекомендательными письмами къ резиденту въ Соло, юнкхеру Х. С—ма.

Мнѣ въ Батавіи и Бейтензоргѣ настойчиво совѣтовали побывать въ Соло именно 31-го августа, увѣряя меня, что зрѣлище, которое я тамъ увижу, въ высшей степени любопытно, и что я въ своемъ рѣшеніи не раскаюсь.

Я былъ, признаюсь, сильно заинтересованъ описаніями лицъ, уже побывавшихъ въ Соло, но боялся я лишь одного, какъ бы это собственно голландское національное торжество, хотя и справляемое на чисто яванской почвѣ, не оказалось слишкомъ объевропеизованнымъ и влѣдствіе сего банальнымъ. Къ счастью, опасенія мои не оправдались.

Я выѣхалъ 28-го августа въ 6 часовъ утра изъ Батавіи со скорымъ поѣздомъ, шедшимъ въ Сурабайю, и къ 7-ми часамъ вечера прибылъ на ночлегъ въ Маосъ. Поѣзды желѣзной дороги на Явѣ ходятъ лишь днемъ отъ утренней до вечерней зари, послѣ же 7-ми часовъ вечера всякое движеніе прекращается, такъ что волею-неволею приходилось переночевать въ Маосѣ. Перспектива эта не представляла ничего привлекательнаго, такъ какъ станція Маосъ лежитъ на болотистой и безлюдной мѣстности, среди непроходимыхъ джунглей и «рава» (трясинъ), въ разстояніи всего какихъ-нибудь 15 килом. отъ пресловутаго Тылатьяпа, города, расположеннаго на южномъ и пустынномъ берегу Явы. Городъ этотъ слыветъ *weit und breit*, и не даромъ, гнѣздомъ самыхъ тяжкихъ и опасныхъ лихорадокъ на всей Явѣ. Онъ до того нездоровъ, что голландцы вынуждены были удалить изъ города гарнизонъ и значительно сократить срокъ пребыванія тамъ своихъ резидентовъ, контролеровъ и пр. чиновниковъ. Злокачественная и упорная тылатьяпская лихорадка обладаетъ еще тою особенностью, что составляетъ не статью мѣстнаго потребленія, а, такъ сказать, *article d'exportation*: въ самомъ дѣлѣ, человекъ можетъ въ Тылатьяпѣ просуществовать день, недѣлю, одинъ мѣсяцъ, цѣлый годъ совершенно безнаказанно, не ощущая ни малѣйшаго приступа маляріи. Лихорадка обнаруживается и уже не покидаетъ васъ лишь послѣ того, какъ вы изъ Тылатьяпа выѣхали.

Благодаря близости этого злополучнаго инфекціоннаго гнѣзда, Маосъ, лежащій среди болотъ по мѣстности, открытой южнымъ вѣтрамъ, тоже не пользуются завидною репутаціею.

За часъ до приближенія къ этому фатальному Маосу можно было наблюдать въ поѣздѣ нашемъ оригинальное зрѣлище людей, которые заранѣе принимали мѣрѣ предосторожности. Пассажиры одинъ за другимъ исчезали въ туалетной, гдѣ, какъ я узналъ впоследствии, они надѣвали на себя предохранительные фланелевые набрюшники, ибо первое и главное условіе состоитъ въ томъ, чтобы какъ нибудь не простудить желудка, иначе, кромѣ маляріи, можно схватить еще диссентерію или холеру. Затѣмъ мужчины и дамы приняли кто хинные порошки или пилюли, кто хинныя капли д-ра де-Фрей.

Отель въ Маосѣ, построенный и содержащійся на средства правительства, оказался вопреки ожиданію новымъ просторнымъ зданіемъ съ высокими комнатами и съ весьма порядочною кухнею, такъ что не слишкомъ тяжело было примириться съ необходимостью провести одну ночь въ этомъ Богомъ забытомъ и оставленномъ мѣстѣ.

Уже часа за два до Маоса начались лѣса и непроходимыя болота съ зарослями камышей и папоротниковъ, простыхъ и древовидныхъ. Отовсюду сильно пахло смѣсью разлагающагося торфа и специфическимъ, но неприятнымъ до тошноты запахомъ грибовъ, сырой земли и гнили. Незримый, но обонянію ощутительный и воображенію доступный призракъ зловѣщей маляріи носился надъ этою печальною, низменною и почти безлюдною мѣстностью. Густой бѣлесоватый паръ неподвижно стоялъ надъ сонными трясиными по обѣ стороны пути. Изъ болотъ доносился металлическій звонъ лягушекъ, которые какъ-то гогочуть, издавая звуки, схожіе съ ударомъ въ колоколь. Вся эта южная часть Преангерскаго регентства вообще очень жидко заселена вслѣдствіе именно своего чрезвычайно нездороваго климата. Впрочемъ весь южный берегъ Явы, обращенный въ сторону Австраліи, также почти безлюденъ. Городовъ, за исключеніемъ одного Тьилатъпа, не попадаетъ вовсе. Имѣются одни лишь незначительныя поселенія да деревушки, заселенныя рыбаками.

Путешествіе на Явѣ представляетъ собою въ прекрасныхъ и комфортабельныхъ вагонахъ истинное удовольствіе. Оно не такъ утомительно, какъ бы того можно было ожидать при здѣшней тропической температурѣ, и это весьма просто объясняется: начиная отъ Батавіи, поѣздъ постоянно идетъ въ гору, уже послѣ Бейтензорга (550 ф. надъ уровнемъ моря) у Сукабуми и Бандонга абсолютная высота 2.200 ф., а въ кульминаціонномъ пунктѣ, за Тассикъ-Малапей, она достигаетъ 3.000 ф. Несмотря на палящее солнце, пыль и удушливый запахъ сквернаго угля, которымъ

отапливаются паровозы, температура все-таки сравнительно свѣжая, продуваетъ отовсюду, здоровый горный вѣтерокъ освѣжаетъ и значительно разнится отъ того *soi disant* воздуха,⁸ который въ Батавіи и на берегу съ усиліемъ проникаетъ въ наши легкія, будто проходя сквозь слой сырой ваты, герметически приложенной къ вашимъ устамъ.

Съ трехтысячной высоты поѣздъ постепенно спускается къ Маосу, и тутъ вы снова дышите сквозь обычную вату, да еще съ примѣсю неблагоприятныхъ и неугодныхъ эманаций *triple extrait de sava*. Послѣ Маоса вплоть до Джокджи и Соло тоже еще сносно. За Соло начинаются почти вплоть до Сурабайи необозримыя роскошныя поля и равнины, на которыхъ воздѣлывается сахарный тростникъ, и здѣсь подъ палящимъ тропическимъ солнцемъ передвигаться далеко уже не столь отраднo. Какъ бы то ни было, я еще разъ могъ констатировать съ удовлетвореніемъ, что на участкѣ Батавія-Соло, по крайней мѣрѣ, тропическая жара есть миеъ и предразсудокъ, и что въ Италіи, напримѣръ, въ юлѣ мѣсяцѣ между Венеціей и Римомъ путешествовать много непріятнѣе и теплѣе, хотя итальянская жара сухая и отъ яванской различная.

Голландцы и индоголландцы, которые по отношенію всего того что касается ихъ ни съ чѣмъ не сравнимой Явы, обрѣтаются въ состояніи хроническаго гипноза и восхищенія, давно уже и усиленно расхваливали мнѣ очарованія природы и мѣстности внутри острова по линіи желѣзнаго пути въ Сурабайю. Они смѣло и очевидно съ искреннимъ убѣжденіемъ утверждали, что по живописности, грандіозности и разнообразію видовъ нигдѣ во всей вселенной не существуетъ мѣстности, подобной участку отъ Сукабуми до Маоса черезъ регентство Преангеръ. Прославленная и не даромъ по своей красотѣ линія отъ Коломбо до Кэнди на о. Цейлонѣ, даже знаменитая Канадско-Калифорнская дорога будто бы остаются въ этомъ отношеніи далеко позади, внѣ рекорда. Я вслѣдствіе этихъ громкихъ рекламъ, внушенныхъ мѣстнымъ патриотизмомъ, ожидалъ увидѣть нѣчто небывалое и изумительное. То же, что я увидѣлъ въ дѣйствительности, былъ типичный яванскій ландшафтъ, красивый и живописный, но не болѣе того. Нигдѣ я не обрѣлъ обѣщанныхъ мнѣ грандіозности и разнообразія, отъ совместнаго созерцанія которыхъ пришлось бы опустить безпомощно руки или вложить въ безмолвныя уста персть безусловнаго изумленія.

Начать съ того, что какъ разъ самымъ существеннымъ качествомъ, т. е. разнообразіемъ видовъ, линія Батавія-Маосъ не изобилуетъ. Господствующая всюду нотка, отъ которой яванская природа рѣдко отступаетъ, это дѣйствительно неподдающееся никакому точному описанію изумительное богатство и роскошь растительности. Но отличительныя черты этого бьющаго черезъ край изобилія

вѣчно и повсюду тожественны: группы кокосовыхъ и иныхъ пальмъ, букеты изящныхъ бамбуковъ, аллеи изъ тамариндовъ или деревьевъ канари, раскидистые гигантскіе *arthocarpus* и *ficus indica*, растрепанные съ будго изрѣзанными и полинявшими листьями кусты *musa* (банановыя деревья), юка, папоротники, полное отсутствіе цвѣтовъ или же ярко красныя цвѣты *flamboyants*, растущіе на деревьяхъ на недосыгаемой высотѣ. Въ сырыхъ мѣстахъ и низинахъ появляются еще элегантныя древовидныя папоротники, камышъ и инныя болотныя растенія. Порою безконечно вдаль и вширь тянутся «*sawahs*» (рисовыя плантаціи). Онѣ расположены по обѣимъ сторонамъ пути террасообразно; своими выступами и каскадами со ступеньки на ступеньку переливающейся оросительной воды *sawahs* эти прерываютъ однообразіе сплошнаго мохнатого и густо сплотившагося тропическаго лѣса. Но рисовыхъ полей слишкомъ уже много попадаетъ всюду, по склонамъ горъ, въ равнинахъ и низинахъ—они утомляютъ своею монотонностью. Смотри по степени зрѣлости, рисовыя злаки образуютъ живую гамму зелени, идущей отъ нѣжнаго блѣднозеленаго цвѣта молодыхъ всходовъ до интенсивнаго изумруда, переходящаго въ желтовато золотыя отливы риса, уже созрѣваго и ожидающаго жатвы; затѣмъ снова пальмы и бамбукъ, бамбукъ и пальмы попеременно съ вѣчно-зелеными *sawahs*, и такъ до безконечности съ двумя лишь почти одинаковыми зелеными нотами въ этой роскошной гаммѣ тропической флоры.

Живой, текущей воды мало, кое-гдѣ незначительныя горныя ручейки да мутныя бурныя «кали»,—не то каналы, не то рѣчки, озеръ не встрѣчается вовсе. Отсутствуютъ также столь живописныя рыжія и сѣрыя скалы съ золотисто фіолетовыми отливками при восхожденіи и закатѣ солнца. Горы, даже вулканы, еще нынѣ дѣйствующіе, которые далѣе за Вандонгомъ своею причудливою массою окаймляютъ горизонтъ, покрыты отъ подошвы до вершины сплошною зеленою растительностью. Все это вноситъ въ ландшафтъ своеобразную прелесть, но мало разнообразія.

Есть, конечно, на протяженіи линіи особенно эффектные пункты. Къ числу самыхъ живописныхъ и единственныхъ въ своемъ родѣ слѣдуетъ отнести Делестъ. Съ высоты вѣдука, извилюющагося среди горъ и ущелій на уровнѣ до 3.000 ф. надъ моремъ, внезапно слѣва открывается глубоко внизу подъ горою обширная равнина, состоящая изъ серіи спускающихся одно въ другое уступами рисовыхъ полей. Поля эти исчезаютъ подъ водою, и островками выступаютъ изъ *sawahs* остроконечныя холмики, увѣнчанныя широко-раскидистою кроною пальмъ. На холмикахъ среди зелени, отражающейся въ недвижной водѣ, въ живописномъ безпорядкѣ разбросаны хижины малайскихъ кампонговъ.

Здѣсь кульминаціонный пунктъ всего участка, а равно и суммы впечатлѣній, собранныхъ въ продолженіе пути. Ничто уже вплоть до самой Сурабайи не можетъ по своей оригинальной своеобразности сравниться съ этимъ уголкомъ чисто яванскаго *Stilleben*.

Желѣзнодорожныя сооруженія, мосты, туннели, вѣдуки, облицовка и закрѣпленіе сползающей почвы и пр. по всей линіи исполнены съ чисто голландскими солидностью и аккуратностью, и я вполне вѣрю, что сооруженія эти, представившія по условіямъ пересѣченной мѣстности немалыя затрудненія, выполнены голландскими инженерами самымъ блистательнымъ образомъ.

Резюмируя свои личныя впечатлѣнія, я долженъ оговорить что столь расхваливаемая голландцами живописность яванскаго пейзажа далеко уступаетъ, не говорю уже, швейцарскимъ видамъ или вѣчно мѣняющимся аррегенъ несравненной Ривьеры; яванскій ландшафтъ не выдерживаетъ сравненія даже съ природными красотами, столь щедрою рукою разсыпанными въ Зальцъ-Камергутъ, Тироль или хотя бы въ сравнительно мало извѣстной и мало еще посѣщаемой Босніи и Герцеговинѣ.

Вся Ява, отъ Батавіи до Сурабайи, на протяженіи до 800 кил., представляется изумленнымъ и нѣсколько утомленнымъ глазамъ туриста въ видѣ одного сплошнаго дѣвственнаго лѣса, который кое-какъ съ грѣхомъ пополамъ и слѣшно расчищенъ. Въ расчищенныхъ мѣстахъ своихъ лѣсъ этотъ превратился въ паркъ, люди поторопились проложить желѣзныя дороги, телеграфъ, шоссеиные пути; тутъ же на удачу разбросаны кампонги (села), домики и даже цѣлые города. Все это утопаетъ и исчезаетъ въ зелени, имѣя надъ собою зеленые султаны все тѣхъ же неизбѣжныхъ пальмъ и тамариндовъ. Даже Батавія и прочіе города болѣе или менѣе европейскаго типа расположены среди садовъ и плантацій на пространствѣ, очевидно отвоеванномъ отъ посягательствъ все объемлющаго нѣкогда дѣвственнаго лѣса. Люди именно посѣщили своими сооруженіями жилыхъ мѣстъ и путей сообщеній: такъ и сдается, что при малѣйшихъ оплошности и недосмотрѣ со стороны чловѣка лѣсъ этотъ, насильно отодвинутый, способенъ снова перейти въ угрожающее наступленіе и задушить въ своихъ зеленыхъ объятіяхъ расчищенные участки съ ихъ населенными центрами, которые могущественная тропическая растительность постоянно рекламируетъ, какъ свою законную собственность, насильно отъ нея отторгнутую.

Русскій критикъ французскаго *Journal de St Petersburg*, помнится, по поводу перваго письма моего изъ Батавіи, въ которомъ я сравнивалъ яванскій тропическій лѣсъ съ мистическимъ садомъ *Paradou* въ книгѣ Золя «*La faute de l'abbé Mouret*», не одобрилъ меня за мое отрицательное отношеніе къ очарованіямъ тропической природы, а вѣдь тропиками принято вообще захлебываться

отъ восторга. Глубоко скорблю, что не угодилъ г. критику, но мнѣнія и заключенія своего относительно оспариваемаго пункта я измѣнить не могу, даже послѣ пятилѣтняго пребыванія на Явѣ. Прибавлю въ свое оправданіе, что не на меня одного тропическая растительность, которая въ сущности собою и резюмируетъ всю тропическую природу, съ перваго же момента произвела и продолжаетъ производить захватывающее впечатлѣніе чего-то стихійнаго, она въ своей подавляющей трагичности и агрессивности просто страшна и unheimlich.

Сколько разъ знакомые мнѣ европейскіе туристы, впервые посѣтившіе Яву и тропики, вообще выражали почти въ тождественныхъ словахъ то же испытываемое и мною впечатлѣніе стѣсняющей жуткости.

Самаго поверхностнаго наблюдателя не можетъ не поразить на Явѣ чрезвычайная многолюдность населенія. Не сотнями, а цѣлыми тысячами передвигаются люди пѣшкомъ, верхомъ и въ телѣгахъ по большимъ дорогамъ и по всѣмъ направленіямъ. На станціяхъ и даже полустанкахъ, среди лѣса или въ полѣ, всюду толпится народъ. Это крестьяне, работники, пассажиры и простые зѣваки. Туземцы вдоль платформъ разносятъ плоды, молоко, рисъ и разную болѣе или менѣе подозрительнаго вида снѣдь. Въ базарные дни масса народа особенно возрастаетъ, площади городковъ, селеній и мелкихъ населенныхъ мѣстъ буквально кишатъ народомъ, здѣсь толпятся уже десятки тысячъ человѣкъ, которые продаютъ и покупаютъ, оживленно разговариваютъ, но безъ гама и суеты, степенно и спокойно. Видно, голландская флегма и аккуратность отразились также и на мало демонстративныхъ по природѣ туземцахъ.

Второе, что поражаетъ туриста, и при томъ самымъ пріятнымъ и симпатичнымъ образомъ, это бросающіеся всюду въ глаза порядокъ, благоустройство и чистота. Удобные, изящные желѣзнодорожные вагоны, приличные а иногда и роскошные станціи съ садиками и зеленью, бѣленькіе аппетитные домики городковъ и даже убогія хижины малайцевъ, окаймляющія полотно рельсоваго пути, все это замѣчательно мило и опрятно въ своей игрушечной миниатюрности. Шоссейныя дороги, засаженные деревьями по обѣимъ сторонамъ, мосты и прочія сооруженія содержатся въ примѣрномъ порядкѣ, поѣзды ходятъ не торопясь, но правильно и не опаздывая, безъ столкновеній и приключеній. Словомъ это, отъ Батавіи до Сурабайи и всюду внутри страны, даже въ сторонѣ отъ главныхъ проѣздныхъ путей, та же, только тропическая Голландія, до того все здѣсь аккуратно, прилизано и подчищено. Туристъ можетъ быть увѣренъ, что онъ повсюду на Явѣ, даже въ сердцѣ края и въ глуши, найдетъ вполне приличное и главное безукоризненно чистое помѣщеніе въ гостиницѣ или въ «пасанграханѣ»—этомъ

индонидерландскомъ bungalors. Пища, конечно, плоховата, и къ индоголландскому меню привыкнуть человѣку свѣжему нелегко, но это составляетъ подробность и неизбѣжное зло, съ которымъ во вниманіе ко всему прочему не трудно съ признательностью примириться.

Но вотъ поѣздъ вступаетъ на территорію независимыхъ «Vorstenlanden». Картина моментально мѣняется. Если вы не слѣдили за росписаніемъ желѣзнодорожныхъ станцій и потому не знаете, что находитесь въ предѣлахъ его величества сусухунана, то одного бѣлаго взгляда изъ окна вагона на окружающую толпу и обстановку достаточно, чтобы убѣдиться въ этомъ неутѣшительномъ фактѣ.

«Station Solo!»—выкрикиваетъ кондукторъ, и поѣздъ останавливается. Вы приѣхали, но куда? Станціонное зданіе мизерное и грязное, стѣны потрескались, потеряли штукатурку и загажены, на платформѣ снуютъ какіе-то оборванцы съ дикими фізіономіями, шумъ, гамъ, толкотня, вонь и полная анархія. Да, это уже не безукоризненныя резидентства съ голландскою опрятностью и порядкомъ, черезъ которыя вы до сихъ поръ проѣзжали, съ одобреніемъ присматриваясь ко всему и мысленно благодаря голландцевъ за то, что они все такъ прекрасно устроили. Здѣсь «независимое» государство, администрація котораго находится въ рукахъ туземнаго азіатскаго правителя. Оно и видно, прощай благоустройство, вы вступили въ полосу, въ которой господствуетъ мерзость запустѣнія.

За вокзаломъ, сейчасъ же противъ грязной и топкой площади, начинается эта мерзость. Туземные базары жалкіе и бѣдные. Это ряды бамбуковыхъ ларей съ товаромъ послѣдняго разбора. Улицы и площади кишатъ крайне неопрятнымъ народомъ. У всѣхъ какое-то тупое и сосредоточенно подавленное выраженіе лицъ. Еще бы имъ и не быть подавленными. Императоръ деретъ три шкуры со своихъ подданныхъ, и злополучные суракартцы изнемогаютъ подъ бременемъ налоговъ и таксъ.

Торговли и промышленности въ Аллахомъ хранимомъ городѣ Соло нѣтъ никакой; люди живутъ изо дня въ день на мѣдные гроши, благо еще рисъ и бананы доступны въ цѣнѣ, а большаго имъ и не надо.

Улицы темны, узки и непомѣрно грязны, на нихъ свалены всякаго рода нечистоты, а жители и обыватели съ своей стороны посреди улицъ, согам *porulo*, предаются своимъ обычнымъ домашнимъ занятіямъ, тоже чистотою не отличающимся. Не могу не упомянуть здѣсь объ одномъ специально и специфически малайскомъ и яванскомъ упражненіи. Туземная женщина сидитъ у порога своей хижины, то-есть, собственно говоря, на улицѣ, и усердно копается въ головѣ другой яванки, стоящей передъ нею на кор-

точкахъ. Она ищетъ и, конечно, находитъ, и даже въ изобиліи, насѣкомыхъ, которыхъ лучше не называть по имени. Это бы еще ничего—подобныя уличныя сцены можно наблюдать и въ Неаполѣ, въ бѣдныхъ и популярныхъ кварталахъ. Неаполитанки, однако, благоразумно ограничиваются одною поимкою мелкой дичи, яванки идутъ до предѣла, дальше котораго уже итти нельзя: онѣ, вѣроятно, въ видѣ компенсаціи за свой трудъ, съ очевиднымъ аппетитомъ и наслажденіемъ кушаютъ пойманныхъ насѣкомыхъ! Только и видны учащенные жесты руки, подносящей отъ головы ко рту лакомую, повидимому, добычу! Такое зрѣлище можно сплошь да рядомъ увидѣть на Явѣ и при томъ не въ однихъ лишь суракартскихъ предѣлахъ, отличающихся своею нечистоплотностію вообще,—даже въ малайскихъ кварталахъ Батавіи туристъ, который впервые удостоится видѣть подобное времяпровожденіе, сперва не вѣритъ своимъ глазамъ, а затѣмъ съ отвращеніемъ отворачивается, убѣдившись, что это не фантазмагорія.

Улицы въ Соло окаймлены по сторонамъ отчаянными открытыми лачугами, покосившимися на бокъ, такъ какъ стѣны давно дали трещину, а крыша протекаетъ, починить же не на что, да и къ чему! Нѣкоторые болѣе другихъ жалкіе домишки изъ бамбука безъ штукатурки на половину ушли въ землю. И всюду на площадяхъ и улицахъ передъ лачугами и въ самыхъ домахъ кишмя кишатъ оборванные дикообразные яванцы. Это было предмѣстье Соло; оно по своему одичавшему и истрепанному виду ужасно живо напомнило мнѣ таковой же жидовскій и цыганскій кварталъ въ Яссахъ съ его зловоніемъ, грязью и скученностію въ жилыхъ помѣщеніяхъ.

Въ центрѣ города много приличнѣе и лучше. По четыремъ фасамамъ обширной площади, среди которой возвышается изъ-за высокихъ стѣнъ громада императорскаго кратона (дворца), образовался новый городъ. Тутъ живутъ голандцы, и славу Богу, это, по крайней мѣрѣ, вполне благообразно и составляетъ пріятный контрастъ съ туземными кварталами. Здѣсь два отеля, кирка, «societeit» (клубъ), европейскіе магазины, домики офицеровъ и чиновниковъ. Домъ резидента тутъ же недалеко отъ лучшаго отеля. Не помню уже, которой изъ двухъ гостиницъ я отдалъ предпочтеніе, но это безразлично: рекомендовать и ту и другую я по совѣсти не могу, ибо обѣ хуже. Но я радъ былъ уже тому, что вообще могъ отыскать помѣщеніе, такъ какъ по случаю торжества 31 августа городъ былъ переполненъ пріѣзжими любопытными и сосѣдними плантаторами съ ихъ семействами.

Резидентъ принялъ меня 30 августа чрезвычайно любезно, въ урочный для голландцевъ часъ, отъ 7 до 8 вечера. Юнкхеръ Х. С.—ма весьма представительный господинъ съ изящными манерами свѣтскаго человѣка. Правительство предпочтительно передъ другими личностями посылаетъ въ Соло и Джокдзу людей благовоспитанныхъ,

такъ какъ сусухунанъ и яванскіе гранды, сами изучившіе и практикующіе всѣ тонкости этикета, особенно цѣнить приличное воспитаніе и изящныя манеры. А такъ какъ, кромѣ того, положеніе резидентовъ въ обонхъ *Vorstenlanden* весьма деликатное, требующее вмѣстѣ энергіи и мягкаго такта, то резидентами при императорѣ и султанѣ обыкновенно назначаются люди интеллигентные и одаренные дипломатическими способностями и тактомъ. Обладая всѣми этими достоинствами, юнкхеръ Х. С—ма, ловкій и способный политикъ и администраторъ, былъ какъ разъ на своемъ мѣстѣ и пользовался въ Соло по заслугамъ всеобщимъ уваженіемъ, а также большимъ вліяніемъ на императора.

Задача такого голландскаго представителя не легкая. Это, собственно говоря, высшая акробатія: онъ долженъ держать себя такъ, чтобы не дать почувствовать ни государю ни его народу, что фактическая власть находится въ его, резидента, рукахъ. Въ теоріи и по внѣшней видимости резидентъ есть не болѣе, какъ дипломатическій представитель и «совѣтникъ», аккредитованный колониальнымъ управленіемъ при особахъ «независимыхъ» государей такъ называемыхъ *Vorstenlanden*. Своими дѣйствіями и отношеніями къ государямъ резидентъ долженъ поддерживать эту фикцію дипломатическаго представительства при независимыхъ суверенахъ. Въ дѣйствительности же императору и султану предоставлены одни лишь внѣшніе атрибуты суверенной власти: они лишь указываютъ и декретируютъ, не вмѣшиваясь собственною особою въ дѣла внутренняго управленія. Для этой цѣли существуютъ въ Соло и въ Джокджѣ спеціальныя органы, облеченныя исполнительною властію; это—такъ называемыя голландскимъ терминомъ «*Rijksbestuurder*», съ титуломъ радень адипати, т. е. буквально администраторы государства, нѣчто, напоминающее *maîtres du palais* французской средневѣковой исторіи или тѣхъ регентовъ, которые за малолѣтствомъ правителей временно поставлены были во главѣ управленія въ различныхъ государствахъ. Эти администраторы въ Соло и въ Джокджѣ вѣщаютъ народу державную волю его государей, они взимаютъ подати и налоги, назначаютъ и смѣняютъ туземныхъ чиновниковъ, судей и пр. Эти сановники, на жалованьѣ изъ Батавіи служатъ посредниками между властителями, голландскимъ управленіемъ въ лицѣ резидентовъ въ Соло и Джокджѣ и высшею инстанціею—генераль-губернаторомъ въ нейтензоргѣ. Но эти яванскіе *maîtres du palais*, подобно своимъ повелителямъ, сусухунану и султану, состоятъ подъ контролемъ резидента, который изъ-за кулисъ руководитъ всѣми этими коричневыми куклами и, не подавая вида, всѣмъ и всѣми распоряжается.

Дабы поставить туземнаго правителя въ еще болѣе тѣсную отъ себя зависимость, практичныя голландцы, къ тому же не располагающіе, какъ извѣстно, достаточно внушительнымъ военнымъ аппа-

ратомъ, придумали еще цѣлый рядъ весьма искусныхъ комбинацій: такъ они содержатъ государей въ почетномъ заключеніи, окружили ихъ особы голландскою лейбъ-гвардіею и пр. Но перломъ изворотливости голландскаго ума должно признать слѣдующій ловкій и политичный фокусъ: пользуясь тѣмъ, что въ центральной Явѣ, какъ вездѣ на азиатскомъ востокѣ, престолонаслѣдіе не обезпечено, благодаря раздорамъ среди членовъ семейства царствующей династіи, голландцы съ перваго же момента послѣ своего утвержденія въ Соло и въ Джокджѣ и до сего дня послѣдовательно и систематично воспитывали, такъ сказать, и держали наготовѣ и въ оппозиціи сусухунану и султану кого либо изъ младшихъ членовъ сувереннаго дома, племянника, двоюроднаго брата или иного какого либо родственника обоихъ правителей.

Въ Соло въ качествѣ пугала и постоянного memento по адресу сусухунана состоялъ (нынѣ умершій) принцъ императорской крови изъ младшей линіи—Мангко Негоро. Официальнымъ и признаннымъ, т. е. терпимымъ государемъ, пока онъ держалъ себя корректно, былъ его величество сусухунанъ. Но рядомъ съ императоромъ и то же подъ протекціею и опекою голландской власти существовалъ на голландскомъ жалованьѣ офиціозный, такъ сказать, кандидатъ на императорскій престолъ. Сусухунанъ зналъ, что во всякое время, если онъ подастъ поводъ къ неудовольствію, голландцы могутъ его удалить и посадить на престолъ послушное и преданное имъ орудіе, антисусухунана—принца Мангко Негоро. И сусухунанъ, въ виду этого живого напоминанія въ лицѣ своего родственника, сдерживалъ свои дикіе порывы азиатскаго деспота и поневолѣ соблюдалъ лояльность и покорность.

Съ другой стороны, чтобы свою креатуру, антисусухунана, оградить отъ оскорбленій при дворѣ императора, который на особѣ Мангко Негоро вымещалъ свою безсильную злобу, требуя отъ него, какъ отъ «подданнаго», неукоснительнаго ползанія въ своемъ августѣйшемъ присутствіи, вмѣстѣ съ иными оскорбительными кривляніями яванскаго этикета, голландцы произвели Мангко Негоро въ чинъ подполковника. Они сдѣлали, кромѣ того, принца почетнымъ адъютантомъ генераль-губернатора и поставили непремѣннымъ условіемъ, чтобы Мангко Негоро постоянно носилъ мундиръ. Мундиръ штабъ-офицера нидерландской арміи долженъ былъ обезпечить и дѣйствительно оградилъ принца отъ тѣхъ униженій, которыя при другихъ условіяхъ ему непремѣнно уготавала бы, при каждомъ появленіи Мангко Негоро при дворѣ, изобрѣтательная мелочность его милостиваго суверена, а въ душѣ непримиримаго соперника и врага. Мангко Негоро является ко двору въ формѣ подполковника и при томъ пользуется должнымъ ему почетомъ и уваженіемъ, такъ какъ, кромѣ своего высокаго военнаго ранга, имѣетъ еще авантажъ быть принцемъ крови, съ несомнѣнными и неоспариваемыми правами на опредѣленное мѣсто въ свитѣ императора.

Такимъ образомъ голландцы сразу достигли двухъ результатовъ: не броскируя сусухунана, который, благодаря глубокомысленной комбинаціи съ антисусухунаномъ, находится въ состояніи хроническаго раздраженія, они въ то же время закрыли двери всякимъ случайностямъ и обезпечили себѣ повиновеніе и преданность офиціознаго претендента, содержимаго въ запасъ про всякій случай.

Вообще политическіе смыслъ и тактъ, выказываемые голландцами, поистинѣ изумительны и достойны подражанія. Можно бы специально рекомендовать эту бархатную голландскую лапу со скрытыми подъ нею когтями высокомѣрнымъ англійскимъ правителямъ въ Индіи и англійскимъ резидентамъ, которые при дворахъ туземныхъ государей умѣютъ показывать одни лишь свои хищныя когти.

Несмотря на внѣшній почетъ, которымъ даже голландскія власти стараются окружать сусухунана, императоръ, можно утверждать, живеть узникомъ въ стѣнахъ своего обширнаго кратона. Такъ какъ азіатскій этикетъ вообще, будь это въ Турціи, Персіи или Китаѣ, воспрещаетъ государю приходить со своимъ народомъ въ болѣе близкое публичное соприкосновеніе, то голландцы воспользовались этимъ древнимъ обыкновеніемъ съ тѣмъ, чтобы завладѣть священною особой сусухунана. Императоръ никуда не выѣзжаетъ, не предваривъ о томъ резидента; визиты онъ дѣлаеть при строго соблюдаемомъ этикетѣ одному резиденту. Государь не можетъ даже выѣхать на побывку въ свою загородную дачу въ часѣ разстоянія отъ города, не испросивъ сперва на то разрѣшенія у резидента. Отлучиться же вовсе изъ своей резиденціи и посѣтить хотя бы своего сосѣда, султана въ Джокджѣ, императоръ не имѣетъ права—это было бы противно яванскому обычаю.

Еще одно характерная особенность. Когда-то, во время оно, одинъ изъ императоровъ былъ отравленъ своими придворными или родственниками. Это въ Соло и вообще на востокѣ явленіе обычное, и даже нынѣшній государь постоянно дрожитъ за свою жизнь. Преемникъ отравленнаго правителя, во избѣжаніе таковой же участи, попросилъ резидента дозволить, чтобы на будущее время кушанье для императора было приготовляемо на резидентской кухнѣ, откуда оно потомъ подъ конвоемъ отправлялось бы въ кратонъ.

Голландцы пожелали и впоследствии сохранить этотъ обычай и прибавили еще одно, на этотъ разъ уже кулинарнаго свойства, звено къ цѣпи, связывающей сусухунана съ резидентомъ.

И нынѣ еще можно въ Соло наблюдать слѣдующее любопытное зрѣлище: ровно въ полдень изъ воротъ кратона выступаетъ цѣлая процессія, медленно и торжественно направляясь къ дому, или, вѣрнѣе, въ сторону, гдѣ расположена кухня резидента.

Какія-то фантастическія яванскія чучела въ конусообразныхъ

цвѣтныхъ шапочкахъ (кулукъ) изъ рыбьяго пузыря, съ развѣвающимися саронгами и шароварами, съ криссами за спиною, несутъ серебряныя и золотыя блюда съ крышками; это мундшенки и тафельдекеры его величества. Надъ августѣйшими блюдами другіе чины двора въ такомъ же снаряженіи высоко держатъ императорскій желтаго шелка «пайонгъ» (зонтикъ). Зонтики, какъ извѣстно, различно изукрашенные и расписанные, смотря по рангу собственника, составляетъ также и на Явѣ неизбѣжный вышній атрибутъ официальныхъ лицъ и людей, власть имущихъ. Голландцы, для усиленія своего престижа, усвоили этотъ обычай: ихъ чиновники и сановники также имѣютъ присвоенные ихъ рангу расписные пайонги и пайонгоносцевъ.

Получивъ изъ кухни резидента императорскую порцію «наси» (варенаго риса) и прочія кушанья, процессія тѣмъ же путемъ и порядкомъ возвращается обратно и исчезаетъ въ воротахъ кратона, которыя вслѣдъ за нею затворяются.

Благо я коснулся сусухунана и того *modus'a procedendi*, котораго въ управленіи независимыми *Vorstenland'*ами придерживаются голландцы, скажу здѣсь, дабы къ сему предмету болѣе не возвращаться, что императоръ получаетъ отъ правительства ежегодную субсидію или *liste civile* до 800.000 гульд. Мангко Негоро имѣетъ до 100.000, на содержаніе такъ называемаго «легіона» его имени отпускается еще 60—70 тысячъ гульденовъ, на содержаніе остальныхъ принцевъ крови положено еще до 275.000 гульд. въ годъ.

Прибавлю, что сусухунанъ постоянно въ долгу, онъ то и дѣло испрашиваетъ авансы у правительства, которое не отказываетъ въ выдачѣ денегъ, но тѣмъ еще болѣе связываетъ суракартскаго правителя по рукамъ и ногамъ.

Султанъ въ Джокджѣ получаетъ до 475.000 гульд. *liste civile*, наслѣдный принцъ до 20.000 гульденамъ.

Эта забава, т. е. поддержаніе легенды и фикціи о существованіи «независимыхъ» государствъ въ центрѣ Явы, обходится колониальному управленію довольно таки дорого. Но правительство королевы предпочитаетъ нести эти расходы, чѣмъ совершить анексію *pur et simple* обоихъ *Vorstenlanden*, что могло бы вызвать всеобщее неудовольствіе и, пожалуй, вооруженное возстаніе въ смирномъ дотолѣ краѣ. Да и къ чему устранять никому въ сущности не мѣшающее подобіе династіи, которая въ Соло и Джокджѣ такъ блистательно... бездѣйствуетъ?

Не слѣдуетъ никогда упускать изъ виду, что европейцевъ, т. е. голландцевъ—гражданскихъ и военныхъ чиновъ, въ обоихъ государствахъ насчитывается всего до 4.200—4.500 человекъ при общемъ туземномъ населеніи—въ Соло до 1¼ милл. на пространствѣ 113 квадратныхъ миль и въ Джокджокартѣ до 600.000 жителей на протяженіи 56 миль. Спрашивается, что могла бы сдѣлать такая горсть бѣлыхъ людей въ случаѣ серьезной опасности?

Голландское правительство вознаграждаетъ себя за свои расходы по содержанию сусухуна и султана отчасти тѣмъ, что взимаетъ въ краѣ пошлины съ поступающихъ податей, отдаетъ на откупъ соль, опиумъ и земельные участки для эксплуатаціи минеральныхъ богатствъ и проч.

Голландская власть въ провинціи Суракарта въ лицѣ резидента, секретаря, 2 канцелярскихъ чиновниковъ и ассистентъ-резидентовъ, вѣдаетъ административныя дѣла, судебныя и прочіе интересы исключительно европейцевъ, китайцевъ и азіатовъ, не состоящихъ въ подданствѣ сусухуна.

Дѣлами собственно подданныхъ его величества завѣдуетъ верховная судебная комиссія въ Соло, именуемая *pradoto negoro*, подъ предѣлательствомъ «администратора государства» и при 6 «тумонггонгахъ» (туземныхъ регентахъ), въ качествѣ членовъ совѣта.

Но совѣтъ этотъ подноситъ сперва все судебныя акты на разбирательство резидента и испрашиваетъ его подпись. Приговоры совѣта подлежатъ утвержденію резидента въ теченіе трехъ сутокъ послѣ состоявшагося рѣшенія. Для совершенія смертной казни надъ подданнымъ сусухуна испрашивается специальное разрѣшеніе генераль-губернатора.

Для завѣдыванія имущественными и иными интересами принца Мангко Негоро существуетъ въ городѣ Ваногіри особый *прадото*, сравненный въ правахъ съ императорскимъ верховнымъ *прадото* въ Соло.

Подобныя же учрежденія введены голландцами также и въ соседнемъ султанствѣ Джокджокартскомъ. Только общественное благоустройство и благосостояніе поставлены тамъ на болѣе высокую степень, чѣмъ въ Суракартской имперіи, быть можетъ, потому, что Джокджа вдвое меньше Соло, съ населеніемъ также вдвое менѣе многочисленнымъ.

Резидентъ предложилъ мнѣ представиться сусухунану въ тотъ же вечеръ въ 9 часовъ. Онъ пригласилъ меня въ слѣдующій высокаторжественный день къ себѣ на ужинъ и на балъ, удостоенные присутствія императора и его свиты. «Къ сусухунану надо явиться во фракѣ при орденахъ, онъ ужасно это любитъ, какъ вы будете имѣть случай въ томъ убѣдиться. За вами заѣдетъ поручикъ Г., командиръ лейбъ-драгунъ. Бесѣдовать вамъ придется съ сусухунаномъ на малайскомъ языкѣ, онъ по-голландски не понимаетъ»,—довершилъ резидентъ свои инструкціи и спросилъ еще: «надѣюсь, что вы по-малайски говорите свободно, успѣли научиться?»

— То есть я знаю вульгарный малайскій языкъ, тотъ, на которомъ говорю со своею прислугою, а вѣдь съ императоромъ нельзя объясняться, какъ съ простымъ спенномъ (первый служитель въ

домѣ), и надо употреблять высокое нарѣчіе малайскаго языка *le haut malais*. Какъ же быть?—отвѣтилъ я не безъ смущенія.

— О, это пустяки, не тревожьтесь. Сусухунанъ тотъ же... спеннъ, чуть было не обмолвился резидентъ, но тутъ же быстро поправился и прибавилъ съ улыбкою:—тотъ же *inlander* (туземецъ), только высокаго ранга, говорите съ нимъ, какъ умѣете, титулуя его туанъ сусухунанъ, а жену его, императрицу, туанъ рату,—вогъ и все.

Я быстро простился съ любезнымъ хозяиномъ, было уже 8 час. вечера, а къ девяти меня ожидалъ императоръ.

— Ахъ, кстати, вы, конечно, заключаете по смыслу моего приглашенія, что къ ужину надо явиться часамъ къ десяти,—остановилъ меня въ дверяхъ резидентъ,—но это было бы глубокое заблужденіе: празднество у меня начнется уже въ шестомъ часу, и я въ вашемъ же интересѣ очень бы вамъ совѣтовалъ быть здѣсь уже въ 5 час., если вы желаете посмотрѣть на торжественную процессію выѣзда изъ кратона и прибытія въ резидентскіи домъ императора съ его многочисленною свитою. Надо вамъ сказать, что сусухунанъ чрезвычайно дорожитъ присвоеннымъ его рангу пушечнымъ салютомъ съ крѣпости, а такъ какъ по захожденіи солнца салюта уже не полагается, то сусухунанъ выступаетъ изъ дворца въ 5 час. и будетъ здѣсь къ 5½ час.

Поручикъ лейбъ-драгунскаго эскорта Г. заѣхалъ за мною, какъ было условлено, и мы ровно въ 9 час. вѣѣзжали во внутреннюю *enceinte* обширнаго, окруженнаго высокими стѣнами кратона, гдѣ подъ «пендонго» (передняя крытая галлерей), довольно слабо освѣщенною тусклыми керосиновыми лампами, насъ ожидали братья его величества и другіе высокіе сановники его двора. На каменныхъ плитахъ накорточкахъ возсѣдали группами тѣлохранители, часовые и прочіе члены и чины многочисленнаго придворнаго штата. Всѣ они кланялись намъ по-явански, простирая впередъ отъ высоты лба руки, сложенныя ладонями вмѣстѣ. Исполняющіе должность церемоніймейстеровъ ввели насъ въ огромныхъ размѣровъ залъ, отдѣланный на половину въ яванскомъ, на половину въ сомнительномъ европейскомъ вкусѣ съ европейскою мебелью, люстрами, лампами, статуэтками изъ позолоченнаго гипса и прочею салонною обстановкою, собранною со всѣхъ концовъ Европы немножко наугадъ. Къ типу яванскаго кратона этотъ европейскій хламъ третьяго разбора не подходилъ, портя гармоничное впечатлѣніе вычурнаго яванскаго стиля; въ общемъ получалась безвкусица и банальность. Въ глубинѣ залы, на эстрадѣ, въ раззолоченныхъ штофныхъ креслахъ подъ желтыми пайонгами, возсѣдали сусухунанъ и первая его супруга, «туанъ рату», окруженные безчисленными братьями, сыновьями и дочерьми. На мраморныхъ плитахъ, у подножія трона, застыли на карточкахъ въ без-

молвно благоговѣйномъ созерцаніи императорскаго величія придворныя кавалеры и фрейлины. Кавалеры были согласно требованіямъ придворнаго яванскаго этикета обнажены до пояса, дамы, или скорѣе женщины и какія женщины! — одѣты были менѣе легкомысленно. Онѣ имѣли подъ саронгомъ, туго стянутымъ впереди на груди, совершенно обнаженныя руки отъ плечей до того психологическаго момента, который французы именуютъ *la naissance des seins*.

Въ боковыхъ придѣлахъ залы и въ сосѣднихъ апартаментахъ также неподвижно возсѣдали на полу чинныя бронзоваго цвѣта группы царедворцевъ, музыкантовъ, танцовщиковъ и танцовщицъ.

Приблизившись къ эстрадѣ, мы совершили предписанныя этикетомъ три глубокихъ реверанса. Императоръ всталъ и, подойдя къ намъ, любезно раскланялся. Взявъ насъ за руки, онъ подвелъ и посадилъ меня на правую, а поручика Г. по лѣвую сторону, и тутъ же представилъ меня императрицѣ и членамъ своего семейства.

Сусухунанъ былъ въ яванскомъ костюмѣ съ необутыми ногами въ расшитыхъ золотомъ и брилльянтами туфляхъ шлепанцахъ, въ пестромъ саронгѣ и бархатной черной курткѣ, на которой сіяла звѣзда недавно имъ полученнаго Нидерландскаго Льва и еще какой-то котильонный орденъ небывалаго типа, который оказался «домашнимъ орденомъ», изобрѣтеннымъ его покойнымъ отцомъ.

Сусухунанъ Паку Бувано Сенонати Ингнаголого Нгабдуръ Рахманъ Сайдинъ Панотогамо — еще молодой человекъ лѣтъ 27—28, высокаго роста, стройный, скорѣе красиваго типа лица, съ тонкими губами, подвижный, нервный, съ порывистою рѣчью и движеніями, съ безпокойно блуждающими во всѣ стороны глазами стального цвѣта. На лицѣ его толстыми черными чертами намалеваны были бородака клиномъ, брови и усы, уходившіе вверхъ остриемъ. Императоръ произвелъ на меня впечатлѣніе человека фальшиваго, капризнаго и съ норовомъ, при томъ еще упрямаго и ограниченнаго. Съ такимъ характеромъ резиденту, полагаю, немало приходится возиться, и дѣйствительно оказалось, что сношенія съ сусухунаномъ не относятся къ разряду легкихъ и пріятныхъ наслажденій.

Пока императоръ ставилъ мнѣ обычные банальные вопросы — давно ли я въ Батаніи, откуда прибылъ и проч., слуги разносили угощеніе, состоявшее изъ чая, шампанскаго, ликера, неизбѣжной въ Индіи «голландской воды» (айеръ вланда), т. е. аполинариса съ виски. Намъ подали также сигаръ и папиросъ. Изъ глубины второго зала доносились до насъ звуки «гамеланга» (оркестра), между тѣмъ какъ впереди подъ нашими глазами выстраивались группы танцоровъ и миниатюрныхъ танцовщицъ въ богатыхъ цвѣтныхъ костюмахъ.

Баядерки — все дѣвочки, чуть не дѣти отъ 10 до 13-лѣтняго возраста, имѣли на головахъ тяжелыя золотыя діадемы, украшенныя гирляндами цвѣтовъ. На обнаженныхъ рукахъ и на щиколот-

какъ необутыхъ ногъ красовались массивные золотые браслеты съ драгоценными камнями. Вся эта женская часть кордебалета состояла изъ родныхъ дочерей, племянницъ и иныхъ родственницъ самого императора. Эти же принцессы крови должны были на другой день у резидента, въ присутствіи сусухунана, танцовать національные яванскіе танцы «бедойо» и «сримпи».

Что сказать объ особенностяхъ яванской музыки и танцевъ? Я не восхищаюсь ни тѣмъ ни другимъ, какъ не восторгался и тропическою природою. Музыка полного гамеланга, состоящаго изъ 40—50 струнныхъ и ударныхъ инструментовъ, какъ, напримѣръ, во дворцѣ въ Соло, заунывая и монотонная. Но она, по крайней мѣрѣ, не оскорбляетъ и не терзаетъ слуха, подобно тому оглушительному грохоту, который именуется китайскою музыкаю. Долетающая до васъ изъ отдаленія и какъ бы подъ сурдинку, мелодія яванскаго гамеланга имѣетъ даже своеобразную прелесть,—иной разъ звуки еле уловимы, порою они даже какъ будто переходятъ совсѣмъ въ какой-то подавленный шопоть; музыку эту,—я говорю музыку, ибо мелодичности въ ней нѣтъ, а есть одна лишь тягучая *melopée*,—можно лучше всего сравнить съ запахомъ духовъ не сильныхъ, почти выдыхающихся, изъ категоріи тѣхъ, которые французы характеризуютъ выраженіемъ *parfum discret*.

Что же касается яванскихъ танцевъ, то они неизмѣнно производятъ на меня усыпительное дѣйствіе своими однообразіемъ и дѣланною извращенностью. Да и врядъ ли можно въ строгомъ смыслѣ этого слова назвать танцами эти плавныя и медленныя эволюціи одного корпуса, это ритмическое топтаніе на одномъ мѣстѣ съ покачиваніемъ тѣла, съ неестественными вывихами наружу кистей и пальцевъ рукъ, почти безъ участія и безъ движенія ногъ. Это какое-то священнодѣйствіе, а не танцы. Продолжительное созерцаніе подобныхъ упражненій можетъ, я полагаю, заипнотизировать непривычнаго зрителя, тѣмъ болѣе, что хореографическій спектакль этотъ обыкновенно длится по цѣлымъ часамъ, подобно яванскому театральному представленію.

Я по счастливой случайности избѣжалъ на этотъ разъ опасности погрузиться въ гипнотическій или даже просто въ обыкновенный и банальный сонъ. Я замѣтилъ, что сусухунанъ что-то очень часто посматривалъ на меня не то съ недоумѣніемъ, не то съ улыбкою; онъ что-то такое шепталъ своимъ приближеннымъ, указывая на свой орденъ, висѣвшій у него на шеѣ. Я, видя эти упорные взгляды, усомнился, нѣтъ ли какого изъяна въ моемъ туалетѣ. И усомнился я даромъ. Императоръ наконецъ не выдержалъ: ткнувъ своимъ коричневымъ, но августѣйшимъ перстомъ въ мой сербскій крестъ, онъ замѣтилъ мнѣ съ улыбкою: «*bintang ini tida ada betoul*», т. е. орденъ этотъ надѣтъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Въ доказательство онъ велѣлъ себѣ принести альбомъ, въ которомъ изображены

были всѣ ордена и декораціи вселенной, и безошибочно разыскалъ въ немъ мой таковскій крестъ. Оказалось, что я впопыхахъ передъ тусклымъ зеркаломъ въ отелѣ надѣлъ свой орденъ наизнанку, что не ускользнуло отъ зоркаго глаза сусухунана, который очевидно изъ изученія иностранныхъ орденовъ составилъ себѣ спеціальность и забавлялся, какъ ребенокъ, видя мое смущеніе и удивленіе.

Но тутъ поручикъ Г. счелъ долгомъ вмѣшаться и сдѣлалъ шопотомъ замѣчаніе императору. Сусухунанъ, повидимому, остался недоволенъ, ибо онъ порывистымъ движеніемъ закрылъ злополучный альбомъ и почти швырнулъ его въ широко раскрывшіяся объятія кстати подвернувшагося царедворца съ неопредѣленными придворными функціями не то камергера, не то скорохода. Затѣмъ его величество, вѣроятно, съ досады сплюнулъ въ подставленную ему золотую плевальницу. Придворная фрейлина съ красными отъ жеванія «сири» деснами приняла эту урну и, высоко держа надъ головою свою драгоцѣнную ношу, отковыляла въ сторону. Именно и буквально отковыляла, такъ какъ она, сидя на корточкахъ, такъ и осталась сидѣть и съ мѣста рысью поползла по мраморнымъ плитамъ, откидывая въ стороны необутыя ноги, подобно придавленной и помятой лягушкѣ, которая спѣшитъ укрыться отъ наступившаго на нее сапога.

Сусухунанъ, успокоившись, много разспрашивалъ меня о Россіи, полюбопытствовалъ узнать, какъ велико «негри» (государство) Рюсландъ, сколько въ Россіи жителей и войска. Изумленію его не было предѣловъ, когда онъ слышалъ, что мы можемъ выставить въ случаѣ войны до 4 милліоновъ воиновъ. Сусухунанъ началъ быстро и возбужденно шептаться со своими приближенными, онъ очевидно сообщалъ имъ, что во всей «негри Вланда» (Голландіи) жителей столько, сколько въ Россіи однихъ солдатъ.

Послѣ аудіенціи, музыки и танцевъ, затянувшихся до 11 час. вечера, мы откланялись и возвратились восвояси. На слѣдующій день предстояло много работы—la programme était très chargé: въ 8 ч. утра церемонія въ церкви, въ 9 парадъ лейбъ-драгунамъ и легиону Мангко Негоро, въ 11 приемъ и поздравленія у резидента, отъ 12 до 2-хъ визиты яванскимъ принцамъ и первому министру, или rijksbestuurder, въ 5 ч. опять парадный приемъ у резидента. Кромѣ того, мнѣ хотѣлось хоть бѣгло ознакомиться съ городомъ. Спеціальнаго осмотра я, однако, не произвелъ, съ меня было достаточно того, что я видѣлъ по дорогѣ, дѣлая визиты. Я убѣдился, что въ Соло не имѣется ничего, кромѣ тѣсныхъ и грязныхъ улицъ, да площади и безконечно длинныхъ и толстыхъ стѣнъ, окружавшихъ кратоны принцевъ и министровъ. Въ кратонахъ этихъ живутъ десятки тысячъ празднаго люда, состоящаго изъ придворныхъ чиновъ, прислуги, стражи, музыкантовъ, кордебалета, рабо-

чихъ и ремесленниковъ съ ихъ женами и дѣтьми. Весь этотъ безполезный народъ содержится на счетъ сусухунана и принцевъ и обходится весьма дорого, такъ что у императора никогда денегъ не бываетъ. Онъ, кромѣ того, весьма любитъ покупать брильянты и всякій европейскій хламъ, давая обѣды, ужины и балы съ европейскими угощеніемъ и выпивкою. Всѣ эти широкія привычки и заманки обходятся, разумѣется, очень дорого. Сусухунанъ поэтому постоянно забираетъ деньги впередъ у резидента въ счетъ своей *liste civile* и еле сводитъ концы съ концами.

Про разводъ съ церемоніей не скажу ничего. Это была смѣхотворная пародія на европейскій парадъ, благодаря немногочисленности и внѣшнему виду участвовавшихъ войскъ, хотя туземные воины подъ руководствомъ голландскихъ инструкторовъ и исполнили довольно чисто и сносно различныя эволюціи.

У *rijksbestuurder'a* (правителя государства — титулъ перваго министра) я нашелъ ту же банальную полувосточную обстановку со смѣсью азіатины, что и во дворцѣ сусухунана. Но первый министръ, яванецъ съ прекрасными манерами и чрезвычайно тонкимъ и интеллигентнымъ лицомъ, понравился мнѣ болѣе своего вертляваго государя. Рѣзные и разноцвѣтные деревянные потолки въ золотомъ «пендонго» (въ передней верандѣ) у правителя-министра, въ строго выдержанномъ и вычурномъ яванскомъ стилѣ, также показали мнѣ богаче и оригинальнѣе, чѣмъ въ главномъ кратонѣ.

Въ 5 ч. по полудни я былъ уже у резидента и засталъ полный домъ приглашенныхъ. Ровно въ 5¹/₂ ч. грянули съ форта *Vastenburg* салютные пушечные выстрѣлы въ честь императорскаго выхода изъ кратона. Сусухунану предшествовали различно и пестро костюмированныя группы тѣлохранителей съ никами и щитами, носители почетныхъ зонтиковъ и золотыхъ августѣйшихъ плевалницъ, оруженосцы, царедворцы, конюхи, танцоры и пр. Нѣкоторые были въ яванскомъ костюмѣ, другіе, зеленые, красные и синіе, въ какомъ-то полувосточномъ облаченіи XVII вѣка, перенятомъ у португальцевъ, въ башмакахъ и короткихъ штанахъ въ обтяжку и въ шляпахъ съ перьями поверхъ національнаго шиньона волосъ и неизбѣжнаго «каинъ капала» (головной платокъ).

Гамелангъ и фрейлины сусухунана прибыли раньше, придворныя дамы на этотъ разъ уже не приковыляли и не приползли, а прибыли въ домъ резидента по образу общечеловѣческаго пѣшаго хожденія, благо, самого императора еще не было.

Но вотъ является и онъ въ золоченой по всѣмъ швамъ огромной каретѣ на высокихъ рессорахъ, обитыхъ краснымъ штофомъ, съ золочеными фонарями и высочайшими козлами, обтянутыми золотою парчей. Два кучера въ ливреяхъ торжественно возсѣдали на своемъ сѣдалищѣ, шесть фореиторовъ посажены были на шесть лошадей, запряженныхъ цугомъ, а сзади на запяткахъ помѣщались

двое лакеевъ съ открытыми надъ кузовомъ кареты желтыми императорскими зонтиками. Четверо скороходовъ рысцей бѣжали у дверецъ экипажа съ такими же желтыми зонтиками.

Въ каретѣ неподвижно и важно, какъ идолъ, возсѣдалъ Паку Бавоно... Но обрываю дальнѣйшее перечисленіе именъ его величества, оно безконечно, и я не успѣю кончить, ибо раздаются уже звуки чудеснаго нидерландскаго гимна *Orarije Nassauw*, и резидентъ въ фрачномъ шитомъ золотомъ мундирѣ спѣшитъ встрѣтить своего высокого гостя у подъѣзда.

Оба авгура—серіозный голландецъ и погѣшный азіатъ, прежде всего раскланиваются другъ передъ другомъ медленно, церемонно, низко наклоняясь, затѣмъ резидентъ беретъ сусухунана подъ руку, подобно тому какъ у насъ кавалеръ ведетъ свою даму къ обѣду, и оба направляются среди разступающейся и раскланивающейся публики въ парадный залъ, гдѣ на эстрадѣ подъ бархатнымъ балдахиномъ съ золотымъ голландскимъ гербомъ поставлено два совершенно торжественныхъ кресла. Резидентъ сажаетъ сусухунана рядомъ съ собою и усиленно слѣдитъ за тѣмъ, какъ бы его гость какъ нибудь не подвинулся впередъ, — чуть двинетъ свое кресло императоръ, резидентъ совершаетъ подобную же эволюцію. Свита размѣщается позади, по сторонамъ и впереди этой главной центральной группы, кто стоя, кто накорточкахъ на полу. Свита эта—невѣроятная, рѣжущая глаза и пестрая, въ саронгахъ съ узорами, широчайшихъ бумажныхъ шароварахъ съ разводами, въ разноцвѣтныхъ, смотря по рангу, конусообразныхъ шапочкахъ, изъ-подъ которыхъ въ заплетенныхъ волосахъ кавалеровъ сверкаютъ нити жемчуга и крупные бриллыанты, а также въ шиньонахъ женскіе полукруглые гребни, усыпанные разноцвѣтными камнями.

По знаку сусухунана, далеко впереди у самой веранды размѣщенный на полу гамелангъ исполняетъ свою заунывно-однообразную *invitation à la valse*. Танцовщицы, все принцессы императорской крови, выдвигаются впередъ и плавно, медленно, съ неизбѣжными кривляніями и вывихами пальцевъ и суставовъ рукъ исполняютъ танцы «сримпи» и «бедой».

Эти упражненія длятся полтора часа. Резидентъ сидитъ на своемъ тронѣ съ выраженіемъ на лицѣ тоски и покорности судьбѣ, онъ въ эту минуту священнодѣйствуетъ, что очевидно забавляетъ его мало. Онъ изрѣдка за приложенною къ лицу рукою скрываетъ нервный зѣвокъ. Резиденту подобный спектакль не въ рѣдкость, онъ видаль виды, продѣлываетъ безъ всякаго увлеченія то же самое по нѣскольку разъ въ годъ въ экстренныхъ случаяхъ, *ex officio*, потому что безъ этого въ торжественные дни обойтись нельзя. Голландская публика тоже относится равнодушно и позѣвываетъ отъ скуки.

Но вотъ ко всеобщему облегченію танцы окончились. Публика,

утомленная однообразіемъ зрѣлища и продолжительнымъ сидѣніемъ, шумно поднимается со всѣхъ мѣстъ и разсыпается по заламъ и по открытымъ галлереймъ, чтобы поразмяться и покурить.

Императоръ подъ руку съ резидентомъ прогуливается и бесѣдуетъ на малайскомъ языкѣ съ болѣе выдающимися европейскими и туземными сановниками. Затѣмъ онъ садится рядомъ со своимъ хозяиномъ уже за обыкновенный столъ, курить и попиваетъ прохладительные напитки, изрѣдка сплевывая въ подставляемую ему услужливую рукою государственную плевальницу. У императора въ рукахъ гирианды живыхъ и сильно пахучихъ бѣлыхъ цвѣтвъ, которые онъ въ знакъ благоволенія раздаетъ окружающимъ.

Послѣ 9 час. начинаются танцы, уже европейскіе, подъ звуки бальнаго оркестра, и самъ сусухунанъ принимаетъ въ нихъ живое участіе. Составляются кадрили и *lanciers d'honneur*, его величество танцуетъ по очереди съ резидентомъ, его дочерью, полковницею и женою президента трибунала.

Сусухунанъ, высокій, стройный, изящно сложенный, весьма красивъ и представительнъ въ своемъ черномъ костюмѣ португальскаго покроя, онъ кажется живою фігурою, перенесенною изъ XVIII столѣтія. На немъ короткая бархатная жакетка, фасона не то фігаро, не то андалузской куртки, какую носятъ испанскіе торреадоры. На курткѣ рядъ крупныхъ брильянтовъ замѣняетъ собою пуговицы. Кушакъ также сверкаетъ брильянтами и драгоценными камнями. За спиною вставленъ богатѣйшій крисъ (кинжалъ) въ золотыхъ ножнахъ, весь усыпанный алмазами. На головѣ императоръ имѣетъ необычайной формы черную поирковую шляпу; она внѣшнимъ видомъ своимъ напоминаетъ шапочки католическихъ священниковъ, но втрое выше и имѣетъ три раструба, закругленныхъ фестонами. Говорятъ, что подобныя шляпы носили въ XVII столѣтіи португальскіе и голландскіе резиденты. Бархатныя лосины въ обтяжку, черныя шелковые чулки и башмаки съ алмазными пряжками довершаютъ этотъ оригинальный и эффектный костюмъ. Молодой сусухунанъ носить его свободно, и онъ въ немъ несравненно болѣе анантаженъ, чѣмъ въ тѣсномъ мундирѣ голландскаго полковника. Императоръ граціозенъ, всѣ его движенія исполнены какой-то будто кошечьей и ласкающей изящности, и онъ совершенно походилъ бы на юнаго пажа или еще на игриваго *Chéribin*, еслибы не неестественно густо намалеванные на лицѣ усы, бородажка клиномъ и искусственныя брови, что придаетъ его физиономіи нѣсколько дикое и даже свирѣпое выраженіе.

Ровно въ 12 ч. начался ужинъ. Приготовлено было въ задней открытой галлерей четыре или пять столовъ на 200 челов., и все было безукоризненно и роскошно: обстановка веранды, уставленной зеленью, цвѣтами и крупными пальмами, декорированной флагами и залитой огнями, прекрасная сервировка, бѣфетъ и разно-

образіе выписаннаго цѣбликомъ изъ Батавіи ужина. По всему видно было, что резидентъ привыкъ и умѣлъ принимать на широкую ногу.

Въ данный моментъ, когда разливали шампанское, хозяинъ дома и области всталъ и по-голландски произнесъ тостъ въ честь королевы, а затѣмъ и въ честь своего высокаго гостя. Оркестръ заигралъ гимнъ. Сусухунанъ коротко отвѣтилъ на малайскомъ языкѣ.

Послѣ кофе и чая, сервированныхъ на передней верандѣ, возобновились прерванные ужиномъ танцы, и балъ оживленно продолжался до 4 ч. утра. Въ пятомъ часу сусухунанъ откланялся хозяевамъ и публикѣ, подавъ тѣмъ сигналъ ко всеобщему разтѣзду.

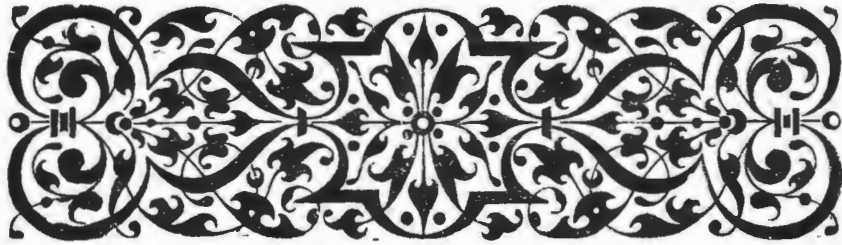
Я такимъ образомъ цѣлыхъ 12 часовъ подъ рядъ провелъ въ залѣ резидента и вынесъ наилучшія впечатлѣнія о любезности симпатичныхъ хозяевъ. Я также составилъ себѣ полное и яркое, хотя и нѣсколько пестрое, представленіе о той любопытной фантазмагоріи которая именуется дворомъ его величества сусухунана суракартскаго, и которую не всякому европейцу доводится видѣть при столь благоприятныхъ условіяхъ.

О послѣдующемъ посѣщеніи своемъ сосѣдней Джокджи и султанскаго двора не имѣю сказать ничего особеннаго. Оно было повтореніемъ и копіею въ уменьшенныхъ размѣрахъ съ императорскаго двора въ Соло. Прибавлю только, что городъ Джокджа несравненно симпатичнѣе, что Джокджа лучше и чище содержится, чѣмъ Соло, и что среди города есть замѣчательной формы обширная площадь съ мечетью; посреди и кругомъ площади своею неожиданностью среди этой чисто азіатской обстановки особенно поражаютъ группы огромныхъ и столѣтнихъ тамариндовъ и деревьевъ «канари», нарочно и en charmille подрѣзанныхъ на подобіе садовъ въ Версали и Шенбруннѣ. Эти на классическій образецъ XVII столѣтія извращенныя и подстриженныя деревья сохраняются въ такомъ видѣ еще со временъ португальскаго владычества.

М. Бакунинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ОЧЕРКИ АМЕРИКАНСКОЙ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ¹⁾.

Сановники и чиновники страны свободы.

АРМІЯ республики Соединенныхъ Штатовъ, состоя главнѣйшимъ образомъ изъ волонтеровъ, сосредоточивается нынѣ на югѣ государства въ нѣсколькихъ лагеряхъ, каковы Tampa (Florida), Chattanooga National Military Park (Tennessee) и т. д., гдѣ идетъ дѣятельная подготовка отдѣльныхъ отрядовъ къ военнымъ дѣйствіямъ, послѣ чего они высыпаются на поле брани. Несмотря на то, что какъ федеральное правительство, такъ и отдѣльные штаты, поставляющіе волонтеровъ, отпускаютъ положительно громадныя суммы на содержаніе арміи, которая вся находится нынѣ на военномъ положеніи, войска, сосредоточенныя въ лагеряхъ, находятся въ самомъ прискорбномъ положеніи. Систематическое голоданіе, тяжелое и несоответственное жаркому климату платье, отсутствіе или невозможное состояніе обуви, недостатокъ питья — вотъ тѣ условія, въ какихъ пребываютъ нынѣ, какъ регулярная, такъ и, въ особенности, волонтерская арміи, хотя война, собственно говоря, еще едва лишь началась. Вотъ нѣкоторыя образчики писемъ, приходящихъ изъ лагерей къ друзьямъ и родственникамъ нынѣшнихъ американскихъ воиновъ. «Дорогая мама! Мы не получаемъ достаточно пищи. Я страшно голодаю. Стыдно сказать, какъ съ нами обращаются. Согласно армейскому положенію каждому изъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXI, стр. 244.

насъ полагается по 33 сента въ день на пропитаніе, и правитель-ство уплачиваетъ за таковое по означенному расчету. Одно изъ двухъ: либо наше интендантство страшно нераспорядительно, либо въ немъ происходитъ что либо похуже. Я не стану описывать вамъ въ подробностяхъ, какого сорта пищу мы получаемъ. Достаточно сказать, что мы не получаемъ даже того, что отпускается доброй собакѣ. Что касается медицинской помощи, то для всѣхъ болѣзней полагается одно и то же лѣкарство, а именно: какія-то черныя пилюли. Если порядки эти не измѣнятся, то я не въ состояніи буду выдерживать болѣе. Около 200 человекъ рапортуется больными каждое утро, а между тѣмъ ученье должно происходить ежедневно въ теченіе пяти часовъ въ страшную жару. Многие изъ насъ безъ сапоговъ, и нашъ полкъ находится въ жалкомъ положеніи. Когда мы записывались въ добровольцы, мы рассчитывали драться съ непріателемъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, а вмѣсто этого мы нынѣ, выражаясь фигурально, подвергаемся нападеніямъ съ собственнаго тыла. Если правительство желаетъ хорошаго боевого матеріала, оно идетъ совершенно ложнымъ путемъ, дабы получить таковой. Здоровье войскъ является важнымъ факторомъ въ боевой силѣ. «Дядя Сэмъ» долженъ направить свой «фонарь» на наше интендантство. Вашъ любящій сынъ — —». А вотъ другое письмо, присланное другу нѣкимъ унтеръ-офицеромъ: «Дорогой Ваня! Ты не можешь себѣ вообразить, какъ ты счастливъ, что не отправился съ нами на югъ, ибо во всю мою жизнь я не испытывалъ подобныхъ страданій. Описать все, что случилось съ нами отъ Jersey City до сего мѣста нашего назначенія, не хватило бы даже 400 страницъ. Постараюсь изложить все покороче. Мы покинули Jersey City во вторникъ, 17-го мая, вечеромъ, и прибыли сюда въ пятницу послѣ полудня. За все это время мы получили въ пищу лишь по два куска солонины, по два сухаря, да по чашкѣ кофе. Я опасался, что настанетъ бунтъ раньше, нежели мы прибудемъ въ лагерь, но такъ или иначе намъ удалось предотвратить таковой. Если онъ не разыграется здѣсь вскорѣ, то не будь я —. Мы прошли полмили и стали лагеремъ. Въ пятницу вечеромъ мы получили на ужинъ по получашкѣ кофе и одному сухарю. Основательный ужинъ, не правда ли? На завтракъ получили мы то же самое и послѣ двухчасоваго ученья, велѣдъ за подобнымъ завтракомъ, почти заживо сжаренные, получили приказъ собираться и отправляться въ лагерь, намъ назначенный. Мы поднялись и должны были пройти пять миль подъ палящими лучами солнца. Мы недалеко отошли отъ прежней стоянки, какъ Jack Mc Cullough упалъ отъ жары, за нимъ Tom Aitkens, толстый Alibright, сержантъ Du Paugn, а затѣмъ еще нѣсколько другихъ, которыхъ я ужъ не припомню. Jack Mc Cullough въ плохомъ состояніи: онъ совсѣмъ не можетъ выдерживать жары, а Tommy Aitkens и капитанъ Corson страда-

ють тяжкою лихорадкой. Все, что мы получаемъ здѣсь въ пищу,— это свиная брюшина да черный кофе. Ни молока, ни сахару, а хлѣбъ совершенно неизвѣстенъ. Свиная брюшина настолько жирна, что я ее выбрасываю и перебиваюсь посредствомъ кофе да сухаря. Не предвидится никакого улучшенія: это — ужасно. Мы спимъ на голой землѣ: солома была для насъ золотымъ кладомъ. Насѣкомыя, змѣи, ящерицы и тому подобное—въ изобиліи. Представь себѣ, каково отправиться спать и проснуться на утро покрытымъ муравьями. Они кусаются ужасно. Г. — — нашъ командующій капитанъ, и онъ совершенно потерялъ голову. Вотъ что случилось со мной надняхъ. Послѣ тяжелой, въ теченіе цѣлаго дня, работы по сооруженію палатокъ мы получили на ужинъ всего лишь по сухарю да по немногу кофе. Я запротестовалъ. Капитанъ — — услышалъ и объявилъ мнѣ, что онъ сниметъ съ меня мои шевроны. Я былъ до того взбѣшенъ, что самъ снялъ ихъ, дабы избавить его отъ лишняго труда. Онъ отослалъ меня подъ арестъ, а на слѣдующее утро къ полковнику, гдѣ я былъ судимъ за нарушение субординаціи по отношенію къ своему старшему офицеру и поведеніе, не соответствующее унтеръ-офицеру. Я былъ разжалованъ въ старшіе рядовые съ тѣмъ, что за приличное поведеніе получу свой чинъ обратно. Оспа и цынга свирѣпствуютъ въ западныхъ полкахъ, и если я не заболѣю, то это будетъ чистое чудо. Достань воскресный номеръ «Орла» и посмотри, что тамъ говорится о голодовкѣ четырнадцатаго полка. Рота А открыла было лагерную пивную, но пьющихъ страшно мало: я думаю, во всей ротѣ не найдется 5 долларовъ. Я слышалъ, они хотятъ состряпать по шести чековъ на каждого, которые были бы оплачены посредствомъ удержанія изъ нашего жалованья. Мы не можемъ оставить мѣста стоянки нашей роты, дабы хоть поглядѣть на памятники. Мы заключены въ своихъ помѣщеніяхъ, какъ компанія осужденныхъ преступниковъ въ тюрьмѣ. Твой сердечный другъ — —». Два приведенныхъ письма позаимствованы нами заурядъ изъ сотенъ таковыхъ же, появляющихся въ газетахъ. Пресса громко ропщетъ на столь безотрадное положеніе дѣйствующей арміи, составляющей всю постоянную армію страны, непрерывно подкрѣпляемую добровольческими полками, и рѣзко осуждаетъ правительство. Но это послѣднее, какъ говорится, и ухомъ не ведетъ. И все это происходитъ не гдѣ нибудь тамъ далеко за предѣлами государства, на вражескихъ территоріяхъ, а вблизи Вашингтона и подъ самой столицей. Интенданство воруетъ открыто съ изумительною наглостью, на какую способенъ одинъ лишь янки; желѣзнодорожное воротило, ставъ вдругъ генераломъ и членомъ генераль-квартирмейстерскаго штаба, безцеремонно обираетъ федеральное казначейство республики и еще безцеремоннѣе ворукаетъ всю генераль-квартирмейстерскою частью, какъ будто бы ни генераль-квартирмейстера, ни военнаго министерства въ этой

странѣ никогда и не существовало, а ни одинъ изъ чиновъ сего послѣдняго до самого министра включительно, ни даже президентъ республики не смѣютъ и пикнуть. Что же сей сонъ означаетъ? Деспотизмъ «купчины толстопузаго», власть взятки и тиранія партійности опутали все и вся въ этой «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» и надѣлили ее формою правленія, для которой въ существующей системѣ государственныхъ наукъ пока не установлено еще надлежащаго опредѣленія.

Но отъ исключительныхъ обстоятельствъ военнаго времени перейдемъ ко временамъ мирнымъ, къ обычному теченію общественной жизни и поглядимъ на администрацію сей такъ называемой страны свободы въ ея обычныхъ обстоятельствахъ, въ ея заурядномъ видѣ. Вашингтонъ, столица республики Соединенныхъ Штатовъ, какъ мы имѣли уже случай указать выше, является главнымъ ея средоточіемъ и ея жизненнымъ пульсомъ. Тысячи искателей мѣстъ ежегодно устремляются во градъ, созданный прославленнымъ первымъ ея президентомъ Джорджемъ Вашингтономъ, подобно тому, какъ наша русская столица представляетъ градъ, созданный державною волей Петра. Но въ каждой пятый годъ, когда во градѣ Вашингтона водворяется новый президентъ, въ каждый пятый годъ, который можно назвать високоснымъ годомъ американской политики, этотъ ежегодный потокъ искателей мѣстъ, изнутри разныхъ штатовъ федеративной республики устремляющійся къ ея столицѣ, превращается въ бурный разливъ, котораго ничто не въ состояніи задержать въ его грязномъ и стремительномъ движеніи. Въ числѣ такихъ искателей имѣется немало и женщинъ. Изъ этихъ послѣднихъ одѣяются въ столицу, получивъ заранѣе положительное обѣщаніе о предоставленіи мѣста, иныя—вслѣдствіе преувеличеннаго представленія о степени своихъ знаній и способностей и, наконецъ, третьи—а такихъ весьма немало—вслѣдствіе слѣпой вѣры въ успѣхъ красиваго лица и изящныхъ формъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ то время, какъ весьма многія должности государственныхъ (state offices), уѣздныя (county offices) и городскія (borough offices) пополняются путемъ выборовъ, должности федеральныя (federal offices), т. е. центральная администрація, всѣ цѣликомъ до министровъ (secretaries) включительно пополняется путемъ назначенія президентомъ, министрами, начальниками департаментовъ и отдѣльныхъ учреждений. Вслѣдствіе этого, все, что имѣется въ каждомъ штатѣ интеллигентнѣе, подѣятельнѣе, поопытнѣе въ разныхъ родахъ службы, все это, разъ невозможно урвать теплое или хотя бы тепловатое мѣстечко въ своемъ родномъ штатѣ, городѣ либо графствѣ (уѣздѣ), устремляется въ Вашингтонъ. Со смѣной президента республики или, точнѣе говоря, со смѣной политической партіи, успѣвшей захватить въ свои руки бразды правленія, смѣняется и весь или почти весь составъ федеральной администраціи. Вотъ

почему вслѣдъ за «посвященіемъ» (inauguration) новаго президента этотъ приливъ «выскаующихъ града» представляетъ положительно нашествіе Батыево. Главнѣйшимъ элементомъ въ такомъ нашествіи являются, конечно, разные политиканы болѣе или менѣе уголовнаго свойства, которые своей расторопною, энергическою и безоглядною «дѣятельностью» содѣйствовали побѣдѣ политической партіи, проведенной своего президента, и потому являются въ столицу республики за предназначенными имъ мѣстами, какъ за «исполненіемъ безспорныхъ обязательствъ». Ихъ наглыя и отталкивающія фیزیономіи можно легко отличить въ толпахъ мѣстоискателей, наполняющихъ пріемныя разныхъ департаментовъ и отдѣловъ. За ними идутъ искатели, которые, благодаря заслугамъ, положенію либо влиянію своихъ родителей или близкихъ родственниковъ, имѣютъ возможность добиться того или иного назначенія. Наконецъ, третій довольно таки многочисленный элементъ среди мѣстоискателей составляютъ слѣпые искатели счастья, не имѣющіе ни связей, ни достаточныхъ средствъ и посему своею явкой въ Вашингтонъ принимающіе на себя огромный рискъ со всеми его послѣдствіями. До какой безцеремонности доходятъ разные сановники страны свободы по части назначенія и пристроенія на разные мѣста своихъ родственниковъ, показываетъ слѣдующій совершенно свѣжій фактъ. Существуетъ при палатѣ представителей вашингтонскаго конгресса специальная «комиссія государственныхъ доходовъ» (Congressional Committee on Ways and Means), предѣдателемъ коей состоитъ нынѣ извѣстный членъ палаты (Congressman) N. Dingley, создатель болѣе или менѣе извѣстныхъ боевыхъ пошлинъ. Недавно, а именно прошлою зимой, экспертъ-математикъ сей комиссіи, на обязанности котораго лежало производство многоразличныхъ довольно сложныхъ ариѳметическихъ и алгебраическихъ выкладокъ, сопряженныхъ съ осуществленіемъ новой системы пошлинъ, удрученный годами и трудами, умеръ. Хотя проектъ закона о введеніи новой системы пошлинъ, для производства расчетовъ по которому означенный престарѣлый математикъ и былъ опредѣленъ въ составъ комиссіи, давно уже сталъ дѣйствующимъ закономъ, и въ математическомъ экспертѣ нынѣ не представляется уже никакой надобности, предѣдатель таковой все-таки опредѣлилъ на мѣсто умершаго собственную дочь miss Edith Dingley, математическая опытность которой исчерпывалась до сихъ поръ лишь счетомъ па въ танцахъ, шляпокъ и обожателей. Затѣмъ вскорѣ секретарь той же комиссіи Herbert Lord назначенъ казначеемъ американской арміи, нынѣ занимающей Филиппинскіе острова, съ чиномъ майора. Едва назначеніе это состоялось, предѣдатель сей комиссіи N. Dingley тотчасъ назначилъ на очистившуюся вакансію собственного сына. Если, такимъ образомъ, дочь предѣдателя «комиссіи государственныхъ доходовъ», занимая въ таковой мѣсто, давно подлежащее упразд-

ненію, получаетъ жалованья 1.800 долларовъ въ годъ, то сынъ его получаетъ изъ суммъ, назначенныхъ на содержаніе сей комиссіи, 2.400 долларовъ. Если въ иныхъ странахъ, какъ, напримеръ, въ «варварской» Россіи, законъ воспрещаетъ губернаторамъ назначать чиновниками особыхъ порученій своихъ родственниковъ, то въ сей донелзя «цивилизованной» странѣ «свободы» разные вліятельные сановники всѣ зависящія отъ нихъ должности замѣщаютъ своими сыновьями, дочерями, племянниками, племянницами и т. д. и, по собственному выраженію вашингтонскихъ чиновниковъ, семья Dingley вскорѣ перевезетъ свою обстановку въ зданіе Капитолія и заведетъ свое хозяйство въ помѣщеніи «комиссіи государственныхъ доходовъ».

Являясь, подобно нашему Петербургу, спеціально городомъ американскаго сановничества и чиновничества, Вашингтонъ по составу своего населенія и въ особенности по его такъ называемымъ «вышнимъ сферамъ» рѣзко отличается отъ иныхъ американскихъ городовъ и въ особенности Нью-Йорка. Въ то время какъ такъ называемый высшій классъ этого послѣдняго представляетъ разныхъ темныхъ низменныхъ торгашей, быстро вознесшихся изъ ничтожества, въ то время какъ единственнымъ условіемъ пріятія въ сію такъ называемую аристократическую среду представляется богатство независимо отъ степени культурности, въ то время какъ эта ньюіоркская аристократія, являющая собой наиболѣе куріозный и достопримѣчательный образчикъ вороны въ павлиньихъ перьяхъ и «мѣщанъ во дворянствѣ», поражаетъ своей ходульностью, напыщенностью, чопорностью, однообразіемъ, безжизненностью и пошлостью, въ то время какъ наконецъ эта наикуріознѣйшая и наинесноснѣйшая аристократія на земномъ шарѣ по заслугамъ жестоко осмѣяна извѣстнымъ французскимъ писателемъ Paul Bourget въ его недавно появившемся новѣйшемъ произведеніи «Voyageuses»,—высшій классъ столицы Штатовъ такъ или иначе представляетъ собой цвѣтъ американской интеллигенціи, наивысшее выраженіе интеллектуальныхъ силъ американскаго народа и общественную среду, не только болѣе или менѣе блестящую лишь извнѣ, но и исполненную жизненности, подвижности, искренней сердечности, неподдѣльнаго остроумія и умѣнья пользоваться жизнью. Бѣлый Домъ (White House), традиціонная резиденція президента республики, является, конечно, центромъ и средоточіемъ, какъ официальныхъ функцій, такъ и официальныхъ развлеченій, которыя обставлены довольно сложнымъ таки этикетомъ. Этотъ послѣдній представляетъ собой задачу наиболѣе трудную, именно, для невольной наивысшей его блюстительницы и исполнительницы, какою является супруга президента. Изъ обыденныхъ житейскихъ условій она сразу, безъ всякой предварительной подготовки, попадаетъ въ положеніе «первой дамы въ

странѣ» (*first lady of the land*), въ которомъ ей одной приходится разрѣшать всѣ тѣ вопросы и выполнять всѣ тѣ обязанности, какіе въ иныхъ странахъ разрѣшаются и выполняются министрами двора, управлениями церемоніальныхъ дѣлъ и церемоніймейстерами. Положеніе—не изъ легкихъ, и сколько всяческихъ *faux pas* здѣсь возможно въ особенности на первыхъ порахъ! Не только никакихъ правилъ, когда либо въ должномъ порядкѣ утвержденныхъ, но даже какихъ либо письменно закрѣпленныхъ прецедентовъ по сему предмету не имѣется, и весь этикетъ Бѣлаго Дома и президентскихъ пріемовъ, официальныхъ, дипломатическихъ и общественныхъ, держится лишь въ словесныхъ традиціяхъ, представляя собой такимъ образомъ нѣчто въ родѣ обычнаго церемоніальнаго права, едва ли не единственнаго на земномъ шарѣ среди цивилизованныхъ націй. Вотъ его главнѣйшія положенія. Супруга президента есть единственная во всей странѣ официальная дама, которая освобождена отъ обязанности дѣлать кому бы то ни было первый визитъ, ибо, пока супругъ ея является главой исполнительной власти въ странѣ и государства, она является первою дамою въ странѣ, которой всякое выдающееся по своему общественному положенію лицо, какъ американскаго гражданства, такъ и иностраннаго подданства, являющееся въ столицу республики, должно принести дань должнаго уваженія, сдѣлавъ ей визитъ. Если жена бывшаго президента республики прибываетъ въ Вашингтонъ, она должна тотчасъ совершить визитъ въ Бѣлый Домъ. Президентша обязана возвратить всѣ вышенрописанные визиты въ теченіе трехъ дней, но въ случаѣ ея желанія оказать визитанту или визитантшѣ особое вниманіе отдаетъ визитъ на слѣдующій день. Если кто нибудь изъ членовъ какого либо царствующаго дома или какая либо особа весьма высокаго ранга прибываетъ въ Вашингтонъ, то ей также надлежитъ сдѣлать первый визитъ въ Бѣлый Домъ. Такой официальный визитъ длится обыкновенно пять минутъ, и если онъ сдѣланъ особою владѣтельнаго дома или весьма высокаго ранга, принадлежащей къ женскому полу, то президентша Соединенныхъ Штатовъ должна отдать таковой въ теченіе трехъ часовъ. Съ началомъ сезона, обыкновенно во второй половинѣ декабря, такъ называемый частный секретарь (*private secretary*) президента, одинъ изъ нѣсколькихъ должностныхъ лицъ, наиближе стоящихъ къ соблюденію этикета президентской резиденціи, по совѣщаніи со своимъ принципаломъ, издаетъ и оглашаетъ расписаніе официальныхъ обѣдовъ и пріемовъ, какіе имѣютъ быть даны въ Бѣломъ Домѣ въ теченіе предстоящаго сезона. Въ день новаго года у президента бываетъ большой пріемъ отъ 11 до 2 час. Первый государственный обѣдъ (*state dinner*) дается въ честь кабинета, а первый государственный вечерній пріемъ (*state evening reception*) въ честь дипломатическаго корпуса; второй государственный обѣдъ

дается въ честь того же корпуса, а второй приемъ въ честь конгресса и судейской корпорации; третій государственный обѣдъ дается въ честь высшаго суда Соединенныхъ Штатовъ, а третій государственный приемъ въ честь арміи и флота; четвертый вечерній приемъ дается въ честь публики. На государственные обѣды, кромѣ подлежащихъ официальныхъ лицъ, въ честь которыхъ они даются, приглашаются также въ ограниченномъ числѣ выдающіеся по своему общественному положенію или вліянію обыватели Вашингтона и иныхъ крупныхъ городовъ по выбору президента или президентши. Размѣщеніе гостей за столами производится путемъ разложенія на немъ карточекъ, на которыхъ прописаны наименованія каждой должности, для которой то или иное мѣсто предназначено, какъ-то: «вице-президентъ», «британскій посланникъ», «русскій посланникъ» и т. д. На вечерній, для публики, являющійся, какъ мы упомянули уже выше, четвертымъ официальнымъ приемомъ въ теченіе каждаго сезона, карточекъ, соотвѣтственнымъ образомъ размѣщаемыхъ, не полагается. Независимо отъ разныхъ государственныхъ приемовъ супруга президента назначаетъ обыкновенно извѣстныя субботы въ теченіе сезона, въ которыя она отъ 3 до 5 час. принимаетъ обыкновенную публику. Впрочемъ такіе приемы для нея необязательны и могутъ быть изъ программы сезона вовсе вышущены. Несмотря на то, что обѣды и приемы въ Бѣломъ Домѣ, которымъ, какъ и вообще официальной жизни президента республики Соединенныхъ Штатовъ, мы не можемъ, къ сожалѣнію, удѣлить болѣе мѣста, обставлены болѣе или менѣе строгимъ и стѣснительнымъ этикетомъ, они отличаются вообще значительнымъ оживленіемъ и въ отличіе отъ многихъ европейскихъ парадныхъ обѣдовъ и официальныхъ приемовъ носятъ въ значительной степени характеръ публичныхъ увеселеній и общественныхъ развлеченій, хотя и предназначенныхъ вообще для ограниченного круга немногихъ избранныхъ.

Если таковы официальные приемы и обѣды въ Бѣломъ Домѣ, то какого уже разудалаго веселья и какихъ шумныхъ развлеченій слѣдуетъ ожидать за его предѣлами, въ нѣдрахъ полуофициальной и частной жизни сановническихъ и чиновничьихъ круговъ столицы, составляющихъ квинтъ-эссенцію ея населенія и самый смыслъ ея существованія. И дѣйствительно жизнь этихъ круговъ, этой официальной сферы, къ которой примыкаетъ небольшой кругъ столичныхъ богачей, представляетъ собой, пока засѣдаетъ конгрессъ, одинъ сплошной карнавалъ, по закрытіи сессіи законодательныхъ палатъ страннымъ образомъ смѣняющійся полнѣйшимъ затишьемъ и мертвымъ безмолвіемъ. Балы, вечера, обѣды, рауты и пикники, перемежающіеся съ карточной игрой самыхъ наизартистѣйшихъ разновидностей, посѣщеніемъ театровъ, концертовъ и музеевъ и таинственными свиданіями *tête-à-tête* въ тиши буда-

ровъ, насыщенныхъ духами и туалетными водами, все это представляетъ собой какой-то современный пиръ Валтасаровъ, вдругъ какимъ-то чудеснѣйшимъ образомъ исчезающій съ окончаніемъ сезона. Уже изъ одного того, что выше нами сказано о такъ называемыхъ коридорщицахъ, ихъ приемахъ и пирушкахъ, ихъ будуарныхъ «совѣщаніяхъ» съ сенаторами и представителями, имъ нужными, о дамскихъ приемныхъ сената и палаты и происходящихъ въ нихъ «свиданіяхъ» и т. д., можно судить о нравахъ и образѣ жизни вашингтонскаго officialнаго міра, начиная съ министровъ и руководителей законодательныхъ палатъ и кончая послѣднимъ канцелярскимъ чиновникомъ, который со своимъ маленькимъ жалованьемъ силится также урвать свою порцію во всеобщемъ пирѣ. Въ сущности точно также пытаются прожигать жизнь въ теченіе сезона и избранныя общества всѣхъ крупныхъ городовъ страны, а въ особенности отборный общественный кругъ Нью-Йорка, эта коллекція милліонеровъ «величайшей демократіи на земномъ шарѣ», эти такъ называемые «400», но такъ какъ таковыя представляютъ собой не что иное, какъ внезапно разжирѣвшихъ и выскочившихъ на верхъ косопалыхъ мужлановъ, то ихъ жизненный пиръ и выражается лишь въ показной смѣнѣ серебряныхъ и золотыхъ сервизовъ, скучнѣйшихъ и монотоннѣйшихъ отрывочныхъ бесѣдованіяхъ, стереотипныхъ и безжизненныхъ балахъ-маскарадахъ, вся суть которыхъ заключается лишь въ бессмысленныхъ и безцѣльныхъ огромныхъ затратахъ, колоссальномъ пьянствѣ, дикихъ охотахъ, шантаньяхъ по предсказателямъ и предсказательницамъ счастья и т. п., между тѣмъ какъ интеллигентное фешенебельное общество Вашингтона умѣетъ на сравнительно меньшія средства обратить свой сезонъ въ нѣчто въ родѣ тысячи и одной ночи. Описаніе всѣхъ этихъ увеселеній, независимо отъ чрезмѣрнаго расширенія предѣловъ нашего скромнаго очерка, было бы равносильно описанію тѣхъ многочисленнѣйшихъ и многообразнѣйшихъ любовныхъ интригъ и приключеній, какія составляютъ ихъ сущность, и которыми въ сущности также нѣтъ конца, какъ и сказкамъ Шахеразады. Ограничиваемся поэтому лишь немногими замѣчаніями и примѣрами. Что многіе и даже весьма многіе члены обѣихъ палатъ конгресса, а равно многіе и весьма многіе сановники администраціи, начиная съ самыхъ наивысшихъ, вообще посвящаютъ гораздо болѣе своего времени, своей энергіи и своихъ дарованій пріятному времяпровожденію tête-à-tête съ женщинами сомнительнаго свойства, коридорщицами и наконецъ женщинами вполне порядочными изъ фешенебельнаго общества, какъ замужними, такъ и дѣвницами, своими болѣе или менѣе открытыми любовницами, а равно развеселымъ пирушкамъ, какъ на дому, такъ и въ кабинетахъ перворазрядныхъ ресторановъ, въ которыхъ также сплошь и рядомъ принимаютъ участіе и дамы высшаго круга, все

это не подлежит ни малѣйшему сомнѣнiю и даже почти не скрывается. Если между членами палаты представителей, которые вообще помоложе сенаторовъ, попадетса одинъ-другой съ обворожительною наружностью и умѣнемъ чуть-чуть приволокнуться, то обыкновенно въ числѣ его «ближайшихъ» друзей насчитываются жены и дочери лицъ, имѣющихъ постоянный и безпрепятственный входъ къ президенту республики, не говоря уже о женахъ и дочеряхъ сановниковъ, чиновниковъ и гражданъ не столько высокопоставленныхъ. Наилучшіе и наиболѣе фешенебельные кварталы столицы полны домами свиданій, содержимыми какъ бывшими коридорщицами и дамами сомнительнаго свойства, такъ равно нерѣдко и дамами фешенебельнаго круга: члены обѣихъ законодательныхъ палатъ являются ихъ главнѣйшими и преимущественными посѣтителеми и покровителями, далеко оставляя за собой въ этомъ отношеніи администраторовъ, какъ въ количественномъ смыслѣ, такъ и въ качественномъ, т. е. по размѣрамъ издерживаемыхъ въ нихъ суммъ. Этимъ-то и объясняется тотъ болѣе или менѣе общезвѣстный фактъ, что законодатели страны свободы почти никогда не берутъ съ собой въ столицу на время законодательныхъ сессій своихъ женъ или дочерей, ибо таковыя представлялись бы для нихъ въ семъ развеселомъ времяпровожденіи большою помѣхой и значительнымъ неудобствомъ. Что касается администраторовъ, то таковыя не такъ рьяно посѣщаютъ дома свиданій, разные приемы и рауты, въ особенности даваемые коридорщицами, и эти милыя пирушки въ кабинетахъ шикарныхъ ресторановъ, во-первыхъ, потому, что, имѣя въ столицѣ постоянное мѣсто своего жительства, они находятся подъ большимъ или меньшимъ контролемъ своихъ законныхъ половинъ, если только тѣ сами не заняты употребленіемъ золотого времени на срываніе цѣтвовъ удовольствія, а, во-вторыхъ, потому, что они сплошь и рядомъ въ своихъ департаментахъ и отдѣлахъ имѣютъ подъ рукой или, если угодно, подъ носомъ служащихъ прекраснаго пола, которыя ни въ чемъ не уступаютъ обольстительницамъ законодателей въ смыслѣ красоты и изящества и во всякомъ случаѣ стоятъ несравненно выше этихъ послѣднихъ въ нравственномъ отношеніи. Сколько супружескихъ злосключеній, незаконныхъ рожденій и всяческихъ происшествій, то крайне комическихъ, то въ высшей степени трагическихъ, разыгрывается подъ шумъ развеселой вашингтонской жизни, подъ ея наружною мишурою, въ ея далекихъ глубинахъ!—таковыя могли бы составить цѣлую библіотеку въ родѣ «приключеній Рокамболя», «тайнгъ» разныхъ «дворовъ» и т. п.

Отличительною чертою вашингтонскаго общества или же вашингтонскихъ сановночиновничьихъ сферъ, что одно и то же, представляется ихъ страсть къ тому роду театральныхъ представлений,

который сопряженъ съ обнаженіемъ человѣческаго тѣла. Хорошая драма и даже хорошая опера здѣсь совсѣмъ не въ ходу, ибо избалованная столичная публика жаждетъ пряностей, особо сильныхъ возбуждательныхъ зрѣлищъ, а сверхъ сего въ теченіе зимы дается здѣсь столь безчисленное множество баловъ и приемовъ, что удѣлится хотя нѣсколько вечеровъ театру чрезвычайно трудно. Посему единственнымъ почти родомъ театральныхъ представлений, который пользуется въ столицѣ Штатовъ нѣкоторымъ успѣхомъ, является такъ называемое *variété*, отъ котораго требуется побольше балетностей, побольше физическаго изящества и физической экспрессіи, побольше тѣлеснаго обнаженія, побольше сальностей, побольше пряностей, побольше двусмысленностей, побольше каскаднаго остроумія. Подобные театральные вкусы вышингтонской публики, отличающейся несомнѣнною интеллигентностью, представляются лишь нѣкоторою получившею специфическое развитіе разновидностью того натурализма, который является преобладающимъ и прочно укоренившимся, такъ сказать, литературно-общественнымъ направленіемъ столицы уже въ теченіе по крайней мѣрѣ двухъ десятилѣтій. Мало интересуясь обычными театральными представленіями, утомляясь всѣми этими непрерывными приемами, обѣдами, ужинами съ виномъ, зваными вечерами и даже интригами, избранное вышингтонское общество создало и усвоило себѣ особый родъ частныхъ или домашнихъ театральныхъ представлений совершенно натуралистическаго свойства. Не ограничиваясь соответственными передѣлками существующихъ пьесъ болѣе или менѣе натуралистическаго характера, а равно драматическими передѣлками романовъ и повѣстей натуралистической школы, вашингтонскіе авторы иногда попросту стряпаютъ пьесы изъ текущихъ событій столичной жизни, списывая свои персонажи съ живыхъ и дѣйствующихъ личностей, что единственно придаетъ ихъ произведеніямъ особый интересъ. Всѣ эти натуралистическія пьесы разыгрываются въ разныхъ великолѣпнѣйшихъ частныхъ резиденціяхъ столицы среди сѣте *de la сѣте* столичнаго общества. Особо характерною представляется одна изъ нихъ, написанная и бывшая въ большемъ ходу въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ самый разгаръ натуралистической маніи. Не менѣе характеренъ скандалъ, случайно вызванный ея представленіемъ. Пьеса эта носитъ наименованіе «Адамъ и Ева» и написана однимъ чехомъ, совершенно обамериканившимся, и благодаря продолжительному пребыванію въ столицѣ Штатовъ, отлично знакомымъ со всѣми слабостями и грѣшками тѣхъ именно избранныхъ, которые должны были явиться зрителями ея представленій. Хотя она написана, повидимому, на сюжетъ библейскій, но этотъ послѣдній служитъ въ дѣйствительности лишь канвой, на которой соткана тонкая и язвительная сатира на столичное общество того времени, при чемъ всякое очертаніе данной личности, всякій сати-

рической уколъ ея изложены въ выраженіяхъ столь двусмысленныхъ и иносказательныхъ, что ихъ сущность была понятна тому лишь, кого они непосредственно касались. Первое представленіе новосозданной пьесы было назначено на 7 января 1882 года, и сливки вашингтонскаго общества дожидались этого дня съ большимъ нетерпѣніемъ. Рѣшено было, что главные персонажи пьесы, Адамъ и Ева, согласно требованіямъ натурализма должны предстать предъ зрителями въ такомъ точно видѣ, въ какомъ они въ дѣйствительности разгуливали въ раю, но такъ какъ исполнительница роли нашей всеобщей прабабушки, молоденькая и богатая дѣвушка изъ штата Виргиніи, всего лишь мѣсяць тому назадъ прибывшая въ Вашингтонъ и бывшая въ немъ такимъ образомъ еще почти дебютанткой, избранная для исполненія сей главной роли именно вслѣдствіе ея блестящей красоты, положительно отказывалась исполнять свою роль въ такомъ видѣ, то былъ допущенъ компромиссъ. Ожидаемый вечеръ наконецъ наступилъ, и балъный залъ одной изъ шикарнѣйшихъ резиденцій столицы, въ глубинѣ котораго красовалась изящная сцена, наполнился наитборнѣйшей публикой, среди которой почти каждый ожидалъ услышать нѣсколько игривыхъ, двусмысленныхъ и иносказательныхъ фразъ на собственный счетъ. Первые ряды кресель заняты сенаторами, министрами и иными наиболѣе высокопоставленными сановниками, а равно ихъ женами, дочерьми и.. любовницами. Вотъ показывается новопривывшая изъ Виргиніи восхитительная и ослѣпительная молоденькая брюнетка, исполняющая роль праматери. Узенькій корсетикъ изъ чернаго бархата, простирающійся отъ нижняго основанія груди до нижняго основанія паха, обрамленный внизу прозрачною шелковою каймой того же цвѣта, составляетъ все ея одѣяніе. Оно великолѣпно отѣняетъ бѣлизну ея тѣла и подчеркиваетъ роскошь ея формъ. Сановники одобрительно ослабляются, въ прелестныхъ глазкахъ ихъ дамъ пробѣгаетъ огонекъ ревности, но никто не наводитъ биноклей и лорнетовъ, ибо зрѣлище происходитъ тутъ же, подъ носомъ. Роль праотца Адама разыгрываетъ молодой человекъ, также изъ числа *сeigne de la seigne* столичнаго общества и также весьма представительной статуры и наружности. Тигровая шкура, переброшенная за спину и завязанная на лѣвомъ плечѣ, составляетъ также все его одѣяніе. Остальные персонажи не отличаются такою натуральностью, а потому и не привлекаютъ большого вниманія. Представленіе идетъ великолѣпно, и публика чрезвычайно довольна. Во второмъ дѣйствіи Ева, держа въ правой рукѣ восхитительное розовое яблоко, только что полученное ею отъ змія, предлагаетъ Адаму его попробовать. Простота и соблазнительная грація, съ какою виргинская красавица, изображающая праматерь, дѣлаетъ такое предложеніе вашингтонскому Аполлону, разыгрывающему праотца, вызываютъ всеобщій ропотъ одобренія. Съ распростертыми руками

приближается изъ глубины сцены Адамъ, дабы получить отъ соблазнительницы обворожительный плодъ, какъ вдругъ происходитъ нѣчто совершенно неожиданное, чрезвычайное... Онъ какъ-то наступаетъ на тигровую лапу, болтающуюся у его правой ноги, завязка на лѣвомъ плечѣ лопається, тигровая шкура ниспадаетъ къ ногамъ его, и онъ внезапно предстаєтъ предъ зрителями въ такомъ именно видѣ, въ какомъ праотець Адамъ вышелъ изъ рукъ Создателя. Ева, вся вспыхнувъ, стремительно убѣгаетъ со сцены, между тѣмъ какъ Адамъ бѣшеннымъ прыжкомъ пробиваетъ бумажныя кулисы, несется мимо группы изумленныхъ дѣвушекъ, наполняющихъ кулисные проходы, и въ изнеможеніи влетаетъ въ мужскую уборную, а занавѣсъ опускается. Можно себѣ представить изумленіе публики, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ея разочарованіе, ибо представленіе прекратилось столь чрезвычайнымъ и неожиданнымъ образомъ на столь интересномъ мѣстѣ.

Но есть еще одно развлеченіе, которое еще болѣе привлекаетъ вашингтонское избранное общество, нежели домашнія театральныя представленія и ужины съ виномъ, послѣ которыхъ законодатели и администраторы, не преминувъ, конечно, утромъ опохмелиться, нерѣдко являются съ отяжелѣвшею головою и въ крайне раздражительномъ состояніи въ Капитолій и подлежащіе департаменты. Развлеченіе это, какъ по всей вѣроятности многіе изъ читателей догадываются,—картежная игра. Особо азартная разновидность таковой, носящая наименованіе рокег, приводитъ высшіе круги столицы республики Соединенныхъ Штатовъ къ потерѣ сна, денегъ и разума. Здѣсь эта азартная игра возведена на степень тонкаго искусства, и наиболѣе рьяными и преданными ея адептами являются тѣ именно, кому «много дано», но съ кого, вопреки евангельскому положенію, въ сей странѣ своеобразной свободы никогда почти ничего не «взыщется». Но не одни только сенаторы, представители, администраторы разныхъ ранговъ и состоятельные частные обыватели столицы (каковыхъ, замѣтимъ мимоходомъ, весьма немного) предаются превратностямъ и прелестямъ сей азартной игры. Три года тому назадъ одна дама фешенебельнаго круга завела въ своемъ домѣ игру въ рокег для офицеровъ арміи и флота, и таковая происходила тамъ положительно каждую ночь въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пока одинъ довольно состоятельный молодой человекъ на таковой не разорился окончательно. Разоренный юноша оказался, однако, членомъ извѣстнаго «столичнаго клуба» (Metropolitan Club), который нашелъ, что здѣсь что-то дѣло нечисто, и, произведя разслѣдованіе, не только заставилъ фешенебельную даму, въ домѣ которой велся сей темный картежъ, возвратитъ потерпѣвшему его проигранное состояніе, но также и въ двадцать четыре часа выѣхать изъ столицы. Исторія эта, въ свое время надѣлавшая немало шума, нынѣ, конечно, совершенно за-

быта, но вышеупомянутая дама фешенебельнаго круга до сихъ поръ еще не рѣшилась снова поселиться въ Вашингтонѣ. До прошлой зимы офицерскія семейства, проживающія въ зданіяхъ арсенала, въ одной изъ квартиръ своихъ вели постоянную игру въ рокеръ, къ которой являлось множество лицъ съ разныхъ сторонъ города, такъ что въ столичномъ арсеналѣ образовался постоянный клубъ для веденія сей азартной игры. Однако существованіе такового вскорѣ дошло до ушей коменданта, и онъ издалъ особый приказъ, которымъ не только воспрещалась игра въ рокеръ въ офицерскихъ квартирахъ на неопредѣленный срокъ, но также и всякіе вообще посѣтители обязывались покидать арсенальное подворье ранѣе 4-хъ часовъ по полуночи (обычное время разѣзда игроковъ по домамъ). Прошлый сезонъ одна изъ поклонницъ игры въ рокеръ, жена морского офицера, разослала весьма многочисленному кругу лицъ приглашенія прибыть на партію рокер'а и закуску въ извѣстный день отъ 11 часовъ утра до 5 часовъ по полудни, при чемъ не упустила послать приглашенія даже такъ называемымъ «дебютанткамъ» сезона. Количество прибывшихъ было настолько многочисленно, что устроительница сей игры съ закуской не только вернула всѣ свои расходы, но и сверхъ сего получила 49% чистой прибыли, между тѣмъ какъ многіе изъ ея гостей отбыли домой съ туго набитыми бумажниками. Не довольствуясь игрой въ рокеръ въ своихъ роскошныхъ резиденціяхъ или въ кабинетахъ перво-разрядныхъ рестораноу, а также немножко побаиваясь, быть можетъ, не такъ давно изданнаго закона, воспрещающаго игру въ рокеръ въ Вашингтонѣ, фешенебельныя дамы столицы болѣе или менѣе значительными партіями отправляются въ разные подгородныя мѣста, расположенныя въ предѣлахъ штатовъ Maryland и Virginia и тамъ предаются въ волю любимой игрѣ. Что можетъ побуждать сихъ звѣздъ столичнаго общества, избалованныхъ и изнѣженныхъ до послѣдней степени, вмѣсто игры втихомолку въ своемъ избранномъ кругу въ своихъ роскошныхъ помѣщеніяхъ, проводить цѣлыя часы въ довольно жалкихъ и грязныхъ сравнительно подгородныхъ саіе, постигнуть чрезвычайно трудно. Не удивительно, что по поводу сихъ загородныхъ поѣздокъ вашингтонскихъ прелестницъ ходятъ безконечныя и весьма пикантныя сплетни. Само собою разумѣется, что для многихъ систематическая игра въ рокеръ приноситъ разореніе и трагическую кончину. Здѣсь, въ столицѣ республики Соединенныхъ Штатовъ, почти у подножія величественнаго Капитолія, исполненнаго столь величавыхъ воспоминаній, несмотря на существующее законодательное воспрещеніе, процвѣтаетъ второе Монако со всѣми его безумствами и самоубійствами. Разница между первообразнымъ Монако Стараго Свѣта и новообразовавшимся Монако Новаго Свѣта заключается лишь въ томъ, что въ первомъ проигрываются обыкновенно наслѣдія отцовъ, приданыя женѣ и

Личныя благопріобрѣтенія, между тѣмъ какъ во второмъ попреимуществу спускаются и погибаютъ суммы казенныя и общественныя. Изъ позднѣйшихъ самоубійствъ, явившихся послѣдствіемъ игры въ рокег, наиболѣе достопримѣчательнымъ является самоубійство нѣкоего John Shepard, происшедшее годъ тому назадъ. John Shepard, послѣ довольно бурной и блестящей служебной карьеры, состоялъ юрисконсультomъ одной изъ желѣзныхъ дорогъ и постоянно проживалъ въ Вашингтонѣ. Если, несмотря на существующее законодательное воспрещеніе, рокег процвѣтаетъ въ столицѣ, и одинъ изъ самыхъ фешенебельныхъ ея кварталовъ въ сѣверо-западной ея части (улица Н между Семнадцатой и Восемнадцатой улицами) вслѣдствіе знаменитыхъ покерныхъ боевъ, на всемъ его протяженіи еженощно происходящихъ, получилъ прозвище «Перепутья», то можно ли удивляться, что и John Shepard, постоянно вращавшійся въ самыхъ избранныхъ общественныхъ кругахъ, точно также втянулся въ игру въ рокег. Но ему не везло, по крайней мѣрѣ, онъ долженъ былъ думать, что ему не везетъ: онъ постоянно проигрывалъ. Однажды въ его растерзанную постоянно неудачей душу закралось подозрѣніе, что тутъ что-то дѣло неладно, и онъ привелъ съ собою пріятели, который также принялъ участіе въ игрѣ. Когда Shepard ушелъ, его пріятели остались и, воспользовавшись подходящимъ случаемъ, унесъ съ собою домой одну изъ разыгранныхъ колодъ. Карты оказались краплеными, и Shepard убѣдился, что онъ былъ столь продолжительное время жертвой мошенничества. Черезъ нѣсколько дней онъ долженъ былъ внести въ судъ 14.000 долларовъ, которые находились у него на рукахъ, какъ у присяжнаго повѣреннаго, тѣмъ же судомъ назначеннаго кураторомъ одной лопнувшей торговой фирмы, но вся эта сумма, равно какъ и другіе 6.500 долларовъ, у него находившіеся по дѣлу, ему довѣренному, были поглощены бездной рокег'а. Наканунѣ дня, назначеннаго судомъ для распредѣленія вышеозначенныхъ 14.000 между кредиторами лопнувшей фирмы, John Shepard пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Въ ближайшемъ воскресномъ номерѣ одной изъ наиболѣе распространенныхъ столичныхъ газетъ появилась подробная исторія его самоубійства въ формѣ повѣсти, въ которой вымышленныя имена мѣстъ и лицъ были настолько прозрачны, что всякій могъ сразу ихъ опознать. Хозяйка дома, въ которомъ происходила игра, дама высшаго круга, никогда не подозрѣвавшая возможности подобнаго злоупотребленія ея гостепрѣимствомъ, какъ употребленіе кѣмъ-то изъ играющихъ крапленыхъ картъ, прочитавъ сію скорбную повѣсть, безъ чувствъ повалилась на полъ и чрезъ нѣсколько минутъ скончалась отъ разрыва сердца. Исторія эта—лишь одна изъ множества подобныхъ, разыгрывающихся въ новомъ Монако сплошь и рядомъ.

«истор. вѣстн.», августъ, 1900 г., т. LXXXI.

20

Какъ можно было видѣть изъ предшествующихъ страницъ, образъ жизни, усвоенный вашингтонскою администраціей, начиная съ министровъ и кончая послѣднимъ канцелярскимъ служителемъ, требуетъ денегъ, денегъ и снова денегъ, а когда ихъ не хватаетъ (что составляетъ обыкновенное положеніе вещей), то надобно гдѣ бы то ни было и какъ бы то ни было ихъ раздобыть. Растраты казенныхъ и общественныхъ суммъ, по должности ввѣренныхъ савонникамъ и чиновникамъ всѣхъ ранговъ, обнаруживаются въ столицѣ республики Соединенныхъ Штатовъ почти ежедневно. Если таковыя не сопряжены съ болѣе или менѣе наглыми подлогами чековъ, бумагъ и книгъ, то онѣ даже не привлекаютъ ничего вниманія: все это такъ повседневно и такъ всею пріѣлось. Но денежными растратами, съ подлогами и безъ подлоговъ, дѣло далеко не ограничивается. Не такъ давно обнаружилось колоссальное расхищеніе наиважнѣйшихъ рукописей и документовъ, имѣющихъ немалое государственное значеніе, изъ знаменитой библіотеки конгресса, которая является не только библіотекой въ собственномъ смыслѣ слова, но также и собраніемъ государственныхъ документовъ, государственнымъ архивомъ. Даже извѣстный дневникъ генерала Джорджа Вашингтона, бывшаго основателемъ и первымъ президентомъ республики, документъ первостепеннаго и наивысшаго государственнаго значенія, былъ проданъ одной фирмѣ въ Нью-Йоркѣ, благодаря чему все это расхищеніе и обнаружилось. Не такъ давно точно также обнаружилось въ главномъ управленіи почтового вѣдомства колоссальное расхищеніе почтовыхъ марокъ, которыя всѣ оказались у ньюйоркскихъ продавцевъ коллекцій марокъ. Одинъ изъ чиновъ означеннаго управленія нѣкій, George Colman, былъ даже скандально арестованъ по телеграммѣ изъ Вашингтона въ самый полдень въ люднѣйшей и оживленнѣйшей части главной улицы Нью-Йорка, Broadway, съ портфелями, набитыми кипами разныхъ марокъ, которыя онъ привезъ сюда для продажи. Въ послѣдніе годы производятся работы по расчисткѣ и выправленію русла верховьевъ рѣки Mississippi, которыми завѣдуетъ особое инженерное управленіе Соединенныхъ Штатовъ, расположенное въ городѣ St. Paul штата Minnesota. Текущею весной обнаружилось вдругъ, что въ теченіе 1896 и 1897 годовъ разные мѣстные банки оплатили разные временные чеки кредитовъ на работы, никогда не производившіяся. Общая сумма произведенныхъ по этимъ временнымъ чекамъ выдачъ превышаетъ 300.000 долларовъ, но главное инженерное управленіе въ Вашингтонѣ отказывается оплатить ихъ, такъ какъ работы, на производство которыхъ означенныя въ нихъ суммы выданы банками, никогда не назначались къ производству. Такимъ образомъ, здѣсь имѣетъ мѣсто рядъ должностныхъ подлоговъ съ цѣлью обманнаго выманиванія денегъ у частныхъ лицъ и учреждений. Чѣмъ закончится вся эта исторія,

предсказать невозможно. Повѣствованіе о всѣхъ сихъ и тому подобныхъ продѣлкахъ чиновъ вашингтонской администраціи, обладающей компетенціей федеральной, въ особенности когда они, подобно правительственнымъ инженерамъ санъ-паульскаго особаго управленія, заберутся въ глухую провинцію, было бы малозанимательно для нашихъ читателей, и потому мы ограничимся здѣсь еще лишь однимъ характернымъ, совершенно свѣженькимъ примѣромъ. Когда во время войны съ Испаніей флотомъ генерала Sampson были схвачены въ качествѣ военной добычи испанскіе пароходы *Catilina*, *Algonquin*, *Pedro* и *Miguel Iovar*, то къ описи, какъ самихъ пароходовъ, такъ и находящагося на нихъ имущества, являлся судебный приставъ федеральнаго судебного округа южной Флориды съ цѣлымъ отрядомъ помощниковъ и секретарей. При производствѣ этихъ описей сіи исполнительныя должностныя лица судебного вѣдомства Соединенныхъ Штатовъ не только прятали по карманамъ и всякими иными способами воровали, что только попадалось подъ руку, но и сверхъ сего обращались съ капитанами и иными должностными лицами схваченныхъ испанскихъ пароходовъ самымъ наглýmъ, варварскимъ и оскорбительнымъ образомъ. Эти дикія картины до такой степени возмутилъ морского кадета *Needham Lec Jones*, который, проходя курсъ морской академіи, отбываетъ свой кругъ практическихъ занятій на южномъ побережьи Флориды, что онъ обо всемъ имъ видѣнномъ подаль подробный рапортъ адмиралу *Sampson*. Конечно, судья федеральнаго судебного округа южной Флориды, а равно и окружной стряпчій (*attorney*) сего же округа (нѣчто въ родѣ нашего прокурора окружнаго суда) постарались замаять разоблаченія чистосердечнаго юноши, еще не сошедшаго со студенческой скамьи, и департаментъ министерства юстиціи въ Вашингтонѣ, получивъ рапортъ означеннаго стряпчяго, завѣдомо недобросовѣстно призналъ таковыя «совершенно неосновательными».

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

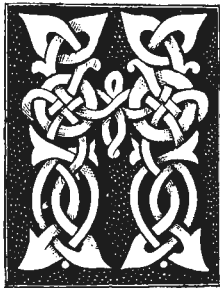
Е. Правдинъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Полное собраніе сочиненій В. Г. Вѣлинскаго, въ 12-ти томахъ,
подъ редакціей и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Т. I. Спб.
1900.

АКОНЕЦЬ-ТО Вѣлинскій является передъ русскою публикой въ настоящемъ освѣщеніи и во всеоружіи своихъ литературныхъ произведеній, благодаря заботамъ и трудамъ С. А. Венгерова! Такое обильное собраніе материала для безпристрастной и полной оцѣнки Вѣлинскаго, какое даетъ начало новаго, полного собранія его сочиненій, стало возможнымъ лишь теперь, пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ послѣ смерти знаменитаго русскаго критика.

Современники Вѣлинскаго, его друзья и недруги, находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ его даровитой природы—положительнымъ или отрицательнымъ, а потому, весьма естественно, не отъ нихъ можно было ожидать безпристрастной оцѣнки Вѣлинскаго. Будучи самъ преимущественно человекомъ сердца, какъ его справедливо опредѣлилъ г. Венгеровъ, Вѣлинскій и привлекалъ къ себѣ людей своего времени и отталкивалъ ихъ отъ себя, главнымъ образомъ, въ области этого непосредственнаго воспріятія, въ области чувства, сердца; а потому преувеличенія являлись весьма естественно и со стороны его друзей, и со стороны враговъ: искренняя любовь со стороны первыхъ и незаслуженная злоба со стороны другихъ. Люди послѣдующихъ за Вѣлинскимъ поколѣній, люди пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, воспитавшіеся на

его эстетических литературных взглядахъ, еще болѣе, чѣмъ его современники, не могли относиться къ нему объективно. Въ теченіе одиннадцати лѣтъ, съ самой смерти Вѣлинскаго до выхода въ свѣтъ въ Москвѣ перваго изданія его сочиненій (Солдатенкова и Щенкина), съ 1848 по 1859 годъ,— личность критика «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника» сороковых годовъ и всѣ его писанія были подъ строгимъ запретомъ наравнѣ съ сочиненіями Герцена и московскихъ славянофиловъ. Все это были сочиненія «апокрифическія», «ихъ же не подобаетъ чести», внесенныя въ строгій, цензурный индексъ исхода сороковых годовъ. Имени Вѣлинскаго нельзя было произнести громко. Статьи его, болшею частью, не подписанныя, вырывались изъ «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника» и читались почти тайкомъ, передаваясь по секрету. Но подробности составленія отдѣловъ критики и библиографіи въ этихъ журналахъ большинству, особенно въ провинціи, были неизвѣстны; а потому зачастую Вѣлинскому приписывались статьи, и не принадлежавшія ему въ дѣйствительности. Такъ, напр., статьи Вал. Ник. Майкова о Кольцовѣ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1847 года принимались многими за статьи Вѣлинскаго. Благодаря именно строгому запрету, какъ это всегда бываетъ, популярность Вѣлинскаго въ русскомъ обществѣ росла съ каждымъ годомъ, и идеи, выраженные имъ, безъ анализа и критики распространились быстро, приобрятая съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе вліянія. Въ отгѣченныя выше одиннадцать лѣтъ Вѣлинскій являлся совершеннѣйшимъ оракуломъ по вопросамъ искусства и литературы не только для молодежи, но и для учителей среднихъ учебныхъ заведеній и даже нѣкоторыхъ профессоровъ русской словесности. Молодежь заучивала его статьи чуть не наизусть, а средніе и высшіе педагоги черпали изъ него дословно болѣе, чѣмъ это принято и позволено въ литературномъ дѣлѣ, — и въ урокахъ, и на лекціяхъ, и въ составляемыхъ ими учебникахъ и торжественныхъ актовыхъ рѣчахъ. Такимъ образомъ серьезная объективная критика возрѣній Вѣлинскаго была невозможна; возможно только одно преклоненіе передъ нимъ. Это преклоненіе еще болѣе усилилось съ появленіемъ перваго собранія сочиненій Вѣлинскаго въ 1859 году. Живю помню это время—эпоху «воскресенія» идей сороковых годовъ. Хорошее было время! Время зари нашего прогресса, время лучшихъ чаяній и восторженныхъ надеждъ... Вѣлинскій вышелъ изъ-подъ спуда, и увлеченіе его возрѣніями въ массѣ молодежи и тогдашнихъ либераловъ дошло прямо до мистическаго почитанія. Опять не было мѣста для критики ¹⁾. Она началась лишь съ семидесятыхъ годовъ, главнымъ образомъ съ появленія въ «Вѣстникѣ Европы» статей о Вѣлинскомъ А. Н. Пышина. Наступилъ наконецъ 1898 годъ, въ который истекло пятьдесятъ лѣтъ со дня кончины Вѣлинскаго, и прекращалось право собственности его наследниковъ на его сочиненія. Пошли чтванія Вѣлинскаго, стали выходить сборники его сочиненій. Но много ли

¹⁾ «Очерки Гоголевскаго періода», Н. Г. Чернышевскаго, помѣщавшіяся въ «Современникѣ» 1855—1856 годовъ, впервые подробно разсматриваютъ значеніе Вѣлинскаго въ общемъ развитіи русской критической мысли; но въ отзывѣхъ Чернышевскаго нѣтъ объективнаго отношенія къ Вѣлинскому.

юбилейныхъ рѣчей и брошюръ о Бѣлинскомъ, изданныхъ къ его юбилею, были достойны памяти знаменитаго русскаго критика? — Немного, и вотъ, по нашему мнѣнiю, по какой причинѣ. Люди конца XIX вѣка, люди девяностыхъ годовъ, не имѣютъ уже традиционныхъ, живыхъ связей не только съ людьми сороковыхъ, но и съ людьми пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ. Они не могутъ увлекаться Бѣлинскимъ, ни порицать его изъ-за непосредственныхъ къ нему отношенiй, и для многихъ изъ нихъ, заурядныхъ литераторовъ, а не людей серьезной науки, пониманiе Бѣлинскаго было не по силамъ, потому что требовало уже изученiя его. Вотъ почему русскiй критикъ сороковыхъ годовъ явился подъ перомъ нѣкоторыхъ изъ его юбилейныхъ биографовъ сухою схемой не столько выраженныхъ имъ идей, сколько ихъ собственныхъ воззрѣнiй, вотъ почему Бѣлинскому было приписано множество взглядовъ и намѣренiй, которымъ въ дѣйствительности онъ былъ чуждъ. Главное достоинство, которое замѣчалось въ немъ, состояло въ его отрицательномъ и протестующемъ направленiи. Нѣкоторые изъ юбилейныхъ панегиристовъ Бѣлинскаго договорились до того, что всю философию Гегеля сопричислили къ лагерю протестующихъ, и подъ ихъ перомъ нѣмецкiй мыслитель примиренiя съ дѣйствительностью сталъ апостоломъ «противодѣйствiя».

Въ такомъ видѣ находился, по нашему мнѣнiю, вопросъ о Бѣлинскомъ до появленiя I-го тома его сочиненiй подъ редакцiей С. А. Венгерова.

Г. Венгеровъ большой знатокъ новой русской литературы и ученый библиографъ. Эти достоинства онъ доказалъ своимъ «Словаремъ», который, къ сожалѣнiю, слишкомъ широко задуманный, приостановился на буквѣ В, и прекраснымъ изданiемъ «Русской поэзiи» и «Русскихъ книгъ». Но въ разбираемомъ трудѣ г. Венгеровъ, если можно такъ выразиться, превзошелъ самого себя. Только академическiя изданiя русскихъ авторовъ и два-три изданiя частныя могутъ стать рядомъ съ «Сочиненiями Бѣлинскаго» подъ редакцiей С. А. Венгерова. Изъ академическихъ изданiй русскихъ авторовъ мы имѣемъ два — не только не dokonченныя, но едва начатыя: это — Ломоносова и Пушкина; оконченныя — также два: сочиненiя Державина и Батюшкова. Имѣются еще образцовыя изданiя старыхъ русскихъ писателей подъ редакцiей П. А. Ефремова и прекрасное изданiе Шляпкина сочиненiй Грибоѣдова; но изъ писателей, изданныхъ Ефремовымъ, публика знаетъ только князя Кантемира и Фонвизина; а остальные? — Кто, на примѣръ, изъ публики знаетъ В. П. Майкова, автора «Елисей», Лукина и Ельчанинова? Бѣлинскаго же знаетъ въ наше время каждый не только дѣйствительно образованный русскiй человекъ, но даже претендующiй на образованность. Бѣлинскiй имѣетъ гораздо болѣе отношенiй къ современности, чѣмъ Пушкинъ, не говоря уже о Ломоносовѣ, Державинѣ и Батюшковѣ, которые для насъ имѣютъ уже только историческое значенiе. Бѣлинскiй же — наоборотъ. Онъ является провозвѣстникомъ и пропагандистомъ того круга идей, который легъ въ основу прогрессивнаго движенiя русской мысли во вторую половину XIX в.

По мiросозерцанiю своему Бѣлинскiй является талантливымъ выразителемъ западныхъ воззрѣнiй сороковыхъ годовъ, на которыхъ воспитались поколѣнiя русскихъ людей пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ. Кроме того,

его сочиненія были долгое время негласнымъ, но обильнымъ и плодотворнымъ источникомъ свѣдѣній по исторіи русской литературы, на что было уже указано выше. Выразившіяся Бѣлинскимъ воззрѣнія въ этой научной области начали блѣднѣть лишь въ шестидесятыхъ годахъ, подъ влияніемъ строго-научныхъ — филологическихъ и историческихъ разысканій и изученій; но методъ литературной критики и разбора литературныхъ произведеній Бѣлинскаго надолго еще долженъ остаться образцовымъ. Самыя воззрѣнія Бѣлинскаго, бывшія въ большинствѣ случаевъ отраженіемъ разныхъ философско-литературныхъ теченій, имъ пережитыхъ, благодаря ему, въ настоящее время, частію стали общезвѣстными, ходячими мѣнѣями, частію утратили право на достовѣрность; но изъ-за нихъ всюду возстаетъ мощный, нравственный характеръ Бѣлинскаго, его сердечность и честность, его страданія и радости, съ которыми онъ усвоилъ и переживалъ идеи, его душевный жаръ, съ которымъ онъ ихъ пропагандировалъ. Всѣ эти качества нравственной природы Бѣлинскаго надолго останутся идеальными desiderata, достойнѣйшими, но весьма нелегкими для подражанія еще длинному ряду русскихъ поколѣній. Ими Бѣлинскій дѣйствительно завоевалъ себѣ почетное положеніе учителя, который особенно необходимъ въ наши печальные дни, когда все болѣе и болѣе утрачиваются серьезныя нравственныя основы, сильная воля и идеальныя стремленія.

Заслуга С. А. Венгерова передъ русскимъ обществомъ заключается именно въ томъ, что онъ попытъ и началъ комментировать значеніе Бѣлинскаго не съ точки зрѣнія правильности или неправильности его воззрѣній, а съ точки зрѣнія отношенія къ этимъ воззрѣніямъ самого Бѣлинскаго, и задался мыслію дать объективную оцѣнку душевнымъ его свойствамъ и литературнымъ приѣмамъ. Обращаемъ вниманіе читателей на блестящую характеристику личности Бѣлинскаго, представленную г. Венгеровымъ (предисловіе къ I т. «Сочиненій», стр. XI—XIII). Размѣры библиографическаго отзыва, къ сожалѣнію, лишаютъ насъ удовольствія выписать ее цѣликомъ.

I-й томъ «Сочиненій Бѣлинскаго» подъ редакціей С. А. Венгерова заключаетъ въ себѣ все, что выходило изъ-подъ пера Бѣлинскаго съ отроческаго его возраста до той статьи, которая, появившись въ печати, сдѣлала его имя впервые извѣстнымъ въ русской литературѣ. Эта статья «Литературныя мечтанія, элегія въ прозѣ», напечатанная въ 1834 г. въ «Молвѣ», приложенія къ Надеждинскому журналу «Телескопъ». Первый томъ прежняго Солдатенковскаго изданія сочиненій Бѣлинскаго открывался этой статьей, первый томъ Венгеровскаго изданія ею заключается. До нея въ немъ помѣщены: 1) указанія на раннія произведенія Бѣлинскаго, начиная съ 10-лѣтняго возраста; 2) стихотворенія, выписанныя изъ журналовъ студентомъ Бѣлинскимъ; 3) юношеская драма его «Дмитрій Калининъ», впервые напечатанная здѣсь въ цѣломъ ея видѣ; 4) первые печатные опыты Бѣлинскаго 1831 года въ стихахъ и прозѣ въ мало распространенной газетѣ «Листокъ»; 5) указанія на переводы Бѣлинскаго съ французскаго, которые онъ дѣлалъ изъ нужды, не имѣя средствъ для существованія послѣ исключенія изъ Московскаго университета, и продавалъ ихъ московскимъ книгопродавцамъ; 6) почти полная перепечатка всѣхъ его

переводовъ съ французскаго, помѣщенныхъ въ «Телескопъ» и «Молвъ» въ 1833 — 1834 г.г. (стр. 155 — 307). Всѣ эти первоначальные литературные опыты Бѣлинскаго снабжены подробными и обстоятельными историко-критическими примѣчаниями редактора, уясняющими исторію духовнаго развитія Бѣлинскаго до начала его извѣстности, приобрѣтенной «Литературными мечтаніями». Къ этой послѣдней статьѣ приложены также обширныя примѣчанія С. А. Венгерова, представляющія собою цѣлый рядъ замѣтокъ, а нерѣдко и изслѣдованій по различнымъ вопросамъ исторіи русской литературы тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. Насколько обширны и обильны эти примѣчанія, видно, между прочимъ, изъ того, что къ тексту «Литературныхъ мечтаній» въ 89 печатныхъ страницъ помѣщено 212 примѣчаній, занимающихъ 54 печатныхъ страницы, и на кругъ приходится почти по одному примѣчанію на каждыя полторы страницы текста.

Первое примѣчаніе самое обширное. Оно состоитъ изъ этюда по вопросу: имѣлъ ли вліяніе Н. П. Надеждинъ на Бѣлинскаго въ пору сотрудничества его въ «Телескопъ» и «Молвъ»? Подробно разбирая этотъ вопросъ, г. Венгеровъ приходитъ къ отрицательному выводу. Онъ доказываетъ, что утвержденіе о безусловномъ вліяніи идей Надеждина на Бѣлинскаго за указанное время, утвержденіе, впервые высказанное Чернышевскимъ и доселѣ весьма распространенное, не подтверждается при сопоставленіи воззрѣній Бѣлинскаго и Надеждина, и при ихъ критическомъ анализѣ для большой аргументаціи этого положенія г. Венгеровъ даетъ характеристику Надеждина и, кромѣ того, въ особомъ приложеніи перепечатываетъ шесть его статей (1828—1832 г.г.) изъ «Вѣстника Европы» и «Телескопа» (стр. 453 — 542). Нельзя не согласиться съ основными положеніями г. Венгерова въ этомъ этюдѣ. Дѣйствительно, душевный строй Надеждина былъ діаметрально противоположенъ по своей организаціи душевному строю Бѣлинскаго. «Смирненоклаветіе», компромиссы и разныя соображенія практическаго свойства — качества, столь обильныя у Надеждина и отражавшіяся въ его писаніяхъ, были совершенно чужды Бѣлинскому, этому «рыцарю безъ страха и упрека» правдивости и честности. Вліять нравственно не могъ такой человѣкъ на Бѣлинскаго; но вліянія на него общія, главнымъ образомъ философскихъ и литературныхъ, воззрѣній Надеждина отрицать нельзя. Намъ кажется, что г. Венгеровъ уже слишкомъ несправедливъ къ редактору «Телескопа» и «Молвы». Правда, умъ Надеждина былъ сухой и холодный, развитіе этого ума и выраженіе его — слогъ, были типически-семинарскія, формально-схоластическія и напыщенно-риторическія, лишеныя душевнаго пыла и страстности, — свойствъ, которыми, наоборотъ, были такъ щедро надѣлены умъ и рѣчь Бѣлинскаго; но нельзя отрицать въ Надеждинѣ громаднаго запаса знаній, въ особенности по части философіи и западно-европейскихъ литературъ, чѣмъ Бѣлинскій не обладалъ никогда — не только во время сотрудничества въ «Телескопъ» и «Молвъ», но и въ послѣдующія эпохи своей литературной дѣятельности. Этими-то знаніями вліялъ Надеждинъ на Бѣлинскаго. Г. Венгеровъ категорически заявляетъ, что «если выдѣлять изъ «Литературныхъ мечтаній» «лучшее» и «худшее», то въ послѣднемъ дѣйствительно вліяніе Надеждина оказалось довольно замѣтно (стр. 397). На нашъ

взглядъ, такой приговоръ составляетъ крайность. Безспорно, однако, что одновременно съ Надеждинымъ вліялъ на Бѣлинскаго, и вліялъ, разумѣется, шире и благотворнѣе, кружокъ Станкевича, а въ особенности обаятельная личность главы этого кружка, Н. В. Станкевича; характеристикѣ этого вліянія на Бѣлинскаго посвящено также немало въ «примѣчаніяхъ» г. Венгерова (см. примѣчаніе 25, стр. 417—421).

Къ разсматриваемой книгѣ приложены: 1) снимокъ съ бюста Бѣлинскаго, работы Ге; 2) факсимиле съ 4-хъ страницъ тетрадки Бѣлинскаго со списанными имъ стихотвореніями; 3—4) портреты Надеждина и Станкевича.

Все изданіе рассчитано на двѣнадцать томовъ, изъ которыхъ десять будутъ заключать въ себѣ собственно сочиненія Бѣлинскаго; XI-й томъ составитъ изъ собранія писемъ его, а XII-й — предназначается «литературѣ о Бѣлинскомъ» и указателямъ. Предполагается воспроизвести полностью или въ существенныхъ извлеченіяхъ всѣ статьи, представляющія біографическій или литературный интересъ, за исключеніемъ, конечно, цѣлыхъ сочиненій.

Пожелаемъ отъ души почтенному С. А. Венгеру довести съ успѣхомъ до конца столь прекрасно начатое имъ серьезное предпріятіе. Предпріятое имъ изданіе «Сочиненій Бѣлинскаго», безъ сомнѣнія, явится однимъ изъ самыхъ достойныхъ и долговѣчныхъ памятниковъ людямъ русской мысли вообще и незабвеннымъ ея дѣятелямъ «сороковыхъ годовъ», столь много сдѣлавшимъ для духовнаго просвѣтленія нашего отечества въ частности.

Д. Корсаковъ.

Фердинандъ Грегоровіусъ. Исторія города Аѣннъ въ средніе вѣка. Отъ эпохи Юстиніана до турецкаго завоеванія. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1900.

Имя нѣмецкаго ученаго Фердинанда Грегоровіуса достаточно извѣстно въ средѣ занимающихся исторіей, въ частности византійскою, какъ одно изъ авторитетныхъ въ области научно-историческаго знанія. Поэтому нельзя не привѣтствовать появленія въ свѣтъ въ русскомъ переводѣ одного изъ капитальнѣйшихъ его трудовъ, въ коемъ излагается исторія города Аѣннъ отъ эпохи византійскаго императора Юстиніана (VI вѣка) до турецкаго завоеванія (XV вѣка).

Указанный трудъ Грегоровіуса состоитъ изъ тридцати двухъ главъ, въ коихъ весьма подробно и обстоятельно излагается политическая и культурная жизнь знаменитаго города Аѣннъ въ теченіе почти десяти столѣтій. Въ частности, въ главѣ первой (стр. 1—21) сообщается о положеніи и значеніи города Аѣннъ въ классическую эпоху, а также въ первые вѣка христіанства, до вторженія въ городъ готскаго короля Алариха (396 г.), при чемъ главнымъ образомъ отмѣчается идейное значеніе Аѣннъ въ исторіи человечества, проявившееся въ созданіи логической науки съ ея законами мышленія, во всестороннемъ познаніи міра, въ творческой дѣятельности въ области науки, языка, литературы, искусства, въ ученіи о нравственности, способствовавшемъ

облагороженію людей, и другихъ безсмертныхъ дѣянійхъ нравственнаго порядка.

Во второй главѣ (стр. 22—36) отмѣчаются неблагоприятныя для Аѳинъ послѣдствія готскаго вторженія въ городъ, приведшаго въ упадокъ его умственную жизнь, указывается постепенное воздѣйствіе христіанства на религіозно-нравственный строй Аѳинъ и на мѣстную художественную дѣятельность и сообщается объ отношеніи къ этому городу со стороны императора Юстиніана, который упразднилъ существовавшую здѣсь языческую академію, приказалъ отвезти въ Константинополь многіе мѣстные памятники древности, а языческіе храмы обратить въ христіанскія церкви, самый же городъ укрѣпили стѣнами, въ виду грозившихъ ему нападений со стороны славянъ и болгаръ.

Въ третьей главѣ (стр. 37—49) рѣчь идетъ о положеніи Аѳинъ въ шестомъ и седьмомъ столѣтіяхъ, когда городъ находился почти въ совершенной исторической безвѣстности, а его просвѣтительная и художественная дѣятельность пришла въ крайній упадокъ. Впрочемъ, въ VII вѣкѣ Аѳины удостоились чести посѣщенія со стороны византійскаго императора Констанція II, который не нашелъ уже здѣсь прежняго величія, благоустройства и оживленія въ сферѣ гражданской дѣятельности и церковной.

Въ четвертой главѣ (стр. 50—65) описывается состояніе Аѳинъ въ эпоху иконоборства, когда аѳиняне подняли мятежъ противъ иконоборческаго императора Льва III и потерпѣли поражение; въ то же время въ Греціи водворились славяне, влияніе коихъ на эллинизмъ было значительно. На судьбу Аѳинъ въ VIII вѣкѣ имѣли нѣкоторое благоприятное воздѣйствіе двѣ мѣстныя гражданки, вполнѣдствіи византійскія императрицы—Ирина и Теофано, о которыхъ и говорится въ концѣ разсматриваемой главы.

Въ главѣ пятой (стр. 66—79) излагается судьба Аѳинъ въ IX и X вѣкахъ. Въ это время славянскій элементъ въ Греціи былъ подавленъ, и въ странѣ открылось процвѣтаніе эллинизма, достигшее большихъ успѣховъ подъ влияніемъ христіанской церкви. Въ Аѳинахъ наблюдалось значительное религіозно-просвѣтительное движеніе, созданное замѣчательными дѣятелями церкви, каковы свв. Никонъ и Лука Младшій, и встрѣтившее поддержку со стороны византійскихъ императоровъ Василія Македонянина, Льва Философа, Никифора Фоки и Василія Болгаробойцы, лично посѣтившаго Аѳины въ 1018 году послѣ побѣды надъ болгарами.

Въ шестой главѣ (стр. 80—97) описывается положеніе Аѳинъ въ XI столѣтіи, при чемъ авторъ пользуется здѣсь сочиненіями знаменитаго византійскаго писателя Михаила Пселла и житіемъ св. Мелетія Новаго и на основаніи ихъ показываетъ, что Аѳины въ это время находились въ сравнительномъ процвѣтаніи, хотя уже и подвергались опасности нападенія со стороны сицилійскихъ норманновъ.

Въ седьмой (стр. 18—117) и восьмой главахъ (стр. 118—127) изображается судьба Аѳинъ въ XII столѣтіи, при чемъ главнымъ источникомъ служатъ сочиненія аѳинскаго митрополита Михаила Акомината. Михаилъ Акоминатъ принадлежалъ къ числу наиболѣе выдающихся общественныхъ дѣятелей и писателей Византіи. Онъ, занявши митрополицію каведру въ Аѳинахъ,

горячо принялся за преобразование и благоустройство его церковно-общественной жизни, находившейся въ большемъ упадкѣ, и употребилъ много трудовъ на борьбу съ различными временщиками и византійскими чиновниками, сильно обременившими народъ налогами и взятками. Неоднократно онъ ходатайствовалъ за аѳинское населеніе и предъ византійскими императорами, но всѣ его усилія возстановить приходившій въ упадокъ городъ и воскресить прежнія счастливыя времена его умственной жизни и художественной дѣятельности разбивались о тяжелыя обстоятельства политическаго положенія Византіи, которая во второй половинѣ XII вѣка много страдала отъ нашествія вѣнскихъ враговъ и отъ внутреннихъ неурядицъ, вызванныхъ царствованіемъ Андроника Комнина и Исаака Ангела. Поэтому положеніе Аѳинъ въ XII вѣкѣ было весьма печально, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ разнообразныя сочиненія знаменитаго Михаила Акомината.

Въ слѣдующихъ пяти главахъ (IX—XIII, стр. 128—188¹³) излагается исторія города Аѳинъ въ эпоху крестовыхъ походовъ и латинскаго господства въ Византіи послѣ завоеванія Константинополя въ 1204 году и до его освобожденія византійскимъ императоромъ Михаиломъ Палеологомъ въ 1261 г. Предпринявъ крестовыя походы съ цѣлью освобожденія Иерусалима и Святой Земли отъ власти мусульманъ, латиняне, взявъ того, завоевали Константинополь и основали здѣсь Латинскую имперію. Латинское завоеваніе постепенно распространилось за предѣлы Константинополя, и въ томъ же 1204 году франки, во главѣ съ Бонифаціемъ, королемъ ѳессалоникійскимъ, овладѣли и Аѳинами, которыя предъ тѣмъ подверглись осадѣ со стороны навплійскаго архонта Льва Сгура. Бонифацій передалъ городъ въ ленное владѣніе дворянину Оттону де-ля-Рошъ, которому былъ данъ титулъ герцога аѳинскаго или Sire d'Atthènes (Dominus Athenarum—Μέγας Κύρ). Аѳинское государство получило феодальное устройство, а церковная въ немъ власть перешла къ католическому архіепископу. Латинское господство окончательно подорвало благосостояніе Аѳинъ, такъ какъ сопровождалось насиліями надъ греческимъ населеніемъ, обремененіемъ его налогами и поборами, частыми военными походами, грабежемъ греческихъ церквей и монастырей, униженіемъ духовенства и народа и тому подобнымъ. Бѣдствія Аѳинскаго государства были настолько серьезны, что его герцогъ Оттонъ добровольно отдалъ его во власть своего племянника Гюн де-ля-Рошъ, а самъ возвратился въ 1225 году во Францію. Но и при новомъ герцогѣ благосостояніе Аѳинъ не улучшилось.

Послѣ освобожденія Константинополя отъ власти латинянъ въ 1261 году Аѳины попрежнему остались подъ управленіемъ герцоговъ де-ля-Рошъ, а именно: Жана, Гильома и Гвидо (ум. 1308 г.). Судьба Аѳинъ подъ властью этихъ герцоговъ описывается въ слѣдующихъ трехъ главахъ (XII в—XII д, стр. 188¹⁴—188¹⁵). Она выражалась главнымъ образомъ въ борьбѣ герцоговъ съ различными претендентами на власть и съ византійскими императорами, стремившимися отвоевать Аѳины. Что касается внутренняго благоустройства города, то постоянные военные походы и внутреннія смуты губительно отражались на благополучіи населенія.

По смерти Гвидо, герцога аенискаго, его наследникомъ быть признанъ сынъ его тетки, Вальтеръ V, графъ бриенскій и лещскій, который и водворился въ Аенискомъ государствѣ въ 1309 году. Къ своему несчастію, Вальтеръ, для борьбы съ вессалійскимъ архонтомъ, пригласилъ къ себѣ на службу отрядъ каталонцевъ въ восемь тысячъ человекъ, но потомъ порвалъ съ ними союзъ; оскорбленные каталонцы, предпринявъ походъ противъ Вальтера, убили его самого и заняли Аениское герцогство въ 1311 году. Такимъ образомъ въ Аенинахъ началось господство каталонцевъ, которые владѣли городомъ до 1387 года. Первымъ герцогомъ аенискимъ, по приглашенію каталонцевъ, былъ Фредерикъ сицилійскій, а послѣднимъ—арагонскій король донъ Педро IV, скончавшійся въ 1387 году. Исторія Аенинъ подъ властью каталонцевъ описывается въ дальнѣйшихъ восьми главахъ (XIII—XX, стр. 189—280).

Послѣ каталонцевъ Аенины были покорены смѣлымъ и предприимчивымъ флорентинцемъ и кастеляномъ коринескимъ Нерио Аччьяйоли, который подчинилъ этотъ городъ Флоренціи, а потомъ (въ 1394 г.) назначилъ покровительницей его Венецію; исторія Аенинъ этого времени излагается въ главахъ XXI—XXII (стр. 281—301).

Въ слѣдующихъ пяти главахъ (XXIII—XXVII) разсматриваемаго сочиненія (стр. 302—358) обозрѣвается исторія Аенинъ въ XIV вѣкѣ и въ первой половинѣ XV столѣтія, когда городу пришлось вести почти непрерывную борьбу съ турками-османами. Борьба закончилась потерей Аенинами самостоятельности и подчиненіемъ этого знаменитаго города турецкой власти, что произошло въ 1458 году.

Наконецъ, послѣдняя глава (XXVIII, стр. 359—374) обозрѣваетъ положеніе Аенинъ подъ турецкою властью вплоть до освобожденія Греціи въ настоящемъ столѣтіи.

Въ концѣ сочиненія помѣщена (стр. 375—379) хронологическая таблица византійскихъ императоровъ, латинскихъ императоровъ въ Константинополѣ, венеціанскихъ дождей и аенинскихъ герцоговъ разныхъ фамилій, а также приложенъ (стр. 381—391) алфавитный указатель предметовъ, именной и географическій.

Такъ-же, въ общихъ и краткихъ чертахъ, содержаніе сочиненія Грегоровіуса.

Нѣмецкій ученый въ разсматриваемомъ трудѣ далъ весьма полное и обстоятельное описаніе исторической жизни города Аенинъ, со времени расцвѣта въ немъ христіанской культуры и вплоть до совершеннаго почти ослабленія здѣсь общественнаго движенія. Особою подробностью отличается вторая половина сочиненія, гдѣ описывается судьба Аенинъ подъ властью герцоговъ изъ домовъ: де-ля-Рошъ, де-Бриеннъ, Арагонскаго и Аччьяйоли. При этомъ исторія знаменитаго греческаго города обозрѣвается Грегоровіусомъ въ связи съ общей исторіей Византійской имперіи, такъ что читатель имѣетъ полную возможность и прекрасно ознакомиться съ историческою судьбою Аенинъ и уяснить роль этого города въ жизни Византіи VI—XV вѣковъ. Поражаетъ читателя и обширный ученый аппаратъ, коимъ снабжена книга нѣмецкаго автора. Но при всемъ томъ книга не свободна отъ недостатковъ, которые слѣдуетъ

объяснить, главнымъ образомъ, весьма быстрымъ движеніемъ византологической науки. Такъ, Грегоровіусъ попрежнему считаетъ византійскаго императора Юстиніана «славяниномъ Управдою изъ Бедеряны въ Иллиріи» (стр. 37), тогда какъ англійскій ученый Вигу уже доказалъ легендарный характеръ сказанія о славянскомъ происхожденіи Юстиніана. Сомнительною почитается и принадлежность константанопольскому патріарху Сергію (VI вѣка) знаменитаго пѣснопѣнія въ честь Богородицы, такъ называемаго «акаѣиста» (стр. 44), такъ какъ въ новѣйшей византологической литературѣ высказывалось, и не безъ основанія, мнѣніе о составленіи этого акаѣиста великимъ патріархомъ константинопольскимъ Фотіемъ (IX вѣка), по случаю нашествія на Византію россовъ. У Грегоровіуса нѣтъ никакихъ упоминаній объ аѣнскихъ митрополитахъ конца XI и начала XII, Іоаннѣ и Никитѣ, изъ которыхъ второй извѣстенъ своими мѣропріятіями въ пользу мѣстныхъ церквей и монастырей, вызванными неправильною раздачею церковныхъ имуществъ при его предшественникѣ митрополитѣ Іоаннѣ; въ относящихся къ этому событію документахъ, изданныхъ нашимъ ученымъ Ф. И. Успенскимъ, содержится немало любопытныхъ извѣстій о положеніи Аѣнъ въ XI—XII вѣкѣ, оставшихся неизвѣстными нѣмецкому ученому. Немало дополнительныхъ данныхъ къ VII—X главамъ сочиненія Грегоровіуса, изображающимъ дѣятельность аѣнскаго митрополита Михаила Акомината, можно найти въ сочиненіи профессора Аѣнскаго университета Сипридона Лампроса «Αἱ Ἀθήναι περὶ τὰ τέλη τοῦ δωδεκάτου αἰῶνος (Аѣнны въ концѣ XII вѣка), Ἀθήνησι, 1878», которое составлено главнымъ образомъ на основаніи произведеній этого знаменитаго пастыря, а также въ другомъ изданіи того же греческаго ученаго, содержащемъ труды Михаила Акомината (Μιχαὴλ Ἀχομινάτολ τοῦ Χονιάτου τὰ σωζόμενα. Τ. 1—2. Ἀθήναι, 1879).

Но наши замѣчанія не имѣютъ цѣлью умалить значеніе прекраснаго и для русскихъ читателей, безусловно, очень полезнаго сочиненія извѣстнаго ученаго. Русскій его переводъ въ общемъ сдѣланъ удовлетворительно, но не замѣтно, чтобы по нему прошла рука вполне знакомаго съ византійскою исторіей редактора.

Σ.

Ванъ-Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа. Томъ второй. Переводъ съ франц. подъ редакціей Э. Л. Радлова. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1900.

Второй томъ сочиненія ванъ-Мюйдена охватываетъ собою періодъ реформаціи, семнадцатый и восемнадцатый вѣка.

Въ первой главѣ историкъ высказываетъ общія соображенія о причинахъ реформаціи для того, чтобы выяснить связь реформаціи съ общимъ ходомъ цивилизаціи. Состояніе Европы XIV и XV вѣковъ достаточно выясняетъ причины реформаціоннаго движенія. Эти причины неодинаково распределяются въ различныхъ государствахъ. Поэтому, для того, чтобы дать правильную оцѣнку реформаціоннаго движенія въ какой нибудь странѣ, необходимо тщательно раз-

смотрѣть цѣлый рядъ фактовъ изъ ея исторіи. Необходимо, прежде всего, выяснитъ состояніе извѣстной страны не только въ религиозномъ отношеніи, но и въ политическомъ, социальномъ и національномъ. Большое значеніе такъ же имѣетъ выясненіе вопроса о времени появленія реформаціоннаго движенія, о личности реформатора и характерѣ принятаго движенія.

Въ главѣ, посвященной основнымъ соображеніямъ о причинахъ реформации, мы не видимъ, чтобы авторъ цитируемаго нами сочиненія раскрылъ эти вопросы. Однимъ изъ предшественниковъ реформации онъ называетъ Савонаролу, а между тѣмъ этотъ фанатикъ стоялъ на строго католической почвѣ. Въ этой главѣ указывается на распущенность духовенства, на его привязанность къ вышнимъ благамъ, на продажу индульгенцій, на контрастъ между простотой первоначальной церкви и пышнымъ церемоналомъ католическаго богослуженія, указывается даже на роль темперамента народовъ въ распространеніи реформации. Въ послѣднемъ случаѣ, французскій историкъ сравниваетъ южные и сѣверные народы. Южные народы, у которыхъ преобладаетъ типъ брахицефальный, не приняли реформации, а сѣверные—долихоцефалы, у которыхъ борьба за существованіе была труднѣе, и которые поэтому энергичнѣе, хотя и менѣе одарены умственно, — приняли реформацию. Однако, ванъ-Мюйденъ не говоритъ о принципахъ протестантизма и не разсматриваетъ, какой характеръ имѣлъ религиозный протестъ противъ «порчи церкви» и свѣтскій.

Указавъ на страницахъ 8 — 22-й, что существуетъ связь между гуманизмомъ и реформацией, онъ этой связи нисколько не касается и совершенно превратно понимаетъ гуманизмъ, какъ возрожденіе классической древности. Изъ дальнѣйшаго изложенія не видно, чтобы авторъ отличалъ ренессансъ отъ гуманизма, которые имѣютъ такую же связь, какъ внутреннее содержаніе и вышняя оболочка. Если уже говорить о связи между реформацией и возрожденіемъ, — а связь эту очень трудно разсмотрѣть, — то необходимо выдѣлить индивидуалистическія стремленія, лежавшія въ корнѣ гуманизма. И въ гуманизмѣ и въ реформации проявился индивидуализмъ, но въ первомъ случаѣ онъ проявился въ области разума, а во второмъ — въ области вѣры.

Далѣе, ванъ-Мюйденъ повторяетъ очень старое мнѣніе, что возрожденіе занесено въ Италію византійскими греками послѣ взятія турками Константинополя. «Изгнанные изъ своей столицы греческіе ученые, — говоритъ авторъ, — переселились на западъ, гдѣ они возстановили интересъ къ греческому языку и шедеврамъ греческой литературы и стали преподавать еврейскій языкъ, которымъ до того времени сильно пренебрегали. Тогда учащейся молодежи открылись новые горизонты». Къ сожалѣнію, уже въ школьныхъ руководствахъ отмѣчается тотъ фактъ, что гуманизмъ началъ развиваться еще задолго до этого времени, такъ какъ Петрарка жилъ въ первой половинѣ XIV вѣка, т. е. за 100 лѣтъ до паденія Константинополя. Кромѣ того, давно уже извѣстно, что византійцы въ своемъ пониманіи греческихъ писателей мало отличались отъ средневѣковыхъ схоластиковъ. Такъ какъ для автора гуманизмъ и классицизмъ — лишь простые синонимы, то и значеніе гуманизма для Швейцаріи въ его книгѣ не выяснено.

Швейцарская реформация тѣсно связана съ состояніемъ Швейцаріи и лич-

ностью знаменитого реформатора Цвингли. Въ книгѣ ванъ-Мюйдена довольно рельефно очерченъ характеръ Цвингли. Личность швейцарскаго проповѣдника, жизнерадостная и чуткая ко всякимъ общественнымъ явленіямъ, невольно напрашивается на сравненіе съ противоположною ей личностью Лютера. Дѣтство ихъ прошло въ разныхъ условіяхъ, воспитаніе носило разный характеръ, сдѣлавъ изъ одного богослова, а изъ другого гуманиста. Жаль, что ванъ-Мюйденъ не остановился вовсе на школьныхъ годахъ Цвингли, не прослѣдилъ увлеченія Цвингли классиками и его отвращенія къ схоластикѣ. Мы не видимъ также, почему его реформація носила такой рѣшительный характеръ, не ясенъ и исходный пунктъ его реформы. Все это было бы понятнѣе, еслибы авторъ, не ограничиваясь передачей чисто внѣшнихъ событій въ жизни Цвингли, заглянулъ въ душу молодого швейцарца - гуманиста. Превосходною иллюстраціей въ жизни Лютера и Цвингли является марбургское свиданіе, о которомъ ванъ-Мюйденъ очень кратко рассказываетъ.

Недостаточно также разобрана историкомъ роль религіознаго сектантства и социальныхъ движеній. Автору пришлось бы для этого не только коснуться отношенія религіознаго ученія анабаптизма къ реформаціи, но и отношенія этого движенія къ охватившей всю Германію, а также и Швейцарію социальной борьбѣ. Въ исторіи Швейцаріи было бы очень важно выяснить значеніе анабаптизма, какъ социального ученія съ его крайнимъ индивидуализмомъ. Анабаптизмъ вѣдь очень быстро пронесся по Швейцаріи, взволновалъ народныя массы. Извѣстно, что Оома Мюнцеръ былъ въ Базелѣ, гдѣ къ нему очень дружественно отнесся Эколампадій. Ванъ-Мюйденъ на этомъ не останавливается, онъ даже счелъ излишнимъ познакомить читателя съ богословскою системою Цвингли, не анализируетъ характера цвинглианской реформаціи. Къ широкимъ политическимъ планамъ Цвингли онъ относится довольно холодно: «можно упрекнуть, — говоритъ онъ, — Цвингли въ томъ, что онъ слишкомъ увлекался политикой». Едва ли этотъ упрекъ былъ бы справедливъ. Цвингли былъ гораздо шире, чѣмъ Лютеръ, онъ былъ впереди своего времени и прекрасно понималъ потребности своей родины.

Въ слѣдующей главѣ «Реформація въ романской землѣ» находимъ цѣлую аналогію Кальвина. Авторъ начинаетъ съ опроверженія клеветъ, распространяемыхъ насчетъ Кальвина. Онъ пользуется при этомъ сочиненіями Гизо, Бюиссона и Рамбера. И здѣсь историкъ не удалось выяснить характеръ и значеніе кальвинизма, такъ какъ о женевской реформаціи онъ говоритъ въ общихъ чертахъ. Для исторіи Швейцаріи въ данную эпоху огромное значеніе имѣютъ внутреннія дѣла Женевы, ея положеніе въ протестантскомъ мірѣ и внезапное превращеніе въ главный оплотъ протестантизма. Разсматривая основныя черты кальвинизма, трудно удержаться отъ сравненія между кальвинизмомъ и средневѣковымъ католицизмомъ: до того тенденціи послѣдняго возродился въ кальвинизмѣ. Сравненіе въ данномъ случаѣ ясенѣ бы отгѣнило общее значеніе кальвинизма. Такъ, нетерпимость Кальвина совершенно напоминаетъ намъ католицизмъ. Ванъ-Мюйденъ не останавливается также на очень важномъ вопросѣ—отношеніяхъ между церковью и государствомъ при Кальвинѣ, на той роли, которую играла консисторія, вообще мало знакомятъ читателя съ цер-

ковною організаціей Кальвина. Онъ даже не упоминаетъ о конфликтѣ между гуманистомъ Каstellіономъ, иначе понимавшимъ Священное Писаніе, чѣмъ Кальвинъ, и суровымъ «женевскимъ папой». Съ именемъ Кальвина обыкновенно связывается позорный процессъ противъ Михаила Сервета, знаменитаго анти-тринитарія, отстаивавшаго свободу совѣсти, обвиненнаго Кальвиномъ и сожженнаго на кострѣ.

Но, чтобы понять отношенія Кальвина къ Сервету, необходимо выяснитъ условія, при которыхъ зародился и развивался антитринитаризмъ, чего авторъ тоже не сдѣлалъ.

Реформація, какъ извѣстно, вызвала отпоръ въ католицизмѣ, слѣдствіемъ котораго явилась католическая реакція. Ванъ-Мюйденъ не выделяетъ этого движенія въ особый отдѣлъ, не устанавливаетъ точки зрѣнія, съ которой онъ смотритъ на реакцію, а начинаетъ прямо съ созванія Тридентскаго собора, восхищается «преданностью, ученостью и строгою дисциплиной» ордена иезуитовъ, не вдаваясь въ характеристику этого ордена, рассказываетъ о реформахъ Тридентскаго собора и переходитъ дальше къ распрямъ между герцогомъ Савойскимъ и Бернскою и Женевскою республиками, заканчивая отдѣлъ очеркомъ состоянія цивилизаціи въ Швейцаріи къ концу XVI-го вѣка. Въ XVI-омъ вѣкѣ умственное развитіе Швейцаріи стояло на довольно высокой степени. Это былъ расцвѣтъ гуманизма въ Швейцаріи. «Никогда,—говоритъ одинъ историкъ,—еще не бывало такого множества знаменитыхъ людей, прославившихся своими трудами и талантами въ трехъ главныхъ сферахъ общественной жизни: церкви, государствѣ и школь». Ванъ-Мюйденъ кратко и довольно сухо перечисляетъ швейцарскихъ ученыхъ этой эпохи, лѣтописцевъ и писателей. На весь этотъ отдѣлъ отведено имъ всего лишь двадцать страницъ, которыя мало удовлетворятъ читателя, въ особенности, если онъ заинтересовался бы организаціей швейцарскаго союза, управленіемъ фохтствами, патриціатомъ и т. п.

Четвертая часть охватываетъ собой XVII и XVIII вѣка. Здѣсь историкъ рассказываетъ о конфедератахъ и разныхъ партіяхъ въ Граубюнденскихъ лигахъ, о вестфальскомъ мирѣ и признаніи независимости швейцарской конфедерации. Затѣмъ, идетъ чисто внѣшняя исторія международной политики Швейцаріи, и особенно ея отношеній къ Франціи, довольно подробно излагается участіе швейцарскихъ наемныхъ солдатъ въ войнѣ за испанскій престолъ, а такъ же вторая Вильмергенская война, излагаются послѣдовательные фазисы франко-швейцарскаго союза и заключеніе договора 1777 года, поставившаго Швейцарію въ зависимость отъ Франціи.

Внутренняя исторія Швейцаріи за это время очень богата событіями, изъ которыхъ важное мѣсто занимаетъ крестьянская война. Причины ея въ изложеніи ванъ-Мюйдена очень не ясны: онъ говоритъ, что не бѣдность заставляла крестьянъ подымать оружіе (стр. 231), а дальше самъ же говоритъ: «они протестовали противъ податей, къ которымъ ихъ хотѣли принудить, и соглашались платить только тѣ повинности, на которыя они раньше согласились». Главы объ умственномъ движеніи въ XVII и XVIII вв. совсѣмъ неудачны. Ванъ-Мюйденъ рассказалъ біографію Руссо и вовсе не выяснилъ его значенія, ни революціоннаго, ни реакціоннаго. Взглядъ его на правительство и раздѣленіе

властей, учение Руссо о происхождении государства не нашли себѣ оцѣнки у автора «Исторіи швейцарскаго народа». Еще хуже страницы, посвященные Вольтеру. Сужденія автора болѣе, чѣмъ поверхностны. «Вольтеръ былъ,—говорить онъ,—предвозвѣстникомъ въ гораздо меньшей степени» (стр. 409), чѣмъ Руссо. «Аристократъ во всѣхъ своихъ приемахъ, большой эгоистъ и насмѣшникъ по натурѣ, онъ ограничился тѣмъ, что подрывалъ основы стараго режима». Вотъ чѣмъ ограничивается роль Вольтера! Блестящая картина умственнаго развитія Швейцаріи въ XVIII вѣкѣ автору не удалась.

Указанные нами недостатки книги ванъ-Мюйдена все же не мешаютъ быть ей весьма полезнымъ пособіемъ, единственнымъ на русскомъ языкѣ, популярно написаннымъ для знакомства съ исторіей Швейцаріи. Книга снабжена очень недурно исполненными политипажами: хороши портреты Эразма, Кальвина, Негели, Ветштейна и др.

К.

**Ferdynand Hoesick. Szkice i opowiadania historyczno-literackie.
Warszawa—Kraków. 1900.**

Содержаніе настоящаго сборника—очень пестрое. Авторъ собралъ здѣсь статьи свои, печатавшіяся раньше въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, не дѣлая выбора между ними, такъ что въ сборникъ попало очень много лишняго и ненужнаго. Занимая въ польской журналистикѣ амплу популяризатора въ области исторіи и литературы, г. Гесикъ считалъ своею обязанностью откликаться при появленіи всякаго болѣе или менѣе крупнаго изслѣдованія по этимъ наукамъ, извлекая изъ него все наиболѣе новое и интересное. Нельзя, конечно, отрицать значеніе такихъ компиляцій, если онѣ написаны умѣло и съ знаніемъ дѣла: не всѣмъ подъ силу одолѣть увѣсистый томъ, значительная часть котораго посвящена при томъ разработкѣ деталей, провѣркѣ хронологическихъ датъ, географическихъ указаній и т. п., что для обыкновеннаго читателя и не можетъ имѣть интереса. Поэтому добросовѣстно составленныя компиляціи оказываютъ читающей публикѣ несомнѣнную пользу, давая возможность съ наименьшею затратой времени знакомиться съ результатами научныхъ изслѣдованій. Пожалуй, нѣкоторое значеніе могъ бы имѣть сборникъ подобнаго рода популярныхъ статей, посвященныхъ разработкѣ одного какого либо вопроса или опредѣленнаго отдѣла науки. Но зато очень трудно указать, какую цѣль можетъ имѣть сборникъ компиляцій, посвященныхъ самымъ разнороднымъ вопросамъ и вызванныхъ лишь тѣмъ, что по этимъ вопросамъ появились въ данное время крупныя научныя изслѣдованія? Таковъ именно настоящій сборникъ.

Авторъ подраздѣлилъ весь матеріалъ на шесть отдѣловъ, но отъ этого никакой стройности въ книжкѣ не прибавилось. Первый отдѣлъ—«историческіе фрагменты»—наименѣ самостоятеленъ и наименѣ интересенъ. Личность, напримеръ, св. Казимира, статьей о которомъ начинается книжка, не представляетъ ни историческаго ни психологическаго интереса, а самая статья (напечатанная раньше въ «Кражѣ») была не болѣе, какъ «текстъ къ картинкѣ»—къ снимку съ портрета, находящагося во Флоренціи въ галлерей Pitti. Несомнѣнный

интересъ представлялъ бы этюды «Собѣсскій и Марысенка», еслибы о Марысенкѣ не было полной монографіи г. Валишевскаго. Повѣствованіе о любви Вильгельма I къ княгинѣ Элизѣ Радзивиль (пересказъ книжечки Водзицкой о томъ же) вышло очень сухимъ—быть можетъ, впрочемъ, потому, что и романъ этотъ былъ лишень поэзіи. Въ очеркѣ «Сарагосса» авторъ рассказываетъ объ участіи поляковъ въ кровавой исторіи осады этого города французами. Намъ очень мало удивило, что авторъ представляетъ дѣло такъ, какъ будто бы польскіе легіоны играли тутъ рѣшающую роль: мы уже привыкли, что польскій историкъ о полякахъ иначе и писать не можетъ. Всѣ эти «фрагменты», по нашему мнѣнію, уже сослужили свою скромную службу въ качествѣ не лишенныхъ временнаго интереса газетныхъ или журнальныхъ статей, и тревожить ихъ мирный покой, перепечатывая въ сборникъ, было совершенно напрасно. Болѣе интересны статьи, вошедшія во второй отдѣлъ «изъ исторіи просвѣщенія». Очень живо написана статья о кременецкомъ лицѣѣ, полезны для справокъ литературныя характеристики Словацкаго-отца и Л. Боровскаго, съ интересомъ читается очеркъ варшавской литературно-общественной жизни двадцатыхъ годовъ. Третій отдѣлъ имѣетъ заглавіе—«Мицкевичъ—Шопень—Словацкій» и содержитъ восемь статей неравнобѣрнаго значенія. Два очерка изъ жизни Мицкевича (дѣтскіе годы и эпоха перелома подъ вліяніемъ знакомства съ Товянскимъ), не заключая ничего новаго, представляютъ живой и занимательный рассказъ и читаются не безъ удовольствія. Менѣе интересны статьи о Словацкомъ (двѣ—біографическаго и одна—критическаго содержания) вслѣдствіе своей отрывочности. Личности Шопена посвящено двѣ статьи: одна—о «юношескомъ идеалѣ Шопена», каковымъ была пѣвица Констанція Гладковская, въ другой передается мало интересный случай, какъ композиторъ очутился въ затруднительномъ финансовомъ положеніи и долженъ былъ прибѣгнуть къ денежному займу у одной изъ своихъ поклонницъ. Въ этотъ же отдѣлъ вошла статья о нѣкоей Маріи Орпишевской, замѣчательной тѣмъ, что она вдохновила Словацкаго къ написанію поэмы «W Szwejcarzy», а Шопена—къ написанію меланхолическаго вальса F-moll. «Эта женщина,—замѣчаетъ г. Гесиккъ,—пережила не только двоихъ своихъ мужей, но и двухъ людей, которые, будучи влюблены въ нее, когда она была молодою дѣвицей, тѣмъ самымъ обезнечили ей безсмертіе».... Какъ мало—подумаешь—требуется для полекъ, чтобы понадать въ категорію безсмертныхъ!—Четвертый отдѣлъ посвященъ описанію всего, что есть въ Парижѣ дорогаго для поляковъ: гробница Яна-Казимира, гробницы замѣчательныхъ поляковъ на парижскихъ кладбищахъ, польская бібліотека въ Парижѣ и т. п. Все это описано по непосредственному наблюденію и снабжено соответствующимъ историческимъ комментариемъ. Наибольшій интересъ во всей книжкѣ представляетъ пятый отдѣлъ, посвященный Матейкѣ и въ значительной части представляющій личныя воспоминанія автора объ этомъ недюжинномъ художникѣ. Наконецъ шестой отдѣлъ—сборный, которому авторъ далъ заглавіе «Z życia i ksiązek». Сюда авторъ не постѣснился втиснуть одну библиографическую замѣтку (о книгѣ «Sonata Wiosenna» Помяна) и даже репортерскій отчетъ объ открытіи въ Варшавѣ памятника Мицкевичу.

Таково разностороннее содержаніе настоящаго сборника. Слѣдуетъ отдать справедливость автору въ одномъ: онъ—занимательный, даже талантливый повѣствователь, рѣчь его не монотонная, въ мѣру пересыпана и острою солью, и теплою слезой, что даже рецензента располагаетъ къ нѣкоторой снисходительности, такъ какъ трудъ, потраченный на ознакомленіе съ книжкой, по указаннымъ причинамъ не очень утомителенъ. Но автору нужно имѣть въ виду не только рецензентовъ, но также и читателей, а мы думаемъ, что они не очень-то обрадуются той полнотѣ, въ какой представленъ талаптъ г. Гесника въ его сборникѣ. Если авторъ такъ дорожитъ каждой своею печатною строкой, что боится, какъ бы она не затерялась въ массѣ журнальнаго хлама, то мы можемъ посоветовать держаться такой системы: издавать сборники по накопленіи статей, связанныхъ единствомъ содержанія. Высказываемъ этотъ советъ въ той увѣренности, что автору, какъ литератору молодому, предстоитъ издать еще не одинъ сборникъ своихъ трудовъ, чего мы ему искренно и желаемъ.

К. Х.

Remarques sur la parenté de la langue étrusque. Par Vilh. Thomsen. (Extrait du bulletin de l'académie royale des Sciences et des lettres de Danemark, 1899, № 4). Copenhague. 1899.

Извѣстный датскій лингвистъ, которому, между прочимъ, удалось открыть ключъ къ дешифровкѣ орхонскихъ надписей, собранныхъ русскимъ академикомъ г. Радловымъ, возвращается къ вопросу о типѣ этрусскихъ памятниковъ, остающихся понынѣ загадкой для ученыхъ. До настоящаго времени сравнивали этрусскій языкъ съ различными ідіомами, но ни одна теорія не оказалась убѣдительною. Для этрусскаго языка искали родственныхъ связей среди индоевропейской группы языковъ: одни въ индійскихъ нарѣчіяхъ (Corssen, Deek etc.), другіе въ армянскомъ (Софусъ, Бугге). Затѣмъ перешли къ сопоставленію съ семитическими языками, съ языкомъ басковъ, берберовъ, съ урало-алтайской группой, но все безъ прочныхъ результатовъ. Вильгельмъ Томсенъ доказываетъ родство этрусскаго языка съ «кавказскими» языками. Предваривъ читателей, что для сравненія языковъ имѣетъ болѣе важное значеніе сходство грамматическихъ формъ, а не лексикона, такъ какъ слова могутъ быть заимствованы, онъ устанавливаетъ прежде всего надежные суффиксы этрусскаго языка и затѣмъ ищетъ имъ аналогичные въ «кавказскихъ» языкахъ. Я подчеркиваю терминъ кавказскій потому, что г. Томсенъ сравниваетъ этрусскія формы не съ одною изъ трехъ пока установленныхъ группъ языковъ Кавказа (восточно-горская, западно-горская и южная или картвельская, причѣмъ для опредѣленія родства этихъ группъ между собою понынѣ ничего не сдѣлано), а со всѣми съ ними, разыскивая аналогичныя явленія то въ одной, то въ другой группѣ. Насколько можно судить по этрусскимъ памятникамъ, въ этомъ загадочномъ языкѣ родительный надежъ образуется съ помощью *l* (*a l*), въ другихъ случаяхъ посредствомъ *é* (*s*), напримѣръ, Рувфилъ—«Рувфилъ», отъ Рувфи—«Рувфія» (имя); или *slens* отъ «slan» (сынъ). Эти же суффиксы *l* и *é* (*l*, *é*, *s*) употребляются, какъ аффиксы въ производныхъ сло-

вахъ, напимѣрь, *truial*—«троянецъ». Другая падежная форма, которая довольно часто встрѣчается, оканчивается на *ci-ci* (*-si,-si*)—*clenci* отъ слова *clan* (clan). Въ этой формѣ г. Паули (*Pauli, Etrus. Forschungen und Studien, III, 1882, p. 47 et suiv.*) видитъ окончаніе дательнаго падежа. Этотъ падежъ, впрочемъ, не вполне установленъ. Г. Томсенъ усматриваетъ въ этой формѣ аналогичное явленіе съ родительнымъ падежомъ. Для образованія множественнаго числа существуетъ суффиксъ *p* (*ar, er*, безъ сомнѣнія, *ur*; напимѣрь, *clenar*), отсюда уже образуются формы косвенныхъ падежей съ помощью окончаній единственнаго числа: *clenarai*. Это *ar* (*a*) не есть ли первоначально независимое слово? Нужно еще отмѣтить окончаніе мѣстнаго падежа *θi,-θi,-ti,-t*, хотя, по видимому въ языкѣ этрусскомъ мѣстный падежъ большею частью выражается аффиксами. Переходя къ разысканію аналогичныхъ формъ въ другихъ языкахъ, онъ видитъ ближайшее родство между этрусскимъ языкомъ и языками Кавказа. Распредѣливъ послѣдніе по группамъ, согласно классификаціи Р. фонъ-Эркerta, онъ перечисляетъ діалекты каждой изъ нихъ: *A*—группа восточная: *I*—языки лезгинскіе: *a*—группа западная (аварскій, андійскій, дидойскій); *b*—группа центральная (ликскій или казикумукскій); *c*—группа сѣверо-восточная или даргуа (варкунъ, кубатчи, акуша, хуркилянъ или гурканъ и др.); *d*—группа юго-восточная или куринская (удинскій, куринскій, арги и др.). *II*—чеченская; *B*—группа западная: *III*—черкесскій; *IV*—абхазскій; *C*—группа южная; *V*—грузинская (собственно грузинскій, мингрельскій, лазскій и свемскій). Авторъ при этомъ высказываетъ одну остроумную мысль: онъ видитъ въ свемскомъ языкѣ нѣкоторые падежи и формы, переходные или связывающіе группу южныхъ языковъ (иберійскихъ) съ языками сѣверными (горскими). Еще Паули, сравнивая этрусскій языкъ съ различными языками (между прочимъ, и съ лидійскимъ), отмѣтилъ сходство этрусскаго языка съ языками южно-кавказскими или иберійскою группой. (До Паули еще Ellis, оказывается, искалъ сближенія этрусскаго языка съ кавказскими). Такъ, онъ отмѣчаетъ сходство этрусскаго слова *tiv* «луна», *tivr*—«мѣсяць» съ свемскимъ *thöy*, мингрельскимъ и лазскимъ *thutha, tutu* («мѣсяць, луна»), грузинскимъ *thue, ththue*, «мѣсяць», *nthoage*, «луна», нингойскій *thoi*, «мѣсяць», *thorai*—«луна». Г. Томсенъ обращаетъ больше вниманія на сходство этрусскаго съ сѣверно-кавказскими языками. Такъ, признакъ этрусскаго множественнаго числа *r* онъ находитъ въ казикумукскомъ *maz*, «языкъ», множественное число *mazra*; въ куринскомъ *kal* «корова», множественное число *kaler*; въ арги—*hoš*, «лошадь», множественное число *hošog*, въ сванскомъ языкѣ *caž*, «лошадь», множественное число *cažar*. Для родительнаго падежа, какъ въ этрусскомъ, языки даргуа имѣютъ окончаніе *la*, казикумукскій—*l*, напимѣрь, *mušl*, золото, родительный падежъ *mušil*. Въ языкѣ дидойцевъ родительный падежъ имѣетъ *s*, окончаніе, свойственное иберійской группѣ. Суффиксъ *l* играетъ роль образовательнаго аффикса въ именахъ прилагательныхъ: *kiva*, «баранъ», отсюда имя прилагательное *kivala*; въ грузинскомъ языкѣ ему соответствуетъ—*eli*, напимѣрь, горели—житель Горы (*a* не *gorieli*, какъ транскрибируетъ г. Томсенъ и, вѣроятно, также Паули).

Въ дательномъ падежѣ въ языкахъ даргуа и куринскомъ имѣется оконча-

nie = lis-lit-s. Для образования женскаго рода въ этрусскомъ и «въ нѣкоторыхъ языкахъ Кавказа употребляется суффиксъ *i*; такъ, въ этрусскомъ находимъ *etfuna* муж., *etfunei* женск.; въ аварскомъ *dou*—«онъ», *doi*—«она». Переходя затѣмъ къ числительнымъ, онъ приводитъ названія первыхъ шести цифръ: *sa, zal, ŋu, ci, mex, hud*. Не вполне ясно соотвѣтствие имъ названій нашихъ чиселъ; толкователи расходятся. Если цифры этрусскія расположить въ порядкѣ вышеназванномъ, то въ параллель къ нимъ можно привести изъ кавказскихъ языковъ слѣдующее:

1. Казикум., гуркан. *tša*, аварск. *tso, tsa*, курин. удинск. *su*.
2. » *kki* аварск. *khi*, гуркан. *khoi (khe)*, курин. *que*.
3. » *šan* » *thlab*, » *xhäu (xháb)*, арги *thlev, thlibe*.
4. » *muq, miq*, » *unq*, арги *eveq, ebeque*.
5. » *xo, xi* » гурк. *š u*, кур. *v u (xu, fu)*, удин. *xho*, груз. *xumi*.
6. » *rax*, гурк. *urig*, авар. *anthl*, удин. *uxk*.

Сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній относительно установленія значенія числительныхъ, г. Томсенъ припоминаетъ нѣсколько историческихъ фактовъ, подтверждающихъ возможность связей этрусскаго языка съ кавказскими языками. Этрусски не аборигены въ Италіи. Геродотъ передаетъ, что тирсены и этрусски-лидійскаго происхожденія, переселились во время голода въ страну, рано обитаемую умбрийцами, и здѣсь они приняли имя тирсенцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ г. Томсенъ, что въ древности извѣстныя части Малой Азіи были заняты народами, родственными нынѣ живущимъ на Кавказѣ. Этотъ фактъ имѣетъ важное значеніе для сооставленія языка этрусковъ—выходцевъ изъ Лидіи, съ языками Кавказа. Языка лидійцевъ, къ сожалѣнію, мы не знаемъ. Въ Египтѣ сохранилась надпись, буквы которой отличаются отъ алфавита карійскаго и фригійскаго. Извѣстный ассиріологъ Сейсъ видитъ въ ней образецъ азбуки и языка Лидіи. Эта надпись транскрибируется и переводится Сейсомъ такъ: *A-l-u-s M-r-sh-t-l, z-u-l*, т. е. «*Alys the son of Mrsht*». Сейсъ оставляетъ *zul* безъ перевода, а г. Томсенъ сооставляетъ его съ грузинскимъ *švili* (швили), иншл. *šül* и усматриваетъ въ словѣ *mrštl* окончаніе родительнаго надежа *l*. Такъ, заключаетъ онъ, мы находимъ мость въ Малой Азіи, соединяющій этрусскій языкъ съ языками Кавказа. Впрочемъ, авторъ не считаетъ вопроса разрѣшеннымъ; онъ только обращаетъ вниманіе своихъ коллегъ и приглашаетъ ихъ къ болѣе глубокому изслѣдованію намѣченнаго пути. На этотъ призывъ отозвался извѣстный лингвистъ профессоръ Шухардтъ, помѣстившій въ *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes* (Wien, 1899, XIII B., 4 Heft, стр. 388—392) замѣтку, въ которой онъ не вполне раздѣляетъ взгляды г. Томсена. Онъ говоритъ, что мы мало или совсѣмъ не знаемъ прикавказскій языкъ, не рѣшенъ вопросъ о степени родства группъ кавказскихъ языковъ, а при разнообразіи ихъ можно находить близость какого угодно языка съ однимъ изъ нихъ или въ совокупности въ извѣстныхъ формахъ. Томсенъ останавливается на транзитивномъ характерѣ кавказскихъ языковъ, а профессоръ Шухардтъ указываетъ, что эта особенность свойственна и нѣкоторымъ другимъ не-кавказскимъ языкамъ. Во всякомъ случаѣ вопросъ, поднятый г. Томсеномъ, представляется весьма любопытнымъ.

А. Хах—овъ.

Actes du onzième congrès international des orientalistes. Paris. 1897. Ernest Leroux, editeur. Paris. 1897—1899. Четыре тома.

Недавно закончилось изданіе трудовъ XI международнаго съѣзда ориенталистовъ въ Парижѣ. Труды конгресса заключаются въ пяти громадныхъ томахъ, въ которыхъ помѣщены доклады на французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ и итальянскомъ языкахъ. Въ томъ «Языки и археологія мусульманъ» мы находимъ небольшую статью петербургскаго профессора В. Д. Смирнова «*Les vers dits «Seldjouk» et le christianisme has»* и работу г. Гюара (Huart): «*Le dialecte de Chiraz dans Sa'di»*, написанную по поводу опубликованной въ журналѣ *Royal Asiatic Society* небольшой поэмы (en patois) знаменитаго персидскаго поэта Саади. Поэма начинается словами: «*O mon ami, le vraie direction est plus sure et plus profitable, mais il n'y a que celui que Dieu guide qui en profite»*. Въ этомъ же томъ помѣщенъ этюдъ «*Une secte judéo-musulman en Turquie»* г. Дюнона, посвященный выясненію нѣкоторыхъ чертъ ложнаго мессіи изъ Смирны подъ именемъ *Subbatai Gevi* (1626—1676). Оставивъ томъ, занятый матеріалами по семитическимъ языкамъ и по крайнему Востоку, обратимся къ трудамъ первой секціи «Языки и археологія странъ арійскихъ». Мы находимъ обстоятельное изложенеіе диссертациі Л. З. Мерсианца «*Notice sur la phonétique du dialecte arménien de Mouch»*, сдѣланное самимъ авторомъ. Этой работѣ предшествуетъ статья г. Васмаджіана «*Une nouvelle inscription arménique ou vaniique»*, посвященная разбору надписи въ Шагриарѣ, открытой архіепископомъ Меропомъ Сисбатіанцомъ. Что касается до Персіи, то здѣсь помѣщена одна очень любопытная статья извѣстнаго ориенталиста Жюля Опперта о персидскомъ календарѣ; кромѣ нея, двѣ статьи касаются пехлеви: одна г. Казартелли «*Note on a pehlevi inscription in the Dublin Museum»* и другая г. де-Гарлеза «*L'inscription pehlevie de la croix de Saint-Tome»* (близъ Мадрида найдена). Въ томъ «*Orient-Grèce, Byzance»* и пр. вошелъ обстоятельный обзоръ усѣховъ византологіи съ X конгресса въ Женевѣ (1894 г.) по 1897 г., принадлежащій перу лучшаго византиниста, профессора Мюнхенскаго университета Карла Крумбахера. Авторъ привлекаетъ къ обзорѣ и работы русскихъ ученыхъ. Г. Бендоевъ даетъ нѣсколько соображеній о рукописной картѣ Малой Азіи, составленной Киншертомъ, г. Васмаджіанъ разбираетъ въ ст. «*Une nouvelle inscription Byzantine»* одну надпись изъ центральной константинопольской тюрьмы, и я помѣстилъ этюдъ «*Physiologos en traduction georgienne»*. Собранный въ трудахъ конгресса матеріалъ представляетъ одинъ изъ любопытныхъ сводовъ по востоковѣдѣнію вообще.

А. Хах—овъ.

Сочиненія В. Д. Спасовича. Томъ IX. Спб. 1900.

Изъ восьми вышедшихъ томовъ сочиненій В. Д. Спасовича цѣлыхъ четыре тома посвящены литературнымъ вопросамъ, общественнымъ или полемикѣ, лишь третій, пятый, шестой и седьмой томы заключаютъ въ себѣ судебныя рѣчи или статьи специально юридическаго содержанія. Вышедшій недавно девятый томъ, составленный изъ послѣднихъ работъ автора въ девяностыхъ го-

дахъ, тоже относится къ числу «литературныхъ» томовъ и заключаетъ въ себѣ десять статей, включая и рѣчь о Пушкинѣ.

Одною изъ наиболѣе интересныхъ статей служитъ очеркъ о Кавелинѣ. Г. Спасовичъ, относясь съ глубокимъ уваженіемъ и любовью къ нашему знаменитому ученому, говоритъ, что онъ многимъ ему обязанъ, такъ какъ Кавелинъ оказалъ большое вліяніе на выработку его міросозерцанія и познакомилъ его съ русскою жизнью. Авторъ, формулируя основную точку зрѣнія Кавелина въ его сочиненіи «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи», указываетъ, что основныя положенія Кавелина въ его позднѣйшихъ сочиненіяхъ, какъ, напримѣръ, «Мысли и замѣтки по русской исторіи», написанныя въ 1866 г., остались тѣ же. Кавелинъ былъ ближе къ западникамъ, хотя и старался быть внѣ партій западниковъ и славянофиловъ. Къ западникамъ его влекло «сочувствіе ко всѣмъ великимъ новаторамъ, начиная съ московскаго періода, ко всѣмъ сокрушителямъ старины, въ родѣ Ивана Васильевича Грознаго, а наконецъ и его восторженное отношеніе къ Петру Великому». Влекло его къ западникамъ, по словамъ В. Д. Спасовича, и нѣкоторое равнодушіе ко всѣмъ вѣроисповѣднымъ, догматическимъ и обрядовымъ различіямъ, хотя Кавелинъ и не былъ лишенъ религіознаго чувства.

Будучи западникомъ по своимъ симпатіямъ, Кавелинъ, все-таки, имѣлъ нѣчто общее съ славянофилами. «Во всякомъ русскомъ умѣ, даже наиболѣе аналитическомъ и радикальномъ,—остроумно замѣчаетъ В. Д. Спасовичъ,—есть всегда какой нибудь уголокъ, служащій пріютомъ мистицизму». По мнѣнію автора, такой уголокъ былъ и у Кавелина, такъ какъ онъ вѣрилъ въ «мужицкое царство», вѣрилъ въ великорусское общинное землевладѣніе, противопоставляя великорусскій міръ сель европейскому міру городовъ.

Въ своихъ воспоминаніяхъ В. Д. Спасовичъ дополняетъ отчасти біографическій очеркъ профессора Корсакова, такъ какъ рассказываетъ объ отношеніяхъ Кавелина къ польскому вопросу. «Онъ всегда держался, — говоритъ авторъ воспоминаній,—что судьбою мы—два народа—такъ по рукамъ и по ногамъ другъ съ другомъ скованы, что никакъ не возможно намъ ни распутаться, ни развестись, а надо какимъ бы то ни было наиболѣе безобиднымъ образомъ ужиться». Кавелина сильно волновалъ польскій вопросъ, но для предупрежденія взрыва Кавелинъ считалъ необходимымъ протянуть руку полякамъ. «Вамъ нечего дорабатываться,—обращался онъ къ полякамъ,—до своего собственнаго государства, которое и физически невозможно при запутанности отношеній съ этнографической стороны вопроса. Намъ съ вами невозможно размежеваться. Не лучше ли вамъ помириться съ нами искренно, безъ заднихъ мыслей, отречься отъ всякихъ новстаній, рѣшиться дѣйствовать лишь вполне легально и получить затѣмъ полный просторъ въ вашемъ языкѣ, вѣрѣ и культурѣ». Эти слова были программой новаго польскаго органа «Слова», основаннаго при содѣйствіи Кавелина, просуществовавшаго до января 1859 года.

Далѣе, В. Д. Спасовичъ рассказываетъ о своей, общей съ Кавелинымъ, университетской дѣятельности (1857—1861 г.), о журфиксахъ по воскресеньямъ у Кавелина и закрытіи университета послѣ безпорядковъ въ сентябрѣ 1861 г. Кавелинъ первый подалъ прошеніе объ отставкѣ, и ему предложили поѣхать

за границу для изученія иностранныхъ университетовъ. Послѣднія двадцать лѣтъ онъ работалъ по министерству финансовъ, а съ осени 1878 года преподавалъ гражданское право въ военной юридической академіи. В. Д. Спасовичъ съ момента отъѣзда Кавелина изъ Петербурга не видался съ нимъ до его возвращенія, но дѣятельно съ нимъ переписывался. За границей Кавелинъ знакомился съ выдающимися дѣятелями поляками; авторъ «Воспоминаній» приводитъ одно письмо, изъ котораго видно, какъ сильно интересовался Кавелинъ разрѣшеніемъ польскаго вопроса. Онъ пишетъ, что въ своихъ разговорахъ о польскомъ вопросѣ онъ повсюду встрѣчаетъ «удивительное незнаніе движеній и идей въ польскомъ обществѣ. Судятъ по старымъ понятіямъ, составленнымъ Богъ знаетъ когда; новаго не знаютъ, да, сказать по правдѣ, и узнать-то неоткуда. Журналы наполняются старою, заплѣсневѣлою гнилью, рутинными нападками на Россію. Духинскій читаетъ лекціи, въ которыхъ доказываетъ, что мы даже не чухонцы, а китайцы! Русскіе мы потому, что Екатерина велѣла намъ такъ называться. Эти и подобныя имъ нелѣпости поддерживаютъ у насъ мракъ въ умахъ. Органъ, который бы прямо и смѣло поставилъ вопросы, которые теперь лежатъ на днѣ каждой мыслящей польской души, но которые не выражаются по какимъ-то страннымъ опасеніямъ и отсталымъ комбинаціямъ, не имѣющимъ больше никакой цѣны, былъ бы для большинства русскихъ великимъ откровеніемъ, раскрылъ бы имъ глаза и подвинулъ страшно впередъ польскій вопросъ въ Россіи».

Въ 1862 году переписка съ Кавелинымъ прекратилась, и В. Д. Спасовичъ сошелся съ нимъ опять въ 1865 году, работая вмѣстѣ въ «Вѣстникѣ Европы».

Изъ другихъ статей заслуживаетъ вниманія большая рецензія на книгу Д. С. Мережковского «Вѣчные спутники». На г. Мережковского онъ смотритъ, какъ на эстета «античнаго эллинскаго пошиба», какъ на убѣжденнаго сторонника аристократизма, наконецъ, какъ на галилеяна. Такимъ образомъ, въ немъ г. Спасовичъ находитъ нѣсколько личностей, а проповѣдуемая имъ субъективная критика, которая будто бы пытается проникнуть въ живую душу писателя, есть распространеніе ложныхъ понятій о писателѣ въ публикѣ. Рассмотрѣвъ первые этюды въ книгѣ г. Мережковского, В. Д. Спасовичъ останавливается на главѣ, посвященной Пушкину, основанной на извѣстныхъ «Запискахъ Смирновой», разбираетъ несообразности, пестряющія въ нихъ, и повторяетъ свой старый, односторонній взглядъ на Пушкина.

Въ статьѣ «Мицкевичъ и его творчество» (публичныя лекціи) онъ разсматриваетъ Мицкевича, какъ поэта, какъ символъ національности польскаго народа, при чемъ изображаетъ постепенные фазисы его развитія, дѣлаетъ эстетическій и этическій разборъ Валендрога. Панъ Тадеушъ», по мнѣнію автора, выше «Евгенія Онѣгина»: это произведеніе можно сравнить съ «Войною и миромъ».

Интересенъ также разборъ романа Г. Сенкевича «Семья Палаецкихъ». Г. Спасовичъ этотъ романъ ставитъ выше романа «Безъ догмата», называя его не только красивымъ произведеніемъ, но и нравственнымъ, и отрицая въ немъ космополитизмъ. Назовемъ еще статью «Новый опытъ оцѣнки Гете въ

книгъ Э. Рода». Сильно и мѣтко разбиваетъ г. Спасовичъ положенія французскаго критика, сдѣлавшаго талантливую попытку развѣнчать высокое представленіе о Гете. Остальныя статьи носятъ общественно-юридическій характеръ.

А. С—въ.

А. А. Сидоровъ. Русскіе и русская жизнь въ Варшавѣ (1815—1895). Историческій очеркъ, со снимками съ картинъ, портретовъ и медалей. Выпуски I, II и III. Варшава. 1899.

Въ прошломъ году г. Сидоровъ, авторъ нѣсколькихъ работъ, касающихся Привислинскаго края («Русская печать въ Привислинскомъ краѣ», «Русскіе государи въ Варшавѣ» и др.), приступилъ къ изданію книги «Русскіе и русская жизнь въ Варшавѣ». О первыхъ двухъ выпускахъ этой книги были своевременно даны у насъ отчеты. Съ выходомъ 3-го выпуска, появившагося недавно, является возможность оцѣнить всю книгу.

Въ первомъ выпускѣ повѣствуется о событіяхъ и лицахъ со времени присоединенія Варшавы къ Россіи въ 1815 году до кончины цесаревича Константина Павловича среди грустныхъ обстоятельствъ возстанія 1830—1831 годовъ. Второй выпускъ, начинаясь съ изложенія военныхъ дѣйствій русскіхъ въ 1831 году и характеристики Паскевича, заканчивается управленіемъ князя М. Д. Горчакова, преемника Паскевича. Третій выпускъ занятъ временемъ съ 1862 по 1895 годъ. Предъ читателемъ проходятъ быстро смѣняющіе одинъ другого наканунѣ послѣдняго польскаго возстанія намѣстники: Сухозанецъ, графъ Ламбертъ и графъ Лидерсъ, котораго замѣняетъ великій князь Константинъ Николаевичъ, старавшійся успокоить поляковъ «мѣрами кротости и любви», но безуспѣшно. Усмиреніе возстанія возложено было на графа Берга, а затѣмъ выступили съ рядомъ реформъ Н. А. Милютинъ и князь Черкасскій. Эти реформы укрѣпляютъ русское дѣло въ Привислинѣ, усиливаютъ русскій элементъ въ Варшавѣ. Далѣе разсказывается о періодѣ управленія графа Берга, графа Коцебу, генерала Альбединскаго и фельдмаршала Гурко. Повѣствованіе оканчивается назначеніемъ въ Варшаву графа Шувалова.

На всемъ протяженіи своего труда авторъ преимущественно занимается обрисовкой идущихъ одинъ за другимъ высшихъ представителей русской власти въ краѣ, вмѣстѣ съ чѣмъ замѣчается постоянная смѣна «направленій», приносимыхъ чуть не каждымъ управителемъ. Какое разнообразіе, чуть не калейдоскопъ лицъ и направленій, и какъ часто забывались прямые русско-національные и даже русско-государственные объединительные интересы!... При всемъ томъ, въ повѣствованіи обозначается, какъ мало-помалу распространялся русскій языкъ, какъ росло русское общество, возникали русскія государственныя и общественныя учрежденія, развивалась русская общественная жизнь и выросла русская печать. Среди фактовъ изъ церковной жизни Варшавы и изъ исторіи русскаго учебнаго дѣла даются характеристики варшавскихъ владыкъ, почитателей учебнаго округа и перваго ректора Варшавскаго университета. Текстъ сопровождается портретами и рисунками. Несомнѣнно, что многое изъ высказаннаго требовало отъ автора, служащаго въ Варшавѣ, прочнаго гражданскаго мужества.

Какъ мѣстами ни конспективенъ этотъ трудъ, онъ, будучи первымъ историческимъ опытомъ въ этомъ родѣ и назначенный не для специалистовъ, а для широкаго круга читателей, имѣетъ несомнѣнную пользу. Д. В.—чѣ.

Буассье Гастонъ. Госпожа де-Севинье. Москва. 1900.

Одною изъ замѣчательныхъ женщинъ въ XVII в. во Франціи была m-me де-Севинье (1627—1696). Много говорили о ней, много писали. Натура искренняя и открытая, она сильно интересовала писателей и прославилась своими письмами, изящными, живыми, въ которыхъ схвачена жизнь Парижа и двора въ ту эпоху. Біографія Севинье не представляетъ чего нибудь особенно интереснаго. Принадлежа къ знатной бургундской фамиліи, Севинье родилась въ 1627 г. (у Буассье—1626 годъ), рано осиротѣла, получила отличное образованіе и въ 1644 г. вышла замужъ, но черезъ 7 лѣтъ овдовѣла, имѣя двухъ дѣтей. Составившія ей славу письма написаны къ дочери, которая вышла замужъ за губернатора Прованса, графа де-Гриньянъ.

Талантливый французскій историкъ Буассье, перечитавъ около 1½ тысячи писемъ Севинье, даетъ на основаніи ихъ небольшой, но тонкій психологическій очеркъ. «Самое интересное въ перепискѣ г-жи де-Севинье,—говоритъ онъ,—она сама». Историкъ сначала пытается набросать внѣшній портретъ французской писательницы. Сама Севинье говоритъ о себѣ добродушно, что она была очень хороша, но трудно возстановить ея образъ, такъ какъ всѣ сохранившіеся портреты плохо согласуются между собою. О первыхъ годахъ ея жизни Буассье мало говоритъ. Онъ указываетъ на то, что она очень рано бывала въ вольномъ обществѣ, гдѣ держала себя очень свободно. Мужъ ея «влюблялся повсюду», рѣзкій, грубый, ворчливый, онъ не могъ доставить ей счастья, и послѣ его смерти Севинье ни разу не упоминаетъ о немъ въ своей перепискѣ. Изъ ея переписки видно, заключаетъ Буассье, какъ много было друзей у этой умной, привлекательной женщины. Причина того, что она получала «тысячи доказательствъ дружбы», заключается въ томъ, что она была удивительно добра, любезна и благожелательна. Она умѣла найти въ людяхъ хорошее. Буассье говоритъ, что изъ всѣхъ лицъ, упоминаемыхъ ею въ перепискѣ, онъ не видитъ ни одного, кого бы она вполне ненавидѣла. Она благопріятно отзывалась обо всѣхъ, кого знаетъ. Ее воодушевляло общество, и въ бесѣдѣ съ друзьями она забывала свои горести.

Чтобы ярче представить себѣ Севинье, Буассье дѣлаетъ характеристику ея тѣснаго кружка, начиная съ ея дѣтей. Она больше любила дочь, чѣмъ сына. Послѣ дочери и сына большую роль игралъ въ жизни Севинье ея кузенъ, графъ де-Бюсси Рабютень, одна изъ интересныхъ личностей XVII в. Странный авантюристъ, онъ всюду бросался, все хотѣлъ прославиться, сдѣлаться извѣстнымъ писателемъ, написать «Любовную исторію Галліи», за которую попалъ въ Бастилію, а потомъ былъ сосланъ въ свои помѣстья. Севинье находилась съ нимъ въ непрерывной перепискѣ. Буассье останавливается на сатирическомъ сочиненіи Бюсси, удивляясь его безпощадному тону. «Въ наше время,—говоритъ онъ,—мы не можемъ даже вообразить, чтобы кто нибудь позволилъ себѣ рас-

крывать такъ передъ публикой частную жизнь самыхъ важныхъ особъ, разсказывать ихъ похождения, прикрашивая ихъ возмутительными подробностями, заимствованными у самаго циничнаго писателя древности». Подобнаго рода недоумѣнія легко устраняются, если отречься отъ современнаго угла зрѣнія при оцѣнкѣ историческихъ дѣятелей. Въ ту эпоху такія выраженія составляли обыкновенное явленіе, это была своего рода форма, игривая, конечно, въ которой иногда пропагандировались смѣлыя идеи. Севинье нравилось въ Бюсси его тонкое лукавство. Умъ ея кузена дѣйствовалъ воспламеняющимъ образомъ на ея собственный умъ. Кромѣ Бюсси, у Севинье еще были очень извѣстные друзья. Буассье называетъ г-жу де-Лафойетъ, Ларошфуко и супруговъ де-Куланжъ. Послѣдніе отличались особенною веселостью, подвижностью, остроуміемъ, а потому всѣ ихъ любили.

Переходи къ Севинье, какъ писательницѣ, Буассье указываетъ, что общественное мнѣніе съ перваго же взгляда единодушно признало совершенство писемъ Севинье. Письма свои Севинье писала, «бросивъ поводья», предоставивъ «своему перу бѣгать на свободѣ», по ея выраженію. Буассье, восхищаясь остроумною граціей ея писемъ, различаетъ въ нихъ извѣстные оттѣнки, такъ какъ Севинье знала, что не всѣ одинаково хранятъ про себя ея письма. Самая тѣсная близость видна въ письмахъ къ дочери. Буассье задаетъ вопросъ, какимъ образомъ эта молодая, веселая, свѣтская женщина, проводившая цѣлыя дни въ обществѣ и увлекавшаяся удовольствіями, которой и въ голову не приходило сдѣлаться писательницей, сразу пишетъ съ увѣренностью и оказывается совершенствомъ. Кромѣ таланта, онъ обращаетъ вниманіе для разрѣшенія своего вопроса на учителей Севинье, давшихъ ей прекрасное образованіе. Кромѣ того, она очень много читала, «жадно глотала книги». Съ этою же цѣлью Буассье пытался охарактеризовать вліяніе той среды, гдѣ находилась Севинье. Но онъ слишкомъ поверхностно говоритъ объ этомъ. Между тѣмъ, именно вліяніе окружавшихъ Севинье лицъ имѣетъ большое значеніе. Слѣдовало бы историку выяснить, чѣмъ обязана была Севинье посѣщенію отеля Рамбулье, гдѣ она занимала такое видное мѣсто. Хорошо бы также опредѣлить, вообще, участіе Севинье въ жизни салоновъ. По удачному выраженію Буассье, Севинье, отлично образованная, начитанная, съ большимъ умомъ, какъ бы искала случая, который бы глубоко потрясъ ея душу, чтобы всѣ накопленные сокровища выступили въ свѣтъ. Такимъ случаемъ явился отъѣздъ ея дочери. «Страсть хлынула изъ ея переполненнаго сердца, и, можно сказать, что талантъ ея вылился разомъ вмѣстѣ съ ея слезами». По мнѣнію Буассье, особенность писемъ Севинье заключается не только въ умѣннѣ изящно и остроумно выражать свои сердечныя чувства, а въ особенной способности «видѣть издали и переноситься мысленно съ мѣста на мѣсто». «Никто, — говоритъ онъ, — не обладаетъ болѣе яркимъ и живымъ воображеніемъ, чѣмъ она». Вотъ почему она быстро поддавалась впечатлѣніямъ, которыя хотѣли ей внушить, и раздѣляла чувства людей, которыхъ любила. Въ заключеніе, Буассье, дѣлая общую оцѣнку писемъ Севинье, говоритъ, что по ея письмамъ пріятнѣе изучать исторію XVII в., чѣмъ по историческимъ книгамъ. «Я боюсь, — говоритъ онъ, — какъ бы переписка г-жи де-Севинье не охладила сильно нашего восхищенія эпохой Людовика XIII, которую такъ превозносили».

Какъ и всѣ сочиненія Буассье, этотъ его этюдъ увлекательно написанъ, но Севинье здѣсь какъ-то представлена отдѣльно, внѣ того времени, и это мѣшаетъ ясно видѣть писательницу и понять ея вліяніе. А. О—въ.

Вологжане-писатели. (Матеріалъ для словаря писателей, уроженцевъ Вологодской губерніи). Составилъ Пр. Дилакторскій. Вологда. 1900.

Составитель справочной книжки, названіе которой выписано выше, принадлежитъ къ тѣмъ труженикамъ и пламеннымъ любителямъ родной литературы, какихъ немного въ нашихъ провинціяхъ. Онъ издалъ сборникъ «Вологжанинъ», писалъ по разнымъ мѣстнымъ вопросамъ и вотъ теперь выпустилъ библиографическій справочникъ, который сначала печатался на страницахъ «Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Справочникъ составленъ очень старательно, труда г. Дилакторскій положилъ немало: ему пришлось пересмотрѣть массу изданій, навести и собрать справки о множествѣ лицъ. Надо было имѣть огромную любовь къ дѣлу, чтобы положить столько труда на составленіе книги, которая не доставитъ матеріальныхъ выгодъ и не принесетъ составителю славы, потому что такія работы у насъ еще не оцѣниваются по достоинству. Это доказывается и тѣмъ, что матеріалы, собранные г. Дилакторскимъ, не безъ усилій съ его стороны попали въ «Губернскія Вѣдомости», не отличающіяся содержательностью. Очевидно, редація не понимала цѣнности предложенной ей работы, которая исполнена Дилакторскимъ съ большою любовью. Любовь къ родному уголку, вѣроятно, является причиной того, что составитель, такъ сказать, приумножилъ число писателей-вологжанъ, возводя въ это званіе часто такихъ лицъ, которыя едва ли на это имѣютъ право. Такъ, напримѣръ, онъ включаетъ въ число писателей Базилевскаго (С. И.), который написалъ всего только диссертацию на степень доктора медицины. Но вѣдь послѣ этого всѣ доктора медицины, не причастные совсѣмъ къ литературѣ, должны считаться писателями, потому что каждый докторъ медицины писалъ диссертацию. Или вотъ: написалъ священникъ какую нибудь проповѣдь, и Дилакторскій тотчасъ же его включаетъ въ сонмъ писателей. Такимъ образомъ въ число писателей вологжанъ попали многіе врачи и священники, никакого отношенія къ литературѣ не имѣющіе. Зато пропущены настоящіе литераторы, какъ, напримѣръ, В. Ф. Бунаковъ, Сиротининъ, писавшій стихи, его поэма «Долгоносые» пользовалась популярностью въ городѣ и разошлась въ массѣ рукописныхъ экземпляровъ по всей губерніи. Сиротининъ (разстриженный священникъ) писалъ прекраснымъ стихомъ и печатался во многихъ изданіяхъ. Жизнь его крайне интересна. Г. Дилакторскій не упоминаетъ также ни слова о Вороновѣ, работавшемъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Русскомъ Обзорѣніи» и «Русскомъ Вѣстникѣ». Вороновъ живъ и продолжаетъ свою дѣятельность. Пропущенъ также Кудрявцевъ, работавшій въ «Дѣлѣ», «Недѣлѣ» и «Вятскомъ Краѣ», авторъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ книжекъ. Отмѣчая эти промахи, мы не думаемъ ставить ихъ въ большой грѣхъ составителю, потому что они извинительны при той сложной и кропотливой работѣ, какую взялъ на се-

бя г. Дилакторскій. Когда приходится разбираться въ такой массѣ сырого матеріала, то не трудно сдѣлать нѣсколько невольныхъ пропусковъ. Если прибавить, что къ книгѣ не приложенъ алфавитный указатель авторовъ, то значитъ перечислить всѣ недостатки словаря, который является цѣннымъ вкладомъ въ русскую библиографію. Г. Дилакторскій о каждомъ авторѣ собралъ самыя тщательныя библиографическія свѣдѣнія, перечисляя всѣ мелкія работы и впадая иногда даже въ излишнюю крайность. Но за это упрекать его, конечно, нельзя.

А. Кругловъ.

**Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей.
Д. Д. Языкова. Выпускъ восьмой. Русскіе писатели, умершіе
въ 1888 году. Москва. 1900.**

Г. Языковъ давно уже пользуется репутаціею трудолюбиваго библиографа, и «Обзоръ» его приобрѣлъ немалую извѣстность.

Первые (1—6) выпуски этого труда увидали свѣтъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника», гдѣ онъ печатался въ видѣ особаго приложенія въ теченіе 1884—1889 гг. Изъ этихъ прибавленій образовался довольно объемистый и цѣнный по содержанию томъ, заключающій свѣдѣнія о 600 слишкомъ литераторахъ, умершихъ въ періодъ 1881—1886 гг. Къ сожалѣнію, такое специальное приложеніе не особенно пришлось по вкусу читателямъ журнала, и редакторъ прекратилъ его печатаніе.

Тогда г. Языковъ перешелъ въ «Библиографическія Записки», напечаталъ тамъ седьмой выпускъ «Обзора» (умершіе въ 1887 году), а черезъ годъ перекочевалъ въ издававшійся московскимъ библиографическомъ кружкомъ журналъ «Книговѣдѣніе». Но судьба не благопріятствовала почтенному библиографу и здѣсь: журналъ векорѣ прекратилъ свое существованіе, и восьмой выпускъ «Обзора» остался неоконченнымъ.

Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько лѣтъ, и казалось, что г. Языковъ совсѣмъ забросилъ мысль о продолженіи своего труда, но не такъ давно вышелъ въ отдѣльномъ изданіи восьмой выпускъ его, уже совершенно законченный и охватывающій данныя о 163 писателяхъ, умершихъ въ 1888 году.

Приступая къ разбору этого выпуска, мы сдѣлаемъ прежде всего два замѣчанія, относящіяся вообще ко всему Языковскому изданію. Во-первыхъ, укажемъ на самый характеръ біографій. Всѣ онѣ представляютъ изъ себя лишь голые формуляры умершихъ, съ подробными и точными датами о времени рожденія, мѣстѣ образованія и о прохожденіи литературной карьеры и только. Ни характеристики личности писателя, ни критики его произведеній въ этихъ біографіяхъ нѣтъ совершенно. Намъ кажется, что это—большой недостатокъ въ трудѣ г. Языкова, и ему было бы не лишне сырой свой матеріалъ оживить немного, внеся въ него критическій элементъ. Во-вторыхъ, нельзя не пожалѣть, что составитель, дѣлая ссылки на изданія, гдѣ есть упоминанія о цитируемомъ литераторѣ, пренебрегаетъ нѣкоторыми заслуживающими вниманія пособіями. Такъ, у него нѣтъ указаній на энциклопедію Брокгауза-Ефрова, на столбцахъ которой зачастую встрѣчаются обстоятельныя статьи о писателяхъ;

на «Русскія книги» Венгерова, откуда можно было бы кое-что и позаимствовать; на каррикатурный словарь-альбомъ покойнаго Михневича, дающій мѣткія характеристики многихъ писателей; на «Матеріалы» Богданова и др. Въ ссылкахъ на періодическія изданія также есть недочеты, и г. Языкову слѣдовало бы обратить вниманіе на провинціальныя газеты.

Что касается вновь выпедшаго выпуска, то мы замѣтили въ немъ слѣдующіе пропуски:

1) Епископъ Александръ (Кульчицкій). Пропущены его «Поученія», напечатанныя въ «Костромскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ», за 1887—1888 гг.

2) К. К. Аргейвъ. Пропущено: «Физика». Лекціи. Сиб. б. о. г. 8°. 206 стр.

3) Л. П. Блюммеръ. Въ біографіи его не указано, что онъ въ теченіе пяти лѣтъ пробылъ за границей въ положеніи эмигранта и издавалъ тамъ революціонныя газеты «Свободное Слово» (въ Берлинѣ, а потомъ въ Брюсселѣ), «Вѣсть» (въ Берлинѣ) и «Европеецъ» (въ Дрезденѣ). Ничего не сказано о его сотрудничествѣ въ «Голосѣ», «Русскомъ Инвалидѣ», «Судобной Газетѣ» и въ провинціальныя газеты «Донѣ», «Саратовскомъ Листкѣ», «Саратовскомъ Дневникѣ» и «Волгѣ». Не указаны его псевдонимы: Крутойрченко, Крутойрскій, Леонидъ Книжникъ, Леонардъ Недоумко, Любимовъ, Леонидъ Ссылный, Макенъ Сизой, Вѣринъ и др. Далѣе, въ перечнѣ его произведеній пропущено: а) «Письма о русской журналистикѣ», напечатанныя въ «Сѣверной Пчелѣ»; б) «Хохлацкія снѣжки», 1857 года. Подъ псевдонимомъ Крутойрченко; в) «Панство и Россія». Книга, выпедшая подъ псевдонимомъ Леонидъ Ссылный, представляющая собою корреспонденціи Блюммера о сочиненіи графа Толстого «Le catholicisme romain en Russie».

4) Профессоръ Е. Н. Богдановскій. Пропущено: а) «Записки по клинической хирургіи». Сиб. 1887. 2+160+11+177 стр.; б) «Послѣдняя лекція, прочитанная за полчаса до смерти, 11-го октября 1888 года». Лекція эта была записана студентомъ П. Бѣхтинымъ и напечатана въ № 41 «Русской Медицины» за 1888 годъ, а потомъ издана отдѣльно.

5) М. Н. Богдановъ. Пропущено: а) «Зоогеографическая жизнь полевого тетерева». Казань. 1867. (Отг. изъ «Трудовъ казанск. общ. естеств.»); б) «По вопросу о средствахъ истребленія сусликовъ». Сиб. 1873. (Отг. изъ «Трудовъ имп. вольно-экон. общ.»).

6) А. А. Брызгаловъ. Указаны не всѣ изданія его «Географіи».

7) В. П. Бурнашевъ. Пропущено: «Очеркъ исторіи мануфактуръ въ Россіи». Вл-ръ В-шевъ. Сиб. 1833. 1+55 стр., и не указаны произведенія его, выпедшія подъ псевдонимомъ В. Байдаровъ.

8) А. С. Вѣльцовъ. Пропущено: «Къ вопросу объ этиологіи гноекровія». Сиб. 1885. 42 стр.

Несомнѣнно, что въ «Обзорѣ» можно отыскать и еще массу пробѣловъ, но это обстоятельство отнюдь нельзя ставить въ вину составителю, такъ какъ неточности и пропуски — вѣчныя спутники всякой библиографической работы, и ни одинъ библиографъ не въ состояніи уберечь отъ нихъ свой трудъ.

В. Городецкій.

Etude sur la langue laze. Par M. H. Adjarian. (Extrait des Mémoires de la Société de linguistique de Paris, t. X). Paris. 1899.

Литература по изученію кавказскихъ языковъ крайне скудна. Для многихъ изъ нихъ до сихъ поръ не существуетъ ни грамматики, ни словаря. Въ особенности скудость эта замѣчается тѣми учеными, которые не владѣютъ русскимъ языкомъ, служащимъ нынѣ органомъ для грамматическихъ и лексическихъ работъ по кавказскимъ идиомамъ. Вслѣдствіе незнакомства съ русскою ученою литературою, европейцы впадаютъ въ заблужденія, и въ этомъ числѣ оказывается авторъ выше поименованной книги. Въ самомъ введеніи онъ обнаруживаетъ незнакомство съ тѣми немногими эскизами, которые имѣются касательно лазскаго языка въ русской литературѣ. Опредѣливъ не вполне точно географическія границы Лазистана, онъ говоритъ, что «лазы-христиане зависятъ отъ греческаго патріарха въ Константинополѣ, говорятъ по-гречески и считаютъ сами себя греками». А между тѣмъ, у этихъ самыхъ лазовъ, говорящихъ по-гречески, онъ записалъ слова и фразы лазскія! Далѣе онъ отмѣчаетъ рядъ діалектовъ лазовъ-христианъ и лазовъ-магометанъ, прибавляя при этомъ, что діалекты «немного» отличаются другъ отъ друга. Указавъ на то, что діалекты восточные, на которыхъ говорятъ ближе къ Батуму, сохранили все богатство произношенія языковъ Кавказа, онъ почему-то не называетъ ближайшаго родственнаго къ лазскому языку—мингрельскаго и не отмѣчаетъ нигдѣ связи ихъ съ грузинскою группою языковъ. Это тѣмъ болѣе странно, что его предшественники, которыми онъ пользуется, и Розенъ (*Ueber die Sprache der Lazen*, Berlin, 1843) и фонъ-Еркертъ (*Die Sprachen des Kaukas. Stammes*, Wien, 1895), указываютъ связь между лазско-мингрельскимъ и грузинскимъ языками. Игнорированье, вольное или невольное, этого научнаго приобрѣтенія языкознанія приводитъ автора ко многимъ куріознымъ толкованіямъ и сопоставленіямъ, легко устранимымъ при пользованіи данными языковъ мингрельскаго и грузинскаго. Вся работа его состоитъ изъ небольшого словарика, грамматическаго эскиза лазскихъ діалектовъ и нѣсколькихъ фразъ вмѣстѣ съ четырьмя народными пѣснями. Указавъ, что лазы не имѣютъ собственнаго алфавита, онъ предлагаетъ свои 32 буквы, выражающія лазскіе звуки. Здѣсь ему много пользы принесло бы знакомство съ матеріалами по мингрельскому языку, напечатанными въ «Сборникѣ» попечителя кавказскаго учебнаго округа. Изъ его грамматическаго эскиза еще разъ становится убѣдительнымъ родство лазскаго языка съ мингрельскимъ и съ грузинскимъ языками. Анализъ формъ сдѣланъ имъ умѣло и съ знаніемъ лингвистическихъ методовъ. Мы не останавливаемся въ библиографической замѣткѣ на выводахъ и положеніяхъ автора, такъ какъ имѣемъ въ виду посвятить особую статью обзору языковъ грузинской или иверійской группы. Что касается до словаря и фразъ, то они не всегда вѣрно переведены. Во всякомъ случаѣ появленіе этой работы восполняетъ пробѣлъ въ кавказской лингвистической литературѣ.

А. Хах—овъ.

А. В. Стороженко. Очерки переяславской старины. Исследования, документы и замѣтки. Кіевъ. 1900.

Выше названные «Очерки» представляют собою весьма интересный и цѣнный въ историческомъ отношеніи сборникъ; каждое изслѣдованіе, каждая замѣтка строго основана на документальныхъ данныхъ, точно проверенныхъ, и непремѣнно или вноситъ что либо новое или серьезную поправку къ прежнимъ знаніямъ. Во главѣ «Очерка» помѣщена статья: «Какой юбилей предстоитъ праздновать городу Переяславу?».

До сихъ поръ почти всѣми историками признавался за годъ основанія Переяслава—993 г., подъ каковымъ годомъ нашъ лѣтописецъ рассказываетъ о единоборствѣ печенѣжскаго богатыря съ отрокомъ Яномъ Усмошвенцомъ и прибавляетъ, что обрадованный побѣдою послѣдняго князь Владимиръ заложилъ на томъ мѣстѣ городъ и назвалъ его Переяславомъ, такъ какъ юноша «перя славу» у печенѣга. А. В. Стороженко совершенно справедливо, по нашему мнѣнію, останавливается на другомъ, болѣе раннемъ извѣстіи о городѣ Переяславѣ, а именно на договорѣ Олега съ греками 907 года (конечно, на исторической его части) и изъ знакомства съ нимъ заключаетъ, что 1) «городъ Переяславъ существовалъ еще до похода Олега на грековъ, т.-е. до 907 г.; 2) онъ былъ административнымъ центромъ извѣстной области, и въ немъ имѣлъ пребываніе отдѣльный князь, подчиненный кіевскому великому князю Олегу; 3) въ Переяславѣ жили купцы, которые торговали съ Византією и по договору князя Олега съ греками, наравнѣ съ купцами другихъ русскихъ городовъ, въ случаѣ прибытія въ Византію, получали право на безошлинную торговлю и на безвозмездное продовольствіе въ теченіе 6 мѣсяцевъ, и 4) греки обязывались постоянно платить извѣстную сумму въ пользу правившаго въ Переяславѣ князя» (стр. 8).

Самый же юбилей 1000-лѣтія существованія города Переяслава г. Стороженко приурочиваетъ къ 15 августа 1907 года.

Во второй статьѣ: «Мѣсто пролитія крови святого князя Бориса», авторъ утверждаетъ, что мѣсто убіенія св. Бориса не есть нынѣшняя рѣка Альта, а болотистая мѣстность, которая называется въ лѣтописи «Лто», «Льто», «Алто», «Альто» и «Олто», и изъ которой вытекала рѣка «Лтица», нынѣшняя Альта, и что именно нынѣшняя Борисоглѣбская церковь въ Борисполѣ стоитъ на самомъ мѣстѣ убіенія князя.

Въ статьѣ «Гдѣ жили переяславскіе торки» г. Стороженко дѣлаетъ прекрасное дополненіе къ извѣстному изслѣдованію проф. Голубовскаго: «Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ» (Кіевъ, 1884), указывая, на основаніи довольно вѣрныхъ сопоставленій и вполне вѣроятныхъ соображеній, мѣсто жительства переяславскихъ торковъ въ окрестности нынѣшнихъ селеній: Малая Каратуль и Великая Каратуль, въ городѣ Баручѣ, въ Бронь-Княжѣ и нѣкоторыхъ другихъ между Переяславомъ и с. Барышевкой.

Статья «Михайловская и Покровская церкви въ городѣ Переяславѣ» представляетъ детальныи разборъ вызывающихъ недоумѣніе лѣтописныхъ извѣстій и другихъ документальныхъ данныхъ объ этихъ церквахъ и почти исчерпываетъ всѣ главнѣйшіе факты изъ ихъ исторіи.

Въ слѣдующей довольно обширной статьѣ «Старые владѣльцы Переяславскаго побережья» г. Стороженко главнымъ образомъ приводитъ «акты», освѣщая ихъ своими историко-критическими замѣчаніями, и въ заключеніе даетъ нѣсколько цѣнныхъ выводовъ о заселенности Переяславской области въ старину, о «ея городищахъ, селищахъ и урочищахъ», о занятіяхъ и промыслахъ ея насельниковъ и т. п. Тутъ же приложена и родословная таблица Сохновичей и Лозокъ.

Дальнѣйшія же статьи: «Родіонъ Григорьевичъ Дмитрашко, полковникъ переяславскій, и его родъ», «Вукъ Сербинъ, полковникъ переяславскій (1675—1682)», «Изъ первоначальной исторіи мѣстечка Борисполя», «Къ біографіи казацкаго гетмана Ивана Михайловича Сулимы», «Время построенія Покровской церкви въ с. Сулимовкѣ» и «Старинное поученіе переяславскому семинаристу», хотя также имѣютъ характеръ первоисточника, тѣмъ не менѣе отличаются меньшимъ значеніемъ.

В. Рудаковъ.

Харьковскій университетскій сборникъ въ память А. С. Пушкина. (1799 — 1899). Харьковъ. 1900.

Содержаніе вышеназваннаго сборника составляютъ: 1) краткое описаніе «чествованія памяти А. С. Пушкина» Харьковскимъ университетомъ; 2) замѣтка И. П. Хруцова: «Однаизъ воспѣтыхъ Пушкинымъ» (Анна Давыдовна Баратынская); 3) обширное «изслѣдованіе» Н. Θ. Сумцова «О поэзіи А. С. Пушкина»; 4) «О влияніи В. Л. Пушкина на поэтическое творчество А. С. Пушкина», М. Е. Халанскаго; 5) «Пушкинъ и г-жа Ризничъ», его же; 6) «А. С. Пушкинъ въ отзывахъ западно-европейской критики 1840—1850 годовъ»—Н. С. Гольдина, и 7) «А. С. Пушкинъ въ отзывахъ А. В. Никитенка», С. А. Столцова.

Наиболѣе крупнымъ произведеніемъ изъ перечисленнаго являются: «Изслѣдованія о Пушкинѣ» Н. Θ. Сумцова, образовавшіяся изъ прежнихъ его «этюдъ», первоначально напечатанныхъ въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ» за 1893 - 1897 гг. и отдѣльно въ 5 выпускахъ, и о значеніи которыхъ было уже говорено. Но во второмъ изданіи «Этюды», говоритъ авторъ, «почти совсѣмъ переработаны: одни переставлены, другіе соединены, третьи раздѣлены, кое-что вышущено, мѣстами сдѣланы большія вставки; въ разныхъ мѣстахъ добавлено нѣсколько новыхъ, ненапечатанныхъ ранѣе, статей, въ томъ числѣ статья о влияніи Пушкина на Лермонтова, статья о поэзіи Θ. П. Тютчева, замѣтка о стихахъ Морачевскаго, обзоръ стиховъ о вистѣльникѣ, неизданное стихотвореніе Родзянка на смерть Пушкина и нѣк. др.» (стр. 2). Измѣнена также и самая группировка статей «въ интересахъ общихъ задачъ». На первомъ мѣстѣ поставлены стихотворенія о пророкѣ, поэтѣ, вообще о поэтическомъ призваніи и художественномъ творествѣ. Затѣмъ въ отдѣльную группу выдѣлены статьи на философско-этическія темы («Философъ ранній», «Желаніе» и др.), стихотворенія на религиозные мотивы, и т. д. Въ самомъ концѣ нашли мѣсто сказки, къ которымъ авторъ присоединилъ «Гусара» и «Жениха».

Вслѣдъ за «изслѣдованіями» Н. Ѳ. Сумцова помѣщены двѣ статьи проф. М. Е. Халанскаго. Въ первой изъ нихъ—«О вліяніи В. Л. Пушкина на поэтическое творчество А. С. Пушкина»—авторъ, расходясь съ большинствомъ нашихъ изслѣдователей, приписываетъ весьма значительную долю вліянія дяди на племянника, особенно въ ранніе годы жизни послѣдняго, въ отношеніи литературнаго, нравственнаго и эстетическаго образованія, а съ нимъ вмѣстѣ и вліянія всей семьи вообще. Въ обширныхъ примѣчаніяхъ къ этой статьѣ читатель найдетъ немало любопытныхъ замѣчаній насчетъ пресловутаго «Арзамаса». Въ другой статьѣ проф. Халанскій говоритъ объ отношеніяхъ Пушкина къ красавицѣ г-жѣ Ризничъ, женѣ одесскаго «негоціанта».

Изъ послѣднихъ статей наше вниманіе наиболее привлекла та, въ которой собраны всѣ почти упоминанія о Пушкинѣ цензора А. В. Никитенка въ его «Дневникѣ». Впервые о немъ говоритъ Никитенко подъ 2 сент. 1826 г., по поводу портрета Пушкина, выставленнаго въ академіи художествъ. Въ позднѣйшихъ упоминаніяхъ передаются по большей части біографическія подробности и «цензурныя мытарства», испытанныя Пушкинымъ; въ отношеніи же его поэзіи и значенія послѣдней самыми характерными и сильными являются слѣдующія слова Никитенка: «Наступилъ роковой 1837 годъ, 28-е января котораго унесло у русской литературы ея великаго поэта»... «Мы понесли горестную, невознаградимую потерю»... «Бѣдный Пушкинъ! Вотъ чѣмъ заплатилъ онъ за право гражданства въ этихъ аристократическихъ салонахъ, гдѣ расточалъ свое время и дарованіе!»... «Пушкинъ—образователь эстетическаго чувства въ своемъ обществѣ»... «Пушкинъ развилъ въ обществѣ извѣстные нравственные принципы, склонилъ его къ извѣстнымъ задачамъ и вопросамъ жизни, далъ направленіе мыслямъ и чувствамъ своего поколѣнія»...

В. Р—въ.

І. Фолькельтъ. Современные вопросы эстетики. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Штрупа. Изданіе редакціи журнала „Образованіе“. Спб. 1900.

Профессоръ І. Фолькельтъ, написавшій по вопросамъ философіи и эстетики много серьезныхъ научныхъ сочиненій («Immanuel Kants Erkenntnistheorie nach ihren Grundprinzipien analysiert», «Aesthetik des Tragischen» и др.), пользуется въ Германіи извѣстностью выдающагося дѣятеля современной эстетики.

Въ наше время, когда и въ обществѣ и въ литературѣ замѣчается усиленный интересъ къ вопросамъ искусства, когда появляются новыя художественныя вѣянія, извѣстныя подъ именами символизма и декадентства, переводъ книги проф. Фолькельта является какъ нельзя болѣе умѣстнымъ. Она помогаетъ читателю, мало компетентному въ вопросахъ эстетики, разобраться въ массѣ возрѣній на искусство.

Содержаніемъ разсматриваемаго труда служатъ: связь между искусствомъ и нравственностью, отношеніе искусства къ дѣйствительности, противопоставленіе идеализма и реализма въ искусствѣ, значеніе натурализма и задачи эстетики.

Всѣ эти вопросы многосторонне освѣщены, и книга читается съ большимъ интересомъ, несмотря на нѣкоторую распылчатость изложенія. Искусство, утверждаетъ почтенный профессоръ, должно имѣть своей цѣлью не добро, не нравственность, а «человѣчески значительное», т. е. цѣль и цѣнность человѣческаго существованія. Художникъ является нравственнымъ обновителемъ лишь издали.

Различныя направленія въ искусствѣ всецѣло зависятъ отъ хода историческихъ событій. Въ позднѣйшее время успѣхи въ области естественныхъ наукъ и техники, все возрастающее вліяніе дарвинизма, распространеніе матеріализма, успѣхи спиритизма, не могли не отразиться въ области искусства и вызвали въ немъ новое направленіе натуралистическое, которое въ самое послѣднее время смѣнилось въ свою очередь субъективными направленіями, носящими разнообразныя названія: символизма, фантастики, мистики, новаго идеализма, индивидуализма и проч. Несмотря на такое разнообразіе новѣйшихъ направленій въ искусствѣ, всѣ они, по мнѣнію автора, могутъ быть подведены подъ одно опредѣленіе натурализма, такъ какъ всѣ они носятъ его существенныя черты: утонченное пониманіе дѣйствительности, естественно-историческую тенденцію, тяготѣніе къ изображенію среды, чрезмѣрную изобразительность, задушевность, предпочтеніе изображенія наиболее характернаго.

Натурализмъ оказалъ огромную услугу уже тѣмъ, что вывелъ искусство изъ эпохи прозябанія и призвалъ къ жизни много новыхъ многообъщающихъ силъ. Фолькельтъ вмѣстѣ съ Вундтомъ считаетъ эстетику наукой нормативною, т. е. наукой о цѣнностяхъ и идеалахъ.

Въ основѣ эстетики лежитъ психологія; психологическій анализъ и художественная оцѣнка должны идти рука объ руку.

Авторъ старается доказать, что эстетика—не грозная наука съ законами и формулами; она приспосабливается къ различнымъ художественнымъ произведеніямъ и ищетъ не матеріала для произнесенія своихъ приговоровъ, а поученія.

Отрицая всякую тенденцію въ художественномъ произведеніи и требуя отъ него наслажденія и удаленія всего, что можетъ обезножить, раздражить и помѣшать отрѣшиться отъ тягостей и горестей будничной дѣйствительности, Фолькельтъ, тѣмъ не менѣе, не является сторонникомъ ученія: «искусство для искусства»; онъ говоритъ: «Въ искусствѣ должна проявляться бьющимъ ключомъ современная жизнь, искусство должно быть въ связи съ развитіемъ культуры и должно черпать сюжетъ изъ соціальнаго движенія и борьбы». Не слѣдуетъ только, по его мнѣнію, заходить слишкомъ далеко въ этомъ направленіи и не избѣгать изображенія и минувшихъ вѣковъ съ ихъ сказаніями о великихъ людяхъ и ихъ подвигахъ.

Д. К. Е—въ.

Е. К. Крафтъ. Изъ киргизской старины. Оренбургъ. 1900.

Книжка г. Крафта представляетъ сборникъ статей, матеріаловъ и замѣтокъ, напечатанныхъ имъ ранѣе въ «Тургайской Газетѣ» и въ «Тургайскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ», и состоитъ изъ двухъ частей. Въ

первую вошли: во-первыхъ, историческая справка объ основаніи городовъ Тургай и Иргиза, по документамъ архива тургайскаго областного правленія, и, во-вторыхъ, высочайшіе указы императрицы Екатерины II, за время отъ 1763 по 1776 г., также заимствованные изъ архива тургайскаго областного правленія. Указы эти писались на имя канцлеровъ, управлявшихъ коллегіею иностранныхъ дѣлъ, и на имя генераль-губернаторовъ, управлявшихъ въ то время обширнымъ краемъ, занимающимъ нынѣ территорию Оренбургской, Уфимской и части Самарской губерній и Уральской и Тургайской областей. «Выписки» въ настоящемъ изданіи «сдѣланы большею частью изъ подлинныхъ собственноручно подписанныхъ императрицею указовъ и только незначительная часть ихъ списана отъ засвидѣтельствованныхъ копій». Большая часть указовъ относится къ Оренбургскому краю, но нѣкоторые имѣютъ и общее значеніе, напримеръ, нѣсколько указовъ отъ 1774 г. объ «Емелькѣ Пугачевѣ». Всѣхъ указовъ помѣщено 41. За указами помѣщены: «О способахъ къ умноженію земледѣлія въ Оренбургской губерніи», — перепечатка изъ «Сборника узаконеній» 1767 г., «Записки члена волжско-камскаго общества статскаго совѣтника Рычкова» и статьи г. Крафта: «Султаны, тарханы и бии» (гдѣ дается краткое опредѣленіе этихъ терминовъ и указаніе на современныя права, связанные съ ними); «Вдохновенный киргизъ Мараль Курмановъ», который назывался въ официальныхъ актахъ «вдохновеннымъ» и «лжепророкомъ», на самомъ же дѣлѣ былъ мечтателемъ-сепаратистомъ, не нашедшимъ себѣ никакой почти поддержки среди киргизовъ; «Къ вопросу о тѣлесномъ наказаніи» и «Уничтоженіе рабства въ Киргизской степи». Послѣдняя статья довольно пространная и содержитъ немало любопытныхъ данныхъ, которыя до сихъ поръ были очень мало извѣстны.

Вторую часть книжки составляютъ «Киргизскія легенды, сказки и басни» (всего 19), записанныя г. Крафтомъ на мѣстѣ, по преимуществу со словъ туземцевъ — Мамбетжака Ибрагимова и Мамбета Асамова. Изъ нихъ наибольшій интересъ представляетъ легенда объ Иванѣ Калитѣ, напоминающая мифическое преданіе объ основаніи Кароагена, не лишняя хронологической точности.

В. Р.—въ.

Дж. Гобсонъ. Авторъ «Эволюціи современнаго капитализма».
Проблемы бѣдности и безработицы. Изданіе О. Н. Поповой.
 Спб. 1900.

Авторъ начинаетъ съ вопроса: что такое современная бѣдность? Какъ социальное явленіе, — говоритъ онъ, — болѣе или менѣе распространенное, бѣдность существовала всегда; но ранѣе она являлась слѣдствіемъ недостаточности производства, самыя условія котораго, какъ извѣстно, смягчали ея проявленія и, вообще говоря, сильно ограничивали необузданную эксплоатацію рабочей силы. Не то теперь — современная бѣдность выросла, можно сказать, среди небывалаго еще расцвѣта производительныхъ силъ и является уже слѣдствіемъ переизобильности богатства, что и составляетъ ея отличительную черту; обострились къ тому же и степени ея проявленія вмѣстѣ со все болѣе и болѣе

уменьшающеюся возможностью для бѣдняка занять лучшее социальное положеніе. Отсюда пристокаетъ усиленіе контраста между богатствомъ и бѣдностью.

Объясненіе промышленныхъ кризисовъ и вообще развитія пролетаріата по мѣрѣ прогрессируванія капиталистическихъ способовъ производства—избыткомъ производства богатствъ или, что одно и то же, недостаточностью ихъ потребленія—мысль не новая. Она указана еще Марксомъ и была проводима и нѣкоторыми другими авторами, на которыхъ ссылается Гобсонъ, но въ названномъ трудѣ, кажется, впервые это положеніе, составляя самый важный выводъ всего изслѣдованія, разработано съ необходимою полнотой и послѣдовательно выдержано до конца.

Произведеніе автора въ оригиналъ представляетъ два самостоятельныхъ труда («Problems of poverty» и «The problem of the unemployed»), настолько, впрочемъ, тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ, что изданіе ихъ въ одной книгѣ представляется вполне умѣстнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если исключить чисто случайныя и индивидуальныя причины, вліяющія на бѣдность лишь въ весьма незначительной степени, какъ это доказываетъ авторъ, опираясь преимущественно на извѣстное изслѣдованіе Чарльса Бутса, то исходнымъ пунктомъ бѣдности и явится безработица, составляющая необходимое условіе капиталистическаго режима. Строго вѣрный своей основной идеѣ, авторъ единственное коренное средство противъ безработицы видитъ лишь въ расширеніи потребленія, при чемъ предостерегаетъ противъ опасности ограничиваться въ этомъ направленіи одними палліативами. Но какъ расширить потребленіе? Авторъ изслѣдуетъ этотъ вопросъ съ полнымъ безпристрастіемъ, принимая во вниманіе всѣ безчисленные, связанные съ нимъ интересы, но тутъ мы уже отсылаемъ читателя къ оригиналу. Подробно, всесторонне разобраны авторомъ также причины безработицы, «sweating system» («погонная работа», имѣющая еще большее распространеніе у насъ, въ Россіи, чѣмъ на родинѣ автора), но и вся книга вообще крайне содержательна и читается съ большимъ интересомъ. Отмѣтимъ еще языкъ автора, излагающаго свой предметъ сжато, но ясно и толково; указана и литература предмета (на англійскомъ языкѣ, такъ какъ Гобсонъ въ своемъ изслѣдованіи почти не выходитъ за предѣлы Англии). Съ своей стороны намъ остается лишь пожелать этому превосходному труду самого широкаго распространенія.

Къ книгѣ приложена статья П. Струве: «Къ вопросу о безработицѣ», содержащая впечатлѣнія автора, вынесенныя имъ изъ чтенія парламентскихъ «синихъ книгъ».

А. Никитинскій.

Сочиненіе Фр.-М. Вольтера. Кандидъ или оптимизмъ. Переводъ съ французскаго П. Н. Скачилова. Изданіе товарищества «Книговѣдъ». Сиб. 1900.

Во второй половинѣ XVIII вѣка, въ періодъ самого горячаго увлеченія въ Россіи такъ называемою просвѣтительною французскою литературой, наиболѣе широкимъ распространеніемъ среди нашихъ читателей пользовались философ-

скія повѣсти Вольтера, а изъ нихъ наиболѣе популярны были тѣ, которыя отличались фривольными подробностями. Такъ нѣкоторыя произведенія «фернейскаго мудреца», потворствуя грубымъ вкусамъ, завоевали себѣ симпатіи и извѣстность, и въ этомъ отношеніи дѣлу развитія человѣчества служили отрицательную службу, которая болѣе чѣмъ искуплялась, однако, тѣми громадными заслугами, какія тому же дѣлу оказывали эти произведенія въ другомъ отношеніи. Какъ и всѣ произведенія Вольтера, они пробуждали умы отъ вѣковой снѣжки, разрушая въ нихъ застарѣлыя предрасудки и прививая къ нимъ новыя философскія идеи, но кругъ ихъ читателей былъ гораздо шире, чѣмъ кругъ читателей другихъ произведеній. Къ числу наиболѣе популярныхъ повѣстей Вольтера принадлежала и повѣсть «Кандидъ».

Знакомство съ этою повѣстью для читателя, не знающаго французскаго языка, до сихъ поръ было очень затруднительно, такъ какъ единственный источникъ для такого знакомства: «Романы и повѣсти Вольтера» въ переводѣ Н. Дмитриева, сдѣлался рѣдкою книгою. Не лишнимъ было бы къ подобнымъ изданіямъ прилагать историко-литературныя предисловія, такъ какъ эти изданія, очевидно, рассчитаны на широкій кругъ читателей.

С. П.

Собраніе сочиненій И. А. Голышева. Подъ редакціей А. Э. Мальгрена. Томъ первый. Выпускъ второй. Спб. 1899.

Любителямъ русской старины достаточно извѣстно имя А. И. Голышева, почти въ теченіе полу столѣтія занимавшагося собираніемъ и описаніемъ памятниковъ народнаго быта и творчества. Самою крупною заслугой этого замѣчательнаго самоучки-археолога и этнографа являются изданія, вышедшія изъ его литографіи, въ которыхъ памятники нашего прошлаго воспроизведены съ примѣрнымъ изяществомъ и безукоризненною точностью. Кромѣ предисловій къ этимъ изданіямъ, А. И. Голышевымъ написано до двадцати брошюръ, преимущественно по археологическимъ и историческимъ, и нѣсколько сотенъ статей, разсѣянныхъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ. Большинство послѣднихъ касаются вопросовъ археологическимъ и историческимъ, но есть между ними и такія, которыя посвящены статистикѣ, этнографіи и современнымъ общественнымъ вопросамъ.

Въ настоящемъ выпускѣ предпринятаго собранія сочиненій А. И. Голышева помѣщены статьи его по археологическимъ и историческимъ, болѣею частью имѣющія тѣсную связь съ наиболѣе видными изъ упомянутыхъ изданій его литографіи, къ которымъ онѣ являются какъ бы комментаріями.

Къ книгѣ приложены двѣ цинкографіи. Одна изъ нихъ воспроизводитъ образецъ старинной рѣзбы по дереву, а другая—археологическія находки близъ сл. Холуя, Вязниковскаго уѣзда.

С. П.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ГОДОВЫЕ итоги исторической литературы. По обыкновению англійскій *Athenaeum* въ своемъ первомъ іюльскомъ номерѣ помѣщаетъ обзоръ всѣхъ европейскіхъ литературъ, за исключеніемъ англійской, за истекшій годъ отъ 1 іюля 1899 г. по 1 іюля 1900 г. ¹⁾, и на этотъ разъ составители отчетовъ остались тѣ же, какъ въ прошедшемъ году. Пользуясь ихъ трудами, легко можно подвести итогъ выдающимся явленіямъ годовой дѣятельности исторической литературы, но, конечно, при этомъ мы преимущественно обратимъ вниманіе на тѣ труды, о которыхъ еще не было упомянуто своевременно въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Въ послѣдніе годы французскіе историки совершенно отвернулись отъ картиннаго романтизма Мишлэ и психолого-филологическихъ теорій Тэна, а исключительно посвятили себя документальному, архивному изслѣдованію фактической подноготной стороны исторіи, при этомъ преимущественно исторіи революціи и наполеоновской эпохи. Поэтому, естественно, въ модѣ мемуары, которые почти ежедневно откапываются и наводятъ на современную французскую литературу. Первое мѣсто между ними отводитъ обозрѣватель «*Athenaeum*», Жюль Правье, воспоминаніямъ барона Дедема и генерала Андиньэ. Послѣднія изданы съ учеными примѣчаніями Эдмондомъ Бирэ и заключаютъ въ себѣ много интересныхъ страницъ объ эмиграціи, шуанахъ, Бонапартѣ, Сіэсѣ и другихъ тогдашнихъ дѣятеляхъ. Затѣмъ Правье упоминаетъ о новыхъ трудахъ Вандаля, Вельсингера и Дюко, которые извѣстны читателямъ, и останавливается на четвертомъ томѣ обширнаго сочиненія Фридриха Массона: «Наполеонъ и его семья», на біографіи Сіэса, составленной Альбертомъ Нетономъ, и на первомъ томѣ «Французское

¹⁾ *Continental Literature, July 1899—July 1900.—The Athenaeum. 1 July 1900.*

общество отъ XVI до XX вѣка», Виктора де-Блэда. Извѣстный знатокъ всего, что касается до Наполеоновской эпохи, Массонъ продолжаетъ свое подробное до мелочей изслѣдованіе оборотной стороны медали относительно семьи своего героя и рельефно рисуетъ тупость Юсифа, безумную расточительность Иеронима, поползновенія Мюрата на независимость, необыкновенныя притязанія Людовика, сумасшедшія выходки сестеръ и претензіи матери, которыя всѣ вмѣстѣ много содѣйствовали паденію императора, за исключеніемъ одного принца Евгенія, составлявшаго блестящее исключеніе. До сихъ поръ не было еще подробной біографіи Сіэса, хотя, по мѣткому выраженію Мишлэ, «онъ открылъ и закрылъ революцію», а теперь этотъ пробѣлъ пополненъ обстоятельною монографіей Нетона на основаніи новыхъ не напечатанныхъ еще документовъ. Что касается до начала обширнаго труда де-Блэда, то онъ рисуетъ еще только мастерскую картину французскаго общества въ XVI столѣтіи. Историческіе труды на французскомъ языкѣ составляютъ ежегодно разрастающуюся отрасль бельгійской литературы. Прошедшій годъ ознаменованъ выходомъ въ свѣтъ «Исторіи Бельгіи», профессора Генри Ширенна, которая уже имѣла большой успѣхъ въ нѣмецкомъ переводѣ и теперь въ подлинникѣ разошлась въ нѣсколько мѣсяцевъ въ тысячѣ экземпляровъ, что для ученой бельгійской книжки—неслыханный фактъ. Вообще историческія изслѣдованія въ большой модѣ въ Бельгіи, и Поль Фредерикъ указываетъ на страницахъ «Athenen» на цѣлый рядъ замѣчательныхъ трудовъ по этой части. Брюссельскій профессоръ Вандеркиндеръ издалъ первый томъ совершенно оригинальнаго изслѣдованія «Исторія территориальнаго образованія бельгійскихъ владѣній». Ванъ-Гутте нашелъ любопытное описаніе Фландріи въ XII вѣкѣ въ хроникѣ Гальберта изъ Брюггена; Г. Марецъ нарисовалъ картину средне-вѣковой торговли; аббатъ Мельдръ написалъ біографію августинскаго монаха Юанна Анжели изъ Турне, предшественника Лютера въ борьбѣ съ папскими индульгенціями; іезуитскій патеръ Делпласъ составилъ исторію царствованія голландскаго короля Вильгельма I въ Бельгіи отъ Ватерло до революціи 1830 года, а профессоръ Бранте посвятилъ подробную монографію Лувенскому университету, который основанъ въ XV вѣкѣ, закрытъ во время французской революціи, реорганизованъ въ государственный университетъ въ 1817 году, снова уничтоженъ въ 1830 году и наконецъ возстановленъ въ 1834 году, какъ частное учрежденіе католическаго духовенства. Въ этотъ перечень вошли далеко не всѣ появившіяся въ Бельгіи изслѣдованія по отечественной исторіи, и, кромѣ того, издано немало любопытныхъ книгъ по всеобщей исторіи, между которыми особаго вниманія заслуживаетъ окончаніе профессоромъ Кумономъ его ученаго труда по изученію памятниковъ митраизма, мало извѣстной религіи древняго міра, которая оказала сильное сопротивленіе распространенію христіанства. На фламандскомъ языкѣ также появилось нѣсколько сочиненій по мѣстной исторіи, изъ которыхъ всего замѣчательнѣе: «Исторія города Лувена», ванъ-деръ-Ливена, который очень живо очерчиваетъ муниципальную жизнь этого города въ средніе вѣка, эпоху его процвѣтанія.

Въ другихъ католическихъ странахъ изученіе исторіи одинаково процвѣтаетъ. Итальянцамъ оно особенно сродно, и Гвидо Біаджи, давая отчетъ о вы-

шедшихъ книгахъ, указываетъ на интересные труды: Цезаре о конклавѣ Льва XIII и его же о послѣднихъ Неаполитанскихъ Бурбонахъ; Паоло Орси— «Исторія современной Италіи»; Гвардіоне о Муратѣ въ Италіи и Людовико Фрати о частной жизни въ Болоніи отъ XIII до XVII столѣтія. Кроме того, Флорентинскій муниципалитетъ издалъ великолѣпную, богато иллюстрированную, книгу по исторіи города подъ заглавіемъ: «Il centro di Firenze: studie storici, ricordi artistici». Но самое важное историческое значеніе имѣетъ новое критическое изданіе старинныхъ итальянскихъ хроникъ «Monumenta Italiae Historica» подъ редакціей поэта Кардучи, который выпустилъ уже въ свѣтъ два тома. Исторія литературы усердно разрабатывается итальянскими учеными, и въ послѣдніе годы произошло замѣчательное возрожденіе изученія Данте. Не только Дантовская литература ежедневно разрастается, но лекціи о Данте и чтенія о «Божественной Комедіи» съ легкой руки Флоренціи распространились по всеѣмъ итальянскимъ городамъ. Въ первомъ отношеніи появились заслуживающія большого вниманія монографія профессора Феличе Такко: «Данте и ересь», и шестой томъ «Poesie di Mille autori intorno a Dante Alighieri», Карло Дель-Бальцо, который задалъ себѣ задачу собрать все поэмы, написанныя на различныхъ языкахъ въ подражаніе «Божественной Комедіи». Что же касается до Дантовскихъ лекцій, то наибольшій успѣхъ имѣли лекціи Джіудиче, Тамасети и Ракки, которыя уже появились въ печати подъ общимъ заглавіемъ *La vita e la Cultura Italiana al tempo di Dante*. Изъ другихъ критическихъ трудовъ можно указать на исторію итальянской литературы XVII вѣка, Антонио Валлари, монографію Дино Монтаваніи о романистѣ и гарибальдійцѣ Иннолито Ньево, подъ заглавіемъ «Il Poeta Soldato», и такъ называемую автобіографію Джакомо Леопарди, но въ сущности составленную изъ писемъ поэта профессоромъ Шерджили. Относительно Испаніи, обозрѣватель въ *Athenaeum*, Рафаэль Альтамира, замѣчаетъ, что, несмотря на преобладаніе за истекшій годъ въ ея литературѣ социальныхъ трудовъ, имѣющихъ цѣлью возрожденіе несчастной страны послѣ бѣдствій войны съ американцами, ученые труды по исторіи и литературѣ шли своимъ обычнымъ чередомъ. Всего замѣчательнѣе изъ нихъ сборникъ, изданный въ честь двадцатилѣтняго юбилея профессора Менендеса-и-Пелайо и въ которомъ все лучшіе писатели помѣстили 57 статей по различнымъ политическимъ, историческимъ, литературнымъ и социальнымъ вопросамъ. Затѣмъ возбуждаютъ значительный интересъ: «Упадокъ и исчезновеніе Альморавидовъ въ Испаніи», Кидеры; пятый томъ исторіи Испанской Армады, Фердинанда Дуро; біографія Донъ-Жуана Австрійскаго, составленная Пореной, и обширная монографія Брюнэ о значеніи мусульманской цивилизаціи. Сочиненія по исторіи литературы многочисленны, и въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаютъ: историческая хроника Севильскаго театра, Санхеза Аріоны, и Исторія литературы, маркиза Вольмара. О польской исторической литературѣ критикъ англійскаго журнала Бельчиковскій отзывается очень кратко и указываетъ лишь на «Виленскій Университетъ» — Бѣлинскаго, «Вышая Варшавская Школа, 1862—1869» — анонимнаго автора, «Исторія польской литературы» — Хмелевскаго въ 6 томахъ, «Польская геральдика въ средніе вѣка» — Пыкосинскаго, «Діаволь въ поэзіи» — Матушевскаго и «Очерки по исторіи художествъ и цивилизаціи» — Соколовскаго. Лео-

польдъ Катшеръ въ своемъ отчетѣ о трудахъ венгерскихъ историковъ останавливается на «Исторіи грековъ», профессора Гюмляя, на перепискѣ Кошута съ Викторомъ-Эмануиломъ, принцемъ Наполеономъ и другими, на обширной монографіи Пейзнера «Исторія Будапешта въ XVIII вѣкѣ» и на біографіи Балинти Балассы, извѣстнаго венгерскаго поэта и воина XVI вѣка, составленной Павломъ Эрдели.

Трудно сказать, почему, но, судя по обзорѣнью въ *Athenum*ъ, протестантскія страны отстали въ исторической литературѣ отъ католическихъ. Германія, если вѣрить словамъ Эрнста Гейльброна, не представила въ продолженіе года ни одного замѣчательнаго историческаго труда, и онъ упоминаетъ лишь о воспоминаніяхъ Юлія Роденберга, о мемуарахъ Бамбергера и «Исторіи германской литературы въ XIX вѣкѣ», Рихарда Мейера, которую онъ называетъ спѣшною, поверхностною и беспорядочно составленною компиляціей, хотя другіе нѣмецкіе критики, напримѣръ, Неккеръ, въ *Zeit* отъ 30-го іюня, признаетъ за нею большія достоинства и оригинальный, своеобразный характеръ. К. Елутъ, говоря о голландской литературѣ, вовсе не касается исторіи; Альфредъ Ипсенъ въ своемъ отчетѣ объ историческихъ трудахъ, появившихся въ Дани, указываетъ только на два почтенныхъ и обширныхъ изданія, которыя выходятъ уже нѣсколько лѣтъ и не скоро кончатся: «Исторію всеобщей литературы» подъ редакцію Юлія Клаузена и «Исторію датской литературы», составленную кружкомъ ученыхъ критиковъ. Повидимому, историческая литература въ Норвегіи не богата, и Христіанъ Бринчманъ обращаетъ вниманіе читателей англійскаго журнала лишь на спеціальныя монографіи: Т. Блана о театрѣ въ Христіаніи, профессора Грана о норвежской литературѣ тридцатыхъ годовъ XIX вѣка, доктора Берга о происхожденіи и процвѣтаніи норвежскихъ городовъ и К. Виберга о сношеніяхъ Ганзы съ Бергеномъ.

Намъ остается еще сказать, что В. Тилле указываетъ въ числѣ новостей чешской исторической литературы на «Исторію нашей поэзіи», Ярослава Влеса, на два изслѣдованія Пейскера и Кадлека объ общинномъ землевладѣніи въ славянскихъ земляхъ и на «Исторію искусства» К. Мадля. Что касается до Константина Бальмонта, обзрѣвающего русскую литературу въ назиданіе англійскихъ читателей, то онъ кратко упоминаетъ о нѣсколькихъ выдающихся русскихъ историческихъ книгахъ послѣдняго времени и болѣе распространяется о поэтахъ: «талантливомъ» Минскомъ, «замѣчательномъ» Мережковскомъ, «способной» Лохвицкой, «лучшемъ изъ живыхъ русскихъ поэтовъ» Случевскомъ, «ультра-декадентъ» А. Добролюбовъ, и «импрессионистскихъ поэтахъ», къ числу которыхъ относитъ себя, и т. д.

— Омаръ Хайамъ и его культъ въ Англии и Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Имя Омара Хайама, персидскаго поэта и философа, очень мало извѣстно внѣ Англии и Америки, но въ этихъ двухъ странахъ процвѣтаетъ въ послѣдніе годы настоящій Омаровскій культъ, и только теперь начинается противъ него реакція. Объ этомъ любопытномъ явленіи помѣщена во второй іюльской книжкѣ *Revue des Revues* обстоятельная статья профессора Минепольскаго университета въ Соединенныхъ Штатахъ, Альберта

Шинца ¹⁾), цѣлый рядъ статей въ Лондонскомъ Academy ²⁾) и рѣзкая критика А. Миллера въ People's Friend—за июнь ³⁾). Омаръ родился въ Найшанурѣ въ Хорасанѣ въ половинѣ XI столѣтїя и умеръ въ первой четверти XII вѣка. Въ юности онъ посѣщалъ школу знаменитаго мудреда имама Мовафака и тамъ подружился съ Низамомъ Уль-Мулькѣ и Хасаномъ Бенъ-Саббатъ, которые играли значительную роль въ персидской исторїи. Однажды Хасамъ предложилъ своимъ товарищамъ поклясться, что если одинъ изъ нихъ достигнетъ власти, то раздѣлитъ ее съ двумя другими. Они согласились, и когда спустя много лѣтъ Низамъ сдѣлался великимъ визиремъ султана Альпъ-Арслама, то оба его товарища потребовали, чтобы онъ исполнилъ свое обѣщанїе. Хасанъ получилъ согласно своему желанїю крупную правительственную должность, но составилъ заговоръ противъ Низама и былъ удаленъ; тогда онъ сталъ во главѣ недовольныхъ и съ помощью Измаильской секты взялъ крѣпость Аламутъ, на югѣ Каспійскаго озера, сдѣлался грозой персовъ и убилъ Низама. Что же касается Омара, то, явившись къ своему другу, онъ сказалъ: «величайшая милость, которую ты можешь мнѣ оказать, это позволить мнѣ жить спокойно подъ сѣнью твоего могущества въ какомъ нибудь уединенномъ уголкѣ, гдѣ я буду заниматься науками и молить Бога за тебя». Великій визирь исполнилъ его желанїе и назначилъ ему ежегодную пенсію въ 1200 золотыхъ. Омаръ сдѣлался великимъ ученымъ, изучилъ астрономїю, содѣйствовалъ преобразованїю мусульманскаго календаря, зналъ греческій языкъ, былъ поэтомъ, но имѣлъ репутацію еретика, такъ какъ преслѣдовалъ сарказмами суффиговъ. Несмотря на это, онъ пользовался милостями султана Малика-Шаха, наслѣдовавшаго Альпъ-Арсламу, и умеръ всѣми уважаемый. Послѣ него осталось много ученыхъ сочиненїй, изъ которыхъ алгебра переведена на французскій языкъ и напечатана въ 1851 г. членомъ азіатскаго общества, М. Вельпке, а также «Рабайата», или сборникъ около 600 четверостишій. Въ европейской литературѣ первый упомянулъ объ Омарѣ Хайамѣ и его поэзїи англичанинъ Томасъ Гайдъ въ своей латинской книгѣ «Религія древнихъ персовъ» (1700 г.), а сэръ Горъ Узлей въ изданномъ послѣ его смерти, въ началѣ нашего столѣтїя сборникѣ переводныхъ произведенїй персидскихъ поэтовъ приводитъ нѣсколько изреченїй Омара. Австрійскій баронъ фонъ-Гаммеръ-Пургталъ помѣстилъ незначительное число его четверостишій въ своей «Исторїи персидской изящной словесности» (1818 г.), а нѣмецкій поэтъ Фридрихъ Рюккертъ привелъ примѣры изъ поэзїи Омара въ «Jahrbücher der Litteratur». Наконецъ, Эдвардъ Вайльзъ Ковель, ученый оріенталистъ, ректоръ Санскритской коллегїи въ Калькуттѣ, напечаталъ въ 1858 г. въ «Calcutta Review» длинную статью объ Омарѣ съ отрывками изъ его поэтическихъ произведенїй, а главное познакомилъ съ ними Финцъ-Джеральда, который былъ

¹⁾ Omar Khaam et son culte en Angleterre et aux Etats Unis d'Amerique, par A. Schinz. Revue des Revues, 15 juin. 1900.

²⁾ About Omar Khaam. — Lucretind Omar. — The Omar cult. Academy. 16 June—14 July—21 July. 1900.

³⁾ Omar Khayam, by A. Millar. People's Friend. June, 1900.

основателем омаровскаго культа. Этотъ эксцентричный англичанинъ ненавидѣлъ всѣ свѣтскіе предрасудки и условности, жилъ одиноко на берегу моря и, найдя въ пессимистической поэзіи персидскаго философа много сроднаго съ собственнымъ настроеніемъ, перевелъ около ста его четверостишіи на англійскій языкъ и издалъ въ Лондонѣ въ 1859 году. Затѣмъ вышло еще два изданія, и когда онъ умеръ въ 1883 году, то его Омаръ уже началъ входить въ моду. Одною изъ первыхъ его поклонницъ была миссъ Мэри Робинсонъ, вышедшая потомъ замужъ за французскаго ученаго Дармстеттера, который вмѣстѣ съ Ренаномъ старался по ея инициативѣ привить Омара во Франціи, но безъ успѣха. Впрочемъ французскій прозаическій переводъ четверостишіи Омара, сдѣланный консуломъ въ Рештѣ, Ж. Никола, одинъ изъ самыхъ полныхъ, такъ какъ совершенно полного и вѣрнаго перевода еще не появлялось. Что касается до перевода Фицъ-Джеральда, то онъ самъ признаетъ его «далеко не буквальнымъ». Макъ-Карти справедливо говоритъ: «Рабайата на англійскомъ языкѣ не переводъ, а оригинальная поэма», другіе критики прямо доказываютъ, что Омаръ болѣе обязанъ Фицъ-Джеральду, чѣмъ Фицъ-Джеральдъ Омару, а знаменитый поэтъ Свинборнъ всего болѣе восхищался тѣми строфами перевода Фицъ-Джеральда, которыя не находятся въ подлинникѣ. Дѣйствительно этотъ переводчикъ отнесся къ своему оригиналу очень неперемонно, такъ какъ, по его словамъ, «персидскій поэтъ требовалъ, чтобъ ему придали немного художественности». Въ сущности его измѣненія касаются не одной внѣшности, и онъ значительно подчистилъ, мѣстами сократилъ, мѣстами развилъ, а главное опозитизировалъ и сдѣлалъ вполне понятнымъ и сочувственнымъ для современныхъ европейцевъ персидскаго мудреца X вѣка, отличающагося рядомъ съ глубокими философскими идеями, грубымъ эникурействомъ, туманнымъ пессимизмомъ, площаднымъ прославленіемъ на всякомъ шагѣ вина и къ которому вполне подходятъ слова Матью Армальда: «у него тѣло болящее, а умъ не вполне ясный, но вполне слѣпой, слишкомъ живой, чтобъ бездѣйствовать, но слишкомъ слабый, чтобъ дойти до чего нибудь, а потому онъ послѣ тяжелыхъ потугъ родитъ вѣтеръ». Вотъ основныя изреченія его философской системы: «О бѣдное сердце, если твоя судьба быть уязвленнымъ до крови горемъ, или твоя натура навлекаетъ на тебя ежедневныя страданія, то скажи мнѣ, душа, зачѣмъ ты вѣдрилась въ мое тѣло, которое ты должна въ концѣ концовъ покинуть?» — «Свѣтъ только точка нашего бытія. Рѣка Оксъ лишь слабый слѣдъ нашихъ слезъ и крови; адъ представляетъ лишь искру тѣхъ ненужныхъ страданій, которыя мы сами себѣ причиняемъ, а рай не что иное, какъ минута спокойствія, которой мы иногда пользуемся на землѣ». — «Я возставшій рабъ! Я жажду свободы, жажду свѣта! У меня сердце омрачено грѣхомъ. Если рай только удѣлъ слѣпо повинующихся року, то онъ лишь платить долгъ, и гдѣ же его милосердіе? Если мое тѣло сдѣлано изъ земли, и провидѣніе знало заранѣе всѣ мои дѣйствія, то я грѣшу по его волѣ, и къ чему же меня жарить въ аду?» — «Есть ли человекъ не грѣшившій? Безъ грѣха нельзя жить. Если за сдѣланное мною зло меня караютъ зломъ, то какое же различіе между мной и рокомъ?» — «Я пью вино, и року извѣстно съ начала міра, что я буду пить, а потому, еслибы я не пилъ, то рокъ погрѣшилъ бы

въ своемъ всезнаніи». — «Долго ли ты будешь проводить жизнь въ самообожаніи и въ отыскиваніи принциповъ бытія или небытія? Пей вино; лучше провести жизнь, оканчивающуюся смертью, въ снѣ или пьянствѣ». — «На свѣтѣ есть три блаженства: вино, прекрасная женщина и пѣснь утра». — «Пей, потому что ты не знаешь, откуда ты пришелъ и зачѣмъ! Пей, потому что ты не знаешь, куда ты идешь и для чего». Такимъ образомъ философія Омара Хайама или Фицъ-Джеральда, если снять съ нея маску пессимизма и материализма, — просто эпикурейская теорія «срывай розы, пока можно». Поэтому естественно, что культъ Омара Хайама въ Англіи имѣетъ чисто литературный характеръ, что доказывается недавно вышедшей книгой Маллока, переложившаго поэму Лукреція о жизни и смерти въ четверостишія Омара, и этотъ культъ сосредоточивается въ литературныхъ кружкахъ, основанныхъ въ 1892 году «Клубъ Омара Хайама», славящійся своими тонкими объѣдами. Столь же естественно этотъ культъ принялъ въ Соединенныхъ Штатахъ совершенно иной характеръ: тамъ эпикурейскія теоріи персидскаго поэта и его англійскаго переводчика пришлись по сердцу миллионщикамъ, ихъ тупымъ наслѣдникамъ и всѣмъ, поклоняющимся доллару. Вотъ почему изданія «Рабайаты» растутъ, какъ грибы; ихъ уже болѣе пятидесяти, и одинъ издатель уже продать болѣе 20.000 экземпляровъ. Одно изъ нихъ особенно характеристично: оно вышло въ 50 экземплярахъ, на пергаментѣ, съ рисунками отъ руки на золотомъ фонѣ и въ богатомъ переплетѣ съ полу-драгоцѣнными камнями, какъ говорится въ объявленіи, а стоитъ оно 100 долларовъ, то-есть 200 рублей. Этотъ фактъ ясно доказываетъ, что безумная мода на «Рабайату» пущена въ ходъ и поддерживается миллионщиками, а остальные янки слѣдуютъ ихъ примѣру, и чтобъ не отстать отъ плутократическаго квартала Нью-Йорка, во всѣхъ городахъ открываютъ «Клубы Омара Хайама». Среди этой умственной пляски св. Вита вдругъ раздался въ нью-йоркскомъ «Journal» строгій голосъ талантливаго романиста Эдгара Фосета, который клеймитъ модный культъ «нелѣпостью», а персидскаго поэта старымъ «*bon vivant*», проповѣдующимъ: «Пей, сколько влѣзетъ, потому что въ жизни нѣтъ ничего хорошаго, кромѣ вина». Отголоскомъ этого протеста въ Англіи служитъ статья Миллара, который не только критикуетъ омаровскій культъ, но доказываетъ, что Омаръ Хайамъ никогда не существовалъ, и что ему несправедливо навязываютъ современную «пессимистически-безнравственную поэму». Критикъ *Academy*, очень основательно замѣчаетъ, что такими аргументами нельзя убѣдить адептовъ новаго культа, что имъ все равно, существовалъ ли Омаръ или нѣтъ, и что они знаютъ только поэму Фицъ-Мориса и ей поклоняются, хотя бы онъ самъ ее сочинилъ. Что же касается до нелѣпаго омаровскаго культа въ Америкѣ, то этотъ же критикъ справедливо предсказываетъ его скорое исчезновеніе, послѣ чего останется только оригинальная поэма въ англійской литературѣ и персидскій поэтъ-астрономъ въ исторіи.

— Третья серія очерковъ патологической исторіи. Болѣе половины третьяго тома «Секретнаго кабинета исторіи» Кабанеса ¹⁾ посвящена по

¹⁾ Le Cabinet secret de l'histoire. Par le docteur Cabanès. Troisième serie. 4 ed. Paris. 1900.

дробному изслѣдованію болѣзни Жана-Жака Руссо и ея вліянію на его характеръ, а также на его талантъ. Свою чисто-патологическую задачу ученый авторъ разрѣшаетъ съ помощью обстоятельныхъ свѣдѣній, доставляемыхъ о себѣ самимъ Руссо въ его сочиненіяхъ и письмахъ, свидѣтельствъ современниковъ, акта вскрытія его тѣла послѣ смерти и цѣлаго ряда экспертизъ, произведенныхъ знаменитыми медиками если не надъ самимъ субъектомъ, то на основаніи цѣлой массы достовѣрныхъ данныхъ о немъ. Оказывается, что если у Руссо не было физическаго недостатка, какъ онъ самъ полагалъ, то онъ съ дѣтства страдалъ дизуріей, а съ юности грыжей, что заставляло его чуждаться общества, особенно дамскаго, носить странную одежду, болѣе для него удобную, въ родѣ армянскаго халата, предпочитать платоническія отношенія къ женщинамъ, предаваться эротическимъ грезамъ, нервничать, психопатствовать, впадать въ меланхолію, наконецъ, дойти до маніи преслѣдованія и отуманенія своихъ гениальныхъ умственныхъ способностей. Очевидно такое патологическое физическое состояніе не могло не отражаться на его характерѣ и сочиненіяхъ, а потому для полнаго и правильнаго изученія Жана-Жака Руссо, какъ мыслителя и человѣка, необходимо прежде изслѣдовать его, какъ ненормальнаго патологическаго субъекта, чѣмъ и занимается докторъ Кабанесъ въ своей статьѣ, которая по техническимъ, медицинскимъ деталямъ не поддается пересказу. Такое же патологическое явленіе, но совершенно противоположнаго рода, представляютъ историческіе калѣки: поэтъ Скарронъ, мужъ маркизы Ментенонъ, и выдающійся дѣятель французской революціи, Кутонъ, которымъ Кабанесъ посвящаетъ два очерка. Они оба служатъ доказательствомъ, что болѣзнь не всегда дѣйствуетъ растлѣвающимъ образомъ на человѣка, а напротивъ иногда человѣкъ, сильный чатурой, преодолеваетъ болѣзнь и черпаетъ даже изъ нея, подобно Кутону, геройское мужество или, какъ Скарронъ, неистощимую веселость. Представляя любопытную характеристику того и другого, Кабанесъ указываетъ на то, что они не были исключеніями, и что исторія знаетъ немало такихъ примѣровъ, именно: папа Григорій Великій повелѣвалъ міромъ съ болѣзненнаго одра, Вильгельмъ Нассаусскій выказывалъ сверхчеловѣческую энергію, несмотря на то, что, по словамъ Маколея, вся «его жизнь была непрерывнымъ недугомъ»; философъ Кантъ нравственными усиліями преодолевалъ физическія страданія, а историкъ Огюстенъ Тьерри тридцать лѣтъ составлялъ свои ученые труды, несмотря на тяжелые, болѣзненные припадки и совершенную слѣпоту. Первый изъ субъектовъ психолого-физиологическаго изслѣдованія Кабанеса, Поль Скарронъ, родившійся въ 1610 году, провелъ веселую молодость въ провинціальномъ городѣ Мансѣ, хотя онъ былъ аббатомъ, и потомъ всю жизнь страдалъ тяжелымъ недугомъ, лишившимъ его всякаго движенія руками и ногами. Онъ умеръ въ 1660 году несчастнымъ калѣкой, и современники приписывали его болѣзнь результатамъ разврата и подагры. Но теперь медицинскимъ изслѣдованіемъ вполне доказано, что онъ страдалъ не позорнымъ недугомъ, какъ увѣряли, а хроническимъ ревматизмомъ. Причиной его, по преданію, былъ уличный маскарадъ, въ которомъ принялъ участіе молодой аббатъ, который обмазался по нагому тѣлу медомъ и обвалился въ перьяхъ. Преслѣдуемый за это толпой, онъ сыркнулъ

съ моста въ рѣку и долго скрывался въ береговыхъ тростникахъ. Такъ или иначе, но юмористическій поэтъ схватилъ ревматизмъ, и мало-помалу у него совершенно свело прежде ноги, а потомъ руки, и, за исключеніемъ пальцевъ на рукахъ и языка, у него было поражено неподвижностью все тѣло. Въ такомъ положеніи и подвергаясь невыносимымъ мукамъ, онъ продолжалъ сочинять веселыя поэмы («Roman comique», «Eneide travesti» и др.) и даже смѣялся въ стихахъ надъ своими страданіями, надъ своимъ уродствомъ. Для него былъ созданъ новый постъ при дворѣ «больного королевы» съ незначительнымъ содержаніемъ, и онъ не только произведенъ изъ аббатовъ въ каноники, но и женился на шестнадцатилѣтней племянницѣ г-жи Мельянъ Франсуазѣ д'Обинье, которая, конечно, была для него только другомъ и преданною сестрой милосердія. Подъ конецъ жизни у несчастнаго Скаррона свело и пальцы, такъ что, по его собственнымъ словамъ, «не осталось у него ничего здороваго, кромѣ желудка», который, исправно работая, позволялъ ему наслаждаться утонченною пищей. Все-таки до послѣдней минуты онъ не измѣнялъ своей жизнерадостности, шутилъ, острилъ, сочинялъ смѣшные стихи и оставилъ завѣщаніе, самое забавное изъ его произведеній, въ которомъ онъ упоминаетъ о возможности рожденія наслѣдника послѣ его смерти, что, однако, онъ признаетъ съ удивительнымъ комизмомъ, «невѣроятнымъ». На 51 году жизни Скаррона прекратились, наконецъ, его страданія смертью, которая одна могла положить конецъ, какъ этимъ страданіямъ, такъ его и добродушному смѣху надъ ними. Хотя знаменитый комическій поэтъ и преодолѣвалъ болѣзнь своимъ смѣхомъ, но, по мѣткому выраженію Кабанеса, «въ этомъ смѣхѣ все-таки было что-то болѣзненное, такъ какъ онъ смѣялся всегда надо всѣмъ безъ всякой причины». Жертвой такого же хроническаго ревматизма, какъ Скарронъ, былъ, по словамъ Кабанеса, и другой герой его патологическаго этюда объ историческихъ калѣкахъ, Кутонъ. Родившись въ 1756 году, онъ отличался слабою натурой, но до 30-ти лѣтъ, повидимому, пользовался порядочнымъ здоровьемъ и только началъ ощущать боль въ ногахъ послѣ случайной простуды. Причину этой простуды объясняютъ различно. Одни увѣряютъ, что, спасаясь отъ мужа любимой имъ женщины, онъ провелъ цѣлую ночь въ ушатѣ съ водой, а другіе рассказываютъ, что, возвращаясь съ любовнаго свиданія, онъ сбился съ дороги и попалъ въ болото, откуда едва выбрался живымъ. Во всякомъ случаѣ у него мало-помалу отнялись ноги, и въ ту эпоху, когда онъ игралъ видную политическую роль въ Конвентѣ, его носили на рукахъ до трибуны этого собранія. Тяжелыми физическими страданіями объясняются противоположности его характера, благодаря которымъ онъ то отличался безграничною добротою, не позволявшей ему сдѣлать зло цыпленку, то публично утверждать, что онъ не сморгнетъ при видѣ казни жирондистовъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ несчастный калѣка, у котораго, по словамъ одного историка, «только сердце и голова были живы», мужественно преодолѣвалъ всѣ свои страданія, чтобы принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ, и его не разъ относили въ Конвентъ прямо изъ постели, гдѣ онъ проводилъ цѣлыя недѣли въ самыхъ жестокихъ мукахъ. Не только злой недугъ отравлялъ его жизнь, но даже придавъ еще болѣе ужасный характеръ его смерти. Приговоренный къ казни вмѣстѣ съ его

другомъ Робеспьеромъ, онъ, благодаря своимъ увѣчьямъ, не былъ казненъ разомъ, а палачъ провозился съ нимъ около получаса, при чемъ Кутонъ оглашалъ воздухъ самыми раздрающими воплями. Въ третьемъ томѣ «Секретнаго кабинета исторіи» еще помѣщенъ біографическій очеркъ доктора Шамбо де Монто, бывшаго мэромъ Парижа во время революціи и сочувственно относившагося къ Людовику XVI во время его заточенія, а также этюдъ о королевскихъ останкахъ, найденныхъ въ Луврѣ, послѣ паденія декабрьской имперіи, и въ числѣ которыхъ будто бы находились: ребро Людовика XII, нижняя челюсть Екатерины Медичи, лопатка Гюга Капета и т. д. Хотя всѣ эти кости, случайно вывалившіяся изъ коробки съ архивными дѣлами, были переданы въ королевскую усыпальницу въ Сень-Дени, но докторъ Потикэ, мнѣніе котораго приводитъ Кабанесъ, полагаетъ послѣ серьезнаго ихъ изслѣдованія, что онѣ скорѣе принадлежать звѣрямъ, чѣмъ королевскимъ особамъ, которыя, по его словамъ, «иногда назывались львами и тиграми, но никогда, сколько извѣстно исторіи, не стирали своего сходства со звѣрями до позаимствованія у нихъ костей».

— Конецъ общества. Подъ этимъ заглавіемъ напечатанъ Полемъ Д'Эстрэ въ июльскихъ номерахъ «Revue des Revues» или просто «Revue», какъ этотъ журналъ называется со второй половины настоящаго года, любопытный очеркъ разложенія французскаго стариннаго общества при Людовикѣ XV ¹⁾. Основой этого очерка служатъ донесенія парижскаго полицейскаго инспектора Марэ самому королю о всѣхъ скандальныхъ происшествіяхъ въ столицѣ отъ 1763 до восшествія на престолъ Людовика XVI въ 1774 году. Чтеніе приводимыхъ авторомъ отрывковъ изъ подлинныхъ документовъ, сохранившихся въ Национальной Парижской библиотекѣ, доказываетъ лучше всякихъ краснорѣчивыхъ разглагольствованій нравственный упадокъ высшаго французскаго общества того времени, которое думало только объ удовольствіяхъ, и то самыхъ развратныхъ, самыхъ позорныхъ. «Если, по мѣткому выраженію Д'Эстрэ, требуется оправданіе для катаклизма 1789 года, то его можно всего лучше найти въ донесеніяхъ полицейскаго агента Марэ». Этотъ ловкій, опытный сыщикъ сумѣлъ сдѣлаться необходимымъ элементомъ разлагающагося общества. Онъ былъ *persona grata* у принцевъ крови и знатнѣйшихъ вельможъ, а также секретнымъ совѣтникомъ герцогини и маркизъ. Онъ зналъ всѣ ихъ постыдныя тайны, давалъ имъ благіе совѣты, предупреждалъ объ опасностяхъ, оказывалъ имъ всевозможныя услуги и вмѣстѣ съ тѣмъ собиралъ у нихъ необходимый матеріалъ для своихъ донесеній, составлять которыя было нелегко, такъ какъ Людовикъ XV требовалъ, чтобы они были въ одно и то же время подробны, правдивы и забавны. Повидимому, Марэ удовлетворялъ всѣмъ этимъ требованіямъ, и надо полагать, что королю нравились встрѣчающіяся въ его донесеніяхъ, которыя для приличія писались на имя не короля, а начальника парижской полиціи, рѣзкія выраженія, осуждавшія развратъ и его адептовъ. Такъ Марэ, приводя скандальные факты, доказывавшіе, до какой грязи дошли силь-

¹⁾ La fin d'une société, par Paul d'Estré. — «La Revue», 1 juillet et 15 juillet 1900.

ные міра сего, не разъ восклицаетъ: «какая отвратительная жизнь!» Онъ клеймитъ вельможъ и даже принцевъ за ихъ измѣну женамъ и указываетъ, что, нравственно падая, они доходили не только до самаго низкаго разврата, но и до всякаго рода недостойныхъ поступковъ. Такъ графа Вентимиля онъ прямо называетъ шулеромъ, виконта Сабрана—мошенникомъ, за то, что онъ отказался отъ своей подписи на долговыхъ документахъ, а графа Бранка — королемъ лжи, потому что нельзя вѣрить ни одному его слову. Однако такую откровенность въ своихъ сужденіяхъ полицейскій сыщикъ немогъ высказывать всегда, такъ какъ ему приходилось очень осторожно отзываться о позорной и сильно распространенной поставкѣ живого товара самому королю, и еще осторожнѣе о всѣхъ настоящихъ и прошедшихъ фавориткахъ короля. Надо отдать ему справедливость, что онъ всегда искусно лавировалъ между этими подводными камнями, и если въ одномъ случаѣ онъ сдѣлалъ большую ошибку, о которой внослѣдствіи очень сожалѣть, то дѣло шло о будущей фавориткѣ, чего онъ, конечно, не могъ предвидѣть. Онъ подробно и вполне откровенно рассказываетъ въ своихъ донесеніяхъ о похожденияхъ дѣвицы Бекю, пзвѣстной подъ названіями Ланжъ, Боварнье, Вобернье и наконецъ графини Дю-Барри. Самыми мрачными красками рисовалъ онъ картину постыдной торговли этой красивой, но распутной женщиной ея содержателемъ маркизомъ Дю-Барри. Онъ прописывалъ фамилии всѣхъ ея счастливыхъ покупателей: герцога Фронсака, графа Куаны, герцога Ришелье, маркиза Вильруа, виконта Сабрана, богача Летгорьера, маркиза Линьерака и прочихъ. 7-го февраля 1766 года Марэ философски замѣчаетъ: «эта дѣвица живетъ слишкомъ шибко, ея глаза краснѣютъ, и векорѣ она будетъ казаться очень потасканною». А векорѣ вышло совершенно иное: она сдѣлалась французскою королевою съ лѣвой стороны. Людовикъ XV не могъ забыть всѣхъ подробностей, которыя сообщалъ въ своихъ замѣчаніяхъ Марэ объ его новой фавориткѣ, а потому обнаруживалъ нахальное лицемеріе, увѣряя въ письмѣ къ герцогу Шуазелю: «она знала лишь герцога Ришелье». Въ скандальной хроникѣ полицейскаго сыщика не только проходятъ всѣ тогдашніе аристократы и аристократки Франціи, даже принцы крови рядомъ съ актрисами и куртизанками всѣхъ степеней, но и знатные иностранцы, въ особенности англичане, русскіе и поляки, которые безумно бросали тогда деньги въ парижскихъ вертепахъ. По словамъ Д'Эстрэ, русскихъ развратниковъ было очень много, и ихъ имена часто попадаются въ его донесеніяхъ. Первое мѣсто между ними занимали посланникъ князь Рѣпининъ, графы Шуваловъ и Воронцовъ, Кириллъ Разумовскій, князь Долгорукій, графъ Вутурминъ, посланникъ въ Испаніи и бывший уполномоченный въ дѣлахъ, князь Салтыковъ. Ужны князя Голицына славилась тѣмъ, что на нихъ присутствовать весь цвѣтъ парижскихъ куртизанокъ, въ томъ числѣ представительницы тогдашняго полусвѣта, которыхъ уже называли, гораздо ранѣ Александра Дюма, «полубобрами» (demie-castor).

— Герцогиня Кингстонъ. Въ июльской книжкѣ «Pall-Mall Magazine» помѣщенъ этюдъ англійской романистки мистриссъ Паръ о знаменитой авантюристкѣ XVIII столѣтія, герцогинѣ Кингстонъ, которая играла видную роль въ высшемъ обществѣ не только Англій, но даже Россіи, гдѣ она была при-

нята при дворѣ Екатерины II ¹⁾). Всѣ извѣстные хроникеры тогдашней англійской свѣтской жизни, Горасъ Вальполь, мистриссъ Монтагью, мистриссъ Делани и мистриссъ Гаррисъ, постоянно упоминають объ ея блестящихъ и скандальныхъ похожденияхъ. Изъ сравнительно бѣднаго положенія, она своей красотой и привлекательными чарами сдѣлалась царицей моды; принцы и короли влюблялись въ нее; прежде лордъ, а потомъ герцогъ женились на ней, и при двухъ дворахъ она играла видную роль. Но, благодаря своей легкомысленности, безнравственной натурѣ, корыстолюбію и любви къ интригамъ, она погубила себя, появившись на скамьѣ подсудимыхъ и кончила жизнь самымъ печальнымъ образомъ всѣми брошенной жертвой еще болѣе ловкихъ проходимцевъ, чѣмъ она. «Ея жизнь,—по словамъ одного современника, переполнена такимъ безумными выходками, что потомство едва ли повѣритъ достовернымъ фактамъ ея существованія». Елисавета Чудлей родилась въ 1720 году; ея отецъ, директоръ Инвалиднаго дома въ Челси, оставилъ послѣ себя вдовѣ и дѣтямъ небольшую пенсію, а потому, они жили болѣе чѣмъ скромно, но, благодаря родственнымъ связямъ со многими аристократическими родами, молодая дѣвушка рано обратила вниманіе на себя въ свѣтскомъ обществѣ своей красотой и рѣдкимъ остроуміемъ. Особенно заинтересовался ею любимецъ принца Уэльскаго, мистеръ Пултней, впоследствии лордъ Батъ. Онъ сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ ея дома и, общая достать ей мѣсто фрейлины при принцессѣ Уэльской, добился отъ матери дозволенія заняться окончательнымъ образованіемъ талантливой, блестящей молодой дѣвушки. Ихъ отношенія вскорѣ приняли такой интимный характеръ, что распространился слухъ о далеко не платонической дружбѣ между ними. Какъ бы то ни было, Пултней сдержалъ свое слово, и Елисавета 18 лѣтъ поступила фрейлиной ко двору принцессы Уэльской. Юная красавица немедленно была окружена толпой поклонниковъ, первое мѣсто между которыми занималъ молодой герцогъ Гампльтонъ. Она повела дѣло такъ ловко, что онъ предложилъ ей свою руку и, получивъ согласіе, отправился въ заграничное путешествіе на континентъ, которое тогда было необходимо для каждаго юнаго аристократа прежде начала его общественной карьеры. Но пока онъ путешествовалъ, твердо вѣря клятвѣ своей невѣсты, она продолжала свою веселую жизнь, которая кончилась тѣмъ, что Елисавета тайно вышла замужъ за мистера Гервея. Этотъ странный бракъ объяснялся современниками двояко: увлеченіемъ съ ея стороны, что невѣроятно, такъ какъ ничѣмъ во всей своей жизни она не обнаруживала нѣжнаго, пламеннаго сердца; или ревностью къ своему жениху, письма котораго были перехвачены ея теткой, увѣрявшей молодую дѣвушку, что онъ разлюбилъ ее и ухаживаетъ за другой. Какъ бы то ни было, она вышла замужъ за страстно влюбившагося въ нее Джорджа Гервея, сына лорда Бристоля, и должна была скрывать этотъ бракъ въ тайнѣ, потому что мужъ не имѣлъ средствъ жить съ нею и долженъ былъ отправиться на свой корабль, такъ какъ онъ былъ морскимъ офицеромъ, а, объявивъ о своей свадьбѣ, она лишилась бы фрейлинскаго положенія и содержанія. Ея шумная блестящая жизнь потекла прежнимъ порядкомъ, но когда

¹⁾ Elisabeth Chudleigh, by m-rs Parr. Pall-Mall Magazine, july, 1900.

черезъ годъ вернулся ея мужъ и сталъ требовать тайныхъ свиданій, то она возненавидѣла его и была очень рада его новому уходу въ море. Но едва она отдѣлалась отъ мужа, какъ явился на сцену старый женихъ, который потребовалъ объясненія въ странныхъ поступкахъ невѣсты, хотя онъ и не зналъ объ ея бракѣ. Однако дѣло кончилось примиреніемъ, и онъ снова предложилъ ей руку, но она вынуждена была ему отказать, и къ величайшему ея неудовольствію, онъ, чтобы отомстить ей, женился на ея сестрѣ. Тогда она предалась съ еще большимъ азартомъ веселой свѣтской жизни, при чемъ часто переходила границы приличія, и между прочимъ, посѣщая ежедневно одинъ изъ маленькихъ лондонскихъ театровъ, со своими поклонниками пила чай въ ложѣ и такъ шумѣла, что публика заставляла ее нѣсколько разъ удаляться свистками и шиканьемъ. Самые скандальные слухи ходили о ней, и въ особенности они усилились, когда она отказала второму титулованному жениху, герцогу Анкастеру. Не только злые языки, но герцогиня Уэльская, мать Елисаветы и ея ближайшіе родственники стали преслѣдовать ее за этотъ отказъ, и она рѣшила отправиться за границу на нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы дать время умолкнуть толкамъ. Но и тутъ она не могла удержаться отъ скандальной выходки: она напечатала въ газетахъ, что неизвѣстная молодая дама желаетъ ѣхать за границу съ приличнымъ кавалеромъ, и когда охотникъ нашелся, то она и отправилась съ нимъ на континентъ. Мистрисъ Парръ въ своемъ очеркѣ не называетъ по фамиліи этого охотника, но говоритъ, что они доѣхали вмѣстѣ до Берлина, а тамъ разстались, надобъ до смерти другъ другу. За границей, какъ въ Берлинѣ, такъ и въ Дрезденѣ, Елисавета имѣла громадный успѣхъ, и Фридрихъ Великій былъ такъ очарованъ ею, что приглашалъ ее остаться навсегда при его дворѣ, но она вернулась въ Англію и стала еще больше царить при дворѣ и въ обществѣ. Ея необыкновенныя чары такъ ослѣпляли всѣхъ, что не только друзья, но и враги забывали объ ея нравственныхъ недостаткахъ. Она устанавливала моды, пользовалась дружбой принцессы Уэльской, появлялась въ публичныхъ маскарадахъ въ самыхъ скандальныхъ костюмахъ съ Георгомъ II и герцогомъ Кумберландскимъ, также маскированными, и даже влюбила въ себя короля, который далъ ея матери мѣсто при дворѣ съ большимъ содержаніемъ. Но ея мужъ продолжалъ по временамъ ее преслѣдовать и открыто разсказывалъ объ ихъ тайномъ бракѣ. Наконецъ, она придумала способъ отдѣлаться отъ него и, посѣтивъ пастора, который ее вѣнчалъ, попросила показать ей книгу, въ которой былъ записанъ ея бракъ, а затѣмъ незамѣтно вырвала роковую страницу. Но не успѣла она уничтожить это доказательство ея брака, какъ отецъ ея мужа умеръ, и послѣдній сдѣлался лордомъ Бристолемъ, а вскорѣ и самъ серьезно занемогъ. Имѣя теперь въ виду, что она можетъ сдѣлаться вдовою лорда и получить большое состояніе, ловкая интриганка возстановила свое брачное свидѣтельство, конечно, теперь подложное. Но ея мужъ не умиралъ, а ей нельзя было терять время, такъ какъ у нея въ виду былъ женихъ, котораго нельзя было упустить. Уже давно ходили слухи, что ее содержалъ богатый старикъ, герцогъ Кингстонъ, и дѣйствительно она распорядилась у него, какъ дома, а когда герцогиня Уэльская сдѣлала ей выговоръ, что она принимала на балу въ домѣ герцога, какъ хозяйка, то она дерзко отвѣчала ей: «Mais, ma-

dame, chaquin a son But» (это — непереводаемый каламбуръ: «всякій добивается своей цѣли», но при этомъ but по-французски значить цѣль, а Butе, т. е. лордъ Бьютъ, находился въ близкихъ отношеніяхъ съ герцогиней). Герцогъ имѣлъ громадное состояніе и находился такъ всецѣло подъ влияніемъ красавицы, хотя уже тогда достигшей пятидесятилѣтняго возраста, что предложилъ ей свою руку. Съ этимъ нельзя было шутить, и она заключила сдѣлку со своимъ мужемъ, по которой разрѣшила ему жениться на другой, а сама въ судѣ торжественно подъ клятвой заявила, что никогда не была замужемъ за нимъ. Такъ какъ лордъ Бристоль на судѣ не явился и не возражалъ противъ ея клятвеннаго заявленія, какъ было между ними заранѣе рѣшено, то она, наконецъ, была свободна. 8-го марта 1763 года Елисавета Чудлей вышла замужъ за герцога Кингстона, а спустя четыре года герцогъ умеръ, завѣщавъ ей все свое состояніе. Повидимому, она достигла апогея славы, но тутъ начались ея несчастія. Ея царству наступилъ конецъ. Она была слишкомъ стара, чтобы непрежнему поддерживать скипетръ модной царицы, а семейство покойнаго герцога стало громко кричать, что его бракъ былъ незаконный. При такихъ обстоятельствахъ она снова покинула родину и поселилась въ Римѣ, гдѣ жила съ чисто королевскимъ великолѣніемъ. Въ 1776 году она была вызвана въ Лондонъ и предстала предъ судомъ палаты пэровъ, по обвиненію въ двоемужствѣ. Скупость окончательно ее погубила и, отказавшись заплатить 20 фунтовъ стерлинговъ единственной свидѣтельницѣ ея перваго брака, она, несмотря на блестящую защиту ея прежнихъ двухъ поклонниковъ, лорда Мансфелда и лорда Камдена, была признана виновною, но такъ какъ ее вмѣстѣ съ тѣмъ признали женой лорда Бристоля, то, какъ жена пэра, она была освобождена отъ наказанія, состоящаго въ наложеніи палачемъ клейма на ея руку. Обезчещенная, но сохранившая наслѣдство герцога Кингстона, такъ какъ оно было завѣщано не его женѣ, а миссъ Елисаветѣ Чудлей, бывшая герцогиня навѣки покинула свою родину. Къ сожалѣнію, на этомъ кончается очеркъ миссъ Парръ, и она только вскользь упоминаетъ о похожденияхъ своей героини, продолжавшей называть себя герцогиней Кингстонъ, въ Россіи и въ другихъ европейскихъ странахъ. Точно также кратко она упоминаетъ и объ ея смерти въ августѣ 1788 г. отъ разрыва сердца.

— Столѣтній юбилей Маренго. Если не было официальнаго празднованія вѣковой годовщины одной изъ знаменитѣйшихъ побѣдъ Наполеона I-го при Маренго 14-го іюня 1800 года, то по поводу ея во французской прессѣ возбужденъ старый вопросъ: кто настоящій виновникъ этой побѣды? Какъ извѣстно, сраженіе было почти проиграно Наполеономъ, и французы уже начали отступать, а главнокомандующій австрійскими силами, генераль Меласъ, поѣхалъ въ Александрію съ поля битвы, вполне увѣренный въ своей побѣдѣ, извѣстіе о которой онъ разслалъ съ курьерами ко всемъ иностраннымъ дворамъ. Но въ эту критическую минуту выручилъ Наполеона подоспѣвшій свѣжій французскій корпусъ генерала Дезэ, который только что вернулся изъ Египта, и Наполеонъ одержалъ одну изъ величайшихъ своихъ побѣдъ. Меласъ былъ такъ убѣжденъ въ пораженіи французовъ, что не хотѣлъ вѣрить въ возобновеніе битвы и, слыша на улицахъ Александріи пушечную пальбу, ска-

заль самодовольно: «Это авангардная перестрѣлка». Когда же онъ узналъ, что венгерскій отрядъ сдѣлся французамъ, то совершенно потерялъ голову и даже забылъ отвести въ Александрію лѣвое крыло своей арміи, вовсе не участвовавшее въ сраженіи. Онъ думалъ только объ одномъ: о канитуляціи, что и исполнилъ къ вѣщней славѣ его счастливаго противника. Впрочемъ, одинъ изъ австрійскихъ генераловъ, Нейпергъ, которому было суждено внослѣдствіи сдѣлаться вторымъ мужемъ императрицы Маріи-Луизы, прощаясь наканунѣ битвы съ графиней Кавуръ, бабкой знаменитаго итальянскаго министра, печально сказалъ: «Можетъ быть, мы болѣе съ вами не увидимся. Завтра прозойдетъ сраженіе съ генераломъ Бонапарте, и я думаю, мы его проиграемъ». Но, конечно, онъ не подозрѣвалъ, что вмѣстѣ съ потерей сраженія Австрія потеряетъ всю Италію до Минчіо и заключитъ постыдный для нея Люневильскій миръ. Естественно, что такая важная по послѣдствіямъ побѣда породила тогда же много споровъ о томъ, кто именно ее одержалъ, и эти споры теперь снова возобновились во французскихъ журналахъ и газетахъ. Одни приписываютъ всю честь побѣды генералу Дезэ и приводятъ въ доказательство разсказъ адъютанта Наполеона Лефевра-Денозта. По его словамъ, Наполеонъ самъ въ 9 часовъ утра водилъ въ атаку 72-й линейный полкъ, но, окруженный неприятелемъ, долженъ былъ отступить подъ дождемъ ядеръ. Въ эту роковую минуту къ нему явился генералъ Дезэ со своимъ корпусомъ, и Наполеонъ со смѣхомъ сказалъ ему: «Какова схватка, генералъ!» Дезэ отвѣчалъ спокойно: «Ну, значить, генералъ, я поспѣлъ во время; у меня силы свѣжія, и если понадобится, то мы все ляжемъ костью. Первое сраженіе проиграно, но мы имѣемъ время выиграть другое». Тутъ же на полѣ битвы состоялся военный совѣтъ, и былъ принятъ планъ Дезэ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Онъ самъ повелъ свой корпусъ въ огонь и одержалъ побѣду, но былъ убитъ пулей въ сердце. «Наполеонъ былъ такъ пораженъ смертью настоящаго побѣдителя, — говоритъ Вастъ въ своемъ очеркѣ войны Франціи съ Австріей въ IX томѣ «Всеобщей исторіи» Лависса и Рамбо, — что вечеромъ послѣ битвы сказалъ: «Ахъ, еслибы я могъ поцѣловать его, то это былъ бы поистинѣ славный день!» Совершенно иначе объясняетъ участіе Дезэ въ сраженіи другой адъютантъ Наполеона, Лебрень, разсказъ котораго передаетъ Барантъ въ своихъ мемуарахъ. Его послалъ Наполеонъ къ Дезэ, который наканунѣ былъ направленъ имъ къ Нови, для того, чтобы помѣшать австрійцамъ обойти французскую армію, и онъ передалъ генералу приказаніе поспѣшно явиться на поле битвы. Исполнивъ это приказаніе, Дезэ увидалъ, что лѣвое крыло французской арміи было почти разбито, и онъ прямо сказалъ, что Наполеонъ потерпѣлъ пораженіе. Поэтому вполнѣ безнадежно онъ сталъ готовиться къ атакѣ, и его войска, повидимому, не отличались особымъ пыломъ, но въ это время кавалерія Келлермана раздвоила наступавшую австрійскую колонну, и Лебрень замѣтилъ генералу, что этотъ маневръ подастъ надежду. Но онъ печально покачалъ головой и въ эту минуту упалъ съ лошади, пораженный пулей. Начальство надъ корпусомъ принялъ одинъ изъ дивизионныхъ командировъ, генералъ Будэ, и, двинувшись впередъ, положилъ начало славной побѣдѣ. Къ этому Барантъ прибавляетъ, что генералу Будэ приписывали побѣду при Маренго лица, не-

довольныя Наполеонъ, и Савари, тогда еще не попавшій въ милость будущаго императора, говорилъ прямо въ глаза Будэ: «Вы спасли Бонапарте при Маренго, и вы увидите, что онъ ничего не сдѣлаетъ для васъ!» Наконецъ, тотъ же Барантъ передаетъ со словъ итальянскаго офицера Ла-Тура ссору между Келлерманомъ и Мюратомъ, которые на другой день послѣ битвы приписывали каждый себѣ одержанную побѣду. Только появленіе генерала Бертье положило конецъ ихъ гнѣвному препирательству при итальянскомъ офицерѣ, такъ какъ онъ сказалъ имъ: «Какъ вамъ не стыдно, господа, такъ ссориться, да еще въ присутствіи иностранца». Несмотря на всѣ эти толки о настоящемъ виновникѣ побѣды при Маренго, отголоскомъ которыхъ служить теперешняя журнальная полемика, нѣтъ сомнѣній, что настоящимъ побѣдителемъ былъ Наполеонъ, и Барантъ справедливо замѣчаетъ: Келлерманъ разрѣзалъ австрійскую колонну, и Будэ ее отбросилъ; то и другое возможно, но все-таки выигралъ сраженіе Наполеонъ. Онъ одинъ умѣлъ одерживать подобныя побѣды. Его гений состоялъ въ томъ, что онъ спокойно, хладнокровно слѣдилъ за всѣми движеніями обѣихъ армій, быстро соображалъ, какъ воспользоваться тою или другою подготовленною имъ или случайною фазой битвы, и рѣшалъ, гдѣ и когда нанести неприятелю окончательный ударъ, а также какъ изъ побѣды извлечь наиболѣе выгодные результаты. Такимъ образомъ и при Маренго онъ обратилъ частный успѣхъ одной дивизіи въ громадную побѣду. Мелкій эпизодъ этой битвы лучше всего доказываетъ, какое различіе существуетъ между храбрымъ, опытнымъ генераломъ, думающимъ только о томъ, какъ лучше исполнить порученное ему движеніе, и великимъ полководцемъ, который умѣетъ однимъ ударомъ уничтожить цѣлую армію и низвергнуть монархію. Когда французская армія отбросила австрійцевъ къ Маренго и до моста черезъ рѣку Бормиду, то генералъ Викторъ командовалъ авангардомъ, и при наступленіи ночи австрійскій генералъ послалъ къ нему адъютанта съ просьбой заключить перемиріе до утра. Викторъ согласился, но поставилъ условіемъ, что мостъ будетъ отданъ въ руки французовъ. На этомъ основаніи онъ подписалъ договоръ и отправилъ его для утвержденія главнокомандующему. Достигнувъ главной квартиры, его посланный узналъ, что Меласъ вступилъ уже въ переговоры съ Наполеонъ. Пока Викторъ требовалъ Бормидскаго моста, Наполеонъ получилъ всю Италію».

— Генералъ Фуа. Хотя Максимиліанъ Фуа пользуется славой храбраго генерала, одного изъ лучшихъ парламентскихъ ораторовъ Франціи и благороднѣйшаго, честнѣйшаго патріота, до сихъ поръ еще нѣтъ его полной біографіи, и надняхъ вышедшій трудъ Мориса Жиро ¹⁾ касается лишь наименѣе интересной стороны его жизни, именно военной карьеры. Но такъ какъ авторъ приводитъ много подлинныхъ писемъ своего героя, и они рельефно очерчиваютъ его, какъ человѣка, то эта книга останется главнымъ матеріаломъ для знакомства съ его жизнью, пока не появится подробной монографіи объ его депутатской дѣятельности. Родившійся въ 1775 году, Максимиліанъ Фуа получилъ

¹⁾ *Vie militaire du general Foy (1775—1819), par Moris Jirod de L'Ain, Paris, 1900.*

воспитаніе въ кавалерійской школѣ и поступилъ офицеромъ въ сѣверную армію, а затѣмъ перешелъ въ рейнскую и итальянскую, съ которою совершилъ переходъ черезъ Сень-Готардъ. Со времени учрежденія имперіи, онъ подвергся полунаказу за свои республиканскія идеи и долго не занималъ выдающагося военного поста, хотя отличился въ битвахъ при Ульмѣ и Леобенѣ. Наконецъ онъ получилъ командировку въ Константинополь и Далмацію, а въ 1808 году за подвиги, оказанные португальской кампаніи, произведенъ въ бригадные генералы. Спустя два года, онъ былъ посланъ въ Парижъ къ императору, чтобы выразить ему справедливыя требованія французской арміи въ Португаліи, и награжденный за умѣлое исполненіе этого щекотливаго порученія чиномъ дивизионнаго генерала, онъ продолжалъ геройски воевать на Пиренейскомъ полуостровѣ до 1814 года, когда былъ тяжело раненъ въ битвѣ при Ортезѣ. При первой реставраціи онъ былъ назначенъ генеральнымъ инспекторомъ 14-й дивизіи, а по возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы, Фуа, по его собственнымъ словамъ, «плебей и сынъ революціи, не колебался ни минуты между трехцвѣтнымъ знаменемъ славы и королевскою лиліей. «Онъ былъ немедленно назначенъ начальникомъ 9 дивизіи и получилъ титулъ графа. Свое участіе въ сраженіи при Ватерлоо, Фуа самъ подробно описать и, несмотря на то, что онъ получилъ серіозную рану въ правую руку, онъ оставался до конца на полѣ битвы. «Несмотря на роковой результатъ Ватерлоо, говоритъ онъ, я не могу осуждать Наполеона. Это былъ единственный случай помѣриться силами съ англичанами. Вся французская армія до послѣдняго солдата приняла участіе въ битвѣ, и это былъ отчаянный бой. Каковъ бы ни былъ его результатъ, но если уже суждено было намъ потерпѣть пораженіе, то лучше для человѣчества, что война кончилась разомъ, чѣмъ она длилась бы долго». Послѣ Ватерлоо Фуа вернулся въ Парижъ, гдѣ его жена только что родила сына, и вторичное занятіе Парижа иностранцами при полномъ равнодушіи французскаго народа наполнило горемъ его сердце. Онъ тогда отказался навсегда отъ военной карьеры. «Довольно, — говорилъ онъ, — я участвовалъ въ двадцати кампаніяхъ и получилъ 15 ранъ; теперь я буду жить только для моей жены и дѣтей. Мои притязанія не идутъ далѣе скромнаго, мирнаго существованія, хотя, конечно, тяжело видѣть униженіе національнаго, славнаго знамени». Поэтому, когда правительство предложило ему въ 1819 году постъ военного инспектора третьяго пѣхотнаго округа, то онъ отказался, но его энергичная натура не могла примириться съ бездѣйствіемъ, и, переставъ быть воиномъ, онъ сдѣлался трибуномъ. Городъ Перона выбралъ его своимъ депутатомъ въ томъ же году, и своей блестящей рѣчью въ защиту старыхъ наполеоновскихъ солдатъ онъ сразу занялъ мѣсто между первыми парламентскими ораторами. Оказалось, что въ свободныя минуты между военными подвигами онъ замѣчательно развилъ свой свѣтлый умъ изученіемъ классическихъ и современныхъ писателей, среди которыхъ онъ отдавалъ предпочтеніе Монтэну, Монтескье и Сервантесу. По словамъ Генри Вельшингера, «онъ прославилъ парламентскую трибуну краснорѣчіемъ, откровенною прямою и благороднымъ патріотизмомъ, какъ прежде прославилъ свой военный мундиръ храбростію, хладнокровіемъ и быстротою соображенія». Шестъ лѣтъ

онъ стойко защищалъ въ рядахъ либеральной партіи общественную свободу и принципы 1789 года, мужественно возставалъ противъ клерикально-монархической реакціи, пламенно клеймилъ испанскую экспедицію и когда умеръ въ 1825 году, то Парижъ устроилъ ему такія грандіозныя народныя похороны, что всѣ его враги стали втупикъ. Стотысячная, безмолвная, серьезная, грустная толпа проводила до могилы своего благороднаго защитника, и открытая среди народнаго класса подииска въ пользу его семьи, оставшейся безъ куска хлѣба, дала въ нѣсколько дней миллионъ франковъ.

— Современный Тамерланъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ умеръ во французскихъ владѣніяхъ въ Конго вождь негровъ Западной Африки, Самари, съ которымъ Франція боролась 26 лѣтъ и котораго окончательно побѣдила только въ 1898 г. Съ тѣхъ поръ этотъ страшный негръ, прозванный современнымъ Тамерланомъ, печально влачилъ свои дни въ заточеніи и умеръ всеми забытымъ, никому невѣдомымъ узникомъ въ отдаленной французской колоніи. Въ свое время онъ былъ такимъ же грознымъ врагомъ могучей Франціи, какъ Абдъ-Эль-Кадеръ, герой Алжира, хотя Самари нельзя сравнивать съ этимъ арабскимъ рыцаремъ, котораго Викторъ Гюго называлъ «прекраснымъ воиномъ, прекраснымъ проповѣдникомъ». Самари напротивъ былъ дикимъ, кровожаднымъ истребителемъ человѣческаго рода, какъ Чингизъ-ханъ и Тамерланъ, которые, однако, полускрывали свое варварство подъ ореоломъ борьбы за славу монгольскаго знамени и торжество исламизма, тогда какъ Самари безжалостно уничтожалъ своихъ собратьевъ негровъ и мусульманъ, только съ цѣлью торговли невольниками и грабежа. Но все-таки извѣстный французскій историкъ и бывшій министръ народнаго просвѣщенія, Альфредъ Рамбо, въ своей блестящей статьѣ въ «*Matin*» ¹⁾ и Андре Мевиль въ любопытной подробной біографіи Самари ²⁾ напрасно видятъ въ немъ только дикаго звѣря, такъ какъ очевидно онъ отличался недюжинною способностью управлять людьми, организаторскимъ талантомъ и военною доблестью, безъ чего онъ не могъ бы образовать изъ своего небольшого племени громадное государство и столько лѣтъ бороться съ французскими войсками. Впервые Самари проявилъ себя въ 1860 году, и тогда онъ былъ мелкимъ «альмами» или вождемъ племени Уасулу, на берегахъ верхняго Нигера. Мало-помалу онъ присоединялъ къ себѣ селеніе за селеніемъ, округъ за округомъ и кончилъ тѣмъ, что въ 1887 году онъ царилъ надъ однимъ изъ самыхъ могущественныхъ негритянскихъ племенъ въ Африкѣ. Оно простиралось на 300.000 квадратныхъ километровъ и равнялось тремъ пятымъ всей поверхности Франціи. Хотя въ полномъ смыслѣ слова это было царство разбойничье, развившійся и поддерживаясь только набѣгами на сосѣдей, но оно имѣло и нѣкотораго рода административное, а также военное устройство. Въ немъ было 162 провинціи, подчиненныя центральной власти, и 10 военныхъ округовъ, которые поставляли многочисленную и хорошо вооруженную армію. Система современнаго Тамерлана была очень проста: онъ нападалъ со своими воинами на сосѣдную или отдаленную страну, грабилъ се-

¹⁾ Un ancien potentat nègre, par Al. Rambaud.—Le Matin. 29 août 1899.

²⁾ Samary, par A. Mevil. Paris. 1899.

ленія, вводилъ въ неволю лучшихъ туземцевъ, а остальныхъ безжалостно истреблялъ, затѣмъ мѣнялъ невольниковъ на порохъ, ружья и лошадей, которыхъ ему доставляли арабскіе торговцы невольниками, и если не прямо, то косвенно англичане. Съ пріобрѣтенными такимъ способомъ военными силами онъ предпринималъ новыя и на болѣею ногѣ хищническія набѣги, пока, наконецъ, не натолкнулся на французскія колоніи Западнаго Судана. Долго онъ успѣшно боролся съ французскими войсками, благодаря ихъ недостаточному числу, и все распространялъ свои владѣнія до сѣверо-западной границы Дагомея. Только послѣ двадцати-шести-лѣтнихъ усилій французамъ удалось взять его въ плѣнъ два года тому назадъ и уничтожить его разбойничье царство. Впрочемъ, едва ли англичане, впервые окрестившіе такимъ образомъ образованное современнымъ Тамерланомъ государство, имѣютъ право въ виду своихъ подвиговъ въ Трансваалѣ клеймить эпитетомъ разбойника въ сущности дикаго, необразованнаго негра, когда они сами такимъ же разбойничьимъ образомъ прививаютъ въ Африкѣ свою такъ называемую цивилизацію.

— Тайныя общества въ Китаѣ. Франсисъ Мюри сообщаетъ въ статьѣ, помѣщенной во второй июльской книжкѣ «Revue»: «Тайныя общества и правительство въ Китаѣ»¹⁾, любопытныя свѣдѣнія о боксерахъ. По его словамъ, главные элементы въ Китаѣ—мандаринство, тѣсно связанное съ правительствомъ, и тайныя общества. Первое ведетъ свое начало съ первыхъ временъ имперіи, а послѣднія болѣе новаго происхожденія и въ особенности распространились съ 1860 года. Долгое время эти элементы враждовали между собою, но теперь они соединили свои могучія силы, чтобы дѣйствовать заодно противъ европейцевъ и ихъ пресловутой цивилизаціи, которая слишкомъ часто представлялась имъ въ самомъ печальномъ видѣ. Наиболѣе древнее изъ китайскихъ тайныхъ обществъ «Шей-Лиень-Кіао» то-есть «Бѣлый Лотосъ», и оно въ 1850 году пыталось низвергнуть татарскую династію въ лицѣ императора Хіень-Фенга. Его глава Тіень-Вангъ (Небесный Царь) выдавалъ себя за потомка династіи Мингъ, и многіе мандарины поддерживали его, въ надеждѣ возстановить симпатичную имъ древнюю династію. Хотя эта попытка не удалась, но «Бѣлый Лотосъ» не сложилъ рукъ. Нѣсколько разъ онъ возобновлялъ борьбу противъ династіи Тцинговъ, и въ настоящее время многіе члены этого тайнаго общества присоединились къ боксерамъ съ цѣлью уничтожить европейцевъ, а затѣмъ освободить Китай отъ татарскаго владычества. Еслибы эта цѣль удалась, то, по словамъ Мюри, это было бы достойною карой вдовствующей императрицѣ, ненависть которой къ иностранцамъ возбудила теперешнее движеніе. Между членами «Бѣлаго Лотоса» находится много женщинъ, благодаря тому, что по уставу этого общества, если жена поступила въ него ранѣе мужа, то она считается главою семьи, тогда какъ вообще китайская женщина занимаетъ подчиненное мужчине мѣсто. При этомъ, въ виду клятвеннаго обѣщанія каждой женщины, поступающей въ число членовъ «Бѣлаго Лотоса», хранить это обстоятельство въ тайнѣ, мужъ всегда узнаетъ объ этомъ только послѣ своего вступ-

¹⁾ Les sociétés secrètes et le gouvernement en Chine, par F. Mury. — La Revue. 15 juillet. 1900.

плена въ общество и, конечно, очень сожалѣть, что не зная объ этомъ ра-
нѣ, такъ какъ воздержался бы отъ принадлежности къ такому невыгодному
для него обществу. Что же касается до женщинъ, числящихся въ «Вѣломъ
Лотосѣ», то онѣ составляютъ его самый твердый, надежный элементъ и даже
во время возстаній играютъ значительную роль, поддерживая храбрость муж-
чинъ. «Вѣлый Лотосъ» имѣетъ строго опредѣленную военную и администра-
тивную иерархію. Въ каждой провинціи есть свой выборный король, потому что
общество не признаетъ верховной власти Пекина, а придерживается старин-
наго раздѣленія Китая на независимыя владѣнія. Самостоятельность этихъ ко-
ролей такъ велика, что нѣкоторые изъ нихъ удерживаютъ подчиненные имъ
отдѣлы «Вѣлаго Лотоса» отъ настоящаго движенія, хотя оно и охватило боль-
шинство провинцій. Что касается до боксеровъ, то они были бы очень удивлены,
еслибы узнали, что англичане назвали ихъ бойцами, тогда какъ, въ сущно-
сти, они извѣстны въ Китаѣ, какъ Тцай-Ли, то-есть члены общества «Истины»,
или Та-Тао, то-есть сторонники Верховной Системы. Ихъ цѣль—распространеніе
нравственныхъ добродѣтелей и покровительство бѣдныхъ, больныхъ и несчаст-
ныхъ. Члены этого общества носятъ широкій бѣлый поясъ въ знакъ траура по
основателю общества, умершемъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Каждый годъ они
собираются для странной церемоніи, значенія которой они никогда не объясняли
европейцамъ. Въ двадцать первый день седьмой луны извѣстное число членовъ
общества, выбранное изъ наиболѣе набожныхъ, отправляется на горы Энгеіеу-
Лангъ-Ханъ, находящіяся къ сѣверо-западу отъ Пекина. Каждый изъ нихъ не-
сетъ котомку съ съѣтными припасами, пустую бутылку и кусокъ полотна. Въ
бутылку они собираютъ росу съ листьевъ деревь, и такъ какъ эта работа очень
кропотливая, то иногда пилигриммы остаются въ горахъ до 15 ночей сряду.
Вмѣстѣ съ тѣмъ они срываютъ и листья, укладывая ихъ въ принесенное по-
лотно. Когда ихъ работа окончена, то они возвращаются къ высшимъ чинамъ
общества, и тѣ варятъ въ особомъ котлѣ принесенные листья въ собранной
росѣ до тѣхъ поръ, пока изъ нихъ выходитъ мармеладъ, который называется
Ми-Као, то-есть духовное варенье. Потомъ его сушатъ на солнцѣ, рѣжутъ на
тысячи маленькихъ кусочковъ и раздаютъ членамъ общества за небольшую
плату. Счастливые обладатели этого мармелада спасаются отъ всевозможныхъ
болѣзней, по словамъ заправилъ общества, которые получаютъ значительный
доходъ отъ приготовленія этого чудодѣйственнаго средства. Боксеры не наби-
раются въ средѣ поселянъ, какъ члены «Вѣлаго Лотоса», а сначала они состо-
яли изъ мелкихъ лавочниковъ, странствующихъ торговцевъ и матросовъ, а въ
настоящее время въ ихъ ряды принимаютъ куліевъ, солдатъ, воровъ и разбой-
никовъ. Это объясняется тѣмъ, что общество нуждается въ людяхъ, готовыхъ
на все и не имѣющихъ предрасудковъ. Предводителями его состоятъ мелкіе
чиновники, не имѣющіе мѣста, и военные мандарины, удаленные изъ арміи. По
словамъ Мюри, совершенно несправедливо предполагать, что боксеры состоятъ
подъ завѣдываніемъ придворныхъ мандариновъ, и что ихъ верховный началь-
никъ принцъ Туанъ, отецъ наследника престола. Точно также невѣрно извѣ-
стіе, что вдовствующая императрица имѣла нѣсколько свиданій съ предводите-
лями боксеровъ прежде начала нынѣшнихъ военныхъ дѣйствій противъ евро-

нейцевъ. Достоверно, что китайское правительство находится въ сношеніяхъ съ боксерами, и его агенты встрѣчаются въ ихъ рядахъ, но для принца Туана было бы позорнымъ униженіемъ находиться во главѣ общества, члены котораго принадлежатъ къ низшимъ классамъ, и еслибы онъ рѣшился на такое безчестіе, то императрица немедленно удалила бы его отъ двора.

— Смерть итальянскаго короля Гумберта I. Трагическая кончина итальянскаго короля, убитаго изъ револьвера тосканцемъ Анджело Бресси, по всей вѣроятности, примиритъ итальянскій народъ съ его памятью, хотя при жизни, особенно въ послѣднее время, онъ не пользовался популярностью. Причиной этого было, съ одной стороны, невыгодное сравненіе его съ отцемъ Викторомъ-Эммануиломъ, создавшимъ единую Италію и справедливо называемымъ «Re Galantuomo», а съ другой, несчастное положеніе современной Италіи, благодаря его нѣмецкимъ симпатіямъ, поощряемому имъ милитаризму, подвергнушему страну непосильнымъ налогамъ и подчиненію его реакціонно-клерикальному вліянію королевы Маргариты. Однако, несмотря на это, итальянскій народъ охотно признавалъ за нимъ два достоинства: храбрость, доказанную имъ еще при отцѣ въ битвѣ при Кустоцѣ въ 1866 году, и точное исполненіе своего конституціоннаго долга такъ, что онъ могъ вполне свалить отвѣтственность за гибельныя для страны дѣйствія своего правительства на первыхъ министровъ, которыхъ онъ всегда назначалъ согласно волѣ парламентскаго большинства. Хотя онъ и самъ сочувствовалъ роковой политикѣ Депретиса и Криспи, подчинившихъ Италію Бисмарку, разорившей ее и обезчестившей пораженіями итальянской арміи въ Африкѣ, а также реакціонными мѣрами Рудини и Пеллу, затопившихъ въ крови возстаніе Милана въ 1898 году, но съ формальной точки зрѣнія онъ всегда могъ прикрыться неответственностью короля согласно конституціи, которой онъ самъ никогда не нарушалъ. Однако этимъ путемъ онъ не только навлекалъ на себя непопулярность, но и компрометировалъ конституціонную монархію, которую его отецъ такъ твердо установилъ въ Италіи. Поэтому въ послѣднее время въ странѣ очень усилилось республиканское движеніе, и при каждомъ новомъ министерскомъ кризисѣ, вызванномъ интригами парламентскихъ партій, возбуждался въ народѣ, доведенномъ до крайности нестерпимыми налогами и милитаризмомъ, вопросъ о системѣ управленія. Во всякомъ случаѣ при подобномъ положеніи дѣлъ исторія двадцати-двухъ-лѣтняго царствованія Умберто, какъ его называли въ Италіи, въ сущности представляетъ лишь исторію многочисленныхъ министерствъ, которыя чередовались при немъ одно за другимъ. Онъ вступилъ на престолъ тридцати-четырехъ лѣтъ отъ рода, въ январѣ 1878 года, при министерствѣ Депретиса, который впервые доставилъ власть лѣвой сторонѣ палаты, такъ какъ до тѣхъ поръ управляла Италіей правая сторона подъ главенствомъ Кавура, Ратаци и Мингетти. Однако, въ томъ же году первымъ министромъ сдѣлался радикаль Кайроли, который, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, долженъ былъ подать въ отставку, въ виду заявленнаго ему палатой несочувствія по поводу покушенія на жизнь короля въ Неаполѣ, хотя Кайроли прикрылъ его своей грудью и получилъ тяжелую рану. Снова сдѣлался тогда премьеромъ Депретисъ, но не надолго, и его попрежнему замѣнилъ тотъ же

соперникъ, который взялъ его въ свои помощники, и ихъ общій кабинетъ длился полтора года, а затѣмъ отъ 1881 года царилъ Депретисъ до своей смерти въ 1887 году. Этотъ ловкій, хитрый, но безпринципный политическій дѣятель положилъ конецъ прежнему правильному теченію итальянской парламентской дѣятельности и начало роковой для Италіи политикѣ, доведшей ее до теперешняго критическаго положенія. Въ первомъ отношеніи Депретисъ создалъ такъ называемую систему трансформизма, т.-е. превращенія инцидально всѣхъ партій въ орудія правительства. До тѣхъ поръ строго, пронизательно дѣйствовали историческая правая и историческая лѣвая палаты, преданно придерживаясь своихъ традиціонныхъ программъ, но онъ, смѣшавъ всѣ убѣжденія и принципы, разбилъ палату на два лагеря—министерскій и антиминистерскій. Во всѣ частныя измѣненія его кабинета входили безразлично представители и правой и лѣвой, думавшіе лишь о своихъ личныхъ интересахъ. Такимъ образомъ Депретису принадлежитъ печальная слава растлѣнія парламентскихъ нравовъ Италіи. Такое же роковое влияніе оказалъ онъ на внутреннюю и внѣшнюю политику. Онъ первый началъ чрезмѣрно увеличивать расходы на армію и флотъ, а слѣдовательно разстраивать финансы и для ихъ кажущейся поправки увеличивать налоги; онъ заключилъ тройственный союзъ съ Германіей и Австріей, а также вступилъ на путь губительной для страны колониальной политики и послалъ въ Массову итальянскія войска, которыя уже при немъ потерпѣли пораженіе при Догади. Его преемникъ Криспи, бывшій гарибальдеецъ и радикаль, мало-помалу сдѣлавшійся ставленникомъ Бисмарка и пламеннымъ реакціонеромъ, довелъ до апогея, какъ парламентскую, такъ внутреннюю и внѣшнюю политику Депретиса. Въ продолженіе 9 лѣтъ, за исключеніемъ перерыва въ полтора года, когда власть перешла прежде въ руки консерватора Рудини, а потомъ либерала Джулини; онъ управлялъ страной диктаторски, такъ какъ король съ одной стороны, а съ другой — парламентское большинство одобряли всѣ его дѣйствія. А эти дѣйствія имѣли въ результатъ полное подчиненіе Италіи злополучному тройственному союзу, те-есть въ сущности гегемоніи Германіи, учрежденіе въ Африкѣ колоніи Эритрей, стоившей итальянцамъ столько денегъ, крови и позора безъ малѣйшей пользы, враждебныя препирательства съ Франціей, едва не окончившіяся войной, совершенное разореніе страны чудовищными, безцѣльными вооруженіями и жестокое, кровавое усмиреніе возставшей его родины, Сициліи. Наконецъ грянула катастрофа въ Африкѣ: армія генерала Баратьери въ 10.000 человекъ была истреблена Менеликомъ, которому раньше Криспи покровительствовалъ, и онъ вынужденъ былъ подать въ отставку въ мартѣ 1896 г. Хотя этотъ злой геній Италіи остается до сихъ поръ депутатомъ и всячески старался подставить ножку замѣнившимъ его министерствамъ сначала Рудини, а затѣмъ генерала Пеллу, но его роль окончательно сыграна, и врядъ ли онъ когда при всей своей хитрости сумѣетъ снять съ себя пятно безчестья, которымъ его заклеила вся Италія. Преемникамъ Криспи предстояла трудная задача исправить зло, насажденное какъ имъ, такъ и Депретисомъ, и надо признать, что имъ удалось только кое-какъ замазать африканскую катастрофу, отказавшись отъ дальнѣйшихъ колониаль-

ныхъ завоеваній и громадно сокративъ злочастную Эритрею, а также худо или хорошо свести балансъ въ бюджетѣ, но чрезмѣрные вооруженія и нестерпимые налоги продолжали доводить до отчаянія разоренный народъ, а всякая попытка къ возстанію усмиралась безчеловѣчнымъ образомъ, и первые министры видѣли все спасеніе въ принятіи парламентомъ новыхъ репрессивныхъ законовъ. Въ послѣднее время диктаторскія замашки генерала Пеллу стали нестерпимы даже итальянской палатѣ, находящейся на очень низкой ступени въ конституціонномъ смыслѣ, благодаря ограничительной избирательной системѣ и поощряемому ею разслабленію парламентскихъ нравовъ. Онъ долженъ былъ подать въ отставку, и его мѣсто занялъ Саракко, членъ правой стороны палаты. Въ такомъ положеніи находилась Италия, когда произошелъ въ ней государственный переворотъ револьверъ анархиста Анджело Бресси, который объясняетъ свое преступленіе ненавистью къ монархическимъ учрежденіямъ. Покойный Умберто былъ еще виднымъ, здоровымъ, мощнымъ человѣкомъ пятидесяти шести лѣтъ, не отличался большимъ умомъ и былъ женатъ на своей родственницѣ, принцессѣ Савойской Маргаритѣ, которая пользуется большой популярностью среди итальянскаго народа, благодаря ея прежней красотѣ, любезной привѣтливости и страсти къ прогулкамъ по горамъ, при чемъ она дружески обращается съ скромными обитателями альпійскихъ долинъ. Что касается до новаго итальянскаго короля, сына Умберто, Виктора-Эмануила III, до сихъ поръ принца Неаполитанскаго, то о немъ только извѣстно, что онъ родился въ 1869 г., получилъ прекрасное воспитаніе, ѣздилъ въ Мецъ въ 1893 г. для участія въ маневрахъ германской арміи подъ командой императора Вильгельма II, что произвело большой политическій скандалъ, женился въ 1896 году на княжнѣ Еленѣ Черногорской и не имѣетъ дѣтей.

— Виновники смерти Лавуазье. Въ одномъ изъ предыдущихъ номеровъ «Историческаго Вѣстника» приведены доводы, представленные однимъ изъ французскихъ изслѣдователей противъ легенды о томъ, будто революціонный судья, на просьбу объ отсрочкѣ казни Лавуазье, отвѣтилъ: «республика не нуждается въ ученыхъ». Въ числѣ новыхъ изслѣдованій о знаменитомъ химикѣ обращаетъ на себя вниманіе небольшая статья доктора Кабанеса въ «Revue hebdomadaire» объ истинныхъ виновникахъ смерти Лавуазье¹⁾. Прежде всего Кабанесъ обращаетъ вниманіе на то, что для революціоннаго трибунала Лавуазье вовсе не былъ ни химикомъ, ни ученымъ; этотъ трибуналъ обрекъ на казнь не Лавуазье, а «генеральнаго откупщика № 5», обвиненнаго въ участіи въ преступномъ товариществѣ, «благопріятствовавшемъ врагамъ Франціи, вымогавшемъ деньги и примѣшивавшемъ въ табакъ воду и другія вредныя для здоровья гражданъ примѣси». Ненависть къ откупщикамъ была давняго происхожденія. Еще въ 1789 году на собраніи генеральныхъ штатовъ слышались жалобы на «тиранническую власть» откупщиковъ. Векорѣ затѣмъ откупъ объявленъ былъ отмѣненнымъ, и были назначены особые комиссары для ликвидаціи дѣлъ откупщиковъ. По декрету національнаго собранія, эта лик-

¹⁾ D-r Cabanès, «Les petits problèmes de l'histoire: A quoi doit-on importer la mort de Lavoisier». — «Revue hebdomadaire», 21 juillet 1900.

видація должна была закончиться къ 1-му января 1793 года. Въ это время возникъ процессъ Людовика XVI, временно отклонившій вниманіе отъ откупщиковъ. Затѣмъ послѣдовала борьба между жирондистами и монтаньярами, которая цѣликомъ завладѣла вниманіемъ конвента. Наконецъ, въ іюнѣ 1793 года депутатъ Монто снова напомнилъ объ откупѣ; ссылаясь на то, что комиссары задерживаютъ ликвидацію, онъ добился декрета собранія, которымъ уничтожалась комиссія ликвидаціи и налагался арестъ на всѣ бумаги и деньги генеральнаго откупа. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, новымъ декретомъ дано было распоряженіе, чтобы наложены были печати на бумаги всѣхъ участниковъ разныхъ финансовыхъ компаній; при этомъ въ первый разъ зашла рѣчь о Лавуазье. 10 и 11 сентября 1793 года устроенъ былъ обыскъ на дому у бывшего генеральнаго откупщика, на бульварѣ Магдалины. 28-го того же мѣсяца печати были сняты, и судебный приставъ, переславъ Лавуазье копію съ протокола о снятіи печатей, писалъ ему: «Все, что здѣсь (т.-е. въ протоколѣ) заключается, отдаетъ честь вашимъ гражданскимъ доблестямъ и можетъ разсѣять всякія подозрѣнія». Лавуазье послѣ этого могъ думать, что его оставятъ впредь въ покоѣ. Комиссарамъ по ликвидаціи снова поручили заняться своимъ дѣломъ. Однако, черезъ нѣсколько дней, членъ конвента Дюпенъ добился назначенія комиссіи изъ шести лицъ «для обнаруженія всѣхъ злоупотребленій въ финансовомъ вѣдомствѣ»; кромѣ того, было назначено пять ревизоровъ для доклада въ бюро по отчетности о всѣхъ неурядкахъ, какіе имъ удастся раскрыть. Этимъ назначенъ былъ какъ бы контроль надъ комиссарами по ликвидаціи, которые, впрочемъ, понемногу продолжали свои работы. Въ конвентѣ, однако, становились все нетерпѣливѣе. Депутатъ Бурдонъ требовалъ, чтобы генеральные откупщики сдали свои отчеты не въ четыре мѣсяца, а въ одинъ мѣсяць. «Я требую,—говорилъ онъ,—чтобы отчеты были готовы въ мѣсяць; иначе пусть конвентъ предастъ откупщиковъ мечу закона». Никто изъ членовъ конвента не всталъ, чтобы замѣтить Бурдону, что, постановляя такое рѣшеніе, конвентъ становится въ противорѣчіе съ собственными предыдущими постановленіями. Предложеніе Бурдона было принято, и черезъ шесть дней послѣ этого откупщики были объявлены подлежащими суду. Лавуазье былъ поэтому арестованъ, исключительно на томъ основаніи, что онъ былъ генеральнымъ откупщикомъ. Позже говорили, что доносчики обвинили Лавуазье въ неправильныхъ дѣйствіяхъ по откупу и въ сношеніяхъ съ эмигрантами. Точно также утверждали, и, повидному, вполнѣ правильно, что Фуркруа предложилъ его исключить изъ списка членовъ преобразованнаго общества «Lycée des arts». Изъ протоколовъ парижской академіи оказывается, что Фуркруа еще въ августѣ 1792 года предложилъ выключить изъ академіи нѣсколькихъ ея членовъ, извѣстныхъ, какъ противниковъ революціи; тогда это требованіе не прошло. Зато черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ своей агитаціе довелъ до того, что было упразднено все ученое учрежденіе, къ которому и онъ самъ принадлежалъ. Позже революціонная дѣятельность Фуркруа была забыта, и онъ, немного лѣтъ спустя послѣ смерти Лавуазье, произносилъ панегирикъ безвременно погибшему ученому, котораго самъ же не захотѣлъ спасти отъ смерти. Впрочемъ, не только Фуркруа, но и никто вообще изъ ученыхъ, имѣвшихъ въ

то время вліяніе, ни Монтъ, ни Гассенфрацъ, ни Гюйтонъ-де-Морво, не заступились за Лавуазье въ теченіе пяти мѣсяцевъ его заключенія въ тюрьмѣ. Не сдѣлали они этого, можетъ быть, изъ страха передъ конвентомъ, а, можетъ быть, и по другимъ побужденіямъ; во всякомъ случаѣ, даже еслибы ихъ вмѣшательство и состоялось, неясно, къ чему бы оно могло привести; очень можетъ быть, что оно только содѣйствовало бы ихъ собственной гибели. Имѣется старая легенда, будто Маратъ содѣйствовалъ гибели Лавуазье, но эта легенда опровергается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что Лавуазье погибъ черезъ десять мѣсяцевъ послѣ смерти Марата. Можно считать выясненнымъ, что ни личные мотивы, ни ненависть къ человѣку науки не были причиною смерти Лавуазье; онъ былъ одною изъ многочисленныхъ жертвъ революціи, погибшихъ исключительно изъ-за того, что онѣ имѣли несчастіе принадлежать къ средѣ, которую революціонеры хотѣли искоренить.

— Люсьенъ Бонапартъ и его поэма. Жакъ де Нувіонъ приводитъ въ «*Revue hebdomadaire*»¹⁾ нѣсколько интересныхъ документовъ, касающихся единственного изъ братьевъ Наполеона, который умѣлъ отстаивать самостоятельность своихъ дѣйствій въ пору всемогущества брата. Столкновение между Наполеономъ и Люсьеномъ произошло изъ-за второго брака послѣдняго. Люсьенъ вступилъ въ связь съ разведенною женою парижскаго банковаго агента г-жею Жубертонъ и обѣщалъ жениться на ней, если она родитъ ему сына. Въ 1803 году у г-жи Жубертонъ родился сынъ, и Люсьенъ немедленно же поспѣшилъ исполнить свое обѣщаніе. Первый консулъ былъ страшно разсерженъ этимъ бракомъ. Не довѣряя дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, онъ потребовалъ доставленія себѣ церковной книги прихода Плесси - Шарманъ, гдѣ состоялось бракосочетаніе. Убѣдившись въ «мезальянсѣ» брата, онъ хотѣлъ вырвать тотъ листъ, гдѣ значилась запись о бракѣ; однако, уваженіе передъ закономъ удержало его отъ этого шага. Ставъ императоромъ, Наполеонъ началъ считать бракъ Люсьена еще бѣльшимъ позоромъ для семьи. Нѣсколько разъ онъ то самъ, то черезъ министровъ обращался къ Люсьену, требуя, чтобы онъ развелся съ г-жею Жубертонъ. Однако всѣ попытки были тщетны. Люсьенъ предпочелъ изгнаніе подчиненію волѣ брата. Онъ удалился въ Италію, гдѣ папа Пій VII принялъ его очень благосклонно и далъ даже титулъ княжества помѣстью Каннино, принадлежавшему Люсьену. Но и здѣсь Наполеонъ не давалъ покоя Люсьену. Жакъ де Нувіонъ приводитъ два письма, которыя, по приказанію императора, Талейранъ долженъ былъ написать Люсьену. Оба эти письма представляютъ образецъ дипломатическаго искусства. Прежде всего, Талейранъ зачуживалъ Люсьена, говоря, что сопротивленіе желаніямъ брата поставитъ его въ такое положеніе, что ему придется бѣжать изъ Европы. Затѣмъ, слѣдовали разныя обѣщанія: г-жѣ Жубертонъ обѣщались большая пенсія, если она добровольно согласится на разводъ; для дѣтей ея отъ Люсьена обѣщались возможность признанія ихъ рожденными въ бракѣ, хотя и неравноправными съ дѣтьми отъ перваго брака; самому Люсьену обѣщались самое почетное поло-

¹⁾ Jacques de Nouvion, «Lucien Bonaparte. Quelques pages de sa vie». — «La revue hebdomadaire», 21 juillet 1900.

женіе при дворѣ императора и даже право на наслѣдованіе престола. Всѣ эти убѣжденія не привели ни къ чему. Люсьенъ оставался вѣренъ своему слову. Въ 1807 году, Наполеонъ, находясь въ апогеѣ своего могущества, посѣтилъ свои итальянскія владѣнія и здѣсь, въ Мантуѣ, имѣлъ самъ бесѣду съ Люсьеномъ все по тому же вопросу. Онъ обѣщалъ Люсьену дать ему наслѣдственный тронъ въ Неаполѣ, Флоренціи или Пармѣ, если онъ, наконецъ, откажется отъ своего мезальянса. Люсьенъ уже сдавался, но братья не сошлись на условія существованія предполагавшейся новой монархіи. Люсьенъ требовалъ полной независимости, на что Наполеонъ не считалъ возможнымъ согласиться. Люсьенъ вернулся въ Канино, но здѣсь ему не пришлось оставаться долго; покровитель его папа Пій VII былъ отправленъ во Францію, и Люсьенъ рѣшилъ бѣжать. О бѣгствѣ его имѣется рукописный полицейскій докладъ, до сихъ поръ не изданный. Въ докладѣ этомъ говорится, что Люсьенъ имѣлъ въ виду бѣжать въ Соединенные Штаты, для чего собрался въ путь съ женою, дѣтьми и довольно многочисленною свитою. Выѣхавъ на суднѣ, онъ изъ-за противнаго вѣтра лишь черезъ недѣлю добрался до Кальяри, гдѣ просилъ позволенія высадиться на берегъ; ему, однако, разрѣшили лишь простоять нѣкоторое время на рейдѣ. Англійскій министръ, котораго онъ просилъ о паспортѣ для поѣздки въ Соединенные Штаты, отговорился отсутствіемъ полномочій. Выйдя черезъ нѣкоторое время затѣмъ изъ порта Кальяри, Люсьенъ былъ достигнутъ англійскимъ судномъ, которое объявило его плѣнникомъ и доставило въ Мальту. Здѣсь онъ нѣсколько недѣль пробылъ въ плѣну, терпѣливо ожидая рѣшенія британскаго правительства. Самъ онъ въ это время усиленно работалъ надъ героическою поэмою «Карлъ Великій, или освобожденный Римъ». Наконецъ получено было имъ разрѣшеніе избрать себѣ для жительства одинъ изъ трехъ, намѣченныхъ ему британскимъ правительствомъ, городовъ. Онъ избралъ изъ нихъ Лѣблону, и здѣсь-то и была закончена имъ его поэма въ двадцати четырехъ пѣсняхъ, посвященная подвигамъ Карла Великаго. Поэма эта, по отзывамъ критиковъ, болѣе чѣмъ посредственна; стиль ея напыщенный и претенціозный соответствовалъ общему характеру французской литературы временъ имперіи; по темѣ, избранной авторомъ, и характеру обработки ея можно видѣть, что трудъ Люсьена является предвѣстникомъ французскаго романтизма. Люсьенъ завелъ переговоры о напечатаніи своей поэмы еще въ Англии, въ 1811 году, когда она, вѣроятно, была закончена. Для этой цѣли онъ обратился къ книгопродавцу Миллеру въ Лондонѣ. Этотъ послѣдній принялъ это предложеніе, и, увѣренный въ успѣхъ изданія съ именемъ одного изъ Бонапартовъ, обратился со справками на континентъ, не найдется ли тамъ охотниковъ взять книгу на комиссію для распространенія. По этому поводу онъ обратился съ запросомъ къ извѣстнымъ въ то время парижскимъ книгопродавцамъ Трюдтеру и Вюртцу. Выборъ этотъ оказался весьма неудобнымъ: Трюдтеръ и Вюртцъ находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ, и поэтому и на этотъ разъ обратились съ запросомъ къ министру. Министръ нашелъ необходимымъ довести о поэмѣ до свѣдѣнія императора. Само собой разумѣется, что Наполеонъ постарался разстроить книгопродавческую спекуляцію. Онъ воспретилъ печатаніе и распространіе поэмы

не только во Франціи, но и за границею. Въ 1814 году, когда Наполеонъ былъ на островѣ Эльбѣ, Люсьенъ началъ печатать въ Лондонѣ свою поэму, но возвращеніе Наполеона и «сто дней» прервали это изданіе, такъ и оставшееся незаконченнымъ. Первое изданіе во Франціи вышло лишь въ 1815 году, когда Наполеонъ палъ окончательно, и когда Люсьенъ послѣ долгой вражды къ брату почувствовалъ къ нему такую любовь, что предлагалъ раздѣлить съ нимъ его плѣнъ.

— Лэди Эсэиръ Стенгопъ, «царица Тадмора». Э. Париже даетъ въ одномъ изъ послѣднихъ выпусковъ «Revue bleue» очеркъ жизни замѣчательной личности, сумѣвшей въ теченіе десятилѣтій играть видную политическую роль какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи ¹⁾. Эта личность—лэди Эсэиръ Стенгопъ, дочь графа Чарльза Стенгона, родившаяся въ 1776 году въ Лондонѣ. Не отличавшаяся красотою, но сильная и энергичная лэди Эсэиръ впервые выступила на политическое поприще, уйдя изъ родительскаго дома въ 1800 г. и ставъ домашнимъ секретаремъ Питта. Вліяніе, которое она стала имѣть на перваго министра, было скоро замѣчено: она помогала ему въ веденіи переписки, редактировала проекты дипломатическихъ нотъ, энергично поддерживала его въ борьбѣ съ вигами и якобинцами; король Георгъ въ это время называлъ ее однимъ изъ «лучшихъ государственныхъ мужей». Скоропостижная смерть Питта при извѣстїи о сраженіи при Аустерлицѣ была сильнымъ для нея ударомъ. Лишенная всякаго вліянія и окруженная массою интригъ, она сначала удалилась въ уединеніе въ Уэльсѣ; матеріальное положеніе ея было обезпечено рентою въ тысячу двѣсти фунтовъ стерлинговъ, которую ей даровалъ король по желанію Питта. Въ 1805 году, когда умеръ ея братъ Джемсъ, она унаслѣдовала еще ренту въ полторы тысячи фунтовъ стерлинговъ. Уединенная жизнь ея въ Уэльсѣ прервалась, когда она узнала объ одновременной смерти брата Чарльза и тайно ею любимаго генерала Мура, убитыхъ въ одинъ день въ битвѣ при Коруньѣ. Родина ея стала ненавистна, и въ февралѣ 1810 года она навсегда оставила Англию. Поселившись сначала въ Константинополѣ, она черезъ годъ, находя въ турецкой столицѣ слишкомъ много цивилизаціи, отправилась въ Сирію. Судно, которое ее перевозило, потерѣло крушеніе въ заливѣ Макри, на высотѣ острова Родоса, и она съ трудомъ спасла свою жизнь. Добравшись, совершенно промокшая, до берега, она не нашла другого костюма, чтобы переодѣться въ сухое, какъ турецкій мужской костюмъ. Несмотря на то, что это платье ей пришлось надѣть лишь по необходимости, оно ей настолько понравилось, что она рѣшилась никогда не носить другого; и дѣйствительно въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ своей жизни она никогда не надѣвала европейскаго женскаго костюма. Кораблекрушеніе не видоизмѣнило ея намѣреній, и, собравъ остатки своего имущества, она отправилась снова въ путь. Въ это время ее обуяла какаля-то манія величія. Она старалась казаться въ глазахъ восточнаго населенія какъ бы посланницею свыше: для этого она не щадила затратъ на вѣщное великолѣпіе и щедро сорила золотомъ. Не только щедрость ея, но и особое умѣніе обходиться съ людьми, очаровывать ихъ своимъ обра-

¹⁾ E. Pariset, «Lady Hester Stanhope», «Revue bleue», 21 juillet, 1900.

ценіемъ, величественность, сказывавшаяся въ наружности и во всѣхъ дѣйствіяхъ ея, помогли ей достигнуть того успѣха на востокѣ, котораго она жаждала. Въ Египтѣ Мегеметъ-Али принялъ ее съ великолѣпіемъ, въ Яфѣ, въ Іерусалимѣ, какъ и во время ея поѣздокъ по Сиріи, мѣстное населеніе принимало ее, какъ посланницу небесъ. Ни разу фанатичные мусульмане не оскорбляли ее ни за ея религію, ни за ея полъ. Въ 1813 году она устроила великолѣпную экспедицію къ развалинамъ Тадмора, древней Пальмиры. Она вступила въ городъ съ копьемъ въ рукѣ и окруженная чисто царскою свитою. Съ разными церемоніями она здѣсь сама себя короновала «царицею Тадмора», каковой титулъ арабы и друзья долго за нею признавали. Три ночи подъ рядъ развалины были роскошно иллюминированы. Расходы на это дошли до тридцати тысячъ пиастровъ. На нѣкоторое время затѣмъ она поселилась въ оставленномъ монастырѣ св. Ильи близъ древней Лаодикеи. Здѣсь она приняла совершенно мужской образъ жизни: курила наргиле и носила постоянно оружіе, которымъ при случаѣ умѣла хорошо пользоваться. Съ многочисленнымъ женскимъ штатомъ, состоявшимъ при ней, она обращалась тираннически. Она требовала отъ своей женской свиты абсолютнаго цѣломудрія; виновныя въ нарушеніи его подвергались тѣлесному наказанію, послѣ чего у нихъ выбривали половину головы и одну бровь. Недовольная доступностью монастыря св. Ильи, лэди Эснъръ въ 1818 году переселилась на высокую вершину горы Джигунъ въ 8 миляхъ отъ Сидона. Въ этомъ орлиномъ гнѣздѣ, доступномъ лишь по трудно проходнымъ тропинкамъ, она устроила себѣ постоянное мѣстопробываніе; на вершинѣ горы было построено нѣсколько низкихъ строеній, соединенныхъ узкими коридорами и обставленныхъ внутри съ величайшимъ изыществомъ. Скрытая здѣсь отъ глазъ всѣхъ и неприступная, она теперь стала требовать, чтобы къ ея титулу царицы относились серьезно; дѣйствительно сосѣдніе эмиры и признали его. Смутное состояніе Турецкой имперіи, несогласіе съ Египтомъ, желавшимъ захватить себѣ Сирію, были причиною тому, что лэди Стенгопъ получила возможность смотрѣть на себя, какъ на особую державу; она, какъ равная съ равными, сносилась со всѣми державами, боровшимися за Сирію. Передъ воротами своего дворца она велѣла воздвигнуть два большихъ кола для устрашенія непріятелей, и приняла къ себѣ на службу особаго палача, который въ предыдущую свою карьеру казнилъ сажаніемъ на колъ и другими способами не менѣе двухъ тысячъ человѣкъ; слѣдуетъ, однако, замѣтить, что ни колами, ни услугами палача ей ни разу не пришлось воспользоваться. Авторитетъ ея и безъ того былъ достаточно великъ. Акрскій паша какъ-то захватилъ нѣсколько тюковъ шелку у смирнскаго купца, обратившагося къ посредничеству «царицы Тадмора»: одной записки отъ нея было достаточно, чтобы тюки были немедленно отданы. Другой разъ эмиръ Беширъ, недовольный тѣмъ, что она стояла на сторонѣ его враговъ, отправилъ къ ней посланца съ страшными угрозами. «Скажите эмиру, что я достану его голову», отвѣчала она просто; и эмиръ ни разу не предпринималъ ничего противъ нея. Среди безпрерывныхъ войнъ въ Сиріи въ это время она постоянно становилась на сторону той или иной партіи, помогая ей совѣтами и деньгами. Озабоченная тѣмъ, чтобы поддержать свой престижъ среди населенія, она старалась увѣрить,

какъ другихъ, такъ и самое себя въ особыхъ своихъ магическихъ силахъ; цѣлые дни и ночи она просиживала въ своемъ скалистомъ замкѣ за книгами по магии, некромантіи и астрологін; эти книги, въ концѣ концовъ, привели къ полному упадку ея умственныхъ силы. Она стала серьезно увѣрять окружающихъ, что ей предстоитъ вступитъ въ Иерусалимъ на одной колесницѣ съ грядущимъ Мессіею; на этотъ случай она держала у себя въ конюшнѣ двухъ священныхъ кобылицъ, которыхъ предстояло впрячь въ колесницу. Она была увѣрена, что будетъ взята живую на небо, подобно пророку Ильѣ. Очень можетъ быть, что угасанію ея умственныхъ способностей способствовало и ея обѣднѣніе. Она тратила всегда безъ счета, и уже въ 1826 году ея долги достигали суммы въ 10.000 фунтовъ стерлинговъ; въ 1838 году ей сообщили, что арестъ наложенъ на пенсіонъ, платившійся ей съ 1805 года. Послѣ этого настала полная нищета. Мало-помалу исчезла обстановка ея дворца, священныхъ кобылицъ пришлось убить, чтобы онѣ не околѣли отъ голода, дворецъ ея пришелъ въ ветхость. Послѣдніе дни ей пришлось прожить въ комнатѣ, открытой вѣтрамъ и дождю, съ крышею, подпертою стволомъ дерева, покрытымъ еще корою. Она умерла 23-го іюня 1839 года, послѣ того, какъ прислуга украла у нея все вплоть до ея часовъ. Ея похоронили въ саду, разведенномъ ею на вершинѣ Джигуна.

— Попытка реформъ въ Китаѣ. Въ статьѣ Огюста Муаро въ «Revue bleue» разсказывается исторія попытки китайскихъ реформъ, которая сдѣлана была китайскимъ императоромъ Гуанъ-сюи при участіи немногочисленныхъ либеральныхъ элементовъ въ Китаѣ¹⁾. Главнымъ дѣятелемъ реформъ былъ любимецъ богдыхана Канъ-Ю-Вей, родившійся въ Кантонѣ въ 1859 году и въ этомъ же городѣ прошедшій первые свои экзамены. Около 1888 года онъ опубликовалъ «Комментаріи къ ученію Конфуція», которыя своими новшествами возмутили мандариновъ-консерваторовъ и не дали ему во время сдать конкурсный экзамень. Лишь при поддержкѣ присланнаго въ Кантонъ болѣе либеральнаго экзаменатора Канъ-Ю-Вею удалось пройти второй разрядъ экзаменовъ въ 1894 году. Тогда онъ перешелъ въ Пекинъ и здѣсь, весною 1895 года, добился послѣдней степеніи учености—«чинъ-ши». Въ это же время онъ сдѣлался чиновникомъ въ столицѣ и сталъ секретаремъ въ вѣдомствѣ общественныхъ работъ; тутъ-то онъ имѣлъ возможность познакомиться съ императоромъ. Это было какъ разъ время, послѣдовавшее послѣ несчастной войны съ Японіею. Въ апрѣлѣ 1895 года стали извѣстны въ Пекинѣ условія шимоносекскаго мира. Канъ-Ю-Вей съ нѣсколькими товарищами обратился къ императору съ петиціею, въ которой предлагалъ не признавать этого мира; палата цензоровъ нашла тонъ петиціи недостаточно почтительнымъ и не доставила ее императору. Тогда Канъ-Ю-Вей подалъ другую петицію, въ которой дѣлалъ тѣ же предложенія и настаивалъ на перенесеніи столицы въ Си-анъ-фу. На этотъ разъ цензоры уже не задерживали петиціи, и Канъ-Ю-Вею данъ былъ доступъ ко двору. Канъ-Ю-Вей сталъ вліятельнымъ человѣкомъ, сдѣлался главою партіи прогрес-

¹⁾ Auguste Moireau: «Un essai d'empire libéral en Chine».—Revue bleue, 30 juin, 1900.

систовъ, основать при поддержкѣ товарища Хань-линя журналъ «Вань-гуо-гунъ-бао» для пропаганды реформы обученія и организоваль въ Пекинѣ «клубъ реформъ». Реформаторы стали все смѣлѣе. Въ декабрѣ 1895 г. двое изъ нихъ предложили императору удалить императрицу мать и тѣхъ совѣтниковъ, на которыхъ она имѣла вліяніе. Императрица съ трудомъ лишь удержалась. Отъ Канъ-Ю-Вея слѣдовала петиція за петиціею: онъ предлагалъ очистить администрацію отъ злоупотребленій, удалить мандариновъ, берущихъ взятки, ввести конституціонное управленіе, преобразовать систему народнаго просвѣщенія. Эти петиціи въ концѣ концовъ возымѣли дѣйствіе на Гуанъ-сюя. Послѣ захвата Цзяо-чжоу Германіею, богдыханъ убѣдился въ необходимости реформъ, и вотъ съ іюня 1898 года начинается серія императорскихъ указовъ, столь многочисленныхъ и разнообразныхъ по содержанию, какъ и петиціи Канъ-Ю-Вея. Въ длинномъ указѣ, начинающемъ ихъ, Гуанъ-суй съ изумительною откровенностію излагаетъ всю безпомощность своего положенія и проситъ вице-королей и губернаторовъ помочь ему облегчить положеніе государства, изнемогающаго отъ бѣдствій, на него обрушившихся. Въ августѣ 1898 года богдыханъ, имѣя въ виду сокращеніе слишкомъ многочисленнаго штата чиновниковъ, приказаль закрыть три бюро въ столицѣ, смѣстить большое количество губернаторовъ и окружныхъ начальниковъ, а оставшимся въ должностяхъ велѣлъ слѣдить за тѣмъ, чтобы подчиненные ихъ дѣйствительно имѣли понятіе о тѣхъ обязанностяхъ, которыя на нихъ лежать. Этотъ указъ, прогонявшій съ видныхъ должностей тысячи лицъ, произвелъ страшный перенолохъ и вызвалъ сильнѣйшее неудовольствіе среди мандариновъ. Еще больше неурядностей вызвали дальнѣйшія распоряженія Гуанъ-суй. Нѣсколькими указами онъ требовалъ устройства школъ, гдѣ бы молодые люди обучались прикладнымъ знаніямъ. Особо было издано распоряженіе объ устройствѣ въ Пекинѣ университета съ медицинскимъ факультетомъ. 12-го сентября указано было, чтобы всѣ высшіе чиновники не менѣе раза въ мѣсяцъ представлялись императору, чтобы онъ могъ судить объ ихъ способностяхъ. Въ тотъ же день богдыханъ объявилъ о необходимости повсемѣстно въ имперіи издавать газеты и журналы по западному образцу. 13-го сентября даотаямъ и окружнымъ начальникамъ велѣно было обращаться непосредственно къ самому богдыхану со всѣми предложеніями о реформахъ, какія они найдутъ необходимыми. Право представлять петиціи черезъ свои прямыя начальства было предоставлено и всѣмъ низшимъ чиновникамъ и учащимся. Вся масса указовъ Гуанъ-суй, грозившихъ гибелью китайской бюрократіи, была издана въ промежутокъ времени отъ середины іюля до середины сентября 1898 года. Полное противорѣчіе ихъ со всѣмъ складомъ китайской жизни не давало имъ шансовъ на успѣхъ. Дѣйствительно, эта попытка быстрыхъ реформъ въ Китаѣ кончилась лишь тѣмъ, что 21-го сентября н. ст. 1898 г. Гуанъ-суй императрицею-матерью, опирающеюся на помощь большинства высшихъ сановниковъ, былъ арестованъ и лишенъ власти.

С М Ъ С Ъ.

БИЛЕИ 400-лѣтній Супрасльскаго монастыря. Въ м. Супрасль Гродненской губ. 23-го мая былъ большой праздникъ православія въ Сѣверо-западномъ краѣ, именно 400-лѣтія существованія Супрасльскаго монастыря. Рѣка Супрасль четыре вѣка назадъ была покрыта громадными лѣсами на всемъ почти протяженіи своемъ. Лѣвый берегъ покрытъ былъ лѣсами, принадлежавшими фамиліи Ходкевичей. Внутри этихъ громадныхъ лѣсовъ было мало сколько нибудь значительныхъ поселеній. Насельники пущъ жили большею частью маленькими деревеньками, отдѣленными одна отъ другой большими пространствами. Въ королевскихъ лѣсахъ это были главнымъ образомъ осочники (слуги, на которыхъ лежалъ непосредственный надзоръ за пущами) и стрѣлки; въ имѣніяхъ Ходкевичей къ концу XV в. населеніе росло довольно быстро главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что тутъ имѣли мѣсто своевольные захваты чужой земли. Большинство селившихся были русскіе люди, что видно по ихъ русскимъ фамиліямъ и именамъ. Въ королевскихъ же экономіяхъ и городахъ Подляшья преобладать польскій элементъ. Тутъ же началъ селиться мелкій служивый людъ, большею частью польскаго происхожденія, а также польскіе колонисты. Къ началу XV вѣка количество этихъ обитателей Подляшья было уже такъ велико, что литовскіе князья XV вѣка начинаютъ мало-помалу вводить здѣсь польскіе законы въ области суда и управленія, а равно и земельного устройства. Этотъ историческій процессъ оканчивается введеніемъ въ 1501 г. въ Вѣльскомъ повѣтѣ польскаго права и учреждений. По мѣрѣ увеличенія лицъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, стало увеличиваться число костеловъ. Старинное русское населеніе Подляшья стало исповѣдывать наконецъ латин-

ство, между тѣмъ у православныхъ не было ни храмовъ, ни духовныхъ руководителей. Въ концѣ XV вѣка въ имѣніяхъ фамиліи Ходкевичей появляется молодой помѣщикъ Александръ Ивановичъ Ходкевичъ. Единственный сынъ кіевскаго воеводы Ивана Ходкевича, Александръ, жилъ подъ надзоромъ своихъ родителей въ воеводскомъ кіевскомъ замкѣ на Кисилевкѣ. Въ 1482 году семью Ходкевичей постигло страшное несчастье. Въ этомъ году ханъ Менгли-Гирей напалъ на Кіевъ, взялъ и разорилъ его. Воевода и все его семейство попали въ плѣнъ и приведены были въ орду, гдѣ и скончался Иванъ Ходкевичъ. Много лѣтъ провела въ ордѣ несчастная осиротѣлая семья. Татары не отказывались отпустить Ходкевичей на волю, но они требовали за освобожденіе изъ плѣна такого огромнаго выкупа, который могъ быть собранъ въ теченіе лишь цѣлаго ряда лѣтъ. По возвращеніи на родину, Александръ Ивановичъ увидѣлъ себя владѣльцемъ огромныхъ имѣній. Ему принадлежали Рось, на рѣкѣ того же имени, Берестовица, Свислочь и вся Блудовская пуца по лѣвому берегу Супрасли. Онъ занялся устройствомъ имѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ думать о храмѣ Божіемъ, по которому онъ истосковался въ плѣну, гдѣ онъ жилъ только воспоминаніями о храмахъ кіевскихъ, виданныхъ въ дѣтствѣ. И вотъ онъ задумалъ основать въ глуши своихъ лѣсовъ на Супрасли иноческую обитель, которая, какъ и кіевская, была бы посвящена Божіей Матери и кіевскимъ чудотворцамъ, съ присоединеніемъ къ храму Божіей Матери и церкви во имя Святого Іоанна Богослова, небеснаго покровителя своего отца. Въ 1500 году въ лицѣ іеромонаха Пафнутія, родомъ изъ Бѣльска, нашель онъ себѣ и помощника въ дѣлѣ созданія задуманной обители. Въ 1500 г. была освящена церковь во имя Іоанна Богослова митрополитомъ Іосифомъ Болгариновичемъ. Главнымъ ктитормъ обители совершенно справедливо считать кіевскаго митрополита Іосифа Солтана, который, собственно говоря, и способствовалъ благосостоянію обители. Онъ выработалъ монастырскій уставъ, который былъ замѣчательнъ по тому времени. Во-первыхъ, въ то время избраніе настоятеля монастырей, построенныхъ частными лицами, предоставлено было «патронамъ». Солтанъ настоялъ, чтобы избирались настоятели братією и изъ числа иноковъ Супрасльскаго монастыря, что мѣшало разнымъ лицамъ захватывать власть въ свои руки. Другою особенностью устава была замѣчательная строгость: никто не могъ имѣть собственности, и въ стѣнахъ монастыря запрещено было употреблять спиртные напитки. Слава о монастырѣ, строгости жизни въ немъ разнеслась далеко, и онъ привлекъ расположеніе не только русскихъ—православныхъ, но и инновѣрныхъ. Въ продолженіе XVI ст. Супрасльскій монастырь служилъ оплотомъ православія, такъ что въ 1596 г. архимандритъ Іларіонъ (князь Масальскій) протестуетъ противъ уніи и не подписалъ соединенія съ Римомъ. Въ XVII в. начинается упадокъ монастыря; онъ переходитъ въ унію; владѣнія его захватываются сосѣдями. Нѣсколько поддерживаютъ благосостояніе монастыря въ XVIII вѣкѣ типографія и бумажная фабрика. Въ 1798 г. по третьему раздѣлу Польши монастырь Вѣлостокской области попадаетъ подъ власть Пруссіи, которая лишила монастырь всѣхъ владѣній. Съ переходомъ вновь подъ власть Россіи Супрасльскій монастырь начинаетъ оправляться. Въ 1839 г. онъ переходитъ изъ уніи въ православіе,

и ему даны небольшія угодья. Въ монастырѣ находится чудотворная икона Одигитрии и крестъ съ частицами животворящаго древа Креста Господня. Въ послѣдніе годы, благодаря заботамъ архимандрита Николая, настоятельствующаго 29 лѣтъ, монастырь оказываетъ очень благотворное дѣйствіе на окрестныхъ крестьянъ. Въ монастырѣ находятся народная школа для мальчиковъ и дѣвочекъ; монастырь устраиваетъ библіотеки и вообще служитъ образцомъ правильной просвѣтительной дѣятельности и относится къ народнымъ училищамъ такъ же любовно, какъ къ церковно-приходскимъ школамъ. Празднованіе юбилея продолжалось 3 дня, главное же торжество было 25-го мая. Наканунѣ прибыли: преосвященный Іоакимъ, гродненскій генераль-губернаторъ ген.-адъют. Троцкій и управляющій канцелярією его д. с. с. Судейкинъ, начальникъ штаба округа ген.-лейт. Поволоцкій, почетный оекунъ Батюшковъ, многія власти изъ Грабова, учебныя заведенія изъ гор. Бѣлостока и ученики свислочской учительской семинаріи, изъ окрестныхъ мѣстъ собралось множество народа—крестьянъ не только православныхъ, но и католиковъ. Много содѣйствовало торжеству праздника паломничество учениковъ, напимѣръ, реального училища, свислочской учительской семинаріи, бѣлостокскаго приходскаго училища, церковно-приходскихъ школъ. Изъ окрестныхъ деревень было много богомольцевъ, пришедшихъ съ крестными ходами и самостоятельно.

Историческій музей во Владимирѣ на Клязьмѣ. 29 мая, членами Владимирской ученой архивной комиссіи, съ предѣдателемъ княземъ Н. П. Урусовымъ во главѣ, въ присутствіи представителей отъ земства, городского управленія и многочисленныхъ гражданъ, торжественно произведена закладка зданія губернскаго историческаго музея, въ которомъ, кромѣ предметовъ древностей, будутъ помѣщаться историческій архивъ и библіотека архивной комиссіи. Нуждавъ особомъ зданіи музея ощущалась давно. Владимиро-Суздальскій край, гдѣ начало слагаться государство Россійское, богатъ остатками давно прошедшей жизни; въ немъ сохранилось немало памятниковъ древности, и они нерѣдко извлекаются изъ нѣдръ земли; немало можно встрѣтить памятниковъ древне-русскаго зодчества, живописи, ваянія и вообще предметовъ древняго домашняго быта и культа, которые могутъ быть сохранены только въ музеѣ. Попытки къ учрежденію музея во Владимирѣ были и ранѣе, но предметы, собираемые, напимѣръ, статистическимъ комитетомъ, не имѣя помѣщенія, большею частію передавались въ столицы. Безъ особаго зданія для музея мѣстные коллекціонеры древностей не рѣшались жертвовать свои коллекціи статистическому комитету и даже архивной комиссіи. Поэтому много предметовъ древности, важныхъ для исторіи края, разошлось по центральнымъ музеямъ, а еще больше безвозвратно погибло. Владимирская ученая архивная комиссія, по инициативѣ князя Н. П. Урусова, на первыхъ же порахъ своей дѣятельности рѣшила устроить во Владимирѣ губернскій историческій музей для предметовъ древности, а также отвести въ немъ помѣщеніе для историческаго архива и библіотеки, предоставивъ такимъ образомъ всѣ удобства для занятій по изученію исторіи края членамъ комиссіи и всѣмъ ревнителямъ просвѣщенія. Былъ объявленъ конкурсъ для составленія проекта зданія музея, на который отозвались мѣстные техники, представившіе безмездно до 8 про-

ектовъ, несмотря на кратковременность конкурса и другія неудобства. Особая комиссія изъ техниковъ и лицъ, занимающихся изученіемъ древне-русскаго искусства, одобрила изъ представленныхъ проектовъ—проектъ зданія архитектора П. Г. Бегена. Музей двухэтажный и фасадъ разработанъ въ русскомъ стилѣ XVIII вѣка. Зданіе музея будетъ не велико въ виду крайней ограниченности средствъ комиссіи, собравшей еще весьма мало денегъ на постройку, но довольно красиво и занимаетъ одно изъ лучшихъ мѣстъ въ центрѣ города; оно можетъ быть легко увеличено впоследствии при увеличеніи средствъ. Торжество закладки началось молебствіемъ на мѣстѣ постройки, которое совершалъ ректоръ Владимирской духовной семинаріи, архимандритъ Евгений, въ сослуженіи съ мѣстными протоіереями А. И. Виноградовымъ, В. В. Касаткинымъ, священниками В. М. Орловымъ и П. В. Ильинскимъ, состоящими въ числѣ членовъ архивной комиссіи. Кромѣ иконъ, принесенныхъ на мѣсто постройки изъ ближней церкви Бориса и Глѣба, на молебеніе была принесена древняя чудотворная икона Боголюбской Божіей Матери, написанная по повелѣнію Андрея Боголюбскаго въ 1157 году, мѣстно особо чтимая. Первый камень заложенъ былъ председателемъ комиссіи кн. Н. П. Урусовымъ, второй—почетнымъ членомъ комиссіи гофмейстеромъ Г. П. Алексѣевымъ, третій—должностными лицами комиссіи—правителемъ дѣлъ В. Т. Георгіевскимъ, назначаемъ Д. Д. Ивановымъ, бібліотекаремъ А. В. Смирновымъ, а также супругой г. председателя кн. В. Г. Урусовой и четвертый камень—членами строительной комиссіи—И. Н. Могучихъ, городскимъ головою А. А. Шиловымъ, В. А. Ивановымъ и П. Г. Бегономъ. Актъ о сооруженіи музея въ стеклянномъ цилиндрѣ вмѣстѣ съ золотыми и серебряными монетами былъ вложенъ въ особый каменный ящикъ и вдѣланъ въ восточную стѣну зданія. Торжество закладки закончено было провозглашеніемъ многолѣтія государю императору, августѣйшему покровителю комиссіи великому князю Георгію Михайловичу, всему царствующему дому, членамъ архивной комиссіи и всѣмъ ревнителямъ просвѣщенія. Средства строительной комиссіи очень скудны, и ревнители просвѣщенія и любители отечественныхъ древностей окажутъ великое благодѣяніе комиссіи, городу и отечественной наукѣ, если откликнутся на зовъ комиссіи и помогутъ пожертвованіями довершить до конца построеніе музея. Архивная комиссія постановила начертать на мраморныхъ доскахъ имена всѣхъ жертвователей, вносящихъ на постройку не менѣе 500 рублей, и помѣстить эти доски на стѣнахъ залъ строящагося зданія музея.

Памятникъ на мѣстѣ мученической кончины митрополита Макарія. Давносознанная мысль о сооруженіи памятника на мѣстѣ мученической кончины митрополита Макарія начинаетъ приближаться къ осуществленію. Этою мыслью теперь озабочены два комитета, основанные въ Кіевѣ и Минскѣ. Условія кончины святителя Макарія знаменательны и глубоко поучительны. Юго-Западная Русь, еще не успѣвшая оправиться отъ татарскаго погрома, подпавъ подъ власть иноземныхъ государей, подвергалась набѣгамъ крымскихъ татаръ. Тысячи русскихъ людей гибли отъ меча и уведились въ плѣнъ. Путешествіе при такихъ условіяхъ изъ Вильны въ Кіевъ было дѣломъ рискованнымъ. Застигнутый татарскимъ отрядомъ въ одномъ изъ захолустныхъ уголковъ Припет-

скаго Полѣся (нынѣ м. Скриголовъ), въ моментъ совершенія литургіи, святитель предоставилъ богомольцамъ искать спасенія, гдѣ кто можетъ, а самъ остался у алтаря и воспринялъ мученическую смерть. По проекту комитетовъ, если окажутся средства, на мѣстѣ мученической кончины святителя Макарія предположено соорудить часовню и церковно-приходскую школу. Пожертвованія принимаются въ Кіевѣ: 1) на имя предсѣдателя кіевского комитета, преосвященнаго Сергія, епископа Уманскаго (въ Михайловскомъ монастырѣ); 2) на имя намѣстника Кіево-Печерской лавры, архимандрита Автонія (въ Лаврѣ); 3) на имя церковнаго старосты г. Брычкина (въ Софійскомъ соборѣ). Въ губернскомъ городѣ Минскѣ — на имя предсѣдателя Минскаго комитета, каедральнаго протоіерея Тарнопольскаго.

Пушкинская бібліотека. 25 мая въ Орлѣ состоялось открытіе публичной общественной Пушкинской бібліотеки и при ней часовни въ память столѣтія со дня рожденія Пушкина. На открытіи присутствовали епископъ Никаноръ, начальникъ губерніи А. Н. Трубниковъ, всѣ директора мѣстныхъ учебныхъ заведеній, ректоръ духовной семинаріи В. А. Сахаровъ, инспекторъ женскаго института Е. Н. Тихомировъ и предсѣдатель губернской земской управы С. А. Хвостовъ, орловскій уѣздный предводитель дворянства Н. С. Буйницкій, многіе изъ представителей правительственныхъ учрежденій и др. Прежде всего состоялось торжественное освященіе помѣщенія. Затѣмъ предсѣдатель пушкинскаго комитета Стаховичъ обратился къ присутствующимъ съ прочувствованною рѣчью. Послѣ сказалъ короткую рѣчь начальникъ губерніи А. Н. Трубниковъ, горячо привѣтствуя такое важное событіе въ жизни Орла. Епископъ Никаноръ въ своей рѣчи главнымъ образомъ касался значенія въ дѣлѣ народнаго образованія чествуемаго поэта А. С. Пушкина, взгляда поэта на образованіе, приведя при этомъ строфы его «Пророка» и другихъ стихотвореній. Въ общемъ собраніи членовъ комитета и бібліотеки предпологалось произвести избраніе: почетныхъ членовъ общества, вновь избрать комитетъ, такъ какъ установленный срокъ его службы — годъ — уже скоро минетъ, а также и членовъ ревизіонной комиссіи. Общее собраніе единогласно рѣшило безъ балотировки просить епископа Никанора и начальника губерніи А. Н. Трубникова принять званіе почетныхъ членовъ общества, на чтѣ и получено отъ нихъ согласіе, а выборы комитета и членовъ ревизіонной комиссіи отложить до осени, прося настоящій комитетъ продолжать свои занятія. Откроется бібліотека въ день рожденія А. С. Пушкина 26-мая. Плата за чтеніе: въ мѣсяцъ отъ 20 к. до 1 р., въ годъ отъ 2 р. до 10 р. Въ настоящее время въ бібліотекѣ насчитывается уже болѣе 15.000 томовъ.

Общество востоковѣдѣнія. 5-го іюня въ помѣщеніи географическаго общества было первое общее учредительное собраніе новаго общества востоковѣдѣнія, организующагося съ очень широкими задачами и собирающагося работать въ той области, въ которой, собственно говоря, у насъ не сдѣлано ничего. Это не было открытіе общества, открытіе состоится только осенью; но чтобы не терять цѣлаго лѣта, въ этомъ собраніи выбрали часть правленія, которое и могло бы приступить немедленно къ дѣлу. Учредительное собраніе состоялось подъ предсѣдательствомъ директора департамента

торговли и мануфактуръ В. П. Ковалевскаго. Прежде всего почетною предсѣдательницею была избрана О. С. Лебедева, по мысли которой общество образовалось и которая уже извѣстна своими трудами въ изученіи Востока. Затѣмъ почетными членами общества выбраны: министръ финансовъ С. Ю. Витте, военный министръ ген.-лейт. А. Н. Куропаткинъ, членъ государственнаго совѣта П. П. Семеновъ, бывший россійскій посолъ въ Константинополь, а теперь въ Римѣ, г. Нелидовъ, кн. М. С. Волконскій и ген.-адъют. Н. М. Чихачевъ. О задачахъ и программѣ будущей дѣятельности общества сказалъ нѣсколько словъ В. И. Ковалевскій. «Не надо,—говорилъ В. И. Ковалевскій,—понимать Востокъ только въ смыслѣ территоріальномъ; Востокъ—вездѣ, гдѣ культура еще низка, и въ этомъ смыслѣ его можно найти, конечно, повсемѣстно. Задачи Россіи итти торговою тропою въ такія страны, неся культуру и цивилизацію подъ прикрытіемъ торговыхъ сношеній. Эту задачу Россія можетъ исполнить лучше, чѣмъ какое либо другое государство. Попытки въ этомъ отношеніи хотя и нельзя назвать особенно блестящими, однако, напримѣръ, съ Персіей установились болѣе или менѣе прочныя сношенія, выражающіяся хотя бы въ 20-ти-милліонномъ нашемъ торговомъ оборотѣ съ этой страной. Обществу востоковѣднія и предстоитъ укрѣпить и расширить русскую цивилизацію въ восточныхъ странахъ, выполнить эту въ высшей степени важную и насущную задачу». Затѣмъ было предложено учредителями на разрѣшеніе собранія организовать, если будетъ возможно, цѣлую сѣть отдѣленій общества, начиная отъ Нижняго Новгорода по Поволжью, въ Персіи, Бухарѣ и т. д. Съ этою цѣлью члены общества поѣдутъ въ указанные мѣста, чтобы составить необходимый контингентъ членовъ отдѣленій. Но это, конечно, въ томъ случаѣ, если будутъ средства, пока же они еще очень малы. Въ Петербургѣ теперь уже организуется три отдѣленія, раздѣляющія между собой дѣятельность общества—торгово-промышленное, научно-культурное, имѣющее цѣлью знакомить обоюдно Россію и Востокъ, и образовательное отдѣленіе, которое будетъ заботиться путемъ устройства научно-профессиональныхъ и коммерческихъ школъ, а впоследствии, быть можетъ, и особаго Восточнаго института,—образовать въ Россіи дѣятелей для Востока. Для начала былъ избранъ (пока еще неполный) составъ должностныхъ лицъ: предсѣдателемъ—ген.-м. Н. К. Шведовъ, товарищемъ его бывший посланникъ въ Персіи сенаторъ А. А. Мельниковъ, членами совѣта: членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія баронъ Д. Г. Гинцбургъ, академикъ Ф. Е. Коршъ и Н. П. Забугинъ, кандидатомъ въ члены совѣта М. П. Федоровъ, секретаремъ А. В. фонъ-Гребнеръ и казначеемъ А. А. Хомзе. Въ заключеніе собраніе благодарило В. П. Ковалевскаго за его участіе къ обществу.

Археологическія мелочи I. Въ непродолжительномъ времени предполагается поѣздка членовъ Московскаго археологическаго общества въ Смоленскъ для разрѣшенія вопроса объ охранѣ Кремля. Въ экскурсіи принимаютъ участіе главнымъ образомъ члены комиссіи по храненію древнихъ памятниковъ.

II. Въ настоящее время, подъ наблюденіемъ императорскаго археологическаго общества, производятся въ Москвѣ работы по возстановленію наружнаго вида древняго храма свв. Флора и Лавра, на Мясницкой, построеніе котораго отно-

сятся къ XVII вѣку. Главы храма будутъ вновь перекрыты, и кровля, нынѣ закрывающая части главъ, будетъ понижена. III. Члены комиссіи по охраненію древнихъ памятниковъ, состоящей при императорскомъ археологическомъ обществѣ, осматривали Вознесенско-Ипатьевскую церковь на антиохійскомъ подворьѣ въ Москвѣ и разрѣшили произвести реставрацію ея. Храмъ будетъ поднять въ вышину, иконостасъ и живопись будутъ поновлены. Колокольня же, представляющая древній памятникъ, не будетъ реставрирована. IV. Во время фотографическихъ экскурсій въ маѣ мѣсяцѣ членами фотографическаго общества открыты, между прочимъ, такіе предметы старины, которые заслуживаютъ особаго вниманія археологовъ, но сохраняются крайне небрежно. Такъ, въ с. Коломенскомъ, подъ церковью Вознесенія, въ сводахъ среди сваленнаго туда хлама, найдены старинныя царскія врата, деревянныя, рѣзныя, съ рельефными изображеніями Тайной Вечери по срединѣ, а на верху—Бога Саваоа и ангеловъ. Исполнена работа художественно. Врата оказались уже расколотыми на нѣсколько частей, такъ что экскурсантамъ пришлось ихъ составлять. Тутъ же найдена большая древняя икона Божіей Матери съ Младенцемъ.

НЕКРОЛОГИ.

ЛАФУЗОВЪ, С. К., 5-го іюля, въ санаторіи близъ Варшавы скончался, на 40-мъ году жизни комическій актеръ Сергій Константиновичъ Алафузовъ (по сценѣ Ленни), пользовавшійся огромною популярностію не только въ Петербургѣ, гдѣ онъ подвизался въ продолженіе 7 лѣтъ, но и въ провинціи. Это былъ артистъ въ лучшемъ смыслѣ слова, съ тонкимъ художественнымъ чутьемъ, артистъ, много поработавшій и достигшій поразительныхъ результатовъ. Можно смѣло сказать, что Ленни создалъ особый жанръ, что онъ имѣлъ многочисленныхъ послѣдователей, старавшихся копировать его игру, въ которой было такъ много своеобразнаго. Свою игрою онъ всегда вызывалъ у публики здоровый смѣхъ, и въ этомъ отношеніи онъ былъ положительно неподражаемъ. Глядя на С. К. Ленни, безъ усталы работавшаго чуть ли не 18 часовъ въ сутки, нельзя было не удивляться тому, откуда у этого тщедушнаго человѣка берутся силы, энергія. Онъ былъ не только актеромъ, тщательно обдумывавшимъ свои роли, но и талантливымъ режиссеромъ, администраторомъ труппы, и при всемъ этомъ онъ находилъ время для писанія и приспособленія новыхъ пьесъ. Такая непомерная работа надломилъ силы С. К.; къ тому же ему не разъ приходилось играть на открытыхъ сценахъ въ такіе вечера, когда петербургская погода дарилъ дождемъ, вѣтромъ, сыростью и прочими прелестями. Въ результатъ явилась горловая чахотка, которая въ короткое время унесла его въ могилу. Изъ пьесъ покойнаго выдающимся успѣхомъ пользовались: «Любея» и «Часъ любви и приключеній». (Некрологи его: Новости 1900, № 186; Нов. Вр. 1900, № 8749; Сѣв. Кур. 1900, № 234; Моск. Вѣд. 1900, № 187; Театръ и Искусство 1900, № 29).

† **Андерсъ, Э. Э.** 28-го іюня въ Карлсбадѣ скончался извѣстный хирургъ, докторъ медицины, Эрнестъ Эмильевичъ Андерсъ. Покойный родился въ 1850 г., образованіе получилъ въ Дерптскомъ университетѣ, короткое время служилъ въ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ, а въ 1881 году перешелъ въ Елисаветинскую дѣтскую больницу, гдѣ съ 1883 года занималъ мѣсто старшаго

ординатора. Докторъ Андерсъ пріобрѣлъ извѣстность измѣненіемъ и усовершенствованіемъ, изобрѣтеннаго хирургомъ Кало, способа выпрямленія горбовъ; въ отличіе отъ рѣшительныхъ и насильственныхъ пріемовъ доктора Кало, онъ ввелъ постепенное выпрямленіе ихъ. Подобныя операціи покойный производилъ съ замѣчательною легкостью, и къ нему привозили несчастныхъ калѣкъ изъ отдаленнѣйшихъ уголковъ Россіи. Кромѣ того, докторъ Андерсъ первый произвелъ массу операцій, кровавыхъ и безкровныхъ, съ цѣлю исправленія врожденныхъ неправильностей въ костной системѣ. Изобрѣтенные имъ поярковые корсеты и аппараты, выставленные теперь на Парижской выставкѣ, напши себѣ, по своей прочности и легкости, всеобщее одобреніе. Въ медицинскихъ журналахъ докторъ Андерсъ напечаталъ немало статей по своей специальности. (Некрологи его: Новости 1900, № 177).

† **Введенскій, А. А.** 11-го іюля въ Ялтѣ скончался приватъ-доцентъ военно-медицинской академіи Алексѣй Андреевичъ Введенскій. Покойный, сынъ священника, родился въ 1856 году, образованіе получилъ въ нижегородской гимназіи и въ военно-медицинской академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1880 году. Нѣсколько лѣтъ затѣмъ Введенскій состоялъ земскимъ врачомъ, а съ 1884 года беззмѣнно находился при Калининской больницѣ, первое время въ качествѣ ординатора, а потомъ, въ послѣдніе 2 года, въ качествѣ главнаго врача. Въ то же время покойный читалъ лекціи студентамъ академіи, слушательницамъ Рождественскихъ курсовъ и въ зубоврачебной школѣ. Усиленная дѣятельность распатала здоровье Введенскаго, и онъ лѣтомъ уѣхалъ въ Крымъ, съ цѣлю полѣчиться тамъ, но теченіе болѣзни было трудно остановить, и онъ умеръ отъ туберкулеза легкихъ. (Некрологи его: Нов. Вр. 1900, № 8756; Новости 1900, № 192).

† **Животовъ, Н. И.** 26-го іюня въ петербургской больницѣ германскаго благотворительнаго общества скончался бульварный романистъ Николай Николаевичъ Животовъ. Литературой покойный началъ заниматься въ молодые годы; сначала онъ былъ репортеромъ мелкихъ газетъ, а затѣмъ — неизмѣннымъ фельетонистомъ «Петербургскаго Листка» и главнымъ образомъ «Петербургской Газеты».

Темами Животовскихъ романовъ, пріобрѣвшихъ въ послѣднія 5—8 лѣтъ большое распространеніе въ среднемъ кругу, являлась попреимуществу уголовная и скандальная хроника. Талантъ его сказался въ умѣннѣ обработать этотъ матеріалъ такъ, что любители повѣствованій о всякаго рода приключеніяхъ и происшествіяхъ на пикантной подкладкѣ читали каждое изъ его произведеній съ захватывающимъ интересомъ. Наибольшимъ успѣхомъ пользовались слѣдующіе его романы: «Макарка-душегубъ», «Цыганъ-Яшка», «Фабричная рота» и «Игнатка-Горюнь».

Года 3—4 тому назадъ Животовъ пріобрѣлъ журналъ «Звѣзду», издававшийся сначала В. В. Комаровымъ, а потомъ художникомъ Павловымъ; лубочное изданіе это при немъ пріобрѣло какой-то неопредѣленный обликъ полугазетки, полужурнала и въ послѣднее время, кажется, зачахло совершенно.

Умеръ Животовъ на 42-мъ году жизни отъ переутомленія, которое стало сказываться у него еще въ прошломъ году въ перерожденіи сердца. (Некрологи его: Новости 1900, № 177; Нов. Вр. 1900, № 8741).

† **Орлова, П. И.** 2-го іюля въ Осташковѣ въ преклонномъ возрастѣ скончалась старѣйшая артистка Московскаго Малаго театра Прасковья Ивановна Орлова (по мужу, урожденная Куликова). Покойная, сестра извѣстнаго режиссера Н. И. Куликова, съ ранняго дѣтства пристрастилась къ сценѣ и блестяще окончила московскую театральную школу. Ея дарованіе первый замѣтилъ Живокини и обратилъ на нее вниманіе тогдашняго директора московскихъ театровъ Ѳ. Ѳ. Кокоскина, и послѣдній сталъ самъ готовить ее къ сценѣ.

На московскую сцену Орлова была принята въ 1828 году и первоначально выступала въ роляхъ субретокъ и пажей. Слава же ея началась послѣ исполненія въ 1837 году роли Офеліи въ Гамлетѣ, поставленномъ тогда въ первый разъ въ переводѣ Полевого. Съ этой поры она вступила въ амплу молодыхъ героинь. Роли Вероники въ Уголино и Корделіи въ Лирѣ упрочили за ней извѣстность. Въ 1839 и 1841 годахъ Орлова съ успѣхомъ гастролировала въ Петербургѣ. Во время Севастопольской кампаніи покойная была сестрой милосердія и, по окончаніи войны, поселилась въ Осташковѣ, гдѣ вышла замужъ за мѣстнаго купца Савина. (Некрологъ ея: Моск. Вѣд. 1900, № 185).

† **Стрѣльбицкій, И. А.** 15-го іюля въ своемъ имѣніи Полтавской губерніи Аленкѣ на 72 году жизни скончался извѣстный географъ генераль-отъ-инфантеріи Иванъ Александровичъ Стрѣльбицкій. Высшее образованіе И. А. получилъ въ университетѣ св. Владимира, откуда поступилъ на службу въ межевой корпусъ. При реформѣ послѣдняго И. А. былъ переименованъ въ прапорщики межевыхъ инженеровъ, нѣкоторое время находился въ строю, а затѣмъ по окончаніи курса въ военной академіи былъ переведенъ въ генеральный штабъ. Здѣсь-то и началась ученая дѣятельность покойнаго, доставившая ему почетную извѣстность, такъ въ это время имъ была составлена первая въ Россіи подробная, въ 170 листовъ, карта Россійскаго государства, трудъ, премірованный медалью на географическомъ конгрессѣ въ Парижѣ въ 1875 г., а въ 1874 г. было издано имъ «Исчисленіе поверхности Россійской имперіи въ царствованіе императора Александра II», удостоенное географическимъ обществомъ высшей награды — Константиновской медали. Изъ позднѣйшихъ работъ Стрѣльбицкаго особенно замѣчательно изслѣдованіе «*Superficie de l'Europe*», дающее свѣдѣнія для точнаго опредѣленія поверхности, занимаемой всей Европой и каждымъ государствомъ съ административными дѣленіями, рѣчными бассейнами и т. д. Этотъ трудъ уже настолько упрочилъ за И. А. научное имя, что на лондонскомъ конгрессѣ 1883 г., при учрежденіи международнаго статистическаго института, онъ однимъ изъ первыхъ былъ избранъ членомъ этого учрежденія. Изслѣдованіе его «Исчисленіе Россійской имперіи въ общемъ ея составѣ въ царствованіе императора Александра III», изданное въ 1889 г., стало уже библиографическою рѣдкостью. (Некрологъ его: Нов. Вр. 1900, № 8761).

† **Урусовъ, А. И.** 16-го іюля въ Москвѣ скончался послѣ тяжелой болѣзни одинъ изъ лучшихъ русскихъ ораторовъ, присяжный повѣренный князь Александръ Ивановичъ Урусовъ. Покойный родился въ Москвѣ 2-го апрѣля 1843 г. Отецъ его былъ полковникомъ и состоялъ по особымъ порученіямъ при гене-

раль-губернаторъ графъ Закревскомъ, но за что-то былъ высланъ на Кавказъ, гдѣ и заслужилъ солдатскаго Георгія. А. И. получилъ первоначально хорошее домашнее воспитаніе, потомъ окончилъ 1-ю московскую гимназію и поступилъ въ Московскій университетъ. За участіе въ студенческихъ беспорядкахъ А. И. былъ временно исключенъ изъ университета, но въ 1866 г. благополучно получилъ степень кандидата правъ и тогда же опредѣлился на службу въ московскій окружной судъ кандидатомъ на судебныя должности. Выступая здѣсь защитникомъ по назначенію, А. И. уже на первыхъ порахъ обратилъ на себя вниманіе какъ судебного міра, такъ и публики, а не прошло и года, какъ имя его гремѣло въ громкомъ дѣлѣ Мавры Волоховой, обвинявшейся въ убійствѣ мужа. Урусовъ сразу занялъ положеніе въ ряду лучшихъ адвокатовъ. Въ кандидатахъ Урусовъ былъ недолго; столкновение съ товарищемъ предсѣдателя суда заставило его покинуть службу и вступить въ помощники присяжнаго повѣреннаго. Въ этотъ первый періодъ дѣятельности А. И. выступилъ уже въ цѣломъ рядѣ громкихъ процессовъ, упрочившихъ за нимъ имя талантливаго защитника.

Въ это же время у А. И. была дуэль съ П. Н. Островскимъ изъ-за недоразумѣній въ московскомъ артистическомъ кружкѣ, и А. И. долженъ былъ отсидѣть три недѣли на гауптвахтѣ, а затѣмъ скоро наступили и такія обстоятельства, что онъ на довольно продолжительный срокъ долженъ былъ оставить адвокатуру. Въ 1872 г. А. И. вынужденъ былъ выѣхать въ гор. Венденъ, служилъ нѣкоторое время въ канцеляріи лифляндскаго, эстляндскаго и курляндскаго генераль-губернатора; въ 1876 г. былъ назначенъ товарищемъ прокурора варшавскаго окружнаго суда, а черезъ два года переведенъ на ту же должность въ Петербургъ. И въ роли обвинителя А. И. скоро пріобрѣлъ извѣстность, выступивъ въ дѣлахъ Гулакъ-Артемовецкой, Юханцева, профессора Гирштовта и друг. Тѣмъ не менѣе лавры обвинителя не манили А. И., и, назначенный въ 1881 г. исправляющимъ должность товарища прокурора с.-петербургской судебной палаты, онъ вышелъ скоро въ отставку и вновь вернулся къ адвокатурѣ. Около восьми лѣтъ Урусовъ практиковалъ въ Петербургѣ, два года былъ членомъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, а съ 1889 г. поселился въ Москвѣ, гдѣ быстро пріобрѣлъ большую популярность.

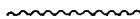
А. И. Урусовъ былъ большой театраль, любилъ и понималъ драматическое искусство; имъ написано немало критическихъ статей и театральныхъ рецензій, подъ которыми онъ подписывался Александромъ Ивановымъ; онъ завѣдывалъ театральнымъ отдѣломъ въ «Порядкѣ» и писалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Petersburger Herald», «La Plume» и др.; былъ членомъ Русскаго литературнаго общества и Шекспировскаго кружка. (Некрологъ его: Нов. Вр. 1900, № 8760).

† **Филиченко А. Е.** Въ Пятигорскѣ 21-го іюня скончался отъ паралича сердца старшій специалистъ департамента земледѣлія Александръ Ефимовичъ Филиченко. Покойный, сынъ военнаго врача, рѣдился въ 1842 г. въ Новгородской губ.; въ 1865 г. по окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ по естественному факультету онъ нѣкоторое время работалъ по агрономической химіи въ только-что возникшемъ тогда петербургскомъ земледѣльче-

скомъ институтѣ, у профессоровъ А. Н. Энгельгардта и П. А. Лачинова. Затѣмъ съ 1867 г. началась его практическая дѣятельность по сельскому хозяйству, сначала подъ Петербургомъ, затѣмъ въ Тамбовской и Саратовской губ. и наконецъ въ Орловской губ. въ своемъ имѣніи въ Волховскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ продолжалъ работать до конца восьмидесятыхъ годовъ до перевода въ Петербургъ, гдѣ онъ посвятилъ себя почти исключительно литературѣ. Самостоятельныя статьи его по сельскому хозяйству печатались въ «Земледѣльской Газетѣ» и въ журналѣ, издававшемся, подъ редакціею московскихъ профессоровъ И. А. Стебута и М. В. Неручева, «Русское Сельское Хозяйство»; въ этихъ изданіяхъ между прочимъ онъ напечаталъ изслѣдованіе естественнаго, травяного сѣвооборота въ юго-восточныхъ русскихъ степяхъ и рядъ статей подъ общимъ заглавіемъ: «Сидерація—наше спасеніе». Поселившись въ Петербургъ, Филиппенко поступилъ въ министерство земледѣлія, гдѣ служилъ до дня своей смерти. Послѣдніе три года онъ занимался по инициативѣ министра земледѣлія опредѣленіемъ причинъ упадка въ Россіи культуры гречихи и производить культурные опыты надъ этимъ растеніемъ поѣхалъ въ Пятигорскъ, но смерть настигла его тамъ, и онъ скончался наканунѣ завершения своей интересной работы. (Некрологъ его: Нов. Вр. 1900, № 8746).

† **Шебуевъ, Г. И.** 16-го іюня скоропостижно скончался въ своемъ имѣніи Казанской губ. инспекторъ Константиновскаго межевого института Георгій Николаевичъ Шебуевъ. По окончаніи въ 1873 г. Московскаго университета со званіемъ кандидата математическихъ наукъ покойный былъ назначенъ преподавателемъ математики и физики въ казанское реальное училище; затѣмъ съ 1884 г. по 1893 г. онъ читалъ въ Казанскомъ университетѣ, въ качествѣ приватъ-доцента, обязательные курсы математической физики, теоретической механики и земного магнетизма; въ это время онъ напечаталъ нѣсколько изслѣдованій по своей специальности. На должность инспектора по учебной части Константиновскаго межевого института Шебуевъ былъ назначенъ въ 1893 г., и при немъ произошли нѣкоторыя измѣненія какъ въ уставѣ этого заведенія, такъ и въ планахъ преподаванія. (Некрологъ его: Русск. Вѣд. 1900, № 172).

† **Экземплярскій, А. В.** 15-го іюня скончался, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, изслѣдователь по русской исторіи А. В. Экземплярскій. Покойный, уроженецъ Владимирской губерніи, родился въ 1846 г., образованіе получилъ въ Петербургскомъ университетѣ, въ которомъ кончилъ курсъ по историко-филологическому факультету, обративъ на себя особое вниманіе известнаго историка К. Н. Бестужева-Рюмина. Избравъ для своей дѣятельности педагогическое поприще, онъ былъ преподавателемъ въ гимназіяхъ Привислинскаго края, въ Екатеринбургѣ и Перми. Ему принадлежитъ нѣсколько ученыхъ изслѣдованій, наиболѣе крупнымъ изъ которыхъ является сочиненіе «Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ» (2 тома), и масса статей, напечатанныхъ въ Энциклопедіи Брокгауза-Ефрона, въ изданіяхъ Понцовца и др. (Некрологъ его: Нов. Вр. 1900, № 8732).

МИХАИЛЪ СЕМЕНОВИЧЪ ЦЕПКИНЪ.

Затѣмъ пояснилъ, что дѣйствіе происходитъ на площади, избранномъ мѣстѣ свиданій, рѣчей, тайнъ, скандаловъ, суда, и приступилъ къ чтенію перваго акта. Вышелъ первый трибунъ и спросилъ втораго трибуна, не видалъ ли онъ Кайя; второй трибунъ отвѣтилъ первому трибуну: нѣтъ; потомъ явился третій трибунъ и сказалъ двумъ первымъ, что Кай находится въ домѣ Энніо Софронія и придетъ на городскую площадь разсказать о своихъ планахъ. Они уходятъ, а за ними выходитъ первый человѣкъ изъ народа и говоритъ второму человѣку изъ народа, что хлѣбъ стоитъ дорого, и что бѣдняки умираютъ отъ голода, и клянется Нептуномъ, что такъ продолжаться не можетъ. Каждый изъ нихъ уходитъ, откуда пришелъ, и выходитъ Корнелія, спрашивая себя, почему такъ взволнованъ и грустенъ Кай; она говоритъ, что онъ отказывается отъ дорогихъ блюдъ обильнаго стола и уходитъ бродить по берегу медленнаго Тибра. Но вдругъ самъ Кай рѣшаетъ ей эту задачу и, испуганный словами третьяго трибуна, сказанными ему за кулисами, повелѣваетъ своей матери слушать и дрожать. Корнелія вся превращается въ слухъ и начинаетъ дрожать, какъ осиновый листъ. Кай говоритъ ей, что богини помогутъ ему въ его планѣ; это ее успокоиваетъ, и она перестаетъ дрожать. Онъ клянется ей, что не измѣнитъ своему намѣренію спасти народъ. Тутъ занавѣсъ падаетъ, и каждый изъ нихъ уходитъ, откуда пришелъ.

Но въ то время, когда Кай давалъ эти клятвы, Доктрино закрылъ глаза и нѣжно захрапѣлъ, какъ отдыхающій богъ. Поэтъ не замѣтилъ этого обстоятельства и приступилъ ко второму акту, но когда онъ дошелъ до деликатнаго пункта, гдѣ Корнелія разсказываетъ приснившійся ей сонъ, Ксавье также уснулъ. А когда погрузился въ лабиринты третьяго акта, гдѣ сенаторъ Руфо Помпильо встрѣчается съ сенаторомъ Сексто Лучіо Флако, который не прочь поухаживать за матроной Корнеліей, несмотря на ея возрастъ, Лазаро, слушавшій изъ вѣжливости, не могъ дольше выдержать и, уткнувшись въ край кровати, уснулъ крѣпкимъ сномъ.

Поэтъ, прежде чѣмъ приступить къ четвертому акту, оглянулся и увидалъ этотъ неожиданный апоѳеозъ.

— Уснули! О боги!— воскликнулъ онъ, проникаясь классическимъ духомъ.

Но это было вполне понятно. Кто выдержитъ длиннѣйшую трагедію съ городской площадью, патриціями, трибунами и народомъ? Кто выдержитъ такую порцію классицизма въ такой поздней части, послѣ двадцати выслушанныхъ рѣчей и послѣ ужина?

Кромѣ того, свѣча, очевидно также недолюблившая классическую поэзію, не захотѣла больше освѣщать городскую площадь и угасла. Рамонъ закрылъ впотьмахъ свою рукопись; онъ понялъ, что самое лучшее, что онъ можетъ сдѣлать, это послѣдовать примѣру своихъ

друзей; онъ слѣзъ со стола, взялъ плащъ, укутался въ него и улегся на голомъ полу. Вскорѣ онъ уснулъ такимъ же крѣпкимъ сномъ, какъ и остальные.

Такъ окончилась трагедія Гракховъ. Для насъ оказалось невозможнымъ утверждать, привелъ ли въ концѣ въ исполненіе сенаторъ Руфо Помпилій свое намѣреніе дать пощечину сенатору Сексто Лучіо Флако.

XII.

Грустная неожиданность.

Солнце и донья Леончія одновременно встали на слѣдующій день. Бискайка тотчасъ же принялась за свой весьма сложный туалетъ, который состоялъ въ тщательномъ стараніи дополнить въ ея лицѣ и фигурѣ все, что было попорчено годами. Прежде всего она принялась за прическу и расчесала свои жидкіе волосы, еще находясь въ полномъ дезабильѣ, но не успѣла она закрутить ихъ, какъ въ дверь ея комнаты постучали.

— Кто тамъ?—испуганно спросила бискайка.

— Я.

— Ради Бога, Карраскоза, не входите. Я не...

Но Карраскоза толкнулъ дверь и непремѣнно вошелъ бы, еслибъ скромная матрона не поторопилась накинуть на себя платье и заслонить собою дверь.

— Леончія, Леончія, вѣдь это я, твой Жиль!

— Донъ Жиль! Донъ Жиль, не будьте нескромны! Вы всегда входите, когда я одѣваюсь. Подождите. Пройдите въ кухню, мнѣ надо съ вами поговорить.

— Мнѣ также надо съ тобой поговорить,—сказалъ Карраскоза, стараясь заглянуть въ замочную скважину.

Донья Леончія начала торопливо одѣваться; она затянулась въ корсетъ, подмазала кое-гдѣ лицо, заколола булавками лифъ и, накинувъ на плечи шаль, прошла въ кухню.

— А знаешь, я вѣдь очень разстроенъ,—сказалъ донъ Жиль, когда бискайка подошла къ печкѣ, чтобъ разжечь уголья.—Я такъ разстроенъ, Леончія, разными слухами, что пришелъ сюда, чтобъ ты меня успокоила. Я просто въ себя не могу прийти.

— Что? Что такое? Съ чѣмъ еще ты пришелъ ко мнѣ сегодня?

— Да ничего особеннаго, только народъ говоритъ о тебѣ...— онъ дѣйствительно не могъ продолжать отъ волненья.

— Обо мнѣ?... Что такое? Посмотримъ...— произнесла донья Леончія, раздувая уголья.

— Что ты... то-есть, я хочу сказать... что этотъ мальчишка, который пишетъ стихи и живетъ вонъ въ той комнатѣ, слишкомъ

съ тобой любезенъ и ухаживаетъ за тобою... Мнѣ сказала это фруковщица; она видѣла, какъ вы вчера возвращались вдвоемъ съ прогулки и...

— Не говори мнѣ такого вздору,—сказала донья Леонція, поднявъ кверху руку со щипцами, что очень напоминало замахи-ванье.—О всякой порядочной женщинѣ говорятъ все, что взбрѣдетъ въ голову. Прекрасно, донъ Жиль! Вы занимаетесь сплетнями съ фруковщицей! Прекрасно, нечего сказать! Хороша и она! Не смѣйте мнѣ говорить такихъ глупостей, потому что стоитъ чело-вѣку сдѣлать шагъ, какъ всѣ сосѣди начинаютъ судить и рядить о немъ.

— Я, конечно, и не сомнѣваюсь въ томъ, что ты вполне порядочная женщина,—сказалъ Карраскоза,—но не надо подавать по-вода такъ дурно говорить, потому что...

— Не говорите мнѣ объ этомъ, Жиль! Жиль, не говорите мнѣ объ этомъ! — горячо воскликнула донья Леонція. — Всѣ мужчины обманщики, и надо быть очень наивной, чтобы... Да, я сказала вамъ, что такое мужчины... а если не вѣрите, то пойдите внизъ, спросите у жены ростовщика, который даетъ ей каждый день по пятидесяти палочныхъ ударовъ.

— Ахъ, дорогая моя Леонція! Вѣдь я всегда обращался съ тобой такъ ласково... Будь же умницей; намъ надо поддерживать о себѣ хорошее мнѣніе; выгони изъ дому этого мальчишку, пусть онъ пишетъ свои стихи въ другомъ мѣстѣ.

— Нѣтъ и нѣтъ! Говорятъ—такъ пусть говорятъ; клеветуютъ—такъ пусть клеветуютъ. Я—порядочная женщина.

— Господи, Леонція, неужели ты не сдѣлаешь мнѣ этого удовольствія?

Донья Леонція засмѣялась съ большимъ удовольствіемъ. Карраскоза не расположенъ былъ въ этотъ день ссориться; онъ успокоился и также засмѣялся.

— Сегодня вечеромъ я отправляюсь съ доньей Петронильей и Юліаной на пикникъ въ Камартинъ. Донья Рамона также пойдетъ, и если ты присоединишься къ намъ, то могъ бы декламировать стихи.

— Мнѣ не до стиховъ. Мои мысли всецѣло заняты этимъ донономъ Рамончито. Послушай, Леонція, если ты его выгонишь, то я цѣлыхъ четыре дня подъ рядъ буду декламировать тебѣ стихи. Ахъ, я и забылъ, ты знаешь, что мы устраиваемъ процессію въ Маравильясъ? Я достану тебѣ хорошее мѣсто на балконѣ, откуда все будетъ видно. Это будетъ блестящая процессія, понесутъ больше двадцати пяти святыхъ, и въ ней примутъ участіе всѣ братства Мадрида.

— Не связывайся ты съ этими процессіями, Жиль; мнѣ это не нравится. Такъ придешь въ Камартинъ?

— Да; и даже хорошо, что мы туда отправимся, потому что сегодня предвидится бунтъ, и навѣрное будутъ стрѣлять.

— Иезусъ и святая свобода,—опять бунтъ!—воскликнула бискайка тревожно и мѣняясь въ лицѣ.—Но что случилось?

— Да ровно ничего, только эти безумные фонтанщики загѣяли шествіе по городу съ портретомъ Ріего и музыкой. Власти запретили эту процессію, а они настаиваютъ на своемъ. Посмотримъ, чья возьметъ. Народъ уже высыпаетъ на улицу, и скоро начнется.

Дѣйствительно уже долеталъ гулъ голосовъ. Служанка доньи Леончіи вернулась съ рынка съ испуганными криками и увѣряла, что слышала выстрѣлы изъ пушекъ. Крики служанки разбудили Лазаро и его друзей.

— Что такое? Что это за шумъ?—воскликнулъ Ксавье.

— Что же иное, какъ не процессія?—сказалъ Доктрино.

Лазаро едва поднялся; отъ неудобнаго положенія у него разломило всю спину. Молодые люди открыли балконъ. Донья Леончія влетѣла въ комнату поэта и въ ужасѣ замахала руками.

— Иезусъ! Иезусъ! Не открывайте балкона, къ намъ можетъ влетѣть бомба! Развѣ вы не слышите выстрѣловъ?

— Иезусъ, какъ вы неосторожны!

— Сеньора, вамъ приснились выстрѣлы.

— Не бойся, Артемида, Электра...

— Затворите балконъ!

Молодые люди были такъ заинтересованы, что не могли удовольствоваться видомъ съ балкона. Они вышли на улицу и слились съ толпой, хотя Лазаро и собирался зайти за вещами на станцію и оттуда отправиться къ дядѣ.

— Кто этотъ молодой человѣкъ?—спросилъ хозяйку донъ Жиль, когда они спускались съ лѣсницы.

— Не знаю; они привели его вчера съ собою.

Карраскозѣ показалось, что онъ узналъ въ этомъ молодомъ человѣкѣ племянника своего пріятеля, съ которымъ онъ встрѣчался въ Атекѣ, и, желая убѣдиться, дѣйствительно ли это онъ, Карраскоза послѣдовалъ за нимъ. Четверо молодыхъ людей смѣшались съ толпою; была страшная тѣснога. Процессія должна была выступить изъ улицы Атоха. Толпа народа двигалась въ большомъ безпорядкѣ, и усилія нѣсколькихъ лицъ успокоить ее не приводили ни къ чему.

Увидавъ эту толпу, Лазаро задумался. Въ его усталомъ воображеніи зародилась новая мысль. Толпа находилась въ сильномъ возбужденіи; она колебалась, какъ бы не въ силахъ остановиться на опредѣленномъ рѣшеніи: очевидно, ей чего-то не доставало. Лазаро, борясь съ искушеніемъ, отдалился, но потомъ снова приблизился, такъ какъ рѣшилъ, что толпѣ недостаетъ руководителя.

Наступила минута такого сильнаго возбужденія, когда всѣ сердца полны какимъ-то страхомъ, а головы сомнѣваемъ. Нуженъ одинъ голосъ, который высказалъ бы то, что чувствуютъ всѣ. Въ такія напряженныя минуты этотъ голосъ высказываетъ то, что толпа не можетъ высказать, потому что толпа, дѣйствующая, какъ одинъ человѣкъ, можетъ выражать свои чувства лишь неопредѣленнымъ, смутнымъ гуломъ. Когда такой голосъ говоритъ то, что толпа хотѣла сказать, — толпа узнаетъ самое себя, сознаетъ свою силу и объединяется. Она уже не представляетъ собою безпорядочное скопище неорганизованныхъ слѣпыхъ силъ, она становится разумнымъ цѣлымъ, съ опредѣленною цѣлью хорошею или дурною, но сознательною.

Такъ думалъ Лазаро. Сумѣетъ ли онъ соединить воедино это разрозненное слѣпое цѣлое? Прожжетъ ли онъ сердца глаголомъ? Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что его будутъ слушать. Онъ хочетъ сказать столько хорошихъ вещей и увѣренъ въ томъ, что скажетъ ихъ прекрасно.

А между тѣмъ четыре члена «Фонтана» подвигались съ портретомъ Ріего къ площади Ангела. Играла музыка, и народъ толпился на мѣстѣ, не останавливаясь и не двигаясь впередъ; слышались крики, возгласы, въ воздухѣ развѣвались бѣлые платки.

Процессія среди страшнаго шума и гама еле-еле двигалась къ городской площади. Наконецъ, она подошла къ аркѣ, ведущей изъ улицы Амаргура въ улицу Платеріасъ. Тутъ пришлось остановиться, потому что въ узкомъ пространствѣ народъ началъ давить другъ друга, послышались стоны, полетѣли съ головъ сомбреро.

— Впередъ портретъ! Пропустите портретъ!—кричали голоса.

Но это было невозможно. Народъ такъ напиралъ всей своей массой, что портретъ не могъ пройти. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, удалось пронести его подъ аркой. Встрѣчная толпа ожидала его на площади. Но тутъ случилось нѣчто совсѣмъ неожиданное: двѣ линіи королевскихъ солдатъ загородили входъ на городскую площадь. Пики цѣлаго эскадрона сверкали навстрѣчу толпѣ, а передъ нимъ развѣзжалъ верхомъ генераль-губернаторъ Мадрида. Выѣхавъ впередъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, онъ, размахивая саблей, отдалъ приказъ, чтобы процессія съ портретомъ отступила назадъ. Главныя заправилы процессіи обмѣнялись быстрымъ, нерѣшительнымъ взглядомъ. Тутъ подошли и полицейскія власти и любезно предложили всѣмъ разойтись по домамъ, такъ какъ правительство рѣшило не пропускать ихъ ни на одинъ шагъ дальше. Возбужденный видъ толпы произвелъ впечатлѣніе на тѣхъ, кто несъ портретъ; къ тому же всѣ ждали, что имъ на выручку придетъ полкъ Солусто, между тѣмъ какъ онъ былъ арестованъ въ казармахъ.

Разумѣется, постарались пройти впередъ, оправдываясь тѣмъ, что въ этой манифестаціи нѣтъ ничего дурного, что не будетъ никакого бунта, что народъ желаетъ только чествовать героя, давшаго свободу своей родинѣ.

— По домамъ! Долой портретъ! — рѣшительно крикнулъ Морильо.

Защищаться было невозможно. Процессія не была вооружена. Предполагаемая слабость правительства оказалась непоколебимою твердостью. Нѣкоторые пустились въ дезертирство боковыми улицами. Портретъ упалъ на землю изъ неувѣренныхъ рукъ. Несшіе его члены клуба пытались говорить, но все было напрасно; народъ началъ отступать, кричать; однако нашлись и такіе, что не хотѣли уступить вооруженной силѣ.

Между тѣмъ толпа, занимавшая площадь, стояла неподвижно. Кто этотъ ораторъ, возвышавшійся надъ толпою, размахивавшій руками и вызывавшій аплодисменты? Онъ, очевидно, говоритъ хорошо, такъ какъ его слова принимаются съ большимъ одобреніемъ, но постоянные толчки и крики не даютъ ему высказаться свободно. Нѣкоторые стараются водворить тишину, но тишина на цѣлой площади немыслима. Въ самомъ разгарѣ рѣчи тѣ, что спорили съ властями, отступили, видя, что солдаты не шутятъ. Ораторъ продолжаетъ кричать, убѣждая народъ не отказываться отъ своего намѣренія. Каждое его слово это бичъ, подгоняющій народъ итти впередъ.

А войска постепенно занимали площадь; нѣкоторые, однако, несмотря на двигающихся на нихъ лошадей, сопротивлялись и кричали дерзости Морильо.

— Хватайте крикуновъ! — приказалъ онъ.

Толпа смутилась. Многіе пустились въ бѣгство, другіе не знали, что дѣлать. Лазаро умолкъ.

— Кто кричалъ? — спросилъ капитанъ. — Хватайте крикуновъ!

Лазаро хотѣлъ бѣжать, но его удержали сильныя солдатскія руки.

— Арестовать крикуновъ! Это зачинщикъ! Хватайте его!

Изъ однихъ сильныхъ рукъ Лазаро перешелъ въ другія. Онъ едва сознавалъ, что арестованъ. Онъ думалъ, что его тотчасъ же отпустятъ, но ошибся.

— Назадъ! Назадъ! Долой съ площади! — кричалъ капитанъ.

Народъ валилъ назадъ. Процессія провалилась. Портретъ, разорванный на куски, валялся на землѣ. Войска заняли входы во всѣ прилегавшія улицы.

Четверть часа спустя, Лазаро подъ конвоемъ любезно довели до воротъ городской тюрьмы, затѣмъ съ тою же любезностью водворили въ темной и грязной камерѣ.

XIII.

Приходить не тотъ, кого ждуть.

Изъ всѣхъ мученій, которыми мы мучимъ сами себя, ожиданіе есть самое ужасное. Ему нельзя помочь. Повидимому, легко рѣшиться не ждать, отвлечь воображеніе отъ ожидаемой вещи, но на дѣлѣ это не такъ.

Когда ждуть то, что должно случиться, часы кажутся годами. Въ десять часовъ вечера Клара уже была полна смутной тревоги. Пробыло десять часовъ, а путешественника нѣтъ; наконецъ одиннадцатъ, двѣнадцатъ, а его все нѣтъ и нѣтъ. Паскала была очень напугана, такъ какъ шумъ на улицѣ все увеличивался. Обѣ дѣвушки сидѣли молча въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ; служанка не рассказывала страшныхъ сказокъ, и сеньорита не смѣялась своимъ откровеннымъ, звонкимъ смѣхомъ. Онѣ обѣ были молчаливы, тревожно поглядывали одна на другую, когда на лѣстницѣ слышался шумъ, а когда убѣждались, что это не тотъ, кого онѣ ждали, грустно опускали головы.

Подъ утро Клара начала теряться въ лабиринтѣ предположеній. Что съ нимъ случилось? Не напали ли на него разбойники? Не отмѣнилъ ли онъ свой отъѣздъ? Не полюбилъ ли онъ тамъ на родинѣ другую? Не задержала ли его партія роялистовъ? Все, все приходило ей въ голову, кромѣ истины. Въ такія минуты легко успокоиться, обладая хоть небольшою ясностью мысли, но никто ею не обладаетъ. Довольно разсудить спокойно и сказать: «не пріѣхалъ? что нибудь его задержало; пріѣдетъ завтра». Но вмѣсто того, чтобъ разсуждать логически, мы обыкновенно думаемъ: «не пріѣхалъ? значитъ умеръ; его убили».

Ночью, когда и безъ того окружающее принимаетъ фантастическія формы, Клара не могла уснуть, и ея воображенію рисовались кровавыя картины. Ночь, проведенная въ лихорадочномъ нетерпѣніи, казалась ей безконечною.

Первые утренніе часы только увеличили ея угнетенное состояніе духа. Она ждала его со вчерашняго дня. Ей хотѣлось выѣхать на улицу и разспрашивать всѣхъ о несчастномъ молодомъ человѣкѣ. Она отворила балконъ, выглянула на улицу въ надеждѣ увидать его и стала осматривать всѣхъ прохожихъ. Ея вниманіе было привлечено человѣкомъ, стоявшимъ у стѣны, напротивъ, и упорно смотрѣвшимъ на нее. Убѣдившись, что это не онъ, она отвернулась.

Она заперла балконъ, потому что чувствовала, что очень устала и хочетъ спать. Тогда она прошла въ свою комнату, сѣла

на стулъ и положила голову на кровать. Но вмѣсто того, чтобъ уснуть, она начала припоминать все, что передумала за ночь. Эліасъ также не вернулся. Что съ нимъ? А! Можетъ быть, онъ встрѣтилъ Лазаро, и они отправились куда нибудь вмѣстѣ.

Въ это время къ ней вошла вернувшаяся съ улицы Паскала. Ея широкое, глупое лицо сіяло улыбкой.

— Знаете, что случилось?

— Что? Что такое?—съ любопытствомъ спросила Клара.

— А то, что этотъ кабальерито... ну, сеньоръ военный видѣлъ меня на улицѣ.

— А мнѣ какое до этого дѣло?

— Онъ сказалъ, что придетъ сюда.

— Господи, сюда! Зачѣмъ онъ сюда придетъ? Вѣдь мы однѣ.

— Но онъ очень приличный кабальеро.

— Да? Я не обратила вниманія.

— Развѣ вы не видали его здѣсь, когда сеньоръ былъ боленъ?

— Видѣла. Но зачѣмъ онъ хочетъ опять прійти?

— Неужели вы не знаете? О, какая вы хитрая!

Въ эту минуту въ карманѣ Паскалы звякнули песеты, данныя ей военнымъ; затѣмъ послышались на лѣстницѣ шаги, и тихонько дрогнуть звонокъ.

— Это онъ,—сказала Паскала.

И прежде, чѣмъ Клара опомнилась, служанка убѣжала, отперла дверь, и знакомый уже намъ военный вошелъ въ переднюю и съ почтительнымъ поклономъ подошелъ къ Кларѣ.

— Того, кого вамъ надо, нѣтъ дома; онъ ушелъ,—сказала ему молодая дѣвушка.

— Тотъ, кого мнѣ надо, не ушелъ,—увѣренно возразилъ онъ.

— Кто? Но кого же вамъ надо?

— Легко понять, что не того старика, одинъ видъ котораго не привлекателенъ.

— Но что вы хотите сказать? Зачѣмъ вы пришли?—съ легкою тревогой въ голосѣ спросила его Клара.—Я одна дома. Уходите.

— Потому-то я и не уйду.

— Если вы не уйдете, то я позову на помощь, буду кричать,—сказала она, намѣреваясь привести свои слова въ исполненіе.

— Тогда мы поссоримся,—сказалъ военный съ ласковою улыбкой, обозоружившею Клару.

— Ради Бога! Онъ сейчасъ вернется! Но кто вы такой? Зачѣмъ вы пришли сюда? Кто позволилъ вамъ сюда прійти? Вы въ тотъ же день пришли сюда съ нимъ; я узнаю васъ, но не понимаю, зачѣмъ вы здѣсь сегодня. Паскала! Паскала!

— Не смотрите на меня, какъ на врага. Мой визитъ страненъ, но я пришелъ, не какъ воръ или убійца. Я пришелъ, какъ другъ, съ дружескими намѣреніями. Не бойтесь меня, Клара, я пришелъ,

какъ другъ. Мы съ вами знакомы уже съ того дня, когда я былъ здѣсь съ этимъ бѣднымъ сеньоромъ.

— Ахъ, онъ можетъ сейчасъ вернуться!—въ испугѣ воскликнула Клара.—Уходите ради Бога! Я васъ не знаю, и мнѣ нѣтъ до васъ никакого дѣла. Если онъ придетъ...

— А мнѣ нѣтъ никакого дѣла до этого старика,—возразилъ ей военный.—Раньше онъ меня немножко интересовалъ, я думалъ, что это вашъ родственникъ, быть можетъ, даже мужъ, но потомъ я узналъ, что это не болѣе какъ тиранъ, мучащій бѣдную сироту, умирающую отъ тоски въ этой тюрьмѣ. Я не могу равнодушно смотрѣть на то, что такая красивая, такая милая, такая достойная счастья сеньорита живетъ взаперти съ этимъ звѣремъ.

— О, мнѣ здѣсь очень хорошо. Я вамъ очень благодарна за вашу доброту, но я въ ней не нуждаюсь, — возразила Клара. — Уходите, ради Бога!

— Нѣтъ, я не уйду,—сказалъ онъ, начиная горячиться.—Я уже нѣсколько дней думалъ о мученіяхъ, которыя вы должны переносить. Я хочу освободить васъ отъ этого маньяка и, думаю, что исполню мое намѣреніе. Я сто разъ проходилъ мимо этого дома и съ ужасомъ думалъ о томъ, что здѣсь погребено такое прелестное созданье. Вы будете смѣяться надо мною, я понимаю. Вамъ кажется страннымъ этотъ интересъ къ дѣвушкамъ, которую я видѣлъ всего одинъ разъ, но теперь не время разбирать причины. Главное въ томъ, чтобъ вы согласились сдѣлать, что я вамъ посоветую. Знайте же, что я поклялся, что не допущу васъ умереть здѣсь въ тоскѣ и одиночествѣ. Вы съ такой простотой рассказали мнѣ въ первый же разъ о вашихъ несчастіяхъ, что я убѣжденъ въ томъ, что вы вѣрите въ искренность и благородство моихъ намѣреній и не будете мѣшать мнѣ привести ихъ въ исполненіе.

Клара не знала, что отвѣтить. Ее смущало это великодушное и братское участіе въ человѣкѣ, котораго она почти не знаетъ. Другую женщину такое отношеніе заставило бы гордиться, но въ Кларѣ это возбудило только чувство благодарности. Она не считала себя достойною этого.

— Я вамъ очень благодарна, сеньоръ,—произнесла она,—но...

Она не рѣшалась сказать ему, что несчастлива и хочетъ избавиться отъ такого образа жизни. Военный былъ правъ. Невозможно было жить дольше съ этимъ звѣремъ. Но развѣ не ждала она спасенія отъ другого человѣка? Эта мысль заставила ее съ болѣею энергіей отказаться отъ его предложеній.

— Вы не знаете человѣка, съ которымъ живете, а я знаю,—продолжалъ онъ.—Я справлялся о его характерѣ и идеяхъ. Это не только странный и нетерпимый человѣкъ, но и безсердечный фанатикъ, съ извращенными инстинктами и подлыми расчетами.

Нѣтъ, вы не можете дольше оставаться во власти этого человѣка, который вамъ не родственникъ и не другъ.

Молодой человѣкъ говорилъ такъ пылко, что Клара поняла, что онъ не преувеличиваетъ недостатковъ старика. Незнакомецъ обладалъ однимъ изъ тѣхъ характеровъ, склонныхъ побѣждать трудныя положенія, которые не останавливаются даже передъ опасностью. Его рыцарскій умъ и благородное сердце были полны великодушныхъ порывовъ, а чувство глубокой симпатіи къ бѣдной сиротѣ побуждало его дѣйствовать деликатно. Позднѣе мы узнаемъ имя и поступки этого кабалеро.

— Но не оставайтесь же здѣсь долѣе,—сказала ему Клара.— Какъ же вы хотите убѣдить меня, что относитесь ко мнѣ съ участіемъ, когда сами доказываете обратное? Вѣдь если этотъ человѣкъ придетъ и застанетъ васъ здѣсь...

— Онъ ничего не скажетъ. Этотъ человѣкъ такъ ничтоженъ, что ему нѣтъ никакого дѣла ни до вашего счастья, ни до вашей чести; онъ на все посмотритъ равнодушно. Единственный вашъ защитникъ — это я.

Клару обдало холодомъ отъ этихъ словъ. Въ данную минуту эти слова были вполне справедливы. Ея единственный законный и истинный другъ не приходитъ. Ей остается лишь покровительство чужого.

— Да, у васъ нѣтъ никого, кромѣ меня, но этого довольно,—ласково продолжалъ молодой человѣкъ.—Слушайте меня; не обращайтесь вниманія на этого старика. Я буду для васъ всѣмъ, чѣмъ только можетъ быть честный и сердечный человѣкъ. Вѣрьте мнѣ, и все будетъ хорошо... А теперь, Клара, я ухожу, но я вернусь, чтобы освободить бѣдную плѣнницу, счастье которой зависитъ отъ меня. Какъ я горжусь этимъ! Я всегда буду насторожѣнъ. Если съ вами случится новое несчастье, то нѣтъ надобности предупреждать меня, я вамъ помогу и успокою васъ. У васъ нѣтъ защитника, кромѣ меня; подумайте объ этомъ хорошенько. Прощайте.

Онъ уже уходилъ, когда Паскала въ испугѣ выскочила изъ кухни и крикнула:

— Хозяинъ!

— Не отпирай! Подожди!—испуганно сказала Клара.—Спрячьтесь скорѣе!

Но Эліась, имѣвшій отдѣльный ключъ, не нуждался въ томъ, чтобы ему отпирали дверь.

— Ничего!—сказалъ военный, успокаивая Клару.

Колетилья отперъ дверь и вошелъ. У него былъ разсѣянный видъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по коридору, поднялъ голову и тутъ только замѣтилъ кланяющагося ему молодого человѣка.

XIV.

Р ѣ ш е н і е.

— Что вамъ здѣсь нужно? Кто вы такой? Зачѣмъ вы здѣсь?

— Вы не узнаете меня? Я тотъ, кто привелъ васъ сюда послѣ крупной непріятности нѣсколько дней тому назадъ; я пришелъ узнать, поправились ли вы.

— Да, сеньоръ, я вполне поправился, — рѣзко отвѣтилъ старикъ, входя въ залу въ сопровожденіи молодого человѣка. — И больше ничего?

— Больше ничего, и я уйду; я только что пришелъ, — сказалъ онъ непринужденно-естественнымъ тономъ. — Я уйду, напомнивъ вамъ, что очень интересуюсь вашимъ здоровьемъ.

— Прекрасно; вы мнѣ это уже говорили въ тотъ разъ, — отвѣтилъ Колетилья, окидывая подозрительнымъ взглядомъ Клару и Паскалу.

— И вы ничего не имѣете мнѣ сказать?

— Ничего, кромѣ того, чтобъ вы оставили меня въ покоѣ. Вы не участвуете въ процессіи? А она блестяща.

— Мнѣ не до процессіи.

— Вамъ интересно знать, что дѣлается въ домахъ роялистовъ? — прибавилъ старикъ рѣзкимъ и подозрительнымъ тономъ. — Здѣсь нѣтъ заговоровъ, а еслибъ и были, то я постарался бы, чтобы меня не застали врасплохъ сыщики.

Клара вся дрожала. Ей казалось, что военный, оскорбленный этой дерзостью, обнажитъ саблю и снесетъ голову роялисту. Но онъ только презрительно улыбнулся и сказалъ:

— Другъ мой, я вижу, что вы обо мнѣ дурно думаете. Можете быть увѣрены, что я и не думаю слѣдить за вами. Какой вредъ можете вы сдѣлать?

— Я?.. вредъ?.. — проговорилъ старикъ съ гримасой, напоминавшей улыбку.

— Вы можете сдѣлать вредъ очень небольшой и очень ненадолго. Клянусь вамъ въ этомъ. А теперь я доставлю вамъ удовольствіе тѣмъ, что уйду. Прощайте.

Уходя онъ выразилъ Кларѣ взглядомъ все то, что выражалъ словами, то-есть: довѣріе къ нему и ожиданіе. Ему хотѣлось, чтобъ она проводила его до двери, но она не посмѣла. Когда военный скрылся, Колетилья обернулся къ Кларѣ и спросилъ ее сердито:

— Давно этотъ человѣкъ пришелъ сюда?

— Нѣтъ, сеньоръ, за минуту до вашего прихода, — дрожащимъ голосомъ отвѣтила Клара.

— А зачѣмъ вы ему отперли? Вѣдь я говорилъ, чтобъ никому не отпирали?

— Онъ спрашивалъ васъ.

— Меня?.. А-а!..—съ бѣшенствомъ произнесъ Эліасъ. — Это одинъ изъ шпионовъ, но я знаю истину: онъ ухаживаетъ за тобою.

— Нѣтъ, сеньоръ. Вѣдь я его совсѣмъ не знаю и никогда его не видала.

— А я видѣлъ, какъ онъ шлялся по этой улицѣ. Да, сеньора, я его видѣлъ. Ты не можешь этого отрицать. Ты познакомилась съ нимъ, ты назначила ему здѣсь свиданье!

Клара никогда еще не видала Эліаса такимъ разсерженнымъ. Ее такъ оскорбили высказанныя имъ обидныя подозрѣнія, что она въ первый разъ въ жизни почувствовала ненависть къ этому человѣку.

— Я былъ для тебя отцомъ, Клара, но ты не сумѣла оцѣнить моего покровительства,—продолжалъ гнѣвно Колетилья.—Ты неблагодарная, безразсудная женщина, злоупотребляющая свободой, которую я тебѣ даю, и моими отлучками изъ дома. Но клянусь тебѣ, что ты исправишься. Необходимо сегодня же принять рѣшеніе, о которомъ я думалъ; да, сегодня же, сейчасъ же.

— Увѣрю васъ, что я не знаю, кто этотъ человѣкъ. Онъ пришелъ сюда и спросилъ васъ. Я не знаю, кто онъ, и никогда имъ не интересовалась.

— Неужели ты думаешь, что я вѣрю тебѣ, лицемѣрка? Повторяю, твои глупости прекратятся, Клара. Въ другой разъ ты не нарушишь моего спокойствія. Меня постоянно нѣтъ дома, и я не желаю, чтобъ въ мое отсутствіе мой домъ превращался въ вертепъ.

Клара съ ужасомъ слушала эти слова. Она никогда не рѣшалась возражать старику, а теперь не находила даже словъ для самозащиты; она только плакала, но роялистъ приписывалъ эти слезы лицемѣрью.

— Приготовься оставить этотъ домъ. Ты не стоишь жертвъ, которыя я приносилъ ради тебя. Теперь посмотримъ, будешь ли ты покупать цвѣты и кокетничать съ балкона. Ты будешь жить съ людьми, покровительства которыхъ ты также не стоишь, но они такъ добры, что примутъ тебя ради меня. Собирайся. Сегодня же вечеромъ я сведу тебя къ этимъ сеньорамъ, и ты у нихъ останешься. Онѣ сдѣлаютъ изъ тебя порядочную женщину и наведутъ тебя на добрый путь. Ты будешь жить съ ними, помогать имъ въ работахъ, и онѣ научатъ тебя тому, чему ты не научишься здѣсь одна.

— «Это сеньоры Порреньо!» — съ ужасомъ подумала Клара представивъ себѣ этихъ сухихъ надменныхъ сестеръ, одинъ видъ которыхъ пугалъ ее.

— Эти нынѣшнія идеи развращаютъ даже самыхъ наивныхъ дѣвухекъ,—продолжалъ Эліасъ, говоря какъ бы съ самимъ собою.— Эти нынѣшнія идеи—это общественная проказа! Онѣ всюду незамѣтно проникаютъ. Понятно, она цѣлый день одна... Такъ вотъ, Клара, ты отправишься къ этимъ сеньорамъ. Имѣй въ виду, что ты этого не стоишь, потому что это очень знатныя и добродѣтельные особы, не зараженныя нынѣшними идеями. Имѣй въ виду, что ты вступаешь въ святилище.

Свершилось. Роковое рѣшеніе, такъ пугавшее сироту, было безповоротно принято. Кларѣ предстояло жить съ этими таинственными сеньорами, въ домъ которыхъ, по словамъ Колетильи, не проникли нынѣшнія идеи. Колетильѣ давно уже хотѣлось освободиться отъ своей воспитанницы, но онъ не рѣшался заговорить объ этомъ съ тремя уважаемыми матронами, еслибы онѣ сами не навели его на эту мысль. Теперь это было уже дѣломъ рѣшеннымъ. Послѣ описанной сцены Колетилья, не желая ни на минуту откладывать своего рѣшенія, отправился предупредить своихъ пріятельницъ, оставивъ Клару въ глубокомъ отчаяніи.

Объяснимъ въ нѣсколькихъ словахъ отношенія Эліаса къ этимъ сеньорамъ.

Въ концѣ столѣтія Эліасъ былъ управляющимъ имуществомъ Порреньосъ-и-Венегасъ. Маркизь Бальтазаръ Порреньо, будучи ближайшимъ довѣреннымъ лицомъ короля Карлоса IV, затѣялъ процессъ со своимъ родственникомъ. Процессъ этотъ длился десять лѣтъ, въ теченіе которыхъ маркизь не только потерялъ все свое состояніе, но и приобрѣлъ громадныя долги. Затѣмъ онъ имѣлъ несчастіе поддержать Годоя въ аранхуэскомъ заговорѣ, и послѣ паденія Карлоса IV преемникъ его не простилъ маркизу его поступка. Братъ маркиза, Карлосъ Порреньо, перешелъ во время войны на сторону французовъ и вслѣдствіе этого былъ подвергнутъ изгнанію.

Этотъ знаменитый и могущественный родъ дошелъ до полного разоренія со смертью маркиза. Кредиторы, не щадя фамильныхъ гербовъ, забрали все движимое и недвижимое имущество и оставили наслѣдниковъ въ нищетѣ. Вернувшись изъ Франціи, король Фердинандъ забылъ объ участіи маркиза въ аранхуэскомъ заговорѣ и назначилъ пенсію его сестрѣ. Его сынъ умеръ на пути въ Америку, и такимъ образомъ отъ стариннаго рода осталось только три женщины: сестра и дочь маркиза Порреньо и дочь его брата Карлоса, который, слѣдуя за Наполеономъ, умеръ въ Прагѣ, возвращаясь изъ похода на Россію.

Эліасъ остался вѣренъ своимъ сеньорамъ и въ несчастіи. Вернувшись съ войны, онъ предложилъ свои услуги тремъ представительницамъ знатнаго рода, но управлять было уже нечѣмъ. Однако, сеньоры Порреньо смотрѣли на Эліаса, какъ на добраго друга, и

относились къ нему, какъ къ равному, хотя бывшій управляющій даже въ простомъ разговорѣ никогда не переступалъ границъ, отдѣлявшихъ его отъ аристократокъ.

Онѣ были уже не молоды. Сестрѣ маркиза, доньѣ Маріи де-ла-Пасъ, было за пятьдесятъ лѣтъ, хотя она и хорошо сохранилась. Ея племянница, дочь маркиза, по имени Саломэ, всегда была занята мыслью о томъ, какъ бы ей не счесть на своихъ плечахъ больше сорока лѣтъ. Третьей изъ нихъ, доньѣ Паулитѣ, за которой такъ и осталось это уменьшительное имя, дочери Карлоса, исполнилось тридцать два года. Ее считали святою.

Онѣ жили скромно, почти бѣдно. Не разъ предлагали онѣ Эліасу помѣстить къ нимъ его племянницу подъ предлогомъ, что молодая дѣвушка, живя одна, непременно заразится нынѣшними идеями. Сначала Колетилья изъ уваженія къ нимъ не рѣшался принять это предложеніе, но потомъ эта мысль ему понравилась. Къ тому же донья Марія, женщина очень практическая, составила очень удобный для себя и для Эліаса проектъ. Онъ состоялъ въ томъ, что Эліасъ займетъ второй этажъ ихъ дома, омеблированный остатками прежней роскоши.

— Сеньоры,—произнесъ Эліасъ, входя въ гостиную,—наконецъ я рѣшился привести къ вамъ эту дѣвушку.

— Прекрасно, мой другъ,—воскликнула Саломэ,—приведите ее сейчасъ же, сегодня же вечеромъ.

— Но, сеньоры, у этой дѣвушки все глупости на умѣ. Вамъ необходимо быть съ ней очень строгими. Иначе съ ней ничего не подѣлаешь.

— А что она сдѣлала?—быстро спросила донья Паулита.

Эліасъ разсказалъ о появленіи въ домѣ военнаго, о предосудительномъ желаніи Клары принарядиться, о покупкѣ цвѣтовъ. Три сеньоры были въ ужасѣ. Саломэ прочла проповѣдь, а святая донья Паулита четыре раза перекрестилась.

— Будьте покойны, другъ мой, мы ее исправимъ, — заявила донья Марія.

— Это вольнодумство понятно въ нынѣшнихъ дѣвушкахъ,—прибавила Саломэ,—всѣ онѣ такія. А эта Кларита недурна собой, у нея такое... такое вызывающее лицо, хотя ее нельзя назвать красивою.

— Но неужели правда, что она говорила съ мужчинами, донъ Эліасъ?—воскликнула донья Марія.—Что же это за чудовище?... Мо мы ее исправимъ; мы покажемъ ей, какъ порядочная женщина должна держать себя. Ахъ, что за вѣкъ! Нынче честь попираютъ ногами!

— Ахъ! — воскликнула донья Паулита, окончивъ читать про себя Отче нашъ.—Ахъ, эти нынѣшнія идеи! Господи, что за вѣкъ! Но все измѣняется, и великія грѣшницы скорѣе всѣхъ сознаютъ

свои заблужденія. Приведите ее, донъ Эліасъ, и я ручаюсь, что эта несчастная вернется на путь истины, можетъ быть, даже сдѣлается святою. Развѣ мы не видимъ примѣра въ Маріи Египетской?

Эліасъ многократными кивками головы согласился съ этимъ доводомъ. Онъ ушелъ и, часъ спустя, вернулся съ Кларой.

XV.

Три развалины.

Три сеньоры Порреньо-и-Венегасъ жили въ скромномъ домѣ въ улицѣ Беленъ. У подъѣзда и на стѣнахъ этого дома не было ни гербовъ ни кареты, но зато внутри его сохранилась почти вся мебель этихъ обѣднѣвшихъ потомковъ грандовъ.

Марія де-ла-Пасъ, младшая сестра маркиза Порреньо, была одною изъ тѣхъ женщинъ, кажущихся сорокалѣтними, когда имъ на самомъ дѣлѣ за пятьдесятъ. При высокомъ ростѣ она была очень полна, съ круглымъ лицомъ, обрамленнымъ черными еще волосами, зачесанными съ обѣихъ сторонъ на уши, украшенныя длинными старинными серьгами. Ея маленькія, полныя руки были унизаны кольцами, настоящіе камни которыхъ въ данное время были замѣщены фальшивыми. Въ ранней молодости, по настоянію своего брата, она вышла замужъ за стараго родственника, умершаго черезъ недѣлю послѣ свадьбы и оставившаго ее бездѣтною вдовой.

Саломэ представляла собою полную противоположность своей теткѣ. Насколько въ той не было ничего аристократическаго, настолько эта олицетворяла собой аристократическое происхожденіе. Ея смуглое лицо во времена Карлоса IV отличалось большимъ изяществомъ линій. Ея высокій лобъ надъ правильными и когда-то шелковистыми бровями теперь весь былъ испещренъ мелкими морщинами. Взглядъ ея большихъ черныхъ глазъ отличался презрительнымъ выраженіемъ. Вся ея высокая, худая фигура имѣла въ себѣ что-то величественное и строгое, чему немало способствовалъ замѣтный черный пушокъ надъ верхней губой. Въ молодости она два раза была невѣстой, но эти браки разстраивались почти наканунѣ свадьбы, быть можетъ, потому, что до жениховъ доходили достовѣрныя свѣдѣнія о полномъ разореніи семьи Порреньо. Эти неудачи такъ ожесточили Саломэ, что она съ тѣхъ поръ чувствовала ненависть ко всему роду человѣческому вообще, а къ мужскому въ частности.

Донья Паулита считалась святою съ самаго рянняго дѣтства. Ея глаза вѣчно были опущены въ землю, а въ носовомъ звукѣ ея голоса слышалось что-то монашеское. Она говорила такимъ тономъ, какъ будто читала вслухъ молитву. Лицо у нея было некрасивое,

блѣдное, очень смуглое; большіе темные круги окружали ея глаза. Одѣвалась она, какъ монахиня, и никогда не снимала съ головы черную косынку. Съ годами набожность ея возрастала; ей начали являться видѣнія, а великимъ постомъ она до того бичевала свое тѣло, что прислуга утверждала, будто эти удары раздаются по всему дому. Въ эпоху разоренія, когда сеньоры Порреньо переселились въ улицу Беленъ, Паулига часто ходила въ сосѣдній монастырь и рассказывала монахинямъ о своихъ видѣніяхъ и искушеніяхъ, которыя она могла побѣдить лишь тѣмъ, что пила уксусъ.

Въ ихъ домѣ царила страшная скука. Онѣ, повидимому, безконечно надоѣли одна другой и самимъ себѣ. Ихъ одиночество раздѣляла лишь старая собака, купленная ими случайно еще щенкомъ. Собака эта, по прозвищу Батило, такъ сжилась съ ними, что отрѣшилась отъ всѣхъ собачьихъ замашекъ и приобрѣла необыкновенно тоскливый, скучающій обликъ.

Сеньоры Порреньо вставали въ 7 часовъ утра, пили жидкій шоколадъ, затѣмъ шли въ церковь. Тамъ онѣ выслушивали три обѣдни и половину четвертой, затѣмъ возвращались домой, гдѣ донья Паулига начинала рассказывать о страданіяхъ святого Франциска. Служанки онѣ не держали. Въ часъ онѣ обѣдали скудными блюдами, изготовленными доньей Маріей, которая считала пребываніе на кухнѣ страшнымъ униженіемъ ея аристократическаго достоинства. Потомъ онѣ занимались рукодѣльемъ. Передъ отходомъ ко сну онѣ въ теченіе двухъ часовъ читали вслухъ молитвы. И такъ шла ихъ жизнь изо дня въ день.

Съ этими-то достопочтенными матронами предстояло жить бѣдной Кларѣ. Онѣ сидѣли за работой въ залѣ въ ту минуту, когда Эліасъ ввелъ за руку свою воспитанницу и отвѣсилъ имъ глубокій поклонъ. Въ ту же минуту три пары испытующихъ глазъ устремились на лицо молодой дѣвушки, стоявшей съ опущенными глазами, сильно бьющимся сердцемъ, не силахъ произнести ни слова.

— Такъ эту-то дѣвушку вы поручаете намъ, донъ Эліасъ? — спросила донья Марія.

— Да, сеньора, если ужъ вы такъ добры, что желаете принять ее... Я надѣюсь, что она будетъ благодарна за такую честь и сумѣетъ отплатить вамъ хорошимъ поведеніемъ.

— Необходимо исправиться, дитя, — сказала донья Марія, — и если правда то, что намъ рассказывалъ о васъ донъ Эліасъ, а разъ онъ это говоритъ, то это не можетъ быть неправдой... Садитесь.

Эліасъ и Клара сѣли на старинные табукеты.

— Если это правда, — рѣзко и презрительно сказала Саломэ, — то вамъ необходимо исправиться. Этотъ домъ, дитя, побуждаетъ живущихъ въ немъ къ исполненію священнаго долга. Мы не потерпимъ скандала и если покровительствуемъ кому нибудь, то начинаемъ съ того, что внушаемъ покровительствуемому нами его обязанности.

— Эти нынѣшнія идеи заражаютъ все,—прибавила донья Марія.—Я не удивляюсь, что вы подпали подъ ихъ вліяніе. Нынче нѣтъ религіи; люди стремятся къ своей погибели, и если Господь надъ ними не сжалится, то наступитъ конецъ свѣта. Но есть мѣста, гдѣ сохранились еще благочестіе и цѣломудріе. Имѣйте въ виду, дитя, что вы оставили порочный міръ для того, чтобъ вступить въ иной. Богъ просвѣтилъ вашего добраго покровителя, который отдалъ васъ намъ, чтобъ мы освободили васъ отъ адскаго вліянія нынѣшнихъ идей.

И она такъ долго еще говорила о пагубности нынѣшнихъ идей, что даже заинтересовала ими Клару.

— Вы такъ добры! Только вы однѣ и можете помочь разсѣять нынѣшнія заблужденія, — сказалъ Колетилья почтительнымъ тономъ, который употреблялъ исключительно лишь въ бесѣдѣ съ сеньорами Порреньо.—Вы ее заставите понять, чѣмъ были и чѣмъ даже и теперь остались наши аристократическіе роды. Клара, имѣй въ виду, что ты будешь жить съ потомками испанскихъ грандовъ, которые и по происхожденію и по душевнымъ качествамъ много выше насъ, плебеевъ.

Донья Марія вздохнула и окинула его величественнымъ взглядомъ. Саломэ съ тоской взглянула на окружавшіе ее бранные останки прежней роскоши. Донья Паулита таинственно вздохнула и продолжала хранить молчаніе.

Колетилья, высказавъ такія возвышенныя мысли, протиснулся, пошептавшись передъ уходомъ съ доньей Маріей. Клара смотрѣла, какъ уходитъ этотъ человекъ, внушавшій ей всегда такой страхъ и такъ мучившій ее всегда, и ей казалось въ эту минуту, что ее покидаетъ ея ангель-хранитель. Ей хотѣлось убѣжать за нимъ. Она молча смотрѣла на него и, когда онъ ушелъ, съ ужасомъ взглянула на трехъ старухъ, и обильныя слезы потекли по ея щекамъ.

— Не плачь, дитя,—сказала ей Саломэ,—выказываемыя тобою чувства къ твоему благодѣтелю, конечно, хороши, но какая польза въ позднихъ слезахъ, послѣ того какъ ты злоупотребила его добротой и осрамила его домъ?

— Я, сеньора?—съ изумленіемъ воскликнула Клара.

— Да вы, — подтвердила донья Марія, — но я не удивляюсь этому, потому что молодежь развращена. Мы надѣемся, что вы исправитесь. Понятно, при нынѣшнихъ идеяхъ...

— Необходимо простить, — произнесла донья Паулита кисло-сладкимъ гнусавымъ тономъ.

— Да, простить, но надо также и исправиться,—авторитетнымъ тономъ заявила Саломэ.—Иначе до чего же мы дойдемъ? Прощеніе безъ исправленія производитъ худшія послѣдствія, чѣмъ еслибы совѣтъ не прощали.

— Относительно этого пункта трудно спорить, чтобы не впасть въ ересь, — возразила ханжа. — Прощеніе хорошо само по себѣ и ради самого себя, по словамъ проповѣди патера Антоніо.

Пренія на эту тему длились довольно долго, и Клара все время чувствовала себя, какъ на судѣ передъ строгими судьями. Наконецъ, донья Марія обратилась къ ней съ слѣдующей проповѣдью:

— Честь женщины — это тончайшій хрусталь, разбивающійся при малѣйшемъ прикосновеніи къ нему. Кто не умѣетъ сберечь себя, того никто беречь не станетъ; мы видѣли много честнѣйшихъ женщинъ, которыя не умѣли сберечь своего честнаго имени, и оно было запятнано безъ всякой причины. Общественное мнѣніе важнѣе всего. Когда о женщинѣ начали говорить, то ничто уже не спасетъ ее.

Ханжа сказала, что не согласна съ этимъ мнѣніемъ. Этотъ инцидентъ на мгновеніе прервалъ проповѣдь, но затѣмъ она пошла снова:

— Съ какою цѣлью женщина выслушиваетъ любезности мужчинъ, которыхъ демонъ выбираетъ орудіемъ пропаганды нынѣшнихъ идей? На что вы рассчитываете въ этой жизни? По вашему происхожденію и воспитанію вы не должны рассчитывать занять въ жизни такое мѣсто, на которомъ можете быть способною принести пользу низшимъ. Посмотримъ, дитя, какое у васъ мнѣніе о нѣкоторыхъ вещахъ. Что вы думаете, на что вы рассчитываете и какъ надѣетесь вести себя въ жизни?

Клара не знала, что отвѣтить на эти вопросы.

— Ну, отвѣчайте же,—проговорила Саломэ, и въ ея тонѣ звучала надежда услышать большую глупость.

— Я...—побѣдивъ, наконецъ, свое волненіе, произнесла Клара,—я... я вамъ скажу... я женщина...

Донья Марія утвердительно кивнула головой и взглядомъ показала своимъ племянницамъ, что соглашается съ Klarой.

— Ну, дитя, какъ вы намѣреваетесь жить въ будущемъ? Какимъ образомъ?—повторила Саломэ, рассчитывая на то, что Клара не рѣшится отвѣтить.

— Я... я хочу только жить...—отвѣтила Клара.

— И больше ничего?

— Быть хорошей и...

— И что? И что же еще?—продолжала допрашивать Саломэ. — Не думали ли вы о чемъ нибудь для себя въ будущемъ? Не надѣялись ли вы видѣть себя въ иномъ положеніи, не въ томъ, въ которомъ находитесь теперь?

Клара не понимала.

— Мы хотимъ сказать,—пояснила донья Марія,—что вамъ, быть можетъ, приходила въ голову мысль о счастьи; быть можетъ, вы думали, что можете быть полезны... вѣдь у нынѣшнихъ дѣвушекъ много дикихъ идей.

— Какъ, по вашему мнѣнію, должна жить женщина въ свѣтѣ?—спросила Саломэ. — Какъ надѣтесъ вы жить въ обществѣ, чтобы быть ему полезною?

— Ахъ, да! — проговорила Клара, какъ бы внезапно понявъ, чего отъ нея хотятъ.

— Ну, посмотримъ?

Здравый смыслъ подсказывалъ Кларѣ назначеніе женщины. Она понимала, что безъ брака прекратился бы міръ, и нерѣдко думала, что женщина непремѣнно должна выйти замужъ. Она была увѣрена, что вполне удовлетворитъ своихъ судей такимъ отвѣтомъ.

— Ну, говорите же, дитя!

— Что должна сдѣлать женщина, чтобъ быть полезною обществу?

— Выйти замужъ, — совершенно просто отвѣтила Клара и въ эту же минуту испугалась того, что сказала, и страшно покраснѣла.

Этотъ отвѣтъ произвелъ впечатлѣніе неожиданнаго громового раската.

— Что за ужасъ!—воскликнула донья Марія, всплеснувъ руками.

— Господи! Господи!—крикнула Саломэ, затыкая уши.

— «Не введи насъ во искушеніе!» — проговорила ханжа, поднимая взоры къ небу.

Съ минуту длилась нѣмая сцена. Три сеньоры съ изумленіемъ смотрѣли одна на другую. Донья Паулита склонилась, донья Марія заерзала на стулѣ, а на желтыхъ, сухихъ щекахъ доньи Саломэ выступилъ слабый румянецъ. Даже спокойнѣйшая изъ всѣхъ спокойныхъ собакъ, Батило, приняла участіе въ общемъ смятеніи, завывла, а потомъ залаяла.

Наконецъ, донья Марія оправилась и проговорила прерывающимся отъ гнѣва голосомъ:

— Дитя, я не признаю такихъ идей. Мы уже достаточно знаемъ васъ по слухамъ. Теперь я объясняю себѣ ваше поведеніе. О, вамъ необходимо строгое воспитаніе!

— Но, сеньоры, что же я такое сказала? Я... Если женщина выходитъ замужъ, развѣ она оскорбляетъ Бога? — съ волненіемъ защищалась молодая дѣвушка.

— Нѣтъ, сеньора, нѣтъ, — возразила донья Марія, — бракъ очень важная вещь; безъ него прекратился бы міръ. Но насъ изумляетъ то, что семнадцатилѣтняя дѣвушка только и думаетъ что о замужествѣ.

— Но я вовсе не думаю...

— Не перебивайте меня, дитя... Думать о замужествѣ! Развѣ не безуміе въ такіе годы думать о замужествѣ?.. Теперь понятно, почему вы такъ любите мужчинъ, что даже заманиваете ихъ.

— Сеньора, я никогда не заманивала ни одного мужчину! — съ тоскою воскликнула Клара.

— Намъ все извѣстно, но вы ошибаетесь, если думаете, что мы будемъ поощрять такое распутство.

Клара не въ силахъ была выслушивать больше такія вещи; она разрыдалась.

Три родственницы мучили ее съ необыкновенною жестокостью. Чѣмъ это объяснить? Тѣмъ ли, что онѣ зачерствѣли вдали отъ людей, лишеныя любви и радости? Онѣ не могли отнестись спокойно къ надеждѣ на счастье въ посторонней имъ дѣвушкѣ.

Донья Паулита, уже собиравшаяся было сдѣлать выговоръ Кларѣ, растрогалась, видя ея слезы, и сказала ей:

— Магдалина грѣшила и была прощена. Вамъ недостаетъ теперь лишь искренняго раскаянья?

— Но въ чемъ же мнѣ раскаиваться?..—рыдая проговорила молодая дѣвушка.

— Господи, что за либеральный тонъ!—произнесла Саломэ.

— Гордость, выразившаяся въ вашемъ вопросѣ, непростительна,—съ презрѣніемъ сказала донья Марія.

— Но вѣдь я же не знаю, въ чемъ я виновата...

— Если мы говоримъ, что вы виноваты, то значитъ это такъ.

— Но у меня совѣсть спокойна...

— Лучше бы вы не возражали, когда вамъ говорятъ старшіе. Авторитетъ есть вещь необходимая. Вы намъ уже достаточно ясно показали, какъ на васъ вліяютъ эти нынѣшнія идеи... Сатанинская гордость, непокорность старшимъ, противорѣчіе... Это возмутительно. Такимъ путемъ общество дойдетъ до разрушенія. Но мы направимъ васъ на путь истины.

— Во-первыхъ, остерегайтесь высовываться изъ окна,—предупредила Саломэ.

— Вамъ запрещается подходить къ балкону или окну и отпирать наружную дверь.

— И говорить, когда васъ не спрашиваютъ. Вы должны вставать въ четыре часа утра, потому что лѣньность есть мать пороковъ.

— Я встаю какъ разъ въ четыре часа, сестра,—сказала ханжа.—Я помогу вамъ заниматься въ это время божественнымъ.

— Посмотримъ, повторите ли вы впередъ тѣ нелѣпости, которыя только что говорили.

— Она не повторитъ,—въ порывѣ любви къ ближнему сказала донья Паулита.—Я знаю, что она не повторитъ. Я ручаюсь, что она будетъ добра и послушна; и хуже ея дѣлались святыми.

— Остерегайтесь разговаривать съ гостями дома. Вы будете работать, сколько вамъ прикажутъ.

— Но не до переутомленья,—вставила донья Паулита.—Работа хороша, какъ средство борьбы съ искушеніемъ, но переутомляться вредно.

— Къ тому же, вы должны перестать думать о прежнемъ,—продолжала донья Марія. — Не оскверняйте нынѣшними идеями этого святилища! Забудьте о прошломъ. Теперь, когда вы отданы

подъ наше покровительство на всю жизнь, вы должны думать лишь о томъ, чтобы хорошо вести себя.

Сирота опустила глаза въ нѣмомъ отчаяніи. На всю жизнь! Лучше бы ей умереть сію же минуту. Она ничего не отвѣтила этимъ тремъ фуріямъ. Ужасъ ея былъ такъ великъ, что она не могла даже плакать.

XVI.

Сонъ либерала.

Между тѣмъ, когда за Лазаро заперлась дверь тюрьмы, и когда въ отдаленіи замерли шаги тюремщика, молодой человѣкъ очутился во мракѣ. Черезъ рѣшетчатое оконце въ стѣнѣ въ камеру падалъ свѣтъ со двора, но Лазаро, войдя сюда съ улицы, ничего не видѣлъ, кромѣ темноты. Онъ не сразу понялъ свое положеніе. Все это казалось ему сномъ. Дѣйствительно ли онъ пріѣхалъ въ Мадридъ, или это ему только приснилось?

Онъ съ трудомъ могъ собрать свои мысли. Первое чувство, охватившее его, было жалостью къ самому себѣ. Онъ рассчитывалъ, что каждый его шагъ въ столицѣ будетъ ступеню къ его возвышенію и безсмертію. Самый знаменитый патріотическій клубъ Испаніи открылъ передъ нимъ свои двери, предложивъ ему трибуну; фортуна открыла ему всѣ пути, а потомъ... Но онъ не могъ обвинять фортуны. Она предоставила ему случай, мѣсто, аудиторію, которая готова была прокричать его героемъ на всѣхъ улицахъ. Виноватъ онъ самъ, потому что родился, быть можетъ, для темной жизни ремесленника, земледѣльца и только. А эти позывы къ чистому краснорѣчію, это тщеславное желаніе быть великимъ человѣкомъ, быть можетъ, лишь пылъ юноши, не сложившагося еще въ мужчину.

Потомъ онъ сталъ думать о своемъ положеніи. Онъ арестованъ. Его обвинять въ возбужденіи народныхъ массъ. Что съ нимъ сдѣлаютъ? Да, онъ сдѣлалъ большую ошибку, что не пошелъ прямо къ дядѣ. Что теперь думаетъ Клара?

Онъ чувствовалъ себя слабымъ и усталымъ среди этихъ мрачныхъ стѣнъ. Въ теченіе сорока восьми часовъ онъ спалъ не болѣе пяти; къ тому же голодъ доводилъ его до изнеможенія. Уступая усталости, онъ началъ дремать, но дремота не переходила въ крѣпкій сонъ, обновляющій силы; все пережитое за эти два дня носилось передъ его воображеніемъ.

Ему казалось во снѣ, что онъ слышитъ подземные стоны заключенныхъ. Старая городская тюрьма была не болѣе, какъ баракъ, раздѣленнымъ на камеры; она не имѣла ничего общаго съ величественными, грозными тюрьмами, которыя описываютъ поэты.

Но Лазаро она представлялась огромнымъ мрачнымъ зданіемъ, окруженнымъ широкимъ ровомъ, наполненнымъ мутною, зеленою водою, съ подземными камерами, изъ которыхъ самая грязная и глубокая именно та, куда его посадили. Онъ слышалъ во снѣ шумъ потока; вода медленно поднималась; огромныя крысы бѣгали по его ногамъ, стараясь спастись отъ наводненія. Эпизоды изъ романовъ время инквизиціи вставляли передъ нимъ.

Затѣмъ, ему показалось, что стѣны раздвигаются; онъ очутился въ большой залѣ, обитой сплошь черною матеріей. По срединѣ стоялъ столъ съ Распятіемъ и двумя восковыми свѣчами, за столомъ сидѣло пять страшныхъ инквизиторовъ въ мрачныхъ мантіяхъ. Эти люди задавали ему вопросы, на которые онъ не могъ отвѣтить. Затѣмъ къ нему подошли четыре палача, раздѣли его, привязали къ колесу какой-то адской машины и начали ломать ему кости. Онъ хотѣлъ кричать отъ боли, напрягалъ всѣ свои звуковыя органы, но не могъ издать звука.

Декорация и фигуры измѣняются. Онъ видитъ передъ собой два ряда людей въ капишонахъ и маскахъ. Въ глубинѣ стоятъ люди, задававшіе ему вопросы, и одинъ изъ нихъ держитъ даже въ рукахъ Распятіе. Какой-то замогильный голосъ поетъ псаломъ, и Лазаро подвигается впередъ вмѣстѣ съ процессіей. Огромная толпа народа спокойно и холодно смотритъ на него; невозмутимый монахъ шепчетъ ему слова молитвы, которую онъ не можетъ понять. Онъ что-то талкуетъ о будущей жизни.

Шествіе останавливается, и онъ видитъ какой-то странный и очень яркій свѣтъ, который превращается въ огромное пламя; дымъ отъ него чернымъ столбомъ поднимается къ небу. Люди съ жестокими лицами связываютъ Лазаро по рукамъ и ногамъ и бросаютъ на костеръ. Онъ чувствуетъ въ внезапномъ и неописуемомъ ужасѣ, какъ въ одну секунду у него сгораютъ волосы, въ другую одежда, затѣмъ вся кожа... Онъ задыхадтса отъ огня, хочетъ кричать и не можетъ, хочетъ бѣжать, и ноги не повинуются ему, хочетъ молиться, и ни одно слово не приходитъ ему на память. Онъ чувствуетъ, что горитъ, что уже весь сгорѣлъ, что его духъ улетаетъ все выше, выше... и просыпается весь въ поту...

Онъ проснулся, потому что подлѣ него раздался звукъ голосовъ. Дверь тюрьмы была открыта. Вечерѣло. Тюремщикъ вошелъ съ фонаремъ въ рукѣ и ввелъ за собою посѣтителя, желавшаго видѣть заключеннаго. Это былъ Колетилья.

Эліасъ предсталъ передъ своимъ племянникомъ. Лазаро поклонился, пролетѣлъ нѣсколько спутанныхъ фразъ и выразилъ надежду, что видитъ передъ собою своего добраго дядюшку, но видя, что тотъ не отвѣчаетъ и не здороваётся съ нимъ, въ смущеніи опустилъ голову.

— Я не долженъ былъ бы видѣть тебя и вспоминать о тебѣ,—

произнесъ, наконецъ, роялистъ.—Я не сочувствую твоему горю и пришелъ познакомиться съ тобою, только познакомиться.

— Сеньоръ, я...

Лазаро не находилъ словъ для объясненья, но Колегилья уже зналъ о случившемся отъ Карраскозы.

— Я знаю, за что тебя засадили. Одинъ мой пріятель, шедшій вслѣдъ за тобою, разсказалъ мнѣ обо всемъ. Ты возбуждалъ толпу негодяевъ и за это арестованъ. Власти посадили тебя туда, гдѣ должны были бы сидѣть всѣ эти негодяи.

Лазаро смущался все больше и больше. вмѣсто утѣшенія, въ которомъ онъ такъ нуждался, онъ слышалъ эти жестокія слова. Онъ сдѣлалъ самое невыгодное заключеніе о характерѣ дяди.

— Мнѣ разсказали о твоей выходкѣ, — продолжалъ старикъ своимъ глухимъ голосомъ, — и когда я узналъ, что этотъ безумецъ сынъ моей сестры, я возмутился и устыдился. Я не думалъ, что ты будешь смущать общественное спокойствіе. Еслибъ я это зналъ, то ты остался бы въ деревнѣ. Я узналъ, что ты вмѣсто того, чтобъ пріѣхать прямо ко мнѣ, отправился съ какими-то проходимцами въ кафэ «Фонтанъ» и говорилъ тамъ рѣчь... къ тому же очень плохую. Всѣ надъ тобою смѣялись. Затѣмъ, ты всю ночь прошлялся съ осаждавшими домъ Морильо...

— Ахъ, нѣтъ, сеньоръ, нѣтъ!

— Какъ бы то ни было, но твое поведеніе непростительно. Скажи мнѣ, съ какихъ поръ сдѣлался ты ораторомъ? Я не зналъ, что въ Атекѣ такъ процвѣтаетъ краснорѣчіе. Тебѣ, вѣроятно, аплодировали косцы на покосѣ, и поэтому ты вообразилъ себя Демосоеномъ.

Фанатикъ засмѣялся съ такимъ сарказмомъ, что Лазаро стало страшно. Съ каждымъ словомъ въ сердцѣ заключеннаго открывалась новая рана, и ему становилось все стыднѣе и грустнѣе.

— Но я не удивляюсь твоимъ заблужденіямъ, потому что теперь всюду царитъ безпорядокъ. Какъ не городить чепухи какойнибудь деревенщинѣ, когда ученые люди въ столицѣ городятъ такой вздоръ во время преній?

Тутъ Лазаро понялъ, какая бездна раздѣляетъ его воззрѣнія и стремленія отъ воззрѣній и стремленій дяди. Но онъ какъ бы подпадалъ подъ вліяніе Эліаса и не могъ ему противорѣчить.

— Здѣсь, — продолжалъ фанатикъ со своей безпощадной проніей, — ты можешь говорить, сколько хочешь, никто тебѣ не помѣшаетъ, развѣ только тебя сочтутъ за сумасшедшаго и упрячутъ въ больницу душевнобольныхъ. Тамъ мѣсто половинѣ Испаніи. Нѣтъ, что я говорю — половинѣ? Лишь небольшой части ея, потому что всѣ истинные испанцы люди разсудительные. Только кучка людей доказываетъ своей глупостью, на что способны дурные испанцы. Но это кончится, клянусь тебѣ, что это кончится, иначе

пришлось бы признатъ, что нѣтъ Бога на небѣ, и потерять вѣру. Слушай, Лазаро,—произнесъ онъ съ такимъ пыломъ, что молодой человекъ даже отступилъ,—слушай, если ты изъ этихъ, то забудь, что въ твоихъ жилахъ течетъ моя кровь, забудь, что женщина, родившая тебя на свѣтъ, моя сестра. Насъ раздѣляетъ пропасть. Мы никогда не придемъ къ соглашенію. Мы будемъ смертельными врагами. Бѣги отъ меня: ты мнѣ не ближній. Жизнь несовмѣстима со смертью и свѣтъ съ мракомъ. Прощай.

Онъ хотѣлъ уйти, но Лазаро, дрожа отъ изумленья, остановилъ его и сказалъ ему съ волненіемъ:

— Но, сеньоръ, не покидайте меня, поговорите со мною. Мнѣ кажется, что мы мыслимъ одинаково.

Несмотря на все, старикъ внушалъ ему уваженіе; видя, что онъ порицаетъ его идеи, въ немъ шевельнулся импульсъ подчиненія, очень понятный въ такомъ впечатлительномъ молодомъ человекѣ.

— Если ты изъ этихъ,—повторилъ Эліасъ,—то возвращайся къ себѣ въ деревню и не говори обо мнѣ, не говори, что ты меня видѣлъ, забудь о моемъ существованіи. Я для тебя умеръ.

— Но позвольте мнѣ объяснить...

— Что ты можешь сказать?

— Я думаю... вы поймете, что у меня мои идеи... я читалъ и вынесъ убѣжденія... Да, сеньоръ, я глубоко убѣжденъ...

— Что ты можешь знать, жалкій ребенокъ? Какія у тебя могутъ быть убѣжденія? Ты знаешь только глупости, вычитанныя изъ трехъ-четырехъ книжекъ, которыя слѣдовало бы сжечь вмѣстѣ съ ихъ авторами.

— Возможно ли,—съ отчаяньемъ возразилъ Лазаро,—чтобъ вы разрушили мои убѣжденія, пріобрѣтенныя съ такой любовью и ставшія мнѣ дорожке жизни? Нѣтъ, вы не можете этого, а если вамъ и удалось бы сдѣлать это силою вашего ума, то я умоляю васъ не дѣлать и оставить меня. Пусть насъ раздѣляетъ эта пропасть, о которой вы говорите, и если я заблуждаюсь... Но я не заблуждаюсь, я знаю, что не заблуждаюсь...

— Глупый, тщеславный фанатикъ... Да, это только тщеславіе, сатанинское тщеславіе,—строго сказалъ Эліасъ.—Но я вылѣчу тебя отъ него.

Эти послѣднія слова были сказаны съ такимъ глубокимъ убѣжденіемъ, что племянникъ не зналъ, что на нихъ возразить, и нахмурился еще больше.

— Что ты намѣренъ дѣлать? На что надѣнешься? Ты думаешь, что это долго продлится? Ошибаешься: Испанія скоро пойметъ свое заблужденіе. Ненависть къ конституціи бушуетъ во всѣхъ честныхъ сердцахъ. Скоро ты увидишь, какъ король снова получитъ свои священныя привилегіи, которыя только одинъ Богъ можетъ отнять у него вмѣстѣ съ жизнью.

— О сеньоръ, а то, что народъ приобрѣлъ цѣною пролитой крови, погибнетъ ради гордости одного человѣка? Еслибъ это случилось, то жалкая участь предстояла бы Испаніи.

— Жалкая участь!—воскликнулъ старикъ съ гримасой, обезобразившей все его морщинистое лицо. — Лучше бы ей исчезнуть подъ землю, если этого не случится!

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу этому вѣрить, хоть вы и говорите это. Еслибъ я не вѣрилъ въ свободу, я не вѣрилъ бы ни во что и былъ бы самымъ жалкимъ изъ людей. Я вѣрю въ свободу и буду проповѣдывать ее. Я гражданинъ этого народа, имѣю право избрать законъ, который будетъ управлять мною; я имѣю право соединиться съ моими братьями для того, чтобъ избрать законодателя.

— Для того, чтобы предписывать тебѣ законы и заставить тебя повиноваться имъ, существуетъ священный человѣкъ, избранный Богомъ.

— Нѣтъ, его избрали я и мои братья. Онъ—король, потому что мы этого желаемъ. Онъ священенъ для меня, если исполняетъ торжественный договоръ, сдѣланный со всѣми вообще и съ каждымъ въ частности. Онъ исполнить этотъ договоръ, такъ какъ далъ клятву.

— Есть клятвы, — мрачно возразилъ Колетилья, — исполненіе которыхъ — преступленіе.

У Лазаро замерло сердце. Онъ на минуту задумался, потомъ сказалъ:

— А всѣ эти герои... всѣ эти герои, освященные исторіей, которые живутъ въ воспоминаніи честныхъ людей и будутъ вѣчною славой рода человѣческаго, всѣ тѣ, которые жили ради свободы и умерли ради нея отъ руки палачей, но приобрѣли себѣ безсмертіе... могу ли я не любить ихъ? Я уважаю ихъ; мое ничтожество не позволяетъ мнѣ подражать имъ, но, признаюсь, я отдалъ бы жизнь за то, чтобъ быть на нихъ похожимъ. О, еслибъ свобода не была хороша сама по себѣ, то она была бы хороша по воспоминаніямъ о столькихъ герояхъ!

— И это-то твои герои? И ими-то ты восхищаешься? — спросилъ съ презрѣніемъ Колетилья.

— Такъ кѣмъ же мнѣ восхищаться? Кѣмъ? Тиранами? Нерономъ, убившимъ Сенеку? Филиппомъ II, убившимъ Эгмонта? Людовикомъ XV...

— Тогда необходимо было показать французамъ, что они не должны имѣть второго Равальяка.

— Но урокъ не произвелъ пользы, потому что черезъ тридцать лѣтъ во Франціи король умеръ на эшафотѣ.

— Такъ вотъ за что ты стоишь! — съ бѣшенствомъ крикнулъ Эліасъ.

— Нѣтъ, я не стою ни за бунтъ, ни за терроръ, ни за убійство. Я сожалѣю о всеобщемъ безуміи, но не мудрено, если люди, доведенные до крайности, платятъ за массу преступленій однимъ преступленіемъ.

— Не говори со мной больше, — сказалъ Эліасъ глухимъ голосомъ:—я знаю, что ты изъ тѣхъ, изъ тѣхъ, которымъ я не могъ подыскать достаточно браннаго слова. Ты поклоняешься духу свободомыслія и стоишь за скандалъ. Скажи мнѣ, безумецъ, чѣмъ ты кончишь? Что ты видишь въ будущемъ? Имѣй въ виду, что ты слѣпецъ изъ слѣпцовъ, безумный изъ безумныхъ, какія у тебя намѣренія?

— У меня нѣтъ незаконныхъ намѣреній. Я не посягаю на тирана, оплачивающаго лезть деньгами. Я мечтаю лишь о благодарности человѣчества, о славѣ.

— О славѣ, достигнутой такимъ путемъ? Слава достигается лишь законною дорогою, повиновеніемъ Богу и королю. Слава существуетъ только на небѣ въ раю, и отраженіе ея лежитъ на главахъ Божіихъ избранниковъ. Земная слава состоитъ въ подчиненіи и повиновеніи, а не въ крикахъ на улицахъ и на площадяхъ. Та слава, о которой ты мечтаешь, создаетъ не героевъ, а бунтовщиковъ и заговорщиковъ. Слава заключается въ исполненіи долга.

— Я и исполняю мой долгъ, стараясь освободить моихъ собратьевъ отъ жестокой тираніи, доказывая имъ, что они свободны, равны предъ Богомъ и закономъ.

— Первый долгъ состоитъ въ повиновеніи закону.

— Въ слѣпомъ?

— Въ слѣпомъ.

— Я повинуюсь закону, составленному избранными мною и моими собратьями.

— Ты не смѣешь критиковать закона, ты долженъ только повиноваться ему.

— А если мнѣ приказываютъ подлость?

— Тебѣ этого не прикажутъ.

— А если?

— Говорятъ тебѣ, что не прикажутъ. А еслибы Господь допустилъ, чтобъ король приказалъ тебѣ исполнить какую нибудь несправедливость, то исполни; Господь накажетъ за это его, а тебя наградитъ въ будущей жизни. Ты будешь мученикомъ. Какая же слава выше этой? Замѣть, что теперь дѣлается: нѣсколько безумцевъ создало законы во имя какого-то глупаго принципа, а между тѣмъ Господь надѣлилъ только одного короля этою властью. Толпа возмущившихся солдатъ принудила короля скрѣпить клятвой эти отвратительные законы. Онъ поклялся, но въ глубинѣ души ненавидитъ его. Иначе онъ не могъ поступить. Онъ—плѣнникъ своихъ подданныхъ, играющихъ имъ, какъ игрушкой. Король выну-

ждень лицемѣрить. Никогда еще королевское достоинство не находилось въ такомъ униженіи. Но онъ освободится отъ этой ужасной опеки потому, что, если окажется необходимымъ, Европа вступитъ въ коалицію, чтобы спасти Испанію. Испанія уже спасла Европу.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не вѣрю этому, — возразилъ Лазаро. — Это имѣло бы худшія послѣдствія, чѣмъ 1808 годъ.

— Не вѣрь, но король будетъ возстановленъ на престолѣ. Но Испанія не возстанетъ, а если возстанетъ, то ее усмирятъ. Развѣ ты не видишь, что теперь дѣлается? Всѣ провинціи возмущены и стоятъ за неограниченную власть; самое важное еще впереди. Вся Испанія возстанетъ противъ этой абсурдной системы, и Фернандо снова будетъ нашимъ возлюбленнымъ королемъ.

— Возможно ли? — въ недоумѣніи произнесъ Лазаро.

— Настолько возможно, что еще немного, и ты въ этомъ убѣдишься. Всѣ эти шарлатаны, набившіе тебѣ голову разнымъ вздоромъ, разбѣгутся пристыженные, когда узнаютъ, какъ чужія страны относятся къ ихъ подлости. Тогда истинные граждане будутъ прославлены по заслугамъ: законники и патріоты вступятъ въ борьбу съ этой массой плебеевъ; они будутъ бороться ради права, ради Бога и короля; они вѣчно будутъ жить въ памяти всѣхъ, и ихъ имена будутъ эмблемой благородства и чести. Они-то, Лазаро, и есть истинные герои.

Лазаро былъ такъ взволнованъ словами дяди, что едва переводилъ духъ и могъ лишь произнести тихо:

— Только они?

— Они одни. Слава слишкомъ священна, чтобы увѣнчивать что либо иное, кромѣ справедливости и долга. Не жди ничего иного. Водворотъ этой слѣпой силы захватываетъ тебя; что жъ, иди. Я тебѣ ничего больше не скажу. Ступай по пути безчестія и смерти. Прощай. Когда нибудь ты меня вспомнишь.

— Нѣтъ, — воскликнулъ Лазаро, останавливая его. — Я хочу, чтобы вы были мнѣ совѣтчикомъ и руководителемъ... Я... хоть и обладаю убѣжденіями...

— Обладаешь убѣжденіями?.. — произнесъ фанатикъ, окидывая его презрительнымъ взглядомъ.

— Да, я не могу и не хочу съ ними разстаться.

— Что жъ, иди твоей дорогой. Вдали отъ меня не жди ничего иного, кромѣ безчестія и мрака. Помни, что я не знаю тебя. Быть можетъ, тебя выпустятъ на свободу, ты пойдешь за твоими, будешь побѣжденъ и тогда... или подло убѣжишь или поддашься мести твоихъ враговъ, которые не пощадятъ тебя и будутъ правы.

— Но вы покидаете меня?

— Да, я тебя понялъ. Я пришелъ только для того, чтобы познакомиться съ тобою. Теперь я знаю, кто ты. Я жду тебя у себя дома, но приходи ко мнѣ только измѣнившимся.

- Ахъ, это невозможно! Я не приду.
 — Тогда прощай, — рѣшительно сказалъ Эліасъ.
 — Прощайте, — съ отчаяніемъ повторилъ Лазаро.

Колетилья ушелъ. Молодой человѣкъ не рѣшился удерживать его. Онъ не думалъ, что дядя уйдетъ, пока тотъ не выйдетъ за дверь, которую тюремщикъ заперъ за нимъ на ключъ. Тогда ему захотѣлось вернуть дядю назадъ; онъ крикнулъ, но его не слышали, сталъ стучать кулаками въ дверь, но она не отперлась. Онъ залился горькими слезами и, наконецъ, уступая усталости, снова впалъ въ то мучительное летаргическое состояніе, изъ котораго его вывелъ приходъ дяди.

XVII.

А б б а т ь .

На слѣдующій день въ домѣ трехъ развалинъ собралось шесть человѣкъ: три сенборы Порреньосъ, Клара и двое гостей.

Клара съ ханжой находилась во внутренней комнатѣ, предназначенной для аскетическихъ упражненій. Святая, окончивъ свою умственную молитву, сѣла на табуретъ, положила на колѣни огромную книгу и читала ее, наклонивъ голову на сторону, приподнявъ брови и смиренно скрестивъ руки. Клара сидѣла подлѣ нея, и такъ какъ по своему низкому происхожденію не могла дойти до высшей степени совершенства, то шила, какъ грѣшница, какъ несчастная женщина, не способная къ воспріятію благодати. Ханжа рѣшалась дѣлиться съ ней лишъ видѣніями этой ночи. Затѣмъ, она задавала ей нравственные и теологическіе вопросы, на которые Клара отвѣчала спокойно и съ большимъ здравымъ смысломъ. Но донѣ Паулитъ ни разу не понравились отвѣты ея ученицы; она дѣлала ей выговоры, давала объясненія съ непонятными терминами и, наконецъ, стала упрекать въ невѣжествѣ и ереси.

Вдругъ она прервала свое чтеніе и воскликнула:

— Ахъ, я и забыла одну молитву! Не трудно разсѣяться, выслушивая отъ васъ такіе ужасы. Вы должны измѣнить вашъ образъ мыслей и забыть эти идеи... Но я забыла помолиться за...

— Что вы забыли?—спросила Клара.

— Я забыла прочесть «Отче нашъ» за племянника нашего добраго друга дона Эліаса.

— Господи! Что съ нимъ случилось? — горячо воскликнула Клара, будучи не въ силахъ удержаться.

— Не пугайтесь, сестра, вѣдь онъ не умеръ, — холодно отвѣтила святая.

— Но что же съ нимъ случилось?—повторила Клара, блѣдная и вся дрожа отъ волненія.

— Его посадили въ тюрьму.

— Что же онъ сдѣлалъ?

— Онъ кричалъ и говорилъ на улицахъ и въ клубахъ такія ужасныя, адскія вещи, о которыхъ страшно даже вспомнить. Вчера вечеромъ намъ рассказывалъ донъ Эліасъ все, что сдѣлалъ этотъ безнадежный молодой человѣкъ.

Клара съ минутой не могла произнести ни слова. Неожиданное извѣстіе такъ ее взволновало, что она не рѣшалась даже спрашивать.

— Что нынче за молодые люди, сестра!—продолжала ханжа.— Какая страшная развращенность! Этотъ молодой человѣкъ, должно быть, чудовище. Но мы должны имѣть состраданіе къ павшимъ. Я, конечно, не согласна съ padre Ориженесомъ, который утверждаетъ, что даже дьяволъ можетъ спастись, но надо любить грѣшниковъ и сострадать имъ, хотя бы они были самые нераскаянные и упорные.

— Но что же именно онъ сдѣлалъ?—повторила Клара, всѣми силами стараясь скрыть свое волненіе.

— Я не знаю въ точности, но что-то ужасное... Онъ сдѣлалъ то же, что и другіе теперешніе безбожники. Наше общество погибло. Ну, посмотримъ, сестра, скоро ли вы запомните то, что я говорила вамъ о выспемъ милосердіи.

— И онъ арестованъ?—со страхомъ спросила Клара.

— Да, арестованъ, и его не скоро выпустятъ. Но вы взволнованы, вамъ жаль его, это понятно... Состраданіе къ ближнимъ есть одна изъ добродѣтелей, наиболѣе рекомендуемыхъ Тертуліаномъ. Вы блѣдны, сестра, но это, конечно, отъ состраданія. Я сейчасъ помолюсь.

И, оставивъ книгу, она взяла молитвенникъ и начала молиться.

Клара опустила голову и продолжала шить. Въ залѣ сидѣли донья Марія и Саломэ, а передъ ними почтительно стояли Эліасъ Орехонъ и бывший аббатъ Жиль Карраскоза.

Карраскоза въ качествѣ аббата посѣщалъ съ давнихъ временъ домъ Порреньо вмѣстѣ съ другими духовными лицами высшихъ іерархій. Это былъ очень подвижной человѣкъ, умѣвшій проникнуть въ семью и опутать ее, какъ сѣтями паука. Онъ отличался необыкновеннымъ умѣньемъ устроить какое нибудь празднество, процессію, интригу и былъ, что называется, тонкимъ плутомъ.

Послѣ разоренія онъ нѣсколько отдалился отъ трехъ сеньоръ, навѣщая ихъ лишь время отъ времени и вспоминая былыя времена съ такимъ краснорѣчіемъ и пыломъ, которые не нравились доньѣ Маріи. За послѣдніе дни онъ сталъ бывать у нихъ чаще и началъ почему-то подчеркивать свои дружественныя къ нимъ отношенія. Въ этотъ день онъ пришелъ съ Эліасомъ и, очевидно,

съ какимъ-то серіознымъ намѣреніемъ, потому что былъ одѣтъ приличіе, чѣмъ когда либо. Онъ выложилъ на свою голову двойную порцію помады и завязалъ галстухъ такимъ широкимъ бантомъ, какой, по его мнѣнію, служилъ признакомъ особой эlegantности.

Колетилля явился переговорить съ доньей Маріей о дѣлѣ. Какъ намъ уже извѣстно, въ мезонинѣ дома Порреньясъ была собрана мебель, съ которою эти сеньоры пожалѣли разстаться. Помѣщеніе это было маленькое, низкое и соединялось съ низомъ внутренней лѣстницей. Сеньоры предложили Эліасу занять эту квартиру и столоваться у нихъ. Старикъ былъ польщенъ этимъ предложеніемъ; онъ сообразилъ, что пріобрѣтаетъ такимъ образомъ экономію, удобство и спокойствіе и согласился переѣхать въ качествѣ жильца. Онъ явился теперь именно затѣмъ, чтобъ дать рѣшительный отвѣтъ. Въ цѣнѣ они скоро сошлись.

Когда Колетилля ушелъ, аббатъ собрался заговорить и началъ дѣлать очень разнообразныя гримасы, которыя должны были изображать улыбки. Онъ пришелъ съ цѣлью пригласить трехъ сеньоръ на религіозное празднество, но надо полагать, что помимо этой цѣли у него были заднія мысли.

Какъ только онъ открылъ ротъ, его первый вопросъ былъ о доньѣ Паулитѣ и Кларѣ; затѣмъ онъ сказалъ:

— Я пришелъ предложить вамъ сдѣлать честь вашимъ присутствіемъ празднеству, устраиваемому Братствомъ Страданій и Смерти завтра въ церкви Маравильясъ. Я секретарь Братства, и благодаря мнѣ, устроилось это празднество. Увѣряю васъ, что болѣе блестящаго еще не видано въ столицѣ.

— Оно никогда не сравнится съ тѣмъ, на которомъ мы присутствовали въ 98-мъ году,—сказала Саломэ.

— Въ 93-мъ, а не въ 98-мъ; я помню это такъ хорошо, какъ будто видѣла вчера,—поправила ее донья Марія.

— Говорятъ тебѣ, что въ 98-мъ,—настаивала та.

— Я увѣрена, что въ 93-мъ, когда кузень вернулся съ войны изъ Франціи,—сказала старуха.

— Нѣтъ, въ 98-мъ, Марія, въ 98-мъ,—утверждала Саломэ.— Этому двадцать пять лѣтъ.

— Господи, милая! Увѣряю тебя, что въ 93-мъ. Я прекрасно помню. Мнѣ тогда было... пятнадцать лѣтъ.

— Не все ли равно, сеньоры, годъ тутъ не играетъ роли,—сказалъ Каррасказа, желая переимѣнить этотъ опасный разговоръ. Затѣмъ онъ прибавилъ: — благодаря моей энергіи, мы собрали слишкомъ двѣ тысячи реаловъ. У насъ будетъ обѣдня съ соборнымъ оркестромъ, и радге Лоренцо де Сото прочтетъ проповѣдь, а вѣдь это несравненный проповѣдникъ.

— О, не говорите мнѣ о немъ!—воскликнула Саломэ, закрывая лицо руками,—это развращенный слѣпецъ, увлекающійся нынѣшними идеями. Послѣ того какъ либералы сдѣлали его викарнымъ въ Асторѣ, онъ подпалъ подъ власть дьявола. Мнѣ казалось, что я умираю, когда я услышала, какъ онъ проповѣдывалъ въ церкви Санъ Луисъ о необходимости примиренія съ тѣми, которые возмущаютъ наше отечество. Какъ могъ дойти до подобнаго крайняго развращенія такой умный и ученый человѣкъ, какъ радре Лоренцо де Сото?

— Сеньора, я настаиваю на томъ, что это великій проповѣдникъ,—возразилъ ей Карраскоза.—Въ 1812 году онъ, какъ вамъ извѣстно, былъ избранъ депутатомъ кортесовъ. Затѣмъ онъ былъ осыпанъ великими милостями короля, и въ его пользу достаточно сказать, что это онъ открылъ заговоръ Порлье. Затѣмъ, въ 20-мъ году онъ объявилъ себя врагомъ конституціи, что очень похвально, такъ какъ иначе онъ лишился бы прихода. Но дѣло не въ томъ, а въ томъ, что завтра онъ говоритъ проповѣдь. Будутъ присутствовать нѣсколько Братствъ и монастырскія дѣти.

— Ахъ, донъ Жиль!—воскликнула донья Марія съ видомъ глубокаго отчаянья.—Какъ вы рѣшаетесь водить по улицамъ невинныхъ малютокъ въ такія времена? Они навѣрное предпочли бы не выходить изъ монастыря, чтобъ не видѣть всѣхъ ужасовъ, какіе дѣлаютъ мужчины.

— Могу васъ увѣрить, что они никогда не жаловались на прогулку,—возразилъ аббатъ съ дьявольски-иронической улыбкой.—Это шествіе составляетъ главную красоту процессіи. Пойдетъ четырнадцать дѣвочекъ, въ бѣлыхъ платьяхъ, съ вѣнками изъ розъ на головѣ и со свѣчами въ рукахъ.

— Мнѣ не нравятся эти процессіи, — недовольнымъ тономъ сказала донья Марія. — Это слишкомъ свѣтская вещь. Мужчины ходятъ туда только для того, чтобъ смотрѣть на молодыхъ дѣвушекъ, а дѣвочки, которыя несутъ свѣчи, идутъ лишь для того, чтобы на нихъ смотрѣли, и меньше всего думаютъ о святыхъ и Богѣ. Это перешло къ намъ изъ Франціи, донъ Жиль. Прежде здѣсь не дѣлалось такихъ безнравственностей, и наступитъ день, когда исчезнутъ эти скандальные нравы.

Гнусавый голосъ доньи Паулиты, находившейся въ смежной комнатѣ, раздался въ залѣ, какъ бы въ доказательство того, что святая, даже и молясь, слышитъ, о чемъ тамъ говорятъ.

— Ахъ,—воскликнула она, возвышая голосъ, — не говорите мнѣ, донъ Жиль, объ этихъ свѣтскихъ дѣвушкахъ, участвующихъ въ процессіяхъ! Что это за дѣвушки, которыя идутъ съ розовыми вѣнками и свѣчами въ рукахъ? Я однажды видѣла это и тотчасъ же принуждена была исповѣдаться, чтобы раскаться въ овладѣвшемъ мною гнѣвѣ. Что это за скандалъ, Боже мой! До чего это насъ доведетъ?

— Но, сеньоры, — сказалъ Карраскоза, — я совершенно согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ, хотя и нахожу въ этихъ процессіяхъ много патетическаго и религіознаго. Во всякомъ случаѣ она уже составлена, и надо довести ее до конца. Мы нашли молодыхъ дѣвушекъ, но намъ не хватаетъ пяти. Завтра празднество, и если мы не найдемъ этихъ пяти, то все разстроится. Такая досада! Вы не знаете, какъ трудно было ихъ найти, за то мы нашли очень красивыхъ.

— Сеньоръ донъ Жиль, ради Бога! — произнесла Саломэ тономъ сеньориты, порицающей смѣлость ея поклонника.

— Что же тутъ особеннаго, сеньора? Если Богъ сдѣлалъ ихъ красивыми, то чѣмъ же мы виноваты? Но мнѣ не хватаетъ пяти. За этимъ-то я и пришелъ сюда.

— За этимъ-то вы и пришли сюда! — воскликнула донья Марія, широко раскрывъ глаза.

— За этимъ-то вы и пришли сюда! — прошептала Саломэ и легкая краска появилась на ея щекахъ.

Обѣ развалины переглянулись. Этотъ мимолетный взглядъ былъ ужасенъ; казалось, тетка и племянница хотѣли этимъ взглядомъ уничтожить одна другую.

Глубокій и отдаленный вздохъ выразилъ изумленье доньи Паулиты.

— Да, я пришелъ узнать, не согласитесь ли вы...

Круглое, полное лицо доньи Маріи вспыхнуло, а Саломэ подняла глаза къ небу.

— Въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго, сеньоры, ровно ничего особеннаго, наоборотъ...

— Сеньоръ донъ Жиль! — произнесла Саломэ съ волненіемъ.

— Сеньоръ донъ Жиль! — величественно воскликнула ея тетка. Бывшій аббатъ сообразилъ, что его не такъ поняли.

— Я сейчасъ объяснюсь... — воскликнулъ онъ.

— Объяснитесь, — сказала Саломэ съ такою неожиданною и непонятною любезностью, которой отъ нея трудно было ожидать.

Донья Марія сидѣла нахмурившись.

— Я хочу сказать, — продолжалъ аббатъ, кашлянувъ два или три раза, — что я пришелъ узнать, не согласитесь ли вы, чтобъ эта молодая дѣвушка... эта дѣвушка, которой вы покровительствуете...

У Саломэ сдѣлался приступъ конвульсивнаго кашля и лицо покрылось яркими пятнами отъ разочарованья. Донья Марія начала старательно тереть себѣ глаза, какъ будто засорила его, а изъ смежной комнаты послышался голосъ доньи Паулиты, читавшей какую-то молитву.

— Эту молодую дѣвушку, — продолжалъ Карраскоза, — которую зовутъ... я не помню ея имени, ну, словомъ эту хорошенькую скромную дѣвушку... Она, несомнѣнно, будетъ красивѣе всѣхъ въ процессіи...

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческія матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ФРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
СЕНТЯБРЬ, 1900

СОДЕРЖАНІЕ.

СЕНТЯВРЬ, 1900 г.

	СТРАН.
I. Въ годину бѣдствій. XXI—XXII. (Продолженіе). Н. И. Мердеръ	761
II. Воспоминанія о М. С. Щепкинѣ. XVIII—XXIII. (Окончаніе). М. А. Щепкина	798
III. Дочь Петра Великаго. III—IV. (Продолженіе). В. А. Тимирязева .	825
IV. Изъ прошлаго Казанскаго университета. Профессора Н. П. Загоскина	859
V. Изъ воспоминаній стараго лейбъ-егеря. Г. В. Карцова	881
VI. Изъ воспоминаній о Московскомъ Александровскомъ институтѣ. Ф. Л.	894
VII. Въ военно-походномъ госпиталѣ. (Изъ писемъ съ театра войны 1877—1878 гг.).	907
VIII. Къ характеристикѣ архіепископа Доната. Н. Книгинскаго	936
IX. Изъ поѣздки въ Манчжурію. М. Грулева	945
X. Городъ Лубны. Историческій очеркъ. К. П. Бочкарева	973
иллюстраціи: 1) Полтавскій спускъ.—2) Полтавская улица.—3) Долина р. Лубянки.—4) Замковая гора.	
XI. Новое изданіе стихотвореній Фета. Б. В. Никольскаго	991
XII. Иностранцы о Россіи. Баронъ де-Барантъ и Николай I. В. Т.	1004
XIII. При дворѣ императора въ Суракартѣ (Соло. Центральная Ява). II. (Окончаніе). М. М. Бакунина	1026
XIV. Очерки американской дѣйствительности. Сановники и чиновники страны свободы. (Окончаніе). Е. Правдина	1045
XV. Критика и библиографія	1081

1) Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина. Т. III и IV. Спб. 1899 и 1900. Д. Корсанова. — 2) К. В. Харламовичъ. Иосифъ Курцевичъ, архіепископъ суздальскій, бывшій владимирскій и брестскій (1621—1624). Почаевъ. 1900. X. P. А—вѣча. — 3) Сборникъ правилъ по обезпеченію народнаго продовольствія. Выпускъ первый. Составилъ Г. Г. Савичъ. Изданіе неофіціальное. Спб. 1900. Е. Ш.—4) Сборникъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Выпускъ 7-й. Изданіе комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. Москва. 1900. Ц. — 5) В. В. Сиповскій. Н. М. Карамзинъ, авторъ «Писемъ русскаго путешественника». Спб. 1899. А. Бороздина. — 6) Вольтеръ. Шесть лекцій Давида Фридриха Штрауса. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1900. П. А—ча.—7) Н. Карѣевъ. Учебная книга новой исторіи. Съ историческими картами. Спб. 1900. Его же. Забѣтки о преподаваніи исторіи въ средней школѣ. Спб. 1900. П. К. — 8) Проф. В. Ключевскій. Краткое пособіе по русской исторіи. Москва. 1900. А. н.— 9) Рязанская ученая архивная комиссія. Писовыя книги Рязанскаго края. Подъ редакціей члена комиссіи В. Н. Сторожева, Т. I. Выпускъ 2-й. Рязань. 1900. В. Р—ва.—10) Другъ семьи. Мать-воспитательница. Спб. 1900.—я.—11) Западно-европейскій эпосъ и средневѣковой романъ въ пересказахъ и сокращенныхъ переводахъ съ подлинныхъ текстовъ О. Петерсонъ и Е. Валобановой въ трехъ томахъ. Спб. 1900. И.—12) М. Сперанскій. Третьяки. (Изъ исторіи отреченной литературы). Спб. 1900 г. И.—13) Извѣстія Калужской ученой архивной комиссіи. 1899 годъ. Выпускъ III. Калуга. 1900. Ц. — 14) В. Я. Смирновъ. Жизнь и поэзія Н. М.

См. слѣд. стр.

Языкова. Критико-біографическое изслѣдованіе. Пермь. 1900. Пещ. — 15) Записки графини В. Н. Головиной (1766—1819). Пер. съ франц. подъ ред. и съ примѣч. Е. С. Шушигорскаго. Съ 3 портр. Сиб. 1900 ш. — 16) Русская словесность съ XI по XIX столѣтіе включительно. Библиографическій указатель произведеній русской словесности въ связи съ исторіей литературы и критикой. Книги и журнальныя статьи. Составила А. В. Мезіеръ. Часть I. Русская словесность съ XI по XVIII в. Сиб. 1899. с. п.

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 1109

1) Новые труды по византійской исторіи. — 2) Одинъ изъ предшественниковъ реформации въ Италиі. — 3) Первый французъ, осмѣлившійся самостоятельно мыслить. — 4) Четвертая серія очерковъ патологической исторіи. — 5) Свобода печати во Франціи. — 6) Байронъ въ Венеціи. — 7) Національный англійскій біографическій словарь. — 8) Былъ ли художникомъ сумасшедшій баварскій король. — 9) Смерть Нитцше. — 10) Научныя работы католическихъ миссіонеровъ въ Китаѣ. — 11) Нѣмецкая книга о русской политикѣ въ Восточной Азиі. — 12) Вользнь китайскаго императора.

XVII. Смѣсь 1134

1) Семисотлѣтіе Успенскаго Княгинина монастыря. — 2) Памятникъ Александру II въ Калишѣ. — 3) Памятникъ И. С. Никитину. — 4) Царицѣнская городская бібліотека. — 5) Бібліотека Д. Г. Бибикова. — 6) Суворовскій музей. — 7) Автографъ Писемскаго. — 8) Новыя археологическія раскопки. — 9) Кладъ въ Москвѣ. — 10) Крутицкая церковь. — 11) Прикубанскій край и его изученіе. — 12) Раскопки въ Угличскомъ кремлѣ.

XVIII. Некрологи 1144

1) Анастасьевъ, А. К. — 2) Волковъ, Л. П. — 3) Вольфъ, О. Л. — 4) Джаншиевъ, Г. А. — 5) Дубовенко, Г. В. — 6) Коргуевъ, Н. А. — 7) Левитанъ, И. И. — 8) Ливдеманъ, Э. Э. — 9) Соловьевъ, В. С. — 10) Стояновскій, Н. И. — 11) Шейнъ, П. В.

XIX. Замѣтки и поправки 1152

Къ воспоминаніямъ объ Е. П. Гребенкѣ, А. Сурожневскаго.

XX. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ императрицы Елисаветы Петровны. — 2) Желанный король. Историческій романъ Переса Гальдоса. Переводъ съ испанскаго Ек. Уманецъ. Гл. XVIII—XXIV. (Продолженіе).

СОДЕРЖАНІЕ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ПЕРВАГО ТОМА.

(ЮЛЬ, АВГУСТЪ и СЕНТЯБРЬ 1900 года).

	СТРАН.
Въ годину бѣдствій. XVI—XXII. (Продолженіе). Н. И. Мердеръ	5, 377, 761
Воспоминанія С. М. Загоскина . XIV—XVII. (Окончаніе)	36, 416
Недавняя старина. Забытая деревня. (Изъ воспоминаній моего отца). Р. Л. Марнова	62
По барабану. (Изъ воспоминаній юнкера). А. И. Лемана	72
Враждующій аулъ. (Изъ записокъ маленькаго администратора). М. В. Дандевиля	92
Гибель отряда Рукина въ 1870 году. В. А. Потто	110
Восемь лѣтъ на Сахалинѣ; L—LVII. (Окончаніе). И. П. Миролюбова	136
иллюстраціи: 1) Богадѣльня на Сахалинѣ.—2) Горѣлая тайга.—3) Домъ военнаго губернатора на о. Сахалинѣ.—4) Пристань у Владимировскаго рудника; каторжные грузятъ уголь.—5) Владимировскій тюремный руд- никъ.—6) Штольни Владимировскаго рудника.—7) Путь Дуэ.	
На верхней Волгѣ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ 1897 г.). Н. Н. О.	170
Забытая писательница. И. Данилова	193
Великорусская народная пѣсня и ея изученіе. А. К. Бороздина	206
Иностранцы о Россіи. (I. Воспоминанія генерала ванъ-Дедема о кампаніяхъ 1812 и 1813 гг.—II. Баронъ де-Барантъ и Николай I). В. Т. 219, 1004	
Очерки армериканской дѣйствительности. Сановники и чиновники страны свободы. Е. Правдина	244, 667, 1045
Воспоминанія о М. С. Щепкинѣ. М. А. Щепкина	435, 798
Изъ воспоминаній о Леонидѣ Николаевичѣ Майковѣ. Д. А. Корсакова	466
Сутки на ординарцахъ у Скобелева. Е. К.	478
Дочь Петра Великаго. I—IV. В. А. Тиимрязева	485, 825
Туркменскій судъ. А. П. Андреева	524
Очеркъ театральной цензуры двухъ эпохъ (1801—1856 гг.). Барона Н. В. Дризена	556
Казанскіе поэты. Б. Н. Агаѳонова	586

Въ Эстонской Швейцарин. (Наброски случайнаго туриста). М. Н. С.	599
Ольговъ монастырь. Н. Александрова	624
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Ольговъ монастырь со стороны Оки. Старый Успенскій соборъ.—2) Храмъ Святой Троицы въ Ольговомъ монастырь.	
Новый крестьянскій памятникъ въ царствѣ Польскомъ. Г. А. Воробьева	636
<i>Иллюстрація:</i> Крестьянскій памятникъ близъ деревни Ольшево Ложинской губерніи.	
При дворѣ императора въ Суракартѣ. (Соло). (Центральная Ява). I. М. М. Банунина	639, 1026
Изъ прошлаго Казанскаго университета. Н. П. Загоскина	859
Изъ воспоминаній стараго лейбъ-егеря. Г. В. Карцева	881
Изъ воспоминаній о Московскомъ Александровскомъ институтѣ. Ф. Л.	894
Въ военно-походномъ госпиталѣ. (Изъ писемъ съ театра войны 1877—1878 гг.).	907
Къ характеристикѣ архіепископа Доната. Н. Княгиницаго	936
Изъ поѣздки въ Манчжурію. М. Грулева	945
Городъ Лубны. Историческій очеркъ. К. П. Бочкарева	973
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Полтавскій спускъ.—2) Полтавская улица. — 3) Долина рѣки Лубянки.—4) Замковая гора.	
Новое изданіе Фета. Б. В. Никольскаго	991
КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ	268, 684, 1081

1) Н. П. Гиляровъ-Платоновъ. Сборникъ сочиненій. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. Т. I и II. Москва. 1899—1900. Б. Никольскаго. — 2) Извѣстія Русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. Т. IV. Выпускъ 2. Софія. 1899. С. — 3) А. Малейнъ. Марціалъ. Изслѣдованія въ области рукописнаго преданія поэта и его интерпретаціи. Спб. 1900. Б. Никольскаго.—4) Н. В. Муравьевъ. Изъ прошлой дѣятельности. Два тома. Спб. 1900. А. н—аго.—5) Н. И. Пантюховъ. Расы Кавказа. Тифлисъ. 1900. А. Хах—ова.—6) Ф. Браунъ. Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній. I. Готы и ихъ сосѣди до V вѣка. Первый періодъ. Готы на Вислѣ. Спб. 1899. Б. А.—7) Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ въ митрополиту московскому Филарету, изданныя А. Н. Львовымъ. Спб. 1900. в. Б.—8) Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссіи. Т. I. Книжнень. 1900. в. Рудакова.—9) Ч. М. Эндрыосъ. Историческое развитіе современной Европы: отъ Вѣнскаго конгресса до нашего времени. Т. I и II. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1900. п. К—аго.—10) А. А. Васильевъ. Византія и арабы. Политическія отношенія Византіи и арабовъ за время аморійской династіи. Спб. 1900. С.—11) Адольфъ Гаусратъ. Средневѣковыя реформаторы. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей Э. Л. Радлова. Томы I и II-й. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1900. А. н—ва.—12) England in the age of Wycliffe. By George Macaulay Trevelyan. London. 1899. в. н.—13) III. Летурно. Эволюція воспитанія у различныхъ человѣческихъ расъ. Спб. 1900. А. н—ова.—14) М. А. Энгельгардтъ. Прогрессъ, какъ эволюція жестокости. Популярно-экономическая бібліотека. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1900. д. Е.—15) Охотско-Камчатскій край. Д-ръ Н. Слюнчизъ. Изданіе министерства финансовъ. Спб. 1900. А. Фаресова.—16) А. И. Фаресовъ. Мои мужики. Очерки и рассказы. Спб. 1900. А. Круглова.—17) Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, въ 12-ти томахъ, подъ редакціей и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Т. I. Спб. 1900. д. Корсанова.—18) Фердинандъ Грегоровіусъ. Исторія города Авинь въ среднее вѣка. Отъ эпохи Юстиніана до турецкаго завоеванія. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1900. С.—19) Ванъ-Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа. Томъ второй. Переводъ съ франц. подъ редакціей Э. Л. Радлова. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1900. н.—20) Ferdynand Hoesick. Szkice i opowiadania historyczno-literackie. Warszawa—Kraków. 1900. н. X.—21) Remarques sur la parenté

de la langue étrusque. Par Vilh. Thomsen. (Extrait du bulletin de l'académie royale des sciences et des lettres de Danemark, 1899, № 4. Copenhagen. 1899. А. Хах—ова.—22) Actes du onzième congrès international des orientalistes. Paris. 1897. Ernest Leroux, editeur. Paris. 1897—1899. Четыре тома. А. Хах—ова.—23) Сочинения В. Д. Спасовича. Томъ IX. Спб. 1900. А. С—ва.—24) А. А. Сидоровъ. Русскіе и русская жизнь въ Варшавѣ (1815—1895). Историческій очеркъ, со снимками съ картинъ, портретовъ и медалей. Варшава. 1899. Выпуски I, II и III. Д. В—ча.—25) Буассье Гастонъ. Г-жа де-Севины. Москва. 1900. А. С—ва.—26) Вологжане-писатели. (Материалъ для словаря писателей, уроженцевъ Вологодской губернии). Составилъ Пр. Дилакторскій. Вологда. 1900. А. Круглова.—27) Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей. Д. Д. Языкова. Выпускъ восьмой. Русскіе писатели, умершіе въ 1888 году. Москва. 1900. Б. Городецкаго.—28) Etude sur la langue laze. Par M. H. Adjarian. (Extrait des Mémoires de la Société de linguistique de Paris, t. X). Paris. 1899. А. Хах—ова.—29) А. В. Сторожко. Очерки переяславской старины. Ислѣдованія, документы и замѣтки. Кіевъ. 1900 г. В. Руданова.—30) Харьковский университетскій сборникъ въ память А. С. Пушкина. (1799—1899). Харьковъ. 1900. В. Р—ва.—31) И. Фолькельтъ. Современные вопросы эстетики. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Штрупа. Изданіе редакціи журнала «Образованіе». Спб. 1900. Д. К. Е—ва.—32) К. К. Крафтъ. Изъ киргизской старины. Оренбургъ. 1900. В. Р—ва.—33) Дж. Гобсонъ. Авторъ «Эволюціи современнаго капитализма». Проблемы бѣдности и безработицы. Изданіе О. Н. Половой. Спб. 1900. А. Минтинскаго.—34) Сочиненіе Фр.-М. Вольтера. Кандидъ или оптимизмъ. Переводъ съ французскаго П. Н. Скачилова. Изданіе товарищества «Книговъдъ». Спб. 1900. С. п.—35) Собраніе сочиненій И. А. Голышева. Подъ редакціей А. Э. Мазьмгерена. Томъ первый. Выпускъ второй. Спб. 1899. С. п.—36) Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина. Томы III и IV. Спб. 1899 и 1900. Д. Морсанова.—37) К. В. Харламповичъ. Иосифъ Курцевичъ, архіепископъ сурдальскій, бывший владимирскій и брестскій (1621—1624). Почаевъ. 1900. Х. Р. А—вича.—38) Сборникъ правилъ по обезпеченію народнаго продовольствія. Выпускъ первый. Составилъ Г. Г. Савичъ. Изданіе неофициальное. Спб. 1900. Е. Ш.—39) Сборникъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Выпускъ 7-й. Изданіе комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. Москва. 1900. Щ.—40) В. В. Сиповскій. П. М. Карамзинъ, авторъ «Исемъ русскаго путешественника». Спб. 1899. А. Бороздина.—41) Вольтеръ. Шесть лекцій Давида-Фридриха Штрауса. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1900. П. А—ча.—42) Н. Каръевъ. Учебная книга новой исторіи. Съ историческими картами. Спб. 1900. Его же. Замѣтки о преподаваніи исторіи въ средней школѣ. Спб. 1900. П. н.—43) Проф. В. Ключевскій. Краткое пособіе по русской исторіи. Москва. 1900. А. н.—44) Рязанская ученая архивная комиссія. Цисцовыя книги Рязанскаго края. Подъ редакціей члена комиссіи В. Н. Сторожева. Томъ I. Выпускъ 2. Рязань. 1900. В. Р—ва.—45) Другъ семьи. Мать—воспитательница. Спб. 1900.—я.—46) Западно-европейскій эпосъ и средневѣковой романъ въ пересказахъ и сокращенныхъ переводахъ съ подлинныхъ текстовъ О. Петерсонъ и Е. Валобановой въ трехъ томахъ. Спб. 1900. н.—47) М. Сперанскій. Третьяки. (Изъ исторіи отреченной литературы). Спб. 1900. н.—48) Извѣстія Калужской ученой архивной комиссіи. 1899 годъ. Выпускъ III. Калуга. 1900. Щ.—49) В. Я. Смирновъ. Жизнь и поэзія Н. М. Языкова. Критико-биографическое изслѣдованіе. Пермь. 1900. пещ.—50) Записки графини В. Н. Головиной (1766—1819). Переводъ съ франц. подъ ред. и съ примѣч. Е. С. Шумигорскаго. Съ 3 портр. Спб. 1900. ш.—51) Русская словесность съ XI по XIX столѣтіе включительно. Библиографическій указатель произведеній русской словесности въ связи съ исторіей литературы и критикой. Книжки и журнальныя статьи. Составила А. В. Мезіерь. Часть I. Русская словесность съ IX по XVIII в. Спб. 1899. С. п.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ и МЕЛОЧН . . 303, 719, 1109

1) Юбилей Гуттенберга.—2) Четырехсотлѣтіе Бразиліи.—3) Новые труды по исторіи Испаніи и Голландіи.—4) Чудовищный глотокъ. спасшій городъ Ротенбургъ.—5) Англо-французскій союзъ въ XVII вѣкѣ.—6) Вторая серія очерковъ патологической исторіи.—7) Развѣчиваніе Веллингтона.—8) Мемуары графа Монталива и Кювилье-Флері.—9) Наполеонъ IV.—10) Коляя Линкольна, какъ избирательное орудіе.—11) Засѣданія англо-русскаго литературнаго общества въ 1900 году.—12) Смерть мистрисъ Гладстонъ и принца Жуанвилскаго.—13) Убіеніе посланниковъ въ Раштаттѣ.—14) Судьбы герцогини Беррійской.—15) Китайская императрица регентша.—16) Годовые итоги исторической литературы.—17) Омаръ Хайямъ и его

1*

культъ въ Англіи и Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.—18) Третья серия очерковъ патологической исторіи.—19) Конецъ общества.—20) Герцогиня Кингстонъ.—21) Столѣтній юбилей Маренго.—22) Генераль Фуа.—23) Современный Тамерланъ.—24) Тайныя общества въ Китаѣ.—25) Смерть итальянскаго короля Гумберта I.—26) Виновики смерти Лавуазье.—27) Люсьенъ Бонапартъ и его поэма.—28) Лэди Эсэиръ Стенгопъ, «царица Тадмора».—29) Попытка реформъ въ Китаѣ.—30) Новые труды по византійской исторіи.—31) Одинъ изъ предшественниковъ реформаціи въ Италиі.—32) Первый французъ, осмѣлившійся самостоятельно мыслить.—33) Четвертая серия очерковъ патологической исторіи.—34) Свобода печати во Франціи.—35) Вайронъ въ Венеціи.—36) Національный англійскій біографическій словарь.—37) Былъ ли художникомъ сумасшедшій баварскій король?—38) Смерть Нитцше.—39) Научныя работы католическихъ миссіонеровъ въ Китаѣ.—40) Нѣмецкая книга о русской политикѣ въ Восточной Азіи.—41) Болѣзнь китайскаго императора.

СМБСЬ 331, 749, 1134

1) Памятникъ Екатерины II въ Одессѣ.—2) Суворовскій юбилей.—3) Волковскій юбилей.—4) Диспутъ Н. А. Рожкова.—5) Диспутъ Э. Д. Гримма.—6) Диспутъ И. М. Гревса.—7) Диспутъ Д. Айналова.—8) Московское археологическое общество.—9) Археологическое общество.—10) Общество любителей древней письменности.—11) Русское общество дѣателей печатнаго дѣла.—12) Славянское благотворительное общество.—13) Географическое общество.—14) Сохраненіе древнихъ памятниковъ.—15) Присужденіе премій митрополита Макарія.—16) Присужденіе премій императора Петра Великаго.—17) 400-лѣтній юбилей Супрасльскаго монастыря.—18) Историческій музей во Владимирѣ на Клязьмѣ.—19) Памятникъ на мѣстѣ мученической кончины митрополита Макарія.—20) Пушкинская бібліотека.—21) Общество востоконѣднѣя.—22) Археологическія мелочи.—23) Семисотлѣтіе Успенскаго Княгинина монастыря.—24) Памятникъ Александру II въ Калитѣ.—25) Памятникъ И. С. Никитину.—26) Царицынская городская бібліотека.—27) Суворовскій музей.—28) Новая археологическія раскопки.—29) Кладъ въ Москвѣ.—30) Крутицкая церковь.—31) Прикубанскій край и его изученіе.—32) Раскопки въ Угличскомъ кремлѣ.

НЕКРОЛОГИ 366, 756, 1144

1) Вакуинъ, Н. А.—2) Воронцовъ, В. Е.—3) Ермаковъ, И. В.—4) Ингенцкій, И. В.—5) Митрополитъ Іоаннѣй.—6) Юнѣвъ, А. С.—7) Каленовъ, П. А.—8) Ковако, А. Н.—9) Лебедевъ, П. А.—10) Мальмъ, В. Г.—11) Митровичъ, П. П.—12) Гр. Муравьевъ, М. Н.—13) Первушинъ, И. В.—14) Станишевъ, К. Н.—15) Сутугинъ, В. В.—16) Алафузовъ, С. К.—17) Андерсъ, Э. Э.—18) Введенскій, А. А.—19) Жявотовъ, Н. Н.—20) Орлова, П. И.—21) Стрѣльбицкій, И. А.—22) Урусовъ, А. И.—23) Фидличенко, А. Е.—24) Шебуевъ, Г. Н.—25) Экземпларскій, А. В.—26) Анастасьевъ, А. К.—27) Волковъ, Л. П.—28) Вольфъ, О. Л.—29) Джаншѣвъ, Г. А.—30) Дубоенко, Г. Е.—31) Коргуевъ, Н. А.—32) Левитанъ, И. И.—32) Линдеманъ, Э. Э.—34) Соловьевъ, В. С.—35) Стояновскій, Н. И.—36) Шейнъ, П. В.

ЗАМѢТКИ и ПОПРАВКИ 375, 1152

1) Къ воспоминаніямъ С. М. Загоскина, Н. Погонева.—2) Къ запискамъ барона В. И. Штейнгеля. А. Смирнова.—3) Къ воспоминаніямъ объ Е. П. Гребенкѣ, А. Суромскаго.

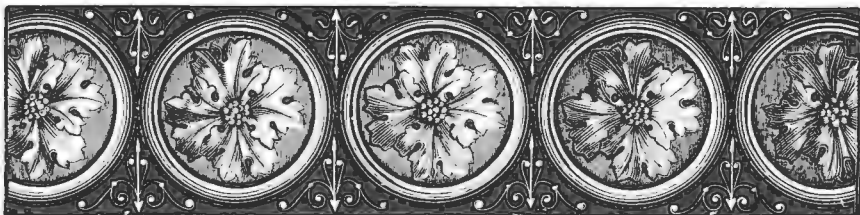
ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты Сергѣя Михайловича Загоскина, Михаила Семеновича Щецкина и императрицы Елисаветы Петровны.—2) Желанный король. Историческій романъ Переса Гальдоса. Переводъ съ испанскаго **Ен. Уманецъ**. Гл. VI—XXIV. (Продолженіе).

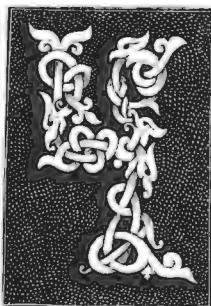
ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. 26 АВГУСТА 1900 Г. СІБ.

ВЪ ГОДИНУ БѢДСТВІЙ¹⁾.

XXI.

ТО ПРОИЗОШЛО, когда насъ окружила толпа солдатъ съ страшно возбужденными лицами, изъ которыхъ каждый казался дикимъ звѣремъ, кидавшимся на насъ съ цѣлю разорвать въ клочки, я ужъ потому не могу описать, что отъ ужаса почти потеряла сознание, и еслибъ, заслоняя меня своимъ тѣломъ отъ протягивавшихся ко мнѣ со всѣхъ сторонъ рукъ, Степанида не поддержала меня, я не устояла бы на ногахъ.

Помогло мнѣ также прийти въ себя и то обстоятельство, что въ первую минуту я очутилась на второмъ планѣ. Дѣвушка, и къ тому же красивая, заинтересовала враговъ несравненно больше крестьянскаго мальчика, какимъ я передъ ними предстала, пряча свое лицо за спиной моей подруги, къ которой со всѣхъ сторонъ пригибались закоптѣлыя отъ пороха и дыма лица, съ сверкающими жаднымъ любопытствомъ глазами.

Схватившій меня солдатъ, не выпуская меня изъ рукъ, тоже вытягивалъ шею, чтобъ разглядѣть лицо моей спутницы, жалобно и громко молившей о пощадѣ.

— Пустите насъ... взять съ насъ нечего... Мы съ братомъ бѣдные крестьяне, отстали отъ своихъ, — повторяла она, пытаясь вырваться изъ держащихъ ее рукъ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXI, стр. 377.
«Истор. вѣстн.», сентябрь, 1900 г., т. LXXXI.

— Qu'est-ce qu'elle nous chante? Подойди сюда, Франсуа, ты, кажется, немножко понимаешь ихъ собачій языкъ!

Овладевшій мною солдатъ, таща меня за собой, двинулся впередъ.

Разсвѣтало, и при бѣлесоватомъ свѣтѣ занимавшейся зари я стала озираться на тѣснившіяся вокругъ насъ лица, отыскивая между ними такое, которое внушило бы мнѣ довѣріе. Такому бы я, кажется, открылась, заговорила бы съ нимъ на его языкѣ, и кто знаетъ, это, можетъ быть, такъ бы на нихъ подѣйствовало, что они бы насъ отпустили.

Но такого лица между ними не оказывалось. Всѣ были страшно возбуждены, у всѣхъ зловѣще сверкали глаза, лица и руки были перепачканы кровью, и многіе были ранены. У одного кровь текла изъ разрубленной щеки, другой поддерживалъ раненую руку, третій долженъ былъ безпрестанно вытирать кровь, струившуюся ему на глаза изъ раны на головѣ и мѣшавшую ему смотрѣть.

Тотъ, котораго подозревали, какъ умѣвшаго объясняться порусски, заговорилъ на странномъ нарѣчїи, изъ котораго мы могли одно только заключить, что мы можемъ при нихъ совершенно свободно объясняться, не опасаясь быть понятыми.

Степанида этимъ воспользовалась, чтобъ мнѣ сказать, чтобъ я не вздумала бѣжать.—Сейчасъ словятъ и убьютъ!

А меня вдругъ осѣнила блестящая мысль.

— Je suis français! — вскричала я, выступая впередъ.

Слова эти произвели поразительное дѣйствіе. Всѣ меня окружили и, не спуская съ меня полного жгучаго любопытства взгляда, стали наперерывъ закидывать вопросами: Кто я? Какъ сюда попалъ? и проч. и проч.

Я отвѣчала, что зовутъ меня Шарль де-Сабри, что всѣ мои родные погибли на эшафотѣ, и что я воспитывалась въ домѣ русскаго князя, друга моего отца.

Къ этому я прибавила повѣствованіе о постигшихъ насъ бѣдствїяхъ въ монастыряхъ, гдѣ мы искали убѣжища, и наконецъ здѣсь.

И откуда только взялся у меня такой блестящій даръ импровизации? Не только обдумывать, но даже и вникать въ смыслъ произносимыхъ мною словъ, я была не въ силахъ, они срывались съ моего языка безсознательно, точно подсказываемыя какимъ-то таинственнымъ духомъ.

— А кто же эта женщина? — спросилъ одинъ изъ моихъ слушателей, указывая на Степаниду, которая, услыхавъ, что я заговорила пофранцузски, въ первую минуту обезумѣла отъ ужаса, вообразивъ, что я съ ума сошла, но по мѣрѣ того, какъ лица моихъ слушателей прояснились, она успокоилась и поняла, что намѣреніе мое внушить имъ довѣріе удастся.

— Это одна изъ служанокъ моего благодѣтеля, русскаго князя,— отвѣчала я. — Самъ онъ на войнѣ, а насъ, съ младшимъ своимъ сыномъ, отправилъ въ деревню въ дорожной каретѣ, съ большою свитой и съ обозомъ, но все это разграбили, а маленькій князь, порученный нашимъ попеченіямъ, отсталъ отъ насъ въ суматохѣ при нашемъ нападеніи, и мы искали его, когда вы насъ схватили.

— Да, у насъ тутъ была стычка съ русскими, а теперь мы разыскиваемъ обозъ съ провіантомъ. Лазутчикъ намъ сказалъ, что съ ними была фура съ провіантомъ, но ея-то и не видно.

— Барышня, скажите имъ, что я знаю, гдѣ эта фура, — сказала Степанида, которая по двумъ, тремъ понятнымъ ей словамъ догадалась, въ чемъ дѣло.

— Что она говоритъ?—спросилъ офицеръ, подозрительно косясь на мою спутницу.

— Она говоритъ, что знаетъ, гдѣ найти эту фуру.

— Такъ спросите у нея, въ какую сторону намъ за нею итти.

Мнѣ только того и нужно было, чтобъ перекинуться нѣсколькими словами со Степанидой, которую я немедленно посвятила въ задуманный планъ выдавать себя за француза все время, что мы будемъ съ ними.

— Дай только Богъ, чтобъ они какъ нибудь не догадались, что вы дѣвица!—замѣтила она.—А что я имъ про фуру сказала, такъ вы не удивляйтесь, скорѣе намъ довѣряйтесь, когда увидятъ, что мы имъ угодить хотимъ. Да и къ чему добру зря пропадать, вѣдь нашимъ все равно имъ не воспользоваться!

Я поспѣшила имъ сказать, что спутница моя берется показать имъ то мѣсто, гдѣ стоитъ фура, и поручилась за нее, что она не будетъ пытаться меня покинуть.

Посовѣтовавшись между собою, они рѣшили пустить ее впередъ, а сами, окруживъ меня со всѣхъ сторонъ, послѣдовали за нею, не переставая меня спрашивать про домъ моего благодѣтеля въ Москвѣ, про то, вывезены ли изъ него всѣ сокровища, и, наконецъ, одинъ изъ нихъ, въ которомъ не трудно было признать начальника, и по мундиру его, и по обращенію съ прочими, и по манерамъ, много изыщнѣе, чѣмъ у другихъ, спросилъ меня:

— А согласитесь вы служить намъ въ Москвѣ проводникомъ, если мы васъ возьмемъ съ собой?

Я отвѣчала утвердительно.

— Отлично! Мы, значить, отведемъ васъ къ полковнику, который будетъ очень радъ воспользоваться вашими услугами... Но только вотъ что я вамъ посоветую,—продолжалъ онъ, отставая отъ своихъ спутниковъ, подъ предлогомъ поправить повязку на рукѣ, изъ которой сочилась кровь, и понижая голосъ: — не обижайтесь, если онъ при васъ начнетъ ругать эмигрантовъ и аристократовъ. Самъ онъ изъ простыхъ, а люди эти никакъ не могутъ

простить тѣмъ изъ насъ, которымъ удалось спастись отъ гильотины, что они раздѣляютъ съ ними честь служить родинѣ. И все это оттого, что отцы ихъ были слугами нашихъ! Когда онъ услышитъ ваше имя, ему тотчасъ же захочется надъ вами поглумиться... Сколько вамъ лѣтъ? — продолжалъ онъ отрывисто. — Тринадцать? Четырнадцать?

— Пятнадцать, — отвѣчала я.

— Немножко не угадалъ. Но полковнику мы скажемъ, что вы моложе, чтобъ онъ не слишкомъ на васъ напалъ за то, что вы не сражались за отечество и не бросили вашихъ благодѣтелей, чтобъ присоединиться къ намъ тотчасъ послѣ нашего вступленія въ Россію.

Говоря такимъ образомъ, онъ такъ пристально на меня смотрѣлъ, что я вспыхнула отъ смущенія.

— Но, вѣдь, вы въ этомъ не виноваты, — поспѣшилъ онъ подхватить, объясняя мое смущеніе по-своему. — Васъ некому было воспитывать въ любви къ родинѣ, и вы даже врядъ ли знали вашихъ соотечественниковъ до этихъ печальныхъ дней, когда мы такъ внезапно сюда вторглись?

Я не знала, что ему отвѣтить, и обрадовалась, какъ избавленію, когда солдатъ прибѣжалъ намъ сказать, что фура нашлась.

— И съ лошадыю! Отличная лошадка! А въ фурѣ провіанту немало! — объяснилъ онъ съ восторгомъ.

— Скоро мы будемъ въ Москвѣ и тамъ въ пищѣ недостатка терпѣть не будемъ, — замѣтилъ съ беззаботною усмѣшкой мой новый знакомый, лейтенантъ Жервезе.

Пройдя нѣсколько шаговъ, мы увидели нашу фуру, а возлѣ нея Степаниду, окруженную солдатами.

— Скажите имъ, барышня, чтобъ они со мной не баловали, — обратилась она ко мнѣ прерывающимся отъ негодованія голосомъ.

— Что она говоритъ? — спросилъ офицеръ.

— Она проситъ васъ защитить ее отъ вашихъ солдатъ.

— А! Очень хорошо! Оставьте эту женщину въ покоѣ! — приказалъ онъ строгимъ голосомъ своимъ людямъ.

Осмотрѣвъ, что было въ фурѣ, онъ далъ приказъ двинуться дальше.

Я хотѣла подойти къ Степанидѣ, но она прошептала мнѣ, чтобъ я съ нею не разговаривала и держалась бы ближе къ начальнику отряда.

Мнѣ, впрочемъ, было бы и трудно поступать иначе. Переговоривъ со своими людьми, онъ самъ подошелъ ко мнѣ, чтобъ продолжать начатый разговоръ. На мое счастье офицеръ этотъ оказался отчаяннымъ болтуномъ. Говорю — на мое счастье, потому что, еслибъ онъ не былъ такъ занятъ своей особой и желаніемъ порисоваться передо мною величіемъ и благородствомъ своихъ чувствъ,

въ полной увѣренности, что онъ нашелъ слушателя, достойнаго понять его изліянія и сочувствовать имъ, онъ давно бы замѣтилъ, какъ мало занимаютъ меня его рассказы про знатность его рода, про богатство и роскошь, въ которой онъ родился, и тому подобное, и тогда онъ, чего добраго, возымѣлъ бы подозрѣніе на счетъ вѣрности моихъ показаній о себѣ. Но съ каждою минутой все больше и больше увлекаясь собственнымъ краснорѣчіемъ, онъ становился откровеннѣе и, забывая возрастъ, который онъ самъ же мнѣ опредѣлилъ, а также мое положеніе военноплѣннаго, передавалъ мнѣ такія подробности о своей интимной жизни и объ отношеніяхъ его къ начальству и товарищамъ, которыя навѣрное привели бы меня въ неудомѣніе, еслибъ я была расположена во что либо вдумываться, кромѣ какъ въ то, что насъ ожидаетъ дальше, гдѣ теперь мой маленькій братъ, и какъ сдѣлать, чтобъ его скорѣе найти. Хорошо, если онъ со своими товарищами успѣлъ добраться до лагеря главнокомандующаго или, по крайней мѣрѣ, примкнуть къ какому нибудь русскому отряду! Впрочемъ, сами мы находились въ такомъ опасномъ положеніи, что жалѣть, что его съ нами нѣтъ, не приходилось.

По временамъ я оборачивалась, чтобъ взглянуть на Степаниду, которая за нами слѣдовала, окруженная солдатами. Она мнѣ дѣлала какіе-то знаки, но такъ осторожно, что я не могла ихъ понять. Наконецъ, при поворотѣ въ аллею, ведущую къ барской усадьбѣ, ей какъ-то удалось ко мнѣ подойти и сказать, чтобъ я постаралась узнать, чѣмъ кончилась стычка съ нашими: много ли убито людей, и въ какую сторону бѣжали тѣ, что остались въ живыхъ?

А мнѣ удалось ей сообщить, что спутники наши намѣреваются идти въ Москву и возьмутъ насъ съ собой, если намъ удастся продержатъ ихъ въ заблужденіи насчетъ моей личности.

Когда показался между деревьями бѣлый домъ, похожій на тотъ, гдѣ наканунѣ былъ убитъ нашъ русскій покровитель, и гдѣ мы провели такіе ужасные часы въ разграбленныхъ комнатахъ, съ трупами обитателей его почти у каждой двери, мнѣ стало такъ жутко и тоскливо, что только воспоминаніе о братьяхъ и объ обязанностяхъ моихъ къ нимъ и къ отцу поддерживало во мнѣ желаніе жить и дожидаться конца страшныхъ бѣдствій, сыпавшихся на наше несчастное отечество.

Какъ живой, вставалъ передо мной нашъ Василій Васильевичъ, съ его добрымъ русскимъ лицомъ и наивными, сѣрыми глазами. Болѣзненно сжалось у меня сердце, когда я и здѣсь увидала листки разбросаннаго по полу и разнесеннаго вѣтромъ по саду, семейнаго архива. Равнодушное любопытство, съ которымъ наши спутники озирались по сторонамъ, раздражало меня до озлобленія, и мнѣ кажется, что, еслибы въ эту минуту изъ какой нибудь засады

раздался выстрѣлъ, который свалилъ бы съ ногъ жизнерадостнаго болтуна, безпрестанно называвшаго меня «милымъ своимъ другомъ и любезнымъ виконтомъ», я, кромѣ удовольствія, ничего бы не испытала.

Но подстрѣлить его было некому; кромѣ мертвыхъ, въ усадьбѣ никого не осталось, и мнѣ, волей-неволей, приходилось выслушивать его глупыя и хвастливыя разсужденія о владѣльцахъ дома, который онъ напыщенно называлъ *chateau de bouards*, находя, что, вмѣсто мести и ненависти, они должны были бы питать благоговѣйную благодарностъ къ завоевателямъ, внесившимъ вмѣстѣ съ огнемъ и мечомъ благодѣянія высшей культуры въ ихъ азіатскій край. Съ нахальнымъ апломбомъ распространялся онъ о намѣреніяхъ ихъ вождя освободить нашихъ крестьянъ отъ рабства, учредить у насъ конституціонное правленіе и тому подобныя нелѣпыя бредни.

— Нашъ императоръ очень любитъ русскаго царя, и они еще очень недавно были друзьями. По окончаніи войны опять все будетъ попрежнему. Если вы чувствуете привязанностъ къ странѣ, въ которой вы выросли и воспитывались, а главное, если во Франціи у васъ ничего и никого не осталось, никто вамъ не помѣшаетъ жить въ той семьѣ, которая васъ призрѣла и которая, должно быть, состоитъ изъ очень добрыхъ людей, судя по тому, какъ вы о нихъ сокрушаетесь,—прибавилъ онъ покровительственно, вѣроятно, озадаченный упорнымъ молчаніемъ, съ которымъ я его слушала или, лучше сказать, давала ему говорить, такъ какъ мнѣ было не до того, чтобы вникать въ смыслъ его рѣчей.

— Пожалуйста, не разлучайте меня съ моей спутницей,—рѣшилась я наконецъ сказать, сообразивъ, что, можетъ быть, болѣе удобнаго случая не представится заручиться обѣщаніемъ насчетъ столь близкаго моему сердцу предмета.

Онъ какъ-то странно на меня посмотрѣлъ, на губахъ его заиграла прескверная усмѣшка, отъ которой, сама не знаю почему, лицо мое покрылось густою краской, и, не спуская съ меня взгляда, насмѣшливо спросилъ:

— А вы, любезный виконтъ, какъ видно, очень привязаны къ этой дѣвицѣ? Вкусъ у васъ не дурень, она прехорошенькая... Въ ней что-то пикантное... Ну, ну, не сердитесь, я вовсе не имѣю въ мысляхъ васъ оскорбить и постараюсь, насколько могу, вамъ быть пріятнымъ. Но предупреждаю васъ, что черезъ нѣсколько минутъ главнымъ покровителемъ и повелителемъ вашимъ будетъ ужъ не я, а капитанъ Дюфренъ, довольно таки суровый человекъ и по части дисциплины неумолимый. У него, между прочимъ, есть непріятное правило: онъ не терпитъ женщинъ въ своемъ отрядѣ, и меня удивитъ, если онъ позволитъ вашей спутницѣ слѣдовать за нами въ Москву... Но вы заранѣе не сокрушайтесь, можно

устроить, чтобъ ее взяли другіе, у меня есть друзья въ дивизионномъ штабѣ, я объ этомъ похлопочу...

Я хотѣла спросить, нельзя ли и меня пристроить къ этимъ «другимъ», но мы входили во дворъ, загроможденный обломками повыкиданной изъ дома мебели, и о продолженіи разговора нечего было и думать. Съ крыльца къ намъ шель на встрѣчу высокій и стройный офицеръ, при видѣ котораго спутникъ мой довольно таки растерянно подтянулся.

— Это капитанъ Дюфренъ, тотъ самый, про котораго я вамъ сейчасъ говорилъ, — шепнулъ онъ мнѣ. А затѣмъ, взглянувъ на окна дома, не безъ смущенія прибавилъ: — Ужъ не пріѣхалъ ли полковникъ? Это, кажется, его денщикъ пробѣжалъ мимо окна!

— Полковникъ пріѣхалъ, Дюфренъ? — спросилъ онъ, ускоряя шагъ и приближаясь къ товарищу.

— Да, — отвѣчалъ этотъ послѣдній, косясь на меня.

— Этотъ плѣнникъ изъ нашихъ, французъ, виконтъ де-Сабри, сынъ эмигранта, воспитывался въ семьѣ русскаго князя, горитъ желаніемъ доказать свою преданность отечеству, сражаясь въ нашихъ рядахъ, — поспѣшно отрапортовалъ мой спутникъ, указывая на меня.

— Хорошо, вы все это объясните полковнику, — процѣдилъ сквозь зубы капитанъ.

И отвернувшись отъ меня, спросилъ: — Чѣмъ кончилось дѣло? Отбили фуру съ провіантомъ?

— Вотъ она! — побѣдоносно вскричалъ лейтенантъ, указывая на людей, приближавшихся къ воротамъ со Степанидой и съ фурой.

— А что тутъ дѣлаетъ эта женщина? — сердито сдвигая брови, спросилъ капитанъ.

— Женщина эта уже оказала намъ важныя услуги и окажетъ намъ еще большія, — объявилъ Жервезе, понижая голосъ: — благодаря ей, мы нашли фуру въ чащѣ лѣса...

— Но развѣ вы не разсѣяли отрядъ, къ которому она принадлежала?

— Не только разсѣяли, но и истребили изъ него добрую половину. Но, догадавшись, вѣроятно, о нашемъ приближеніи, эти черти покинули свою фуру въ лѣсу, чтобъ выбратъся на открытое мѣсто. Тамъ у насъ и произошло сраженіе, кончившееся тѣмъ, что мы привели непріятели въ невозможность насъ преслѣдовать. А вернувшись въ лѣсъ въ поискахъ за ихъ обозомъ, мы наткнулись на этихъ двухъ, которыхъ и забрали въ плѣнъ. Юноша оказался нашимъ соотечественникомъ, а дѣвушка рабой того самаго князя, въ домѣ котораго онъ воспитывался, и который отпраздновалъ его съ своимъ маленькимъ сыномъ въ деревню, въ каретѣ и съ многочисленною свитой...

— Гдѣ же эта карета и свита?

— Наши на нихъ напали и отбили у нихъ карету со всёмъ, что въ ней было. Спасаясь отъ нихъ, они очутились въ лѣсу, примыкающему къ этому парку. Мальчикъ въ суматохѣ пропалъ. Дѣвушкѣ хорошо извѣстны окрестности Москвы, да и, вообще, вся эта мѣстность и самый городъ имъ такъ же хорошо знакомы, какъ ихъ собственный карманъ. Вотъ почему мнѣ кажется, что намъ не мѣшало бы прихватить ихъ съ собой.

Капитанъ ничего не возражалъ. Да и врядъ ли слушалъ онъ внимательно то, что ему говорили. Онъ пристально и недоувѣрчиво продолжалъ на меня смотрѣть, а у меня отъ страха морозъ подиралъ по кожѣ при мысли, что онъ вотъ-вотъ, сейчасъ начнетъ меня допрашивать и по сбивчивымъ моимъ отвѣтамъ догадается объ обманѣ.

Но, къ счастью, если у него и было намѣреніе самому проверить донесеніе своего товарища, ему не дали привести его въ исполненіе: на крыльцѣ появился толстый человѣкъ въ густыхъ эполетахъ и повелительнымъ густымъ басомъ подозвалъ ихъ обоихъ.

— Лейтенантъ Жервезе! Капитанъ Дюфренъ! Пожалуйте сюда!

Оба офицера поспѣшно направились къ крыльцу.

О томъ, что говорилъ полковникъ, мы не могли знать, такъ какъ до мѣста, гдѣ мы остановились въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній нашихъ повелителей, долетали только восклицанія и ругательства толстяка въ густыхъ эполетахъ, передъ которымъ, вытянувшись въ струнку и въ почтительномъ молчаніи, стояли наши знакомцы. Особенно угнетенный видъ имѣлъ нашъ побѣдитель. Его, должно быть, за что-то крѣпко пробирали. Въмѣсто оправданій, онъ только низко опускалъ голову, въ то время, какъ товарищъ его какъ будто исподтишка надъ нимъ глумился.

Наконецъ, досыта накричавшись, полковникъ круто повернулся спиной ко двору и быстрыми шагами направился къ растворенной двери въ домъ, за которою и скрылся.

Тутъ только замѣтила я, какой онъ маленькій. Съ офицерами на крыльцѣ у него былъ такой внушительный видъ, что онъ казался не ниже ихъ ростомъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ голова его доходила имъ только до плеча. Оба они за нимъ послѣдовали. Солдаты тоже разбрелись въ разныя стороны, и, когда на дворѣ никого не осталось, кромѣ часовыхъ у воротъ, Степанида рѣшилась ко мнѣ подойти, чтобъ спросить, удалось ли мнѣ что нибудь узнать отъ сопровождавшаго насъ офицера насчетъ дальнѣйшей нашей судьбы.

Но, кромѣ того, что они оба продолжаютъ меня принимать за француза, я ничего не могла ей сообщить.

— Только бы они насъ въ другой отрядъ не отослали, а ужъ отъ нихъ мы сумѣемъ изъ Москвы убѣжать, — замѣтила она.

И пользуясь тѣмъ, что насъ оставляли въ покоѣ, она начала

мнѣ рассказывать про то, что ей удалось понять изъ разговорѣвъ солдатъ, среди которыхъ она находилась во время перехода сюда.

Не даромъ провела она цѣлыхъ четыре года въ услуженіи у мадамъ Постуланты, которая имѣла привычку обращаться на французскомъ языкѣ къ прислугѣ, нимало не заботясь о томъ, въ состояніи ли она ее понимать; такимъ образомъ она пріучала всѣхъ въ домѣ изъ тѣхъ, съ кѣмъ имѣла дѣло, догадываться, про что она говоритъ. Степанидѣ настолько хорошо была знакома французская рѣчь, что ей удалось заключить изъ словъ своихъ спутниковъ, что побѣда надъ нашими досталась имъ вовсе не такъ легко, какъ въ томъ хвастался ихъ начальникъ.

Солдатъ беспокоила участь раненыхъ товарищей, покинутыхъ вмѣстѣ съ убитыми тамъ, гдѣ они пали подъ ударами нашихъ молодцовъ, которые хотя и покинули позицію, но не оставивъ на мѣстѣ ни одного изъ своихъ. И раненыхъ и мертвыхъ унесли они съ собой.

— А эти басурманы къ фурѣ съ ѣдой поторопились бѣжать! Вотъ ихъ офицера-то, вѣрно, за это и журилъ полковникъ. Какъ распотрошили всю фуру-то, да увидали, что въ ней есть, всѣ тутъ же сказали, что изъ-за такой дряни не стоило такъ много народа губить, и почти вслухъ лейтенанта дуракомъ ругали. Имбециль, говорятъ! А про насъ они полагаютъ, что насъ безпремѣнно возьмутъ въ Москву, чтобы мы имъ тамъ проводниками служили, указывали бы имъ, значить, гдѣ что для грабежа найти... Взяли бы они насъ только, мы имъ покажемъ, — прибавила она съ злобною усмѣшкой. — Ужъ я, барышня, на хитрость хочу пуститься, какъ ни противно, а дѣлать нечего... Подбивается ко мнѣ тутъ одинъ длинноносый съ глупостями... въ марьяжъ, говоритъ, вступимъ! Ну, дуракъ однимъ словомъ, не можетъ въ толкъ взять, что по теперешнимъ временамъ они намъ, проклятики, такъ милы, что съ удовольствіемъ каждому изъ нихъ вилы бы въ бокъ всадила! Вотъ я и придумала, его глупостью воспользовавшись, поводить его за нозь до Москвы. Онъ, по всему видать, изъ кожи будетъ лѣзть, чтобъ все по-нашему устроить. А намъ бы только до Москвы добраться, ужъ тамъ мы сумѣемъ пристроиться,—повторяла она на всѣ лады свой излюбленный пригѣвъ.

Да и я тоже ничего лучшаго придумать не могла. Обстоятельства такъ сложились, что то самое мѣсто, изъ котораго насъ выслали, чтобы спасти отъ опасности, теперь, послѣ испытанныхъ нами бѣдствій и волненій, казалось вѣрнѣйшимъ убѣжищемъ. Обѣ мы, сами того не сознавая, смутно надѣялись найти тамъ друзей и покровителей и узнать о судьбѣ, постигшей нашихъ близкихъ.

— Быть не можетъ, чтобы въ нашемъ домѣ не знали про князя,—говорила Степанида съ такою увѣренностью, что увѣренность эта не могла на мнѣ не отразиться.

Долго оставляли насъ на дворѣ, не заботясь о нашихъ нуждахъ. Мы видѣли, какъ солдаты, одинъ за другимъ, подбѣгали къ нашей фурѣ, изъ которой они выпрягли лошадь и, вытащивъ изъ нея ковриги хлѣба и части зажареннаго мяса, отхватывали себѣ принесенными ножами огромные куски, съ которыми убѣгали подъ навѣсъ сарая и въ конюшню, при чемъ многіе изъ нихъ на ходу запускали зубы въ добычу, такъ были они голодны!

Намъ тоже очень хотѣлось ѣсть, но послѣдовать примѣру нашихъ побѣдителей мы не осмѣливались и ждали, чтобы ктонибудь надъ нами сжалился и предложилъ намъ чтонибудь поѣсть.

Наконецъ, прибѣжалъ какой-то черномазый и длинноносый, который, вмѣсто того, чтобы подойти къ фурѣ, завернулъ въ нашу сторону и со словами: «вотъ вамъ! не думайте, что я про васъ забылъ!» сунулъ Степанидѣ какой-то свертокъ и стремглавъ побѣжалъ прочь.

Я подняла глаза къ дому и тотчасъ же поняла причину его опасеній: на крыльцо выходилъ капитанъ Дюфренъ. Приложивъ козырькомъ къ глазамъ руку, чтобы защитить ихъ отъ солнца, ярко свѣтившаго, точно поддразнивая насъ своимъ равнодушнымъ блескомъ, онъ громкимъ и повелительнымъ голосомъ закричалъ:

— Ей вы! Шлѣнные! Идите въ домъ! Полковникъ желаетъ васъ видѣть!

Мы немедленно повиновались, и, слѣдуя за мною, Степанида бросила принесенную намъ провизию въ кусты, у которыхъ мы стояли.

Капитанъ, ожидавшій нашего приближенія на крыльцѣ, провелъ насъ въ домъ, гдѣ глазамъ нашимъ представилась та же ужасная картина убійства и грабежа, какъ и въ той усадьбѣ, гдѣ наканунѣ мы имѣли несчастье потерять нашего русскаго покровителя. Останься онъ въ живыхъ, мы, можетъ быть, не попали бы въ плѣнъ!

Какъ и тамъ, дворъ былъ усѣянъ обломками вещей, вытащенныхъ изъ дома и затѣмъ брошенныхъ, за невозможностью унести ихъ дальше, Какъ и тамъ, намъ приходилось ступать по загрязненнымъ пачкамъ пожелтѣвшихъ отъ времени писемъ, въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ благоговѣнно хранимыхъ въ бюро и въ письменныхъ столахъ, теперь разрубленныхъ и разломанныхъ, съ оторванными замками. Какъ и тамъ, по трупамъ, виднѣвшимся въ углахъ, куда ихъ снесли, покрывши чѣмъ ни попало, можно было догадаться, что и здѣсь храбро и до послѣдняго издыханія защищались.

Къ счастью, долго останавливаться на тяжелыхъ мысляхъ было невозможно; надо было думать о томъ, чтобы какимънибудь движеніемъ или словомъ не выдать нашей тайны, что повлекло бы за собой такія страшныя послѣдствія, о которыхъ даже и вспомнить было жутко.

Благодаря тому, что меня до сихъ поръ принимали за юношу и за француза, я могла не только сама спастись, но и оградить мою подругу отъ опасности. Все теперь зависѣло отъ того, какъ мнѣ удастся разыграть принятую на себя роль передъ нашимъ новымъ повелителемъ. Отъ всей души молила я моего Ангела хранителя мнѣ помочь и, твердя мысленно молитву, вошла въ обширный кабинетъ, который успѣли настолько привести въ порядокъ, что можно было въ немъ заниматься, и гдѣ за письменнымъ столомъ сидѣлъ тотъ самый толстякъ, котораго мы видѣли съ часъ тому назадъ на крыльцѣ.

Теперь онъ былъ безъ жилета, въ скюртукѣ, разстегнутомъ на сорочкѣ, между смятыми складками которой выглядывала черная мохнатая грудь.

И, должно быть, эта черная, мохнатая грудь произвела на меня очень сильное впечатлѣнiе, потому что я до сихъ поръ не могу ее забыть. Какъ живая, встаетъ она передо мною каждый разъ, когда я вспоминаю это время.

Показавъ намъ знакомъ, чтобъ мы ждали у порога, капитанъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и доложилъ, что плѣнные приведены.

На заявленiе это полковникъ, не отрываясь отъ работы, небрежно кивнулъ, и прерванное на мгновенiе молчанiе снова воцарилось въ комнатѣ.

Было такъ тихо, что можно было слышать скрипъ пера пишущаго и жужжанiе мухи гдѣ-то, на потолокѣ, вѣроятно, въ паутинѣ. Дверь въ сосѣднюю комнату была полуотворена, и въ ней виднѣлось что-то бѣлое и длинное, распростертое на полу.

И тутъ, значить, были мертвецы.

У меня пробѣжалъ морозъ по кожѣ, и я невольно взглянула на Степаниду, которая стояла, скромно опустивъ глаза, вся красная подъ пристальнымъ, испытующимъ взглядомъ капитана, не спускавшаго съ нея глазъ.

Длилось это минутъ десять, по крайней мѣрѣ, наконецъ, толстякъ не переставая писать, отрывисто спросилъ:

— Вырыли могилу въ томъ мѣстѣ въ саду, гдѣ я приказалъ? Мы здѣсь останемся, можетъ быть, нѣсколько дней, трупы надо убрать.

— Могилу роютъ, — отвѣчалъ капитанъ.

И снова наступило молчанiе минутъ на десять, послѣ котораго полковникъ отодвинулъ кресло, на которомъ сидѣлъ, и повернулъ къ намъ круглое и довольно добродушное лицо съ живыми черными глазами.

— Подойдите сюда, мсье де-Сабри, — проговорилъ онъ, пристально на меня глядя. — Чей вы сынъ? Анри или Оноре де-Сабри? — спросилъ онъ, когда я очутилась въ двухъ шагахъ отъ него.

— Анри,—отвѣчала я, вспомнивъ, что это было имя отца моего возлюбленнаго.

— Странно! Я слышала, что сынъ Анри де-Сабри въ адъютантахъ при русскомъ генералѣ и дерется противъ своихъ соотечественниковъ,—замѣтилъ онъ, не спуская съ меня подозрительнаго взгляда.—Что вы можете на это сказать?

Мною внезапно овладѣла какая-то странная отвага.

— Я имѣю на это сказать, г-нъ полковникъ, что слухъ этотъ не вѣренъ. У графа де-Сабри былъ только одинъ сынъ Шарль, и онъ передъ вами,—отвѣчала я съ такимъ апломбомъ, что сама себя удивилась. И, не дожидаясь возраженій, проговорила:—послѣ казни моего отца, моя мать, беременная мною, бѣжала за границу, гдѣ я и родился, и гдѣ она вскорѣ послѣ того скончалась, поручивъ меня своей горничной, у которой я оставался до пяти лѣтъ, пока другъ моего отца, князь Вѣльскій, не выписалъ меня къ себѣ, чтобъ воспитывать меня съ своими дѣтьми.

— А много у князя дѣтей?

— Два сына. Старшій на войнѣ, а меньшой былъ на пути со мной въ лѣсу, когда насъ взяли въ плѣнъ.

— Лейтенантъ Жервезе мнѣ сказалъ, будто вы не прочь поступить въ наши ряды?

Отвѣчать утвердительно на этотъ вопросъ у меня не хватило духу, и я могла только наклонить голову въ знакъ согласія.

— Вы, кажется, очень деликатнаго и тщедушнаго сложенія. Неужели вамъ ужъ пятнадцать лѣтъ?—спросилъ онъ, помолчавъ немного и не спуская съ меня пристальнаго и пытливаго взгляда.

— Мнѣ пятнадцать лѣтъ,—повторила я.

— Немножко рано быть солдатомъ, но при теперешнихъ обстоятельствахъ позволительно сдѣлать исключеніе. Вы будете при мнѣ находиться, пока я не увижу, на что васъ можно употребить... Во всякомъ случаѣ, драться вы врядъ ли способны, но вы намъ можете быть полезны другимъ... Говорятъ, вы хорошо знаете Москву? Навѣрное также умѣете хорошо писать по-русски и по-французски? Мы вамъ дадимъ занятія въ канцеляріи, ну, а потомъ увидимъ. На первый разъ извольте скорѣе мнѣ переписать вотъ это, чтобъ я могъ судить о вашемъ почеркѣ. Вотъ садитесь тутъ,—продолжалъ онъ, протягивая мнѣ исписанный листъ бумаги и указывая на столикъ у окна, со стуломъ передъ нимъ.

На столѣ этомъ стояла чернильница и нѣсколько очиненныхъ перьевъ. Я принялась за работу. То, что мнѣ дали переписывать набѣло, была реляція о произведенныхъ въ эту ночь дѣйствіяхъ того полка, которымъ командовалъ мой новый начальникъ, очень длинная и написанная отвратительнымъ почеркомъ. Къ счастью, я умѣла разбирать всевозможные почерки и писала быстро и красиво. Къ тому же, можно себя представить, какъ я старалась!

Лучшаго положенія, чѣмъ то, что выпало мнѣ на долю, трудно было выдумать. Здѣсь, въ этомъ кабинетѣ, занятая съ утра до вечера, я буду избавлена отъ любопытныхъ взглядовъ и отъ разспросовъ моихъ спутниковъ. Сколько шансовъ сохранить нашу тайну!

Полковника, должно быть, интересовала моя работа, потому что онъ нѣсколько разъ поднимался съ мѣста, чтобъ заглянуть черезъ мое плечо, и каждый разъ одобрительно крикалъ, убѣждаясь, что дѣло у меня спорится.

— Прекрасно, прекрасно!—проговорилъ онъ наконецъ, когда, дописавъ листъ, я отложила его, чтобъ взять другой.—Къ обѣду будетъ готово, и можно будетъ отправить.

Къ обѣду! А я еще не завтракала и всю ночь ни на минуту не сомкнула глазъ!

Но моему новому повелителю, повидимому, не было до этого ни малѣйшаго дѣла. Хорошо, что Степанида про меня не забыла. Объ опредѣленіи моемъ на новую должность она, разумѣется, очень скоро узнала и стала выискивать средство сдѣлать такъ, чтобы меня хотя накормили, если ужъ нельзя было мнѣ дать выспаться.

Результаты ея хлопотъ обо мнѣ скоро обнаружили; по временамъ, полковникъ прерывалъ свое занятіе у письменнаго стола, чтобы пройтись по комнатѣ, подойти къ растворенному окну или перекинуться двумя-тремя фразами съ Жервезе или съ Дюфреномъ. Я ужъ дописывала второй листъ и не безъ ужаса спрашивала себя: «хватитъ ли у меня силъ еще долго продолжать работу?» Отъ голода у меня ужъ начинались судороги въ желудкѣ, и по временамъ голова такъ кружилась, что я была близка къ обмороку. Наконецъ, вошелъ сержантъ съ докладомъ, что могила вырыта, и можно приступить къ погребенію труповъ.

— Отлично! Мы это сейчасъ же и сдѣлаемъ,—объявилъ полковникъ, срываясь съ мѣста, и въ сопровожденіи офицеровъ поспѣшно вышелъ изъ дома.

Я осталась въ кабинетѣ одна, но не надолго. Не успѣли смолкнуть шаги и голоса, какъ вбѣжала Степанида съ кускомъ хлѣба и мяса въ одной рукѣ и со стаканомъ вина въ другой.

— Барышня, милая, кушайте скорѣе! Подкрѣпитесь! Заморили васъ совсѣмъ басурманы проклятые! Насилу, насилу дождалась я минутки, чтобъ васъ покормить! Меня-то солдаты всѣмъ угощаютъ, да ужъ какая тамъ ѣда, когда знаешь, что вы сидите голодныя, и что помощь бѣдѣ нѣтъ никакой возможности! Надѣялась я, что толстякъ-то вашъ выйдетъ на покойниковъ взглянуть прежде, чѣмъ ихъ изъ дому вынесутъ, такъ нѣтъ, сказалъ, что придетъ, когда ихъ закапывать стануть... Я надъ ними помолилась, надъ сердешными! Лежатъ себѣ спокойненько да смирнехонько, ничего имъ теперича не больно и не страшно, перетерпѣли свою страду, а наша-то только еще начинается!—распространялась она со вздохомъ, въ то время, какъ я уплетала принесенный мнѣ завтракъ.

И какъ онъ мнѣ казался вкусенъ! А она, между тѣмъ, продолжала описывать событія, которыхъ была свидѣтельницей. Бѣдные покойнички, владѣльцы разграбленной усадьбы, такъ и остались бы не преданными землѣ, еслибъ командиру проходившаго мимо отряда не понадобилось выбрать это мѣсто для стоянки, въ ожиданіи приказа двинуться на Москву. Только благодаря этому обстоятельству, ихъ теперь и зарывали безъ священника, безъ молитвъ, безъ всякаго благоговѣнія...

Степанида своими глазами видѣла, какъ солдаты обшаривали трупы, прежде чемъ тащить ихъ къ вырытой могилѣ въ концѣ сада, какъ они срывали съ ихъ пальцевъ кольца, а съ шеи кресты.

— У барыни на шейкѣ ладонка висѣла, съ мощами вѣрно, такъ и ту сорвали и сейчасъ распоролы, чтобъ посмотрѣть, что въ ней зашито. А какъ бросили ее, я и подняла, да себѣ на крестъ привязала. Кусочекъ тамъ чего-то, можетъ, отъ гроба Господня, а, можетъ, другое что святое, все равно буду носить да душеньку ея поминать...

И я въ свою очередь рассказала ей, какъ мнѣ удалось оставить полковника въ заблужденіи на мой счетъ, и какъ я думаю воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ оказать ей протекцію, но она прервала меня просьбой о ней не заботиться и даже остерегаться выказывать ей слишкомъ много участія.

— Чтобъ, Боже упаси, не догадались, что мы въ стачкѣ! Намъ это было бы большой помѣхой бѣжать отъ нихъ! И я тоже, день и ночь о васъ думаячи, буду притворяться, что мнѣ и горя мало знать, что съ вами будетъ. Какъ мы имъ такимъ манеромъ тумануто въ глаза напустимъ, они за нами и перестанутъ слѣдить, а намъ только этого и нужно.

— А куда они насъ на ночь положить? Неужели врозь?—спросила я.

— Да ужъ непременно врозь. И не бѣда. Если я что узнаю, ужъ найду къ вамъ лазейку, чтобъ васъ предупредить, не безпокойтесь. Ну, покушали теперь, и слава Богу! Обѣдать, вѣрно, съ офицерами будете, вѣдь они васъ за своего считаютъ! Смѣхота!

Подъ окномъ раздалися шаги, и она выбѣжала изъ комнаты, а я принялась за работу, за которой и засталъ меня полковникъ. Онъ, повидимому, рассчитывалъ на то, что работа много подвинется во время его отсутствія, и поморщился увидавъ, что я и страницы не написала.

— Я васъ считалъ прилежнѣе, мсье де-Сабри,—замѣтилъ онъ довольно впрочемъ добродушно.—Если вы не поторопитесь, докладъ не будетъ переписанъ къ вечеру, а необходимо, чтобъ онъ былъ полученъ завтра утромъ, до выступленія дивизіи изъ того села, гдѣ она теперь стоитъ.

— Я потороплюсь,—поспѣшила я отвѣтить.

— Поторопитесь.

Онъ отошелъ къ противоположному концу комнаты, и я слышала, какъ онъ сказалъ вполголоса Дюфрену, что я выручила его изъ большого затрудненія.

— Угораздило же этого безмозглаго Пикара дать себя такъ глупо убить, при нашемъ выступленіи изъ той деревушки! Хоть бы подумалъ, прежде чѣмъ соваться туда, куда его не звали, что въ случаѣ его смерти для меня некому будетъ переписывать донесеній генералу! Почеркъ у меня такой скверный, что я самъ его часто не могу разобрать. Да и вы пишете не лучше моего, кажется?

— О, я всегда былъ слабъ въ каллиграфіи!—со смѣхомъ согласился капитанъ.—Да и Жервезе разборчивымъ почеркомъ похвастаться не можетъ.

— Да я Жервезе и не довѣрилъ бы переписку серіозной бумаги, у него слишкомъ разнузданное воображеніе и черезчуръ длиненъ языкъ. Въ этомъ мальчикѣ,—прибавилъ онъ, понижая голосъ,—если только мы въ немъ не ошибаемся, я нашолъ сущій кладъ. Вѣдь вы только подумайте, онъ и по-русски точно такъ же хорошо пишетъ и говоритъ, какъ по-французски!

— Разумѣется, онъ намъ можетъ быть очень полезенъ, если только...

Они вышли въ сосѣднюю комнату, чтобъ кончить начатый разговоръ, и, въ величайшей моей досадѣ, я такъ и не узнала, какіе недостатки находить во мнѣ капитанъ Дюфренъ, и почему не вполне увѣренъ, что я имъ могу быть полезна.

Степанида больше не отваживалась подходить къ тому мѣсту, гдѣ я сидѣла, а я такъ прилежно писала, что часа черезъ два все было готово.

Полковникъ перечиталъ мою работу, не нашелъ въ ней ни одной ошибки и объявилъ, что я и въ главномъ штабѣ нашла бы себѣ мѣсто, еслибъ тамъ узнали о моемъ существованіи. Затѣмъ, поручивъ офицерамъ отправку курьера съ докладомъ, онъ закурилъ трубку, усѣлся въ покойное вольтеровское кресло у окна въ старый садъ и, посматривая съ любопытствомъ на уходившія въ глубь тѣнистыя аллеи, промежъ порѣдѣвшихъ вѣтвей которыхъ пронизывалось осеннее заходящее солнце, зажигая то тутъ, то тамъ листу золотистымъ пурпуромъ, сталъ мнѣ задавать вопросы насчетъ того дома въ Москвѣ, гдѣ я жила, и насчетъ его обитателей.

Не запинаясь отвѣчала я на его вопросы. Предметъ, интересовавший его, былъ такъ мнѣ хорошо знакомъ! Я рассказала ему про дѣда и про его образъ жизни, про отца и про все, что я знала о нашемъ состояніи. Съ каждымъ моимъ словомъ его симпатія и довѣріе ко мнѣ усиливались, я не могла этого не замѣчать, но признаюсь, что мнѣ гораздо было бы пріятнѣе съ нимъ говорить,

еслибъ ему пришло въ голову предложить мнѣ сѣсть. Но потому ли что этого требовала субординація, или просто потому, что мысль эта ему въ голову не приходила, онъ продолжалъ держать меня стоя у приоткрытой двери до тѣхъ поръ, пока я не принуждена была опереться спиной о косякъ, чтобъ не упасть. Отъ усталости послѣ столькихъ бессонныхъ ночей я едва не лишилась чувствъ, и ноги подо мной подкашивались.

И опять тутъ выручила меня Степанида. Какимъ образомъ удалось ей объяснить офицерамъ, что мы двѣ ночи не спали, и что для того, чтобъ продолжать извлекать изъ меня пользу, необходимо дать мнѣ отдохнуть, не знаю, но когда наступилъ часъ обѣда, и полковникъ, не желая, вѣроятно, прерывать со мною разговоръ, пригласилъ меня сѣсть съ нимъ за одинъ столъ, Жервезе замѣтилъ своему товарищу нарочно громко, чтобъ быть услышаннымъ начальникомъ, что врядъ ли у меня окажется аппетитъ.

— Когда двѣ ночи сряду не спишь....

— Кто это не спалъ?—спросилъ полковникъ.

— Виконтъ де-Сабри, полковникъ.

— Въ такомъ случаѣ надо дать ему выспаться послѣ обѣда, потому что ночью опять мы съ нимъ будемъ работать. У меня накопилось порядочно таки много документовъ, которые необходимо привести въ порядокъ прежде, чѣмъ съжечь то, что лишнее. Прикажете поставить ему кровать въ комнату рядомъ съ той, гдѣ я приказалъ себѣ устроить спальню,—прибавилъ онъ.

Такимъ образомъ, судьба моя была рѣшена, я должна была спать не съ офицерами, какъ я опасаясь, а въ отдѣльной комнатѣ, близъ начальника, который въ обиду меня не дастъ. Да и никому не пришло бы въ голову ко мнѣ приставать при такомъ сосѣдствѣ. Полковникъ шутить не любилъ, стоило только видѣть, какъ всѣ въ его присутствіи подтягивались, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Итакъ все устроивалось, какъ нельзя лучше. Послѣ обѣда меня отвели въ приготовленную для меня комнату, служившую, по всему видно, горничной убитой барыни, и оставили одну съ большимъ кувшиномъ холодной воды и съ глубокимъ тазомъ, надъ которымъ я могла умыться, прежде чѣмъ броситься на кровать и крѣпко заснуть.

XXII.

Было совсѣмъ темно, когда я проснулась и долго не могла сообразить, гдѣ я нахожусь. Наконецъ, все мало-помалу вспомнилось, и я спрашивала себя съ изумленіемъ: какъ могла я пережить, не сойдя съ ума, всѣ ужасы, испытанные мною за послѣдніе двадцать часовъ? Смерть нашего милаго русскаго покровителя, походъ черезъ паркъ и лѣсъ подъ страхомъ внезапнаго нападенія, бѣгство Ромы

и, наконецъ, плѣнь! Все это было пережито, не помутивъ мнѣ разума и даже не ослабивъ ни душевныхъ, ни тѣлесныхъ моихъ силъ. Срываясь съ постели и оправляя мой костюмъ, я чувствовала себя такою бодрою, что предстоящія опасности меня не пугали, и я думала о дальнѣйшемъ походѣ на Москву даже съ восхищеніемъ. Казалось, что стоитъ намъ только туда проникнуть, чтобъ быть свободными и отыскать всѣхъ, кого мнѣ хотѣлось найти.

Я взглянула въ окно. Въ саду никого не было, и съ минуту я вдыхала въ себя свѣжій, пропитанный осенними ароматами воздухъ, въ полянѣмъ одиночествѣ, но скоро подъ окномъ зашелестила трава подъ осторожными шагами, и передо мной явилась моя подруга.

— Сейчасъ сюда придутъ васъ будить... Говорятъ, чуть свѣтъ выступаемъ. Изъ квартиры дивизионнаго генерала прискакалъ курьеръ... Извольте пуце всего чернаго капитана остерегаться... кажется, догадывается....

Вотъ все, что она успѣла мнѣ проговорить задыхающимся отъ волненія шопотомъ. За моей спиной послышались шаги, и, обернувшись, я увидала при свѣтѣ зажженной свѣчи, которую онъ держалъ въ рукѣ, того самаго человѣка, котораго мнѣ совѣтовали остерегаться.

— Вы ужъ готовы? Прекрасно! Полковникъ васъ къ себѣ просить,—объявилъ онъ, исподлобья и пытливо на меня посматривая.

Я послѣдовала за нимъ въ кабинетъ, гдѣ полковникъ разговаривалъ, прохаживаясь взадъ и впередъ, съ офицеромъ въ запыленномъ мундирѣ и съ чернымъ отъ загара и грязи лицомъ, стоявшимъ у окна. Должно быть, ему ужъ успѣли про меня рассказать, потому что, когда меня ему представили, онъ съ любопытствомъ на меня посмотрѣлъ, отвѣчая на мой поклонъ.

— Садитесь и пишите то, что я вамъ буду диктовать, м-сье де-Сабри,—сказалъ полковникъ.

Должно быть, теперь, послѣ того, какъ я выспалась и умылась, наружность моя приняла обычный видъ, потому что они съ улыбкой переглянулись, и на замѣчаніе вполголоса приѣзжаго: «чортъ побери, какой хорошенькій мальчикъ!»—мой толстякъ, добродушно осклабясь, отвѣтилъ: «не правда ли?»

Притворяясь, конечно, что я ничего не слышу, и низко пригнувшись къ бумагѣ, чтобъ не замѣтили румянца, вспыхнуваго на моемъ лицѣ, я дрогнувшимъ голосомъ объявила, что жду приказаній.

— Отлично!

И, не переставая шагать по комнатѣ, онъ сталъ диктовать мнѣ частное письмо къ генералу, въ которомъ доказывалъ необходимость оставаться на мѣстѣ еще нѣсколько дней. При этомъ онъ указывалъ на нѣкоторые пункты донесенія, списаннаго мною нѣсколько часовъ тому назадъ, въ которомъ излагались подробности

происшествій послѣднихъ двухъ дней: занятіе нѣсколькихъ деревень, въ томъ числѣ и той, въ которой мы въ настоящее время стояли, стычка лейтенанта Жервезе съ остатками русскаго отряда и, наконецъ, взятіе въ плѣнъ французскаго подданнаго, виконта де-Сабри, изъявившаго желаніе служить своему отечеству.

Про Степаниду не упоминалось, должно быть, захватъ ея въ плѣнъ не представлялъ никакой важности.

Затѣмъ шли стратегическія соображенія, которыя я писала, не понимая въ нихъ ни слова, и, наконецъ, снова возвратъ ко мнѣ, объясненіе, что, какъ обитателю Москвы, этотъ городъ мнѣ хорошо извѣстенъ, и потому я могу быть полезенъ во время пребыванія тамъ арміи.

Упоминалось также и о моемъ отцѣ, о знаменитомъ предводителѣ дружины, князѣ Бѣльскомъ...

Когда я дошла до этого мѣста, мнѣ вдругъ пришло въ голову, что за ужасная пуганица произойдетъ въ нашихъ планахъ, если вдругъ настоящій де-Сабри окажется на лицо въ той мѣстности, куда придетъ это письмо!

А вѣдь это очень могло случиться; развѣ появленіе его въ обители о. Лавренція не доказывало, какъ нельзя лучше, что онъ не дальше, какъ нѣсколько дней тому назадъ, находился въ этой мѣстности?..

Записывая то, что мнѣ диктовали, я прислушивалась къ разговору полковника съ посланцемъ отъ генерала, стараясь узнать о ихъ намѣреніяхъ, а также надѣясь услышать знакомое имя, по которому можно было бы судить о положеніи близкихъ моему сердцу людей, но ничего подобнаго я не дождалась; много произносилось русскихъ именъ и всегда съ злобой и ненавистью, но все незнакомыхъ. Говорилось также и о томъ, что происходило въ Москвѣ. Извѣстія эти оказывались плачевными, и собесѣдники печально кивали головами и таинственно понижали голосъ, передавая другъ другу, что Москва вотъ ужъ который день горитъ, что поджигаютъ сами русскіе, что императоръ чрезвычайно разочарованъ исходомъ побѣды и такого варварства отъ своихъ противниковъ не ждалъ. Онъ привыкъ совершенно къ другимъ приемамъ, и поступки русскаго народа и властей приводятъ его въ неописанное раздраженіе. Само собою разумѣется, что все это только разжигаетъ въ немъ желаніе покорить эту дикую страну, но онъ теперь самъ видитъ, что достигъ этого труднѣе, чѣмъ онъ воображалъ...

Выразить не могу, въ какое восторженно-радостное настроеніе приводили меня эти извѣстія, и какого труда мнѣ стоило не выказывать волновавшихъ мнѣ душу чувствъ! Раза два я до того заблудилась, что поднимала глаза съ бумаги и устремляла на бесѣдующихъ взглядъ, полный такого восторженнаго любопытства, что еслибъ они съ нимъ встрѣтились, мнѣ пришлось бы очень плохо.

Ужъ изъ одной цѣли самозащиты они непремѣнно бы меня убили, не говоря о мщеніи за дерзкій обманъ, пущенный мною въ ходъ, чтобъ овладѣть ихъ довѣріемъ. Но на мое счастье они были слишкомъ поглощены бесѣдой, чтобъ замѣчать выраженіе моего лица, и даже по временамъ совершенно забывали о моемъ присутствіи. Полковникъ диктовалъ мнѣ свои мысли машинально, не прерывая своей бесѣды съ офицеромъ, который долженъ былъ уѣхать обратно съ письмомъ, которое мнѣ диктовали, и только изрѣдка обращался ко мнѣ съ отрывистымъ вопросомъ, не слишкомъ ли я тороплюсь и не дѣлаю ли ошибокъ.

Но ошибокъ и въ этой работѣ не оказалось. Въ восхищеніи повелитель мой наговорилъ мнѣ комплиментовъ за прекрасное воспитаніе, которое я получила, и сознался, что русскіе далеко не такіе варвары, какими проявляютъ себя на войнѣ съ французами.

— Странная нація, странная нація,—повторилъ онъ нѣсколько разъ, а затѣмъ, крѣпко пожавъ мнѣ руку, объявилъ, что очень радъ, что судьбѣ было угодно насъ свести.

— И вы тоже, виконтъ, я надѣюсь?

Я должна была отвѣчать утвердительно, и онъ сталъ мнѣ описывать выгоды, ожидавшія меня въ недалекомъ будущемъ, если я буду продолжать такъ стараться, какъ сегодня.

— Императоръ покровительствуетъ представителямъ старинныхъ дворянскихъ родовъ. Ему хочется возродить новую аристократію изъ обломковъ старой, съ примѣсью вновь имъ созданной, за заслуги отечеству на войнѣ. Многимъ аристократамъ онъ возвратилъ имѣнія, отнятыя у нихъ во время революціи, и ему особенно пріятно окружать себя ими въ интимной своей жизни. Дворъ императрицы состоитъ почти сплошь изъ представителей старинныхъ фамилій. Пажи тоже выбираются изъ юношей съ знатными именами. Если вамъ только посчастливится попасть ему на глаза, а нѣтъ ничего легче, чтобъ это случилось, въ главномъ штабѣ особенно цѣнятъ знающихъ русскій языкъ, ваша фортуна сдѣлана,—прибавилъ онъ съ покровительственною улыбкой.

Наконецъ, онъ отпустилъ меня отдохнуть, предупредивъ, что займется подготовкой дѣла, надъ которымъ мнѣ придется трудиться съ нимъ на слѣдующій день.

— Совѣтую вамъ скорѣе заснуть; очень можетъ быть, что я найду нужнымъ разбудить васъ ночью, все зависитъ отъ приказанія выступать, которое мы можемъ получить съ минуты на минуту.

Но приказа не пришло, а вмѣсто него наутро пришелъ благопріятный отвѣтъ на письмо, продиктованное мнѣ наканунѣ: намъ разрѣшали оставаться на мѣстѣ пять дней и рекомендовали привести солдатъ въ порядокъ и въ приличный видъ передъ вступленіемъ въ завоеванную столицу.

Вотъ когда пригодилась Степанида. Ее такъ завалили работой,

что, по ея выраженію, дохнуть было некогда. Ворохами таскали ей на починку разорванное бѣлье и платье, дрались за счастье пользоваться ея искусствомъ и увѣряли, что они безъ нея были бы, какъ безъ рукъ, такъ какъ ни одного портного у нихъ въ дивизиі не осталось; всѣхъ забрали съ собой счастливицы, которымъ выпало на долю первыми вступить въ Москву.

А меня съ утра до вечера продолжали держать въ кабинетѣ, за разборкой писемъ и документовъ, найденныхъ въ ограбленныхъ помѣстьяхъ, а также на убитыхъ командирахъ отдѣльныхъ частей, на адъютантахъ, курьерахъ и фельдъегеряхъ. Все это я должна была прочитывать и излагать полковнику, а въ его отсутствіе — капитану Дюфрену.

На мое счастье въ бумагахъ этихъ не находилось ничего важнаго, ничего такого, что могло повредить нашимъ, все старыя предписанія и предположенія, давнымъ давно приведенныя въ дѣйствіе или оставленныя безъ вниманія за неудобоисполнимостью. Слушатели мои ругались съ досады, но документы эти казались мнѣ очень интересны, съ тѣхъ поръ, какъ я нашла въ нихъ повѣствованіе о подвигахъ храбрости, которыми отличался мой отецъ во главѣ своей дружины; я все надѣялась наткнуться на указанія о мѣстѣ нахождения его и о намѣреніяхъ его въ будущемъ.

Попалось мнѣ также, между множествомъ писемъ, вѣроятно, изъ разграбленной почты, письмо одного изъ управляющихъ княгини Натальи Алексѣевны, съ увѣдомленіемъ, что имѣніе ея подъ Москвой выжжено и разграблено. Письмо это было адресовано въ монастырь Новгородской губерніи, тотъ самый, куда дядя хотѣлъ меня отвезти, въ то время, когда у меня, кромѣ Шарля, ничего не было на умѣ.

Съ тѣхъ поръ прошло только два мѣсяца, а какъ это время было ужъ далеко! И какъ далеко былъ отъ меня самъ Шарль! Дальше всѣхъ, не только родныхъ по крови, но и всякаго русскаго, начиная отъ убитаго почти на моихъ глазахъ офицера и кончая тѣмъ мальчишкой, который сманилъ моего маленькаго брата убѣжать отъ меня на защиту родины! Всѣ они мнѣ были, не то чтобъ милѣе, а ближе его, и стыдно было думать о нихъ меньше, чѣмъ о немъ.

Однимъ словомъ, можно сказать, что занятіемъ моимъ я не скучала и даже увлекалась бы имъ, еслибъ не случилось новое и чрезвычайно непріятное осложненіе въ моемъ, и безъ того затруднительномъ, положеніи.

Я уже сказала, что переводила бумаги не одному полковнику, а также капитану Дюфрену. Первый день я не замѣчала въ его обращеніи со мной ничего особеннаго, онъ казался мнѣ только несравненно строже и угрюмѣе своего начальника, который такъ меня полюбилъ, что часто прерывалъ занятія шутками, рассказами и вопросами о предметахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ дѣлами,

которыми мы занимались. Но на третій день у полковника оказались занятія съ людьми, мѣшавшія ему работать въ кабинетѣ, и я почти весь день провела наединѣ съ Дюфреномъ. Тутъ мнѣ пришлось убѣдиться, что каждый разъ, когда ему казалось, что я этого не замѣчаю, онъ съ какою-то странною настойчивостью на меня смотритъ, точно желая проникнуть въ глубь моихъ чувствъ и мыслей. Любопытство это меня нестерпимо раздражало, и, наконецъ, стало пугать. Все труднѣе и труднѣе становилось владѣть собой, и по временамъ на меня находило отчаяніе. Хотѣлось у него спросить, что находитъ онъ во мнѣ такого любопытнаго, и напомнить, до какой степени не деликатно пользоваться моимъ зависимымъ положеніемъ, чтобъ такъ жестоко меня терзать. Но каждый разъ, когда я ужъ рѣшалась приступить къ объясненію, онъ, точно угадывая мое намѣреніе, сдерживалъ свое любопытство и держалъ себя такъ, что придраться было не къ чему.

Такъ прошло дней пять. Я отдыхала тогда только, когда полковникъ входилъ въ комнату; и на меня нападалъ такой паническій страхъ, когда снова приходилось оставаться съ моимъ мучителемъ наединѣ, что я безпрестанно поглядывала въ окно или въ дверь, которую я всегда старалась оставлять растворенною, чтобъ убѣдиться, что тамъ есть люди, готовые прибѣжать ко мнѣ на помощь, при первомъ моемъ крикѣ.

Это, конечно, не ускользало отъ вниманія Дюфрена, и однажды онъ съ досадой у меня спросилъ, почему я такъ боюсь оставаться съ нимъ наединѣ.

— Еслибъ вы были женщина, это было бы понятно, виконтъ, но вѣдь вы мужчина,—прибавилъ онъ съ ироническою усмѣшкой и не спуская съ меня пристальнаго взгляда.

— Не однѣмъ женщинамъ можно причинить зло,—возразила я краснѣя.

— Какое же зло могу я вамъ сдѣлать, м-сье де-Сабри?

Я промолчала.

— И почему вы считаете меня злымъ?—продолжалъ онъ, переждавъ немного.

— Вы не воспользовались бы моимъ беззащитнымъ положеніемъ, чтобъ меня смущать, еслибъ сердце ваше было доступно жалости и великодушію,—рѣшилась я, наконецъ, проговорить.— Попробуйте по нѣсколько часовъ сряду пронизывать взглядомъ котораго нибудь изъ вашихъ товарищей, и онъ отвѣтитъ вамъ такимъ оскорбленіемъ, которое смывается только кровью...

— Я отъ дуэли съ виконтомъ де-Сабри не откажусь,—возразилъ онъ вызывающимъ тономъ, не спуская съ меня глазъ.

Западня была такъ груба, что кровь отлила у меня отъ сердца, и, откинувъ гордо назадъ голову, я внѣ себя отъ гнѣва надменно проговорила:

— Надо имѣть очень низкую душу, мсье Дюфрэнъ, чтобъ глу-

миться надъ человѣкомъ въ несчастіи! Вы отлично понимаете, что, какъ военнооплѣнный, я съ вами драться не могу!

Онъ вспыхнулъ, глаза его налились кровью, и рука судорожно схватилась за рукоятку сабли, но вспышка эта длилась недолго, почти тотчасъ же успокоившись, онъ отошелъ къ окну и съ минуту молча изъ него смотрѣлъ, а затѣмъ, не глядя на меня, большими шагами направился къ двери. Но тутъ, прежде чѣмъ переступить порогъ и скрыться у меня изъ глазъ, онъ произнесъ, глядя на меня въ упоръ:

— Вы говорите и дѣйствуете, какъ мужчина, виконтъ, но, тѣмъ не менѣе, я убѣжденъ, что вы женщина!

Бросивъ мнѣ этотъ вызовъ, онъ вышелъ, хлопнувъ дверью, а я осталась одна размышлять о случившемся.

Положеніе усложнялось самымъ неприятнымъ образомъ. У меня теперь былъ здѣсь злѣйшій врагъ, которому извѣстна моя тайна, и который каждую минуту можетъ ее открыть. Если тяжело умирать насильственной смертью, то жить подъ постоянною угрозой такой смерти еще несноснѣе. Я стала раздумывать о томъ, какъ поступить. Дождаться ли въ бездѣйствіи гибели или попытаться освободиться? Последнее было опасно, но не невозможно. За то время, что мы провели здѣсь, кромѣ расположенія дома, да и то не вполне, я ничего не могла узнать, но Степанида, безъ сомнѣнія, успѣла многое разузнать и со многими подружиться. Не даромъ предостерегала она меня противъ Дюфрена вскорѣ послѣ нашего прибытія сюда! Какъ вѣрны оказались ея опасенія! Надо прежде всего найти случай съ нею повидаться, а до этого ничего не предпринимать.

Подождавъ немного, чтобъ пришли провѣрить мою работу, и никого не дождавшись, я принялась переводить тѣ бумаги, которыя мой врагъ отложилъ съ этою цѣлью на столъ, рядомъ съ письменнымъ. Когда я перебирала ихъ, мнѣ попалась записка, затѣйливо сложенная и безъ надписи, которую мнѣ такъ захотѣлось прочесть, что я не въ силахъ была воздержаться отъ искушенія ее открыть. Съ перваго взгляда на почеркъ, я узнала руку Дюфрена, а съ первыхъ же словъ письма убѣдилась, что это было страстное признаніе въ любви по моему адресу. Приготовилъ онъ ее, безъ сомнѣнія, чтобъ передать мнѣ лично, но стычка, происшедшая между нами, помѣшала ему привести это намѣреніе въ исполненіе.

Когда я прочла записку, первую моею заботой было свернуть ее попрежнему и положить на прежнее мѣсто, а ужъ потомъ поразмыслить о ея содержаніи. Онъ увѣрялъ меня въ своей преданности и любви въ самыхъ пылкихъ выраженіяхъ и, предлагая сохранить мое инкогнито, краснорѣчиво ставилъ мнѣ на видъ, какъ опасно продолжать обманывать цѣлый отрядъ, съ полковникомъ во главѣ, безъ преданнаго человѣка, который мнѣ въ этомъ бы помогать...

Все это мнѣ было, какъ нельзя лучше, извѣстно, и, еслибъ не страстная декларація въ началѣ письма, я съ благодарностью приняла бы его предложеніе и вполнѣ откровенно во всемъ бы ему созналась, но его любовное признаніе такъ меня оскорбило, что я не могла думать безъ отвращенія о встрѣчѣ съ нимъ, и въ головѣ у меня замелькали мысли, одна несообразнѣе другой: бѣжать, куда глаза глядятъ, предаться великодушію полковника, во всемъ ему сознавшись, и т. п.

Но ни на одномъ изъ этихъ намѣреній мнѣ остановиться не пришлось; не прошло и десяти минутъ, какъ въ сосѣдней комнатѣ раздались поспѣшные шаги и громкіе, оживленные голоса, дверь растворилась, и вошелъ полковникъ съ моимъ врагомъ.

Изъ разговора, который они продолжали между собой въ моемъ присутствіи, я поняла, что прискакалъ курьеръ съ важными новостями, и что новости эти перевернули вверхъ дномъ всѣ предположенія стоявшаго здѣсь отряда. Къ Москвѣ приказано было выступать въ эту же ночь, чтобъ чуть свѣтъ быть въ селеніи, отстоящемъ отъ города верстъ на пятнадцать.

Мнѣ приказано было приниматься за работу, и, не садясь, толстякъ принялся диктовать мнѣ отвѣтъ на присланное предписаніе.

Я и раньше умѣла писать очень быстро, послѣднее же время такъ привыкла къ манерѣ диктовать моего принципала и къ его выраженіямъ, что писала такъ же скоро, какъ онъ говорилъ, чѣмъ приводила его въ восторгъ.

— Вы неогнѣнный секретарь, де-Сабри! Это я вотъ сейчасъ и капитану сказалъ,—объявилъ онъ, прочитывая донесеніе, складывая его и опуская въ конвертъ.—Уступлю я васъ развѣ только императору, да и то неохотно,—прибавилъ онъ съ улыбкой, протягивая мнѣ конвертъ, чтобъ я его запечатала.

Машинально зажгла я свѣчу, взяла сургучъ и полковую печать, но присутствіе Дюфрена, стоявшаго въ двухъ шагахъ отъ меня и продолжавшаго пронизывать меня взглядомъ, приводило меня въ такое волненіе, что рука моя дрожала, держа сургучъ у огня.

— Дайте мнѣ запечатать, виконтъ,—сказалъ мой мучитель, приближаясь и вынимая у меня изъ пальцевъ сургучъ.—Васъ выдаютъ ваши нервы, мадемуазель,—прибавилъ онъ шопотомъ, пригнувшись такъ близко къ моему уху, что горячее дыханіе его обожгло мнѣ щеку.

А полковникъ тѣмъ временемъ, по своему обыкновенію, заложивъ руки за спину, прохаживался изъ одного угла комнаты въ другой, и когда онъ повернулся, чтобъ подойти къ столу, капитанъ ужъ преспокойно капалъ сургучъ на конвертъ, а я подавала ему печать.

Не обращая вниманія на мое присутствіе, они заговорили о предстоящемъ походѣ и объ извѣстіяхъ, полученныхъ изъ глав-

наго штаба. Дѣла ихъ были плохи. Въ Москвѣ пожары не прекращались и множество людей погибло въ засадахъ, изъ которыхъ всякій сбродъ изъ русскихъ стрѣлялъ и нападалъ на пришельцевъ, съ топорами, старыми саблями, ножами, съ чѣмъ ни попало. Французы проваливались въ погреба и подвалы, изъ которыхъ не показывались больше на свѣтъ Божій и во множествѣ гибли въ огнѣ. Императоръ принужденъ былъ выѣхать въ загородный дворецъ изъ опасенія покушеній на его особу. Злодѣевъ ловили, разстрѣливали, вѣшали, но это ни къ чему не вело: на одного казеннаго являлись десятки другихъ, которымъ было все равно жить или умереть, такъ какъ люди эти принадлежали къ подонкамъ общества, все мошенники, воры, разбойники. Изъ нихъ многіе были ужь пойманы и ждали казни въ тѣхъ самыхъ тюрьмахъ, изъ которыхъ ихъ выпустилъ Ростопчинъ.

Разсказы эти представляли для меня такой животрепещущій интересъ, что я забывала свои собственныя заботы, чтобъ къ нимъ прислушиваться. Приказавъ мнѣ переписать набросокъ рѣчи, которую онъ долженъ былъ произнести солдатамъ передъ выступленіемъ, полковникъ сталъ распространяться про намѣренія императора. Изъ письма, полученнаго отъ товарища и друга, командующаго отрядомъ старой гвардіи въ самой Москвѣ, ему было извѣстно, что императоръ ждетъ только прекращенія пожаровъ и очищенія города отъ негодяевъ поджигателей, чтобъ вернуться въ Москву и водворить въ ней порядокъ.

— Мы сдѣлаемъ изъ ихъ святого города то, что сдѣлали въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ, въ Миланѣ, всюду, куда проникали наши побѣдоносные орлы, и пробудемъ тамъ до тѣхъ поръ, пока Александръ не смирится. А это, безъ сомнѣнія, случится скоро, такъ какъ императоръ ужь послалъ письмо съ мирными предложеніями въ Петербургъ

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, я теперь старуха, съ угасшими страстями, и главною моею заботой замолить грѣхи, содѣянные въ продолженіе моей долгой жизни, на все почти смотрю я теперь не тѣми глазами, что прежде, и могу сказать, что давно ужь сожгла въ сердцѣ своемъ то, чему прежде поклонялась, но, когда я вспоминаю про этотъ разговоръ о надеждахъ и намѣреніяхъ нашихъ враговъ, еслибъ имъ удалось овладѣть нашей святыней, Москвой, у меня отъ гнѣва и стыда послѣдняя кровь приливаетъ къ лицу, и я спѣшу сотворить молитву, чтобъ Господь сжалился надъ моею слабостью и простилъ бы мнѣ невольный порывъ ненависти, такъ мало согласующійся съ моими лѣтами! Можно себѣ представить, что я чувствовала въ то время! Безъ преувеличенія скажу, что я предпочла бы жесточайшую тѣлесную пытку душевному истязанію, которому меня подвергали, и до сихъ поръ

не понимаю, какъ могла я воздержаться отъ искушенія закричать моимъ мучителямъ: «Молчите! Я русская и выдамъ васъ, если вы меня не убьете!».

Очень можетъ быть, что удерживалъ меня отъ этой выходки торжествующій взглядъ, который по временамъ останавливалъ на мнѣ Дюфрень, и страстное желаніе ему доказать, что я его презираю и не боюсь.

Да я и дѣйствительно его не боялась. Глухая борьба, поднявшаяся между нами, была такъ ничтожна въ сравненіи съ тѣмъ, что происходило вокругъ насъ! Я знала, что не дамъ ему надругаться надо мною, пока я жива, а смерть меня не пугала, значить, не о чемъ было и беспокоиться.

Между тѣмъ, наступила ночь, — послѣдняя ночь въ домѣ, съ которымъ я ужъ успѣла такъ освоиться, что мнѣ жалко было его покидать. Благодаря семейному архиву, въ которомъ меня съ утра до вечера заставляли рыться, я коротко познакомилась съ покойными обитателями этого жилища, и они съ каждымъ часомъ становились все ближе и ближе моему сердцу. Къ тому же и невольный страхъ заползалъ въ душу при мысли о неизвѣстности, ожидавшей насъ на новой стоянкѣ. Особенно пугало меня опасеніе разлуки со Степанидой.

Захотятъ ли ее взять съ собой? А если нѣтъ, удастся ли намъ встрѣтиться на землѣ? Дадутъ ли намъ проститься? Узнаетъ ли она когда нибудь объ опасности, которой я подвергаюсь?

Пока я размышляла такимъ образомъ, полковника вызвали въ другую комнату, и Дюфрень послѣдовалъ за нимъ. Мнѣ очень хотѣлось воспользоваться минутною свободой, чтобъ пойти поискать мою подругу, но я боялась натолкнуться на моего обожателя въ такомъ мѣстѣ, гдѣ онъ могъ бы себѣ позволить больше предпримчивости, чѣмъ въ кабинетѣ, съ растворенною дверью въ комнаты, изъ которыхъ каждую минуту могъ показаться либо полковникъ, либо какой нибудь офицеръ, передъ которымъ онъ волей-неволей долженъ былъ сдерживать свою страсть.

Изъ той комнаты, которую я занимала рядомъ со спальней полковника, одна изъ дверей выходила въ коридоръ, съ выходомъ въ сѣни задняго крыльца, и случилось какъ-то разъ, что Степанидѣ удалось ночью пробраться ко мнѣ по этому коридору. Перекинувшись нѣсколькими словами шопоткомъ и замирая отъ страха быть застигнутыми, мы разстались, не успѣвъ передать другъ другу и сотой доли того, что хотѣли сказать. Очень можетъ быть, что и сегодня въ виду того, что произошло, она опять попытается ко мнѣ проникнуть, но уйти спать, не получивши на то разрѣшенія отъ начальства, я не осмѣливалась и въ ожиданіи полковника подошла къ окну и стала изъ него смотрѣть въ садъ.

Тутъ было совсѣмъ пусто и темно отъ деревьевъ, особенно

густо разросшихся подъ окнами. Поднимался вѣтеръ, и промежъ оголенныхъ деревьевъ видно было, какимъ неистовымъ вихремъ кружились желтые листья надъ опустѣвшими клумбами, нѣкогда покрытыми душистыми цвѣтами. Среди вѣтра и бури мерещились призраки молодой женщины и двухъ мальчиковъ, еще такъ недавно беззаботно прогуливавшихся подъ этими пожелтѣвшими сводами. Не подозрѣвая злой доли, ожидавшей ихъ, они, безъ сомнѣнія, говорили про отца, ушедшаго съ ополченіемъ защищать родину... Догадывается ли онъ о томъ, что постигло его семью? Найдется ли свидѣтель катастрофы, который повѣдаетъ ему, какими героями умирали его сыновья, защищая мать? Онъ, можетъ быть, теперь въ одномъ мѣстѣ съ нашимъ отцомъ, и они рассказываютъ другъ другу про мѣры, принятыя для безопасности обожанной семьи?

Вѣтеръ все крѣпчалъ и крѣпчалъ. Сквозь вихрь, кружившійся передъ окномъ, у котораго я стояла, даже и днемъ трудно было бы что нибудь разглядѣть, а теперь, кромѣ тѣней, все чернѣе и чернѣе сгущавшихся, ничего нельзя было различить, тѣмъ не менѣе я не въ силахъ была оторваться отъ этого окна и все чего-то ждала...

Чего? Вопросъ этотъ очень бы меня затруднилъ, еслибы мнѣ его предложили...

И вдругъ, въ ту самую минуту, когда я всего менѣе этого ожидала, горсть песку, брошенная въ стекло, къ которому я прижималась лицомъ, заставила меня вздрогнуть и отшатнуться. Но, когда песокъ вторично ударился въ то же мѣсто, я догадалась, что этимъ желаютъ привлечь мое вниманіе. Растворивъ раму, я высунулась изъ окна, чтобы видѣть, кто меня зоветъ, и когда я пригнулась, чтобы посмотрѣть подъ окномъ, лицо мое чуть не столкнулось съ поднятымъ кверху лицомъ Степаниды.

— Намъ надо какъ можно скорѣе отсюда удрать, барышня, — проговорила она шопотомъ. — Чай слышали? выступаемъ мы подъ Москву... Когда еще въ самую-то Москву доберутся! Да и доберутся ли когда нибудь! Чего же намъ съ ними теперича путаться? Никакого резона на то итъ. Уйдемъ отъ нихъ скорѣе до грѣха! Сумѣемъ и безъ нихъ до дому добраться, я теперь дорогу расчудесно знаю!..

Новый порывъ вѣтра и на этотъ разъ такой сильный, что онъ заставилъ меня отшатнуться отъ окна, прервалъ ея рѣчь на полусловъ и, ворвавшись въ комнату, сталъ срывать со столовъ разбросанныя на нихъ бумаги и раскрытыя карты. И въ ту же минуту раздался въ темнотѣ сердитый голосъ полковника:

— Гдѣ вы, де-Сабри? Что за идіотъ растворилъ окно въ такую бурю? Всю нашу канцелярію разметало!

Я послѣшила захлопнуть раму и бросилась собирать разлетѣвшіяся по полу бумаги, извиняясь за причиненное безпокойство.

— У меня разболѣлась голова, и захотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ, чтобы быть въ состояннн работать ночью...

— Это потому, что вы слишкомъ мало дѣлаете моцїону. Мы устроимъ другой порядокъ въ Александровѣ... Вы слышали? Село, назначенное намъ для стоянки, называется Александрово, что означаетъ, безъ сомнѣнн, что оно принадлежитъ Александру... Какъ будто въ этой анаемской странѣ все ему не принадлежитъ! Страннн народъ! Чѣмъ бы стыдиться отсталости и гнуснаго рабства, въ которомъ онъ прозябаетъ, у него какая-то непонятная потребность кичиться своимъ положенїемъ!.. Представьте себѣ, намъ попадались крестьяне, которые съ опасностью жизни спасали имущество своихъ господъ! Да что! Я самъ своими руками пристрѣлилъ одного дурака приказчика изъ крѣпостныхъ, который не хотѣлъ намъ сказать, куда онъ увезъ сокровища своего господина, богатѣйшаго графа! Просто невѣроятно, что это за народъ! Вотъ кому бы не мѣшало хорошенько изучить трактаты о правахъ человека! — распространялся онъ, ползая вмѣстѣ со мною по полу за разлетѣвшимися бумагами и приводя въ порядокъ письменнн столъ для ночной работы, за которую мы должны были принятъя тотчасъ послѣ ужина.

— Сегодня намъ съ вами, можетъ быть, совсѣмъ не удастся лечь въ постель, — продолжалъ онъ, усаживаясь передъ столомъ, на который денщикъ поставилъ зажженнн сальнн свѣчи. — Но вы этимъ не сокрушайтесь, вы поѣдете со мной въ отличномъ дормезѣ и выспитесь въ немъ, какъ въ люлькѣ. Конвой у насъ надежнн, тѣмъ не менѣе, вы отвѣчаете мнѣ за цѣлость нашей казны и документовъ, которые мы уложимъ подъ вашимъ сидѣнїемъ. И если все окажется въ цѣлости, я васъ представлю къ наградѣ. Стоитъ только попасть въ счастливую минуту, и нашъ генералъ, чего добраго, зачислитъ васъ въ полкъ съ чиномъ лейтенанта. Вѣдь, это будетъ недурно для начала, не правда ли? — прибавилъ онъ, весело подмигивая. — Но предупреждаю васъ, что завистниковъ у васъ будетъ много. Нашимъ офицерамъ не такъ-то легко объяснить, что образованныхъ молодыхъ людей нельзя не отличать. И къ тому же императоръ любитъ выдвигать юношей изъ хорошихъ фамилїй... У него на то есть причины, безъ сомнѣнн, онъ безъ причины ничего не дѣлаетъ... Ну, готовы ли вы? Пора приниматься за дѣло! Мы можемъ до ужина просмотрѣть депешн, найденнн на убитомъ курьерѣ... Посмотримъ, что начальники русскихъ отрядовъ доносятъ старому чорту Кутузову...

Продержалъ онъ меня за работой до разсвѣта, а едва забрѣжилась заря, какъ пришлось прекратить работу, чтобы укладывать бумаги.

Между тѣмъ, то и дѣло входили офицеры съ докладами. Пришелъ и Жервезе. Какъ сказано выше, полковникъ не долюбли-

валъ его за легкомысліе и хвастливость и рѣдко приглашалъ его къ своему столу, а такъ какъ постороннихъ я могла видѣть только за обѣдомъ, то разговаривать съ нимъ мнѣ ни разу не приходилось. Подойти ко мнѣ, когда я находилась при начальникѣ, онъ не смѣлъ и ограничивался при рѣдкихъ со мной встрѣчахъ только дружескимъ кивкомъ, на который я отвѣчала поклономъ. Но въ этотъ разъ, войдя въ кабинетъ за какимъ-то приказаніемъ, онъ стоялъ и смотрѣлъ на меня до тѣхъ поръ, пока полковникъ не спросилъ у него довольно таки строго, чего онъ ждетъ.

— Вашихъ приказаній насчетъ той плѣнницы, которую я захватилъ вмѣстѣ съ обозомъ и съ виконтомъ де-Сабри...

— А развѣ эта женщина еще здѣсь?—сурово спросилъ полковникъ. — Сколько мнѣ помнится, приказъ не держать въ отрядѣ женщинъ мною не отмѣненъ.

Бѣдный лейтенантъ растерянно на меня взглянулъ и, не найдя поощренія въ моихъ испуганныхъ глазахъ, повернулся къ Дюфрену, который при первыхъ словахъ о моей спутницѣ, рванулся впередъ и устремилъ на меня пристальный и насмѣшливый взглядъ.

— Что вы на это скажете, господинъ капитанъ?— обратился къ нему полковникъ, все съ тою же напускною строгостью, которую при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ, я ужъ научилась отличать отъ настоящаго гнѣва.

— Я на это скажу, полковникъ, что безъ этой женщины я не знаю, какъ бы мы выступили въ путь. Она столько перечинила панталонъ и перештопала рубашекъ, что за одно это ее слѣдовало бы наградить,—весело объявилъ Дюфрэнъ.

Полковникъ усмѣхнулся и замѣтилъ, что если она такъ полезна, ее надо взять съ собой. — И, обратясь ко мнѣ, онъ прибавилъ:—Это ваша знакомая, мсье де-Сабри?

— Она крѣпостная князя Бѣльскаго...

— Бывшая крѣпостная, — строго поправилъ онъ меня. — Изъ нашего плѣна всѣ выходятъ вольными. Развѣ вы забыли манифестъ къ русскому народу, опубликованный надняхъ императоромъ, который я вамъ далъ списать въ нѣсколькихъ экземплярахъ для раздачи старшимъ въ селахъ и мѣстечкахъ, черезъ которыхъ мы будемъ проходить?

Итакъ, Степанидѣ, въ качествѣ вольнаго человѣка, приказано было слѣдовать за нами, чему я была бы очень рада, еслибы не обязана была этимъ счастьемъ человѣку, которому ничѣмъ не хотѣла быть обязанною, и который, я это предвидѣла, потребуетъ дорогую цѣну за услугу.

Но приходилось покоряться обстоятельствамъ.

Въ переполохѣ выступленія, мнѣ пришлось только нѣсколькими словами перекинуться съ Степанидой. Она могла мнѣ только сказать, что ее возвели въ должность маркитантки, что она пой-

дети съ обозомъ позади отряда, и что мѣстность, куда мы идемъ, ей хорошо извѣстна. По ея мнѣнью, ничего не было легче, какъ бѣжать оттуда въ Москву, и намъ оставалось только вооружиться терпѣнiемъ.

Мы тронулись въ путь.

Опять потянулись передъ нами картины разоренiя и опустѣнiя, одна ужаснѣе другой, выгорѣвшiя деревни, разрушенныя барскiя усадьбы, незарытые трупы.

Между прочимъ, проѣхали мы черезъ полянку, окруженную лѣсомъ, гдѣ мертвыхъ тѣлъ было столько, что они затрудняли проѣздъ, и пришлось посылать людей, чтобы очистить отъ нихъ путь.

Тутъ происходило большое сраженiе, но какое именно — я теперь забыла.

Шли мы дня три, съ остановками, во время которыхъ люди раскладывали огонь и варили себѣ пищу изъ припасовъ, взятыхъ съ собою на послѣдней стоянкѣ. По пути ничего не попадалось. На второй день полковникъ приказалъ убавить порцiи людямъ, чтобы не остаться безъ пищи до прихода на новую стоянку.

Отъ попадавшихся намъ на встрѣчу бѣглецовъ и раненыхъ узнавались для нашихъ спутниковъ неутѣшительныя вѣсти: на большое пространство вокругъ Москвы все, чѣмъ можно было утолить голодь, было истреблено, такъ что даже въ главной армiи хлѣбъ становился рѣдокъ, и за него съ радостью отдали бы весь награбленный въ лавкахъ сахаръ, шоколадъ и тому подобныя сласти, еслибъ только можно было его достать.

Вышло такъ, что намъ пришлось проходить неподалеку отъ Радостнаго, и можно себѣ представить, какъ мнѣ трудно было скрыть мое волненiе, когда посланные туда фуражиры вернулись съ извѣстiемъ, что стоявшая въ селѣ дивизiя все прiѣла, и, кромѣ мѣшка картофеля, съ трудомъ собраннаго въ огородѣ, нигдѣ ничего нельзя было достать!

Мѣшокъ этотъ они взвалили на плечи того самаго мужика, котораго заставили выкопать картофель, и при мысли, что мужикъ этотъ можетъ меня узнать (насъ многiе изъ дядиныхъ людей знали въ лицо), у меня морозъ прѣбѣжалъ по кожѣ.

Но, къ счастью, все обошлось благополучно. Мужика полковникъ подозвалъ къ дормезу (гдѣ были все приспособленiя для писанiя, и гдѣ я писала подъ его диктовку и переписывала его черновыя) и началъ его допрашивать черезъ меня.

Мужиченко оказался изъ самыхъ что ни на есть лядащихъ, косноязычный и придурковатый бобыль, оставленный за ненадобностью даже французами въ селѣ, изъ котораго давно ужъ все выбрались. Меня онъ раньше никогда не видѣлъ.

Переводя его слова собравшимся вокругъ меня офицерамъ, я

думала о томъ, какъ легко пробраться въ Москву, о которой онъ, невзирая на глупость, сообщалъ преинтересныя подробности, и я радовалась возможности вскорѣ увидать родной городъ.

И странное дѣло! Мнѣ при этомъ представлялся не великолѣпный дѣдушкинъ домъ, а тотъ маленькій флигелекъ въ глубинѣ двора, за высокими деревьями стараго сада, гдѣ такъ счастливо протекло наше раннее дѣтство.

Мужичекъ успѣлъ много разъ побывать въ занятомъ непріятелемъ городѣ, и, слушая его повѣствованіе объ истребленіи огнемъ Арбата, Пречистенки, Тверской и прочихъ частей города, изъ которыхъ ни одна почти не была пощажена, я съ замирающимъ сердцемъ ждала, не назоветъ ли онъ также и тотъ тупичекъ, гдѣ мы жили при маменькѣ, но онъ его не называлъ, а мнѣ было жутко спрашивать про него, легче было оставаться въ неизвѣстности и надѣяться, что несчастье наше не такъ еще велико, какъ могло быть.

— Спросите у него про его господъ, гдѣ они теперь находятся, — приказалъ полковникъ.

Я съ замирающимъ отъ страха сердцемъ исполнила его желаніе.

Мужичекъ оживился и сталъ распространяться про своего барина, князя Льва Романыча, какъ онъ ужъ давно покинулъ свое имѣніе, въ которомъ безвыѣздно проживалъ лѣтомъ и зимой, вотъ ужъ скоро пятнадцать лѣтъ, и какъ, забравъ съ собой только книги да портреты, онъ уѣхалъ, наказывая оставшимся людямъ никому не отказывать въ пищѣ и пристанищѣ.

— «Всѣмъ, кто сюда ни придетъ, чтобъ скрыться отъ бѣды, служите, какъ мнѣ служили, говоритъ, и никому ни въ чемъ не отказывайте». Все, что было припасено въ погребахъ и въ подвалахъ, приказали раздавать неимущимъ, чтобъ никто съ пустыми руками изъ нашего Радостнаго не вышелъ. А батюшкѣ нашему земли пять десятинъ подарили, чтобъ молился за ихъ сродственникововъ, за князя Бориса Романыча съ дѣточками. Живъ ли теперича нашъ батюшка князь, не знаемъ! Одинъ только разъ и удалось про него вѣсточку получить, отъ молодого князя Сергѣя Борисыча, племянника ихняго...

Можно себѣ представить, что я почувствовала, услышавъ дорогое имя!

— Когда ты его видѣла?—не утерпѣла я, чтобъ не спросить.

— Молодого князя-то? Да надняхъ онъ съ тремя какими-то приходилъ къ намъ. Въ домъ заходили. Я его по комнатамъ водилъ; все наше разореніе изволили видѣть. Посидѣли на террасѣ. Я имъ кваску ковшикъ принесъ да краюшку хлѣба. Положили въ сумку хлѣбъ-то и золотой изволили мнѣ пожаловать за угощеніе. У насъ теперь, послѣ того, какъ французъ у насъ побывалъ, хлѣбъ-то куда дороже золота стоитъ!

— Что онъ говоритъ?—спросилъ полковникъ, которому, увлекшись слышаннымъ, я забывала переводить то, что говорилъ мужикъ. — Я у него разспрашивалъ про нашу будущую стоянку. Онъ изъ тѣхъ мѣстъ и можетъ намъ дать свѣдѣнія о томъ, что мы тамъ найдемъ.

И, обращаясь къ мужику, я у него спросила, не знаетъ ли онъ, что дѣлается у помѣщика Росляковскаго, въ селѣ Михайловскомъ.

— Тамъ, кажись, все еще цѣло, туда злодѣй еще не доходилъ,—отвѣчалъ онъ.—Ихъ баринъ тоже къ намъ прѣзжалъ послѣ отъѣзда нашего князя, и, говорятъ, предупреждалъ старосту, что къ намъ французъ безпремѣнно придетъ.

— А куда пошелъ отъ васъ молодой князь Сергѣй Борисовичъ?—спросила я.

— Да пошелъ онъ по московской дорогѣ...

— Онъ говоритъ про Москву? Что такое?—опять вернулъ меня къ исполненію моихъ обязанностей мой начальникъ, и на этотъ разъ довольно таки строго.

Меня точно что дернуло поднять глаза на Дюффрена, и его пристальный и насмѣшливый взглядъ такъ меня смутилъ, что я вспыхнула до ушей.

— Молодой князь въ наше мужицкое платье переодѣлся, чтобъ въ Москву итти,—продолжалъ между тѣмъ мужикъ.—Я ему достать старую одежду отъ форейтора Ефимки. А пришелъ-то онъ къ намъ ратникомъ...

— Онъ говоритъ, что путь къ Москвѣ загражденъ французскими войсками, и что русскимъ туда пробраться невозможно,—поспѣшила я объявить полковнику.

— Это мы и безъ него знаемъ. А что онъ про Александрово говоритъ? Достанемъ мы тамъ продовольствія на отрядъ? Неужто отъ него даже этого невозможно добиться? Какъ эти русскіе глупы!

— А про князя Бориса Романовича у васъ давно ничего не было слышно?—поспѣшила я освѣдомиться прежде, чѣмъ продолжать допросъ въ интересномъ для моихъ слушателей смыслѣ и не обращая вниманія на ихъ раздраженіе. Все чаще и чаще переглядывался полковникъ съ Дюффреномъ, который пожималъ плечами, не переставая пронизывать меня взглядомъ. Я сознавала, что играю въ опасную игру, но мнѣ такъ хотѣлось выпытать у мужика все, что можно о своихъ, что я, мнѣ кажется, продолжала бы задавать ему вопросы даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ мнѣ за это грозила смертная казнь.

При имени моего отца мужичекъ оживился.

— Князь Борисъ Романычъ такую кучу французовъ перебилъ, что ему отъ самага большого начальства награда вышла. Теперича подъ Троицкое, говорятъ, съ дружиной пошелъ... А гдѣ они вза-

правду находятся, никому достоверно неизвѣстно. Они все нахрапомъ, оно лучше такъ-то.

— А про Александрово не слышать, значить, чтобъ все оттуда вывезли?—рѣшилась я наконецъ вернуться къ исполненію моихъ обязанностей.

— Про это не слышать. И въ Топорковѣ тоже, говорятъ, все спокойно.

Я передала съ прибавленіями это заявленіе полковнику, который приказалъ отпустить мужика и тронуться въ путь.

Когда мы очутились въ дормезѣ втроемъ, полковникъ, Дюфрень и я, этотъ послѣдній замѣтилъ, что не мѣшало бы мнѣ переодѣться въ болѣе приличное платье.

— Мужичья одежда, которую вы съ себя не снимаете съ тѣхъ поръ, какъ вы съ нами, можетъ навести на подозрѣніе...

Говоря такимъ образомъ, онъ не спускалъ съ меня глазъ, видимо наслаждаясь моимъ смущеніемъ.

— Вы правы, Дюфрень, — согласился полковникъ. — Я пари держу, что даже этотъ идиотъ сообразилъ, что вы не крестьянинъ, и удивляется, что, говоря по-русски, какъ русскій, вы находитесь съ нами. За кого онъ васъ принялъ—за шпиона или за предателя? Все это очень некрасиво. А вѣдь встрѣчи, подобныя этой, могутъ случиться и впредь.

— Но у меня нѣтъ другого платья,—замѣтила я краснѣя.

— Этому легко пособить,—сказалъ Дюфрень:—можно достать виконту костюмъ императорскаго пажа, хотя бы бѣднаго Лагранжа, убитаго подъ Смоленскомъ. Ему платье больше не нужно.

— Прекрасно! При первой отправкѣ въ главный штабъ, попрошу прислать намъ костюмъ пажа лѣтъ четырнадцать, а теперь скажите намъ, о чемъ этотъ мужикъ такъ много съ вами распространялся. Вы намъ и десятой доли не передали изъ того, что онъ вамъ сказалъ!

— Какъ видно, что вы не знаете манеру говорить нашихъ мужиковъ! Имъ надо гораздо больше словъ, чѣмъ намъ, чтобъ выразить мысль. А къ тому же я спрашивалъ его о знакомыхъ усадьбахъ въ той мѣстности, изъ которой его привели...

— И чтожъ онъ вамъ сказалъ про эти ваши знакомыя усадьбы?—полюбопытствовалъ полковникъ.

— То же, что и всѣ говорятъ: все выжжено, разграблено, разорено, всѣ люди разбѣжались...

— Да, война не дѣтская игра,—глубокомысленно, какъ всегда, когда ему случалось изречь такую пошлую истину, какъ дважды два четыре, произнесъ полковникъ.

А потомъ онъ задремалъ, и подъ его могучій храпъ Дюфрень сталъ, по обыкновенію, описывать мнѣ свою страсть, клятвенно

увѣряя, что ему скоро будетъ не въ моготу скрывать своихъ чувствъ, и что если я надъ нимъ не сжалюсь, онъ себя выдастъ.

А я, какъ всегда, отвѣчала упорнымъ молчаніемъ на его декларациі, и чтобъ не видѣть его пылавшаго лица, съ страшно сверкающими глазами, смотрѣла изъ открытаго окна на бѣгушія мимо пожелтѣвшія нивы и на развалины того, что еще такъ недавно было цвѣтущими мѣстечками, съ богатымъ населеніемъ, съ пасущимися стадами и со скирдами хлѣба.

Но въ тотъ день мнѣ было труднѣе, чѣмъ раньше, отдѣлаться отъ моего докучливаго вздыхателя. Близость ли стоянки, на которую ему хотѣлось прибыть, уже заручившись моимъ согласіемъ отвѣчать на его любовь, или досада на меня за длинный разговоръ въ его присутствіи съ незнакомцемъ, изъ котораго онъ одно только могъ понять, это то, что у меня съ этимъ мужикомъ гораздо больше общаго, чѣмъ съ нимъ, привело его въ раздраженіе, такъ или иначе, но никогда еще не былъ онъ со мною такъ нагло смѣль, какъ въ эти сумерки. Каждую минуту мнѣ казалось, что если нашъ спутникъ не проснется, мнѣ придется разбудить его, чтобъ спастись отъ приставаній моего ненавистнаго вздыхателя.

Я должна была ему сказать, что выскочу изъ экипажа, съ опасностью сломить себѣ шею, если онъ до меня дотронется, я, не вслушиваясь въ его слова, молила Бога объ одномъ: поддержать мое терпѣніе до конца. Но онъ не унимался и продолжалъ расписывать мнѣ свои чувства.

Давно ужъ перестала я опровергать его, когда онъ обращался ко мнѣ, какъ къ женщинѣ. Если ему удалось узнать мою тайну, пытаться продолжать разыгрывать передъ нимъ комедію мнѣ казалось и глупо и безцѣльно. Къ тому же, обстоятельства такъ складывались, что теперь и самъ онъ ничего такъ не боялся, какъ разлуки со мной, а это неминуемо бы случилось, еслибъ обманъ мой открылся. Все чаще и чаще наворачивалась мнѣ на умъ мысль во всемъ повиниться предъ толстякомъ, который успѣлъ ко мнѣ привязаться за эти десять дней совмѣстной жизни, но я тотчасъ же вспоминала про военныя тайны, довѣренныя мнѣ, какъ французу, желавшему служить своей родинѣ, и приходилось отказываться отъ этого намѣренія. Еслибъ полковникъ полюбилъ меня, какъ родного сына, то и тогда долгъ чести не позволилъ бы ему выпустить меня живымъ изъ отряда.

И Дюфрэнъ зналъ это, какъ нельзя лучше, когда увѣрялъ меня, что жизнь моя въ его рукахъ.

— Вы, безъ сомнѣнія, намѣреваетесь бѣжать изъ Александрова съ той дѣвушкой, которая при обозѣ и которая умѣетъ притворяться такъ же искусно, какъ и вы? — шепталъ онъ мнѣ, выглядывая рядомъ со мною изъ окна и пригибаясь ко мнѣ такъ близко, что я не знала, куда дѣваться отъ горячаго дыханія, которымъ онъ

обдавалъ мою щеку и шею.—Но вы только подумайте, куда вамъ идти безъ моей помощи? Васъ тотчасъ же поймають, тогда какъ, если вы захотите сдѣлаться моимъ другомъ, я могу вамъ дать свободу... Я обожаю васъ съ каждой минутой все больше и больше и доказываю вамъ это каждую минуту. Вспомните, что вы мнѣ обязаны присутствіемъ вашей камеристки въ отрядѣ, что, благодаря мнѣ, вы въ безопасности возлѣ стараго дурака, который безъ васъ обойтись не можетъ... Вѣдь я съ перваго взгляда на васъ догадался, что вы дѣвушка и аристократка... Мнѣ стоило бы только это сказать полковнику, и вы раздѣлили бы участь всѣхъ женщинъ, попадающихъ къ намъ въ плѣнъ. Васъ ужъ давно не было бы въ живыхъ, и вы погибли бы такою ужасною смертью, что родной отецъ согласился бы лучше задушить васъ собственными руками, чѣмъ подвергнуть васъ такому ужасу. Я оберегаю васъ, какъ ребенка, какъ страстно любимую женщину, моя единственная мечта заслужить вашу благодарность...

— Я вамъ благодарна,—чуть слышно прошептала я,—но вы хотите моей любви, а я вамъ ее дать не могу...

— Вы любите другого? — вырвалось у него такъ громко, что толстякъ издалъ рычаніе, предвѣщавшее скорое пробужденіе.— Обѣщайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, выслушать меня при болѣе благопріятной обстановкѣ! Если вы не хотите произнести того слова, которое жаждетъ отъ васъ услышать мое сердце, кивните только вашею прелестною головкой! Ради самого Бога! Ради того, что у васъ на свѣтѣ всего дороже, ради вашего потеряннаго брата, котораго я вамъ торжественно обѣщаюсь найти, хотя бы мнѣ пришлось для этого кинуться въ бездонную пропасть, скажите мнѣ, что вы позволите мнѣ съ вами переговорить и сказать вамъ, что именно я хочу для васъ сдѣлать!

Какъ тутъ было поступить? Какъ не притвориться, что я соглашаюсь на его просьбу, чтобы только отвязаться отъ его приставаній, тѣмъ болѣе опасныхъ и несносныхъ, что насъ каждую минуту могли услышать и даже увидѣть? Карета временами ѣхала такъ медленно, что люди изъ отряда подходили къ кучеру и къ денщику на козлахъ, чтобы разговаривать съ ними. Проходя мимо раствореннаго окна, изъ котораго мы выглядывали, они не могли не видѣть наши возбужденныя лица, его—страстью, а мое—досадой и отвращеніемъ. При одной изъ такихъ остановокъ подошелъ къ намъ Жервезе, съ предложеніемъ пройти внизъ по горѣ, съ которой лошади должны были спускаться шагомъ. Но, должно быть, выраженіе нашихъ лицъ очень его изумило, потому что онъ отошелъ, не дождавшись отвѣта на свое предложеніе.

— Вы такъ мало думаете о моей безопасности, что каждую минуту выдаете меня взглядами и словами, которыя произносите такъ громко, что всѣ ихъ слышать, — проговорила я съ досадой,

опускаясь на прежнее мѣсто рядомъ съ полковникомъ, который проснулся и съ недоумѣніемъ озирался по сторонамъ.

— О, всякому терпѣнію есть границы! И, право же, вы совершенно напрасно подвергаете меня нравственной пыткѣ, которую я не въ силахъ выносить дольше! Я съ вами разговариваю не на балѣ, подъ звуки оркестра, между вальсомъ и менуэтомъ, а на войнѣ, когда каждая минута дорога, когда смерть стережетъ насъ на каждомъ шагу... тутъ нѣтъ мѣста проволочкамъ и церемоніямъ... Какъ вы не понимаете, что мнѣ нѣтъ ничего легче, какъ добиться силой того, что вы упорствуете мнѣ дать по доброй волѣ?.. О, еслибъ я васъ не такъ страстно любилъ! — злобно процѣдилъ онъ сквозь зубы.

— Вы говорите, что неудобно ѣхать въ каретѣ? — подхватилъ, совсѣмъ проснувшись, полковникъ. — Я тоже это нахожу и часто вспоминаю моего Араба. Я писалъ Дешартру, чтобъ онъ добылъ мнѣ хорошаго коня вмѣсто покойнаго Араба, и онъ обѣщаль исполнить мою просьбу при первомъ удобномъ случаѣ, — прибавилъ онъ потягиваясь. — Но, къ счастью, наше скучное странствованіе скоро кончится.

Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали прихода въ село, гдѣ намъ была назначена стоянка, — всѣ, кромѣ меня. При одной мысли о томъ, что меня тамъ ожидаетъ, у меня замирало сердце. Вообще я чувствовала, что силы начинаютъ меня покидать, и молила Бога надо мною сжалиться и взять меня подъ свою охрану. Глупа я тогда была, не знала, что Господь не налагаетъ креста сверхъ силъ на человѣка! И сколько мнѣ еще пришлось перенести бѣдствій прежде, чѣмъ убѣдиться въ этой великой евангельской истинѣ!

Съ наступленіемъ ночи начала разыгрываться гроза съ такою бурей, что въ лѣсу, къ которому мы подходили, съ трескомъ ломало деревья, и казалось безопаснѣе переждать, чтобы успокоились разбушевавшіяся стихіи, на открытомъ мѣстѣ. Я вспомнила, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, такая же буря съ вѣтромъ и раскатами грома, кончившаяся проливнымъ дождемъ, разыгралась въ половинѣ сентября въ Москвѣ, и какъ старики увѣряли, что это предвѣщаетъ общественное несчастье. И дѣйствительно слѣдующій затѣмъ годъ былъ неурожайный. Не предвѣщала ли и теперь эта поздняя гроза гибель нашимъ врагамъ?

Я видѣла, какъ мои спутники съ ироническою усмѣшкой переглядывались каждый разъ, когда при раскатахъ грома я крестилась, и мнѣ ихъ становилось жаль. Къ кому прибѣгнуть они, когда на нихъ посыплются несчастья, противъ которыхъ отъ земныхъ силъ помощи ждать нельзя?

Странное у меня было къ нимъ чувство. Я съ ними сжилась настолько, что коротко ихъ узнала. Узнала, что это такіе же

люди, какъ и мы, но только нравственно ослѣпленные, очарованные до потери сознанія убѣжденіемъ въ силѣ своего могущества и величія, не признающіе ничего и никого, кромѣ самихъ себя, забывшіе совѣтъ Бога, такъ что каждое напоминаніе о Немъ, какъ крестное знаменіе, напимѣръ, приводило ихъ въ смущеніе.

Смущеніе это имъ очень хотѣлось облечь въ презрѣніе, стоило только взглянуть на растерянную усмѣшку, кривившую ихъ губы жалкою гримасой, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Но впослѣдствіи мнѣ и такихъ гримасъ не приходилось видѣть на устахъ этихъ несчастныхъ, а только тупой ужасъ передъ преслѣдовавшей ихъ судьбой, причинъ и цѣлей которой они не хотѣли, да и не могли понять.

Все это мнѣ въ то время въ голову, разумѣется, не приходило, но впослѣдствіи, читая воспоминанія тѣхъ самыхъ людей, духовнаго настроенія и бѣдствій которыхъ я была свидѣтельницей, мнѣ приходилось убѣждаться, до какого ослѣпленія можетъ довести людей предвзятая идея! Ни одного правдиваго описанія войны двѣнадцатаго года не читала я у французовъ. И поняли они насъ въ эту страшную, какъ для нихъ, такъ и для насъ эпоху, несравненно меньше, чѣмъ мы ихъ. Слишкомъ былъ далекъ ихъ духъ отъ нашего духа! При столкновеніи, происшедшемъ въ тотъ роковой годъ между нами и ими по ихъ винѣ, отдаленность эта сдѣлалась еще ощутительнѣе.

Извиняясь за это отступленіе, продолжаю мой рассказъ.

Когда буря утихла и полилъ дождь, мы двинулись къ лѣсу, чернѣвшему и неистово шумѣвшему въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ отрядъ остановился, чтобъ переждать непогоду.

Въ время этой остановки, которую я провела въ каретѣ одна, полковникъ вышелъ съ Дюфреномъ, чтобъ осмотрѣть людей и привести въ порядокъ какъ ихъ, такъ и скучившихся въ паническомъ страхѣ животныхъ, громкое ржаніе которыхъ по временамъ заглушало даже ревъ и вой разсвирѣпѣвшихъ стихій.

Не прошло и пяти минутъ, какъ къ окну, изъ котораго я выглядывала, подбѣжала Степанида.

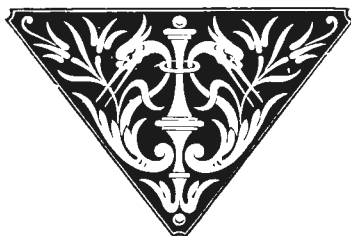
— Вы, барышня, извольте въ походъ собраться. Намъ лучшаго случая отъ нихъ бѣжать не дождаться, — проговорила она, подпрыгнувъ къ окну. И, ухватившись за край подоконника, она прибавила задыхающимся шопотомъ: — Намъ съ ними нельзя больше оставаться... Секретъ нашъ открытъ... кромѣ полковника, всѣ знаютъ, что вы барышня, и что капитанъ въ васъ безъ ума влюбившись... Да и мнѣ ужъ съ ними больше не въ терпежь, того и гляди, на всю жизнь опаганятъ, басурманы проклятые! Какъ наступитъ совѣтъ ночь, я вотъ, какъ теперь, къ вамъ подойду, а вы держите

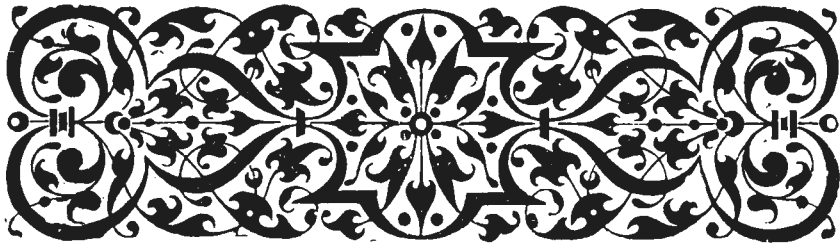
дверцу наготовѣ, чтобъ, не мѣшкая, ее растворить и мигомъ ко мнѣ на руки выпрыгнуть...

Говоря такимъ образомъ, она безпрестанно оглядывалась по сторонамъ и, завидя издали приближавшагося къ каретѣ солдата, соскочила на землю и исчезла у меня изъ глазъ въ туманѣ отъ дождя, ливнемъ падающаго съ неба.

Н. Мердеръ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ О М. С. ЩЕПКИНѢ ¹⁾.

ХVIII.

ОБЪЗДКИ въ провинцію М. С. Щепкинъ дѣлалъ въ теченіе всей своей службы въ Москвѣ. Помимо чисто артистическаго желанія путешествовать и играть передъ новою публикой, Щепкина влекла въ провинцію почти-что необходимость заработать что нибудь лишнее сверхъ казеннаго жалованья. Отправляясь въ отпуски, обусловленные контрактомъ, или по болѣзни, М. С. Щепкинъ всегда игралъ въ большихъ городахъ, черезъ которые проѣзжалъ. Къ этому добавочному подспорью прибѣгали многіе изъ столичныхъ актеровъ, а Щепкину съ его семьей это было нужнѣе, чѣмъ кому либо. Прослуживши 20 лѣтъ на московской сценѣ, М. С. не только ничего не скопилъ себѣ на черный день, но рѣшительно проживалъ все, что получалъ. Въ мартѣ 1843 года ему была назначена пенсія высшаго оклада—1.142 р. 82 коп. За эту пенсію онъ долженъ былъ прослужить по закону еще «два года благодарности»; получалъ онъ попрежнему, такъ какъ жалованье было обращено въ пенсіонъ. Въ этомъ году онъ снова ѣздилъ на 5 мѣсяцевъ на югъ для поправленія здоровья, и жалованья отъ дирекціи за это время ему не выдавалось. Прослуживъ «два года благодарности»,

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXI, стр. 435.

Щепкинъ получилъ отъ дирекціи предложеніе продолжать службу еще три года съ окладомъ въ 1.142 рубля 82 коп. и разовыми за каждый спектакль по 35 рублей 70 коп., съ полнымъ зимнимъ бенефисомъ и съ ежегоднымъ отпускомъ на мѣсяцъ. Щепкинъ не соглашался на три года по разстроенному здоровью. Контрактъ заключили на годъ, но съ тѣмъ, что если позволитъ здоровье, то будетъ служить и еще два года. Такъ оно и вышло. Онъ прослужилъ три года, и въ 1848 году дирекція предложила ему тѣ же условія. Щепкинъ просилъ прибавки къ жалованью еще 1.000 рублей, но ему дали 40 рублей разовыхъ, и контрактъ заключили опять на три года. Когда кончился срокъ, дирекція опять предложила тѣ же условія, но Щепкинъ просилъ опредѣлить количество спектаклей въ теченіе года. Для него это было важно, потому что сумма разовыхъ измѣнялась въ зависимости отъ количества спектаклей, и онъ не могъ рассчитывать на совершенно опредѣленный заработокъ. Такъ, онъ участвовалъ въ спектакляхъ въ 1845 году 72 раза, а въ слѣдующихъ годахъ—43, 76, 51 и 47 разъ. На его просьбу въ дирекціи отвѣтили, что сумма разовыхъ не опредѣляется, ибо поспектакльная плата есть не жалованье, а только мѣра поощренія и, слѣдственно, должна быть опредѣляема не инымъ чѣмъ, какъ числомъ дѣйствительныхъ, а не предполагаемыхъ представлений. Поэтому контрактъ былъ заключенъ до 17-го марта 1854 года на прежнихъ условіяхъ. Во всѣхъ этихъ переговорахъ съ дирекціей, какъ и въ провинціальныхъ поѣздкахъ, сказывалась если не нужда, то во всякомъ случаѣ необходимость свести концы съ концами.

XIX.

Въ началѣ восьмисотыхъ годовъ,—разсказываетъ М. С. Щепкинъ,— жили въ Курскѣ весело, и это продолжалось до губернатора Н. И. Н., со вступленія котораго въ управленіе губерніей (не могу опредѣлить точно времени, когда это было: въ 1808 или въ 1809 году) общество начало разстраиваться и дѣлиться на двѣ партіи, такъ что къ концу года веселость исчезла, и если бывали какія либо собранія дворянъ въ одну кучу, то или по случаю чьихъ либо именинъ или свадебъ. Прислушиваясь во всѣхъ классахъ общества, я услышалъ одинъ ропотъ на губернатора: первое, что при его средствахъ жилъ не по-губернаторски и даже, къ стыду дворянства и своего званія, ѣздилъ по городу четверней, а не въ шесть лошадей, и прислуги было мало, такъ что въ царскіе дни, когда давалъ обѣды, никого, кромѣ должностныхъ людей, не приглашалъ, и для такого небольшого числа посѣтителей назначали для услуги людей изъ другихъ домовъ, и даже за пятью дѣтьми или чуть ли не за шестью ходила одна дѣвушка, Сарра

Ивановна; а какъ тутъ были и мальчики, то ихъ, бѣдныхъ, приучили съ четырехъ лѣтъ самихъ одѣваться, такъ что ей стоило только приготовить, что надѣть: «Воля ваша,—говорили всѣ,—это не по-дворянски!» Но главное, что возмущало все общество, это то, что онъ не бралъ взятокъ. «Что мнѣ въ томъ,—говорилъ всякій,—что онъ не беретъ? зато съ нимъ никакого дѣла не сдѣлаешь». А въ этомъ вѣкъ не было и жалобы на взятки, но былъ попрекъ отъ общества слѣдующій: «вотъ, говорятъ, былъ дуракъ—покойникъ такой-то: 25 лѣтъ былъ секретаремъ гражданской палаты, а умеръ—похоронить было нечѣмъ!»

Въ самомъ Курскѣ было два человѣка, которыхъ имена были записаны у каждаго гражданина, имѣющаго дѣла, или въ святцахъ или въ календарѣ: это — П. М. Торжевскій и Л. С. Бакановъ; да въ Судженскомъ уѣздѣ было знаменитое лицо Котельниковъ—тотъ самый, о которомъ Гоголь сказалъ въ «Мертвыхъ душахъ» нѣсколько словъ, и въ томъ числѣ фразу: «полюбите насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ». Означенныя три лица считались за благороднѣйшихъ людей, потому что брали и дѣлали; а то все служащее брало и ничего не дѣлало. Послѣдній былъ по вѣку удивительное лицо, хотя служба его была какъ бы черновая: онъ былъ всю жизнь письмоводителемъ при исправникахъ. Когда я его узналъ, онъ выражался, что уже на тринадцатомъ исправникѣ ѣздитъ. «Какъ приведутъ,—говоритъ,—съ выборовъ новаго исправника, а особливо, который служилъ прежде въ военной службѣ,—приступу нѣтъ, точно дикій жеребецъ, бьется и задомъ, и передомъ, и даже кусается; а какъ обгладишь хорошенько, такъ такой въ ѣздѣ хорошій станеть, что любо-дорого!» Этотъ человѣкъ отличался необычайною памятью, такъ что очень часто приѣзжали изъ другихъ губерній спрашивать, вотъ по такому-то дѣлу не знаетъ ли какогонибудь закона, который былъ бы въ пользу этого дѣла; и даже, при выходѣ какогонибудь новаго указа, приѣзжали спрашивать: «ну, что, Иванъ Васильевичъ, что вы скажете о новомъ указѣ?» — «Что же, ничего! лазейки двѣ есть». И когда гдѣ случится дѣло, которое подходило подъ смыслъ этого указа, то, разумѣется, тотчасъ бѣжали къ Ивану Васильевичу, и онъ указывалъ лазейку, за что бралъ условленную плату, и его считали за благороднѣйшаго человѣка.

При такомъ взглядѣ на вещи, разумѣется, губернаторъ не могъ нравиться обществу, и даже полиція горько сѣтовала на него за слѣдующее. Въ то время на театрѣ играли комедію Судовникова: «Неслыханное диво, или честный секретарь», въ которой квартальный выведенъ не совсѣмъ съ выгодной стороны, и каждый разъ, какъ только давалась эта пьеса, содержатель обязанъ былъ отправлять нѣсколько билетовъ къ полицеймейстеру, за что каждый разъ и деньги были заплачены, а полицеймейстеру данъ отъ гу-

бернатора приказъ, чтобы эти билеты были раздаваемы кварталальнымъ по очереди, и чтобы они были непремѣнно въ театрѣ, а такъ какъ самъ губернаторъ всякій разъ бывалъ въ театрѣ, то и могъ видѣть, исполняется ли его распоряженіе. Въ этой комедіи есть слѣдующая сцена: кварталальный, изъ дворянъ, у предсѣдателя (который жаловался, что онъ нездоровъ) выразился: «отчего вы, ваше высокородіе, не пригласите докторовъ?»

— Охъ, боюсь я французовъ и нѣмцевъ.—Квартальный говоритъ:

Коль въ страхъ вы себя французу поручить,
У насъ есть будочникъ — ужасно золъ лѣчить..

Предс. Да развѣ медикъ вашъ будочникъ учился?

Кварт. Онъ прежде въ конюхахъ придворныхъ находился;
А тамъ какой-то былъ изъ нѣмцевъ коновальъ,
Всю хиромантию и дохтурство онъ зналъ.
Такъ этотъ вокругъ него всегда почти вертѣлся
И медициніи препропасть насмотрѣлся:
Припарку ли сварить, проносное ли дать —
Все знаетъ. Мнѣ вотъ онъ старался помогать...

(Показываетъ на подбитый глазъ).

Предс. Что это у тебя?

Кварт. (смѣясь). За храбрость дали звѣзду.

Третьяго дни я былъ въ театрѣ у развѣзду,
Такъ кучеръ тамъ меня нечаянно задѣлъ
По рожѣ кулакомъ.

Предс. И ты не возымѣлъ

Претензій на него?

Кварт. Да гдѣ мнѣ съ нимъ тягаться!

Тебя же обвинять; ну, какъ, дескать; связаться
Не стыдно съ кучеромъ? Да это мнѣ пустякъ!
Случается, что насъ колотятъ и не такъ.

Предс. Да, должность такова! Тутъ нечему дивиться,

За то въ другой статьѣ уцербъ вознаградится.

(Указываетъ на карманъ. Оба смѣются, а кварталальный кланяется предсѣдателю съ видимымъ почтениемъ).

Весь городъ сожалѣлъ о бѣдныхъ кварталальныхъ, которые самимъ начальствомъ были выставлены какъ бы на поруганіе. Вотъ каковъ былъ духъ общества съ 1801 до 1816 года. Но, къ сожалѣнію, это было не въ одномъ Курскѣ. Въ 1816 году я уже расстался съ Курскомъ и пріѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ скоро увидалъ все то же. Вотъ было время!

XX.

Была одна дама въ Курскѣ, собою прекрасивая. Весь городъ сожалѣлъ объ ея болѣзни, которою она, несчастная, страдала. Болѣзнь ея состояла въ страшной тоскѣ, и вся медицина тогдашняя не могла найти средства облегчить ее, но случай открылъ лѣкарство. Какъ-то въ самомъ сильномъ страданіи одна изъ крѣпостныхъ ея дѣвокъ принесла ей какую-то оконченную работу, весьма дурно сдѣланную; бывъ въ волненіи, она вмѣсто выговора дала ей двѣ пощечины, и странное дѣло! — черезъ нѣсколько минутъ почувствовала, что ей какъ будто сдѣлалось получше. Она это замѣтила, но сначала приписала это случаю. Но на другой день тоска еще болѣе овладѣла ею, и, будучи въ безвыходно-страдательномъ положеніи, она бѣдная вспоминала о вчерашнемъ случаѣ и, не находя другого, рѣшилась попробовать вчерашнее лѣкарство. Пошла сейчасъ въ дѣвичью и къ первой попавшейся на глаза дѣвушкѣ придралась къ чему-то и наградила ее пощечинами, и что же? — въ одну минуту какъ рукой сняло; а потомъ каждый день, послѣ того, начала лѣчиться такимъ образомъ, и общество даже замѣтило, что она поправляется. Однажды графиня ¹⁾ наша высказала ей свою радость, видя ее въ гораздо лучшемъ положеніи, и она, въ благодарность за это дружеское участіе, открыла ей рецептъ лѣкарства, который такъ помогъ. И какъ графиня была въ чахоткѣ, и у нея часто бывала тоска, то дама эта совѣтовала ей употребить то же лѣкарство, говоря, что оно очень поможетъ; но наша графиня ей въ отвѣтъ на это сказала: «милая! я во всю жизнь щелчкомъ никого не тронула, и еслибы, Боже сохрани, со мной случилось такое несчастіе, то мнѣ кажется — я умерла бы отъ стыда на другой же день». И это не фраза, потому что она была добрѣйшее существо, хотя и были кое-какія человѣческія слабости.

Не могу опредѣлить точно времени, но только однажды, когда я рисовалъ у графини въ комнатѣ узоръ съ вышитаго платья, вдругъ пріѣзжаетъ больная дама и очень разстроенная. Графиня тотчасъ замѣтила и отнеслась къ ней съ вопросомъ: «Милая Марья Александровна! что съ вами, вы такъ разстроены?» — и бѣдная больная, залившись слезами, стала жаловаться, что дѣвка Машка хочетъ ее въ гробъ положить. — «Какимъ образомъ?» — спросила графиня. — «Не могу найти случая дать ей пощечину. Уже я нарочно задавала ей и уроки тяжелые, и давала ей разныя порученія: все,

¹⁾ Графиня Волькенштейнъ; М. С. Щепкинъ былъ крѣпостной человѣкъ графа Волькенштейна.

мерзавка, сдѣлаетъ и выполнить такъ, что не къ чему придраться... Она, правду сказать, чудная дѣвка и по работѣ и по нравственности; да за что же я, несчастная, страдаю, а вѣдь отъ пощечины она бы не умерла!» Посидѣвши немного и высказавъ свое горе она уѣхала, и графиня, при всей своей добротѣ, все-таки объ ней сожалѣла. Но дня черезъ два опять прїѣзжаетъ Марья Александровна веселая и какъ будто бы въ какомъ-то торжествѣ, обнимаетъ графиню, цѣлуетъ, смѣется и плачетъ отъ радости и, даже не дожидаясь вопроса отъ графини, сама объяснила свою радость: «Графинюшка! сегодня Машкѣ двѣ пощечины дала». Графиня спросила: «за что? развѣ она что напалила?»—«Нѣтъ, за ней этого не бываетъ. Но вы знаете, что у меня кружевная фабрика, а она кружевница; такъ я такой ей урокъ задала, что не хватитъ человѣческой силы, чтобы его выполнить». И наша графиня, при всемъ участіи къ больной, не могла не сказать ей въ отвѣтъ: «и вамъ это не совѣстно?» — «Ахъ, ваше сіятельство! что же мнѣ умереть изъ деликатности къ холопкѣ? а ей вѣдь это ничего, живехонька, какъ ни въ чемъ не бывало». Такой разговоръ происходилъ въ воскресенье, а во вторникъ, гораздо ранѣе назначеннаго времени для визитовъ, Марья Александровна прїѣзжаетъ къ графинѣ, разстроенная и почти въ отчаяніи, и, входя на порогъ, даже не поздоровавшись съ хозяйкой, кричитъ, что дѣвка Машка непременно хочетъ ее уморить. Графиня спрашиваетъ, что такое случилось. «Какъ же, графиня! представь себѣ, вчера такой же урокъ задала, — что же?... значитъ, мерзавка ни спала, ни ѣла, а выполнила, и все это только, чтобы досадить мнѣ! Это меня такъ разсердило, что я не стерпѣла и съ досады дала ей три пощечины; спасибо, въ головѣ нашла причину: а, мерзавка! говорю ей, значитъ, ты и третьяго дня могла выполнить, а по лѣности и изъ желанія сдѣлать неприятность не выполнила; такъ вотъ же тебѣ!—и вмѣсто двухъ дала три пощечины, а со всѣмъ тѣмъ не могу до сихъ поръ прійти въ себя... и странное дѣло: обыкновенное лѣкарство употребляла, а страданія не прекращаются!»

По отъѣздѣ этой дамы, графиня стала сожалѣть объ ней; а такъ какъ я и на этотъ разъ рисовалъ узоръ въ ея комнатѣ, то не вытерпѣлъ и сказалъ: «простите меня, ваше сіятельство, за смѣлость, что я позволю себѣ сказать вамъ: я не могу понять, какъ при вашей добротѣ вы тоже сожалѣете о подобной женщинѣ?»—«Э, милый! чѣмъ она, бѣдная, виновата, когда у нея болѣзнь такого рода?» «Извините, ваше сіятельство, что я не соглашусь съ вами: какая это болѣзнь? Это, глупость, капризъ и безотчетность въ своихъ дѣйствіяхъ!» На это графиня уже тономъ госпожи сказала: «еще молодѣ! и не осуждай, не зная, что есть на свѣтѣ разныя болѣзни, въ которыхъ искусство докторовъ бесполезно».—«Въ этомъ я не смѣю спорить съ вашимъ сіятельствомъ; но коли доктора ей не

помогаютъ, такъ посовѣтуйте ей простое народное лѣкарство, основанное на пословицѣ: клинъ клиномъ выгоняютъ. И такъ пусть она своимъ дѣвушкамъ скажетъ: милыя, если я опять когда забудусь и кому нибудь изъ васъ дамъ пощечину, то вы, наоборотъ, отвѣсьте мнѣ двѣ пощечины. И повѣрьте, ваше сіятельство, какъ рукой сниметъ! Право, ваше сіятельство, посовѣтуйте ей».—«Э, милый!—сказала графиня, ужъ разсмѣявшись:—какъ можно дать такой совѣтъ?»—«Что жъ, ваше сіятельство! Это будетъ по пословицѣ: рука руку моетъ. Вѣдь она же совѣтовала вамъ свое лѣкарство отъ тоски, хотя вы, по упрямству своему, и не послушались ея совѣтовъ; это будетъ только совѣтъ за совѣтъ».

Вотъ былъ вѣкъ!—и во всемъ городѣ не было лица, которое посмотрѣло бы на этотъ случай съ человѣческой стороны.

XXI.

Было это въ 1831 году,—разсказывалъ М. С.,—вскорѣ послѣ назначенія меня преподавателемъ драматическаго класса въ школѣ. Однажды какъ-то я игралъ, не помню въ какой пьесѣ, въ которой одна роль была отдана выпущенной изъ школы уже около полугода дѣвицѣ С—ной. Роль ея была небольшая, но она поразила меня своимъ гармоническимъ голосомъ; при томъ каждое ея слово было отъ сердца. Собою она не была красавица, но у нея была красота молодости, прекрасныя формы и чрезвычайно выразительное, говорящее лицо, такъ что я не утерпѣлъ и послѣ спектакля спросилъ у нея, почему она, бывши въ школѣ, не хлопотала, чтобы играть въ спектакляхъ. «Эхъ, Михайлъ Семеновичъ, кому было обо мнѣ хлопотать?»—отвѣчала она:—сама-то я такъ робка и такъ недовѣрчива къ себѣ, что ничего въ себѣ не находила, потому и не рѣшалась просить роли. Благодаря нашему учителю, Н. И. Надеждину, я смотрѣла на драматическое искусство, какъ на что-то великое и для меня недостижимое».—«Ну, а я все-таки поговорю съ режиссеромъ, чтобы онъ обратилъ на васъ вниманіе»,—сказалъ я. Потомъ мнѣ странно казалось, что она шесть мѣсяцевъ, какъ выпущена изъ школы, а одѣвается хотя чисто, но бѣдно. Конечно, ее выпустили на 250 рублей ассигнаціями жалованья; однако жъ многія ея товарки, получая такое жалованье, уже щеголяли въ шелку и въ бархатѣ, а она не выходила изъ холстиннаго платья.

Разумѣется, я сказалъ о ней режиссеру и полагалъ, что съ моей стороны все сдѣлано; а потомъ занятія по сценѣ и по школѣ отвлекли мое вниманіе, и подъ конецъ я совершенно забылъ о ней. Какъ-то, мѣсяцевъ черезъ шесть, прислали роль въ школу, и,

когда я взглянулъ на нее, тотчасъ вспомнилъ о Сорокиной; тогда же отправился въ театръ и говорю:

— За что же взяли роль у Сорокиной?

Режиссеръ отвѣчаетъ мнѣ, что роль передана по ея болѣзни.

— Это дѣло другое, а впрочемъ, можетъ быть, она скоро оправится.

Режиссеръ говоритъ мнѣ, смѣясь: «конечно, оправится, только не такъ скоро; попросту сказать—она беременна». Это такъ обыкновенно было на нашей сценѣ, что я махнулъ рукой и сказалъ: «Ну, Богъ съ ней, а жаль, дѣвушка славная». Я даже не спросилъ, кого она любитъ. Потомъ черезъ нѣсколько времени она опять показалась, но какая-то грустная, очень похудѣвшая и въ холстинныхъ платьяхъ. Не могу опредѣлить времени—черезъ годъ, а можетъ быть, и болѣе—приходить на репетицію въ театръ служащей у коменданта, г. Д. Онъ былъ изъ числа короткихъ знакомыхъ директора театра: подобныя лица допускались, по волѣ директора, и онъ очень часто бывалъ въ антрактахъ на сценѣ вмѣстѣ съ директоромъ. Мы всѣ хорошо его знали. По окончаніи репетиціи, онъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ:

— Вѣдь сегодня вы свободны, подарите мнѣ нѣсколько времени, у меня къ вамъ есть серіозная просьба; но этой просьбѣ будетъ предшествовать многое, съ чѣмъ я долженъ васъ напередъ познакомить. Тогда вы вполне поймете всю важность моей просьбы. Поѣдьте безъ церемоніи въ гостиницу, возьмемъ отдѣльную комнату, пообѣдаемъ тамъ, и я буду имѣть время рассказать вамъ все.

Не находя причины отказать, я изъявилъ свое согласіе.

— Позвольте мнѣ только распорядиться,—сказалъ я:—предупредить дома, чтобы меня не ждали обѣдать: семейному человѣку нельзя безъ этого.

Мы отправились въ Троицкій трактиръ, гдѣ заняли на верху свободную комнату и велѣли давать обѣдать. За обѣдомъ Д. спросилъ меня, знаю ли я, что онъ близокъ къ Сорокиной, и что эта связь продолжается года полтора. Я замѣтилъ, что зналъ о болѣзни Сорокиной и ея отношеніяхъ къ кому-то, и что если этотъ кто-то—онъ, то пусть не погнѣвается. Тутъ я упрекнулъ его въ скупости: какъ же дѣвочка до сихъ поръ не выходитъ изъ холстинныхъ платьевъ.

— Благодарю васъ, М. С., за вашъ выговоръ; онъ-то меня и оправдываетъ передъ нею, хотя я совершенно виноватъ безъ оправданія. Я вамъ сейчасъ расскажу все подробно, а вы пособите нашимъ совѣтомъ, какъ бы мнѣ достигнуть цѣли. Вотъ въ чемъ дѣло: по дружескимъ отношеніямъ съ директоромъ, я каждый день бывалъ за кулисами, и еще за годъ до ея выпуска какъ-то обратилъ на нее вниманіе и, къ моему удивленію, нашелъ въ ней то,

чего не замѣчалъ ни у кого изъ ея подругъ—свѣтлый умъ, теплое сердце; желая найти развлеченіе въ будущемъ, я почти ни съ кѣмъ, кромѣ нея, не разговаривалъ. Это произвело на нее сильное впечатлѣніе, и она всей душой привязывалась ко мнѣ все болѣе и болѣе; мнѣ, признаюсь, это было пріятно. Хотя я самъ и не платилъ ей тѣмъ же, но она въ пылу страсти ничего не видѣла и о простыхъ, свѣтски любезныхъ рѣчахъ думала, что всѣ онѣ отъ сердца. Наконецъ, ее выпустили, какъ вы знаете, на 250 р. ассигнаціями жалованья. Я человѣкъ со средствами, могъ обезпечить ее и со временемъ съ приличнымъ приданымъ выдать замужъ, почему и рѣшился продолжать атаку. Вскорѣ по выпускѣ, она играла въ какой-то піесѣ, и я спросилъ ее въ антрактѣ, играетъ ли она до конца піесы. «Нѣтъ,—отвѣчала она,—я кончила, но меня одну не повезутъ; надо дожидаться окончанія спектакля». — «Такъ не хочешь ли, я доведу тебя ¹⁾ и кстати узнаю твою квартиру; надѣюсь, ты позволишь мнѣ навѣстить тебя?» Она вспыхнула и проговорила: «да какъ же, вѣдь это замѣтятъ, пойдутъ сплетни. Ужъ и такъ, отъ того только, что вы со мной ласково обходитесь, сколько объ этомъ сплетней!»—«Если ты не желаешь, чтобы насъ видѣли, выходи за уголъ театра, а я буду тамъ съ экипажемъ». И въ то же время я взялъ ее за руку, которая была вся въ огнѣ и дрожала; она сжала мнѣ руку и, почти задыхаясь, проговорила: «хорошо!» и тотчасъ же ушла. Я, разумѣется, не замедлилъ распорядиться экипажемъ. Она явилась; я посадилъ ее въ экипажъ и, спросивъ объ ея квартирѣ, велѣлъ ѣхать; но кучеру уже было сдѣлано распоряженіе, куда везти. Она была въ такомъ волненіи, что когда пріѣхали..., она не обратила вниманія, куда ее привезли. Когда мы вошли въ комнату, она была въ какомъ-то безпамятствѣ; только глаза, обращенные ко мнѣ, горѣли страшно.... Потомъ, признаюсь, мнѣ сдѣлалось совѣстно передъ ней, и я хотѣлъ избыткомъ ласкъ привести ее въ себя, но ничто не помогало. Наконецъ, я спросилъ объ ея квартирѣ, куда рѣшился довести ее самъ. Всю дорогу она была въ томъ же состояніи, минутами судорожно схватывала мою руку, цѣловала ее, а на послѣдокъ на прощанье обняла меня и такъ поцѣловала, что, признаюсь, не нахожу словъ, чтобы выразить это движеніе словами. Въ ту же минуту залилась она горькими слезами и сквозь рыданья едва могла проговорить: «заѣзжай завтра хоть на минуту, или я, право, умру». Я, разумѣется, далъ слово и пропустилъ ее въ комнату, а самъ отправился домой и чрезвычайно былъ недоволенъ собой и своимъ сквернымъ поступкомъ: точно я сдѣлалъ какое-то воровство. Ну, думаю, чтобы поправить все это, я навезу ей такихъ

¹⁾ Читателю можетъ показаться очень страннымъ, что мужчина говорить—ты, а она ему—вы; но таково было доброе старое время! М. С. Щ.

гостинцевъ, какихъ она не ожидаетъ, и надѣюсь, она, Богъ дастъ, забудетъ о своей потерѣ. На другой день, освободившись отъ служебныхъ обязанностей, я тотчасъ поѣхалъ на Кузнецкій мостъ и накопилъ всего, что, по моему мнѣнію, было для нея понужіе. Я не жалѣлъ денегъ; тутъ все было: бархатъ, матерія для платья и брильянты. Я заранѣе утѣшался мыслию, какое это доставить ей удовольствіе. Она встрѣтила меня въ дверяхъ и съ несказанно радостнымъ лицомъ бросилась мнѣ на шею. Черезъ нѣсколько минутъ человекъ мой внесъ въ комнату корзину и разные узлы съ покупками. Когда онъ вышелъ, она спросила: «что это?» Я сказалъ, что это гостинцы для нея, и что есть еще прибавка, и вынулъ изъ кармана брильянтовую брошку и пакетъ съ двумястами рублей. «Послѣднее, разумѣется, на твои расходы,—сказалъ я:—я не хочу, чтобы ты нуждалась въ чемъ нибудь». И вдругъ изъ радостнаго ея лица сдѣлалось страшное, смертная блѣдность покрыла ея розовыя щеки, и она съ трудомъ выговорила: «и это все мнѣ? мнѣ?»—«Да, моя милая! что-то ты такъ огорчилась? я хотѣлъ доставить тебѣ удовольствіе этой бездѣлицей». Но при этихъ словахъ изъ ея груди вырвался какой-то страшный стонъ; она зашаталась, и, еслибъ я не поддержалъ ея, она упала бы на полъ. Усадивъ ее, я старался ее успокоить. Ужъ я и самъ не знаю, что я ей говорилъ, но на все это отвѣтомъ были рыданія. Наконецъ придя въ себя, она встала и, указавъ рукой на дверь, сказала мнѣ: «извольте меня оставить и унесите съ собою всѣ ваши драгоценности; я не продавала себя! Если пожертвовала вамъ собою, то не изъ корысти; я думала, что изъ этой жертвы вы поймете всю силу моей любви къ вамъ. Вы меня не поняли, я обманулась въ васъ, прощайте навсегда!» И съ этими словами, хлопнувъ дверью, она выбѣжала вонъ.

Не берусь описать вамъ мое положеніе. Но могъ ли я ожидать, что найду въ этой театальной сферѣ такое существо, когда и въ лучшихъ слояхъ общества мы не встрѣчали подобныхъ явленій? Я, разумѣется, не любилъ ея; но этотъ поступокъ заставилъ меня уважать ее, а гдѣ уваженіе, тамъ и любовь. Не стану утомлять васъ подробностями, скажу только, что мнѣ было ужасно тяжело, пока мы не помирились, и она простила меня изъ снисхожденія къ моимъ страданіямъ, которыя были на этотъ разъ не притворны. Я бывалъ у нея каждый день, и каждый разъ самъ дѣлался лучше; я уже ничего не предлагалъ ей, и она была счастлива въ холстинныхъ платьяхъ; я съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе любилъ ее, и все время, свободное отъ службы, проводилъ съ ней, только уѣзжалъ пообѣдать. Разъ какъ-то я сказалъ ей: «Я бы и пообѣдалъ у тебя, да тебѣ самой ѣсть нечего, а еслибъ ты позволила, я бы далъ тебѣ денегъ на мои обѣды». Она улыбнулась. «Обо мнѣ не заботься,—сказала она:—я сыта! А если тебѣ захочется

пообѣдать у меня, то подлѣ меня гостиница; ты можешь распорядиться, чтобы тебѣ въ извѣстный день и часъ приносили обѣдъ, но только не часто. Ты не забудь, что у тебя отецъ и мать, а они рѣдко тебя видятъ; это не хорошо».

Наконецъ, у меня блеснула мысль: почему бы мнѣ не жениться на ней? Вѣдь лучшей жены, думалъ я, нельзя уже найти, но признаюсь, неравенство положеній — этотъ вѣковой предрасудокъ — заглушило мою свѣтлую мысль. Къ моему удивленію, какъ-то разъ по утру, противъ обыкновенія, зашла мать на мою половину и нѣжно стала жаловаться, что я совсѣмъ забылъ ее, что мы почти не видимся. «Поутру уѣзжаешь на службу не повидавшись, — говорила она, — а вечеромъ возвращаешься тогда, когда мы уже въ постели». Я хотѣлъ, было, извиниться, но она остановила меня: «Не сочиняй ничего, я все знаю; знаю, гдѣ ты проводишь время, и признаюсь — согрѣшила: черезъ нѣкоторыхъ добрыхъ знакомыхъ узнала объ ней все. Знаю, что она добрая, скромная дѣвушка, и если ты и самъ въ ней все это находишь и думаешь, что она необходима для твоего счастья, такъ лучше женись на ней. Я уже говорила объ этомъ съ отцемъ, и онъ согласенъ». Я не зналъ, какъ и благодарить ее, и рассказалъ ей все наше прошедшее. Это имѣло на матушку такое вліяніе, что она рыдала, какъ дитя, и въ порывѣ материнскаго чувства обняла меня, поцѣловала и благословила, приговаривая: «Нѣтъ, голубчикъ, женись, непременно женись. Богъ тебѣ даетъ не жену, а сокровище. Да и на душѣ твоей будетъ большой грѣхъ, когда ты этого не сдѣлаешь! А уже намъ, старикамъ, будетъ вѣчная радость: кромѣ того, что ты будешь постоянно дома на нашихъ глазахъ, ты будешь еще и счастливъ, обладая такимъ сокровищемъ». Я въ тотъ же день послѣ службы отправился къ ней съ пріятною вѣстью, и, когда вошелъ, она узнала по лицу, что случилось что нибудь пріятное. «Что съ тобой? — спросила она: — я давно не видала у тебя такого веселаго лица». «Да, я принесъ тебѣ вѣсть, радостную для насъ обоихъ. Старики мои какъ-то узнали о тебѣ и позволяютъ мнѣ жениться, и вотъ, дружочекъ, я, какъ женихъ, прошу твоей руки». Выразить ея радость невозможно. Она залилась слезами, обвила мою шею обѣими руками и говорила сквозь слезы: «Теперь, мой милый, я вполнѣ счастлива; поступокъ твой доказываетъ ясно, что ты меня любишь такъ же сильно, какъ я тебя. Чтобъ отблагодарить тебя за всю твою любовь, я не пойду за тебя. И на что мнѣ итти? вѣдь я счастлива. Я знаю, что это жертва съ моей стороны, но она для полного моего счастья необходима. Ты разсуди самъ: ты просишь руки, съ воли родителей; удовлетворяя твое желаніе и сдѣлавшись твоей женой, чѣмъ бы я заплатила тебѣ за любовь твою и доброту твоихъ родителей? — неблагогодарностью. Я внесла бы съ собой въ твое семейство позоръ; вѣдь люди не забудутъ, что я была такая,

не простятъ моей дерзости и разными намеками будутъ шпиговать меня, а вы изъ-за меня будете краснѣть передъ всѣми. Обдумай хорошенько мой отказъ, оцѣни его, какъ слѣдуетъ, и ты самъ увидишь, что я дѣлаю то, что должна сдѣлать честная дѣвушка. Предложеніе твое я глубоко оцѣнила сердцемъ; оно совершенно увѣрило меня въ твоей любви: чего же мнѣ больше? я счастлива, не осуждай моего отказа, онъ идетъ прямо отъ любящаго сердца». Теперь вы видите, въ какомъ тяжеломъ положеніи я очутился, и я рѣшаюсь обратиться къ вамъ съ просьбой поговорить съ нею, объяснить, что это съ ея стороны жертва. Я знаю, что она васъ очень уважаетъ,—прибавилъ онъ,—и слова ваши для нея будутъ дѣйствительнѣе другихъ.

Я обѣщала исполнить его просьбу, и тутъ же прибавилъ, что поступокъ съ ея стороны благороденъ, что осуждать его ни у кого не достанетъ духу, что я душевно желаю, чтобы мои хлопоты принесли пользу, хотя, послѣ всего сказаннаго имъ, сомнѣваюсь въ успѣхѣ. На другой же день я была у нея, и дѣйствительно не имѣлъ успѣха. «Я не сказала ему главной причины моего отказа, — замѣтила она, — но вамъ скажу, въ надеждѣ, что это останется между нами. Сдѣлавшись его женой, я каждую минуту должна страшиться за него и за себя. На свѣтѣ такъ много злыхъ языковъ! Ктонибудь язвительно посмѣется надо мной, и при его любви ко мнѣ и пылкости въ характерѣ онъ вздумаетъ защищать меня; изъ этого можетъ выйти ссора, которая, пожалуй, кончится дуэлью и даже его смертью, и я буду тому причиной. Поставьте себя на мое мѣсто и судите, какъ бы вы поступили. Къ стыду моему, я должна еще прибавить, что страшусь и кое-чего другого: теперь, когда, сидя у меня, онъ жалуется, что у него болитъ голова, я этому вѣрю, потому что еслибъ онъ разлюбилъ меня, то могъ бы меня оставить; а когда я сдѣлаюсь его женой, и у него въ самомъ дѣлѣ заболитъ голова, я, несчастная, могу подумать, что все происходитъ отъ меня. Что жъ это будетъ за жизнь! Нѣтъ, мое рѣшеніе неизмѣнно. Благодарю васъ, Михаилъ Семеновичъ, за участіе, сожалью, что не могла исполнить ваше желаніе, тѣмъ болѣе, что я васъ очень уважаю; не забывайте меня и сохраните въ тайнѣ то, что я вамъ сказала». Когда я передалъ ему разговоръ нашъ и ея твердую волю, онъ сталъ просить у меня совѣта: что же дѣлать? Я посовѣтовала ему обратиться къ матери. «Такъ какъ родители уже изъявили свое согласіе, то упросите вашу матушку, — сказалъ я, — сѣздить къ ней и самой переговорить съ нею: женскому уму знакомѣе, чѣмъ можно тронуть струны сердца, а особливо, когда все будетъ высказано голосомъ матери». Онъ такъ и сдѣлалъ; но черезъ нѣсколько времени я узналъ, что она согласилась на одну только уступку, и то по просьбѣ старухи матери, которая убѣждала ее со

слезами на глазахъ: «не лишей же насъ сына, переѣзжай къ намъ въ домъ; ты будешь имѣть особую комнату, и сынъ будетъ съ нами». На это она согласилась. Когда она переселилась къ нимъ въ домъ, съ ней обходились, какъ съ невѣсткой, но она постоянно держала себя въ сторонѣ отъ общества. Такъ, напримѣръ, она сидитъ съ стариками и читаетъ имъ что нибудь (она очень хорошо читала и тѣмъ доставляла большое удовольствіе); вдругъ у подъѣзда застучитъ экипажъ, она тотчасъ вскакиваетъ и уходитъ съ книгой въ свою комнату. Старики отъ нея ожили, они не могли налюбоваться на нее, а иногда заводили рѣчь о бракѣ, но все было напрасно. Это продолжалось не менѣе двухъ лѣтъ. Какъ-то на разводѣ онъ простудился и, надѣясь на свою молодость, думалъ обойтись безъ медицинскихъ средствъ. У него сдѣлалась страшная нервная горячка. Тутъ на нее нельзя было смотрѣть безъ состраданія. Она не отходила отъ него ни днемъ, ни ночью, и уже не пряталась, кто бы ни приѣзжалъ навѣстить больного. Наконецъ, доктора сказали, что онъ въ большой опасности, что завтра будетъ переломъ, и Богъ дастъ, можетъ быть, молодая натура возьметъ свое. И въ самомъ дѣлѣ, на другой день онъ пришелъ въ себя и сталъ узнавать всѣхъ, только былъ еще очень слабъ. Доктора сказали: «ну, вотъ, слава Богу, получше; что-то завтра будетъ? Не давайте ему много говорить, это при его слабости вредно, а лучше разсказывайте ему что нибудь забавное, чтобъ онъ иногда улыбался: это для него было бы хорошо». И, по словамъ матери, она бѣдная, исхудалая, сочиняла для него забавные разсказы! И откуда что бралось у нея! Когда случалось, что при разсказѣ больной улыбался, радости ея не было границъ. Такъ она занимала его до послѣдней минуты его жизни. Болѣзнь взяла свое, больной скончался, и въ комнатѣ его послышался страшный истерическій хохотъ. Вбѣжавшая мать нашла его уже мертвымъ, а она съ страшнымъ хохотомъ говорила что-то безсвязно и дико. Приѣхалъ докторъ и сказалъ, что она сошла съ ума.

И вотъ прошло уже двадцать пять лѣтъ, а она все хохочетъ и вяжетъ чулки для покойника. Я думаю навѣстить ее въ сумасшедшемъ домѣ, взглянуть на нее. Было бы грѣшно не записать этой исторіи.

У нихъ осталось двое дѣтей, которыя были помѣщены въ воспитательный домъ. Мать покойника, по смерти своего мужа, не имѣя близкихъ родственниковъ, обратила все свое состояніе въ деньги и положила ихъ въ ломбардъ на имя дѣтей своего сына. Гдѣ они теперь, что съ ними сдѣлалось?—положительно не знаю.

XXII.

Въ 1808 году, весною, пришло время переѣзжать изъ города въ деревню, потому что графъ Волькенштейнъ только зиму жилъ въ Курскѣ, а каждое лѣто проводилъ въ деревнѣ. По этому случаю привезли въ Курскъ на сорока подводѣхъ сто четвертей пшеницы, запроданныхъ орловскимъ купцамъ. По ссыпкѣ пшеницы, на этихъ самыхъ подводѣхъ повезли въ деревню оркестръ музыкантовъ, хоръ пѣвчихъ, нѣсколько официантовъ и меня, хотя настоящая моя должность была—какъ бы сказать?—графскаго секретаря, или писмоводителя, или чего-то въ родѣ этого. По тракту нашему нужно было переправляться черезъ рѣку Псѣль на паромѣ. Дорога была проселочная, поэтому и паромъ былъ не слишкомъ завидный, и такъ малъ, что больше четырехъ телѣгъ на себѣ не помѣщалъ: нужно было оборотиться разъ десять, чтобы перевезти всѣхъ на другой берегъ. Переправившись съ первыми возами, мы вздумали покупаться. Время было теплое, хотя это было и въ началѣ мая. Обозъ, между тѣмъ, продолжалъ переправляться. Не хотѣлось намъ вылѣзть изъ воды, а нужно было: уже много возовъ переправилось. Когда мы вышли на берегъ и начали одѣваться, бывший при паромѣ старикъ, съ трубочкой въ зубахъ, выскѣкая кресаломъ огонь, спокойно сказалъ: «а що вы, хлопци, знаете? чоловікъ тоне». — «Что жъ ты не поможешь ему?»—спросилъ я.—«Та то не нашъ!»—отвѣчалъ онъ мнѣ. Я бросился въ ту сторону, куда онъ указалъ. Псѣль въ этомъ мѣстѣ дѣлалъ крутой поворотъ, такъ что сначала мы не могли видѣть ничего, что дѣлалось за угломъ поворота. Добѣжавъ до указаннаго мѣста, я увидѣлъ, что вмѣсто одного тонуть двое, схватившись другъ за друга. Я плаваю очень сильно, а потому и бросился къ нимъ. Пока я добрался до нихъ, они уже нѣсколько разъ окунулись; но, къ счастью, рѣка въ этомъ мѣстѣ была не слишкомъ глубока; дойдя до дна, утопавшіе упирались въ дно ногой, выскакивали на верхъ воды и, переведа духъ и побарахтавшись немного, опускались снова. Когда я доплылъ къ нимъ, они показались на водѣ и, увидѣвъ меня, бросились ко мнѣ такъ стремительно, что я, при всей своей храбрости, нырнулъ отъ нихъ въ сторону: я чувствовалъ, что одинъ не могъ бы сладить съ ними, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ нихъ былъ огромнаго роста, вершковъ двѣнадцати, да и другой—вершковъ шести; а съ двумя трудно на водѣ. Вынырнувъ, я крикнулъ мужикамъ, съ любопытствомъ ожидавшимъ, чѣмъ все это кончится, чтобъ они бросили мнѣ конецъ вожжи, потому что дѣло было не слишкомъ далеко отъ берега; но спускъ былъ очень крутъ, и у самага берега была уже глубь. Когда бросили конецъ вожжи, я обмоталъ ее около лѣвой руки и нака-

заль имъ, чтобы они тянули вожжу, какъ только утопающіе схватятся за меня. Распорядившись такимъ образомъ, я подплылъ къ тому мѣсту, гдѣ они начали уже рѣже показываться; я думалъ уже, что все кончено. Но, къ счастью, они еще разъ показались, и очень близко отъ меня. Я схватилъ одного правою рукою за волосы, а другой схватилъ меня самого за горло, и мы всѣ трое пошли ко дну. Тутъ мужики, по моему наставленію, потянули вожжу, и мы помаленьку начали подплывать подъ водой къ берегу. Когда не доставало духу, то я, собравшись съ силами, упирался крѣпко въ дно,—насъ выбрасывало, и я переводилъ духъ; но, невзирая на все мое мастерство въ плаваніи, я долженъ былъ опять опускаться ко дну. Оба же тонувшіе начали терять память. Между тѣмъ, мужики дѣлали свое, и все тянули да тянули, и вотъ, не одинъ разъ измѣривъ глубину рѣки, мы приплыли къ крутому берегу. Нѣсколько рукъ явилось на помощь, и хотя съ трудомъ, но насъ вытащили. Утопающіе мои были словно полоумные, особенно самый большой. Между тѣмъ пошли разспросы, какъ это случилось; не скрою, я нѣсколько гордился, впрочемъ, только мысленно, своимъ подвигомъ, что вотъ, дескать, спасъ двухъ человѣкъ. Между тѣмъ, одинъ изъ тонувшихъ пришелъ въ себя. Кто-то изъ мужиковъ обратился къ нему съ вопросомъ: «Тебе, дурный, якій чортъ кинувъ въ воду?» Тотъ ему въ отвѣтъ: «Э! чоловікъ тоне!»— «Эхъ, дурный, дурный! відь ты плавать не умієшь.—«Э! въ голову не прийшло!» Этими словами онъ совершенно уничтожилъ меня: я былъ сильный пловецъ, и было бы подло съ моей стороны не броситься спасать ихъ, а онъ кинулся въ воду спасать человѣка, забывъ, что не умѣетъ плавать; признаюсь, мнѣ стало стыдно. Происшествіе это кончилось очень глупо съ моей стороны. Когда и другой тонувшій пришелъ въ себя, то вдругъ, ни съ того, ни съ сего, поворотилъ прямо къ рѣкѣ и пошелъ въ глубь. Я схватилъ его за руку и спросилъ: «куда ты?»—«Обмыться!»—былъ его отвѣтъ. Это такъ разсердило меня, что я сильно ударилъ его, такъ что онъ упалъ. Тогда первый обратился ко мнѣ съ ироническою усмѣшкою и сказалъ: «отъ-се, Семеновичъ, вытягъ чоловіка, щобъ убіты». Изъ уваженія къ его благородному поступку я записалъ его имя: звали его Алексѣй Хоремѣръ.

XXIII.

Въ исходѣ пятаго года моего возраста, чтобъ я не баловался, отдали меня учиться грамотѣ къ Никитѣ Михайловичу. Фамиліи настоящей его не знаю, а носилъ онъ другую, которую не могу назвать, ибо она смѣшивается съ такимъ именемъ, что неприлично выразить. Съ этого времени, хотя еще и не довольно ясно, но начинаю кое-что помнить изъ моего дѣтства. Помню, что я каждый

день ходилъ въ школу, что у меня были еще два товарища—дѣти Никиты шинкаря: Гаврило и Никита, что у учителя была дочь — Надѣжка, что учился я весьма легко и быстро; ибо едва мнѣ сравнялось шесть лѣтъ, какъ я уже всю премудрость выучилъ, т.-е. азбуку, часословъ и псалтырь: этимъ обыкновенно тогда и оканчивалось все учение, изъ котораго мы, разумѣется, не понимали ни слова, а приобрѣтали способность бѣгло читать церковныя книги. Помню, что при перемѣнѣ книги, т.-е. когда я окончилъ азбуку и принесъ въ школу въ первый разъ часословъ, то тутъ же принесъ горшокъ молочной каши, обернутый въ бумажный платокъ, и полтину денегъ, которая, какъ дань, приносимая за ученье, вмѣстѣ съ платкомъ вручалась учителю. Кашу же обыкновенно ставили на столъ, и послѣ повторенія задовъ (въ такой торжественный день ученія уже не было) раздавали всѣмъ учащимся ложки, которыми и хватили кашу изъ горшка. Я, принесшій кашу и совершившій подвигъ, т.-е. выучившій всю азбуку, долженъ былъ бить учениковъ по рукамъ, что я исполнялъ усердно, при всеобщемъ шумѣ и смѣхѣ учителя и его семейства. Потомъ, когда кончили кашу, вынесли горшокъ на чистый дворъ, поставили его по срединѣ, и каждый бросалъ въ него палкой: тотъ, кому удавалось разбить его, бросался стремглавъ бѣжать, а прочіе, изловивъ его, поочередно драли за уши. Что это за церемонія? Для чего она дѣлалась? Откуда ея начало? Не знаю и не могу сказать. Помню только, что по окончаніи часослова, когда я принесъ новый псалтырь, опять повторилась та же процессія, и что, кромѣ меня, разъ еще принесъ кашу Никишка, когда кончилъ часословъ, надъ которымъ я и засталъ его: оба брата, Никита и Гаврило, учились очень тупо. Помню, что ихъ драли немилосердно, хотя толку отъ этого не было никакого; я же, напротивъ, удивлялъ своею острою, такъ что учитель не успѣвалъ задавать мнѣ уроки. Когда я окончилъ псалтырь, то отецъ мой, зная, что учитель мой неспособенъ болѣе учить ничему, писалъ въ Ыѣлгородъ къ знакомому, очень ученому священнику (который когда-то, бывши еще студентомъ, училъ у графа старшаго сына), и спрашивалъ, что онъ возьметъ за мое ученье. Между тѣмъ, во время долгой переписки, я долженъ былъ всякій день ходить въ школу протверживать зады. Помню, что это мнѣ ужасно надоѣдало; я, наконецъ, сталъ протверживать съ такою быстротою, что только и слышно было: «Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ», а дальше ужъ и самъ сатана не могъ бы разобрать ни слова. Такимъ образомъ, чрезъ четверть часа я оканчивалъ все, что было задано читать, и отправлялся гулять въ лѣсъ съ ребятами, оставляя учителя весьма довольнымъ своимъ ученикомъ. Учитель часто ставилъ меня въ примѣръ другимъ ученикамъ, говоря: «отъ, якъ бы и вы такъ учились, якъ Мышка, то и вы пійшли-бъ тэ-

перъ гулять». Обыкновенно въ лѣсу я прогуливалъ до обѣда, ибо твердо зналъ, что, еслибы изъ школы пришелъ домой, то меня не пустили бы бѣгать по лѣсу. Наконецъ, какъ-то отцу моему стало извѣстно о краткомъ способѣ моего повторенія, и потому онъ строго запретилъ выходить изъ школы, пока не кончится ученіе; но я на другой же день, кажется, забылъ его приказаніе. Отецъ же мой, которому изъ своего дома видна была школа, нарочно наблюдалъ за мною, и какъ скоро увидѣлъ, что я навострилъ лыжи въ рошу, отправился и самъ туда, наломавъ дорѣгой добрый пучокъ розогъ, и, найдя меня, препорядочно выпоролъ. По окончаніи экзекуціи, во время которой я кричалъ во все горло, притащилъ онъ меня въ школу, разбранилъ учителя, что онъ не смотритъ за мною, что ребенокъ совсѣмъ избаловался, что читать сталъ гораздо хуже, и вмѣсто того, чтобы читать, бормочетъ такъ, что ничего нельзя понять, и въ доказательство тутъ же заставилъ меня читать. Я, уже получивъ привычку, полетѣлъ, какъ говорится, на почтовыхъ; а потому только и могли разобрать (какъ я уже сказалъ): «Блаженъ мужъ», а далѣе ужъ ни слова. Отецъ, остановивъ меня, велѣлъ начать снова, но вышла та же исторія; потомъ въ третій разъ—все то же. Батюшка разсердился, плюнулъ, топнулъ ногою и ушелъ, наказавъ строго учителю исправить ребенка. Гнѣвъ отца произвелъ свое дѣйствіе, ибо учитель имѣлъ школу приватно, главное же занятіе его было при винокуренномъ заводѣ, гдѣ онъ состоялъ ключникомъ у хлѣбнаго магазина; поэтому, боясь потерять мѣсто, что совершенно зависѣло отъ воли моего отца, онъ обратилъ все вниманіе на исполненіе его желанія и, чтобы поправить зло, подѣ обѣщаніемъ строгаго наказанія, велѣлъ мнѣ, читая, останавливаться по точкамъ. Но такъ какъ я забывался, а болѣе потому, что половину болталъ на память, то и получалъ должныя награды, какъ-то: скубки, удары по рукѣ линейкою; это помогало, впрочемъ, весьма мало. Однажды учитель отпустилъ мнѣ двѣ очень ловкія пали (при коихъ я взвизгивалъ, разумѣется) и примолвилъ: «адже я тоби уже казавъ, собачій сыну, щобъ ты читавъ по точкамъ!» Это значило у него останавливаться на нихъ. Эта малороссійская фраза уже вѣковая: изъ давнихъ временъ говорилась она такъ, какъ сказано выше, почему и ко мнѣ дошла изъ устъ учителя безъ всякой перемѣны. Учитель же мой былъ малороссіанинъ, да и весь уѣздъ населенъ былъ болѣе малороссіянами, нежели великоруссами. Въ отвѣтъ учителю, противъ всякаго его ожиданія, я, проливая горькія слезы и мотая отъ боли рукою, спросилъ у него: «да для чего же останавливаться по точкамъ?» При семъ вопросѣ учитель мой остолбенѣлъ: въ первый разъ услышалъ онъ такой вопросъ, въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ обучая юношество грамотѣ, и до того смѣшался и разсердился на такой дерзкій и вольнодумный вопросъ, что долго не отвѣчалъ на него. Но раз-

судивъ потомъ, что такія слова не могли излиться изъ устъ такого малаго и при томъ умнаго ребенка, и что, конечно, нечистый духъ внушилъ мнѣ ихъ,—онъ сотворилъ крестное знаменіе и сказалъ мнѣ: «тютю, дурный! чи ты не знаешь, що ты сказавъ?» Я, ничего не понимая, повторилъ сквозь слезы: «я говорю, для чего останавливаться по точкамъ?» Тутъ онъ, видя мое невѣдѣніе и увѣрясь, что такой вопросъ сдѣланъ мною безъ всякаго злого умысла, смягчилъ голосъ и сказалъ: «дурный, дурный! хиба-жъ ты не знаешь, що священное писаніе такъ ужъ и писано, щобъ, читая ёго, останавливались по точкамъ, и що вси праведные такъ ёго читали?» Ничего не понимая, я опять спросилъ: «да для чего же это нужно?» Не умѣя дать лучшаго поясненія, онъ началъ мнѣ толковать: «адже тоби не можно прочитаты всего псалма однимъ духомъ, то треба и отдыхнуть; отъ для того святые и праведные, которые сіе писали, нарокомъ и поставили точки. А ты-бъ-то, дурный, думавъ, що вони поставили ихъ дарма?» И онъ очень былъ доволенъ, что растолковалъ мнѣ такъ ясно, что болѣе, казалось, нечего было и говорить. Но, къ крайнему его изумленію, я и тутъ нашель кое-что для себя непонятнымъ, и ворча, все еще, сквозь слезы сказалъ: «помилуйте, да это быть не можетъ! Вотъ посмотрите, какъ точки разставлены: вотъ тутъ (указывая на книгу) отъ точки до точки три слова, а тутъ—цѣлыхъ десять строкъ, а ихъ нельзя проговорить однимъ духомъ; такъ это быть не можетъ, чтобъ онѣ были поставлены для отдыха». Учитель, видя, что злой духъ совершенно овладѣлъ мною (ибо не можетъ быть, чтобъ безъ его наущенія такой умный ребенокъ не понялъ того, что, по его мнѣнію, онъ растолковалъ такъ ясно), а потому, не желая входить въ состязаніе съ сатаною,—какъ онъ говорилъ,—отпустилъ мнѣ въ голову порядочную тукманку, говоря: «колы ты тымъ точкамъ не вѣришь, такъ отъ тоби точка! отъ сей, мабутъ, повѣришь; и колы ще будешь пытаты, то я тоби, для поясненія, таку задамъ жарѣху, що зъ недѣлю будешь заглядывать!» Постѣ такого сильнаго доказательства я уже навсегда отказался отъ подобныхъ вопросовъ.

Въ скоромъ времени, по настоянію матери, которой слишкомъ было тяжело, что бѣднаго ребенка учитель, самъ ничего не зная, такъ жестоко наказываетъ,—отвезли меня въ Кондратовку, въ имѣніе, принадлежащее графу и потому находившееся также подъ распоряженіемъ моего отца, къ тамошнему священнику, отцу Дмитрію, чтобы я повторялъ выученное мною, до того времени, пока повезутъ меня въ Бѣлгородъ. Не оскорбляя памяти покойника, я долженъ сказать, что новый наставникъ мой, отецъ Дмитрій, былъ тоже недалняго образованія и только въ тогдашнее время могъ быть священникомъ; что не каждый день повторялось въ служе-

ній, то онъ разбиралъ весьма тихо. Такъ, напримѣръ, когда мнѣ было уже лѣтъ пятнадцать, то графъ однажды въ Троицынъ день, зная, что священникъ плохо читаетъ, послалъ меня къ нему отъ своего имени попросить, чтобы молитвы, которыя читаются при колѣнопреклоненіи, прочиталъ онъ сперва дома, дабы можно было внятнѣе ихъ слышать. Но онъ сдѣлалъ лучше: онъ прочиталъ во время служенія только двѣ молитвы, а третьей совсѣмъ не читалъ. А когда, послѣ обѣдни, пришелъ къ графу съ просвирою поздравить съ праздникомъ, что дѣлалось въ каждый двенадцатый праздникъ и въ день именинъ графскихъ, то графъ спросилъ, почему онъ прочелъ только двѣ молитвы. Священникъ почтительно отвѣчалъ: «ваше сіятельство приказали, чтобы я прочиталъ молитвы у себя на дому, почему одну и прочелъ дома. Извините, что больше не успѣлъ прочесть; а остальные двѣ прочелъ въ церкви, во время служенія. Графъ, слушая это, улыбнулся и не сказалъ ни слова.

Другой примѣръ служитъ еще лучшимъ доказательствомъ, сколько невѣжества, столько и грубости тогдашняго времени. Однажды лѣтомъ, въ какую-то субботу, во время уборки хлѣба, дьячекъ и понамарь, занявшись полевою работою (ибо весь причтъ церковный получалъ на содержаніе 33 десятины земли), упростили нашего же двороваго человѣка отправить вмѣсто ихъ со священникомъ всенощную, и такъ какъ человѣкъ этотъ, по прозванію Козель, былъ горькій пьяница, который только и зналъ, что пить и пѣлъ на клиросѣ, то они вытрезвили его съ обѣщаніемъ послѣ всенощной напоить снова. Зная хорошо весь церковный уставъ и не имѣя въ виду другой попойки, онъ охотно согласился. А какъ священникъ нерѣдко видалъ его исправляющимъ должность дьячка, то безъ всякаго возраженія началъ съ нимъ служеніе. Молящихся въ церкви, по случаю полевыхъ работъ, было мало: только три старухи, мальчикъ, отправлявшій должность ктитора, и я. Михайло Козель былъ самой нелѣпой наружности, и отъ безпрестаннаго пьянства съ распухшею рожею; голосъ его, и безъ того самый грубый и неприятный басъ, тутъ на похмельѣ сдѣлался еще отвратительнѣе. Послѣ перваго благословенія, сказавши аминь, началъ онъ чтеніе какимъ-то скрипучимъ голосомъ. Такимъ образомъ все шло своимъ порядкомъ до чтенія каѳизмы, ибо, какъ я уже сказалъ, Козель былъ очень твердъ въ порядкѣ служенія. По прочтеніи одной каѳизмы, священникъ въ алтарѣ или читалъ какія либо молитвы, или мысли его заняты были чѣмъ либо житейскимъ, только онъ не слышалъ, что чтеніе каѳизмы уже кончено. Козель же, помолчавъ немного и не слыша слѣдующаго послѣ каѳизмы паки и паки, произносимаго обыкновенно священникомъ, рѣшился напомнить ему, почему въ полголоса, хрипя, сказалъ: «отецъ Дмитрій! паки и паки...», на что священникъ,

приостановивъ свое чтеніе и не понимая хорошо, въ чемъ дѣло, только помня, что его прервалъ голосъ Козла, быстро отвѣчалъ ему: «ну, ну, читай». Козель, будучи твердъ въ семъ дѣлѣ, весьма оскорбился и, въ доказательство своего знанія, повторилъ прежнее напominаніе голосомъ уже не столь почтительнымъ, а гораздо грубѣе: «паки и паки». Священникъ же, все еще порядкомъ не очнувшійся, или досадуя, что Козель сталъ учить его, опять повторилъ: «читай, читай»... Тутъ Козель, уже безъ всякаго почтенія къ мѣсту и сану, слишкомъ настойчивымъ голосомъ напомнилъ: паки и паки! Раздосадованный такимъ упрямствомъ Козла, священникъ закричалъ очень сердито: «кажу тобі: читай!» Козель нашъ обезумѣлъ, вытаращилъ глаза, въ бѣшенствѣ сжалъ правый кулакъ, заскрипѣлъ ужасно зубами и вышелъ вонъ изъ церкви, оставя бѣднаго священника одного, совсѣмъ растерявшагося отъ злости и отъ незнанія, что дѣлать; ибо онъ даже не помнилъ, до котораго мѣста дошло служеніе. Тогда по необходимости я вошелъ къ нему въ алтарь, объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, и предложилъ себя для услугъ вмѣсто Козла, ибо, живя въ Бѣлгородѣ почти четыре года у священника, я тоже хорошо зналъ порядокъ служенія, и такимъ образомъ кое-какъ всенощная была окончена. Когда рассказалъ я все это графу, онъ ужаснулся; но потомъ, подумавъ немного, промолвилъ: «я бы давно просилъ архіерея перемѣнить нашего священника, но онъ человѣкъ семейный, у него куча дѣтей, они могутъ остаться всѣ безъ куска хлѣба; я этого грѣха не возьму себѣ на душу!» И въ то же время бралъ на себя грѣхъ другой—ужаснѣе. И вотъ кому ввѣрено было мое дѣтство, такъ быстро развертывавшееся; но, къ счастью моему, я прожилъ у него только около трехъ мѣсяцевъ.

М. А. Щепкинъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письма М. С. Щепкина.

I.

Къ князю А. И. Барятинскому.

Ваше сіятельство,
 милостивый государь,
 князь Александръ Ивановичъ!

Лестное письмо вашего сіятельства я имѣлъ честь получить, и у меня нѣтъ словъ, чтобы высказать мою благодарность за вниманіе къ старику. Дѣло, поручаемое мнѣ вашимъ сіятельствомъ, такъ близко моему старому сердцу, что я готовъ всею душою содѣйствовать оному, насколько хватитъ моихъ средствъ и силъ. Простите, что замедлилъ отвѣтомъ; я ожидалъ г-на Золотарева, который только теперь возвратился изъ Петербурга. Ему я передалъ все, что зналъ. Въ провинціяхъ женщинъ для первыхъ ролей я почти не нахожу; ежели и есть кое-какія съ талантами, то уже уходятъ ихъ года, и при томъ провинціализмъ сильно овладѣлъ ими. Нужно будетъ позаимствоваться изъ театральной школы—изъ оканчивающихъ курсъ. Хотя у нихъ мало практики, но зато онѣ и не испорчены, и при хорошемъ режиссерѣ и при хорошей постановкѣ онѣ быстро пойдутъ впередъ. И какъ у васъ театръ будетъ казенный, то хорошо бы, еслибъ исходатайствовать, чтобы годы отпуска артистовъ не вычитались изъ службы. Тутъ были бы равныя выгоды: вашъ театръ, черезъ каждые два-три года, имѣлъ бы появленіе новости, а дирекція императорскихъ театровъ приобрѣтала бы актеровъ, уже развитыхъ практикой; да и артисты охотнѣе бы соглашались ѣхать. Надѣюсь, что ваше сіятельство заботитесь насчетъ театра не для одной только забавы, но чтобы—забава забавой, но и развивалось бы искусство, которое такъ полезно для народа. Во всѣ вѣка искусство было всегда впереди массы, а потому, добросовѣстно занявшись онымъ, нечувствительно и масса подвигается впередъ. Повѣрьте, князь, это такъ: я все это видѣлъ на опытѣ. Но, къ сожалѣнію, при нашей сильной природѣ мы не доросли еще до добросовѣстности труда, и потому за

нами нуженъ присмотръ; а то мы какъ разъ съѣдемъ на русское авось, а оно въ искусствѣ, кромѣ вреда, ничего не принесетъ. И потому прикажите кому либо изложить нужныя правила, за нарушение которыхъ положить штрафъ, и чтобы уже тутъ не было никому никакого снисхожденія. Я изъ опыта вижу, какъ вредны снисхожденія: все идетъ впередъ, а драматическое искусство назадъ. Конечно, мы сдѣлались смѣлѣе, самонадѣяннѣе; но наше самолюбивое я скоро сравняетъ насъ съ балаганными фокусниками, и мы уже близки къ тому.

Простите, ваше сіятельство, за излишнюю, можетъ быть, болтливость; но это—болѣзнь старости. Вы же тронули меня за самую слабую струну. Что же касается собственно до меня, то, при всемъ моемъ желаніи побывать въ Тифлисѣ, обстоятельства кладутъ такъ много препонъ, что я не вижу средствъ побѣдить оныя: по дальнему разстоянію иначе нельзя ѣхать, какъ на три мѣсяца, т. е. съ первыхъ чиселъ августа мѣсяца, чтобы сентябрь пробить въ Тифлисѣ, а октябрь на возвратный путь. Но начальство такіе отпуска даетъ не иначе, какъ въ видѣ величайшаго одолженія, такъ что мнѣ, по моимъ лѣтамъ, не слѣдуетъ прибѣгать къ подобнымъ просьбамъ, чтобы избѣжать стыда получить иногда отказъ. Потомъ трехмѣсячный отпускъ дается уже безъ жалованья, и потеря онаго въ теченіе трехъ мѣсяцевъ съ перспективною платой составляетъ не менѣе 800 р. сер., и потомъ прибавитъ путевыя издержки съ экипажемъ, не менѣе 1.000 р. сер., такъ что безъ обезпеченныхъ 2.000 р. сер. тронуться съ мѣста, для исполненія своего удовольствія, будетъ неблагоразумно. Я высказалъ это для того только, чтобы ваше сіятельство не подумали, что я не захотѣлъ по упрямству исполнить вашего желанія.

За симъ съ глубокимъ уваженіемъ и совершенною преданностью честь имѣю пребыть покорнымъ

Апрѣля 10 дня
1857 года.

службою вашего сіятельства

Михайло Щепкинъ.

II.

Къ С. В. Шумскому.

27-го марта, 1848 года.

Здравствуйте, мой любезнѣйшій Сергѣй Васильевичъ! Давно я долженъ вашей милости письмомъ, но вѣдь знаешь, что для меня писать—страшная работа. Но рано ли, поздно ли, надо было расквитаться. Но что писать? чѣмъ наполнить письмо? Начну съ того, что успѣхи твои на одесской сценѣ, по всеобщимъ отзывамъ, ко-

торые ты заслужилъ отъ публики, меня очень радуютъ, и старое сердце мое веселится полною радостію. Знаю, что труда было много; но что же достается даромъ, и что жъ бы значило иекусство, еслибы оно доставалось безъ труда? Пользуйся случаемъ, трудись, разрабатывай данныя Богомъ способности по крайнему своему разумѣнію; не отвергай замѣчаній, а вникай въ нихъ глубже, и для повѣрки себя и совѣтовъ всегда имѣй въ виду натуру; влѣзай, такъ сказать, въ кожу дѣйствующаго лица, изучай хорошенько его общественный бытъ, его образованіе, его собственныя идеи, если онѣ есть, и даже не упускай изъ виду общество его прошедшей жизни. Когда все это будетъ изучено, тогда какія бы положенія ни были взяты изъ жизни, ты непремѣнно выразишь вѣрно: ты можешь сыграть иногда слабо, иногда сколько нибудь удовлетворительно (это часто зависитъ отъ душевнаго расположенія), но сыграешь вѣрно. Помни, совершенство не дано человѣку; но, занимаясь добросовѣстно, ты будешь къ нему приближаться настолько, насколько природа дала тебѣ средствъ. Ради Бога, только никогда не думай смѣшить публику: вѣдь и смѣшное и серіозное вытекаетъ все-таки изъ вѣрнаго взгляда на предметъ, и вѣрь мнѣ, что черезъ два-три года ты увидишь въ своихъ роляхъ разницу; съ каждымъ разомъ роль будетъ выходить круглѣе, естественнѣе. Слѣди неусыпно за собой; пусть публика тобой довольна, но самъ къ себѣ будь строже ея — и вѣрь, что внутренняя награда выше всѣхъ аплодисментовъ. Старайся быть въ обществѣ, сколько позволитъ время, изучай чаловѣка въ массѣ, не оставляй ни одного анекдота безъ вниманія, и всегда найдешь предшествующую причину, почему случилось такъ, а не иначе: эта живая книга замѣнитъ тебѣ всѣ теоріи, которыхъ, къ несчастію, въ нашемъ искусствѣ до сихъ поръ нѣтъ; потому всматривайся во всѣ слои общества безъ всякаго предубѣжденія къ тому или другому, и увидишь, что вездѣ есть и хорошее и дурное, — и это дастъ возможность, при игрѣ, каждому обществу отдать свое, то-есть: крестьяниномъ ты не будешь умѣть сохранить свѣтскія приличія при полной радости, а бариномъ во гнѣвѣ не раскричишься и не размахнешься, какъ крестьянинъ. Не пренебрегай отдѣлкой сценическихъ положеній и разныхъ мелочей, подмѣченныхъ въ жизни; но помни, чтобъ это было вспомогательнымъ средствомъ, а не главнымъ предметомъ: первое хорошо, когда уже изучено и понято совершенно второе. Ну, я думаю, что я уже наскучилъ тебѣ своими совѣтами — тѣмъ болѣе, что часть ихъ тебѣ уже извѣстна; да что за бѣда? и повторить не худо. Я по себѣ знаю: я знаю роль, а все повторяю, и почти каждый разъ не даромъ: что нибудь да замѣтишь, ускользнувшее прежде; а иногда замѣтишь и то, что поумничалъ прежде, а дѣло гораздо простѣе. Итакъ, я считаю всю эту болтовню, на которую старики вообще не скупы, и особливо когда

дойдетъ до совѣтовъ, не лишнею. Надобно же было чѣмъ нибудь наполнить письмо; сообщить тебѣ что нибудь о здѣшнемъ—ничего интереснаго нѣтъ: все старое, все также пошло плутуетъ, также глупо умничаютъ; все также молодость смотритъ на меня, какъ на отжившаго, а я на нихъ, какъ на недоростковъ, которые довольны шумихой, за неимѣніемъ отъ природы золотыхъ рудниковъ,—съ тою только разницею, что я душою желаю имъ дорыться этихъ рудниковъ, а они рады-бъ были, еслибы я съ своей старинной убрался къ чорту. Кто изъ насъ правъ или виноватъ?—разсудить время.

По газетамъ ты уже вѣрно знаешь о смерти Мочалова. Да, Россія лишилась могучаго таланта! Что дѣлать, что онъ, по нашему разумѣнію, не вполне удовлетворялъ насъ; но мы уже не услышимъ тѣхъ, потрясающихъ душу, звуковъ, не увидимъ тѣхъ восторженныхъ мгновений, которыя часто прорывались сквозь его нелѣпыя формы. Правы мы или нѣтъ въ своихъ требованіяхъ въ отношеніи къ его таланту,—объ этомъ когда нибудь потолкую еще съ тобой; а теперь миръ праху его! Прощай, обнимаю тебя отъ души и остаюсь вѣчно твой

Михайло Щепкинъ.

P. S. Съ этимъ письмомъ сбылась пословица: началъ здравствуй, а свель на упокой.

III.

Къ М. В. Лентовскому.

Милостивый государь
Михаилъ Валентиновичъ!

Денегъ восемьдесятъ рублей серебромъ для вашего переѣзда въ Москву при семъ прилагаю. Деньги эти не мои, но я сдѣлалъ подписку, и добрые люди не отказались помочь, и даже въ этой подпискѣ участвовалъ вашъ бывший губернаторъ, Егоръ Ивановичъ Барановскій, который вызвался написать къ вашему предводителю, чтобы онъ принялъ участіе въ вашемъ отправленіи; онъ говоритъ, что для него это сдѣлаютъ, потому что его любятъ тамъ. Теперь, главное, выпросите у отца видъ для прожитія въ Москвѣ и увѣрьте его, что я въ жизни еще никого не обманывалъ. Все дѣло будетъ зависѣть отъ того, какія при вашей страсти къ нашему искусству Богомъ даны средства, ибо безъ нихъ далеко не

уйдешь, а потому — наука и наука. Адресъ мой: въ Третейей Мѣщанской, въ приходѣ Филиппа митрополита, въ домѣ Асоргина (теперь Огнёва). Еще повторяю: вы будете моимъ семьяниномъ, я вамъ все, что будетъ для жизни, дамъ, — разумѣется, не для роскошной жизни, — а за все это потребую отъ васъ науки, науки и науки. Хорошо, еслибы вы поторопились приѣхать; теперь и директоръ театра, и весь царскій дворъ въ Москвѣ. Въ школѣ, я забылъ вамъ сказать, нѣтъ директора, а есть инспекторъ, Оберъ, но все, что касается до школы, находится подъ главнымъ управленіемъ Леонида Ѳедоровича Львова, начальника конторы. Приѣжайте скорѣй. Не успѣлъ отправить это письмо и деньги въ среду, — я эти дни былъ занятъ! Прощайте, цѣлую васъ и жду съ распростертыми объятіями.

Вашъ Михайло Щепкинъ.

P. S. Я о васъ говорилъ уже многимъ профессорамъ и вообще многимъ литераторамъ, которые меня посѣщаютъ.

IV.

Къ А. И. Шубертъ ¹⁾.

Здравствуйте, моя добрая, моя хорошая рѣзвухка, ахъ, виновать: здравствуйте, Александра Ивановна!

До сихъ поръ я не отвѣчалъ на ваше письмо — что дѣлать: старость лѣнива! Въ письмѣ вашемъ были вопросы, касающіеся до драматическаго искусства, вопросы, которые васъ тяготили отъ незнанія, какъ ихъ разрѣшить. Это васъ огорчало, а меня старика это до слезъ обрадовало. Вѣдь это доказываетъ, что вы уже мыслили и были довольны своимъ мышленіемъ, а на практикѣ выходило не то; но вы мыслили, и вотъ уже шагъ къ разгадкѣ. Такъ, напримѣръ, одинъ не плачетъ на сценѣ, но, поддѣлываясь, такъ сказать, подъ слезы, заставляетъ плакать публику; другой заливается горькими слезами, а публика не сочувствуетъ ему: стало быть, изъ этого выходитъ, что истиннаго чувства не нужно для драматическаго искусства, а одно холодное искусство, то-есть одно актерство? Можетъ быть, я ошибаюсь, но по-моему это не такъ! Какъ бы вамъ высказать яснѣе мою мысль? Напримѣръ, одному природа дала душу, сочувствующую всему прекрасному, всему доброму; для него дороги интересы человѣческіе, онъ не чужой человѣку,

¹⁾ Бывшая артистка императорскихъ Спб. театровъ.

на какой бы ступенькѣ общественной жизни онъ ни находился, онъ чувствуетъ его горе и его радости, онъ горячо все принимаетъ, какъ бы это касалось до него самого, и потому онъ будетъ плакать и смѣяться вмѣстѣ съ нимъ. Другой, сосредоточенный въ самомъ себѣ, но болѣе эгоистъ; живя въ обществѣ и встрѣчая на каждомъ шагу и горькое и смѣшное, приметъ участие и въ томъ и другомъ настолько, насколько онъ связанъ съ лицами въ общественной жизни, или насколько нужно ему изъяснить своего участія, или насколько онъ понимаетъ свое положеніе; онъ пожалѣетъ, напримѣръ, о томъ, кого обокрали на сто тысячъ, а не придетъ ему въ голову, какъ дорого бѣдному потерять послѣдній рубль; онъ пожалѣетъ, что у такого-то барина такой-то увезъ жену, и не поморщится, если ему скажутъ, что баринъ отнял жену у своего кучера. Эти люди, разсуждая обо всемъ холодно, имѣютъ возможность, живя въ обществѣ, принимать во всѣхъ участіе разсудкомъ и, чтобы не показаться эгоистомъ, выказываютъ участіе какъ бы съ участіемъ, и какъ они всегда въ спокойномъ состояніи, то лучше владѣютъ собою; слѣдовательно и выражаться будутъ съ отчетливостію. Такъ и на сценѣ: гораздо легче передавать все механическое, для этого нуженъ только разсудокъ,—и онъ постепенно будетъ приближаться и къ горю и къ радости настолько, насколько подражаніе можетъ приблизиться къ истинѣ. Сочувствующій артистъ — не то; ему предстоитъ невыразимый трудъ: онъ долженъ начать съ того, чтобы уничтожить себя, свою личность, всю свою особенность, и сдѣлаться тѣмъ лицомъ, какое ему далъ авторъ; онъ долженъ ходить, говорить, мыслить, чувствовать, плакать, смѣяться, какъ хочетъ авторъ, чего выполнить, не уничтоживъ себя, невозможно. Видите, во сколько трудъ послѣдняго многозначительнѣе! Тамъ надо только поддѣлаться, здѣсь надо сдѣлаться; отъ этого и выходитъ, что первый скорѣй озадачитъ публику, тогда какъ послѣдній и не думалъ надуть ее и дѣйствовалъ добросовѣстно, кажется, все сдѣлалъ: понялъ роль, какъ должно, изучилъ всѣ ея мелочи, опредѣлилъ ее во всѣхъ положеніяхъ совершенно, но не уничтожилъ своего я — и вышло все наоборотъ. Такъ, напримѣръ, вы играете, положимъ, пейзажку, а засмѣялись и заплакали, какъ Александра Ивановна, и выходитъ не то. Вы можете сказать, что это совершенно невозможно; нѣтъ, это только трудно! Вы скажете: зачѣмъ хлопотать о какомъ-то совершенствѣ, когда есть средство гораздо легче нравиться публикѣ? Тогда уже можно сказать: зачѣмъ же искусство? Итакъ, моя добрая, изучайте его съ точки науки, а не поддѣлки. Ежели бы вамъ судьба привела видѣть двухъ артистовъ, трудящихся добросовѣстно: одного—холоднаго, умнаго, доведшаго притворство до высочайшей степени, другого — съ душою пламенной, съ этой Божьей искрой, и ежели они равнымъ образомъ посвятили себя добросовѣстно

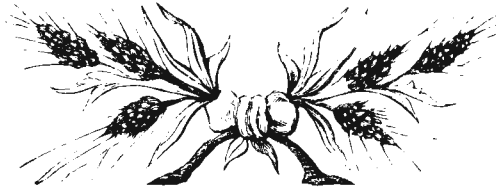
искусству, тогда бы вы увидѣли все необъятное разстояніе между истиннымъ чувствомъ и притворствомъ. Я видѣлъ Плесси и Вольнисъ, и скажу, что видѣть и то и другое. Первая — почти во цвѣтѣ лѣтъ, съ свѣжими звуками, обладаетъ искусствомъ совершенно, хороша, очень хороша! Вторая — почти въ сорокъ лѣтъ, съ пострадавшими звуками, но она чувствуетъ, страшно чувствуетъ, и какъ бѣдна дѣлается Плесси со всѣмъ своимъ искусствомъ! Я отъ Вольнисъ только услышалъ страдательные звуки, но такіе звуки, которые во мнѣ остались на всю жизнь. Нѣтъ, не унывайте, моя добрая! Трудитесь — безъ труда ничего не дается, больше размышляйте и помните пословицу: худой тотъ солдатъ, который не надѣется быть фельдмаршаломъ. Прочитайте мое письмо Шумскому, а онъ пусть прочтетъ вамъ свое.

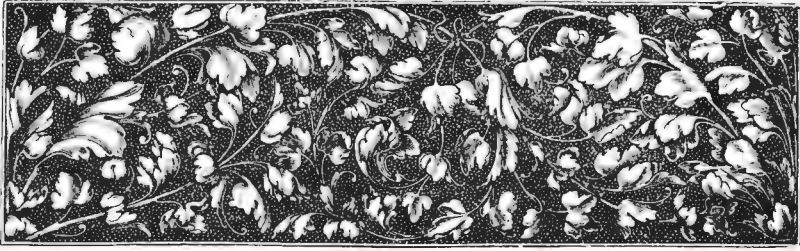
Прощайте, обнимаю васъ отъ души; поклонитесь отъ меня тѣмъ, кто меня помнитъ.

Вашъ вѣчно Михайло Щепкинъ.

27-го марта
1848 года.

М. А. Щепкинъ.

ДОЧЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ¹⁾.

III.

ШЕТАРДИ непременно преодолѣетъ всѣхъ своихъ политическихъ соперниковъ и оставитъ ихъ съ длиннымъ носомъ,—писалъ Мардфельдъ Фридриху; но Далліонъ, очень недовольный возвращеніемъ Шетарди, обязавшимъ его снова играть второстепенную роль, менѣе вѣрилъ въ его успѣхъ. По словамъ Далліона, онъ, безъ сомнѣнія, одержалъ бы побѣду, еслибы, съ одной стороны, «Елисавета умѣла царствовать и чувствовать къ нему благодарность, а съ другой, министерство и вся нація не питали бы къ нему неприязни, благодаря которой его возвращеніе придало новыя силы Бестужеву и сомкнуло ряды всѣхъ его личныхъ враговъ». Еще отрицательнѣе относился къ результатамъ пріѣзда Шетарди Вичъ, который прямо писалъ своему министру: «Шетарди пріѣхалъ съ цѣлью погубить Бестужевыхъ, но я увѣренъ, что они удержатся, вопреки всѣмъ интригамъ горсти негодяевъ, которые, въ угоду Франціи, стараются втянуть ея величество въ планы, прямо противоположные истиннымъ интересамъ Россіи» ²⁾).

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXI, стр. 485.

²⁾ Сборникъ Р. И. О., томъ 99. Дешени Вича.

«Истор. вѣстн.», сентябрь, 1900 г., т. LXXXI.

Но легкомысленный, надменный маркизъ былъ такъ убѣжденъ въ своемъ вліяніи на Елизавету, особенно въ виду выраженнаго ею самой желанія французскому правительству видѣть его снова при своемъ дворѣ, что онъ рѣшилъ сначала дѣйствовать въ Петербургѣ, какъ частный человѣкъ, и, только низвергнувъ своего врага Бестужева, предъявить въ качествѣ чрезвычайнаго посла свои кредитивныя грамоты, которыя у него были въ двухъ экземплярахъ,— одинъ на имя царицы, а другія на имя императора. Послѣднія ему поручено было передать только въ крайности, такъ какъ еще продолжался между версальскимъ и петербургскимъ кабинетами давнишній споръ, возникшій при Петрѣ Великомъ, о признаніи императорскаго титула за русскими государями, на что никакъ не хотѣлъ согласиться французскій король. Такимъ образомъ, являясь въ Россію простымъ французскимъ дворяниномъ, другомъ царицы, Шетарди обставилъ свой пріѣздъ, благодаря счастливымъ случайностямъ, самымъ романическимъ образомъ. Желая непременно быть въ Зимнемъ дворцѣ 25-го ноября, въ день восшествія на престолъ Елизаветы, онъ оставилъ свою свиту въ Швеціи, куда заѣзжалъ по дорогѣ изъ Парижа, съ цѣлью собрать или сфабриковать улики противъ Бестужева, и поскакалъ по Финляндіи въ саняхъ съ двумя слугами и самымъ скуднымъ продовольствіемъ, состоявшимъ изъ одного хлѣба, двухъ бутылокъ вина и трехъ соленыхъ языковъ. Дорога была ужасная, по случаю оттепели, и семь разъ француза вываливали въ снѣгъ, но все-таки черезъ три дня онъ благополучно прибылъ на берегъ Невы, въ ночь съ 24-го на 25-е ноября, но тутъ его ожидало новое препятствіе: ледъ шелъ по рѣкѣ, и переправа была невозможна.

«Признаюсь, пишетъ онъ Амело ¹⁾, я былъ внѣ себя отъ отчаянія: меня бѣсила мысль, что я находился въ предмѣстьѣ города, но не могъ попасть въ самый городъ. Наконецъ, въ 9 часовъ утра явились ко мнѣ офицеръ и сержантъ, присланные по приказанію императрицы, чтобы перевезти меня, если возможно безъ большой опасности, черезъ рѣку. Посовѣтовавшись между собою, они отправились со мною въ деревню Охту, находящуюся на одну милю выше, на правомъ берегу, и для достиженія которой мнѣ пришлось перейти не безъ риска по доскамъ черезъ рукавъ рѣки. Затѣмъ мы поднялись вдоль Невы до Александро-Невскаго монастыря, отстоящаго отъ города на двѣ мили, и тамъ переправились на другой берегъ, такъ какъ лишь въ томъ мѣстѣ ледъ еще не остановился. Однако онъ шелъ съ такою силой, что едва не опрокинулъ узенькихъ лодокъ, въ которыхъ мы переправлялись. По счастью, мы вышли благополучно на лѣвый берегъ и отправились пѣшкомъ черезъ поля въ деревню Ямскую, куда пріѣхали за мной двѣ при-

¹⁾ Сборникъ Р. И. О., томъ 105. Дешени Шетарди, стр. 136—142.

дворныя кареты, въ шесть лошадей и отвезли въ домъ Лестока, гдѣ я долженъ былъ остановиться по приказанію царицы, которая боялась, что приготовленный мнѣ домъ былъ еще сыръ и недостаточно отопленъ. Царица избавила меня отъ сожалѣнія, что я не могъ принять участіе въ утреннихъ поздравленіяхъ съ восшествіемъ на престолъ, и такъ какъ вечеромъ не было приѣма при дворѣ, то она велѣла сказать мнѣ, что если я приѣду къ Брюмеру, то она можетъ, какъ бы случайно, увидѣть меня. Я дѣйствительно былъ тамъ отъ 7 до 9 часовъ и видѣлъ царицу, которая пожелала, чтобы я пошелъ съ нею къ великому князю. Не было конца тѣмъ любезностямъ, которыми меня осыпала царица, пока я находился у нея, но я не буду входить въ подробности, такъ какъ эти любезности касались лично меня».

Несмотря на хвастливый тонъ этой депеши, Шетарди все-таки признается, что Елисавета въ первое свиданіе съ нимъ и въ послѣдующія его появленія во дворцѣ, какъ частнаго человѣка или кавалера ордена св. Андрея, въ качествѣ котораго онъ участвовалъ въ кавалерскомъ праздникѣ этого ордена, старательно избѣгала говорить о политическихъ дѣлахъ, несмотря на всѣ его попытки коснуться вопроса объ императорскомъ титулѣ, и даже очень ловко, говоря объ австрійскихъ министрахъ, замѣтила: «какъ люди не понимаютъ, что есть разница между Россією и великою княжной Елисаветой». За непониманіе этой простой истины гордому французу пришлось поплатиться, хотя вскорѣ послѣ того императрица снова предупредила его о необходимости быть осторожнымъ. Въ день ея рожденія Шетарди явился во дворецъ съ перевязкой на правой рукѣ, и, на вопросъ императрицы, что съ нимъ случилось, онъ отвѣчалъ, что обжегъ руку, производя опыты надъ порохомъ въ склянкѣ, которая лопнула. Елисавета со смѣхомъ сказала: «вотъ, что значить играть съ огнемъ», и, по словамъ Финча, прибавила, что, еслибы ребенокъ такъ игралъ съ порохомъ, то его надо было бы высѣчь. Соловьевъ даже рассказываетъ, что она послала Шетарди розгу и велѣла ему сказать съ посланнымъ эти слова. Какъ бы то ни было, черезъ нѣсколько дней весь Петербургъ, а затѣмъ вся Европа, узнали настоящую причину несчастнаго случая съ Шетарди, хотя онъ въ своей депешѣ къ Амело повторяетъ ту же исторію о склянкѣ съ порохомъ. Дѣло же было въ томъ, что онъ поссорился съ Далліономъ, и между ними произошла скандальная потасовка. Далліонъ сказалъ Шетарди, что онъ напрасно приѣхалъ въ Россію, гдѣ его всѣ ненавидятъ, и гдѣ онъ не можетъ имѣть никакого успѣха, тогда какъ Далліонъ въ состояніи оказать большія услуги своему правительству. Маркизъ вышелъ изъ себя и сталъ упрекать Далліона въ безчестныхъ дѣлахъ, а тотъ назвалъ его канальей. Тогда Шетарди далъ ему пощечину, а Далліонъ, обнаживъ шпагу, прокололъ ему правую руку.

Поспѣвшій на помощь къ Шетарди французскій офицеръ прекратить эту постыдную драку, но оба бойца сохранили надолго ея слѣды. Эта скандальная исторія сдѣлала Шетарди посмѣшищемъ всего двора и, конечно, не повліяла на императрицу въ пользу его, тѣмъ болѣе, что онъ обманулъ ее, ложно объяснивъ причину полученной имъ раны; но, несмотря на это дурное предзнаменованіе и на добрый совѣтъ Елисаветы не играть съ огнемъ, онъ продолжалъ свою рискованную игру.

Какъ всегда, заговорщики, во главѣ которыхъ стояли: Шетарди, Мардефельдъ, Брюмеръ, Лестоку, князь Трубецкой и Фридрихъ II, руководившій всѣмъ дѣломъ изъ Берлина, пустили въ ходъ всевозможныя интриги, подкупы и подлоги. Съ одной стороны, они старались во что бы то ни стало свергнуть Бестужева и для этой цѣли проводили Румянцева въ канцлеры, мѣсто котораго оставалось свободнымъ послѣ смерти князя Черкаскаго, и ухаживали за Воронцовымъ, которому Фридрихъ пожаловалъ орденъ Чернаго Орла, украшенный брильянтами, съ цѣлью переманить его на свою сторону, а съ другой, они ставили вице-канцлеру преграды во всѣхъ его политическихъ начинаніяхъ. Въ послѣднемъ отношеніи имъ на первыхъ же порахъ удалось нанести Бестужеву тяжелое пораженіе, но въ этомъ дѣлѣ Шетарди не принималъ никакого участія, и побѣдителями были другіе заговорщики, главнымъ образомъ Фридрихъ II.

Вопросъ о бракѣ великаго князя Петра Ѳеодоровича занималъ не только Елисавету, но всю Европу, и каждая партія выставляла свою невѣсту. Конечно, Шетарди и ранѣе его Далліонъ стояли за одну изъ дочерей Людовика XV, но ни Елисавета, ни французское правительство не были расположены въ пользу этого плана, и онъ даже серьезно не обсуждался, тѣмъ болѣе, что, по словамъ Вича, самъ женихъ говорилъ ему, что «онъ ни за что не хотѣлъ жениться на уродливой французской принцессѣ». Бестужевъ, вѣрный своей политической системѣ союза Россіи съ Англіей, Австріей и Саксоніей, склонялся въ пользу дочери Августа Саксонскаго, короля польскаго, Маріи, но Лестоку и Брюмеру удалось отговорить Елисавету отъ этого брака на томъ основаніи, что саксонская принцесса была фанатичная католичка и, какъ представительница могущественной династіи, не оказалась бы такимъ послушнымъ орудіемъ въ ея рукахъ, какъ принцесса мелкаго нѣмецкаго княжескаго рода, которая къ тому же, какъ протестантка, охотно перешла бы въ православіе. Такую во всѣхъ отношеніяхъ подходящую принцессу Фридрихъ II отыскалъ въ лицѣ юной принцессы Софіи-Августы-Фредерики Ангальтъ-Цербстской, двоюродной сестры великаго князя Петра Ѳеодоровича и племянницы герцога Голштинскаго, который когда-то былъ женихомъ Елисаветы. Отецъ молодой дѣвушки былъ прусскимъ фельдмаршаломъ, а мать, принцесса

Голштинская, была такъ предана Фридриху, что готова была разыграть роль его шпіонки въ Россіи. Онъ самъ въ своихъ мемуарахъ говоритъ, что основывалъ безопасность Пруссіи на этомъ бракѣ, и потому не жалѣлъ ничего, чтобы добиться его осуществленія. Что касается Елисаветы, то она съ удовольствіемъ согласилась на бракъ, который какъ бы совершался въ семьѣ и не возбуждалъ никакихъ политическихъ столкновеній. Поэтому она, въ тайнѣ отъ всѣхъ, даже отъ Бестужева, выписала будущую Екатерину съ матерью въ Россію и послала имъ на путешествіе деньги. Когда же они явились въ Москву, гдѣ былъ тогда дворъ, то императрица приняла ихъ самымъ любезнымъ образомъ, и было объявлено о помолвкѣ молодыхъ людей. Конечно, для Бестужева вся эта исторія была сильнымъ ударомъ, тѣмъ болѣе, что не только его планъ о бракѣ не былъ принятъ, но и враги восторжествовали надъ нимъ. Однако онъ покорился волѣ императрицы и былъ впоследствии пламеннымъ сторонникомъ Екатерины, а потому врядъ ли онъ сказалъ по случаю пріѣзда принцессы Цербстской, какъ увѣряетъ Шетарди: «посмотримъ, могутъ ли такіе брачные союзы заключаться безъ совѣта съ нами, большими господами этого государства». Что же касается до Шетарди, то онъ самъ говоритъ въ одной изъ своихъ депешъ, что хотя Брюмеръ и Лестокъ просили его поддерживать ихъ въ дѣлѣ брака великаго князя и всячески расхвалить императрицѣ юную принцессу Цербстскую, онъ этого не сдѣлалъ, такъ какъ не зналъ, какъ отнесется къ этому браку французское правительство.

Но, несмотря на поражение Бестужева въ дѣлѣ женитьбы великаго князя и на увеличеніе числа его враговъ матерью невѣсты, принцессой Цербстской, которая примкнула къ заговорщикамъ въ качествѣ шпіонки Фридриха II, интриги противъ него не увѣнчались успѣхомъ, а время шло, и Шетарди находился уже въ Россіи седьмой мѣсяцъ безъ всякаго официального званія. Его пререкаательства объ императорскомъ титулѣ были такъ же неудачны, какъ борьба съ Бестужевымъ, но онъ не подозрѣвалъ, чѣмъ все это должно было кончиться, и въ своихъ депешахъ онъ, съ одной стороны, жаловался на неблагодарность Елисаветы, на ея лѣнь, любовь къ удовольствіямъ и къ туалетамъ, которые она перемѣняетъ до четырехъ или до пяти разъ въ день, а съ другой—хвастался, что такъ или иначе, а заберетъ Россію въ руки и заставитъ царицу прогнать Бестужева, котораго она сама называла врагомъ рода человѣческаго и терпѣла только по непростительной слабости характера. Но въ концѣ концовъ не онъ прогналъ Бестужева, а Бестужевъ прогналъ его, и орудіемъ постыднаго паденія Шетарди были его собственныя депеши. Бестужевъ не дремалъ и, устроивъ по примѣру Фридриха Великаго перлюстрацію, т. е. вскрытіе депешъ иностранныхъ пословъ, онъ представилъ императрицѣ цѣлую кол-

лекцію депешъ и писемъ Шетарди, въ которыхъ послѣдній отзывался о ней, какъ о государынѣ и о женщинѣ, въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ. Шетарди по легкомыслію не подозрѣвалъ, что его депеши и письма вскрывались, а главное, что у Бестужева былъ ловкій секретарь, который разбиралъ всѣ шифры и въ томъ числѣ шифръ Шетарди, какъ бы онъ его ни измѣнялъ, а потому Бестужеву было легко поймать его въ западню. Подобравъ самые компрометирующіе Шетарди документы, Бестужевъ не только поднесъ ихъ императрицѣ, но и снабдилъ своими замѣчаніями, а главное, сдѣлалъ это публично въ совѣтѣ министровъ, въ которомъ предсѣдательствовала Елисавета. Сначала она не хотѣла ничему вѣрить и воскликнула: «Это—фальшивые документы, это—подкупъ его враговъ, въ числѣ которыхъ вы состоите». Но сомнѣваться въ подлинности представленныхъ документовъ было невозможно, и въ нихъ нашлись такія интимныя выраженія Елисаветы, которыя были сказаны ею Шетарди наединѣ. Это нарушение ея довѣрія къ нему и издѣвательство надъ нею, какъ надъ легкомысленною, праздною и развратною женщиною, а также доказательство подкупа окружавшихъ ея лицъ, даже женщинъ и ея духовника, съ цѣлью вліять на нее, привели императрицу въ ярость.

На слѣдующее утро, 17-го іюня 1744 года, въ 6 часовъ, пока еще Шетарди спалъ, къ нему явились: Ушаковъ, князь Голицынъ, двое чиновниковъ иностранной коллегіи и секретарь Курбатовъ. Они заявили, что пришли объявить ему волю императрицы, а потому удивленный французъ поторопился выйти къ нимъ въ халатѣ. Ушаковъ приказалъ Курбатову прочесть, составленную Бестужевымъ, декларацію, въ которой говорилось отъ имени императрицы, что бригадиръ французской арміи, Шетарди, не имѣвшій никакого officialнаго характера, забылся до такой степени, конечно, вопреки приказанію короля, что пытался подкупить нѣкоторыхъ лицъ при дворѣ и среди духовенства, завести свою партію, подкапываться подъ министерство и дерзко клеветать и издѣваться надъ священной особой императрицы, а потому императрица предписывала ему выѣхать изъ Петербурга въ 24 часа, не выдавъ никого въ столицѣ, и какъ можно скорѣе покинуть имперію. Надменный французъ сталъ увѣрять, что все это клевета, но когда ему показали подлинныя его депеши, то онъ сказалъ: «Довольно, остается только исполнить волю ея величества, и хотя я сожалѣю о принятой ея величествомъ резолюціи, но если она принята, то я съ благодареніемъ чувствую ту милость, съ каковою ея величество соизволеніе свое объявить повелѣтъ изволила». Эти слова приводитъ въ своемъ рапортѣ Ушаковъ, который прибавляетъ, что «Шетарди былъ очень испуганъ и взволнованъ, боясь, чтобы съ нимъ не поступили еще круче». Описывая съ понятнымъ торжествомъ Воронцову о пораженіи своего соперника, Бестужевъ вы-

сказываетъ то же самое; по его словамъ, «конфузія Шетарди была велика, не опомнися, ни сѣсть попотчевалъ, ниже что въ малѣйшее оправданіе свое принесъ, стоялъ, петупя носъ, и сопѣлъ, жалуясь немалымъ кашлемъ, а когда оригиналы денешъ показаны, то своей рукой закрылъ и отвернулся, глядѣтъ не хотѣлъ». Новый англійскій посланникъ, замѣнившій Вича, лордъ Тироли, увѣряетъ, что Шетарди «плакалъ, какъ ребенокъ, и обнаруживалъ въ своемъ несчастіи столько же малодушія, сколько выказывалъ нахальства въ счастѣ».

Какъ бы то ни было, наступилъ печальный дѣя Шетарди конецъ такъ долго разыгрываемой имъ комедіи. Онъ не только былъ вывезенъ изъ Петербурга и доставленъ до границы подъ конвоемъ, но у него огняли орденъ св. Андрея и портретъ императрицы, находившійся въ подаренной ему табакеркѣ, а для большаго его униженія было разослано всѣмъ членамъ дипломатическаго корпуса въ Петербургѣ подробное письменное объясненіе его недостойныхъ поступковъ. Замѣчательны отвѣты посланниковъ на прочитанное имъ объявленіе секретаремъ Бестужева ¹⁾. Тироли отвѣчалъ очень тактично, что «англійскій дворъ находился въ войнѣ съ Франціей, а потому онъ воздерживается по благородству отъ сужденія о поступкахъ Шетарди, но не можетъ не признать, что принятый императрицей шагъ докажетъ всей Европѣ ея твердость, а равно способность и благоразуміе ея министровъ». Баронъ Герздорфъ, представитель курфюрста саксонскаго и короля польскаго, не могъ скрыть своего удовольствія, а шведскій посланникъ, Боркъ, выразилъ сожалѣніе, что Шетарди своимъ неосторожнымъ поведеніемъ побудилъ императрицу принять противъ него такую мѣру. Представитель Маріи-Терезіи, Гогенгольцъ, сказалъ: «Я знаю то, о чемъ вы мнѣ сообщаете, я самъ былъ свидѣтелемъ интригъ Шетарди»; а посланникъ императора Карла VII, прочитавъ самъ объявленіе, задрожалъ всѣмъ тѣломъ, сталъ тяжело вздыхать и четверть часа не могъ промолвить ни слова, наконецъ же невнятно пробормоталъ, что кара императрицы вполнѣ справедлива.

Какъ и слѣдовало ожидать, всего болѣе послѣ Бестужева былъ доволенъ лордъ Тироли, который, по его собственнымъ словамъ, принялъ большое участіе въ паденіи Шетарди. «Могу сказать, — писалъ онъ лорду Картерету, — что я не зналъ ни минуты покоя, пока продолжалось это дѣло, потому что на карту прямо ставилась Англія и Франція! Надѣюсь, устраненіе такого *boute-feu* (подстрекатель) отзовется благопріятно на всѣхъ обстоятельствахъ, связанныхъ съ положеніемъ дѣлъ на сѣверѣ. Это важное событіе ускорено было чрезвычайно дурнымъ поведеніемъ и самодовольствомъ Шетарди, который въ своемъ самоуниженіи признавалъ не-

¹⁾ Recueil des Instructions. Russie. Tome I, p. 439—440.

возможнымъ, чтобы дѣла его здѣсь могли закончиться иначе, какъ переходомъ Россіи въ его полное управленіе. Изъ-за этого-то и произошла у него ссора и драка съ Далліономъ, который увѣрялъ маркиза: «qu'il n'y ferait que de l'eau claire» (будетъ хлопотать попустому). Совершенно непостижимо, какъ человѣкъ, уже достаточно состоявшій при дѣлахъ, чтобы набраться осторожности, могъ дѣйствовать, забывая о ней до того, что поддерживалъ интимную и секретную переписку съ принцессой Цербстской, матерью невѣсты великаго князя наслѣдника; какъ онъ въ полной слѣпотѣ не предвидѣлъ, что это не могло не возбудить подозрѣнія даже при дворѣ менѣе недоувѣрчивомъ, чѣмъ русскій дворъ. Но маркизь былъ до того увлеченъ собою, что лишился способности видѣть собственные ошибки. Его самоувѣренность и чувство собственной безопасности дали людямъ средство нарисовать его императрицѣ въ такомъ видѣ, что послѣдовать взрывъ. Поведеніе его получило полное и весьма невыгодное освѣщеніе. Онъ составилъ въ своемъ воображеніи новое министерство; вмѣстѣ со своими сторонниками распредѣлилъ высшія должности, и я нисколько не сомнѣваюсь, говорилъ мнѣ изгнаніе изъ Россіи столь же внезапно, какъ то, которое постигло его. Когда мы открыли глаза императрицѣ на его поступки и представили его не только опаснымъ, но и весьма смѣшнымъ, это очень скоро подѣйствовало на ея величество, и она въ продолженіе десяти дней не давала возможности Шетарди сказать съ собою ни слова. Я видѣлъ, какъ она даже прекращала пріемъ или покидала балъ, чтобы только не дозволить маркизу подойти къ себѣ. Особенно это замѣтно было однажды вечеромъ; императрица только что окончила танцовать минуэтъ и, пройдя черезъ всю залу, сдѣлала мнѣ честь подойти ко мнѣ. Въ то время какъ я бесѣдовалъ съ нею, Шетарди приблизился къ намъ d'un air content de petit-maitre et voulant faire l'agreable (съ тономъ самонадѣяннаго свѣтскаго франта и съ очевидной увѣренностью сдѣлать пріятное), но едва онъ попытался вступить въ разговоръ, какъ императрица рѣзко отвернулась отъ насъ и, какъ стрѣла, прямо прошла въ свои апартаменты, откуда не выходила болѣе часа»¹⁾.

Однако, несмотря на свою радость, лордъ Тироли придавалъ недостаточную важность совершившемуся политическому перевороту. По его словамъ, дѣла французской партіи только очень разстроились; но въ сущности роль Франціи въ Россіи была совершенно уничтожена на многіе годы. Несмотря на всѣ старанія Шетарди оправдать себя предъ своимъ правительствомъ и взвалить всю вину на несправедливые подкобы его враговъ, Людовикъ XV пришелъ въ ярость и излилъ свою злобу на легкомысленнаго маркиза.

¹⁾ Сборникъ Р. И. О., томъ 102. Денеша лорда Тироли, отъ 6 іюня 1744 г. Стр. 49—52.

Онъ былъ сосланъ въ свою деревню, и ему было запрещено являться ко двору. Хотя черезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Туринъ, но и тамъ ему не повезло; онъ завелъ интригу съ принцессой Сень-Жерманъ, любовницей короля Сардинекаго, и былъ удаленъ оттуда. Затѣмъ онъ принялъ участіе въ Семилѣтней войнѣ и наконецъ, забытый всѣми, умеръ комендантомъ крѣпости Ганау въ 1757 году. Что касается до отношеній Франціи къ Россіи, то версальскій кабинетъ долженъ былъ сѣсть нанесенное ему оскорбленіе, такъ какъ онъ не могъ требовать удовлетворенія за высылку Шетарди, по той простой причинѣ, что послѣдній запутался въ своихъ собственныхъ сѣтяхъ и не былъ въ то время посланникомъ. Преемникомъ Шетарди былъ снова назначенъ Далліонъ и, хотя русское правительство официально заявило о нежеланіи видѣть его въ Петербургѣ, но это дѣло уладилось признаніемъ со стороны короля императорскаго титула за Елисаветой. Положеніе Далліона, однако, было незавидное въ Петербургѣ, гдѣ всѣ относились къ нему враждебно, а потому Людовикъ XV и его новый министръ иностранныхъ дѣлъ Аржансонъ назначили въ 1745 году на его мѣсто графа Сень-Северена, бывшаго посланникомъ въ Польшѣ, но онъ отказался отъ этого поста подъ предлогомъ болѣзни, и пришлось оставить Далліона. Онъ пробылъ въ Петербургѣ еще три года, играя самую жалкую роль, и, наконецъ, послѣ заключенія союза Россіи съ Австріей — былъ отозванъ и уѣхалъ изъ Петербурга въ началѣ 1748 года, даже не откланявшись императрицѣ. Еще полгода оставался въ Россіи представителемъ Франціи консуль Сень-Совэръ, но, наконецъ, онъ былъ также удаленъ, и въ продолженіе десяти лѣтъ между Франціей и Россіей существовалъ полный дипломатическій разрывъ. Вотъ къ чему привели интриги Шетарди и его борьба съ вице-канцлеромъ.

Между тѣмъ Бестужевъ торжествовалъ. Хотя гнѣвъ императрицы на вмѣшательство принцессы Цербетской въ интриги Шетарди ограничился только строгимъ внушеніемъ, чтобы она не впутывалась болѣе въ государственныя дѣла, и ея дочь, принявъ православіе, была торжественно обручена съ великимъ княземъ, но съ этимъ бракомъ Бестужевъ уже давно помирился и не считывалъ на его разстройство. Зато по этому случаю онъ былъ осыпанъ милостями: его произвели въ канцлеры и ему пожаловали большое помѣстье въ Лифляндіи, а также домъ Остермана въ Петербургѣ. Въ то же время его другъ и сотоварищъ, Воронцовъ, сдѣланъ вице-канцлеромъ и графомъ. По поводу этихъ перемѣнъ лордъ Тироли писалъ: «у насъ теперь министерство, преданное настоящимъ интересамъ своей страны. Оно будетъ благоволять только къ тѣмъ иностраннымъ дворамъ, интересы которыхъ совпадаютъ съ русскими; Бестужевъ и Воронцовъ — министры честные и

благородные, такъ что французамъ и пруссакамъ придется много измѣнить свою политику, прежде чѣмъ какія нибудь предложенія съ ихъ стороны обратятъ на себя вниманіе этого двора».

Но представители Франціи и Пруссіи продолжали свои прежнія интриги и старались подкупить Бестужева, но вполне неудачно. Далліонъ долго увѣрялъ свое правительство, что ему удалось склонить Бестужева на принятіе отъ французскаго короля пенсіи, но въ денешѣ отъ 23 марта 1745 года онъ сознается, что канцлеръ отказался отъ всякой милости короля на томъ основаніи, что, благодаря щедротамъ императрицы, онъ ни въ чемъ не нуждался. Вслѣдствіе этого Далліонъ откровенно заявляетъ, что французскія дѣла при русскомъ дворѣ представляются въ самомъ черномъ свѣтѣ, и, конечно, рисуетъ портретъ Бестужева въ еще болѣе черныхъ краскахъ. По его словамъ, «канцлеръ, голосъ котораго безспорно преобладаетъ въ Петербургѣ, ограниченный и глубоко безчестный человѣкъ, слушающій во всемъ своего безнравственнаго секретаря Функа, итальянца Санти, произведеннаго въ оберъ-церемоніейстеры, хотя онъ нѣкогда сидѣлъ не безъ уважительной причины въ Бастилии, и Веселовскаго, учителя русскаго языка при великомъ князѣ и сосланнаго Петромъ Великомъ. Очутившись случайно у власти при вступленіи на престолъ Елисаветы, онъ держится, благодаря окружающимъ его посредственностямъ, отвращенію императрицы къ дѣламъ, своимъ безконечнымъ интригамъ и вліянію его на молодого Воронцова, котораго онъ совершенно обошелъ. Несчастіе перваго его благодѣтеля Шетарди довело Бестужева до апогея его величія; онъ ненавидитъ французовъ и продаетъ себя за чистыя деньги англичанамъ, австрійцамъ и саксонцамъ, что не мѣшаетъ ему брать подарки и съ другихъ». Далліонъ хорошо зналъ, что Франція не могла навязать Бестужеву взятки, несмотря на всѣ его усилія, а потому онъ, вѣроятно, намекалъ на Пруссію, хотя этотъ намекъ вполне несправедливъ.

Дѣйствительно, Мардефельдъ заявилъ канцлеру и вице-канцлеру, что они могутъ когда угодно получить двадцать пять тысячъ рублей, «какъ скромный знакъ дружбы прусскаго короля», но они сообщили объ этомъ императрицѣ, которая похвалила ихъ за преданность и сказала со смѣхомъ: «Если у прусскаго короля такъ много денегъ, то я позволяю вамъ взять ихъ». Въ результатѣ попытки прусскаго подкупа получился отказъ Россіи исполнить условіе союзнаго съ Пруссіей трактата о высылкѣ Фридриху II вспомогательнаго корпуса въ шесть тысячъ человѣкъ, а вскорѣ послѣ свадьбы наслѣдника престола съ великою княжной Екатериной Алексѣевной, которая состоялась въ августѣ 1745 года съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ, ея мать удалена была изъ Петербурга. Чтобы отдѣлаться отъ этой прусской шпіонки и союзницы, продолжавшихъ интриговать противъ него Лестока, Брюмера и Марде-

фельда, Бестужевъ прибѣгнулъ къ орудію, оказавшему такую услугу въ борьбѣ съ Шетарди, къ перлюстраціи. Въ вскрытыхъ письмахъ принцессы обнаружались не только жалобы на Бестужева и Елисавету за всяческія притѣсненія, но и сѣтованіе на безденежье, хотя императрица постоянно осыпала ее милостями, почему Бестужевъ написалъ на поляхъ одного изъ этихъ писемъ: «Что она дѣлаетъ со всѣми деньгами, которыя ваше величество ей жалуетъ?» Узнавъ объ этомъ, Елисавета вышла изъ терпѣнія и приказала неблагодарной, расточительной женщинѣ выѣхать немедленно изъ Россіи, что она и вынуждена была сдѣлать, но получила еще на дорогу отъ императрицы 50.000 рублей и увезла съ собою, по мѣткому выраженію Бэна, «богатую добычу», въ томъ числѣ два большихъ ящика съ фарфоромъ. При прощаніи съ Елисаветой она бросилась на колѣни и со слезами просила простить ее, если въ чемъ ненамѣренно оскорбила императрицу. Елисавета отвѣчала: «Поздно теперь объ этомъ думать, но для васъ было бы лучше, еслибы вы всегда были столь смиренны». Такимъ образомъ Фридрихъ лишился своего самаго надежнаго шпіона при русскомъ дворѣ, а Бестужевъ избавился еще отъ одного врага.

Мало-помалу той же судьбѣ подверглись и остальные его противники. Прежде всего исчезъ изъ Петербурга Брюмеръ, который, находясь наставникомъ при великомъ князѣ Петрѣ Феодоровичѣ, больше занимался интригами въ пользу Франціи и Пруссіи, чѣмъ своимъ воспитанникомъ, и обращался съ нимъ такъ неприлично, что даже однажды замахнулся на него кулакомъ, вслѣдствіе чего великій князь сказалъ: «если ты посмѣешь еще разъ броситься на меня, то я проколю тебя шпагой». Естественно, что при такомъ поведеніи Брюмера наслѣдникъ искренно привязался къ Бестужеву, и когда тотъ предложилъ отослать Брюмера въ Голштинію, а на его мѣсто назначить любезнаго, обходительнаго князя Репнина, то онъ на это согласился съ удовольствіемъ, а императрица, терпѣвшая надменнаго голштинца только ради своего племянника, охотно подписала его увольненіе.

Затѣмъ пробилъ часъ Мардефельда. Неоднократно русское правительство заявляло желаніе освободиться отъ этого непріятнаго, назойливаго дипломата, но Фридрихъ не обращалъ на это никакого вниманія, такъ какъ считалъ Мардефельда очень полезнымъ слугою. Наконецъ, Бестужевъ воспользовался тѣмъ, что Фридрихъ оскорбилъ русскаго посланника Чернышева, повернувшись къ нему спиною при всемъ дворѣ, и потребовалъ въ видѣ удовлетворенія Россіи, чтобы былъ отозванъ Мердефельдъ. Пруссійскій король отвѣчалъ, что готовъ исполнить желаніе русскаго правительства, если оно также отзоветъ своего посланника. Немедленно Чернышевъ былъ переведенъ въ Лондонъ, а на его мѣсто назначенъ еще болѣе ярый врагъ Пруссіи, Кейзерлингъ, и потомъ Бестужевъ прямо

заявилъ Мардефельду, что его паспорта готовы. Гордый пруссакъ не могъ сдержатъ своей злобы и сказалъ канцлеру: «Я знаю, что вы, ваше превосходительство, единственная причина моего удаленія, и я не упустию перваго удобнаго случая выразить мою благодарность и оказать вамъ такую же услугу». А, уѣзжая изъ Петербурга, онъ откровенно замѣтилъ новому англійскому посланнику, лорду Гиндфорду: «Канцлеръ поступилъ умно, постаравшись удалить меня до возвращенія вице-канцлера, ибо тогда я былъ бы въ состояннн низвергнуть Бестужева».

Врядъ ли бы удался подобный планъ, но Мардефельдъ былъ правъ, относя Воронцова къ числу враговъ канцлера. Дѣйствительно, эта перемяна въ отношеніяхъ между Бестужевымъ и Воронцовымъ произошла вскорѣ послѣ торжества перваго и назначенія его канцлеромъ. Въ началѣ царствованія Елисаветы Воронцовъ принадлежалъ къ партіи Лестока и Шетарди не изъ любви къ Франціи или Пруссіи, а по той причинѣ, что они всѣ трое содѣйствовали вступленію императрицы на престолъ, но потомъ, назначенный состоять при коллегіи иностранныхъ дѣлъ, онъ сдѣлался сотрудникомъ Бестужева и совершенно подпалъ подъ его вліяніе, такъ какъ, по словамъ Бэна, онъ былъ «скромнымъ, нервнымъ, застѣнчивымъ, слабохарактернымъ и недалководиднымъ человекомъ». Хотя Бестужевъ игралъ первую роль въ иностранной политикѣ, но Воронцовъ не только официально находился на одинаковой съ нимъ ногѣ, но и какъ будто покровительствовалъ ему, потому что имѣлъ значительную силу при дворѣ, благодаря своему приближенію къ императрицѣ, родству съ нею черезъ жену и дружбѣ съ Разумовскимъ. Но какъ только Бестужевъ поборолъ своихъ враговъ и сдѣлался канцлеромъ, а Воронцовъ былъ назначенъ его помощникомъ, то ихъ положеніе совершенно измѣнилось. По выраженію Соловьева, «самолюбіе не позволяло Воронцову довольствоваться ролью спутника блестящей планеты», и онъ невольно поддался заискиванію враговъ Бестужева. Они всячески ухаживали за нимъ и подбивали дѣйствовать тайно и явно противъ Бестужева. Фридрихъ II не называлъ его иначе, какъ нашъ «важный пріятель», а Лестокъ, Мардефельдъ и Далліонъ побуждали его низвергнуть Бестужева для блага Россіи и потому, что онъ былъ самъ достойнѣе его для веденія русской политики.

Пойманный на эту удочку, Воронцовъ сдѣлался противникомъ своего бывшаго друга. Но не ему было бороться съ такимъ могучимъ соперникомъ. Бестужевъ, какъ всегда, прибѣгнулъ къ своему излюбленному орудію, перехватилъ переписку Воронцова съ принцессой Цербстской и показалъ ее императрицѣ, которая естественно послѣ этого стала съ нимъ обращаться холодно. Воронцовъ и его жена обидѣлись и уѣхали за границу, помимо желанія императрицы, которая не хотѣла разставаться ни на одинъ день со своею двою-

родною сестрой. Это еще болѣе раздражило ее противъ ея прежняго любимца, а Бестужевъ искусно поддерживалъ это раздраженіе, представляя доказательства, что Воронцовъ продолжалъ за границей дружить съ врагами канцлера, которые рассчитывали на возвращеніе Воронцова для усиленія своихъ интригъ. Въ доказательство этого послѣдняго факта онъ приводилъ перлюстрацію депешъ Далліона, въ одной изъ которыхъ, между прочимъ, онъ говорилъ: «все зло состоитъ въ томъ, что больше уже не знаютъ, какимъ путемъ доводить до государыни свои мнѣнія; всякій держитъ себя въ величайшей скрытности, и если графъ Воронцовъ не пріѣдетъ для скорѣйшаго поправленія дѣлъ, то здѣшній дворъ скоро будетъ походить на султанскій, при которомъ видятъ только верховнаго визиря и разговариваютъ только съ нимъ. Впрочемъ, здѣшній дворъ довольно ужъ походить на султанскій по другимъ обстоятельствамъ которыя вы безъ труда отгадаете. Не знаютъ нынѣ здѣсь ни вѣры, ни закона, ни благопристойности». Если русскій великій визирь терпѣлъ Далліона и не выслалъ его изъ Петербурга такъ же, какъ Шетарди, то онъ самъ очень характерно объяснилъ причину своего поведенія относительно этого представителя Франціи въ надписи, сдѣланной имъ на представленной императрицѣ депешѣ Далліона: «Сии и сему подобныя, Далліономъ чинимыя, враки ему непримѣтнымъ образомъ путь въ Сибирь приготавливаютъ; но понеже оныя современемъ усугубятся, да и по приумножающейся Мардефельдовой къ нему конфиденціи нѣчто и о прусскихъ проискахъ иногда свѣдано быть можетъ, того ради слабѣе мнится ему еще на нѣсколько время свободу дать, ядъ его долѣе испущать».

Наконецъ, Воронцовъ вернулся, но всѣ надежды на него враговъ Бестужева оказались тщетны. Императрица приняла его еще холоднѣе, чѣмъ отпустила, и стало очевидно, что онъ лишился всякаго вліянія. Хотя онъ продолжалъ свои сношенія съ Лестокомъ и Финкенштейномъ, замѣнившимъ Мардефельда, а также старался всячески расположить Елисавету въ пользу Фридриха II, который совершенно обошелъ его любезнымъ приѣмомъ въ Берлинѣ, но онъ не былъ въ состояніи при своей трусливости, и, какъ онъ самъ говорилъ Финкенштейну, въ виду его «душевнаго ослабленія вслѣдствіе обхожденія съ нимъ императрицы», вести борьбу съ Бестужевымъ, который все болѣе и болѣе собиралъ противъ него улики и представлялъ ихъ императрицѣ. Конечно, самое сильное впечатлѣніе произвела на нее перехваченая депеша Финкенштейна, отъ 23 іюня 1748 года, изъ которой ясно было видно, что Воронцовъ получалъ пенсію отъ прусскаго двора, и на поляхъ которой Бестужевъ написалъ: «Христосъ въ Евангеліи глаголетъ: не можетъ рабъ двумя господинома работать: Богу и мамонѣ». Все это могло кончиться очень печально для Воронцова, но его жена, которой Елисавета ни въ чемъ не могла отказать, своими слезами

спасла его отъ опалы. Это однако, не мѣшало ему потерять всякую силу, и если по желанію императрицы онъ сохранялъ постъ вице-канцлера и подписывалъ трактаты съ иностранными государствами вмѣстѣ съ канцлеромъ, то онъ не игралъ никакой роли въ дѣлахъ иностранной политики, и канцлеръ рѣшалъ ихъ дома, не совѣтуясь даже со своимъ официальнымъ товарищемъ. Конечно, Фридрихъ II вскорѣ узналъ о томъ, что Воронцовъ не въ состояніи оказать ему никакой значительной услуги, и саркастически писалъ Финкенштейну: «нашъ важный пріятель даже не знаетъ, что дѣлается при его дворѣ».

Такъ или иначе освободившись отъ своихъ враговъ, даже отъ Далліона, который былъ отозванъ французскимъ правительствомъ, Бестужевъ свергнулъ наконецъ и послѣдняго изъ нихъ, Лестека. Этотъ безстыдный, развратный авантюристъ, обязанный всѣмъ Россіи и, однако, продававшій ее иностраннымъ государствамъ, наконецъ, надоѣлъ Елисаветѣ, и она не только перестала покровительствовать ему, но отдала его на сѣдненіе Бестужеву, который долго не могъ подкопаться подъ него, такъ какъ императрица любила его веселую болтовню. Теперь же она отказывалась выслушивать отъ него какіе бы то ни было доклады, отсылая его къ канцлеру, а когда онъ вздумалъ по старой привычкѣ заступаться за Воронцова и хвалить его, то она сказала: «Я имѣю о Воронцовѣ очень хорошее мнѣніе, и если что нибудь способно измѣнить его, то, конечно, похвалы такого негодяя, какъ ты, такъ какъ можно вообразить, что Воронцовъ держится однихъ съ тобою взглядовъ, иначе ты не сталъ бы его такъ хвалить». Наконецъ, Бестужевъ представилъ императрицѣ перлюстрацію депешъ Финкенштейна, изъ которыхъ ясно было видно, что Лестокъ получалъ пенсію отъ прусскаго короля, и передавалъ ему не только свѣдѣнія о государственныхъ дѣлахъ, но даже интимные разговоры императрицы. Въ результатѣ получился арестъ Лестока, и, хотя онъ ни въ чемъ не признался, его сослали въ Угличъ.

Побѣждая своихъ враговъ одного за другимъ, Бестужевъ очищалъ себѣ почву для полнаго примѣненія на практикѣ своей иностранной политики, которую онъ гордо называлъ «древней россійской, толь паче государя Петра Великаго, системой». Хотя волновавшая въ то время Европу война за наслѣдство австрійскаго престола прямо не затрогивала русскихъ интересовъ, но, съ одной стороны, Россія была связана сложною сѣтью противоположныхъ трактатовъ, что дѣлало очень труднымъ сохраненіе нейтралитета, не подавая повода къ обвиненію въ нарушеніи формальныхъ трактатовъ, а съ другой — необходимо было поддержать политическое равновѣсіе въ Европѣ, не дозволить Фридриху II и Франціи слишкомъ усилить свое могущество насчетъ Австріи и Саксоніи. Пять лѣтъ трудился Бестужевъ надъ разрѣшеніемъ выпавшей на долю

Россіи тяжелой дипломатической задачи, и, по справедливому замѣчанію автора предисловія къ 105-му тому «Сборника Русскаго историческаго общества»¹⁾, «она была выполнена очень успѣшно съ наименьшею тратой силъ, которыя приходилось беречь послѣ только что окончившейся шведской войны, и въ виду надвигающейся борьбы съ Пруссіей». Никогда Россія не стояла такъ высоко въ Европѣ, какъ по окончаніи войны за наслѣдство австрійскаго престола, и она этимъ была обязана Бестужеву. Поэтому бросимъ бѣглый взглядъ на его удачную дипломатическую дѣятельность въ означенную эпоху.

Возобновивъ оборонительный союзъ съ Англіей и отдѣлавшись изгнаніемъ Шетарди отъ французскаго вліянія, онъ занялся заключеніемъ союза съ Австріей противъ Фридриха II. Прежде всего онъ представилъ императрицѣ «философа Санъ-Суси» въ его настоящемъ свѣтѣ, благодаря, главнымъ образомъ, депешамъ своего брата Михаила, переведеннаго посланникомъ изъ Берлина въ Польшу съ цѣлью противодѣйствовать прусскимъ интригамъ. По его словамъ, Фридрихъ отличался безпокойнымъ, самолюбивымъ, неуживчивымъ характеромъ и былъ главною причиною тогдашней несчастной войны съ Австріей. Нарушивъ Бреславскій трактатъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ торжественно нарушилъ данное имъ слово, а потому было безусловно необходимо вмѣшательство Россіи, такъ какъ «всякій обязанъ, ради своей безопасности, тушить пожаръ въ домѣ сосѣда, хотя бы онъ былъ врагомъ, и тѣмъ болѣе, если онъ другъ». Затѣмъ Бестужевъ указалъ на ложное извѣщеніе шведовъ Фридрихомъ, что царица будто бы одобрила вторженіе въ Богемію, на его дерзкое нарушеніе нейтралитета саксонской территории во время похода на Богемію и на его интриги въ Польшѣ, гдѣ онъ пытался нанести ударъ вліянію Россіи, главенствовавшей тамъ со временъ Петра Великаго. Въ концѣ концовъ, канцлеръ заявилъ, что если Россія дозволитъ прусскому королю выйти побѣдителемъ изъ настоящей войны, послѣдующей его жертвой будетъ Польша, отчего пострадаетъ и Россія. Эти аргументы подѣйствовали и на императрицу, и она согласилась изъ патриотическихъ видовъ забыть свои враждебныя чувства къ Австріи, тѣмъ болѣе, что Марія-Терезія прислала въ Петербургъ чрезвычайнаго посла, графа Розенберга, которому поручено было выразить ея сожалѣніе по случаю дѣла Ботты и просить помощи ея державной сестры во имя старинной дружбы между обоими дворами. Вслѣдствіе этого Елисавета милостиво приняла Розенберга, и объявила ему, что она сдаетъ въ архивъ дѣло Ботты, а Розенбергъ обязался, что Марія-Терезія циркулярно объявитъ всѣмъ свропейскимъ дворамъ свое сожалѣніе по поводу этой несчастной исторіи.

¹⁾ «Сборникъ Русскаго историческаго общества», томъ 105, стр. СXXX.

Несмотря на это примиреніе Россіи съ Австріей и ея отказъ послать войско на помощь Пруссіи, согласно трактату, Фридрихъ рѣшился снова выйти изъ затрудненія смѣлымъ, неожиданнымъ шагомъ, и объявилъ войну Саксоніи. Извѣстіе объ этомъ произвело большое волненіе въ Петербургѣ, и Елисавета собрала совѣтъ министровъ и высшихъ государственныхъ чиновъ, на которомъ единогласно рѣшено оказать помощь Саксоніи. Вслѣдствіе этого былъ изданъ указъ о движеніи къ прусской границѣ 60.000 солдатъ и объявлено прусскому королю, что Россія окажетъ помощь Саксоніи, если онъ вторгается въ ея предѣлы. Подписавъ эти документы, Елисавета бросилась на колѣни передъ иконой и призвала Бога въ свидѣтели, что если рѣшилась навлечь на Россію кровавую войну, то сдѣлала это по необходимости и по чистому, добросовѣстному побужденію. Однако въ послѣдующемъ разговорѣ съ канцлеромъ она высказала, что онъ слишкомъ надѣется на Англію, такъ какъ при всей ея злобѣ къ «берлинскому Шаху-Надиру», какъ она называла Фридриха, она не вѣрила въ искренность англійскаго министерства, которое все торговалось на счетъ субсидіи, безъ чего Россія не могла предпринять войны, въ виду ея тогдашняго финансоваго разстройства. «Въ этомъ отношеніи,—замѣчаетъ Бэнъ съ удивительнымъ для англичанина безпристрастіемъ,—императрица обнаружила болѣе ясное и здравое сужденіе, чѣмъ ея министръ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тогда англійскій кабинетъ просто игралъ комедію относительно Россіи. Онъ заключилъ тайный трактатъ съ прусскимъ королемъ для безопасности Ганновера, а въ остальныхъ отношеніяхъ смотрѣлъ равнодушно на исходъ нѣмецкихъ дѣлъ, хотя вообще сочувствовалъ Маріи-Терезіи. По этой причинѣ онъ объявилъ, что требуемая Бестужевымъ ежегодная субсидія въ милліонъ двѣсти пятьдесятъ тысячъ франковъ была слишкомъ велика, и вмѣстѣ съ тѣмъ откладывалъ въ долгій ящикъ заключеніе предлагаемаго Бестужевымъ четвернаго союза: между Россіей, Англіей, Австріей и Саксоніей».

При такихъ обстоятельствахъ Фридрихъ, рассчитывая на нейтралитетъ Англіи и медленность Россіи въ мобилизациі своихъ войскъ, быстро вторгнулся въ Саксонію, взявъ Лейпцигъ и принудилъ короля Августа бѣжать изъ своей столицы въ Прагу. Затѣмъ пруссаки предали всю Саксонію грабежу до такой степени, что графъ Михайлъ Бестужевъ, бывший очевидцемъ этой кампаніи, донесъ русскому правительству, что эта несчастная страна не оправится и въ восемьдесятъ лѣтъ отъ прусскихъ опустошеній. Наконецъ, побѣды при Геннерсдорфѣ и Кессельсдорфѣ заставили Австрію и Саксонію просить мира, который и былъ заключенъ, въ Дрезденѣ. Марія-Терезія уступила Пруссіи Силезію и Глацъ а саксонскій курфюрстъ заплатилъ контрибуцію въ милліонъ та-

леровъ. Съ своей же стороны Фридрихъ призналъ мужа Маріи-Терезіи императоромъ. Еще разъ прусскій король энергіей и быстротой разстроилъ всѣ планы своихъ враговъ, но если Бестужеву не удалось, какъ онъ предлагалъ Англій, покончить войну въ Германіи одной кампаніей, въ которой со стороны Россіи участвовало бы сто тысячъ солдатъ, подъ условіемъ субсидій въ шесть милліоновъ, то все-таки его воинственныя угрозы побудили Фридриха согласиться на сравнительно скромныя условія мира, несмотря на его побѣды. Кромѣ того, Бестужевъ успѣлъ окончательно уничтожить вліяніе Пруссіи при русскомъ дворѣ. Правда, въ этомъ помогъ ему самъ Фридрихъ, такъ какъ прежде, чѣмъ вторгнуться въ Саксонію, онъ обратился съ просьбой къ Россіи и Турціи о посредничествѣ для заключенія мира, вслѣдствіе чего султанъ написалъ письмо Елизаветѣ, выражая желаніе прекратить пролитіе христіанской крови. Императрица была глубоко оскорблена этимъ поступкомъ берлинскаго Шаха-Надира, который такимъ образомъ ставилъ ее, главу всѣхъ православныхъ, на одну доску съ антихристомъ, и съ этой минуты она окончательно отшатнулась отъ него.

Несмотря на униженіе Австріи и приобрѣтеніе Силезіи, Фридрихъ не былъ спокоенъ и очень опасался объявленія войны со стороны Россіи тѣмъ болѣе, что Бестужевъ, наконецъ, поставилъ на своемъ и заключилъ оборонительный союзъ съ Австріей. Это давно подготовляемое имъ событіе произошло, благодаря его излюбленному средству, вскрытію иностранныхъ депешъ. На этотъ разъ перлюстрація была сдѣлана не въ Петербургѣ, а въ Вѣнѣ, откуда сообщили канцлеру текстъ перехваченной депеши французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, д'Аржансона, къ посланнику въ Берлинѣ, Валори. Изъ этой депеши обнаружилось, что прусскій король рѣшился подбить Турцію и Персію къ войнѣ съ Россіей и съ этою цѣлью намѣревался заключить союзъ съ султаномъ. Узнавъ объ этомъ, Елисавета, наконецъ, согласилась на союзъ съ Австріей, и былъ заключенъ новый оборонительный трактатъ между обѣими странами, которыя обязались выслать другъ другу на помощь, въ случаѣ нападенія какого либо непріятели, 30.000 солдатъ и 60.000, если этимъ непріателемъ окажется Фридрихъ. Но этой дипломатической побѣды Бестужеву было недостаточно, и онъ считалъ необходимымъ, прежде чѣмъ послать русскую армію противъ Франціи на берега Рейна, покончить съ вопросомъ объ англійской субсидіи, безъ чего онъ не могъ приступить къ мобилизаціи. Хотя императрица не раздѣляла англійскаго энтузіазма своего канцлера, котораго д'Аржансонъ называлъ «англиканцемъ», но по справедливому выраженію Бэна, «послѣдующія событія доказали правильность ея сдержаннаго отношенія къ Англій»; послѣ разрыва съ Франціей и Пруссіей она болѣе склонялась къ сбли-

женію съ морскими державами и предоставила Бестужеву полную свободу дѣйствія.

«Англійскій союзъ,—писалъ онъ въ запискѣ, представленной императрицѣ въ 1745 году,—старѣйшій изъ всѣхъ союзовъ Россіи съ европейскими державами и основанъ на необходимости обезпеченія этихъ двухъ государствъ отъ соединенныхъ дѣйствій Швеціи, Даніи, Пруссіи, Польши и Франціи, а также на взаимной пользѣ, извлекаемой изъ торговли, при чемъ на сторонѣ Россіи избытокъ въ ежегодномъ балансѣ на пятьсотъ тысячъ рублей. Петръ Великій хорошо зналъ, насколько важенъ для Россіи союзъ съ Англіей, и всячески старался сохранить его, ухаживая за Англіей». Но, заручившись согласіемъ императрицы и презирая насмѣшки враговъ, которые называли его «слѣпымъ рабомъ Великобританіи», Бестужевъ, къ великому своему удивленію и разочарованію, встрѣтилъ безконечныя преграды со стороны англичанъ въ заключеніи субсидной конвенціи. Несмотря на то, что лордъ Тироли прямо называлъ его «единственнымъ человѣкомъ, который упорно стоялъ противъ Пруссіи и за Англію», министры Георга II-го не только торговались, какъ лавочники, но и относились, какъ характерно выражается Бэнъ, «къ русскому канцлеру съ такою небрежною неблагодарностью, которая побудила бы всякаго другого перейти на сторону ихъ враговъ». Наконецъ, побѣды французовъ въ Австрійскихъ Нидерландахъ и грозившая отъ этого опасность Голландіи побудили Англію къ большей уступчивости.

9-го января 1747 года, былъ созванъ въ Зимнемъ дворцѣ совѣтъ, на которомъ присутствовали Бестужевъ, Воронцовъ, генералъ Апраксинъ и фельдмаршалъ Ласси; по предложенію послѣдняго, было рѣшено послать армию въ 30.000 человѣкъ подъ условіемъ платежа 150.000 ефимковъ въ годъ. Затѣмъ два мѣсяца прошло въ безплодныхъ переговорахъ, и, наконецъ, Бестужевъ, выйдя изъ терпѣнія, сказалъ лорду Гиндфорду, что англійское правительство, торгуясь насчетъ размѣра и срока субсидіи, хочетъ погубить его и подвергнуть осмѣянію его враговъ. Онъ прибавилъ, что неблагодарный англійскій дворъ жалѣетъ какія-то тысячи, когда онъ спасъ ему милліоны и могъ получить отъ Франціи 300.000 фунтовъ стерлинговъ за нейтралитетъ императрицы. Въ концѣ концовъ, онъ рѣзко объявилъ, что если Англія не приметъ немедленно предложенныхъ условій, то войска, уже выступившія въ Курляндію подъ начальствомъ кн. Репнина, будутъ отозваны. При этомъ онъ пришелъ въ такое волненіе, что бросилъ на полъ депешу отъ русскаго посланника въ Лондонѣ, Чернышева, который сообщалъ о новыхъ измѣненіяхъ, сдѣланныхъ англійскимъ правительствомъ въ проектѣ трактата, и вообще велъ себя такъ, что лордъ Гиндфордъ подумалъ, не сошелъ ли онъ съ ума. Однако эта вспышка подѣйствовала, и лордъ Гиндфордъ немедленно со-

общилъ въ Лондонъ объ угрозѣ Бестужева, прибавивъ, что необходимо сдѣлать уступку, такъ какъ «онъ ни за что не рѣшится порвать переговоры, допустить возвращеніе уже посланнаго войска и отказаться навсегда отъ заключенія союза съ этимъ дворомъ». Въ концѣ концовъ, 9 декабря 1747 года, субсидная конвенція была подписана. Согласно ей, Россія обязывалась выставить observational корпусъ въ тридцать тысячъ человѣкъ на курляндскую границу и предоставить его въ распоряженіе Англии, подъ условіемъ ежегоднаго платежа въ сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ, и, кромѣ того, согласилась послать на Рейнъ другой корпусъ въ 30.000 человѣкъ, подъ условіемъ ежегоднаго платежа 300.000 фунтовъ стерлинговъ Англійей и Голландіей, при чемъ платежъ производится за четыре мѣсяца впередъ, и, кромѣ того, вносится 150.000 ефимковъ на содержаніе этого войска во время его пребыванія въ Европѣ.

Хотя англійское правительство ратификовало этотъ трактатъ, но, повидимому, было очень недовольно вынужденною уступкой, въ виду упорства русскаго канцлера, и министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Честерфильдъ, писалъ лорду Гиндфорду: «Принимая въ соображенія условія, на которыхъ заключено обязательство, нельзя не сказать, что мы вели переговоры не съ русскимъ дворомъ, а скорѣе съ ростовщиками и вымогателями, расчеты которыхъ и стремленія къ выгодѣ не имѣютъ ни основанія, ни предѣловъ, о чемъ я уже объяснялся съ графомъ Чернышевымъ» ¹⁾. Такъ какъ въ Англии придавали этому договору большее значеніе, и англійскій посланникъ въ Константинополь, Боркъ, писалъ лорду Гиндфорду: «что этотъ шагъ спасаетъ все, принуждаетъ непріятеля къ уступчивости и приноситъ безсмертную честь лицу, заключившему его», то странная, далеко не дипломатичная выходка лорда Честерфильдса, вѣроятно, объясняется не значительною цифрой субсидіи, а тѣми деньгами, которыя Бестужевъ взялъ въ это время займы у англійскаго правительства.

Объ этомъ фактѣ, во всякомъ случаѣ, не дѣлающемъ чести канцлеру, Бэнъ упоминаетъ только въ примѣчаніи и говоритъ, что англійское правительство считало за величайшую милость этотъ заемъ въ 10.000 фунтовъ стерлинговъ подъ залогъ дома, хотя очень хорошо знало, что Бестужевъ отказался отъ подарка, въ десять разъ большаго, отъ враговъ Англии. Соловьевъ нѣсколько болѣе распространяется о Бестужевскомъ займѣ, но увѣряетъ, что Бестужевъ, получивъ въ подарокъ отъ императрицы большой домъ, долженъ былъ его отдѣлать и, не имѣя большихъ средствъ, просилъ у англійскаго правительства въ займы 10.000 фунтовъ

¹⁾ Сборникъ Р. И. О. томъ 103. Делеша лорда Честерфильдса къ лорду Гиндфорду отъ 12 января 1748 г., стр. 509.

стерлинговъ подъ залогъ дома, но получилъ въ этомъ отказъ и взялъ эти деньги у англійскаго консула Вольфа. Последнее обстоятельство не справедливо, такъ какъ въ депешахъ лорда Гиндфорда подробно разсказана вся эта исторія, и она, повидимому, происходила иначе ¹⁾. По словамъ лорда Гиндфорда, Бестужевъ дѣйствительно обратился къ нему съ просьбой, чтобы англійскій король ссудилъ канцлеру 10.000 фунтовъ стерлинговъ на десять лѣтъ, безъ процентовъ, подъ залогъ его дома. Посланникъ принялъ къ сердцу разстроенное финансовое положеніе Бестужева и ходатайствовалъ передъ своимъ правительствомъ объ исполненіи его желанія, объясняя, что Бестужеву дѣлались не разъ предложенія его предшественниками значительныхъ подарковъ, но что онъ всегда отъ нихъ отказывался; при этомъ посланникъ прибавлялъ, что, повидимому, мысль объ этомъ займѣ дана англійскимъ консуломъ Вольфомъ, который былъ его главнымъ кредиторомъ. Болѣе полугода тянулася объ этомъ переписка, и, наконецъ, лордъ Честерфильдсъ объявилъ согласіе короля пожаловать Бестужеву не просимую имъ сумму въ займы, а пять тысячъ фунтовъ въ подарокъ за его хлопоты по заключенію субсидной конвенціи, но Бестужевъ отъ этого отказался и продолжалъ настаивать на займѣ. Съ своей стороны лордъ Гиндфордъ усердно совѣтовалъ исполнить желаніе канцлера, такъ какъ отъ этого зависѣлъ дальнѣйшій успѣхъ англійской политики въ Россіи. Тогда лордъ Честерфильдсъ сообщилъ, что король согласенъ на заемъ, но въ половинномъ размѣрѣ, обѣщая выдать и остальную сумму при первомъ удобномъ случаѣ. Бестужевъ не хотѣлъ взять пяти тысячъ и заявилъ посланнику, что если послѣдній поручится въ полученіи имъ остальныхъ денегъ, то онъ возьметъ ихъ впередъ у консула Вольфа. Снова завязалась переписка и, наконецъ, дѣло было улажено.

Вотъ какъ лордъ Гиндфордъ описываетъ состоявшуюся комбинацію: «Такъ какъ канцлеръ, графъ Бестужевъ, принужденъ былъ занять пятьдесятъ тысячъ рублей, то консулъ Вольфъ одолжилъ ему эту сумму, принявъ въ залогъ новый домъ канцлера, который скорѣе заслуживаетъ названіе дворца и, прежде чѣмъ былъ отдѣланъ, стоилъ около ста тысячъ. Замѣчательно, что въ этой странѣ на каждую даваемую подъ закладную тысячу рублей долженъ быть свидѣтель, и актъ долженъ быть зарегистрированъ, иначе онъ не дѣйствителенъ. Поэтому канцлеръ пригласилъ пятьдесятъ человекъ своихъ главныхъ враговъ при дворѣ, которые всѣ должны были, какъ свидѣтели, подписаться подъ этимъ актомъ. Имъ руководило въ этомъ случаѣ желаніе предупредить подозрѣніе, что онъ получилъ эти деньги, какъ подарокъ, и показать своимъ врагамъ, что

¹⁾ Сборникъ Р. И. О., томъ 102 .Депеши лорда Гиндфорда.

онъ бѣденъ, какъ это и есть на самомъ дѣлѣ. Теперь, въ виду того, что Вольфъ владѣеть залогомъ, я надѣюсь, что будетъ приказано выдать деньги, а Вольфъ передастъ свое обезпеченіе тому, кого угодно будетъ назначить». Такимъ образомъ оказывается, что деньги все-таки дало Бестужеву англійское правительство черезъ посредство консула Вольфа, и хотя эта сдѣлка была заключена открыто при многочисленныхъ свидѣтеляхъ и съ вѣдома императрицы, но все-таки нельзя не пожалѣть, что, такъ или иначе, Бестужевъ далъ поводъ своимъ врагамъ обвинять его въ полученіи англійскихъ денегъ и тѣмъ объяснять его пристрастіе къ Англій.

Какъ бы то ни было, субсидная конвенція произвела сильное впечатлѣніе во всей Европѣ. Въ Лондонѣ и Вѣнѣ ликовали. Марія-Терезія написала горячее благодарственное письмо къ своей «глубоколюбимой сестрѣ и другу». Что же касается Фридриха, то онъ былъ очень взволнованъ таинственною англо-русскою сдѣлкой, заключенною «его великимъ противникомъ», и только успокоился, когда оказалось, что корпусъ Репнина былъ посланъ въ Европу только съ цѣлью напугать Францію. Дѣйствительно, проходъ русскихъ войскъ черезъ Польшу къ нѣмецкой границѣ заставилъ французское правительство заключить миръ съ Австріей и другими державами въ Ахенѣ, въ октябрѣ 1748 года. Такимъ образомъ, въ третій разъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ появленіе русскихъ войскъ въ Европѣ положило предѣлъ самолюбивымъ стремленіямъ Франціи.

Бестужевъ торжествовалъ не только въ Россіи, но и внѣ ея. Если онъ не принялъ участія въ общей европейской войнѣ, то заставилъ Пруссію и Францію сократить свои требованія въ минуту побѣды, а главное, совершенно изолировалъ безпокойнаго Фридриха II, окруживъ его враждебными союзами, въ чемъ онъ самъ сознавался въ одной изъ своихъ депешъ къ Финкенштейну. «Съ этого времени, — замѣчаетъ Бэнъ, — Бестужевъ признавался всѣми за первокласснаго государственнаго человѣка и совершенно справедливо, такъ какъ нельзя не сказать, что въ промежутокъ между смертью Флѣри и возвышеніемъ Каунница Алексѣй Бестужевъ одинъ оспаривалъ у Фридриха Великаго честь быть величайшимъ дипломатомъ Европы».

IV.

Семь лѣтъ неограниченно царилъ Бестужевъ. Это было самое мирное, спокойное и счастливое время въ царствованіи Елисаветы. Ея дворъ казался русскому дворянству, по мѣткому выраженію Бэна, «земнымъ раемъ, послѣ душной атмосферы подозрѣнія и

боязни, которая всёхъ угнетала и заставляла бояться собственной тѣни при угрюмой Аннѣ Іоанновнѣ, и которую разсѣяли безграничное добродушіе и жизнерадостная веселость Елисаветы, не допускавшей при своемъ дворѣ ничего мрачнаго и скучнаго. Съ другой стороны, не было тирана ни русскаго, ни иностраннаго, который бы стоялъ между челобѣчною Елисаветой и ея подданными. Никто не господствовалъ при ея дворѣ и не оравлялъ его веселія. Великій канцлеръ Бестужевъ не позволялъ никому вмѣшиваться во внѣшнюю политику и убѣдилъ императрицу запретить дворянамъ входить въ близкія дружественныя отношенія съ иностранными посольствами, но никогда не вмѣшивался въ блестящія придворныя развлечения. Такимъ образомъ, дворъ, на свободѣ веселился и забавлялся на утѣху себѣ и своей добродушной, прелестной, шаловливой царицѣ».

Повидимому, послѣдніе два эпитета не совершенно подходятъ къ Елисаветѣ на пятомъ десяткѣ, но, хотя, конечно, она уже не была тѣмъ «очаровательнымъ сорванцемъ», которымъ восторгались въ ея молодости всё иностранные послы, однако Далліонъ въ своихъ депешахъ писалъ, что она «все еще прекрасна», лордъ Гиндфордъ считалъ ее «достойною обожанія всего свѣта», а Екатерина увѣряетъ, что, «несмотря на ея толщину, когда ей уже было за сорокъ лѣтъ, Елисавета сохраняла удивительно прелестную фигуру, особенно граціозную въ мужскомъ костюмѣ. Ни на кого другого не хотѣлось глядѣть,— прибавляетъ Екатерина,— когда императрица была въ комнатѣ». Конечно, ея нѣкогда прелестный цвѣтъ лица требовалъ теперь косметическихъ услугъ, но ея большіе голубые глаза, «ярко блестящіе, какъ у веселой птички», свѣтились, какъ прежде, и ея роскошные каштановые волосы служили попрежнему вѣнцомъ ея красоты. Вотъ какъ лордъ Гиндфордъ описывалъ одно изъ придворныхъ торжествъ, на которомъ Елисавета являлась въ мужскомъ костюмѣ: «Въ день счастливаго восшествія на престолъ ея величества она принимала утромъ пѣздравленія всёхъ иностранныхъ посланниковъ, а вечеромъ только три посла были допущены до церемоніи, на которой лейбъ-кампацы, выстроившись въ четыре ряда въ галлерей, подходили по одному къ рукѣ императрицы. Она была въ ихъ формѣ, въ ботфортахъ, шарфѣ и въ треугольной шляпѣ съ плюмажемъ. Затѣмъ она вошла въ большую залу во главѣ ихъ, и они, въ числѣ четырехъ сотъ челобѣкъ, удостоились ужинать съ нею, а насъ пригласили за столъ съ великимъ княземъ и великою княгиней въ сосѣдней комнатѣ. Вы не можете себѣ представить, какъ военный мундиръ идетъ къ императрицѣ, и я увѣренъ, что тѣ, которые ея не знаютъ, приняли бы ее за офицера, еслибъ не ея красивое женское лицо. Дѣйствительно, у ея величества сердце мужчины, а красота женщины, и она достойна обожанія всего свѣта».

Екатерина, бывшая, по словамъ Бэна, экспертомъ въ этомъ дѣлѣ, еще болѣе лестно отзывается объ Елисаветѣ въ мужскомъ костюмѣ. «Этотъ костюмъ,—говоритъ она въ своихъ мемуарахъ,—удивительно шелъ къ Елисаветѣ. Я никогда не видала такихъ прекрасныхъ ногъ, какъ у императрицы, и ни одинъ мужчина не можетъ похвастаться ничѣмъ подобнымъ. Она танцевала въ совершенствѣ и была одинаково граціозна въ женскомъ и мужскомъ костюмѣ. Я однажды смотрѣла на придворномъ балу, какъ она танцевала менуэтъ въ послѣднемъ костюмѣ, и когда она подошла ко мнѣ, то я взяла на себя смѣлость сказать ей, что къ большому счастью насъ, бѣдныхъ женщинъ, она не была мужчиной, такъ какъ иначе мы всѣ потеряли бы голову даже при видѣ ея портрета. Она отвѣчала очень любезно, что въ такомъ случаѣ она отдала бы мнѣ пальму первенства. Я нагнулась, чтобы поцѣловать ея руку за такой неожиданный комплиментъ, но она неожиданно предупредила меня и крѣпко обняла въ виду всего двора». Естественно, что, пользуясь славой лучшаго танцора и танцовки, императрица любила болѣе всѣхъ придворныхъ забавъ маскарады, которые происходили во дворцѣ два раза въ недѣлю и назывались метаморфозами, вѣроятно, потому, что мужчины являлись въ женскихъ костюмахъ, а женщины въ мужскихъ. Елисавета всего болѣе любила маскироваться голландскимъ матросомъ въ память своего отца, но была одинаково интересна французскимъ мушкетеромъ и казацкимъ гетманомъ. Она также прекрасно танцевала величественный менуэтъ и безумную русскую пляску. Она любила и англійскіе сельскіе танцы, которые введены были въ моду Чернышевымъ, русскимъ посланникомъ въ Лондонѣ. Вообще на придворныхъ маскарадахъ дозволялись всѣ костюмы, кромѣ пилигрима и арлекина, такъ какъ императрица считала первый святотатственнымъ, а послѣдній неприличнымъ. Обыкновенно танцовало до 400 паръ, хотя присутствовало на этихъ маскарадахъ до 1.500 человекъ, разгуливавшихъ по блестящимъ освѣщеннымъ заламъ, украшеннымъ померанцевыми деревьями въ цвѣту и распространявшими прохладу фонтанами.

Кромѣ маскарадовъ, при дворѣ Елисаветы давались постоянно балы, банкеты и театральныя представленія, сначала опера и балеты, а потомъ драмы и комедіи на русскомъ и французскомъ языкахъ. Наконецъ, часто устраивались и концерты, на которыхъ пѣли и играли на различныхъ инструментахъ итальянскіе артисты и малороссійскій хоръ, который завелъ графъ Разумовскій. Такъ какъ фаворитъ Елисаветы особенно любилъ музыку, а Елисавета предпочитала танцы, то не жалѣли никакихъ денегъ на приглашеніе знаменитыхъ иностранныхъ артистовъ, чѣмъ завѣдывали иностранцы Локатели и Арайя. Первый пригласилъ въ Петербургъ знаменитаго итальянскаго пѣвца, кастрата Манфредини, который

получалъ громадное содержаніе, и балетную звѣзду того времени, Нюдани, которая учила придворныхъ дамъ танцовать менуэтъ. Итальянскій танцовщикъ Фузано за постановку нѣсколькихъ балетовъ и участіе въ нихъ получилъ до ста шестидесяти тысячъ рублей. Иногда кадеты шляхетнаго корпуса исполняли передъ императрицей балеты, а затѣмъ драматическія пьесы, написанныя Сумароковымъ, Елисаветѣ такъ понравились эти представленія, что она перенесла ихъ во дворецъ, снабжала юныхъ актеровъ великолѣпными костюмами и даже украшала ихъ своими драгоценными уборами. Мало-помалу русскія пьесы замѣнились французскими, и такъ называемая «Comedie française» стала царить на придворномъ театрѣ два раза въ недѣлю, при чемъ Расинъ, Корнель, Мольеръ и Вольтеръ сдѣлались любимцами русскаго свѣтскаго общества.

Вообще можно сказать, что отъ 1742 до 1749 года дворъ Елисаветы былъ русскій, а затѣмъ до конца ея царствованія онъ принялъ французскій характеръ, хотя никогда при ней русскій языкъ не занималъ такого второстепеннаго положенія, какъ при дворѣ Екатерины II. Русская фаза Елисаветинскаго двора совпадала съ господствомъ Алексѣя Разумовскаго, который, по выраженію Бэна, былъ, «быть можетъ, наименѣе недостойнымъ фаворитомъ во всей исторіи». Сынъ простаго казака и въ дѣтствѣ бывшій пастухъ, онъ, достигнувъ высшихъ почестей и даже сдѣлавшись, по всей вѣроятности, тайнымъ мужемъ императрицы, не зазнавался и среди всѣхъ придворныхъ соблазновъ оставался простымъ, добродушнымъ, честнымъ, великодушнымъ и не эгоистичнымъ человѣкомъ. Въ первыя семь лѣтъ царствованія Елисаветы она искренно любила Разумовскаго, чувствовала себя счастливою только съ нимъ, ухаживала за нимъ, какъ сестра милосердія, во время припадковъ подагры, которою онъ страдалъ отъ пристрастія къ вину, и выхлопотала для него разрѣшеніе отъ константинопольскаго патріарха ѣсть мясо въ постные дни. Когда же его свѣтлые дни прошли, и явился новый фаворитъ, то онъ спокойно отретировался на второй планъ. Не образованный и не воспитанный, Разумовскій, однако отличался здравымъ смысломъ и окружалъ себя людьми просвѣщенными, какъ, напримѣръ, Васильемъ Евдокимовичемъ Адауровымъ, впослѣдствіи кураторомъ Московскаго университета, извѣстнымъ писателемъ Сумароковымъ и однимъ изъ самыхъ культурныхъ людей того времени, Елагинымъ. Всего замѣчательнѣе то, что онъ нимало не походилъ на выскочку, вполне сознавалъ свою необтесанность, и когда Елисавета произвела его въ графы и фельдмаршалы, то онъ сказалъ ей при всѣхъ: «Вы, ваше величество, можете называть меня фельдмаршаломъ, если вамъ это угодно, но ни вы, никто на свѣтѣ не сдѣлаютъ изъ меня порядочнаго офицера». Чувствуя, что ему самому уже поздно образовать себя, онъ всячески старался просвѣтить своего младшаго брата Кирилла, ко-

торого послалъ съ этою цѣлью въ Берлинъ и Парижъ, откуда онъ вернулся настоящимъ европейскимъ вельможей, покровителемъ искусствъ, литературы и науки. Елисавета его очень любила, и онъ блисталъ при ея дворѣ, распространяя французскіе обычаи. Женатый на родственницѣ императрицы, Нарышкиной, гетманъ Малороссіи и предсѣдатель академіи наукъ, онъ, какъ человекъ, совершенно походилъ на своего брата и также не вмѣшивался ни въ государственныя дѣла, ни въ придворныя интриги. Они оба были общими любимцами, никому не дѣлали зла, а благодѣтельствовали тысячамъ людей. По словамъ Екатерины, она не видывала, чтобы «люди, пользовавшіеся безконечною милостью императрицы, были такъ любимы всѣми, какъ эти два брата, которые оставались благо-разумными и не запятанными среди водоворота интригъ и неприличныхъ удовольствій».

Въ 1749 году на придворномъ небосклонѣ взопла новая звѣзда. Одинъ изъ пажей, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, неожиданно былъ произведенъ въ камергеры, и тотчасъ распространился слухъ, что этотъ красивый, любезный юноша обратилъ на себя вниманіе императрицы. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого онъ поселился во дворцѣ, и его апартаменты находились рядомъ съ половиной императрицы. Не могло быть сомнѣнія, что появился новый фаворитъ, и вліяніе его двоюродныхъ братьевъ, Петра и Александра Шуваловыхъ, сдѣлалось господствующимъ при дворѣ. Елисаветѣ положительно везло относительно фаворитовъ, и второй изъ нихъ былъ еще болѣе достойнымъ человекомъ, чѣмъ первый. Даже Екатерина, заклятый врагъ всей семьи Шуваловыхъ, отзывается о немъ, какъ о пріятномъ, образованномъ и великодушномъ молодомъ человекѣ. Дѣйствительно, онъ могъ бы въ своемъ положеніи сдѣлать много вреда, но онъ, подобно Разумовскому, не вмѣшивался въ государственныя дѣла и придворныя интриги, а отличаясь скромностью, безкорыстіемъ, отсутствіемъ самолюбія и добродушіемъ, старался жить въ мирѣ со всѣми, даже съ Разумовскими и съ Бестужевымъ, съ которымъ враждовали его двоюродные братья. Питая искреннюю любовь къ литературѣ, наукѣ и искусству, онъ былъ настоящимъ русскимъ меценатомъ, другомъ Ломоносова, основателемъ Московскаго университета и академіи художествъ въ Петербургѣ, переписывался съ Вольтеромъ и Гельвеціемъ, а потому пользовался общимъ уваженіемъ. Того же нельзя сказать объ его двоюродныхъ братьяхъ, которые, пользуясь своимъ участіемъ въ государственномъ переворотѣ, доставившемъ престолъ Елисаветѣ, и родственными узами съ фаворитомъ, играли первую роль въ послѣдніе годы ея царствованія. Графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ почти неограниченно управлялъ внутренними дѣлами, какъ Бестужевъ внѣшними, и хотя былъ способнымъ государственнымъ человекомъ, оказав-

шимъ немалыя услуги странѣ, но отличался ненасытнымъ корыстолюбіемъ, чудовищнымъ лицемѣріемъ, безграничнымъ двоедушіемъ и пристрастіемъ къ интригѣ. Что касается до его брата Александра Шувалова, то онъ былъ лишь отраженіемъ Петра и заслужилъ общее отвращеніе, какъ главный инквизиторъ, потому что ему была подчинена тайная канцелярія.

Въ первое время своего господства Иванъ Ивановичъ Шуваловъ возбудилъ опасенія Бестужева, и онъ придумалъ хитрый способъ отдѣлаться отъ опаснаго временщика, такъ какъ онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Разумовскимъ, который ни въ чемъ ему не мѣшалъ. Въ числѣ кадетовъ, игравшихъ на придворной сценѣ, обращалъ особое на себя вниманіе 17-ти-лѣтній Никита Аванасьевичъ Бекетовъ, который исполнялъ обыкновенно роли первыхъ любовниковъ. Бестужеву пришло въ голову, что этого красиваго Адониса можно сдѣлать соперникомъ Шувалову, и онъ пустилъ въ ходъ всѣ способы, чтобы достигъ успѣха въ этой интригѣ. Императрицѣ понравился юный кадетъ, и вскорѣ не только Разумовскій взялъ его въ адъютанты, но императрица произвела его въ полковники, и поселила во дворцѣ. По словамъ Бэна, этотъ куріозный *ménage à quatre* длился около года, но Петръ Шуваловъ, защищая болѣе свои интересы, чѣмъ интересы двоюроднаго брата, подвелъ контръ-мину. Онъ прикинулся другомъ Бекетова и высказалъ сожалѣніе, что его цвѣтъ лица сталъ отъ безсонныхъ ночей блѣднѣть, чего не любила императрица, и далъ ему мазь, которая, по его словамъ, черезъ нѣсколько дней вернетъ ему его свѣжесть. Наивный юноша повѣрилъ хитрому интригану и помазалъ себѣ обѣ щеки мазью, отъ которой онѣ покрылись подозрительною сыпью. Жена Петра Шувалова, которую очень любила императрица, обратила ея вниманіе на эту сыпь и прибавила, что Бекетовъ ведетъ развратную жизнь. Елисавета пришла въ ужасъ, и юноша былъ удаленъ отъ двора, а впослѣдствіи назначенъ губернаторомъ въ Астрахань. Впрочемъ, Екатерина рассказываетъ иначе и еще скандальнѣе опалу Бекетова. Какъ бы то ни было Шуваловъ остался фаворитомъ и уже ни съ кѣмъ не дѣлилъ до смерти императрицы своего господства, а Бестужевъ, убѣдившись, что онъ такъ же, какъ Разумовскій, ему не опасенъ, уже болѣе не старался создать ему соперника.

Во вторую эпоху царствованія Елисаветы, когда временщикомъ былъ Петръ Шуваловъ и фаворитомъ Иванъ Шуваловъ, а Разумовскій отошелъ на задній планъ, русскій дворъ принялъ вполнѣ французскій характеръ и сталъ еще болѣе безнравственнымъ и расточительнымъ, хотя и прежде онъ не отличался строгостью нравовъ. Хотя Вичъ еще въ 1742 году, когда Елисавета была сравнительно экономна, называлъ этотъ дворъ самымъ дорого стоящимъ во всей Европѣ, но, при распространеніи французскаго блеска, рас-

точительность этого двора достигла апогея, и не даромъ бичевалъ ее князь Щербатовъ въ своемъ сочиненіи «О поврежденіи нравовъ въ Россіи». Эта расточительность особенно проявлялась въ одеждѣ, экипажахъ, банкетахъ и празднествахъ, а императрица показывала всѣмъ примѣръ. Она ежедневно перемѣняла до полдюжины костюмовъ и хотя во время московскаго пожара въ 1747 году у нея сгорѣло 4.000 платьевъ, но послѣ ея смерти оказалось 15.000 платьевъ, большую часть которыхъ она надѣвала только одинъ разъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ императрица настаивала, чтобы ея придворные поддерживали подобный же блескъ. Передъ свадьбой великаго князя Петра Ѳеодоровича всѣмъ служащимъ было выдано годовое содержаніе, чтобы они не ударили въ грязь лицомъ во время торжества, и особымъ указомъ было опредѣлено количество гайдуковъ и лакеевъ, которыхъ должны были имѣть первые и вторые чины двора. Конечно, русская знать лѣзла изъ кожи, чтобы понравиться Елисаветѣ, и дѣйствительно общая расточительность достигла апогея. Пальма первенства принадлежала братьямъ Разумовскимъ, изъ которыхъ Алексѣй первый сталъ носить брильянтоваыя пуговицы и пряжки, а Кириллъ, живя по-царски въ качествѣ казацкаго гетмана въ Глуховѣ, имѣлъ у себя въ погребу сто тысячъ бутылокъ вина, содержалъ театральную труппу и славился своими шестью французскими поварами, старшій изъ которыхъ Баридьянъ считался лучше, чѣмъ знаменитый Дюваль, chef Фридриха Великаго. Отъ нихъ не отставали и другіе вельможи: Иванъ Чернышевъ заказывалъ разомъ двѣнадцать полныхъ костюмовъ и одѣвалъ свою многочисленную прислугу въ золотую парчевую ливрею; Сергѣй Нарышкинъ, считавшійся первымъ русскимъ франтомъ, поѣхалъ на свадьбу великаго князя въ каретѣ, стоившей около 50.000 рублей и украшенной отъ козелъ до колесъ хрустальными зеркалами, а его золотой кафтанъ весь былъ усыпанъ драгоценными камнями; Петръ Шуваловъ первый ввелъ въ Россіи англійскихъ лошадей и ананасы, и вообще такъ широко жилъ, что оставилъ послѣ смерти миллионъ долга, хотя получалъ въ годъ официально 400.000 рублей и столько же тайно воровалъ; фельдмаршалъ Апраксинъ имѣлъ сотни костюмовъ и триста шестьдесятъ пять драгоценныхъ табакерокъ, т.-е. по одной на каждый день въ году, а, отправляясь въ походъ противъ короля прусскаго, повезъ на пятистахъ лошадяхъ свой личный багажъ; наконецъ графъ Шереметевъ, первый богачъ въ Россіи, жилъ такъ широко и роскошно, что когда однажды императрица, не предупредивъ его, пріѣхала къ нему обѣдать со своею многочисленною свитой, то онъ принялъ ее очень пышно, но при этомъ не измѣнилъ ничего въ своемъ обычномъ обѣдѣ.

Хотя, по общему мнѣнію современниковъ, въ томъ числѣ иностранцевъ, выдавшихъ Версаль, дворъ Елисаветы былъ самымъ

блестящимъ въ Европѣ, соединяя восточную пышность съ французскимъ блескомъ, императрица проводила большую часть дня въ своихъ апартаментѣхъ, въ болтовнѣ со своими любимицами: Маврой Егоровной Шуваловой, Анной Карловной Воронцовой, Настасьей Михайловной Измайловой и таинственной, сомнительной старухой, по имени Елисаветой Ивановной, которой царица поручала темныя дѣла, и которую Строгановъ называлъ «le ministre des affaires etranches» (министромъ странныхъ дѣлъ), тогда какъ великій канцлеръ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ (ministre des affaires etrangères). По словамъ Шегарди, императрица любила «окружать себя холопами», и ей было неловко въ обществѣ всякаго, стоявшаго выше окружавшихъ его лицъ; Далліонъ увѣряетъ, что она «брала иногда въ свои ночныя поѣздки въ Царское Село, кромѣ Разумовскаго и своего стараго фаворита Шубина, камергера Сиверса, который за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ былъ придворнымъ лакеемъ», и «въ Петергофѣ она каталась въ коляскѣ съ дамами, которыя полтора года ранѣе были простыми поломойками во дворцѣ». Тотъ же Далліонъ рассказываетъ, что императрица запросто бесѣдовала съ солдатами и однажды передавала ему, что во время ея прогулки въ придворномъ саду подошелъ къ ней часовою и спросилъ: правда ли, что она хочетъ отказаться отъ престола въ пользу своего племянника и бросить своихъ вѣрныхъ подданныхъ?—на что она отвѣчала: «это ложь, и я позволяю тебѣ застрѣлить изъ ружья всякаго, кто станетъ съ тобой объ этомъ говорить, хотя бы это былъ самъ фельдмаршалъ».

Необразованная, даже малограмотная и, по словамъ Бэна, «не вполне увѣренная, что Англія была островомъ», Елисавета не любила читать, полагала, что чтеніе вредно для здоровья, и была увѣрена, что любимая ея сестра Анна умерла отъ слишкомъ большого чтенія. Впрочемъ, она дѣлала исключеніе для церковныхъ книгъ, напечатанныхъ крупными буквами. Вообще она была очень набожна, аккуратно исполняла всѣ церковныя требы, соблюдала посты и въ первое время своего царствованія умѣряла аскетизмомъ свою жажду удовольствій. Она часто, особенно во время своего пребыванія въ Москвѣ, гдѣ жила 12 мѣсяцевъ черезъ каждые три года, ходила пѣшкомъ на богомолье, при чемъ дѣлала въ день не болѣе шести верстъ и возвращалась въ городъ верхомъ или въ экипажѣ, а на другое утро начинала идти съ того мѣста, гдѣ оставалась наканунѣ, и такъ далѣе до окончанія пилигримства. Въ Петербургѣ ее окружала далеко не набожная атмосфера, и она проводила много времени въ Гостилицахъ, гдѣ охотилась и ѣздила верхомъ въ мужскомъ костюмѣ. Къ этому бѣглому очерку частной жизни Елисаветы надо прибавить, что ея любимымъ дворцомъ былъ Аничковскій, который она подарила въ 1751 году Разумовскому такъ же, какъ Гостилицы, но не дожила, чтобы переѣхать въ

Зимній дворецъ, который строился знаменитымъ Растрелли подъ ея руководствомъ, такъ какъ она очень интересовалась архитектурой, и никто изъ русскихъ государей не строилъ столько церквей, какъ она.

«Все было бы хорошо, еслибы она умѣла согласовать свои удовольствія съ обязанностями государя», замѣчаетъ Шетарди, а лордъ Гиндфордъ прибавляетъ: «Она терпѣть не могла всякое дѣло и вообще все, что требовало напряженія мысли, хотя бы на одну минуту». Эти упреки въ праздности, лѣни и отвращеніи къ дѣламъ еще начались, какъ мы видѣли, съ самаго начала ея царствованія и продолжались до конца, но нельзя не согласиться съ Соловьевымъ, что не всегда она откладывала дѣла и медлила въ ихъ разрѣшеніи отъ лѣни и любви къ удовольствіямъ, а часто дѣлала это, чтобы на досугѣ отдѣлать правду отъ лжи, на что при ея ограниченныхъ знаніяхъ требовалось немало времени и сосредоточенія мыслей. «Но все-таки, справедливо замѣчаетъ Бэнъ, нельзя совершенно оправдывать ее въ небрежномъ отношеніи къ дѣламъ, и Бестужевъ горько жаловался, что надо было всячески ублажать ее, чтобы она выслушала докладъ или подписала нужную бумагу».

Однако, по словамъ того же Бэна, рисующаго мастерской портретъ Елисаветы, ея нельзя не признать доброю и искреннею, симпатичною женщиной. Она сіяла жизнерадостностью и относилась ко всѣмъ мягко, добродушно, любезно, хотя сохраняла свое достоинство. Въ ея веселыхъ шуткахъ никогда не было и капли яда, и хорошо, тепло было людямъ съ нею, говорили всѣ близко ее знавшіе. Екатерина II также отличалась чарующею силой, но она всегда очаровывала по глубокому расчету, а Елисавета просто жаждала по своей натурѣ, чтобы окружавшіе ее люди были счастливы. Она любила видѣть улыбающіяся лица и считала своей обязанностью помочь горю всякаго. Она до того не терпѣла мысли о кровопролитіи, что питала ненависть къ войнѣ и горько плакала при каждомъ извѣстіи о побѣдѣ ея войскъ. Она заботилась о томъ, чтобы ея солдаты были хорошо одѣты и не страдали отъ суроваго климата, а, узнавъ о землетрясеніи въ Лиссабонѣ, она предложила выстроить часть города на ея счетъ, хотя въ то время Россія не имѣла никакихъ дипломатическихъ сношеній съ Португаліей. Вступая на престолъ, она рѣшилась уничтожить смертную казнь, и если указъ объ этомъ никогда не былъ обнародованъ по совѣту министровъ, которые боялись, чтобы отъ этого не распространились преступленія, она упорно отмѣняла каждый смертный приговоръ, который представлялся къ ея подписи. Когда Петръ Шуваловъ предложилъ ей утвердить составленный имъ кодексъ русскихъ законовъ, который кишѣлъ жестокими фискальными взысканіями, императрица отказалась подписать его говоря: «онъ

писанъ не чернилами, а кровью». Однимъ изъ симпатичныхъ качествъ Елисаветы была ея любовь къ дѣтямъ и молодежи, которые зато были пламенно преданы ей. Она часто устраивала дѣтскіе балы, на которыхъ танцовало до девятисто паръ, и охотно устраивала браки между влюбленною молодежью. Княгиня Дашкова рассказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что императрица такъ нѣжно поздравила ее съ помолвкой, что она невольно заплакала, а Елисавета съ материнскою лаской сказала: «Ну, ну, дитя мое, успокойся, а то, пожалуй, твои друзья подумаютъ, что я тебя бранила». Какъ большинство добрыхъ людей, царица была очень вспыльчива и, выйдя изъ себя, по цѣлому часу бранилась безъ удержу съ побагровѣвшимъ лицомъ. Но какъ только проходила ея вспышка, то она снова добродушно улыбалась и никогда не помнила зла. Достаточно было оскорбившему ее человѣку сказать искренно: «виновать, матушка», чтобы она тотчасъ все забыла. Несмотря на свой вспыльчивый характеръ, она была справедлива и всячески поддерживала мирное спокойствіе при своемъ дворѣ. Ея министры должны были не только служить ей, но и жить дружно между собою. Поэтому она въ началѣ своего царствованія заступалась за Бестужева, въ виду интригъ Лестока и Трубецкого, затѣмъ отстаивала Воронцова отъ преслѣдованій Бестужева и, наконецъ, долго поддерживала равновѣсіе между канцлеромъ и Шуваловыми».

*Пока Елисавета веселилась среди своего блестящаго двора, Бестужевъ, сила котораго еще болѣе окрѣпла съ тѣхъ поръ, какъ въ 1747 году онъ женилъ своего сына на племянницѣ фаворита Разумовскаго и потому имѣлъ доступъ къ императрицѣ во всякое время дня, не покоился на своихъ лаврахъ. Въ сущности 7 лѣтъ общаго спокойствія въ Европѣ послѣ войны за наслѣдство австрійскаго престола были лишь вооруженнымъ перемиріемъ, и ненормальное напряженіе дипломатическихъ сношеній между европейскими государствами доказывалось разрывами во время мира между старинными союзниками, а также усиліями заключить новыя, болѣе надежныя международныя соглашенія. Главнымъ факторомъ въ этомъ политическомъ броженіи былъ Фридрихъ Великій. По мѣткому замѣчанію Бэна, «быть можетъ, никто никогда такъ не деморализовалъ дипломатіи, какъ этотъ Протей политики» своими интригами, измѣнами и вѣчнымъ успѣхомъ, заставлявшимъ другихъ политическихъ дѣятелей слѣдовать по его стопамъ. Онъ одинъ пріобрѣлъ пользу отъ кровавой борьбы, долго волновавшей Европу, но, несмотря на свое торжество, онъ не былъ спокоенъ и хотя не боялся истощенной Австріи, но съ опасеніемъ смотрѣлъ на угрожающее положеніе Россіи. Дѣйствительно, Бестужевъ ни на минуту не упускалъ изъ вида своего великаго соперника, и впродолженіе этихъ мирныхъ 7 лѣтъ дипломатическій поединокъ между ними продолжался съ возрастающей силой преимущественно въ Швеціи и Польшѣ.

Въ первой изъ этихъ странъ Бестужеву пришлось потерпѣть неудачу, не столько, однако, благодаря Фридриху, сколько Англии. Дѣло было въ томъ, что въ Стокгольмѣ Франція и Пруссія поддерживали монархическую партію шляпъ, а Россія конституціонную партію шапокъ, конечно, не изъ либеральныхъ стремленій, а ради того, чтобы сѣять смуту и тѣмъ ослабить Швецію. Этотъ антагонизмъ дошелъ до того, что Россія объявила шведскому правительству ультиматумъ и сдѣлала приготовленіе къ общей войнѣ, которая едва не вспыхнула, такъ какъ съ одной стороны Елисавета обвиняла въ неблагодарности наслѣдника шведскаго престола, который былъ обязанъ ей этимъ титуломъ, а съ другой—Фридрихъ объявилъ, что онъ защититъ Швецію, въ случаѣ нападенія на нее Россіи. Если дѣло не дошло до кровопролитія, то въ этомъ виновата была Англія, которая отказалась выдать Россіи субсидію на войну со Швеціей, безъ чего эта война была немыслима. «Я долженъ объяснить вамъ, — сказалъ англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Ньюкастль, русскому посланнику въ Лондонѣ Чернышеву, — что нашъ дворъ едва освободился отъ одной разорительной войны и не расположенъ навязать себѣ на шею другую войну, шансы которой неизвѣстны». Австрія присоединилась въ этомъ случаѣ къ Англии, и обѣ державы нашли удовлетворительнымъ отвѣтъ шведскаго правительства на русскій ультиматумъ, а потому Бестужеву пришлось умѣрить свой воинственный пылъ, и единственнымъ результатомъ этого дипломатическаго эпизода былъ полный разрывъ Россіи съ Пруссіей. Фридрихъ, выведенный изъ себя политикой Бестужева, придрался къ распоряженію русскаго правительства о возвращеніи на родину русскихъ подданныхъ изъ Балтійскихъ провинцій, служившихъ въ Пруссіи, и оскорбилъ русскаго посланника въ Берлинѣ, Гросса, не пригласивъ его на придворный банкетъ, на которомъ присутствовали всѣ другіе представители европейскихъ державъ. Бестужевъ немедленно отозвалъ Гросса и выдалъ паспорта прусскому повѣренному въ дѣлахъ, Варендорфу. Такимъ образомъ, Россія прекратила во время мира дипломатическія сношенія не только съ Франціей, но и съ Пруссіей.

Если Англія измѣнила своей союзницѣ насчетъ Швеции, то въ Польшѣ и даже Константинополѣ поддерживала Россію, гдѣ представители обѣихъ державъ успѣшно противодействовали французскимъ и прусскимъ интересамъ. Въ особенности англійскій посланникъ въ Варшавѣ, Гамбьюри Вильямсъ, оказался дѣятельнымъ помощникомъ Бестужева. Онъ не только энергично содѣйствовалъ ему въ восстановленіи Польши противъ кандидатуры Морица Саксонскаго на курляндскій престолъ, но и всячески пытался отторгнуть Саксонію отъ союза съ Франціей и привлечь ее на сторону Россіи и Австріи. Фридрихъ зналъ объ этихъ англійскихъ «махинаціяхъ», какъ онъ выражался, и высказывалъ самые рѣзкіе отзывы

о Вильямсѣ и новомъ англійскомъ посланникѣ въ Петербургѣ, Гайѣ Диккенсѣ. Послѣдняго онъ называлъ «надменнымъ, крикливымъ, вспыльчивымъ нахаломъ, который никогда не поступалъ просто, естественно»; а относительно Вильямса онъ писалъ: «это очень опасный человекъ, и за нимъ надо зорко присматривать». Но, конечно, болѣе всего онъ гнѣвался на русскаго канцлера, и по поводу распространившагося слуха о болѣзни Бестужева онъ сказалъ: «Было бы во всѣхъ отношеніяхъ счастливымъ обстоятельствомъ, еслибы Провидѣнію было угодно прибрать эту личность»...

Хотя болѣзнь Бестужева была не серьезна, но съ 1753 года стали показываться первыя облака на свѣтломъ дотолѣ небосклонѣ его политической дѣятельности. Онъ самъ говорилъ, что у него болѣе враговъ, чѣмъ волосъ на головѣ, а Гай Диккенсъ писалъ, «что никогда при русскомъ дворѣ такъ не свирѣпствовали, какъ тогда, всевозможныя интриги, чтобы уничтожить другъ друга». Къ тому же въ то время характеръ самого Бестужева все становился болѣе суровымъ и непріятнымъ. Долгое пользованіе почти неограниченною властью придало ему повелительный, диктаторскій тонъ. Его гнѣвныя вспышки не только случались чаще, но онъ уже не довольствовался грубо рѣзать своихъ товарищей по управленію, а иностраннымъ посланникамъ читалъ нотации, вмѣсто того, чтобы выслушивать ихъ заявленія. Впрочемъ, его семейныя дѣла шли дурно: сынъ его оказался негодяемъ и не только самъ шелъ противъ отца, но и возстановлялъ противъ него свою жену, которая, какъ племянница фаворита Разумовскаго, имѣла вліяніе при дворѣ. Кромѣ того, его братъ, Михаилъ Петровичъ, бывший посланникомъ то въ Берлинѣ, то въ Дрезденѣ, то въ Вѣнѣ, поссорился съ нимъ, благодаря тому, что канцлеръ отказался ходатайствовать передъ императрицей за признаніе его брака съ баронессой Гаугвицъ, несмотря на то, что его жена была жива, хотя въ Сибири. Семидесятилѣтній дипломатъ никогда ему этого не простилъ и сдѣлался его злѣйшимъ врагомъ. Наконецъ, Воронцовъ, благодаря вліянію на императрицу своей жены и ея родственницы графини Шуваловой, снова возвратилъ себѣ въ нѣкоторой степени милость Елисаветы и возобновилъ подпольную борьбу съ канцлеромъ. Но не отъ внутреннихъ враговъ, а отъ внѣшнихъ суждено было колебаться власти Бестужева.

Странно сказать, что первый тяжелый ударъ, отъ котораго онъ никогда не оправился, былъ нанесенъ ему не врагомъ, а другомъ, именно Англійей, хотя по наущенію его главнаго противника Фридриха. Повидимому, Англія дѣйствовала рука въ руку съ Россіей съ цѣлью «сократить силы прусскаго короля», какъ тогда говорили въ политическомъ мірѣ, по увѣренію Соловьева, но мало-помалу ея отношенія къ Россіи стали принимать странный характеръ. Отка-

завъ петербургскому кабинету въ субсидіи для веденія новой войны со Швеціей, она неожиданно заявила въ 1750 году черезъ Гайя Диккенса, что нападеніе Фридриха на Ганноверъ неизбежно, а потому Россія обязана двинуть свои войска къ прусской границѣ, согласно трактату, а, со своей стороны, Англія не только выдастъ уговоренную субсидію, но согласна увеличить ея цифру. Хотя Бестужевъ удивился этому противорѣчію въ поведеніи Англіи, которая то отказывала въ субсидіи подъ предлогомъ, что у нея не было денегъ, когда дѣло шло объ интересахъ Россіи, то готова была бросить милліоны, лишь дѣло коснулось ея собственныхъ интересовъ, но онъ былъ не прочь на это согласиться со своею обычною склонностью къ Англіи и ненавистью къ Фридриху. Однако, по безпристрастному замѣчанію Бэна, Елисавета въ этомъ случаѣ «выказала большую политическую дальновидность, чѣмъ ея канцлеръ, и не хотѣла рисковать войной съ Фридрихомъ изъ-за Ганновера». Цѣлые три года она тянула переговоры съ Англіей и не давала прямого отвѣта. Наконецъ, лондонскій кабинетъ вышелъ изъ терпѣнія, и герцогъ Ньюкастль, 26-го іюля 1753 года, получивъ отрицательный отвѣтъ отъ Чернышева на свой вопросъ, нѣтъ ли какихъ извѣстій изъ Петербурга, воскликнулъ съ видимымъ раздраженіемъ: «Все нѣтъ, да нѣтъ, и нашъ посланникъ въ Петербургѣ пишетъ то же». Недовольство англійскаго правительства, однако, разсѣялось, когда Бестужевъ явился его защитникомъ во что бы то ни стало. Онъ представилъ Елисаветѣ краснорѣчивую записку, въ которой отстаивалъ планъ новаго союзнаго договора съ Англіей, въ силу котораго русскій вспомогательный корпусъ состоялъ бы не изъ тридцати тысячъ, какъ прежде, а изъ 55 тысячъ, а субсидія Англіи равнялась бы тремъ милліонамъ голландскихъ флориновъ. Елисавета на это согласилась, но англичане начали торговаться и не хотѣли дать болѣе 350.000 фунтовъ стерлинговъ. Съ своей стороны Бестужевъ горько жаловался на англійскую скупость и ни за что не хотѣлъ взять менѣе 500.000. Поэтому между нимъ и Диккенсомъ возникли рѣзкія пререканія. Первый прямо говорилъ, что лучше порвать всякіе переговоры, чѣмъ такъ скряжничать, а Диккенсъ грозилъ, что, въ случаѣ упорства Россіи, Англія заключитъ союзъ съ Фридрихомъ, который объ этомъ постоянно хлопоталъ. Диккенсъ въ своихъ депешахъ гнѣвно обвинялъ Бестужева въ низкой неблагодарности и называлъ его негодяемъ, но, по справедливому замѣчанію Бэна, «если кого нибудь можно было упрекнуть въ неблагодарности, то лишь Англію, которая не умѣла цѣнить поступки Бестужева».

Такъ шли дѣла до іюня 1755 года, когда Диккенса замѣнилъ Гамбьюри Вильямсъ, переведенный въ Петербургъ изъ Варшавы. Ему была дана секретная инструкція заключить новую конвенцію съ Россіей, во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе. Дѣйстви-

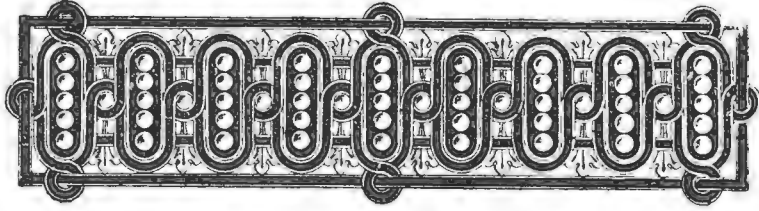
тельно, онъ согласился на условія Россіи, и 19-го сентября императрица подписала конвенцію. Но когда ее пришлось ратификовать, черезъ два мѣсяца, то она снова стала колебаться, и Бэнъ съ обычнымъ безпристрастіемъ отдаетъ полную справедливость ей, что она руководствовалась благородными патриотическими мотивами. Она подозрѣвала, и не безъ основанія, что Англія заботилась только о томъ, чтобы защитить Ганноверъ, и ей претила мысль, что ея солдаты будутъ проливать кровь за дѣло, которое въ сущности вовсе не касалось Россіи. До декабря ратификаціи не были размѣнены, хотя англійская уже была получена въ Петербургѣ, и, наконецъ, канцлеръ, пригласивъ къ себѣ англійскаго посланника, спросилъ его: «Если король прусскій нападетъ на Россію, то какую помощь окажетъ ей Великобританія?» На этотъ вопросъ Вильямъ отвѣчалъ другимъ: «А конвенція ратификована?» Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ отказался до ратификаціи отвѣчать на предложенный вопросъ. Такимъ образомъ, дѣло висѣло на волоскѣ, но Бестужевъ снова оказалъ содѣйствіе англичанамъ и представилъ императрицѣ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ, что необходимо ратификовать конвенцію, такъ какъ иначе англійская конвенція будетъ возвращена, какъ опротестованный вексель, король и англійская нація жестоко оскорбятся, всѣ переговоры будутъ прерваны, и онъ, Бестужевъ, подастъ въ отставку, такъ какъ онъ не желалъ подчиниться своимъ врагамъ, ковамъ которыхъ онъ приписывалъ нежеланіе императрицы утвердить уже подписанный ею трактатъ.

Елисавета уступила, но оскорбилась рѣзкимъ тономъ Бестужева, и хотя ратификовала трактатъ 1-го января 1756 года, но приказала канцлеру вручить Вильямсу при Воронцовѣ, чѣмъ удваивалось его униженіе, секретную добавочную декларацію, въ которой прямо говорилось, что русскія войска должны дѣйствовать только противъ прусскаго короля, а не для защиты Ганновера. Посланникъ пришелъ въ отчаяніе и въ первую минуту не хотѣлъ брать ратификацію съ подобною прибавкой, но когда русское правительство упорно стояло на своемъ, то онъ нашель, что лучше взять оба противорѣчившіе документа, чѣмъ порвать переговоры. «Впрочемъ, — прибавляетъ Бэнъ, — этотъ договоръ, на заключеніе котораго потребовалось столько времени и который стоилъ столько хлопотъ, уже и безъ того потерялъ всякое значеніе. За двѣ недѣли до его ратификаціи случилось событіе, которое уничтожило всѣ хитрыя комбинаціи Бестужева, измѣнило политическую карту Европы и возбудило Семилѣтнюю войну: 16-го января 1756 года въ Вест-мюнстерѣ былъ заключенъ оборонительный и наступательный союзъ между Англіей и Пруссіей».

В. А. Тимирязевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ПРОШЛАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ¹⁾.

I.

Дѣло о происшествіи 12-го октября 1825 года.

(Къ біографіи Николая Ивановича Лобачевского).

ОДЪ такимъ скромнымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, загадочно-тайственнымъ заголовкомъ, хранится въ архивѣ казанской попечительской канцеляріи дѣло, зарегистрированное здѣсь подъ № 179 дѣль 1825 года.

По своему существу, это дѣло № 179 не представляетъ собою ничего исключительнаго, если мы взглянемъ на него съ точки зрѣнія общественности старой, дореформенной Россіи, съ ея крѣпостническимъ строемъ жизни, не выработавшимъ сознанія не только «правъ гражданина», но хотя бы даже и самыхъ элементарныхъ «правъ человѣка», въ ихъ примѣненіи къ массамъ «подлаго», подневольнаго населенія. Но это дѣло пріобрѣтаетъ выдающійся интересъ, благодаря громкому, пользующемуся всеобщей извѣстностью, имени главнаго дѣйствующаго лица «происшествія 12-го октября 1825 года», даваго, три четверти вѣка тому назадъ, матеріаль для интересующаго насъ архивнаго дѣла.

Это «происшествіе», само по себѣ, вовсе не сложно: председа- тель функционировавшаго въ ту пору при Казанскомъ универси-

¹⁾ По архивнымъ даннымъ.

тегъ строительнаго комитета, возмущенный предполагаемымъ запирательствомъ двухъ рабочихъ, заподозрѣнныхъ въ глупой и, быть можетъ, по пьяному дѣлу учиненной шалости, распорядился высыпать имъ по двѣ сотни палочныхъ ударовъ, предваренныхъ нѣкими мѣрами, весьма близко восстанавливающими въ нашей памяти старинные русскіе пресловутые допросы «съ пристрастіемъ».

Злополучнымъ героемъ этой палочной расправы, вызвавшей негодованіе даже самого Магницкаго, казанскаго попечителя того времени, вовсе не отличавшагося, какъ извѣстно, особенною сентиментальностью своихъ чувствъ и возрѣній, явился профессоръ математики въ Казанскомъ университетѣ, знаменитый геометръ, Николай Ивановичъ Лобачевскій, такъ недавно (въ 1893 г.) чествовавшаяся столѣтняя годовщина рожденія котораго нашла себѣ горячій откликъ во всемъ математически образованномъ мірѣ.

Палки — и творецъ Неэвклидовой геометріи... Лобачевскій — и допросъ провинившихся съ примѣненіемъ принципа «пристрастія»... Самосудъ — и личность ученаго, въ теченіе девятнадцати лѣтъ подъ рядъ честно и съ достоинствомъ державшаго на своихъ плечахъ бремя ректорской власти въ родномъ Казанскомъ университетѣ!... Противорѣчія, повидимому, непримиримыя; понятія — несоизмѣримыя, въ особенности же въ виду того нравственнаго облика, въ какомъ восстанавливается передъ нами, въ общихъ чертахъ, личность славнаго Лобачевского. Исторіографу университета ничего не стоило бы, конечно, перелистать «пикантное» дѣло за № 179 и оставить его попрежнему мирно покоиться въ архивной пыли. Позволяемъ себѣ, тѣмъ не менѣе, думать, что такое отношеніе къ дѣлу не было бы достойно ни требованій неумолимой исторической правды, ни громкаго имени Н. И. Лобачевского. «Tempora mutantur, et nos in illis»; «измѣняются времена, измѣняемся и мы сами вслѣдъ за ними», — гласитъ извѣстный афоризмъ, съ которымъ, волею и неволею, всегда доводится считаться современности при своихъ воспоминаніяхъ о временахъ минувшихъ. Другія времена — другія пѣсни; иныя времена — иныя и взгляды, и понятія, и представленія объ общественныхъ правахъ и обязанностяхъ... Съ этою оговоркою, отнюдь не задаваясь мыслью направлять розовыхъ на него стеколь, приступаемъ мы къ повѣствованію о «происшествіи 12-го октября 1825 года», предоставляя читателю самому прийти къ выводу относительно тѣхъ «смягчающихъ обстоятельствъ», которыя могли бы быть усмотрѣны имъ въ этомъ, во всякомъ случаѣ, весьма прискорбномъ дѣлѣ.

Инцидентъ 12-го октября 1825 года находится въ самой тѣсной связи съ тою строительною горячкою, которою отмѣчена жизнь Казанскаго университета за 20-е — 40-е года заканчивающагося

столѣтія. Эта строительная горячка началась еще въ эпоху попечительства Магницкаго (съ 1820 г.), когда получилъ свой нынѣшній видъ главный корпусъ университета, образовавшійся изъ отдѣльныхъ, при Магницкомъ соединенныхъ въ одно цѣлое, домовъ, пріобрѣтенныхъ для университета, еще при самомъ учрежденіи его въ 1804—1805 годахъ. Эта строительная горячка продолжалась и при преемникѣ Магницкаго, попечителѣ М. Н. Мусинѣ-Пушкинѣ¹⁾, время попечительства котораго можетъ быть названо эпохою окончательнаго внѣшняго устройства Казанскаго университета: при Мусинѣ-Пушкинѣ возникли зданія университетскихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій (библіотеки, астрономической обсерваторіи, клиники, физическаго кабинета, лабораторій и др.), до послѣдняго времени удовлетворявшихъ, а отчасти и теперь удовлетворяющихъ еще научнымъ потребностямъ университета. По отношенію къ дѣлу университетскаго строительства оба попечителя находятъ себѣ дѣятельнаго и неутомимаго сотрудника въ лицѣ профессора, а въ 1827—1846 гг. и ректора, Казанскаго университета—славнаго русскаго геометра, Николая Ивановича Лобачевскаго, являвшагося «строителемъ» какъ бы по призванію и въ дѣлу университетскаго строительства владавшаго всю свою душу въ продолженіе многолѣтняго служенія своего казанской *almae matris*. Въ этомъ отношеніи оба казанскіе попечителя не могли бы найти себѣ болѣе ревностнаго помощника и исполнителя ихъ предначертаній: для того, чтобы имѣть возможность лично входить во всѣ, даже техническія, подробности построекъ, Н. И. Лобачевскій обратился къ изученію архитектуры, и съ утра до вечера можно было видѣть «творца Неэвклидовой геометріи» на стройкахъ, неутомимо лазящимъ по лѣсамъ, дающимъ необходимыя указанія, лично входящимъ во всякую мелочь дѣла... Еще въ 1822 году назначенный членомъ университетскаго строительнаго комитета, Лобачевскій съ начала 1825 года принимаетъ на себя званіе предсѣдателя этого комитета, которое и несетъ до 1846 года—года оставленія имъ профессуры.

Много писано о научныхъ заслугахъ Н. И. Лобачевскаго; много сохранилось воспоминаній объ его эксцентричностяхъ, граничившихъ съ «чудачествами», дававшими немалую пищу празднымъ, подчасъ апокрифическимъ, толкамъ и пересудамъ толпы. Весьма слабо возстановлены, тѣмъ не менѣе, черты своеобразнаго и, во всякомъ случаѣ, незауряднаго характера и темперамента великаго математика.

А въ этомъ послѣднемъ отношеніи личность Н. И. Лобачевскаго представляется въ высшей степени интересною и отмѣченною рядомъ контрастовъ, на почвѣ которыхъ разыгрался и прискорбный инцидентъ 12-го октября 1825 года. Уже съ самой ранней юности

¹⁾ Съ 1845 года извѣстномъ попечителѣ С.-Петербургскаго учебнаго округа

характеръ будущаго великаго геометра былъ отмѣченъ чертами и проявленіями, доставлявшими немало хлопотъ его принципаламъ и наставникамъ, въ особенности же въ соединеніи ихъ съ тѣмъ свободолюбіемъ, не выносившимъ никакого внѣшняго гнета, и съ тѣмъ упорствомъ, какими отличался Лобачевскій, и которыя оставались неизмѣнными спутниками и всей его послѣдующей жизни, отразившись, пожалуй, и на самомъ направленіи его не только административной, но и научной дѣятельности. Сохранившійся въ архивѣ Казанскаго университета «Журналъ педагогическаго института»,—эта подневная лѣтопись студенческой жизни первыхъ лѣтъ существованія университета, — рисуесть намъ личность будущаго математика въ качествѣ первенствующаго дѣятеля въ разнаго рода шалостяхъ и проказахъ, начиная отъ «пусканія ракетъ» на университетскомъ дворѣ (весьма распространенное, но и весьма преслѣдовавшееся, времяпровожденіе юныхъ питомцевъ наукъ той эпохи) и кончая болѣе серіозными случаями противности и «властямъ предержавшимъ» и распоряженіямъ университетскаго начальства; это и дало поводъ къ аттестаціи въ 1811 году инспекціею студента Лобачевскаго въ качествѣ «перваго по дурному поведенію»; любопытно, что, по заявленію профессора математики Бартельса, извѣстнаго ученаго своего времени, этотъ «первый по дурному поведенію» студентъ былъ въ томъ же 1811 году не только удостоенъ благодарности министра за «успѣхи въ наукахъ», но и возведенъ въ степень магистра математики, а въ началѣ 1814 года былъ уже адъюнктомъ университета. Въ 1821 году Лобачевскій, въ ту пору уже профессоръ и деканъ физико-математическаго факультета, рѣшается оказать косвенное противодѣйствіе введенному Магницкимъ университетскому режиму, уклонившись отъ произнесенія актовъ рѣчи,—обязанности въ то время не изъ благодарныхъ, въ виду неизбѣжной необходимости подчиняться духу и направленію пресловутыхъ «Инструкцій ректору и директору», введенныхъ Магницкимъ и съ которыми профессорамъ приходилось согласоваться не только въ своемъ преподаваніи, но и въ произносимыхъ ими публичныхъ рѣчахъ; здѣсь были свои требованія, свои условія, свой опредѣленный риторическій шаблонъ, отступленіе отъ котораго почиталось дѣяніемъ не только неблагонамѣреннымъ, но прямо таки преступнымъ. Въ 1823 году возникаетъ въ попечительскомъ дѣлопроизводствѣ цѣлое дѣло о «неблагопристойностяхъ и противностяхъ», оказанныхъ Лобачевскимъ при избраніи секретаря совѣта...

Суровому Магницкому хорошо извѣстны были «неистовыя» черты гордаго и непреклоннаго характера Лобачевскаго. Ничего не стоило бы, конечно, попечителю-временнику съ такимъ же легкимъ сердцемъ уволить «по третьему пункту» непокорнаго профессора, съ какимъ легкимъ сердцемъ сдѣлалъ онъ это въ 1819 году по отно-

шенію къ 11-ти профессорамъ Казанскаго университета. «Многія нарушенія должнаго почитанія», «буйства» (!), дерзость», «неумѣстная и смѣшная (sic) гордость», — и все это въ качествѣ прямого послѣдствія «дурнаго воспитанія»,—таковы отрицательныя черты, которыми въ одной изъ своихъ официальныхъ бумагъ иллюстрируетъ Магницкій характеръ Лобачевского. Несмотря на эту довольно таки категорическую аттестацію, Магницкій не только терпѣлъ Лобачевского, но, какъ это изъ всего видно, относился къ нему съ уваженіемъ и искалъ въ немъ дѣятельнаго сотрудника, по приведенію Казанскаго университета въ состояніе внѣшняго благоустройства; что касается весьма своеобразно понимавшагося Магницкимъ внутренняго благоустройства университета, выразившагося въ пресловутомъ процессѣ его «обновленія», то по этой части на Лобачевскаго надежды были плохія: плохо вязались начинанія попечителя въ этомъ направленіи съ «непочитаніемъ», «буйствомъ» и «неумѣстною гордостью» нашего математика. По этой части въ Казанскомъ университетѣ имѣлось, впрочемъ, немало креатуръ и приспѣшниковъ, съ усердіемъ проводившихъ въ жизнь реакціонныя начинанія Магницкаго, являвшихся, въ этомъ отношеніи, даже «plus royalistes que le roi même» и съ дѣятельностью которыхъ мы надѣемся въ свое время познакомить читателей «Историческаго Вѣстника».

Съ начала 1825 года (съ 12-го февраля), какъ объ этомъ уже было упомянуто нами выше, Лобачевскій занялъ должность предсѣдателя строительнаго комитета при Казанскомъ университетѣ,—должность отвѣтственную и весьма нелегкую при той массѣ построекъ и перестроекъ, какія производились въ ту пору, а въ особенности при томъ стремленіи «погрѣть руки» у казеннаго дѣла, которое, при случаяхъ подобнаго рода, въ то доброе старое время почиталось явленіемъ совершенно зауряднымъ и весьма мало возмущающимъ общественную совѣсть. Лобачевскому постоянно доводилось бороться со всякаго рода хищническими поползновеніями на университетскій денежный сундукъ, и на этой почвѣ создалось нѣсколько «инцидентовъ» уже въ первый годъ его предсѣдательства въ строительномъ комитетѣ.

Первый изъ этихъ инцидентовъ разыгрался при самомъ вступленіи Лобачевского въ эту должность и ознаменовался избіеніемъ имъ, въ засѣданіи комитета, университетскаго подрядчика Груздева. Въ ту пору заведенъ былъ попечителемъ Магницкимъ, жившимъ постоянно въ Петербургѣ, особый порядокъ, въ силу котораго инспекторъ студентовъ обязанъ былъ два раза въ мѣсяцъ аккуратно отписывать ему о всѣхъ происшествіяхъ по университету. Передъ нами лежитъ одно изъ такихъ донесеній, съ вѣдомостью о происшествіяхъ за первую половину февраля 1825 года. Здѣсь инспекторъ Вишневскій доноситъ своему принципалу о томъ,

что «студенты, желая быть участниками въ пособіи бѣднымъ жителямъ С.-Петербурга, потерпѣвшимъ отъ наводненія, собрали, по силамъ каждаго, около 300 рублей», что «казанская публика осталась весьма довольна угощеніемъ, а также вѣжливымъ и скромнымъ обращеніемъ студентовъ» на происходившемъ масляничномъ университетскомъ маскарадѣ, что «исполненіе студентами христіанской обязанности говѣнія назначено г. исправляющимъ должность директора на страстной недѣлѣ», и, наконецъ, «съ прискорбіемъ» доводитъ до свѣдѣнія попечителя о скандалѣ, разыгравшемся въ засѣданіи строительнаго комитета. «Съ прискорбіемъ долженъ довести до свѣдѣнія вашего превосходительства непріятное происшествіе, случившееся 11-го февраля,—доноситъ инспекторъ.—Въ засѣданіи строительнаго комитета, въ которомъ я самъ не могъ присутствовать по болѣзни, подрядчикъ Груздевъ, явившійся для торговъ, невѣжествомъ своимъ въ обращеніи и грубостями предъ членами онаго комитета вывелъ изъ терпѣнія г-на Лобачевскаго такъ, что сей послѣдній ударилъ его; о семъ происшествіи я достоверно узналъ»,—добавляетъ инспекторъ свое донесеніе. Чѣмъ окончился этотъ «инцидентъ»,—свѣдѣній о томъ мы не имѣемъ; вѣроятнѣе всего, что—ничѣмъ.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ «непріятнаго» происшествія 11-го февраля, какъ мы видимъ Лобачевскаго снова не на животъ, а на смерть воюющимъ въ строительномъ комитетѣ. На этотъ разъ война объявлена имъ уже не мелкотравчатому подрядчику, но члену строительнаго комитета Калашникову, фавориту и довѣренному лицу самого попечителя, осенью 1823 года назначенному Магницкимъ на эту должность съ жалованіемъ по 2¹/₂ тыс. рублей въ годъ. Дѣятельность Калашникова по части университетскаго «строительства» представлялась далеко не безупречною, какъ это и было впослѣдствіи (въ 1826 году) выяснено ревизіею генераль-майора Желтухина, и что, конечно, не могло не возмущать Лобачевскаго, съ свойственною ему пронипательностью видѣвшаго всѣ махинаціи и злоупотребленія этого попечительскаго ставленника. Отношенія между предсѣдателемъ комитета и его членомъ особенно обострились въ апрѣлѣ 1825 года, дойдя до открытаго столкновенія, въ которомъ, съ присущею ему горячностью и прямолинейностью, Лобачевскій рѣзко обличилъ Калашникова. На этой почвѣ возникло цѣлое дѣло, такъ какъ Калашниковъ не преминулъ, конечно, обратиться къ защитѣ своего петербургскаго патрона и покровителя, а отъ Лобачевскаго потребовано было попечителемъ подробное объясненіе по поводу этого столкновенія. Мы крайне сожалѣемъ о томъ, что время и мѣсто не позволяютъ намъ подробно познакомить читателей съ этимъ крайне любопытнымъ объясненіемъ, представляющимся въ высшей степени характернымъ, какъ для обрисовки личности Лобачевскаго, такъ, въ осо-

бенности, тѣхъ удивительныхъ порядковъ, которые господствовали въ университетскомъ строительствѣ эпохи Магницкаго¹⁾. Въ этомъ столкновеніи побѣда осталась на сторонѣ Лобачевскаго: осенью того же года Калашниковъ былъ назначенъ Магницкимъ на должность директора училищъ Симбирской губерніи, такъ и не сдавъ отчетности по своей университетской строительной дѣятельности.

Если «непріятнымъ» явился инцидентъ Лобачевскаго съ подрядчикомъ Груздевымъ въ глазахъ даже клеветовъ Магницкаго, то въ еще болѣе «непріятномъ» свѣтѣ выступаетъ третій инцидентъ его строительной горячки 1825 года, давшій матеріалъ для дѣла «о происшествіи 12-го октября» и служащій ближайшимъ предметомъ нашего настоящаго разсказа.

Было начало октября 1825 года. Къ этой порѣ уже закончились капитальныя работы по соединенію въ одинъ лицевой фасадъ отдѣльныхъ зданій нынѣшняго главнаго университетскаго корпуса, съ символическаго стиля церковью въ его серединной части и съ двумя, нынѣ существующими, каменными лѣстницами, ведущими къ церкви и актовому залу изъ главнаго университетскаго вестибюля. Порядочно таки поистрепались и потерялись за три четверти вѣка чугунныя балюстрады, ограждающія въ настоящее время эти лѣстницы. Но въ ту пору, о которой идетъ у насъ рѣчь, онѣ были, какъ говорится, «съ иголочки», украшенныя бронзовыми орнаментами, отъ которыхъ нынѣ остались только жалкіе слѣды. Такъ вотъ эти-то балюстрады и ихъ бронзовые орнаменты и послужили,—какъ это ни можетъ показаться съ перваго взгляда страннымъ,—поводомъ къ инциденту, вносящему, во всякомъ случаѣ, характерную черту въ біографію казанскаго творца Неэвклидовой геометріи.

Въ одно прекрасное, а, можетъ быть, и не прекрасное, октябрьское утро, университетскій подрядчикъ Головастиковъ, ставившій названную балюстраду, засталъ на лѣстницѣ человекъ семь рабочихъ, спускавшихся внизъ и, конечно, изъ простаго озорства сдиравшихъ бронзовые листы съ поручней его архитектурнаго дѣтища. Лобачевскому, какъ предѣдателью строительнаго комитета, не преминули доложить объ этомъ «злоумышленіи», а Лобачевскій не преминулъ, въ свою очередь, официальной бумагою донести о томъ директору университета Любомирову, жалуясь здѣсь на то, что «черный народъ, бродя по парадной лѣстницѣ, по вредной своей глупости ломаетъ бронзовыя украшенія на рѣшеткѣ», чему имѣется и очевидный свидѣтель, такъ какъ «самому де подрядчику, который ставилъ рѣшетку, случилось застать семь человекъ,

¹⁾ Архивъ Казанскаго университета, совѣтскія дѣла 1825 года, дѣло подъ № 69-мъ.

идущихъ съ лѣстницы, изъ которыхъ двое обрывали листы»; по заявленію подрядчика, особенно усердствовать по части этихъ манипуляцій «одинъ, высокаго роста, бѣлокурый, въ полушубкѣ, употреблявшій, казалось (sic), для сего всю свою силу».

Завязалась переписка. Директоръ строжайше предписалъ экзекутору Кавницкому, «дабы предупредить такого рода поступки впредь», безотлагательно разыскать виновныхъ. Экзекуторъ направился къ Лобачевскому и спросилъ предсѣдателя строительнаго комитета: что, собственно, угодно будетъ ему приказать?

— Немедленно отыскать и доставить ко мнѣ для наказанія!— было отвѣтомъ Лобачевского, тѣмъ самымъ принимавшаго лично на себя всю тяжесть слѣдствія, суда и кары по отношенію къ виновнымъ.

Экзекуторскіе розыски быстро увѣнчались успѣхомъ. Оказалось, что озорничавшіе на парадной лѣстницѣ люди—рабочіе мѣстнаго столярнаго мастера Эренберга, которые приносили въ университетъ «классическіе (то-есть классные) рисовальные столы»; одинъ изъ этихъ людей, столяръ Бѣлокуровъ, 11-го числа и былъ торжественно приведенъ передъ грозныя очи предсѣдателя, въ сопровожденіи «утерь-офицера университетской команды» и съ новымъ экзекуторскимъ запросомъ: «Что дѣлать съ симъ человѣкомъ, который не признается въ винѣ, хотя и былъ въ числѣ семи?» Совершенно войдя уже въ роль слѣдственнаго судьи и въ запертаго въ столяра «подозрѣвая,—по его собственному донесенію,—одно упорство», Лобачевскій приказалъ посадить приведеннаго подъ арестъ, съ тѣмъ, чтобы произвести ему допросъ на слѣдующее утро. Переночевавъ подъ карауломъ, Бѣлокуровъ утромъ 12-го октября былъ снова приведенъ къ Лобачевскому, которому, на этотъ разъ, удалось сломить «упорство» допрашиваемаго: онъ показалъ, что «двое его товарищей, Александръ и Михайло, рабочіе того же столяра Эренберга, что-то (sic), какъ онъ видѣлъ, дѣлали у рѣшетки, за чтò на нихъ кричалъ какой-то человѣкъ, случайно къ нимъ подошедшій (подрядчикъ Головастиковъ)». Бѣлокурова съ миромъ отпустили, около сутокъ, ни за что ни про что, продержавъ подъ арестомъ, и принялись за дальнѣйшіе розыски.

Оговоренныхъ Бѣлокуровымъ мастеровыхъ розыскать было уже не мудрено, и они въ тотъ же день были подъ конвоемъ приведены къ Лобачевскому. Оба оказались крѣпостными людьми: одинъ—мѣстнаго частнаго пристава Грибоѣдова, второй—казанскаго помѣщика, полковника Пекина. Это послѣднее обстоятельство самымъ кореннымъ образомъ измѣняло, конечно, вопросъ о «подсудности» заподозрѣнныхъ и о «правѣ кары» по отношенію къ нимъ, но Лобачевскій или не сообразилъ этого, или, черезъ край увлекшись своимъ инквизиціоннымъ пыломъ, прибѣгнувъ къ крайнимъ мѣрамъ, которыя могли угрожать крупными осложненіями и неприятностями, какъ

для него лично, такъ и для университетскаго начальства; ниже увидимъ мы, что опасеніе такихъ осложненій болѣе всего и встрѣожило университетскія власти въ пресловутомъ «дѣлѣ о происшествіи 12-го октября».

Но возвратимся къ послѣдовательному пересказу подробностей этого «происшествия».

Къ допросу обвиняемыхъ вызванъ былъ и единственный свидѣтель по дѣлу — подрядчикъ Головастиковъ. Пусть теперь самъ Н. И. Лобачевскій,—подлинными словами его объясненія по дѣлу, представленнаго начальству,—расскажетъ намъ о послѣдующемъ: «Я слышалъ улику — съ одной стороны, упорство — съ другой; я осматривалъ попорченное и увѣрился, что это было сдѣлано съ намѣреніемъ и съ большимъ усиліемъ. Я приказалъ посадить обвиняемыхъ подъ стражу, привязавъ ихъ, для острастки, къ стулу». Мы положительно недоумѣваемъ передъ вопросомъ объ истинномъ значеніи и обстановкѣ той мѣры «острастки», о которой говоритъ здѣсь Лобачевскій; экзекуторъ университета нѣсколько иначе формулируетъ въ своемъ донесеніи эту доморощенную процессуальную мѣру: онъ заявляетъ, что обвиняемые были «посажены въ стулъ»...

Нѣкоторое время спустя, Лобачевскій зашелъ лично провѣдать заключенныхъ и вознегодовалъ, найдя ихъ «въ глубокомъ снѣ, несмотря на то, что они привязаны были къ стулу». «Увлеченный негодованіемъ,—рассказываетъ Лобачевскій,—я приказалъ ихъ наказать палочными ударами; по ихъ бодрости (*sic!*) видѣвъ, что они издѣвались надъ строгостью моею, велѣлъ ихъ отпустить послѣ семидесяти, а можетъ быть, и сотни ударовъ каждому, не слыша отъ нихъ признанія».

Бодрыми или не особенно бодрыми ушли по домамъ жертвы этой экзекуціи,—изъ дѣла, конечно, не видно. Фактъ оказался, тѣмъ не менѣе, на лицо: «чужіе» крѣпостные люди держались подъ арестомъ, сажались «въ стулъ», наказывались палками— и все это даже не въ формѣ кары, а ради вынужденія отъ нихъ собственнаго признанія. Это была—пытка, допросъ «съ пристрастіемъ» («острастки» ради и истязалъ Лобачевскій, по его собственному показанію, попавшихъ въ его передѣлку столяровъ), строго воспрещенные на Руси еще въ первые годы XIX столѣтія.

Позволимъ себѣ здѣсь маленькое отступленіе по поводу весьма любопытнаго факта историко-юридическаго характера, неволью приходящаго на память въ виду университетскаго «происшествия 12-го октября» и очень у насъ мало извѣстнаго. Лобачевскій самовольно прибѣгнулъ къ «допросу съ пристрастіемъ» въ предпослѣдній мѣсяцъ царствованія императора Александра I. Въ первый годъ царствованія того же государя (27-го сентября 1801 года) воспослѣдовалъ именной высочайшій указъ объ отмѣнѣ пытокъ,—

указъ, вызванный примѣненіемъ пытокъ, какъ разъ въ Казани, гдѣ, четверть вѣка спустя, онѣ съ легкимъ сердцемъ нашли себѣ еще примѣненіе даже въ мирныхъ стѣнахъ мѣстнаго храма наукъ.

Вскорѣ по вступленіи императора Александра I на престолъ стали изъ Казани доноситься до столицы вѣсти весьма мрачнаго свойства: жаловались, что полиція прибѣгаетъ здѣсь къ истязаніямъ и пыткамъ, съ цѣлью вынужденія собственнаго признанія отъ заподозрѣнныхъ въ преступныхъ дѣяніяхъ лицъ. Возмущенный этими слухами, юный императоръ откомандировалъ въ Казань, для разслѣдованія дѣла, флигель-адъютанта барона Альбедилля, который и удостовѣрился въ полной основательности жалобъ на казанскую полицію. Выяснилось, на примѣръ, что казанскими полицейскими чинами на смерть засѣченъ былъ плетьюми нѣкій мѣщанинъ, у котораго истязаніями вынуждали признаніе въ поджогѣ, при чемъ заподозрѣнный настойчиво отрицалъ свою виновность и до пытки, и во время экзекуціи надъ нимъ, и даже передъ самою смертью. Этотъ инцидентъ былъ поводомъ къ изданію императоромъ Александромъ I извѣстнаго указа сенату, которымъ, воспрещая употребленіе при дознаніяхъ и слѣдствіяхъ, подъ страхомъ наказанія, какихъ бы то ни было истязаній и допросовъ «съ пристрастіемъ», императоръ изъявляетъ пожеланіе, «чтобы самое наименованіе пытка, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной»¹⁾.

Много воды утекло на Руси съ 1801 и до 1825 года; многое измѣнилось и въ возрѣніяхъ благословеннаго царя, и въ настроеніи правящихъ кружковъ, и въ теченіи общественной мысли... Какъ бы то ни было, но «происшествіе 12-го октября» выступило слишкомъ рѣзкимъ пятномъ на сѣренькомъ фонѣ провинціальной обывательской жизни для того, чтобы не взволновать собою университетскихъ властей подъ эгидою которыхъ совершилось дѣяніе, не далеко ушедшее отъ полицейскаго произвола 1801 года, съ высоты престола признаннаго наносящимъ «стыдъ и укоризну человѣчеству». Да и истязались-то люди помѣщицъ, господа которыхъ,—частный приставъ и полковникъ,—могли поднять цѣлую исторію изъ-за самоуправства и самосуда по отношенію къ крѣпостнымъ, всецѣло подлежащимъ ихъ собственной компетенціи...

Первымъ сообразилъ, что дѣло не совсѣмъ таки ладно, экзекуторъ Кавницій, выступившій въ этомъ дѣлѣ ближайшимъ исполнителемъ приказаній Лобачевского. Онъ въ тотъ же вечеръ вошелъ къ директору университета съ рапортомъ, въ которомъ, донося

¹⁾ Полное Собраніе Законовъ, № 20.022. Прикосновенныя къ этому возмутительному дѣлу лица (гражданскій губернаторъ Мухановъ, военный губернаторъ Пуцинь и частный приставъ Столбовскій) были тогда же отрѣшены отъ должностей.

о всемъ приключившемся,—отъ посаженія заподозрѣнныхъ «въ стуль» и до «наказанія палками каждому изъ нихъ до двухсотъ ударовъ» (такою цифрою опредѣляетъ экзекуторъ мѣру наказанія) включительно,—пытается сложить съ себя отвѣтственность, заявляя, что ему неизвѣстно, «съ приказанія ли вашего высокородія или нѣтъ оныя люди были г-мъ Лобачевскимъ тѣлесно наказаны палками».

Пришла очередь заволноваться и директору университета, Любомирову,—жалкой креатурѣ Магницкаго, послѣднему представителю этой пресловутой должности, умершему на четвертомъ же мѣсяцѣ своей директорской службы едва ли не отъ непомѣрнаго употребленія опиума. Немедленно затребовавъ отъ Лобачевскаго и Кавницкаго письменныхъ объясненій по дѣлу, Любомировъ счелъ необходимымъ, одновременно съ тѣмъ, подробно донести обо всемъ попечителю. Магницкій только что передъ тѣмъ посѣтилъ Казань, гдѣ долго пожилъ и откуда выѣхалъ для осмотра округа, восхищенный и умиленный состояніемъ, въ которомъ нашель онъ «обновленный», согласно его указаніямъ и предначертаніямъ, Казанскій университетъ. Донесеніе Любомирова пошло ему въ догонку и застало попечителя уже въ Симбирскѣ. Въ этомъ донесеніи (отъ 13-го октября) директоръ университета, коснувшись довольно политично своего сознанія тѣхъ «безпорядковъ, какіе могутъ послѣдовать въ обществахъ и казенныхъ заведеніяхъ, въ коихъ слабо исполняются постановленія, до полиціи относящіяся», подробно излагаетъ весь ходъ происшествія 12-го октября и рапортъ свой заканчиваетъ слѣдующими словами: «Какъ подобное самоуправство строго воспрещено законами и потому терпимо быть не можетъ, то я отнесся къ г. профессору Лобачевскому и требую отъ него объясненія, на какомъ основаніи онъ дозволилъ себѣ такой поступокъ съ людьми, совершенно не подлежащими его власти, и почему онъ, вмѣсто изслѣдованія, которое могло быть предоставлено ему отъ начальства, приступилъ къ наказанію». Только что процитированное директорское донесеніе довольно прозрачно выясняетъ намъ истинную подкладку тѣхъ «непріятностей», возможность коихъ усмотрѣна была Любомировымъ: не въ томъ вовсе усмотрѣлъ онъ суть дѣла, что профессоръ Лобачевскій, по простому оговору, влѣпилъ по двѣ сотни палочныхъ ударовъ ни въ чемъ неповиннымъ, быть можетъ, людямъ, упорно отрицавшимъ взводимое на нихъ обвиненіе, а въ томъ, что его суровая экзекуція коснулась «людей, совершенно не подлежащихъ его власти», и за самоуправство надъ которыми, хотя бы и изъ простаго чувства затронутой господской амбиціи, легко могли вступиться ихъ крѣпостные владѣльцы, затѣявъ, во всякомъ случаѣ, для университетскаго начальства не совсѣмъ пріятную, кляузу и волокиту.

Дальнѣйшая канцелярская переписка по «дѣлу о происшествіи

12-го октября» интереса не представляетъ, являясь повтореніемъ уже рассказаннаго нами. Что касается финала всего этого не совсѣмъ обыкновеннаго дѣла, то онъ всего рельефнѣе восстанавливается двумя письмами, которыми обмѣнялись директоръ университета Любомировъ и попечитель Магницкій, и которыя мы позволимъ себѣ привести съ нѣкоторою полнотою, какъ весьма характерныя для обрисовки и эпохи, къ которой они относятся, и лицъ, въ нихъ фигурирующихъ.

Первымъ приведемъ мы письмо-донесеніе, адресованное директоромъ университета попечителю Магницкому и датированное 20-го октября 1825 года:

«Ваше превосходительство,
«милостивый государь
«Михаиль Леонтьевич!

«Знакомясь болѣе и болѣе съ дѣлами университета ¹⁾, я усматриваю безпорядки и упущенія по части отчетовъ. Пользуясь столь великою довѣренностью нашего превосходительства и желая быть достойнымъ оной, я безъ отлагательства обратилъ вниманіе на чиновниковъ, занимающихся по счетной части. Присутствія правленія назначаю черезъ день, дабы тѣмъ поспѣшить къ рѣшенію дѣлъ, давно уже поступившихъ изъ строительнаго комитета, въ которомъ я нашелъ непростительный безпорядокъ. Удивляюсь, какъ гг. профессоры математики ²⁾, имѣвшіе вліяніе на строительную часть, по сіе время хладнокровно могли смотрѣть на неисправность комиссіонеровъ. Запущенія и по обыкновеннымъ дѣламъ трудно приводить въ порядокъ, а по счетной части, за столь долгое время, кажется, и невозможно... Но чего не дѣлаеть concordia! Чиновники нынѣ, будучи оживлены иные благосклонностью вашего превосходительства къ нимъ, а другіе дневными приказами директора, единодушно всѣ занимаются, почему, такимъ образомъ, прежнихъ временъ безотчетіе приведется въ надлежащій порядокъ. Полицейская и нравственная часть, изъемя нарушеніе въ оной поступкомъ г. Лобачевскаго, исполняется въ точности. Дневные приказы директора о неисправности по университету, хотя и щекотливы для господъ профессоровъ, но произведутъ большую пользу.

«Случай г-на Лобачевскаго, о которомъ я съ прежнею почтою имѣлъ честь донести вашему превосходительству, въ то время меня встревожилъ, и я долго не могъ опомниться. Но, имѣя въ виду ваше великодушіе и благосклонность къ намъ всѣмъ, и, наконецъ, думая, что это случилось съ начала вступленія мо-

¹⁾ Любомировъ вступилъ въ должность директора университета лишь 25-го сентября того же года.

²⁾ То-есть Н. И. Лобачевскій и Г. В. Никольскій.

его въ должность, и что болѣе, когда я буду покороче извѣстенъ по службѣ чиновникамъ, принадлежащимъ къ университету, подобныхъ непріятностей не случится,—нѣсколько успокоился. А нынѣ, еслибы поступокъ г. Лобачевскаго не обезпокоилъ ваше превосходительство, я бы могъ сдѣланный имъ безпорядокъ забыть, во-первыхъ, потому, что г. Лобачевскій, не дожидаясь моего замѣчанія, съ совершеннымъ раскаяніемъ пріѣхалъ ко мнѣ и усердно просилъ, чтобы я исходатайствовалъ ему прощеніе у вашего превосходительства и самъ бы его просилъ, и дотолѣ не хотѣлъ отъ меня выйти, пока я не обѣщался исходатайствовать ему прощеніе у васъ; а, во-вторыхъ—потому, что на г. Лобачевскаго доселѣ не поступила просьба ни въ гражданскую, ни въ университетскую полицію»....

Для интересующаго насъ дѣла не представляетъ интереса вторая, весьма характерная же, половина письма Любомирова. Оставляя на совѣсти бывшаго директора университета вопросъ о достовѣрности той унизительной формы испрашиванія прощенія, къ которой прибѣгнулъ Лобачевскій и которая плохо вяжется съ извѣстными намъ чертами гордаго и непреклоннаго характера творца Неэвклидовой геометріи, отмѣтимъ лишь сквозящее въ письмѣ успокоеніе Любомирова на томъ основаніи, что до времени написанія имъ цитированнаго письма попечителю не поступало еще никакой формальной жалобы по поводу расправы 12 октября, къ чему своевременно и были приняты, быть можетъ, надлежащія и въ официальную переписку не вошедшія, само собою разумѣется, мѣры.

Грозно-категоричнымъ, хотя и милостивымъ, явился отвѣтъ Магницкаго на письмо директора университета. Приводимъ это письмо, имѣющеея при дѣлѣ лишь въ копіи и безъ указанія времени и мѣста его написанія:

«Слову, которое вы дали профессору Лобачевскому, я не могу измѣнить, не нарушивъ моего къ вамъ уваженія и совершенной довѣренности,—писалъ Магницкій.—Потому единственно я оставляю дѣло, о безпримѣрно дерзкомъ его поступкѣ зачатое, безъ послѣдствія. Но я увѣренъ, что вы первый будете имѣть причину раскаяться въ вашемъ снисхожденіи. Ежели профессоръ Лобачевскій не почувствовался отъ моего съ нимъ обращенія послѣ буйства, передъ зеркаломъ сдѣланнаго, и многихъ нарушеній должнаго почтенія къ начальству, однимъ невниманіемъ моимъ къ дурному воспитанію его покрытыхъ; ежели неумѣстная и по истинѣ смѣшная гордость его не дорожитъ и самую честию его званія,—то чѣмъ надѣетесь вы вылѣчить сію болѣзнь душъ слабыхъ, когда единственное отъ нея лѣкарство,—вѣра,—отвергнуто?...

«Невзирая на совершенную увѣренность, что не пройдетъ и года безъ того, чтобы профессоръ Лобачевскій не сдѣлалъ новаго соблазна своею дерзостью, своеволиемъ и нарушеніемъ нашихъ инструкцій,—я забываю сіе дѣло по вашему настоянію и не забуду прошедшихъ трудовъ его, но будущей довѣренности прошу его отъ меня не требовать, доколѣ ея не заслужить. За всѣми поступками его будетъ особенный надзоръ».

На этомъ безапелляціонномъ приговорѣ грознаго попечителя-временщика и обрывается извлеченное нами изъ архивной пыли «Дѣло о происшествіи 12-го октября 1825 года».

Дѣло это для главнаго виновника его врядъ ли и могло имѣть дальнѣйшія послѣдствія, такъ какъ «господа» потерпѣвшихъ мастеровыхъ, повидимому, не почли нужнымъ или цѣлесообразнымъ вступить за престижъ своей крѣпостной власти, а этого-то университетское начальство только и побаивалось. Да и обстоятельства наступили такого рода, которыя сосредоточили все вниманіе общества на крупныхъ столичныхъ событіяхъ, совершенно заслонивъ собою казанскій скандалъ 12-го октября. 19 ноября скончался императоръ Александръ Павловичъ, и начались переходные историческіе дни, открывшіеся присягою цесаревичу Константину Павловичу и завершившіеся декабрьскимъ событіемъ на Сенатской площади.

Не до Казани и не до казанскихъ дѣлъ было теперь и грозному попечителю. Возвратившись въ Петербургъ изъ поѣздки по округу, послѣ трехмѣсячнаго отсутствія своего изъ столицы, Магницкій засталъ здѣсь уже въ полномъ разгарѣ предпринятую противъ него въ министерствѣ народнаго просвѣщенія кампанію, искусно поведенную Языковымъ и Ширинскимъ-Шихматовымъ. Въ воздухѣ уже висѣла ревизія Желтухина и сопряженное съ нею паденіе попечителя-временщика; недоброжелательство министра Шишкова сдѣлалось совершенно очевиднымъ. Все еще исполненный честолюбивыхъ замысловъ замѣститъ собою въ министерствѣ старика Шишкова, Магницкій совершенно недвусмысленно и не безъ успѣха бросился заискивать у всеильнаго Аракчеева, но кончина императора Александра положила конецъ его надеждамъ и упованіямъ въ этомъ направленіи.

Настали памятные дни междуцарствія, окончательно сглубившіе казанскаго попечителя, въ высшей степени дерзко и безтактно вмѣшавшагося въ политику этихъ смутныхъ дней и павшаго жертвою своей растерянной неосторожности.

Властнымъ и всеильнымъ временщикомъ вѣхалъ Магницкій въ Казань въ августѣ 1825 года, явившись сюда для осмотра «обновленнаго» имъ университета. Жалкимъ и приниженнымъ изгнанникомъ вѣзжалъ Магницкій въ Казань въ декабрѣ того же 1825 года, административнымъ порядкомъ и въ сопровожденіи полицей-

скаго офицера высланный изъ Петербурга военнымъ губернаторомъ, графомъ Милорадовичемъ, въ качествѣ челоуѣка, опаснаго съ точки зрѣнія государственнаго и общественнаго спокойствія..

Н. И. Лобачевскій, главный дѣятель «происшествія 12-го октября», лѣтомъ 1827 года избранъ и утвержденъ былъ ректоромъ Казанскаго университета,—почетное званіе, которое онъ съ честью для науки, для себя и для роднаго университета несъ на своихъ плечахъ въ продолженіе слѣдующихъ девятнадцати лѣтъ своей службы казанской *almae matris*, справедливо стяжавъ себѣ славу одного изъ величайшихъ математиковъ заканчивающагося XIX столѣтія.

II.

«Матросское горе».

(Изъ литературно-біографическихъ курьезовъ).

Немало смущены должны были быть мѣстныя предержавшія власти Казанскаго университета,—директоръ университета, Г. Б. Никольскій, ректоръ К. Θ. Фуксъ и начальникъ университетской типографіи, онъ же секретарь словеснаго отдѣленія, Г. С. Суровцовъ,—въ началѣ мая 1824 года получивъ отъ проживавшаго въ Петербургѣ своего грознаго принцепала, попечителя округа, М. Л. Магницкаго, предложеніе слѣдующаго содержанія, адресованное на имя перваго изъ упомянутыхъ представителей «власти», директора университета и профессора математики Никольскаго:

«Г. директору университета.

«Найдя здѣсь случайно листокъ, напечатанный въ типографіи Казанскаго университета, подъ названіемъ «Матросское горе» и находя въ немъ послѣдній куплетъ для настоящаго въ Казани морского начальства оскорбительнымъ, я прошу васъ доставить мнѣ свѣдѣнія:

«1) Какимъ образомъ вы, обязанный по III отдѣленію, 3-го параграфа, пункта I инструкціи, директору Казанскаго университета данной, наблюдать, чтобы не прошло что нибудь вредное въ цензурѣ, пропустили помянутый листокъ, который содержитъ въ себѣ открытую интригу, ибо въ нѣсколькихъ экземплярахъ присланъ даже сюда?

«2) Кто былъ редакторъ сего листка и не изъ числа ли гг. профессоровъ университета?

«При семъ нужнымъ считаю замѣтить, что ежели морское казанское начальство протестуетъ противъ сего напечатаннаго на него пасквиля, то отвѣтственность прямо упадетъ на васъ; я не могу не пожалѣть, что честь Казанскаго университета весьма можетъ терпѣть отъ сего площаднаго сочиненія, имъ одобреннаго.

«Впрочемъ, я уже заявилъ о семъ безпорядкѣ предъ господиномъ министромъ, что онъ произошелъ совершенно мимо меня».

Насколько «случайно» или «неслучайно» попалъ въ руки Магницкаго напечатанный въ типографіи университета «пасквиль на казанское морское начальство»,— мы оставимъ этотъ вопросъ открытымъ, но остановимся пока на одномъ вполне естественномъ недоразумѣніи, легко можемъ возникнуть въ умѣ читателя, мало ориентированнаго въ минувшихъ судьбахъ добраго города Казани. Далекая, полуазиатская и безспорно уже континентальная «краса востока» двадцатыхъ годовъ — и «морское», да еще не въ мѣру щепетильное, «начальство» въ ней, начальство, противъ котораго заподозрѣвается цѣлая «интрига» со стороны тихаго и въ ту пору совершенно забытаго Магницкимъ Казанскаго университета!.. Невольно припомнится пресловутый «швейцарскій адмиралъ» небезъизвѣстной въ свое время Оффенбаховской буффонады.

А приволжская «краса востока» и на самомъ дѣлѣ фигурировала когда-то въ роли именно такого «швейцарскаго адмирала». На полторы тысячи верстъ отдаленная отъ ближайшаго морского порта, Казань въ свое время имѣла и адмиралтейство, и полагающіеся при такомъ штатѣ «морскаго начальства» и военно-морскихъ служащихъ, и собственную военную флотилію, и обширныя верфи, съ эллинговъ которыхъ было спущено въ разное время до 400 военныхъ судовъ (бомбардирскихъ кораблей, фрегатовъ, корветовъ, бриговъ, транспортовъ и т. п.), самымъ рѣшительнымъ образомъ содѣйствовавшихъ успѣху русскихъ завоеваній по персидско-каспійскому побережью, а въ первой трети XIX вѣка—и на восточномъ Кавказѣ. Учрежденное въ Казани державною волею Петра Великаго, въ 1718 году, для нуждъ Каспійскаго моря, казанское адмиралтейство просуществовало до 1830 года, упраздненное по настоячивымъ представленіямъ о томъ командира Астраханскаго порта, П. Г. Орловскаго, ссылавшагося на дороговизну и на неудобства военно-морскаго судостроенія въ далекой отъ Каспійскаго взморья Казани. Въ наши дни воспоминаніе о славномъ когда-то казанскомъ адмиралтействѣ сохранилось лишь въ наименованіи «Адмиралтейскою» обширной,—съ добрымъ уѣзднымъ городъ,—пригородной слободы, которой не минуютъ туристы, въѣзжающіе въ Казань, какъ отъ Волги, такъ и по Московско-Казанской желѣзной дорогѣ, прорѣзывающей эту слободу какъ разъ по территоріи бывшаго казанскаго адми-

ралтейства, которое ютилось вдоль берега рѣчки Казанки, отъ горы Зилантьевскаго монастыря и далѣе вдоль линіи нынѣшнихъ казанскихъ весеннихъ пристаней.

Какъ и всякое благоустроенное учрежденіе, казанское адмиралтейство имѣло своего главнаго начальника, носившаго званіе «капитанъ-командора». Передъ моментомъ, служащимъ исходною точкою нашего повѣствованія, должность капитанъ-командора долго правилъ въ казанскомъ адмиралтействѣ одинъ изъ представителей и до нашихъ дней весьма почтенной морской фамиліи Перелешиныхъ—Иванъ Григорьевичъ Перелешинъ, пользовавшійся въ Казани большою популярностію и завязавшій здѣсь обширныя общественныя и даже родственныя связи.

Въ началѣ лѣта 1823 года И. Г. Перелешинъ оставлялъ службу въ казанскомъ адмиралтействѣ и выходилъ въ чистую отставку съ пенсіономъ. Какъ и всегда бываетъ это въ случаяхъ подобнаго рода, заслуженнаго капитанъ-командора провожали изъ Казани со всяческими изъявленіями ему симпатій и чувствъ болѣе или менѣе искренняго сожалѣнія, среди которыхъ мы отмѣтимъ лишь одно, имѣющее близкое соотношеніе къ предмету нашего разсказа.

При казанскомъ адмиралтействѣ числились въ то время кантонисты, прикомандированные къ нему «для обученія корабельному черченію, исчисленіямъ и прочему, что нужно къ познанію кораблестроенія». И вотъ эти-то юные питомцы приснопамятной аракчеевской системы, узнавъ, какъ свидѣтельствуешь о томъ донесеніе попечителю директора Казанскаго университета, о выходѣ въ отставку своего начальника «господина флота капитанъ-командора и кавалера Перелешина», поднесли ему стихи, общій смыслъ которыхъ былъ, насколько въ своемъ донесеніи припоминалъ его директоръ университета, слѣдующій: «ты обходился съ нами, какъ отецъ,—въ знакъ признательности нашей мы приносимъ тебѣ сію жертву».

Перелешинъ остался, повидимому, польщенъ «сею жертвою» юныхъ питомцевъ аракчеевской школы. Онъ передалъ поднесенныя ему кантонистами вирши директору университета Никольскому, съ просьбою, «оныя стихи поправя, напечатать, а ежели не можно, отдать ему обратно». Никольскій, не найдя «въ семъ дѣтскомъ произведеніи никакого, по его собственному показанію, стихотворнаго достоинства», въ свою очередь, передалъ стихи «куму» Перелешина, профессору російскаго краснорѣчія и стихотворства Городчанинову, прося его исправить «сіе дѣтское произведеніе».

Профессоръ Григорій Николаевичъ Городчаниновъ (1771—1852 гг.)—«кумъ» капитанъ-командора Перелешина и представитель кафедры «краснорѣчія, стихотворства и языка російскаго» въ Казанскомъ университетѣ того времени,—выступаетъ передъ

нами личною небезызвѣстною не только въ исторіи Казанскаго университета, но и въ исторіи русской литературы и русскаго просвѣщенія, пожалуй, даже вообще. Интриганъ и іезуитъ—въ жизни, клеветъ и приспѣшникъ Магницкаго—по службѣ, сикофантъ и жалкій панегиристъ—въ литературѣ, самонадѣянная бездарность—по каедрѣ, Городчаниновъ оставилъ россійскому Парнасу увѣситое наслѣдіе въ цѣломъ ворохѣ своихъ риторически-напыщенныхъ и въ «высокомъ штилѣ» скропанныхъ литературныхъ упражненій. Городчаниновъ фигурировалъ въ ту пору въ роли присяжнаго казанскаго піиты раг ехселленсе. Нужно ли было воспѣть доблести и заслуги начальствующаго лица, ознаменовать то или другое событіе, поддаться обществу патріотическаго жара, даже воспѣть радость и чувства вліятельнаго въ городѣ супруга «по поводу выздоровленія отъ недуга его супруги»,—во всѣхъ казусахъ подобнаго рода являлась на выручку муза казанскаго профессора краснорѣчія и стихотворства, восторженно и политично, всегда утонченно соображаясь съ условіями времени и вѣяній, бряцавшая на лирѣ весьма сомнительнаго достоинства¹⁾.

Сдавъ должность, И. Г. Перелешинъ въ іюнѣ 1823 г. уѣхалъ въ свое костромское помѣстье и оттуда письменно напоминаетъ Никольскому о судьбѣ поднесенной ему кантонистами стихотворной «жертвы», прося его возвратить ему ее, если она не можетъ быть напечатана въ подлинникѣ. Но тутъ обнаружилось обстоятельство совсѣмъ неожиданнаго свойства: оказалось, что «кумъ» отставнаго капитанъ-командора, долго продержавъ у себя «жертву», въ концѣ концовъ ее затерялъ, а чтобы выпутаться изъ этого неловкаго положенія, состряпалъ собственныя вирши, которыя, подъ заглавіемъ «Матросское горе», и преподнесъ директору университета.

Вотъ подлинный текстъ этого продукта піитическаго творчества казанскаго профессора краснорѣчія и стихотворства въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ приложено оно къ дѣлу университетскаго архива, въ 1824 г., выйдя со станковъ университетской типографіи:

¹⁾ Обстоятельную монографію о Городчаниновѣ, съ изложеніемъ чертъ его жизни и литературной дѣятельности, а также съ перечнемъ его произведеній, желающіе найдутъ въ трудѣ Н. П. Лихачева: «Г. Н. Городчаниновъ и его сочиненія» (Казань, 1886 г.). О Городчаниновѣ, вообще, см. у Н. Н. Булича: «Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета» (I, 130—144, II, 668—674), митрополита Евгенія: «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», С. Т. Аксакова: «Семейная хроника и воспоминанія»; «Сборникъ академіи наукъ» (V, вып. I-й—его переписка съ митрополитомъ Евгеніемъ), въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза и Ефрона; некрологъ въ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1853 г. (№№ 1, 34, 36).

Матросское горе

при
полученномъ ими извѣстїи
о увольненїи отъ морской службы его превосходитель-
ства господина капитанъ-командора и кавалера
Ивана Григорьевича Перелешина.

Молодой матросъ.

О чемъ ты горюешь, нашъ дѣдушка Титычъ?
Когда мы видали печальнымъ тебя?
Бывало, и въ штурмы ты пѣсенки пѣлъ...
Садись въ круговину,
Повѣдай кручину
Намъ, горе свое.

Старый матросъ.

Кабъ знали, ребята, да вѣдали вы,
Тобъ взрыдъ зарыдали вы вмѣстѣ со мной...
Не радостна вѣсточка съ Питера къ намъ:
Пришлось намъ разстаться съ родимымъ отцомъ,
Съ Иваномъ-ста нашимъ Григорьевичемъ!

Первый матросъ.

Эхъ! Лучше бы, ребята, намъ на мель попасть,
Чѣмъ съ нашимъ разстаться родимымъ отцомъ!

Второй матросъ.

Какъ солнышко красно проглянетъ изъ тучъ,
Такъ ласковымъ взглядомъ онъ насъ подарить...

Третій матросъ.

Привѣтливо слово:
«Ребята, здорово!» —
Бывало дороже намъ, братцы, рубля!

Четвертый матросъ.

Лишь только работай,
Да самъ не плошай,
А то къ энералу (sic) смѣленько ступай...

Пятый матросъ.

Про нужды разспросить,
Ну, словно родной!
Пригрѣть, пристроить
Вдову съ сиротой...

Всѣ.

Другова (sic)
Такова (sic)

Ужь намъ не найти!..

Ударимте, братцы, мы чарками въ ладъ

Да батюшкѣ нашему грянемъ «вивать»!

(Подъ текстомъ помѣта: «Печатано съ дозволенія начальства въ типографіи Императорскаго Казанскаго университета 1824 года»).

Таковымъ вылился этотъ своеобразный продуктъ творчества казанскаго профессора краснорѣчія и стихотворства, едва не сдѣлавшійся, и на самомъ дѣлѣ, причиною «горя», только не для матросиковъ казанскаго адмиралтейства, нисколько не причастныхъ вдохновенію кума ихъ бывшаго начальника, но для самого благонамѣреннѣйшаго Григорія Николаевича, рисковавшаго оказаться въ глазахъ своего грознаго принципала, попечителя Магницкаго, интриганомъ, пасквилянтомъ и вообще человѣкомъ направленія самаго злонамѣреннаго.

Получивъ отъ профессора стихотворства состряпанныя имъ вирши, директоръ Никольскій внимательно прочиталъ ихъ и, хотя пришелъ къ заключенію, что онѣ представляютъ собою «слишкомъ въ простонародномъ вкусѣ написанное», тѣмъ не менѣе не нашелъ въ нихъ «ничего, кромѣ выраженія простыхъ чувствъ». Прежде, однако же, нежели сдать стихи въ печать, Никольскій имѣлъ особое совѣщаніе съ ректоромъ Фуксомъ и профессоромъ російскаго языка Суровцовымъ, которые и съ своей стороны пришли къ заключенію «что они не находятъ въ сихъ стихахъ ничего, противнаго правиламъ цензуры». Въ этомъ оригинальномъ совѣщаніи произошелъ, тѣмъ не менѣе, довольно характерный обмѣнъ мыслей, возстановленный въ директорскомъ донесеніи попечителю.

— «А какъ находите вы,—колебался Никольскій,— послѣдній куплетъ сочиненія:

«Другова

«Такова

«Ужь намъ не найти!..

«Ударимте, братцы, мы чарками въ ладъ,

«Да нашему батюшкѣ грянемъ «вивать»?!

— Пропускать ли этотъ куплетъ?—безпокоился директоръ.

— Въ семь куплетѣ, кромѣ простаго изъясненія чувствъ, показующаго доброе расположеніе къ бывшему начальнику, ничего иного не замѣчается, и думается, что напечатать ихъ можно,—возразилъ Суровцовъ.

— «Сомнительными кажутся мнѣ здѣсь два выраженія,—настаивалъ осторожный директоръ университета,—а именно: «другого такого намъ не найти» и «ударимъ чарками въ ладъ». Первое—по двусмысленности выраженія, заключающейся въ томъ, что оно можетъ быть понято такъ: или «другого столь добраго намъ не

найти», или «точно такого же начальника намъ уже не найти», хотя сіе, въ самомъ строгомъ смѣслѣ, и справедливо, ибо всякій человѣкъ есть въ своемъ родѣ—единственъ. Второе—по неумѣстной простотѣ, впадающей въ неприличіе, матросамъ, однако жъ, весьма свойственной»¹⁾...

«Неумѣстная и въ неприличіе впадающая простота» матросскихъ вождедѣній по части чарокъ, усмотрѣнная Никольскимъ, находитъ себѣ въ опасеніяхъ директора, неоднократно бывавшаго уже въ передѣлкахъ грознаго попечителя, самое простое объясненіе: Магницкій былъ строгимъ и фанатичнымъ трезвенникомъ (что отнюдь не было удѣломъ самого автора стиховъ, Городчанинова), усматривавшимъ тяжкое преступленіе даже въ умѣренномъ употребленіи его подчиненными крѣпкихъ напитковъ, такъ что профессора университета въ торжественныхъ случаяхъ позволяли себѣ запивать здравицы не иначе, какъ медомъ. «Поэтическая» же идеализація звона чарокъ даже въ рукахъ матросовъ, восклицающихъ «вивать» въ честь своего начальника,—это представлялось непозволительнымъ и соблазнительнымъ поощреніемъ «разврата».

Прозорливая осторожность Никольскаго не встрѣтила себѣ поддержки въ двухъ остальныхъ членахъ этого маленькаго «комитета общественнаго спасенія». Злополучное произведеніе Городчанинова было сдано для набора завѣдывавшему университетскою типографіею профессору Суворцову и черезъ нѣсколько дней, въ количествѣ всего 50-ти экземпляровъ, увидѣло свѣтъ Божій, а слѣдомъ затѣмъ, по уплатѣ причитавшихся 15-ти рублей типографскаго расхода, было препровождено Никольскимъ къ Перелешину, въ его костромское имѣніе, съ отправлявшимся туда родственникомъ отставнаго «матросскаго отца-благодѣтеля», нѣкимъ г-мъ Шульгинымъ. «А какъ стихи сіи попали въ С.-Петербургъ,—это обстоятельство мнѣ неизвѣстно». Постарались о томъ, конечно, «добрые люди». Въ то доброе старое время такія услужливыя старанія, къ тому же уснащенные еще и подлежащими комментаріями, были въ русскомъ обществѣ въ немаломъ ходу. Да и въ то ли только «доброе и старое» время?!

Приведенное нами въ началѣ настоящаго разсказа грозное попечительское посланіе вызвало подробное и уже извѣстное намъ объясненіе по поводу этого инцидента со стороны директора университета.

«Ваше превосходительство, изволите усмотрѣть,—такъ заканчивается объясненіе профессора Никольскаго,—что тутъ не заключается ни тѣни какой либо интриги... Господинъ Городчаниновъ всегда извѣстенъ былъ, какъ человѣкъ, чуждый всякихъ (?) интригъ. Что касается до меня, то я не имѣлъ ни малѣйшаго уча-

¹⁾ Вся эта характерная аргументація дословно заимствуется нами изъ длиннаго донесенія директора Магницкому.

стія въ семь произведеніи и даже сомнѣвался, можно ли такіе стишки напечатать; но, поелику не было противныхъ голосовъ, то уступилъ общему мнѣнію и погрѣшилъ только въ томъ, что пропустилъ сочиненіе, слишкомъ въ простонародномъ вкусѣ написанное. Редакторомъ былъ господинъ Суровцовъ, но послѣдній корректурный листъ, съ позволеніемъ напечатать, подписанъ мною»...

Архивное «Дѣло о стихкахъ подъ названіемъ Матросское горе» исчерпывается запросомъ Магницкаго и разъясненіемъ директора университета Никольскаго. Дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ трагикомическомъ инцидентѣ мы не нашли.

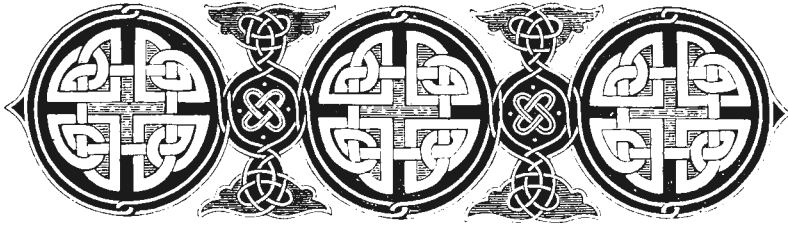
Да оно и не представляется удивительнымъ. Казанское «морское» начальство въ бездарномъ стихокропательствѣ профессора Городчанинова никакой поруки для своей чести и для своего престижа усмотрѣть, конечно, не могло. Весьма вѣроятно, что и самъ Магницкій понялъ скороспѣшность своихъ подозрѣній насчетъ умышленнаго пасквильянства и интригъ по адресу предержавшихъ властей; возможно, что и тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, адмиралъ Шишковъ, самъ старый морякъ, успокоилъ казанскаго попечителя по части возможности щекотливаго отношенія къ дѣлу со стороны морского вѣдомства...

Болѣе печальная участь постигла интересующее насъ произведеніе казанскаго профессора краснорѣчія и стихотворства. Заброшенное, за исключеніемъ, быть можетъ, экземпляра, услужливо подsunутаго попечителю Магницкому, въ глуши костромскаго помѣстья Перелешинныхъ, оно пребывало въ печальномъ забвеніи до того момента, когда намъ удалось разыскать его на пыльныхъ полкахъ архива Казанскаго университета.

Стихотвореніе «Матросское горе» не было извѣстно Н. П. Лихачеву, лучшему біографу Городчанинова и почтенному бібліофилу, составившему подробный перечень всѣхъ печатныхъ произведеній казанскаго профессора краснорѣчія и стихотворства; оно не было извѣстно и начальнику типографіи Казанскаго университета, выпустившему недавно полный бібліографическій указатель всѣхъ, даже мелкихъ, произведеній печати, вышедшихъ въ свѣтъ со станковъ завѣдуемой имъ типографіи, за все время ея существованія.

«Nabent sua fata libella», невольно вспоминается по поводу всего разсказаннаго нами литературно-біографическаго курьеза, во всякомъ случаѣ, небезынтереснаго, на ряду съ дѣломъ и о казанскомъ университетскомъ «происшествіи 12-го октября», для обрисовки русскихъ нравовъ и русскихъ университетскихъ отношеній въ двадцатыхъ годахъ доживаемаго нами столѣтія.

Профессоръ Н. П. Загоскинъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СТАРАГО ЛЕЙБЪ-ЕГЕРЯ.

ВЕЛИКІЙ князь Михаилъ Павловичъ слылъ между людьми, его не знавшими, за челоуѣка крайне суроваго и сердитаго. Такой отзывъ о немъ нерѣдко приходится слышать и теперь. Время его представляется чѣмъ-то ужаснымъ, самъ онъ какимъ-то звѣремъ, гнетущимъ гвардейскій корпусъ, которымъ онъ командовалъ. Между тѣмъ ничего подобнаго не было. Хотя и крайне взыскательный, великій князь былъ образцомъ чести, доброты и снисхожденія. Онъ никогда не простилъ бы обмана, но явно показывалъ признательность откровенности — бывало распечетъ сильно, посадитъ на гауптвахту, но всегда безъ особенныхъ послѣдствій. За шесть лѣтъ моей службы въ гвардіи, я не припомню, чтобы онъ когонибудь сдѣлалъ несчастнымъ; всѣ его боялись: итти на смотръ къ великому князю, съ нимъ встрѣтиться надо было, какъ говорится, осмотрѣвшись. Зоркій до невѣроятія, онъ замѣтитъ и пуговицу, случайно пришитую головами орла внизъ; издали, бывало, завидишь его большую треугольную шляпу съ чернымъ султаномъ въ видѣ ёлочки — отляжеть отъ сердца, когда вовремя успеешь спустить шинель съ плеча, приложить руку къ шляпѣ и спокойно вынести этотъ взглядъ, разомъ окидывавшій съ головы до ногъ, и когда почувствуешь возможность продолжать путь. Но и при такомъ, казалось, благополучномъ исходѣ встрѣчи нельзя было считать ее законченною; великій князь, иногда на другой или третій день, при собраніи у него полковыхъ командировъ, дежурныхъ адъютантовъ и представляющихся, вспомнивъ встрѣченную несправность, передавалъ командиру полка, въ ко-

торомъ служилъ встрѣтившійся, прибавляя слова: «ты съ него взыщи». При собраніяхъ этихъ, которыя бывали не одинъ разъ въ недѣлю въ пріемной, возлѣ кабинета великаго князя, слышались и замѣчанія, и строжайшія наставленія, и веселые рассказы, и шутки отличавшагося замѣчательнымъ остроуміемъ великаго князя.

Когда припоминаешь добродушное выраженіе лица его, старавшагося имѣть видъ суроваго, приходишь къ убѣжденію, что въ самыя страшныя минуты его раздраженія онъ не сердился, а если сердился дѣйствительно, то очень рѣдко. Онъ старался показаться разсерженнымъ, но на сердцѣ у него было несомнѣнно свѣтло, да и врядъ ли могло быть иначе при его добротѣ.

Эту легендарную суровость, жестокосердіе и строгость великаго князя можно опредѣлить такими словами: «онъ шумѣлъ, но не сердился». Думаю, что послѣдующіе мои рассказы фактически подтвердятъ мною сказанное.

Великій князь Михаилъ Павловичъ любилъ быть веселымъ, любилъ заставить смѣяться: остроты его разносились по городу съ быстротою молніи, каламбуры его поражали своею мѣткою двусмысленностью; смѣлость, съ которою каждый офицеръ, въ случаѣ невзгоды, могъ къ нему обратиться, доказываетъ его доброе сердце. Хотя я намѣренъ описывать только то, что самъ лично видѣлъ, но для болѣе яснаго обрисованія характера Михаила Павловича позволю себѣ рассказать кое-что и слышанное.

Рассказывали, что офицеръ одного кавалерійскаго полка вечеромъ пріѣзжаетъ къ великому князю и передаетъ объ отчаяніи своего товарища вслѣдствіе неудачной любви. «Родители любимой имъ дѣвушки не соглашаются выдать за него дочь». Офицеръ проситъ великаго князя помочь влюбленному, готовому лишиться себя жизни. Великій князь на другой же день заявилъ себя сватомъ молодого человѣка, и родители дѣвушки, конечно, на свадьбу согласились.

Артиллерійскій офицеръ, впоследствии полицеймейстеръ одного губернскаго города, полковникъ И...ъ лично рассказывалъ мнѣ, что, бывши казначеемъ, кажется, бригады, онъ проигралъ какую-то сумму казенныхъ денегъ и съ чистосердечнымъ раскаяніемъ прямо поѣхалъ и сознался великому князю. Спокойно выслушавъ и жестоко распекиши, великій князь далъ ему проигранную сумму для взноса въ сундукъ, обѣщавъ за нимъ слѣдить, грозя строгимъ, при неисправленіи, наказаніемъ. Понятно, И. велъ себя безукоризненно, въ карты болѣе не игралъ и чуть ли не былъ опредѣленъ въ штабъ фельдцейхмейстера.

Самъ любя шутить остро, великій князь не сердился, если кто острилъ и надъ нимъ. Не буду рассказывать массу анекдотовъ про извѣстнаго остроуміемъ и смѣлостію Булгакова, офицера Мо-

сковскаго полка; описаніе его продѣлокъ можетъ занять цѣлую книжку, но для доказательства мною сказаннаго, что великій князь не сердился, когда пошутятъ и съ нимъ, изложу, что лично передавалъ мнѣ покойный лейбъ-уланъ Я. Н. Волковъ, тоже немалый шалунъ.

Многіе, особенно Волковъ и Зборомирскій, любили ходить по Театральной улицѣ, что за Александринскимъ театромъ, извѣстной между молодежью того времени подъ названіемъ «улицы любви».

Однажды, въ театрѣ, подходитъ къ Волкову адъютантъ великаго князя, князь Волконскій, и говоритъ: «Его высочество поручилъ вамъ сказать, что вы шалопайничаете (слово, употребляемое Михаиломъ Павловичемъ, когда онъ хотѣлъ опредѣлить ничего не дѣлающаго человѣка), ничего не дѣлаете и только таскаетесь по улицѣ любви! Великій князь постоянно васъ тамъ встрѣчаетъ». — «Доложите великому князю, — отвѣтилъ Волковъ, — что онъ, стало быть, самъ по ней часто ѣздитъ, если часто меня встрѣчаетъ, а у него побольше моего дѣла». Такой отвѣтъ заставилъ только посмѣяться добраго начальника.

При представленіяхъ, великій князь любилъ сказать что нибудь острое, въ полной увѣренности, что сказанное немедленно разнесется по городу; особенно трунилъ онъ надъ штабъ-докторомъ Наумовичемъ, въ которомъ находилъ сходство съ Наполеономъ I, для чего иногда и просилъ его надѣть треугольную шляпу à la Napoléon и въ профиль указывалъ на сходство. Однажды, при мнѣ, послѣ смотра, на которомъ сильно расшибся упавшій съ лошади генералъ Анрепъ, великій князь спросилъ Наумовича о здоровьѣ генерала и чѣмъ его лѣчатъ. Съ точностью докторъ сталъ перечислять употребляемые средства, но великій князь далъ совѣтъ употребить, не помню, какое-то самое простое лѣкарство; совѣтъ великаго князя заставилъ доктора улыбнуться; на улыбку его великій князь сказалъ: «Ну, что ты смѣешься, у васъ, эскулаповъ, что не воняетъ, то и не лѣчить».

Мнѣ рассказывали, что какъ-то разъ адъютанты великаго князя потихоньку сунули въ карманъ доктора табакерку съ музыкой. Великій князь слушаетъ, всѣ глядятъ другъ на друга, не могутъ понять, откуда льются звуки; наконецъ секретъ открывается, докторъ вызывается на середину залы, и при общемъ смѣхѣ изъ его кармана вынимаютъ табакерку. Понятно, что ни великій князь, ни докторъ не разсердились, но адъютантамъ потомъ досталось.

Рассказывали, что однажды, выйдя въ пріемную, астрономъ Струве съ непривычки сконфузился. Великій князь, желая ободрить ученаго, сказалъ ему: «Вы сконфузились, Струве; это понятно. Вы поражены, увидя массу звѣздъ не на своемъ мѣстѣ!»

Въ гвардіи было заведено, что баталіонные въ полкахъ адъютанты дежурили по пожарамъ; ихъ же обязанность была въ тече-

ніе дежурнаго времени ѣздить и за приказаніями къ корпусному командиру, что бывало 2 и 3 раза въ недѣлю. Дежурили мы, каждый адъютантъ, 2 недѣли въ мѣсяць; въ Егерскомъ полку насъ было двое, ѣздившихъ за приказаніями; такимъ образомъ я имѣлъ счастье нерѣдко бывать въ приемной великаго князя. Въ теченіе тѣхъ же двухъ недѣль обязанность моя была доносить и о пожарахъ, днемъ ли они случались, или ночью — все равно; о пожарѣ полкъ извѣщалъ адъютанта, и этотъ обязанъ былъ ѣхать доносить корпусному командиру и цесаревичу Александру Николаевичу, бывшему командиромъ гвардейскаго пѣхотнаго корпуса, а также начальнику штаба и начальнику дивизіи; къ первому я никогда не ѣздилъ, а у второго былъ раза два, не донести же великому князю и цесаревичу было рискованно. Однажды, это было въ началѣ ноября, у командира полка нашего былъ семейный праздникъ; по приглашенію, пріѣзжаю и я, здороваюсь съ хозяиномъ, онъ объявляетъ мнѣ, что, потанцевавъ сегодня, утромъ я долженъ отправиться на гауптвахту за недонесеніе великому князю о бывшемъ надняхъ пожарѣ. Я началъ увѣрять, что пожара не было. Тогда баронъ Соловьевъ (командиръ полка) говоритъ мнѣ: «Сегодня утромъ былъ я у великаго князя. Его величество мнѣ рассказывалъ, что онъ сидѣлъ у графини Барановой, старушка была взволнована бывшимъ въ сосѣдствѣ пожаромъ; не имѣя донесенія, великій князь увѣрять графиню, что пожара не было; вернувшись же домой, узналъ, что пожаръ былъ, но донесенія не было, а дежурный вы». — «Баба знаетъ, а корпусный командиръ не знаетъ, — сказалъ мнѣ великій князь: — адъютанта на гауптвахту до 8-го ноября» (дня именинъ великаго князя). Я по совѣсти былъ правъ, виноватымъ оказался фельдфебель, не увѣдомившій меня о пожарѣ; но я высидѣлъ положенный срокъ на гауптвахтѣ.

Однажды, къ 10, кажется, часамъ утра, надо было пріѣхать за приказаніями къ великому князю для узнанія, состоится или нѣтъ на тотъ день назначенный парадъ. Полкъ выступилъ изъ казармъ; я ѣду рядомъ съ полковымъ командиромъ и говорю ему, что мнѣ пора ѣхать, но на этотъ разъ бесѣда моя, должно быть, особенно полюбилась барону Соловьеву, и до Чернышева моста онъ не отпустилъ меня, говоря: «успѣешь»; наконецъ, на Чернышевомъ мосту и начальническое «успѣешь» меня не удержало — я далъ шпоры лошади и поскакалъ во дворець.

Вхожу; меня всѣ встрѣчаютъ возгласами (какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ): «что вы?! помилуйте! да вотъ вамъ задастъ великій князь! всѣ собрались, васъ однихъ ждутъ! ну, вотъ погодите!» Нечего дѣлать, пройдя черезъ строй посулъ, я сталъ на свое мѣсто возлѣ измайловскаго адъютанта; отворяется дверь кабинета — въ сюртукѣ волынскаго полка безъ эполетъ выходитъ Михаилъ Павловичъ съ вопросомъ: «Егерскій адъютантъ пріѣхалъ?»

Десятки голосовъ отвѣтили разомъ: «Пріѣхаль». «Скажите, что парадъ будетъ». И больше ничего, ни малѣйшаго замѣчанія; вѣроятно, онъ зналъ пытку, которая выдерживается опоздавшимъ.

При донесеніяхъ о пожарахъ, ночью, у Михаила Павловича бывало только скажешь о пожарѣ старику унтеръ-офицеру, бывшему при комнатахъ, предоставляя на его волю, будить или нѣтъ великаго князя. При большомъ же пожарѣ, въ родѣ, на примѣръ, бывшаго въ Пустомъ рынокѣ, на который несомнѣнно ожидается государь, прикажешь разбудить непременно.

При послѣднемъ донесеніи, мнѣ пришлось настаивать, чтобы великій князь былъ разбуженъ. Старик унтеру этого крайне не хотѣлось. «Усталъ, — говоритъ, — онъ мой родной», но исполнить все-таки было надо; возвратясь изъ спальни, старикъ говоритъ мнѣ: «разбудилъ». «Охъ, — сказалъ Михаилъ Павловичъ, — тяжело мнѣ это».

Великій князь, какъ онъ выразился однажды самъ, очень уважалъ моего дядю, покойнаго Павла Степановича Карцева, бывшаго командира Преображенскаго баталіона. Дѣйствительно, онъ былъ человѣкъ очень хорошій, строго понимавшій исполненіе долга. Про него рассказываютъ такой случай. Однажды крѣпостной человѣкъ одного изъ офицеровъ, проходя по двору Преображенскаго полка, не снялъ передъ дядей шапки. Какъ строжайшій блюститель дисциплины, дядя мой велѣлъ его высѣчь. Владѣлецъ наказаннаго обидѣлся и, придя къ дядѣ, выразилъ претензію за произведенное его человѣку наказаніе. Дядя, большею частью всѣмъ говорившій «ты», отвѣчаетъ обиженному: «Только-то?! Я думалъ, что ты пришелъ мнѣ сказать о чемъ нибудь серіозномъ! Э! братецъ, да ты возьми и высѣки моихъ всѣхъ за провинность, я слова не скажу». Вскорѣ послѣ его смерти я испыталъ на себѣ память уваженія къ его строгости. Дѣло было такъ. Бывши офицеромъ 21 года отъ роду, я по поводу одного обстоятельства, единственно изъ рыцарства, написалъ одному господину, не сдержавшему своего честнаго слова, рѣзкую записку. Въмѣсто требованія, принятаго въ наше время, удовлетворенія, онъ настолько былъ мелокъ, что подалъ на меня жалобу въ полицію. Вслѣдствіе того, по закону, я долженъ былъ просить у него въ присутствіи, при открытыхъ дверяхъ, прощенія, что, конечно, въ мундирѣ я сдѣлать не хотѣлъ и рѣшился выйти въ отставку. При этомъ не могу не вспомнить уважаемыхъ моихъ товарищей, которые, не желая моего выхода изъ полка, говорили обо мнѣ съ полковымъ командиромъ и просили принять во мнѣ участіе, но баронъ Соловьевъ этого сдѣлать не могъ. Рѣшено было, что я поѣду просить оберъ-полицеймейстера Кокоскина, тѣмъ болѣе, что, по школѣ, я былъ товарищемъ сыновей его, а онъ уважалъ моего дядю. Въ полной походной формѣ, весь въ пыли—прямо изъ лагеря, утромъ, подѣзжаю я къ дому оберъ-полицеймейстера на углу Сергіевской и Гагаринской.

Сергѣй Александровичъ,—такъ звали Кокоскина,—очень строго меня принимаетъ и по поводу моей горячности дѣлаетъ мнѣ замѣчаніе. Я прошу; ничего не помогаетъ. Тогда пускается въ ходъ память о дядѣ. Кокоскинъ отвѣчаетъ, что именно въ память-то дяди, въ память его къ нему уваженія, онъ для меня ничего не сдѣлаетъ. «Горячиться нельзя, и вашъ дядюшка васъ никогда бы не простилъ за неуваженіе къ человѣку. Вы должны быть наказаны». Нечего дѣлать,—заявляю,—что я долженъ выйти въ отставку, если надо просить прощенія при открытыхъ дверяхъ, и уѣзжаю, крайне разстроенный за матушку, которую отставка моя не могла не огорчить сильно.

Кончился лагерь, во все время котораго тянулась переписка по моему дѣлу; однажды, является ко мнѣ вовсе незнакомый частный приставъ и, высказывая ко мнѣ сочувствіе, указываетъ на возможность примиренія, ежели я заплачу обиженному 200 рублей. Понятно, предложеніе было принято съ удовольствіемъ; одинъ изъ моихъ товарищей, въ моемъ присутствіи, какъ бы посредникъ, въ камерѣ слѣдственнаго пристава передалъ въ руки обиженнаго, не бѣднаго человѣка, 300 рублей, а тотъ передалъ мнѣ мою записку.

Оказалось впоследствии, что все это устроилъ генераль Кокоскинъ, не желавшій, чтобы я испортилъ свою карьеру. Онъ поручилъ частному приставу уладить мое дѣло, оставшись въ глазахъ моихъ непреклонно строгимъ преслѣдователемъ раздражительной пылкости молодого человѣка.

Въ 1840 году мальчики отъ 13 до 15 лѣтъ, въ числѣ около 50 человѣкъ, поступившіе въ юнкерскую школу, собрались въ извѣстный день въ Михайловскій дворецъ, подъ предводительствомъ уважаемаго начальника нашего, генераль-лейтенанта Константина Антоновича Шлиппенбаха, для представленія Михаилу Павловичу. Собранные—кто съ борка, кто съ сосенки—въ разнаго рода костюмахъ: кто въ курточкѣ, кто въ полуфрачкѣ, кто въ сюртучкѣ, мы съ трепетомъ ожидали выхода великаго князя.

Наконецъ, дверь кабинета отворяется; великій князь выходитъ насупившись и сердито обходитъ ряды наши, выслушивая фамиліи, называемыя генераломъ Шлиппенбахомъ. Дойдя до меня, спрашиваетъ: «Павелъ Степановичъ тебѣ родня?»—«Точно такъ», отвѣчаю я. Шлиппенбахъ подтверждаетъ. Великій князь говоритъ: «да, рѣдкій былъ командиръ!» Затѣмъ, окончивъ обходъ малолѣтнихъ рядовъ нашихъ, великій князь вышелъ на средину комнаты и, съ веселымъ лицомъ указавъ на насъ множеству представлявшихся, сказалъ: «это моя національная гвардія!» Затѣмъ, опять нахмурился, пристально, долго глядѣлъ на насъ, отъ страха переминающихся съ ноги на ногу, и вдругъ закричалъ, топнувъ ногою: «вонъ, уроды!» Предоставляю читателю судить, что мы почувствовали при этихъ словахъ; мы бросились бѣжать въ разсыпную, и не знаю, кто куда

бы поалтъ, еслибы опытный директоръ, генераль Шлиппенбахъ, словами: «дѣти, дѣти, ко мнѣ», не направилъ насъ въ кабинетъ, куда дверь была отворена. Я ничего не видѣлъ, но другіе видѣли, какъ улыбался великій князь, глядя на бѣгущихъ. Генераль Шлиппенбахъ насъ остановилъ въ кабинетѣ, сталъ показывать картины, бюсты и въ порядкѣ чрезъ коридоръ провелъ въ швейцарскую; съ этого момента мы могли уже называться «подпрапорщиками школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ». Передъ выпускомъ моимъ изъ школы въ офицеры у меня появились вередъ; докторъ Мейеръ рѣзалъ ихъ немилосерднымъ образомъ, безъ всякаго результата. Однажды пріѣзжаетъ начальникъ штаба, генераль-адъютантъ Я. И. Ростовцовъ, спрашиваетъ меня о здоровьѣ; затѣмъ, по его ли донесенію, или случайно, но на другой день пріѣзжаетъ великій князь и прямо подходитъ къ моей койкѣ. Съ отеческою заботливостью онъ разспрашиваетъ, насколько я страдаю, есть ли у меня родные, и т. п. Узнавъ, что матушка моя живетъ здѣсь, великій князь, несмотря на продолжавшіеся выпускные экзамены, которыхъ я никакимъ образомъ держать не могъ, велѣлъ дать знать моей матушкѣ, что, если она желаетъ, то можетъ меня взять, прибавивъ, что перевезти меня надо непременно въ каретѣ. Въ то время я радовался только возможности ѣхать домой, теперь же выступаютъ слезы, когда вспомню заботливое отношеніе великаго князя къ подпрапорщику, ничѣмъ себя не заявившему.

Дома, благодаря доктору Григоровичу, я скоро поправился и безъ экзамена былъ произведенъ въ офицеры въ 1844 г. Служба службой, дружба дружбой,—вотъ принципъ, которымъ руководился великій князь. Добрый, внимательный, любезный и простой въ частныхъ отношеніяхъ, онъ былъ крайне взыскателенъ по службѣ.

Впрочемъ, я не имѣю права сказать, чтобы великій князь былъ всегда взыскателенъ и по службѣ. Нѣтъ! два раза онъ показалъ мнѣ свою снисходительность и пониманіе, что есть ошибки, которыхъ замѣчать не слѣдуетъ, чтобы не быть вынужденнымъ наказывать невиннаго. Наканунѣ зимняго смотра, я принесъ во дворецъ знамя нашего 2-го баталіона и внесъ его въ швейцарскую комендантскаго подъязда. Я держалъ знамя въ правой рукѣ, пока знаменщикъ снималъ рукавицы и чистился, чтобы итти на верхъ. Въ это время вошелъ мой товарищъ по школѣ, флигель-адъютантъ Стюрлеръ, и заговорилъ со мной. Во время разговора мнѣ показалось, что знаменщикъ беретъ отъ меня знамя, и я выпустилъ его изъ рукъ. Знамя упало, и при этомъ у него отломился орелъ. Не подымая его и не двигаясь съ мѣста, я попросилъ Стюрлера вызвать дежурнаго плацъ-адъютанта. Тотъ является и приходитъ въ ужасъ: «Ахъ, ахъ! что дѣлать?»—«Надо доложить коменданту»,—говорю я. Комендантъ высылаетъ сказать, чтобы знамя какъ нибудь починили.

Беру орла въ руки и обыкновеннымъ порядкомъ иду на верхъ и ставлю знамя на свое мѣсто, въ портретную галерею. Но какимъ образомъ его починить?

Опытный дежурный унтеръ-офицеръ дворцовой (золотой) роты вызвался все устроить и починить знамя къ 9 часамъ вечера. Ёду къ полковому командиру, заявляю о происшедшемъ и получаю отвѣтъ: «Вѣчно ты что нибудь нашалишь!» Какъ я ни увѣрялъ генерала, что и въ дѣтствѣ шалить не умѣлъ, но онъ почему-то этому плохо вѣрилъ. Въ 9 часовъ вечера прїѣзжаю во дворецъ—вхожу, вижу, знамя готово. На другой день оно было на парадѣ, а унтеръ-офицеръ золотой роты—съ 10-ти-рублевой бумажкой. Великому князю обо всемъ этомъ было доложено изъ комендантскаго управленія, но онъ сдѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ.

Въ другой разъ, ставя, по званію жалонерскаго офицера, на Царицыномъ лугу жалонеровъ для парада, когда войска еще не пришли,—я курилъ папиросу. Вдругъ скачетъ адъютантъ великаго князя: «Что вы дѣлаете? Великій князь съ балкона васъ увидѣлъ курящимъ и послалъ меня сдѣлать вамъ замѣчаніе!» Я бросилъ папиросу и опасался какихъ нибудь послѣдствій, но ихъ не было.

Однажды, весной, я стоялъ въ караулѣ на Сенатской гауптвахтѣ. Утро было прелестное; не спалось, и я вышелъ погулять на платформу. Погулявъ и ничего не подозрѣвая, я пошелъ пить чай, въ свое время смѣнился и благополучно отвелъ караулы.

На другой день полковой командиръ благодаритъ меня за мою исправность. Оказывается, что въ то время, когда я ходилъ по платформѣ, великій князь гулялъ около Исаакіевскаго собора, видѣлъ меня исправнымъ и велѣлъ сказать: «спасибо».

Самъ всегда строгій въ исполненіи обязанностей, великій князь требовалъ, чтобы безпрекословно исполнялись и такія обязанности, которыя, вѣроятно, не согласовались съ его взглядами на дисциплину.

Въ маскарадахъ, гдѣ почти каждый разъ бывалъ кто нибудь изъ царской фамиліи, намъ приказано было держать себя такъ, чтобы, при встрѣчахъ съ высочайшими особами, дѣлать видъ, что ихъ не узнали.

Однажды, сидя съ маской у окошка гостиной Дворянскаго собранія, я преспокойно развалился и, опершись на окно всей рукой, поддерживалъ голову. Вдругъ идетъ великій князь, тоже съ маской, и садится противъ меня! Что дѣлать? чувствую свое неловкое положеніе—сижу, не смѣю двинуться; великій князь видитъ это, и, посидѣвъ минутъ пять, всталъ и ушелъ, не сдѣлавъ мнѣ ни малѣйшаго замѣчанія.

Великій князь, кромѣ самыхъ уважаемыхъ причинъ, никогда никому не разрѣшалъ отпусковъ на лѣто.

Съ 1836 года (9 лѣтъ) не бывъ дома, не выдавъ отца, мнѣ крайне хотѣлось сѣздить на лѣто въ мое дорогое Васильевское!

Въ 1845 году я обратился къ уважаемому всѣми, и мною въ особенности, доктору А. П. Григоровичу: «Такъ и такъ, говорю, боленъ! и грудь, и то, и се болитъ!»—«Знаю,—смѣется онъ,—хорошо, свидѣтельство напишу»,—и написалъ.

Пошло свидѣтельство по командѣ, требуютъ меня въ корпусный штабъ для освидѣтельствованія; ѣду—строго-настроено осмотрѣли меня корпусные доктора, Шерингъ и Пшесмыцкій, постучали, послушали; «хорошо, говорятъ, увѣдомимъ». И точно, черезъ нѣсколько времени получаю приказаніе, въ такой-то день и часъ явиться къ лейбъ-медику баронету Вилліе, жившему въ своемъ домѣ, который теперь принадлежитъ вдовѣ профессора Боткина, на углу Галерной.

Являюсь аккуратно въ назначенное время. Облокотившись на столъ, стоитъ благообразный баронетъ, застегнутый на всѣ пуговицы докторскаго сюртука.

— Ну, что батюшка, чѣмъ ты боленъ? (Вилліе всѣмъ говорилъ «ты»).

— Тѣмъ-то и тѣмъ-то, ваше превосходительство, — отвѣчаю я, повторяя наизусть свидѣтельство А. П. Григоровича.

— Да, жалко!—говоритъ баронетъ:—кабы я былъ такъ боленъ, какъ ты, былъ бы очень доволенъ. Хорошо, мы о тебѣ подумаемъ.

Осталось раскланяться и уйти.

Затѣмъ вышелъ по гвардейскому корпусу приказъ (вѣроятно, и сейчасъ его можно найти въ полку), гдѣ разрѣшалось уволить того-то за болѣзнью туда-то, того туда, а лейбъ-гвардіи егерскаго полка прапорщику Карцову приказывалось пользоваться молочною діетою при полку и съ исправленіемъ должности.

Вотъ какія были суровыя времена!

Покойный государь императоръ Александръ Николаевичъ, — въ то время наслѣдникъ цесаревичъ, командиръ гвардейскаго пѣхотнаго корпуса, — состоялъ подъ начальствомъ великаго князя Михаила Павловича, и, въ случаяхъ неудавшейся какой нибудь репетиціи, былъ всегда встревоженъ боязнью навлечь неудовольствіе своего начальника. Такое подчиненіе, разумѣется, внушало и намъ особенное желаніе поддержать ближайшаго своего начальника. «Какъ я васъ представлю великому князю!»—такими словами иногда бывалъ вынужденъ цесаревичъ заканчивать репетицію. Мы подбодрялись и представлялись великому князю въ томъ видѣ, который успокаивалъ цесаревича.

Это было время, когда мы всѣ, можно сказать, дышали однимъ воздухомъ, когда спокойствіе нашихъ начальниковъ было для насъ дорого. Несомнѣнно, видѣли это и начальники, почему снисходительно относились къ шалостямъ нашимъ.

Мы строго берегли честь мундира нашего, но и въ немъ не отказывались пошалить, когда этого требовали наши лѣта.

Однажды, на маневрахъ, цесаревичъ подѣхалъ къ отдохавшему баталіону нашему и предложилъ офицерамъ завтракъ; пока я слѣзалъ съ лошади и отдавалъ ее за фронтъ, офицеры уже успѣли сгруппироваться около завтрака на барабанахъ; подойдя, вижу соблазнительныя яства и не менѣе соблазнительныя питія въ разнаго фасона бутылкахъ. Пробираюсь на этотъ разъ къ не оглушительнымъ, но привѣтливымъ барабанамъ, слышу, мой баталіонный командиръ,—впослѣдствіи комендантъ Царскаго Села, генераль отъ инфантеріи, въ то время полковникъ,—П. А. Степановъ, мнѣ говорить: «попробуй, въ той вонъ бутылкѣ,—какой славный сотернъ!» Понимая, что бѣлое вино знатоками пьется изъ стакановъ, я, въ виду цесаревича, смѣло налилъ стаканъ, подношу, чтобы выпить—и, о ужасъ, въ стаканѣ водка! Полковникъ надо мной подшутилъ! Я сталъ втупикъ. Что дѣлать?—наливши, не пить невѣжливо, выпить зазорно, а хочется! Цесаревичъ, съ стаканомъ въ рукѣ, на меня смотритъ и видимо интересуется, чѣмъ я кончу. Недолго думая, я разомъ осушилъ стаканъ; чтобы не сконфузить молодого человѣка, его высочество отвернулся съ своею добродушною улыбкой. Онъ не хотѣлъ замѣтить, что молодой офицеръ,—понятно, не отъ пьянства, а изъ шалости,—выпилъ стаканъ водки; не хотѣлъ придать этому никакого значенія, а вскорѣ, послѣ маневровъ, сдѣлалъ мнѣ строжайшій по гвардейскому пѣхотному корпусу выговоръ за то, что я, стоя въ караулѣ у Нарвскихъ воротъ, въ день проѣзда въ Нарву государя императора, въ рапортѣ о проѣздѣ его величества съ графомъ Орловымъ, не обозначилъ званія послѣдняго, то-есть не назвалъ его генераль-адъютантомъ.

Вотъ какъ насъ приучали быть внимательными къ исполненію обязанностей нашихъ.

Помню одно егерское ученіе на Царицыномъ лугу, когда государь Николай Павловичъ сдѣлалъ замѣчаніе ротному командиру Толмачеву за неправильное построеніе. Толмачевъ имѣлъ неосторожность отвѣтить: «такъ въ уставѣ, ваше императорское величество».—«Я вамъ уставъ!»—закричалъ государь. Приказанія государя отличались краткостью. Мнѣ случилось на маневрахъ доносить его величеству, что полкъ нашъ, выходя изъ лѣсу, наткнулся на цѣлую гренадерскую дивизію. Государь, еще не допустивъ меня до него доѣхать, спросилъ своимъ громкимъ голосомъ: «что случилось?» Я объяснилъ наше положеніе, государь спрашиваетъ: «артиллерія у васъ есть?»—«4 орудія»,—отвѣчаю я.—«Скажи, говоритъ государь, барону Соловьеву, что егерскій полкъ въ лѣсу съ 4-мя орудіями можетъ держаться противъ дивизіи». Дальнѣйшихъ объясненій ожидать было нечего, и я поѣхалъ къ нашему стратегу Всеволоду Николаевичу: «Вотъ, говорю я, ваше превосходительство, что сказалъ государь императоръ».—«Да, хорошо государю говорить,—сказалъ Соловьевъ,—подержался бы самъ.

Огородниковъ (полковой штабъ-горнистъ), дай трубку». Любимой трубкой заканчивались всегда стратегическія соображенія нашего командира.

Въ маскарадахъ, хотя намъ и не приказано было беспокоить государя отданіемъ каждый разъ чести, но одно обаяніе, что императоръ Николай въ залѣ, уже давало себя чувствовать. Во всемъ въ немъ, въ его взглядѣ, было что-то магическое. Я помню, однажды, въ Петергофѣ государь шелъ изъ дворца послѣ крестинъ одного изъ великихъ князей; мы шли за нимъ; въ аркѣ стояла дама, вся черномъ! Государь только взглянулъ на нее, и она à la lettre присѣла.

Покойный флигель-адъютантъ его, Н. Д. Чебышевъ, рассказывалъ мнѣ, что однажды государь послалъ его на югъ разобрать подъ рукой какое-то дѣло, которое ему представлялось въ различныхъ видахъ, при чемъ приказалъ Чебышеву не говорить, куда ѣдетъ, даже въ главной квартирѣ. Такъ, конечно, Чебышевъ и сдѣлалъ; даже жена его не знала, куда мужъ поѣхалъ. Возвратясь, Чебышевъ явился прямо во дворецъ съ донесеніемъ. Государь его принялъ, сидя на столѣ, въ скрутокѣ безъ эполетъ, и, по окончаніи доклада, сказалъ: «видишь, Чебышевъ, людей нѣтъ!»

Николай Павловичъ не прочь былъ выслушать шутку, но она должна была быть очень обдуманна. Однажды, на маневрахъ, подѣзжаетъ онъ къ измайловскому доктору Григоровичу и говоритъ ему:

— А что, Григоровичъ, какъ ты мнѣ посоветуешь поступить съ такими-то мнѣ прописанными Арендтомъ пилюлями? Онъ совѣтуетъ принимать по одной утромъ и вечеромъ.

Антигомеопатъ Григоровичъ отвѣчаетъ государю:

— Извольте скушать хоть всю коробочку, ваше величество, вреда не будетъ!

Это, конечно, заставило государя засмѣяться.

Государь однажды говоритъ барону Соловьеву:

— Отдай мнѣ въ дворцовую роту своего Пащенка.

Пащенко былъ храбрый, бравый знаменщикъ 1-го баталіона, но горькій пьяница.

— Извольте, ваше величество, — отвѣтилъ Соловьевъ, — но Пащенко горькій пьяница!

— Ничего, — говоритъ государь, — у меня пить перестанетъ.

Отправили Пащенка въ дворцовую роту; черезъ недолгое время государь говоритъ Соловьеву:

— Ну, баронъ, ты правъ! Пащенка я отправилъ въ армію — представь, пьяный онъ откусилъ палецъ товарищу.

Одинъ разъ мнѣ случилось видѣть нетерпѣніе государя. Въ цѣпи нашей, кажется, противъ преображенцевъ, въ виду государя, солдаты съ обѣихъ сторонъ разгорячились до такой степени, что

въ дула ружей стали класть камешки; ни звукъ отбоя, ни крики офицеровъ не могли удержать ихъ натиска другъ на друга.

Государь закричалъ и затѣмъ, не вытерпѣвъ, обнажилъ шпагу и полетѣлъ въ цѣпь. Конечно, все моментально утихло.

Императоръ Николай не смотрѣлъ на лицо, когда надо было искоренить зло. Мнѣ случилось быть свидѣтелемъ такого случая: я стоялъ въ караулѣ, на Сѣнной гауптвахтѣ; являются два чиновника управы благочинія и говорятъ, что для вынута изъ сундука управы хранящихся на гауптвахтѣ денегъ сейчасъ прїѣдетъ предсѣдатель Клевенскій. Назначаю ефрейтора, обязаннаго сличить привезенную печать со слѣпкомъ, висящимъ на стѣнѣ, надъ сундукомъ, и затѣмъ, согласно уставу, отношусь равнодушно къ тому, что есть въ сундукѣ, что въ него кладется и что изъ него вынимается—это не касается караульнаго офицера.

Подѣхалъ возокъ, изъ возка вышелъ предсѣдатель и съ чиновниками пошелъ дѣлать свое дѣло, а я остался на платформѣ. Войдя на минуту въ комнату, я видѣлъ ихъ всѣхъ троихъ у сундука и у нихъ въ рукахъ какія-то стриженныя бумаги. Вслѣдъ за тѣмъ они уѣхали.

Спустя нѣкоторое время, получаю предписание, подъ командой капитана Іозефовича, съ унтеръ-офицеромъ, ефрейторомъ и смѣной часовыхъ, стоявшихъ у сундука въ такой-то день, явиться въ ордонансъ-гаузъ. Являюсь и нахожу тамъ также смѣны 4-хъ полковъ; выходитъ аудиторъ, или что-то въ этомъ родѣ, насъ спрашиваетъ, кто что видѣлъ. Оказывается, что егеря видѣли только то, что я сказалъ выше.

Мы рассказали, что знали, и насъ отпустили.

Спустя годъ или полтора, въ 1848 году прихожу въ караулъ въ ордонансъ-гаузъ. Караульный офицеръ сдаетъ мнѣ двухъ арестованныхъ генераловъ: уважаемаго Костромой, Григорьева, вполнѣдствіи якутскаго губернатора, вполнѣ потомъ оправданнаго, обвиняемаго за превышеніе власти при костромскихъ пожарахъ въ 1847 году, и генерала Клевенскаго, обвиняемаго въ растратѣ чьихъ-то денегъ, пересылаемыхъ черезъ управу благочинія и хранившихся на сѣнной гауптвахтѣ.

И тотъ, и другой содержались чрезвычайно строго; даже караульный офицеръ не имѣлъ права гулять по гауптвахтѣ съ Григорьевымъ, а Клевенскаго могъ видѣть только черезъ окошечко въ двери.

Стало быть, чуть не сотни тысячъ унесли изъ-подъ моихъ глазъ, но зато виновные и были наказаны жестоко. Покойный государь шутить не любилъ.

Передъ нашимъ производствомъ въ офицеры, въ 1844 году, императоръ Николай Павловичъ, близъ Ижорки на Петергофской дорогѣ, сказалъ намъ слово, обѣщая свое отеческое покровительство

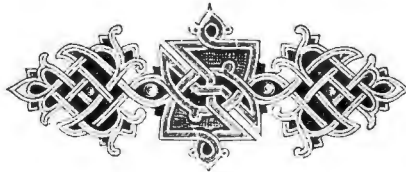
во всѣхъ случаяхъ нашей жизни. Государь говорилъ такъ почувствованно, что словами его нельзя было не быть тронутымъ до глубины души.

Не снимаемая мною запонки, изображающія Кульмскій крестъ, мнѣ всегда напоминаютъ вышеописанное блаженное время; онѣ носятя егерскими офицерами въ память Кульмскаго сраженія, въ которомъ участвовалъ егерскій полкъ. Запонки эти носилъ при егерскомъ мундирѣ и покойный императоръ Александръ Николаевичъ. Онъ ихъ увидѣлъ на комендантѣ Царскаго Села, глубоко уважаемомъ, старѣйшемъ егерѣ, генералѣ-отъ-инфантеріи Петрѣ Александровичѣ Степановѣ, имѣвшемъ счастье ѣхать съ императоромъ на полковой праздникъ, и, узнавъ, что запонки эти подарены генералу Степанову обществомъ офицеровъ полка, сказалъ:

— А шефа-то своего и забыли.

Понятно, что генералъ Степановъ слова государя передалъ полковому командиру, и на другой день, на обѣдѣ у государя, командиръ полка имѣлъ счастье поднести запонки его величеству отъ имени полка.

Г. В. Карцовъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О МОСКОВСКОМЪ АЛЕКСАНДРОВСКОМЪ ИНСТИТУТѢ.

I.

Посѣщеніе императоромъ Александромъ II института.

БЫ БЫЛИ въ выпускномъ, первомъ, классѣ, когда умеръ покойный наслѣдникъ Николай Александровичъ. По рукамъ перво-классницъ ходили французскія письма какой-то фрейлины изъ-за границы, въ которыхъ она трогательно описывала послѣдніе дни, часы и послѣднія слова покойнаго цесаревича, а также фотографическая карточка, изображавшая его, больного и худого, сидящимъ на стулѣ, за спинкой котораго, положивъ на нее руку, стояла его августѣйшая невѣста, молодая и очаровательная принцесса Дагмара. Какимъ образомъ попали въ институтъ письма фрейлины, написанныя къ кому-то изъ родныхъ или знакомыхъ, и фотографія—я не знаю хорошенько,—кажется, черезъ одну изъ нашихъ классныхъ дамъ,—но мы читали ихъ съ жадностью и горько плакали. Горько плакали и на панихидахъ, которыя служились въ нашей домовоѣ церкви: такая глубокая жалость охватывала сердце при мысли о безвременной кончинѣ наслѣдника, которому судьба сулила, казалось, столько счастья: одинъ изъ самыхъ могущественныхъ престоловъ и прелестную юную невѣсту.

Великимъ постомъ въ институтѣ разнеслась молва, что государя ожидаютъ весною въ Москву, которой онъ хочетъ показать своего новаго наслѣдника, великаго князя Александра Александровича. Изъ французскихъ писемъ мы знали кое-что и о немъ: говорилось о томъ, какое совершенно неожиданное счастье выпало на его долю, и какъ онъ вполне достоинъ его по своимъ высокимъ нравственнымъ качествамъ. «Онъ достоинѣ меня», сказали будто бы умирающій наслѣдникъ, указывая на него глубоко огорченному отцу.

Въ институтѣ начались приготовления къ приѣзду государя, старательнѣе обыкновеннаго дѣлались спѣвки, при чемъ особенное вниманіе обращали на «Боже, царя храни!» и «Славься», разучивали пьесы на нѣсколькихъ рояляхъ, шили намъ новыя зеленыя платья и тонкіе бѣлые передники. Втеченіе всего великаго поста насъ, по обыкновенію, водили по средамъ и пятницамъ въ церковь на преждеосвященные обѣдни. Послѣ обѣдни институтокъ собирали въ зало, воспитанницъ трехъ старшихъ классовъ ставили лицомъ ко входной двери, по одну сторону отъ нихъ пѣвчихъ, по другую, за колоннами, раздѣлявшими зало на двѣ части, выстраивали рядами воспитанницъ остальныхъ классовъ, послѣ чего дежурная, съ голубымъ бантомъ на плечѣ, бѣжала докладывать тамап, что все готово. Какъ всегда, безшумно, появлялась невысокая, худощавая, прямая и властная фигура тамап, съ блѣднымъ, строгимъ, никогда не улыбавшимся лицомъ и голубыми холодными глазами. Съ лѣвой рукой, прижатой у груди поверхъ накинутой на плечи кружевной косынки, она останавливалась у входной двери, чуть-чуть наклоняла голову, глядѣла еще строже и холоднѣе обыкновеннаго и говорила медленно и важно, изображая государя: «*bonjour, enfants!*» Со словами: «*bonjour, votre majesté impériale!*» мы должны были отставить одну ногу и плавно присѣсть на нее до земли, медленно все ниже и ниже и наклоняя голову. Но тамап пришлось повозиться съ нами немало прежде, чѣмъ мы научились присѣдать, какъ слѣдуетъ: однѣ качались, дѣлая реверансъ, другія сутулились или слишкомъ быстро опускали голову, третьи присѣдали недостаточно низко, и при этомъ всѣ опускались и наклоняли голову не разомъ и говорили въ розницу или недостаточно громко. Начальница дѣлала замѣчанія, давала объясненія, заставляла повторять нѣсколько разъ реверансъ и привѣтствіе. Репетиціи эти повторялись ежедневно, до прибытія государя въ Москву.

Наконецъ, наступилъ день, когда въ институтѣ ожидали приѣзда государя. Въ какомъ это было мѣсяцѣ — не помню, по всей вѣроятности, въ апрѣлѣ или маѣ, потому что у насъ шли еще занятія (у выпускныхъ, впрочемъ, занятія съ нѣкоторыми учителями продолжались все лѣто, въ виду предстоящихъ экзаменовъ въ

декабрѣ); во всякомъ случаѣ, день былъ солнечный, жаркій. Должно быть, было воскресенье или праздникъ, такъ какъ намъ объявили, что приѣма родныхъ по случаю посѣщенія государя не будетъ. Помню объ этомъ потому, что за завтракомъ мнѣ принесли коробку конфетъ и объявили, что ко мнѣ пришелъ какой-то молодой человекъ, двоюродный братъ, но что принять его нельзя. Я чрезвычайно удивилась, потому что взрослыхъ двоюродныхъ братьевъ у меня не было ни одного, и никакіе молодые люди не посѣщали меня подъ этимъ именемъ, какъ это практиковалось въ институтѣ, такъ какъ я была издалека и не имѣла знакомыхъ въ Москвѣ.

Кто былъ этотъ «двоюродный братъ», я не узнала никогда, но много позже, послѣ нѣсколькихъ покушеній на жизнь императора Александра Николаевича, задавалась вопросомъ: зачѣмъ былъ этотъ «двоюродный братъ» за нѣсколько минутъ до приѣзда государя? Хотѣлось ли ему воспользоваться случаемъ взглянуть на него поближе, или у него были дурныя цѣли?

Съ утра мы были одѣты по-парадному, въ новыя зеленыя камлотовыя платья и тонкіе бѣлые передники. Платья обыкновенно у воспитанницъ всѣхъ классовъ шились до полу, но франтихи изъ старшихъ классовъ просили закройщицъ пускать ихъ нѣсколько длиннѣе, такъ что сзади юбка слегка ложилась на полъ и шуршала. Франтовство, впрочемъ, у насъ строго преслѣдовалось: прямыя камлотовыя юбки, полотняные фартуки и пелерины были совсѣмъ гладкіе, безъ складокъ и оборокъ; узенькіе полотняные рукавчики спускались до кисти и привязывались къ короткимъ рукавамъ открытаго лифа, при помощи тесемокъ. Носить своихъ ботинокъ не позволялось никому; у всѣхъ были туфельки или башмачки изъ тонкой кожи, съ тесемками, завязывавшимися крестъ на крестъ, и безъ каблуконъ. Такъ какъ шаркать ногами не позволяли, да и среди институтокъ шарканье считалось ужаснымъ *mauvais genre*, мы приучались ходить легко и беззвучно. Всякія серьги, кромѣ простыхъ колечекъ, а также кольца были строго запрещены. Богатыя, бѣдныя, знатныя—всѣ сливались въ одну толпу, всѣ были совершенно равны. Сліяніе это было настолько полно, что никто изъ насъ не зналъ, кто родители подруги, и какія у нихъ средства, и въ этомъ одна изъ величайшихъ заслугъ московскаго Александровскаго института моего времени.

Въ день приѣзда государя намъ не велѣли подвязывать рукавчиковъ и надѣвать пелеринъ. Тѣ и другія составляли необходимую принадлежность нашего форменнаго платья и отсутствовали у насъ только при парадахъ, напримѣръ, на балахъ, которые въ мое время бывали не болѣе раза въ годъ, и съ непривычки мы чувствовали себя неловко на урокахъ, сидя передъ учителями съ обнаженными плечами и руками.

Послѣ обычнаго завтрака въ 12 часовъ, насъ собрали въ зало

для встрѣчи государя, который долженъ былъ пріѣхать къ намъ изъ Екатерининскаго института. Пришла тамапъ въ парадномъ синемъ шелковомъ платьѣ, съ озабоченнымъ, но слегка порозовѣвшимъ отъ волненія лицомъ, въ сопровожденіи инспектрисы; пріѣхалъ генераль Лужинъ, завѣдывавшій у насъ хозяйственною частью, явился батюшка, жившій при институтѣ и извѣстный у воспитанницъ за свою массивную фигуру и стремительную походку подъ именемъ «бури».

Двери церкви, выходящей на парадную лѣстницу, покрытую, по случаю ожиданія государя, сукномъ, были отворены настежь.

Начальница стала обходить выстроенные въ ряды классы, бѣгло и озабоченно осматривая платья, передники, прически. Изъ-за прически у нея шла непрерывная борьба съ воспитанницами трехъ старшихъ классовъ. Она требовала, чтобы мы причесывали волосы гладко, не взбивали ихъ надъ лбомъ и не дѣлали вихровъ, но ни двойки за поведеніе, ни стояніе во время урока въ классѣ не могли заставить воспитанницъ ходить, говоря институтскимъ жаргономъ, «прилизанными, какъ корова». Случалось, что, по строгому настоянію начальницы, раздраженная классная дама распускала съ утра пышныя прически и заставляла всѣхъ спустить волосы на лобъ, такъ что втеченіе одного дня мы сидѣли за уроками скромными, молодыми и нѣсколько опечаленными старушками, но на другой день волосы взбивались еще пышнѣе, а вихры торчали еще задорнѣе. И теперь, въ ожиданіи государя и строгаго осмотра тамапъ, мы «не прилизались, какъ коровы», и если не взбили волосъ такъ, какъ взбивали ихъ для любимыхъ учителей, то все-же зачесали ихъ болѣе или менѣе волнисто надъ лбомъ.

Подойдя къ намъ, гдѣ была собрана главная армія, т.-е. воспитанницы трехъ старшихъ классовъ, выстроенныя по классамъ и по росту, какъ ходили парами въ церковь и въ столовую, тамапъ остановилась, осмотрѣла насъ и осталась недовольна. «Слишкомъ много блѣдныхъ,— проговорила она,— это можетъ произвести непріятное впечатлѣніе на государя».

Дѣйствительно, зеленыя платья, недавно замѣнившія у насъ коричневыя, зеленили и не блѣдныхъ, а блѣднымъ придавали положительнo зловѣщій видъ. Смѣшали всѣ ряды, блѣдненькихъ передвинули назадъ, вглубь, а впереди поставили цвѣтущихъ, въ томъ числѣ и меня. Я рада была, что стою въ первомъ ряду, на томъ мѣстѣ, на которомъ стояла и ранѣе, но мнѣ жаль было блѣдненькихъ, очутившихся назади, и я не могла понять, зачѣмъ нужно прятать ихъ отъ государя, показывать ему только одно хорошее.

Вскорѣ раздался стукъ колесъ по двору, и поднялось движеніе: пріѣхалъ государь. Мы стояли близко къ окнамъ, выходящимъ на дворъ, и, подойдя къ нимъ, могли бы видѣть подѣзжающаго государя, но это нарушило бы торжественный порядокъ встрѣчи,

и мы стояли неподвижно съ глазами, устремленными на дверь, и сильно бьющимся сердцемъ. Государь поднялся по парадной лѣстницѣ и прошелъ въ церковь, въ дверяхъ которой встрѣтилъ его съ крестомъ въ рукахъ батюшка. Немного погодя, онъ вошелъ въ зало, въ сопровожденіи наслѣдника цесаревича Александра Александровича, великой княжны Маріи Александровны и совсѣмъ маленькаго великаго князя, Сергѣя или Павла Александровича. Дружно ли мы присѣли, равна ли была линія рядовъ,—я думаю, не замѣтилъ никто изъ насъ,—все смотрѣли только на августѣйшихъ гостей.

Но привѣтствіе вышло не совсѣмъ такъ, какъ предполагала мама. Государь не сказалъ: «bonjour, enfants!»; онъ сказалъ совсѣмъ просто и ласково: «здравствуйте, дѣти!», и мы отвѣчали громко и радостно: «здравствуйте, ваше императорское величество!». Затѣмъ пѣли: «Боже, царя храни!» и «Слався», послѣ чего государь съ княжной и князьями пошелъ осматривать классы, руководѣльную, дортуары и пригласилъ насъ слѣдовать за собой. Тутъ мы забыли всю дисциплину, все начальство, все приказы. Гдѣ шли великіе князья и княжна, гдѣ были мама, классныя дамы, генераль Лужинъ,—я не знаю; государь шелъ впереди крупнымъ неторопливымъ шагомъ, заложивъ руки на спину и немного согнувшись; за нимъ, степенно выступая шагъ за шагомъ, не бывшій въ залѣ, но откуда-то появившійся въ коридорѣ черный водолазъ, и сейчасъ же мы, выпускныя, толпой.

— Со мной дѣлайте, что хотите, но Милорда моего не трогайте,—говоритъ государь,—т.-е. не вздумайте стричь у него шерсть на память, какъ это было, говорятъ, въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ.

Государь прошелъ въ нашъ первый классъ. По серединѣ его стояла большая черная доска, сплошь изрисованная мѣломъ. Мы проходили Европейскую Россію. Чтобы облегчить изученіе губерній и наглядно показать въ одной общей картинѣ ея промышленность, въ связи съ климатомъ, флорою и фауною, учитель нашъ раздѣлилъ доску, сообразно числу пространства, на клѣтки и въ каждой изъ нихъ нарисовалъ, въ видѣ мелкихъ, но совершенно отчетливыхъ рисунковъ, все, что было наиболѣе типичнаго въ данномъ пространствѣ. Миниатюрныя фигуры были прекрасно сдѣланы, подчасъ комичны и живы.

— Что это?—съ удивленіемъ спросилъ государь, остановившись передъ доской.

Мы объяснили, что это рисунокъ учителя, изображающій промышленность Европейской Россіи по пространствамъ. Вошли въ руководѣльную. У оконъ стояли паяльца, на которыхъ насъ учили вышивать, а на большомъ столѣ лежали кучи спитаго и скроенаго бѣлья. Государь не заглянулъ въ паяльца, но подошелъ къ столу, спросилъ, наша ли это работа, выдернулъ одну вещь изъ

кучи сложеннаго бѣлья и встряхнулъ ее. Оказалась одна изъ принадлежностей нижняго бѣлья.

— Что это? — спросилъ онъ, держа бѣлье въ лѣвой рукѣ, наполовину обернувшись къ намъ и улыбаясь.

Мы тоже улыбались и молчали.

— А чулки вязать вы умѣете?—спросилъ онъ дальше:— женщинѣ необходимо умѣть шить, кроить и вязать.

Стали подниматься по широкой чугунной лѣстницѣ наверхъ, въ дортуары. Тутъ я увидала рядомъ съ собою великую княжну и шедшую позади ея начальницу.

— Mademoiselle N., proposez donc votre main à son Altesse la Princesse,—сказала маман.

Я поспѣшила подставить княжнѣ руку.

— Я не старушка,—сказала она улыбаясь, однако просунула свою руку и, легко опираясь, взошла со мной на лѣстницу.

Изъ дортуаровъ государь и его семья прошли съ нами въ садъ. Садъ былъ не особенно великъ, но зеленъ и чистъ, съ широкими аллеями и высокими деревьями, дававшими хорошую тѣнь въ жаркіе дни. Цвѣтовъ въ немъ не было, и это дѣлало его нѣсколько мрачнымъ, лицало жизни. Во время каникулъ институтки проводили цѣлый день въ саду, при чемъ каждый классъ помѣщался съ своею классною дамой въ отдѣльной опредѣленной аллеѣ. Это непрерывное сидѣнье въ саду утомляло насъ своимъ чиннымъ однообразиемъ,—садъ становился намъ постылымъ,—но нѣкоторое здоровье давало намъ несомнѣнно.

Возвращаясь изъ сада и подходя къ крыльцу, государь спросилъ насъ:

— А какія платья вамъ больше нравятся, коричневая или зеленая?

— Коричневая, ваше императорское величество,—отвѣчали мы.

— И мнѣ коричневая,—сказалъ онъ.

«И государю не нравятся зеленая... Зачѣмъ же ихъ ввели? — думала я.— И развѣ не въ его власти ихъ отмѣнить? Достаточно одного его слова, чтобы зеленая замѣнить коричневой?» И то представление о царѣ, какъ о грозномъ, всемогущемъ и недоступномъ властелинѣ, которое жило у меня раньше и поддерживалось всѣми институтскими, торжественными и трепетными приготовлениями, постепенно уничтожалось, а вмѣсто него глубоко на сердцѣ пробуждалось къ нему что-то хорошее, теплое, проникнутое жалостью.

Было четыре часа, часъ нашего обѣда. Государь, въ сопровожденіи семьи и начальствующихъ лицъ, прошелъ въ лазаретъ, помѣщавшійся въ нижнемъ этажѣ, какъ и столовая, и отдѣлявшійся отъ нея высокими и просторными парадными сѣнями. Мы прошли въ столовую и сѣли обѣдать. Погода немного, явился го-

сударь и сталъ прохаживаться по залѣ съ наслѣдникомъ и великою княжной. Теперь я имѣла возможность разглядѣть великаго князя и княжну.

Наслѣдникъ былъ очень молодъ. Лицо его нельзя было назвать красивымъ, но это было чисто-русское лицо, умное, открытое, веселое и чуть-чуть насмѣшливое. Коротко остриженные волосы, крайняя простота и увѣренность движеній производили впечатлѣніе независимости и твердости. «Александръ Александровичъ, очаровательный!» кричали иногда вполголоса выпускныя. Онъ не обращивался, не глядѣлъ, не смущался, а только посмѣивался весело и добродушно насмѣшливо. Совсѣмъ молоденькая княжна (судя по не совсѣмъ длинному платью, ей могло быть лѣтъ 15—16) была высока и хорошо сложена. Ея цвѣтущее лицо съ ясными голубыми глазами дышало добротой и здоровьемъ, а толстая свѣтлорусая коса спускалась чуть не до колѣнъ. Одѣта она была въ простенькое траурное платье и держала себя совсѣмъ просто и непринужденно. Проходя мимо нашего стола, государь остановился на минуту, обнялъ одною рукою княжну за талію, приблизилъ ее къ себѣ и говоритъ: «вотъ какая большая у меня дочь». У русскаго царя и дочь была совсѣмъ русская, и когда они стояли такъ, парочка была славная.

Государь не былъ веселъ; онъ былъ серіозенъ и какъ будто нѣсколько печаленъ. Но главное, что поражало въ немъ, это необычайная, какая-то кроткая простота. Нашъ генералъ Лужинъ, который слѣдовалъ за государемъ, поднявъ голову и плечи и молодцовато выставивъ грудь, казался гораздо важнѣе и величественнѣе его, и сравненіе это невольно бросалось въ глаза. Государь, спокойно и неторопливо прохаживаясь назадъ и впередъ по залѣ, словно отдыхалъ у насъ, былъ самъ собою, и на его благородномъ и кроткомъ лицѣ отражалось, очевидно, то, что онъ переживалъ въ данную минуту и чего не старался скрывать: много пережитой печали и спокойная покорность передъ чѣмъ-то, съ чѣмъ онъ не хотѣлъ бороться.

Пока мы обѣдали, а государь съ наслѣдникомъ и великою княжною ходили по залѣ, маленькій князь остановился у края нашего стола, протянулъ ручку, взялъ лопотъ чернаго хлѣба, посолилъ его и сталъ кушать. Мы до того ушли въ созерцаніе государя, такъ непохожаго на того, какимъ мы представляли его себѣ ранѣе, и приковавшаго всѣ наши сердца, что проглядѣли и маленькаго князя. Дѣтей въ институтѣ мы любили ужасно, и въ другое время осыпали бы его поцѣлуями и ласками.

Когда обѣдъ кончился, и мы прочли молитву, государь двинулся къ выходу, въ переднюю. Мы хотѣли подать ему шинель,—государь рыцарски отстранилъ; нагнулись поцѣловать ему руку,—онъ не допустилъ и до этого. Мы одѣли великую княжну, крик-

нули еще разъ: «очаровательный Александръ Александровичъ!» весело посмѣивавшемуся наслѣднику и высыпали на крыльцо провожать своихъ дорогихъ гостей. У подѣзда стояла поданная коляска. Откуда-то появившійся Милордъ, исчезавшій во время обѣда, вскочилъ въ нее первый. Черезъ минуту, при крикахъ: «ура!», коляска скрылась за угломъ воротъ, и дворъ опустѣлъ.

Посѣщеніе это осталось у насъ въ памяти до малѣйшихъ подробностей.

Мы были взволнованы, и ночью намъ не спалось. Въ отворенныя окна дортуара виднѣлись яркіе огни Москвы, и ясно доносились звуки полковой музыки. Москва праздновала пребываніе царя. Я завидовала Москвѣ, что государь находится теперь среди нея, и въ то же время что-то чрезвычайно грустное пробуждалось у меня на сердцѣ, глубокая жалость къ царю. «Ему всё льстятъ; его всё обманываютъ; онъ одинъ, нѣтъ никого, кому бы онъ могъ повѣрить во всемъ, кто сказалъ бы ему всю правду. Онъ самый одинокій и самый несчастный человѣкъ». Вотъ, что я думала, слушая веселые звуки и глядя на ярко выдѣлявшіеся въ темнотѣ огни Москвы, и теплыя, крупныя слезы катились у меня по щекамъ одна за другой.

Тогда я ничего не знала о томъ, что дѣлалось на Руси. Много позже, послѣ взрыва 1-го марта, я припомнила и посѣщеніе института государемъ, и его кроткое, печальное лицо, глубокую жалость, которую я почувствовала къ нему въ ту ночь, и свои слезы о немъ.

II.

Бунтъ въ первомъ классѣ.

Въ 8 часовъ вечера мы обыкновенно пили чай, а въ 10-мъ расходились по дортуарамъ, помѣщавшимся въ верхнемъ этажѣ. Здѣсь мы снимали форменныя платья, надѣвали капотики и отправлялись въ умывальную катать фартуки и пелерины, а затѣмъ воспитанницамъ старшихъ классовъ позволялось не ложиться въ постель до 11 и дѣлать, что хотятъ. Меньшинство присаживалось къ большому, тускло освѣщенному свѣчей столу съ работой или уроками, а большинство прохаживалось по длинному и широкому коридору. Такой же коридоръ находился и во второмъ этажѣ, гдѣ были классы, но тотъ освѣщался ярко; здѣсь же царствовалъ полумракъ. Апартаменты тамап помѣщались во второмъ этажѣ, поэтому тотъ коридоръ находился подъ непрерывнымъ строгимъ присмотромъ семи классныхъ дамъ, инспектрисы, приближенныхъ тамап и самой тамап. Здѣсь, наверху, классныя дамы, утомленныя дневнымъ напряженіемъ, отдыхали, сходились по двѣ и по три

въ комнату одной изъ нихъ, находившуюся при дортуарѣ, пили чай, разговаривали, смѣялись, становились добрѣе, маленькихъ укладывали спать подъ надзоромъ спавшей съ ними въ дортуарѣ пепиньрки, а старшимъ предоставляли свободу.

Воспитанницы трехъ старшихъ классовъ, въ коротенькихъ капотикахъ и съ распущенными, кокетливо причесанными волосами сходились группами, ходили по коридору, сообщали другъ другу дневныя новости по классу или оживленно разговаривали, смѣялись, мечтали, строили планы на будущее.

Вечеромъ, на другой день послѣ посѣщенія государя, насъ увели наверхъ раньше обыкновеннаго, такъ какъ всѣ были нѣсколько утомлены дневнымъ напряженіемъ (пока государь былъ въ Москвѣ, все въ институтѣ было такъ, словно онъ могъ пріѣхать каждую минуту), и уроковъ назавтра не полагалось. Только что скинули мы платья и надѣли капотики, а классныя дамы собрались въ комнатѣ у нашей дамы и оживленно и шумно разговаривали, пронеслась вѣсть, что государь находится въ Екатерининскомъ институтѣ и, по всей вѣроятности, будетъ сейчасъ и у насъ. Откуда взялась эта вѣсть—Богъ знаетъ, но она мгновенно облетѣла верхній коридоръ и дортуары. Волненіе поднялось невообразимое. Мы стали спѣшно причесываться и одѣваться, но классная дама, переговарившая съ начальницей, объявила намъ приказъ тамаа: ложиться сейчасъ въ постель, потому что парадныя платья заперты въ рукодѣльной, ключъ отъ которой унесенъ рукодѣльною дамой; а государю доложить, что воспитанницы уже спятъ.

— Но мы не спимъ и не будемъ спать, а хотимъ видѣть государя,—кричали мы, всѣ красныя отъ волненія:—мы выйдемъ и въ старыхъ платьяхъ¹⁾.

— Мамаа велѣла ложиться немедленно; раздѣвайтесь и ложитесь сейчасъ же!—кричала также порусски не менѣе насъ взволнованная классная дама.

— Не ляжемъ,—кричали мы:—никогда не ляжемъ. Государь будетъ тутъ, а мы будемъ спать... Мы хотимъ видѣть государя. Мы выбѣжимъ въ старыхъ платьяхъ, въ блузахъ,—онъ не разсердится.

Мы стояли толпой у двери, готовыя броситься бѣжать и въ блузахъ, если пріѣдетъ государь, а классная дама, захлопнувъ дверь и загородивъ ее спиной, стояла въ коридорѣ.

Бунтовали всѣ, и первыя ученицы, и самыя смиренныя. Доложили начальницѣ, что воспитанницы 1-го класса не ложатся и бунтуютъ. Черезъ нѣсколько минутъ послышался за дверью твердый и громкій голосъ тамаа:

¹⁾ Обыкновенно, что бы мы ни чувствовали, мы всегда были очень сдержанны въ обращеніи съ классными дамами и никогда не позволяли себѣ возвышать голоса; также и говорили мы съ ними, и онѣ съ нами не иначе, какъ пофранцузски или понѣмецки, но на этотъ разъ всѣ кричали порусски.

— Запереть дверь.

И мы услышали звонъ и щелканіе ключа.

Трудно передать наше отчаяніе. Мы стучали въ дверь кулаками и кричали:

— Отоприте! все одно, если государь пріѣдетъ, мы отворимъ окна, встанемъ на нихъ и будемъ кричать, что насъ заперли, что мы не спимъ и хотимъ видѣть его, чтобы онъ велѣлъ отпереть.

Но за дверью все было тихо, и ея не отпирали. Тогда мы распахнули окна и сѣли на нихъ, напряженно прислушиваясь къ каждому стуку колесъ и зорко всматриваясь въ полутемный дворъ. Прождавъ такимъ образомъ до двѣнадцати часовъ ночи, чуть было не принявъ за государя подѣхавшаго къ парадному крыльцу эконома, прозябнувъ порядкомъ и утомившись, мы молча и невесело раздѣлись и улеглись въ постели, опечаленныя, что государь не пріѣхалъ.

На другой день ни отъ татапа, ни отъ классныхъ дамъ мы не получили никакихъ внушеній и замѣчаній; о «бунтѣ» ни тогда, ни впоследствии не было сказано ни одного слова. Онѣ выглядели только суровѣе обыкновеннаго, да въ журналѣ за поведеніе мы увидали у всего класса по двойкѣ. Обыкновенно хорошія по поведенію и успѣхамъ ученицы огорчались и плакали, если получали случайно двойку, но на этотъ разъ ни одна не обратила на нее вниманія: самыя хорошія не попросили классную даму переправить ее, и самыя смиренныя не попросили у нея прощенія.

III.

Эпизодъ на выпускныхъ экзаменахъ.

Въ мое время воспитанницъ перваго класса выпускали передъ Рождествомъ, почему и выпускные экзамены производились всегда въ декабрѣ. Экзамены были трудны: по всѣмъ предметамъ спрашивалось все, пройденное втеченіе всѣхъ семи лѣтъ. Всего труднѣе было готовиться къ экзамену исторіи, потому что въ 4—5 дней надо было основательно повторить древнюю, среднюю, новую и русскую исторію и подробнѣйшую къ каждой изъ нихъ хронологію. Выпускныхъ не стѣсняли: онѣ покупали стеариновыхъ свѣчей, усаживались группами по 2, по 3 и 4 гдѣнибудь въ коридорѣ, прилегающемъ къ дортуарамъ, и просиживали ночи напролетъ, читая вслухъ данный предметъ и спрашивая другъ друга. У каждой лучшей ученицы была своя группа слабыхъ, не по принужденію, а по доброй волѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что на экзаменѣ воспитанницы являлись одна блѣднѣе другой, а только позже отъ волненія, краска бросалась имъ въ лицо и ярко горѣла до конца. Случалось иногда, что съ воспитанницей, вызванной къ

экзаменаціонному столу, дѣлалось дурно, и ждали, чтобы она успокоилась, а одна изъ самыхъ прилежныхъ, хотя и не блестящихъ ученицъ, Маша Р., на одномъ изъ экзаменовъ упала въ обморокъ, и ее унесли въ лазаретъ. Замѣчательно, что лѣнтяйки, ничего не дѣлавшія весь годъ, списывавшія переводы, задачи и сочиненія, написанныя для нихъ другими, и готовившія уроки только къ тому дню, когда ихъ должны были спросить, а у учителей, которые имѣли обыкновеніе вызывать по алфавиту, только свой, безошибочно рассчитанный кусочекъ, — переносили бессонныя ночи (къ экзаменамъ онѣ зубрили усердно) гораздо бодрѣе и безнаказаннѣе, нежели хорошія ученицы. Происходило это, по всей вѣроятности, оттого, что онѣ не успѣли утомиться за годъ, что подготовка къ экзамену давала имъ массу новаго и интереснаго въ своемъ родѣ, которое легко усваивалось ихъ свѣжей головой и памятью, а также и потому, что онѣ привыкли къ плохимъ отмѣткамъ и не боялись ихъ, тогда какъ хорошія ученицы не могли безъ ужаса думать о томъ, что онѣ срѣжутся на экзаменѣ и обмануть надежды уважаемаго, любимаго и крѣпко полагающагося на нихъ учителя.

Я тоже пробовала готовиться по ночамъ, но скоро бросила. Послѣ одной бессонной ночи, проведенной за исторіей, я стала рассказывать подругѣ о какомъ-то князѣ изъ временъ удѣльнаго періода, и вдругъ остановилась посреди фразы на одномъ имени. Какъ я ни билась, я не могла вспомнить ничего далѣе, оборвалась всякая связь, появилась абсолютная пустота. Я мучительно повторяла одно и то же слово, пока со мной не сдѣлалась истерика; а между тѣмъ я была одною изъ лучшихъ ученицъ, училась охотно и знала хорошо исторію, которую оба учителя наши, В. И. Собчаковъ въ 3-мъ классѣ и Н. В. Суворовъ въ двухъ старшихъ, преподавали не только хорошо, но и увлекательно. Послѣ этого я не только перестала заниматься по ночамъ, но и вообще совсѣмъ перестала готовиться къ экзаменамъ.

Однимъ изъ послѣднихъ экзаменовъ былъ у насъ экзаменъ географіи. Обновлять весь семилѣтній курсъ въ памяти не приходилось много, потому что учитель нашъ И. А. Зенгбушъ не давалъ забывать пройденнаго: спросивъ новый урокъ, онъ «сыпалъ» вопросами изъ стараго, гонялъ по нѣмымъ картамъ всѣхъ частей свѣта, не выносилъ, когда коверкали иностранныя названія, и терпѣть не могъ, когда показывали неточно и отвѣчали не сразу. Благодаря этому, самыя плохія ученицы кое-что знали и помнили. Но экзаменъ все-таки страшилъ насъ, потому что главнымъ образомъ должны были спрашивать географію Россійской имперіи, которую учили очень подробно и спрашивали строго, а присутствовать на экзаменѣ долженъ былъ генераль Менде, недавно назначенный къ намъ завѣдывать учебною частью на мѣсто стараго

князя Лобанова-Ростовскаго. Присутствіе важныхъ особъ на экзаменахъ обыкновенно не страшило насъ нисколько: и генералы, и инспекторъ, если не желали подвести учителя, старались не допустить ученицу до плохого отвѣта, помогая ей проскользнуть на нетвердыхъ мѣстахъ, а князь на экзаменѣ Закона Божія всегда громко и усердно подсказывалъ намъ тексты, пока не начиналъ дремать, при чемъ голова его наклонялась, а рыжій парикъ съѣзжалъ на бокъ. Но иное дѣло былъ Менде: суровый генералъ изъ военныхъ, говорили, что онъ не только образованный, но и ученый, что его назначили на смѣну устарѣвшаго князя, чтобъ подтянуть порядки и поднять учебную часть на болѣе соответствующую духу времени высоту. Онъ принялся за дѣло настолько энергично и сурово, что нагналъ страхъ на насъ и на учителей. Экзаменъ географіи страшилъ насъ, такъ какъ насъ предупредили, что генералъ Менде знатокъ по географіи, и что ни одна изъ нашихъ ошибокъ не ускользнетъ отъ него.

Экзаменъ, однако, шелъ прекрасно. Оставалось спросить не многихъ, когда вызвали Ч—ю, маленькую, миловидную, съ румяными щеками, покрытыми пушкомъ, какъ персикъ, голубоглазую и черноволосую. Она была не изъ первыхъ, но хорошая ученица, всегда готовившая добросовѣстно уроки, тихая, скромная и веселая. Ей достался одинъ изъ самыхъ трудныхъ и сбивчивыхъ билетовъ: искусственныя водныя системы Россіи. Съ этими системами Зенгбушъ водилъ насъ немало по картѣ, заставляя проѣзжать и изъ Бѣлаго моря въ Черное и изъ Балтійскаго въ Каспійское. Ч—я знала хорошо билетъ, но нѣсколько растерялась и кое-что спутала, отвѣтивъ, впрочемъ, удовлетворительно на весь билетъ. «Садитесь», отпустили ее. Покраснѣвъ еще болѣе, она присѣла низко и пошла на свое мѣсто. Должны были вызывать слѣдующую, но ее не вызывали: Менде сидѣлъ, наклонившись надъ журналомъ, надъ которымъ нагнулся и подошедшій къ нему Зенгбушъ. Заглянувъ въ журналъ, онъ быстро выпрямился, весь красный и чрезвычайно взволнованный.

— Я не могу допустить, чтобы m-elle Ч—ой поставлено было 6,—послышался его твердый и громкій голосъ.

— Вы не имѣете права не допустить, — отвѣчалъ спокойно Менде, блѣднѣвшій тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе краснѣлъ Зенгбушъ:— я нахожу отвѣтъ ея неудовлетворительнымъ и болѣе 6 поставить ей не могу.

— Но она отвѣчала хорошо, только растерялась и спуталась нѣсколько вначалѣ.

— Нѣтъ, она ошибалась тутъ и тутъ, — подробно доказывалъ Менде.

— Даже еслибы и такъ, она хорошая ученица, всегда училась хорошо, и я прошу поставить ей 8, баллъ, который она получала постоянно.

— Болѣе 6 я ей поставить не могу,—твердилъ Менде.

— Такъ ваше превосходительство не согласны переправить ей на 8?—спросилъ Зенгбушъ.

— Не согласенъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается уйти, потому что послѣ этого я нахожу невозможнымъ оставаться на экзаменѣ.

Онъ круто повернулся къ двери и вышелъ быстрыми шагами изъ класса, ни на кого не глядя. Экзаменъ докончили безъ него.

Съ той минуты мы не видали болѣе Зенгбуша: Александровскій институтъ онъ покинулъ навсегда.

Ф. Л.

ВЪ ВОЕННО-ПОХОДНОМЪ ГОСПИТАЛѢ.

(Изъ писемъ съ театра войны 1877—1878 гг.).

РЕДЛАГАЕМЫЕ материалы къ исторіи русско-турецкой войны 1877—1878 гг. не имѣютъ такого выдающагося интереса, какъ напечатанныя нѣсколько лѣтъ назадъ въ «Вѣстникѣ Европы» письма прѣссора С. П. Боткина, и далеко уступаютъ даже письмамъ женщины-врача В. С. Некрасовой, помѣщеннымъ въ «Русской Мысли» (1898 г., №№ 6, 7). Мои материалы представляютъ выдержки изъ писемъ (къ отцу моему и ко миѣ) болѣе скромнаго дѣятеля—священника одного изъ военно-походныхъ госпиталей, дѣйствовавшихъ въ Румыніи и Болгаріи. Авторъ писемъ—іеромонахъ одного изъ кievскихъ монастырей, человѣкъ довольно развитой и не безъ образованія, даже спеціальнаго (до монашества онъ былъ провизоромъ), не лишенный наблюдательности и критическаго отношенія къ окружающей дѣйствительности. Перомъ о. П. владѣлъ не особенно свободно, тѣмъ не менѣе, письма его довольно содержательны.

Будущій историкъ нашей послѣдней крупной войны найдетъ здѣсь, прежде всего, немало характерныхъ черточекъ для обрисовки положенія врачебнаго дѣла въ тылу дѣйствующей арміи. Въ этомъ отношеніи авторъ писемъ, близкій къ врачебному дѣлу и по своему прошлому, во многомъ дополняетъ и разъясняетъ тотъ матеріалъ, который мы имѣемъ въ письмахъ Боткина и Некрасовой. Царившіе въ военно-походныхъ госпиталяхъ «порядки», т.-е. безпорядки, отъ которыхъ такъ страдали раненные и больные, безпрі-

страстно обрисовываются о. П., не имѣвшимъ нужды скрывать правду отъ своихъ знакомыхъ, далеко жившихъ отъ театра войны. Любопытны въ письмахъ сопоставленія черезчуръ скромныхъ госпиталей военного министерства съ излишне роскошными лазаретами Краснаго Креста, разныхъ благотворительныхъ обществъ и частныхъ лицъ...

Но письма о. П. любопытны и въ другихъ отношеніяхъ. Наблюдательный авторъ имѣлъ досугъ и интересъ присматриваться къ нашимъ вольнымъ и невольнымъ союзникамъ, и сумѣлъ отмѣтить кое-какія характерныя черты изъ жизни преимущественно сельскаго населенія Румыніи и Болгаріи. Встрѣчаются у него описанія болгарскихъ городовъ, замѣчанія о мѣстной промышленности, сельскомъ хозяйствѣ, о природѣ края и проч.

Всего болѣе его интересовалъ вопросъ объ отношеніяхъ «братушекъ» къ русскимъ, и здѣсь онъ приходитъ къ тому же печальному, но правдивому выводу, къ какому тогда приходили все безпристрастные наблюдатели русско-болгарскихъ отношеній. Въ одномъ письмѣ о. П. говоритъ: «отъ солдата до генерала вы только и слышите, что не стоятъ братушки понесенныхъ трудовъ и пролитой крови нашихъ воиновъ»... (см. X-е письмо). Такой выводъ приобретаетъ тѣмъ большее значеніе, если сопоставить его съ симпатичными отзывами о туркахъ...

Какъ духовное лицо, о. П. очень интересовался жизнью румынскаго и болгарскаго духовенства и сдѣлалъ въ этой области нѣсколько любопытныхъ наблюденій, говорящихъ далеко не въ пользу его балканскихъ собратьевъ... Рядомъ съ этимъ спеціальнымъ интересомъ писемъ, любопытно сопоставить данныя о роли и значеніи духовенства въ русской арміи.

Встрѣчаются, наконецъ, въ письмахъ и кое-какія вѣсти о ходѣ военныхъ операцій, мѣстныя политическія новости и проч. Словомъ, содержаніе писемъ дѣлаетъ нелишнимъ опубликованіе ихъ.

У меня сохранилось 16 писемъ о. П.—шесть 1877 г. и десять 1878 г. Выбрасывая изъ нихъ то, что касается личныхъ дѣлъ автора, и что вообще не представляетъ общаго интереса, остальное содержаніе писемъ привожу пѣликомъ, при чемъ нѣсколько исправляю мѣстами темный и неправильный слогъ автора.

Н. Н. О.

I.

Ст. Унгены, 1-го мая 1877 г.

Пишу вамъ, въ ожиданіи выгрузки: отсюда мы ѣдемъ на своихъ лошадакахъ 28 верстъ, а дальше снова по желѣзной дорогѣ на Бухарестъ, Галацъ, Браиловъ и т. д. Путь отъ Кіева до станціи Раздѣльной весьма хорошъ, но далѣе до Кишинева очень плохъ.

Въ Кишиневъ прибыли въ 4 часа утра и скоро прослѣдовали далѣе, вслѣдъ за поѣздомъ, на которомъ въ 6 часовъ утра выѣхалъ въ Бухарестъ великій князь Николай Николаевичъ. Народные проводы его въ Кишиневъ были довольно шумные: великій князь полчаса стоялъ на площадкѣ вагона, весьма внимательно раскланиваясь на привѣтствія толпы и неоднократно снимая фуражку.

Черезъ ³/₄ часа и мы тронулись въ путь послѣ того, какъ нашъ полевой госпиталь осмотрѣлъ, разумѣется, поверхностно начальникъ госпитальной части въ арміи, генералъ Косинскій, и еще какой-то докторъ-генералъ. Выйдя изъ вагона, я сталъ въ сторонѣ отъ выстроившагося для представленія нашего санитарнаго персонала, считая неумѣстнымъ смѣшиваться съ нимъ и выслушивать не относящіяся ко мнѣ замѣчанія и распоряженія ихъ превосходительствъ. Но вдругъ, весь нашъ персоналъ раздвинулся, и генералы двинулись въ мою сторону, я тоже подвинулся къ нимъ на встрѣчу. Генералъ Косинскій подаль мнѣ руку и освѣдомился, не скорблю ли я о томъ, что пришлось оставить свой мирный пріютъ. Я отвѣтилъ, что монахъ обязанъ по своимъ обѣтамъ на всякія послушанія... Мы простились съ генераломъ, но въ это время слышу сзади голосъ доктора-генерала къ смотрителю госпиталя: «познакомьте меня съ вашимъ священникомъ». Мы раскланялись, и докторъ говоритъ мнѣ: «мы врачи тѣла, вы же врачи души: миръ и любовь да будетъ между нами»!..—Довольно пока на первый разъ...

II.

М. Бузеско (у гор. Александріи), 23 іюня 1877 г.

...Въ г. Тетешти мы простояли май мѣсяцъ весьма спокойно, и я, по желанію какъ духовенства, такъ и властей румынскихъ, въ 5-ти церквахъ служилъ, въ нѣкоторыхъ неоднократно. Одно мое несчастье—это пьяница псаломщикъ, изъ послушниковъ Кіево-Печерской лавры: стыдъ братіи святой обители!.. Терпѣніе мое совершенно изсякаетъ, и я рѣшился представить его по начальству,— пусть тогда святыя отцы почувствуютъ свою ничтожную любовь къ отечеству...

8-го іюня былъ полученъ приказъ — въ теченіе 2-хъ часовъ собраться двумъ отдѣленіямъ госпиталя и слѣдовать въ городъ Александрію. Приказъ точно исполненъ, и мы двинулись, но, не дойдя 7-ми верстъ до города, остановились въ мѣстечкѣ Бузеско. Больныхъ у насъ нѣтъ, и, кажется, надняхъ тронемся дальше, быть можетъ, и за Дунай.

Войска наши за Дунаемъ и, при переправѣ, весьма малыя понесли потери. Самая трудная переправа была у мѣстечка Землина, и здѣсь потеря ограничилась 800-ми убитыхъ и раненыхъ. Всѣ удивляются говоря, что за правое дѣло и пуля не беретъ... Говорятъ, что государь, вступивши на Болгарскую землю, перекрестился, велѣлъ отслужить молебенъ, благодарилъ всѣхъ и заявилъ, что теперь мира не можетъ быть...

Мы стоимъ отъ мѣста переправы въ 40 верстахъ.

Сейчасъ не могу послать денегъ моему отцу, такъ какъ ассигнацій мы не имѣемъ, а золото не пропустятъ...

III.

М. Мавродино (вблизи г. Александріи), 7-го августа 1877 г.

Письмо ваше получилъ 6-го августа, вернувшись изъ румынскаго храма, гдѣ совершалъ литургію. Наканунѣ отправилъ праздничную всенощную у себя, въ госпиталѣ, на открытомъ полѣ, среди барѣковъ. По желанію больныхъ и съ разрѣшенія докторовъ, всѣхъ тяжело раненыхъ и больныхъ выносили на кроватяхъ изъ барѣковъ, чтобы приложиться къ Евангелію и принять изъ моихъ рукъ частицы благословеннаго хлѣба и помазаніе св. елеемъ. Сердечно утѣшала меня искренняя благодарность моихъ больныхъ. 6-го августа, послѣ литургіи, я вынесъ Св. Дары и, сопровождаемый чинами и командою госпиталя, какъ и толпою румынъ, прибылъ въ госпиталь и приобщилъ желающихъ больныхъ и раненыхъ. Кромѣ того, къ этому дню пріѣзжали изъ города Александріи для говѣнья многіе офицеры и казаки изъ отряда генерала Гурко. По окончаніи всего, я пригласилъ къ себѣ на чай румынскаго священника, своихъ чиновъ и казачьихъ офицеровъ.

Нашъ госпиталь занимаетъ румынскія постройки, правда, очень просторныя, но не вполне соответствующія теперешнему ихъ назначенію. Въ былое время эти строенія назначались для ярмарочныхъ сѣздовъ. Крыши крыты легкимъ тесомъ, стѣны изъ тонкой шпелзки, съ большими окнами, потолковъ нѣтъ. Въ жару здѣсь весьма пріятно, но ночью холодно больнымъ, а въ дождь и совсѣмъ скверно: отовсюду дуетъ и протекаетъ...

Изъ госпитальной команды сто слишкомъ человекъ лежатъ въ весьма злой лихорадкѣ. Начиная съ меня, почти всѣ чины госпи-

таля, не исключая и докторовъ, испытали прелести мавродичской лихорадки... Долина, на которой лежитъ нашъ госпиталь, и селеніе Мавродино, прорѣзывается рѣкою Веде и другою безыменною рѣчкою. Берега обѣихъ рѣкъ болотисты, и при малѣйшемъ дождѣ образуются огромныя лужи, медленно затѣмъ испаряющіяся, подѣ влияніемъ солнца, такъ какъ стока въ рѣку нѣтъ. Застоявшаяся вода очень портится отъ солнечной жары, и, проходя тутъ вечеромъ, вы ощущаете одуряющій смрадъ и невольно должны затыкать носъ платкомъ и скорѣе бѣжать дальше. Долина окаймляется довольно замѣтными возвышенностями, значитъ, нѣтъ свободнаго притока и обмѣна воздуха. На горахъ въ изобиліи растутъ виноградныя лозы, но ягодъ мало, такъ какъ уходъ за кустами крайне небрежный—вездѣ сорныя травы, почва каменистая и проч.

Страна, въ которой мы прозябаемъ, называется Малой Валахіей. Народъ грубый, жадный, не имѣющій понятія о честности, готовый, ради денегъ, на все,—трудиться не въ его натурѣ. Женщины занимаются пряжею льна, а болѣе ни къ какому хозяйственному труду не приучены. Пища, изготовляемая валашками, отвратительная. Посты соблюдаются весьма строго, до фанатизма. Вотъ вамъ примѣръ женскаго хозяйства: въ скоромные дни валахи потребляютъ коровье молоко, своеобразно приготовленное. Но съ наступленіемъ поста, они не знаютъ, что дѣлать съ этимъ продуктомъ, и все молоко предоставляютъ теленку, а если и ему не въ моготу все высосать, то выдаиваютъ молоко на землю...

У моего квартирнаго хозяина довольно разнаго хлѣба въ зернѣ—пшеницы, ржи, овса. Но вы не думайте, что все это онъ получилъ съ своихъ полей. У крестьянъ почти нѣтъ своихъ полей, и всѣ продукты получаютъ ими въ качествѣ «третьяго снопа» за обработку помѣщичьихъ земель. Въ извѣстное время всѣ крестьяне выѣзжаютъ со своимъ скотомъ вспахивать поля помѣщика, затѣмъ засѣваютъ его зерномъ, а когда созрѣетъ хлѣбъ,—вся деревня снимаетъ его съ корня, свозитъ на токъ, молотить и т. д. Свежая съ полей помѣщичій хлѣбъ, крестьяне получаютъ только тогда свою часть—третій снопъ. Молотьба производится лошадьми; даже, чтобы сгрести въ кучи вымолоченное зерно, употребляютъ лошадей. Полученную долю зерна крестьяне стараются поскорѣе сбыть и особенно довольны, когда получаютъ деньги золотомъ, которое служитъ украшеніемъ ихъ женъ, сестеръ, дочерей.

Собственные же небольшіе участки крестьянскихъ земель заняты только посѣвами кукурузы, которою единственно и питаются крестьяне. Страна вполне можетъ быть названа царствомъ кукурузы. Весьма не прочь они и хлѣба покушать, но никогда почти его не видятъ.

Въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ пользовалось въ нашемъ госпиталѣ 2.900 человекъ. Многіе отправлены на родину для окончательнаго

излѣченія ранъ, другіе возвратились въ дѣйствующую армію, чтобы, по собственному ихъ выраженію, «сдачи турку дать»... Смертность на эту цифру больныхъ и раненыхъ весьма отрадная: всего за 2 мѣсяца похоронено мною 21 человѣкъ.

Время подступаетъ грозное, что оно намъ принесетъ — Богъ вѣсть! Намъ же остается молиться, да минетъ насъ горькая чаша...

Въ первыхъ числахъ прошлаго мѣсяца прошла у насъ страшная гроза, съ ливнемъ и градомъ. Послѣднимъ, величиною съ турецкій орѣхъ и болѣе, выбиты всѣ стекла въ госпитальныхъ помѣщеніяхъ и до сего времени не вставлены... Мѣстами градъ покрывалъ землю на два вершка и не скоро растаялъ.

Вскорѣ послѣ этой грозы мы были сильно потрясены слѣдующимъ случаемъ: какой-то шальной, сломя голову, пролетѣлъ на тройкѣ чрезъ Мавродино, направляясь по Бухарестской дорогѣ, съ крикомъ: «спасайтесь! турки въ Александрію!»...

Не прошло и четверти часа, какъ видимъ—изъ города катятъ, что есть мочи, экипажъ за экипажемъ, биткомъ набитые перепуганными горожанами... Положеніе госпиталя было самое критическое: раненыхъ слишкомъ 1.000 человѣкъ, а охраны никакой. Но смотритель не растерялся — сумѣлъ успокоить раненыхъ своимъ заявленіемъ, что всѣ вещи и тяжести онъ броситъ, а раненыхъ заберетъ на фургоны и уѣдетъ съ ними, если тревога окажется справедливою.

Докторъ Р. тотчасъ полетѣлъ верхомъ въ Александрію, но пока онъ вернулся, мы уже узнали отъ бѣгущихъ жителей, что вся эта тревога фальшивая. Мы живо успокоились.

Мое положеніе было не изъ красивыхъ: я живу въ деревнѣ, за версту отъ госпиталя, слышу вой румынскихъ бабъ, вижу бѣготню крестьянъ и ничего не понимаю... Приказалъ заложить лошадь, взялъ походные Св. Дары, крестъ въ руки и полетѣлъ въ госпиталь, рѣшивъ дорогою: что будетъ раненымъ, то и мнѣ... Но въ госпиталѣ все разъяснилось, и тревога улеглась.

IV.

М. Мавридино, 12-го августа.

...Санитарныя учрежденія Краснаго Креста по идеѣ представляются весьма полезными. Но загляните въ любое ихъ учрежденіе... Роскошь обстановки, изобиліе въ пищѣ и питьѣ, многочисленный персоналъ и пр. Только много ли въ ихъ госпиталяхъ больныхъ и какого рода ихъ пациенты? Бѣдный солдатикъ, если бы ему Богъ благословилъ хотя три дня полежать въ госпиталѣ Краснаго Креста, на примѣръ, въ бухарестскомъ, навѣрное поже-

лалъ бы лучше умереть въ немъ, чѣмъ вернуться на родину. Но, увы! двери этого рая закрыты для такихъ скромныхъ пациентовъ и не совѣмъ по винѣ служителей рая. Послѣдніе отлично сознаютъ, что ихъ учрежденія могли бы быть весьма полезными для нашихъ военно-походныхъ госпиталей, но всему мѣшаетъ стремленіе первыхъ дѣйствовать самостоятельно и независимо отъ нашихъ властей. Какой нашъ докторъ, имѣющій, положимъ, 100 раненыхъ, рѣшится, безъ угроженія совѣсти, выдѣлить 4-хъ раненыхъ и препроводить ихъ въ лазаретъ Краснаго Креста, въ эту роскошь и комфортъ, а остальныхъ 96 человекъ оставить у себя, въ жалкой обстановкѣ военного госпиталя? За что же эти четверо раненыхъ будутъ блаженствовать, а масса ихъ товарищей будутъ довольствоваться тѣмъ скуднымъ уходомъ и примитивною обстановкою, какую правительство признало весьма достаточною!?

Недаромъ, вѣдь, въ блестящемъ бухарестскомъ госпиталѣ Краснаго Креста, за все время его существованія, находилось на излѣченіи не болѣе 15-ти больныхъ! Да и какіе это больные и какими болѣзнями они были одержимы?.. А между тѣмъ, полюбуйтесь прелестнѣйшимъ дворцомъ, отведеннымъ подъ этотъ госпиталь, комфортабельнымъ помѣщеніемъ служащихъ, роскошными больничными каретами, въ которыхъ госпитальный персоналъ разъѣзжаетъ по театрамъ и кафе-шантанамъ Бухареста... И все это творится на сердечныя приношенія русскаго народа!..

Зависть особенно беретъ за эти санитарныя кареты... Еслибы общество Краснаго Креста дало хотя бы по 5 каретъ каждому госпиталю военного министерства, какое громадное облегченіе принесло бы это пожертвованіе нашимъ несчастнымъ раненымъ, отъ какихъ страшныхъ мукъ избавило бы ихъ!.. Послѣ 18-го іюля въ нашъ госпиталь доставленъ транспортъ раненыхъ въ 600 человекъ. На чемъ же они доставлены?—на каменецъ-подольскихъ крестьянскихъ возахъ, такъ называемыхъ «казенныхъ погонщиковъ!»... Сердце обливалось кровью, когда мы смотрѣли на этотъ ужасный поѣздъ, гдѣ такъ мучились раненые на неудобныхъ и тряскихъ возахъ... Надо было видѣть ихъ положеніе и слышать ихъ стоны!.. Вотъ, гдѣ нуженъ русскій мірской грошъ! Но... Русь любитъ блеснуть, а за дѣло взяться не умѣетъ... Христосъ съ ними—съ этими господами, разъѣзжающими по Бухаресту въ роскошныхъ каретахъ, когда умирающіе за нихъ воины мучатся въ простыхъ телѣжкахъ!.. Все же эти господа... не безъ чувства—они прислали въ нашъ госпиталь 2 образа и еще пришлютъ...

Помнится, я писалъ вамъ, что госпитальная команда не досчитываетъ въ своихъ рядахъ 100 человекъ, заболѣвшихъ мавродинскою злою лихорадкою. Въ настоящее время среди этихъ больныхъ началась сильная смертность. Мы лишаемся хорошихъ фельдшеровъ и палатныхъ надзирателей. Два раза начальство нашего гос-

питалѣ писало главному инспектору полевыхъ госпиталей, генералу Косинскому, о необходимости перемѣнить нашу нездоровую стоянку, но вотъ... стоимъ здѣсь, среди болотъ, и до сихъ поръ... Развѣ плевненскія неудачи двинуть насъ или за Дунай, или назадъ...

Мнѣ часто приходится имѣть дѣло съ больными и ранеными католиками. Между ними были такіе, которые просили преподать имъ Св. Дары и, конечно, немедленно получали. Но зато и среди православныхъ бывали такіе, что рѣшительно отказывались отъ утѣшенія своей религіи. О такихъ я писалъ главному священнику дѣйствующей арміи о. Смоличу, спрашивая, какъ мнѣ поступить при ихъ погребеніи. Рѣзкіе отказы подобныхъ субъектовъ отъ предлагаемыхъ Св. Даровъ не могутъ быть тайною для ихъ товарищей, и потому я рѣшилъ хоронить подобныхъ лицъ безъ отпѣванія. Иначе сдѣлать я не могъ, имѣя среди 1.000 больныхъ многихъ представителей разныхъ русскихъ сектъ и толковъ. Я долженъ дѣйствовать весьма осмотрительно въ религіозномъ дѣлѣ... Но о. Смоличъ, въ отвѣтъ на мой рапортъ, чтобы не сказать ничего, увѣдомилъ только, что, при погребеніи подобныхъ лицъ, слѣдуетъ пѣть «Св. Боже» и помянуть ихъ совмѣстно съ другими, принявшими предсмертное причастіе. Однако, знаетъ ли о. Смоличъ, что въ нашемъ госпиталѣ нерѣдко бываетъ наполовину старообрядцевъ, которымъ было бы не по душѣ видимое исполненіе мною его ордера. Я рѣшилъ въ подобныхъ случаяхъ поступать такъ, какъ дѣлалъ раньше, чтобы не было соблазна для вѣрующихъ...

Городъ Александрія, подлѣ котораго мы стоимъ,—одинъ изъ новыхъ румынскихъ городовъ; распланированъ по-европейски: улицы широкія, встрѣчаются весьма красивые дома, окруженные массою зелени — роскошными кустами розъ, жасмина, винограда и проч. Въ этомъ красивомъ городкѣ, подъ именемъ «нашихъ вѣрныхъ союзниковъ», гнѣздятся двѣ партіи: одна на словахъ стоитъ за русскихъ и громко расхваливаетъ нашихъ солдатъ, находя ихъ болѣе развитыми и дисциплинированными, чѣмъ турокъ. Другая партія, хотя и не такъ громко, но твердитъ противное, ставя турокъ выше русскихъ. Но еслибы заглянуть къ нимъ въ душу, то вы увидѣли бы, что у членовъ той и другой партіи одинаково гнѣздится ненависть къ русскимъ... Всякая наша неудача составляетъ для нихъ праздникъ, а турецкія неудачи принимаются ими съ затаенною тоской...

Болгаръ мы еще мало знаемъ, и дай Богъ, чтобы на ихъ родинѣ совсѣмъ не разочароваться въ нихъ... А пока до насъ доходятъ слухи не въ ихъ пользу, а напротивъ, и слухи весьма не отрадны...

Сестры милосердія въ госпиталѣ нашемъ изъ общины княгини Шаховской «Утоли моя печали». Есть между ними личности, хорошо подготовленныя для дѣла, но бѣлая часть ни къ чему не способна...

V

М. Мавродино, 14-го сентября.

...Мѣстечко Мавродино—мѣсто не казистое, а окрестности его и того хуже. Лучшее украшеніе ихъ — виноградники. Теперь наступило время сбора винограда. Произвольное снятіе его запрещено закономъ. Въ первыхъ числахъ сентября, въ базарные дни, полиція читаетъ на городскихъ и сельскихъ площадяхъ, подъ аккомпанементъ трескотни барабана, дозволеніе правительства воспользоваться, наконецъ, своею собственностью. Какъ вы думаете, что могло заставить правительство на подобное вмѣшательство въ собственность частныхъ лицъ? Единственно—стремленіе богатаго и бѣднаго румына поживиться на чужой счетъ... Всѣ частные виноградники располагаются на одной покатоности, одинаково опалемой лучами солнца. Участокъ каждаго собственника отдѣляется небольшою межою. Увеличить межу, или окопать рвомъ свой участокъ или огородить заборомъ—нельзя: и дорого стоило бы, и неудобно, и жаль тратить землю такъ непроизводительно. А, вѣдь, межа не гарантируетъ отъ соблазна даромъ воспользоваться чужою собственностью... И вотъ, по общему уговору, назначается день, когда собираются въ виноградники всѣ виноградари съ челядью и начинаютъ сборъ винограда.

Въ виноградникахъ ставятъ корыта (длиною 5 аршинъ, высотой до 2 аршинъ), куда укладываютъ собранныя кисти винограда. Затѣмъ приглашаютъ молодого, здороваго и чистаго парня, которому дѣвушки моютъ ноги, и онъ, забравши брюки выше колѣнъ, входитъ въ корыто и мнетъ виноградъ. Въ дни корыта продѣлана воронка, по которой сокъ сбѣгаетъ въ чаны и, отстоявшись здѣсь, переливается въ громадныя бочки. Этотъ процессъ изготовленія вина длится нѣсколько дней, смотря по количеству винограда.

Это время считается самымъ веселымъ въ румынской деревнѣ: вездѣ смѣхъ, пляски, игра на свирѣли (3 дудки, вставленныя въ надутый козій мѣхъ), и все это тянется далеко за полночь. Граціозность мужчинъ и женщинъ въ танцахъ, особенно у молодыхъ—замѣчательная. Увѣряютъ, что именно мамалыга (изъ кукурузы) даетъ (?) румынамъ ихъ граціозность и стройность стана.

Сообщу вамъ, что знаю, о высшемъ классѣ румынъ. Румынскіе аристократы во многомъ напоминаютъ своихъ крестьянъ: ложатся съ пѣтухами, встаютъ съ восходомъ солнца, обѣдаютъ въ 9—10 часовъ утра, ужинаютъ въ 6 часовъ вечера, также любятъ мамалыгу и стручковый перецъ, предпочитаютъ свои національные костюмы и т. п. Угощеніе богача въ любое время дня: стаканъ воды, ложечка варенья и чашечка (съ волошскій орѣхъ) кофе,—болѣе со-

лидняго угощенія не ждите. Чай они находятъ полезнымъ только больнымъ, однако, заставая меня за самоваромъ, румыны съ удовольствіемъ выпивали по нѣсколько стакановъ чаю, находя его пріятнымъ и освѣжающимъ напиткомъ.

Румынскія женщины высшихъ круговъ, какъ и у насъ на Руси, бьютъ баклуши или занимаются сплетнями, чтеніемъ бульварныхъ романовъ и т. п. Наряды ихъ или національные, или вѣнское подражаніе парижскимъ модамъ.

Спустимся въ чиновничій классъ. Префектъ—человѣкъ богатый, ведущій свой родъ отъ римскихъ патриціевъ (sic). Безъ взятки здѣсь получить никакого чиновничьяго мѣста. Чиновничество здѣшнее напоминаетъ вообще наше, даже костюмомъ похоже на русскихъ, но взяточничествомъ перецеголяетъ послѣднихъ... Примарій (въ родѣ городского головы) избирается изъ людей достаточныхъ, но отъ взятокъ и онъ не отказывается. Вся власть и сила лежатъ въ секретарѣ. Стонетъ отъ всѣхъ этихъ властей народъ, но ничего подѣлать не можетъ: удовлетвори вымогательство «чина»— и все гладко, чисто, и дѣло въ шляпѣ.

Сельскіе примаріи (старосты)—безграмотные мужики, только и знаютъ, какъ приложить къ бумагѣ свою печать, лишь бы не вверхъ ногами... А почему дѣло потребовало его скрѣпы, про то знаетъ писарь, всѣмъ заправляющій и за все взимающій мзду... Гордъ и заносчивъ этотъ писарскій людъ до чрезвычайности.

Болѣе отрадное впечатлѣніе производятъ здѣшніе крестьяне—валахи. Они довольно радушно относятся къ намъ, русскимъ. У нихъ два сорта жилищъ, а вмѣстѣ и два сорта людей: а) вырытыя землянки, съ 2 отдѣленіями и съ небольшими окошками, поражаютъ своею безукоризненною чистотой. Эти бѣдняки своимъ радушіемъ не уступаютъ русскимъ; б) другой сортъ жилищъ—обыкновенные домишки зажиточныхъ русскихъ крестьянъ, съ 2 комнатами и сѣнями. И по духу обитатели этихъ домовъ напоминаютъ нашихъ кулаковъ.

Въ такой-то избѣ я прожилъ 2 мѣсяца въ мѣстечкѣ Мавродино, а теперь живу въ 3 верстахъ отъ него, въ деревнѣ Бузеско, гдѣ устраивается отдѣленіе госпиталя для слабыхъ и выздоравливающихъ. Моя хозяйка—вдова болгарка, бывшая замужемъ за румынскимъ грекомъ, а это то же, что орумынившіеся сербы, чистые жидоморы, у которыхъ лезть на языкъ, а дьяволъ въ душѣ... Поручите моей хозяйкѣ купить что нибудь на франкъ и дайте ей рубль, но ужъ сдачи не спрашивайте, не то безъ обиды наживете себѣ врага...

Войска румынскаго, кромѣ гусаръ, не пришлось видѣть, но со многими офицерами не разъ встрѣчался. Городская милиція, гдѣ люди служатъ по найму, и смѣшна, и жалка. Надо быть румыномъ, чтобы не краснѣть за эту милицію...

Вы спрашиваете: почему это нашъ госпиталь помѣщенъ въ нездоровой, болотистой мѣстности? Но это мѣсто выбрано и дано намъ румынами. Притомъ, хотя Румынія богата здоровыми мѣстностями, но видно онѣ не тамъ находятся, гдѣ требуется помощь раненымъ... Чѣмъ ближе къ Дунаю въ это время, тѣмъ лихорадки сильнѣе. Сила ихъ ужасающая: въ ознобѣ у человѣка чуть не ломаются кости, а наступить жаръ — являются судороги, рвота, человѣкъ доходитъ почти до сумасшествія и мучится такъ трое сутокъ. Крѣпкое сложеніе выдержитъ, а кто послабѣе, тотъ и въ вѣчность перейдетъ.

Газетами мы изобилуемъ, но не всегда исправно ихъ получаемъ. Аккуратнѣе всего получаемъ «Голосъ» и «Московскія Вѣдомости», но «Русскій Міръ» немного путается.

VI.

М. Мавродино, 14-го декабря 1877 г.

...Полученъ, наконецъ, приказъ о выступленіи нашего госпиталя за Дунай. На наше мѣсто приходитъ безобозный госпиталь, но когда именно — неизвѣстно. А не сдавши ему своихъ больныхъ, мы не можемъ двинуться впередъ.

Съ 5-го декабря появился у насъ снѣгъ. 6-го числа меня вызвали въ г. Александрію служить литургію. По окончаніи ея, я поспѣшилъ возвратиться домой, чтобы не лишиться и своихъ страдальцевъ молитвеннаго утѣшенія. На дворѣ крутила въ этотъ день мятель и вьюга. Ровно въ 10 часовъ вечера вдругъ входитъ въ мою комнату незнакомый офицеръ, оказавшійся смотрителемъ госпиталя № 53, расположеннаго въ с. Платрахъ, въ 50 верстахъ отъ насъ. У нихъ умеръ одинъ изъ комиссаровъ госпиталя, а священникъ ихъ отлучился въ Бухарестъ — хоронитъ некому, за нимѣніемъ вблизи румынскаго священника. Мнѣ очень не хотѣлось ѣхать въ такую ненастную погоду, но, нечего дѣлать, пришлось выѣхать тотчасъ, ѣхать въ мятель всю ночь, и едва къ 11 часамъ утра добрались въ с. Платы. Въ тотъ же день похоронилъ комиссара, но вернуться домой оказалось невозможнымъ, на другой день погода стала еще хуже, но на третій нѣсколько прояснилась, и я сталъ собираться обратно. Въ сани запрягли четверку гужомъ, впереди 2 казака верховыхъ, и мы самъ-пятъ тронулись въ путь. Сани стали нырять въ двухъ-аршинной снѣжной насыпи, мы подвигались шагомъ, бѣдные кони страшно измучились, да и мы немало страдали отъ крѣпкаго мороза. Побились-побились, да и поворотили назадъ, едва къ 11 часамъ ночи вернувшись въ с. Платы. Оказалось, что за весь день мы одолѣли только 4 версты впередъ,

да столько же назадъ!.. Жду день, другой, погода не улучшается. Срываюсь съ мѣста вторично, благо, морозъ нѣсколько унялся, но оказалось, что дальше 8 верстъ ѣхать немислимо. Посланный въ Александрію конвой вернулся обратно.

Что дѣлать?! Но вотъ надумались: 14-го декабря снаряжается верховой поѣздъ, нечего дѣлать, и я, скромный іеромонахъ, сажусь на коня, хотя отродясь на немъ не сидѣлъ... Много смѣха и остротъ было у насъ, пока снаряжался нашъ поѣздъ. Но, усѣвшись на коня, я сразу почувалъ и смѣлость, и навыкъ къ управленію конемъ. Впереди ѣхалъ казакъ, за нимъ офицеръ, потомъ азъ, многогрѣшный, еще казакъ и 4 верховыхъ съ нашимъ багажомъ и кормомъ. Ширина дороги 2 четверти, ноги сѣдоковъ волочатся по снѣгу. Такъ-то я и былъ доставленъ въ с. Мавродино и никогда не забуду этой ухарской поѣздки, а въ костяхъ долго будетъ отзываться моя рѣшимость кавалерійская... Но я думаю, что такіе опыты не разъ еще мнѣ придется продѣлывать въ будущемъ.

Нашъ госпиталь заваленъ плѣнными турками. Смертность среди нихъ велика: одѣты полѣтнему, а то и вовсе безъ одежды, босы, голодны... До извѣстнаго пункта ихъ провожаетъ румынскій конвой, который обращается съ плѣнными до возмутительности безцеремонно... Самые слабые везутся на подводкахъ. Но если румыны и сами турки замѣтятъ на подводѣ умирающаго, то сейчасъ же снимаютъ съ него все платье, а несчастнаго выбрасываютъ изъ фуры на дорогу, въ снѣгъ, куда попало. А вѣдь какими героями они были въ стычкахъ съ нашими войсками!..

VII.

М. Мавродино, 20-го января 1878 г.

Наша неказистая жизнь и неопредѣленное пребываніе въ Мавродино совершенно сбили насъ съ толку, ухудшили и безъ того незавидное положеніе каждаго изъ насъ. Въ настоящее время намъ кажется, будто мы ходимъ безъ головы, все у насъ упаковано, ничѣмъ не занимаемся, голодаемъ не хуже самихъ турокъ. На бѣду нашу, съ 17-го января мы были совершенно отрѣзаны отъ г. Александріи оттепелью и разливомъ рѣки Ружъ-Деведе, берущей начало въ Карпатскихъ горахъ. Рѣка наполнилась водою съ ужающею быстротою, вышла изъ береговъ, затопила шоссеиныя дороги и мосты. Въ виду невозможности сношеній съ Александріей, откуда мы получаемъ провизію, пришлось уменьшить порціи, какъ больнымъ, такъ и командѣ. Позже нашли круговой объѣздъ въ 40 верстъ, но первые два дня эти затрудненія чувствительно отозвались на нашемъ грошовомъ хозяйствѣ. Сейчасъ путь уже открытъ,

но надобно ожидать еще большого наводненія, если только ночи будутъ безъ заморозковъ. Снѣга лежать глубокіе, а старики-молдаване сообщаютъ неутѣшительныя вѣсти: они помнятъ такую же зиму, когда вслѣдствіе оттепели мѣсто, занимаемое нашимъ госпиталемъ, было сильно наводнено. Допустить ли насъ Богъ до такой бѣды—не знаемъ. Ждемъ—не дождемся на наше мѣсто безобознаго госпиталя.

Для укомплектованія нашей госпитальной команды, потерявшей отъ мавродинской лихорадки 100 человекъ, прибыло 100 свѣжихъ человѣческихъ силъ.

23-го января отправляется въ Россію послѣдній транспортъ слабыхъ турокъ. Господь съ ними! совершенно загрязнили и заразили своею неряшливостью госпиталь. Остается своихъ раненыхъ и больныхъ воиновъ до 200 человекъ, изъ которыхъ многіе весьма успѣшно поправляются.

VIII.

С. Мавродино, 3-го февраля.

Наконецъ, послѣднее письмо вамъ пишу изъ нашего непригляднаго и столько надѣвшаго намъ Мавродина. Зимница приметъ письмо на свою почту, значить, того же дня мы будемъ за Дунаемъ. Куда именно мы идемъ — положительно неизвѣстно, но маршрутъ данъ намъ до Адрианополя. Скверное время наступаетъ для нашего передвиженія: днемъ грязь и подчасъ дождь со снѣгомъ, а ночью морозы. Какъ вынесутъ дорогу наши истощенныя силы — Богу извѣстно... Предъ глазами моими силы молодя моментально скашиваются неумолимою смертию. Каково же будетъ ея дѣйствіе съ открытіемъ весны!..

Г. Александрія, 6-го февраля.

Наконецъ-то мы выступили! Здѣсь былъ ночлегъ и проводы нашихъ городскихъ знакомыхъ. Вы поймете, что случается при провахъ... писать некогда.

С. Браичаны, 7-го февраля.

Здѣсь, на ночлегѣ, посѣтилъ меня молдаванскій священникъ. Онъ весьма изрядно говоритъ порусски. Принялъ я его остатками александрійскихъ проводовъ... На всемъ моемъ пути въ Румыніи вездѣ встрѣчалъ мѣстное духовенство одного сорта—люди въ высшей степени недуховаго образованія.

Г. Зимница, 9-го—10-го февраля.

Вы и представить не можете, какова здѣсь грязь, дороговизна продуктовъ и полное отсутствіе малѣйшихъ удобствъ жизни. Несмотря на передовыхъ квартирьеровъ, мнѣ пришлось остановиться

здѣсь положительно въ свиномъ хлѣву, да и еще не одному, а съ цѣлою стаей евреевъ. Благо еще, что и такое помѣщеніе нашлось!

Переправа наша черезъ Дунай произойдетъ только съ приходомъ нашего обоза госпитальнаго. Движеніе его по теперешней распутицѣ—трудъ неимовѣрный, а страданія команды выше силъ человѣческихъ!.. Госпиталь направляется на Габрово, но останется ли тамъ — неизвѣстно, предполагаютъ, что двинется дальше... Дорога наша требуетъ громаднхъ жертвъ денежныхъ, не говоря уже о жертвахъ нравственныхъ.

IX.

Г. Тырновъ, 21-го февраля.

Дороги, по которымъ мы движемся въ Болгаріи, самыя убійственныя: ежеминутно опасаясь за цѣлость экипажа. Дороговизна здѣсь еще бѣльшая, чѣмъ въ Румыніи. Деревни, въ которыхъ побывали турецкія войска, совсѣмъ уничтожены, и тамъ невозможно найти теплаго угла, столь необходимаго теперь, какъ офицеру, такъ и солдату. Въ болгарскія же ущѣлѣвнія деревни лучше и не заглядывать: братушки наши совсѣмъ не гостепріимны. Никакой нужды они не испытываютъ, а спросите у нихъ чегонибудь—одинъ отказъ: «нѣту, братушекъ!..». Если же вы уличите его во лжи и настоятельно потребуете чегонибудь, тогда услышите самую баснословную цѣну. Но ѣсть надо, и... платишь.

А между тѣмъ вотъ, вамъ интересная параллель... По тырновской дорогѣ на Габрово осталось немало турецкихъ селеній. Въ одномъ изъ нихъ я обратился къ туркамъ, прося продать зерна для моей лошади. И что же! не только ни малѣйшаго отказа я не встрѣтилъ, но все желаемое получилъ на половину дешевле, чѣмъ въ болгарскихъ селахъ... Горько, да ничего тутъ не подѣлаешь!..

За 5 верстъ до Тырнова вы вступаете какъ бы въ ворота въ скалѣ: направо тянется шоссе, налево течетъ рѣка Янтра. На ней весьма смѣло пристроены къ скаламъ водяныя мельницы. По рѣкѣ роскошная растительность—буки, волошскіе орѣхи, шелковица и др. Пріятно нѣжитъ глазъ эта зелень на фонѣ сѣраго гранита.

На 4-й верстѣ отъ Тырнова, на среднихъ уступахъ скалъ, устроенъ монастырь, съ обширными кельями и другими постройками, позади которыхъ вмѣсто ограды возвышаются гранитныя скалы, саженъ въ 10 и болѣе высоты. Тутъ невольно приходятъ на мысль ласточкины гнѣзда... Если время позволить, хочу осмотрѣть эту святыню болгарскую.

Г. Тырновъ нагроможденъ на скалѣ. Улицы очень узкія, самая главная имѣетъ ширины не болѣе 5 аршинъ, а мѣстами едва ли и 4 аршина наберется. Другія улицы, если только можно назвать ихъ улицами, и того уже, доходя мѣстами до $\frac{1}{4}$ аршина. На такихъ

улицахъ выступы галлерей въ домахъ совершенно заграждаютъ свѣтъ для прохожихъ. Въ первыхъ этажахъ на улицу обыкновенно помѣщаются лавки, со второго идутъ жилья—разнаго рода клѣтушки, съ выступами, галлереями, балконами. Безалаберность всѣхъ этихъ построекъ неприятно дѣйствуетъ на глазъ европейца, красоты архитектурной здѣсь не ищите. Внутреннихъ удобствъ также не найдете. Каждая комната выше или ниже другой на нѣсколько ступеней.

Выйдя изъ города и глядя со стороны рѣки, вы поразитесь, увидѣвъ поднимающіяся изъ рѣки продолговатыя глыбы камня, сажень въ 10 и менѣе, на которыхъ расположены карточные домики. Тутъ есть доля красоты, но вмѣстѣ съ тѣмъ является и страхъ дѣтскій за обитателей этихъ игрушечныхъ жилищъ: а что если выскочить какой шалунъ и подуесть на домики—пожалуй, всѣ ихъ сдуетъ въ рѣку...

Моя квартира въ 3-мъ этажѣ, а выше идутъ еще два ряда свѣтлицъ, всѣ холодныя. Утромъ проходившій по улицѣ обозъ зацѣпилъ осью за лутку дверей, и весь домъ нашъ получилъ такое сотрясеніе, что у всѣхъ насъ вытянулись лица, и всѣхъ напугала возможность слетѣть внизъ съ высоты 20 сажень. Къ счастью, домъ устоялъ отъ столкновенія съ возомъ...

Х.

Г. Тырновь, 1 апрѣля.

...Въ послѣднемъ письмѣ я вкратцѣ ознакомилъ васъ съ городомъ Тырновомъ и кое-что сообщилъ о братушкахъ. Все это были легкія впечатлѣнія нашей дороги и краткаго пребыванія въ Тырновѣ. Излагая въ письмахъ все мною испытанное, я душевно желалъ, чтобы первыя случайныя впечатлѣнія оставались единичными, исключительными. Увы! какое горькое разочарованіе!.. Отъ солдата до генерала вы только и слышите, что не стоятъ братушки понесенныхъ трудовъ и пролитой крови нашихъ воиновъ. Что же! будемъ надѣяться, что хотя въ будущемъ возродится въ братушкахъ чувство искренней признательности къ Россіи. Настоящія же отношенія къ русскимъ весьма неказисты.

Въ лавкахъ и на базарахъ баснословная дороговизна, но только для русскихъ: тѣ же самые продукты покупаетъ болгаринъ по цѣнамъ, низкимъ до баснословности. Такая несправедливость болгаръ заставляетъ насъ, по необходимости, прибѣгать къ хитрости, что совсѣмъ не въ натурѣ русскаго. Мы стараемся прислушаться, что платитъ болгаринъ, и неожиданно приказываемъ продавцу отвѣсить себѣ тотъ же товаръ и за ту же цѣну. Правда, тутъ не-

рѣдко возгораются споры, иногда невольно подымается кулакъ и показывается плеть, но въ концѣ концовъ братушка уступаетъ... Не всегда, однако, и эти приемы, вызванные безсовѣстностью болгаръ, помогаютъ нашему горю. Да и не всѣмъ по душѣ эти приемы—отъ нихъ мерзить, и большинство ограничивается досаднымъ плевкомъ, расплачиваясь по-ротшильдовски съ милыми братушками...

Не думайте, однако, чтобы эта алчность болгаръ была вызвана ихъ бѣдностью: напротивъ, это очень состоятельный народъ. Нигдѣ, отъ Систова до Тырнова, я не встрѣчалъ въ болгарскихъ селахъ ни малѣйшихъ признаковъ нищенской жизни. Если мѣстами встрѣчались въ селеніяхъ разоренныя жилища, то они принадлежали туркамъ. Но кто же ихъ разорилъ?—братушки!.. Нашъ дорогой воинъ считаетъ низостью разорять оставленные турками дома, онъ говоритъ: «хорошо турокъ сдѣлалъ, что ушелъ—квартира для насъ готова...».

По дорогѣ на Габрово и Елену мнѣ представился случай побывать въ нѣсколькихъ селеніяхъ, гдѣ расположены наши войска. Вездѣ начальники войскъ приглашали меня—это было великимъ постомъ—для богослуженія и исполненія обязанностей духовника. Измучили меня дорогіе наши воины, но Господь укрѣпилъ меня настолько, что сподобилъ исповѣдать и причастить болѣе 3.000 воиновъ.

Какое же отношеніе къ болгарамъ я встрѣтилъ тамъ, среди нашей военной братіи?—все тотъ же ропотъ на болгаръ... Изобиліе замѣчается у болгаръ во всей жизненной обстановкѣ, а спроси чегонибудь у нихъ—одинъ неизмѣнный отвѣтъ: «нѣту, братушка!..». А если настоятельно потребуешь, то долженъ платить, сколько онъ запроситъ, иначе грозитъ чуть не голодная смерть... Напримѣръ: головка кислой капусты стоитъ 1 рубль, десятокъ (sic) картофеля 50 копеекъ, одна луковица—гривенникъ, пудъ овсяной или просяной соломы, для корма лошади, 1 рубль 25 копеекъ и т. п. Не забывайте, что за все это нужно платить золотомъ, а наше размѣнное серебро по курсовой стоимости стоитъ весьма низко.

Первое отдѣленіе нашего госпиталя отправлено черезъ Еленовскій переваль въ городъ Сливно, куда скоро и мы должны выступить.

XI.

Г. Ямболъ, 27 апрѣля.

На третій день пасхи я выѣхалъ изъ Тырнова. До монастыря св. Или идетъ холмистая мѣстность, покрытая виноградными лозами, а по межамъ между ними—фруктовыми деревьями. Ильинскій монастырь расположенъ у подошвы двухъ горъ, между которыми протекаетъ горная рѣчка, весьма быстрая. Моста нѣтъ, и переѣзъ

жать нужно въ бродѣ, по каменистому дну, въ очень опасномъ мѣстѣ: не далѣе 3 сажень отъ брода, рѣчка вертикально падаетъ съ порога. Шумъ отъ этого водопада большой. При малѣйшемъ дождѣ, вода вырываетъ громадныя глыбы камня и быстро уноситъ ихъ по теченію.

Мѣстность около монастыря и дальше по междугорью покрыта лѣсомъ. Наружный видъ монастыря весьма приличный. Гостинный домъ и братскія кельи построены въ два этажа, съ массою причудливыхъ балконовъ, уступовъ, выступовъ: въ общемъ такого рода постройка не лишена нѣкоторой доли красоты.

Внутренность келій устроена практично: шкафы замѣняютъ кровати и скрываютъ всякій достатокъ монаха. Полы устланы коврами домашняго издѣлія.

Всѣ эти постройки были занимаемы нашими войсками. Здѣсь же временно помѣщались госпиталь и главная квартира Еленовскаго отряда.

Особенную красоту придаютъ монастырю виноградныя лозы громадной толщины, вѣтви которыхъ опутываютъ всѣ колонны и балюстрады балконовъ.

Соборъ продолговатый, раздѣленный на 3 части: алтарь, средняя часть храма для мужчинъ и задняя, у западныхъ дверей, для женщинъ. Внутри церковь очень грязна, закопчена. Живопись убійственная до неприличности, какъ и вездѣ въ Болгаріи.

Странно! во всѣхъ болгарскихъ церквахъ встрѣчаются «Служебники» нашей синодальной типографіи (попадаются и Киевской печати), но духовенство не придерживается ихъ, и каждый священникъ отправляетъ богослуженіе, по своему усмотрѣнію, и по изволу.

Въ 3 верстахъ отъ Тырнова начинается Еленовское ущелье, и, при вступленіи въ него, находится монастырь св. Николая, съ весьма обширными постройками, гдѣ одно время была главная квартира отряда князя Н. И. Святополка-Мирскаго. Здѣсь же нѣсколько времени пробылъ и великій князь Николай Николаевичъ Младшій.

Въ эти-то монастыри бѣжало все болгарское населеніе Еленовскаго округа, спасаясь отъ турокъ. Все протяженіе ущелья на 5 верстъ было занято бѣглецами, прекратившими всякое движеніе. Все это стадо сначала пришлось кормить нашимъ войскамъ. Надо было тутъ видѣть состраданіе къ несчастнымъ и полное самоотверженіе нашихъ воиновъ, дѣлившихся съ болгарами послѣднимъ кускомъ хлѣба. Испытавшіе все это болгары со слезами рассказывали о томъ...

Въ монастырѣ св. Николая я пробылъ двое сутокъ, осматривая его внимательно, но, несмотря на новенькую надпись, гласившую о 700-лѣтней древности монастыря, я не нашелъ никакихъ слѣ-

довъ этой древности. Древній старецъ-монахъ объяснилъ мнѣ, что монастырь неоднократно былъ разоряемъ турками, и каждое возобновленіе его сопровождалось перемѣною мѣста, какъ требовали турки. Все-таки я просилъ настоятеля показать мнѣ монастырскія древности, но ничего не оказалось. Впрочемъ, онъ принесъ лишь деревянные складни, въ аршинъ длиною, на которыхъ написаны имена благодѣтелей, но позднѣйшаго времени, хотя самые складни очень древніе. На мой вопросъ, настоятель пренаивно объяснилъ, что имена старыхъ жертвователей стерты, и на ихъ мѣстѣ вписаны имена новыхъ благодѣтелей... Значить, старины здѣсь осталось только дерево... А вѣдь между старыми жертвователями были, конечно, и такіе, имена которыхъ вносились въ монастырскіе синодики «на вѣчныя времена», за соотвѣтствующія пожертвованія... Ну, да Богъ съ ними!..

Въ монастыряхъ св. Іліи и св. Николая состоитъ по 7 чел. монашествующей братіи: настоятель, іеромонахъ, іеродіаконъ, остальные манатейные монахи. Занимаются они виноградниками и хлѣбопашествомъ, держатъ лошадей, овецъ, козъ и др. Трапеза у нихъ мясная, хотя ихъ рѣка изобилуетъ рыбою.

Отъ монастыря св. Николая дорога идетъ глубокимъ ущельемъ. Грѣшный человѣкъ, это ущелье я прошелъ, не могу сказать, что—трусомъ, но что-то такое во мнѣ творилось, чего опредѣлить не могу: эта дикая краса возбуждала во мнѣ то лихорадочный ознобъ, то жаръ горячки... Заглянешь внизъ и видишь бѣшеное теченіе рѣки, съ шумомъ и трескомъ, съ брызгами пѣны. А вверху нагромождены громады скалъ, казалось, готовыя вотъ-вотъ свалиться внизъ... Предъ этими скалами человѣкъ представляется ничтожною мошкою, которую такъ легко раздавить... Но, слава Богу, это семи-верстное ущелье я благополучно пронесся на своихъ природныхъ «лошадкахъ» и полною грудью втянулъ ароматическій воздухъ болгарскихъ полей.

Много разъ приходилось по пути въ Елену переправляться черезъ быстрые горныя ручьи и рѣчки, но благополучно дотащился до разоренной Елены, гдѣ далъ себѣ трехдневный отдыхъ, въ ожиданіи госпитальнаго обоза. Лучшая часть города Елены сожжена, въ томъ числѣ пострадали два храма: внутренность одного изъ нихъ совершенно разрушена, распятіе вверху иконостаса прострѣлено въ двухъ мѣстахъ: въ правый високъ Спасителя и въ колѣно. Турки устроили изъ этого храма магазинъ, куда собрали громадное количество пшеницы, кукурузы и другого зерна. Въ свое десятидневное пребываніе въ Еленѣ они не успѣли истребить этихъ припасовъ, хотя пытались зажечь зерно, но неудачно. Теперь этотъ хлѣбъ раздается разореннымъ семействамъ болгарскимъ и частію продается; полученныя деньги идутъ на училище. Храмъ Успенія ограбленъ, но не разоренъ, иконостасъ цѣлъ и слу-

женіе здѣсь отправляется. Городъ расположенъ на покатости холмовъ, окрестности покрыты роскошнѣйшей пшеницей, всходы всѣхъ вообще хлѣбовъ очень хороши.

25-го апрѣля я перешелъ Балканы на своей лошади и бричкѣ, положивъ 2 вьюка багажа на болгарскую клячку. Проводникъ-болгаринъ потѣшилъ меня увѣреніемъ, что къ 4 часамъ дня мы будемъ въ селѣ Твердицѣ—и доброе слово его исполнилось.

XII.

Ямболъ, 13-го мая.

Изъ предыдущаго письма вамъ извѣстенъ мой путь до Елены. Продолжаю дальше. По выѣздѣ изъ Елены, сначала идетъ на разстояніи 5-ти верстъ ровная шоссеиная дорога, а дальше начинается постепенный подъемъ въ Балканскія горы. Дорога на этомъ перевалѣ проложена по откосу горъ. Подъ ногами открываются обширныя долины и поляны, вперемежку съ холмами и горами, между которыми извиваются горныя ручьи и рѣчки. Въ этихъ долинахъ разбросаны болгарскія деревни, очень красиво расположенныя и такія чистенькія издали. Единственный недостатокъ ихъ — отсутствіе храмовъ нашей архитектуры, съ ихъ высокими куполами, видными издалика. Встрѣчающіеся же болгарскіе храмы—это словно наши казенные магазины, кстати — и крестовъ на нихъ не полагается... Поля покрыты пшеницей и другими хлѣбами, всходы ихъ великолѣпны. На холмахъ масса виноградниковъ и фруктовыхъ садовъ. Верки горъ покрыты кустарниками, мѣстами и посѣвами, но больше обнажены, представляя каменистыя скалы сѣраго цвѣта.

Десять верстъ этой красивой и разнообразной мѣстности отрадны были для глазъ. При одномъ поворотѣ скалы, мы незамѣтно вѣхали въ дѣвственный лѣсъ, состоящій изъ деревъ громадной толщины, перепутанныхъ какими-то ползучими растеніями, весьма цѣнными. Тутъ началась убійственная дорога: отъ постоянного таянія снѣговъ глинистая почва растворилась въ трудно проходимую грязь, глубиною далеко выше колѣнъ. Стороною идти немислимо, такъ какъ тамъ наваленъ въ громадномъ количествѣ срубленный турками лѣсъ, которымъ они, было, завалили и безъ того неказистую дорогу. Каждый пѣшеходъ, не желающій путешествовать по грязи, борется съ громадами нарубленнаго лѣса и съ ползучими растеніями, но скоро изнемогаетъ въ этой борьбѣ, выбивается изъ силъ и предпочитаетъ ползти по грязи.

Послѣ 7-ми верстъ этого ужаснаго пути открывается долина съ пашнями, садами, виноградниками. Направо стремительно вырывается изъ тѣснаго ущелья рѣка Тунджа. Тутъ скоро начинается

трехверстный спускъ къ подошвѣ Балканъ, гдѣ расположено село Твердица. Первая сторона грозна своими выдавшимися и нависшими скалами, а лѣвая пугаетъ этою бездною, гдѣ пѣнятся и клокочутъ ревущія волны Тунджи.

Наконецъ, мы въ Твердицѣ. Мы идемъ, не оглядываясь, къ первой избѣ, и отъ изнеможенія я ложусь на чемъ попало, не разбирая. Но отдыхъ былъ непродолжителенъ: нужда заставила подняться. Не тутъ-то было! ноги болѣзненно дрожать, подняться нѣтъ силъ и расправиться немислимо... Обращаюсь за помощью къ хозяину, и онъ съ денщикомъ едва сволокли меня къ бричкѣ. А тутъ денщикъ, въ утѣшеніе, докладываетъ, что наша лошадь на ногахъ не стоитъ... Забывъ свое изнеможеніе, мы поскорѣе распорядились сунуть своего сѣренькаго въ воду, вмѣстѣ съ Димитріемъ, а затѣмъ дали лошаdkѣ овса и соли, а ослабѣвшему человеку — стаканъ рому съ хиной внутрь и стаканъ того же натереться, да и самъ я, если не такую порцію, то почти такую же осушилъ и также вытерся. Ночь-матушка послала хорошій, успокоительный сонъ.

На утро мы встрепенулись бодрыми, какъ ни въ чемъ не бывало, подкрѣпились чайкомъ и чѣмъ Богъ послалъ, и пустились въ дальнѣйшій путь по долини рѣки Тунджи, которую приходилось неоднократно переѣзжать. Къ 6 часамъ вечера мы были въ городѣ Сливно (45 верстъ отъ перевала).

Квартиру мнѣ отвели у весьма богатаго болгарина, которому русское спасибо за то, что накормилъ и напоилъ меня и мягкую постель изготовилъ, со всѣми восточными принадлежностями, роскошно. На утро мелькомъ взглянулъ на городъ — единственный въ санитарномъ отношеніи: нѣтъ дома, подъ которымъ не несея бы стремительно горный ручей. Въ Сливнѣ штабъ 14-й дивизіи. Въ дивизионномъ госпиталѣ масса больныхъ.

Въ 9 часовъ утра я отправился въ мѣсто своего назначенія— въ г. Ямболъ, въ 20-ти верстахъ отъ Сливны. Весьма тутъ хороша шоссеиная дорога, пролегающая по ровной и слегка холмистой мѣстности.

Городъ Ямболъ расположенъ за рѣкой Тунджею и по наружному виду гадокъ до отвращенія. Но загляните за кирпичныя (изъ сырца) ограды, и васъ поразитъ чистота домиковъ, окруженныхъ фруктовыми деревьями, массой разнообразныхъ розовыхъ кустовъ и другихъ цвѣтущихъ растений, виноградными лозами и проч. Особенною опрятностью и прелестью садиковъ отличаются турецкіе домики.

Городъ наполовину разрушенъ, всѣ мечети пострадали, уцѣлѣли одни высокіе минареты. Все это результаты болгарской злобы противъ турокъ... Не знаю, нужно ли за это винить болгаръ, или для нихъ есть оправданія, но мы—жильцы этихъ руинъ—не можемъ благосклонно относиться къ такого сорта дѣятельности болгаръ...

Турецкое населеніе города владѣло значительными богатствами, но всѣ они расхищены ловкими и не менѣе богатыми пройдохами-болгарами. Жутко приходится туркамъ, да ничего не подѣлають...

Уцѣлѣла въ городѣ одна обширная мечеть, которая въ древнія времена была христіанскимъ храмомъ во имя Вознесенія Господня. Теперь мечеть превращена въ госпиталь. На южной сторонѣ города построенъ второй деревянный мостъ, подлѣ котораго находилось нѣсколько турецкихъ мельницъ, сооруженныхъ турками же. Перейдя мостъ, вы входите въ болгарскій Ямболь, гдѣ было два храма—св. Георгія и св. Троицы. Оба они сожжены совершенно—торчатъ однѣ каменные стѣны. Здѣсь же разрушено турками 5 домовъ, а остальные въ своемъ первобытномъ хорошемъ состояніи.

Посѣтилъ я семейства трехъ болгарскихъ священниковъ, зарѣзанныхъ баши-бузуками въ день Богоявленія. Жалкое положеніе сиротъ! Вотъ, гдѣ нуженъ славянскій комитетъ съ его благотворительностью... Слѣдовало бы помѣстить на казенное или общественное воспитаніе 3-хъ мальчиковъ и 2-хъ дѣвочекъ изъ этихъ несчастныхъ семействъ. Одного мальчика я приютилъ у себя и, если Богъ благословитъ и продлитъ мою жизнь, думаю воспитывать его своимъ трудомъ. Болгарскую и русскую грамоту онъ изучилъ довольно хорошо и пишетъ изрядно для своихъ 9-ти лѣтъ. Посланное мною письмо съ деньгами передайте въ кіевскомъ пансіонѣ графини Левашовой ямбольской воспитанницѣ, болгаркѣ Ивановой.

ХІІІ.

Ямболь, 16-го мая.

... Наконецъ-то мы на мѣстѣ, послѣ всѣхъ невзгодъ бродячей жизни, но надолго ли—Богъ вѣсть. Одно отдѣленіе нашего госпиталя находится въ городѣ Бургасѣ—это гавань на Черномъ морѣ, куда пристають пароходы съ грузами для нашихъ войскъ, а отсюда забирають и везутъ въ Одессу слабыхъ воиновъ. Есть предположеніе провести желѣзную дорогу отъ Ямболя до Бургаса, но что-то мало замѣтно тутъ дѣятельности.

Случай мнѣ представился побывать въ Адрианополѣ. Городъ весьма хорошъ, но за суточное пребываніе не могъ осмотрѣть его основательно, едва имѣя возможность исполнить то, ради чего туда поѣхалъ. Посѣтилъ, между прочимъ, зданіе, гдѣ помѣщается базаръ. Это зданіе въ длину на $\frac{1}{4}$ версты, со многими закоулками, вышина громадная, свѣтъ падаетъ изъ оконъ въ сводахъ. Въ этой длинной галлерей весьма пріятная прохлада, но толпа попрошаекъ разныхъ націй, возрастовъ и половъ васъ оглушаетъ—только услывай отдѣлываться отъ ихъ назойливости...

Тутъ, на базарѣ, встрѣтился я съ адрианопольскимъ архимандритомъ Евѳиміемъ, воспитанникомъ Кіевской духовной академіи. Онъ оказалъ мнѣ любезность — навѣстилъ меня въ квартирѣ; мы много бесѣдовали. Но для его несчастнаго (?) положенія мало словъ и совѣтовъ. Онъ засталъ у меня нашего главнаго доктора Л., который, слушая его горькую автобіографію, пожелалъ помочь ему, но пока ничего не могъ придумать. Но въ это же время зашелъ ко мнѣ главный ординаторъ госпиталя № 63, священникъ котораго—іеромонахъ Арсеній изъ кіевского Іоновскаго монастыря—надняхъ умеръ. Услышавши это, архимандритъ Евѳимій тотчасъ заявилъ сердечное желаніе занять мѣсто госпитальнаго священника, тѣмъ болѣе, что госпиталь № 63 расположенъ въ самомъ Адрианополѣ. Мы весьма обрадовались такому неожиданному выходу изъ нашего неловкаго положенія: настрочили прошеніе для о. архимандрита и нѣсколько писемъ въ главную квартиру. Какой исходъ будетъ, услышимъ; если же это не удастся, подумаемъ о другомъ способѣ помощи о. Евѳимію.

Справедливо вы писали, что намъ не скоро придется свидѣться: нашъ госпиталь остается на оккупацию. Слѣдовательно, наше возвращеніе въ Россію должно послѣдовать только послѣ выхода войскъ. Проситься же раньше о возвращеніи въ Кіевъ—никогда не рѣшусь, да и не зачѣмъ. Если мой старикъ-отецъ будетъ въ состояніи перенести морское плаваніе, я думаю взять его къ себѣ когда устроюсь на мѣстѣ прочіе.

Большая у меня къ вамъ просьба: кажется, я совершенно забуду грамоту—газетъ нѣтъ, книгъ тоже, тоска сидѣть сложа руки. Снабдите, чѣмъ можете, выпишите хотя кіевскую газетку. Здѣсь же читать совсѣмъ нечего и достать негдѣ.

Нашъ госпиталь раздѣленъ на три отдѣленія: первое остается въ Ямболѣ, второе—въ 20-ти верстахъ, въ городѣ Сливно, третье—въ 100 верстахъ, въ Бургасѣ. Главное управленіе госпиталя будетъ въ Сливно, куда и мнѣ придется переѣхать. И слава Богу! Тамъ на душѣ будетъ отраднѣе, а здѣсь невольно затоскуешь, когда приходится дышать постоянною гарью и видѣть на каждомъ шагу руины. А развлеченій тутъ никакихъ, общества никакого: здѣшніе болгары представляютъ что-то среднее между человѣкомъ и животнымъ... Окрестности Ямболя самыя печальныя, гулять негдѣ. Изучать жизнь здѣшнихъ болгаръ—нѣтъ ни малѣйшаго интереса: ни къ чему такъ не способенъ ямбольскій болгаринъ, какъ къ винной торговлѣ — это его любимый конекъ. Базаровъ въ городѣ нѣтъ, продукты съ трудомъ достаются, и цѣны на нихъ весьма солидныя.

19-го мая.

Письмо мое вверхъ дномъ переворачивается, но измѣнять его не хочется—изъ него вы наглядно убѣдитесь, какъ непрочно наше существованіе и какъ опасно намъ заглядывать въ будущее... Все, что сказано выше о госпиталѣ, радикально измѣнилось: въ Ямболѣ остаются два отдѣленія, а, слѣдовательно, и я остаюсь въ этомъ отвратительномъ городишкѣ...

Г. Санъ-Стефано, 10-го іюня.

Случай позволилъ мнѣ побывать здѣсь. Городъ хорошъ, всѣ дома очень опрятны и опушены роскошною тропическою растительностью. Море поражаетъ своими радужными переливами. Новизна впечатлѣній заглушаетъ хотя на короткое время сердечную тоску по родинѣ...

Хотя дороговизна здѣсь во всемъ, за то можно все достать и поѣсть со вкусомъ. Торгашей тьма. Нѣсколько разъ подходилъ къ купальнямъ, но не рѣшился окунуться въ морской зыби. Выѣхать хотѣлъ съ вечернимъ поѣздомъ, но пришлось остаться.

11-го іюня.

Только что вернулся отъ главнаго священника, о. Смолича, просилъ о богослужебныхъ книгахъ и другихъ нуждахъ нашей госпитальной церкви. Намъ нужны ризы, воздухи, покровы и проч. Начальство обѣщало помочь, и даже при мнѣ полетѣли телеграммы въ разные концы Россіи о присылкѣ вещей и книгъ.

Сегодня же дѣлалъ визиты всѣмъ старшимъ чинамъ главной квартиры: вездѣ любезные приемы.

XIV.

Г. Ямболъ, 10-го іюля.

... Чего я боялся такъ, то и получилъ: за мой отзывъ о болгарахъ вы назвали меня небезпристрастнымъ... Что же вы скажете и какъ назовете меня или мой взглядъ на болгарское духовенство?!.. Вы давно поставили мнѣ вопросъ о немъ, но я медлилъ отвѣтомъ, считая свое знакомство съ здѣшнимъ духовенствомъ еще недостаточнымъ. Теперь же могу сказать вамъ вотъ что, руководясь своими наблюденіями: духовенство болгарское крайне грубо, оно не знаетъ самыхъ простыхъ истинъ вѣры, не понимаетъ своего паптырскаго назначенія, не знаетъ своихъ обязанностей. Исполненіе церковныхъ службъ и разныхъ требъ есть не что иное, какъ полнѣйшій произволь и самовольный вымыселъ. По-славянски они читаютъ, но пояснить прочтенное по-болгарски не могутъ. Треб-

ники и служебники имѣютъ славянскіе, но смыслъ этихъ книгъ имъ не понятенъ. Порядки богослуженія, освященные каноническими правилами, они искажаютъ произвольно, до неузнаваемости.

Самые храмы у нихъ не что иное, какъ торжища, гдѣ шумъ стоитъ до оглушенія. Пѣніе отвратительное—смѣсь греческаго съ болгарскимъ. Алтарь и самый престолъ въ очень жалкомъ положеніи: войдите въ любое время, и вы найдете на престолѣ грязное тряпье, чернильницу съ разными принадлежностями для письма, шапку, рясу, поясъ попа, а не то, пожалуй, и что нибудь въ родѣ туфлей... Подъ антиминсомъ лежитъ печатное окружное посланіе, въ которомъ заповѣдуется молиться о султанѣ и о дарованіи ему побѣды надъ врагомъ (экземпляръ такого посланія находится въ моихъ рукахъ)...

По первому впечатлѣнію, болгарскіе попы представляются вамъ смиренными ягнятами, но скоро вы раскусите въ нихъ гордость и хитрость бѣсовскую, трудно уловимую, сребролюбіе, зависть до пошлости... Духовенство выходитъ изъ простого народа, добываясь священнаго сана по милости «златицъ». Архіерей сосѣдняго города добился своего сана, благодаря красавицѣ—дочери, пользовавшейся благосклонностью вельможнаго пашы... Каковъ пастырь, таковы и его чада, старшіе и младшіе.

Нечего удивляться, что при этихъ пастыряхъ—волкахъ въ овечьей шкурѣ—разные иновѣрные миссіонеры находятъ для себя обильную пищу. Чужестранные волки по духу узнаютъ свою братію... Въ будущемъ южная Болгарія скоро заполнится пришлыми миссіонерами, а наши славянскіе комитеты только громко говорятъ...

Надняхъ мы съ главнымъ докторомъ были приглашены на экзамень въ городскую школу. Дѣвочки отвѣчали весьма достаточно, но отъ мальчиковъ слѣдовало ожидать большаго. Въ общемъ, успѣхи здѣшнихъ двухъ педагоговъ не важны. Учителя жалуются на отсутствіе хорошихъ руководствъ. Программы преподаванія очень поверхностныя. Законъ Божій въ совершенномъ упадкѣ, исторія въ отлучкѣ, за то исторія Магомета отлично извѣстна ученикамъ, грамматика болгарская и славянская сильно хромаютъ, ариѳметика лучше поставлена—это жизненный предметъ для болгаръ, географическія познанія тоже достаточны. Знаете ли, откуда болгары ждутъ пополненія своихъ школьныхъ недостатковъ?—изъ англійскихъ и американскихъ книгъ, которыя здѣсь вездѣ встрѣтите, тогда какъ русскихъ книгъ нельзя достать ни за какія деньги.

Народное образованіе въ Болгаріи вообще находится на самой низкой ступени. Но прежде всего необходимо поднять необразованность духовенства, разъяснить ему значеніе истиннаго служителя церкви. Отчего бы, напримѣръ, нашему духовенству не предпринять путешествія по Болгаріи, подобно иновѣрнымъ миссіонерамъ, но,

конечно, не для миссіонерской дѣятельности, а для того, чтобы исправлять и указывать недостатки пастырской дѣятельности здѣшняго духовенства.

Какъ дѣти, такъ и молодые парни и дѣвушки почти не ходятъ въ церковь, которую посѣщаютъ только на страстной недѣлѣ для говѣнья. Спросите у любого изъ нихъ молитву Господню — никто не знаетъ. Между тѣмъ, въ каждой избѣ на праздники теплится лампадка предъ бумажными иконами. Правда, нехождение молодежи въ церковь объясняютъ тѣмъ, что при мусульманскомъ владычествѣ не безопасно было молодымъ дѣвушкамъ и парнямъ показываться на улицѣ: первымъ грозили турецкіе гаремы, вторымъ солдатчина. Пусть такъ, но вѣдь совершеніе молитвъ дома не возбранялось и никакою опасностью не угрожало. Кто же виноватъ, что молодежь болгарская совсѣмъ не знаетъ молитвъ?—разумѣется, вся вина ложится на невѣжественное и небрежное къ своимъ обязанностямъ здѣшнее духовенство.

Матеріальное положеніе духовенства очень жалкое. Доходы его весьма скудные. За каждое выданное свидѣтельство о бракѣ и крещеніи приходится отдавать архіерею 6 франковъ. Всѣ доходы кошелекковыя, свѣчныя и другіе, а также разныя матеріальныя приношенія прихожанъ—холстъ, баранки и другіе съѣстные продукты, все это забираетъ «епитропъ» въ свое безотчетное вѣдѣніе и выдаетъ на содержаніе училища и плату учителямъ. Слѣдовательно, вся грамотность Болгаріи ложится тяжкимъ бременемъ на плечи духовенства, которое не можетъ относиться равнодушно къ такой значительной потерѣ своихъ доходовъ. Эта школьная дань увеличиваетъ распри среди духовенства и умножаетъ нерадѣніе его къ своимъ обязанностямъ.

XV.

Ямболь, 11-го іюля.

Продолжаю о церковныхъ дѣлахъ Болгаріи. Вы уже знаете, что представляетъ изъ себя болгарское духовенство... Но гг. «епитропы» (свѣтскіе попечители церквей) куда почище духовенства... Въ нѣсколько лѣтъ каждый епитропъ замѣтно расширяетъ на церковныя доходы свою усадьбу и свои торговыя операціи. Онъ никому не даетъ отчета въ церковныхъ доходахъ и, если общество прихожанъ потребуетъ такового, онъ воленъ показать, что ему заблагодарасудится. Книгъ для записи приношеній нѣтъ, значитъ—за сколько онъ продалъ всѣ матеріальныя приношенія, это извѣстно только самому епитропу. При всемъ непониманіи истинъ вѣры и при всей своей скупости, болгары, однако, не скупятся на матеріальныя приношенія въ церковь.

Въ Болгаріи уже существуютъ прозелиты протестантской и англиканской церкви. Къ первой привлекаютъ болгаръ американскіе миссіонеры, ко второй англійскіе. Особеннымъ успѣхомъ пользуются послѣдніе, такъ какъ принятіе ихъ вѣроученія ставитъ болгаръ подъ покровительство Англии, съ которымъ обязательно считаются турки. А уваженіе турокъ къ покровительствуемымъ Англіей прозелитамъ обязательно увеличиваетъ матеріальное благосостояніе послѣднихъ. Вообще имъ живется хорошо, и образованіе между ними усердно распространяется миссіонерами американскаго и англійскаго обществъ. Случается даже въ семьяхъ православнаго священника наблюдать такое явленіе: сыновья его не только учатся въ школахъ иновѣрныхъ миссіонеровъ, но уже начинаютъ переходить въ вѣру послѣднихъ, а невѣжественный ихъ отецъ—священникъ не въ силахъ доказать ихъ заблужденія и благодушно терпитъ ихъ отступничество отъ своей вѣры, любуясь и гордясь ихъ образованностью и развитіемъ.

Какъ я слышалъ, этихъ отщепенцевъ надняхъ накрыли. Они затѣяли написать петицію англійскому правительству по поводу притѣсненій, будто бы испытываемыхъ ими отъ православныхъ болгаръ. Эта петиція попала въ руки полицейской власти. Что будетъ сдѣлано съ отщепенцами—не знаю.

Надняхъ въ квартиру нашего госпитальнаго смотрителя вошелъ въ нетрезвомъ видѣ болгаринъ и закричалъ: «я рѣзалъ турокъ, теперь хочу попробовать русскихъ»... Онъ сталъ буйствовать, требовалъ, чтобы ему подали ножъ... Разумѣется, его связали и отправили въ полицію. Будетъ ли онъ наказанъ—не знаю.

Вы не довѣряете моимъ взглядамъ на болгаръ, считаете ихъ не безпристрастными... Конечно, я отнюдь не считаю себя какимъ либо непогрѣшимымъ авторитетомъ и знаю, что я грѣшный человѣкъ, далекій отъ совершенства. Но моими наблюденіями надъ болгарами руководило одно стремленіе къ правдѣ, и не моя вина, если эта правда оказывается такою горькою. Живя почти годъ между болгарами, я вполне чувствую ложь ихъ языка въ названіи «братушка»... Дай Богъ, чтобы хотя въ будущемъ заговорило у нихъ сердечное отношеніе къ намъ. Теперь же оно совсѣмъ не замѣтно. Мнѣ было бы такъ пріятно въ этомъ ошибиться...

16-го іюля.

Новость довольна странная, необычная... До сего времени мы, русскіе, слышали и видѣли воочию полное равнодушіе болгаръ къ своей дальнѣйшей участи. Намъ всѣмъ казалось, что болгарамъ все едино—быть ли подъ властью турокъ или нѣтъ. Такъ оно и есть, и такъ будетъ, кажется, въ дальнѣйшемъ времени, и такое наблюденіе я не измѣню, несмотря даже на противорѣчащія, по видимому, факты, въ родѣ нижеслѣдующаго.

Предсѣдатель городского совѣта надняхъ мнѣ заявилъ, что южная Болгарія недовольна рѣшеніемъ Берлинскаго конгресса и посылаетъ депутацію въ Петербургъ, а если окажется необходимымъ, то и ко всѣмъ великимъ державамъ Европы, съ заявленіемъ своего протеста противъ рѣшенія конгресса. Депутація заявитъ, что южная Болгарія разорена окончательно, и что страданія ея при туркахъ были выше силъ человѣческихъ. Съ удаленіемъ русскихъ войскъ и вступленіемъ турецкихъ, участь ея будетъ де самая горькая, а потому,—говорилъ этотъ болгаринъ: «мы рѣшились тогда лучше умереть съ камнями въ рукахъ, послѣднее свое состояніе принесть каждый болгаринъ на защиту родины... Мы напоминаемъ Европѣ ея христіанскій и гуманный долгъ защитить насъ и освободить отъ вѣковыхъ угнетеній мусульманъ»...

Что-то черезчуръ грозны эти рѣчи, совсѣмъ не похоже на болгарь... Поживемъ—посмотримъ, также ли будутъ грозны и дѣла болгарскія... Можно надѣяться, и нѣтъ...

Я спросилъ этого господина: что за причина ихъ кипяченія?.. и говоритъ ли онъ отъ имени народа, или всѣ эти угрозы находятся только въ воображеніи нѣсколькихъ лицъ?

— Услышите и увидите,—отвѣчалъ онъ.—Да вотъ вамъ примѣръ: англійскіе протестанты собираются раздавать пособія бѣднымъ болгарамъ. Пусть попробуютъ—посмотримъ, кто изъ болгаръ приметъ!..

Я ему говорю: «не поздноато ли вы хватились заявлять о своей жизненности и патриотизмѣ?.. Пронеситесь-ка мыслью надъ недавнимъ прошлымъ!.. Чѣмъ заявили ваши «майки»—жены и сестры, свое сочувствіе къ русскимъ страдальцамъ-воинамъ? Взялась ли хотя одна вымыть бѣлье нашего солдата, залитое потомъ и кровью? Положила ли болгарка заплату на его изодранное бѣлье? Сумѣли ли вы во время утолить жажду измученныхъ въ бою и переходахъ вашихъ защитниковъ? Накормили ли вы ихъ хотя разъ даромъ, безъ денегъ?! Ничего подобнаго не видѣли отъ васъ «братушки», какъ вы нѣжно насъ величаете... Что же, начинайте съ Божіей помощью! Русскій народъ еще не остылъ въ своей безкорыстной любви къ вамъ»... — Мой болгаринъ не нашелся ничего сказать на мои рѣчи и скоро ушелъ отъ меня...

Первое отдѣленіе нашего госпиталя, находившееся въ Бургасѣ уже закрыто и переводится въ Ямболь. Больныхъ во всемъ госпиталѣ не болѣе 100 человѣкъ. Со дня на день ожидаемъ похода, но куда направятъ насъ — неизвѣстно; дай Богъ, чтобы на родину! Отецъ мой пусть пока не торопится ѣхать ко мнѣ: надобно выждать болѣе прочной стоянки.

Я уже вамъ писалъ, что былъ въ Адрианополѣ и Санъ-Стефано. Еще скажу нѣсколько словъ. Адрианополь — городъ не казистый. Всего замѣчательнѣе въ немъ мечеть, своимъ громаднымъ купо-

ломъ не уступающая Исаакіевскому собору въ Петербургѣ. Говорятъ даже, что послѣдній могъ бы войти въ куполь Адріанопольской мечети. Внутренняя чистота мечети поразительная. Грустно писать, но долгъ справедливости требуетъ сознаться, что мусульманское богослуженіе выслушивается богомольцами съ такимъ благоговѣніемъ и въ такой тишинѣ, чего вы не встрѣтите ни въ одномъ православномъ храмѣ, даже монастырскомъ... Одно только чтеніе муллы нарушаетъ благоговѣйное безмолвіе мечети и глубокое молитвенное настроеніе каждаго богомольца. Всѣ стоятъ на колѣняхъ, многіе распростерты ницъ на полу, въ каждомъ лицѣ и взглядѣ, устремленномъ вверхъ, читаешь полнѣйшую преданность волѣ Аллаха!..

Потомъ я зашелъ въ греческій храмъ, который снаружи ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго дома. А внутри—какая разни́ца съ мечетью и какая невыгодная разни́ца для православнаго храма!.. Въ нѣсколько рядовъ вдоль церкви идутъ стойла—иначе я не нахожу достойнаго названія для такъ называемыхъ «сѣдалищъ». Въ церкви стоитъ постоянный шумъ и какое-то глухое шипѣніе богомольцевъ! Пѣніе самое гнусное и въ буквальномъ смыслѣ гнусливое. Пастырское служеніе происходитъ словно гдѣ-то за кулисами... Костюмъ священника самый неприличный, отнюдь не похожій на нашу церковную одежду. Наконецъ, и самая фізіономія греческаго попа, неумытая и непричесанная, рѣшительно отвращаетъ отъ молитвеннаго настроенія, а его гнусливый голосъ не возбуждаетъ благоговѣйнаго вниманія къ произносимымъ имъ молитвамъ. Словомъ, впечатлѣніе самое позорное...

Санъ-Стефано—небольшой городокъ, но всѣ дома въ немъ очень красивы и всѣ утопаютъ въ роскошной тропической зелени. Особенно поражаетъ разнообразіе розъ, какое можно встрѣтить у насъ только въ самыхъ богатыхъ оранжереяхъ, а подъ здѣшнимъ благодатнымъ небомъ онѣ растутъ на открытомъ воздухѣ. Море не даромъ названо Мраморнымъ: на самомъ маломъ пространствѣ вода отливаетъ самыми разнообразными красками...

XVI.

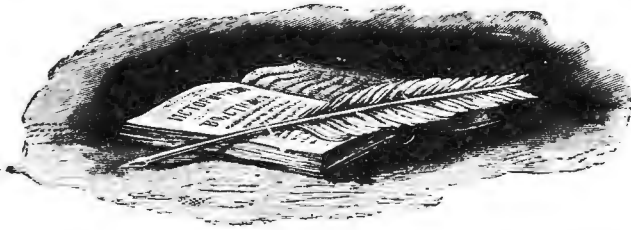
Г. Ямболъ, 1-го августа 1878 г.

... Отецъ мой выѣхалъ изъ Кіева 11-го іюля, а черезъ 5 дней былъ въ Ямболѣ. При его лѣтахъ, дорогу перенесъ хорошо. Братушки считаютъ его старшимъ моимъ братомъ и никакъ не хотятъ признать моимъ отцомъ...

Писалъ ли я вамъ о постройкѣ мною церкви? Длина ея 22 аршина, ширина 7 аршинъ, высота 4 аршина. Престолъ изъ цѣльнаго куска мрамора, полъ также мраморный, иконостасъ тесовый, съ

приличными украшеніями. Было пожертвованіе со стороны, но я прибавилъ своихъ 50 серебряныхъ рублей, и дѣло окончено. 4-го августа окружный архіерей будетъ освящать эту церковь во имя св. Николая. Часть образовъ приобрѣтена, а другихъ прошу у Кіево-Печерской лавры.

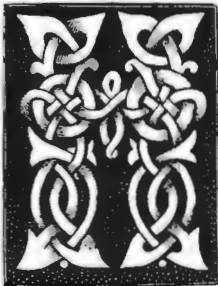
Братушки южной Болгаріи продолжаютъ бурлить, но сомнительно, чтобы вышелъ толкъ изъ ихъ протестовъ. Жаль мнѣ этихъ дѣтей природы... Кажется, администрація изъ болгаръ принесетъ имъ больше вреда, чѣмъ сами турки. Броженіе братушкиныхъ умовъ и сборища болгаръ по всеѣмъ угламъ южной Болгаріи и насъ смущаютъ... Заявленіе ихъ о нежеланіи принять турокъ, старыхъ жителей края, представляется, по меньшей мѣрѣ, неумѣстнымъ... О Господи! вынеси насъ на святую Русь!..

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ АРХІЕПИСКОПА ДОНАТА.

I.

ОВЫЙ учебный годъ въ N—ской семинаріи начался нѣсколько необычно. Дѣло въ томъ, что прежній ректоръ изъ монашествующихъ лишь только закончилъ прошлый учебный годъ, былъ возведенъ въ санъ епископа и назначенъ въ какую-то епархію викарнымъ архіереемъ.

Къ намъ на его мѣсто былъ назначенъ новый ректоръ, но уже изъ бѣлаго духовенства, протоіерей. Онъ надняхъ, когда производились еще переекзаменовки и пріемныя испытанія въ семинаріи, прибылъ на мѣсто своего назначенія, но въ должность пока не вступалъ, ожидая, чтобы окончились всѣ эти введенія въ учебную жизнь.

Перемѣна самаго главнаго начальника семинаріи—ректора, не могла насъ не волновать. Ректоръ даетъ тонъ жизни всей семинаріи—и учащимъ и учащимся. При нашемъ общераспространенномъ, сжившемся съ нами, обычаѣ служить не дѣлу, а лицамъ, не можетъ быть опредѣленнаго, постояннаго отношенія къ дѣлу, независимо отъ лицъ, стоящихъ во главѣ учрежденія. Семинаріи въ этомъ отношеніи не составляютъ исключенія, но находятся подъ гнетомъ такого положенія вещей въ большей степени, чѣмъ какое либо другое учрежденіе.

Мы было уже попривыкли къ прежнему ректору, знали его хорошо, приноровились къ его взглядамъ, требованіямъ, и жизнь

наша текла болѣе или менѣе спокойно, по опредѣленному руслу, рѣдко когда давая маленькіе изгибы.

Ректоръ держался въ сторонѣ отъ внутренней, повседневной жизни семинаристовъ, предоставивъ ее вѣдѣнію инспектора. Самъ же имѣлъ только общее наблюденіе за семинаріей. За однимъ онъ тщательно и неустанно слѣдилъ—это за тѣмъ, чтобы не было высказано устно или письменно какъ учениками, такъ и учителями неправославной мысли. Всякую такую мысль онъ называлъ «ересью» и долго помнилъ не къ добру творца ея.

Узнавъ это, конечно, рѣдко кто попадался въ «ереси», а нѣкоторые изъ учениковъ умудрялись, въ присутствіи ректора, на экзаменахъ, отвѣты свои снабжать обильно текстами св. Писанія, особенно начинать такъ свои отвѣты, на томъ основаніи, что Слово Божіе есть основаніе всякаго знанія. Ректоръ бывалъ доволенъ такимъ началомъ, и хорошая отмѣтка была обезпечена.

Отличительною чертой ректора было безусловное послушаніе слову своего владыки, мѣстнаго преосвященнаго. Онъ оказывалъ предъ преосвященнымъ свое монашеское смиреніе, всецѣло подчиняя свою волю волѣ владычней, въ точности исполняя послѣднюю и тѣмъ слагая съ себя отвѣтственность и предъ Богомъ, и предъ закономъ.

Благодаря этому обстоятельству, намъ, семинаристамъ, дозволялось то, чего бы онъ никогда не дозволилъ самъ по себѣ, при другихъ условіяхъ. Такъ, напримѣръ, учителю гимнастики, офицеру, пришло на мысль обучать учениковъ танцамъ. Онъ сказалъ о своемъ намѣреніи ректору. Конечно, послѣдній и слышать не хотѣлъ ни о чемъ подобномъ. Тогда бравый офицеръ, такъ какъ тутъ замѣшанъ былъ его матеріальный интересъ—каждый обучающійся танцамъ долженъ былъ платить ему за обученіе—обратился за разрѣшеніемъ къ владыкѣ.

Послѣдній былъ человѣкъ въ высшей степени любвеобильный и снисходительный. Онъ отнесся къ просьбѣ офицера благосклонно и высказалъ ему, что семинаристы не монахи, и имъ до вступленія въ священство приходится вращаться въ обществѣ молодыхъ людей, что онъ смотритъ на танцы, какъ на особаго рода гимнастическое упражненіе, которое доставитъ семинаристамъ увѣренность въ движеніяхъ и хоть нѣсколько сниметъ съ нихъ ту угловатость и неуклюжесть, которая служитъ характернымъ признакомъ семинариста. Да, наконецъ, если о. ректоръ и видитъ какой либо вредъ отъ танцевъ, то, такъ какъ обучающихся будетъ едва ли и десятая часть общаго числа учениковъ, и воображаемый вредъ сведется къ нулю.

Результатомъ такого свѣтлаго взгляда владыки и послѣдовавшаго затѣмъ разговора его съ ректоромъ явилось то, что желавшіе поплясывали себѣ послѣ обѣда, и ректоръ, проходя мимо тан-

повальнаго класса, даже заглядывалъ иной разъ съ улыбкой въ него.

Не могу не упомянуть о томъ, что самый главный и пріятный случай, гдѣ приходилось примѣнять танцы, бывалъ «вечеръ» въ женскомъ епархіальномъ училищѣ, дававшійся въ день рожденія государыни. На этотъ вечеръ приглашались семинаристы, конечно, только танцующіе. Этотъ вечеръ былъ особенно ожидаемъ ежегодно воспитанницами, которыя жили совершенно замкнутою жизнью, такъ что весь годъ для нихъ раздѣлялся на время «до вечера» и «послѣ вечера». Еще задолго до означеннаго дня у нихъ шли приготовления къ нему, а впечатлѣнія «вечера» долго потомъ переживались ими.

Каждый разъ начальница училища просила ректора объ отпускѣ семинаристовъ, говоря, что владыка уже далъ свое благословеніе на это и послалъ къ ректору. Ректоръ подчинялся владычному рѣшенію и безпрепятственно исполнялъ просьбу начальницы.

Таковъ въ общихъ чертахъ былъ прежній ректоръ-монахъ, человѣкъ не лукавый, прямой, открыто и прямо выставившій противъ кого либо свои обвиненія, а не разставлявшій тайно сѣтей для опутыванія ими намѣченной жертвы.

II.

Въ первый день классныхъ занятій, предъ началомъ уроковъ, велѣно было собраться всеѣмъ въ залъ. Вскорѣ явился туда и новый ректоръ. Была пропѣта молитва, которую началъ самъ ректоръ сильнымъ, нѣсколько рѣзкимъ баритономъ. Затѣмъ онъ обратился къ намъ съ рѣчью цвѣтистой, изобиловавшей образами, сравненіями. Въ ней онъ расписывалъ себя, что готовъ всеѣхъ насъ воспринять въ свое сердце и любить всеѣхъ горячею отцовскою любовью. Мы же должны на любовь отвѣчать любовью и пр. и пр. Послѣ этого всеѣ направилась въ церковь, гдѣ новымъ ректоромъ былъ отслуженъ молебенъ предъ началомъ ученія.

Прошло нѣкоторое время спокойно. Новый ректоръ не проявлялъ никакихъ еще распоряженій и только присматривался. Въ противоположность прежнему, онъ входилъ въ мелочи семинарской жизни, посѣщалъ учениковъ во время занятій, бесѣдовалъ со встрѣчными въ коридорѣ, во дворѣ. И все это съ шуткой, съ улыбкой. Скоро мы начали замѣчать нѣчто необыкновенное доселѣ. Мы замѣтили, что нѣкоторые ученики часто выходятъ изъ ректорской квартиры, будучи, по ихъ словамъ, всякій разъ призываемы ректоромъ то на чай, то просто такъ, на бесѣду. Чтобы не распространяться много, скажу кратко, что мы съ ужасомъ замѣтили, что новый ректоръ завелъ правильное шпіонство. Если не въ

полное, то хоть въ нѣкоторое оправданіе лицъ, исполнявшихъ эту постыдную роль, нужно сказать, что это не были испорченные ученики, нѣтъ. Они оцугились въ этой роли совсѣмъ незамѣтно для самихъ себя. Такъ тонко лукавъ и хитеръ былъ ихъ начальникъ. Потомъ для нихъ уже не было возврата изъ-за страха предъ этимъ страшнымъ человѣкомъ, наведшимъ панику на всю семинарію—и на учениковъ, и на учителей.

Ректоръ былъ человѣкъ, положительно обожавшій самого себя, не признававшій, что онъ можетъ дѣлать ошибки, не признававшій ничьего мнѣнія, а, напротивъ, находившій особое удовольствіе итти противъ мнѣнія общаго, доказывая тѣмъ, что вотъ, молъ, вы всѣ ошибались и ошибаетесь, я же одинъ въ короткое время раскусилъ все. Онъ считалъ себя фізіономистомъ, читающимъ по чертамъ лица всю подноготную человѣка. Онъ можетъ ошибаться? Боже сохрани, никогда!

И вотъ по такому незыблемому основанію, и только отчасти благодаря шпіонству, онъ подѣлилъ всѣхъ семинаристовъ на любимцевъ и нелюбимцевъ. Насколько первымъ легко давалось благонаправное поведеніе и успѣшное ученіе, настолько каждый шагъ послѣднихъ свидѣтельствовалъ объ ихъ невиданной испорченности, а каждый отвѣтъ свидѣтельствовалъ о невѣроятномъ скудоуміи. Особенно было замѣтно это на экзаменахъ въ присутствіи ректора, когда любимцы, абсолютно ничего не знавшіе, уходили, схвативъ хорошую отмѣтку, а нелюбимцы послѣ часового ихъ вымучиванія—награжденными часто единицей. При этомъ особенное удовольствіе ректору доставляло, какъ бы въ пику преподавателямъ, ранить единицами учениковъ, бывшихъ доселѣ лучшими, а выкапывать и превозносить какого либо изъ послѣдняго разряда,—жемчужину, которую всѣ проглядѣли, а онъ откопалъ. Страхъ нашелъ на всѣхъ, особенно нелюбимцевъ. Постоянное, тонкое, никогда не прекращавшееся преслѣдованіе, а особенно ожиданье его, многимъ обошлось въ нервное разстройство. Озлобленіе было страшное.

Преслѣдованіе нелюбимцевъ велось тонко. Съ пойманною жертвой онъ разговаривалъ долго, шутилъ, смѣялся, но это было дѣйствительно «выматыванье души», стѣбившее жертвѣ не одного мѣсяца жизни. Описанный Достоевскимъ въ «Преступленіи и наказаніи» слѣдователь, такъ мучившій Раскольникову, могъ бы поучиться у него искусству доканать человѣка по всѣмъ правиламъ вѣжливости и дружества.

Но все-таки злоба ректора была настолько велика, что иногда выливалась наружу въ грубой формѣ. Такъ, одного ученика онъ не спрашивалъ по своему предмету весь годъ. Но нужно же выставить годичную отмѣтку. И вотъ ректоръ въ классѣ, при всѣхъ, спрашиваетъ этого ученика, согласенъ ли онъ, чтобы ему была по-

ставлена тройка. Спрашивать же его онъ, ректоръ, не можетъ, ибо не въ состояннн выносить даже голоса его. Ученикъ не отвѣтилъ ничего на предлагаемую сдѣлку, и въ журналѣ, противъ его фамили, появилась единственная за весь годъ тройка.

Другой случай несдержанной злобы ректора, вылившейся въ грубой формѣ, былъ таковъ. Хоронилъ онъ умершаго любимца. По возвращеннн съ похоронъ, онъ встрѣчаетъ идущаго по коридору нелюбимца. Лицо ректора исказилось злобой.

— И почему это ты не умеръ?—обращается онъ къ ученику.— Я бы на свой счетъ гробъ заказалъ для тебя.

Заглянулъ разъ ректоръ въ корпусъ въ послѣобѣденное время. Проходитъ мимо комнаты, гдѣ обучались танцамъ. Тѣнь самодовольства скользнула по его лицу: представился случай сдѣлать неприятность. Не спѣша открываетъ онъ дверь и входитъ. Скоро всякое движенн прекратилось. Онъ подходитъ къ офицеру, смотритъ ему выразительно въ глаза и говоритъ, отчеканивая по слогамъ каждое слово: «чтобъ этого больше не было!». Когда офицеръ хотѣлъ отстоять свои уроки тѣмъ, что они разрѣшены, ректоръ только повторилъ съ еще большей выразительностью: «чтобъ этого больше не было! Я тутъ начальникъ, и требую исполненн моего распоряженн!»

Скоро предстоялъ и вечеръ въ женскомъ училищѣ. Начальница училища давно уже нѣсколько разъ говорила ректору, что у нихъ въ, такой-то день бываетъ вечеръ, а «вы, о. ректоръ, побольше отпустите семинаристовъ».

Ректоръ только улыбался на эти заговариванья и, когда насталъ указанный день, и въ училищѣ все было приготовлено и получено разрѣшенн архіерея, онъ воспитанникамъ не позволилъ отправиться на вечеръ.

Самымъ мудрымъ педагогическимъ средствомъ, по мнѣнн ректора, было усиленное изгнанн изъ заведенн или, просто говоря, увольненн учениковъ. Хуже всего было то, что онъ навелъ ужасъ и на учителей, такъ что никто не хотѣлъ изъ-за какого либо ученика итти противъ него и наживать себѣ врага, имѣющаго всѣ средства прижать противника. Вотъ почему ректоръ, а по его приказу и инспекторъ, ежемѣсячно вносили въ правленн предложенн объ увольненн многихъ учениковъ, и правленн соглашалось съ ихъ предложеннмъ. Но...

Много нареканн вызвало слово «но». Я же скажу, что оно бываетъ иногда спасительнымъ и благословеннымъ. Такимъ «но» для ректора, препятствующимъ проведенн завѣдомо прекрасныхъ, по его убѣжденн, педагогическихъ приемовъ, явился его непосредственный начальникъ—преосвященный архіепископъ Донатъ, нынѣ уже покойный.

III.

Я не знаю другого человѣка, который бы воплотилъ въ себѣ, не говорю въ большей, а хотя бы въ такой же степени, краеугольный камень христіанской религіи — любовь къ ближнему, какъ преосвященный Донатъ. Его пріѣздъ въ семинарію наполнялъ радостью наши сердца. А пріѣздъ на экзаменъ, на которомъ присутствовалъ и ректоръ, былъ единственнымъ спасеніемъ для нелюбимцевъ ректорскихъ.

Даже поѣздка архіепископа по епархіи для ревизіи была желанна для священниковъ. Его встрѣчали безъ страха, а съ радостью, зная, что услышать изъ устъ его слово ободренія, утѣшенія и любви, которое надолго поддержитъ ихъ на трудномъ пастырскомъ поприщѣ. При опубликованіи маршрута каждый священникъ читалъ его не со страхомъ найти въ немъ и свое село, а съ разочарованіемъ, если его приходъ былъ обойденъ. Съ такою радостію встрѣчали подвѣдомственные ему пастыри этого доблестнаго владыку, почитаемаго ими за святого человѣка.

И вотъ этой-то воплощенной любви ректоръ часто подносилъ для утвержденія журналъ объ увольненіи нѣсколькихъ человѣкъ.

Педагогическіе приемы владыки, бывшаго долгое время и учителемъ, и инспекторомъ, и ректоромъ, были совершенно противоположны приемамъ ректора, и, зная его хорошо, можно съ увѣренностью сказать, что онъ умѣлъ приводить ихъ въ исполненіе съ несомнѣннымъ успѣхомъ. Онъ при всякомъ случаѣ старался убѣдить ректора въ неправильности его взгляда на увольненіе учениковъ, какъ на лучшее средство воспитанія. Онъ самъ стоялъ не за увольненіе, а за исправленіе, и утверждалъ, что очень рѣдки случаи, когда бы это средство оказывалось недѣйствительнымъ. Особенно рельефно высказалъ владыка свой взглядъ на это по слѣдующему поводу.

Преосвященный Донатъ былъ переведенъ въ другую епархію. Былъ назначенъ день прощанія его со своими пасомыми въ его покояхъ. Преосвященный пользовался неподдѣльными симпатіями всѣхъ горожанъ, и число собравшихся проститься съ любимымъ архипастыремъ было очень велико. Тутъ были и высшіе чины администраціи, и представители отъ города, учебныхъ заведеній, военнаго вѣдомства и пр. и пр. Въ числѣ другихъ, говорившихъ прощальныя рѣчи преосвященному, былъ и ректоръ. Рѣчь его была образцовая, могущая быть примѣромъ ораторскаго искусства. Всѣ заслушались этого дѣйствительно краснорѣчиваго оратора. Преосвященный выслушалъ этого человѣка, котораго онъ хорошо зналъ по дѣламъ его, и сказалъ ему въ отвѣтъ:

— А я вотъ что скажу вамъ, о. ректоръ: не увольняйте вы учениковъ. Не велика заслуга педагога, да и труда нѣтъ никакого—взять и выгнать воспитанника изъ заведенія. Нѣтъ, вы потрудитесь надъ выпрямленіемъ молодого деревца, нѣсколько, быть можетъ, и искривившагося въ сторону, трудитесь долго, неустанно, въ духѣ искренней любви къ воспитуемымъ, и, повѣрьте мнѣ, старику, вамъ едва ли придется прибѣгать къ суровой мѣрѣ отсѣченія и погубленія заболѣвшихъ временно членовъ ввѣреннаго вамъ заведенія.

Такой урокъ прочелъ преосвященный ректору въ присутствіи многочисленнаго собранія, гдѣ находились начальники и другихъ учебныхъ заведеній, быть можетъ, тоже нуждавшіеся въ напоминаніи такихъ свѣтлыхъ истинъ.

Ректору не по вкусу пришла такая отвѣдь преосвященнаго на его рѣчь, которую можно назвать стихами въ прозѣ. Онъ не смогъ не возразить и не отстоять своего взгляда.

— Ваше преосвященство!—сказалъ онъ,—я тоже уже двадцать лѣтъ тружусь на педагогическомъ поприщѣ, и если держусь извѣстной системы, то потому, что долгимъ опытомъ несомнѣнно узналъ...

Преосвященный Донатъ съ грустью посмотрѣлъ на ректора. Его любящему взору, быть можетъ, представился длинный рядъ юношей—жертвъ суровой системы этого воспитателя. Онъ жестомъ руки прекратилъ неумѣстныя возраженія ректора и проговорилъ:

— А знаете, о. ректоръ, пословицу: вѣкъ живи, вѣкъ учись...

IV.

Наступилъ великій постъ, а съ нимъ и говѣнье на первой недѣлѣ—первое говѣнье при новомъ ректорѣ. Первая недѣля поста была страдная пора для насъ. Скучная пища всегда во время говѣнья уменьшалась въ количествѣ и даже ухудшалась въ качествѣ ради усмирения плоти. Многие не могли совсѣмъ ѣсть такой пицци, и благо, если были присланы заботливою матерью изъ деревни сухари. А между тѣмъ трудовъ для этой измощаемой плоти было много. Приходилось выстаивать длиннѣйшія великопостныя службы, отправляемая, какъ намъ казалось, безъ всякихъ пропусковъ и поспѣшностей. А стоять нужно было прямо, не облачиваться, чтобы показывать бодрость душевную. Отъ усталости ноги терпли, въ потъ ударяло, а попросишься выйти—получишь отказъ.

Насъ посылали въ церковь до прихода ректора, котораго бывало ожидаемъ чуть не полчаса. И только тогда начиналась служба.

Первая великопостная служба при новомъ ректорѣ прошла обычнымъ порядкомъ. Въ нашей семинаріи уже заведено было, что, по окончаніи службы, воспитанники ждутъ, чтобы вышелъ изъ алтаря ректоръ, и только послѣ его ухода уже выходили изъ церкви. Служба окончилась. Ректоръ вышелъ изъ алтаря и обратился къ пѣвцамъ и чтецамъ съ выговоромъ, что поютъ и читаютъ поспѣшно, что онъ обращаетъ на это ихъ вниманіе и не совѣтуетъ дожидаться вторичнаго замѣчанія относительно этого.

Результатомъ отеческой заботливости ректора о насъ было то, что службы удлинились въ полтора раза.

Со среды началась исповѣдь, а въ субботу мы причастились Св. Тайнъ.

Во время масляницы и первой недѣли поста дѣла семинарскаго правленія шли своимъ порядкомъ. Письмоводитель правленія каллиграфически писалъ журналъ правленія, въ которомъ между прочими статьями была и статья объ увольненіи многихъ воспитанниковъ.

Преосвященный Донатъ былъ, какъ я уже сказалъ, вообще противъ увольненія. Но не могъ онъ всегда игнорировать постановленіе правленія семинарскаго, конечно, формулированное вѣскими мотивами. Кромѣ того, при прецирательствѣ съ ректоромъ относительно увольняемыхъ, послѣдній выставлялъ то, что «при такихъ условіяхъ» онъ, ректоръ, не отвѣчаетъ ни за что и снимаетъ съ себя отвѣтственность, если зло приметъ огромные размѣры. Дѣло кончалось тѣмъ, что преосвященный, съ болью сердца, утверждалъ увольненіе если и не всѣхъ представленныхъ къ увольненію, то хоть части ихъ.

Въ первый день послѣ говѣнья ректоръ вмѣстѣ съ рапортомъ объ исполненіи учащими и учащимися христіанскаго долга исповѣди и св. причащенія представилъ преосвященному и журналъ правленія, который былъ почему-то особенно обиленъ жертвами, предназначенными къ изгнанію изъ заведенія.

Принявъ журналъ, преосвященный ничего не сказалъ, только объявилъ ректору, что завтра онъ посѣтитъ семинарію.

Приѣхавъ на другой день въ семинарію, преосвященный не пошелъ, какъ обыкновенно дѣлать, по классамъ, а приказалъ собрать всѣхъ воспитанниковъ въ залъ. Въ нѣсколько минутъ всѣ были уже въ залъ. Тамъ и сямъ видны были печальныя фізіономіи воспитанниковъ, предназначенныхъ, какъ было извѣстно, къ увольненію и остававшихся въ корпусѣ только до формальнаго, послѣ утвержденія архіереемъ журнала, извѣщенія ихъ объ этомъ.

Вскорѣ вошелъ въ залъ преосвященный, въ сопровожденіи ректора, инспектора и всѣхъ преподавателей. Была пропѣта молитва и «ис полла эти, дэспота». Преподавъ всѣмъ общее благословеніе, преосвященный обратился къ намъ съ рѣчью:

«Всѣ вы удостоились, послѣ исповѣданія грѣховъ своихъ предъ духовникомъ, прощенія содѣянныхъ вами доселѣ прегрѣшеній и принятія Св. Тайнъ. Поздравляю васъ съ этимъ величайшимъ благомъ и желаю и прошу Господа о томъ, чтобы вы долго блюли себя отъ грѣха и сохраняли себя въ томъ состояннн, въ какомъ находитесь теперь. Вы чрезъ духовника получили разрѣшеніе всѣхъ грѣховъ отъ Господа Бога. Поэтому человѣческій судъ за тѣ же грѣхи теперь долженъ смолкнуть. Мнѣ представлено объ увольненнн многихъ изъ васъ. Но я нахожу, что тѣ проступки, за которые вамъ надлежитъ увольненн, уже прощены Богомъ, и нѣтъ ихъ уже больше на васъ. Посему я всѣхъ возвращаю обратно въ семинарію въ увѣренности, что покаянн ихъ было истинное, т. е., что они не только сознали свои вины, но и впредь не будутъ повторять ихъ».

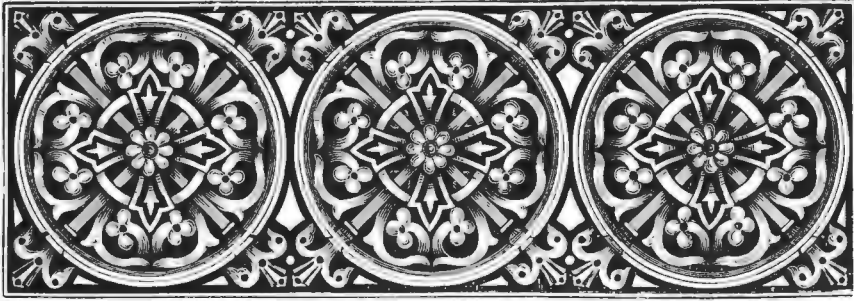
Сказавъ это, преосвященный Донатъ передалъ привезенный ему вчера журналъ ректору и, преподавъ общее благословенн, направился къ выходу.

Никогда еще такъ искренно, единодушно и даже благоговѣнно не вылетало ихъ груди нашей громогласное «ис полла эти, дэспота».

А въ одномъ углу залы раздались неудержимыя, судорожныя рыданія. То плакалъ одинъ изъ помилованныхъ. Толстый ледъ озлобленія, которымъ выдѣлялся между всѣми этотъ воспитанникъ, былъ пробитъ теплою любовью архипастыря. А раньше надъ этимъ бесплодно трудились другія лица.

Н. Княгницкій.

ИЗЪ ПОЪЗДКИ ВЪ МАНЬЧЖУРІЮ.

АДЪ событій послѣднихъ лѣтъ на нашей далекой окраинѣ привлекъ вниманіе общества къ Маньчжуріи,—одной изъ обширнѣйшихъ провинцій Китая, которую мнѣ пришлось посѣтить во главѣ небольшой экспедиціи, отчасти научной, отчасти торговой. Подробности о цѣли и снаряженіи экспедиціи, путейхъ впечатлѣніяхъ и проч. были въ свое время напечатаны въ специальныхъ изданіяхъ, доступныхъ лишь извѣстному кругу читателей. Но въ виду всеобщаго интереса къ Маньчжуріи, вызваннаго у насъ постройкой тамъ грандіозной желѣзной дороги, считаю своевременнымъ сообщить здѣсь краткія свѣдѣнія о мѣстныхъ нравахъ и обычаяхъ, административныхъ и бытовыхъ, въ предположеніи, что они могутъ быть не безполезны нашимъ первымъ пионерамъ, появляющимся теперь въ Маньчжуріи изыскателями или строителями новой желѣзной дороги, конвойной охраной и т. п.

Считаю необходимымъ оговориться, что мое непосредственное знакомство съ Маньчжуріей не идетъ дальше Сунгарійскаго края; но не подлежитъ сомнѣнію, что именно этотъ край, благодаря своему плодородію, географическому положенію и рѣкѣ Сунгари, сдѣлается современнымъ, по окончаніи постройки Восточно-Китайской желѣзной дороги, центромъ русской культуры и гражданственности не только для всей Маньчжуріи, но и для сопредѣльныхъ провинцій Средняго Китая. Въ нашихъ газетахъ появлялись уже свѣдѣнія объ учрежденіи обширнаго пароходства по Сунгари, о постройкѣ

русскихъ городовъ около Бодунэ и Харбина. Впрочемъ, не отодвигая значенія Сунгарійскаго края ко времени окончанія постройки Восточно-Китайской желѣзной дороги, полагаю, что и въ настоящую минуту, во время самой постройки дороги, Сунгарійскій край неминуемо долженъ сдѣлаться центральнымъ складомъ для всего обширнаго района постройки дороги. Наконецъ, съ Сунгарійскимъ краемъ у насъ связаны еще важныя историческія воспоминанія: сюда, именно, влекло еще перваго нашего доблестнаго пионера на Амурѣ — графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго, который выговорилъ въ Айгунскомъ трактатѣ для русскихъ людей свободу плаванія и торговли по Сунгари и сейчасъ же, самъ первый, на пароходѣ «Амуръ» понесъ русскій флагъ по Сунгари въ 1858 г., изумивъ прибрежныхъ китайскихъ жителей никогда невиданною «чудною джонкою, плывущею безъ парусовъ противъ теченія».

Всѣ эти причины должны, по справедливости, сдѣлать Сунгарійскій край центромъ нашего вниманія во всей Маньчжуріи.

I.

Въ Китаѣ, какъ извѣстно, и шагу ступить нельзя безъ вѣдома мѣстныхъ властей. Это справедливо даже относительно мѣстныхъ туземныхъ жителей, а иностранцу тѣмъ болѣе не обойтись безъ поддержки или противодѣйствія нойоновъ (чиновниковъ). Поэтому полагаю необходимымъ раньше всего ознакомить читателя съ мѣстными администраторами, съ которыми придется встрѣтиться съ первыхъ же шаговъ въ Сунгарійскомъ краѣ. Всѣ эти чиновники, какъ и у насъ, мѣняются, конечно, болѣе или менѣе часто; но знакомство съ ними, полагаю, все-таки излишнее, какъ въ виду того, что приходящіе и уходящіе нойоны все «одного поля ягоды», такъ и потому, что—въ противоположность нашей поговоркѣ «человѣкъ краситъ мѣсто»—въ Китаѣ занимаемыя должности, какъ сейчасъ увидимъ, неизбѣжно сообщаютъ все одну и ту же физиономію смѣняющимся нойонамъ.

Первое мое знакомство завязалось съ начальникомъ пикета въ ничтожномъ китайскомъ селеніи Лохасу, расположенномъ около устья Сунгари. Появленіе русскаго парохода въ Сунгарійскихъ водахъ ожидалось, по справедливости, какъ событіе необычайное; поэтому китайскій чиновникъ заблаговременно выставилъ во многихъ мѣстахъ гольдовъ, которые, при приближеніи парохода, кинулись кто по рѣкѣ на омарочнѣ, кто верхомъ по берегу дать знать своему начальнику о приближеніи парохода. Китайскій нойонъ встрѣтилъ меня на берегу церемоннымъ поклономъ (дзои) по китайскому обычаю, то-есть приподнявъ сложенные руки выше лба и отвѣшивая въ то же время низкій поклонъ.

Обстановка жизни этого нойона отличается крайнею простотою, граничащею съ убожествомъ. Казенная фанза (домъ), служащая жилищемъ начальника пикета, состоитъ изъ одной комнаты, по стѣнамъ которой расположены нары, покрытыя кошмами и цыновками; оконныя рамы затянуты прозрачною бумагою; полъ земляной. Служилый персоналъ пикета состоитъ изъ 5—6 босоногихъ гольдовъ, которые отбываютъ свою очередную службу, занимаясь въ то же время своими обычными занятіями—охотой и рыбною ловлей, благо, это служить источникомъ дарового питанія и для начальства. Между нойономъ и подчиненными ему оборванцами существуетъ полная простота отношеній; очевидно, китайцамъ плохо дается ихъ цивилизаторская миссія среди полудикихъ гольдовъ, извлеченныхъ изъ глухой тайги для служенія обездоленному въ Китаѣ ратному дѣлу.

Въ бесѣдѣ китайскаго чиновника проглядывала плутоватость, смѣшанная съ безпокойствомъ и нѣкоторымъ смущеніемъ; все это для меня сначала было загадочнымъ, но скоро выяснилось, что начальникъ пикета опасался, какъ бы въ виду моего присутствія не улинула вкусная мзда, которую онъ ждалъ отъ ѣхавшаго со мною богатаго китайскаго купца, русскаго подданнаго, живущаго въ Хабаровскѣ. Купецъ этотъ ведетъ весьма значительные торговые обороты по Сунгари; проходящія на его имя джонки съ хлѣбомъ доставляютъ чуть ли не главную часть доходовъ пикета; теперь, въ кои вѣки разъ, ѣхалъ самъ «хозяинъ»; начальнику пикета чуялась хорошая добыча, но мое присутствіе лишало возможности поговорить о «дѣлѣ». Тревожное ожиданіе китайскаго чиновника разрѣшилось полученіемъ отъ купца большого никелеваго самовара, на что нойонъ, со своей стороны, счелъ долгомъ принести отвѣтный подарокъ въ видѣ пары курицъ (которыя, кстати сказать, продаются на Сунгари по 10—15 копеекъ).

Достоинъ еще вниманія тотъ фактъ, что упомянутый выше китайскій купецъ, пользующійся извѣстностью на Амурѣ, благодаря своимъ миллионнымъ оборотамъ, сохраняющій достаточную увѣренность при сношеніяхъ съ русскими начальствующими лицами, обнаруживалъ замѣтное безпокойство при встрѣчѣ съ ничтожнымъ китайскимъ нойономъ и заволновался не на шутку, когда я выразилъ намѣреніе пройти мимо пикета. Обратившись впоследствии за откровеннымъ разъясненіемъ этого факта, я узналъ, что этотъ нойонъ, при желаніи, можетъ наносить большой ущербъ торговымъ сношеніямъ по Сунгари: будетъ требовать разгрузки джонокъ, взимать произвольныя взятки и т. п.

Описанный сейчасъ пикетъ въ Лохасу и его начальникъ состоятъ въ непосредственномъ подчиненіи начальника Фугдинскаго округа, который заключаетъ въ своихъ предѣлахъ почти исключительно гольдское населеніе; только въ послѣдніе годы здѣсь стали

появляться китайскіе переселенцы изъ Срединнаго Китая. Главный городъ этого обширнаго округа заключается въ ничтожной деревушкѣ, состоящей изъ десятка убогихъ фанзъ, окруженныхъ огородами съ чахлою зеленью. Все плоско, сѣро и крайне убого; на всемъ лежитъ печать не то нищеты, не то крайней неприхотливости къ какимъ бы то ни было потребностямъ жизни. Живымъ дополненіемъ этой убогой картины служила весьма неживописная «публика», изъ одного-двухъ десятковъ босоногихъ, лохматыхъ гольдговъ, встрѣтившая меня на берегу. Зато начальникъ округа, въ сопровожденіи большой свиты, встрѣтилъ меня съ такимъ напыщеннымъ величіемъ, что при достаточной фантазіи можно было вообразить себя въ залахъ версальскаго дворца, еслибы все это не происходило у воротъ полуоблупленнаго, приземистаго, покосившагося чуть ли не на все углы, глинобитнаго ямыня ¹⁾, съ выпученными впередъ и отвалившимися назадъ оконными рамами, затянутыми протыканною и разорванною, промасленною бумагой. Разодѣтые въ полномъ парадѣ, живописною толпой расположились у воротъ ямыня все чиновники фугдинской администраціи, состоящей всего изъ 13 нойоновъ, военныхъ и гражданскихъ. Впереди всехъ выдвинулся начальникъ округа—сэлинъ Лаан'гъ, высокій, плотный маньчжуръ, порядочно обрюзглый отъ обильнаго куренія опиума, съ едва просвѣчивающими, оловянными, глазами; въ его походкѣ, разговорѣ и манерахъ проглядывала рассчитанная важность, обязательная по требованіямъ китайскаго этикета.

Послѣ взаимнаго привѣтствія мы вошли въ ямынь, сопровождаемые старшими нойонами; все прочіе чиновники, смѣшавшись съ толпой праздныхъ зрителей, облѣпили щели и отверстія ямыньскихъ оконъ, слѣдя съ жаднымъ любопытствомъ за происходящимъ внутри ямыня.

Внутренняя обстановка этого единственнаго казеннаго зданія въ Фугдинѣ, совмѣщающаго въ себѣ залу судебныхъ засѣданій, присутствій, военное управленіе и т. п., вполне отвѣчаетъ окружающему убожеству: стѣны даже не выбѣлены, полъ земляной; грязныя, ничѣмъ не покрытыя нары служатъ въ присутственные дни мѣстомъ возсѣданія судей и правителей, а въ свободное время мѣстомъ отдохновенія ямыньской челяди; только около десятка ветхихъ расстрепанныхъ фоліантовъ, затерявшихся въ одномъ изъ пустынныхъ угловъ, были единственнымъ атрибутомъ этого присутственнаго зданія и напоминали, что сидимъ мы въ помѣщеніи не обитаемомъ ни людьми ни животными.

На вопросъ мой, отпускаются ли какія нибудь средства для ремонта зданія, сэлинъ не выдержалъ и махнулъ рукой, какъ, повидимому, о наболѣвшемъ для него вопросѣ, объясняя это,

¹⁾ Ямынемъ въ Китаѣ называется вообще присутственное мѣсто.

впрочемъ, тѣмъ, что центръ управленія округомъ, т. е. городъ Фугдинъ, рѣшено уже перевести на другое мѣсто. Судя по откровенности сэлина, можно было думать, что это только фугдинскій ямынь такой жалкій, что въ другихъ мѣстахъ Маньчжуріи встрѣтимъ казенныя и общественныя зданія съ какими нибудь претензіями, если не на роскошь, то хотя бы на достатокъ и внѣшнее приличіе. Позже, однако, я убѣдился, что во всѣхъ посѣщенныхъ мною городахъ Маньчжуріи ямыни немного отличаются отъ описаннаго сейчасъ въ Фугдинѣ. Казна на мѣстныхъ строительныя нужды или ничего не отпускаетъ, или даетъ сущіе гроши, сваливая большею частью рабочій трудъ и поставку матеріаловъ на мѣстное населеніе, какъ натуральную повинность; въ лучшемъ случаѣ для этой цѣли назначаются скудные остатки изъ провинціальныхъ денежныхъ сборовъ, но мѣстные администраторы считаютъ совершенно излишнимъ тратить на общественное достояніе то, что можно прятать въ собственные карманы.

Служебныя переговоры наши продолжались очень недолго: не имѣя разрѣшенія своего начальства на пропускъ русскаго парохода по Сунгари, китайскій чиновникъ счелъ свой долгъ исполненнымъ, выказавъ въ робкихъ фразахъ весьма слабую попытку пассивнаго сопротивленія; затѣмъ быстро перешелъ на дружескій тонъ и пригласилъ меня на обѣдъ въ свой домъ. Надо замѣтить, что китайскіе администраторы вообще избѣгаютъ перваго знакомства съ европейцами съ глазу на глазъ, а стараются обыкновенно принять ихъ въ ямынь, въ присутствіи своихъ подчиненныхъ; объясняется это, вѣроятно, желаніемъ оградить себя отъ постоянного недовѣрія, которое тяготѣетъ со стороны высшихъ властей.

Въ домашней жизни китайскаго чиновника замѣтны были зажиточность и довольство, которыя я не очень часто встрѣчалъ среди его собратьевъ. По дальнѣйшимъ разспросамъ оказалось, что этотъ администраторъ больше занимается торговыми предпріятіями, чѣмъ дѣлами своего округа: вымѣниваетъ у гиляковъ и гольдовъ пушнину, скупаетъ зерновой хлѣбъ, и все это часто отправляетъ чрезъ своихъ сыновей или подчиненныхъ въ Хабаровскъ на продажу. Службой же занимается, такъ сказать, между дѣломъ, посвящая все время, главнымъ образомъ, своимъ торговымъ дѣламъ. Главнымъ воротилой Фугдинскаго округа является помощникъ сэлина Ю'уань. Это весьма хитрый, плутоватый маньчжуръ, имѣющій уже важное отличіе—одноглазое павлинье перо,—полученное имъ за 10-ти-лѣтнюю службу въ провинціяхъ Кульдѣ и Или. При всей изворотливости и юркости Ю'уаня, на его долю выпадаютъ лишь обѣдки того, что достается сэлину. Необходимо замѣтить, что должность фугдинскаго сэлина считается очень доходною, потому что отъ него зависитъ назначеніе начальниковъ

на пять пикетовъ: въ Лохасу, Линдамай, Сусу, и на рѣкахъ Норъ и Има.

Главнымъ административнымъ центромъ Санъ-Синьской области служитъ городъ Санъ-Синь. Здѣсь живетъ фу-дутунъ (губернаторъ) и при немъ неизбѣжный ямынь, въ которомъ сосредоточено все управление областью. Санъ-синьскій фу-дутунъ, по фамиліи Фу-Куй, весьма добродушный и привѣтливый старикъ, которому минуло уже 70 лѣтъ; на государственной службѣ состоитъ уже болѣе 30 лѣтъ и любитъ напоминать, что перебивалъ на службѣ во всѣхъ провинціяхъ Поднебесной имперіи, кромѣ двухъ. По своимъ служебнымъ правамъ этотъ фу-дутунъ напоминаетъ нашихъ старыхъ воеводъ былого времени: управляетъ областью патриархально, аккуратно приноситъ жертвы богамъ въ кумирняхъ каждое первое число китайскаго мѣсяца и строго преслѣдуетъ куреніе опиума, при чемъ простодушно вѣритъ, что ему удалось искоренить этотъ порокъ въ Санъ-Синѣ, не подозревая, какъ горько онъ обмануть въ своихъ надеждахъ; въ этомъ я убѣждался лично, наталкиваясь на многочисленныя тайныя притоны курильщиковъ опиума. Въ обращеніи фу-дутуна со своими подчиненными видна крайняя простота; большимъ авторитетомъ онъ, повидимому, не пользуется, и даже въ малѣйшихъ пустякахъ онъ самъ ни на что не рѣшается, а обращается за совѣтомъ къ своему главному помощнику по гражданской части Нунъ-у-Таю. Въ домашней жизни фу-дутунъ соблюдаетъ крайнюю простоту, не употребляетъ никакихъ напитковъ и не ѣстъ мяса; обстановка фу-дутуновскаго дома, по своей крайней неприхотливости, уступаетъ многимъ домамъ, принадлежащимъ зажиточнымъ обывателямъ.

Изъ прочихъ болѣе важныхъ администраторовъ Санъ-Синя слѣдуетъ упомянуть Чена, помощника фу-дутуна по военной части,—веселый и добродушный собесѣдникъ, близко знакомый съ употребленіемъ русской водки,—и полицеймейстера Са, живо напоминавшаго безсмертнаго гоголевскаго прототипа по своей гоньбѣ за всѣмъ, что свободно плыветъ въ руки.

Далѣе, вверхъ по Сунгари, въ числѣ другихъ городовъ, я посѣтилъ городъ Хуланъ-Ченъ, лежащій въ 30 верстахъ отъ берега рѣки и входящій въ составъ уже другой провинціи Хейлунь-цзянской. Фу-дутуномъ въ Хуланъ-Ченѣ состоитъ монголъ по происхожденію Во-кэ-дзинъ-тай. Имѣя 5 женъ и при нихъ 5 семействъ, этотъ администраторъ изощряется на всякіе лады въ добываніи средствъ къ жизни; между прочимъ, по увѣренію китайцевъ, фу-дутунъ никому не разрѣшаетъ продавать мясо, ссылаясь на существующій въ этомъ отношеніи завѣтъ предковъ; самъ же преисправно питается мясомъ и предоставляетъ это дѣлать и другимъ, если только покупать мясо его собственнаго убоя. Непосредственное завѣдываніе дѣлами находится въ рукахъ главнаго помощника фу-дутуна У-эръ-цинъ-э.

Третій фу-дугунъ по Сунгари имѣетъ пребываніе въ городѣ Бодунэ. Судя по отзывамъ мѣстныхъ жителей, этотъ администраторъ не представляетъ собою исключенія среди китайскихъ чиновниковъ въ смыслѣ безкорыстія. Это, впрочемъ, можно было заключить изъ того факта, что при своемъ мизерномъ жалованьи (около 180 лангъ, т. е. около 360 руб. въ годъ) фу-дугунъ нашелъ возможнымъ у сопутствовавшихъ меня купцовъ купить тайкомъ отъ своихъ подчиненныхъ золота въ слиткахъ на двѣ слишкомъ тысячи лангъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ отложить это въ свою кошелку.

Обращаясь къ общей характеристикѣ китайскихъ чиновниковъ— крупныхъ и мелкихъ—въ Сунгарійскомъ краѣ, необходимо раньше всего указать на то, что всѣ эти нойоны, за рѣдкимъ исключеніемъ, отличаются круглымъ невѣжествомъ, въ смыслѣ какого бы то ни было, хотя бы элементарнаго, пониманія явленій природы; образованіе многихъ, даже высшихъ нойоновъ, занимающихъ видные административные посты, не идетъ дальше простой грамотности, а встрѣчаются иногда и совсѣмъ неграмотные; умственный кругозоръ ограничивается узкимъ пониманіемъ своихъ непосредственныхъ интересовъ. О какомъ нибудь сознательномъ отношеніи или хотя бы простомъ любопытствѣ къ явленіямъ общечеловѣческой жизни не можетъ быть и рѣчи, что, впрочемъ, вполне понятно при отсутствіи признаковъ хотя бы элементарнаго образованія.

Чтобы составить себѣ понятіе о невѣжествѣ даже высшихъ китайскихъ администраторовъ, съ которыми мнѣ приходилось знакомиться на Сунгари, приведу слѣдующіе факты. При моемъ обратномъ возвращеніи по Сунгари, по прибытіи въ Санъ-Синь, мѣстные администраторы съ фу-дугуномъ во главѣ чествовали меня торжественнымъ обѣдомъ; во время обѣда разговоръ каснулся, между прочимъ, событій японско-китайской войны. Собесѣдники мои обнаружили крайне смутное представленіе о японцахъ и Японіи; главный помощникъ фу-дугуна, мандаринъ съ краснымъ шарикомъ¹⁾ (2 класса), сталъ увѣрять, что японцамъ помогали какіе-то «черные» люди, которые высаживались вмѣстѣ съ японскими войсками въ Инкоу. Трудно было разувѣрить мандариновъ, ссылаясь на то, что на материкѣ Азии, по сосѣдству съ Японіей, нѣтъ черныхъ людей. Перейдя съ область географіи, собесѣдники мои стали задавать вопросы, въ родѣ слѣдующаго: «А не знаете ли, гдѣ государство лилипутовъ?»... «Какъ далеко отъ васъ государство женщинъ?»—подъ которымъ, какъ оказалось, китайскіе чиновники подразумѣвали Англию... Нѣкоторые изъ моихъ собесѣдниковъ обратились ко мнѣ за разъясненіемъ вопроса, вызваннаго рассказами того же главнаго помощника фу-дугуна о существованіи какого-

¹⁾ См. ниже.

то государства, въ которомъ живутъ люди съ собачьими головами, увѣряя, что онъ самъ видѣлъ картинку, на которой изображены люди съ собачьими головами... На всѣ мои доводы авторъ государства съ собачьими головами сдѣлалъ мнѣ лишь небольшую уступку, признавъ, что такое государство несомнѣнно существуетъ, но государство, правда, маленькое—«такое маленькое, что даже ученые люди не всѣ знаютъ про это государство»...

И это все высказывалось мандариномъ 2 класса, управляющимъ непосредственно обширною областью, превосходящею почти вдвое Итальянское королевство по занимаемому пространству. Самъ Фудунъ задавалъ мнѣ, между прочимъ, такіе вопросы: «какія государства находятся по сосѣдству съ вами?»...—«что находится послѣ всѣхъ государствъ—вода?» и т. д. Многие изъ китайскихъ чиновниковъ въ Баянь-Сусу, Бодунэ и друг. обнаруживали туманное представленіе о томъ, какому государству принадлежитъ р. Амуръ—англійскому, французскому или какому другому. Впрочемъ, различать нѣкоторыя европейскія государства, хотя бы по названіямъ, могутъ лишь наиболѣе ученые и развитые; прочіе же, къ которымъ принадлежитъ большинство, наравнѣ съ массой китайскаго народа, знаютъ всѣхъ европейцевъ подъ однимъ названіемъ янь-гоузы («заморскіе черти»); въ Баянь-Сусу одинъ чиновникъ выразилъ удивленіе, узнавъ, что съ проживающими тамъ французскими миссіонерами я разговаривалъ не на русскомъ языкѣ: этотъ бюрократъ Поднебесной имперіи былъ увѣренъ, что всѣ янь-гоузы говорятъ на одномъ языкѣ...

Такое круглое невѣжество со стороны китайскихъ чиновниковъ могло бы показаться непонятнымъ въ странѣ, гдѣ первую ступенью всей іерархической лѣстницы служитъ именно образовательный цензъ. Но такіе анахронизмы являются основой всего строя современнаго Китая, который былъ насильно разбуженъ европейскими выстрѣлами и вытасченъ на арену совершенно новой, чуждой для него жизни. Не останавливаясь на этомъ поворотномъ пунктѣ въ исторіи нынѣшняго Китая, перейду прямо къ краткой характеристикѣ нравовъ и обычаевъ, руководствуясь большей частью тѣмъ, что мнѣ пришлось видѣть самому. Начну съ бюрократическаго міра, съ которымъ мнѣ пришлось познакомиться ближе всего.

Въ Китаѣ нѣтъ никакихъ орденовъ или другихъ знаковъ отличій, которые въ правящихъ классахъ европейскихъ государствъ служатъ такимъ важнымъ импульсомъ въ дѣлѣ служебнаго соревнованія; китайскій чиновникъ за продолжительную службу или заслуги особаго рода награждается чиномъ. Такихъ чиновъ 9, при чемъ каждый чинъ дѣлится еще на классы—высшій и низшій; чины различаются, главнымъ образомъ, по шарикамъ на шапкѣ (тинза): чинамъ 1-го класса присвоенъ рубиновый шарикъ, 2-го класса—коралловый, 3-го—голубой, 4-го—синій, 5-го—бѣлый прозрачный,

6-го—бѣлый матовый, 7, 8 и 9—бронзовый. Кромѣ шарика, различнымъ чинамъ присвоены еще особыя золотыя вышивки на груди и на спинѣ, на которыхъ у людей военныхъ изображены эмблемы силы и воинственности—единорогъ, левъ и тигръ, а у гражданскихъ чиновниковъ эмблемы болѣе мирнаго свойства—журавль, фазанъ и аистъ. Единственнымъ знакомъ отличія, соответствующимъ нашимъ орденамъ, служитъ павлинье перо на шляпѣ, которое различается трехъ степеней—съ однимъ, двумя и тремя «глазами»; этой послѣдней, высшей степенью съ Китаѣмъ награждены пока только двое—знаменитый Ли-Хун-Чжанъ и, кажется, еще Чанъ-Чжи-Дунъ, бывший губернаторъ Кантона. Всѣ же двойные и тройные драконы, придуманные китайскимъ правительствомъ въ послѣдніе годы, предназначены исключительно для иностранцевъ и въ глазахъ китайцевъ служатъ невольною данью тщеславію и легкомыслию европейцевъ.

Парадная форма китайскаго мандарина заключается въ слѣдующемъ. Раньше всего парадная курма или вой-гуа, подъ которой надѣвается широкій халатъ или паудза; все это изъ плотной, тяжелой шелковой матеріи, съ большими вытканными узорами. Головной уборъ состоитъ изъ форменной шляпы или шапки, которая мѣняется, согласно временамъ года, и называется лѣтомъ само, зимой пи-мао, а весной и осенью чау-мао. Сапоги атласные на толстыхъ войлочныхъ подошвахъ. Непремѣнною принадлежностью парадной формы служитъ еще особая длинная цѣпь (въ видѣ четокъ) изъ какого-то душистаго дерева; цѣпь эта, называемая чаоджу («императорская жемчужина»), надѣвается на шею и, при представленіи старшимъ, поддерживается обѣими руками на высотѣ носа. Наконецъ, военные имѣютъ при парадной формѣ еще большое агатовое кольцо на большомъ пальцѣ лѣвой руки, служащее при стрѣльбѣ изъ лука.

Общій внѣшній видъ китайскаго мандарина въ его широчайшихъ объемистыхъ паудза и курмѣ, съ широчайшими висячими рукавами, производитъ впечатлѣніе крайней неуклюжести, которая, однако, необходима съ точки зрѣнія китайскаго этикета для приданія пущей внушительности сановитой важности мандарина.

Въ pendant къ этому внѣшнему ореолу установленъ особый ритуаль параднаго выѣзда китайскаго мандарина, котораго китайскій мандаринъ обязательно придерживается во всѣхъ случаяхъ, когда показывается на улицѣ. Чины высшихъ классовъ путешествуютъ въ особой колесницѣ, запряженной осѣдланымъ муломъ, которая для европейца могла бы служить весьма чувствительнымъ орудіемъ пытки: даже поджавши ноги, на китайскій ладъ, можно сидѣть только скрючившись, поминутно подпрыгивая и постукиваясь головой о крышку этой колымаги на каждомъ препятствіи, такъ какъ сидѣть приходится на одной единственной оси; влѣзая

и выѣзжать изъ этого допотопнаго экипажа возможно только при помощи скамейки, которая возится съ собой. Мандарины низшихъ классовъ выѣзжаютъ въ паланкинахъ, которые несутъ 8—12 человѣкъ.

При выѣздѣ китайскаго чиновника, его сопровождаетъ всегда многочисленная дворня изъ служилыхъ людей, между которыми распределены разныя обязанности: одни разгоняютъ толпу длинными хлыстами, другіе носятъ особые вѣера и зонтики съ надписью «дай дорогу»; одинъ изъ свиты шествуетъ съ трубкой дажен'я («великаго человѣка»), другой съ визитными карточками и т. д.; все это окружено толпой конвоя, вооруженнаго разнымъ допотопнымъ хламомъ.

Эта нелѣпая церемонія параднаго выѣзда ревниво оберегается китайцами по возможности при всѣхъ случаяхъ, даже при необычайной обстановкѣ. Отдавая мнѣ визитъ въ Бодунэ, фу-дутуну нужно было проѣзжать въ лодкѣ небольшое разстояніе въ 30—40 шаговъ, отдѣлявшее пароходъ отъ берега; сдѣлать это при помощи нашей пароходной шлюпки оказалось несогласнымъ съ китайскимъ этикетомъ, такъ какъ «великій человѣкъ» очутился бы безъ зонтиковъ, вѣеровъ, аллебардъ, пикъ, мечей и прочаго сонма атрибутовъ его величія; поэтому фу-дутунъ распорядился доставить къ мѣсту переправы огромный, въ высшей степени неуклюжій, плашкоутъ, для управленія которымъ требовались десятки рабочихъ. На этотъ плашкоутъ поставили большой столъ, покрытый грязно-краснымъ сукномъ, полинялымъ и обтрепаннымъ, а рядомъ поставили гигантскихъ размѣровъ кресло, нѣчто въ видѣ трона, на которомъ даженъ уместился съ поджатыми, вывернутыми, наружу ногами; позади столпились знаменосцы съ большими грязными флагами, аллебардисты, пикеносцы и тому подобные воины въ разнообразномъ обтрепанномъ обмундированіи и съ еще болѣе пестрымъ вооруженіемъ, напоминавшимъ бутафорскія принадлежности провинціальной сцены. Впереди всѣхъ выдвинулся воинъ съ зонтикомъ, раскрытымъ надъ головой фу-дутуна, а поодаль группировалась многочисленная свита чиновниковъ съ почтительно наклоненными головами, сложенными руками, погруженная въ полное безмолвіе. Вокругъ всей этой толпы, застывшей въ своей напыщенной важности, кипѣла работа грязныхъ, полуголыхъ перевозчиковъ, которые бѣгали и суетились по краю плашкоута, подвигая этотъ ковчегъ невѣроятно медленнымъ черепашимъ шагомъ при помощи длинныхъ шестовъ.

Прохожденіе службы и всѣ успѣхи въ чиновничьемъ быту основаны исключительно на кумовствѣ и сплошной продажности сверху до низу. Должности продаются, награды также; чины продаются за безцѣнокъ. Могу привести слѣдующій фактъ: живущій въ Харбаровскѣ китайскій купецъ (русскій подданный), при посѣщеніи

Тьянь-цзина, купилъ за 100 ланнъ (около 200 рублей кр.) чинъ 4-го класса (синій шарикъ, соотвѣтствующій нашему чину полковника), дающій ему право занять должность чжи-сяня (окружнаго начальника). Въ провинціяхъ Маньчжуріи генераль-губернаторамъ или цзянь-цзюнямъ предоставлено право дарить чины по своему усмотрѣнію до 3-го класса. Всѣ преимущества, приобретаемыя покупкой чина, заключаются въ томъ, что, являясь къ китайскимъ властямъ по какому нибудь дѣлу, такой нойонъ можетъ не кланяться всѣмъ корпусомъ, а только приподымая ко лбу сложенные руки; кромѣ того, онъ можетъ въ китайскій новый годъ дѣлать визиты съ атрибутами, присвоенными его чину.

Купленные чины даютъ право на занятіе должности, которыми можно воспользоваться только послѣ уплаты болѣе или менѣе значительной суммы тѣмъ, отъ кого зависитъ самое назначеніе на должность. Купившій извѣстную должность старается, конечно, раньше всего вернуть затраченную сумму и, по возможности, съ наибольшею выгодой для себя. Многія болѣе доходныя должности продаются лишь на 3—4 года и при томъ только близкимъ людямъ или родственникамъ. Въ Санъ-Синьскомъ округѣ наиболѣе доходною считается должность смотрителя Байнтунской таможни, чрезъ которую проходитъ почти вся торговля Сунгарійскаго края съ Амуромъ; жалованья отъ казны этотъ смотритель получаетъ всего лишь 45 ланнъ въ годъ, тогда какъ за право занять эту должность имъ уплачено было одновременно три тысячи ланнъ и ежегодно уплачивается около 4—5 тыс. ланнъ, при чемъ, какъ увѣряли меня китайцы, дѣйствительные доходы этой должности почти вдвое превышаютъ сумму, вносимую въ казну фу-дутуна. Не могу не привести слѣдующаго, хотя ничтожнаго, факта, но достаточно характеризующаго жадность и простоту китайскихъ чиновниковъ: упомянутый смотритель таможни никакъ не могъ примириться съ мыслью, что онъ ничѣмъ не поживится отъ нашей экспедиціи, и очень обрадовался, получивъ въ подарокъ... старые сапоги, которые тутъ же, на пароходѣ, съ немалыми усиліями надѣлъ и щеголялъ въ нихъ, съ засученными полами халата.

Знаніе обычаевъ и нравовъ въ Китаѣ имѣетъ весьма существенное, а иногда и практическое значеніе, такъ какъ отъ этого зависитъ иногда успѣхъ дѣловыхъ переговоровъ, не говоря уже про то, что незнаніе обычаевъ ставитъ иногда гостя въ неловкое положеніе. Вспоминаю свой первый визитъ китайскому фу-дутуну въ Санъ-Синь: встрѣченный многочисленной толпою чиновниковъ съ самимъ фу-дутуномъ во главѣ, я вошелъ во внутренніе покои и, не дожидаясь особыхъ приглашеній, сѣлъ за ближайшій столикъ; за этимъ же столикомъ сѣлъ и самъ фу-дутунъ; вслѣдъ затѣмъ слуга принесъ обычную при визитахъ чашку чая, съ которою и

направился прямо ко мнѣ. Каково же было мое удивленіе, когда старикъ фу-дунгъ, вскочивъ со своего мѣста и взявъ поставленную около меня чашку чая, поднесъ ее сидѣвшему за другимъ столомъ переводчику и сдѣлалъ выговоръ прислуживавшему чиновнику за нарушеніе обычаевъ. Я невольно былъ шокированъ этимъ маневромъ и спросилъ, что это значитъ. Оказалось, что при официальныхъ визитахъ и приемахъ, гости занимаютъ мѣста по степени ихъ важности: первое и второе, наиболѣе почетныя, мѣста отводятся за столикомъ прямо противъ входа; третье и четвертое—за столикомъ влѣво отъ входа, а пятое и шестое—за столикомъ, поставленнымъ вправо отъ входа. Каково бы ни было значеніе гостей, угощеніе и вниманіе имъ оказываются въ зависимости отъ того, какое ими занято мѣсто, которое, въ смыслѣ почета, представляетъ собою само по себѣ величину постоянную, независимо отъ того, кто тамъ сидитъ.

Съ точки зрѣнія китайскаго этикета требуется говорить о своемъ собесѣдникѣ въ третьемъ лицѣ, пересыпая свою рѣчь лестинымъ удивленіемъ его уму и преклонному возрасту. Китайцы всегда склонны преувеличивать свой возрастъ, претендуя, такимъ образомъ, на большую житейскую опытность, которая дается лишь годами. Чтобы лишить, однако, молодыхъ людей возможности напускать на себя солидность раньше времени, установленъ обычай (а обычай въ Китаѣ имѣетъ силу закона), согласно которому раньше 40 лѣтъ запрещается носить бороду и усы.

Въ разговорѣ и манерахъ китайскаго сановника или вообще всякаго китайца, сознающаго свое достоинство, проглядываетъ всегда напыщенная важность; говорить громко и скоро не принято. При входѣ новаго гостя, всѣ обязательно встаютъ. Беря изъ рукъ слуги трубку или чашку чая, предлагаютъ ее сначала (простой мимикой) поочередно всѣмъ присутствующимъ и затѣмъ лишь пользуются принесеннымъ куреніемъ или чаемъ. Курятъ въ Манчжуріи всѣ, въ особенности женщины; мнѣ приходилось видѣть дѣвочекъ 6—7 лѣтъ, которыя курили заправскимъ образомъ. Маленькая трубочка на длинномъ чубукѣ и вышитый кисетъ съ табакомъ являются неразлучнымъ украшеніемъ костюма каждой китаянки или манчжурки. Чрезмѣрному злоупотребленію табакомъ надо приписать то, что чуть ли не у всѣхъ женщинъ Сунгарійскаго края зубы крайне безобразны, всегда искривлены, растопырены въ разныя стороны и отвратительно желтаго цвѣта ¹⁾.

Среди многихъ странностей китайскаго этикета нельзя не отмѣтить необходимости обязательнаго опаздыванія съ визитомъ про-

¹⁾ Такое же явленіе мнѣ пришлось видѣть у сингалезокъ, въ Индіи, отъ частаго жеванія особой смѣси (извѣстной подъ названіемъ бетэля), въ которую входитъ главнымъ образомъ табакъ.

тивъ назначеннаго часа. Приѣхать своевременно считается дурнымъ тономъ, и въ зависимости отъ степени напускной важности требуется опоздать на полчаса, часъ, два и т. д. Какъ у всѣхъ восточныхъ народовъ, никто не можетъ самовольно войти въ жилую половину двора; требуется заблаговременно предупредить хозяина о своемъ посѣщеніи, послать визитную карточку, и тогда лишь выходитъ хозяинъ, встрѣчая гостя иногда у воротъ; затѣмъ, передъ входомъ въ каждую комнату, разыгрывается неизбѣжная утомительная сцена взаимныхъ поклоновъ и упрасиваній войти первымъ.

Визитныя карточки у китайцевъ пишутся большими іероглифами на красной бумагѣ; размѣръ визитныхъ карточекъ обуславливается до извѣстной степени важностью даннаго лица; поэтому многіе чиновники, ревниво оберегающіе свое достоинство, щеголяютъ другъ-передъ-другомъ карточками весьма внушительныхъ размѣровъ. Въ домахъ средняго круга стѣны пріемной комнаты всегда покрыты многими визитными карточками, а также автографами важныхъ особъ; эти автографы, въ видѣ какого нибудь мудраго изреченія, дарятся обыкновенно покровительствуемому лицу въ знакъ благоволенія; самъ богдыханъ даритъ иногда такіе автографы высокопоставленнымъ мандаринамъ.

Входныя ворота во всѣхъ китайскихъ домахъ имѣютъ совершенно одинаковую форму и называются па-мынь, такъ какъ имѣютъ такое же начертаніе, какъ іероглифъ па — ㄩ ; такую же форму имѣютъ ворота во всѣхъ храмахъ въ Японіи, а также и въ буддійскихъ дацанахъ (монастыряхъ). Домъ зажиточнаго китайца всегда дѣлится на нѣсколько половинъ, въ зависимости отъ числа женъ. Главную часть обстановки комнатъ составляетъ идущая вдоль стѣнъ широкая нара, подъ которой проходитъ «канъ», или печка, напоминающая въ нашемъ крестьянскомъ быту «лежанку»; топка находится снаружи; теплота собирается и удерживается въ канѣ; вслѣдствіе этого зимою температура въ комнатѣ крайне неравномерная: на канѣ нестерпимая жара, а посреди комнаты вода замерзаетъ. Оконныя рамы большею частью значительныхъ размѣровъ, но только у очень богатыхъ вставлены въ нихъ стекла; въ большинствѣ же случаевъ стекло замѣняется промасленною бумагой. Предметы украшеній, встрѣчаемые, конечно, лишь въ богатыхъ домахъ, обнаруживаютъ полнѣйшую безвкусицу и совершенное отсутствіе потребностей хотя бы простѣйшаго комфорта: нерѣдко встрѣтить въ домѣ богатаго чиновника или купца 5—8 стѣнныхъ часовъ въ одной комнатѣ, нѣсколько висячихъ лампъ, которыя, однако, никогда не зажигаются, стѣнные зеркала, подвѣшенные такъ, что надо уцѣпиться за потолокъ, чтобы увидѣть въ нихъ свою фізіономію и т. п. На нары ставятся невысокіе столики, вокругъ которыхъ и садятся, поджавши ноги.

Въ отношеніи костюма и внѣшняго вида китайнокъ, необхо-

димо отмѣтить слѣдующую особенность, представляющую въ этомъ отношеніи большое сходство съ японками: какъ бы ни былъ убогъ и жалокъ костюмъ китайянки, прическа на головѣ всегда очень за-тѣйлива и въ полномъ порядкѣ, съ разными булавками, а иногда и бумажными цвѣтами; нерѣдко встрѣтить китайянку на полевыхъ работахъ въ невозможныхъ отрепьяхъ, но непремѣнно съ густо намазанными и тщательно причесанными волосами, напоминающую вполне нѣчто въ видѣ голаго франта въ цилиндрѣ. Молодые, да и зрѣлыя и перезрѣлыя китайянки употребляютъ въ большомъ количествѣ румяна и бѣлила. Уродованіе ногъ среди сунгарійскихъ китайянокъ ¹⁾ не принято; но со времени заселенія этого края выходцами изъ восточныхъ и южныхъ провинцій Срединнаго Китая встрѣчаются уже и по Сунгари во многихъ селеніяхъ франтики съ маленькими уродливыми ножками, которымъ начинаютъ подражать и мѣстныя уроженки. Замѣчательно, что этотъ дикій обычай уродованія ногъ почти вывелся среди женщинъ высшаго и даже средняго круга, въ которомъ прекрасная половина имѣетъ возможность предаваться *dolce far niente*, хотя съ уродливыми, негодными для ходьбы, но изящными ножками, тогда какъ женщины низшаго класса, которымъ ноги очень нужны, въ поискахъ за добываніемъ насущнаго пропитанія, продолжаютъ и по настоящее время уродовать до крайности свои ноги. Въ 1895 году мнѣ пришлось видѣть въ Гонолулу высадку китайскихъ переселенцевъ, среди которыхъ было немало женщинъ; нельзя было безъ жалости смотрѣть на бѣдныхъ китайянокъ съ козыми копытами вмѣсто человѣческихъ ногъ, съ которыми онѣ не могли не только двигаться, но и устоять на мѣстѣ, на слегка качавшемся суднѣ, безъ посторонней помощи.

II.

Китайцы—народъ очень гостепріимный, но лишь съ казовой стороны, то-есть щедръ на угощеніе лишь людей нужныхъ, отъ которыхъ можно ожидать реваншъ въ той или иной формѣ. Искренняго, радушнаго гостепріимства къ иностранцамъ нѣтъ, да и быть не можетъ, такъ какъ оно было бы въ совершенномъ противорѣчій съ затаенною враждой, которую китайцы питаютъ ко всѣмъ янъ-гоузамъ, вломившимся къ нимъ насильно въ видѣ друзей или культуртрегеровъ. Какъ бы то ни было, а мнѣ лично, во время моей побѣдки по Сунгари, пришлось выдержать безконечный рядъ званныхъ обѣдовъ; при этомъ необходимо замѣтить, что званный китайскій обѣдъ тянется 3—4 часа, такъ что, не желая отклонять

¹⁾ Согласно существующему старому закону, китайянкамъ не разрѣшается выѣзжать за Великую стѣну, т.-е. за предѣлы Срединнаго Китая, но фактически законъ этотъ плохо соблюдается.

поступавшія иногда съ разныхъ сторонъ приглашенія, приходилось отбывать эти обѣды съ 7 часовъ утра и до поздняго вечера. Китайская кухня, по своей исключительной оригинальности, стоитъ того, чтобы о ней сказать нѣсколько словъ. Въ ряду нашихъ синологовъ немало горячихъ поклонниковъ китайской гастрономіи, которые пѣли ей безконечныя диѳирамбы, ставя ее во всѣхъ отношеніяхъ выше европейской.

Главное достоинство китайской кухни заключается прежде всего въ достиженіи значительнаго разнообразія пищи, при наименьшемъ обремененіи желудка: полный китайскій обѣдъ, какъ сейчасъ увидимъ, состоитъ изъ 64 блюдъ, которыя какъ-то укладываются незамѣтнѣе десятка нашихъ традиціонныхъ блиновъ.

Званный обѣдъ у китайцевъ всегда обставленъ большою торжественностью. Гости, по степени важности, распредѣляются въ нѣсколькихъ комнатахъ; хозяинъ помѣщается, конечно, съ самимъ виновникомъ торжества, которому дается обѣдъ; въ сосѣднихъ комнатахъ размѣщаются прочіе гости, которыхъ угощаетъ замѣститель хозяина. Обѣдъ начинается съ лянъ-сай—холодныхъ закусокъ, которыхъ подается 8 различныхъ сортовъ: искусно нарѣзанное тончайшими ломтиками разное мясо, дичь, національныя китайскія блюда—трепанга, акулы перья, морская капуста, струганная яича, приготовленная на китайскій ладъ, разная зелень и т. п. Затѣмъ подають 8 цхау-панъ—разное жареное мясо: свинина, баранина, медвѣжатина, домашняя птица и т. п. Послѣ цхау-панъ подають 8 сладкихъ блюдъ, какъ *entre-mets*, состоящій изъ изюма, леденцовъ, китайскихъ бисквитовъ и т. п. Послѣ сладкаго слѣдуютъ 8 цунгъ-ванъ—супы, а затѣмъ опять сладкое, послѣ чего подають 8 тавенъ—разное вареное мясо. Въ заключеніе всего, подають самоваръ, но не съ кипяченою водою, а съ безконечнымъ ассортиментомъ разнаго мяса, нарѣзаннаго тончайшими ломтиками, декорированнаго иногда съ большими претензіями; все это кладется въ разныя отдѣленія, на которыя въ китайскомъ самоварѣ разгорожена та часть, гдѣ въ нашемъ самоварѣ помѣщается вода. Эти заключительныя блюда варятся тутъ же на столѣ при гостяхъ, распространяя кругомъ обычный ароматъ кухни, смѣшанный съ отвратительнымъ запахомъ кунджутнаго масла. Наконецъ, въ знакъ того, что обѣдъ конченъ, подаются небольшія чашечки сухого варенаго риса. Впрочемъ, иногда гостепріимный хозяинъ нарочно мистифицируетъ своихъ гостей тѣмъ, что послѣ заключительнаго риса, когда гость собирается вздохнуть свободно, начинаютъ опять все сначала—лянъ-сай, цхау-панъ и т. д., преподнося своимъ гостямъ безъ передышки второе изданіе только что пережитаго ими обѣда.

Въ сервировкѣ и внѣшней отдѣлкѣ блюдъ китайскіе повара большіе мастера; тутъ сказываются присущія китайцамъ терпѣніе

и усидчивость труда, которыя тратятся на ви́шнюю отдѣлку и декорацию подаваемыхъ блюдъ. Это одинаково относится, какъ къ обѣдамъ изысканнымъ, такъ и къ убогой трапезѣ простолюдиновъ: мнѣ пришлось однажды видѣть приготовленіе обѣда китайской рабочей артели, въ которой дневное питаніе человѣка обходилось на наши деньги въ одну копейку (20 чоухъ); и при всемъ томъ морковь и свекла нарѣзаны были такъ художественно, что трудно было вѣрить, что это сдѣлано руками человѣка, а не машиной; Зато вся эта художественная стряпня была окутана такимъ душой выворачивающимъ смрадомъ, что непривычному человѣку невозможно было тутъ оставаться больше минуты. Въ отношеніи изобрѣтательности китайскіе повара тоже значительно перецеголяли своихъ европейскихъ собратьевъ. Мнѣ пришлось однажды быть случайнымъ гостемъ китайскаго чиновника средней руки: несмотря на неожиданность моего посѣщенія, гостепріимный хозяинъ умудрился таки угостить меня обѣдомъ изъ 24 блюдъ, которыя всѣ, безъ исключенія, приготовлены были изъ одного поросенка; кажется, даже копыта были пущены въ ходъ, а изъ крови какимъ-то способомъ приготовлены были два блюда, въ видѣ весьма красивыхъ грибовъ.

На европейскій вкусъ всѣ блюда китайскія, при первомъ знакомствѣ съ ними, кажутся очень непривлекательными: прежде всего отталкиваетъ трепанга. Это—морской червь (*Holoturia atra* и *Holoturia adulis*) довольно большихъ размѣровъ, до 5—6 вершковъ въ длину, съ сосковидными отростками по всему корпусу. Для продажи трепанга сохраняется въ соленомъ и сушеномъ видѣ, а передъ употребленіемъ ее варятъ очень долго, вслѣдствіе чего она разбухаетъ, становится студенистой и приобретаетъ очень неаппетитный видъ; на вкусъ трепанга сильно напоминаетъ вязигу. Весьма своеобразенъ способъ приготовленія яицъ (пень-данъ, то-есть видоизмѣненные яйца) на китайскій ладъ: въ кипятокъ кладутъ соль, известь, черноземъ, укусуъ, кедровый хвой, и въ этомъ приходится варить яйца иногда въ теченіе двухъ недѣль, пока бѣлокъ совершенно преобразуется и получаетъ насквозь темнозеленый цвѣтъ; въ восточныхъ и южныхъ провинціяхъ готовятъ особаго рода замазку, въ которой яйца выдерживаются годъ и болѣе. Всѣ блюда на вкусъ очень прѣсны, такъ какъ китайской кухнѣ неизвѣстно употребленіе соли; иногда кушанье приправляется соей, приготовляемой изъ каулэна (родъ проса), выдерживаемой въ подвалахъ такъ долго, что сложилась народная поговорка, согласно которой качество сои цѣнится по количеству крысъ, потонувшихъ въ чанахъ...

Изъ спиртныхъ напитковъ подаютъ къ столу въ маленькихъ металлическихъ чайникахъ сулю—подогрѣтую водку, приготовляемую изъ каулэна и содержащую въ себѣ значительную примѣсь

сивушнаго масла¹⁾. Въмѣсто ножей и вилокъ употребляются квайзы (палочки), которыя, при достаточномъ навыкѣ, даютъ возможность свободно брать ими все, что нужно; впрочемъ, китайцамъ квайзы служатъ прямо для выгребанія пицци изъ чашекъ непосредственно въ ротъ.

За обѣдомъ хозяинъ беретъ обыкновенно каждое блюдо изъ рукъ слуги и, приподнявъ выше головы, подноситъ гостю. По принятому обычаю, каждый изъ гостей, сидящихъ за однимъ столомъ (обыкновенно не больше 4-хъ), считаетъ долгомъ, прежде чѣмъ отвѣдать каждое блюдо, положить сначала своимъ сосѣдямъ; это непрерывное подкладываніе съ двухъ сторонъ производится съ небольшою настойчивостью, чѣмъ угощеніе нашего безсмертнаго Демьяна, невзирая ни на какіе протесты страдательной стороны; поэтому въ чашечкѣ гостя получается въ концѣ концовъ такой невообразимый винигретъ, въ которомъ и китайскій чортъ сломалъ бы ногу. Это подало поводъ нашимъ пограничнымъ офицерамъ, при угощеніи китайцевъ, весьма легко и просто состряпать обѣдъ даже изъ бѣльшаго числа блюдъ, чѣмъ у китайцевъ, — стоитъ только предоставить денщику смѣшивать убираемые со стола остатки.

III.

Изъ общественныхъ развлеченій въ Маньчжуріи, какъ и въ Китаѣ вообще, первое мѣсто принадлежитъ театру, возникновеніе котораго относится еще ко времени династіи Суэ, правившей Поднебесной имперіей за VIII вѣковъ до Р. Х. Несмотря на эту сѣдую старину, сценическое искусство въ Китаѣ еще до сихъ поръ остается въ младенческомъ состояніи и не ушло дальше неестественныхъ уморительныхъ кривляній, совершенно не соответствующихъ иногда даже содержанію представляемой пьесы. Но чѣмъ китайскій театръ стоитъ выше европейскаго, — это его абсолютною общественностью и непосредственнымъ, широкимъ вліяніемъ на народныя массы, такъ какъ зрительною залой китайскаго театра служитъ обыкновенно базарная площадь. Театральныя представленія служатъ лю-

¹⁾ Кроме того, въ Сунгарійскомъ краѣ производится еще въ большомъ количествѣ ханшинъ — та же водка весьма скверныхъ качествъ, приготовляемая изъ проса, дѣйствующая крайне вредно на организмъ человѣка. Ханшинъ въ большомъ количествѣ вывозится контрабанднымъ путемъ на Амуръ, гдѣ раскупается нашими прибрежными казаками и кочующими инородцами, такъ какъ продается въ нѣсколько разъ дешевле нашей водки; кроме того, въ глазахъ усердныхъ потребителей спиртныхъ напитковъ, ханшинъ имѣетъ еще то своеобразное преимущество предъ водкой, что послѣ опьяненія отъ ханшина «выпилъ воды стаканъ и опять пьянъ», такъ что, по словамъ казаковъ, «опохмелиться послѣ ханшина ничего не стоитъ».

бимымъ развлеченіемъ китайской толпы и устраиваются при всякомъ удобномъ случаѣ, преимущественно же во время религиозныхъ праздниковъ или семейнаго торжества у какого нибудь богатаго купца или нойона. По примѣру древнихъ грековъ и римлянъ, чтобы снискать себѣ расположение народныхъ массъ, многіе богатые купцы устраиваютъ театральныя представленія на собственный счетъ, выписывая иногда издалека прославившіяся труппы, угощая своихъ согражданъ игрой театральныхъ знаменитостей въ теченіе недѣли, мѣсяца и болѣе. Постоянныхъ театровъ нѣтъ, однако во всей Маньчжуріи, да и во всемъ Китаѣ, постоянныхъ театровъ можно насчитать лишь 3—4, въ нѣкоторыхъ портовыхъ городахъ; обыкновенно же театральныя представленія даются на подмосткахъ, сооруженныхъ въ минуту надобности, на наиболѣе людныхъ мѣстахъ, около главныхъ кумиренъ и т. п.

Въ виду тѣсной связи, существующей между театромъ и народными массами, драматическая литература въ Китаѣ выросла на почвѣ народнаго эпоса и по обширности своей не имѣетъ себѣ равной въ мірѣ: въ одно лишь царствованіе императора Юень написано было свыше тысячи томовъ. Присутствуя въ Хуланъ-ченѣ при театральномъ представленіи, мнѣ предложено было самому выбрать пьесу, и для этой цѣли мнѣ предъявили сборникъ въ 500 пьесъ, при чемъ артисты увѣряли, что они насчитываютъ въ своемъ репертуарѣ свыше 3.000 пьесъ.

Въ древнія времена театральныя представленія въ Китаѣ назывались «развлеченіями тихой улицы», «плодами цвѣтущаго сада» и тому подобными патетическими названіями. Содержание пьесъ сводится обыкновенно къ выраженію различныхъ формъ сыновней любви, пользы просвѣщенія, взаимнымъ обязанностямъ правящихъ классовъ и народныхъ массъ, осмѣиваются недостатки и пороки администраціи, затрагиваются, наконецъ, и вопросы общечеловѣческаго свойства.

Изъ оказавшагося подъ рукой сборника театральныхъ произведеній я выбралъ для представленія двѣ пьесы: одну историческаго содержанія, подъ названіемъ «Лухахо» (нѣкоторое княжество, существовавшее въ прежнія времена въ Китаѣ), а вторую-бытовую, подъ названіемъ «Та-Цзауанъ» (нѣчто въ родѣ нашего домового). Сюжетъ первой пьесы заключается въ слѣдующемъ. Сынъ царскій задумалъ жениться по любви на иностранкѣ, помимо отцовскаго благословенія; послѣ долгихъ колебаній онъ сообщаетъ это родителямъ. Мать сразу сдается на просьбу сына, но отецъ слышать не хочетъ и приказываетъ за такое нарушеніе сыновнихъ обязанностей посадить своего сына въ тюрьму и казнить. Обильныя слезы царицы и принца пробуждаютъ, однако, отцовскую любовь: сынъ прощенъ и женится на любимой дѣвушкѣ; но оказывается, что онъ вводитъ въ домъ уже беременную невѣсту, которая уже

отдалась другому ¹⁾). Мораль понятна. Такимъ образомъ, вмѣсто поѣствованій о былыхъ подвигахъ и завоеваніяхъ, пьесы историческаго содержанія въ Китаѣ напитаны все одною и тою же сентенціей, на тему о почитаніи родителей.

Содержаніе второй пьесы «Та-Цзауанъ» представляетъ собою безконечное сплетеніе разныхъ отношеній бытовыхъ, религіозныхъ, социальныхъ, въ соединеніи съ любовными интрижками и т. п., знакомя съ міровоззрѣніемъ китайцевъ на всевозможныя злобы житейскаго міра. Дѣйствіе происходитъ въ одномъ изъ городовъ Маньчжуріи; сюжетъ—весьма несложный: живутъ нераздѣльно три семейныхъ брата, среди которыхъ появляется разладъ на почвѣ ревности и раздѣла имущества. Главныя роли отведены среднему брату—крайне плутоватому полицейскому служителю «яи» ²⁾, и женѣ младшаго брата—молодой, красивой и задорной китаянкѣ, которая старается перехитрить всѣ плутни изобрѣтательнаго яи.

Необходимо замѣтить, что на сцену китайскаго театра женщины не допускаются; поэтому въ пьесѣ «Та-Цзауанъ» женскія роли исполняли мальчики 14 и 16 лѣтъ, которые, повидимому, совершенно освоились со сценою, обнаруживъ замѣчательную свободу и ловкость игры; тщательная гримировка, порядочные женскіе костюмы и искусная мимика давали въ общемъ полную иллюзію, и никакъ не хотѣлось вѣрить, что это—не женщины, а мужчины.

Вообще пьесы бытового характера обставляются и разыгрываются всегда болѣе естественно и ближе къ дѣйствительности. Зато историческія драмы, въ особенности тѣ, въ которыхъ фигурируютъ богдыханы и мандарины, поражаютъ нелѣпостью игры и уродливостью обстановки: среди ходульных манеръ и фразъ, бьющихъ на сановитую важность, прорываются вдругъ уморительныя ухватки, которыя совсѣмъ не вяжутся съ надутою чопорностью мандариновъ, напоминая скорѣе нашихъ раешниковъ.

Монологи выкрикиваются нараспѣвъ, при чемъ бѣдные актеры надрываются до хрипоты, стараясь перекричать дикую пронзительную музыку и неумолкаемый гомонъ несмѣтной толпы базара; высокопарный монологъ императора на сценѣ иногда неожиданно заглушается звонкимъ выкрикиваніемъ продавца лепешекъ, протискавагося чрезъ толпу зрителей прямо къ сценѣ. Покончивъ съ очереднымъ монологомъ, актеръ быстро отходитъ въ сторону и тутъ же, на сценѣ, съ жадностью хватается за чашку чая... Костюмы на

¹⁾ Помимо позора, это по китайскимъ понятіямъ предвѣщаетъ всегда большое несчастье.

²⁾ Яи означаетъ, вообще, «подлый» народъ, къ которому въ Китаѣ причисляютъ актеровъ, цирюльниковъ, почтарей и содержателей публичныхъ домовъ. Яи считаются на низшей ступени общества, и со всѣмъ своимъ потомствомъ не допускаются ни къ какимъ экзаменамъ, дающимъ право на общественную или государственную службу.

китайской сценѣ еще сносны, но гримировка уморительная: усы изъ пакли, длиною въ полъ-аршина, для бѣльшаго удобства прицѣплены къ ушамъ; борода—къ верхней губѣ; нѣкоторые лицедѣи играютъ въ уродливыхъ маскахъ, а за неимѣніемъ масокъ, размазываютъ лицо подобающимъ образомъ, замѣняя бѣлила и румяна известкой, жженымъ кирпичемъ и тому подобнымъ дешевымъ матеріаломъ.

Непремѣнную принадлежность китайскаго театра составляетъ оркестръ музыки изъ четырехъ инструментовъ: ху-кингъ (двухструнная китайская скрипка), куанъ-ца (мѣдныя тарелки), ку (барabanъ) и панъ (нѣчто въ видѣ кастаньетъ изъ двухъ дощечекъ). Пронзительная крикливость этой раздражающей музыки превосходитъ всякое вѣроятіе и точно гипнотизируетъ слушателя непрерывными раздражающими звуками, въ которыхъ европейскому слуху трудно уловить хотя бы намекъ на мелодію.

IV.

Возвращаясь къ характеристикѣ китайскихъ администраторовъ, полагаю не лишнимъ напомнить, что при сношеніяхъ съ китайскими властями необходимо имѣть въ виду, что китайцы въ глубинѣ характера отличаются крайнимъ миролюбіемъ, и весьма охотно и быстро преклоняются предъ всякимъ совершившимся фактомъ, хотя бы за минуту передъ тѣмъ становились на дыбы, когда ихъ скромно и легально просили о томъ же. Сколько разъ, проѣзжая по улицамъ сунгарійскихъ городовъ, я настойчиво просилъ разрѣшенія сопровождавшаго меня начальника конвоя осмотрѣть казармы хотя бы полицейской команды; но мнѣ всегда отвѣчали неизмѣнно, что начальствомъ не разрѣшено, а ворота импаней (казармъ) при моемъ проѣздѣ быстро запирались снаружи и внутри. Такъ, вѣроятно, мнѣ и не удалось бы осмотрѣть казармы, еслибы не рѣшился на крутую мѣру: прогнавъ конвой, я приказалъ бывшимъ со мной двумъ казакамъ налечь на ворота. Начальникъ конвоя при этомъ улыбался во весь ротъ, а впоследствии, въ интимномъ разговорѣ, оправдывая мою настойчивость, выразился, что давно такъ слѣдовало: «вѣдь не могу же,—разсуждалъ онъ,—вводить васъ въ импань, когда на это не было разрѣшенія, а вломилась въ ворота сами,—это ужъ не мое дѣло; не могу же воевать изъ-за этого; у вашихъ казаковъ ружья куда лучше, чѣмъ у моихъ яи».

Китайскіе чиновники вообще крайне щедры на словахъ, обѣщаютъ все, что угодно, съ заранѣе обдуманымъ намѣреніемъ не исполнить ничего изъ обѣщаннаго, хотя бы рѣчь шла о пустякахъ; при этомъ въ свое оправданіе громоздятъ цѣлый ворохъ съ ки-

тайской точки зрѣнія хитроумныхъ, а въ сущности всегда очень наивныхъ сплетеній, которыми думаютъ одурачить противника. Но и въ такихъ случаяхъ, при достаточной настойчивости, можно добиться требуемаго. Могу для примѣра привести слѣдующій фактъ. Въ Сань-Синѣ мнѣ, между прочимъ, желательно было осмотрѣть китайскую тюрьму. Кто не слышалъ про легендарные китайскіе клоповники съ ихъ фантастическими ужасами, которые съ незапамятныхъ временъ слывуть притчей во языцѣхъ. Мнѣ дѣйствительно приходилось видѣть «легкія» дисциплинарныя наказанія за мелкіе проступки, которыя казались ужасными съ точки зрѣнія европейской морали: сплошь и рядомъ встрѣчаются, напримѣръ, на улицѣ люди съ тяжелыми квадратными колодками на шеѣ, которыя лишаютъ человѣка возможности спать, лечь, сидѣть удобно; такъ мучатся съ этою колодкой на шеѣ мѣсяцъ и болѣе, оставаясь на «свободѣ»; все это за мелкіе проступки (мелкое воровство, неуплоченныя недоимки, неуваженіе къ родителямъ и т. п.). Что же послѣ этого дѣлается въ китайскихъ тюрьмахъ?.. Воображеніе разыгрывалось, такъ сказать, на законной почвѣ, и мое любопытство видѣть эти тюрьмы будетъ вполне понятно. Для этого я заручился торжественнымъ разрѣшеніемъ фу-дутуна, который при всѣхъ подозвалъ одного изъ чиновниковъ и приказалъ ему сопровождать меня въ тюрьму. На слѣдующій день дѣйствительно явился чиновникъ, но объявилъ, что въ этотъ день тюрьму посѣтить нельзя, потому, якобы, что день не ямыньскій, т. е. неприсутственный. Причина эта, конечно, была пустая, такъ какъ для осмотра тюрьмы не требовалось никакихъ «присутствій»¹⁾. Очевидно было, что подъ чѣмъ нибудь наставленіемъ фу-дутунъ раскаялся въ данномъ разрѣшеніи и теперь прибѣгаетъ къ обычнымъ китайскимъ уловкамъ. Не желая отказаться отъ своего намѣренія, я все-таки отправился въ ямынь (на дворѣ котораго помѣщается тюрьма), гдѣ въ теченіе девяти часовъ, съ 7 час. утра до 4 час. по полудни, ямыньскіе дьяки неустанно плели всякія небылицы, все съ цѣлью уговорить меня отказаться отъ осмотра тюрьмы, доказывая, что въ тюрьмѣ все люди злые, что бросаются на посѣтителей, что ищутъ и не находятъ зрителя тюрьмы, что зритель найденъ, но у него ключъ потерянъ и т. п.

¹⁾ Ямыньскіе дни въ Сань-Синѣ назначаются чрезъ каждые пять дней: 1, 5, 10, 15, 20, 25 и 30 числа каждаго мѣсяца; день же, про которой идетъ рѣчь, приходился по китайскому календарю на 7-е число мѣсяца. Вообще служебныя занятія въ ямыняхъ начинаются ежедневно съ восхода солнца и продолжаются до заката; но на ежедневныя занятія являются не всѣ чиновники, а лишь очередная смѣна, которая, такъ сказать, дежуритъ чрезъ каждые пять дней. Праздничный отдыхъ бываетъ только три раза въ году: въ новый годъ (бываетъ въ февралѣ), въ 5-е число 5-й луны, посвященный водяному дракону—богу влаги, и въ 8 число 15 мѣсяца—празднуемый въ честь луны.

Къ вечеру, однако, тюрьма была все-таки открыта...

Въ проходѣ у воротъ сидѣла женщина въ клѣткѣ, прикованная на цѣпи; тяжелый желѣзный обручъ обхватывалъ шею этой несчастной страдальцы безъ всякихъ сколько нибудь предохраняющихъ аксессуаровъ въ родѣ, на примѣръ, суконной или кожаной подклейки, чтобы облегчить треніе желѣза о голое тѣло. Это была единственная заключенная женщина въ этой тюрьмѣ; она приговорена была къ смертной казни за убійство мужа, въ собоществѣ со своимъ любовникомъ, и въ клѣткѣ на цѣпи ее держали уже пятый мѣсяцъ и еще не видно было конца этой пытки. Невыразимо жалкій, удрученный видъ этой страдальцы, съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ и блуждающимъ взоромъ, невольно потерявшей всякій стыдъ въ своей убогой ветоши, которая кой-гдѣ лишь покрывала наготу женскаго тѣла, — все это вызывало состраданіе даже тюремщиковъ, которые, по ихъ словамъ, признавали за лучшее отрубить ей скорѣе голову.

Въ глубинѣ прохода небольшая низенькая калитка вела въ тюремный дворъ; впрочемъ, это громкое названіе едва ли примѣнимо къ тому, что открылось передъ моими глазами: въ углу небольшого грязнаго двора, окруженнаго высокою полуобвалившеюся глинобитною стѣной, прижалась убогая полуземлянка въ 30—40 квадрат. шаговъ; это-то и былъ тюремный «замокъ», увидѣть который мнѣ далось съ такимъ трудомъ. На половину эта убогая постройка была землей, а вся вышина внутри едва допускала выпрямиться человѣку средняго роста; никакихъ оконъ или отверстій, чрезъ которыя могъ бы проникнуть лучъ свѣта въ это безпросвѣтное обиталище обездоленныхъ и отверженныхъ судьбой; лишь одна дверь, или, вѣрнѣе, небольшая дыра, открываемая по временамъ, пропускала изрѣдка скудные лучи солнца въ эту затхлую яму.

При моемъ входѣ, во дворъ вывели 29 заключенныхъ, которыхъ заставили продефилировать мимо меня. Тяжелое, удручающее впечатлѣніе производили несчастные узники въ колодкахъ на шеѣ и ногахъ, въ грязнѣйшихъ лохмотьяхъ, которыя слабо и уродливо прикрывали лишь до колѣнъ наготу невѣроятно изможденныхъ ногъ; крайняя вялость мышцъ, землистый цвѣтъ лица, уродливые обвислые животы указывали на скудное питаніе; дикіе блуждающіе глаза, выражавшіе безпросвѣтное страданіе, смѣшанные съ грязью всключенные волосы, гноящіяся раны на ногахъ подъ колодками—все это заставило скорѣе отвернуться отъ этой ужасной картины человѣческихъ страданій. Чѣмъ и какъ питаются эти несчастные узники, легко себѣ представить, если вспомнить, что отъ казны ничего не отпускается на ихъ продовольствіе, которое рассчитано лишь на даянія доброхотныхъ жертвователей.

— Ну, а если изсякнуть пожертвованія?—спросилъ я тюремщика.

— Тогда намъ самимъ придется голодать не хуже этихъ хунхузовъ...

Не имѣю въ виду здѣсь знакомить читателя во всей подробности съ установившимся въ Маньчжуріи обычаями судебными и карательными; но, разъ коснувшись внѣшняго факта въ этой области,—затронувъ описаніе санъ-синьской тюрьмы,—считаю нелишнимъ представить краткую характеристику, хотя бы въ общихъ чертахъ, суда и наказаній въ Маньчжуріи.

Основной китайской юрисдикціи служитъ признанная религиозною и житейскою моралью власть старшихъ вообще и въ особенности культъ родительской власти. Въ полной аналогіи съ этимъ краеугольнымъ камнемъ всего китайскаго міровоззрѣнія стоитъ власть богдыхана, какъ отца отечества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и власть всѣхъ чиновниковъ, поставленныхъ императоромъ.

Сущестующій въ Китаѣ кодексъ законовъ давнымъ давно покрытъ сѣдою стариной—свыше четырехъ тысячелѣтій, такъ какъ законы эти написаны при императорахъ Яо и Шунь за 22 столѣтія до Рождества Христова. Съ теченіемъ времени эти кодексы покрылись вѣковыми наростами безконечныхъ толкованій позднѣйшихъ мудрецовъ, такъ что въ настоящее время являются только справочною книгой для законодателей новѣйшей формации. Фактически же правовыя отношенія жителей Поднебесной имперіи регулируются просто общественною совѣстью, а когда дѣло коснется суда, то произволомъ судей и администраторовъ.

Воспитанные, съ одной стороны, дикимъ, необузданнымъ произволомъ властей, а съ другой — благоговѣйнымъ страхомъ предъ властью старшихъ, окруженною ореоломъ религіознаго поклоненія, китайцы въ плоти и крови свыклись и сжились съ великимъ принципомъ непротивленія злу, и покорно и безропотно переносятъ всякія невзгоды жизни, обрушивающіяся со стороны властей. Личность и имущество даже весьма почтенныхъ гражданъ города зависятъ иногда отъ вымогательства мѣстныхъ администраторовъ и судей. Въ Маньчжуріи этотъ деспотизмъ усугубляется еще тѣмъ, что въ городахъ со смѣшаннымъ населеніемъ маньчжуръ и китайцевъ¹⁾ въ лицѣ одного администратора чжи-сяня сосредоточиваются

1) Необходимо замѣтить, что, согласно существующимъ стародавнимъ законамъ, китайцы не имѣютъ права осѣдлости въ городахъ Маньчжуріи. Фактически, однако, всѣ безъ исключенія капиталы, крупное землевладѣніе, торговля и промыслы въ Маньчжуріи сосредоточены въ рукахъ китайцевъ, которые преобладаютъ даже по количеству городского населенія. Законъ этотъ обходится при помощи особой юрисдикціи, которой подчиняются китайцы въ городахъ со смѣшаннымъ населеніемъ.

Замѣчу также, что между китайцами и маньчурами, какъ между туземцами и завоевателями, существуетъ бесспорно скрытый антагонизмъ, хотя и не бросающійся въ глаза. Казалось бы, маньчжуры вполне растворены въ массѣ китайскаго населенія не только въ отношеніи костюма, обычаевъ и религіозныхъ

разнородныя функціи—судебныя, административныя, исполнительныя и даже контроль надъ его собственными дѣйствіями, такъ какъ, въ случаѣ обжалованія его приговора, ему же самому поручается пересмотръ дѣла.

Неудивительно поэтому, что лихоимство, вымогательство и дикій произволъ этихъ администраторовъ не знаютъ иногда удержку, въ особенности при голодномъ аппетитѣ. При моемъ проѣздѣ чрезъ Баянь-Сусу тамъ сидѣлъ въ тюрьмѣ на цѣпи бывшій за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ чжи-сянь въ томъ же городѣ. Этотъ администраторъ придрался къ первому богачу и всѣми уважаемому почтенному коммерсанту, нѣкому Ванъ-Шень-Пу, обвиняя его въ томъ, что хлѣбъ, который онъ скупаетъ для отправки на Амуръ, предназначается въ дѣйствительности для воевавшихъ тогда съ китайцами японцевъ. Несмотря на очевидную негѣпость обвиненія, чжи-сянь продержалъ таки купца въ тюрьмѣ двѣ недѣли, угощая каждый день бамбукомъ, и выпустилъ на свободу лишь послѣ взятки въ 800 рублей. Этотъ же чжи-сянь, по разсказу китайцевъ, открыто состоялъ въ дѣлежѣ съ хунхузами, грабившими по Сунгари, и даже убилъ одного солдата за особое усердіе въ ловлѣ хунхузовъ. Вѣроятно, этотъ воевода еще долго подвизался бы на своемъ поприщѣ, еслибы не описанный выше случай съ Ванъ-Шень-Пу, который вызвалъ заступничество амурскаго губернатора, вслѣдствіе чего чжи-сянь былъ смѣненъ и посаженъ въ тюрьму.

Продажность и злоупотребленія судей и администраторовъ санкціонированы даже особымъ закономъ, извѣстнымъ подъ названіемъ янь-тянь, т. е. «поощреніемъ безкорыстія». Это поощреніе безкорыстія заключается въ томъ, что каждому чиновнику или судѣй указанъ по его рангу предѣлъ общей суммы поборовъ отъ населенія, допускаемой закономъ; этотъ предѣлъ въ 50 и болѣе разъ превышаетъ окладъ жалованья, назначенный отъ казны. Въ другихъ провинціяхъ это отношеніе еще болѣе значительно въ смыслѣ кормленія отъ населенія; по свидѣтельству, напримѣръ, извѣстнаго путешественника, Грумъ-Гржимайло, гань-суйскій генераль-губернаторъ имѣетъ доходовъ отъ населенія свыше 20.000 ланнъ, т. е. 40.000 рублей, а жалованья отъ казны ему положено всего лишь 200 ланнъ. Легко представить себѣ послѣ этого, какимъ искушеніямъ подвергнуто правосудіе въ Китаѣ.

И дѣйствительно, жертвою судей становятся не только тяжущіяся стороны, но и свидѣтели и всѣ прикосновенные къ дѣлу;

вѣрованій, но даже внѣшнія типическія особенности изгладились настолько, что лишь опытный глазъ отличить китайца отъ маньчжура; казалось бы также, что и политическое вліяніе въ Китаѣ размежевано между китайцами и маньчжурами такъ, что взаимной враждѣ не должно бы быть мѣста. При всемъ томъ, этотъ антагонизмъ несомнѣнно существуетъ: китаецъ всегда протестуетъ, когда его называютъ маньчжуромъ, и наоборотъ; дѣти въ школахъ учатся отдѣльно и т. п.

всѣ одинаково подвергаются пыткамъ, когда требуется добыть нужную истину, или просто ради вымогательства. Процессуальная сторона судопроизводства обставлена крайне просто: судья возсѣдаетъ обыкновенно на грязной нарѣ, передъ которой ставится столъ, покрытый кускомъ затасканнаго сукна неопредѣленнаго цвѣта; на столѣ находится грязный, обтрепанный приборъ для разведенія туши. Вотъ и вся торжественность обстановки судилища; нерѣдко приходилось видѣть, что почти въ самомъ этомъ храмѣ Ѳемиды помѣщается колесница судьи для предохраненія ея отъ непогоды, а между тѣмъ рядомъ тяжущіяся стороны и свидѣтели, изъ уваженія къ этому священному мѣсту, должны давать свои показанія стоя на колѣняхъ.

Обычными, такъ сказать, домашними, орудіями пытки служатъ раньше всего бамбучины, съ которыми такъ сроднился административный домострой китайцевъ, что эта бамбуковая каша воспѣта даже народною поэзіей на всякіе лады; бамбуковыя палки оканчиваются плоскимъ расширеннымъ концомъ, которымъ бьютъ по голымъ ногамъ. Затѣмъ большимъ распространеніемъ пользуются упомянутыя выше колодки, или канга¹⁾; онѣ свинчиваются изъ двухъ половинокъ на шеѣ, или на рукахъ, или на ногахъ (на самой щиколоткѣ). Если канга примѣняется, какъ наказаніе, то наклеивается большой ярлыкъ, въ которомъ повѣствуется, за чѣмъ именно и на какое время навѣшана канга, и наказуемый отпускается на свободу. Для нанесенія пощечинъ въ большомъ употребленіи особая кожаная подошва, длиннѣе обыкновенной, состоящая изъ двухъ-трехъ кожаныхъ листовъ, сшитыхъ вмѣстѣ. Существуютъ еще деревянные клещи, которыми схватываютъ и скручиваютъ носъ, уши и т. п.

Все это, какъ сказано, домашняя утварь, неразлучная при обыкновенномъ начальническомъ наставленіи. Войдя однажды невзначай въ ямынь въ Бодунэ, я наткнулся какъ-разъ на такую экзекуцію, которой тутъ же при всѣхъ подвергали нойона даже съ бѣлымъ шарикомъ.

Кромѣ этихъ орудій воздѣйствія домашняго свойства, существуетъ еще весьма разнообразный арсеналъ пытокъ, къ которымъ прибѣгаютъ не менѣе часто, какъ въ видѣ мѣры карательной, такъ и при допросахъ для извлеченія истины.

И въ этой области такъ же, какъ и во всѣхъ другихъ, оказалась вся косность китайцевъ и ихъ раболѣпное поклоненіе старинѣ: всѣ перечисленныя выше орудія пытки, унаслѣдованныя китайцами еще отъ императора Юо, существуютъ уже свыше 4 ты-

¹⁾ Сторона квадрата около 1—1¼ арш., толщина около ¼ арш., вѣсъ колодки будетъ приблизительно 1—2 пуда.

сячь лѣтъ и по этому одному считаются уже неприкосновенными въ настоящее время.

Когда нѣтъ подь рукой ни одного изъ упомянутыхъ инструментовъ пытки, патентованныхъ стариной, многіе, такъ сказать, свободномыслящіе прогрессисты прибѣгаютъ къ мѣрамъ воздѣйствія собственнаго изобрѣтенія, какъ тасканіе за косу, ставятъ голыми колѣнами на раскаленное желѣзо, а иногда подвѣшиваютъ за косу и поджариваютъ снизу пятки. При моемъ проѣздѣ по Сунгари хунхузы такимъ образомъ двѣ ночи подь рядъ пытали богатаго фермера въ селеніи Сусу и отпустили его со слабыми признаками жизни ¹⁾.

Съ внѣшней стороны жизнь въ Маньчжуріи крайне неприглядна, въ особенности въ городахъ, гдѣ все отравляется невѣроятнымъ зловоніемъ и грязью. Въ періодъ дождей грязь въ маньчжурскихъ городахъ прямо стихійная: въ пустую двухколесную арбу приходится иногда запрягать цугомъ 5—6 лошадей, чтобы протащить ее по главной улицѣ города; даже верхомъ трудно иногда пробираться по улицѣ, такъ какъ лошадь на каждомъ шагу попадаетъ въ выбоины и вязнетъ выше колѣнъ. Но суровыя китайскія церемоніи не уступаютъ этой грязи: при встрѣчѣ двухъ ѣдущихъ верхомъ посреди этой клоаки, они спѣшиваются въ грязь и отвѣшиваютъ другъ другу церемонный дзюи, погружаясь въ вонючую жижицу чуть ли не выше носа. Китайцы какъ-то сроднились съ грязью и зловоніемъ, которыя неразлучны съ ними всюду. Весьма видные участки главныхъ улицъ въ городахъ иногда обращены въ мѣста естественныхъ отравленій, гдѣ все продѣлывается на глазахъ снующей мимо толпы, при чемъ, чтобы не терять времени собесѣдники наслаждаются при этомъ безконечными разговорами и спорами...

И, точно въ насмѣшку, рядомъ съ этими загаженными мѣстами возвышаются иногда высокія триумфальныя арки съ патетическими надписями въ родѣ: «благоуханіе приходитъ съ Востока», «Базаръ душевнаго спокойствія», «Улица добрыхъ сердець» и т. п.

Единственнымъ отраднымъ исключеніемъ во всѣхъ сунгарійскихъ городахъ, среди этого безконечнаго моря грязи и вони, являлась колонія французскихъ миссіонеровъ въ Баянъ-Сусу. Небольшой скромный крестъ пріятно поражаетъ еще издали, подавляя жуткое сознаніе одиночества и заброшенности среди непривычнаго говора своеобразныхъ людей и костюмовъ и надоедливаго любопытства толпы. Колонія миссіонеровъ представляетъ собою ма-

¹⁾ Въ 1895 году такая пытка была случайно обнаружена во Владивостокѣ нижними чинами одного изъ расположенныхъ за городомъ баталіоновъ: небольшой патруль наткнулся на такую сцену недалеко отъ своихъ казармъ, гдѣ китайская артель пытала своего собрата, обвиняя его въ кражѣ денегъ; солдаты сняли его еле живого съ висѣлицы.

ленькій уголокъ Европы, заброшенный среди окружающей его чудовищной грязи: чисто вымощенный дворъ, взлелѣянный маленькій палисадникъ, школа, церковь и жилой кирпичный домъ,—все это окружено высокою кирпичною стѣной и содержится очень чисто. Каждое воскресенье въ церкви служатъ обѣдню, а китаецъ-проповѣдникъ говоритъ проповѣдь на китайскомъ языкѣ. Впрочемъ, сами миссіонеры окитаялись настолько, что свыклись вполне не только съ китайскимъ языкомъ, но и съ многочисленными обычаями, китайской кухней и т. п.

Городъ Баянъ-Сусу является вообще центромъ христіанской проповѣди среди китайцевъ, населяющихъ Маньчжурію; по словамъ миссіонеровъ, въ одномъ Баянъ-Сусу насчитывается свыше тысячи христіанъ, а вмѣстѣ съ окрестностями около трехъ тысячъ христіанъ и десять костеловъ... Невольно удивляешься энергіи и самоотверженной подвижнической жизни этихъ молодыхъ, пышащихъ здоровьемъ французскихъ миссіонеровъ, среди которыхъ я не видѣлъ ни одного старше 40—45 лѣтъ. Сколько безмѣрной любви, терпѣнія и истинной вдохновенной дѣятельности нужно, чтобы зарыть себя заживо на всю жизнь среди этой чуждой неприглядной обстановки!.. Хотя въ то же время досадно и жалко, что эта тяготящая къ намъ во всѣхъ отношеніяхъ сопредѣльная страна просвѣщается Христовымъ ученіемъ не нашими миссіонерскими братствами, находящимися тутъ, такъ сказать, о бокъ съ Маньчжуріей, въ Читѣ и Благовѣщенскѣ, а отдаленными проповѣдниками изъ Парижа питомцами *Séminaire des Missions Etrangères*. Жизнь миссіонеровъ здѣсь далеко непривольная: въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ имъ пришлось видѣть европейца лишь три раза; почту получаютъ чрезъ Инкоу лишь 2—3 раза въ годъ, преимущественно зимою. Китайцы-христіане весьма почтительно отзываются о миссіонерахъ; толпа также относится къ нимъ дружелюбно, но администрація сильно недолюбливаетъ миссіонеровъ, зная, что за ними стоятъ сильные заступники.

Жизнь въ Сунгарійскомъ краѣ очень дешева: годовое продовольствіе работника стоитъ около 10 китайскихъ тяо, или 3—4 рубля на наши деньги, а на 100 тяо, т. е. на 30—40 рублей, можетъ сытно прожить въ теченіе года семья въ 7—8 душъ, оплачивая эту суммой не только пропитаніе, но и квартиру, одежду и обувь¹⁾.

Впрочемъ, расходы на одежду и обувь вообще очень ограничены: весь костюмъ рабочаго люда въ теченіе большей части года состоитъ изъ однихъ холщевыхъ штановъ, а дѣти до 8—10 лѣт-

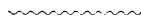
¹⁾ Вполнѣ вѣроятно, что въ настоящее время, подъ вліяніемъ новыхъ условій, возникшихъ съ постройкой грандіозной желѣзной дороги, жизнь въ Сунгарійскомъ краѣ значительно вздорожала.

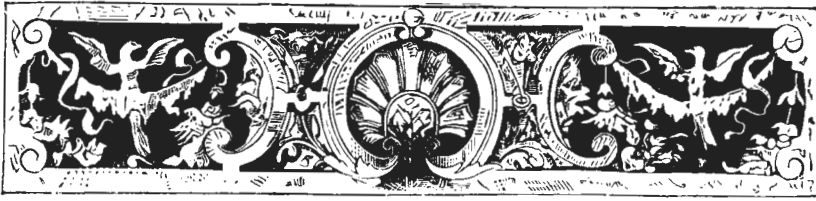
ного возраста ходятъ совсѣмъ нагія, безъ всякой одежды. Во всемъ прочемъ потребности жизни также крайне ограничены.

Замѣчу, въ заключеніе, что при всей неприглядности внѣшнихъ условій жизни въ Маньчжуріи жить собственно съ китайцами легко, благодаря ихъ крайнему миролюбію и уступчивости характера. Эта же національная черта китайцевъ дѣлала Поднебесную имперію во всѣ времена добычей чуждыхъ завоевателей.

Выше я уже имѣлъ случай упомянуть, что китайцы всѣмъ складомъ своего многовѣкового историческаго существованія, всѣми завѣтами своихъ многочисленныхъ философовъ и мыслителей и аскетическимъ ученіемъ буддійскаго мистицизма воспитаны на великомъ принципѣ «непротивленія злу». Эта истина направляетъ всю жизнедѣятельность китайцевъ, начиная отъ послѣднихъ мелочей и невзгодъ домашней жизни и кончая всѣми кризисами, переживаемыми въ наши дни государственною жизнью Китая. Поэтому мнѣ кажутся сомнительными всѣ страхи и опасенія, которыя иногда высказываются по поводу устроенной недавно императрицей-регентшей придворной революціи, или частыхъ возстаній, вспыхивающихъ въ разныхъ провинціяхъ Китая подъ вліяніемъ недовольства существующимъ режимомъ. Китайцы, въ массѣ, народъ консервативный до косности и невѣжественный до слѣпоты, — не знаютъ и знать не хотятъ про новомодныя реформы, которыя проповѣдываются въ портовыхъ городахъ, далекихъ и чуждыхъ отъ жизни настоящаго Китая; собственныя горести и печали, обусловливаемыя хотя бы очевидными недочетами господствующаго режима, всегда подавляются глубоко внѣдрившимся въ народномъ сознаніи благоговѣніемъ передъ всѣмъ, что исходитъ отъ богдыхана или освящено стариной. Оттого такъ горько ошиблись нѣкоторые изъ европейскихъ дипломатовъ, жившихъ въ Пекинѣ, которые во время послѣдней японско-китайской войны, въ донесеніяхъ своимъ правительствамъ, категорически предсказывали Китаю роковые катаклизмы въ государственной жизни, готовые будто бы разразиться подъ вліяніемъ постигшихъ неудачъ и неминуемыхъ требованій реформъ. На самомъ дѣлѣ китайцы пережили всѣ эти удары судьбы съ убійственнымъ спокойствіемъ: и династія, и старые порядки — все осталось и еще долго, вѣроятно, останется на своихъ мѣстахъ. А всѣ эти вспышки ничтожныхъ партій реформаторовъ, въ отношеніи 400-милліоннаго китайскаго народа, представляетъ собою не больше, какъ пустые лопающіеся пузыри на поверхности бездоннаго океана.

М. Грулевъ.

ГОРОДЪ ЛУБНЫ.

Историческій очеркъ.

ЕРВОНАЧАЛЬНОЕ основаніе Лубенъ относится, по всей вѣроятности, къ тому отдаленному историческому времени, когда кievскій великій князь Владимиръ Святой, для охраны своего удѣла отъ набѣга азіатскихъ кочевниковъ, сталъ строить на границѣ укрѣпленныя городища. Лѣтопись относитъ это къ 988 году, «когда приходиша множество печенѣгъ и много зла сотвориша христіаномъ. Володимеръ же со множествомъ вой изыде противу ихъ и многихъ изби, и мало отъ нихъ убѣжа. И рече Володимеръ: се не добро, еже мало городовъ около Киева, и нача ставити города по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ, и нача нарѣбати мужи лучшиє отъ словенъ и отъ кривичъ, и отъ чуди, и отъ вятичъ, и отъ нихъ насели грады: бѣ бо рать отъ печенѣгъ и бѣ воюяся съ ними» ¹⁾).

Подъ собственнымъ именемъ городъ упоминается въ той же лѣтописи уже подъ 1107 годомъ, когда при Владимирѣ Мономахѣ Южная Русь стала страдать отъ новаго врага—половцевъ. Тогда «воеваша Бонякъ и Шаруканъ старый и ини князи мнози половецкіє, и сташа около Лубна. Святополкъ же и Володимеръ, и Олегъ, Святославъ, Мстиславъ, Вячеславъ, Ярополкъ идоша на половцы къ Лубнѣ, шестой часть дня бродишася черезъ Сулу и кликнуша

¹⁾ Сводная лѣтопись, Спб., 1876, стр. 89.

на нихъ. Половцы же ужасопася, отъ страха не возмогоша ни стяга поставити, но побѣгоша хватаячи кони; наши же начаша сѣщи женуція, а другихъ руками имати, и гнаша поли до Хорола, и убиша Тааза, Бонякова брата, и Сутра яша и братію его, а Шарукань едва утече» ¹⁾).

Самая жестокая схватка въ этой битвѣ происходила въ пяти верстахъ отъ Лубень, на мѣстѣ теперешняго села Войнихи, и въ народной памяти до сихъ поръ живеть преданіе о «Шелудивомъ Бунякѣ, Коцефъ безсмертномъ, питавшемся человѣческою кровью». Половцы долго продолжали разорять Кіево-Переяславскія княжества и послѣ еще 1185 года, когда состоялся на нихъ знаменитый походъ Игоря Святославича Сѣверскаго, послужившій темой для «Слова о полку Игоревѣ». Но въ XIII вѣкѣ съ востока двинулись на Южную Русь болѣе сильные хищники-татары, а половцы ушли на западъ, и вскорѣ память о самомъ существованіи этого племени совершенно исчезла изъ исторіи. Всѣ области по Днѣпру и Сулѣ были покорены и разорены полчищами Батыя въ 1240 году; монгольское иго тяготѣло надъ страною въ теченіе восьмидесяти лѣтъ, оставивъ глубокой слѣдъ въ нравахъ, обычаяхъ и языкѣ ея жителей, а въ преданіяхъ имя Батыя, какъ синонимъ грубой и безпощадной силы.

Въ XIV вѣкѣ владычество монголовъ пало; они были оттѣснены литовскимъ великимъ княземъ Гедиминомъ на востокъ, при чемъ часть ихъ укрѣпилась на Крымскомъ полуостровѣ. Съ этого времени Кіевское и Переяславское княжества были присоединены къ Литовскому великому княжеству, и литовскіе князья стали раздавать города въ нихъ и цѣлыя области своимъ приближеннымъ съ титуломъ державцевъ, воеводъ и старостъ, съ предоставленіемъ имъ пожизненнаго «до живота», или на срокъ, владѣнія, и широкихъ правъ облагать жителей повинностями и налогами, творить надъ ними судъ и расправу. Пожизненное и срочное владѣніе стало затѣмъ переходить по наслѣдству «съ людьми и ихъ пожитками» и обращаться въ вотчинное право, а жители въ «подданныхъ» державцевъ-воеводъ. Щедрая раздача литовскими великими князьями помѣстій повела къ тому, что съ Украйны не поступало въ государственную казну никакихъ доходовъ, а съ присоединеніемъ страны къ Польшѣ на такое положеніе обратилъ вниманіе король Сигизмундъ I. По его предложенію, на сеймѣ 1535 года состоялось постановленіе о повѣркѣ владѣльческихъ правъ на основаніи коронной метрики. При описи 1545 года, притязанія на всѣ угодья на лѣвой сторонѣ Днѣпра, по Стѣпородъ и Сулу, заявили ревизорамъ жители города Канева, объяснивъ, что владѣніе ихъ на этомъ рубежѣ звѣриными промыслами, рыбными ловлями, бобровыми гонами и бортными ухожьями началось, по преданію, еще съ

¹⁾ Сводная лѣтопись, Спб., 1876, стр. 89.

основанія городовъ Канева и Черкасъ, когда великій князь Гединъ, «завоевавши надъ моремъ Кафу и весь Перекопъ и Черкасы Пятигорскіе и приведши черкасовъ часть съ княгинею ихъ, посадилъ ихъ въ Слѣпородѣ, а иншихъ на Днѣпрѣ у Канева» ¹⁾. При этомъ каневскіе жители жаловались на своевольниковъ, которые «тамъ живутъ на мясѣ, на рыбѣ, на меду зъ пасекъ, зъ свепетовъ и сытять тамъ соби медъ, яко дома», а такъ же на какихъ-то «копачей зъ дробовъ», что по этому же обычаю, «по городамъ и селищамъ онымъ ходячи, могилы роскопываютъ, ищущи тамъ оброчей и перстней, мощи погребенныхъ выкидываютъ на помѣсту за то живымъ и невиннымъ» ²⁾.

Хотя Заднѣпровье и было затѣмъ приписано къ Каневскому замку, но существуютъ свѣдѣнія, что земли, лежавшія по теченію Сулы и Ворсклы «сверху до устья», принадлежали какому-то крещеному татарскому мурзѣ Лексаду, который получилъ ихъ въ удѣлъ отъ короля Витовта съ городомъ Глинскомъ. Въ 1498 г. потомки Лексады именовались уже князьями Глинскими, и изъ нихъ Богданъ владѣлъ «Сѣверъ-Сульской стороною и рѣкою Сулою», а братъ его Григорій «Сѣверъ-Глинщиной съ рѣкою Ворсклою и Мерлею, а на рѣчкѣ Удай городищемъ Полвстиномъ и рѣкой Куренкой» ³⁾. Извѣстно, что князья Глинскіе оставили Литовское княжество и перешли въ подданство московскихъ царей, отъ которыхъ получили обширныя помѣстья, въ замѣнъ утерянныхъ въ Литвѣ. Посульемъ же владѣлъ нѣкоторое время какой-то Байбуза ⁴⁾, родственникъ Глинскихъ, однако при ревизіи владѣній противъ заявленныхъ каневскими горожанами проблематическихъ правъ никто не возражалъ, и, какъ видно, Днѣпровское лѣвобережье, какъ безхозяйственная пустошь, было безспорно причислено къ Каневу, чтобы затѣмъ перейти въ распоряженіе къ тамошнему всеводѣ. Въ числѣ различныхъ урочищъ, приписанныхъ къ Каневу, значился и «уходъ Гостиловскій съ землею Лубни».

Въ 1590 г., по постановленію Варшавскаго сейма, все лѣвобережье Днѣпра было утверждено за старостою черкасскимъ и каневскимъ, княземъ Александромъ Корибутъ-Вишневецкимъ, который и приступилъ къ колонизаціи «пустыни рѣки Сулы, за Черкасами лежащей», продолженной его братомъ Михаиломъ и законченной при сынѣ послѣдняго, князѣ Іереміи Вишневецкомъ. Тогда же въ посульской Украинѣ были устроены матерью Іереміи, княгиней Ириной Вишневецкой, три православныхъ монастыря: подъ Лубнами—Мгарскій, возлѣ Прилукъ—Густынскій и Ладинскій.

¹⁾ Архивъ Юг.-Зап. Россіи, т. I, ч. V, стр. 65—66.

²⁾ Тамъ же, т. VII, т. I ч., V, стр. 103.

³⁾ Лѣвобережная Украина въ XV—XVII стол. Киевск. Старина, 1896 г., № 4.

⁴⁾ Съ этимъ именемъ въ 1597 году былъ въ Запорожьѣ гетманъ Тихонъ Байбуза, въ исторіи совсѣмъ не упоминаемый. (В. В. Антоновичъ: «Неизвѣстный гетманъ», «Киевск. Старина», 1883, май).

При Іереміи, переселившемся сюда изъ Вишневецъ, главнаго города его фамиліальныхъ помѣстій на Волыни, и избравшемъ Лубны своею резиденціею, днѣпровское лѣвобережье достигло высокаго культурнаго процвѣтанія. Содержа для охраны владѣній отъ набѣговъ крымскихъ татаръ собственное свое, хорошо организованное войско, князь привлекъ въ щедро одаренный природою край значительное число переселенцевъ; укрѣпилъ города, управлявшіеся на Магдебургскомъ правѣ, устроилъ села, проводилъ дороги, строилъ водяныя мельницы, черезъ рѣки мосты, черезъ непроходимыя болота плотины, и скоро «Вишневецчина», занимавшая большую часть нынѣшней Полтавской губерніи, обратилась въ одну изъ благоустроеннѣйшихъ областей, расшатанной уже тогда въ экономическомъ и политическомъ отношеніи, рѣчи Посполитой. По сохранившимся въ бумагахъ сына Іереміи, короля польскаго Михаила Сервація, инвентарнымъ описямъ Украинской Вишневецчины, въ ней числилось, до возстанія Богдана Хмельницкаго, 53 города и села съ 39.837 ¹⁾ господарей, т. е. отдѣльныхъ хозяевъ, а въ самыхъ Лубнахъ 2.646 владѣльцевъ, и подъ городомъ, на многоводныхъ тогда рѣчкахъ, его окружавшихъ, существовало 40 водяныхъ мельницъ ²⁾.

Переселеніе Іереміи Вишневецкаго въ Лубны относятся къ 1639 году, послѣ женитьбы его на Гризельдѣ, дочери польскаго короннаго канцлера Өомы Замойскаго. Къ этому времени Лубенскій замокъ былъ заново перестроенъ. По сохранившимся преданіямъ, вся европейская роскошь того времени украшала княжескій замокъ-дворецъ и спускавшійся отъ него съ южной стороны къ Сулѣ садъ съ иноземными растеніями, фонтанами, статуями, гротами и другими эффектами. Внутренняя обстановка дворца принадлежала работѣ лучшихъ заграничныхъ мастеровъ, и особеннымъ великолѣніемъ блистала въ немъ «троиная зала» съ сводчатымъ потолкомъ, на которомъ были расписаны небесныя свѣтила. Воздержный по характеру отъ привычекъ роскоши, князь позаботился о томъ, чтобы сдѣлать новую резиденцію достойною своей красавицы-жены, польской аристократки, только что оставившей пышный королевскій дворъ Владислава I. Преданія эти воспроизведены въ романахъ Г. Сенкевича «Огнемъ и мечомъ», въ «Сагайдачномъ» Д. Мордовцева и въ повѣсти Стороженка «Марко проклятый».

Близъ замка находился паркъ, а всю долину рѣки Лубянки занимали обширные фруктовые сады Бернардинскаго монастыря съ виноградниками и плантаціями лѣкарственныхъ растеній ³⁾.

¹⁾ Сюда входили города: Лубны, Хороль, Пирятинъ, Золотоноша, Прилуки, Полтава, Глинскъ, Лохвица и Ромны.

²⁾ Считаая на владѣльческій дворъ по пяти душъ, тогдашнее населеніе Лубенъ съ предмѣстьями должно представлять 13.230 чел.

³⁾ Часть монастырскаго сада обращена была при Петрѣ I въ «Ботаническій аптекарскій садъ» съ плантаціями лѣкарственныхъ травъ, культура которыхъ продолжается въ Лубнахъ до настоящаго времени.

Г. Лубны. Полтавский спускъ.

Съ переселеніемъ Вишневецкаго въ Лубны, предмѣстья «Старога города» были заселены прибывшею съ княземъ шляхтою, составлявшею его придворный штатъ и служившею въ войскѣ. По теченію пригородныхъ рѣчекъ Ольшаны, Каменнаго потока, Рыбца и Рѣпяховки раскинулись экономическіе фольварки и слободы, принадлежавшія городскимъ цехамъ. Замоквое урочище съ прилегавшими къ нему предмѣстьями образовало новый городъ, названный «Александровымъ», по имени перваго основателя замка, Александра Вишневецкаго.

Но Іеремія недолго пришлось хозяйничать въ своей Лубенской вотчинѣ. Поднятое Богданомъ Хмельницкимъ, въ союзѣ съ крымскими татарами, исконными врагами Украйны, народное возстаніе охватило весь южно-русскій край. При первыхъ же извѣстіяхъ о стычкахъ польскихъ войскъ съ казаками и татарами, Вишневецкій съ шеститысячнымъ отрядомъ своего войска поспѣшилъ на помощь коронному гетману Потоцкому, стоявшему подъ Корсуномъ. Подойдя къ Переяславу, гдѣ была паромная переправа черезъ Днѣпръ, Іеремія имѣлъ возможность убѣдиться, что начавшаяся борьба не походила на прежніе бунты хлоповъ-гультаевъ и наѣзжей запорожской вольницы, усмиреніе которыхъ удавалось раньше. Силы нахлынувшей крымской орды и запорожскихъ казаковъ были слишкомъ велики; хлопы волновались и на лѣвомъ берегу въ княжескихъ владѣніяхъ сожгли и разграбили Переяславъ, перерѣзавъ въ немъ пановъ. Готовилось сплошное возстаніе черни.

Распустивъ свои запорожскіе полки, ненадежные при данныхъ обстоятельствахъ, Вишневецкій съ остальнымъ войскомъ, составлявшимъ трехтысячный отрядъ, возвратился въ Лубны, чтобы увезти жену съ малолѣтнимъ сыномъ Михаиломъ въ свою Волынскую вотчину.

Въ маѣ 1648 года онъ выѣхалъ изъ Лубенъ и сопровождалъ семью до Любича, гдѣ, по словамъ украинскаго лѣтописца, «княгиню до Вишневца своего съ тяжарами домашними отправилъ, а самъ вдался влѣво (на Немировъ) въ промыселъ военный противу козаковъ» ¹⁾.

Вскорѣ, по оставленіи Вишневецкимъ Лубенъ, замокъ сталъ добычей какого-то казацкаго отряда, поднявшаго на мятежъ и мѣстную голоту. Оставшіяся гарнизонъ, замковая челядь и городская шляхта были перебиты, а самый замокъ расхищенъ, сожженъ и разрушенъ до основанія. Та же участь постигла монастырь Бернардиновъ и все, что напоминало о панствѣ и культурѣ: разрушены были шлюзы и спущены пруды, вырублены сады, сожжены дома городскихъ властей и общественныя зданія: ратуша, съ дѣлами и архивомъ и даже школы и больницы, какъ ненавистныя «панскія

¹⁾ Лѣтопись С. Величко, стр. 95.

Г. Лубны. Полтавская улица.

затѣи». Осталась невредимою, говоритъ мѣстное преданіе, только церковь Святой Троицы да Мгарскій монастырь подъ городомъ, все остальное обратилось въ пепелище, покрытое трупами.

Послѣ Берестечкаго пораженія казаковъ, Іеремія, озлобленный противникъ возставшихъ казаковъ, заболѣлъ внезапно или былъ отравленъ, какъ тогда говорили, и умеръ въ польскомъ лагерѣ подъ Паволочью ¹⁾. Родъ Вишневецкихъ прекратился со смертію его единственнаго сына Михаила, бывшаго въ періодъ 1669—1673 г. королемъ польскимъ. Посульскія владѣнія ихъ при казакомъ правленіи были обращены въ общую войсковую собственность, образовавъ территориальные полки: Лубенскій, Миргородскій, Прилукскій, Гадячскій, Переяславскій и отчасти Нѣжинскій и Полтавскій.

Однако завоеванною общегражданскою землею такъ же, какъ свободою и равенствомъ, малорусскій народъ пользовался очень недолго. Въ войсковые старшины попали наиболѣе шустрые и разжившіеся во время мятежа казаки; всѣ панскія маетности скоро перешли въ ихъ властныя руки, а затѣмъ и большинство казачества было обращено въ прежнихъ, но прочнѣе закрѣпленныхъ хлоповъ. Такой же участи подверглись въ Лубнахъ и обѣднѣвшіе послѣ народнаго погрома мѣщане-ремесленники, пользовавшіеся «до освобожденія» почти шляхетскими правами горожанъ, на Магдебургскомъ правѣ основанныхъ: гетманы раздавали ихъ во владѣніе полковымъ урядникамъ «для домовой потребности» ²⁾.

Переживъ «буйные вѣтры Хмельничины», бывшей «столицы Заднѣпровья», какъ именовались Лубны въ универсалахъ Іереміи Вишневецкаго, пришлось испытать еще длинный и продолжительный рядъ бѣдствій. Въ гетманство Выговскаго, возобновленный городъ дважды подвергся погрому. Тогдашній лубенскій полковникъ Павло Швецъ съ своими казаками являлся сторонникомъ гетмана, замыслившаго обратное присоединеніе Малороссіи къ Польшѣ, а городской войтъ Котляръ съ мѣщанствомъ принадлежалъ къ партіи сторонниковъ Москвы. При такомъ двойственномъ политическомъ положеніи властей, посланный отъ Выговскаго на усмиреніе полтавскаго полковника Пушкаря, какъ приверженца московской власти, нѣжинскій полковникъ Гуляницкій по дорогѣ въ Полтаву разгромилъ Лубны за симпатіи къ русскимъ: жители въ страхѣ бѣжали тогда за Сулу, при чемъ множество ихъ погибло на обрушившемся мосту. По обнаруженіи же московскимъ правительствомъ измѣны Выговскаго, для подавленія мятежа посланъ былъ въ Малороссію воевода князь Ромодановскій съ ратными людьми. Опустивъ Миргородъ, воевода направился въ Лубны, и хотя Швецъ съ реестровыми казаками убѣжалъ отсюда, но Ромодановскій все-

¹⁾ Н. Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій, т. 2, стр. 405, изд. 1884 г.

²⁾ Чтенія въ общ. Нестора-Лѣтописца, кн. 11. А. А. Лазаревскій: «Ист. очеркъ Полт. Лубенщины», стр. 45.

Г. Лубны. Долина р. Лубянки.

таки «спалилъ городъ до щенту», какъ говоритъ лѣтописецъ, а ратные люди съ приставшими къ нимъ мѣстными хлопами ограбили жителей такъ, что они остались, несмотря на зимнее время, совершенно голыми. Ограбленъ былъ при этомъ и Мгарскій монастырь, гдѣ зажиточные жители пытались скрыть свои скарбы; только церковь осталась нетронутою, такъ какъ поспѣлъ сюда самъ воевода и прогналъ грабителей ¹⁾).

Пострадали Лубны и при Брюховецкомъ и Сомкѣ, когда опять настало своеволие черни, расправлявшейся съ вновь образованною казацкою шляхтою и грабившей зажиточныхъ жителей. При нападеніи на городъ гетмана Дорошенко разорять, вѣроятно, было уже нечего, и жители откупились отъ нападенія союзной гетману татарской орды тѣмъ, что отдали «въ ясырь» поставленнаго надъ ними великорусскаго воеводу Ѳому Бибикова съ ратными людьми. Забирали татары плѣнниковъ изъ Лубенъ и раньше при Выговскомъ, а при вторичномъ гетманствѣ Юрія Хмельницкаго увели въ полонъ чуть не все городское населеніе. Вообще гетманскій періодъ, вплоть до крутого вмѣшательства Петра I въ дѣла внутренняго управленія Малороссіи, представлялъ для украинскаго народа непрерывный терроръ. Не было тогда ни города, ни села, ни дома, гдѣ бы мирный житель могъ быть обезпеченъ въ своемъ имуществѣ и самой жизни хоть минуту. «Знаменитѣйшіе люди, — говоритъ самовидецъ, — оставляли свои жилища и перемѣнивше одѣяніе въ рубище, страха для, идеже можаху крияхуся, а жители въ градахъ и весяхъ между чаяніемъ смерти и надеждою живота пребываючи; отъ печали уныніемъ измождени, тайнѣ въ себѣ помышляючи, когда ненасытное кровоохотѣніе превзидеть и кое тѣмъ бѣдствіямъ имать быть окончаніе ожидаху». Досаждали затѣмъ народу гетманы и мирнымъ путемъ въ періодъ усиленія на Украинѣ великорусской власти. Такъ, гетманъ Скоропадскій, желая услужить Петру I и ставя на видъ богатство края и благоденствіе жителей, отказался отъ денежнаго изъ казны удовлетворенія за продовольствіе расквартированныхъ по городамъ великороссійскихъ полковъ, и снабженіе солдатъ провіантомъ и фуражемъ возложено было на жителей. Замѣненная затѣмъ денежнымъ налогомъ, рублевымъ отъ хаты, но съ оставленіемъ на обязанности обывателей довольствоваться войска дровами, подводами и квартирами, повинность эта тяжело отражалась на разоренныхъ городахъ. Въ прошеніи лубенскихъ гражданъ, поданномъ въ Екатерининскую «комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія», указывалось, что городъ обнищенъ и разоренъ, обязанный содержать въ своихъ 363 домахъ и консистентскій полкъ, и главную полевую аптеку съ ея командами, и кригсъ-комиссаріатъ, и разные штабы.

¹⁾ Лѣт. Величко, стр. 339.

Г. Лубны. Замковая гора.

При томъ же гетманъ лубенскимъ полковникомъ былъ назначенъ крещеный еврей Андрей Марковичъ, память о которомъ доселѣ жива въ мѣстныхъ преданіяхъ. Попавъ на полковничій урядъ, благодаря свойству съ Скоропадскимъ, женатымъ на его сестрѣ и находившимся подъ ея вліяніемъ, Марковичъ вполне воспользовался своимъ положеніемъ и «съ большой пользою для себя, какъ говоритъ мѣстная хроника, отомстилъ казакамъ за предшествовавшую судьбу его единоплеменниковъ на Украинѣ». Съ первыхъ же дней вступленія своего въ должность, онъ принялся отнимать у своихъ полчанъ движимое и недвижимое имущество, пуская въ ходъ все способы—отъ подлога до открытаго насилія. Полковыхъ старшинъ обратилъ онъ въ служащихъ своихъ, а рядовое казачество въ крѣпостныхъ людей. Не довольствуясь завладѣніемъ чужихъ земель, Марковичъ обратилъ въ свою собственность цѣликомъ три села съ порабощеніемъ жителей, лубенскую городскую степь и зарѣчную часть г. Роменъ. Полковые старшины, возмущенные невиданнымъ произволомъ, тѣмъ болѣе отъ «новокрещенаго жида», составили жалобу на него, но держали ее пока подъ крѣпкимъ секретомъ. Однако Марковичъ провѣдалъ о заговорѣ и донесъ о томъ гетману. Время тогда было тревожное; царь Петръ еще не успокоился послѣ Мазепиной измѣны, и всякій протестъ противъ полковника не выборнаго, какъ прежде, а назначеннаго гетманомъ и утвержденного высочайшимъ указомъ, могъ казаться въ глазахъ московскаго правительства политическимъ замысломъ. Такой оборотъ и придалъ дѣлу Марковичъ, вслѣдствіе чего «заразъ помянутую старшину, вмѣнивши за бунтовщиковъ, предано за крѣпкій караулъ. Потомъ нещадно ихъ во дворѣ гетманскомъ бито кіями и уряди, такожъ маетности у нихъ поотбирано съ крайнимъ прочаго ихъ имѣнія разореніемъ»¹⁾.

Послѣ такого суроваго усмиренія высшихъ, значныхъ въ урядѣ «пановъ», остальнымъ жителямъ ничего не оставалось, какъ молчать и казаться благоденствующими. Удачу же полковника надо объяснить не только близостью къ гетману, но и его личными, конечно, прирожденными способностями: умѣніемъ обходиться съ нужными людьми, задобривать и пользоваться ими. Это было не легко при тогдашнемъ отношеніи великорусскаго правительства къ украинскимъ общественнымъ порядкамъ. Намѣренія царя Петра клонились къ защитѣ малорусскаго безправнаго народа отъ произвола старшинъ, и въ этомъ направленіи дѣйствовали тогда гражданскіе и военные представители мѣстной власти въ краѣ: Вельяминовъ съ его коллегією, главный командиръ всѣхъ малорусскихъ полковъ, князь Голицынъ, и производившій провѣрку правъ, по которымъ войсковые урядники владѣли землями, графъ Румянцевъ. Но изво-

¹⁾ «Русскій Архивъ» 1864 г., т. I, стр. 208.

ротливый лубенскій полковникъ находился въ наилучшихъ отношеніяхъ съ народными опекунами, продолжалъ править своей экономіей и обогащаться даже послѣ смерти Скоропадскаго, такъ какъ и новый гетманъ Полуботокъ оказался съ нимъ въ близкомъ свойствѣ.

Только съ паденіемъ Полуботка, когда всемогущій Меншиковъ по личнымъ счетамъ своимъ съ бывшимъ гетманомъ Скоропадскимъ обратилъ вниманіе на родичей послѣдняго, поставленныхъ на полковничествѣ, Марковичу пришлось плохо. Для подготовленія малорусскихъ старшинъ къ избранію новаго гетмана, командированъ былъ изъ Москвы сенаторъ Наумовъ, къ полученной которымъ инструкціи Меншиковымъ было указано на еврейское происхожденіе Марковича и предложено удалить его отъ должности, какъ «чужаца многія тягости».

Началось слѣдствіе о дѣйствіяхъ лубенскаго полковника, благополучно продержавшагося на урядѣ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, и тогда только посыпались жалобы на его «обиды и здирства».

«Отъ которыхъ временъ учрежденъ сталъ полкъ Лубенскій,—писали мѣстные казаки въ прошеніи на имя императора Петра II,— всегда въ ономъ по правамъ и древнимъ порядкамъ войсковымъ... вольными и общенародными голосами избирали на чинъ полчанъ и никакого отъ нихъ народу не было отягощенія, а когда не по онымъ, а промоторствомъ покойнаго гетмана Скоропадскаго чужой полчанинъ, а его шуринъ Андрей Марковъ въ чинъ полковника произведенъ, тогда не только нынѣшнихъ временъ никѣмъ неслышанныя, но и за державы лядской и за арендаторство тогдашняго жидовскаго чуть были творимы таковыя тягости, налоги и обиды, якія чинилися отъ его, Маркова, въ полку всему обще народу, который отъ того въ крайнее пришелъ обнищаніе и разореніе, а онъ таковъ за недолгое время преизобильно обогатился»¹⁾.

Перечисленіе обидъ составило въ прошеніи лубенскихъ казаковъ 32 пункта. Тутъ было все: и грабежъ чужихъ имуществъ, и назначеніе въ полковыя должности своихъ слугъ, и захватъ церковныхъ денегъ, и обложеніе непомѣрною пошлиной «на полковничью особу» всякаго рода торговли и даже порожнихъ воевъ на ярмаркахъ, и присвоеніе провіанта. Шинкарей полковникъ обязывалъ торговать лишь водкой, выкуриваемою на заводахъ его собственныхъ и его сестры-гетманши, запрещалъ продажу чужого табаку до тѣхъ поръ, пока не будетъ распроданъ табакъ изъ его полковника экономій. Не только посполитыхъ, но и строевыхъ казаковъ, а также городскихъ цеховыхъ Марковичъ обращалъ въ своихъ крѣпостныхъ, заставляя ихъ застраивать его хутора и мельницы, гатить плотины, обрабатывать земли, сторожить стада, стричь и доить овецъ и вывозить на своихъ подводахъ для про-

¹⁾ «Русскій Архивъ» 1864 г., т. I, стр. 208.

«истор. вѣстн.», сентябрь, 1900 г., т. LXXXI.

дажи экономическіе продукты. Купцамъ, отправлявшимъ для продажи въ Силезію скотъ, онъ насильно сбывалъ своихъ воловъ по высокой цѣнѣ; отъ каждаго пчельника получалъ десятый улей, съ каждаго огорода бралъ цибулей, капустой и проч. Даже бабы, собиравшія въ лѣсахъ грибы и орѣхи, должны были отдавать на полковника извѣстную часть сбора ¹⁾).

Дѣло, однако, окончилось вполне благополучно для обвиняемаго. Благодаря паденію Меншикова и личнымъ стараніямъ, для которыхъ Марковичъ около года прожилъ въ столицѣ, онъ отдѣлался отъ суда и даже добился новой должности генеральнаго подскарбія.

Съ 1773 года Лубны стали повѣтовымъ городомъ Кіевскаго намістничества, позднѣе Малороссійской губерніи, а съ 1802 года уѣзднымъ городомъ вновь образованной Полтавской губерніи. Избраніе губернскаго города въ новой губерніи зависѣло отъ тогдашняго военнаго генералъ-губернатора, управлявшаго и гражданскою частью, генерала отъ инфантеріи Вязьмитинова. Со стороны удобствъ относительно пространства и населенія положеніе Лубенъ признавалось имъ наивыгоднѣйшимъ, какъ центрального города, но затѣмъ историческое воспоминаніе о знаменитой побѣдѣ Петра I надъ шведами рѣшило выборъ въ пользу Полтавы.

Въ новой исторіи городъ уже пересталъ играть какую либо политическую роль: потянулась однообразная захолустная жизнь уѣзднаго административнаго центра. По свѣдѣніямъ «Записокъ о Полтавской губерніи» г. Арендаренко, число жителей въ Лубнахъ въ 1846 г. составляло 2.387 душъ, изъ нихъ мужчинъ 1.233 и женщинъ 1.154; всѣхъ домовъ въ городѣ было 508, считая въ томъ числѣ и простыя хаты. Почти тотъ же составъ городского населенія оказывался

¹⁾ По рѣшенію иностранной коллегіи въ 1729 г. было опредѣлено: «о тяготахъ полчанамъ, чинившихся въ работахъ и взяткахъ, буде оно было, а по сказкамъ старшинскимъ прежде запретительнаго указа, того ради сіе оставляется». Предмѣстье Засулье было возвращено г. Ромнамъ, по остальнымъ жалобамъ найдено было нужнымъ собрать дополнителныя свѣдѣнія и рѣшеніе постановить впослѣдствіи. Въ качествѣ канцелярскаго изворота много, вѣроятно, помогла Марковичу и тогдашняя безсудность на Украинѣ, не ограниченная «запретительными указами». Съ полковнымъ устройствомъ Украины, уничтожилась самостоятельность городовъ и ихъ судовой, по польскому образцу, организаціи; но никакого новаго юридическаго порядка установлено не было. Судебная и административная власть принадлежала полковнику, при чемъ «правосудіе» по дѣламъ уголовнаго характера преслѣдовало главную карательную мѣру: отобраніе у виновнаго имущества на полковничій урядъ. Почтенный историкъ Малороссіи, А. М. Лазаревскій, приводитъ слѣдующій случай полковничьей расправы. Младшій братъ казака Лукомской сотни Кости Шипенко украдъ у кого-то ягненка. За эту вину Марковичъ отобралъ у старшаго брата полтораста овецъ и вырубилъ лѣсъ; служители полковника, судья Жуковскій и сотникъ Кординецъ, взяли у него же первый 14 штукъ рогатаго скота, 7 лошадей и 10 талеровъ денегъ, а второй 10 коп. денегъ и дорубилъ лѣсъ. (Чтенія въ историч. общ. Нестора Лѣтописца, ч. II, «Историч. оч. Полт. Лубенины»).

и по свѣдѣніямъ 1865 года. До 1870 года въ городѣ не существовало ни мостовыхъ, ни тротуаровъ, ни уличнаго освѣщенія. Между тѣмъ, по мѣстнымъ преданіямъ, еще при Вишневецкомъ всѣ дороги въ Лубнахъ были вымощены дубовыми брусьями, и для стока дождевыхъ водъ существовала правильная канализація. Преданіе подтверждается сохранившимся планомъ города, снятымъ въ 1746 году, на которомъ еще обозначена мѣстами деревянная мостовая. Рассказываютъ, что мощенныя улицы на значительномъ протяженіи были еще и въ началѣ настоящаго столѣтія, но настилка ихъ расхищалась на постройку домовъ, главнымъ образомъ городскими властями, и указываютъ на многіе старинные дома, выстроенные изъ этого матеріала, принадлежавшіе нѣкогда фамиліямъ лубенскихъ полковниковъ, городничихъ и маршаловъ.

Постепенное уничтоженіе мостовой привело полотно улицъ въ такое взбудораженное состояніе, что въ 1852 году, въ ожиданіи проѣзда черезъ Лубны императора Николая I, по пути въ Крымъ, мѣстная администрація находилась въ отчаяніи, и только находчивость городничаго вывела всѣхъ изъ затрудненія. Городничій распорядился выкопать десяти-аршинныя плахи, однимъ концомъ погружившіяся на значительную глубину въ размытую дождями глинистую почву, а другимъ торчащія на поверхности, или мѣстами образовавшія рядъ пороговъ различной вышины. Послѣ того улицы были проораны плугомъ, а для утрамбованія вспаханной почвы гоняли по ней тюремныхъ арестантовъ; для привлеченія же добровольныхъ утаптывателей городничій добылъ у одного помѣщика чучело крокодила, которое и возили по городу. Крокодилъ этотъ въ послѣдствіи попалъ въ Лубенскій музей г-жи Скаржинской и сохраняется до настоящаго времени.

Высокій путешественникъ остался доволенъ благоустройствомъ города, любовался живописною панорамой засульской дали, открывавшейся изъ оконъ отведеннаго ему въ домѣ Полторацкаго помѣщенія, и выразилъ желаніе имѣть виды Лубенъ.

Ровная и мягкая поверхность городскихъ улицъ недолго, однако производила пріятное впечатлѣніе; полились осенніе дожди, и разрыхленная почва обратилась въ невылазную топь, прекративъ всякое сообщеніе. Для проѣзда черезъ городъ по почтовому пути надо было припрягать цугъ изъ трехъ-четыреухъ паръ воловъ и совершать переправу въ теченіе цѣлаго дня. Черезъ улицы прохожихъ переносили на рукахъ, и промыселъ носильщиковъ былъ очень выгоднымъ. Бывали случаи, когда проѣзжіе совсѣмъ оставляли свои затонувшіе экипажи и продолжали дальнѣйшій путь на почтовыхъ. Въ такомъ состояніи находились городскіе пути сообщенія до семидесятихъ годовъ, когда земство обратилось къ шоссированію улицъ.

Въ 1872 году въ Лубнахъ была открыта классическая гимназія

на средства Полтавскаго губернскаго земства, а черезъ годъ и женская гимназія на счетъ городскихъ суммъ. Съ основаніемъ въ 1876 году окружнаго суда, въ вѣдомство котораго вошли уѣзды, кромѣ Лубенскаго, Переяславскій, Золотоношскій, Лохвицкій, Пирятинскій и Прилукскій, городъ еще болѣе расширился, обстроился и обратился въ культурный центръ губерніи. Затѣмъ губернское земство открыло въ Лубнахъ сельско-хозяйственную школу II разряда, духовное вѣдомство основало школу псаломщиковъ съ образцовымъ церковно-приходскимъ при ней училищемъ, затративъ на сооруженіе обширныхъ зданій, вмѣстѣ съ помѣщеніемъ для уѣзднаго духовнаго училища, свыше ста пятидесяти тысячъ рублей. Къ этому надо прибавить Лубенскій музей мѣстныхъ древностей, основанный владѣлицей д. Круглика, Е. Н. Скаржинской, и открытую городскимъ управленіемъ публичную библіотеку, вполне удовлетворяющую требованіямъ публики, и выстроенный недавно обществомъ трезвости хорошо обставленный театръ, пока еще не приспособленный впрочемъ для зимнихъ представлений. Кромѣ того, въ городѣ существуютъ два приходскихъ училища, мужское и женское, содержимые изъ доходовъ городского управленія, и четыре школы, открытыя Спасо-Преображенскимъ братствомъ. Есть клубъ съ театральною залой, двѣ метеорологическихъ станціи, три типографіи, пять фотографій, книжная лавка, аптека, существующая съ 1805 года, и городской скверъ. Въ городѣ имѣется 5 православныхъ церквей и 2 синагоги.

Обиженные, при сооруженіи въ 1886 году Ромны-Кременчугской желѣзной дороги, ближайшая станція которой Ромоданъ по прихоти инженера строителя была отведена отъ города на 24 версты, Лубны въ настоящее время вошли непосредственно въ общую сѣть желѣзнодорожныхъ сообщеній по строящейся линіи Лозовая—Кіевъ съ вокзаломъ въ самомъ городѣ.

Лубны по справедливости славятся благоприятными климатическими условіями и красотой своего мѣстоположенія. Расположенный на горѣ, возвышающейся на тридцать пять сажень надъ уровнемъ Сулы, городъ спускается амфитеатромъ къ рѣкѣ, долина которой открываетъ съ юго-востока панораму живописной дали на двадцатипяти-верстномъ разстояніи къ горизонту. На разстилающейся зеленой равнинѣ раскинуты села: съ лѣвой стороны—Снѣтинъ, Волчекъ, Литвяки, Исачки, Березоточа и Пески; справа—Матяшевка, Покровская Багачка, Вязовокъ, Солоница, множество хуторовъ и село Засулье, соединенное съ городскимъ берегомъ длинною плотиною и мостомъ. Высокій правый берегъ рѣки, на которомъ расположенъ городъ, спускается къ ней террасами и дугообразно обнимаетъ всю эту топографическую картину, ограничивая горизонтъ справа оконечностью берегового края—Лысою горой, и слѣва—горой Мгарь, покрытую гущиною вѣкового дубоваго лѣса, изъ котораго высяются

главы монастырскихъ церквей. Отъ Мгарско-монастырской горы до Лысой на десятиверстномъ протяженіи прихотливо извиаается Сула, образуя множество озеръ и рукавовъ. Съ сѣверо-запада городъ окаймленъ лѣсами съ живописными оврагами, заключающими нѣкогда русла рѣкъ, высохшихъ притоковъ Сулы, Лубянки, Ольшанки, Каменнаго потока, Плютенки и другихъ. Наиболѣе живописные виды открываются съ такъ называемаго Вала, возвышенности, на которой въ прежнее время находился главный пунктъ городскихъ укрѣпленій, сохранившій и теперь слѣды бастионныхъ фронтовъ и другихъ фортификаціонныхъ сооружений, и съ горы, носящей названіе «Замокъ», гдѣ, по преданію, стоялъ роскошный дворецъ князей Вишневецкихъ.

Противъ замковой горы, на противоположной возвышенности, расположенъ Мгарскій Преображенскій монастырь, основанный въ 1619 году, какъ уже упоминалось, матерью Іереміи Вишневецкаго, Ириной, или Раинной, дочерью молдавскаго князя Іереміи Могилы и двоюродною сестрой кіевскаго митрополита Петра Могилы. Обращаетъ на себя вниманіе обстоятельство, что описанныя монастырю Ириной обширныя угодья лѣсныя, луговыя и сѣнокосныя «отъ рѣки Сулы до рѣки Удая», по праву лишь пожизненной владѣлицы, какъ вдовы Михаила Вишневецкаго, были затѣмъ, по смерти дарительницы, формально укрѣплены за монастыремъ опекуномъ тогда малолѣтняго ея сына Іереміи, княземъ Константиномъ Вишневецкимъ, ярымъ католикомъ, принимавшимъ ревностное участіе въ Лжедмитріи I. «*Za przyczyną u prozbą mieszczan Lubnienskich pozwolilem, — писалъ Константинъ въ своемъ актѣ, — zbudować u ufundować monastercu ko rozmnozeniu chwaly Bożcy, religy greckiey*»¹⁾. Вступивъ во владѣніе Задніпровскими мѣстностями, Іеремія, принявшій уже католичество, въ свою очередь официально, подтвердилъ даръ и продолжалъ оказывать большое вниманіе православної обители, заботясь въ то же время и о благосостояніи бернардинскаго монастыря въ Лубнахъ и костеловъ въ другихъ городахъ²⁾.

Въ церкви Мгарскаго монастыря открыто покоятся въ сидячемъ положеніи въ богатой серебряной рацѣ нетлѣнныя мощи патріарха цареградскаго Аванасія Пателларія, скончавшагося въ Мгарской обители въ 1654 году, привлекающія на поклоненіе ежегодно сотни тысячъ богомольцевъ со всѣхъ краевъ Россіи.

¹⁾ «Кіевская Старина», 1896, февраль. А. Лазаревскій: «Лубенщина».

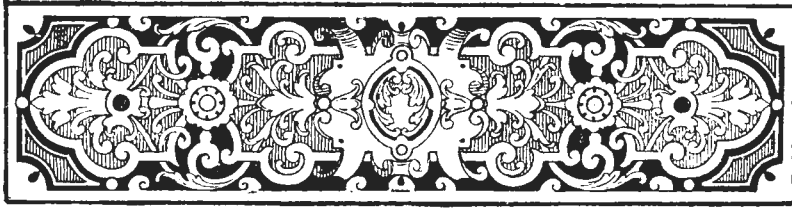
²⁾ Такъ, уже незадолго до возстанія казаковъ, Вишневецкій подарилъ Мгарскому монастырю село Мгаръ по акту отъ 17 февраля 1648 г. «*Wiadomo czynię tym listem moim, — писалъ Вишневецкій, — iż ja, mając osobliwy respect na cerkiew monastera pod Lubniami Mharskiego, którym już z łaski nadalem do używania wioske moię Mhar, preto też ich oddawania z tej wioski sosowego u szopowego w potomne czasy czynię wolnimi*» (Чт. въ общ. Нестора Лѣтописца, кн. 11, стр. 90).

Монастырь занимаетъ возвышенное плато, густо заросшее старымъ дубовымъ лѣсомъ, въ которомъ гнѣздятся орлы и аисты. Лѣсъ въ послѣдніе годы значительно порѣдѣлъ, но все-таки встрѣчаются дубы въ два-три обхвата въ окружности. Одинъ изъ такихъ исполиновъ стоитъ по дорогѣ, ведущей отъ монастырской ограды къ новой церкви, выстроенной на уединенномъ курганѣ, куда, по преданію, святитель Аѳанасій любилъ приходить молиться. Дубъ этотъ, по своему развѣтвленію имѣющій форму гигантской трикирин, почитается въ народѣ священнымъ, и всякій странникъ-богомолецъ считаетъ долгомъ отколупнуть отъ него хоть кусочекъ коры, служащей, по повѣрью, цѣлебнымъ средствомъ. Никакія ограды, устраиваемыя монастыремъ для охраненія лѣсного патріарха, не останавливаютъ вѣрующіхъ.

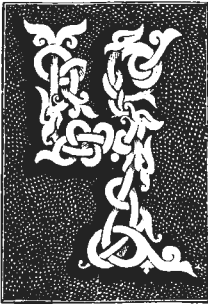
Окрестности города очень живописны, богаты разнообразіемъ и ежегодно лѣтомъ привлекаютъ сюда художниковъ-пейзажистовъ. Лубенскою «натурой» пользовался І. Е. Крачковскій для своихъ картинъ «На ущербѣ» и «Сумерки», два лѣта прожила здѣсь цѣлая партія художниковъ, съ А. Н. Шильдеромъ во главѣ. Прогулка на лодкахъ по Сулѣ — одно изъ любимыхъ лѣтнихъ развлеченій пріѣзжающихъ въ Лубны дачниковъ-сѣверянъ. Прихотливые изгибы рѣки, текущей то между крутыхъ отвѣсныхъ береговъ, то среди лѣсной чащи или высокихъ зарослей камыша, то расширяющейся въ громадныя озера, открываютъ самые разнообразные пейзажи на фонѣ привѣтливо голубого украинскаго неба. По новой строящейся линіи желѣзной дороги видъ на городъ открывается отъ станціи Ромоданъ. Пройдя двадцатипяти-верстное разстояніе по долинѣ, дорога затѣмъ пересѣкаетъ Сулу по мосту, сооруженному на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ существовалъ и въ XVI вѣкѣ, и на которомъ въ 1596 году былъ застигнутъ польскими войсками девятитысячный таборъ Наливайка, бѣжавшій въ Запорожье. При переходѣ черезъ рѣку, желѣзнодорожный путь дѣлаетъ зигзагами тридцати-пятисаженный подъемъ на городскую возвышенность, проходитъ по склону Лысой горы, далѣе по искусственной насыпи черезъ глубочайшее Рѣняховское ущелье, продолжаетъ извиваться въ подгородныхъ лѣсахъ, надъ оврагами и выходитъ къ вокзалу въ глубокой траншеѣ съ сѣверной стороны города.

К. Бочкаревъ.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ ФЕТА.

ВЕРЕЗЬ самый непродолжительный срокъ, по всей вѣроятности еще въ теченіе сентября мѣсяца, поступитъ въ продажу новое изданіе А. Ф. Маркса— «Полное собраніе стихотвореній Фета» въ трехъ томахъ, включающее какъ всѣ оригинальныя пьесы, такъ и тѣ изъ переводныхъ, которыя не вышли особыми изданіями. По своему назначенію, новое изданіе имѣетъ характеръ общедоступнаго, но, съ точки зрѣнія редакціонной, предполагаетъ удовлетворить и требованіямъ научной критики. Последнее обстоятельство возлагаетъ на редактора изданія особенную отвѣтственность передъ читателями, и я съ благодарностью пользуюсь возможностью заблаговременно огласить на страницахъ «Историческаго Вѣстника» тѣ основанія, которыми руководствовался, подготавливая къ печати выпускаемые нынѣ три тома.

Вопросъ о критическомъ изданіи полного собранія сочиненій Фета остается открытымъ на неопредѣленное время. Предлагаемые три тома представляютъ изъ себя общедоступное собраніе его поэтическихъ произведеній. Но именно въ виду неизвѣстности, когда русскій читатель дождется полного научнаго изданія великаго поэта, долгомъ редактора становится сдѣлать въ указанномъ отношеніи все, что позволяютъ внѣшніе предѣлы принятой имъ на себя работы. Такимъ образомъ, мѣриломъ оцѣнки выпускаемыхъ трехъ томовъ, по справедливости, можетъ служить взглядъ на нихъ, какъ на критическое изданіе безъ критическаго аппарата. Для примѣчаній вовсе не было мѣста, а для общаго отчета предоставлены лишь немногія страницы предисловія. При

первой же возможности, этот отчетъ будетъ данъ съ полной обстоятельностью въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь ограничиваемся существенно необходимымъ.

Предлагаемое изданіе въ сущности является первымъ полнымъ собраніемъ стихотвореній Фета. При всемъ томъ, однако, полнота его не можетъ считаться исчерпывающей. Она была, съ одной стороны, обусловлена срочностью работы, съ другой—размѣрами доступнаго издателя и редактору печатнаго и рукописнаго матеріала. Поскольку было возможно, редакторъ обогащалъ его даже во время печатанія; но его разбросанность такъ велика, что нельзя отрицать возможности новыхъ находокъ. Трудно перечислить всѣ журналы, альманахи, сборники и т. п., въ которыхъ участвовалъ Фетъ за 53 года своей поэтической дѣятельности. Еще труднѣе было бы собрать всѣ его рукописи, находящіяся въ десяткахъ рукъ, и въ значительной части утраченныя безвозвратно. Последнее въ особенности можно сказать о первой половинѣ его дѣятельности,—до 1854 года; съ этого же года, напротивъ, для новаго изданія лишь самыя немногочисленныя пьесы (около десятка) не были сличены съ подлинными рукописями, но большей части чистовыми. Во всякомъ случаѣ, въ предлагаемыхъ трехъ томахъ собрано все рѣшительно, что было самимъ авторомъ помѣщено въ изданныхъ имъ сборникахъ стихотвореній, все, что уцѣлѣло въ рукописяхъ (въ томъ числѣ много неизданнаго), и, насколько позволяла возможность, все, не сохранившееся въ рукописяхъ и отвергнутое или забытое самимъ авторомъ, но напечатанное когда бы то ни было въ тѣхъ или другихъ изданіяхъ. При собираніи печатнаго матеріала редакторъ многими цѣнными указаніями обязанъ Н. Н. Черногоубову (въ Москвѣ), отъ котораго наша литература вправѣ ожидать образцовой біографіи Фета, безпримѣрной по богатству матеріаловъ, ихъ тщательному и полному изученію и совершенно исключительной любви составителя къ поставленной себѣ задачѣ. Въ послѣднее время появилось въ печати нѣсколько приписываемыхъ Фету стихотвореній. Нѣкоторыя не допускаютъ сомнѣній въ ихъ достовѣрности, хотя собственноручныхъ списковъ и не было въ распоряженіи редактора; но, напримѣръ, стихотвореніе *The echoes* (II 576—577) едва ли написано Фетомъ даже въ самую раннюю пору его дѣятельности. Сомнительнымъ кажется по нѣкоторымъ причинамъ стихотвореніе «Какой горючій пламень» (II 516), хотя Н. Н. Черногоубовъ подтверждаетъ его принадлежность Фету. Напротивъ, завѣдомо подложно подписанное именемъ Фета стихотвореніе:

Дикарка.

Заль сіяеть точно днемъ,
Облить свѣтомъ люстры хрустальныхъ.
Рядъ улыбокъ, полусловъ
И ловлю на лицахъ бальныхъ.

Какъ змѣя, всѣхъ обвила
Апатическая скука,
Шаловливая хандра,
Поэтическая мука.

И одна лишь только ты,
Робко-ласковая Мери,
Если вступиши въ свѣтлый замъ,
Весела по крайней мѣрѣ.

Ахъ, дитя, вѣдь этотъ свѣтъ
Учить лгать насъ безконечно!
Межъ людей дикарка ты—
И дикаркой будь ты вѣчно:

Раствлвательно прекрасенъ
Ароматно-лживый свѣтъ;
Если кто въ него вступаетъ,
То тому пощады нѣтъ.

Это акростихъ на слова «Заря Кашпирева умираетъ», присланный кѣмъ-то въ редакцію «Зари» за подписью Фета и напечатанный Кашпиревымъ, не заподозрѣвшимъ подлога. Что касается матеріаловъ рукописныхъ, то они, за исключеніемъ одного неизданнаго стихотворенія, такъ и не поступившаго въ распоряженіе редактора, использованы сполна, кромѣ только вариантовъ. Исключеніе сдѣлано лишь для стихотворенія «Бѣдный мальчикъ» (II, 204—206), которое напечатано въ первоначальномъ видѣ и въ сокращенной переработкѣ, сдѣланной авторомъ за нѣсколько дней до смерти и предназначенной въ 5-й выпускъ «Вечернихъ Огней», котораго Фетъ такъ и не успѣлъ выпустить. Стихотвореніе слишкомъ общеизвѣстно въ первоначальномъ видѣ, чтобы замѣнить его неизданною переработкой, а переработка слишкомъ характерна своею строгою сжатостію и предсмертнымъ значеніемъ, чтобы оставлять ее въ рукописи. Едва ли читатели посѣтуютъ въ виду этого на перепечатку обѣихъ редакцій.

При разсмотрѣніи собраннаго матеріала, напрашивался вопросъ: все ли должно и можно включать въ общедоступное изданіе? Неровность вдохновеній Фета, интимный характеръ нѣкоторыхъ пьесъ, побуждали ограничиваться лишь осмотнительною выборкою; малая вѣроятность скорого появленія критическаго изданія обуславливала желаніе подѣлиться съ читателями всѣми добытыми богатствами. Притомъ самъ Фетъ былъ до крайности несправедливъ къ самому себѣ и порою сохранялъ по десятилѣтіямъ въ рукописи истинные перлы своей лирики, а порою поспѣшно печаталъ и повторялъ въ изданіяхъ пьесы, объ отсутствіи которыхъ не пришлось бы жалѣть ни ему самому, ни его почитателямъ. При такихъ условіяхъ было бы невозможно сохранить послѣдовательность въ выборѣ, и послѣдній непременно былъ бы обусловленъ однимъ произволомъ личнаго вкуса. Какъ

исходъ изъ этихъ затрудненій, покойнымъ Л. Н. Майковымъ была предложена мысль — собрать въ особомъ дополненіи все то, что казалось рискованнымъ включать въ текстъ, вопреки намѣреніямъ автора. Эта мысль и осуществлена въ настоящемъ изданіи. Въ основаніе текста принятъ составъ посмертнаго изданія 1894 года; въ него включены со всею дозволительною щедростію наиболѣе удачныя стихотворенія изъ рукописей, прижизненныхъ сборниковъ и повременныхъ изданій; весь остальной матеріалъ, въ томъ числѣ и нѣсколько восхитительныхъ пьесъ, найденныхъ во время печатанія, помѣщенъ въ дополненія. Такъ какъ, затѣмъ, изданіе 1894 года включало только оригинальныя стихотворенія, настоящее же собраніе должно было обнять и поэтическіе переводы Фета, не изданные особыми сборниками, то въ основаніе выпускаемаго нынѣ третьяго тома положенъ составъ изданія 1863 года и «Вечернихъ Огней», обогащенный по тѣмъ же правиламъ, какія были примѣнены къ стихотвореніямъ оригинальнымъ.

Новыя затрудненія возбудилъ вопросъ о порядкѣ размѣщенія собраннаго матеріала. Вообще говоря, возможна троякаго рода группировка: хронологическая, по содержанію и по внѣшнимъ признакамъ (напримѣръ, по размѣру). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что для научнаго изданія единственный возможный порядокъ—порядокъ хронологическій, такъ какъ оно предназначается для изслѣдователей и знатоковъ, сообразуется съ біографическими, бібліографическими и историко-литературными данными и, конечно, должно быть приурочено къ историческимъ даннымъ и ихъ послѣдовательности. Совершенно иное дѣло—изданіе общедоступное. Оно имѣетъ въ виду читателя неподготовленнаго, мало знакомаго или вовсе не знакомаго съ творчествомъ издаваемаго писателя, читателя интересующагося не ходомъ развитія этого творчества, но его лучшими, высшими, характернѣйшими проявленіями, читателя, который при первомъ чтеніи совершенно не въ состояніи разобраться во множествѣ отдѣльныхъ произведеній, сразу отличить и найти центральныя, руководящія между ними, не теряясь во второстепенныхъ. Такому читателю и должно помочь общедоступное изданіе самымъ расположеніемъ матеріала, нагляднымъ сопоставленіемъ произведеній, стоящихъ во внутренней идейной связи, начиная каждую группу основными, наиболѣе выдающимися, и постепенно переходя ко второстепеннымъ. Въ частности, для читателей Фета хронологія имѣетъ меньше значенія, чѣмъ для какого бы то ни было другого поэта, такъ какъ огромное множество его стихотвореній не стоитъ въ связи не только ни съ какими опредѣленными событіями общественной жизни или личной біографіи автора, но могло бы быть написано въ любомъ вѣкѣ, въ любой странѣ. Китаецъ, индусъ, римлянинъ, русскій—всѣ одинаково могутъ узнать свою душу, свои самыя интимныя ощущенія въ пьесахъ въ родѣ «Какъ мошки за-

рею» (II, 82), «Шопоть, робкое дыханье» (I, 419), «Поэтамъ» (I, 81) и др. Весьма поучительно, что самъ авторъ всю свою жизнь не придавалъ никакого значенія хронологіи своихъ произведеній и предпочиталъ ей даже совершенно хаотическую непоследовательность или подборъ по внѣшнимъ признакамъ сходства. Съ другой стороны, въ удовлетвореніе давнишней потребности знатоковъ и цѣнителей, къ настоящему изданію приложенъ тщательно разработанный хронологическій указатель, который, замѣтимъ въ скобкахъ, содержитъ въ себѣ множество самыхъ неожиданныхъ и существенныхъ поправокъ къ общепринятой до сихъ поръ датировкѣ. Кромѣ того, при каждомъ отдѣльномъ стихотвореніи воспроизведены полностью даты, проставленныя самимъ авторомъ, хотя бы онѣ были завѣдомо несовсѣмъ точны, тѣмъ болѣе, что хронологическій указатель даетъ истинную последовательность всѣхъ стихотвореній, по скольку ее было возможно возстановить.

Считая возможнымъ при этихъ условіяхъ совершенно устранить изъ группировки стихотвореній хронологическую канву и распредѣлять ихъ только по содержанію, пришлось имѣть дѣло съ дальнѣйшими трудностями. Именно, будучи, послѣ разстановки знаковъ препинанія, простѣйшимъ нагляднымъ комментариемъ, группировка стихотвореній по содержанію всецѣло зависитъ отъ того или другого пониманія поэта. Последнее всегда индивидуально и всегда пререкаемо. Съ этой точки зрѣнія хронологическій порядокъ тѣмъ удобнѣе, что даетъ нѣкоторый объективный критерій. Достаточно указать, что, избѣгая хронологической группировки, самъ Фетъ былъ до крайности непоследователенъ и ко всякой другой. Ему нравился пестрый беспорядокъ цвѣтущаго луга и, сохраняя кое-гдѣ запущенныя клумбы подобранныхъ пьесъ, онъ предоставлялъ расти другимъ цвѣтамъ своего творчества, какъ ихъ Господь Богъ посѣялъ. Волѣе того, тѣ немногія клумбы, которыя были, самъ Фетъ только запускалъ и разрознивалъ; первоначальнымъ ихъ составителемъ былъ Ан. Григорьевъ, — составителемъ очень искуснымъ, глубокомысленнымъ и оригинальнымъ, но и крайне причудливымъ; притомъ вліяніе Григорьева на Фета, при всѣхъ благотворныхъ качествахъ, было въ итогѣ вредно, такъ какъ направляло поэта на совершенно несвойственный его дарованію и духовному характеру путь; въ настоящее время пониманіе Фета Григорьевымъ можетъ считаться совершенно опровергнутымъ въ самыхъ основныхъ положеніяхъ. И на самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что вначалѣ группировка Григорьева вполне соответствовала творчеству Фета и стихотворенія послѣдняго безъ остатка дѣлились, при ихъ первомъ опубликованіи въ журналахъ, на «Снѣга», «Гаданія», «Вечера и ночи», «Къ Офелии», «Мелодіи», «Элегіи» и т. д. Но уже въ изданіи 1850 года понадобился отдѣлъ «Разныхъ стихотвореній»: творчество Фета

перерастаетъ рубрики Григорьева. Изданіе 1856 года можно оставить въ сторонѣ, какъ самое неудачное, наименѣе Фетовское изъ всѣхъ изданій. Изданіе 1863 года возвращается въ общихъ чертахъ къ плану изданія 1850 года, но уже со многочисленными поправками, при чемъ старыя рубрики очень мало обогатились, а, напротивъ, отдѣлъ «Разныхъ стихотвореній» выросъ до размѣровъ большей половины. Еще менѣе подходятъ старыя рубрики къ 1-му выпуску «Вечернихъ Огней»: наиболѣе характерно превращеніе «Элегій» въ «Элегии и думы», при чемъ объ антологическомъ характерѣ пьесъ этого отдѣла не можетъ быть уже и рѣчи. Начиная со 2-го выпуска «Вечернихъ Огней» рубрики уже вовсе исчезаютъ. Доросшій до полной мѣры своихъ творческихъ силъ поэтъ безпредѣльно переросъ Григорьевское пониманіе его юношескаго творчества, хотя прежнія группы уцѣлѣли, какъ созвѣздія, среди другихъ свѣтилъ этого сіяющаго неба и млечнаго пути «Вечернихъ Огней». Въ итогѣ мы видимъ, что группировка Григорьева вполне пригодна для нѣкоторыхъ стихотвореній Фета, но вовсе не приложима къ его творчеству въ цѣломъ. Остается искать новыхъ путей.

Съ изложенной точки зрѣнія должно быть понятно, почему невозможно сохранить и распредѣленіе перваго посмертнаго изданія, въ которомъ покойный Н. Н. Страховъ, съ одной стороны, думалъ соединить хронологическій порядокъ съ группировкою Григорьева, съ другой—соединилъ съ этою группировкою поправки Фета и свои собственныя дополненія, а съ третьей, рѣшилъ все творчество Фета распредѣлить безъ остатка по прежнимъ рубрикамъ, весьма несущественно расширивъ послѣднія. Наконецъ, и онъ не избѣжалъ отдѣла «Разныхъ стихотвореній», хотя и сохранилъ для него счастливое заглавіе «Вечернихъ Огней». Въ итогѣ всѣ три нововведенія съ рѣдкимъ единодушіемъ были признаны со стороны знатоковъ неудачными, и ото всѣхъ, съ кѣмъ заходила рѣчь о подготовкѣ новаго изданія, приходилось слышать пожеланіе перемѣны этого распредѣленія.

Порядокъ настоящаго изданія обусловленъ его назначеніемъ, т. е. общедоступностью, и историческими судьбами славы Фета. Извѣстно, какъ медленно росла эта слава среди непогоды площаднаго недоброжелательства, и какъ постепенно даже теперь расширяется кругъ ея завоеваній. Какъ ни безслѣдно растаетъ со временемъ предубѣжденіе читателей противъ Фета, оно до сихъ поръ еще существуетъ и до сихъ поръ еще приходится съ нимъ считаться. Каждому новому читателю приходится еще показывать, что такое Фетъ на самомъ дѣлѣ, тщательно остерегаясь, чтобы слабости великаго лирика не заслоняли въ глазахъ предубѣжденія великихъ его достоинствъ. Приходится прежде всего раскрывать все безпредѣльное глубокомысліе, всю мощь и богатство идейнаго

содержанія его поэзіи, чтобы съ первыхъ же страницъ каждому читателю становилась очевидно нелѣпость вымирающаго, но все еще не вымершаго мнѣнія объ «отсутствіи» въ ней «мысли», о «бѣдности» ея «содержанія». вмѣстѣ съ тѣмъ, и «общедоступность» будетъ всего лучше достигнута, если во главѣ собранія будутъ стоять основныя, руководящія пьесы, проливающія «тихий свѣтъ вечерній» на все послѣдующее. Такъ какъ при томъ эти философски-просвѣтленныя стихотворенія принадлежатъ по преимуществу ко второй эпохѣ творчества Фета, то для нихъ и сохранено заглавіе «Вечерніе Огни», по справедливому замѣчанію Страхова «столь памятное и дорогое всѣмъ почитателямъ».

Отдѣлъ «Вечернихъ Огней» разбитъ на одиннадцать подраздѣленій, образовавшихся не по какой нибудь предвзятой мысли, а со внутреннею логическою необходимостью. Подбирая стихотворенія по взаимной связи мыслей, невольно пришлось подмѣтить преобладающія темы, которыя въ нихъ разрабатывались. Давать этимъ подотдѣламъ особыя заглавія было бы подѣ силу развѣ самому автору, и потому въ настоящемъ изданіи они обозначены только римскими цифрами. Однако небезполезно здѣсь же намѣтить основныя начала предлагаемой группировки. Первый отдѣлъ «Вечернихъ Огней» содержитъ какъ бы увертюру ко всѣмъ тремъ томамъ, намѣчаетъ всѣ любимыя идеи Фета въ ихъ самой общей формѣ, въ сопоставленіи духа и міра въ проявленіяхъ ихъ «стихійной жизни, отрѣшенной» (I, 11). Второй отдѣлъ могъ бы быть озаглавленъ «Добро и зло», подобно открывающей его пьесѣ, и посвященъ рѣшенію поэтомъ высшей нравственной задачи земного существованія. Непосредственно къ нему примыкаютъ третій отдѣлъ, характеризующій героическіе идеалы Фета съ ихъ общимъ девизомъ: «Блюсти, хранить и возвышать народы» (I, 37), и четвертый отдѣлъ, обрисовывающій идеальный взглядъ поэта на его призваніе, какъ художника. Въ пятомъ отдѣлѣ собраны основныя стихотворенія, раскрывающія міровое значеніе творчества и вдохновенія: его безсмертіе, могущество и безсиліе превзойти въ совершенствѣ міръ, — твореніе Божества. Шестой отдѣлъ посвященъ роли поэта уже не въ мірѣ, а въ человѣчествѣ, и, сообразно со взглядами Фетана эту роль, — характеристикамъ отдѣльныхъ поэтовъ. Здѣсь заканчивается первая часть «Вечернихъ Огней», имѣющая (въ предѣлѣ лирически-возможнаго) объективный характеръ. Вторая часть посвящена болѣе личнымъ мотивамъ. Такъ, седьмой отдѣлъ можетъ быть озаглавленъ «Муза». Въ стихотвореніяхъ этого отдѣла поэтъ самъ характеризуетъ и душу, и обликъ своего творчества. Восьмой отдѣлъ — «Память сердца», по счастливому выраженію Батюшкова: поэтъ и его любовь. Девятый отдѣлъ — поэтъ и люди. Десятый отдѣлъ — старость. Одиннадцатый отдѣлъ — смерть. На воспоминаніи о юношеской встрѣчѣ со смертью лицомъ къ лицу (I, 186). «Вечерніе Огни» угасаютъ.

Изъ остальной массы стихотвореній прежде всего и сами собой обособляются отдѣлы «Балладъ» (II, 359—388) и «Поэмъ» (II, 393 слл.). Признаки тутъ чисто внѣшнїе, но зато почти безспорныя. Столь же обособленное цѣлое составляютъ стихотворенія, помѣщенные подъ рубрикой «Оды» (II, 213—238). Наконецъ, естественно и легко группируются въ особый отдѣлъ не многочисленныя, но характерныя стихотворенія о дѣтяхъ и для дѣтей («Дѣтскїй мїръ», II, 197—210). Такимъ образомъ, задача редактора нѣсколько упрощается: группировкѣ подлежатъ лишь остальные стихотворенія. Но изъ нихъ, въ свою очередь, по внѣшнимъ весьма опредѣленнымъ признакамъ обособляется отдѣлъ стихотвореній антологическихъ и посвященныхъ античному мїру (I, 191—270). Классическїй мїръ вообще играетъ огромную роль въ творествѣ и всей литературной дѣятельности Фета. Любопытно было бы подробно прослѣдить источники и постепенное развитіе этого тяготѣнія къ классической древности. Собственно школьныя впечатлѣнія вовсе не сыграли въ этомъ отношеніи господствующей роли: она принадлежитъ вліянію Гѣте и Пушкина, а черезъ посредство Пушкина—Шенье; но съ другой стороны безспорно, что школа внушила Фету любовь къ Горацию, и что въ основѣ всего увлеченія классицизмомъ лежала естественная художественность природы Фета. Какъ бы то ни было, всѣ стихотворенія, въ которыхъ сказалось это увлеченіе, прежде всего легко и сами собою раздѣляются на три группы: 1) стихотворенія антологическія, т. е. писанныя въ условныхъ формахъ нѣмецкаго, французскаго и русскаго классицизма (или, если угодно, художественнаго псевдоклассицизма); 2) стихотворенія не антологическія, но по содержанію касающіяся древняго мїра въ различныхъ отношеніяхъ; и 3) стихотворенія, не принадлежащія ни къ первой, ни ко второй группѣ, но въ то же время носящія на себѣ несомнѣнные слѣды вліянія классическихъ образцовъ, вѣрнѣе сказать—вліянія Горация, хотя бы это вліяніе сказывалось лишь косвенно и формально. Изъ этихъ трехъ группъ центральное положеніе занимаютъ стихотворенія антологическія; вторая группа составляетъ къ нимъ какъ бы предисловіе или введеніе, а третья служитъ переходомъ къ остальнымъ произведеніямъ Фета. Въ настоящемъ изданіи эта третья группа обособлена подъ рубрикой «Элегїи» (I, 275—306), а первая и вторая соединены подъ заглавіемъ «Античный мїръ и антологическія стихотворенія». Во главѣ ихъ поставлены подъ цифрой I три руководящія для всего отдѣла пьесы: «Греція», съ ея фантастическимъ и мечтательнымъ, какъ нельзя менѣе античнымъ, влеченіемъ въ мїръ «золотого вѣка», «Золотой вѣкъ», этотъ апоэозъ божественныхъ формъ сказочной древности, и «На развалинахъ цезарскихъ палатъ», — сознаніе неуютности и чуждости реальной классической почвы мечтательному, призрачному классицизму поэта. Послѣдняя пьеса всего важнѣе: чуть фантазія всту-

пасть въ свои права «и воскресаютъ мертвецы»,—поэтъ безпре-
дѣльно любитъ и сочувствуетъ тому самому Риму, къ которому
предъ лицомъ его безсмертныхъ развалинъ готовъ испытывать
презрѣніе, близкое къ ненависти. Нельзя не узнать тутъ нашего
русскаго классицизма,—мечтательнаго, заочнаго классицизма издали.
Второй раздѣлъ посвященъ произведеніямъ классическаго и псевдо-
классическаго художества, а третій содержитъ три баллады на
античныя темы. За этимъ вступленіемъ идутъ уже собственно
антологическія пьесы. Въ четвертомъ отдѣлѣ сгруппированы сти-
хотворенія, созданныя подъ вліяніемъ «Римскихъ элегій» Гёте.
Изъ этихъ пьесъ, писанныхъ въ самое различное время и подъ
самыми разнообразными впечатлѣніями, сложился самъ собою не-
большой романъ въ элегіяхъ,—тибулловская гирлянда изящныхъ
настроеній. Въ пятый отдѣлъ включены прочія антологическія по
содержанію и по элегическому размѣру пьесы, обнаруживающія
вліяніе нѣмецкаго классицизма—Гёте и Шиллера. Таковы же и
стихотворенія шестого отдѣла, отличающіяся только формой: это
кадансированныя строчки, которыя нѣмецкій псевдоклассицизмъ
ввелъ въ поэтическій обиходъ, состязаясь съ Пиндаромъ, такъ
какъ иногда, по слову Горация,

Рѣчь его вольная мчится въ размѣрахъ,
Чуждыхъ закона.

Седьмой отдѣлъ включаетъ въ себя стихотворенія, писанныя въ
условныхъ формахъ французскаго псевдоклассицизма, подража-
тельныя Пушкину и Шенье, какъ по формѣ, такъ и по содер-
жанію, а восьмой и девятый—въ условныхъ формахъ нѣмецкаго клас-
сицизма, но уже по содержанію всецѣло и безусловно Фетовскія.
Отдѣлъ «Элегій», какъ уже сказано, включаетъ пьесы, не антоло-
гическія по существу, но на которыхъ есть, если можно такъ вы-
разиться, антологическій налетъ. Границы этого отдѣла очень
шатки и трудно уловимы; но ихъ навѣрное почувствуетъ всякій,
знакомый съ переводами Фета изъ Горация.

Размѣстивъ окраины творчества Фета, переходимъ къ приве-
денію въ порядокъ центральныхъ областей его поэзіи. Онѣ рѣзко
дѣлятся на двѣ основныя группы: поэзія невыразимаго и поэзія
опредѣленныхъ общественныхъ отношеній. Произведенія послѣд-
няго рода собраны вмѣстѣ подъ заглавіемъ «Стихотворенія на
случай» и сгруппированы въ десять подотдѣловъ по признакамъ,
яснымъ изъ заголовковъ или самимъ по себѣ. Въ нихъ мы зна-
комимся съ Фетомъ, какъ съ товарищемъ, свѣтскимъ человѣкомъ,
другомъ, хозяиномъ, помѣщикомъ, корреспондентомъ и т. д. Въ
этой области все ясно, точно и опредѣленно, все приурочено къ
историческимъ лицамъ, событіямъ, времени и мѣсту.

Прямую противоположностью является второй, самый обширный

и наиболѣ фетовскій отдѣлъ,—единственная въ мірѣ лирика неуловимаго, невыразимаго и мимолетнаго въ природѣ, въ сердцѣ человѣческомъ и душевныхъ настроеніяхъ. Ни одному изъ поэтовъ не была такъ понятна, какъ Фету, вся таинственная музыка бытія, и съ удивительно вѣрнымъ художественнымъ тактомъ далъ Григорьевъ названіе «Мелодій» тѣмъ стихотвореніямъ, въ которыхъ поэтъ уловляетъ ее наиболѣе чутко и тонко. И природа, и сердце, и духъ человѣческій были собственно для Фета сплошною музыкою, безконечно разнообразною мелодіею. Онъ и видѣлъ, и слышалъ «все невозможно-возможное, странно-бывалое» (I, 263) въ мірѣ, въ душѣ и въ сердцѣ человѣческомъ. И въ его стихотвореніяхъ съ этой точки зрѣнія безъ труда различаются три группы, озаглавленныя въ настоящемъ изданіи «Природа», «Мелодіи» и «Сердце».

Первый отдѣлъ распадается на группы безъ особенной трудности, въ значительной степени благодаря намѣченному еще въ прежнихъ изданіяхъ рубрикамъ—«Море», «Вечера и ночи», «Лѣто», «Осень», «Сиѣга», «Весна», къ которымъ вновь прибавлена глава «Звѣзды». Правда, нѣкоторыя рубрики очень близко соприкасаются и порою крайне трудно рѣшить, что преимущественно воспѣвается въ данномъ стихотвореніи, описывающемъ весенній вечеръ: неуловимое весны, т. е. времени года, или неуловимое вечера, т. е. части дня; но вѣдь и вообще предѣлы рубрикъ приблизительно: главное значеніе въ цѣлой картинѣ, въ преемствѣ и связности настроеній внутри отдѣльной главы. Озаглавленнымъ отдѣламъ предшествуютъ три отдѣла безыменныхъ. Первый изъ нихъ даетъ стихотворенія, вообще характеризующія нашу русскую природу съ ея настроеніями и «чужія небеса» надъ «сыномъ сѣвера» (I 314—315). Второй отдѣлъ даетъ болѣе частныя, отдѣльныя картины природы съ ихъ настроеніями, подчиняющими себѣ до безраздѣльной слитности настроеніе поэта или смыкающія на себѣ, какъ на зримыхъ образахъ, вполне однотонныя съ ними чувства и впечатлѣнія. Наконецъ, въ третьемъ отдѣлѣ подобраны тѣ пьесы, гдѣ природа и сердце человѣческое не сливаются въ унисонную мелодію, но проводятъ ее сквозь цѣлый рядъ двухголосныхъ созвучій.

Во второмъ отдѣлѣ, въ «Мелодіяхъ», удалось воспользоваться только заглавіями «Гаданія», «Къ Офеліи» и «Сонеты»; прочіе отдѣлы образованы вновь. Во главѣ всего поставлены мелодіи, такъ сказать, по преимуществу, наиболѣе типичныя и наиболѣе популярныя и въ то же время никакимъ заглавіемъ неуловимыя пьесы. Затѣмъ, послѣ гаданій, идетъ отдѣлъ «Грезъ»,—сновъ на яву, видѣній «невозможно-возможнаго, странно-бывалаго», гдѣ передъ читателемъ, по выраженію Ап. Григорьева, «наглядно совершаются грезы», и отдѣлъ «Сновъ», гдѣ истинѣ

Точно изъ сумрака блѣдныя руки

Призраковъ нѣжныхъ манятъ за собой (II, 98).

Въ неозаглавленномъ пятомъ отдѣлѣ собраны стихотворенія, на-вѣянные музыкой и поэтически воплощающія музыкальныя впечатлѣнія любителя. Заглавіе шестого отдѣла «Безсонница» доста-точно характеризуетъ собранныя въ немъ мелодіи. Наконецъ, отдѣлы «Къ Офеліи» и «Сонеты», тѣсно связанные между собой и по происхожденію, и по содержанию, и по настроеніямъ (это все отголоски той эпохи, когда

Гамлетъ-Мочаловъ сотрясалъ насъ бурно (II, 451),

и когда Фету съ Григорьевымъ «такъ казались сладки»

Поэты, насъ затронувшіе, всѣ,—
И Лермонтовъ, и Байронъ, и Мюссе (II, 450)

съ примѣсю, конечно, и Гейне), составляютъ переходъ къ третьей центральной области творчества Фета—проникновенію въ сердце человѣческое. Этотъ отдѣлъ разбитъ на двѣ группы: сперва помѣщены стихотворенія, въ которыхъ преобладаютъ субъективные эле-менты, примыкающіе къ отдѣлу «Мелодій», а затѣмъ пьесы съ преобладаніемъ элементовъ объективныхъ, служащія переходомъ къ «Стихотвореніямъ на случай», «Балладамъ» и «Поэмамъ». Что касается переводовъ, то всѣ они отнесены въ третій томъ и распо-ложены по авторамъ, авторы же и отдѣльныя стихотворенія каждаго автора—въ алфавитномъ порядкѣ, какъ и стихотворенія въ обоихъ «Приложеніяхъ».

Изложеннымъ опредѣляется степень полноты и планъ новаго изданія Фета. Остается сказать о правилахъ, которыя соблюдены въ установленіи текста. Вообще говоря, стихотворенія Фета не подвергались искаженіямъ съ точки зрѣнія ихъ содержанія, такъ какъ въ цензурномъ отношеніи никогда не представляли ни тѣни предосудительнаго. Тѣ урѣзванія и сокращенія, которымъ нѣко-торыя стихотворенія подверглись въ изданіи 1856 года, частью были вполне умѣстны съ художественной точки зрѣнія, частью же не убѣдили не только читателей, но и самого автора, восстано-вившаго позднѣе кое-что, вычеркнутое съ излишнею строгостью. Вообще говоря, переработка, которой Фетъ подвергалъ свои сти-хотворенія, была чрезвычайно тщательна и продолжительна; иныя поправки появлялись черезъ цѣлыя десятилѣтія; но объ этой ра-ботѣ говорить не приходится, такъ какъ варианты не имѣлось въ виду включать въ настоящее изданіе. Такимъ образомъ, обработкѣ подлежалъ, строго говоря, только самый текстъ (въ буквальномъ смыслѣ слова) стихотвореній: требовалось установить правописаніе и устранить опечатки.

Въ отношеніи правописанія трудностей не встрѣчалось: Фетъ отличался совершенно поэтическимъ къ нему равнодушіемъ и да-же букву ѣ ставилъ нерѣдко болѣе по настроенію, чѣмъ по ка-

кимъ либо грамматическимъ правиламъ, — даже на той же страницѣ различно. За послѣдніе годы жизни онъ преимущественно диктовалъ свои стихотворенія, такъ что довѣрялся правописанію тѣхъ, кто писалъ подъ его диктовку. Правописаніе его произведеній въ печати всецѣло зависѣло отъ редакторовъ и корректоровъ. Словомъ, о «фетовскомъ правописаніи» не можетъ быть и рѣчи, и приходится держаться общепринятаго. Чуть ли не единственною орфографическою особенностью можно развѣ признать, что Феть говорилъ, риемовалъ и писалъ дальній, дальная, дальное, а не дальній, дальняя, дальнее. Это была особенность его южнаго выговора, наряду съ мягкимъ произношеньемъ г, позволявшимъ ему риемовать пухъ и другъ. Такимъ образомъ, приходилось только устранять опечатки, на которыя Феть, по насмѣшливому замѣчанію Тургенева, былъ удивительно счастливъ. Правда, существенныхъ опечатокъ оказалось немного, но всѣ онѣ до неузнаваемости искажали и запутывали смыслъ стихотвореній. Въ этомъ отношеніи помощь рукописей порою была весьма полезна.

Напротивъ, труднѣйшую задачу составила разстановка знаковъ препинанія. Къ нимъ Феть былъ еще несравненно равнодушнѣе, чѣмъ къ правописанію, и признавалъ въ сущности только точку, запятую и изрѣдка восклицательный и вопросительный знаки, лишь въ видѣ исключенія допуская тире или многоточіе. Любимымъ его знакомъ была точка, которую онъ ставилъ даже иногда тамъ, гдѣ не только точки, но и никакого знака не было нужно. Всего же чаще онъ вовсе не ставилъ никакихъ знаковъ. Въ итогъ можно смѣло сказать, что всѣ знаки препинанія въ его стихотвореніяхъ проставлены были не имъ самимъ, но что и самъ онъ разставилъ бы ихъ ничуть не лучше своихъ секретарей и корректоровъ. Между тѣмъ отъ чудовищной разстановки знаковъ его стихотворенія пострадали больше, чѣмъ отъ самыхъ предательскихъ опечатокъ. Многія стихотворенія положительно сдѣлались бессмысленными, другія лишь съ величайшимъ трудомъ поддавались пониманію, не говоря ужъ объ отдѣльныхъ строфахъ, строкахъ и эпитетахъ. Вѣдь знаки препинанія — простѣйшій комментарий къ тексту, а въ особенности къ тексту поэтическому, да еще такого причудливаго и своеобразнаго поэта, какъ Феть. Такимъ образомъ, для настоящаго изданія пришлось буквально почти всѣ знаки препинанія перемѣнить, перемѣстить и дополнить — съ совершенно сознательною цѣлью: впервые возстановить истиннаго Фета изъ-подъ засыпавшаго его пепла неумѣстныхъ точекъ, запятыхъ и многоточій. Въ этой работѣ по мѣрѣ возможности достигалось примиреніе двухъ началъ: съ одной стороны, имѣлось въ виду сохранить характеръ Фетовскаго слога, отдавая неизмѣнное преимущество точкѣ, затѣмъ запятой, потомъ тире, и лишь

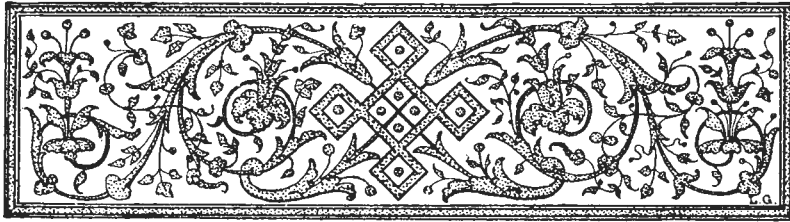
въ случаѣ необходимости прибѣгая къ болѣе сложнымъ знакамъ; съ другой же стороны необходимо было главнымъ образомъ отдѣлять знаками не отдѣльныя мысли, а внутреннюю связь пѣлаго въ каждомъ отдѣльномъ стихотвореніи, помогая читателю уловить объединяющую художественную концепцію въ отрывочныхъ образахъ и по внѣшности безсвязныхъ мысляхъ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о хронологическомъ и алфавитномъ указателѣ. Хронологическій указатель, при всемъ огромномъ трудѣ, который затраченъ на его составленіе, можетъ считаться непререкаемымъ только въ тѣхъ частяхъ, гдѣ можно было опереться на чистовыя рукописи или на собственныя помѣтки автора. Таковы въ особенности періоды за 1854—1869 и 1885—1892 гг. Хронологія за 1870—1884 гг. тоже возстановлена при помощи рукописей, но въ частностяхъ представляется нерѣдко сомнительною: нѣкоторыя стихотворенія могли быть написаны и раньше того года, которымъ помѣчены, или той послѣдовательности, въ которой помѣщены. Тѣ пьесы, которыхъ послѣдовательность опредѣлена лишь приблизительно, помѣчены звѣздочкою, кромѣ пьесъ, впервые помѣщенныхъ въ изданіяхъ 1840, 1850, 1856 и 1863 гг.: онѣ помѣщены въ указателѣ въ той послѣдовательности, въ какой стоятъ въ сборникахъ. Что касается хронологіи за 1840—1854 гг., то она основана почти исключительно на печатномъ матеріалѣ и потому воспроизводитъ послѣдовательность не сочиненія, а обнародованія отдѣльныхъ стихотвореній.

Алфавитный указатель содержитъ два ряда цифръ: томъ и страницу, гдѣ стихотвореніе напечатано или упоминается, и № хронологическаго указателя, чтобы въ случаѣ надобности читатель могъ навести справку о времени появленія каждой отдѣльной пьесы. Стихотворенія, впервые помѣщенные въ настоящемъ изданіи сравнительно съ первымъ посмертнымъ (1894 г.), а переводныя—сравнительно съ изданіемъ 1863 года, отмѣчены звѣздочкою въ указателѣ и въ оглавленіи каждаго тома.

Б. В. Никольскій.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Баронъ де-Барантъ и Николай I.

ВЪ ПРОДОЛЖЕНІЕ послѣднихъ десяти лѣтъ, начиная отъ 1890 до 1899 года, выпло семь томовъ Воспоминаній барона Эмиля Проспера де-Баранта, извѣстнаго французскаго историка, академика и дипломата ¹⁾, а послѣдній появится въ концѣ настоящаго года. По словамъ издателя этого значительнаго вклада въ исторію XIX вѣка, его внука Клода де-Баранта, автору было 80 лѣтъ, когда ему пришло въ голову написать свои мемуары на основаніи многочисленныхъ замѣтокъ, набросанныхъ имъ въ свою долговременную жизнь и уже послужившихъ ему матеріаломъ для составленія его сочиненій «Исторія Конвента и Директоріи», «Жизнь Ройэ-Коллара» и «Историческіе очерки», въ составъ которыхъ вошли его этюды о Молэ, Паскье, Мунье, де-Сентъ-Олерѣ, Фуа, Камилѣ Журданѣ и Гувіонѣ Сентъ-Сирѣ. Но этотъ трудъ былъ прерванъ его смертію въ 1866 г. и, доведенный до 1819 г., занимаетъ только полтора тома изъ семи. Еще томъ до августа 1829 года представляетъ смѣсь изъ отрывочныхъ воспоминаній Баранта и его переписки съ друзьями, а затѣмъ эта переписка и официальные депеши уже вплоть наполняютъ всю остальную часть «Воспоминаній», которая снабжена для сохраненія нити историческихъ событій подробнымъ ихъ перечнемъ, составленнымъ издателемъ. Са-

¹⁾ Souvenirs du baron de Barante (1782—1826). Publiés par son petit fils, Claude de Barante.—VII volumes.—Paris. 1830—1899.

мые «Мемуары» очень живы и любопытны, въ особенности тѣ главы, которыя касаются Наполеона, но и переписка съ замѣчательнѣйшими лицами тогдашней Франціи: герцогомъ Деказомъ, Гизо, графомъ Мола, Ремюза, Талейраномъ, Райэ-Колларомъ, Бенжаменомъ Констаномъ, Шатобрианомъ, Тьеромъ, Казимиромъ Перье, графомъ Себастиани, графомъ Сентъ-Олеромъ, графомъ Сентъ-При, маршаломъ Сультомъ, двумя русскими аристократическими дипломатками, княгиней Ливенъ и герцогиней Дино, внучкой Бирона, герцогиней Брольи и т. д., составляетъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи первой половины нашего столѣтія, такъ какъ седьмой томъ кончается 1-мъ декабря 1851 года, т.-е. наканунѣ пресловутаго государственнаго переворота. Конечно, для насъ, русскихъ, наиболѣе интересны томы 5 и 6, потому что они содержатъ въ себѣ официальные депеши и частныя письма Баранта изъ Петербурга, гдѣ онъ былъ посланникомъ съ 1 января 1836 г. по августъ 1841 г., а также отвѣты тогдашнихъ французскихъ министровъ иностранныхъ дѣлъ и его личныхъ друзей. Эти документы проливаютъ новый свѣтъ на отношенія между Россіей и Франціей при Николаѣ I, сообщаютъ интересные разговоры Баранта съ русскимъ императоромъ, Нессельроде и другими высокопоставленными русскими государственными дѣятелями и рисуютъ любопытныя картинки петербургскаго двора, Москвы, Крыма и т. д. Поэтому мы преимущественно познакоимся съ этою, такъ сказать, русскою стороною «Воспоминаній» и только бѣглыми штрихами дополнимъ картину жизни ихъ автора до его пребыванія въ Петербургѣ и послѣ него.

Эмилъ Просперъ де-Барантъ родился 1782 г. въ Ріомѣ, гдѣ его отецъ, принадлежавшій къ мѣстному дворянству, занималъ должность королевскаго казначея. Дома онъ получилъ прекрасное воспитаніе, которымъ исключительно занимались его отецъ и мать, которые писали для него учебники, между прочимъ, напечатанныя потомъ грамматику и географію. Затѣмъ онъ поступилъ въ школу, содержимую въ городѣ Еффіа патерами, а когда она закрылась въ началѣ революціи, то ему пришлось вернуться въ родительскій домъ, гдѣ онъ продолжалъ свое воспитаніе подъ руководствомъ отца въ мрачныя дни террора, жертвою котораго едва не сдѣлался послѣдній. Арестованный за свои монархическо-конституціонныя убѣжденія, онъ былъ спасенъ только геройствомъ жены, поѣхавшей въ Парижъ и тамъ добившейся его освобожденія. Въ 1795 г. юный Барантъ былъ отвезенъ отцемъ въ Парижъ и помѣщенъ въ пенсіонъ Лемуана, откуда онъ перешелъ, спустя три года, въ Политехническую школу, гдѣ съ любовью слушалъ лекціи знаменитыхъ профессоровъ, какъ Монжа, Лагранжа и другихъ. Послѣ 18 брюмера его отецъ получилъ мѣсто префекта въ Адскомъ департаментѣ и затѣмъ въ Женевѣ, а молодежь, въ томъ числѣ Ба-

рантъ, восторженно привѣтствовала успѣхи перваго консула Бонапарте на полѣ брани и въ области государственнаго устройства. Выйдя изъ Политехнической школы въ 1801 году, онъ избралъ гражданское поприще и поступилъ мелкимъ чиновникомъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ; но онъ не поддастся заѣдающей административной рутинѣ, а въ свободное время занимался изученіемъ юридическихъ наукъ и политической экономіи, а также слѣдилъ за всѣми учеными открытіями; такъ, онъ присутствовалъ при первомъ опытѣ Фультона, который сначала устроилъ такой маленькій паровой двигатель, что онъ приводилъ въ движеніе только лодочку на Сенѣ. Описывая эту интересную новинку въ своихъ мемуарахъ, Барантъ замѣчаетъ: «Часто возбуждался вопросъ, отчего Наполеонъ презрительно отнесся къ предложенію Фультона, но тогда паровая сила была недостаточно усовершенствована для практики, и Наполеону не было времени дожидаться этихъ усовершенствованій для задуманной имъ высадки въ Англію».

Назначенный аудиторомъ въ государственный совѣтъ въ первые годы имперіи, Барантъ пришелъ въ личные отношенія съ Наполеономъ, къ которому онъ не питалъ фетишизма, но съ которымъ ближе онъ былъ очень радъ познакомиться, и засѣданія государственнаго совѣта служили для него вмѣстѣ съ Политехническою школою и драматическимъ зрѣлищемъ. Особенно подробно онъ описываетъ засѣданія подъ предѣтельствомъ императора, въ которыхъ обсуждались еврейскій вопросъ, разрѣшенный признаніемъ гражданскаго равноправія евреевъ, и система общественнаго образованія, что повело къ созданію централизованнаго университета, которому было подчинено все общественное воспитаніе во Франціи. Первое дипломатическое порученіе, данное Баранту, состояло въ доставленіи писемъ императора къ королю и королевѣ испанскимъ въ 1806 г. Онъ провелъ десять дней въ Мадридѣ и былъ принятъ очень любезно при дворѣ. «По возвращеніи въ Парижъ,—рассказывалъ онъ вполнѣ чистосердечно,—императоръ спросилъ меня: «Ну, какъ васъ приняли?» Я отвѣчалъ довольно глупою фразой: «Посланнаго побѣдителемъ при Аустерлицѣ нельзя принять иначе, какъ очень хорошо». Императоръ не далъ мнѣ почувствовать безтактность моего отвѣта и просто отвѣтилъ: «Они всегда относились хорошо къ намъ». Въ слѣдующемъ году, послѣ побѣды подъ Іеною и взятія Берлина, Наполеонъ вызвалъ туда нѣсколько аудиторовъ, въ томъ числѣ Баранта. «Императоръ,—замѣчаетъ онъ,—былъ почти всегда суровъ, требователенъ, безжалостенъ во время успѣха, но не столько по гордости и упоенію славы, сколько по расчету. Онъ извлекалъ изъ побѣды всевозможную пользу, рассчитывая на смущеніе побѣжденныхъ и зная, что своимъ грубымъ, повелительнымъ обращеніемъ онъ только усилитъ ихъ униженіе. Но никогда онъ не выказалъ столь ярко своихъ обычныхъ качествъ, какъ послѣ

Тены. Онъ оскорблялъ королеву, не позволялъ престарѣлому герцогу Брауншвейгскому умереть въ своемъ замкѣ и всячески унижалъ не только прусскую аристократію, но даже народъ, отдавъ его подъ управленіе французскихъ генераловъ и чиновниковъ».

Молодые аудиторы были подчинены генераль-интенданту арміи, Дарю, который хотя и самъ обращался очень круто съ нѣмцами, но имѣлъ предчувствіе, что когда нибудь Парижъ поплатится за всѣ эти побѣды; такъ онъ сказалъ однажды Баранту: «Я только-что совершилъ варварскій поступокъ: я осмотрѣлъ ботаническія оранжереи съ цѣлью превратить ихъ въ конюшни. Знаете, какая мысль преслѣдуетъ меня послѣ этого? Я думаю, что вѣдь и европейскія арміи могутъ вторгнуться во Францію и взять Парижъ, а ихъ генераль-интендантъ превратитъ Луврскій музей въ госпиталь». Долго аудиторамъ не давали никакого опредѣленнаго положенія, и они праздно гуляли въ своихъ фракахъ или расшитыхъ мундирахъ среди массы военныхъ. Наконецъ Барантъ былъ назначенъ интендантомъ Данцига, но оказалось, что этотъ городъ не былъ еще взятъ французскими войсками, и ему пришлось маршировать въ корпусѣ маршала Ланна, который былъ направленъ туда. Но его вскорѣ повернули на Варшаву, и Барантъ отправился въ Познань, гдѣ находился императоръ. Тамъ его назначеніе было измѣнено, и онъ опредѣленъ интендантомъ въ Варшаву, гдѣ командовалъ тогда Мюратъ, и куда вскорѣ затѣмъ прибылъ Наполеонъ. Варшава сдѣлалась резиденціей, прибыли иностранные послы, и въ виду отступленія русскихъ, а также постоянныхъ дождей, императору пришлось сидѣть у моря, дожидаясь погоды. «Онъ былъ, однако, такъ спокоенъ,—замѣчаетъ Барантъ,—что вздумалъ сочинить солдатскую пѣсню, но ему это не удалось, и онъ даже никому не показалъ своихъ поэтическихъ опытовъ». Затѣмъ послѣдовала битва при Эйлау и зимовка въ Польшѣ, во время которой Наполеонъ реорганизовалъ свою армію, находившуюся въ большомъ безпорядкѣ. По словамъ Баранта, «императоръ при этомъ столько же заботился о комплектованіи своей боевой силы, сколько и объ интендантской части, выказывая необыкновенную энергію, точность, аккуратность и память». Весною произошло сраженіе подъ Фридрихсландомъ, и заключенъ Тильзитскій миръ. Французская администрація въ Силезіи подвела свои счета, и Барантъ сvezъ ихъ въ Берлинъ къ Дарю, при чемъ вручилъ ему остатокъ отъ реквизицій въ 3 милліона, но генераль-интендантъ заявилъ, что этого мало, и надо изъ Силезіи извлечь болѣе, такъ какъ Наполеонъ, отправляясь въ Парижъ, потребовалъ присылки 150 милліоновъ. По счастью для Баранта, ему не пришлось возвращаться въ Силезію и снова выжимать послѣдніе соки изъ населенія, такъ какъ императоръ назначилъ его подирефектомъ во французское провинціальное мѣстечко Брессиръ.

Хотя это назначеніе не было повышеніемъ, и даже его товарищи считали, что онъ подвергся опалѣ за свои вскрытыя полиціей и слишкомъ откровенныя письма насчетъ обратной стороны войны и чрезмѣрнаго угнетенія завоеванныхъ странъ, но самъ Барантъ былъ очень доволенъ отдѣлаться отъ неприятой службы и вернуться на родину. Десять мѣсяцевъ, проведенныхъ среди армии въ завоеванной странѣ, произвели сильное впечатлѣніе на юнаго аудитора, и хотя Наполеонъ приказалъ вернуть всѣхъ его товарищей во Францію, говоря, что «они ничего не дѣлаютъ и только пишутъ пустяки въ Парижъ», но въ рассказѣ Баранта объ этой эпохѣ его жизни встрѣчается много интересныхъ и неизвѣстныхъ подробностей объ отношеніяхъ императора къ Польшѣ и къ своей армии, а также очень трезвые, справедливые взгляды на тогдашнее положеніе дѣлъ въ Европѣ, чреватое роковыми результатами для Франціи и для повелѣвавшаго ею генія, «которому, по словамъ автора «Воспоминаній», не было суждено основать ничего твердаго, ничего обезпечивавшаго истинные интересы Франціи».

Въ Бессирѣ, небольшомъ селеніи, отстоящемъ на 20 миль отъ Пуатье, Барантъ очутился въ доброй мирной провинціальной средѣ и спокойно провелъ въ этомъ отдаленномъ, забытомъ уголкѣ Вандеи два года, послѣ чего онъ былъ назначенъ префектомъ того же департамента. На этомъ мѣстѣ онъ оставался четыре года и велъ столь же тихую жизнь, дозволившую ему продолжать литературные труды, начатыя въ Бессирѣ. Первымъ изъ нихъ была «Картина французской литературы XVIII столѣтія», удостоенная преміи французской академіи; затѣмъ онъ редактировалъ мемуары г-жи Ла-Рошжакленъ и написалъ нѣсколько статей для *Biographie Universelle* Мишо и въ журналы. Въ 1813 году Барантъ переведенъ префектомъ въ Нантъ и не покидалъ этого поста до ста дней, несмотря на вступленіе на престолъ Людовика XVIII, которому онъ присягнулъ. Въ силу этой присяги, онъ подалъ въ отставку при возвращеніи Наполеона и прожилъ въ своемъ помѣстьѣ до второй реставраціи. Первое конституціонное министерство было сформировано Талейраномъ. Паскье, получивъ двойной портфель министерствъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, назначилъ директорами канцеляріи перваго — Гизо, а послѣдняго — Баранта. Наконецъ, передъ бывшимъ аудиторомъ на тридцать пятомъ году его жизни открылась широкая дѣятельность. Прежде всего онъ составилъ записку для короля и союзниковъ «О политическихъ и конституціонныхъ учрежденіяхъ Франціи», въ которой онъ развилъ умѣренно-либеральные взгляды доктринера, которымъ онъ и оставался всю свою жизнь. Затѣмъ онъ написалъ декретъ о созывѣ новой палаты, на основаніи новыхъ избирательныхъ правилъ. Паскье, Талейранъ и король подписали его проектъ, нимало его не измѣнивъ. вмѣстѣ съ тѣмъ ему было поручено составленіе списка новыхъ префектовъ и подробной для нихъ инструк-

ці. На послѣдовавшихъ выборахъ Барантъ былъ избранъ депутатомъ въ двухъ департаментахъ Нижней-Луары и Пюи-де-Дома, сохраняя свою административную должность. Даже, при образованіи новаго кабинета герцога Ришелье, онъ исполнять должность министра до прибытія назначеннаго на это мѣсто Де-Воблана, о которомъ онъ отзывался очень рѣзко, называя его безсмысленнымъ, страннымъ, смѣшнымъ человѣкомъ. Въ палатѣ Барантъ принадлежалъ къ либерально-конституціонной группѣ Райэ-Коллара и всячески возставалъ противъ крайней реакціи, героямъ которой онъ прямо говорилъ: «Видитъ Богъ, вы преступниѣ Марата и Робеспьера». Дѣйствиною его рѣчью была защита несмѣняемости судей, а затѣмъ онъ чаще всего говорилъ по финансовымъ вопросамъ, такъ какъ перешелъ въ министерство финансовъ и получилъ мѣсто директора департамента косвенныхъ налоговъ, въ соединеніи съ постомъ члена государственнаго совѣта. Впрочемъ, его депутатская дѣятельность продолжалась недолго, и онъ долженъ былъ отказаться отъ нея въ концѣ 1816 г. по случаю новаго избирательнаго закона, опредѣлявшаго сороколѣтній цензъ. Однако онъ продолжалъ появляться въ палатѣ, какъ правительственный комиссаръ, по дѣламъ своего департамента. Декабремъ 1818 года оканчиваются, къ сожалѣнію, мемуары Баранта, и далѣе уже надо довольствоваться отрывочными замѣтками и перепиской его съ друзьями, а также съ своей женой, Сезариной Гудето, на которой онъ женился въ 1811 году.

Первая замѣтка объясняетъ созданіе въ 1819 г. новыхъ шестидесяти членовъ, т. е. членовъ верхней палаты, въ число которыхъ попалъ Барантъ съ титуломъ барона, благодаря дружбѣ съ Деказомъ, любимцемъ короля. Но, несмотря на это, онъ занялъ мѣсто въ конституціонной оппозиціи и энергично дѣйствовалъ противъ втораго министерства Ришелье, которое склонялось на сторону реакціи и кончило тѣмъ, что рассорилось съ доктринерами. Нѣкоторые изъ нихъ потеряли свои мѣста въ государственномъ совѣтѣ, въ томъ числѣ Барантъ, но, чтобъ позолотить пилюлю и вмѣстѣ съ тѣмъ удалить его изъ палаты, его назначили посланникомъ въ Копенгагенъ. Однако онъ отказался отъ этого поста, желая сохранить свою независимость, и до конца реставраціи, т. е. до революціи 1830 г., оставался въ рядахъ оппозиціи ея верхней палаты, но, лишившись своей административной службы, онъ не часто показывался въ палатѣ и большую часть времени проводилъ въ деревнѣ, гдѣ занимался литературными трудами: «Биографія Шиллера», «Администрація общинъ», и своимъ главнымъ сочиненіемъ: многотомной «Исторіей герцоговъ Бургундскихъ», проложившей ему дорогу въ академію. Изъ его замѣтокъ, относящихся къ этому времени и оканчивающихся въ 1819 году, наиболѣе интересна о послѣднихъ годахъ жизни императора Александра. Барантъ рельефно рисуетъ въ ней картину мистическо-религіознаго и политико-реакціоннаго на-

строенія, охватившаго нѣкогда либеральнаго Александра, благодаря вліянію г-жи Криднеръ и Меттерниха, которые успѣли всецѣло имъ овладѣть.

Съ горячимъ сочувствіемъ привѣтствовали Барантъ июльскую революцію и восшествіе на престолъ Луи-Филиппа, съ которымъ онъ находился давно въ дружескихъ отношеніяхъ. Еще въ 1828 году онъ имѣлъ съ нимъ очень знаменательный разговоръ. «Они (роялисты) не хотятъ быть благоразумными,—сказалъ герцогъ Орлеанскій:—надъ ними грянетъ бѣда. Что касается до меня, то я рѣшился на одно: не эмигрировать».—«Значитъ вы будете королемъ,—отвѣчалъ Барантъ:—такъ какъ нѣтъ третьяго исхода».—«Кто знаетъ, можетъ быть, черезъ пятьдесятъ лѣтъ не будетъ вовсе королей»,—произнесъ съ улыбкой будущій король. Его слова оказались пророческими, и послѣдующія пятьдесятъ лѣтъ увидѣли орлеанскую монархію, февральскую республику, декабрьскую имперію и, наконецъ, процвѣтающую теперь третью республику. Первымъ результатомъ воцаренія Луи-Филиппа для Баранта было назначеніе его посланникомъ въ Туринъ.

Пять лѣтъ провелъ Барантъ при дворѣ сначала короля Карла-Феликса, а затѣмъ, послѣ его смерти, Карла-Альберта, и эта эпоха его политической дѣятельности наименѣе интересна, что отражается въ его депешахъ и письмахъ. Тогда въ Италіи былъ политическій застой, и только по временамъ вспыхивало движеніе карбонаріевъ, а также надѣлало много шума занятіе Анконы французами. Впрочемъ, довольно любопытны характеристики въ депешахъ Баранта обоихъ королей и внутренняго положенія Пьемонта. По его словамъ, Карлъ-Феликсъ пользовался своею неограниченною властью очень умѣренно, благоразумно, спокойно, боясь инстинктивно всего новаго; искренно набожный и чрезвычайно сдержанный, онъ былъ врагомъ всѣхъ крайностей и не поддавался всецѣло вліянію кого бы то ни было, хотя графъ Колобіано и былъ его любимцемъ. Что касается до Карла-Альберта, то онъ въ молодости обнаруживалъ пламенную любовь къ народу и жаждалъ либеральныхъ реформъ, но обстоятельства ступевали въ немъ благородныя стремленія, и, сдѣлавшись королемъ, онъ продолжалъ блѣдную, безцвѣтную политику своего предшественника и хотя сдѣлалъ кое-какія улучшения по судебной части, какъ, на примѣръ, смягчилъ уголовныя кары, но исчезла всякая мысль о конституціи, которою тѣшили себя пьемонтцы. Такимъ образомъ, все осталось при новомъ царствованіи по-старому, и подъ спокойною, безмятежною внѣшностью Барантъ усматривалъ подготовлявшіеся зачатки революціи, которую можно было устранить только либеральными реформами, а для проведенія ихъ не находилось ни короля, ни государственнаго чловека съ твердою волей и замѣчательными государственными способностями.

Въ сентябрѣ 1835 года, Барантъ былъ переведенъ въ Петербургъ и получилъ подробную инструкцію отъ тогдашняго французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, герцога Броли. Изъ нея видно, что отношенія между Россіей и Франціей были самыя натянутыя, со времени іюльской революціи. До тѣхъ поръ обѣ страны были соединены тѣснымъ дружественнымъ союзомъ, но, со вступленіемъ на престолъ Луи-Филиппа, русскій императоръ отвернулся отъ Франціи, такъ какъ признавалъ происшедшую въ ней революцію источникомъ польскаго возстанія, а ея новаго короля считалъ узурпаторомъ. Офіціальныя дипломатическія сношенія кое-какъ поддерживались, но положеніе французскаго посланника въ Петербургѣ было самое затруднительное; такъ, съ двумя предшественниками Баранта, герцогомъ Тревизомъ и маршаломъ Мэзономъ, государь обращался съ самою изысканною любезностью, какъ съ лицами, извѣстными по своей военной славѣ, но никогда не говорилъ съ ними объ ихъ королѣ, а съ Тревизомъ даже о политикѣ. Затѣмъ маршалъ Мэзонъ и русскій посланникъ въ Парижѣ, графъ Поццо ди-Борго, были въ одно и то же время отозваны, и обоими посольствами завѣдывали повѣренныя въ дѣлахъ. Наконецъ, Николай назначилъ въ Парижъ графа Палена, а затѣмъ былъ посланъ въ Петербургъ Барантъ. Такимъ образомъ, ему предстояло очень трудное дѣло, если не возстановитъ дружескій союзъ съ Россіей, о чемъ никто не мечталъ при такихъ обстоятельствахъ, то все-таки добиться приличнаго «modus'a vivendi». Французское правительство ждало отъ него, что онъ поставитъ отношенія съ петербургскимъ кабинетомъ на ту ногу благорасположенія, на которой находились отношенія съ Пруссіей и Австріей. Взвѣсивъ за эту тяжелую задачу, Барантъ по дорогѣ въ Петербургъ заѣхалъ въ Веймаръ, гдѣ великою герцогиней была сестра Николая, и въ Берлинъ, гдѣ король былъ ближайшимъ союзникомъ русскаго императора. По наведеннымъ тамъ справкамъ, онъ убѣдился, что въ Петербургѣ его ждетъ благопріятный пріемъ. Въ особенности тепло отзывалась о братѣ великая герцогиня Саксенъ-Веймарская, настаивая на томъ, что его не понимаютъ въ Европѣ, и что онъ не только мужественный и благородный человѣкъ, но, главнымъ образомъ, справедливый и добрый. Съ своей стороны, король прусскій сказалъ Баранту: «Нельзя сомнѣваться въ добрыхъ намѣреніяхъ русскаго императора и его желаніи обезпечить миръ въ Европѣ. Я знаю, что его личныя отношенія къ вашему королю не таковы, какъ бы слѣдовало имъ быть, и какъ бы я желалъ, но это можетъ измѣниться, и я надѣюсь, что вы окажете содѣйствіе къ такой благопріятной переимѣнѣ. Все-таки и теперь политическія отношенія не возбуждаютъ никакого безпокойства». Русскій посланникъ въ Берлинѣ, Рибопьеръ, очень любезно обошелся съ Барантомъ, которому было сообщено, что на границѣ его ждетъ фельдъегерь, нарочно

присланный императоромъ съ цѣлью проводить его въ Петербургъ и принять всѣ расходы по путешествію на императорскій счетъ, чего онъ нисколько не ожидалъ.

При такихъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ, новый французскій посланникъ явился въ Петербургъ и 10 января 1836 года представилъ свои кредитивныя грамоты императору, который принялъ его въ своемъ кабинетѣ съ глазу на глазъ. Онъ встрѣтилъ его такъ любезно и даже фамиллярно, что Барантъ не могъ произнести приготовленной официальной рѣчи. «Императоръ,—разсказываети Барантъ въ своей первой депешѣ къ французскому правительству,—началъ разговоръ съ личныхъ комплиментовъ; онъ увѣрялъ, что помнитъ меня и видѣлъ въ Парижѣ, хотя это совершенно невозможно, и упомянулъ о тѣхъ должностяхъ, которыя я прежде занималъ. Затѣмъ онъ перевелъ бесѣду на дипломатическую почву и сказалъ: «теперь все измѣнилось въ дипломатіи, всякій откровенно говорить о своихъ намѣреніяхъ, и всѣ желаютъ мира, отъ котораго зависитъ счастье всей Европы. Вы видѣли въ Германіи плоды этого мира и, конечно, замѣтили, какъ она желаетъ сохранить его. Что бы ни думали и что бы ни говорили, а вы здѣсь встрѣтите то же. Россіи нуженъ миръ; она въ продолженіе двадцати лѣтъ вела четыре войны, которыя ей стоили многихъ милліоновъ и триста или четыреста тысячъ человѣческихъ жизней. Пора заняться благомъ народа. Вы видите, я говорю съ вами искренно, и у меня нѣтъ задней мысли. Моя политика откровенная и благородная,—прибавилъ императоръ, взявъ мою руку и крѣпко пожимая ее,—говорять о войнѣ, но вѣдь войну предпринимаютъ только по необходимости, а таковой не существуетъ. Никто не хочетъ войны, и нѣтъ никакого вопроса, который могъ бы ее возбудить, а такъ безъ причины ни я, ни какая либо другая держава не можетъ начать войны». Императоръ говорилъ скоро, живо, и я едва успѣвалъ вставить въ разговоръ свое слово, чтобы отгнѣнить тѣ изъ его выраженій, которыя соотвѣтствовали французской политикѣ. Главнымъ образомъ меня беспокоило то, что онъ ни слова не говоритъ о королѣ и какъ будто нарочно придалъ нашей бесѣдѣ фамиллярный тонъ, чтобы избѣгнуть необходимости упомянуть даже имя короля. Онъ въ этомъ отношеніи пошелъ такъ далеко, что даже самъ взялъ кредитивныя грамоты, которыя я держалъ въ рукахъ, и произнесъ: «Мнѣ надо освободить васъ отъ этого». Тутъ я воспользовался случаемъ и сказалъ, что своимъ добрымъ обращеніемъ онъ освободилъ мое представленіе отъ всѣхъ условій этикета и лишилъ меня возможности не только сказать официальную рѣчь, но и выразить тѣ добрыя чувства, которыя питаетъ къ нему король Луи-Филиппъ. Тогда императоръ покорился необходимости и добродушно, безъ всякой горечи и смущенія, но и безъ тѣни дружескаго сочувствія, заговорилъ о королѣ. Онъ сказалъ, что Европа

многимъ ему обязана за сохраненіе мира, что онъ принялъ на себя очень трудную задачу, что онъ достигъ очень значительнаго успѣха и что обнаружилъ много искусства и благоразумія. Затѣмъ онъ въ приличныхъ выраженіяхъ упомянулъ о покушеніи на жизнь короля, но выразилъ только отвращеніе къ подобнымъ преступленіямъ, а не сказалъ ни слова о мужествѣ короля и о томъ ужасномъ впечатлѣніи, которое эта катастрофа должна была произвести на королеву. Вообще онъ былъ чрезвычайно холоденъ. «Это преступленіе,—прибавилъ онъ,—открыло всѣмъ глаза, и теперь положеніе вашего правительства улучшилось». Я указалъ на новые законы, проведенные моимъ правительствомъ и вполне соответствующіе общественному мнѣнію. «Еще надо провести нѣсколько законовъ, и вы къ этому придете»,—замѣтилъ императоръ. — «Это зависитъ отъ общественнаго мнѣнія, — возразилъ я: при нашей системѣ управленія, для принятія всякой мѣры надо ждать, пока ее потребуетъ общественное мнѣніе». Хотя императоръ признавалъ, что положеніе дѣлъ во Франціи хорошее, но все-таки прибавилъ: «но продлится ли оно?» Тогда я холодно произнесъ: «нѣтъ причины объ этомъ беспокоиться».

Потомъ Барантъ всячески старался вырвать у императора хоть одно сочувственное слово о герцогѣ Орлеанскомъ, но, какъ онъ ни заговаривалъ объ Алжирѣ, все было тщетно, и его державный собесѣдникъ довольствовался тѣмъ, что похвалилъ французскаго военнаго министра, маршала Мэзона, и находившагося въ Алжирѣ маршала Клозеля. Онъ самъ вернулъ разговоръ на дипломатическую почву и заявилъ, что замѣнилъ въ Парижѣ Поццо Паленомъ, потому что первый былъ старомоднымъ дипломатомъ, основывавшимъ всю политику на хитрыхъ тонкостяхъ и вовсе не знавшимъ Россію, а послѣдній представлялъ новый типъ дипломата военнаго пошиба, въ чемъ онъ, императоръ, и нуждался. Наконецъ, коснувшись греческихъ дѣлъ, Николай заявилъ, что онъ не ставитъ въ грошъ баварцевъ, которые нахлынули на бѣдную Грецію, а на замѣчаніе Баранта, что много было способныхъ грековъ для занятія важныхъ должностей въ странѣ, онъ произнесъ: «Что-то объ нихъ мало слышно». Этимъ кончился первый разговоръ новаго французскаго посланника съ Николаемъ, который очевидно старался любезнымъ обращеніемъ опровергнуть предрасудки Европы противъ него. Онъ не только три раза принимался дружески жать руку Баранту, но общалъ навѣстить его жену, которая занемогла отъ усталости долгаго путешествія и не могла тотчасъ представиться ко двору.

Вслѣдъ за аудіенціей императора Барантъ представился императрицѣ, наслѣднику и наслѣдницѣ, а вечеромъ въ тотъ же день на балу въ дворянскомъ собраніи онъ ужиналъ вмѣстѣ съ австрійскимъ посланникомъ за столомъ императрицы, которая была очень

любезна съ нимъ. На слѣдующій день онъ передалъ свой разговоръ съ императоромъ Нессельроде, который тревожился объ его результатѣ и вполне согласился съ нимъ, что подъ внѣшней радушною государя скрывалось недоброжелательство, и что въ сущности не было достойно обнаруживать личныя чувства, противорѣчившія той политикѣ, которая была обязательна въ виду обстоятельствъ. Хотя русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, по замѣчанію Баранта въ его депешѣ, повидимому, не могъ имѣть на императора никакого вліянія, но онъ соглашался, что пришло время Россіи поддерживать съ Франціей такія же отношенія, какъ вся Европа, и высказался въ томъ духѣ, что они оба должны стараться возбудить желанное примиреніе. Вообще Барантъ былъ, повидимому, доволенъ своимъ приемомъ въ Петербургѣ и оканчиваетъ свою первую депешу словами: «Мое положеніе относительно императора недурно; мои отношенія съ Нессельроде просты, легки, довольно искренны, не безрезультатны. Дворъ и общество обходятся со мною очень радушно, хотя не обнаруживаютъ дружеской доброжелательности, и это только доказываетъ, что императоръ не пожелалъ противоположнаго».

Въ Парижѣ всѣ были очень рады успѣху новаго посланника, хотя Луи-Филиппъ сказалъ Бриссону, своему посланнику въ Берлинѣ: «Приемъ былъ прекрасный для посланника, но оскорбительный для короля». Что же касается Петербурга, то, по словамъ герцогини Дино и княгини Ливенъ, всѣ полученныя ими письма оттуда единогласно свидѣтельствовали о томъ, что Барантъ и его жена сдѣлались сразу общими любимцами. Изъ иностранныхъ посланниковъ въ то время пользовался при дворѣ наибольшимъ значеніемъ представитель Англіи, лордъ Дургэмъ, и съ нимъ всего чаще видѣлся Барантъ. Вскорѣ между ними установились самыя довѣрчивыя отношенія. «Еслибъ Николай не былъ государемъ, а я простымъ смертнымъ,—говаривалъ онъ не разъ:—то я могъ бы сказать, что онъ мой другъ. Только благодаря этому, я принялъ постъ посланника, такъ какъ хотѣлъ, чтобъ наша личная дружба послужила на пользу моей странѣ и дѣлу общаго мира». Несмотря на привычку хвастаться своимъ политическимъ значеніемъ, этотъ дипломатъ, по словамъ Баранта, обнаруживалъ замѣчательный здравый смыслъ и пронизательность, такъ что даже его самолюбіе не возбуждало въ немъ иллюзій и не затемняло его благоразумія. Конечно, въ ихъ политическихъ разговорахъ главную роль игралъ восточный вопросъ и въ особенности Греція, гдѣ дѣла, онъ полагалъ, преимущественно идутъ дурно отъ нерѣшительности короля Оттона, такъ какъ изъ личныхъ разговоровъ съ его министромъ Арманспергомъ онъ убѣдился, что хотя онъ ни Наполеонъ, ни даже Веллингтонъ, но доброжелателенъ, имѣетъ хорошія намѣренія, питаетъ либеральныя, конституціонныя идеи, а потому заслуживаетъ, чтобъ

его поддерживали. Что касается до русскихъ государственныхъ людей, среди которыхъ, по замѣчанію Баранта, «много людей разумныхъ, здравыхъ и достойныхъ», онъ съ самаго начала имѣлъ любопытныя бесѣды, кромѣ Нессельроде, съ А. Ѳ. Орловымъ, министромъ народнаго просвѣщенія Уваровымъ и Бенкендорфомъ. Первый очень характерно проводилъ, между прочимъ, контрастъ между Англійей и Франціей, видимо относясь недовѣрчиво къ первой. «Я знаю близко лорда Пальмерстона,—говорилъ онъ:—и этотъ самолюбивый, страстный человѣкъ способенъ на все. Помните, какъ въ 1807 году англичане сожгли Копенгагенъ среди общаго мира и послѣ того, какъ они убѣдили Данію въ ея безопасности. Кто знаетъ, можетъ быть, они теперь хотятъ сжечь Кронштадтъ, какъ не разъ уже хвастались? Мы знаемъ, что вы, французы, не имѣете такихъ плановъ и не мечтаете взять Константинополь или занять Дарданеллы. Вашъ союзъ съ Англійей не доведетъ васъ до того, чтобы затѣять безъ всякой причины войну, которая, конечно, сдѣлалась бы общей и зажгла бы пожаръ въ Европѣ. «Уваровъ также высказывался противъ Англии и считалъ союзъ съ нею Франціи только случайнымъ и противорѣчающимъ всѣмъ традиціямъ. Что же касается до Бенкендорфа, то онъ говорилъ съ нѣкоторымъ неудовольствиемъ обо всей Европѣ, и, по его словамъ, «русскимъ нечего было бояться кого бы то ни было; они могли покровительствовать другимъ, но если этого покровительства не желаютъ, то они будутъ думать только о себѣ».

Конечно, во всѣхъ разговорахъ съ русскими государственными людьми французскій посланникъ упоминалъ съ сожалѣніемъ о враждебныхъ чувствахъ императора къ Франціи и изъ получаемыхъ отвѣтовъ пришелъ къ убѣжденію, что ни Россія, ни ея правительство не раздѣляли этой вражды, а ее возбудили въ императорѣ сначала іюльская революція, которую онъ считалъ оскорбленіемъ для всѣхъ монарховъ, а затѣмъ сочувствіе къ Польшѣ, высказанное въ парламентѣ и во французскихъ газетахъ. Поэтому, еслибы императоръ забылъ свое личное недоброжелательство и возобновилъ дружескія отношенія съ Франціей, то вся Россія, въ томъ числѣ аристократія, охотно послѣдовали бы его примѣру, тѣмъ болѣе, что русскіе, по словамъ Баранта, сохранили культъ къ Наполеону и не питали никакого сочувствія къ реставраціи, которую упрекали въ неблагодарности. «Склонность русскихъ къ Франціи еще объясняется,—прибавляетъ Барантъ,—тѣмъ, что высшій классъ говоритъ и пишетъ на французскомъ языкѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ его вниманіе сосредоточивается на томъ, что дѣлается во Франціи, откуда они почерпаютъ свои идеи и моды. Поэтому они ждуть только знака со стороны императора, чтобы выказать намъ свое прежнее дружеское сочувствіе». Николай, повидимому, былъ не прочь отъ такого примиренія въ первые мѣсяцы пребыванія въ Петербургѣ

Баранта, несмотря на свои личные чувства, и, напримѣръ, милостиво сказалъ ему въ одной изъ своихъ бесѣдъ: «Я очень тронутъ тѣмъ, что сказалъ вашъ король графу Палену относительно враждебныхъ намѣреній Англіи противъ меня, которыхъ онъ нимало не раздѣляетъ. Я рѣшительно не понимаю этихъ намѣреній, не имѣющихъ никакого основанія, и они не возбуждаютъ во мнѣ серьезнаго опасенія. Я зналъ, что король слишкомъ благоразуменъ, чтобы поддерживать такую политику, но все-таки его слова доставили мнѣ большое удовольствіе». Затѣмъ разговоръ перешелъ на внутреннія дѣла Англіи, и государь замѣтилъ, нарочно отчеканивая каждое слово: «Это до меня не касается, и у меня обычай никогда не заниматься чужими дѣлами». Такое пренебреженіе Николая къ чужимъ дѣламъ вполнѣ соотвѣтствовало его сочувствію ко всему національному русскому, что онъ не разъ высказывалъ Баранту. Такъ онъ однажды сказалъ: «Не правда ли, вы согласны со мною, что очень печально исчезновеніе всякихъ національныхъ чертъ, и я считаю, что Петръ Великій напрасно приказалъ брить бороды и отмѣнилъ старые обычаи. Быть можетъ, когда нибудь придется ихъ возстановить». Другой разъ, говоря о Петербургѣ, онъ замѣтилъ: «Еще вопросъ, хорошо ли сдѣлалъ Петръ, перенеся сюда столицу». А когда Барантъ возразилъ, что это было единственнымъ средствомъ сблизить Россію съ Европой, то императоръ отвѣчалъ: «Быть можетъ, было бы лучше образовать Россію на ея собственной почвѣ». «Вообще, замѣчаетъ Барантъ въ своей депешѣ отъ 20 апрѣля 1836 года, императоръ держится во внутренней политикѣ принципа быть русскимъ и извлекать прогрессъ и благоденствіе изъ національныхъ производительныхъ силъ, но, конечно, ни онъ, ни кто либо изъ образованныхъ русскихъ не допускаютъ мысли, чтобы Россія была изолирована отъ Европы».

О внутреннемъ положеніи Россіи Барантъ говоритъ мало въ своихъ депешахъ, но уже въ первыхъ изъ нихъ онъ замѣчаетъ, что «безпорядки въ администраціи, которая отличается неспособностью, нерадѣніемъ и взяточничествомъ, разстройство финансовъ, недостатки арміи, лучшіе элементы которой оттягиваются въ гвардію и на Кавказъ, а также интересы промышленности, торговые заставляютъ всю страну и ея общественное мнѣніе высказываться въ пользу сохраненія мира и хотя временной отсрочки національныхъ стремленій къ преобладанію на востокѣ». «Несмотря на неограниченное правленіе,—замѣчаетъ французъ,—здѣсь все-таки ощущается общественное мнѣніе, и оно, невольное проявляемое подданными императора, невольное дѣйствуетъ на него. Конечно, это общественное мнѣніе не выражается политическими органами, но императоръ инстинктивно проникается его стремленіями. Онъ не подчиняется ему, но не идетъ ему наперекоръ и является его выразителемъ. Такимъ образомъ его неограниченная власть только

противорѣчитъ частнымъ мнѣніямъ и частнымъ интересамъ». Какъ общественное мнѣніе, такъ и императоръ, по словамъ Баранта, заботятся только о томъ, чтобы ввести порядокъ въ *statu quo*, а о реформахъ нѣтъ и помина. Такъ, на примѣръ, никто не думаетъ въ Россіи, чтобы крѣпостничество могло удержаться навсегда, и всѣ русскіе, какихъ бы убѣжденій они ни были, постоянно повторяютъ, что будущность Россіи зависитъ отъ освобожденія крестьянъ. Но такъ какъ этотъ вопросъ представляетъ много затрудненій для правильнаго его разрѣшенія, то его постоянно откладываютъ въ долгій ящикъ».

Въ частныхъ письмахъ къ своимъ друзьямъ Барантъ принимаетъ болѣе легкій тонъ и описываетъ очень живо Петербургъ и Москву, которую онъ посѣтилъ въ августѣ 1836 года во время пребыванія тамъ императора. О сѣверной столицѣ онъ пишетъ 11-го іюля: «Еслибы можно было говорить о сибаритной жизни на 60° широты, то это выраженіе вполне подходило бы къ петербургской жизни: такъ она дышитъ спокойствіемъ и благоденствіемъ. Лѣто здѣсь прекрасное, но только на видъ, такъ какъ всегда холодно и вѣтренно. Длинные дни меня очаровываютъ, а зрѣлище Невы мнѣ никогда не надоѣдаетъ: такъ она великолѣпна и благородна. Острова составляютъ одну изъ главныхъ красотъ Петербурга. Представьте себѣ, по другую сторону рѣки, за мостомъ, лабиринтъ въ двѣ квадратныя мили, состоящій изъ рощъ, луговъ, садовъ, озерковъ, рѣчекъ, а въ концѣ концовъ громаднхъ сосновыхъ лѣсовъ и голубого моря. Тутъ петербуржцы имѣютъ свои дачи очень красивыя, окруженныя куртинами цвѣтовъ. Между этими дачами нѣтъ высокыхъ оградъ, и всѣ аллеи общія, такъ что это одинъ громаднй общественный садъ. Жизнь тутъ ведется далеко не сельская, а потому я не нанялъ дачи, а буду каждое утро тамъ гулять и каждый вечеръ посѣщать знакомыхъ дачниковъ». Къ этому картинному описанію лѣтняго Петербурга Барантъ прибавляетъ, что въ петербургскомъ обществѣ читаютъ только по-французски и жалуются на упадокъ французской литературы. По его словамъ, Бальзакъ, пользовавшійся большою популярностью въ Россіи, начинаетъ надоѣдать, и хотя Ламартина читаютъ многіе, но съ трудомъ его понимаютъ.

Москва произвела на французца большее впечатлѣніе, но онъ отзывается о ней очень оригинально. «Это городъ совершенно не такой, какимъ я его предполагалъ. Въ немъ нѣтъ ничего ни готическаго, ни восточнаго, ни греческаго. Какъ вся Россія, Москва не имѣла среднихъ вѣковъ. Въ XV вѣкѣ стали въ ней строить дворцы и церкви, при чемъ смѣшивались всевозможные стили, и отъ того произошла невѣроятная, но картинная и эффектная пестрота. Москва—городъ колоколенъ, и какъ внѣшность, такъ внутренность ея 400 или 500 церквей смѣшаннаго стилиа напоминаетъ

иногда китайскія пагоды или индѣйскіе храмы. Прибавьте къ этому, что, благодаря суровому климату, надо постоянно красить и подновлять вѣшнія и внутреннія украшенія, такъ что все имѣетъ видъ декораціи. Но все-таки Кремль меня сильно поразилъ, и признаюсь, что рѣдко какое нибудь зрѣлище такъ подѣйствовало на меня. Кремль — настоящая Москва, а остальное въ ней новое, похожее на Петербургъ. Всюду большія улицы, громадныя площади и красивые кирпичные дома, но меньше, чѣмъ въ Петербургѣ, прямыхъ линій и регламентаціи. Хотя Москва менѣе населена, чѣмъ сѣверная столица, но въ ней больше жизни и движенія, она живетъ по-своему и не кажется придаткомъ императорской резиденціи. Она также не отличается военнымъ характеромъ Петербурга. Въ нравственномъ отношеніи этотъ городъ носитъ отпечатокъ буржуазный, муниципальный и промышленный. Въ этихъ отношеніяхъ онъ сдѣлалъ большіе шаги впередъ. Находясь далеко отъ Европы, Москва мало занимается тѣмъ, что дѣлается на Западѣ, и развиваетъ въ замѣчательной степени свою собственную промышленность. Конечно, этому способствуетъ, что бы тамъ ни говорили, запретительный тарифъ. Я не хочу обсуждать теоретически, полезна или вредна эта система, но она развиваетъ промышленныя предпріятія, а въ Москвѣ главный интересъ — промышленность, а потому война въ ней никогда не будетъ популярна». Описывая пребываніе императора въ Москвѣ въ депешѣ къ своему министру, которымъ тогда былъ Тьеръ, Барантъ замѣчаетъ, что произведенные имъ парады, смотры и маневры стоили нѣсколько милліоновъ. О всѣхъ осмотровыхъ французскимъ посланникомъ общественныхъ учрежденіяхъ и заводахъ въ Москвѣ онъ отзывается съ большими похвалами и, наконецъ, приводитъ анекдотъ, бросающій яркій свѣтъ на личность Николая. «Вообще, — рассказываетъ онъ, — императоръ отличается рѣзкими повелительными манерами и часто позволяетъ себѣ говорить очень грубо, особенно съ генералами и офицерами. Во время маневровъ подъ Москвой ему случилось такимъ образомъ оскорбить стараго артиллерійскаго генерала. На другой день онъ понялъ, что сдѣлалъ несправедливость, и передъ всѣмъ главнымъ штабомъ публично попросилъ извиненія у оскорбленнаго генерала. Когда же послѣдній въ смущеніи хотѣлъ поцѣловать у него руку, то императоръ его обнялъ. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ Николай говорилъ по-французски, что можно объяснить двояко: желаніемъ его, чтобы солдаты не поняли этой сцены, или чтобы эффектъ ея не пропалъ для присутствовавшихъ иностранцевъ».

Николай всегда любилъ показывать свои войска иностранцамъ и производить на нихъ хорошее впечатлѣніе какою нибудь эффектною выходкой. Такъ Барантъ рассказываетъ, что императоръ однажды пригласилъ на маневры въ Царскомъ Селѣ французскаго путеше-

ственника, Маркиза де-Канмока, нѣкогда находившагося на военной службѣ, и, придя въ восторгъ отъ замѣчательной быстроты движеній, подскочилъ къ французу и весело сказалъ: «Ну, что, товарищъ, какъ вамъ это нравится? Я надѣюсь, что мои орудія никогда не будутъ дѣйствовать противъ французовъ. Да хранить насъ Богъ отъ войны, но если, по несчастію, она должна произойти, то французы и рускіе должны сражаться рука объ руку. Тогда ничто не устоитъ противъ нашихъ двухъ армій». То же сочувствіе къ французской арміи императоръ выразилъ въ чисто дружескомъ пріемѣ батальнаго французскаго живописца Ораса Вернэ, котораго онъ допустилъ въ своей интимный семейный кружокъ, и, говоря о немъ Баранту, воскликнулъ: «Онъ мнѣ нарисовалъ такихъ двухъ гренадеръ старой гвардіи, что сердце невольно бьется, смотря на нихъ». Если онъ такъ обращался съ частными иностранцами, то не удивительно, что онъ былъ всегда любезенъ съ посланникомъ, но все-таки Барантъ указываетъ съ удивленіемъ на постоянную корректность его отношеній къ нему, хотя онъ питалъ враждебныя чувства къ июльской династіи. Дѣйствительно, императоръ старательно устранялъ все, что могло произвести непріятное впечатлѣніе на представителя Франціи, и, во время его присутствія на смотрѣ флота въ Кронштадтѣ, онъ дружески подошелъ къ нему и сказалъ: «Я вижу, что вы читаете списокъ судовъ, но вы, вѣроятно, еще не бѣгло разбираете русскій языкъ, а потому позвольте вамъ помочь. Первымъ здѣсь стоитъ «Березина», но вѣдь у васъ во флотѣ есть «Аустерлицъ» и «Фридландъ». Каждый гордится своей славой, и вы, вѣроятно, находите это вполне естественнымъ». Такой же тактъ обнаружилъ императоръ, когда онъ получилъ извѣстіе о новомъ покушеніи на жизнь ненавистнаго ему Луи-Филиппа; онъ немедленно написалъ Нессельроде, чтобы онъ выразилъ Баранту чувство негодованія, возбужденное въ немъ этимъ преступленіемъ, а Палену приказалъ высказать королю, насколько онъ былъ возмущенъ означеннымъ злодѣйствомъ. На слѣдующій же день онъ подошелъ къ посланнику на балу въ Петергофѣ и въ очень приличныхъ, даже пламенныхъ выраженіяхъ отозвался о покушеніи на жизнь короля. Перейдя къ политическому положенію Франціи, онъ прибавилъ: «королю Луи-Филиппу придется кончить 18-мъ брюмеромъ».

Конечно, всѣ милости императора къ Баранту, которыя доходили до того, что онъ подарилъ его женѣ двѣ прекрасныя фарфоровыя вазы, отчасти объяснялись и примѣрнымъ поведеніемъ самого посланника, о чемъ свидѣтельствуетъ депеша Нессельроде къ Палену. «Намъ очень пріятно,—говорится въ ней,—отдать полную справедливость г. де-Баранту въ томъ, какъ онъ исполняетъ данныя ему порученія французскимъ дворомъ. Отъ этихъ взаимныхъ добрыхъ отношеній происходитъ различіе между тѣмъ, какъ мы сно-

снимся съ Тюльерійскимъ и Сенъ-Джемскимъ кабинетами». Тьеръ въ своей депешѣ отъ 15 августа указываетъ съ удовольствіемъ на это первенство Франціи надъ Англіей въ сношеніяхъ съ Россіей. Однако, это не мѣшало за нѣсколько времени до того императору сказать императрицѣ, вошедшей во время придворнаго бала въ одну комнату, гдѣ онъ разговаривалъ наединѣ съ Дургемомъ: «Не мѣшайте намъ говорить о серьезныхъ дѣлахъ; вы знаете, что это нашъ лучший другъ». Такое противорѣчіе въ дѣйствіяхъ Николая зависѣло отъ его минутнаго настроенія: когда онъ былъ неособенно раздраженъ противъ Франціи и недоволенъ Англіей, то онъ обращался любезно съ Барантомъ и холодно съ Дургемомъ, а напротивъ, какъ только ему что нибудь не нравилось въ дѣйствіяхъ французскаго правительства, онъ тотчасъ становился холоденъ къ представителю Луи-Филиппа и осыпалъ милостями англійскаго посланника. Именно въ то время, когда онъ называлъ Дургема своимъ лучшимъ другомъ, онъ былъ очень разсерженъ любезнымъ пріемомъ, сдѣланнымъ въ Берлинѣ сыну Луи-Филиппа, герцогу Орлеанскому, который отыскивалъ себѣ невѣсту при нѣмецкихъ дворахъ, что прямо противорѣчило желанію Николая. Съ теченіемъ времени, императоръ снова сложилъ гнѣвъ на милость и удостоилъ французскаго посланника въ февралѣ 1837 года своимъ присутствіемъ на праздникѣ, данномъ въ посольствѣ, чего не было въ продолженіе восьми лѣтъ. Но едва прошло нѣсколько дней, какъ бракъ герцога Орлеанскаго съ принцессой Еленой Мекленбургской, вопреки всѣмъ усиліямъ императора помѣшати этой свадьбѣ, возбудилъ снова гнѣвъ его противъ Франціи. На этотъ разъ онъ обнаружился даже куріознымъ образомъ. Если вѣрить Баранту, былъ изданъ указъ о воспрещеніи носить бороду по европейскому образцу или французской модѣ. Онъ также полагаетъ, что этимъ гнѣвнымъ настроеніемъ Николая объясняется и высылка на границу въ открытыхъ саняхъ Дантеса, убившаго на дуэли Пушкина, однако, самъ сомнѣваясь въ справедливости этого толкованія общезвѣстнаго факта, онъ прибавляетъ, что, быть можетъ, раздраженіе императора было усилено крестьянскими беспорядками въ Саратовской губерніи, которые, хотя не имѣли большого значенія, но были строго усмирены. Однако, когда вслѣдъ за тѣмъ Дургемъ откланивался по случаю своего отъѣзда изъ Россіи, то императоръ, хотя высказался противъ свадьбы герцога Орлеанскаго и короля Луи-Филиппа, но заявилъ, что онъ попрежнему будетъ поддерживать добропорядочныя отношенія съ Франціей. На вопросъ Дургема, вмѣшается ли Россія во внутреннія дѣла Франціи, если тамъ порядокъ будетъ нарушенъ, императоръ отвѣчалъ: «Нѣтъ; сожалѣя старшую линію Бурбоновъ, я всегда думалъ и говорилъ, что никакой державѣ, а Россіи менѣе, чѣмъ кому, не слѣдуетъ пытаться съ оружіемъ въ рукахъ произвести новую реставрацію. Но если революціонное дви-

женіе распространится черезъ границу, и французы займутъ хоть одну чужеземную деревушку, то должна вспыхнуть война, въ которой я приму участіе». Еще обстоятельнѣе высказалъ онъ свою политику относительно Франціи прусскому посланнику, Либерману, который сопровождалъ его на маневры подь Вознесенскомъ. «Я,— произнесъ онъ,—буду поступать попрежнему относительно Франціи. Я судилъ объ іюльской революціи такъ же, какъ всѣ монархи Европы. Я знаю лучше всѣхъ, что она главнымъ образомъ произошла отъ ошибокъ старшей Бурбонской линіи. Я всегда былъ убѣжденъ въ неспособности Бурбоновъ и ихъ приверженцевъ. Всѣ знаютъ, что я никогда не поддерживалъ ихъ плановъ и надеждъ. Выражая соболѣзнованье къ несчастью, я постоянно держался въ сторонѣ отъ заговоровъ и интригъ. Французское правительство держится наилучшаго пути при теперешнихъ обстоятельствахъ. Король Луи-Филиппъ очевидно очень искусный государь. Онъ тоньше всѣхъ насъ, но я все-таки сохраняю свое прежнее личное мнѣніе насчетъ его вступленія на престолъ. По-моему, онъ долженъ былъ оправдать оказанное ему довѣріе Карломъ X, остаться намѣстникомъ королевства и сохранить корону герцогу Бордоскому».

Въ началѣ 1838 года Барантъ поѣхалъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ отпускъ и вернулся въ Петербургъ только въ октябрѣ, черезъ Аѳины, Константинополь, Крымъ, Харьковъ и Москву. Описывая это путешествіе, онъ отзывается о греческомъ королѣ Оттонѣ, какъ о человѣкѣ прямомъ, благородномъ, и добронамѣренномъ, но мало-способномъ, нерѣшительномъ, недовѣрчивомъ; распространяется о бѣдности Греціи, мѣшающей всякому ея развитію, приходитъ въ восторгъ отъ Пароснона; расхваливаетъ красоту Босфора и находитъ, что султанъ Махмудъ провелъ много полезныхъ реформъ, и еслибъ европейскія державы его поддержали, то онъ достигъ бы полного обновленія своей страны. Объ Одессѣ французскій посланникъ отзывается, какъ объ европейскомъ городѣ, и считаетъ, что подь управленіемъ Воронцова она сильно развилась въ торговомъ отношеніи. Осмотрѣвъ Севастополь и тамошній флотъ, онъ официально донесъ своему министру, тогда графу Молэ, что Россія могла во всякое время легко и быстро послать оттуда экспедицію, которая безъ труда завладѣетъ Константинополемъ, а потому совѣтовалъ, чтобъ Франція и Англія заняли по острову близъ Дарданель. Насчетъ своего путешествія по внутренней Россіи Барантъ не сообщаетъ ничего интереснаго, только выражаетъ благодарность за радушный вездѣ пріемъ и распространяется о трудности освобожденія крестьянъ, которые, по его словамъ, будто бы нимало не думаютъ о свободѣ, жаждутъ лишь улучшенія своего матеріальнаго положенія и считаютъ себя совладѣльцами земли на извѣстныхъ условіяхъ.

Императоръ пріянялъ вернувагося Баранта болѣе радушно, чѣмъ

когда либо раньше: онъ поцѣловалъ его, нѣсколько разъ пожалъ ему руку и просилъ поблагодарить короля за то удовольствіе, которое тотъ доставилъ ему, приславъ обратно прежняго посланника. Потомъ, не говоря ни слова о внутреннихъ дѣлахъ Франціи, онъ задалъ ему нѣсколько вопросовъ объ его путешествіи, а затѣмъ перешелъ къ восточному вопросу. «Кто можетъ думать, что я хочу завоевать Константинополь и увеличить предѣлы Россіи,—сказалъ онъ:—это не въ интересахъ Россіи, и я фактически доказалъ, что нимало не стремлюсь къ подобной цѣли. Я послалъ войско въ Константинополь только потому, что султанъ объ этомъ просилъ меня, а еслибы за него ранѣ заступились Англія и Франція, то этого бы никогда не случилось. И теперь я желалъ бы, чтобы Англія и Франція воспротивились борьбѣ между Египтомъ и Турціей, а если она начнется, то въ этомъ не буду виною я. Вы были въ Константинополѣ и могли убѣдиться, что тамъ нѣтъ и слѣдовъ моихъ дѣйствій или замысловъ. Хотите, я васъ назначу своимъ посланникомъ въ Турцію. Вы человекъ благоразумный и правдивый, а мнѣ ничего болѣе не нужно». Потомъ онъ сталъ жаловаться на англичанъ, которые своими интригами нарушаютъ спокойствіе востока и Европы. «Я долженъ признать,—прибавилъ Николай,—что Франція не относится такъ несправедливо къ Россіи. Во всѣхъ моихъ сношеніяхъ съ Франціей по внѣшней политикѣ она всегда вела себя благородно и разумно». Такимъ образомъ, между императоромъ и французскимъ посланникомъ возникли прежнія отношенія лично—радушныя, а официально—холодныя.

Вскорѣ послѣ возвращенія Баранта въ Петербургъ произошла помолвка, а затѣмъ свадьба великой княжны Маріи Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ. Этотъ бракъ всѣхъ удивилъ, такъ какъ старшая дочь императора могла заключить болѣе блестящій союзъ. Но самъ императоръ объяснилъ Баранту причину, по которой онъ, съ согласія дочери, выбралъ ей такого скромнаго жениха. «Я знаю русскій народъ,—сказалъ онъ,—и всегда дѣйствую въ полномъ согласіи съ нимъ, это доказываетъ, между прочимъ, бракъ моей дочери. За границей могутъ меня не понимать, удивляться и даже осуждать. Русскіе же, я былъ убѣжденъ, найдутъ очень естественнымъ, что отецъ семейства захочетъ сохранить при себѣ дочь, и одобрятъ мой выборъ ей мужемъ человека, который станетъ, какъ и мои сыновья, слугами Россіи. Еслибы вы видѣли, какъ довольны этимъ народъ и купцы въ Москвѣ. Они всегда доказываютъ свое удовольствіе какимъ нибудь добрымъ дѣломъ, и на этотъ разъ они пожертвовали 500.000 рублей на благотворительныя учрежденія. Петербургскіе купцы слѣдовали ихъ примѣру. Такимъ образомъ, мой зять становится въ такія отношенія къ нимъ, какъ я и мои дѣти. Онъ находится въ совершенно исключительномъ положеніи, и ничто, ни родина, ни семья, не могутъ помѣ-

шать ему сдѣлаться русскимъ. Вотъ одна изъ причинъ, побудившихъ меня остановить мой выборъ на немъ. Но не странно ли, что, по волѣ судьбы, моимъ зятемъ сдѣлался усыновленный внукъ Наполеона къ общему удовольствію Россіи?» Дѣйствительно, по словамъ Баранта, императоръ Николай не обращалъ никакого вниманія на высшіе классы, а считалъ, что вся его сила заключалась въ культѣ къ нему народа и средняго класса. «Я не знаю, правъ ли онъ,—прибавляетъ французскій посланникъ въ своей депешѣ отъ 22-го декабря 1838 года, но, несомнѣнно, онъ отличается инстинктивнымъ умомъ и пламеннымъ патриотизмомъ, которые дѣлаютъ его настоящимъ русскимъ царемъ. Быть можетъ, его рука тяжела, и его воля слишкомъ сурова, но онъ болѣе всѣхъ окружающихъ лицъ любитъ порядокъ, справедливость и свою родину. Конечно, онъ можетъ ошибаться, и его правленіе имѣетъ видъ деспотическаго, но оно увеличиваетъ процвѣтаніе его имперіи и благоденствіе его подданныхъ. Русская администрація и русскіе законы не имѣютъ ничего общаго съ европейскими, но о нихъ нужно судить, согласно условіямъ и требованіямъ русскаго народа». Въ другой своей депешѣ, отъ 18-го марта 1840 года, Барантъ прибавляетъ къ этой характеристикѣ Николая, что онъ былъ государь гордый, рѣшительный, упорный въ своихъ мнѣніяхъ, но благородный и благонамѣренный.

Очень своеобразно приводимое Барантомъ сужденіе Николая о русской торговлѣ. «Для насъ большое счастье,—говорилъ онъ,—что наша система торговли не дѣлаетъ насъ соперниками другихъ націй. Мы продавцы, а не торговцы, и у насъ нѣтъ коммерческаго флота. Ничто не отправляется изъ Россіи за нашъ счетъ, и какъ только нашъ товаръ отправленъ, то мы не заботимся болѣе объ его судьбѣ. Мы не рыскаемъ по свѣту, отыскивая покупателейъ, къ намъ пріѣзжаютъ тѣ, которые нуждаются въ нашихъ товарахъ. Много разъ меня побуждали создать коммерческій флотъ, но я нимало этого не хочу. Къ тому же это не дѣло правительства; если русскіе кушцы нуждаются въ корабляхъ, то они и заведутъ ихъ, а пока это упрощаетъ мои отношенія съ Англійей. Въ сущности, у насъ нѣтъ никакой причины ссориться, такъ какъ въ отношеніи торговомъ интересы теперь одинаковы. А относительно будущаго никто не можетъ ничего предвидѣть. Напримѣръ, что будетъ съ Европой черезъ пятьдесятъ лѣтъ? Быть можетъ, когда нибудь Англія сдѣлается провинціей Франціи».

Въ послѣдніе два года, проведенные Барантомъ въ Петербургѣ, европейская дипломатія была всецѣло поглощена борьбой Мегемета-Али съ Турціей, которая едва не возбудила общей европейской войны, такъ какъ за Турцію стояли Англія и русскій императоръ, который видѣлъ въ Мегеметѣ-Али только бунтовщика противъ своего государя, а за него была одна Франція. Интриги, перего-

воры, мины и контръ-мины велись всѣми европейскими дипломатами, и переписка Баранта за это время почти исключительно наполнена этимъ фазисомъ восточнаго вопроса, не имѣющимъ уже теперь никакого интереса. Естественно, что Николай возставалъ еще болѣе противъ Франціи, которая защищала бунтовщика, и ради ненависти къ ней сталъ вѣрнымъ помощникомъ лорда Пальмерстона, политику котораго прежде онъ и Нессельроде такъ искренно ненавидѣли. Поддерживая съ внѣшней стороны приличное отношеніе къ представителю Франціи, онъ все рѣже и рѣже съ нимъ бесѣдовалъ и даже съ неудовольствіемъ говорилъ о популярности Баранта среди петербургскаго общества. «Неужели я постоянно буду слышать, что всѣ ѣздятъ во французское посольство?»—спрашивалъ онъ. Когда же лондонская конференція покончила съ безконечнымъ вопросомъ о Мегеметъ-Али въ интересахъ Турціи, а главное Англій, то Барантъ, видя, что всѣ его усилія помирить Россію съ Франціей безуспѣшны, снова попросилъ отпущку.

Отъѣздъ его изъ Петербурга былъ обставленъ очень торжественно. По его предложенію, за нимъ былъ вызванъ военный фрегатъ «Даная», и французскій флагъ, не выданный въ Балтійскомъ морѣ въ продолженіе 17 лѣтъ, былъ встрѣченъ очень радушно въ Кронштадтѣ. Хотя самъ императоръ не посѣтилъ этого судна, но юный великій князь Константинъ, носившій титулъ генераль-адмирала, и морской министръ Меншиковъ подробно его осмотрѣли, а капитанъ фрегата Оливье былъ принятъ императоромъ очень любезно. На прощальной аудіенціи въ Петергофѣ, въ августѣ 1841 года, императоръ, по обыкновенію, выказалъ Баранту дружескія чувства и, между прочимъ, сказалъ: «Ну, восточный вопросъ конченъ. Его сдѣлали великимъ и грознымъ, хотя онъ этого вовсе не заслуживаетъ. Теперь, я надѣюсь, мы болѣе не будемъ вникаться въ турецкія дѣла; пусть сами турки устраиваютъ ихъ, какъ знаютъ». На замѣчаніе Баранта, что европейскія державы имѣютъ обязанность покровительствовать христіанскимъ населеніямъ Турціи, императоръ отвѣчалъ: «это обязанность старая, и ее, конечно, исполнитъ каждая держава. Но въ этомъ отношеніи надо помнить, что турецкое правительство имѣетъ очень мало авторитета, и ему одинаково не повинуются его агенты и подданные».

Этимъ разговоромъ съ императоромъ Николаемъ оканчивается пятилѣтнее посольство Баранта въ Россіи, такъ какъ ему не суждено было болѣе возвращаться въ Петербургъ, хотя онъ номинально сохранялъ званіе посланника при русскомъ дворѣ до паденія іюльской монархіи въ 1848 году. Такое ненормальное положеніе дѣлъ было вызвано все болѣе и болѣе натянутыми отношеніями между Россіей и Франціей. Императоръ Николай также далъ отпущку своему посланнику въ Парижѣ, графу Палену, и ни одно изъ обихъ правительствъ не хотѣло сдѣлать первый шагъ къ возвращенію

своего посланника, назначенію на его мѣсто новаго или совершенному прекращенію дипломатическихъ сношеній, которыя поддерживались въ теченіе семи лѣтъ повѣренными въ дѣлахъ. Въ особенности для Баранта положеніе посланника безъ посольства было тѣмъ болѣе неудобнымъ, что оно лишало его возможности получить другое посольство или даже постъ министра. Поэтому онъ долженъ былъ довольствоваться номинальнымъ посольскимъ титуломъ и исполненіемъ своихъ обязанностей пѣра до февральской революціи, когда его политическая дѣятельность совершенно закончилась, и единственными его занятіями остались литература и участіе въ академическихъ засѣданіяхъ.

Хотя седьмой томъ «Воспоминаній» Баранта оканчивается наканунѣ декабрьскаго переворота, и онъ прожилъ еще 15 лѣтъ, но врядъ ли дальнѣйшая его переписка представитъ большой интересъ, такъ какъ въ эти годы онъ жилъ преимущественно въ деревнѣ, гдѣ и умеръ въ 1866 году 84-хъ лѣтъ отъ роду.

В. Т.

ПРИ ДВОРѢ ИМПЕРАТОРА ВЪ СУРАКАРТѢ (СОЛО)¹⁾.

(Центральная Ява).

II.

Два анекдота.—Casse-tête, именуемый яванскимъ языкомъ.—Нравы, обычаи, религія, суевѣрія яванцевъ.—Гороскопы, примѣты и пр.—Бракъ и расторженіе брака.—Яванская аристократія, титулы государей, принцевъ, принцессъ и вельможъ.—Яванская литература и нѣсколько яванскихъ легендъ (впервые появляющихся въ русскомъ переложеніи).

ОВКОСТЬ, изворотливость и политическій тактъ, который усвоили себѣ голландцы за триста почти лѣтъ сношеній своихъ съ азіатами, проявляются не только въ важныхъ случаяхъ, когда управлять означаетъ предвидѣть, эти свойства попадаютъ еще и въ мелочахъ, въ обыденной жизни.

Въ подтвержденіе приведу два не анекдота, а характерныхъ факта, переданныхъ мнѣ въ Соло тамошнимъ резидентомъ. Въ обоихъ случаяхъ замѣчательна постоянная забота голландцевъ избѣгать по возможности инцидентовъ и столкновеній и стремленіе покончить дѣло полюбовно, тогда какъ одного слова всемогущаго резидента было бы достаточно, чтобы заставить враждующія стороны подчиниться его рѣшенію.

Предшественникъ нынѣшняго сусухуна, старый и нѣсколько фанатичный императоръ, не долюбивалъ европейцевъ и по отношенію къ резиденту подчасъ держалъ себя слишкомъ вольно,

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXI, стр. 639.

дабы внушить своему народу высокое понятіе о его, государя, независимости. Онъ даже намѣренно не соблюдалъ элементарныхъ приличій, предписанныхъ яванскимъ хорошимъ тономъ. Такъ во время перваго своего посѣщенія въ резидентскомъ домѣ, сусухунанъ постоянно жевалъ сирее (бетель) и плевалъ въ свою золотую плевальницу, что считается грубымъ неуваженіемъ приличій. Плевальница, правда, постоянно и всюду переносится вслѣдъ за государемъ, но она изображаетъ лишь предметъ декоративный и атрибутъ власти, пользоваться же ею въ присутствіи европейцевъ отнюдь не слѣдуетъ. Резидентъ, однако, не дозволилъ себѣ нималѣйшаго замѣчанія, онъ только не отдалъ императору визита въ положенный трехдневный срокъ. Прошли затѣмъ 3, 4 недѣли, полтора мѣсяца, и сусухунанъ наконецъ спросилъ, что означаетъ такое невниманіе къ его особѣ со стороны резидента. Ему было отвѣчено, что резидентъ ожидаетъ, чтобы императоръ поправился отъ того насморка и катарра, которые вынуждали его безостановочно плевать во время его визита въ резидентскомъ домѣ. Урокъ былъ понятъ и подѣйствовалъ. Съ тѣхъ поръ плевальницу стали убирать вовсе съ глазъ долой даже въ самомъ кратонѣ, когда туда являлся резидентъ или кто либо изъ голландскихъ чиновниковъ.

Другой фактъ еще забавнѣе и характернѣе. Случай этотъ показываетъ, до какой наивно-болѣзненной степени у азиатскихъ правителей вообще развито чувство мелочности и сознаніе своей собственной грандіозности.

Резидентъ юнгхееръ Х. С-ма рассказалъ мнѣ инцидентъ, приключившійся въ Соло во время посѣщенія и пребывания тамъ Сіамскаго короля въ 1896 г. Сусухунанъ сперва и слышать не хотѣлъ о нанесеніи имъ перваго визита королю: «я его не приглашалъ, онъ ко мнѣ пріѣзжаетъ, а не я къ нему, слѣдовательно пусть онъ же и является ко мнѣ первымъ», такъ аргументировалъ и упряился не безъ горячности императоръ. Немалого труда стоило резиденту выяснитъ строптивому сусухунану разницу въ общественныхъ положеніяхъ, такъ сказать, императора *par la grace des hollandais* въ Соло и независимаго короля въ Сіамѣ. Задача эта была деликатная, но ловкому Х. С-ма удалось, не оскорбляя самолюбія государя, убѣдить его, что при такихъ условіяхъ было бы желательно и прилично, чтобы онъ, сусухунанъ, сдѣлалъ своему коронованному гостю первый визитъ. Тѣнь Аллаха на землѣ, безъ энтузіазма, но все же призналъ «желательность» внушеннаго ему *modus procedendi*, и дѣйствительно первый пріѣхалъ къ королю въ домъ резидента въ парадной каретѣ, запряженной шестерикомъ цугомъ, съ фореиторами, тѣлохранителями *et tout le tremblement*. Сусухунанъ просидѣлъ съ полчаса, послѣ чего вернулся въ кратонъ, откуда долженъ былъ немедленно выслать

обратно свою карету королю, дабы доставить во дворець его сіамское величество. Но сусухунанъ, подчинившійся противъ воли и убѣжденія приговору резидента, не утерпѣлъ, чтобы не сдѣлать по случаю возвратнаго визита маленькой пакости резиденту и королю. Онъ даже, благо за семь бѣдъ одинъ отвѣтъ, совершилъ цѣлыхъ три крупныя пакости: во-первыхъ, онъ заставилъ короля прождать чуть ли не полтора часа возвращенія экипажа, который долженъ былъ и могъ вернуться минутъ черезъ 20 или 30. Далѣе онъ ехидно разсчиталъ такъ, чтобы лишить короля салютныхъ пушечныхъ выстрѣловъ съ крѣпости, которые послѣ захожденія солнца не полагаются. Самъ же сусухунанъ догадался пріѣхать и уѣхать еще засвѣтло. Наконецъ вмѣсто 6 лошадей императорской упряжи парадная карета возвратилась запряженною лишь четверкою на выносъ. Не досчитались также и двухъ, трехъ скороходовъ и фореиторовъ.

Король, бывшій уже вслѣдствіе замедленія и несоблюденія этикета въ весьма скверномъ расположеніи духа, отказался наотрѣзъ садиться въ такимъ манеромъ видоизмѣненную карету, уже поданную къ подъѣзду и въ которую его усердно подсаживалъ резидентъ. Указывая на четверку à la Daumont, король съ негодованіемъ замѣтилъ: «это что такое, отчего не шесть лошадей, а только четыре? Сусухунанъ пріѣхалъ на шести лошадяхъ, я требую того же, иначе не поѣду».

Инцидентъ дипломатическаго свойства былъ готовъ. Выходило крайне комично, но вмѣстѣ и неприятно. Резидентъ, однако, не потерялся. «У меня,—разсказывалъ онъ:—внезапно явилась блистательная мысль. Ваше величество, отвѣтилъ я упорствовавшему королю, не извольте обращать вниманія на подобные пустяки. Смѣю васъ увѣрить, что его величество сусухунанъ никогда не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія выказать неуваженіе къ особѣ своего высокаго коронованнаго гостя, выславъ ему лишь четырехъ лошадей вмѣсто шести. Дѣло въ томъ, какъ только что сообщилъ мнѣ одинъ изъ царедворцевъ сусухунана, что на обратномъ пути сюда, вслѣдствіе фейерверка и пускаемыхъ всюду ракетъ, двѣ переднія выносныя лошади испугались, перервали постромки, такъ что пришлось ихъ убрать, а дабы не задерживать долѣе вашего величества, карета явилась при четырехъ лошадяхъ. Благоволите уже извинить, что дѣлать, forse majeure».

«Король удовлетворился моимъ импровизованнымъ объясненіемъ и благополучно отправился въ кратонъ, иначе у меня на шеѣ оказались бы два весьма деликатныхъ и неприятныхъ объясненія съ сусухунаномъ и королемъ, не считая реферата и переписки по поводу этого нелѣпаго инцидента съ канцеляріей генераль - губернатора», прибавилъ въ заключеніе и со смѣхомъ г. Х. С-ма.

Для полноты моего очерка о яванцахъ и о яванской жизни я долженъ здѣсь нѣсколько распространиться еще на тему о нравахъ и обычаяхъ этого своеобразнаго и, по-своему, высоко культурнаго яванскаго народа. Въ особенности же интересенъ, своеобразенъ и сложенъ яванскій языкъ съ его видоизмѣненіями формъ и группировкою словъ въ зависимости отъ ранга и общественнаго положенія бесѣдующихъ между собою лицъ. Эти чрезвычайно сложныя subtilités и формы разговорной рѣчи дѣлаютъ изъ яванскаго языка настоящій *casse-tête*, недоступный пониманію европейцевъ, хотя бы они теоретически и ознакомились хорошо съ требованіями яванскаго синтаксиса. Дѣло въ томъ, что грамматическаго изученія и вникновенія въ однѣ лишь тонкости грамматики недостаточно, необходимо знать, такъ сказать, психологію яванской души и вытекающія изъ этого психологическаго анализа предписанія сложнѣйшаго яванскаго соціальнаго этикета.

Для сношеній голландскихъ чиновниковъ внутренняго управленія съ туземными регентами, султаномъ въ Джокджѣ и сусухунаномъ въ Соло служить высшій малайскій языкъ. Это языкъ административныхъ отношеній, судебныхъ разбирательствъ и политическихъ отношеній между голландцами и подвластными имъ туземцами высшаго ранга въ обоихъ независимыхъ государствахъ.

Хотя отъ голландскихъ чиновниковъ въ принципѣ и требуется знаніе яванскаго языка, тѣмъ не менѣе на практикѣ голландцы, даже тѣ, которые хорошо владѣютъ этимъ языкомъ, неговорятъ по-явански. Болѣе того, голландскимъ чиновникамъ, напримѣръ, резидентамъ въ чисто яванскихъ провинціяхъ и при дворахъ въ Соло и въ Джокджѣ, даже прямо предписано сноситься съ туземными государями и ихъ свитою не иначе, какъ на высшемъ нарѣчій малайскаго языка (*haut malais*).

Распоряженіе это вызвано неоднократно уже возникавшими, отчасти печальными, а порою комическими и нелѣпыми недоразумѣніями, вслѣдствіе употребленія голландцами яванскаго языка, о всѣхъ тонкостяхъ котораго они, какъ ни вникали, все же не въ состояніи были отдавать себѣ точнаго отчета.

Языкъ этотъ, подобно яванскому этикету при дворѣ мѣстныхъ государей, до того разнообразенъ въ своихъ многочисленныхъ оттѣнкахъ, что европейцу, какія бы онъ ни прилагалъ старанія, почти невозможно освоиться съ неуловимыми свойствами нарѣчія и овладѣть вполне всѣми тонкостями даже обыкновенной разговорной рѣчи. Вслѣдствіе этого, напримѣръ, резидентъ въ Соло, будучи искренно убѣжденъ въ своей безукоризненной корректности и вѣжливости въ разговорѣ съ императоромъ, употребляя самыя цвѣтистыя и изысканныя обороты рѣчи, все же, самъ того не замѣчая, впадалъ порою въ грубыя ошибки противъ этикета и должной государю почтительности. Словомъ резидентъ, одушевленный нац-

лучшими намѣреніями, тѣмъ не менѣе совершали непростительную неловкость согласно понятіямъ весьма чувствительныхъ и щепетильныхъ яванцевъ. Подобные промахи несказанно шокировали, а порою, оскорбляли сусухунана и его приближенныхъ, выставляя при томъ же неволью провинившагося голландскаго сановника въ ложномъ освѣщеніи и въ смѣшномъ видѣ. Все это, конечно, умаляло престижъ бѣлаго человѣка, а потому рѣшено было употреблять впредь исключительно болѣе легкій и удобопонятный *haut malais* въ сношеніяхъ съ яванцами высокаго ранга.

Неспособность европейца ориентироваться, разобраться среди непреодолимыхъ препятствій головоломной яванской рѣчи вполнѣ понятна и естественна. На первый и поверхностный взглядъ казалось бы, что дѣло очень просто, такъ какъ яванскій языкъ представляетъ собою одну этническую и лингвистическую группу, которая только сложилась въ опредѣленныя формы, безъ усложненія этихъ формъ различными діалектами.

Но это единство языка только кажущееся. Въ дѣйствительности существуютъ издавна предписанныя традиціями и этикетомъ хотя и не особыя нарѣчія, а различныя формы разговорной рѣчи, смотря по тому, кто съ кѣмъ говоритъ. Пояснимъ это примѣрами: строго говоря, сусухунанъ въ Соло и султанъ въ Джокджѣ бесѣдуютъ со своими принцами, придворными и подданными на яванскомъ языкѣ. Тѣ отвѣчаютъ своему государю, строго говоря, тоже по-явански. Но тутъ-то и начинается та путаница и то неуловимое для европейскаго склада ума различіе, которое и составляетъ неодолимый для европейца камень преткновенія. Яванскій языкъ императора и яванская рѣчь всѣхъ ниже его стоящихъ совершенно и глубоко разнятся между собою. Яванскій этикетъ и чиновничество выработали для сношеній лицъ какъ равнаго, такъ и не равнаго между собою общественнаго положенія, своеобразныя группированія отдѣльныхъ словъ, цѣлыя, специально созданныя, выраженія и обороты рѣчи. Считается грубымъ нарушеніемъ этикета, признакомъ непочтительности и неблаговоспитанности, если, на примѣръ, яванецъ шестого класса, поселянинъ, земледѣлецъ и пр. обратится къ лицу, выше его стоящему, на вульгарномъ «*ngoko*» (*нгоко*). Онъ обязательно долженъ въ отношеніи своего господина или вышшаго въ рангѣ употребить предписанную именно для этого случая форму языка, именуемую «*krata*» (*крама*). На *ngoko* говорятъ между собою лишь простые люди, *les vilains*. На *ngoko* же отецъ, мать и старшіе родственники будутъ говорить со своими дѣтьми, племянниками и пр., какъ съ существами, съ ними неравноправными и подчиненными высшей родительской власти. По той же причинѣ и дѣти между собою объясняются на *ngoko*. На *krata* сносятся лица, имѣющія извѣстное общественное положеніе и состояніе, при томъ въ одинаковомъ рангѣ. (Если перевести это на русскіе

нравы и понятія, то можно бы сказать, что на формѣ языка крама должны обязательно бесѣдовать между собою полковники или статскіе совѣтники, генералы или дѣйствительные статскіе).

«Madya» (мадія) составляетъ третью группу. Это смѣсь ngoko и крама съ придачею выраженій и оборотовъ, свойственныхъ спеціально группѣ «мадія». На мадія объясняются равныя между собою по рангу и положенію лица, не занимающія общественныхъ должностей и не состоящія на правительственной службѣ. На мадія же высшій въ рангѣ и старшій годами обращается еще къ низшему въ чинѣ и къ младшему, когда желаетъ оказать послѣднему особенную честь и вниманіе. Въ противномъ случаѣ, старшій будетъ говорить на вульгарномъ ngoko, тогда какъ собесѣдникъ отвѣтитъ ему на крама.

Къ разряду наиболѣе оригинальныхъ группъ и формъ принадлежатъ еще «krama inggil» и «basa kedaton». Въ krama inggil, независимо отъ того, говорятъ ли на ngoko или на крама, вошло до 300 спеціальныхъ словъ, имѣющихъ отношеніе исключительно къ понятіямъ о божествѣ, его качествахъ и атрибутахъ. Сюда же относятся еще слова, служащія для обозначенія высшаго на землѣ представителя и тѣни божества—сусухунана, его священной особы и всего ему принадлежащаго. Такъ, напримѣръ, державная воля, сердце, умъ сусухунана, а также его священныя: голова, руки, ноги, его дворець, его богатства и пр. выражаются словами, взятыми изъ формы krama inggil. О своей особѣ, о своихъ дѣяніяхъ и помышленіяхъ, обо всемъ, ему лично принадлежащемъ, императоръ выражается тоже въ формѣ krama inggil. Обо всемъ остальномъ онъ говоритъ въ самой низкой и вульгарной формѣ ngoko, такъ какъ все на землѣ ему, сусухунану, подвластно и стоитъ ниже его.

Съ самимъ императоромъ и его семействомъ его приближенные и подданные говорятъ въ наиболѣе возвышенной формѣ крама. Наконецъ, basa kedaton употребительно преимущественно лишь внутри крата. Это придворный языкъ. На basa kedaton, однако, говорятъ между собою одни мужчины. Женщины между собою говорятъ на крама и на крама-madya, когда же онѣ обращаются къ мужчинамъ во дворцѣ, то онѣ употребляютъ basa kedaton. Всѣ же, безразлично, мужчины и женщины съ сусухунаномъ говорятъ на крама, то же самое и съ наслѣднымъ принцемъ и прочими принцами крови, вставляя предписанныя обычаемъ слова изъ madya, когда рѣчь заходитъ объ особѣ, качествахъ и пр. императора и его семейства.

Эта чрезвычайная сложность и запутанность яванскаго языка, дѣлая изъ него подобіе китайскаго casse-tête, тѣмъ не менѣе свидѣтельствуетъ о смышленности и изворотливости яванскаго ума. Яванецъ, дѣйствительно, смышленъ и даже субтиленъ, но онъ лѣ-

нивъ и неспособенъ на какое либо послѣдовательное физическое усиліе или на напряженіе своихъ, нѣсколько дремлющихъ, умственныхъ способностей. Онъ, однако, даже въ низшихъ классахъ населенія, не обучаясь правильнымъ образомъ ничему, усвоилъ себѣ, по меньшей мѣрѣ, три разговорныя формы, изъ комбинаціи которыхъ сложилась головоломная яванская рѣчь. Многие, кромѣ того, свободно говорятъ по-малайски, а въ высшихъ общественныхъ сферахъ и по-голландски.

Яванецъ хорошо знакомъ съ полезными и вредными качествами естественныхъ силъ природы и въ особенности со свойствами своей родной флоры. Яванцы изъ растительнаго царства извлекаютъ множество лѣкарственныхъ пособій; нѣкоторыя изъ такихъ «obat» (лѣкарствъ), относящіяся въ особенности къ пользованію мѣстныхъ заболѣваній, каковы средства отъ маляріи, берри-берри, дисентеріи, болѣзней печени и пр., вошли даже въ европейскую фармакопею и предписываются въ Индіи тѣми изъ голландскихъ докторовъ, которые, вслѣдствіе долгаго пребыванія въ краѣ, могли ознакомиться и убѣдиться въ цѣлесообразности этихъ туземныхъ средствъ. Яванцы и сунданцы (жители западной Явы) въ приготовленіи тонкихъ и медленно, но вѣрно дѣйствующихъ ядовъ не имѣютъ себѣ равныхъ. Должно признать, что туземцы довольно-таки часто пускаютъ въ ходъ свои токсикологическія познанія, упражняясь, какъ между собою, такъ и надъ европейцами, которые ихъ оскорбили, и отъ которыхъ мстительный по своей природѣ яванецъ никогда не задумывается избавиться.

Туземцы вообще мирнаго нрава, послушны и дисциплинированы, и голландцы безъ напряженія и усилій справляются со своими индійскими подданными. Тѣмъ не менѣе, яванцы до болѣзненности щепетильны и обидчивы, они не выносятъ ни малѣйшей несправедливости. Оскорбленный яванецъ, въ припадкѣ «мата-глазъ» (буквально темный глазъ), т.-е. ослѣпленный аффектомъ, бросается, очертя голову, съ крикомъ и убиваетъ всѣхъ попадающихся ему на пути. Такіе припадки, вмѣстѣ съ ихъ печальными послѣдствіями, извѣстны подъ названіемъ «амокъ».

Въ нормальномъ состояніи яванецъ добродушенъ, гостепріименъ и чрезвычайно любитъ дѣтей, не исключая европейскихъ. Онъ живетъ беззаботно изо дня въ день и отличается широкою натурою; онъ совершенно неспособенъ откладывать копейку на черный день, вслѣдствіе чего весь свой вѣкъ долженъ эксплуатировать его инстинкты китайскимъ и арабскимъ ростовщикамъ, которые, разумѣется, поощряютъ природное расположеніе своихъ клиентовъ къ азартнымъ играмъ, куренію опиума, празднествамъ и зрѣлищамъ всякаго рода.

Торговлею и промышленностью яванцы занимаются мало, предоставляя эти, неподходящія для нихъ, занятія европейцамъ, ки-

тайцамъ и арабамъ. Они преимущественно собственники, земледѣльцы или еще чиновники. Затаенная амбиція всякаго яванца, средняго и даже высшаго класса, это—поступить рано или поздно на правительственную службу голландскую и сдѣлаться *ambtenaar*'омъ (чиновникомъ), то-есть старостою въ десса (деревнѣ) или пати и регентомъ въ городѣ. Очень многіе поступаютъ на службу къ сусухунану и султану. Въ обоихъ случаяхъ яванскіе чиновники пользуются присвоеннымъ имъ по рангу почетнымъ «пайонгомъ» (зонтикомъ), шляпою съ галуномъ и мундирною курткой съ металлическими пуговицами. Всѣ они чрезвычайно падки на ордена, галуны, перья и прочія отличія.

Официально яванцы исповѣдуютъ мусульманскую религію, но исламизмъ ихъ сильно перемѣшанъ съ суевѣріями древней ихъ индусской религіи. Такъ, они вѣруютъ въ существованіе духовъ праотцевъ, въ водяныхъ и лѣшихъ, въ горныхъ и воздушныхъ геніевъ, въ примѣты благопріятныхъ и несчастныхъ дней, смотря по сочетанію созвѣздій. Въ важныхъ случаяхъ своей жизни, какъ, напримѣръ, передъ обрѣзаніемъ дѣтей мужескаго пола и выдачею замужъ дочерей, яванскіе священники и дукуны (знахари) сперва опредѣляютъ гороскопъ. Духовъ и геніевъ своихъ яванцы именуютъ «сангхангъ», что одно уже указываетъ на индусское происхожденіе этого повѣрія, такъ какъ именно предикатъ сангхангъ гуру (богъ учитель) обозначалъ преимущественно индусскаго бога Сиву. Каждая «десса» (село) имѣетъ своего бога охранителя, алтарь котораго, изъ двухъ камней, поставленныхъ ребромъ, и третьяго, наложеннаго сверху плашмя, воздвигнуть въ глухихъ мѣстахъ, подъ развѣсистыми и благородными *rag excellence* «варингинами» (*figus indica sacra*). На алтаряхъ этихъ курится оиміамъ и кладутся цвѣты. Часто даже можно видѣть въ яванскихъ домахъ древнія индусскія статуэтки божества, въ видимой формѣ изображающія невидимаго бога.

Рисъ, составляющій главнѣйшую ежедневную пищу яванцевъ, естественно долженъ былъ получить и своего спеціального духа хранителя. Это «Сри», богъ sawah—рисовыхъ полей. Могущественнымъ духомъ въ божественной іерархіи считается еще «Рангу Ларикадуль». Обитаетъ онъ на южномъ побережьи Явы, тамъ, гдѣ отвѣсно спускающіяся въ море голыя скалы изобилуютъ ласточкиными гнѣздами. Замѣчателенъ еще злой духъ «Кьяй Белогоронгъ», это духъ сокрытыхъ въ нѣдрахъ земли богатствъ и кладовъ. Кромѣ перечисленныхъ выше, въ яванскомъ народномъ суевѣрїи существуетъ еще масса иныхъ добрыхъ геніевъ и злыхъ демоновъ индусскаго происхожденія, къ которымъ яванцы присоединили еще шайтановъ (дьяволовъ) и джинновъ (геніевъ) мусульманской міеологіи. Различныя демоны эти накликаютъ бѣдствія, затменія, наводненія, напускаютъ эпидеміи и болѣзни.

Рядомъ съ духопоклоненіемъ яванцы почитаютъ еще и души умершихъ. Каждая десса чтитъ память своего основателя (акаль бакаль), а каждое семейство устраиваетъ однажды въ годъ поминальное пиршество и справляетъ жертвоприношенія на могилахъ своихъ родителей въ 3-й, 7-й, 40-й и 1.000-й день по смерти ихъ.

Яванцы вѣрятъ, что души умершихъ могутъ переселиться и жить въ тѣлѣ извѣстныхъ живыхъ людей, и что въ такихъ случаяхъ души эти обнаруживаютъ свое присутствіе швыряніемъ камней, передвиженіемъ неодушевленныхъ предметовъ и прочими манифестаціями. Это въ одно и то же время спиритизмъ и спиритуализмъ, ибо среди яванцевъ существуютъ медиумы, которые днемъ и въ виду многочисленной публики продѣлываютъ изумительныя вещи. Такъ, неоднократно можно прочесть въ газетахъ отчетъ о томъ, какъ летали по воздуху тяжелыя мѣдныя ступки для толченія риса, и какъ сражались между собою тоже въ пространствѣ, днемъ на виду у всѣхъ, два крисса, и притомъ бились они съ такимъ ожесточеніемъ, что одинъ криссъ вышелъ изъ схватки совершенно искривившимся.

Яванцы, какъ мусульмане, могутъ имѣть нѣсколько женъ. Но правомъ этимъ пользуются лишь принцы и особы высшаго класса, тогда какъ единоженство составляетъ правило среди простого народа.

Яванецъ—нѣжный супругъ и отецъ. Онъ любитъ свою жену, которая почти равноправна съ мужемъ и пользуется большою свободой (яванки всѣ ходятъ съ открытыми лицами). Тѣмъ не менѣе яванецъ по закону очень легко, слишкомъ даже легко, можетъ развестись со своею женой и взять себѣ другую подругу жизни.

Совершеніе браковъ обставлено чрезвычайно сложными церемоніями, и ему всегда предшествуетъ астрономическое или, вѣрнѣе, астрологическое вычисленіе и опредѣленіе. Требуемыя указанія почерпаются изъ особаго руководства, именуемаго «Posatoan». Исходною точкой служитъ яванскій алфавитъ, состоящій изъ 20 буквъ и слоговъ, изъ которыхъ каждому соответствуетъ извѣстная каблистическая цифра. Величина эта именуется «непту».

Непту съ своей стороны имѣетъ соотношеніе къ 7 и 5 днямъ яванской недѣли и къ фазисамъ луны въ яванскомъ году. Такъ, ha = 6, ga = 1, nga = 2 и т. д. Начальныя буквы именъ жениха и невѣсты слагаются вмѣстѣ, полученная сумма дѣлится на 7, и смотря по тому, получается ли остатокъ и какой, «дукунь» опредѣляетъ, имѣетъ ли вообще состояться брачный союзъ, и какія будутъ свойства и послѣдствія онаго. Возьмемъ въ поясненіе два примѣра: жениха зовутъ Гатутъ, невѣсту—Алима. Начальныя буквы обоихъ именъ, сложенныя вмѣстѣ, даютъ какъ разъ цифру 7, то есть, послѣ дѣленія на 7 не получается никакого остатка. Это—самое благоприятное условіе. Про такую пару дукунь говоритъ, что лучшей комбинаціи желать нельзя, такъ какъ это «дилала анему

капенакъ», т. е. предопредѣленіе свыше, и что такой бракъ будетъ благословенъ аллахомъ. Если получается остатокъ 1, какъ, напримѣръ, при сочетаніи именъ Махмудъ и Карсія, то это означаетъ, или что родители не будутъ имѣть дѣтей, или же что они ихъ потеряютъ въ нѣжномъ возрастѣ.

Впрочемъ, вышеприведенная есть лишь одна изъ разнообразныхъ комбинацій съ непту; смотря по тому, какую цѣнность придаютъ каждому отдѣльному непту, получаются изъ сопоставленія и группированія оныхъ различные выводы, имѣющіе рѣшающее вліяніе на заключеніе браковъ. Въ свою очередь, изъ этихъ комбинацій составленъ цѣлый лексиконъ или кодексъ, но выясненіе этой системы завлекло бы меня слишкомъ далеко.

Кромѣ непту, вліяніе на благополучіе браковъ оказываютъ еще различные мѣсяцы въ году. Такъ, браки, состоявшіеся въ первомъ мѣсяцѣ, мухарремѣ или сурѣ, яванскаго года, предвѣщаютъ смерть всѣмъ членамъ семьи, второй мѣсяцъ, санаръ, обѣщаетъ мужу и женѣ денежные затрудненія и долги. Изъ того, однако, обстоятельства, что нѣтъ такой яванской семьи, которая не выходила бы всю жизнь изъ невылазныхъ долговъ, можно бы прийти къ заключенію, что на Явѣ большинство браковъ совершается именно въ мѣсяцѣ санарѣ.

Яванское лѣтосчисленіе опять таки не простое, а весьма сложное. Високосный годъ «винду» возвращается періодически черезъ каждыя 8 лѣтъ. Есть недѣли по 7 дней и такъ называемая базарная недѣля въ 5 дней. Изъ семидневныхъ недѣль составляется циклъ въ 30 недѣль, именуемый «вуку».

Когда гороскопъ оказался благопріятнымъ, родители молодой дѣвушки и женихъ ея опредѣляютъ между собою цѣну невѣсты «тумбасанъ» или «маскавинъ» (буквально—свадебное золото). Они также условливаются насчетъ «сасраханана», или вознагражденія натурою, которое за невѣсту полагается. Цѣнность маскавина обыкновенно не превышаетъ одного тая, точнѣе 0,05409 вѣса одного килограмма серебра, что составляетъ около 5 голландскихъ гульденовъ. Сасрахананъ состоитъ изъ стѣстныхъ припасовъ: риса, плодовъ, кухонной посуды, иногда изъ коровъ, буйволовъ и украшенныхъ носилокъ для брачной процессіи. Когда женихъ побогаче, то вечеромъ того же дня совершается въ домѣ родителей приемъ съ пиршествомъ (сламатанъ) въ честь пророка Магомета и душъ праотцевъ, дабы они благословили союзъ. При этомъ присутствуетъ имамъ и произноситъ молитвы.

Такая вечеринка именуется «мидадарени», т. е. ожиданіе нимфъ небожительницъ, которыя должны оказать брачной парѣ свое покровительство. Всю ночь продолжаются угощенія съ музыкой и танцами, и во всю ночь молодые не должны ни на минуту отдыхать или сомкнуть глазъ, иначе это предвѣщаетъ бѣду.

На другой день совершается самый обрядъ вѣнчанія въ мечети или на дому, у богатыхъ людей, при чемъ почетные представители семьи громко произносятъ магометанскій символъ вѣры.

Тотчасъ послѣ церемоніи, женихъ, дабы оказать своему тестю и имаму почтеніе и повиновеніе, обнимаетъ и цѣлуетъ ихъ колѣна; затѣмъ молодые слѣдуютъ въ торжественной процессіи, женихъ на конѣ, а невѣста на носилкахъ вокругъ и черезъ всю дессу, сопровождаемые родственниками и любопытными музыкантами, баядерами и грохотомъ спускаемаго фейерверка, до котораго всѣ яванцы страстные охотники.

Обыкновеніе требуетъ, чтобы молодая первую изъ всѣхъ вступила въ домъ своего мужа, гдѣ она умываетъ ему ноги въ знакъ почтенія и повиновенія. Послѣ этого мужъ беретъ жену за правую руку и ведетъ ее къ парадному брачному ложу, выставленному на показъ въ главной пріемной комнатѣ. Присутствующіе бросаютъ на пути слѣдованія молодыхъ рисъ и мелкую мѣдную монету, что должно обозначать будущее благосостояніе и изобиліе всего хорошаго въ домѣ. Молодые садятся на диванъ или на лавку рядомъ съ брачнымъ ложемъ, которое изображаетъ болѣе парадное сѣдалище, чѣмъ постель, и мужъ выкладываетъ у ногъ жены пригоршни ржи, плодовъ и монетъ. Этимъ онъ, такъ сказать, наглядно демонстрируетъ публикѣ, какимъ образомъ онъ имѣетъ въ виду заботиться о содержаніи своей супруги...

Въ полночь подружки молодой вводятъ ее въ брачный покой и призываютъ мужа. Но уже часъ спустя къ нимъ входятъ родственницы мужа и жены съ факелами и фонарями. Онѣ суетятся и дѣлаютъ видъ, будто по всѣмъ угламъ и закоулкамъ комнаты разыскиваютъ молодыхъ. Онѣ открываютъ, наконецъ, занавѣси брачнаго ложа и, найдя мужа и жену, окропляютъ ихъ водою, желая имъ всякаго благополучія. Нѣсколько дикая и стѣснительная для молодыхъ церемонія эта есть также символическій остатокъ индусской старины. Продѣлывается она съ цѣлью напомнить супругамъ тѣ баснословныя времена, о которыхъ повѣствуютъ яванскія театральныя драмы, когда молодыхъ принцессъ среди первой же брачной ночи похищали злые демоны и чародѣи. Это есть живое memento мужу, чтобы онъ не дремалъ, иначе то же самое можетъ приключиться и съ его супругой.

На третій и слѣдующій дни новобрачные дѣлаютъ визиты отцу и матери, свекру и свекрови, въ домѣ которыхъ, согласно старому обыкновению, они обязательно должны провести одну ночь, но на этотъ разъ уже покой мужа и жены не нарушается шумнымъ и внезапнымъ вторженіемъ факельщицъ.

Совершеннолѣтіе наступаетъ для яванца по достиженіи имъ 15—16-ти-лѣтняго возраста, послѣ обрѣзанія, которое совершается около того же времени. Дѣвочки достигаютъ совершеннолѣтія уже

2—3 годами раньше, а въ возрастѣ 12—13 лѣтъ онѣ уже выходятъ замужъ. Бракомъ сочетаются также и дѣти въ нѣжномъ еще возрастѣ, какъ это дѣлается у индусовъ, но браки такого рода, именуемые «висящими», остаются недѣйствительными до достиженія обрученными законнаго возраста.

Часто случается, что дочери принцевъ или лицъ, принадлежащихъ къ высокой яванской аристократіи, выходятъ замужъ за простолюдиновъ; въ такомъ случаѣ будущихъ супруговъ возводятъ сперва въ дворянское достоинство. Тѣмъ не менѣе, такой новой формации дворянинъ чувствуетъ и считаетъ себя ниже своей жены. Онъ оказываетъ ей не только публично и дома, *dans l'intimité*, вниманіе и уваженіе; сидя на корточкахъ, онъ продѣлываетъ «*sembah*», яванское привѣтствіе, на полу передъ супругой, которая возсѣдаетъ выше мужа на диванѣ.

Расторженіе брака совершается, согласно мусульманскому праву, вслѣдствіе, напримѣръ, вѣроотступничества одного изъ супруговъ, а также путемъ развода. Мужъ можетъ отдѣлаться отъ жены еще въ томъ случаѣ, если они оба нравами не сходятся и ссорятся между собою, или если жена не оказываетъ мужу должнаго повиновенія. При этомъ мужъ можетъ еще произнести проклятіе (кулукъ) надъ своею супругой. Мужъ можетъ тотчасъ же взять себѣ другую подругу жизни. Что же касается жены, то если она беременна въ моментъ расторженія брака, то обязана выждать послѣ родовъ еще 4 мѣсяца и 10 дней до заключенія новыхъ брачныхъ узъ. То же предписывается въ случаѣ вдовства жены.

Расторженіе брака можетъ быть также вызвано по инициативѣ жены, если она обвинить мужа въ физической неспособности къ исполненію супружескихъ обязанностей, въ невыдачѣ обратно «маскавина», полученнаго отъ невѣсты, въ сумасшествіи и въ томъ случаѣ, «если вслѣдствіе нахожденія болѣзни тѣло и лицо мужа покрывается свѣтлыми пятнами, такъ что онъ походитъ на темнокожаго альбиноса» (*sic*).

Расторженіе брака при этихъ условіяхъ, именуемое «пегатанъ рапакъ», совершается яванскимъ судьей и имамомъ. Наконецъ, мужъ имѣетъ просто право удалить и прогнать жену, которая перестала ему нравиться; онъ отъ себя даетъ ей формальный разводный документъ и отсылаетъ ее обратно къ ея семейству, возвративъ полученный маскавинъ. Этотъ способъ, именуемый «*talak*», самый употребительный и при томъ самый произвольный, такъ какъ мужъ не обязанъ ничѣмъ мотивировать своего рѣшенія, для приведенія котораго въ исполненіе достаточно одной его воли и даже его каприза. Правда, тотъ же мужъ, оттолкнувшій отъ себя жену безъ всякаго повода, можетъ по прошествіи извѣстнаго времени взять ее къ себѣ обратно.

Во всѣхъ случаяхъ развода и расторженія брака обычай—адать,

и мусульманское право—шаріатъ, предписываютъ, какъ поступить съ дѣтьми, происшедшими отъ брака.

Всѣ приведенныя выше и послѣдующія свѣдѣнія относительно яванскихъ нравовъ и обычаевъ я почерпнулъ изъ интересной книги Th. Maïjer'a: «Яванецъ, какъ членъ яванскаго общественнаго строя».

Укажу здѣсь еще на особенность, лишній разъ свидѣтельствующую, что религія яванцевъ не есть исламизмъ чистѣйшей воды, а что она напротивъ сильно перемѣшана съ суевѣріями астрологическаго свойства и индусскаго происхожденія. Такъ, день и часъ рожденія ребенка играютъ важную роль и оказываютъ значительное вліяніе на будущую судьбу, удачу или неуспѣхъ въ жизни новорожденнаго. Понедѣльникъ, на примѣръ, и притомъ 6-й, 7-й, 12-й, 1-й и 2-й часы благопріятны для появленія на свѣтъ младенца женскаго пола, тогда какъ для мальчика считаются благопріятными часы 3-й, 4-й, 5-й, 8-й, 9-й и 11-й того же дня.

Выборъ имени для ребенка также составляетъ весьма сложную операцію. Оно находится въ зависимости отъ года, мѣсяца, дня, часа и мѣста рожденія, отъ окружавшихъ родильницу въ моментъ родовъ предметовъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ и пр.

При рожденіи ребенка родители мѣняютъ свое имя и принимаютъ имя новорожденнаго съ присоединеніемъ къ оному словъ «пакъ» (отецъ) и «бокъ» (мать): для мальчика, на примѣръ, Пакъ-Саридья, для дѣвочки Бокъ-Салемъ.

Трауръ, подобно китайцамъ, яванцы носятъ бѣлый. Въ головахъ умершихъ ставятся ребромъ камни, напоминающіе формою индусскіе «лингамы».

День и часъ смерти бываютъ благопріятны и неблагопріятны. Къ первой категоріи относятся «святыя дни»—вторникъ и пятница. Народное суевѣріе придаетъ особую таинственную силу бѣлому полотняному савану людей, умершихъ именно во вторникъ или въ пятницу, и часто случается, что трупы такихъ покойниковъ подвергаются поруганію со стороны лихихъ людей, которые отрѣзываютъ и уносятъ куски савана съ цѣлью сдѣлаться невидимками при совершеніи кражъ и преступленій.

Погребеніе у яванцевъ, какъ и у остальныхъ мусульманъ, совершается почти немедленно послѣ смерти и всегда днемъ, до заката солнца, самое же позднее въ теченіе порывъ 18—20 часовъ. При такой системѣ нерѣдко случается, что въ землю закапываются люди еще живые, какъ о томъ свидѣлствуютъ разрытыя могилы, въ которыхъ покойники зачастую найдены были въ неестественно исковерканныхъ позахъ.

Въ заключеніе, скажу нѣсколько словъ о яванскихъ сословіяхъ: крестьянахъ, аристократіи и принцахъ крови.

Высшую яванскую аристократію олицетворяютъ собою независимые государи: сусухунанъ въ Соло и султанъ въ Джокджѣ.

Вотъ полный титулъ императора суракартскаго изъ владѣтельнаго дома Мангко-Негоро: Инкангъ-Синухунъ-Пандьенгъ-Сусухунанъ-Паку-Бувно-Сенататинъ-Нгалага-Нгабудурахманъ-Саидинъ-Панатагама. У императора четыре законныхъ жены и неограниченное число наложницъ. Его законныя жены носятъ титулъ «рату», первая изъ нихъ титулуется спеціально «рату-кентьяно-вунгу», остальные именуются рату-мась, рату-бендара и пр.

По смерти царствующаго государя титулы эти мѣняются; императрица мать получаетъ титулованіе «рату-агенгъ», а остальные жены лишаются своего титула.

Сыновья императора отъ первой жены именуются «раденъ-мась-густы», а остальные «раденъ-мась».

Старшій сынъ, когда нидерландское правительство признало его престолонаслѣдникомъ и кронпринцемъ, получилъ титулъ: «Кандьенгъ-Густы-Пангеранъ-Адипати-Аномъ-Аменъ-Негара-Судибья-Раджапутра-Нарендра-Матарамъ».

Особые титулы имѣютъ различные члены императорской фамиліи, незаконные сыновья, братья, племянники, внуки и прочіе родственники императора.

Султанъ въ Джонджѣ, изъ владѣтельнаго дома Паку-Аламъ, титулуется: «Инкангъ-Синухунъ-Кандьенгъ-Сумпанъ-Аманку-Бувно-Сенapati-индъ-нгалага-Нгабудурахманъ-Саидинъ-Панатагама», съ добавленіемъ еще «Халифатулла», т.-е. намѣстникъ Аллаха.

Кромѣ лицъ, происходящихъ изъ родового дворянскаго сословія, дворянскіе титулы присвоены еще тѣмъ изъ яванцевъ, которые занимаютъ общественныя положенія на государственной службѣ императора и султана.

Простой народъ распадается на двѣ категоріи: самостоятельные землевладѣльцы, земледѣльцы и ремесленники, врачи, знахари и прочіе и поденщики или кули, которые работаютъ на другихъ.

Яванская литература имѣетъ прошлое: это—произведенія древней письменности, которыя относятся къ категоріи героическихъ поэмъ и эпоей. Перечисленіе ихъ дало бы лишь перечень невозможныхъ и варварскихъ именъ, мало кому извѣстныхъ и интересныхъ. Написаны эти хроники на языкѣ *kawi miring*, именуемомъ еще *bahasa dĵawa*, и древнее священное *kabu* понятно и доступно немногимъ.

Религіозныя изслѣдованія (*Regon*) объ исламизмѣ, весьма многочисленныя, написаны на арабскомъ языкѣ или по-явански арабскими буквами.

«Кропакъ» именуется рукописи на пальмовыхъ листахъ, самаго разнообразнаго содержанія, каковы, напримѣръ, положенія мусульманскаго адата, предвѣщанія, молитвы, гороскопы, диссертациі на тему о загробной жизни и пр.

Если для неспеціалистовъ яванскія героическія и религіозныя

эпопеи представляют мало интереса, нельзя сказать того же о легендах яванскаго народа. Онѣ даютъ представление о вѣрованіяхъ и суевѣріяхъ яванцевъ, а также о ихъ своеобразномъ міросозерцаніи.

Приведу для примѣра нѣсколько такихъ разсказовъ, которые я заимствую изъ голландскаго и малайскаго перевода яванскихъ легендъ, собранныхъ вышеупомянутымъ Мейеромъ въ различныхъ резидентствахъ Явы.

Легенды эти въ русскомъ переложеніи появляются здѣсь впервые передъ русскою публикою.

1) Священный камень въ Тугу, именуемый яванцами Embah Bodo, т.-е. глупый дѣдушка (легенда изъ резидентства Мадіунъ).

Во время оно проживалъ въ мѣстности Тугу нѣкій пандитъ (отшельникъ, учитель), который славился своими познаніями, но стремился достигнуть еще высшей степени учености и власти, для чего онъ постоянно постился и молился. Дабы испытать его силу воли, боги послали ему однажды фею (видадари), которая въ образѣ прекрасной женщины должна была отвлечь его отъ его святыхъ занятій. Злополучный пандитъ смертельно влюбился въ очаровательницу, позабылъ о постѣ и молитвѣ и объявилъ, что онъ готовъ скорѣе превратиться въ каменный столбъ, чѣмъ лишиться своей прелестной подруги. Въ тотъ самый моментъ, однако, когда пандитъ намѣревался заключить фею въ свои объятія, видадари исчезла въ пространствѣ, старецъ же былъ превращенъ въ каменный столбъ. Между тѣмъ, ученый мужъ сей долженъ былъ знать, что имѣетъ дѣло не съ человѣческимъ существомъ, а съ волшебницею, небесною феею, обладающею сверхъестественными силами.

Вотъ почему въ добродушной ироніи своей яванцы обозвали «глупенькимъ дѣдушкою» сего неразумнаго, неосторожнаго старца.

Народная фантазія приписываетъ каменному олицетворенію пандита сверхъестественныя свойства, какъ-то: давать совѣты и исполнять желанія вѣрующихъ, обращающихся къ столбу съ этою цѣлью, и пр.

2) Чудесный конь въ Баньяпути.

Во время оно проживалъ въ десса (селѣ) Баньяпути простой крестьянинъ. Онъ держалъ кобылу, которая перевозила на базаръ плоды, рисъ и сельскіе продукты. Отъ кобылы этой родился жеребецъ, который отличался тою особенностью, что не имѣлъ вовсе зубовъ. Жеребецъ питался не травою, а бананами, и при томъ съѣдалъ имъ же очищенный отъ кожи плодъ банана, но никогда никто не видѣлъ, какимъ образомъ онъ сперва снималъ эту кожу. Многіе были убѣждены, что жеребецъ этотъ не что иное, какъ «sembрани», т.-е. мистическій конь съ невидимыми крыльями на ногахъ. Однажды хозяину приснилось, что его посѣтилъ сѣдой старикъ, который повѣдалъ, что конь этотъ дѣйствительно сембрани,

божественнаго происхожденія, и что простому смертному не дозволено такимъ конемъ пользоваться. Сембрани не суждено было жить на этой грѣшной землѣ, онъ долженъ былъ возвратиться въ свою небесную обитель въ тотъ моментъ, когда съ горы Лаву низвергнется внизъ могущественный потокъ, который разрушитъ все на пути. Незвѣстный старецъ прибавилъ, что этотъ моментъ наступилъ, и приказалъ крестьянину, не теряя времени, съ чадами и домочадцами переселиться на вершину горы Лаву, коня же оставить въ конюшнѣ. Крестьянинъ исполнилъ все, какъ ему было предписано, и съ вершины горы могъ видѣть, какъ низринувшійся потокъ затопилъ всю мѣстность внизу, и какъ чудесный сембрани, подхваченный волною, съ веселымъ ржаніемъ вынесенъ былъ потокомъ и исчезъ въ морѣ. Увѣряютъ, что въ той мѣстности, въ которой раздалось ржаніе сембрани, еще и нынѣ водятся кони особенно выносливой и сильной породы.

3) Гора Лаву. Во время оно, давно это было, гора Лаву вершиною своею касалась самаго неба. На горѣ жилъ великій чародѣй Самаръ, который забавлялся тѣмъ, что выходилъ на вершину горы, снималъ съ неба и снова прикрѣплялъ къ горизонту звѣзды. Это занятіе его, наконецъ, надоѣло звѣздамъ, и онѣ рѣшили произнести проклятіе надъ чародѣемъ и надъ самою горою. Вслѣдствіе сего онѣ Самара превратили въ маленькаго уродливаго карлика, между тѣмъ какъ вершина горы провалилась. Тогда Самаръ взялъ въ руки часть ввалившейся горы, съ цѣлю погрузить оную въ Индійскій океанъ. Работалъ онъ ночью, дабы ничье человеческое око не могло его при этомъ увидѣть. Такимъ образомъ, Самаръ съ ношею своею однажды приблизился къ селенію Тьянкрингъ, гдѣ поселяне собирали рисъ и измельчали оный въ ступкахъ. Полагая, что они его замѣтили, и что при приближеніи его люди подали сигналъ мѣдными пестами, Самаръ уронилъ верхушку горы на поле, а самъ исчезъ. Гора эта, именуемая высокою, и нынѣ еще возвышается среди ровной мѣстности. Но Самаръ вскорѣ убѣдился, хотя и слишкомъ поздно, что люди просто работали въ полѣ и никакого сигнала не подавали. Тогда онъ надъ деревней Тьянкрингъ произнесъ проклятіе въ томъ смыслѣ, что впредь въ десѣ никто не можетъ жениться въ юномъ возрастѣ, и что браки будутъ заключаться только между людьми въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Боги одобрили это рѣшеніе, и вотъ почему и нынѣ въ Тьянкрингѣ браки совершаются между людьми немолодыми.

4) Гизикъ Пенгадонъ-аямъ. На побережьи южнаго моря есть мѣстность, извѣстная подъ именемъ Пенгадонъ-аямъ, т.-е. арена пѣтушиныхъ боевъ. Утверждаютъ, что каждую пятницу ночью здѣсь слышны крики, пѣніе и шумъ крыльевъ дерущихся пѣтуховъ, а также рукоплесканія зрителей, но при этомъ не видно ни ни тѣхъ, ни другихъ. Здѣсь, дѣйствительно, въ прежнія времена собирались любители пѣтушиныхъ боевъ.

5) Дикіе псы въ Прамбу Далемъ. Въ десѣ Ванасиди есть пещера Прамбу Далемъ, въ которой живутъ сотнями дикіе псы. Выходъ грота находится подъ водою. Утверждаютъ, что можно призвать этихъ дикихъ псовъ на помощь противъ дикихъ кабановъ и иныхъ звѣрей, уничтожающихъ посѣвы, и что псы эти имѣютъ патрономъ шайтана (дьявола). При гротѣ состоитъ смотритель, которому властью шайтана даны человѣческій образъ и свойства. Къ этому-то смотрителю и обращаются съ просьбами и жертвоприношеніями, состоящими изъ цвѣтовъ, плодовъ, риса и денегъ. Если молитва вѣрующаго услышана, дикіе псы сотнями выходятъ изъ грота и кидаются на кабановъ и прочихъ звѣрей, которыхъ и уничтожаютъ. Но обращаться къ шайтану не всегда безопасно. Если ему, напримѣръ, покажется недостаточнымъ жертвоприношеніе, онъ посылаетъ дикихъ псовъ своихъ не на кабановъ, а на собственныя стада просителей. Далѣе шайтанъ переселяется иногда въ тѣла нѣкоторыхъ лицъ, которыя начинаютъ прыгать, кричать и бѣсноваться. Въ такомъ случаѣ, этимъ бѣсноватымъ нужно отдать все, чего бы они ни потребовали. Такіе люди считаются братьями и сестрами самого шайтана, они одарены большою властью, чѣмъ обыкновенныя смертныя.

6) Въ резиденствѣ Рембангъ есть мѣстечко Тубангъ, извѣстное нѣкоторыми своими особенностями. Такъ, на берегу моря есть колодезь съ чистою и прѣсною водою, несмотря на близость моря и на то, что при приливахъ морская вода проникаетъ внутрь колодца. Колодцу этому приписываютъ слѣдующее происхождение. Въ первые годы пропаганды и введенія ислама на Явѣ, жилъ въ Тубангѣ знаменитый мужъ и законоучитель Сунангъ-Бонангъ, ученость котораго извѣстна была далеко за предѣлами Явы. Дабы имѣть съ Бонангомъ свиданіе и публичную диссертацию, прибылъ однажды въ Тубангъ одинъ извѣстный законоучитель съ затаенною цѣлью посрамить Бонанга. Прибывшій потерпѣлъ крушеніе и выброшенъ былъ на берегъ въ Тубангъ. Проходившій случайно Бонангъ увидѣлъ своего соперника, остановился, началъ съ нимъ разговаривать и воткнулъ въ землю свой посохъ. Изъ-подъ посоха тотчасъ же забилъ ключъ прѣсной воды. Это чудо произвело на чужеземца столь сильное впечатлѣніе, что онъ изъ противниковъ Бонанга сдѣлался его послушнымъ ученикомъ и послѣдователемъ. Вокругъ могилы Бонанга и нынѣ еще существуютъ цѣлебные источники и домъ, которому приписываютъ таинственное и божественное происхожденіе, такъ какъ никто не видѣлъ, кѣмъ и когда домъ сей былъ сооруженъ.

7. Легенда изъ резидентства Дьяпара. Это разсказъ юмористическаго содержанія. Во время оно, въ мѣстечкѣ Дьювана, супруга одного изъ принцевъ Картасуры была беременна и возымѣла желаніе поѣсть огурцевъ. Но во всемъ государствѣ не существовало

ничего подобнаго, и никто не имѣлъ опредѣленнаго представленія о томъ, чего собственно желаетъ принцесса. Тогда принцъ отправилъ особаго посланнаго, наказавъ ему во что бы то ни стало разыскать и принести желаемый огурецъ. Послѣ долгихъ поисковъ гонецъ разыскалъ у одного стараго поселяннина огородъ и въ немъ всего одинъ лишь огурецъ, который и былъ тотчасъ же приобрѣтенъ. Но старикъ крестьянинъ не сумѣлъ сказать ни имени мѣстности, ни названія неизвѣстнаго ему растенія, такъ что и государю своему посланный не могъ доложить ничего опредѣленнаго. Тогда принцъ назвалъ Друдьювана (а по сокращеніи Дьювана) мѣсто, гдѣ обрѣтенъ былъ огурецъ, самый же огурецъ получилъ названіе и затѣмъ извѣстенъ подъ именемъ тимунъ-ватангъ.

8. Десса Дарапайонгъ (буквально—кровавый зонтикъ).

Разказъ этотъ относится еще къ баснословнымъ временамъ, когда боги свободно появлялись на землѣ среди обыкновенныхъ смертныхъ.

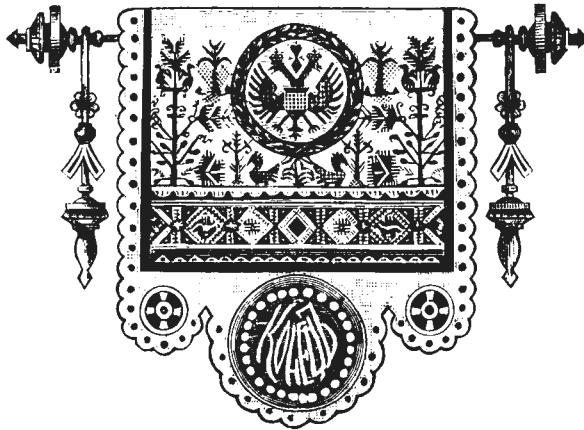
Однажды Нараяна (одно изъ побочныхъ именъ бога Вишну), гуляя съ сестрой своею Сембадрой, заблудился и, разыскивая исходъ, воткнулъ въ землю свой пайонгъ (зонтикъ) и сказалъ сестрѣ: «садись подъ зонтикъ и подожди меня, пока я разыщу дорогу».

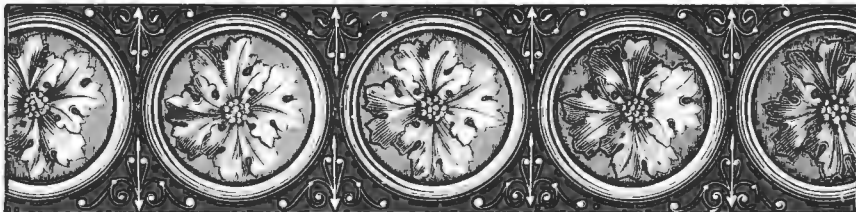
Какъ только онъ удалился, Сембадра увидѣла приближавшагося страшнаго вида дракона, который грозилъ ее поглотить. Она въ страхъ и смятеніи бѣжала, оставивъ пайонгъ воткнутымъ въ землѣ. Прибѣжавшій на ея крикъ Нараяна узналъ въ драконѣ могущественнаго волшебника и чародѣя Нага, посланнаго противъ него его врагомъ Кангса. Нараяна тогда схватилъ заостренный бамбуковый колъ и снесъ дракону голову, которая упала и исчезла въ морѣ, тѣло же чудовища превратилось въ рѣку Синага, нынѣ еще существующую, а изъ священнаго пайонга выросъ могущественный экземпляръ дерева видара, подъ сѣнію котораго основана была впоследствии десса Видара Пайонгъ.

9. Наконецъ, въ резидентствѣ Шерибонскомъ, въ дессѣ Сиелуманъ, существуютъ такъ называемые *leuweung opot*, т. е. очарованные лѣса, жилища невидимыхъ духовъ вмѣстѣ съ болотами (*gantja*), надъ которыми тоже витаютъ невидимые геніи. Геніи эти походятъ свойствами своими на легендарныхъ нѣмецкихъ кобольдовъ и *Heinzelmännchen*, они добродушны, охотно служатъ человѣку, исполняютъ за него различныя полевыя и домашнія работы и, подобно кобольдамъ, не любятъ, чтобы за ними подсматривали и чтобы ихъ поднимали на смѣхъ. Въ такихъ случаяхъ они жестоко мстятъ человѣку. Духи эти являются въ базарные дни на рынокъ, и люди знающіе тотчасъ могутъ ихъ отличить по ихъ костюму и внѣшнему виду. Духи или геніи пускаются въ разговоры, спрашиваютъ людей, но сами не терпятъ распросовъ.

Они никогда не торгуются, а знаютъ точную цѣну всякаго предмета и цѣну эту, не говоря ни слова, выкладываютъ передъ торговцемъ. Они вообще безбидны, когда люди ихъ оставляютъ въ покоѣ и не пристають къ нимъ, въ противномъ случаѣ гении напускають на любопытныхъ разныя напасти, болѣзни, а порою и смерть.

М. Бакунинъ.

ОЧЕРКИ АМЕРИКАНСКОЙ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ¹⁾.

Сановники и чиновники страны свободы.

III.

ТГЬ САНОВНИЧЕСТВА и чиновничества столицы республики Соединенныхъ Штатовъ, федеральныхъ законодателей и федеральной администраціи, перейдемъ теперь къ сановничеству и чиновничеству провинціальному, компетенція и власть которыхъ не простираются далѣе предѣловъ отдѣльныхъ штатовъ. Во главѣ сего сановничества стоятъ законодатели и губернаторъ каждаго штата, ибо каждый штатъ имѣетъ свои законодательныя палаты, сенатъ и палату представителей, законодательная власть которыхъ довольно широка. Губернаторъ штата, являясь представителемъ его администраціи и средоточіемъ правительственной власти вообще, обладаетъ не только всей широтой этой власти, но также и существенными прерогативами власти верховной, важнѣйшими изъ которыхъ являются неутвержденіе законовъ, прошедшихъ чрезъ обѣ палаты, и помилованіе осужденныхъ или смягченіе состоявшихся о нихъ судебныхъ приговоровъ безъ объясненія мотивовъ, по собственному своему усмотрѣнію. Въ то время, какъ вся федеральная администрація, начиная съ министровъ и кончая послѣднимъ канцелярскимъ служителемъ, опредѣляется къ должностямъ по назначенію, въ штатахъ не

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXI, стр. 667.

только законодатели, но и всѣ почти должности административныя, какъ по штату или такъ называемыя штатныя (state officers), такъ и по графствамъ, соответствующимъ въ нѣкоторой степени нашимъ уѣздамъ (county officers), такъ, наконецъ, и по городамъ (borough officers) замѣщаются путемъ выборовъ. Такимъ образомъ выборы опредѣляютъ составъ и характеръ всего мѣстнаго управленія, которое мы именуемъ провинціальнымъ лишь въ смыслѣ совершенно относительномъ, ибо отдѣльные штаты представляются собственно отдѣльными самостоятельными государствами, объединенными въ союзъ (union) на началахъ федеральныхъ. Слѣдовало бы поэтому изяснить поподробнѣе характеръ и значеніе американскихъ выборовъ, а равно соотношеніе и, такъ сказать, удѣльный политическій и общественный вѣсъ отдѣльныхъ политическихъ партій въ каждомъ штатѣ. Но такъ какъ прямою задачей настоящаго скромнаго очерка является лишь изображеніе сановничества и чиновничества страны свободы, а не изслѣдованіе ея государственныхъ и общественныхъ учреждений въ ихъ основахъ и дѣйствіи, или, иными словами, изображеніе таковыхъ въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются въ дѣйствительности, а не на бумагахъ, и въ дѣлахъ ихъ, а не на словахъ, то мы и ограничиваемся тѣмъ, что было уже сказано нами выше объ общемъ характерѣ американскихъ выборовъ вообще. Лишь напомнимъ нашимъ благосклоннымъ читателямъ, что выборы эти отличаются чисто разбойничьимъ характеромъ и преисполнены насилій, подлоговъ и мошенничествъ всякаго рода.

Характеристика федеральныхъ законодателей, нами выше начертанная, относится также во всей ея полнотѣ и къ законодателямъ отдѣльныхъ штатовъ. Если при этомъ сенатъ Соединенныхъ Штатовъ, въ которомъ рыцари большой дороги въ родѣ Mark Hanna составляютъ все-таки меньшинство, является еще нѣкоторою охраной закона и справедливости и нѣкоторымъ средоточіемъ государственной мудрости страны свободы, то сенаторы и представители отдѣльныхъ штатовъ ровно ничѣмъ не отличаются отъ состава администраціи таковыхъ и нисколько не поднимаются надъ ея уровнемъ. Общій же уровень сей администраціи, какъ интеллектуальный, такъ и въ особенности нравственный, представляетъ собой нѣчто ужасное и прямо потрясающее. Подкупъ штатныхъ законодателей представляется дѣломъ самымъ обыкновеннымъ и практикуется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Въ штатѣ Nebraska разыгрался недавно громкій процессъ объ «оказаніи вліянія на законодательство» (influencing legislation) или, выражаясь проще, о подкупѣ законодателей довольно извѣстною тихоокеанскою транспортною компаніей. Транспортныя компаніи страны свободы перевозятъ все положительно, какъ предметы громоздкіе въ родѣ мебели, швейныхъ машинъ и т. п., такъ равно и предметы малаго размѣра

и вѣса, а въ томъ числѣ книги, газеты, посылки и наглухо запечатанные крупные конверты, отвлекая такимъ образомъ отправленія сего послѣдняго рода отъ почтоваго вѣдомства Соединенныхъ Штатовъ (почтовая часть находится здѣсь въ вѣдѣніи федеральнаго правительства) и нанося сему послѣднему значительные убытки. Такъ какъ, однако, общественное мнѣніе все болѣе и болѣе склоняется къ тому, что операции сего рода должны быть предоставлены въ исключительное вѣдѣніе почтоваго вѣдомства, то представители крупнѣйшихъ транспортныхъ компаний и фирмъ не только при всякомъ удобномъ случаѣ предостерегаютъ печать и вліятельныхъ общественныхъ дѣятелей противъ увлеченія подобными «соціалистическими» идеями, не только увѣряютъ этихъ послѣднихъ, что вслѣдъ за передачей всѣхъ этихъ операций почтовому вѣдомству вскорѣ наступитъ соціалистическая организація всей промышленности въ странѣ, но и сверхъ сего стараются по возможности «влиять» на законодательства отдѣльныхъ штатовъ посредствомъ «благодарностей». Вышепомянутый процессъ въ штатѣ Nebraska закончился судебнымъ признаніемъ наличности подкупа и обнаружилъ, сверхъ сего, что тихоокеанская транспортная компания на подобное «оказаніе вліянія» на законодательство штата расходовала ежегодно по 10.000 долларовъ въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ. Если принять во вниманіе, что въ «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» имѣется около десятка крупныхъ транспортных компаний, завоевавшихъ себѣ почти монопольное положеніе, что засимъ имѣется въ ней цѣлыхъ сорокъ пять мѣстныхъ или штатныхъ (двухкамерныхъ) законодательныхъ палатъ, на которыя надобно постоянно «влиять», что одною лишь тихоокеанскою транспортною компаніей на одну лишь небраскскую палату истрачено по мѣрѣ надобности 150.000 долларовъ, то можно съ достаточною основательностью заключить, каковы должны быть доходы этихъ компаний съ одной стороны и потери почтоваго вѣдомства съ другой. Но имѣется еще лучший, такъ сказать, упрощенный способъ «оказанія вліянія на законодательство» отдѣльныхъ штатовъ. За прошлый годъ внесенъ былъ въ законодательныя палаты штата Montana законопроектъ объ уменьшеніи окладовъ содержанія, присвоеннаго должностнымъ лицамъ графствъ, или, выражаясь чисто по-русски, уѣзднымъ чиновникамъ вообще. Оклады эти были дѣйствительно относительно высоки и для плательщиковъ налоговъ весьма обременительны. Но тутъ нашла коса на камень. Само собою разумѣется, что всѣ уѣздные чиновники штата явились противниками подобнаго законопроекта, а оппозиціонная сила всего уѣзднаго чиновничества цѣлаго штата въ странѣ свободы—дѣло не шуточное. Конечно, было среди этого послѣдняго немало достойныхъ членовъ, или чиновъ, которые «собаку съѣли» на поприщѣ общественнаго интриганства и службы, а посему оно и не

ухватилось за столь дорогой способъ «оказанія вліянія» на законодательство своего штата, какой практикуется транспортными компаниями: они нашли иной, упрощенный и сравнительно дешевый способъ. Означенный законопроектъ попросту канулъ въ воду, и когда секретарь мѣстнаго сената John Bloog смѣнился, то оказалось, что онъ припряталъ таковой или, выражаясь чисто по-русски, таковой «спряталъ подъ сукно» и держалъ его тамъ до самой сдачи должности. Такъ какъ между тѣмъ большинство обѣихъ палатъ, благоприятное его утвержденію, смѣнилось, то такимъ упрощеннымъ и сравнительно дешевымъ способомъ проницательное и находчивое уѣздное чиновничество штата Montana провалило законопроектъ, для него крайне невыгодный. Однако, бывший секретарь монтанскаго сената за подобное «проваленіе» сего законопроекта (defeating) былъ судимъ и нынѣ вмѣсто того, чтобы проводить лѣто въ какомъ либо американскомъ «убѣжищѣ» (resort) въ родѣ щедринаскаго Монрепо, проводить таковое въ тюрьмѣ, къ заключенію въ которой приговоренъ подлежащимъ судомъ на цѣлыхъ двѣнадцать мѣсяцевъ. Недавно появилась въ газетѣ New-York Press большая статья, въ которой повѣствовалось, что, когда въ 1895 году въ законодательныхъ палатахъ штата New-York находился на разсмотрѣніи законопроектъ объ увеличеніи содержанія чинамъ пожарныхъ командъ по всему штату, то на предметъ «оказанія вліянія» на законодателей было назначено заинтересованною стороною 40.000 долларовъ, изъ которыхъ при посредствѣ извѣстнаго мѣстнаго коридорщика Louis Raun, раздававшего сія взятки, немалая толика получена была сенаторомъ мѣстнаго сената John Raines, понынѣ въ таковомъ засѣдающимъ и, замѣтимъ отъ себя мимоходомъ, прославившимся изобрѣтеніемъ и проведеніемъ самаго нелѣпаго закона о раздробительной продажѣ спиртныхъ напитковъ и питій вообще. Сенаторъ John Raines натурально страшно взбѣсился и возбудилъ въ высшемъ судѣ штата противъ редакціи New-York Press и автора статьи, члена ньюіоркской же палаты представителей, Samuel Ely Quigg, уголовное преслѣдованіе по обвиненію ихъ въ клеветѣ (libel), требуя уплаты нанесенныхъ ему таковою убытковъ въ 50.000 долларовъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что по англійскимъ законамъ такая уплата носить смѣшанный характеръ уголовного штрафа за преступленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ гражданскаго взысканія въ возмѣщеніе причиненныхъ таковымъ убытковъ. Процессъ этотъ, недавно лишь закончившійся, достаточно характеризуетъ законодательные круги штата New-York, которые стоятъ еще сравнительно выше, нежели законодательные круги прочихъ штатовъ страны свободы. Защитникъ обвиняемаго, т. е. газеты New-York Press, бывший окружный стряпчій (нѣчто въ родѣ нашего прокурора окружнаго суда) Delancey Nicoll въ своей рѣчи къ присяжнымъ засѣдателямъ

именовалъ коридорщика Louis Raup «архиразвратителемъ» (archcorruptionist), «феноменальнымъ лжецомъ», «ненасытнымъ волкомъ», а сенатора John Raines иронически называлъ «невиннымъ ягненкомъ», который, много лѣтъ общась и водясь съ означеннымъ Louis Raup, «вовсе не зналъ будто бы, что это за личность». Обращаясь въ заключение къ самому сенатору, обвинителю по сему дѣлу о клеветѣ, ех-прокуроръ, защитникъ обвиняемаго, обличительно воскликнулъ: «И вы желаете увѣрить насъ, сенаторъ, что вы не знали вовсе о родѣ занятій сего Louis Raup; не знали вовсе, что онъ тридцать лѣтъ уже занимается торговлей сего рода (т. е. подкупомъ законодателей), что онъ обмошенничалъ Jay Gould (извѣстный миллионеръ, уже умершій) и желѣзнодорожное общество Erie на 10.000 долларовъ; что вы не знали вовсе о томъ, что двадцать восемь лѣтъ спустя онъ прикарманилъ, по крайней мѣрѣ, 20.000 долларовъ изъ суммъ товарищества отставныхъ пожарныхъ!» Обвинитель, сенаторъ John Raines, представляемый братомъ своимъ ех-сенаторомъ George Raines, слушая подобныя изобличенія, лишь хлопалъ глазами подъ напряженными взглядами многочисленной публики, на него пытливо устремленными. Процессъ закончился весьма куріозно, а именно: голоса присяжныхъ засѣдателей раздѣлились какъ разъ поровну, и такимъ образомъ не могъ быть произнесенъ никакой приговоръ—ни за, ни противъ. Во всякомъ случаѣ половина присяжныхъ признала обвиненія газеты New-York Press насчетъ полученія сенаторомъ крупной взятки за свой «голосъ» справедливыми и основательными. Таковы провинціальныя или штатныя законодатели «величайшей демократіи на земномъ шарѣ».

Перейдемъ отъ нихъ къ администраціи штатовъ, которая лишь въ смыслѣ весьма относительномъ можетъ быть именуема провинціальною. Губернаторъ штата является не только главой таковой, но сверхъ сего также и чѣмъ-то въ родѣ главы отдѣльнаго государства. Какъ вице-президентъ республики по самой должности своей является предсѣдателемъ ея сената, такъ вице-губернаторъ является по должности предсѣдателемъ сената своего штата. Губернаторъ, какъ мы упоминали уже, имѣетъ право veto въ отношеніи законовъ и законодательныхъ мѣропріятій, прошедшихъ чрезъ обѣ законодательныхъ палаты менѣе, нежели двумя третями всѣхъ законодательныхъ голосовъ, подобно тому, какъ такое же право предоставлено президенту республики въ отношеніи законодательныхъ актовъ, прошедшихъ чрезъ ея конгрессъ. Равнымъ образомъ ему присвоено право помилованія осужденныхъ и смягченія назначенныхъ имъ судебными приговорами наказаній безъ объясненія мотивовъ, подобно тому, какъ такое же право принадлежитъ президенту республики въ отношеніи приговоровъ судовъ федеральной юрисдикціи. Вслѣдъ за губернаторомъ и вице-губернаторомъ слѣ-

дуетъ цѣлый рядъ штатныхъ должностей, соответствующихъ должностямъ министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями въ самостоятельныхъ государствахъ. Таковы: государственный секретарь, контролеръ (главноуправляющій окладною частью и сборомъ налоговъ), государственный казначей, генеральный стряпчій (въ родѣ генераль-прокурора, являющагося въ нѣкоторой степени чѣмъ-то въ родѣ министра юстиціи), государственный инженеръ и межевщикъ (соединеніе должности министра путей сообщенія съ должностью главноуправляющаго межевою частью), завѣдующій народнымъ образованіемъ (въ родѣ министра народного просвѣщенія), завѣдующій государственными тюрьмами и завѣдующій публичными работами. При губернаторѣ состоитъ специальный его военный штабъ, довольно многочисленный, ибо онъ является высшимъ и безконтрольнымъ начальникомъ и главнымъ распорядителемъ милиціи своего штата, что весьма важно, ибо постоянная армія Соединенныхъ Штатовъ, которой осколки расположены въ предѣлахъ различныхъ штатовъ и которой наивысшимъ начальникомъ является президентъ республики, состоитъ всего изъ 27.532 человекъ (2.179 офицеровъ и 25.353 рядовыхъ). Небезынтересно отмѣтить здѣсь, что та голодовка нынѣ дѣйствующей арміи, о которой мы повѣствовали уже ранѣе, и тѣ бѣдствія, которымъ таковая подвергается въ своихъ лагеряхъ на югѣ республики, разыгрываются главнымъ образомъ среди полковъ «національной гвардіи штата Нью-Йоркъ», благодаря непостижимой небрежности (если не чему либо похуже) губернатора сего штата Frank Black и подлежащихъ чиновъ его военного штаба въ удовлетвореніи жизненныхъ потребностей войскъ своего штата и своевременной уплатѣ причитающагося имъ жалованья. Также небезынтересно, что вышепомянутый коридорщикъ Louis Raun, о которомъ приходилось уже намъ говорить выше по поводу обвиненія сенаторомъ John Raines газеты New-York Press въ клеветѣ въ печати, и который удостоился въ публичномъ засѣданіи высшаго суда предъ лицомъ председательствующаго судьи, присяжныхъ засѣдателей и многочисленной публики столь лестныхъ эпитетовъ, какъ «архиразвратитель», «ненасытный волкъ», «феноменальный лжець», и такихъ изобличеній, какъ «обмошенничаль Jay Gould и желѣзнодорожное общество Erie на 10.000 долларовъ», «обокралъ кассу товарищества отставныхъ пожарныхъ на 20.000 долларовъ» и т. п., что этотъ Louis Raun, публично проглотившій подобныя эпитеты и подобныя изобличенія, есть не кто иной, какъ главноуправляющій страховою частью штата New-York и главный стражъ политической карьеры губернатора Frank Black. Можно ли послѣ этого удивляться тому, что полки «національной гвардіи штата Нью-Йоркъ» (милиція каждаго штата имѣетъ свое специальное наименованіе) голы, босы и голодны? Слѣдуетъ ли послѣ этого распространяться болѣе о высшей администраціи отдѣльныхъ

штатовъ? Поэтому мы особенно распространяться и не станемъ, а ограничимся лишь указаніемъ на то, что нынѣ творится въ томъ же штатѣ New-York, относящемся къ числу наиболѣе культурныхъ восточныхъ штатовъ республики и заключающемъ въ себѣ прославленную метрополию Новаго Свѣта. Интересы партіи, какъ мы имѣли уже случай упомянуть выше въ надлежащемъ мѣстѣ, стоятъ для американца выше всего на свѣтѣ, на землѣ и даже на небесахъ, ибо это сумма, въ которой его личные интересы и его личное благополучіе составляютъ одно изъ многочисленныхъ слагаемыхъ, а при томъ чудовищномъ эгоизмѣ, какимъ онъ отличается, являясь наивысшимъ воплощеніемъ отрицанія альтруизма, ради этихъ интересовъ и изъ-за этого благополучія онъ готовъ приносить всяческія жертвы и совершать всяческія дѣянія, не останавливаясь ни предъ величайшей въ отношеніи другихъ несправедливостью, ни даже предъ тяжкими злодѣяніями. Захватить общественный пирогъ какимъ бы то ни было образомъ силами своей партіи, урвать изъ него елико возможно, а тамъ хоть трава не расти и земной шаръ соскочи со своей оси. Въ силу этого мѣстное управленіе въ предѣлахъ отдѣльныхъ штатовъ, являясь лишь результатомъ борьбы политическихъ партій и побѣды одной изъ нихъ надъ другою, представляется тѣмъ же, чѣмъ представляется управленіе страны свободы вообще въ своемъ существѣ, въ своемъ одухотворяющемъ принципѣ, то-есть посильнымъ ограбленіемъ управляемыхъ и наивозможнѣйшимъ расхищеніемъ государственныхъ (по-нашему казенныхъ и общественныхъ) суммъ, между которыми впрочемъ въ «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» почти не имѣется разницы, такъ что всѣ таковыя могутъ быть безразлично именуемы общественными. Въ городѣ New-York, съ 1-го января текущаго года превратившемся въ городъ «Великій Нью-Йоркъ» (Greater Now-York) и заключающемъ въ себѣ свыше 3.000.000 обывателей, такъ что онъ является нынѣ вторымъ городомъ на земномъ шарѣ, восторжествовала на выборахъ городского головы (mayor), происходившихъ истекшей осенью, такъ называемая демократическая партія, и такимъ образомъ первымъ городскимъ головой «Великаго Нью-Йорка» представляется ея ставленникъ, г-нъ Van Wuyck. Само собою разумѣется, что по вступленіи своемъ въ должность онъ, слѣдуя традиціоннымъ пріемамъ американскихъ политическихъ партій, сталъ выживать и выгонять изъ личнаго состава подвѣдомственныхъ ему управленій (а власть и компетенція городского головы въ странѣ свободы очень велика) всѣхъ тѣхъ, кто не только болѣе или менѣе активно принадлежитъ къ такъ называемой республиканской партіи, но даже лишь чуть-чуть попахиваетъ этой партіей. Среди великаго множества должностныхъ лицъ нью-іоркскаго городского управления (borough officer, city officers), имъ безъ всякихъ поло-

жительно основаній выгнанныхъ, имъ удалены между прочимъ также и такъ называемые завѣдующіе мостовою частью (bridge commissioners), которые признали, что они удалены отъ занимаемыхъ ими должностей совершенно неправильно, ибо городской голова (mayor) по самому «Положенію города Великаго Нью-Йорка» (Greater New-York Charter) не имѣетъ права на такое удаление. По сему сии удаленные завѣдующіе мостовою частью обратились съ жалобой на дѣйствія городского головы въ подлежащій судъ, какимъ является высшій судъ графства King. Въ рѣшеніи, постановленномъ по этой жалобѣ судьей означеннаго суда, Garrett Garrettson, объявляется, что завѣдующіе мостовою частью суть должностныя лица государственнаго управленія (state agents), а не городского, а потому городской голова не имѣетъ права на ихъ удаление. На рѣшеніе это городской голова принесъ жалобу въ апелляціонное отдѣленіе высшаго суда и намѣренъ, въ случаѣ надобности, провести дѣло чрезъ всѣ судебныя инстанціи до высшаго суда Соединенныхъ Штатовъ (кассационная инстанція) включительно. Когда же городской голова «Великаго Нью-Йорка», г-нъ Van Wyck, удалил отъ должности начальника полиціи (chief of police) Mc Cullagh и назначилъ на его мѣсто нѣкоего Devery, поднялась страшная буря, которая не улеглась еще до сего времени, и неизвѣстно, чѣмъ закончится. Первоначально республиканскіе политики штата требовали отъ губернатора такового Frank Black, ставленника ихъ партіи, чтобы онъ удалил отъ должности самого городского голову за смѣщеніе республиканскаго начальника полиціи. Затѣмъ, нѣсколько поуспокоившись, они стали требовать отъ губернатора созванія чрезвычайной сессіи законодательныхъ палатъ для постановленія, въ измѣненіе дѣйствующаго «Положенія города Великаго Нью-Йорка», новаго закона, который совершенно измѣнилъ бы организацію городского полицейскаго управленія и предоставилъ удаленному Mc Cullagh всю ту власть, которою нынѣ располагаетъ это управленіе, состоящее изъ четырехъ членовъ. Между тѣмъ недавно въ центральной почтовой конторѣ города получена была маленькая посылка, адресованная на имя городского головы г-на Van Wyck, которая почтовому пріемщику показалась подозрительною. Онъ созвалъ все свое начальство, и по изслѣдованіи оказалось, что въ ней заключается сигарообразный взрывчатый патронъ, сданный въ одномъ изъ городскихъ почтовыхъ отдѣленій и предназначенный для городского головы.

III.

Городское хозяйство и въ особенности хозяйство крупныхъ городовъ Америки представляется главнымъ поприщемъ хищеній, которыя, принявъ острый партійный характеръ, достигаютъ поло-

жительно колоссальных размѣровъ. Въ 1895 году въ городѣ Врооклун, нынѣ съ 1 января сего 1898 года вмѣстѣ съ иными болѣе мелкими городами соединенномъ съ Нью-Йоркомъ въ городъ «Великій Нью-Йоркъ», благодаря расколу среди такъ называемой демократической партіи, всегда въ немъ преобладавшей, взяла верхъ и захватила общественный пирогъ такъ называемая республиканская партія. Мѣстный перворазбойничающій вожакъ этой послѣдней (таковые имѣются у каждой политической партіи на штатъ, уѣздъ и городъ), нѣкій Theodore Willis сталъ, всеконечно, распорядителемъ городскихъ работъ (city works commissioner), ибо это самое доходное или, выражаясь правильнѣе по-американски, самое разграбительское мѣсто, между тѣмъ какъ всѣ прочія мѣста были замѣщены подручниками сего вожака или старшюго (boss). Нынѣ, по присоединеніи города Врооклун къ Нью-Йорку, невольно обнаружили результаты ихъ сравнительно кратковременнаго «хозяйничанья». Прошло всего лишь два мѣсяца со времени такого присоединенія, какъ въ первыхъ числахъ марта сего года собранъ былъ такъ называемый большой судъ присяжныхъ (grand jury), представляющійся обвинительною камерой, инстанціей преданія суду, для разсмотрѣнія приѣмовъ и способовъ сего хозяйничанья. Тутъ оказалась сдача огромныхъ подрядовъ и поставокъ разнымъ партійнымъ фаворитамъ безъ торговъ, заключеніе фиктивныхъ контрактовъ и производство платежей за фиктивныя работы. Распорядитель городскими работами Theodore Willis и восемь иныхъ должностныхъ лицъ бывшаго бруклинскаго городского управления были преданы суду по обвиненію, какъ въ составленіи преступнаго сообщества съ цѣлью полученія посредствомъ подложныхъ контрактовъ и платежныхъ документовъ денегъ изъ городского казначейства, такъ и въ цѣломъ рядѣ преступленій сего сорта, учиненныхъ каждымъ изъ нихъ особо. Главными обвиняемыми являются вышеозначенный распорядитель городскими работами Theodore Willis и одинъ изъ завѣдующихъ полицейскою частью (police commissioner) William Phillips, а за ними слѣдуютъ: помощникъ распорядителя городскими работами Robert Fielding, инспекторъ городскихъ работъ Frederick Milne, члены городской управы (aldermen) William Leaucraft и Joseph Clarke, поставщикъ воды Oscar Knapp, завѣдующій водостоками William Goff и секретарь контрактнаго отдѣленія Lawrence Iensen. Но выше поименованные разграбители городского казначейства города Врооклун, нынѣ уже прекратившаго самостоятельное существованіе, не такъ легко «дались» предать ихъ суду. Нѣкій Charles Winant, частный секретарь бывшаго завѣдующаго полицейскою частью, William Phillips и нѣкій республиканскій политиканъ, т.-е. дѣлецъ республиканской партіи, William Hurburn, подѣхали къ секретарю большого суда присяжныхъ, на разсмотрѣніи котораго находились предъявленныя

къ вышепоименованнымъ должностнымъ лицамъ обвиненія, нѣкому Frederick Isles, съ предложеніемъ 30.000 долларовъ за неутвержденіе сихъ обвиненій и прекращеніе уголовнаго преслѣдованія: 5.000 долженъ былъ получить онъ, Isles, 5.000 старшина большого суда присяжныхъ Thomas Edwards, а остальные 20.000 подлежали распредѣленію между остальными присяжными, изъ которыхъ, замѣтимъ отъ себя, надо было подвести подъ воздѣйствіе взятки, по крайней мѣрѣ, еще 10, ибо въ такомъ лишь случаѣ составилось бы необходимое большинство въ 12 противъ 11 (grand jury состоитъ изъ 23 лицъ). Секретаря означенной обвинительной камеры и нѣкоторыхъ изъ числа ея присяжныхъ удалось подкупить, но требующееся большинство противъ утвержденія предъявленныхъ обвиненій и за прекращеніе уголовнаго преслѣдованія все-таки не составилось, и вышеупомянутые Willis и Phillips, за спасеніе которыхъ собственно означенная крупная взятка и была предлагаема, а вслѣдъ за ними и прочія должностныя лица бывшаго бруклинскаго городского управленія, нами ранѣе поименованныя, были преданы суду. Сверхъ того, вышеупомянутые частный секретарь Charles Winant и дѣлецъ республиканской партіи William Hurburn были преданы суду за подкупъ обвинительной камеры, а главные обвиняемые Willis и Phillips дополнительно преданы суду за употребленіе подобнаго подкупа и подстрекательства къ таковому. Такимъ образомъ чинамъ послѣдняго бруклинскаго городского управленія, на вербованнымъ изъ адептовъ такъ называемой республиканской партіи и попавшимъ подъ ревизію такъ называемой демократической партіи, захватившей въ свои руки городское управленіе Великаго Нью-Йорка, какъ-то особенно не повезло, ибо то самое, за чтò они нынѣ преданы суду, въ большей или меньшей степени, по установившейся системѣ, творятъ также чины всѣхъ прочихъ городскихъ управленій «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» и обыкновенно за сіе подъ судъ не попадаютъ. Но это еще не всё. Оказалось, что одинъ изъ членовъ бывшаго суда присяжныхъ, предаваго суду вышеисчисленныхъ обвиняемыхъ за вышеозначенныя преступленія по должности, нѣкій Henry Ohlsen, получивъ чрезъ секретаря таковаго Frederick Isles изрядную взятку, голосовалъ все-таки за обвиненіе и преданіе суду. Вскорѣ послѣ таковаго, а именно 28 марта сего года, утромъ, означенный Ohlsen найденъ былъ въ своей конторѣ въ улицѣ Adams мертвымъ съ прострѣленною головою. Судебно-медицинскою экспертизою признано, что смертельная рана, подобнымъ образомъ расположенная, не могла быть нанесена рукой самоубійцы. На конторкѣ, вблизи которой мертвецъ лежалъ, оказалось три стаканчика съ недопитою водкой, а на полу валялось множество сигарныхъ окурковъ: очевидно, наканунѣ ночью здѣсь были вмѣстѣ съ покойнымъ два постороннихъ лица. Дверь конторы оказалась запертою, но заднія окна были рас-

крыты, и слѣды спасательной подъемной машины обнаруживали, что кто-то отсюда поспѣшно спустился внизъ уже въ полночь или даже по полуночи. Дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ было обнаружено, что вышеупомянутый республиканскій политическій дѣлецъ William Hurburn, пытавшійся спасти бывшаго распорядителя городскихъ работъ Theodore Willis и бывшаго завѣдующаго городской полицейскою частью William Phillips, былъ вмѣстѣ съ покойнымъ Henry Ohlsen въ конторѣ сего послѣдняго послѣ 11 часовъ ночи, наканунѣ обнаруженія его трупа, т.-е. въ періодъ времени, совпадающій со временемъ его внезапной кончины. Такимъ образомъ къ обвиненіямъ въ рядѣ должностныхъ преступленій присоединяется обвиненіе не только въ подкупѣ членовъ обвинительной камеры въ лицѣ большого суда присяжныхъ, но, сверхъ сего, также и въ убійствѣ одного изъ этихъ членовъ. Что еще многое обнаружится далѣе въ этой цѣпи должностныхъ преступленій, повлекшихъ за собой рядъ общихъ до смертоубійства включительно, не подлежитъ сомнѣнію, а между тѣмъ бывшіе чины бруклинскаго городского управленія подвергаются суду не всѣ вмѣстѣ, а постепенно, несмотря на то, что всѣ они преданы суду прежде всего за составленіе преступнаго сообщества (conspiracy) съ цѣлью обманнаго полученія денегъ изъ бывшаго бруклинскаго городского казначейства. Первымъ судимъ былъ бывший инспекторъ городскихъ работъ Frederick Milne. При соблюденіи предсѣдательствующимъ судьей формальности опроса обвиняемаго, признаетъ ли себя виновнымъ, что предшествуетъ разсмотрѣнію дѣла такъ называемымъ малымъ или обыкновеннымъ судомъ присяжныхъ обвиненій, утвержденныхъ специальнымъ (а не очереднымъ) большимъ судомъ присяжныхъ, созываемымъ лишь по особо важнымъ дѣламъ, бывший инспекторъ городскихъ работъ первоначально виновнымъ себя не призналъ, но двѣ недѣли спустя, когда приблизился день судный, онъ заблагоразсудилъ вмѣстѣ со своимъ повѣреннымъ и окружнымъ стряпчимъ (въ родѣ нашего прокурора) явиться предъ тѣмъ же судьей и признать себя виновнымъ по обвиненіямъ, за которыя онъ преданъ суду. Здѣсь раскрывается предъ нами одна изъ самыхъ своеобразныхъ и темныхъ сторонъ американскаго правосудія. Обыкновенно обвинительная власть въ лицѣ такъ называемаго окружного стряпчаго (district attorney), являющаго лишь отдаленное и довольно жалкое подобіе европейскаго прокурора, склоняетъ одного изъ соучастниковъ преступленія посредствомъ обѣщанія значительнаго смягченія наказанія, всегда соблюдаемаго, выдать прочихъ соучастниковъ и стать свидѣтелемъ со стороны государства (state witness), что весьма нерѣдко ей и удается. Такимъ свидѣтелемъ и вызвался быть означенный Frederick Milne, благодаря чему и отдѣлался лишь шестимѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ, которое нынѣ

отбываетъ. То же самое продѣлалъ и бывший секретарь специального большого суда присяжныхъ, вышеупомянутый Frederick Isles, пытавшийся подкупить большую часть его членовъ и успѣвшій подкупить лишь меньшую и въ томъ числѣ вышеупомянутого злополучнаго Henry Ohlsen, впоследствии убитаго. Сей Isles, окончательно растерявшись, когда правда стала всплывать наверхъ, принесъ покаяніе тому же окружному стряпчему, такъ же, какъ и Milne, будетъ фигурировать въ этомъ рядѣ процессовъ, на которые разбитъ одинъ грандіозный процессъ, въ качествѣ свидѣтеля и отдѣляется сравнительно пустячнымъ наказаніемъ. Вторымъ, подъ рядъ, судимъ былъ бывший помощникъ распорядителя городскими работами Robert Fielding. Бруклинскій подрядчикъ Daniel Doody, котораго обвинительной власти также удалось обратить въ свидѣтеля со стороны государства, свидѣтельствовалъ противъ него. Онъ объяснилъ, что въ теченіе двадцати двухъ мѣсяцевъ получилъ по своимъ контрактамъ 120.000 долларовъ, изъ которыхъ досталось ему 72.000 долларовъ и пошло на раздачу взятокъ 48.000. Защитникъ обвиняемаго засыпалъ свидѣтеля вопросами въ родѣ слѣдующихъ: «украли ли вы что нибудь изъ этихъ суммъ?», «имѣете ли вы какое либо чувство чести?», «знаете ли вы, что значитъ правда?» и т. п. Подрядчикъ багровѣлъ и бросалъ свирѣпыя взгляды на адвоката, а при произнесеніи этимъ послѣднимъ фразы: «развѣ вы сами не воръ?» даже привскочилъ на крестѣ (свидѣтели, равно какъ обвиняемые, попеременно возсѣдаютъ въ одномъ и тамъ же специальномъ крестѣ, помѣщающемся на нѣкоторомъ возвышеніи), тѣмъ не менѣе, однако, раскрылъ и расписалъ всю ту систему фиктивныхъ и полуфиктивныхъ контрактовъ, какая практиковалась послѣднимъ изъ бруклинскихъ городскихъ управленій. Frederick Milne былъ признанъ виновнымъ и присужденъ къ тюремному заключенію на два съ половиною года и уплатѣ пени въ 2.171 долларъ. Остальные соучастники еще не были судимы, а между тѣмъ обнаружались уже новыя продѣлки того же бывшего бруклинскаго городского управленія. Платежныя требованія на уплату разныхъ налоговъ, бланки которыхъ изготовляются и заполняются подлежащими мѣстами и лицами финансоваго управленія, имѣютъ въ странѣ свободы значеніе платежныхъ документовъ, пускаемыхъ въ обращеніе, въ родѣ векселей, и подобно этимъ послѣднимъ, по учиненіи бланковой надписи плательщикомъ до срока уплаты, могутъ быть учитываемы въ банкахъ и общественныхъ кассахъ. Бывшіе чины бруклинскаго городского управленія не преминули воспользоваться этою областью общественнаго хозяйства. Въ разныхъ кассахъ сего управленія и въ особенности въ кассѣ отдѣленія общественныхъ работъ учтено немало подобныхъ платежныхъ требованій, представляющихъ довольно искусный подлогъ. Пока оказывается, что по подобнымъ подложнымъ доку-

ментамъ получено изъ означенныхъ кассъ 10.171 долларъ, но что еще обнаружится далѣе, неизвѣстно. Кассиръ означеннаго бывшаго отдѣленія общественныхъ работъ Edward Eastman оказывается однимъ изъ главныхъ соучастниковъ сихъ подлоговъ и нынѣ арестованъ, но къ сему искусному употребленію пера, разныхъ чернилъ и многоразличныхъ условныхъ знаковъ и штемпелей причастно несомнѣнно еще немало иныхъ должностныхъ лицъ, такъ что вскорѣ должна всплыть наружу цѣлая эпопея должностного разграбленія общественныхъ кассъ, обѣщающая быть весьма интересною.

Между тѣмъ въ то же время, т. е. въ теченіе истекшихъ зимнихъ и весеннихъ мѣсяцевъ настоящаго года, раскрылись должностныя дѣянія приблизительно того же сорта и въ Филадельфій, третьемъ городѣ Соединенныхъ Штатовъ. Филадельфійская городская дума представляется учрежденіемъ, систематически подкупаемымъ разными предпринимателями мошенническаго свойства, спекулирующими на отопленіе, освѣщеніе и водоснабженіе города, равно какъ и городскія думы иныхъ въ особенности крупныхъ городовъ. Но въ началѣ текущаго года нѣкій нью-іоркскій адвокат Nelson, затѣявшій крупное водоснабдительное мошенничество и руководившій таковымъ въ интересахъ одной компаніи, надѣявшейся хорошо поживиться на счетъ обывателей третьяго города республики, превзошелъ всѣ предшествующія предпріятія сего рода и перешелъ за границы необходимой осторожности, благодаря чему все дѣло и раскрылось. На разсмотрѣніе городской думы сего добродѣтельнаго по своему наименованію города поступилъ «уставъ водоснабдительнаго общества долины Шуилькиль», сфабрикованный вышеупомянутымъ Nelson Green и представлявшій своего рода ловушку, въ которой должны были застревать ежегодно сотни тысячъ общественныхъ суммъ. Неудивительно, что на предметъ оказанія должнаго «вліянія» (influence) на филадельфійскую городскую думу въ видахъ утвержденія означеннаго устава была предназначена болѣе или менѣе значительная сумма. Изъ таковой 5.000 долларовъ были неосторожно предложены члену означенной думы Walter Stevenson, который и сдѣлалъ объ этомъ заявленіе въ ближайшемъ ея засѣданіи. Въ высшей степени характернымъ представляется тотъ фактъ, совершенно не замѣченный американскою печатью, что, когда сдѣлано было это заявленіе о покушеніи на подкупъ и предложениіи за голосъ въ пользу устава и компаніи 5.000 долларовъ, цѣлая группа членовъ думы вскочила на ноги, точно пораженная электрическимъ ударомъ, и одинъ изъ нихъ громозно закричалъ: «этотъ господинъ заявляетъ, что ему предложено было за голосованіе 5.000 долларовъ, и онъ ихъ не принялъ; въ такомъ случаѣ я спрашиваю его, сколько же онъ желалъ!» Но кричавшій былъ остановленъ предсѣдателемъ, и заявленіе озна-

ченнаго Walter Stevenson получило законный ходъ. Мѣстный окружный стряпчій вслѣдствіе этого заявленія возбудиль уголовное преслѣдованіе противъ лицъ, пытавшихся путемъ подкупа членовъ городской думы провести уставъ и компанію водоснабженія изъ долины Шуилькиль. Пытавшійся подкупить означеннаго члена городской думы Stevenson, нѣкій Peter Smith, членъ той же думы, а равно и вышепомнутый ньюіоркскій присяжный повѣренный Nelson Green, были арестованы и преданы суду. Вслѣдъ затѣмъ нѣкій Louis Walker, членъ той же городской думы, состоящей при таковой комиссіи по водоснабженію и состоящей при сей послѣдней подкомиссіи, въ публичномъ засѣданіи особаго слѣдственнаго комитета предъ судьями Gordon и Bredy, руководимаго окружнымъ стряпчимъ Graham, сознался, что онъ въ качествѣ члена вышеозначенной комиссіи получилъ взятку въ 500 долларовъ за одобреніе устава, и что вообще на «выпускъ» сего устава изъ сей комиссіи съ утвердительною резолюціей истрачено отъ 15.000 до 25.000 долларовъ. Конечно, «компанія водоснабженія изъ долины Шуилькиль» не состоялась, уставъ ея не прошелъ, ея взяточныя деньги пропали, но уголовныя дѣла, возникшія изъ попытки ея осуществленія, еще не закончились.

Дабы покончить съ этимъ предметомъ, приведемъ здѣсь отрывокъ изъ рѣчи, произнесенной извѣстнымъ бывшимъ губернаторомъ, штата Illinois, г-номъ Altgeld, въ послѣдній «день труда» (одинъ изъ узаконенныхъ годовыхъ праздниковъ страны свободы), который, какъ свидѣтельство прославленнаго политическаго дѣятеля, бывшаго двукратно въ извѣстной степени главой своего государства, какимъ является въ сущности всякій губернаторъ штата, имѣеть немаловажное значеніе. «Отдѣльная личность,—сказалъ бывший губернаторъ,—рѣдко имѣеть достаточный интересъ или достаточныя средства, чтобы подкупить городскую думу или законодательную палату. Но корпораціи имѣють и то, и другое, и такъ какъ истраченныя ими на подкупъ деньги впослѣдствіи стягиваются съ публики, то обыкновенно онѣ предлагаютъ суммы столь значительныя, что обыкновеннымъ смертнымъ трудно устоять противъ искушенія. А такъ какъ никакое правительство, въ которомъ развращенная алчность не только создаетъ законы, но и рѣшаетъ, кто долженъ толковать ихъ, не можетъ продолжать свое существованіе, то многіе изъ нашихъ лучшихъ гражданъ начинаютъ отчаиваться насчетъ будущности республики. Иные утверждаютъ, что мы должны уничтожить мздодавателей, т. е. устранить это непреодолимое искушеніе путемъ предоставленія правительству всѣхъ тѣхъ монополій, которыя усвоены нынѣ компаніями, дабы оно предоставляло публикѣ все то, что предоставляютъ эти послѣднія, и такимъ образомъ не только спасти наши учрежденія, но и направить въ государственныя казначейства всѣ тѣ огромныя при-

были, которые нынѣ попадаютъ въ карманы частныхъ корпорацій». Если такимъ образомъ лучшіе граждане страны падаютъ духомъ предъ этимъ всеобщимъ развращеніемъ городскихъ думъ (имѣющихъ въ странѣ свободу громадную компетенцію), законодательныхъ палатъ и официального міра вообще и начинаютъ отчаиваться насчетъ самаго существованія республики, то можемъ ли мы съ своей стороны что либо къ этому прибавить?

Переходимъ теперь къ одной изъ самыхъ достопримѣчательныхъ и самыхъ любопытныхъ отраслей официального міра страны свободы—американской полиціи. Здѣсь мы просто изложимъ рядъ заурядныхъ, повседневныхъ фактовъ, сопровождая ихъ лишь самыми необходимыми толкованіями и предоставляя самому читателю сдѣлать неизбѣжные изъ нихъ выводы. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что, кромѣ обыкновенной полиціи, имѣется еще въ странѣ свободы цѣлая армія частныхъ сыщиковъ, содержимыхъ разными частными бюро, которые, будучи лишь простыми агентами промышленной фирмы, сдѣлавшей сыскную часть предметомъ своего предпріятія, производятъ тѣмъ не менѣ почти всѣ тѣ дѣйствія, какія присвоены чинамъ полиціи. Этимъ объясняется весьма многое въ послѣдующемъ изложеніи. Однажды, истекшей осенью, въ извѣстномъ Thalia Theatre въ Нью-Йоркѣ давалось русское представленіе. По окончаніи сего представленія на русскомъ языкѣ, нѣкій Карлъ Маргулисъ (изъ русскихъ эмигрантовъ-евреевъ) съ женой, въ сопровожденіи управляющаго означеннымъ театромъ Sigmund Feinman и актрисы Annie Katz, отужинавши въ одномъ изъ ближайшихъ ресторановъ, отправились домой. Дамы шли впереди, а мужчины сзади, ведя между собой оживленную бесѣду по поводу только что состоявшагося русскаго представленія. Близъ улицы Houston трое мужчинъ, одѣтыхъ въ партикулярное платье и оказавшихся впоследствии агентами тайной полиціи, подошли къ дамамъ и стали съ ними разговаривать. Такъ какъ было уже около 2 ч. по полуночи, и мѣстность, по которой проходили театралы, относится къ числу наиболѣе опасныхъ, то ихъ дамы, закричавъ отъ испуга, бросились назадъ къ своимъ кавалерамъ. Charles Margulies, выступивъ впередъ, спросилъ одного изъ пристававшихъ, какъ онъ смѣетъ затрогивать его жену. Въ отвѣтъ на это онъ получилъ пощечину, на которую отвѣтилъ съ своей стороны ударомъ палки. Всѣ трое нападавшихъ насѣли на него и поволокли въ участокъ какъ его, такъ и его жену, между тѣмъ какъ mr Feinman и miss Katz успѣли удалиться. Въ участкѣ одинъ изъ полицменовъ заявилъ, что mrs Margulies къ нему приставала, и потому онъ ее заарестовалъ, а такъ какъ ея мужъ вмѣшался въ дѣло, то они всѣ трое вынуждены были его усмирить и также заарестовать. Вслѣдъ за тѣмъ одинъ изъ означенныхъ полицменовъ повелъ заарестованнаго въ нижній этажъ зданія участка и внизу лѣстни-

цы такъ хватилъ его своею полицейскою дубинкою по головѣ, что онъ упалъ замертво. Приглашенный врачъ ближайшаго госпиталя привелъ его въ чувство. Когда на слѣдующее утро сей злополучный супругъ предсталъ предъ судомъ въ качествѣ обвиняемаго въ нападеніи на полицейскихъ, онъ былъ до того слабъ, что не могъ стоять. Кто-то изъ состава канцеляріи суда далъ ему стулъ, но одинъ изъ полицейскихъ, обвинявшихъ его въ нападеніи на нихъ, внезапно вырвалъ таковой изъ-подъ ослабѣвшаго арестанта, крича: «что вы себѣ выдумали тутъ сидѣть на стулѣ? я васъ прочу!» Однако судейскіе чиновники вмѣшались въ дѣло и предоставили Маргулису сидѣть на своемъ мѣстѣ. Судья, выслушавъ дѣло, оправдалъ его, сдѣлавъ выговоръ полицменамъ и предоставивъ ему возбудить противъ нихъ преслѣдованіе за безосновательную придирку къ его женѣ и его избіеніе. Истекшей осенью происходила въ Филадельфіи, столицѣ штата Пенсильваніи и третьемъ городѣ республики, состязательная игра въ ножной мячъ (football) между студентами университетовъ Pennsylvania и Harvard. Первые вышли побѣдителями и праздновали свою побѣду, согласно американскимъ обычаямъ, параднымъ шествіемъ по улицамъ со значками своего университета, выкрикивая въ честь сего послѣдняго свой университетскій кличъ (каждый университетъ имѣетъ въ странѣ свободы свой спеціальнѣйшій кличъ). Одинъ изъ студентовъ, участвовавшій въ парадномъ шествіи, по имени Arthur Spencer, былъ крайнимъ съ лѣвой стороны, и едва таковое вышло изъ зданія оперы въ улицѣ Chestnut, проходилъ очень близко мимо полицмена Lazell, стоявшаго вблизи означеннаго зданія. Полицменъ, бывшій, повидимому, въ прескверномъ расположеніи духа, услышавъ громкій возгласъ означеннаго Spencer въ честь своего университета вблизи собственнаго своего уха, пришелъ въ положительное бѣшенство: онъ оттолкнулъ отъ себя юнца, торжествующаго побѣду въ мячъ, такъ сильно, что тотъ запатался, и съ него слетѣла шляпа, а когда онъ бросился за таковой къ ногамъ блюстителя порядка, куда таковая по несчастной случайности упала, то этотъ послѣдній хватилъ его своею полицейскою дубинкой по обнаженной головѣ такъ сильно, что кровь брызнула изъ раны и залила ему лицо. Толпа пришла въ ярость и бросилась къ полицмену Lazell, продолжавшему еще все-таки полосовать студента Spencer своею дубинкой, но другіе полицмены, стоявшіе на посту, бросились къ своему сослуживцу и, схвативъ его, увели въ участокъ. Окровавленный юнецъ отправленъ былъ въ университетскій госпиталь, и отецъ его John Tompson Spencer, извѣстный Филадельфійскій адвокатъ, возбудилъ противъ полицмена уголовное преслѣдованіе въ подлежащемъ судѣ. У молодого человѣка оказался проломъ черепа, и онъ пролежалъ въ госпиталѣ нѣсколько мѣсяцевъ, пока наконецъ съ трудомъ оправился. Истекшею весной

въ городѣ Нью-Йоркѣ полисменъ Jeremiah Mc Auliffe въ пьяномъ видѣ безъ всякой причины привязался къ двумъ проходившимъ мимо него женщинамъ, и когда прохожіе за нихъ вступились, избилъ семерыхъ женщинъ и троихъ мужчинъ, держа сбѣжавшую на мѣсто побоища толпу на почтительномъ отъ себя разстояніи, посредствомъ наведенія на такуюю заряженнаго револьвера. Однако, вскорѣ хмель вылетѣлъ у него изъ головы, и онъ, вскочивъ въ первую попавшуюся пролетку, пытался убѣжать, но репортеръ известной газеты «New-York Journal», случайно попавшій на мѣсто происшествія, вскочилъ въ другую пролетку и, послѣдовавъ по слѣдамъ за убѣгавшимъ, изложилъ начальнику полиціи все происшедшее. Виновный былъ удаленъ отъ должности и преданъ суду, но прежде нежели этого удалось достигнуть, какъ потерпѣвшимъ, такъ и означенному репортеру пришлось пройти чрезъ цѣлое чистилище угрозъ и застрачиваній какъ въ городскомъ полицейскомъ управленіи, такъ даже и въ полицейскомъ судѣ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ чины американской полиціи, до такъ называемыхъ полицейскихъ капитановъ включительно, оказываютъ дѣятельную поддержку провинившемуся и всякими путями и средствами стараются замѣть дѣло. Недавно одинъ изъ ньюіоркскихъ полисменовъ похитилъ часы и портмоне у спящаго и былъ осужденъ, благодаря усиліямъ постороннихъ лицъ, при явномъ противодѣйствіи полиціи раскрытію учиненной кражи. Въ послѣдній «благодарственный день» (одинъ изъ узаконенныхъ годовыхъ праздниковъ страны свободы) полисменъ Naphtagan безъ всякихъ уважительныхъ причинъ застрѣлил маленькаго мальчика и былъ осужденъ, лишь благодаря усиліямъ и разоблаченіямъ газеты «New-York Journal», между тѣмъ полиція употребляла всѣ усилія, чтобы спутать и изгладить доказательства этого звѣрскаго убійства. Истекшею зимой, въ томъ же Нью-Йоркѣ, нѣкій полисменъ безъ всякаго повода арестовалъ и избилъ нѣкую Dora Clarke, и подошвшій на помощь къ этой послѣдней, нѣкій Stephen Crane, пытавшійся разоблачить всю эту исторію и добиться наказанія виновнаго, былъ до такой степени запуганъ полиціей, что оставилъ свое намѣреніе. Недавно предъ слѣдственной комиссіей, назначенною законодательными палатами штата New-Jersey, содержатели разныхъ воспрещенныхъ законами лоттерей и азартныхъ игръ свидѣтельствовали, какъ они платили начальнику полиціи города Jersey City и инымъ чинамъ полицейскаго управленія определенное ежемѣсячное жалованье, при чемъ показанія были ими даваемы въ присутствіи означеннаго начальника. Когда недавно состоялось постановленіе присутствія ньюіоркскаго городского полицейскаго управленія (police commissioners) объ удаленіи одного изъ такъ называемыхъ полицейскихъ сержантовъ отъ должности за разные проступки по службѣ, то этотъ послѣдній умудрился означенное

постановленіе до такой степени залить чернилами, что въ немъ невозможно было въ отдѣлѣ резолюціи разобрать ни единого слова, а между тѣмъ обстоятельства и настроеніе церемѣнились, и находчивый сержантъ отдѣлался лишь однимъ выговоромъ. Поставые полисмены крупныхъ городовъ страны свободы обыкновенно состоятъ въ тѣснѣйшей дружбѣ съ машинистами вагоновъ канатно-проводной желѣзной дороги. Посредствомъ разныхъ мимическихъ приемовъ эти послѣдніе даютъ знать поставому о приближеніи надзирателя (слѣдящаго за тѣмъ, чтобы поставые неизмѣнно стояли на своихъ постахъ), инспектора или сыщика центрального полицейскаго управленія. Такъ какъ означенные вагоны движутся взадъ и впередъ непрерывно день и ночь, то подобныя предупредительныя услуги ихъ машинистовъ для нижнихъ чиновъ полиціи существенно важны. Тѣмъ не менѣе имъ приходится все-таки попасться иногда въ оставленіи поста, хотя и очень рѣдко. Въ подобныхъ случаяхъ американскіе полисмены обнаруживаютъ необычайную находчивость, чему можетъ служить доказательствомъ слѣдующій небезынтересный эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ Нью-Йоркѣ. Ночь была чрезвычайно холодна, и когда надзиратель прошелъ осмотромъ около 2-хъ часовъ по полуночи, одинъ изъ полисменовъ улизнулъ въ ближайшій кабачокъ (приличный и чистенькій американскій кабачокъ, именуемый saloon). Около 5-ти часовъ утра онъ, подкрѣпленный выпивкой и кратковременнымъ сномъ, снова появился на своемъ посту. Одинъ изъ его друзей, хлѣбопекъ, съ нѣкоторою тревогою сообщилъ ему, что надзиратель снова проходилъ мимо его поста.

— Гдѣ онъ сейчасъ?—поспѣшно спросилъ полисмень, оставившій свой постъ.

— На другомъ концѣ околотка,—послѣдовалъ отвѣтъ.

— Ну, не говорите же ему, что вы видали меня!—быстро произнесъ онъ и бросился на уголъ улицы, гдѣ помѣщается стойка итальянца, продавца фруктовъ, проживающаго черезъ улицу, на-супротивъ своей стойки.

— Джо,—полупросительно, полуповелительно отрѣзалъ полисмень,—бѣгите домой во весь духъ и приведите сейчасъ же свою жену, какъ можно поскорѣе! Выбросьте ее изъ постели, ежели она станетъ брыкаться! Ради Бога, поскорѣе: я присмотрю за вашей стойкой!

Черезъ три минуты, которыя для встревоженнаго полисмена показались часами, фруктощикъ возвратился съ женой, испуганною и недовольною.

— Скажите ей не говорить ни слова по-англійски!—воскликнулъ, встревоженный до отчаянія, полисмень,—а не то я заколочу васъ до смерти своей дубинкой!

Фруктощикъ, смиренный итальянецъ, хотѣлъ было что-то спросить его, но тотъ объявилъ ему:

— Джо, это будет для васъ весьма полезно!—и бросился вмѣстѣ съ совершенно опѣшившею женщиной, по направленію къ своему участку.

— Господинъ сержантъ,—докладываетъ постовой полицменъ,—я нашелъ эту горемыку въ полузамерзшемъ состояніи, бродящей по моему околотку около двухъ часовъ тому назадъ.

— Почему же вы ранѣе не доставили ея въ участокъ?—спросилъ сержантъ.

— Да она указывала мнѣ разные дома, какъ мѣсто своего жительства, а затѣмъ я пытался найти кого либо, кто могъ бы ее понять,—поясняетъ постовой.

— Ну, что же, отведите ее въ заднюю комнату: пусть тамъ грѣется, а сами ступайте на свой постъ!—пробормоталъ сержантъ.

Около шести часовъ возвратился надзиратель и подаль письменный рапортъ, что такой-то постовой въ такіе-то часы отсутствовалъ съ своего поста. Пробѣжавъ рапортъ, сержантъ замѣтилъ, что означенный постовой находился въ это время при исполненіи своихъ обязанностей: пытался найти домъ для заблудившейся женщины и водворить таковую на мѣсто ея жительства. Вскорѣ явился въ участокъ итальянецъ-фруктовщикъ и сдѣлалъ заявленіе, что жена его съ вечера исчезла и до сего времени не возвратилась домой, прося предпринять розыски пропавшей. Ему было предложено поглядѣть на женщину, помѣщенную въ задней комнатѣ участка. Возсоединеніе супруговъ было весьма трогательно, а находчивый полицменъ нынѣ является однимъ изъ наилучшихъ полицейскихъ офицеровъ метрополи Новаго Свѣта и имѣетъ золотыя нашивки на своемъ мундирѣ. Но подобныя полицейскія продѣлки мирнаго свойства на обширномъ полѣ дѣятельности американской полиціи, какъ можно было видѣть уже изъ вышеизложеннаго, составляютъ совершенное и довольно рѣдкое исключеніе и представляются восхитительною идилліей среди оскорбленій, побоевъ, членовредительствъ, пораненій и даже убійствъ, ею учиняемыхъ въ отношеніи гражданъ «величайшей демократіи на земномъ шарѣ».

Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія тѣ приемы, какіе ею употребляются для исторгнутія сознанія отъ заподозрѣнныхъ въ убійствѣ. Такой заподозрѣнный прежде всего приводится въ центральное или главное полицейское управленіе города самымъ деликатнымъ образомъ и водворяется въ извѣстной комнатѣ съ глазу на глазъ съ начальникомъ полиціи или завѣдующимъ сыскнымъ отдѣленіемъ. Этотъ послѣдній начинаетъ объясняться съ приведеннымъ тономъ полуизвиненія, какъ съ лицомъ, которое доставлено въ полицію лишь для разъясненія нѣкоторыхъ возникшихъ въ отношеніи его въ связи съ обнаружившимся преступленіемъ недоразумѣній и отнюдь не подозрѣвается въ учиненіи та-

кового. Цѣль подобнаго приѣма—усыпить бдительность заподозрѣннаго и заставить его сбиться въ своихъ объясненіяхъ или допустить такія обстоятельства, которыя могли бы служить къ его изобличенію. Если, однако, этотъ приѣмъ не удастся, и заподозрѣнный отрицаетъ всѣ падающія на него подозрѣнія, то начальникъ полиціи или завѣдующій сыскнымъ отдѣленіемъ, который обыкновенно покрупнѣе и помассивнѣе заподозрѣннаго (въ американскую полицію подбираются специально лица крупной конструкціи и атлетическаго сложенія), вскакиваетъ со своего мѣста, запираетъ всѣ двери, сразу принимаетъ загадочное выраженіе лица и начинаетъ кричать, что онъ, заподозрѣнный, выслѣженъ, что полиція знаетъ всё положительно, что имѣется у нея очевидецъ учиненнаго преступленія, и нѣсколько лицъ готово свидѣтельствовать, какъ они видали его на мѣстѣ преступленія, въ которомъ онъ заподозрѣнъ. Въ эту минуту изъ-подъ софѣ, изъ-за занавѣсей и точно какъ будто изъ-подъ полу и изъ-за стѣнъ внезапно выскакиваетъ цѣлая группа мужчинъ, которые торжественно провозглашаютъ виновность допрашиваемаго и приводятъ его въ ужасъ. Этотъ приѣмъ американскаго полицейскаго дознанія, именуемый «sweat box», нерѣдко приводитъ къ сознанію обвиняемаго, котораго такъ жаждетъ полиція, но если онъ не удастся, и заподозрѣнный продолжаетъ все-таки настаивать на отрицаніи своей вины, тогда употребляется иной приѣмъ, именуемый «third degree» (третья степень). Заподозрѣнный вводится въ особую уединенную комнату, и предъ нимъ раскладываются на столѣ окровавленное платье убитаго, орудія, которыми убійство совершено, и разныя вещественныя по нему доказательства, при чемъ важнѣйшія изъ нихъ умышленно проносятся предъ его глазами и тычутся ему въ руки, между тѣмъ какъ нѣсколько паръ глазъ, сокрытыхъ въ разныхъ мѣстахъ комнаты, впираются въ его лицо и слѣдятъ за выраженіемъ этого послѣдняго: если испытуемый въ эту минуту поблѣднѣетъ, то его виновность предрѣшается полиціей. Но подобные приѣмы полицейскаго дознанія въ странѣ свободы, приѣмы, которые безъ всякаго преувеличенія можно назвать мученіемъ заподозрѣннаго, представляются еще сравнительно мягкими и человѣчными, если принять во вниманіе иные дознательные приѣмы, направленные къ исторгнутію отъ него сознанія, которые представляются уже положительнымъ его истязаніемъ. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ былъ повторенъ и публично демонстрированъ на судебномъ разбирательствѣ громкаго дѣла по обвиненію нѣкоего Holmes въ цѣломъ рядѣ убійствъ. Зубы и остатки платья убитыхъ дѣтей, а равно черепъ убитаго Howard Pitezel были непрерывно проводимы и помѣщаемы предъ самыми глазами обвиняемаго, а затѣмъ въ одинъ изъ кульминаціонныхъ моментовъ процесса, когда мертвое безмолвіе водворилось въ залѣ суда, и свыше двухъ тысячъ паръ человѣческихъ глазъ впилося

въ лицо обвиняемаго, внезапно специально изготовленный портретъ убитаго былъ поставленъ предъ глазами этого послѣдняго: его глаза, исполненные печали и упрека, выразительно глядѣли на изобрачаемаго убійцу, и онъ, казалось, изъ гроба обращался къ нему со словомъ обличенія. Это былъ необычайный моментъ: каждый, присутствовавшій въ залѣ, ожидалъ, что вотъ-вотъ безжизненный портретъ заговоритъ, или обвиняемый шарахнется въ сторону предъ обличительнымъ взглядомъ портрета убитаго. Это было своего рода испытаніе молчаливаго изобраченія, воскрешающее испытательную систему среднихъ вѣковъ. Не такъ давно въ штатѣ Kentucky во рву близъ проѣзжей дороги найденъ былъ изуродованный трупъ молоденькой дѣвушки Pearl Bryan. Въ убійствѣ ея были заподозрѣны нѣкіе Jackson и Wailling, но достаточныхъ доказательствъ къ ихъ изобраченію не имѣлось. Когда они оба были помѣщены въ одной и той же тюремной комнатѣ (cell), всѣ были изумлены, ибо подобное совмѣстное заключеніе представляло имъ возможность сговориться и условиться насчетъ своихъ показаній. Но это была комната совершенно особаго сорта: ея стѣны кажутся сдѣланными изъ стали, но въ дѣйствительности таковыя лишь обтянуты тонкими стальными листами, въ высшей степени чувствительными ко звуковымъ колебаніямъ воздуха. Телефонныя проводники, въ нихъ вдѣланные съ наружной стороны, ведутъ прямехонько въ кабинетъ начальника полиціи. Цѣлая дюжина лицъ расположилась у телефона въ этомъ кабинетѣ вслѣдъ за заключеніемъ въ означенную «одушевленную» тюремную комнату заподозрѣнныхъ Jackson и Wailling и слышала весь ихъ продолжительный разговоръ между собою. Благодаря этому, они были обличены и повѣшены. Но въ одной изъ западныхъ тюремъ страны свободы подобное же «одушевленное» тюремное помѣщеніе употребляется полиціей въ качествѣ испытательнаго средства нѣсколько инымъ способомъ. Проводники ведутъ здѣсь не изъ «одушевленной» комнаты въ зданіе полицейскаго управленія, а, наоборотъ, изъ сего зданія въ означенную комнату. Всѣмъ арестантамъ, попадающимъ въ эту тюрьму, сразу дается понять, что это комната, посѣщаемая нечистою силою. Заключение въ нее представляется наивысшимъ наказаніемъ, какое налагается на арестантовъ этой тюрьмы за разные проступки, ибо всѣ они питаютъ къ этой комнатѣ, регулярно посѣщаемой нечистою силою, наивысшій страхъ. Нѣкіе Wilson и Prescott, заключенные въ этой тюрьмѣ, были заподозрѣны въ попыткѣ взломать рѣшетку и учинить ночной побѣгъ, но предъ лицомъ тюремнаго полицейскаго начальства записались самымъ рѣшительнымъ образомъ. Несмотря на то, что имъ было сообщено, что свѣдѣнія объ ихъ преступной попыткѣ получены отъ ихъ сообщниковъ, находящихся на свободѣ, все-таки желательнаго признанія отъ нихъ добиться было невозможно. Тогда

рѣшено было запретить ихъ въ комнату, посѣщаемую нечистою силой. Wilson первый подвергся сему испытанію. Около полуночи одинъ изъ чиновъ мѣстной полиціи сталъ у телефона въ кабинетѣ своего начальника и началъ «дьявольскую работу». Мяуканье кота, ржанье лошади, дикіе возгласы невидимаго духа, выражающіе требованіе сознанія, замогильные вопли и стоны — все это смѣнялось въ какомъ-то чудовищномъ хаосѣ. Объятый ужасомъ Wilson просилъ у невидимаго духа пощады, и его воззваніе было услышано въ кабинетѣ начальника полиціи. Замогильные вопли и стоны прекратились и когда тюремный надсмотрщикъ вошелъ въ его помѣщеніе, то онъ, находясь въ почти безсознательномъ состояніи отъ ужаса, заявилъ, что онъ готовъ сознаться во всемъ, лишь бы только не переносить этихъ терзаній. Тогда Prescott былъ посаженъ на его мѣсто, и такъ какъ онъ признавался мѣстною полиціей за челоуѣка потверже и познергичнѣе означеннаго Wilson, то къ тѣмъ же замогильнымъ воплямъ, стонамъ и завываньямъ, жертвой которыхъ являлся этотъ послѣдній, былъ присоединенъ еще оглушительный звонъ цѣпей. Однако Prescott твердо стоялъ на утвержденіи своей невиновности и не сознавался, вслѣдствіе чего испытанные ужасы были удвоены. Когда затѣмъ тюремное и полицейское начальства явились въ эту «одушевленную» комнату, въ которой онъ подвергался продолжительному испытанію, они нашли испытуемаго въ состояніи буйнаго помѣшательства. Если такимъ образомъ дознательныя приемы американской полиціи воскрешаютъ предъ наблюдателемъ тѣ средневѣковыя испытанія заподозрѣнныхъ въ тяжкихъ преступленіяхъ, которыя такъ неподобно описаны Вальтеромъ Скоттомъ, то не менѣе дикіе приемы дѣйствія нерѣдко проявляются ея чинами и по отношенію другъ ко другу. До половины истекшаго мая театръ Columbia въ городѣ Newark штата New-Jersey состоялъ въ наймѣ у нѣкоей антрепренерской компании Burke и Beuger, а съ половины означеннаго мѣсяца, за истеченіемъ срока найма, былъ нанятъ нѣкоимъ Н. Jacobs, антрепренеромъ, содержащимъ другой театръ въ томъ же городѣ. Но прежніе антрепренеры Burke и Beuger отказались очистить театръ на томъ основаніи, что они заключили съ управляющимъ этимъ недвижимымъ имуществомъ словесный договоръ о возобновленіи договора найма на два года. Тогда одинъ изъ полицейскихъ надзирателей (constable), нѣкій Benjamin Smith, захвативъ съ собой старый исполнительный листъ, еще въ апрѣлѣ прошлаго 1897 года выданный подлежащимъ судьей на выдвореніе изъ зданія театра прежняго его арендатора Samuel Shine за неплатежъ наемной платы, отправился въ зданіе на предметъ выдворенія нынѣшнихъ его арендаторовъ. Но Негман Beuger естественно отказался признать относящимся къ себѣ исполнительный листъ, выданный противъ прежняго арендатора такового, не имѣющаго никакого отношенія къ нему и его компаніи, и

не пожелать очистить театра. Выслушавъ этотъ отказъ, означенный надзиратель Smith отправился къ шерифу (sheriff) графства (уѣзда) и получилъ отъ него предписаніе объ очищеніи театра и изытіи такового изъ владѣнія нынѣшнихъ арендаторовъ. Такъ какъ мѣстная полиція хорошо знала, что зданіе театра охраняется, кромѣ его арендаторовъ Burke и Weyer, еще и маленькимъ отрядомъ частныхъ сыщиковъ подъ начальствомъ старшаго сыщика John Gregory, то шерифъ, являющійся высшимъ начальникомъ уѣздной полиціи, отрядилъ для очищенія театральнаго зданія своего помощника Cyrus Benedict съ двѣнадцатью нижними полицейскими чинами. Когда они въ экипажахъ подъѣхали къ означенному зданію, то завѣдующій частнымъ сыскнымъ агентствомъ John Gregory стоялъ на троттуарѣ, повидимому, совершенно не подозревая приближенія врага. Полицейскій отрядъ стремительно бросился ко главному входу. Изумленный начальникъ сыщиковъ устремился въ фойэ театра, созвалъ своихъ сыщиковъ и приказалъ имъ, подъ его водительствомъ, вытѣснить полицейскихъ изъ театральнаго зданія. Завязалась жаркая схватка между отрядомъ частныхъ сыщиковъ въ 5 человекъ и отрядомъ уѣздной полиціи въ 13 человекъ. Полицейскія дубинки свистали по спинамъ, головамъ и плечамъ противниковъ, а уѣздные полиціанты даже выхватили было уже револьверы изъ-за поясовъ, но не стрѣляли. Въ разгарѣ этой междоусобной полицейской битвы помощникъ шерифа, руководившій дѣйствіями своего отряда, приставилъ револьверъ ко лбу начальника частныхъ сыщиковъ, но этотъ послѣдній мужественно закричалъ: «вы боитесь выстрѣлить, вы— трусь!» и рука помощника начальника уѣздной полиціи бессильно опустилась внизъ. Сыщики дрались, какъ львы, но болѣе чѣмъ вдвое ихъ численно превосходящій отрядъ полиціи въ концѣ концовъ ихъ одолѣлъ и вытѣснилъ изъ театра на улицу. Спрашивается, въ какой цивилизованной странѣ возможно подобное полицейское побоище, представляющееся междоусобнымъ, ибо разныя частныя сыскныя бюро и агентства являются въ странѣ свободы признанными полицейскими учрежденіями?

Дабы покончить съ американскою полиціей, приведемъ здѣсь исторію послѣдней попытки «подтянуть» многочисленную и, пожалуй, наиболѣе интеллигентную полицейскую армію метрополіи Новаго Свѣта, то-есть Нью-Йорка. Около года тому назадъ особая слѣдственная комиссія, назначенная законодательными палатами штата Нью-Йоркъ для разслѣдованія разныхъ беззаконій и въ частности злоупотребленій ньюіоркской полиціи и состоявшая подъ предѣтельствомъ сенатора Lехow, предала суду тридцать двухъ членовъ означенной полиціи и въ томъ числѣ одного инспектора (одна изъ наивысшихъ должностей) и восьмерыхъ капитановъ (соотвѣтствующихъ нашимъ частнымъ приставамъ). Замѣчательно, что всѣ,

преданные суду сенатской комиссией, изобличались либо во взяточничествѣ, либо въ вымогательствѣ. Изъ нихъ лишь капитанъ William Stephenson, сознавшійся въ получении взятокъ и вымогательствѣ, присужденъ къ тюремному заключенію и уплатѣ пени, всѣ же остальные тѣми или иными способами оправданы. Подобнымъ образомъ закончился колоссальный и сложный трудъ вышеупомянутой сенатской слѣдственной комиссіи. Всякіе съ своей стороны комментаріи по сему предмету признаемъ излишними.

Коснемся наконецъ вкратцѣ остальной провинціальной администраціи, которую по существу разсматриваемаго нами предмета мы никоимъ образомъ не можемъ обойти молчаніемъ. Если американскій гражданинъ уплачиваетъ причитающіеся съ него налоги всякаго рода въ канцеляріи такъ называемаго сборщика налоговъ (receiver of taxes) и въ таковой уплатѣ получаетъ установленную квитанцію или расписку (receipt), то онъ отнюдь не можетъ еще быть увѣренъ, что онъ не получитъ снова требованія объ уплатѣ того же налога, который имъ разъ уже уплаченъ, сопровождающагося краснорѣчивымъ начетомъ пени за пропускъ установленныхъ платежныхъ сроковъ. Конечно, счастливъ тотъ платательщикъ, который сохранилъ свою платежную расписку: въ такомъ случаѣ онъ, послѣ долгихъ хлопотъ и объясненій, оставляется наконецъ въ покоѣ, но если онъ принадлежитъ къ той категоріи беззаботныхъ разновидностей рода человеческого, которыя не радѣютъ о сохраненіи всякаго рода расписокъ и квитанцій, то ему ничего не остается, какъ поплатиться за подобную беззаботность вторичною уплатой налога. Недавно завѣдующій иммиграціей въ Нью-Йоркѣ, одно изъ должностныхъ лицъ федеральнаго управленія, постоянно находящееся у исполненія своихъ обязанностей въ означенномъ городѣ, назначилъ конкурсное испытаніе на должность состоящаго при немъ переводчика, которое и происходило въ экзаменаціонномъ помѣщеніи такъ называемой комиссіи гражданской службы Соединенныхъ Штатовъ (United States civil service commission). Къ испытанію сему явилось тридцать человѣкъ, внѣшность которыхъ обнаруживала несомнѣнно ихъ иностранное происхожденіе. Каждому испытуемому давалось шесть часовъ для письменныхъ отвѣтовъ по арифметикѣ, чистописанію, переводу и т. д. на одномъ изъ нижеслѣдующихъ языковъ: французскій, итальянскій, нѣмецкій, шведскій, литовскій, финскій и португальскій. Еслибы испытуемый желалъ дать означенные отвѣты болѣе, нежели на одномъ языкѣ, то на таковыя давалось ему по два дополнительныхъ часа на каждую группу отвѣтовъ, т. е. на составленіе отвѣтовъ на другомъ, третьемъ и т. д. языкѣ. Почти всѣ испытуемые были вооружены очками, обладали длинными волосами и вообще имѣли такой видъ, что казалось совершенно невозможнымъ обратиться къ нимъ иначе, какъ «профессоръ». Многіе изъ нихъ были одѣты настолько шикарно,

что можно было удивляться, какъ они могутъ добиваться мѣста, окладъ котораго составляетъ 1.000 долларовъ въ годъ. Одинъ изъ нихъ, уже немолодой человѣкъ, который первымъ подалъ свой письменный отвѣтъ, высказался публично: «Подвергаться этимъ экзаменамъ это почти то же самое, что играть на тотализаторѣ на скачкахъ. Я подвергался имъ уже множество разъ, но еще ни разу не вышелъ побѣдителемъ. Почему? А потому, что власть, опредѣляющая къ должностямъ, руководствуется не результатами испытанія, а домогательствами друзей кандидатовъ. Я видѣлъ, какъ бывшіе цѣловальники побѣждали на этихъ испытаніяхъ, между тѣмъ какъ бывшіе профессора университетовъ на нихъ обрѣзывались. Я не ищу этого мѣста. Я для того лишь подвергся этому испытанію, чтобы доказать справедливость моего убѣжденія, насколько громадна сила невѣжества. Сегодня я далъ мои отвѣты на шведскомъ языкѣ, ибо наибольшая часть иммигрантовъ является сюда изъ Швеціи и Норвегіи. Я точно также могъ бы дать мои отвѣты на французскомъ, нѣмецкомъ, португальскомъ, итальянскомъ и испанскомъ языкахъ. Но какая въ томъ польза? Господа начальствующіе скажутъ: «онъ знаетъ черезчуръ много». Устами сего неизвѣстнаго, явившагося къ экзамену единственно для того, чтобы доказать свою теорію о всеиліи невѣжества въ странѣ свободы, говоритъ сама истина. Едва ли найдется на земномъ шарѣ иная страна, въ которой торжествующая свинья такъ безцеремонно рыла бы своею грязною мордой основы государственности и обществности, какъ это учиняетъ дикій вепрь невѣжества въ этой пресловутой «величайшей демократіи на земномъ шарѣ». Недурною иллюстраціей къ этому нашему утвержденію можетъ служить между прочимъ нижеслѣдующій фактъ, отколотый однимъ управляющимъ библіотекой, который въ сущности является въ странѣ свободы такимъ же должностнымъ лицомъ административнаго характера, какъ и управляющій эмиграціоннымъ домомъ, мостовыми работами, какою либо коллегіей (учебное заведеніе, соотвѣтствующее до нѣкоторой степени двумъ высшимъ классамъ гимназіи съ нѣкоторыми добавленіями изъ курсовъ университетскихъ) и т. д. Такимъ управляющимъ явился управляющій библіотекой «Lenox» въ Нью-Йоркѣ. Однимъ изъ усерднѣйшихъ посѣтителей означенной библіотеки является нѣкій М. Neckler, русскій еврей. Къ несчастью, съ первыхъ же дней своего появленія въ библіотекѣ онъ почему-то не понравился ея напыщеннымъ служителямъ. Не придавая, однако, сему обстоятельству никакого значенія, онъ продолжалъ усердно посѣщать сіе общественное книгохранилище и зачитывался получаемыми имъ книгами. Однажды, когда солнце било ему прямо въ лицо, и онъ вынужденъ былъ, прикрывъ глаза рукой, продолжать чтеніе подъ такимъ прикрытіемъ, одинъ изъ нѣсколькихъ служителей внезапно подошелъ къ нему и заявилъ, что спать въ

библіотекъ правилами не дозволяется. Чтець съ слабымъ зрѣніемъ заявилъ, что онъ вовсе не спитъ, а лишь прикрылъ свои глаза отъ солнца, добавивъ, что служитель лучше бы сдѣлалъ, еслибы больше занимался своимъ дѣломъ вмѣсто того, чтобы понапрасну беспокоить читателей. На это этотъ послѣдній возразилъ съ своей стороны, что будить читателей составляетъ одну изъ его обязанностей. Нѣсколько дней спустя, одинъ изъ выдающихся книги для чтенія заявилъ ему, что на него принесена управляющему библіотечной жалоба въ томъ, что его платье и личная чистоплотность представляются неудовлетворительными, а потому онъ не будетъ болѣе допускаемъ въ библіотеку до тѣхъ поръ, пока означенные недостатки не будутъ исправлены. Протесты возмущеннаго Heckler не привели ни къ чему, а равно письмо его къ управляющему библіотечной Dr. John Billings не возымѣло должнаго дѣйствія. Тогда онъ обратился къ защитѣ печати. Извѣстный New-York Journal, а за нимъ и иныя ньюіоркскія газеты, напечатали исторію изгнанія изъ библіотеки Lenox, одного изъ ревностнѣйшихъ читателей, категорически заявляя, что по ихъ изслѣдованію и осмотру, какъ его платье, такъ и его личная чистоплотность оказались вполне удовлетворительными, хотя таковое и не представляется совершенно новымъ и не тождественно съ одѣяніемъ какого либо щеголя съ Пятаго проспекта (самая аристократическая часть Нью-Йорка). Лишь послѣ нѣкоторой газетной агитации означенный М. Heckler, въ той же почти мѣрѣ испытанный на себѣ всеиліе невѣжества въ странѣ свободы, какъ и вышепомянутый многознающій кандидатъ на мѣсто переводчика при завѣдующемъ иммиграціей въ Нью-Йоркѣ, былъ наконецъ снова допущенъ въ вышеозначенную библіотеку. Право гражданства признается за иммигрантами, удовлетворяющими условіямъ натурализаціи, судебными мѣстами, которыя въ данномъ случаѣ дѣйствуютъ въ порядкѣ распорядительномъ, а не судебномъ, и выступаютъ скорѣе въ качествѣ учреждений административныхъ, нежели судебныхъ. Истекшимъ лѣтомъ обнаружилось въ Филадельфіи, столицѣ штата Пенсильваніи и третьемъ городѣ республики, множество подложныхъ свидѣтельствъ на признаніе права гражданства. По разслѣдованію оказалось, что какія-то неизвѣстныя должностныя лица, пользуясь совершеннымъ невѣжествомъ огромнаго большинства иммигрантовъ, систематически засѣдали въ задней комнатѣ одного изъ заведеній для раздробительной продажи спиртныхъ напитковъ вблизи зданія городской думы (city hall) и разыгрывали судебное «присутствіе» на предметъ выдачи свидѣтельствъ на право гражданства. Одинъ изъ нихъ разыгрывалъ «судью» (judge), а другой секретаря (clerk), но ни пятилѣтняго срока пребыванія на территоріи Соединенныхъ Штатовъ, ни нѣ котораго знакомства съ конституціей республики, что требуется

согласно съ законами отъ претендующихъ на полученіе правъ гражданства настоящими судами, они не требовали, а ограничивались лишь приведеніемъ одурачиваемыхъ ими иностранцевъ къ присягѣ въ странной формѣ, ими сами изобрѣтенной, да полученіемъ денегъ за свидѣтельства на право гражданства, которыя впоследствии и разсылались одураченнымъ по почтѣ, или же частнымъ образомъ доставлялись имъ на домъ. Дальнѣйшее разслѣдованіе обнаружило, что подобная выдача фиктивныхъ свидѣтельствъ на право гражданства велась нѣсколько лѣтъ цѣлымъ обществомъ лицъ, получившимъ за нее тысячи долларовъ, и что главными участниками этого сообщества были помощники секретаря окружного суда Соединенныхъ Штатовъ Richard Merrick и John Merrick, а равно одинъ изъ чиновниковъ канцеляріи старшаго нотаріуса мѣстнаго окружного суда (штатной, а не федеральной юрисдикціи) нѣкій Eugen Lindsay. Должностныя лица эти были преданы суду областного суда Соединенныхъ Штатовъ (United States district court) и присуждены къ тюремному заключенію отъ двухъ лѣтъ до одного года и уплатѣ пени отъ 2.000 до 1.000 долларовъ.

Такъ какъ завѣдываніе учебными заведеніями представляется при общемъ государственномъ общественномъ укладѣ страны свободы функціей административною или, точнѣе говоря, административно-дѣловою, а начальства такихъ являются лишь дѣльцами-администраторами, то необходимо сказать нѣсколько словъ и о сихъ послѣднихъ. Они являются прежде всего администраторами мѣстной компетенціи мѣстнаго характера. Учебныя заведенія въ «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» или содержатся на мѣстныя средства, или создаются на пожертвованія частныхъ лицъ, или наконецъ ведутся составившимися на этотъ предметъ акціонерными компаніями. Министра народнаго просвѣщенія, въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. члена федеральнаго кабинета, завѣдующаго учебною частью по всей территоріи республики, въ Соединенныхъ Штатахъ вовсе не существуетъ. Наивысшимъ должностнымъ лицомъ учебной администраціи представляется завѣдующій народнымъ образованіемъ (superintendent of public instruction) въ предѣлахъ каждаго штата. Само собою разумѣется, что мы имѣемъ въ виду конуться здѣсь не преподавательской, а административной, начальственно-распорядительной стороны учебнаго дѣла, тѣмъ болѣе, что эти двѣ его стороны въ странѣ свободы совершенно отдѣлены одна отъ другой въ области низшаго и даже средняго образованія. Учебная дирекція (school board), компетенція которой распространяется лишь на данный городъ, является инстанціей, назначающею и смѣняющею учителей, принимающею и увольняющею учениковъ и т. д. Члены таковой назначаются къ должности по выборамъ, равно какъ и иные чины городского управленія. Кромѣ общей дирекціи, имѣются еще участковыя учебныя дирекціи и между пер-

вою и послѣдними происходятъ нерѣдко столкновенія самаго страннаго свойства, служащія великолѣпною иллюстраціей къ извѣстной русской пословицѣ: у семи нянекъ дитя безъ глаза. Но въ странѣ свободы эта самая пословица осуществляется еще и инымъ способомъ, а именно: изъ семи директоровъ одинъ безъ глаза. Вотъ маленькій тому образчикъ. Въ первой половинѣ февраля сего года состоялось обычное засѣданіе школьной дирекціи (school board) въ городѣ Williamsport штата Pennsylvania. Подъ конецъ такового одинъ изъ директоровъ, г-нъ Gallagher, внесъ какое-то предложеніе, но предсѣдательствующій директоръ г-нъ Hartranft объявилъ, что предложеніе это сдѣлано черезчуръ поздно и не можетъ подлежать обсужденію. На это заявленіе предсѣдателя членъ дирекціи Gallagher отвѣтилъ бранью и затѣмъ подошелъ къ предсѣдательскому креслу, настаивая на немедленномъ обсужденіи его предложенія. Предсѣдатель, внезапно вскочивъ со своего кресла, хватилъ своего собрата по школьной дирекціи кулакомъ прямо въ глазъ и при томъ такъ сильно, что тотъ зашатался и еле удержался на ногахъ. Онъ ринулся было, чтобы избить своего предсѣдателя, но, внезапно опомнившись, повернулся и выбѣжалъ изъ залы засѣданія. Подобные способы разрѣшенія диспутовъ, возникающихъ въ средѣ учебныхъ администраторовъ, хотя и не часты, но все-таки не представляются вмѣстѣ съ тѣмъ и исключительно рѣдкостью. Въ средѣ университетской профессорскія разногласія разрѣшаются нѣсколько иначе. Такъ какъ университеты и профессиональныя коллегіи, представляющія собой одинъ опредѣленный университетскій факультетъ (отличаются отъ выше нами упомянутыхъ коллегій общеобразовательнаго свойства, представляющихъ нѣчто въ родѣ нашего стараго университетскаго курса такъ называемыхъ камеральныхъ наукъ, предшествуемаго соответственнымъ курсомъ двухъ высшихъ классовъ гимназіи), содержатся по большей части на проценты съ капиталовъ, пожертвованныхъ разными богачами, являющимися обыкновенно ихъ пожизненными почетными попечителями, а равно специально на то составившимися акціонерными компаніями, принимающими дѣятельное участіе въ ихъ управленіи, какъ въ завѣдываніи собственнымъ предпріятіемъ, то такъ называемая свобода университетскаго преподаванія представляется въ странѣ свободы лишь пустымъ и ничего не значащимъ звукомъ. Такъ въ послѣднее время (всего лишь въ теченіе одного истекшаго года) цѣлыхъ три профессора политической экономіи были лишены своихъ кафедръ и удалены отъ своихъ мѣстъ. Профессоръ Andrews, президентъ (ректоръ и предсѣдатель совѣта) Brown University (штата Rhode Island), одинъ изъ первѣйшихъ американскихъ экономистовъ, и профессоръ Ross, преподаватель политической экономіи въ Leland Stanford Univesity (штата California), заплатились за проповѣдь биметаллизма и свободной чеканки се-

ребра, между тѣмъ какъ профессоръ того же предмета въ University of Missouri, являющемся государственнымъ (штатнымъ) и содержимомъ на государственныя средства, подвергся той же участи за проповѣдь монометаллизма, золотой валюты и протекціонныхъ тарифовъ. Такъ называемые trustees (попечители, кураторы) всякаго университета, въ особенности содержаго на частныя средства и пожертвованія (а таковыхъ подавляющее большинство), не довольствуясь управленіемъ университетомъ въ собственномъ смыслѣ слова, завѣдываніемъ его хозяйственною и административною частью, вмѣшиваются сверхъ сего и въ самое преподаваніе, и разъ взгляды того или иного профессора въ области наукъ социальныхъ и въ особенности политической экономіи, въ странѣ торгашей имѣющей первенствующее значеніе, не соответствующую ихъ собственнымъ взглядамъ, то они, давъ подобному черезчуръ смѣлому и излишне самостоятельному профессору одно-два предостереженія, назначаютъ ему въ качествѣ дисциплинарнаго наказанія удаленіе отъ должности, т. е. лишеніе каѳедры. Правда, изъ вышепомянутыхъ троихъ профессоровъ, удаленныхъ отъ мѣстъ единственно за свой образъ мыслей или, точнѣе говоря, за свои взгляды на опредѣленные предметы, профессоръ Andrews, которому Brown University обязанъ своимъ процвѣтаніемъ, былъ снова приглашенъ на то самое мѣсто, съ котораго былъ удаленъ, но такое возвращеніе ранѣе занимавшейся имъ каѳедры сдѣлано было отнюдь не во имя такъ называемой академической свободы или простой справедливости, а единственно потому, что иными предпринимателями, сумѣвшими оцѣнить его полезность, онъ приглашенъ былъ къ организаціи новаго университета, который совершенно подорвалъ бы вышепомянутый университетъ, котораго ранѣе онъ состоялъ президентомъ. Но подобныя произвольныя удаленія продѣлываются не только такъ называемыми trustees (попечителями) университетовъ и коллегій, но также и самими профессорами, разъ послѣдніе попадаютъ въ президенты таковыхъ и такимъ образомъ находятся у власти. До чего доводятъ иногда подобныя удаленія, можетъ служить наилучшей иллюстраціей только что разыгравшаяся исторія съ постепеннымъ истребленіемъ Lafayette College въ штатѣ Pennsylvania. Нѣкій Herbert Stephens, удостоенный ученой степени университетомъ Princeton, однимъ изъ лучшихъ университетовъ въ республикѣ Соединенныхъ Штатовъ, въ которомъ онъ и воспитывался, четыре года состоялъ адъюнктъ-профессоромъ по каѳедрѣ нравственной философіи и логики въ означенной Lafayette College. Однако противъ него воздвигъ гоненіе президентъ сей послѣдней Dr. Edward Warfield и наконецъ, по истеченіи 1896—1897 учебнаго года, въ маѣ истекшаго года удалилъ его отъ должности на основаніи его «некомпетентности». Лишеніе мѣста до такой степени возмутило, обозлило и взбудоражило профессора Stephens, что тотъ рѣшилъ во что бы

то ни стало выжить означеннаго президента Warfield изъ его коллегіи и даже города Easton штата Pennsylvania, въ которомъ таковая находится. Прежде всего вскорѣ послѣ своего удаленія онъ ночью прокрался во дворъ означенной коллегіи и изрѣзалъ плоть, вьющійся вокругъ студенческихъ спаленъ и ея домашней церкви. Затѣмъ, нѣкоторое время спустя, онъ унесъ изъ той же церкви книгу гимновъ (въ родѣ нашей псалтыри) и выбросилъ ее въ старый водоемъ, а равно попортилъ церковный органъ. Цѣлью означенныхъ его дѣйствій было выставить распущенность студентовъ коллегіи и неспособность ея президента руководить этими послѣдними. Когда, однако, все это не возымѣло никакого дѣйствія, то въ ночь съ 17 на 18 декабря истекшаго года бывший адъюнктъ-профессоръ по кафедрѣ нравственной философіи и логики, нарочито пріѣхавъ для сего въ Easton и пользуясь ключемъ, котораго онъ не возвратилъ факультету по своему удаленіи, прокрался на холмъ, на которомъ расположена коллегія, а затѣмъ въ особое великолѣпное зданіе, именуемое Padree Hall, въ которомъ помѣщались разные кабинеты (фізіологическій, біологическій и т. д.) и музеи. Здѣсь уже далеко за полночь въ кабинетѣ биологіи онъ сложилъ цѣлую гору тряпья, половыхъ подстилокъ и т. п., подложилъ подъ такую газопроводную трубку, отпустилъ газъ и, поднеся къ сему послѣднему зажженную спичку, медленно удалился изъ зданія. Совершивъ актъ столь потрясающаго вандализма, бывший профессоръ нравственной философіи въ странѣ свободы отправился въ г. Phillipsburg, расположенный черезъ рѣку отъ города Easton, и здѣсь, стоя на площадкѣ желѣзнодорожной станціи въ ожиданіи ближайшаго поѣзда, любовался пылающимъ зданіемъ, составлявшимъ красу и гордость коллегіи, въ которой онъ прослужилъ четыре года. Затѣмъ еще неоднократно пробирался ех-профессоръ во дворъ ея и учинялъ какое нибудь вандализмъ. Нынѣ за всѣ дѣянія эти онъ содержится въ тюрьмѣ и, принеся полное во всемъ сознание, ожидаетъ надъ собой суда присяжныхъ.

Говоря объ американскомъ сановничествѣ и чиновничествѣ, въ особенности провинціальномъ, невозможно обойти молчаніемъ чиновъ судебного вѣдомства. Въ то время какъ въ предѣлахъ графства (уѣзда) такъ называемый предсѣдательствующій судья (president judge) является высшимъ руководителемъ правосудія, на немъ лежитъ вмѣстѣ съ тѣмъ немало функций совершенно несудебнаго характера, каковы: признаніе несоотвѣтствія новоизданныхъ законовъ съ конституціей мѣстною (даннаго штата) или федеральною, разсмотрѣніе законности административныхъ распоряженій, опредѣленіе размѣровъ вознагражденія, полагающагося разнымъ должностнымъ лицамъ уѣзднаго управленія за исполненіе разныхъ служебныхъ дѣйствій, разрѣшеніе выдачи подлежащихъ документовъ на раздробительную продажу спиртныхъ напитковъ или, точнѣе

говоря, разрѣшеніе открытія питейныхъ заведеній лицамъ, о томъ ходатайствующимъ, и т. п. Предсѣдательствующій судья, а равно и просто судьи или вспомогательные судьи (assistant judges), имѣющіеся въ обширныхъ графствахъ (уѣздахъ), избираются на десять лѣтъ и представляютъ собой наивысшую компетенцію и власть въ предѣлахъ графства, получая оклады, равные съ губернаторскимъ. Обвинительная власть, сосредоточивающаяся въ рукахъ такъ называемаго окружнаго стряпчаго (district attorney), ограничивается лишь кругомъ служебныхъ или должностныхъ преступленій, а по всѣмъ прочимъ преступленіямъ исключается обвинительными прерогативами лицъ, потерпѣвшихъ отъ преступленія, или, точнѣе говоря, ихъ адвокатовъ, а равно даже лицъ совершенно постороннихъ изъ массы «гражданъ», имѣющихъ достаточно нахальства вмѣшиваться въ чужія дѣла (а такового американцу не занимать стать), а равно стремящихся подобнымъ путемъ сорвать извѣстную денежную сумму съ обвиняемаго. Представляя такимъ образомъ лишь нѣкоторое жалкое подобіе европейскаго прокурора, окружный стряпчій внѣ сферы должностныхъ преступленій выступаетъ обвинителемъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда частный обвинитель (потерпѣвшій или даже и не потерпѣвшій отъ преступленія) по бѣдности не имѣетъ собственнаго адвоката. Касаясь здѣсь чиновъ судебного вѣдомства страны свободы, главнымъ образомъ провинціальныхъ, мы касаемся таковыхъ исключительно, лишь какъ чиновниковъ, а потому рассмотрѣніе ея судебного устройства само по себѣ не входитъ въ наши задачи, и это послѣднее имѣетъ для насъ значеніе лишь постольку, поскольку таковымъ опредѣляется служебное положеніе этихъ чиновниковъ. Если американское чиновничество и сановничество вообще, какъ наши благосклонные читатели могли убѣдиться изъ вышеизложеннаго, таровато на всякаго рода злоупотребленія власти и носить болѣе или менѣе разбойничій характеръ, то судебное вѣдомство страны свободы за исключеніемъ, пожалуй, высшаго суда Соединенныхъ Штатовъ (Supreme Court of the United States), соотвѣтствующаго нашему кассационному сенату и находящагося въ столицѣ республики, едва ли не превосходитъ въ этомъ отношеніи всѣ прочія вѣдомства. При всей относительной ограниченности власти окружныхъ или уѣздныхъ стряпчихъ (district attorney, county attorney), они умудряются нерѣдко продѣлывать изумительныя штуки. Вотъ маленькій тому образчикъ. Въ истекшемъ году нѣкій Tyler Gaviett, одинъ изъ мелкихъ сѣмщиковъ нѣкоего крупнаго и богатаго имѣнія въ штатѣ Kansas, исчезъ. Хотя подобныя исчезновенія «гражданъ» въ странѣ свободы являются вещью довольно обыкновенною, и весьма нерѣдко исчезнувшій по истеченіи многихъ лѣтъ воссоединяется со своей семьей или родней, тѣмъ не менѣе мѣстный уѣздный стряпчій (county attorney) Ste-

vens нашелъ въ такомъ благовидный предлогъ привязаться къ мирному владѣльцу означеннаго имѣнія (Windsor Stock Farm), нѣкоему Solon Cheney, одному изъ уважаемѣйшихъ гражданъ графства, обвиняя сего послѣдняго въ убійствѣ исчезнувшаго. Въ отсутствіе означеннаго владѣльца сей уѣздный стряпчій вмѣстѣ съ братомъ своимъ Perry Stevens нагрянулъ въ имѣніе, подъ предлогомъ розыска сокрытаго тѣла убитаго перерылъ въ такомъ все до послѣдней нитки и, захвативъ все то имущество исчезнувшаго, которое еще не было расхватано и расхищено сосѣдями, нагрузилъ таковое на телѣги и съ означеннымъ братомъ своимъ отправилъ въ мѣсто своего жительства, городъ Galena. По дорогѣ повстрѣчался съ этими нагруженными возами владѣлецъ имѣнія Solon Cheney, признававшій себя законнымъ владѣльцемъ означеннаго имущества, такъ какъ исчезнувшій Tyler Gaviett, его бывший съемщикъ, съ нимъ не расшелся, и вступилъ съ сопровождавшимъ таковыя Perry Stevens, братомъ уѣзднаго стряпчаго, въ серьезные пререканія, закончившіяся нападеніемъ перваго на послѣдняго. Означенный Perry Stevens со свойственнымъ американцу и въ особенности брату уѣзднаго стряпчаго нахальствомъ предъявилъ къ злополучному землевладѣльцу искъ о взысканіи въ размѣрѣ 30.000 долларовъ убытковъ, причиненныхъ будго бы ему означеннымъ нападеніемъ. Въ самомъ разгарѣ процессовъ, возбужденныхъ противъ означеннаго Cheney: уѣзднымъ стряпчимъ—по обвиненію его въ убійствѣ исчезнувшаго съемщика Tyler Gaviett и братомъ онаго—по обвиненію его въ нападеніи на проѣзжей дорогѣ, внезапно, точно *deus ex machina*, появляется означенный съемщикъ и арестуетъ уѣзднаго стряпчаго, сирѣчь своего уѣзднаго прокурора, по обвиненію въ похищеніи его имущества. Картина сія черезчуръ выразительна и назидательна для того, чтобы мы стали къ ней прибавлять какіе либо съ своей стороны комментаріи. Если мы примемъ во вниманіе, что уѣздный или окружный стряпчій избирается всего лишь на три года и обладаетъ относительно ограниченою властью, а такъ называемый предсѣдательствующій судья графства (уѣзда) избирается на цѣлыхъ десять лѣтъ и обладаетъ самую широкою властью, то отсюда уже можно вывести достаточно основательное заключеніе, насколько злоупотребленія послѣдняго превосходятъ таковыя же перваго. Уже одно это безапелляціонное право отказа въ выдачѣ данному лицу свидѣтельства на содержаніе питейнаго дома является для судьи графства или города, или части такового (въ крупныхъ городскихъ поселеніяхъ) источникомъ безпощаднаго взяточничества. Съ признаніемъ противоконституціонности новоиздаваемыхъ законовъ судьи страны свободы также неособенно церемонятся. Но что всего замѣчательнѣе, такъ это право судей воспрещать кому либо определенное дѣйствіе. Подобное судейское воспрещеніе (*injunction*), будучи въ дѣйстви-

тельности лишь судебским распоряженіемъ, распорядительнымъ опредѣленіемъ, имѣетъ тѣмъ не менѣе силу судебного рѣшенія, не подлежащаго даже апелляціи, и за его неисполненіе виновный подвергается наказанію, какъ за пренебреженіе судебною властью, оскорбленіе суда (contempt of the Court). Примѣрно городъ освѣщается газомъ, но является компанія электрическаго освѣщенія и входитъ въ соглашеніе съ городскою управой (city department) о постановкѣ въ извѣстныхъ мѣстахъ нѣсколькихъ пробныхъ электрическихъ фонарей. Но газовая компанія имѣетъ полное основаніе опасаться, что, разъ испробовавъ электрическаго свѣта, обыватели богоспасаемаго града не пожелаютъ болѣе сего сравнительно мутнаго желтаго свѣта газоваго, и такимъ образомъ она, по истеченіи срока своего контракта, не добьется заключенія новаго такового же. Посему газовая компанія прибѣгаетъ подъ сѣнь авторитета судебной власти. При посредствѣ воздѣйствія политическихъ друзей и единомышленниковъ или наичаще болѣе или менѣе солидной взятки компанія эта получаетъ отъ мѣстнаго судьи воспрещеніе (injunction) электрической компаніи ставить въ предѣлахъ города вышепомянутые пробные электрическіе фонари. Неповиновеніе такому произвольному воспрещенію является пренебреженіемъ авторитета суда (contempt of the court) и влечетъ за собою для виновнаго тюремное заключеніе до 5 лѣтъ или штрафъ до 3.000 долларовъ или то и другое разомъ, что зависитъ всецѣло отъ усмотрѣнія судьи, давшаго нарушенное воспрещеніе. Или вотъ примѣрно одна канатнопроводная дорога или дорога электрическая проводитъ линію, конкурирующую съ другою таковою же. Правленіе общества дороги, угрожаемой означенною конкуренціей и опасяющейся извѣстныхъ для себя убытковъ, устремляется къ подлежащему судѣ и послѣ болѣе или менѣе «тепленькихъ» рукопожатій получаетъ отъ сего послѣдняго воспрещеніе своему конкуренту «пускать въ движеніе свои вагоны» въ теченіе опредѣленнаго времени или даже безсрочно. Единственное, что можетъ сдѣлать въ случаяхъ подобныхъ воспрещеній лицо или общество, такому подвергающееся, это—истребовать отъ лица или общества, домогающагося воспрещенія, обезпеченіе убытковъ, проистекающихъ для него изъ подчиненія подобному судебскому распоряженію. Соображеніе, что лица или общества, подвергшіяся подобнымъ воспрещеніямъ, могутъ «гадить» ему на выборахъ, не имѣетъ почти никакого значенія, ибо судьи страны свободы, какъ уѣздные и городскіе, такъ и государственные (штатскіе), избираются на цѣлыхъ десять лѣтъ (судьи федеральныя, засѣдающіе въ такъ называемыхъ судахъ Соединенныхъ Штатовъ, назначаются президентомъ республики) и весьма рѣдко претендуютъ на вторичное избраніе. Вышеприведенныя воспрещенія относятся къ дѣйствіямъ чисто предпринимательскаго свойства и могутъ быть названы

воспрещеніями экономическими, промышленными, дѣловыми. Но помимо ихъ существуетъ еще цѣлая категорія воспрещеній судейскихъ чисто политическаго свойства. Если какая либо политическая партія не желаетъ, чтобы иная политическая партія имѣла въ извѣстномъ городѣ или извѣстной мѣстности свои собранія и тамъ произносила свои рѣчи, то она прибѣгаетъ къ подлежащему судѣ, если только онъ самъ не принадлежитъ къ числу адептовъ этой послѣдней, и тотъ подъ предлогомъ охраненія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, предотвращенія могущихъ возникнуть безпорядковъ и т. п. воспрещаетъ вышеозначенныя собранія обыкновенно на опредѣленный срокъ, совпадающій съ истеченіемъ избирательной кампаніи. Однако на подобныя воспрещенія чисто политическаго свойства американскіе судьи отваживаются весьма рѣдко, расточая ихъ зато въ отношеніи рабочихъ, путемъ стачки стремящихся поднять свою заработную плату. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что стачки рабочихъ не только не воспрещены законами Соединенныхъ Штатовъ, мѣстными или федеральными, но даже признаются наиболѣе нормальнымъ средствомъ урегулированія заработной платы. Какъ извѣстно, стачки стоятъ рабочимъ огромныхъ затратъ и страданій, и поддержаніе мужества стачечниковъ въ неравной борьбѣ съ предпринимателями представляется однимъ изъ существеннѣйшихъ условій успѣшности и выигрыша стачки. Вотъ тутъ-то американскіе денежные тузы прибѣгаютъ къ своей послушной рабынѣ въ лицѣ американской юстиціи, и эта послѣдняя воспрещаетъ руководителямъ и организаторамъ стачки собираться въ извѣстныхъ мѣстахъ или говорить въ извѣстныхъ пунктахъ. Такъ, напримѣръ, одно изъ подобныхъ воспрещеній (*injunctions*) гласитъ: «Не дозволяется имъ (т. е. руководителямъ стачки) встрѣчаться съ углекопами, когда тѣ идутъ на работу или возвращаются съ таковой; они не имѣютъ права произносить рѣчи свои на какой либо изъ дорогъ, ведущихъ къ къ угледомнямъ просителей; наконецъ воспрещается имъ устраивать какія бы то ни было публичныя или частныя собранія по близости къ означеннымъ угледомнямъ». Если принять во вниманіе, что приведенное «воспрещеніе» вовсе не вызвано какими либо безпорядками и издано во времена абсолютнаго мира и спокойствія; что всѣ европейскія законодательства, дозволяющія стачки, отнюдь не допускаютъ изданія подобныхъ правоограниченій, почти равносильныхъ съ объявленіемъ данной мѣстности на военномъ положеніи, безъ наличности серіозныхъ безпорядковъ и важныхъ нарушеній общественнаго спокойствія; что воспрещеніе это простирается даже на «частныя» (*private*) собранія въ районѣ данной мѣстности, то можно судить о предѣлахъ или, точнѣе говоря, безпредѣльности и характерѣ судейскаго произвола и судейскихъ злоупотребленій властью въ такъ называемой странѣ свободы. Конституція

Соединенныхъ Штатовъ, представляющая собой въ этой федеральной республикѣ то самое, что у насъ въ Россійской имперіи законы основные (т. I, ч. I Св. Зак.), между прочимъ гласить: «Конгрессъ не можетъ издать закона, ограничивающаго свободу слова или печати или право народа мирно собираться и обращаться къ правительству съ ходатайствами объ устраниніи обидъ» (Добавленія къ конституціи, ст. I). Между тѣмъ то, чего согласно съ основными законами республики не можетъ сдѣлать конгрессъ, эта нависшая власть въ государствѣ, дѣлаетъ сплошь и рядомъ уѣздный или городской судья, весьма нерѣдко пьяница, невѣжда и прощальга. Таковы непостижимые государственно-общественные контрасты сей такъ называемый страны свободы. Узурпація судебной власти и судейскій произволъ, въ особенности въ графствахъ (уѣздахъ) доходятъ до геркулесовыхъ столбовъ и положительно превышаютъ всякое вѣроятіе. Слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что извѣстное истребленіе стачечниковъ подъ г. Lattimer штата Pennsylvania ружьями и винтовками шерифа (представитель уѣздной администраціи) Martin и его семидесяти двухъ помощниковъ, истекшей весной разбиравшееся судомъ присяжныхъ засѣдателей въ г. Wilkesbarre сего же штата, произошло именно изъ подобнаго судейскаго «воспрещенія» (injunction) двигаться по извѣстнымъ направленіямъ и появляться на извѣстныхъ фабрикахъ. Вся сила общественнаго негодованія по поводу столь неслыханнаго истребленія мирныхъ тружениковъ, домогавшихся нѣкотораго улучшенія своего экономическаго положенія, нашедшая себѣ отголосокъ даже въ австрійскомъ парламентѣ, потребовавшемъ отъ своего правительства истребовать отъ американскаго правительства денежное вознагражденіе за убійство своихъ подданныхъ, обрушилась на шерифа (sheriff), но въ дѣйствительности въ этомъ массовомъ чело-вѣкоистребленіи прежде всего виновенъ тотъ судья, который выдалъ шерифу на руки для приведенія въ исполненіе вышеозначенное «воспрещеніе», не допускавшее того, что дозволяется законами. О болѣе мелкихъ злоупотребленіяхъ судебною властью со стороны судей свободы (judges) не стоитъ распространяться. Подобно нѣмецкимъ баронамъ въ извѣстной русской пословицѣ, каждый американскій судья имѣетъ свою особенную фантазію, которая является его отличительною чертой, воспринимающею тѣ или иные оттѣнки главнымъ образомъ подъ вліяніемъ спиртныхъ напитковъ. Говоря здѣсь объ американскихъ судьяхъ, мы до сихъ поръ имѣли въ виду исключительно лишь судей въ собственномъ смыслѣ слова (judges), тѣхъ судей, которые руководятъ судебнымъ присутствіемъ присяжныхъ засѣдателей, рѣшающимъ въ странѣ свободы дѣла какъ уголовныя, такъ и гражданскія. Помимо сихъ судей, существуетъ еще въ сей диковинной странѣ цѣлая армія такъ называемыхъ мировыхъ судей или скваэровъ (justice of the peace, squire), которые, соединяя

въ себѣ компетенціи нашихъ судебныхъ слѣдователей и мировыхъ судей, лишь готовятъ каждое возникшее въ извѣстномъ районѣ дѣло къ слушанію присяжными засѣдателями въ судебныхъ засѣданіяхъ. Объ этой разновидности американскихъ чиновъ судебного вѣдомства намъ приходилось уже повѣствовать нашимъ читателямъ ранѣе, а потому мы здѣсь будемъ очень кратки, касаясь ихъ лишь настолько, насколько это представляется совершенно необходимымъ для завершенія общей картины американскаго саноуничества, нами начертанной. Никакого образовательнаго ценза отъ скваэра не требуется, и эти судьи (magistrate) избираются обыкновенно изъ самыхъ невѣжественныхъ и распущенныхъ общественныхъ элементовъ. Бывшій приказчикъ, кучерь, сапожникъ, кондукторъ, пѣловальникъ, закладчикъ и т. п. сплошь и рядомъ попадаютъ въ мировые судьи и по-своему вершатъ правосудіе, давая первичный ходъ и первоначальную постановку всякому судебному дѣлу, что представляется существенно важнымъ. Стремясь всѣми силами сорвать съ обвиняемаго, елико возможно, а вмѣстѣ съ тѣмъ закончить дѣло въ своей канцеляріи или камерѣ, ибо въ такомъ случаѣ уплачивается ему болѣе за слѣдственные или подготовительныя къ суду дѣйствія, нежели въ томъ случаѣ, когда дѣло восходитъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, скваэръ, либо предварительный судья (magistrate), старается всемѣрно запугать обвиняемаго, нерѣдко ни въ чемъ положительно невиновнаго, и путемъ паническаго страха довести его до примиренія съ обвинителемъ на какихъ бы то ни было условіяхъ, хотя бы для него весьма тяжелыхъ. Возможность закончить всякое дѣло, хотя бы по обвиненію въ наитягчайшихъ преступленіяхъ, примиреніемъ частнаго обвинителя съ обвиняемымъ служить для американскаго мирового судьи главнымъ подспорьемъ въ его террористическо вымогательскихъ махинаціяхъ и предпріятіяхъ и главнымъ источникомъ его доходовъ. Терроръ совершенно особаго сорта, вовсе неизвѣстный инымъ странамъ и государствамъ, съ цѣлью обирания создаваемый разными негодьями и злодѣями подъ маской частныхъ обвинителей подъ покровительствомъ и высшимъ руководствомъ такъ называемыхъ мировыхъ судей страны свободы, представляется достойнымъ и естественнымъ заключеніемъ всей системы ея управленія и наилучшею иллюстраціей управленія мѣстнаго и въ особенности захолустнаго, уѣзднаго. Безсмертные типы гололевскаго «Ревизора» и даже самъ его городничій представляются образцами добродѣтели и челоуѣколюбія и ангелами всепрощенія по сравненію съ современными уѣздными властями «величайшей демократіи на земномъ шарѣ».

Евгеній Правдинъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Собрание сочинений К. Д. Кавелина. Т. III и IV. Спб. 1899 и 1900.

ВЕТВЕРТЫМЪ томомъ, недавно вышедшимъ, закончилось новое издание «Собрания сочинений К. Д. Кавелина», начатое еще въ 1897 году. Теперь въ распоряженіи публики находится, если не безусловно все, что вышло изъ-подъ пера этого замѣчательнаго русскаго ученаго и публициста въ теченіе долгой его писательской дѣятельности (съ 1841 по 1885 годъ включительно), — то самое характерное изъ написаннаго имъ, и безпристрастная ученая критика имѣетъ возможность подвести итоги тому умственному наслѣдію, которое оставилъ Кавелинъ теперешнимъ русскимъ поколѣніямъ, вступающимъ въ новое, двадцатое столѣтіе. Кавелинъ сталъ извѣстенъ въ печати съ 1841 года, то-есть безъ малаго шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, а многія его произведенія, не обнародованныя при жизни ихъ автора, появились впервые лишь въ настоящемъ изданіи его сочиненій, да и то еще не все, что писалось Кавелинымъ, могло быть опубликовано даже теперь, двадцать лѣтъ спустя послѣ того, какъ было написано. Изъ приложеннаго къ IV-му тому «Сочиненій» списка учено-литературныхъ произведеній Кавелина видно, что не вошли въ настоящее издание такія его статьи, какъ «Письмо къ графу Лорисъ-Меликову», 1880 г., и «Замѣтка при воцареніи императора Александра III», 1881 г. (См. списокъ сочиненій, стр. 1334, №№ 147 и 154).

Третій томъ открывается превосходною вводною статьей А. Θ. Кони, представляющею талантливо написанную характеристику Кавелина, этой «многогранной души», по мѣткому выраженію автора статьи. Статья г. Кони пред-

ставляетъ лишь переработку въ редакціонномъ отношеніи его же статьи, написанной вслѣдъ за погребеніемъ Кавелина въ 1885 году, и вполне можетъ служить оправданіемъ слѣдующихъ словъ почтеннаго ея автора: «...Случается, что по отношенію къ личности, описанной когда-то съ любовью и съ вѣрою въ правдивость наложенныхъ красокъ,—говоритъ А. Ѳ. Кони,—начинаетъ чувствоваться собственное заблужденіе. Вслѣдствіе новыхъ и несомнѣнныхъ данныхъ оказывается, что... тотъ, чьи дѣла и нравственный обликъ казались столь значительными, умаляются и мельчаютъ, являясь величиною сомнительнаго достоинства и вызывая, вмѣсто прежняго удивленія,.. горькую усмѣшку... Воспоминанія о К. Д. Кавелинѣ стойко и блистательно выдерживаютъ этотъ испускъ времени... Болѣе тринадцати лѣтъ прошло съ его смерти (писано въ 1899 году), и все, что о немъ съ тѣхъ поръ стало извѣстнымъ... лишь подтверждаетъ нравственную высоту его личности, духовную и научную цѣнность его трудовъ и вѣрность высказанныхъ въ свое время, въ виду его еще свѣжей могилы, взглядовъ на глубину потери, понесенной русскимъ обществомъ въ его лицѣ. Поэтому, отзываясь на приглашеніе говорить о немъ въ настоящемъ изданіи, я долженъ главнымъ образомъ почти всецѣло повторить то, что было мною высказано въ самый день его погребенія, когда рука, набрасывавшая воспоминанія, еще дрожала отъ внутренней боли и умлениія, невольно вызываемаго смертью человѣка, сумѣвшаго, несмотря ни на что, донести до могилы «душу живу» во всей ея цѣлости и чистотѣ» (см. т. III, стр. VII—VIII).

Самыя монографіи и изслѣдованія Кавелина, вошедшія въ III-й томъ, распределены по слѣдующимъ пяти отдѣламъ: 1) Наука и университеты на Западѣ и у насъ; 2) общіе научно-философскіе вопросы; 3) психологія; 4) этика и 5) литература и искусство. Всѣ эти отдѣлы представляютъ не только историческій, но и современный интересъ, несмотря на то, что много изъ помѣщенныхъ въ нихъ статей писаны лѣтъ 25—30 тому назадъ. Таковы, напримѣръ, монографіи перваго отдѣла, посвященныя снова стоящему у насъ на очереди университетскому вопросу,—монографіи, въ которыхъ Кавелинъ высказывается за организацію среди русскихъ студентовъ корпоративно-товарищескихъ обществъ и учено-литературныхъ кружковъ и за строго научную организацію университетскаго преподаванія. Этотъ отдѣлъ составленъ главнымъ образомъ изъ статей Кавелина, являющихся результатомъ его личныхъ наблюденій надъ западно-европейскими университетами въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Не менѣе современнаго интереса находимъ мы въ монографіяхъ по II-му отдѣлу—объ основахъ познанія, объ отношеніи положительнаго знанія къ метафизическому и въ монографіяхъ по III-му и IV-му отдѣламъ, гдѣ разрабатывается коренной вопросъ человѣческой общественности—объ отношеніи личности къ обществу и о степени взаимнаго вліянія другъ на друга этихъ двухъ социальныхъ факторовъ. Въ статьяхъ этихъ трехъ отдѣловъ, посвященныхъ общимъ научно-философскимъ вопросамъ и частнымъ вопросамъ психологіи и этики, Кавелинъ выступаетъ, какъ мыслитель по преимуществу. Въ монографіяхъ II-го отдѣла онъ высказываетъ свои основныя убѣжденія о необходимости строго-научнаго, но осторожнаго и тщательнаго изслѣдованія духовной природы человѣка, безъ насильственнаго подведенія ея подъ исключительныя условія

матеріальной, физической природы. Третій и четвертый отдѣлы состоятъ изъ монографій по психологій и этикѣ, въ которыхъ развивается та же тема, и вмѣстѣ съ тѣмъ доказывается необходимость воспитанія въ человѣческихъ обществахъ вообще и въ русскомъ обществѣ въ частности нравственно-развитой личности. Лишь въ такомъ развитіи личности видитъ Кавелинъ залогъ дальнѣйшаго общественнаго прогресса русской жизни. Мысли Кавелина, выраженные имъ въ монографіяхъ по психологій и этикѣ, служатъ необходимымъ комментариемъ къ его историческимъ воззрѣніямъ, сгруппированнымъ въ I-мъ томѣ новаго изданія его сочиненій, и весьма поучительны въ наши дни, когда русскій человѣкъ обезличивается все болѣе и болѣе, когда умственная и нравственная независимость считается чуть не порокомъ, и когда мелко-житейскія и матеріальныя стремленія возводятся въ принципъ и получаютъ какъ бы оправданіе въ плохо продуманныхъ, софистическихъ, яко бы научныхъ общеніяхъ.

Пятый отдѣлъ состоитъ изъ воспоминаній Кавелина о вождахъ русской умственной жизни тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, подъ влияніемъ которыхъ сложились его собственныя убѣжденія, и изъ его замѣтокъ объ искусствѣ. Грановскій, Вѣлинскій и первые московскіе славянофилы — вотъ на комъ съ любовью и признательностью останавливается Кавелинъ въ этомъ отдѣлѣ. Прочитывая его талантливныя строки о названныхъ дѣятеляхъ русской мысли, ясно ощущаешь, что именно связывало съ ними Кавелина, что усвоилъ онъ отъ нихъ. Его блестящія характеристики московскихъ литературныхъ кружковъ того времени, ихъ идеаловъ и стремленій и такихъ личностей, какъ Грановскій, Вѣлинскій, Елагина и первые славянофилы, — являются крупнымъ вкладомъ въ исторію русской культуры и вмѣстѣ съ тѣмъ богатымъ матеріаломъ для исторіи умственнаго развитія самого Кавелина. Особенно интересны впервые въ полномъ видѣ появляющіяся въ печати воспоминанія его о Вѣлинскомъ, въ которомъ Кавелинъ выше всего цѣнитъ нравственныя свойства, преклоняется передъ нимъ, главнымъ образомъ, какъ передъ характеромъ.

Четвертый томъ «Сочиненій К. Д. Кавелина» заключаетъ въ себѣ двѣ части, соединенныя между собою не органически, а механически: этнографію и правовѣдѣніе. Такого соединенія требовала внѣшняя сторона изданія: иначе томы «Сочиненій» были бы очень неравномѣрны по объему.

Монографіи Кавелина по этнографіи доселѣ принадлежатъ къ лучшимъ руководящимъ монографіямъ въ этой еще неустановившейся отрасли знанія. Путемъ научнаго анализа современнаго намъ быта русскихъ крестьянъ и ихъ обрядовыхъ пѣсенъ, Кавелинъ еще въ исходѣ сороковыхъ годовъ далъ массу любопытнѣйшихъ указаній на до-историческій бытъ славяноруссовъ и преподавалъ научный методъ для такихъ этнографическихъ изслѣдованій. Въ своихъ научныхъ выводахъ и предположеніяхъ въ области этнографіи онъ опередилъ научныя знанія своего времени, приблизясь къ теперешнимъ приемамъ изслѣдованія, на что уже было сдѣлано указаніе М. П. Кулишеромъ въ статьѣ: «Кавелинъ и русская этнографія», помѣщенной въ «Вѣстникѣ Европы» 1885 г. августъ, стр. 657—665.

Монографіи по правовѣдѣнію распадаются собственно на двѣ главныя части: исторію русскаго права (отд. II-й IV-го тома) и правовѣдѣніе вообще и гражданское право (отд. III-й и IV-й того же тома). Важнѣйшая изъ монографій Кавелина по исторіи русскаго права есть его магистерская диссертация, защищенная имъ въ Московскомъ университетѣ въ 1844 году и сразу доставившая ему почетное имя въ наукѣ исторіи русскаго права; эта диссертация—«Основныя начала русскаго судоустройства и гражданского судопроизводства отъ уложенія до учрежденія о губерніяхъ (1649—1775)», а равно и помѣщенные вслѣдъ за ней во II отдѣлѣ IV-го тома рецензіи и замѣтки по существу своихъ положеній примыкаютъ къ монографіямъ Кавелина по русской исторіи, въ которыхъ онъ является изслѣдователемъ преимущественно русскаго юридическаго и государственнаго быта. Что же касается до III-го и IV-го отдѣловъ IV-го тома, то они почти исключительно посвящены гражданскому праву, основной официальной специальности Кавелина. Пишущій эти строки не юристъ вообще и не цивилистъ въ частности, но онъ, основываясь на отзывахъ компетентныхъ ученыхъ цивилистовъ, считаетъ себя въ правѣ заявить, что серьезный изслѣдователь правовыхъ явленій, чуждый шаблоннымъ рамкамъ ученій римскаго права, всегда найдетъ въ этихъ монографіяхъ Кавелина много для себя новаго и поучительнаго. Въ особенности въ этомъ отношеніи важны слѣдующія монографіи Кавелина: 1) что есть гражданское право и гдѣ его предѣлы? 2) статьи о гражданскомъ уложеніи, составляющія послѣдній IV-й отдѣлъ тома. Во всѣхъ этихъ монографіяхъ Кавелинъ даетъ новое опредѣленіе гражданского права, какъ ученія исключительно о юридическихъ отношеніяхъ, вытекающихъ изъ права имущественнаго и изъ обязательствъ, удѣляя много мѣста русскому обычному праву и начертывая цѣлую программу русскаго гражданского уложенія, до сихъ поръ представляющаго камень преткновенія для нашихъ юристовъ. Монографіи Кавелина по гражданскому праву въ свое время вызвали противъ него цѣлый походъ со стороны «правовѣрныхъ» юристовъ, изъ которыхъ нѣкоторые сдѣлали весьма вѣскія возраженія Кавелину, указывая ему на рядъ допущенныхъ имъ парадоксовъ и нѣкоторыхъ произвольныхъ выводовъ. Кавелинъ не оставилъ своихъ оппонентовъ безъ возраженій. Библиографія этой юридической полемики приведена въ «Примѣчаніяхъ» къ IV-му тому (см. стр. 1323—1324).

Къ четвертому тому «Сочиненій Кавелина», кромѣ примѣчаній, приложены также: 1) его портретъ изъ семидесятыхъ годовъ, 2) списокъ его сочиненій и статей въ хронологическомъ порядкѣ и 3) списокъ статей о немъ. Этотъ послѣдній списокъ далеко не полонъ. Лицо, составлявшее его, проживаетъ въ провинціи, а потому и не могло имѣть подъ руками всѣхъ періодическихъ изданій, необходимыхъ для этой цѣли.

Д. Жорсаковъ.

К. В. Харламповичъ. Іосифъ Курцевичъ, архіепископъ суздальскій, бывшій владимирскій и брестскій (1621—1624). Почаевъ. 1900.

Г. Харламповичъ—одинъ изъ трудолюбивѣйшихъ и внимательныхъ изслѣдователей по исторіи западно-русской церкви. Его диссертация о западно-русскихъ школахъ, отзывъ о которой въ свое время былъ помѣщенъ на страни-

цахъ нашего журнала, принадлежитъ къ числу наиболѣе полныхъ на русскомъ языкѣ изслѣдованій по исторіи просвѣщенія въ Западной Россіи и упрочила за авторомъ ту лестную репутацію, въ силу которой каждое новое изслѣдование его вызываетъ къ себѣ и интересъ, и вниманіе. Настоящій небольшой очеркъ, посвященный описанію «многомятежной», по выраженію автора, жизни одного изъ западно-русскихъ церковныхъ дѣятелей, составленъ съ знаніемъ дѣла и тою свободой въ пользованіи матеріаломъ, какая присуща присяжному специалисту въ данной области.

Іосифъ Курцевичъ—не перворазрядный дѣятель западно-русской церкви. За нимъ не числятся выдающихся заслугъ на церковно-гражданскомъ поприщѣ; не сіяетъ его имя и въ сонмѣ учителей вѣры и благочестія. Правда, Курцевичъ былъ въ числѣ тѣхъ избранниковъ, которые были рекомендованы запорожскимъ казачествомъ патріарху іерусалимскому Теофану въ качествѣ кандидата на епископскую кафедру въ эпоху реставраціи западно-русской іерархіи. Но какъ только выяснилось, что епископскій санъ налагаетъ не только почетъ, но и многотрудныя обязанности (многотрудныя въ особенности въ ту тяжелую для православія эпоху), Курцевичъ, нимало не задумываясь, оставилъ свою паству и перешелъ въ Москву, «куда его манила надежда на спокойную, обезпеченную и почетную жизнь вблизи царя» (стр. 15). Интересно отмѣтить, что даже въ своей челобитной царю и патріарху Курцевичъ нисколько не скрывалъ настоящихъ мотивовъ своего перехода, не прикрывался высокими цѣлями: «аще ми сущу въ Литовской земли,—пишетъ онъ,—и егда услышахъ и увидѣхъ вашу царскую неизреченную къ себѣ милость и великое жалованье и абіе возненавидѣхъ вся яже имѣлъ и возненацевахъ все тамошнее житіе и желяхъ си всегда въ умѣ своемъ да быхъ сподобился и зрѣніемъ вашихъ пресвѣтлыхъ царскихъ очей всегда наслаждатися»... Надежда на «великое жалованье» нисколько не обманула Курцевича. «Ежедневно лично для себя онъ получалъ по кружкѣ романи, ренскаго и другихъ винъ, по четверти меду малиноваго, вишневаго, смородиннаго, по ведру меду паточнаго и ковшечнаго, по три ведра пива дѣльнаго да по три простого» (стр. 19). Кормы, отпущавшіеся епископу Іосифу съ дворца, были такъ обильны, что г. Харламовичу пришлось удѣлить полстраницы простому перечню ихъ. Помимо всего этого Іосифъ получалъ деньгами по 5 алтынъ въ день, лицамъ же его свиты назначено было особое жалованье и особые кормы, по рангамъ. Въ Москвѣ встрѣтили Курцевича очень радушно и дали ему суздальскую архіепископію, гдѣ онъ прежде всего озаботился «укрѣпленіемъ за кафедрой принадлежащихъ ей вотчинъ» (стр. 31). Но вскорѣ московскимъ властямъ пришлось разочароваться въ личности пришельца. «Іосифъ обнаружилъ корыстолюбіе, самоуправство и слабость характера, не могущаго ни справиться съ собственными порочными наклонностями, ни обуздать приближенныхъ лицъ», которые принесли въ Суздаль понятія и нравы, вовсе не соответствующіе свитѣ архіерея. Достаточно сказать, что «Іосифовскій строитель Варлаамъ Соколовскій, ѣздячи отъ него по низовымъ городамъ, многихъ людей мучилъ и побивалъ до смерти и вѣшалъ безъ покаянія, и дѣвъ и женъ осквернялъ» (стр. 34). Участіе самого Іосифа во всѣхъ этихъ и подобныхъ безчинствахъ было настолько очевидно,

что только благоволеніемъ къ нему патріарха Филарета можно объяснить его долгую безнаказанность. Когда же патріархъ Филаретъ умеръ, Іосифу пришлось разстаться съ святительскимъ саномъ. При разслѣдованіи одинъ изъ свидѣтелей «сказалъ и объявилъ въ своемъ челобитію все его нехристіанское житіе и ругательное христіаномъ всякое воровство, что писати и слышати православнымъ христіаномъ и страшно и плачевно», въ родѣ, напримѣръ, того, что Іосифъ «дѣлалъ втайнѣ блудъ и мясо ѣлъ съ блудницею скверною» (стр. 36). Іосифъ былъ лишенъ сана и сосланъ въ Соловецкій монастырь, а оттуда переведенъ въ Казанскій Зилантовъ монастырь, гдѣ и скончался. «Приходится очень и очень жалѣть, — говоритъ г. Харламовичъ въ заключеніе своего очерка, — что Іосифъ, еще со времени ссылки въ Сійскій монастырь, былъ лишенъ чернилъ и бумаги. Человѣкъ съ сильными страстями, притомъ образованный и бывалый, онъ могъ бы сообщить въ нихъ немало, если не для самооправданія, то для своей характеристики» (стр. 38).

Мы не раздѣляемъ этого сожалѣнія, высказаннаго г. Харламовичемъ. Іосифъ Курцевичъ — не настолько крупная личность, чтобы стоило сокрушаться о скудости данныхъ, обрисовывающихъ его нравственный обликъ. Намъ кажется, что и сообщенныхъ г. Харламовичемъ свѣдѣній о Курцевичѣ, соразмѣрно съ его очень скромною историческою ролью, болѣе чѣмъ достаточно. Не скроемъ, что при чтеніи очерка насъ не столько интересовала личность Курцевича, сколько приемы и методъ самого изслѣдованія. Добросовѣстность и мелочная кропотливость, съ которою г. Харламовичъ собралъ, можно сказать, по зернышкамъ и сгруппировалъ всѣ свѣдѣнія объ этомъ малозначительномъ западно-русскомъ дѣятелѣ, рекомендуютъ намъ въ лицѣ автора одного изъ тѣхъ изслѣдователей, которые не поверхностно заинтересованы избранною областью. Судьбы Западной Россіи достаточно разработаны въ польской исторической литературѣ, въ русской же — въ этой области остается немало пробѣловъ. Нельзя не порадоваться, что г. Харламовичъ посвятилъ себя заполненію этихъ пробѣловъ: мы увѣрены, что онъ включитъ въ область своего изслѣдованія темы, гораздо болѣе интересныя и содержательныя, чѣмъ личность Іосифа Курцевича.

Х. Р. А.—вичъ.

Сборникъ правилъ по обезпеченію народнаго продовольствія. Выпускъ первый. Составилъ Г. Г. Савичъ. Изданіе неофіціальное. Спб. 1900.

Книга, вышедшая подъ этимъ скромнымъ заглавіемъ, заключаетъ въ себѣ первый полный историческій и систематическій сводъ законодательнаго матеріала по обезпеченію народнаго продовольствія. Въ первомъ ея выпускѣ помѣщены временныя правила 12 іюня 1900 года по обезпеченію продовольственныхъ потребностей сельскихъ обывателей въ губерніяхъ, въ коихъ введено Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, и въ губерніяхъ западныхъ, — законодательныя соображенія, на коихъ означенныя правила основаны, дополнительныя къ тѣмъ правиламъ постановленія свода законовъ, высочайшихъ повелѣній, инструкцій и циркулярныхъ распоряженій мини-

стерствъ, а также свѣдѣнія о состояніи продовольственныхъ средствъ въ 1900 году; къ книгѣ приложена карта состоянія озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ, къ 1 августа 1900 г., на всемъ пространствѣ Европейской Россіи. Уже изъ этого краткаго перечня содержанія книги видно, что она должна быть настольною для лицъ, имѣющихъ отношеніе къ продовольственному дѣлу; пользование ею облегчается для нихъ образцово и подробно составленнымъ предметнымъ указателемъ, исчерпывающимъ все возможные случаи примѣненія дѣйствующаго законодательства къ практической постановкѣ продовольственнаго дѣла. Но, кромѣ того, данныя, собранныя въ книгѣ, даютъ весьма цѣныя указанія и по исторіи народнаго продовольствія въ Россіи: въ ней находятся точныя, официальныя свѣдѣнія объ отношеніи къ нему земства и администраціи за истекшее 30-ти-лѣтіе, въ большинствѣ случаевъ, къ сожалѣнію, мало утѣшительныя для обѣихъ сторонъ, и документально воспроизведены перипетіи, которыя проходило продовольственное дѣло въ высшихъ установленіяхъ имперіи послѣ страшнаго неурожая 1891 года. Все данныя книги свидѣтельствуютъ о неурядицѣ, господствовавшей и отчасти господствующей у насъ въ дѣлѣ обезпеченія продовольственныхъ потребностей крестьянъ, благодаря отсутствію взаимодѣйствія въ этой области всехъ государственныхъ и общественныхъ силъ, отсутствію должной организаціи. «Земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ», такъ и хочется сказать по прочтеніи многихъ собранныхъ въ книгѣ матеріаловъ недавняго сравнительно происхожденія. Такъ, наиримѣръ, оказывается, что въ губерніяхъ, гдѣ введено Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, состояніе хлѣбныхъ запасовъ къ 1 января 1891 г. было значительно хуже, чѣмъ въ губерніяхъ неземскихъ, исключительно благодаря недостаточному надзору за храненіемъ этихъ запасовъ со стороны земскихъ управъ; въ то же время обнаруживается цѣлый рядъ недочетовъ въ земской дѣятельности по продовольственному дѣлу, происходящихъ вслѣдствіе невозможности для мѣстныхъ земскихъ органовъ ориентироваться въ государственномъ дѣлѣ, требующемъ совокуннаго дѣйствія правительственныхъ и общественныхъ силъ на районахъ, захватывавшихъ пространство въ нѣсколькихъ десяткахъ губерній. Органы администраціи также во многихъ отношеніяхъ не стояли на высотѣ своего призванія, признавая за критерій плодотворности своей дѣятельности лишь «предѣлы своего вѣдѣнія», и упускали изъ вида сущность дѣла, входя въ подробности чисто канцелярскаго свойства. Становится очевиднымъ, прежде всего, что законодательная дѣятельность правительства по обезпеченію продовольственныхъ потребностей крестьянъ ушла значительно впередъ отъ практическаго примѣненія изданныхъ законоположеній, часто остававшихся лишь на бумагѣ или приводившихъ лишь къ безплодной перепискѣ. Одинъ изъ циркуляровъ къ губернаторамъ 1892 г. гласилъ слѣдующее: «Суслики или овражки приносятъ, какъ извѣстно вашему превосходительству, весьма значительный вредъ земледѣлію въ нѣкоторыхъ губерніяхъ имперіи, но принимаемыя мѣры къ ихъ истребленію не всегда сопровождаются благоприятными результатами», и затѣмъ рекомендовалось новое средство, испытанное уже, по донесеніямъ, въ Оренбургской губерніи, гдѣ «истребленіе сусликовъ производилось преимущественно сѣрнистымъ углеро-

домъ, при помощи котораго въ одномъ только Оренбургскомъ уѣздѣ уничтожено свыше 6 миллионъ животныхъ»...

Въ предисловіи къ «Сборнику» составитель его, Г. Г. Савичъ, уясняя смыслъ новыхъ временныхъ правилъ по обезпеченію продовольственныхъ потребностей сельскихъ обывателей, выражаетъ надежду, что правила эти, не стѣсняя дѣятельности земскихъ учреждений въ дѣлѣ народнаго продовольствія въ предоставленныхъ имъ закономъ рамкахъ, обезпечатъ сельскому населенію, въ случаяхъ недорода хлѣба, и помощь въ продовольствіи, и обмѣненіе полей впредь до изданія общаго устава о народномъ продовольствіи. При соединяясь къ этой заманчивой надеждѣ, мы видимъ ручательство въ ея осуществленіи не только въ принятой уже мѣрѣ сосредоточенія дѣла удовлетворенія продовольственныхъ потребностей сельскихъ обывателей въ крестьянскихъ учрежденіяхъ, какъ органахъ, которымъ вообще вѣрено попеченіе объ этой части населенія, но и въ признанной уже необходимости государственной организаціи продовольственнаго дѣла на широкихъ началахъ, а также въ сообщеніи составителя «Сборника», что «общія мѣропріятія по народному продовольствію, при изданіи новаго продовольственнаго устава, образуютъ широкую область государственнаго содѣйствія сельско-хозяйственной дѣятельности частныхъ лицъ и обществъ». На этой почвѣ — «кормленія земли русской», хватить дѣла для всѣхъ: и для правительства, и для земства, и для частныхъ лицъ и обществъ, при одномъ условіи—единенія и порядка. На этой почвѣ должны сойтись всѣ русскіе люди, забывъ о своихъ партійныхъ «ключкахъ» и «знаменахъ».

Е. Ш.

Оборникъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Выпускъ 7-й. Изданіе комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. Москва. 1900.

Въ седьмомъ выпускѣ «Сборника архива иностранныхъ дѣлъ» закончены двѣ большихъ капитальныхъ работы: изслѣдованіе г. С. А. Вѣлюкурова «О библиотекъ московскихъ государей» и «Историческій очеркъ русскихъ консульствъ за границей» г. В. А. Уляницкаго. Труды гг. Вѣлюкурова и Уляницкаго вышли отдѣльными изданіями еще до выхода въ свѣтъ сборника. Такъ какъ эти труды подлежатъ обсужденію въ отдѣльныхъ замѣткахъ, то мы остановимъ свое вниманіе на остальныхъ статьяхъ седьмого выпуска. Ихъ три: 1) Судебникъ царя Θεодора Ивановича 1589 года. По списку собранія Θ. Θ. Мазурина. Съ предисловіемъ С. К. Богоявленскаго; 2) Архивъ константинопольскаго посольства.—кн. Н. В. Голицына; 3) Письмо императрицы Екатерины II кн. А. М. Голицыну о первыхъ дняхъ жизни великаго князя Николая Павловича (внослѣдствіи императора) и по поводу слуховъ о бракѣ великой княжны Александры Павловны, іюля 1796 года. Изъ собранія Θ. Θ. Мазурина. Съ предисловіемъ Н. В. Рождественскаго.

Въ этомъ до сихъ поръ неизвѣстномъ письмѣ Екатерина II пишетъ о своемъ внукѣ своимъ обычнымъ стилемъ съ своей обычной орѳографіей: «онъ родился ростомъ четырнадцати вершковъ, въ седьмой день отъ рожденія при-

нуждены были уже кормить его кашею потому что не престанно просить кушать а кушает двѣ чашки въ день онъ головою отъ рожденія поворачиваетъ какъ большой человѣкъ, а голосъ у него такой громкой и сыльной что удивися должно услыши его». Приблизительно то же самое писала Екатерина о внука въ письмахъ къ Гримму, такъ что новаго въ этой характеристикѣ нѣтъ.

Статья кн. Н. Голицына даетъ «очеркъ исторіи, содержанія и способа описанія въ архивѣ константинопольскаго посольства». Этотъ архивъ, находящійся въ настоящее время въ Московскомъ главномъ архивѣ, обнимаетъ дѣла нашего посольства, съ 1721 по 1852 годъ, являясь лѣтописью нашей политики на востокъ. Онъ содержитъ, кромѣ официальныхъ бумагъ, еще частныя: изъ послѣднихъ нужно отмѣтить дающія богатѣйшій матеріалъ письма графа Нессельроде къ посланнику Бутеневу съ 1829 по 1844 годъ. Такимъ образомъ, въ этомъ архивѣ представлена вся исторія восточнаго вопроса съ царствования Петра Великаго до крымской войны. Правда, эта исторія изложена въ одностороннемъ освѣщеніи, но это не мѣшаетъ архиву имѣть значеніе первостепеннаго источника для нашей политической исторіи. До сихъ поръ этотъ архивъ не былъ предметомъ ученаго изслѣдованія, и очеркъ кн. Голицына долженъ послужить будущимъ изслѣдователямъ руководствомъ при пользованіи имъ и его описью.

Но, несомнѣнно, самую интересною вещью седьмого выпуска «Сборника» является новинка въ полномъ смыслѣ этого слова—такъ называемый судебникъ царя Θεодора Ивановича. Слухи о его находкѣ распространились въ ученомъ мірѣ еще до его изданія, проникли въ печать кое-какія свѣдѣнія о немъ, возбуждившія сильный интересъ и большія надежды,

Тексту судебника предшествуетъ анализъ содержанія, сдѣланный г. Богословскимъ, и изложеніе тѣхъ выводовъ, къ которымъ пришелъ проф. В. О. Ключевскій, подвергнувшій обсужденію новый памятникъ древне-русскаго права въ засѣданіяхъ общества исторіи и древностей руссійскихъ. На первой страницѣ рукописи судебника читаемъ, что царь Θεодоръ Ивановичъ уложилъ этотъ судебникъ вмѣстѣ съ патриархомъ Іовомъ, митрополитомъ Александромъ, боярами и со вселенскимъ соборомъ 14-го іюля 1589 года. Эта запись даетъ право приписывать судебнику правительственное происхожденіе, но нужно согласиться съ изслѣдователями памятника въ томъ, что судебникъ не былъ изданъ, такъ какъ на послѣдующихъ законодательныхъ памятникахъ не отразилось вліяніе судебника царя Θεодора Ивановича. Этотъ памятникъ нужно признать лишь проектомъ переработки царскаго судебника 1550 года, набросаннымъ начерно и плохо выполненнымъ. Значеніе этого проекта для исторіи русскаго права опредѣляется проф. Ключевскимъ слѣдующимъ образомъ: «Обычное право различными путями, между прочимъ, посредствомъ отдѣльныхъ судебныхъ рѣшеній, нерѣдко съ доклада государю, становившихся обязательными прецедентами, проникало въ практику московскихъ судовъ, постепенно накопля запасъ юридическихъ нормъ, образовавшихъ судебный обычай. Этотъ непрерывный притокъ нормъ обычнаго права въ судебную практику вызывалъ потребность въ періодическомъ пересмотрѣ и пополненіи московскаго судебника. Послѣ второго судебника къ этимъ побужденіямъ прибавилось еще новое: почув-

стивалася потребность расширить самое содержание прежнихъ судебныхъ, скудное положеніями матеріальнаго права». Главное вниманіе при чтеніи этого памятника обращается къ тѣмъ его статьямъ, которыя являются или совершенно новыми (67 статей) или сильно передѣланными сравнительно съ судебникомъ 1550 года. Эти статьи приносятъ кое-что новое. Очень важное указаніе находимъ въ 23 статьѣ: кабальная запись на крестьянъ должна писаться на сумму, вдвое большую занятой. По всей вѣроятности, имѣется въ виду неоплатнымъ долгомъ ограничить крестьянскую свободу. Цѣнный матеріалъ для изученія состава тогдашняго общества находится въ статьяхъ о безчестьи, перечисляющихъ 31 разрядъ лицъ, за оскорбленіе которыхъ взимается различная пеня. Сравнительно съ судебникомъ 1550 года, здѣсь указаны размѣры безчестья за оскорбленіе средняго и меньшаго гостя, крестьянина-торговца или ростовщика, церковнаго причта, нищихъ, скомороховъ, незаконнорожденныхъ, преступниковъ, ратныхъ людей и каменщиковъ. Любопытна статья о наследованіи; въ случаяхъ отсутствія завѣщателя, послѣ отца наследуютъ сыновья и дочери поровну; но есть и другая статья (и въ судебникѣ Θεодора Ивановича и въ судебникѣ Грознаго), по которой, если нѣтъ сына, наследуетъ дочь. До сихъ поръ послѣдняя статья толковалась, какъ запрещеніе наследовать дочерямъ при живыхъ сыновьяхъ. Первая статья устраняетъ это толкованіе. Новыя данныя приносятъ такъ называемый судебникъ Θεодора Ивановича о мошенничествѣ. Въ судебникѣ царя Іоанна IV ученіе о мошенничествѣ было изложено туманно; явилось мнѣніе, будто преступленіе мошенничества не было доступно сознанію нашихъ предковъ. Судебникъ царя Θεодора назначаетъ опредѣленные наказанія за мошенничество. По вопросу о крестьянскомъ землевладѣніи въ новомъ памятникѣ находятся нѣкоторыя новыя свѣдѣнія. Любопытны также статьи, охраняющія владѣніе домашними животными и преслѣдующія даже содержаніе дорогъ и мостовъ.

Трудно, конечно, исчерпать все содержаніе судебного 1589 года; несомнѣнно, историки русскаго права не разъ примутъ въ соображеніе новый памятникъ въ своихъ изслѣдованіяхъ.

Щ.

В. В. Сиповскій. Н. М. Карамзинъ, авторъ «Писемъ русскаго путешественника». Спб. 1899.

Относительно дѣятельности Карамзина чуть ли не съ самаго ея начала и до нашего времени мы встрѣчаемся со множествомъ другъ другу противорѣчащихъ отзывовъ: въ то время какъ одни безусловно преклонялись передъ произведеніями и личностью этого писателя, приглашали съ благоговѣніемъ «шентать его святое имя», другіе жестоко на него нападали и съ чисто-литературной и съ общественной точки зрѣнія. И въ тѣхъ и въ другихъ отзывахъ замѣчалась крайняя страстность, чувствовалось преувеличеніе, мѣшавшее спокойной объективной оцѣнкѣ дѣятельности писателя, игравшаго такую важную роль въ исторіи нашего умственнаго развитія. Время для такой оцѣнки, казалось бы, уже давно наступило, а между тѣмъ для ея подготовки почти что ничего не сдѣлано, такъ какъ до послѣдняго времени мы не имѣли трудовъ,

посвященныхъ детальной, научной разработкѣ вопросовъ, связанныхъ съ литературно-общественною дѣятельностью Карамзина. Мы считаемъ себя вправѣ высказывать такое утвержденіе, несмотря на существованіе громадной спеціально-карамзинской литературы: дѣло въ томъ, что, за немногими исключеніями, какими надо считать труды Тихонравова, Галахова, П. Н. Милюкова, А. Н. Пышина, Бестужева-Рюмина, все писанное о Карамзинѣ представляется въ видѣ огульныхъ сужденій, истекающихъ не изъ внимательнаго изученія его біографіи и текста его произведеній, а изъ личныхъ симпатій или антипатій критиковъ. Важнѣйшіе вопросы о вліяніяхъ, подъ которыми сложилась литературная работа Карамзина, о кругѣ его литературныхъ и общественныхъ интересовъ, о житейскихъ обстоятельствахъ, отражавшихся въ его творчествѣ и, наконецъ, о его собственномъ вліяніи на русскую литературу не могутъ считаться обстоятельно обследованными, а иногда такіе вопросы даже вовсе не затронуты.

Между тѣмъ, пока основательно не разобраны подробности, трудно разсчитывать на прочность общихъ построеній, и поэтому понятно, какое важное значеніе имѣетъ всякая попытка приступить къ детальнымъ изученіямъ, и мы не можемъ не привѣтствовать новаго дѣятеля, рѣшившагося пойти по этому пути, какъ это сдѣлалъ молодой ученый В. В. Сиповскій въ своемъ обширномъ сочиненіи, посвященномъ «Письмамъ русскаго путешественника». Прежде всего изслѣдователю представлялась задача опредѣлить генезисъ «Писемъ», т.-е. выяснить, поскольку они являются отраженіемъ личности Карамзина, указать, каковы ихъ литературные источники, и каково отношеніе Карамзина къ этимъ источникамъ, и, наконецъ, установить послѣдовательную исторію ихъ текста. Съ такою постановкой изученія, съ такимъ широкимъ его объемомъ мы раньше не встрѣчались, и уже въ этомъ одномъ нельзя не видѣть большой заслуги г. Сиповскаго. Если же мы посмотримъ, какъ разрѣшены намѣченные вопросы, то и въ этомъ отношеніи намъ придется признать выдающуюся цѣнность разбираемаго изслѣдованія. Тщательное (доходящее, пожалуй, до мелочности) сличеніе текста различныхъ изданій «Писемъ» позволило г. Сиповскому возстановить процессъ работы Карамзина надъ этимъ составившимъ эпоху произведеніемъ, а также уяснить тѣ внѣшнія причины, которыя заставляли вносить въ текстъ тѣ или другія измѣненія. Можно сказать, что эта часть работы занимаетъ слишкомъ много мѣста, что отведенные ей въ книгѣ десятки страницъ представляютъ собою черновую работу, которую авторъ могъ бы и скрыть, но такое замѣчаніе, въ извѣстной мѣрѣ справедливое, касается только формы, а не существа дѣла, такъ какъ подобную черновую работу, несмотря на ея кропотливость и даже скуку, добросовѣстному изслѣдователю произвести было необходимо, во всякомъ случаѣ, а выводы, изъ нея полученные, имѣютъ несомнѣнную научную цѣнность.

Въ такой же степени цѣнными являются многочисленныя указанія источниковъ для «Писемъ» Карамзина. Въ этихъ своихъ разысканіяхъ г. Сиповскій имѣлъ предшественника въ лицѣ покойнаго Н. С. Тихонравова, который въ одной изъ своихъ статей мелькомъ замѣтилъ, что у Карамзина въ его «Письмахъ» есть заимствованія у разныхъ европейскихъ писателей. Г. Сиповскій

провѣрилъ это мимоходомъ брошенное замѣчаніе и, внимательно изучивъ современную Карамзину европейскую литературу путешествій, значительно увеличилъ число указанныхъ Тихонравовымъ источниковъ и, что особенно важно, опредѣлили ту точку зрѣнія, съ которой слѣдуетъ относиться къ «заимствованиямъ» Карамзина, выяснивъ, что прямыхъ заимствованій Карамзинъ не дѣлалъ. Однако въ этомъ отношеніи молодой изслѣдователь не избѣгъ увлеченія, свойственнаго весьма многимъ авторамъ биографій: онъ впалъ въ культъ своего героя и, стремясь оправдать его отъ обвиненія въ плагиатѣ (которое, будто бы, находится у Тихонравова), мѣстами затушевалъ явныя заимствования, каковы, напримѣръ, тѣ, которыя произведены Карамзинымъ изъ сочиненія Морица «Reise eines deutschen in England». Тѣмъ не менѣе мы повторяемъ, что, несмотря на такое увлеченіе, эта часть работы г. Сиповскаго является важнымъ приобретениемъ для науки.

Существенно важною стороною въ вопросѣ о генезисѣ «Писемъ» было опредѣленіе того, насколько въ этомъ произведеніи отразилась личность Карамзина, а для этого г. Сиповскому пришлось заняться биографіей Карамзина до его заграничнаго путешествія. Въ этой части работы авторъ шелъ уже по расчищенной дорогѣ: труды прежнихъ изслѣдователей очень многое уяснили въ процессѣ развитія Карамзина до его поѣздки, и г. Сиповскому оставалось пользоваться уже добытыми результатами, при чемъ, однако, группируя нѣсколько иначе факты, чѣмъ это дѣлали его предшественники, онъ даетъ имъ другое освѣщеніе. Но тутъ-то сильнѣе всего сказывается вредная сторона отмѣченнаго нами выше преклоненія передъ героемъ, и объективный изслѣдователь обращается почти въ панегириста. Благодаря этому, остается въ книгѣ г. Сиповскаго очень мало выясненнымъ значеніе Ленца и Петрова, отношеніямъ Карамзина къ Новикову и къ массонству дано какое-то неопредѣленное освѣщеніе, и какъ ни старается авторъ объяснить перемѣну Карамзина въ отношеніяхъ къ Новиковскому кружку благовидными мотивами, нетвердость убѣжденій и оппортунизмъ будущаго исторіографа врядъ ли могутъ быть отрицаемы и оправдываемы. То же слѣдуетъ сказать и о неопредѣленности политическихъ и литературныхъ взглядовъ Карамзина въ это время: г. Сиповскій пытается примирить противорѣчія въ этихъ взглядахъ, но подобныя попытки не ведутъ къ плодотворнымъ результатамъ, и передъ нами Карамзинъ въ этомъ періодѣ своего развитія остается человекомъ, не выработавшимъ еще основъ своего міросозерцанія и не умѣющимъ критически относиться къ чужимъ воззрѣніямъ. Наконецъ, хотя изслѣдователь и много разобралъ образцовъ «сентиментальной» литературы, но намъ кажется, что понятіе о сентиментализмѣ имъ недостаточно выяснено, благодаря чему разные оттѣнки западнаго сентиментализма (къ которому г. Сиповскій относитъ и нѣмецкій Sturm und Drang и даже нѣкоторыя явленія просвѣтительной философіи), а также и являющійся пародіей западнаго русскій сентиментализмъ сливаются въ одно, подъ общимъ названіемъ идеализма.

Эта неопредѣленность представленія о сентиментализмѣ, въ связи съ упомянутымъ стремленіемъ превозносить своего героя, привела г. Сиповскаго къ самымъ произвольнымъ выводамъ въ той части его работы, гдѣ онъ пытается

разъяснить значеніе «Писемъ русскаго путешественника» для русской литературы: найдя въ нихъ, кромѣ идеализма, также и реализмъ, увлекшійся ученый производитъ отъ нихъ всѣ гуманныя стремленія нашей литературы вплоть до Тургенева и Достоевскаго. Здѣсь уже совсѣмъ забыто мудрое правило «*est modus in rebus*», и окончательно ступшевались всякія различія между отдѣльными теченіями новой русской литературы.

Таковы тѣневныя стороны разсматриваемаго изслѣдованія, но онѣ не должны заслонять отъ насъ крупныхъ достоинствъ книги, которая даетъ очень и очень много для лучшаго пониманія дѣятельности Карамзина и потому должна считаться цѣннымъ вкладомъ въ исторію русской литературы. Увлеченія, одно-сторонность сужденій могутъ исчезнуть, а талантливость изложенія, широкое знакомство съ русскою и европейскими литературами и умѣніе распутывать сложныя задачи позволяютъ намъ привѣтствовать въ лицѣ В. В. Сиповскаго полезнаго работника на поприщѣ изученія русской словесности.

А. Вороздинъ.

Вольтеръ. Шесть лекцій Давида Фридриха Штрауса. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1900.

Въ исторіи «просвѣщенія» XVIII в. Вольтеръ занимаетъ первое мѣсто, такъ какъ онъ былъ главнымъ представителемъ и вождемъ всей философіи этого столѣтія. Извѣстно, что одинъ изъ лучшихъ его біографовъ Морлей говоритъ, что вольтеріанизмъ во Франціи имѣетъ почти такое же значеніе, какъ католицизмъ, эпоха возрожденія и кальвинизмъ. Не только философія Вольтера и его литературная дѣятельность представляютъ крупный интересъ, но сама личность великаго короля философовъ полна живого интереса. Важно, конечно, опредѣлить, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на Вольтера: вѣдь, собственно, спеціально въ исторіи философіи Вольтеръ не имѣетъ большого значенія, равно какъ въ исторіи политическихъ ученій его имя не можетъ стоять рядомъ съ Монтескье, Руссо, Мабли, не имѣетъ онъ первокласснаго значенія и спеціально въ области изящной литературы. Но съ точки зрѣнія исторіи культуры Вольтеръ, и только онъ одинъ, былъ самымъ полнымъ выразителемъ духа XVIII в. Съ такой именно точки зрѣнія и написана книга Штрауса, написанная имъ въ 1870 г.

Гете назвалъ Вольтера типичнымъ французскимъ писателемъ, Штраусъ гораздо полнѣе опредѣляетъ его, называя Вольтера типичнымъ писателемъ XVIII в. Жизнь Вольтера Штраусъ раздѣляетъ на четыре періода. Первый періодъ жизни философа—его юность и молодые годы до 1726 г., когда Вольтеръ долженъ былъ удалиться въ Англію. Трехлѣтнее пребываніе Вольтера въ Англіи составляетъ второй періодъ его жизни. Третій періодъ открывается переселеніемъ Вольтера къ прусскому королю Фридриху II. Послѣдній періодъ, самый важный, представлявшій наиболѣе счастливую и значительную эпоху жизни Вольтера, начинается съ переселенія философа въ Ферней. Такъ какъ это сочиненіе Штрауса составилось изъ лекцій, читанныхъ передъ высшимъ нѣмецкимъ обществомъ, то историкъ старается сократить количество сырого

матеріала. Его методъ, какъ онъ самъ говоритъ, состоитъ въ изображеніи въ общихъ чертахъ характера и важнѣйшихъ событій каждаго изъ четырехъ періодовъ жизни Вольтера. Далѣе, талантливый историкъ поставилъ себѣ задачей охарактеризовать важнѣйшія личности, съ которыми Вольтеръ входилъ въ соприкосновеніе, выяснить ихъ взаимныя отношенія, дать отчетъ о каждомъ значительномъ произведеніи, относящемся къ каждому періоду жизни, нарисовать наконецъ характеристику этого необыкновеннаго человѣка. Слѣдуетъ добавить, что историкъ остается на нѣмецкой точкѣ зрѣнія, т. е. онъ хочетъ представить Вольтера, какъ человѣка и писателя, и дать характеристику его вліянія на всѣ образованные народы, а не говорить о томъ, чѣмъ былъ Вольтеръ только для Франціи.

Штраусъ кратко рассказываетъ о времени и мѣстѣ рожденія Вольтера, о его пребываніи въ іезуитскомъ коллежѣ, о друзьяхъ юности и первыхъ произведеніяхъ философа, затѣмъ передаетъ извѣстный разговоръ объ оскорбленіи Вольтера герцогомъ де-Роганъ. Пребыванію Вольтера въ Англіи посвящена вторая глава, въ которой дается оцѣнка историческихъ работъ Вольтера и его драматическихъ сочиненій. Онъ указываетъ на то, что для правильной оцѣнки заслугъ Вольтера надо всегда имѣть въ виду, какъ тяжело доставался ему на родинѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ театральныхъ успѣховъ, каждый новый шагъ. Въ группѣ французскихъ трагиковъ Вольтеръ, по остроумному замѣчанію Штрауса, можетъ быть названъ Эврипидомъ французскаго театра. Въ свое изученіе древней поэзіи Вольтеръ внесъ иную натуру. Его чувство возмущалось тою преобладающею ролью элемента любви, какая была у французскихъ поэтовъ. Поэтому во многихъ его позднѣйшихъ произведеніяхъ любовь совершенно исключена, а въ «Смерти Цезаря» нѣтъ даже вовсе женской роли.

Наиболѣе подробная глава изображаетъ пребываніе Вольтера у Фридриха. Штраусъ рассказываетъ здѣсь о перепискѣ между Фридрихомъ и Вольтеромъ, о посѣщеніи Вольтеромъ Рейнзберга и его роли дипломата, о стихахъ для принцессъ и прибытіи въ Потсдамъ. Достаточно выяснено значеніе одной изъ важнѣйшихъ работъ Вольтера во время пребыванія его въ Пруссіи «Исторіи вѣка Людовика XIV». Характеристика Вольтера у Штрауса отличается тѣми достоинствами, что является одною изъ болѣе полныхъ и объективныхъ. Штраусъ не только говоритъ о свѣтлыхъ сторонахъ характера Вольтера, но нисколько не умаляетъ и дурныхъ его качествъ. Онъ не скрываетъ того, что хотя вліяніе Вольтера и имѣло опредѣленное направленіе, однако составлялось оно изъ различныхъ факторовъ, что дѣйствія Вольтера опредѣлялись различными мотивами, какъ похвальными, такъ и непохвальными. Намъ кажется даже, что въ такой небольшой біографіи излишне рассказывать подробно о разныхъ спекуляціяхъ Вольтера, а Штраусъ въ двухъ мѣстахъ книги говоритъ о нихъ. Въ Англіи Вольтеръ собралъ много денегъ и, вернувшись въ Парижъ, старался помѣстить ихъ въ выгодныя предпріятія, принялъ участіе въ лотореѣ, открытой министромъ финансовъ, потомъ въ подрядахъ для арміи, въ скупкѣ хлѣба, морской торговлѣ. Обыкновенно всѣ финансовыя предпріятія Вольтера кончались удачею. Штраусъ приводитъ небезынтересный отрывокъ изъ автобіографическихъ замѣтокъ Вольтера, гдѣ Вольтеръ высказываетъ свой взглядъ

на богатство. «Я видѣлъ столько литераторовъ», говоритъ онъ, «живущихъ въ бѣдности и презрѣннѣи, что я давно рѣшилъ не увеличивать ихъ числа». Биржевыя удачи на родинѣ толкнули Вольтера попытать счастья также въ Берлинѣ, и вотъ грязный процессъ Вольтера съ евреемъ, въ которомъ, какъ писалъ Фридрихъ, «Вольтеръ перехитрилъ евреевъ», возбудилъ всеобщее вниманіе въ городѣ, и въ хорошихъ отношеніяхъ между королемъ и Вольтеромъ появилась трещина. Далѣе Штраусъ рассказываетъ всю анекдотическую исторію пребыванія Вольтера при прусскомъ дворѣ до отъѣзда въ Женеву.

Борьба Вольтера со старымъ порядкомъ составляетъ великую и славную заслугу знаменитаго философа. Штраусъ въ изображеніи этой борьбы пользуется случаемъ коснуться уродливыхъ сторонъ стараго порядка. Онъ ярко обрисовалъ ужасное событіе—казнь Жана Каласа, и горячее участіе въ этомъ дѣлѣ Вольтера. Историкъ замѣчаетъ при этомъ, что Вольтеръ взялся за это дѣло съ такимъ безкорыстнымъ усердіемъ не только потому, что этотъ случай былъ для него очень удачнымъ поводомъ нанести ударъ религіозному фанатизму, но и потому, что это событіе задѣло гуманное чувство Вольтера, его любовь къ справедливости. Въ виду этихъ ужасовъ ему становится стыдно за французовъ, за человѣчество; черезъ всѣ его письма, написанныя по этому поводу, проходитъ лихорадочное возбужденіе. Въ объективномъ сочиненіи Штрауса такое тонкое психологическое замѣчаніе особенно важно, потому что Вольтера очень часто обвиняютъ въ черствости и эгоизмѣ.

Пятая глава книги Штрауса разсматриваетъ Вольтера, какъ философа. «Мы никогда не должны забывать», говоритъ авторъ, «при оцѣнкѣ отношенія Вольтера къ христіанству, того, что онъ принадлежалъ къ народу, на совѣсти котораго лежали Альбигойскія войны и Вареломеевская ночь; и когда мы читаемъ въ одномъ его мнимо лондонскомъ произведеніи: «Если мнѣ кто нибудь говоритъ: думай, какъ я, или тебя накажетъ Богъ, тогда я жду, что онъ мнѣ скоро скажетъ: думай, какъ я, или я тебя убью», то не мѣшаетъ задать небѣ вопросъ: потеряла ли эта фраза свое значеніе для современности?» Извѣстное выраженіе «*écoutez l'infame*» Штраусъ понимаетъ, какъ предметъ ненависти Вольтера къ представителямъ суевѣрія и фанатизма.

Подводя итогъ характеру Вольтера, не отличавшемуся чистотой, Штраусъ главную причину того, что характеръ Вольтера до сихъ поръ не выясненъ, видитъ не только въ партійномъ положеніи поэта, но и въ противорѣчіяхъ его характера. Если сравнить Вольтера съ Гете и Шиллеромъ, то Вольтеру не достаетъ, какъ человѣку, чувства, какъ писателю, глубины. Пока будемъ разсматривать характеръ Вольтера съ общечеловѣческой точки зрѣнія, онъ остается не ясенъ; но онъ становится понятнѣе, если примѣнить къ нему историческую мѣрку. Въ заключеніе Штраусъ выражаетъ изумленіе передъ громадностью его таланта и величіемъ его заслугъ. Его вліяніе, говоритъ онъ, отражается еще на насъ, и мы обязаны ему великою благодарностью. «Онъ освободилъ атмосферу человѣческой мысли отъ многихъ вредныхъ испареній и разбилъ многія оковы человѣческой жизни».

Книга Штрауса написана сжато, но очень доступно и живо. Это одна изъ самыхъ лучшихъ біографій Вольтера, а на русскомъ языкѣ это уже второй переводъ сочиненія нѣмецкаго историка.

П. А—чъ.

Н. Карѣвъ. Учебная книга новой исторіи. Съ историческими картами. Спб. 1900. Его же. Замѣтки о преподаваніи исторіи въ средней школѣ. Спб. 1900.

Историческое преподаваніе въ нашей средней школѣ находится въ довольно печальномъ состояніи. Одною изъ многихъ причинъ этого явленія можно считать недостатокъ въ хорошихъ учебникахъ. Лишь недавно сравнительно появился «Учебникъ всеобщей исторіи» профессора Московскаго университета П. Г. Виноградова, вытѣсняющій собою учебникъ Иловайскаго. Теперь можно съ удовольствіемъ привѣтствовать появленіе учебника новой исторіи проф. Н. И. Карѣва, капитальный курсъ котораго «Исторія Западной Европы въ новое время» достаточно хорошо извѣстенъ русскому читателю. До выхода въ свѣтъ учебника проф. Карѣва имъ была выпущена брошюра «О преподаваніи исторіи въ средней школѣ», печатавшаяся въ журналѣ «Русская Школа». Въ этой брошюрѣ почтенный профессоръ высказываетъ свои соображенія о значеніи учебника въ школьномъ преподаваніи исторіи, о выборѣ матеріала для учебника и классификаціи его, а также намѣчаетъ примѣрную программу учебника по новой исторіи съ разборомъ плана въ двухъ существующихъ въ школахъ учебникахъ. Статья эта служитъ какъ бы подробнымъ предисловіемъ къ его учебной книгѣ новой исторіи и заслуживаетъ глубокаго вниманія, такъ какъ она касается одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ въ дѣлѣ гуманитарнаго образованія.

Совершенно справедливо указываетъ проф. Карѣвъ на то, что среди различныхъ причинъ неудовлетворительнаго состоянія историческаго преподаванія въ средней школѣ является второстепенное положеніе исторіи среди другихъ предметовъ преподаванія. На первомъ планѣ, какъ извѣстно, въ нашей классической гимназій находятся древніе языки, русскій языкъ и математика. На исторію, какъ предметъ, удѣляется и меньше времени и меньше вниманія. Но даже и въ такомъ загнанномъ видѣ отдѣльныя части исторіи вовсе неодинаково проходятся. Если всеобщая исторія вообще находится въ пренебреженіи, то все же большее вниманіе удѣляется исторіи грековъ и римлянъ, въ ущербъ исторіи Востока, средней исторіи и новой. Такимъ образомъ, съ исторіей Западной Европы официально средняя школа очень мало знакомитъ. Другою причиною профессоръ считаетъ «трудность и сложность самаго дѣла», указываетъ онъ также на малую подготовленность преподавателей и на недостатокъ въ хорошихъ учебникахъ.

Какое же мѣсто занимаетъ учебникъ въ школьномъ преподаваніи исторіи? По мнѣнію проф. Карѣва, учебникъ не является единственнымъ источникомъ историческихъ знаній для учениковъ. Онъ долженъ быть «остовомъ зданія историческаго преподаванія». Все, необходимое для заучиванія, составляетъ содержаніе учебника, въ которомъ факты представлены въ строгой связи и послѣдовательности. Однако, далеко не все, находящееся въ учебникѣ, должно быть заучено ученикомъ, многія мѣста должны только прочитываться для установленія связи или для ориентировки. При этомъ, профессоръ подчеркиваетъ то обстоятельство, что при изученіи исторіи должно быть какъ можно меньше

простого заучиванія. Кажется—простая мысль, а посмотрите на нашихъ школьнико́въ, какъ усердно «зубрятъ» они всякія родословныя, имена полководцевъ и проч.

Разсматривая въ своей брошюрѣ вопросъ о классификаціи историческаго матеріала, который долженъ составлять содержаніе учебника, проф. Карѣевъ отводитъ первенствующее мѣсто фактамъ внутренней жизни отдѣльныхъ народовъ, имѣя въ виду не единичныя событія внутренней исторіи, а интересы и традиціи дѣйствующихъ общественныхъ силъ, т. е. культурно-соціальныя отношенія. «Внутренняя исторія отдѣльныхъ странъ должна быть преимущественно исторіей общественнаго строя и государственной организаціи». Рядомъ съ этимъ содержаніе историческаго учебника должны составить международныя отношенія, при чемъ главное вниманіе учениковъ должно быть обращено на исторію образованія (или расчлененіе) «государственныхъ территорій и на исторію сосредоточенія или распредѣленія политическаго могущества между отдѣльными націями». Третью категорію фактовъ составляетъ въ учебникѣ духовная культура, т. е. характеристика міросозерцаній въ разныя времена у разныхъ народовъ. Однако, въ эту категорію вовсе не входитъ исторія внѣшняго быта, техническихъ изобрѣтеній и художествъ: послѣдніе должны лишь упоминаться, но не описываться. На учебникъ всеобщей исторіи проф. Карѣевъ смотритъ, не какъ на сумму исторій отдѣльныхъ народовъ, но какъ на изображеніе всемірно-историческаго процесса, т. е. въ курсѣ всеобщей исторіи онъ признаетъ необходимымъ господство всемірно-исторической точки зрѣнія.

Слѣдующій вопросъ, рѣшенный авторомъ на практикѣ въ своемъ новомъ учебникѣ, есть вопросъ о систематизаціи историческаго матеріала въ учебникѣ всеобщей исторіи. Съ точки зрѣнія проф. Карѣева учениковъ необходимо знакомить съ одними и тѣми же фактами въ разной связи, а для этого въ учебникѣ должна быть проведена связь между событіями не только по эпохамъ, но и по странамъ, и обратно. Авторъ удачно выразился, что учебники исторіи страдаютъ отсутствіемъ гибкости. Это отсутствіе гибкости является, несомнѣнно, существеннымъ недостаткомъ. Въ учебникѣ проф. Карѣева этотъ недостатокъ устраняется тѣмъ, что исторія излагается по системѣ эпохъ: сначала идетъ общая характеристика эпохи, затѣмъ обзоръ международныхъ отношеній, и наконецъ идетъ изложеніе главныхъ событій въ исторіи отдѣльныхъ странъ въ извѣстную эпоху. Благодаря этому, учебникъ можетъ быть пройденъ двояко: или въ послѣдовательности эпохъ, или по главнымъ явленіямъ и по отдѣльнымъ странамъ. Оригинально, просто и удобно, какъ для ученика, такъ и для преподавателя.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи статья проф. Карѣева даетъ примѣрную программу, учебника по новой исторіи, развиваетъ свой взглядъ на то, каково должно быть изложеніе учебника, и высказываетъ свои соображенія о томъ, какъ пользоваться историческимъ учебникомъ въ классѣ.

Отъ содержательной и интересной, особенно для педагоговъ, статьи проф. Карѣева перейдемъ къ указанію особенностей и достоинствъ его учебника. Статья отмѣчаетъ нѣкоторыя особенности, вносимыя авторомъ. Прежде всего

очень интересно самое построение учебника, дающее возможность, какъ уже сказано, пройти одинъ и тотъ же курсъ дважды, какъ бы въ порядкѣ вертикальномъ и горизонтальномъ. Для этого въ учебникѣ дается два оглавленія: одно изъ нихъ состоитъ изъ 12 главъ, изъ которыхъ первая и послѣдняя посвящены вопросу о всемирномъ господствѣ европейскихъ народовъ. Остальныя десять главъ заключаютъ въ себѣ исторію европейскихъ народовъ, включая и исторію С.-Американскихъ Штатовъ: гуманизмъ, реформація, католическая реакція, абсолютная монархія, просвѣщеніе XVIII в., просвѣщенный абсолютизмъ, французская революція, Наполеоновская эпоха, реакція и либерализмъ, и вторая половина XIX в. Второе оглавление составлено для частныхъ рубрикъ и даетъ возможность пройти учебникъ, такъ сказать, вдоль. Авторъ выдѣлил въ особую рубрику исторію международныхъ отношеній, въ которой господствуетъ въ его изложеніи всемирно-историческая точка зрѣнія. Далѣе, авторомъ собраны воедино факты внутренней соціально-политической исторіи подъ заголовкомъ: «культурное и политическое развитіе въ новое время», съ указаніемъ соответствующихъ страницъ. Наконецъ, идетъ указаніе страницъ для исторіи отдѣльныхъ странъ.

Не всѣ §§ предназначены авторомъ для заучиванія, около полтора ста параграфовъ, имѣющихъ значеніе вступленій, подведенія итоговъ или менѣе важныхъ по своему содержанію, отмѣчены авторомъ звѣздочкой и должны только прочитываться. Въ учебникѣ много хронологическихъ датъ, но авторъ сдѣлалъ это именно потому, что хронологія для учебника, по его мнѣнію, есть то же, что «градусная сѣтка на географической картѣ». Важнѣйшія хронологическія даты, необходимыя для заучиванія, отмѣчены жирнымъ шрифтомъ и приведены въ концѣ книги. Тамъ же даны списки правителей отдѣльныхъ странъ и перечень наиболѣе важныхъ именъ писателей, ученыхъ, мыслителей и пр., расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ. Обращаемъ вниманіе читателя на очень цѣнныя вообще «приложенія». Здѣсь даны въ конспективномъ изложеніи четыре превосходныхъ очерка: 1) общій очеркъ исторіи международныхъ отношеній новаго времени, 2) общій очеркъ культурнаго и политическаго развитія Европы въ новое время, 3) краткіе очерки исторіи отдѣльныхъ странъ въ алфавитномъ порядкѣ и 4) очеркъ распространенія владычества европейцевъ въ другихъ частяхъ свѣта. Наконецъ, книга обращаетъ на себя вниманіе еще и тѣмъ, что къ ней приложены 14 маленькихъ географическихъ картъ. «Цѣлью составителя было лишь дать упрощенное представленіе о нѣкоторыхъ моментахъ или процессахъ въ исторіи послѣднихъ четырехъ вѣковъ». Авторъ остроумно вклеилъ эти карты въ книгу такимъ образомъ, что ученикъ можетъ пользоваться ими, не отрываясь отъ текста. Къ картамъ составленъ объяснительный текстъ, гдѣ авторъ обратилъ вниманіе на территориальныя измѣненія государствъ. Главная мысль автора — представить наглядно культурную территорію. Разсматривая эти карты, мы видимъ нѣкоторыя изъ нихъ впервые. Такъ, авторомъ составлены слѣдующія новыя карты: 1) распространеніе протестантизма во второй половинѣ XVI в., гдѣ четырьмя цвѣтами отмѣчены распространеніе англиканства, лютеранства, реформатства и гуситства, 2) распространеніе представительныхъ учрежде-

ній въ XIX в. и 3) карта отѣны крѣпостничества послѣ 1789 г. Въ учебникѣ всего 305 стр. довольно крупнаго, четкаго шрифта.

Таковъ внѣшній видъ новаго учебника. Если перейти къ его содержанию, къ освѣщенію фактовъ, оцѣнкѣ и изложенію историческихъ явленій, то учебникъ проф. Карѣва, объединенный всюду проникающею идеей и представляющій собою не простой сводъ историко-литературнаго матеріала, а результаты научныхъ изысканій автора, долженъ занять подобающее мѣсто, какъ въ исторической литературѣ, такъ и въ школѣ. Строгая научность учебника, однако, далеко еще не все. Въ учебникѣ важную роль играетъ изложеніе. И въ этомъ отношеніи учебникъ проф. Карѣва производитъ самое лучшее впечатлѣніе. Авторъ вовсе не избѣгаетъ необходимой ученой терминологіи, онъ даже старается пріучить къ ней читателя-ученика. Но видѣ его нельзя упрекнуть въ неясности выраженной мысли, въ недомолвкахъ, въ кричащихъ выраженіяхъ и эффектныхъ фразахъ: ясная, свѣтлая мысль облечена у него въ простую, серьезную форму, изложена доступнымъ и научнымъ языкомъ. Опредѣленія даны точныя и краткія. Можно найти много страницъ въ «учебникѣ», гдѣ замѣчательно хорошо и отчетливо освѣщаются сложныя историческія явленія. Такъ, къ числу особенно цѣнныхъ, по своей научности и ясности изложенія, можно отнести страницы о гуманизмѣ. Насколько намъ извѣстно, это первый примѣръ строго научнаго опредѣленія гуманизма въ учебникѣ по новой исторіи. До сихъ поръ гуманизмъ или вовсе не замѣчался въ прежнихъ учебникахъ или, въ послѣднее время, излагался въ исторіи среднихъ вѣковъ. Авторъ выдѣляетъ въ отдѣльную главу (VII) просвѣщенный абсолютизмъ и объясняетъ сущность его, въ связи со старымъ порядкомъ. Также цѣнны главы о французской революціи, гдѣ безъ излишнихъ подробностей, очень полно изложены событія. Цѣнна особенно, по нашему мнѣнію, и глава о Наполеоновской эпохѣ, гдѣ очень рельефно, точно, и не разбрасываясь въ разныхъ мѣстахъ, объяснены авторомъ реформы Наполеона. Почти четвертая часть учебника отведена на исторію XIX в. Здѣсь авторъ обратилъ особенное вниманіе на социальныя и экономическія движенія нашего вѣка, даетъ отдѣльныя характеристики реакціи, либерализма, социальныхъ утопій. Отъ общей характеристики второй половины XIX в. авторъ отказался, по всей справедливости считая это едва ли возможнымъ. Вообще всѣ разсужденія въ учебникѣ проф. Карѣва имѣютъ исключительно научный характеръ. Учебникъ отличается полнымъ объективизмомъ изложенія: авторъ не ставитъ себѣ цѣлью поднести ученику моральное и общественное міросозерцаніе, а потому избѣгаетъ всякихъ нравоученій. Книга издана хорошо, конечно, пріятнѣе было бы видѣть ее въ слѣдующихъ изданіяхъ немного дешевле, но съ тѣми же «приложеніями».

П. К.

**Проф. В. Ключевскій. Краткое пособіе по русской исторіи.
Москва. 1900.**

Одинъ изъ выдающихся знатоковъ русской исторіи, профессоръ Московскаго университета В. О. Ключевскій, разрѣшилъ издать составленное имъ краткое пособіе. Книжка поступила въ общую продажу, но читатель видитъ на заглавномъ

листъ такого рода предупрежденіе: «частное изданіе только для слушателей автора». Трудно понять, какаѣ цѣль этого замѣчанія. Вѣдь проф. Ключевскій—очень большая сила, изданіе имъ просмотрѣно, профессоромъ онъ состоитъ не первый годъ, а между тѣмъ напечатанная книжка какъ будто должна носить келейный характеръ.

Какъ и все, что выходитъ изъ-подъ пера замѣчательнаго ученаго и талантливаго писателя, настоящее маленькое «пособіе», въ которомъ конспективно представлена культурно-соціальная жизнь русскаго народа, принадлежитъ къ числу выдающихся явленій въ исторической литературѣ. Особенность языка автора—сжатость и точность, изложеніе повсюду конспективное, иногда удивительно художественное. Названное «пособіе», какъ скромно его назвать авторъ, есть лишь, въ сущности, дополненіе къ учебнику русской исторіи Соловьева. Авторъ нерѣдко отсылаетъ читателя для справокъ къ какой нибудь главѣ учебника Соловьева. Въ пособіи ясно сказались основныя воззрѣнія проф. Ключевского, придающаго важное значеніе въ исторической жизни экономическимъ вопросамъ. Экономическая точка зрѣнія у него повсюду господствуетъ, въ особенности это замѣтно въ первыхъ главахъ «пособія», гдѣ рѣчь идетъ о природѣ восточно-европейской равнины и происхожденіи Русскаго государства. То же можно сказать и о главѣ «Московское государство», гдѣ въ исторіи его образованія тоже выдвигается экономическая сторона.

Большая половина «пособія» (стр. 1—122, а всего въ пособіи 154 стр.) охватываетъ собою московскій періодъ русской исторіи, оставляя на долю важнѣйшихъ и крупнѣйшихъ событій очень мало мѣста. Такъ, на реформы Петра Великаго отведено лишь 6 стр., дополняющихъ соответствующую главу учебника Соловьева. Здѣсь, между прочимъ, авторъ указываетъ, что при Петрѣ установленъ не майоратъ указомъ 1714 года, а единонастѣдіе. Новѣйшая исторія изложена въ «пособіи» слишкомъ кратко, и послѣднія реформы Александра II не нашли себѣ здѣсь должной оцѣнки. Это приходится отмѣтить съ большимъ сожалѣніемъ, такъ какъ вѣдь «пособіе» проф. Ключевского служитъ дополненіемъ къ учебнику Соловьева, а тамъ исторія доведена до царствованія Николая I. Слѣдовательно, дополненію какъ разъ необходимо было бы остановиться на второй половинѣ нашего вѣка, что было бы въ высшей степени интересно прочесть въ талантливомъ изложеніи проф. Ключевского.

А. Н.

Рязанская ученая архивная комиссія. Писцовыя книги Рязанскаго края. Подъ редакціей члена комиссія В. Н. Сторожева. Томъ I. Выпускъ 2. Рязань. 1900.

Первый выпускъ перваго тома «Писцовыхъ книгъ Рязанскаго края» вышелъ еще года два тому назадъ и вызвалъ наиболѣе пространную рецензію, кажется, со стороны одного только Н. Д. Чечулина. Послѣдній, отдавая вполнѣ заслуженное и справедливое значеніе печатаемымъ актамъ, упрекнулъ редактора ихъ въ томъ, что онъ не снабдилъ своего изданія указателями, не назвалъ трудовъ, въ которыхъ «акты» печатались ранѣе, и въ нѣкоторыхъ другихъ

вѣшнихъ упущеніяхъ. Въ настоящемъ выпускѣ, хотя и имѣются указанія на сочиненія, гдѣ печатались документы и въ какомъ видѣ, но попрежнему отсутствуютъ указатели.

Содержаніе выпуска составляютъ: «Сотныя грамоты и писцовыя выписи, 1535—1597 годовъ» (I отдѣлъ) и «Писцовыя книги XVII вѣка» (второй отдѣлъ). Въ первомъ отдѣлѣ—пять сотныхъ грамотъ (1535, 1567, 1593 и 1597 годовъ) и три «выписи на земельныя владѣнія Богословскаго монастыря въ Окологородномъ и Пописномъ станахъ изъ писцовыхъ книгъ», 1553, 1572 и 1573 годовъ; а во второмъ—писцовая книга Окологороднаго стана «писма и мѣры Кирилла Семеновича Воронцова-Вельяминова да подьячихъ Тимоея Молчанова и Михаила Семенова 1628—1629 годовъ», занимающая большую часть книги, около 250 стр.

Въ томъ же рукописномъ сборникѣ, изъ котораго г. Сторожевъ заимствовалъ вышеназванную писцовую книгу, имѣются и межевыя книги, послужившія для К. С. Воронцова-Вельяминова «съ товарищи» источникомъ; но такъ какъ онѣ «не входятъ въ планъ настоящаго изданія», то г. редакторъ помѣстилъ изъ нихъ въ приложеніи только нѣкоторые отрывки, и то съ цѣлію «дать полное представленіе о рукописномъ оригиналѣ, изъ котораго взята напечатанная выше писцовая книга».

О внутреннемъ значеніи этихъ документовъ мы не будемъ распространяться: оно достаточно извѣстно всѣмъ, занимающимся русскою исторіею, и потому остается только благодарить г. Сторожева за извлеченіе и группировку столь цѣннаго для исторической науки матеріала, потребовавшія продолжительнаго и кропотливаго труда, а также лицъ, содѣйствовавшихъ появленію на свѣтъ его плодотворной работы.

В. Р—въ.

Другъ семьи. Мать-воспитательница. Спб. 1900.

Этюдъ г. Друга семьи представляется трудомъ настолько же педагогическимъ, насколько и общественнымъ. Поэтому онъ интересенъ не однимъ профессиональнымъ дѣятелямъ въ области воспитанія, но и каждому, слѣдящему за современностью. Наблюденія г. Друга семьи надъ положеніемъ материнства въ нашемъ обществѣ приводятъ къ весьма плачевнымъ выводамъ, даютъ мрачную картину пустоты, невѣжества, легкомыслія, безличности, лжи, распушенности. Человѣкъ, повидимому, строгій къ себѣ самому, предъявляетъ строгія требованія и къ другимъ. Скажемъ болѣе: онъ горько скорбитъ и жалуется, онъ страдаетъ и заставляетъ читателя скорбѣть и страдать. Строгий моралистъ съ сатирическимъ сарказмомъ сказывается въ каждой страницѣ этюда. Онъ требуетъ отъ матери широкаго образованія, вдумчивости въ свое высокое, отвѣтственное дѣло, священнодѣйствія въ воспитаніи дѣтей и рѣзко обличаетъ нашихъ винтеровъ, велосипедистокъ, любительницъ разныхъ искусствъ, — словомъ большинство нашихъ современныхъ матерей, которыя, подобно г-жѣ Маниловой, научились въ пансіонахъ только французскому языку и вязанію скюрризовъ, въ родѣ чехольчиковъ къ зубочисткѣ; и все свое дѣло сваливаютъ на наемницъ, далекихъ отъ своихъ питомцевъ уже по самому своему положенію,

не причастному къ семьѣ, для которой онѣ работаютъ за деньги, за извѣстную мзду. Жаль, что г. Другъ семьи, хотя вообще очень начитанный въ вопросѣ о воспитаніи, дѣлаетъ мало историческихъ сравокъ и ссылокъ. Тогда онѣ нашелъ бы себѣ хоть нѣкоторое утѣшеніе въ томъ, что у насъ оно и всегда такъ было. Вспомнимъ дѣтство нашихъ великихъ людей, вышедшихъ изъ «интеллигентной» среды: вспомнимъ матерей Тургенева, Пушкина. Настоящею воспитательницею нашего великаго поэта была неграмотная раба — «бѣдная няня» со своими «утренними дозорами», «подруга дней его суровыхъ», «добрая подружка его бѣдной юности», его «голубка дряхлая». Впрочемъ, такое утѣшеніе отнюдь не ослабило бы для г. Друга семьи его прекрасныхъ мечтаній о лучшемъ будущемъ русскихъ матерей, а съ ними и всего русскаго общества. Въ этихъ своихъ мечтаніяхъ (не знаемъ, насколько они выполнимы) г. Другъ семьи желалъ бы создать одно обширное, кипучее, состоящее изъ множества секцій общество, гдѣ женщина должна бы найти и воспитаніе самой себѣ и затѣмъ приложеніе своихъ силъ на разныхъ поприщахъ, изъ коихъ каждое служило бы къ единой цѣли — помощи ближнему, труду на общую пользу и вообще къ прогрессу. Такія секціи, въ видѣ отдѣльныхъ обществъ и кружковъ, есть у насъ и теперь; но все это дѣйствуетъ пока еще въ разрозненномъ видѣ, а иногда и вовсе врозь. И все это должно бы слотиться въ одну очень, очень большую семью, въ общій улей, кипучій, неумолкаемый, готовый къ борьбѣ за существованіе не только въ настоящемъ, но и въ далекомъ будущемъ. Таковы, въ общихъ чертахъ, мысли г. Друга семьи, которыя онѣ проводитъ въ свое интересной книгѣ убѣжденно и горячо. —я—

**Западно-европейскій эпосъ и средневѣковый романъ въ пересказахъ и сокращенныхъ переводахъ съ подлинныхъ текстовъ
О. Петерсонъ и Е. Валобановой въ трехъ томахъ. Спб. 1900.**

Наша публика очень мало знакома съ средневѣковою эпическою литературой. Всеобщая исторія литературы Корша—изданіе слишкомъ большое, отчасти устарѣвшее, да и цѣль его совершенно другая. Между тѣмъ для каждаго образованнаго человѣка очень важно знакомство съ средневѣковою литературой, отразившею въ себѣ міросозерцаніе средневѣковаго общества. Особенно важно это для учителей исторіи и литературы, а такъ же и для учениковъ старшихъ классовъ. Поэтому слѣдуетъ отмѣтить появленіе послѣдняго изъ трехъ томовъ сборника О. Петерсонъ и Е. Валобановой. Составительницы поставили себѣ очень правильно задачу, желая поближе познакомить читателя съ извѣстнымъ произведеніемъ, а для этого онѣ отказались отъ обычной формы христоматій, знакомящихъ въ болѣе или менѣе крупныхъ отрывкахъ съ возможно большимъ числомъ произведеній, и ограничились лишь наиболѣе крупными и характерными явленіями въ возможно полномъ объемѣ. Въ своемъ предисловіи составительницы, указавъ на это, замѣчаютъ, что при выборѣ текстовъ онѣ не имѣли въ виду наибольшей чистоты въ древность текста, а предпочитали даже болѣе развитой текстъ.

Весь матеріалъ сборника распределенъ въ трехъ томахъ. Въ первомъ томѣ разсказаны памятники романскихъ народовъ—Франціи и Испаніи. На первомъ планѣ дается пересказъ «Пѣсни о Роландѣ». Далѣе идутъ пересказы романовъ «Круглаго Стола», при чемъ составительницы ограничились пересказомъ о романѣ «Мерлинъ» и о «Персевалѣ». Крестовые походы и рыцарство создали романъ объ «Александрѣ Македонскомъ», пересказъ котораго выполненъ довольно удачно. Гораздо труднѣе было познакомить читателя съ Фабліо, въ которыхъ такъ хорошо отразилась жизнь средневѣковаго городка. Неудовольствительный по своей живости языкъ, слишкомъ свободный сюжетъ этихъ сенокъ изъ жизни средневѣковыхъ горожанъ заставили составительницъ ограничиться лишь двумя небольшими образцами: «Англійскій король и Жонглеръ изъ Эли» и «Крестьянинъ-лѣкарь», который послужилъ Мольеру прототипомъ героя его комедіи. Последнимъ помѣщенъ аллегорическій романъ о Розѣ. Романъ этотъ относится къ XIII вѣку и протержался, какъ одно изъ любимыхъ произведеній, до XVIII вѣка. Изъ двухъ частей этого романа наибольшій интересъ представляетъ первая часть съ малопонятными аллегорическими образами. Составительницамъ пришлось сохранить французскія имена французскихъ названій, качествъ и пороковъ, такъ какъ послѣднія не всегда соотвѣтствуютъ въ грамматическомъ раздѣленіи на роды русскимъ названіямъ.

Памятники испанской литературы представлены въ романахъ, сохранившихъ въ себѣ народныя преданія и послужившихъ основаніемъ испанской литературы, а также сокращеннымъ переводомъ и пересказомъ по хроникѣ исторіи Сиды. Заканчивается первый томъ пересказомъ одного изъ любимыхъ испанскихъ рыцарскихъ романовъ—«Амадисъ Гальскій».

Слѣдующій томъ посвященъ скандинавской литературѣ, такъ какъ безъ знакомства съ нею трудно понять нѣкоторые богатѣйшіе памятники германскаго эпоса. Изъ всего разнообразнаго германскаго творчества составительницы остановились только на эпосѣ, обойдя нѣмецкій средневѣковый романъ. Но и здѣсь онѣ ограничились очень строгимъ выборомъ, оставивъ Каролингскій и Животный эпосъ, а также и нѣмецкій переработокъ сюжетовъ объ Александрѣ Македонскомъ. Такимъ образомъ въ этотъ томъ вошли слѣдующіе пересказы. На первомъ планѣ поставлена Пѣсня о Нибелунгахъ, далѣе идетъ одно изъ поэтическихъ сказаній—Пѣсня о Гудрунѣ, въ очень удачномъ и полномъ пересказѣ. Хорошо изложено сказаніе о Вольфдитрихѣ, а изъ сказаній о Дитрихѣ Бернскомъ приведены пять пѣсенъ. Одна изъ этихъ пѣсенъ—пѣсня о Гильдебрандѣ помѣщена въ двухъ текстахъ: въ приложеніи данъ переводъ уцѣлѣвшаго отрывка этой пѣсни по тексту восьмого вѣка, такъ какъ это интереснѣйшій образецъ нѣмецкаго эпического творчества. Тамъ же, т. е. въ приложеніи, составительницы помѣстили въ переводѣ пересказъ Роберта Кенига сказанія о «Роговомъ Зигфридѣ». Эти сказаніе тоже одно изъ древнѣйшихъ, но сохранилось въ переработкахъ XVI вѣка. Въ концѣ книги помѣщенъ пересказъ въ сокращенномъ видѣ изъ англосаксонскаго эпоса «Беовульфъ».

Переводы и пересказы въ названномъ изданіи сдѣланы настолько добросовѣстно, съ выборомъ, что эти три тома составятъ очень полезный вкладъ въ нашу литературу, а для преподавателей это изданіе явится очень по-

лезнымъ подспорьемъ при изученіи исторіи среднихъ вѣковъ. Очень было бы хорошо, еслибъ наши педагоги почаще утилизировали литературныя произведенія на урокахъ исторіи. Это въ особенности важно по отношенію къ всеобщей исторіи, потому что въ нашихъ гимназіяхъ исторія иностранныхъ литературъ вовсе не проходитъ, и если ученики кое-какъ могутъ связать русскую литературу съ исторіей Россіи, то едва ли изъ «Пѣсни о Роландѣ» они знаютъ что нибудь, а между тѣмъ богатая сокровищница средневѣковой литературы дала бы ихъ сердцу и уму много доброй пищи. Во Франціи существуютъ отличные, небольшие учебники иностранной литературы. Мы до сихъ поръ этого не имѣемъ, поэтому радуемся всякой попыткѣ ознакомить публику съ европейскою литературой.

Н.

**М. Сперанскій. Трепетники. (Изъ исторіи отреченной литературы).
Спб. 1900.**

Существованіе примѣтъ, въ письменномъ видѣ составившихъ «Трепетникъ», у различныхъ народовъ, уже не соприкасавшихся въ своей культурѣ въ историческое время (напримѣръ, китайцы), заставляеть смотрѣть на появленіе этихъ примѣтъ, какъ на явленіе еще доисторическое въ жизни народовъ, заставляеть считать ихъ однимъ изъ проявленій общечеловѣческихъ, до извѣстной степени исходящихъ изъ психологіи человѣка. Такого рода вопросъ нельзя не признать интереснымъ, и подъ перомъ болѣе талантливаго автора онъ получилъ бы очень удовлетворительное разъясненіе и много занимательное вообще. Къ сожалѣнію, авторъ больше слѣдилъ за буквой этого памятника, чѣмъ за его психологическимъ содержаніемъ. Психологическое происхожденіе этого памятника совсѣмъ не выяснено, хотя авторомъ отмѣчено въ предисловіи. Все же изслѣдованіе вращается вокругъ да около; авторъ очень склоненъ на всякаго рода догадки и предположенія, не имѣющія достаточнаго основанія. Вотъ, на примѣръ, какъ говоритъ авторъ: «если при помощи извѣстныхъ греческихъ текстовъ (а также восточнаго и румынскаго) намъ удалось характеризовать греческій оригиналъ славянскаго перевода и опредѣлить его мѣсто въ исторіи Трепетника, то все-таки этотъ оригиналъ намъ еще неизвѣстенъ...: мы можемъ только до извѣстной степени точно представить себѣ, каковъ долженъ былъ быть этотъ оригиналъ по редакціи и составу (тавтологія), но онъ еще не найденъ, находка же подобнаго текста должна оправдать или измѣнить наши выводы» (стр. 63). Но для чего же это?!

На другой вопросъ—когда и гдѣ появился славянскій переводъ этого памятника?—также не находимъ въ этой книгѣ удовлетворительнаго отвѣта; авторъ допускаеть, что славянскій переводъ былъ сдѣланъ не позднѣе XV вѣка, а сохранился только въ сербскихъ спискахъ (стр. 64). Но такое опредѣленіе времени чрезвычайно гадательное: въ началѣ, въ серединѣ или концѣ XV вѣка; а между тѣмъ въ извѣстномъ индексѣ такъ называемаго молитвенника Кипріяна, умершаго 1406 г., «Трепетникъ» упоминается; если этотъ памятникъ занесенъ въ индексъ начала XV, то онъ долженъ былъ возникнуть на славянской почвѣ гораздо раньше. Противъ этого и трудно возражать. Въ

Сербіи или Болгаріи первоначально возникъ славянскій переводъ этого памятника?— авторъ тоже не сказалъ опредѣленно. Вообще не видно устойчивости въ его выводахъ. Подождемъ, быть можетъ, явится новый изслѣдователь этого памятника, который болѣе критически отнесется къ нему. **К.**

Извѣстія Калужской ученой архивной комиссіи. 1899 годъ. Выпускъ III. Калуга. 1900.

«Извѣстія» Калужской ученой архивной комиссіи, появлявшіяся до 1898 года отдѣльными годичными выпусками, издаются теперь чаще небольшими книжками. Въ III-мъ выпускѣ, кромѣ протоколовъ комиссіи, напечатано три доклада; два изъ нихъ принадлежатъ И. Д. Четыркину и одинъ П. А. Трейтеру. Въ первомъ рефератѣ П. Д. Четыркинъ дѣлаетъ сообщеніе о печати XVI вѣка сарскаго и подонскаго (крутицкаго тоже) епископа Доснѣля, найденной въ Жиздринскомъ уѣздѣ Калужской губерніи. Г. Четыркинъ считаетъ эту печать подложною и дѣлаетъ мало, впрочемъ, мотивированное предположеніе о томъ, что эта печать была въ рукахъ какого нибудь священника, бѣжавшаго изъ своего прихода и нуждавшагося въ приложеніи печати къ грамотѣ о своемъ поставленіи въ другую епархію. Гораздо интереснѣе и содержательнѣе докладъ П. Д. Четыркина о знаменитыхъ «каменныхъ палатахъ» Коробовыхъ въ Калугѣ. Это палаты—характерный и замѣчательный памятникъ русской архитектуры XVII столѣтія. Но интересъ, который вызвали къ себѣ эти хоромы, основывается не на ихъ значеніи для исторіи искусства, а на томъ преданіи, по которому эти палаты—не болѣе, не менѣе, какъ домъ Марина Мнишекъ. Съ этой точки зрѣнія трактовали вопросъ о нихъ и въ газетахъ и статьяхъ; подъ фотографіями этихъ палатъ писали прямо «домъ Марины Мнишекъ». Г. Четыркинъ основательно занимался этимъ вопросомъ и пришелъ къ основательному выводу о томъ, что въ этихъ палатахъ Коробовыхъ не бывала и нога Марины Мнишекъ. Конечно, въ сущности вопросъ о томъ, жила ли или не жила Марина Мнишекъ въ этомъ домѣ, не имѣетъ научнаго значенія, но здѣсь нужно вспомнить, какъ много домовъ и памятниковъ связывается съ именами историческихъ личностей: вѣдь въ каждомъ городѣ найдете что нибудь въ родѣ дома Марины Мнишекъ. Г. Трейтеръ помѣстилъ рефератъ «Къ вопросу о мѣстоположеніи Калуги въ XVII столѣтіи». Это обстоятельная работа и для мѣстныхъ историковъ будетъ имѣть интересъ. Въ приложеніи къ выпуску напечатано продолженіе записокъ Семена Ивановича Яновскаго. Зачѣмъ онѣ вообще печатаются? Онѣ не имѣютъ никакого интереса и значенія.

Щ.

В. Я. Смирновъ. Жизнь и поэзія Н. М. Языкова. Критико-біографическое изслѣдованіе. Пермь. 1900.

Ник. Мих. Языковъ (1803—1846)—величина очень незначительная на российскомъ парнасѣ. О немъ упоминаютъ при перечисленіи поэтовъ Пушкинской плеяды, и историческое значеніе его поэзіи усматриваютъ въ томъ,

что она была переходною поэзіей отъ ложноклассической и романтической формы къ художественно-реальной. Съ легкой руки Бѣлинскаго эта оцѣнка повторяется во всѣхъ курсахъ, исторіяхъ словесности и въ статьяхъ о Языковѣ. Его стихи, иногда блестящіе по формѣ и смѣлости выраженія, всегда звучные, а иногда трескучіе, неглубоки по содержанію: праздники и шалости любви, наслажденія Вакха, разгуль свободы—вотъ тема большей части стихотвореній Языкова. Есть у него еще содержательные стихи, но уже съ очень плохимъ содержаніемъ: это пасквили или (скромное названіе) полемическія стихотворенія противъ западниковъ. Итакъ поэзія Н. М. Языкова не имѣетъ большого значенія для исторіи русской литературы, но его біографія представляетъ нѣкоторый интересъ, ибо Языковъ находился въ близкихъ отношеніяхъ ко многимъ изъ замѣчательныхъ людей своего времени, къ Пушкину, Гоголю, первымъ славянофиламъ.

Критико-біографическое изслѣдованіе г. Смирнова представляется намъ совершенно неудовлетворительнымъ. У г. Смирнова не было подъ рукой новыхъ данныхъ по біографіи Н. М. Языкова. Онъ пересказалъ еще разъ статьи о Языковѣ, забывъ самую важную и цѣнную изъ нихъ, написанную на основаніи писемъ Языкова своимъ братьямъ. Мы говоримъ о статьѣ г. Шенрока въ «Вѣстникѣ Европы» № 11—12 за 1897 годъ. Критическая сторона работы г. Смирнова ниже всякой критики. На первой страницѣ мы встрѣчаемъ слѣдующее, замѣчательное опредѣленіе классическихъ произведеній: «Классическій характеръ и живучесть поэзіи Языкова до самаго поздняго времени не подлежатъ никакому сомнѣнію уже потому, что немалое количество его стихотвореній мы встрѣчаемъ въ каждой классной хрестоматіи». За вычетомъ біографіи вся остальная часть книги ушла на анализъ поэзіи Языкова. Этотъ анализъ сдѣланъ такъ, какъ пишутъ сочиненія въ пятомъ классѣ гимназіи. Хронологически авторъ передаетъ содержаніе произведеній Языкова, стихотвореніе за стихотвореніемъ, изрѣдка снабжая ихъ комментаріями. Комментаріи не Богъ вѣсть какого ученаго характера! Сочиненія Гоголя въ изданіи Тихонравова, Пушкина въ изданіи Морозова, Батюшкова—въ изданіи Майкова, біографія Погодина—Барсукова, исторія литературы Галахова, еще 2—3 книги и 2—3 статьи,—вотъ и все. Не ограничиваясь фактическимъ пересказомъ данныхъ жизни Языкова, г. Смирновъ дѣлаетъ попытки дать очеркъ психической жизни Н. М. Языкова. Дѣлаетъ онъ это очень просто: всѣ настроенія, которыя можно найти въ стихотвореніяхъ Языкова, онъ приписываетъ самому Языкову. Несложная, наивная работа! Вотъ, напримѣръ, Языковъ пишетъ: «въ спасительныхъ трудахъ онъ дни свои проводитъ съ волшебницей мечтой». Для г. Смирнова въ этихъ строкахъ—описаніе жизни г. Языкова (стр. 58). Вообще очень странное изслѣдованіе написалъ г. Смирновъ. Ломоносовъ и Державинъ у него носятъ эпитетъ гениальныхъ, Наполеонъ—кичливаго, Погодинъ—самаго умнаго и даровитаго историка. Прибавьте еще невозможный слогъ, которымъ написана вся книга. Вотъ перлы изъ книги г. Смирнова: «Непосредственная двухмѣсячная связь съ Пушкинымъ должна была бы подѣйствовать на 23-лѣтняго Языкова оживляющимъ образомъ» (стр. 85); обозначалось раз-

стройство спинной кости (стр. 127); «воспитанниками производилось хорвое п'ѣніе» (стр. 21). А вотъ одинъ изъ многочисленнѣйшихъ періодовъ г. Смирнова: «Кровопрлитныя наполеоновскія войны вызвали въ Западной Европѣ реакцію, не замедлившую отразиться у насъ и выразившуюся болѣе всего въ цензурныхъ условіяхъ, которыя, какъ мы увидимъ изъ послѣдующаго изложенія, отразились даже и на наиболѣе патріотическихъ стихотвореніяхъ Языкова, а также—въ строгомъ наблюденіи за учебными заведеніями и въ особености за университетами, въ которыхъ свобода преподаванія, такъ называемое выборное начало и другія привилегіи, не исключая образа жизни студентовъ, данныя университетскими уставами, подверглись сильному ограниченію» (стр. 30).

Окончательный выводъ г. Смирнова сходится съ оцѣнкой Вѣлинскаго. Спрашивается, зачѣмъ писалъ свою книгу г. Смирновъ, и кому она нужна?

Пещ.

Записки графини В. Н. Головиной (1766—1819). Пер. съ франц. подъ ред. и съ примѣч. Е. С. Шумигорскаго. Съ 3 портр. Спб. 1900.

Записки графини В. Н. Головиной печатались въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ теченіе 1899 года и хорошо извѣстны нашимъ читателямъ. Поэтому намъ не зачѣмъ останавливаться на характеристикѣ автора этихъ записокъ и на оцѣнкѣ ихъ значенія для исторіи. Предпосланная тексту записокъ и въ отдѣльномъ изданіи и въ нашемъ журналѣ статья Е. С. Шумигорскаго прекрасно выясняетъ эти вопросы. Не зачѣмъ указывать намъ на глубокой интересъ, который вызываетъ личность автора и содержаніе записокъ.

Отдѣльное изданіе облегчаетъ пользованіе этими мемуарами и любителямъ исторіи и знатокамъ ея. Текстъ отдѣльнаго изданія немногимъ отличается отъ текста, сообщеннаго у насъ. Къ книгѣ приложено 3 портрета графини Головиной и указатель личныхъ именъ.

Щ.

Русская словесность съ XI по XIX столѣтіе включительно. Библиографическій указатель произведеній русской словесности въ связи съ исторіей литературы и критикой. Книги и журнальныя статьи. Составила А. В. Мезіеръ. Часть I. Русская словесность съ XI по XVIII в. Спб. 1899.

Цѣль этого изданія собрать возможно полный библиографическій матеріалъ, касающійся русской литературы, и распределить его систематически. Задача, поставленная такимъ образомъ, разрѣшена составительницей указателя съ образцовою аккуратностью, потребовавшею отъ нея немало кропотливой, тяжелой и скучной работы. Послѣдняя была слишкомъ сложна. Г-жѣ Мезіеръ пришлось съ большимъ или меньшимъ вниманіемъ пересмотрѣть не одну ты-

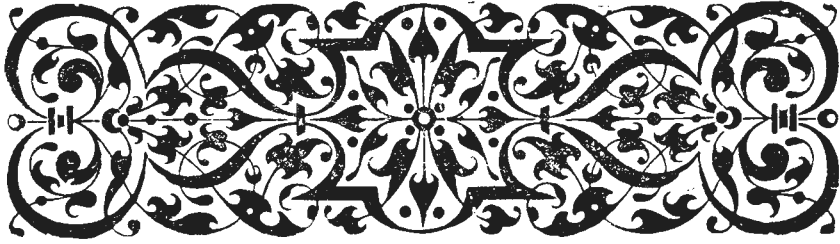
сячу книгъ и книжекъ журналовъ, изъ которыхъ многіе представляютъ изъ себя библиографическую рѣдкость...

Матеріалъ, собранный въ изданіи, распределенъ приблизительно по тому плану, какой принятъ въ извѣстной «Исторіи словесности»—профессора Порфирева. Для удобства пользованія приложенъ въ концѣ книги указатель именъ автора.

Критической оцѣнки указанныхъ книгъ и статей трудъ г-жи Мезіеръ не даетъ.

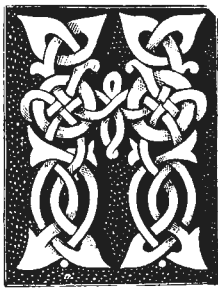
С. П.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Новые труды по византийской исторіи.—Одинъ изъ предшественниковъ реформациі въ Италіи.—Первый французъ, осмѣлившійся самостоятельно мыслить.—Четвертая серія очерковъ патологической исторіи.—Свобода печати во Франціи.—Байронъ въ Венеціи.—Національный англійскій біографическій словарь.—Былъ ли художникомъ сумасшедшій баварскій король?—Смерть Нитцше.—Научныя работы католическихъ миссіонеровъ въ Китаѣ.—Нѣмецкая книга о русской политикѣ въ Восточной Азіи.—Бодѣзнъ китайскаго императора.

НОВЫЕ ТРУДЫ по византийской исторіи. Въ послѣднее время вышло нѣсколько интересныхъ монографій о византийскихъ императорахъ и внутреннемъ устройствѣ Византийской имперіи: первое мѣсто принадлежитъ второй части извѣстной «Византийской эпопей конца Х вѣка», французскаго ученаго Гюстава Шломбергера, или, какъ парижане называютъ его, Шломбергя ¹⁾, но не меньшее значеніе имѣетъ обстоятельное изслѣдованіе нѣмецкаго профессора Гельцера о происхожденіи провинціального строя въ Византийской имперіи ²⁾. Къ политической исторіи этой имперіи относятся еще блестящая лекція, прочитанная англійскимъ публицистомъ и главой лондонскихъ позитивистовъ, Фредерикомъ Гаррисономъ, въ Кембриджскомъ университетѣ въ юнѣ настоящаго года о Византийской исторіи въ началѣ среднихъ вѣковъ ³⁾, и характеристика императрицы Теодоры, мастерски

¹⁾ L'Épopée Byzantine à la fin du Dixième siècle, par G. Schlumberger. 2 partie. Basile II, le Trienre et Bulgares. Paris. 1900.

²⁾ Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung, von H. Gelzer. Leipzig. 1900.

³⁾ Byzantine History in the Early Middle Ages, by F. Harrison. London. 1900.

набросанная профессоромъ Сорбонны, Шарлемъ Дилемъ, въ *Grande Revue*¹⁾, а для популярнаго знакомства съ византійскими государственными учрежденіями можетъ служить съ большою пользою очеркъ того же Дила въ «*Revue Encyclopédique*»²⁾. Въ Англіи мало занимались до сихъ поръ византійскою исторіей, и Гаррисонъ, основательно изучивъ ее съ цѣлью опредѣлить мѣсто византійской цивилизаціи въ исторіи человѣчества, знакомить слушателей своей лекціи съ результатомъ его добросовѣстныхъ безпристрастныхъ изслѣдованій. Доказывая воочію, что исторія императоровъ Новаго Рима имѣетъ не только спеціальный, научный, но и общій интересъ, онъ посвящаетъ свою лекцію всецѣло византійской исторіи въ первыя времена среднихъ вѣковъ, такъ какъ вполне справедливо считаетъ, что самая важная эпоха византійской исторіи та, которая всего менѣе извѣстна: именно VIII, IX, X вѣка, совпадающіе съ династіями Исавровъ, Армянъ и Македонянъ. Европейскіе историки среднихъ вѣковъ обыкновенно отворачиваются отъ Константинополя послѣ завоеванія Сиріи сарацинами и возвращаются къ нему лишь въ эпоху крестовыхъ походовъ. Но, по словамъ Гаррисона, въ промежуточные вѣка «Римская имперія на Босфорѣ была самою твердою и культурною силою въ свѣтѣ, отъ существованія которой зависѣла будущность цивилизаціи. Не только этотъ Новый Римъ отличался развитіемъ народнаго богатства, промышленности и знанія, пользовался главенствомъ на моряхъ, былъ первою финансовою державою того времени, но руководилъ всею средиземною торговлею и держалъ въ своихъ рукахъ монополію произведеній искусства и его примѣненія къ промышленности. Въ серединѣ X-го вѣка между державою Оттона Великаго и имперіей Константина Порфиророднаго существовалъ такой же контрастъ, какъ между Россіей при Петрѣ Великомъ и Франціей во дни Орлеанскаго регентства». Гаррисонъ основательно опровергаетъ обычную критику византійскаго придворнаго этикета, который однако былъ заимствованъ всею Европой, доказываетъ, что во многихъ основахъ цивилизаціи Новый Римъ былъ современнѣе вновь образовавшихся западныхъ націй, и указываетъ, что организація Византійской имперіи не представляла мертвой, окаменѣлой системы, а постоянно развивалась, что подтверждается главнымъ образомъ успѣхами ея законодательной дѣятельности. Если мы перейдемъ къ новому труду Шлumbergera, то прежде всего надо замѣтить, что это третій томъ предпринятой имъ исторіи Византійской имперіи отъ половины X-го до половины XI-го вѣковъ, и вторая часть той серіи его труда, которую онъ называетъ «Византійской эпопеей конца X-го столѣтія». Новая монографія не уступаетъ прежнимъ по своему научному значенію и великолѣпному изданію, снабженному рѣдкими старинными иллюстраціями. Хотя царствованіе Василия II-го Болгаробойцы чрезвычайно скудно относительно историческихъ матеріаловъ, но, пользуясь всѣми источниками, какіе только теперь доступны и между прочимъ лѣ-

¹⁾ Figures byzantines: L'imperatrice Theodora, par Ch. Diehl. Grande Revue, 1 juillet. 1900.

²⁾ Les institutions Byzantines, par Ch. Diehl.—Revue Encyclopédique. 21 juillet. 1900.

тописью Цилиция, полная копия которой найдена в Мадридѣ, арабскою хроникой Уахи, открытою барономъ Розеномъ, и грузинскими лѣтописями, Шлumberгеръ представляетъ полный сводъ всего, что извѣстно объ его героѣ. Но не довольствуясь характеристикой Василія II-го, одного изъ самыхъ могущественныхъ государей, занимавшихъ престолъ Константина, онъ подробно описываетъ положеніе дѣлъ не только въ Восточной имперіи, но въ Италіи и Грузіи, а рядомъ съ картиной Царьграда рисуетъ и тогдашнія Аѳины по случаю ихъ посѣщенія императоромъ. Въ сущности все царствование Василія II было безконечною войною на Кавказѣ, въ Сиріи, Иллиріи, Италіи и Болгаріи, которую онъ присоединилъ къ Византіи послѣ жестокой борьбы съ царемъ Самуиломъ, при чемъ онъ позволялъ себѣ неслыханныя жестокости. Хотя Шлumberгеръ и старается доказать, что его излюбленный герой былъ обязанъ прибѣгать къ жестокостямъ для исполненія задачи всей своей жизни, именно покоренія болгаръ, но невозможно чѣмъ бы то ни было оправдать, на примѣръ, ослѣпленіе 15.000 болгарскихъ плѣнныхъ. Историческій образъ императрицы Θεодоры уже былъ предметомъ многочисленныхъ изслѣдованій, но профессоръ Диль характеризуетъ ее въ своемъ очеркѣ съ малозатронутой стороны, именно психологической. Отвергая всѣ легенды объ этой гетерѣ и актрисѣ, вышедшей замужъ за императора Юстиніана I-го и отличавшейся, будучи императрицей, монашескою жизнью, Диль подробно рисуетъ портретъ замѣчательной женщины, игравшей значительную политическую роль и о которой Прокопій говорилъ, что она соединяла въ себѣ всѣ пороки и всѣ виды разврата. Странная, оригинальная, сложная и сильная натура Θεодоры рельефно выступаетъ въ мастерскомъ очеркѣ французскаго историка. Еще замѣчательнѣе очеркъ византійскихъ учреждений того же автора въ «Revue encyclopédique». На пяти страницахъ, снабженныхъ любопытными иллюстраціями, онъ сумѣлъ въ популярной формѣ, но со строго научною подкладкой, мѣтко охарактеризовать императорскую власть византійскаго василевса, бывшаго въ одно и то же время главою государства и представителемъ Бога на землѣ; центральное правительство, состоявшее изъ многочисленнаго двора и высокихъ административныхъ должностныхъ лицъ; провинціальное устройство; наконецъ, учрежденія судебныя, финансовыя, военныя, морскія и дипломатическія. Конечно, свѣдѣнія о каждомъ изъ этихъ предметовъ очень кратки, но взятыя всѣ вмѣстѣ они даютъ ясное понятіе о внутреннемъ строѣ Византійской имперіи. Одной сторонѣ этого внутренняго византійскаго строя, именно провинціальному устройству посвященъ, почтенный трудъ нѣмецкаго профессора Гельцера, который подробно изучилъ происхожденіе еемъ, т. е. византійскихъ провинцій. Будучи прямою наслѣдницей Рима, Византія сначала сохранила для управленія провинціями римскую, чисто гражданскую систему префектуръ, округовъ и епархій. Но съ VI вѣка оказалось полезнымъ соединить въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ гражданскую власть съ военною, а затѣмъ въ виду усиливавшихся нападений варваровъ многія провинціи были, выражаясь по-современному, объявлены на военномъ положеніи. Прежде всего были образованы для защиты отъ мавровъ и лангобардовъ военныя экзархаты Африки и Италіи, а потомъ вторженія персовъ, арабѣтянъ и славянъ вызвали тѣ же послѣдствія на востокѣ. Новыя военныя упра-

вления получили названіе *еомъ*; такъ назывались прежде отдѣльные корпуса арміи, а тогда стали носить это названіе провинціи, занятыя означенными корпусами. Въ теченіе VII и VIII вѣковъ эта система постепенно развивалась и распространялась, а въ X вѣкѣ вся Византійская имперія была раздѣлена на 29 *еомъ*. Впослѣдствіи ихъ число могло измѣняться, но до конца имперіи сохранился принципъ соединенія въ однѣхъ рукахъ власти военной, гражданской и финансовой. Во главѣ каждой изъ *еомъ* стоялъ стратегъ, лично назначаемый императоромъ и прямо переписывавшійся съ нимъ. У него было три помощника, завѣдывавшіе военною, финансовою и гражданскою частью. Съ послѣдней обыкновенно соединялась и судебная часть, такъ что завѣдывавшій этими двумя вѣтвями провинціальной администраціи назывался протонотаріемъ и судьей *еомы*, а слѣдовательно былъ представителемъ мѣстныхъ гражданскихъ интересовъ. Для большаго удобства управленія *еомы* раздѣлялись на турмы, попотерезы и банды. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существовали особыя названія для этихъ административныхъ подраздѣленій и лицъ, управлявшихъ ими, но принципъ подчиненія гражданской власти военной поддерживался вездѣ одинаково. При этомъ не лишне замѣтить, что первое мѣсто между *еомами* занимали восточныя, такъ какъ азіатскія провинціи до XII вѣка составляли главную силу Византіи.

— Одинъ изъ предшественниковъ реформаціи въ Италіи. Антоніо Агостини напечаталъ подробную монографію о Пьетро Карнесекки и такъ называемомъ Вальдезіанскомъ движеніи въ первой половинѣ XVI столѣтія ¹⁾. Это движеніе составляетъ неудавшуюся попытку реформаціи въ Италіи, и оно тѣмъ любопытнѣе, что не отличалось эгоистичною цѣлью, какъ реформа въ Англіи, или политическимъ и общественнымъ недовольствомъ, какъ реформа въ Германіи, а имѣло предметомъ лишь возстановленіе первобытнаго христіанства во всей его чистотѣ. Оно было возбуждено обществомъ Божественной любви въ Римѣ и потомъ распространилось въ Венеціи, Неаполѣ и другихъ итальянскихъ городахъ. Во главѣ его состоялъ Донъ Жуанъ Вальдезъ, папскій камергеръ, родомъ испанецъ и чрезвычайно скромный, благородный и набожный человекъ. Въ своей неаполитанской виллѣ, онъ принималъ патеровъ, монаховъ, литераторовъ, философовъ и вообще всѣхъ, которые мечтали объ идеализованіи вѣры, въ чемъ они искали утѣшенія отъ мірской суеты. Въ числѣ сторонниковъ и друзей Вальдеза были кардиналы Поль, Контарини и Мороне, епископъ Веронскій, Джиберти, калудинъ, Бернардино Окнио изъ Сіены, извѣстный гуманистъ Маркантоніо Фламиніо изъ Имолы и двѣ знаменитыя итальянки: Джулія Гонзаго, которую воспѣлъ Тассо, и поэтесса Виторія Колонна. Вальдезъ проповѣдывалъ почти ту же теорію, какъ Лютеръ, но не доводилъ ея, какъ послѣдній, до всѣхъ ея логическихъ послѣдствій, а довольствовался мистическимъ идеализмомъ и оптимистскою вѣрой въ человѣческую натуру. Однимъ изъ самыхъ пламенныхъ послѣдователей Вальдеза былъ Пьетро Карнесекки. Происходя изъ флорентинской дворянской семьи, находившейся въ дружескихъ отношеніяхъ

¹⁾ Pietro Carnesecchi e il movimento Valdesiano. Da Antonio Agostini. Firenze. Selber. 1900.

съ Медичи, онъ въ дѣтствѣ жилъ въ Римѣ у своего родственника а папа Климентъ VII взялъ его къ себѣ секретаремъ и облагодѣтельствовалъ настолько, что Карнесекки послѣ смерти папы обладалъ такими обширными финансовыми средствами, что могъ жить припѣваючи и заниматься богословіемъ, какъ дипломатъ. Перебравшись въ Неаполь, онъ вступилъ въ кружокъ Вальдеза и очень подружился съ кардиналомъ Полемъ, который пригласилъ его и ихъ общаго пріятеля Фламиніо въ Витербо, гдѣ онъ жилъ. До смерти Вальдеза Карнесекки, мирно занимаясь со своими друзьями изученіемъ библіи, но послѣ неудачной попытки Контарини, Меланхтона и другихъ умѣренныхъ умовъ найти въ Ратисбонѣ примиреніе между новыми теоріями и существовавшимъ порядкомъ, Павелъ III ввелъ инквизицію въ Италиі. Окино и нѣкоторые другіе сторонники Вальдеза бѣжали и присоединились къ крайнимъ протестантскимъ сектамъ, а Поль и Контарини, не рѣшаясь порвать узы съ Римомъ подчинились ему, хотя еще долго ихъ подозрѣвали въ ереси. Что касается до Карнесекки, то онъ спокойно велъ свою прежнюю жизнь, и въ продолженіе нѣкотораго времени его спасало отъ инквизиціи покровительство Козьмы Медичи. Наконецъ въ 1546 году онъ былъ вызванъ къ отвѣту въ Римъ, но герцогъ Тосканскій, кардиналъ Поль и другія вліятельныя лица заступились за него, такъ что его преслѣдованіе было прекращено, но онъ нашеть болѣе удобнымъ удалиться во Францію, гдѣ королева Катерина Медичи оказала ему любезный пріемъ. Хотя при новомъ папѣ Юліи III жизнь въ Италиі стала снова безопасной, но Карнесекки провель еще нѣсколько лѣтъ во Франціи а только въ 1553 году вернулся на родину и поселился въ Венеціи. Старый Вальдезіанскій кружокъ уже болѣе не существовалъ. Одни погибли на кострѣ, или эшафотѣ, другіе умерли, или бѣжали. Убѣжденія Карнесекки влекли его въ Женева, но онъ не оправдывалъ разрыва протестантовъ съ Римомъ и продолжалъ исполнять все церковныя требы католической церкви. Со вступленіемъ на престолъ Св. Петра кардинала Караффы снова начался преслѣдованіе сторонниковъ Вальдеза. Кардиналъ Мороне былъ посаженъ въ крѣпость Св. Ангела, а Поль и Карнесекки вызваны въ Римъ для отвѣта. Но ни тотъ, ни другой не повиновались, зная, что ихъ тамъ ожидала казнь. Первый находился въ то время въ Лондонѣ въ качествѣ папскаго легата и преспокойно тамъ остался, а послѣдній, пользуясь покровительствомъ венеціанскаго правительства, предоставилъ инквизиціи постановить заочный приговоръ по доносу одного сіенскаго монаха, котораго Карнесекки называлъ «самымъ глупымъ животнымъ, которое когда либо ходило на двухъ ногахъ». Послѣ долгаго судебнаго разбирательства Карнесекки былъ заочно признанъ виновнымъ въ ереси и также заочно сожженъ на кострѣ. Вскорѣ послѣ этого умеръ папа, и замѣнившій его Пій IV-й, добродушный старикъ, не заботившійся объ уничтоженіи ереси и еретиковъ, выпустилъ на свободу кардинала Мороне и, настоявъ, чтобы инквизиція объявила Карнесекки невиновнымъ ни въ какой ереси, что и было имъ самимъ утверждено. Шестъ лѣтъ спокойно благоденствовалъ Карнесекки, какъ неожиданно умеръ Пій IV, и папой сдѣлался архи-инквизиторъ Гизієри, который находился въ числѣ судей, приговорившихъ Карнесекки къ заочной

казни. Онъ мгновенно ѣбжалъ изъ Венеціи въ своей родной городъ Флоренцію, рассчитывая на покровительство Козьмы Медичи, но послѣдній нуждался тогда въ папѣ и выдалъ Карнесекки. Арестованный за объдомъ у Медичи, онъ былъ отвезенъ въ Римъ и преданъ головой инквизиціи. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Козьма Медичи раскаялся въ своемъ низкомъ поступкѣ и просилъ папу выпустить на свободу Карнесекки, но получилъ въ отвѣтъ: «Еслибы онъ убилъ десять человѣкъ, то я тотчасъ исполнилъ бы ваше желаніе, но его судятъ за ересь кординалы, и я не могу ничего сдѣлать». Дѣйствительно противъ стараго больного Карнесекки выставили всѣ прежнія обвиненія, по которымъ онъ уже былъ признанъ невиновнымъ, и 1-го октября 1567 года онъ взошелъ на эшафотъ спокойными шагами, въ бѣлой рубашкѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ и съ бѣлымъ платкомъ въ рукахъ. По словамъ его новаго біографа, «онъ умеръ, какъ христіанинъ и *galantuomo*».

— Первый французъ, осмѣлившійся самостоятельно мыслить. Такъ французскіе критики называютъ Мишеля Монтеня, и недавно вышедшіе три основательные, добросовѣтные труда даютъ возможность вполне ознакомиться съ жизнью и литературною дѣятельностью этого знаменитаго мыслителя-скентика. Первый изъ нихъ составляетъ новое исправленное изданіе обширной монографіи Псла Бонфона «Монтень и его друзья» ¹⁾, а остальные представляютъ любопытныя изслѣдованія Шампіона: «Введеніе къ «Опытамъ» Монтеня» ²⁾ и Гильома Гизо «Очерки и отрывки о Монтенѣ» съ предисловіемъ Фагэ ³⁾. Ученый біографъ Монтеня не только слѣдитъ за каждымъ шагомъ своего героя въ продолженіе его семидесятилѣтней жизни, но подробно знакомитъ читателя съ его извѣстными друзьями Ла-Бюесп, Шаррономъ и г-жей Гурнэ, а также съ той средой, обычаями и нравами, которые составляли обстановку его существованія; а Шампіонъ и Гизо старательно поясняютъ «Опыты» Монтеня, которые по своему сложному, разбросанному содержанію мало понятны безъ руководящей нити и критически опредѣляютъ значеніе мыслителя, который имѣлъ громадное вліяніе не только на французскую литературу, но и на такіе великіе умы въ остальной Европѣ, какъ Бэконъ и Шекспиръ. Мишель Эйкемъ де-Монтень родился въ 1533 году и происходилъ изъ богатой купеческой семьи въ Бордо, но его отецъ занималъ высокую судебную должность и питалъ такое пристрастіе къ латинскому языку, что не позволялъ ему съ дѣтства говорить иначе, какъ латыни. Поэтому, когда онъ поступилъ десяти лѣтъ въ Бордоскую коллегію, то учителя со страхомъ смотрѣли на мальчика, который могъ загнать ихъ званіемъ латыни. Влестяще окончивъ курсъ юридическихъ наукъ въ Тулузскомъ университетѣ, Монтень получилъ мѣсто совѣтника въ Бордосскомъ парламентѣ, но, не чувствуя наклонности къ общественной дѣятельности, онъ болѣе занимался изученіемъ греческой и римской философіи. Онъ перевелъ съ латинскаго языка «Естественное богословіе» Рай-

¹⁾ Montaigne et ses amis, par Paul Bonnefon. Nouvelle editon. Paris. 1900—2 vol.

²⁾ Introduction aux essais de Montaigne, par Edme Champion. Paris. 1900.

³⁾ Montaigne: etudes et fragments, par Guillaume, Gizot, avec une preface d'Emile Faguet. Paris. 1900.

мундо Себонда и издалъ сочиненія своего друга Ла-Бросси, а послѣ своей женитьбы на Франсуазѣ Ла-Шасень и смерти отца, онъ на десять лѣтъ скрылся отъ міра въ своемъ наслѣдственномъ замкѣ. Хотя въ это время во Франціи свирѣпствовала борьба политическихъ и религиозныхъ партій, Монтень спокойно сидѣлъ въ своей библіотекѣ, преимущественно снабженной классиками, и писалъ два первые тома своихъ знаменитыхъ опытовъ. Напечатавъ этотъ плодъ своего долговременнаго уединенія, онъ вернулся въ 1580 году къ общественной дѣятельности, но прежде предпринялъ обширное путешествіе по Германіи и Италіи, гдѣ, судя по его «Дневнику», онъ болѣе всего обращалъ вниманія на изученіе современныхъ нравовъ и обычаевъ. Вернувшись въ Бордо, онъ былъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ мэромъ и проявилъ себя энергичными, дѣятельными заботами о благоденствіи вѣрннаго ему города. Онъ очень ловко лавировалъ между правительствомъ Генриха III и королемъ Наварскимъ, будущимъ Генрихомъ IV, благодаря чему сохранилъ Бордо отъ ужасовъ междоусобной войны, но смѣлый въ своихъ сношеніяхъ съ королемъ, котораго онъ даже прямо упрекалъ въ несправедливомъ распредѣленіи податей, философъ-мэръ оказался трусомъ передъ стихійною силой. Когда въ Бордо разразилась чума, то онъ скрылся въ Ливорно, гдѣ, по его словамъ, воздухъ былъ лучше. Хотя его біографъ Боннефонъ увѣряетъ, что въ этомъ случаѣ его излюбленный герой обнаружвалъ недостатокъ только храбрости, но не честности, трудно согласиться, чтобы выборный правитель, бросающій вѣрнный ему городъ въ тяжелую эпоху бѣдствія, поступалъ честно. Конечно, послѣ этого онъ покинулъ Бордо и переселился въ Парижъ, гдѣ игралъ съ успѣхомъ роль посредника и миротворца между враждующими партіями, сидѣлъ нѣсколько часовъ въ Бастиліи и освобожденный оттуда принималъ участіе въ засѣданіяхъ генеральныхъ штатовъ въ Блуа. Хотя онъ вѣрно, но безъ фанатизма служилъ Генриху III, Монтень радостно привѣтствовалъ вступленіе на престолъ Генриха IV, что, однако, не помѣшало ему отказать отъ предложенныхъ новымъ королемъ почестей. Онъ снова удалился въ свой замокъ и провелъ остальные годы своей жизни въ составленіи третьяго тома «Опытовъ» и въ постоянной передѣлкѣ своихъ первыхъ томовъ. Онъ умеръ въ 1592 году, формально не покидая лона католической церкви, хотя онъ скорѣе былъ ученикомъ римскихъ скептиковъ и проповѣдникомъ этики Сенеки, чѣмъ вѣрующимъ христіаниномъ. Вообще его философія была чисто оюртунистская, и онъ мирилъ свой скептицизмъ, далеко не походившій на прямой методическій скептицизмъ Декарта, съ поверхностнымъ формальнымъ признаніемъ не только догматовъ, но и обрядовъ католической церкви. (Трепаясь прежде всего къ покойной мирной жизни, онъ выработалъ себѣ въ сущности не скептическую, а эпикурейскую философскую систему, позволявшую ему мириться со всѣми условіями, окружавшими его, лишь бы они не пренятствовали его спокойному существованію, въ основѣ котораго лежали эгоизмъ и буржуазный здравый смыслъ. Это, однако, не пренятствовало ему высказывать въ своихъ опытахъ много здравыхъ гуманныхъ и либеральныхъ идей и быть дѣйствительно «первымъ французомъ, осмѣлившимся самостоятельно мыслить» въ такую эпоху, когда царили фанатизмъ, и абсолютизмъ. Кромѣ того, его «Опыты» отличаются оригинальностью,

остроуміемъ и блестящимъ живымъ изложеніемъ, которое онъ мѣтко называетъ «простымъ, комичнымъ, сжатымъ, безпорядочнымъ, отрывочнымъ, сухимъ, свѣжимъ, сырымъ, суровымъ, стилемъ, не искусственнымъ и не учтивымъ». Хотя этотъ поэтъ въ прозѣ и оппортунистъ въ философіи можетъ, по словамъ Гизо, «убаюкать совѣсть» въ людяхъ, не отличающихся нравственною силою, но все-таки его проповѣдь мира, всеобщей терпимости, здраваго смысла, равенства всѣхъ людей и искусства жить согласно природѣ вещей, оставила значительный слѣдъ въ исторіи цивилизаціи и постепенной эволюціи прогресса.

— Четвертая серія очерковъ патологической исторіи. Оканчивая четвертымъ томомъ свой историко-патологическій сборникъ «Секретный кабинет исторіи»¹⁾, докторъ Кабанесъ заявляетъ въ предисловіи, что онъ вовсе не прекращаетъ своихъ трудовъ по патологической исторіи и общаетъ напечатать цѣлый рядъ новыхъ сочиненій того же рода: «Таинственныя смерти въ исторіи», «Отравленія въ исторіи», «Сумасшедшіе въ исторіи и литературѣ», «Наполеонъ I, его здоровье, болѣзни и смерть», «Диковины медицины» и т. д. Заключительный томъ его патологическихъ очерковъ имѣетъ преимущественно эротическій характеръ, хотя въ виду серьезно-научнаго значенія его изслѣдованій ихъ нельзя назвать порнографическими. Первый изъ нихъ посвященъ вопросу, умеръ ли король Францискъ I отъ позорной болѣзни, и хотя авторъ соглашается съ большинствомъ современниковъ своего героя, что онъ дѣйствительно страдалъ секретнымъ недугомъ, но отвергаетъ легенду объ его смерти, благодаря заразѣ, переданной ему красавицей ла-Фероньеръ, которую, въ свою очередь, намѣренно заразилъ ея мужъ адвокатъ, не пожалѣвшій себя и нарочно схватившій эту болѣзнь, чтобъ передать женѣ и отомстить королю. Эта легенда, послужившая сюжетомъ для мало извѣстной, но эффектной и мѣстами поэтичной драмы Феликса Арвера, долго пользовалась довѣріемъ историковъ, и ее повторяли другъ за другомъ Меррэ, Гальеръ, Анктиль, Сисмонди и Бейль, но Кабанесъ считаетъ ее столь же недостоверною, какъ и портретъ ея героини въ Луврѣ, который оказался портретомъ герцогини Мантуанской, или Лукреціи Кривелли, любимицы Людовика Сфорцы, но ни въ какомъ случаѣ не красавицы ла-Фероньеръ. Если она когда нибудь и существовала, то была, по его мнѣнію, простою уличною куртизанкой, а не женой адвоката, и если находилась въ близкихъ отношеніяхъ съ королемъ, чего нельзя отрицать въ виду многочисленности его фаворитокъ, то не причинила ему смерти, такъ какъ онъ умеръ отъ разстройства почекъ и легкихъ. Бесплодіе Екатерины Медичи въ продолженіе десяти лѣтъ долго объяснялось секретною болѣзнию ея отца и Франциска I, отца ея мужа Генриха III; но отвѣдя этому предмету особый очеркъ, Кабанесъ опровергаетъ такое толкованіе и доказываетъ, что просто оба супруга представляли типъ вырожденія, которымъ отличались ихъ семьи Медичи и Валуа. По его словамъ, Екатерина Медичи была одною изъ самыхъ любопытныхъ патологическихъ личностей въ исторіи и такъ же, какъ ея мужъ, обнаруживала всѣ слѣды наследственной психопатіи и нервнаго разстройства. Когда, нако-

¹⁾ Le cabinet secret de l'histoire, par le docteur Cabanes. 4-me serie. Paris. 1900.

нецъ, у нихъ пошли дѣти, то всѣ они въ числѣ десяти, кромѣ умершихъ въ дѣтствѣ, были больными, полусумасшедшими и патологически развратными существами, а слѣдовательно наслѣдовали отъ своихъ родителей элементъ вырожденія. Что же касается до объясненія способа, которымъ вылѣчилась Екатерина Медичи отъ безплодія, то Кабанесъ приводитъ слишкомъ циничныя подробности, чтобы ихъ можно было передать. Тою же особенностью отличаются этюды о болѣзни Генриха IV, о цѣломудріи Людовика XIII и о нѣкоторыхъ обычаяхъ при свадьбѣ французскихъ королей. Изъ этихъ любопытныхъ, но слишкомъ скабрзныхъ бытовыхъ картинокъ, можно только привести, что, по словамъ Кабанеса, у Генриха IV было 56 фаворитокъ, если не больше, при чемъ его теща Екатерина Медичи поставляла ему живой товаръ, 2) что Людовикъ XIII, принадлежавшій тѣломъ и душой патологіи, по своему физическому развитію не могъ имѣть дѣтей, и Людовикъ XIV, по всей вѣроятности, былъ сыномъ не его, а маркиза Д'Анкра, или герцога Букингама, или кардинала Ришелье; и 3) что при французскомъ дворѣ въ старину невѣсту короля разсматривали обнаженную нарочно для этого назначенныя придворныя дамы, замѣститель короля при знатныхъ свадьбахъ приближался къ постели молодой послѣ свадьбы и даже заносилъ ногу въ постель для доказательства совершенія брака, наконецъ одна пожилая придворная дама находилась въ спальнѣ новобрачныхъ въ качествѣ арбитра. Разсказъ доктора-историка о томъ, какъ Марія Лещинская сдѣлалась женою Людовика XV, не представляетъ ничего новаго и повторяетъ уже давно извѣстныя подробности. Одинаково не новы свѣдѣнія, встрѣчающіяся въ денешахъ пословъ Пруссіи и Италіи въ Парижѣ, барона Гольца и графа Аранды, о причинѣ, которая положила конецъ долговому безплодію Маріи-Антуанеты, о чемъ уже былъ помѣщенъ очеркъ Кабанесомъ въ прежнихъ томахъ его сборника. Очень любопытно, но переполнено циничными подробностями изслѣдованіе Кабанесомъ вопроса о томъ, дѣйствительно ли Марія-Антуанета развратила въ Тампльской тюрьмѣ своего сына, въ чемъ обвинялъ ее Геберъ во время суда надъ ней. Хотя малолѣтній Людовикъ XVII подтверждалъ это обвиненіе, и Кабанесъ приводитъ его показаніе, но онъ доказываетъ длиннымъ рядомъ аргументовъ и свидѣтельскихъ показаній, что обвиненіе не было ничѣмъ доказано и составляетъ низкую клевету. Въ концѣ очерка авторъ упоминаетъ о своемъ убѣжденіи, что Людовикъ XVII не умеръ въ тюрьмѣ, а спасся изъ нея, но онъ не приводитъ никакихъ подробностей этой гипотезы, имѣющей немало защитниковъ, и обѣщаетъ подробно разсмотрѣть любопытный вопросъ о кончинѣ Людовика XVII въ слѣдующей своей книгѣ: «Таинственная смерти въ исторіи». Послѣдній этюдъ послѣдняго тома «Секретнаго кабинета исторіи» озаглавленъ: «Псевдо-сумасшествіе маркиза де-Сада». Правдивая біографія этого куріознаго развратника, автора извѣстныхъ порнографическихъ произведеній, еще не написана и врядъ ли скоро появится въ виду скудости матеріаловъ. Пользуясь документами министерства иностранныхъ дѣлъ и Шарантонской больницы умалишенныхъ, Кабанесъ старается однако опровергнуть легенды, сложившіяся объ его героѣ. По его словамъ, маркиза де-Сада обыкновенно представляютъ въ слишкомъ черномъ видѣ, а въ сущности его кровавый эротизмъ болѣе выразался въ

словахъ, чѣмъ на дѣлѣ. Конечно, въ частной жизни онъ былъ развратникомъ, но въ духѣ своего времени, а писалъ порнографическія сочиненія, чтобъ развлечься въ тюрьмѣ, гдѣ онъ провелъ большую часть своей жизни, отомстить обществу и насолить правительству. Всѣ рассказываемые Кабанесомъ мало-извѣстные эпизоды жизни маркиза касаются его многочисленныхъ тюремныхъ заключеній. Первое изъ нихъ произошло, когда ему было 22 года, и онъ только что женился, но причина его неизвѣстна, и онъ вскорѣ былъ освобожденъ. Второй разъ онъ попался за скандалъ, надѣлавшій много шума и заключавшійся въ томъ, что маркизъ заманилъ молодую женщину, Розу Валентенъ въ свой домъ, гдѣ приказалъ раздѣть ее и положить на анатомическій столъ для медицинскаго вскрытія. Женщина такъ испугалась, что вырвалась изъ рукъ своихъ мучителей и выскочила въ окошко. Существуетъ другой вариантъ этой исторіи, по которому будто бы маркизъ пустилъ ей кровь въ нѣсколькихъ мѣстахъ и надругался надъ ея обнаженнымъ тѣломъ. Но этотъ рассказъ, конечно, принадлежитъ къ безконечнымъ легендамъ о де-Садѣ. Какъ бы то ни было, оскорбленная женщина жаловалась на маркиза и хотя потомъ помирилась съ нимъ за сто лудировъ, но ему пришлось высидѣть въ тюрьмѣ шесть недѣль. Затѣмъ разыгралась исторія такъ называемыхъ отравленныхъ конфетъ, которыми будто бы маркизъ угощалъ куртизанокъ въ Марселѣ. Хотя заочно судъ приговорилъ его къ смертной казни за отравленіе и содомскій грѣхъ, но Кабанесъ доказываетъ, что виновность его героя ничѣмъ не была подтверждена, хотя, благодаря этому дѣлу, вторично пересмотрѣнному судомъ, онъ находился два года въ заточеніи въ Міланской крѣпости, откуда съ помощью своей жены бѣжалъ въ Италію. Проживъ нѣсколько времени со своей семьей въ принадлежавшемъ ему замкѣ въ Провансѣ, онъ черезъ нѣсколько лѣтъ за новыя скандальныя продѣлки въ Парижѣ былъ посаженъ въ Бастилію, откуда его освободила революція. Во время террора онъ сумѣлъ остаться здоровымъ и невредимымъ, благодаря краснорѣчивой защитѣ республиканскихъ идей, дошедшей до того, что онъ произнесъ публично хвалебный диопрамъ въ честь Марата послѣ его смерти. Наконецъ, въ 1801 году, онъ былъ снова посаженъ въ тюрьму, а затѣмъ переведенъ въ Шарантонскій сумасшедшій домъ, гдѣ онъ содержался 14 лѣтъ и умеръ 2-го декабря 1814 года семидесяти пяти лѣтъ отъ роду. Это послѣднее заключеніе маркиза налагаетъ вѣчное пятно на Наполеона, который сначала консуломъ, а потомъ императоромъ держалъ столько лѣтъ здороваго человѣка въ домѣ умалишенныхъ изъ мести за оскорбительный памфлетъ противъ него и Жозефины. Этотъ памфлетъ подъ заглавіемъ: «*Zoloé et ses deux acolytes*», выводилъ на сцену Жозефину, Бонапарта, Барра и многихъ другихъ представителей и представительницъ Директоріи, при чемъ авторъ не жалѣлъ красокъ, чтобы представить ихъ въ самомъ развратномъ и позорномъ свѣтѣ. Хотя, конечно, официально не упоминалось, что маркизъ былъ признанъ сумасшедшимъ за этотъ политическій памфлетъ, но выставленный предлогъ принятой противъ него во всякомъ случаѣ несправедливой, незаконной мѣры не имѣлъ никакого основанія, такъ какъ порнографическій романъ «Жульета», за который будто бы его преслѣдовали, былъ напечатанъ за 10 лѣтъ передъ тѣмъ и во все это время

не побуждалъ ни одно изъ правительствъ, чередовавшихся во Франціи, привлечь къ отвѣтственности автора. Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что веселый, развратный маркизь окончилъ свою жизнь въ домѣ умиленныхъ жертвою политическаго деспотизма.

— Свобода печати во Франціи. Хотя Франція въ послѣднія девятнадцать лѣтъ пользуется полною свободой печати, но при всякомъ удобномъ случаѣ консерваторы подкапываются подъ нее, и недавно сенатъ выработалъ законопроектъ, ограничивающій и стѣсняющій эту свободу. Но, конечно, большинство въ палатѣ депутатовъ и вся пресса, за исключеніемъ немногихъ реакціонерныхъ органовъ, энергично защищаютъ одно изъ плодотворнѣйшихъ созданій третьей республики. Даже такой бульварный листокъ, какъ *Figaro*, помѣстилъ на своихъ столбцахъ статью Анатоля Франса, который съ поэтическимъ пафосомъ доказываетъ необходимость печати. «Одна свобода приноситъ пользу,—говоритъ онъ,—если она полная и всеобщая. Она одна хороша и благотворна. Печать должна быть свободна не только та, которая достойна свободы своимъ благоразуміемъ, но всякая, кака бы она ни была, мудрая или безумная. Печать имѣетъ безусловное право на свободу, потому что выражаетъ мысли всей націи и должна быть, какъ эти мысли, разнообразной и противорѣчивой, справедливой и несправедливой, мудрой и нелѣпой, жестокой и великодушной, потому что печать есть совѣтъ невѣжественной толпы и высшихъ умовъ, а также зеркало, въ которомъ каждый видитъ себя среди окружающихъ его лицъ и, сравнивая себя съ ними, судить о себѣ; потому что печать должна высказывать все, что думаютъ разнообразные представители націи, и тѣмъ обнаруживать все доброе и злое, правдивое и ложное, что скрывается въ глубинѣ человѣческихъ умовъ; потому что, хорошо, или дурно, печать примиряетъ всѣ крайности и обнаруживаетъ всѣ факты, всѣ доводы, при чемъ если они ложны, то они сами уничтожаютъ себя; потому что печать не можетъ лгать и обманывать безъ немедленнаго обнаруживанія этой лжи и обмана, а слѣдовательно она въ концѣ концовъ устанавливаетъ правду; потому что печать даже самая пламенная, пристрастная, оскорбительная и нелѣпая замѣняетъ матеріальное насилие и смягчаетъ нравы; потому что, наконецъ, печать, какъ идея, должна оставаться независимой отъ факта, какъ мысль должна господствовать надъ дѣйствіемъ и, какъ нравственная сила, должна стоять выше матеріальной силы». Болѣе трезво, серьезно и обстоятельно защищаетъ свободу печати Габріэль Форъ въ небольшой вышедшей надняхъ книгѣ подъ названіемъ «Этюды о свободѣ печати»¹⁾. Всего любопытнѣе въ ней краткая, но ясная характеристика постепеннаго развитія во Франціи свободы печати, которую долго преслѣдовали одинаково деспотическія, конституціонныя и республиканскія правительства. Какъ только проникли во Францію «святыя, маленькія лптыя буквы», по образному выраженію Анатоля Франса, то немедленно начали противъ нихъ смертельную борьбу свѣтскія и духовныя власти. Печатное слово, называемое тогда «дьявольскимъ наважденіемъ», было сжато въ тиски привилегіями цензуры и административными распоряженіями, а за всякое нарушеніе установленныхъ

¹⁾ Essais sur la liberté de la presse, par Gabriel Fore. Paris. 1900.

правиль вѣшали, жгли и подвергали жестокиѣмъ пыткамъ. Среди мучениковъ печатнаго слова были Эгнень Доле, Жоржъ Валле и многіе другіе. Даже наканунѣ революціи, когда уже вышло изъ моды жарить на кострахъ писателей и печатниковъ, все еще продолжали сжигать печатное слово. Конечно, національное собраніе въ 1789 году постановило, что «каждый гражданинъ можетъ свободно писать и печатать все, что хочетъ, отвѣчая только за всѣ злоупотребленія свободы по закону». Три республиканскія конституціи одна за другою подтвердили безграничную свободу печати, но конвентъ къ величайшему своему стыду вернулся вспять и возстановилъ въ сущности цензуру, хотя въ иной формѣ. Около семидесяти журналистовъ и писателей сдѣлались жертвами республиканскаго трибунала, настоящаго дѣтища старинныхъ порядковъ. Директорія уже прямо безъ всякихъ церемоній подвергла періодическую печать полицейскому надзору, ввела штемпельный сборъ и отправила въ ссылку шестьдесятъ семь журналистовъ. Затѣмъ Наполеонъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, какъ консулъ и императоръ, держалъ печать въ ежовыхъ рукавицахъ. Всякій слѣдъ свободы пчезъ; издатели, редакторы и сотрудники подчинены правительственному контролю. Независимыя газеты были уничтожены; появленіе новыхъ воспрещалось, и существовало только четыре газеты, издаваемые министерствомъ полиціи и говорившія только то, что хотѣлъ Наполеонъ. При первомъ возстановленіи Бурбоновъ они ввели въ хартію признаніе свободы печати почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ законъ 1789 года. Но не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ цензура была снова возстановлена и введены еще болѣе строгія правила на счетъ типографій, чѣмъ во время имперіи. Зато, когда Наполеонъ вернулся съ острова Эльбы, то въ продолженіе ста дней онъ ввелъ теоретически и практически самую полную свободу печати. При этомъ онъ прямо, открыто сказалъ Бенжамену Констану: «Я хочу установленія свободы печати, потому что убѣдился, какъ нелѣпо ее душить». При второй реставраціи благонамѣренныя роялисты, какъ графъ Монгальяръ, признавали необходимость этой свободы и доказывали, что «еслибы она существовала, то Франція была бы избавлена отъ многихъ бѣдствій, въ томъ числѣ Варолюмеевской ночи, отъѣны Нантскаго эдикта, развращенія нравовъ и т. д., мало того, Людовикъ XVI никогда не кончилъ бы своей жизни на эшафотѣ». Новый король понялъ требованіе времени и, даровавъ свободу печати, открылъ самый блестящій періодъ прессы во Франціи. Тогда дѣйствительно она сдѣлалась четвертою властью въ государствѣ и пользовалась громаднѣмъ вліяніемъ на политическую жизнь. Никогда газеты не были такъ могущественны, какъ въ то время, и статьи въ «Debats» принимали характеръ важнаго событія. Хотя реакціонеры, временно овладѣвая властью, старались возстановить цензуру, именно 1824 и 1827 годахъ, но имъ быстро настѣдовали либералы, отмѣнявшіе запретительные законы. Наконецъ, въ 1828 году министерство Мартиньяка провело законъ, навсегда уничтожившій во Франціи цензуру, такъ какъ нельзя считать ея возстановленіемъ тотъ фактъ, что она упоминалась въ пресловутыхъ «Ordonances» въ 1830 года, которые не были примѣнены на практикѣ и возбудили июльскую революцію. Она совершена была парижскими газетами, и ея лозунгомъ были слова герцога Орлеанскаго, котораго, вступивъ

въ парижскую ратушу 31 июля, сказалъ: «Не будетъ болѣе преступленій печати». Естественно, что орлеанская монархія, созданная прессой, не только провозгласила въ новой хартіи свободу печати, но еще прибавила, что «цензура никогда не будетъ восстановлена». Если въ 1835 году доктринеры съ Гизо во главѣ усилили карательныя мѣры противъ газетъ, съ цѣлью будто бы уничтожить не свободу печати, а ея антидинастическіе органы, но все-таки пресса была настолько свободна, что открыто подготовила революцію 1848 г., которая, конечно, отмѣнила всѣ стѣснявшія печать узаконенія. Но недолго пресса пользовалась совершенною свободой, и послѣ іюньскихъ дней правительства Каваньяка, а затѣмъ президента Луи-Наполеона приняли самыя строгія репрессивныя и предупредительныя мѣры противъ нея. Что же касается до «декабрьской имперіи», то, по мѣткому выраженію Лаферьера, она отнесла печать къ «вреднымъ и грязнымъ учрежденіямъ», требующимъ правительственнаго надзора. Хотя лицемѣрно не была установлена цензура, но періодическая печать была подвергнута стѣснительнымъ условіямъ: предварительному министерскому разрѣшенію, взносу крупнаго залога и системѣ административныхъ предупрежденій, временной пріостановкѣ изданій и, наконецъ, совершенному ихъ запрещенію. Но, по краснорѣчивому замѣчанію Эмиля Оливье въ 1868 году, когда онъ еще былъ либераломъ: «Законы противъ печати похожи на солому, которую разстилаютъ передъ жилищами умирающихъ, чтò не мѣшаетъ экипажамъ проѣзжать, а больнымъ умирать». Декабрьская имперія позорно покончила свое существованіе Седанскимъ погромомъ, а замѣнившая ее третья республика, хотя и начавшая свое существованіе при очень неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, мало-помалу отмѣнила всѣ бывшіе въ силѣ 42 закона, декрета и распоряженія противъ печати. Наконецъ, въ 1881 году, былъ принятъ парламентомъ существующій доселѣ законъ, которымъ водворена полная свобода печати, и хотя съ тѣхъ поръ допущены нѣкоторыя новыя репрессивныя узаконенія, но они исключительно относятся до анархистовъ и не имѣютъ предварительнаго характера. Если въ послѣдніе годы нѣкоторые органы парижской печати сдѣлались въ рукахъ аферистовъ продажными и бульварно порнографическими листками, то это нисколько не зависѣло отъ той свободы, которую пользуется французская пресса въ продолженіе девятнадцати лѣтъ. По справедливому замѣчанію почтеннаго парижскаго журнала «Revue Bleue»: «у каждаго народа такая пресса, какой онъ заслуживаетъ; надо измѣнить нравы, если это возможно, но сама пресса нуждается только въ свободѣ. Еще Мирабо говорилъ: «нельзя ставить въ упрекъ свободѣ злоупотребленія ею, и всѣ ея ограниченія только стѣсняють честныхъ людей, подобно тому какъ контрабанда приноситъ пользу лишь негодяямъ».

— Байронъ въ Венеціи. Параллельныя изданія сочиненій и писемъ Байрона продолжаютъ аккуратно выходить по одному тому въ годъ. Надняхъ вышли третій томъ перваго ¹⁾ и четвертый послѣдняго ²⁾, такъ что письма и приложенныя къ нимъ отрывки дневника поэта нѣсколько опередили поэмы и

¹⁾ The Works of Lord Byron.—Poetry. Vol. III.—London. 1900.

²⁾ Byron's Works: Letters and Journals.—Vol. IV.—London. 1900.

уже относятся къ той эпохѣ, когда были написаны его лучшія произведенія «Манфредъ», «Бенпо» и начало «Донъ Жуана», тогда какъ появились въ 3-мъ томѣ только мелкія стихотворенія, начало «Чайльдъ-Гарольда», «Восточныя поэмы», «Осада Коринѳа» и «Еврейскія мелодіи». Другими словами, хронологически напечатанныя теперь поэмы Байрона относятся къ періоду времени отъ 1809 до 1816 г., а проза отъ ноября 1816 г. до марта 1825 г. Относительно перваго изданія, выходящаго подъ редакціей Эрнеста Кольриджа, приходится не сказать много, такъ какъ оно не представляетъ ничего новаго, кромѣ четырехъ еще неизвѣстныхъ маленькихъ поэмъ, которыя ничего не прибавятъ къ славѣ автора «Донъ-Жуана», и хотя попрежнему примѣчанія издателя обстоятельны и любопытны, но, не касаясь ни одного спорнаго вопроса въ литературной дѣятельности поэта, они не отличаются особымъ значеніемъ. Напротивъ, только что появившіеся письма и отрывки изъ дневника Байрона, издаваемые Ролландомъ Протеро, относятся къ его романическому пребыванію въ Венеціи и возбуждаютъ живѣйшій интересъ, бросая яркій свѣтъ на самую пламенную, шумную и наиболѣе забрасываемую современниками грязью эпоху его жизни, тѣмъ болѣе, что изъ 173 напечатанныхъ писемъ 56 изданы впервые. Съ одной стороны эта эпоха совпадаетъ съ наибольшимъ развитіемъ его творческой силы, а съ другой — съ наиболѣе жгучими вспышками его поистинѣ Байроновской страсти. Поселившись въ Венеціи, онъ не выѣзжалъ изъ нея въ продолженіе трехъ лѣтъ за исключеніемъ незначительныхъ поѣздокъ въ Римъ и Неаполь. Все это время онъ провелъ въ самыхъ безумныхъ оргіяхъ, мрачныхъ мечтаніяхъ, доходившихъ до восторженнаго изступленія, и во всевозможномъ истощеніи своихъ физическихъ силъ. Онъ словно искалъ смерти въ винѣ, удовольствіяхъ и сильныхъ ощущеніяхъ; дѣйствительно, друзья, видѣвшіе его въ это время, не узнавали въ немъ прежняго красавца, и его изнуренная фигура напоминала Байрона только роковымъ блескомъ его чудныхъ глазъ. Разочарованный во всемъ, отвергнутый лицемѣрнымъ англійскимъ обществомъ, преслѣдуемый даже въ изгнаніи оскорбленіями и клеветами, онъ бѣшено погрузился въ омутъ разврата, что, однако, не мѣшало его генію создавать величайшія поэтическія произведенія, изъ которыхъ Манфредъ по своему философскому величію подходитъ къ Фаусту съ тѣмъ только различіемъ, что Манфредъ поэма чувства, а Фаустъ поэма идей, въ Манфредѣ авторъ доходитъ до сознанія фибрами своего сердца, а въ Фаустѣ — однимъ холоднымъ мышленіемъ. Изъ всѣхъ жизненныхъ романовъ творца «Донъ-Жуана» въ Венеціи выдвигаются на первый планъ его отношенія къ Марьянѣ, къ такъ называемой Форнаринѣ и къ графинѣ Гичіоли. Первая была страстная, вспыльчивая, ревнивая итальянка, по словамъ самого Байрона, походившая на антилопу и особенно плѣнявшая его своими необыкновенно большими черными восточными глазами, правильными чертами лица, черными роскошными волосами и бархатнымъ голосомъ. Она была замужнею женщиной и хозяйкой того дома, въ которомъ Байронъ жилъ сначала въ Венеціи. Но поэта соединяли съ нею только сладострастные порывы, и она вскорѣ надоѣла ему. Онъ бросилъ ее и переѣхалъ въ знаменитый дворецъ Мончениго на Большомъ каналѣ, гдѣ устроилъ себѣ цѣлый сераль, въ которомъ чередовался «чудовищный полкъ женщинъ», среди

которыхъ особенно достойна вниманія Маргарита Коньи, прозванная Форнариной, потому что она такъ же, какъ любимица Рафаэля, была булочницей. Она была еще болѣе страстною и жгучею итальянкой, чѣмъ Марьяна. Она любила Байрона до безумія и до безумія ревновала его. Она ласкала его до забвенія и вмѣстѣ съ тѣмъ царанала его, какъ тигрица, набрасывалась на него съ ножемъ, вступала въ драку со своими соперницами, преслѣдовала его на балъ-маскарадѣ и, сорвавъ маску съ почтенной дамы, бывшей съ нимъ, грубо ее оскорбила, бросилась въ воду съ отчаянія, когда онъ хотѣлъ съ нею разстаться, и всячески его тиранила. Въ письмѣ къ своему издателю Мурею Байронъ характеристично и откровенно говоритъ: «Она держала меня въ своихъ рукахъ потому, что она большого роста, черная, какъ смоль, глаза ея метали искры, и она отличалась скрытыми качествами, о которыхъ я не буду говорить. Ей было 22 года и, не имѣя дѣтей, она сохранила свои прелестныя формы. Она была очень веселая и настоящая венеціанка по выраженію лица, мыслямъ и разговорамъ. Но она была вспыльчивая, безумная; являлась ко мнѣ, когда хотѣла, дѣлала въ домѣ, что хотѣла, и если встрѣчала какую нибудь женщину, то съ яростью нападала на нее. Но ея царство, однако, кончилось. Она стала невозможною, и я хладнокровно сказалъ ей, чтобы она вернулась домой». Конечно, разрывъ съ Маргаритой сопровождался драматическими сценами, но Байронъ настоялъ на своемъ, несмотря на всѣ ея усилія возобновить порванную связь. Его послѣдняя любовь въ Венеціи, оказавшаяся послѣдней во всей его жизни, была совершенно иная. Онъ испилъ до дна чашу сладострастія и послѣ безумныхъ, разгульныхъ ночей становился все печальнѣе, мрачнѣе и разочарованнѣе. Онъ писалъ своему другу Гобгаузу, что «думаетъ отправиться эмигрантомъ въ Южную Америку», и что «если Италія ему не надобла, то нельзя вѣчно прозябать въ качествѣ *cavalier servante*, нося вѣра итальянокъ, которыя ухитряются повернуть полигамію исключительно въ свою пользу». Въ эту критическую минуту явилась на горизонтѣ графиня Гвичіоли, и, возбудивъ въ его сердцѣ идеальную любовь, она пересоздала его. По краснорѣчивому выраженію Кастелара въ его біографіи Байрона, «Тереза Гвичіоли, несмотря на свои восемнадцать лѣтъ, поняла Байрона и полюбила его истинною, не эгоистичною любовью. Она любила его славу болѣе его самого, а его нравственное величіе еще болѣе, чѣмъ славу. Она вырвала его изъ грязи, очистила, возвысила и, возстановивъ сердце поэта во всей его чистотѣ, не сохранила его для себя, а отдала человечеству. Она сознала, что Байронъ былъ не только поэтомъ, но и человѣкомъ дѣйствій, не только мыслителемъ, но и героемъ. Она указала ему на истинный путь къ славѣ, на борьбу за свободу угнетеннаго греческаго народа и научила его, какъ умереть съ честью». Если дѣйствительно Тереза Гвичіоли сыграла роль ангела хранителя въ жизни Байрона, то все-таки онъ самъ нашелъ въ своемъ сердцѣ и умѣ достаточно силы, чтобы возродиться идеальною любовью и озарить свою мрачную жизнь геройскимъ ореоломъ защитника несчастнаго народа. Только прологъ этой славнѣйшей эпохи его жизни разыгрался въ послѣдніе дни его пребыванія въ Венеціи и въ Равеннѣ, куда онъ послѣдовалъ за графиней Гвичіоли и ея мужемъ. На этомъ кончается четвертый томъ его писемъ, и естественно, что всякій, прочитавъ эти глубоко интересныя письма, ждетъ съ нетерпѣніемъ ихъ продолженія.

— Національний англійський біографічний словарь. Въ іюль мѣсяцѣ вышелъ послѣдній томъ «Національнаго англійскаго біографическаго словаря»¹⁾, закончено это замѣчательное, громадное, литературное предпріятіе, потребовавшее шестнадцать лѣтъ дружнаго труда цѣлаго ряда выдающихся писателей съ извѣстными критиками Лесли Стивеномъ и Сиднеемъ Ли во главѣ. Англичане придають этому изданію вполне національный характеръ, и лондонскій лордъ-мэръ далъ торжественный банкетъ въ честь издателя, книгопродавца Смита, редактора Сиднея Ли и многочисленныхъ сотрудниковъ, въ томъ числѣ Лесли Стивена, который былъ редакторомъ первыхъ томовъ. Въ началѣ послѣдняго тома помѣщены любопытныя статистическія свѣдѣнія о всемъ трудѣ, а рѣчи Смита, Морлея, Сиднея Ли и другихъ на банкетѣ дополнили эти свѣдѣнія интересными подробностями. Оказывается, что Смиту стоило это изданіе около 150.000 фунтовъ стерлинговъ, т. е. около милліона рублей, и онъ надѣется выручить не болѣе половины этой суммы. Всего помѣщено въ словарѣ 29.104 біографіи замѣчательныхъ англичанъ, шотландцевъ и ирландцевъ, изъ которыхъ наибольшее число, т. е. 40%, относится къ XIX столѣтію. Среднимъ числомъ причитается на 5.000 человекъ одна выдающаяся личность и хотя приложены всѣ старанія, чтобы не пропустить ни одного имени, достойнаго помѣсти въ эту настоящую англійскую энциклопедію, но болѣею частью въ ней упомянуты дѣятели политическіе, военные, морскіе, научные, литературные и художественные. Если нѣкоторые критики упрекають, что пропущено много извѣстныхъ героевъ спорта, то нельзя не указать, что встрѣчаются знаменитые боксеры и пловцы, уже не говоря о преступникахъ. При такомъ разнообразіи лицъ, біографіи которыхъ входятъ въ составъ словаря, эти послѣднія по необходимости отличаются другъ отъ друга величиною, но вообще равномерность въ этомъ отношеніи замѣчательно выдержана, если не по количеству страницъ, то по сравнительному значенію лицъ, которымъ посвящены біографіи. Конечно, самая длинная статья, именно 49 страницъ, посвящена Шекспиру, біографія котораго написана редакторомъ Сиднеемъ Ли; она потомъ вышла отдѣльнымъ томомъ и по единогласному приговору англійской критики считается лучшимъ жезнеописаніемъ божественнаго Вильяма. Затѣмъ по объему и содержанію первое мѣсто занимають біографіи Кромвеля, королевы Елисаветы, Веллингтона, герцога Марльборо, сэра Вальтера Скота, Байрона, Борка, Свифта и Ньютона. Наибольшее число статей написано Сиднеемъ Ли, именно 1.370, и Лесли Стивеномъ—1000. Всего обильнѣе оказалась буква В, подъ которой помѣщено 3.078 біографій, а подъ буквой Х не имѣется ни одной. Не безъ гордости издатель и редакторъ словаря заявляютъ, что въ немъ помѣщено болѣе біографій, чѣмъ въ какомъ либо другомъ біографическомъ національномъ словарѣ. Что касается до послѣдняго тома, то въ немъ болѣе замѣчательна біографія герцога Саутгемптона, покровителя Шекспира; она составлена очень подробно и обстоятельно Сиднеемъ Ли, который теперь считается первымъ авторитетомъ относительно всего, что касается великаго поэта. Всѣ англійскіе журналы и газеты съ болѣшимъ или меньшимъ

¹⁾ Dictionary of National Biography. Edited by Sidney Lee.—Vol. 63. London. 1900.

сочувствіемъ относятся къ этому величайшему англійскому предпріятію, которое до сихъ поръ предпринято частнымъ лицомъ. Генлей въ «Pall-Mall Magazine» признаетъ, что издатель и редакторъ словаря достигли замѣчательнаго и благороднаго успѣха, а Джесопъ въ «Nineteenth Century» считаетъ, что ни одна евронеійская литература не имѣетъ ничего подобнаго. Это послѣднее мнѣніе поддерживаетъ «Quarterly Review» прибавляя, что англійскій біографическій словарь лучше нѣмецкаго и бельгійскаго, которые въ свою очередь затмили два французскіе словаря, долго считавшіеся образцовыми.

— Былъ ли художникомъ сумасшедшій баварскій король? Драматическая жизнь несчастнаго баварскаго короля Людвигъ II служитъ предметомъ безконечнаго числа біографій, монографій и преимущественно романовъ. Въ послѣднемъ отношеніи ему особенно взлетъ, и ежегодно выходитъ въ одной Германіи отъ трехъ до четырехъ романовъ, герои которыхъ — сумасшедшій король. Конечно, всѣ они очень фантастичны, легендарны и даже просто сказочны, въ особенности недавно вышедшій романъ графини Ларишъ, подъ заглавіемъ «Königsmaerchen», «Prinz von Hochland» Вердера и «König-Phantasia» Фрейберга, который описываетъ, между прочимъ, что его герой питался павлиньими глазами и соловьиными языками. На французскомъ языкѣ извѣстны два романа: юмористическій Гюстава Кона «Le roi fou» и лирический Катюля Мендеса «Le roi vierge», который любопытенъ тѣмъ, что авторъ воспользовался для своего эпизода легендой о томъ, что Людвигъ II, очень любившій представленіе Страстей Господнихъ въ Оберамергау, однажды заявилъ о своемъ желаніи сыграть роль Христа и умереть на крестѣ, въ порывѣ мистическаго блаженства. Вообще эта оригинальная и загадочная личность возбуждала интересъ во многихъ евронеійскихъ писателяхъ. Поль Верленъ посвятилъ Людвигу II пламенное стихотвореніе, называя его «мученикомъ вѣры и единственнымъ настоящимъ королемъ нашего времени. Аунціо также находитъ, что онъ былъ настоящимъ королемъ въ самомъ себѣ и въ области мечтаній». Бьериштьерне-Бьерсонъ долго мечталъ написать о баварскомъ королѣ драму и говорилъ: «Какой великолѣпный сюжетъ идеальная фигура этой великой души, которая не понимала окружающаго ея міра, всегда стремилась къ идеалу и жила одинокою жизнью на престолѣ». Наконецъ Морисъ Баресъ пишетъ въ своемъ «Ennemie des lois»: «Людвигъ II былъ чистый идеалистъ, но не страстный поклонникъ искусства. Онъ до безумія протестовалъ противъ условій реальной жизни и никогда не хотѣлъ примирить своего я съ общимъ я». Всѣ эти отзывы различныхъ писателей о сумасшедшемъ королѣ приводитъ Жакъ Бенвиль въ предисловіи къ только что появившейся біографіи Людвигъ II ¹⁾, которая добросовѣстно пмъ составлена на основаніи существующихъ довольно скудныхъ матеріаловъ, такъ какъ по распоряженію теперешняго баварскаго регента, принца Луитпольда, мюнхенскій архивъ, въ которомъ, вѣроятно, хранятся дневникъ Людвигъ II и его переписка, никому недоступенъ. Хотя авторъ старательно и подробно составилъ сводъ всего, что извѣстно объ его героѣ, но сообщаемыя имъ біографическія свѣдѣнія не представляютъ ничего новаго, и

¹⁾ Louis II de Bavière, par Jacques Bainville. Paris. 1900.

если въ его книгѣ встрѣчаются любопытныя страницы, то лишь тѣ, которыя посвящены разсмотрѣнію двухъ вопросовъ: былъ ли сумасшедшій король художникомъ, и умеръ ли онъ вслѣдствіе попытки къ самоубійству? Вообще принято давать утвердительный отвѣтъ на оба эти вопроса, но Бенвиль утверждаетъ, что Людвигъ II не былъ настоящимъ художникомъ и не умеръ отъ самоубійства. Аргументы его въ томъ и другомъ случаѣ заслуживаютъ вниманія. Въ первомъ отношеніи онъ говоритъ: «Людвигъ II цѣнилъ въ Вагнеровскихъ операхъ и вообще во всѣхъ художественныхъ предметахъ только одинъ сюжетъ. Во всемъ ему нравилась лишь внѣшность, могущая возбудить въ немъ воспоминанія или фантазіи. Поэтому можно утвердительно сказать, что онъ по своему темпераменту былъ не художникомъ, а романтикомъ». Напримѣръ, относительно театра онъ любилъ главнымъ образомъ пьесы, касавшіяся его излюбленныхъ историческихъ личностей, и заказывалъ посредственнымъ авторамъ драмы изъ жизни Людовика XIV, Людовика XV, маркизы Помпадуръ и Маріи-Антуанеты. Точно также онъ читалъ преимущественно историческіе романы о тѣхъ же эпохахъ и фантастическихъ историковъ, въ родѣ Капефига. Такимъ образомъ ясно, что въ литературѣ такъ же, какъ въ театрѣ, онъ не былъ художникомъ. Еще менѣе художникомъ онъ былъ въ искусствѣ. Онъ не купилъ ни для своихъ дворцовъ, ни для государственныхъ музеевъ ни одной знаменитой картины, а довольствовался копіями или эффектнымъ по внѣшности произведеніями Пилоти. Относительно его знаменитыхъ замковъ нельзя не сказать, что они поражаютъ декоративнымъ блескомъ, роскошью и часто мишурой, но не истинною художественностью. По мѣткому замѣчанію Гейгеля, онъ любилъ въ брильянтѣ блескъ, но не твердость. Въ сущности, онъ и цѣнилъ болѣе всего декоративный эффектъ, хотя бы не художественный и не изящный. Замѣчательно, что этотъ пламенный идеалистъ настаивалъ на реальной точности всѣхъ мелочей художественнаго произведенія съ точки зрѣнія исторіи. Такъ, однажды онъ забраковалъ заказанную имъ картину: «Пріемъ Людвигомъ XIV баварскаго принца Максимилиана-Эмануила», потому что король былъ одѣтъ въ черномъ костюмѣ, а ему было достоверно извѣстно, что въ день пріема одежда на Людовикѣ была цвѣтная. Въ другой разъ онъ приказалъ передѣлать фарфоровый сервизъ, потому что изображенныя на немъ французскія знамена были не того цвѣта, какого слѣдовало. Наконецъ онъ отослалъ картину, изображавшую утренній пріемъ Маріи-Антуанеты, живописцу, Пехману, съ указаніемъ, что придворныя дамы никогда не играли въсерами въ присутствіи королевы, а когда художникъ исправилъ свою картину, то король пришелъ въ такой восторгъ, что ночью послалъ ему брильянтовый перстень, а его женѣ корзину цвѣтовъ. Что касается до знаменитыхъ золоченыхъ и расписныхъ экипажей, преимущественно саней, въ которыхъ онъ катался по ночамъ, то одна поселянка лучше всего ихъ охарактеризовала. Увидя молодого короля, сидѣвшаго въ голубой бархатной мантии и въ открытыхъ савяхъ, на спинкѣ которыхъ былъ нарисованъ балетъ, она громко разсмѣялась, а когда король спросилъ, нравится ли ей это зрѣлище, то она отвѣчала: «забавно» (*lustig*). Хотя Людвигъ былъ глубоко оскорбленъ этимъ отзывомъ, но дѣйствительно,

по словам Бенвиля, его фантазии были забавны, но далеко не художественны. То же можно сказать о пресловутом диванѣ изъ саксонскаго фарфора въ Трианонѣ, созданномъ имъ въ дикомъ горномъ ущельѣ. Извѣстный нѣмецкій художественный критикъ, Вильгельмъ Лёбке говоритъ, что «Людвигъ II не содѣйствовалъ созданію въ Баваріи ни одного крупнаго художественнаго произведенія въ живописи или скульптурѣ, а напротивъ, надолго убилъ искусство въ своей родинѣ». Что касается до смерти сумасшедшаго короля, то его французскій биографъ, рассказавъ катастрофу, происшедшую на озерѣ Штурмзе, доказываетъ невозможность самоубійства Людвига, такъ какъ его тѣло и тѣло доктора Гудэна были найдены въ мелкомъ мѣстѣ озера, гдѣ вода не доходила выше пояса. Онъ полагаетъ, что еслибы король хотѣлъ утониться, то онъ бросился бы въ другомъ мѣстѣ съ крутого берега прямо въ значительную глубину. Напротивъ, по словамъ Бенвиля, гораздо вѣроятнѣе, что король хотѣлъ спастись бѣгствомъ частью по берегу, а частью черезъ озеро, такъ какъ онъ отлично плавать. Но когда онъ побѣжалъ по берегу, то докторъ, вѣроятно, настигъ его, и у нихъ началась борьба, слѣды которой были видны на пескѣ, а затѣмъ, вырвавшись изъ рукъ доктора, онъ побѣжалъ по водѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ озеро было мелко, но, снова настигнутый докторомъ, онъ погибъ въ непосильной борьбѣ съ могучимъ соперникомъ. Въ доказательство справедливости своей гипотезы Бенвиль приводитъ то обстоятельство, что при вскрытіи тѣла короля оказались слѣды смерти отъ апоплексическаго удара. Подобное предположеніе въ сущности столь же бездоказательно, какъ и официальная гипотеза о самоубійствѣ несчастнаго короля.

— Смерть Нитцше. 12-го августа умеръ въ Веймарѣ знаменитый нѣмецкій писатель и мыслитель Фридрихъ Нитцше, который, по словамъ профессора Тилле, «былъ такимъ же могучимъ свѣточемъ европейской мысли, какъ Гегель», и, по выраженію англійскаго критика Эллиса, «представлялъ одну изъ величайшихъ умственныхъ силъ со времени Гете». Вліяніе его на современную молодую Германію громадно, и новая философская школа, считающая его своимъ основателемъ и имѣющая главный центръ въ Веймарѣ, энергично распространяетъ его ученіе. Во Франціи также Нитцше очень популяренъ среди молодежи, и его пропагандируютъ профессоръ Лихтенбергеръ, написавшій замѣчательную монографію «La philosophie de Nitzsche», Генри Альберъ, издавшій избранныя его страницы и подготовляющій къ печати подробную его биографію, наконецъ Жюль Гальтье, одинъ изъ способнѣйшихъ его послѣдователей и авторъ замѣчательнаго философскаго труда «De Kant à Nitzsche». Въ Италіи и Англии начинаютъ изучать его философскія идеи: въ первой Марго Морассо на страницахъ журнала «Flegrea» доказываетъ, что этическая теорія Нитцше представляетъ самое возвышенное, строгое, благородное и величественное понятіе о жизни, ставя верховнымъ закономъ для человѣка подчиненіе себя, другихъ, всего свѣта, всѣхъ силъ и энергій одной цѣли—достигнуть идеала, а въ послѣдней профессоръ Воллэсъ читалъ сочувственную лекцію о Нитцше въ Оксфордскомъ университетѣ. Что же касается до его сочиненій, то они расходятся на нѣмецкомъ языкѣ въ большомъ числѣ изданій, породили цѣлую литературу, возбуждаютъ горячіе споры, и главнѣйшія изъ нихъ переведены

на всѣ языки, въ томъ числѣ на русскій. Такимъ образомъ Нитцше, жаловавшійся, что онъ одинъ, совершенно одинъ ведетъ смертельную борьбу противъ всего, что до сихъ поръ любили и уважали люди, «пріобрѣсть популярность и вошелъ въ моду, пока онъ самъ по злой прони судьбы одиннадцать лѣтъ страдалъ душевнымъ недугомъ, а затѣмъ безсознательно сошелъ въ могилу, благодаря неожиданному удару. Жизнь этого непреклоннаго пессимиста, циничнаго скептика и мыслителя», философствовавшаго «ударами молота, по его собственному выраженію», представляетъ разительный контрастъ съ его разрушительной теоріей крайняго индивидуализма, одинаково отрицавшей вѣру и науку, духовный мистицизмъ и любовь къ человѣчеству, альтруизмъ и нравственность, своихъ учителей Шопенгауэра и Дарвина, социалистовъ и анархистовъ, во имя туманной парадоксальной системы имморализма, аристократическаго радикализма и господства сверхчеловѣка. Этотъ суровый титаническій всеразрушитель велъ жизнь самую тихую, спокойную, даже буржуазную, до той минуты, какъ сначала физическія страданія, а потомъ умственное расстройство не придали ей трагико-патетическаго характера. Фридрихъ Нитцше родился 15 октября 1844 года въ Роккенѣ, гдѣ его отецъ польскаго происхожденія былъ пасторомъ. Оставшись сиротой пяти лѣтъ, онъ былъ воспитанъ нѣжно любившей его матерью, которая переселилась въ Наумбургъ, и учился шесть лѣтъ въ Шульпфордской школѣ, а затѣмъ слушалъ лекціи въ Бонскомъ и Лейпцигскомъ университетахъ. Прежде экзамена на доктора онъ отбылъ воинскую повинность, при чемъ упалъ съ лошади и долго болѣлъ. Когда же онъ вернулся въ Лейпцигъ, то прежде полученія докторскаго диплома онъ былъ назначенъ профессоромъ классической филологіи въ Базельскомъ университетѣ, по рекомендаціи извѣстнаго Ричля, который считалъ его своимъ лучшимъ ученикомъ. Тамъ онъ оставался десять лѣтъ, ведя мирную трудолюбивую жизнь нѣмецкаго ученаго, съ тою только разницею, что онъ вовсе не былъ педантомъ филистеромъ и не чуждался общества, а плѣнялъ всѣхъ обаяніемъ своего ума, имѣлъ приличныя, утонченныя манеры, одѣвался изысканно, отличался женственною нѣжностью, мечтательными глубокими глазами, нервною впечатлительностью, мягкимъ, мелодичнымъ голосомъ и вообще красивою, невольно очаровывавшей всѣхъ наружностью. Аккуратно читая лекціи и занимаясь своими первыми литературными и философскими сочиненіями, онъ не высказывалъ никакихъ разрушительныхъ стремленій, а проводилъ идеи Шопенгауэра, теоріи котораго имѣли на него громадное влияние. Въѣстъ съ тѣмъ онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Вагнеромъ и пламенно распространялъ его теоріи, какъ этическія, такъ и музыкальныя. Наконецъ онъ выказывалъ буржуазно-патріотическія тенденціи и принималъ участіе во франко-германской войнѣ, какъ доброволецъ санитаръ, но онъ вскорѣ долженъ былъ покинуть театръ войны, такъ какъ заразился дифтеритомъ и долго былъ сильно боленъ. Въѣстъ съ тѣмъ ужасы войны произвели на него потрясающее впечатлѣніе, а, вернувшись въ Базель, онъ усиленно принялся за умственную работу, чтобы нагнать потерянное время. Всѣ эти причины расстроили его здоровье, и онъ сталъ страдать головою болью и расстройствомъ желудка. Нѣкоторые доктора считали, что его цѣломудренная жизнь способ-

ствовала его головной боли, и совѣтовали ему жениться, но онъ не хотѣлъ объ этомъ слышать. Вообще онъ былъ ненавистникомъ женщинъ и извѣстенъ только одинъ его платоническій романъ съ г-жей Саломэ, который продолжался не болѣе пяти мѣсяцевъ. Нѣсколько лѣтъ онъ энергично боролся со своими недугами и продолжалъ профессорскую и литературную дѣятельность. Въ это время онъ разошелся съ Вагнеромъ и сталъ съ безжалостнымъ остроуміемъ критиковать идеи своего недавняго друга. Наконецъ болѣзненные припадки такъ усилились, несмотря на поѣздки въ Италію и въ Ниццу, что онъ долженъ былъ отказаться отъ профессуры въ 1880 году. Съ тѣхъ поръ до рокового дня въ январѣ 1889 года, когда онъ неожиданно лишился навсегда своихъ умственныхъ способностей, Нитцше жилъ то въ Германіи, то въ Италиі. Жизнь его двоилась между невыносимыми физическими страданіями и усиленно лихорадочною литературною дѣятельностью. Къ этой эпохѣ его полнаго философскаго развитія принадлежатъ его главныя сочиненія: «Такъ говорилъ Заратустра», «Генеалогія нравственности», «За предѣлами добра и зла», «Разсвѣтъ», «Сумерки боговъ» и «Антихристъ». Въ нихъ онъ дошелъ до апогея своихъ всеокрушающихъ теорій и рядомъ съ художественно-лирическими страницами и строго логичнымъ отрицаніемъ всего, даже того, чему онъ самъ прежде поклонялся, стали все болѣе и болѣе встрѣчаться туманные парадоксы и самопрославленіе, явно доказывавшее признаки маниі величія. Онъ прямо называлъ Канта философомъ съ задворковъ, Сократа — шуткомъ, Дарвина — посредственностью, а про себя говорилъ: «я далъ человечеству глубочайшую книгу—моего Заратустру». Начатую имъ автобіографію онъ назвалъ «Ессе homo», а послѣднее свое письмо къ Брандессу подписалъ: «Распятый». Быть можетъ, немалое вліяніе производило на Нитцше общее равнодушіе къ нему Германіи и упорное замалчиваніе его сочиненій нѣмецкими критиками. Это его раздражало и побуждало впадать въ еще большія крайности. Такъ онъ выразилъ свою пресловутую теорію о сверхчеловѣкѣ, т.-е. о такомъ человѣкѣ, въ которомъ не будетъ ничего человѣческаго и который будетъ держаться двухъ правилъ: «все дозвоительно» и «будь жестокъ». Такіе сверхчеловѣки, сильные физически и умственно, жаждущіе только власти и отрицающіе состраданіе должны пересоздать міръ, по мнѣнію Нитцше. Естественно, что, проповѣдуя такія идеи, онъ приходилъ къ поклоненію Бисмарка и къ прославленію Шекспира за то лишь, что онъ понялъ типъ Цезаря. Но всѣ эти парадоксы не уменьшаютъ великаго значенія блестящихъ сочиненій Нитцше, поражающихъ то непреложною логикой отрицанія, то художественнымъ лиризмомъ, то нравственною красотой истинной натуры автора, проглядывающей даже въ самыхъ отчаянныхъ его софизмахъ. Послѣднія одиннадцать лѣтъ несчастный философъ провелъ прежде въ Набургѣ у своей матери, а затѣмъ въ Веймарѣ у преданной сестры, г-жи Форстеръ, которая не только нѣжно ухаживала за нимъ, но заботилась объ изданіи его сочиненій и писемъ, а также написала его подробную біографію. Самъ же Нитцше провелъ эти мрачныя годы, большею частью сидя въ креслѣ съ полузакрытыми глазами и какъ бы продолжая мечтать. Когда же его глаза открылись, то они поражали глубокимъ, чуднымъ взглядомъ, словно обращеннымъ

въ его внутреннее я. Иногда онъ, повидному, что-то смутно сознавалъ и за годъ до своей смерти, увидавъ новую книгу, сказалъ: «Вѣдь я также, не правда ли, писалъ хорошія книги».

— Научныя работы католическихъ миссіонеровъ въ Китаѣ. При нападкахъ на дѣятельность миссіонеровъ въ Китаѣ очень часто забываются тѣ дѣйствительно очень недюжинныя заслуги, которыя многіе изъ миссіонеровъ имѣютъ за собою въ области если не религіозной, то научной. Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ «Correspondant» помѣщена статья А. А. Фовеля, въ которой приводятся свѣдѣнія о католическихъ миссіяхъ въ Китаѣ¹⁾. Авторъ, впадающій иногда въ тонъ панегриста, придаетъ громадное значеніе заслугамъ миссіонеровъ передъ Франціею въ дѣлѣ распространенія извѣстности французскаго языка въ Китаѣ и устройства школъ, являющихся разсадникомъ французскаго образованія на дальнемъ востокѣ. Наиболѣе интересны въ статьѣ Фовеля тѣ свѣдѣнія, которыя онъ приводитъ о научныхъ трудахъ католическихъ священниковъ въ Китаѣ. Прежде всего, онъ останавливается на томъ, что сдѣлано въ самомъ Пекинѣ. Здѣсь, въ Бейтанскомъ соборѣ аббатомъ Арманомъ Давидомъ устроенъ былъ интересный естественно-историческій кабинетъ изъ предметовъ, собранныхъ во время трехъ путешествій по Китаю. Значеніе, какое этотъ кабинетъ имѣлъ для ознакомленія съ Китаемъ французскихъ ученыхъ, ясно видно изъ того обстоятельства, что раньше его имѣлась только скудная коллекція въ Парижѣ, составленная изъ экземпляровъ, присланныхъ еще при Людовикѣ XIV; при помощи коллекцій А. Давида китайскій отдѣлъ парижскаго музея естественной исторіи былъ совершенно обновленъ. Этотъ же ученый миссіонеръ составилъ роскошное иллюстрированное описаніе птицъ, встрѣчающихся въ Китаѣ. У того же Бейтанскаго собора, трудами католическихъ миссіонеровъ устроена была типографія, въ которой напечатано много дѣльных изданій. На первомъ планѣ изъ нихъ долженъ быть упомянуть громадный томъ in folio съ иллюстраціями, изданный въ 1897 году подъ заглавіемъ: «Pekin, histoire et description». Это лучший изъ существующихъ трудовъ о китайской столицѣ, принадлежащій перу епископа Фавье. Въ той же типографіи появился немного ранѣе фонетическій китайско-французскій словарь Макъ-Вея, учебникъ китайскаго языка Муйльезо-де-Берньера, новыя изданія лингвистическихъ трудовъ лазариста Гонсальвеса и многія другія работы. Въ другихъ центрахъ миссіонерской дѣятельности на востокѣ также много сдѣлано католическими миссіонерами, особенно іезуитами. Въ Шанхаѣ находится китайская школа іезуитовъ, многіе изъ профессоровъ которой извѣстны выдающимися научными трудами. Особенно замѣчательны труды ученаго миссіонера А. Зоттоли, автора громаднаго «Cursus litteraturae Sinae», въ пяти томахъ, изъ которыхъ въ каждомъ около 700 страницъ. Въ этомъ трудѣ данъ латинскій переводъ всѣхъ тѣхъ китайскихъ классиковъ, которые должны быть изучаемы китайскими учеными; въ каждомъ томѣ на ряду съ латинскимъ текстомъ напечатанъ китайскій текстъ съ обширнѣйшими примѣчаніями. Въ настоящее время А. Зоттоли работаетъ надъ изданіемъ знаменитаго китайскаго словаря императора Кангъ-си; этотъ трудъ зай-

¹⁾ А. А. Fauvel, «Nos missionnaires».—Correspondant, 10 août 1900.

метъ не менѣ двѣнадцати томовъ; онъ будетъ снабженъ латинскимъ и французскимъ переводомъ. Трудами іезуитскихъ же миссіонеровъ наполнены и многочисленные выпуски сборника «Variétés sinologiques», издавнаго въ Зипавей близъ Шанхая; здѣсь собрано много матеріаловъ географическихъ, филологическихъ и т. д. Слѣдуетъ замѣтить, что близъ Шанхая находится и обсерваторія, построенная трудами іезуитовъ, и оказавшая громадныя услуги дѣлу картографіи Китая. Іезуитомъ Шевелье составленъ великолѣпный атласъ рѣки Янъ-цзы-цзянъ отъ города И-чанъ-фу до Пинъ-чанъ-сяня, изъ шестидесяти четырехъ гидрографическихъ картъ. Въ цѣляхъ ознакомленія китайскаго простонародья съ западными изобрѣтеніями, іезуиты начали издавать въ Шанхаѣ популярный иллюстрированный журналъ «И-вэнь-лу», который имѣлъ до трехъ тысячъ подписчиковъ. Для большинства іезуитскихъ проповѣдниковъ Шанхай, впрочемъ, является не центромъ дѣятельности, а первымъ этапнымъ пунктомъ при слѣдованіи во внутреннія части Китая. Въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ юга іезуитами много сдѣлано для расширенія нашихъ этнографическихъ и филологическихъ познаній. Изъ особенно замѣчательныхъ трудовъ слѣдуетъ упомянуть тибетско-французскій словарь Дегодена, работы Виаля о языкѣ племени Ло-ло, считающагося древнѣйшимъ населеніемъ Китая, изслѣдованія епископа Біе о древнихъ китайскихъ заклинаніяхъ и многія инныя. Всѣ эти научныя работы достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, что многолѣтніе труды католическихъ миссіонеровъ въ Китаѣ не составляютъ безплодной страницы въ исторіи просвѣщенія.

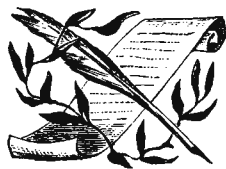
— Нѣмецкая книга о русской политикѣ въ Восточной Азіи. Въ четвертомъ томѣ сборника «Russland in Asien» появилась книга Крамера, посвященная специально восточной Азіи, т. е., главнымъ образомъ, Манчжуріи. Авторъ весьма подробно излагаетъ все, что ему извѣстно о «безшумномъ, но безостановочномъ» движеніи Россіи на дальній востокъ. Особенно интересуютъ его Манчжурія. Эта страна, по своимъ размѣрамъ превосходящая Германію вдвое, по его словамъ, еще въ прошломъ году принадлежала Китаю лишь по имени, а на самомъ дѣлѣ была твердо соединена съ Россією. На основаніи новѣйшихъ какъ русскихъ, такъ и англійскихъ и иныхъ источниковъ, онъ даетъ довольно наглядную картину положенія Манчжуріи. Разсказавъ исторію отношенія Манчжуріи къ Россіи, начиная съ древнѣйшихъ временъ и кончая уступкою въ мартѣ 1898 года Портъ-Артура и Талиенвана на Ляодунскомъ полуостровѣ, онъ подробно описываетъ современныя географическія особенности Манчжуріи, говоритъ о ея населеніи и важнѣйшихъ населенныхъ мѣстахъ, равно какъ и о цѣнныхъ произведеніяхъ почвы и о промышленной и торговой дѣятельности жителей. Послѣ этихъ вводныхъ отдѣловъ онъ переходитъ къ характеристикѣ современныхъ отношеній Россіи къ этой странѣ. По его словамъ, постройкой сибирской желѣзной дороги Россія чрезвычайно усилила свое вліяніе на востокъ, а при помощи манчжурской дороги вліяніе это проникаетъ теперь до самаго сердца Китая. Послѣдняя дорога, по словамъ Крамера, открываетъ Манчжурію въ экономическомъ отношеніи, а въ политическомъ присоединяетъ ее къ Россіи; дорога эта чисто русское предпріятіе, вполне зависящее отъ русскаго правительства и служащее его цѣлямъ. Охарактеризовавъ русскую по-

литу по отношенію къ Китаю, авторъ касается отношеній Россіи къ Корей, Японіи и Англіи, приводя для поясненія подлинныя выдержки изъ международныхъ договоровъ. Въ заключеніе онъ даетъ общій обзоръ нынѣшнихъ отношеній державъ на дальномъ востокѣ. По его словамъ, Японія, стремившаяся путемъ войны добиться наибольшаго вліянія въ Корей и Манчжуріи, вслѣдствіе вмѣшательства Россіи, потеряла тамъ всякое значеніе; такимъ образомъ, всѣ ея тяжкія жертвы за время войны оказались безплодными. Въ настоящее время, увеличивая свою армію и свой флотъ, укрѣпляя берега свои, Японія готовится къ тому, чтобы въ свое время сказать свое вѣское слово въ восточно-азиатской политикѣ. Политика Англіи на востокѣ, по словамъ Крамера, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ была колеблющейся и мало энергичной; передъ твердымъ желаніемъ Россіи Англія всегда отступала; то она старалась поддержать Японію, то вступалась за цѣлость Китая, но ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи не въ состояніи была достигнуть прочныхъ успѣховъ. Общій выводъ Крамера изъ обзора современнаго политическаго положенія на дальнемъ востокѣ тотъ, что въ настоящее время съ вліяніемъ Россіи на Манчжурію не въ состояніи соперничать ни одна изъ другихъ державъ, заинтересованныхъ на востокѣ.

— Болѣзнь китайскаго императора. Огюсть Муаро рассказываетъ слѣдующій эпизодъ въ «Revue bleue». Въ октябрѣ 1898 г., нѣсколько недѣль послѣ дворцоваго переворота, устроеннаго богдыханшей-матерью, распространились слухи, что императоръ Гуанъ-суй убитъ. Императрица, желая доказать, что слухъ этотъ неправильный, что императоръ живъ, но серьезно боленъ, издала указъ, которымъ приказывалось, чтобы вице-короли послали въ Пекинъ всѣхъ болѣе извѣстныхъ туземныхъ врачей, для совѣщанія о состояніи здоровья императора. Докторъ въ Су-чжоу, Шэнь-лянъ-фанъ, получилъ отъ вице-короля также приказъ немедленно отправиться въ Пекинъ. Какъ ни неприятно было это перемѣщеніе для семидесятилѣтняго старика, но нужно было повиноваться. Онъ оставилъ поэтому своихъ паціентовъ, получилъ отъ губернатора шесть тысячъ таэлей на путевые расходы въ качествѣ аванса и отправился въ столицу. По прибытіи сюда, онъ засталъ уже трехъ своихъ знаменитыхъ коллегъ, призванныхъ также для сужденія о болѣзни императора. Французскій посольскій докторъ Детэвъ только что успѣлъ быть съ визитомъ у императора. Конечно, для китайскихъ свѣтилъ его мнѣніе ровно ничего не значило; они лишь презрительно мотали головами по поводу прописаннаго европейцемъ лѣченія. Настала очередь видѣть больного для самого Шэнь-лянъ-фана. По его собственному разсказу, это произошло слѣдующимъ образомъ. Его призывали въ залу дворца, гдѣ находился императоръ. Шэнь-лянъ-фанъ долженъ былъ стать передъ богдыханомъ на колѣни и нѣсколько разъ бить лбомъ объ землю по существующему этикету. Остановиться онъ долженъ былъ на дальнемъ разстояніи отъ императора. Гуанъ-суй показался ему очень блѣднымъ и болѣзненнымъ на видъ; его овальное лицо, мягкія черты лица и изогнутый носъ, по

¹) Kraher, «Russland in Ost-Asien (mit besonderer Berücksichtigung der Mandschurei). Leipzig. 1900.

словамъ Шэня, напоминали иностранца. Императрица сидѣла за столомъ, противъ императора. По словамъ доктора, она казалась хорошо сохранившейся для своихъ лѣтъ и очень умною; повидимому, она сильно волновалась по поводу здоровья императора и искренно желала ему облегченія. Этикетъ не позволялъ доктору задавать вопросы. Императрица сама описывала симптомы, а богдыханъ лишь иногда подтверждалъ ихъ, кивая головой. Докторъ въ это время долженъ былъ стоять на колѣняхъ, устремивъ глаза на полъ. Одинъ лишь разъ, по приказанію императрицы, не поднимаясь съ колѣнъ, онъ могъ дотронуться до руки больного, не касаясь, однако, пульса. Императрица тѣмъ временемъ описывала состояние языка, указывала на ранки во рту и въ горлѣ. Докторъ не смѣлъ права провѣрить ея показанія. Когда императрица закончила свои объясненія, доктору разрѣшено было уйти. Онъ долженъ былъ представить великому совѣту свой докладъ о лѣченіи. Онъ поставилъ діагнозъ о болѣзни дыхательныхъ путей и предложилъ примѣнить нѣкоторые туземныя лѣкарства; въ то же время онъ совѣтовалъ полный физическій и нравственный отдыхъ. Отъ одного изъ придворныхъ Шэнь узналъ, что императору въ пищу даютъ лишь рисъ съ разными приправами. Онъ хотѣлъ заявить, что мясные кушанья были бы не во вредъ богдыхану, но не рѣшился сказать это, чтобы не нарушить этикета. Шэнь былъ вскорѣ затѣмъ вторично призванъ во дворецъ и снова слушалъ объясненіе императрицы; ему показалось, что онъ замѣтилъ у больного нѣкоторое пониженіе температуры, но что видъ императора еще болѣзненнѣе. Послѣ этого Шэню подарены были въ награду за труды два богатые костюма. Желая, однако, отдѣлаться отъ лѣченія, отъ котораго онъ не ожидалъ прока, онъ подалъ въ великій совѣтъ прошеніе, гдѣ ссылался на болѣзнь престарѣлой матери и умолялъ позволить ему вернуться домой. Доводы семидесятилѣтняго старика показались сомнительными, и великому совѣту вѣрно было провѣрить ихъ. Чтобы доказать существованіе и болѣзнь матери, Шэню пришлось раскошелиться передъ великимъ совѣтомъ. Заплативъ не менѣе восьмидесяти тысячъ таэлей, онъ добился необходимаго удостовѣренія, и съ облегченнымъ кошелькомъ, но довольный возвращеніемъ свободы, онъ имѣлъ возможность вернуться въ Су-чжоу.

¹⁾ Auguste Moireau, la maladie de Kouang-sou.— «Revue bleue», 28 juillet. 1900.

С М Ъ С Ъ.

СМИСОТЛѢТІЕ Успенскаго Княгинина монастыря. 15-го іюля исполнилось 700 лѣтъ со дня основанія первокласснаго Владимірскаго Княгинина Успенскаго женскаго монастыря, который былъ послѣднимъ въ ряду построекъ, произведенныхъ во время княженія Всеволода III (Большое Гнѣздо) во Владимірѣ. Возникновеніе его тѣсно связано съ именемъ супруги Всеволода, Маріи, дочери чешскаго князя Шварна, которую лѣтописцы называютъ русскою Еленою, Ѳеодорою, второй Ольгою, замѣчая, что она «бѣше до веѣхъ презлиха добра» (Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. I, стр. 178, 179). Заболѣвъ тяжкою болѣзнію, княгиня Марія дала обѣтъ устроить во Владимірѣ женскую обитель. Она выбрала и купила мѣсто въ той части города, которая тогда называлась «Новымъ городомъ», а впоследствии «Китай-городомъ», на западной оконечности близъ земляного вала и рѣки Лебеди, и тутъ основала монастырь, который сталъ именоваться Княгининымъ. Новоустроенный въ Княгининской обители храмъ Успенія скоро затѣмъ сдѣлался мѣстомъ упокоенія княгинь Владимірскихъ и вообще лицъ женскаго пола изъ княжескаго рода, получивъ такое же значеніе, какъ и соборный храмъ Успенія во Владимірѣ, построенный Андреемъ Боголюбскимъ, гдѣ погребались тѣла князей Владимірскихъ и ихъ семейныхъ мужскаго пола. Въ 1230 году въ Княгининъ монастырь принесены были мощи муч. Авраамія Болгарскаго, пострадавшаго незадолго предъ тѣмъ въ Болгарахъ за имя Христова. Въ 1238 году монастырь разоренъ былъ татарами и раздѣлилъ участь города Владиміра. Послѣ того, какъ Владиміръ утратилъ свое значеніе столичнаго города, Княгининъ монастырь пересталъ быть княжескою усыпальницей, и до начала XVI столѣтія о немъ не встрѣчается въ лѣтописяхъ извѣстій. Въ XVI столѣтіи московскіе государи пожертвовали ему нѣсколько вотчинъ и оброчныхъ статей, а въ началѣ XVII вѣка здѣсь жили нѣкоторое время двѣ несчастныя инокини изъ княжескаго рода — Прасковья Михайловна Соловухъ, вторая супруга царе-

вича Іоанна Іоанновича, сына Грознаго, насильственно разведенная и постриженная на Бѣломъ озерѣ и помѣщенная во Владимирѣ, и царевна Ксенія, дочь Бориса Годунова. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича много всякихъ пожертвованій и добра монастырю сдѣлать патриархъ Іосифъ, предшественникъ патриарха Никона: имъ расписаны стѣны Успенскаго храма и алтаря (стѣнопись сохранилась, за немногими исправленіями, до сихъ поръ), пожертвованы иконы въ иконостасъ, ризы, кадила, водосвятная чаша, серебряная стопка, блюдо и ложка, выстроены ворота и колокольня. Въ 1764 году монастырь лишился вотчинъ и причисленъ къ второкласснымъ. Въ XVIII вѣкѣ здѣсь жили ученые пряхи, присланныя въ монастырь Петромъ Великимъ. Въ настоящее время монастырь славится женскимъ рукодѣліями. Въ текущемъ году монастырь, по случаю исполнившагося 700-лѣтія, причисленъ къ первокласснымъ. Въ немъ обитаетъ около 200 сестеръ. Такова немногосложная исторія Княгинина монастыря, имѣвшаго большое значеніе въ духовной жизни города Владимира во все время своего семивѣкового существованія. Юбилейныя торжества начались еще 13-го іюля заупокойнымъ всенощнымъ бдѣніемъ въ придѣлѣ Благовѣщенія, гдѣ погребено тѣло основательницы монастыря. 14-го іюля, въ 6 часовъ утра, отслужена была заупокойная литургія въ придѣлѣ Рождества Христова, гдѣ погребены супруги великаго князя Александра Невскаго—Александра и Васса и дочь его княгиня Елена, а въ 9 часовъ — другая литургія въ придѣлѣ Благовѣщенія и панихида по основателяхъ и благотворителяхъ обители. 15-го іюля совершено было торжественное богослуженіе въ главномъ храмѣ святому Равноапостольному князю Владимиру, родоначальнику Владимірскихъ князей. Предъ литургіей былъ крестный ходъ изъ каѳедральнаго собора въ монастырь, при участіи духовенства изъ всѣхъ городскихъ церквей и общества хоругвеносцевъ городовъ: Владимира, Коврова, Переяславля, Александра и Нижняго Новгорода. По окончаніи литургіи, благодарственнаго молебствія, крестнаго хода кругомъ монастыря и многолѣтія всѣмъ благоуказителямъ обители, принесены были многочисленныя поздравленія и привѣтствія монастырю съ его семивѣковымъ юбилеемъ отъ разныхъ храмовъ, обителей, учрежденій и частныхъ лицъ.

Памятникъ Александру II въ Калишѣ. 12-го іюля состоялось открытіе памятника, который представляетъ, по словамъ «Варшавскаго Дневника», великолѣпной работы бронзовый бюстъ императора, поставленный на высокомъ каменномъ пьедесталѣ, отъ котораго на всѣ четыре стороны идутъ внизъ широкія ступени. На пьедесталѣ, въ формѣ высокой четырехгранной призмы съ усѣченными боковыми ребрами, выбиты золотомъ на русскомъ и польскомъ языкахъ слѣдующія надписи: на лицевой сторонѣ — «Императору Александру II отъ жителей, чиновъ администраціи и суда Калишской губерніи». На правой сторонѣ: «Надѣленіе крестьянъ землею 19-го февраля 1864 г.». Съ задней стороны — «Введеніе судебныхъ уставовъ 1864 года въ губерніяхъ царства Польскаго 19-го декабря 1875 года», и на лѣвой сторонѣ — «Образованіе Калишской губерніи 1867 года».

Памятникъ И. С. Никитину. Въ газетѣ «Донъ» помѣщено слѣдующее увѣдомленіе, подписанное воронежскимъ городскимъ головою А. Безруковымъ.

21-го сентября 1899 года г. Воронежъ праздновалъ 75-лѣтнюю годовщину со дня рожденія воронежскаго гражданина и поэта И. С. Никитина. Между другими способами увѣковѣченія его памяти въ слѣдующихъ поколѣнιάхъ, воронежскою городскою думой было намѣчено также сооруженіе памятника поэту въ родномъ его городѣ, гдѣ онъ провелъ всю свою жизнь. По ходатайству воронежской городской думы, государю императору, въ 21-й день января сего 1900 года, было благоугодно всемілостивѣйше разрѣшить повсемѣстный по всей имперіи сборъ пожертвованій на устройство памятника поэту И. С. Никитину въ г. Воронежѣ. Воронежская городская управа, доводя объ этомъ до всеобщаго свѣдѣнія, обращается ко всѣмъ почитателямъ родной поэзіи съ просьбой препровождать свои пожертванія для указанной цѣли въ г. Воронежъ, въ воронежскую городскую управу.

Царицынская городская библіотека. 23-го іюля состоялось торжество открытія въ Царицынѣ городской публичной библіотеки. Вопросъ объ открытіи городской библіотеки возникъ очень давно, еще въ 1895 году, но осуществленіе его по разнымъ причинамъ затормозилось до настоящаго времени. Инициаторами открытія этого высокополезнаго учрежденія явились кунецъ В. Ѳ. Ламтинъ, пожертвовавшій на основаніе фонда библіотеки 1.000 рублей, и мѣстный клубъ (общественное собраніе), собравшій на праздникъ 25-лѣтія своего существованія около 900 рублей. Впослѣдствіи фондъ этотъ увеличился еще частными пожертвованіями и ассигнованіемъ въ него городскою думою 2.000 рублей, послѣдняя вмѣстѣ съ тѣмъ приняла устройство и содержаніе библіотеки на городской счетъ. Такимъ образомъ капиталъ, необходимый для первоначальнаго обзаведенія и устройства библіотеки, образовался быстро. Однако вопросъ затянулся на шесть лѣтъ. Главнѣйшія затрудненія встрѣтились на чисто формальной почвѣ, при утвержденіи устава и, главнымъ образомъ, благодаря одному положенію послѣдняго, въ силу коего посѣтителемъ библіотеки предоставлялось право безплатнаго пользованія книгами, журналами и газетами. Губернское начальство не нашло возможнымъ утвердить этотъ уставъ и предложило думѣ или установить за пользованіе книгами, журналами и газетами плату, или же наименовать проектируемую библіотеку народною. Въ виду этого дума установила плату: по абонеентамъ за чтеніе на дому—по 15 коп. въ мѣсяцъ, за чтеніе въ библіотекѣ—по 3 коп. съ челоуѣка, освободивъ въ то же время совершенно отъ платы служащихъ по городскому общественному управленію и учащихся въ городскихъ начальныхъ школахъ. Библіотека открыта въ только-что отстроенномъ зданіи 1-й пожарной части, гдѣ для нея отведена высокая, свѣтлая и вполне удобная квартира. Книжный составъ библіотеки пока незначителенъ—въ ней пока имѣется 569 названій и 569 экземпляровъ книгъ, заключающихся въ 533 томахъ; кромѣ того, выписываются 13 толстыхъ и иллюстрированныхъ журналовъ и 11 газетъ. На первое обзаведеніе библіотеки израсходовано 2.043 руб.; остальная сумма—около 2.000 рублей—остается пока свободною и будетъ употреблена на пополненіе библіотеки.

Библіотека Д. Г. Бибикова. Графиня Кассини изъявила желаніе пожертвовать Кіевскому университету библіотеку покойнаго своего отца, генералъ-адъютанта Д. Г. Бибикова, бывшаго кіевскаго, подоляскаго и волынскаго

генераль-губернатора въ періодъ 1837—1852 годовъ. Д. Г. Бибииковъ принадлежалъ къ числу просвѣщеннѣйшихъ государственныхъ дѣятелей своего времени. Имя его тѣсно связано съ обрусѣніемъ Юго-Западнаго края, который до него представлялся польскою окраиной, въ которой польскіе помѣщики руководили всѣми дѣлами. Рядомъ суровыхъ и энергичныхъ мѣръ Д. Г. Бибииковъ положилъ конецъ польской пропагандѣ. Въ этомъ отношеніи его заслуга не подлежитъ сомнѣнію. Собраніе книгъ, пожертвованное Кіевскому университету графиней Кассини, заключаетъ въ себѣ 14 тысячъ томовъ. Библиотека находится въ селѣ Лаешевѣ Симбирской губерніи, въ одномъ изъ имѣній графини Кассини. Перевозка этого собранія обойдется университету въ тысячу рублей. Необходимыя средства на перевозку книгъ уже ассигнованы. Библиотека, пожертвованная графиней Кассини, значительно обогатитъ бібліотеку Кіевского университета, которая вообще по числу книгъ и качеству ихъ принадлежитъ къ числу болѣе крупныхъ книжныхъ собраній въ Россіи. Въ настоящее время бібліотека университета св. Владимира заключаетъ 131 тысячу названій книгъ въ 221 тысячу томахъ. Стоимость бібліотеки трудно опредѣлить, такъ какъ въ числѣ книгъ есть немало бібліографическихъ рѣдкостей и цѣнныхъ изданій. Въ послѣдніе годы бібліотека вообще обогатилась новыми пожертвованіями: бібліотекой покойнаго историка Н. И. Костомарова, занимавшаго въ 1846 году кафедру русской исторіи въ университетѣ св. Владимира; бібліотекой бывшаго ректора университета въ Кіевѣ, впоследствии министра финансовъ, Н. Х. Бунге; бібліотекой свѣтлѣйшей княгини Витгенштейнъ; бібліотекой лейб-медика Цицурина, одного изъ первыхъ профессоровъ университета св. Владимира и друг. Библиотека помѣщается въ роскошномъ помѣщеніи въ главномъ зданіи университета. Главная часть бібліотеки помѣщается въ громадномъ залѣ съ хорами въ специально устроенныхъ шкафахъ. Неоднократно возбуждался вопросъ о постройкѣ отдѣльнаго зданія для бібліотеки стоимостью въ 200—300 тыс. рублей. Но едва ли въ этомъ есть надобность. Такой крупный расходъ явился бы вполне непроизводительнымъ и легъ бы бременемъ на государственные финансы. Расширеніе бібліотеки весьма желательно, но для этого есть достаточно мѣста въ громадномъ зданіи университета. Ежегодно на покупку книгъ университетъ расходуетъ около 20 тысячъ рублей. Кромѣ того, на такую же почти сумму получается пожертвованныхъ книгъ отъ различныхъ частныхъ лицъ и правительственныхъ учреждений.

Суворовскій музей. Суворовскій музей обогатился весьма цѣннымъ вкладомъ, состоящимъ болѣе чѣмъ изъ 60 предметовъ, связанныхъ съ памятью фельдмаршала, и правнучками послѣдняго Л. А. и В. А. Талызиными принесеннымъ въ настоящее время въ даръ музею. Въ числѣ этихъ предметовъ находятся миниатюры Суворова, его золотой перстень съ надписью—*reste précieux, souvenir de mars 1797 г.*; шпага Суворова съ вензелемъ императрицы Екатерины II на эфесѣ и съ надписью на клинкѣ—«*Vivat Catharina*»; томъ писемъ Суворова дочери, гр. Зубову, гр. Хвостову и другимъ; черепаховая табакерка, пожалованная Суворову Екатериной II, съ надписью «29-го декабря 1791 г.»; икона св. Адриана и Наталіи, которою императрица Екатерина благословила «Суворочку» передъ свадьбой—икона эта сопровождала Суворова во всѣхъ его походахъ; подвѣчное платье «Суворочки» и мн. др.

Автографъ Писемскаго. Недавно въ газетахъ сообщалось, что въ Иркутскѣ у букинистовъ Лужина и Андропова находится рукопись извѣстнаго романа А. Ѳ. Писемскаго — «Массоны», одна изъ черновыхъ редакцій этого романа, заключающая въ себѣ пять большихъ объемистыхъ томовъ со множествомъ его собственноручныхъ поправокъ и всякаго рода замѣтокъ. Оставался открытымъ вопросъ, когда именно и при какихъ условіяхъ автографъ Писемскаго попалъ въ Иркутскъ и какимъ образомъ очутился на прилавкѣ у букинистовъ. Теперь г. В. Т. Кельцевъ (служащій въ конторѣ XVI уч. Средне-Сибирской жел. дор.), считающій себя настоящимъ владѣльцемъ этой рукописи, сообщаетъ «Восточному Обзорѣнію» слѣдующія указанія. По словамъ г. Кельцева, автографъ «Массоновъ» привезенъ въ Иркутскъ бывшимъ довѣреннымъ фирмы Базановыхъ В. А. Ѳедоровскимъ, который былъ хорошо знакомъ съ покойнымъ романистомъ и названную рукопись получилъ отъ него лично въ подарокъ во время пребыванія своего въ Москвѣ, незадолго до кончины автора «Массоновъ». В. А. Ѳедоровскій умеръ въ Иркутскѣ года три назадъ, и послѣ его смерти вдова его передала рукопись во владѣніе свояка покойнаго мужа В. Т. Кельцева, который, уѣзжая изъ Иркутска, оставилъ эту рукопись вмѣстѣ съ другими вещами у квартирной хозяйки, а затѣмъ, какъ говоритъ г. Кельцевъ, неизвѣстно какимъ путемъ, безъ вѣдома «настоящаго владѣльца» рукописи, она попала къ торговцамъ старыхъ вещей, у которыхъ и была куплена букинистами. Въ настоящее время у г. Кельцева остался еще одинъ томъ (шестой) этой рукописи, не попавшій какимъ-то чудомъ въ число проданныхъ. Г. Кельцевъ, узнавъ случайно изъ газетъ, что рукопись находится въ распоряженіи букинистовъ, просящихъ за нее восемьсотъ рублей, поспѣшилъ пріѣхать въ Иркутскъ съ мѣста своего служенія (ст. Половина) и, явившись въ лавку Лужина и Андропова, потребовалъ, чтобы рукопись была возвращена ему, какъ настоящему владѣльцу ея, въ чемъ ему было отказано, а затѣмъ послѣ пререканій состоялось соглашеніе, что если найдется покупатель на рукопись, то букинисты увѣдомятъ г. Кельцева, и онъ вышлетъ имъ находящійся у него томъ романа, за чтò они должны уплатить ему «слѣдующую часть». Букинистами рукопись пріобрѣтена не у торговцевъ, а у какого-то часовщика, который въ свою очередь купилъ ее на толкучкѣ въ числѣ другихъ ненужныхъ бумагъ у какой-то еврейки.

Новыя археологическія раскопки. В. В. Хвойко недавно предпринялъ въ окрестностяхъ мѣстечка Тринолья, близъ селъ Веремья и Григоровки, обширныя раскопки. Предметомъ изслѣдованій послужили обширныя поля погребенія, разбросанныя въ указанномъ мѣстѣ на различномъ другъ отъ друга разстояніи. Здѣсь встрѣчаются какъ трупосожженіе, такъ и обыкновенное зарываніе. Вокругъ костяковъ расположены въ изобиліи сосуды въ количествѣ отъ 3 до 15 подлѣ каждаяго. Сосудъ, вмѣщающій прахъ сожженнаго, иногда бываетъ окруженъ цѣлымъ кругомъ другихъ сосудовъ. При дномъ изъ костяковъ, подъ спиною найдены двѣ монеты, завернутыя въ ткань, часть которой уцѣлѣла. Одна монета — серебряная, римская. На лицевой сторонѣ ея находится головное изображеніе императрицы Фаустины, съ подписью: *Phaustina Augusta* (конца II-го вѣка). На оборотной сторонѣ, въ четырехугольникѣ, помѣщена

ѣдущая на какомъ-то животномъ фигура, а вокругъ—полунистертая надпись. Другая монета—золотая, высокопробная. На лицевой сторонѣ этой прекрасно сохранившейся монеты находится головное изображение императора Гордіана (первая половина III-го вѣка). На оборотной сторонѣ—изображеніе мужчины, одѣтаго въ одежду на подобіе казакина. Въ рукѣ у него копье, а передъ нимъ—сосудъ въ родѣ жаровни. Найденные при раскопкахъ сосуды чрезвычайно разнообразны и многочисленны. Всѣхъ ихъ собрано около 300. Замѣчательно, что среди сосудовъ попадаются стеклянные, которыхъ вынута три совершенно цѣлыхъ. Сосуды по формѣ, качеству работы и т. д. представляютъ большой интересъ. При нѣкоторыхъ костякахъ, по словамъ «Кіевлянина», находили много бусъ стеклянныхъ (изъ бѣлаго стекла и изъ стекла съ позолотой), янтарныхъ, сердоликовыхъ и т. д. Попадаютъ раковины съ просверленными въ верхней части дырочками, нанизанныя на бронзовую проволоку. Въ общемъ, какъ видно изъ цѣлаго ряда раскопокъ, произведенныхъ въ окрестностяхъ м. Триполья и обогатившихъ Кіевскій музей древностей и искусствъ весьма цѣнными въ научномъ отношеніи коллекціями, мѣстность вокругъ указаннаго мѣстечка представляетъ въ смыслѣ археологическомъ огромный интересъ.

Кладъ въ Москвѣ. 11-го іюля на монастырскомъ дворѣ храма святого Харитонія, что въ Огородникахъ, найденъ кладъ, состоящій изъ 170-ти золотыхъ имперіаловъ и полумперіаловъ елисаветинскаго времени. Кладъ нашли землекопы, рабочіе подрядчика Андропова съ Зацѣны, бравшіе землю со двора храма, гдѣ на мѣстѣ сломанныхъ ветхихъ лачужекъ воздвигаются каменные четырехъ-этажные корпуса. Земля отдавалась на свозъ въ виду того, что явилась необходимость болѣе сравнять поверхность двора, ранѣе чрезвычайно неровную. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пришлось снимать до двухъ аршинъ. Четверо рабочихъ, накладывая въ колымаги землю, замѣтили, что у одного рабочего что-то подъ лонатою треснуло. Поглядѣли — разбитый, обвитый берестой горшечекъ, обмазанный глиною, а около него лежали вывалившіеся почти новые золотые, одни размѣромъ немного менѣе пятакка, другіе—въ трехкопеечную монету, но послѣднихъ немного, только штукъ 28. Слухъ о найденномъ золотѣ быстро облетѣлъ дворъ, и дворникъ потребовалъ, чтобы рабочіе представили находку въ участокъ. Въ виду того, что рабочіе требованіе это не хотѣли исполнить, онъ, выпустивъ ихъ со двора, самъ немедленно сообщил о находкѣ полиціи. Въ участкѣ скоро узнали мѣстожительство рабочихъ, и въ 1-й уч. Якиманской части по телефону было сообщено о томъ, чтобы рабочій Тимошей, везшій колымагу съ золотомъ, былъ задержанъ. И дѣйствительно, когда тотъ подъѣхалъ къ дому, тамъ уже была полиція. Кладъ найденъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ сломанный недавно домъ псаломщика А. П. Звѣрева, которому онъ принадлежалъ съ 1882 г. Ранѣе домъ принадлежалъ псаломщику Подобѣдову, а еще ранѣе—Гусеву. Домъ этотъ—старинной постройки. Позднѣйшая пристройка къ нему сдѣлана въ 1830 году. На монетахъ—на одной сторонѣ изображеніе императрицы, а на другой — среди звѣздочекъ, расположенныхъ въ видѣ креста, по угламъ цифры года—1756 г. Каждый имперіалъ оцѣнивается по вѣсовой стоимости рублей въ 50—75.

Крутицкая церковь. У военного вѣдомства возникла мысль возстановить въ Крутицкихъ казармахъ древній храмъ во имя Воскресенія, при чемъ особая коммиссія, въ которую вошли члены археологическаго общества, уже осмотрѣла этотъ храмъ. По этому поводу умѣстнымъ представляется привести небольшую историческую справку. Крутицкія казармы заняли бывшее архіерейское подворье въ мѣстности, называемой «Крутицы». Крутицкая архіерейская кафедра была открыта въ XIII вѣкѣ и упразднена въ 1788 году, когда древніе храмы и зданія были отданы въ распоряженіе военного вѣдомства, и въ нихъ помѣщены различныя учрежденія. Однимъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ Крутицкаго подворья является бывшая Крестовая церковь архіереевъ, находящаяся близъ крутого берега Москвы-рѣки. Этотъ храмъ былъ о двухъ престолахъ во имя Воскресенія и святого Николая Чудотворца и сооруженъ въ началѣ XV вѣка. Подъ обоими придѣлами въ усыпальницахъ погребались архіереи. Теперь въ ней помѣщается архивъ канцеляріи воинскаго начальника.

Прикубанскій край и его изученіе. Общество любителей изученія Кубанской области издало первый выпускъ своихъ «Извѣстій». Этотъ новый ученый органъ является, съ опредѣленною, ясно намѣченною программю, цѣль которой—организовать и поставить на научную почву дѣло «широкаго, всесторонняго» изученія Прикубанскаго края. А что названный край не менѣе другихъ представляетъ значительный матеріалъ, въ большинствѣ случаевъ еще ожидающій изслѣдователей, въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, кто дастъ себѣ трудъ внимательно прочесть рѣчь г. предсѣдателя общества (В. М. Сысоева), прочитанную на первомъ, торжественномъ, засѣданіи. «Степь и горы (Кубанской области),—сказалъ г. Сысоевъ («Извѣстія», стр. 4),—представляютъ безконечное климатическое и метеорологическое разнообразіе... Степныя рѣки, пересыхающія лѣтомъ, и стоящія воды лимановъ, мелкое Азовское море и почти отвѣсныя берега Чернаго моря—даютъ массу матеріала для научныхъ наблюденій. Растительный и животный міръ въ степи, въ горахъ и въ морѣ достаточно своеобразенъ... Наземныя и подземныя богатства, особенно горной полосы, чрезвычайно значительны, но до сихъ поръ еще мало изучены и почти не тронуты: нефть, каменный уголь, свинецъ, строительные матеріалы и т. д. Качество почвы въ различныхъ частяхъ области весьма не одинаково: почва удобна то для земледѣлія, то для виноградарства, то для табаководства и т. д.». Итакъ, вотъ тѣ естественныя богатства края, которыя ждутъ изученія и развѣдокъ. На ряду съ ними стоитъ торгово-промышленное значеніе области, возрастающее съ каждымъ годомъ, особенно съ проведеніемъ желѣзной дороги отъ станціи Тихорѣцкой (Владикавказской ж. д.) на Царицынъ, являющейся важнымъ путемъ, по которому направляются къ Черному морю (портъ Новоросійскъ) волжскіе и сибирскіе грузы.

Съ другой стороны, изученіе Кубанской области представляетъ интересъ въ антропологическомъ, этнографическомъ и историко-археологическомъ отношеніяхъ. «Населеніе края, — читаемъ мы въ рѣчи г. Сысоева (тамъ же), — весьма разнообразно. Несмотря на то, что въ послѣдніе годы много горцевъ ушло, все-таки въ области есть еще много черкесовъ, карачаевцевъ, осетинъ и т. д. Казачество и разноплеменное пришлое населеніе: великоруссы, мало-

россы, чехи, болгары, молдаване, греки, вѣмцы, армяне и т. д., представляютъ богатый матеріаль для изученія. Физическій типъ ихъ, быть, право, домашняя обстановка, одежда, преданія, языкъ, пѣсни — весьма интересны и разнообразны... Статистическое изученіе движенія населенія, его племенного состава, санитарное состояніе, спеціальныя мѣстныя болѣзни (лихорадка, проказа) могли бы доставить цѣнный матеріаль...». Переходя къ области археологіи, мы видимъ, что и въ этомъ отношеніи Кубанская область заключаетъ немало разнообразнаго матеріала. Здѣсь археологъ найдетъ доисторическіе остатки, греко-скиевскіе курганы, дольмены, естатки древне-греческихъ, византійскихъ и генуэзскихъ поселеній. Въ этой же области находилось Тмутараканское княжество, упоминаемое на первыхъ страницахъ русской лѣтописи...

Таковъ, въ общихъ чертахъ, матеріаль, ожидающій изслѣдователей самыхъ различныхъ спеціальностей. Правда, нельзя сказать, чтобы этотъ матеріаль до послѣдняго времени оставался въ полномъ пренебреженіи; но до сихъ поръ, если его и разрабатывали, то преимущественно со стороны археологіи и исторіи (Попко, Бентковский, Фелицынъ, Короленко, Дмитренко, Веселовскій, Сысоевъ, Сизовъ и др.), между тѣмъ какъ природныя богатства, этнографія и экономическая жизнь края менѣе обращали на себя вниманіе изслѣдователей.

Въ настоящее время, съ учрежденіемъ въ Екатеринодарѣ «Общества любителей изученія Кубанской области», имѣющаго цѣлью «изученіе, изслѣдованіе и описаніе Кубанской области во всѣхъ научныхъ отношеніяхъ» (Уставъ, § 1), надо надѣяться, наступила новая эра въ дѣлѣ изученія Прикубанскаго края. Объединенныя вмѣстѣ мѣстныя научныя силы, дѣйствовавшія до сихъ поръ разрозненно, могутъ отнынѣ дружно взяться за систематическую работу, которой хватитъ въ избыткѣ какъ на геолога, естествовика, географа, такъ и на историка, статистика, археолога...

Первый выпускъ официальнаго органа этого общества является порукою въ успѣшномъ ходѣ работъ екатеринодарскаго ученаго кружка. Здѣсь мы находимъ статьи самыя разнообразныя по своему содержанію. Такъ, прежде всего отмѣтимъ обстоятельную работу С. В. Ваганова — «Значеніе охранно-карантинной линіи по границѣ Кубанской области съ Закавказьемъ, въ связи съ условіями животноводства въ нагорной полосѣ» (стр. 13—51), а также первую главу изъ «Очерковъ по исторіи Тьмутараканскаго княжества» В. М. Сысоева, трактующую о «Преподобномъ Никонѣ, игуменѣ киево-печерскомъ, угодникѣ тьмутараканскомъ» (стр. 75—94). Изъ другихъ работъ, помѣщенныхъ на страницахъ перваго выпуска «Извѣстій», отмѣтимъ статьи: Короленко («Первоначальное заселеніе черноморскими казаками Кубанской земли»), Дмитренко («Къ исторіи некрасовцевъ на Кубани») и Попандупуло («Нефтяныя промыслы въ Кубанской области»). Отдѣльно упомянемъ рѣчь А. Н. Дьячкова-Тарасова «О задачахъ этнографіи въ дѣлѣ изученія горскихъ племенъ Кубанской области» и приложенные къ настоящему выпуску «Протоколы» семи первыхъ засѣданій общества.

Не можемъ не пожелать обществу полнаго успѣха въ дѣлѣ изученія Прикубанскаго края. Не можемъ также не пожелать, чтобы екатеринодарское общество, въ качествѣ мѣстнаго ученаго учрежденія, послужило примѣромъ и

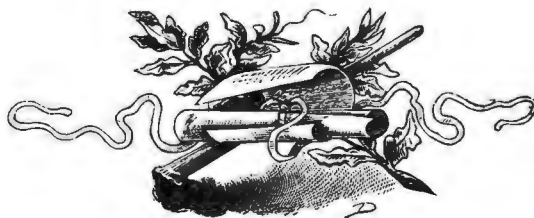
для другихъ мѣстностей Кавказскаго края, гдѣ уже даетъ себя чувствовать настоятельная необходимость въ подобныхъ ученыхъ обществахъ.

Раскопки въ Угличскомъ кремлѣ. Въ «Сѣверномъ краѣ» г. К. В—скій сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о раскопкахъ, произведенныхъ въ Угличскомъ кремлѣ, по инициативѣ угличскаго музея древностей, подъ наблюдениемъ членовъ ярославской губернской архивной комиссіи, И. А. Тихомірова и К. Н. Евреннова.

По берегу Волги, начиная отъ угла крѣпостнаго рва вплоть до церкви царевича Дмитрія на Крови, обнаружены хорошо сохранившіеся остатки стѣны Угличскаго кремля, кирпичной кладки, по постройкѣ относящіяся къ XV вѣку. Параллельно ей обнаружены остатки наружныхъ и внутреннихъ стѣнъ громаднаго зданія гражданскаго типа, длиною до 30 саж., шириной въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 8 саж. Въ одномъ мѣстѣ постройки прерываются, и къ церкви царевича обнаруживается остовъ особаго самостоятельнаго зданія, замѣтно позднѣйшей кладки изъ древняго кирпича; по дикарю уложены клинообразныя кирпичи изъ разобранныхъ колоннъ древняго зданія, остатки одной изъ которыхъ хорошо обнаружены. Во второмъ зданіи можно предполагать воеводскій домъ, существовавшій въ этомъ мѣстѣ до XVII вѣка и разобранный по ветхости, при чемъ матеріалъ изъ него пошелъ на постройку новаго Преображенскаго собора. Что же касается фундамента перваго зданія, находящагося какъ разъ противъ собора и колокольни, то въ немъ можно предположить остатки дворца угличскихъ удѣльныхъ князей или зданій, къ нему прилегавшихъ, построенныхъ княземъ Андреемъ Большимъ въ 1481—1483 годахъ. Настоящій же реставрированный въ 1892 г. дворецъ царевича Дмитрія есть не болѣе, какъ центральная часть обширныхъ дворцовыхъ построекъ. Близъ соборнаго придѣла во имя Похвалы Пресвятыя Богородицы въ престольной части обнаружены два дикаря изъ бѣлаго камня, по характеру кладки облицовывающіе алтарныя части двухъ древнихъ угличскихъ соборовъ: одного—построеннаго на мѣстѣ древняго деревяннаго княземъ Андреемъ Васильевичемъ (1446—1494 г.), и другого—перестроеннаго въ 1595 г. Существующій же современный соборъ постройкой своей относится къ 1713 году и воздвигнуть на мѣстѣ ранѣе существовавшихъ трехъ соборныхъ храмовъ, благодаря чему и предполагавшееся открытіе усыпальницы угличскихъ князей не было достигнуто. Легенда о существованіи подземнаго хода подъ Волгу тоже не получила реальнаго подтвержденія, и угличане, съ особою живостью слѣдившіе за ходомъ раскопокъ, были этимъ нѣсколько разочарованы. При раскопкахъ было вынута много старыхъ, прекрасно сохранившихся кирпичей различныхъ формъ, вѣсомъ до 20 фун. каждый, изъ нихъ многіе имѣютъ оригинальную форму треугольниковъ, правильныхъ квадратовъ и параллелограммовъ, служившихъ, очевидно, наружными украшеніями.

Мѣстами попадали на провалившіеся своды и остатки обуглившагося дерева; какъ то, такъ и другое наводитъ на мысль, что уничтоженіе этихъ зданій относится къ тяжелой порѣ лихолѣтя, когда древній Угличъ былъ трижды подвергаемъ почти конечному разрушенію со стороны поляковъ и русскихъ измѣнниковъ. Произведенныя раскопки даютъ возможность пополнить замѣтный

пробѣль по топографіи Угличскаго кремля XV и XVI вѣковъ, такъ какъ существующіе планы и акты той эпохи отличаются крайне скудными свѣдѣніями. Найденные при раскопкахъ мелкіе предметы и богатая коллекція кирпичей съ изразцами переданы на храненіе въ мѣстный музей; дублиеты же ихъ препровождаются въ музей при ярославской ученой архивной комиссіи. На мѣстѣ обнаруженныхъ алтарныхъ частей древнихъ соборовъ предположено устроить плиту съ обозначеніемъ даты существовавшихъ на этомъ мѣстѣ древнихъ соборовъ.

НЕКРОЛОГИ.

НАСТАСЬЕВЪ, А. К. Въ Любичѣ, Черниговской губ., 16 августа скончался членъ государственнаго совѣта Александръ Константиновичъ Анастасьевъ. Покойный родился въ 1837 году, получилъ домашнее образованіе. Во время крымской кампаніи онъ, семнадцати лѣтъ, опредѣлился въ Минскій пѣхотный полкъ, въ составѣ котораго принялъ участіе въ оборонѣ Россіи отъ союзныхъ непріятельскихъ силъ. Произведенный за отличіе въ прапорщики, А. К. явился затѣмъ однимъ изъ славныхъ защитниковъ Севастополя. Его неустранимость и мужество при бомбардировкѣ отмѣчены нѣсколькими наградами: орденами св. Анны 4-й степени и Станислава 3-й степени—оба съ мечами.

Послѣ усмиренія мятежа въ царствѣ Польскомъ, покойный былъ приглашенъ на службу въ управленіе варшавскаго генераль-полицеймейстера и назначенъ сперва чиновникомъ особыхъ порученій, потомъ щучинскимъ уѣзднымъ начальникомъ. Такимъ образомъ съ 1866 года началась его административная служба, которая продолжалась непрерывно до назначенія его въ 1892 году членомъ государственнаго совѣта. А. К. послѣдовательно былъ плочкимъ и тамбовскимъ вице-губернаторомъ, пермскимъ и черниговскимъ губернаторомъ. Всюду онъ заботился о развитіи дѣла народнаго образованія путемъ содѣйствія открытію новыхъ школъ. Въ бытность пермскимъ губернаторомъ онъ получилъ приглашеніе принять участіе въ качествѣ слѣдующаго лица въ Кахановской комиссіи, образованной для составленія проектовъ мѣстнаго управленія. Въ этой комиссіи покойный участвовалъ около года и явился горячимъ сторонникомъ созданія сильной мѣстной, ближайшей къ населенію власти и сословно-дворянской партіи. За нѣсколько дней до закрытія комиссіи въ 1885 году, А. К. былъ переименованъ губернаторомъ изъ Пермской губерніи въ Черниговскую и въ 1891 году былъ назначенъ членомъ государственнаго

совѣта. Онъ присутствовалъ сперва въ департаментѣ государственной экономіи, затѣмъ съ 1894 года въ департаментѣ законовъ. Умеръ онъ на 63 году отъ роду. (Некрологъ его: Нов. Вр. 1900, № 8790).

† **Волковъ, Л. П.** Въ дѣлѣ съ китайцами подъ Айгуномъ 21-го іюля убитъ сотникъ Леонидъ Петровичъ Волковъ, мало извѣстный, молодой сибирскій поэтъ. Покойный, сынъ подполковника, родился 3 мая 1870 г., учился въ гатчинскомъ сиротскомъ приютѣ и въ гимназій; въ службу вступилъ въ амурскій казачій полкъ вольноопредѣляющимся казакомъ въ 1888 г.; по окончаніи курса въ иркутскомъ юнкерскомъ училищѣ переименованъ въ подхорунжіе; въ 1893 г. произведенъ въ хорунжіе, а въ 1897 г.—въ сотники.

Поэтическій талантъ проявился у Волкова очень рано: будучи еще гимназистомъ, онъ писалъ стихи, которые впоследствии напечатали въ газетахъ «Дальній Востокъ» и «Владивостокъ». Въ 1888 г. стихотворенія его вышли отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ «На Дальнемъ Востокѣ»; томикъ этотъ, повторившійся въ 1899 г. 2-мъ изданіемъ, даетъ картинное изображеніе сибирской природы.

† **Вольфъ, О. Л.** Въ Гейдельбергѣ скончался 23-го іюля на 47-мъ году жизни Осипъ Людвиговичъ Вольфъ, одинъ изъ усердныхъ изслѣдователей литовской, западно-русской и русско-польской старины, авторъ цѣлага ряда трудовъ по генеалогіи. Предметомъ изслѣдованій Вольфа была исторія и происхожденіе дворянскихъ родовъ русско-литовскихъ, начиная съ XIV вѣка. Въ объемистомъ сочиненіи, изданномъ на польскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Kniaziowie litewskoruscy», Вольфъ, на основаніи историческихъ документовъ, старался доказать, что многіе дворянскіе роды совершенно ошибочно приписываютъ себѣ происхожденіе то отъ Гедимины, то отъ Рюрика и ложно именуютъ себя «князьями». Къ такимъ псевдо-князьямъ Вольфъ, на основаніи своихъ изысканій, причислилъ роды Дашковичей, Горскихъ, Корибутовъ, Мірскихъ, Сапѣгъ, Солтановъ и многихъ другихъ. Это разоблаченіе вызвало большую сенсацію въ польскомъ и литовскомъ дворянствѣ.

Изъ другихъ трудовъ Вольфа заслуживаетъ особеннаго вниманія его монографія о князьяхъ Кобринскихъ. Монографія эта обратила вниманіе историческаго отдѣленія Краковской академіи наукъ и была включена въ записки академіи. Вольфомъ же написано и издано большое сочиненіе «О сенаторахъ и сановникахъ великаго княжества литовскаго съ 1386—1795 года», обширная историко-генеалогическая монографія «О родѣ Пацовъ», такая же монографія «О родѣ Гедимины», историческая монографія «О евреѣ-министрѣ короля Сигизмунда Эзофовичѣ» и др.

Большая часть трудовъ Вольфа основана на изысканіяхъ въ «Литовской метрицѣ», хранившейся раньше въ сенатѣ въ С.-Петербургѣ и недавно перевезенной въ Москву,—источникъ, далеко еще не разработанный историками. Занимался Вольфъ историческими и генеалогическими трудами лишь въ качествѣ любителя; по профессіи онъ былъ финансистъ. Покойный принадлежалъ къ числу учредителей книгоиздательской фирмы «Товарищество М. В. Вольфъ» и съ 1883—1890 г. состоялъ членомъ правленія и однимъ изъ директоровъ этого товарищества. Послѣ покойнаго осталась богатѣйшая историческая би-

бліотека съ массою рѣдкихъ старинныхъ книгъ, изданныхъ въ Литвѣ (въ числѣ которыхъ много «униковъ» и «инкунабуловъ»), а также старинныхъ гравюръ, подлинныхъ документовъ и пр., на пріобрѣтеніе которыхъ Вольфъ не жалѣлъ средствъ. (Некрологъ его: *Новости* 1900, № 210; *Нов. Вр.* 1900, № 8771).

† **Джаншіевъ, Г. А.** 17-го іюля, въ Москвѣ, скоропостижно скончался Григорій Аветовичъ Джаншіевъ, принадлежавшій къ числу лучшихъ представителей русской публицистики. Покойный родился 17-го мая 1851 г. въ Тифлисъ, въ армянской семьѣ. По окончаніи гимназическаго отдѣленія Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, онъ поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ окончилъ курсъ по юридическому факультету въ 1874 г. Съ этого же года началась его литературная дѣятельность, непрерывно продолжавшаяся до послѣднихъ его дней.

Литературные труды Джаншіева почти всецѣло посвящены изученію славной эпохи новѣйшей русской исторіи — времени «великихъ реформъ». На основаніи изученія архивныхъ матеріаловъ, Г. А. нарисовалъ цѣлый рядъ очерковъ по исторіи «Судебныхъ уставовъ Александра II», которые сначала печатались въ «Русск. Мысли» и «Вѣстн. Евр.», а затѣмъ вышли отдѣльными изданіями: «Страница изъ исторіи судебной реформы. Д. Н. Замятнинъ» (М., 1803), «С. И. Зарудный и судебная реформа» (М., 1889), «Основы судебной реформы» (М., 1891).

Наибольшую же извѣстностью пользовалась его большая работа «Изъ эпохи великихъ реформъ», въ сравнительно короткое время выдержавшая 7 изданій. Какъ и все, что выходило изъ-подъ пера покойнаго, книга написана необыкновенно тепло и проникнута глубокимъ, восторженнымъ преклоненіемъ автора передъ описываемою имъ эпохой и ея замѣчательными дѣятелями.

Помимо этихъ работъ и многочисленныхъ журнальныхъ и газетныхъ статей по вопросамъ судебной реформы, права, судебной и адвокатской практики, Г. А. написалъ прекрасные путевые очерки Кавказа — «Перлъ Кавказа», выдержавшіе 4 изданія. До послѣдняго дня Г. А. состоялъ въ числѣ издателей-сотрудниковъ «Русск. Вѣдомостей» и числился присяжнымъ повѣреннымъ московскаго округа, вездѣ и всегда оставаясь цѣльною натурой, послѣдовательнымъ и стойкимъ въ своей преданности завѣтамъ шестидесятихъ годовъ.

Нельзя не указать на заслуги покойнаго передъ своей родиной. Армянинъ по происхожденію, Г. А. не могъ, конечно, индифферентно относиться къ страданіямъ и гоненіямъ, которыя его единоплеменники терпѣли въ Турціи, и его перу принадлежатъ масса статей, имѣвшихъ своею цѣлью вызвать въ нашемъ обществѣ сочувствіе къ несчастнымъ армянамъ, турецкимъ подданнымъ, а также имъ изданъ прекрасный сборникъ подъ названіемъ: «Братская помощь пострадавшимъ армянамъ», который имѣлъ громадный литературный и матеріальный успѣхъ.

Смерть Г. А. является большою потерей и для русскаго общества, и для русской публицистики. (Некрологи его: *Русск. Вѣд.* 1900, №№ 198 и 205; *Курьеръ* 1900, №№ 197 и 198; *Сиб. Вѣд.* 1900, №№ 195 и 212; *Новости* 1900, №№ 197 и 198; *Нов. Вр.* 1900, № 8761; *Одесск. Лист.* 1900, № 187; *Россія* 1900, № 442).

† **Дубовенко, Г. Е.** 11-го августа, въ Рязани, скончался общественный дѣятель и журналистъ Григорій Егоровичъ Дубовенко. Покойному было всего 27 лѣтъ. Получивъ начальное образованіе, Г. Е. началъ свою дѣятельность въ качествѣ школьнаго учителя въ Боровскомъ уѣздѣ Калужской губерніи и скоро обратилъ на себя вниманіе докладомъ о значеніи техническаго образованія, сдѣланнымъ имъ на московскомъ съѣздѣ преподавателей по техническому образованію. Вскорѣ семейныя обстоятельства заставили Г. Е. оставить педагогическую дѣятельность и пріѣхать въ Петербургъ, гдѣ онъ занялся скромною журнальною дѣятельностью. Въ это время имъ было написано нѣсколько статей по школьнымъ вопросамъ. Въ Петербургѣ Г. Е. пробылъ недолго, такъ какъ рязанское земство избрало его директоромъ рязанскаго приюта малолѣтнихъ преступниковъ. На этомъ поприщѣ покойный проявилъ массу энергіи терпѣнія и любви къ своему дѣлу. Въ оданъ годъ приютъ приобрѣлъ ту славу и значеніе, которыхъ тщетно добиваются годами многія другія учрежденія подобнаго рода. На ряду съ такою дѣятельностью почину Г. Е. принадлежало устройство народныхъ чтеній въ рязанской уѣздной земской управѣ, тюремной школѣ и тюремныхъ помѣщеніяхъ. Дѣятельное участіе принималъ онъ также въ рязанскомъ обществѣ устройства народныхъ развлеченій. Черезъ два года Г. Е. снова переѣхалъ въ Петербургъ и занялъ должность завѣдующаго провинціальнымъ отдѣломъ газеты «Сынъ Отечества» и началъ сотрудничать въ «Сѣверномъ Курьерѣ», «Недѣль» и другихъ изданіяхъ. Въ Рязань покойный пріѣхалъ отдохнуть отъ зимней работы, но неожиданно нашелъ тамъ вѣчный покой. (Некрологи его: Новости 1900, № 226; Сѣверный Курьеръ 1900, № 269; Курьеръ 1900, № 224).

† **Коргуевъ, Н. А.** Въ Мартышкинѣ, близъ Ораніенбаума, скончался 5-го августа отставной полковникъ по адмиралтейству Николай Алексѣевичъ Коргуевъ. Покойный родился въ 1829 году, образованіе получилъ въ первомъ штурманскомъ полуэкипажѣ. Начавъ службу въ концѣ сороковыхъ годовъ, онъ крымскую компанію провелъ на фрегатѣ «Рюрикъ», входившемъ въ составъ эскадры, охранявшей Кронштадтъ отъ нападенія англо-французскаго флота. Съ 1859 года Н. А. посвятилъ себя ученой дѣятельности. Состоя до 1887 года въ распоряженіи морского ученаго комитета, покойный помогалъ С. И. Елагину по собиранію архивныхъ матеріаловъ для составленія азовскаго періода морской исторіи, затѣмъ онъ принялъ дѣятельное участіе въ ученыхъ трудахъ Ф. Ф. Веселаго. Перу Н. А. Коргуева принадлежитъ нѣсколько самостоятельныхъ цѣнныхъ работъ, посвященныхъ преимущественно исторіи русскаго флота. На страницахъ «Кронштадтскаго Вѣстника» и «Морского сборника» напечатаны статьи: «Штурмана русскаго военнаго флота», «Русскій флотъ въ царствованіе императора Николая I», «Корпусъ чужестранныхъ единовѣрцевъ» и «О знаменахъ, гербѣ и судовомъ флагѣ морского кадетскаго корпуса». Отдѣльно вышли «Обзоръ преобразованій морского кадетскаго корпуса съ 1852 года» и «Общій морской списокъ». (Некрологи его: Новое Время 1900, № 8784; Россія 1900, № 467).

† **Левитанъ, И. И.** 22-го іюля скончался пейзажистъ, академикъ живописи, Исаакъ Ильичъ Левитанъ. Покойный родился на границѣ Пруссіи въ

1861 г., въ раннихъ лѣтахъ еще переѣхалъ въ Москву и уже не оставялъ ея. Обучался онъ въ училищѣ живописи, ваянія и зодчества, курсъ котораго окончилъ съ золотою медалью. Еще юношей Левитанъ успѣлъ заявить себя въ художественныхъ кружкахъ и въ публикѣ; восемнадцати лѣтъ онъ выставилъ уже такіе пейзажи, какъ «Осенній день» и «Сокольники», приобретенные для Третьяковской галлерей. И затѣмъ успѣхъ его пейзажей не ослабѣвалъ; Левитанъ былъ истинный поэтъ русской природы, любившій и тонко понимавшій ее; онъ силился одухотворить русскую печальную природу, и это стремленіе сообщало его произведеніямъ какую-то таинственную прелесть. Въ послѣдніе три года покойный состоялъ въ московскомъ училищѣ живописи, ваянія и зодчества преподавателемъ по классу живописи. Лучшія его произведенія: «Послѣ дождя», «Вечеръ», «Подъ вѣчнымъ покоемъ» и находящіяся теперь на парижской выставкѣ — «Лунная ночь» и «Озеро». (Некрологи его: Сѣв. Кур. 1900, № 249; Новости 1900, № 209; Нов. Вр. 1900, №№ 8768 и 8769; Курьеръ 1900, № 221; Русск. Вѣд. 1900, №№ 206 и 221; Новости 1900, № 205).

† **Линдеманъ, Э. Э.** Въ Кишиневѣ 9-го іюля скончался ботаникъ, докторъ медицины Эдуардъ Эммануиловичъ Линдеманъ. Покойный родился въ 1824 г.; послѣ окончанія курса въ медико-хирургической академіи, поступилъ врачомъ въ Нарвскій пѣхотный полкъ и затѣмъ уже въ теченіе 40 лѣтъ оставался военнымъ врачомъ, выйдя въ отставку лишь въ 1887 году. Несмотря на то, что обязанности полкового врача отнимали очень много времени, Э. Э. всегда находилъ возможность заниматься еще ботаникой. Въ своихъ переѣздахъ, благодаря служебному положенію, по Россіи Э. Э. ботанизировалъ въ 26 губерніяхъ и по многимъ изъ нихъ далъ тщательныя изслѣдованія. Но главная заслуга покойнаго заключается въ составленіи двухъ гербаріевъ, потребовавшихъ громаднаго труда и знанія. Первый гербарій русской флоры, единственный по числу и тщательности подбора образцовъ растительнаго царства, Э. Э. пополнялъ также и тѣми экземплярами, которые онъ вымѣнивалъ у иностранныхъ ученыхъ; Петербургскій университетъ въ послѣдствіи приобрѣлъ этотъ гербарій у Э. Э. Второй гербарій его состоитъ изъ болѣе 300 видовъ медицинскихъ травъ, примѣняющихся въ научной и народной медицинѣ. Труды Э. Э. были оцѣнены: почти всѣ естественно-историческія общества Россіи, многія иностранныя академіи и общества избрали его своимъ почетнымъ или дѣйствительнымъ членомъ, а въ 1877 году Новороссійскій университетъ возвелъ его въ званіе доктора ботаники *honoris causa*. Въ послѣдніе годы жизни Э. Э., оставивъ должность дивизионнаго врача, поселился въ Кишиневѣ, занявшись собраніемъ новаго гербарія русской флоры. (Некрологъ его: Нов. Вр. 1900, № 8760).

† **Соловьевъ, В. С.** 31-го іюля, скончался извѣстный писатель, философъ-публицистъ Владимиръ Сергѣевичъ Соловьевъ. Незадолго передъ смертью покойный приѣхалъ изъ Петербурга въ подмосковное имѣніе, с. Узкое, чтобы навѣстить своего друга, профессора Московскаго университета, кн. С. Н. Трубецкого. Уже дорогой В. С. Соловьевъ почувствовалъ себя дурно, а на мѣсто прибыть въ такомъ болѣзненномъ состояніи, что его пришлось на рукахъ пере-

нести изъ экипажа въ домъ. Нѣкоторое время окружающіе больного все еще не теряли надежды на выздоровленіе, но въ послѣдніе дни болѣзнъ, воспаленіе почекъ, серьезно обострилась, и 31 юля въ 9 час. вечера высоко-талантливаго ученаго писателя не стало.

Всѣ, кто знакомъ съ научно-литературною дѣятельностью безвременно почившаго, оцѣняютъ тяжесть этой невозградимой для русской науки и литературы, для русскаго общества утраты...

В. С. Соловьевъ, сынъ знаменитаго историка, родился въ 1853 г. По окончаніи курса на филологическомъ факультетѣ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ одновременно В. С. Соловьевъ слушалъ лекціи и на физико-математическомъ факультетѣ, онъ защитилъ въ 1874 г. въ С.-Петербургскомъ университетѣ диссертацию на степень магистра философіи — «Кризисъ западной философіи противъ позитивистовъ». Съ 1875 г. до 1877 г. В. С. читалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ на правахъ доцента, а затѣмъ перешелъ въ Петербургъ, гдѣ съ 1877 до 1881 г. состоялъ членомъ ученаго комитета при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Въ бытность свою въ Петербургѣ В. С. открылъ (1878 г.) курсъ публичныхъ лекцій по философіи религіи. Въ 1880 г. онъ защитилъ докторскую диссертацию «Критика отвлеченныхъ началъ», а въ слѣдующіе два года читалъ лекціи въ качествѣ доцента въ С.-Петербургскомъ университетѣ и на высшихъ женскихъ (Бестужевскихъ) курсахъ. Въ мартѣ 1881 г. В. С. оставилъ государственную службу и съ тѣхъ поръ всецѣло посвятилъ себя литературной и публицистической дѣятельности. Покойный главнымъ образомъ сотрудничалъ въ «Вѣстникѣ Европы» и «Вопросахъ философіи и психологіи», но одновременно съ этимъ помѣщалъ свои статьи и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, между прочимъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Кромѣ того, В. С. принималъ видное участіе въ большомъ Энциклопедическомъ словарѣ Ефрона и Брокгауза, гдѣ онъ состоялъ редакторомъ философскаго отдѣла.

Изъ сочиненій В. С. пользуются наибольшею извѣстностью, кромѣ названныхъ, слѣдующія: «Чтенія о Богочеловѣчествѣ» (Правосл. Обзоріе, 1878), «Исторія и будущность теократіи» (Загребъ, 1887), «L'idée russe» (Paris, 1888), «Национальный вопросъ въ Россіи» (въ нѣсколькихъ изданіяхъ) «Оправданіе добра» (2-е изд., М., 1899), «Судьба Пушкина», «Духовныя основы жизни» (3-е изд., 1897), «Право и нравственность» (1897), «Три разговора о войнѣ, прогрессѣ и концѣ всемірной исторіи» (Спб., 1900) и др.

Въ «Вѣстникѣ Европы» покойнымъ было напечатано множество статей и стихотвореній, изъ которыхъ многія имѣли крупное общественное и литературное значеніе. Таковы его «Народная бѣда и общественная помощь», «Идолы и идеалы» (1891), «Мнимыя и дѣйствительныя мѣры къ подъему народнаго благосостоянія», «Вопросъ о самочинномъ умствованіи» (1892), «Порфирій Головлевъ о свободѣ и вѣрѣ», «Нравственная философія, какъ самостоятельная наука» (1894), «Народность съ нравственной точки зрѣнія» (1895) и много другихъ.

Кромѣ философскихъ и публицистическихъ статей, В. С., обладавшій истиннымъ поэтическимъ талантомъ, написалъ рядъ стихотвореній, вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ («Стихотворенія», М. 1891; выдержали три изданія) и повѣсть «На зарѣ туманной юности» (въ Русской Мысли, 1892).

За научныя и литературныя заслуги незадолго до смерти В. С. был избран членом академии наукъ.

Покойный до послѣднихъ своихъ дней не переставалъ заниматься тѣмъ дѣломъ, которому была посвящена вся его жизнь. Всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ В. С. прочелъ въ Петербургѣ публичную лекцію, обратившую на себя общее вниманіе, а въ августовской книжкѣ «Вѣстника Европы» помѣщено его послѣднее изъ напечатанныхъ стихотвореній «Вновь бѣлые колокольчики».

Въ послѣдніе же годы В. С. занялся переводомъ сочиненій Платона («Творенія») и выпустилъ подъ своей редакціей новый переводъ сочиненій Фр. Ланге.

Въ краткомъ некрологѣ нельзя, разумѣется, дать даже приблизительную оцѣнку научной и литературной дѣятельности покойнаго философа. (Некрологи и статьи о немъ: Новости, 1900, №№ 212—216; Нов. Вр. 1900, №№ 8777—8781; Сѣв. Кур. 1900, №№ 255, 258; Русск. Вѣд. 1900, №№ 212, 214, 215; Курьеръ 1900, №№ 211, 214, 215, 218; Моск. Вѣд. 1900, №№ 210—219; Сиб. Вѣд. 1900, №№ 209, 222; Нива 1900, № 33; Россія 1900, № 456).

† **Стояновскій, Н. И.** 22-го іюля, во Франціи, скончался одинъ изъ крупныхъ дѣятелей судебной реформы, членъ государственнаго совѣта, статсъ-секретарь, дѣйствительный тайный совѣтникъ Н. И. Стояновскій. Н. И. окончилъ курсъ въ 1841 году, въ училищѣ правовѣдѣнія. Службу началъ въ сенатѣ въ 1841 году и здѣсь приобрѣлъ солидную судебную опытность, проходя разнообразныя судебныя ступени до должностей оберъ-секретаря и оберъ-прокурора включительно. Съ воцареніемъ императора Александра II, когда надъ Россіей занялась заря новой освободительной и преобразовательной эпохи, для Н. И. открылось новое обширное поле дѣятельности. Такъ онъ прежде всего принималъ участіе въ устройствѣ слѣдственной части; положеніе 8 іюня 1860 года о судебныхъ слѣдователяхъ, выдѣлившее слѣдственную часть изъ функций полиціи и тѣмъ положившее первое начало къ отдѣленію судебной власти отъ административной, почти дѣликомъ принадлежитъ перу Н. И. Затѣмъ Н. И. Стояновскій связалъ свое имя съ великимъ освободительнымъ актомъ 19 февраля 1861 года, помимо участія въ трудахъ государственной канцеляріи, онъ состоялъ членомъ учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ комиссіи, вырабатывавшей проекты уѣздныхъ крестьянскихъ учреждений. За труды по освобожденію крестьянъ онъ получилъ золотую медаль. Когда начались горячія работы по созиданію судебныхъ уставовъ, Н. И. былъ прикомандированъ въ 1862 году къ государственной канцеляріи и здѣсь принималъ самое живое участіе, какъ въ составленіи главныхъ основаній, такъ и въ подробныхъ краснорѣчиво мотивированныхъ соображеніяхъ государственной канцеляріи. Съ конца 1862 года Стояновскій изъ статсъ-секретарей государственнаго совѣта назначается товарищемъ министра юстиціи, каковую должность занималъ тогда Д. Н. Замятинъ. Когда составлены были проекты судебныхъ уставовъ, при министерствѣ юстиціи была образована спеціальная комиссія для подробнаго разбора проектовъ. Редактированіе замѣчаній министерства было возложено на Н. И. Чтобы дать понятіе о количествѣ положеннаго имъ въ этой стадіи судебной реформы труда, достаточно сказать, что отъ министерства юстиціи было сдѣлано до 1.160 замѣчаній по существу. Но и сказаннымъ не

исчерпывается участіе Стояновскаго въ подготовкѣ судебныхъ уставовъ. Въ силу особаго высочайшаго повелѣнія на него была возложена обязанность присутствовать при разсмотрѣніи проектовъ судебныхъ уставовъ въ государственномъ совѣтѣ съ правомъ голоса. Затѣмъ подъ главнымъ руководствомъ Н. И. въ министерствѣ юстиціи началась кипучая и сложная работа по составленію правилъ о скорѣйшей ликвидаціи старыхъ судебныхъ учреждений. Съ 1867 г. Стояновскій покидаетъ постъ товарища министра юстиціи и назначается сенаторомъ въ кассационномъ уголовномъ департаментѣ. 1-го января 1875 года Н. И. былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта, и въ этомъ высшемъ законодательномъ учрежденіи имперіи протекла вся его послѣдующая жизнь. Въ государственномъ совѣтѣ въ теченіе ряда послѣднихъ лѣтъ Стояновскій занималъ должность предсѣдателя департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ. Невзирая на крайне разностороннюю дѣятельность на государственномъ поприщѣ, Н. И. находилъ время отдавать свои свободныя минуты дѣлу служенія различнымъ общественнымъ интересамъ и въ то же время принималъ весьма живое участіе въ «Москвитянинѣ» Погодина и «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго. Покойный былъ почетнымъ членомъ старѣйшаго юридическаго общества въ Россіи—московскаго, занималъ должность предсѣдателя петербургскаго юридическаго общества, которое также избрало его своимъ почетнымъ членомъ. Стояновскій много лѣтъ подъ рядъ состоялъ вице-президентомъ императорскаго русскаго музыкальнаго общества, и только въ послѣдніе годы онъ вынужденъ былъ оставить эту должность по разстроенному здоровью. Умеръ Н. И. Стояновскій 80 лѣтъ. (Некрологи его: Спб. Вѣд. 1900, № 204, 206; Русск. Вѣд. 1900, № 208; Сѣв. Кур. 1900, № 249; Нива 1900, № 33).

† Шейнъ, П. В. 14-го августа, въ Ригѣ, въ городской больницѣ скончался извѣстный собиратель памятниковъ народнаго творчества Павелъ Васильевичъ Шейнъ. Покойный принадлежитъ къ числу первыхъ русскихъ этнографовъ, начавшихъ правильное собраніе народныхъ произведеній еще въ 50-хъ годахъ.

Онъ родился въ Могилевѣ-на-Днѣпрѣ въ 1826 году и по окончаніи университетскаго курса въ Москвѣ избралъ для своей дѣятельности педагогическое поприще. Тяжелая болѣзнь въ дѣтствѣ заставила его ходить всю жизнь на костыляхъ съ руками, сведенными такъ, что пальцы съ трудомъ держали перо. Несмотря на физическую немощь, П. В. отличался замѣчательною энергіей. Въ первые годы своего учительства ояъ усердно собиралъ народныя былинны и пѣсни въ Симбирской губерніи, затѣмъ съ 1856 г. по 1867 г. занимался собраніемъ великорусскихъ пѣсенъ въ губерніяхъ Тверской, Тульской, Московской, Калужской и др. Онъ объѣхалъ въ это время множество сель, глухихъ угловъ въ непроѣзжихъ и непролазныхъ мѣстахъ, гдѣ сохранилась наиболѣе ярко старинная народная поэзія. Ему пришлось пережить немало лишений, безпокойствъ и огорченій. Собранныя имъ пѣсни составили великорусскій сборникъ, напечатанный въ «Чтеніяхъ» Бодянскаго. Въ 60-хъ годахъ П. В. прожилъ въ качествѣ учителя витебской гимназіи около семи лѣтъ въ Западномъ краѣ и здѣсь занялся собраніемъ мѣстныхъ пѣсенъ, изучивъ предварительно особенности мѣстнаго нарѣчія. Онъ записывалъ пѣсни отчасти самъ, отчасти же при помощи своихъ знакомыхъ, въ которыхъ умѣлъ возбу-

дить интересъ къ этому дѣлу. Пѣсни собирались по одинаковой составленной имъ программѣ. При каждой пѣснѣ отмѣчалась ея мѣстность и къѣмъ она записана. Разные разряды пѣсенъ сопровождались описаніемъ обрядовъ, праздниковъ и домашнихъ обычаевъ. Собраніе бѣлорусскихъ пѣсенъ, обычаевъ и обрядовъ Шейна достигло въ 1873—1874 г. такихъ размѣровъ, что географическое общество, напечатавъ томъ такихъ пѣсенъ, не исчерпало всего собраннаго покойнымъ матеріала.

Этнографическіе труды П. В. Шейна обратили на него въ 70-хъ годахъ общее вниманіе. Императорское географическое общество и общество любителей естествознанія, антропологии и этнографіи наградили его золотыми медалями. Императорская академія присудила ему Уваровскую премію и приняла на себя изданіе его трудовъ. Это поощрило покойнаго въ его разысканіяхъ и помогло ему пополнить свое обширное собраніе новыми пѣснями и описаніями.

Для послѣдующихъ сборниковъ онъ неоднократно посѣщаль Западный край, заручившись рекомендаціями академическаго отдѣленія русскаго языка и словесности, содѣйствіемъ управленія учебнаго округа и одобреніемъ архіерея. Въ это время его дѣятельными помощниками-корреспондентами явились учителя и ученики народныхъ школь. Въ результатѣ были изданы академіей съ 1887 по 1890 г. «Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края, собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ; бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ». Эти матеріалы составили объемистый томъ въ двухъ частяхъ (болѣе 80 печатныхъ листовъ) съ рисунками и нотами. Въ 1898 г. академія наукъ начала изданіе собранныхъ имъ пѣсенъ подъ заглавіемъ: «Великорусскъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п.». Вышли два выпуска 1-го тома.

Всѣ многочисленные разъѣзды П. В. Шейнъ совершилъ на сбереженія отъ скуднаго учительскаго жалованья, лишая себя возможности имѣть порядочную квартиру и свою прислугу. Умеръ онъ на 74-мъ году отъ роду въ рижской городской больницѣ, не имѣя средствъ лѣчиться дома. (Некрологи его: «Нов. Вр.» 1900, № 8788; «Моск. Вѣд.» 1900, № 226; «Сѣв. Кур.» 1900, № 269; «Россія» 1900, № 470; «Спб. Вѣд.» 1900, № 224).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ воспоминаніямъ объ Е. П. Гребенкѣ.

Въ моихъ воспоминаніяхъ объ Е. П. Гребенкѣ, напечатанныхъ въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», вкралась ошибка: Гребенка похороненъ не въ дер. Мартыановкѣ, а въ дер. Марьяновкѣ. Потомъ еще есть маленькая ошибка: сказано: «выйдя въ отставку, онъ купилъ себѣ небольшое имѣніе въ Духовскомъ уѣздѣ Смоленской губ.», а надо было написать «въ Духовщинскомъ уѣздѣ».

А. Оурожевскій.

— Сеньоръ донъ Жиль! — воскликнула Марія Пасъ, въ внезапномъ приливѣ гнѣва.—Какъ могли вы вообразить, что я согласусь на такую вещь? Я уже сказала вамъ, что нахожу эти процессіи неприличными, и если эта дѣвочка будетъ въ ней участвовать, то она не войдетъ больше въ этотъ домъ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что она со своей стороны согласится на этотъ скандалъ, потому что она страшная кокетка и готова цѣлый день вертѣться на улицѣ передъ мужчинами. Но, нѣтъ... не говорите мнѣ объ этомъ!

— Я съ самаго начала поняла, куда вы клоните, сеньоръ Карраскоза, но хотѣла, чтобъ вы высказались, — съ большимъ презрѣніемъ произнесла Саломэ.

— Вижу, сеньоры, что вы непоколебимы. Я прекрасно знаю благородство вашихъ характеровъ и стойкость принциповъ, чтобы настаивать долѣе.

Въ эту минуту донья Паулита, не пропустившая ни слова изъ того, что говорилось въ залѣ, пересѣла на другое мѣсто, чтобъ ее лучше слышали, и сказала:

— Охъ, Боже мой! Я не допущу подобной вещи. Даже самые совершенные люди иногда падаютъ. Даже самые порядочные мужчины поддаются подъ власть дьявола. Кто бы могъ подумать, сеньоръ Карраскоза, что вы будете причиной паденія этой бѣдной дѣвушки!

— Что вы, сеньора!

— Да, да; я знаю, что иногда Господь допускаетъ, чтобы человѣкъ, самъ того не сознавая, былъ причиной гибели другого человѣка. Я васъ не виню. Но у этой бѣдной дѣвочки есть опора. Она не падетъ во второй разъ, потому что, благодаря доброму ангелу, она вышла изъ бездны и спаслась. Главное уже сдѣлано, такъ что теперь примѣрною жизнью, посвященною исключительно молитвѣ, ея душа вполнѣ очистится.—Не бойся, дитя,—прибавила она, подходя къ Кларѣ,—не бойся, ты не падешь во второй разъ, ты ушла отъ свѣта, чтобы жить чистою вдали отъ него.—Не отчаивайтесь въ ея спасеніи,—продолжала она, заглянувъ въ залу,—потому что она очень хорошая.

Саломэ съ сомнѣніемъ покачала головой.

— Да, она очень хорошая,—подтвердила ханжа.—Хотя свѣтъ и старался ее развратить, но душа у нея не испорчена; я это знаю. Она забудетъ дурныя страсти, которыя узнала въ свѣтѣ. Я такъ заинтересована въ ея спасеніи, что хочу соединиться съ нею на всю жизнь и спасти ее вмѣстѣ со мною. Увѣрю васъ, что это такъ будетъ. Любите ее, потому что Богъ велитъ любить грѣшницъ, особенно когда онѣ раскаятся. Не правда ли, вѣдь ты раскаялась, сестра?

Не слышно было никакого отвѣта. Очевидно, Клара отвѣтила «да» кивкомъ головы.

— Сеньоры, — сказалъ донъ Жиль, — я скажу въ заключеніе, что не вижу скандала въ томъ, чтобы донья Кларита участвовала въ процессіи. Господь создалъ ее такую красивою, что, показываясь людямъ, она только вызывала бы хвалу своему Создателю.

— Сеньоръ донъ Жиль, — произнесла донья Марія, дѣлая надъ собой усиліе, чтобы казаться спокойною, — я не думала, что вы такой вольнодумецъ... Мы были о васъ иного мнѣнія; мы полагали, что...

— Я, сеньора, такой же человѣкъ, какъ и другіе. Любоваться прекрасными твореніями природы и красивою женщиной...

— Ради Бога, сеньоръ Карраскоза, вы говорите ужасныя вещи...

— Ахъ, уходите, ради Христа! Меня возмущаютъ ваши слова, — послышался голосъ ханжи.

Донъ Жиль, видя, что ничего не добьется отъ трехъ развалинъ, перемѣнилъ разговоръ, но безуспѣшно, такъ какъ его пріятельницы были съ нимъ холодны. Наконецъ онъ рѣшился уйти; онъ поднялся, наговорилъ имъ тысячу любезностей, обѣщаль скоро зайти снова и ушелъ.

Выйдя на улицу, онъ оглянулся по сторонамъ, какъ бы отыскивая кого-то, и вскорѣ изъ крыльца ближайшаго дома вышелъ уже знакомый намъ молодой офицеръ.

— Ну, что? — спросилъ онъ Карраскозу съ живымъ интересомъ.

— Ничего хорошаго; онѣ не хотятъ. Эти старухи настоящія чертовки, — отвѣтилъ со смѣхомъ аббатъ. — Мнѣ кажется, что этимъ путемъ мы ничего не добьемся.

— Чортъ ихъ побери!

— Мы вырвемъ ее изъ этого дома не иначе, какъ спустивъ трехъ фурій съ балконовъ, а Колетилью съ крыши.

— Я уже рѣшился на то, о чемъ говорилъ тебѣ вчера. Если не удастся увести ее, то я проберусь въ домъ.

— Вотъ загорѣлось! Это настоящій романъ. Но уйдемъ отсюда, если Колетилья насъ увидитъ, то навѣрное догадается. Поговоримъ гдѣнибудь въ сторонѣ.

— Да что пользы? Вотъ увидишь, что я ее украду.

— Хотѣлъ бы я посмотреть, — сказалъ Карраскоза, и они пошли вдоль улицы.

— Ты вѣрно позабылъ свои прежнія плутни, — сказалъ офицеръ, — и сталъ ни на что не годенъ. Придумай мнѣ какойнибудь способъ проникнуть въ этотъ домъ.

— У меня есть великолѣпный планъ, — отвѣтилъ Карраскоза.

— Ну, рассказывай скорѣе!

— Сейчасъ расскажу.

XVIII.

Босмедіано.

Военнаго, оказавшаго во второй главѣ этой исторіи помощь Колетильѣ и затѣмъ проникнувшаго къ нему въ домъ, звали дономъ Клавдіо Босмедіано. Ему было тридцать два года, и онъ служилъ въ полку въ чинѣ полковника. Его отецъ былъ однимъ изъ уважаемыхъ законодателей въ Кадиксѣ. Человѣкъ умный, съ возвышеннымъ характеромъ, онъ былъ любимъ всѣми соотечественниками. По возвращеніи короля, онъ вмѣстѣ со многими другими подвергся преслѣдованію и вынужденъ былъ эмигрировать, но, съ водвореніемъ конституціонной системы, старикъ Босмедіано вернулся въ Испанію и занялъ одно изъ выдающихся политическихъ мѣстъ.

Босмедіано-отецъ былъ въ душѣ либераломъ. Имѣя сношенія съ королемъ, онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы оказать хорошее вліяніе на этого лживаго и коварнаго человѣка. Онъ былъ богатъ и въ политическихъ вопросахъ имъ никогда не руководили личные интересы. Любовь къ сыну и родинѣ наполняли всю его душу.

Босмедіано-сынъ былъ молодой человѣкъ съ превосходными задатками, но имѣлъ одинъ недостатокъ, оправдываемый молодостью лѣтъ. Онъ очень любилъ женщинъ и большую часть времени проводилъ въ ухаживаніи за ними. Онъ не былъ развратнымъ человѣкомъ; онъ всѣхъ ихъ любилъ отъ души, хотя и увѣрялъ, что не нашелъ еще своего идеала.

Познакомившись съ Кларой, онъ потерялъ свой покой. Его интересовала не столько дѣвушка своими нравственными и физическими качествами, сколько окружавшая ее таинственность. Онъ представлялъ себѣ драматическое приключеніе, и это возбуждало въ немъ любовь и любопытство. Уединеніе, въ которомъ жила эта сирота въ обществѣ полупомѣшаннаго старика, грусть, которую онъ въ ней подмѣтилъ, могли возбудить и не такое впечатлительное воображеніе. Онъ поставилъ себѣ задачей разгадать тайну этого дома и затѣмъ освободить эту обворожительную дѣвушку отъ ненавистнаго ига опекуна.

— Есть нѣсколько способовъ проникнуть въ домъ,—говорилъ Карраскоза, взявъ подъ руку Клавдіо,—но особенно хорошъ одинъ. У этихъ старухъ есть арендаторъ, который долженъ скоро привести имъ какія-то ничтожныя арендныя деньги. Я знаю, это отъ Эліаса. Мы подкупимъ его, заставимъ написать письмо, что онъ боленъ и посылаетъ деньги съ сыномъ; вы переодѣнетесь, войдете въ домъ, и конецъ. Онѣ должны будутъ принять васъ и даже оста-

вить ночевать, а ночью, когда онѣ уснутъ, вы проникнете къ дѣвушкамъ и уведете ее.

— Молчи, болванъ, этого нельзя сдѣлать. На сценѣ это выходитъ очень хорошо, но въ жизни... Я хочу войти въ моему обыкновенному костюмѣ, подѣ моимъ собственнымъ именемъ, но нуженъ предлогъ, потому что я предполагаю, что эти старухи страшно недовѣрчивы.

— Онѣ устроятъ скандалъ и поднимутъ такой гвалтъ, что будетъ слышно за десять верстъ. Необходимо пробраться тайкомъ.

— Но объясни же мнѣ, пожалуйста, что это за люди,—сказала Босмедіано.—Какъ онѣ живутъ? Какія у нихъ привычки? И какъ попала сюда эта бѣдная дѣвушка?

— Счастливы вы, что не знакомы съ этими Порреньо. Это рѣдчайшія птицы въ свѣтѣ. Когда я не въ духѣ, я иду послушать ихъ глупости, чтобы посмѣяться. Онѣ были когда-то очень богаты, но теперь совершенно обѣднѣли, и я такъ и жду, что онѣ съѣдятъ одна другую.

— Чѣмъ же онѣ занимаются?

— Ничѣмъ, или, вѣрнѣе, молитвой. Одна изъ нихъ считается святою, и, увѣряю васъ, можно умереть со смѣху, когда она начинаетъ божественные разговоры. И что за злочки!—когда я заговорилъ съ ними о процессіи, съ цѣлью вытащить отъ нихъ Клариту, то онѣ чуть не выпарапали мнѣ глаза.

— Но какъ попала къ нимъ Кларита?

— Не знаю; это—штуки Эліаса.

— Расскажи мнѣ объ этомъ Эліасѣ. Когда я увидалъ его въ первый разъ, онъ показался мнѣ большимъ оригиналомъ.

— Эліасъ роялистъ и человѣкъ съ пунктикомъ; онъ готовъ на муки изъ-за фанатизма.

— И онъ любитъ эту дѣвушку?

— Не знаю; сомнѣваюсь. Колетилья любитъ только одного короля или королевскую власть.

— Ну, посмотримъ, какой у тебя планъ?

— Необходимо проникнуть тайкомъ,—повторилъ аббатъ.

— Чего же мы этимъ достигнемъ?—съ неудовольствіемъ спросилъ Клавдіо.—Положимъ, я войду ночью, меня ктонибудь увидитъ, приметъ за вора, подниметъ крикъ, и тогда... Къ тому же Клара не предупреждена, она не имѣетъ со мной никакихъ сношеній. Что я буду тамъ дѣлать? Я хочу попасть туда, не внушая никакихъ подозрѣній, и сойтись съ ней.

— У меня есть идея!—воскликнулъ Жиль, хлопая себя по лбу.

— Какая?

— Вы войдете, когда Кларита будетъ одна.

— Одна? Но развѣ эти демоны, уходя изъ дому, оставляютъ ее когданибудь одну?

- Да.
- А когда?
- Ужъ я беру на себя это устроить.
- Говори яснѣе.
- Первое, что вы должны сдѣлать, сеньоръ донъ Клавдіо, это написать дѣвушкѣ письмо. Я берусь передать его.
- Прекрасно, онѣ уйдутъ, но, вѣроятно, запрутъ ее. Какъ же я войду? Что же, я буду ломать двери?
- Нѣтъ, сеньоръ, вы войдете спокойно, безъ всякаго шума.
- Какимъ же образомъ?
- Вы помните мой костюмъ аббата въ 1810 и 1812 годахъ?
- Къ чему мнѣ это помнить?
- Подождите, не горячитесь, — сказалъ Карраскоза, опуская ему руку на плечо. — Помните, какъ изящно и элегантно сидѣлъ на мнѣ этотъ костюмъ?
- Но, что же тутъ общаго съ...?
- Подождите. Этотъ костюмъ мнѣ шили донья Николаса и донья Бибіана Ремолиносъ, искусныя портнихи, которыхъ я буду имѣть честь представить вамъ сегодня же.
- Это еще что за штука? Какое же тутъ отношеніе къ тому, о чемъ я тебя спрашиваю?
- Вы и не подозрѣваете, потому что не знаете, что обѣ эти сеньоры живутъ въ томъ же мезонинѣ, гдѣ десять лѣтъ тому назадъ жила дочь кузнеца Жозефита Пандеро, въ которую былъ такъ влюбленъ графъ Вальдесъ де-ла-Плата, то-есть въ № 6-мъ. въ улицѣ Беленъ.
- Я припоминаю, что ты что-то рассказывалъ объ этомъ. Но какое мнѣ дѣло до Жозефиты Пандеро и сеньоръ Ремолиносъ?
- Вы не понимаете, что я хочу сказать, потому что не помните, что графъ Вальдесъ де-ла-Плата нанялъ сосѣдній домъ и соединилъ его съ мезониномъ дочери кузнеца для тайныхъ свиданій, потому что иначе не могъ добиться.
- А-а...
- Ну, такъ вотъ мои пріятельницы-портнихи живутъ въ № 6-мъ, гдѣ жила дочь кузнеца, а мои пріятельницы Порренъо въ № 4-мъ, гдѣ жилъ графъ Вальдесъ де-ла-Плата. Такимъ образомъ, если искусно сдѣланная дверь могла пропускать кабальеро изъ 4-го въ 6-й, то она одинаково можетъ пропустить и васъ изъ № 6-го въ 4-й при помощи портнихъ, о которыхъ я вамъ говорилъ.
- Понимаю. И эта дверь существуетъ?
- Разумѣется, существуетъ. Я ее видѣлъ и отвѣчаю за все. Я беру на себя узнать, когда уйдутъ изъ дому эти фуріи, передать письмо и провести васъ.
- Это не дурная мысль, — согласился офицеръ. — Во всякомъ случаѣ, хорошая она или дурная, а я приведу ее въ исполненіе.

— А что мы сдѣлаемъ, чтобъ эта ящерица Колетилья не помѣшала намъ?

— Колетилья намъ не помѣшаетъ. Онъ меньше всего интересуется дѣвушкой, до которой ему нѣтъ ровно никакого дѣла. Онъ интересуется только...

— Заговорами, а?

— Ну, да. Эліасъ человѣкъ сильный, донъ Клавдіо, и у него большія связи. Очень многое въ его власти, и при всей его напускной скромности онъ ворочаетъ политическими дѣлами...

— Онъ замышляетъ заговоръ? А если роялисты замышляютъ заговоръ, то ты навѣрное съ ними, а?

— Нѣтъ, мой милый,—нахально отвѣтилъ Карраскоза,— я человѣкъ порядка и только. Если я примыкаю къ Эліасу и его партіи, то единственно лишь для того, чтобъ узнать ихъ маневры.

— Ты остался такимъ же тонкимъ плутомъ, какимъ былъ въ молодости. Никто не умѣетъ такъ держать носъ по вѣтру, какъ ты.

— Вы знаете, донъ Клавдіо, что меня обвинили въ приверженности къ королю и лишили мѣста. Что мнѣ было дѣлать? Умирать съ голоду? Отъ идей сытъ не будешь, другъ мой. Вы богаты и можете быть либераломъ, а я слишкомъ бѣденъ, чтобы позволить себѣ такую роскошь.

— Вотъ негодяй!

— Я избралъ благую часть и готовъ на все. Хотите, я вамъ скажу откровенно? Вы хорошій другъ и благородный кабалеро, поэтому я могу быть съ вами откровеннымъ. Ну, такъ знайте же, что скоро все перевернется и рухнетъ. Если я это утверждаю, то можете мнѣ вѣрить. Вотъ вы говорите, что я негодяй; прекрасно, а я скажу вамъ, что вы упорный безумецъ. Вы изъ тѣхъ, которые вѣрятъ, что это можетъ продлиться, что наступитъ свобода, конституція и всѣ ваши бредни. Какъ вы разочаруетесь! Помните мое слово.

— Уже начались военныя дѣйствія? Они несомнѣнно должны начаться, потому что либералы не дадутъ обойти себя, другъ Карраскоза.

— Ахъ, они не дадутъ обойти себя? — проговорилъ Жиль съ ехиднымъ смѣхомъ.— Вотъ увидите, что изъ этого выйдетъ. Я знаю положеніе вещей, Босмедіано, и совѣтую вамъ остаться въ сторонѣ. Но вернемся къ нашему дѣлу. Я могу сообщить вамъ нѣчто важное о Кларитѣ.

— Посмотримъ.

— У этого Эліаса былъ племянникъ въ Атекѣ. Кларита провела тамъ нѣсколько мѣсяцевъ. Племянникъ молодъ, пылокъ, влюбчивъ... Поняли?

— Я предполагалъ нѣчто подобное, — отвѣтилъ Босмедіано. — Допустимъ, что это ея женихъ.

— Вы попали какъ разъ въ цѣль. Я недавно былъ въ Атекѣ и узналъ, что молодые люди любили другъ друга; думаю, что и теперь любятъ.

— Вотъ какъ!—съ изумленіемъ воскликнулъ Клавдіо. — Какъ же ты до сихъ поръ молчалъ объ этомъ?

— Я до сегодняшняго дня не зналъ, что этотъ юноша пріѣхалъ въ Мадридъ.

— Въ Мадридъ?

— Да, но дѣло въ томъ, что какъ только онъ пріѣхалъ, такъ сразу и попалъ въ тюрьму.

— Что же онъ сдѣлалъ?

— Онъ очень интересуется политическими вопросами. Тамъ, въ Сарагоссѣ онъ много ораторствовалъ въ клубахъ. Онъ пріѣхалъ въ Мадридъ, зараженный пылкими идеями, товарищи повели его въ «Фонтанъ», онъ говорилъ тамъ, а на слѣдующее утро онъ присоединился къ процессіи, шедшей съ портретомъ Риго, возбуждалъ народъ, явилась полиція, его схватили и посадили въ тюрьму.

— И дядя не пытался его освободить?

— Вы не знаете этого звѣря. Его дядя, узнавъ, что молодой человѣкъ изъ экзальтированныхъ, и что онъ ораторствовалъ, страшно взбѣсился; онъ отправился въ тюрьму, разбилъ своего племянника и сказалъ ему, чтобы онъ не показывался въ его домѣ, пока не выкинетъ изъ головы этихъ идей.

— Что за эксцентричный человѣкъ!..

— Да-съ, сеньоръ. Но дѣвушка теперь, конечно, мучится и жаждетъ узнать, что случилось съ ея бѣднымъ другомъ.

Босмедіано задумался; затѣмъ произнесъ спокойно:

— Теперь я знаю, что дѣлать.

— Что вы думаете дѣлать?

— Все возможное, чтобы освободить молодого человѣка. Я увѣренъ, что мнѣ это удастся.

— Вотъ оригиналь!.. Я васъ понять не могу! — со смѣхомъ и удивленіемъ сказалъ Жиль. — Значитъ вы, любя дѣвушку, хотите выпустить на свободу ея жениха? Правъ былъ я, говоря, что вы безумецъ, донъ Клавдіо.

— Я освобожу его, безъ всякаго сомнѣнія. Посмотримъ, какъ она это приметъ. Мы сдѣлаемъ такъ, чтобъ она узнала, что это я его освободилъ.

— Славная штука! Трудно понять эти рыцарскіе порывы. Этотъ молодой человѣкъ будетъ лишней помѣхой для вашего плана.

— Ничего не значить; тамъ видно будетъ. А относительно остальнаго все, какъ было условлено: ты передашь письмо, удалишь фурій, отопрешь дверь...

— Все будетъ исполнено; объ этомъ нечего и говорить.

Тутъ они простились. Бывшій аббатъ, уходя, отъ души смѣялся

надъ молодымъ офицеромъ, отъ котораго надѣялся получить щедрое вознагражденіе за услуги. А Босмедіано, идя домой, думалъ о безпримѣрномъ нахальствѣ Каррасковы и объ опасностяхъ своего приключенія.

Любовный пылъ, съ которымъ Босмедіано взялся за это дѣло, былъ очень обыкновенною вещью въ тѣ времена. Въ XVII вѣкѣ, когда напа характерная нація еще не была заражена иностраннымъ вліяніемъ, испанцы дѣйствовали не такъ, какъ теперь; они шли къ намѣченной цѣли болѣе рѣшительными романтическими путями, чѣмъ интрига. Это былъ вѣкъ воровства изъ монастырей, побѣговъ ночью черезъ садъ и вообще смѣлыхъ, отчаянныхъ поступковъ. Рассказывали объ одномъ влюбленномъ, который сжегъ свой домъ съ единственною цѣлью вынести изъ пламени на рукахъ даму своего сердца.

Развращенные французскіе нравы, съ переменной династіи, проникли къ намъ въ началѣ XVIII вѣка. Общество сдѣлалось менѣе цѣльнымъ, менѣе энергичнымъ, но болѣе утонченнымъ, болѣе лицемернымъ. Въ немъ появились аббаты, появилась классическая литература, холодная, церемонная, фальшивая. Пастораль, эта послѣдняя степень литературнаго лицемерія, особенно ярко возродилась въ прошломъ столѣтіи. При помощи мадригаловъ аббаты заводили интриги въ салонахъ. Любовники не могли проникнуть въ гостиныя такъ легко, какъ эти носители сутагъ, и вынуждены были прибѣгать къ самымъ оригинальнымъ и сложнымъ способамъ.

Ни въ одномъ вѣкѣ не добивались съ такимъ упорствомъ любви, какъ въ XVIII-мъ. Любовники съ невѣроятными трудностями добивались возможности поговорить со своими избранницами. Домъ осаждали, но не такъ, какъ рыцари предшествующаго столѣтія со шпагой въ рукѣ, боровшіеся съ толпой слугъ и альгвазиловъ, а тонко обдуманномъ планомъ, обманомъ семьи, переодѣваніемъ.

Въ 1821 году все это было еще въ модѣ, и Босмедіано былъ въ этомъ отношеніи мастеромъ своего дѣла. Онъ умѣлъ пустить въ ходъ и парикъ, и цырюльника, и аббата. Если онъ не могъ воспользоваться этимъ при странныхъ нравахъ и обычаяхъ трехъ фурій, то въ этомъ не его вина. Онъ рѣшился только вслѣдствіе пречатствій на нѣсколько рѣзкій образъ дѣйствій.

ХІХ.

Свободенъ!

Прежде всего Босмедіано, движимый вполнѣ понятнымъ чувствомъ, рѣшилъ сдѣлать все возможное для освобожденія бѣднаго Лазаро. Онъ надѣялся, что услуга, оказанная тому, кого онъ могъ считать за своего соперника, расположить въ его пользу Клару;

это расположение можетъ современемъ перейти и въ любовь. Въ этомъ Босмедіано не былъ похожъ на пошлыхъ любовниковъ, для которыхъ страсть есть исключительно эгоистическое чувство; его порывы были полны деликатности и великодушія.

Ему не трудно было достигъ желаемаго. Секретарь шефа жандармовъ сказалъ ему, что преступникъ обвиняется въ агитаціи, и что, очевидно, онъ подкупленъ; но Клавдіо оправдалъ его, какъ могъ, объяснивъ, что это молодой, неопытный провинціаль, и въ концѣ концовъ, благодаря своимъ связямъ, ему удалось получить разрѣшеніе на освобожденіе изъ тюрьмы.

Босмедіано отправился въ городскую тюрьму. Лазаро, послѣ посѣщенія дяди, былъ въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. Лихорадочное состояніе, полное страшныхъ галлюцинацій, перешло у него въ нравственную апатію. Онъ лежалъ въ углу, безцѣльно устремивъ равнодушный взглядъ въ пространство.

Когда ему сказали, что онъ свободенъ, онъ не сразу сообразилъ, въ чемъ дѣло. Опомнившись онъ предположилъ, что обязанъ дядюшкѣ этою милостью, и личность Эліаса моментально расположила его къ себѣ. Но выходя, онъ встрѣтилъ любезно раскланивавшася съ нимъ Босмедіано, который повторилъ ему, что онъ свободенъ и можетъ итти домой.

Лазаро тронуло безкорыстное великодушіе этого человѣка, но потомъ имъ овладѣли сомнѣнья. Кто этотъ молодой человѣкъ? Не руководятъ ли имъ какія нибудь тайныя намѣренія? И откуда онъ знаетъ его имя?

Онъ недолго, однако, думалъ объ этомъ. Выходя они разговорились, и Босмедіано показался ему вполне порядочнымъ человѣкомъ. Когда они шли вмѣстѣ по улицѣ, арагонецъ слушалъ незнакомца, любовался его манерами, его выраженіями и начиналъ чувствовать къ нему расположеніе. Онъ понялъ также, что это молодой человѣкъ хорошаго общества, вліятельный и богатый.

— Но чему я обязанъ тѣмъ огромнымъ одолженіемъ, которое вы мнѣ оказали?—сказалъ ему Лазаро.—Я хотѣлъ бы знать, чѣмъ я могу отплатить...

Клавдіо, желая скрыть истинную причину своего поступка, отвѣтилъ ему туманно и тѣмъ еще болѣе изумилъ и смутилъ Лазаро. Босмедіано началъ говорить ему о Эліасѣ, объ Атекѣ, о сарагосскомъ клубѣ, о «Фонтанѣ».

— Въ концѣ концовъ,—сказалъ онъ, желая выйти изъ затрудненія,—я не хочу приписывать себѣ поступка, заслуживающаго благодарности. Я выпустилъ васъ на свободу, но я былъ въ этомъ дѣлѣ лишь посредникомъ.

Тутъ Лазаро ужъ совсѣмъ пересталъ понимать. Они остановились и взглянули другъ другу въ глаза. Улыбка, игравшая въ эту минуту на губахъ Клавдіо, показалась арагонцу подозрительною, и

онъ мысленно началъ опускать молодого человѣка съ того пьедестала, на который возвелъ.

— Да, — продолжалъ офицеръ, — не мнѣ обязаны вы этою милостью, а одной особѣ, которая, повидимому, должна васъ очень любить.

Съ губъ Лазаро уже готово было сорваться имя Клары, но онъ удержался, такъ какъ въ это мгновенье тысяча мыслей пронеслась въ его головѣ, и онъ пристально взглянулъ на молодого офицера. Она его знаетъ, она его видѣла. Онъ красивъ, онъ выпустилъ его на свободу. Она, быть можетъ, умоляла его объ этомъ, ей было жалко его, Лазаро, онъ хотѣлъ ей угодить... Какою цѣною? Съ какимъ намѣреніемъ? Когда все это случилось?..

Наконецъ, арагонецъ рѣшился спросить, кто эта особа, которой онъ обязанъ свободой.

— Ну, вы это прекрасно знаете, — съ нѣкоторою развязностью отвѣтилъ Босмедіано. — Нѣтъ надобности называть ея имени. Это понятно, что вы прикидываетесь непонимающимъ. Вашему самолюбію очень льститъ быть любимымъ такою особой... Не будьте благодарнымъ, молодой человѣкъ, она этого не заслужила.

— Я не знаю, что вы хотите сказать, — проговорилъ Лазаро тономъ экзаменующагося, который проситъ повторить вопросъ, чтобы замедлить отвѣтъ.

Босмедіано повторилъ, но сказалъ то же самое. Лазаро нашель, что Клара поступила очень необдуманно и неделикатно, рассказавъ о своей любви этому хитрецу. Да, Босмедіано былъ несомнѣнно хитрецъ, потому что выпустилъ его на свободу, когда никто его объ этомъ не просилъ.

— Вы прекрасно знаете, на кого я намекаю, — сказалъ Клавдіо, доврчиво хлопая его по плечу, — но вы такъ гордитесь тѣмъ, что состоите женихомъ этой молодой дѣвушки, что принимаете этотъ тонъ.

— О, нѣтъ! — сконфуженно воскликнулъ Лазаро. — Дѣло въ томъ, что я не знаю, о комъ вы говорите.

Босмедіано пожалъ руку молодого арагонца и сказалъ ему нѣсколько дружественныхъ фразъ. Тотъ былъ такъ смущенъ, что отвѣтилъ ему почти нелюбезно.

— Я знаю, гдѣ вы живете, — сказалъ уходя Босмедіано. — Мы еще увидимся, если не у васъ, такъ въ «Фонтанѣ»; я тамъ часто бываю.

И они разстались. Когда Клавдіо отошелъ на нѣкоторое разстояніе, Лазаро захотѣлось побѣжать за нимъ и горячо поблагодарить его, но въ немъ боролись гордость и ревность. Онъ такъ ничего и не сказалъ.

А Босмедіано, уходя, прошепталъ съ удовольствіемъ:

— Простакъ, большой простакъ...

XX.

Тернистый путь Лазаро.

Лазаро продолжалъ итти безъ опредѣленной цѣли. Его неожиданный и таинственный выходъ изъ тюрьмы, его встрѣча съ Босмедіано и странный разговоръ съ нимъ—все это не сразу позволяло ему дать себѣ ясный отчетъ въ его оригинальномъ и трудномъ положеніи. Но когда онъ прошелъ довольно большое разстояніе, онъ началъ понимать, что ему некуда было итти, не къ кому обратиться и не на что жить. Слова дяди выясняли ему характеръ старика. Это—страстный фанатикъ, слѣпой приверженецъ тиранніи. Съ горящими гнѣвомъ глазами и ядовитыми словами онъ сказалъ, чтобы молодой человѣкъ не приходилъ къ нему въ домъ, пока не измѣнитъ своихъ идей. Что дѣлать? Невозможно жить съ такимъ сухимъ, жестокимъ человѣкомъ, напоминающимъ мусульманскаго фанатика. У него съ дядей совершенно противоположныя идеи. Не притворяться же ему, не лицемерить же? Не выказывать же любовь къ тиранніи, которую онъ считаетъ преступною? Къ тому же, при теперешнемъ волненіи партій, выказывать себя сторонникомъ противной партіи это хуже, чѣмъ быть имъ дѣйствительно. Что же дѣлать въ такомъ случаѣ? Куда дѣться? Вернуться въ Атеку? А Клара?

При воспоминаніи о бѣдной подружѣ, мысли молодого человѣка приняли иное направленіе. Онъ подумалъ о томъ, какую несчастную жизнь ведетъ она съ этимъ антипатичнымъ старикомъ, и рѣшилъ, что необходимо повидаться съ ней. Но какъ сдѣлать это, когда онъ не можетъ прійти къ дядѣ?

Итти или не итти? Необходимость говорила, что надо итти. Онъ былъ одинокъ, изнемогалъ отъ усталости и голода, безъ пезеты въ карманѣ. Вечерѣло, и ему негдѣ было ночевать. Друзья, быть можетъ, не примутъ его такъ охотно, какъ день тому назадъ; они сами бѣдны и не могутъ помочь ему. Необходимо итти.

Разсуждая такимъ образомъ, онъ поровнялся съ «Золотымъ Фонтаномъ». Онъ слышалъ шумъ голосовъ, остановился и хотѣлъ войти.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ себѣ,—не войду.—И въ ту же минуту подошелъ къ двери.

Очевидно, злой рокъ влекъ его къ этому мѣсту, гдѣ погибли его лучшія иллюзіи. Шумъ, долетавшій изнутри, казался ему адскимъ эхомъ. Онъ отступилъ, снова подошелъ, подумалъ и, наконецъ, увлекаемый любопытствомъ и инстинктивнымъ желаніемъ войти, вошелъ.

Собраніе было бурное. Говорили одновременно и члены клуба и

публика. Едва только ораторъ водворилъ мало-мальски тишину и заговорилъ, какъ снова слышались крики. Обсуждалось постыдное отступление крайнихъ передъ властью Морилью; нѣкоторые переводили этотъ вопросъ на личную почву. Ораторы кричали «о подлецахъ, которые, прикрывшись личиною либераловъ, развращаютъ это собраніе, дѣлаютъ постыдныя предложенія отъ имени короля, подкупаютъ краснорѣчіе крайнихъ и затѣваютъ сходки съ единственною цѣлью погубить либераловъ».

— Это голодные волки, — говорилъ ораторъ, — которые приходятъ сюда и прикидываются сторонниками свободы. Они предлагаютъ золото ораторамъ за пылкую рѣчь, возбуждающую невѣжественную толпу!

— Да, подлецы эти тѣ, что затѣваютъ сходки, — говорилъ второй ораторъ, — и осаждаютъ дома министровъ. Но они дѣйствуютъ съ благою цѣлью; они никогда не дѣлаютъ скандаловъ и не требуютъ анархіи.

— Нѣтъ! — крикнулъ новый ораторъ, поднимаясь въ негодованіи, чтобы возразить на эти слова. — Нѣтъ! Здѣсь нѣтъ измѣнниковъ. Я не вѣрю въ существованіе такихъ людей, а если они существуютъ, то пусть назовутъ намъ ихъ имена. Пусть мы узнаемъ, кто они такіе.

— Пусть скажутъ ихъ имена! — крикнули сотни голосовъ.

— Необходимо очистить наше благородное собраніе, — сказалъ первый ораторъ. — Благодаря подлецамъ, оскверняющимъ его, въ столицѣ пошли дурные слухи о насъ и о нашемъ клубѣ. Пусть эти подлецы выйдутъ отсюда!

— Пусть назовутъ ихъ имена! — заревѣла толпа.

— Нѣтъ! — повторялъ третій ораторъ. — Такіе люди не существуютъ.

— Существуютъ! — отчаянно крикнулъ первый. — Этотъ клубъ посѣщаютъ люди, оплачивающіе золотомъ короля краснорѣчіе ораторовъ, возбуждающихъ народъ!

— Кто, кто?

— Кто изъ насъ, — продолжалъ ораторъ, — не знаетъ такъ называемаго Колетилью? Это фанатикъ — роялистъ, тайный агентъ двора. Вы его не знаете? Этотъ человѣкъ-ящерица, скользящая среди насъ, чтобъ развращать молодыхъ ораторовъ. Я знаю, что многіе получили отъ него деньги за зажигательныя рѣчи. Кому обязаны мы безобразными сходками, которыя видимъ каждый день? Откройте глаза, слѣпцы! Мы обязаны ими золоту Фердинанда Бурбонскаго, раздаваемому этимъ подлецомъ, этимъ Колетильей!

— Кто преступники? Подайте намъ ихъ!

— Остерегайтесь зачинщиковъ сходокъ!

— Вотъ сторонникъ монархической власти!—крикнулъ кто-то изъ толпы, указывая на самого оратора.

— Я сторонникъ монархической власти?—съ негодованіемъ переспросилъ ораторъ.—Почему? Потому что я люблю свободу безъ крайностей, петиціи безъ скандаловъ? Вы любите анархію и подаетесь подкупамъ. Я обращаюсь къ арагонцамъ, которые выдаютъ свое присутствіе здѣсь особымъ говоромъ и склонностью къ сходамъ.

— Какъ вы смѣете это говорить!—крикнулъ Нуньесъ, подскочивъ, какъ разъяренный звѣрь.—Я не позволю клеветать на себя и на моихъ друзей!

— Да, сеньоры, не довѣряйте арагонцамъ, — крикнулъ первый.— Арагонецъ волновалъ толпу во время процессіи съ портретомъ.

Нѣкоторые оглянулись на Лазаро, молча и смущенно присутствовавшего при этой сценѣ.

— И будьте увѣрены въ томъ, что тотъ, кто говорилъ тогда, былъ подлымъ орудіемъ агентовъ короля.

— Вотъ этотъ! Онъ здѣсь!—воскликнулъ кто-то, обращая всеобщее вниманіе на Лазаро.

— Да, племянникъ Колетильи.

— Племянникъ Колетильи!.. Племянникъ Колетильи!..—повторяли сотни голосовъ.

Страшный шумъ поднялся въ залѣ. Всѣ приподнялись, чтобъ взглянуть на Лазаро.

— Это онъ говорилъ здѣсь третьяго дня!

— Онъ бунтовалъ на площади!

— Онъ племянникъ Колетильи!

Эти послѣднія слова были верхомъ позора. Нуньесъ всталъ, желая защитить своего земляка, но не могъ, такъ какъ его не слушали. Многіе изъ присутствующихъ, боясь, что обвиненіе падетъ на нихъ самихъ, съ особенною яростью обвиняли Лазаро.

— Сколько тебѣ заплатили за крики во время процессіи?—воскликнулъ изъ угла гражданинъ Кальеха.

— Долой его!

— Долой измѣнниковъ, долой!

— На улицу, на улицу!

Лазаро пытался въ эту минуту собрать весь свой апломбъ, чтобъ говорить, чтобъ защититься, чтобъ сказать всѣмъ, что онъ невиненъ, что онъ несчастенъ, бѣденъ, безпріютенъ. Его не слушали. Онъ не могъ ни защититься, ни выразить своего презрѣнія. Толпа волновалась все сильнѣе и сильнѣе; за словами появились жесты, его толкали къ двери и вытолкали. Шумъ, гамъ, жара, стыдъ, отчаяніе едва не лишили его чувствъ. Его толкали кулаками, хлопали по плечамъ; дверь передъ нимъ распахнулась, и онъ

упалъ на землю. Наконецъ, шумъ подлѣ него затихъ, онъ началъ чувствовать боль отъ паденія.

Нѣсколько минутъ лежалъ онъ на землѣ, не отдавая себѣ яснаго отчета во всемъ случившемся. Холодный потъ выступилъ на его лбу. Онъ оглянулся и увидалъ, что лежитъ, прислонясь спиной къ стѣнѣ. Волосы его были всклоочены, сомбреро валялось подлѣ него, и въ правомъ боку ощущалась сильная боль. Шумъ изъ «Фонтана» доносился до него, подобно отдаленному эхо; къ крикамъ присоединялись рукоплесканія, и взволнованный, звучный голосъ возвышался надъ этою бурей энтузіазма.

Онъ замѣтилъ, что три уличныхъ мальчика насмѣшливо смотрятъ на него, и одинъ изъ нихъ старается стянуть у него сомбреро. Прохожіе съ любопытствомъ наклонялись, чтобъ узнать, живъ ли упавшій. Онъ всталъ, потому что это любопытство и шумъ въ «Фонтанѣ» страшно раздражали его, и направился къ Puerta del Sol. Мальчишки слѣдовали за нимъ, ночные сторожа направляли на него фонари, а прохожіе разошлись, убѣдившись, что онъ не умеръ, не лишился чувствъ, а просто пьянъ.

Онъ спросилъ, какъ пройти въ улицу Valgame Dios, рѣшивъ отправиться къ дядюшкѣ. Онъ не колебался болѣе; онъ твердо рѣшилъ въ эту тяжелую минуту пойти въ домъ фанатика и оставить за его дверью свои убѣжденія, свои чувства и свои идеи.

Въ сущности, съ первой минуты приѣзда въ Мадридъ, его жизнь была сплошнымъ мученіемъ, и то, что ждетъ его въ домѣ роялиста, уже не пугало его, какъ прежде. Онъ уже не чувствовалъ себя пылкимъ юношей, мечтающимъ о великихъ дѣлахъ; онъ былъ бѣднымъ изгнанникомъ безъ цѣли въ жизни, безъ надеждъ, безъ идей. Онъ не зналъ, не понималъ, чего требуетъ отъ него его родственникъ, онъ хотѣлъ только броситься въ объятія перваго, кто его утѣшитъ.

Наконецъ, послѣ многократныхъ разспросовъ, онъ дошелъ до улицы Valgame Dios. Онъ нашелъ номеръ дома, посмотрѣлъ въ окна и увидалъ свѣтъ въ комнатахъ. Тамъ Клара устала уже ждать его и, быть можетъ, потеряла надежду когда либо увидѣть. Онъ такъ быстро поднялся по лѣстницѣ, что, дойдя до двери, остановился перевести духъ. Оправившись, онъ протянулъ руку къ колокольчику и позвонилъ очень тихо изъ боязни потревожить дядюшку и напугать Клару. Но онъ, очевидно, дернулъ звонокъ такъ тихо, что онъ даже не позвонилъ. Тогда онъ дернулъ его вторично, но не рассчиталъ въ волненіи движенія руки, и колокольчикъ огласилъ весь домъ. Лазаро испугался, думая, что сейчасъ выскочитъ Эліасъ и набросится на него. Но прошло довольно много времени, а дверь все не отпирали. Наконецъ онъ замѣтилъ свѣтъ въ окнѣ надъ дверью и услыхалъ шаги.

— Кто тамъ?—послышался голосъ Паскалы.

Лазаро спросил дядю.

— Его нѣтъ здѣсь.

— Рано онъ вернется? Я его племянникъ.

Паскала отперла дверь, и Лазаро вошелъ въ переднюю, удивляясь, что не слышитъ голоса Клары.

— Ни рано, ни поздно, потому что онъ переѣхалъ,— отвѣтила служанка.

— Какъ?

— Да такъ, сегодня переѣхалъ. Я пока еще здѣсь, потому что остались кое-какія вещи и гардеробный шкафъ, а завтра и я уйду.

— Куда же онъ переѣхалъ?

— Здѣсь недалеко, въ улицу Беленъ, въ домъ однѣхъ сеньоръ, которыхъ называютъ Порреньо, онѣ отдали ему квартиру во второмъ этажѣ, тамъ онъ и будетъ жить.

— А Клара?—съ тревогою спросилъ Лазаро.

— Она ужъ недѣлю тому назадъ переѣхала къ этимъ сеньорамъ. Онъ отдалъ ее туда, потому что разсердился на нее.

— Что? Что такое вы говорите?

— Ахъ, да, вѣдь вы же племянникъ хозяина.

— Да.

— Вы арагонецъ. Скажите, не знаете ли вы въ Кариньенѣ Вентуро Паломино, брата Жозефа Паломино?

— Нѣтъ,—нетерпѣливо отвѣтилъ Лазаро,—я не изъ Кариньены.

— Не знаете ли вы, не родила ли жена Антона Талареса, брата моего жениха Паскала, съ которымъ я обвѣнчаюсь на будущей недѣлѣ, если Богъ поможетъ?

— Нѣтъ, я никого изъ нихъ не знаю. Но, скажите, зачѣмъ Клара переѣхала къ этимъ сеньорамъ?

— Ахъ, я вѣдь и забыла, что вы ея женихъ! — со смѣхомъ сказала Паскала. — Хозяинъ послалъ ее туда, потому что говорить, что не можетъ услѣдить за ней... хозяинъ, вѣдь, у насъ немножко того... Онъ говорилъ, что она такая же, какъ и всѣ нынѣшнія дѣвушки, и большая кокетка... Но она очень хорошая; я, право, ужъ и не знаю, какъ она не умерла съ тоски въ этомъ домѣ.

— И она съ удовольствіемъ ушла отсюда?

— Я думаю, что да... у хозяина все дѣла. Мы обѣ просто умирали со страху, когда онъ возвращался домой. Онъ никогда не говорилъ съ нами, а по ночамъ, когда мы ложились спать, онъ разговаривалъ самъ съ собой.

— Но зачѣмъ же онъ послалъ ее къ этимъ сеньорамъ?

— Ну, нечего дѣлать, я ужъ вамъ скажу всю правду, потому что вы свой. Одинъ разъ у насъ въ домѣ появился военный; онъ пришелъ съ хозяиномъ, когда того ранили на улицѣ. Потомъ онъ каждый день ходилъ мимо насъ и всегда, какъ только встрѣтитъ

меня, спрашиваетъ про донью Клариту. Ахъ, разъ мой Паскаль увидалъ меня, разговаривающую съ нимъ... а у моего Паскаля такой характеръ, что онъ порядкомъ намялъ бока мяснику, который живетъ напротивъ... Ну, и...

— Продолжайте, пожалуйста, вашъ рассказъ, а потомъ ужъ мы узнаемъ о характерѣ сеньора Паскаля,—нетерпѣливо перебилъ ее молодой человѣкъ.

— Ну, такъ вотъ я говорила, что военный предлагалъ мнѣ денегъ и хотѣлъ войти сюда.

— И вошелъ?..

— Подождите, я буду рассказывать. Онъ все стоялъ напротивъ, и нѣсколько разъ его видѣлъ хозяинъ, потому что хозяинъ только дѣлаетъ видъ, что ничего не видитъ, а онъ все примѣчаетъ.

— Ну, а что она говорила?

— Подождите... Онъ мнѣ говорилъ, что хочетъ войти.

— А что онъ о ней говорилъ?

— Онъ говорилъ, что она слишкомъ красива, чтобы сидѣть тутъ взаперти и никого не видѣть, что жалко смотрѣть на женщину, которая живетъ съ такимъ уродомъ. Онъ сказалъ: «Я ее освобожу отсюда».

— А она знала, что онъ это говорилъ?

— Да, онъ самъ ей это сказалъ.

— Значитъ онъ былъ здѣсь?—съ тревогой воскликнулъ Лазаро.

— Подождите...

— А что она говорила о немъ?

— Что онъ очень любезный и приличный кабальеро. Разъ онъ пришелъ къ намъ сюда. Господи, какъ мы испугались!

— Что же она сдѣлала?

— Сказала ему, чтобъ онъ уходилъ.

— И онъ ушелъ?

— Да, только онъ долго тутъ говорилъ.

— А что же она?

— Она просила его уйти, потому что онъ могъ ее скомпрометировать; она говорила, что если правда, что онъ интересуется ею, то пусть сейчасъ же уходитъ, пока его никто не видѣлъ.

— Что же онъ отвѣтилъ?— продолжалъ допрашивать Лазаро, не въ силахъ прійти въ себя отъ изумленія.

— Ахъ, много чего. Но только вернулся хозяинъ и увидалъ его. Онъ очень сердился и бранилъ насъ.

— Что же онъ ему сказалъ?

— Ничего, а насъ бранилъ цѣлый день. Потомъ онъ сказалъ доньѣ Кларитѣ, что она сумасшедшая, что ему надоѣло ея кокетство, и что онъ пошлетъ ее къ этимъ тремъ старухамъ, чтобъ онѣ ее исправили и научили хорошей жизни.

— Но почему же дядя назвалъ ее сумасшедшей? Что она сдѣлала?

— Ничего, только хозяинъ говоритъ, что нынѣшнія идеи... Что она должна привыкать къ молитвѣ и къ святой жизни.

— А этотъ военный не приходилъ сюда больше?

— Надняхъ я видѣла, что онъ прогуливается по улицѣ Беленъ, и я... думаю...

— Что вы думаете?

— Я думаю... этотъ военный очень ловкій малый... онъ навѣрное проникнетъ туда.

— А вы не знаете этихъ трехъ сеньоръ? — спросилъ Лазаро, чтобы скрыть тяжелое впечатлѣніе, произведенное на него послѣднимъ отвѣтомъ.

— Нѣтъ, хозяинъ говорилъ, что онѣ очень добры, и одна изъ нихъ совсѣмъ святая.

— Гдѣ онѣ живутъ?

— Въ улицѣ Беленъ, домъ № 4-й. Вашъ дядюшка переѣхалъ въ тотъ же домъ. Вы съ ними познакомитесь.

— Скажите,—проговорилъ Лазаро послѣ минутнаго раздумья, продолжать или окончить этотъ мучительный для него разговоръ,—скажите, этотъ военный—высокій молодой человѣкъ съ черными усами?

— Да, немножко повыше васъ; у него такой звонкій голосъ и такая красивая походка.

— Вы не знаете его фамиліи?

— Нѣтъ, сеньоръ; я хотѣла спросить, но мой Паскаль такъ ревнивъ, что я побоялась. Ахъ! что это за человѣкъ! Когда разсердится...

Лазаро съ минуту молча смотрѣлъ въ лицо этой женщины, потомъ переспросилъ номеръ новаго дома и ушелъ.

Его рѣшеніе итти къ дядѣ было теперь непоколебимо. Онъ чувствовалъ потребность разрѣшить поскорѣе свои сомнѣнія. Онъ не сомнѣвался, что военный, о которомъ рассказывала Паскала, и молодой человѣкъ, освободившій его, одно и то же лицо. Новая мучительная тайна! Онъ готовъ былъ отдать много дней жизни за то, чтобы узнать все, и въ то же время боялся узнать. Онъ изумлялся той роковой быстротѣ, съ которою на него обрушилось одна за другой столько непріятностей.

Онъ разыскалъ домъ и медленно поднялся по лѣстницѣ. Онъ уже проникся уваженіемъ къ тремъ сеньорамъ и считалъ ихъ примѣромъ добродѣтели. Онъ позвонилъ, и одна изъ нихъ отперла ему дверь. Обстановка передней съ историческими портретами и старинною мебелью поразила его. Ему стало страшно. Въ сопровожденіи доньи Маріи онъ прошелъ среди этихъ таинственныхъ тѣней въ залу.

XXI.

Инквизиція.

Когда Колетилья переѣхалъ на новую квартиру, онъ предупредилъ сеньоръ о томъ, что съ нимъ, быть можетъ, будетъ жить его племянникъ. Саломэ слегка задумалась, а Марія отвѣтила, что не видитъ въ этомъ ничего непристойнаго, если только молодой человекъ сумѣетъ относиться съ должнымъ уваженіемъ къ хозяйкамъ.

Первое, что бросилось въ глаза Лазаро, при входѣ въ залу, это Клара. Она сидѣла рядомъ съ ханжей, низко опутивъ голову надъ шитьемъ и не смѣя поднять глазъ. Онъ видѣлъ ея волненіе и стараніе скрыть его. Оглянувшись вокругъ, онъ увидалъ дядюшку, сидѣвшаго около Саломэ. Всѣ они сидѣли неподвижно, какъ статуи, и смотрѣли на него, исключая Клары; она такъ низко наклонила голову надъ работой, что было удивительно, какъ она не выцарапаетъ себѣ глаза иголкой.

Эліасъ глядѣлъ на Лазаро съ удивленіемъ, Марія съ удивленіемъ, Саломэ съ удивленіемъ, всѣ съ удивленіемъ, и онъ самъ даже началъ удивляться себѣ, какъ призраку племянника Колетильи. Саломэ унизаннымъ кольцами пальцемъ указала ему на стулъ, а Марія сказала величественнымъ и презрительнымъ тономъ:

— Садитесь, кабальеро.

Когда молодой человекъ произнесъ: «благодарю васъ, сеньора», въ звукъ его слабого голоса послышалось такое утомленіе и страданіе, что Клара не выдержала и съ горячимъ любопытствомъ подняла на него глаза. Она увидала его блѣдное, измученное лицо, поняла, сколько онъ долженъ былъ выстрадать за эти дни, и вынуждена была призвать на помощь все свое самообладаніе, чтобы не разрыдаться при всѣхъ.

— Этимъ сеньорамъ уже извѣстно, что ты сдѣлалъ, пріѣхавъ въ Мадридъ,—строго сказалъ Эліасъ племяннику.

Марія и Саломэ сдвинули брови, чтобъ никто не усомнился въ ихъ негодованіи. Лазаро ничего не отвѣтилъ; онъ умиралъ со стыда и въ эту минуту считалъ этихъ сеньоръ достойнѣйшими орудіями правосудія.

— Ты помнишь, что я сказалъ тебѣ въ тюрьмѣ?

— Да, сеньоръ, помню.

— Теперь я живу здѣсь, въ домѣ этихъ сеньоръ, онѣ предложили пріютъ мнѣ и Кларѣ.

— Только ради васъ, донъ Эліасъ,—сказала Саломэ.

— Я знаю, только ради меня. Но я,—продолжалъ старикъ, обращаясь къ Лазаро,—звалъ тебя, когда жилъ въ другомъ домѣ, теперь же не рѣшаюсь принять тебя, потому что...

— Донъ Эліасъ, вы можете располагать верхомъ по вашему усмотрѣнію,—перебила его Марія.—Вы знаете наши условія. Мы дѣлаемъ это только ради васъ.

— Я не могу позволить этому юношѣ остаться въ этомъ домѣ,—пояснилъ онъ, выразивъ низкимъ поклономъ свою благодарность.—Его поведеніе такъ скандально, что я не рѣшаюсь...

— Нѣтъ ошибки, отъ которой нельзя было бы исправиться,—сказала Саломэ, окидывая такимъ покровительственнымъ взглядомъ несчастнаго Лазаро, что слова эти показались ему верхомъ великодушія.

— Дѣйствительно,—согласилась донья Марія,—есть такія огромныя ошибки, что сама ихъ громадность требуетъ снисхожденія. Я думаю, что этотъ кабальеро долженъ остаться съ нами, донъ Эліасъ, иначе, что съ нимъ станется?

Эліасъ показалъ жестомъ, что понялъ ее.

— Что станется съ нимъ безъ покровительства и поддержки?—продолжала она.—Безъ поддержки такой достойной и великодушной личности, какъ вы, что станется съ этимъ кабальеро, въ сердцѣ котораго пустили корни всѣ сѣмена нынѣшнихъ вредныхъ идей?

— Я думаю, что еще не поздно, потому что хотя на этой дурной почвѣ и выросли плевелы, но хорошей системой воспитанія ихъ еще можно выдернуть съ корнемъ и улучшить почву,—сказала Саломэ, питавшая пристрастіе къ аллегоріямъ еще со временъ мадригаловъ.

— Что ты думаешь объ этомъ, Паула?—спросила племянницу донья Марія.

— Она святая и скажетъ, какъ надо поступить!—воскликнулъ Эліасъ.

Въ то время, какъ всѣ ждали ея мнѣнія, ханжа не сводила глазъ съ лица студента, какъ будто хотѣла прочесть на немъ его преступленіе. Выраженіемъ ласковаго сожалѣнія и наивнаго восторга блестяли глаза доньи Паулиты. Когда ее окликнули, она вспомнила свою миссію, приподняла брови и сказала:

— О, къ чему совѣтоваться со мною? Какой христіанинъ можетъ задавать вопросъ, слѣдуетъ ли прощать согрѣшившаго? Простить! Чѣмъ больше грѣхъ, тѣмъ больше потребности въ прощеніи и забвеніи.

Марія и Саломэ поочереды взглянули на Эліаса, желая прочесть на его лицѣ восхищеніе этою снисходительностью.

— Зачѣмъ вы меня объ этомъ спрашиваете?—продолжала Паулита.—Укажите мнѣ грѣшниковъ, и я прощу всѣхъ ихъ. И вы можете лишиться себя радости прощенія? Я говорю вамъ, чтобъ вы не только простили его, но и полюбили такъ, какъ будто онъ никогда не грѣшилъ. Вспомните о блудномъ сынѣ. Сегодня радост-

ный день въ этомъ домѣ, потому что вернулся тотъ, кого считали погибшимъ. Я сейчасъ буду благодарить Господа за то, что Онъ послалъ мнѣ радость принять въ мой домъ грѣшника и сказать ему: «Встань и больше не грѣши».

Ея голосъ дышалъ искренностью и глубокимъ убѣжденіемъ. Душа грѣшника преисполнилась благодарности. Клара не сумѣла бы говорить такъ краснорѣчиво, но мысленно повторяла то же самое.

Окончивъ свою проповѣдь, ханжа улыбнулась. Улыбка на ея губахъ была такою рѣдкостью, что въ другое время она изумила бы всѣхъ, но теперь всѣ были слишкомъ озабочены, чтобъ обратить на нее вниманіе. Ее замѣтилъ только Лазаро. Онъ почувствовалъ, какая огромная тяжесть спала съ его души, и вздохнулъ, съ облегченіемъ.

Эліасъ обратился къ племяннику со словами:

— Принимая во вниманіе вдохновенное рѣшеніе этой святой, а это святая, Лазаро, пойми, это хорошенько, ты останешься со мною въ качествѣ испытываемаго.

— Я не допускаю испытаній; нужно полное прощеніе,—сказала Паулита.

— Хорошо, я прощаю, но буду слѣдить за нимъ.

Глядя на строгую осанку обѣихъ сенъоръ и дяди, Лазаро почувствовалъ какой-то нравственный гнетъ въ этомъ домѣ. Онъ замѣтилъ, что Клара сидѣла въ сторонѣ, не поднимая глазъ и не произнося ни слова. И каждый разъ, когда онъ взглядывалъ на нее, онъ встрѣчался съ пристальнымъ взоромъ ханжи.

Марія и Саломэ церемонно сидѣли посреди залы; направо отъ нихъ Эліасъ, а передъ ними Лазаро, въ позѣ преступника. За старухами въ углу сидѣли Клара и ханжа, подлѣ небольшого стола, на которомъ горѣла лампа, слабо освѣщавшая эту группу. Свѣтъ лампы падалъ прямо въ лицо молодому человѣку, Клара же и Паулита оставались въ тѣни. Старухи не могли видѣть сидѣвшихъ у нихъ за спиною, но Лазаро замѣтилъ, съ какимъ страннымъ, пытливымъ выраженіемъ смотрѣли на него черные, блестящіе глаза святой, и спрашивалъ себя, что такого особеннаго въ его лицѣ, что можетъ возбуждать такое любопытство этой сенъоры.

Эліасъ счелъ долгомъ разсыпаться въ любезностяхъ.

— Право, я не знаю, какъ и благодарить васъ, сенъоры, за такую доброту,—сказалъ онъ.—Я не знаю, чему я обязанъ тѣмъ, что вы относитесь такъ милостиво и осыпаете благодареніями такого незначительнаго человѣка, какъ я. Что я сдѣлалъ? Кто я такой? Ахъ, вы сама доброта и благородство. Какъ видны хорошее происхожденіе и аристократическая кровь! Вы отстраняете отъ меня все горе моей жизни. Ну, что случилось бы съ этою бѣдною дѣвочкой безъ вашего покровительства при теперешнихъ идеяхъ, пустившихъ такіе глубокие корни въ ея сердца?

Ханжа отвела глаза отъ Лазаро и произнесла:

— Не браните ее больше, она уже достаточно страдала.

Лазаро видѣлъ, какъ вздрогнула и покрасѣла Клара.

— Не браните ее больше, ее уже достаточно бранили, — прибавила снисходительно Паулита. — Я отвѣчаю за нее. Я знаю, что у нея доброе сердце, хотя и зараженное нынѣшними предрасудками. Но что значать даже самыя серіозныя ошибки, когда за ними слѣдуетъ раскаяніе!

Лазаро замѣтилъ, что Клара сдѣлала движеніе, какъ будто желая оправдаться; но онъ не зналъ, какой пыткой подвергалась въ эту минуту душа дѣвушки, и сколько нужно было самообладанія, чтобъ не выйти изъ терпѣнія.

— Я знаю, что она исправится, — продолжала ханжа. — Великія грѣшницы дѣлались святыми. Ободритесь, другъ мой. Видя передъ собою Бога, можно ли чего нибудь бояться? Я знаю, какъ излѣчиваются нравственные недуги. Простимъ и ее также, я ручаюсь за ея исправленіе.

Эти слова страшно смутили Лазаро. Что сдѣлала Клара? Онъ былъ почти готовъ встать, подойти къ ней и спросить ее объ этомъ. Онъ увидалъ, что она плачетъ, и взглянулъ на пергаментныя лица окружающихъ, желая прочесть на нихъ разрѣшеніе этой тайны; но никто не открылъ ему проступка дѣвушки, только черныя глаза ханжи съ пытливою тревогой упорно смотрѣли на него изъ темнаго угла залы.

XXXII.

Таинственное явленіе.

— Я сегодня не молилась, — сказала Кларѣ Паулита на другой день послѣ водворенія Лазаро въ ихъ домъ.

Онѣ сидѣли на своемъ обычномъ мѣстѣ. На колѣняхъ у доньи Паулиты лежала книга объ Іоаннѣ Крестителѣ. Клара вышивала за маленькимъ столикомъ. Лицо ея было спокойно и грустно, лицо же ея собесѣдницы противъ обыкновенія казалось встревоженнымъ.

Внимательный наблюдатель замѣтилъ бы, что она не разъ поднимала глаза отъ книги, пристально вглядываясь въ Клару, смотрѣла на дверь и, наконецъ, просто въ пространство. То вдругъ, какъ бы кого-то ожидая, она вставала, подходила къ двери, прислушивалась, снова садилась, снова смотрѣла на Клару, потомъ опускала глаза на книгу и не читала.

— Клара, — сказала она въ раздумьѣ, — знаешь ли, мнѣ кажется, что комната, куда помѣстили племянника дона Эліаса, немножко узка.

— Узка?—спросила Клара съ напускнымъ равнодушіемъ. — Нѣтъ, для одного человѣка...

— Ахъ, какъ развращается нынѣшняя молодежь! — вздохнула ханжа.—Этотъ молодой человѣкъ кажется такимъ порядочнымъ... Не правда ли?

— Да.

— Ты съ нимъ была знакома раньше?

Клара рѣшилась солгать. Ей было стыдно сдѣлать это, но при существующихъ обстоятельствахъ и въ этомъ домѣ ей было не только стыдно сказать правду, но даже страшно. Поэтому она произнесла:

— Я? Нѣтъ...

— Такъ жаль, что развращаются подобные молодые люди. Но найдутся добрыя души, которыя за нихъ помолятся и помогутъ имъ выйти на путь истины. Не правда ли?

— Правда.

— А когда дѣло идетъ о такомъ молодомъ человѣкѣ, то это легко. Ахъ, но вѣдь вы мнѣ говорили, что были въ той деревнѣ, откуда онъ родомъ. Развѣ его тогда тамъ не было?

— Нѣтъ, его не было.

— А что тамъ о немъ говорили?—спросила Паулита, открывая Жизнь Іоанна Крестителя.

— Что говорили?—переспросила Клара, низко опуская голову надъ работой.—Говорили, что это очень великодушный, очень добрый и очень талантливый молодой человѣкъ.

— Да, сейчасъ видно, что это юноша съ хорошими задатками. У него есть родители?

— Есть мать,—отвѣтила Клара,—очень ласковая, добрая и набожная женщина.

— Да она такую и должна быть,—рѣшила Паулита, перелистывая книгу.—Она представляется мнѣ превосходною женщиной.

— Такая она и есть.

— Этотъ юноша вполне заслуживаетъ покровительства. Когда душа хороша... Кто не грѣшилъ?..

Тутъ она приподняла брови, дѣлая надъ собой усиліе понять хоть строчку, но это ей не удалось, и она спросила:

— У него нѣтъ сестры?

— Нѣтъ, сеньора.

— Охъ,—воскликнула Паулита, закрывая книгу,—я забыла о молитвѣ. Сестра, вы отвлекли меня вашимъ разговоромъ. Пойдемте, помолимся.

Но вмѣсто того, чтобы взять молитвенникъ, она взяла житіе святой Терезы и машинально открыла его. Клара стала читать молитвы, но Паулита вмѣсто «Отче нашъ» читала «Богородицу», запинаясь на каждомъ словѣ.

— Ахъ, что у меня за голова! — проговорила она, останавливаясь. — Это вы меня отвлекли разговоромъ. Будемъ продолжать.

Но тутъ ханжа впала въ такую глубокую задумчивость, сидѣла такъ неподвижно и въ такомъ напряженномъ состояніи, что Клара испугалась и дернула ее за рукавъ.

— Вы не умѣете молиться по молитвеннику, — съ живостью сказала ей Паулига, приходя въ себя. — Дайте мнѣ его.

Она вырвала молитвенникъ изъ рукъ Клары и стала читать, но вдругъ лицо ея озарилось такою нѣжною, мечтательною улыбкой, какой, конечно, никто еще никогда на немъ не видалъ. Клара была изумлена, но не приписала этому особаго значенія.

Паула произнесла «Господи, помилуй» установленное число разъ, но вмѣсто того, чтобъ перейти къ «Отче нашъ», она продолжала говорить «Господи, помилуй» такъ быстро, что не дождалась, пока Клара окончитъ «Богородицу». Клара торопилась, чтобы не отстать отъ нея, и въ общемъ получалось такое впечатлѣніе, какъ будто онѣ тараторили наперегонки. Наконецъ онѣ обѣ очень устали. Паулигѣ необходимо было вдохнуть въ себя свѣжаго воздуха; она открыла балконъ и выглянула на улицу. Клара не могла понять всю необъятность этого проступка.

— Ахъ, я открыла балконъ! Я открыла балконъ! — въ отчаяніи воскликнула святая.

И она закрыла его съ поспѣшностью монахини, нечаянно открывшей дверь исповѣдальни.

— Сестра, знаете, я рѣшила не поститься завтра, — сказала она потомъ.

— И прекрасно сдѣлали, вы и такъ святая, а постъ вреденъ.

— Ты права, Кларита. Я думаю, что то, что я теперь чувствую, происходитъ отъ излишняго изнуренія. Правду говорилъ радге Сильвестро, что преувеличенная набожность предосудительна, потому что убиваетъ тѣло, безъ котораго душа не можетъ быть сильною.

— Но что съ вами? — спросила Клара съ легкимъ испугомъ.

— Мнѣ нехорошо, — отвѣтила она, закрывая глаза, какъ будто они у нея болѣли или устали. — Я чувствую внутренней жаръ... и волненіе... но это отъ поста, сестра, отъ поста.

— Значитъ, вамъ надо отдохнуть нѣсколько дней.

— Да, я такъ и сдѣлаю; на эту недѣлю я сокращу часы молитвы утромъ и вечеромъ.

— Конечно, развѣ недостаточно молиться одинъ разъ? Вѣдь вы и безъ того святая.

— Вы думаете, что достаточно одного раза?

— Да; и вамъ надо постараться поправиться.

— Какъ вы сказали, Кларита? Поправиться! Я вижу, что вы умѣете давать хорошіе совѣты.

— Поправиться, да... Немножко разсѣяться... Выходить...

— Выходить!—воскликнула Паула съ такимъ испугомъ, что Клара раскаялась въ своемъ совѣтѣ.—Выходите! Куда?

— То-есть... я хочу сказать... что вы должны пользоваться... Ну, словомъ, когда долгое время сидишь дома, то здоровье разстраивается, и тогда очень полезно... немножко выходить...

— Клара, знаете ли, что вашъ совѣтъ очень уменъ? — произнесла Паулига такимъ тономъ, какъ будто сдѣлала великое открытіе. — Я не думала... Это правда. Почему это можетъ быть дурно? Я теперь чувствую потребность... выходить, гулять, дышать... Да, это необходимо.

Она была страшно взволнована. Казалось, что въ ея умѣ и организмѣ совершается важный кризисъ, что въ этотъ день она потеряла пылъ набожности, сжигавшій ее съ ранняго дѣтства.

— Вы должны заботиться о себѣ, должны жить, — сказала Клара.

— Да, я должна заботиться о себѣ, должна жить, — проговорила Паула, какъ бы рѣшая задачу, надъ которою тщетно трудилась всю жизнь.—Я должна жить!

XXIII.

Защитница.

Благодаря искусству доньи Маріи, въ комнаткѣ наверху удалось поставить двѣ кровати. На одной изъ нихъ только что легъ Лазаро, стараясь укрѣпить свои упавшія силы. Его дядя сидѣлъ на стулѣ подлѣ своей кровати; онъ перелистывалъ какія-то бумаги, прочитывалъ ихъ и дѣлалъ помѣтки.

Вдругъ старикъ обернулся и взглянулъ на племянника, который не могъ отдѣлаться отъ нѣкотораго страха, когда на него устремились эти узкіе глазки. Эліасъ какъ будто хотѣлъ сказать молодому человѣку что-то важное, но не рѣшался, не довѣряя его скромности. Съ тѣхъ поръ, какъ они жили вмѣстѣ, дядя и племянникъ еще не говорили о политикѣ. Фанатикъ не считалъ Лазаро способнымъ раздѣлить его взгляды, а крайній либераль вынужденъ былъ подумать о столькихъ вещахъ, что отложилъ этотъ вопросъ на второй планъ.

Уступая усталости, Лазаро медленно засыпалъ, когда старикъ произнесъ громко:

— Лазаро, ты спишь?

— Что?—спросилъ онъ встрепенувшись.

— Я хочу спросить тебя одну вещь. Ты знаешь въ Сарагоссѣ либерала Бернабэ дель-Арко?

— Да, сеньоръ,—отвѣтилъ Лазаро, дѣйствительно знавшій и уважавшій этого писателя и оратора.

— Онъ изъ крайнихъ?—презрительнымъ тономъ спросилъ фанатикъ.

— Да, сеньоръ, онъ изъ тѣхъ, что поддерживаютъ новѣйшія идеи,—отвѣтилъ Лазаро и испугался.

— Онъ перешелъ въ лучшую жизнь.

— Какъ? Онъ умеръ?

— Его убили,—сказалъ Эліасъ съ ледянымъ равнодушіемъ.— Видишь, какая судьба ожидаетъ экзальтированныхъ безумцевъ? Такъ наказываетъ народъ тѣхъ, кто его обманываетъ. О, это участь всѣхъ ораторовъ!

Племянникъ молчалъ. Дядя снова занялся чтеніемъ, но не прошло и четверти часа, какъ онъ крикнулъ уже крѣпко спавшему молодому человѣку:

— Проснись, Лазаро!

Онъ вскочилъ, какъ шальной. Этотъ старикъ лишалъ его даже спокойныхъ часовъ отдыха.

— Ты знаешь здѣсь молодого человѣка, по имени Альфонзо Нуньесъ, и другого—Роберто, извѣстнаго подъ прозвищемъ Доктрино?

— Да, сеньоръ,—отвѣтилъ Лазаро и въ страхѣ ждалъ, что услышитъ о смерти обоихъ этихъ друзей.

— Хорошіе ребята, а?—съ ѣдкимъ смѣхомъ спросилъ Эліасъ.

Племянникъ не отвѣтилъ и только мысленно поручилъ Богу душу усопшихъ.

— У меня есть планъ, — съ удовольствіемъ проговорилъ фанатикъ,—великолѣпный планъ. Ты можешь выполнить его, Лазаро, но ты такъ глупъ, что ничего не поймешь. Такъ это славные ребята, а? Ну... очень крайніе, любятъ возбуждать народъ, говорить рѣчи... словомъ, какъ ты.

Лазаро еще больше испугался и еще меньше понималъ.

— Это ловкіе молодцы. Еслибъ ты зналъ, какъ они полезны! Приверженцы свободы, ораторы, энтузіасты... Ахъ, этихъ я не боюсь... Они это хорошо сдѣлаютъ. Великолѣпный планъ!

Затѣмъ, какъ бы спохватившись, что сказалъ лишнее, онъ отвернулся отъ племянника, пробурчалъ что-то и снова началъ перелистывать бумаги, не переставая жестикулировать, какъ бы разговаривая съ кѣмъ-то невидимымъ.

Лазаро долго смотрѣлъ на неподвижное лицо фанатика, освѣщенное свѣчею. Его уши были почти прозрачны, глаза сверкали, какъ раскаленные уголья, и лысая голова блестѣла, какъ зеркало. Странные старинные предметы, стоявшіе по стѣнамъ, эти готическіе стулья, пережившіе пять поколѣній, эти шкафы съ фигурами наводили страхъ на студента.

Закрывъ глаза и поддаваясь дремотѣ, Лазаро не переставалъ

видѣть передъ собою дядюшку и окружавшіе его предметы. Кромѣ того, предъ нимъ скользили мрачныя фигуры сеньоръ Порреньясъ; онѣ все росли, росли, какъ тучи, и занимали собой все пространство. Онъ слышалъ монашескій голосъ Паулиты, видѣлъ прозрачно-красныя уши Эліаса, его обнаженный черепъ. Въ концѣ концовъ всѣ эти туманные образы смѣнились опредѣленнымъ обликомъ Клары; онъ видѣлъ ее такою, какою она подняла голову отъ работы, чтобы взглянуть на него. И въ то же время ему казалось, что онъ слышитъ мрачный, подземный голосъ: «Лазаро, ты спишь? Проснись, Лазаро!».

Подъ утро онъ уснулъ крѣпче. Проснувшись онъ долго не могъ понять, гдѣ онъ, и что съ нимъ случилось. Дяди не было въ комнатѣ. Лазаро всталъ и одѣлся; онъ не зналъ, который часъ, но желудокъ подсказывалъ ему, что пора завтракать. Онъ отворилъ дверь и заглянулъ въ коридоръ. Первое, что онъ увидѣлъ, была донья Паулита, медленно поднимавшаяся по лѣстницѣ.

— Вы отдохнули? — спросила она его менѣе гнусавымъ голосомъ, чѣмъ обыкновенно.

— Да, сеньора; благодарю васъ.

— Не надо ли вамъ чегонибудь?

— Нѣтъ, сеньора.

— Вы, вѣроятно, хотите кушать? Мы завтракаемъ въ семь часовъ, а теперь уже восемь. Моя тетя очень любитъ порядокъ; она сказала, что если въ семь часовъ васъ нѣтъ за столомъ, то вы останетесь безъ завтрака. Это необходимая дисциплина; вѣдь вы знаете, что безъ дисциплины не можетъ быть порядка. Теперь вамъ придется поголодать до двухъ часовъ.

— Это ничего, сеньора, я...

— Но не бойтесь,—сказала Паулита, понижая голосъ и оглядываясь.—Я знаю, что вы ослабѣли, и вамъ необходимо подкрѣпиться. Не выходите изъ вашей комнаты.

Сказавъ это, она быстро спустилась съ лѣстницы, стараясь, чтобы ея не замѣтили. Молодой человекъ почувствовалъ еще больший приливъ благодарности къ своей вчерашней защитницѣ. Вскорѣ она вернулась съ небольшимъ завтракомъ.

— Моя сестра была бы мною очень недовольна,—сказала она,—но не говорите ей ничего. Я дѣлаю это для васъ, потому что понимаю, что въ слабомъ тѣлѣ не можетъ быть крѣпкаго духа.

— Сеньора, я не знаю, какъ и благодарить васъ за все,—смущенно отвѣтилъ Лазаро.

Въ то время, какъ Лазаро спалъ, въ столовой въ семь часовъ утра рѣшался серьезный вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли позвать его завтракать. Марія говорила, что нѣтъ, Саломэ колебалась, а святая утверждала, что слѣдуетъ. Напрасно Паулита сыпала теологическими и нравственными цитатами; ея слова были выслушаны

съ уваженіемъ, но не произвели впечатлѣнія. Эліасъ разрѣшилъ вопросъ, сказавъ, что его племянникъ не только либералъ, но еще и лѣнтяй, и что нечего надѣяться сдѣлать изъ него порядочнаго человѣка.

Между тѣмъ на верху Лазаро ѣлъ съ большимъ аппетитомъ въ то время, какъ Паула осыпала его тысячами вопросовъ, на которые онъ отвѣчалъ такъ любезно, какъ только позволялъ ему голодь.

— Вы думали, что останетесь сегодня безъ завтрака? — спрашивала его донья Паулига.

— Ахъ, нѣтъ, сеньора.

— Я не забыла, что вы голодны.

— Благодарю васъ, сеньора.

— Но вы этого не предполагали,—продолжала Паулига, желая выяснитъ этотъ вопросъ.

— Нѣтъ, сеньора, никакъ... но я... да... я...

— И вашъ дядюшка не хотѣлъ, чтобъ вамъ дали позавтракать.

— Ахъ, мой дядюшка, это... Нѣтъ, онъ прекрасный человѣкъ.

— О, да,—согласилась ханжа, поднимая взоръ къ небу, — это примѣрный человѣкъ, это святой.

— Да, да, святой.

Лазаро, какъ новичекъ въ этомъ домѣ, не имѣлъ еще случая узнать характеръ сеньоры, сидѣвшей передъ нимъ, когда онъ завтракалъ. Онъ не зналъ, что никогда еще ея красивые глаза такъ не блестяли, никогда еще ея монашескій голосъ не звучалъ такъ мелодично, какъ въ ту минуту, когда она говорила:

— Вы думали, что останетесь сегодня безъ завтрака? Здѣсь не допустятъ, чтобъ вамъ причинили какой нибудь вредъ, — сказала она тономъ важнаго открытія.—Не бойтесь, если вы согрѣшили.

— Согрѣшилъ?—съ грустью переспросилъ Лазаро.

— Но вѣдь говорятъ, что вы великій грѣшникъ?

— Я великій грѣшникъ, сеньора?

— Можетъ быть, и не такой большой, какъ говорятъ,—сказала она съ улыбкой свѣтской женщины.

— Вы правы, не такой большой, какъ говорятъ. И если ужъ на то пошло, то я, сеньора...

— Кончайте, кончайте!

— Я не знаю, какой грѣхъ я совершилъ. Правда, я грѣшилъ, я не могу этого отрицать...

— Ну, ну? Какіе же грѣхи?—съ любопытствомъ спросила она.

— Я разумѣю нѣкоторыя крайности молодости. Молодымъ людямъ всегда грозитъ опасность, и если они одни..

— Вы правы. Расскажите мнѣ все. Я хочу, чтобъ вы исправились. Можетъ быть, грѣхъ гораздо менѣе важенъ, чѣмъ вы сами

это думаете. Можетъ быть, это не болѣе, какъ легкомысліе... Разскажите мнѣ, я вамъ дамъ совѣтъ... Разскажите.

Лазаро съ минуту колебался, затѣмъ открылъ ротъ, чтобы отвѣтить или извиниться, когда Эліасъ показался въ дверяхъ. Ханжа слегка сконфузилась, но вскорѣ оправилась. Роялисъ былъ очень удивленъ, увидя здѣсь эту сеньору и замѣтивъ на столѣ остатки завтрака.

— Войдите, донъ Эліасъ, войдите,—сказала она своимъ обычнымъ тономъ.—Я умоляю здѣсь вашего племянника именемъ Бога не огорчать васъ больше. О, онъ уже раскаивается въ заблужденіяхъ молодости. Что же удивительнаго, если молодость, представленная самой себѣ, грѣшитъ, идя окольными путями. Я проповѣдую ему воздержаніе и благоразуміе... Но васъ удивляетъ, что я принесла ему поѣсть? Каюсь, это моя вина; я не могла удержаться отъ порыва состраданія. Я совершила слабость, я не рождена для суровости и сознаю, что не настолько сильна, чтобы поддерживать дисциплину. Если я согрѣшила, то простите.

Съ минуту Эліасъ не зналъ, что отвѣтить. Онъ былъ высокаго мнѣнія о святости этой сеньоры, и ея поступокъ казался ему верховъ милосердія.

— Какъ вы добры, сеньора!—воскликнулъ онъ.

— Это не доброта, это слабость. Я знаю, что поступаю дурно.

— Вы святая, сеньора! Хоть онъ и не стоитъ того, что вы сдѣлали, но это служить лишь подтвержденіемъ вашихъ добродѣтелей.

— О, сознаю, что я должна была слѣдовать вашимъ предписаніямъ, но я не въ силахъ была побѣдить порыва снисходительности. О, еслибъ можно было всегда одерживать надъ собой побѣду...

— Смотри и учись,—обратился Эліасъ къ племяннику.—Смотри на эту святую; учись благородству, великодушію добродѣтели.

— Нѣтъ, пусть онъ не беретъ въ примѣръ эту грѣшницу,—возразила она опуская глаза.

— Учись, Лазаро!—въ экстазѣ воскликнулъ фанатикъ.—Передъ тобою сама добродѣтель.

Святая низко поклонилась и ушла, оставивъ дядю наединѣ съ племянникомъ.

XXIV.

Диссиденты «Золотого Фонтана».

Въ этотъ день Лазаро тайкомъ, какъ воръ, нѣсколько разъ спускался и поднимался по лѣстницѣ, въ надеждѣ увидѣть Клару, но напрасно. Онъ думалъ, что увидитъ ее за обѣдомъ, но ея не было.

Ровно въ два часа накрыли на столъ. Столъ былъ на двѣнадцать персонъ. Донья Марія сѣла у одного края его, направо отъ нея Саломэ, налѣво Эліасъ, а рядомъ съ Саломэ Паулита. Молодого человѣка посадили у противоположнаго края стола, такъ что ему приходилось вытягивать руки во всю длину, чтобы получить свою порцію. За обѣдомъ, далеко не отличавшимся изобиліемъ, всѣ молчали, только Эліасъ сказалъ нѣсколько фразъ по поводу слишкомъ роскошныхъ, по его мнѣнію, блюдъ.

Затѣмъ была прочитана краткая молитва, и сеньоры ушли къ себѣ. Донья Марія имѣла привычку уснуть послѣ обѣда и уже за молитвой клевала носомъ. Лазаро въ полномъ отчаяніи поднялся наверхъ. Потомъ онъ опять спустился и заглянулъ въ коридоръ, но Клары нигдѣ не было. Всѣ двери были заперты, невозмутимая тишина царила въ домѣ. Только меланхолическій Башило лѣниво ходилъ по столовой, царапая время отъ времени лапой дверку буфета, гдѣ очевидно хранилось мясо, оставшееся отъ обѣда.

Онъ вернулся къ себѣ въ комнату. Дядюшка дремалъ въ креслѣ. Лазаро, поддавшись общему сонливому настроенію въ домѣ, легъ на кровать. Не прошло и десяти минутъ, какъ послышался внизу громкій звонокъ, а затѣмъ голосъ Саломэ и чей-то знакомый мужской голосъ. Онъ всталъ и вышелъ на лѣстницу.

Это его искали четверо молодыхъ людей, и сеньора не особенно любезно указала имъ на мезонинъ. Тутъ былъ пріятель Лазаро Альфонзо и Доктрино, въ компаніи двухъ другихъ студентовъ, которыхъ Лазаро никогда не видалъ. Когда они поднялись наверхъ, Колетилья проснулся и быстро подошелъ къ двери.

— Ахъ, это вы!..—воскликнулъ онъ, но, внезапно мѣняя тонъ, прибавилъ съ дѣланнымъ равнодушіемъ:—что вамъ угодно?

Лазаро стоялъ спиной къ дядѣ и не видалъ, какъ тотъ приложилъ палецъ ко рту и сдѣлалъ незамѣтный знакъ Доктрино. Затѣмъ онъ сказалъ, стараясь быть любезнымъ:

— Я понимаю: вы пришли за моимъ племянникомъ.

Молодой студентъ задрожалъ при мысли о томъ, какъ разсердится его покровитель, увидя его въ компаніи этихъ крайнихъ либераловъ.

— За мной?—спросилъ онъ, пожимая руку своего друга.

— Да,—отвѣтилъ Доктрино, понявъ, что онъ долженъ дѣлать.

— Да, мы пришли за тобой,—сказалъ ему Альфонзо. — Сегодня вечеромъ назначено собраніе диссидентовъ «Золотого Фонтана», и мы хотимъ, чтобъ ты пошелъ туда съ нами.

Лазаро думалъ, что дядюшка взбѣсится, услышавъ разговоръ о собраніи фонтанщиковъ, но противъ ожиданія увидалъ, что лицо его выражаетъ полнѣйшее спокойствіе. Ему и въ голову не пришло, что между этими молодыми людьми и его дядюшкой могутъ быть какія нибудь отношенія.

— Да, конечно, иди,—сказаль Эліась.

Лазаро еще сильнѣе смутился, но, прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, Альфонзо взялъ его подъ руку, и вскорѣ они очутились на улицѣ.

Одинъ изъ неизвѣстныхъ Лазаро молодыхъ людей былъ изъ числа завсегдатаевъ цырюльни Кальехи. Этотъ андалузецъ, по имени Франциско Альдама, былъ крайній фонтанщикъ, человекъ совершенно необразованный, дерзкій и глупый. Его считали за большого патриота.

Другой не имѣлъ ничего общаго съ первымъ. Его склонность къ литературѣ послужила ему къ сближенію съ классическимъ поэтомъ, жившимъ въ мансардѣ полубогини доньи Леончіи. Здѣсь онъ познакомился съ Альфонзо Нуньесомъ и завязаль съ нимъ дружбу. Вскорѣ онъ измѣнилъ музамъ для политики, писалъ въ «Universal» и «Labrigo», посѣщаль клубы и примкнулъ къ партіи крайнихъ.

Это былъ человекъ талантливый, одаренный даромъ оратора и журналиста, но мало образованный и до крайности легкомысленный. Онъ посѣщаль цырюльню Кальехи и клубъ «Мальтійскаго креста»; но въ послѣднее время ходили слухи о томъ, что онъ принадлежитъ къ тайному обществу заговорщиковъ, хотя это онъ и отрицаль; по крайней мѣрѣ, «Фонтанъ» подозрѣваль его въ этомъ. Говорили, что онъ одинъ изъ бунтовщиковъ, подкупленныхъ правительствомъ. Однажды вечеромъ, видя, что къ нему относятся съ недовѣріемъ и даже подпускають прозрачные намеки, онъ вынужденъ былъ уйти изъ «Фонтана». Его звали Кабанильясь.

— Знаешь, а вѣдь мы поссорились съ фонтанщиками? — сказалъ Нуньесъ Лазаро.—Послѣднія пренія заставили насъ порвать съ этою дрянью. Мы возмущены, насъ хотѣли обвинить такъ же, какъ и тебя, но мы поспорили и ушли. Мы должны основать другой клубъ.

— Меня оклеветали,—воскликнулъ Лазаро.—Я не знаю, какой чортъ дернулъ меня говорить въ тотъ вечеръ.

— Да они просто съ ума сошли. Они вообразили, что, кромѣ нихъ, нѣтъ либераловъ,—сказаль Нуньесъ.—А насъ, проповѣдующихъ истинную и полную свободу, они называютъ крайними, бунтовщиками и говорятъ, что мы подкуплены.

— Вотъ мы съ ними посчитались!—воскликнулъ Доктрино.

— Такъ слушай, — продолжалъ Альфонзо, — мы хотимъ основать другой клубъ, настоящій революціонный клубъ. Пусть эти дураки фонтанщики проповѣдуютъ порядокъ! Мы будемъ проповѣдывать силу, потому что безъ силы не можетъ быть революція; не отстранивъ препятствій и не вырвавъ ихъ съ корнемъ, нельзя передѣлать этотъ народъ. Мы будемъ проповѣдывать демократію

сверженіе высшей власти и въ великомъ готовящемся переворотѣ вырвемъ съ корнемъ тѣхъ, которые мѣшаютъ. Ты придешь въ нашъ клубъ?

— Посмотримъ,—озабоченно отвѣтилъ Лазаро.

— Наша идея,—продолжалъ Альфонзо,—побѣдить этихъ республиканцевъ, которые ходятъ въ кортесы и въ клубы, чтобы проповѣдывать порядокъ и умѣренность. Конецъ этимъ негодяямъ и лицемѣрамъ!

— Да,—сказалъ Франциско,—потому что, если дать власть этимъ дуракамъ, то останешься позади, а теперь не такія времена, чтобъ оставаться позади.

Тутъ они дошли до улицы Горгуэро и до дома доньи Леончіи. Они поднялись въ квартиру поэта, которая была избрана мѣстомъ обсуждения проекта новаго клуба, окрещеннаго молодыми людьми «Фонтанчикомъ».

Они размѣстились, какъ могли, на трехъ стульяхъ и на кровати поэта, пропадавшаго въ это время въ апартаментѣхъ доньи Леончіи и не особенно интересовавшагося политическими дѣлами. Франциско подсѣлъ къ столу и сразу выказалъ бытшое пристрастіе къ бутылкѣ, поставленной тутъ предусмотрительнымъ поэтомъ.

— Ну,—сказалъ Альфонзо,—что мы сдѣлаемъ съ этими оклеветавшими насъ либералами, утверждающими, что мы тайные агенты правительства?

— Надо убѣдить ихъ доводами, — сказалъ Лазаро, — доказать имъ, что мы не агенты правительства. Но въ чемъ разнятся ихъ идеи съ нашими? Развѣ они не либералы? Развѣ они не стоятъ за конституцію?

— Они стоятъ за нее, но на половину,—отвѣтилъ Доктрино,—потому что не признаютъ истиннаго орудія революціи—разрушенія.

— Довольно ужъ разрушали, — возразилъ Лазаро. — Постараемся по возможности принести хоть по одному камню для закладки ожидающагося великаго зданія.

— И я это говорилъ, — подтвердилъ Франциско, рѣшаясь послѣ большихъ колебаній попробовать содержимое бутылки.

— И я также, — сказалъ Кабанильясъ. — Наше положеніе теперь хуже, чѣмъ прежде; вся разница только въ словахъ. Министры говорятъ о свободѣ, депутаты говорятъ о свободѣ, клубы говорятъ о свободѣ, но свободы не видно, она не существуетъ, она миеъ. Да, сеньоры, я предпочитаю этому миеу прежнихъ монаховъ и неограниченную власть.

— Кто же въ этомъ сомнѣвается?—сказалъ Доктрино.—Мы добились только извѣстныхъ формулъ.' А кто въ этомъ виноватъ, какъ не либералы, толкующіе о порядкѣ?

— И я это говорилъ!—произнесъ Франциско, снова прикладываясь къ бутылкѣ.

— Нужно научить народъ требовать справедливости, а если ея не дадутъ, то самимъ водворить справедливость, — заявилъ Доктрино. — Пока живы нѣкоторые люди, мы ничего не достигнемъ. Теперь не время говорить, кто эти люди, которымъ надлежитъ исчезнуть, но скоро ихъ назовутъ.

Во всей наружности Доктрино было что-то мрачное. Онъ говорилъ мало и съ какою-то меланхолическою медленностью, за которою слышались заднія мысли и холодный, жестокий расчетъ.

— И я это говорилъ! — повторилъ Франциско, рѣшившись не разставаться съ бутылкой, пока не окончатъ ся.

— Во-первыхъ, — сказалъ Альфонзо, — намъ надо какъ бы то ни было устроиться. Надо поискать удобнаго мѣста для многочисленныхъ собраній.

— Мы будемъ собираться хоть на улицѣ, если это необходимо, — возразилъ Доктрино. — Главное надо отыскать людей, а это я беру на себя. Послѣзавтра мы соберемся здѣсь, и я приведу двухъ или трехъ пріятелей, а это все равно, какъ если бы я привелъ полъ-Мадрида. Вы увидите, что это за молодцы.

— Ну, хорошо, такъ до послѣзавтра, — согласился Альфонзо. — Ты приходи, Лазаро. Я самъ найду за тобой. Я хочу, чтобъ ты не падалъ духомъ и не скучалъ. Будущее — наше, мой милый. Сила въ томъ, чтобъ молодежь знала, чѣмъ она должна быть, чтобы она была инициаторомъ и проповѣдникомъ высокихъ принциповъ.

— Я приду, — нерѣшительно обѣщалъ Лазаро.

Альфонзо Кабанильясъ и Лазаро простились и ушли. Доктрино и Франциско остались вдвоемъ. Нечего и говорить, что къ этому времени бутылка совершенно опустѣла.

Когда шаги спускавшихся съ лѣстницы молодыхъ людей затихли, Франциско спросилъ:

— Сколько далъ тебѣ вчера дядя Колетилья?

— Вотъ взгляни, — отвѣтилъ Доктрино, вынимая изъ засаленнаго кошелька четыре унціи и мелочь.

— Ахъ! — воскликнулъ Франциско, устремляя жадный взоръ на золото. — Дай мнѣ хоть одну унцію, я за четыре мѣсяца задолжалъ за квартиру, да и кромѣ того, есть долги.

— Подожди немножко; нельзя такъ расточать королевскую казну, — отвѣтилъ тотъ, пряча въ карманъ кошелекъ.

— Ну, Доктринильо, дай одну. Ты знаешь, что я кругомъ въ долгу, а ужъ я на площади Чебада буду такимъ врагомъ правительства, какъ никто другой.

— Нѣтъ, все должно идти своимъ порядкомъ. Мнѣ велѣно платить, но въ свое время. Однако ты не безпокойся, когда этотъ клубъ устроится...

— Скажи, а Альфонзо Нуньесъ въ заговорѣ?

— Нѣтъ, онъ ничего не подозрѣваетъ. Это невинный мечта-

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческія матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

